DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Dantes in Russia

БИБЛІОТЕКА

ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Проф. С. А. ВЕНГЕРОВА

ПУШКИНЪ

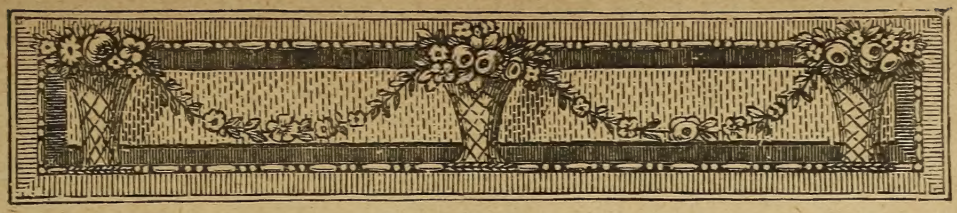
Т. VI.

Е. ЛАНСЕРЕ. 1900.

ИЗДАНІЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ
ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

Тип. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.



Pushkin, Aleksandr S.
Pushkin
11
891.73
P987Pus
t. 6

Отъ редакціи.

Въ настоящемъ томѣ закончено собраніе писемъ Пушкина, данъ рядъ статей о послѣднихъ дняхъ жизни поэта, помѣщены статьи, перенесенныя въ VI т. по разнымъ причинамъ изъ предыдущихъ томовъ, даны примѣчанія къ письмамъ, закончены примѣчанія ко всѣмъ стихотвореніямъ, поэмамъ и драматическимъ произведеніямъ.

Что касается поясненій къ прозѣ, то все основное сообщено во вступительныхъ этюдахъ къ отдѣльнымъ, болѣе крупнымъ произведеніямъ. А небольшія поясненія къ разнымъ прозаическимъ отрывкамъ и наброскамъ удобнѣе присоединить къ той большой статьѣ объ «Исторіи пушкинскаго текста», которою мы предполагаемъ закончить коментарій.

Но «Исторія пушкинскаго текста» не могла войти въ настоящій томъ, объемъ котораго уже и безъ того достигъ 42 листовъ, вмѣсто обычныхъ 40 листовъ, и составитъ особый выпускъ.

«Исторія пушкинскаго текста» имѣетъ цѣлью заглянуть въ лабораторію творчества великаго поэта и для спеціалиста— по крайней мѣрѣ, по заданіямъ своимъ— должна, конечно, представить большой интересъ.

Несомнѣнно, однакоже, что для читателя-неспеціалиста, ищущаго въ произведеніяхъ поэта только эстетическое наслажденіе и вовсе не стремящагося узнать, изъ какихъ элементовъ оно слагается, исторія постепеннаго совершенствованія и измѣненія текста особеннаго интереса не представляетъ. И съ этой точки зрѣнія читателя-неспеціалиста изданіе настоящимъ томомъ можетъ считаться законченнымъ. Вотъ почему мы сочли нужнымъ дать теперь-же обстоятельный, занимающій цѣлыхъ 40 страницъ петита алфавитный указатель ко всѣмъ произведеніямъ Пушкина (по заголовку и по первому стиху), въ которомъ указаны также коментаріи къ нимъ, разбросанные по всему изданію. Указатель этотъ съ замѣчательною любовью и тщательностью составленъ извѣстнымъ публицистомъ и политическимъ дѣятелемъ В. В. Водовозовымъ.

С. Венгеровъ.

Письма Пушкина.

147.

Барону А. А. Дельвигу.

23-го іюля [1825 г. Михайловское].

Сей часъ узнаю что ты ко мнѣ писалъ, но письмо твое до меня недошло, дай Богъ чтобъ новой Никита имъ воспользовался! Я чрезвычайно за тебя безпокоюсь; не сказалъ ли ты чего нибудь лишняго или необдуманнаго; участіе дружбы можно перетолковать въ другую сторону — а я боюсь быть причиною неприятностей для лучшихъ изъ друзей моихъ.

Мнѣ пишетъ П. А. что обо мнѣ намѣрены передоложить. Напрасно; письмо моей матери ясно; отвѣтъ окончателенъ. Во Псковѣ конечно есть лѣкаря—чего-жъ мнѣ болѣе?

Съ братомъ я въ сношеніи входить не намѣренъ. — Онъ зналъ мои обстоятельства, и самовольно затрудняетъ ихъ. У меня нѣтъ ни копейки денегъ въ минуту нужную, я незнаю когда и какъ я получу ихъ. Безпечность и легкомысліе эгоизма извинительны только до нѣкоторой степени-- Если онъ захочетъ переписать мои стихи вмѣсто того чтобъ читать ихъ на ужинахъ, и украшать ими Альбомъ Воейковой, то я буду ему благодаренъ—если нѣтъ то пусть отдастъ онъ рукопись мою тебѣ а ты ужъ похлопочи съ Плетневымъ.

Ты, слышалъ я, женишься въ Августѣ поздравляю мой милый — будь щастливъ хоть это чертовски мудрено—Цалую руку твоей невѣстѣ и заочно люблю ее какъ дочь Салтыкова и жену Дельвига.

23 іюля.

П. А. уѣхала и я одинъ.

За чѣмъ было замѣнять мое письмо, дѣльное и благоразумное, письмомъ моей матери? Не полагаясь ли на чувствительность...?.. Ошибка важная! въ первомъ случаѣ я бы поступилъ прямодушно, во второмъ могли только подозрѣвать мою хитрость и неуклончивость —

Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ Римскимъ сенатомъ къ заточенію на какомъ-то безводномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря что человѣка, коему дарована жизнь недолжно лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго!—Чѣмъ болѣе читаю Тацита тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ Государственныхъ умовъ древности —

На оборотѣ: Б. Дельвигу.

Графъ А. Х. БЕНКЕНДОРФЪ.

148.

А. П. Кернъ.

25-го іюля [1825 г. Михайловское].

J'ai eu la faiblesse de vous demander la permission de vous écrire et vous, l'étourderie ou la coquetterie de me le permettre. Une correspondance ne mène à rien, je le sais; mais je n'ai pas la force de résister au desir d'avoir un mot de votre jolie main.

Votre visite à Trigorsky m'a laissé un impression plus forte et plus pénible, que celle qu'avait produite jadis notre rencontre chez Оленинъ. Ce que j'ai de mieux à faire au fond de mon triste village, est de tâcher de ne plus penser à vous. Vous devriez me le souhaiter aussi pour peu que Vous ayez de la pitié dans l'âme — mais la frivolité est toujours cruelle, en vous autres, tont en tournant des têtes à tort et à-travers, vous êtes enchantées de savoir une âme souffrante en votre honneur et gloire.

Adieu, divine, j'enrage et je suis à vos pieds. Mille tendresses à Ерм. Фед. et mes compliments a M-r Voulf.

25 j-llt.

Je reprends la plume [pour] car je meurs d'ennui et ne puis m'occuper que de Vous. J'espére que vous lirez cette lettre en cachetie—la cacheres-vous encore dans votre sein? me repondrez-vous bien longuement? écrivez-moi tout ce qui Vous passera par la tête — je vous en conjure. Si vous craignez ma fatuité, si vous ne voulez pas vous compromettre, contrefaites votre écriture, signez un nom de fantaisie, mon coeur saura vous reconnaître.

Si vos expressions seront aussi douces que vos regards, hélas! je tâcherai d'y croire, ou de me tromper, c'est égal.—Savez-vous bien qu'en rélisant des lignes, je suis honteux de leur ton sentimental—que dira Ан. Никл.? Ахъ, вы, чудотворка или чудотворица!

Savez-vous quoi? ecrivez-moi.

Поперекъ письма приписка другою рукой: «Comme cela et comme cela, c'est si joli».

149.

П. А. Осиповой.

25-го іюля [1825 г. Михайловское].

Voici, Madame, deux lettres à votre adresse qui viennent d'arriver. L'une est de Pletnef et étoit incluse dans la mienne.

J'espère que lorsque vous aurez reçu ces lettres vous serez arrivée à Riga gaiment et heureusement. Mes amis de Petersbourg étoient persuadés que je vous accompagnerais. Pletnef m'ecrit une nouvelle assez étrange: la décision de S. M. leur a paru un malentendu et l'on est résolu de lui en parler de nouveau. Mes amis se denneront tant de peine, qu'on finira par m'enfermer à Schlusselbourg où certes je n'aurois pas le voisinage de Trigorsky, qui tout désert qu'il est maintenant, est encore pour moi une consolation.

J'attends bien impatiement de vos nouvelles—donnez m'en, je vous en supplie—je ne vous parle pas de ma respectueuse amitié, ni de mon eternelle reconnaissance. Je vous salue du fond de mon âme.

25 juillet.

150.

Л. С. Пушкину.

28-го іюля [1825 г. Михайловское].

Еслибъ Плетневъ показалъ тебѣ мои письма, такъ ты бы понялъ мое положеніе. Теперь пишу тебѣ изъ необходимости. Ты зналъ, что деньги мнѣ будутъ нужны. Я на тебя полагался какъ на брата—между тѣмъ годъ прошелъ, а у меня ни полушки. Еслибъ я имѣлъ дѣло съ одними книгопродавцами, то имѣлъ бы тысячъ 15.

Ты взялъ отъ Плетнева для выкупа моей рукописи 2000 р., заплатилъ 500, доплатилъ-ли остальные 500, и осталось-ли что-нибудь отъ остальной тысячи?

Я отослалъ тебѣ мои рукописи въ мартѣ—онѣ еще не собраны, не цензированы—ты читаешь ихъ своимъ пріятелемъ до тѣхъ поръ, что они наизусть передаютъ ихъ Моск. публикѣ. Благодарю.

Дельвига письма до меня не доходятъ. Изданіе поэмъ моихъ не двинется никогда. Между тѣмъ я отказался отъ предложенія Заикина. Теперь прошу, если возможно, возобновить переговоры.

Словомъ, мнѣ нужны деньги или удавиться. Ты зналъ это, ты обѣщалъ мнѣ копиталъ прежде году — а я на тебя полагался. Упрекать тебя не стану, а благодарить ей Богу не за что.

28-го іюля.

При семъ письмо Заикина. Я не утруждаю тебя новыми хлопотами: прошу единственно вполнѣ истолковать Плетневу мои обстоятельства — полагаюсь на его дружбу. Если-жъ ты захочешь: продиктовать Цыгановъ для отдачи въ Цензуру, покамѣсть не перешлю своего списка, я почту себя очень обязаннымъ.

Заплачены-ли Вяземскому 600 р.?

На оборотѣ рукою Н. В. Всеволожскаго (?): «Въ Февралѣ мѣсяцѣ братъ твой прислалъ свои сочиненія для переписки; въ концѣ Апрѣля мѣсяца онъ мнѣ далъ по особенной моей просьбѣ свою черную тетрадь: думалъ-ли онъ, что ты долженъ будешь переписывать съ этой черной тетради, или нѣтъ?»

На оборотѣ-же оборванный адресъ:

Льву Сергѣев.
въ С.-Пет.
Противъ ЮС. по Екатери проспект.
Купца Ш Льву С
въ С.-Петербургъ.

151.

И. Ф. Мойеру.

29-го іюля 1825 г. Михайловское.

Сей часъ получено мною извѣстіе, что В. А. Жуковскій писалъ вамъ о моемъ аневризмѣ и просилъ васъ пріѣхать во Псковъ для совершенія операціи; нѣтъ сомнѣнія, что вы согласитесь; но умоляю Васъ, ради Бога не пріѣзжайте, и не безпокойтесь обо мнѣ. Операція, требуемая аневризмомъ, слишкомъ маловажна, чтобъ отвлечь человѣка знаменитаго отъ его занятій и мѣстопребыванія. Благодѣяніе ваше было бы мучительно для моей совѣсти. Я не долженъ и не могу согласиться принять его; смѣло ссылаюсь на собственный Вашъ образъ мыслей и на благородство Вашего сердца.

Позвольте засвидѣтельствовать Вамъ мое глубочайшее уваженіе какъ человѣку знаменитому и другу Жуковскаго.

Александръ Пушкинъ.

С. Михайловское, 29-го іюля
1825.

На оборотѣ: Его Превосходительству
Милостивому Государю
Г-ну Моеру.
Въ Дерптъ.

Штемпель: Опочка 1825 Іюля 30

152.

П. А. Осиповой.

[29-го іюля 1825 г. Михайловское].

Vous-avez reçu, Madame, de Pskov une lettre inutile que j'ai anéantie.—Je vous envoye une autre de Batova et une autre de ma mère. Vous verrez quelle belle âme est ce Жуковскій. Cependant comme je ne puis absolument pas me faire faire l'opération par Moer je viens de lui écrire pour le conjurer de ne pas venir à Pskov. Je ne sais d'où viennent les éspérances de ma mère, mais il y a longtems que je ne crois plus aux espérances.

Rokotof a été me voir le lendemain de votre départ, il eut été plus aimable de me laisser m'ennuyer tout seul. Hier j'ai rendu visite au chateau de Trigorsky, à son jardin, à sa bibliothèque. Sa solitude est véritablement poëtique, puisqu'elle est pleine de vous et de votre souvenir—Ses aimables hôtes devroient bien se hâter d'y retourner, mais ce souhait tient trop à mon egoïsme de famille; si Riga vous amuse, amusez-vous et souvenez-vous quequefois de l'éxillé de Trigorsky (c. à d. de Michailovsky) vous voyez que je confonds nos habitations et toujours par habitude.

29 juillet.

Au nom du ciel, Madame, n'ecrivez rien à ma mère concernant mon refus à Moer. Celà ne feraitqu'un bruit inutile, car mon parti est pris.

153.

Н. Н. Раевскому.

(Черновое).

[Конецъ іюля — начало августа 1825 г. Михайловское].

Où êtes-vous? J'ai vu par les gazettes que vous aviez changé de régiment. Je souhaite que çela vous amuse. Que fait votre frère? vous ne m'en dites rien dans votre lettre du 13 mai. Se traite-t-il?

Voilà ce qui me regarde: Mes amis se sont donné beaucoup de mouvemant pour obtenir une permission d'aller me faire traiter; ma mère a écrit à S. M., et là-dessus on m'a accordé la permission d'aller à Pskof et d'y demeurer même, mais je n'en ferai rien; je n'y ferai qu'une course de quelque jours. En attendant je suis très isolé: la seule voisine que j'allois voir est parti pour Riga et je n'ai à la lettre d'autre compagnie que ma vielle bonne et ma tragedie; celle-ci avance et j'en suis content. En l'ecrivant, j'ai refléchi sur la tragedie en general [et si je me melais de faire une préface, elle seroit piquante]. C'est peut-être le genre le plus méconnu. Les classiques et les romantiques ont tous basé leurs loix sur la v r a i s e m b l a n c e, et c'est justement [la vraisemblance] elle qu'exclut la nature du drame. Sans parler déjà du temps etc., quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux moitiés, dont l'une est occupée par deux mille personnes qui sont sensés n'être pas vus par ceux qui sont sur les planches; 2) l a l a n g u e. Par ex. le Philoctète de la Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: Helas! j'entends les doux sons de la langue Grecque, etc. Voyez les anciens: leurs masques, tragiques, leur double personnage—tout cela n'est il pas [pourtant] une invraisemblance conventionnelle? 3) le tems, le lieu etc., etc. Les vrais génies de la tragédie [Schakespear et Corneille] ne se sont jamais soucié de la vraisemblance. Voyez comme [ce dernier] Corneille a bravement [traité] mené le Cid. Ha, vous voulez la règle de 24 heures? Soit, et là-dessus il vous entasse des évenements pour 4 mois. Rien de plus [ridicule] inutile à mon avis que les petits changements de règles reçues: Alfieri est profondement frappé du ridicule de l'a-p a r t e, il le supprime et là dessus allonge le monologue et pense avoir fait faire [un pas énorme à] une révolution dans le système de la tragédie [comme si le monologue avoit plus de vraisemblance que l'à parte!] quelle [petitesse] puérilité!

Почтъ-директоръ К. Я. БУЛГАКОВЪ.
(Перехватывалъ письма Пушкина къ женѣ).

[Le développements des passions et des caractères du] La vraisemblance des situations et la vérité [du costume] du dialogue—voilà la [seule] veritable règle de la tragédie [Sch. à saisi les passions; Göthe—le costume]. Je n'ai pas lu Calderon, ni Vega, mais quel homme que ce Sch.? Je n'en reviens pas. Comme Byron le tragique est mesquin devant lui! Ce Byron qui n'a jamais conçu [de] qu'un seul caractère [excepté. et c'est le sien] <les femmes n'ont pas de caractère elles ont des passions dans leur jeunesse; et voilà pour quoi il est si facile [au poëte] de les peindre>, ce Byron donc [dans la tragédie] a partagé entre ses personnages tel et tel trait de son caractère; son orgueil à l'un; sa haine à l'autre, sa mélancolie au troisième etc., et c'est ainsi que d'un caractère plein, sombre et énergique il a fait plusieurs caractères insignifiants — ce n'est pas là de la tragédie.

[Chaque homme aime, hait, s'attriste, se réjouit—mais chaqu'un à sa manière — et là dessus lisez Sch.]. On a encore une manie [manie digne d'un roman d'Au. Lafontaine]: quand on a conçu un caractère, tout ce qu'on lui fait dire, même les choses les plus [triviales] étrangères, [à ce passions] en porte essentiellement l'empreinte <comme les pédants et les marins des vieux romans de Fielding>. Un consp. dit D o n n e z m o i [d e l a s o u p e] à b o i r e en conspirateur — ce n'est que ridicule [le poëte a peur. le caractère se laisse voir seulemant dans]. [Par ex.]. Voyez le Haineux de Byron (h a p a g a t o!) — cette monotonie, cette affectation de laconisme, de rage continuelle, est-ce [dans] la nature [est-ce la vie? et là dessus]? De là cette gène et cette timidité de dialogue. Lisez Sch. [c'est mon refrain] il ne craint jamais de compromettre son

personnage, il le fait parler avec tout l'abandon de la vie, car il est sûr en tems et lieu de lui faire trouver le language de son caractère.

Vous me demanderez: votre tragédie, est-elle une tragédie de caractère ou de costume? J'ai choisi le genre le plus aisé, mais j'ai taché de les unir tout deux. J'écris et je pense. La plupart des scènes ne demandent que du raisonement; quand j'arrive à une scène qui demande de l'inspiration, j'attends ou je passe par dessus—cette manière de travailler m'est tout-à-fait nouvelle. Je sens que mon âme s'est tout-à-fait développé, je puis créer

---

154.

П. А. Осиповой.

(Часть письма).

[Конецъ іюля—августъ 1825 г. Михайловское].

Voulez-vous savoir ce que c'est que m-me Kern? elle est souple, elle comprend tout; elle s'afflige facilement et se console de même; elle est timide dans les manières et hardie dans les actions; mais elle est bien attrayante.

155.

П. А. Осиповой.

1-го августа [1825 г. Михайловское].

J'arrive à l'instant de chez vous; la petite se porte très bien et m'a reçu de la manière la plus aimable. Nous avons eu un temps affreux, du vent, des orages etc. voici toutes les nouvelles que je puis vous donner; je suppose que celles de votre intendant seront plus variées.

Recevez, madame, les assurances de ma parfaite considération et de mon attachement. Je me recommande au souvenir de toute votre aimable famille.

1 Août.

156.

Н. А. Полевому.

2-го августа [1825 г.] Михайловское.

Милостивый Государь!

Виноватъ передъ вами, долго не отвѣчалъ на ваше письмо, хлопоты всякаго рода не давали мнѣ покоя ни на минуту. Также не благодарилъ я васъ еще за присылку Телеграфа, и за удовольствіе, мнѣ доставленное вами въ моемъ уединеніи—это непростительно.

Радуюсь, что стихи мои могутъ пригодиться вашему Журналу (конечно лучшему изъ всѣхъ нашихъ Журналовъ). Я писалъ К. Вяземскому, чтобъ онъ потрудился вамъ ихъ доставить. У него много моихъ бредней.

Надѣюсь на вашу снисходительность и желаю, чтобъ онѣ понравились нашей публикѣ.

Свидѣтельствую вамъ искреннее свое уваженіе. Александръ Пушкинъ.

2 Августа, Михайловское.

Почтовый штемпель: Опочка 1825 г. Авг. 5. *Рукою Полевого помѣчено:* получ. 15 Авг. 1825 г.

157.

П. А. Плетневу.

[Начало августа 1825 г. Михайловское].

Милый мой поэтъ, вотъ тебѣ еще поправка въ А. Шенье (въ посвященіи Н. Р. послѣдняя строфа):

Пѣвцу etc.
Несу надгробные цвѣты etc.

Что не слышно тебя? У насъ очень дождикъ шумитъ, вѣтеръ шумитъ, лѣсъ шумитъ, шумно, а скучно! Женится ли Дельвигъ? Опиши мнѣ всю церемонію. Какъ онъ хорошъ долженъ быть подъ вѣнцомъ! Жаль, что я не буду его шаферомъ. Скажи отъ меня Козлову, что недавно посѣтила нашъ край одна прелесть, которая небесно поетъ его Венеціанскую Ночь на голосъ гондолерскаго речетатива; я обѣщалъ о томъ извѣстить милаго вдохновеннаго слѣпца. Жаль, что онъ не увидитъ ее, но пусть вообразитъ себѣ красоту и задушевность; по крайней мѣрѣ, дай Богъ ему ее слышать!

Questo e scritto in presenza della donna, come ognun puó veder. Addio, caro poeta, Scrivetemi, vi prego.

Tutto il vostro.

На оборотѣ: П. А. Плетневу. *Почтовый штемпель:* Августа 5 1825 г. Опочка.

158.

П. А. Осиповой.

8-го августа [1825 г. Михайловское].

C'est hier que j'ai reçu, Madame, votre lettre du 31, du lendemain de votre arrivé à Riga—Vous ne sauriez vous imaginer combien cette marque d'affection et de souvenir m'a été sensible. Elle a été droit à mon âme, et c'est bien du fond de l'âme que je vous en remercie.

C'est à Trigorsky que j'ai reçu votre lettre. Ан. Богд. m'a dit qu'on vous y attendoit vers la mi-août. Je n'ose l'espérer.

Que vous disoit donc M-r K. concernant la surveillance paternelle de M-r A. à mon égard? sont-ce des ordres positifs? M-r K. y est-il pour quelque chose? ou ne sont-ce que des bruits publics?

Je suppose, Madame, qu'à Riga vous êtes plus au fait des nouvelles Europpéennes que je ne le suis à Michailovsky. Quant à celles de Pétersbourg je ne sais rien de ce que s'y passe. Nous attendons l'automne, mais nous avons encore quelques beaux jours et grâce à vous j'ai toujours des fleurs sur ma fenaître.

Adieu, Madame. Recevez l'assurance de mon tendre et respectueux dévouement. Croyez qu'il n'y a de vrai et de bon sur la terre que l'amitié et la liberté. C'est vous qui m'avez fait aprécier le charme de la première.

8 août.

На оборотѣ: à
Madame
Madame Ossipof
à Riga.

159.

Князю П. А. Вяземскому.

10-го августа [1825 г. Михайловское].

Накупался-ли ты въ морѣ, и куда изъ Ревеля думаешь отправиться? напиши пожалуйста, а я изъ Михайловскаго не тронусь. Что твой Байронъ? перешли мнѣ его прежде печати. Да нѣтъ-ли стиховъ покойнаго поэта Вяземскаго, хоть эпиграммъ? Знаешь-ли его лучшую эпиграмму; Что нужды? говоритъ разчетливый etc. Виноватъ! Я самовластно сдѣлалъ въ ней перемѣны, перемѣшавъ стихи слѣдующимъ образомъ 1, 2, 3—7, 8—4, 5, 6.—Не напечатать-ли, сказавъ: Нѣтъ, я въ прихожую пойду путемъ доходнымъ, если Цензура не пропуститъ осьмаго стиха, такъ и безъ него обойдемся; главная прелесть: Я не поэтъ, а дворянинъ! и еще прелестнѣе послѣ посвященія Войнаровскаго—на которое мой Дельвигъ уморительно сердится.

Что Карамзины? я бы къ нимъ писалъ, но боюсь приличія—а все люблю ихъ отъ всего сердца. Ж. со мной такъ проказитъ, что нельзя его не обожать и не сердиться на него. Какова наша текучая словесность? настоящій «.....»! Мнѣ жаль, что отъ Кюх. отбили охоту [отъ] къ журналамъ, онъ человѣкъ дѣльный съ перомъ въ рукахъ—хоть и сумазбродъ. Жду разбора Шихматова, то-то врапья, чаю! Сей часъ прочелъ Антикритику Полевова. Нѣтъ, мой милый. Не то и не такъ! — Разборъ новой піитики басенъ—вотъ критика. Когда-то мы возмемся за журналъ! Мочи нѣтъ хочется а покамѣсть смотри хоть за Полевымъ. — Чѣмъ мнѣ тебя поподчивать? вотъ тебѣ мои бон-мо (Ради соли, вообрази что это было сказано чувствительной дѣвушкѣ, лѣтъ 26): Qu'est ce que le sentiment? — Un suplement du temperament.

Что болѣе вамъ нравится? запахъ розы или резеды?—Запахъ селедки.

10 Авг.

На оборотѣ: Кн. П. А. Вяземскому.

А. Ѳ. ВЕЛЬТМАНЪ.

160.

П. А. Осиповой.

11-го августа [1825 г. Михайловское].

Vous parlerai-je do ma reconnaissance? C'est bien aimable à vous, Madame, de ne pas oublier votre hermite. Vos lettres m'enchantent autant que vos soins génereux me touchent. Je ne sais que deviendra mon avenir, mais ce que je sais c'est que les sentiments que je vous ai vonés seront eternellement les mêmes — J'ai été aujourd'hui encor[e] à Trigorsky. La petite se porte très bien et est très jolie. Jo crois comme vous, Madame, que les bruits qui sont venus à M-r Kern sont faux, mais vous avez raison: il ne faut pas les négliger. Ces jours-ci j'ai été chez Pechtchourof l'avocat patelin — comme vous l'appelez — il me croyoit à Pskof (NB) — Je compte voir encore mon vieux nègre de Grand' Oncle qui, je suppose, va mourir un de ces quatre matin et il faut que j'aie de lui des mémoires concernant mon aïeul.

Je presente mes respects á toute l'aimable famille et suis Madame votre tout devoué. 11 août.

На оборотѣ:

Ея Высокородію г-жѣ Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой въ *Островъ*.

161.

В. И. Туманскому.

13-го августа [1825 г. Михайловское].

Буря, кажется, успокоилась; осмѣливаюсь выглянуть изъ моего гнѣзда. Милый мой Туманскій, у меня до тебя просьба, надѣюсь, что не откажешься оказать мнѣ истинное одолженіе. Вотъ въ чемъ дѣло: за нѣсколько дней предъ моимъ отъѣздомъ изъ Одессы, Савеловъ и я играли у Лучича; Лучичь проигралъ мнѣ 900 р. изъ коихъ 300 заплатилъ мнѣ на другой же день, а остальные 600 перевелъ на Савелова, который и согласился. При моемъ внезапномъ отъѣздѣ я занялъ эти (900) 600 р. у Кн. Вяземской <съ согласія же Савелова>. Послѣ, узнаю что онъ отрекается отъ своего долгу. Деньги эти пропали, такъ и быть, но боюсь чтобъ это не перетолковали мои приятели, которыхъ у меня много, и всѣ охотники до толковъ. Разкажи это просто par manière de conversatoin, Лучичу. Онъ человѣкъ честной и вѣрно не солжетъ въ дѣлѣ косающемся до чести. Повторяю что денегъ этихъ мнѣ не нужно, и что даже возиться съ Савеловымъ я не намѣренъ. Отпиши мнѣ отзывъ Лучича, вотъ и все.

— Объ Одессѣ кромѣ Газетныхъ извѣстій, я

ничего не знаю, напиши мнѣ что нибудь. О себѣ скажу тебѣ что я совершенно одинъ; Царь позволилъ мнѣ ѣхать во Псковъ для операціи моего аневризма и Моэръ хотѣлъ ко мнѣ пріѣхать—но я просилъ его не безпокоиться и думаю не тронусь изъ моей деревни. Друзья мои за меня хлопотали противъ воли моей, и кажется, только испортили мою участь. Что ты? что твоя поэзія? Изрѣдко и слишкомъ рѣдко, попадаются мнѣ твои стихи. Сдѣлай милость, не забывай своего таланта Боюсь чтобъ Проза жизни твоей не одолѣла поэзіи души. Дѣвушка вл. поэту—прелесть! сидя съ Авторами одно не хорошо.

Не такъ-ли:

Со мной ведете-ль разговоры
Вамъ замѣчательнѣй всего
Ошибки слога моего
Безъ выраженья ваши взоры

etc. Кланяйся всѣмъ бывшимъ моимъ товарищамъ, свидѣтельствую мое почтеніе В. Д. и А. И. Прощай, мой милый. 13 авг.

Адресъ мой: въ Опочку въ село Тригорское. Ея Высокор. Прасковьи Александр. Осиповой.

162.

А. П. Кернъ.

14-го августа [1825 г. Михайловское].

Je relis votre lettre en long et en large et je dis: милая! прелесть! divine!... et puis: ахъ, мерзкая!—Pardon, Belle et douce, mais c'est comme ça. Il n'y a pas de doute que vous êtes divine, mais quelquefois vous n'avez pas le sens commun; pardon encore une fois et consolez vous, car vous n'en êtes que plus jolie. Par ex., que voulez vous dire avec ce cachet qui doit vous convenir et vous plaire (l'heureux cachet!) et dont vous me demandez le sujet? à moins qu'il n'y ait là un sous-entendu, je ne conçois pas ce que vous désirez. Me demandez-vous une devise? ce serait tout-à-fait à la Netty. Allons, gardez toujours le «не скоро, а здорово», pourvu que cela ne soit pas la devise de votre voyage à Trigorsky—et parlons d'autre chose. Vous me dites que je ne connais pas votre caractère. Que m'importe votre caractère? je ne m'en moque pas mal—est-ce que les jolies femmes doivent avoir un caractère? l'essentiel ce sont les yeux, les dents, les mains et les pieds—<j'y aurais joint le coeur, mais votre cousine a trop décrié ce mot>. Vous dites qu'il est facile de vous connaitre; vous vouliez dire de vous aimer? je suis assez de cet avis, et j'en suis même la preuve: je me suis conduit avec vous comme un enfant de 14 ans—c'est indigne, mais depuis que je ne vous vois plus, je reprends peu à peu l'ascendant que j'avais perdu, et je m'en sers pour vous gronder. Si jamais nous nous reverrons, promettez moi... Non, je ne veux pas de vos promesses; et puis une lettre est si froide, une prière par poste n'a ni force, ni émotion, et un refus n'a ni grace, ni volupté. A revoir donc—et parlons d'autre chose. Comment va la goutte de M-r Vorte époux? j'espère qu'il en a eu une bonne attaque le sur lendemain de votre arrivée. По дѣломъ ему! Si vous saviez quelle aversion mêlé de respect je ressens pour cet homme! Divine, au nom du Ciel, faites qu'il joue et qu'il ait la goutte! C'est m'a seule espérance!

En relisant encore votre lettre, j'y trouve un terrible *si* que je n'avais pas remarqué d'abord: si ma cousine reste je viendrai cet automne etc. Au nom du Ciel qu'elle reste donc! tâchez de l'amuser, rien de plus facile; ordonnez à quelque officier se votre garnison d'être amoureux d'elle, et quand il sera temps de partir, ennuyez-la en lui enlevant son soupirant; rien encore de plus facile. Ne lui montrez pas celà au moins: par entêtement elle est capable de faire tout le contraire de ce qu'il faut. Que faites-vous de votre cousin? mandez-le moi, mais franchement. Envoyez-le bien vite à son université, je ne sais pourquoi je n'aime pas plus ces étudiants que ne le fait M-r Kern. C'est un bien digne homme que M-r K., un homme sage, prudent etc., il n'a qu'un seul défaut—c'est celui d'être votre mari. Comment peut-on être votre mari? C'est ce dont je ne puis me faire une idée, non plus que du paradis.

Ceci était écrit hier. Aujourd'hui, jour de poste, je ne sais pourquoi je m'étais mis en tête de recevoir une lettre de Vous, cela n'a pas eu lieu et je suis d'une humeur de chien, le plus injustement du monde: j'aurais dû être reconnaisant pour la fois passée, je le sais; mais que voulez-vous? je vous supplie, Divine—compatissez à ma faiblesse, é rivez moi, aimez moi, et je tâcherai alors d'être aimable. Adieu, дайте ручку.

14 août.

163.

Князю П. А. Вяземскому.

14—15-го августа 1825. Михайловское.

14 авг.

Мой милый, поэзія твой родной языкъ, слышно по выговору, но кто жъ виноватъ что ты столь-же рѣдко говоришь на немъ, какъ дамы 1807-го года на славяно-роскомъ. И пѣть надъ тобою какъ бы нѣкоего Шишкова, или Сергѣя Глинки или иной няни Василисы чтобъ на тебя прикрикнуть: извольте де браниться въ риѳмахъ, извольте жаловаться въ стихахъ—Благодарю очень за водопадъ. Давай мутить его сей часъ же.

——— съ гнѣвомъ
Сердитый влаги властелинъ—

Вла Вла звуки музыкальные, но можно-ли, на пр. сказать о молніи властительница небеснаго огня? Водопадъ самъ состоитъ изъ влаги, какъ молнія сама огонь. Перемени какъ нибудь, валяй его съ какихъ нибудь стремнинъ вершинъ и тому подобное.

2 строфа—прелесть! —

Дождь брызжетъ отъ <такой-то> ошибки
Твоихъ междуусобныхъ волнъ.

Междуусобный значитъ mutuel, но не заключаетъ въ себѣ идеи брани, спора — должно непремѣнно тутъ дополнить смыслъ.

5-ая и 6-ая стр. — прелестны —

Но ты, питомецъ тайной бури.

Не питомецъ, скорѣе родитель—и то не хорошо—не соперникъ-ли? Тайной о гремящемъ водопадѣ говоря не годится—о бурѣ физической—также. Игралище глухой войны—не совсѣмъ точно. Ты не зерцало и проч.

Не яснѣе-ли, и не живѣе-ли (впроччемъ, это придирка—): Ты не приемлешь ихъ лазури etc. Точность требовала-бы не отражаешь. Но твое повтореніе ты, тутъ нужно.

Подъ грознымъ знаменьемъ etc. Хранишь etc. но вся строфа сбивчева. Зародышъ непогоды въ водопадѣ: темно. Вѣчнобьющій огонь, тройная метафора. Не вычеркнуть-ли всю строфу?

Ворвавшись—чудно-хорошо. Какъ средь пустыни etc. не должно тутъ двойнымъ сравненіемъ развлекать вниманія—да и сравненіе не точно. Вихорь и пустыню уничтожь-ка—посмотри что выйдетъ изъ того:

Какъ ты, внезапно разгорится.

Вотъ видишь-ли? Ты сказалъ объ водопадѣ огненномъ метафорически, т. е. блистающій какъ огонь а здѣсь ужъ переносишь къ жару страсти сей самый водопадный пламень (выражаюсь какъ нельзя хуже, но ты понимаешь меня). И такъ, не лучше-ли:

Какъ ты, пустынно разразится etc.

а? или что другое—по разгорится слишкомъ натянуто. Напиши-же мнѣ: въ чемъ ты со мною согласишься.

Твои письма гораздо нужнѣе для моего ума, чѣмъ операція для моего аневризма. Они точно оживляютъ меня какъ умный разговоръ, какъ музыка Россини; какъ похотливое кокетство Италіанки. Пиши мнѣ, во Псковѣ это для меня будетъ благодѣянье. Я созвалъ не жданныхъ гостей, прелесть — не лучше-ли еще: незванныхъ.— Нѣтъ, celà seroit de l'esprit.

На оборотѣ: Князю Вяземскому.

При семъ дѣловая бумага, ради Бога употреби ее въ дѣло.

На отдѣльномъ листѣ: 1811 года Дядя мой Василій Львовичь, по благоразположенію своему ко мнѣ и ко всей семьи моей, во время путешествія изъ Москвы въ С.П.Б., взялъ у меня въ займы 100 рублей ассигн., данныхъ мнѣ на орѣхи покойной бабушкой моей Варварой Васильевной Чечериной и покойной тетушкой Анной Львовною. Свидѣтелемъ онаго займа былъ извѣстный Игнатій; но и самъ Василій Львовичь, по благородству сердца своего, отъ онаго не откажется. Такъ какъ оному прошло уже болѣе 10 лѣтъ безъ всякаго съ моей стороны взысканія или предъявленія, и какъ я потерялъ уже все законное право на взысканія выше упомянутыхъ 100 рублей (съ процентами за 14 лѣтъ; что составляетъ болѣе 200 рублей) то униженно молю Его Высокоблагородіе, Милостиваго Государя дядю моего заплатить мнѣ сіи 200 рублей по долгу христіанскому — получить же оныя деньги уполномочиваю Князя Петра Андреевича Вяземскаго, извѣстнаго литератора.

Коллежскій секретарь Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ.

15 августа
1825
Село Михайловское.

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВЪ.

164.

В. А. Жуковскому.

17-го августа [1825 г. Михайловское].

Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой—Мнѣ право совѣстно что жилы мои такъ всѣхъ васъ безпокоятъ—операція аневризма ничего не значитъ, и ей богу первый Псковскій канавалъ съ нимъ бы могъ управиться. Во Псковъ поѣду не прежде какъ въ глубокую осень, оттуда буду тебѣ писать, свѣтлая душа. — На дняхъ видѣлся я у Пещурова съ какимъ-то докторомъ-аматёромъ; онъ пуще успокоилъ меня — только здѣсь мнѣ Кюхельбекерно; согласенъ что жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегіей въ родѣ Коншина. Къ стати объ элегіяхъ. Трагедія моя идетъ и думаю къ зимѣ ее кончить; въ слѣдствіи чего, читаю только Карамзина для лѣтописи — Что за чудо эти два послѣдніе тома Карамзина! какая жизнь! c'est palpitant comme la gazette d'hier, писалъ я Раевскому. Одна просьба, моя прелесть: не льзя-ли мнѣ доставить или жизнь Желѣзнаго колпака или житіе какого нибудь Юродиваго. Я напрасно искалъ Василія Блаженнаго въ Чет. М.—а мнѣ бы очень нужно.

Обнимаю тебя отъ души. Вижу по газетамъ что Перовскій у Васъ. Щастливецъ! онъ видѣлъ и Римъ и Везувій —

17 авг.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію
Василію Андреевичу Жуковскому.
Въ С.-Петербургъ.
Въ Аничковскомъ дворцѣ. Отдать Швейцару для доставленія.

Почтовый штемпель: Опочка 1825 г. Авг. 20.

165.

А. П. Керн.

[Вторая половина августа 1825 г. Михайловское].

Vous êtes désolante; j'étais en train de vous écrire des folies, qui vous eussent fait mourir de rire, et voilà que vôtre lettre vient m'attrister au beau milieu de ma verve. Tâchez de vous défaire de ces spasmes qui vous rendent si intéressante, mais qui ne vaillent pas le diable, je vous en avertis. Pourquoi faut-il donc que je vous gronde? Si vous aviez le bras en écharpe, il ne fallait pas m'ecrire; quelle mauvaise tête!

Dites moi donc, que vous a-t-il fait, ce pauvre mari? N'est-il pas jaloux par hasard? Hé bien, je vous jure qu'il n'aurait pas tort; vous ne savez pas ou <ce qui est pire dire> vous ne voulez pas ménager les gens. Une jolie femme est bien maîtresse.... d'être la maîtresse. Mon Dieu, je n'irai pas prêcher de la morale, mais encore, on doit des égards au mari, si non—personne ne voudrait l'être. N'opprimez pas trop le métier, il est nécéssaire de par le monde. Tenez, je vous parle à cœur ouvert. A 400 v. de distance vous avez trouvé le moyen de me rendre jaloux; qu'est ce [que] dons que cela doit être à 4 pas? (NB. Je voudrais bien savoir pourquoi M-r vôtre cousin n'est parti de Riga que le 15 gu courant, et pourquoi son nom s'est-il trouvé 3 fois au bout de vôtre plume dans votre lettre à moi? sans indiscrétion peut-on le savoir?) *) Pardon, Divine, si je vous dis franchement ma façon de penser; c'est une preuve du véritable intérêt que je vous porte; je nous aime beaucoup plus que vous ne croyez. Tâchez donc de vous accomoder tant soit peu de ce maudit M-r Kern. Je conçois bien que ce ne doit pas être un grand géni, mais enfin ce n'est pas non plus tout-à-fait un imbécile. De la douceur, de la coquetterie <et surtout, au nom du Ciel, des refus, des refus et des refus> le mettront à vos pieds, place que je lui envie du fond de mon âme, mais que voulez-vous? Je suis au désespoir du départ d'Annette; quoi qu'il en soit, il faut absolument que vous veniez cet autômne ici ou bien à Pskov. On pourra prétexter une maladie d'Annette. Qu'en pansez-vous? répondez-moi, je vous en supplie, et n'en dites rien à A. Voulf. Vous viendrez?—n'est ce pas? — jusque-là ne decidez rien à l'égard de vôtre mari. Vous êtes jeune, une carriére entiére est devant vous, lui.... Enfin, soyez sûre que je ne suis pas de ceux, qui ne conseilleront jamais un parti violent, quelquefois c'est inévitable,—mais d'abord il faut raisonner et ne pas faire d'éclat inutile.

Adieu, il fait nuit, et vôtre image m'apparait, toute triste et toute voluptueuse;—je crois voir vôtre regard, votre bouche entrouverte. Adieu! Je crois être à vos pieds, je les presse, je sens vos genoux,—je donnerai tout mon sang pour une minute de réalité. Adieu, et croyez à mon délire; il est ridicule, mais vrai.

---

*) Фраза, заключенная въ скобки, слегка зачеркнута.

166.

А. П. Керн.

[28-го августа 1825 г. Михайловское].

Voici une lettre pour M-e votre tante. Vous pouvez la garder si par hasard on n'est plus à Riga. Dites moi, peut-on être aussi étourdie que vous l'êtes? Comment une lettre adressée à vous, est-elle tombée en d'autres mains que les vôtres? Mais comme ce qui est fait est fait—parlons de ce que nous aurons à faire.

Si M-r votre époux vous ennuie trop, quittez-le, mais savez vous comment? Vous laissez là toute la famille, vous prenez la poste vers Ostrof et vous arrivez... où? à Trigorsky? Pas du tout! A Michaïlovsky. Voilà le beau projet qui me tracasse l'imagination depuis un quart d'heure. Mais concevez-vous quel serait mon bonheur? Vous me direz: «Et l'éclat, et le scandale?» Que diable! En quittant un mari le scandale est complet, le reste n'est rien ou peu de chose.—Mais avouez que mon projet est romanesque?—Conformité de caractère, haine des barrieres, organe du vol. [volonté?] très prononcé, etc., etc. — Concevez-vous l'étonnement de M-e votre tante? Ils'ensuivraune rupture. Vous verrez vottre cousine en secret, c'est le moyen de rendre l'amitié, moins insipide — et Kern une fois mort—vous êtes libre comme l'air — — — Eh bien, qu'en dites-vous? Quand je vous disais que j'étois en état de vous donner un conseil, hardi et imposant!

Parlons sérieusement, c'est-à-dire froidement: vous reverrai-je? L'idée que non me fait frissonner.— Vous me direz: consolezvous.—Fort bien! Mais comment? Devenir amoureux? impossible. Il faut d'abord oublier vos spasmes — m'expatrier? m'étrangler? me marier? Tout celà présente de grandes difficultés— j'y répugne — — Ha! vos lettres, à propos, comment les recevrai-je? Votre Tante ne veut pas de cette correspondance si chaste, si innocente <et le moyen.... à 400 verstes>. Il est probable que nos lettres seront interceptées, lues, comentées et puis brulées en ceremonie. Tâchez de déguiser votre écriture, et je verrai le reste. Mais écrivez moi, et beaucoup, en long et en large et en diagonale (therme de géometrie) *). — Mais surtout donnez moi l'esperance de vous revoir. Si non, je tacherai vraiment d'être amoureux autre part. J'oubliais: je viens d'écrire [ma] à Netty une lettre bien tendre, bien basse. Je raffole de Netty. Elle est naïve— et vous ne l'êtes pas. Pourquoi n'êtes vous pas naïve? N'est-ce pas que je suis beaucoup plus aimable par poste qu'en face? he bien, si vous venez, je vous promets d'être extremement aimable, je serai gai lundi, exhalté mardi, tendre mercredi, leste jeudi, vendredi, samedi et dimanche je sefois tout ce qu'il vous plaira et toute la semaine à vos pieds. Adieu?

28 août.

Ne décachetez pas la lettre ci-jointe, ce n'est pas bien. M-me votre tante s'en fâcheroit.

Mais admirez comme le bon Dieu mêle les choses; M-de O. décachette une lettre à vous, vous décachettez une lettre à elle, je décachette une lettre de Netty — et nous y trouvons tous de quoi nous édifier—vraiment c'est un charme!

---

*) Поперекъ этой страницы написано: «Voilà ce que c'est que diagonale».

167.

П. А. Осиповой.

[28-го августа 1825 г.]. Михайловское.

Oui, Madame, honny soit qui mal y pense. Ha! les méchants qui croient qu'une correspondance puisse mener à quelque chose! Serait-ce par expérience qu'ils le savent? Mais je leur pardonne, faites-en de même et continuons.

Vôtre derniére lettre <de minuit> est charmante, j'ai ri de tout mon coeur; mais vous êtes trop sévère envers votre aimable nièce; il est vrai qu'elle est étourdie, mais patience: encore une vingtaine d'années, et elle se corrigera je vous le promets. Quand à sa coquetterie, vous avez tout-à-fait raison, elle est désolante. Comment ne pas se contentet de plaire à Sire Kern, puis qu'elle a ce bonheur? Non, il faut encore qu'elle tourne la tête à M-r vôtre fils, à son cousin! Arrivée à Trigorsky, il lui passe par l'esprit de captiver M-r Rokotof et moi; ce n'est pas tout: arrivée à Riga, elle voit dans sa maudite forteresse un maudit prisonnier, elle devient la coquette providence de ce sacré каторжникъ! Ce n'est pas tout: vous m'apprenez qu'il y a dans l'affaire encore des uniformes! Ha, par exemple, c'en est trop: M-r Rokotof le saura, et nous verrons ce qu'il en dira. Mais, Madame, croyez-vous sérieusement qu'elle fasse la coquette indifféremment? Elle dit que non; j'aime à la croire, mais ce qui me rassure encore plus, c'est que tout le monde n'a pas la même manière de faire la cour, et pourvu pue les autres soient respectueux, timides et delicats, c'est tout ce qu'il me faut. Je vous remercie, Madame, de n'avoir pas rendu ma lettre, elle était trop tendre, et dans les circonstances actuelles ce serait ridicule de ma part. Je m'en vais lui écrire une autre, avec l'impertinence qui me caractérise, et décidément je m'en vais rompre avec elle; il ne sera pas dit que j'ai tâché de porter le trouble au sein d'une famille, que Ерм. Ѳед. puisse m'accusser de n'avoir pas de Principes, et que sa femme puisse se moquer de moi.—Que vous êtes aimable d'avoir trouvé le portrait ressemblant: «hardie dans» etc.—N'est ce pas? Elle dit encore que non; mais c'est fini, je ne la croirai plus.

Adieu, madame! C'est avec bien de l'impatience que j'attends votre arrivée — nous médirons de la Netty du Nord que je regretterai toujours d'avoir vue, et encore plus de....*) Pardonnez cet aveu un peu trop sincère à celui qui vous aime bien tendrement quoique bien différemment.

Michailovs.

На оборотѣ: A madame Ossipof.

*) Три совершенно зачеркнутыхъ слова.

Графъ МАТВѢЙ ВІЕЛЬГОРСКІЙ.

168.

А. Н. Вульфу.

[Конецъ августа 1825 г. Михайловское].

Любезный Алексѣй Николаевичь.

Я не успѣлъ благодарить Васъ за дружеское стараніе о проклятыхъ моихъ сочиненіяхъ, чортъ съ ними и съ Цензоромъ и съ наборщикомъ и съ tutti quanti — дѣло теперь не о томъ—Друзья мои и родители вѣчно со мною проказятъ. Теперь послали мою коляску къ Моэру съ тѣмъ чтобъ онъ въ ней ко мнѣ пріѣхалъ и опять уѣхалъ и опять прислалъ назадъ эту бѣдную коляску—Вразумите его—Дайте ему отъ меня честное слово что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться. А объ колясскѣ сдѣлайте милость напишите мнѣ два слова, что она? гдѣ она? etc. —

Vale, mi fili in spirito —Кланяюсь Языкову— я написалъ на дняхъ подражаніе Элегіи его Подите прочь.

169.

П. А. Катенину.

[Первая половина сентября 1825 г. Михайловское].

Ты не можешь себѣ вообразить, милый и почтенный Павелъ Александровичь, какъ обрадовало меня твое письмо, знакъ неизмѣнившейся твоей дружбы.... Наша связь основана не на одинаковомъ образѣ мыслей, но на любви къ одинаковымъ занятіямъ. Ты огорчаешь меня увѣреніемъ, что оставилъ поэзію—общую нашу любовницу. Если это правда, что жъ утѣшаетъ тебя, кто утѣшитъ ее?... Я думалъ, что въ своей глуши — ты созидаешь; нѣтъ—ты хлопочешь и тягаешься—а между тѣмъ годы бѣгутъ.

Heu fugant, Posthume, Posthume labuntur anni.

А что всего хуже, съ ними улетаютъ и страсти и воображеніе. Послушайся, милый, запрись, да примись за романтическую трагедію въ 18-ти дѣйствіяхъ <какъ трагедіи Софіи Алексѣевны>. Ты сдѣлаешь переворотъ въ нашей

Словесности, и никто болѣе тебя того не достоинъ. Прочелъ въ Булг. твое 3-е дѣйствіе, прелестное въ величавой простотѣ своей. Оно мнѣ живо напомнило одинъ изъ лучшихъ вечеровъ моей жизни; помнишь?... На чердакѣ К. Шаховскаго.

Какъ ты находишь первый актъ Венцеслава? По мнѣ чудно хорошо. Старика Rotrou, признаюсь, я не читалъ, по-Гишпански не знаю, а отъ Жандра въ восхищеніи; кончена ли вся трагедія?

Что сказать тебѣ о себѣ, о своихъ занятіяхъ? Стихи покамѣстъ я бросилъ и пишу свои memoires, то есть переписываю набѣло скучную, сбивчивую черновую тетрадь; 4 пѣсни Онѣгина у меня готовы, и еще множество отрывковъ; но мнѣ не до нихъ. Радуюсь, что 1-я пѣснь тебѣ по нраву — я самъ ее люблю; впрочемъ на всѣ мои стихи я гляжу довольно равнодушно, какъ на старыя проказы съ К...., съ театральнымъ Маіоромъ и проч.: больше не буду!—Addio, Poëta, a rividerca, ma quando?

Почтовый штемпель: Опочка 1825 г. Сент. 14.

170.

Князю П. А. Вяземскому.

[Первая половина сентября 1825 г. Михайловское].

Горчаковъ доставитъ тебѣ мое письмо. Мы встрѣтились и разстались довольно холодно—по крайней мѣрѣ съ моей стороны. Онъ ужасно высохъ—впрочемъ, такъ и должно: зрѣлости нѣтъ у насъ на сѣверѣ, » мы или сохнемъ или гніемъ; первое все таки лучше — Отъ нѣчего дѣлать я прочелъ ему нѣсколько сценъ изъ моей комедіи, попроси его не говорить объ нихъ, не то объ ней заговорятъ, а она мнѣ опротивитъ, какъ мои Цыганы, которыхъ я не могъ докончить по сей причинѣ. Радуюсь однако участи моей пѣсни Рѣжь меня. Это очень близкій переводъ, посылаю тебѣ дикій напѣвъ подлинника. Покажи это Вельгорскому — кажется, мотивъ — чрезвычайно щастливый. Отдай его Полевому и съ пѣсней. — Сестра мнѣ пишетъ изъ Москвы—видаешься-ли ты съ нею? Ради Бога докажи Вас. Льв. что элегія на смерть Ан. Льв. не мое произведеніи, а какого нибудь другаго беззаконника. Онъ возклицаетъ «а она его сестрѣ 15,000 оставила!...» Это напоминаетъ чай которымъ онъ поилъ Милонова—Дѣло въ томъ что конечно Дельвигъ болѣе виноватъ нежели я. Похлопочи обо мнѣ душа моя, какъ о братѣ—

Сатирикъ и поэтъ любовный
Нашъ Аристипъ и Асмодей,
Ты не племянникъ Анны Львовны
Покойной тетушки моей
Писатель нѣжный, тонкій острой
Мой дядюшка—не дядя твой
Но, милый—Музы наши сестры
И такъ ты все-же братецъ мой.

Variante: Василій Львовичь тонкій острый.

Кланяюсь Княгинѣ и сестрѣ—Нѣкогда болѣе писать.

На оборотѣ: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собств. домѣ.

Почтовый штемпель: Опочка 1825 г. Сент. 24.

171.

Князю П. А. Вяземскому.

[Первая половина сентября 1825 г. Михайловское].

Я думалъ что ты давно получилъ отъ Льва Сергѣича 600 р. украденные Савеловымъ.—Узнаю что Левъ ихъ промоталъ; извини его и жди оброка, что соберу на-дняхъ съ моего сельца С.-Петербурга.

Милый, мнѣ надоѣло тебѣ писать, потому что не могу являться тебѣ въ халатѣ, на разпашку и спустя рукова. Разговоръ нашъ похожъ на предисловія Г-на Лемонте. Мы съ тобою толкуемъ—лишь о Полевомъ да о Булгаринѣ—а они несносны и въ бумажномъ переплетѣ. Ты уменъ о чемъ ни заговори — а я передъ тобою дуракъ дуракомъ. Условимся, пиши мнѣ и не жди отвѣтовъ —

Твоя статья о Аббатствѣ Байрона? Что за чудо Д. Ж.! я знаю только 5 перв. пѣсенъ; прочитавъ первыя 2, я сказалъ тотчасъ Раевскому что это Chef-d'oeuvre Байрона, и очень обрадовался послѣ увидя, что W. Scott моего мнѣнія. Мнѣ нуженъ Англ. яз.—и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способовъ учиться, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ! И я, какъ А. Шенье могу ударить себя въ голову и сказать: il y avoit quelque chose là.... Извини эту поэтическую похвальбу и прозаическую хандру. Мочи нѣтъ сердитъ: не выспался и не вы .... ся —

Зачѣмъ жалѣешь ты о потерѣ записокъ Байрона? чортъ съ ними! Слава Богу что потеряны. Онъ исповѣдался въ своихъ стихахъ, невольно, увлеченный восторгомъ поэзіи. Въ хладокровной прозѣ онъ бы лгалъ и хитрилъ, то стараясь блеснуть искренностію, то марая своихъ враговъ — Его бы уличили, какъ уличили Руссо - а тамъ злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпѣ и будь за одно съ Геніемъ. Поступокъ Мура лучше его Лалла-Рукъ <въ его поэтическомъ отношеньи>. Мы знаемъ Байрона довольно. Видѣли его на тронѣ славы, видѣли въ мученіяхъ великой души, видѣли въ гробѣ посреди воскресающей Греціи—Охота тебѣ видѣть его на суднѣ. Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки etc. потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могущаго. При открытіи всякой мерзости, она въ восхищеніи. Онъ малъ какъ мы, онъ мерзокъ какъ мы! Врете, подлецы: Онъ и малъ и мерзокъ — не такъ какъ вы—иначе!—Писать свои Mémoires заманчиво и приятно. Никого такъ не любишь, никого такъ не знаешь какъ самаго себя. Предметъ неистощимый. Но трудно. Не лгать—можно; быть искреннимъ—невозможность физическая. Перо иногда остановится, какъ съ разбѣга передъ пропостью—на томъ что посторонній прочелъ бы равнодушно. Презирать (braver) судъ людей не трудно; презирать судъ собственный невозможно —

172.

Князю П. А. Вяземскому.

13-го—15-го сентября [1825 г. Михайловское].
13 сентября.

Самъ съѣшь!—Замѣтилъ-ли ты что всѣ наши журнальныя Анти-критики основаны на самъ съѣшь? Булгаринъ говоритъ Федорову: Ты лжешь, Фед. говоритъ Булг.—у самъ ты лжешь. Пинскій говоритъ Полевому: ты невѣжда, Пол. возражаетъ Пинскому: ты самъ невѣжда. Одинъ кричитъ: ты крадешь! другой: самъ ты крадешь!—и всѣ правы—И такъ, самъ съѣшь, мой милый; ты самъ ищешь полудня въ четырнадцать часовъ.

Очень естественно что милость Царская огорчила меня, ибо новой милости не смѣю надѣяться—а Псковъ для меня хуже деревни, гдѣ покрайнѣй мѣрѣ я не подъ присмотромъ полиціи. Вамъ легко на досугѣ укорять меня въ неблагодарности а были бы вы (чего Боже упаси) на моемъ мѣстѣ, такъ можетъ быть пуще моего взбѣлѣнились. Друзья обо мнѣ хлопочутъ а мнѣ хуже да хуже. Сгоряча ихъ проклинаю одумаюсь, благодарю за намѣреніе, какъ Езуитъ, но все же мнѣ не легчѣ. Аневризмомъ своимъ дорожилъ я пять лѣтъ какъ послѣднимъ предлогомъ къ избавленію, ultima ratio libertatis—и вдругъ послѣдняя моя надежда разрушена проклятымъдозволеніемъ ѣхать лѣчиться въ ссылку! Душа моя, по неволѣ голова кругомъ пойдетъ —Они заботятся о жизни моей; благодарю — но чортъ-ли въ эдакой жизни. Гораздо ужъ лучше отъ не-леченія умереть въ Михайловскомъ—По крайнѣй мѣрѣ могила моя будетъ живымъ упрекомъ, и ты бы могъ написать на ней приятную и полезную эпитафію—Нѣтъ, дружба входитъ въ заговоръ съ тиранствомъ, сама берется оправдать его, отвратить негодованіе; выписываютъ мнѣ Моера, который, конечно, можетъ совершить операцію и въ сибирскомъ рудникѣ; лишаютъ меня права жаловаться (не въ стихахъ а въ прозѣ, дьявольская разница!) а тамъ не велятъ и бѣситься—Какъ не такъ! Я знаю что право жаловаться ничтожно, какъ и всѣ проччія, но оно есть въ природѣ вещей. Погоди. Не демонствуй, Асмодей: мысли твои объ общемъ мнѣніи, о суетѣ гоненія и страдальчества <положимъ> справедливы—но помилуй.... Это моя религія; я уже не фанатикъ, но все еще набоженъ. Не отнимай у схимника надежду [на] рая и страхъ ада.

Зачѣмъ не хочу согласиться на приѣздъ ко мнѣ Моэра?—Я не довольно богатъ чтобъ выписывать себѣ славныхъ докторовъ и платить имъ за свое леченіе. Моеръ другъ Жуков-у, но не Ж....—Благодѣяній отъ него не хочу — Вотъ и все —

Ты признаешься что въ своемъ водопадѣ ты болѣе писалъ о страстномъ человѣкѣ чѣмъ о водѣ. Отселѣ и неточность нѣкоторыхъ выраженій—

Благодарю отъ души Кар. за Желѣзный Колпакъ, что онъ мнѣ присылаетъ; въ замѣну отошлю ему по почтѣ свой цвѣтной, который полно мнѣ таскать. Въ самомъ дѣлѣ, не пойти-ли мнѣ въ Юродивые, авось буду блаженнѣе! Сегодня кончилъ я 2-ую часть моей Трагедіи—всѣхъ думаю, будетъ 4. Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! знаешь ее? Неговори, однакожъ этаго никому. Благодарю тебя и за замѣчаніе Кар. о характерѣ Бориса. Оно мнѣ очень пригодилось. Я смотрѣлъ на его съ политической точки, не замѣчая поэтической его стороны; я его засажу за Евангеліе, заставлю читать повѣсть объ Иродѣ и тому подобное — Ты хочешь плана? возьми конецъ X-го и весь одиннадцатой томъ вотъ тебѣ и планъ.

Ахъ, мой милый, вотъ тебѣ каламбуръ на мой аневризмъ: друзья хлопочутъ о моей жилѣ, а я—объ жильѣ. Каково?

15 сентяб.

На отдѣльномъ листѣ: Résume: Вы находите, что позволеніе [мнѣ] ѣхать во Псковъ есть шагъ впередъ а я думаю что шагъ назадъ—но полно объ Аневризмѣ—онъ мнѣ надоѣлъ какъ наши журналы—

Жалѣю что о Staël писалъ Мухановъ (если Адъют. Раевскаго) онъ мой приятель и я бы не тронулъ его, а все-же онъ виноватъ, M-d Staël наша—не тронь ея—Впроччемъ я пощадилъ его. Какъ мнѣ жаль что Полевой пустился безъ тебя въ Анти-критику! Онъ длиненъ и скученъ, педантъ и невѣжда — ради Бога, надѣнь на него строгой мунштукъ и выѣзжай его — на досугѣ. Будутъ и стихи, но погоди немного—

Горч. мнѣ живо напомнилъ Лицей, кажется онъ не перемѣнился во многомъ — хоть и созрѣлъ и слѣдств. подсохъ—Ты вбилъ ему въ голову что я объѣдаюсь гоненіемъ — Охъ душа моя—меня тошнитъ... но предлагаемое да ѣдятъ.

Графъ МИХАИЛЪ ВІЕЛЬГОРСКІЙ.

173.

А. П. Кернъ.

22-го сентября [1825 г.]. Михайловское.

Au nom du Ciel, n'envoyez pas à M-d Os. la lettre que vous avez trouvée dans vôtre paquet. Ne voyez-vous pas qu'elle était écrite uniquement pour vôtre édificaton particulière? Gardez la pour vous, ou vous allez nous brouiller. J'avais entrepris de faire votre paix, mais j'en désespère après vos dernières étourderies... A propos, vous me jurez vos grands Dieux que vous ne faites la coquette avec personne, et vous tutoyez votre cousin, vous lui dites: je méprise ta mère, c'est affreux, il fallait, dire: vôtre Mère, et même il ne fallait dire rien du tout, car la phrase a diablement eu de l'effet. Jalousie à part, je vous conseille de rompre cette correspondance, en ami qui vous est véritablement dévoué sans phrases et sans symagrées. Je ne conçois pas quel est votre but de faire la coquette avec un jeune étudiant <qui n'est pas poète> à une distance aussi respectable. Quand il était près de vous, vous savez que je trouvais cela tout naturel, car il faut être raisonnable. Voila qui est dit. N'est ce pas? point de correspondance — je vous réponds qu'il n'en sera pas moins amoureux. Parlez-vous sérieusement en paraissant approuver mon projet?

Annette en a eu la chair de poule, et moi la tête m'en a tourné de joie. Mais je ne crois pas au bonheur, et cela est bien pardonable. Voudrez-vous, ange d'amour, persuader une âme incrédule et flétrie? Mais venez du moins à Pskov; cela vous sera facile. Le coeur me bat, ma vue se trouble, je languis à cette seule idée! Ne serait-ce qu'une vaine espérance, comme tant d'autres!!.. Venons au fait; d'abord, il faut un prétexte: une maladie d'Annette — qu'en dites-vous? Ou bien, ne ferez-vous pas un voyage à Pétersb?.. Vous me le ferez savoir, oui? — Ne me trompez pas, bel ange! Que je vous sois redevable de quitter la vie en connaisant le bonheur! — Ne me parlez pas d'admiration, ce sentiment n'en est pas un. Parlez moi d'amour: j'en ai soif. Mais surtout ne me parlez pas de vers.... Vôtre conseil d'écrire à S. M. m'a touché comme une preuve de ce que Vous avez songé à moi; je t'en remercie à genoux, mais je ne puis le suivre. — Il faut que le sort décide de mon existance; je ne veux pas m'en mêler... L'espérance de vous voir encore belle et jeune est la seulle chose qui mi soit chère. Encore une fois, ne me trompez pas.

22 sept. Михайловское.

Demain, c'est la fête de M-me vôtre tante; je serai donc à Trigorsky. Vôtre idée de marier Annette, pour avoir un refuge, est délicieuse, mais je ne la lui ai pas communiquée. Répondez, je vous en supplie, aux points principaux de cette lettre, et je croirai que le monde vaut encore la peine d'être habité.

174.

Барону А. А. Дельвигу.

[Сентябрь — октябрь 1825 г. Михайловское].

Брови царь нахмуря,
Говорилъ: вчера
Повалила буря
Памятникъ Петра
Тотъ перепугался.
«Я не зналъ!.» — Ужель? —
Царь расхохотался.
— Первый, братъ, Апрѣль!

* * *

Говорилъ онъ съ горемъ
Фрейлинамъ дворца:
Вѣшаютъ за моремъ
За два ....

То есть разумѣю,
Вдругъ примолвилъ онъ,
Вѣшаютъ за шею,
Но жестокъ законъ. —

Вотъ тебѣ душа моя приращеніе къ куплетамъ Эристова — Поцалуй его отъ меня въ лобъ. Я помню его отрокомъ, вырвавшимся изъ подъ полоцкихъ Езуитовъ. Благословляю его во имя Ѳеба и Св. Бобонія безносаго.

Писалъ я брату объ Андрѣе Шенье. Впрочемъ твоя Святая воля. Я боюсь чтобъ томъ Разн. Ст. не былъ слишкомъ тонокъ. Возьми себѣ весь портретъ Татьяны, до отъ Ричардсона безъ ума, да еще конецъ отъ своимъ пернатамъ возвращенный. Какъ ты думаешь? отпиши покамѣсть еще не женился.

Кланяйся отъ меня почтенному, умнѣйшему Арзамасцу, будущему своему тестю — а изъ жены своей сдѣлай Арзамаску — непремѣнно.

Жду писемъ.

175.

Князю П. А. Вяземскому.

[Начало октября 1825 г. Михайловское].

Въ глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животомъ,
Я не парю — сижу орломъ
И боленъ праздностью поносной.

Бумаги берегу запасъ,
Натугу вдохновенья чуждый,
Хожу я рѣдко на Парнасъ,
И только за большою нуждой.

Но твой затѣйливый навозъ
Приятно мнѣ щекотитъ носъ;
Хвостова онъ напоминаетъ,
Отца зубастыхъ голубей
И духъ мой снова позываетъ
Ко изпражненью прежнихъ дней.

Благодарствую, душа моя — и цалую тебя въ твою поэтическую ..... — съ тѣхъ поръ какъ я въ Михайловскомъ я только два раза хохоталъ; при разборѣ новой піитикѣ басенъ, и при посвященіи г.... г.... твоего. — Какъ-же мнѣ не любить тебя? какъ мнѣ передъ тобой не подличать — но подличать готовъ, а переписывать воля твоя, не стану — смерть моя и только.

Поздравляю тебя, моя радость съ романтической Трагедіею, въ ней-же первая персона Борисъ-Годуновъ! трагедія моя кончена, я перечелъ ее въ слухъ, одинъ, и билъ въ ладоши и кричалъ, ай-да Пушкинъ, ай-да сукинъ сынъ! — Юродивый мой, малой презабавной; на Марину у тебя ..... — ибо она полька, и собою преизрядна — (въ родѣ К. Орловой, сказывалъ это я тебѣ?). Проччіе также очень милы; кромѣ капитана Маржерета, который все по ..... бра-

нится; Цензура его не пропуститъ — Жуковскій говоритъ что Царь меня проститъ за Трагедію— на врядъ, мой милый. Хоть она и въ хорошемъ духѣ писана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго. Торчатъ! Ты уморительно критикуешь Крылова, молчи, то знаю я сама, да эта крыса мнѣ кума. Я назвалъ его представителемъ духа Рускаго народа—не ручаюсь чтобъ онъ отчасти не вонялъ.—Въ старину нашъ народъ назывался Смердъ—<см. Госп. Кар.>. Дѣло въ томъ, что Крыловъ преоригинальная туша, Гр. Орловъ дуракъ, а мы—разини и пр. и пр.

Я изъ Пскова написалъ тебѣ было уморительное письмо — да сжегъ. Тамошній Архіерей Отецъ Евгеній принялъ меня какъ отца Евгенія. Губернаторъ также былъ весьма милостивъ, далъ мнѣ переправить свои стишки-съ. Вотъ каково! Прощай мой милый.

На оборотѣ: Кн. П. А. Вяземскому.

176.

В. А. Жуковскому.

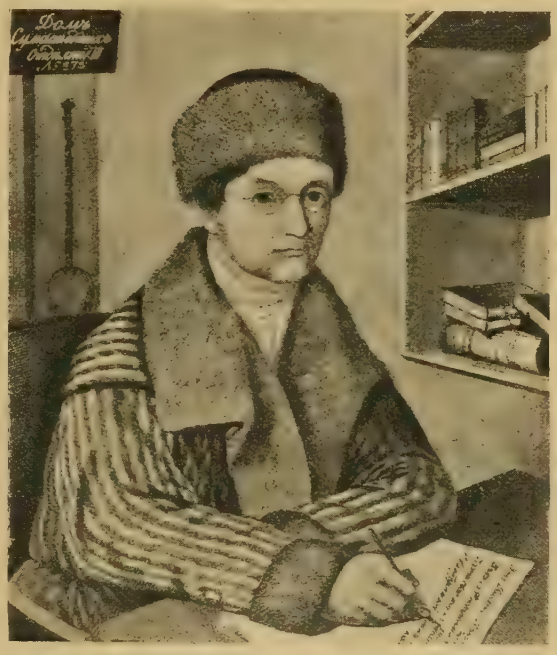
6-го октября [1825 г.]. Тригорское.

На дняхъ увидя въ окошко Осень, сѣлъ я въ телѣжку и прискакалъ во Псковъ. Губернаторъ принялъ меня очень мило, я поговорилъ съ нимъ о своей жилѣ, посовѣтовался съ очень добрымъ лѣкаремъ и пріѣхалъ обратно въ свое Михайловское. Теперь имѣя обстоятельственныя свѣденія о своемъ аневризмѣ поговорю объ немъ толкомъ — П. А. Осипова будучи въ Ригѣ, со всею заботливостію дружбы говорила обо мнѣ оператору Руланду; операція не штука, сказалъ онъ, но слѣдствія могутъ быть важны: Больной долженъ лежать нѣсколько недѣль неподвижно etc.—Воля твоя, мой милый — ни во Псковѣ, ни въ Мих. я на то не соглашусь; все равно умереть со скуки или съ аневризма; но первая смерть вѣрнѣе другой.—Я постели не вытерплю, во что бы то ни стало. 2-ое Псковской лекарь говоритъ: можно обойтись и безъ операціи, но нужны строгія предосторожности: не ходите много пѣшкомъ, не ѣздите верьхомъ, не дѣлайте сильныхъ движеній etc. etc. Ссылаюсь на всѣхъ; что мнѣ будетъ дѣлать въ деревнѣ или во Псковѣ если всякое физическое движеніе будетъ мнѣ запрещено? Губернаторъ обѣщался отнестись что лѣчиться во Псковѣ мнѣ невозможно—и такъ погодимъ авось-ли Царь что нибудь рѣшитъ въ мою пользу —

Теперь 3-ій § <и самый важный> Мойера не хочу, рѣшительно. Ты пишешь: прими его какъ меня. Мудрено. Я не довольно богатъ чтобъ выписывать себѣ славныхъ операторовъ— а даромъ лечиться не намѣренъ — Онъ не ты. Конечно я съ радостію и благодарностью далъ бы тебѣ срѣзать не только стоновую жилу но и голову; отъ тебя благодѣяніе мнѣ не тяжело — а отъ другаго не хочу. Будь онъ тебѣ разприятель, будь онъ сынъ Карамзина —.

Милый мой, посидимъ у моря подождемъ погоды; я не умру; это невозможно; богъ не захочетъ чтобы Годуновъ со мною уничтожился. Дай срокъ: жадно принимаю твое пророчество; пусть трагедія искупитъ меня... но до трагедіи-ли нашему чорствому вѣку? Покрайнѣй мѣрѣ оставь мнѣ надежду. — Чувствую что операція отниметъ ее у меня. Она закабалитъ меня на 10 лѣтъ ссылочной жизни. Мнѣ уже не будетъ ни надежды ни предлога — страшно подумать, Отче! не брани меня, и не сердись когда я бѣшусь; подумай о моемъ положеніи; вовсе не завидное, что ни толкуютъ. Хоть кого съ ума сведетъ.

Тригорское.
6 окт.



А. Ѳ. ВОЕЙКОВЪ.

177.

А. Н. Вульфу.

10-го октября [1825 г. Михайловское].

Милый Алексѣй Николаевичь, чувствительно благодарю Васъ за дружеское исполненіе моихъ препорученій, и проч. Почтеннаго Мойера благодарю отъ сердца, вполнѣ чувствую и цѣню его благосклонность и намѣреніе мнѣ помочь — но повторяю рѣшительно; ни во Псковѣ, ни въ моей глуши лечиться я не намѣренъ. О коляски моей, осмѣливаюсь принести вамъ нижайшую просьбу—Если <что можетъ случиться> деньги у васъ есть, то прикажите, нанявъ лошадей отправить ее въ Опочку, если-же <что также случается> денегъ нѣтъ — то напишите сколько ихъ будетъ нужно. — На всякой случай поспѣшимъ, пока дороги не испортились—Что скажу вамъ новаго? Вы, конечно, уже знаете все что касается до проѣзда А. П. Мужъ ея очень милый человѣкъ, мы познакомились и подружились— Желалъ бы я очень исполнить желаніе ваше косательно подражанія Язкву—но не нахожу его подъ рукой. Вотъ начало:

Какъ широко,
Какъ глубоко!
Нѣтъ Бога ради,
Позволь мнѣ сзади — etc. —

Но написалъ-ли Яз. — еще чего чибудь въ томъ же родѣ или въ другомъ? перешлите намъ— мы будемъ очень благодарны.

10 окт.

На оборотѣ кажется рукою Пушкина:

Его Благородію

Александру Николаевичу Вульфу въ Дерптъ.

Штемпель: Опочка 1825 окт. 12. *Помѣта Вульфа:* 1825.

178.

А. А. Бестужеву.

30-го ноября [1825 г. Михайловское].

Я очень обрадовался письму твоему мой милый; я думалъ уже что ты на меня дуешься—радуюсь и твоимъ занятіямъ. Изученіе новѣйшихъ языковъ должно въ наше время замѣнить Латинскій и Греческій—таковъ духъ вѣка и его требованія. Ты—да, кажется, Вяземскій — одни изъ нашихъ литераторовъ—учатся; всѣ проччіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить. Ты ѣдешь въ Москву; поговори тамъ съ Вяземскимъ объ журналѣ; онъ самъ чувствуетъ въ немъ необходимость—а дѣло было бы чудно-хорошо. Ты пѣняешь мнѣ за то что я не печатаюсь—надоѣла мнѣ печать—опечатками, критиками, защищеніями etc. ... однако поэмы мои скоро выдутъ. И онѣ мнѣ надоѣли; Русланъ молокососъ; Плѣнникъ зеленъ—и предъ поэзіей Кавказкой природы—поэма моя:—Голиковская проза. Къ стати: кто писалъ о горцахъ въ Пчелѣ? вотъ поэзія! Не Якубовичь ли, герой моего воображенья? Когда я вру съ женщинами, я ихъ увѣряю что я съ нимъ разбойничалъ на Кавказѣ, простреливалъ Грибоѣдова, хоронилъ Шереметева etc.—въ немъ много, въ самомъ дѣлѣ, романтизма. Жаль что я съ нимъ не встрѣтился въ Кобардѣ — поэма моя была бы лучше.—Важная вещь: я написалъ трагедію, и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать — робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма. Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина. Сколько я не читалъ о Романтизмѣ, все не то; даже Кюхелбекеръ вретъ. Что такое его духи? до сихъ поръ я ихъ не читалъ. Жду твоей новой повѣсти, да возьмись-ка за цѣлый романъ—и пиши его со всею свободою разговора или письма, иначе все будетъ слогъ сбиваться на Коцебятину. Кланяюсь планщику Рылѣеву, какъ говаривалъ покойникъ Платовъ, но я право болѣе люблю стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ. Желаю вамъ, друзья мои, здравія и вдохновенія.

30 Ноября.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію

Кондратью Ѳедоровичу Рылѣеву

въ С. Петербургъ.

У Синяго мосту въ домѣ *Американской компаніи.* Пр. дост. Г-ну Бестужеву.

Штемпель: Опочка 18[25] дек. 3.

179.

Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ ноября — начало декабря 1825 г. Михайловское].

Ты приказывалъ, моя радость, прислать тебѣ стиховъ для какого-то Альманаха (чортъ его побери). Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ, у меня ихъ пропасть, избираю невиннѣйшихъ.

Совѣтъ.

Повѣрь: когда и мухъ и комаровъ
Вокругъ тебя летаетъ рой журнальной
Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ
Не возражай на пискъ и шумъ нахальной
Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ
Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямой.
Сердиться грѣхъ—но замахнись и вдругъ
Прихлопни ихъ проворной эпиграммой.

Соловей и кукушка.

Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной,
Весны пѣвецъ разнообразной
Урчитъ и свищетъ и гремитъ;
Но безтолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердитъ;
И эхо вслѣдъ кукуетъ то-же,
Накуковали намъ тоску!
Хоть убѣжать. Избавь насъ, Боже,
Отъ элегическихъ ку ку!

Движенье.

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый.
Другой смолчалъ и сталъ предъ нимъ ходить.
Сильнѣе бы не могъ онъ возразить,
Хвалили всѣ отвѣтъ замысловатый.
Но, Господа, забавный случай сей
Другой примѣръ на память мнѣ приводитъ:
Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходитъ,
Однакожъ правъ [какой-то] упрямый Галилей.

Дружба.

Что дружба? легкій пылъ похмѣлья,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнъ тщеславія, бездѣлья
Иль покровительства позоръ.

Мадригалъ.

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати,
Съ Щастіемъ у васъ разладъ:
И прекрасны вы не къ стати
И умны вы не въ попадъ.

На оборотѣ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ, въ Чернышевомъ переулкѣ, въ собств. домѣ. *Почтовый штемпель:* Опочка 3 Дек.

180.

П. А. Катенину.

4-го декабря [1825 г. Михайловское].

Письмо твое обрадовало меня по многимъ причинамъ. 1) что оно писано изъ П. Б., 2) что Андромаха наконецъ отдана на театръ, 3) что ты собираешься издать свои стихотворенія, 4) <и что должно было бы стоять первымъ> что ты любишь меня по старому. Можетъ быть, нынѣшняя перемѣна сблизитъ меня съ моими друзьями. Какъ вѣрный подданный, долженъ я конечно печалиться о смерти Государя; но какъ поэтъ, радуюсь возшествію на престолъ Константина I. Въ немъ

очень много романтизма; бурная его молодость, походы съ Суворовымъ, вражда съ нѣмцемъ Барклаемъ, напоминаютъ Генриха V.—Къ тому же онъ уменъ а съ умными людьми все какъ-то лучше; словомъ я надѣюся отъ него много хорошаго. — Какъ бы хорошо было если нынѣшней зимой я былъ свидѣтелемъ [тв.] и участникомъ твоего торжества! участникомъ ибо твой успѣхъ не можетъ быть для меня чуждымъ; но вспомнятъ ли обо мнѣ? Богъ вѣсть. Мнѣ право совѣстно что тебѣ такъ много наговорили о моихъ Цыганахъ. Это годится для публики, но тебѣ надѣюсь я представить что нибудь болѣе достойное твоего вниманія. — Онѣгинъ мнѣ надоѣлъ и спитъ; впроччемъ я его не бросилъ. Радуюсь успѣхамъ Каратыгина, и поздравляю его съ твоимъ ободреніемъ. Признаюсь— мочи нѣтъ хочется къ Вамъ. Прощай, милый и почтенный. — Вспомни меня во время перваго представленія Андромахи.

4 декабря.

Почтовый штемпель: Опочка 1825 Дек. 7.

181.

А. П. Кернъ.

8-го декабря [1825 г. Тригорское].

Je ne m'attendais guère, enchanteresse, à votre souvenir, c'est du fond de mon âme que je vous en remercie. Byron vient d'acquérir pour moi un nouveau charme, toutes ses heroïnes vont revêtir dans mon imagination des traits qu'on ne peut oublier. C'est vous que je verrai dans Gulnare et dans Leilà - l'idéal de Byron lui-même ne pouvait être plus divin. C'est donc vous, c'est toujours vous que le sort envoie pour enchanter ma solitude! Vous êtes l'ange de consolation, mais je ne suis qu'un ingrat, puisque je murmure encore. Vous allez à Pétersbourg, mon éxil me pèse plus que jamais Peut-être que le changement qui vient d'arriver me rapprochera de vous, je n'ose l'espérer. Ne croyons pas à l'espérence, ce n'est qu'une jolie femme, elle nous traîte en vieux maris. Que fait le vôtre, mon doux génie? Savez-vous que c'est sous ses traîts que je m'imagine les ennemis de Byron, y compris sa femme.

8 déc.

Je reprends la plume pour vous dire que je suis à vos genoux, que je vous aime toujours, que je vous déteste quelquefois, qu'avant-hier j'ai dit de vous des horreurs, que je vous baise vos belles mains, et que je les rebaise encore en attendant mieux, que je n'en peux plus, que vous êtes divine etc.

Евпраксія Николаевна ВУЛЬФЪ.
(по мужу бар. Вревская).

182.

П. А. Плетневу.

[Первая половина декабря 1825 г. Михайловское].

Милый, дѣло не до стиховъ—слушай въ оба уха: если я друзей моихъ не слишкомъ отучилъ отъ ходатайства, вѣроятно они вспомнятъ обо мнѣ... Если брать, такъ брать — не то что и совести марать — ради Бога, не просить у Царя позволенія мнѣ жить въ Опочкѣ или въ Ригѣ: чортъ-ли въ нихъ? а просить или о въѣздѣ въ столицы или о чужихъ краяхъ. Въ столицу хочется мнѣ для васъ, друзья мои—хочется съ вами еще передъ смертію поврать; но конечно благоразумнѣе бы отправиться за море — Что мнѣ въ Россіи дѣлать? Покажи это письмо Ж-у, который, можетъ быть на меня сердитъ—Онъ какъ нибудь это сладитъ. Да нельзя-ли дамъ взбутоpажить?... Душа! я пророкъ, ей богу пророкъ! я Андрея Ш. велю напечатать церковными буквами во имя От. и Сы. etc.—Выписывайте меня, красавцы мои—а не то не я прочту вамъ Трагедію свою. Къ стати: Борька также вывелъ юродиваго въ своемъ романѣ. И онъ байроничаетъ, описываетъ самаго себя!—Мой Юродивый впроччемъ гораздо милѣе Борьки — увидишь. Вотъ тебѣ письма къ двумъ еще Юродивымъ. Воейковъ не напроказилъ-ли *) чего нибудь? Я его Сент. книжки не читалъ— Онъ что-то со мною труситъ. Кюх... духи—дрянь: стиховъ хорошихъ очень мало, вымысла нѣтъ никакого. Предисловіе одно порядочно.—Не говори этого ему— онъ огорчится.

Приписка съ боку 1-й страницы: Не ужъ-то Ил. Мур. Загорскаго? если нѣтъ кто жъ псевдонимъ, если да: какъ жаль что онъ умеръ!

183.

В. К. Кюхельбекеру.

[Первая половина декабря 1825 г. Михайловское].

Прежде чѣмъ поблагодарю тебя, хочу съ тобою побраниться. Получивъ твою комедію я надѣялся найти въ ней и письмо — я тресь, тресь ее и ждалъ не выпадетъ-ли хоть четвертушка почтовой бумаги; напрасно: ничего не ....., и со злости духомъ прочелъ [оба дѣйствія] духовъ **), сперва про себя, а потомъ и въ слухъ. Нужна-ли тебѣ моя критика? Нѣтъ! не правда-ли? все равно; критикую: ты сознаешься что характеръ поэта не правдоподобенъ; сознаніе похвальное, но на-

*) Сначала было «напечаталъ».

**) На полѣ Пушкинымъ сдѣлана выноска: «Calembourg! reconnais-tu le sang?»

добно бы сію неправдоподобность оправдать, извинить въ самой комедіи а не въ предисловіи. Поэтъ могъ бы самъ совѣститься, стыдиться своего суевѣрія: отселѣ новыя, комическія черты. Зато Калибанъ—прелесть. Непонимаю что у тебя за охота пародировать Ж-го. Это простительно Цертелеву а не тебѣ. Ты скажешь что насмѣшка падаетъ на подражателей а не на него-самаго. Милый, вспомни что ты, если пишешь для насъ, то печатаешь для черни; она принимаетъ вещи буквально. Видитъ твое неуваженіе къ Ж. и рада.

Сиръ слово старое. Прочтутъ иные сыръ &c—очень мило и дѣльно. Отъ жеманства надобно насъ отучать.—Пасъ стада главы моей <вшей?> впроччемъ вездѣ гдѣ поэтъ бредитъ Шекспиромъ, его легкое воздушное творенье, рѣчь Аріеля и послѣдняя тирада—прекрасно. О стихосложеніи скажу что оно небрежно, не всегда натурально, выраженія не всегда точно-русскія—на пр. слушать въ оба уха, брось видъ угрюмый, взглядъ унылый, молодецъ ретивый, здернетъ чепецъ на старухѣ &c — Все это я прощаю для Калибана который чудо какъ милъ. Ты видишь, мой милый, что я съ тобою откровененъ по прежнему; и увѣренъ, что этимъ тебя не разсержу — но вотъ чѣмъ тебя разсержу: Кн. Шихматовъ несмотря на твой разборъ и смотря на твой разборъ, бездушный, холодный, надутый скучный пустомеля.... ай ай, больше не буду! не бей меня—

На оборотѣ: Кюх...

184.

А. П. Кернъ.

[Вторая половина декабря 1825 г. Михайловское].

Je vous prie chére Анна Петровна d'envoyer chez moi Arnt mais n'en dites rien au grands parents. А. П.

1826.

185.

В. А. Жуковскому.

[Вторая половина января 1826 г. Михайловское].

Я не писалъ къ тебѣ вопервыхъ потому что мнѣ было не до себя, во втор. за не имѣніемъ вѣрнаго случая. Вотъ въ чемъ дѣло: мудрено мнѣ требовать твоего заступленія предъ Государемъ; не хочу охмѣлить тебя въ этомъ пиру. Вѣроятно правительство удостовѣрилось что я заговору не принадлежу и съ возмутителями 14 декабря связей политическихъ не имѣлъ—но оно въ журналахъ объявило опалу и тѣмъ которые имѣя какія нибудь свѣденія о заговорѣ, не объявили о томъ полиціи. Но кто-же кромѣ правительства и полиціи не зналъ о немъ? о заговорѣ кричали по всѣмъ переулкамъ, и это одна изъ причинъ моей безвинности. Все таки я отъ жандарма еще не ушелъ, легко можетъ, уличатъ меня въ политическихъ разговорахъ съ какимъ нибудь изъ обвиненныхъ. А между ими друзей моихъ довольно <NB оба-ли Раевскіе взяты, и въ самомъ-ли дѣлѣ они въ крѣпости? напиши, сдѣлай милость.> Теперь положимъ что Правительство и захочетъ прекратить мою опалу, съ нимъ я готовъ условливаться <буде условія необходимы> но вамъ рѣшительно говорю не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее повѣденіе [будетъ] зависить отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc.

Итакъ остается тебѣ положиться на мое благоразуміе. Ты можешь требовать отъ меня свидѣтельствъ объ этомъ новомъ качествѣ. Вотъ они.

Въ Кишиневѣ я былъ друженъ съ маіоромъ Раевскимъ, съ генераломъ Пущинымъ и Орловымъ —

Я былъ массонъ въ Киш. ложѣ, т. е. въ той за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи.

Я наконецъ былъ въ связи съ большею частію нынѣшнихъ заговорщиковъ —

[Но когда] Покойный Императоръ сославъ меня [онъ] могъ только упрекнуть меня въ безвѣріи.

Письмо это не благоразумно конечно, но должно-же довѣрять иногда и счастію. Прости будь щастливъ, это покамѣстъ первое мое желаніе.

Прежде чѣмъ сожжешь это письмо покажи его Кар.... и посовѣтуйся съ нимъ. Кажется, можно сказать Царю: В. В., Если Пушкинъ не замѣшенъ, то нельзя-ли наконецъ позволить ему возвратиться? —

Говорятъ, ты написалъ стихи на смерть Алекс.—предмѣтъ богатый! — Но въ теченіи десяти лѣтъ его Царствованія, лира твоя молчала. Это лучшій упрекъ ему — Никто болѣе тебя не имѣлъ право сказать: гласъ лиры гласъ народа. Слѣдств. я не совсѣмъ былъ виноватъ подсвистывая ему до самаго гроба.

186.

Барону А. А. Дельвигу.

[Вторая половина января 1826 г. Михайловское].

Милый Баронъ! вы обо мнѣ безпокоитесь и напрасно—Я человѣкъ мирный. Но я безпокоюсь—и дай Богъ чтобъ было по напрасну—Мнѣ сказывали что А. Раевскій подъ арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности—Но онъ боленъ ногами и сырость казематовъ будетъ для него смертельна—Узнай гдѣ онъ и успокой меня—Прощай мой милый другъ. П.

На оборотѣ: Барону Дельвигу.

187.

П. А. Плетневу.

[Вторая половина января 1826 г. Михайловское].

Душа моя, спасибо за Стих. Ал. П., изданіе очень мило; кое-гдѣ ошибки, это въ фальшь не ставится—Еще разъ благодарю сердечно и обнимаю дружески —

Что дѣлается у васъ въ П. Б.? я ничего не знаю, всѣ перестали ко мнѣ писать—Вѣрно вы полагаете меня въ Нерчинскѣ. Напрасно, я туда не намѣренъ — но неизвѣстность о людяхъ, съ которыми находился въ короткой связи, меня мучитъ. Надѣюсь для нихъ на милость Царскую — Къ стати: Не можетъ-ли Ж. узнать могу-ли я надѣяться на Высочайшее снисхожденіе, я 6 лѣтъ нахожусь въ опалѣ, а что ни говори—мнѣ всего 26. Покойный Имп. въ 1824 году сослалъ меня въ деревню за двѣ строчки нерелигіозныя — другихъ художествъ за собою незнаю. Ужели молодой нашъ Царь не позволитъ удалиться куда ни-

будь гдѣ бы потеплѣе?—если уже никакъ нельзя мнѣ показаться въ П. Б.—а?

Прости душа скучно мочи нѣтъ.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Петру Александровичу Плетневу. Въ Пет.-Бургъ. Въ Екатерининской Институтъ. *Почтовый штемпель:* Опочка 1826 Генв. 25.

188.

Барону А. А. Дельвигу.

[Первая половина февраля 1826 г. Михайловское].

Насилу ты мнѣ написалъ и то безъ толку, душа моя. Вообрази что я въ глуши ровно ничего не знаю, переписка моя отсюду прекратилась, а ты пишешь мнѣ какъ будто вчера мы цѣлый день были вмѣстѣ и наговорились до сыта. Конечно я ни въ чемъ незамѣшанъ, и если правительству досугъ подумать обо мнѣ то оно въ томъ легко удостовѣриться. Но просить мнѣ какъ то совѣстно особенно нынѣ; образъ мыслей моихъ извѣстенъ. Гонимый 6 лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки перехваченнаго письма, я конечно не могъ доброжелательствовать покойному Царю, хотя и отдавалъ полную справедливость истиннымъ его достоинствамъ — но никогда я не проповѣдовалъ ни возмущеній, ни революціи — напротивъ. Классъ писателей, какъ замѣтилъ Alfieri, болѣе склоненъ къ умозрѣнію нежели къ дѣятельности, и если 14 декабря доказало у насъ иное, то на то есть особая причина. Какъ бы то нибыло я желалъ бы вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ, и конечно это ни отъ кого, кромѣ Его, независитъ. Въ этомъ желаніи [конечно] болѣе благоразумія, нежели гордости съ моей стороны.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія участи нещастныхъ и обнародованіе заговора. Твердо надѣюсь на великодушіе молодаго нашего Царя. Не будемъ ни суевѣрны ни односторонни—какъ Фр. трагики; но взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира. Прощай душа моя.

Пушкинъ.

Ты взялъ 2000 у меня, и хорошо сдѣлалъ, но сдѣлай такъ, чтобъ прежде вел. поста они находились опять у Плетнева.

На оборотѣ: Милостивому Государю Барону Антону Антоновичу Дельвигу въ С. Петербургъ въ Б. Мильонной, въ домѣ Г-жи Эбелингъ.

189.

П. А. Катенину.

[Первая половина февраля 1826 г. Михайловское].

Отвѣчаю тебѣ по порядку. Стихи о Колосовой были написаны въ письмѣ, которое до тебя не дошло. Я не выставилъ полнаго твоего имени, потому что съ Катенинымъ говорить стихами только о ссорѣ моей съ актрисою, показалось бы немного страннымъ.

Будущій альманахъ радуетъ меня несказано, если разбудитъ онъ тебя для поэзіи. Душа проситъ твоихъ стиховъ; но знаешь ли что? Вмѣсто альманаха не затѣять ли намъ журнала въ родѣ Edimburgh Review? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ; кому же какъ не тебѣ забрать въ руки общее мнѣніе, и дать нашей Словесности новое, истинное направленіе? Покамѣстъ, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критика. Многіе (въ томъ числѣ и я) много тебѣ обязаны; ты отъучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли. Еслибъ согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принесъ бы ты Русской Словесности: какъ думаешь? Да что Андромаха и собраніе твоихъ стиховъ?

Евпраксія Николаевна ВУЛЬФЪ.
(по мужу бар. Вревская) въ старости.

190.

Барону А. А. Дельвигу.

[20-го февраля 1826 г. Михайловское].

Мой другъ Баронъ, я на тебя не дулся и долгое твое молчаніе великодушно извинялъ твоимъ Гименеемъ

Jo hymen Hymenaee io,
Jo hymen Hymenaee!

т. е. чортъ побери вашу свадьбу, свадьбу вашу чортъ побери. —

Когда друзья мои женятся, имъ смѣхъ, а мнѣ горе; но такъ и быть: Апостолъ Павелъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій, что лучше взять себѣ жену, чѣмъ идти въ геенну и во огнь вѣчный — обнимаю и поздравляю тебя — рекомендуй меня Баронессѣ Дельвигъ.

Очень благодаренъ за твои извѣстія, радуюсь, что Тевтонъ Кюхля не былъ славянинъ, а охмѣлѣлъ въ чужомъ пиру. Повѣденіе Вел. Кн. Михаила въ [го] отношеніи къ нему, очень благородно. Но что Ив. Пущинъ? Мнѣ сказывали, что 20-го, т. е. сегодня, участь ихъ должна рѣшиться— сердце не на мѣстѣ: но крѣпко надѣюсь на милость Царскую. Мѣры правительства доказали его рѣшимость и могущество. Большаго подтвержденія, кажется, не нужно. Правительство мо-

жетъ пренебречь ожесточеніе нѣкоторыхъ обличенныхъ....

Я писалъ Ж. — и жду отвѣта. Покамѣсть я совершенно одинъ. Пр. Ал. уѣхала въ Тверь, сей часъ пишу къ ней и отсылаю Эду—что за прелесть эта Эда! Оригинальности разсказа наши критики не поймутъ. Но какое разнообразіе! Гусаръ, Эда и самъ поэтъ—всякой говоритъ посвоему. А описаніе Лифляндской природы! а утро послѣ первой ночи! а сцена съ отцомъ! — чудо! — Видѣлъ я и Слѣпушкина; неужъ то никто ему не поправилъ Святки, Масленицу, Избу? У него истинный, *свой* талантъ; пожалуйста, пошлите ему отъ меня экз. Руслана и моихъ Стих.—съ тѣмъ чтобъ онъ мнѣ неподражалъ, а продолжалъ идти своею дорогою.—Жду Цвѣтовъ.

На оборотѣ: Дельвигу.

191.

П. А. Осиповой.

20-го февраля [1826 г. Михайловское].

Madame, Voici le nouveau poëme de Baratinsky, que Delvig vient de m'envoyer; c'est un chef-d'oeuvre de grâce, d'élégance et de sentiment. Vous en serez enchantée.

Je présume Madame que vous êtes maintenant à Twer; je souhaite que vous y passiez votre tems agréablement mais pas assez pour oublier totalement Trigorsky, ou après vous avoir regrettée, nous commençons déja à vous attendre.

Recevez, Madame l'assurance de ma haute considération et de mon parfait dévouement.

20 fevr.

Vensillez, Madame, présenter mes hommages à M-lle votre fille ainsi qu'à M-lle Netty.

192.

П. А. Плетневу.

3-го марта [1826 г. Михайловское].

Карамзинъ боленъ! милый мой это хуже многаго. Ради Бога успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ разпечатывать газеты. Гнѣдичь не умретъ прежде совершенія Иліады—или реку въ сердцѣ своемъ: нѣсть Ѳебъ. Ты знаешь, что я пророкъ. Не будетъ вамъ Бориса прежде чѣмъ не выпишите меня въ П. Б. Что это въ самомъ дѣлѣ? стыдное дѣло. Слѣ- Пушкину даютъ и кафтанъ, и часы, и полу-медаль, а Пушкину полному — шишъ. Такъ и быть; отказываюсь отъ фрака, штановъ и даже отъ академическаго четвертака (что мнѣ слѣдуетъ); по крайнѣй мѣрѣ пускай позволятъ мнѣ бросить проклятое Михайловское. Вопросъ: невиненъ я или нѣтъ? но въ обоихъ случаяхъ давно бы надлежало мнѣ быть въ П. Б. Вотъ каково быть вѣрноподданнымъ! забудутъ и квитъ. Получили-ли вы мои приятели письма мои дѣльныя, т. е. дѣловыя? Что жъ не отвѣчаютъ? А ты хорошъ! пишешь мнѣ: переписывай да нанимай писцовъ Опоческихъ, да издавай Онѣгина. Мнѣ не до Онѣгина. Чортъ возьми Онѣгина! я самъ себя хочу издать или выдать въ свѣтъ. Батюшки, помогите!

3 марта.

На оборотѣ: Его высокоблагородію Петру Александровичу Плетневу. Въ С.-Петербургъ. Въ Екатерининскомъ институтѣ.

Почтовый штемпель: Опочка 1826 Марта 4.

193.

П. А. Плетневу.

[Начало марта 1826 г. Михайловское].

Мой милый, очень благодаренъ тебѣ за всѣ извѣстія—Вмѣстѣ съ твоимъ получилъ я письмо и отъ Заикина съ увѣдомленіемъ о продажѣ Стих. А. П. и съ предложеніями—Ты говоришь, мой милый, что нѣкоторыхъ піэсъ уже Цензоръ не пропуститъ; какихъ же? А. Шенье? и такъ погодимъ съ новымъ изданіемъ; время не уйдетъ, все перемѣлится — будетъ мука—тогда напечатаемъ второе, добавленное, исправленное изд. <однако скажи: развѣ были какія нибудь неудовольствія по случаю моихъ Стихотв.? или это одни твои предположенія?> Знаешь-ли? ужъ если печатать что, такъ возьмемся за Цыгановъ. Надѣюсь что братъ покрайнѣй мѣрѣ ихъ перепишитъ— а ты ужъ пришли рукопись ко мнѣ—я доставлю предисловіе и м. б. примѣчанія—и съ рукъ долой. А то всякой разъ какъ я объ нихъ подумаю или прочту слово въ Журн. у меня кровь портится— въ собраніи же моихъ поэмъ для новинки помѣстимъ мы другую повѣсть въ родѣ Верро, которая у меня въ запасѣ. Жду отвѣта—

При семъ письмо къ Ж. въ треугольной шляпѣ и въ башмакахъ—Не смѣю надѣиться, но мнѣ бы сладко было получить свободу отъ Ж— а не отъ другова—впрочемъ держусь стоической пословицы: не радуйся нашедъ не плачь потерявъ.

Какого вамъ Бориса, и на какія Лекціи? въ моемъ Борисѣ бранятся по матерну на всѣхъ языкахъ. Это трагедія не для прекраснаго полу—.

Прощай, мой другъ; деньги мои держи крѣпко, никому не давай. Они мнѣ нужны—Сдери долгъ и съ Д.

194.

В. А. Жуковскому.

7-го марта 1826 г. Михайловское.

Поручая себя ходатайству Вашего дружества, вкратцѣ излагаю здѣсь исторію моей опалы. Въ 1824 году явное недоброжелательство Графа Воронцова принудило меня подать въ отставку. Давно разстроенное здоровье и родъ Аневризма требовавшаго немѣдленнаго лѣченія, служили мнѣ достаточнымъ предлогомъ. Покойному Государю Императору не угодно было принять онаго въ уваженіе. Его Величество, изключивъ меня изъ службы, приказалъ сослать въ деревню, за письмо писанное года три тому назадъ въ которомъ находилось сужденіе объ Аѳеизмѣ, сужденіе легкомысленное, достойное конечно всякаго порицанія.

Вступленіе на престолъ Государя Николая Павловича подаетъ мнѣ радостную надежду. Можетъ быть Его Величеству угодно будетъ перемѣнить мою судьбу. Каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей, политическій и религіозный, я храню его про самаго себя и ненамѣренъ безумно

противорѣчить общепринятому порядку и необходимости. Александръ Пушкинъ.

7 марта 1826. С. Михайловское.

На оборотѣ: Василію Андреевичу Жуковскому.

195.

И. Е. Великопольскому.

[Начало марта 1826 г. Михайловское].

Милостивый Государь Иванъ Ермолаевичь!

Сердечно благодарю Васъ за письмо, пріятный знакъ Вашего ко мнѣ благорасположенія. Стихотворенія Слѣпушкина получилъ и перечитываю все съ большимъ и большимъ удивленіемъ. Ваша прекрасная мысль объ улучшеніи состоянія поэта-крестьянина, надѣюсь, не пропадетъ. Не знаю, соберусь-ли я снова къ Вамъ во Псковъ; вы не совершенно отнимаете у меня надежду васъ увидѣть въ моей глуши; благодаримъ покамѣсть и за то.

Кланяюсь князю Циціанову; жалѣю, что не отнялъ у него своего портрета. Что новаго въ вашихъ краяхъ?

Остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

Почтовый штемпель: Опочка 1826 Мар. 11.

196.

Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ апрѣля—начало мая 1826 г. Михайловское].

Милый мой Вяземской, ты молчишь и я молчу; и хорошо дѣлаемъ—потолкуемъ когда нибудь на досугѣ. Покамѣсть дѣло не о томъ. Письмо это тебѣ вручитъ очень милая и добрая дѣвушка, которую одинъ изъ твоихъ друзей неосторожно обрюхатилъ. Пологаюсь на твое человѣколюбіе и дружбу. Приюти ее въ Москвѣ, и дай ей денегъ сколько ей понадобиться—а потомъ отправь въ Болдино <въ мою вотчину гдѣ водятся курицы, пѣтухи и медвѣди>. Ты видишь что тутъ есть о чемъ написать цѣлое посланіе во вкусѣ Жуковскаго о попѣ; но потомству не нужно знать о нашихъ человѣколюбивыхъ подвигахъ.

При семъ съ Отеческою нѣжностью прошу тебя позаботиться о будущемъ малюткѣ, если то будетъ мальчикъ. Отсылать его въ Воспитательный домъ мнѣ нехочется, а—нельзя-ли его покамѣсть отдать въ какую нибудь деревню,—хоть въ Остафьево. Милый мой, мнѣ совѣстно ей Богу— — но тутъ уже не до совѣсти. Прощай, мой Ангелъ; боленъ-ли ты или нѣтъ; мы всѣ больны— кто чѣмъ. Отвѣчай же подробно.

На оборотѣ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ. Нужное.

197.

А. Н. Вульфу.

7-го мая [1826 г. Михайловское].

Вы мнѣ обѣщали писать изъ Дерпта и не пишите—Добро. Однако я жду васъ любезный филистеръ и надѣюсь обнять въ началѣ слѣдующаго мѣсяца—Не правда ли что вы привезете къ намъ и вдохновеннаго? Скажите ему что этаго я требую отъ него именемъ славы и чести Россіи — Покамѣсть, скажите мнѣ — не чрезъ Дерптъ-ли проѣдетъ Жуковскій въ Карлсбатъ? Языковъ долженъ это знать. Получаете-ли вы письма отъ Ан. Ник. <съ которою NB мы совершенно помирились передъ ея выѣздомъ> и что дѣлаетъ Вавилонская блудница Ан. Петр.? Говорятъ что Болтинъ очень щастливо металъ противъ почтеннаго Ерм. Фед. Мое дѣло сторона; но что скажете вы? Я писалъ ей: Vous avez placé vos enfants, c'est très bien. Mais avez-vous placé votre mari? nelui-ei est bien plus embarrassant — Прощайте, любезный Алексѣй Николаевичъ, привезите же Языкова и съ его стихами.

7 мая.

Видѣлъ я въ Сиекѣ нѣкоторые нескромные Гекзаметры и сердечно имъ позавидовалъ.

На оборотѣ: Его Благородію Алексѣю Николаевичу Вульфу въ Дерптъ. *Помѣтка Вульфа*: 7 мая 1826.

198.

Князю П. А. Вяземскому.

[Вторая половина мая 1826 г. Михайловское].

Судьба не перестаетъ съ тобою проказить. Не сердись на нее не вѣдаетъ бо что творитъ — Представь себѣ ее огромной обѣзьяной, которой дана полная воля. Кто посадитъ ее на цѣпь? не ты, не я, никто. Дѣлать нечего, такъ и говорить нечего.

Кн. В. Ѳ. ВЯЗЕМСКАЯ.

Видѣлъ-ли ты мою Эду? Вручила-ли она тебѣ мое письмо? Не правда-ли что она очень мила?

Я не благодарилъ тебя за стансы Ольгѣ— Какъ же ты можешь дивиться моему упрямству и приверженности къ настоящему положенію?— Щастливѣе чѣмъ Андр. Шенье—я заживо слышу голосъ вдохновенія *).

Твои стихи къ Мн. Красавицѣ <ахъ извини: Щастливицѣ> слишкомъ умны.—А поэзія, прости Господи, должна быть глуповата—Характеристика зла. Экой ты неумнчивый,, какъ говоритъ моя Няня. 7 пятницъ лучшій твой Водевиль.

Напиши-же мнѣ что нибудь моя радость. Я безъ твоихъ писемъ глупѣю: это нездорово хоть я и поэтъ.

Правда-ли, что Бар. женится? боюсь за его умъ. Законная ..... родъ теплой шапки съ ушами. Голова вся въ нее уходитъ. Ты м. б.— исключеніе—Но и тутъ я увѣренъ что ты гораздо былъ бы умнѣе если лѣтъ еще 10 былъ холостой – Бракъ холоститъ душу—Прощай и пиши.

Михайловское. Май.

На оборотѣ: Его Сіятельству Кн. Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ, въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собств. домѣ.

Почтовый штемпель: Опочка 1826 Мая 24.

199.

Князю П. А. Вяземскому.

27-го мая [1826 г. Псковъ].

Ты правъ, любимецъ Музъ — воспользуюсь правами блуднаго зятя и грядущаго барина и письмомъ улажу все дѣло. Долженъ-ли я тебѣ что нибудь или нѣтъ? Отвѣчай. Не взялъ-ли съ тебя чего нибудь мой человѣкъ, котораго отослалъ я отъ себя за дурной тонъ и дурное повѣденіе? Пора бы намъ отослать и Булгарина, и Благонамѣреннаго и Полевова, друга нашего. Теперь не до того, а ей Богу, когда нибудь примусь за журналъ. Жаль мнѣ что съ Катенинымъ ты никакъ не ладишь. А для журнала—онъ находка. Читалъ я въ газетахъ что Lancelot въ П. Б. чортъ-ли въ немъ? Читалъ я также что 30 словесниковъ давали ему обѣдъ—кто эти безсмертные? Щитаю по пальцамъ и не дощитаюсь. Когда приѣдешь въ П. Б. овладѣй этимъ Lancelot <котораго я ни стишка не помню> и не пускай его по кабакамъ Отечественной Словесности. Мы въ сношеніяхъ съ иностранцами **) не имѣемъ ни гордости ни стыда—при Англичанахъ дурачимъ Василья Львовича; предъ Md de Stael заставляемъ Милорадовича отличаться въ мазуркѣ. Руской баринъ кричитъ: Мальчикъ! забавляй Гекторку <Датскаго кобеля>. Мы хохочемъ и переводимъ эти барскія слова любопытному путешественнику. Все это попадаетъ въ его журналъ и печатается въ Европѣ—Это мерзко. Я конечно презираю отечество мое съ головы до ногъ—но мнѣ досадно если иностранецъ раздѣляетъ со мною это чувство. Ты, который не на привязи, какъ можешь ты остаться въ Россіи? Если Царь дастъ мнѣ свободу, то я мѣсяца не останусь. Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, но когда воображаю Лондонъ, чугунныя дороги, паровые корабли, Англ. журналы или Парижскіе театры и ..... то мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство. Въ 4-ой пѣснѣ Онѣгина я изобразилъ свою жизнь; когда нибудь прочтешь его, и спросишь съ милою улыбкой; гдѣ жъ мой поэтъ? въ немъ дарованіе примѣтно — Услышишь милая въ отвѣтъ: онъ удралъ въ Парижъ и никогда въ проклятую Русь не воротится — ай да умница! Прощай.

27 мая.

Думаю что ты уже въ П. Б. и это письмо туда отправится. Грустно мнѣ что не прощусь съ Карамзиными—Богъ знаетъ свидимся-ли когда нибудь. Я теперь во Псковѣ, и молодой докторъ спьяна сказалъ мнѣ, что безъ операціи я не дотяну до 30 лѣтъ—Не забавно умереть въ Опоческомъ уѣздѣ—

На оборотѣ: Кн. П. А. Вяземскому.

*) Слѣдуетъ зачеркнутая строка.

**) Первоначально «отношеніяхъ иностранцевъ».

200.

И. Е. Великопольскому.

3-го іюня 1826 г. Преображенское.

Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось,
Пѣвецъ любви то рѣзвой, то унылой!
Играешь ты на лирѣ очень мило,
Играешь ты довольно плохо въ штосъ.
500 рублей проигранныхъ тобою,
Наличные свидѣтели тому—
Судьба моя сходна съ твоей Судьбою.
Сей часъ, мой другъ, узнаешь, почему

Сдѣлайте одолженіе, пять сотъ рублей которые вы мнѣ должны возвратить не мнѣ, но Гавріилу Петровичу Назимову, чѣмъ очень обяжете преданнаго Вамъ душевно,

Александра Пушкина.

3 іюня 1826. Преображенское.

Вдоль стиховъ, слѣва: Скрепилъ Беклешовъ.

На оборотѣ: Иванъ Ермалаевичъ! мое почтеніе: я воспользовался этимъ случаемъ напомнить о вѣрющемъ письмѣ, которое вы намѣревались [вамъ] мнѣ прислать для взыска денегъ съ Кошко: если не пришлете къ сроку, что мнѣ дѣлать?— Отпишите и незабывайте вашего покорнаго слугу

К. Фед. Циціанова.

201.

Князю П. А. Вяземскому.

10-го іюля [1826 г. Михайловское].

Коротенькое письмо твое огорчило меня по многимъ причинамъ. Во первыхъ что ты называешь моими эпиграммами противу Карамзина? довольно и одной, написанной мною въ такое время когда К. меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе и сердечную къ нему приверженность. До сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна, а другія, сколько знаю,—глупы и бѣшены: ужели ты мнѣ ихъ приписываешь? Во вторыхъ, кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ахъ, милый... слышишь обвиненіе не слыша оправданія и рѣшишь: это Шемякинъ судъ. Есть-ли ужъ Вяземскій etc., такъ что же прочіе? Грустно братъ, такъ грустно, что хоть сейчасъ въ петлю.

Читая въ журналахъ статьи о смерти Карамзина, бѣшусь, какъ они холодны, глупы и низки. Неужъ то ни одна руская душа не принесетъ достойной дани его памяти? Отечество въ правѣ отъ тебя того требовать. Напиши намъ его жизнь,

это будетъ 13-й томъ Руской Исторіи; Карамзинъ принадлежитъ Исторіи. Но скажи все; для этаго должно тебѣ будетъ иногда употребить то краснорѣчіе, которое опредѣляетъ Гальяни въ письмѣ о Цензурѣ.—Я писалъ тебѣ въ П. Б. еще незная о смерти К. Получилъ ли ты это письмо? отпиши. Твой совѣтъ кажется мнѣ хорошъ—я уже писалъ Царю, тотчасъ по окончанію слѣдствія, заключая прошеніе точно твоими словами. Жду отвѣта, но плохо надѣюсь. Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились это правда; но я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ. Всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ какъ всѣ похабныя ходятъ подъ именемъ Баркова. Еслибъ я былъ потребованъ коммисіей, то я бы конечно оправдался но меня оставили въ покоѣ, и кажется это не къ добру. Впроччемъ, чортъ знаетъ. Прощай, пиши.

10 іюля.

Что Катерина Андреевна?

На оборотѣ: Князю П. А. Вяземскому.

202.

Князю П. А. Вяземскому.

14-го августа]1826 г. Михайловское].

Такъ море, древній душегубецъ,
Воспламеняетъ геній твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грознаго трезубецъ.

Не славь его. Въ нашъ гнусный вѣкъ
Сѣдой Нептунъ земли союзникъ.
На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ
Тиранъ, предатель или узникъ.

Сердечно благодарю тебя за стихи. Нынѣ каждый порывъ изъ вещественности драгоцѣненъ для души. Критику отложимъ до другова раза.

Правда-ли, что Николая Т. привезли на кораблѣ въ П. Б.? Вотъ какого море наше хваленое! Еще таки я все надѣюсь на коронацію. Повѣшенные повѣшены, но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна. Изъ моихъ записокъ сохранилъ я только нѣсколько листовъ и перешлю ихъ тебѣ, только для тебя. Прощай, душа.

14 августа.

Ты находишь письмо мое холоднымъ и сухимъ. [Ему] Иначе и быть не возможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы.

На оборотѣ: Барону Антону Антоновичу Дельвигу. Въ С.-Петербургѣ на Б. Мильонной въ домѣ Г-жи Эвелингъ. Пр. дост. князю П. А. Вяземскому.

Князь Павелъ Петровичъ ВЯЗЕМСКІЙ.
Каррикатурный портретъ 1845 г.

203.

М. П. Погодину *или* В. В. Измайлову (?).

(Черновое).

[Конецъ августа 1826 г. Михайловское].

Съ [чувствомъ] искреннымъ удоволь. получилъ я отъ Васъ перваго почти м. поправки моихъ стихотвор. опытовъ. Обстоятельства не позволяли мнѣ до сихъ поръ Вамъ отвѣчать - къ тому же я ждалъ отъ Языкова обѣщанныхъ стиховъ, надѣясь тѣмъ Васъ одолжить и заслужить болѣе снисходительности къ моимъ бездѣлкамъ. Ради.....*) нашего знакомства **)...

204.

П. А. Осиповой.

4-го сентября [1826 г.]. Псковъ.

Je suppose, madame, que mon brusque départ avec un фельдъ-егерь vous a surpris autant que moi. Voici le fait: chez nous autres on ne peut rien faire sans un фельдъ-егерь. On m'en donne un, pour plus de sûreté. D'après une lettre très aimable du baron Дибичь il ne tient qu'à moi d'en être tout fier. Je vais tout droit à Moscou, où je compte être le 8 du mois courant, dès que je serai libre, je reviens en toute hate à Trigorsky, où desormais mon coeur est fixé pour toujours.

Pskow, 4 sept.

205.

П. А. Осиповой.

15-го сентября [1826 г. Москва].

Voici 8 jours que je suis à Moscou sans avoir eu encore le temps de vous écrire; cela vous prouve, madame, combien je suis affairé. L'Empereur m'a reçu de la maniére la plus aimable. Moscou est bruyant et dans les fêtes, à tel point que j'en suis déjà fatigué, et que je commence à soupirer après Михайловское, c'est à dire après Trigorsky; je compte partir tout au plus dans deux semaines. Aujourd'hui 15 Sept. nous avons la grande fête populaire; il y aura trois verstes de tables dressées au Дѣвичье Поле; les pâtés ont été fournis à la сажень comme si c'était du bois; comme il y a quelques semaines que ces pâtés sont cuits, on aura de la peine à les avaler et les digérer, mais le respectable public aura des fontaines de vin pour les humecter. Voici la nouvelle du jour: demain il y a bal chez la c-esse Orlof; un immense manège a été converti en salle; elle en a emprunté pour 40000 r. de bronze et il y a mille personnes d'invités. On parle beaucoup de nouveaux réglements, très sévères concernant les duels, et d'un nouveau code de censure; comme je

*) Три неразобранныхъ слова.
**) Неразобранное слово.

ne l'ai pas vu, je ne puis rien en dire. Excusez le décousu de ma lettre, elle vous peint tout à fait le décousu de ma vie actuele. Je suppose que m-lles Annettes sont déjà à Trigorsky; je les salue de loin et de tout mon coeur, ainsi que toute votre charmante famille. Agréez, madame, l'assurance de mon profond respect et de l'attachement inaltérable que je vous ai voué pour la vie.

Pouchkine.

Moscou. 15 Sept.

206.

А. А. Муханову.

[Сентябрь – октябрь 1826 г. Москва].

Bonjour, venez chez moi demain soir à 8 h. — Nous lirons Годуновъ.

207.

В. В. Измайлову.

9-го октября 1826 г. Москва.

Милостивый Государь

Владиміръ Васильевичъ,

Извините что до сихъ поръ я не могъ отвѣчать вамъ; разныя обстоятельства, печальныя и хлопотливыя мнѣ помѣшали.—

Радуюсь что могу чѣмъ нибудь угодить первому почтенному покровителю моей Музы. — Я непремѣнно доставлю Василью Львовичу стихи для Вашего Альманаха.

Уѣзжаю изъ Москвы съ искреннимъ сожалѣніемъ что не имѣлъ случая возобновить нашего заочнаго знакомства.

Примите искреннія увѣренія въ глубочайшемъ почтеніи и сердечной моей преданности.

А. Пушкинъ.

9 Октября
1826.
Москва.

На оборотѣ: Владиміру Васильевичу Измайлову.

208.

Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

3-го ноября [1826 г.]. Торжокъ.

Je m'empresse, Madame la princesse, de vous envoyer les ceintures. Vous voyez que j'ai une belle occasion de vous faire un madrigal à propos de la ceinture de Venus etc., mais le madrigal et le sentiment sont devenus également ridicules. Que vous dirai-je de mon voyage? Il continue sous les plus heureux auspices—sauf un chemin detestable et des ямщикъ insuportables. Les cahots, les coups de coudes etc. incommodent beaucoup mes deux compagnons de voyage — je leur demande pardon de la liberté grande, mais quand on fait tout que d'aller ensemble, il faut bien se passer quelque chose. S. P. *) est mon bon ange; mais l'autre est mon démon; cela me trouble dans mes méditations poétiques et amoureuses le plus mal à propos du monde.

Adieu, madame la Princesse — je m'en vais m'enterrer au milieu de mes voisines. Priez Dieu pour le répos de mon âme—Si vous daignez m'envoyer à Опочка une petite lettre de 4 pages, cela seroit de votre part une coquetterie tout à fait aimable. Vous qui savez tourner un billet mieux que feue ma tante, n'aurez-vous pas cette extrême bonté? <NB. billet est desormais synonyme de musique>. Adieu donc. Je suis à vos pieds et vous secoue la main à l'Anglaise, puisqu'à toute force vous ne voulez pas que je vous la baise.

Torjok 3 Nov.

Y a-t-il assez de sous-oeuvres. Au nom de Dieu n'en donnez pas la clef à M. votre époux. Je m'y oppose formellement—

На оборотѣ: Ея Сіятельству Княгинѣ Вѣрѣ Федоровнѣ Вяземской. Въ Москвѣ. Въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собств. домѣ.

*) Ce n'est pas Serge Pouchk. bien entendu.

209.

С. А. Соболевскому.

9-го ноября [1826 г. Михайловское].

Мой милый Соболевскій — я снова въ моей избѣ. 8 дней былъ въ дорогѣ, сломалъ два колеса и пріѣхалъ на перекладныхъ. Дорогою бранилъ тебя немилосердно, но въ доказательство дружбы <сего священнаго чувства> посылаю тебѣ мой Itineraire отъ Москвы до Новагорода. Это будетъ для тебя Инструкція. Во первыхъ запасись вином, ибо порядочнаго нигдѣ не найдешь. Потомъ *).

У Гальяни иль Кольони
Закажи себѣ въ Твери
Съ пармазаномъ макарони
Да яишницу свари—

* * *

На досугѣ отобѣдай
У Пожарскаго въ Торжкѣ
Жареныхъ котлетъ отвѣдай <имянно котлетъ>
И отправься на легкѣ.

* * *

Какъ до Яжельбицъ дотащитъ
Колымагу мужичокъ,
То-то другъ мой разтаращитъ
Сладострастный свой глазокъ!

* * *

Поднесутъ тебѣ форели!
Тотчасъ ихъ варить вели
Какъ увидишь: посинѣли,
Влей въ уху стаканъ Шабли.

* * *

Чтобъ уха была по сердцу
Можно будетъ въ кипятокъ

*) На голосъ: Жилъ да былъ пѣтухъ индѣйской.

Положить немного перцу,
Луку маленькой кусокъ—

Яжельбицы - первая станція послѣ Валдая — Въ Валдаѣ спроси есть-ли свѣжія сельди? если-же нѣтъ

У податлевыхъ крестьянокъ
<Чѣмъ и славится Валдай>
Къ чаю накупи баранокъ
И скорѣе поѣзжай—

На каждой станціи совѣтую изъ коляски выбрасывать пустую бутылку; такимъ образомъ ты будешь имѣть отъ скуки какое нибудь занятіе. Прощай, пиши.

На оборотѣ: Сергѣю Александровичу Соболевскому. Въ Москвѣ, на Молчановкѣ въ домѣ Репкевичевой.

Почтовый штемпель: Опочка 1826 Нояб. 10.

210.

Н. М. Языкову.

[9-го ноября 1826 г. Михайловское].

Милый Николай Михайловичь — сейчасъ изъ Москвы, сей часъ видѣлъ ваше Тригорское. —Спѣшу обнять и поздравить васъ. Вы ничего лучше не написали, но напишите много лучшаго.— Дай Богъ вамъ здоровія, осторожности, благоденственнаго и мирнаго житія! Царь освободилъ меня отъ Цензуры. Онъ самъ мой Цензоръ, выгода конечно необъятная. Такимъ образомъ Годунова тиснемъ. О ценз. уставѣ рѣчь впереди. Пишите мнѣ. Обнимаю Васъ и Вульфа.

Получили-ли Вы мои стихи? У меня ихъ нѣтъ — пришлите мнѣ ихъ, да кстати и первое посланіе.

О Москвѣ напишу вамъ много.

211.

Князю П. А. Вяземскому.

9-го ноября [1826 г. Михайловское].

Вотъ я въ деревнѣ. Доѣхалъ благополучно безъ всякихъ замѣчательныхъ пасажей; самый неприятный анекдотъ было-то что сломались у меня колесы, разтресенныя въ Москвѣ другомъ и благоприятелемъ моимъ Г. Соболевскимъ. Деревня мнѣ пришла, какъ то, по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслажденіе возвратиться вольнымъ въ покинутую тюрьму. Ты знаешь что я не корчу чувствительность, но встрѣча моей дворни, хамовъ и моей Няни—ей Богу, приятнѣе щекотитъ сердце чѣмъ слава, наслажденія самолюбія, разсѣянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази что 70 лѣтъ она выучила наизусть новую молитву о умиленіи сердца владыки и укрощеніи духа его свирѣпости, молитвы вѣроятно сочиненной при Ц. Иванѣ. Теперь у ней попы дерутъ молебенъ и мѣшаютъ мнѣ заниматься дѣломъ. Получила-ли Княгиня поясы и письмо мое изъ Торжка? Долго здѣсь не останусь, въ П. Б. не поѣду; буду у васъ къ 1-му — — — — — она велѣла! Милый мой, Москва оставила во мнѣ неприятное впечатлѣніе, но все таки лучше съ вами видѣться—чѣмъ переписываться. Къ тому же Журналъ... Я ничего не говорилъ тебѣ о твоемъ рѣшительномъ намѣреніи соединиться съ Полевымъ, ей Богу — грустно. И такъ никогда порядочные литераторы вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ! все въ одиночку. Полевой, Погодинъ, Сушковъ, Завальевскій, кто бы ни издавалъ журналъ, все равно. Дѣло въ томъ что намъ надо завладѣть однимъ журналомъ, и царствовать самовластно и единовластно. Мы слишкомъ лѣнивы чтобъ переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это черная работа журнала, вотъ за чѣмъ и издатель существуетъ; но онъ долженъ 1) знать Грамматику рускую 2) писать со смысломъ: т. е. согласовать существ. съ прилаг. и связывать ихъ глаголомъ.—А этого то Полевой и ни умѣетъ. Ради Христа, прочти первый параграфъ его извѣстія о смерти Румянцева и Растопчина и согласись со мной что ему не возможно довѣрить изданія журнала, освященнаго нашими имянами. Впроччемъ ничего не ушло. Можетъ быть, не Погодинъ, а я — буду хозяинъ новаго журнала— тогда какъ ты хочешь а ужъ Полевова ты пошлешь къ матери въ гузно. Прощай Князь Вертопрахинъ, кланяйся Княгинѣ Вѣтронѣ, которая надѣюсь выздоровила.—Что наши? Что Запретная Роза? что Тимашева? Какъ жаль что я не успѣлъ съ нею завести благородную интригу! но и это не ушло.

М. И. ГЛИНКА.

9 Ноября.

Сей часъ перечелъ мои листы о Карамзинѣ— нѣчего печатать. Собирись съ духомъ и пиши. Что ты сдѣлалъ для Дмитр. <котораго NB ты одинъ еще поддерживаешь> то мы требуемъ отъ тебя для тѣни Карамзина—не Дмитріеву чета!—Здѣсь нашелъ я стихи Языкова. Ты изумишься, какъ онъ развернулся и что изъ него будетъ. Если ужъ завидывать, такъ вотъ кому я долженъ [былъ] бы завидывать. Аминь Аминь глаголю вамъ. Онъ всѣхъ насъ, стариковъ за поясъ заткнетъ.—Ахъ, каламбуръ! Скажи Княгинѣ что она всю прелесть Московскую за поясъ заткнетъ, какъ надѣнетъ мои поясы.

212.

Н. М. Языкову.

21-го ноября [1826 г. Москва].

Письмо ваше получилъ я во Псковѣ и хотѣлъ отвѣчать изъ Новгорода — Вамъ достойному пѣвцу того и другова — Пишу однакожъ изъ Москвы—куда вчера привезъ я Ваше Тригорское. Вы знаете по газетамъ что я участвую въ Моск. вѣстникѣ, слѣдственно и вы также—Адресуйте-же ваши стихи въ Москву на Молчановку въ домъ Ренкевичевой, оттуда передамъ ихъ во храмъ безсмертія — Непремѣнно будьте-же нашъ. Погодинъ вамъ убѣдительно кланяется —

Я усталъ и боленъ—потому Вамъ и не пишу болѣе—Вульфу кланяюсь, обѣщая мое высокое покровительство. —

21 ноября.

Тригорское ваше съ вашего позволенія напечатано будетъ во 2 № Моск. Вѣстн.—Рады-ль вы журналу? Пора задушить Альманахи. — Дельвигъ нашъ. Одинъ Вяземской остался твердъ и вѣренъ Телеграфу—жаль но чтожъ дѣлать. —

213.

М. П. Погодину.

29-го ноября [1826 г.]. Псковъ.

Милый и почтенный, ради Бога, какъ можно скорѣе остановите въ Моск. цензурѣ все что носитъ мое имя: такова воля высшаго начальства; покамѣсть не могу участвовать и въ вашемъ журналѣ—но все перемѣнится, и будетъ мука̀, а намъ хлѣбъ да соль. Некогда пояснить; до свиданія скораго. Жалѣю, что договоръ нашъ несостоялся. Александръ Пушкинъ.

Ноября 29. Псковъ.

На оборотѣ: Въ Москву. Въ Университетскую лавку Г-ну Ширяеву для доставленія какъ можно скорѣе господину Погодину.

214.

А. Х. Бенкендорфу.

29-го ноября 1826 г. Псковъ.

Милостивый Государь

Александръ Христофоровичь,

Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, я незналъ должно-ли мнѣ было отвѣчать на письмо, которое удостоился получить отъ Вашего Превосходительства, и которымъ былъ я тронутъ до глубины сердца. Конечно никто живѣе меня не чувствуетъ милость и великодушіе Государя Императора, также какъ снисходительную благосклонность Вашего Превосходительства.

Такъ какъ я дѣйствительно въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ <конечно не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ Высочайшую Волю Государя> то поставляю за долгъ препроводить ее Вашему Превосходительству, въ томъ самомъ видѣ какъ она была мною читана, дабы Вы сами изволили видѣть духъ въ которомъ она сочинена; я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ Императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія. Такъ какъ другова списка у меня не находится, то приемлю смѣлость просить Ваше Превосходительство, оный мнѣ возвратить.

Мнѣ было совѣстно безпокоить ничтожными литературными занятіями моими, человѣка Государственнаго, среди огромныхъ его заботъ; я роздалъ нѣсколько мѣлкихъ моихъ сочиненій въ разные журналы и Альманахи, по просьбѣ издателей; прошу отъ Вашего Превосходительства разрѣшеніе сей неумышленной вины, если не успѣю остановить ихъ въ цензурѣ.

Съ глубочайшимъ чувствомъ уваженія, благодарности и преданности, честь имѣю быть,

Милостивый Государь
Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

Псковъ.
1826 г. Ноября 29.

Помѣта на письмѣ: Получено 9-го декабря 1826 г.

215.

Н. С. Алексѣеву.

1-го декабря [1826 г. Псковъ].

Приди, о другъ, дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повѣй.

Не могу изъяснить тебѣ моего чувства при полученіи твоего письма. Твой почеркъ опрятный и чопорный, Кишиневскіе звуки, берегъ Быка, Еврейка, Соловкина, Калипсо.... Милый мой, ты возвратилъ меня Бессарабіи. Я—опять въ своихъ развалинахъ, въ моей темной комнатѣ, передъ рѣшетчатымъ окномъ, или у тебя, мой милый, въ свѣтлой, чистой избушкѣ, смазанной изъ молдавскаго ..... Опять рейнвейнъ, опять champagne, и Пущинъ, и Варѳоломей, и все... Какъ ты уменъ, что написалъ ко мнѣ первый! Мнѣ бы эта счастливая мысль никогда въ голову не пришла, хоть и часто о тебѣ вспоминаю и жалѣю, что не могу бѣсить тебя, ни наблюдать твои маневры вокругъ острога. Былъ я въ Москвѣ и думалъ: авось Богъ милостивъ!—увижу гдѣ-нибудь чинно сидящаго моего чернаго друга — или въ креслахъ театральныхъ, или въ ресторацiи за бутылкой. Нѣтъ! Такъ и уѣхалъ во Псковъ. Такъ и теперь ѣду въ бѣлокаменную. Надежды нѣтъ, иль очень мало. По крайней мѣрѣ, пиши же мнѣ почаще, а я за новости Кишинева стану тебя подчивать новостями московскими. Буду тебѣ сводничать старыхъ твоихъ любовницъ — я чай, дьявольски состарѣлись. Напиши - кто. Я готовъ донынѣ идти по твоимъ слѣдамъ, утѣшаясь мыслію, что орогачу друга.

Липранди обнимаю дружески; жалѣю, что въ разныя времена съѣздили мы на счетъ казенной и не столкнулись гдѣ-нибудь.

Прощай, отшельникъ бессарабской,
Лукавый другъ души моей!
Порадуй же меня не сказачкой арабской,
Но русской правдою своей.

А. П.

1 декабря.

216.

Князю П. А. Вяземскому.

1-го декабря [1826 г.]. Псковъ.

Ангелъ мой Вяземской, или пряникъ мой Вяземской, получилъ я письмо твой жены и твою приписку, обоихъ Васъ благодарю и ѣду къ Вамъ и не доѣду. Какой! меня доѣзжаютъ!... Изъясню послѣ.—Въ деревнѣ я писалъ презрѣнную прозу, а вдохновеніе не лѣзетъ. Во Псковѣ вмѣсто того чтобъ писать 7-ую главу Онѣгина, я проигрываю въ штосъ четвертую: не забавно. Отовсюду получилъ письмы и всюду отвѣчаю.—Adieu, couple si étourdi en apparence, Adieu Князь Вертопрахинъ и Княгиня Вертопрахина. Ты видишь что у меня недостаетъ ужъ и собственной простоты для переписки.

1 дек. Псковъ.

При семъ письмо къ Алексѣеву (родъ моего Сушкова) отдай для дост. Киселеву—вой—вымъ, какъ хошь.

На оборотѣ: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому (и рисунокъ перомъ, изображающій летящаго голубя, фіалку и пылающее сердце) Въ Москву, въ Чернышевскомъ переулкѣ. Въ собственномъ домѣ.

Почтовый штемпель: Псковъ, 1826. Дек. 3.

217.

В. П. Зубкову.

[1-го декабря 1826 г. Псковъ].

Cher Zoubkof, vous n'avez pas reçu de lettre de moi et en voici la raison: je voulois vous arriver comme une bombe le 1 dec. c. à d. aujourd'hui, il y a dans 5 a 6 jours que je suis parti de mon maudit village en перекладная—vu les chemins détestables. — Les ямщикъ de Pskof n'ont eu rien de plus pressé que de me verser, j'ai le côté foulé, la poitrine malade, je ne puis respirer, de rage je joue et je perds.—En voilà assez: j'attends que je sois tant soit peu mieux pour reprendre la poste.

Vos deux lettres sont charmantes; mon arrivée eût été la meilleure réponse aux reflexions, objections etc. Mais puisque me voilà dans une auberge de Pskov au lieu d'être aux pieds de Sophie, jasons c. à d. raisonnons.

J'ai 27 ans, cher ami — Il est tems de vivre, c. à d. de connaître le bonheur — Vous me dites qu'il ne peut être éternel: belle nouvelle! Ce n'est pas mon bonheur à moi qui m'inquiète, pourrois-je n'être pas le plus heureux des hommes auprès d'elle — je tremble seulement en songeant au sort qui, peut-être, l'attend — je tremble de ne pouvoir la rendre aussi heureuse que je le désire. Ma vie jusqu'à présent si errante, si orageuse, mon caractère inégal, jaloux, susceptible, violent et faible tout à la fois—voilà ce qui me donne des moments de reflexions pénibles—Dois-je attacher à un sort aussi triste, à un caractère aussi malheureux, le sort d'un être si doux, si beau? — — mon Dieu, qu'elle est jolie! et que ma conduite avec elle a été ridicule. — Cher ami, tâchez d'effacer les mauvaises impressions qu'elle a pu lui donner—dites lui que je suis plus raisonnable que je n'en ai la mine et la preuve — что тебѣ въ голову придетъ. Мерзкій этотъ Панинъ, два года влюбленъ а свататься собирается на Фоминой недѣлѣ—а я вижу разъ ее въ ложѣ, въ другой на балѣ а въ третій сватаюсь! Si elle trouve que Панинъ a raison, elle doit croire que je suis fou, n'est-ce pas?—expliquez lui donc que c'est moi qui ai raison, que quand on l'a vue, il n'y a pas à balancer que je ne puis avoir des prétentions à la séduction, que j'ai donc très bien fait d'en venir tout droit au dénouement, qu'une fois qu'on l'aime il est impossible de l'aimer d'avantage, comme il est impossible de la trouver plus belle encore avec le tems, car il est impossible d'être plus belle.—Ангелъ мой, уговори ее, упроси ее, настращай ее Панинымъ скверным и жени меня.

А. П.

A Moscou, je vous dirai quelque chose. Je tiens à ma Turquoise toute infame qu'elle est. Je félicite le C-te Samoilof.

ГОГОЛЬ.

218.

С. А. Соболевскому.

[1-го декабря 1826 г. Псковъ].

Вотъ въ чемъ дѣло: Освобожденный отъ Цензуры я долженъ однакожъ, прежде чѣмъ что нибудь напечатать, представить оное Выше; хотя бы бездѣлицу. Мнѣ уже <очень мило, очень учтиво> вымыли голову. Конечно я въ точности исполню высшую волю и для того писалъ Погодину дать знать въ цензуру чтобъ моего ничего нигдѣ не пропускали. Изъ этого вижу для себя большую пользу: освобожденіе отъ Альманашниковъ Журнальщиковъ, и прочихъ щепетильныхъ Литературщиковъ.—Съ Погодинымъ уговоримся снова.

Перешли письмо Зубкову безъ задержанія малѣйшаго. Твои догадки—гадки; виды мои гладки. На дняхъ буду у васъ, покамѣстъ сижу или лежу во Псковѣ.—Мнѣ пишутъ что ты боленъ: чѣмъ ты объѣлся? Остановлюсь у тебя.

219.

Неизвѣстному.

На тетради Румян. Музея № 2392 (писарская копія «Бориса Годунова» съ поправками Пушкина имѣются слѣды карандашной надписи. Теперь она почти совершенно стерлась, но В. Е. Якушкинъ, составившій описаніе Румян. рукописей въ 1883—84 гг., еще имѣлъ возможность разобрать:

Voila ma tragedie. Je voulois vous l'apporter moi même, mais tous ces jours-ci j'ai fait le jeune homme qui... tous le long du jou.

Надпись можно отнести къ 1826 — 1830 гг. Вѣрнѣе всего слѣдуетъ отнести надпись къ 1826 г., когда «Борисъ Годуновъ» былъ литературною новинкою.

1827.

220.

А. Х. Бенкендорфу.

3-го января 1827 г. Москва.

Милостивый Государь

Александръ Христофоровичь

Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо Вашего Превосходительства, увѣдомляющее меня о Всемилостивѣйшемъ отзывѣ Его Величества, касательно моей драмматической поэмы. Согласенъ что она болѣе сбивается на исторической романъ, нежели на трагедію, какъ Государь Императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное.

Въ непродолжительномъ времени буду имѣть честь, по приказанію Вашего Превосходительства, переслать Вамъ мѣлкія мои стихотворенія.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія, благодарности и преданности честь имѣю быть

Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

3 Января
1827.
Москва.

221.

В. И. Туманскому.

[Конецъ января—начало февраля 1827 г. Москва].

Милый мой Туманскій — Ты вѣрно ко мнѣ писалъ, потому что вѣрно меня любишь по старому, но я не получалъ отъ тебя ни строчки— Ужъ ни почта-ли виновата? — справься и возьми свои мѣры—На всякой случай пиши на имя Погодина, къ книгопродавцу Ширяеву въ Москву. Къ стати: надѣюсь на тебя какъ на каменную стѣну—Погодинъ ничто иное какъ имя, звукъ пустой—духъ же я т. е. мы всѣ православные. Подкрѣпи насъ прозою своею и утѣшь стихами — Прощай, пришли Одессу, мой отрывокъ. А. П.

Съ боку другимъ почеркомъ: Не льзяль чего отъ Левшина.

222.

А. А. Муханову.

[Февраль 1827 г. Москва].

Милый мой Мухановъ когда-же свидимся мы чтобъ ѣхать къ дядѣ—заѣзжай къ Яру, я тамъ буду обѣдать и оставь записку. А. П.

223.

А. А. Муханову.

[Февраль 1827 г. Москва].

Будь у меня вечеромъ и привези [Му] Хомяковыхъ. А. П.

На оборотѣ: Муханову —

224.

А. А. Муханову.

[Февраль 1827 г. Москва].

Envoyes moi le plan de P. b. Quand nous reverron-nous? A. P.

Vous êtes malade? Je viendrai ce soir chez vous.

225.

П. П. Каверину.

18 февраля [1827 г. Москва].

Вотъ тебѣ янтарь, душа моя Каверинъ—какого поживаешь ты въ свиномъ городкѣ; здѣсь тоска попрежнему — Зубковъ на дняхъ ѣдетъ къ своимъ Хамамъ—наша съѣзжая въ исправности— частный приставъ Соболевской бранится и дерется попрежнему, шпіоны, драгуны, б . . . . и пьяницы толкутся у насъ съ утра до вечера.

Прощай досвиданья.

18 февр.

Приписка С. А. Соболевскаго. Собака ѣхать не можетъ, поколику она больна. Я ѣздилъ въ контору Дилижансовъ и узналъ тамо что 6 Генваря отправленъ екстра-дилижансъ со вложеніемъ Вѣры Ѳ. Де.—Прощай душа моя. Помни меня, какъ помнишь пуншъ.

Соболевской
Молчановскій съѣзжій приставъ.

226.

А. Х. Бенкендорфу.

22-го марта 1827 г. Москва.

Милостивый Государь,

Александръ Христофоровичь,

Стихотворенія доставленныя Барономъ Дельвигомъ Вашему Превосходительству давно не находились у меня: они мною были отданы ему для Альманаха Сѣверные Цвѣты, и должны были быть напечатаны въ началѣ нынѣшняго года. Въ слѣдствіи Высочайшей воли, я остановилъ ихъ напечатаніе и предписалъ Барону Дельвигу прежде всего представить оныя Вашему Превосходительству.

Чувствительно благодарю Васъ за доброжелательное замѣчаніе касательно піэсы: 19 Октября. Непремѣнно напишу Б. Дельвигу, чтобъ заглавныя буквы именъ—и вообще все что можетъ подать поводъ къ невыгоднымъ для меня заключеніямъ и толкованіямъ было имъ изключено.

Медлительность моего отвѣта происходитъ отъ того, что послѣднее письмо, которое удостоился я получить отъ Вашего Превосходительства, ошибкою было адресовано во Псковъ.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и сердечной преданности, честь имѣю быть

Милостивый Государь

Вашего Превосходительства

Всепокорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

22 Марта
1827.
Москва.

227.

Н. Н. Раевскому.

I.

(Черновое).

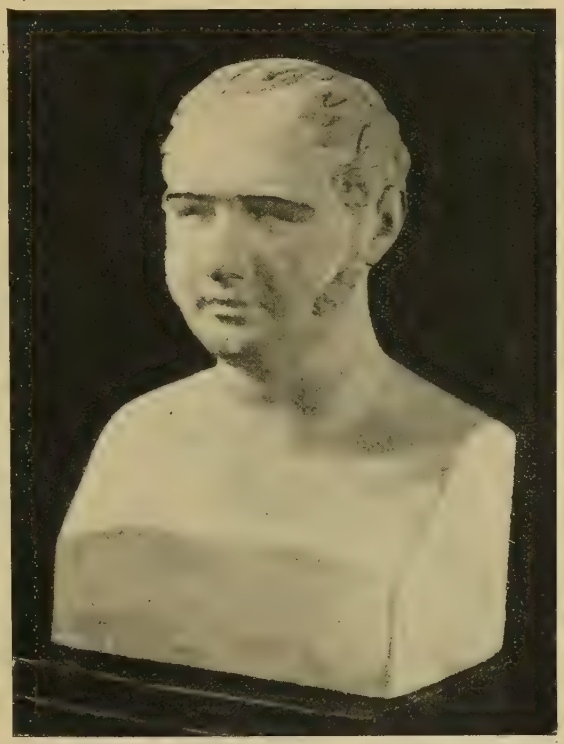
[Мартъ—апрѣль 1827 г. Москва].

Благодарю Васъ за участіе принимаемое вами въ судьбѣ Бориса Годунова [мнѣ было приятно удовлетворить столь для меня лестному нетерпѣнію—но я [еще] не думаю такъ еще скоро печатать [выдать въ свѣтъ] мою трагедію –]

[Вы знаете что я никогда не думалъ отдать [ее] свою трагедію на театръ, но едвали думалъ я видѣть ее когда нибудь и напечатанною]—

Ваше нетерпѣніе видѣть его напечатаннымъ [для меня] очень лестно для моего самолюбія. Но теперь когда по стеченію непривидѣнныхъ и благоприятныхъ обстоятельствъ открылась мнѣ возможность выдать ее въ свѣтъ, [предвижу] новыя возникли затрудненія прежде мною и неподозрѣваемыя.—

Съ 1820 будучи удаленъ отъ Моск. и Пет. обществъ [Рускихъ Литераторовъ, и] самъ собою я не могъ самъ я наблюдать *) направленіе [вкуса руской публики только по журналамъ] словесн. и долженъ былъ пологаться на слова нашихъ журналовъ — Читая жаркія споры [проповѣди] о романтизмѣ, [нападенія на все классическое, сравнивая и] и видя на его сторонѣ нѣкоторыя почетныя мнѣнія, я въ простотѣ души моей вообразилъ что въ самомъ дѣлѣ читающій классъ нашей публики, наскуча [однообразнымъ древнимъ] правильностію совершенствомъ [образцевъ] класс. древности и однообр. [ихъ подра.] спискомъ новѣйшихъ подражат. требуетъ новыхъ, сильнѣйшихъ ощущеній, и отыскиваетъ ихъ въ мутныхъ



Д. В. ДАШКОВЪ.

но кипящихъ источникахъ новой [готической] народной поэзіи—Мнѣ казалось однакожъ довольно страннымъ что младенческая наша словесность [почти] ни въ какомъ родѣ не представляющая никакихъ образцевъ, малочисленными опытами успѣла уже притупить вкусъ читающей публики—но, думалъ я, франц. слов. и такъ коротко [тому] всѣмъ намъ съ млад. и столь коротко извѣстная вѣроятно тому причиною. — Смиренно признаюсь что я воспиталъ [привыкъ уважать мнѣніе] воспитанъ въ страхѣ почтенной публики, и что не вижу никакого униженія угождать ей слѣдовать духу времени въ чемъ и [рѣзко] отличаюсь отъ [гордыхъ] новѣйшаго поколѣнія мыслителей и поэтовъ, [проповѣдающихъ] которые [которые гордо] великодушно призираютъ*) мнѣнія своихъ современниковъ, [и стараются] [желая между тѣмъ быть сдѣлаться предводителями и идутъ своей дорогой не заботясь] и проповѣдаютъ свое не заботясь о томъ есть-ли у нихъ слушатели—Это первое [искреннее] признаніе [до]ведетъ къ другому—болѣе [важному] смѣлому—такъ и быть: каюсь, что я (въ литературѣ) [совершенный] скептикъ [или даже] чтобъ не сказать хуже и что всѣ Парнаскія секты для меня равны представляя [равн.] каждая свои выгоды и невыгоды. — Ужели невозможно быть истиннымъ поэтомъ не будучи ни закоснѣлымъ классикомъ, ни фанатическимъ романтикомъ. [Пустыя формы] Формы обряды должны-ли непремѣнно порабощать [поэ.] литературную совѣсть—Зачѣмъ не повиноваться наружно принятымъ законамъ въ словесности какого нибудь народа какъ мы повинуемся законамъ Грам. какого нибудь языка—[Поэты] Писатель долженъ владѣть своимъ предметомъ не смотря на затруднительность правилъ, какъ онъ обязанъ владѣть языкомъ, несмотря [за.] на граматическія оковы. Нѣтъ ничего смѣшнѣе que le changement des règles reçu etc.

Твердо увѣренный что устарѣлыя формы нашего Театра требуютъ преобразованія, я [началъ писать] расположилъ свою Трагедію по системѣ Отца нашего Шекспира; и принесъ ему въ жертву предъ его алтарь два [Аристотелев,] классическія единства, и едва сохранилъ послѣднее—Кромѣ [сихъ] сей преславутой [тр.] [троицы] тройственности—есть [еще] и [4-ое] единство, о которомъ [Лагарпъ] Фр. крит. и не упоминаетъ (вѣ-

*) Передѣлано изъ «наблюдалъ».

*) Передѣлано изъ «презирающихъ».

роятно не [подозрѣвая] предпологая что можно оспоривать его необходимость) единство слога — сего 4-го необходимаго условія Фр. [словесности] трагедіи,—отъ котораго избавленъ Театръ Исп., Англ. и Нѣмецкій—Вы чувствуете что и я послѣдовалъ столь соблазнительному примѣру—

Что [Вамъ] сказать еще? почтенный [шестистопной] Александрійскій стихъ перемѣнилъ я на [окороченный] пятистопной бѣлый—въ нѣкоторыхъ сценахъ унизился даже до презрѣнной прозы, не раздѣлилъ своей трагедіи на дѣйствія—словомъ написалъ трагедію истинно романтическую и думалъ уже [что надѣлалъ чудеса и] что [ужъ] публика скажетъ мнѣ большое спасибо—

Отказавшись добровольно отъ выгодъ мнѣ представляемыхъ системою искуства, [которой при внѣ.] оправданный опытами, [я старался] утвержденный привычкою я старался замѣнить сей чувствительной недостатокъ вѣрнымъ изображеніемъ лицъ времени развитіемъ историч. характеровъ и событій—

Между тѣмъ внимательнѣе разсматривая критическія статьи помѣщаемыя въ журналахъ, я началъ подозрѣвать, что я жестоко обманулся, думая что во [вкусѣ] нашей словесности обнаружилось стремленіе къ романтическому преобразованію—Я увидѣлъ что [говоря просто.] подъ общимъ словомъ романтизма – разумѣютъ (etc.—) что, слѣдуя сему [условному] своевольному опредѣленію, одинъ изъ [остроумнѣйшихъ] самыхъ оригинальныхъ писателей нашего времени, не всегда правый, по всегда оправданной удовольствіемъ очарованныхъ читателей, не усумнился включить Озерова въ число поэтовъ романтическихъ,—что наконецъ наши журнальные Аристархи безъ церемоніи ставятъ на одну доску [Шекспи.] Dante и Ламартина, самовластно раздѣляютъ Европу [на] Литературную на класс. и ром. [отно.] опредѣляя первой от.] уступая первой — языки Латинскаго Юга, и [удерживая] приписывая второй Германскія племена Сѣвера [такимъ образомъ] такъ что Dante (il gran Padre Alighieri) Аріосто, Лопецъ di Vega, Калдеронъ и Сервантесъ попались въ [число] классическую фалангу—[и тѣмъ не мало окажутъ] благодаря сей неожиданной помощи, доставленной Изд. Моск. Телегр. которой побѣда, кажется, будетъ несомнѣнно принадлежать—

Все это сильно поколебало мою Авторскую увѣренность—я началъ подозрѣвать что Трагедія моя есть Анахронизмъ.

Между тѣмъ читая мѣлкія стихотворенія величаемыя романтическими, я въ нихъ не видѣлъ [одна. никакихъ] и слѣдовъ искреннаго и свободнаго [замашки] хода романтической поэзіи — но жеманство лже-Клас. Фр.—Скоро я въ томъ удостовѣрился.

Вы читали въ 1 Кн. М. В. [Сцену] отр. изъ Бор. Год., [лѣт.] Сцену Лѣтописца—[Я было выбралъ дабы представить на судъ критики пологая что всѣ поймутъ]. Характеръ Пимена не есть мое изобретеніе. Въ немъ [отражаются] собралъ я черты плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ, простодушіе, [безстрастіе] умилительная кротость, нѣчто младенческое и вмѣстѣ [вѣтхое] мудрое, усердіе, [можно сказать] набожность къ Власти Царя данной имъ Богомъ — совершенное отсутствіе суетности пристрастія [Кромѣ] дышатъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ [временъ] временъ давно минувшихъ между копми озлобленная [жестокая] лѣтопись [озлобленнаго Іоаннова Изгнанника одна носитъ на себѣ чужд. клеймо] Кн. Курбскаго отличается отъ прочихъ лѣтописей какъ бурная жизнь Іоан. изгн. отличалась отъ [блажен.] смиренной жизни безмятежныхъ Иноковъ. Сіи безымянныя хроники вдохновенныя [вліяніе] въ тишинѣ монастырей, [и] безмятежной [жизни] Инокамъ.

Мнѣ казалось, что сей характеръ [близокъ къ] все вмѣстѣ новъ и знакомъ—для рускаго сердца; что [чувства] трогательное добродушіе древнихъ лѣтописцевъ, [трогающее насъ въ] столь живо постигнутое Карамзинымъ и отраженное *) въ его безсмертномъ созданіи, украситъ простоту моихъ стиховъ и заслужитъ снисходительную улыбку читателя—Что же вышло. [Люди строгіе судьи строгіе] обратили вниманіе на политическія мнѣнія Пимена [и зная что лица выведенныя др. писателемъ должны быть высказывать собственъ.] и нашли ихъ запоздалыми; другіе [называли] сомнѣвались [можно-ли писать] могутъ ли стихи безъ рифмъ называться стихами. [Третьи находили и остроумная шутка какого] Г-нъ З. [предлагавшаго] предложилъ промѣнять Сц. Бор. Год. на картинки дамскаго Журнала [сдѣлалъ гораздо болѣе впечатлѣнія] — Тѣмъ и кончился строгій судъ почтеннѣйшей Публики.

Чтожъ изъ этаго слѣдуетъ—что Гн. З. публика правы но что ГГ. Журналисты виноваты ошибочными извѣстіями введшіе меня во искушеніе — Воспитанные подъ вліяніемъ [Евро.] Франц. [критики, зная древнія и другія словесности] литературы Рускіе привыкли къ правиламъ, утвержденнымъ ея критикою и неохотно смотрятъ на все что неподходитъ подъ сіи законы — Нововведенія опасны и кажется не нужны—

Хотите-ли знать что еще удерживаетъ меня отъ напечатанія моей трагедіи? тѣ мѣста, кои въ ней могутъ подать поводъ примѣненія, намѣки, *allusions*. [Хоть то что] Благодаря Фр., мы не понимаемъ какъ Драм. Авт. можетъ совершенно отказаться отъ своего образа мыслей, дабы совершенно переселиться въ вѣкъ имъ изображаемый, [мы] Фр. пишетъ свою Трагедію, съ Const. или съ [драж.] Quotidi. передъ глазами, дабы [сказать] шестист. стихами заставить Сциллу, Тиберія, Леонида высказать его [Авторское] мнѣніе о Вильменѣ или о Кеннингѣ.—Отъ сего затѣйливаго способа, на нынѣшней Фр. Сценѣ, слышно много краснорѣчивыхъ Журнальныхъ выходокъ но трагедіи истинной не существуетъ—Замѣтьте что въ Корнелѣ, вы примѣненій не встрѣчаете – что кромѣ Эсфири и Вереники, нѣтъ ихъ и у Расина [покрайнѣй мѣрѣ]. Лѣтоп. [Тр.] Фр. театра видѣлъ въ Британикѣ смѣлой намѣкъ на увеселенія двора Люд. XIV.

Et ce donc lui etc.

но вѣроятно-ли чтобъ тонкій, придворный [поэтъ] Расинъ осмѣлился сдѣлать столь ругательное примѣненіе, [Нер.] Людов. къ Нерону?— будучи истиннымъ поэтомъ, Рас. написавъ сіи прекрасные стихи, былъ исполненъ Тацитомъ, духомъ Рима [и]; онъ изображалъ ветхій Римъ и дворъ Тирана, не думая ни о Версальскихъ балетахъ [ни]— [Н.....] Самая дерзость сего [сравненія] примѣненія служитъ доказательствомъ что Расинъ о немъ и не думалъ — какъ [не] Юмъ (Юнгъ? *С. В.*) или Walpole <не знаю кто> замѣчаютъ о Шекспирѣ въ подобномъ же случаѣ.—

---

*) Передѣлано изъ «отразившее».

II.

То же письмо, переписанное набѣло, хотя, видимо, незаконченное.

Благодарю васъ за участіе принимаемое вами въ судьбѣ Годунова; Ваше нетерпѣніе видѣть его очень лестно для моего самолюбія; Но теперь, когда по стеченію благоприятныхъ обстоятельствъ, открылась мнѣ возможность его напечатать, предвижу новыя затрудненія, мною прежде и не подозрѣваемыя.

Съ 1820 года будучи удаленъ отъ Московскихъ и Петербургскихъ обществъ, я въ однихъ журналахъ могъ наблюдать направленіе нашей словесности. Читая жаркіе споры о Романтизмѣ, я вообразилъ что и въ самомъ дѣлѣ намъ наскучила правильность и совершенство классической древности и блѣдные, однообразные списки ея подражателей, что утомленный вкусъ требуетъ иныхъ, сильнѣйшихъ ощущеній и ищетъ ихъ въ мутныхъ но кипящихъ источникахъ новой, народной поэзіи. Мнѣ казалось однако довольно страннымъ что младенческая наша словесность, ни въ какомъ родѣ не представляющая никакихъ образцевъ, уже успѣла немногими опытами притупить вкусъ читающей публики; но, думалъ я, Французкая словесность, всѣмъ намъ съ младенчества и такъ коротко знакомая, вѣроятно причиною [сей странности] сего явленія. Искренно признаюсь что я воспитанъ въ страхѣ почтеннѣйшей публики и что не вижу никакого [униженія] стыда угождать ей и слѣдовать духу времени. Это первое признаніе ведетъ къ другому, болѣе важному: такъ и быть, каюсь что я въ литературѣ скептикъ <чтобъ не сказать хуже> и что всѣ ея секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны-ли суевѣрно порабощать литературную совѣсть? Зачѣмъ писателю не повиноваться принятымъ обычаямъ въ словесности своего народа, какъ онъ повинуется законамъ своего языка? Онъ долженъ владѣть своимъ предметомъ, не смотря на затруднительность правилъ, какъ онъ обязанъ владѣть языкомъ, не смотря на грамматическія оковы.

Михаилъ ДМИТРІЕВЪ.

228.

В. Д. Соломирскому.

15-го апрѣля [1827 г. Москва].

A l'instant, si vous le désirez, venez avec un témoin. A. P.

15 avr.

229.

М. П. Погодину.

[Середина апрѣля 1827 г. Москва].

Ради Господа Бога, оставьте Черкешенку въ покоѣ; вы больно огорчите меня, если ее напечатаете— У васъ Къ Языкову тисните, но за то я рѣшительно въ двухъ слѣдующихъ № не помѣщусь. А. П.

230.

А. Х. Бенкендорфу.

24-го апрѣля 1827 г. Москва.

Милостивый Государь

Александръ Христофоровичь,

Семейныя обстоятельства требуютъ моего присутствія въ Петербургѣ: приемлю смѣлость просить на сіе разрѣшенія у Вашего Превосходительства.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и съ душевной преданностію честь имѣю быть

Милостивый Государь
Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

Москва.
1827
24 апр.

231.

Л. С. Пушкину.

8-го мая [1827 г. Москва].

Что ты мнѣ не пишешь, и что не пишетъ ко мнѣ твой командиръ? Завтра ѣду въ П. Б. увидѣться съ дражайшими родителями, comme on

dit, и устроить свои денежныя дѣла. Изъ П. Б. поѣду или въ чужіе края, т. е. въ Европу, или во свояси, т. е. во Псковъ, но вѣроятнѣе—въ Грузію, не для твоихъ прекрасныхъ глазъ, а для Раевскаго. Письмо мое доставитъ тебѣ М. И. Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Приѣзжай на Кавказъ и познакомься съ нею—да прошу не влюбиться въ дочь. Кончилась-ли у васъ война? Видѣлъ-ли ты Ермолова, и какого вамъ послѣ его? Пиши ко мнѣ на имя сестры, а она куда-нибудь да перешлетъ мнѣ.

А. П.

8 мая.

На оборотѣ: Льву Сергѣевичу Пушкину, въ Азію.

232.

С. А. Соболевскому.

[Октябрь—ноябрь 1827 г. Петербургъ].

Если бы ты просто написалъ мнѣ пріѣхавъ въ Москву что ты не можешь прислать мнѣ 2-ю главу, то я безъ хлопотъ, ее бы перепечаталъ—но ты все обѣщалъ, обѣщалъ—и благодаря тебѣ, во всѣхъ книжныхъ лавкахъ продажа 1-ой и 3-ей гл. остановилась. Покорно благодарю.—

Что изъ этаго слѣдуетъ?

Что ты безолаберный—

Что ты Ольдекопничаешь, и Воейковствуешь; перепечатывая насъ образцовыхъ Великихъ людей—Мерзлякова, двухъ Пушкиныхъ, Великопольскаго, Подолинскаго, Полевого и проч.

Хорошъ!

На оборотѣ: Sobolevsky.

233.

П. А. Осиповой.

[Начало іюня 1827 г. Петербургъ].

Je suis bien coupable envers vous mais pas tant que vous pouvez le penser. Arrivé à Moscou je vous ai tout de suite ecrit en adressant mes lettres на Ваше имя въ Почт-амтъ—Il se trouve que vous ne les avez pas reçues. Cela m'a découragé, et je n'ai plus repris la plume. Puisque vous daignez vous interesser encore à moi, que vous dirai-je, Madame de mon sejour à Moscou, et de mon arrivée à P. b.—l'insipidité et la stupidité de nos deux capitales sont égales quoique diverses, et comme j'ai des prétentions à l'impartialité, je dirai que si l'on m'eut donné à choisir entre les deux, j'aurois choisi Trigorsk—à peu prés comme Arlequin, qui sur la question qu'aimeroit-il mieux: d'être roué ou pendu? répondit: j'aime mieux une soupe au lait.—

Je suis ici sur mon départ et je compte absolument venir passer quelques jours à Михайловское; je salue en attendant de tout mon coeur vous et tout ce qui tient à vous.

На оборотѣ: Ея Высокородію Прасковьи Александровнѣ Осиповой. Въ Опочку.

234.

М. П. Погодину.

10-го іюня [1827 г. Петербургъ].

Очень васъ благодарю и съ поспѣшностію отсылаю корректуру—ай да Соболевской, ай да Байбакъ! что тутъ онъ нагородилъ, отъ него получилъ я письмо и на дняхъ отвѣчу—покамѣсть я съ вожделеніемъ думаю о Silleri по 11 р. асс.

10 іюня.

235.

Н. М. Языкову.

14-го іюня [1827 г.]. Петербургъ.

Къ тебѣ сбирался я давно
Въ нѣмецкій градъ тобой воспѣтый,
Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты
Тобой воспѣтое вино—
Ужъ зазывалъ меня съ собою
Тобой воспѣтый Киселевъ,
И я съ веселою душою
Оставить былъ совсѣмъ готовъ
Неволю Невскихъ береговъ—
И что жъ? Гербовыя заботы
Схватили зà полы меня
И на Невѣ хоть нѣтъ охоты
Окованнымъ остался я—
Ахъ юность, юность удалая!
Могуль тебя не пожалѣть?
Въ долгахъ, бывало утопая,
Заимодавцевъ избѣгая,
Готовъ я всюду былъ летѣть;
Теперь докучно посѣщаю
Своихъ лѣнивыхъ должниковъ
И тяжесть денегъ и годовъ
Остепенившись проклинаю—

Прости, пѣвецъ! играй пируй,
Съ Кипридой, Фебомъ торжествуй
Не знай ни скуки, ни жеманства,
Не знай любезныхъ должниковъ
И не плати своихъ долговъ
По праву Руского Дворянства.

Стиховъ, ради бога стиховъ! Душа проситъ—Простите, желалъ бы сказать до свиданія.

14 іюня. С.-П. Б.

На оборотѣ: Н. М. Языкову—въ Дерптъ.

236.

А. Х. Бенкендорфу.

29-го іюня 1827 г. Петербургъ.

Милостивый Государь
Александръ Христофоровичь.

По пріѣздѣ моемъ въ С.-Петербургъ являлся я къ Вамъ, но не имѣлъ щастія найти дома. Пологая что Вы заблагоразсудите сами потребовать меня, до сихъ поръ я Васъ не безпокоилъ. Теперь осмѣливаюсь просить Васъ дозволить мнѣ къ Вамъ явиться гдѣ и когда будетъ угодно Вашему Превосходительству.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и преданности имѣю честь быть

Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

1827. 29 іюня. С. П. Б.

Помѣтка Бенкендорфа на письмѣ: Пригласить въ Середу въ 2 часа въ квартиру.

Иванъ Ивановичъ ДМИТРІЕВЪ.

237.

С. А. Соболевскому.

15-го іюля [1827 г. Петербургъ].

Вечоръ узналъ я о твоемъ горѣ и получилъ твои два письма. Что тебѣ скажу? про старыя дрожжи, не говорятъ трожды; не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ—Посылаю тебѣ мою наличность, остальные 2500 получишь вслѣдъ—Цыганы мои не продаются вовсе; деньги-же эти—трудовыя, въ потѣ лица моего выпонтированныя у нашего друга Полторацкаго — Пріѣзжай въ П. Б., если можешь. Мнѣ бы хотѣлось съ тобою свидѣться да переговорить о будущемъ. Перенеси мужественно перемѣну судьбы твоей, т. е. по одежки тяни ножки—все перемѣлится, будетъ мука—Ты видишь что кромѣ пословицъ, ничего путнаго тебѣ сказать не съумѣю. Прощай мой другъ.

238.

А. Х. Бенкендорфу.

20-го іюля 1827 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Александръ Христофоровичъ!

Въ 1824 году, Г. Статскій Совѣтникъ Ольдекопъ безъ моего согласія и вѣдома перепечаталъ стихотвореніе мое Кавказскій Плѣнникъ, и тѣмъ лишилъ меня невозвратно выгодъ втораго изданія, за которое уже предлагали мнѣ въ то время книгопродавцы 3,000 рублей. Въ слѣдствіи сего родитель мой Статскій совѣтникъ Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, обратился съ просьбою къ начальству, но не получилъ никакого удовлетворенія, а отвѣтствовали ему, что Г. Ольдекопъ перепечаталъ-де Кавказскаго Плѣнника для справокъ оригинала съ нѣмецкимъ переводомъ, что къ тому-же не существуетъ въ Россіи закона противу перепечатыванія книгъ, и что имѣетъ онъ,

статскій совѣтникъ Пушкинъ преслѣдовать Ольдекопа, токмо развѣ, яко мошенника, на что не смѣлъ я согласиться изъ уваженія къ его званію и опасенія заплаты за безчестіе.

Не имѣя другаго способа къ обезпеченію своего состоянія кромѣ выгодъ отъ посильныхъ трудовъ моихъ и нынѣ лично ободренный Вашимъ Превосходительствомъ, осмѣливаюсь наконецъ прибѣгнуть къ Высшему покровительству, дабы и впредь оградить себя отъ подобныхъ покушеній на свою собственность.

Честь имѣю быть съ чувствомъ глубочайшаго почтенія, благодарности и преданности

Вашего Превосходительства
Милостивый Государь
покорнѣйшимъ слугою
Александръ Пушкинъ.

С.-Петербургъ.
20 іюля
1827.

Остовъ предыдущаго письма, набросанный, видимо, въ 1825 году. Пушкинъ, надо думать, собирался отправить письмо м. нар. просв. А. С. Шишкову.

Г. Ольдекопъ въ прошломъ 1824 году [издалъ] перепечаталъ мое сочиненіе Бахчисарскій Фонтанъ безъ моего соизволенія, чѣмъ и лишилъ меня 300 [хотя тогда принимавшіе во мнѣ участіе и жаловались куда слѣдуетъ да и]. Отецъ мой С. С. С. Л. Пушкинъ хотя и [писалъ] жаловался Вашему Высокопревосходительству за сіе неуваженіе собств., но не только не получилъ удовлетворенія, но еще увѣрился я [меня ... читая] изъ письма вашего въ томъ, что Г. Ольдекопъ пользуется Вашего Высокопревосходительства покровительствомъ. Выключенный изъ службы, слѣдовательно не получая жалованья и не имѣя другаго дохода, кромѣ своихъ сочиненій, рѣшился прибѣгнуть съ жалобою [за сію покражу] къ самому Вашему Высокопревосходительству, надѣясь, что вы не захотите лишить меня хлѣба—не изъ личнаго неудовольствія противу Г. Ольдекопа, совсѣмъ для меня незнакомаго, но единственно для охраненія себя отъ воровства.

239.

А. Х. Бенкендорфу.

20-го іюля 1827 г. Петербургъ.

Милостивый Государь
Александръ Христофоровичь.

Честь имѣю препроводить на разсмотрѣніе Вашего Превосходительства новыя мои стихотворенія. Если Вы соблаговолите снабдить меня свидѣтельствомъ для Цензуры, то въ слѣдствіи Вашего снисходительнаго позволенія, осмѣливаюсь просить Васъ о достовленіи всѣхъ сихъ бумагъ издателю моихъ сочиненій Надворному совѣтнику Петру Александровичу Плетневу.

Препровождая при семъ записку о дѣлѣ моемъ съ Г. Ольдекопомъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Милостивый Государь
Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою
Александръ Пушкинъ.

С.-Петербургъ.
20-го іюля
1827.

240.

Барону А. А. Дельвигу.

31-го іюля [1827 г.] Михайловское.

Вотъ тебѣ обѣщанная элегія, душа моя. Теперь у тебя отрывокъ изъ Онѣгина, отрывокъ изъ Бориса да эта пьеса. Постараюсь прислать еще что-нибудь. Вспомни, что у меня на рукахъ Московскій Вѣстникъ, и что я не могу его оставить на произволъ судьбы. Если кончу посланіе къ тебѣ о черепѣ твоего дѣда, то мы и его тиснемъ. Я въ деревнѣ и надѣюсь много писать. Въ концѣ осени буду у васъ. Вдохновенія еще нѣтъ; покамѣсть принялся я за прозу. Пиши мнѣ о своихъ занятіяхъ. Что̀ твоя проза и что̀ твоя поэзія? Рыцарскій Ревель разбудилъ ли твою заспанную Музу? У васъ***? Кстати: Сомовъ говорилъ мнѣ о «Вечерѣ у Карамзина». Не печатай его въ своихъ Цвѣтахъ. Ей Богу, неприлично. Конечно вольно собакѣ и на владыку лаять—но пусть лаетъ она на дворѣ, а не у тебя въ комнатахъ. Наше молчаніе о Карамзинѣ и такъ неприлично; не Булгарину прерывать его: это было бъ еще неприличнѣе.—Что̀ твоя жена? Помогло ли ей море? Няня ее цалуетъ, а я ей кланяюсь. Пиши же.

31 іюля. Михайловское.

241.

М. П. Погодину.

[Вторая половина августа 1827 г. Михайловское].

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ОНѢГИНА.

Въ началѣ жизни мною правилъ
Прелестный [милой] хитрый, слабый полъ;
Тогда въ законъ себѣ я ставилъ
Его единый произволъ;
Душа лишь только разгоралась
И сердцу женщина являлась
Какимъ-то чистымъ божествомъ.
Владѣя чувствами, умомъ,
Она сіяла совершенствомъ.
Предъ ней я таялъ въ тишинѣ
Ея любовь казалась мнѣ
Недосягаемымъ блаженствомъ.
Жить, умереть у милыхъ ногъ—
Инаго я желать не могъ.

* * *

То вдругъ ее я ненавидѣлъ,
И трепеталъ и слезы лилъ,
Съ тоской и ужасомъ въ ней видѣлъ
Созданье злобныхъ, тайныхъ силъ;
Ея пронзительные взоры,
Улыбка, голосъ, разговоры,
Все было въ ней отравлено,
Измѣной злой напоено,
Все въ ней алкало слезъ и стона,
Питалось кровію моей....
То вдругъ я мраморъ видѣлъ въ ней
Передъ мольбой Пигмаліона
Еще холодный и нѣмой,
Но вскорѣ жаркой и живой.

* * *

Князь М. А. ДОНДАКОВЪ-КОРСАКОВЪ.

Словами вѣщаго поэта
Сказать и мнѣ позволено:
Темира, Дафна и Лилета
Какъ сонъ забыты мной давно.
Но есть одна межъ ихъ толпою...
Я долго былъ плѣненъ одною...
Но былъ-ли я любимъ, и кѣмъ,
И гдѣ, и долго ли?... Зачѣмъ
Вамъ это знать? Не въ этомъ дѣло;
Что̀ было, то прошло, то вздоръ;
А дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
Во мнѣ ужъ сердце охладѣло;
Закрылось для любви оно,
И все въ немъ пусто и темно.

* * *

Дознался я, что дамы сами,
Душевной тайнѣ измѣня,
Не могутъ надивиться нами,
Себя по совѣсти цѣня.
Восторги наши своенравны:
Имъ очень кажутся забавны;
И право съ нашей стороны
Мы непростительно смѣшны.
Закабалясь неосторожно,
Мы ихъ любви въ награду ждемъ,
Любовь въ безуміи зовемъ,
Какъ будто требовать возможно
Отъ мотыльковъ иль отъ лилей
И чувствъ глубокихъ, и страстей.

Что вы дѣлаете? что нашъ Вѣстникъ? Посылаю вамъ ласкутокъ Онѣгина ему на шапку. Фаустъ и другія стихи не вышли еще изъ-подъ Ц. цензуры; коль скоро получу, перешлю къ Вамъ. Я убѣжалъ въ деревню, почуя рифмы!

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

* * *

Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы.....

Назовите эти стихи да и тисните. Vale. Что̀ дѣлаетъ мой бѣдный Байбакъ? Гдѣ онъ?

242.

М. П. Погодину.

31-го августа [1827 г.]. Михайловское.

Побѣда, побѣда! Фауста царь пропустилъ кромѣ двухъ стиховъ: да модная болѣзнь, она недавно вамъ подарена. Скажите это отъ меня Господину, который вопрошалъ насъ, какъ мы смѣли представить предъ очи его Высокородія такіе стихи! Покажите ему это письмо, и попросите его Высокородіе отъ моего имени, впредь быть учтивѣе и снисходительнѣе. Плетневъ доставитъ вамъ сцену, съ копіей отношенія Бенкендорфа. Если Моск. Цензура все таки будетъ упрямиться, то напишите мнѣ, а я опять буду безпокоить Государя Императора всеподданнѣйшей просьбою и жалобами на неуваженіе Выс. Его Воли.

Теперь обратимся къ другому предмету. Вы хотите издать Уранію!!! Et tu, Brute!!.. Но подумайте: начто это будетъ похоже? Вы, издатель Европейскаго журнала въ Азіатской Москвѣ, Вы честный литераторъ между лавочниками литературы, Вы!.... Нѣтъ, вы не захотите марать себѣ рукъ Альманашной грязью. У васъ много накопилось статей, которыя не входятъ въ журналъ; но какихъ же? Quod licet Uraniae, licet тѣмъ паче М. Вѣстнику; не только licet, но decet. Есть и другія причины. Какія? деньги? деньги будутъ, будутъ. Ради Бога, непокидайте Вѣстника; на будущій годъ обѣщаюсь Вамъ безусловно дѣятельно участвовать въ его изданіи; для того разрываю непремѣнно всѣ связи съ Альманашниками обоихъ столицъ. Главная ошибка наша была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; Стихотворная часть у насъ славная; проза м. б. еще лучше, но вотъ бѣда: въ ней слишкомъ мало вздору. Вѣдь вѣрно есть у васъ повѣсть для Ураніи? Давайте ее въ Вѣстникъ. Къ стати о повѣстяхъ: они должны быть непремѣнно существенной частію журнала, какъ Моды у Телеграфа. У насъ не то что въ Европѣ— повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина; у насъ про нихъ еще толкуютъ.

Ваша индѣйская сказка Переправа въ Евр. журналѣ обратитъ общее вниманіе, какъ любопытное открытіе учености. У насъ тутъ видятъ просто повѣсть и важно находятъ ее глупою. Чувствуете разницу? Вѣстн. Моск. по моему безпристрастному, совѣстному мнѣнію, — лучшій изъ рус. ж. Въ Т. похвально одно ревностное трудолюбіе—а хороши однѣ статьи Вяземскаго — но за то за одну статью Вяз. въ Тел. отдамъ 3 дѣльныя статьи М. Вѣстн. Его критика поверхностна или несправедлива; но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія, рѣзко оригинальны; онъ мыслитъ, сердитъ и заставлять (яетъ?) мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста! Если вы съ нимъ увидѣтесь, скажите ему, что я предъ нимъ виноватъ, но что все собираюсь загладить свою вину—Не знаю увижу-ли я Васъ нынче; покрайней мѣрѣ хочется зимою побывать въ бѣлокаменной. — До свиданія, милый и любезный. Весь вашъ, безъ церемоній.

31 Авг. Михайловское.

P. S. Еще слово: изданіе Ураніи Ей Богу, можетъ, хотя и несправедливо, повредить Вамъ въ общемъ мнѣніи порядочныхъ людей. Прочтите что Вяз. сказалъ объ Альманахѣ издателя Благонамѣреннаго; онъ совершенно правъ — публика наша глупа, но не должно ее морочить. Такъ точно какъ журнальный сыщикъ Сережа глупъ, но не должно его навѣрное обыгрывать въ карты. Издатель журн. долженъ всѣ силы употребить, дабы сдѣлать свой журналъ какъ можно совершеннымъ, а не бросаться за барышемъ. Лучше ужъ прекратить изданіе; но сіе было бы стыдно. Говорю вамъ просто и прямо, потому что васъ искренно уважаю. Прощайте.

Стансы къ царю имъ позволены; Пѣсни о Стеньки не пропущены.

На конвертѣ: въ Москву. Въ Университетскую книжную лавку г-ну Ширяеву, для дост. М. П. Погодину. *Почтовый штемпель*: Опочка 1827 сент. 3.

243.

Неизвѣстному.

(Черновое).

[Осень 1827 г. Михайловское].

М. Г. N. N., вы не знаете правописанія и пишите обыкновенно безъ смысла. Обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшу(е?)ю просьбою: не выдавайте себя за представителя цѣлаго народа и рѣшителя споровъ двухъ литераторовъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ etc.

244.

А. Х. Бенкендорфу.

10-го сентября 1827 г. Опочка.

Милостивый Государь
Александръ Христофоровичь

Съ благоговѣніемъ и благодарностію получилъ я чрезъ Ваше Превосходительство отзывъ Государя Императора. Почитаю за счастіе во всемъ повиноваться Высочайшей Его волѣ.

Что касается до моего дѣла съ Г. Ольдекопомъ, то я не осмѣлюсь вновь по оному безпокоить Ваше Превосходительство. Вы изволили весьма справедливо замѣтить что и тамъ, гдѣ находятся положительные законы на счетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣсте съ подлинниками. Но сіе относится только къ сочиненіямъ древнихъ или умершихъ писателей; если же допустить у насъ, что переводъ даетъ право на перепечатаніе подлинника, то невозможно будетъ оградить литературную собственность отъ покушеній хищника.

Повергая сіе мое мнѣніе на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства, полагаю что въ состовленіи постоянныхъ правилъ для обезпеченія Литературной собственности, вопросъ о правѣ перепечатывать книгу при переводѣ, замѣчаніяхъ или предисловіи, весьма важенъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностью честь имѣю быть

Милостивый Государь
Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

Опочка.
1827.
10-го сентября.

245.

Ѳ. В. Булгарину.

[Ноябрь 1827 г. Петербургъ.].

Напрасно думали вы, любезнѣйшій Ѳаддей Венедиктовичь, чтобъ я могъ забыть свое обѣщаніе—Дельвигъ и я непремѣнно явимся къ Вамъ съ повиннымъ желудкомъ сегодня въ $3^1/_2$ ч. Голова и сердце мое давно Ваше. А. Пушкинъ.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Ѳаддею Венедиктовичу Булгарину.

246.

Л. С. Пушкину.

[21 ноября 1827].

Dites à Rajevsky qu'il m'écrive à l'adresse de mon père.—Vous eussiez dû faire de même.

247.

М. П. Погодину.

[Конецъ 1827 г. Петербургъ].

Теперь я долженъ передъ вами зѣло извиняться за долгое молчаніе.—Непонятная, неотразимая, неизъяснимая лѣнь мною овладѣла, это еще лучшее оправданіе мое. Посылаю вамъ Туманск. <кромѣ Голубые глаза, взятые для Д.> Отр. изъ Онѣгина и Стансы пропущенные—на дняхъ пришлю Москву и др. Извините меня передъ Калайдовичемъ; у меня чисто ничего не осталось послѣ здѣсь Альманашной жатвы, а писать еще некогда. Весь вашъ А. П.

Я не лишенъ правъ гражданства и могу быть цензорованъ нашею цензурою, если хочу,—а съ каждымъ нрав. четверост. я къ Высшему Начальству не полѣзу—скажите это имъ.

Л. В. ДУБЕЛЬТЪ.

1828.

248.

П. А. Осиповой.

24-го января [1828 г. Петербургъ.].

Je suis si honteux, Madame, d'avoir été si longtemps sans vous écrire, que j'ose à peine prendre la plume; ce n'est que le souvenir de votre amitié, souvenir qui me sera eternellement délicieux, et l'assurance que j'ai de l'indulgence de votre bonté, qui m'enhardissent encore aujourd'hui. Delvig qui abandonne ses Fleurs pour des épines diplomatiques, vous parlera de notre éxistence à Pétersbourg. Je vous avoue que cette éxistence est assez sotte, et que je brûle de la changer de manière ou d'autre. Je ne sais si je viendrais encore à Михайловское. Cependant c'est été mon désir. Je vous avoue, Madame, que le bruit et le tumulte de Pétersbourg m'est devenu tout-à-fait étranger — je le supporte avec impatience. J'aime mieux votre beau jardin et le joli rivage de la Сороть. Vous voyez, Madame, que mes goûts sont encore poétiques malgré la vilaine prose de mon éxistence actuelle. Il est vrai qu'il est difficile de vous écrire et de n'être pas poète.

Agréez, Madame, l'assurance de mon respect et de mon entier dévouement. Je salue de tout mon coeur toute votre charmante famille.

Comment se trouve M-elle Euphrosine de son séjour à Torjok? et y fait-elle beaucoup de conquêtes?

24 Janvier. А. П.

На оборотѣ: A Madame Ossipof. *Помѣтка Осиповой:* année 1828.

249.

М. П. Погодину.

Флимушъ проклятый? а магазины моды? Это слишкомъ серіозно. См. замѣчаніе изд. Москв. Вѣстн. о замѣчаніи Изд. М.Тел. <М. В. 1828, №2> Вотъ какъ должно ихъ доѣзжать!

250.

М. П. Погодину.

19-го февраля [1828 г. Петербургъ.].

Вы всеконечно правы и угадали, что я въ примѣчаніи Булгарину совсѣмъ не участвовалъ—ни дѣломъ ни словомъ, ни согласіемъ, ни вѣдѣніемъ. — Когда-бъ я видѣлъ его корректуру, то вѣрно бъ ужъ не пропустилъ выходку, которая такъ Васъ безпокоитъ.—Печатайте ваше возраженіе, если вы думаете, что Сѣв. Пч. того стоитъ—а я не вмѣшиваюсь, ибо мое правило: не трогать, чего знаете — Впроччемъ, здѣсь никто не замѣтилъ замѣчанія.

О герой Шевыревъ! О Витязь великосердый, подвизайся, подвизайся!! А вы, любезный Михайло Петровичь, утѣшьтесь, и какъ говоритъ Тредьяковскій, плюньте на суку Сѣв. Пчелу.

19 февраля.

На дняхъ пришлю вамъ прозу—да Христа ради, не обижайте моихъ сиротъ—стишонковъ опечатками и т. под. Шевыреву пишу особо. Грѣхъ ему не чувствовать Баратынскаго, но Богъ ему судья.

251.

А. Х. Бенкендорфу.

5-го марта 1828 г. С.-Петербургъ.

Милостивый Государь
Александръ Христофоровичь.

Позвольте мнѣ принести Вашему Превосходительству чувствительную мою благодарность за письмо, которое я удостоился получить.

Снисходительное одобреніе Государя Императора есть лестнѣйшая для меня награда, и почитаю за щастіе обязанность мою слѣдовать Высочайшему Его соизволенію.

Съ чувствомъ глубочайшаго почитанія и сердечной привязанности честь имѣю быть

Милостивый Государь
Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

5 марта
1828
С. П. Б.

Осмѣливаюсь безпокоить Васъ покорнѣйшею просьбою: лично узнать отъ Вашего Превосходительства будущее мое назначеніе.

Помѣтка Бенкендорфа: Пригласить его ко мнѣ послѣ завтра въ воскресенье въ 4-мъ часу.

252.

П. А. Осиповой.

[Начало марта 1828 г. Петербургъ].

Je prends la liberté de vous envoyer les 3 derniers chants d'Онѣгинъ, je souhaite qu'ils puissent mériter votre approbation—J'y joins un exemplaire pour M-lle Euphrosine, en la remerciant beaucoup de la réponse laconique qu'elle a daigné faire à ma question—Je ne sais Madame, si j'aurai le bonheur de vous voir cette année: on dit que vous vouliez venir à Pétersbourg. Est-il vrai? cependant je compte toujours sur le voisinage de Trigorsky et de Зуево—Le sort aura beau faire, il faudra bien qu'à la fin nousnous réunissions sous les sorbiers de la Сороть. Agréez, Madame, vous et toute votre famille l'assurance de mon respect, de mon amitié, de mes regrets et de mon parfait dévouement.

Помѣтка П. А. Осиповой: reçue le 13 de Mars 1828.

253.

С. А. Соболевскому.

[Конецъ марта 1828 г. Петербургъ].

Безалаберный!

Ты ничего не пишешь мнѣ о 2100 р. мною тебѣ должныхъ, а пишешь о M-de Кернъ, которую съ помощію Божіей я на дняхъ .....— Вотъ въ чемъ дѣло: хочешь-ли оную сумму получить съ Моск. Вѣс.—узнай въ состояніи ли они мнѣ за нынѣшній годъ выдать 2100? и дай отвѣтъ—Если нѣтъ, то получишь ихъ съ Смирдина въ разные сроки. Что, душа моя Калибанъ? какъ это тебѣ нравится? Пиши мнѣ о своихъ дѣлахъ и планахъ — Кто у васъ производитъ, кто потребляетъ? Кто этотъ Атенаическій [дуракъ] Мудрецъ, который такъ хорошо разобралъ IV и V главу? Зубаревъ? или Ив. Савельичъ? Я собирался къ вамъ, мои милые, да незнаю, попаду-ли; во всякомъ случаѣ въ П. Б. не остаюсь.—

254.

И. Е. Великопольскому.

[Конецъ марта—начало апрѣля 1828 г. Петербургъ].

Любезный Иванъ Ермолаевичь. Булгаринъ показалъ мнѣ очень милые ваши стансы ко мнѣ въ отвѣтъ на мою шутку. Онъ сказалъ мнѣ, что цензура не пропускаетъ ихъ, какъ личность, безъ моего согласія. Къ сожалѣнію, я не могъ согласиться:

Глава Онѣгина вторая
Съѣзжала скромно на тузѣ—

и Ваше примѣчаніе—конечно, личность и неприличность. И вся станса недостойна Вашего пера. Прочія—очень милы. Мнѣ кажется, что Вы немножко мною недовольны. Правда-ли? По крайней мѣрѣ, отзывается чѣмъ-то горькимъ Ваше послѣднее стихотвореніе. Неужели Вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбиваго друга, включить непріязненныя строфы въ 8-ю главу Онѣгина? NB. Я не проигрывалъ 2-й главы, а ея экземплярами заплатилъ свой долгъ, такъ точно, какъ Вы заплатили мнѣ свой—родительскими алмазами и 35-ю томами Энциклопедіи. Что, если напечатать мнѣ сіе благонамѣренное возраженіе? Но я надѣюсь, что я не потерялъ Вашего дружества и что мы при первомъ свиданіи мирно примемся за карты и за стихи.

Простите!

Весь Вашъ А. П.

На оборотѣ: Евгенію Абрамовичу Баратынскому, въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ домѣ Энгельгарда, въ Москвѣ. Пр. дост. И. Е. Великопольскому. *Рукою Баратынскаго*: На Большой Екиманкѣ, у Калужскихъ воротъ, въ домѣ Еремеевой.

255.

А. Х. Бенкендорфу.

18-го апрѣля [1828 г. Петербургъ].

Милостивый Государь
Александръ Христофоровичь.

По приказанію Вашего Превосходительства, являлся я сегодня къ Вамъ дабы узнать рѣшительно свое назначеніе, но меня не хотѣли пустить и позволить мнѣ дожидаться.

Извините, Ваше Превосходительство, если вновь осмѣливаюсь Вамъ докучать, но судьба моя въ Вашихъ рукахъ и Ваша неизмѣнная снисходительность ободряетъ мою нескромность.

Съ истиннымъ, глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію честь имѣю быть

Вашего Превосходительства
Милостивый Государь
покорнѣйшимъ слугою
Александръ Пушкинъ.

18-го апрѣля.

На оборотѣ: Его Превосходительству Милостивому Государю Александру Христофоровичу Бенкендорфу. *Помѣтка Бенкендорфа*: Ему и Вяземскому написать порознь, что Государь весьма хорошо принялъ ихъ желаніе быть полезнымъ въ службѣ, что въ армію не можетъ ихъ взять, ибо всѣ мѣста заняты и отказывается всякой день желающимъ слѣдовать въ армію, но что Государь ихъ не забудетъ и при первой возможности употребить ихъ таланты.

256.

А. Х. Бенкендорфу.

21-го апрѣля 1828 г. Петербургъ.

Милостивый Государь
Александръ Христофоровичь!

Искренне сожалѣя что желанія мои не могли быть исполнены, съ благоговѣніемъ приемлю рѣ-

шеніе Государя Императора и приношу сердечную благодарность Вашему Превосходительству за снисходительное Ваше обо мнѣ ходатайство.

Такъ какъ слѣдующіе 6 или 7 мѣсяцовъ остаюсь я вѣроятно въ бездѣйствіи, то желалъ бы я провести сіе время въ Парижѣ, что, можетъ быть, въ послѣдствіи мнѣ уже не удастся. Если Ваше Превосходительство соизволите мнѣ испросить отъ Государя сіе драгоцѣнное дозволеніе, то вы мнѣ сдѣлаете новое, истинное благодѣяніе.

Пользуюсь симъ послѣднимъ случаемъ дабы испросить отъ Вашего Превосходительства подтвержденія даннаго мнѣ Вами на словахъ позволенія: вновь издать разъ уже напечатанныя стихотворенія мои.

Вновь поручая судьбу мою великодушному Вашему ходатайству, съ глубочайшимъ почтеніемъ, совершенною преданностію и сердечной благодарностію, честь имѣю быть

Милостивый Государь Вашего Превосходительства всепокорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

С. П. б. 1828.
21 Апрѣля.

На письмѣ помѣта: пол. 23 Апрѣля 1828 г.

257.

Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

[24-го апрѣля 1828 г. Петербургъ].

Ваше Сіятельство! Его Сіятельство не смотря на свою ревность, позволилъ моему благородію написать вамъ нѣсколько строфъ — <т. е. строкъ>. Во первыхъ позвольте повергнуться мнѣ къ ножкамъ Вашего Сіятельства и принести всеподданнѣйшую мою благодарность, за собачку <символъ къ моей Вамъ вѣрности> вышитую на канвѣ собственными вашими ручками и присланную мнѣ въ мое чухонское уединеніе. — Что дѣлаете вы, безподобная Княгиня, въ вашей Саратовской степи, и что дѣлаетъ Е. С. Павелъ, котораго письма составляютъ единственное утѣшеніе наше? En second lieu je vous remercie pour la charmante lettre dont vous m'avez honoré — Je ne l'ai pas pour le moment sur mon coeur <c. à d. dans ma poche> c'est pourquoi je me reserve pour un autre tems le plaisir de babiller et de vous faire la confession plaine et entière que vous me demandes — Salut A P.

258.

Кн. П. А. Вяземскому.

[21 мая 1828. Петербургъ].

Читалъ Пушкинъ и лапку приложилъ.

259.

С. А. Соболевскому.

[Май—іюнь 1828 г. Петербургъ].

Безалаберный! полно тебѣ писать глупости Анѣ Петровнѣ; напиши мнѣ слово путное — Гдѣ Онѣг. 2 часть? здѣсь ее требуютъ, остановилась за нее продажа и другихъ главъ. А кто виноватъ? Ты, животъ, Калибанъ etc. — еще слово: ты перевелся на Трубецкого, а онъ терпѣлъ, терпѣлъ цѣлый мѣсяцъ — а какъ стало невтерпежъ, присталъ ко мнѣ внезапно: давай денегъ! — денегъ — а гдѣ ихъ взять? —

Что Ваши, т. е. Наши? Погодинъ мнѣ писалъ, а я виноватъ — весь излѣнился, не отвѣчалъ еще и не послалъ стиховъ — да они сами меня обезкуражили. Здѣсь въ П. Б: даютъ мнѣ <à la lettre> 10 рублей за стихъ — а у Васъ въ Москвѣ — хотятъ меня заставить даромъ и исключительно работать журналу — Да еще говорятъ: онъ богатъ, чортъ-ли ему въ деньгахъ — Положимъ такъ, но я богатъ черезъ мою торговлю стишистую а не прадѣдовскими вотчинами находящимися въ рукахъ Сергѣя Львовича. — А. П.

Баронесса тебѣ кланяется — и цѣлуетъ нѣжно.

На оборотѣ: Соболевскому.

260.

М. П. Погодину.

1-го іюля [1828 г. Петербургъ].

Простите мнѣ долгое мое молчаніе любезный Михайло Петровичь; право всякой день упрекалъ я себя въ неизвинительной лѣни, всякой день собирался къ вамъ писать и все несобрался — По сему самому не присылалъ вамъ ничего и въ Моск. Вѣстн. Правда что и посылать было нѣчего; но дайте сроку — осень у воротъ; я заберусь въ деревню и пришлю вамъ оброкъ сполна. — Надобно, чтобъ нашъ журналъ издавался и на слѣдующій

Митрополитъ Евгеній (БОЛХОВИТИНОВЪ).

годъ. Онъ конечно, буде сказано между нами, первый, единственный журналъ на Святой Руси—Должно терпѣніемъ, добросовѣстностію, благородствомъ и особенно настойчивостію оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности и одобреніе великаго Гёте—Честь и слава милому нашему Шевыреву! Вы прекрасно сдѣлали что напечатали письмо нашего Германскаго Патріарха. Оно, надѣюсь, дастъ Шевыреву болѣе вѣсу во мнѣніи общемъ—А того-то намъ и надобно. Пора уму и знаніямъ вытѣснить Булгарина и Федорова. Я здѣсь на досугѣ поддразниваю ихъ за несогласіе ихъ мнѣній съ мнѣніемъ Гёте. За разборъ Мысли, одного изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній текущей словесности, уже досталось нашимъ сѣвернымъ шмелямъ отъ Крылова, осудившаго ихъ и Шевырева каждаго по достоинству. Впередъ! и да здравствуетъ Моск. Вѣс. Разтолковали-ли вы Телеграфу, что онъ дуракъ? Ксенофонтъ Телеграфъ, въ бытность свою въ С.-П—гѣ, со мною въ томъ было согласился <по сіе да будетъ между нами; Телеграфъ добрый и честный человѣкъ, и съ нимъ я ссориться не хочу>. Кланяйтесь Калибапу—На дняхъ пишу къ нему—пришлю ему денегъ, а Вамъ стиховъ.—За симъ обнимаю васъ отъ сердца.

1 іюля.

Къ стати: похвалите Славянина, онъ намъ нуженъ, какъ навозъ нуженъ пашнѣ, какъ свинья нужна кухнѣ, а Шишковъ—Русской Академіи.—На дняхъ читалъ я стихи Языкова, гдѣ говоритъ онъ о своихъ стихахъ

Что жь? Въ Бѣлокаменную съ Богомъ
Въ Моск. Вѣстн.—Трудно, братъ,
Онъ выступаетъ въ чинѣ строгомъ,
Разборчивъ, строгъ, Аристократъ,—
Такъ и приязнь ему не въ ладъ
Со мной, Парнасскимъ Демогогомъ.
Ну, въ Аѳиней! Что Аѳиней?
—Журналъ казенно-философскій,
Отступникъ Пушкина, злодѣй,
Благонамѣренный Московскій.

261.

С. А. Соболевскому.

3-го іюля [1828 г. Петербургъ].

Посылаю тебѣ что могъ пока собрать 1750 р. Изъ коихъ отошли ради Христа 250 Зубкову—Писать пока нѣкогда. Прощай, обжирайся на здоровье.

3 іюля.

Мой адресъ <на имя Плетнева Петр. Алекс.> въ Екатер. Инст.

262.

А. Х. Бенкендорфу.

(*Черновое*).

[Вторая половина августа 1828 г. Петербургъ].

Г. оберъ-пол. требовалъ отъ меня подписки въ томъ, что..... я впредь [не буду печатать] безъ предвар. обычной цензуры. Повинуюсь священной для меня волѣ; тѣмъ не менѣе прискорбна мнѣ сія мѣра. <Государь императоръ изволилъ въ минуту, для меня незабвенную, изволилъ освободить меня отъ Цензуры>, я далъ честное слово государю которому [надѣюсь не измѣнилъ и не измѣню по гробъ не только изъ явнаго благоразумія, но] измѣнить не могу, не говоря ужъ о чести дворянина, но и по [сердечной] глубокой, искренней моей привязанности къ <Е. В. какъ> царю и человѣку. Требованіе [отъ меня] полицейской подписки унижаетъ меня въ собственныхъ моихъ глазахъ, и я такъ [глубоко] чувствую (того не заслуживаю, и далъ бы и въ томъ честное мое слово, если бы я смѣлъ еще надѣяться, что оно имѣетъ свою цѣну. Что касается до Ценз., если Госуд. Имп. угодно уничтожить милость мнѣ оказанную, то я [съ благоговѣніемъ] и горестью приемля знакъ его неблаговолѣнія, прошу Ваше Превосход. разрѣшить мнѣ, какъ надлежитъ мнѣ впредь [поступать] съ моими сочиненіями, которыя, какъ вамъ извѣстно, составля. одно мое имущество.

Надѣюсь, что ваше превосходительство поймете и не примете въ худую сторону смѣлость, съ которой <осмѣливаюсь> объяснять [и которая есть]. Она знакъ искренняго уваженія человѣка, который чувствуетъ себя обяз.

263.

Князю П. А. Вяземскому.

1-го сентября [1828 г. Петербургъ].

Благодарствуй за письмо—оно застало меня посреди хлопотъ и неприятностей всякаго рода. Отвѣчаю на скоро на всѣ твои запросы.

Быть можетъ нѣкогда восплачатъ обо мнѣ

Стихъ Гнѣдича (который теперь здѣсь) въ переводѣ его Вольтерова Танкреда

Un jour elle pleurera l'amant qu'elle a trahi
Ce coeur, qu'elle a perdu, ce coeur qu'elle déchire.

Успокоился-ли ты? Пока Киселевъ и Полторацкій были здѣсь, я продолжалъ образъ жизни воспѣтый мною такимъ образомъ

А въ ненастные дни собирались они часто.
Гнули, ... ихъ ... отъ 50-ти на 100.
И выигрывали и отписывали мѣломъ
Такъ въ ненастные дни, запимались они дѣломъ.

Но теперь мы всѣ разбрелись. Киселевъ, говорятъ, уже въ арміи; Junior въ деревнѣ; Голицынъ возится съ Глинкою, и учреждаетъ родственно-Аристократическіе праздники—Я пустился въ свѣтъ, потому что безприютенъ—Еслибъ не твоя мѣдная Венера, то я бы съ тоски умеръ—но она утѣшительно смѣшна и мила. Я ей пишу стихи А она произвела меня въ свои сводники <къ чему влекли меня и всегдашняя склонность и нынѣшнее состоянье моего Благонамѣреннаго, о коемъ можно сказать то же что было сказано о его печатномъ тезкѣ: ей ей намѣреніе благое, да исполненіе плохое>.

Ты зовешь меня въ Пензу, а того и гляди что я поѣду далѣе,

Прямо, прямо на востокъ.

Мнѣ навязалась *) на шею преглупая шутка. До Прав. дошла наконецъ Гавріліада; приписы-

---

*) Слово, тщательно зачеркнутое Пушкинымъ.

ваютъ ее мнѣ; донесли на меня, и я вѣроятно отвѣчу за чужія проказы, если Кн. Дм. Горчаковъ не явится съ того свѣта отстаивать права на свою собственность. Это да будетъ между нами. Все это не весело, но критика Кн. Павла веселитъ меня, какъ прелестный цвѣтъ обѣщающій современемъ плоды. Попроси его переслать мнѣ свои замѣчанія; я буду на нихъ отвѣчать непремѣнно. Благодарю тебя умомъ и сердцемъ, т. е. вкусомъ и самолюбіемъ — за портретъ Пел. Ник. — Стиховъ ей не шлю ибо на такой дистанціи не стрѣляютъ даже и Турки. Передъ Княгиней Вѣрой не смѣю поднять очей; однако жъ вопрошаю что думаетъ она о произшедствіяхъ въ Од. <Ра... и Гр. В.>.

Addio, idol mio— пиши мнѣ все въ П. Б.—пока.

Сент.

(*Черновое*).

Письмо твое застало меня посреди хлопотъ и непріятностей всякого рода [Оно обрадовало меня, какъ будто бы ты самъ—спѣшу]. Отвѣчаю [тебѣ] наскоро на всѣ твои запросы.

Стихъ который тебя пучитъ, Гнѣдича изъ его Танкреда:

Un <Un.....>—

Успокоился ли ты?

S. Голицынъ пустился въ..... стяхи, Junior [пустился] и Киселевъ въ дорогу, а я въ разпутство.—Къ нещастію, о мо. Бла. можно сказать, какъ Милоновъ о Измай. Намѣреніе благое, да не исполненіе. Въ послѣднее время [наше во..... вотъ] вотъ какъ воспѣли мы. Благодарю за стихи, и за то что ты сравнилъ красавицу съ моимъ стихомъ. Tu m'ad....., ma tr. mi piace —

Полинька уѣхала..... и А. И. [разпуталъ]..... ..... получаю за то..... братцы.....

264.

А. Н. Вульфу.

27-го октября 1828 г. [Малинники].

Тверской Ловеласъ С.-Петербургскому Вальмону здравія и успѣховъ желаетъ.

Честь имѣю донести, что въ здѣшней Губерніи, наполненной Вашимъ воспоминаніемъ, все обстоитъ благополучно. Меня приняли съ достодолжнымъ почитаніемъ и благосклонностью — Утверждаютъ, что вы гораздо хуже меня <въ моральномъ отношеніи> и потому не смѣю надѣяться на успѣхи, равные вашимъ.—Требуемыя отъ меня поясненія на щетъ вашего П.Бургскаго повѣденія далъ я съ откровенностію и простодушіемъ—отъ чего и потекли нѣкоторыя слезы и вырвались нѣкоторыя недоброжелательныя возклицанія, какъ напримѣръ: какой мерзавецъ! какая скверная душа! но я притворился, что ихъ не слышу.—При сей вѣрной оказіи доношу вамъ что Марья Васильевна Борисова есть цвѣтокъ въ пустынѣ, соловей въ дичи лѣсной, перло въ морѣ, и что я намѣренъ на дняхъ въ нее влюбиться—

Здравствуйте! Поклоненіе мое Аннѣ Петровнѣ, дружеское рукопожатіе Баронессѣ etc.

27-го окт.

Помѣтка А. Н. Вульфа: 1828 года.

На оборотѣ: Его Благородію Алексѣю Николаевичу Вульфъ.

265.

А. П. Кернъ.

[Конецъ октября—ноябрь 1828 г. Малинники].

Анна Петровна! Я вамъ жалуюсь на Анну Николаевну: она меня не цаловала въ глаза, какъ вы изволили приказывать. Adieu, belle dame. Весь Вашъ Яблочный Пирогъ.

266.

Барону А. А. Дельвигу.

[Середина ноября 1828 г. Малинники].

Вотъ тебѣ въ Цвѣты отвѣтъ Катенину вмѣсто отвѣта Готовцевой, который не готовъ. Я совершенно разучился любезничать. Не знаю, долго ли останусь въ здѣшнемъ краю. Жду отвѣта отъ Баратынскаго. Къ Новому году, вѣроятно, явлюся къ вамъ въ Чухландію. Здѣсь мнѣ очень весело. Прасковью Александровну люблю душевно; жаль, что она хвораетъ и все безпокоится. Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито. Скажи это графу Хвостову. Петръ Марковичъ здѣсь повеселѣлъ и уморительно милъ. На дняхъ было сборище у одного сосѣда; я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованные ребятишки, хотѣли непремѣнно туда же ѣхать; мать принесла имъ изюму и чернослиу и думала тихонько отъ нихъ убраться; но Петръ Марковичъ ихъ взбуторажилъ; онъ къ нимъ прибѣжалъ: «Дѣти, дѣти, мать васъ обманываетъ! Не ѣшьте чернослиу, поѣзжайте съ нею; тамъ будетъ Пушкинъ: онъ весь сахарный, а задъ у него яблочный; его разрѣжутъ, и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку». Дѣти разревѣлись: «Не хотимъ чер-

ЖУКОВСКІЙ

въ Царскомъ Селѣ въ 1830 г. Акварель Рейтерна.

носливу, хотимъ Пушкина!» Нечего дѣлать: ихъ повезли, и они сбѣжались ко мнѣ облизываясь, по увидѣвъ, что я не сахарный, а кожанный, совсѣмъ опѣшили.—Здѣсь очень много хорошенькихъ дѣвчонокъ <или дѣвицъ, какъ приказываетъ звать Борисъ Михайловичъ>; я съ ними вожусь платонически, и отъ того толстѣю и поправляюсь въ моемъ здоровьи. Прощай. Поцалуй себя въ пупокъ, если можешь. Сестра проситъ для своего голубчика моего Ворона. Какъ ты думаешь? Пускай шуринъ гравируетъ, а ты печатай; Vale et mihi favere, какъ Евгеній Онѣгинъ. Баронессѣ не говорю ничего, однакожь цалую ручку, но весьма чопорно.

267.

Барону А. А. Дельвигу.

26-го ноября [1828 г. Малинники].

Вотъ тебѣ отвѣтъ Готовцевой, чортъ ее побери! Какъ ты находишь ces petits vers froids et coulants? Что-то написалъ ей мой Вяземскій, а отъ меня ей мало барыша. Да въ чемъ она меня и впрямь упрекаетъ? Въ неучтивостяхъ ли противу прекраснаго полу, или въ похабствахъ, или въ безпорядочномъ поведеніи? Господь ее знаетъ! – Правда ли, что ты ѣдешь зарыться въ смоленской крупѣ? Видишь, какую ты кашу наварилъ: посылаешь меня за Баратынскимъ, а самъ и драла! Что мнѣ съ тобою дѣлать? Здѣсь мнѣ очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здѣсь думаютъ, что я пріѣхалъ набирать строфы въ Онѣгина и стращаютъ мною ребятъ какъ букою; а я ѣзжу на паромѣ, играю въ вистъ по восьми гривенъ робберъ, и такимъ образомъ прилѣпляюсь къ прелестямъ добродѣтели и гнушаюсь свѣтей порока. Скажи это нашимъ дамамъ; я пріѣду къ нимъ... Полно! Я что-то сегодня съ тобою разоврался.

26 ноября.

Что Иліада и что Гнѣдичь?

268.

Издателямъ Сѣверныхъ Цвѣтовъ на 1829 годъ.

[Первая половина декабря 1828 г. Москва].

П. А. Катенинъ далъ мнѣ право располагать этимъ прекраснымъ стихотвореніемъ. Я увѣренъ, что вамъ будетъ пріятно украсить имъ ваши Сѣверные Цвѣты.

269.

Н. В. Путятѣ.

[Іюль—октябрь 1828—январь—мартъ 1829 г. Петербургъ].

M'étant approché hier d'une dame, qui parlait à m-r de Lagrené, celui-ci lui dit assez haut pour que je l'entendisse: renvoyez-le! Me trouvant forcé de demander raison de ce propos, je vous prie, monsieur, de vouloir bien vous rendre auprés de m-r de Lagrené et de lui parler en consequence. Pouchkine.

270.

Подпись Пушкина подъ запискою кн. П. А. Вяземскаго графу Ѳ. И. Толстому.

[1828—1829. Москва].

Сей часъ узнаемъ, что ты здѣсь, сдѣлай милость, пріѣзжай. Упитые винами мы жаждемъ одного: тебя.

Соболевскій, Пушкинъ, Киселевъ.

1829.

271.

Князю П. А. Вяземскому.

[Около 25 января 1829 г. Петербургъ].

Уѣхалъ-ли ты изъ Москвы? недумаю—на всякой случай пишу тебѣ въ Пензу, гдѣ ты когда-нибудь да прочтешь мое посланіе. Былъ я у Жуковскаго. Онъ принимаетъ въ тебѣ живое, горячее участіе, Арзамаское — не придворное. Онъ было хотѣлъ, получивъ первое извѣстіе отъ тебя, прямо отнестись письмомъ къ Г. но раздумалъ, и кажется правъ. Мнѣнія, слова Ж. должны имѣть большой вѣсъ, но для искорененія неприязненныхъ предубежденій нужны объясненія и доказательства—и тѣмъ лучше, ибо Кн. Д. можетъ представить тѣ и другія. Ж. сказывалъ мнѣ о совѣтѣ своемъ отнестися къ Б. А я знаю что это будетъ для тебя неприятно и тяжело—Онъ конечно передъ тобою не правъ; на его чредѣ не должно обращать вниманія на полицейскія сплетни и еще менѣе съ укоризною давать знать объ нихъ aux personnes qui en sont l'objet. Mais comme aufond c'est un brave et digne homme, trop distrait pour vous garder rancune et trop distingué pour chercher à vous nuire, ne vous laissez pas aller à l'inimitié et tachez de lui parler tout franchement. Сдѣлай милость забудь выраженіе развратное его поведеніе, оно просто ничего незначитъ. Ж. со смѣхомъ говорилъ что говорятъ будто бы ты пьяный былъ у ....., и утверждаетъ что наша поѣздка къ бабочкѣ-Филимонову, въ неблагопристойную Коломну, подало поводъ къ этому упреку. Филимоновъ конечно борделенъ, а его бабочка конечно рублевая, паршивая Варюшка, въ которую и жаль и гадко что нибудь нашего всунуть. Впроччемъ если бъ ты вошелъ и въ неметафорическій бордель. Все-жъ не бѣда.

Я захожу въ вашъ милый домъ,
Какъ вольнодумецъ въ храмъ заходитъ.

Правительство не дама, не Princesse Moustache: прюдничить ему не пристало. Аминь, поговоримъ о другомъ. Я въ П. Б. съ недѣлю, не больше. Нашелъ здѣсь все общество въ волненіи удивительномъ. Веселятся до упаду и въ стойку, т. е. на раутахъ, которыя входятъ здѣсь въ большую моду. Давно бы намъ догадаться: мы сотворены для раутовъ, ибо въ нихъ не нужно ни ума, ни веселости, ни общаго разговора, ни политики, ни литературы. Ходишь по ногамъ какъ по ковру, извиняешься - вотъ уже и замѣна разговору. Съ моей стороны, я отъ раутовъ въ восхищеніи и отдыхаю отъ проклятыхъ обѣдовъ Зинаиды. <Дай Богъ ей ни дна, ни покрышки; т. е. ни Италіи ни графа Риччи!> Я нечиталъ еще журналовъ. Говорятъ что Булгаринъ тебя хвалитъ. Въ какую-то силу? Читалъ Цвѣты? Каково море Жуковскаго и каковъ его Гомеръ, за котораго сердится Гнѣдичь, какъ откупщикъ на контр-абанду — Прощай нѣтъ ни времени ни мѣста.

272.

Н. Н. Раевскому.

(Черновое).

30-го [января] 1829. С.-Петербургъ.

Voici ma tragédie puisque vous la voulez absolument, mais avant que de la lire, j'éxige que vous parcouriez le dernier tome de Karamzine. Elle est remplie de bonnes plaisanteries et d'allusions fines à l'hist. de ce tems-là, comme nos sous-oeuvres de Kiov et de Kamenka. Il faut les comprendre sine qua non.

A l'exemple de Scheks. je me suis borné à développer une époque et des personnages historiques sans rechercher les effets théatrals, le pathétique Romanesque etc... le style en est mélangé. — Il est trivial et bas là, où j'ai été obligé de faire intervenir des personnages vulgaires et grossiers— quand aux grosses indécences, n'y faites pas attention: celà a été écrit au courant de la plume et disparaitra à la première copie. Une tragédie sans amour souriait à mon imagination. Mais outre que l'amour entroit beaucoup dans le caractère romanesque et passionné de mon aventurier, j'ai rendu Дмитрій amoureux de Marina pour mieux faire ressortir l'étrange caractère de cette dernière. Il n'est encore qu'esquissé dans Karamzine. Mais certes c'est une drole de jolie femme, Elle n'a eu qu'une passion; et ce fut l'ambition, mais à un degré d'énergie, de rage qu'on a peine à se figurer. Après avoir gouté de la royauté, voyez la ivre d'une chimère, se prostituer d'aventurier en aventurier, partager tantôt le lit dégoutant d'un juif, tantôt la tente d'un cosaque [et], toujours prête à se livrer à [celui qui] quiconque peut lui présenter [une] la faible ésperance d'un throne qui n'existait plus. Voyez la braver la guerre, la misère, la honte, en même tems traiter avec le roi de Pologne de [puissance à puissance] couronne á couronne et finir misérablement l'existance la plus orageuse et la plus extraordinaire. Je n'ai qu'une scène pour elle, mais j'y reviendrai, si Dieu me prête vie — Elle me trouble comme une passion— Elle est horriblement polonaise comme le disoit [la cousine de M^de^.....mirska].

Гаврила Пушкинъ est un de mes ancêtres; je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille.—Il a eu de grands talents, homme de guerre, homme de cour, homme de conspiration surtout. C'est lui et Плещеевъ qui ont assuré le succès du Самозванецъ par une audace inouie. Après je l'ai retrouvé à Moscou [parmi] l'un des 7 chefs qui la defendaient en 1612, puis en 1616 dans la Дума siégeant à coté de Козьма Minine, puis voeводъ à Нижній, puis parmi les députés qui couronnèrent Romanof, puis ambassadeur.—Il a été tout, même incendiaire, comme le prouve une Грамота que j'ai trouve à Погорѣлое Городище—<ville qu'il fait bruler pour la punir de je ne sais quoi, à la mode des [commissaires] proconsuls de la Convention Nationale.

Je compte revenir aussi sur Шуйскій. — Il montre dans l'histoire un singulier mélange d'audace, de souplesse et de force de caractère. Valet de Godounof, il est un des premiers Boyards à passer du coté de Дмитрій. Il est le premier qui [l'accuse] conspire [qui], et c'est lui-même, notez celà, qui se charge de retirer les marrons du feu, c'est lui-même qui vocifère, qui accuse, qui de chef davient enfant perdu. Il est prêt à perdre la tête, Дмитрій lui fait grace déjà sur l'echaffaud, il l'exile et avec cette générosité étourdie qui caractérisait cet aimable aventurier il le rappelle à sa cour, il le comble de biens et d'honneurs. Que fait Шуйскій qui avait frisc [le supplise et] de si prés la hache et le billot? Il n'a rien de plus presser que de conspirer de nouveau, de réussir, de se faire élire Tsar, de tomber et de garder dans sa chûte plus qe dignité et de force d'âme qu'il n'en eu pendant toute sa vie.

М. Н. ЗАГОСКИНЪ.

Il y a beaucoup du Henri 4 dans Дмитрій— Il est comme lui brave, généreux et gascon, comme lui indifférent à la religion—tout deux abjurant leur foi pour causè politique, tout deux aimant les plaisirs et la guerre, tout deux donnant dans des [chimères] projets chimériques [tout] tout deux en butte aux conspirations. Mais Henri 4 n'a pas à se reprocher Ксенія,—il est vrai que cette horrible accusation n'est pas prouvée, et quant à moi, je me fais une religion de ne pas y croire.

Грибоѣдовъ a critiqué le personnage de Job le patriarche, il est vrai, étoit un homme de beaucoup d'esprit, j'en ai fait un sot par distraction.

En écrivant ma Годуновъ j'ai reflèchi sur la tragédie — et si je me melais de faire une préface, je ferais du scandale. C'est peut-être le genre le plus méconnu. On a tâché d'en baser les loix sur la vraisemblance, et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame; sans parler déjà du tems, des lieux etc., quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux, dont l'une est occupée par 2000 personnes sensées n'être pas vues par celles qui sont sur les planches.

2) *La langue.* P. ex le Philoctète de la Harpe dit en bon françois aprés avoir entendu une tirade de Pyrrhus: Helas, j'entends les doux sons de la langue! grecque! Tout celà n'est-il pas d'une invrai-

semblance de convention? Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais soucié d'une autre vraisemblance que celle des caractéres et des situations. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid: Ha, vous voulez la règle de 24 h.? Soit! Et là-dessus il vous entasse des évènements pour 4 mois. Rien de plus ridicule que les petits changements des règles reçues. Alfieri est profondement frappé du ridicule de l'a parte, il le supprime et là-dessus allonge le monologue. Quelle puérilité!

Ma lettre est bien plus longue que je ne l'avais voulu faire – Gardez la, je vous prie, car j'en aurais besoin, si le diable me tente de faire une préface. A. P.

1829.

30 j. S.Pb.

273.

И. М. Снегиреву.

[Начало апрѣля 1829 г. Москва].

Милостивый Государь

Иванъ Михайловичь!

Сдѣлайте одолженіе объяснить, на какомъ основаніи не пропускаете вы мною доставленное замѣчаніе въ М. Телеграфъ? Мнѣ необходимо, чтобы оно было напечатано, и я принужденъ буду, въ случаѣ отказа, отнестись къ высшему начальству вмѣстѣ съ жалобою на пристрастіе, не вѣдаю къ кому.

Поручаю себя въ ваше благорасположеніе и прошу принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи и преданности. А. Пушкинъ.

Помѣтка Снегирева: Пол. апр. 9, 1829 г.

274.

Н. И. Гончаровой.

1-го мая 18 9 г. [Москва].

C'est à genoux, c'est en versant des larmes de reconnaissance que j'aurais dû vous écrire à present que le comte Tolstoy m'a rapporté votre réponse: cette reponse, n'est pas un refus, vous me permettez l'esperance. Cependant si je murmure encore, si de la tristesse et de l'amertume, se mêlent à des sentiments de bonheur, ne m'accusez point d'ingratitude; je conçois la prudence et la tendresse d'une Mère! — Mais pardonnez à l'impatience d'un coeur malade et ivre de bonheur. Je pars à l'instant, j'emporte au fond de l'ame l'image de l'être Céleste qui vous doit le jour. Si vous avez quelques ordres à me donner, veuillez les adresser au Comte de Tolstoy, qui me les faira parvenir.

Daignez Madame accepter l'hommage de ma profonde considération.

Pouchkin.

1-e Mai

1829.

275.

Б. Г. Чиляеву.

(Черновое).

[23-го мая 1829 г. Коби].

Нѣсколько путешественниковъ слѣд. по каз. надобн. находятся [въ во....] здѣсь въ [сам.] затрудн. положеніи и [наслышав.] зная по слухамъ Вашу снисходительность, рѣшились прибѣгнуть къ Вашему покровительству [Не Не Не]. Сдѣлайте милость къ старш..... [Мы готовы заплатить]. О семъ просятъ убѣдительнѣйше..... Бауманъ, Гр. Му.-Пушкинъ и я.

Примите

276.

Барону А. А. Дельвигу.

(Черновое).

[Конецъ мая—начало іюня 1829 г. Тифлисъ].

Путешествіе мое было довольно скучно. Начать съ того, что я поѣхалъ на Орелъ... и видѣлъ Ермолова. Хоть ты его не очень жалуешь, принужденъ тебѣ сказать, что я нашелъ въ немъ разительное сходство съ тобою, не только въ оборотѣ мыслей, но даже въ чертахъ лица и въ ихъ выраженіи. Онъ былъ до крайности любезенъ. Дорога черезъ Кавказъ скверная и тѣсная ... днемъ я тянулся шагомъ съ конвоемъ пѣхоты и каждый день ночлегъ... За то видѣлъ Казбекъ, Терекъ, которые стоятъ Ермоловскихъ... Теперь прѣю въ Тифлисѣ, ожидая разрѣшенія гр. Паскевича.

277.

М. П. Погодину.

[Конецъ сентября—начало октября 1829 г. Москва].

Извините меня, ради Бога—обязанность такъ сказать священная.... До свиданія. Извините еще разъ. А. П.

278.

П. А. Плетневу (?).

[Октябрь 1829 г.].

Наши критики, разбирая Полтаву, упомянули о Байроновомъ Мазепѣ. Они его не понимаютъ. Старый гетманъ, предвидя неудачу, бранитъ, въ моей поэмѣ, молодаго Карла и называетъ его мальчикомъ и сумасшедшимъ. Критики, со всею важностію, укоряютъ меня въ неосновательномъ мнѣніи о Шведскомъ королѣ. Въ одномъ мѣстѣ у меня сказано, что Мазепа ни къ чему не былъ привязанъ. Чѣмъ же опровергаютъ меня критики? Они ссылаются на собственныя слова Мазепы, увѣряющаго Марію въ моей поэмѣ, что онъ любитъ ее больше славы, больше власти. Такъ имъ понятно, такъ знакомо драматическое искуство! Еще замѣчаютъ, что заглавіе моей поэмы ошибочно, и что вѣроятно не назвалъ я ее Мазепой, чтобъ не напомнить о

Байронѣ. Это частію справедливо. Но была у меня и другая причина, которой конечно никто изъ нихъ не подозрѣваетъ: эпиграфъ. Такъ и Бахчисарайскій фонтанъ первоначально названъ былъ Гаремомъ; но меланхолическій эпиграфъ <который безспорно лучше всей поэмы> соблазнилъ меня.

Байронъ зналъ Мазепу только по Вольтеровой исторіи Карла XII. Байронъ пораженъ былъ только картиной человѣка, связаннаго на дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина конечно поэтическая. И за то посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ! Но не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго ненавистнаго, мучительнаго характера, который проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона—но котораго (на бѣду моимъ критикамъ) въ Мазепѣ именно и нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ. Онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе. Вотъ и все. Но какое пламенное созданіе, какая широкая геніальная кисть! Если же бы ему подъ перо попалась исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, то вѣроятно никто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего предмета.

Чѣмъ больше думаю, тѣмъ сильнѣе чувствую, какой отвратительной предметъ для художника въ лицѣ Мазепы? Ни одного добраго, благороднаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы—вотъ что увлекло меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней; далѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все.

В. П. ЗУБКОВЪ.

279.

А. Н. Вульфу.

16 октября [1829 г. Малинники].

Проѣзжая изъ Арзрума въ Петербургъ, я своротилъ вправо и прибылъ въ Старицкой уѣздъ для сбора нѣкоторыхъ недоимокъ. Какъ жаль, любезный Ловласъ Николаевичъ, что мы здѣсь не встрѣтились! То-то побѣсили бъ Бароновъ и простыхъ дворянъ! По крайней мѣрѣ честь имѣю представить вамъ подробный отчетъ о дѣлахъ нашихъ и чужихъ. I) Въ Малинникахъ засталъ я одну Ан. Ник. съ флюсомъ и съ Муромъ. Она приняла меня съ обыкновенной своей любезностію и объявила мнѣ слѣдующее:

a) Евпр. Ник. и Ал. Ив. отправились въ Старицу посмотрѣть новыхъ Улановъ.

b) Ал. Ив. заняла свое воображеніе отчасти таліей и задней частію Кусовникова, отчасти бакенбардами и картавымъ выговоромъ Юргенева.

c) Гретхенъ хорошѣетъ и часъ отъ часу дѣлается невиннѣе. <Сей часъ А. Ник. объявила, что она того ненаходитъ>.

II) Въ Павловскомъ Фридерика Ив. страждетъ флюсомъ; Пав. Ив. стихотворствуетъ съ отличнымъ успѣхомъ. На дняхъ изправилъ онъ наши общія стихи слѣдующимъ образомъ:

Подъѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса
И воспомнилъ ваши взоры,
Ваши синія глаза.

Не правда ли, что это очень мило.

III) Въ Берновѣ я не засталъ уже толстож.... Минерву. Она съ своимъ ревнивцемъ отправилась въ Саратовъ. За то Netty, нѣжная, томная, истерическая; потолстѣвшая Netty, здѣсь. Вы знаете, что Миллеръ изъ отчаянія кинулся къ ея ногамъ, но она симъ не тронулась. Вотъ уже третій день, какъ я въ нее влюбленъ.

IV) Разныя извѣстія. Поповна (ваша Кларисса) въ Твери. Писарева кто то прибилъ, и ему велѣно подать въ отставку. Кн. Максютовъ влюбленъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь. И в. И в. на строгой діэтѣ <у..... своихъ Одалисокъ разъ въ недѣлю>. Недавно узнали мы, что Netty, отходя ко сну, имѣетъ привычку крестить всѣ предметы, окружающія ея постелю. Постараюсь достать <какъ памятникъ непорочной моей любви> сосудъ, ею освященной. Симъ позвольте заключить поучительное мое посланіе. 16 окт.

Помѣтка А. Н. Вульфа: 1830 года.

На оборотѣ: Алексѣю Николаевичу Вульфу.

Приписка Анны Николаевны Вульфъ: Не подумай, что я изъ любопытства распечатала Пуш. письмо *), а отъ того, что неловко сложено было. Пришли мнѣ пожалоста твой адресъ, когда вы придете на место.

280.

А. Х. Бенкендорфу.

10-го ноября 1829 г. С.-Петербургъ.

Mon Général,

C'est avec la plus profonde douleur que je viens d'apprendre que Sa majesté étoit mécontente

*) Слѣдуетъ нѣсколько зачеркнутыхъ словъ, не поддающихся прочтенію.

de mon voyage à Arzroum. La bonté indulgente et libérale de Votre Excellence et l'interêt qu'elle a toujours daigné me temoigner, m'inspirent la confiance d'y recourir encore et de m'expliquer avec franchise.

Arrivé au Caucase, je ne pus résister au desir de voir mon frère, qui sert dans le régiment des dragons de Nigni-novgorod, et dont j'étois séparé depuis 5 ans. Je crus avoir le droit d'aller à Tiflis. Arrivé la je ne trouvois plus l'armée. J'écrivis à H. Раевской, un ami d'enfance, afin qu'il obtint pour moi la permission de venir au camp. J'y arrivois le jour du passage du Sagan-lou. Une fois là, il me parut embarassant d'éviter de prendre part aux affaires qui devoient avoir lieu et c'est ainsi que j'assistois à la campagne moitié soldat, moitié voyageur.

Je sens combien ma position a été fausse et ma conduite étourdie; mais au moins n'y a-t-il que de l'etourderie.—L'idée qu'en pourroit l'attribuer à tout autre motif me seroit insuportable. J'aimerois mieux éprouver la disgrace la plus sevère, que de passer pour ingrat aux yeux de celui auquel je dois tout, auquel je suis prêt à sacrifier mon existance et ceci n'est pas une frase.

Je supplie Votre Excellence d'être en cette occasion ma providence et suis avec la plus haute considération

Mon Géneral
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant serviteur
Alexandre Pouchkin.

10 novembre
1829.
St.P.

(Черновое).

Arrivé au Caucase je ne pus resister au desir de voir mon frère [que je n'avais pas vu depuis] qui sert dans le regiment [de....] et dont j'etois separé depuis 5 ans. Je crus [pouvoir] avoir le droit d'aller à Tiflis [d'autant plus plus que j'avois une feuille de p.] arrivé plus l'armée, j'ecrivis à R—(un ami d'enfance) pour qu'il obtint pour moi du Cte P. la permission de venir au camp—[Une fois] j'arrivois le jour de passage du Sanganlou—Une fois là [ma p.] je sentis combien ma position étoit fausse—il me parut embarassant d'éviter [la guerre] où je venois de me jetter si inopinement.

На оборотѣ: Милостивый Государь А. П. Г. Государь Милостивый Грузинъ Т. Д.

281.

С. Д. Киселеву.

15-го ноября [1829 г.]. Петербургъ.

Любезный Сергѣй Дмитріевичь, на дняхъ пріѣхалъ я въ П. Б. о чемъ и даю тебѣ знать, ибо можетъ быть твой повѣренный приятель былъ уже здѣсь безъ меня. Адресъ мой: у Демута. Что ты? что наши? Въ Петербургѣ тоска, тоска...

Если ты увидишь еще Вяземскаго, то погоняй его сюда. Мы всѣ ждемъ его съ нетерпѣніемъ. Кланяйся неотъемлемымъ нашимъ Ушаковымъ. Скоро-ли, боже мой, приѣду изъ П. Б. въ Hôtel d'Angleterre мимо Карса? покрайнѣй мѣрѣ мочи нѣтъ хочется. Весь твой

15-го ноября. Пушкинъ.
П. Б.

На оборотѣ: Его Высокородію Сергѣю Дмитріевичу Киселеву. Въ Москвѣ, въ Англійскомъ клобѣ.

282.

И. А. Яковлеву.

[Вторая половина ноября 1829 г. Петербургъ].

Любезный Иванъ Алексѣевичь. Тяжело мнѣ быть передъ тобою виноватымъ, тяжело и извиняться, тѣмъ болѣе, что знаю твою delicacy of gentleman. Ты ѣдешь на дняхъ, а я все еще въ долгу. Должники мои мнѣ не платятъ, и дай Богъ, чтобъ онѣ вовсе не были банкроты, а я (между нами) проигралъ уже около 20 т. Во всякомъ случаѣ ты первый получишь свои деньги. Надѣюсь еще ихъ заплатить передъ твоимъ отъѣздомъ. Не то позволь вручить ихъ Алексѣю Ивановичу, твоему батюшкѣ; а ты предупреди, сдѣлай милость, что эти 6 т. даны тобою мнѣ въ займы. Въ концѣ Мая и въ началѣ Іюня денегъ у меня будетъ кучка, но покамѣстъ я на мели и карабкаюсь. Весь твой А. П.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Ивану Алексѣевичу Яковлеву.

283.

Н. И. Гнѣдичу.

(Черновое).

[Декабрь 1829 г. Петербургъ.].

Наконецъ вышелъ въ свѣтъ давно и такъ нетерпѣ. ожидаемъ Переводъ Илліады [вышелъ]. Всѣ Благомыслящіе люди [ожидали] чувствовали важность сего перевода и ожидали онаго съ нетерпѣніемъ. Вы требуете сочиненій моихъ..... [Пушкинъ.....].

Въ то время какъ вашъ входитъ въ пристань нагруженный богатырями Гомера [при громѣ нашихъ привѣтствій; какъ осмѣлюсь можно] нечего говорить о моихъ мѣлочахъ на смерть N 1.

284.

Въ редакцію „Литературной Газеты".

[Конецъ 1829 г. Петербургъ].

Отрывокъ изъ Евг. Онѣг. Глава VIII. Пришлите мнѣ назадъ листикъ этотъ.

285.

Неизвѣстной.

[Конецъ декабря 1829 г. Петербургъ].

Ecrivez à Olga sans rancune—Elle vous aime beaucoup et elle seroit consolée par votre souvenir

---

1830.

286.

Н. И. Гнѣдичу.

[6-го января 1830 г. С.-Петербургъ.].

Я радуюсь, я щастливъ что нѣсколько строкъ робко набросанныхъ мною въ Газетѣ могли тронуть васъ до такой степени—Незнаніе Греческаго языка мѣшаетъ мнѣ приступить къ полному разбору Илліады вашей. Онъ не нуженъ для вашей славы, но былъ бы нуженъ для Россіи. Обнимаю васъ отъ сердца—Если вы будете у Andrieux то

я туда загляну—Увижусь съ вами прежде—Весь вашъ Пушкинъ.

На оборотѣ: Его Высокородію Милостивому Государю Николаю Ивановичу Гнѣдичу.

287.

Записка Кн. П. А. Вяземскому.

(На листкѣ со стихотвореніемъ Вяземскаго «Къ нимъ»).

«Ради Христа, очисти эти стихи—онѣ стоятъ Унынія» *). Кромѣ того, Пушкинымъ сдѣланы слѣдующія замѣчанія: къ стиху: «Она утѣшитъ васъ моею наготою»... Замѣчено: «Она (Истина)».

Къ стиху: «Меня прожгла незримою стрѣлою».

«Незримою стрѣлою»—поставлены Пушкинымъ въ скобки и замѣчено: «лишнее».

«И что же въ даръ мнѣ принесли судьбы?

Новорожденному даръ на зубокъ былъ нуженъ».

Въ первомъ стихѣ Пушкинъ переставилъ слова, согласно съ напечатаннымъ; а ко второму сдѣлалъ замѣчаніе: «Княгиня права что морщится». Этотъ стихъ былъ потомъ выпущенъ авторомъ.

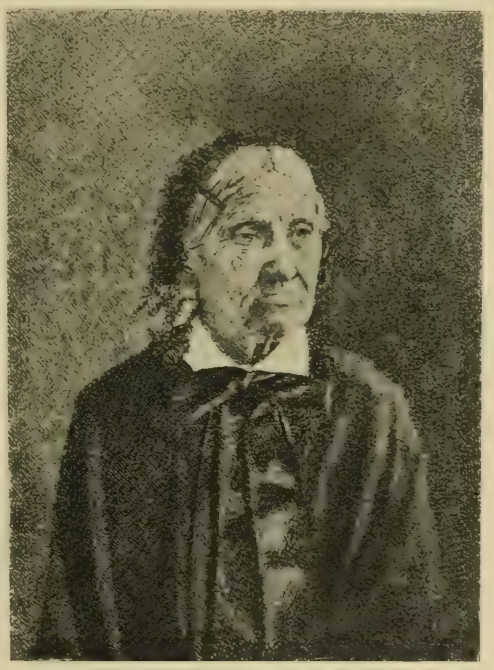
Въ стихѣ: «Ему подвластные онъ обрекаетъ дни».

Пушкинымъ подчеркнуты слова: «Ему подвластные» — и заключены въ скобкахъ; слово дни имъ же зачеркнуто, а съ боку имъ же написано: «наши дни».

При стихахъ отъ:

«Сей даръ для избранныхъ бываетъ мздой и казнью»

и до конца стихотворенія Пушкинымъ замѣчено: «прекрасно».



А. О. ИШИМОВА.

288.

А. Х. Бенкендорфу.

7-го января 1830 г. [Петербургъ].

Mon Général!

M'étant présenté chez Votre Excellence et n'ayant pas eu le bonheur de la trouver chez elle, je prends la liberté de lui adresser la demande qu'elle m'a permis de lui faire.

Tandis que je ne suis encore ni marié, ni attaché au service, j'aurais désiré faire un voyage soit en France, soit en Italie. Cependant s'il ne me l'étoit pas accordé, je demanderois la grace de visiter la Chine avec la mission qui va s'y rendre.

Oserois-je Vous importuner encore? Pendant mon absence, m-r Joukovsky avoit voulu imprimer ma tragédie, mais il n'en a pas reçu d'autorisation formelle. Il me seroit gênant, vu mon manque de fortune, de me priver d'une 15-aine de mille roubles que peut me rapporter ma tragédie, et il me seroit triste de renoncer à la publication d'un ouvrage que j'ai longtems médité et dont je suis le plus content.

M'en rapportant entièrement à Votre bienveillance,
je suis, mon Général, de Votre Excellence
le très-humble et très-obéissant serviteur
Alexandre Pouchkine.

7 janvier 1830.

(Черновое).

M'étant présenté chez votre excellence et n'ayant pas eu le bonheur de [vous] la trouvez, je prends la liberté de [vous] lui adresser la demande que vous [en l'extrême] m'avez [avez] bien voulu me permettre de vous faire.

Tandis que je ne suis pas encore ni marié ni attaché au service, et que l'état de mes affaires me permet de l'entreprendre [un voyage], j'aurois desiré faire un voyage, soit en France, soit en Italie [Si cependant S. M. ne me perm.] et s'il ne m'est pas permis [de visiter] d'aller [aller] en [l'] Europe, je demande la grâce de visiter la Chine avec la mission qui [s'y prerare] va s'y rendre.

Oserois-je, mon general, vous importuner encore.—Pendant mon absence, Mr J—[avait] avait [des] voulu d'imprimer ma trag. de G. il n'en [reçu] a reçu [pas] l'autorisation formelle. N'ayant pas de fortune, il me serait gênant [desagreable] de me priver [me] d'une [dizaine] 15 de mille roubles, que [dut] peut me rapporter mon [ouvrage] tragédie et l me seroit penible de renoncer à la publicationt d'un ouvrage que j'ai le plus médité et du seul dont je suis content. Cependant si telle sera la volonté de l'Emp., c'est avec [pl.] joie [je suis pret d'en faire le sacrifice imm.]. La seule preuve. c'est avec joie que je pusse donner de mon [atta. devouement....]. [Cette tragedie est écrite dans l'esprit de la morale la plus pure et du monarchisme] et quand aux idées politiques, elles sont parfaitement monarchiques.

289.

М. Н. Загоскину.

11-го января 1830 г. Петербургъ.

Милостивый Государь Михаилъ Николаевичь, прерываю увлекательное чтеніе Вашего романа, чтобъ сердечно поблагодарить Васъ за присылку «Юрія Милославскаго», лестный знакъ Вашего ко мнѣ благорасположенія. Поздравляю Васъ съ успѣхомъ полнымъ и заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковскій провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи.

---

*) См. *Полн. собр. сочиненій кн. П. А. Вяземскаго.* Т. III, стр. 193.

Въ Лит. Газетѣ будетъ о немъ статья Погорѣльскаго. Если въ ней не все будетъ высказано, то постараюсь досказать. Простите. Дай Богъ вамъ многія лѣта, т. е. дай Богъ намъ многіе романы.

Съ искреннимъ уваженіемъ и преданностію честь имѣю быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою А. Пушкинъ.

11 января 1830.

С. П. Б.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Михайлу Николаевичу Загоскину. Въ Москвѣ.

290.

А. Х. Бенкендорфу.

18-го января 1830 г. Петербургъ.

Mon Général

Je viens de recevoir la lettre que Votre Excellence a daigné m'écrire. A Dieu ne plaise que je fasse la moindre objection à la volonté de celui qui m'a comblé de tant de bienfaits. Je m'y serais soumis même avec joie, si je pouvais seulement être sûr de n'avoir pas encouru Son mécontentement.

Je prends bien mal mon tems, mon Général, pour recourir à votre bienveillance, mais c'est un devoir sacré qui m'y oblige. Des liens d'amitié et de reconnaissance m'attachent à une famille aujourd'hui bien malheureuse: la veuve du Général Raievsky vient de m'écrire pour m'engager à faire quelques démarches en sa faveur, auprès de ceux qui puissent faire parvenir sa voix jusqu'au trône de Sa Majesté. Le choix qu'elle a fait de moi prouve déjà à quel point elle est dénuée d'amis, d'esperances et de ressources. La moitié de la famille est exilée, l'autre à la veille d'une ruine complette. Les revenus suffisent à peine pour payer les interets d'une dette immense. Madame Raievsky sollicite à titre de pension le traitement entier de feu son mari, reversible sur ses filles en cas de mort. Cela suffira pour le preserver de la mendicité. En m'adressant à vous, Général, c'est plutôt le guerrier que le ministre, et l'homme bon et sensible, plutôt que l'homme d'état que j'espère interesser au sort de la veuve du héros de 1812, du grand homme dont la vie fut si brillante et la mort si triste.

Daignez agreer, Mon Général, l'hommage de ma haute considération.

Je suis avec respect

Votre tres humble et tres obeissant serviteur

1830. Alexandre Pouchkine.

18 janvier

S-t P.

291.

М. О. Судіенкѣ.

22-го января 1830. С.-Петербургъ.

Mon cher Soudenko, si vous n'avez pas été payé jusqu'à présent, c'est la faute de mon commissionaire, qui avait égaré l'adresse du vôtre. Quant à moi, j'avais tout à fait oublié son nom, et vos 4000 vous attendaient tout cachetés, depuis plus de 6 mois.

Arrivé à Pétersbourg, je vous avais écrit à Черниговъ (?) pour savoir au juste votre adresse, pour vous féliciter avec votre mariage et pour vous proposer 50 r. à prendre. Vous m'apprenez que vous avez perdu l'appetit et que vous ne déjeunez plus comme en tems jadis. C'est dommage; faites de l'exercice, venez en poste à P. b., et cela reviendra. Здѣсь у насъ, мочи нѣтъ, скучно: игры нѣтъ, а я все таки проигрываюсь. Объ Яковлевѣ имѣю печальныя извѣстія. Онъ въ Парижѣ. Не играетъ, къ дѣвкамъ не ѣздитъ и учится по Англійски. Долгорукій пріѣхалъ на дняхъ. Этотъ подаетъ надежду. Покамѣстъ умираю со скуки. Пріѣзжай, мой милый, или съ горя я къ тебѣ пріѣду. Прощай, душа моя; будь счастливъ и прости мнѣ невольное несдержаніе слова. А. Пушкинъ.

22-го Января 1830.

С.-Петербургъ.

На оборотѣ: Его высокоблагородію Михаилу Осиповичу Судіенкѣ.

292.

Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ января—начало февраля 1830 г. Петербургъ].

Высылай ко мнѣ скорѣе Дельвига если ты самъ не ѣдешь. Скучно издавать Газету одному съ помощію Ореста, несноснаго друга и товарища. Всѣ Оресты и Пилады на одно лицо. Очень благодарю тебя за твою прозу—подавай ее поболѣе. Ты бранишь Милославскаго, я его похвалилъ. Гдѣ гроза тутъ и милость.—Конечно въ немъ многаго недостаетъ, но многое и есть: живость, веселость чего Булгарину и во снѣ не приснится. Какъ ты находишь Полевова? Чтенье его Исторіи замѣнило Жуковскому чтеніе Муравьева статсъ-секретаря. Но критика Погодина ниначто непохожа—Какъ бы Каченовскаго взбѣсить? стравимъ ихъ съ Полевымъ.

Правдали что моя Гончарова выходитъ за Архивнаго Мещерскаго? Что дѣлаетъ Ушакова, моя же? Я собираюсь въ Москву — какъ бы не разъѣхаться. — Я напечаталъ твое къ Нимъ противу воли Жуковскаго. Конечно я бы недопустилъ къ печати ничего слишкомъ горькаго, слишкомъ озлобленнаго — Но элегическую .....- ..... позволено сказать, когда не въ терпежъ приходится благородному человѣку — Кланяюсь всѣмъ Твоимъ и грозному моему критику Павлушѣ—Я было написалъ на него ругательную Антикритику, слогомъ Галатеи—взявъ въ эпиграфъ: Павлуша мѣдный лобъ приличное названье! собирался ему послать, не знаю куда дѣлъ.

На конвертѣ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому въ Москву въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собств. домѣ.

293.

Неизвѣстному сановнику.

[Черновикъ. Февраль 1830 г.].

Издателямъ Литературной Газеты вмѣсто К. С. Сербиновича дали недавно въ цензоры профессора Щеглова, который своими замѣчаніями попутно напоминаетъ лучшія времена Бирукова и... (неразобрано). Въ доказательство позвольте привести вамъ одинъ изъ тысячи примѣровъ.

Цензоръ усомнился, можно ли [допустить называть] такимъ образомъ двухъ... (неразобрано) и выключилъ привѣтствіе не по чину.

Издатели рѣшились прибѣгнуть къ вашему покровительству и просить, если только это возможно, возвратить имъ г. Сербиновича; [или по крайней мѣрѣ] дать другого менѣе своенравнаго цензора, если ужъ невозможно возвратить г. Сербиновича.

294.

М. О. Судіенкѣ.

12-го февраля 1830 г. [Петербургъ].

Vous m'écrivez, mon cher Soudenko, une lettre si horriblement cérémonieuse que j'en suis tout étourdi. Les 4000 r. en questions vous attendaient tout cachetés depuis de moi de juillet; mais j'avais perdu l'adresse de votre homme d'affaires et je n'avais pas la vôtre. Il y a un moi que m-r Lerch est venu révendiquer la somme et qu'il l'a touché tout de suite. Je voulais vous envoyer le reçu qu'il m'a laissé, mais je ne sais ce que j'en ai fait. Pardon encore une fois, et merci pour la complaisance que vous m'avez eu d'attendre si longtemps.

Je quitte Pétersbourg ces jours-ci; je passerai probablement, l'été à la campagne. Peut être viendrai-je dans vos contrées. Vous me permetterez, j'éspère, de venir frapper à votre porte. Si vous voulez m'écrire en attendant, adressez vos lettres Е. В. Петру Александровичу Плетневу въ Екатерининскомъ Институтѣ. Addio, a rivederla.

A. Pouchkine.

12 Février 1830.

На оборотѣ: Его Высокородію Милостивому Государю, Михаилу Осиповичу Судѣнкѣ, въ Стародубъ, въ Черниговской губерніи.

295.

Князю П. А. Вяземскому.

14-го марта [1830 г. Москва].

Третьяго дня пріѣхалъ я въ Москву и прямо изъ кибитка попалъ въ концертъ, гдѣ находилась вся Москва. Первыя лица попавшіяся мнѣ на встрѣчу, были N. Гончарова и Княгиня Вѣра, а вслѣдъ за ними братья Полевые. Пріѣздъ Государевъ сдѣлалъ большое впечатлѣніе. Арестованные были призваны къ Бенкендорфу, который отъ имени Царя и при Волковѣ и Шульгинѣ объявилъ что все произошло отъ неразумѣнія, что Государь очень обо всемъ этомъ жалѣетъ, что виноватъ Шульгинъ etc. Волковъ прибавилъ что онъ радуется оправданію своему предъ Московскимъ дворянствомъ, что ему остается испрасить прощенія, или лучше примѣренія, Графини Потемкиной—и такимъ образомъ все кончено и всѣ довольны.

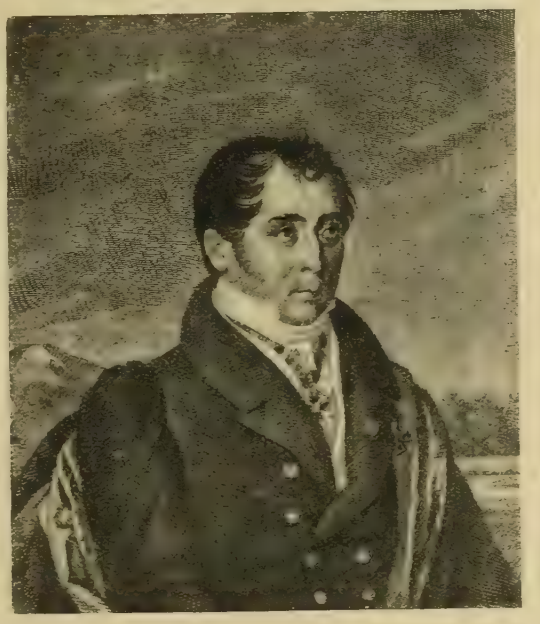
Княгиня Вѣра очень мило и очень умно говорила о тебѣ Бенкендорфу.—Онъ извинялся передъ Потемкиной: Quand à M-d Карцовъ tout ce qu'elle dit c'est comme si elle chantoit... А жена твоя: Vous eussiez pu remarquer, General, qu'elle chantoit faux. Отселѣ изъясненія. Puisque nous sommes sur le pied de la franchise vous me permetterez, General, de vous répeter la demande de la C-sse Potemkine: la réhabilitation de mon mari.—Онъ сказалъ ей что недоволенъ твоимъ меморіемъ. Я не читалъ его: что такое? Ты жалѣешь о томъ что тебя не было въ Москвѣ — а я такъ нѣтъ. Знаешь разницу между пушкой и единорогомъ? Пушка сама по себѣ а единорогъ самъ по себѣ. Потемкинъ и Сибилевъ сами по себѣ а ты самъ по себѣ. Недолжно смѣшивать эти два дѣла. Здѣсь ты бы былъ конечно включенъ въ общую Амнистію, но ты достоинъ и долженъ требовать особеннаго оправданія — а не при сей вѣрной оказіи. Но это все бездѣлица а вотъ что важно: Киселевъ женится на Л. Ушаковой, и Катерина говоритъ что они щастливы до гадости. Вчера обѣдалъ я у Дмитріева съ Жихаревымъ — Дмитріевъ сердитъ на Полевова и на Цензора Глинку: я не теряю надежды затащить его въ полемику. Дай срокъ. Прощай помяни меня на вечерѣ у Катеринѣ Андреевнѣ и пиши мнѣ къ Копу.

14 марта.

Запечатай и отошли записку къ Гагарину Театральному—

На оборотѣ: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому, въ С.-Петербургъ, на Моховой, въ домѣ Межуева.

Вотъ тебѣ и другое письмо—



И. К. КАЙДАНОВЪ.

296.

Князю П. А. Вяземскому.

16-го марта [1830 г. Москва].

У меня есть на столѣ письмо уже давно къ тебѣ написанное—я побоялся послать его тебѣ по почтѣ. Жена твоя вѣроятно полнѣе и дѣльнѣе разказала тебѣ въ чемъ дѣло. Государь уѣзжая оставилъ въ Москвѣ проектъ новой организаціи, контръ-революціи Революціи Петра. Вотъ тебѣ случай писать политическій памфлетъ и даже его напечатать, ибо правительство дѣйствуетъ или намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ Европейскаго просвѣщенія. Огражденіе дворянства, подавленіе чиновничества, новыя права мѣщанъ и крѣпостныхъ—вотъ великіе предметы. Какъ ты? Я думаю пуститься въ политическую прозу—Что твое здоровіе? Каковъ ты съ Министрами и будешь-ли ты въ службѣ новой? Знаешь-ли ты кто въ Москвѣ возвысилъ свой опозиціонный голосъ выше всѣхъ? Солнцевъ. Каковъ? Онъ объявилъ себя обиженнымъ въ лицѣ Сибелева и цугомъ поѣхалъ къ нему на съѣзжу, не смотря на слезы Лиз. Львовны и нѣжныя просьбы Ольги Матвѣевны—Москва утихла и присмирѣла. Жду концертовъ и шуму за проектъ. Буду тебѣ передавать свои наблюденія о духѣ Моск. Клуба—Прощай, кланяюсь твоимъ. Не могу еще привык-

нуть не у нихъ проводить вечера мои. Кажется мнѣ что я развращаюсь.

16 марта.

Приписка П. В. Нащокина: При сей вѣрной оказіи, не могъ я прѣминовать, чтобы и мнѣ не засвидѣтельствовать вамъ покорнаго почтенья мой любезнѣйшій Князь Петръ Андрѣевичь. Желалъ бы писать гораздо и пространнѣе, но истинно такъ, такъ утомленъ удовольствіями которыя намъ щастливымъ москвичамъ, доставило внезапное прибытіе Государя Императора. Право Князь еще не могу отдохнуть и опомниться.

297.

А. Х. Бенкендорфу.

21-го марта 1830 г. Москва.

Милостивый Государь

Александръ Христофоровичь.

Въ 1826 году получилъ я отъ Государя Императора позволеніе жить въ Москвѣ а на слѣдующій годъ отъ Вашего Высокопревосходительства дозволеніе приѣхать во Петербургъ. Съ тѣхъ поръ я каждую зиму проводилъ въ Москвѣ, осень въ деревнѣ, никогда не испрашивая предварительнаго дозволенія и не получая никакого замѣчанія. Это отчасти было причиною невольнаго моего проступка: поѣздки въ Арзрумъ, за которую имѣлъ я нещастіе заслужить неудовольствіе начальства.

Въ Москву я намѣревался приѣхать еще въ началѣ зимы, и встрѣтивъ Васъ однажды на гуляніи на вопросъ Вашего Высокопревосходительства, что̀ намѣреинъ я дѣлать? имѣлъ я щастіе о томъ Васъ увѣдомить. Вы даже изволили мнѣ замѣтить: [que] vous êtes toujours sur les grands chemins.

Надѣюсь что повѣденіе мое не подало Правительству повода быть мною недовольнымъ.

Съ искреннимъ и глубокимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть,

Милостивый Государь

Вашего Высокопревосходительства

покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

21 марта
Москва
1830.

Помѣтка Бенкендорфа: Я его прошу меня въ передъ увѣдомлять.

298.

Князю П. А. Вяземскому.

[Вторая половина марта 1830. Москва].

Посылаю тебѣ драгоцѣнность: доносъ Сумарокова на Ломоносова. Подлинникъ за собственноручною подписью видѣлъ я у Ив. Ив. Дмитріева. Онъ отысканъ въ бумагахъ Миллера, надорванный вѣроятно въ присутствіи и вѣроятно сохраненный Миллеромъ какъ документъ разпутства Ломоносова: они были врагами. Состряпай изъ этого статью и тисни въ Лит. Газ. Письмо мое доставитъ тебѣ Гончаровъ братъ Красавицы: теперь ты угадаешь, что̀ тревожитъ меня въ Москвѣ. Если ты можешь влюбить въ себя Елизу, то сдѣлай мнѣ эту божескую милость. Я сохранилъ свою цѣломудренность оставя въ рукахъ ея не плащь а рубашку <справься у К. Мещерской> и она преслѣдуетъ меня и здѣсь письмами и посылками. Избавь меня отъ Пентефреихи. Булгаринъ изумилъ меня своею выходкою, сердиться нельзя, но побить его можно и думаю должно—но разпутица, лѣнь и Гончарова не выпускаютъ меня изъ Москвы, а дубины въ 800 верстъ длины въ Россіи нѣтъ кромѣ Гр. Панина. Жену твою вижу часто т. е. всякой день. Наше житье бытье сносно. Дядя живъ, Дмитріевъ очень милъ. Зубковъ членъ клуба. Ушаковъ кривъ. Вотъ тебѣ просьба: Погодинъ собрался ѣхать въ чужія края, онъ можетъ обойтиться безъ вспоможенія, но все таки лучше бы—Поговори объ этомъ съ Блудовымъ, да пожарче. Строевъ написалъ tables des matières Исторіи Карамзина, книгу намъ необходимую. Ее надобно напечатать, поговори Блудову и объ этомъ. Прощай. Мой сердечный поклонъ всему семейству—

Въ доносѣ пропущено слово оскорбляя.

Батюшковъ умираетъ—

299.

А. Х. Бенкендорфу.

24-го марта 1830 г. Москва.

Mon Général,

La lettre dont vous m'avez honorée m'a causé un chagrin veritable: je vous supplie de m'accorder un moment d'indulgence et d'attention. Malgré quatre ans d'une conduite égale, je n'ai pu obtenir la confiance de l'autorité! Je vois avec peine que la moindre de mes démarches éveille le soupçon et la malveillance. Pardonnez moi, mon General, la liberté de mes doléances, mais au nom du ciel, daignez entrer un instant dans ma position et voyez combien elle est embarassante. Elle est si précaire que je me vois à tout moment à la veille d'un malheur que je ne puis ni prevoir, ni éviter. Si jusqu'à présent je n'ai pas essuyé quelque disgrace, je le dois, non à la connaissance de mes droits, de mon devoir, mais uniquement à votre bienveillance personnelle. Mais que demain vous ne soyez plus ministre, après demain je suis coffré. M-r Boulgarine, qui dit avoir de l'influance auprès de vous, est devenu un de mes ennemis les plus acharnés à propos d'une critique qu'il m'a attribuée. Après l'infame article qu'il a publié sur moi, je le crois capable de tout. Il m'est impossible de ne pas vous prévenir sur mes relation avec cet homme, car il pourroit me faire un mal infini.

Je comptois de Moscou aller à la campagne de Pskov, cependant si Nicolas Raievsky vient à Poltava, je supplie votre Excellence de me permettre d'aller l'y trouver.

Agréez, Mon General, l'hommage de ma haute considération et de mon entier dévouement

de Votre Excellence

le très humble et très obéissant serviteur
Alexandre Pouchkin.

24 mars
1830
Moscou.

Помѣтка Бенкендорфа: Lui repondre que jamais Boulgarine ne m'a parlé de lui.

300.

Н. А. Полевому.

[27-го марта 1830 г. Москва].

Сдѣлайте одолженіе, Милостивый Государь Николай Алексѣевичь, дайте мнѣ знать что дѣлать мнѣ съ Писаревымъ, съ его обществомъ и съ моимъ Дипломомъ? Все это меня чрезвычайно затрудняетъ. Весь Вашъ А. Пушкинъ.

27 марта 1830 г. Москва.

На оборотѣ: Николаю Алексѣевичу Полевому.

301.

Н. И. Гончаровой.

[Первая половина апрѣля 1830 г. Москва].

Maintenant, Madame, que vous m'avez accordez la permission de vous ecrire, je suis aussi ému, en prenant la plume, que si j'étois en votre présence. J'ai tant de choses à dire et plus j'y pense, plus les idées me viennent tristes et décourageantes. Je m'en vais vous les exposer toutes sinceres et toutes diffuses, en implorant votre patience, votre indulgence surtout.

Lorsque je la vis pour la première fois, sa beauté venoit d'être à peine aperçue dans le monde; je l'aimai, la tête me tourna, je la demandois, votre reponse, toute vague qu'elle etoit, me donna un moment de délire; je partis la même nuit pour l'armée; demandez-moi ce que j'allois y faire, je vous jure que je n'en sais rien, mais une angoisse involontaire me chassoit de Moscou; je n'aurois pu y soutenir ni votre présence, ni la sienne. Je vous avois écrit; j'esperois, j'attendois une rèponse—elle ne venoit pas. Les torts de ma première jeunesse se prèsenterent à mon imagination; ils n'ont été que trop violents, et la calomnie les a encore aggravés; le bruit en est devenu, malheureusement, populaire. Vous pouviez y ajouter foi, je n'osois m'en plaindre, mais j'etois au désespoir.

Que de tourments m'attendoitent à mon retour. Votre silence, votre air froid, l'acceuil de Mademoiselle N. si leger, si inattentif.... Je n'eus pas le courage de m'expliquer, j'allois à Petersbourg la mort dans l'âme. Je sentois que j'avois joué un rôle bien ridicule, j'avois été timide pour la première fois de ma vie et ce n'est pas la timidité qui dans un homme de mon âge, puisse plaire à une jeune personne de l'âge de M-lle votre fille. Un de mes amis va à Moscou, m'en rapporte un mot de bienveillance qui me rend la vie et maintenant que quelques paroles gracieuses que vous avez daigné m'adresser, auroient du me combler de joie—je suis plus malheureux que jamais. Je vais tâcher de m'expliquer.

L'habitude et une longue intimité pourroient seules me faire gagner l'affection de M-lle votre fille; je puis ésperer me l'attacher à la longue, mais je n'ai rien pour lui plaire; si elle consent à me donner sa main, je n'y verrois que la preuve de la tranquille indifference de son cœur. Mais entourée d'admiration, d'hommages, de séductions, cette tranquillité lui durera-t-elle? On lui dira qu'un malheureux sort l'a seul empêché de former d'autres liens plus égaux, plus brillants, plus dignes d'elle,—peut-être ces propos seront-ils sinceres, mais à coup sûr elle les croira tels. N'aura-t-elle pas des regrets? ne me regardera-t-elle pas comme un obstacle, comme un ravisseur frauduleux? ne me prendra-t-elle pas en aversion? Dieu m'est témoin que je suis prêt à mourir pour elle, mais devoir mourir pour la laisser veuve brillante et libre de choisir demain un nouveau mari—cette idée—c'et l'enfer.

С. Н. КАРАМЗИНА.

Parlons de la fortune: j'en fais peu de cas. La mienne m'a suffit jusqu'à present. Me suffira-t elle marié? je ne souffrirai pour rien au monde que ma femme connu des privations, qu'elle nefut pas là où elle est appelée à briller, à s'amuser. Elle a le droit de l'exiger. Pour la satisfaire je suis prêt à lui sacrifier tous les gouts, toutes les passions de ma vie, une existance toute libre et toute aventureuse. Toutefois ne murmurra-t-elle pas si sa position dans le monde ne sera pas aussi brillante qu'elle le mérite et que je l'aurois désiré?

Telles sont, en partie, mes anxhietés—je tremble que vous ne les trouviez trop raisonnables. Il y en a une que je ne puis me résoudre à confier au papier...

Daignez agreer, Madame, l'hommage de mon entier dévouement et de ma haute consideration.

A. Pouchkine.

Samedi.

302.

С. Л. и Н. О. Пушкинымъ.

(Черновое).

[Первая половина апрѣля 1830 г. Москва].

Mes très chers parents, je m'adresse à vous dans un moment qui va [decider] fixer le reste de ma vie—

Je m'adresse à vous dans un moment qui va fixer mon sort pour le reste de ma vie—

[Il y a un an] [Il y]. Je veux me marier à une jeune personne qu j'aime depuis un an [M. G. dont vous avez] [M-lle Natalie Gontch.] [C'est M-lle Gon.]. J'ai son consentement, celui de sa mère.— Je vous demande votre benediction non comme une vaine formalité, mais dans l'intime persuasion que cette benediction est necessaire à mon [notre bonheur c'est à dire à celui mon notre] bien aitre— [J'espére] et puisse la dernière moitié de mon existence être [plus] pour vous plus consolante que ne le fut ma triste jeunesse—[J'ai le consentement de]

[La fortune de M-d G.] [est en ma..... tion] [étant] [est] [très derangée et dependante] [la mienne] [elle a du me faire. J'ai le consentement de M-lle Gontch.—J'ai et.] en partie de celle de son beau pére cet article est la seule [obj.] obstacle qui s'oppose à mon bonheur—[En aimant sans esperance] [J'aime] [J'aime étoit bien malheureux mais si après avoir eu son consentement] Je n'ai pas la force [le courage] de songer à y renoncer. Il m'est bien plus [conv.] aisé d'esperer que vous viendrez à mon secours. Je vous en conjure, écrivez moi ce que vous pouvez faire pour.....

303.

А. Х. Бенкендорфу.

[16-го апрѣля 1830 г. Москва].

Mon Géneral,

Je suis tout embarrassé de m'adresser à l'Autorité dans une circonstance purement personnelle, mais ma position et l'intérêt que vous avez bien voulu me témoigner jusqu'à présent m'en font une obligation.

Je dois me marier à m-lle Gontcharof que vous avez du voir à Moscou, j'ai son consentement et celui de sa mère; deux objections m'ont été faites: ma fortune et ma position à l'égard du gouvernement. Quant à la fortune, j'ai pu répondre qu'elle étoit suffisante, grâce à Sa Majesté qui m'a donné les moyens de vivre honorablement de mon travail. Quant à ma position, je n'ai pu cacher qu'elle étoit fausse et douteuse. Exclu du service en 1824, cette flétrissure me reste. Sorti du Lycée en 1817 avec le rang de la 10-me classe, je n'ai jamais reçu les deux rangs qui me revenoient de droit, mes chefs négligeant de me présenter et moi ne me souciant pas de le leur rappeler. Il me seroit maintenant pénible de rentrer au service, malgré toute ma bonne volonté. Une place toute subalterne, telle que mon rang me permet de l'occuper, ne peut me convenir. Il me distrairoit de mes occupations littéraires qui me font vivre et ne feroit que me donner des tracasseries sans but et sans utilité. Je n'y dois donc plus songer. M-me Gontcharof est effrayée de donner sa fille à un homme qui auroit le malheur d'être mal vu de l'Empereur.—Mon bonheur dépend d'un mot de bienveillance de Celui pour lequel mon dévouement et ma reconnaissance sont déjà purs et sans bornes.

Encore une grâce: En 1826 j'apportois à Moscou ma tragedie de Годуновъ, écrite pendant mon Exil. Elle ne vous fut envoyée, telle que vous l'avez vue, que pour me disculper. L'Empereur ayant daigné la lire m'a fait quelques critiques sur des passages trop libres et je dois l'avouer, Sa Majesté, n'avoit que trop raison. Deux ou trois passages ont aussi attiré son attention, parcqu'ils sembloient présenter des allusions aux circonstances alors récentes, en les relisant actuellement je doute qu'on puisse leur trouver ce sens-là. Tous les troubles se ressemblent, l'Auteur dramatique ne peut répondre des paroles qu'il met dans la bouche des personnages historiques. Il doit les faire parler selon leur caractère connu. Il ne faut donc faire attention qu'à l'esprit dans le quel est conçu l'ouvrage entier, à l'impression qu'il doit produire. Ma tragédie est une oeuvre de bonne foi et je ne puis en conscience supprimer ce qui me paroit essentiel. Je supplie Sa Majesté de me pardonner la liberté que je prends de la contredire; je sais bien que cette opposition de poëte peut prêter à rire, mais jusqu'à présent j'ai toujours constamment refusé toutes les propositions des libraires; j'étois heureux de pouvoir faire en silence ce sacrifice à la volonté de Sa Majesté. Les circonstances actuelles me pressent et je viens supplier Sa Majesté de me délier les mains et de me permettre d'imprimer ma tragédie comme je l'entends.

Encore une fois je suis tout honteux de vous avoir entretenu si longuement de moi—Mais votre indulgence m'a gâté et j'ai beau n'avoir rien fait pour mériter les bienfaits de l'Empereur, j'espère et je crois toujours en lui.

Je suis avec la considération la plus haute
de Votre Excellence
le très humble et obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkin.

16 avril
1830
Moscou.

Je vous supplie, Mon Géneral, de me garder le secret.

(Черновое).

[Vous m'avez permis de m'adresser toujours à Vous, je le fais en avec] Je suis tout [honteux] embarrassé de m'adresser [En 1826 j'ai vous] à l'autorité dans une circonstance [qui n'est] [n'interesse] [ne regarde] [que moi; mais vous m'en] purement personnelle, Mais [pardonnez] ma position [et la confiance que] et l'intérêt que vous avez bien voulu me temoigner jusqu'à présent [me donne] m'en font une obligation [Je vous supplie..... de me garder le secret].

Je [vais] dois me marier à M-lle, que Vous avez du voir à Moscou. J'ai son consentement et celui de sa mère—deux objections m'ont été faites. Ma fortune et ma position [envers] à l'égard du gouvernement. Quand à la première—j'ai pu répondre qu'elle étoit suffisante grâce à S. M. qui m'en a donné les moyens [de vivre de ma pensée— elle est honorable suffisante et indépendante.—Ma position—de vivre hono. de mon travail]. Je puis vivre honorablement de mon travail. Quand à ma position dans le monde, je n'ai qu cacher qu'elle étoit fausse et douteuse.—Exclu du service par feu [l'Emp.] Il [m'est] me serait difficile malgré les syeurs de me reprendre du service par feu l'Empereur [je porte encore cette tâche, je porte encore cette] cette flêtrissure me reste [encore]. [L'Emp.] Il [m'est] me serait difficile malgré les sueurs de me reprendre du service—Sorti du Lycée en 1817 avec le rang de le 10-me cl., je n'ai jamais reçu les deux rang suivants qui me revenoient de droit [puisque j'ai servi jusqu'à] <j'ai compté au

service jusqu'à 1824, époque de mon exclusion>. Mes chefs négligeant de me présenter et moi ne me souciant pas de le leur rappeler.—Une place toute subalterne telle que mon rang inf. me permet de l'occuper ne peut plus convenir [ni] à mon âge [ni à], elle ne feroit (ne servira dans occupations littér.) que me donner des tracasseries [sans que je puisse] sans but et sans utilité, je n'y osois donc plus songer—

[Je supplie votre Ex.] Encore une fois je suis tout honteux de vous entretenir si longuement [de....], mais [le bon. douleur de ma vie] mon bonheur dépend en quelque sorte [de] d'un mot de bienveillance. M-me Gontch. est effrayé de donner sa [famille] fille à un homme qui auroit le malheur d'être mal vu de l'Em. [et il m'a déjà comblé de tout dans bienfaits pour le quel], cependant mon devouement pour lui est plus vrai et plus vif que je ne pourrais l'exprimmer

Encore un mot et je finirai. En 1826 j'apportais à Moscou ma tragédie de Годун. écrite [à la campagne en 1824] pendant mon exil. Je n'avois nul envie de l'imprimer [telle que vous l'avez vue]—Elle ne vous fut envoyée telle que vous l'avez vue, que pour me disculper et pour montrer dans quel esprit cette tragédie est. L'Emp. ayant daigné la lire m'a fait quelques critiques sur [des critiques] des passages trop libres, trop burles. [critiques] et je dois l'avouer que S. M. a eu parf. raison—[d'aut.] deux ou trois passages ont attiré son attention parce qu'il sembloit présenter des allusions aux circonstances alors récentes (et là j'ai mieux aimer sacrifier ma tragédie et donner par la une faible) mais tous les troubles se ressemblent. En [les] relisant actuellement les passages marqués je doute qu'on puisse les trouver [aussi] répréhensibles.—L'auteur dra. ne peut répondre des paroles qu'il met dans la bouche des pers. histor. Il [ne peut] doit les faire parler selon leur caractère connu. — Il ne faut donc faire attention qu'à l'esprit dans lequel est conçu l'ouvrage entier, sinon—point de tragédie—[S. M. peut]. Je supplie S. M. de me pardonner l'audace de la contredire, mais ma tragédie est un oeuvre de bonne foi [et je puis en conscience] et si je suis conposé [de reconnaître] de retrancher ce qu'on [qu'il ne peut] m'indique de véritablement defectueux, je ne puis sur conscience supprimer ce qui me paroit [nécessaire] essentiel à l'intérêt de tout l'ouvrage. Je sais bien que cette opposition de poëte peut prêter à rire, mais je vous jure que j'y vais de coeur et d'âme [et j'aime autant]. Les passages marqués sont du reste purement historiques et on les retrouvroit dans des imitations qu'on a imprimé depuis.

Les circonstances actuelles me pressent [à le faire].

Je n'ai pas voulu jusqu'à présent imprimer ma tragédie malgré tout ce que les libraires m'en avoient offert. J'étois heureux de pouvoir faire ce sacrifice à la volonté de S. M.

Je supplie donc S. M. de me délier les mains, et de me permettre d'impr. ma trag. [telle que] comme j'ai l'attends. Je lui donne ma parole d'être un censeur beau [coup plus sévère que celui] aussi sévère que.....

Иванъ КИРѢЕВСКІЙ.

304.

С. П. Шевыреву.

29-го апрѣля 1830 г. [Москва].

Примите и мой сердечный привѣтъ, любезный Степанъ Петровичь, Мы жители прозаической Москвы осмѣливаемся писать къ вамъ въ поэтическій Римъ надѣясь на дружбу вашу—Возвратитесь обогащенный воспоминаніями, новымъ знаніемъ, вдохновеніями возвратитесь и оживите нашу дремлющую сѣверную литературу. А. П.

305.

Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

[Конецъ апрѣля—начало мая 1830 г. Москва].

Vous avez raison de trouver l'Ane délicieux — C'est un des ouvrages les plus marquants du moment. On l'attribue à V. Hugo — j'y vois plus de talent que dans le dernier jour où il y en a beaucoup.—Quand à la phrase qui vous a embarrassée — je vous dirai d'abord de ne pas prendre au serieux tout ce qu'avance l'auteur. Tout le monde a préconisé le premier amour, il a trouvé plus piquant de parler du second. Peut-être, a-t-il raison. Le premier amour est toujours une affaire de sentiment: plus il fut bête, et plus il laisse de souvenirs délicieux. Le second est une affaire de volupté—voyez vous. On pourroit pousser le parallèle beaucoup plus loin—Mais je n'en ai guère le tems. Mon mariage avec Nathalie <qui par parenthèse est mon cent-treizième amour> est décidé. Mon père me donne 200 paysans que j'engage au lombard, et vous, chère Princesse, je vous engage à être ma Посаженая Мать.

A vos pieds. A. P.

Erratum, variante: après 200 paysans.

Je les engage au lombard, et vous, divine Princesse, à être ma Посаженая Мать.

306.

М. П. Погодину.

[Конецъ апрѣля—начало мая 1830 г. Москва].

Пушкинъ приходилъ поздравить Васъ съ новоселіемъ.

307.

Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

[Май 1830 г. Москва].

Chère Princesse, voilà vos livres—je vous les renvoye les larmes aux yeux - Quelle idée avez vous de partir aujourd'hui — и на кого вы насъ покидаете? Je viens chez vous dans un moment.

На оборотѣ: К. В. Ф. Вяземской.

308.

Князю П. А. Вяземскому.

2-го мая [1830 г. Москва].

Благодарю тебя, мой милый, за твои поздравленія и мадригалы—я въ точности передамъ ихъ моей невѣстѣ. Правда ли что ты собираешься въ Москву? Боюсь Графини Ф. Она удержитъ тебя въ П. Б.—Говорятъ что у Канкрина ты при особыхъ порученіяхъ и настоящая твоя служба при ней.—Пріѣзжай, мой милый, да влюбись въ мою жену а мы поговоримъ объ Газетѣ иль Альманахѣ. Дельвигъ въ самомъ дѣлѣ лѣнивъ однакожъ его Газета хороша, ты много оживилъ ее—Поддерживай ее покамѣсть нѣтъ у насъ другой.—Стыдно будетъ уступить поле Булгарину—Дѣло въ томъ что чисто-литературной Газеты у насъ быть не можетъ, должно принять въ союзницы или Моду или Политику. Соперничествовать съ Раичемъ и Шаликовымъ какъ то совѣстно. Но неужъ то Булгарину отдали монополію политическихъ новостей? Неужъ то кромѣ Сѣв. Пчелы ни одинъ журналъ не смѣетъ у насъ объявить что въ Мексикѣ было землетресеніе, и что Камера депутатовъ закрыта до сентября? Неужъ то нельзя выхлопотать этаго дозволенія? Справься-ка съ молодыми да и съ Бенкендорфомъ. Тутъ дѣло идетъ не о политическихъ мнѣніяхъ, но о сухомъ изложеніи происшедствій. Да и неприлично правительству заключать союзъ—съ кѣмъ? съ Булгаринымъ и Гречемъ. Пожалуйста поговори объ этомъ, но втайнѣ: если Булгаринъ будетъ это подозрѣвать, то онъ по своему обыкновенію, пуститься въ доносы и клевету—и съ нимъ не справишься.

Отчего ненапечатано мое посвященіе тебѣ въ третьемъ изд. Фонтана? Неужъ то мой Цензоръ не пропустилъ? Это для меня очень досадно. Узнай, пожалуйста, какъ и за чѣмъ?

Сегодня везу къ моей невѣстѣ Солнцева — Жаль что представлю его не въ прежнемъ его видѣ доставившемъ ему камергерство. Она болѣе благоговѣла бы передъ родственнымъ его брюхомъ. Дядя В. Л. также плакалъ узнавъ о моей помолвкѣ—Онъ собирается на свадьбу подарить намъ стихи. На дняхъ онъ чуть неумеръ и чуть не ожилъ. Богъ знаетъ чѣмъ и зачѣмъ онъ живетъ.—Сказывалъ ты Катеринѣ Андр. о моей помолвкѣ? Я увѣренъ въ ея участіи — но передай мнѣ ея слова—они нужны моему сердцу, и теперь несовсѣмъ щастливому. Прощай, мой милый—Обнимаю тебя и Жуковскаго.

2 мая.

На оборотѣ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ на Моховой, въ домѣ Межуевой. *Почтовый штемпель*: Москва 1830 мая 3.

309.

А. Н. Гончарову.

3-го мая 1830 г. Москва.

Милостивый Государь,

Аѳанасій Николаевичь!

Съ чувствомъ сердечнаго благоговѣнія обращаюсь къ Вамъ, какъ главѣ семейства, которому отнынѣ принадлежу. Благословивъ Наталію Николаевну, благословили вы и меня. Вамъ обязанъ я больше нежели чѣмъ жизнію. Щастіе Вашей внуки будетъ священная, единственная моя цѣль и все чѣмъ могу воздать Вамъ за Ваше благодѣяніе.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ, преданностію и благодарностію честь имѣю быть

Милостивый Государь
Вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Александръ Пушкинъ.

3 мая
1830
Москва.

(Черновое).

Съ чувствомъ [сердечной, глубокой] благодарности обращаюсь къ вамъ какъ главѣ семейства [въ которое] которому отнынѣ [я] принадлежу—Благословивъ Наталью Н. [.....] благословили вы и меня—Вамъ обязанъ я [щастіемъ жизни моей. Обезпечивъ ея состояніе всту.... моей мало для благодарности]. Щастіе вашей внуки [вашей] [будетъ, есть единственный мой] будетъ [моя] священная, единственная цѣль [жизни].

Стараясь сдѣлаться дост. [заслужить, постараюсь, буду стараться быть достойнымъ] благодѣянія вашего, съ чувствами [глубокою] глубочайшаго уваженія и преданности пребыть честь имѣю и пр.

310.

П. А. Плетневу.

[Начало мая 1830 г. Москва].

Милый! побѣда! Царь позволяетъ мнѣ напечатать Годунова въ первобытной красотѣ: Вотъ что пишетъ мнѣ Бенкендорфъ:

«Pour ce qui regarde votre tragédie de Godounof, S. M. vous permet de la faire imprimer sous votre propre responsabilité»—

Слушай-же, кормилецъ: я пришлю тебѣ трагедію мою съ моими понравками—а ты, благо-

дѣтель, явись къ Ф. Ф. и возьми отъ него письменное дозволеніе (нужно-ли оно?)

Думаю написать предисловіе. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично-ли мнѣ, Ал. Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ заговорить объ Ѳаддеѣ Булгаринѣ? Кажется не прилично. Какъ ты думаешь? рѣши.

Скажи: имѣло-ли вліяніе на разходъ Онѣгина, отзывъ Сѣв. Пчелы? Это для меня любопытно. Знаешь-ли что? у меня есть презабавные матеріалы для романа: Ѳаддей Выжигинъ. Теперь нѣкогда, а со временемъ можно будетъ написать это. Какое дѣйствіе произвела вообще и въ частности статья о Видокѣ? пожалуйста отпиши—

Ахъ, душа моя, какую женку я себѣ завелъ!—

Сей часъ получилъ письмо твое—благодарю, душа моя—Заключай условія какія хочешь - только нельзя-ли вмѣсто 4 лѣтъ 3 года—выторгуй хоть 6 мѣсяцевъ — Не продать-ли намъ Смирдину и Трагедію? Порученіе твое къ моей невѣстѣ исполню—Она заочно рекомендуется тебѣ и женѣ твоей—Что касается до будущаго мѣстопребыванія моего, то самъ незнаю—кажется отъ П. Б. не отдѣлаюсь—Царь со мною очень милъ.

На оборотѣ: Петру Александровичу Плетневу. Въ С.-Петербургѣ въ Екатерининскомъ Институтѣ.

Почтовый штемпель: Москва 1830 мая 5.

311.

М. П. Погодину.

[Первая половина мая 1830 г. Москва].

Сдѣлайте одолженіе скажите могу ли на дѣятся къ 30 маю имѣть 5000 р. или на годъ по 10 рг. с., или на 6 мѣс. по 5 рг. с.—Что четвертое дѣйствіе? А. П.

На оборотѣ: Михаилу Петровичу Погодину.

312.

М. П. Погодину.

[Первая половина мая 1830 г. Москва].

Сдѣлайте Божескую милость, помогите. Къ воскресенью мнѣ деньги нужны непремѣнно, а на васъ вся моя надежда А. П.

На оборотѣ: Михайлу Петровичу Погодину.

313.

М. П. Погодину.

[Первая половина мая 1830 г. Москва].

Выручите, если возможно—а я за васъ буду Бога молить съ женой и съ малыми дѣтушками—Завтра увижу ли васъ, и нѣтъ ли чего готоваго? <въ Трагедіи понимается>. А. П.

314.

М. П. Погодину.

[Первая половина мая 1830 г. Москва].

Могу ли къ Вамъ заѣхать и когда? и будутъ ли деньги? - У Бога конечно всего много, но онъ взаймы не даетъ а даритъ кому захочетъ, такъ я болѣе на Васъ надѣюсь чѣмъ на него <прости Господи прегрѣшеніе>. А. П. Post-scriptum et Nota bene: Румянцовъ уничтожилъ рогатки (chevaux de Frise), а ввелъ карреи кагульскія.

На оборотѣ: Михаилу Петровичу Погодину.

315.

М. П. Погодину.

[Первая половина мая 1830 г. Москва].

Какъ вы думаете, есть надежда на Надеждина, или Надоумко недоумѣваетъ? А. П.

На оборотѣ: Михаилу Петровичу Погодину.

С. С. КИСЕЛЕВА.
(Рожденная гр. Потоцкая).

316.

М. П. Погодину.

[Первая половина мая 1830 г. Москва].

Надеждинъ хоть изрядно насъ тешитъ иногда (тесать) или чешетъ etc. но лучше было бы если онъ теперь потѣшилъ—Двѣ тысячи лучше одной, суббота лучше понедѣльника etc. Весь вашъ etc.

На оборотѣ: Михаилу Петровичу Погодину.

317.

М. П. Погодину.

[Первая половина мая 1830 г. Москва].

Если уже часть, такъ бо̀льшую ради Бога. А. П.

318.

М. П. Погодину.

[Первая половина мая 1830 г. Москва].

Слава въ вышнихъ Богу, а на землѣ Вамъ, любезный и почтенный! ваши 1800 р. ас. получилъ съ благодарностію, а проччія чѣмъ Вы скорѣе достанете, тѣмъ меня болѣе одолжите. Впроччемъ я необязался именно къ которому числу. Весь Вашъ А. П.

На оборотѣ: Михаилу Петровичу Погодину.

319.

М. П. Погодину.

[Первая половина мая 1830 г. Москва].

Чувствую что я вамъ надоѣдаю, да дѣлать нечего. Скажите, сдѣлайте одолженіе, когда

именно могу надѣяться получить остальную сумму А. П.

Четвергъ.

На оборотѣ: Михаилу Петровичу Погодину.

320.

М. П. Погодину.

[Первая половина мая 1830 г. Москва].

Сердечно благодарю Васъ, любезный Михайло Петровичь, заемное письмо получите на дняхъ— Какъ Вамъ кажется письмо Чадаева? и когда увижу васъ. А. П.

321.

И. Ѳ. Антипину и Ѳ. И. Абакумову.

[27-го мая 1830 г. Полотняный Заводъ].

Александръ Пушкинъ съ чувствомъ живѣйшей благодарности принимаетъ знакъ лестнаго вниманія почтенныхъ своихъ соотечественниковъ Ивана Ѳомича Антипина и Ѳаддея Ивановича Абакумова. 27 мая 1830. П. Заводъ.

322.

А. Х. Бенкендорфу.

[29-го мая 1830 г. Москва].

Mon General,

Je supplie Votre excellence de me pardonner encore une fois mon importunité.

Le bisaieul de ma promise a eut jadis la permission d'élever dans sa terre de Полотняный Заводъ un monument à l'Imperatrice Catherine II. La statue colossale qu'il eu a fait fondre en bronze à Berlin est tout-à-fait marquée et n'a jamais pu être érigee. Elle se trouve depuis plus de 35 ans ensevelie dans les caves de la maison. Des marchands de cuivre en ont offert 40000 roubles, mais le proprietaire actuel, M-r Gontcharof n'y a jamais voulu consentir. Il tenoit à cette statue, toute difforme qu'elle étoit, comme au souvenir des bienfaits de la grande Souveraine. Il craignoit qu'en l'anéantissant il ne perdit aussi le droit d'ériger le monument. Le mariage de sa petite fille qui s'est décidé inopinément, l'a trouvé tout à fait sans ressource et après l'Empereur, il n'y a guère que feu son auguste Grand' Mère qui puisse nous tirer d'embarras. M-r Gontcharof consent quoiqu'a contre coeur, à sé deffaire de la statue, mais il craint de perdre un droit auquel il tient. Je supplie donc Votre Excellence de vouloir bien me faire parvenir premierement, la permission de faire fondre la statue en question, secondement, la grâce de conserver à M-r Gontcharof le droit d'ériger dès qu'il le pourra un monument à la bienfaitrice de sa famille.

Agréez, mon General l'hommage de mon parfait dévouement et de ma haute considération

de Votre Excellence

le très humble et très obéissant

serviteur

Alexandre Pouchkine.

le 29 mai 1830.

Moscou.

(Черновое).

Je [vous supplie] demande pardon votre Excellence [de n'être pas impatienté de mon..... importunité par de.... frequenter] de me pardoner encore une fois mon importunité. [M] Mr Gontcharof] [le grand père] le bisaieul de ma promise [se trouvant est très derangé dans ses affaires] a eu jadis [a permission d'elever dans la terre de P. Z. un monument à l'Imp. [de] Cath. Sec. [Ce] [Il a fait fondre une. Sa statue colossale [en bronze]—[et] [mais se trouvant] qu'il a [fait venir de] fait fondre eu br. à Berlin [n'a jamais et.] a [été] est tout à fait manquée [et aucun..] et difforme [elle] et n'a jamais [été] pu être érigé — et se trouve [a present] depuis plus de 35 ans [dans] ensevelie dans [les] une cave [de la.....] ou — Des marchands de cuivre en ont offert [au] 50.... le proprietere actuel, Mr. Gontch., jamais [il] n'y a jamais voulu consentir [par motif de délicatesse], il tenoit à cette statue toute difforme qu'elle étoit, comme au souvenir des bienfais de la grande Souvereine.—Il craignait qu'en l'anéantissant, il ne perdit aussi le droit qu'il avoit d'eriger ce monument ce [qu'il se promettoit de] faire dès que les affaires, actuell très derangées pourroient le permettre—

Le mariage de sa petite fille qui s'est décidé [fait assez] inopinement—l'a trouvé tout à fait sans ressource et à pres. [Sa Majesté] l'Empereur il n'y a guère que f..... [Ses. Ca.] Grand' mère son aieul qui puisse nous tirer d'embarras. [Il] Mr. G. consent quoiqu'à contre coeur [de ceder vendre] de se deffaire la statue, mais il craint de perdre un droit auquel il tient. Je supplie donc votre exce. de vouloir bien me faire parvenir d'abord [une] la permission de faire fondre la statue en question, comme [celle] la Grâce de conserver à Mr. Gontch. le droit d'ériger des qu'il le voudra [le] un monument à la bienfaitrice de sa famille.

323.

Огонь-Догановскому.

(Черновое).

[Май — іюнь 1830 г. Москва].

Я съ охотою взялся бы [заплатить] выкупить [векселя] ваши долги (но слѣдующія вамъ 24800 рублей обязанъ я выплатить въ теченіе 4 лѣтъ—) [а вы въ срокъ вашимъ вексел.]. Но срокъ онымъ Векселямъ по словамъ вашимъ два года, а слѣд.—) [Если согласятся 25]. Я никакъ не въ состояніи, попричинѣ дурныхъ оборотовъ заплатить вдругъ 25 тыс. [Если согласятся]. Все что могу за вашъ 25 тысяч. Вексель [продать за] выдать 20 съ вычитымъ 10 проц. за годъ—[то я] т. е. 18 тысячь рубл. въ таковомъ случаѣ извольте отписать ко мнѣ и я не премину чрезъ Васъ или чрезъ кого Вамъ будетъ угодно доставить вамъ....

324.

Н. Н. Гончаровой.

(Черновое).

[Начало іюня 1830 г. Москва].

Je voudrais pouvoir espérer que cette lettre ne vous trouvera plus à Zavod [mais c'est avec délice que j'obéis à vos ordres]—Me voilà donc à

Moscou si triste, si ennuyeux, lorsque vous n'y êtes pas. Je n'ai pas eu le courage de passer par la Nikit. encore moins de venir demander des nouvelles d'Agra (?). Vous ne saurez imaginer l'angoisse que donne votre absence; je me reprends d'avoir quitté Z.—Toutes mes craintes etc. me [devien.] reviennent plus vives et plus noires. [Que sais-je!] Je voudrais espérer etc. — Je compte les quarts d'heure qui me séparent de vous—

325.

А. Н. Гончарову.

[7-го іюня 1830 г. Москва].

Милостивый Государь,

Аѳанасій Николаевичь,

Каждый день ожидалъ я обѣщанныхъ денегъ и нужныхъ бумагъ изъ Петербурга и до сихъ поръ ихъ не получилъ. Вотъ причина моего невольнаго молчанія. Думаю что буду принужденъ въ концѣ сего мѣсяца на нѣсколько дней отправится въ П. Б. чтобъ привести дѣла свои въ порядокъ.

Что касается до памятника, то я тотчасъ по своемъ пріѣздѣ въ Москву, писалъ о немъ Бенкендорфу. Не знаю уѣхалъ ли онъ съ Государемъ и гдѣ теперь онъ находится. Отвѣтъ его, вѣроятно, незамѣдлитъ.

Позвольте мнѣ, Милостивый Государь Аѳанасій Николаевичь, еще разъ сердечно Васъ благодарить за отеческія милости оказанныя Вами Наталіи Николаевнѣ и мнѣ. Смѣю надѣяться что современемъ заслужу Ваше благоразположеніе. По крайнѣй мѣрѣ жизнь моя будетъ отнынѣ посвящена щастію той, которая удостоила меня своего выбора и которая такъ близка Вашему сердцу.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльной преданностію имѣю щастіе быть,

Милостивый Государь

Вашъ Покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

7 іюня 1830.
Москва.

326.

А. Н. Гончарову.

[28-го іюня 1830 г. Москва].

Милостивый Государь,

Аѳанасій Николаевичь,

Только сей часъ получилъ я бумагу Вашего повѣреннаго и не успѣлъ еще ея пробѣжать. Осмѣливаюсь повторить Вамъ то что уже говорилъ я Золотову: главное дѣло не вооружить противу себя Канкрина, а никакъ не вижу какимъ образомъ Вамъ безъ него обойтиться. Государь получивъ просьбу Вашу, отдастъ ее непремѣнно на разсмотрѣніе Министра Финансовъ, а министръ уже разъ отказавши, захочетъ и теперь поставить на своемъ. Временное вспоможеніе (двумя или тремя стами тыс.) хотя вещь и затруднительная но все легче, ибо зависитъ единственно отъ произвола Государева. На дняхъ ѣду въ П. Б. и если бумага Ваша небудетъ имѣть желаемаго успѣха, то готовъ (если прикажете) хлопотать объ этомъ вспоможеніи и у Бенкендорфа и у Канкрина. Что касается до заложенія Заводовъ, то хотя я и увѣренъ въ согласіи молодыхъ Вашихъ родственниковъ и въ ихъ повиновеніи Вашей волѣ, но въ ихъ отсутствіи неосмѣлюсь дѣйствовать мимо ихъ. Надѣюсь что мое чистосердечіе не повредитъ мнѣ въ Вашемъ ко мнѣ благоразположеніи, столь драгоцѣнномъ для меня: мнѣ казалось лучше объясниться прямо и откровенно, чѣмъ обѣщать и не выполнить.

Ожидая дальнѣйшихъ Вашихъ приказаній, препоручаю себя Вашему благоразположенію и честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію

Милостивый Государь

Вашъ покорнѣйшій слуга.

Александръ Пушкинъ.

28 іюня
1830
Москва.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Аѳанасью Николаевичу Гончарову. Въ Калугу на полотняномъ Заводѣ.

Н. Д. КИСЕЛЕВЪ.

327.

А. Х. Бенкендорфу.

[4-го іюля 1830 г. Москва].

Милостивый Государь

Александръ Христофоровичь,

Имѣлъ я щастіе получить письмо Вашего Высокопревосходительства отъ 26 прошедшаго мѣсяца. Вашему благосклонному ходатайству обязанъ я всемилостивѣйшимъ соизволеніемъ Государя на просьбу мою; Вамъ и приношу привычную, сердечную мою благодарность.

На дняхъ долженъ я буду, по своимъ дѣламъ, пріѣхать въ Петербургъ, и буду имѣть щастіе явиться къ Вашему Высокопревосходительству.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностью, честь имѣю быть, Милостивый Государь,

Вашего Высокопревосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

4 іюля
1830
Москва.

328.

М. Н. Загоскину.

14-го іюля [1830 г.]. Москва.

Милостивый Государь

Михайла Николаевичь

Братъ вчерашняго Австрійскаго императора Щепина возъимѣлъ сильное желаніе быть принятымъ въ театральную школу. Препоручаю Его Высочество Вашему покровительству.

Сегодня или завтра ѣду въ П. б. на нѣсколько дней — надѣюсь при своемъ возвращеніи нати Васъ и все семейство Ваше въ добромъ здоровіи. Весь Вашъ А. Пушкинъ.

14 іюля. Москва.

На оборотѣ: Его Высокородію Милостивому Государю Михайлу Николаевичу Загоскину.

329.

Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

20-го іюля [1830 г.]. Петербургъ.

Имѣю честь вамъ представить моего брата, котораго вы находите такимъ хорошенькимъ, независимо отъ того, что онъ мнѣ братъ, но, несмотря на то, умоляю васъ принять его благосклонно. Мое путешествіе было до смерти скучное. Никита Андреевичъ купилъ мнѣ бричку, которая сломалась на первой станціи—я починилъ ее булавками—на второй та же исторія—и такъ далѣе. Наконецъ, я нагналъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Новгорода, вашего Всеволожскаго: у него сломалось колесо. Мы окончили путешествіе вмѣстѣ, толкуя много о картинахъ князя Г. Петербургъ мнѣ кажется уже довольно скучнымъ, и я разсчитываю сократить мое пребываніе здѣсь, насколько могу. Завтра начнутся мои визиты вашимъ роднымъ. *Нат. Кир.* въ деревнѣ. *Кат. Ив.* въ Парголовѣ <чухонская деревня, гдѣ живетъ графиня Полье>. Что до хорошенькихъ женщинъ, то я видѣлъ пока m-me и m-lle Малиновскихъ, съ которыми я неожиданно обѣдалъ вчера.

Я тороплюсь — цѣлую руки Натальѣ Ивановнѣ, которую я еще не называлъ maman, и вамъ также, мой ангелъ, такъ какъ вы мнѣ не позволяете цѣловать васъ. Мои поклоны вашимъ сестрамъ.—20 іюля.—Спб.

На оборотѣ: M-lle Natalie Gontcharoff.

(Начало черновика).

J'ai l'honneur de vous—mon frère, qui a trouvé.

330.

Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

[Между 20 и 30 іюля 1830 г. Петербургъ].

Передалъ ли вамъ мой братъ мое письмо, и почему вы не росписываетесь въ полученіи его, какъ вы мнѣ то обѣщали? Я жду этой росписки съ нетерпѣніемъ, и минута, когда я получу ее отъ васъ, вознаградитъ меня за скуку моего пребыванія здѣсь. Я долженъ вамъ описать мой визитъ *Натальѣ Кирилловнѣ.* Пріѣзжаю, обо мнѣ докладываютъ, она меня принимаетъ за своимъ туалетомъ, какъ хорошенькая женщина прошедшаго столѣтія. — Вы женитесь на моей племянницѣ?—Точно такъ.—Какъ же это, я очень удивлена, меня объ этомъ не извѣщали, *Наташа* ничего мнѣ не писала. (Это не о васъ она говорила, а о maman). Я отвѣчалъ ей на это, что бракъ былъ рѣшенъ весьма недавно, что разстроенныя дѣла *Аѳанасія Николаевича, Натальи Ивановны,* и пр. и пр. Она не приняла моихъ резоновъ: — *Наташа* знаетъ, какъ я люблю ее, *Наташа* мнѣ всегда писала во всѣхъ случаяхъ своей жизни, *Наташа* мнѣ напишетъ и теперь; такъ какъ мы теперь въ родствѣ, то, надѣюсь, вы будете посѣщать меня часто. Потомъ она много разспрашивала о maman, о Николаѣ Аѳанасьевичѣ, о васъ; она повторила мнѣ комплименты государя на вашъ счетъ—и мы разстались друзьями. *Наталья Ивановна,* конечно, будетъ ей писать. Я еще не видалъ *Ивана Николаевича.* Я былъ на манёврахъ, а онъ воротился въ Стрѣльну только вчера. Я поѣду вмѣстѣ съ нимъ въ Парголово, такъ какъ ѣхать одному не имѣю ни охоты, ни храбрости. На этихъ дняхъ я предложилъ моему отцу написать *Аѳанасію Николаевичу;* но, можетъ быть, онъ самъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Что подѣлываетъ la Grand' maman de Zavode—бронзовая, разумѣется? Этотъ вопросъ не вызоветъ ли васъ писать мнѣ? Что вы подѣлываете? кого видите? гдѣ вы гуляете? ѣдете ли въ Ростовъ? будете ли мнѣ писать? Впрочемъ, не испугайтесь такого множества вопросовъ: вы можете очень хорошо не отвѣчать на все это— такъ какъ вы меня всегда считаете *сочинителемъ.* Я былъ на этихъ дняхъ у моей египтянки; она очень интересовалась вами. Она заставила меня нарисовать вашъ профиль и выразила желаніе познакомиться съ вами; почему принимаю на себя смѣлость рекомендовать вамъ ее: *прошу любить и жаловать.* Затѣмъ, кланяюсь вамъ. Мое почтеніе и поклонъ матушкѣ, вашимъ сестрамъ. До свиданія.

На оборотѣ: Ея Высокоблагородію, Милостивой Государынѣ Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, въ Москвѣ, на Никитской, въ домѣ Гончарова.

331.

Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

30-го іюля [1830 г. Петербургъ].

Вотъ письмо *Аѳ. Ник.* которое мнѣ пересылаетъ *Иванъ Николаевичъ.* Вы не можете себѣ представить, какъ оно меня затрудняетъ. Онъ получитъ дозволеніе, котораго такъ добивается. Но что касается до Завода, то я не имѣю ни кредита, который онъ мнѣ приписываетъ, ни охоты дѣйствовать противъ воли *Натальи Ивановны,* и безъ вѣдома вашего старшаго брата. Но хуже всего то, что я предвижу новыя отсрочки — тутъ, ей-ей, начнешь терять терпѣніе. Я еще не видѣлъ *Кат. Ив.;* она въ Парголовѣ, у графини Полье, которая почти сумасшедшая; она спитъ до 6-ти часовъ вечера и никого не принимаетъ. Вчера m-me Багрѣева, дочь Сперанскаго, присылала за мной, чтобъ вымыть мнѣ голову за то, что я не исполнилъ формальностей—но, въ самомъ дѣлѣ, у меня не хватаетъ силъ. Я мало ѣзжу въ свѣтъ. Васъ тамъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Прекрасныя дамы спрашиваютъ у меня

вашъ портретъ и не прощаютъ мнѣ того, что у меня его нѣтъ. Я утѣшаю себя, проводя цѣлые часы передъ бѣлокурой мадонной, похожей на васъ какъ двѣ капли воды; я купилъ бы ее, если бы она не стоила 40,000 рублей. *Аѳ. Ник.* слѣдовало бы вымѣнять ее на свою негодную Grand'maman, такъ какъ ему до сихъ поръ не удалось отлить ее. Серьёзно говоря, я боюсь, чтобы это не замедлило нашей свадьбы, развѣ только вотъ *Наталья Ивановна* согласится поручить мнѣ заботы о вашемъ приданомъ. Мой ангелъ, постарайтесь пожалуйста.

Я вѣтренникъ, мой ангелъ: перечитывая письмо *Аѳ. Ник.* я увидѣлъ, что онъ вовсе и не думаетъ закладывать своего Заводскаго имѣнія, и хочетъ, по моему совѣту, просить хоть кратковременной поддержки. Это — другое дѣло. Въ этомъ случаѣ я отправляюсь тотчасъ къ моему кузену, *Канкрину*, просить у него аудиенціи. Я еще не видался съ Бенкендорфомъ, и тѣмъ лучше: я постараюсь устроить все въ первой же аудіенціи. Простите, *мой ангелъ*. Мои поклоны всей вашей семьѣ, которую я осмѣливаюсь считать своею.—30 іюля.

P. S. Роспишитесь вы въ полученіи этого письма?

На оборотѣ: Ея Высокоблагородію, Милостивой Государынѣ Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, въ Москвѣ, на Никитской, въ домѣ Гончарова.

333.

Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

[4-го августа 1830 г. Петербургъ].

Здравствуйте, Княгиня. Какъ досадно что вы не застали меня въ Москвѣ; J'avois tant de choses à vous dire—J'avoue à ma honte que je m'amuse à Petersbourg et je ne sais trop comment et quand je serai de retour. Можетъ быть съ Княземъ, en tout cas au revoir. А. Р.

334.

М. Я. фонъ-Фоку.

9-го августа 1830 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь Максимъ Яковлевичъ,

Препровождая къ Вашему Превосходительству записку о дѣлѣ Г. Гончарова съ глубочайшимъ почтеніемъ и благодарностію честь имѣю быть, Милостивый Государь,

Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою
Александръ Пушкинъ.

9 августа
1830.

На оборотѣ: Его Превосходительству Милостивому Государю Максиму Яковлевичу Фонъ Фоку.

Приложена записка Пушкина: Государь Императоръ высочайше соизволилъ позволить Надв. Совѣт. Аѳанасью Николаевичу Гончарову расплавить неудачно вылитую статую покойной Государыни Екатерины II и предоставить ему, когда обстоятельства дозволятъ, право воздвигнуть другой памятникъ.

335.

А. Н. Гончарову.

14-го августа 1830 г. Москва.

Милостивый Государь Афанасій Николаевичъ.

По приказанію Вашему явился я къ Графу Канкрину и говорилъ о Вашемъ дѣлѣ т. е. о вспоможеніи денежномъ; я нашелъ министра довольно неблагосклоннымъ. Онъ говорилъ что сіе дѣло зависитъ единственно отъ Государя; я просилъ отъ него покрайнѣй мѣрѣ обѣщанія не прекословить Государю если Его Величеству угодно будетъ оказать Вамъ отъ себя оное вспоможеніе. Министръ далъ мнѣ слово.

Что косается до позволенія перелить памятникъ, то Вы получите немѣдленно бумагу на имя Ваше отъ Генерала Бенкендорфа. Судьба моя зависитъ отъ Васъ; осмѣливаюсь вновь умолять Васъ о разрѣшеніи ея. Вся жизнь моя будетъ посвящена благодарности.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію имѣю щастіе быть

Милостивый Государь
Вашимъ покорнѣйшимъ
слугою
Александръ Пушкинъ.

14 августа
1830
Москва.

П. Д. КИСЕЛЕВЪ.

336.

А. Н. Гончарову.

24-го августа [1830 г.]. Москва.

Милостивый Государь
Аѳанасій Николаевичъ,

Сердечно жалѣю что старанія мои были тщетны и что имѣю такъ мало вліянія на нашихъ министровъ: я бы за щастіе почелъ сдѣлать что нибудь Вамъ угодное.

Смерть Дяди моего, Василья Львовича Пушкина, и хлопоты по сему печальному случаю, разстроили опять мои обстоятельства. Не успѣлъ я выдти изъ долга, какъ опять принужденъ былъ задолжать. На дняхъ отправлюсь я въ Нижегородскую деревню, дабы вступить во владѣніе оной. Надежда моя на Васъ однихъ. Отъ Васъ однихъ зависитъ рѣшеніе судьбы моей.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю щастіе быть
Милостивый Государь
Вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Александръ Пушкинъ.

24 августа
Москва.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Аѳанасью Николаевичу Гончарову.

337.

Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

[Конецъ августа 1830 г. Москва].

Я отправляюсь въ *Нижній*, безъ увѣренности въ своей судьбѣ. Если ваша мать рѣшилась расторгнуть нашу свадьбу, и вы согласны повиноваться ей, я подпишусь подо всѣми мотивами, какіе ей будетъ угодно привести своему рѣшенію, даже и въ томъ случаѣ, если они будутъ настолько основательны, какъ сцена, сдѣланная ею мнѣ вчера, и оскорбленія, которыми ей угодно было меня осыпать. Можетъ быть, она права, и я былъ неправъ, думая одну минуту, что я былъ созданъ для счастья. Во всякомъ случаѣ, вы совершенно свободны; что же до меня, то я даю вамъ честное слово принадлежать только вамъ или никогда не жениться. *А. П.*

На оборотѣ: Mademoiselle Natalie Gontcharoff.

338.

Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

[Послѣднія числа августа 1830 г. Москва].

Je pars brouillé avec M-de Gontcharof. Le lendemain du bal elle m'a fait la scène la plus ridicule que vous puissiez vous imaginer. Elle m'a dit des choses qu'en conscience je n'ai pu entendre—Je ne sais encore si mon mariage est rompu. mais l'occasion est là, et j'ai laissé la porte toute grande ouverte. Je n'ai pas voulu en parler au Prince, mais dites le lui, et gardez moi tous deux le secret. Ha la maudite chose que le bonheur! Addio, chère Princesse—Ecrivez moi un mot à Лукіяновъ въ село Болдино.

На оборотѣ: Княгинѣ.

339.

П. А. Плетневу.

31-го августа [1830 г. Москва].

Хорошъ!... не хотѣлъ со мною проститься и ни строчки мнѣ не пишешь. Сей часъ ѣду въ Нижній, т. е. въ Лукіяновъ, въ село Болдино—пиши мнѣ туда, коли вздумаешь.

Милый мой, разкажу тебѣ все что у меня на душѣ: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилѣтняго, хужѣ 30-ти лѣтъ жизни игрока. Дѣла будущей тещи моей разстроены. Свадьба моя отлагается день отъ дня далѣе. Между тѣмъ я хладѣю, думаю о заботахъ женатаго человѣка, о прелести холостой жизни. Къ тому же Московскія сплетни доходятъ до ушей невѣсты и ея матери—отселѣ размолвки, колкіе обиняки, ненадежные примиренія — словомъ если я и не нещастливъ покрайнѣй мѣрѣ не щастливъ. Осень подходитъ. Это любимое мое время—сдоровье мое обыкновенно крѣпнетъ — пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ—а я долженъ хлопотать о приданомъ, да о свадьбѣ, которую сыграемъ Богъ вѣсть когда. Все это не очень утѣшно. Ѣду въ деревню. Богъ вѣсть буду-ли тамъ имѣть время заниматься, и душевное спокойствіе безъ котораго ничего не произведешь кромѣ эпиграммъ на Каченовскаго.

Такъ то, душа моя. Отъ добра добра не ищутъ. Чортъ меня догадалъ бредить о щастіи, какъ будто я для него созданъ. Должно было мнѣ довольствоваться независимостію которой обязанъ я былъ Богу и тебѣ—Грустно, душа моя—обнимаю тебя и целую нашихъ.

31 авг.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Петру Александровичу Плетневу. Въ С.-Петербургъ, въ Екатерин. Институтѣ.

340.

Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

9-го сентября [1830 г.]. Болдино.

Моя дорогая, моя милая *Наталья Николаевна* — я у вашихъ ногъ, чтобы благодарить и просить васъ о прощеніи за безпокойство, которое я вамъ причинилъ. Ваше письмо прелестно и вполнѣ меня успокоило. Мое пребываніе здѣсь можетъ продолжиться вслѣдствіе обстоятельства совершенно непредвидѣннаго. Я думалъ, что земля, которую мой отецъ далъ мнѣ, составляетъ особое имѣніе; но она—часть деревни изъ 500 душъ, и нужно приступить къ раздѣлу. Я постараюсь устроить все это какъ можно скорѣе. Еще больше я боюсь карантиновъ, которые начинаютъ установляться здѣсь. Въ окрестностяхъ у насъ Cholera morbus (очень миленькая персона). И она можетъ удержать меня дней двадцать лишнихъ. Сколько причинъ торопиться! Мой почтительный поклонъ *Натальѣ Ивановнѣ*; цѣлую ей руки съ крайнимъ смиреніемъ и нѣжностію. Сейчасъ же пишу Аѳанасію Николаевичу. Онъ, съ вашего позволенія, слишкомъ нетерпѣливъ. Благодарите очень m-lles Catherine и Alexandrine за ихъ любезную память, и еще разъ: простите меня и вѣрьте, что я только счастливъ тамъ, гдѣ вы. — 9 сентября, Болдино.

341.

А. Н. Гончарову.

9-го сентября 1830 г. Болдино.

Милостивый Государь,
Аѳанасій Николаевичь,

Изъ письма, которое удостоился я получить съ крайнимъ сожалѣніемъ замѣтилъ я что Вы предпологаете во мнѣ недостатокъ усердія. Примите, сдѣлайте милость, мое оправданіе. Не осмѣлился я взять на себя быть ходатаемъ по Вашему дѣлу, единственно потому что опасался получить

отказъ, не впору приступая съ просьбою къ Государю или Министрамъ. Сношенія мои съ правительствомъ подобны вешней погодѣ: поминутно то дождь то солнце. А теперь нашла тучка. — Вамъ угодно было спросить у меня совѣта на щетъ пути, по которому препроводить Вамъ къ Государю просьбу о временномъ вспоможеніи: думаю, всего лучше и короче чрезъ А. Х. Бенкендорфа. Онъ человѣкъ снисходительный, благонамѣренный и чуть-ли не единственный вельможа чрезъ котораго намъ доходятъ частныя благодѣянія Государя.

Препоручая себя Вашему благоразположенію, имѣю щастіе быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію,

Милостивый Государь
Вашъ покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

9 сентября
1830
С. Болдино.

342.

П. А. Плетневу.

[9-го сентября 1830 г. Болдино].

Я писалъ тебѣ премеланхолическое письмо милый мой Петръ Александровичь, да вѣдь меланхоліей тебя не удивишь, ты самъ на это собаку съѣлъ. Теперь мрачныя мысли мои поразсѣялись; пріѣхалъ я въ деревню и отдыхаю. Около меня Колера Морбусъ. Знаешь-ли что это за звѣрь? того и гляди что забѣжитъ онъ и въ Болдино, да всѣхъ насъ перекусаетъ—того и гляди что къ Дядѣ Василью отправлюсь а ты и пиши мою Біографію. Бѣдный Дядя Василій! Знаешь-ли его послѣднія слова? Пріѣзжаю къ нему, нахожу его въ забытьи, очнувшись онъ узналъ меня, погоревалъ потомъ помолчавъ: какъ скучны статьи Катенина! и болѣе ни слова. Каково? вотъ что значить умереть честнымъ воиномъ на щитѣ, le cri de guerre à la bouche! Ты не можешь вообразить какъ весело удрать отъ невѣсты, да и засѣсть стихи писать. Жена не то что невѣста. Куда! Жена свой братъ. При ней пиши сколько хошь— А невѣста пуще Цензора Щеглова, языкъ и руки связываетъ... Сегодня отъ своей получилъ я премиленькое письмо; обѣщаетъ выдти за меня и безъ приданаго. Приданое неуйдетъ. Зоветъ меня въ Москву—я пріѣду не прежде мѣсяца а оттолѣ къ тебѣ, моя радость. Что дѣлаетъ Дельвигъ, видишь-ли ты его. Скажи ему, пожалуйста, чтобъ онъ мнѣ припасъ денегъ; деньгами нечего шутить; деньги вещь важная—спроси у Канкрина и у Булгарина.

Ахъ, мой милый! что за прелесть здѣшняя деревня! вообрази: степь да степь; сосѣдей ни души; ѣзди верьхомъ сколько душѣ угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помѣшаетъ. Ужъ я тебѣ наготовлю всячины, и прозы и стиховъ—Прости-же, моя милая.

9 сент. 1830.
Болдино.

Что моя трагедія? я написалъ элегическое маленькое предисловіе не прислать-ли тебѣ его? Вспомни однакожъ что ты обѣщалъ мнѣ свое дѣльное, длинное. А цѣна трагедіи? 10 или 12?

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Петру Александровичу Плетневу. Въ С.-Петербургъ. Въ Екатерининск. Институтѣ.

С. Д. КИСЕЛЕВЪ.

343.

П. А. Плетневу.

[Болдино 29 сент. 1830 г.].

Сей часъ получилъ письмо твое и сей часъ же отвѣчаю. Какъ-же нестыдно было тебѣ понять хандру мою, какъ ты ея понялъ? Хорошъ и Дельвигъ, хорошъ и Жуковскій. Вѣроятно я выразился дурно; но это васъ неоправдываетъ. Вотъ въ чемъ было дѣло: Теща моя отлагала свадьбу за приданымъ, а ужъ конечно не я. Я бѣсился. Теща начинала меня дурно принимать и заводить со мною глупые ссоры; и это бѣсило меня. Хандра схватила [меня] и черныя мысли мной овладѣли. Не ужъ то *я* хотѣлъ иль думалъ отказаться? но я видѣлъ ужъ отказъ, и утѣшался чѣмъ ни попало. Все что ты говоришь о свѣтѣ справедливо; тѣмъ справедливѣе опасенія мои чтобъ тетушки да бабушки, да сестрицы не стали кружить голову молодой женѣ моей пустяками. Она меня любитъ, но посмотри, Алеко Плетневъ, какъ гуляетъ вольная луна etc. Баратынскій говоритъ что въ женихахъ щастливъ только дуракъ; А человѣкъ мыслящій безпокоинъ и волнуемъ будущимъ. Доселѣ онъ [одинъ] я—а тутъ онъ будетъ мы. Шутка! Отъ того-то я тещу и торопилъ; а она, какъ баба у которой дологъ лишь волосъ, меня не понимала да хлопотала о приданомъ, чортъ его побери. Теперь понимаешь-ли ты меня? понимаешь, Ну, слава Богу! Здравствуй, душа моя, какого поживаешь, а я—оконча дѣла мои ѣду въ Москву сквозь цѣлую цѣпь карантиновъ—Мѣсяцъ буду въ дорогѣ по крайнѣй мѣрѣ. Мѣсяцъ я здѣсь прожилъ не видя ни души, не читая журналовъ такъ что не знаю что дѣлаетъ Филипъ [Августъ] и здоровъ-ли Полиньякъ; я бы хотѣлъ переслать тебѣ проповѣдь мою здѣшнимъ мужикамъ о хо-

лерѣ; ты бы со смѣху умеръ, да не стоишь ты этого подарка. Прощай, душа моя; кланяйся отъ меня женѣ и дочери.

На оборотѣ: Е. В. М. Г. Петру Александровичу Плетневу, въ С.-Петербургъ въ Екатерининск. Институтѣ.

Почтовый штемпель: Арзамасъ 1830 г. окт. 1.

344.

Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

30-го сентября [1830 г. Болдино].

Вотъ я и совсѣмъ готовъ почти сѣсть въ экипажъ, хотя мои дѣла не окончены, и я совершенно палъ духомъ. Вы очень добры и обѣщаете мнѣ задержку въ *Богородицкѣ* не болѣе 6-ти дней. Мнѣ объявили, что устроено 5 карантиновъ отсюда до Москвы, и въ каждомъ мнѣ придется провести 14 дней; сосчитайте хорошенько и потомъ представьте себѣ, въ какомъ я долженъ быть сквернѣйшемъ настроеніи! къ довершенію благополучія, начался дождь, съ тѣмъ, конечно, чтобы не переставать до самаго саннаго пути. Если что можетъ меня утѣшать, то это - мудрость, съ которою устроены дороги отсюда до Москвы: представьте себѣ, окопъ съ каждой стороны, безъ канавъ, безъ стока для воды; такимъ образомъ, дорога является ящикомъ, полнымъ грязью; за то пѣшеходы идутъ весьма удобно по совершенно сухимъ тропамъ вдоль окоповъ и смѣются надъ увязшими экипажами. Будь проклятъ тотъ часъ, когда я рѣшился оставить васъ и пуститься въ эту прелестную страну грязи, чумы и пожаровъ—мы только и видимъ это. Что вы подѣлываете, между тѣмъ? Какъ идутъ дѣла, и что говоритъ дѣдушка? Знаете ли что онъ мнѣ писалъ? La Grand' maman, — говоритъ онъ, стоитъ не болѣе 7000 рублей, а въ такомъ случаѣ для чего ее тревожить въ ея уединеніи. Стоило же труда надѣлать столько хлопотъ! Не смѣйтесь надо мною, такъ какъ я бѣшусь. Наша свадьба, повидимому, все убѣгаетъ отъ меня, и эта чума, съ ея карантинами,—развѣ это не самая дрянная шутка, какую судьба могла придумать. *Мой ангелъ*, только одна ваша любовь препятствуетъ мнѣ повѣситься на воротахъ моего печальнаго замка <на этихъ воротахъ, скажу въ скобкахъ, мой дѣдъ нѣкогда повѣсилъ француза, *un outchitel*, аббата Николь, которымъ онъ былъ недоволенъ>. Сохраните мнѣ эту любовь, и вѣрьте, что въ этомъ все мое счастье. Позволяете мнѣ васъ обнять?—это нисколько не зазорно на растояніи 500 верстъ и сквозь пять карантиновъ. Эти карантины не выходятъ у меня изъ головы. Итакъ, простите, мой ангелъ. Мои душевные поклоны *Натальѣ Ивановнѣ*, привѣтствую отъ всего сердца вашихъ сестеръ и m r Serge. Имѣете ли извѣстіе о другихъ?—30 сентября.

На оборотѣ: Ея Высокоблагородію, Милостивой Государынѣ Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, въ Москвѣ, на Никитской, въ домѣ Гончарова.

Почтовый штемпель: Арзамасъ 1830 г. окт. 1.

345.

Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

11-го октября [1830 г. Болдино].

Въѣздъ въ Москву запрещенъ, и вотъ я запертъ въ Болдинѣ. Именемъ неба молю, дорогая *Наталья Николаевна*, пишите мнѣ, несмотря на то, что вамъ не хочется писать. Скажите мнѣ, гдѣ Вы? Оставили ли вы Москву? нѣтъ ли окольнаго пути, который могъ бы меня привести къ вашимъ ногамъ? Я совсѣмъ потерялъ мужество, и не знаю въ самомъ дѣлѣ что дѣлать? Ясное дѣло, что въ этомъ году (будь онъ проклятъ) нашей свадьбѣ не бывать. Но не правда ли, вы оставили Москву? Добровольно подвергать себя опасности среди холеры было бы непростительно. Я хорошо знаю, что всегда преувеличиваютъ картину ея опустошеній и число жертвъ; молодая женщина изъ Константинополя говорила мнѣ когда-то, что только *la canaille* умираетъ отъ холеры — все это прекрасно и превосходно; но все же нужно, чтобы порядочные люди принимали мѣры предосторожности, такъ какъ именно это спасаетъ ихъ, а вовсе не ихъ элегантность и не ихъ хорошій тонъ. Итакъ, вы въ деревнѣ, хорошо укрыты отъ холеры, не правда ли? Пришлите мнѣ вашъ адрессъ и бюллетень о вашемъ здоровьѣ! Мы же окружены карантинами, но эпидемія еще не проникла сюда. Болдино имѣетъ видъ острова, окруженнаго скалами. Ни сосѣда, ни книги. Погода ужасная. Я провожу мое время въ томъ, что мараю бумагу и злюсь. Не знаю, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, и какъ поживаетъ мой другъ Полиньякъ. Напишите мнѣ о немъ, такъ какъ я совсѣмъ не читаю журналовъ. Я становлюсь совершеннымъ идіотомъ; какъ говорится, до святости *). *Что дѣдушка, съ его мѣдной бабушкой? Оба живы и здоровы, не правда ли? Передо мной теперь географическая карта; я смотрю, какъ бы дать крюку, и пріѣхать къ вамъ черезъ Кяхту или черезъ Архангельскъ? Дѣло въ томъ, что для друга семь верстъ—не крюкъ, а ѣхать прямо на Москву, значитъ, семь верстъ киселя ѣсть <да еще какова? московскаго!>*. Вотъ по истинѣ, плохія шутки. *Je ris jeune*, какъ говорятъ пуассардки. Прощайте. Повергните меня къ ногамъ вашей maman; мои сердечные привѣты всему семейству. Прощайте, мой прелестный ангелъ. Цѣлую кончики вашихъ крыльевъ, какъ говорилъ Вольтеръ людямъ, которые не стоили васъ.—11 октября.

Почтовый штемпель: Арзамасъ 1830 г. окт. 16

346.

Н. Н. Гончаровой.

[Конецъ октября 1830 г. Болдино].

Милостивая Государыня Наталья Николаевна, я по французски браниться не умѣю, такъ позвольте мнѣ говорить вамъ по русски, а вы, мой Ангелъ, отвѣчайте мнѣ хоть по чухонски да только отвѣчайте. Письмо Ваше отъ 1-го окт. получилъ я 26-го. Оно огорчило меня по многимъ причинамъ во первыхъ потому что оно шло ровно 25 дней. 2) что вы перваго октября были еще въ Москвѣ давно уже зачумленной. 3) что вы не получили моихъ писемъ. 4) что письмо ваше короче было визитной карточки; 5) что вы на меня видно сердитесь между тѣмъ какъ я пренещастное животное ужъ безъ того. Гдѣ вы? что вы? я писалъ въ Москву, мнѣ не отвѣчаютъ—

---

*) Во французскихъ письмахъ Пушкина къ невѣстѣ, которыя извѣстны только въ редактированномъ И. С. Тургеневымъ переводѣ, все набранное курсивомъ, очевидно, было написано по-русски. *С. В.*

Братъ мнѣ непишетъ, пологая что его письма по обыкновенію, для меня неинтересны—Въ чумное время дѣло другое; радъ письму проколотому; знаешь что покрайнѣй мѣрѣ живъ—и то хорошо. Если вы въ Калугѣ, я приѣду къ Вамъ черезъ Пензу; если вы въ Москвѣ, т. е. въ Московской деревнѣ то приѣду къ Вамъ черезъ Вятку, Архангельскъ и Петербургъ. Ей богу не шучу — но напишите мнѣ гдѣ вы а письмо адресуйте Лук: Уѣздъ въ село Абрамово для пересылки въ Болдино. Скорѣй дойдетъ. Простите. Цалую ручки у матушки; кланяюсь въ поясъ сестрицамъ.

На оборотѣ: Ея Высокоблагородію Милостивой Государынѣ Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой Въ Москву на Никитской въ собств. домѣ.

Почтовый штемпель: Арзамасъ 1830 Окт. 30

347.

П. А. Плетневу.

[Конецъ октября 1830 г. Болдино].

Я сунулся было въ Москву, да узнавъ что туда никого не пускаютъ воротился въ Болдино да жду погоды —Ну ужъ погода! Знаю что не такъ страшенъ чортъ якъ его малюютъ; знаю что холера не опаснѣе Турецкой перестрѣлки—да отдаленность—да неизвѣстность—вотъ что мучительно. Отправляясь въ путь писалъ я своимъ чтобъ они меня ждали черезъ 25 дней — Невѣста и перестала мнѣ писать, и гдѣ она, и что она до сихъ поръ не вѣдаю—Каково? то есть, душа моя Плетневъ, хоть я и не изъ иныхъ прочихъ, такъ сказать—но до того доходитъ что хоть въ петлю—Мнѣ и стихи въ голову не лѣзутъ, хоть осень чудная, и дождь и снѣгъ и по колѣно грязь. Не знаю гдѣ моя; надѣюсь что уѣхала изъ чумной Москвы, но куда? въ Калугу? въ Тверь? въ Карлово къ Булгарину? ничего незнаю - Журналовъ вашихъ я не читаю; кто кого? Скажи Дельвигу чтобъ онъ крѣпился; что я къ нему явлюся непремѣнно на подмогу, зимой, коли здѣсь не окалѣю —Покамѣсть онъ уже можетъ заказать виньетку на деревѣ —изображающую меня голинькаго, въ видѣ Атланта, на плечахъ поддержающаго Лит. Газету. Что моя Трагедія? отстойте ее, храбрые друзья! недайте ея на съѣденіе псамъ журнальнымъ. Я хотѣлъ ее посвятить Жуковскому со слѣдующими словами: я хотѣлъ было посвятить мою Трагедію Карамзину, но такъ какъ нѣтъ уже его, то посвящаю ее Жуковскому. Дочери Карамзина сказали мнѣ чтобъ я посвятилъ любимый трудъ памяти Отца — И такъ если еще можно то напечатай на заглавномъ листѣ

Драгоцѣнной для Россіянъ
Памяти
Николая Михайловича Карамзина
Сей трудъ Геніемъ его вдохновенный
съ благоговѣніемъ и благодарностію
посвящаетъ
А. Пушкинъ.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Петру Александровичу Плетневу. Въ С.-Петербургъ въ Екатерининскомъ Институтѣ.

Почтовый штемпель: Арзамасъ 1830 Окт. 30.

348.

Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

4-го ноября [1830 г. Болдино].

9-го вы были еще въ Москвѣ!—мнѣ пишетъ о томъ мой отецъ; онъ пишетъ мнѣ еще, что моя свадьба разстроилась. Не достаточно ли этого, чтобъ повѣситься? Я скажу вамъ еще, что отъ Лукоянова до Москвы 14 карантиновъ. Чего лучше? Теперь я разскажу вамъ анекдотъ. Одинъ изъ моихъ друзей ухаживалъ за хорошенькой женщиной. Разъ приходитъ онъ къ ней и находитъ на ея столѣ альбомъ, котораго онъ не зналъ—онъ хочетъ посмотрѣть его—дама бросается и вырываетъ у него альбомъ. Мы такъ же иногда любопытны, какъ и вы, прекрасныя дамы. Мой другъ пускаетъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, всѣ средства своего ума, чтобы заставить возвратить ему альбомъ. Дама стоитъ на своемъ твердо; онъ долженъ отказаться. Нѣсколько времени спустя, эта бѣдная крошка умираетъ. Мой другъ присутствуетъ на ея погребеніи и утѣшаетъ несчастнаго мужа. Они роются вмѣстѣ въ ящичкахъ покойной. Мой другъ видитъ таинственный альбомъ—овладѣваетъ имъ, открываетъ: альбомъ весь чистый за исключеніемъ одной страницы, гдѣ были написаны слѣдующіе четыре плохіе стиха изъ «*Кавказскаго плѣнника*»:

Не долго женскую любовь
Печалитъ хладная разлука,
Пройдетъ любовь, настанетъ скука—

и т. д. ... Теперь поговоримъ о другомъ. Когда я говорю: о другомъ — я хочу сказать: *revenons à nos moutons*. Какъ вамъ не стыдно оставаться на Никитской во время чумы? Это очень хорошо для вашего сосѣда, *Адріана*, который отъ этого большіе барыши получаетъ. Но, *Наталья Ива-*

КОЛЬЦОВЪ.

новна, но вы!—ей же ей, я васъ не понимаю. Не знаю, какъ добраться до васъ. Думаю, что *Вятка* еще свободна. Въ такомъ случаѣ, я поѣду на Вятку. Между тѣмъ, пишите мнѣ *въ Абрамово, для доставленія въ Болдино*; ваши письма дойдутъ всегда до меня. Простите; да сохранитъ васъ Богъ. Повергните меня къ ногамъ вашей матушки.—4 ноября.

Мои поклоны всему семейству.

Почтовый штемпель: Арзамасъ 1830 Нояб. 6.

349.

Барону А. А. Дельвигу.

4-го ноября [1830 г. Болдино].

Посылаю тебѣ, Баронъ, Вассальскую мою подать, именуемую Цвѣточною, по той причинѣ что платится она въ ноябрѣ въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему Владѣльцу, что пынѣшняя осень была дѣтородна, и что коли твой смиренный Вассалъ не околѣетъ отъ сарацинскаго падежа, Холерой именуемаго, и занесеннаго намъ крестовыми воинами т. е. бурлаками, то въ замкѣ твоемъ, Литературной Газетѣ, пѣсни трубадуровъ неумолкнутъ круглой годъ. Я душа моя, написалъ пропасть полемическихъ статей, но не получая Журналовъ, отсталъ отъ вѣка и не знаю въ чемъ дѣло—и кого надлежитъ душить, Полевова или Булгарина—Отецъ мнѣ ничего про тебя не пишетъ А это безпокоитъ меня ибо я все таки его сынъ — т. е. мнителенъ и хандрливъ <каково словечко?> Скажи Плетневу что онъ раздаловалъ бы меня видя мое осеннее прилежаніе—Прощай, душа, на другой почтѣ я, можетъ быть, еще что нибудь тебѣ пришлю.

4 ноября.

Я живу въ деревнѣ какъ въ островѣ окруженной карантинами. Жду погоды чтобъ жениться и добраться до П. Б.—но я объ этомъ не смѣю еще и думать—

350.

П. А. Осиповой.

[5-го ноября 1830 г. Болдино].

C'est dans la solitude de Boldino, Madame, que j'ai reçu vos deux lettres à la fois. Il faut avoir été absolument seul, comme je le suis maintenant, pour savoir le prix d'une voix amie et de quelques lignes tracées par quelqu'un que nous chérissons. Je suis bien aise que mon Père ait, grâce à vous, bien supporté la nouvelle de la mort de B. Л. Je craignois beaucoup, je vous l'avoue, sa santée et ses nerfs si affaiblis. Il m'a écrit plusieurs lettres, où il paroit que la crainte de la Choléra en (?) remplacé la douleur. Cette maudite Choléra! Ne diroit-on pas que c'est une mauvaise plaisanterie du Sort? J'ai beau faire, il m'est impossible d'arriver jusqu'à Moscou; je suis cerné par toute une échelle de quarantaines et cela de tout côté, le gouvernement de Nijni étant juste le centre de la peste. Cependant je pars après demain, et Dieu sait combien de [jours] mois je mettrois à faire 500 verstes que je parcours ordinairement en 48 heures.

Vous me demandez, madame, ce qu'est le mot toujours qui se trouve dans une frase de ma lettre. Je ne m'en souviens pas, Madame. Mais en tout cas ce mot ne peut-être que l'expression et la devise de mes sentiments pour vous et toute votre famille. Je suis faché si ma frase présentoit un sens inamical—et je vous supplie de la corriger. Ce que vous me dites de la sympathie est bien vrai et bien délicat. Nous sympathisons avec les malheureux par une éspèce d'egoïsme: Nous voyons que dans le fond nous ne sommes pas les seuls. Sympathiser avec le bonheur suppose une âme bien noble et bien désintéressée. Mais le bonheur... c'est un grand peut-être, comme le disoit Rabelais du paradis ou de l'éternité. Je suis l'Athée du bonheur; je n'y crois pas, et ce n'est qu'auprès de mes bons et anciens amis que je suis un peu sceptique.

Dès que je serois à P.-bourg, vous recevrez, Madame, tout ce que j'ai imprimé—Mais ici je n'[en]ai pas les moyens de rien vous envoyer.—Je vous salue, Madame, de tout mon coeur, vous et toute votre famille. Adieu, au revoir. Croyez à mon entier dévouement. A. Pouchkine.

На оборотѣ: Ея высокородію М. Г. Прасковіѣ Александровнѣ Осиповой. Въ Опочку.

Почтовый штемпель: Лукьяновъ 1830 Нояб. 11.

351.

Князю П. А. Вяземскому.

5-го ноября [1830 г. Болдино].

Отправляясь, мой милый въ зачумленную Москву—получивъ извѣстіе, что Невѣста ея не покидала. Что у ней за сердце? Твердою дубовою корой, тройнымъ булатомъ грудь ея вооружена какъ у Гораціева мореплавателя. Она мнѣ пишетъ очень милое хотя безтемпераментное письмо. Братъ Левъ далъ мнѣ знать о тебѣ, о Баратынскомъ о холерѣ—Наконецъ и отъ тебя получилъ извѣстіе. Ты говоришь: худая вышла намъ очередь. Богъ! да развѣ не видишь ты что мечутъ намъ чистый баламутъ; а мы еще понтируемъ! Ни одной карты налѣво, а мы все таки лѣземъ—Подѣломъ если останемся голы какъ бубны. Здѣсь я кое что написалъ. Но досадно что неполучалъ журналовъ. Я былъ въ духѣ ругаться, и отдѣлалъ бы ихъ на ихъ же манеръ — Въ полемикѣ, мы скажемъ съ тобою, и нашего тутъ капля меду есть—Радуюсь что ты принялся за Ф. Визина. Что ты ни скажешь о немъ, или кстати о немъ, все будетъ хорошо, потому что будетъ сказано. Объ истиннѣ <т. е. о точности примѣненія истины> нечего тебѣ заботиться: пуля виноватаго сыщетъ. Всѣ твои литературныя обозрѣнія полны этихъ пуль-дуръ. Собери-ка свои статьи критическія; посмотри что за перестрѣлка подымится. Когда-то свидимся? Заѣхалъ я въ глушь Нижнюю, да и самъ незнаю какъ выбраться. Точно еловая шишка въ ....: вошла хорошо, а выдти такъ и шершаво. Къ стати: о Лизѣ голинькой неимѣю никакого извѣстія. О Полиньякѣ то-же — Кто плотитъ за шампанское ты или я? Жаль если я. Кабы зналъ что заживусь здѣсь я бы съ ней завелъ переписку въ зососъ и съ подогрѣвцами т. е. на всякой почтѣ по листу кругомъ—и читалъ бы въ Нижегородской глуши le tems и le Globe. Каковъ Государь! Молодецъ! того и гляди что пашихъ катаржниковъ проститъ — дай Богъ ему здаровье! — Дай Богъ вамъ всѣмъ здаровья, друзья—Покамѣсть желать лучшаго нѣчего. Здѣсь крестьяне величаютъ Господъ титломъ Ваше здоровье; титло завидное, безъ коего всѣ прочія ничего незначатъ.

5 ноября.

На оборотѣ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому, Въ Москву, въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ собств. домѣ.

КРЫЛОВЪ.

352.

М. П. Погодину.

[Первая половина ноября 1830 г. Болдино].

Изъ Моск. Вѣдомостей, единственнаго журнала доходящаго до меня, вижу любезный и почтенный Михайло Петровичь что вы не оставили Матушки нашей. Дважды порывался я къ Вамъ, но карантины, опять отбрасывали меня на мой несносный островокъ откуда простираю къ Вамъ руки и вопію гласомъ веліимъ. Пошлите мнѣ слово живое, ради Бога. Никто мнѣ ничего непишетъ. Думаютъ что я холерой схваченъ или зачахъ въ карантинѣ. Не знаю гдѣ и что моя невѣста. Знаете-ли вы, можете-ли узнать? ради Бога узнайте и отпишите мнѣ: въ Лукояновскій уѣздъ въ село Абрамово, для пересылки въ село Болдино. Если притомъ пришлете мнѣ вечевую свою Трагедію, то вы будите моимъ благодѣтелемъ истиннымъ благодѣтелемъ. Я бы на досугѣ васъ разкритиковалъ. — А то ничего не дѣлаю; даже браниться не съ кѣмъ. Дай Богъ здоровье Полевому! его второй томъ со мною и составляетъ утѣшеніе мое. Посылаю вамъ изъ моего Паѳмоса Апокалипсическую пѣснь. Напечатайте гдѣ хотите хоть въ Вѣдомостяхъ — но прошу васъ и требую именемъ нашей дружбы—не объявлять никому моего имени. Если Московская Цензура непропуститъ ее, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моей рукою переписанную.— —А главнаго то и несказалъ: срокъ [день] моему долгу въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, но я не смѣю надѣяться заплатить Вамъ. Не я лгу, и не мошна лжетъ — лжетъ холера и прильгаютъ 5 карантиновъ насъ раздѣляющихъ. Прощайте, будьте живы. Что братъ?

353.

Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

18-го ноября [1830 г.]. Болдино.

Болдино, 18-го ноября.—Въ Болдинѣ, все еще въ Болдинѣ! Узнавъ, что вы не оставили Москвы, я взялъ почтовыхъ лошадей и отправился. Выѣхавъ на большую дорогу, я увидѣлъ, что вы были правы—14 карантиновъ были только аванпостами, а настоящихъ карантиновъ только три. Я храбро явился въ первый (Сиваслейка, губ. Владимірская); инспекторъ спрашиваетъ мою по-

дорожную, сообщивъ, что мнѣ предстоитъ всего 6 дней остановки. Потомъ онъ бросаетъ взглядъ на подорожную:—*Вы не по казенной надобности изволите ѣхать? — Нѣтъ, по собственной, самонужнѣйшей. — Такъ извольте ѣхать назадъ, на другой трактъ, здѣсь не пропускаютъ.— Давно ли?—Да ужъ около 3-хъ недѣль. — И эти свиньи, губернаторы, не даютъ этого знать?— Мы не виноваты-съ.—Не виноваты! а мнѣ развѣ отъ этого легче? Нечего дѣлать—ѣду назадъ въ Лукояновъ; требую свидѣтельства, что ѣду не изъ зачумленнаго мѣста. Предводитель здѣшній не знаетъ, можетъ ли, послѣ поѣздки моей, дать мнѣ это свидѣтельство. Я пишу губернатору, а самъ, въ ожиданіи его отвѣта, свидѣтельства и новой подорожной, — сижу въ Болдинѣ, да кисну.* Вотъ какимъ образомъ я продѣлалъ 400 верстъ, не сдѣлавъ шагу отъ моей берлоги.

Это не все: возвратившись сюда, я надѣялся, по крайней мѣрѣ, найти отъ васъ письмо. Но тутъ какъ разъ пьяница-почтмейстеръ въ Муромѣ умудряется перемѣшать пакеты, такъ что *Арзамасъ* получаетъ почту изъ *Казани, Нижній* изъ *Лукоянова*, а ваше письмо (если только было такое) прогуливается теперь, не знаю гдѣ, и придетъ ко мнѣ когда Богу угодно. Я совсѣмъ потерялъ мужество, и такъ какъ у насъ теперь постъ (скажите матушкѣ, что этого поста я долго не забуду), то я не хочу больше торопиться; предоставлю вещамъ идти по своей волѣ, а самъ останусь ждать, сложивъ руки. Мой отецъ все мнѣ пишетъ, что моя свадьба разстроилась. На дняхъ онъ увѣдомитъ меня, можетъ быть, что вы вышли замужъ. Есть отъ чего потерять голову. Спасибо кн. Шаликову, онъ извѣщаетъ меня, наконецъ, что холера уменьшилась. Вотъ единственное хорошее извѣстіе, дошедшее до меня, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Простите, *мой ангелъ;* будьте здоровы; не выходите замужъ за г-на Давыдова, и извините мнѣ мою брюзгливость. Повергните меня къ стопамъ вашей матушки; тысячу любезностей всѣмъ. Простите.

Почтовый штемпель: Арзамасъ 1830 Нояб. 20.

354.

Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

26-го ноября [1830 г. Болдино].

Судя по вашему письму, отъ 19-го ноября, я вижу ясно, что мнѣ нужно объясниться. Я долженъ былъ оставить Болдино 1-го октября. Наканунѣ ѣду я, верстъ за тридцать отсюда, къ княгинѣ Голицыной, чтобы узнать въ точности число карантиновъ, какой путь самый краткій и пр. Такъ какъ ея деревня на большой дорогѣ, то княгиня взялась разузнать все доподлинно. На слѣдующій день, 1-го октября, возвратившись домой, я получаю извѣстіе, что холера распространилась до Москвы, что тамъ государь и что жители всѣ оставили городъ. Это послѣднее извѣстіе меня успокоило нѣсколько. Узнавъ, между тѣмъ, что выдавали свидѣтельства на свободный проѣздъ, или, по крайней мѣрѣ, на сокращенный срокъ карантина, я написалъ по этому предмету въ *Нижній*. Мнѣ отвѣчаютъ, что свидѣтельство будетъ мнѣ выдано въ *Лукояновѣ* (такъ какъ Болдино не заражено); въ то же время меня извѣщаютъ, что входъ и выходъ изъ Москвы запрещены. Эта послѣдняя новость и въ особенности неизвѣстность вашего пребыванія (я не получилъ писемъ ни отъ кого, начиная съ моего брата, который заботится обо мнѣ, comme de l'an quarante!) останавливаютъ меня въ Болдинѣ. Пріѣхавъ въ Москву, я могъ опасаться, или, лучше сказать, я надѣялся не найти васъ тамъ, и если бы меня туда впустили, я былъ убѣжденъ, что меня не выпустятъ оттуда. Между тѣмъ, слухъ, что Москва опустѣла, подтверждался и успокоивалъ меня. Вдругъ я получаю отъ васъ маленькую записку, изъ которой узнаю, что вы вовсе и не думали выѣзжать. Я беру почтовыхъ лошадей, пріѣзжаю въ Лукояновъ; мнѣ отказываютъ въ выдачѣ паспорта, подъ тѣмъ предлогомъ, что я выбранъ для надзора за карантинами моего округа. Я рѣшился продолжать мой путь, пославъ жалобу въ *Нижній*. Переѣхавъ во Владимірскую губернію, я вижу, что проѣздъ по большой дорогѣ запрещенъ, и никто объ этомъ ничего не зналъ; такой здѣсь порядокъ! Я возвратился въ Болдино, гдѣ и останусь, пока не получу паспорта и свидѣтельства, то-есть до тѣхъ поръ, пока то будетъ угодно Богу. Итакъ, вы видите (если только вы соблаговолите мнѣ повѣрить), что мое пребываніе здѣсь вынужденное, что я вовсе не живу у княгини Голицыной, хотя и отдалъ ей визитъ, что мой братъ только старается оправдаться, если говоритъ, будто онъ писалъ мнѣ съ самаго начала холеры, и что вы несправедливо смѣетесь надо мной.

Затѣмъ, кланяюсь вамъ.—26 ноября.

Абрамово — вовсе не деревня княгини Голицыной, какъ полагаете,—а станція въ 12-ти верстахъ отъ Болдина; *Лукояновъ* отстоитъ оттуда на 50.

Такъ какъ, повидимому, вы не расположены вѣрить мнѣ наслово, то посылаю вамъ два документа, доказывающихъ мое заточеніе. Я не передалъ вамъ и половины всѣхъ непріятностей, какія мнѣ пришлось извѣдать. Но я не даромъ забрался сюда. Еслибы я не былъ въ дурномъ расположеніи ѣдучи въ деревню, я вернулся бы въ Москву со второй станціи, гдѣ я уже узналъ, что холера опустошаетъ *Нижній*. Но тогда я и не думалъ поворачивать назадъ, и главнымъ образомъ я тогда готовъ былъ радоваться чумѣ.

355.

А. Н. Верстовскому.

[Конецъ ноября 1830 г. Болдино].

Сегодня долженъ я былъ выѣхать изъ Болдина. Извѣстіе, что Арзамасъ снова оцѣпленъ, остановило меня еще на день. Надо было справиться порядкомъ и хлопотать о свидѣтельствѣ. Гдѣ ты досталъ краски для ногтей? Скажи Нащокину, чтобъ онъ непремѣнно былъ живъ, во-первыхъ потому, что онъ мнѣ долженъ, 2) потому, что я надѣюсь быть ему долженъ, 3) что если онъ умретъ, не съ кѣмъ мнѣ будетъ въ Москвѣ молвить слова живаго, т. е. умнаго и дружеского. И такъ пускай онъ купается въ хлоровой водѣ, пьетъ мяту—и по приказанію Графа Закревскаго, не предается унынію <для чего нехудо ему поссориться съ Павловымъ, яко съ лицомъ уныніе наводящимъ>.

Но можешь вообразить, какъ неприятно получать проколотыя письма: такъ шершаво, что невозможно ими .....—.... разцарапаешь.

356.

М. П. Погодину.

[Конецъ ноября 1830 г. Болдино].

Я было опять къ вамъ попытался; доѣхалъ до Севаслейки <перваго карантина>: но на заставѣ, смотритель увидѣвъ, что ѣду по собственной, самонужнѣйшей надобности, меня не пустилъ и протурилъ назадъ въ мое Болдино. Какъ быть? въ утѣшеніе нашелъ я ваши письма и Мареу — и прочелъ ее два раза духомъ. Ура! — я было, признаюсь, боялся, чтобъ первое впечатлѣніе не ослабѣло [при] потомъ; но нѣтъ—я все-таки при томъ же мнѣніи: Мареа имѣетъ европейское, высокое достоинство — Я разберу ее какъ можно пространнѣе — Это будетъ для меня изученіе и наслажденіе —Одна бѣда: слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности—и съ языкомъ поступаете, какъ Іоаннъ съ Новымгородомъ. Ошибокъ грамматическихъ, противныхъ духу его — усѣченій, сокращеній— тьма. Но знаете ли? и эта бѣда не бѣда. Языку нашему надобно воли дать болѣе — Разумѣется сообразно съ духомъ его—И мнѣ ваша свобода, болѣе по сердцу чѣмъ чопорная наша правильность.— Скоро ли выдетъ ваша Мареа? Не посылаю вамъ замѣчаній <частныхъ>, потому что нѣкогда вамъ будетъ перемѣнять то что̀ требуетъ перемѣны. До другого Изданія. Покамѣсть скажу Вамъ, что Анти - драмматическимъ показалось мнѣ только одно мѣсто: Разговоръ Борецкаго съ Іоанномъ: Іоаннъ не сохраняетъ своего величія <не въ образѣ рѣчи, но въ отношеніи къ предателю>. Борецкій <хоть и новгородецъ> съ нимъ слишкомъ за панибрата; такъ торговаться могъ бы онъ развѣ съ бояриномъ Іоанна, а не съ нимъ самимъ. Сердце ваше не лежитъ къ Іоанну. Развивъ драмматически <тоесть умно, живо, глубоко> его политику, Вы не могли придать ей увлекательности чувства вашего—Вы принуждены были даже заставить его изъясняться слогомъ нѣсколько надутымъ. Вотъ главная критика моя. Остальное — — — остальное надобно будетъ хвалить при звонѣ Ивана великаго, что и выполнитъ со всеусердіемъ вашъ покорнѣйшій пономарь А. П.

О слогѣ упомяну я вкратцѣ, предоставя его журналамъ, которые вѣроятно подымутъ его на Царя <и подѣломъ> а вы ихъ послушайтесь. Для васъ же пришлю я подробную критику надстрочную—Простите до свиданія. Поклонъ Языкову.

Что за прелесть сцена пословъ! Какъ вы поняли Русскую дипломатику! А вѣче? а посадникъ? а К. Шуйскій? а Князья Удѣльные? я вамъ говорю что это все достоинства—шекспировскаго.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Михайлу Петровичу Погодину въ Москвѣ, въ университетѣ.

Почтовый штемпель: Лукояновъ 1830 Дек. 2.

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВЪ.

357.

Н. Н. Гончаровой.

[1—2-го декабря 1830 г. Платово].

Voici encore un document—veuillez tourner la feuille.

Je suis arrêté à la quarantaine de Платова. On ne m'y laisse pas [passer] entrer, parceque je suis en *перекладной* ayant brisé ma voiture — Je vous supplie de faire savoir mon triste cas au Prince Дмитрій Galitzin— et de le prier d'employer son influence pour me faire entrer à Moscou. Je vous salue de tout mon coeur ainsi que Maman et toute la famille—Ces jours-ci je vous ai écrit une lettre. un peu dure—mais c'est—que je n'avois pas la tête à moi - pardonnez la moi car je m'en repend(t?) Me voilà à 75 verstes de chez vous et Dieu sait si je vous verrais dans 75 jours.

P. S. Ou bien envoyez moi une voiture ou une caleche à la quarantaine à Платова en mon nom.

На оборотѣ. Ея Высокоблагородію М. Г. Натальи Николаевнѣ Гончаровой.

[Въ собственныя руки]. Самонужнѣйшее. Въ Москву. На Никитской въ собств. домѣ.

358.

Н. Н. Гончаровой.

(Переводъ).

2-го декабря [1830 г.]. Платово.

Безполезно высылать мнѣ коляску: меня не вѣрно извѣстили. Вотъ я и въ карантинѣ, съ перспективою оставаться въ плѣну 14 дней—послѣ чего надѣюсь быть у вашихъ ногъ.

Пишите мнѣ, умоляю васъ, въ платовскій карантинъ. Боюсь, не разсердилъ ли я васъ. Если бы вы знали всѣ непріятности, какія я терплю изъ за этой чумы, вы бы простили меня. Въ минуту моего выѣзда, въ началѣ октября, меня назначаютъ окружнымъ инспекторомъ. Я непремѣнно принялъ бы эту должность, если бы въ то же время не узналъ, что холера появилась въ Москвѣ. Мнѣ стоило большого труда отдѣлаться отъ инспекторства. Потомъ приходитъ извѣстіе, что Москва оцѣплена и въѣздъ запрещенъ. Затѣмъ, мои несчастныя попытки убраться; потомъ извѣстіе, что вы не покидали Москвы; наконецъ,

ваше послѣднее письмо, повергнувшее меня въ отчаяніе. Какъ вы имѣли духу написать его? Какъ вы могли думать, что я завязъ въ *Нижнемъ* ради этой *sacrée* княгини Голицыной? Знаете ли вы эту кн. Г. Она сама толста, какъ вся ваша семья вмѣстѣ, включая и меня. Не шутя, я чувствую себя способнымъ снова быть жёсткимъ. Но, наконецъ, я въ карантинѣ, и въ эту минуту не желаю ничего больше. *Вотъ дочего мы дожили — что рады, когда насъ на двѣ недѣли посадятъ подъ арестъ въ грязной избѣ къ ткачу, на хлѣбъ да на воду!*

Нижній больше не оцѣпленъ — карантины были уничтожены во Владимірѣ наканунѣ моего отъѣзда. Это не помѣшало мнѣ быть задержану послѣ, въ Сиваслейкѣ, такъ какъ губернаторъ не позаботился дать знать инспектору о снятіи карантина. Еслибы вы могли представить себѣ четвертую часть безпорядковъ, произведенныхъ карантинами, то вы все-таки не могли бы понять, какъ можно отъ нихъ отдѣлаться. Простите. Мои почтительные поклоны матушкѣ. Сердечный привѣтъ вашимъ сестрамъ и *m-r Serge*.—Платово.

2 декабря.

359.

П. А. Плетневу.

9-го декабря [1830 г. Москва].

Милый! я въ Москвѣ съ 5 декабря. Нашелъ тещу озлобленную на меня, и на силу съ нею сладилъ—но слава Богу—сладилъ. На силу прорвался я и сквозь карантины—два раза выѣзжалъ изъ Болдина и возвращался—Но слава Богу, сладилъ и тутъ. Пришли мнѣ денегъ сколько можно болѣе — Здѣсь Ломбардъ закрытъ и я на мѣли. Что Годуновъ? Скажу тебѣ <за тайну> что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда: 2 послѣднія главы Онѣгина, 8-ую, и 9-ую, совсѣмъ готовыя въ печать. Повѣсть писанную октавами <стиховъ 400> которую выдадимъ Anonyme. Нѣсколько драматическихъ сценъ, или маленькихъ Трагедій, имянно: Скупой Рыцарь, Моцартъ и Саліери, Пиръ во время чумы, и Д. Жуанъ. Сверхъ того написалъ около 30 мѣлкихъ стихотвореній. Хорошо? Еще не все: <Весьма секретное> *). Написалъ я прозою 5 повѣстей, отъ которыхъ Баратынскій ржетъ и бьется—и которыя напечатаемъ также Anonyme - Подъ моимъ имянемъ нельзя будетъ, ибо Булгаринъ заругаетъ. И такъ Русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! жаль—но чего смотрѣлъ и Дельвигъ? охота ему было печатать конфектной билетецъ этаго несноснаго Лавинья—Но все-же Дельвигъ долженъ оправдаться передъ Государемъ. Онъ можетъ доказать что никогда въ его Газетѣ небыло и тѣни, не только мятежности но и недоброжелательства къ правительству - Поговори съ нимъ объ этомъ— А то шпіоны-литераторы заѣдятъ его какъ Барана а не какъ Барона. Прости, душа, здоровъ будь—это главное.

9 декабря.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Петру Александровичу Плетневу, въ С.-Петербургъ въ Екатерининск. Институтѣ.

Почтовый штемпель: Москва 1830 Декаб. 11.

*) Для тебя единаго.

360.

П. В. Нащокину.

[Декабрь 1830 г. Москва].

Сей часъ ѣду Богу молиться и взялъ съ собою послѣднюю сотню. Узнай пожалуйста, гдѣ живетъ мой Татаринъ и коли можешь достань съ своей стороны тысячи двѣ.

361.

Князю П. А. Вяземскому.

[Вторая половина декабря 1830 г. Москва].

Постараюсь взять отпускъ и пріѣхать на имянины къ тебѣ. Но необѣщаюсь. Братъ вѣроятно будетъ. Толстой къ тебѣ собирается. Вчера видѣлъ я Кн. Юсупова и исполнилъ твое препорученіе, допросилъ его о Ф. Визинѣ, и вотъ чего добился: Онъ зналъ Ф. Визина, который нѣсколько времени жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ. C'étoit un autre Beaumarchais pour la conversation... Онъ [помнитъ] знаетъ пропасть его bon-mots, да не припомнитъ—А покамѣсть разказалъ мнѣ слѣдующее: Майковъ, трагикъ встрѣтя Ф. Визина, спросилъ у него запкаясь по своему обыкновенію: Видѣлъ-ли ты мою Агріопу — Видѣлъ—Что жъ ты скажешь объ этой трагедіи?— Скажу: Агріопа, за ....., ... Остро и неожиданно! Неправдали? Помѣсти это въ біографіи а я скажу тебѣ спасибо. Что до Телескопа <другая Агріопа> то у меня его покамѣсть нѣту— да напиши къ Салаеву чтобъ онъ тебѣ всю эту дрянь послалъ. Твою статью о Пушкинѣ, пошлю къ Дельвигу—что ты чужихъ прикармливаешь? свои голодны. Максимовичу однакожъ отдалъ обозы, скрѣпя сердце. Кланяюсь Княгинѣ и благодарю за любезный зовъ. О Польшѣ не слыхать. Въ Англіи говорятъ бунтъ. Чернь сожгла домъ Веллингтона. Въ Парижѣ тихо. Въ Москвѣ также.

На оборотѣ: Кн. Петру Андреевичу Вяземскому.

362.

Н. С. Алексѣеву.

26-го декабря [1830 г. Москва].

Мой милый, какъ несправедливы твои упреки моей забывчивости и лѣни! Изъ писемъ твоихъ вижу я, душа моя, что мои до тебя не доходятъ. Не знаю, кого винить, не смѣю никого винить; но я писалъ къ тебѣ нѣсколько разъ или, чтобы не солгать, два раза—стихами и прозою, какъ бывало въ старину. Ты пишешь, что ты постарѣлъ, мой вѣчно юный; желалъ бы посмотрѣть на твою лысину и морщины. Вѣроятно, и ты не узналъ бы меня: я обросъ бакенбардами, остригся подъ гребешокъ, остепенился, обрюзгъ, но это еще ничего— я сговоренъ, душа моя, сговоренъ и женюсь. И непремѣнно дамъ тебѣ знать, что такое—женатая жизнь. Пиши мнѣ, мой милый, о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ты скучаешь, но которыя сдѣлались уже милы моему воображенію, о берегахъ Быка, о Кишиневѣ, о красавицахъ, вѣроятно, состарившихся, о Еврейкѣ, которую такъ долго и такъ упорно таилъ ты отъ меня, своего чернаго друга, о Пулхеріи, о Стамо, о Худобашевѣ, объ

Инзовѣ, объ Липранди, словомъ—обо всѣхъ близкихъ моему воспоминанію, женщинахъ и мужчинахъ, живыхъ и мертвыхъ. Пребываніе мое въ Бессарабіи не оставило доселѣ никакихъ слѣдовъ ни поэтическихъ, ни прозаическихъ. Дай срокъ—надѣюсь, что когда-нибудь ты увидишь, что ничто мною не забыто. Прости, радость моя. Пиши же мнѣ. 26 декабря.

Приписка С. Д. Киселева на второй половинѣ листа. Писать мнѣ въ одномъ письмѣ съ Пушкинымъ, конечно, есть преступленіе, но за то ты легко можешь раздѣлить его на два листка. Не мало мнѣ стоило труда заставить его писать, и то мнѣ кажется, онъ забылъ, что пишетъ въ Бухарестъ, а не въ Кишиневъ.

Холера у насъ продолжается, но уже гораздо слабѣе. Къ брату посылаю дневную вѣдомость, изъ коей можешь видѣть общій итогъ: въ числѣ умершихъ двое Афросимовыхъ, а прочіе ни для тебя, ни для меня не интересны.

Пушкинъ женится на Гончаровой, между нами сказать, на бездушной красавицѣ, и мнѣ сдается, что онъ бы съ удовольствіемъ заключилъ отступной трактатъ.

Пиши мнѣ, любезный Алексѣевъ, сколько можно чаще и больше; ты тѣмъ премного обяжешь душою и сердцемъ преданнаго друга С. Киселева.

На оборотѣ: Его высокородію Милостивому Государю Николаю Степановичу Алексѣеву, въ Бухарестѣ.

Графъ ЛИТТА.

363.

Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ декабря 1830 г. Москва].

Къ тебѣ собираюсь—Но по службѣ долженъ провести сегодняшній и завтрашній день въ Москвѣ у Невѣсты — Сѣв. Цв. еще не получилъ. Борисъ Г. здѣсь, но у меня его еще нѣтъ—Поклонъ мой всѣмъ вамъ.

1831.

364.

Н. А. Полевому.

1-го января 1831 г. [Москва].

Милостивый Государь Николай Алексѣевичъ,

Искренно благодарю Васъ за присылку Телеграфа, приятное для меня доказательство что наше литературное разногласіе не [измѣ] совсѣмъ разстроило наши прежнія сношенія. Жалѣю что еще немогу доставить Вамъ Б. Годунова который уже вышелъ но мною не полученъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть
Милостивый Государь
Вашъ покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.
1 Генв. 1831 г.

365.

П. Я. Чаадаеву.

2-го января [1831 г. Москва].

Voici, mon ami, celui de mes ouvrages que j'aime le mieux. Vous le lirez puisqu'il est à moi—et vous m'en direz votre avis. En attendant je vous embrasse et vous souhaite une bonne année.

2 Janvier.

366.

Князю П. А. Вяземскому.

2-го января 1831 г. [Москва].

Стихи твои прелесть — не хочется мнѣ отдать ихъ въ Альманахъ; лучше отошлемъ ихъ Дельгу. Обозы, поросята и бригадиръ удивительно забавны — Яковлевъ издаетъ къ масленицѣ Альманахъ Блинъ. Жаль если первый блинъ его будетъ комомъ. Не отдашь-ли ты ему обозы, а дѣвичій сонъ Максимовичу? Яковлевъ тѣмъ еще хорошъ, что отмѣнно храбръ и готовъ намазать свой блинъ жиромъ Булгарина и икрою Полеваго—пошли ему свои сатирическія статьи, коли есть. Знаешь-ли ты какіе подарки получилъ я на новый годъ? Билетъ на Телеграфъ, да билетъ на Телескопъ — отъ издателей въ знакъ искренняго почтенія. Каково? И въ Ичелѣ предлагаютъ мнѣ миръ, упрекая насъ <тебя да меня> въ неукротимой враждѣ и службѣ вѣчной

Немезидѣ. Все это прекрасно; одпаго жаль — въ Борисѣ моемъ выпущены народныя сцены, да м..... Французская и отечественная; а впрочемъ, странно читать многое напечатанное. Сѣв. Цв. что то блѣдцы. Каковъ шутъ Дельвигъ, въ круглой годъ ничего самъ ненаписавшій и издавшій свой Альманахъ въ потѣ лицъ нашихъ? На дняхъ у тебя буду, съ удовольствіемъ привезу и шампанское — радуясь что бутылка за мною. Съ П. я помирился. Его вторичное заточеніе въ Вензенѣ, меридіанъ начертанный на полу его темницы, чтеніе Вальтеръ Скотта, все это романически трогательно—а все таки палата права́. Рѣчьми Адвокатовъ я не доволенъ — всѣ онѣ робки. Одинъ Ламене въ состояніи былъ-бы aborder bravement la question. О Польшѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Я видѣлъ письмо Чичерина къ отцу, гдѣ сказано il y a lieu d'esperer que tout finira sans guerre — Здѣсь нѣкто бился объ закладъ, бутылку V. C. P. противу тыс. руб., что Варшаву возмутъ безъ выстрѣла. Денисъ здѣсь. Онъ написалъ краснорѣчивый Eloge Раевскаго. Мы совѣтуемъ написать ему Жизнь его. Кирѣевскій нашъ здѣсь. Вечоръ видѣлъ его. Лиза голинькая пишетъ мнѣ отчаянное, политическое письмо—Кажется, послѣднія происшедствія произвели на П. Б—ое общество сильное дѣйствіе— Еслибъ я былъ холостъ, то съѣздилъ бы туда. Новый годъ встрѣтилъ я съ Цыганами и съ Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной. Она пѣла пѣсню въ таборѣ сложенную, на голосъ приѣхали сани:

Давыдовъ съ ноздрями,
Вяземскій съ очками,
Гагаринъ съ усами,
Дѣвокъ испугали
И всѣхъ разогнали и проч.
Д—Митюша
В—Петруша
Г—Ѳедюша.

Знаешь-ли ты эту пѣсню? Addio, поклонъ всѣмъ твоимъ, до свиданія.

На оборотѣ: Кн. Петру Андреевичу Вяземскому.

367.

П. А. Плетневу.

7-го января [1831 г. Москва].

Что съ тобою, душа моя? Какъ побрапилъ гы меня въ сентябрѣ за мою хандру, съ тѣхъ поръ нѣтъ мнѣ о тебѣ ни слуха, ни духа. Деньги (2000) я получилъ. Прелестное изд. Бориса видѣлъ. Посланіе твое къ Гнѣдко прочелъ, отвѣтъ его не прочелъ; знаю, что ты живъ, а писемъ отъ тебя все нѣтъ. Ужъ не запретилъ ли тебѣ Ген. Губ. имѣть со мною переписку? Чего добраго! Ужъ не сердишься ли? Кажется, не за что. Отвѣчай-же мнѣ, а не то буду безпокоиться.

Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Видѣлъ я, душа моя, Цвѣты. Странная вещь, непонятная вещь! Дельвигъ не единой строчки въ нихъ не помѣстилъ. Онъ поступилъ съ нами, какъ помѣщикъ со своими крестьянами. Мы трудимся—а онъ сидитъ на суднѣ да насъ побрапиваетъ. Не хорошо и не благоразумно. Онъ открываетъ намъ глаза и мы видимъ что мы въ дуракахъ. Странная вещь, непонятная вещь! — Бѣдный Глинка работаетъ какъ-батракъ, а проку все нѣтъ. Кажется мнѣ, онъ съ горя рехнулся. Кого вздумалъ просить къ себѣ въ кумовья! Вообрази, въ какое положеніе приведетъ онъ и священника и дьячка, и куму и бабку, да и самаго кума, котораго заставятъ же отрекаться отъ дьявола, плевать, дуть, сочетаться и прочія творить продѣлки. Нащокинъ увѣряетъ что всѣхъ избаловалъ покойникъ Царь, который у всѣхъ крестилъ ребятъ. Я до сихъ поръ отъ дерзости Глинкиной опомниться не могу. Странная вещь, непонятная вещь!

Пишутъ мнѣ что Борисъ мой имѣетъ большой успѣхъ: Странная вещь, непонятная вещь! По крайней мѣрѣ я того никакъ не ожидалъ. Что̀ тому причиною? Чтеніе Вальт. Скотта? Голосъ знатоковъ, коихъ избранныхъ такъ мало? крикъ друзей моихъ? мнѣніе двора? Какъ бы то ни было, я успѣха трагедіи моей у васъ не понимаю. Въ Москвѣ то ли дѣло? здѣсь жалѣютъ о томъ что я совсѣмъ, совсѣмъ упалъ; что моя трагедія — подражаніе Кромвелю Виктора Гюго; что стихи безъ риѳмъ не стихи, что Самозванецъ [не могъ] не долженъ былъ такъ неосторожно открыть тайну свою Маринѣ, что это съ его стороны очень вѣтрено и неблагоразумно, и тому подобныя глубокія критическія замѣчанія. Жду переводовъ и суда Нѣмцевъ, а о Французахъ не забочусь. Они будутъ искать въ Борисѣ политическихъ примѣненій къ Варшавскому бунту и скажутъ, мнѣ, какъ наши: «Помилуйте-съ!...» Любопытно будетъ видѣть отзывъ нашихъ Шлегелей, изъ коихъ одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло. Прочіе—попугаи или сороки Инзовскія, которыя картавятъ одну имъ натверженную .... Прости, мой Ангелъ! Поклонъ тебѣ, поклонъ и всѣмъ вамъ. Кстати: поэма Бар(атынскаго)—чудо. Addio.

7 янв.

368.

П. А. Плетневу.

13-го января [1831 г. Москва].

Пришли мнѣ, мой милый, экз. 20 Бориса для московскихъ прощалыгъ, не то разорюсь покупая у Ширяева.

Душа моя, вотъ тебѣ планъ жизни моей: я женюсь въ семъ мѣсяцѣ, пол-года проживу въ Москвѣ, лѣтомъ пріѣду къ Вамъ. Я не люблю Московской жизни. Здѣсь живи, не какъ хочешь — какъ тетки хотятъ. Теща моя та же тетка. То ли дѣло въ П.Б.! Заживу себѣ мѣщаниномъ припѣваючи, независимо и не думая о томъ, что скажетъ Марья Алексѣвна. Что̀ Газета наша? Надобно намъ объ ней подумать. Подъ конецъ она была очень вяла; иначе и быть нельзя: въ ней отражается Русская литература. Въ ней говорили подъ конецъ объ одномъ Булгаринѣ; такъ и быть должно: въ Россіи пишетъ одинъ Булгаринъ. Вотъ текстъ для славной филипикѣ. Кабы я не былъ лѣнивъ, да не былъ женихъ, да не былъ очень добръ, да умѣлъ бы читать и писать то я бы каждую недѣлю писалъ бы обозрѣніе литературное — да лихъ: терпѣнія нѣтъ, злости нѣтъ, времени нѣтъ, охоты нѣтъ. Впрочемъ посмотримъ.

Деньги, деньги: вотъ главное.

Пришли мнѣ денегъ. И я скажу тебѣ спасибо. Да что-жъ ты не пишешь ко мнѣ, безсовѣстный?

13 янв.

На оборотѣ: М. Г. Петру Александровичу Плетневу. Въ С.-Петербургѣ, въ Екатерининскомъ институтѣ.

369.

М. П. Погодину.

[Первая половина января 1831 г. Москва].

Вотъ вамъ Борисъ. Доставьте, сдѣлайте милость, одинъ экз. Нікодіму Надоумкѣ присланному мнѣ билетъ на Телескопъ. Мы живемъ во дни переворотовъ – или переоборотовъ (какъ лучше?). Мнѣ пишутъ изъ П. Б. что Годуновъ имѣлъ успѣхъ Вотъ еще для меня диковинка — Выдавайте жъ Марфу.

На оборотѣ: Мих. Петр. Погодину. Сейчасъ отняли у меня экз. Надеждина; завтра пришлю другой.

370.

А. Х. Бенкендорфу.

18 го января 1831 г. Москва.

Милостивый Государь,

Александръ Христофоровичь

Съ чувствомъ глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ Государя Императора о моей исторической драмѣ. Писаный въ минувшее царствованіе, Борисъ Годуновъ обязанъ своимъ появленіемъ не только частному покровительству, которымъ удостоилъ меня Государь, но и свободѣ смѣло дарованной Монархомъ писателямъ Рускимъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое другое правительство старалось бы стѣснить и оковать книгопечатаніе.

Позвольте мнѣ благодарить усердно и Ваше Высокопревосходительство какъ голосъ Высочайшаго благоволѣнія и какъ человѣка принимавшаго всегда во мнѣ столь снисходительное участіе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію, есмь

Милостивый Государь

Вашего Высокопревосходительства

покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

18 Января
1831.
Москва.

(Черновое).

Съ чувствомъ сердечной радости глубочайшаго [уваженія] благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ Государя Имп. о [моемъ Бор. Год. Драма Борисъ Годун. — написанъ былъ въ уединеніи, и] ист..... Написанный въ минувшее Царствованіе, Бор. Годун. обязанъ своимъ появленіемъ не только [благоск. Августѣйшаго] частному покровит. которымъ удостоилъ меня Государь, [по] но и свободѣ смѣло дарованной [Госу.] Монархомъ Рускимъ писателямъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ когда всякое другое правительство старалось бы стѣснить и [обузд.] оковать книго пѣчатаніе.

Позвольте мнѣ усердно благодарить и В. Высоко. какъ органа Высочайшаго благоволѣнія, и какъ человѣка принимающаго во мнѣ столь милостивое участіе.

Съ ист.

371.

Князю П. А. Вяземскому.

[20-го января 1831 г. Москва].

Вчера получили мы горестное извѣстіе изъ П. Б.— Дельвигъ умеръ гнилою горячкою. Сегодня ѣду къ Салтыкову, онъ вѣроятно уже все знаетъ. Оставь Адольфа у меня – на дняхъ пришлю тебѣ нужныя замѣчанія—

На оборотѣ: Кн. Вяземскому.

М. Е. ЛОБАНОВЪ.

372.

П. А. Плетневу.

21-го января [1831 г. Москва].

Что скажу тебѣ, мой милый? Ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресеніе. На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову объявить ему все—и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ, я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ Русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изо всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду — около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Щитай по пальцамъ: сколько насъ? ты, я, Баратынскій, вотъ и все.

Вчера провелъ я день съ Нащокинымъ, который сильно пораженъ его смертію—говорили о немъ, называя его покойникъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь-же страненъ какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! согласимся. Покойникъ Дельвигъ. Быть такъ.

Баратынскій боленъ съ огорченія. Меня не такъ то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ—и постараемся быть живы—

21 янв.

На оборотѣ: Петру Александровичу Плетневу въ С.-Петербургъ въ Екатерининскомъ Институтѣ.

Штемпель: Москва 21 Генв. 1831.

373.

П. А. Плетневу.

31-го января [1831 г. Москва].

Сей часъ получилъ 2000 рублей, мой благодѣтель! Satis est, domine, satis est. На сей годъ денегъ мнѣ болѣе не нужно. Отдай Софіи Михайловнѣ остальныя 4000, и я тебя болѣе безпокоить не буду.

Бѣдный Дельвигъ! Помянемъ его Сѣверными Цвѣтами; но мнѣ жаль, если это будетъ ущербъ Сомову; онъ былъ искренно къ нему привязанъ, и смерть нашего друга едва ли не ему всего тяжелѣ: чувства души слабѣютъ и мѣняются, нужды жизненныя не дремлютъ.

Баратынскій собирается написать жизнь Дельвига. Мы всѣ поможемъ ему нашими воспоминаніями. Не правда ли? Я зналъ его въ Лицеѣ, былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣчаннаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости; съ нимъ читалъ я Державина и Жуковскаго, съ нимъ толковалъ обо всемъ, что́ душу волнуетъ, что́ сердце томитъ; я хорошо знаю, однимъ словомъ, его первую молодость; но ты и Баратынскій знаете лучше его раннюю зрѣлость. Вы были свидѣтелями возмужалости его души. Напишемъ же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь, богатую не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами. Отвѣчай мнѣ на это.

Вижу по письму твоему, что Туманскій въ Петербургѣ; обними его за меня. Полюби его, если ты еще его не любишь. Въ немъ много прекраснаго, не смотря на нѣкоторыя мѣлочи характера малороссійскаго.

Что́ за мысль пришла Гнѣдичу посылать свои стихи въ Сѣв. Пчелу? Радуюсь, что Гречь отказался: какъ можно чертить анѳологическое надгробіе въ н....кѣ, и что̀ есть общаго между поэтомъ Дельвигомъ и г.....ъ полицейскимъ Ѳаддеемъ?

Милый мой, еще просьба: съѣзди къ Saint-Florent (то-есть, къ его преемнику) и разплатись съ нимъ за меня. Я, помнится, долженъ ему около 1000 руб. Извини меня передъ нимъ — я было совсѣмъ о немъ забылъ.

Что Вдова?

31 Янв.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Петру Александровичу Плетневу. Въ С.-Петербургѣ, въ Екатерининскомъ институтѣ.

374.

Н. И. Кривцову.

10-го февраля 1831 г. [Москва].

Посылаю тебѣ, милый другъ, любимое мое сочиненіе. Ты нѣкогда баловалъ первыя мои опыты, - будь благосклоненъ и къ произведеніямъ болѣе зрѣлымъ. Что ты дѣлаешь въ своемъ уединеніи? Нынѣшней осенью былъ я не далеко отъ тебя. Мнѣ брюхомъ хотѣлось съ тобою увидаться и поболтать о старинѣ. Карантины мнѣ помѣшали. Такимъ образомъ Богъ вѣдаетъ когда и гдѣ Судьба сведетъ насъ опять.—Мы не такъ-то легки на подъемъ. Ты безъ ноги, а я женатъ.—Женатъ—или почти. Все что бы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и безплодно. До сихъ поръ я жилъ иначе какъ обыкновенно живутъ. Щастья мнѣ небыло. Il n'est de bonheur que dans les voies comunes. Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся—я поступаю какъ люди и вѣроятно не буду въ томъ раскаиваться. Къ тому-же я женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не въ розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня: онѣ входятъ въ мои домашнія разсчеты—Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностію.

У меня сегодня spleen — прерываю письмо мое чтобъ тебѣ не передать моей тоски; тебѣ и своей довольно. Пиши мнѣ на Арбатъ въ домъ Хитровой. На дняхъ получилъ я чрезъ Вяз. твое письмо, писанное въ 1824. Благодарю, но не отвѣчаю.

10 февр. 1831.

375.

П. А. Плетневу.

[Первая половина февраля 1831 г. Москва].

Черезъ нѣсколько дней я женюсь: и представляю тебѣ хозяйственный отчетъ: заложилъ я моихъ 200 душъ, взялъ 38000, и вотъ имъ распредѣленіе: 11000 тещѣ, которая непремѣнно хотѣла, чтобъ дочь ея была съ приданымъ — ниши пропало; 10000 Нащокину, для выручки его изъ плохихъ обстоятельствъ: деньги вѣрныя. Остается 17000 на обзаведеніе и житіе годичное. Въ іюнѣ буду у васъ и начну жить en bourgois, а здѣсь съ тетками справиться невозможно — требованія глупыя и смѣшныя—а дѣлать нечего. Теперь понимаешь ли что значитъ приданое и отчего я сердился? Взять жену безъ состоянія — я въ состояніи, но входить въ долги для ея тряпокъ я не въ состояніи. Но я упрямъ и долженъ былъ настоять по крайнѣй мѣрѣ на свадьбѣ. Дѣлать нечего: придется печатать мои повѣсти. Перешлю тебѣ на второй недѣлѣ, а къ Святой и тиснемъ.

Что̀ Баронесса? я писалъ Хитровой о братьяхъ Дельвига. Спроси у нее каковы ея дѣла, и отецъ мой заплатилъ ли долгъ Дельвигу? Не продастъ-ли она мнѣ мой портретъ? Мнѣ пишутъ, что ея здоровье плохо, а она пишетъ Михайлу Алекс. что она здорова. Кто правъ?

Что жъ ты мнѣ не отвѣчалъ про жизнь Дельвига? Баратынскій не въ шутку думаетъ объ этомъ. Твоя статья о немъ прекрасна. Чѣмъ болѣе читаю ее тѣмъ болѣе она мнѣ нравится. Но надобно подробностей—изложенія его мнѣній, анекдотовъ, разбора его стиховъ etc.

На оборотѣ: Петру Александровичу Плетневу, въ С.-Петербургѣ въ Екатерининскомъ Институтѣ.

376.

А. Н. Гончарову.

24-го февраля 1831 г. Москва.

Милостивый Государь Дѣдушка

Аѳанасій Николаевичь,

Спѣшу извѣстить Васъ о щастіи моемъ и препоручить себя Вашему отеческому благоразположенію какъ мужа безцѣнной внуки Вашей, Натальи Николаевны. Долгъ нашъ и желаніе были бы ѣхать къ Вамъ въ деревню, но мы опасаемся Васъ обезпокоить и не знаемъ въ пору-ли будетъ наше посѣщеніе. Дмитрій Николаевичь сказывалъ мнѣ, что вы все еще тревожетесь на щетъ приданаго; моя усильная просьба состоитъ въ томъ, чтобъ вы не разстроивали для насъ уже разстроеннаго имѣнія; мы-же въ состояніи ждать. Что косается до памятника, то будучи въ Москвѣ, я никакъ не могу взяться за продажу онаго, и предоставлю все это дѣло на Ваше благоразположеніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и искренно сыновней преданностію имѣю щастіе быть,

Милостивый Государь Дѣдушка
Вашимъ покорнѣйшимъ слугой и внукомъ
Александръ Пушкинъ.

24 Февр.
1831.
Москва.

Приписка Н. Н. Пушкиной:

Любезный Дѣдушка!

Имѣю щастіе извѣстить васъ наконецъ о свадьбѣ моей и препоручаю мужа моего вашему милостивому разположенію. Съ моей же стороны чувства преданности любви и почтенія никогда не измѣнятся. Сердечно надѣюсь что вы попрежнему останетесь моимъ верньѣйшимъ благодѣтелемъ. При семъ целую ручки ваши и честь имѣю пребыть на всегда покорная внучка

Наталья Пушкина.

377.

П. А. Плетневу.

24 февраля [1831 г. Москва].

Мой милый, я очень безпокоюсь о тебѣ. Говорятъ, въ Петербургѣ грипъ; боюсь за твою дочку. На всякой случай жду отъ тебя письма.

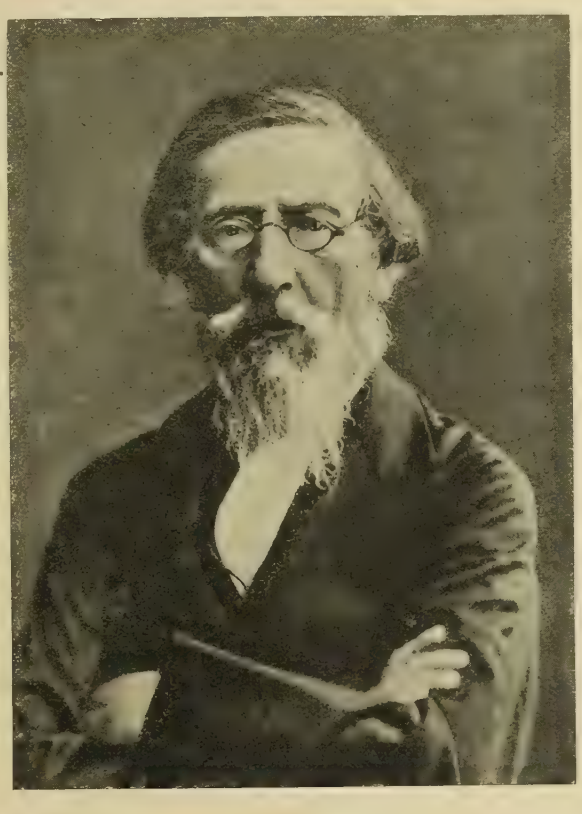
Я женатъ — и щастливъ. Одно желаніе мое чтобъ ничего въ жизни моей не измѣнилось: лучшаго не дождусь. Это состояніе для меня такъ ново, что, кажется, я переродился. Посылаю Вамъ визитную карточку—жены дома нѣтъ, а потому не сама она рекомендуется Ст. Ал.

Прости, мой другъ. Что баронесса? Память Дельвига есть единственная тѣнь моего свѣтлаго существованія. Обнимаю тебя и Жуковскаго. Изъ газетъ узналъ я новое назначеніе Гнѣдича. Оно дѣлаетъ честь Государю, котораго искренно люблю и за котораго всегда радуюсь, когда поступаетъ онъ умно и по царски. Addio.

24 fevr.

Будьте же всѣ здоровы.

На оборотѣ: Е. В. Петру Александровичу Плетневу. Въ С.-Петербургѣ, въ Екатерининскомъ институтѣ.



М. А. МАКСИМОВИЧЪ.

378.

Н. И. Хмѣльницкому.

6-го марта 1831 г. Москва.

Милостивый Государь

Николай Ивановичь

Спѣшу отвѣствовать на предложеніе Вашего Превосходительства, столь лестное для моего самолюбія: я бы за честь себѣ поставилъ препроводить сочиненія мои въ Смоленскую Библіотеку, но въ слѣдствіи условій заключенныхъ мною съ Петербургскими книгопродавцами у меня не осталось ни единаго экземпляра, а дороговизна книгъ не позволяетъ мнѣ и думать о покупкѣ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

6-го марта 1831. Москва.

На оборотѣ: Давъ офиціальный отвѣтъ на офиціальное письмо Ваше позвольте поблагодарить Васъ за Ваше воспоминаніе и попросить у васъ прощеніе не за себя, а за моихъ книгопродавцевъ не высылающихъ Вамъ, вопреки моему наказу, ежегодной моей дани. Она будетъ Вамъ доставлена непремѣнно, Вамъ, любимому моему поэту; но не ссорьте меня съ Смоленскимъ губернаторомъ, котораго впрочемъ я уважаю столь-же, сколько Васъ люблю. Весь вашъ.

379.

С. Д. Киселеву.

[Вторая половина марта 1831 г. Москва].

Отсылаю тебѣ твои книги съ благодарностію. Что̀? не поздравить ли тебя съ наслѣдникомъ или наслѣдницею? А. П.

На оборотѣ: Сергѣю Дмитріевичу Киселеву.

380.

П. А. Плетневу.

26-го марта [1831 г. Москва].

Что̀ это значитъ, душа моя? ты совершенно замолкъ. Вотъ уже мѣсяцъ какъ отъ тебя ни строчки не вижу. Ужъ не возпослѣдовало ли вновь тебѣ отъ Ген.-Губерн. милостивое запрещеніе со мною переписываться? чего добраго? не боленъ ли ты? все ли у тебя благополучно? или просто лѣнишься да понапрасно друзей своихъ пугаешь. Покамѣсть вотъ тебѣ подробное донесеніе обо мнѣ, о домашнихъ моихъ обстоятельствахъ и о намѣреніяхъ. Въ Москвѣ остаться я никакъ не намѣренъ; причины тому тебѣ извѣстны, и — каждый день новыя прибываютъ. Послѣ Святой отправляюсь въ П.Б. Знаешь ли что̀? мнѣ мочи нѣтъ хотѣлось бы къ Вамъ не доѣхать, а остановиться въ Царск. селѣ. Мысль благословенная! Лѣто и осень такимъ образомъ провелъ бы я въ уединеніи вдохновительномъ, вблизи столицы, въ кругу милыхъ воспоминаній и тому подобныхъ удобностей. А дома̀, вѣроятно, нынѣ тамъ недороги: гусаровъ нѣтъ, двора нѣтъ — квартеръ пустыхъ много. Съ тобою, душа моя, видѣлся бы я всякую недѣлю, съ Жук. также. П.Б. подъ бокомъ,—жизнь дешевая, экипажа не нужно. Чего, кажется, лучше? Подумай объ этомъ надосугѣ, да и перешли мнѣ свое рѣшеніе. Книги Белизара я получилъ и благодаренъ. Прикажи ему прислать мнѣ еще Crabbe Wordsworth, Southey и Shakespeare—въ домъ Хитровой на Арбатѣ. <Домъ сей нанялъ я въ память моей Элизы; скажи это Южной ласточкѣ, смуглорумяной красотѣ нашей>. Сомову скажи чтобъ онъ прислалъ мнѣ если можетъ Лит. Газету за прошедшій годъ <за нынѣшній не нужно; самъ за нимъ приѣду> да и Сѣв. Цвѣты, послѣдній памятникъ нашего Дельвига. Объ Альманахѣ переговоримъ. Я не прочь издать съ тобою послѣднія С. Цвѣты. Но я затѣваю и другое, о которомъ также переговоримъ. Мнѣ сказывали, что Жук. очень доволенъ Марѳой посадницей; если такъ, то пусть-же выхлопочетъ онъ у Бенкендорфа, или у кого ему будетъ угодно, позволеніе напечатать всю драмму, произведеніе чрезвычайно замѣчательное, не смотря на перовенство общаго достоинства и слабости стихосложенія. Погодинъ—очень, очень дѣльный и честный молодой человѣкъ, истинный нѣмецъ по чистоѣ любви своей къ наукѣ, трудолюбію и умѣренности. Его надобно поддержать, также и Шевырева, котораго куда бы не худо посадить на опустѣвшую каѳедру Мерзлякова, добраго пьяницы, но ужаснаго невѣжды. Это была бы побѣда надъ Университетомъ, то-есть надъ предразсудками и Вандализмомъ. О своихъ меркантильныхъ обстоятельствахъ скажу тебѣ, что благодаря отца моего, который далъ мнѣ способъ получить 38,000 р. я женился и обзавелся кой-какъ хозяйствомъ, не входя въ частныя долги. На мою тещу и дѣда жены моей надѣяться плохо, частію отъ того что ихъ дѣла разстроены, частію и отъ того, что на слова *) надѣяться не должно. По крайнѣй мѣрѣ. съ своей стороны я поступилъ честно и болѣе нѣжели безкорыстно. Не хвалюсь и не жалуюсь, ибо женка моя — прелесть не по одной наружности, и не щитаю пожертвованіемъ того что долженъ былъ я сдѣлать. Итакъ до свиданія, мой милый.

26 марта.

381.

Л. С. Пушкину.

6-го апрѣля [1831 г. Москва].

Все было рѣшено. Ждали только отвѣта отъ Гр. Паскевича, какъ Б. получилъ о тебѣ изъ Москвы un rapport défavorable. Нравоучительныхъ примѣчаній дѣлать я не намѣренъ; но кабы ты не былъ болтунъ и не напивался бъ съ французскими актерами у Яра, вѣроятно, ты могъ бы ужъ быть на Вислѣ. Въ Чугуевѣ тебѣ мѣшкать не возможно. Немедленно поѣзжай въ свой полкъ и жди тамъ рѣшенія своей участи. Дай Богъ, чтобъ эта штука не стоила тебѣ вѣчнаго пребыванія въ Грузіи.

6 апрѣля.

На оборотѣ: Г. Льву Сергѣевичу Пушкину. Въ Чугуевъ (въ Харьк. Губ. Оставить до востребованія. Въ Изюмъ).

382.

П. А. Плетневу.

11-го апрѣля [1831 г. Москва].

Воля твоя, ты несносенъ: ни строчки отъ тебя не дождешься. Умеръ ты что-ли? Если тебя уже нѣтъ на свѣтѣ, то, тѣнь возлюбленная, кланяйся отъ меня Державину и обними моего Дельвига. Если-же ты живъ, ради Бога отвѣчай на мои письма. Приѣзжать-ли мнѣ къ Вамъ, остановиться-ли въ Царскомъ-селѣ, или мимо скакать въ Петербургъ или Ревель? Москва мнѣ слишкомъ надоѣла. Ты скажешь, что и П.Б. малымъ чѣмъ лучше, но я какъ Артуръ Потоцкій, которому предлагали рыбу удить: J'aime mieux m'ennuyer autrement. Мнѣ кажется что если всѣ мы будемъ въ кучкѣ, то литература не можетъ не согрѣться и чего-нибудь да не произвести: Альманаха, журнала, — чего добраго? и Газеты. Вяземскій везетъ къ Вамъ Жизнь Ф. Визина книгу, едва ли не самую замѣчательную съ тѣхъ поръ, какъ пишутъ у насъ книги (все-таки исключая Карамзина). Петръ Иванычь приплылъ и въ Москву, гдѣ кажется приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? Не ужъ то мы вразумили публику? или сама догадалась, голубушка? А кажется Булгаринъ такъ для нее созданъ, а она для него, что имъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать. На Выжигина II-го я еще не посягалъ, а какъ сказываютъ, обо мнѣ въ немъ нѣтъ ни слова, то и не посягну. Разумѣю, не стану читать, а ругать все-таки буду. Сомовъ написалъ мнѣ длинное письмо, на которое еще не отвѣчалъ. Скажи ему что Делорма я самъ ему привезу, потому и не посылаю. Что Баронесса? О

*) Тутъ что-то тщательно зачеркнуто.

тебѣ говорила мнѣ Жихарева; анекдотъ о билетдахъ— прелесть. 11 апр.

Христосъ воскресъ!

На оборотѣ: М. Г. Петру Александровичу Плетневу, въ С.-Петербургъ, въ Екатерининскомъ институтѣ.

Штемпель: 1831, Апр. 13.

383.

П. А. Плетневу.

[Первая половина апрѣля 1831 г. Москва].

Ты правъ, любимецъ Музъ — должно быть это и нѣмецкая добродѣтель, акуратнымъ, хотя нехудо быть и умѣреннымъ хотя Чацкій и смѣется надъ этими двумя талантами. И такъ вотъ тебѣ понктуальные отвѣты, на твои запросы. Деларю слишкомъ гладко, слишкомъ правильно, слишкомъ чопорно пишетъ для молодого Лицеиста. Въ немъ не вижу я ни капли творчества, а много искуства. Это второй томъ Подолинскаго. Впроччемъ можетъ быть онъ и разовьется. О Гоголѣ, нискажу тебѣ ничего потому что доселѣ [ничего] его не читалъ за недосугомъ. Отлагаю чтеніе до Царскаго-села, гдѣ ради Бога наймимнѣ фатерку — насъ будетъ: мы двое, 3 или 4 человѣка да 3 бабы. Фатерка чѣмъ дешевле, тѣмъ разумѣется лучше — по вѣдь 200 рублей лишнихъ насъ не разорятъ. Садика намъ не будетъ нужно, ибо подъ бокомъ будетъ у насъ садище, а нужна кухня, да сарай. Вотъ и все. Ради Бога, скорѣе-же! и тотчасъ давай намъ и знать что все-де готово, и милости просимъ пріѣзжать. А мы тебѣ какъ снѣгъ на голову.

Обними Жуковскаго за участіе въ которомъ я никогда не сомнѣвался [но которому радуюсь какъ...] *). Не пишу ему, потому что не привыкъ съ нимъ переписываться. Съ нетерпѣніемъ ожидаю новыхъ его балладъ. И такъ былое съ нимъ сбывается опять. Слава Богу! Но ты не пишешь что такое его баллады, переводы или сочиненія. Дмитріевъ, думая критиковать Жуковскаго, далъ ему прездравый совѣтъ. Жук. говорилъ онъ, въ своей деревнѣ заставляетъ старухъ себѣ ноги гладить и разказывать сказки и [изъ это] потомъ перекладываетъ ихъ въ стихи. Преданія Русскія ничуть не уступаютъ въ фантазтической поэзіи, преданіямъ Ирландскимъ и Германскимъ. Если [вдохновенье] все еще его несетъ вдохновеніемъ, то присовѣтуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о кіевскихъ чудотворцахъ, прелесть простоты и вымысла!

Перечитываю письмо и вижу что я неокуратно отвѣчалъ тебѣ на вопросы: 1) гдѣ, 2) на сколько времени и 3) во сколько комнатъ нужна мнѣ квартира? Отвѣты.

1) На какой бы то нибыло улицѣ Царскосельской.

2) До Января, и потому квартера должна быть теплая.

3) Былъ бы особый кабинетъ —а прочее мнѣ все ровно.

За симъ обнимаю тебя, благодаря заранѣе.

На оборотѣ: М. Г. Петру Александровичу Плетневу, въ С.-Петербургъ, въ Екатерининскомъ Институтѣ.

Штемпель: 1831, Апр. 14.

Графъ МИЛОРАДОВИЧЪ.

384.

П. В. Нащокину.

[Конецъ мая 1831 г. Петербургъ].

Пріѣхали мы благополучно, мой милый Павелъ Воиновичь, въ Демутовъ трактиръ и на дняхъ отправляемся въ Царское-село, гдѣ мой домикъ еще не меблированъ <мой будущій адресъ: въ домъ Китаевой>. Паливановъ сей часъ былъ у меня; кажется, очень влюбленъ. Завтра отправляется къ Вамъ. Дѣла мои въ лучшемъ порядкѣ нежели я думалъ. На дняхъ отправляю тебѣ 2,000 руб. для Горчакова—Незнаю получилъ-ли ты тысячу отъ Вяземскаго. Съ нимъ перепишусь. Что ты дѣлаешь, душка? что твоя Хозяйка? что Марья Ивановна? спровадилъ-ли ты ее? и что твои хлопоты касательно моего дома и твоего долга. До сихъ поръ я не получалъ еще черновой довѣренности, а самъ сочинить ее не съумѣю. Перешли поскорѣе —

Жена тебѣ очень кланяется.

На оборотѣ: П. В. Нащокину.

*) Не разобрано.

385.

А. Х. Бенкендорфу.

27-го мая [1831 г. Царское Село].

General.

Mademoiselle Kuchelbecker m'a fait demander si je ne prendrois pas sur moi d'être l'éditeur de quelques poëmes manuscripts que son frère lui a laissés. J'ai cru qu'il falloit pour celà l'autorisation de Votre Excellence et que celle de la censure ne suffisoit pas. J'ose esperer que cette permission que je sollicite ne pourra me nuire: Ayant été camarade de collège de G. Kuchelbecker, il est naturel que sa soeur, en cette occasion, se soit adressée à moi plutôt qu'à tout autre.

Maintenant permettez moi de vous importuner pour quelque chose qui m'est personel. Jusqu'à present j'ai beaucoup négligé mes moyens de fortune. Actuellement que je ne puis être insouciant sans manquer à mes devoirs, il faut que je songe à m'enrichir et j'en demande la permission à Sa Majesté. Mon service auquel Elle a daigné m'attacher mes occupations littéraires m'obligent à demeurer à Pétersbourg, et je n'ai de revenu que ce que me procure mon travail. L'entreprise littéraire dont je sollicite l'autorisation et qui assureroit mon sort, seroit d'être à la tête du journal dont M-r Joukovsky m'a dit vous avoir parlé.

Je suis avec respect, General, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur Alexandre Pouchkine.

27 mai.

Черновое.

Mad. K. m'a fait demander si je ne pourrais pas être l'éditeur de quelques tragédies manuscrites de son frère qu'il lui a laissé et qu'elle a en sa possession. Je ne demande pas mieux que de lui être util, mais j'ai cru qu'il fallait pour cela l'autorisation de Votre Excellence et que celle de la censure ne suffisait pas. J'espère que la permission que je sollicite ne me nuira pas dans l'opinion de Sa Majesté. Ayant été camarade de collège de K., il est naturel que sa soeur dans cette occasion se soit adressé à moi plutôt qu'à un autre..... 27.

386.

Князю П. А. Вяземскому.

1-го іюня [1831 г. Царское Село].

Я живу въ Ц. С. въ домѣ Китаевой на большой дорогѣ. Грѣхъ тебѣ будетъ ко мнѣ не заѣхать. Всѣ наши П.бургскія знакомки тебѣ кланяются и ждутъ тебя. Здѣшнія залы очень замѣчательны. Свобода толковъ меня изумила. Дибича критикуютъ явно и очень строго. Тому недѣлю Эриванскій былъ еще въ Петергофѣ. Ты читалъ извѣстіе о послѣднемъ сраженіи 14 Мая. Не знаю почему не упомянуто въ немъ нѣкоторыя подробности, которыя знаю изъ частныхъ писемъ и кажется отъ вѣрныхъ людей: Кржнецкій находился въ этомъ сраженіи. Офицеры наши видѣли какъ онъ прискакалъ на своей бѣлой лошади, пересѣлъ на другую бурую, и сталъ командовать— видѣли какъ онъ, раненый въ плечо, уронилъ палашъ и самъ свалился съ лошади, какъ вся его свита кинулась къ нему, и посадила опять его на лошадь. Тогда онъ запѣлъ Еще польска не сгинела, и свита его начала вторить, но въ ту самую минуту, другая пуля убила въ толпѣ польскаго маіора и пѣсни прервались. Все это хорошо въ поэтическомъ отношеніи—Но все таки ихъ надобно задушить и наша медленность мучительна. Для насъ мятежъ Польши есть дѣло семейственное, старинная, наслѣдственная распря, мы неможемъ судить ее по впечатлѣніямъ Европейскимъ, каковъ бы ни былъ впрочемъ нашъ образъ мыслей— Но для Европы нужны общія предметы вниманія и пристрастія, нужны и для народовъ и для правительствъ. Конечно выгода почти всѣхъ правительствъ держаться въ семъ случаѣ правила non-intervention, т. е. избѣгать въ чужомъ пиру похмѣлія; но народы такъ и рвутся, такъ и лаятъ— Того и гляди навяжется на насъ Европа. Щастіе еще что мы прошлого году не вмѣшались въ послѣднюю французкую передрягу! А то былъ бы долгъ платежемъ красенъ — Отъ политики перехожу къ Литературѣ, т. е. къ Булгарину. Знаешь-ли за что его выслали изъ П. Б.? говорятъ будто бы при появленіи эпиграммы, Фигляринъ, вотъ полякъ примѣрный, онъ такъ огорчился что прямо адресовался къ Государю со слезной жалобой на меня, сдѣлайте-де, В. В., такую божескую милость, уймите Пушкина, который все меня обиждаетъ своими стишками. Государю было не до стишковъ; Булгаринъ-же не въ первый разъ надоѣдалъ ему своими жалобами и доносами — Онъ и велѣлъ его выслать какъ человѣка безпокойнаго. Но каковы безстыдство и дерзость Булгарина? Недоволенъ онъ тѣмъ, что плутовствомъ выманилъ онъ Высочайшій рескриптъ Петру Ивановичу Выжигину, и что онъ продаетъ свои сальныя пасквили изъ подъ порфиры Императорской. Карлъ X сидитъ себѣ смирно въ Единбургѣ, а Ѳаддей Булгаринъ требуетъ вспомогательной силы отъ Русского Императора! Господи Боже мой до чего мы дожили! Однакожъ вотъ тебѣ и добрая вѣсть: Жуковскій точно написалъ 12 прелестныхъ Балладъ и много другихъ прелестей—Прощай, кланяйся Княгинѣ.

1 Іюня.

Сердечно кланяюсь И. И. Дмитріеву. Что его здоровье?

На оборотѣ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому, въ Москвѣ, въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ собств. домѣ.

387.

П. В. Нащокину.

1-го іюня [1831 г. Царское Село].

Вотъ уже недѣля, какъ я въ Ц. С., а письмо твое получилъ только третьяго дня. Оно было застраховано, и я возился съ полиціей и почтой. Довѣренность пришлю тебѣ немѣдленно. Очень благодарю тебя за дружескія хлопоты съ М. Ив. и поздравляю съ прекращеніемъ домашней войны. День ото дня ожидаю своего обоза и письма твоего. Я бы переслалъ Горчакову тотчасъ мой долгъ съ благодарностію но принужденъ былъ въ этѣ двѣ недѣли изтратить 2,000 рублей и потому приостановился. Теперь кажется все уладилъ и стану жить по тихоньку безъ тещи, безъ экипажа, слѣдственно, безъ большихъ разходовъ и безъ сплетенъ. Какъ ты ладишь съ влюбленнымъ Паливановымъ? Ѣдетъ-ли онъ въ Калугу вослѣдъ

своей возлюбленной? У меня встрѣтился онъ съ теткой жены, К. П. Загряжской, и я рекомендовалъ его какъ будущаго племянника. Только я боюсь чтобъ дѣдушка его не надулъ--смотри за нимъ. Что твои домашнія обстоятельства? не отыскался ли женихъ на извѣстную особу? Изъ [С. Ц.] царск. С. пріѣхалъ бы я на эту свадьбу, отпраздновать твое освобожденіе, законной бракъ О. А., и увезъ бы тебя въ П. Б. Что то бы зажили! Опять бы завелись и Арапы, и карлики и сотернъ, и пр. — Прощай пиши и не слишкомъ скучай по мнѣ. Кто-то говаривалъ: Если я теряю друга, то иду въ клубъ и беру себѣ другова. Мы съ женой тебя всякой день поминаемъ. Она тебѣ кланяется--Мы ни съ кѣмъ еще покамѣсть не знакомы, и она очень по тебѣ скучаетъ.

1-го іюня.

Я сей часъ увидѣлъ въ Лит. Газ. разборъ Вельтмана очень не благосклонный и несправедливый — Чтобъ не подумалъ онъ что я тутъ какъ нибудь вмѣшался. Дѣло въ томъ, что и я виноватъ: полѣнился исполнить обѣщанное, не написалъ самъ разбора; но и нѣкогда было. Обнимаю Горчакова. — Что Вяземскаго тысяча?

На оборотѣ: Его высокоблагородію Павлу Воиновичу Нащокину. Въ Москвѣ у Николы на Пескахъ въ домѣ Годовиковой на Арбатѣ.

388.

П. В. Нащокину.

[Начало іюня 1831 г. Царское-Село].

Вотъ тебѣ одна тысяча, другая досталась мнѣ золотомъ. Извини меня передъ Горчаковымъ; онъ получитъ все прежде срока или въ срокъ—но не позже. Если увидишь Вяз., то спроси какъ ему переслать его 1,000? или нѣтъ-ли у него здѣсь долговъ, или не хранить-ли ее до его пріѣзда. Прости, любезный будь здаровъ и не хандри.

389.

П. В. Нащокину.

11-го іюня [1831 г.]. Царское-Село.

Послалъ я къ тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, и довѣренность, и деньги, получилъ весь мой Московскій обозъ, а отъ тебя ни слова не имѣю; да и никто изъ Москвы ко мнѣ не пишетъ, ни ко мнѣ, ни къ женѣ. Ужъ не теряются-ли письма? Пожалуйста, не лѣнись. Съ Павловымъ не играй, съ Рахмановымъ кончи поскорѣе, О. А. сосватай, да пріѣзжай къ намъ безъ хлопотъ. Мы здѣсь живемъ тихо и весело, будто въ глуши деревенской; на силу до насъ и вѣсти доходятъ, да и тѣ не радостныя. О смерти Дибича, горевать, кажется, нечего. Онъ уронилъ Россію во мнѣніи Европы, и медленностію успѣховъ въ Турціи и неудачами противъ Польскихъ мятежниковъ. Здѣсь говорятъ о взятіи и сожженіи Вильны и о томъ что Храповицкаго будто бы повѣсили. Ужасно, но надѣюсь не правда. Холера, говорятъ, все неунимается. Правда-ли что въ Твери карантины? Экой годъ! Прощай, душа моя! Жена тебя очень любитъ и очень тебѣ кланяется. А. П.

1-го іюня.
Сарско-Село.

На оборотѣ: Е. В. М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину. Въ Москву на Арбатѣ у Николы на Пескахъ, въ домѣ Годовиковой.

А. Г. МУРАВЬЕВА.

390.

Князю П. А. Вяземскому.

11-го іюня [1831 г. Царское Село].

Что за дьявольщина? пишу, пишу а никто мнѣ не отвѣчаетъ. Получилъ-ли ты письмо мое? На всякой случай вотъ тебѣ другое; тысяча твоя у меня. Переслать-ли ее въ Москву, или прикажешь ей тебя дождаться? Въ Твери сказываютъ холера и карантинъ. Какъ-же ты къ намъ пріѣдешь? Ужъ не на пироскафѣ, какъ Гр. Паскевичъ поѣхалъ въ Армію. Что тамъ дѣлается, ничего невѣдаемъ. Потеря Дибича должна быть чувствительна для Поляковъ; по разсчету Толь будетъ главнокомандующимъ въ теченіи 20 дней; авось употребитъ онъ [эту] это время въ пользу себѣ и намъ. Здѣсь говорятъ о взятіи Вильны и о повѣшаніи Храповицкаго. Ужасно во всѣхъ отношеніяхъ! Дай богъ чтобы это было ложное извѣстіе.

Видѣлъ я Тургенева и нашелъ въ немъ мало перемѣны: кой гдѣ сѣдина, впрочемъ таже жи-

вость, по крайнѣй мѣрѣ при первомъ свиданіи. Жду его въ Сарское село. Онъ ѣдетъ къ тебѣ, если карантинъ его не удержитъ. Постарайся поразтрепать его porte-feuille, полный Европейскими сокровищами. Это намъ пригодится. Жуковскій все еще пишетъ. Онъ перевелъ нѣсколько балладъ Соутея, Шиллера и Гуланда. Между прочемъ Водолаза, Перчатку, Поликратово кольцо etc. Также перевелъ некончанную балладу Вальтеръ-Скотта Пильгримъ, и придѣлалъ свой конецъ: прелесть. Теперь пишетъ сказку Гекзаметрами, въ родѣ своего краснаго карбункула, и тѣже лица на сценѣ, Дѣдушка, Луиза, трубка и проч. Все это явится въ новомъ изданіи всѣхъ его балладъ, которыя издаетъ Смирдинъ въ двухъ томикахъ. Вотъ все чѣмъ можно намъ утѣшаться въ нынѣшнихъ горькихъ обстоятельствахъ. Здѣсь я журналовъ неполучаю, и незнаю, что дѣлается въ нашемъ омутѣ, и кто кого.

Прощай, кланяюсь Княгинѣ и Катеринѣ Андреевнѣ, если она уже доѣхала до Астафьева. Если Вы всѣ вмѣстѣ, то мудрено тебя сюда выманить, однакожъ надобно. Что Софья Николаевна? царствуетъ на сѣдлѣ? A horse, a horse! my Kingdom for a horse! — Прощай же до свиданія. А. П.

11 Іюня.

На оборотѣ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собств. домѣ.

391.

П. В. Нащокину.

[Вторая половина іюня 1831 г. Царское Село].

Очень, очень благодарю тебя за письмо отъ 9 іюня. Не знаю отвѣчалъ-ли я тебѣ на оное; на всякой случай перечитавъ его, пишу отвѣтъ. Съ подрядчикомъ я разплатился; онъ сказывалъ мнѣ что ты обѣщалъ ему отъ меня прибавку, на сіе жду твоего приказанія, а самъ отъ себя ни гроша не прибавлю. Я не очень понимаю какое условіе могъ ты заключить съ Рахмановымъ; страховать жизнь еще на Руси въ обыкновеніе не введено, но войдетъ-же когда нибудь; покамѣсть мы не застрахованы, а застращены. Здѣсь холера, т. е. въ П. Б., а Сарское-Село оцѣплено—такъ какъ при Королевскихъ дворахъ, бывало, за шалости принца, сѣкли его пажа. Жду дороговизны и скупость наслѣдственная и благоприобрѣтенная во мнѣ тревожится. О дѣлахъ жены моей не имѣю никакихъ извѣстій, и дѣдушка и теща отмалчиваются, и рады что Богъ послалъ ихъ Ташинькѣ муженька такого смирнаго. Что то будетъ съ Алекс. Юрьевичемъ? твое извѣстіе о немъ насмѣшило насъ до сыта. Воображаю его въ Заводахъ en tête à tête съ глухимъ старикомъ, а Пат. Ив. ходуномъ ходящую, около дочерей крѣпко на крѣпко заключенныхъ. Что Ал. Юр.? остылъ, али нѣтъ? Ты-то что самъ? и скоро-ли деньги будутъ? какъ будутъ, приѣду не смотря ни на какія холеры и тому подобное. А тебя ужъ я отчаиваюсь видѣть. Прости, отвѣчай.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину. Въ Москвѣ, на Арбатѣ въ домѣ Годовиковой, у Николы Пески.

392.

П. В. Нащокину.

26-го іюня [1831 г. Царское Село].

Очень благодаренъ за твое письмо, мой другъ; а что это за болѣзнь, отъ которой ты такъ скоро оправился? Я уже писалъ тебѣ, что въ П. Б. холера, и какъ она здѣсь новая гостья, то гораздо болѣе въ чести нѣжели у Васъ равнодушныхъ Москвичей. На дняхъ на Сѣнной былъ бунтъ въ пользу ея; собралось православнаго народу тысячь 6, отперли больницы, кой-кого (сказываютъ) убили: Государь самъ явился на мѣстѣ бунта и усмирилъ его. Дѣло обошлось безъ пушекъ, дай Богъ чтобъ и безъ кнута! Тяжелыя времена, Павелъ Воиновичь! Тѣло Цесаревича везутъ; также и Дибичево. Паскевичь пріѣхалъ въ Армію 13-го. О военныхъ движеніяхъ не имѣемъ еще никакого извѣстія. Вотъ тебѣ общественныя новости; теперь поговоримъ о своемъ горѣ. Напиши ко мнѣ къ какому времени явиться мнѣ въ Москву за деньгами, да у васъ ли Догановскій? Если у васъ такъ постарайся съ нимъ поговорить, т. е. поторговаться, да и кончи дѣло не дожидаясь меня—а я, несмотря на холеру, непремѣнно буду въ Москвѣ на тебя посмотрѣть, моя радость. Отъ Вяз. получилъ я письмо; свою тысячу оставляетъ онъ у меня до предбудущаго. Тысячу Горчаковскую на дняхъ перешлю тебѣ. Холера прижала насъ, и въ Ц. Селѣ оказалась дороговизна. Я здѣсь безъ экипажа и безъ пирожнаго, а деньги все-таки уходятъ. Вообрази что со дня нашего отъѣзда я выпилъ одну только бутылку шампанскаго, и ту не вдругъ. Разрѣшилъ-ли ты съ горя? Кланяюсь О. А. Фуляровъ ей не посылаю, ибо съ П. Б., какъ уже сказано было, всякое сообщеніе прервано. По той-же причины не получишь ты скоро и моего образа. Брюловъ въ П. Б. и женатъ, слѣдственно въ Италію такъ скоро не подымится. Кланяюсь Шнейдеру; никаго здѣсь невижу и не у кого освѣдомиться о его представленіи—Кланяюсь и Андр. Петр.—пришли мнѣ его романсъ исправленный во второмъ изданіи. Еще кланяюсь О. А., Тат. Дм., Матр. Серг. и всей компаніи. Прости, моя прелесть—Жена тебѣ очень кланяется—Шитье ея для тебя остановилось за неимѣніемъ чернаго шолка. Все холера виновата.

26-го іюня.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину, въ Москвѣ въ приходѣ Николы Песк. на Арбатѣ въ домѣ Годовиковой.

393.

Н. И. Гончаровой.

(Переводъ).

26-го іюня 1831 г. Царское-Село.

Милостивая государыня! Я вижу изъ письма, которое вы написали Натали, что вы очень недовольны мною, вслѣдствіе того, что я сообщилъ *Аѳанасію Николаевичу* притязанія г-на Поливанова. Мнѣ кажется, я говорилъ сперва вамъ объ этомъ. Это вовсе не мое дѣло сватать дѣвицъ, и будетъ ли предложеніе г-на Поливанова принято, или нѣтъ, это мнѣ рѣшительно все равно: но вы замѣчаете къ тому, что мой поступокъ не дѣ-

лаетъ мнѣ чести. Это выраженіе оскорбительное, и осмѣливаюсь сказать, я никогда не заслуживалъ его.

Я былъ вынужденъ оставить Москву во избѣжаніе разныхъ дрязгъ, которыя въ концѣ концовъ могли бы нарушить болѣе чѣмъ одно мое спокойствіе; меня изображали моей женѣ, какъ человѣка ненавистнаго, жаднаго, презрѣннаго ростовщика *); ей говорили: съ вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознайтесь, что это значитъ проповѣдывать разводъ. Жена не можетъ, сохраняя приличіе, выслушивать, что ея мужъ—презрѣнный человѣкъ, и обязанность моей жены подчиняться тому, что я себѣ позволяю. Не женщинѣ въ 18 лѣтъ управлять мужчиною 32 лѣтъ **).

Я представилъ доказательства терпѣнія и деликатности; но, повидимому, я только напрасно трудился. Я люблю собственное спокойствіе и сумѣю его обезпечить.

При моемъ отъѣздѣ изъ Москвы, вы не сочли нужнымъ говорить со мною о дѣлахъ; вы предпочли отшутиться насчетъ возможности развода или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Между тѣмъ, мнѣ необходимо знать окончательно ваше рѣшеніе относительно меня. Я не говорю о томъ, что̀ предполагалось сдѣлать въ отношеніи Натали; это меня не касается, и я никогда объ этомъ не думалъ, несмотря на мою жадность. Я разумѣю 11,000 рублей, которые я далъ взаймы. Я не требую уплаты и нисколько не тороплю васъ. Я хочу только знать навѣрное, что̀ вы предполагаете по этому поводу сдѣлать, съ тѣмъ, чтобы и съ своей стороны принять нужныя мѣры.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь, Милостивая Государыня, Вашъ покорнѣйшій и послушный слуга *Александръ Пушкинъ*.

Царское-Село, 26 іюня 1831.

Ю. А. НЕЛЕДИНСКІЙ-МЕЛЕЦКІЙ.

394.

П. А. Осиповой.

29-го іюня [1831 г. Царское Село].

Je différois de vous écrire, m'attendant à tout moment à vous voir nous arriver; mais les circonstances ne me permettent plus de l'espérer. C'est donc par écrit, Madame, que je vous félicite et que je souhaite à M-lle Euphrosine tout le bonheur dont ici bas nous sommes capables et dont est si digne un être aussi noble et aussi doux.

Les tems sont bien tristes. L'épidémie fait à Pétersbourg de grands ravages. Le peuple s'est ameuté plusieurs fois. Des bruits absurdes s'étoient répandus. On prétendoit que les medécins empoisonnoient les habitans. La populace furieuse en a massacré deux. L'Empereur s'est présenté au milieu des mutins. On m'écrit: «Государь говорилъ съ народомъ—чернь слушала на колѣняхъ—тишина—одинъ царскій голосъ, какъ звонъ святой, раздавался на площади».—Ce n'est pas le courage, ni le talent de la parole qui lui manquent; cette fois-ci l'emeute a été appaisé; mais les désordres se sont renouvelés depuis. Peut-être sera-t-on obligé d'avoir recours à la mitraille. Nous attendons la cour à Sarsko-Sélo qui jusqu'à présent n'est pas encore attaqué de la contagion; mais je crois que cela ne tardera pas. Que Dieu préserve Trigorskoe des sept plaies de l'Egypte; vivez heureuse et tranquille, et puisse-je me retrouver un jour dans votre voisinage! et à propos de celà, si je ne craignois d'être indiscret, je vous prierois, comme bonne voisine et bien chère amie, de me faire savoir, si je ne pourrois pas faire l'acquisition de Savkino, et quels en seroient les conditions. J'y bâtirois une chaumière, j'y mettrois mes livres et j'y viendrois passer quelques mois de l'année auprès de mes bons et anciens am s. Que dites-vous Madame de mes chateaux en Espagne, ou de ma chaumière à Savkino? pour moi, ce projet-là m'enchante, et j'y reviens à tout moment. Recevez Madame l'hommage de ma haute considération et de mon entier devouement. Mes hommages à toute votre famille; agréez aussi ceux de ma femme; en attendant que je n'aie eu l'avantage de vous la présenter.

Sarskoe-Selo.
29 juin 1830 [sic.].

На оборотѣ: Ея высокородію М. Г. Прасковіи Александровнѣ Осиповой. Въ Опочку.

395.

М. П. Погодину.

[Конецъ іюня 1831 г. Царское Село].

Сердечно благодарю Васъ и за письмо и за старую статистику. Я получилъ всѣ экземпляры вчера изъ П. Б. и не знаю какъ доставить экз. слѣдующіе Великимъ Князьямъ и Жуковскому.

---

*) въ подл.: «vil usurier».

**) въ подл.: «Vous êtes une sotte de permettre à votre mari etc. Vous m'avouerez que c'était prêcher le divorce. Une femme ne peut décemment se laisser dire que son mari est un infâme et le devoir de la mienne est de se soumettre à ce que je me permets. Ce n'est pas à une femme de 18 ans de gouverner un homme de 32».

Вы знаете что у насъ холера; Царское Село оцѣплено, оно будетъ, вѣроятно, убѣжищемъ Царскому Семейству. Въ такомъ случаѣ Жуковскій будетъ сюда и я дождусь его чтобъ вручить ему Вашу посылку. Напрасно сердитесь Вы на него за его молчаніе. Онъ самый неакуратный корреспондентъ и ни съ кѣмъ не въ перепискѣ. Могу Васъ увѣрить что онъ искренно Васъ уважаетъ. Вы удивляете меня тѣмъ, что трагедія Ваша еще не поступила еще въ продажу. Веневитиновъ сказывалъ мнѣ что она уже вышла, потому то я и не хлопоталъ объ ней. Непремѣнно надобно ее выдать, и непремѣнно буду писать при первомъ случаѣ объ этомъ къ Б. Холера и смерть Цесаревича насъ совершенно смутили: дайте образумиться.

Пишите Петра; не бойтесь его дубинки. Въ его время Вы были бы одинъ изъ его помощниковъ; въ наше время будьте хоть его живописцемъ. Жалѣю что вы не раздѣлались еще съ Московскимъ Университетомъ, который долженъ рано или поздно извергнуть васъ изъ среды своей, ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ, а Ученость, дѣятельность и Умъ [несносны] чужды Московскому Университету.

У насъ есть счетецъ. За мною процентовъ было 225 рублей; изъ оныхъ отдалъ я вамъ помните, 75—и того остается 150, кои вы получите какъ скоро получу оброкъ со Смирдина.

Пишите ко мнѣ прямо въ Царское или Сарское-Село. Отъ Смирдина отдѣленъ я карантиномъ. Вашихъ препорученій касательно книгъ покамѣсть не могу выполнить по многимъ причинамъ. Простите, до свиданія. А. П.

396.

П. А. Плетневу.

3-го іюля [1831 г. Царское Село].

Скажи мнѣ, сдѣлай одолженіе, живъ-ли ты? что ты намѣренъ дѣлать? что паши? экія страсти! Господи Сусе Христе!

Ради Бога, вели Смирдину прислать мнѣ денегъ, или я самъ явлюсь къ нему несмотря на карантины.

Знаешь-ли что? я живъ и здоровъ. Прощай.

3 іюля.

Я переписалъ мои 5 повѣстей и предисловіе, т. е. сочиненія покойника Бѣлкина, славнаго малаго. Что прикажешь съ ними дѣлать? печатать-ли намъ самимъ или сторговаться со Смирдинымъ? R. S. V. P.

Жена моя кланяется твоей, и желаетъ вамъ здравія.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Петру Александровичу Плетневу. Въ С.-Петербургъ. Въ Екатерининск. Институтъ.

Штемпель: Софія или Царское Село, 3 іюля 18..

397.

Князю П. А. Вяземскому.

3-го іюля [1831 г. Царское Село].

Получилъ я письмо твое <вѣроятно отъ Ѳедосея Сидоровича, покрайнѣй мѣрѣ на печатѣ вырѣзанъ крестъ и якорь и надпись Богъ моя надежда>. Ты требуешь назадъ свою мебель. Эхъ, милый! Трудно въ Царскомъ селѣ мнѣ будетъ найти новую. Нечего дѣлать, возьми себѣ назадъ. Только мнѣ жаль будетъ тебѣ оставить ее за туже цѣну. Ей Богу, Ваше Сіятельство, больше стоитъ. Она мнѣ досталась по оказіи и по знакомству; право не грѣхъ прибавить рублей сто. По газетамъ видѣлъ я что Тургеневъ къ тебѣ отправился въ Москву; не приѣдешь-ли съ нимъ назадъ? это было бы славно. Мы бы что нибудь и затѣяли въ родѣ Альманаха, и Тургенева поразтрепали-бы. Объ Адольфѣ твоемъ неимѣю никакого извѣстія; Плетневъ отдѣленъ отъ меня холерою, ничего не пишетъ. Ждалъ я сюда Ж., по дворъ уже не ѣдетъ въ Царское-село, потому что холера показалась въ Пулковѣ. Въ П. Б. народъ неспокоенъ; слухи объ отравѣ такъ разпространились, что даже люди порядочные повторяютъ эти нелѣпости отъ чистаго сердца. Двухъ лѣкарей народъ убилъ. Царь унялъ возмущеніе, но не все еще тихо. Изъ Арміи извѣстія не имѣемъ. Вотъ тебѣ все что знаю. О литературѣ неспрашивай: я неполучаю ни единаго журнала, кромѣ С.-Пет. Б. Вѣдомостей, и тѣхъ нечитаю. Рославлева прочелъ и очень желаю знать какимъ образомъ ты бранишь его. Разговоровъ о Борисѣ не слыхалъ и не видалъ; я въ чужіе разговоры не вмѣшиваюсь. Не пишу покамѣсть ничего, ожидаю осѣни. Элиза приготовляется къ смерти мученической, и уже написала мнѣ трогательное прощаніе. Ты что? Вышелъ-ли Фон-Визинъ изъ Цензуры и поступилъ-ли въ печать. Къ стати о Цензурѣ: Щегловъ умеръ: не нашего полку, чужаго.—Отецъ мой горюетъ у меня въ сосѣдствѣ, въ Павловскомъ; вообще довольно скучно.

3 іюля.

Кланяюсь всѣмъ Твоимъ въ томъ числѣ и Тургеневу, коли онъ ужъ у васъ.

На оборотѣ: М. Г. Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собственномъ домѣ.

398.

П. Я. Чаадаеву.

6-го іюля [1831 г. Царское Село].

Mon ami, je vous parlerai la langue de l'Europe, elle m'est plus familière que la nôtre, et nous continuerons nos conversations, commencées jadis à Sarsko-Sélo et si souvent interrompues. Vous savez ce qui nous arrive; à Pétersbourg le peuple s'est imaginé qu'on l'empoisonnoit. Les gazettes s'épuisent en semonces et en protéstations, malheureusement le peuple ne sait pas lire et les scènes de sang sont prêtes à se renouveler. Nous sommes cernés à Sarsko-Sélo et à Pavlovsky et nous n'avons aucune comunication avec Pétersbourg. Voilà pourquoi je n'ai vu ni Bloudof, ni Bellizard. Votre manuscrit est toujours chez moi; voulez-vous que je vous le renvoye? mais qu'en ferez-vous à Nécropolis? laissez le moi encore quelque tems. Je viens de le relire. Il me semble que le commencement est trop lié à des conversations antécédentes, à des idées antérieurement développées, bien claires et bien positives pour vous, mais dont le lecteur n'est pas au fait. Les premières pages sont donc obscures, et je crois que vous feriez bien d'y substituer une simple note ou bien d'en faire un extrait. J'etois prêt à vous faire remarquer aussi le manque d'ordre et de méthode de tout le morceau, mais j'ai fait refléxion que c'est

une lettre, et que le genre excuse et autorise cette négligence et ce laisser-aller. Tout ce que vous dîtes de Moïse, de Rome, d'Aristote, de l'idée du vrai Dieu, de l'Art antique, du protéstantisme est admirable de force, de verité ou d'éloquence. Tout ce qui est portrait et tableau est large, éclatant, grandiose. Vôtre manière de concevoir l'histoire m'étant tout-à-fait nouvelle, je ne puis toujours être de vôtre avis; par exemple, je ne conçois pas vôtre aversion pour Marc-Aurèle, ni vôtre prédilection pour David <dont j'admire les psaumes, si toutefois ils sont de lui>. Je ne vois pas pourquoi la peinture fôrte et naïve du Polythéisme vous indigneroit dans Homère. Outre son mérite poëtique, c'est encore d'après vôtre propre aveu, un grand monument historique. Ce que l'Illiade offre de sanguinaire, ne ce retrouve-t-il pas dans la Bible? Vous voyez l'unité chrétienne dans le catholicisme, c'est-à-dire dans le Pape. N'est-elle pas dans l'idée du Christ, qui se retrouve aussi dans le protéstantisme? L'idée première fut monarchique; elle devint républicaine. Je m'exprime mal, mais vous me comprendrez. Ecrivez moi, mon ami, dussiez-vous me gronder. Il vaut mieux, dit l'Ecclésiaste, entendre la correction de l'homme sage que les chansons de l'insensé.

6 juillet. S. S.

На оборотѣ: Его высокоблагородію М. Г. Петру Яковлевичу Чадаеву. Въ Москвѣ, на Дмитровкѣ, въ домѣ Рѣшетникова.

399.

П. А. Плетневу.

[16-го іюля 1831 г. Царское Село].

Я надоѣдалъ тебѣ письмами и не зналъ о твоемъ огорченіи. Вчера только сказали мнѣ о смерти нашего добраго и умнаго слѣпца. Зная твою привязанность къ покойному Молчанову, живо воображаю твои чувства. Часъ отъ часу пустѣе свѣтъ, Пустѣй дорога передъ нами.

Тяжелое время, тяжелой годъ. По крайнѣй мѣрѣ [радуюсь] утѣшаюсь, зная, что ты въ своемъ Патмосѣ безвреденъ и недостижимъ. Но кажется зараза теряетъ свою силу и въ П. Б. Мы, уже обстрѣленные въ Москвѣ и Нижнимъ, равнодушно слышали приближающуюся перестрѣлку: по сколько знакомыхъ жертвъ! Однако-жъ кромѣ Молчанова, никого близкаго къ сердцу, кажется, не потеряли. У насъ въ Ц. С. все суетится, ликуетъ, ждутъ разрѣшенія Царицы; ждутъ добрыхъ вѣстей отъ Паскевича; ждутъ прекращенія холеры. Съ моей стороны жду твоего письма; увѣренъ что ты и всѣ твои здоровы, такъ какъ я всегда былъ увѣренъ въ жизни и здоровьи своемъ и своихъ.

На оборотѣ: М. Г. Петру Александровичу Плетневу—Въ С.-Петербургъ, на Кушелевой дачѣ у Самсоніевой заставы.

Штемпель: Софія или Царское Село.

400.

М. Л. Яковлеву.

[Вторая половина іюля 1831 г., а можетъ быть 1836 г., Царское-Село].

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ
У торгоша сего семь пятницъ на недѣлѣ
Его четвергъ на самомъ дѣлѣ
Есть послѣ дождичка четвергъ.

Завтра получу деньги въ 2 часа по полудни—А ввечеру тебѣ доставлю. Весь твой А. П.

На оборотѣ: М. Л. Яковлеву.

401.

П. А. Плетневу.

[Вторая половина іюля 1831 г. Царское Село].

Дворъ пріѣхалъ, и Царское Село закипѣло и превратилось въ столицу. Грустно мнѣ было услышать отъ Ж., что тебя сюда не будетъ. Но такъ и быть: сиди себѣ на дачѣ и будь здоровъ. Россети черноокая хотѣла тебѣ писать, безпокоясь о тебѣ, но Ж. отсовѣтовалъ, говоря: Онъ живъ, чего же Вамъ больше? Однако она поручила было мнѣ переслать къ тебѣ 500 р. какой-то запоздалой пенсіи. Если у тебя есть мои деньги, то заплати изъ нихъ —и дай мнѣ знать сюда, а эти 500 р. я возьму съ нея.

На дняхъ отправилъ я тебѣ черезъ Эслинга повѣсти покойнаго Бѣлкина, моего пріятеля—получилъ ли ты ихъ? Предисловіе доставлю послѣ. Отдай ихъ въ Цензуру земскую, не удѣльную, да и снюхаемся съ Смирдинымъ; я такого мнѣнія, что эти повѣсти могутъ доставить намъ 10000, и вотъ какимъ образомъ:

2000 экз. по 6 р. = 12000
—1000 за печать
—1000 процентовъ
итого 10000.

Что же твой планъ Сѣв. Цвѣтовъ въ пользу братьевъ Дельвига? Я даю въ нихъ Моцарта, и нѣсколько мѣлочей. Ж. даетъ свою Гекзаметрическую сказку. Пиши Баратынскому; онъ пришлетъ намъ сокровища; онъ въ своей деревнѣ. Отъ тебя стиховъ не дождешься; еслибъ ты собрался да написалъ что-нибудь объ Дельвигѣ! То-то было бъ хорошо! Во всякомъ случаѣ проза нужна: коли ты ничего не дашь, такъ она сядетъ на мѣль. Обозрѣнія словесности не па-

Графъ НЕССЕЛЬРОДЕ.

добно; чортъ ли въ нашей словесности? Придется бранить Полевово да Булгарина — кстати ли такое аллилуія на могилѣ Дельвига?—Подумай обо всемъ этомъ хорошенько да и распорядись.—А издавать уже пора, т. е. приготовляться къ изданію. Будьте здоровы всѣ, Христосъ съ вами!

На оборотѣ: Мил. Гос. Александру Филиповичу Смирдину. Въ С.-Петербургъ, у Синяго моста. Пр. дост. Петру Александровичу Плетневу.

Штемпель: Софія или Царское Село... Іюля...

402.

А. Х. Бенкендорфу.

[Вторая половина іюля 1831 г. Царское Село].

Заботливость истинно-отеческая Государя Императора глубоко меня трогаетъ. Осыпанному уже благодѣяніями Его Величества, мнѣ давно было тягостно мое бездѣйствіе. Мой настоящій чинъ <тотъ самый съ которымъ я выпущенъ изъ Лицея> къ нещастію представляетъ мнѣ препятствіе на поприще службы. Я считался въ Иностранной Коллегіи отъ 1817-го до 1824-го года; мнѣ слѣдовали за выслугу лѣтъ еще два чина, т. е. титулярнаго и коллежскаго ассессора; но бывшіе мои начальники забывали о моемъ представленіи. Не знаю, можно-ли мнѣ будетъ получить то что мнѣ слѣдовало.

Если Государю Императору угодно будетъ употребить перо мое, то буду стараться съ точностію и усердіемъ исполнить волю Его Величества и готовъ служить Ему по мѣрѣ моихъ способностей. Въ Россіи періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій <которыхъ у насъ не существуетъ> и Правительству нѣтъ надобности имѣть свой офиціальный Журналъ; но тѣмъ не менѣе общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо. Съ радостію взялся-бы я за редакцію Политическаго и Литературнаго Журнала, т. е. такаго въ коемъ печатались бы политическія и заграничныя новости. Около него соединилъ бы я писателей съ дарованіями и такимъ образомъ приблизилъ-бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его неприязненнымъ къ просвѣщенію.

Болѣе соотвѣтствовало-бы моимъ занятіямъ и склонностямъ дозволеніе заняться историческими изысканіями въ нашихъ Государственныхъ Архивахъ и библіотекахъ. Не смѣю и не желаю взять на себя званіе Исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина; но могу современемъ исполнить давнишнее мое желаніе написать исторію Петра Великаго и Его наслѣдниковъ до Государя Петра III.

(Черновое).

Заботливость истинно отеческая Государя Им. глубоко меня трогаетъ. Осыпанному уже благодѣяніями Его Величества, мнѣ давно было тягостно мое бездѣйствіе; я всегда желалъ служить [было всегда первымъ моимъ желаніемъ] Ему по мѣрѣ моихъ способностей. Мой настоящій чинъ [т. е.] (тотъ самый, съ которымъ выпущенъ я былъ изъ Лицея), къ нещастію, будетъ мнѣ препятствіемъ на поприщѣ службы. Я считался въ Ин. Колл. отъ 1817 до 1824 года, мнѣ слѣдовали за выслугу лѣтъ еще два чина, т. е. титулярнаго и коллежскаго ассессора; бывшіе мои начальники забывали о моемъ представленіи, а я имъ о томъ не припоминалъ. Не знаю, можно ли мнѣ [по увѣряютъ что мнѣ во всякое время можно] будетъ получить то, что мнѣ слѣдовало. Долговременныя упражненія сдѣлали меня способнымъ токмо. Если Государю Императору угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей, то [то почту за щастіе] постараюсь съ точностію и съ усердіемъ исполнить волю Его Величества. У насъ періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій <которыхъ въ Россіи и не существуетъ>,—и Правительству нѣтъ надобности имѣть свой офиціальный журналъ; по тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо [правительствомъ].

Нынѣ, когда [общее] справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго разтравляемая завистію, [у насъ] соединила всѣхъ [мысли] насъ противу Польскихъ мятежниковъ, озлобленная Европа нападаетъ покамѣсть на Россію, не оружіемъ, но ежедневной, бѣшеной клеветою — конституціонныя правительства хотятъ міра, а молодыя поколѣнія, волнуемыя журналами, требуютъ войны.... Пускай позволятъ намъ Русскимъ писателямъ отражать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ *). Съ радостію взялся бы я за редакцію Политическаго и Литературнаго Журнала, т. е. такого, въ коемъ печатались бы политическія и заграничныя новости, около котораго соединилъ бы писателей съ дарованіями и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще [напрасно] дичаться [и напрасно] напрасно полагая его неприязненнымъ къ Просвѣщенію. Болѣе [бы] соотвѣтствовало-бы моимъ занятіямъ и склонностямъ [Современемъ]. Правительству легко будетъ [употребить] извлечь изъ нихъ всевозможную пользу, когда Богъ дастъ миръ и Государю досугъ будетъ заняться устройствомъ успокоеннаго Государства, ибо Россія крѣпко надѣиться на Царя; и истинные друзья Отечества желаютъ ему Царствованія долголѣтняго. Если политическій [таковой] журналъ покажется предпріятіемъ излишнимъ, то буду просить дозволенія заняться историческими изысканіями въ нашихъ Государственныхъ Архивахъ и библіотекахъ. Не смѣю и не хочу взять на себя званіе Исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина; но могу современемъ исполнить давнишнее мое желаніе и написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до Государя Петра III.

403.

М. Л. Яковлеву.

19-го іюля [1831 г.] Царское Село.

Деньги мои, любезный Михайло Лукьяновичь, у Плетнева. Потрудись сдѣлай одолженіе съѣздить къ нему; но какъ онъ человѣкъ акуратный, то возьми съ собою вексель мой и надпиши что проценты получены. Попроси его отъ меня написать мнѣ три строчки и переслать деньги въ коихъ я нуждаюсь. Если онъ сидитъ на дачѣ, опасаясь холеры, и ни съ кѣмъ сношеній не

---

*) Отъ словъ «У насъ» до «газетъ»—перечеркнуто карандашомъ.

имѣетъ, то напиши мнѣ объ немъ, здоровъ-ли онъ и всѣ ли у него здоровы.

Кланяюсь сердечно Софьи Михайловнѣ и очень очень жалѣю, что съ нею не прощусь. Дай Богъ ей здоровья и силы души: Если надобны будутъ ей деньги, попроси ее со мною не церемониться, нетолько на щетъ моего долга, но и во всякомъ случаѣ. Что Сѣв. Цвѣты? съ моей стороны я готовъ. Надняхъ пересмотрѣлъ я у себя письма Дельвига; можетъ быть современемъ это напечатаемъ. Нѣтъ-ли у ней моихъ къ нему писемъ? мы бы ихъ соединили. Еще просьба: у Дельвига находились готовыя къ печати двѣ трагедіи нашего Кюхли и его-же Пжорскій, также и моя Баллада о Рыцарѣ влюбленномъ въ Дѣву. Не можетъ-ли это все Софья Михайловна оставить у тебя? Плетневъ и я, мы бы постарались что нибудь изъ этого сдѣлать.

Что вы дѣлаете, друзья, и кто изъ нашихъ приятелей отправился туда, отколь никто неворотится? Прости, до свиданія. *А. П.*

19 іюля. С. Село.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Михайлѣ Лукьяновичу Яковлеву, въ Петербургъ, во 2-е Отдѣленіе собственной Е. В. канцеляріи.

404.

П. В. Нащокину.

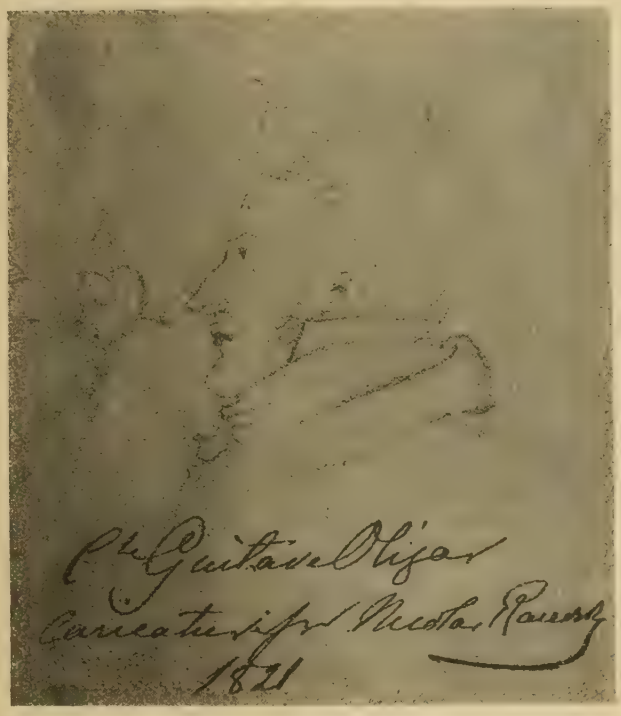
21-го іюля [1831 г. Царское Село].

Бѣдная моя крестница! впередъ не буду крестить у тебя, любезный Павелъ Воиновичь; у меня не легка рука. Воля твоя будетъ выполнена въ точности, если вздумаешь ты отправиться вслѣдъ за Юсуповымъ, но это дѣло несбыточное; по крайнѣй мѣрѣ я никакъ не могу вообразить тебя покойникомъ. Я все къ тебѣ сбираюсь, да боюсь карантиновъ. Нынѣ никакъ не льзя, пускаясь въ дорогу, быть увѣреннымъ во времени проѣзда. Вмѣсто трехдневной ѣзды того и гляди что высидишь три недѣли въ карантинѣ; шутка!— Посылаю тебѣ посылку на имя Чадаева; онъ живетъ на Дмитревкѣ противъ Церкви. Сдѣлай одолженіе, доставь ему. У васъ кажется все тихо, о холерѣ не слыхать, бунтовъ нѣтъ, лекарей и полковниковъ не убиваютъ, Не даромъ Царь ставилъ Москву въ примѣръ Петербургу! Въ Ц. Селѣ также все тихо; но около такая каша, что Боже упаси. Ты пишешь мнѣ о какомъ критическомъ разговорѣ, котораго я еще не читалъ. Если бы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ бы что все, что называютъ у насъ критикой одинаково глупо и смѣшно. Съ моей стороны я отступился: возражать серьозно — не возможно; а паясить передъ публикой не намѣренъ. Да къ тому-же ни критики, ни публика не достойны дѣльныхъ возраженій. Нынче осенью займусь литературой, а зимой зароюсь въ Архивы, куда входъ дозволенъ мнѣ Царемъ. Царь со мною очень милостивъ и любезенъ. Того и гляди, попаду во времещики, и Зубковъ съ Павловымъ явятся ко мнѣ съ распростертыми объятіями. Братъ мой переведенъ въ Польскую Армію. Имъ были не довольны, за его піянство и буянство; но это не будетъ имѣть слѣдствія никакого. Ты знаешь что Вислу мы перешли, не видя неприятеля. Съ часу на часъ ожидаемъ важныхъ извѣстій и изъ Польши и изъ Парижа. Дѣло, кажется, обойдется, безъ Европейской войны. Дай-то Богъ, Прощай, душа: не лѣпись и будь здоровъ.

21 іюля.

P. S. Я съ тобою болтаю, а о дѣлѣ и забылъ. Вотъ въ чемъ дѣло: деньги мои въ П. Б. у Плетнева или у Смирдина, оба со мною прекратили свои сношенія по причинѣ холеры — Не знаю получу-ли что мнѣ слѣдуетъ, къ 1 Августу, въ такомъ случаѣ перешлю тебѣ Горчаковскую тысячу; не то ради Господа Бога, займи хоть на мое имя, и заплати въ срокъ. Не я виноватъ, виновата холера отрѣзавшая меня отъ П. Б. который подъ бокомъ, да куда не пускаютъ. Съ Догановскимъ не худо, братъ, намъ пуститься въ разговоры или переговоры—ибо срокъ моему первому векселю приближается.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Мил. Госуд. Павлу Воиновичу Нащокину. Въ Москвѣ на Арбатѣ у Спаса на Пескахъ домъ Годовиковой.



Графъ Олизаръ.

Неизданная каррикатура Николая Раевскаго въ альбомѣ Раевскихъ, теперь принадлежащемъ Е. Н. Орловой.

405.

П. А. Плетневу.

22-го іюля [1831 г. Царское Село].

Письмо твое отъ 19 крѣпко меня опечалило. Опять хандришь! Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убиваетъ только тѣло, другая убиваетъ душу. — Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ, погоди—умретъ и Жуковскій, умремъ и мы. Но жизнь все еще богата; мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомцевъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ рости, выростетъ невѣстой, мы будемъ старые хрычи, жены наши—

старыя хрычовки, а дѣтки будутъ славные, молодые, веселые ребята, мальчики станутъ повѣсничать, а дѣвчонки — сентиментальничать, а намъ то и любо. Вздоръ, душа моя; не хандри— холера на дняхъ пройдетъ, были бы мы живы, будемъ когда-нибудь и веселы.

Жаль мнѣ, что ты моихъ писемъ не получалъ — между ими были дѣльныя; но не бѣда. Эслингъ сей, котораго ты не знаешь,—мой внукъ по лицею и, кажется, добрый малой; я поручилъ ему доставить тебѣ мои сказки; прочитай ихъ ради скуки холерной, а печатать ихъ не къ спѣху. Кромѣ 2000 за Бориса, я еще ничего не получилъ отъ Смирдина. Думаю, накопилось около двухъ же тысячъ—моего жалованья; напишу ему, чтобъ онъ ихъ переслалъ ко мнѣ по почтѣ, доставивъ тебѣ 500 Россетинскихъ. Кстати, скажу тебѣ новость (но да останется это, по многимъ причинамъ, между нами): Царь взялъ меня въ службу, но не въ канцелярскую или придворную, или военную, — нѣтъ, онъ далъ мнѣ жалованіе, открылъ мнѣ архивы, съ тѣмъ чтобъ я рылся тамъ и ничего не дѣлалъ. Это очень мило съ Его стороны, не правда ли? Онъ сказалъ: Puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut fair aller sa marmite. Ей Богу, онъ очень со мною милъ. Когда же мы, братъ, увидимся? Охъ, ужъ эта холера! Мой Юсуповъ умеръ, нашъ Хвостовъ умеръ. Авось смерть удовольствуется сими двумя жертвами. Прощай. Кланяюсь всѣмъ твоимъ. Будьте здоровы. Христосъ съ вами!

22 іюля.

На оборотѣ: Милостивому государю Александру Филипповичу Смирдину. Въ С.-Петербургъ, у Синяго моста. Дл. дост. Петру Александровичу Плетневу.

406.

П. В. Нащокину.

[29-го іюля 1831 г. Царское-Село].

Я просилъ тебя въ послѣднемъ письмѣ доставить посылку Чедаеву: посылку не приняли на почтѣ. Я просилъ заплатить Горчакову остальную его тысячу. Вотъ сія тысяча; доставь ее съ моей сердечной благодарностію моему любезному заимодавцу.

Что ты дѣлаешь? ожидаешь-ли ты своихъ денегъ и выручишь-ли ты меня изъ сѣтей Догановскаго? Нужно-ли мнѣ будетъ пріѣхать, какъ, признаюсь, мнѣ хочется, или оставаться мнѣ въ Ц. С., что и дешевлѣ и спокойнѣе?

У насъ все, слава Богу, тихо; бунты петербургскіе прекратились; холера также. Государь ѣздилъ въ Новгородъ гдѣ взбунтовались было колоніи и гдѣ произошли ужасы. Его присутствіе усмирило все. Государыня третьяго дня родила Великаго Князя Николая Николаевича. О Польшѣ ничего не слышно.

Прощай, до свиданія.

407.

П. А. Осиповой.

29-го іюля [1831]. Царское-Село.

Votre silence commençoit à m'inquiéter, chère et bonne Прасковья Александровна; votre lettre est venue me rassurer fort à propos. Je vous félicite encore une fois, et vous souhaite à tous et du fond de mon coeur prospérité, repos et santé. J'ai porté moimême vos lettres à Pavlovsk, en mourant d'envie d'en savoir le contenu; mais ma mère étoit sortie. Vous savez l'aventure qui leur étoit arrivée, l'escapade d'Olga, la quarantaine etc. Dieu merci, tout est maintenant fini. Mes parents ne sont plus aux arrêts—le Choléra n'est guère à craindre.—Il va finir à Pétersbourg. Savez-vous qu'il y a eu des troubles à Новгородъ dans les colonies militaires? Les soldats se sont ameutés toujours sous l'absurde pretexte de l'empoisonnement. Les generaux, les officiers et les medecins ont été tous massacrés, avec un rafinement d'atrocité. L'Empereur y est allé; et a appaisé l'émeute avec un courage et un sang froid admirable; mais il ne faut pas que le peuple s'accoutume aux émeutes, et les émeutes à sa présence. Il paroit que tout est fini. Vous jugez de la maladie beaucoup mieux que ne l'ont fait les docteurs et le gouvernement. Болѣзнь повальная а не зараза, слѣдственно карантины лишнее; нужны однѣ предосторожности въ пищѣ и въ одеждѣ. Si cette vérité étoit connue avant, nous eussions évité bien des maux. Maintenant on traite le choléra comme tout empoisonnement— avec de l'huile et du lait chaud, sans oublier les bains de vapeur. Dieu donne que vous n'ayez pas besoin d'employer cette recette à Григорское.

Je remets en vos mains mes interêts et mes projets. Je ne tiens ni à Savkino, ni à tout autre lieu; je tiens à être votre voisin, et propriétaire d'un joli site. Veuillez me faire savoir le prix de telle propriété ou de telle autre. Les circonstances à ce qui paroit vont me retenir à Petersbourg plus longtems que je n'eus voulu, mais celà ne change rien à mon projet et mes esperances.

Agréez l'hommage de mon dévouement et de ma consideration. Je salue toute la famille.

29 juillet. Sarsko-Selo.

Приписка Н. Н. Пушкиной: Permettez moi, Madame, de vous remercier pour toutes les choses aimables que vous me dites dans votre lettre à mon mari; je me recommande d'avance à votre amitié et à celle de M-elles vos filles. Agréez, Madame, l'expression de mon respect. Natalie Pouchkine.

На оборотѣ: Ея высокородію М. Г. Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой. Въ Опочкѣ, въ селѣ Григорскомъ.

408.

М. П. Погодину.

[Конецъ іюля 1831 г. Царское-Село].

Любезный и почтенный, не имѣю времени отвѣчать Вамъ на ваше письмо. Увѣдомляю Васъ только, что порученіе Ваше, касательно Статистики Петра I, исполнено; Ж. получилъ экз. для Великаго Князя и для себя; экземпляромъ, слѣдующимъ В. К. Константину, разположилъ онъ иначе: Ж. представитъ его Императрицѣ. Напишите сдѣлайте милость, офиціальную записку Его Превосх. Ивану Павловичу Шамбо (секретарю Ея Величества) Осмѣливаюсь повергнуть къ ногамъ Ея Величества такую-то замѣчательную книгу и проч. и доставьте письмо мнѣ. У Г. Бенкендорфа былъ я для Васъ же, но не засталъ его дома; Онъ въ Ц. С. остается, слѣдств. на дняхъ буду съ нимъ толковать. Покамѣсть обнимаю Васъ. А. П.

409.

Н. М. Коншину.

[Лѣто 1831 г. Царское-Село].

Собака нашлась благодаря Вашимъ приказаніямъ—Жена сердечно васъ благодаритъ, но собачникъ поставилъ меня въ затруднительное положеніе, я давалъ ему за труды 10 рублей, онъ не взялъ говоря: мало, по мнѣ и онъ и собака того не стоятъ, но жена моя другаго мнѣнія. Здоровы-ли и скоро-ль увидимся? А. П.

На оборотѣ: Николаю Михайловичу Коншину.

410.

П. В. Нащокину.

3-го августа [1831 г. Царское-Село].

Отецъ и благодѣтель! Надняхъ послалъ я къ тебѣ Горчаковскую 1000; отпиши, батюшка Павелъ Воиновичъ, получилъ ли все исправно; да еще покорнѣйшая просьба: узнай отъ Короткаго, сколько долженъ я въ ломбардъ процентовъ за 40,000 займа, и когда срокъ къ уплатѣ? Пошелъ ли въ дѣло Дороховскій вексель и здоровъ ли Корниліонъ-Пинскій? Здоровъ ли ты, душа моя, каково поживаешь, и что твои? Что жъ не присылаешь ты Есауловскаго романса, исправленнаго во второмъ изданіи? Мы бы его въ моду пустили между фрейлинами. Все здѣсь обстоитъ благополучно. Жена тебѣ кланяется и цѣлуетъ. Портрета не присылаетъ, за неимѣніемъ живописца. Засимъ прощенія просимъ.

3 Августа.

P. S. Да растолкуй мнѣ, сдѣлай милость, какимъ образомъ платятъ въ Ломбардъ? Самому ли мнѣ пріѣхать? Довѣренность ли прислать? Или по почтѣ отослать деньги?

А. В. НИКИТЕНКО.

411.

Князю П. А. Вяземскому.

3-го августа [1831 г. Царское-Село].

Литературная Газета что то замолкла; конечно Сомовъ боленъ или подпиской недоволенъ. Твое замѣчаніе о Мизинцѣ Булгарина непропадетъ; обѣщаюсь тебя насмѣшить,- но намъ покамѣсть не до смѣха: ты вѣрно слышалъ о возмущеніяхъ Новгородскихъ и Старой Руси. Ужасы. Болѣе ста человѣкъ генераловъ, полковниковъ и офицеровъ перерѣзаны въ Новг. поселен. совсѣми утонченіями злобы. Бунтовщики ихъ сѣкли, били пощекамъ, издевались надъ ними, разграбили дома, износильничали женъ; 15 лекарей убито; спасся одинъ при помощи больныхъ лежащихъ въ лазаретѣ; убивъ всѣхъ своихъ начальниковъ бунтовщики выбрали себѣ другихъ—изъ инженеровъ и комуникаціонныхъ. Государь пріѣхалъ къ нимъ вслѣдъ за Орловымъ. Онъ дѣйствовалъ смѣло, даже дерзко; разругавъ убійцъ, онъ объявилъ прямо что не можетъ ихъ простить, и требовалъ выдачи зачинщиковъ. Они обѣщались и смирились. Но бунтъ Старо-Русской еще не прекращенъ. Военныя чиновники несмѣютъ еще показаться на улицѣ. Тамъ четверили одного Генерала, зарывали живыхъ и проч. Дѣйствовали мужики, которымъ полки выдали своихъ начальниковъ.—Плохо, Ваше Сіятельство. Когда въ глазахъ такія трагедіи, нѣкогда думать о собачей комедіи нашей литературы. Кажется, дѣло Польское кончается; я все еще боюсь: генеральная баталія, какъ говорилъ Петръ I дѣло зѣло опасное. А если мы и осадимъ Варшаву <что требуетъ большова числа войскъ> то Европа будетъ имѣть время вмѣшаться не въ ея дѣло. Впроччемъ Франція одна не сунется, Англіи [не на что] не для чего съ нами ссориться, такъ авось-ли выкарабкаемся.

Въ Сарскомъ селѣ покамѣсть нѣтъ ни бунтовъ, ни холеры; Русскія журналы до-насъ недоходятъ, ипостранныя получаемъ, и жизнь у насъ очень сносная. У Жуковскаго зубы болятъ, онъ бранится съ Россети; она выгоняетъ его изъ своей комнаты, а онъ пишетъ ей Арзам(ас?)скія извиненія Гекзаметрами.

.....чѣмъ умолю васъ, о Царь мой небесный—
.....прикажитель? кожу,
Дамъ содрать съ моего благороднаго тѣла
вамъ на калоши
....прикажитель? уши
Дамъ обрѣзать себѣ для хлопошекъ и проч.

Перешлю тебѣ это чисто Арзам(а?)ское произведеніе.

Благодарю А. Ив. за его религіознофилосфическую приписку. Не понимаю за что Чедаевъ съ братіей нападаетъ на реформацію, с à d. un fait de l'esprit Chretien. Ce que le Christianisme y perdit en unité il le regagna [par cet [le] fait], en popularité. Греческая Церковь—дѣло другое: Она остановилась и отдѣлилась отъ общаго стремленія христіанскаго духа. Радуюсь что Чедаевъ опять явился въ обществѣ - Скажи ему что его рукопись я пытался-было переслать къ нему, но на Почтѣ посылокъ еще не принимаютъ, извини меня передъ нимъ. Кланяюсь всѣмъ Вашимъ и желаю Вамъ здравія и спокойствія.

Сарское село.

На оборотѣ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому въ Москву въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собств. домѣ.

412.

П. А. Плетневу.

3-го августа [1831 г. Царское-Село].

Получилъ я, любезный Плетневъ, и письмо и 1500. Ты умно дѣлаешь, что сидишь смирно въ своей норѣ и носу не показываешь въ проклятомъ нѣкогда мною П. Б-гѣ. Не холера опасна, опасно опасеніе, моральное состояніе, уныніе, долженствующее овладѣть всякимъ мыслящимъ существомъ въ нынѣшнихъ страшныхъ обстоятельствахъ. Холера черезъ недѣлю, вѣроятно, прекратится; но С. село будетъ еще долго окружено карантинами; и такъ свиданіе наше еще далеко. Что же Цвѣты? ей богу, не знаю что мнѣ дѣлать. Яковлевъ пишетъ что покамѣсть нельзя за нихъ приняться. Почему же? развѣ типографіи остановились? развѣ нѣтъ бумаги? Развѣ Сомовъ боленъ или отказывается отъ изданія? Къ стати: что сдѣлалось съ Лит. Газетою? Она неисправнѣе Меркурія. Къ стати: не умеръ ли Бестужевъ-Рюминъ? говорятъ, холера уноситъ пьяницъ. Съ душевнымъ прискорбіемъ узналъ я что Хвостовъ живъ. Посреди столькихъ гробовъ, столькихъ раннихъ или безцѣнныхъ жертвъ Хвостовъ торчитъ какимъ-то кукишемъ похабнымъ. Перечитывалъ я на дняхъ письма Дельвига; въ одномъ изъ нихъ пишетъ онъ мнѣ о смерти Д. Веневитинова «Я въ тотъ же день встрѣтилъ Хвостова, говоритъ онъ, — и чуть не разругалъ его: зачѣмъ онъ живъ?» — Бѣдный нашъ Дельвигъ! Хвостовъ и его пережилъ. Вспомни мое пророческое слово: Хвостовъ и меня переживетъ. Но въ такомъ случаѣ именемъ нашей дружбы заклинаю тебя, его зарѣзать—хоть эпиграммой. Прощай, будьте здоровы. Сказки мои возвратились ко мнѣ, не достигнувъ до тебя.

3-го августа.

Россети вижу часто; она очень тебя любитъ, и часто мы говоримъ о тебѣ. Она гласно сговорена. Государь ужъ ее поздравилъ.

На оборотѣ: М. Г. Петру Александровичу Плетневу. Въ Петербургъ въ Екатерининской Институтъ.

413.

П. И. Миллеру.

[Начало августа 1831 г. Царское-Село].

Сердечно благодарю васъ за книги и за любезное письмо ваше. Когда же исполните вы другое свое обѣщаніе—побывать у меня? Внукъ очень тѣмъ обяжетъ ему сердцемъ преданнаго дѣда. А. П.

414.

Князю П. А. Вяземскому.

14-го августа [1831 г. Царское-Село].

Любезный Вяземскій, поэтъ и камергеръ.....
(Василья Львовича узналъ-ли ты манеръ?
Такъ нѣкогда письмо онъ началъ Камергеру
Украшенну ключемъ за Вѣрность и за Вѣру)
Такъ солнце и на насъ взглянуло изъ за тучь!
На..... твоей сіяетъ тотъ-же ключь.
Ура! хвала и честь Поэту-Камергеру—
Пожалуй, отъ меня поздравь Княгиню Вѣру.

Услыша о семъ радостномъ для Арзамаса событіи, Мы, Царско-сельскіе Арзамасцы, положили созвать торжественное собраніе. Всѣ присутствующіе члены собрались немедленно, въ числѣ двухъ. Предсѣдателемъ по жребію избранъ г-нъ Жуковскій секретаремъ я, сверчь. Протоколъ засѣданія будетъ немедленно доставленъ Вашему Арзамаскому и Камергерскому Превосходительству (такожде и Сіятельству). Спрашивали члены: Зачѣмъ Асмодей не является ни въ одномъ періодическомъ изданіи? Секретарь отвѣтилъ единогласно: Онъ статьи свои отсылаетъ въ Комерческую Газету безъ имяни. Спрашивали члены: Давно-ли Асмодей занимается Комерческой? выигрываетъ ли онъ въ комерческую? Предсѣдатель отвѣтствовалъ единогласно-же: въ Комерческую выигралъ онъ ключь, и теперь Асмодей перейдетъ къ Банку.

Оставя Арзамасскую политику, скажу тебѣ что наши дѣла Польскія идутъ, слава богу: Варшава окружена, Крженецкій смѣненъ нетерпѣливыми Патріотами. Дембинскій не взначай явившійся въ Варшаву изъ Литвы, выбранъ въ главнокомандующія. Крженецкаго обвиняли мятежники въ бездѣйствіи. Слѣдственно они хотятъ сраженія; слѣдственно они будутъ разбиты, слѣдственно интервенція Франціи опоздаетъ, слѣдственно Графъ Паскевичь удивительно щастливъ. Король Голландскій погорячился, но кажется онъ принужденъ будетъ отложить попеченіе о Белгіи: Пруссія не до него. Если заварится общая, Европейская война; то право буду сожалѣть о своей женитьбѣ, развѣ жену возму въ торока. У Ж. поносъ поэтическій хотя и прекратился однако-жъ онъ все еще и ..... гекзаметрами. Ждемъ тебя. Право надобно намъ начать Журналъ, да какой? Quarterley. Въ 3 мѣсяца книжку, нѣтъ книжищу выдадимъ, съ помощью Божіей и Лизы голенькой. Къ стати: Лиза написала было мнѣ письмо въ родѣ духовной; croyez à la tendresse de celle qui vous aimera même au de la du tombeau и проч. да и замолкла; я спокойно себѣ думаю, что она умерла—Что-жъ узнаю? Элиза влюбилась въ вояжера Mornay да съ нимъ кокетничаетъ! Каково? O femme, femme! créature faible et decevante... Прощай камергеръ, кланяюсь тебѣ и твоимъ отъ всего сердца.

14 авг.

На оборотѣ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собствен. домѣ.

415.

П. А. Плетневу.

[Первая половина августа 1831 г. Царское-Село].

Посылаю тебѣ съ Гоголемъ сказки моего друга Ив. П. Бѣлкина; отдай ихъ въ простую Цензуру, да и приступимъ къ изданію. Предисловіе пришлю послѣ.—Правила коими будемъ руководствоваться при изданіи, слѣдующія:

1) Какъ можно болѣе оставлять бѣлыхъ мѣстъ, и какъ можно ширѣ разставлять строки.

2) На страницѣ помѣщать не болѣе 18-ти строкъ.

3) Имена печатать полныя, напримѣръ: Иванъ Ивановичь Ивановъ, а не И. Ив. Ив-ъ. То же и о городахъ и деревняхъ.

4) Числа (кромѣ годовъ) печатать буквами.

5) Въ сказкѣ Смотритель назвать гусара Минскимъ и симъ именемъ замѣнить вездѣ ***.

6) Смирдину шепнуть мое имя, съ тѣмъ чтобъ онъ перешепнулъ покупателямъ.

7) Съ почтеннѣйшей публики брать по 7-ми рублей вмѣсто 10-ти—ибо нынче времена тяжелыя, рекрутскій наборъ и карантины.

Думаю что публика будетъ безпрекословно платить сей умѣренный оброкъ и не принудитъ меня употреблять строгія мѣры.

Главное: будемъ живы и здоровы. Прощай, мой Ангелъ!

P. S. Эпиграфы печатать передъ самымъ началомъ сказки, а заглавія сказокъ—на особомъ листѣ <ради ширины>.

Къ стати, объ эпиграфахъ. Къ Выстрѣлу надобно пріискать другой, именно въ Романѣ въ семи письмахъ А. Бестужева въ Пол. Звѣздѣ: У меня остался одинъ выстрѣлъ, я поклялся etc. Справься, душа моя.

416.

А. Ѳ. Воейкову.

[Конецъ августа 1831 г. Царское-Село].

Сейчасъ прочелъ «Вечера близь Диканьки». Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались «Вечера», то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно-веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ.

Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les précieuses ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера профессора Тредьяковскаго.

417.

Н. В. Гоголю.

25-го августа [1831 г. Царское-Село].

Любезный Николай Васильевичь, Очень благодарю Васъ за письмо и доставленіе Плетневу моей посылки, особенно за письмо. Проектъ вашей ученой критики удивительно хорошъ. Но Вы слишкомъ лѣнивы, чтобъ привести его въ дѣйствіе. Статья Ѳ. Косичкина еще не явилась; не знаю, что это значитъ: не убоялся ли Надеждинъ гнѣва Ѳаддея Венедиктовича?—Поздравляю Васъ съ первымъ Вашимъ торжествомъ, съ фырканьемъ наборщиковъ и изъясненіями фактора. Съ нетерпѣніемъ ожидаю и другова—толковъ Журналистовъ и отзыва остренькаго сидельца. У насъ все благополучно: бунтовъ, наводненія и холеры нѣтъ. Жуковскій разписался. Я чую осень и собираюсь засѣсть. Ваша Надежда Николаевна, т. е. моя Наталья Николаевна благодаритъ Васъ за воспоминаніе и сердечно кланяется Вамъ. Обнимите отъ меня Плетнева и будьте живы въ Петербургѣ, что довольно, кажется, мудрено. А. П.

25 августа.

418.

Неизвѣстному.

[Лѣто—осень 1831 г. Царское-Село].

A la lettre je n'ai pas le sou. Veuillez attendre un jour ou deux. Tout à vous A. P.

419.

П. В. Нащокину.

3-го сентября [1831 г. Царское-Село].

Любезный мой Павелъ Войновичь, неотвѣчалъ я на твое послѣднее письмо, исполнившее меня радостію и благодарностію, въ ожиданіи обѣщаннаго слѣдующаго—Но оно покамѣсть еще не пришло. Дай Богъ чтобъ успѣхъ увѣнчалъ дипломатику твою! Жду съ трепетомъ сердца рѣшенія Догановскаго. Все-ли у тебя благополучно? Что твои спазмы, головныя боли, поѣздки къ Еленѣ Тимоѳеевнѣ, и прочія бури? У меня, слава Богу, все тихо. Жена здарова; Царь <между нами> взялъ меня въ службу, т. е. далъ мнѣ жалованія и позволилъ рыться въ архивахъ для составленія Исторіи Петра I. Дай Богъ здравія Царю! Дома у меня произошла перемѣна министерства. Бюджетъ Алекс. Григорьева оказался ошибоченъ; я потребовалъ щетовъ; засѣданіе было столь-же бурное какъ и то въ коемъ уничтоженъ былъ Иванъ Григорьевъ; въ слѣдствіи сего Алекс. Григ. сдалъ министерство Василію, <за коимъ блохи другова роду>. Въ тотъ же день поворъ мой явился ко мнѣ съ требованіемъ отставки; сего министра хотятъ отдать въ солдаты, и онъ ѣдетъ хлопотать о томъ въ Москву; вѣроятно, явится и къ тебѣ. Отсутствіе его мнѣ будетъ ощутительно; но можетъ быть все къ лучшему. Забылъ я тебѣ сказать что Алекс. Гр. при отставкѣ получилъ отъ меня въ видѣ аттестата плюху за что онъ было вздумалъ произвести возмущеніе и явился ко мнѣ съ военною силою, т. е. съ квартальнымъ;

П. А. МУХАНОВЪ.

но это обратилось ему-же во вредъ; ибо лавочники провѣдавъ обо всемъ, засадили было его въ (ям)у, *) отъ коей по своему великодушію избавилъ я его. Теща моя не унимается; ее не перемѣняетъ ничто, Ni le tems, ni l'absence, ni des lieux la longueur; бранитъ меня, да и только,— а все за нашего друга Ал. Юрьевича. Дѣдушка нигугу. Де сихъ поръ ничего не сдѣлано для Нат. Николаевны; мои дѣла идутъ по маленьку; печатаю incognito мои повѣсти; первый экземпляръ перешлю тебѣ. Прощай душа. Да не забудь о Ломбартѣ поразпросить. А. П.

3 Сент.

Жена тебѣ весьма кланяется—Досвиданія.

420.

Князю П. А. Вяземскому.

3-го сентября [1831 г. Царское-Село].

Сперва о дѣлѣ: у Нащокина моихъ денегъ нѣтъ, а своихъ вѣроятно не завелось. По причинѣ холеры я въ полученіи доходовъ затрудненъ. Твои 500 рублей получишь изъ П. Б., какъ скоро спишусь съ моими корреспондентами. Ты пишешь о журналѣ: да, чорта съ два! кто намъ разрѣшитъ журналъ? Ф. Фокъ умеръ, того и гляди поступитъ на его мѣсто Н. И. Гречь. Хороши мы будемъ! О Газетѣ политической печего и думать, но журналъ ежемѣсячный, или четыремѣсячный, третейской можно бы намъ попробовать — одна бѣда: безъ модъ онъ не пойдетъ, а съ модами, стать намъ наряду съ Шаликовымъ, Полевымъ и проч. совѣстно. Какъ ты? съ, или безъ? Мы бы переписку Авраама съ Игн. помѣстили [бы] въ отдѣленіи: Классическая словесность. Ж. все еще пишетъ; завелъ 6 тетрадей, и разомъ началъ 6 стихотвореній; такъ его и несетъ. Рѣдкой день не прочтетъ мнѣ чего новаго; нынѣшній годъ онъ вѣрно написалъ цѣлый томъ. Это хорошо было бы для журнала. Я началъ также и ..... ; на дняхъ изпрознился сказской въ тысяча стиховъ; Другая въ брюхѣ бурчитъ. А все холера... То что ты говоришь о Рославлевѣ сущая правда; мнѣ смѣшно читать рецензіи нашихъ журналовъ, кто начинаетъ съ Гомера, кто съ Моисея, кто съ Вальтеръ-Скотта; пишутъ книги о романѣ, котораго ты оцѣнилъ въ трехъ строчкахъ совершенно полно, но къ которымъ можно прибавить еще три строчки: что положенія, хотя и натянутыя, занимательны; что разговоры, хотя и ложные, живы, и что все можно прочесть съ удовольствіемъ <итого 3 строки $^1/_2$>.

У Донѣ Sol былъ я вчера; писемъ твоихъ у ней здѣсь нѣтъ: она не намѣрена ихъ сжечь et vous accuse de fatuité. Дѣло въ томъ что она чрезвычайно мила, умна и въ лицахъ представляетъ Генеральшу Ламберъ и камеръ лакея-Нѣмца—въ совершенствѣ. Твое разсужденіе о пословицѣ Русской не пропадетъ. Къ числу благороднѣйшихъ принадлежитъ и сія: за тычкомъ не угонишься т. е. не хлопочи о полученномъ тычкѣ. Къ стати о тычкѣ: читалъ-ли ты въ Телескопѣ статью Ѳ. Косичкина? Прости, кланяюсь тебѣ и твоимъ. Вчера Д. Соль получила при мнѣ и Ж. письмо отъ своего брата; онъ отъ имени Катерины Андреевны спрашиваетъ у Ж. его мнѣнія: пріѣзжать-ли ей въ П. Б. или остоваться въ Москвѣ. Ж. сказалъ что еслибъ онъ имѣлъ сто языковъ, то всѣ бы они заговорили: пріѣзжай те къ намъ, къ намъ, къ намъ. Себялюбіе въ сторону, я точно того-же мнѣнія; холера въ П. Б. прекратилась, а у васъ опять начинается. Экія времена! Варшава должна была быть взята 25 или 26; по еще извѣстія нѣтъ.

3 сентября.

*) Здѣсь вырванъ клочекъ бумаги.

421.

П. И. Миллеру.

[Начало сентября 1831 г. Царское-Село].

Очень благодаренъ вамъ, любезный Миллеръ, за статью Ѳ. К.; я уже ее видѣлъ. Благодарю васъ сердечно и за извѣстіе о взятіи Варшавы. Поздравляю васъ и весь мой Лицей. Преданный вамъ Пращуръ.

422.

Князю П. А. Вяземскому.

[Начало сентября 1831 г. Царское-Село].

<Между нами>. У Дельвига осталось два брата безъ гроша денегъ, на рукахъ его вдовы, потерявшей большую часть маленькаго своего имѣнія. Нынѣшній годъ мы выдадимъ СѢв. Цвѣты въ пользу двухъ сиротъ—Ты пришли мнѣ стиховъ и прозы; за журналъ нашъ примимся послѣ.

20 авг., день смерти Вас. Льв., здѣшніе Арзамасцы поминали своего старосту вотрушками въ кои воткнуто было по лавровому листу. Свѣтлана произнесла надгробное слово, въ коемъ съ особеннымъ чувствомъ вспоминала она обрядъ принятія Его въ Арзамасъ.

423.

А. О. Смирновой.

[Начало сентября 1831 г. Царское-Село].

La comtesse Lambert m'ayant annoncé la première prise de Varsovie, il est juste qu'elle reçoive le premier exemplaire; le second est pour vous.

Отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы,
Вы были вѣстницею славы
И вдохновеньемъ для меня.

Quand j'aurai trouvé les deux autres vers, je vous les enverrai.

424.

П. А. Осиповой.

11-го сентября [1831 г.]. Царское-Село.

Merci bien, Madame, pour la peine que vous vous donnez de traiter avec les chatelains de Savkino. – S'il y en(a) un de trop opiniatre n'y auroit-il pas moyen de s'arranger avec les deux autres en le laissant de côté? Au reste, rien ne presse: de nouvelles occupations vont me retenir à Petersbourg au moins 2 ou trois ans. J'en suis fâché: j'espérois les passer près de Trigorsk.

Ma femme vous est bien reconnaissante des

lignes que vous avez bien voulu lui adresser. C'est une très bonne enfant et qui est prête à vous aimer de tout son coeur.

Je ne vous parle pas de la prise de Varsovie. Vous jugez avec quel enthousiasme nous l'avons apprise, après 9 mois de désastre. Que dira l'Europe? voilà la question qui nous occupe.

Le Cholera a fini ses ravages à P. b. mais il va faire sa tournée en province. Prenez bien garde, Madame. Vos maux d'estomac me font trembler. N'oubliez pas qu'on traite le cholera comme un simple empoisonnement: du lait et de l'huile—et gardez vous de prendre du froid.

Adieu, Madame—daignez croire à mon respect et mon sincère attachement. Mes hommages à toute votre famille.

11 Sept. Sarskoé Selo.

На оборотѣ: Ея Высокородію М. Г. Парасковьи Александровнѣ Осиповой. Въ Опочку, въ с. Тригорское.

425.

П. И. Миллеру.

[Первая половина сентября 1831 г. Царское-Село].

Если есть въ Сынѣ Отечества отвѣтъ Ѳ. Косичкину, то пришлите мнѣ, сдѣлайте милость. Очень благодаренъ за Телеграфъ. А. П.

426.

М. Д. Деларю.

28-го сентября [18 1 г.] Царское-Село.

Очень благодарю Васъ, любезный Михайло Даниловичь, за Ваше письмо и извѣстіе, Я былъ въ П. Б. и не знаю какъ не попалъ къ Вамъ. Сказываютъ вы были больны желчью—избави Васъ Богъ и въ какое время!—Смотрите чтобъ холера не захватила васъ при своемъ отступленіи. Вы намъ нужны.

Вотъ письмо Геслингу — гдѣ онъ? что онъ? Доставьте это ему, сдѣлайте одолженіе и будьте здоровы. А. П.

С. С. 28 сент.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Михаилу Даниловичу Деларю въ С.-Петербургъ у синяго моста въ домѣ министра.

Князь Александръ ОДОЕВСКІЙ.

427.

П. В. Нащокину.

7-го октября 1831 г. Царское-Село.

Жалѣю, любезный Павелъ Войновичь, что дѣло разошлось за 5000. Все-таки я тебѣ благодаренъ за твои хлопоты, а Догановскому и Жемчужникову—за ихъ снисхожденіе. Ты же не сердись. Они не повѣрили тебѣ, потому что тебя не знаютъ; это въ порядкѣ вещей. Но кто, знавъ тебя, не повѣритъ тебѣ на слово своего имѣнія, тотъ самъ не стоитъ никакой довѣренности. Прошу тебя въ послѣдній разъ войти съ ними въ сношенія и предложить имъ твои готовыя 15 т., а остальныя 5 заплачу я въ теченіе 3 мѣсяцевъ. Мнѣ совѣстно быть неаккуратнымъ, но я совершенно разстроился: женясь, я думалъ издерживать втрое противъ прежняго, вышло вдесятеро. Въ Москвѣ говорятъ, что я получаю 10,000 жалованья, но я покамѣстъ не вижу ни полушки; если буду получать и 4,000, такъ и то слава Богу. Отвѣчай мнѣ какъ можно скорѣе въ Петербургъ, въ Казачьемъ переулкѣ, въ домъ Дмитріева, О. С. Павлищевой, для доставленія А. С. П. Прощай и будь здоровъ. Кланяйся Ольгѣ Андреевнѣ и твоему наслѣднику. Весь твой Пушкинъ.

7 Окт. Царское Село 1831.

428.

П. И. Миллеру.

[Первая половина октября 1831 г. Царское-Село].

У меня взяли читать повѣсти. Пришлю вамъ ихъ какъ скоро получу. До свиданья. А. П.

429.

А. Х. Бенкендорфу.

[Середина октября 1831 г. Петербургъ].

Милостивый Государь

Александръ Христофоровичь,

Осмѣливаюсь безпокоить Ваше Высокопревосходительство покорнѣйшею просьбою о дозво-

леніи издать особою книгою стихотворенія мои, напечатанныя уже въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ.

Въ 1829 году Ваше Высокопревосходительство изволили мнѣ сообщить, что Государю Императору угодно было впредь положиться на меня въ изданіи моихъ сочиненій. Высочайшая довѣренность налагаетъ на меня обязанность быть къ самому себѣ строжайшимъ цензоромъ, и послѣ того было бы для меня нескромностію вновь подвергать мои сочиненія собственному разсмотрѣнію Его Императорскаго Величества. Но позвольте мнѣ надѣиться, что Ваше Высокопревосходительство, по всегдашней ко мнѣ благосклонности, удостоите меня предварительнаго разрѣшенія.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, благодарностію и совершенной преданностію, честь имѣю быть, Милостивый Государь,

Вашего Высокопревосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

При семъ препровождаю Вашему Высокопревосходительству письмо доставленное мнѣ Г. Погодинымъ.

430.

С. С. Уварову.

21 октября 1831 г. Петербургъ.

Милостивый Государь,

Сергѣй Семеновичь,

Князь Дундуковъ доставилъ мнѣ прекрасныя, истинно вдохновенныя стихи, которыя угодно было Вашей скромности назвать подражаніемъ. Стихи мои послужили Вамъ простою темою для развитія геніальной фантазіи. Мнѣ остается отъ сердца Васъ благодарить за вниманіе мнѣ оказанное, и за силу и полноту мыслей великодушно мнѣ присвоенныхъ Вами.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь

Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою
Александръ Пушкинъ.

21 октября
С. П. Б.
1831.

На оборотѣ: Его Превосходительству Милостивому Государю Сергѣю Семеновичу Уварову въ Москвѣ.

431.

П. В. Нащокину.

22-го октября [1831 г. Петербургъ].

Милый мой Павелъ Воиновичь, Вотъ я въ П. Б. гдѣ я былъ принужденъ перемѣнить мною нанятый домъ. Пиши мнѣ: на Галерной въ домѣ Брискорнъ. Видѣлъ я Жемчужникова—Они согласились взять съ меня 5,000 векселемъ, а 15,000 получить тотчасъ. Какъ-же мы сіе сдѣлаемъ? Не пріѣхать-ли мнѣ самому въ Москву? а мнѣ что-то очень хочется съ тобою поболтать, да я бы самъ кой-какія дѣла обработалъ напр. бриліанты жены моей, которыя стараюсь спасти отъ банкрутства тещи моей и отъ лапъ Семена Федоровича. Дѣдушка свинья; онъ выдаетъ свою третью наложницу за мужъ съ 10,000 приданаго, а не можетъ заплатить мнѣ моихъ 12,000 — и ничего своей внучкѣ не даетъ. Нат. Ник. брюхата — въ маѣ родитъ — Все это очень измѣнитъ мой образъ жизни; и обо всемъ надобно подумать —

Что то Москва? какъ вы приняли Государя и кто возмется оправдать старинное Московское хлѣбосольство? Бояре перевелись. Денегъ нѣтъ; намъ не до праздниковъ. Москва губернскій городъ, получающій журналы модъ. Плохо. Жду Вяз.; не знаю, не затѣю-ли чего нибудь Литературнаго — журнала, альманаха или тому подобнаго — Лѣнь — Кстати: я издаю Сѣв. Цвѣты для братьевъ нашего покойнаго Дельвига; заставь ихъ разбирать — Доброе дѣло сдѣлаемъ. Повѣсти мои напечатаны; на дняхъ получишь. Поклонъ твоимъ. Обнимаю тебя отъ сердца.

22 окт.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину. Въ Москвѣ у Николы на Пескахъ въ домѣ Годовиковой.

432.

А. Н. Гончарову.

[25 окт. 1831 г. Москва].

Милостивый Государь

Дѣдушка Аѳанасій Николаевичъ,

Приношу Вамъ искреннюю мою благодарность за пріемъ моего повѣреннаго и за письмо драгоцѣнный знакъ Вашего ко мнѣ расположенія. Будьте увѣрены въ безпрекословномъ согласіи моемъ на все что будетъ удобнѣе для Васъ. Мнѣ нельзя было принять довѣренности одной, ибо черезъ то долги и недоимки могли увеличиться, и имѣніе могло быть наконецъ совершенно потеряно. Если Вамъ угодно дать покамѣсть Натальѣ Николаевнѣ довѣренность на полученіе доходовъ съ оныхъ и заемное письмо, *съ условіемъ, что при жизни Вашей оставалось оное заемное письмо недѣйствительнымъ*. <Дай Богъ чтобъ оно и долѣе оставалось таковымъ!> Въ такомъ случаѣ вексель долженъ быть данъ *отъ крѣпостныхъ дѣлъ, на столько сотъ тысячъ рублей сколько вы желаете дать душъ крестьянскихъ*, для того, чтобы при конкурсѣ кредиторовъ дѣйствительно достались бы 300 душъ, а не въ десятеро меньше. Таковые векселя съ таковымъ же условіемъ Вы безъ всякаго опасенія могли бы дать и прочимъ Вашимъ внукамъ и довѣренность на управленіе, въ случаѣ только ихъ замужества. Надѣюсь, что Вы не будете гнѣваться на меня за мою откровенность. Но во всякомъ случаѣ ожидаю разрѣшенія Вашего и имѣю щастье съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и преданности остаться

Милостивый Государь Дѣдушка
Вашимъ покорнѣйшимъ слугой
и внукомъ
Александръ Пушкинъ.

433.

Н. М. Языкову.

[18-го ноября 1831 г. Петербургъ].

Сердечно благодарю Васъ, любезный Николай Михайловичь, Васъ и Кирѣевскаго за дружескія письма и за прекрасныя стихи, если бы къ тому присовокупили вы еще свои адресы, то я былъ-бы совершенно доволенъ. Поздравляю всю братію съ рожденіемъ Европейца. Готовъ съ моей стороны служить Вамъ чѣмъ угодно прозой и стихами, по совѣсти и противъ совѣсти. Ѳ. Косичкинъ до слезъ тронутъ вниманіемъ, коимъ удостоиваете вы его; на дняхъ получилъ онъ благодарственное письмо отъ А. Орлова и собирается отвѣчать ему; потрудитесь отыскать его и доставить ему отвѣты его друга (или отъ его друга, какъ пишетъ Погодинъ). Жуковскій пріѣхалъ; извѣстія имъ привезенныя очень утѣшительны; тысяча пробитая Вами очень поправитъ домашнія обстоятельства нашей бѣдной Литературы. Надѣюсь на Хомякова: Самозванецъ его небудетъ уже студентъ, а стихи его все будутъ попрежнему прекрасны — Торопите Вяз. пусть онъ пришлетъ мнѣ своей прозы и стиховъ; стыдно ему; да и Баратынскому стыдно. Мы правимъ тризну по Дельвигѣ А вотъ какъ нашихъ поминаютъ! и кто же? друзья его! ей богу стыдно. Хвостовъ написалъ мнѣ посланіе, гдѣ онъ помолодѣлъ и тряхнулъ стариною. Онъ говоритъ

Приближася похода
къ знаку
Я сталъ союзникъ Зодіаку;
Холеры не любя пилюль
Я пѣлъ при старости Іюль

и проч. въ томъ же видѣ. Собираюсь достойно отвѣчать союзнику Водолея, Рака и Козерога. Впрочемъ все у насъ благополучно.

Князь Владиміръ ОДОЕВСКІЙ.

434.

Ѳ. Н. Глинкѣ.

21-го ноября [1831 г. Петербургъ].

Милостивый Государь Ѳедоръ Николаевичь, мы здѣсь затѣяли въ память нашего Дельвига издать послѣдніе Сѣверные Цвѣты. Изо всѣхъ его друзей только васъ да Баратынскаго не досчитались мы на поэтической тризнѣ; именно тѣхъ двухъ поэтовъ, съ коими, послѣ лицейскихъ его друзей, болѣе всего былъ онъ связанъ. Мнѣ говорятъ, будто вы на меня сердиты; это не резонъ: сердце сердцемъ, а дружба дружбой. Хороши и тѣ, которые ссорятъ насъ Богъ вѣдаетъ какими сплетнями. Съ моей стороны, моимъ искреннимъ, глубокимъ уваженіемъ къ вамъ и вашему прекрасному таланту я передъ вами совершенно чистъ.

Надѣюсь еще на вашу благосклонность и на ваши стихи. Можетъ быть, увижу васъ скоро; по крайней мѣрѣ приятно кончить мнѣ письмо мое симъ желаніемъ. Весь вашъ безъ церемоніи Пушкинъ.

21 N.

435.

А. А. Орлову.

24-го ноября 1831 — 9-го января 1832 г. Петербургъ.

Милостивый Государь Александръ Анѳимовичъ! Искренно благодарю васъ за удовольствіе, доставленное мнѣ письмомъ вашимъ. Радуюсь, что посильное заступленіе мое за дарованіе, конечно не имѣющее нужду ни въ чьемъ заступленіи, заслужило вашу благосклонность. Вы оцѣнили мое усердіе, а не успѣхъ. Малъ бѣхъ въ братіи моей, и если мой камышекъ угодилъ въ мѣдный лобъ Голіаѳу Фиглярину, то слава Создателю! Первая глава новаго вашего Выжигина есть новое доказательство неистощимости вашего таланта. Но, почтенный Александръ Анѳимовичъ! удержите сіе благородное, справедливое негодованіе, обуздайте свирѣпость творческаго духа вашего! Не приводите яростью пера вашего въ отчаяніе присмирѣвшихъ издателей Пчелы. Оставьте меня впереди соглядатаемъ и стражемъ. Даю вамъ слово, что если они чуть пошевельнутся, то Ѳ. Косичкинъ заваритъ такую кашу или пачекутью, что они ею подавятся. Читалъ я въ Молвѣ объявленіе о намѣреніи вашемъ писать Исторію русскаго народа: можно-ли вѣрить сей пріятной новости?

Съ истиннымъ почтеніемъ и неизмѣннымъ усердіемъ остаюсь всегда готовый къ вашимъ услугамъ А. Пушкинъ.

24 ноября 1831 г. С. Пб.

P. S. Вотъ письмо, долженствовавшее къ вамъ явиться, милостивый государь Александръ Анѳимовичъ! но, отправляясь въ Москву, я его къ

вамъ не отослалъ, а надѣялся лично съ вами увидаться. Судьба насъ не свела, о чемъ искренно жалѣю. Повторяю здѣсь просьбу мою: оставьте въ покоѣ людей, которые не стоятъ и не заслуживаютъ вашего гнѣва. Кажется, теперь г. Полевой нападаетъ на васъ и на меня; собираюсь на него разсердиться; покамѣсть съ нимъ возятся Воейковъ и Сомовъ подъ псевдонимомъ Н. Лугового—мое дѣло сторона. А. П.

1832 г. 9-го Янв. Спб.

436.

А. Х. Бенкендорфу.

24-го ноября [1831 г.] Петербургъ.

Mon Général,

N'étant pas encore attaché définitivement au service et des affaires pressentes nécéssitant ma présence à Moscou, je suis obligé de m'absenter pour deux ou trois semaines sans d'autre autorisation que celle de l'officier de quartier. Je crois de mon devoir d'en prévenir votre Excellence.

Je saisis cette occasion pour vous parler d'une chose qui m'est toute personnelle. L'interêt que vous avez toujours daigné me témoigner, m'encourage à vous en parler en détail et en toute confiance.

Il y a un an à peu près que dans l'un de nos journaux on imprima un article satyrique dans lequel on parloit d'un certain littérateur qui manifestoit des prétentions à une origine noble, tandis qu'il n'étoit qu'un bourgeois-gentilhomme. On ajoutoit que sa mère étoit une mulatre dont le père, pauvre négrillon, avoit été acheté par un matelôt pour une bouteille de rhume. Quoique Pierre le Grand ne ressembla guère à un matelôt ivre, c'étoit me désigner assez clairement, vu qu'il n'y a que moi de littérateur Russe, qui comptasse un nègre parmi mes ancêtres. Comme l'article en question étoit imprimé dans une gazette officielle, qu'on avoit poussé l'indécence jusqu'à parler de ma mère dans un feuilleton qui ne devroit être que littéraire, et que nos gazetiers ne se battent pas en duel, je cru devoir répondre au satyrique anonyme, ce que je fis en vers et très vertement. J'envoyois ma réponse à feu Delvig, en le priant de l'inserer dans son journal. Delvig m'engagea à la supprimer, me faisant observer qu'il y auroit du ridicule à se défendre la plume à la main contre des attaques de cette nature et à afficher des sentiments aristocratiques, lorsqu'à tout prendre on n'étoit qu'un gentilhomme bourgeois, sinon un bourgeois gentilhomme. Je me rendis à son avis, et l'affaire en resta là; cependant il courut quelques copies de cette réponse, ce dont je ne suis pas faché, attendu qu'il n'y a rien que je voulus désavouer. J'avoue que je tiens à ce qu'on appele des préjugés; je tiens à être aussi bon gentilhomme que qui que ce soit, quoique celà ne rapporte pas grand'chose; je tiens beaucoup enfin au nom de mes ancêtres, puisque c'est le seul héritage qu'ils m'ont laissé.

Mais comme on pourroit prendre mes vers pour une satyre indirecte sur l'origine de quelques familles marquantes, si on ne savait que c'est une réponse très moderée à une provocation très reprehensible, je me suis fait un devoir de vous en donner franchement l'explication, et d'y joindre la pièce en question.

Agréez, General, l'hommage de ma haute considération

de votre Excellence
le très humble et très obeissant
serviteur
Alexandre Pouchkine.

24 Nov.
St. P. b.

437.

Н. Н. Пушкиной.

6-го декабря [1831 г. Москва].

. . . . . .

Сегодня мочи нѣтъ усталъ — Цалую тебя женка, мой Ангелъ.

6 дек.

На конвертѣ: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Галерной, въ домѣ Брискорнъ.

438.

Н. Н. Пушкиной.

8-го декабря [1831 г. Москва].

Здравствуй, женка, мой Ангелъ. Не сердись, что третьяго дня написалъ я тебѣ только три строки; мочи не было, такъ усталъ. Вотъ тебѣ мой Itinéraire. Собирался я выѣхать въ зимнемъ дилижансѣ, но мнѣ объявили, что, по причинѣ оттепели, долженъ я отправиться въ лѣтнемъ; взяли съ меня лишнихъ 30 рублей и посадили въ четверомѣстную карету вмѣстѣ съ двумя товарищами. А я еще и человѣка съ собою не взялъ, въ надеждѣ путешествовать одному. Одинъ изъ моихъ спутниковъ былъ рижскій купецъ, добрый нѣмецъ, котораго каждое утро душили мокроты, и который на станціи ровно часъ отхаркивался въ углу. Другой — мемельскій жидъ, путешествующій на счетъ перваго. Вообрази, какая веселая кампанія. Нѣмецъ три раза въ день и два раза въ ночь акуратно былъ пьянъ. Жидъ забавлялъ его во всю дорогу приятнымъ разговоромъ, на примѣръ, по нѣмецки разсказывалъ ему Ivan Wijiguin <ganz charmant!>. Я старался ихъ не слушать и притворялся спящимъ. Вслѣдъ за нами ѣхали въ дилижансахъ трое купцовъ, княгиня Голицына <Ланская>, приятель мой Жемчужниковъ, Фр. Когтова и проч. Все это останавливалось вмѣстѣ, ни на минуту не было покоя; въ Валдаѣ принуждены мы были пересѣсть въ зимніе экипажи и насилу дотащились до Москвы. Нащокина не нашелъ я на старой его квартирѣ; насилу отыскалъ его у Пречистенскихъ воротъ, въ домѣ Ильинской <не забудь адреса>. Онъ все тотъ же: оченъ милъ и уменъ; былъ въ выигрышѣ, но теперь проигрался, въ долгахъ и хлопотахъ. Твою комиссію исполнилъ: поцѣловалъ за тебя и потомъ объявилъ, что Нащокинъ дуракъ, дуракъ Нащокинъ. Домъ его <помнишь?> отдѣлывается; что за подсвѣчники, что за сервизъ! онъ заказалъ фортепьяно, на которомъ играть можно будетъ паука, и судно, на которомъ испразнится развѣ шпанская муха. Видѣлъ я Вяземскихъ, Мещерскихъ, Дмитріева, Тургенева, Чадаева, Горчакова, Д. Давыдова. Всѣ

А. А. ОЛЕНИНА.

тебѣ кланяются; очень разспрашиваютъ о тебѣ, о твоихъ успѣхахъ; я поясняю сплетни, а сплетенъ много. Дамъ московскихъ еще не видалъ; на балахъ и въ собраніе, вѣроятно, не явлюсь. Дѣло съ Нащокинымъ и Догановскимъ, вѣроятно, скоро кончу; о твоихъ брилліантахъ жду извѣстія отъ тебя. Здѣсь говорятъ, что я ужасный розтовщикъ; меня смѣшиваютъ съ моимъ кошелькомъ. Къ стати: я кошелекъ обратилъ въ мошну и буду ежегодно праздновать родины и крестины, сверхъ положенныхъ имянинъ. Москва полна еще пребываніемъ Двора, въ возхищеніи отъ Царя и еще не отдохнула отъ баловъ. Цыхлеръ сдѣлалъ въ одинъ мѣсяцъ 80 тысячъ чистаго барыша. А. Корсакова выходитъ за К. Вяземскаго. Вотъ тебѣ всѣ наши новости. Надѣюсь увидѣть тебя недѣли черезъ двѣ; тоска безъ тебя; къ тому же, съ тѣхъ поръ какъ я тебя оставилъ, мнѣ все что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поѣдешь во дворецъ, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени коменданской лѣстницы. Душа моя, женка моя, ангелъ мой! сдѣлай мнѣ такую милость: ходи 2 часа въ сутки по комнатѣ и побереги себя. Вели брату смотрѣть за собою и воли не давать. Брюловъ пишетъ-ли твой портретъ? была ли у тебя Хитрово или Фикельмонъ? Если поѣдешь на балъ, ради Бога, кромѣ кадрилей не пляши ничего; напиши, не притѣсняютъ ли тебя люди и можешь ли ты съ ними сладить. За симъ цѣлую тебя сердечно. У меня гости.— 8 дек.

На конвертѣ: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Галерной, въ домѣ Брискорнъ.

439.

Н. Н. Пушкиной.

10-го декабря [1831 г. Москва].

Я все боюсь, чтобъ ты не прислала билетовъ на старую квартиру Нащокина и тѣмъ не замедлила моихъ хлопотъ: Вотъ ужъ недѣлю, какъ я съ тобою разтался, и срокъ отпуску моему близокъ; а я затѣваю еще дѣло, но оно меня не задержитъ. Что скажу тебѣ о Москвѣ? Москва еще пляшетъ, но я на балахъ еще не былъ. Вчера обѣдалъ въ Англ. клубѣ; поутру былъ на аукціонѣ Власова; вечеръ провелъ дома, гдѣ нашелъ студента дурака, твоего обожателя. Онъ поднесъ мнѣ романъ Теодоръ и Розалія, въ которомъ онъ описываетъ нашу исторію. Умора! Все это, однакожъ, не слишкомъ забавно, и меня тянетъ въ П. Б. Не люблю я твоей Москвы. У тебя, т. е. въ вашемъ Никитскомъ домѣ, я еще не былъ. Не хочу, чтобъ холопья ваши знали о моемъ пріѣздѣ; да не хочу отъ нихъ узнать и о пріѣздѣ Нат. Ив., иначе долженъ буду къ ней явиться и имѣть съ нею необходимую сцену; она все жалуется по Москвѣ на мое корыстолюбіе; да полно, я слушаться ея не намѣренъ. Цѣлую тебя и прошу ходить въ задъ и впередъ по гостиной, во дворецъ не ѣздить и на балахъ не плясать.— Христосъ съ тобой.—10 дек.

На конвертѣ: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Галерной, въ домѣ Брискорнъ.

440.

Д. Н. Бантышу-Каменскому.

14-го декабря 1831 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь Дмитрій Николаевичъ! Къ крайнему моему сожалѣнію, сегодня мнѣ никакъ нельзя исполнить давнишнее мое желаніе—познакомиться съ почтеннымъ историкомъ Малороссіи. Надѣюсь, что въ другой разъ буду щастливѣе. Покамѣсть прошу Ваше Превосходительство принять изъявленіе глубочайшаго почтенія моего.

Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга А. Пушкинъ.

441.

Н. Н. Пушкиной.

[Середина декабря 1831 г. Москва].

Оба письма твои получилъ я вдругъ, и оба меня огорчили и осердили. Василій вретъ, что онъ изтратилъ на меня 200 рублей. Алешкѣ я денегъ давать не велѣлъ, за его дурное поведеніе. За столъ я заплачу по моему приѣзду; никто тебя не просилъ платить мои долги. Скажи отъ меня людямъ, что я ими очень недоволенъ. Я не велѣлъ имъ тебя безпокоить, а они, какъ я вижу, обрадовались моему отсутствію. Какъ смѣли пустить къ тебѣ Ѳомина, когда ты принять его не хотѣла? да и ты хороша. Ты пляшешь по ихъ дудкѣ; платишь деньги, кто только попроситъ—эдакъ хозяйство не пойдетъ. Впередъ какъ приступятъ къ тебѣ, скажи, что тебѣ до меня дѣла нѣтъ; а чтобъ твои приказанія были святы. Съ Алешкой раздѣлаюсь по моемъ приѣздѣ. Василія, вѣроятно, принужденъ буду выпроводить съ его возлюбленной—afin de faire maison nette; все это очень досадно.—Не сердись, что я сержусь.

Дѣла мои затруднительны. Нащокинъ запуталъ дѣла свои болѣе нежели мы пологали. У него три или четыре прожекта, изъ коихъ ни на единый онъ еще не рѣшился. Къ дѣду твоему явиться я не намѣренъ. А дѣлу его постараюсь помѣшать; Тебя, мой ангелъ, люблю такъ, что выразить не могу; съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь, я только и думаю, какъ бы удрать въ П. Б., къ тебѣ, женка моя.—Разпечатываю письмо мое, мой милый другъ, чтобы отвѣчать на твое. Пожалуйста, не стягивайся, не сиди поджавши ноги и не дружись съ графинями, съ которыми нельзя кланяться въ публикѣ. Я не шучу, а говорю тебѣ серьезно и съ безпокойствомъ. Письмо Б. ты хорошо сдѣлала, что отослала,—дѣло не о чинѣ, а все-таки нужное. Жду его.—На дняхъ опишу тебѣ мою жизнь у Нащокина. Балъ у Солданъ, вечеръ у Вяземскаго—и только. Стиховъ твоихъ не читаю. Чортъ ли въ нихъ; и свои надоѣли. Пиши мнѣ лучше о себѣ — о своемъ здоровьи. На хоры не ѣзди—это мѣсто не для тебя.

На конвертѣ: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Галерной, въ домѣ Брискорнъ.

442.

Н. Н. Пушкиной.

16-го декабря [1831 г. Москва].

Милый мой другъ, ты очень мила, ты пишешь мнѣ часто, одна бѣда: письма твои меня не радуютъ. Что такое vertige? обмороки или тошнота? видѣлась ли ты съ бабкой? пустили ли тебѣ кровь? Все это ужасъ меня безпокоитъ. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что я глупо сдѣлалъ, что уѣхалъ отъ тебя. Безъ меня ты что нибудь съ собой да напроказишь. Того и гляди выкинешь... Зачѣмъ ты не ходишь? а дала мнѣ честное слово, что будешь ходить по 2 часа въ сутки. Хорошо ли это? Богъ знаетъ, кончу ли здѣсь мои дѣла, но къ празднику къ тебѣ приѣду.—Голкондскихъ Алмазовъ дожидаться не намѣренъ и въ новый годъ вывезу тебя въ бусахъ. Здѣсь мнѣ скучно; Наш. занятъ дѣлами, а домъ его—такая безтолочь и ералашъ, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разныя народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчія, цыганы, шпіоны, особенно заимодавцы. Всѣмъ вольный входъ. Всѣмъ до него нужда; всякій кричитъ, куритъ трубку, обѣдаетъ, поетъ, пляшетъ; угла нѣтъ свободнаго—что дѣлать? Между тѣмъ денегъ у него нѣтъ, кредита нѣтъ,—время идетъ, а дѣло мое не разпутывается.—Все это по неволѣ меня бѣситъ.—Къ тому же, я опять застудилъ себѣ руку, и письмо мое, вѣроятно, будетъ пахнуть бобковой мазью, какъ твои визитные билеты. Жизнь моя однообразная, выѣзжаю рѣдко — званъ былъ всюду, но былъ у одной Солданъ, да у Вяземской, у которой увидѣлъ я твоего Давыдова—не женатаго <утѣшься>. Вчера Наш. задалъ намъ цыганской вечеръ; я такъ отъ этого отвыкъ, что отъ крику гостей и пѣнья цыганокъ до сихъ поръ голова болитъ.—Тоска, мой Ангелъ—до свиданія. 16 дек.

На конвертѣ: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Галерной, въ домѣ Брискорнъ

1832.

443.

А. Х. Бенкендорфу.

(*Черновое*).

[1832 г. Петербургъ].

Il y a deux ou trois ans que M-r grand-père de ma femme se trouvant pressé d'argent à cause de mon mariage fut sur le point de refondre une statue colossale de Catherine II et c'est à Votre Excellence que je m'adressai pour en obtenir la permission. Comme j'avais cru qu'il s'agissait d'une masse informe de bronze, je ne demandai pas mieux, mais il se trouva que la statue est une belle production de l'art et j'eus confiance et regret de l'anéantir pour en tirer quelques milliers de roubles....

....J'en désirais 25,000 r. Cette belle statue pourrait convenablement être placée dans un des établissements fondés par l'Impératrice, soit à P. bourg soit à Sar. Selo, où sa statue manque parmi les monuments qu'Elle a fait élever à la memoire des grands hommes qui l'ont servi.

444.

П. А. Осиповой.

[Начало января 1832 г. Петербургъ].

Recevez, Madame, mes bien sincères remerciments pour les soins que vous avez bien voulu vous donner avec mes livres. J'abuse de vos bontés et de votre temps, mais je vous supplie, pour dernière grase, de vouloir bien faire demander à nos gens de Михайловское, s'il n'y a pas encore un coffre envoyé à la campagne avec les caisses qui contenoient mes livres. Je soupçonne qu'Архипъ ou d'autres en retiennent un à la prière de Nikita, mon domestique <à présent celui de Léon>. Il doit contenir <j'entends le coffre et non Nikita> ses hardes, ses effets et aussi les miens, ainsi que quelques livres que je ne retrouve pas. Encore une fois je vous supplie de pardonner mon importunité, mais votre amitié et votre indulgence m'ont tout-à fait gâté.

Je vous envoye, Madame, les Сѣверные Цвѣты, dont je suis l'éditeur indigne. C'est la dernière année de cet almanach et un tribut à la mémoire de notre ami, dont la perte nous sera longtemps récente. J'y joins des contes à dormir débout; je souhaite que cela vous amuse un moment.

Nous avons appris ici la grossesse de Madame votre fille. Dieu donne que tout cela finisse heureusement et que sa santé se rétablisse tout-à-fait. On dit que les premières couches embellissent une jeune femme; Dieu donne qu'elles soient aussi favorables à la santé.

Daignez Madame agréer l'hommage de ma haute considération et de mon inalterable attachement.. A P.

А. Н. ОЛЕНИНЪ.

445.

П. В. Нащокину.

8-го—10-го января 1832 г. Петербургъ.

Здравствуй, любезный Павелъ Воиновичь, я все ждалъ отъ тебя извѣстія. Нетерпѣливо желаю знать чѣмъ кончилось посольство, какой Ultimatum твоего брата и есть-ли тебѣ надежда устроить дѣла твои? Пожалуй-ста не полѣнись обо всемъ обстоятельно мнѣ описать—Да сдѣлай одолженіе: перешли мнѣ мой опекунской билетъ который оставилъ я въ секретной твоей комодѣ; тамъже выронилъ я серебряную копѣечку. Если и ее найдешь, и ее перешли — Ты ихъ щастію не вѣрушь, а я вѣрю. Что Рахмановъ, и что мои алмазы? Нужно-ли мнѣ будетъ вступить съ нимъ въ переписку или нѣтъ? Какъ ты думаешь? Къ стати не забудь Revue de Paris. Напиши мнѣ обстоятельно о посольствѣ своего нѣмца. Дѣло любопытное. Когда думаешь ты получить свои деньги и не вступишь-ли ты въ процессъ <чего Боже избави, но чего впрочемъ бояться нечего>. Жену мою нашелъ я здаровою, несмотря на дѣвическую ея не осторожность — На балахъ пляшетъ, съ Г. любезничаетъ, съ крыльца прыгаетъ—Надобно бабенку къ рукамъ прибрать. Онатебѣ кланяется, и готовитъ шитье. Ждетъ взятокъ обѣщанныхъ — Sur ce обнимаю тебя— Ольгѣ Андреевнѣ посылаю фулары.

8*) янв.
1832 г.
СПб.

10 янв

Мой любезный Павелъ Воиновичь, дѣло мое можетъ быть кончено на дняхъ; коли бриліанты выкуплены, скажи мнѣ адресъ Рахманова—я перешлю ему покамѣсть 5500 рублей; на эти деньги пусть перешлетъ онъ мнѣ бриллiанты <заложенные въ 5500>— Остальные, выкуплю перезаложивъ сіи—Сдѣлай милость не полѣнись отвѣчать мнѣ —Весь твой.

На оборотѣ: М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину, въ Москвѣ у Пречистинскихъ воротъ въ домѣ Ильинской.

446.

М. О. Судіенку.

15-го января [1832 г. Петербургъ].

Боюсь я, любезный Михайло Осиповичь, чтобъ долгая разлука совсѣмъ насъ не раззнакомила; однако попытаюсь напомнить тебѣ о своемъ существованіи и поговорить о важномъ для меня дѣлѣ.

Надобно тебѣ сказать, что я женатъ около года, и что вслѣдствіе сего образъ жизни моей

*) Было сначала 5.

совершенно перемѣнился, къ неописанному огорченію Софьи Остафьевны и кавалергардскихъ шаромыжниковъ. Отъ картъ и костей отсталъ я болѣе двухъ лѣтъ; на бѣду мою я забастовалъ будучи въ проигрышѣ, и расходы свадебнаго обзаведенія, соединенные съ уплатою карточныхъ долговъ, разстроили дѣла мои. Теперь обращаюсь къ тебѣ: 25.000 данныя мнѣ тобою заимообразно, на 3 или по крайней мѣрѣ на 2 года, могли бы упрочить мое благосостояніе. Въ случаѣ смерти, есть у меня имѣніе, обезпечивающее твои деньги.

Вопросъ: можешь ли ты мнѣ сдѣлать сіе, могу сказать, благодѣяніе? En fait de grands propriétaires трое только на семъ свѣтѣ состоятъ со мною въ сношеніяхъ болѣе или менѣе дружескихъ: ты, Яковлевъ и еще третій. Сей послѣдній записалъ меня недавно въ какую-то коллегію и далъ уже мнѣ <сказываютъ> 6.000 годового дохода; болѣе отъ него не имѣю права требовать. Къ Яковлеву въ прежнее время явился бы я со стаканчиками и предложилъ бы ему un petit déjeuné; но онъ скупъ, и я никакъ не рѣшусь просить у него денегъ взаймы. Остаешься ты. Къ одному тебѣ могу обратиться откровенно, зная, что если ты мнѣ и откажешь, то это произойдетъ не отъ скупости или недовѣрчивости, а просто отъ невозможности.

Еще слово: если надежда моя не будетъ тщетна, то прошу тебя назначить мнѣ свои проценты, не потому что они были бы нужны для тебя, но мнѣ иначе деньги твои были бы тяжелы. Жду отвѣта и дружески тебя обнимаю. Весь твой А. Пушкинъ. 15 Января. Адресъ мой—въ Галерной, домъ Брискорнъ.

447.

Д. Н. Блудову.

20-го января 1832 г. (Петербургъ).

Милостивый Государь,

Дмитрій Николаевичь,

Письмо коего Ваше Превосходительство удостоили меня, получить имѣлъ я честь. Буду ожидать приказанія Вашего дабы приступить къ дѣлу мнѣ порученому.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

20 Января
1832.

448.

П. В. Нащокину.

[Конецъ января 1832 г. Петербургъ].

Твои дѣла кончены. А. Хр. получилъ отъ меня 1000 на дорогу; остаюсь тебѣ долженъ 2 тысячи съ чѣмъ-то. Еслибъ ты былъ...*), то я бы могъ и ихъ тебѣ заплатить...**),

Ради Бога, доставь какъ можно скорѣе письмо Рахманову—Ты не хотѣлъ отвѣчать мнѣ на мое письмо, а это сдѣлаетъ мнѣ чувствительную разницу—

*) Вырвано.
**) Вырвано.

Очень благодарю тебя за арапа; фуляры пришлю съ А. Хр. Портретъ мой Брюловъ напишетъ надняхъ. Письмо твое о твоемъ братѣ ужасно хорошо. Кончилъ-ли ты съ нимъ? Прощай, до свиданія.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину. Въ Москвѣ, у Пречистинскихъ воротъ въ домѣ Ильинской.

449.

А. Х. Бенкендорфу.

7-го [февраля] 1832 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Александръ Христофоровичь!

Ваше Высокопревосходительство изволили требовать отъ меня объясненія, какимъ образомъ стихотвореніе мое, Древо яда, было напечатано въ альманахѣ безъ предварительнаго разсмотрѣнія Государя Императора: спѣшу отвѣтствовать на запросъ Вашего Высокопревосходительства.

Я всегда твердо былъ увѣренъ, что Высочайшая Милость, коей неожиданно былъ я удостоенъ, не лишаетъ меня и права, даннаго Государемъ всѣмъ Его подданнымъ: печатать съ дозволенія цензуры. Въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ во всѣхъ журналахъ и альманахахъ, съ вѣдома моего и безъ вѣдома, стихотворенія мои печатались безпрепятственно, и никогда не было о томъ ни малѣйшаго замѣчанія ни мнѣ, ни цензурѣ. Далѣе я, совѣстясь безпокоить поминутно Его Величество, раза два обратился къ Вашему покровительству, когда цензура недоумѣвала, и имѣлъ щастіе найти въ Васъ болѣе снисходительности, нѣжели въ ней.

Имѣя необходимость объяснить лично Вашему Высокопревосходительству нѣкоторыя затрудненія осмѣливаюсь просить Васъ, назначить часъ когда мнѣ можно будетъ явиться.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію, честь имѣю быть, Милостивый Государь,

Вашего Высокопревосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

7 Янв. (?)
1832.
С. Пб.

450.

П. В. Нащокину.

[Начало февраля 1832 г. Петербургъ].

Посылаю тебѣ, любезный Павелъ Воиновичь, десятокъ фуляровъ; желаю, чтобъ они тебѣ доставили десять дней спокойствія домашняго. О брилліантахъ думать нечего; если завтра или послѣ завтраго не получу отвѣта Рахманова, то деньги возвращаю, а дѣло сдѣлаю послѣ когда-нибудь. Все у насъ тихо и здорово. Обнимаю тебя сердечно.

На оборотѣ: П. В. Нащокину.

451.

И. И. Дмитріеву.

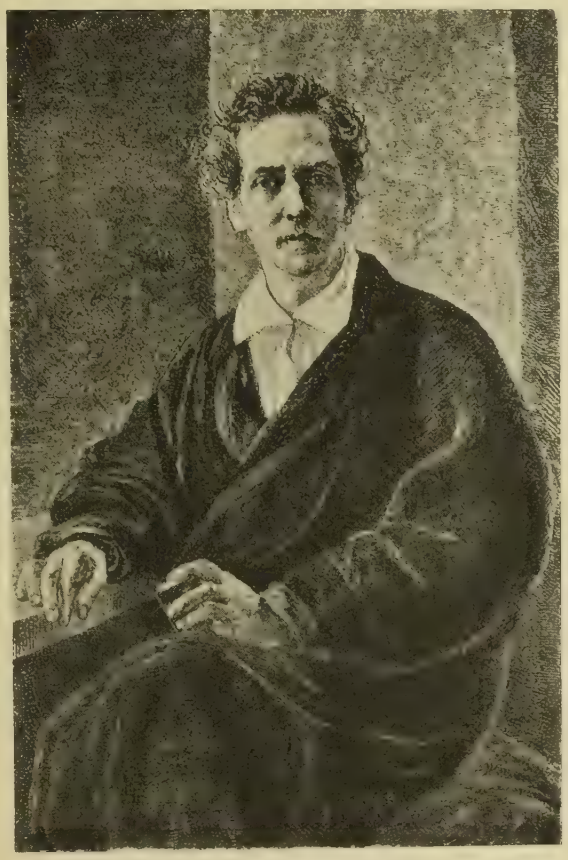
14-го февраля [1832 г.]. Петербургъ.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ, приношу вашему высокопревосходительству глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить, — драгоцѣнный памятникъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Ваше вниманіе утѣшаетъ меня въ равнодушіи непосвященныхъ. Радуюсь, что успѣлъ вамъ угодить стихами, хотя и бѣлыми. Вы должны любить рифму, какъ вѣрнаго слугу, который никогда съ вами не спорилъ и всегда повиновался малѣйшимъ вашимъ прихотямъ. Утѣшительно для всякаго Русскаго видѣть живость вашей дѣятельности и внимательности: по физіологическимъ примѣчаніямъ, это порука въ долголѣтіи и здравіи. Живите-жъ долго, милостивый государь! Переживите наше поколѣніе, какъ мощные и стройные стихи ваши переживутъ щедушныя нынѣшнія произведенія.

Вѣроятно вы изволите уже знать, что журналъ Европеецъ запрещенъ въ слѣдствіе доноса. Кирѣевскій, добрый и скромный Кирѣевскій, представленъ правительству сорванцемъ и якобинцемъ! Всѣ здѣсь надѣются, что онъ оправдается и что клеветники—или по крайней мѣрѣ клевета — устыдится и будетъ изобличена.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію, честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства, покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

14 фев.
С. П. Б.



А. А. ПЕРОВСКІЙ.

452.

А. Х. Бенкендорфу.

24-го февраля 1832 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Александръ Христофоровичъ.

Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія принялъ я книгу всемилостивѣйше пожалованную мнѣ Его Императорскимъ Величествомъ. Драгоцѣнный знакъ Царскаго ко мнѣ благоволѣнія возбудитъ во мнѣ силы для совершенія предпринимаемаго мною труда, и который будетъ ознаменованъ, если не талантомъ, то по крайнѣй мѣрѣ усердіемъ и добросовѣстностію.

Ободренный благосклонностію Вашего Высокопревосходительства, осмѣливаюсь вновь безпокоить Васъ покорнѣйшею просьбою о дозволеніи мнѣ разсмотрѣть находящуюся въ Ермитажѣ библіотеку Вольтера, пользовавшагося разными рѣдкими книгами и рукописями доставленными ему Шуваловымъ для составленія его Исторіи Петра Великаго.

По приказанію Вашего Высокопревосходительства препровождаю къ Вамъ одно стихотвореніе данное мною въ Альманахъ и пропущенное уже Цензурою. Я остановилъ печатаніе онаго до разрѣшенія Вашего Высокопревосходительства.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь,

Вашего Высокопревосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.
24 февраля
1832
С. П. Б.

(Черновое).

По приказ. В. В. препровождаю къ Вамъ одно стихотв. взятое отъ меня въ [одинъ] Альманахъ и уже пропущенное цензурой—я остановилъ его печатаніе до В. разрѣшенія.

При семъ случаѣ [прошу у В. В. дозволенія] приемлю смѣлость откровенно объяснить мое положеніе. Въ 1827 году Гос. Импер. угодно было объявить мнѣ что у меня кромѣ Его Величества никакого цензора не будетъ. Сія неслыханная [честь] милость налагала на меня обязанность [заняться уже не бездѣлицами, но] представлять на разсм. Его Вел. [книги или стат.] сочиненія достойныя Его вниманія, если не по достоинству ихъ, то по крайнѣй мѣрѣ по ихъ цѣли и содержанію. Мнѣ всегда было тяжело и совѣстно озабочивать Царя стихотворными бездѣлицами, важными только для меня, ибо они доставляли мнѣ 20,000 дохода и одна сія необходимость заставляла меня пользоваться правомъ даннымъ мнѣ Госу. [Въ концѣ 1828 года Государь черезъ П (!). Я. Фока приказалъ объявить мнѣ, что пологаясь на мою добросовѣстность, позволяетъ онъ мнѣ] Нынѣ В. В. [войдя въ ниже... приявъ] принявъ въ уваженіе сіи мои [пред...] изволили приказать мнѣ обращаться къ [Вамъ съ] В. В. съ тѣми моими стихотв., которыя я или журналисты пожелаютъ напечатать—[позвольте мнѣ] Позвольте доложить В. В. [что мнѣ

всетаки будетъ тяже...], что сіе представляетъ разныя неудобства.—1) В. В. не всегда изволите пребывать въ П. Б., а книжная торговля какъ и всякая имѣетъ свои сроки, свои ярманки, такъ что отъ того что книга будетъ напечатана въ мартѣ а не въ янв.) сочинитель можетъ потерять нѣсколько тысячь рублей, а журналистъ нѣск. сотъ подписчиковъ. [2) [В. В.] Вы министръ и Вамъ [не] нѣтъ возможности заниматься всякимъ стихотв., которое поступаетъ въ печать— Вы В. В. превосход. принуждены будете отдать... 2) обыкновенно Ценсура смотритъ на всякое сочиненіе какъ].

2) Подвергаясь одинъ особой отъ Васъ единств. зависящей ценсурѣ, я буду вопреки права даннаго Гос. изо всѣхъ писателей..... *) [строжѣ] буду подверженъ самой [строгой] стѣснительной ценсурѣ [ибо ибо будетъ на мо.. стихотвор. со] [ибо не будетъ уже мнѣ] [сія ценсура будетъ смотрѣть] ибо весьма простымъ образомъ сія ценсура будетъ смотрѣть на меня съ предубѣж. и находить вездѣ тайныя примѣненія allusions и затруднительности — а обвиненія въ примѣніяхъ (?) и подрозумѣніяхъ не имѣютъ ни границъ ни оправданій, если подъ [именемъ] слов. дерево будутъ разумѣть конституцію, а подъ [именемъ] словомъ стрѣла [свободу] самодержавіе [въ чемъ обыкновенный Цензоръ обыкнов. болѣе или менѣе Литер. и [что со мног.] значитъ и съ моей стороны не будетъ уже мѣста ни возраженіямъ, ни]. Осмѣливаюсь просить объ одной милости: впередъ имѣть право съ мѣлкими [книгами] сочиненіями своими относиться къ обыкновенной ценсурѣ.

453.

Кистеру.

(Черновое).

[Вторая половина февраля 1832 г. Петербургъ].

[А. С.] Тит. Совѣт. Пушкинъ проситъ Г-на Кистера явиться къ нему въ Галерную въ домъ Г-на Брискорна для полученія [и доставить ему Вексель на] слѣдующихъ ему суммъ по векселю данному въ 1820 году.

454.

А. Х. Бенкендорфу.

3-го мая 1832 г. [Петербургъ].

Mon Général

Sa Majesté ayant daigné s'interesser à mon sort, m'avoit assigné des apointements. Mais comme j'ignors d'où je dois les recevoir et à compter de quel jour, je prends la liberté de m'adresser à Votre Excellence, en la priant de me tirer d'incertitude. Veuillez pardonner mon importunité et l'acceuillir avec Votre indulgence acoutumée.

Je suis avec respect,
Mon Général
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur
3 mai Alexandre Pouchkin.
1832.

*) Оторвано.

455.

П. А. Осиповой.

[Середина мая 1832 г. Петербургъ].

М-г Алымовъ part cette nuit pour Pskov et Trigorsky, et il a bien voulu se charger d'une lettre pour vous, chère bonne et respectable Прасковья Александровна. Je ne vous ai pas félicité sur la naissance d'un petit fils. Dieu veuille que lui et sa mère se portent bien et que nous assistion tous à sa nôce, si nous n'avons pu assister à son baptême. A propos de baptême, j'en aurai bientôt un на Фурштатской въ домѣ Алымова—N'oubliez pas cette adresse, si vous voudrez m'écrire un mot. Je ne vous donne aucune nouvelle ni politique, ni litteraire — Je suppose que vous en êtes fatiguée, comme nous tous. Il n'est rien de plus sage que de rester dans son village et d'arroser ses choux. Vielle vérité dont tous les jours je me fais l'application au milieu d'une existance toute mondaine et toute bouleversée—Je ne sais si nous nous verrons cet été — s'est un de mes reves; puisse-t-il s'accomplir.

Adieu, Madame, je vous salue bien tendrement vous et toute votre famille.

456.

Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

4-го іюня [1832 г. Петербургъ].

Сей часъ отъ Хитровой. Elle est on ne peut plus touchée de l'état de Батюшковъ—[est] elle s'offre de venir elle même tenter le dernier remède, avec une abnégation: vraiment admirable—A propos d'abnégation: imaginez-vous que ma femme a eu la maladresse d'accoucher d'une petite litographie de ma personne—J'en suis au desespoir malgré toute ma fatuité.

457.

М. П. Погодину.

11-го іюля [1832 г. Петербургъ].

Милостивый Государь Михайло Петровичь

Исполнивъ комисію Вашу касательно Смирдина и не получивъ отъ него удовлетворительнаго отвѣта, я все не рѣшался писать къ Вамъ объ ономъ. Варварство нашей литературной торговли меня бѣситъ. Смирдинъ опуталъ самъ себя разными обязательствами, накупилъ романовъ, и тому под., и ни къ какимъ условіямъ не приступаетъ; Трагедіи нынче не разкупаются, говоритъ онъ своимъ техническимъ языкомъ. Переждемъ-же и мы: Мнѣ сказываютъ что Васъ гдѣ то разбранили за Посадницу: надѣюсь что это никакого вліянія не будетъ имѣть на ваши труды. Вспомните что меня лѣтъ 10 сряду хвалили богъ вѣсть за что, а разругали за Годунова и Полтаву. У насъ критика конечно ниже даже и публики не только самой литературы —Сердиться на нее можно, но довѣрять ей въ чемъ бы то ни было— непростительная слабость. Ваша Марѳа, Вашъ Петръ исполнены истинной драмматической силы, и если когда-нибудь могутъ быть разрѣшены сце-

пическою цензурой, то предрекаю Вамъ такой народный успѣхъ, какого мы, холодныя сѣверныя зрители Скрибовыхъ водевилей и Дидлотовыхъ балетовъ, и представить себѣ не можемъ.

Знаете ли Вы что Государь разрѣшилъ мнѣ Политическую Газету? Дѣло важное, ибо монополія Греча и Булгарина пала. Вы чувствуете что дѣло безъ Васъ не обойдется. Но журналъ будучи торговымъ предпріятіемъ, я (?) ни къ чему приступить не дерзаю, ни къ предложеніямъ, ни къ условіямъ, покамѣсть порядкомъ не осмотрюсь; не хочу продать Вамъ кожу медвѣдя еще живого, или собрать подписку на Ист. Русск. народа, существующей только въ нелѣпой башкѣ моей... Кстати: скажите Надеждину, что опрометчивость его сужденій непростительна. Недавно прочелъ я въ его журналѣ сравненіе между мной и Полевымъ; оба де морочатъ публику: одинъ выманиваетъ у ней деньги выдавая по одной главѣ своего Онѣгина, а другой, по одному тому своей Исторіи. Разница собрать подписку, обѣщавшись въ годъ выдать 12 томовъ а между тѣмъ въ 3 года напечатать 3 тома на проценты съ выманенныхъ денегъ, и разница напечатать по главамъ сочиненіе, о которомъ сказано въ предисловіи: вотъ начало стихотворенія которое вѣроятно никогдане будетъ кончено. Надеждинъ воленъ находить мои стихи дурными, но сравнивать меня съ плутомъ есть съ его стороны свинство. Какъ послѣ этого порядочному человѣку связываться съ этимъ народомъ? И что если бы еще должны мы были уважать мнѣнія Булгарина, Полевого, Надеждина? Приходилось бы стрѣляться послѣ каждаго нумера ихъ журналовъ. Слава Богу, что общее мнѣніе <каково бы оно у насъ ни было> избавляетъ насъ отъ хлопотъ.

Я Шишкову не отвѣчалъ и не благодарилъ его. Обнимите его за меня. Дай Богъ ему здоровія за Фортуната! Не будете ли Вы къ намъ? Эй, пріѣзжайте.

11 іюля.

458.

Графу Д. И. Хвостову.

[Лѣто 1832 г. Петербургъ].

Милостивый Государь

Графъ Дмитрій Ивановичъ.

Жена моя искренно благодаритъ васъ за принесенный и неожиданный подарокъ. Позвольте и мнѣ принести Вашему Сіятельству сердечную мою благодарность. Я въ долгу передъ вами: два раза почтили вы меня лестнымъ ко мнѣ обращеніемъ и пѣснями лиры заслуженной и вѣчно юной. На дняхъ буду имѣть честь явиться съ женою на поклоненіе къ нашему славному и любезному патріарху. Александръ Пушкинъ.

459.

А. П. Кернъ.

[Вторая половина 1832 г. Петербургъ].

Ma plume est si mauvaise que Madame Hitroff... ..... s'en servir et que c'est moi qui ai avantage d'être son secrétiare.

А.

Это — приписка Пушкина въ слѣдующей, писанной его рукою запискѣ Е. М. Хитрово къ А. П. Кернъ: Chère Madame Kern, notre jeune a la rougeole et il n'y a moyen de lui parler, dès que ma fille sera mieux, j'irai Vous embrasser.

El. Hitroff *).

С. Д. ПОЛТОРАЦКІЙ.

460.

А. П. Кернъ.

[Вторая половина 1832 г. Петербургъ].

Voici la réponse de Cheremeteff; je désire qu'elle Vous soit agréable. Madame Hitroff a fait ce qu'elle a pu. Adieu, belle dame, soyez tranquille et contente et croyez à mon dévouement.

---

*) Подпись—рукой Е. М. Хитрово.

461.

А. П. Кернъ.

[Вторая половина 1832 г. Петербургъ].

. . . . . Quand Vous n'avez rien pu obtenir, Vous qui êtes une jolie femme, qu'y pourrai-je faire moi qui ne suis pas même joli garçon. . . . Tout ce que je puis conseiller c'est de revenir à la charge. . . . .

462.

М. П. Погодину.

[Первая половина сентября 1832 г. Петербургъ].

Какую программу хотите Вы видѣть? Часть политическая—офиціально ничтожная; часть литературная—существенно ничтожная; извѣстіе о курсѣ, о приѣзжающихъ, и отъѣзжающихъ: вотъ вамъ и вся программа. Я хотѣлъ уничтожить монополію, и успѣлъ. Остальное мало меня интересуетъ. Газета моя будетъ немного похуже Сѣв. Пчелы Угождать публикѣ я ненамѣренъ; браниться съ Журналами, хорошо разъ въ 5 лѣтъ, и то Косичкину, а не мнѣ. Стихотвореній, помѣщать не намѣренъ ибо и Христосъ запретилъ метать бисеръ передъ публикой; на то проза—мякина. Одно меня задираетъ: хочется мнѣ уничтожить, показать всю отвратительную подлость нынѣшней Французской Литературы. Сказать единожды въ слухъ что Lamartine скучнѣе Юнга, и не имѣетъ его глубины, Beranger не поэтъ, что V. Hugo неимѣетъ жизни, т. е. истины, что романы A. Vigny хуже романовъ Загоскина, что ихъ журналы, невѣжды; что ихъ критики почти нелучше нашихъ Теле-скопскихъ и графскихъ. Я въ душѣ увѣренъ, что 19 вѣкъ, въ сравненіи съ 18-мъ, въ грязи <разумѣю во Франціи>. Проза едва едва выкупаетъ гадость того что зовутъ они поэзіей.

О Вашемъ кліентѣ Годуновѣ поговоримъ послѣ. Н дняхъ ѣду въ Москву и надѣюсь съ Вами увидѣться.

(Черновое).

Какую программу хотите вы видѣть? Часть полит.—иностр. извѣстія, переведенныя изъ J. de St. Pét.—Безъ нрав. примѣч. и размышл.—елико возможно безцвѣтно, безъ движенія, безъ цѣли. Внутр. извѣс. [немного болѣе], о дождяхъ, объ урожаѣ etc.—Разныя извѣстія о курсѣ, о приѣзж. и уѣзж., о Спектаклѣ, и проч.—Лит. часть—крит. иностр. и Русск. книгъ—мѣлкія статьи, удобопомѣщаемыя на двухъ столбцахъ—И [того] выдетъ газета не много хуже Сѣв. Пчелы—Вотъ вамъ и прогр. Шутки въ сторону—Отъ моей Газ. я многаго не ожидаю—Часть полит. будетъ офиціально ничтожна; Лит. существенно ничтожна, ибо что прикажите говорить о [вещахъ] вещѣ, которыя никого неинтересуютъ, начиная съ литераторовъ.—Браниться съ Ж. — всего разъ въ годъ [и. но остальное время] но ни къ чему не ведетъ—угождать публикѣ, возхищающейся пошлымъ балагурствомъ Булгарина и безсмыслицей Полевого,—было бы слишкомъ низко. Стих. печатать въ ней не буду [потому что возвращ. къ Русл. и къ Плѣн. я не намѣренъ, а, ибо] и Богъ запретитъ метать бисеру передъ публикой, на то проза—мякина—

463.

Н. Н. Пушкиной.

[22-го Сентября 1832 г. Москва].

Четвергъ.—Не сердись, женка, дай слово сказать. Я пріѣхалъ въ Москву вчера, въ середу. Велосиферъ, по русски поспѣшный дилижансъ, не смотря на плеоназмъ, поспѣшалъ какъ черепаха, а иногда даже какъ ракъ. Въ сутки случилось мнѣ сдѣлать три станціи. Лошади расковывались, и неслыханная вещь—ихъ подковывали на дорогѣ. 10 лѣтъ ѣзжу я по большимъ дорогамъ, отроду не видывалъ ничего подобнаго. Насилу дотащился въ Москву, ... дождемъ и встревоженную пріѣздомъ двора. Теперь послушай, съ кѣмъ я путешествовалъ, съ кѣмъ провелъ я 5 дней и 5 ночей. То-то будетъ мнѣ гонка! Съ пятью нѣмецкими актрисами, въ желтыхъ кацавейкахъ и въ черныхъ вуаляхъ. Каково? Ей-богу, душа моя, не я съ ними кокетничалъ—онѣ со мною амурились въ надеждѣ на лишній билетъ. Но я отговаривался незнаніемъ нѣмецкаго языка, и какъ маленькій Іосифъ, вышелъ чистъ отъ искушенія. Пріѣхавъ въ Москву, поскакалъ отыскивать Нащокина, нашелъ его по прежнему озабоченнымъ домашними обстоятельствами, но уже спокойнѣе въ сношеніяхъ со своею Сарою. Онъ—кокю и видитъ, что это состояніе приятное и независимое. Онъ ѣздилъ со мною въ баню, обѣдалъ у меня. Завезъ меня къ Кн. Вяз.; княгиня завезла меня во Фр. театръ, гдѣ я чуть было не заснулъ отъ скуки и усталости. Пріѣхалъ къ Оберу и заснулъ въ 10 часовъ вечера. Вотъ тебѣ весь мой день; писать не было мнѣ ни времени, ни возможности физической. Государь здѣсь съ 20-го числа и сегодня ѣдетъ къ вамъ, такъ что съ Бенкендорфомъ не успѣлъ увидѣться, хоть было бы и нужно. Великая Княгиня была очень больна, вчера было ей легче, но Дворъ еще безпокоенъ, и Государь не принялъ ни одного праздника. Видѣлъ Чадаева въ театрѣ, онъ звалъ меня съ собою повсюду, но я дремалъ. Дѣла мои кажется, скоро могутъ кончиться, а я, мой ангелъ, не мѣшкая ни минуты, поскачу въ П. Б. Не можешь вообразить, какая тоска безъ тебя. Я же все безпокоюсь, на кого покинулъ я тебя! на Петра, сознаго пьяницу, который спитъ не проспится, ибо онъ и пьяница, и дуракъ; на Прину Кузминичну, которая съ тобою воюетъ; на Ненилу Ануфріевну, которая тебя грабитъ. А Маша-то? что ея золотуха, и что Спасскій? Ахъ женка душа! что съ тобою будетъ! Прощай, пиши.

На конвертѣ: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ С. Петербургѣ, на Фурштатской, въ домѣ Алымова.

464.

Н. Н. Пушкиной.

[25-го сентября 1832 г. Москва].

Какая ты умненькая, какая ты миленькая! какое длинное письмо! какъ оно дѣльно! благодарствуй, женка. Продолжай, какъ начала, и я вѣкъ за тебя буду бога молить. Заключай съ поваромъ какія хочешь условія, только бы не былъ я принужденъ, отобѣдавъ дома, ужинать въ клобѣ. Каретникъ мой плутъ: взялъ съ меня за починку 500 руб., а въ одинъ мѣсяцъ карета моя—хоть

брось. Это мнѣ наука: не имѣть дѣла съ полуталантами. Фрибеліусъ или Іохимъ взяли бы съ меня 100 руб. лишнихъ, но зато не надули бы меня. Ради Бога, Машу не пичкай ни сливками, ни мазью. Я твоей Уткиной плохо вѣрю. Къ стати: смотри, не брюхата ли ты, а въ такомъ случаѣ береги себя на первыхъ порахъ. Верьхомъ не ѣзди, а кокетничай какъ-нибудь иначе. Здѣсь о тебѣ всѣ отзываются очень благосклонно. Твой Давыдовъ, говорятъ, женится на дурнушкѣ. Вчера разсказали мнѣ анекдотъ, который тебѣ сообщаю. Въ 1831 году, февр. 18, была свадьба на Никитской въ приходѣ Вознесенія. Во время церемоніи двое молодыхъ людей разговаривали между собою. Одинъ изъ нихъ нѣжно утѣшалъ другова, нещастнаго любовника вѣнчаемой дѣвицы. А нещастной любовникъ, съ воздыханіемъ и слезами, надѣялся современемъ забыть безумную страсть и пр., и пр. Княжны Вяз. слышали весь разговоръ и думаютъ, что нещастной любовникъ былъ Давыдовъ. А я такъ думаю, Пѣтушковъ или Буяновъ, или паче Сорохтинъ. Ты какъ? не правда ли, интересный анекдотъ? Твое намѣреніе съѣздить къ Плетневу похвально, но соберешься ли ты? съѣзди, женка, спасибо скажу. Что люди наши? каково съ ними ладишь? Вчера былъ я у Вяземской, у ней отправлялся обозъ, и я было съ нимъ отправилъ къ тебѣ письмо, но письмо забыли, а я его тебѣ препровождаю, чтобъ не пропала ни строка пера моего для тебя и для потомства. Нашокинъ милъ до чрезвычайности. У него проявились два новыя лица въ числѣ челядинцевъ: актеръ, игравшій вторыхъ любовниковъ, нынѣ разбитый параличемъ и совершенно одурѣвшій, и монахъ, перекрестъ изъ жидовъ, обвѣшенный веригами, представляющій намъ въ лицахъ жидовскую синагогу и разсказывающій намъ соблазнительные анекдоты о московскихъ монашинкахъ. Нашокинъ говоритъ ему: ходи ко мнѣ всякой день обѣдать и ужинать, волочись за моею дѣвичьей, но только не сводничай Окулову. Каковъ отшельникъ? Онъ смѣшитъ меня до упаду, но не понимаю, какъ можно жить окруженнымъ такою сволочью. Букли я отослалъ къ Малиновскимъ, они велѣли звать меня на вечеръ, но вѣроятно не поѣду. Дѣла мои принимаютъ видъ хорошій. Завтра начну хлопотать, и если черезъ недѣлю не кончу, то оставлю все на попеченіе Нашокину, а самъ отправлюсь къ тебѣ—мой ангелъ, милая моя женка. Покамѣсть прощай, Христосъ съ тобою и съ Машей. Видишь ли ты Катерину Ивановну? сердечно ей кланяюсь и цалую ручку ей и тебѣ, мой ангелъ. Воскресеніе. Важное открытіе: Ипполитъ говоритъ по-французски.

Князь Н. Г. РЕПНИНЪ.

На конвертѣ: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ С. Петербургѣ, на Фурштатской, въ домѣ Алымова.

465.

Н. Н. Пушкиной.

[27-го сентября 1832 г. Москва].

Вчера только успѣлъ отправить письмо на почту, получилъ отъ тебя цѣлыхъ три.—Спасибо, жена. Спасибо и за то, что ложишься рано спать.—Не хорошо только, что ты пускаешься въ разныя кокетства; принимать Пушкина тебѣ не слѣдовало, вопервыхъ, потому, что при мнѣ онъ у насъ ни разу не былъ, а вовторыхъ, хоть я въ тебѣ и увѣренъ, но не должно свѣту подавать поводъ къ сплетнямъ. Въ слѣдствіи сего деру тебя за ухо и цалую нѣжно, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Здѣсь я живу смирно и порядочно: хлопочу по дѣламъ, слушаю Нашокина и читаю Mémoires de Diderot. Былъ вечоръ у Вяземской и видѣлъ у ней le beau Bezobrasof, который такъ же нѣжно обошелся со мною, какъ Александровъ у Бобринской. Помнишь? Это весьма тронуло мое сердце. Прощай. —Кто-то ко мнѣ входитъ.

Фальшивая тревога: Ипполитъ принесъ мнѣ кофей. Сегодня ѣду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора; но я ни до какихъ Давыдовыхъ, кромѣ Дениса, не охотникъ—а въ Московскомъ Университетѣ я оглашенный. Мое появленіе произведетъ шумъ и соблазнъ, а это приятно щекотитъ мое самолюбіе.

Опять тревога—Мухановъ прислалъ мнѣ разнощика съ пастилою. Прощай. Христосъ съ тобою и съ Машею.

Вторникъ.

Цалую ручку у К. Ив. Не забудь же.

На конвертѣ: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ С. Петербургѣ, на Фурштатской, въ домѣ Алымова.

466.

Н. Н. Пушкиной.

[Конецъ сентября 1832 г. Москва].

Вотъ видишь, что я правъ: нечего было тебѣ принимать Пушкина. Просидѣла бы ты у Идаліи, и не сердилась на меня. Теперь спасибо за твое милое, милое письмо. Я ждалъ отъ тебя грозы, ибо по моему разсчету прежде воскресенія ты письма отъ меня не получила; а ты такъ тиха, такъ снисходительна, такъ забавна, что чудо. Что это значитъ? Ужъ не кокю ли я? Смотри! Кто тебѣ говоритъ, что я у Баратынскаго не бываю? Я и сегодня провожу у него вечеръ, и вчера былъ у него. Мы всякой день видимся. А до женъ намъ и дѣла нѣтъ. Грѣхъ тебѣ меня подозрѣвать въ невѣрности къ тебѣ и въ разборчивости къ женамъ друзей моихъ. Я только завидую тѣмъ изъ нихъ, у коихъ супруги не красавицы, не ангелы прелести, не Мадоны etc. Знаешь русскую пѣсню:

Не дай Богъ хорошей жены,
Хорошу жену часто въ пиръ зовутъ.

А бѣдному-то мужу во чужомъ пиру похмѣлье, да и въ своемъ тошнитъ.—Сейчасъ отъ меня альманашникъ. Насилу отговорился отъ него. Онъ сталъ просить стиховъ для Альманаха, а я статьи для газеты, такъ и разошлись. На дняхъ былъ я приглашенъ Уваровымъ въ Университетъ. Тамъ встрѣтился съ Каченовскимъ <съ которымъ, надобно тебѣ сказать, бранивались мы, какъ торговки на Вшивомъ рынкѣ>. А тутъ разговорились съ нимъ такъ дружески, такъ сладко, что у всѣхъ предстоящихъ потекли слезы умиленія. Передай это Вяземскому! Благодарю, душа моя, за то, что въ шахматы учишься. Это непремѣнно нужно во всякомъ благоустроенномъ семействѣ: докажу послѣ. На дняхъ былъ я на балѣ <у кн. Вяз.; слѣдственно я правъ>. Тутъ была графиня Салогубъ, гр. Пушкинъ <Владиміръ>, Aurore, ея сестра и Natalie Урусова. Я велъ себя прекрасно; любезничалъ съ гр. Салогубъ <съ теткой, entendons-nous> и уѣхалъ ужинать къ Яру, какъ скоро балъ разыгрался. Дѣла мои идутъ своимъ чередомъ. Съ Нащокинымъ вижусь всякой день. У него въ домикѣ былъ пиръ; подали на столъ мышенка въ сметанѣ подъ хрѣномъ, въ видѣ поросенка. Жаль, не было гостей. По своей духовной, домикъ этотъ отказываетъ онъ тебѣ. Мнѣ пришелъ въ голову романъ, и я, вѣроятно, за него примусь; но покамѣсть голова моя кругомъ идетъ при мысли о Газетѣ. Какъ то слажу съ нею? Дай Богъ здоровье Отрыжкову; авось вывезетъ. Цалую Машу и благословляю, и тебя тоже, душа моя, мой Ангелъ. Христосъ съ вами.

На конвертѣ: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ С. Петербургѣ, въ Фурштатской, въ домѣ Алымова.

467.

Н. Н. Пушкиной.

[Начало октября 1832 г. Москва].

По пунктамъ отвѣчаю на твои обвиненія: 1) Русской человѣкъ въ дорогѣ не переодѣвается и, доѣхавъ до мѣста свинья-свиньею, идетъ въ баню, которая—наша вторая мать. Ты развѣ некрещеная, что всего этого не знаешь? 2) Въ Москвѣ письма принимаются до 12 часовъ—а я въѣхалъ въ Тверскую заставу ровно въ 11, слѣдственно и отложилъ писать къ тебѣ до другова дня. Видишь ли, что я правъ, а что ты кругомъ виновата? Виновата: 1) потому, что всякой вздоръ забираешь себѣ въ голову; 2) потому, что пакетъ Бенкендорфа <вѣроятно важный> отсылаешь, съ досады на меня, Богъ вѣдаетъ куда; 3) кокетничаешь со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ да еще жалуешься на свое положеніе, будто бы подобное Нащокинскому! женка, женка!—Но оставимъ это. Ты, мнѣ кажется, воюешь безъ меня дома, смѣняешь людей, ломаешь кареты, свѣряешь щеты, доишь кормилицу—ай-да хватъ баба! что хорошо, то хорошо. Здѣсь я не такъ-то дѣятеленъ. На силу успѣлъ написать двѣ довѣренности, а денегъ не дождусь. Оставлю неоконченное дѣло на попеченіе Нащокину. Братъ Дмитрій Николаевичь здѣсь. Онъ въ Калугѣ никакого не нашелъ акта, утверждающаго болѣзненное состояніе отца, и приѣхалъ хлопотать о томъ сюда. Съ Натальей Ивановной они сошлись и помирились. Она не хочетъ входить въ управленіе имѣнія и во всемъ полагается на Дмитрія Никол. Отецъ поговариваетъ о духовной; на дняхъ будетъ онъ освидѣтельствованъ Гражданскимъ Губернаторомъ. Къ тебѣ пришлютъ для подписанія довѣренность. Катерина Ивановна научитъ тебя, какъ со всѣмъ этимъ поступить. Вяземскія ѣдутъ послѣ 14. А я падняхъ. Слѣдственно нечего тебѣ и писать Мнѣ безъ тебя такъ скучно, такъ скучно, что не знаю куда голову преклонить. Хочешь комеражей? Горскина вчера вышла за К. Щербатова, за младенца. Красавецъ Безобразовъ кружитъ здѣшнія головки, причесанныя à la Ninon домашними парикмахерами. Кн. Урусовъ влюбленъ въ Машу Вяземскую <не говори отцу, онъ станетъ безпокоиться>. Другой Урусовъ, говорятъ, женится на Бороздиной-соловьйкѣ. Москва ожидаетъ Царя къ зимѣ, но, кажется, напрасно. Прощай, мой Ангелъ, цалую тебя и Машу. Прощай, душа моя, Христосъ съ тобою.

На конвертѣ: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ С. Петербургѣ, на Фурштатской улицѣ, въ домѣ Алымова.

468.

П. В. Нащокину.

2-го [декабря 1832 г.]. Петербургъ.

Сіе да будетъ моимъ оправданіемъ въ неокуратности. Приѣхавъ сюда нашелъ я большія безпорядки въ домѣ, принужденъ былъ выгонять людей, перемѣнять поваровъ, наконецъ нанимать новую квартеру, и слѣдственно употреблять суммы которыя въ другомъ случаѣ оставались бы неприкосновенными. Надѣюсь, что теперь получилъ ты, любезный Павелъ Воиновичь, нужныя бумаги для перезалога; и что получишь ломбардныя деньги безпрепятственно, въ такомъ случаѣ, извинивъ меня <какъ можешь> передъ Ѳед. Дан., отдай ему его тысячу, а другую возьми себѣ, ибо вѣроятно тебѣ она нужна будетъ, осталной-же долгъ получишь въ Январѣ—какъ я ужъ разпорядился, продавъ Смирдину второе изданіе Онѣгина. Sur ce поговоримъ о дѣлѣ: честь имѣю тебѣ объявить что первый томъ Островскаго конченъ, и на дняхъ присланъ будетъ въ Москву на твое разсмотрѣ-

ніе и подъ критику Г. Короткого—Я написалъ его въ двѣ недѣли, но остановился по причинѣ жестокаго рюматизма, отъ котораго прострадалъ другія двѣ недѣли, такъ что не брался за перо, и немогъ связать двѣ мысли въ головѣ. Что твои меморіи? Надѣюсь что ты ихъ небросишь. Пиши ихъ въ видѣ писемъ ко мнѣ. Это будетъ и мнѣ приятнѣе, да и тебѣ легче — Незамѣтнымъ образомъ выростетъ томъ, а тамъ, поглядишь: и другой. Мой Журналъ остановился, потому что долго неприходило разрѣшеніе. Нынѣшній годъ онъ издаваться небудетъ. Я и радъ. Къ будущему успѣю осмотрѣться и приготовиться; покамѣсть буду жаться по немногу. Мою статую еще я непродалъ, но продамъ во что бы ни стало. Къ лѣту будутъ у меня хлопоты. Нат. Нико. брюхата опять и носить довольно тяжело. Не приѣдешь-ли ты крестить Гаврила Александровича? Я такого мнѣнія что Петербургъ былъ бы для тебя пристанью и ковчегомъ спасенія. — Скажи Баратынскому что Смирдинъ въ Москвѣ, и что я говорилъ съ нимъ о изданіи полныхъ Стихотвореній Евг. Баратынскаго. Я говорилъ о 8 и о 10 тыс. а Смирдинъ боялся что Бар. не согласится; слѣдственно, Бар. можетъ съ нимъ сдѣлаться. Пускай онъ попробуетъ. Что̀ Вельтманъ? каковы его обстоятельства и что его опера? Прощай, кланяюсь твоимъ—цалую Павла.

2 окт. [ошибка: почт. штемпель: 2 дек.] П. Б.

Въ Морской въ домѣ Жадиміровскаго.

На оборотѣ: М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину. Въ Москвѣ на Остоженки въ приходѣ Воскресенія, въ домѣ Священника.

А. Ф. СМИРДИНЪ.

1833.

469.

Графу А. И. Чернышеву.

7-го февраля 1833 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Графъ Александръ Ивановичь

Приношу Вашему Сіятельству искреннѣйшую благодарность за вниманіе оказанное къ моей просьбѣ.

Слѣдующія документы, косающіяся Исторіи Графа Суворова, должны находится въ Архивахъ главнаго Штаба

1) Слѣдственное дѣло о Пугачевѣ
2) Донесенія Графа Суворова во время кампаніи 1794 года
3) Донесенія его 1799 года
4) Приказы его къ войскамъ.

Буду ожидать отъ Вашего Сіятельства позволенія пользоваться сими драгоцѣнными матеріалами.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть, Милостивый Государь Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

7 февр.
1833
С. П. Б.

470.

П. В. Нащокину.

[Вторая половина февраля 1833 г. Петербургъ].

Что, любезный Павелъ Воиновичь? получилъ-ли ты нужныя бумаги, взялъ ли ты себѣ малую толику, заплативъ Ф. Д — у, справилъ-ли остальную тысячу съ Ломбарда, пришлешь-ли мнѣ что нибудь? Коли ничто еще неслѣлано, то сдѣлай вотъ что: 2,525 рублей доставь, сдѣлай одолженіе, Сенатору Мих. Александр. Салтыкову, живущему на Маросейкѣ, въ домѣ Бубуки, и возьми съ него росписку. Это нужно, и для меня очень неприятно.

Что̀ твои дѣла? За глаза я все боюсь за тебя. Все мнѣ кажется что ты гибнешь, что Вееръ тебя топитъ, а Рахмановъ на плечахъ у тебя. — Дай Богъ мнѣ зашибить деньгу, тогда авось тебя выручу. Тогда авось разведемъ тебя съ сожительницей, заведемъ мѣльницу въ Тюфляхъ, и заживешь припѣваючи и пишучи свои записки. Жизнь моя въ П. Б. ни то ни сё. Заботы о жизни, мѣшаютъ мнѣ скучать. Но нѣтъ у меня досуга, [без] вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь въ свѣтѣ, жена моя въ большой модѣ—все это требуетъ денегъ. деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ уединенія.

Вотъ какъ разполагаю я моимъ будущимъ. Лѣтомъ послѣ родовъ жены, отправляю ее въ калужскую деревню къ сестрамъ, а самъ съѣзжу въ Нижній, да можетъ быть въ Астрахань. Мимоѣздомъ увидимся и наговоримся до сыта. Путешествіе нужно мнѣ нравственно и физически—

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину — Въ Москвѣ на Остоженкѣ въ приходѣ Воскресенія въ домѣ священника.

471.

М. П. Погодину.

5-го марта [1833 г. Петербургъ].
По секрету.

Вотъ въ чемъ дѣло: по уговору нашему, долго собирался я улучить время чтобъ выпро-

сить у Государя васъ въ сотрудники — Да все какъ-то неудавалось. Наконецъ на масленицѣ Царь заговорилъ какъ-то со мною о Петрѣ I, и я тутъ же и представилъ ему что трудиться мнѣ одному надъ Архивами не возможно, и что помощь просвѣщеннаго умнаго и дѣятельнаго Ученаго мнѣ необходима. Государь спросилъ кого же мнѣ надобно, и при вашемъ имени, было нахмурился—<опъ смѣшиваетъ васъ съ Полевымъ; извините великодушно; опъ литераторъ не весьма твердой хоть молодецъ, и славный царь>. Я коекакъ успѣлъ васъ отрекомендовать, а Д. Н. Блудовъ все поправилъ и объяснилъ что между вами и Полевымъ общаго только первый слогъ вашихъ фамилій—Къ сему присовокупился и благосклонный отзывъ Бенкендорфа — Такимъ образомъ дѣло слажено; и Архивы вамъ открыты <кромѣ тайнаго>. Теперь остается рѣшить на какомъ основаніи намѣрены вы приступить къ дѣлу: думаю, что вамъ надо требовать вашего адъюнктскаго жалованія, во все время вашихъ трудовъ—и только. А труды ваши не пропадутъ ни въ какомъ отношеніи. Ибо все елико можно будетъ напечатать, напечатаете вы и для себя; [всѣ труды ваши, совершенныя надъ] это будетъ вамъ и приятно, и выгодно. Сколько отдѣльныхъ книгъ можно составить тутъ! сколько творческихъ мыслей тутъ могутъ развиться! Съ вашей вдохновенной дѣятельностію, съ вашей чистой добросовѣстностію—Вы произведете такія чудеса, что мы и потомство наше будемъ *) за васъ Бога **) молить, какъ за Шлецера и Ломоносова.—

Напишите же мнѣ официальное письмо, которое могъ бы я показать Блудову; и я поспѣшу все здѣсь окончить—Ожидаю васъ съ распростертыми объятіями.

5 марта.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Михаилу Петровичу Погодину.

472.

Графу А. И. Чернышеву.

8-го марта 1833 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Графъ Александръ Ивановичь,

Доставленныя мнѣ по приказанію Вашего Сіятельства изъ Московскаго отдѣленія Инспекторскаго Архива книги получить имѣлъ я честь. Принося Вашему Сіятельству глубочайшую мою благодарность, осмѣливаюсь безпокоить Васъ еще одною просьбою; благосклонность и просвѣщенная снисходительность Вашего Сіятельства совсѣмъ избаловали меня.

Въ бумагахъ касательно Пугачева, полученныхъ мною предъ симъ, извѣстія о немъ доведены токмо до назначенія Генералъ-Аншефа Бибикова, но донесеній сего Генерала въ военную коллегію, также какъ и рапортовъ князя Голицына, Михельсона и самаго Суворова — тутъ не находится. Если угодно будетъ Вашему Сіятельству оныя донесенія и рапорты <съ января 1774 г. по конецъ того-же года> приказать мнѣ доставить, то почту сіе за истинное благодѣяніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, преданностію и благодарностію честь имѣю быть Милостивый Государь Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

8 марта
1833
С. П. Б.

473.

Пушкинъ князю В. Ѳ. Одоевскому.

[28-го марта 1833 г. Петербургъ].

Я надѣялся быть сегодня у Вашего Сіятельства и услышать Трагедію Г. Якимова — но невозможно. Мнѣ назначили дѣловое свиданіе къ 8 часамъ, и я жертвую Вами и Шекспиромъ подъяческимъ разговорамъ. Однако до свиданія.

Искренне Васъ уважающій
А. Пушкинъ.

На оборотѣ: M-r le Prince Odoevsky.

474.

А. П. Ермолову.

(Черновое).

[Конецъ марта—апрѣль 1833 г. Петербургъ].

Долго не рѣшался я обратиться къ В. В. съ просьбою о дѣлѣ [которое сильно меня интересуетъ боюсь безпокоить Васъ въ Вашемъ уединеніи незная] [столь] для меня важномъ. Знаю, что вы неохотно рѣшитесь ея исполнить, (но [подвиги Ваши суть достояніе отечества] и Ваша Слава принадлежитъ Россіи и Вы не вправѣ ея утаивать — [свои подвиги]—) Но собирая памятники отечественной исторіи [съ нетерпѣніемъ] напрасно ожидалъ я чтобы вышло наконецъ описаніе Вашихъ Закавказскихъ [войнъ] подвиговъ—[Загл....] [Шумъ 12-го года заглушаетъ еще въ Европѣ В. слав.] etc. До сихъ поръ [пожаръ Москвы и бѣгство Наполеона] походъ Наполеона затемняютъ и заглушаютъ все — и [одни] только нѣкоторые военные люди знаютъ, что въ то же самое время происходило на [отдален.] Востокѣ [Ваша сл.]. Обращаясь къ В. В. съ пр. etc. знаю, что вы etc., но Ваш. Сл. — Прошу Васъ [чтобы вы] дозволить мнѣ быть Вашимъ Историкомъ [если и] Если въ [праздности] праздные часы занялись вы славными воспоминаніями и оставили записки о своихъ войнахъ, то прошу Васъ удостоить меня чести быть Вашимъ издателемъ.— Если жъ [вы столь] по Вашему равнодушію къ [позв.] допустите.... исполнить то.... и даровать мнѣ [хотя краткое описаніе] [извѣстіе и] краткія необходимѣйшія свѣденія и...

---

*) Передѣлано изъ «буде*тъ*».
**) Передѣлано изъ «Бог*у*».

475.

И. Т. Калашникову.

(Черновое).

[Конецъ марта—апрѣль 1833 г. Петербургъ].

Искренно благодарю Васъ за письмо, коего Вы меня удостоили.—..... есть лучшая для.....

Вы спрашиваете моего . . . . . о К. . . Ѣ.— [Долгъ учтивости] . . . . . мнѣнія . . . . . показаться Вамъ долгомъ учтивости . . . . . повтор . . . . вамъ мнѣніе [. . . . .] критики, в . . . . безпристр. . . . . много таланта [и я никогда]. Прочитавъ Дочь . . . . . [Ничего . . . . . съ такимъ]. Ни одного изъ русск ром. [ничего ни одного] <не прочитывалъ я съ большимъ удовольствіемъ. — Камчадалка не ниже вашего перваго произведенія— [а того . . . . . и надобно]—сколько я могъ замѣтить, часть . . . . . которая будетъ отлична не по объяв . . . . газетъ [?] а по . . . . . газетъ . . полюбила васъ и съ . . . . . и радушіемъ приняла обѣ Ваши [книги] піесы— Послѣ этого не тревожьтесь мнѣніемъ П., онъ [конечно] человѣкъ [смышленый неглупый] образованный и смыш . . . . . что онъ не литераторъ [онъ не имѣетъ ни свѣдѣній]— какъ писатель онъ не . . . . . таланта, [какъ историкъ никакой учености], какъ критикъ . . . . . достоянія . . . . . ошибокъ . . . . . противорѣчія . . . . . упалъ . . . . . Романа его я не читалъ [но читалъ его Исторію] по судя по его Исторіи знаю какъ [что] онъ долженъ быть ниже Камчадалки и Доч. Ж.

[Любовь] Публика его любитъ единственно за его дерзость и потому что [всегда глупцамъ] [человѣкъ который бранитъ все и всѣхъ] глупцы [всегда] съ благоговѣніемъ слушаютъ человѣка который смѣло все бранитъ, и думаютъ: то-то умникъ!—

476.

П. А. Осиповой.

[13-го или 14-го мая 1833 г. Петербургъ].

Наверху рукой Осиповой (?): recu le 20 Mai 1833.

Pardon, mille fois Pardon, chère Парасковья Александровна, si j'ai tardé à vous remercier pour votre bien aimable lettre et pour son interessante vignette. Des embarras de toutes espèces m'en ont empêché. Je ne sais quand j'aurois le bonheur de me presenter à Trigorsky, mais j'en meurs d'envie. Petersbourg ne me convient nullement, ni mes gouts, ni ma fortune ne peuvent s'en accomoder. Mais durant 2 ou trois ans il faudra patienter. Ma femme vous fait dire mille amitiés ainsi qu'à Анна Николаевна. Ma fille nous a donné de l'inquietude pendant ces cinq ou six jours. Je suppose qu'elle fait ses dents. Elle n'en a pas une seule jusqu'à present. On a beau se dire que tout le monde a passé par là, mais ces créatures sont si frêles, qu'il est impossible de ne pas trembler en les voyant souffrir. Mes Parents viennent d'arriver de Moscou. Ils comptent venir à Михайловское vers le mois de Juillet. Je voudrois bien être du voyage.

На оборотѣ: Ея Высокородію М. Г. Прасковьи Александровнѣ Осиповой. Во Псковъ.—

А. О. СМИРНОВА.

477.

П. И. Соколову.

(Черновое).

[Вторая половина мая 1833 г. Петербургъ].

Получивъ отъ Ваш. Пр. извѣщеніе о выборѣ Г. Сен. Бар. въ члены Росс. Акад., спѣшу [по требованію Вашему] доставить Вамъ избират. свой голосъ — Съ глубоч. . . . .

478.

Г. И. Спасскому.

[Іюнь—іюль 1833 г.] Вторникъ. Черная Рѣчка.

Милостивый Государь

Григорій Ивановичъ.

Осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Мнѣ сказывали, что у васъ находится любопытная рукопись Рычкова, касающаяся временъ Пугачева. Вы оказали бы мнѣ истинное благодѣяніе, если бъ позволили пользоваться нѣсколько дней сею драгоцѣнностію. Будьте увѣрены, что я возвращу вамъ ее во всей исправности и при первомъ вашемъ возтребованіи.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашъ покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

Черная Рѣчка,
Вторникъ.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Григорію Ивановичу Спасскому.

(Черновое).

Осмѣливаюсь обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбою. Мнѣ сказывали, что у васъ находится любопытная рук. Рычк. о времени

Пуг. [Я. Мнѣ было] Вы оказали бы мнѣ истинное благодѣяніе если бы позволили пользоваться нѣсколько дней сею драгоцѣнностію. Будьте увѣрены, что [она] я возвращу Вамъ ее въ цѣлости и при первомъ Вашемъ возтребованіи.

Съ ист. и пр.

479.

Барону М. А. Корфу.

[Первая половина іюля 1833 г. Петербургъ].

Сейчасъ былъ у Смирдина и кажется дѣло сдѣлано. Н. М. можетъ пріѣхать къ нему для окончательныхъ условій: я бы совѣтовалъ ему справиться сперва о томъ, что̀ берутъ обыкновенно за переводы à tout la feuille, и требовать ту же цѣну; такимъ образомъ онъ вѣрно получитъ болѣе, нѣжели условясь брать годовую плату. Въ случаѣ какого нибудь затрудненія пусть онъ разполагаетъ мною, я готовъ ему служить отъ всей души.

Радуюсь что на твое дружеское письмо могъ отвѣчать удовлетворительно и исполнить твое приказаніе. Сердечно благодарю за поздравленія. Весь твой Александръ Пушкинъ.

Пятница.

На оборотѣ: Его Превосходительству Милостивому Государю Модесту Андреевичу барону Корфу.

480.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(Черновое).

[22-го іюля 1833 г. Черная Рѣчка].

Mon Gen.

Les circonstances m'obligent à aller bientôt passer 2 ou 3 mois [sur] dans mes terres de Nijni Novg.—Je voudrais en profiter pour faire un tour à Orenbourg — et Perm que je [n'ai] ne..., pas encore—Je supplie S. M. de me permettre de voir les Archives de ces deux gouvernements—

481.

А. А. Ананьину.

26-го іюля [1833 г. Черная Рѣчка].

Милостивый Государь

Александръ Андреевичь

Бывъ у Васъ и не имѣвъ удовольствія застать Васъ дома, на всякой случай беру съ собой письмо. Я собираюсь въ деревню Вы изволили обнадежить меня что около нынѣшняго времени можно мнѣ будетъ получить отъ Васъ еще 2000 р. По моему щету мнѣ болѣе 1500 р. ненадобно. Смирдинъ готовъ въ нихъ поручиться. Буду ожидать отвѣта Вашего черезъ городскую почту если неугодно будетъ прислать его ко мнѣ въ городъ. Я живу на черной рѣчкѣ на Миллеровой дачѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью честь имѣю быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

26 іюля.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Александру Андреевичу Ананьину.

482.

А. Н. Мордвинову.

30-го іюля [1833 г.]. Черная Рѣчка.

Милостивый Государь

Александръ Николаевичь,

Спѣшу отвѣтствовать со всею искренностію на вопросы Вашего Превосходительства.

Въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ занимался я одними историческими изысканіями, не написавъ ни одной строчки чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія, но что дѣлать? они одни доставляютъ мнѣ независимость и способъ проживать съ моимъ семействомъ въ Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря Государя, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную.

Можетъ быть Государю угодно знать, какую имянно книгу хочу я дописать въ деревнѣ: это романъ, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему хотѣлось-бы мнѣ посѣтить обѣ сіи губерніи.

Повторяю, что кромѣ жалованія, опредѣленнаго мнѣ щедростію Его Величества, нѣтъ у меня постояннаго дохода; между тѣмъ жизнь въ столицѣ дорога и съ умноженіемъ моего семейства умножаются и разходы.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

30 іюля
Черная рѣчка.

(Черновое).

Мнѣ [право совѣстно да] и самому бы не хотѣлось [заниматься] тратить время на суетныя занятія [журналами] но что дѣлать они одни доставляютъ мнѣ независимость и способъ оставаться съ моей семьей въ П. Б., гдѣ труды мои имѣютъ цѣль болѣе высшую и болѣе полезную.

483.

Н. Н. Пушкиной.

[Вторая половина августа 1833 г. Торжокъ].

Милая женка, вотъ тебѣ подробная моя Одисея. Ты помнишь, что отъ тебя уѣхалъ я въ самую бурю. Приключенія мои начались у Троицкаго мосту—Нева такъ была высока, что мостъ стоялъ дыбомъ: верёвка была протянута, и полиція не пускала экипажей. Чуть было не во-

ротился я на Черную рѣчку. Однако переправился черезъ Неву выше и выѣхалъ изъ Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту такъ и валялись, я насчиталъ ихъ съ пятьдесятъ. Въ лужицахъ была буря. Болота волновались бѣлыми волнами. По счастію, вѣтеръ и дождь гнали меня въ спину, и я преспокойно высидѣлъ все это время. Что-то было съ вами, Петербургскими жителями? Не было-ли у васъ новаго наводненія? что, если и это я прогулялъ? досадно было бы. На другой день погода прояснилась. Мы съ Соболевскимъ шли пѣшкомъ 15 верстъ, убивая по дорогѣ змѣй, которыя обрадовались съдуру солнцу и выползали па песокъ. Вчера прибыли мы благополучно въ Торжокъ, гдѣ Соболевскій свирѣпствовалъ за нечистоту бѣлья. Сегодня проснулись въ 8 часовъ, завтракали славно и теперь отправляюсь въ сторону, въ Ярополецъ, а Соболевскаго оставляю наединѣ съ швейцарскимъ сыромъ. Вотъ, мой Ангелъ, подробный отчетъ о моемъ путешествіи. Ямщики закладываютъ коляску шестерней, стращая меня грязными проселочными дорогами. Коли не утону въ Лучѣ, подобно Анрепу, буду писать тебѣ изъ Ярополъца. Отъ тебя буду надѣяться письма въ Синбирскѣ. Пиши мнѣ о твоей грудницѣ и о прочемъ. Машу не балуй, а сама береги свое здоровье. Не кокетничай 26-го. Да бишь! не съ кѣмъ. Однако, все-таки не кокетничай. Кланяюсь и цалую ручку съ Ермоловской нѣжностію Катеринѣ Ивановнѣ. Тебя цалую крѣпко и всѣхъ васъ благословляю, тебя, Машку и Сашку.

Кланяйся Вяземскому; когда увидишь, скажи ему, что мнѣ буря помѣшала съ нимъ проститься и поговорить объ Альманахѣ, о которомъ буду хлопотать дорогою.

А. О. СМИРНОВА.
Портретъ Винтергальтера.

На оборотѣ: Наталіи Николаевнѣ Пушкиной, въ Санктпетербургъ, на Черной Рѣчкѣ, на дачѣ Миллера.

Штемпель: 21 Авг.

484.

Н. Н. Пушкиной.

[23-го августа 1833 г. Павловское].

Ты не угадаешь, мой Ангелъ, откуда я къ тебѣ пишу: изъ Павловскаго, между Берновымъ и Малинниковъ, о которыхъ вѣроятно я тебѣ много разсказывалъ. Вчера, сворота на проселочную дорогу къ Ярополцу, узнаю съ удовольствіемъ, что проѣду мимо Вульфовыхъ помѣстій, и рѣшился ихъ посѣтить. Въ 8 часовъ вечера пріѣхалъ я къ доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мнѣ, какъ родному. Здѣсь я нашелъ большую перемѣну. Назадъ тому 5 лѣтъ Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями, но уланы переведены, а барышни разъѣхались; изъ старыхъ моихъ пріятельницъ нашелъ я одну бѣлую кобылу, на которой и съѣздилъ въ Малинники; но и та ужъ подо мною не пляшетъ, не бѣсится, а въ Малинникахъ вмѣсто всѣхъ Анетъ, Евпраксій, Сашъ, Машъ etc., живетъ управитель Парасковіи Александровны Рейхманъ, который поподчивалъ меня шнапсомъ. Вельяшева, мною нѣкогда воспѣтая, живетъ здѣсь въ сосѣдствѣ; но я къ ней не поѣду, зная, что тебѣ было бы это не по сердцу. Здѣсь объѣдаюсь я вареньемъ и проигралъ три рубля въ двадцать четыре роббера въ вистъ. Ты видишь, что во всѣхъ отношеніяхъ я здѣсь безопасенъ. Много спрашиваютъ меня о тебѣ: такъ же ли ты хороша, какъ сказываютъ, и какая ты: брюнетка или блондинка, худинькая или плотненькая? Завтра чѣмъ свѣтъ отправляюсь въ Ярополицъ, гдѣ пробуду нѣсколько часовъ, и отправлюсь въ Москву, гдѣ, кажется, долженъ буду остаться дня три. Забылъ я тебѣ сказать, что въ Ярополцѣ <виноватъ: въ Торжкѣ> толстая m-lle Pojarsky, та самая, которая варитъ славный квасъ и жаритъ славныя котлеты, провожая меня до воротъ своего трактира, отвѣчала мнѣ на мои нѣжности: стыдно вамъ замѣчать чужія красоты, у васъ у самого такая красавица, что я, встрѣтя ее <?>, ахнула. А надобно тебѣ знать, что M-lle Pojarsky—ни дать ни взять m-me George, только немного постарѣ. Ты видишь, моя женка, что слава твоя разпространилась по всѣмъ уѣздамъ. Довольна ли ты? будьте здоровы всѣ, помнитъ ли меня Маша, и нѣтъ ли у ней новыхъ затѣй? Прощай, моя плотнинькая брюнетка <что ли?>. Я веду себя хорошо, и тебѣ не за что на меня дуться.

Письмо это застанетъ тебя послѣ твоихъ имянинъ. Глядѣлась-ли ты въ зеркало, и увѣрилась-ли ты, что съ твоимъ лицомъ ничего сравнить нельзя на свѣтѣ, а душу твою люблю я еще болѣе твоего лица. Прощай, мой ангелъ, цалую тебя крѣпко.

На оборотѣ: Наталіи Николаевнѣ Пушкиной, въ Санкпетербургъ, на Черной Рѣчкѣ, на дачѣ Миллера.

Штемпель: Москва 26 Августа.

485.

Н. Н. Пушкиной.

26-го августа [1833 г.]. Москва.

Поздравляю тебя со днемъ твоего Ангела, мой Ангелъ, цалую тебя заочно въ очи—и пишу тебѣ продолженіе моихъ похожденій изъ антре-

солей вашего Никитскаго дома, куда прибылъ я вчера благополучно изъ Яропольца. Въ Ярополецъ пріѣхалъ я въ середу поздно. Наталья Ивановна встрѣтила меня, какъ нельзя лучше. Я нашелъ ее здоровою, хотя подлѣ нее лежала палка, безъ которой далеко ходить не можетъ. Четвергъ я провелъ у нее. Много говорили о тебѣ, о Машкѣ и о Кат. Ив.—Мать, кажется, тебя къ ней ревнуетъ; но, хотя она по своей привычкѣ и жаловалась на прошедшее, однако съ меньшей уже горечью. Ей очень хотѣлось бы, чтобъ ты будущее лѣто провела у нее. Она живетъ очень уединенно и тихо въ своемъ разоренномъ дворцѣ и разводитъ огороды надъ прахомъ твоего прадѣдушки Дорошенки, къ которому ходилъ я на поклоненіе. Сем. Фед., съ которымъ мы большіе приятели, водилъ меня на его гробницу и показывалъ мнѣ прочія достопамятности Яропольца. Я нашелъ въ домѣ старую библіотеку, и Нат. Ив. позволила мнѣ выбрать нужныя книги. Я отобралъ ихъ десятка три, которыя къ намъ и прибудутъ съ вареньемъ и наливками. Такимъ образомъ набѣгъ мой на Ярополецъ былъ вовсе не напрасенъ.

Теперь, женка, послушай, что дѣлается съ Дм. Ник. Онъ, какъ владѣтельный принцъ, влюбился въ Гр. Н. Черн. по портрету, услыша, что она дѣвка плотная, чернобровая и румяная. Два раза ѣздилъ онъ въ Ярополецъ въ надеждѣ ее увидѣть, и въ самомъ дѣлѣ ему удалось застать ее въ церкви. Вотъ онъ и полѣзъ на стѣны. Пишетъ изъ Заводовъ, что онъ безъ памяти отъ la charmante et divine comtesse, что онъ ночи не спитъ, et que son charmant image etc., и непремѣнно требуетъ отъ Нат. Ив., чтобъ она просватала за него la charmante et divine comtesse. Нат. Ив. поѣхала къ Кругликовой и выполнила комиссію. Позвали la divine et charmante, которая отказала на-отрѣзъ. Нат. Ив. безпокоится о томъ, какое дѣйствіе произведетъ эта вѣсть. Я полагаю, что онъ ее застрѣлится. Какъ ты думаешь? А надобно тебѣ знать, что онъ дѣло затѣялъ еще зимою и очень подозрѣвалъ la divine et charmante comtesse въ склонности къ Муравьеву <святому>; для сего онъ со всевозможною дипломатическою тонкостію пришелъ однажды спросить его, какъ Скотининъ у своего племянника: Митрофанъ, хочешь ли ты жениться? Видишь, какой плутъ! и намъ ничего не сказалъ. Муравьевъ отвѣчалъ ему, что скорѣй онъ будетъ монахомъ, а братъ и обрадовался, и ну просить у Графини son coeur et sa main, увѣряя ее письменно qu'il n'est plus dans son assiette ordinaire. Я помиралъ со смѣху, читая его письмо, и жалѣю, что не выпросилъ его для тебя.

Изъ Яроп. выѣхалъ я ночью и пріѣхалъ въ Москву вчера въ полдень. Отецъ меня не принялъ. Говорятъ, онъ довольно тихъ. Нащокинъ сказывалъ мнѣ, что деньги Юрьева къ тебѣ посланы. Теперь я покоенъ. Соболевскій здѣсь incognito прячется отъ заимодавцевъ, какъ настоящій Gentleman, и скупаетъ свои векселя. Дорогой велъ онъ себя порядочно и довольно вѣрно исполнилъ условія, мною ему поднесенныя, а именно: 1) платить прогоны пополамъ, не общитывая товарища. 2) Не ..... ни явнымъ, ни тайнымъ образомъ, развѣ во снѣ и то ночью, а не послѣ обѣда. Въ Москвѣ пробуду я нѣсколько времени, то есть два или три дня. Коляска требуетъ подправокъ. Дороги проселочныя были скверныя; меня насилу тащи. и шестерней. Въ Казани буду я около третьяго. Оттолѣ ѣду въ Симбирскъ. Прощай, береги себя. Цалую всѣхъ васъ. Кланяйся Кат. Ивановнѣ.

486.

Н. Н. Пушкиной.

[27-го августа 1833 г. Москва].

Вчера были твои имянины, сегодня твое рожденіе. Поздравляю тебя и себя, мой Ангелъ. Вчера пилъ я твое здоровье у Киреевскаго съ Шевыревымъ и Соболевскимъ; сегодня буду пить у Суденки. Ѣду послѣ завтра—прежде не будетъ готова моя коляска. Вчера, пріѣхавъ поздно домой, нашелъ я у себя на столѣ карточку Булгакова, отца красавицъ, и приглашеніе на вечеръ. Женя его была также имянинница. Я не поѣхалъ, за неимѣніемъ бальнаго платья и за небритіе усовъ, которые отрощаю въ дорогу. Ты видишь, что въ Москву мудрено попасть и не поплясать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бѣдна Москва. Даже извощиковъ мало на ея скучныхъ улицахъ. На Тверскомъ бульварѣ попадаются двѣ-три салопницы, да какой нибудь студентъ въ очкахъ и въ фурашкѣ, да кн. Шаликовъ. Былъ я у Погодина, который, говорятъ, женатъ на красавицѣ. Я ея не видалъ и не могу всеподданнѣйше о ней тебѣ донести. Нащокина не видалъ цѣлый день. Чадаевъ потолстѣлъ, похорошѣлъ и поздоровѣлъ. Здѣсь Раевскій Николай, Ни онъ, ни братъ его не умирали, а умеръ какой-то бригадиръ Раевскій. Скажи Вяземскому, что умеръ тезка его, князь Петръ Долгорукой, получивъ какое-то наслѣдство, и не успѣлъ его промотать въ Англ. клобѣ, о чемъ здѣшнее общество весьма жалѣетъ. Въ Клобѣ я не былъ—чуть ли я не исключенъ, ибо позабылъ возобновить свой билетъ. Надобно будетъ заплатить 300 рублей штрафу, а я весь Англійскій Клобъ готовъ продать за 200. Здѣсь Орловъ, Бобринскій и другіе мои старыя знакомыя. Важная новость: французскія вывѣски, уничтоженныя Растопчинымъ въ годъ, когда ты родилась, появились опять на Кузнецкомъ Мосту. По своему обыкновенію, бродилъ я по книжнымъ лавкамъ и ничего путнаго не нашелъ. Книги, взятыя мною въ дорогу, перебились и перетерлись въ сундукѣ. Отъ этого я такъ сердитъ сегодня, что не совѣтую Машкѣ капризничать и воевать съ нянею: прибью. Цалую тебя. Кланяюсь теткѣ.—Благословляю Машку съ Сашкой.

487.

Н. Н. Пушкиной.

[2-го сентября 1833 г. Нижній-Новгородъ].

Передъ отъѣздомъ изъ Москвы я не успѣлъ тебѣ писать. Нащокинъ провожалъ меня шампанскимъ, жженкой и молитвами. Каретникъ насилу выдалъ мнѣ коляску; нѣтъ мнѣ щастія съ каретниками. Дорога хороша, но подъ Москвою нѣтъ лошадей—я повсюду ждалъ нѣсколько часовъ и насилу дотащился до Нижняго сегодня, т. е. въ пятыя сутки. Успѣлъ только съѣздить въ баню, а объ городѣ скажу только тебѣ: les rues sont larges et bien pavées, les maisons bien bâties.

ѣду на ярманку, которая свои послѣднія штуки показываетъ, а завтра отправляюсь въ Казань.

Мой Ангелъ, кажется, я глупо сдѣлалъ, что оставилъ тебя и началъ опять кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя теребятъ за долги, — Параша, поваръ, извощикъ, аптекарь, m-me Zichler etc., у тебя не хватаетъ денегъ, Смирдинъ передъ тобой извиняется, ты безпокоишься,—сердишься на меня—и по дѣломъ. А это еще хорошая сторона картины—что, если у тебя опять нарывы, что, если Машка больна? А другія, непредвидѣнныя случаи?... Пугачевъ не стоитъ этого; того и гляди, я на него плюну—и явлюсь къ тебѣ.—Однако буду въ Синбирскѣ и тамъ ожидаю найти писемъ отъ тебя. Ангелъ мой, если ты будешь умна, т. е. здорова и спокойна, то я тебѣ изъ деревни привезу товару на сто рублей, какъ говорится. Что у насъ за погода! дни жаркіе, съ утра маленькіе морозы—роскошь! такъ ли у васъ? Гуляешь ли ты по Черной Рѣчкѣ или еще взаперти? Во всякомъ случаѣ береги себя. Скажи теткѣ, что хоть я и ревную ее къ тебѣ, но прошу Христомъ и Богомъ тебя не покидать и глядѣть за тобою. Прощайте, дѣти, до Казани. Цалую всѣхъ васъ равно крѣпко—тебя въ особенности.

На оборотѣ: Наталіи Николаевнѣ Пушкиной, въ Санктпетербургѣ. на Черной Рѣчкѣ, на дачѣ Миллера.

Штемпель: Нижній, 2 Сент.

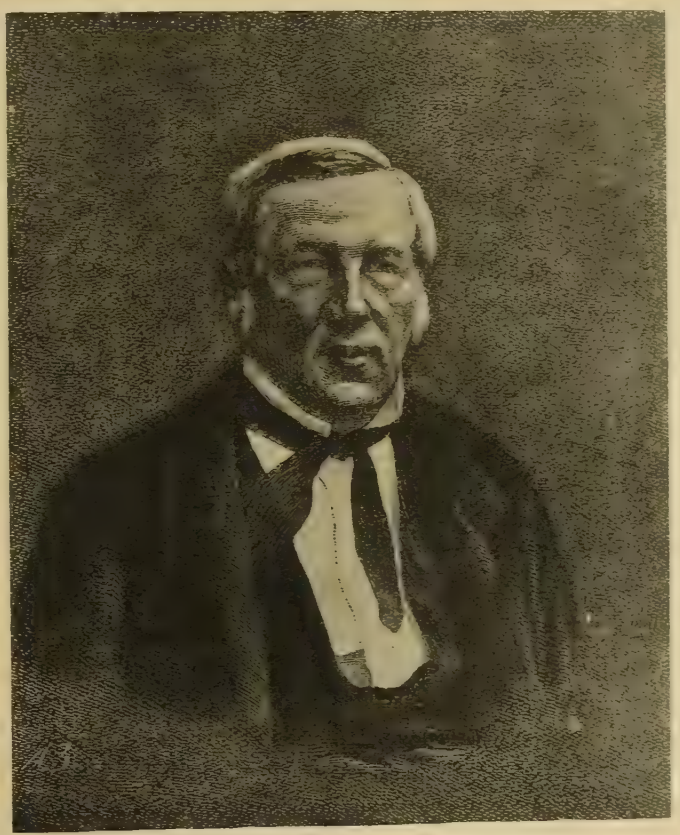
488.

Н. Н. Пушкиной.

[2 сентября 1833 г. Нижній-Новгородъ].

Мой Ангелъ, я писалъ тебѣ сегодня, выпрыгнувъ изъ коляски и одурѣвъ съ дороги. Ничего тебѣ не сказалъ и ни о чемъ всеподданнѣйше не донесъ. Вотъ тебѣ отчетъ съ самаго Натальина дня. Утромъ поѣхалъ я къ Булгакову извиняться и благодарить, а между тѣмъ и выпросить листъ для смотрителей, которыя очень мало меня уважаютъ, не смотря на то, что я пишу прекрасные стишки. У него засталъ я его дочерей и Всеволожскаго le coeur, который скачетъ изъ Казани къ вамъ въ П. Б. Они звали меня на вечеръ къ Пашковымъ на дачу,—я не поѣхалъ, жалѣя своихъ усовъ, которые только лишь ощетинились. Обѣдалъ у Суденки, моего приятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь и онъ женатъ, и онъ сдѣлалъ двухъ ребятъ, и онъ пересталъ играть; но у него 125,000 доходу, а у насъ, мой Ангелъ, это — впереди. Жена его тихая, скромная, не-красавица. Мы отобѣдали втроемъ, и я, безъ церемоніи, предложилъ здоровье моей имянинницы, и выпили мы всѣ, не морщась, по бокалу шампанскаго. Вечеръ у Пашокина, да какой вечеръ! шампанское, лафитъ, зазженный пуншъ съ ананасами—пью за твое здоровье, красота моя. На другой день въ книжной лавкѣ встрѣтилъ я П. Раевскаго.—Sacré chien, сказалъ онъ мнѣ съ нѣжностію: pourquoi n'êtes vous pas venu me voir?—Animal, отвѣчалъ я ему съ чувствомъ: qu'avez vous fait de mon manuscript petit-russien? Послѣ сего поѣхали мы вмѣстѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, онъ—держа меня за воротъ всенародно, чтобъ я не выскочилъ изъ коляски. Отобѣдали вмѣстѣ глазъ на глазъ <виноватъ: втроемъ съ бутылкой мадеры>. Потомъ, для разнообразія жизни, провелъ опять вечеръ у Пашокина; на другой день онъ задалъ мнѣ прощальный обѣдъ, со стерледями и съ жженкой, усадили меня въ коляску, и я выѣхалъ на большую дорогу.

Ухъ, женка, страшно! теперь слѣдуетъ важное признанье. Сказать ли тебѣ словечко, утерпитъ ли твое сердечко? Я нарочно тянулъ письмо разсказами о московскихъ моихъ обѣдахъ, чтобъ какъ можно позже дойти до сего роковаго мѣста: ну, такъ ужъ и быть, узнай, что на второй станціи, гдѣ не давали мнѣ лошадей, встрѣтилъ я нѣкоторую городничиху, ѣдущую съ теткой изъ Москвы къ мужу, и обижаемую на всѣхъ станціяхъ. Она приняла меня весьма дурно и на разнѣвъ начала меня усовѣщевать и уговаривать: какъ вамъ не стыдно? на что это похоже? двѣ тройки стоятъ на конюшнѣ, а вы мнѣ ни одной со вчерашняго дня не даете. — Право? сказалъ я и пошелъ взять эти тройки для себя. Городничиха, видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и такъ меня тронула, что я уступилъ ей одну тройку, на которую имѣла она всевозможныя права, а самъ нанялъ себѣ другую, т. е. третью, и уѣхалъ. Ты подумаешь: ну, это еще не бѣда. Постой, женка, еще не все. Городничиха и тетка такъ были восхищены моимъ рыцарскимъ поступкомъ, что рѣшились отъ меня



С. А. СОБОЛЕВСКІЙ.

не отставать и путешествовать подъ моимъ покровительствомъ, на что я великодушно и согласился. Такимъ образомъ и доѣхали мы почти до самаго Нижняго—онѣ отстали за 3 или 4 станціи—и я теперь свободенъ и одинокъ. Ты спросишь, хороша ли городничиха? Вотъ то-то что не хороша, ангелъ мой Таша, о томъ-то я и горюю.—Уфъ! кончилъ. Отпусти и помилуй.

Сегодня былъ я у Губернатора, ген. Бутурлина. Онъ и жена его приняли меня очень мило и ласково; онъ уговорилъ меня обѣдать завтра у него. Ярманка кончилась. Я ходилъ по опустѣлымъ лавкамъ. Онѣ сдѣлали на меня впечатлѣнія бальнаго разъѣзда, когда карета Гончаровыхъ ужъ уѣхала. Ты видишь, что несмотря на городничиху и ея тетку—я все еще люблю Гончарову Наташу, которую заочно цалую куда ни попало. Addio mia bella, idol mio, mio bel tesoro quando mai ti riverrò.

489.

Н. Н. Пушкиной.

8-го сентября [1833 г.]. Казань.

Казань, 8 сентября.—Мой Ангелъ, здраствуй. Я въ Казани съ 5, и до сихъ поръ не имѣлъ время тебѣ написать слова. Сейчасъ ѣду въ Синбирскъ, гдѣ надѣюсь найти отъ тебя письмо. Здѣсь я возился со стариками, современниками моего героя, объѣзжалъ окрестности города, осматривалъ мѣста сраженій, разпрашивалъ, записывалъ и очень доволенъ, что не напрасно посѣтилъ эту сторону. Погода стоитъ прекрасная, чтобъ не сглазить только. Надѣюсь до дождей объѣхать все, что предполагалъ видѣть, и въ концѣ сент. быть въ деревнѣ. Здорова ли ты? здоровы ли всѣ вы? Дорогой я видѣлъ годовую дѣвочку, которая бѣгаетъ на карачкахъ, какъ котенокъ, и у которой уже два зубка. Скажи это Машкѣ. Здѣсь Баратынскій—вотъ, онъ ко мнѣ входитъ. До Синбирска. Я буду говорить тебѣ о Казани подробно—теперь некогда.—Цалую тебя

На оборотѣ: Наталіи Николаевнѣ Пушкиной, въ Санктпетербургѣ, на Черной Рѣчкѣ, на дачѣ Миллера.

Штемпель: Казань 11 Сент.

490.

А. А. Фуксъ.

[8-го сентября 1833 г. Казань].

Милостивая государыня

Александра Андреевна!

Съ сердечной благодарностью посылаю вамъ мой адресъ и надѣюсь, что обѣщаніе ваше пріѣхать въ Петербургъ не есть одно любезное привѣтствіе. Примите, Милостивая Государыня, изъявленіе моей глубокой признательности за ласковый пріемъ путешественнику, которому долго памятно будетъ минутное пребываніе его въ Казани.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть и проч.

491.

Н. Н. Пушкиной.

12-го сентября [1833 г.]. Село Языково, 65 верстъ отъ Симбирска.

Пишу тебѣ изъ деревни поэта Языкова, къ которому заѣхалъ и не нашелъ дома. Третьяго дня прибылъ я въ Синбирскъ и отъ Загряжскаго принялъ отъ тебя письмо.—Оно обрадовало меня, мой Ангелъ, но я все-таки тебя побраню.—У тебя нарывы, а ты пишешь мнѣ четыре страницы кругомъ.—Какъ тебѣ не совѣстно! Не могла ты мнѣ сказать въ четырехъ строчкахъ о себѣ и о дѣтяхъ? —Ну, такъ и быть,—Дай Богъ теперь быть тебѣ здоровой. — Я радъ, что Сергѣй Ник. будетъ съ тобою, онъ очень милъ и тебѣ не надоѣстъ. Объ Ив. Ник. говорить нѣчего. Надѣюсь, что свадьба разстроится. По всему видно, что все семейство воспользовалось разстроеннымъ его состояніемъ, чтобъ заманить его въ сѣти.—Вѣроятно и начальство, если дѣло дойдетъ до начальства, приметъ это въ соображеніе.—Должно будетъ поплатиться деньгами. Если дѣвица не брюхата, то бѣда еще не велика, а съ отцемъ и съ дядей-башмачникомъ дуэля, кажется, не будетъ. Если домъ удобенъ, то нечего дѣлать, бери его—но ужъ, по крайней мѣрѣ, усиди въ немъ.—Меня очень безпокоятъ твои обстоятельства, денегъ у тебя слишкомъ мало. Того и гляди, сдѣлаешь новые долги, не разплотясь со старыми. Я путешествую, кажется, съ пользою, но еще не на мѣстѣ и ничего не написалъ. И сплю и вижу пріѣхать въ Болдино и тамъ запереться.

Изъ Казани написалъ я тебѣ нѣсколько строчекъ—некогда было. Я таскался по окрестностямъ, по полямъ, по кабакамъ и попалъ на вечеръ къ одной blue stockings, сорокалѣтней несносной бабѣ, съ вощеными зубами и съ ногтями въ грязи. Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двести, какъ ни въ чемъ не бывало. Баратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ разхвалилъ ея красоту и геній. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду ей написать въ альбомъ—но Богъ помиловалъ; однако она взяла мой адресъ и стращаетъ меня перепискою и пріѣздомъ въ П. Б., съ чѣмъ тебя и поздравляю. Мужъ ея, умный и ученый нѣмецъ, въ нее влюбленъ и въ изумленіи отъ ея генія; однако онъ одолжилъ меня очень, и я радъ, что съ нимъ познакомился. Сегодня ѣду въ Синбирскъ, отобѣдаю у губернатора, а къ вечеру отправлюсь въ Оренбургъ—послѣдняя цѣль моего путешествія.

Здѣсь я нашелъ старшаго брата Языкова, человѣка чрезычайно замѣчательнаго и котораго готовъ я полюбить, какъ люблю Плетнева или Нащокина. Я провелъ съ [нимъ] вечеръ и оставилъ его для тебя, а теперь оставляю тебя для него.—Прости, Ангелъ женка. Цалую тебя и всѣхъ васъ—благословляю дѣтей отъ сердца. Береги себя. Я радъ, что ты не брюхата.—Кланяюсь Кат. Ив. и брату С.

Пиши мнѣ въ Болдино.

492.

Н. Н. Пушкиной.

14-го [сентября 1833 г.]. Симбирскъ.

Симбирскъ, 14 — Опять я въ Синбирскѣ. Третьяго дня, выѣхавъ ночью, отправился я къ Оренбургу. Только выѣхалъ на большую дорогу, заяцъ перебѣжалъ мнѣ ее, Чортъ его побери, дорого бы далъ я, чтобъ его затравить.—На третій станціи стали закладывать мнѣ лошадей—гляжу: нѣтъ ямщиковъ — одинъ слѣпъ, другой пьянъ и спрятался.—Пошумѣвъ изо всей мочи, рѣшился я возвратиться и ѣхать другой дорогой; по этой на станціяхъ вездѣ по 6 лошадей, а почта ходитъ четыре раза въ недѣлю. Повезли меня обратно— я заснулъ—просыпаюсь утромъ—что же? не отъѣхалъ я и пяти верстъ. Гора—лошади не взвезутъ— около меня человѣкъ 20 мужиковъ. — Чортъ знаетъ, какъ Богъ помогъ—наконецъ взѣхали мы, и я воротился въ Синбирскъ. Дорого бы далъ я, чтобъ быть борзой собакой; ужъ этого зайца я бы отыскалъ.—Теперь ѣду опять другимъ трактомъ. —Авось безъ приключеній. Я все надѣялся, что получу здѣсь въ утѣшеніе хоть извѣстіе о тебѣ — анъ нѣтъ. Что ты, моя женка? Какова ты и дѣти? Цалую и благословляю васъ.—Пиши мнѣ часто и о всякомъ вздорѣ, до тебя касающемся. Кланяюсь теткѣ.

На оборотѣ: Ея Превосходительству, М. Г. Екатеринѣ Ивановнѣ Загряжской, въ Спб., въ Зимнемъ Дворцѣ, для дост. Н. Н. Пушкиной.

Штемпель: Симбирскъ, 14 сент.

493.

Н. Н. Пушкиной.

19-го сентября [1833 г.]. Оренбургъ.

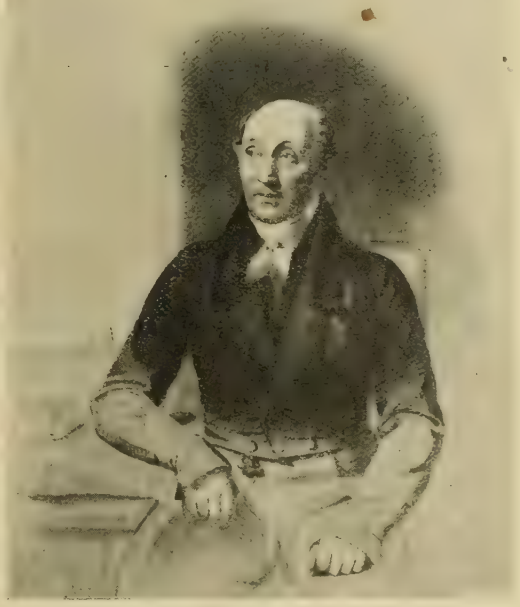
Оренбургъ, 19 сент.—Я здѣсь со вчерашняго дня. Насилу доѣхалъ—дорога прескучная, погода холодная, завтра ѣду къ яицкимъ казакамъ, пробуду у нихъ дни три—и отправлюсь въ деревню черезъ Саратовъ и Пензу.

Что, женка, скучно тебѣ? мнѣ тоска безъ тебя. Кабы не стыдно было, воротился-бы прямо къ тебѣ, ни строчки не написавъ. Да не льзя, мой Ангелъ,—взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ— то есть уѣхалъ писать, такъ пиши же романъ за романомъ, поэму за поэмой.—А ужъ чувствую, что дурь на меня находитъ—я и въ коляскѣ сочиняю; что жъ будетъ въ постелѣ? Одно меня сокрушаетъ: человѣкъ мой. Вообрази себѣ тонъ Московскаго канцеляриста, глупъ, говорливъ, черезъ день пьянъ, ѣстъ мои холодныя, дорожныя рябчики, пьетъ мою мадеру, портитъ мои книги и по станціямъ называетъ меня то Графомъ, то Генераломъ.—Бѣситъ меня, да и только. Свѣтъ-то мой Ипполитъ! Къ стати о Хамовомъ племени: какъ ты ладишь съ своимъ домомъ? боюсь, людей у тебя мало; не наймешь ли ты кого? На женщинъ надѣюсь, но съ мужчинами какъ тебѣ ладить? Все это меня безпокоитъ—я мнителенъ, какъ отецъ мой. Не говорю ужъ о дѣтяхъ. Дай Богъ имъ здоровья—и тебѣ, женка. Прощай, женка; —не жди отъ меня ужъ писемъ до самой деревни. Цалую тебя и васъ благословляю.

Какъ я хорошо веду себя! какъ ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не шиплю, съ калмычками не кокетничаю и надняхъ отказался отъ Башкирки, не смотря на любопытство, очень простительное путешественнику. Знаешь ли ты, что есть пословица: На чужой сторонкѣ и старушка Божій даръ. То-то, женка. Бери съ меня примѣръ.

На конвертѣ: Ея Превосходительству, М. Г. Екатеринѣ Ивановнѣ Загряжской, въ Спб., въ Зимнемъ Дворцѣ, для дост. Н. Н. Пушкиной.

Штемпель: Симбирскъ, 14 сент.



Графъ М. М. СПЕРАНСКІЙ.

494.

Н. Н. Пушкиной.

2-го октября [1833 г. Болдино].

Милый другъ мой, я въ Болдинѣ со вчерашняго дня — думалъ здѣсь найти отъ тебя письма и не нашелъ ни одного. Что съ вами? здорова ли ты? здоровы ли дѣти? сердце замираетъ, какъ подумаешь. Подъѣзжая къ Болдину, у меня были самыя мрачныя предчувствія, такъ что, не нашедъ о тебѣ никакого извѣстія, я почти обрадовался. Такъ боялся я недоброй вѣсти. Нѣтъ, мой другъ: плохо путешествовать женатому; то ли дѣло холостому! ни о чемъ не думаешь, ни о какой смерти не печалишься. Послѣднее письмо мое должна ты была получить изъ Оренбурга.—Оттуда поѣхалъ я въ Уральскъ.—Тамошній Атаманъ и козаки приняли меня славно, дали мнѣ два обѣда, подпили за мое здоровье, на перерывъ давали мнѣ всѣ извѣстія, въ которыхъ имѣлъ нужду, и накормили меня свѣжей икрой, при мнѣ изготовленной. При выѣздѣ моемъ <23 сентября> вечеромъ пошелъ дождь, первый по моемъ выѣздѣ. Надобно тебѣ знать, что нынѣшній [годъ] была всеобщая засуха, и что Богъ угодилъ на одного —меня, уготовя мнѣ вездѣ прекраснѣйшую дорогу. На возвратной же путь послалъ Онъ мнѣ этотъ дождь, и черезъ полчаса сдѣлалъ дорогу непроходимой.—Того мало: выпалъ снѣгъ, и я обновилъ зимній путь, проѣхавъ верстъ 50 на саняхъ. Проѣзжая мимо Языкова, я къ нему заѣхалъ, засталъ всѣхъ трехъ братьевъ, отобѣдалъ съ ними очень

весело, ночевалъ и отправился сюда. Въѣхавъ въ границы Болдинскія, встрѣтилъ я поповъ, и такъ же озлился на нихъ, какъ на Синбирскаго зайца. Не даромъ всѣ эти встрѣчи. Смотри, женка. Того и гляди, избалуешься безъ меня, забудешь меня—изкокетничаешься. Одна надежда на Бога да на тетку. Авось сохранятъ тебя отъ искушеній разсѣянности. Честь имѣю донести тебѣ, что съ моей стороны я передъ тобою чистъ, какъ новорожденный младенецъ. Дорогою волочился я за одними 70 и 80-лѣтними старухами. А на молоденькихъ з..... шестидесятилѣтнихъ и не глядѣлъ.

Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ 6 мѣсяцовъ, имѣлъ я une bonne fortune—нашелъ 75-лѣтнюю козачку, которая помнитъ это время, какъ мы съ тобою 1830 годъ. Я отъ пес не отставалъ, виноватъ, и про тебя не подумалъ. Теперь надѣюсь многое привести въ порядокъ, многое написать и потомъ къ тебѣ съ добычею.—Въ воскресеніе приходитъ почта въ Абрамово, надѣюсь письма—сегодня понедѣльникъ, недѣлю буду его ждать. Прости—оставляю тебя для Пугачева. Христосъ съ Вами, дѣти мои. Цалую тебя, женка—будь умна и здорова.

На оборотѣ: Ея Превосходительству, М. Г. Екатеринѣ Ивановнѣ Загряжской, въ Спб., въ Зимнемъ Дворцѣ, для дост. Н. Н. Пушкиной.

Штемпель: Лукояново. 4 окт.

495.

Н. Н. Пушкиной.

8-го октября [1833 г. Болдино].

Мой Ангелъ, сейчасъ получаю отъ тебя вдругъ два письма, первыя послѣ Синбирскаго. Какъ они дошли до меня, не понимаю: ты пишешь въ Нижегородскую Губ., въ село Абрамово, оттуда etc.—А объ уѣздѣ ни словечка. Не забудь, прибавлять: въ Арзамазскомъ уѣздѣ; а то чего добраго, въ Нижег. Губ. можетъ быть и не одно село Абрамово, такъ какъ не одно село Болдино. Двѣ вещи меня безпокоятъ: то, что я оставилъ тебя безъ денегъ, а можетъ быть и брюхатою; воображаю твои хлопоты и твою досаду; слава Богу, что ты здорова, что Машка и Сашка живы, и что ты, хоть и дорого, но домъ наняла. Не стращай меня, женка, не говори что ты изкокетничалась: я приѣду къ тебѣ, ничего не успѣвъ написать—а безъ денегъ сядемъ на мѣль. Ты ужъ лучше оставь ужъ меня въ покоѣ, а я буду работать и спѣшить. Вотъ ужъ недѣлю, какъ я въ Болдинѣ, привожу въ порядокъ мои записки о Пуг., а стихи пока еще спятъ. Коли царь позволитъ мнѣ Записки, то у насъ будетъ тысячъ 30 чистыхъ денегъ. Заплотимъ половину долговъ и заживемъ припѣваючи. Очень благодарю за новости и за сплетни. Коли увидишь Жуковскаго, поцѣлуй его за меня и поздравь съ возвращеніемъ и звѣздою; каково его здоровье? напиши. Карамзинымъ и Мещерскимъ мой сердечный поклонъ. Софьи Николаевнѣ объясни, что если я не былъ къ нимъ въ Дерптъ, то это единственно по недостатку прогоновъ, которыхъ не хватило на лишнихъ 500 верстъ. Я не писалъ имъ, полагая все приѣхать. Жаль, что ты Смирновой не видала; она должна быть уморительно смѣшна послѣ своей поѣздки въ Германію; Безобразовъ умно дѣлаетъ, что женится на К. Хилковой. Давно бы такъ. Лучше завести свое хозяйство, нежели волочиться весь свой вѣкъ за чужими женами и выдавать за свои чужіе стихи. Не кокетничай съ Соболевскимъ и не сердись на Нащокина: слава Богу, что онъ прислалъ 1500—а о 180 не жалѣй; плюнь, да и только. Что такое 50 р., присланные тебѣ моимъ отцомъ? ужъ не проценты ли 550, которыхъ онъ мнѣ долженъ? Чего добраго! Здѣсь мнѣ очень совѣтуютъ взять на себя наслѣдство Василья Львовича, и мнѣ хочется, но для этого нужны во первыхъ деньги, а во вторыхъ свободное время; а у меня ни того, ни другаго. Какова Краевская? недаромъ Отрѣжковъ за ней волочился. Не думалъ я попасть въ ея меморіи и такимъ образомъ достигнуть безсмертія. Кланяйся ей отъ меня, если ее увидишь. Да кланяйся и всѣмъ моимъ прелестямъ: Хитровой первой. Какъ она перенесла мое отсутствіе? Надѣюсь, съ твердостью, достойной дочери князя Кутузова. Такъ Фикельмоны приѣхали? радуюсь за тебя; какъ то, мой ангелъ, удадутся тебѣ балы? Въ самомъ дѣлѣ не забрюхатѣла-ли ты? Что ты за недотыка? Прощай, душа. Я что-то сегодня не очень здоровъ. Животикъ болитъ, какъ у Александрова. Цалую и благословляю всѣхъ васъ. Кланяюсь и отъ сердца благодарю тетку Катерину Ивановну за ея милые хлопоты. Прощай. 8 окт.

На оборотѣ: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Спб., у Пантелеймона, близъ Цѣпнаго моста, въ домѣ Оливье.

Штемпель: Лукояново, 10 октября.

496.

Н. Н. Пушкиной.

11-го октября [1833 г. Болдино].

Мой ангелъ, одно слово: съѣзди къ Плетневу, и попроси его, чтобъ онъ къ моему приѣзду велѣлъ переписать изъ Собранія Законовъ <год. 1774 и 1775 и 1773> всѣ указы, относящіеся къ Пугачеву. Не забудь.

Что твои обстоятельства? что твое брюхо? Не жди меня въ нынѣшній мѣсяцъ, жди меня въ концѣ ноября. Не мѣшай мнѣ, не стращай меня, будь здорова, смотри за дѣтьми, не кокетничай съ Царемъ, ни съ женихомъ княжны Любы. Я пишу, я въ хлопотахъ, никого не вижу—и привезу тебѣ пропасть всякой всячины.—Надѣюсь, что Смирдинъ акуратенъ.—Надняхъ пришлю ему стиховъ.—Знаешь ли, что обо мнѣ говорятъ въ сосѣднихъ губерніяхъ? Вотъ какъ описываютъ мои занятія: какъ Пушкинъ стихи пишетъ — передъ нимъ стоитъ штофъ славнѣйшей настойки — онъ хлопъ стаканъ, другой, третій — и ужъ начнетъ писать! — Это слава! Что касается до тебя, то слава о твоей красотѣ достигла до нашей попадьи, которая увѣряетъ, что ты всѣмъ взяла, не только лицомъ, да и фигурой. Чего тебѣ больше? Прости, цалую васъ и благословляю. Теткѣ цалую ручку. Говоритъ ли Маша? ходитъ ли? что зубки? Сашѣ подсвистываю.—Прощай. 11 окт.

На оборотѣ: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Спб., у Пантелеймона, близъ Цѣпнаго моста, въ домѣ Оливье.

Штемпель: Станція Абрамово, 11 октября.

497.

Н. Н. Пушкиной.

21-го октября [1833 г.]. Болдино.

Получилъ сегодня письмо твое отъ 4-го окт. и сердечно тебя благодарю. Въ прошлое воскресеніе не получилъ отъ тебя письма и имѣлъ глупость на тебя надуться; а вчера такое горе взяло, что и не запомню, чтобъ на меня находила такая хандра. Радуюсь, что ты не брюхата, и что ничто не помѣшаетъ тебѣ отличаться на нынѣшнихъ балахъ. Видно, Огаревъ охотникъ до Пушкиныхъ, дай Богъ ему ни дна, ни покрышки! кокетничать я тебѣ не мѣшаю, но требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности — не говорю уже о безпорочности повѣденія, которое относится не къ *тону*, а къ чему-то уже важнѣйшему. Охота тебѣ, женка, соперничать съ гр. Сал. — Ты красавица, ты бой-баба, а она шкурка. Что тебѣ перебивать у ней поклонниковъ? Все равно, кабы Гр. Шереметевъ сталъ оттягивать у меня Кистеневскихъ моихъ мужиковъ. Кто же еще за тобой ухаживаетъ, кромѣ Огарева? пришли мнѣ списокъ по азбучному порядку. Да напиши мнѣ также, гдѣ ты бываешь и что Карамзины, Мещерская и Вяземскія. Княгинѣ В. скажи, что напрасно она безпокоиться о портретѣ Вигеля и что съ этой стороны честное мое повѣденіе выше всякаго подозрѣнія; но что изъ уваженія къ ея просьбѣ я поставлю его портретъ сзади всѣхъ другихъ. Къ стати: она обѣщала мнѣ свой портретъ и до сихъ поръ слова не сдержала; попѣняй ей отъ меня. Жуковскаго и Вельгорскаго, вѣроятно, ты уже видѣла. Что Ж.? мнѣ пишутъ, что онъ поздоровѣлъ и помолодѣлъ. Правда ли? Чтожъ ты хотѣла женить его на К. Н.? и что К. Н., будетъ къ намъ или нѣтъ? Вообрази, что прошлое воскресеніе вмѣсто письма отъ тебя получилъ я письмо отъ Соболевскаго, которому нужны деньги для pâtés de foie gras, и который для того затѣваетъ Альманахъ. Ты понимаешь, какъ письмо его и просьбы о стихахъ <что я говорю — просьбы: приказанія, подряды на заказъ> разсердили меня. А все ты виновата. Что-то моя беззубая Пускина? Ужъ эти мнѣ зубы! — а каковъ Сашка рыжій? Да въ кого-то онъ рыжъ? не ожидалъ я этого отъ него. О себѣ тебѣ скажу, что я работаю лѣниво, черезъ пень колоду валю. Всѣ эти дни голова болѣла, хандра грызла меня. Нынче легче. Началъ многое, но ни къ чему нѣтъ охоты; Богъ знаетъ, что со мною дѣлается. Старамъ стала, и умомъ плохамъ! Приѣду оживиться твоею молодостію, мой Ангелъ. Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу къ тебѣ съ пустыми руками явиться; взялся за гужъ, не скажу, что не дюжъ. А ты не брани меня. Благодари мою безцѣнную Катерину Ивановну, которая не даетъ тебѣ воли въ ложѣ. Цалую ей ручки и прошу, ради Бога, не оставлять тебя на произволъ твоихъ обожателей. — Машку, Сашку рыжаго и тебя цалую и крещу. Господь съ вами. — Прощай, спать хочу. — 21 октября. Болдино.

На оборотѣ: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Спб., у Пантелеймона, близъ Цѣпнаго моста, въ домѣ Оливье.

П. М. СМИРНОВЪ.

498.

Н. Н. Пушкиной.

30-го октября [1833 г. Болдино].

Вчера получилъ я, мой другъ, два отъ тебя письма, спасибо; но я хочу немножко тебя пожурить. Ты, кажется, не путемъ изкокетничалась. Смотри: не даромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурнова тона. Въ немъ толку мало. Ты радуешься, что за тобою, какъ за сучкою, бѣгаютъ кобели, поднявъ хвостъ трубочкой и понюхивая тебѣ ....; есть чему радоваться! Не только тебѣ, но и Прасковьи Петровнѣ легко за собою приучить бѣгать холостыхъ шаромыжниковъ; стоитъ разгласить, что-де я большая охотница. Вотъ вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свиньи будутъ. Къ чему тебѣ принимать мужчинъ, которые за тобою ухаживаютъ? не знаешь, на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Ѳомѣ и Кузьмѣ. Ѳома накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Ѳома не далъ. Кузьма и прибилъ Ѳому какъ каналью. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее нравоученіе: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму. Видишь ли? Прошу, чтобъ у меня не было этихъ Академическихъ завтраковъ. Теперь, мой Ангелъ, цалую тебя, какъ ни въ чемъ не бывало, и благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мнѣ свою безпутную жизнь. Гуляй, женка; только не загуливайся, и меня не забывай. Мочи нѣтъ, хочется мнѣ увидѣть тебя причесанную à la Ninon; ты должна быть чудо какъ мила. Какъ ты прежде объ этой старой курвѣ не подумала и не переняла у ней ея прическу? Опиши мнѣ свое появленіе на балахъ, которые, какъ ты пишешь, вѣроятно, уже открылись. — Да, Ангелъ мой, пожалуйста, не кокетничай. Я не ревнивъ, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь, какъ я не люблю все, что пахнетъ Московской барышнею, все, что не comme il faut, все, что vulgar... Если при моемъ возвращеніи я найду, что твой милый, простой, Аристократическій тонъ измѣнился, разведусь, вотъ-те Христосъ, и пойду

въ солдаты съ горя. Ты спрашиваешь, какъ я живу и похорошѣлъ ли я? Во-первыхъ, отпустилъ я себѣ бороду; Усъ да борода—молодцу похвала; выду на улицу, Дядюшкой зовутъ. 2) Просыпаюсь въ 7 часовъ, пью кофей, и лежу до 3-хъ часовъ. Недавно разписался и уже написалъ пропасть. Въ 3 часа сажусь верьхомъ, въ 5—въ ванну, и потомъ обѣдаю картофелемъ да грешневой кашей. До 9 часовъ читаю. Вотъ тебѣ мой день, и всѣ на одно лицо.

Проси Катерину Андреевну на меня не сердиться: ты рожала, денегъ у меня лишнихъ не было, я спѣшилъ въ одну сторону—никакъ не попалъ на Дерптъ. Кланяюсь ей, Мещерской, Соф. Н., княгинѣ и княжнамъ Вяз. Политикѣ скажи, что за ея поцѣлуемъ являюсь лично, а что-де на почтѣ не принимаютъ. А Катерина Ивановна? какъ это она тебя пустила на Божію волю? Ахти, Господи Сусе Христе! Машу цалую и прошу меня помнить. Что это у Саши за сыпь? Христосъ съ вами.—Благословляю и цалую васъ. 30 окт.

499.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

[30-го октября 1833 г.]. Болдино.

Виноватъ, Ваше Сіятельство! кругомъ виноватъ. Пріѣхалъ въ деревню, думалъ разпишусь. Не тутъ-то было. Головная боль, хозяйственныя хлопоты, лѣнь—барская, помѣщичья лѣнь—такъ одолѣли меня, что неприведи Боже. Не дожидайтесь Бѣлкина; ненашутку видно онъ покойникъ; не бывать ему на новосельи ни въ гостиной Гомозѣйки, ни на чердакѣ Панка. Недостоинъ онъ видно быть въ ихъ компаніи... А куда бы не худо до погреба-то добраться. Теперь донесу Вашему Сіятельству что будучи въ Симбирскѣ видѣлъ я скромную отшельницу о которой мы съ Вами говорили передъ моимъ отъѣздомъ. Не дурна. Кажется Губернаторъ гораздо усерднѣе покровительствуетъ ей, нѣжели губернаторша. Вотъ все что могъ я замѣтить. Дѣло ее, кажется, кончено.

Вы обрадывали меня извѣстіемъ о Жуковскомъ. Дай Богъ чтобъ нынѣшній запасъ здаровья сталъ ему лѣтъ на 5; А тамъ уже какъ нибудь да справится.

Кланяюсь Гоголю. Что его комедія? Въ нейже есть закорючка.

Весь Вашъ А. Пушкинъ.

30 окт.
Болдино.

На оборотѣ: Его Сіятельству М. Г. Князю Владиміру Ѳедоровичу Одоевскому въ С. Петербургъ. На Дворцовой набережной въ Машковс. переулкѣ домъ Ланской.

Почтовые штемпеля:
1) Получено 1833 Ноя вечеръ 2) 1833 года ... танціи 3) Ноября 1-го Дн. Абрамово С.

500.

Н. Н. Пушкиной.

6-го ноября [1833 г.]. Болдино.

Другъ мой женка, на прошедшей почтѣ я не очень помню, что я тебѣ писалъ. Помнится, я былъ немножко сердитъ и кажется, письмо немного жестко. Повторю тебѣ помягче, что кокетство ни къ чему доброму не ведетъ; и хоть оно имѣетъ свои приятности, но ничто такъ скоро не лишаетъ молодой женщины того, безъ чего нѣтъ ни семейственнаго благополучія, ни спокойствія въ отношеніяхъ къ свѣту: уваженія. Радоваться своими побѣдами тебѣ нечего; курва, у которой переняла ты прическу <NB: ты очень должна быть хороша въ этой прическѣ; я объ этомъ думалъ сегодня ночью>, Ninon говорила: Il est écrit sur le coeur de tout homme: à la plus facile. Послѣ этого, изволь гордиться похищеніемъ мужскихъ сердецъ. Подумай объ этомъ хорошенько и не безпокой меня напрасно. Я скоро выѣзжаю, но нѣсколько времени останусь въ Москвѣ по дѣламъ. Женка, женка! я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу—для чего?—Для тебя, женка: чтобъ ты была спокойна, и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоею красотою. Побереги же и ты меня. Къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнію мущины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности &c &c.—не говоря объ cocuage, о коемъ прочелъ я на дняхъ цѣлую диссертацію въ Брантомѣ.

Что дѣлаетъ братъ? я не совѣтую ему идти въ статскую службу, къ которой онъ такъ же неспособенъ, какъ и къ военной; но у него, по крайней мѣрѣ, ... здоровая и на сѣдлѣ онъ всетаки далѣе уѣдетъ, чѣмъ на стулѣ въ канцеляріи. Мнѣ сдается, что мы безъ Европейской войны не обойдемся. Этотъ Louis-Philippe у меня какъ бѣльмо на глазу. Мы когда-нибудь да до него доберемся—тогда Левъ Сергѣичъ поѣдетъ опять пожинать, какъ говоритъ у насъ Засѣдатель, лавры и мирты. Покамѣсть совѣтую ему бить баклуши: занятіе приятное и здоровое. Здѣсь я было вздумалъ взять наслѣдство Вас. Льв., но опека такъ ограбила его, что нельзя и подумать; развѣ не заступится ли Бенкендорфъ: попробую, пріѣхавъ въ П. Б.—При семъ письмо къ отцу—вѣроятно, уже онъ у васъ. Я привезу тебѣ стишковъ много, но не разглашай этого; а то Альманашники заѣдятъ меня. Цалую Машку, Сашку и тебя; благословляю тебя, Сашку и Машку; цалую Машку—и такъ далѣе до семи разъ. Желалъ бы я быть у тебя къ теткинымъ имянинамъ. Да Богъ вѣсть.

На оборотѣ: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Спб., у Пантелеймона, близъ Цѣпнаго моста, въ домѣ Оливье.

501.

П. В. Нащокину.

24-го ноября [1833 г. Петербургъ].

Что, Павелъ Воиновичь, каковы домашнія обстоятельства? рѣшено-ли? мочи нѣтъ хочется узнать развязку; я твой романъ оставилъ на самомъ занимательномъ мѣстѣ. Не смѣю надѣяться—а можно надѣяться. Vous êtes éminement un homme de passion—и въ страстномъ состояніи духа, ты въ состояніи сдѣлать то, о чемъ и не осмѣлился бы подумать въ трезвомъ видѣ; какъ нѣкогда пьяный переплылъ ты рѣку, не умѣя плавать—Нынѣшнее дѣло на то-же похоже—сыми рубашку, перекрестись и бухъ съ берега; а мы—Князь Фе-

доръ и я, будемъ слѣдовать за тобою въ лодкѣ, и какъ нибудь—выкарабкаешься на противную сторону. Теперь скажу тебѣ о своемъ путешествіи. Я совершилъ его благополучно—Лелинька мнѣ не мѣшалъ, онъ очень милъ т. е. молчаливъ—всѣ наши сношенія ограничивались тѣмъ что когда ночью онъ прилегалъ на мое плечо, то я отталкивалъ его локтемъ. Я привезъ его здрава и невредима — и какъ рѣка еще не стала и мостовъ уже нѣтъ—то я и отправилъ его ко Льву Сергѣевичу, чѣмъ вѣроятно одолжилъ его. При выѣздѣ моемъ изъ Москвы, Гаврила мой такъ былъ пьянъ и такъ меня взбѣсилъ, что я велѣлъ ему слѣзть съ козелъ и оставилъ его на большой дорогѣ въ слезахъ и въ истерикѣ; но это все на меня не подѣйствовало — я подумалъ о тебѣ... Вели-ка своему Гаврилѣ въ юбкѣ и въ кацавѣйкѣ слѣзть съ козелъ — полно ему воевать. Дома нашелъ я все въ порядкѣ. Жена была на балѣ, я за нею поѣхалъ — и увезъ къ себѣ какъ уланъ уѣздную барышню съ именинъ Городничихи. Денежныя мои обстоятельства безъ меня запутались, но я ихъ думаю разпутать. Отца видѣлъ, онъ очень радъ моему предположенію взять Болдино. Денегъ у него нѣтъ — Братъ во фракѣ очень благопристоенъ. Соболевскій выигралъ свой процесъ и ѣдетъ къ Вамъ. Пиши ко мнѣ, когда будетъ время. Записку отдай моему управляющему. Ольгѣ Андреевнѣ мое почтеніе. 24 Ноября.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину. Въ Москвѣ. На Остоженкѣ противъ Воскресенія въ домѣ священника.

502.

И. И. Дмитріеву.

(Черновое).

[Вторая половина ноября 1833 г. Петербургъ].

М. Г. Ив. Ив. Имѣвъ всегда счастіе пользоваться благосклонностію В. В. осмѣливаюсь нынѣ обратиться къ В. со всепокорнѣй. просьбою— — Случай доставилъ въ мои руки нѣкоторыя важныя бумаги касающіяся Пу. собственныя письма Екат. Биб. Рум. Пан. Держав. и другихъ. Я привелъ ихъ въ порядокъ и надѣюсь ихъ издать [ихъ съ дозволенія правительства]. Въ историческихъ запискахъ <которыя дай Богъ намъ прочесть какъ можно позже> вы говорите о П. и, какъ очевидецъ, описали его смерть—[Не откажитесь] Могу ли надѣяться, что вы, М. Г. не откажетесь занять мѣсто между знаменитыми людьми коихъ имена и свидѣтельства дадутъ цѣну моему труду и позволите помѣстить собственныя Ваши строки въ одномъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ царств. Велик. Ек.?

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, М. Г. В. Выс. покорн.

503.

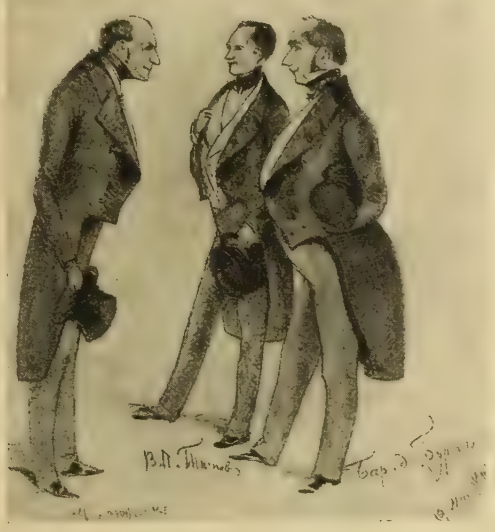
А. С. Норову.

[Ноябрь—декабрь 1833 г. Петербургъ].

Отсылаю тебѣ, любезный Норовъ, твоего Стеньку; завтра получишь Struys и одалиску. Нѣтъ ли у тебя Сочиненіе Вебера о Россіи (Возрастающая Россія, или что-то подобное)? А Пердуильонисъ, то есть: Stephanus Rasin Don. Cosacus perduellis, publice disquisitionis J. J. M. i Schurtzfleisch.

А. П.

На оборотѣ: Его Превосходительству А. С. Норову. Отъ А. Пушкина.



В. П. ТИТОВЪ.

(средній).

504.

А. С. Норову.

[Ноябрь — декабрь 1833 г. Петербургъ].

Посылаю тебѣ, любезный Норовъ, «Satyricon», а мистеріи гдѣ-то у меня запрятаны. Отыщу—непремѣнно.—До свиданія. Весь твой А. П.

На оборотѣ: Его Превосходительству А. С. Норову.

505.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

6-го декабря 1833 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Графъ Александръ Христофоровичъ

Осмѣливаюсь препроводить Вашему Сіятельству стихотвореніе, которое желалъ бы я напечатать, и при семъ случаѣ просить Васъ о разрѣшеніи для меня важномъ. Книгопродавецъ Смир-

динъ издаетъ журналъ, въ коемъ просилъ меня участвовать. Я могу согласиться только въ томъ случаѣ, когда онъ возьмется мои сочиненія представлять въ Ценсуру и хлопотать объ нихъ на ровнѣ съ другими писателями участвующими въ его предпріятіи, но безъ Вашего свѣденія я ничего не хотѣлъ сказать ему рѣшительнаго.

Хотя я какъ можно рѣже старался пользоваться драгоцѣннымъ мнѣ дозволеніемъ утруждать вниманіе Государя Императора, но нынѣ осмѣливаюсь просить на то Высочайшаго соизволенія: я думалъ нѣкогда написать историческій Романъ, относящійся ко временамъ Пугачева, но нашедъ множество матеріаловъ, я оставилъ вымыселъ и написалъ Исторію Пугочевщины. Осмѣливаюсь просить черезъ Ваше Сіятельство дозволенія представить оную на Высочайшее разсмотрѣніе. Не знаю можно-ли мнѣ будетъ ее напечатать, но смѣю надѣиться что сей историческій отрывокъ будетъ любопытенъ для Его Величества особенно въ отношеніи тогдашнихъ военныхъ дѣйствій, доселѣ худо извѣстныхъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть

Милостивый Государь

Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

6 декабря
1833
С. П. Б.

(Черновое).

Милостивый Государь,

Графъ Александ(р)ъ Христофоровичь,

Осмѣливаюсь препроводить Вашему Сіятельству Стихотвореніе которое желалъ-бы я напечатать, и при семъ случаѣ просить Васъ о разрѣшеніи для меня важномъ. Книгопродавецъ Смирдинъ издаетъ журналъ, въ коемъ просилъ меня участвовать; я могу согласиться только тогда, когда онъ возьмется мои сочиненія представлять въ ценсуру и хлопотать объ оныхъ, наровнѣ съ другими писателями участвующими въ его предпріятіи, но безъ Вашего свѣденія я ничего не хотѣлъ сказать ему рѣшительнаго. Хотя я какъ можно рѣже старался пользоваться драгоцѣннымъ мнѣ дозволеніемъ [повергать сочиненія свои разсмотрѣнію] утруждать вниманіе Государя Императора; но нынѣ осмѣливаюсь просить на то Высочайшаго соизволенія: Намѣреніе мое было написать историческій романъ, относящійся ко временамъ Пугочева, но нашедъ множество [историческихъ] драгоцѣнныхъ матеріаловъ, [о сей любопытной эпохѣ] я оставилъ вымыселъ и написалъ Исторію Пугочевщины. Полагаю что она можетъ быть любопытна, особенно въ отношеніи военныхъ дѣйствій, осмѣливаюсь просить [у] Ваше[го] Сіятельство дозволенія представить оную на Высочайшее разсмотрѣніе.—Не знаю можно-ли мнѣ будетъ ее напечатать покрайнѣй мѣрѣ я по совѣсти исполнилъ долгъ историка: [изыскавъ] изыскивалъ истину съ усердіемъ и излогалъ ее безъ криводушія, не стараясь льстить ни Силѣ, ни [модному] господствующему образу мыслей и смѣю надѣиться что сей Ист. Отры. мож. пок. любоп. Ег. В. особенно въ отн. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть Милостивый Государь Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

6 Декабря
С. П. Б.

506.

П. В. Нащокину.

[Первая половина декабря 1833 г. Петербургъ].

Я получилъ отъ тебя два грустныя письма Любезный Павелъ Воиновичь, и ждалъ третьяго, съ нетерпѣніемъ желая знать что дѣлается съ тобою, и какое направленіе принимаютъ дѣла твои домашнія и сердечныя. Но ты вѣроятно слишкомъ озабоченъ; и я не знаю чего надѣиться: перемѣнилась-ли, успокоилась-ли судьба твоя? Напиши ка мнѣ объ этомъ подробнѣе.

Въ твои именины семья моя <въ томъ числѣ Григорій Ѳедоровичь> пила твое здоровье и желала тебѣ всякаго благополучія. Объ [Алешѣ] Леленькѣ не имѣю извѣстія; онъ живетъ у Эристова, а я на его имя получаю изъ Москвы письма. Сумасшедшій отецъ его написалъ мнѣ сумасшедшее письмо, на которое ужъ мнѣ поздно отвѣчать; онъ безпокоиться о калиграфическихъ трудахъ своего сына, и о томъ не плачетъ-ли мальчикъ, и не тоскуетъ-ли о своихъ родныхъ? Успокой старика какъ умѣешь.

Не знаю буду-ли я у Васъ въ январѣ. Наслѣдники Дяди дѣлаютъ мнѣ дурацкія предложенія — я отказался отъ наслѣдства — Не знаю войдутъ-ли они въ новыя переговоры—Здѣсь имѣлъ я неприятности денежныя; я сговорился было со Смирдинымъ, и принужденъ былъ уничтожить договоръ, потому что Мѣднаго всадника Ценсура не пропустила — Это мнѣ убытокъ. Если не пропустятъ Исторію Пуг., то мнѣ придется ѣхать въ деревню—Все это очень неприятно. На деньги твои однако я надѣюсь; думаю весною приступить къ полному собранію моихъ сочиненій—

Всѣ мои здоровы — крестникъ твой тебя цѣлуетъ; мальчикъ славный. Съ Плетневымъ о Павлѣ еще не говорилъ потому что дѣло не къ спѣху. Прощай — кланяюсь Князю Гагарину — и желаю Вамъ обоимъ щастія — АП.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину. Въ Москвѣ на Остоженкѣ въ приходѣ Воскресенія у священника въ домѣ.

1834.

507.

С. Д. Нечаеву.

12-го февраля 1834 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь Степанъ Дмитріевичь, Осмѣливаюсь прибѣгнуть къ Вашему Превосходительству со всепокорнѣйшею просьбою.

По волѣ Государя Императора протодіаконъ Царско-сельской придворной Церкви за нетрѣз-

вость исключенъ изъ Придворнаго Вѣдомства и переведенъ въ Епархіальное. По предписаніи-же Сѵнода, онъ долженъ быть отправленъ въ свою родную Епархію. Протодіаконъ человѣкъ уже немолодой и семейный проситъ, какъ милости, быть оставлену въ Епархіи здѣшней. Смыслъ Высочайшаго повелѣнія будетъ исполненъ равно, ибо въ немъ ни слова не было сказано о томъ чтобъ на свою Епархію отправить его.

Протодіаконъ незнаю почему отнесся ко мнѣ полагая что слабый мой голосъ удостоится Вашего вниманія. Во всякомъ случаѣ я не могъ отказаться отъ ходатайства и препоручаю моего кліента Вашему великодушному покровительству.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

12 февраля 1834 г.

508.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

26-го февраля 1834 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь

Александръ Христофоровичь,

Не имѣя нынѣ способа, независимо отъ книгопродавцевъ приступить къ напечатанію мною написаннаго сочиненія осмѣливаюсь прибѣгнуть къ Вашему Сіятельству со всепокорнѣйшею просьбою о выдачѣ мнѣ изъ казны заимообразно за установленныя проценты 20,000 рублей, съ тѣмъ чтобъ я оныя выплотилъ въ два года, по срокамъ которыя угодно будетъ назначить Начальству.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть
Милостивый Государь
Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

26 февраля 1834 г.

509.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(Черновое).

[Конецъ февраля 1834 г. Петербургъ].

En soumettant à Sa Majesté [cette] le tome II de Pougatchef, je prends la liberté d'entretenir votre excellence de circonstances qui me regarde. [Je vous dema.] et de recourir à V bienveillance accoutumée.

En permettant l'impression de cet ouvrage, S. M. a assuré ma fortune. La somme que je pourrais en retirer me met à même d'accepter une succession à laquelle j'avois été percé de renoncer faute d'une [trentaine] 40,000 de mille roubles qui me menquaient etc.

Cet ouvrage me les procurera si je puis [l'imprimer moi-même] moi-même en être l'editeur, sans avoir recours au libraire. 15000 me siffisoient –

[Je supplie. Si l'Empereur qui déjà a eu tant de bonté].

Je demande deux choses: l'une qu'on me permette d'imprimer mon ouvrage à mes frais dans une imprimerie [de S.] particulier [de S. M.] [où je] la seule qui depend de M-r, où je suis sur de n'être pas fripponné—l'autre de [pouvoir emprunter] recevoir en emprunt pour deux ans 15,000, somme qui me permettra [d'impr.] de mettre à l'édition tout le temps et le soin que je devrais—

Je n'ai d'autre à la grâce que je sollicite que les bontés que j'ai déjà reçues [et dont je ne suis digne peut être] et [c'est] qui me donnent le courage et la confiance [d'importuner encore S. M.] d'y recourir encore. [Je] C'est à [Votre] la protection..... [Mr le Comte] que je confie ma très humble requête.

Je suis, Mr le comte
de Votre Excellence....

(Первоначальный набросокъ).

En soumettant à Sa Majesté — cette seconde partie [de l'histoire] j'ose [supplier] rappeler à Votre Excellence [de vouloir bien lui] [que' v.] [elle] que vous avez bien voulu me permettre de lui [parler] presenter ma requete.

Графъ С. С. УВАРОВЪ.

510.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

27-го февраля 1834 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь

Александръ Христофоровичь

Государю Императору угодно было чрезъ Ваше Сіятельство дозволить мнѣ печатать Исторію Пугачева въ одной изъ Типографій зависящихъ отъ Его Высокопревосходительства М. М. Сперанскаго: осмѣливаюсь прибѣгнуть къ Вашему Сіятельству съ покорнѣйшею просьбою дать знать о томъ куда слѣдуетъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть,
Милостивый Государь
Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

27 февраля 1834 г.

511.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

5-го марта 1834 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь

Графъ Александръ Христофоровичь,

Извѣщеніе Вашего Сіятельства о Высочайшей Милости Государя Императора имѣлъ я щастіе получить. Осмѣливаюсь, Милостивый Государь, свидѣтельствовать Вашему Сіятельству чувства глубочайшей благодарности за могущественное ходатайство, коего изволили меня удостоить.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть
Милостивый Государь
Вашего Сіятельства
покорнѣйшимъ слугою
Александръ Пушкинъ.

5 марта
1834.

512.

Л. В. Дубельту.

5-го [марта] 1834 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Леонтій Васильевичь,

Спѣшу Васъ всепокорнѣйше извѣстить что увѣдомленіе о Высочайшемъ соизволеніи Государя Императора печатать мною написанную Исторію о Пугачевѣ въ одной изъ Типографій подвѣдомственныхъ Господину Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Сперанскому, получить имѣлъ я честь.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть
Милостивый Государь
Вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Александръ Пушкинъ.

5 февраля
1834
С. П. Б.

513.

П. В. Нащокину.

[Начало марта 1834 г. Петербургъ].

Ты не можешь вообразить, милый Другъ, какъ обрадовался я твоему письму. Вопервыхъ получаю отъ тебя тетрадку: доказательство что у тебя и лишнее время, и лишняя бумага, и спокойствіе и охота со мною болтать. Съ первыхъ строкъ вижу что ты спокоенъ и щастливъ. Каждое слово уничтожаетъ сплетни, половинѣ коихъ я невѣрилъ, но коихъ другая половина сильно меня тревожила. У меня обѣдалъ Соболевскій и Левъ Серг. Прочитавъ твое письмо сперва про себя, потомъ во услышаніе твоихъ приятелей, всѣ мы были довольны, всѣ пожелали тебѣ щастія. Нат. Ник. нетерпѣливо желаетъ [съ то.] познакомиться съ твоею Вѣрою Александровною, и проситъ тебя заочно ихъ подружить. Она сердечно тебя любитъ и поздравляетъ — Но сперва поговоримъ о дѣлѣ, т. е. о деньгахъ. Когда ты отправилъ меня изъ Москвы ты помнишь что мы думали что ты безъ моихъ денегъ обойдешься; отъ того-то я моихъ распоряженій и не сдѣлалъ. У меня была въ рукахъ, и весьма недавно, довольно круглая сумма; но она изтаила и до октября денегъ у меня не будетъ—но твои 3,000 доставлю тебѣ въ непродолжительномъ времени, по срокамъ которые назначу сообразясь съ моими обстоятельствами. Здѣсь говорили что ты проигралъ въ долгъ все что тебѣ слѣдовало получить съ брата—Ты не можешь вообразить какъ это меня безпокоило; но теперь надѣюсь на перемѣну жизни твоей. Тебѣ уже не нужно потрясеній кензъ-ельва и пліе, для разсѣянія своего домашняго горя. Говорятъ что нещастіе хорошая школа: можетъ быть. Но щастіе есть лучшій Университетъ. Оно довершаетъ воспитаніе души, способной къ доброму и прекрасному, какова твоя, мой другъ; какова и моя, какъ тебѣ извѣстно. Конечно мы квиты, если ты мнѣ обязанъ женитьбою своей— и надѣюсь что Вѣра Ал. будетъ меня любить, какъ любитъ тебя Наталья Николаевна. Вообрази что жена моя на дняхъ чуть не умерла. Нынѣшняя зима была ужасно изобильна балами — На масленицѣ танцовали ужъ два раза въ день. Наконецъ настало послѣднее воскресеніе передъ Великимъ постомъ. Думаю: слава Богу! балы съ плечь долой! Жена во дворцѣ. Вдругъ, смотрю—съ нею дѣлается дурно—я увожу ее, и она, пріѣхавъ домой — выкидываетъ. Теперь она (чтобъ не сглазить) слава Богу здарова и ѣдетъ надняхъ въ Калужскую деревню къ сестрамъ, которыя ужасно страдаютъ отъ капризовъ моей тещи—Долгъ Вяземскаго я еще до полученія твоего письма перевелъ на себя. Андрей Петровичь въ ужасномъ положеніи. Онъ умиралъ съ голоду и сходилъ съ ума. Соболевскій и я мы помогали ему деньгами скупо, увѣщаніями щедро. Теперь думаю отправить его въ полкъ капель-мейстеромъ. Онъ художникъ въ душѣ и въ привычкахъ, т. е. безпеченъ, нерѣшителенъ, лѣнивъ гордъ и легкомысленъ; предпочитаетъ всему независимость. Но вѣдь и нищій независимѣе поденщика. Я ему ставлю въ примѣръ Нѣмецкихъ Геніевъ, преодалѣвшихъ столько горя, дабы добиться славы и куска хлѣба. Сколько ты долженъ ему? Хочешь я за тебя и ему заплачу? — Обстоятельства мои затруднились еще вотъ по какому случаю: На дняхъ отецъ мой посылаетъ за мною. Прихожу— нахожу его въ слезахъ, мать въ постелѣ — весь домъ въ ужасномъ безпокойствѣ. Что такое? имѣніе описываютъ.—Надо скорѣе заплатить долгъ—Ужъ долгъ заплаченъ. Вотъ и письмо Управителя.—О чемъ-же горе?—Жить нечемъ до октября—Поѣзжайте въ деревню—Не съ чѣмъ.—Что дѣлать? Надобно взять имѣніе въ руки, и отцу на-

значить содержаніе. Новые долги, новыя хлопоты! А надобно: я желалъ бы и успокоить старость отца, и устроить дѣла брата Льва, который въ своемъ родѣ такой же художникъ, какъ и Андрей Петровичь, съ той разницей что за собою никакого художества не знаетъ. Сестра Ольга Сергѣевна выкинула, и опять брюхата. Чудеса да и только.

Вотъ тебѣ другія новости: я камеръ-юнкеръ съ Января мѣсяца; Мѣдный Всадникъ не пропущенъ—Убытки и неприятности! за то Пугачевъ пропущенъ, и я печатаю его на щетъ Государя — Это совершенно меня утѣшило; тѣмъ болѣе что конечно, сдѣлавъ меня камеръ-юнкеромъ, Государь думалъ о моемъ чинѣ, а не о моихъ лѣтахъ—и вѣрно не думалъ ужъ меня кольнуть. Какъ скоро устрою свои дѣла, то примусь и за твои — Прощай, жди денегъ.

514.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

[16-го марта 1834 г. Петербургъ].

Дѣло идетъ о Конверсаціонсъ Лексиконѣ: я это пронюхалъ. Соглашаюсь съ Вашимъ Сіятельствомъ, что нынѣшній вечеръ имѣетъ свою гадкую и любопытную сторону. Я буду у Г., ибо на то получилъ разрѣшеніе отъ Плетнева который есть воплощенная совѣсть. Поѣдемъ; что за бѣда? Вѣдь это будетъ мірская сходка всей республики. Всего насмотримся и наслышимся— а въ воровскую шайку не вступимъ. А. П.

На оборотѣ: Его Сіятельству М. Г. К. Владиміру Федоровичу Одоевскому.

515.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

[Середина марта 1834 г. Петербургъ].

Ѣдете-ли вы на совѣщаніе къ Гречу? Если да, то отправимся вмѣстѣ; одному ѣхать страшно: пожалуй, побьютъ.

Е. М. ФРОЛОВА-БАГРѢЕВА
(дочь Сперанскаго).

516.

Д. М. Княжевичу.

22-го марта 1834 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Дмитрій Максимовичь,

Извѣщеніе Вашего Превосходительства о томъ что Государю Императору угодно было пожаловать мнѣ 20,000 рублей на напечатаніе Исторіи Пугачевскаго Бунта съ тѣмъ чтобъ оныя заплатить черезъ два года, получить имѣлъ я честь.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть

Милостивый Государь
Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

1834
Марта 22
С. П. Б.

517.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

25-го марта 1834 г.
Петербургъ.

Милостивый Государь

Графъ Александръ Христофоровичь

Всепокорнѣйше честь имѣю извѣстить Ваше Сіятельство что сего 24 марта получено мною увѣдомленіе объ отзывѣ Г. Министра Финансовъ косательно Всемилостивѣйше мнѣ пожалованныхъ заимообразно денегъ на изданіе Исторіи Пугачевскаго бунта.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть

Милостивый Государь
Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

25 марта
1834.
С. П. Б.

518.

М. П. Погодину.

[Начало апрѣля 1834 г. Петербургъ].

Радуюсь случаю поговорить съ Вами откровенно—Общество Любителей поступило со мною

такъ, что никакимъ образомъ я не могу быть съ нимъ въ сношеніи. Оно выбрало меня въ свои члены вмѣстѣ съ Булгаринымъ, въ то самое время, какъ онъ единогласно былъ забалотированъ въ Англ. клубѣ <NB въ Петербургскомъ> какъ шпіонъ, переметчикъ и клеветникъ, въ то самое время, какъ я въ отвѣтъ на его ругательства принужденъ былъ напечатать статью о Видокѣ; мнѣ нужно было доказать публикѣ, которая въ правѣ была удивляться моему долготерпѣнью, что я имѣю полное право презирать мнѣніе Булгарина и не требовать удовлетворенія отъ ошельмованнаго негодяя, толкующаго о чести и нравственности. И что же? Въ то самое время читаю въ газетѣ Шаликова: Александръ Сергѣевичъ и Ѳаддей Венедиктовичъ, сіи два корифея нашей словесности, удостоены etc. etc. — Воля Ваша: это — пощечина. Вѣрю что Общество, въ этомъ случаѣ, поступило, какъ Фамусовъ, не имѣя намѣренія оскорбить меня.

Я всякому, ты знаешь, радъ. Но долгъ мой былъ немѣдленно возвратить присланный дипломъ; я того не сдѣлалъ потому что тогда мнѣ было не до дипломовъ—но ужъ имѣть сношенія съ Обществомъ Любителей, я не въ состояніи.

Вы спрашиваете меня о Мѣдномъ Всадникѣ, о Пугачевѣ и о Петрѣ. Первый не будетъ напечатанъ. Пугачевъ выдетъ къ осени. Къ Петру приступаю со страхомъ и трепетомъ, какъ вы къ исторической каѳедрѣ. Вообще пишу много про себя, а печатаю по неволѣ и единственно для денегъ: охота являться передъ публикою, которая васъ не понимаетъ, чтобъ четыре дурака ругали Васъ потомъ шесть мѣсяцевъ въ своихъ журналахъ только что не по матерну. Было время литература была благородное, аристократическое поприще. Нынѣ это вшивый рынокъ. Быть такъ.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Михайлѣ Петровичу Погодину въ Москвѣ, въ университетѣ.

519.

А. В. Никитенку.

[Начало апрѣля 1834 г. Петербургъ].

Милостивый Государь

Александръ Ивановичь,

Могу ли я надѣяться на Вашу благосклонность? Я издаю Повѣсти Бѣлкина вторымъ тисненіемъ, присовокупя къ нимъ Пиковую Даму и нѣсколько другихъ уже напечатанныхъ піэсъ. — Нельзя ли Вамъ все это пропустить? Крайнѣ обяжете.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть Милостивый Государь Вашъ покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

520.

Графу Г. А. Строганову.

[Первая половина апрѣля 1834 г. Петербургъ].

Monsieur le Comte.

J'expie bien tristement les chimères de ma jeunesse. L'accolade de Lelewel me paroit plus dure qu'un exil on Siberie. Je vous remercie cependant de ce que vous avez bien voulu me communiquer l'article en question: il me servira de texte à sermon.

Veuillez, Monsieur le Comte, me mettre aux pieds de Madame Votre femme et agreer l'hommage de ma haute consideration. Alexandre Pouchkine.

521.

І. М. Пеньковскому.

13-го апрѣля [1834 г. Петербургъ].

Батюшкѣ угодно было поручить въ полное мое распоряженіе управленіе имѣнія его. По сему утверждая довѣренность имъ данную вамъ, извѣщаю васъ, чтобы отнынѣ относились вы прямо ко мнѣ по всѣмъ дѣламъ, касающимся Болдина. Немедленно пришлите мнѣ счетъ денегъ, доставленныхъ вами батюшкѣ со времени вступленія вашего во управленіе, также и вами взятыхъ въ займы и на уплату долга, а за симъ и сколько въ остаткѣ непроданнаго хлѣба, несобраннаго оброка и <если случится> недоимокъ—приступить вамъ также и къ подворной описи Болдина, дабы оная къ Сентябрю мѣсяцу была готова. А. Пушкинъ.

13 Апрѣля.

На оборотѣ: Въ Арзамаскомъ уѣздѣ въ Нижегородской губерніи, въ село Абрамово, оттуда въ село Болдино г-ну Пеньковскому.

522.

И. И. Лажечникову.

(*Черновое*).

[Первая половина апрѣля 1834 г. Петербургъ].

Съ [глуб.] живѣйшей благодарн. получилъ я письмо Ваше отъ 30-го, и рукопись о Пуг. Рукопись была уже мнѣ извѣстна. Она сочинена Ак. Рычк. находившимся въ Оренб. во время осады. Но въ вашемъ спискѣ я нашелъ нѣкоторыя любопытныя прибавленія, которыми [съ Ваш. позвол.] непремѣнно воспользуюсь.

Нѣсколько разъ проѣзжая черезъ Тверь, я всегда желалъ [возобновить старое знакомство, но никогда не имѣлъ еще] случая вамъ [Васъ, въ это время] представиться и благодарить Васъ во первыхъ за то истинное наслажденіе, которое доставили вы мнѣ Вашимъ первымъ романомъ, а во вторыхъ и за вниманіе котораго вы меня удостоили. Съ нетерпѣніемъ ожидаю новаго Вашего творенія, изъ коего прекр. отрыв. читалъ я въ Альм. Макс. Скоро ли онъ выдетъ [весь романъ? По истинѣ, посредственность—и какъ онъ будетъ выдаваться] и какъ Вы думаете его выдать;— ради бога, не по частямъ [это должно вредить занимательности цѣ... и успѣху книги. Прошу васъ въ пользу... Послѣдній способъ вредитъ успѣху, но и не смотря.—Послѣдн. Новикъ..... выводилъ насъ изъ терпѣнія, прерыво. своего]; эти разсрочки выводятъ изъ терпѣнія многоч. ваш. читателей и почитат. Съ глубок. и проч.

523.

Н. Н. Пушкиной.

17-го апрѣля [1834 г. Петербургъ].

17-го апрѣля.—Что, женка? каково ты ѣдешь? что-то Сашка и Машка? Христосъ съ вами! будьте живы и здоровы, и доѣзжайте скорѣе до Москвы. Жду отъ тебя письма изъ Новагорода, а покамѣсть вотъ тебѣ отчетъ о моемъ холостомъ житьѣ-бытье. Третьяго дня возвратился я изъ Царскаго-села въ 5 часовъ вечера нашелъ на своемъ столѣ два билета на балъ 29-го апрѣля и приглашеніе явиться на другой день къ Литтѣ; я догадался, что онъ собирается мыть мнѣ голову за то, что я не былъ у обѣдни. Въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ же вечеръ узнаю отъ забѣжавшаго ко мнѣ Жуковскаго, что Государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камеръ-геровъ и камеръ-юнкеровъ и что онъ велѣлъ намъ это объявить. Литта во дворцѣ толковалъ съ большимъ жаромъ говоря: Il y a cependant pour les Messieurs de la Cour des règles fixes, des règles fixes. На что Нарышкинъ ему замѣтилъ: Vous vous trompez: c'est pour les demoiselles d'honneur. Я извинился письменно. Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно, какъ институтки. Вообрази, что мнѣ съ моей сѣдой бородкой придется выступать съ Безобразовымъ или Реймарсомъ — ни за какія благополучія! — J'aime mieux avoir le fouet devant tout le monde, какъ говоритъ m-r Jourdain. Поутру сидѣлъ я въ моемъ кабинетѣ, читая Гримма и ожидая чтобъ ты, мой Ангелъ, позвонила, какъ явился ко мнѣ Соболевскій съ вопросомъ, гдѣ мы будемъ обѣдать? Тутъ вспомнилъ я, что я хотѣлъ говѣть, а между тѣмъ ужъ оскоромился. Дѣлать нечего, рѣшились отобѣдать у Дюме, и покамѣсть стали приводить въ порядокъ библіотеку, тетка пріѣхала спросить о тебѣ, и узнавъ, что я въ халатѣ и оттого къ ней не выхожу, сама вошла ко мнѣ. Я исполнилъ твою комиссію, поговорили о тебѣ, потужили, побезпокоились и рѣшились тебѣ подтвердить наши просьбы и требованія—беречь себя и помнить наши наставленія. Потомъ явился я къ Дюме, гдѣ появленіе мое произвело общее веселіе: холостой, холостой Пушкинъ! Стали подчивать меня шампанскимъ и пуншемъ, и спрашивать, не поѣду ли я къ Софьѣ Остафьевнѣ? Все это меня смутило, такъ что я къ Дюме являться ужъ болѣе не намѣренъ, и обѣдаю сегодня дома, заказавъ Степану ботвинью и beafsteaks. Вечеръ провелъ я дома, сегодня проснулся въ 7 часовъ, и сталъ тебѣ писать сіе подробное донесеніе. — Посылаю тебѣ письмо матери, пришедшее третьяго дня, — буду ей писать, а покамѣсть обнимаю и цалую тебя, и благословляю всѣхъ троихъ.

На конвертѣ: Ея Благородію М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Москвѣ, на Никитской, въ домѣ Гончарова.

Штемпель: Спб. 17 Апр.

Е. М. ХИТРОВО.

524.

Н. Н. Пушкиной.

19-го апрѣля [1834 г. Петербургъ].

Душка моя, посылаю тебѣ два письма, которыя я распечаталъ изъ любопытства и скупости <чтобъ меньше платить на почту вѣсовыхъ денегъ>, также и рецептъ капель. Сдѣлай милость не забудь перечесть инструкцію Спасскаго и поступать по оной. Теперь, женка, должна ты быть уже около Москвы. Чѣмъ дальше ѣдешь, тѣмъ тебѣ легче; а мнѣ!.. Сестры твои тебя ждутъ, воображаю вашу радость; смотри, не сдѣлайся сама дѣвочкой, не забудь, что ужъ у тебя двое дѣтей, третьяго выкинула, береги себя, будь осторожна, пляши умѣренно, гуляй по немножку, а пуще—скорѣе добирайся до деревни. Цалую тебя крѣпко и благословляю всѣхъ васъ. Что Машка? чай, куда рада, что можетъ въ волю воевать! Теперь вотъ тебѣ отчетъ о моемъ повѣденіи. Я сижу дома, обѣдаю дома, никого не вижу, а принимаю только Соболевскаго; третьяго дня сыгралъ я славную штуку со Львомъ Сергѣевичемъ. Соболевскій, будто ненарочно, зоветъ его ко мнѣ обѣдать. Левъ Серг. является. Я передъ нимъ извинился какъ передъ гастрономомъ, что, не ожидая его, заказалъ себѣ только ботвинью да beafsteaks. Левъ Серг. тому и радъ. Садимся за столъ, подаютъ славную ботвинью; Левъ Серг. хлѣбаетъ двѣ тарелки, убираетъ осетрину; наконецъ требуетъ вина; ему отвѣчаютъ: нѣтъ вина.— Какъ нѣтъ?— Алекс. Серг. не приказалъ на столъ подавать. И

я объявляю, что съ отъѣзда Нат. Ник. я на діэтѣ—и пью воду. Надо было видѣть отчаяніе и сардоническій смѣхъ Льва Сергѣича, который уже ко мнѣ, вѣроятно, обѣдать не явится. Во все время Соболевскій подливалъ себѣ воду то въ стаканъ, то въ рюмку, то въ длинный бокалъ и подчивалъ Льва Сергѣича, который чинился и отказывался. Вотъ тебѣ примѣръ моихъ невинныхъ упражненій. Съ нетерпѣніемъ ожидаю твоего письма изъ Новагорода, и тотчасъ понесу его Кат. Ивановнѣ. Покамѣсть—прощай, Ангелъ мой. Цалую васъ и благословляю. Вчера былъ у насъ первый громъ—слава Богу, весна кончилась.—19 апрѣля.

На конвертѣ: Ея Благородію, М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Москвѣ, на Никитской, въ домѣ Гончарова.

525.

Н. Н. Пушкиной.

[20—22-го апрѣля 1834 г. Петербургъ].

Пятница.—Ангелъ мой, Женка! сейчасъ получилъ я твое письмо изъ Бронницъ и сердечно тебя благодарю. Съ нетерпѣніемъ буду ждать извѣстія изъ Торжка. Надѣюсь, что твоя усталость дорожная пройдетъ благополучно, и что ты въ Москвѣ будешь здорова, весела и прекрасна. Письмо твое послалъ я теткѣ, а самъ къ ней не отнесъ, потому что репортуюсь больнымъ и боюсь Царя встрѣтить. Всѣ эти праздники просижу дома. Къ наслѣднику являться съ поздравленіями и привѣтствіями не намѣренъ; царствіе его впереди, и мнѣ, вѣроятно, его не видать. Видѣлъ я трехъ царей: первый велѣлъ снять съ меня картузъ, и пожурилъ за меня мою няньку; второй меня не жаловалъ; третій хоть и упекъ меня въ камеръ-пажи подъ старость лѣтъ, но промѣнять его на четвертаго не желаю: отъ добра добра не ищутъ. Посмотримъ, какъ-то нашъ Сашка будетъ ладить съ порфиророднымъ своимъ теской; съ моимъ теской я не ладилъ. Не дай Богъ ему идти по моимъ слѣдамъ, писать стихи, да ссориться съ Царями! Въ стихахъ онъ отца не перещеголяетъ, а плетью обуха не перешибетъ. Теперь полно врать; поговоримъ о дѣлѣ; пожалуй-ста побереги себя, особенно съ начала; не люблю я святой недѣли въ Москвѣ; не слушайся сестеръ, не таскайся по гуляніямъ съ утра до ночи, не пляши на балѣ до заутрени. Гуляй умѣренно, ложись рано. Отца не пускай къ дѣтямъ: онъ можетъ ихъ испугать, и мало ли что еще. Пуще береги себя во время регулъ — въ деревнѣ не читай скверныхъ книгъ дѣдиной библіотеки, не марай себѣ воображенія, женка. Кокетничать позволяю, сколько душѣ угодно. Верьхомъ ѣзди не на бѣшеныхъ лошадяхъ <о чемъ всепокорно прошу Дм. Ник.>. Сверхъ того прошу не баловать ни Машку, ни Сашку, и если ты не будешь довольна своей няпей или кормилицей, прошу тотчасъ прогнать, не совѣстясь и не церемонясь.

Воскресеніе.—Христосъ воскресъ, моя милая женка; грустно, мой Ангелъ, грустно безъ тебя. Письмо твое мнѣ изъ головы нейдетъ. Ты, мнѣ кажется, слишкомъ устала. Приѣдешь въ Москву, обрадуешься сестрамъ; нервы твои будутъ напряжены, ты подумаешь, что ты здорова совершенно, цѣлую ночь простоишь у всенощной, и теперь лежишь въ разтяжку, въ истерикѣ и лихорадкѣ. Вотъ что меня тревожитъ, мой Ангелъ, такъ что голова кругомъ идетъ, и что ничто другое въ умъ не лѣзетъ. Дождусь ли я, чтобъ ты въ деревню уѣхала? Нынче Великій Князь присягалъ; я не былъ на церемоніи, потому что репортуюсь больнымъ, да и въ самомъ дѣлѣ не очень здоровъ. Кочубей сдѣланъ канцлеромъ; множество милостей; шесть фрейлинъ, между прочими твоя приятельница Натали Оболенская, а наша Машенька Вяземская все пѣтъ. Жаль и досадно. Наслѣдникъ былъ очень тронутъ; Государь также. Вообще говорятъ, все это произвело сильное дѣйствіе. Съ одной стороны я очень жалѣю, что не видалъ сцены исторической, и подъ старость нельзя мнѣ будетъ говорить объ ней, какъ свидѣтелю. Еще новость: Мердеръ умеръ; это еще тайна для В. Князя, и отравитъ его юношескую радость. Аракчеевъ также умеръ. Объ этомъ во всей Россіи жалѣю я одинъ. Не удалось мнѣ съ нимъ свидѣться и наговориться. Тетка подарила мнѣ шоколадный бильярдъ — прелесть. Она тебя очень цалуетъ и по тебѣ хандритъ. Прощайте, всѣ мои. Христосъ воскресъ, Христосъ съ вами.

526.

Н. Н. Пушкиной.

[Вторникъ 24-го апрѣля 1834 г. Петербургъ].

Вторникъ.—Благодарю тебя, мой Ангелъ, за письмо изъ подъ Торжка—Ты умна, ты здорова—ты дѣтей кашей кормишь—Ты подъ Москвою.—Все это меня очень порадовало и успокоило; а то я былъ самъ несвой—У насъ святая недѣля, шумная, бурная. Вчера былъ у Карамзиной и побранился съ Тимерязевой—Сегодня пойду къ теткѣ, съ твоимъ письмомъ. Завтра напишу тебѣ много. Покамѣсть цалую тебя и всѣхъ Васъ благословляю.

527.

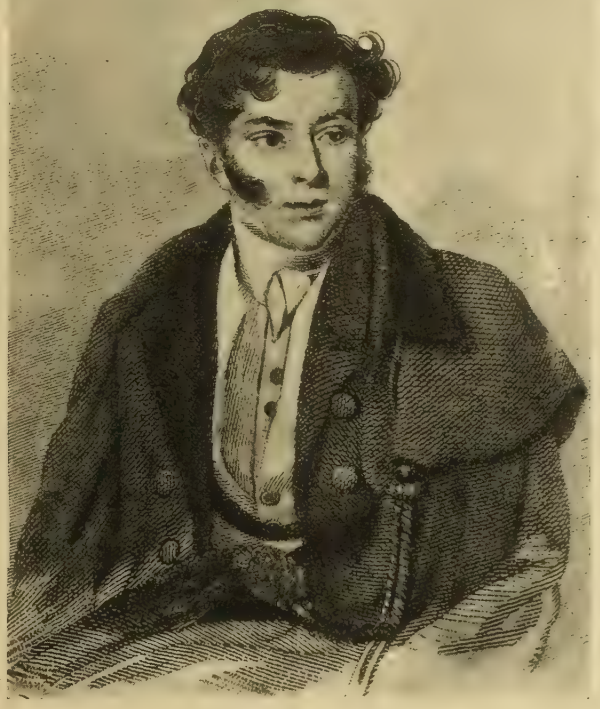
Н. Н. Пушкиной.

Суббота [28-го апрѣля 1834 г. Петербургъ].

— Ну, женка! насилу дождались мы отъ тебя письма. По моему разчету, ты должна была приѣхать въ Москву въ Великій четвергъ (такъ и вышло), и цѣлые девять дней не было отъ тебя извѣстія. Тетка перепугалась. Я былъ спокойнѣе, зная уже, что ты до Торжка дотащилась благополучно, и полагая, что хлопоты приѣзда и радость свиданія помѣшаютъ тебѣ въ первые дни думать о письмахъ. Однако ужъ и мнѣ становилось плохо. Слава Богу! ты приѣхала, ты и Маша здоровы, Сашкѣ лучше, вѣроятно онъ и совсѣмъ выздоровѣетъ. Не отъ кормилицы ли онъ боленъ? вели ее осмотрѣть, да отыми его отъ груди, пора. Кланяйся сестрамъ. Попроси ихъ отъ меня Машку не баловать, т. е. не слушаться ея слезъ и крику, а то мнѣ не будетъ отъ нея покоя. Береги себя и сдѣлай милость, не простудись. Что дѣлать съ матерью? Коли она сама къ тебѣ приѣхать не хочетъ, поѣзжай къ ней на недѣлю, на двѣ, хоть это лишніе расходы и лишнія хлопоты. Боюсь ужасно для тебя семейственныхъ сценъ. Помяни Господи Царя Давида и всю кротость его! — Съ отцомъ пожалуй-ста не входи въ близкія сно-

шенія и дѣтей ему не показывай; на его, въ его положеніи, невозможно полагаться. Того и гляди, откуситъ у Машки носикъ. Теперь вотъ тебѣ всепокорнѣйшій отчетъ. Святую недѣлю провелъ я чинно-дома, былъ всего вчерась (въ пятницу) у Карамзиной да у Смирновой. На качеляхъ не являлся; завтра будетъ балъ, на который также не явлюсь. Этотъ балъ кружитъ всѣ головы и сдѣлался предмѣтомъ толковъ всего города. Будетъ 1,800 гостей. Разчислено, что, полагая по одной минутѣ на карету, подъѣздъ будетъ продолжаться 10 часовъ; но кареты будутъ подъѣзжать по 3 вдругъ, слѣдственно время втрое сократится. Вчера весь городъ ѣздилъ смотрѣть залу, кромѣ меня. Соболевскій здѣсь, позанялъ у меня 50 р. и съ тѣхъ поръ ко мнѣ не являлся. Левъ Серг. переѣзжаетъ сегодня отъ Энг. къ родителямъ. Честь имѣю тебѣ замѣтить, что твой извощикъ спрашивалъ не Рейнвейну, а Ренскаго <т. е. всякое бѣлое кисленькое виноградное вино называется Ренскимъ>; впрочемъ, твое замѣчаніе о просвѣщеніи Русскаго народа очень справедливо и дѣлаетъ тебѣ честь, а мнѣ удовольствіе. Dis moi ce que tu bois, je te dirai qui tu es. Пьешь ли ты ромашку или eau d'orange? Тетка третьяго дня заѣзжала ко мнѣ узнать о твоемъ здоровьѣ и пококетничала со мною изъ.... *) ты. Сегодня отправлюсь къ ней съ твоимъ письмомъ. Прощай, мой Ангелъ; цалую тебя и всѣхъ васъ благословляю. Кланяюсь сестрамъ.—Эхъ хотѣлось бы отпустить une bonne plaisanterie, да тебя боюсь. Addio.—*Суббота.*

На конвертѣ: Ея Благородію, М. Г. Наталіи Николаевнѣ Пушкиной, въ Москвѣ, на Никитской, въ домѣ Гончарова.



Н. И. ХМѢЛЬНИЦКІЙ.

528.

Н. Н. Пушкиной.

30-го апрѣля [1834 г. Петербургъ].

Ѳоминъ понедѣльникъ.—Вчера былъ, наконецъ, Дворянскій балъ. Съ шести часовъ начался подъѣздъ экипажей. Я пошелъ бродить по городу и прошелъ мимо дома Нарышкина. Народу толпилось множество. Полиція съ нимъ шумѣла. Иллюменацію приготовляли. Не дождавшись сумерковъ, пошелъ я въ Англ. клобъ, гдѣ со мною случилось небывалое произшедствіе. У меня въ клобѣ украли 350 рублей, украли не въ тинтере, не въ вистъ, а украли, какъ крадутъ на площадяхъ. Каковъ нашъ клобъ? перещеголяли мы и Московскій! Ты думаешь, что я сердился? ничуть. Я золъ на Петербургъ, и радуюсь каждой его гадости. Возвратясь домой, получаю твое письмо, милый мой Ангелъ. Слава Богу, ты здорова, дѣти здоровы, ты пай дитя; съ бала уѣзжаешь прежде мазурки, по приходамъ не таскаешься. Одно худо: не утерпѣла ты, чтобъ не съѣздить на балъ Кн. Голицыной. А я именно объ этомъ и просилъ тебя. Я не хочу, чтобъ жена моя ѣздила туда, гдѣ хозяйка позволяетъ себѣ невниманіе и неуваженіе. Ты не m-lle Sontag, которую зовутъ на вечеръ, а потомъ на нее и не смотрятъ. Московскія дамы мнѣ не примѣръ. Онѣ пускай таскаются по переднямъ къ тѣмъ, которыя на нихъ и не смотрятъ. Туда имъ и дорога. Женка, женка! если ты и въ эдакой бездѣлицѣ меня не слушаешь, такъ какъ мнѣ не думать... ну, ужъ Богъ съ тобой.—Ты говоришь: я къ ней не ѣздила, она сама ко мнѣ подошла. Это-то и худо. Ты могла и должна была сдѣлать ей визитъ, потому что она штатсъ-дама, а ты камеръ-пажиха; это дѣло службы. Но на балъ къ ней нечего было тебѣ являться. Ей Богу, досада беретъ—и письма не хочу продолжать.

529.

Н. Н. Пушкиной.

[30-го апрѣля 1834 г. Петербургъ].

Жена моя милая, женка мой Ангелъ—я сегодня ужъ писалъ тебѣ, да письмо мое какъ то не удалось. Началъ я было за здравіе, свелъ за упокой. Началъ нѣжностями, а кончилъ плюхой. Виноватъ, женка. Остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Прощаю тебѣ балъ у Голицыной и поговорю тебѣ о балѣ вчерашнемъ, о которомъ весь городъ говоритъ, и который, сказываютъ, очень удался. Ничего нельзя было видѣть великолѣпнѣе. Было и не слишкомъ тѣсно, и много мороженаго, такъ что мнѣ бы очень было хорошо. Но я былъ въ народѣ, и передо мною весь городъ проѣхалъ въ каретахъ <кромѣ поэта Кукольника, который проѣхалъ въ какомъ-то старомъ фургонѣ, съ какимъ-то оборваннымъ мальчикомъ на заплаткахъ;

*) Вырванъ клочекъ.

что было истинное поэтическое явленіе>. О туалетахъ я справлюсь и дамъ тебѣ знать. Я писалъ тебѣ, что у меня въ клобѣ украли деньги; не вѣрь, это низкая клевета: деньги нашлись, и мнѣ принесены. Напрасно ты думаешь, что я въ лапахъ у Соболевскаго и что онъ пакоститъ твои мебели. Я его вовсе не вижу, а подружился опять съ Sophie Karamsine. Она сегодня на свадьбѣ, у Бакуниной. Есть еще славная свадьба: Воронцовъ женится на дочери К. А. Нарышкина, которая и въ свѣтъ еще не выѣзжаетъ. Теперь изъ богатыхъ жениховъ остался одинъ Новомлинскій, ибо Сорохтинъ, ты говоришь, умре. Кого-то выберетъ онъ? Александру ли Николаевну или Кат. Ник.? какъ думаешь? Это письмо, вѣроятно, получишь ты уже въ Ярополцѣ; Натальѣ Ивановнѣ я уже писалъ; поцалуй за меня у ней ручки и скажи много нѣжнаго.—Прощай, жена, цалую и благословляю тебя и Васъ.—*А. П.*

На конвертѣ: Ея Благородію, М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Москвѣ, на Никитской, въ домѣ Гончарова.

530.

Д. Н. Бантышу-Каменскому.

1-го мая 1834 г. Петербургъ.

Милостивый Государь Дмитрій Николаевичъ! Позвольте принести Вамъ глубочайшую мою благодарность за письмо, драгоцѣнный знакъ Вашей благосклонности, и за снимокъ съ печати Самозванца, который я тотчасъ и отдалъ гравировать. Портретъ его у меня есть и такъ же гравируется. Съ нетерпѣніемъ буду ждать Біографію Пугачева, которую изволите мнѣ обѣщать съ такою снисходительностію.

Жалѣю, что время не позволяетъ мнѣ повергнуть мой трудъ Вашему разсмотрѣнію. Мнѣнія и замѣчанія такова человѣка, каковъ Вы, послужили бы мнѣ руководствомъ и ободрили бы первый мой историческій опытъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

1 мая 1834. С. П. Б.

531.

Н. И. Павлищеву.

4-го мая 1834 г. Петербургъ.

Милостивый Государь Николай Ивановичь, Благодарю Васъ за Ваше письмо. Оно дѣльное и дѣловое; слѣдовательно отвѣчать на него не трудно.

Согласясь взять на себя управленіе Батюшкинова имѣнія, я потребовалъ яснаго разчета долгамъ казеннымъ и частнымъ, и доходамъ. Батюшка отвѣчалъ мнѣ, что долгу на всемъ имѣніи тысячъ сто, что процентовъ въ годъ должно уплачивать тысячъ семь, что недоимокъ тысячи три, а что доходовъ тысячъ 22. Я просилъ все это опредѣлить съ большею точностію, и Батюшка не успѣлъ этого сдѣлать самъ, я обратился въ ломбардъ и узналъ навѣрное что

долгу казеннаго	190,750
что процентовъ ежегод. . . .	11,826
что недоимокъ	11,045

(Частныхъ долговъ полагаю около 10,000).

Сколько доходу навѣрное знать не могу, но полагаясь на слова Батюшкины, и ставя по 22,000, выдетъ что за уплатою казен. процентовъ, остается до 10,000.

Изъ оныхъ, если Батюшка положитъ по 1500 Ольгѣ Серг. да по стольку-же Л. С—у, то останется для него 7000. Сего было бы довольно для него, но есть недоимки казенныя, долги частные, долги Льва Серг., и часть доходовъ сего года уже Батюшкой получена и изтрачена.

Покамѣсть не приведу въ порядокъ и въ извѣстность сіи запутанныя дѣла, ничего не могу обѣщать Ольгѣ Сергѣевнѣ и не обѣщаю; состояніе мое позволяетъ мнѣ не брать ничего изъ доходовъ Батюшкина имѣнія, но своихъ денегъ я не могу и не въ состояніи приплачивать—

На дняхъ. . . . 74 души не залож. . . . Надѣюсь получить тыс. . . . будетъ запрещеніе на им. . . . *) нихъ пришлю Вамъ долгъ Л. С.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію остаюсь Вашъ покорнѣйшій слуга А. Пушкинъ.

4 мая 1834. С. Пб.

Я еще не получилъ отъ Батюшки довѣренности,.. **) въ одинъ мѣсяцъ изъ моихъ денегъ уплатилъ уже въ одинъ мѣсяцъ 866 за батюшку, а за Л. С. 1330; болѣе не могу.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Николаю Ивановичу Павлищеву. Въ Варшаву. Помощнику Статсъ-Секретаря Государственнаго совѣта.

532.

Н. В. Гоголю.

[13-го мая 1834 г. Петербургъ].

—Я совершенно съ Вами согласенъ — Пойду сегодня же назидать Уварова, и къ стати о смерти Телеграфа, поговорю и о Вашей. Отъ сего незамѣтнымъ и искуснымъ образомъ перейду къ безсмертію, Его ожидающему. Авось уладимъ.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Н. В. Гоголю.

533.

Н. Н. Пушкиной.

[Первая половина мая 1834 г. Петербургъ].

Какая ты дура, мой Ангелъ! конечно я не стану безпокоиться оттого, что ты три дня пропустишь безъ письма, такъ точно какъ я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь съ кавалеръ-гардомъ. Изъ этого еще не слѣдуетъ, что я равнодушенъ и не ревнивъ. Я отправилъ тебя изъ П. Б. съ большимъ безпокойствомъ; твое письмо изъ Бронницы еще болѣе

*) Часть письма вырвана.
**) Прорвано.

меня взволновало. Но когда узналъ я, что до Торжка ты доѣхала здорова, у меня горе съ сердца свалилось, и я не сталъ съизнова хандрить. Письмо твое очень мило, а опасенія насчетъ истинныхъ причинъ моей дружбы къ Софьи К. очень приятны для моего самолюбія. Отвѣчаю на твои запросы: Смирнова не бываетъ у К., ей не встащить брюха на такую лѣстницу; кажется, она уже на дачѣ; гр. С. тамъ также не бываетъ, но я видѣлъ ее у Кн. В.—Волочиться я ни за кѣмъ не волочусь; у меня голова кругомъ идетъ. Не радъ жизни, что взялъ имѣніе; но что жъ дѣлать? Не для меня, такъ для дѣтей. Тетка вчера сидѣла у меня. Она тебя цалуетъ. Вчера былъ большой парадъ, который, говорятъ, не удался. Царь посадилъ наслѣдника подъ арестъ. Сюда ожидаютъ прусскаго принца, и много другихъ гостей. Надѣюсь не быть ни на одномъ праздникѣ. Одна мнѣ и есть выгода отъ отсутствія твоего, что не обязанъ на балахъ дремать, да жрать мороженое. Пишу тебѣ въ Ярополецъ, гдѣ ты должна быть съ третьягодняшняго дня. — Кланяюсь сердечно Нат. Ив., цалую тебя и дѣтей. Христосъ съ вами. Знаешь ты, что кн. Мещ. и Sophie Karamsine ѣдутъ за границу. Sophie ужъ плачетъ недѣли двѣ; вѣроятно, я довезу ее до Кронштата.

На конвертѣ: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Волоколамскъ, въ село Ярополецъ.

Штемпель: Спб., 14 мая.

534.

Н. Н. Пушкиной.

[Первая половина мая 1834 г. Петербургъ].

Что это, жена? вотъ уже 5 дней, какъ я не имѣю о тебѣ извѣстія. Надѣюсь, что хлопоты отъѣзда и пріѣзда однѣ помѣшали тебѣ ко мнѣ писать и что ты и дѣти здоровы. Пишу къ тебѣ въ Ярополецъ. Не знаю, куда отправить тебѣ деньги, въ Москву ли, въ Волоколамскъ-ли, въ Калугу-ли? Надняхъ на что нибудь рѣшусь. Что тебѣ сказать о себѣ: жизнь моя очень однообразна. Обѣдаю у Дюме часа въ 2, чтобъ не встрѣтиться съ холостою шайкою. Вечеромъ бываю въ клобѣ. Вчера былъ у кн. Вяземской, гдѣ находилась и твоя гр. Сал. Оттуда поѣхалъ я къ Одоевскому, который ѣдетъ въ Ревель. Тетку вижу часто, она безпокоится, что давно нѣтъ объ тебѣ извѣстія.— Погода у насъ славная, а у васъ, вѣроятно, еще лучше. Пора тебѣ въ деревню на лѣкарство, на ванны и на чистый воздухъ.

Сей часъ, мой Ангелъ, получилъ я твое письмо отъ 1-го мая. Благодарю тебя, что ты переждешь свои времяны. Это мнѣ доказываетъ твое благоразуміе, и я тебя втрое за то люблю. Радуюсь, что ты хорошѣешь, хоть это du superflu. Сей часъ (въ 5 час.) сидѣла у меня тетка, она тебя цалуетъ. — Лѣтній садъ полонъ.—Всѣ гуляютъ. Гр. Фикельм. звала меня на вечеръ. Явлюсь въ свѣтъ въ первый разъ послѣ твоего отъѣзда.— За Салог. я не ухаживаю, вотъ-те Христосъ; и за Смирновой тоже. Смирнова ужасно брюхата, а родитъ черезъ мѣсяцъ.—Всѣ тебѣ кланяются. Завтра еще буду писать. Не смѣй купаться—съ ума сошла, что ли? Послѣ завтра обѣдаю у Спасскаго и буду на тебя жаловаться. Я не поѣхалъ къ Фикельмону, а остался дома, перечелъ твое письмо и ложусь спать. Братъ Иванъ у меня. Левъ Серг. и отецъ меня очень любятъ, а Ольга С. начинаетъ уже сердить.—Откажусь ото всего—и стану жить припѣваючи.

Князь П. И. ШАЛИКОВЪ.

535.

Н. Н. Пушкиной.

16-го мая [1834 г. Петербургъ].

— Давно, мой Ангелъ, не получалъ я отъ тебя писемъ. Тебѣ, видно, было некогда. Теперь, вѣроятно, ты въ Ярополецѣ, и уже опять собираешься въ дорогу. Такая тоска безъ тебя, что, того и гляди, пріѣду къ тебѣ. Говорилъ я со Спасскимъ о Пирмонтскихъ водахъ; онъ желаетъ, чтобы ты ихъ принимала, и входилъ со мною въ подробности, о которыхъ по почтѣ не хочу тебѣ писать. Пиши мнѣ о своемъ здоровьѣ и о здоровьѣ дѣтей, которыхъ цалую и благословляю. Кланяюсь Н. Ив.— Тебя цалую.—На дняхъ получишь письма по оказіи.—Прощай, мой милый другъ. 16 мая.

На конвертѣ: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Волоколамскъ, въ село Ярополецъ.

Штемпель: Спб. 18 мая.

536.

Н. Н. Пушкиной.

[18-го мая 1834 г. Петербургъ].

Мой Ангелъ! поздравляю тебя съ Машинымъ рожденіемъ, цалую тебя и ее. Дай Богъ ей зубковъ и здоровья. Того же и Сашѣ желаю, хоть онъ не имянинникъ. Ты такъ давно, такъ давно ко мнѣ не писала, что не смотря на то, что безпокоиться по пустому я не люблю, но я безпокоюсь. Я долженъ былъ изъ Ярополеца получить по крайней мѣрѣ два письма. Здорова-ли ты и дѣти? спокойна-ли ты? Я тебѣ не писалъ, потому что былъ золъ—не на тебя, на другихъ. Одно изъ моихъ писемъ попалось полиціи, и такъ далѣе. Смотри, женка, надѣюсь, что ты моихъ писемъ списывать никому не дашь; если почта распечатала письмо мужа къ женѣ, такъ это ея дѣло,

и тутъ одно неприятно: тайна семейственныхъ сношеній, проникнутая сквернымъ и безчестнымъ образомъ; но если ты виновата, такъ это мнѣ было бы больно. Никто не долженъ знать, что можетъ происходить между нами; никто не долженъ быть принятъ въ нашу спальню. Безъ тайны нѣтъ семейственной жизни. Я пишу тебѣ не для печати, а тебѣ нечего публику принимать къ н..... Но знаю, что этого быть не можетъ; а свинство уже давно меня ни въ комъ не удивляетъ. Вчера я былъ въ концертѣ, данномъ для бѣдныхъ въ великолѣпной залѣ Нарышкина, въ самомъ дѣлѣ великолѣпной. Какъ жаль, что ты ее не видала! Пѣли новую музыку Вельгорскаго на слова Жуковскаго. Я никого не вижу, нигдѣ не бываю; принялся за работу и пишу по утрамъ. Безъ тебя такъ мнѣ скучно, что поминутно думаю къ тебѣ поѣхать, хоть на недѣлю. Вотъ ужъ мѣсяцъ живу безъ тебя; дотяну до Августа; а ты себя береги, боюсь твоихъ гуляній верьхомъ. Я еще не знаю, какъ ты ѣздишь; вѣроятно—смѣло; да крѣпко ли на сѣдлѣ сидишь? вотъ вопросъ. Дай Богъ тебя мнѣ увидѣть здоровою, дѣтей цѣлыхъ и живыхъ! да плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ! Неприятна зависимость; особенно, когда лѣтъ 20 человѣкъ былъ независимъ. Это не упрекъ тебѣ, а ропотъ на самого себя.—Благословляю всѣхъ Васъ, дѣтушки.

На конвертѣ: М. Г. Натальи Николаевнѣ Пушкиной, въ Волоколамскъ, въ село Ярополицъ.

Штемпель: Спб. 18 Мая.

537.

А. Н. Мордвинову.

26-го мая 1834 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Александръ Николаевичъ.

Осмѣливаюсь безпокоить Ваше Превосходительство покорнѣйшей просьбой о позволеніи мнѣ перепечатать въ одну книгу сочиненія мои въ прозѣ донынѣ изданныя; также о позволеніи доставить Вильгельму Кюхельбекеру экземпляръ всѣхъ моихъ сочиненій.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

26 мая 1834
С. П. Б.

538.

Н. Н. Пушкиной.

[29-го мая 1834 г. Петербургъ].

Благодарю тебя, мой Ангелъ, за добрую вѣсть о зубкѣ Машиномъ. Теперь надѣюсь, что и остальные прорѣжутся безопасно. Теперь за Сашкою дѣло. Что̀ ты путаешь, говоря: «о себѣ не пишу, потому что не интересно». Лучше бы ты о себѣ писала, чѣмъ о S., о которой забираешь въ голову всякой вздоръ—на-смѣхъ всѣмъ честнымъ людямъ и полиціи, которая читаетъ наши письма. Ты спрашиваешь, что̀ я дѣлаю.—Ничего путнаго, мой Ангелъ. Однако дома сижу до 4-хъ часовъ и работаю. Въ свѣтѣ не бываю; отъ фрака отвыкъ; въ клобѣ провожу вечера. Книги изъ Парижа приѣхали, и моя Библіотека растетъ и тѣснится. Къ намъ въ П. Б. приѣхалъ Ventriloque, который смѣшилъ меня до слезъ; мнѣ право жаль, что ты его не услышишь. Хлопоты по имѣнію меня бѣсятъ; съ твоего позволенія, надобно будетъ, кажется, выдти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ приятно льстилъ моему честолюбію, и въ которомъ, къ сожалѣнію, не успѣлъ я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнить долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ честной и доброй жены. Зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ; и никакіе успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства.—Вотъ тебѣ и мораль. Ты зовешь меня къ себѣ прежде августа. Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Ты развѣ думаешь, что свинскій Петербургъ не гадокъ мнѣ? что мнѣ весело въ немъ жить между пасквилями и доносами? Ты спрашиваешь меня о Петрѣ?—идетъ помаленьку; скопляю матерьялы—привожу въ порядокъ — и вдругъ вылью мѣдный памятникъ, котораго не льзя будетъ перетаскивать съ одного конца города на другой, съ площади на площадь, изъ переулка въ переулокъ.—Вчера видѣлъ я Сперанскаго, Карамзиныхъ, Жуковскаго, Вельгорскаго, Вяземскаго — всѣ тебѣ кланяются. Тетка меня все балуетъ—для моего рожденія прислала мнѣ корзину съ дынями, съ земляникой, клубникой—такъ что боюсь поносомъ встрѣтить 36-ой годъ бурной моей жизни. Сегодня ѣду къ ней съ твоимъ письмомъ. Покамѣсть прощай, мой другъ.—У меня желчь, такъ извини мои сердитыя письма. Цалую васъ и благословляю.

P. S. Деньги шлю на имя Дм. Н.

На конвертѣ: въ Калугу, на Полотняные Заводы.

Штемпель: Спб. 29 Мая.

539.

Графу N. N.

(*Черновое*).

[Середина 1834 г. Петербургъ].

M. le C.

[J'ai été] [Je suis tout triste de ne pas vous avoir]. Voici le livre en question. Je vous supplie de ne pas le montrer à qui que ce soit. [Si vous n']. Si je n'ai pas eu le bonheur de vous l'apporter moi-même—Vous me permettrez de venir au moins le reprendre, [et le].

540.

Н. Н. Пушкиной.

3-го іюня [1834 г. Петербургъ].

Что это, мой другъ, съ тобою дѣлается? вотъ уже девятый день, какъ не имѣю отъ тебя извѣстія. Это меня поневолѣ безпокоитъ. Положимъ, ты выѣзжала изъ Ярополъца; все-таки, могла имѣть время написать мнѣ двѣ строчки. Я не

писалъ тебѣ потому, что свинство почты такъ меня охолодило, что я пера въ руки взять былъ не въ силѣ. Мысль, что кто-нибудь насъ съ тобой подслушиваетъ, приводитъ меня въ бѣшенство à la lettre. Безъ политической свободы жить очень можно; безъ семейственной неприкосновенности <inviolabilité de la famille> невозможно. Каторга не въ примѣръ лучше. Это писано не для тебя; а вотъ что пишу для тебя. Начала ли ты желѣзныя ванны? есть-ли у Маши новые зубы, и каково перенесла она свои первые? У меня отгадай, кто теперь остановился?—Сергѣй Ник., который пріѣхалъ-было въ Ц. С. къ брату, но съ нимъ побранился и принужденъ былъ бѣжать со всѣмъ багажемъ. Я очень ему радъ. Шашни возобновились. Тетка уѣхала съ Н. Кир.—Я еще у ней не былъ. Долгорукая Малиновская выкинула, но, кажется, здорова. Сегодня обѣдаю у Вяз., у котораго сынъ имянинникъ; Карамзина уѣхала также. Писалъ я тебѣ, что Мещерскіе отправились въ Италію, и что Sophie три дня сряду разливалась, обвиняя себя въ жестокосердіи и раскаиваясь въ томъ, что оставляетъ Кат. Андр. одну? Я провожалъ ихъ до Пироскафа. Въ прошлое воскресеніе представлялся я къ Вел. Княгинѣ. Я поѣхалъ къ Ея Выс. на Кам. Островъ въ томъ приятномъ расположеніи духа, въ которомъ ты меня привыкла видѣть, когда надѣваю свой великолѣпный мундиръ. Но она такъ была мила, что я забылъ и свою нещастную роль и досаду. Со мною вмѣстѣ представлялся censоръ Красовскій. Вел. Кн. сказала ему: Vous devez être bien fatigué d'être obligé de lire tout ce qui paroit.—Oui, Votre A. I., отвѣчалъ онъ ей: d'autant plus que ce que l'on écrit maintenant n'a pas le sens commun. А я стою подлѣ него. Она, какъ умная женщина, какъ-то его подправила. Смирнова на-сносяхъ. Брюхо ея ужасно; не знаю, какъ она разрѣшится, но она много ходитъ и не похожа на то, что была прошлаго года. Гр. Сал. встрѣтилъ я недавно. Она велѣла тебя поцаловать, и тетка ея также. Я большею частію дома и въ клобѣ. Веду себя порядочно, только то не хорошо, что разстроилъ себѣ желудокъ и что желчь меня такъ и волнуетъ. Да отъ желчи здѣсь не убережешься. Новостей нѣтъ, да хоть бы и были, такъ не сказалъ бы. — Цалую всѣхъ васъ, Христосъ съ вами. Отецъ и мать на дняхъ ѣдутъ въ деревню, а я хлопочу. Левъ ходитъ пѣшкомъ въ Царское Село, а Соболевскій въ Ораніенбаумъ. Видно, имъ обоимъ дѣлать нечего. Прощай, мой Ангелъ. Не сердись на холодность моихъ писемъ. Пишу, скрѣпя сердце.—3 іюня.

С. П. ШЕВЫРЕВЪ.

541.

Д. Н. Бантышу-Каменскому.

3-го іюня 1834 г. Петербургъ.

Милостивый Государь Дмитрій Николаевичь! Не знаю, какъ Васъ благодарить за доставленіе бумагъ, касающихся Пугачева. Не смотря на то, что я имѣлъ уже въ рукахъ множество драгоцѣнныхъ матерьяловъ, я тутъ нашелъ неизвѣстныя, любопытныя подробности, которыми непремѣнно воспользуюсь. Смирдину отдалъ я Вашу прекрасную статью о Панинѣ. Онъ взялъ ее къ себѣ съ благодарностію. Не согласитесь-ли вы участвовать въ его журналѣ и на какихъ условіяхъ?

Вы вѣроятно изволили слышать о торговомъ и литературномъ предпріятіи Плюшара, о Русскомъ Conversations-Lexikon. Великое множество біографическихъ статей, Вами заготовленныхъ, могли бы войти въ составъ этого Лексикона. Не войдетели Вы въ сношеніе съ Плюшаромъ? Въ такомъ случаѣ прошу Васъ выбрать меня въ свои повѣренные, а мы ради стараться.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію, честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою, Александръ Пушкинъ.

(Черновое).

Милостивый Государь

Дмитрій Николаевичь,

Не знаю какъ Васъ благодарить за доставленіе бумагъ косающихся Пугачева. Не смотря на то что я имѣлъ уже множество драгоцѣнныхъ

матерьаловъ, я въ нихъ нашелъ [очень много любопытныхъ] мнѣ неизвѣстныя подробности которыми непремѣнно воспользуюсь. Смирдину [показывалъ я] отдалъ вашу любопытную біогр. Панина—онъ [все] взялъ ея къ себѣ съ благодарностью [и ожидаетъ..... и я взялся узнать условія на которыхъ]. Не согласитесь-ли Вы участвовать въ его журналѣ и на какихъ условіяхъ.—

Вы вѣроятно изволили слышать о торг. и лит. предприятіи Плюшара—о Русск. Convers. Великое множество [статей] Вами заготовленныхъ біогр. статей [и долженств. о предкахъ долженствующ.] могли бы войти въ составъ этого Лексикона [не поручите-ли вы мнѣ узнать отъ Плюшара]. Не войдете-ли вы въ сношенія съ Плюш. Въ такомъ случаѣ прошу [Ваше Превосх. сдѣлать] Васъ выбрать меня Вашимъ повѣреннымъ, а мы ради стараться. Съ глуб. etc.

542.

Н. Н. Пушкиной.

8-го іюня [1834 г. Петербургъ].

8 іюня.—Милый мой Ангелъ! Я было написалъ тебѣ письмо на 4 страницахъ, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебѣ не послалъ, а пишу другое. У меня рѣшительно сплинъ. Скучно жить безъ тебя и не смѣть даже писать тебѣ все, что придетъ на сердце. Ты говоришь о Болдинѣ. Хорошо бы туда засѣсть, да мудрено. Объ этомъ успѣемъ еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости. Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя нещастливъ; но я не долженъ былъ вступать въ службу, и что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня, какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать, какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Господа Бога. Но ты во всемъ этомъ не виновата, а виноватъ я изъ добродушія, коимъ я преисполненъ до глупости, не смотря на опыты жизни.

Благодарю тебя за вѣсы, роскошную вывѣску моей скупости. Мнѣ прислала ихъ тетка безъ записки. Вѣроятно, она теперь въ хлопотахъ и приготовляетъ Нат. Кир. къ вѣстѣ о смерти кн. Кочубея, который до васъ не доѣхалъ, какъ имѣлъ намѣреніе, и умеръ въ Москвѣ. Денегъ тебѣ еще не посылаю. Принужденъ былъ снарядить въ дорогу своихъ стариковъ. Теребятъ меня безъ милосердія. Вѣроятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь отъ управленія имѣнія. Пускай они его коверкаютъ, какъ знаютъ; на ихъ вѣкъ станетъ, а мы Сашкѣ и Машкѣ постараемся оставить кусокъ хлѣба. Не такъ-ли? Новостей нѣтъ. Фикельмонъ боленъ и въ ужасной хандрѣ. Вельгорскій ѣдетъ въ Италію къ больной женѣ; П. Б. пустъ, всѣ на дачахъ, а я сижу дома до 4 часовъ и пишу. Обѣдаю у Дюме. Вечеромъ въ клобѣ. Вотъ и весь мой день. Для развлеченія вздумалъ было я въ клобѣ играть, но принуждекъ былъ остановиться. Игра волнуетъ меня — а желчь не унимается. Цалую васъ и благословляю. Прощай. Жду отъ тебя письма объ Ярополицѣ. Но будь осторожна... вѣроятно, и твои письма распечатываютъ: этого требуетъ Государственная безопасность!

На оборотѣ: въ Калугу, на Полотняные Заводы.

Штемпель: Спб. 8 іюня.

543.

Н. Н. Пушкиной.

11-го іюня [1834 г. Петербургъ].

Нашла, за что браниться!.. за Лѣтній садъ и за Соболевскаго! Да вѣдь Лѣтній садъ мой огородъ. Я, вставши отъ сна, иду туда въ халатѣ и туфляхъ. Послѣ обѣда сплю въ немъ, читаю и пишу. Я въ немъ дома. А Соболевскій? Соболевскій самъ по себѣ, а я самъ по себѣ. Онъ спекуляціи творитъ свои, а я свои. Моя спекуляція—удрать къ тебѣ въ деревню. Что ты мнѣ пишешь о Калугѣ? что тебѣ смотрѣть на нее? Калуга немного гаже Москвы, которая гораздо гаже Петербурга. Что же тебѣ тамъ дѣлать? Это тебя сестры баломутятъ, и вѣрно ужъ моя любимая. Это на нее весьма похоже. Прошу тебя, мой другъ, въ Калугу не ѣздить. Сиди дома—такъ будетъ лучше. Тетка на дачѣ, а я у ней еще не былъ. Ѣду сегодня съ твоими письмами. Нат. Кир. узнала о смерти Кочубея. Je ne croyois pas, сказала она, que la mort de K., me fit tant de peine. Она утѣшается тѣмъ, что умеръ—онъ, а не Маша. Сегодня ѣдутъ мои въ деревню, и я ихъ иду проводить, до кареты, не до Царскаго Села, куда Левъ Серг. ходитъ пѣшечкомъ. Ужъ какъ меня теребили; вспомнилъ я тебя, мой Ангелъ. А дѣлать нечего. Если не взяться за имѣніе, то оно пропадетъ же даромъ; Ольга Серг. и Л. Серг. останутся на подножномъ корму, а придется взять ихъ мнѣ же на руки, тогда то наплачусь и наплачусь, а имъ и горя мало! Меня же будутъ цыганить. Охъ, семья, семья!

Пожалуйста, мой другъ, не ѣзди въ Калугу. Съ кѣмъ тамъ тебѣ знаться? съ Губернаторшей? Она очень мила и умна; но я никакой не вижу причины тебѣ ѣхать къ ней на поклонъ. Съ невѣстой Дм. Ник.? Вотъ это дѣло другое. Ты слади эту свадьбу, а я приѣду въ отцы посаженые. Напиши мнѣ, женка, какъ поживала ты въ Яроп., какъ ладила съ матушкой и съ прочими. Надѣюсь, что Вы разстались дружески, не успѣвъ поссориться и приревновать другъ къ другу. У насъ ожидаютъ Прусскаго принца. Вчера пріѣхалъ Озеровъ изъ Берлина съ женою въ три обхвата. Славная баба; я, смотря на нее, думалъ о тебѣ и желалъ тебѣ воротиться изъ Завода такою-же тетехой. Полно тебѣ быть спичкой. Прощай, жена. У меня на душѣ просвѣтлѣло. Я два дня сряду получалъ отъ тебя письма и помирился отъ души съ почтою и полиціей. Чортъ съ ними. Что дѣлаютъ дѣти? благословляю ихъ, а тебя цалую.—11 іюня.

Въ тотъ же день.—Сейчасъ отъ меня тетка. Она проситъ тебя къ ней писать, а меня—тебѣ уши выдрать. Она переѣзжаетъ въ Царское Село, въ домъ Кн. Кочубея съ Нат. Кир., которая удивительно мила и добра; завтра ѣду съ ней проститься. Зачѣмъ ты теткѣ не пишешь? Какая ты безалаберная! Она проситъ, чтобъ я тебя въ Калугу пустилъ; да вѣдь ты махнешь и безъ моего позволенія? Ты на это молодецъ. Сей часъ простился съ отцемъ и матерью. У него хандра и

черныя мысли. Знаешь, что я думаю? не пріѣхать ли мнѣ къ тебѣ на лѣто? Нѣтъ, жена, дѣла есть, потерпимъ еще полтора мѣсяца. А тутъ я къ тебѣ упаду, какъ снѣгъ на голову,—если только пустятъ меня. Охота тебѣ думать о помѣщеніи сестеръ во дворецъ. Во-первыхъ, вѣроятно откажутъ; а во-вторыхъ, коли и возьмутъ, то подумай, что за скверные толки пойдутъ по свинскому П. Б.—Ты слишкомъ хороша, мой ангелъ, чтобъ пускаться въ просительницы. Погоди: овдовѣешь, постарѣешь—тогда, пожалуй, будь салопницей и титулярной совѣтницей. Мой совѣтъ тебѣ и сестрамъ—быть подалѣ отъ двора: въ немъ толку мало. Вы же не богаты. На тетку нельзя вамъ всѣмъ навалиться. Боже мой! кабы Заводы были мои, такъ меня бы въ П. Б. не заманили и московскимъ калачемъ. Жилъ-бы себѣ бариномъ.— Но вы, бабы, не понимаете щастья независимости и готовы закабалить себя навѣки, чтобы только сказали про васъ: hier madame une telle était décidément la plus belle et la mieux mise du bal. Прощай, Madame une telle, тетка прислала мнѣ твое письмо, за которое я тебя очень благодарю. Будь здорова, умна, мила, не ѣзди на бѣшеныхъ лошадяхъ, за дѣтьми смотри, чтобъ за ними няньки ихъ смотрѣли, пиши ко мнѣ чаще; сестеръ поцалуй запросто, Дм. Ник. также — дѣтей за меня благослови. Цалую тебя. Ѣду на пироскафѣ провожать Вельгорскаго, который, вѣроятно, жену свою въ живыхъ не застанетъ. Петръ I-ой идетъ; того и гляди, напечатаю 1-ой томъ къ зимѣ. На *того* я пересталъ сердиться, потому что, toute réflexion faite, не онъ виноватъ въ свинствѣ, его окружающемъ. А живя въ н....., по неволѣ привыкнешь къ г...., и вонь его тебѣ не будетъ противна, даромъ что gentleman. Ухъ кабы мнѣ удрать на чистый воздухъ.

Цензоръ ЩЕГЛОВЪ.

544.

А. Ваттемару.

16-го іюня 1834 г. Петербургъ.

Votre nom est Legion car vous êtes plusieurs.
A. Pouchkine.

16 juin v. st.
1834
St. Petersbourg.

545.

Н. Н. Пушкиной.

[Вторая половина іюня 1834 г. Петербургъ].

Грустно мнѣ, женка. Ты больна, дѣти больны. Чѣмъ это все кончится, Богъ вѣсть. Здѣсь меня теребятъ и бѣсятъ безъ милости. И мои долги, и чужіе мнѣ покоя не даютъ. Имѣніе разстроено, и надобно его поправить, уменьшая разходы, а они обрадовались и на меня насѣли. То—то, то другое. Вотъ тебѣ письмо Спаскаго. Если ты здорова, на что тебѣ ванны. Тетку видѣлъ на дняхъ. Она ѣдетъ въ Царск. Село. Прощай, женка. Плетневъ сейчасъ ко мнѣ входитъ.—*П.*

Цалую васъ всѣхъ и благословляю дѣтей.

На оборотѣ: Въ Калугу, на Полотняные Заводы.

Штемпель: Спб., 19 мая.

546.

Н. Н. Пушкиной.

[Вторая половина іюня 1834 г. Петербургъ].

«Ваше благородіе, всегда понапрасну лаиться изволите» (Недоросль).

Помилуй, за что, въ самомъ дѣлѣ, ты меня бранишь? что я пропустилъ одну почту? но вѣдь почта у насъ всякой день; пиши, сколько хочешь и когда хочешь, не то что изъ Калуги, изъ кото-

рой письма приходятъ каждые десять дней. Предпослѣднее письмо твое было такое милое, что разцаловалъ бы тебя; а это такое безолаберное, что за ухо бы выдралъ. Буду отвѣчать тебѣ по пунктамъ. Когда я представлялся В. Кн., дежурная была не С., а моя прищепленная кузинка Чичерина, до которой я не охотникъ; да хоть бы и С. была въ караулѣ, такъ ужъ если влюбиться...— Эхъ, женка! почта мѣшаетъ, а то бы я навралъ тебѣ съ три короба. Я писалъ тебѣ, что я отъ фрака отвыкъ, а ты меня ловишь во лжи, какъ въ petite misère ouverte, доказывая, что я видѣлъ и того и другаго, слѣдственно въ свѣтѣ бываю; это ничего не доказываетъ. Главное то, что я привыкъ опять къ Дюме и къ Англійскому клобу; а этимъ нечего хвастаться. Смирнова родила благополучно, и вообрази: двоихъ. Какова бабенка, и каковъ красноглазый кроликъ Смирновъ?— Перваго ребенка такого сдѣлали, что не пролѣзъ, а теперь принуждены на двое раздѣлить. Сегодня, кажется, девятый день—и слышно, мать и дѣти здоровы. Ты пишешь мнѣ, что думаешь выдать Кат. Ник. за Хлюст., а Алекс. Ник. за Убри; ничему не бывать: оба влюбятся въ тебя; ты мѣшаешь сестрамъ, потому надобно быть твоимъ мужемъ, чтобъ ухаживать за другими въ твоемъ присутствіи, моя красавица. Хлюстинъ тебѣ вретъ, а ты ему и вѣришь; откуда беретъ онъ, что я къ тебѣ въ Августѣ не буду? развѣ онъ пьянъ былъ отъ ботвиньи съ лукомъ? Меня въ П. Б. останавливаетъ одно: залогъ имѣнія Нижегородскаго; я даже Пугачева намѣренъ препоручить Яковлеву, да и дернуть къ тебѣ, мой Ангелъ, на Полотняный Заводъ.

Туда бы отъ жизни удралъ, улизнулъ! Цалую тебя и дѣтей, и благословляю васъ отъ души.— Ты, я думаю, такъ въ деревнѣ похорошѣла, что ни на что не похоже.—Благодарю за анекдотъ о Дмитр. Ник. Не влюбленъ ли онъ? Тетка въ Царскомъ Селѣ. Надняхъ ѣду къ ней. Addio, vita mia; ti amo.

На оборотѣ: Въ Калугу, на Полотняные Заводы.

Штемпель: Спб., 19 Іюня.

547.

Н. Н. Пушкиной.

[Вторая половина іюня 1834 г. Петербургъ].

— Мой Ангелъ, сей часъ послалъ я къ Графу Литта извиненіе въ томъ, что не могу быть на Петергофскомъ праздникѣ по причинѣ болѣзни. Жалѣю, что ты не увидишь; онъ того стоитъ. Не знаю даже, удастся ли тебѣ когда нибудь его видѣть. Я крѣпко думаю объ отставкѣ. Должно подумать о судьбѣ нашихъ дѣтей. Имѣніе отца, какъ я въ томъ удостовѣрился, разстроено до невозможности, и только строгой экономіей можетъ еще поправиться. Я могу имѣть большія суммы, но мы много и проживаемъ. Умри я сегодня, что съ вами будетъ! мало утѣшенія въ томъ, что меня похоронятъ въ полосатомъ кафтанѣ, и еще на тѣсномъ петербургскомъ кладбищѣ, а не въ церкви на просторѣ, какъ прилично порядочному человѣку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай сдѣлаться богатымъ— а тамъ, пожалуй, и путать можемъ въ свою голову. П. Б. ужасно скученъ. Говорятъ, что свѣтъ живетъ на Петергофской дорогѣ. На Черной рѣчкѣ только Бобринская да Фикельмонъ. Принимаютъ—а никто не ѣдетъ. Будутъ большіе праздники послѣ Петергофа. Но я ужъ никуда не поѣду. Меня здѣсь удерживаетъ одно: типографія. Виноватъ, еще другое: залогъ имѣнія. Но можно ли будетъ его заложить? какъ ты права была въ томъ, что не должно мнѣ было принимать на себя эти хлопоты, за которыя никто мнѣ спасибо не скажетъ, а которыя испортили мнѣ столько ужъ крови, что всѣ піявки дома нашего ее мнѣ не высосутъ.—Кстати о домѣ нашемъ: надобно тебѣ сказать, что я съ нашимъ хозяиномъ побранился, и вотъ почему. На дняхъ возвращаюсь ночью домой; двери заперты. Стучу, стучу; звоню, звоню. Насилу добудился дворника. А ему уже нѣсколько разъ говорилъ: прежде моего приѣзда не запирать. Разсердясь на него, далъ я ему отеческое наказаніе. На другой день узнаю, что Оливье на своемъ дворѣ декламировалъ противу меня и велѣлъ дворнику меня не слушаться и двери запирать съ 10 часовъ, чтобъ воры не украли лѣстницы. Я тотчасъ велѣлъ прибить къ дверямъ объявленіе, писанное рукою Сергѣя Николаевича, о сдачѣ квартиры — а къ Оливье написалъ письмо, на которое дуракъ до сихъ поръ не отвѣчалъ. Война же съ дворникомъ не прекращается, и вчера еще я съ нимъ повозился. Мнѣ его жаль, но дѣлать нечего: я упрямъ и хочу переспорить весь домъ — включая тутъ и піявокъ. Я передъ тобой кругомъ виноватъ въ отношеніи денежномъ. Были деньги — и проигралъ ихъ. Но что дѣлать? я такъ былъ желченъ, что надобно было развлечься чѣмъ нибудь. Все т о т ъ виноватъ; но Богъ съ нимъ; отпустилъ бы лишь меня восвояси. Письмо твое не передо мной: кажется, есть что-то, на что обязанъ я возразить— но до другого дня.—Пока прощай.—Цалую тебя и дѣтей, благословляю всѣхъ троихъ. Прощай, душа моя—кланяйся сестрамъ и братьямъ. Сергѣй Ник. на дняхъ въ офицеры произведенъ и хлопочетъ о мундирѣ. — *А. П.*

548.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

25-го іюня [1834 г. Петербургъ].

Monsieur le Comte

Des affaires de famille nécessitant ma présence tantôt à Moscou, tantôt dans l'interieur, je me vois obligé de me retirer service, et je supplie Votre Excellence de m'en obtenir la permission.

Je demanderois comme dernière grâce que l'autorisation que Sa Majesté a daigné m'accorder, celle de visiter les archives, ne me fut pas retirée.

Je suis avec respect
Monsieur le Comte
de Votre Excellence
le très humble et très obeissant
serviteur Alexandre Pouchkin.

15 juin *).
St.-Petersbourg.

*) Ошибка: надо 25-го.

549.

П. А. Осиповой.

29-го іюня [1834 г.] Петербургъ.

Je vous remercie de tout mon coeur, chère, bonne et aimable Прасковья Александровна pour la lettre que vous avez eu la bonté de m'écrire. Je vois que vous me gardez toujours la même amitié et le même intérêt. Je m'en vais vous répondre franchement sur ce qui regarde Reichman. Je le connais honnête homme, et pour le moment, c'est tout ce qu'il me faut. Je ne puis avoir de confiance ni en Michel, ni en Penkovsky, vû que je connais le premier et que je ne connais pas le second. N'ayant pas l'intention de venir m'établir à Boldino, je ne puis songer à relever un bien, qui, entre nous soit dit, touche à une ruine complètte; je veux seulement n'être pas volé, et payer les intérêts du Lombard. Les améliorations viendront ensuite. Mais soyez tranquille: Reichman vient de m'écrire que les paysans sont dans un tel état de misère, et les affaires en si mauvais train, qu'il n'a pu prendre sur lui l'administration de Boldino, et que dans ce moment il est à Malinniki.

Vous ne saurez vous imaginer combien l'administration de ce bien me pèse. Il n'y a pas de doute que Boldino mérite d'être sauvé, quand se ne seroit que pour Olga et Léon, qui pour perspective, ont la mendicité, ou tout au moins la pauvreté. Mais je ne suis pas riche, j'ai une famille à moi, qui dépend de moi, et qui sans moi tombera dans la misère. J'ai pris un bien qui ne me rapportera que des soucis et des désagréments. Mes parents ne savent pas qu'ils sont à deux doigts d'une ruine totale. S'ils pouvoient prendre sur eux de rester quelques années à Michailovcky, les affaires pourroient s'arranger, mais cela ne se fera jamais.

Je compte vous voir cet été, et comme de raison m'arrêter à Trigorsky. Veuillez présenter mes hommages à toute votre famille et recevez encore une fois mes remerciments, et l'expression de mon respect, et de mon inaltérable amitié. A. P.

29 juin
St. Pb.

13 juillet. Voici une lettre qui devoit déjà être chez vous depuis deux semaines; je ne sais comment elle n'est pas encore partie. Mais affaires m'arrêteront encore quelque tems à Pétersbourg. Mais j'ai toujours le projet de me présenter à votre porte.

550.

Н. Н. Пушкиной.

30-го іюня [1834 г. Петербургъ].

Твоя Шишкова ошиблась: я за ея дочкой Полиной не волочился, потому что не видывалъ, а ѣздилъ я къ Александру Семеновичу Ш. въ академію и то не для свадьбы, а для жетоновъ, pas autrement. Исторія же о княжняхъ совершенно справедлива, и я не вижу тутъ ничего смѣшнаго. Благодарю тебя за милое и очень милое письмо. Конечно, другъ мой, кромѣ тебя въ жизни моей утѣшенія нѣтъ—и жить съ тобою въ разлукѣ такъ же глупо, какъ и тяжело. Но что жъ дѣлать? Послѣ завтраго начну печатать Пуг., который до сихъ поръ лежитъ у Сперанскаго. Онъ задержитъ меня съ мѣсяцъ.—Въ августѣ буду у тебя. Завтра Петергофскій праздникъ, и я проведу его на дачѣ у Плетнева, вдвоемъ. Будемъ пить за твое здоровье. Съ хозяиномъ Оливье я рѣшительно побранился, и надобно будетъ имѣть другую квартиру, особенно, если приѣдутъ съ тобою сестры. Serge еще у меня, вчера явился ко мнѣ въ офицерскомъ мундирѣ, и молодецъ.—Исторія о томъ, какъ Ив. Ник. побранился съ Юрьевымъ и какъ они помирились, уморительно смѣшна, но долго тебѣ разсказывать. Изъ деревни имѣю я вѣсти неутѣшительныя. Посланный мною новый управитель нашелъ все въ такомъ безпорядкѣ, что отказался отъ управленія и уѣхалъ. Думаю послѣдовать его примѣру. Онъ умный человѣкъ, а Болдино можно еще коверкать лѣтъ пять.

Прости, женка. Благодарю тебя за то, что ты обѣщаешься не кокетничать; хоть это я тебѣ и позволилъ, но все-таки лучше моимъ позволеніемъ тебѣ не пользоваться.—Радуюсь, что Сашку отъ груди отняла, давно бы пора. А что кормилица пьянствовала, отходя ко сну, то это еще не бѣда; мальчикъ привыкнетъ къ вину и будетъ молодецъ, во Льва Сергѣевича. Машкѣ скажи, чтобъ она не капризничала, не то я приѣду и худо ей будетъ. Благословляю всѣхъ васъ—тебя цалую въ особенности. 30 іюня.

P. S. Пожалуй-ста не требуй отъ меня нѣжныхъ, любовныхъ писемъ. Мысль, что мои распечатываются и прочитываются на почтѣ, въ полиціи, и такъ далѣе — охлаждаетъ меня, и я по неволѣ сухъ и скученъ. Погоди, въ отставку выду, тогда переписка нужна не будетъ.

На оборотѣ: Въ Калугу, на Полотняный Заводъ.

Штемпель: Спб., 2 іюля.

551.

М. Л. Яковлеву.

3-го іюля 1834 г. С.-Петербургъ.

Милостивый Государь Михайло Лукьяновичъ. Въ слѣдствіи даннаго Вамъ Начальствомъ порученія касательно напечатанія рукописи моей, подъ заглавіемъ Исторія Пугачевскаго бунта, и по личному моему съ Вами о томъ объясненію, поспѣшаю Васъ увѣдомить:

1-е. Желаю я, чтобъ означенная рукопись была напечатана въ 8-ю долю листа, такого же формата, какъ Сводъ Законовъ.

2-е. Число экземпляровъ полагаю я 3,000; изъ коихъ для 1,200 прошу заготовить бумагу на щетъ казенный, а потребное количество оной для 1800 экз. доставлю я самъ въ типографію.

3-е. Что касается до шрифта и вообще до изданія книги, то на всемъ полагаюсь на Ваше благоусмотреніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть Милостивый Государь Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

552.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

3-го іюля 1834 г. [Петербургъ].

Monsieur le Comte! Il y a quelques jours que j'ai eu l'honneur de m'adresser à Votre Excellence pour en obtenir la permission de me retirer du service. Cette démarche étant inconvenante, je vous supplie, Monsieur le Comte, de ne pas y donner de suite. J'aime mieux avoir l'air d'être inconsequent que d'être ingrat.

Cependant un congé de quelques mois me serait indispensable. Je suis avec respect, monsieur le Comte, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur Alexandre Pouchkin.

3 Juillet 1834.

553.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

4-го іюля 1834 г. Петербургъ.

Милостивый Государь,

Графъ Александръ Христофоровичь.

Письмо Вашего Сіятельства отъ 30-го іюня удостоился я получить вчера вечеромъ. Крайне огорченъ я, что необдуманное прошеніе мое, вынужденное отъ меня непріятными обстоятельствами и досадными мѣлочными хлопотами, могло показаться безумной неблагодарностію и супротивленіемъ волѣ того, кто донынѣ былъ болѣе моимъ благодѣтелемъ, нежели государемъ. Буду ждать рѣшенія участи моей, но во всякомъ случаѣ ничто не измѣнитъ чувства глубокой преданности моей къ царю и сыновней благодарности за прежнія его милости.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

4-го іюля
1834
С. П. Б.

554.

В. А. Жуковскому.

[4-го іюля 1834 г. Петербургъ].

Получивъ первое письмо твое, я тотчасъ написалъ Графу Бенкендорфу, прося его остановить мою отставку, ma démarche étant inconsiderée; и сказалъ, que j'aimais mieux avoir l'air inconsequant qu'ingrat. Но вслѣдъ за тѣмъ получилъ офиціальное извѣщеніе о томъ, что отставку я получу, но что входъ въ архивы будетъ мнѣ запрещенъ. Это огорчило меня во всѣхъ отношеніяхъ. Подалъ въ отставку я въ минуту хандры и досады на всѣхъ и на все. Домашнія обстоятельства мои затруднительны, положеніе мое невесело, перемѣна жизни почти необходима. Изъяснять это все гр. Бенкендорфу мнѣ не достало духа—отъ этого и письмо мое должно было показаться сухо, а оно просто глупо.

Впрочемъ, я ужь вѣрно не имѣлъ намѣренія произвести, что вышло. Писать письмо прямо къ Государю, ей-Богу, не смѣю, особенно теперь. Оправданія мои будутъ похожи на просьбы, а онъ ужь и такъ много сдѣлалъ для меня. Сей часъ отъ меня Л. М. Она привезла еще мнѣ два твои письма. Это меня конечно трогаетъ. Но что жъ мнѣ дѣлать? Буду еще писать къ гр. Бенкендорфу.

На оборотѣ: В. А. Жуковскому.

555.

В. А. Жуковскому.

[6-го іюля 1834 г. Петербургъ].

Я право самъ не понимаю что со мною дѣлается. Идти въ отставку, когда того требуютъ обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствіе—какое-тутъ преступленіе, какая неблагодарность? Но Государь можетъ видѣть въ этомъ что-то похожее на то, чего понять все таки немогу. Въ такомъ случаѣ я не подаю въ отставку, и прошу оставить меня въ службѣ. Теперь, отчего письма мои сухи? Да зачѣмъ же быть имъ сопливыми? Во глубинѣ сердца моего я чувствую себя правымъ передъ Государемъ; Гнѣвъ его меня огорчаетъ, но чѣмъ хуже положеніе мое, тѣмъ языкъ мой становится связаннѣе и холоднѣе. Что мнѣ дѣлать? просить прощенія? хорошо; да въ чемъ? Къ Бенкендорфу я явлюсь и объясню ему что у меня на сердце—но не знаю почему письма мои неприличны. Попробую написать третье—

На оборотѣ: В. А. Жуковскому.

556.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

6-го іюля [1834 г.]. Петербургъ.

Monsieur le Comte. Permettez moi de vous parler à coeur ouvert. En demandant mon congé, je ne pensais qu'à des affaires de famille embarassantes et pénibles. Je n'avais en vue que l'inconvénient d'être obligé de faire plusieurs voyages tandis que je serais attaché au service. Sur mon Dieu et sur mon âme, c'était ma seul pensée; c'est avec une douleur profonde que je la vois si cruellement interprêtée. L'Empereur m'a comblé de grâces, dès le premier moment que sa royale pensée s'est portée sur moi. Il y en a auxquelles je ne puis penser sans une profonde émotion: tant il y a mis de loyauté et de générosité. Il a toujours été pour moi une providence et si, dans le cours de ces huit ans, il m'est arrivé de murmurer, jamais, je le jure, en sentiment d'aigreur ne c'est mêlé à ceux que je lui ai voués. Et dans se moment, ce n'est pas l'idée de perdre un protecteur tout puissant, qui me remplit de douleur—c'est celle de laisser dans son esprit une impression que, par bonheur, je n'ai pas méritée.

Je réitère, monsieur le Comte, ma très humble prière de ne pas donner de suite à la demande que j'ai faite si etourdiment.

C'est en me recommandant à Votre puissante protection, que j'ose vous présenter l'hommage de ma haute considération.

Je suis avec respect, monsieur le Comte, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur Alexandre Pouchkin.

6 Juillet
St. P.
1831.

557.

М. Н. Загоскину.

9-го іюля [1834 г. Петербургъ].

Милостивый Государь Михаилъ Николаевичь, Вы изволили вспомнить обо мнѣ и прислали мнѣ послѣднее, прекрасное Ваше твореніе; и не слыхали отъ меня спасибо. Вы имѣете полное право щитать меня неучемъ, Варваромъ и неблагодарнымъ. Но виноватъ приятель мой Соболевскій, который ѣдетъ въ Москву каждый день и уже седьмой мѣсяцъ какъ взялъ отъ меня письмо, которое обѣщался немедленно Вамъ доставить.

Обращаюсь къ Вамъ съ важнымъ <дѣломъ. Г. Александръ, очень замѣчательное лицо <или даже лица>, собирается въ Москву и предлагаетъ Вамъ слѣдующія условія: доходъ за представленія пополамъ съ дирекціей <издержки спектакля на ея щетъ> и Бенефисъ. Удостойте меня Вашимъ отвѣтомъ и потѣшьте матушку Москву.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

9 іюля.

558.

Н. Н. Пушкиной.

11-го іюля [1834 г. Петербургъ].

Ты, женка моя, [презалаберная] пребезалаберная <насилу слово написалъ>. То сердишься на меня за С., то за краткость моихъ писемъ, то за холодный слогъ, то за то, что я къ тебѣ не ѣду. Подумай обо всемъ и увидишь, что я передъ тобой не только правъ, но чуть не святъ. Съ С. я не кокетничаю, потому что и вовсе не вижу, пишу коротко и холодно по обстоятельствамъ, тебѣ извѣстнымъ; не ѣду къ тебѣ по дѣламъ, ибо и печатаю Пугачева и закладываю имѣнія, и вожусь, и хлопочу—и письмо твое меня огорчило, а между тѣмъ и порадовало; если ты поплакала, не получивъ отъ меня письма, стало быть, ты меня еще любишь, женка, за что цалую тебѣ ручки и ножки. Кабы ты видѣла, какъ я сталъ прилеженъ; какъ читаю корректуру—какъ тороплю Яковлева! Только бы въ Августѣ быть у тебя. Теперь разкажу тебѣ о вчерашнемъ балѣ. Былъ я у Фикельмонъ. Надо тебѣ знать, что съ твоего отъѣзда я кромѣ какъ въ клобѣ нигдѣ не бываю. Вотъ вчерась, какъ я ввалилъ въ освѣщенную залу съ нарядными дамами, то и смутился, какъ нѣмецкій профессоръ: насилу хозяйку нашелъ, насилу слово вымолвилъ. Потомъ, осмотрѣвшись, увидѣлъ я, что народу не такъ-то много, и что балъ это запросто, а не раутъ. Незнакомыхъ дамъ нѣсколько Прусачекъ <наши лучше, не говоря уже о тебѣ>, а одѣты, какъ Ермолова во дни отчаянныя. Вотъ, наѣлся я мороженаго и пріѣхалъ себѣ домой—въ часъ. Кажется, не за что меня бранить. О тебѣ въ свѣтѣ много спрашиваютъ и ждутъ очень. Я говорю, что ты уѣхала плясать въ Калугу. Всѣ тебя за то хвалятъ. И говорятъ: ай-да баба! - а у меня сердце радуется. Тетка заѣзжала вчера ко мнѣ и бесѣдовала со мною въ каретѣ; я ей жаловался на свое житье-бытье; а она меня утѣшала. На дняхъ я чуть было бѣды не сдѣлалъ: съ тѣмъ чуть было не побранился—и трухнулъ то я, да и грустно стало. Съ этимъ поссорюсь – другого не наживу. А долго на него сердиться не умѣю, хоть и онъ не правъ. Сегодня былъ на дачѣ у Плетнева; у него дочь имянинница. Только вмѣсто его нашелъ я кривую кузину—и ничего. А онъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ—В. Княгиню учить. Досадно было, да нечего дѣлать. Прощай, женка спать хочу. Цалую тебя и васъ—и всѣхъ благословляю. – Христосъ съ вами. 11 іюля.

559.

Н. Н. Пушкиной.

[Первая половина іюля 1834 г. Петербургъ].

Ты хочешь непремѣнно знать, скоро-ли буду я у твоихъ ногъ? изволь, моя красавица: я закладываю имѣніе отца; это кончено будетъ черезъ недѣлю. Я печатаю Пугачева; это займетъ цѣлый мѣсяцъ. Женка, женка, потерпи до половины Августа, а тутъ ужъ я къ тебѣ и явлюсь и обниму тебя, и дѣтей разцалую. Ты развѣ думаешь, что холостая жизнь ужасно какъ меня радуетъ? Я сплю и вижу, чтобъ къ тебѣ пріѣхать; да кабы могъ остаться въ одной изъ вашихъ деревень подъ Москвою, такъ бы Богу свѣчку поставилъ; радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Дай сдѣлаю деньги, не для себя, для тебя. Я деньги мало люблю; но уважаю въ нихъ единственный способъ благопристойной независимости. – А (о) какомъ сосѣдѣ пишешь мнѣ лукавыя письма? кѣмъ это меня ты стращаешь? отселѣ вижу, что такое. Человѣкъ лѣтъ 36; отставной военный или служащій по выборамъ. Съ пузомъ и въ картузѣ. Имѣетъ 300 душъ и ѣдетъ ихъ перезакладывать—по случаю неурожая.—А наканунѣ отъѣзда сентиментальничаетъ передъ тобою. Не такъ-ли? А ты, бабенка, за неимѣніемъ того и другаго, избираешь въ обожатели и его: дѣльно. Да какъ балы тебѣ не пріѣлись, что ты и въ Калугу ѣдешь для нихъ? Удивительно!—Надобно тебѣ поговорить о моемъ горѣ. На дняхъ хандра меня взяла, подалъ я въ отставку, но получилъ отъ Жуковскаго такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой абшидъ, что я вструхнулъ, и Христомъ и Богомъ прошу, чтобы мнѣ отставку не давали. А ты и рада, не такъ? Хорошо, коли проживу я лѣтъ еще 25; а коли свернусь прежде десяти, такъ не знаю, что ты будешь дѣлать, а что скажетъ Машка, а въ особенности Сашка. Утѣшенія мало имъ будетъ въ томъ, что ихъ папеньку схоронили, какъ шута, и что ихъ маменька ужасъ какъ мила была на Аничковскихъ балахъ. Ну, дѣлать нечего. Богъ великъ; главное то, что я не хочу, чтобы могли меня подозрѣвать въ неблагодарности. Это хуже

либерализма. Будь здорова. — Поцалуй дѣтей и благослови ихъ за меня. Прощай, цалую тебя.— *А. П.*

На оборотѣ: Въ Калугу, на Полотняный Заводъ.

Штемпель: Спб., 14 іюля.

560.

Н. Н. Пушкиной.

14-го іюля [1834 г. Петербургъ].

Всѣ вы, дамы, на одинъ покрой. Куда какъ интересны похожденія дурачка Д. и его семейственныя ссоры! А ты такъ и радуешься. Я чай, такъ и разкокетничалась. Что-то Калуга! Вотъ тутъ поцарствуешь! — Впрочемъ, женка, я тебя за то не браню. Все это въ порядкѣ вещей; будь молода, потому что ты молода—и царствуй, потому что ты прекрасна.—Цалую тебя отъ сердца—теперь поговоримъ о дѣлѣ. Если ты въ самомъ дѣлѣ вздумала сестеръ своихъ сюда привезти, то у Оливье оставаться намъ невозможно: мѣста нѣтъ. Но обѣихъ ли ты сестеръ къ себѣ берешь? Эй, женка! смотри... Мое мнѣніе: семья должна быть одна подъ одной кровлей: мужъ, жена, дѣти, покамѣсть малы; родители, когда ужъ престарѣлы; а то хлопотъ не оберешься, и семейственнаго спокойствія не будетъ. Впрочемъ—объ этомъ еще поговоримъ. Яковлевъ обѣщаетъ отпустить меня къ тебѣ въ Августѣ. Я оставлю Пугачева на его попеченіи. Августъ близокъ. Слава Богу, дождались. Надѣюсь, что ты передо мною чиста и права, и что мы свидимся, какъ разстались. Мнѣ кажется, что Сашка начинаетъ тебѣ нравиться — радуюсь; онъ не въ примѣръ милѣе Машки, съ которой ты напляшешься. Смирнова опять чуть не умерла. Разсердилась на Доктора и кровь кинулась въ голову, слава Богу, что не молоко. Она теперь принимаетъ, но я у ней еще не былъ. Сегодня фейворокъ или фейерверкъ. Сергѣй Н. Ѣдетъ смотрѣть его; а я въ городѣ останусь. У насъ третій день какъ жары—и мы не знаемъ, что дѣлать. Сплю и вижу, чтобы изъ П. Б. убраться къ тебѣ, а ты и не вѣришь мнѣ, и бранишь меня. Сегодня съѣзжу къ Плетневу. Поговоримъ о тебѣ. У меня большія хлопоты по части Болдина. Черезъ годъ я на все это плюну—и займусь своими дѣлами. Левъ С. очень себя дурно ведетъ. Ни копѣйки денегъ не имѣемъ, а въ домино проигрываетъ у Дюме по 14 бутылокъ шампанскаго. Я ему ничего не говорю, потому что, слава Богу, мужчина 30 лѣтъ; но мнѣ его жаль и досадно. Соболевскій имъ руководствуетъ, и что ужъ они дѣлаютъ, то Господь вѣдаетъ. Оба довольно пусты. Тетка въ Царск. Селѣ. Я все къ ней сбираюсь, да не соберусь.—Прощай. Обнимаю тебя, дѣтей благословляю, тебя также. Всякій-ли ты день молишься, стоя въ углу?

14 іюля.

На конвертѣ: Въ Калугу, на Полотняные Заводы.

Штемпель: Спб., 16 іюля.

561.

Александру Ваттемару.

[Вторая половина іюля 1831 г. Петербургъ].

Monsieur, La réponse de M-r Zagoskine ne m'est pas encore parvenue; Des que j'aurai reçu sa lettre, j'aurai l'honneur de vous la transmettre.

A. Pouchkine.

На оборотѣ: Monsieur Monsieur Alexandre. Въ Галерной домъ Брискорнъ.

562.

Н. Н. Пушкиной.

[Конецъ іюля 1834 г. Петербургъ].

—Наташа, мой Ангелъ, знаешь-ли что? я беру этажъ, занимаемый теперь Вяземскими. Княгиня ѣдетъ въ чужіе края, дочь ея больна не на шутку: боятся чахотки. Дай Богъ, чтобъ югъ ей помогъ. Сегодня видѣлъ во снѣ, что она умерла, и проснулся въ ужасѣ. Ради Бога, берегись ты. Женщина, говоритъ Гальяни, est un animal naturellement faible & malade. Какія-же вы помощницы или работницы? Вы работаете только ножками на балахъ и помогаете мужьямъ мотать. И за то спасибо. Пожалуйста, не сердись на меня за то, что я медлю къ тебѣ явиться. Право, душа проситъ, да мошна не велитъ. Я работаю до низложенія ризъ. Держу корректуру двухъ томовъ вдругъ, пишу примѣчанія, закладываю деревни,—Льва Сергѣича выпроваживаю въ Грузію. Все слажу—и сломя голову къ тебѣ прискачу. Сейчасъ приносили мнѣ корректуру, и я тебя оставилъ для Пугачева. Въ корректурѣ я прочелъ, что Пугачевъ поручилъ Хлопушѣ грабежъ заводовъ. Поручаю тебѣ грабежъ Заводовъ. Слышишь ли моя Хло-Пушкина? ограбь Заводы и возвратись съ добычею.—Въ свѣтѣ я не бываю. Смирнова велѣла мнѣ сказать, что она меня впишетъ въ разрядъ иностранцевъ, которыхъ велѣно не принимать. Она здорова, но чуть не умерла <Animal naturellement faible & malade>. Цалую Машу и заочно смѣюсь ея затѣямъ. Она умная дѣвчонка, но я отъ нея покамѣсть ума не требую, а требую здоровья. Довольна ли ты нѣмкой и кормилицей? Ты дурно сдѣлала, что кормилицу не прогнала. Какъ можно держать при дѣтяхъ пьяницу, повѣря обѣщанію и слезамъ пьяницы? Молчи, я все это улажу. До тебя мнѣ осталось 9 листовъ. То есть, какъ еще пересмотрю 9 печатныхъ листовъ и подпишу: печатать,—такъ и пущусь къ тебѣ, а покамѣсть буду проситься въ отпускъ. Новостей нѣтъ никакихъ, кромѣ того, что бѣднаго маршала Мезона чуть не задавили на маневрахъ. Знай нашихъ. Цалую тебя и ихъ. Господь васъ благослови.

На оборотѣ: Въ Калугу, на Полотняные Заводы.

Штемпель: Спб., 26 іюля.

563.

Н. Н. Пушкиной.

[Конецъ іюля 1834 г. Петербургъ].

Что это значитъ, женка? Вотъ ужъ болѣе недѣли, какъ я не получаю отъ тебя писемъ. Гдѣ ты? что ты? Въ Калугѣ? въ деревнѣ? откликнись. Что такъ могло тебя занять и развлечь? какіе балы? какія побѣды? ужъ не больна ли ты? Христосъ съ тобою. Или просто хочешь меня заставить скорѣе къ тебѣ пріѣхать? Пожалуйста, женка—брось эти военныя хитрости, которыя не въ шутку мучатъ меня за тысячу верстъ отъ тебя. Я пріѣду къ тебѣ, коль скоро меня Яковлевъ отпуститъ. Дѣла мои подвигаются. Два тома печатаются вдругъ! Для одной недѣли разницы не заставь меня все бросить, и потомъ охать цѣлый годъ, если не два и не три. Будь умна. Я очень занятъ. Работаю цѣлое утро, до 4 часовъ, никого къ себѣ не пускаю. Потомъ обѣдаю у Дюме, потомъ играю на бильардѣ въ клубѣ; возвращаюсь домой рано, надѣясь найти отъ тебя письмо—и всякій день обманываюсь. Тоска, тоска!—Съ Кн. Вяземскимъ я уже условился. Беру его квартиру. Къ 10 августу припасу ему 2.500 рублей—и велю перетаскивать пожитки; а самъ поскачу къ тебѣ. Ждать недолго.

Прощай — будьте всѣ здоровы. Цалую твой портретъ, который что-то кажется виноватымъ. Смотри.

На оборотѣ: Въ Калугу, на Полотняные Заводы.

Штемпель: Спб., 30 іюля.

564.

Н. Н. Пушкиной.

3-го августа [1834 г. Петербургъ].

Стыдно, женка. Ты на меня сердишься, не разбирая, кто виноватъ, я или почта, и оставляешь меня двѣ недѣли безъ извѣстія о себѣ и о дѣтяхъ. Я такъ былъ смущенъ, что не зналъ, что и подумать. Письмо твое успокоило меня, но не утѣшило. Описаніе вашего путешествія въ Калугу, какъ ни смѣшно, для меня вовсе не забавно. Что за охота таскаться въ скверный уѣздный городишка, чтобъ видѣть скверныхъ актеровъ, скверно играющихъ старую, скверную оперу? что за охота останавливаться въ трактирѣ, ходить въ гости къ купеческимъ дочерямъ, смотрѣть съ чернію Губернскій фейверокъ—когда въ Петербургѣ ты никогда и не думаешь посмотрѣть на Каратыгиныхъ и никакимъ фейверокомъ тебя въ карету не заманишь. Просилъ я тебя по Калугамъ не разъѣзжать, да видно, ужъ у тебя такая натура. О твоихъ кокетственныхъ сношеніяхъ съ сосѣдомъ говорить мнѣ нечего. Кокетничать я самъ тебѣ позволилъ; но читать о томъ листъ кругомъ подробнаго описанія вовсе мнѣ не нужно. Побранивъ тебя, беру нѣжно тебя за уши и цалую: благодаря тебя за то, что ты Богу молишься на колѣнахъ посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и надѣюсь, что твоя чистая молитва лучше моихъ, какъ для меня, такъ и для насъ. Ты ждешь меня въ началѣ августа. Вотъ, нынче уже 3-е, а я еще не подымаюсь: Яковлевъ отпуститъ меня около половины мѣсяца. Но и тутъ я не совсѣмъ еще буду свободенъ. Я взялъ квартиру Вяземскихъ. Надо будетъ мнѣ переѣхать, перетащить мебель и книги, и тогда уже, благословясь, пуститься въ дорогу.—Дай Богъ пріѣхать мнѣ къ твоимъ имянинамъ, я и тѣмъ былъ бы щастливъ.

Вяземскія здѣсь. Бѣдная Полина очень слаба и блѣдна. Отца жалко смотрѣть. Такъ онъ убитъ Они всѣ ѣдутъ за границу. Дай Богъ, чтобъ климатъ ей помогъ. Marie похорошѣла и въ бѣдной загнанной Москвѣ произвела большое дѣйствіе. О тебѣ гремитъ еще молва, послѣ минутнаго твоего появленія. Нашли, что ты похудѣла. Я привезу тебя тетехой, по твоему обѣщанію: смотри жъ! не поставь меня въ лгуны. На дняхъ встрѣтилъ я M-me Жоржъ. Она остановилась со мною на улицѣ и спрашивала о твоемъ здоровьѣ; я сказалъ, что на дняхъ ѣду къ тебѣ pour te faire un enfant. Она стала присѣдать, повторяя: Ахъ Monsi, vous me ferez une grande plaisir. Однако я боюсь родовъ, послѣ того что ты выкинула. Надѣюсь, однако, что ты отдохнула. Видѣлъ я Смирнову; она начинаетъ оправляться, но все еще плоха и желта. Тетка воротилась изъ Царскаго Села и была у меня. Она очень мила; но Наталья Кириловна сильно ей надоѣла. Н. К. сердится на всѣхъ, особенно на Князя Кочубея, зачѣмъ онъ умеръ и тѣмъ огорчилъ ея Машу. На Княгиню также дуется, и говоритъ: Mon Dieu, mais nous toutes nous avons perdu nos maris et cependant nous nous sommes consolés. Тетка говоритъ, что ты ей вовсе не пишешь. Не хорошо. А она все за тебя хлопочетъ. Serge въ лагерѣ. Брата Ивана не вижу. Прощай. Христосъ съ вами. Цалую Васъ, тебя въ особенности. Принесли корректуру.—3 авг.

565.

М. Л. Яковлеву.

[Середина августа 134 г. Петербургъ].

Вотъ 18-й листъ. Справлялся я въ другихъ спискахъ и смысла не нашелъ и тамъ. Изъ предисловія <ты правъ, любимецъ Музъ!> должно будетъ выкинуть имя Вольтера, хоть я и очень люблю его. № 14.

566.

Н. И. Гончаровой.

[Конецъ августа 1834 г. Полотняный Заводъ].

Милостивая Государыня матушка Наталья Ивановна, Какъ я жалѣю, что на пути моемъ изъ Петербурга не заѣхалъ я въ Ярополецъ; я бы имѣлъ и щастіе съ Вами свидѣться и сократилъ бы нѣсколькью верстами дорогу, и миновалъ бы Москву, которую не очень люблю, и въ которой провелъ нѣсколько лишнихъ часовъ. Теперь я въ Заводахъ, гдѣ нашелъ всѣхъ моихъ, кромѣ Саши, здоровыхъ,—я оставляю ихъ еще на нѣсколько недѣль и ѣду по дѣламъ отца въ его Нижегородскую деревню, а жену отправляю къ Вамъ куда и самъ явлюсь какъ можно скорѣе. Жена хандритъ что не съ Вами проведетъ день Вашихъ общихъ имянинъ; какъ быть! и мнѣ жаль, да дѣлать нечего. Покамѣсть, поздравляю

Васъ со днемъ 26 августа; и сердечно благодарю васъ за 27-ое. Жена моя прелесть, и чѣмъ долѣ я съ ней живу, тѣмъ болѣе люблю это милое, чистое, доброе созданіе, котораго я ничѣмъ не заслужилъ передъ Богомъ. Въ Петербургѣ видался я часто съ братомъ Ив. Ник., а Сер. Ник. и жилъ у меня почти до моего отъѣзда. Онъ теперь въ хлопотахъ обзаведенія—Оба, слава Богу, здоровы.

Цалую ручки Ваши, и поручаю себя и всю семью мою Вашему благоразположенію. А. Пушкинъ.

567.

С. А. Соболевскому.

Москва [9 сентября 1834 г.].

Пожалуйста, любезный Сергей Александровичь, объясни женѣ гдѣ живетъ notre ami l'usurier. Надѣюсь на твою медлительность и полагаю навѣрное что ты еще въ Парижѣ — и что даже я тамъ тебя застану по пріѣздѣ моемъ въ П. Б.

На оборотѣ: С. А. Соболевскому. Въ Парижѣ (что въ П. Б. на Малой Морской).

568.

С. А. Соболевскому.

[Сентябрь 1834 г. Москва].

Пожалуй-ста пріѣзжай ко мнѣ, къ обѣду: мнѣ съ тобою непремѣнно надо поговорить.

А. Пушкинъ.

Воскресеніе.

На оборотѣ: С. А. Соболевскому etc.

569.

Н. Н. Пушкиной.

15-го сентября [1834 г. Село Болдино].

15 сент.—Почта идетъ во вторникъ, а сегодня только еще суббота; итакъ, это письмо не скоро до тебя доберется. Я пріѣхалъ третьяго дня, въ четвергъ, поутру — вотъ какъ тихо ѣздятъ по губернскимъ трактамъ—а я еще платилъ почти вездѣ двойные прогоны. Правда, что отовсюду лошади были взяты подъ Государя, который долженъ изъ Москвы проѣхать въ Нижній. Въ деревнѣ встрѣтилъ меня первый снѣгъ, и теперь дворъ передъ моимъ окошкомъ бѣлешенекъ: c'est une très aimable attention, однако я еще писать не принимался, и въ первый разъ беру перо, чтобъ съ тобою побесѣдовать. Я радъ, что добрался до Болдина; кажется, менѣе будетъ мнѣ хлопотъ, чѣмъ я ожидалъ. Написать что нибудь мнѣ бы очень хотѣлось; не знаю, придетъ ли вдохновеніе. Здѣсь нашелъ я Безобразова (что же ты такъ удивилась? не твоего обожателя, а мужа моей кузины-Маргаритки). Онъ хлопочетъ и хозяйничаетъ и, вѣроятно, купитъ полъ-Болдина. Охъ, кабы у меня было 100,000! какъ бы я все это уладилъ; да Пуг., мой оброчный мужичекъ, и половины того мнѣ не принесетъ, да и то мы съ тобою какъ разъ промотаемъ; не такъ ли? Ну, нечего дѣлать: буду живъ, будутъ и деньги... Вотъ, ѣдетъ ко мнѣ Безобразовъ—прощай.

Ухъ, насилу отвязался! Два часа сидѣлъ у меня. Оба мы хитрили — дай Богъ, чтобъ я его перехитрилъ на дѣлѣ; а на словахъ, кажется, я перехитрилъ. Вижу отселѣ твою недовѣрчивую улыбку: ты думаешь, что я подуруша, и что меня опять оплетутъ — увидимъ. Пріѣхавъ въ Москву, кончу дѣло въ два дня; и пріѣду въ П. Б. молодцомъ, и обладателемъ села Болдина...

Сей часъ у меня были мужики съ челобитьемъ; и съ ними принужденъ я былъ хитрить; но эти навѣрное меня перехитрятъ, хотя я сдѣлался ужаснымъ политикомъ, съ тѣхъ поръ какъ читаю conquête de l'Angleterre par les Normands. Это что еще? Баба съ просьбою. Прощай, иду ее слушать...

Ну, женка, умора. Солдатка проситъ, чтобъ ея сына записали въ мои крестьяне, а его де записали въ вы....ки, а она де родила его только 13 мѣсяцевъ по отдачѣ мужа въ рекруты, такъ какой же онъ вы....окъ? я буду хлопотать за честь оскорбленной вдовы.

17-го. Теперь, вѣроятно, ты въ Яропольцѣ и вѣроятно ужъ думаешь объ отъѣздѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ тебя письма. Не забудь моего адреса: въ Арзамаскомъ уѣздѣ, въ село Абрамово, оттуда въ село Болдино. — Мнѣ здѣсь хорошо, да скучно, а когда мнѣ скучно, меня такъ и тянетъ къ тебѣ, какъ ты жмешься ко мнѣ, когда тебѣ страшно. Цалую тебя и дѣтокъ и благословляю васъ. Писать я еще не принимался.

570.

Н. Н. Пушкиной.

[Конецъ сентября 1834 г. Село Болдино].

Вотъ ужъ скоро двѣ недѣли, какъ я въ деревнѣ, а отъ тебя еще письма не получилъ. Скучно, мой Ангелъ. И стихи въ голову нейдутъ, и романъ не переписываю. Читаю Вальтеръ-Скотта и Библію, а все объ васъ думаю. Здоровъ-ли Сашка? прогнала-ли ты кормилицу? отдѣлалась ли отъ проклятой нѣмки? Какова доѣхала? Много вещей, о которыхъ безпокоюсь. Видно нынѣшнюю осень мнѣ долго въ Болдинѣ не прожить. Дѣла мои я кой-какъ уладилъ. Погожу еще немножко, не разпишусь ли; коли нѣтъ — такъ съ Богомъ и въ путь. Въ Москвѣ останусь дня три, у Нат. Ив. <въ Яропольцѣ> сутки—и пріѣду къ тебѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ: неужъ-то близъ тебя не разпишусь? Пустое. Я жду къ себѣ Языкова, да видно не дождусь. — Скажи пожалуйста, брюхата ли ты? если брюхата, прошу, мой другъ, быть осторожной, не прыгать, не падать, не становиться на колѣни передъ Машей <ни даже на молитвѣ>. Не забудь, что ты выкинула и что тебѣ надобно себя беречь. — Охъ, кабы ты ужъ была въ Петербургѣ! Но по всѣмъ моимъ разчетамъ, ты прежде 3-го октября не доѣдешь. И какъ тебѣ тамъ быть? безъ денегъ, безъ Амельяна, съ твоими дурами-няньками и неряхами дѣвушками <не во гнѣвъ буди сказано Пелагеи Ивановнѣ, которую заочно цалую>. У тебя, чай,

голова кругомъ идетъ. Одна надежда: тетка. Но изъ тетки двухъ тетокъ не сдѣлаешь — видно, что мнѣ надобно спѣшить. — Прощай, Христосъ Васъ храни. Цалую тебя крѣпко — будьте здоровы.

На оборотѣ: Въ С.-Петербургѣ, на Дворцовой Набережной, у Прачечнаго моста, въ домѣ Баташева.

571.

Н. М. Языкову.

26-го сентября [1834 г.]. Село Болдино.

Я былъ обрадованъ въ моемъ уединеніи пріѣздомъ Александра Михайловича который къ сожалѣнію пробылъ у меня нѣсколько часовъ. Блазнитъ онъ меня предложеніемъ ѣхать съ нимъ въ село Языково, быть свидѣтелемъ его свадьбы обѣщаясь употребить меня съ пользою— но мнѣ не возможно—жена и дѣти....

Разговаривая о различныхъ предметахъ, мы рѣшили что весьма не худо было бы мнѣ приняться за Альманахъ, или паче за журналъ, я и не прочь, но для того долженъ быть увѣренъ въ Вашемъ содѣйствіи. Какъ думаете, сударь? Сами видите: Щелкоперы насъ одолѣваютъ. Пора, ей ей пора дать имъ порядочный отпоръ. На дняхъ отправлюсь въ П. Б. Если вамъ будетъ досугъ написать мнѣ двѣ строчки адресуйте ихъ на Дворцовую Набережную въ домъ Баташева — у Прачечного мосту. Ал. Мих. изволитъ спѣшить— и я кончаю письмо мое поручая себя вашей благосклонности. Вашъ богомолецъ. А. Пушкинъ.

26 сент. С. Болдино.

Искреннее мое почтеніе и мой поклонъ Петру Михайловичу.

На оборотѣ: Н. М. Языкову.

572.

М. Л. Яковлеву.

19-го октября [1834 г. Петербургъ].

Вѣдь у тебя празднуемъ мы Годовщину? Не правда-ли? № 14.

19 окт.

На оборотѣ: М. Л. Яковлеву.

573.

А. А. Фуксъ.

[19-го октября 1834 г. Петербургъ].

Вчера, возвратившись въ Петербургъ послѣ скучнаго трехмѣсячнаго путешествія по губерніямъ, я былъ обрадованъ неожиданной находкою: письмомъ и посылкою изъ Казани. Съ жадностію прочелъ я прелестныя ваши стихотворенія, и между ними ваше посланіе ко мнѣ, недостойному поклоннику вашей музы. Въ обмѣнъ вымысловъ, исполненныхъ прелести, ума и чувствительности, надѣюсь на дняхъ доставить вамъ отвратительно ужасную исторію Пугачева. Не браните меня. Поэзія, кажется, для меня изсякла, Я весь въ прозѣ, да еще въ какой!... право, совѣстно; особенно передъ вами.

Вы изволили написать, что баронъ Люцероде долженъ мнѣ былъ доставить письмо еще въ прошломъ году; къ крайнему сожалѣнію моему, я его не получилъ, вѣроятно потому, что барона Люцероде я уже не засталъ въ Петербургѣ, по возвращеніи моемъ изъ Оренбурга. Онъ уже былъ отозванъ въ Дрезденъ. Э. П. Перцовъ, котораго на минуту имѣлъ я удовольствіе видѣть въ Петербургѣ, сказывалъ мнѣ, что онъ имѣлъ у себя письмо отъ васъ ко мнѣ; но и тутъ оно до меня не дошло: онъ уѣхалъ изъ Петербурга, не доставя мнѣ для меня драгоцѣнный знакъ вашего благосклоннаго воспоминанія. Понимаю его разсѣянность въ тогдашнихъ его обстоятельствахъ, но не могу не жаловаться, и великодушно ему прощаю, только съ тѣмъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ письмо, которое забылъ мнѣ здѣсь доставить.

Потрудитесь, Милостивая Государыня, засвидѣтельствовать глубочайшее мое почтеніе Карлу Ѳедоровичу коего любезность и благосклонность будутъ мнѣ вѣчно памятны.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною признательностію честь имѣю быть и пр.

574.

Н. В. Гоголю.

[Вторая половина октября—первая половина ноября 1834 г. Петербургъ].

Прочелъ съ большимъ удовольствіемъ; кажется все можетъ быть пропущено. Сѣкуцію жаль выпустить: она, мнѣ кажется, необходима для полнаго эфекта вечерней мазурки. Авось Богъ вынесетъ. Съ Богомъ!—*А. П.*

На оборотѣ: Н. В. Гоголю.

575.

І. М. Пеньковскому.

10-го ноября [1834 г. Петербургъ].

Получилъ я ваше письмо отъ 30 Окт. и спѣшу вамъ отвѣчать. Долгъ мой въ Опекунской Совѣтъ я заплачу самъ, а изъ доходовъ Болдина не должно тратить ни копѣйки. Что касается до 1270 требуемыхъ за просрочку Батюшкинова долга, то если можете найти такую сумму, то заплатите.—Довѣренность посылаю къ вамъ на слѣдующей почтѣ. Вы хорошо сдѣлали, что до сихъ поръ не приступили къ продажѣ хлѣба. Невозможно, чтобы цѣны не возвысились. Къ счастью могу еще подождать. А. П.

10 ноября.

На оборотѣ: Въ Арзамазской уѣздъ Нижегородской губ. въ село Абрамово—оттолѣ въ село Болдино, Его благородію Осипу Матвѣевичу Пеньковскому.

576.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(Черновое).

[Первая половина ноября 1834 г. Петербургъ].

Обращаюсь къ В. С. со всепокорнѣйшей просьбою [приказать] дозволить мнѣ прислать изъ Тv. [Собств.] 2-го отдѣленія канцеляріи Е. В. изданіе П. б. которое мнѣ не выдадутъ безъ Вашего на то соизволенія, объявленнаго etc.

Je [vous] supplie V. E. de vouloir bien m'autoriser à retirer de la typographée [de la 2-me section de] l'édition de la revolte de Пугачевъ.

577.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

23-го ноября 1834 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Графъ Александръ Христофоровичь

Исторія Пугачевскаго Бунта отпечатана, и для выпуска оной въ свѣтъ ожидалъ я разрѣшенія Вашего Сіятельства; между тѣмъ позвольте обезпокоить Васъ еще одною покорнѣйшею просьбою: я желалъ бы имѣть щастіе представить первый экземпляръ книги Государю Императору, присовокупивъ къ ней нѣкоторыя замѣчанія, которыхъ не рѣшился я напечатать, но которыя могутъ быть любопытны для Его Величества. Осмѣливаюсь прибѣгнуть къ Вашему Сіятельству для полученія на то позволенія.

Книгопродавецъ Смирдинъ хочетъ издать въ одну книгу мои уже напечатанныя стихи; я осмѣлился ихъ препроводить въ Канцелярію Его Превосходительства А. Н. Мордвинова по предписанному предъ симъ порядку.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, совершенною преданностію и благодарностію честь имѣю быть

Милостивый Государь,
Вашего Сіятельства,
покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

23 ноября
1834
С. П. Б.

578.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

17-го декабря 1834 г. [Петербургъ].

Monsieur le Comte,

Je suis au desespoir d'importuner de nouveau Votre Excellence, mais M. Speransky vient de me faire dire que l'histoire de la revolte de Pougatchef aytant été dans sa section par ordre de Sa Majesté l'Empereur, il lui est impossible de livrer l'édition безъ Высочайшаго на то соизволенія. Je supplie Votre Excellence de me pardonner et de me tirer d'embarras.

Je suis avec le respect le plus profond
Monsieur le Comte
de Votre Excellence
le très humble et très obeissant
serviteur
Alexandre Pouchkin.

17 decembre.
1834.

1835.

579.

П. В. Нащокину.

[Начало января 1835 г. Петербургъ].

Любезный Павелъ Воиновичь,

Не можешь вообразить съ какимъ удовольствіемъ получилъ я наконецъ отъ тебя письмо— Но прежде всего поговоримъ о дѣлѣ: Соболевскій, съ которымъ имѣю денежныя дѣла, немѣдленно тебѣ доставитъ 2,000 р. Слѣдственно будь покоенъ. Я бы нашелъ много что тебѣ сказать въ извиненіе моей не состоятельности, но это по почтѣ писать вещь излишняя, а дай Богъ чтобъ запаздалыя мои деньги пришли къ тебѣ въ пору. Поздравляю тебя съ дочкою Катериной Павловной; желаю роженицѣ здаровья. (Ты не пишешь когда она родила). Все лѣто рыскалъ я по Россіи, и нигдѣ тебя не заставалъ; изъ Тулы выгнанъ ты былъ пожарами; въ Москвѣ не засталъ я тебя недѣлью; въ Торжкѣ никто не могъ о тебѣ мнѣ дать извѣстія. Радъ я Павелъ Воиновичь твоему письму, по которому вижу что твое удивительное добродушіе и умная, терпѣливая снисходительность не измѣнились ни отъ хлопотъ новой для тебя жизни; ни отъ виновности дружбы передъ тобою. Когда бы намъ съ тобой увидиться! много бы я тебѣ наговорилъ; много скопилось для меня въ этотъ годъ такого, о чемъ не худо бы потолковать у тебя на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ, вдали цыганскихъ бурь и Рахмановскихъ наѣздовъ! Пиши мнѣ, если можешь по чаще: На Дварц. набер. въ домъ Балашева у Прач. мосту (гдѣ жилъ Вяземской) а не къ Смирдину, который держитъ твои письма по цѣлымъ мѣсяцамъ, а иногда, вѣроятно, ихъ и затереваетъ. Съ любопытствомъ взглянулъ бы я на твою семейственную и деревенскую жизнь. Я зналъ тебя всегда подъ бурею и въ качкѣ. Какое дѣйствіе имѣетъ на тебя спокойствіе? видалъ-ли ты лошадей, выгруженныхъ на П. Б—ой биржѣ? Онѣ шатаются и не могутъ ходить. Не то-ли и съ тобою? О себѣ говорить я тебѣ не хочу, потому что не намѣренъ въ наперсники брать Московскую почту, которая нынѣшній годъ дѣлала со мною удивительныя свинства; буду писать тебѣ по оказіи. Покамѣсть обнимаю тебя отъ всего сердца и цалую ручки у твоей роженицы.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину etc. Въ Москвѣ на Знаменкѣ противъ дома Апраксина въ домѣ Дорошевича.

Нащокинскій домикъ въ реконструкціи художника А. А. Галяшкина

a) общій видъ; b) билліардная; c) кабинетъ; d) столовая.

По фотографіи, снятой во время выставки домика въ Конференцъ-залѣ Академіи Наукъ въ 1910 году.

576.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(Черновое).

[Первая половина ноября 1834 г. Петербургъ].

Обращаюсь къ В. С. со всепокорнѣйшей просьбою [приказать] дозволить мнѣ прислать изъ Тр. [Собств.] 2-го отдѣленія канцеляріи Е. В. изданіе И. б. которое мнѣ не выдадутъ безъ Вашего на то соизволенія, объявленнаго etc.

Je [vous] supplie V. E. de vouloir bien m'autoriser à retirer de la typographie [de la 2-me section de l'édition de la revolte de Пугачевъ.

577.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

23-го ноября 1834 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Графъ Александръ Христофоровичъ

Исторія Пугачевскаго бунта [illegible] для выпуска оной въ свѣтъ ожидалъ я разрѣшенія Вашего Сіятельства: между тѣмъ позвольте обязать [illegible] еще одною покорнѣйшею просьбою: я желалъ бы имѣть щастіе представить первый экземпляръ книги государю императору [illegible] присовокупивъ къ ней нѣкоторыя замѣчанія, [illegible] которыхъ не рѣшился я напечатать, но которыя могутъ быть любопытны для Его Величества. Осмѣливаюсь прибѣгнуть къ Вашему Сіятельству для полученія на то позволенія.

Книгопродавецъ Смирдинъ хочетъ издать въ одну книгу мои уже напечатанныя стихи; я осмѣлился ихъ препроводить въ Канцелярію Его Превосходительства А. Н. Мордвинова по предписанному предъ симъ порядку.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, совершенною преданностію и благодарностію честь имѣю быть

Милостивый Государь,
Вашего Сіятельства,
покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

23 ноября
1834
С. П. Б.

578.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

17-го декабря 1834 г. [Петербургъ].

Monsieur le Comte,

Je suis au desespoir d'importuner de nouveau Votre Excellence, mais M. Speranszky vient de me faire dire que l'histoire de la revolte de Pougatchef ayant été dans sa section par ordre de Sa Majesté l'Empereur, il lui est impossible de livrer l'édition безъ Высочайшаго на то соизволенія. Je supplie Votre Excellence de me pardonner et de me tirer d'embarras.

Je suis avec le respect le plus profond
Monsieur le Comte
de Votre Excellence
le très humble et très obeissant
serviteur
Alexandre Pouchkin.

17 decembre.
1834.

1835.

579.

П. В. Нащокину.

[Начало января 1835 г. Петербургъ].

Любезный Павелъ Войновичъ,

Не можешь вообразить съ какимъ удовольствіемъ получилъ я наконецъ отъ тебя письмо— Но прежде всего поговоримъ о дѣлѣ: Соболевскій, съ которымъ имѣю денежныя дѣла, немѣдленно тебѣ доставитъ 2,000 р. Слѣдственно будь покоенъ. Я бы нашелъ много что тебѣ сказать въ извиненіе моей не состоятельности, но это по почтѣ писать вещь излишняя, а дай Богъ чтобъ запаздалыя мои деньги пришли къ тебѣ въ пору. Поздравляю тебя съ [illegible] Павлов[illegible] [illegible] жаю рожденіи здоровья. Она не [illegible] когда она родила. Все лѣто [illegible] я по Росс[illegible] [illegible] Тулы вы[illegible] ты былъ пожарами; въ Москвѣ не засталъ [illegible] Рать я Павелъ Войновичъ твоему письму, по которому вижу что твое удивительное добродушіе и умная, терпѣливая снисходительность не измѣнились ни въ чемъ [illegible] новой для тебя жизни; ни отъ [illegible] дружбы [illegible] твою. Когда бы изъ [illegible] тобой увидиться: много бы я тебѣ наговорилъ; много скопилось для меня въ этотъ годъ такого, о чемъ не худо бы потолковать у тебя на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ, вдали цыганскихъ бурь и Рахмановскихъ наѣздовъ! Пиши мнѣ, если можешь по чаще: На Дварц. набер. въ домъ Балашева у Прач. мосту (гдѣ жилъ Вяземской) а не къ Смирдину, который держитъ твои письма по цѣлымъ мѣсяцамъ, а иногда, вѣроятно, ихъ и затеревается. Съ любопытствомъ взглянулъ бы я на твою семейственную и деревенскую жизнь. Я зналъ тебя всегда подъ бурею и въ качкѣ. Какое дѣйствіе имѣетъ на тебя спокойствіе? видалъ ли ты лошадей, выпруженныхъ на П. Б—ой биржѣ? Онѣ шатаются и не могутъ ходить. Не то-ли и съ тобою? О себѣ говорить я тебѣ не хочу, потому что не намѣренъ въ наперсники брать Московскую почту, которая нынѣшній годъ дѣлала со мною удивительныя свинства; буду писать тебѣ по оказіи. Покамѣстъ обнимаю тебя отъ всего сердца и цалую ручки у твоей роженицы.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Павлу Войновичу Нащокину etc. Въ Москвѣ на Знаменкѣ противъ дома Ипраксина въ домѣ Дорошевича.

580.

П. В. Нащокину.

20-го января 1835 г. Петербургъ.

Посылаю тебѣ, любезный Павелъ Воиновичь, 1,500 р. остальные 500 должны были къ тебѣ явиться, но вчера ихъ у меня перехватилъ заимообразно молодой человѣкъ, находящійся въ подмазкѣ. Соболѣзнуя положенію, въ которомъ и намъ съ тобою случалось обрѣтаться, вѣроятно ты извинишь меня великодушно. Однако пожалуйста, пришли мнѣ полный счетъ моего долга.

Жена кланяется сердечно твоей Вѣрѣ Александровнѣ; она у M-de Sichler заказала ей шляпу, которая сегодня же и отправляется въ Москву. Жена говоритъ, что comme M-de Нащокинъ est brune et qu'elle a un beau teint, то выбрала она для нее шляпу такого-то цвѣта, а не другова. Впрочемъ это дѣло дамское.

Ты видѣлъ вѣроятно Пугачева и надѣюсь, что его не купилъ. Я храню для тебя особый экземпляръ. Каково время? Пугачевъ сдѣлался добрымъ исправнымъ плательщикомъ оброка, Емелька Пугачевъ оброчный мой мужикъ! Денегъ онъ мнѣ принесъ довольно, но какъ около двухъ лѣтъ жилъ я въ долгъ, то ничего и не остается у меня за пазухой, а все идетъ на разплату. Теперь обнявъ тебя отъ всего сердца, и поцаловавъ ручку Вѣрѣ Александровнѣ, отправляюсь на почту.

20 Янв.
1835
С. П. Б.

581.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

26-го января 1835 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Графъ Александръ Христофоровичь

Честь имѣю препроводить къ Вашему Сіятельству нѣкоторыя замѣчанія, которыя не могли войти въ Исторію Пугачевскаго бунта, но которыя могутъ быть любопытны. Я просилъ о дозволеніи представить оныя Государю Императору и имѣлъ счастіе получить на то Высочайшее соизволеніе.

При семъ осмѣливаюсь просить Ваше Сіятельство, о испрошеніи важной для меня милости: о Высочайшемъ дозволеніи прочесть Пугачевское дѣло находящееся въ Архивѣ. Въ свободное время я могъ бы изъ онаго составить краткую выписку, если не для печати, то по крайнѣй мѣрѣ, для полноты моего труда, безъ того не совершеннаго и для успокоенія исторической моей совѣсти.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть

Милостивый Государь
Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

26 Янв.
1835
С. П. Б.

582.

Д. Н. Бантышу-Каменскому.

23-го января 1835 г. С.-Петербургъ.

Милостивый Государь Дмитрій Николаевичь! Съ благодарностію отсылаю къ вамъ статьи, коими по Вашему благоразположенію ко мнѣ, пользовался я при составленіи моей Исторіи. При нихъ препровождаю и экземпляръ Исторіи самой. Мнѣніе Ваше о ней, во всякомъ случаѣ, мнѣ драгоцѣнно: похвала отъ настоящаго историка, а не поверхностнаго разкащика или переписчика, будетъ лестна для меня, а изъ укоризны научуся <чего, знаете Вы сами, не дождуся отъ записныхъ нашихъ критиковъ>.

Прошу Васъ взять на себя трудъ исправить двѣ ошибки, справедливо замѣченныя въ Сынѣ Отечества: На стран. 129 былъ уже въ 15 верстахъ, должно читать въ 50. – Изъ примѣчанія къ пятой главѣ (16) вмѣсто Табалылъ, Табинскъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и благодарностію, честь имѣю быть Милостивый Государь Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

На оборотѣ: Его Превосходительству Милостивому Государю, Дмитрію Николаевичу Бантышу-Каменскому, въ Москвѣ, въ книжную лавку Ширяева.

583.

И. И. Дмитріеву.

14-го февраля 1835 г. Петербургъ.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ

Молодой Карамзинъ показывалъ мнѣ письмо Вашего Высокопревосходительства, въ которомъ укоряете вы меня въ невѣжливости непростительной. Спѣшу оправдаться: я до сихъ поръ не доставилъ вамъ своей дани, потому что поминутно поджидалъ портретъ Емельяна Ивановича, который гравируется въ Парижѣ; я хотѣлъ поднести вамъ книгу свою во всей исправности. Не исполнить того было бы съ моей стороны не только скупостію, но и неблагодарностію: хроника моя обязана вамъ яркой и живой страницей, за которую много будетъ мнѣ прощено самыми строгими читателями.

Вы смѣетесь надъ нашимъ поколѣніемъ и, конечно, имѣете на то полное право. Не стану заступаться за историковъ и стихотворцевъ моего времени; тѣ и другіе имѣли въ старину, первые менѣе шарлатанства и болѣе учености и трудолюбія, вторые—болѣе искренности и душевной теплоты. Что касается до выгодъ денежныхъ, то позвольте замѣтить, что Карамзинъ первый у насъ показалъ примѣръ большихъ оборотовъ въ торговлѣ литературной.

Не знаю, занимаетъ-ли васъ участь нашей Академіи, которая недавно лишилась своего секретаря, умершаго на щитѣ, то-есть, на послѣднемъ корректурномъ листѣ своего Словаря. Не извѣстно, кто будетъ его преемникомъ. Святое мѣсто пусто не будетъ; но мѣсто непремѣннаго

секретаря было довольно пустое, даже не будучи упразднено.

Современникъ вашъ, о которомъ изволите упоминать въ письмѣ къ А. Н. К., слава Богу, здравствуетъ и продолжаетъ посѣщать книжную лавку Смирдина ежедневно, а Академію по субботамъ. Въ лавкѣ забираетъ онъ свои сочиненія, все еще нераспроданныя, и раздаетъ ихъ въ Академіи своимъ сочленамъ съ трогательнымъ безкорыстіемъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Александръ Пушкинъ.

14 февраля
1835.
С. П. Б.

584.

Д. Н. Бантышу-Каменскому.

2-го апрѣля 1835 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь

Дмитрій Николаевичъ.

Съ крайнѣй досадою узналъ я, что давно уже отосланныя ваши бумаги, все еще находились въ рукахъ того, кому я ихъ повѣрилъ. Простите невольное мое прегрѣшеніе. Не знаю получили ли вы исторію Пугачева. Она была мною поручена вмѣстѣ съ Вашими бумагами тому-же безпечному комисіонеру.

Поручая себя Вашей благосклонности съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

На оборотѣ: Его Превосходительству Милостивому Государю Дмитрію Николаевичу Б.-Каменскому.

585.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

11-го апрѣля 1835 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Графъ Александръ Христофоровичь,

Пользуясь драгоцѣннымъ своимъ правомъ, имѣю щастіе повергнуть на разсмотрѣніе Его Величества сочиненіе, которое весьма желалъ бы я напечатать, по причинамъ объясненнымъ въ предисловіи.

Ободренный вниманіемъ коего Вы всегда изволили меня удостоивать, осмѣливаюсь просить Ваше Сіятельство о дозволеніи объяснить Вамъ лично обстоятельство собственно до меня касающееся.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть

Милостивый Государь
Вашего Сіятельства
покорнѣйшимъ слугою
Александръ Пушкинъ.

11 апрѣля
1835
С. П. Б.

586.

Л. С. Пушкину.

[Конецъ апрѣля 1835 г. Петербургъ].

J'ai tardé à vous repondre, parce que je n'avais pas grande chose à vous dire. Depuis que j'ai eu la faiblesse de prendre en main les affaires de mon père, je n'ai pas touché 500 r. de revenus, et quant à l'emprunt de 13000, il est déjà depensé. Voici le compte qui vous regarde:

à Engelhardt	1330	
à la restauration	260	
à Dumé.	220	(pour le vin)
à Pavlichtchef.	837	
au tailleur	390	
à Plechtchéef	1500	
Depuis vous avez reçu: en assignats	280	
(août 1834) en or	950	
	5767	

Votre lettre de change 10000 a été racheté... Outre le loger, la table et le tailleur qui ne vous ont rien coutés, vous avez donc reçu 1230 r. Comme ma mère a été très mal, je garde encore les affaires malgré mille dégouts. Je compte le rendre au premier moment. Je tâcherai alors de vous faire avoir votre part de terres et des paysans. Il est probable qu'alors vous vous occuperez de vos affaires et que vous perderez de votre indolence et de la facilité avec laquelle vous vous laissez aller à vivre au jour la journée. Je n'ai pas payé vos petites dettes de jeu, car je ne suis pas allé chercher vos compagnons,—c'étoit eux qu'il falloit m'adresser.

На оборотѣ: Его Благородію М. Г. Льву Сергѣевичу Пушкину. Въ Тифлисъ.

587.

И. И. Дмитріеву.

26-го апрѣля 1835 г. Петербургъ.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ, приношу искреннюю мою благодарность Вашему Высокопревосходительству за ласковое слово и за утѣшительное ободрѣніе моему историческому отрывку. Его побраниваютъ, и по дѣломъ: я писалъ его для себя, не думая, чтобъ могъ напечатать и старался только объ одномъ ясномъ изложеніи происшествій, довольно запутанныхъ. Читатели любятъ анекдоты, черты мѣстности и пр.; а я все это отбросилъ въ примѣчанія. Что касается до тѣхъ мыслителей, которые негодуютъ на меня

за то, что Пугачевъ представленъ у меня Емелькою Пугачевымъ, а не Байроновымъ Ларою, то охотно отсылаю ихъ къ г. Полевому, который вѣроятно, за сходную цѣну, возмется идеализировать это лице по самому послѣднему фасону.

Вы спрашиваете, кто секретарь у насъ въ Академіи? Кажется, еще не рѣшено. Улиссъ Лобановъ и Аяксъ Ѳедоровъ спорятъ объ оружіи Ахиллеса. Но оно достанется чуть ли не Языкову-Нестору (по крайней мѣрѣ, издателю Нестора). Вы пророкъ въ отечествіи своемъ.

На Академіи наши нашелъ черный годъ: едва въ Россійской почилъ Соколовъ, какъ въ Академіи наукъ явился вице-президентомъ . . . , .N. фокусникъ, а NN его паясъ. Кто-то сказалъ, что куда одинъ, туда и другой; одинъ кувыркается на канатѣ, а другой, подъ нимъ на полу.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, Вашего Высокопревосходительства, Милостивый Государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Александръ Пушкинъ.

26 апрѣля
1835
С. П. Б.

588.

І. М. Пеньковскому.

1-го мая [1835 г. Петербургъ].

Всѣ ваши распоряженія и предположенія одобряю въ полной мѣрѣ. Въ Іюнѣ думаю быть у васъ. Дѣла мои въ П. Б. приняли было худой оборотъ, но надѣюсь ихъ поправить. По условію съ Батюшкой, доходы съ Кистенева отнынѣ опредѣлены исключительно на брата Льва Сергѣевича и на сестру Ольгу Сергѣевну. Слѣдственно всѣ доходы съ моей земли отправлять, куда потребуетъ сестра или мужъ ея, Ник. Ив. Павлищевъ; а доходы съ другой половины <кромѣ процентовъ слѣдующихъ въ ломбардъ> отправлять ко Л. С. куда онъ прикажетъ. Болдино останется для Батюшки.

На дняхъ буду писать вамъ обстоятельнѣе. А. Пушкинъ.

1 Мая.

На оборотѣ: Въ Нижегородскую губернію въ Арзамаской уѣздъ въ село Абрамово оттуда въ с. Болдино, управителю Г. Пеньковскому.

589.

Л. С. Пушкину.

2-го мая [1835 г. Петербургъ].

Отецъ согласенъ дать тебѣ въ полное управленіе половину Кистенева. Свою часть уступаю сестрѣ (т. е. одни доходы). Я писалъ о томъ уже управителю. У тебя будетъ чистаго доходу около 2000 р. Совѣтую тебѣ предоставить платежъ процентовъ управляющему, а самому получать только эту сумму—2000 не много, но все-же можно ими жить. Мать у насъ умирала; теперь ей легче, но не совсѣмъ. Не думаю, чтобъ она долго могла жить.

А. П.

2 мая.

На оборотѣ: Его Благородію М. Г. Льву Сергѣевичу Пушкину. Въ Тифлисъ.

590.

Н. И. Павлищеву.

2-го мая [1835 г. Петербургъ].

Милостивый государь Николай Ивановичь, Я вамъ долго не отвѣчалъ потому что ничего утвердительнаго не могъ написать. Отвѣчаю сегодня на оба Ваши письма: вы правы почти во всемъ, а въ чемъ не правы, о томъ нечего толковать. Поговоримъ о дѣлѣ. Вы требуете сестрину законную часть; вы знаете наши семейственныя обстоятельства; вы знаете какъ трудно у насъ приступать къ чему нибудь дѣльному или дѣловому. Отложимъ это до другова времени. Вотъ разпоряженія которыя на дняхъ предложилъ я Батюшкѣ, и на которыя онъ, слава Богу, согласенъ: Онъ Л. С—у отдаетъ половину Кистенева; свою половину уступаю сестрѣ (т. е. доходы), съ тѣмъ, чтобъ она получала доходы и платила проценты въ ломбардъ: Я писалъ о томъ уже управителю Батюшкѣ остается Болдино. Съ моей стороны это конечно не пожертвованіе, ни одолженіе, а разчетъ для будущаго. У меня у самого семейство, и дѣла мои не въ хорошемъ состояніи. Думаю оставить П. Б. и ѣхать въ деревню, если только этимъ не навлеку на себя неудовольствія.

За фермуаръ и за булавку даютъ 850 руб. Какъ прикажете? Не худо было бы Вамъ пріѣхать въ П. Б., по объ этомъ успѣемъ списаться.

Я до сихъ поръ еще управляю имѣніемъ, но думаю къ іюню сдать его. Матушкѣ легче, но ей совсѣмъ не такъ хорошо какъ она думаетъ; лѣкаря не надѣются на совершенное выздоровленіе.

Сердечно кланяюсь Вамъ и сестрѣ. А. Пушкинъ.

2 мая,

591.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

1-го іюня [1835 г.]. Петербургъ.

Monsieur le Comte.

Je suis honteux d'importuner toujours Votre Excellence, mais l'indulgence et l'interet que Vous avez toujours daigné me témoigner seront l'excuse de mon indiscretion. Je n'ai pas de fortune ni moi, ni ma femme n'avons encore la part qui doit nous revenir. Jusqu'à present je n'ai rien que des fruits de mon travail. Mon revenu fixe, ce sont les apointements que l'Empereur a daigné m'accorder. Travailler pour vivre n'a pour moi, certes, rien d'humiliant; mais accoutumé, à l'independance, il m'est tout-à fait impossible d'écrire pour de l'argent; et l'idée seule suffit pour me réduire à l'imitation. La

vie de Pétersbourg est horriblement chère. Jusqu'à présent j'ai envisagé, avec assez d'indifférance les dépenses que j'ai été obligé de faire, un journal politique et litteraire, entreprise purement mercantile, me donnant tout de suite les moyens d'avoir 30 à 40,000 de revenu. Cependant cette besogne me répugnait tellement, que je n'ai songé à y avoir recours qu'à la dernière extremité.

Je me vois dans la necessité de couper court à des dépenses qui ne m'entrainent qu'à faire des dettes et qui me preparent un avenir d'inquietude et d'embarras, sinon de misère et de desespoir. Trois ou quatre ans de retraite à la campagne, me mettront de nouveau dans la possibilité de venir reprendre à Pétersbourg des occupations que je dois encore aux bontés de Sa Majesté.

J'ai été comblé des bienfaits de l'Empereur, je serais en desespoir que sa Majesté put supposer dans mon desir de m'éloigner de P. bg. une (?) autre motif que celui d'une absolue necessité. La moindre signe de mecontentement ou de soupçon, suffiroit pour me retenir dans la position où je me trouve, car enfin j'aime mieux être gêné dans mes affaires, que perdu dans l'opinion de celui qui a été mon bienfaiteur, non comme souverain, non par devoir et par justice, mais par un libre sentiment de bienveillance noble et génereuse.

C'est en remettant mon sort entre vos mains, que j'ai l'honneur d'être avec le respect le plus profond,

Monsieur le Comte
de Votre Excellence
le très humble et trés obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkin.

1 juin
St. P. b.

(Черновое).

M-r le Comte

[Je V. demande pardon] Je suis tout honteux d'importuner toujours V. E. [avec des détails] mais l'indulgence et l'interêt que V. avez toujours daigné me témoigner seront l'excuse de mon indiscretion.

Je n'ai pas de fortune. Jusqu'à present ni moi, ni ma femme, nous n'avons encore la const.. qui.. je n'ai vécu que des fruits de mon travail [et ma position dans le monde, la vie de P. b. absorbe le 5000 <et d'a..>... nous av. que S. M. a daigné me]. [Mais la vie de P. b. est] [mais je suis entrain...]. Travailler pour vivre [certes] n'a pour moi rien d'humiliant [et la reconnaissance n'est pas un <sentiment> serie.....<mais> la fait est qu'il] mais accoutumé à l'independance il m'est [physiquement] t. à f. impossible d'écrire pour de l'argent et [que cette idée.....] l'idée seule suffit pour me reduire à une inaction complette. La vie de P. b. est chère. Jusqu'à present j'ai envisagé avec assez d'indifference les depenses que je suis [j'ai été] obligé de faire [ayant eu la permission d'un...]; un journal Poli. et litter. [qui mettoit] me donnoit [à même] tout de suite les moyens d'avoir 40,000 de revenu—cependant [gazette] cette besogne me repugnoit tellement que je n'ai songé à avoir recours à la permission que S. M. avoit [jadis] daigné m'accorder, qu'à la dernière extremité.—

Maintenant je me vois donc dans la necessité de couper court à des depenses qui ne m'entrainent <qu'> à faire des dettes et qui me preparent un avenir d'inquietude et d'embarras [je me dois à ma famille] sinon de misère et de désespoir [j'ai une famille, dont je suis le seul]. 3 ou 4 ans de retraite à la campagne me mettront de nouveau dans la possibilité de reprendre à P. b. des occupations que je dois à la bonté de l'E<mpereur>.

J'ai été comblé des bontés de [S. M.] l'Em<pereur> je serois au desespoir que S. M. put suposer dans mon désir de m'eloigner de P. b. autre [chose] motif que celui d'une absolue necessité [Non seulement l'Emp<ereur> a eu pour moi une bonté si indulgente] [en remettant mon sort entre vos mains] [C'est pourquoi] [je vous supplie] M-r le Comte au moindre signe de mécontentement ou de soupçon. N'ayant aucune ambition, et peu de gout pour le grand monde, [ce n'est que] le moindre signe de mécontentement [ou de soupçon] suffiroit pour me retenir [dans] pour toujours dans la position ou je me trouve: Car enfin j'aime mieux être gêné dans mes affaires que pérdu dans l'opinion de celui [après avoir pu dix fois <au lieu> a mieux aimé être] qui a été mon bienfaiteur non comme Souverain non par devoir [comme Souverain] et par justice mais par un libre sentiment [mouvements libre de générosité <deplorosité> et bienveillance et de bien libre, loyale et....] de bienveillance independante [libre] et généreuse [depuis le premier moment que j'ai eu le bonheur de regard] [que l'Emp. a daigné jetté les yeux] [moi, je n'ai que des grâces à lui rendre] et certes mon dévouement à la personne de l'Emp. ne se mèle à aucune arrièrepensée gênant [à mon sentiment, de honte ou de remords penibles, mais des remords..... mais je ne puis me dissimuler que je n'ai aucun droit au bontés de l'Emp<ereur> et il m'est difficile de nouv(eau) demander. Je me borne donc à l'exposer de me faire.....]. Je m'y reviens donc encore une fois. C'est donc à V. m. que je remets encore une fois à decider de mon sort et c'est en vous suppl. d'agréer l'homm(age) de ma haute consideration que [j'ai l'honneur d'être] je suis M.... de votre Excell.....

592.

Н. И. Павлищеву.

3-го іюня 1835 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь Николай Ивановичь Вы желаете знать что такое состояніе Батюшки; посылаю Вамъ о томъ вѣдомость.

Въ селѣ Болдинѣ душъ по 7-ой ревизіи 564.
Въ сельцѣ Кистеневѣ (Тимашевѣ тожъ) 476.

Покойный Вас. Льв. владѣлъ другой половиною Болдина, въ коей было также около 600 душъ. Эта часть продана, спустя 3 года послѣ отреченія отъ наслѣдства самого наслѣдника. Я не могъ взять на себя долги покойника, потому что ужъ и безъ того былъ стѣсненъ; а братъ Л. С. кажется не могъ бы о томъ и подумать, ибо на первой случай надобно было бы уплатить по крайнѣй мѣрѣ 60,000. Жаль что вы въ то время не снеслись со мною; кабы я могъ думать что вы примете на себя управленіе этимъ имѣніемъ, я бы могъ отъ него не отступиться.

Вы хотите имѣть довѣренность на управленіе части Кистенева, коего доходы уступаю сестрѣ: съ охотою; напишите мнѣ только: прислать-ли

Вамъ оную, или сами Вы за нею приѣдете. Переговорить обо всемъ не худо было бъ.

Весь вашъ А. Пушкинъ.

3 іюня 1835.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Николаю Ивановичу Павлищеву. Въ Варшаву. Г. помощнику Статсъ-Секретаря.

593.

В. А. Дурову.

16-го іюня 1835 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь, Василій Андреевичь. Искренне обрадовался я, получа письмо ваше, напомнившее мнѣ старое, любезное знакомство, и спѣшу вамъ отвѣчать. Если авторъ записокъ согласится поручить ихъ мнѣ, то съ охотою берусь хлопотать объ ихъ изданіи. Если думаетъ онъ ихъ продать въ рукописи, то пусть назначитъ самъ имъ цѣну. Если книгопродавцы не согласятся, то, вѣроятно, я ихъ куплю. За успѣхъ, кажется, можно ручаться. Судьба автора такъ любопытна, такъ извѣстна и такъ таинственна, что разрѣшеніе загадки должно произвести сильное, общее впечатлѣніе. Что касается до слога, то чѣмъ онъ проще, тѣмъ будетъ лучше. Главное: истина, искренность. Предметъ самъ по себѣ такъ занимателенъ, что никакихъ украшеній не требуетъ. Они даже повредили-бы ему.

Поздравляю васъ съ новымъ образомъ жизни; жалѣю, что изъ ста тысячъ способовъ достать 100,000 рублей ни одинъ еще вами съ успѣхомъ, кажется, не употребленъ. Но деньги дѣло наживное. Главное, были бы мы живы.

Прощайте, съ нетерпѣніемъ ожидаю отвѣта.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью, имѣю честь быть, Милостивый Государь, вашъ покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

594.

А. А. Краевскому.

[18-го іюня 1835 г. Петербургъ].

Не написалъ я ничего братіи Московской. Но сдѣлайте милость: поправьте передъпослѣдній стихъ въ Тучѣ

и вѣтеръ *лаская листочки* древесъ.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Милостивому Государю..... Г-ну Краевскому. У Обухова Моста въ домѣ Сухаревой.

595.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

4-го іюля 1835 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Графъ Александръ Христофоровичь.

Государю угодно было отмѣтить на письмѣ моемъ къ Вашему Сіятельству, что не льзя мнѣ будетъ отправиться на нѣсколько лѣтъ въ деревню иначе какъ взявъ отставку. Предаю совершенно судьбу мою въ Царскую волю, и желаю только чтобъ рѣшеніе Его Величества не было для меня знакомъ немилости и чтобъ входъ въ Архивы, когда обстоятельства позволятъ мнѣ оставаться въ Петербургѣ, не былъ мнѣ запрещенъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, преданностію и благодарностію честь имѣю быть,

Милостивый Государь
Вашего Сіятельства
покорнѣйшимъ слугою
Александръ Пушкинъ.

4 іюля
1835
С. П. Б.

(Черновое).

М. Г.

Гр. А. Хр. [Прочитавъ отмѣтку Государя]. Государю [Государь изволилъ] угодно было отмѣтить на письмѣ моемъ къ В. С. что [будучи иначе] не льзя мнѣ на нѣсколько лѣтъ отправиться въ деревню иначе какъ взявъ отставку [Е. В. приказалъ спросить у меня хочу ли ее взять]. Предавая совершенно судьбу мою въ волю Е. В., я желалъ бы только чтобъ [отставка] рѣшеніе Е. В. не было для меня знакомъ немилости и чтобъ входъ въ Архивъ когда обст. позволятъ мнѣ не былъ мнѣ запрещенъ—

596.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(Черновое).

[Середина іюля 1835 г. Петербургъ].

En demandant la permission d'etre l'editeur d'une gazette [litt. et pol.] je sentois moi — même tous les inconvenients de cette entreprise. Je m'y voyois forcé par de tristes circonstances: ni moi, ni ma femme nous n'avons [pas] encore [de] notre fortune [assuré]. Celle de mon père est si derange que j'ai été obligé d'en prendre la direction pour assurer un avenir au reste de ma famille. Je ne voulois [être] devenir journaliste que pour ne pas me reprocher d'avoir negligé un moyen qui me donnoit 40000 de revenu, me mettoit hors d'ambarras. Mon projet n'ayant pas eu l'agrément de S. M., j'avoue que me voila soulagé d'un grand poids mais aussi je me vois obligé [d'avoir encore recours aux der-

nières bontés de l'Empereur. J'ose soumettre M. le comte car maintenant lui seul peut] d'avoir recours aux bontés de l'Empereur qui maintenant est mon seul espoir. [Je dois donc supplier] Je vous demande la permission Mr. le C. de vous exposer ma situation et de remettre ma requette à votre protection. L'em... qui jusqu'à present ne s'est pas larsé de me combler de grâce mais qu'il m'est penible en daignant me prendre à Son service m'a fait la grace de me fixer 5000 d'ap. Cette somme est énorme [cette somme toute énorme qu'elle est ne me suffit pas] et cependant ne me suffit pas pour vivre a P. b. ou je suis obligé de depenser 25.000 [mon travail pu... je puis toujours au lieu] et pouvoir vivre pour payer toutes mes dettes, arranger les affaires de ma famille et être enfin libre de me livrer sans trouble a mes travaux et mes occupations. Il me suffit [de 100,000 non en pur dou... mais comme emprunt] de trouver à faire un emprunt de 100.000 mais c'est impossible. Cette somme represente les interêts d'un capital de 125.000 [Si donc ne mettant mes] Si au lieu de mes appointements S. M. me fesoit la grâce de m'en [faire] donner ce capital en emprunt pour 10 ans et sans interêts-je serois parfaitement tranquille [heureux et tranquille...] [et je n'aurois besoin, qu'avec la seule chance de].

597.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

22-го іюля 1835 г. Петербургъ.

Monsieur le Comte.

J'ai eu l'honneur de me présenter à la porte de Votre Excellence, sans avoir eu le bonheur de la trouver chez Elle.

Comblé des bontés de sa Majesté, c'est à Vous, Monsieur le Comte, que je viens m'adresser pour vous rendre grâce de l'intérêt que Vous avez bien voulu me témoigner et pour vous exposer franchement ma situation.

Pendant les cinq dernières années de mon séjour à Petersbourg, j'ai contracté près de soixante milles roubles de dettes. J'ai été de plus obligé de prendre en mains les affaires de ma famille, cela m'a si fort embarrassé, que j'ai été obligé de renoncer à un heritage et que les seuls moyens que j'eus de mettre ordre à mes affaires, étaient-ou de me retirer à la campagne, ou bien d'emprunter, une fois pour toutes, une forte somme d'argent. Mais ce dernier parti est presqu'impossible en Russie, où la loix accorde au créancier une trop faible garantie, et où les emprunts sont presque toujours des dettes entre amis et sur parole.

La réconnaissance n'est pas pour moi un sentiment pénible; et certes, mon dévouement à la personne de l'Empereur, n'est troublé par aucune arrière pensée de honte ou de remords; mais je ne puis me dissimuler que je n'ai absolument aucun droit aux bienfaits de Sa Majesté, et qu'il m'est impossible de rien demander.

C'est donc à Vous, Monsieur le Comte, que je remets encore une fois à décider de mon sort, et c'est en vous suppliant d'agréer l'hommage de ma haute considération, que j'ai l'honneur d'être avec respect et reconnaissance,

Monsieur le Comte
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkine.
22 juillet
1835
St.-Pétersbourg.

(Черновое).

Monsieur le Comte

J'ai eu l'honneur de me présenter à la porte de Votre Excellence, sans avoir eu le bonheur de La trouver chez elle [C'est à Vous M-r le Comte je prends la... Permettez-moi M-r le Comte de comblé de bontés de S. M. c'est à vous M-r le Comte que je voudrais m'adresser]. J'etais venu pour vous [remercier] rendre grace de l'interet que vous avez bien voulu me temoigner et pour vous exposer ma situation [Dans la..... La reconnaissance n'est pas..... 60.000]. Pendant les 4 ans de mon mariage j'ai contracté prés de 60000 r. de dettes. J'ai été de plus obligé de prendre en main [la fortune les affaires] le bien de ma famille. Cela m'a si fort embarassé que [j'ai été] je suis obligé de renoncer à un héritage et que les seuls moyens que j'avois à mettre ordre à mes affaires, étaient — ou de me retirer à la campagne—ou bien d'emprunter une fois pour toute une forte somme d'argent [Ce dernier parti m'étoit presque impossible vu qu'il est] mais il est presque impossible en Russie [de contraiter d'autre dette d'emprunter autrement sauf que les fortunes des noble s autrement que sur parole et vu que la loix accorde une trop faib....] de faire de grands emprunts à moins de s'adresser à l'Empereur car vu la trop faible garantie la loix accorde aux créanciers [Les dettes que nous contraitons sont donc] les emprunts [sont étant] sont pour la plupart des dettes entre amis et sur parole—

La reconnaissance n'est pas pour moi un sentiment....

598.

В. Д. Вольховскому.

22-го іюля 1835 г. Петербургъ.

Обращаюсь къ тебѣ, почтенный мой Владиміръ Дмитріевичь, съ дружеской и покорнѣйшей просьбою: Графъ Забѣла ѣдетъ служить въ Грузію подъ твоимъ начальствомъ. Друзья и родственники просятъ для него твоего покровительства и благоразположенія, которое и необходимо ему въ его положеніи. Знаю что мое представительство, въ этомъ случаѣ совершенно лишнее; но я радуюсь случаю издали напомнить тебѣ о старомъ, лицейскомъ товарищѣ искренно тебѣ преданномъ.

Посылаю тебѣ послѣднее мое сочиненіе, Исторію Пугачевскаго Бунта. Я старался въ немъ изслѣдовать военныя тогдашнія дѣйствія и думалъ только о ясномъ ихъ изложеніи, что стоило

мнѣ немалаго труда, ибо начальники дѣйствовавшія довольно запутанно еще запутаннѣе писали свои донесенія, хвастаясь или оправдываясь ровно безтолково. Все это нужно было сличать, повѣрять etc., мнѣніе твое касательно моей книги, во всѣхъ отношеніяхъ было-бы мнѣ драгоцѣнно.

Будь здравъ и щастливъ.

А. Пушкинъ.

22 іюля
1835.
С. П. Б.

599.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

26 іюля 1835 г. Петербургъ.

Monsieur le Comte

Il m'en coute au moment où je recois une grâce inattendue d'en demander deux autres, mais je me décide à avoir recours en toute franchise à Celui qui a daigné être ma Providence.

De mes 60,000 de dettes, la moitié sont de dettes d'honneur. Pour les acquitter je me vois dans la necessité de contracter des dettes usuraires, ce qui redoublera mes embarras, ou bien me mettera dans la necessité d'avoir de nouveau recours à la génerosité de l'Empereur.

Je supplie donc Sa Majésté de me faire une grâce pleine et entière: premièrement, en me donnant la possibilité d'acquitter ces 30.000 roubles et en second lieu en daignant me permettre de regarder cette somme, comme un emprunt et en fesant (?), en consequence, suspendre le paiement de mes appointements, jusqu'a ce que ma dette soit liquidée.

C'est en me recommendant à votre indulgence, que j'ai l'honneur d'être avec le respect le plus profond et la reconnaissance la plus vive

Monsieur le Comte
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkine.

26 juillet
1835
St.-Pétersbourg.

(Черновое).

Monsieur le Comte.

Il m'en coute au moment que je recois une grâce d'en demander deux autres, mais je me decide à avoir recours en toute franchise à Celui qui a daigné être ma Providence.

De mes 60.000 roubles de dettes la moitié sont des dettes d'honneur; pour les acquitter, je me vois dans la nécessité de contracter des dettes usuraires, ce qui redoublera mes embarras, ou bien me mettra dans la nécessité d'avoir de nouveau recours à la génerosité de l'Empereur. Je supplie donc Sa Majesté de me faire une grâce pleine et entière: premièrement, en me donnant la possibilité d'acquitter ces trente milles roubles, et en second lieu [veuillant bien] en daignant me permettre de regarder cette somme comme [ainsi que les 20 m. que] un emprunt [et qui joint (aux) à la somme que je dois déjà] ainsi que les 20.000 que je dois déjà pour l'impression de mon ouvrage historique. [Je supplie donc de faire] [Je supplie S. M.] et en faisant suspendre le payement de mes appointements jusqu'à ce qu'elle ne fut acquittée.

600.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(Черновое).

[Іюль 1835 г. Петербургъ].

[Vous] J'ose soumettre à la decision de votre Excell. En 1832 S. M. a daigné m'accorder la permission d'être l'éditeur d'un journal Politique et litteraire.

Ce metier n'est pas le mien, et me repugne sous bien des rapports, mais les circonstances m'obligent d'avoir recours a un moyen dont jusqu'à present j'ai cru pouvoir me passer. Je demeure à P. b. où grace à S. M. je puis [m'occuper] me livrer à des occupations plus importants et plus à mon gout, mais la vie que j'y mène entrainant à des depenses, et les affaires de famille [qui] étant très derangé, je me vois dans la necessité soit de quitter des [occupations] travaux historiques qui me sont devenus chèrs, soit d'avoir recours aux [bienfaits] bontés de L'E. [j'en suis déjà accablé] auquels je n'ai d'autres droits que les bienfaits dont il m'a déjà accablé [si la reconnaissance est un sentiment]. Un journal m'offre le moyen de demeurer à P. et de faire face à des engagements sacrés. Je voudrois donc être l'editeur d'une gazette en tout pareille à la Сѣв. Пчела, et quand aux articles purement littéraires [qui par], comme critiques de longue haleine, contes, nouvelles, poëmes etc, qui ne peuvent [être imprimé] trouver place dans un feuilleton je voudrois les publier à part, un volume tout les 3 mois dans la genre des Rewiews anglaises. Je vous demande pardon mais je suis obligé de tout vous dire. J'ai eu le malheur de m'attirer l'inimitié de M-r le ministre de l'Instr. publ. ainsi que celle de M-r le P. D. né Kors. Déjà tous les deux me l'on<t> fait sentir d'une manière assez desagréable. En entrant dans une carriére, ou je vois dependre d'eux, je serai perdu sans votre protection imédiate. J'ose donc vous supplier d'accorder à mon journal un censeur, tiré de votre [ministère] chancellerie; celà m'est d'autant plus indispensable que mon journal devant paraître en même tems que la Сѣв. Пч. je dois avoir le tems de traduire les mêmes articles [et n'] sous peine d'être obligé de réimprimer le lendemain les nouvelles publics laveille, ce qui suffiroit deja pour ruiner toute l'entreprise.

601.

Князю П. А. Вяземскому.

[Вторая половина 1835 г. Петербургъ.

Арабъ (женскаго р. не имѣетъ), житель или уроженецъ Аравіи, Аравитянинъ. Караванъ былъ разграбленъ степными арабами.

Арапъ, ж. арапка такъ обыкновенно называютъ Негровъ и мулатовъ. Дворцовые

арапы, Негры служащія во дворцѣ. Онъ выѣзжаетъ съ тремя нарядными арапами.

Арапникъ, отъ Польскаго Herapnik (de harap, cri de chasseur pour enlever aux chiens la proie. Reiff).

NB. harap vient de Herab.

А право, не худо бы взяться за Лексиконъ, или хоть за критику лексиконовъ.

На оборотѣ: Князю Вяземскому.

602.

А. А. Фуксъ.

[15-го августа 1835 г. Петербургъ].

Долго мѣшкалъ я доставить вамъ свою дань, ожидая изъ Парижа портрета Пугачева; наконецъ его получилъ и спѣшу препроводить вамъ мою книгу. Надѣясь на вашу снисходительность, я осмѣлился отправить на ваше имя одинъ экземпляръ для доставленія г. Рыбушкину, отъ котораго имѣлъ честь получить любопытную исторію о Казани.

Препоручаю себя драгоцѣнному вашему благорасположенію и дружеству почтеннаго Карла Ѳедоровича <предъ которымъ извиняюсь въ неисправности изданія моей книги>.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть и пр.

603.

Е. П. Люценку.

19-го августа 1835 г. [Петербургъ].

Милостивый государь,

Ефимъ Петровичъ!

Мнѣ право совѣстно за хлопоты, по которымъ ввожу ваше превосходительство. Смирдинъ не сдержалъ своего слова; полагаю, въ самомъ дѣлѣ обстоятельства его запутаны. Печатаніе вашей поэмы не можетъ стоить 1.500 рублей; онъ ошибается. Отъѣздъ мой въ деревню мѣшаетъ мнѣ взяться самому за это дѣло. Сейчасъ писалъ я барону Корфу, прося его походатайствовать за васъ, какъ за лицеиста. Надѣюсь, что съ своей стороны сдѣлаетъ онъ все возможное.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью честь имѣю быть вашего превосходительства, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою. А. Пушкинъ.

19 августа 1835 г.

604.

В. А. Полѣнову.

28-го августа 1835 г. Петербургъ.

Милостивый Государь,

Василій Алексѣевичъ

Честь имѣю обратиться къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою.

Государь Императоръ изволилъ мнѣ приказать разпечатать дѣло о Пугачевѣ для составленія исторической выписки. Въ осьми связкахъ доставленныхъ мнѣ изъ С. П-аго Сената, не нашелъ я главнѣйшаго документа допроса снятаго съ самого Пугачева въ слѣдственной Комиссіи учрежденной въ Москвѣ. Осмѣливаюсь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство дабы приказали снестись о томъ съ А. Ѳ. Малиновскимъ, которому вѣроятно извѣстно, гдѣ находится сей необходимый документъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть Милостивый Государь Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

28 августа 1835

С. П. Б.

605.

Графу Е. Ф. Канкрину.

6-го сентября 1835 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь,

Графъ Егоръ Францовичь,

Обращаясь къ Вашему Сіятельству съ покорнѣйшей просьбою, осмѣливаюсь утрудить вниманіе Ваше предварительнымъ объясненіемъ моего дѣла.

Въ слѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ, принужденъ я былъ проситься въ отставку, дабы ѣхать въ деревню на нѣсколько лѣтъ.

Государь Императоръ весьма милостиво изволилъ сказать что Онъ не хочетъ отрывать меня отъ моихъ историческихъ трудовъ, и приказалъ выдать мнѣ 10,000 рублей, какъ вспоможеніе. Этой суммы недостаточно было для поправленія моего состоянія. Оставшись въ Петербургѣ, я долженъ былъ или часъ отъ часу болѣе запутывать мои дѣла, или прибѣгать къ вспоможеніямъ и къ милостямъ, средству къ которому я не привыкъ, ибо до сихъ поръ былъ я, слава Богу, независимъ и жилъ своими трудами.

И такъ, осмѣлился я просить Его Величество о двухъ милостяхъ: 1) о выдачѣ мнѣ, вмѣсто вспоможенія, взаймы 30,000 рублей, нужныхъ мнѣ въ обрѣзъ, для уплаты необходимой; 2) о удержаніи моего жалованія до уплаты сей суммы. Государю угодно было согласиться на то и на другое.

Но изъ Государственнаго казначейства выдано мнѣ, вмѣсто 30,000 р., только 18,000, за вычетомъ разныхъ процентовъ и десяти тысячь

рублей (10,000) выданныхъ мнѣ заимообразно на напечатаніе одной книги. Такимъ образомъ я болѣе чѣмъ когда нибудь нахожусь въ стѣсненномъ положеніи, ибо принужденъ оставаться въ Петербургѣ, съ долгами недоплаченными и лишенный 5,000 рублей жалованія.

Осмѣливаюсь просить Ваше Сіятельство о разрѣшеніи получить мнѣ съ полна сумму, о которой принужденъ я былъ просить Государя, и о позволеніи платить проценты съ суммы, въ 1834 году выданной мнѣ, пока обстоятельства дозволятъ мнѣ внести оную съ полна.

Препоручая себя благоразположенію Вашего Сіятельства, съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть Милостивый Государь Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

6 сентября 1835.

(Черновое).

[Осмѣливаюсь] обращаясь къ В. С. съ покорнѣйшей просьбою, осмѣливаюсь утрудить Ваше вниманіе объясненіемъ моего дѣла.

[Долги и стѣсненныя обстоятельства принудили [понудили] меня] Въ слѣдствіи дом<ашнихъ> обст<оятельствъ> въ нынѣшнемъ году принужденъ я былъ подать въ отставку [подать въ отставку дабы ѣхать въ деревню для поправленія разстроенныхъ дѣлъ]. Г. И. [угодно было сказать] изволилъ отвѣчать что онъ не хочетъ отрывать отъ моихъ историческихъ трудовъ, и приказалъ выдать 10,000 руб. на вспоможеніе [Милость Е. В. драгоцѣнна]—Этой суммы недостаточно было мнѣ для исправленія моего состоянія:—[я просилъ Ег. В. дабы во первыхъ благоволилъ онъ мнѣ нѣкоторы..] мнѣ нужно было 30,000 въ обрѣзъ для уплаты необходимой [долговъ.... Я Госуд. просилъ съ.....].

Оставаясь въ П. Б. я долженъ былъ или ..... запутать мои дѣла или [обращаться къ милости Царской и къ пособіямъ] прибѣгать къ вспоможеніямъ и къ милостямъ—средству къ которому я не привыкъ, [и которое тяжело] ибо до [той поры какъ угодно было Г-ю [взять] принять меня въ службу и назначить мнѣ жалованіе] сихъ поръ былъ я слава богу независимъ и жилъ моими трудами.

Итакъ осмѣлился я просить Е. В. о двухъ милостяхъ 1) о выдачѣ мнѣ 30,000 взаймы, вмѣсто [10,000] вышеуказаннаго вспоможенія, 2) о удержаніи моего жалованья [въ] до уплаты сей суммы &c. Госу. угодно было согласиться на то и на другое. Но [по предл. В. С. Государю] изъ казначейства [по при...] выдано мнѣ вмѣсто 30,000—только 18,000 [ибо] за удержаньемъ 10,000 изъ суммы etc. [20,000] суммы выданной мнѣ [въ 1834 году] на напечатаніе одной книги. Такимъ образомъ я болѣе чѣмъ когда нибудь нахожусь въ стѣсненномъ положеніи; ибо остаюсь жить въ П. Б. будучи лишенъ 5000 жалованія [и имѣя] [съ долгами] и съ долгами недоплоченными.

Осмѣливаюсь просить В. С. [обратить вниманіе] о двухъ милостяхъ: 1) о разрѣшеніи [получить мнѣ] додать мнѣ сполна ту сумму [которая мнѣ необх.] о которой просилъ я Госуд. 2) о позволеніи платить одни проценты съ суммы etc. покамѣстъ обстоятельства дозволятъ мнѣ внести оную сполна.

606.

Н. Н. Пушкиной.

[14-го сентября 1835 г. Село Михайловское].

Хороши мы съ тобой. Я не далъ тебѣ моего адреса, а ты у меня его и не спросила: вотъ онъ: въ Пск. Губ. въ Островъ, въ село Тригорское. Сегодня 14-ое сентября. Вотъ ужъ недѣля, какъ я тебя оставилъ, милый мой другъ; а толку въ томъ не вижу. Писать не начиналъ и не знаю, когда начну. За то безпрестанно думаю о тебѣ, и ничего путнаго не надумаю. Жаль мнѣ, что я тебя съ собою не взялъ. Что у насъ за погода! Вотъ ужъ три дня, какъ я только что гуляю, то пѣшкомъ, то верьхомъ. Эдакъ я и осень мою прогуляю, и коли Богъ не пошлетъ намъ порядочныхъ морозовъ, то возвращусь къ тебѣ не сдѣлавъ ничего. Пр. Ал. еще здѣсь нѣтъ. Она или въ деревнѣ у Бегичевой, или во Псковѣ хлопочетъ. На дняхъ ожидаютъ ее. Сегодня видѣлъ я мѣсяцъ съ лѣвой стороны, и очень о тебѣ сталъ безпокоиться. Что наша экспедиція? видѣлась ли ты съ графиней К., и что отвѣтъ? На всякой случай, если насъ гонитъ графъ К., то у насъ остается графъ Гурьевъ я адресую тебя къ нему. Пиши мнѣ какъ можно чаще, и пиши все что ты дѣлаешь, чтобъ я зналъ съ кѣмъ ты кокетничаешь, гдѣ бываешь, хорошо ли себя ведешь, каково сплетничаешь и щастливо-ли воюешь съ твоей однофамилицей. Прощай, душа: цалую ручку у Марьи Александровны и прошу ее быть моей заступницею у тебя. Сашку цалую въ его круглый лобъ. Благословляю всѣхъ васъ. Теткамъ Ази и Коко мой сердечный поклонъ. Скажи Плетневу, чтобъ онъ написалъ мнѣ объ нашихъ общихъ дѣлахъ.

На оборотѣ: Въ С.-Петербургѣ, на Дворцовой Набережной, у Прачечнаго моста, въ домѣ Баташева.

Штемпель: 16 сент.

607.

А. И. Беклешовой.

[Середина сентября 1835 г. Село Михайловское].

Мой Ангелъ, какъ мнѣ жаль что я Васъ уже не засталъ, и какъ обрадовала меня Евпр. Ник., сказавъ что вы опять собираетесь пріѣхать въ наши края! Пріѣзжайте, ради Бога; хоть къ 23-му. У меня для васъ три короба признаній, объясненій и всякой всячины. Можно будетъ, на досугѣ, и влюбиться. Я пишу къ Вамъ, а наискось отъ меня сидите Вы сами во образѣ Маріи Ивановны. Вы не повѣрите какъ она напоминаетъ прежнее время

И путешествія въ Опочку

и прочая. Простите мнѣ мою дружескую болтовню.

Цѣлую ваши ручки. А. П.

608.

Н. Н. Пушкиной.

21-го [сентября 1835 г. Село Михайловское].

Жена моя, вотъ и 21-ое, а я отъ тебя еще ни строчки не получилъ. Это меня безпокоитъ поневолѣ, хоть я знаю, что ты мой адресъ, вѣроятно, узнала не прежде какъ 17-го, въ Павловскѣ. Не такъ ли? къ тому же и почта изъ П. Б. идетъ только разъ въ недѣлю. Однако я все безпокоюсь и ничего не пишу, а время идетъ.

Ты не можешь вообразить, какъ живо работаетъ воображеніе, когда сидимъ одни между четырехъ стѣнъ, или ходимъ по лѣсамъ, когда никто не мѣшаетъ намъ думать, думать до того что голова закружится. А о чемъ я думаю? Вотъ о чемъ: чѣмъ намъ жить будетъ? Отецъ не оставитъ мнѣ имѣнія; онъ его уже споловину промоталъ; Ваше имѣніе на волоскѣ отъ погибели. Царь не позволяетъ мнѣ ни записаться въ помѣщики, ни въ журналисты. Писать книги для денегъ, видитъ Богъ, не могу. У насъ ни гроша вѣрнаго дохода, а вѣрнаго разхода 30,000. Все держится на мнѣ, да на теткѣ. Но ни я, ни тетка не вѣчны. Что изъ этого будетъ, Богъ знаетъ. Покамѣсть, грустно.—Поцалуй-ка меня, авось горе пройдетъ. Да лихъ, губки твои на 400 верстъ не оттянешь. Сиди да горюй—что прикажешь! Теперь выслушай мой журналъ: былъ я у Вревскихъ третьяго дня и тамъ ночевалъ. Ждали Пр. Алекс., но она не бывала. Вревская очень добрая и милая бабенка, но толста какъ Меѳодій, нашъ псковскій Архіерей. И незамѣтно, что она ужъ не брюхата: все та же какъ когда ты ее видѣла. Я взялъ у нихъ Вальтеръ-Скотта и перечитываю его. Жалѣю, что не взялъ съ собою Англійскаго. Къ стати: пришли мнѣ, если можно, Essays de M. Montagne—4 синихъ книги, на длинныхъ моихъ полкахъ. Отыщи. Сегодня погода пасмурная. Осень начинается. Авось засяду. Жду Пр. Ал., которая, вѣроятно, будетъ сегодня въ Тригорское. — Я много хожу, много ѣзжу верьхомъ, на клячахъ, которыя очень тому рады, ибо имъ за то даютъ овесъ, къ которому они не привыкли. Ѣмъ я печеный картофель, какъ маймистъ, и яица въ смятку, какъ Людовикъ XVIII. Вотъ мой обѣдъ. Ложусь въ 9 часовъ, встаю въ 7. Теперь требую отъ тебя такого же подробнаго отчета. Цалую тебя, душа моя, и всѣхъ ребятъ, благословляю васъ отъ сердца. Будьте здоровы. Бель-сёрамъ поклонъ. Какъ надобно сказать: бель-сёры, или бель-сёри? Прощай.

На оборотѣ: въ С.-Петербургѣ, на Дворцовой Набережной, у Прачечнаго моста, въ домѣ Баташева.

Штемпель: Новоржевъ 23 сент.

609.

Н. Н. Пушкиной.

[25-го сентября 1835 г. Тригорское].

Пишу тебѣ изъ Тригорскаго. Что это, женка? вотъ ужъ 25-ое, а я все отъ тебя не имѣю ни строчки.—Это меня сердитъ и безпокоитъ.—Куда адресуешь ты свои письма? Пиши: *Во Псковъ*, Ея Высокородію Пр. Ал. Осиповой для доставленія А. С. П. извѣстному сочинителю — вотъ и все. Такъ вѣрнѣе дойдутъ до меня твои письма, безъ которыхъ я совершенно одурѣю. Здорова ли ты, душа моя? и что мои ребятишки? Что домъ нашъ, и какъ ты имъ управляешь? Вообрази, что до сихъ поръ не написалъ я ни строчки, а все потому, что не спокоенъ. Въ Михайловскомъ нашелъ я все по старому, кромѣ того, что нѣтъ ужъ въ немъ няни моей, и что около знакомыхъ старыхъ сосенъ поднялась, во время моего отсутствія, молодая сосновая семья, на которую досадно мнѣ смотрѣть какъ иногда досадно мнѣ видѣть молодыхъ кавалергардовъ на балахъ, на которыхъ уже не пляшу. Но дѣлать нечего; все кругомъ меня говоритъ, что я старѣю, иногда даже чистымъ русскимъ языкомъ. Наприм. вчера мнѣ встрѣтилась знакомая баба, которой не могъ я не сказать, что она перемѣнилась. А она мнѣ: да и ты, мой кормилецъ, состарѣлся да и подурнѣлъ. Хотя могу я сказать вмѣстѣ съ покойной няней моей: хорошъ никогда не былъ, а молодъ былъ. Все это не бѣда; одна бѣда: не замѣчай ты, мой другъ, того, что я слишкомъ замѣчаю. Что ты дѣлаешь, моя красавица, въ моемъ отсутствіи? разкажи, что тебя занимаетъ, куда ты ѣздишь, какія есть новыя сплетни, etc.—Карамзины и Мещерскія, слышалъ я, пріѣхали. Не забудь сказать имъ сердечный поклонъ. Въ Тригорскомъ стало просторнѣе—Евпраксья Ник. и Ал. Ив. замужемъ, но Пр. Ал. все та же, и я очень люблю ее. Веду себя скромно и порядочно. Гуляю пѣшкомъ и верьхомъ, читаю романы В. Скотта, отъ которыхъ въ восхищеніи, да охаю о тебѣ.—Прощай, цалую тебя крѣпко, благословляю тебя и ребятъ. — Что Коко и Аза? замужемъ или еще нѣтъ? Скажи, чтобъ безъ моего благословенія не шли. Прощай, мой Ангелъ.

610.

Н. Н. Пушкиной.

[Конецъ сентября 1835 г. Село Михайловское].

Душа моя, вчера получилъ я отъ тебя два письма; они очень меня огорчили. Чѣмъ больна Кат. Ив.? ты пишешь: ужасно больна. Слѣдственно есть опасность? съ нетерпѣніемъ ожидаю твой bulletin. Все это происходитъ отъ нечеловѣческаго образа ея жизни. Вѣрить-ли, чтобъ Гр. Полье вышла наконецъ за своего Принца? Канкринъ шутитъ, а мнѣ не до шутокъ. Государь обѣщалъ мнѣ Газету, а тамъ запретилъ: заставляетъ меня жить въ П. Б., а не даетъ мнѣ способовъ жить моими трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошки деньги трудовыя, и не вижу ничего въ будущемъ. Отецъ мотаетъ имѣніе безъ удовольствія какъ безъ разчета; твои теряютъ свое, отъ глупости и безпечности покойника Аѳ. Ник.—Что изъ этого будетъ? Господь вѣдаетъ. Пожаръ твой произошелъ, вѣроятно, отъ оплошности твоихъ фрейлинъ, которымъ безъ меня житье! слава Богу, что дѣло ограничилось занавѣсками. Ты мнѣ прислала записку отъ m-me Kern; дура вздумала переводить Занда и проситъ, чтобъ я сосводничалъ ее со Смирдинымъ. Чортъ побери обоихъ! Я поручилъ Ан. Ник. отвѣчать ей за меня, что если переводъ ея будетъ также вѣренъ, какъ она сама вѣрный списокъ съ m-me Sand, то успѣхъ ея несомнителенъ, а что со Смирдинымъ дѣла я никакого не имѣю. Что Плѣтневъ? Думаетъ ли онъ о нашемъ

общемъ дѣлѣ? вѣроятно, нѣтъ. Я провожу время очень однообразно. Утромъ дѣла не дѣлаю, а такъ, изъ пустова въ порожнее переливаю. Вечеромъ ѣзжу въ Тригорское, роюсь въ старыхъ книгахъ да орѣхи грызу. А ни стиховъ, ни прозы писать и не думаю. Скажи Сашкѣ, что у меня здѣсь бѣлыя сливы, не чета тѣмъ, которыя онъ у тебя крадетъ, и что я прошу его ихъ со мною покушать. Что Машка? какова дружба ея съ маленькой Музика? и каковы ея побѣды? Пиши мнѣ также новости политическія. Я здѣсь газетъ не читаю—въ Англ. Клобъ не ѣзжу и Хитрову не вижу. Не знаю что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Когда будутъ Цари? и не слышно ли чего про войну и т. под.? Благословляю Васъ—будьте здоровы. Цалую тебя. Какъ твой адресъ глупъ — такъ это объяденіе! Въ Псковскую губернію въ село Михайловское. Ахъ ты, моя Голубушка! а въ какой уѣздъ и не сказано. Да и Михайловскихъ селъ, чаю не одно; а хоть и одно, такъ ктожъ его знаетъ? Экая вѣтреница! ты видишь, что я все ворчу, да что дѣлать? не чему радоваться. Пиши мнѣ про тетку—и про мать; je remercie vs soeurs, какъ пишетъ Нат. Ив., хоть право не за что.

На оборотѣ: въ С.-Петербургѣ, на Дворцовой Набережной, у Прачечнаго моста, въ домѣ Баташева.

611.

Н. Н. Пушкиной.

2-го октября [1835 г. Село Михайловское].

2 окт. Милая моя женка, есть у насъ здѣсь кобылка, которая ходитъ и въ упряжи и подъ верхомъ. Всѣмъ хороша, но чуть пугнетъ ее что на дорогѣ, какъ она закуситъ поводья, да и несетъ верстъ десять по кочкамъ да оврагамъ—и тутъ ужъ ничѣмъ ея не проймешь, пока не устанетъ сама.

Получилъ я, Ангелъ кротости и красоты! письмо твое, гдѣ изволишь ты, закусивъ поводья, лягаться милыми и стройными копытцами, подкованными у m-me Katherine. Надѣюсь, что теперь ты устала и присмирѣла. Жду отъ тебя писемъ порядочныхъ, гдѣ бы я слышалъ тебя и твой голосъ—а не брань мною вовсе не заслуженную, ибо я веду себя, какъ красная дѣвица. Со вчерашняго дня началъ я писать (чтобы не сглазить только). Погода у насъ портится, кажется, осень наступаетъ не на шутку. Авось разпишусь. Изъ сердитаго письма твоего заключаю, что К. И-нѣ лучше; ты бы такъ бодро не бранилась, еслибъ она была не на шутку больна. Все-таки напиши мнѣ обо всемъ, и обстоятельно. Что ты про Машу ничего не пишешь? вѣдь я, хоть Сашка и любимецъ мой, а все люблю ея затѣи. Я смотрю въ окошко, и думаю: не худо бы, если вдругъ въѣхала на дворъ карета—а въ каретѣ сидѣла бы Нат. Ник.! да нѣтъ, мой другъ. Сиди себѣ въ П. Б., а я постараюсь ужъ поторопиться, и пріѣхать къ тебѣ прежде сроку. Что Плетневъ? Что Карамзины, Мещерскія? etc. — пиши мнѣ обо всемъ. Цалую тебя и благословляю ребятъ.—

На оборотѣ: Въ С.-Петербургѣ, на Дворцовой Набережной, у Прачечнаго моста, въ домѣ Баташева.

Штемпель: 4 окт.

612.

П. А. Плетневу.

[Первая половина октября 1835 г.

Село Михайловское].

Очень обрадовался я, получивъ отъ тебя письмо <дѣльное по твоему обычаю>. Постараюсь отвѣчать по пунктамъ и обстоятельно: ты получилъ Путешествіе отъ цензуры; но что рѣшилъ комитетъ на мое всеуниженное прошеніе? Ужели залягаетъ меня осленокъ Никитенко и забодаетъ быкъ Дундукъ? Впрочемъ они отъ меня такъ легко не отдѣлаются. Спасибо, великое спасибо Гоголю за его Коляску, въ ней Альманакъ далеко можетъ уѣхать; но мое мнѣніе: даромъ Коляски не брать, а установить ей цѣну: Гоголю нужны деньги. Ты требуешь имени для Альманака: назовемъ его Аріонъ или Оріонъ; я люблю имена не имѣющія смысла: шуточкамъ привязаться не къ чему. Лангера заставь также нарисовать виньетку безъ смысла. Были бы цвѣточки, да лиры, да чаши, да плющь, какъ на квартерѣ Алекс. Ив. въ комедіи Гоголя. Это будетъ очень натурально.

Въ ноябрѣ я бы радъ явиться къ Вамъ, тѣмъ болѣе что такой безплодной осени отроду мнѣ не выдавалось. Пишу, черезъ пень колоду валю. Для вдохновенья нужно сердечное спокойствіе, а я совсѣмъ не спокоенъ. Ты дурно дѣлаешь, что становишься нерѣшителенъ. Я всегда находилъ, что все тобою придуманное мнѣ удавалось. Начнемъ Альманакъ съ Путешествія; присылай мнѣ корректуру, а я перешлю тебѣ стиховъ.

Кто будетъ нашъ цензоръ? Радуюсь что Сенковскій промышляетъ именемъ Бѣлкина; но нельзя ль <разумѣется изъ-за угла и тихонько, на примѣръ, въ М. Набл.> объявить что настоящій Бѣлкинъ умеръ и не принимаетъ на свою долю грѣховъ своего Омонима. Это бы, право, было не худо.

На оборотѣ: Его высокоблагородію М. Г. Петру Александровичу Плетневу. Въ С.-Петербургъ, у Обухова моста, въ домѣ г-жи Сухоревой башни.

613.

М. П. Погодину.

(Черновое).

[Первая половина октября 1835 г.

Село Михайловское].

Милостивый Государь

Михайло Петровичь

Сей часъ получилъ я послѣднюю книжку Библіотеки д. Ч., и увидѣлъ тамъ какую то повѣсть [подписанную [съ подписью] Бѣлкинымъ] съ подписью Бѣлкинъ и встрѣтилъ Ваше имя [Въ ней, кажется, упоминается о Васъ]—то спѣшу [оправдаться передъ Вами] Вамъ объявить что этотъ Бѣлкинъ, [не я] не мой Бѣл. Какъ я читать [его] и не буду, [то и не знаю] то спѣшу и что за его [глупость отвѣчать] нелѣпость я не отвѣчаю.

Это письмо [Вамъ] доставитъ Вамъ Г. С. издатель Живописнаго Ежегодника—Онъ собирается списать Москву [адресую] отсылаю его къ [Вамъ какъ Историку и] ея любовнику—

Скажите [Этимъ] Наблюдателямъ чтобъ онѣ были немножко акуратнѣе въ доставленіи.

614.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(Черновое).

[Вторая половина октября 1835 г. Петербургъ].

Обращаюсь къ В. С. съ жалобой и покорнѣйшею просьбою.

По случаю [недоразумѣнія встрѣтившагося <произшедшаго по>при случаѣ—въ пропускѣ] затрудненія Ценсуры изданія одного изъ моихъ стихотвореній, принужденъ я былъ во время Ваш. отсу. [подать] обратиться въ Ценсурн. комитетъ съ просьбой о разрѣшеніи встрѣтив. недоразумѣнія.—Но [Цен.] Комитетъ не удостоилъ просьбу мою отвѣтомъ. Не знаю чѣмъ могъ я заслуж. таковое небреженіе [можетъ быть въ бумагѣ моей не соблюдены указанныя формы] но не одинъ изъ русск. писателей не притесненъ болѣе моего.

Сочиненія мои [пропущенныя] одобренныя Государемъ остановлены при ихъ появленіи—печатаются съ своевольными поправками Ценсора, жалобы мои [не только не] оставлены безъ вниманія [не знаю (лишенъ) но даже способа ихъ печатать]. Я не смѣю [ихъ] печатать мои сочиненія ибо не [могу] смѣю...

615.

Графу Е. Ф. Канкрину.

23-го октября [1835 г.] Петербургъ.

Милостивый Государь,

Графъ Егоръ Францовичь,

Возвратясь изъ деревни узналъ я что Ваше Сіятельство изволили извѣщать меня о Высочайшемъ соизволеніи Государя на покорнѣйшую просьбу Вамъ принесенную мною. Приношу Вашему Сіятельству искреннюю, глубокую мою благодарность за снисходительное вниманіе, коимъ удостоили Вы меня посреди Вашихъ трудовъ, и за благосклонное ходатайство, коему обязанъ я успѣхомъ моего дѣла.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть Милостивый Государь Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

23 октября
С.-Петербургъ.

(Черновое).

Возвратясь въ П. Б. узналъ я что Вы изволили извѣщать меня о Выс. соизв. [Его В.] Г на почтительнѣйшую просьбу мною принесенную. Обязанный успѣхомъ сему Вашему ходатайству [позвольте] приношу Вамъ искреннюю глубокую мою благодарность за снисходительное вниманіе коимъ удостоили Вы меня посреди Вашихъ важныхъ трудовъ и за могущественное ходатайство коему обязанъ я успѣхомъ моего дѣла.

616.

П. А. Осиповой.

[Исходъ октября 1835 г. Петербургъ].

Me voici, Madame, arrivé à Petersbourg. Imaginez vous que le silence de ma femme provenoit de ce qu'elle s'etoit mis dans la tête d'adresser ses lettres à Опочка. Dieu sait d'où cèlà lui est venu. En tout cas je vous supplie d'y envoyer un de nos gens, pour faire dire au maître de Poste que je ne suis plus à la campagne et qu'il renvoye tout ce qu'il a à Petersbourg.

J'ai trouvé ma pauvre mère à l'extremité, elle étoit venu de Pavlovsk pour chercher un logement, et elle est tombé subitement en faiblesse chez M-d Княжнинъ, où elle s'étoit arrêtée. Rauch et Spaski n'ont aucune ésperance. Dans cette triste situation j'ai encore le chagrin de voir ma pauvre Natalie en but à la haine du monde. On dit partout qu'il est affreux qu'elle soit si élégante, quand son beau père et sa belle-mère n'ont pas de quoi manger. et que sa belle mère se meurt chez des étrangers. Vous savez ce qu'il en est. On ne peut pas dire à la rigueur qu'un homme qui à 1,200 paysans soit dans la misère. C'est mon père qui à quelque chose, et c'est moi qui n'ai rien. En tout cas Natalie n'a que faire dans tout celà; c'est moi qui devroit en répondre. Si ma mère s'étoit venu etablir chez moi, Natalie comme de raison l'auroit reçu, mais une maison froide remplie de marmailles et encombrée de monde n'est guère convenable à une malade—Ma mère est mieux chez elle. Je l'ai trouvée déjà demenagée; mon père est dans un état bien a plaindre. Quant à moi je fais de la bile, et je suis tout abasourdi.

Croyez m'en, chère Madame Ossipof, la vie toute süße Gewohnheit qu'elle est, a une amertume qui finit par la rendre dégoutante et c'est un vilain lac de boue que le monde. J'aime mieux Тригорское. Je vous salue de tout mon coeur.

На оборотѣ: Ея Высокородію М. Г. Прасковьи Александровнѣ Осиповой. Во Псковъ—оттолѣ въ село Тригорское.

617.

П. В. Нащокину.

Исходъ октября 1835 г. Петербургъ.

Мой любезный Павелъ Воиновичь,

Я не писалъ къ тебѣ потому что въ ссорѣ съ Московскою почтою. Услышалъ я что ты собирался ко мнѣ въ деревню. Радуюсь что не со-

брался, потому что тамъ меня бы ты не засталъ. Болѣзнь матери моей заставила меня воротиться въ городъ. О тебѣ были разныя слухи косательно твоего выигрыша; но что истинно меня утѣшило, такъ это то, что всѣ въ голосъ оправдывали тебя, и тебя однаго. Думаю побывать въ Москвѣ, коли не околѣю на дорогѣ—Есть-ли у тебя уголъ для меня? То-то бы наболтались! а здѣсь не съ кѣмъ. Денежныя мои обстоятельства плохи—Я принужденъ былъ приняться за журналъ. Не вѣдаю какъ еще пойдетъ. Смирдинъ уже предлагаетъ мнѣ 15,000, чтобъ я отъ своего предпріятія отступился, и сталъ бы снова сотрудникомъ его Библіотеки. Но хотя это было бы и выгодно, но не могу на то согласиться. Но Сенковскій такая бестія, а Смирдинъ такая дура—что съ ними связываться невозможно. Желалъ бы я взглянуть на твою семейственную жизнь, и ею порадоваться. Вѣдь и я тутъ участвовалъ, и я имѣлъ вліяніе на рѣшительный переворотъ твоей жизни. Мое семейство умножается, растетъ, шумитъ около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости [смерти] нечего бояться. Холостяку въ свѣтѣ скучно: ему досадно видѣть новыя, молодыя поколѣнія; одинъ отецъ семейства смотритъ безъ зависти на молодость его окружающую. Изъ этого слѣдуетъ что мы хорошо сдѣлали что женились.—Каковы твои дѣла? что Кнерцеръ, и твоій жиденокъ-лѣкарь котораго Наталья Николаевна такъ не любитъ? А у нея пречуткое сердце. Смотри, разпутайся съ ними: это необходимо. Но обо всемъ этомъ послѣ поговоримъ. До свиданія, мой другъ.

На оборотѣ: П. В. Нащокину etc.

618.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(Черновое).

[Октябрь—ноябрь 1835 г. Петербургъ].

Je vous supplie de me pardonner mon importunité, mais comme je n'ai pu hier me justifier devant le ministre.

Mon ode a été envoyé à Moscou sans aucune explication—mes amis n'en avaient aucune connaissance. [Il n'y a] toute espèce d'allusion [a y] en est soigneusement éloignée. La partie satyrique porte sur [l'] la vile avidité d'un héritier, qui au moment de la maladie de son parent fait déjà mettre les scelets sur les effets qu'il convoite. J'avoue qu'une anecdote pareille avoit été repandue, et que j'ai [trouvé] recueilli une expression poetique échappée à ce Sujet [a] [Mais je crois qu'il est] [qu'il est] [permis de mettre en vers, un mot àdress.] [Le public a pu] [appliqu].

Il est impossible d'écrire une ode satirique sans que la malignité n'y trouve tout de suite une allusion—[Lorsque] Derj. dans son Вельможа peignit un sybarite plongé dans la volupté, [sourd aux cris du peuple, de sa et] [ingrat] [préférant] qui crie

Мнѣ мигъ....

On applicat ces vers à Palen et à d'autres—cependant toute ces declamations etaient de lieux communs—qui avait été repeté mille fois.

Au fond, c'était des vices du grand seigneur et je ne puis mieux jusqu'à quel point Dérj. était innocent de toute personnalité.

[Mon ode a été] tant pis pour le public—il ne suffit à moi de n'avoir pas (non seulement nommé) ni même insinu... [Je n'ai jamais nommé personne]; le public [et] [la] [a dit on reconnu] à qui que soit que mon ode dans le portrait d'un vil [héritier] avare. d'un drole qui vole [du] le bois de la couronne, qui [trompe] presente à sa femme des comptes infidèles [etc.] d'un plat-pied qui, [par...], devient [la] bonne [de] d'enfants chez les gr. S., etc. a dit-on reconnu, un grand seigneur, un homme riche, un homme honoré d'une charge impartante. [Celà ne me regarde pas] [Celà est]—[il suffit que je ne] [Je n'en sais rien] je demande seulement quel est le trait de mon ode qui puisse lui être appliqué [etc.] ou bien (qu'on me prouve que je l'ai nommé)—que j'ai insinué—

tout celà est bien vague; toutes ces accusations sont des lieux communs—

c'est à dire dans [la] [peinture d'un] la Satyre des vices les plus bas et les plus communs—peints.

Il m'importe peu que le public ait tort ou raison. Ce qui m'importe beaucoup c'est de prouver que jamais en aucune manière, je n'ai insinué à personne que mon ode étoit dirigé contre qui que ce soit—

619.

И. И. Лажечникову.

3-го ноября 1835. Петербургъ.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! Вопервыхъ долженъ я просить у васъ прощеніе за мѣдленность и неисправность свою.

Портретъ Пугачева получилъ мѣсяцъ тому назадъ, и возвратясь изъ деревни узналъ я, что до сихъ поръ экземпляръ его Исторіи вамъ не доставленъ. Возвращаю вамъ рукопись Рычкова, коей пользовался я по вашей благосклонности.

Позвольте, Милостивый Государь, благодарить васъ теперь за прекрасные романы, которые всѣ мы прочли съ такою жадностію и съ такимъ наслажденіемъ. Можетъ быть, въ художественномъ отношеніи, Ледяной Домъ и выше Послѣдняго Новика, но истина историческая въ немъ не соблюдена, и это современемъ, когда дѣло Волынскаго будетъ обнародовано, конечно, повредитъ вашему созданію; но поэзія останется всегда поэзіей, и многія страницы вашего романа будутъ жить, доколѣ не забудется русскій языкъ. За Василія Тредьяковскаго, признаюсь, я готовъ съ вамъ поспорить. Вы оскорбляете человѣка, достойнаго во многихъ отношеніяхъ уваженія и благодарности нашей. Въ дѣлѣ же Волынскаго играетъ онъ лицо мученика. Его донесеніе Академіи трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать безъ негодованія на его мучителя. О Биронѣ можно бы также потолковать. Онъ имѣлъ несчастіе быть нѣмцемъ; на него свалили весь ужасъ царствованія Анны, которое было въ духѣ его времени и въ нравахъ народа. Впрочемъ онъ имѣлъ великій умъ и великіе таланты.

Позвольте сдѣлать вамъ филологическій вопросъ, коего разрѣшеніе для меня важно: въ каромъ смыслѣ упомянули вы слово хоботъ въ послѣднемъ вашемъ твореніи и по какому нарѣчію?

Препоручая себя вашей благосклонности, честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ, Милостивый Государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

3 Ноября 1835 г. С.-Петербургъ.

620.

П. А. Клейнмихелю.

19-го ноября 1835 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь

Петръ Андреевичь,

Возвратясь изъ путешествія, нашелъ я предписаніе Вашего Высокопревосходительства коему и поспѣшилъ повиноваться. Книги и бумаги коими пользовался я по благосклонности Его Сіятельства Графа Чернышева, возвращены мною въ Военное Министерство.

Обращаюсь къ Вашему Высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою: въ Главномъ Штабѣ находится одна, мнѣ еще неизвѣстная книга содержащая послѣднія письма и донесенія Генерала Бибикова (1774 года). Мнѣ было бы необходимо справиться съ сими документами; осмѣливаюсь просить на то соизволенія Вашего Высокопревосходительства.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть, Милостивый Государь Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

19 Ноября
1835.

621.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

[Ноябрь 1835 г. Петербургъ].

За кого вы меня принимаете? Я слышалъ разъ Дурака въ Москвѣ, и больше небуду. Его надо слушать, однако, чтобъ порядкомъ побранить въ Лѣтописцѣ. Итакъ подпишитесь, Князь! извольте заплотить, Ваше Сіятельство — стерпиться слюбиться. Не скупитесь.—А когда-то намъ свидѣться?

А. П.

622.

П. А. Осиповой.

26-го декабря [1835 г. Петербургъ].

Enfin, madame, j'ai eu la consolation de recevoir votre lettre du 27 Novembre. Elle a été près de 4 semaines en chemin. Nous ne savions que penser de votre silence. Je ne sais pourquoi je vous suppose à Pskov et c'st là que je vous adresse cette lettre. La santé de ma mère est amélioré, mais ce n'est pas encore une convalescence. Elle traine, cependant la maladie s'est calmée. Mon père est bien à plaindre: Ma femme vous remercie de votre souvenir et se recommande à votre amitié. Ребятишки также. Je vous souhaite santé et bonne fête, et je ne vous dis rien de mon inaltérable dévouement.

L'Empereur vient d'accorder la grâce à la plupart des conspirateurs de 1825, entre autres à mon pauvre Кюхельбекеръ. По указу долженъ онъ быть поселенъ въ южной части Сибири. C'est un beau pays, mais je voudrais le savoir plus près de nous; et peut-être lui permettra-t-on de se retirer sur les terres de M-me Glinka, sa soeur. Le gouvernement a toujours eu pour lui de la douceur et de l'indulgence.

Quand je songe que 10 ans se sont écoulés depuis ces malheureux troubles, il me parait que j'ai fait un rêve. Que d'événements, que le changements en tout, à commencer par mes propres idées—ma situation, etc., etc. En vérité, il n'y a que mon amitié pour vous et votre famille que je retrouve en mon âme toujours la même, toujours pleine et entière.

26 Dec.

Votre lettre de change est prête et je vous l'enverrai la prochaine fois.

623.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

31-го декабря 1835 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Графъ Александръ Христофоровичь,

Имѣю щастіе повергнуть на разсмотрѣніе Его Величества записки Бригадира Моро де Бразе о походѣ 1711 года, съ моими примѣчаніями и предисловіемъ. Эти записки любопытны и дѣльны. Они важный историческій документъ, и едва-ли не единственный (опричь Журнала самаго Петра Великаго).

Осмѣливаюсь безпокоить Ваше Сіятельство покорнѣйшею просьбою.

Я желалъ бы въ слѣдующемъ 1836 году издать 4 тома статей чисто литературныхъ <какъ-то повѣстей, стихотвореній etc.>, историческихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ Русской и иностранной словесности; на подобіе Англійскихъ трехмѣсячныхъ Reviews. Отказавшись отъ участія во всѣхъ нашихъ журналахъ, я лишился и своихъ доходовъ. Изданіе таковой Review доставило бы мнѣ вновь независимость а вмѣстѣ и способъ продолжать труды, мною начатые. Это было бы для меня новымъ благодѣяніемъ Государя.

Препоручая себя всегдашней вашей Благосклонности, честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію

Милостивый Государь

Вашего Сіятельства

покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

31 дек.
1835.
С. П. Б.

(*Черновое*).

Имѣю щастіе [представить] повергнуть на разсмотрѣніе Его В. — *Записки* Бригадира *Моро* о походѣ 1711-го года — съ моими примѣчаніями и предисл. [онѣ любопытны во мног. При семъ осмѣливаюсь просить у Ваш. С. позволенія] прося о дозволеніи мнѣ напечатать... Осмѣливаюсь безпокоить В. С. покорнѣйшею просьбою [я отказался.... Въ слѣдствіи.... принужденъ быть.... отъ участія ...я отказался участвовать въ журн.... думалъ издавать..... отказался]. Я не участвую въ

изданіи ни одного журнала — и такимъ образомъ лишился моихъ доходовъ [si tout est fini faites moi un signe quelconque. Мнѣ необходимо имѣть свой журналъ]. Я желалъ бы въ нынѣшнемъ году издать 4 тома (на подобіи Англ. Review) [не знаю подходитъ-ли таковое]. Они (будутъ) [будутъ заключать] состоять изъ статей чисто литературныхъ <какъ-то повѣсти, стихотворенія..> изъ ученыхъ и историческихъ отрывковъ и [также] изъ критическихъ разборовъ Русской и иностр. литературы—[Не знаю. Г. дозво... Будучи подъ]. Отказавшись отъ участія во всѣхъ нашихъ журналахъ [Таковая Review была бы для.].. я лишился и своихъ доходовъ – Изданіе таковой Review [дозволило] [сдѣлало бы меня независимымъ и] доставило бы мнѣ вновь независимость и вмѣстѣ и способъ [заниматься моими трудами] продолжать труды мною начатыя — Это было бы для меня [новымъ] настоящимъ благодѣяніемъ [Госуд. Гос.].

624.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

[1835—1836 гг. Петербургъ].

Батюшка, Ваше Сіятельство!

Побойтесь бога: я ни Львову, ни Очкину, ни дѣтямъ — ни сватъ ни братъ. За чѣмъ мнѣ sotдѣйствовать Дѣтскому журналу? ужъ и такъ говорятъ что я въ дѣтство впадаю. Развѣ ужъ не за деньги-ли? О это дѣло не дѣтское, а дѣльное. Впрочемъ поговоримъ.

625.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

[1835—1836 гг. Петербургъ].

Сдѣлайте мнѣ божескую милость, Ваше Сіятельство: пришлите мнѣ на нѣсколько часовъ Наблюдателя.

А. П.

1836.

626.

Н. А. Дуровой.

19-го января 1836 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь, Александръ Андреевичъ. По послѣднему письму вашему, отъ 6-го января, чрезвычайно меня встревожило. Рукописи вашей я не получилъ, и вотъ какую подозрѣваю на то причину. Уѣхавъ въ деревню на 3 мѣсяца, я пробылъ въ ней только 3 недѣли и принужденъ былъ наскоро воротиться въ Петербургъ. Вѣроятно, ваша рукопись послана въ Псковъ. Сдѣлайте милость, не гнѣвайтесь на меня. Сейчасъ ѣду хлопотать: задержки постараюсь вознаградить.

Я было совсѣмъ отчаявался получить записки, столь нетерпѣливо мною ожидаемыя. Слава Богу, что теперь попалъ на слѣдъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть вашимъ усерднѣйшимъ и покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

627.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

[Январь—февраль 1836 г. Петербургъ].

Объявленіе готовъ помѣстить какое будетъ лишь Вамъ по сердцу. Для I № Совр. думаю взять Загадки; о Миѳологіи еще нечиталъ. На дняхъ возвращу Вамъ рукопись.

628.

С. С. Хлюстину.

4-го февраля [1836 г. Петербургъ].

Monsieur. Permettez-moi de redresser quelque points où vous me paraissez dans l'erreur. Je ne m souviens pas de vous avoir entendu citer quelqu chose de l'article en question. Ce qui m'a porté à m'expliquer, peut-être, avec trop de chaleur, c'es la remarque que vous m'avez faite de ce que j'avais eu tort la vielle de prendre au coeur les palores de Senkovsky.

Je vous ai répondu: «Я не сержусь на Сенковскаго; но мнѣ нельзя не досадовать, когда порядочные люди повторяютъ нелѣпости свиней и мерзавцевъ.» Vous assimiler à des swiny и мерзавцы est certes une absurdité, qui n'a pu ni m'entrer dans la tête, ni même m'echapper dans toute la pétulence d'une dispute.

A ma grande surprise, vous m'avez répliqué, que vous prenez entièrement pour votre compte l'article injurieux de S. et notamment l'expression «обманывать публику».

J'étais d'autant moins préparé à une pareille assertation venant de votre part, que ni la veille, ni à notre dernière entrevue, vous ne m'aviez absolument rien dit qui eût rapport à l'article du journal. Je crus ne vous avoir pas compris et vous priais de vouloir bien vous expliquer, ce que vous fîtes dans les mêmes termes.

J'eus l'honneur alors de vous faire observer, que ce que vous veniez d'avancer devenait une toute autre question et je me tus. En vous quittant je vous dis que je ne pouvais laisser cela ainsi. Cela peut être regardé comme une provocation, mais non comme une menace. Car enfin, je suis obligé de le répéter: je puis ne pas donner suite à de paroles d'un Senkovsky, mais je ne puis les mépriser dès qu'un homme comme vous les prande sur soi. En conséquence je chargeais m-r Sobolévsky de vous prier de ma part de vouloir bien vous rétracter et simplement, ou bien de m'accorder la reparation d'usage. La preuve combien ce dernier parti me répugnait, c'est que j'ai dit nommément à Sobolévsky, que je n'exigeai pas d'excuses. Je suis fâché que m-r Sobolévsky a mis dans tout cela sa négligence ordinaire.

Quant à l'impolitesse que j'ai eu de ne pas vous saluer, lorsque vous m'avez quitté, je vous prie de croire que c'était une distraction tout-à-fait involontaire et dont je vous demande excuse de tout mon coeur.

J'ai l'honneur d'être, monsieur, votre très-humble et très-obéissant serviteur A. Pouchkine.

4 février.

629.

Князю Н. Г. Репнину.

5-го февраля 1836 г. [Петербургъ].

Mon Prince. C'est avec regret que je me vois contraint d'importuner Votre Excellence; mais gentilhomme et père de famille, je dois veiller à mon honneur et au nom que je dois laisser à mes enfants.

Je n'ai pas l'honner d'être personellement connu de Votre Excellence. Non seulement jamais je ne vous ai offensé, mais par des motifs à moi connus, je vous ai porté jusqu'à présent un sentiment vrai de respect et de reconnaissance.

Cependant un M-r Bogolubof a publiquement répété des propos outrageants pour moi et cela comme venant de Vous. Je prie Votre Excellence de vouloir bien me faire savoir à quoi je dois m'en tenir.

Je sais mieux que personne la distance qui me sépare de Vous; mais vous qui êtes non seulement un grand seigneur, mais encore le réprésentant de notre ancienne et véritable Noblesse, à laquelle j'appartiens aussi, j'espère que vous comprendrez sans peine l'impérieuse nécessité qui m'a dicté cette demarche. Je suis avec respect de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur Alexandre Pouchkine.

5 février 1836.

630.

Князю Н. Г. Репнину.

11-го февраля 1836 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь, Князь Николай Григорьевичъ! Приношу Вашему Сіятельству искреннюю, глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить.

Не могу не сознаться что мнѣніе Вашего Сіятельства касательно сочиненій, оскорбительныхъ для чести частнаго лица, совершенно справедливо. Трудно ихъ извинить, даже когда они написаны въ минуту огорченія и слѣпой досады. Какъ забава суетнаго или развращеннаго ума, они были бы непростительны.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію есмь, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

11 февраля 1836.

631.

А. А. Фуксъ.

20-го февраля 1836 г. Петербургъ.

Милостивая Государыня Александра Андреевна, Я столько предъ Вами виноватъ, что не осмѣливаюсь и оправдываться. Недавно возвратился я изъ деревни и нашелъ у себя письмо, коимъ изволили меня удостоить. Не понимаю, какимъ образомъ мой бродяга Емельянъ Пугачевъ не дошелъ до Казани, мѣсто для него памятное: видно шатался по сторонамъ и загулялся по своей привычкѣ. Теперь Гр. Апраксинъ снисходительно взялся доставить къ Вамъ мою книгу. При семъ позвольте мнѣ, Милостивая Государыня, препроводить къ Вамъ и билетъ на полученіе Современника, мною издаваемаго. Смѣю-ли надѣяться, что Вы украсите его когда-нибудь произведеніями пера Вашего?

Свидѣтельствую глубочайшее мое почтеніе любезному, почтенному Карлу Ѳедоровичу, поручая себя вашей и его благосклонности.

Честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію Милостивая Государыня, Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

С. П. Б.
20 Февр. 1836.

632.

В. Д. Сухорукову.

14-го марта 1836 г. Петербургъ.

Любезнѣйшій Василій Дмитріевичъ.

Пишу къ вамъ въ комнатѣ вашего соотечественника, милаго молодого человѣка, отъ котораго не рѣдко получаю объ васъ извѣстія. Сейчасъ сказалъ онъ мнѣ что вы женились. Поздравляю васъ отъ всего сердца, желаю вамъ щастія которое вы заслуживаете по всѣмъ отношеніямъ. Заочно кланяюсь Ольгѣ Василіевнѣ и жалѣю что не могу высказать ей все что про васъ думаю, и все что знаю прекраснаго.

— Писалъ ли я Вамъ послѣ нашего разлученія въ Арзерумскомъ дворцѣ? Кажется что не писалъ; простите моему всегдашнему недосугу и не причисляйте мою лѣность къ чему нибудь иному.—Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Вы знаете что я сдѣлался журналистомъ <это напоминаетъ мнѣ что я не послалъ вамъ Современника; извините,—постараюсь загладить мою вину>. Итакъ, сдѣлавшись собратомъ Булгарину и Полевому обращаюся къ вамъ съ удивительнымъ безстыдствомъ, и прошу у васъ статей. Въ самомъ дѣлѣ, пришлите ка мнѣ что нибудь изъ вашихъ дѣльныхъ, добросовѣстныхъ любопытныхъ произведеній. Въ сосѣдствѣ Бештау и Эльбруса живутъ и досугъ и вдохновеніе. Между тѣмъ и о цѣнѣ <денежной> не худо поговорить. За листъ печатн. я плачу по 200 руб.—Не войдемъ ли мы и въ торговыя сношенія.

Простите; весь вашъ
А. П.

14 Марта 1836
С. П. Б.

633.

Князю П. А. Вяземскому.

[Первая половина марта 1836 г. Петербургъ].

Поздравляю съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ подъ Цензуры. Посылаю Ф. Визина. Посланія Хвостова не имѣю, да и не видывалъ. Знаешь-ли ты, что Ф. Визинъ написалъ Ѳеологическій памфлетъ: Аввакумъ Скитникъ?

Нащокинскій домикъ въ реконструкціи художника А. А. Галяшкина

Гостинная въ Нащокинскомъ домикѣ.

По фотографіи, снятой во время выставки домика въ Конференцъ-залѣ Академіи Наукъ въ 1910 году.

629.

Князю Н. Г. Репнину.

5-го февраля 1836 г. [Петербургъ].

Mon Prince. C'est avec regret que je me vois [illegible] Gentilhomme et père de famille, je dois veiller à mon honneur et au nom que je dois laisser à mes enfants.

Je n'ai pas l'honner d'être personellement connu de Votre Excellence. Non seulement jamais je ne vous ai offensé, mais par des motifs à moi connus, je vous ai porte jusqu'à présent un sentiment vrai de respect et de reconnaissance.

Cependant un M-r Bogolubof a publiquement répété des propos outrageants pour moi et cela comme venant de Vous. Je prie Votre Excellence de vouloir bien me faire savoir à quoi je dois m'en tenir.

Je sais mieux que personne la distance qui me sépare de Vous, mais vous qui êtes non seulement [illegible] seigneur, mais encore le représentant de [illegible] ancienne et véritable Noblesse, à laquelle j'appartiens aussi, j'espère que vous comprendrez sans peine l'impérieuse nécessité qui m'a dicté cette démarche. Je suis avec respect de Votre Excellence le [illegible] humble et très obéissant serviteur Alexandre Pouchkine.

5 février 1836.

630.

Князю П. А. Вяземскому.

[Февраль 1836 г. Петербургъ].

Милостивый Государь Князь Петръ Андреевичъ. Не могу не сознаться что мнѣніе Вашего Сіятельства послѣдовательно [illegible] для чести частнаго лица, совершенно справедливо. Грубо ихъ извинить, даже когда они вписаны въ минуту огорченія и слѣпой досады. Какъ забава суетнаго или развращеннаго ума, они были бы непростительны.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію есмь, Милостивый Государь, Вашего [illegible] покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

11 февраля 1836.

631.

А. А. Фуксъ.

20-го февраля 1836 г. Петербургъ.

Милостивая Государыня Александра Андреевна. Я столько предъ Вами виноватъ, что не осмѣливаюсь и оправдываться. Недавно возвратился я изъ деревни и нашелъ у себя письмо, коемъ изволили меня удостоить. Не понимаю, какимъ образомъ мой бродяга Емельянъ Пугачевъ не пошелъ до Казани, мѣсто для него памятное, но метался по сторонамъ и загулялся по своей [illegible]. Гр. Апраксинъ снисходительно взялся доставить къ Вамъ мою книгу. При семъ позвольте мнѣ, Милостивая Государыня, препроводить къ Вамъ и билетъ на полученіе Современника, мною издаваемаго. Смѣю ли надѣяться, что Вы украсите его когда-нибудь произведеніями пера Вашего?

Свидѣтельствую глубочайшее мое почтеніе любезному, почтенному Карлу Ѳедоровичу, поручая себя вашей и его благосклонности.

Честь имѣю быть съ [illegible] почтеніемъ и совершенной [illegible] Милостивая Государыня, Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

С. П. Б.
20 Февр. 1836.

632.

В. Д. Сухорукову.

14-го марта 1836 г. Петербургъ.

Любезнѣйшій Василій Дмитріевичъ.

Пишу къ вамъ въ комнатѣ вашего соотечественника, милаго молодого человѣка, отъ котораго не рѣдко получаю объ васъ извѣстія. Сейчасъ сказалъ онъ мнѣ что вы женились. Поздравляю васъ отъ всего сердца, желаю вамъ щастія которое вы заслуживаете по всѣмъ отношеніямъ [illegible] Ольгѣ Васильевнѣ и жалѣю что [illegible] разлучаетесь [illegible] Какъ [illegible] не [illegible] По [illegible] Нашемъ [illegible] 1910 году. [illegible] что я [illegible] Современника; извините, — постараюсь загладить мою вину. Итакъ сдѣлавшись собратомъ Булгарину и Полевому обращаюся къ вамъ съ удивительнымъ безстыдствомъ, и прошу у васъ статей. Въ самомъ дѣлѣ, пришлите ка мнѣ что нибудь изъ вашихъ дѣльныхъ, добросовѣстныхъ любопытныхъ произведеній. Въ сосѣдствѣ Бенкендорфа и Дибича скиснутъ и досухъ и вдохновеніе. Между тѣмъ ли и цѣнѣ <денежной> не худо поговорить. За листъ печати я плачу по 200 руб. — Не войдемъ ли мы и въ торговыя сношенія.

Простите; весь вашъ

А. П.

14 Марта 1836
С. П. Б.

633.

Князю П. А. Вяземскому.

[Первая половина марта 1836 г. Петербургъ].

Поздравляю съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ подъ Цензуры. Посылаю Ф. Вяземскаго. Посланія Хвостова не имѣю, да и не видывалъ. Знаешь ли ты, что Ф. Вяземъ написалъ Ѳеологическій памфлетъ: Аввакумъ Скитникъ?

634.

В. А. Дурову.

С. П. Б. 17 марта 1836 г.

Милостивый Государь, Василій Андреевичъ. Очень благодарю васъ за присылку записокъ и за довѣренность, вами мнѣ оказанную. Вотъ мои предположенія: 1) Я издаю журналъ; во второй книжкѣ онаго (т. е. въ іюлѣ мѣсяцѣ) напечатаю я Записки о 12 годѣ (всѣ или часть ихъ) и тотчасъ перешлю вамъ деньги по 200 рублей за листъ печатный. 2) Дождавшись другихъ записокъ брата вашего, я думаю соединить съ ними и Записки о 12 годѣ; такимъ образомъ, книжка будетъ толще и, слѣдственно, дороже.

Полныя записки, вѣроятно, пойдутъ успѣшно послѣ того, какъ я о нихъ протрублю въ своемъ журналѣ. Я готовъ ихъ и купить, и напечатать въ пользу автора, какъ ему будетъ угодно и выгоднѣе. Во всякомъ случаѣ будьте увѣрены, что приложу всевозможное стараніе объ успѣхѣ общаго дѣла.

Братецъ вашъ пишетъ, что лѣтомъ будетъ въ Петербургѣ. Ожидаю его съ нетерпѣніемъ. Прощайте, будьте счастливы, и дай Богъ вамъ разбогатѣть съ легкой ручки храбраго Александрова, которую ручку прошу за меня поцеловать.

Весь Вашъ Александръ Пушкинъ.

Сейчасъ прочелъ переписанныя записки: прелесть! живо, оригинально, слогъ прекрасный. Успѣхъ несомнителенъ. 27 марта.

635.

А. Жобару.

24-го марта 1836 г. Петербургъ.

Monsieur, J'ai reçu avec un véritable plaisir votre charmante traduction de l'ode à Lucullé et la lettre si flatteuse qui l'accompagne. Vos vers sont aussi jolis qu'ils sont malins, ce qui est beaucoup dire. S'il est vrai, comme vous le dites dans votre lettre, qu'on ait voulu légalement constater que vous aviez perdu l'esprit, il faut convenir, que depuis vous l'avez diablement retrouvé!

La bienveillance que vous paraissez me porter et dont je suis fier, m'autorise à vous parlez en pleine confiance. Dans votre lettre à M-r le ministre de l'Instruction publique, vous semblez disposé à imprimer votre traduction en Belgique en y joignant quelques notes, necessaires, dites-vous, pour l'intelligence du texte: j'ose vous supplier, Monsieur, de n'en rien faire. Je suis fâché d'avoir imprimé une pièce que j'ai écrit dans un moment de mauvaise humeur. Sa publication a encouru le déplaisir de quelqu'un dont l'opinion m'est chère et que je ne puis braver sans ingratitude et sans folie. Soyez assez bon pour sacrifier le plaisir de la publicité à l'idée d'obliger un confrère. Ne faites pas revivre avec l'aide de votre talent une production qui sans cela tombera dans l'oubli, qu'elle mérite. J'ose espérér que vous ne me refuserez pas la grâce que je vous demande, et vous prie de vouloir bien recevoir l'assurance de ma parfaite considération.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur, Votre très humble et très-obéissant serviteur A. Pouchkine.

24 Mars, 1836.
St.-Pétersbourg.

(Черновое).

C'est avec [bien de reconnaissance] un [bien] véritable plaisir que j'ai reçu [la traduction de la traduction que les charmants vers que (votre modestie) vous appellez modestement une traduction] la charmante traduction et votre la flatteuse] la lettre si flatteuse que l'accompagne. Vos vers sont bien jolis et bien [méchants] malins. S'il est vrai, comme vous le dites dans votre lettre, qu'on a voulu legalement constater que vous aviez perdu l'esprit — il faut avouer que depuis V (ous) l'avez diablement retrouvé.

La bienveillance et l'estime que vous paraissoit <sez> me porter et dont je suis fier m'autorisent à vous parler en pleine confiance [comme à un confrère et à vous adresser une].

Dans votre lettre à M-r le Ministre de l'... vous semblez disposé à imprimer votre traduction en y joignant - J'ose vous supplier M-r de n'en rien faire. Je suis faché d'avoir fait imprimer une pièce que j'ai a écrite dans un [mauvais] moment de mauvaise humeur. [Elle] sa publication a encouru le deplaisir de quelqu'un dont [le suffrage] l'opinion m'est chère [et que pour rien au monde] et que je ne puis braver sans folie et ingratitude; seriez vous assez bon pour sacrifier le plaisir de la [vengeance] publicité à l'idée d'obliger un confrère charmé de continuer avec Vous des relations, commencées [avec] sous d'aussi agréables auspices... [qui est un sincère admirateur de <votre> vos vers et de votre esprit]. Ne faites pas revivre avec le secours <de> votre talent une production qui sans cela tombera dans l'oubli qu'elle mérite.

636.

С. Н. Глинкѣ.

[Вторая половина марта 1836 г. Петербургъ].

Милостивый Государь Сергѣй Николаевичь! Искренно благодарю васъ за любезное письмо Ваше <извините галлицизмъ>. Современникъ мой еще невышелъ - а выйдетъ со временемъ. Вы первый его получите.

Какъ адресовать письма къ Ѳедору Николаевичу?—Весь вашъ А. Пушкинъ.

На оборотѣ: Его высокородію М. Г. Сергѣю Николаевичу Глинкѣ. На Сергѣевской, въ домѣ Болдырева, № 37 на дворѣ.

637.

А. Л. Крылову.

(Черновое).

[Конецъ марта 1836 г. Петербургъ].

Милостивый Государь,

Александръ Лукичь,

Князь М. А. Корсаковъ писалъ мнѣ что Письма изъ Парижа будутъ разсмотрены въ высшемъ Комитетѣ. Препровождаю ихъ къ Вамъ; одно замѣчаніе: письма изъ Парижа Тургенева печатаются въ М. Наблюдателѣ, не какъ статьи политическія, а литературныя.....

638.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

[Конецъ марта 1836 г. Петербургъ].

Весьма и весьма доволенъ и благодаренъ—Если въ недѣлю можно будетъ отпечатать по пяти листовъ, то это славно—и дѣло наше въ шляпѣ—Корректуру путешествія прикажите однако присылать ко мнѣ—Тутъ много ошибокъ въ рукописи. Что ваша повѣсть Зизи? Это славная вещь. А. П.

На оборотѣ: Его Сіятельству Кн. Одоевскому etc. etc.

639.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

[Начало апрѣля 1836 г. Петербургъ].

У меня въ 1 № не будетъ ни одной строчки вашего пера—Грустно мнѣ; но времени намъ не достало—а за меня приятели мои дали передъ публикой обѣтъ выдать Совр. на Ѳоминой.

Думаю 2 № начать статью вашей, дѣльной, умной и сильной—и которую хочется мнѣ наименовать О враждѣ къ просвѣщенію; ибо въ томъ-же № хочется мнѣ помѣстить и Разборъ постоялаго Двора подъ названіемъ о Нѣкоторыхъ Романахъ—Разрѣшаете-ли Вы?

О Сегіелѣ, кажется задумалась Цензура—Но я не очень имъ доволенъ—къ тому-же какъ отрывокъ онъ въ печати можетъ повредить изданію полнаго вашего произведенія.

Я ѣду во вторникъ—Увижу-ли Васъ дотолѣ? Весь Вашъ А. П.

Разговоръ Недовольныхъ непомѣстилъ я потому что уже Сцены Гоголя были у меня напечатаны—и что Вы могли другъ другу повредить въ ефектѣ.

На оборотѣ: Князю Владиміру Ѳедоровичу Одоевскому etc. etc.

640.

Князю М. А. Дондукову-Корсакову.

6-го апрѣля 1836 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Князь Михаилъ Александровичь.

Осмѣливаюсь обратиться къ Вашему Сіятельству съ покорнѣйшею просьбою.

Конечно я не имѣю права жаловаться на строгость цензуры: всѣ статьи поступившія въ мой журналъ были пропущены. Но разрѣшеніемъ оныхъ обязанъ я единственно благосклонному снисхожденію Вашего Сіятельства, ибо цензоръ Г. Крыловъ самъ отъ себя не могъ рѣшиться ихъ пропустить. Чувствуя въ полной мѣрѣ цѣну покровительства, Вами мнѣ оказаннаго, осмѣливаюсь однакожъ замѣтить во первыхъ, что мнѣ совѣстно и неприлично поминутно безпокоить Ваше Сіятельство ничтожными запросами, между тѣмъ какъ я желалъ бы пользоваться правомъ, Вами мнѣ даннымъ, только въ случаяхъ истинно затруднительныхъ и въ самомъ дѣлѣ требующихъ разрѣшенія высшаго начальства; во вторыхъ что таковая двойная цензура отымаетъ у меня чрезвычайно много времени, такъ что мой журналъ не можетъ выходить въ положенный срокъ. Не жалуюсь на излишнюю мнительность моего цензора; знаю что на немъ лежитъ отвѣтственность, можетъ быть, не ограниченная Цензурнымъ Уставомъ; но осмѣливаюсь просить Ваше Сіятельство о дозволеніи выбрать себѣ еще одного цензора; дабы такимъ образомъ вдвое ускорить разсматриваніе моего журнала, который безъ того остановится и упадетъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

6 Апрѣля 1836.
С. П. Б.

(Черновое).

Осмѣливаюсь обратиться къ В. С. съ покорнѣйшею просьбою.

[Статьи журнала моего просматрива. ценсир(уетъ) Ценс(оръ) А. Л. Крыловъ]. Я конечно не могу жаловаться [на его] на [излишнюю взы(скательность) по нѣк. но въ] строгость и на притѣснительность—Цензуры, [пропустившей всѣ] всѣ статьи поданныя мною пропущены были [не Цензоромъ, но] единственно по [собственному] Вашему снисхожденію [ибо Цензоръ]. А. Л. Крыловъ со всѣми статьми поступившими съ моей подписью относился въ Комитетъ [и самъ отъ себя не] рѣшавшись [ихъ] пропустить самъ отъ себя.—Разрѣшеніемъ оныхъ обязанъ я собственно [Вашему] снисхожденію В. С-ва—[но] Принося Вамъ искреннѣйшую мою благодарность за благосклонность и покровительство не могу вмѣстѣ не замѣтить что [сей способъ] такая двойная Ценсура чрезвычайно для меня не удобна. Во первыхъ мнѣ совѣстно [и неприлично] поминутно [безпокоить] обращаться къ В. С-у [по.... съ] съ ничтожными [запр.] вопросами [важными только для меня], между тѣмъ какъ я желалъ бы пользоваться правомъ Вами мнѣ даннымъ, только въ случаяхъ истинно затруднительныхъ [и еще] въ самомъ дѣлѣ требующихъ [Вашего] разрѣшенія высшаго начальства; во вторыхъ, что таковая двойная Ценсура отымаетъ у меня такъ много времени [так. и вре.] [что я не въ состояніи никакъ издавать въ положеный срокъ] [издавать своего журнала въ срокъ] что ж<урналъ> м<ой> не можетъ выходить въ положеный срокъ.

Я [конечно] не [въ правѣ] жалуюсь на излишнюю мнительность моего Ценсора, ибо [у него есть] на немъ лежитъ отвѣтственность, м. б. неограниченная Ц. уставомъ; но осмѣливаюсь просить В. С. о позволеніи [обратиться] выбрать мнѣ [еще къ другому] еще одного Ценсора, дабы [симъ раздѣленіемъ вдвое облегчить] такимъ образомъ вдвое ускорить ходъ [ценсуры] моего журнала [безъ] который безъ того [можетъ] совершенно остановится или упадетъ.

641.

Н. М. Языкову.

14-го апрѣля 1836 г. [Голубово].

Отгадайте откуда пишу къ Вамъ, мой любезный Николай Михайловичъ? изъ той стороны

гдѣ вольныя живали Вы,

гдѣ ровно тому десять лѣтъ пировали мы втроемъ—Вы, Вульфъ и я, гдѣ звучали ваши стихи и бокалы съ Еммой, гдѣ теперь вспоминаемъ мы Васъ—и старину. Поклонъ Вамъ отъ холмовъ Михайловскаго отъ сѣней Тригорскаго, отъ волнъ голубой Сороти, отъ Евпраксіи Николаевнѣ, нѣкогда полувоздушной дѣвы, нынѣ дебелой жены, въ пятый разъ уже брюхатой, и у которой я въ гостяхъ. Поклонъ Вамъ ото всего и ото всѣхъ Вамъ преданныхъ сердцемъ и памятью!

Алексѣй Вульфъ здѣсь же, отставной студентъ и Гусаръ, усатый Агрономъ, Тверской Ловласъ—по прежнему милый, но уже перешагнувшій за тридцатый годъ—Пребываніе мое во Псковѣ не такъ шумно и весело нынѣ, какъ во время моего заточенія, во дни, какъ царствовалъ Александръ; но оно такъ живо мнѣ васъ напомнило что я не могъ не написать Вамъ нѣсколько словъ въ ожиданіи что и Вы откликнетесь. Вы получите мой Современникъ; желаю чтобъ онъ заслужилъ Ваше одобреніе—Изъ статей Критическихъ моя одна: о Конискомъ. Будьте моимъ сотрудникомъ непремѣнно. Ваши стихи: вода живая; наши—вода мертвая; мы ею окатили Современника; опрыскпите его вашими кипучими каплями.—Посланіе къ Давыдову—прелесть! Нашъ боецъ чернокудрявый окрасилъ было свою сѣдину, замазалъ и свой бѣлый локонъ, но послѣ Вашихъ стиховъ, опять его вымылъ и правъ. Это знакъ благоговѣнія къ поэзіи—Прощайте—Пишите мнѣ, да къ стати ужъ напишите и къ Вяземскому отвѣтъ на его посланіе напечатанное въ Новосельи (помнится) и о которомъ вы и слова ему не молвили. Будьте здоровы и пишите, то-есть: Живи и жить давай другимъ. Весь Вашъ А. П.

14 апр.

Пришлите мнѣ ради Бога стихъ объ Алексѣѣ Бож. человѣкѣ и еще какую-нибудь Легенду—Нужно.

На оборотѣ: Николаю Михайловичу Языкову, въ Симбирск. губ. въ село Языково, въ Корсунь.

642.

М. П. Погодину.

14-го апрѣля [1836 г.]. Михайловское.

Милостивый Государь Михаилъ Петровичь, Пишу къ Вамъ изъ деревни, куда заѣхалъ вслѣдствіи печальныхъ обстоятельствъ. Журналъ мой вышелъ безъ меня, и вѣроятно Вы его ужъ получили—Статья о Вашихъ афоризмахъ писана не мною, и я не имѣлъ ни времени, ни духа ее порядочно разсмотрѣть. Не сердитесь на меня—если вы ею недовольны. Не войдете ли Вы со мною въ сношенія литературныя и торговыя? Въ такомъ случаѣ прошу отъ Васъ объявить безъ обиняковъ ваши требованія. Если увидите Надежина благодарите его отъ меня за Телескопъ. Пошлю ему Современникъ. Сегодня ѣду въ П. Б. А въ Москву буду въ маѣ—порыться въ Архивѣ, и свидѣться съ Вами. Весь Вашъ А. П.

14 апр. Михайловское.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Михаилу Петровичу Погодину; Въ Москвѣ, въ университетъ.

643.

А. Н. Мордвинову.

28-го апрѣля 1836 г. Петербургъ.

Милостивый Государь Александръ Николаевичь. Спѣшу препроводить къ Вашему Превосходительству полученное мною письмо. Мнѣ вручено оное тому съ недѣлю, по моему возвращенію съ прогулки, оно было просто отдано моимъ людямъ безо всякого словеснаго препорученія неизвѣстно кѣмъ. Я полагалъ что письмо доставлено мнѣ съ Вашего вѣдома.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь Вашего Превосходительства покорнымъ слугою Александръ Пушкинъ.

28 апр.
1836
С. П. Б.

644.

Князю М. А. Дондукову-Корсакову.

(Черновое).

[Конецъ апрѣля 1836 г. Петербургъ].

Письмо коимъ В. С. [изволили меня удостоить] удостоили меня и Статью о взятіи Дрез. имѣлъ я щастіе получить [Жалѣю, что] Хотя цензура и не могла [дозволить] допустить къ печати оправданіе Генер. Дав.—тѣмъ неменѣе [долженъ онъ быть] М. Г. благодаренъ я В. С. за вниманіе коего изволили почтить мою покорнѣйшую просьбу [при семъ] Съ глубоч. почт.

645.

И. И. Лажечникову.

[1-го мая 1836 г. Тверь].

Я все еще надѣялся, почтенный и любезный Иванъ Ивановичь, лично благодарить васъ за ваше ко мнѣ благорасположеніе, за два письма, за романы и пугачевщину, но неудача меня преслѣдуетъ.—Проѣзжаю черезъ Тверь па перекладныхъ и въ такомъ видѣ, что никакъ не осмѣливаюсь къ вамъ явиться и возобновить старое, минутное знакомство.—Отлагаю до сентября, то есть, до возвратнаго пути; покамѣстъ поручаю себя вашей снисходительности и доброжелательству.

Сердечно васъ уважающій Пушкинъ.

646.

Н. Н. Пушкиной.

4-го мая [1836 г.] Москва.

4 мая, Москва, у Нащокина—противу Стараго Пимена, домъ г-жи Ивановой.—Вотъ тебѣ, Царица моя, подробное донесеніе: путешествіе мое было благополучно. 1-го мая переночевалъ я въ Твери, а 2-го ночью пріѣхалъ сюда. Я остановился у Нащокина. Il est logé en petite maîtresse. Жена его очень мила. Онъ щастливъ и потолстѣлъ. Мы, разумѣется, другу другу очень обрадовались и цѣлый вчерашній день проболтали, Богъ знаетъ о чемъ. Я успѣлъ уже посѣтить Брюлова. Я нашелъ его въ мастерской какого-то скульптора, у котораго онъ живетъ. Онъ очень мнѣ понравился. Онъ хандритъ, боится Русскаго холода и прочаго, жаждетъ Италіи, а Москвой очень недоволенъ. У него видѣлъ я нѣсколько начатыхъ рисунковъ и думалъ о тебѣ, моя прелесть. Неужто не будетъ у меня твоего портрета, имъ писаннаго? невозможно, чтобъ онъ, увидя тебя, не захотѣлъ срисовать тебя; пожалуй-ста, не прогони его, какъ прогнала ты Пруссака Криднера. Мнѣ очень хочется привезти Брюлова въ П. Б. А онъ настоящій художникъ, добрый малой, и готовъ на все. Здѣсь Перовскій его было заполонилъ; перевезъ его къ себѣ, заперъ подъ ключъ и заставилъ работать. Брюловъ насилу отъ него уѣхалъ. Домикъ Нащокина доведенъ до совершенства – недостаетъ только живыхъ человѣчиковъ. Какъ бы Маша имъ радовалась! Вотъ тебѣ здѣшнія новости. Акулова, долгоносая пѣвица, вчера вышла за вдовца Дьякова. Сестра ея Варвара сошла съ ума отъ любви. Она была влюблена и надѣялась выдти замужъ. Надежда не сбылась. Она впала въ задумчивость, стала заговариваться. Свадьба сестры совершенно ее помутила. Она убѣжала къ Троицѣ. Ее насилу поймали и увезли. Мнѣ очень жаль ее. Надѣятся, что у ней бѣлая горячка, но врядъ-ли. Видѣлъ я свата нашего Толстаго; дочь у него такъ же почти сумасшедшая, живетъ въ мечтательномъ мірѣ, окруженная видѣніями, переводитъ съ греческаго Анакреона, и лечится омеопатически. Чадаева, Орлова, Раевскаго и Наблюдателей <которыхъ Нащокинъ называетъ les treizes> еще не успѣлъ видѣть. Съ Наблюдателями и Книгопродавцами намѣренъ я кокетничать и постараюсь какъ можно лучше распорядиться съ Современникомъ.—Вотъ является Нащокинъ, и я для него оставляю тебя. Цалую и благословляю тебя и ребятъ. Кланяюсь дамамъ твоимъ. Здѣсь говорятъ уже о свадьбѣ Marie W.—Я секретничаю покамѣсть. Прости, мой другъ,—цалую тебя еще разъ.

На оборотѣ: Въ С.-Петербургѣ, на Дворцовой Набережной, у Прачечнаго моста, въ домѣ Баташева.

Штемпель: 5 мая.

647.

Н. Н. Пушкиной.

[5-го мая 1836 г. Москва].

Вотъ ужъ три дня, какъ я въ Москвѣ, и все еще ничего не сдѣлалъ. Архива не видалъ, съ книгопродавцами не сторговался, всѣхъ визитовъ не отдалъ, къ Солнцовымъ на поклоненіе не бывалъ. Что прикажешь дѣлать? Нащокинъ встаетъ поздно, я съ нимъ забалтываюсь—глядь, обѣдать пора, а тамъ ужинать, а тамъ спать—и день прошелъ. Вчера былъ у Дмитріева, у Орлова, Толстова, сегодня собираюсь къ остальнымъ. Поэтъ Хомяковъ женится на Языковой, сестрѣ поэта. Богатый женихъ, богатая невѣста. Какія бы тебѣ Московскія сплетни передать? что-то ихъ много, да не вспомню. Что Москва говоритъ о П. Б., такъ это умора. На примѣръ: Есть у васъ нѣкто Савельевъ, кавалергардъ, прекрасный молодой человѣкъ, влюбленъ онъ въ Idalie Политику и далъ за нее пощечину Гринвальду. Савельевъ на дняхъ будетъ разстрѣленъ. Вообрази, какъ жалко Idalie! И про тебя, душа моя, идутъ кой-какіе толки, которые не въ полнѣ доходятъ до меня, потому что мужья всегда послѣдніе въ городѣ узнаютъ про женъ своихъ; однакожъ видно, что ты кого то довела до такого отчаянія своимъ кокетствомъ и жестокостію, что онъ завелъ себѣ въ утѣшеніе Гаремъ изъ театральныхъ воспитанницъ. Нехорошо, мой Ангелъ: скромность есть лучшее украшеніе Вашего пола. Чтобъ чемъ-нибудь полакомить Москву, которая ждетъ отъ меня, какъ отъ пріѣзжаго, свѣжихъ вѣстей, я разсказываю, что Алекс. Карамзинъ хотѣлъ застрѣлиться изъ любви pour une belle brune, но что по щастью пуля вышибла только передній зубъ. Однако, полно врать.—Пошли ты за Гоголемъ и прочти ему слѣдующее: видѣлъ я Актера Щепкина, который ради Христа проситъ его пріѣхать въ Москву, прочесть Ревизора. Безъ него Актерамъ не спѣться. Онъ говоритъ, комедія будетъ карикатурна и грязна <къ чему Москва всегда имѣла поползновеніе>. Съ моей стороны, я то же ему совѣтую: не надобно, чтобъ Ревизоръ упалъ въ Москвѣ, гдѣ Гоголя болѣе любятъ, нежели въ П. Б.—При семъ пакетъ къ Плетневу, для Современника: коли Ценсоръ Крыловъ не пропуститъ, отдать въ комитетъ, и ради Бога, напечатать во 2 №. Жду письма отъ тебя съ нетерпѣніемъ. Что твое брюхо, и что твои деньги? Я не разкаиваюсь въ моемъ пріѣздѣ въ Москву, а тоска беретъ по Петербургѣ. На дачѣ-ли ты? Какъ ты съ хозяиномъ управилась? что дѣти? Экое горе! Вижу, что непремѣнно нужно имѣть мнѣ 80,000 доходу. И буду ихъ имѣть. Не даромъ-же пустился въ журнальную спекуляцію — а вѣдь это все равно, что Золотарьство, которое хотѣла взять на откупъ мать Безобразова: очищать русскую литературу есть чистить нужники и зависѣть отъ полиціи. Того и гляди, что... Чортъ ихъ побери! У меня кровь въ желчь превращается. Цалую тебя и дѣтей. Благословляю ихъ и тебя. Дамамъ кланяюсь.

648.

Князю П. А. Вяземскому.

7-го мая [1836 г. Москва].

Вотъ въ чемъ дѣло:

Рязанскимъ губернаторомъ было дѣлано представленіе (№ 11483) косательно пенсіи, слѣдующей Вдовѣ Степана Савельевича Губанова, губернскаго землемѣра. Жена его въ крайности и проситъ ускорить время полученія оной пенсіи.

Пожалуйста, мой милый, сдѣлай это черезъ Д. В. Дашкова, отъ котораго дѣло это зависитъ.

Очень обяжешь и Акулова, у котораго пишу тебѣ эту записку, и который о томъ же тебя проситъ. А. Пушкинъ.

7 мая.

649.

Н. Н. Пушкиной.

11-го мая [1836 г. Москва].

Очень, очень благодарю тебя за письмо твое, воображаю твои хлопоты, и прошу прощенія у тебя за себя и книгопродавцевъ. Они ужасный мове-тонъ, какъ говоритъ Гоголь, т. е. хуже нежели мошенники. Но Богъ намъ поможетъ. Благодарю и Одоевскаго за его типографическія хлопоты. Скажи ему, чтобъ онъ печаталъ, какъ вздумаетъ—порядокъ ничего не значитъ. Что записки Дуровой? пропущены ли Цензурою? они мнѣ необходимы. Безъ нихъ я пропалъ. Ты пишешь о статьѣ Гольцовской. Что такое? Кольцовской или Гоголевской? — Гоголя печатать, а Кольцова разсмотрѣть. Впрочемъ, это не важно. — Вчера былъ у меня Ив. Ник. Онъ увѣряетъ, что дѣла его идутъ хорошо. Впрочемъ Дм. Ник. лучше его это знаетъ. Жизнь моя пребезпутная. Дома не сижу—въ Архивѣ не роюсь. Сегодня ѣду во второй разъ къ Малиновскому. На дняхъ обѣдалъ я у Орлова, у котораго собрались Московскіе Наблюдатели, между прочимъ женихъ Хомяковъ. Орловъ умный человѣкъ и очень добрый малый, но до него я какъ то не охотникъ по старымъ нашимъ отношеніямъ; Раевскій <Ал.>, который прошлаго раза казался мнѣ немного приглупѣвшимъ, кажется, опять оживился и поумнѣлъ. Жена его собою не красавица — говорятъ, очень умна. Такъ какъ теперь къ моимъ прочимъ достоинствамъ прибавилось и то, что я журналистъ, то для Москвы имѣю я новую прелесть. Недавно сказываютъ мнѣ, что пріѣхалъ ко мнѣ Чертковъ. Отъ роду мы другъ къ другу не ѣзжали. Но при сей вѣрной оказіи вспомнилъ онъ, что жена его мнѣ родня, и потому привезъ мнѣ экземпляръ своего Путешествія въ Сицилію. Не побранить ли мнѣ его en bon parent? Вчера ужиналъ у Кн. Ѳед. Гагарина и возвратился въ 4 часа утра—въ такомъ добромъ расположеніи, какъ бы съ бала. Нащокинъ здѣсь одна моя отрада. Но онъ спитъ до полудня, а вечеромъ ѣдетъ въ клобъ, гдѣ играетъ до свѣта. Чадаева видѣлъ всего разъ. — Письмо мое похоже на Тургеневское и можетъ тебѣ доказать разницу между Москвою и Парижемъ. Ѣду хлопотать по дѣламъ Современника. Боюсь, чтобъ книгопродавцы не воспользовались моимъ мягкосердіемъ и не выпросили себѣ уступки вопреки строгихъ твоихъ предписаній. Но постараюсь оказать благородную твердость. Былъ я у Солнцовой – его здѣсь нѣтъ, онъ въ деревнѣ. Она зоветъ отца къ себѣ въ деревню на лѣто. Кузинки пищатъ, какъ галочки. Былъ я у Перовскаго, который показывалъ мнѣ недоконченныя картины Брюлова. Брюловъ, бывшій у него въ плѣну, отъ него убѣжалъ и съ нимъ поссорился. Перовскій показывалъ мнѣ взятіе Рима Гензерикомъ <которое стоитъ Послѣдн. дня Помп.>, приговаривая: —Замѣть, какъ прекрасно подлецъ этотъ нарисовалъ этого всадника, мошенникъ этакой! Какъ онъ умѣлъ, эта свинья, выразить свою канальскую, геніальную мысль, мерзавецъ онъ, бестія. Какъ нарисовалъ онъ эту группу, пьяница, онъ!....— Умора. Ну, прощай. Цалую тебя и ребятъ, будьте здоровы.—Христосъ съ Вами.—11 мая.

650.

Н. Н. Пушкиной.

14—16-го мая [1836 г. Москва].

Что это, женка? такъ хорошо было начала и такъ худо кончила! Ни строчки отъ тебя; ужъ не родила ли ты? сегодня день рожденія Гришки, поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье. Нѣтъ ли у него новаго братца или сестрицы? погоди до моего пріѣзда—а я уже собираюсь къ тебѣ. Въ Архивахъ я былъ и принужденъ буду опять въ нихъ зарыться мѣсяцевъ на шесть; что тогда съ тобою будетъ? А я тебя съ собою, какъ тебѣ угодно, ужъ возьму. Жизнь моя въ Москвѣ степенная и порядочная. Сижу дома—вижу только мужескъ полъ. Пѣшкомъ не хожу, не прыгаю—и толстѣю.

На дняхъ звалъ меня обѣдать Чертковъ. Пріѣзжаю – а у него жена выкинула. Это намъ не помѣшало отобѣдать очень скучно и очень дурно. Съ Литературой Московскою кокетничаю, какъ умѣю; но Наблюдатели меня не жалуютъ. Любитъ меня одинъ Нащокинъ. Но тинтере—мой соперникъ, и меня приносятъ ему въ жертву. Слушая толки здѣшнихъ литераторовъ, дивлюсь, какъ они могутъ быть такъ порядочны въ печати и такъ глупы въ разговорѣ. Признайся: такъ ли и со мною? право, боюсь. Баратынскій, однакожъ, очень милъ.

Но мы какъ-то холодны другъ ко другу.—Зазываю Брюлова къ себѣ въ П. Б. Но онъ боленъ и хандритъ. Здѣсь хотятъ лѣпить мой бюстъ. Но я не хочу. Тутъ арапское мое безобразіе предано будетъ безсмертію во всей своей мертвой неподвижности; я говорю: — у меня дома есть красавица, которую когда нибудь мы вылѣпимъ. Видѣлъ я невѣсту Хомякова. Не разглядѣлъ въ сумеркахъ. Она, какъ говорилъ покойный Гнѣдичъ, pas une belle-femme, но une jolie figuriette. Прощай на минуту: ко мнѣ входятъ два Буфона. Одинъ—маіоръ-мистикъ; другой—пьяница-поэтъ; оставлю тебя для нихъ.

14 мая.

Насилу отдѣлался отъ Буфоновъ — въ томъ числѣ отъ Норова. Всѣ зовутъ меня обѣдать, а я всѣмъ отказываю. Начинаю думать о выѣздѣ. Ты ужъ, вѣроятно, въ своемъ загородномъ болотѣ. Что-то дѣти мои и книги мои? Каково-то перевезла и перетащила тѣхъ и другихъ? и какъ перетащила ты свое брюхо? Благословляю тебя, мой Ангелъ. Богъ съ тобою и съ дѣтьми. Будьте здоровы. — Кланяюсь твоимъ наѣздницамъ. — Цалую ручки у К. Ив.—Прощай.—*А. П.*

Я получилъ отъ тебя твое премилое письмо; отвѣчать некогда — благодарю и цалую тебя, мой Ангелъ.

16 мая.

Сей часъ получилъ отъ тебя письмо, и такъ оно меня разпѣжило, что спѣшу переслать тебѣ 900 р. Отвѣтъ напишу тебѣ послѣ; теперь покамѣсть, прощай.—У меня сидитъ Ив. Н.

651.

Н. Н. Пушкиной.

18-го [мая 1836 г. Москва].

Жена, мой Ангелъ, хоть и спасибо за твое милое письмо, а все-таки я съ тобою побранюсь: зачѣмъ тебѣ было писать? Это — мое послѣднее письмо, болѣе не получишь. Ты меня хочешь принудить пріѣхать къ тебѣ прежде 26. Это не дѣло. Богъ поможетъ, Современникъ и безъ меня выдетъ. А ты безъ меня не родишь. Можешь ли ты изъ полученныхъ денегъ дать Одоевскому 500? нѣтъ? Ну, пусть меня дождутся, — вотъ и все. Новое твое распоряженіе касательно твоихъ доходовъ касается тебя, дѣлай какъ хочешь; хоть, кажется, лучше имѣть дѣло съ Дм. Ник., чѣмъ съ Нат. Ив. Это я говорю только dans l'intérêt de m-r Durier et de m-me Sichler, а мнѣ все равно. Твои петербургскія новости ужасны. То, что ты пишешь о Павловѣ, помирило меня съ нимъ. Я радъ, что онъ вызывалъ Апрѣлева.—У насъ убійство можетъ быть гнуснымъ разчетомъ: оно избавляетъ отъ дуэля и подвергается одному наказанію, а не смертной казни. Утопленіе Сталыпина—ужасъ! не ужъ то невозможно было помочь? У насъ въ Москвѣ все, слава Богу, смирно: бой Кирѣева съ Яромъ произвелъ великое негодованіе въ чопорной здѣшней публикѣ. Нащокинъ заступается за Кирѣева очень просто и очень умно: за за бѣда, что Гусарскій поручикъ напился пьянъ и побилъ трактирщика, который сталъ обороняться? Развѣ въ наше время, когда мы били нѣмцевъ на Красномъ Кабачкѣ, и намъ не доставалось, а нѣмцы получали тычки сложа руки? По мнѣ, драка Кирѣева гораздо простительнѣе, нежели славный обѣдъ вашихъ кавалергардовъ и благоразуміе молодыхъ людей, которымъ плюютъ въ глаза, а они утираются батистовымъ платкомъ, смѣкая, что если выдетъ исторія, такъ ихъ въ Аничковъ не позовутъ. Брюловъ сей часъ отъ меня ѣдетъ въ П. Б. скрѣпя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утѣшить и ободрить; а между тѣмъ у меня у самаго душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ. Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ, я получалъ ужъ полицейскіе выговоры и мнѣ говорили: *Vous avez trompé*, и тому подобное. Что же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ будетъ на меня смотрѣть какъ на Ѳаддея Булгарина и Николая Полевова, какъ на шпіона: чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ! Весело, нечего сказать.—Прощай, будьте здоровы. Цалую тебя —18.

На оборотѣ: Въ С.-Петербургѣ, на Дворцовой Набережной, у Прачечнаго моста, въ домѣ Баташева.

652.

С. С. Хлюстину.

25-го мая [1836 г. Петербургъ].

Mr. Klustine

Je vous supplie de m'excuser. Il me sera impossible de venir diner chez vous. Ma femme s'est tout à coup trouvé très mal. Veuillez de grâce m'envoyer l'adresse de monsieur Circourt.

V. à. v.
Pouchkine.

25 Mai.

653.

П. В. Нащокину.

27-го мая [1836 г. Петербургъ].

Любезный мой Павелъ Воиновичь, Я пріѣхалъ къ себѣ на дачу 23-го въ полночь, и на порогѣ узналъ что Нат. Ник. благополучно родила дочь Наталью за нѣсколько часовъ до моего пріѣзда. Она спала. На другой день, я ее поздравилъ и отдалъ вмѣсто червонца твое ожерелье, отъ котораго она въ восхищеніи. Дай Богъ не сглазить, все идетъ хорошо. Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Я оставилъ у тебя два порожнихъ Экз. Современника. Одинъ отдай Кн. Гагарину, а другой пошли отъ меня Бѣлинскому <тихонько отъ Наблюдателей, NB> и вели сказать ему, что очень жалѣю что съ нимъ не успѣлъ увидѣться. Во вторыхъ, я забылъ взять съ собою твои Записки; перешли ихъ, сдѣлай милость поскорѣе. Въ третьихъ деньги, деньги! Нужно ихъ до зарѣза.—

Путешествіе мое было благополучно, хотя три раза чинилъ я коляску, но слава Богу, на мѣстѣ т. е. на станціи, и не долѣе 2-хъ часовъ en tout.

Второй № Современника очень хорошъ, и ты скажешь мнѣ за него спасибо. Я самъ начинаю его любить, и вѣроятно займусь имъ дѣятельно. Прощай будь щастливъ въ типтере и въ прочемъ. Сердечно кланяюсь Вѣрѣ Алекс. Ея комиссій сдѣлать еще не успѣлъ. На дняхъ буду хлопотать.

27 мая.

Вотъ тебѣ анекдотъ о моемъ Сашкѣ. Ему запрещаютъ <незнаю за чѣмъ> просить чего ему хочется. Надняхъ говоритъ онъ своей теткѣ: Азя! дай мнѣ чаю: я просить не буду.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину etc. Въ Москвѣ у Стараго Пимена въ домѣ Ивановой.

654.

Д. В. Давыдову.

(Черновое).

[Конецъ мая 1836 г. Петербургъ].

[Я сей часъ изъ Москвы].

Статью о Дрезд. не могу тебѣ прислать прежде нежели ее не напечатаютъ, ибо она есть цензурный документъ. Успѣешь [нарадоваться] наглядѣться на ея благородныя раны.

Покамѣсть благодарю за позволеніе напечатать ее [и въ этомъ] и въ настоящемъ ея видѣ. [Чертъ побери Генералъ-Лейтенанта Винценгероде!]—А жаль что не тиснули мы ее во 2-мъ № [Напол. Тутъ у меня его] Соврем., который у меня весь полонъ Наполеономъ! куда бы къ стати тутъ-же было [принести ему въ жертву] заколоть у под-

ножія Вандомской колоны [Шмерца] Генерала Винценгероде какъ жертву примирительную. [Вырвался проклятый] я было и рукава засучилъ! Вырвался проклятый; Богъ съ нимъ, чертъ его побери.

Вяз. совѣтуетъ мнѣ напечатать твои очи безъ твоего позволенія [какъ думаешь, я что-то] я бы радъ да какъ-то боюсь. Какъ думаешь, вѣдь можно-бы—безъ имени?....

Отъ Язык. жду писемъ.

655.

Н. И. Ушакову.

(Черновое).

[Конецъ мая—начало іюня 1836 г. Петербургъ].

Возвратясь изъ Москвы [нашелъ у себя книгу] имѣлъ я честь получить [отъ Н. Ив. Павл.] Вашу книгу—[и съ жадностію] ее прочелъ [Это одна изъ самыхъ краснорѣчивѣйшихъ, которыя когда-либо были написаны]. Не берусь судить о ней какъ о произведеніи ученаго Военнаго человѣка, но восхищаюсь [ею какъ] [ея] яснымъ, краснорѣчивымъ и живописнымъ изложеніемъ. [Вы не доволь... Къ чему] Отнынѣ великое имя [Гр. Эрив.] покорителя Эривани, Арзр. etc. соединено будетъ съ имен. его блестящаго историка. [Но вы не довольст]. Съ изумленіемъ увидѣлъ я что вы и мнѣ даровали безсмертіе одною чертою вашего пера—[Эта черта дороже мнѣ всевозможныхъ тріумфовъ, радуюсь что] Вы впустили меня въ храмъ Славы, какъ нѣкогда Гр. Эриванскій позволилъ мнѣ [войти] въѣхать въ слѣдъ за нимъ [имъ] завоеванный Арзрумъ.

Съ глубоч. etc.

656.

А. Н. Муравьеву.

[Май—іюнь 1836 г. Петербургъ].

Сердечно благодаренъ за статью которую [все] я такъ долго ожидалъ. Я передъ вами кругомъ виноватъ, я нетолько долженъ, но еще и желалъ бы съ Вами поговорить – когда я Васъ застану?

А. Пушкинъ.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Андрею Николаевичу Муравьеву etc.

657.

Л. С. Пушкину.

3-го іюня [1836 г. Петербургъ].

Вотъ тебѣ короткій разчетъ нашего предполагаемаго раздѣла: 80 душъ и 700 десятинъ земли въ Псковской Губерніи стоятъ <полагая 500 р. за душу вмѣсто обыкновенной цѣны—400 р.> 40000 р.

Изъ оныхъ выключается: 7-ая часть на отца	5714
Изъ оныхъ выключается да 14-я часть на сестру.	2857
Итого. . .	8571

Отецъ нашъ отказался отъ своей части и предоставилъ ее сестрѣ. На нашу часть остается раздѣлить поровну 31429 р.

На твою часть придется 15715 р.

Прежде сентября мѣсяца мы ничего не успѣемъ сдѣлать.

Напиши, какіе у тебя долги въ Тифлисѣ, и если успѣешь, то купи свои векселя, покамѣсть кредиторы твои не узнали о твоемъ наслѣдствѣ.

Изъ письма твоего къ Ник. Ив. вижу, что ты ничего не знаешь о своихъ дѣлахъ: твой вексель, данный Болтину, мною купленъ; долгъ Плещееву заплоченъ <кромѣ 30 червонцевъ, о которыхъ онъ писалъ ко мнѣ, когда уже отказался я отъ управленія нашимъ имѣніемъ>. Долгъ Ник. Ив. также заплоченъ. Изъ мелочныхъ не заплоченъ долгъ Гута и нѣкоторые другіе, которые ты знаешь, говоритъ мнѣ Ник. Ив.

3 іюня.

Мнѣніе мое: эти 15000 разсрочить тебѣ на 3 года, ибо, вѣроятно, тебѣ деньги нужны, и ты на полученіе доходовъ съ половины Михайловскаго согласиться не можешь. О положенномъ тебѣ Отцемъ буду съ нимъ говорить, хоть это, вѣроятно, ни къ чему не поведетъ. Отдавая ему имѣніе, я было выговорилъ для тебя независимые доходы съ половины Кистенева Но видно, Отецъ перемѣнилъ свои мысли. Я же ни за что не хочу болѣе вмѣшиваться въ управленіе или разореніе имѣнія отцевскаго.

658.

Н. А. Дуровой.

[Первая половина іюня 1836 г. Петербургъ].

Вотъ начало вашихъ записокъ.—Всѣ экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются. Незнаю возможно ли будетъ остановить изданіе. Мнѣніе мое, искренное и безпристрастное,—оставить какъ есть. Записки Амазонки, какъ-то слишкомъ изысканно, манерно, напоминаетъ нѣмецкіе романы. Записки Н. А. Дуровой—просто, искренно и благородно. Будьте смѣлы—вступайте на поприще литературное столь-же отважно какъ и на то, которое Васъ прославило. Полу-мѣры никуда не годятся. Весь вашъ А. П.

Домъ мой къ Вашимъ услугамъ. На Дворцовой набережной, домъ Баташева, у Прачечнаго мосту.

659.

И. И. Дмитріеву.

14-го іюня [1836 г.] Петербургъ.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ.

Возвратясь въ П. Б., имѣлъ я щастіе найти у себя письмо отъ Вашего Высокопревосходи

тельства. Батюшка поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать глубочайшую свою благодарность за участіе, принимаемое Вами въ нещастіи, которое насъ постигло.

Благосклонный Вашъ отзывъ о Современникѣ ободряетъ меня на поприщѣ, для меня новомъ. Постараюсь и впредь оправдать Ваше доброе мнѣніе.

Замѣчаніе о Вашемъ омонимѣ украситъ второй № Современника и будетъ напечатано слово въ слово. Вашъ Созій не сынъ Юпитера, и его встрѣча съ Вами для него невыгодна во всѣхъ отношеніяхъ.

Дай Богъ Вамъ здоровье и многія лѣта! Переживите молодыхъ нашихъ словесниковъ, какъ Ваши стихи переживутъ молодую нашу словесность.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою. Александръ Пушкинъ.

14 іюня.
С. П. Б.

(Черновое).

Возвратясь въ П. Б. имѣлъ я щастіе найти у себя письмо В. В.

Батюшка [приноситъ] и я свидѣтельствуемъ Вамъ [искреннюю] глубоч<айшую> свою благодарность за участіе принятое Вами въ нещастіи которое насъ постигло. [Но онъ намѣревается скоро быть въ М.].

[Примѣчаніе Ваше] благосклонный отзывъ вашъ о [моемъ] Совр. [послужитъ мнѣ] [будетъ] ободрилъ меня на [новомъ моемъ] поприще [на которомъ такъ нужно трудно] для меня еще новомъ. Постараюсь и впредь [быть] заслужить Ваше одобреніе.

Замѣчаніе о Вашемъ омонимѣ будетъ въ точности напечатано во 2-мъ № [Не знаю кто]. Вашъ Созій не сынъ Юпитера—и его встрѣча съ Вами [ему] для него невыгодна во всѣхъ отношеніяхъ

660.

І. М. Пеньковскому.

14-го іюня 1836 г. Петербургъ.

Возвратясь изъ Москвы нашелъ я у себя письмо ваше. Надѣюсь, что квитанція изъ Моск. Совѣта вами уже получена. Оброка прибавлять не надобно. Если можно и выгодно Кистенево положить на пашню, то съ Богомъ. На врядъ ли это возможно будетъ.

Батюшка намѣренъ нынѣшній годъ побывать у васъ; но врядъ ли сберется. Жить-же въ Болдинѣ, вѣроятно, не согласится. Если не останется онъ въ Москвѣ, то думаю поселится въ Михайловскомъ.

Очень благодаренъ вамъ за ваши попеченія о нашемъ имѣніи. Знаю что въ прошломъ году вы остановили Батюшку въ его намѣреніи продать это имѣніе и тѣмъ лишить, если не меня, то дѣтей моихъ, послѣдняго вѣрнаго куска хлѣба. Будьте увѣрены, что я никогда этого не забуду. А. П.

14 Іюня 1836. Спб.

О Михайлѣ и его семьѣ буду къ вамъ писать.

661.

А. А. Краевскому.

[Іюнь 1836 г. Петербургъ].

Муравьевъ замѣтилъ важную ошибку въ своей сценѣ: цѣлый стихъ выпущенъ—

Кто за великаго магистра?
К. Б. я! (стр. 103—).

Что намъ дѣлать? перепечатать-ли страницу или помѣстить въ Errata?

662.

Н. А. Дуровой.

[Конецъ іюня—начало іюля 1836 г. Петербургъ].

Очень васъ благодарю за ваше откровенное и рѣшительное письмо. Оно очень мило, потому что носитъ вѣрный отпечатокъ вашего пылкаго и нетерпѣливаго характера. Буду отвѣчать вамъ по пунктамъ, какъ говорятъ подъячіи.

1) Записки ваши еще переписываются. Я долженъ былъ ихъ отдать только такому человѣку, въ которомъ могъ быть увѣренъ. Отъ того дѣло и замѣшкалось.

2) Государю угодно было быть моимъ цензоромъ; это правда; но я не имѣю права подвергать его разсмотрѣнію произведенія чужія. Вы, конечно, будете исключеніемъ, но для сего нуженъ предлогъ, и о томъ-то и хотѣлось мнѣ съ вами переговорить, дабы скоростью не перепортить дѣла.

3) Вы со славою перешли одно поприще; вы вступаете на новое, вамъ еще чуждое. Хлопоты сочинителя вамъ не понятны. Издать книгу нельзя въ одну недѣлю; на то требуется по крайней мѣрѣ мѣсяца два. Должно рукопись переписать, представить въ цензуру, обратиться въ типографію и проч., и проч.

4) Вы пишите мнѣ: дѣйствуйте, или дайте мнѣ дѣйствовать. Какъ скоро получу рукопись переписанную, тотчасъ и начну. Это не можетъ и не должно мѣшать вамъ дѣйствовать съ вашей стороны. Моя цѣль—доставить вамъ какъ можно болѣе выгоды и не оставить васъ въ жертву корыстолюбивымъ и не исправнымъ книгопродавцамъ.

5) Ѣхать къ Государю на маневры мнѣ невозможно по многимъ причинамъ. Я даже думалъ обратиться къ нему въ крайнемъ случаѣ, если цензура не пропуститъ вашихъ записокъ. Это объясню я вамъ, когда буду имѣть счастіе васъ увидѣть лично.

Остальные 500 рублей буду имѣть вамъ честь доставить къ 1-му іюлю. У меня обыкновенно <какъ и у всѣхъ журналистовъ> платежъ производится только по появленіи въ свѣтъ купленной статьи.

Я знаю человѣка, который охотно купилъ бы ваши записки; но, вѣроятно, его условія будутъ выгоднѣе для него, чѣмъ для васъ. Во всякомъ случаѣ, продадите ли вы ихъ, или будете печатать отъ себя, всѣ хлопоты изданія, корректуры и проч. извольте возложить на меня. Будьте увѣрены въ моей преданности и ради Бога не спѣшите осуждать мое усердіе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію

честь имѣю быть, Милостивый Государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Александръ Пушкинъ.

P. S. На дняхъ выйдетъ 2-й № Современника. Тогда я буду свободнѣе и при деньгахъ.

663.

А. А. Краевскому.

6-го іюля [1836 г. Петербургъ].

Въ статьѣ Вяземскаго о Юліи Кес. и Наполеонѣ есть ошибки противу языка въ собственныхъ имянахъ. На примѣръ: Тарквинъ вмѣсто Тарквиній, Парфы, вмѣсто Пареяне Тиверій вмѣсто Тиберій— и другія—Исправьте сдѣлайте милость если замѣтите.

6 іюля.

664.

И. А. Яковлеву.

9-го іюля 1836 г. Каменный Островъ.

Любезный Иванъ Алексѣевичь, Я такъ передъ тобою виноватъ, что и не оправдываюсь. Деньги ко мнѣ приходили и уходили между пальцами—я платилъ чужіе долги, выкупалъ чужія имѣнія—а свои долги остались мнѣ на шеѣ. Крайнѣ разстроенныя дѣла сдѣлали меня несостоятельнымъ... и я принужденъ у тебя просить еще отсрочки до осени. Между тѣмъ поздравляю тебя съ пріѣздомъ. Гдѣ бы намъ увидѣться? я въ траурѣ и не ѣзжу никуда, но радъ бы тебя встрѣтить хоть ты мой и заимодавецъ. Надѣюсь на твое слишкомъ испытанное великодушіе. Весь твой А. Пушкинъ.

9 іюля 1836.
Кам. Остр.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Ивану Алексѣевичу Яковлеву.

665.

Н. И. Павлищеву.

13-го іюля [1836 г. Петербургъ].

Я очень зналъ, что прикащикъ плутъ, хотя признаюсь не подозрѣвалъ въ немъ такой наглости. Вы прекрасно сдѣлали, что его прогнали, и что взялись сами хозяйничать. Одно плохо; по письму Вашему вижу что, вопреки моему приказанію, прикащикъ успѣлъ уже все разпродать. Чѣмъ-же будете Вы жить покамѣсть? Ей богу не вѣдаю. Вашъ Полонскій ко мнѣ не являлся. Но такъ какъ я еще не имѣю довѣренности отъ Льва Сергѣевича, то я его и не отыскивалъ. Однако, гдѣ мнѣ найти его, когда будетъ до него нужда. Батюшка уѣхалъ изъ П. Б. 1-го іюля—и я не получилъ объ немъ извѣстія. Письмо сестры перешлю къ нему, коль скоро узнаю куда къ нему писать. Что ея здоровье? Отъ всего сердца обнимаю ее—Кланяюсь также милой и почтенной моей Праск. Алекс., которая совсѣмъ меня забыла— Здѣсь у меня голова кругомъ идетъ, думаю пріѣхать въ Михайловское, какъ скоро, немножко устрою свои дѣла.

13 іюля.

На оборотѣ: Его высокоблагородію М. Г. Николаю Ивановичу Павлищеву. Въ гор. Островъ, оттуда во Вревъ.

666.

А. А. Краевскому.

13-го іюля [1836 г. Петербургъ].

Я разрѣшилъ типографіи печатать Парижъ прежде послѣднихъ двухъ статей: о Ревизорѣ и о нов. кн-хъ ибо Парижъ, благо, готовъ; а тѣ еще не переписаны, и въ тискахъ у Крылова небывали. Простите будьте здоровы, такъ и мы будемъ живы—

весь Вашъ А. П.

13 іюля.

На оборотѣ (не рукой Пушкина): Его благородію А. А. Краевскому отъ Пушкина.

667.

А. А. Краевскому.

[Іюль 1836 г. Петербургъ].

Сей часъ отправлюсь въ Ценсуру — думаю мои статьи переслать къ Кн. Корсакову — досвиданія.

668.

А. А. Краевскому.

[Іюль 1836 г. Петербургъ].

Милостивый Государь

Александръ Андреевичь

Вчера былъ я у Васъ и не имѣлъ удовольствія застать Васъ дома. Завтра явлюсь къ Вамъ поутру. Не имѣю словъ для изъясненія глубочайшей моей благодарности—Вамъ и К. Одоевскому. Досвиданія

Весь Вашъ А. П.

669.

Д. В. Давыдову.

(Черновое).

[Конецъ іюля—августъ 1836 г. Петербургъ].

Ты думаешь, что твоя статья о партизанской войнѣ пройдетъ сквозь ценсуру, цѣла и невредимо. Ты ошибся: она не избѣжала красныхъ чер-

нилъ [Это несп.]. Право кажется военные цензоры вымарали [только] для того чтобъ доказать, что они [марають] читають [и, и что ихъ не]. Цензура, дѣло земское; [изъ] отъ нее [сдѣлали] отдѣлили опричину—а опричники руководствуются не Уставомъ а своимъ крайнимъ разумѣніемъ.

[Военная це.... Военная це....]. Тяжело, нечего сказать. И съ одною цензурою напляшешься; какого-же зависить отъ цѣлыхъ четырехъ? Не знаю [чего хотятъ отъ] чѣмъ провинились Русскіе писатели, которыя не только смирны [и безотвѣтны]; но даже [вообще] сами отъ себя согласны [слѣдуютъ] съ духомъ Правительства—Но знаю, что [отроду] никогда не бывали [я] они притѣснены, какъ нынче: даже и въ послѣднее [дес., пяти] пятилѣтіе Царств. покойн. [Алек.] Имп., когда вся литература сдѣлалась рукописною [и не] благодаря Красовскому и Бирукову—[Одно спасеніе намъ, если самъ Государь [взглянетъ на дѣ..] успѣетъ самъ сіе прекратить и разрѣшитъ; но и..]

Цензура

670.

А. А. Жандру.

(Черновое).

[Вторая половина 1836 г. Петербургъ].

[Беру смѣлость] Осмѣливаюсь тебя безпокоить просьбою за молодого человѣка мнѣ [вовсе] незнакомаго, [но коего об(стоятельства)] по которой находится въ обст(оятельствахъ) требующихъ немѣдленной помощи. Г. Хл. недавно пріѣхалъ [сюда] изъ Малор(оссіи), [желая опредѣлиться во флотъ. Ему 23 года]. Онъ здѣсь безъ [знакомыхъ] денегъ и безъ покровителей. Ему 23 года. Судя по его разговору и по письму, мною отъ него полученнаго, онъ уменъ и [чувствуетъ] имѣетъ благородныя чувства. [Вотъ въ чемъ дѣло] Вотъ [моя] въ чемъ просьба моя къ тебѣ. [Умный мой и благородный А] Онъ желаетъ опредѣлиться во флотъ, но до сихъ поръ не [могъ] имѣлъ доступа до Кн. Менщ(икова)—Я обѣщался его тебѣ представить, отвѣчая за твою [твою] готовность [его покрови...] сдѣлать ему добро, коли только будетъ возможно.

671.

А. Л. Крылову.

[Первая половина августа 1836 г. Петербургъ].

Пушкинъ покорнѣйше проситъ Александра Лукича представить сію статью куда слѣдуетъ для разрѣшенія.

672.

Н. И. Павлищеву.

[Первая половина августа 1836 г. Петербургъ].

Пришлите мнѣ сдѣлайте одолженіе объявленіе о продажѣ Михайловскаго, составя его на мѣстѣ; я такъ его и напечатаю. По постарайтесь на мѣстѣ-же переговорить съ лучшими покупщиками. Здѣсь за Михайловское, одинъ изъ нашихъ сосѣдей, знающій и край и землю нашу, предлагалъ мнѣ 20,000 руб.! Признаюсь, врядъ-ли кто дастъ вдвое, а о 60,000 я не смѣю и думать. На сдѣлку вами предлагаемую не могу согласиться и вотъ почему: Батюшка никогда не согласится выдѣлить Ольгу, а полагаться на Болдино мнѣ невозможно. Батюшка уже половину имѣнія прожилъ и проглядѣлъ, а остальное хотѣлъ уже продать. Вы пишете что Михайловское будетъ мнѣ игрушка, такъ—для меня; но дѣти мои ничуть не богаче Вашего Лёли; и я ихъ будущностью и собственностію шутить не могу. Если, взявъ Михайловское понадобится вамъ его продать, то оно мнѣ и игрушкою не будетъ. Оцѣнка ваша въ 64,000 выгодна; но надобно знать, дадутъ ли столько. Я бы и далъ, да денегъ не хватаетъ, да кабы и были, то я капиталъ свой могъ бы употребить выгоднѣе.

Кланяюсь Ольгѣ; дай Богъ ей здоровья — а намъ — хорошихъ покупщиковъ. Нынче осенью буду въ Михайловскомъ—вѣроятно въ послѣдній разъ. Желалъ бы Васъ еще застать. А. П.

На оборотѣ: Его высокоблагородію М. Г. Николаю Ивановичу Павлищеву. Въ Островъ, въ село Вревъ.

673.

Въ Цензурный Комитетъ.

5-го сентября 1836 г. [Петербургъ].

Авторъ статьи: Александръ Радищевъ, покорнѣйше проситъ Комитетъ о возвращеніи ему сей статьи, не допущенной къ помѣщенію въ журналѣ.

Александръ Пушкинъ.

5 сентября
1836.

674.

П. А. Корсакову.

[Конецъ сентября 1836 г. Петербургъ].

Милостивый Государь,

Петръ Александровичь,

Нѣкогда, при первыхъ моихъ шагахъ на поприще литературы, Вы подали мнѣ дружескую руку. Нынѣ осмѣливаюсь прибѣгнуть снова къ Вашему снисходительному покровительству.

Бы одинъ у насъ умѣли сочетать щекотливую должность цензора съ чувствомъ литератора <лучшихъ, не нынѣшнихъ временъ>. Знаю, какъ Вы

обременены занятіями: мнѣ совѣстно Васъ утруждать, но къ Вамъ однимъ можемъ мы прибѣгать съ полной довѣренностію, и съ искреннымъ уваженіемъ къ Вашему окончательному рѣшенію. Пѣняйте-жъ сами на себя.

Осмѣливаясь препроводить на разрѣшеніе къ Вамъ первую половину моего романа, прошу Васъ сохранить тайну моего имени.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть Милостивый государь Вашимъ покорнѣйшимъ слугою А. Пушкинъ.

675.

М. Л. Яковлеву.

[Первая половина октября 1836 г. Петербургъ].

Я согласенъ съ мнѣніемъ 39 №. Нечего для двадцатипятилѣтняго юбилея измѣнять старинные обычаи Лицея. Это было бы худое предзнаменованіе. Сказано что и послѣдній Лицеистъ одинъ будетъ праздновать 19 октября. Объ этомъ не худо [повторить] напомнить.—*№ 14.*

Согласенъ съ мнѣніемъ № 14 и № 39.

№ 40.

Съ № 39. № 33.
Съ № 39. № 41.
Съ № 39. № 35.

676.

Н. И. Гречу.

13-го октября 1836 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь Николай Ивановичъ. Искренно благодарю Васъ за доброе слово о моемъ Полководцѣ. Стоическое лице Барклая есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ нашей Исторіи. Не знаю, можно-ли вполнѣ оправдать его въ отношеніи военнаго искусства; но его характеръ останется вѣчно достоинъ удивленія и поклоненія.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть Милостивый Государь Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

13 Окт. 1836.

На оборотѣ: Его Высокородію Милостивому Государю Николаю Ивановичу Гречу. За синимъ мостомъ на Мойкѣ въ собств. домѣ.

677.

Барону М. А. Корфу.

14-го октября [1836 г. Петербургъ].

Вчерашняя посылка твоя мнѣ драгоцѣнна во всѣхъ отношеніяхъ и останется у меня памятникомъ. Право, жалѣю, что государственная служба отняла у насъ историка. Не надѣюсь тебя замѣнить. Прочитавъ эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитованныхъ книгъ мнѣ неизвѣстна. Употреблю всевозможныя старанія, дабы ихъ достать. Какое поле—эта новѣйшая Русская Исторія! И какъ подумаешь, что оно вовсе еще не обработано, и что кромѣ насъ, Русскихъ, никто того не можетъ и предпринять!— Но исторія долга, жизнь коротка, а пуще всего, человѣческая природа лѣнива <Русская природа въ особенности>. До свиданія. Завтра, вѣроятно, мы увидимся у Мясоѣдова.

Сердцемъ тебѣ преданный
А. П.

14 Окт.

678.

П. Я. Чаадаеву.

19 oct. [1836 г. Петербургъ].

Je vous remercie, de la brochure que vous m'avez envoyée. J'ai été charmé de la relire, quoique très étonné de la voir traduite et imprimée. Je suis content de la traduction: elle a conservé de l'énergie et du laisser-aller de l'original. Quant aux idées, vous savez que je suis loin d'être tout à fait de votre avis. Il n'y a pas de doute que le schisme nous a séparé du reste de l'Europe et que nous n'avons pas participé à aucun des grands évenements qui l'ont remuée; mais nous avons eu notre mission à nous. C'est la Russie, c'est son immence étendue qui a absorbé la conquête Mogoles. Les tartares n'ont pas osé franchir nos frontieres occidentales, et nous baisser à dos. Ils se sont retiré vers leurs déserts, et la civilisation Chretienne a été sauvée. Pour cette fin, nous avons du avoir une existance tout-à-fait à part. qui en nous laissant Chretien, nous laissait cependant tout à fait étranger au monde Chrétien, en sorte que notre martyre ne donnait aucune distraction à l'energique developpement de l'Europe Catholique. Vous dites que la source où nous sommes allé puiser le Christianisme etoit impure, que Byzance étoit méprisable et méprisée et—he, mon ami! Jesus Christ lui même n'étoit-il pas né juif et Jerusalem n'étoit-elle pas la fable des nations? l'évangile en est-il moins admirable? Nous avons pris de Grecs l'évangile et les traditions, et non l'esprit de puérilité et de controverse. Les moeurs de Byzance n'ont jamais été celle de Kiov. Le clergé Russe, jusqu'à Theophane, a été respectable, il ne s'est jamais soulié des infamies du papisme et certes n'auroit jamais provoqué la reformation, au moment ou l'humanité avoit le plus besoin d'unité. Je conviens que notre clergé actuel est en retard. En voulez-vous savoir la raison? c'est qu'il est barbu; voilà tout. Il n'est pas de bonne compagnie. Quant à notre nullité historique, decidemment je ne puis être de votre avis. Les guerres d'Oleg et de Sviatoslav, et mêmes les guerres d'apanage n'est-ce pas cette vie d'effervescence aventureuse et d'activité âpre et sans but qui caracterise la jeunesse de tous les peuples? l'invasion des tartares est un triste et grand tableau. Le reveil de la Russie, le developpement de sa puissance, sa marche vers l'unité (unité Russe bien entendu) les deux Ivan, le drame sublime commencé à Ouglitch et terminé au monastère d'Ipatief——quoi? tout celà ne seroit pas de l'histoire, mais un reve pâle et à demi-oublié? Et Pierre le Grand qui à lui seul est une histoire universelle? Et Catherine II qui a placé la Russie sur le seuil de l'Europe? et Alexandre qui vous a mené à Paris? et <la main sur le coeur>ne trouvez vous pas quelque chose l'im-

posant dans la situation actuelle de la Russie, quelque chose qui frappera le futur historien? Croyez qu'il nous mettra hors l'Europe? Quoique personnellement attaché de coeur à l'E., je suis loin d'admirer tout ce que je vois autour de moi; comme homme de lettre, je suis aigri; comme homme à préjugés, je suis froissé—mais je vous jure sur mon honneur, que pour rien au monde je n'aurois voulu changer de patrie, ni avoir d'autre histoire que celle de nos ancêtres, telle que Dieu nous l'a donné.

Voici une bien longue lettre. Après vous avoir contredit il faut bien que je vous dise que beaucoup de choses dans votre épitre sont profondement vrais. Il faut bien avouer que notre éxistance sociale est une triste chose. Que cette absence d'opinion publique, cette indifférence pour tout ce qui est devo r, justice et verité, ce mépris cynique pour la pensée et la dignité de l'homme, sont une chose vraiment désolante. Vous avez bien fait de le dire tout haut, mais je crains que vos opinions [reli...] historiques ne vous fasse du tort... enfin je suis faché de ne pas m'être trouvé près de vous lorsque vous avez livré votre manuscript aux journalistes. Je ne vais nulle part, et ne puis vous dire si l'article fait effet. J'espère qu'on ne le fera pas mousser. Avez vous lu le 3-me № du Современникъ? l'article Voltaire et John Tanner sont de moi. Козловскій seroit ma providence s'il vouloit une bonne fois devenir homme de lettre. Adieu, mon ami—Si vous voyez.....*) dites leurs bien des choses. Que disent-ils de votre lettre, eux qui sont si médiocrement Chrétiens?

На оборотѣ 7-ой страницы:

Воронъ ворону глаза не выклюетъ—
Шотландская пословица, приведенная В. Ск. въ Woodstock.

Одинъ изъ черновиковъ письма къ Чаадаеву:

Domptoit la noblesse en publiant la Табель о рангахъ, le clergé—en abolissant le patriarchat <NB. Napoleon disoit Alexandre: vous êtes pope chez vous, ce n'est pas si bête>—mais Autre chose est de faire une révolution, autre chose est d'en conserver (?) les résultats jusqu'a Catherine II. Voila déja 130 ans que la табель о рангахъ balaye la noblesse; et c'est l'Empereur actuel, qui le premier à posé une digue <bien faible> entre le desordiment (?) d'une démocratie, pire que celle de l'Amèrique <avec lui Toqueville? il m'a effrayé je suis encore chond et tous tous effrayé de son livre>.

Quant au clergé, il est en dehors de la société, puisqu'il est barbu.—[Voila tout. On ne le voit ni dons nos salons, ni dons litterature ni dans]. Nos souverains ont trouvé commode de la laisser là, où ils ont trouvé. Il n'est pas de la bonne société et ne vont pas être peuple. Comme les eunuques il n'a de passion que pour le pourvoir. Aussi est-il redouté et [je connais] quelqu'un [qui] malgré toute son énergie a plié devant lui dans une occasion grave [ce dont j'ai enrayé dans..... Nous en concluez que nous ne sommes..] La réligion est étrangère à nos pensées, à nos habitudes à vous... a la.... mais il ne falloit pas le dire.—[Votre brochure a produit à ce qu'il parait une grande sensation. Je n'en parle pas dans le monde, où je suis]. — Ce qu'il falloit dire et ce que vous avez dit — c'est que notre société actuelle est aussi méprisable que stupide [qu'elle ne mérite même..], que cette absence d'opinion publique, cette indifférence pour tout ce qui est devoir, [tout ce qui] justice, droit, vérité; pour tout ce qui n'est pas nécessité [le materiel, et l'utilité], ce mépris cynique pour la pensée et la dignité de l'homme..... Il falloit ajouter <non comme concession, mais comme vérité> que le gouvernement est le seul Européen de la Russie [et que malgré tout ce qu'il a du lourd] et que tout brutal qu'il est-il ne tiendrait qu'à lui de l'être cent fois plus. Personne n'y ferait le moindre attention [et la conquete d'Igor, de Rourik et d'Oleg vont bien celle du Batard] normand, le..... de la Russie..... d'Oleg et de Sviatoslav et... dons les guerres d'apanage..... que des duels continuels effet de cette l'efferves cence et de cette activité le la..... dont vous parlez dons votre lettre. Ie... et in..... l'invasión des tartares n'est ce pas un souvenir.

*) Два имени тщательно зачеркнуты.

679.

П. А. Корсакову.

25-го октября [1836 г. Петербургъ].

Милостивый Государь
Петръ Александровичь

Спѣшу отвѣчать на вопросы ваши. Имя дѣвицы Мироновой вымышлено. Романъ мой основанъ на преданіи нѣкогда слышанномъ мною, будто бы одинъ изъ офицеровъ измѣнившихъ своему долгу и перешедшихъ въ шайки Пугачевскія былъ помилованъ Императрицей по просьбѣ престарѣлаго отца, кинувшагося Ей въ ноги. Романъ, какъ изволите видѣть ушелъ далеко отъ истины. О настоящемъ имени Автора я бы просилъ васъ не упоминать, а объявить что рукопись доставлена черезъ П. А. Плетнева, котораго я уже предувѣдомилъ.

Позвольте, Милостивый Государь вновь засвидѣтельствовать глубочайшее почтеніе и сердечную мою благодарность.

Честь имѣю быть
Милостивый Государь
Вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Александръ Пушкинъ.

25 окт.

680.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

[Октябрь—ноябрь 1836 г. Петербургъ].

Конечно Княжна Зизи имѣетъ болѣе истины и занимательности, нѣжели Сильфида—Но всякое даяніе Ваше благо. Кажется письмо тестя — холодно и слишкомъ незначительно. За то въ другихъ много прелестнаго. Я замѣтилъ одно мѣсто знакомъ—Оно показалось мнѣ не вразумительно. Во всякомъ случаѣ Сильфиду-ли, Княжну-ли, но но оканчивайте и высылайте. Безъ Васъ пропалъ Современникъ.

А. П.

681.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

[Октябрь—ноябрь 1836 г. Петербургъ].

Статья Г. Волкова въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательна, дѣльно и умно написана и занимательна для всякаго. Однакожъ я ея не помѣщу, потому что по моему мнѣнію Правительству вовсе не нужно вмѣшиваться въ проэктъ этаго Герстнера. Россія не можетъ бросить 3,000,000 на попытку. Дѣло о новой дорогѣ касается частныхъ людей; пускай они и хлопочутъ. Все что можно имъ обѣщать—такъ это привиллегію на 12 или 15 лѣтъ. Дорога <желѣзная> изъ Москвы въ Нижній Новг., еще была бы нужнѣе дороги изъ Москвы въ П. Б.—и мое мнѣніе—было-бы: съ нее и начать... Я конечно не противъ желѣзныхъ дорогъ; но я противъ того, чтобъ этимъ занялось правительство. Нѣкоторыя возраженія противу проэкта неоспоримы. На примѣръ: о заносѣ снѣга. Для сего должна быть выдумана новая машина, sine qua non. О высылкѣ народа, или о наймѣ работниковъ для смятанія снѣга нечего и думать: это нелѣпость.

Статья Волкова писана живо, остро. Отрѣшковъ отдѣланъ очень смѣшно; но не должно забывать что противу Жел. дорогъ были многія изъ Госуд. Совѣта; и тонъ статьи вообще долженъ быть очень смягченъ. Я бы желалъ чтобъ статья была напечатана особо, или въ другомъ Журналѣ; тогда бы мы объ ней представили выгодный Отчетъ съ обильными выписками.

Я согласенъ съ Вами что эпиграфъ выбранный Волковымъ неприличенъ: Слова Петра 1 были-бы всего болѣе приличны; но на сей разъ пришли мнѣ слѣдующія: А спросить у Нѣмца; а не хочетъ-ли онъ х..?

На оборотѣ: Князю Одоевскому etc. etc.

682.

Графу Е. Ф. Канкрину.

6-го ноября 1836 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь Графъ

Егоръ Францовичъ.

Ободренный снисходительнымъ вниманіемъ, коимъ Ваше Сіятельство уже изволили меня удостоить, осмѣливаюсь вновь безпокоить васъ покорнѣйшею моею просьбою.

По распоряженіямъ, извѣстнымъ въ министерствѣ Вашего Сіятельства, я состою долженъ казнѣ <безъ залога> 45,000 руб., изъ коихъ 25,000 должны мною быть уплачены въ теченіе пяти лѣтъ.

Нынѣ, желая уплатить мой долгъ сполна и немедленно, нахожу въ томъ одно препятствіе, которое легко быть можетъ отстранено, но только вами.

Я имѣю 220 душъ въ Нижегородской губерніи, изъ коихъ 200 заложены въ 40,000. По распоряженію отца моего, пожаловавшаго мнѣ сіе имѣніе, я не имѣю права продавать ихъ при его жизни, хотя и могу ихъ закладывать какъ въ казну, такъ и въ частныя руки.

Но казна имѣетъ право взыскивать, что ей слѣдуетъ, несмотря ни на какія частныя распоряженія, если только оныя Высочайше не утверждены.

Въ уплату означенныхъ 45,000 осмѣливаюсь предоставить сіе имѣніе, которое вѣрно того стоитъ, а вѣроятно и болѣе.

Осмѣливаюсь утрудить Ваше Сіятельство еще одною, важною для меня просьбою. Такъ какъ это дѣло весьма малозначуще и можетъ войти въ кругъ обыкновеннаго дѣйствія, то убѣдительнѣйше прошу ваше сіятельство не доводить онаго до свѣдѣнія Государя Императора, который, вѣроятно, по своему великодушію, не захочетъ таковой уплаты <хотя оная мнѣ вовсе не тягостна>, а можетъ быть и прикажетъ простить мнѣ мой долгъ, что̀ поставило бы меня въ весьма тяжелое и затруднительное положеніе: ибо я въ такомъ случаѣ былъ бы принужденъ отказаться отъ царской милости, что и можетъ показаться неприличіемъ, напрасной хвастливостію и даже неблагодарностію.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

6-го ноября 1836 г.

683.

Князю Н. Б. Голицыну.

St.-Petersbourg, 10 Nov. 1836.

Merci mille fois, cher Prince, pour votre incomparable traduction de ma pièce de vers, lancée contre les ennemis de notre pays. J'en avais déjà vû trois, dont une d'un puissant personnage de mes amis, et aucune ne vaut la vôtre. Que ne traduites-vous pas cette pièce en temps opportun, je l'aurais fait passer en France pour donner sur le nez à tous ces vociférateurs de la Chambre des députés.

Que je vous envie vôtre beau climat de Crimée: votre lettre a reveillé en moi bien des souvenirs de tout genre. C'est le berceau de mon Онѣгинъ: et vous aurez sûrement reconnu certains personnages.

Vous m'annoncez une traduction en vers de mon Бахчисарайскій Фонтанъ. Je suis sûr qu'elle vous reuissira comme tout ce qui sort de vôtre plume, quoique le genre de littérature en quel vous vous adonnez soit le plus difficile et le plus ingrat que je connaisse. A mon avis, rien n'est plus difficile que de traduire des vers russes en vers français, car vû la concision de nôtre langue, on ne peut jamais être aussi bref. Honneur donc a celui qui s'en acquitte aussi bien que vous.—

Adieu, je ne désespère pas de vous voir bientôt dans nôtre capitale; vû vôtre facilité de locomotion.

Tout à vous, A. Pouchkine.

684.

Графу В. А. Соллогубу.

17-го ноября 1836 г. [Петербургъ].

Je n'hesite pas à écrire ce que je puis déclarer verbalement. J'avois provoqué M-r G. Heckern en duel, et il la accepté sans entrer en aucune explicat'on. C'est moi qui prie Messieurs les témoins de cette affaire de vouloir bien regarder cette provocation comme non aveuue, ayent appris par la voix publique que M-r Georges Heckern étoit décidé à declarer ses projets de mariage avec M-elle Gontcharof, après le duel. Je n'ai nul motif d'attribuer sa résolution à des considerations indignes d'un homme de coeur.

Je vous prie Monsieur le Comte, de fair de cette lettre l'usage que vous jugerez à propos.

Agreez l'assurance de ma parfaite consideration A. Pouchkin.

17 Novembre 1836.

(Первоначальная редакція).

Monsieur le Baron Heeckeren m'a fait l'honneur d'accepter pour son fils M-r le B. G. Heeckeren une provocation en duel ayant appris par hasard par le bruit public que M-r G. Heeckeren était décidé á demander en mariage ma belle soeur M-lle C. Gontcharow je prie M r le Baron Heeckeren père de vouloir bien regarder ma provo ation comme non avenuee.

Pour avoir tenu envers ma femme une conduite qu'il ne me convient pas de souffrir (en cas que M r Heeckeren exige que la provocation soit motivée).

685.

М. Л. Яковлеву.

[19-го ноября 1836 г. Петербургъ].

Милый и почтенный мой Михайло Лукьяновичь! я виноватъ! я было тебя зазвалъ сегодня къ себѣ отобѣдать, а меня дома небудетъ. До другого раза прости великодушно—не забудь записку о святыхъ доставить мнѣ грѣшному.

На оборотѣ: Его высокородію М. Г. Михаилу Лукьяновичу Яковлеву. У Казанскаго моста, въ домѣ казенной типографіи.

686.

Барону Геккерну.

[21-го ноября 1836 г. Петербургъ].

Monsieur le Baron! Permettez moi de faire le résumé de ce qui vient de ce passer. La conduite de M-r votre fils m'étoit connue depuis longtems et ne pouvoit m'être indifférente. Je me contentoe du rôle d observateur, sauf à intervenir lorsque jt le jugeroi à propos. Un accident, qui dans toui autre moment m'eut été très désagréable, vint fort heureusement me tirer d'affaire. Je reçu les lettres anonymes. Je vis que le moment d'agir étoit venu et j'en profitai. Vous savez le reste: je fis jouer à m-r votre fils un rôle si pitoyable que ma femme étonnée de tant de plattitude ne put s'empêcher de rire et que l'emotion que peut-être avoit-elle ressenti pour cette sublime passion, s'éteignit dans le mepris le plus calme et le mieux mérité. Vous me permetterez de dire, Monsieur le Baron, que votre rôle à vous dans toute cette affaire n'a pas été des plus convenables. Vous, le représentant d'une tête couronnée, vous avez été paternellement le maquereau de votre bâtard, ou soit-disant tel. Toute sa conduite <assez maladroite d'ailleurs> a été probablement dirigé par vous; c'est vous probablement, qui lui dictiez les pauvretés qu'il venoit débiter et les niaiseries qu'il s'est mêlé d'écrire. Semblable à une obscène vieille, vous alliez guetter ma femme dans tous les coins pour lui parler de l'amour de votre fils et lorsque, malade de vérole, il étoit retenu chez lui par les remèdes, vous disiez qu'il se mouroit d'amour pour elle, vous lui marmottiez: Rendez moi mon fils.

Vous sentez bien, qu'après tout cela [il ne pou...] je ne pouvois souffrir qu'il y eut des relations entre ma famille et la vôtre. C'étoit à cette condition que j'avois consenti à ne pas donner suite à cette sale affaire et à ne pas vous deshonorer aux yeux de notre cour et de la vôtre, comme j'en avois le pouvoir et l'intention. Je ne<me> soucie pas que ma femme écoute encore vos exhortation paternelles. Je ne puis permettre que M-r votre fils, après l'abjecte conduite qu'il a tenue, ose encore lui adresser la parole, encore moins, qu'il lui fasse la cour et débite des calembourgs de corps de garde, tout en jouant de dévouement de la passion malheureuse, tandis qu'il n'est qu'un pleutre et qu'un chenapan. Je suis donc obligé de vous prier, Monsieur le B., de faire finir tout ce manège, si vous tenez à éviter un nouveau scandale devant lequel certes je ne reculerai pas.

J'ai l'honneur d'être etc.

(Черновое).

Monsieur le Baron. Avant tout permettez moi de faire le reresumé de tout ce qui vient de ce passer. — La conduite de M-r votre fils m'étoit entierement connue et ne pouvoit m'être indifferente; mais comme elle étoit restreinte dans les bornes des convenances et que d'ailleurs je savois combien ma femme méritoit ma confiance et mon....t, sauf..... sur..... per ..... mari, à moins qu'il ne fut un sot, deviendroit tout naturellement le confident de sa femme et le maître de sa conduite. Je vous avouerai que je n'étois pas sans inquietude. Un incident qui dans tout autre moment m'eut été très désagréable, vint fort heureusement me tirer d'affaire: je reçus des lettres anonymes. Je vis que le moment été venu, et j'en profitai. Vous savez le reste. Je fis jouer à M-r votre fils un rôle si grotesque et si pitoyable, que ma femme étonnée de tant de plattitude, ne put s'empêcher de rire et que l'émotion, que peut-être avait-elle repenti pour cette grande et sublime passion, s'éteignit dans le dégout le plus calme et le mieux merité.

Mais vous, Monsieur le Baron, quel a été votre rôle à vous dans toute cette affaire? Vous le représentant d'une tête couronnée, vous avez été le ma

.....vous avez guetté . . . . . les coins pour lui parler de votre fils et lorsque malade de vérole, il étoit [miné] retenu chez lui de remèdes, vous disiez, infame que vous etes, qu'il se mouroit d'amour pour elle; vous lui marmottiez: rendez moi mon fils—ce n'est pas tout.

Vous voyez que j'en suis long; mais attendez, ce n'est pas tout: je vous disois bien que l'affaire se compliquoit. Revenons aux lettres anonymes. Vous vous doutez bien qu'elles vous interessent *).

Le 2 de novembre vous eûtes [de] cru M-r votre fils [une] à la suite d'une .... [coup de plaisir. Je vous dit...té que ma femme crei... n'elle en perdoit la tête...letre anonyme..... frapper un coup décisif..... plaires composés par vous [de la lettre ano...] et.....'on avoit distribué).

.....t été fabriquée avec..... .... sur..... inquietois plus. Effectivement, avant trois jours de recherches je savois à quoi m'en tenir. Si la diplomatie n'est que l'art de savoir ce qui se fait chez les autres et de se jouir de leurs projets Vous me rendrez la justice d'avouer que vous avez été vaincu sur tous les points.

Maintenant j'arrive au but de ma letre. Peut-être desirez vous savoir ce qui m'empêché jusqu'à present de vous deshonorer aux yeux de notre cour et de la votre.....vous le dire **).

Je suis bon ***), ingénu, ... mais mon coeur est sensib.....Un duel ne me suffit pl..... et quelque soit son..... assez vengé ni par la ..... la lettre ....qu'a la trace de cette miserable affaire dont il me sera facile de faire un excellent chapitre dans mon histoire du cocuage.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur le Baron.

Votre très humble et tres obéissant serviteur

A. Pouchkine.

(Первоначальный набросокъ).

Monsieur le Baron. Avant tout permettez-moi de fa.....de ce qui vient de ce pa.....

La conduite de M-r v..... connue et ne pouvoit..... comme elle était restrein ..... convenances, et que d'ail..... point ma femme méritoit ma confience et y..... pect, je me contentois du rôle d'observa ..... à intervenir lorsque je le jugerai à p.....savoir bien qu'une belle figure, une p.....malheureuse, une persévérance de deux ..... toujours par produire ..... d'une jeune personne et qu'alors le..... moins qu'il ne fut un sot, deviendroit .....rellement confident de sa femme et le.....e sa conduite. <Je vous avoueroi que je n'étois..... ces inquiétude>. Un incident, qui dans tout..... ment m'eut été très desagréable, vint..... sement me tirer d'affaire. Je reçus des..... ymes en attendant. Je vis que le moment étoit venu .....étai. Vous savez le reste. Je fis jouer à .....si grotesque et si pitoyable.....de tant de plattitude, ne..... et que l'émotion que peut-....pour cette grande et sublime..... ...., s'éteignit...le dégout le plus calme et ....s mérité .....ous, Monsieur *) le Baron, quel [a été votre rôle] à.....toute cette affaire. Vous le representant d'....ronnée vous avez été.....le maquereau de votre bâtard soi disant bâtard; toute la conduite de ce jeune homme a été dirigée par vous. C'est vous qui lui dictiez les pauvretés.....debiter et les niaiseries qu'il s'est m.....semblable à une obsène vieille vous al.....ma femme dans tous les coins pour lui pa.....fils, et lorsque malade de vérole il étoit re.....fils une conférence, ou.....un coup quel'on croyoit.....nyme fut composée par.....je reçus trois exemplai..... l'on avoit distribué.....été fabriquée avec si peu de précaution, ...premier coup d'oeil (je fus sur les trâc.....teur). Je ne m'en inquietois plus, j'éto.....trouver mon drôle. Effectivement c'..... jours de recherches, je savois positi..... non, et quelque soit son.....pas assez vengé, ni par.....t M-r votre fils, ni par..... ut l'air d'une bonne.....m'embarasse fort peu) ni..... par la lettre que j'ai l'honneur de vous é.....dont je garde la copie pour mon usage.....ier. Je veux que vous vous donniez la peine....vous même les raisons qui seroient suffi.....m'engager à ne pas vous cracher à la fi..... éantir jusqu'à la trâce de cette misérable.

687.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

21-го ноября 1836 г. [Петербургъ].

Monsieur le comte! Je suis en droit et je me vois obligé de faire part à votre exellence de ce qui vient de se passer dans ma famille. Le matin de 4 novembre, je reçu trois exemplaires d'une lettre anonyme, outrageuse pour mon honneur et celui de ma femme. A la vue du papier, au style de la lettre, à la manière dont elle était rédigée, je reconnu dès le premier moment qu'elle était d'un étranger, d'un homme de la haute société, d'un diplomate. J'allais aux recherches. J'appris que sept ou huit personnes avaient reçu le même jour un exemplaire de la même lettre, cachetée et adressée à mon adresse, sous double enveloppe. La plupart des personnes qui les avaient reçues, soupçonnant une infamie, ne me les envoyèrent pas.

On fut, en général, indigné d'une injure aussi lâche et aussi gratuite; mais tout en répétant que la conduite de ma femme était irréprochable, on disait que le prétexte de cette infamie était la cour assidue que lui fesait M-r Dantès.

Il ne me convenait pas de voir le nom de ma femme accollé, en cette occasion, avec le nom de qui que ce soit. Je le fis dire à M-r Dantès. Le baron de Heckern vint chez moi et accepta un duel pour M-r Dantès, en me demandant un delai de 15 jours.

---

*) Отъ словъ: «Vous voyes» и кончая словами: «vuns interessent» зачеркнуто нѣсколькими поперечными чертами.

**) Отъ слова «Maintenant» и кончая словами: «vous le dire» строки перечеркнуты поперечною чертою.

***) Надъ этимъ словомъ надписано два французскихъ слова, которыхъ разобрать нельзя.

*) Надъ этимъ словомъ надписано: «je suis obligé d'....», а послѣднее выраженіе замѣнено слѣдующимъ: «Vous me permettrez d'observir que le....».

Il se trouve, que dans l'intervalle accordé, M-r Dantès devint amoureux de ma belle-soeur M-lle Gontcharoff, et qu'il la demanda en mariage. Le bruit public m'en ayant instruit, je fis demander à M-r d'Archiac (second de M-r Dantès) que ma provocation fût regardée comme non avenue. En attendant je m'assurais que la lettre anonyme était de M-r Heckern, ce dont je crois de mon devoir d'avertir le gouvernement el la société.

Etant seul juge et gardien de mon honneur et de celui de ma femme, et par conséquent ne demandant ni justice, ni vengeance, je ne peux ni ne veux livrer à qui que ce soit les preuves de ce que j'avance.

En tout cas, j'espère, M-r le comte, que cette lettre est une preuve de respect et de la confiance que je porte à votre personne.

C'est avec ces sentiments que j'ai l'honneur d'être, M-r le comte, votre très-humble et très-obéissant serviteur A. Pouchkine.

21 Novembre. 1836.

(Черновое).

M-r le Comte
[Je me crois] de vous faire

je v.
d'une lettre
pour l'honne

[J'allois aux] à la v
à cacheter
à la manière d
redigé—je rec
d'un [homme] quelqu'
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . ée en mon nom
. . . . personnes qui les
. . çonnant une
. . . terent leur lettre
. . voyerent pas—
. . . éneral indigné
[t de l'infamie]
[. . t anonyme et]
etc . . . . . tente [qui atteignit]
. . . . . [. . ère probable]

tout on en [le] repe-raison de cette

il ne me conv
voir le nom de
dans cette occasion
celui de qui qu . . .

[demande pas donc pas] dire à M-r Dantes [qui accepta un duel—par l'entremise du] M-r Baron Heckern [pere qui.] vint chez moi et accepta un d . . . . . .
M-r Dantes t . . .
demandent B
. . . . . cation fut regardé,
—non avenue
. . . tes—je . . . . . peur
(onyme) étoit de M . . . .

Сбоку, поперекъ 1-й страницы:

[. . te relation] comme je me crois seule juge de l'honneur . . . .
ma femme, je ne puis M-r le C. malgré tout mon respect pour
même à cause de [mon] ce respect ni vous livrer les billets

ni d'entrer dans plus de details—
J'ai cru de mon devoir d'avertir le
ment et la Société qu'un des em

688.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

[Ноябрь—декабрь 1836 г. Петербургъ].

Я не очень здоровъ—и занятъ—Если вы сдѣлаете мнѣ милость ко мнѣ пожаловать съ Г. Сахаровымъ, то очень меня обяжете. Жду васъ съ нетерпѣніемъ. А. П.

689.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

[Ноябрь—декабрь 1836 г. Петербургъ].

Вигель мнѣ сказывалъ что онъ вамъ доставилъ критику статьи Булгарина. Если она у Васъ пришлите мнѣ ее. Получили ли вы 4 № Соврем-ка и довольны-ли Вы имъ?

На оборотѣ: Е. С. Кн. Одоевскому.

690.

Н. М. Коншину.

22-го декабря 1836 г. [Петербургъ].

Письмо Ваше очень обрадовало меня, любезный и почтенный Николай Михайловичь, какъ знакъ что вы не забыли еще меня. Докладную записку сегодня же пущу въ дѣло. Жуковскаго увижу и сдамъ ему Васъ съ руки на руки. Съ Уваровымъ—Увы! я не въ такихъ дружескихъ сношеніяхъ; но Жуковскій, надѣюсь все уладитъ. Занявъ мѣсто Ложечникова, не займетесь-ли вы, по примѣру вашего предшественника, и романами? а куда бы хорошо. Все таки Вы меня забыли, хоть наконецъ и вспомнили. И я позволяю себѣ дружески Вамъ за то попѣнять.—

Не будете-ли вы въ П. Б.?—Въ такомъ случаѣ надѣюсь что я васъ увижу — Отвѣтъ постараюсь доставить Вамъ какъ можно скорѣе. А. П.

На оборотѣ: **Его Высокоблагородію М. Г. Николаю Михайловичу Коншину etc. etc.**

691.

Князю П. А. Вяземскому.

[Вторая половина декабря 1836 г. Петербургъ].

Письмо твое прекрасно. Форма «М. Г.» или «О», и т. д., кажется, ничего не значитъ; главное—дать статьѣ какъ можно болѣе ходу и извѣстности. Но во всякомъ случаѣ цензура не осмѣлится ее пропустить, а Уваровъ самъ на себя розогъ не

ПУШКИНЪ ВЪ СРЕДИНѢ 1830-хъ гг.

(„Люблю тебя, Петра творенье")

картина И. Е. Рѣпина.

Il se trouve, que dans l'intervalle accordé, M-r Dantes devint amoureux de ma belle-soeur M-lle Gontcharoff, et qu'il la demanda en mariage. Le bruit public m'en ayant instruit, je fis demander à M-r d'Archiac (second de M-r Dantès) que ma provocation fût regardée comme non avenue. En attendant je m'assurais que la lettre anonyme [illegible] M-r Heckern, se dont je crois de mon devoir d'informer le gouvernement et la société.

[illegible] et gardien de mon honneur et de [illegible] ma femme, et par conséquent ne [illegible] en vengeance je ne peux m'[illegible] à qui que ce soit les preuves de ce [illegible]

[illegible] j'espère, M-r le comte, que cette [illegible] est une preuve de respect et de la confiance que [illegible] porte à votre personne.

[illegible] avec ces sentiments que j'ai l'honneur d'être, M-r le comte, votre [illegible] et très-[illegible] serviteur A. Pouchkine.

[illegible] Novembre 1836.

Обоку, поперекъ 1-й [illegible]:

[. . te relation] comme je [illegible] seule juge de [illegible]
ma femme, je ne puis M-r le C. [illegible] que tout mon [illegible] peut
même à cause de (mon) ce respect [illegible] vous livrer les billets

ni d'entrer dans plus de detail—
J'ai cru de mon devoir d'avertir le [illegible]
ment et la Société qu'un des em

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

[Ноябрь—декабрь 1836 г. Петербургъ].

Я не очень здоровъ—и занятъ.— Если вы сдѣлаете мнѣ милость ко мнѣ пожаловать съ I. Захаржевскимъ, то очень меня обяжете. Жду васъ съ нетерпѣніемъ. А. П.

689.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

[Декабрь—декабрь 1836 г. Петербургъ].

[illegible] онъ вамъ [illegible] [illegible] у [illegible] № Соврем[illegible]

Н. М. Языкину.

[Декабрь 1836 г. Петербургъ].

[illegible] меня. [illegible] Николай Михайловичъ, [illegible] еще меня. Добавляю [illegible] на путь въ дѣло. Жуковскій [illegible] ему Васъ съ руки на руки [illegible] Уваровымъ. Увы, я не въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Жуковскій, надѣюсь все уладить. Занявъ мѣсто Дашковой, не займетесь-ли вы по примѣру вашего [illegible] писателя, и романъ? а куда бы хорошо. [illegible] такъ Вы меня забыли [illegible] и вспомнили. И я позволяю себѣ дружески [illegible] вамъ за то попѣнять.—

Не будете ли вы въ П. Б.?—Въ такомъ случаѣ надѣюсь что я васъ увижу — Отвѣтъ постараюсь доставить Вамъ какъ можно скорѣе. А. П.

На обоймѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Николаю Михайловичу Коншину etc. etc.

691.

Князю П. А. Вяземскому.

[Вторая половина декабря 1836 г. Петербургъ].

Письмо твое прекрасно. Форма «М. Г.» или «О», и т. д., кажется, ничего не значитъ; главное дать статьѣ какъ можно болѣе ходу и извѣстности. Но во всякомъ случаѣ цензура не осмѣлится пропустить, а Уваровъ самъ на себя [illegible]

---

qui les
[illegible]
[illegible] qui ait le [illegible]

[illegible]
[illegible]
celui de qui qu[illegible]

[demande pas donc pas] dire à M-r Dante[s] [qui accepta un duel—par l'entremise du] M-r Baron Heckern [pere qui.] vint chez moi et accepta un d[illegible]
M-r Dantes t[illegible]
demandent B[illegible]

—non avenue
[illegible] tes—je [illegible] peur
(anyme) étoit de M[illegible]

Клише и печать „УНІОНЪ"-Петроградъ.

принесетъ. Бенкендорфа вмѣшивать тутъ мудрено и неловко. Какъ же быть? Думаю оставить статью, какова она есть, а впослѣдствіи времени выбирать изъ нея все, что будетъ можно выбрать, какъ нѣкогда дѣлалъ и ты въ Лит. Газетѣ со статьями, не пропущенными Щегловымъ. Жаль, что ты не разобралъ Устрялова по формулѣ, изобрѣтенной Воейковымъ для Полеваго, а куда бы хорошо. Стихи для тебя переписываю.

692.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

[Конецъ декабря 1836 г. Петербургъ].

Также зло, какъ и дѣльно. Думаю что Цензура—однакоже не все уничтожитъ — на всякой случай спросъ не бѣда. Неувидимся-ли въ Академіи Наукъ гдѣ засѣдаетъ Кн. Д—?

693.

А. А. Плюшару.

29-го декабря 1836 г. Петербургъ.

Monsieur,

Je suis parfaitement d'accord sur toutes les conditions que Vous avez la complaisance de me proposer, concernant la publication d'un volume de mes poésies <dans votre lettre du 23 décembre 1836>. Il est donc convenu que vous le ferez imprimer à 2,500 ex. sur le papier que vous choisirez, que vous serez seul chargé de la vente de l'édition, à raison de 15% de remise, et que le produit des premiers volumes vendus servira à rembourser tous les frais de l'édition, ainsi que les 1500 roubles ass. que vous avez bien voulu m'avancer.

Veuillez recevoir, Monsieur, l'assurance de ma parfaite consideration.

A. Pouchkin.

29 Décembre
1836
St. Pétersbourg.

694.

С. Л. Пушкину.

[Конецъ декабря 1836 г. Петербургъ].

Il y a bien longtems que je n'ai eu de vos nouvelles. Веневитиновъ m'a dit qu'il vous avez trouvé triste et inquiet, et que vous aviez le projet de venir à P. b. Est-ce vrai? j'ai besoin d'aller à Moscou, en tout cas j'espère bientôt vous revoir. Voici la nouvelle année qui nous arrive — Dieu donne qu'elle nous soit plus heureuse que celle qui vien de s'écouler. Je n'ai pas de nouvelles de ma soeur, ni de Léon. Celui-ci a du être de l'expédition et ce qui est sur c'est qu'il n'est ni tué, ni blessé. Ce qu'il avoi écrit sur le General Rosen, ne s'est trouvé fondé sur rien. Leon est susceptible et gâté par la familiarité de ses ci-devant chefs. Le G-l Rosen ne l'a jamais traité en chien comme il le disait, mais en lieutenant capitaine, ce qui est tout autre chose. Nous avons une nôce. Ma belle soeur Catherine se marie au baron Heckern, neveu et fils adoptif de l'Ambassadeur du Roi de Hollande. C'est un très beau et bon garçon, fort à la mode, riche et plus jeune de 4 ans que sa promise. Les préparatifs du trousseau occupent et amusent beaucoup ma femme et ses soeurs, mais me font enrager, car ma maison a l'air d'une boutique de modes et de linge. Веневитиновъ a présenté son rapport sur l'état du gouvernement de Koursk. L'Empereur en a été frappé et s'est beaucoup informé de Веневитиновъ; il a dit à je ne sais pas qui: faites-moi faire sa connaissance la première fois que nous nous trouverons ensemble. Voilà une carriere faite. J'ai reçue une lettre du cuisinier de Пещуровъ qui me propose de reprendre son élève. Je lui ai répondu que j'attendrai là dessus vos ordres. Le desirez vous garder? et quelles ont été les conditions de l'apprentissage? Je suis très occuppé. Mon journal et mon Pierre le Grand me prennent bien du tems; cette année j'ai assez mal fait mes affaires, l'année suivante sera meilleur à ce que j'espère. Adieu mon très cher Père—Ma femme et toute ma famille vous embrassent et vous baisent les mains. Mes respects et mes amiés à ma tante et à sa famille.

1837.

695.

Н. Н. Карадыкину.

[Конецъ 1836—начало 1837 г. Петербургъ].

Милостивый Государь

Николай Николаевичъ

Вы застали меня въ разплохъ, безъ гроша денегъ. Виноватъ—сей часъ ѣду по моимъ должникамъ собирать недоимки, и коли удастся, явлюся къ Вамъ.

...это... сдѣлалось....? *) Экая бѣда!

Весь Вашъ А. П.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Николаю Николаевичу Карадыкину.

696.

Ѳ. А. Скобельцыну.

8-го января 1837 г. [Петербургъ].

Неможете ли Вы, любезный Ѳедоръ Аѳанасьевичь, дать мнѣ въ займы на три мѣсяца, или достать мнѣ, три тысячи рублей. Вы бы меня чрезвычайно одолжили и избавили бы меня отъ рукъ книгопродавцевъ которые рады меня притѣснить.

А. Пушкинъ.

8 янв.
1837.

*) Такъ перечеркнуто, что не поддается прочтенію.

697.

А. И. Тургеневу.

16-го января [1837 г. Петербургъ].

Вотъ Вамъ Ваши письма. Должно будетъ вымарать казенныя офиціальныя фразы, и также нѣкоторыя искреннія, душевныя слова, ибо не мечите etc. Что вы вставите, то постарайтесь написать почетче. Думаю дать этому всему вотъ какое заглавіе: труды, изысканія, такого-то или *А. И. Т.* въ Римскихъ и Парижскихъ Архивахъ—Статья глубоко занимательная.

Вотъ вамъ мои стихи къ В.

Такъ море, древній душегубецъ
Воспламеняетъ Геній твой;
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грознаго трезубецъ...
Не славь его: въ нашъ гнусный вѣкъ
Сѣдой Нептунъ Земли союзникъ.
На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ
Тиранъ, предатель или узникъ.

16 янв.

698.

Въ ресторанъ Фильетта.

16-го января [1837 г. Петербургъ].

Envoyez moi je Vous prie un paté de foie gras à 25 r. A. Pouchkine.
16 Jan.

699.

А. О. Ишимовой.

25 января 1837 г. [Петербургъ].

На дняхъ имѣлъ я честь быть у васъ и крайне жалѣю, что не засталъ васъ дома. Я надѣялся поговорить съ вами о дѣлѣ. П. А. обнадежилъ меня, что вамъ угодно будетъ принять участіе въ изданіи Современника. Заранѣе соглашаюсь на всѣ ваши условія и спѣшу воспользоваться вашимъ благорасположеніемъ. Мнѣ хотѣлось познакомить русскую публику съ произведеніями Barry Cornwall. Не согласитесь ли вы перевести нѣсколько изъ его Драматическихъ очерковъ. Въ такомъ случаѣ буду имѣть честь препроводить къ вамъ его книгу.

(Черновое).

[Крайнѣ жалѣю что не имѣлъ щастія Васъ застать дома. Я надѣялся съ Вами переговорить].

П. А. обнадежилъ меня что Вамъ угодно будетъ принять участіе въ изданіи Совр.—я заранѣе соглашаюсь [согласенъ] на [всякое] всѣ условія и спѣшу [и теперь] тотчасъ же воспользоваться вашимъ благорасположеніемъ.—

Я бы хотѣлъ познакомить моихъ читателей съ произведеніями Barry Cornwall—[осмѣливаюсь просить]. Не согласитесь-ли вы перевести нѣсколько изъ его Драматическихъ очерковъ.

700.

А. И. Тургеневу.

[26-го января 1837 г. Петербургъ].

Не могу отлучиться. Жду Васъ до 5 часовъ.—

На оборотѣ: послѣдняя записка ко мнѣ Пушкина, на канунѣ Дуэли.

701.

Графу К. Ѳ. Толю.

26-го января 1837 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь,

Графъ Карлъ Ѳедоровичь,

Письмо, коего Ваше Сіятельство изволили меня удостоить останется для меня драгоцѣннымъ памятникомъ Вашего благорасположенія, а вниманіе, коимъ почтили первый мой историческій опытъ, вполнѣ вознаграждаетъ меня за равнодушіе публики и критиковъ.

Не менѣе того порадовало меня мнѣніе Вашего Сіятельства о Михельсонѣ, слишкомъ у насъ забытомъ. Его заслуги были затемнены клеветою; нельзя безъ негодованія видѣть, что долженъ онъ былъ претерпѣть отъ зависти или неспособности своихъ сверстниковъ и начальниковъ. Жалѣю что не удалось мнѣ помѣстить въ моей книгѣ нѣсколько строкъ пера Вашего для полнаго оправданія заслуженаго воина. Какъ ни сильно предубѣжденіе невѣжества, какъ ни жадно приемлется клевета, но одно слово сказанное такимъ человѣкомъ каковъ Вы навсегда ихъ уничтожаетъ. Геній съ одного взгляда открываетъ истину, а Истина сильнѣе царя, говоритъ священное писаніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

Милостивый Государь,
Вашего Сіятельства
покорнѣйшимъ слугою
Александръ Пушкинъ.

26 Генваря 1837.

702.

Барону Геккерну.

26-го января 1837 г. [Петербургъ].

Monsieur le Baron!

Permettez moi de faire le résumé de ce qui vient de se passer. La conduite de Monsieur votre fils m'étoit connue depuis longtems et ne pouvoit m'être indifférente. Je me contentois du rôle d'observateur, quitte à intervenir lorsque je le jugerois à propos. Un incident, qui dans tout autre moment, m'eut été très désagréable, vint fort heureusement me tirer d'affaire: je reçus les lettres anonymes. Je vis que le moment été venu et j'en profitai. Vous savez le reste: je fis jouer à Monsieur votre fils—un rôle si pitoyable, que ma femme, étonnée

de tant de lâcheté et de plattitude, ne put s'empecher de rire et que l'émotion que peut-être avoit-elle ressentie pour cette grande et sublime passion, s'éteignit dans le mépris le plus calme et le dégoût le mieux mérité.

Je suis obligé d'avouer, Monsieur le Baron, que votre rôle à vous n'a pas été tout-à-fait convenable. Vous, le représentant d'une tête couronnée, vous avez été paternellement le maquereau de Monsieur votre fils. Il paroit que toute sa conduite <assez maladroite, d'ailleurs> a été dirigé par vous. C'est vous qui, probablement, lui dictiez les pauvretés qu'il venoit débiter et les niaiseries qu'il s'est mêlé d'ecrire. Semblable à une obscène vieille, vous alliez guetter ma femme dans tous les coins pour lui parler de l'amour de votre batard ou soit-disant tel; et lorsque malade de vérole il étoit retenu chez lui, vous disiez qu'il se mouroit d'amour pour elle; vous lui marmottiez: rendez moi mon fils.

Vous sentez bien, Monsieur le Baron, qu'après tout cela je ne puis souffrir que ma famille aye la moindre relation avec la vôtre. C'étoit à cette condition que j'avois consenti à ne pas donner suite à cette sale affaire, et ne pas vous déshonorer aux yeux de notre cour et de la vôtre, comme j'en avois le pouvoir et l'intention. Je ne me soucie pas que ma femme écoute encore vos exhortations paternelles. Je ne puis permettre que Monsieur votre fils après l'abjecte conduite qu'il a tenue ose adresser la parole à ma femme, ni encore moins qu'il lui débite des calembourgs de corps de garde, et joue le dévouement et la passion malheureuse tandis qu'il n'est qu'un lâche et qu'un chenapan. Je suis donc obligé de m'adresser à vous pour vous prier de mettre fin à tout ce manège, si vous tenez à éviter un nouveau scandale devant lequel certes je ne reculerai pas.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur le Baron,
Votre très humble et très obéissant serviteur

Alexandre Pouchkin.

26 Janvier
1837.

703.

К. О. Россетъ.

[26-го января 1837 г. Петербургъ].

Partie remise, je vous previendrai.

704.

Виконту д'Аршіаку.

27-го января [1837 г. Петербургъ].

Monsieur le Vicomte,

Je ne me soucie nullement de mettre les oisifs de Pétersbourg dans la confidence de mes affaires de famille; je me refuse donc à tout pour parler entre seconds. Je n'amenerai le mien que sur la place du rendez-vous. Comme c'est M-r Heckern, qui me provoque et qui est offensé, il peut m'en choisir un, si cela lui convient; je l'accepte d'avance, quand ce ne serait que son chasseur. Quant à l'heure, au lieu, je suis tout-à-fait à ses ordres. D'après nos habitudes à nous autres Russes cela suffit... Je vous prie de croire, Monsieur le Vicomte, que c'est mon dernier mot, et que je n'ai rien de plus à [ajouter] répondre à rien de ce qui concerne cette affaire, et que je ne bouge plus que pour aller sur place.

Veullez accepter, l'assurance de ma parfaite considération.

A. Pouchkin.

27 Janvier.

(Черновое).

[Comme c'est M-r Heck. fils qui se trouve offensé je n'ai] [je n'ai nullement de] je ne me soucie nullement [d'aller chercher des] en allant à la recherche d'un seconds de mettre les oisifs de P. dans la confidence <de mes> de mes deméles de famille, soi —; personnellement, jè n'en ai pas besoin.... — comme..... c'est m. H. qui [est offensé] me provoque et qui [est] offensé qu'il [aille m'en] [cherche un] m'en trouvent s'il ne peut absolument s'en passer, je l'accepte d'avance quand ce ne seroit que [son] chasseur. Quand à l'heure au lieu etc. je suis tout à fait à ses ordres d'après nos habitudes à nous autres Russes, celà suffit. — Et sur ce [M-r le vicomte] j'ai l'honneur de vous avertir que je n'ai rien à répondre... aux lettres de MM. les Heckeren. Je vous prie de croire, M-r le v. que c'est mon dernier mot, et que je ne bouge [rai] pas [pas] que pour aller sur la place de rendez-vous —

705.

А. О. Ишимовой.

27-го января 1837 г. [Петербургъ].

Милостивая Государыня

Александра Осиповна,

Крайнѣ жалѣю что мнѣ невозможно будетъ сегодня явиться на Ваше приглашеніе. Покамѣсть, честь имѣю препроводить къ Вамъ Barry Cornwall — Вы найдете въ концѣ книги пьэсы отмѣченныя карандашемъ, переведите ихъ какъ умѣете — увѣряю Васъ что переведете какъ не льзя лучше. Сегодня я нечаянно открылъ Вашу Исторію въ разказахъ, и поневолѣ зачитался. Вотъ какъ надобно писать!

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть

Милостивая Государыня

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

А. Пушкинъ.

27 Янв.
1837.

Письма неизвѣстныхъ годовъ и нѣкоторыя другія, не входившія до сихъ поръ въ собранія писемъ Пушкина, см. дальше, въ концѣ тома.

Новыя пріобрѣтенія Пушкинскаго текста и дополненія.

1033. [Е. П. БАКУНИНОЙ.]

Напрасно воспѣвать мнѣ ваши имянины
При всемъ усердіи послушности моей.
Вы не милѣе въ день святой Екатерины
За тѣмъ, что никогда не льзя быть васъ
милѣй.

Съ подлинника, принадлежащаго Н. О. Лернеру, пьеса впервые напечатана въ «Нивѣ» 1913 г., № 43, гдѣ дано и facsimile. Подлинникъ, на листочкѣ альбомнаго формата, былъ поднесенъ Пушкинымъ Е. П. Бакуниной въ день ея именинъ (24 ноября), вѣроятно, 1815 г., когда семья Бакуниныхъ гостила въ Царскомъ Селѣ и Пушкинъ увлекался Екатериной Павловной. Объ ихъ отношеніяхъ см. въ I т. настоящ. изд. ст. В. Я. Брюсова «Первая любовь Пушкина» и примѣч. къ № 60. Въ Пушкинскомъ музеѣ Александровскаго лицея находится копія стихотворенія Пушкина «Къ живописцу» съ надписью: «Romance avec accompagnement du piano, dédiée à Mademoiselle de Bacounine», и съ карандашной припиской: «Трудами Императорской Царско-Сельской Лицѣи» (sic!); (на музыку пьеса Пушкина была положена Н. А. Корсаковымъ, а не М. Л. Яковлевымъ, какъ невѣрно сообщилъ С. Д. Комовскій).

1034. [НА СЕБЯ.]

Я самъ въ себѣ увѣренъ,
Я умникъ изъ глупцовъ,
Я маленькой Каверинъ,
Лицейской Молостовъ.

Эпиграмма извѣстна въ относящейся къ 1825 г. записи П. П. Каверина (Ю. Н. Щербачевъ, «Пріятели Пушкина М. А. Щербининъ и П. П. Каверинъ», М., 1913, стр. 104). Записывая ее, Каверинъ прибавилъ: «Пушкинъ, еще бывшій въ Лицеѣ, куплетъ на себя сдѣлалъ»... Л. Н. Майковъ говорилъ Ю. Н. Щербачеву, «что четверостишіе это уже было ему извѣстно какъ приписываемое Пушкину, но что до сихъ поръ онъ не находилъ основанія признать его за подлинное». Показаніе Каверина служитъ достаточнымъ основаніемъ для этого. Дата—1816—1817 гг. О П. Х. Молостовѣ (1793 — 1828) Пушкинъ упоминаетъ въ «Молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ» и наброскѣ «Сабуровъ, ты оклеветалъ»... (въ настоящ. изд. №№ 159, 418). Біографъ (Щербачевъ, 44) рисуетъ Каверина человѣкомъ самоувѣреннымъ. «Онъ воображаетъ, что онъ умнѣе всего рода человѣческаго; это вредитъ ему, будетъ вредить и впослѣдствіи», — писала его сестра. Вѣроятно, таковъ же былъ и Молостовъ; «избави Господи... Молоствова хвалы», говоритъ Пушкинъ въ лейбъ-гусарской «Молитвѣ». Надо думать, что «хвала» изъ устъ Молоствова ни для кого не бывала особенно лестной. Вмѣстѣ съ нимъ Пушкинъ «бранилъ Россію».

1035. 27 МАЯ 1819.

Веселый вечеръ въ жизни нашей
Запомнимъ, юные друзья.
Шампанскаго въ стекляной чашѣ
Шипѣла хладная струя.
Мы пили, и Венера съ нами
Сидѣла прѣя за столомъ.
Когда жъ вновь сядемъ вчетверомъ
Съ б....., виномъ и чубуками!

Пьеса, опубликованная Ю. Н. Щербачевымъ («Пріятели Пушкина М. А. Щербининъ и П. П. Каверинъ», М., 1913, стр. 16, 86), записана П. П. Каверинымъ въ одной изъ тетрадей, куда онъ, по распространенному въ тѣ времена обычаю, заносилъ стихи, сопровождая ихъ своими замѣчаніями. «Щербининъ, Олсуфьевъ, Пушкинъ»—раз-

сказываетъ Каверинъ (запись 1824 г.) — «у меня въ Петербургѣ ужинали. Шампанское въ ледъ было поставлено за сутки впередъ. Случайно тогдашняя красавица моя (для удовлетворенія плотскихъ желаній) мимо шла; ее зазвали. Жаръ былъ несносный. Пушкина просили память этого вечера въ насъ продолжить стихами. Вотъ они. Оригиналъ у меня» (однако, оригиналъ не сохранился). Ю. Н. Щербачевъ находитъ, что Пушкинъ здѣсь «отнесся съ циническимъ сарказмомъ къ кутежу», и въ извѣстномъ посланіи къ Щербинину усматриваетъ попытку изгладить будто бы произведенное настоящими стихами на Щербинина неблагопріятное впечатлѣніе. Обѣ догадки совершенно неосновательны и произвольны. Моралистомъ Пушкинъ никогда не былъ, въ особенности же не могъ имъ быть спустя въ веселой компаніи «съ б....., виномъ и чубуками». Стихи принадлежатъ къ тѣмъ поэтическимъ брызгамъ, которые разбрасывалъ пушкинскій геній на зарѣ молодости, когда, бывало, его Муза «какъ Вакханочка рѣзвилась, за чашей пѣла для гостей, и молодость минувшихъ дней за нею буйно волочилась»... Слово «прѣя» въ 6-мъ стихѣ объясняется упоминаніемъ Каверина о жарѣ въ тотъ вечеръ.

1036. [ИЗЪ КИШИНЕВСКАГО ДНЕВНИКА.]

1821 г.

Получилъ письмо отъ Чедаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье, — одного тебя можетъ любить холодная душа моя. Жалѣю, что не получилъ онъ моихъ писемъ: они его бы обрадовали. Мнѣ надобно его видѣть.

Въ С. О. напечатали одно письмо мое къ В. Л. Это меня взбѣсило; тотчасъ написалъ Гречу офиціальное письмо.

Вчера К. Дм. Ипсиланти сказалъ мнѣ, что Греки перешли черезъ Дунай и разбили корпусъ непріятельской.

4 мая былъ я принятъ въ масоны.

9 мая. Вотъ уже ровно годъ, какъ я оставилъ Петербургъ. Третьяго дня писалъ я къ К. Ипсиланти, съ молодымъ Французомъ, который отправляется въ Греческое войско. Вчера былъ у Кн. Суццо.

Барановъ умеръ. Жаль честнаго гражданина, умнаго человѣка.

26 мая. Поутру былъ у меня Алексѣевъ. Обѣдалъ у Инзова. Послѣ обѣда пріѣхали ко мнѣ Пущинъ, Алексѣевъ и Пестель. Потомъ былъ я въ здѣшнемъ острогѣ. NB. Тарасъ Кириловъ. Вечеръ у Крупенскихъ.

6 іюня написалъ слѣдующую записку: Avis à M-r Deguilly, ex-officier françois...

Этотъ отрывокъ, отъ словъ: «его бы обрадовали» до конца, опубликованъ Н. О. Лернеромъ въ «Нивѣ» 1912 г., № 5, со старинной копіи. Онъ представляетъ собою часть дневника, который велъ Пушкинъ въ 1821 г. въ Кишиневѣ. Подлинникъ находится въ парижскомъ музеѣ А. Ѳ. Онѣгина (Отто). Судя по описанію этого собранія, списокъ Лернера вполнѣ сходится съ подлинникомъ, который описанъ такъ: «$^1/_4$ листка писчей бумаги — отрывокъ изъ кишиневскаго дневника, непосредственно примыкающій къ извѣстному уже («Жалѣю, что не получилъ онъ моихъ писемъ: они») отрывку, т.-е.: «его бы обрадовали, - мнѣ надобно его видѣть»... На этомъ же листкѣ—черновикъ письма Пушкина къ Deguilly. Жандармская помѣта 71» («Пушкинъ и его современники», вып. XII, стр. 17).

Кишиневскій дневникъ Пушкина уцѣлѣлъ лишь въ двухъ листкахъ: одномъ, находящемся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ (тетр. № 2387, л. 33), и другомъ—опубликовываемомъ нами. Судя по описанію обѣихъ рукописей (первая описана В. Е. Якушкинымъ въ «Русск. Стар.» 1884 г., декабрь, 552), второй листокъ не только представляетъ собою продолженіе перваго, но они слѣдовали въ записной тетради поэта непосредственно другъ за другомъ; оба они изъ этой тетради (она сохранилась въ Румянцевскомъ музеѣ подъ № 2366) были вырваны, и первый листокъ былъ вложенъ въ другую, позднѣйшую тетрадь (№ 2387), въ которой находится и посейчасъ, а второй находится въ музеѣ г. Онѣгина.

Кишиневскій дневникъ въ той его части, которая находится на первомъ листкѣ и состоитъ изъ шести замѣтокъ, извѣстенъ въ печати давно, но сталъ доступенъ читателю не сразу, а постепенно, главнымъ образомъ благодаря цензурнымъ препятствіямъ. Первыя три замѣтки вошли въ посмертное изданіе сочиненій Пушкина (т. XI, стр. 199—200). Четвертая появилась въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1859 г. (№ 5, стр. 159); П. А. Ефремовымъ, въ его первомъ изданіи сочиненій Пушкина (т. V, 1881 г., стр. 7, 519), и В. Е. Якушкинымъ («Русск. Стар.» 1884 г., дек., 552) были даны поправки къ ней. Пятая была напечатана Анненковымъ («Пушкинъ въ Александровскую эпоху», стр. 174), а шестая, обрывающаяся на половинѣ фразы, В. Е. Якушкинымъ («Русск. Стар.», тамъ же). Окончаніе ея и вся остальная часть дневника напечатаны впервые въ «Нивѣ».

Кишиневскій дневникъ—не что иное, какъ отрывочный и, благодаря сжатости, особенно цѣнный конспектъ; на основаніи его Пушкинъ обрабатывалъ свои записки, которыя уничтожилъ въ 1825 году, и о гибели которыхъ исторія и литература не могутъ не сожалѣть. Каждая строчка бѣглаго дневника нуждается въ комментаріяхъ, которые мы и предлагаемъ читателямъ, располагая наши поясненія по возможности въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ сами записи.

П. Я. Чаадаевъ, о которомъ говоритъ въ первой изъ нихъ Пушкинъ съ такою любовью, — одинъ изъ тѣхъ немногихъ, чье вліяніе на Пушкина было сильно и благотворно (см. примѣч. къ №№ 266, 418). Отвѣтомъ на дружескія, «жестокія и несправедливыя», укоризны Чаадаева, о которыхъ говорится въ дневникѣ (самое письмо не дошло до насъ) и было, вѣроятно, знаменитое посланіе къ нему, написанное въ апрѣлѣ 1821 г.

Инціалы во второй записи должны читаться такъ: «Въ «Сынѣ Отечества» напечатали одно письмо мое къ Василію Львовичу». Въ началѣ января 1817 г. Пушкинъ написалъ посланіе въ

стихахъ и прозѣ къ своему дядѣ В. Л. Пушкину, «старостѣ» знаменитаго литературнаго кружка «Арзамасъ», носившее характеръ частнаго и даже интимнаго письма. Н. И. Гречъ, издатель «Сына Отечества», ознакомившись съ посланіемъ, самовольно напечаталъ его въ своемъ журналѣ (1821 г. ч. 68 № XI, 12 марта, стр. 178—180) съ подписью: «А. Пушкинъ» и подъ заглавіемъ: «Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ». (Оно служитъ отвѣтомъ на письмо дяди, который говоритъ племяннику: «ты—братъ мнѣ по Аполлону»; Пушкинъ возражаетъ: «нѣтъ, пѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братъ,—вы дядя мой и на Парнасѣ»). Появленіе этого посланія въ печати было для Пушкина полной неожиданностью и изрядно разсердило его. Неизвѣстно, что̀ написалъ онъ Гречу, но, очевидно, онъ намѣренъ былъ покарать печатно самовольство редактора. 21 сентября онъ спрашивалъ Греча, между прочимъ: «а скромное письмо мое насчетъ моего же письма,—видно, не лѣзетъ сквозь цензуру?» Должно-быть, въ этомъ случаѣ провинился нескромностью и самъ дядюшка, о которомъ Пушкинъ вскорѣ (2 января 1822 г.) писалъ Вяземскому: «желаю счастія дядѣ,—я не пишу къ нему, потому что опасаюсь журнальныхъ почестей». На самого Греча Пушкинъ недолго сердился: въ томъ же 1821 г. онъ напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» знаменитое посланіе къ Чаадаеву. Гречу, извѣстному впослѣдствіи въ качествѣ уставщика правилъ грамматики и соратника Ѳаддея Булгарина, принадлежитъ первое упоминаніе о Пушкинѣ въ русской учебной литературѣ и одно изъ первыхъ въ критикѣ («Учебная книга россійской словесности» и «Опытъ краткой исторіи русской литературы», изд. 1822 г.; см. «Пушк. и его соврем.», XVI, 70—72). Связь Греча съ Булгаринымъ заставила Пушкина нѣсколько лѣтъ спустя отдалиться отъ него.

«4 мая былъ я принятъ въ масоны»,—эта запись заслуживаетъ особеннаго вниманія. Уже давно извѣстно признаніе Пушкина, который, выясняя своему постоянному ходатаю и совѣтчику Жуковскому свои отношенія къ правительству, писалъ въ 1826 г.: «я былъ масонъ въ кишиневской ложѣ, т.-е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи». Принадлежность къ масонству Пушкинъ считалъ пятномъ на своей политической репутаціи, и Жуковскій, хлопоча о возвращеніи опальнаго поэта изъ ссылки, долженъ былъ такимъ образомъ учитывать это обстоятельство. До послѣднихъ лѣтъ о кишиневской ложѣ въ литературѣ существовали самыя краткія и темныя свѣдѣнія. 19 ноября 1821 г. начальникъ главнаго штаба при Государѣ Императорѣ, князь П. М. Волконскій, сообщилъ бессарабскому намѣстнику И. Н. Инзову, при которомъ состоялъ опальный Пушкинъ, по поводу полученныхъ правительствомъ секретныхъ свѣдѣній объ открытыхъ или открываемыхъ въ Бессарабіи масонскихъ ложахъ, къ которымъ стоитъ близко Пушкинъ, Высочайшее повелѣніе закрыть эти организаціи и донести Государю о поведеніи Пушкина и о занятіяхъ его въ масонскихъ ложахъ («Русск. Стар.» 1833 г., дек., 654—655). 1 декабря Инзовъ отвѣтилъ Волконскому, что предполагавшаяся къ открытію ложа не была имъ разрѣшена, и, слѣдовательно, Пушкинъ, о поведеніи котораго Инзовъ отозвался вообще сочувственно, не могъ быть членомъ масонской ложи (тамъ же, 655). Съ теченіемъ времени изъ-подъ спуда появились архивныя данныя о кишиневской ложѣ. Вотъ къ чему они сводятся. Ложа, фигурировавшая въ общемъ спискѣ масонскихъ ложъ подъ именемъ «Овидій, № 25», дѣйствительно существовала въ Кишиневѣ. 7 мая 1821 г. кишиневскіе «братья» послали въ великую ложу «Астрею» просьбу объ утвержденіи кишиневской ложи. «Астрея», какъ гласитъ протоколъ ея чрезвычайнаго собранія, «даровала конституцію новой ложѣ, открывающейся къ востоку въ Кишиневѣ, въ Бессарабіи, подъ отличительнымъ наименованіемъ «Овидій», и назначила ей № 25». Въ спискѣ ходатайствующихъ братьевъ, составленномъ 5 мая 1821 г., имени Пушкина нѣтъ, но это объясняется тѣмъ, что обращаться къ великой ложѣ могли только принятые ранѣе въ масонство и извѣстные ей «братья», а Пушкинъ, зачисленный 4 мая, былъ принятъ, такъ сказать, предварительно, и официальное принятіе его могло послѣдовать лишь послѣ полученія кишиневской ложей официальнаго утвержденія отъ великой и ея «инсталляціи». Противорѣчіе между показаніями Инзова, что въ Кишиневѣ ложа не открывалась, и Пушкина разрѣшается весьма просто. «Братья» кишиневской ложи могли считать ее существующей и легально функціонирующей, но юридическое бытіе не могло быть ей дано даже полученіемъ отъ великой ложи упомянутаго официальнаго утвержденія, — требовалась еще «инсталляція». Это былъ особый обрядъ, совершавшійся въ присутствіи делегатовъ отъ великой ложи, и только по совершеніи этого обряда ложа начинала существовать въ полномъ смыслѣ слова и правильно исполнять свои дѣйствія. «Астрея» напомнила кишиневской ложѣ законъ объ инсталляціи,—что «прежде, нежели которая ложа будетъ такимъ образомъ принята, производимыя ею работы почитаются временными и остаются недѣйствительными, если принятіе не совершится, потому что каждая ложа уже послѣ принятія своего вносится въ списокъ великой Астреи». Кишиневская ложа инсталляціи не подверглась потому, что правительство взялось въ это время за уничтоженіе всѣхъ ложъ въ Россіи (Пушкинъ преувеличиваетъ значеніе кишиневской ложи въ этихъ преслѣдованіяхъ), и съ строго-масонской точки зрѣнія какъ бы не существовала, члены ея не могли считаться масонами. Инзовъ былъ формально правъ, отрицая существованіе масонской ложи въ Бессарабіи.

Пушкинъ, который едва ли зналъ эти формальныя подробности и тонкости ритуала, искренно считалъ себя настоящимъ масономъ. Въ 1826 г. одинъ изъ бывшихъ членовъ кишиневской ложи — докторъ Шуллеръ назвалъ «Александра Пушкина» въ числѣ ея участниковъ; это показаніе — единственный официальный слѣдъ принадлежности Пушкина къ масонству. Въ 1827 г. А. И. Вульфъ видѣлъ у него на столѣ большую тетрадь въ черномъ кожаномъ переплетѣ, на которомъ былъ замѣтенъ полустертый масонскій треугольникъ; Пушкинъ самъ объяснилъ, что она была прежде счетной книгою масонской ложи, а теперь онъ пишетъ въ ней стихи (Л. Н. Майковъ. «Пушкинъ», (СПб., 1899, стр. 177). На московской Пушкинской выставкѣ 1880 г. фигурировали масонскіе знаки, по преданію, принадлежавшіе Пушкину: бронзовый треугольникъ съ двумя соединенными въ пожатіи руками внутри и крошечная бронзовая лопаточка съ черной деревянной ручкой («Вѣнокъ на памятникъ Пушкину», СПб., 1880, стр. 326). У одного изъ родственниковъ Пушкина, въ Костромской губерніи, хранится до сихъ поръ ка-

кой-то масонскій значокъ, по словамъ владѣльца, принадлежавшій поэту («Нов. Время» 1910 г. № 12454).

Какіе интересы занимали кишиневскихъ масоновъ,—объ этомъ судить трудно за отсутствіемъ данныхъ. Докторъ Шуллеръ показалъ правительству, что кишиневская ложа преслѣдовала исключительно благотворительныя цѣли, по этому показанію, данному въ тревожное время заинтересованнымъ лицомъ, вѣрить не слѣдуетъ. Тотъ страхъ, который внушало Пушкину его былое участіе въ ней, скорѣе показываетъ, что въ ней велись если не серьезныя дѣла, то серьезные разговоры. Просуществовала она всего нѣсколько мѣсяцевъ. 9 декабря 1821 г. состоялись ея послѣднее засѣданіе и закрытіе. Единственнымъ реальнымъ результатомъ ея краткаго существованія была разбитая карьера ея основателя, генерала И. С. Пущина, которому подозрительный Александръ I не простилъ участія въ масонствѣ. Еще недавно Царь былъ покровителемъ масоновъ, но времена измѣнились... Свѣдѣнія о ложѣ «Овидій» переданы Н. Кульманомъ («Къ исторіи масонства въ Россіи»—«Журн. Мин. Нар. Просв.» 1907 г., октябрь), В. И. Семевскимъ («Политическія и общественныя идеи декабристовъ», СПБ., 1909, стр. 313—321, 679) и П. Е. Щеголевымъ («Минувшіе Годы» 1908 г., май—іюнь, 517—520).

На отношеніяхъ Пушкина къ масонству, насколько можно судить по сохранившимся скуднымъ намекамъ, лежала печать ироніи. Весьма иронично его посланіе (1821 г.) главѣ кишиневской ложи, П. С. Пущину, котораго онъ величаетъ: «грядущій нашъ Квирога». Не лишено ироніи упоминаніе въ «Гробовщикѣ» о «трехъ франмасонскихъ ударахъ въ дверь», предшествовавшихъ появленію сапожника Шульца предъ гробовщикомъ Прохоровымъ. Масонскій ритуалъ, независимо, конечно, отъ идей и задачъ масонства, забавлялъ Пушкина. Современникъ разсказываетъ о комическомъ происшествіи съ кишиневскими «братьями», когда они принимали въ ложу болгарскаго архимандрита, а его простодушная паства, увидя своего духовнаго отца вводимымъ подъ руки, съ завязанными глазами, въ испугѣ бросилась отбивать его у воображаемыхъ злодѣевъ. Пушкина при этомъ не было, но скандалъ сейчасъ же сталъ ему извѣстенъ. («Русск. Арх.» 1866 г., стб. 1248—1249).

«Вотъ уже ровно годъ, какъ я оставилъ Петербургъ»,—записалъ Пушкинъ 9 мая. Это не совсѣмъ точно: Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга 6 мая 1820 г.

Дальнѣйшія строки, въ которыхъ Пушкинъ упоминаетъ объ Ипсиланти, Суццо и греческомъ войскѣ, полны захватывающаго интереса и проливаютъ свѣтъ на одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ моментовъ жизни молодого поэта. Не успѣлъ онъ обжиться въ Кишиневѣ (онъ пріѣхалъ туда 21 сентября 1820 г., а въ серединѣ ноября уже уѣхалъ въ Кіевскую губернію, къ Раевскимъ, и пробылъ тамъ до начала марта 1821 г.),—Бессарабія тѣмъ временемъ стала однимъ изъ очаговъ греческаго движенія противъ турокъ. Возстаніе въ Молдавіи и Валахіи длилось почти весь 1821 г., отъ февраля до октября; 5 марта въ Яссахъ, такъ недалеко отъ Кишинева, вспыхнула рѣзня, а 11 марта греческій патріотъ князь Александръ Ипсиланти во главѣ дружины повстанцевъ перешелъ Прутъ и поднялъ знамя возстанія. Пушкинъ взглянулъ на разгоравшееся національное греческое движеніе глазами истиннаго «либералиста». Отважный шагъ Ипсиланти изумилъ всѣхъ: силы борющихся сторонъ были слишкомъ неравны, и дѣло повстанцевъ казалось заранѣе проиграннымъ. Но Пушкинъ вѣрилъ въ ихъ успѣхъ и страстно желалъ имъ его. «Вечеръ провелъ у N. G.,—читаемъ въ его дневникѣ подъ 2 апрѣля.—Говорили объ А. Ипсиланти: между пятью греками я одинъ говорилъ какъ грекъ; всѣ отчаивались въ успѣхѣ предпріятія этеріи. Я твердо увѣренъ, что Греція восторжествуетъ, и 2.500.000 турковъ оставятъ цвѣтущую страну Эллады законнымъ наслѣдникамъ Гомера и Ѳемистокла». Около того же времени онъ писалъ одному изъ друзей: «восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени; всѣ мысли устремлены къ одному предмету—на независимость древняго отечества. Въ Одессахъ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища: въ лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ — вездѣ собирались толпы грековъ; всѣ продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили объ Леонидѣ, объ Ѳемистоклѣ, всѣ шли въ войско счастливца Ипсиланти...» Этотъ восторгъ передавался молодому поэту-энтузіасту. Онъ жадно слѣдилъ за перипетіями борьбы и даже записывалъ свои свѣдѣнія о ходѣ событій и впечатлѣнія, которыя они на него производили (см. «Notice sur la révolution d'Ipsylanti»).

Нетрудно догадаться, о чемъ Пушкинъ, знакомый со всѣми братьями Ипсиланти, бесѣдовалъ съ княземъ Димитріемъ, адъютантомъ генерала Н. Н. Раевскаго, въ семьѣ котораго Пушкинъ былъ принятъ какъ свой, о чемъ писалъ онъ самому вождю возстанія и зачѣмъ ходилъ къ господарю, князю Михаилу Суццо. Свободолюбиваго и пылкаго поэта увлекала борьба, начатая подъ знаменемъ освобожденія угнетеннаго народа отъ вражескаго ига; манила его и самая обстановка войны. Въ августѣ 1821 г. на далекій сѣверъ до М. П. Погодина и Ѳ. И. Тютчева дошелъ слухъ, что Пушкинъ бѣжалъ изъ Бессарабіи къ возставшимъ грекамъ («Русс. Архивъ» 1903 г., III, 486). Погодинъ сообщалъ объ этомъ В. Д. Корнильеву (И. П. Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», I, 109). Весьма характерно, что нѣсколько лѣтъ спустя, когда Пушкинъ жилъ въ Михайловскомъ и подумывалъ о побѣгѣ за границу, его пріятель П. А. Плетневъ догадывался, не собирается ли онъ бѣжать въ Грецію («Пушкинъ и его современники», VIII, 86). Предположеніе, что Пушкинъ дѣйствительно намѣревался вступить въ греческое войско и принять участіе въ возстаніи, далеко не невѣроятно. Можно думать, что исполненію этого плана помѣшали сами гетеристы; въ ихъ разсчеты не входило впутывать въ свое дѣло человѣка, на котораго смотрѣло какъ на подозрительнаго русское правительство, а ссориться съ послѣднимъ имъ было крайне невыгодно, такъ какъ они нуждались въ его покровительствѣ, которое первоначально было имъ почти обѣщано.

Но Пушкинъ утѣшался мыслью, что все-таки увидитъ войну съ турками. Ходили одно время слухи, что съ Турціей будетъ воевать сама Россія. Пока что, Пушкинъ жилъ впечатлѣніями текущаго дня. „Въ нашей Бессарабіи въ впечатлѣніяхъ недостатку нѣтъ; здѣсь такая каша, что хуже овсянаго киселя",—весело писалъ онъ А. И. Тургеневу 7 мая. Надежда увидѣть войну не покидала его, и хотя ссылка была ему тяжела, онъ просилъ: „если есть надежда на войну, ради Христа оставьте меня въ Бессарабіи" (письмо къ С. И. Тургеневу 21 августа; см. примѣч. къ № 278).

Но эти надежды не сбылись... Россія за грековъ не заступилась открыто, ограничившись лишь небольшой косвенной помощью. Скоро Пушкина оставило его восторженное сочувствіе этому народу, въ которомъ онъ при ближайшемъ знакомствѣ горько разочаровался,—по героическія усилія Александра Ипсиланти онъ высоко цѣнилъ и всегда защищалъ его.

Барановъ, о которомъ Пушкинъ говоритъ съ такой похвалою, былъ таврическимъ губернаторомъ. Пушкинъ посѣтилъ его въ сентябрѣ 1820 г. въ Симферополѣ и прямо отъ него, больной лихорадкой, отправился въ Бессарабію, о чемъ Барановъ писалъ общимъ друзьямъ—братьямъ Тургеневымъ („Остафьевск. архивъ" II, 99). Александръ Николаевичъ Барановъ былъ человѣкъ дѣйствительно недюжинный (О немъ см. А. М. Фадѣевъ, „Воспоминанія", ч. I, Одесса, 1897, стр. 65).

26 мая было днемъ рожденія Пушкина, и, можетъ быть, этимъ обстоятельствомъ объясняются посѣщенія, о которыхъ записалъ Пушкинъ. Имена двухъ его посѣтителей памятны по отношеніямъ къ нимъ Пушкина, посвятившаго имъ свои стихотворенія. Имя третьяго, Пестеля, руководителя тайнаго общества, и помимо Пушкина слишкомъ хорошо знакомо русской исторіи.

Когда познакомился Пушкинъ съ П. И. Пестелемъ,—неизвѣстно. Въ 1821 г. Пестель былъ командированъ въ Бессарабію, чтобы собрать свѣдѣнія и представить правительству отчетъ о причинахъ и организаціи греческаго движенія. Подъ 9 мая въ дневникѣ Пушкина имѣется такая запись: „Утро провелъ я съ Пестелемъ; умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова. Mon coeur est matérialiste,—говоритъ онъ:—mais ma raison s'y refuse. Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю". Пушкину Пестель не пришелся по душѣ. „Когда Пушкинъ,—передаетъ И. П. Липранди,—въ первый разъ увидѣлъ Пестеля, то, разсказывая о немъ, говорилъ, что онъ ему не нравится, и, несмотря на его умъ, который онъ искалъ высказывать философическими сентенціями, никогда бы съ нимъ не могъ сблизиться" („Рус. Архивъ 1866 г., ст. 1258). Пушкинъ вѣрно понялъ сущность Пестеля: много ума, но мало сердца; декабристъ Н. В. Басаргинъ говоритъ, и это мнѣніе подтверждается множествомъ другихъ показаній, что Пестель „отличался рѣдкимъ даромъ слова, увлекательно дѣйствовавшимъ на того, кому онъ довѣрялъ свои задушевныя мысли" (сборникъ „Девятнадцатый вѣкъ", кн. I, стр. 315),—но Пушкинъ этому вліянію не поддался. Къ тому же, на Пестеля Пушкинъ смотрѣлъ неблагожелательно, видя въ немъ врага боровшихся за свою свободу грековъ (см. дневникъ Пушкина, 1833 г.—т. V настоящ. изд., стр. 438).

Съ посѣщеніемъ острога связанъ одинъ разсказъ поэта, записанный слышавшимъ его Н. И. Куликовымъ („Русск. Стар." 1881 г., августъ, 613—614). «Съ позволенія начальства Пушкинъ часто ходилъ разговаривать съ арестантами, разспрашивать объ ихъ удальствѣ. Всѣ они охотно другъ передъ другомъ старались занимать его своими похожденіями; особенно главный, первостатейный каторжникъ, всѣми уважаемый, до того полюбилъ сочинителя, что однажды вечеромъ сказалъ ему:

— Ну, Пушкинъ, прощай... ужъ завтра не найдешь меня здѣсь.

— На Владимірку?

— На всѣ четыре!

— Какъ такъ?

— А такъ: клѣтка надломлена, настанетъ ночь, а мы—ночныя птицы и вольныя! Прощай, братъ сочинитель (?).

«При такой дружеской откровенности,—продолжалъ Пушкинъ,—я ни на минуту не допустилъ мысли о доносѣ, пошелъ домой, поработалъ и легъ спать».

„Ночью барабанъ бьетъ тревогу! Я, надѣвъ архалукъ, сбѣжалъ съ горы въ крѣпость... изъ воротъ команда бѣжитъ во всѣ стороны съ крикомъ: лови, лови! Я вбѣгаю въ ворота... какая картина поражаетъ меня: барабанщикъ, мальчикъ 16 или 17 лѣтъ, бьетъ азартно тревогу, а у него по лицу струится кровь, и глазъ, вырванный изъ своей орбиты—виситъ на щекѣ. Этотъ молодецъ ночью зачѣмъ-то вышелъ на воздухъ и, увидя, что какія-то тѣни мелькаютъ по стѣнѣ, схватилъ барабанъ и забилъ тревогу... въ эту-то минуту одинъ изъ бѣглецовъ, пробѣгая мимо, ударилъ его ножомъ въ глазъ! Многихъ переловили, а мой другъ убѣжалъ. Но этого героя-барабанщика я не могу забыть!»

Кишиневская тюрьма, конечно, дала свою долю впечатлѣній для „Братьевъ разбойниковъ" и „Узника", въ которомъ такъ прекрасно выражена тоска по свободѣ:

Мы—вольныя птицы: пора, братъ, пора!..

Кому принадлежало сопровождаемое „notabene" имя Тарасъ Кириловъ,—неизвѣстно; быть-можетъ, кому-нибудь изъ обитателей острога.

Крупенскіе, у которыхъ Пушкинъ провелъ отмѣченный въ дневникѣ вечеръ,—семья вице-губернатора Матвѣя Егоровича Крупенскаго, полугрека, полу-молдаванина. Онъ жилъ открытымъ домомъ, былъ большой хлѣбосолъ; за карточнымъ столомъ у него собиралось много народу. Пушкинъ любилъ заходить къ Крупенскимъ по вечерамъ (П. И. Бартеневъ и И. П. Липранди въ „Русск. Арх." 1866 г., ст. 1125, 1226, 1227, 1235, 1236, 1238, 1239).

1037. [П. С. ПУЩИНУ.]

Въ дыму, въ крови, сквозь тучи стрѣлъ
Теперь твоя дорога:
Но ты предвидишь свой удѣлъ—
Грядущій нашъ Квирога!..

Первый стихъ извѣстной пьесы (см. т. II настоящ. изд., стр. 78) уже приводился у насъ (ib., 580), а остальные три напечатаны въ III т. академич. изд. Сочин. Пушкина, стр. 38; ib., примѣч., 480, приведены нѣсколько словъ черновой редакціи, сохранившихся на оборотѣ одного прозаическаго наброска. Antonio Quiroga (1784—1841), именемъ котораго насмѣшливо называетъ Пушкинъ генерала Пущина,—извѣстный испанскій революціонеръ; онъ былъ особенно популяренъ въ 1820—1821 гг.

1038. [ОКОНЧАНІЕ ПОСЛАНІЯ «НЕДАВНО Я ВЪ ЧАСЫ СВОБОДЫ»...]

И вдругъ растрепанную тѣнь
Я вижу прямо предъ собою:
Пьяна — какъ въ самой смерти день,
Столбомъ усы, виски горою,
Жестокой ментикъ за спиною,
И киверъ звѣрски на бекрень...

Эти послѣднія строки извѣстнаго (см. въ т. II настоящ. изд., стр. 67) посланія къ Д. В. Давыдову впервые появились въ III т. академич. изд. Сочин. Пушкина, стр. 98, съ чернового автографа, находящагося въ принадлежащемъ академіи наукъ майковскомъ собраніи рукописей Пушкина. «Растрепанная тѣнь»—тѣнь А. П. Бурцова, которою грозитъ Давыдову Пушкинъ; поэтъ изобразилъ ее залихватскими «давыдовскими» чертами.

1039. [ТѢСНИТСЯ СРЕДЬ ТОЛПЫ ЕВРЕЙ СРЕБРОЛЮБИВЫЙ...]

Тѣснится средь толпы Еврей сребролюбивый,
[Черкесъ], Кавказа дикій властелинъ,
Болтливый Грекъ, и Турокъ молчаливый,
И важный Персъ, и хитрый Армянинъ...

Набросокъ находится въ кишиневской тетради, Румянцевск. муз., № 2365, л. 26 об., и относится, судя по положенію среди другихъ черновиковъ, къ 1821 г. Въ первомъ стихѣ «сребролюбивый еврей» первоначально былъ названъ «трудолюбивымъ»; пятый стихъ не поддается разбору; о текстѣ см. «Руск. Стар.», 1884, апр., 91. Напечатанъ въ «Руск. Арх.», 1881, I, 447, подъ заглавіемъ: «Изъ набросковъ о Кишиневѣ». По мнѣнію П. О. Морозова, сближающаго набросокъ съ другимъ: «Я видѣлъ Азіи безплодные предѣлы»... (см. т. II, настоящ. изд., стр. 16), здѣсь рѣчь идетъ о Кавказѣ (академич. изд. Сочин. Пушкина, III, примѣч.. 186). Столь живую и разнообразную толпу Пушкинъ могъ тогда наблюдать только въ Кишиневѣ (см.. напр., воспоминанія А. Ѳ. Вельтмана — сб. Л. Н. Майкова «Пушкинъ», стр. 117—118).

1040. [ГРЕЧАНКА ВѢРНАЯ! НЕ ПЛАЧЬ...]

Гречанка вѣрная! не плачь. Онъ палъ героемъ,
Свинецъ врага въ его вонзился грудь.
Не плачь. Не ты ль ему сама предъ первымъ боемъ
Назначила кровавой чести путь!..
Тогда тяжелую предчувствуя [разлуку],
[Супругъ тебѣ простеръ] торжественную руку,
Младенца своего въ слезахъ благословилъ.
Но знамя черное свободой возшумѣло.
Какъ Аристогитонъ, онъ миртомъ мечъ обвилъ...

Съ автографа, находящагося въ Парижѣ у А. Ѳ. Отто (Онѣгина) первые три стиха были напечатаны въ «Пушк. и его соврем.», XII, 21, а весь набросокъ—въ III т. академич. изд. Соч. Пушкина, прим., 189 — 190. Конецъ исчерканъ. Герой бросился въ сѣчу и погибъ. По содержанію рукописи, гдѣ находится набросокъ, онъ датируется 1821—1822 гг. Пушкину пьеса внушена его тогдашнимъ «филэллинскимъ» настроеніемъ, а содержаніе ея, вѣроятно, навѣяно, знаменитымъ прощаніемъ Гектора съ Андромахой.

1041. [ОТРЫВОКЪ.]

Дай, Никита, мнѣ одѣться:
Въ митрополіи звонятъ...

Эти два стиха изъ «какого-то шуточнаго стихотворенія», сохраненные «памятью кишиневскихъ пріятелей» Пушкина (П. И. Бартеневъ, «П—нъ въ Южной Россіи»—«Русс. Архивъ» 1866, ст. 1129), относятся къ слугѣ поэта Никитѣ, данному ему родителями при его высылкѣ на югъ (ibid., 1099). «Это значило,—поясняетъ Бартеневъ,—пора идти къ обѣднѣ». Митрополія (это названіе сохранилось до сихъ поръ)—церковь при кишиневскомъ архіерейскомъ домѣ, въ которомъ жилъ (и при Пушкинѣ, въ 1821 г., умеръ) митрополитъ Гавріилъ Банулеско-Бодони. Приблизительная дата 1821—1822 гг., когда ссыльный поэтъ сталъ почти гражданиномъ Кишинева.

1042. [О «КАВКАЗСКОМЪ ПЛѢННИКѢ».]

Мой плѣнникъ вовсе не любезенъ —
Онъ хладенъ, (скученъ), безполезенъ—
Все такъ—но плѣнникъ мой не я.
Напрасно * славилъ,
Дидло плясать его заставилъ.
Мой пл[ѣнникъ] слѣдст[венно] не я.

Съ автографа, находящагося въ академіи наукъ, въ майковскомъ собраніи бумагъ Пушкина (см. «Пушк. и его соврем.» IV, 20), набросокъ напечатанъ въ академич. изданіи Сочин. Пушкина, III, примѣч., 364. «Мой плѣнникъ»—«Кавказскій Плѣнникъ». В. П. Горчакову, въ отвѣтъ на его замѣчанія по поводу поэмы, Пушкинъ писалъ: «зачѣмъ не утопился мой Плѣнникъ вслѣдъ за Черкешенкой? Какъ человѣкъ, онъ поступилъ очень благоразумно, но въ героѣ поэмы не благоразумія требуется. Характеръ Плѣнника неудаченъ; это доказываетъ, что я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія»... (см. т. V настоящ. изд., пис. № 26). О характерѣ Плѣнника въ черновикѣ письма къ Гнѣдичу 29 апрѣля 1822 г. (ibid., № 30) Пушкинъ говоритъ: «его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости горцевъ и къ прелестямъ кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны, но что тутъ трогательнаго?.. Вы видите, что отеческая нѣжность не ослѣпляетъ меня насчетъ К. П.». То же самое объяснялъ онъ Вяземскому въ письмѣ 6 февраля 1823 г. (ibid., № 50): «ты говоришь, что онъ сукинъ сынъ за то, что не горюетъ о черкешенкѣ,—но что говорить ему: «все понялъ онъ» выражаетъ все... Мой плѣнникъ умный человѣкъ, разсудительный»...

(см. въ настоящ. изд. примѣч. № 257; «Труды и дни П—на», изд. 2-е, стр. 477). Дидло извлекъ изъ поэмы либретто балета «Кавказскій Плѣнникъ, или тѣнь невѣсты», первое представленіе котораго состоялось въ Петербургѣ 15 января 1823 г., второе—15 февраля (П. Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра», СПб., 1861, стр. 336, 337). Набросокъ можно приблизительно отнести къ первой половинѣ 1823 г. Вскорѣ, въ первой главѣ «Онѣгина», Пушкинъ предостерегъ читателя отъ смѣшенія героя съ авторомъ: «Какъ будто намъ ужъ невозможно писать поэмы о другомъ, какъ только о себѣ самомъ»...

1043. [ПЕРЕВОДЪ НАЧАЛА «ГЯУРА» БАЙРОНА.]

TRADUCTION LITTERALE.

Pas un souffle d'air pour briser ce flot qui, roule sur la grève d'Athènes; près de cette tombe élevée sur le rocher (стремнина) sur cette terre qu'il sauva en vain premier objet que salue le vaisseau qui s'en revient: quand revivra un tel héros?

. . . . . .

Doux climat! où chaque saison sourit doucement sur ces îles benies qui vues des hauteur[s] de Golonna enchantent le coeur, qui rejouit l'oeil et le plonge dans une contemplation rêveuse.

Lá la surface riante de l'Ocean réflecte...

Въ той же рукописи, гдѣ находится набросокъ «Гречанка вѣрная»..., записанъ этотъ опытъ буквальнаго перевода начала «Гяура», которое Пушкинъ собирался переводить на русскіе стихи; (см. «Пушк. и его соврем.», XII, 21; напечат. въ III т. академич. изд. Соч. Пушкина, примѣч., 190—191). Французскій языкъ былъ Пушкину обиходно ближе, и онъ сперва точно передалъ начало поэмы по-французски; англійскій онъ зналъ еще, повидимому, слабо: «Athenian's grave» («гробница Аѳинянина» — Ѳемистокла) онъ перевелъ «la grève d'Athènes» (Аѳинскій берегъ»). Тутъ же слѣдуютъ нѣсколько исчерканныхъ и зачеркнутыхъ строкъ неудачно начатаго и брошеннаго русскаго стихотворнаго переложенія. — Есть у Пушкина еще образчикъ подобной работы: «O thou, vast ever sonding sea— O toi vaste océan, toujours звучащее море»... («Пушк. и его соврем.» XII, 18).

1044. [НЕ ДАРОМЪ ТЫ КО МНѢ ВОЗЗВАЛЪ...]

Не даромъ ты ко мнѣ воззвалъ
Изъ глубины глухой темницы...

Набросокъ находится въ хранящейся въ Имп. Публичной Библіотекѣ записной книжкѣ, которою пользовался Пушкинъ на югѣ въ 1820—1822 гг., и впервые напечатанъ въ III т. академич. изд. Сочин. Пушкина, примѣч., стр. 186. Не относится ли онъ къ В. Ѳ. Раевскому, арестованному въ 1822 г.? Сидя въ Тираспольской крѣпости, Раевскій поручилъ передать Пушкину, что пишетъ ему посланіе («Русск. Арх.», 1866, ст. 1449—1450).

1045. [НАБРОСОКЪ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.]

Жуковскій святой
Парнаса чудотворецъ —
царедворецъ —
Крыловъ разбитъ параличемъ —

Съ автографа, находящагося въ 2369-ой тетради Румянцевскаго музея, л. 40 об., набросокъ впервые напечатанъ въ «Русск. Архивѣ» 1881 г., I, 231 (см. также «Русс. Стар.» 1884, іюнь, 567). Набросокъ, записанный внизу страницы, гдѣ черновикъ письма къ А. И. Тургеневу 1 декабря 1823 г., можно датировать приблизительно декабремъ 1823 г. Эпитеты: «святой», «Парнаса чудотворецъ» и «царедворецъ» слѣдуетъ относить къ Жуковскому; въ томъ же письмѣ Пушкинъ говоритъ: «Жуковскому грѣхъ,—чѣмъ я хуже принцессы Шарлотты, что онъ мнѣ ни строчки въ три года не напишетъ?» Повидимому, Пушкинъ намѣренъ былъ сатирически освѣтить тогдашнее состояніе русской литературы. По своему обыкновенію Пушкинъ спѣшилъ записать «приходившія къ нему», по его выраженію, риѳмы (см. объ этомъ у В. Е. Якушкина—«Русс. Стар.» 1884, февр., 421). К. А. Полевой (Записки, СПб., 1888, стр. 199) наблюдалъ, какъ онъ «за нѣсколько строкъ уже готовилъ созвучіе и находилъ прямое выраженіе, незамѣнимое другимъ».

1046. [ОТВѢТЪ Ф. Ф. ВИГЕЛЮ.]

Скучной ролью Телемака
Я наскучилъ, о друзья!
О Москва, Москва-Итака!
Скоро ли тебя увижу я?

«Въ Кишиневѣ жила одна гречанка Калипсо, коей блистательныя очи воспламенили поэтическое сердце Пушкина, находившагося тогда въ ссылкѣ. Въ 1824 году одинъ хорошій знакомый его изъ Кишинева писалъ къ нему въ Одессу и именемъ этой Калипсо умолялъ его посѣтить мѣсто его жительства, въ шутку называя его странствователемъ-Телемакомъ. Въ отвѣтъ вотъ что, между прочимъ, сказалъ онъ ему стихами... Онъ Москвы не зналъ, выросъ въ Царскомъ Селѣ, жилъ въ Петербургѣ и сосланъ былъ въ Южную Россію; но, въ душѣ патріотъ, одну Москву почиталъ отчизной» (Ф. Ф. Вигель, «Москва и Петербургъ» – «Русс. Арх.» 1893, II, 576). Въ своихъ запискахъ (ч. VI, М., 1892, стр. 152) Вигель разсказываетъ: «Я писалъ къ Пушкину, что непростительно ему будетъ, если онъ не пріѣдетъ потѣшить старика (Инзова), умолялъ его именемъ всѣхъ женщинъ, которыхъ любилъ онъ въ Кишиневѣ, навѣстить насъ. И онъ въ половинѣ марта пріѣхалъ»... Далѣе Вигель передаетъ, что въ этотъ пріѣздъ Пушкинъ познакомилъ его съ Калипсо. Разсказъ относится къ 1824 г. Съ 25 декабря 1823 г. до 24 января 1824 г. Вигель былъ въ Одессѣ (ibid., 119, 139) и видался здѣсь съ Пушкинымъ. Приглашеніе пріѣхать въ Кишиневъ, такимъ образомъ, должно быть датировано февралемъ—началомъ марта. Къ тому же времени относится, конечно, и отвѣтъ Пушкина, который (Пушкинъ не

говорилъ экспромптовъ) «сказалъ» Вигелю свою шутку въ письменной формѣ. Вигель, статья котораго «Москва и Петербургъ» была написана въ 1853 г., передалъ стихи Пушкина, конечно, по памяти и не точно. На сравненіе Пушкина съ Телемакомъ Вигеля натолкнуло, вѣроятно, знакомство поэта съ Калипсо (о ней см. примѣч. къ № 341). О своемъ намѣреніи пріѣхать въ Москву Пушкинъ писалъ съ юга Вяземскому (см. письма №№ 50, 51).

1047. [СЛОВЕСНОСТЬ РУССКАЯ БОЛЬНА...]

Словесность русская больна:
Лежитъ въ истерикѣ она
И бредитъ языкомъ мечтаній,
И, хладный между тѣмъ зоилъ,
Ей Каченовскій застудилъ
Теченье мѣсячныхъ изданій...

По фотографіи (изъ собранія С. А. Венгерова) чернового наброска, находящагося въ тетради Румянцевскаго музея № 2370, л. 64 об., эпиграмма впервые была напечатана, П. О. Морозовымъ въ «Юбилейномъ сборникѣ литературнаго фонда (1859—1909)», СПб., 1910, стр. 378. Первоначально она начиналась, повидимому, такъ:

Припадками болѣзни женской
Словесность русская больна...

Послѣдній стихъ въ подлинникѣ подчеркнутъ. Эпиграмма написана внизу страницы, гдѣ находится XIV строфа 4-ой главы «Онѣгина», конечно, позднѣе этой строфы, но установить ея хронологію съ точностью, тѣмъ не менѣе, невозможно, и датировать ее приходится приблизительно 1825—1826 годами. Она касается современнаго направленія русской литературы, тогда еще ultra-романтическаго; попутно Пушкинъ слегка задѣлъ своего постояннаго литературнаго противника М. Т. Каченовскаго.

1048. «НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ ЧЕТВЕРОСТИШІЯ».

1.

РАВНОВѢСІЕ.

О, мирный селянинъ! Въ твоемъ жилищѣ нѣтъ
Ни злата, ни сребра, но ты счастливъ стократно:
Съ любовью, съ дружбой ты проводишь дни пріятно,
А въ городѣ и шумъ, и пыль, и стукъ каретъ!

2.

ВѢРНОЕ ПРЕДСКАЗАНІЕ.

Пройдетъ ли мой недугъ? — левъ у осла спросилъ.
Оселъ отвѣтствовалъ: о царь, сильнѣйшій въ мірѣ!
Когда ты не умрешь, то будешь живъ, какъ былъ:
Два раза два—четыре.

3.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПОСЛОВИЦЫ.

Одна свѣча избу лишь слабо освѣщала;
Зажгли другую,—что жъ? изба свѣтлѣе стала.
Правдивы древняго реченія слова:
Умъ хорошо, а лучше два.

4.

МСТИТЕЛЬНОСТЬ.

Пчела ужалила медвѣдя въ лобъ,
Она за соты мстить обидчику желала!
Но что же? Умерла сама, лишившись жала.
Какой удѣлъ того, кто жаждетъ мести?— Гробъ.

5.

НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ.

— Познай, свѣтлѣйшій левъ, смятенія вину,—
Рекъ слонъ: — въ народѣ бунтъ! повсюду шумъ и клики!—
«Смирятся,—левъ сказалъ,—лишь гривой я тряхну».
Опасность не страшна для мощнаго владыки.

6.

СИЛА и СЛАБОСТЬ.

Орелъ бьетъ сокола, а соколъ бьетъ гусей;
Страшатся щуки крокодила;
Отъ тигра гибнетъ волкъ, а кошка ѣстъ мышей.
Всегда имѣетъ верхъ надъ слабостію сила.

7.

ЛЕБЕДЬ и ГУСЬ.

Надъ лебедемъ желая посмѣяться,
Гусь тиною его однажды замаралъ;
Но лебедь вымылся и снова бѣлымъ сталъ.
Что дѣлать, если кто замаранъ?... Умываться.

8.

МАРТЫШКА.

Мартышка, съ юныхъ лѣтъ прыжки свои любя,
И дряхлая еще сквозь обручи скакала;
Что жъ вышло изъ того?—лишь ноги изломала.
Поэтъ! На старости побереги себя!

9.

ОБЩАЯ СУДЬБА.

Во ржи былъ василекъ прекрасный,
Онъ взросъ весною, лѣтомъ цвѣлъ
И, наконецъ, увялъ въ дни осени ненастной.
Вотъ смертнаго удѣлъ.

10.

БЕЗВРЕДНАЯ ССОРА.

За кость поссорились собаки,
Но, поворчавши, унялись
И по домамъ спокойно разошлись.
Бываютъ ссоры и безъ драки.

11.

ЗАКОНЪ ПРИРОДЫ.

Фіалка въ воздухѣ свой ароматъ лила,
А волкъ злодѣйствовалъ въ пасущемся народѣ;
Онъ кровожаденъ былъ, фіалочка—мила:
Всякъ слѣдуетъ своей природѣ.

Къ числу продуктовъ коллективнаго творчества, которому иногда предавался Пушкинъ подъ веселую руку (см. въ т. V настоящ. изд., стр. XLIX), еще никѣмъ не отмѣченныхъ, принадлежитъ рядъ юмористическихъ пьесокъ, пародій на апологи И. И. Дмитріева. Подъ заглавіемъ «Нравоучительныя четверостишія» онѣ печатаются въ сборникахъ стихотвореній Н. М. Языкова. «По свидѣтельству А. Н. Вульфа» — говоритъ М. И. Семевскій («Н. М. Языковъ» — «Русск. Арх.» 1867 г., стр. 741) — «пародіи эти сочинены были среди шутокъ Языковымъ *вмѣстѣ съ Пушкинымъ* въ бытность ихъ обоихъ лѣтомъ 1826 г. въ Тригорскомъ». Вульфъ—вообще одинъ изъ достовѣрнѣйшихъ свидѣтелей о Пушкинѣ; къ тому же, онъ въ это лѣто былъ неразлученъ съ обоими поэтами; о томъ, какъ проводили время всѣ трое, вспоминаетъ Языковъ въ посланіяхъ къ Вульфу и къ нянѣ Пушкина. Лѣтомъ 1826 г. Языковъ провелъ недѣль шесть въ Тригорскомъ и часто видался съ Пушкинымъ. Это «божественное лѣто» Языковъ впослѣдствіи вспоминалъ, «какъ драгоцѣнность», и однимъ изъ памятниковъ его остались «Нравоучительныя четверостишія». Всѣхъ ихъ двѣнадцать. Трудно указать съ точностью, что именно принадлежитъ Пушкину, что Языкову. По крайней мѣрѣ, одна изъ пародій, и самая неудачная («Удѣлъ генія»), написана безъ участія Пушкина, которому Языковъ сообщилъ ее вскорѣ послѣ того, какъ они разстались, въ письмѣ 19 августа 1826 г. (Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1889 г., 43 — 44; «Русс. Стар.» 1903, мартъ, 483—484). Посылая Пушкину этотъ «апологъ», Языковъ спрашивалъ: «хорошъ ли?» Очевидно, это была попытка самостоятельно продолжать вышучиваніе мудрыхъ сентенцій почтеннаго И. И. Дмитріева, бывшее недавно общею забавой обоихъ поэтовъ.

Участіе Пушкина въ составленіи этихъ пародій было, конечно, значительнѣе доли, вложенной Языковымъ, и, несомнѣнно, Пушкинъ увлекалъ Языкова. Въ творчествѣ Языкова литературная пародія была случайностью, кажется единственной; Пушкинъ, съ его болѣе развитымъ чувствомъ юмора и сатирической жилкой, оставилъ намъ немало опытовъ литературнаго «пересмѣшничества». Ex ungue leonem... Въ этихъ остроумныхъ шуткахъ, съ виду такихъ добродушныхъ, чувствуются пушкинскіе когти, мстившіе дешевому морализму степеннаго резонера. Форма, тонъ—все пародировано съ тонкимъ юморомъ въ этой прутковщинѣ двадцатыхъ годовъ. Приводимъ всѣ четверостишія, написанныя обоими поэтами вмѣстѣ. Ихъ нельзя совсѣмъ отнять у Языкова, но пушкинскаго въ нихъ гораздо больше, чѣмъ языковскаго, и, наряду съ приведенными выше примѣрами коллективнаго авторства, имъ принадлежитъ свое мѣсто въ собраніяхъ произведеній Пушкина—не ради одной только формальной полноты. У Пушкина есть еще нѣсколько образцовъ злой и остроумной литературной пародіи,—напримѣръ, «Послушай, дѣдушка» (см. № 167), «Ода его сіятельству графу Д. И. Хвостову» (№ 416), посланіе къ Эгельстрому (№ 549).

Мораль «Вѣрнаго предсказанія» — вполнѣ въ духѣ сентенцій Дмитріева: «Спокойно жизни путь свершаетъ добродѣтель»...; «Кто любитъ помогать, тотъ всякому сродни»...; «Что въ пользу, то не тяжело»... и т. под. «Мстительность» напоминаетъ «Мщеніе пчелы» Дмитріева:

Обиду мстя, пчела
Въ обидчика вонзила жало.
— И возгордилася?—Ни мало:
На язвѣ умерла.

«Мартышка» точно пародируетъ «Чадолюбивую мать» Дмитріева:

Мартышка, съ нѣжностью дитя свое любя,
Безъ отдыха его ласкала, тормошила;
И что же? наконецъ, въ объятьяхъ задушила.—
Мать слабая! Поэтъ! Остереги себя.

Эта пародія должна была особенно задѣть стараго баснописца. «Законъ природы» приводитъ на память сладенькіе стишки аполога «Репейникъ и Фіалка»:

«Между репейникомъ и розовымъ кустомъ
«Фіалочка себя отъ зависти скрывала...»

1049. КАКЪ ОБЛАКА НА НЕБѢ...

Какъ облака на небѣ,
Такъ мысли въ насъ мѣняютъ легкій образъ;
Что любимъ днесь, то завтра ненавидимъ...

Съ автографа (2378-ая тетрадь Румянцевскаго музея, л. 1) эти строки впервые напечатаны В. Е. Якушкинымъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., ноябрь, 335, какъ одинъ изъ эпиграфовъ, приготовленныхъ для «Арапа Петра Великаго». Есть основанія считать ихъ принадлежащими самому Пушкину. Подобная мысль была имъ выражена въ «Борисѣ Годуновѣ»:

только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
Ужъ охладѣвъ скучаемъ и томимся...

Пушкинъ могъ взять эпиграфомъ и свои собственные стихи. Ближайшій примѣръ—четверостишіе изъ «Руслана и Людмилы», поставленное имъ въ началѣ четвертой главы «Арапа Петра Великаго». И по мысли, и по формѣ эти величавые три стиха достойны Пушкина. (См.« П—нъ и его современники», XVI, 36, 38).

1050. УЕДИНЕННЫЙ ДОМИКЪ НА ВАСИЛЬЕВСКОМЪ.

ПОВѢСТЬ.

(Въ пересказѣ В. П. Титова).

Кому случалось гулять кругомъ всего Васильевскаго острова, тотъ безъ сомнѣнія замѣтилъ, что разные концы его весьма мало похожи другъ на друга. Возьмите южный берегъ, уставленный пышнымъ рядомъ каменныхъ, огромныхъ строеній—и сѣверную сторону, которая глядитъ на Петровскій островъ и вдается длинною косою въ сонныя воды залива. По мѣрѣ приближенія къ этой оконечности, каменныя зданія, рѣдѣя, уступаютъ мѣсто деревяннымъ хижинамъ; между сими хижинами проглядываютъ пустыри; наконецъ строеніе вовсе исчезаетъ и вы идете мимо ряда просторныхъ огородовъ, который по лѣвую сторону замыкается рощами; онъ приводитъ васъ къ послѣдней возвышенности, украшенной однимъ или двумя сиротливыми домами и нѣсколькими деревьями; ровъ, заросшій высокою крапивою и репейникомъ, отдѣляетъ возвышенность отъ вала, служащаго оплотомъ отъ разлитій; а дальше лежитъ лугъ, вязкій, какъ болото, составляющій взморье. И лѣтомъ печальны сіи мѣста пустынныя, а еще болѣе зимою, когда и лугъ, и море, и боръ, осѣняющій противоположные берега Петровскаго острова — все погребено въ сѣдые сугробы, какъ будто въ могилу.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, когда сей околотокъ былъ еще уединеннѣе, въ низкомъ, но опрятномъ домикѣ, около означенной возвышенности, жила старушка, вдова одного чиновника, служившаго не помню въ которой изъ Коллегій. Оставляя службу, онъ купилъ этотъ домикъ, вмѣстѣ съ огородомъ, и намѣренъ былъ завесть небольшое хозяйство; но кончина помѣшала исполненію дальнихъ его замысловъ; вдова вскорѣ нашла себя принужденною продать все, кромѣ дома, и жить малымъ денежнымъ достаткомъ, накопленнымъ невинными, а можетъ быть отчасти и грѣшными трудами покойнаго. Все ея семейство составляли дочь и престарѣлая служанка, бывшая въ должности горничной и вмѣстѣ кухарки. Вдалекѣ отъ свѣта, вела она тихую жизнь, которая при всемъ своемъ однообразіи казалась бы счастливою. По праздникамъ въ церковь; по буднямъ утро за работою; послѣ обѣда, мать вяжетъ чулокъ, а молодая Вѣра читаетъ ей Минею и другія священныя книги, или занимается съ нею гаданіемъ въ карты—препровожденіе времени, которое и нынѣ въ обыкновеніи у женщинъ.—Вѣра давно уже достигла того возраста, когда дѣвушки начинаютъ думать, какъ говорится въ просторѣчіи, о томъ, какъ бы пристроиться; но главную черту ея нрава составляла младенческая простота сердца; она любила мать, любила по привычкѣ свои вседневныя занятія и довольная настоящимъ, не питала въ душѣ черныхъ предчувствій на счетъ будущаго. Старушка-мать думала иначе: съ грустью помышляла она о преклонныхъ лѣтахъ своихъ, съ отчаяніемъ смотрѣла на разцвѣтшую красоту двадцатилѣтней дочери, которой въ бѣдномъ одиночествѣ не было надежды когда-либо найти супруга-покровителя. Все это иногда заставляло ее тосковать и тайно плакать; съ другими старухами, она, не знаю почему, водилась вовсе неохотно; зато ужь и старухи не слишкомъ ее жаловали; онѣ толковали, будто съ мужемъ жила она подъ конецъ дурно, утѣшать ее ходилъ подозрительный пріятель; мужъ умеръ скоропостижно и—Богъ знаетъ, чего не придумаетъ злорѣчіе.

Одиночество, въ коемъ жила Вѣра съ своей матерью, изрѣдка было развлекаемо посѣщеніями молодаго, достаточно отдаленнаго родственника, который за нѣсколько лѣтъ пріѣхалъ изъ своей деревни служить въ Петербургѣ. Мы условимся называть его Павломъ. Онъ звалъ Вѣру сестрицею, любилъ ее, какъ всякій молодой человѣкъ любитъ пригожую, любезную дѣвушку, угождалъ ея матери, у которой и былъ, какъ говорится, на примѣтѣ. Но о союзѣ съ нимъ напрасно было и думать: онъ не могъ часто навѣщать семью Васильевскаго острова. Этому мѣшали не дѣла и не служба: онъ тѣмъ и другимъ занимался довольно небрежно; жизнь его состояла изъ досуговъ почти безпрерывныхъ. Павелъ принадлежалъ къ числу тѣхъ разсудительныхъ юношей, которые терпѣть не могутъ излишества въ двухъ вещахъ: во времени и въ деньгахъ. Онъ, какъ водится, искалъ, и пріискалъ услужливыхъ товарищей, которые охотно избавляли его отъ сихъ совершенно

лишнихъ отягощеній и на его деньги помогали ему издерживать время. Картежная игра, увеселенія, ночныя прогулки — все призвано было въ помощь, и Павелъ былъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, ибо не видѣлъ, какъ утекали дни за днями и мѣсяцы за мѣсяцами. Разумѣется, не обходилось и безъ непріятностей: иногда кошелекъ опустѣетъ, иногда совѣсть проснется въ душѣ, въ видѣ раскаянія или мрачнаго предчувствія. Чтобы облегчить сіе новое бремя, онъ сперва держался обыкновенія посѣщать Вѣру. Но могъ ли онъ безъ угрызеній сравнить себя съ этой невинною, добродѣтельною дѣвушкой.—И такъ, необходимо было искать другого средства. Онъ скоро нашелъ его въ одномъ изъ своихъ соучастниковъ веселія, изъ котораго сдѣлалъ себѣ друга. Этотъ другъ, котораго Павелъ зналъ подъ именемъ Варѳоломея, часто наставлялъ его на такія проказы, какія и въ голову не пришли бы простодушному Павлу; за то онъ умѣлъ всегда и выпутать его изъ опасныхъ послѣдствій; главное же, неоспоримое право Варѳоломея на титулъ друга состояло въ томъ, что онъ въ нуждѣ снабжалъ нашего юношу припасомъ, котораго излишество тягостно, а недостатокъ еще тягостнѣе—именно деньгами. Онъ такъ легко и скоро доставалъ ихъ во всякомъ случаѣ, что Павлу на сей счетъ приходили иногда въ голову странныя подозрѣнія; онъ даже рѣшался выпытать сію тайну у самого Варѳоломея; но какъ скоро хотѣлъ приступить къ своимъ разспросамъ, сей послѣдній однимъ взглядомъ его обезоруживалъ. Притомъ: «что мнѣ за дѣло», думалъ Павелъ, «какими средствами онъ добываетъ деньги? Вѣдь я за него не пойду на каторгу... ни въ адъ!»—прибавлялъ онъ тихомолкомъ отъ своей совѣсти. Варѳоломей къ тому же имѣлъ искусство убѣждать и силу нравиться, хотя въ невольныхъ его порывахъ нерѣдко обнаруживалось жестокосердіе. Я забылъ еще сказать, что его никогда не видали въ православной церкви, но Павелъ и самъ былъ не слишкомъ богомоленъ; притомъ Варѳоломей говаривалъ, что онъ принадлежитъ не къ нашему исповѣданію. Короче, нашъ юноша наконецъ совершенно покорился вліянію избраннаго имъ друга.

Однажды, въ день воскресный, послѣ ночи, потерянной въ разсѣянности, Павелъ проснулся поздно поутру. Раскаяніе, недовѣріе, давно такъ его не мучили. Первая мысль его была итти въ церковь, гдѣ давно, давно онъ не присутствовалъ. Но взглянувъ на часы, онъ увидѣлъ, что проспалъ часъ обѣдни. Яркое солнце высоко блистало на горячемъ лѣтнемъ небосклонѣ. Онъ невольно вспомнилъ о Васильевскомъ островѣ. «Какъ виноватъ я передъ старухою»,—сказалъ онъ себѣ: «въ послѣдній разъ я былъ у ней, когда снѣгъ еще не стаялъ. Какъ весело теперь въ уединенномъ сельскомъ домикѣ. Милая Вѣра! Она меня любитъ, можетъ быть жалѣетъ, что давно не видала меня, можетъ быть...» Подумалъ и рѣшился провести день на Васильевскомъ.

Лишь только, одѣвшись, онъ вышелъ со двора, откуда ни возьмись, Варѳоломей на встрѣчу. Непріятна была встрѣча для Павла; но свернуть было некуда.

— «А я къ тебѣ, товарищъ!» закричалъ Варѳоломей издали; «хотѣлъ звать тебя, гдѣ третьяго дня были.»

— «Мнѣ сегодня некогда,» сухо отвѣчалъ Павелъ.

— «Вотъ хорошо, некогда! ты пожалуй захочешь меня увѣрить, что у тебя можетъ быть дѣло. Вздоръ! пойдемъ.»

— «Говорю тебѣ, некогда; я долженъ быть у одной родственницы,» сказалъ Павелъ, выпутывая руку свою изъ холодной руки Варѳоломея.

— «Да! да! я и забылъ объ твоей Васильевской вѣдьмѣ. Кстати, я отъ тебя слышалъ, что твоя сестрица довольно мила; скажи, пожалуй, сколько лѣтъ ей?»

— «А мнѣ почему знать? я не крестилъ ее!»

— «Я самъ никого не крестилъ отъ роду, а знаю наперечетъ и твои лѣта и всѣхъ, кто со мной за панибрата.»

— «Тѣмъ для тебя лучше, однако...»

— «Однако не въ томъ дѣло,» — прервалъ Варѳоломей: я давно хотѣлъ туда забраться съ твоей помощью. Нынче погода чудная; я радъ погулять. Веди меня съ собою.

— «Ей ей не могу,» отвѣчалъ Павелъ съ неудовольствіемъ; «онѣ не любятъ незнакомцевъ. Прощай, мнѣ нельзя терять времени.»

— «Послушай, Павелъ,»—сказалъ Варѳоломей, сердито останавливая его рукою и бросая на него тотъ взглядъ, который всегда имѣлъ на слабаго юношу неодолимое дѣйствіе.—«Я не узнаю тебя. Вчера ты скакалъ какъ сорока, а теперь надулся, какъ индѣйскій пѣтухъ. Что это значитъ? Я не въ одно мѣсто возилъ тебя изъ дружбы; потому и отъ тебя могу того же требовать.»

— «Такъ!» отвѣчалъ Павелъ въ смущеніи; «но теперь не могу исполнить этого, ибо... ибо знаю, что тебѣ тамъ будетъ скучно.»

— «Пустая отговорка; если хочу, стало не скучно. Веди меня непремѣнно; иначе ты не другъ мнѣ.»

Павелъ замялся; наконецъ, собравшись съ духомъ, сказалъ: — «Слушай, ты мнѣ другъ! Но въ этихъ случаяхъ я знаю, для тебя нѣтъ ничего святаго. Вѣра хороша, непорочна какъ ангелъ, но сердце ея просто. Даешь ли ты мнѣ честное слово не разставлять сѣтей ея невинности?»

— «Вотъ нашелъ присяжнаго волокиту,» прервалъ Варѳоломей съ какимъ-то адскимъ смѣхомъ. «И безъ нея, братъ, есть много дѣвчонокъ въ городѣ. Да что толковать долго? Честнаго слова я не дамъ: ты долженъ мнѣ вѣрить, или со мной разссориться. Вези меня съ собою, или—давай лѣвую.»

Юноша взглянулъ на грозное лицо Варѳоломея, вспомнилъ, что и честь его и самое имущество находятся во власти этого человѣка и ссора съ нимъ есть гибель; сердце его содрогнулось; онъ употребилъ еще нѣсколько слабыхъ возраженій и согласился.

Старушка отъ всей души благодарила Павла за новое знакомство; степенный, тщательно одѣтый товарищъ его крайне ей понравился; она, по своему обыкновенію, видѣла въ немъ выгоднаго женишка для своей Вѣры. Впечатлѣніе, произведенное Варѳоломеемъ на сію послѣднюю, было не столь выгодно; она робкимъ привѣтствіемъ отвѣчала на поклонъ его, и живыя ланиты ея покрылись внезапною блѣдностію. Черты Варѳоломея были знакомы Вѣрѣ. Два раза, выходя изъ храма Божія, съ душою, полною смиренными, набожными чувствами, она замѣчала его стоящимъ у каменнаго столба притвора церковнаго и устремляющимъ на нее взоръ, который пресѣкалъ всѣ набожные помыслы и какъ рана оставался у нея врѣзаннымъ въ душу. Но не любовной силою приковалъ этотъ взоръ бѣдную дѣвушку, а какимъ то страхомъ, неизъяснимымъ для нея самой. Варѳоломей былъ статенъ, имѣлъ лице правильное, но это лице не отражало души, подобно зеркалу, а подобно личинѣ, скрывало всѣ ея движенія; и на его челѣ, видимо спокойномъ, Галль вѣрно замѣтилъ бы органъ высокомѣрія, порока отвержен ныхъ.

Впрочемъ, Вѣра умѣла скрывать свое смущеніе, и едва ли кто замѣтилъ его, кромѣ Варѳоломея. Онъ завелъ разговоръ общій, и былъ любезнѣе, умнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Часы проходили непримѣтно; послѣ обѣда, предложена прогулка на взморье, по окончаніи которой всѣ воротились домой и старушка принялась за любимое свое препровожденіе вечера—гаданіе въ карты. Но сколько ни трудилась она разкладывать, какъ нарочно ничего не выходило. Варѳоломей подошелъ къ ней, оставя въ другомъ углу своего друга въ разговорѣ съ Вѣрою. Видя досаду старухи, онъ замѣтилъ ей, что по ея способу разкладыванія нельзя узнать будущаго, и карты, какъ онѣ теперь лежатъ, показываютъ прошедшее. «Ахъ, мой батюшка! да вы я вижу мастеръ; растолкуйте мнѣ, что же онѣ показываютъ?» спросила старушка съ видомъ сомнѣнія. — «А вотъ что»—отвѣчалъ онъ, и придвинувъ кресло, говорилъ долго и тихо. Что говорилъ? Богъ вѣсть, только кончилось тѣмъ, что она отъ него услышала такія тайны жизни и кончины покойнаго сожителя, которыя почитала Богу да ей одной извѣстными. Холодный потъ проступилъ на морщинахъ лица ея, сѣдые волосы стали дыбиться подъ чепцомъ; она дрожа перекрестилась. Варѳоломей поспѣшно отошелъ; онъ съ прежнею свободою вмѣшался въ разговоръ молодежи; и бесѣда вѣрно продлилась бы до полночи, если бы наши гости не поторопились, представляя, что скоро будутъ разводить мостъ и имъ придется ночевать на вольномъ воздухѣ.

Не станемъ описывать много другихъ свиданій, которыя друзья наши имѣли вмѣстѣ на Васильевскомъ въ продолженіи лѣта. Для васъ довольно знать, что въ теченіе сего времени, Варѳоломей все болѣе и болѣе вкрадывался въ довѣріе вдовы; добродушная Вѣра, которая привыкла согласоваться слѣпо съ чувствами матери, забывала по немногу непріятное впечатлѣніе, сперва произведенное незнакомцемъ; но Павелъ оставался для нея предметомъ предпочтенія нескрытнаго, и если сказать правду, такъ было за что: частыя свиданія съ молодою родственницей возъимѣли на юношу преблаготворное дѣйствіе; онъ началъ прилежнѣе заниматься службою, бросилъ многія безпутныя знакомства, словомъ захотѣлъ быть порядочнымъ человѣкомъ; съ другой стороны, безпечный его нравъ покорялся вліянію привычки, и ему изрѣдка казалось, что онъ можетъ быть счастливъ такою супругою, какъ Вѣра.

Предпочтеніе этой прелестной дѣвушки

къ товарищу, казалось, должно бы оскорбить неукротимое самолюбіе Варѳоломея; однако онъ не только не изъявлялъ неудовольствія, но обращался съ Павломъ радушнѣе, ласковѣе прежняго; Павелъ, платя ему дружествомъ искреннимъ, совершенно откинулъ всѣ сомнѣнія насчетъ замысловъ Варѳоломея, принималъ всѣ его совѣты, повѣрялъ ему всѣ тайны души своей. Однажды зашла у нихъ рѣчь о своихъ взаимныхъ достоинствахъ и слабостяхъ—что весьма обыкновенно въ дружеской бесѣдѣ на четыре глаза. «Ты знаешь, я не люблю лести», говорилъ Варѳоломей; «но откровенно скажу, другъ мой, что я замѣчаю въ тебѣ съ недавняго времени весьма выгодную перемѣну; и не одинъ я, многіе говорятъ, что въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ ты созрѣлъ больше, чѣмъ другіе созрѣваютъ въ шесть лѣтъ. Теперь недостаетъ тебѣ только одного: навыка жить въ свѣтѣ. Не шути этимъ словомъ; я самъ никогда не былъ охотникомъ до свѣта, я знаю, что онъ нуль; этотъ нуль десятеритъ достоинство единицы. Предвижу твое возраженіе: ты думаешь жениться на Вѣрѣ»... (при этихъ словахъ Варѳоломей остановился на минуту, какъ бы забывшись)... «ты думаешь на ней жениться», продолжалъ онъ, «и ничего не хочешь знать, кромѣ счастія семейнаго да любви будущей супруги. То-то и есть: вы, молодежь, воображаете, что обвѣнчался, такъ и балъ конченъ; анъ только начинается. Помни ты мое слово—поживешь съ женою годъ, опять вспомнишь объ людяхъ; но тогда ужъ будетъ труднѣе втереться въ общество. Притомъ люди необходимы, особливо человѣку семейному: у насъ безъ покровителей и правды не добудешь.—Можетъ быть еще тебя стращаетъ громкое имя: большой свѣтъ? Успокойся: это манежная лошадь; она очень смирна, но кажется опасною потому, что у нея есть эти привычки, къ которымъ надо примѣниться. Да къ чему тратить слова по пустому. Лучше провѣрь ихъ истину на опытѣ. Послѣ завтра вечеръ у графини И...; ты имѣешь случай туда ѣхать. Я вчера у нея былъ, говорили объ тебѣ, и она сказала, что желаетъ видѣть твою безцѣнную особу».

Сіи слова, подобно яду, имѣющему силу переворотить внутренность, превратили всѣ его прежніе замыслы и желанія юноши; никогда не бывалый въ большомъ свѣтѣ, онъ рѣшился пуститься въ этотъ вихрь, и въ условленный вечеръ, его увидѣли въ гостинной Графини. Домъ ея стоялъ въ не очень шумной улицѣ и снаружи не представлялъ ничего отличнаго; но внутри—богатое убранство, освѣщеніе. Варѳоломей уже заранѣе увѣдомилъ Павла, что на первой взглядъ иное покажется ему страннымъ: ибо Графиня недавно пріѣхала изъ чужихъ краевъ, живетъ на тамошній ладъ и принимаетъ къ себѣ общество небольшое, но за то лучшее въ городѣ. Они застали нѣсколькихъ пожилыхъ людей, которые отличались высокими париками, шароварами огромной ширины, и не скидали перчатокъ во весь вечеръ. Это не совсѣмъ согласовалось съ тогдашними модами средняго петербургскаго общества, которыя однѣ были извѣстны Павлу, но Павелъ уже положилъ себѣ за правило не удивляться ничему, да и когда ему было замѣтить сіи мелочи? его вниманіемъ овладѣла хозяйка совершенно. Вообразите себѣ женщину знатную, въ пышномъ цвѣтѣ юности, одаренную всѣми прелестями какими природа и искусство могутъ украсить женскій полъ на пагубу потомковъ Адамовыхъ, прибавьте, что она потеряла мужа и въ обращеніи съ мужчинами можетъ позволять себѣ ту смѣлость, которая болѣе всего плѣняетъ неопытнаго. При такихъ искушеніяхъ, могъ ли дѣвственный образъ Вѣры оставаться въ сердцѣ перемѣнчиваго Павла? Страсти загорѣлись въ немъ; онъ все употребилъ, чтобы снискать благоволеніе красавицы и послѣ повторенныхъ посѣщеній замѣтилъ, что она неравнодушна къ его стараніямъ. Какое открытіе для пламеннаго юноши! Павелъ не видалъ земли подъ собою, онъ уже мечталъ... Но случилась непріятность, которая разрушила всѣ его отважные воздушные замки. Однажды, будучи въ довольно многолюдномъ обществѣ у Графини, онъ увидѣлъ, что она въ сторонѣ говоритъ тихо съ однимъ мужчиною; надобно замѣтить, что этотъ молодецъ щеголялъ непомѣрнымъ образомъ, и несмотря на всѣ старанія, не могъ, однако, скрыть тѣлеснаго недостатка, за который Павелъ съ Варѳоломеемъ заочно ему дали прозванье косоногаго; любопытство, ревность заставили Павла подойти ближе, и ему послышалось, что мужчина произноситъ его имя, шутитъ надъ его дурнымъ французскимъ выговоромъ, а Графиня изволитъ отвѣчать на это усмѣшками. Нашъ юноша взбѣсился, хотѣлъ тутъ же броситься и наказать насмѣшника, но удержался при мысли, что это подвергнетъ его новому, всеобщему посмѣянію.

ВИДЫ БОЛДИНА:

a) Церковь въ Болдинѣ; b) общій видъ Болдина.

По фотографіи, снятой для настоящаго изданія.

[illegible] товарищу, казалось, должно бы [illegible] неукротимое самолюбіе Варѳоломея: [illegible] онъ не только не изъявлялъ [illegible] нѣмецкаго, но обращался съ Павломъ [illegible] ласковѣе прежняго. Павелъ, платя [illegible] дружествомъ искреннимъ, совершенно [illegible] всѣ семейныя тайны [illegible] принималъ всѣ его совѣты, [illegible] ему всѣ тайны души своей. [illegible] у мать рѣчь о своихъ взаимныхъ [illegible] и слабостяхъ—что [illegible] въ дружеской бесѣдѣ [illegible] «Ты знаешь, я не люблю [illegible], говорилъ Варѳоломей: «но открою [illegible] тебѣ, что я замѣчаю въ [illegible] времени весьма выгодную [illegible] и не одинъ я, многіе говорятъ, что въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ [illegible] больше, чѣмъ другіе созрѣваютъ въ шесть лѣтъ. Теперь недостаетъ [illegible] только одного: навыка жить въ свѣтѣ. [illegible] этимъ словомъ; я самъ никогда [illegible] до свѣта, я знаю, что [illegible] ауль десятеритъ достоинства. Предвижу твое возраженіе: [illegible] жениться на Вѣрѣ»... (при [illegible] Варѳоломей остановился на [illegible] забывшись)... «Ты думаешь, [illegible] продолжалъ онъ, [illegible] не хочешь знать, кромѣ счастія [illegible] и любви будущей супруги. То-то [illegible], молодежь, воображаете, что [illegible] и балъ конченъ; анъ [illegible] Помни ты мое слово— [illegible] съ женою годъ, опять вспомнишь [illegible] тогда уже будетъ труднѣе [illegible] общество. Притомъ люди не [illegible] человѣку семейному: [illegible] покровителей и правды не до[illegible]. Можетъ быть еще тебя страшитъ [illegible] свѣтъ? Успокойся: [illegible] пошлая: она очень смирна, [illegible] опасна потому, что у нея [illegible] привычки, къ которымъ надо привыкнуть. Да къ чему тратить слова по [illegible]. Лучше провѣрь ихъ истину на [illegible]. Послѣ завтра вечеръ у графини П...; [illegible] случай туда ѣхать. Я вчера у [illegible] былъ, говорили объ тебѣ, и она сказала, что желаетъ видѣть твою безцѣнную [illegible]

[illegible] подобно яду, имѣющему силу [illegible] безрассудность, превратили всѣ [illegible] и желанія юноши; [illegible] въ безцѣльномъ свѣтѣ, [illegible] рѣшился [illegible] въ этотъ вихрь, и въ назначенный вечеръ, его увидѣли въ гостиной Графини. Домъ ея стоялъ въ не очень шумной улицѣ и снаружи не представлялъ ничего отличнаго; но внутри— богатое убранство, освѣщеніе. Варѳоломей уже заранѣе увѣдомилъ Павла, что на первой взглядъ иное покажется ему страннымъ: ибо Графиня недавно пріѣхала изъ чужихъ краевъ, живетъ на самопшій ладъ и принимаетъ къ себѣ общество небольшое, но за то лучшее въ городѣ. Они застали нѣсколькихъ пожилыхъ людей, которые отличались высокими париками, шароварами огромной ширины, и не скидали перчатокъ во весь вечеръ. Это не совсѣмъ согласовалось съ тогдашними модами средняго петербургскаго общества, которыя однѣ были извѣстны Павлу, но Павелъ уже положилъ себѣ за правило не удивляться ничему, да и когда ему было замѣтить сіи мелочи? его вниманіемъ овладѣла хозяйка совершенно. Вообразите себѣ женщину знатную, въ пышномъ цвѣтѣ юности, одаренную всѣми прелестями какими природа и искусство могутъ украсить женскій полъ на пагубу потомковъ Адамовыхъ, прибавьте, что она [illegible] въ обращеніи съ мужчинами, можетъ позволять себѣ ту смѣлость, которая [illegible] неопытнаго. При такихъ [illegible] перемѣнчивый [illegible] въ немъ [illegible] искать [illegible] и послѣ [illegible] замѣтилъ, что она неравнодушна къ его стараніямъ. Какое открытіе для пламеннаго юноши! Павелъ не видалъ земли подъ собою, онъ уже мечталъ... Но случилась непріятность, которая разрушила всѣ его отважные воздушные замки. Однажды, будучи въ довольно многолюдномъ обществѣ у Графини, онъ увидѣлъ, что она въ сторонѣ говоритъ тихо съ однимъ мужчиною: надобно замѣтить, что этотъ молодецъ щеголялъ непомѣрнымъ образомъ, и несмотря на всѣ старанія, не могъ, однако, скрыть тѣлеснаго недостатка, за который Павелъ съ Варѳоломеемъ заочно ему дали прозванье косоногаго; любопытство, ревность заставили Павла подойти ближе, и ему послышалось, что мужчина произноситъ его имя, шутитъ надъ его дурнымъ французскимъ выговоромъ, а Графиня изволитъ отвѣчать на [illegible] усмѣшками. Нашъ юноша взбѣсился, хотѣлъ тутъ же броситься и наказать насмѣшника, но удержался при мысли, что это повергнетъ его новому, всеобщему посмѣянію.

Онъ тотъ же часъ оставилъ бесѣду, не говоря ни слова, и поклялся ввѣкъ не видѣть Графиню.

Растревоженный въ душѣ, онъ опять вспомнилъ о давно покинутой имъ вѣрѣ, какъ грѣшникъ среди бездны разврата вспоминаетъ о пути спасенія. Но на этотъ разъ онъ не нашелъ близъ милой дѣвушки желаемой отрады; Варѳоломей хозяиномъ господствовалъ во домѣ и того, кто ввелъ его туда за нѣсколько мѣсяцевъ, принималъ уже, какъ гостя посторонняго. Старуха была больна, и не на шутку. Вѣра казалась въ страшныхъ суетахъ и развлеченіи; Павла приняла она съ необычайною холодностію и занимаясь имъ, сколько необходимо требовало приличіе, готовила лѣкарства, бѣгала за служанкою, ухаживала за больною, и нерѣдко призывала Варѳоломея къ себѣ на помощь.—Все это, разумѣется, было странно и досаждало Павлу, на котораго теперь какъ на бѣднаго Макара, валилась одна неудача за другой. Онъ хотѣлъ было затѣять объясненіе, но побоялся растревожить больную старуху, и вѣру, безъ того уже разстроенную болѣзнію матери. Оставалось одно средство—объясниться съ Варѳоломеемъ. Принявъ такое рѣшеніе, Павелъ, извиняясь головною болью, откланялся немного спустя послѣ обѣда, и неудержанный никѣмъ, уѣхалъ, намекнувъ Варѳоломею съ нѣкоторою крутостью, что желаетъ его видѣть въ завтрашнее утро.

Чтобы вообразить себѣ то состояніе, въ какомъ несчастный Павелъ ожидалъ на другой день своего бывшаго друга и настоящаго соперника, должно понять всѣ различныя страсти, которыя въ то время боролись въ душѣ его, и какъ хищныя птицы, словно хотѣли разорвать между собою свою жертву. Онъ поклялся забыть навѣки графиню, и между тѣмъ въ сердцѣ пылалъ любовью къ измѣнницѣ; привязанность его къ вѣрѣ была не столь пламенна; но онъ любилъ ее любовью братскою, дорожилъ добрымъ ея мнѣніемъ, а въ немъ почиталъ себя потеряннымъ надолго, если не навѣки. Кто же былъ виновникъ всѣхъ этихъ напастей? Коварный Варѳоломей, этотъ человѣкъ, котораго онъ нѣкогда называлъ своимъ другомъ и который, — по его мнѣнію, такъ жестоко обманулъ его довѣренность. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ его къ себѣ Павелъ, съ какою досадою онъ смотрѣлъ на улицу, гдѣ бушевала точно такая же мятель, какъ и въ душѣ его: «Бездѣльникъ», думалъ онъ, «воспользуется непогодою, онъ избѣжитъ моей правдивой мести; онъ лишитъ меня послѣдней отрады— сказать ему въ безстыдные глаза, до какой степени я его ненавижу!».

Но въ то время, какъ Павелъ мучился сомнѣніемъ, отворилась дверь, и Варѳоломей вошелъ съ такимъ же мраморнымъ спокойствіемъ, съ какимъ статуя Командора приходитъ на ужинъ къ Донъ-Жуану. Однако, лице его приняло вскорѣ выраженіе болѣе человѣческое; онъ приблизился къ Павлу и сказалъ ему съ видомъ сострадательной пріязни: «ты на себя не похожъ, другъ мой; что причиной твоей горести? Открой мнѣ свое сердце.»

— «Я тебѣ не другъ!» закричалъ Павелъ, отскочивъ отъ него въ другой уголъ комнаты, какъ отъ лютой змѣи; дрожа всѣми составами, съ глазами, налитыми кровью и слезами, юноша опрометью высказалъ всѣ чувства души, можетъ быть и несправедливо разгнѣванной.

Варѳоломей выслушалъ его съ какимъ-то обиднымъ равнодушіемъ и потомъ сказалъ: «рѣчь твоя дерзка и была бы достойна наказанія; но я тебѣ прощаю: ты молодъ, и цѣны еще не знаешь ни словамъ, ни людямъ. Не такъ говорилъ ты со мною бывало, когда безъ моей помощи приходилось тебѣ хоть шею совать въ петлю. Но теперь все это забыто, потому что холодный пріемъ дѣвушки раздражилъ твою самолюбивую душенку. Изволитъ пропадать по цѣлымъ мѣсяцамъ, творитъ невѣдомо съ кѣмъ, невѣдомо какія проказы; а я за него терпи и не ходи, куда мнѣ хочется. Нѣтъ, сударь; буду ходить къ старухѣ, хоть бы тебѣ одному на зло. При томъ у меня есть и другія причины: не стану таить ихъ— знай, Вѣра влюблена въ меня!»

— «Лжешь, негодяй!» воскликнулъ Павелъ въ изступленіи; «можетъ ли ангелъ любить дьявола?

— «Тебѣ простительно не вѣрить,» отвѣчалъ Варѳоломей съ усмѣшкою; «природа меня не изукрасила наравнѣ съ тобою; за то ты и плѣняешь знатныхъ барынь, и плѣняешь навѣки, постоянно, неизмѣнчиво.»

Этой насмѣшки Павелъ не могъ вынести, тѣмъ болѣе, что онъ давно подозрѣвалъ Варѳоломея въ содѣйствіи къ его разладу съ Графинею. Онъ въ ярости кинулся на соперника, хотѣлъ убить его на мѣстѣ; но въ эту минуту онъ почувствовалъ себя ударенным подъ ложку; у него духъ занялся, и ударъ, безъ всякой боли, на мигъ привелъ его въ безпамятство.

Очнувшись, онъ нашелъ себя у противной стѣны комнаты, дверь была затворена, Варѳоломея не было, и какъ будто изъ просонокъ, онъ вспомнилъ послѣднія слова его: «потише, молодой человѣкъ, ты не съ своимъ братомъ связался.»

Павелъ дрожалъ отъ ужаса и гнѣва; тысячи мыслей быстро смѣнялись въ головѣ его. То рѣшался онъ отыскать Варѳоломея хоть на краю свѣта и размозжить ему черепъ; то хотѣлъ итти къ старухѣ и обнаружить ей и вѣрѣ всѣ прежнія проказы измѣнника; вспоминалъ объ очаровательной графинѣ, хотѣлъ то заколоть ее, то объясниться съ нею, не измѣняя прежнему рѣшенію: послѣднее согласить было конечно трудно. Грудь его стѣснилась, онъ какъ полоумный выбѣжалъ на дворъ, чувствуя въ себѣ признаки воспалительной горячки; блѣдный, въ безпорядкѣ рыскалъ онъ по улицамъ, и вѣрно нашелъ бы развязку всѣмъ сомнѣніямъ въ глубокой Невѣ, если бы она къ счастью не была закутана въ то время ледяною своей шубою.

Утомилась ли судьба преслѣдовать Павла, или хотѣла только сильнѣе уязвить его минутнымъ роздыхомъ въ несчастьяхъ, онъ, воротясь домой, былъ встрѣченъ неожиданнымъ исполненіемъ главнаго своего желанія. Въ прихожей дожидалъ его богато одѣтый слуга Графини И. который вручилъ ему записку; Павелъ съ трепетомъ развертываетъ и читаетъ слѣдующія слова, начертанныя слишкомъ ему знакомою рукою Графини.

«Злые люди хотѣли поссорить насъ; я все знаю; если въ васъ осталась капля любви ко мнѣ, капля состраданія, прійдите въ такомъ-то часу вечера. Вѣчно твоя И.»

Какъ глупы любовники; Павелъ, пробѣжавъ сіи магическія строки, забылъ и дружбу Вѣры и непріязнь Варѳоломея; весь міръ настоящій, прошедшій и грядущій стѣснился для него въ лоскуткѣ бумаги; онъ прижимаетъ къ сердцу, цѣлуетъ его, подноситъ нѣсколько разъ къ свѣту. Нѣтъ! восклицаетъ онъ въ восторгѣ; это не обманъ; я точно, точно счастливъ; такъ не напишетъ, не можетъ писать никто, кромѣ ея одной. Но не хочетъ ли плутовка зазвать и морочить меня, и издѣваться надо мною по-прежнему? Нѣтъ! клянусь, не бывать этому. «Твоя—вѣчно твоя», пусть растолкуетъ мнѣ на опытѣ, что значитъ это слово. Не то... добрая слава ея теперь въ моихъ рукахъ.

Въ урочный часъ нашъ Павелъ, пригожій и разряженный, уже на широкой лѣстницѣ Графини; его безъ доклада провожаютъ въ гостинную, гдѣ къ его досадѣ собралось уже нѣсколько посѣтителей, между которыми однако не было косоногаго. Хозяйка привѣтствуетъ его сухо, едва говоритъ съ нимъ; но она недаромъ на него уставила большіе черные глаза свои, и томно опустила ихъ: мистическая азбука любящихъ, непонятная профанамъ. Гости принимаются за игру; хозяйка, отказываясь, увѣряетъ, что ей пріятно садиться близъ каждаго изъ игроковъ почередно, ибо она надѣется ему принести счастіе. Всѣ не надивятся ея тонкой вѣжливости. Немного спустя: «вы у насъ давно не были,» говоритъ Графиня, оборачиваясь къ юношѣ: «замѣчаете ли нѣкоторыя перемѣны въ уборахъ этой комнаты? Вотъ напримѣръ занавѣсы висѣли сперва на лавровыхъ гирляндахъ; но мнѣ лучше показалось замѣнить ихъ стрѣлами.» «Недостаетъ сердецъ,»— отвѣчаетъ Павелъ полу-сухо, полу-вѣжливо. «Но не въ одной гостинной,» продолжаетъ Графиня, «есть новые уборы» и вставая съ креселъ: «не хотите ли,» говоритъ она, «заглянуть въ диванную; тамъ развѣшены привезенныя недавно Гобелены отличнаго рисунка». Павелъ съ поклономъ идетъ за ней. Неизъяснимымъ чувствомъ забилось его сердце, когда онъ вошелъ въ эту очарованную комнату. Это была вмѣстѣ зимняя оранжерея и диванная. Миртовыя деревья, разставленныя вдоль стѣнъ, укрощали яркость свѣта канделабровъ, который, оставляя роскошные диваны въ тѣни за деревьями, тихо разливался на Гобеленовые обои, гдѣ въ лицахъ являлись, внушая сладострастіе, подвиги любви боговъ баснословныхъ. Противъ анфилады стояло трюмо, а возлѣ на стѣнѣ похищеніе Европы,— доказательство власти красоты, хоть изъ кого сдѣлать скотину. У этого трюмо начинается роковое объясненіе. Всякому просвѣщенному извѣстно, что разговоръ любящихъ есть самая жестокая амплификація: и такъ перескажу только сущность его. Графиня увѣряла, что насмѣшки ея надъ дурнымъ французскимъ выговоромъ относились не къ Павлу, а къ одному его соименнику, что она долго не могла понять причины его отсутствія, что наконецъ Варѳоломей ее наставилъ и проч., и проч.— Павелъ, хотя ему казались странными свѣдѣнія Варѳоломея въ такомъ дѣлѣ, о которомъ никто ему не сказывалъ, и роль миротворца, которую онъ принялъ на себя

при этомъ случаѣ, повѣрилъ разумѣется всему; однако, упорно притворялся, что ничему не вѣритъ. «Какого же еще доказательства хотите вы?» спросила наконецъ графиня съ нѣжнымъ нетерпѣніемъ. Павелъ, какъ вѣжливый юноша, въ отвѣтъ поцѣловалъ жарко ея руку; она упрямилась, робѣла, спѣшила къ гостямъ; онъ становился на колѣни, и крѣпко держа руки ея грозилъ, что не выпуститъ, да къ этому въ прибавокъ сію же минуту застрѣлится. Сія тактика имѣла вожделѣнный успѣхъ— и тихое, дрожащее рукопожатіе, съ тихимъ шепотомъ: «завтра въ 11 часовъ ночи, на заднее крыльцо,» громче пороха и пушекъ возвѣстили счастливому Павлу торжество его.

Графиня весьма кстати воротилась въ гостиную; между двумя изъ игроковъ только что не дошло до драки. «Смотрите,» сказалъ одинъ Графинѣ, запыхавшись отъ гнѣва: «я даромъ проигрываю нѣсколько сотъ душъ, а онъ...»—«Вы хотите сказать нѣсколько сотъ рублей,» прервала она съ важностью.—«Да, да... я виноватъ... я ошибся,» отвѣчалъ спорщикъ, заикаясь и посматривая искоса на юношу. Игроки замяли споръ, и всю суматоху, какъ рукой сняло. Павелъ на сей разъ пропустилъ все мимо ушей. Волненіе души не позволило ему долго пробыть въ обществѣ, онъ спѣшилъ домой предаться отдыху, но сонъ долго не опускался ему на вѣжды; самая дѣйствительность была для него сладкимъ сновидѣніемъ. Распаленной его фантазіи безсмѣнно предстояли черныя, большія, влажныя очи красавицы. Они сопровождали его и во время сна; но сны, отъ предчувствія ли тайнаго, отъ волненія ли крови, всегда кончались чѣмъ-то страннымъ. То прогуливался онъ по зеленой травѣ; передъ нимъ возвышались два цвѣтка, дивные красками; но лишь только касался онъ стебля, желая сорвать ихъ, вдругъ взвивалась черная, черная змѣя, и обливала цвѣтки ядомъ. То смотрѣлъ онъ въ зеркало прозрачнаго озера, на днѣ котораго у берега играли двѣ золотыя рыбки, но едва опускалъ онъ къ нимъ руку, земноводное чудовище, страшная, пробуждало его. То ходилъ онъ ночью подъ благоуханнымъ лѣтнимъ небосклономъ, и на высотѣ сіяли неразлучно двѣ яркія звѣздочки; но не успѣвалъ онъ налюбоваться ими, какъ зараждалось черное пятно на темномъ западѣ, и растянувшись въ длиннаго облачнаго змѣя, пожирало звѣздочки.—Всякій разъ, когда такое видѣніе прерывало сонъ Павла, встревоженная мысль его невольно устремлялась на Варѳоломея; но черезъ нѣсколько времени, черные глаза снова одерживали верхъ, покуда новый ужасъ не прерывалъ мечты плѣнительной. Несмотря на все это, Павелъ, проспавши до полудня, всталъ веселѣе, чѣмъ когда-нибудь. Остальные 11 часовъ дня, какъ водится, показались ему вѣчностью. Не успѣло смеркнуться, какъ онъ уже бродилъ вокругъ дома Графини; не принимали никого, не зажигали огня въ парадныхъ комнатахъ, только въ одномъ дальнемъ углу слабо мерцалъ свѣтъ: «тамъ ждетъ меня прелестная,» думалъ про себя Павелъ—и заранѣе душа его утопала въ наслажденіи.

Протяжно пробило одиннадцать часовъ на Думской башнѣ, и Павелъ, любовью окриленный... Но здѣсь я прерву картину свою и въ подражаніе лучшимъ классическимъ и романтическимъ писателямъ древняго, средняго и новѣйшаго времени, предоставлю вамъ дополнить ее собственнымъ запасомъ воображенія. Коротко и ясно: Павелъ думалъ уже вкусить блаженство... какъ вдругъ постучались тихонько у двери кабинета; графиня въ смущеніи отворяетъ; довѣренная горничная входитъ съ докладомъ, что на заднее крыльцо пришелъ человѣкъ, которому крайняя нужда видѣть молодого господина. Павелъ сердится, велитъ сказать, что некогда, колеблется, выходитъ въ прихожую, ему говорятъ, что незнакомый ушелъ сію минуту. Онъ возвращается къ любезной; «ничто съ тобой не разлучитъ меня,»—говоритъ онъ страстно. Но вотъ стучатся снова, и горничная входитъ съ повтореніемъ прежняго.—«Пошлите къ чорту незнакомца,» кричитъ Павелъ топнувъ ногою «или я убью его;» выходитъ, слышитъ, что и тотъ вышелъ; сбѣгаетъ по лѣстницѣ на дворъ, но тамъ ничто не колыхнется, и лишь только снѣгъ безмолвно валитъ хлопьями на землю. Павелъ бранитъ слугъ, запрещаетъ пускать кого бы то ни было, возвращается пламеннѣе прежняго къ встревоженной Графинѣ; но прошло нѣсколько минутъ, и стучатся въ третій разъ еще сильнѣе, продолжительнѣе. «Нѣтъ, полно!» закричалъ онъ внѣ себя отъ ярости; «я доберусь, что тутъ за привидѣніе; это какая-нибудь штука».—Вбѣгая въ прихожую, онъ видитъ край плаща, который едва успѣлъ скрыться за затворяемою дверью; опрометью накидываетъ онъ шинель, хватаетъ трость, бѣжитъ на дворъ, и слышитъ стукъ калитки, которая лишь только захлопнулась

за кѣмъ-то. «Стой, стой, кто ты таковъ?» кричитъ вслѣдъ ему Павелъ, и выскочивъ на улицу, издали видитъ высокаго мужчину, который какъ будто останавливается, чтобы поманить ему рукою и скрывается въ боковой переулокъ. Нетерпѣливый Павелъ за нимъ слѣдуетъ, кажется нагоняетъ его; тотъ снова останавливается у боковой улицы, манитъ и исчезаетъ. Такимъ образомъ юноша слѣдитъ за незнакомцемъ изъ улицы въ улицу, изъ закоулка въ закоулокъ, и наконецъ находитъ себя по колѣна въ сугробѣ, между низенькими домами, на распутьи, котораго никогда отъ роду не видывалъ; а незнакомецъ пропалъ безъ всякаго слѣда. Павелъ остолбенѣлъ, и признаюсь, никому бы не завидно, пробѣжавъ нѣсколько верстъ, очнуться въ снѣгу въ глухую полночь, у чорта на куличкахъ. Что дѣлать? итти?—заплутаешься; стучаться у ближнихъ воротъ? не добудишься. Къ неожиданной радости Павла проѣзжаютъ сани. «Ванька!» кричитъ онъ, «вези меня домой на такую то улицу.» Везетъ послушный Ванька, невѣсть по какимъ мѣстамъ, скрыпитъ снѣгъ подъ санями, луна во вкусѣ Жуковскаго невѣрно свѣтитъ путникамъ сквозь облака летучія. Но ѣдутъ долго, долго, все нѣтъ мѣста знакомаго; и наконецъ вовсе выѣзжаютъ изъ города. Павлу пришли естественно на мысль всѣ старые разсказы о мертвыхъ тѣлахъ, находимыхъ на Волковомъ полѣ, объ извощикахъ, которые тамъ рѣжутъ сѣдоковъ своихъ и т. п.—«Куда ты везешь меня?» спросилъ онъ твердымъ голосомъ; не было отвѣта. Тутъ при свѣтѣ луны захотѣлъ онъ всмотрѣться въ жестяной билетъ извощика, и къ удивленію замѣтилъ, что на этомъ билетѣ не было означено ни части, ни квартала; но крупными цифрами, странной формы и отлива написанъ былъ № 666, число Апокалипсиса, какъ онъ позднѣе вспомнилъ. Укрѣпившись въ подозрѣніи, что онъ попалъ въ руки недобрыя, нашъ юноша еще громче повторилъ прежній вопросъ и, не получивъ отзыва, со всего размаху ударилъ своей палкой по спинѣ извощика. Но каковъ былъ его ужасъ, когда этотъ ударъ произвелъ звонъ костей о кости, когда мнимый извощикъ, оборотивъ голову, показалъ ему лице мертваго остова, и когда это лице, страшно оскаливъ челюсти, произнесло невнятнымъ голосомъ: «потише, молодой человѣкъ; ты не съ своимъ братомъ связался.» Несчастный юноша только имѣлъ силу сотворить знаменіе креста, отъ котораго давно руки его отвыкли. Тутъ санки опрокинулись, раздался дикій хохотъ, пронесся страшный вихрь; экипажъ, лошадь, ямщикъ—все сравнялось съ снѣгомъ и Павелъ остался одинъ одинехонекъ за городской заставою, еле живой отъ страха.

На другой день юноша лежалъ изнеможенный на кровати въ своей комнатѣ. Подлѣ него стоялъ добрый, престарѣлый дядька, и одной рукою держа вялую руку господина, часто отворачивался, что бы стереть другою слезу, украдкой навернувшуюся на подслѣпую зѣницу его. «Баринъ, баринъ,» говорилъ онъ: «не даромъ докладывалъ я вашей милости, что не бывать добра отъ ночной гульбы. Гдѣ вы пропадали? Что это съ вами сдѣлалось?»—Павелъ не слыхалъ его: онъ то дикими глазами глядѣлъ по нѣскольку времени въ уголъ, то впадалъ въ дремоту, въ просонкахъ дрожалъ и смѣялся, то вскакивалъ съ постели какъ сумасшедшій, звалъ имена женскія, потомъ опять бросался лицомъ на подушки.—«Бѣдный Павелъ Ивановичъ!» думалъ про себя дядька: «Господь его помилуй, онъ вѣрно ума лишился;» и въ порывѣ добросердечія улучивъ первую удобную минуту, побѣжалъ за врачемъ. Врачъ покачалъ головою, увидя больного, не узнававшаго окружающихъ, и ощупавъ лихорадочный пульсъ его. Наружные признаки противорѣчили одинъ другому, и по нимъ ничего не льзя было заключить о болѣзни: все подавало поводъ думать, что ея причина крылась въ душѣ, а не въ тѣлѣ. Больной почти ничего не вспоминалъ о прошедшемъ; душа его, казалось, была замучена какимъ-то ужаснымъ предчувствіемъ.

Врачъ, убѣжденный вѣрнымъ дядькою, съ нимъ вмѣстѣ не отходилъ цѣлый день отъ одра юноши; къ вечеру состояніе больного сдѣлалось отчаянно; онъ метался, плакалъ, ломалъ себѣ руки, говорилъ о вѣрѣ, о Васильевскомъ островѣ, звалъ на помощь къ кому и кого, Богъ вѣсть, хваталъ шапку, рвался въ дверь, и соединенныя усилія врача и слуги едва смогли удержать его. Сей ужасный кризисъ продолжался за полночь; вдругъ, больной успокоился—ему стало легче;—но силы душевныя и тѣлесныя совершенно были убиты борьбою; онъ погрузился въ мертвый сонъ, послѣ коего прежній процессъ возобновился.

Припадокъ одержалъ юношу полные трое сутокъ съ перемѣнчивою силою; на третье утро, начиная чувствовать въ себѣ болѣе крѣпости, онъ вставалъ съ постели, когда

ему сказали, что въ прихожей дожидается старая служанка вдовы. Сердце не предвѣщало ему добраго. Онъ вышелъ; старушка заплакала навзрыдъ. «Такъ! еще несчастье!» сказалъ Павелъ, подходя къ ней; «не мучь меня, голубушка; все скорѣе выскажи.»

— Барыня приказала долго жить, отвѣчала старушка, а барышнѣ Богъ вѣсть долго ли жить осталось. — «Какъ? Вѣра? что?»—Не теряйте словъ, молодой баринъ: барышнѣ нужна помощь. Я прибрела пѣшкомъ; коли у васъ доброе сердце, ѣдемте къ ней сію минуту; она въ домѣ священника церкви Андрея Первозваннаго. — «Въ домѣ священника? Зачѣмъ?»

— Бога ради, одѣвайтесь, все послѣ узнаете.» —

Павелъ окутался и поскакали на Васильевскій.

Когда онъ въ послѣдній разъ видѣлъ Вѣру и мать ея, вдова уже давно страдала болѣзнью, которая при ея преклонныхъ лѣтахъ оставляла немного надежды на исцѣленіе. Слишкомъ бѣдная, чтобы звать врача, она пользовалась единственно совѣтами Варѳоломея, который, кромѣ другихъ свѣдѣній, хвалился нѣкоторымъ знакомствомъ съ медициною. Дѣятельность его была неутомима: онъ успѣвалъ утѣшать Вѣру, ходить за больною, помогать служанкѣ, бѣгать за лекарствами, которыя приносились иногда съ такою скоростью, что Вѣра дивилась, гдѣ онъ могъ найти такую близкую аптеку. Лекарства, доставленныя имъ, хотя и не всегда помогали больной, но постоянно придавали ей веселости. И странно, что чѣмъ ближе подходила она къ гробу, тѣмъ неотлучнѣе пребывали ея мысли прикованы къ житейскому. Она спала и видѣла о своемъ выздоровленіи; о томъ, какъ ея дѣти Варѳоломей и Вѣра пойдутъ подъ вѣнецъ и начнутъ жить да поживать благополучно, боялась, не будетъ ли этотъ домикъ тѣсенъ для будущей семьи, удастся ли найти другой поближе къ городу, и проч. и проч. Мутная невыразительность кончины была въ ея глазахъ, когда она, подозвавъ будущихъ молодыхъ къ своей постели, съ какой-то нелѣпою улыбкою говорила: «Не стыдись, моя Вѣра, поцѣлуйся съ женихомъ своимъ; я боюсь ослѣпнуть и тогда уже не удастся мнѣ смотрѣть на ваше счастье.» Между тѣмъ рука смерти все болѣе и болѣе тяготѣла надъ старушкой, зрѣніе и память часъ отъ часу тупѣли. Въ Варѳоломеѣ не замѣтно было горести; можетъ быть самыя хлопоты, безпрерывная бѣготня помогали ему разсѣяться. Вѣру же тревожили размышленія объ матери, какъ и о самой себѣ. Какой невѣстѣ не бываетъ страшно передъ бракомъ? Однако она всячески старалась успокоить себя. «Я согрѣшила передъ Богомъ,» думала дѣвица; «не знаю, почему я сперва почла Варѳоломея за лукаваго, за злого человѣка. Но онъ гораздо лучше Павла; посмотрите, какъ онъ старается о матушкѣ: самъ себя бѣдный не жалѣетъ, стало онъ не злой человѣкъ.» Вдругъ мысли ея туманились. «Онъ крутого нрава,» говорила она себѣ: «когда чего не хочетъ и скажешь ему: Варѳоломей, Бога ради, это сдѣлайте,—онъ задрожитъ и поблѣднѣетъ.— Но,» продолжала Вѣра, мизинцемъ стирая со щеки слезинку, «вѣдь я сама не ангелъ; у всякаго свой крестъ и свои пороки: я буду исправлять его, а онъ меня.»—Тутъ приходили ей на умъ новыя сомнѣнія: «онъ кажется, богатъ; честными ли онъ средствами добылъ себѣ деньги? но это я выспрошу; вѣдь онъ меня любитъ.» Такъ утѣшала себя добрая, невинная Вѣра; а старухѣ между тѣмъ все хуже да хуже. Вѣра сообщила свой страхъ Варѳоломею, спрашивала даже, не нужно ли позвать духовника; но онъ горячился и сурово отвѣчалъ: «Хотите ускорить кончину матушки? это—лучшій способъ. Болѣзнь ея опасна, но еще не отчаянна. Что ее поддерживаетъ? надежда исцѣлиться. А призовемъ попа, такъ отнимемъ послѣднюю надежду.» — Робкая Вѣра соглашалась, побѣждая тайный голосъ души; но въ этотъ день,—и замѣтьте, это было на другой день рокового свиданія Павла съ прелестною графинею,— опасность слишкомъ ясно поразила вѣщее сердце дочери. Отозвавъ Варѳоломея, она ему сказала рѣшительнымъ голосомъ: «Царемъ небеснымъ заклинаю васъ, не оставьте матушку умереть безъ покаянія: Богъ знаетъ, проживетъ ли она до завтра»,—и упала на стулъ, заливаясь слезами. Что происходило тогда въ Варѳоломеѣ? глаза его катались, на лбу проступалъ потъ, онъ силился что-то сказать и не могъ выговорить. «Дѣвичье малодушіе, пробормоталъ онъ напослѣдокъ. «Ты ничему не вѣришь... вы, сударыня, не вѣрите моему знанію медицины... Постойте... у меня есть знакомый врачъ, который больше меня знаетъ... жаль, далеко живетъ онъ.» Тутъ онъ схватилъ руку дѣвицы и, подведя ее стремительно къ окну, показалъ на небо, не поднимая глазъ своихъ: «Смотрите тамъ еще не явится

первая звѣзда, какъ я буду назадъ, и тогда рѣшимся; обѣщаете ли только не звать духовника до моего прихода?» — «Обѣщаю, обѣщаю». Тогда послышался протяжный вздохъ изъ спальни.—Спѣшите, закричала Вѣра, бросаясь къ дверямъ ея, потомъ оборотилась, взглянула еще разъ съ умиленіемъ грусти неописанной на вкопаннаго, и махнувъ ему рукою, повторила: «Спѣшите, ради меня, ради Бога.» Варѳоломей скрылся.

Мало по малу зимній небосклонъ окутывался тучами, а въ больной жизнь и тлѣніе выступали впослѣдніе на смертный поединокъ. Снѣгъ начиналъ падать; порывы летучаго вѣтра заставляли трещать оконницы. При малѣйшемъ хрустѣ снѣга, Вѣра подбѣгала къ окну смотрѣть, не Варѳоломей ли возвращается; но лишь кошка мяукала, галки клевались на воротахъ и калитку вѣтеръ отворялъ и захлопывалъ. Ночь со своей черной пеленою приспѣла преждевременно; Варѳоломея нѣтъ какъ нѣтъ, и на сводѣ небесномъ не блещетъ ни одной звѣзды. Вѣра рѣшилась послать по духовника старую служанку; долго не возвращалась она, и немудрено, потому что не было ни одной церкви ближе Андрея Первозваннаго. Но хлопнула калитка и вмѣсто кухарки явился Варѳоломей, блѣдный и разстроенный. «Что? надежды нѣтъ?» прошептала Вѣра. — «Мало,» сказалъ онъ глухимъ голосомъ, «я былъ у врача; далеко живетъ онъ, много знаетъ»... — «Да что же говоритъ онъ, Бога ради?»—«Что до того нужды?... за попомъ теперь посылать время. А! вижу; вы послали уже... туда и дорога,» сказалъ онъ съ какою-то сухостью, въ которой обнаружилось отчаяніе.

Черезъ нѣсколько времени, уже въ глухую ночь, старая служанка прибрела съ вѣстью, что священника нѣтъ дома, но когда воротится, ему скажутъ и онъ тотчасъ прійдетъ къ умирающей. Объ этомъ рѣшились предварить ее. «Съ умомъ ли вы, дѣти,» сказала она слабо; «неужь-то я такъ хвора? Вѣра! что ты хныкаешь? Вынеси лампаду; сонъ меня поправитъ». Дочь лобызала руку матери, а Варѳоломей во все время безмолвствовалъ по-одаль, уставивъ на больную глаза, которые, когда лампада роняла на нихъ свое мерцаніе, свѣтились, какъ уголья.

Вѣра съ кухаркою стояли на колѣняхъ и молились. Варѳоломей, ломая себѣ руки, безпрестанно выходилъ въ сѣни, жалуясь на жаръ въ головѣ. Чрезъ полчаса, онъ вошелъ въ спальню и, какъ сумасшедшій выбѣжалъ оттуда съ вѣстью: «все кончено!» Не стану описывать, что въ сію минуту почувствовала Вѣра. Однако, сила ея духа была необычайная. «Боже! это воля Твоя!» произнесла она, поднимая руки къ небу; хотѣла итти; но тѣлесныя силы измѣнили, она полумертвая опустилась на кресла, и не стало бы несчастной, если бъ внезапный потокъ слезъ не облегчилъ ея стѣсненной груди. Между тѣмъ, старуха, воя, обмыла трупъ, поставила свѣчу у изголовья, и пошла за иконой; но тутъ же отъ усталости ли, отъ иной ли причины, забылась сномъ неодолимымъ. Въ эту минуту, Варѳоломей подошелъ къ Вѣрѣ. У самого бѣса растаяло бы сердце: такъ она была прелестна въ своей горести. «Ты меня не любишь,» воскликнулъ онъ страстно.—«Я съ твоей матерью потерялъ единственную опору въ твоемъ сердцѣ». Дѣвицу испугало его отчаяніе. «Нѣтъ, я тебя люблю,» отвѣчала она боязливо. Онъ упалъ къ ногамъ ея: «клянись,» говорилъ онъ, «клянись, что ты моя, что любишь меня болѣе души своей.» Вѣра никогда не ожидала-бъ такой страсти въ этомъ холодномъ человѣкѣ: «Варѳоломей, Варѳоломей,» сказала она съ робкой нѣжностію; «забудь грѣшныя мысли въ этотъ страшный часъ; я поклянусь, когда схоронимъ матушку, когда священникъ въ храмѣ Божіемъ насъ благословитъ...»—Варѳоломей не выслушалъ ее, и какъ изступленный, пу молоть околесную: увѣрялъ, что это все пустые обряды, что любящимъ не нужно ихъ, звалъ ее съ собою въ какое-то дальнее отечество, обѣщалъ тамъ осыпать блескомъ княжескимъ, обнималъ ея колѣна со слезами. Онъ говорилъ съ такою страстью, съ такимъ жаромъ, что всѣ чудеса, о которыхъ разсказывалъ, въ ту минуту казались вѣроятными. Вѣра уже чувствовала твердость свою скудѣющей, опасность пробудила ея силу душевную; она вырвалась и побѣжала къ дверямъ спальней, гдѣ думала найти служанку; Варѳоломей заступилъ ей дорогу, и сказалъ уже съ притворною холодностью, съ глазами свирѣпыми: «послушай, Вѣра, не упрямься; тебѣ не добудиться ни служанки, ни матери: никакая сила не защититъ тебя отъ моей власти.» — «Богъ защитникъ невинныхъ,» закричала бѣдняжка, въ отчаяніи бросаясь на колѣни передъ Распятіемъ.—Варѳоломей остолбѣнѣлъ, его лице изобразило безсильную злобу. «Если такъ,» возразилъ онъ, кусая себѣ губы, «если такъ... мнѣ, разумѣется, съ тобою дѣлать нечего; но я заставлю твою мать

сдѣлать тебя послушною.» «Развѣ она въ твоей власти?» спросила дѣвица. «Посмотри» отвѣчалъ онъ, уставивши глаза на полуразтворенную дверь спальни, и вѣрѣ привидилось, будто двѣ струи огня текутъ изъ его глазъ, и будто покойница при мерцаніи свѣчи нагорѣвшей, приподнимаетъ голову съ мукою неописанною и изсохшею рукою машетъ ей къ Варѳоломею. Тутъ Вѣра увидѣла, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. «Да воскреснетъ Богъ! и ты исчезни, окаянный,» — вскрикнула она, собравъ всю силу духа—и упала безъ памяти.

Въ этотъ мигъ словно пушечный выстрѣлъ пробудилъ спящую служанку. Она очнулась, и въ страхѣ увидѣла двери отворенными настежь, комнату въ дыму и синее пламя, разбѣгавшееся по зеркалу и гардинамъ, которыя покойница получила въ подарокъ отъ Варѳоломея. Первое ея движеніе было схватить кувшинъ воды, въ углу стоявшій, и выплеснуть на полымя; но огонь заклокоталъ съ удвоенною яростію, и опалилъ сѣдые волосы кухарки. Тутъ она безъ памяти вбѣжала въ другую комнату, съ крикомъ: «пожаръ, пожаръ!» Увидя свою барышню на полу безъ чувства, схватила ее въ охапку, и вѣроятно получивъ отъ страха подкрѣпленіе своимъ дряхлымъ силамъ, вытащила ее на мостъ за ворота. Близкаго жилья не было, помощи искать негдѣ; пока она оттирала снѣгомъ виски полумертвой, пламя показалось изъ оконъ, изъ трубъ и надъ крышей. На зарево прискакала команда полицейская съ ведрами, ухватами; ибо заливныя трубы еще не были тогда въ общемъ употребленіи. Сбѣжалась толпа зрителей и въ числѣ нихъ благочинный церкви Андрея Первозваннаго, который шелъ съ дарами посѣтить умиравшую. Онъ не былъ въ особенныхъ ладахъ съ покойницей и считалъ ее за дурную женщину; но онъ любилъ Вѣру, о которой слыхалъ много хорошаго отъ дочери, и соболѣзнуя несчастью, обѣщалъ деньги пожарнымъ служителямъ, если успѣютъ вытащить тѣло, чтобы доставить покойницѣ хоть погребеніе христіанское. Но не тутъ-то было. Огонь, разносимый вьюгою, презиралъ все дѣйствіе воды, всѣ усилія человѣческія; одинъ полицейскій капралъ изъ молодцовъ задумалъ было ворваться въ комнаты, дабы вынести трупъ, но пробылъ минуту и выбѣжалъ въ ужасѣ; онъ разсказывалъ, что будто успѣлъ добраться уже до спальной, и только что хотѣлъ подойти къ одру умершей, какъ вдругъ спрыгнула сверху образина сатанинская, часть потолка съ ужаснымъ трескомъ провалилась, и онъ только особенною милостью Николая Чудотворца уберегъ на плечахъ свою головушку, за что обѣщалъ тутъ же поставить полтинную передъ его образомъ. Между собою зрители толковали, что онъ трусъ и упавшее бревно показалось ему бѣсомъ; но капралъ остался твердъ въ своемъ убѣжденіи, и до конца жизни проповѣдывалъ въ шинкахъ, что на своемъ вѣку лицезрѣлъ во плоти нечистаго съ хвостомъ, рогами и большимъ горбатымъ носомъ, которымъ онъ раздувалъ полымя, какъ мѣхами въ кузницѣ. «Нѣтъ, братцы, не приведи васъ Богъ увидѣть окаяннаго.» Симъ краснорѣчивымъ обѣтомъ нашъ геній всегда заключалъ повѣсть свою, и хозяинъ въ награду его смѣлости и глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго разсказомъ на просвѣщенныхъ слушателей, даромъ подносилъ ему полную стопу чистѣйшаго пѣнника.

Итакъ, не взирая на всѣ старанія команды, которой дѣятельнымъ усиліямъ въ семъ случаѣ потомство должно впрочемъ отдать полную справедливость, уединенный домикъ Васильевскаго острова сгорѣлъ до основанія, и мѣсто, гдѣ стоялъ онъ, не знаю почему до сихъ поръ остается незастроеннымъ. Престарѣлая служанка, при пособіи благочиннаго съ причетомъ приходскимъ, воскресивъ Вѣру изъ обморока, нашла съ нею убѣжище въ домѣ сего достойнаго пастыря. Пожаръ случился столь нечаянно и всѣ обстоятельства онаго были такъ странны, что полиція нашла нужнымъ о причинахъ его учинить подробное изслѣдованіе. Но такъ какъ подозрѣніе не могло падать на престарѣлую служанку, а еще менѣе на Вѣру, то зажигателемъ ясно оказался Варѳоломей. Описали его примѣты, искали его явнымъ и тайнымъ образомъ не только во всѣхъ кварталахъ, но и во всемъ уѣздѣ Петербургскомъ; но все было напрасно, не нашли и слѣдовъ его, что было тѣмъ болѣе удивительно, что зимою нѣтъ судоходства, и слѣдовательно ему не было никакой возможности тихонько отплыть на иностранномъ кораблѣ въ чужіе края. Неизвѣстно, до чего могло бы довести долгое изслѣдованіе; но благочинный, любя Вѣру душевно и не зная, до какой глубины могли простираться ея связи съ этимъ человѣкомъ, благоразумно употребилъ свое вліяніе, дабы потушить дѣло и не дать ему большей гласности.

Такимъ образомъ Павелъ, за которымъ послали на третій день, узнавъ отъ старухи дорогою, что было ей извѣстно изъ цѣпи несчастныхъ приключеній, нашелъ юную свою родственницу больною въ жилищѣ отца Іоанна. Гостепріимное семейство пригласило его остаться тамъ до ея выздоровленія. Вѣтренный молодой человѣкъ испыталъ въ короткое время столько душевныхъ ударовъ, и сокровенныя причины ихъ оставались въ такомъ ужасномъ мракѣ, что сіе произвело дѣйствіе неизгладимое на его воображеніе и характеръ. Онъ остепенился и нерѣдко впадалъ въ глубокую задумчивость. Онъ забывалъ и прелести таинственной Графини, и буйныя веселія юности, сопряженныя съ такими пагубными послѣдствіями. Одно его моленіе къ Небу состояло въ томъ, чтобы Вѣра исцѣлилась и онъ могъ служить для нея образцемъ вѣрнаго супруга. Въ минуты уединеннаго свиданія онъ рѣшался предлагать ей сіи мысли; но она, впрочемъ оказывая ему сестрину довѣрчивость, съ неизмѣнною твердостью отвергала ихъ. «Ты молодъ, Павелъ,» говорила она, «а я отцвѣла мой вѣкъ; скоро приметъ меня могила, и тамъ Богъ милосердый, можетъ быть, пошлетъ мнѣ прощеніе и спокойствіе.» Эта мысль ни на часъ не оставляла Вѣру; притомъ ее кажется мучило тайное убѣжденіе, что она своею слабостію допустила злодѣя совершить погибель матери въ сей, а можетъ быть—кто знаетъ?—и въ будущей жизни. Никакое врачевство не могло возвратить ей ни веселости, ни здоровья. Поблекла свѣжесть ланитъ ея — небесные глаза, утративъ прежнюю живость, еще плѣняли томнымъ выраженіемъ грусти, угнетавшей душу ея прекрасную.—Весна не успѣла еще украсить луга новою зеленью, когда сей цвѣтокъ, обѣщавшій пышное развитіе, сокрылся невозвратно въ лонѣ природы всепріемлющей.

Надобно догадываться, что Вѣра предъ кончиною, кромѣ духовнаго отца, повѣрила и Павлу тѣ обстоятельства послѣдняго года своей жизни, которыя могли быть ей одной извѣстными. Когда она скончалась, юноша не плакалъ, не обнаруживалъ печали. Но вскорѣ потомъ онъ оставилъ столицу, и, сопровождаемый престарѣлымъ слугою, поселился въ дальней вотчинѣ. Тамъ во всемъ околоткѣ слылъ онъ чудакомъ и въ самомъ дѣлѣ показывалъ признаки помѣшательства. Не только сосѣди, но самые крестьяне и слуги послѣ его пріѣзда, ни разу не видали его. Онъ отростилъ себѣ бороду и волосы, не выходилъ по три мѣсяца изъ кабинета, большую часть приказаній отдавалъ письменно, и то еще, когда положатъ на его столъ бумагу къ подписанію, случалось, что онъ вмѣсто своего имени возвратитъ ее съ чужою странною подписью. Женщинъ не могъ онъ видѣть, а при внезапномъ появленіи высокаго бѣлокураго человѣка съ сѣрыми глазами, приходилъ въ судороги, въ бѣшенство. Однажды, шагая по своему обыкновенію по комнатѣ, онъ подошелъ къ двери въ то самое время, какъ Лаврентій отворилъ ее неожиданно, чтобъ доложить ему о чемъ-то. Павелъ задрожалъ: «Ты—не я уморилъ ее,» сказалъ онъ отрывисто и черезъ недѣлю просилъ прощенія у стараго дядьки, ибо вытолкнулъ его такъ неосторожно, что тотъ едва не проломилъ себѣ затылокъ о простѣнокъ. — «Послѣ этого,» говорилъ Лаврентій, «я всегда прежде постучусь, а потомъ ужъ войду съ докладомъ къ его милости.»

Павелъ умеръ, далеко не доживъ до старости. Повѣсть его и Вѣры извѣстна нѣкоторымъ лицамъ средняго класса въ Петербургѣ чрезъ которыхъ дошла и до меня по изустному преданію. Впрочемъ, почтенные читатели, вы лучше меня разсудите, можно ли ей повѣрить, и откуда у чертей эта охота вмѣшиваться въ людскія дѣла, когда никто не проситъ ихъ?

Титъ Космократовъ.

А. П. Кернъ разсказывала о Пушкинѣ: «Когда онъ рѣшался быть любезнымъ, то ничто не могло сравниться съ блескомъ, остротою и увлекательностію его рѣчи. Въ одномъ изъ такихъ настроеній онъ, собравши насъ въ кружокъ, разсказалъ сказку про чорта, который ѣздилъ на извозчикѣ на Васильевскій островъ. Эту сказку съ его же словъ записалъ нѣкто Титовъ и помѣстилъ, кажется, въ Подснѣжникѣ. Пушкинъ былъ невыразимо милъ, когда задавалъ себѣ тему угощать и занимать общество» (Воспоминанія о Пушкинѣ—«Библіот. для Чтенія» 1859 г., т. CLIV, № 4, стр. 117).

Воспоминанія Кернъ отличаются вообще фактической правдивостью (см. выше, примѣч. къ №№ 401, 532, 540, 559, 571, 574). Фантастическая сказка дѣйствительно напечатана, и именно Титовымъ, но не въ «Подснѣжникѣ», а въ другомъ альманахѣ — «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 г., «Проза», стр. 147—217, подъ заглавіемъ: «Уединенный домикъ на Васильевскомъ. Повѣсть», и подписана: «Титъ Космократовъ».

Самъ же носитель этого псевдонима писалъ въ 1879 г. А. В. Головнину, бывшему министру народнаго просвѣщенія, который почему-то интересовался разсказомъ «Уединенный домикъ на Васильевскомъ островѣ»: «Въ строгомъ историческомъ смыслѣ это вовсе не продуктъ Космократова, а Александра Сергѣевича Пушкина, мастерски разсказавшаго всю эту чертовщину уединеннаго домика на Васильевскомъ островѣ поздно вечеромъ, у Карамзиныхъ, къ тайному трепету всѣхъ

дамъ и въ томъ числѣ обожаемой тогда самимъ Пушкинымъ и всѣми нами Екатерины Николаевны, позже бывшей женою князя Петра Ив. Мещерскаго. Апокалипсическое число 666, игроки-черти, метавшіе на карту сотнями душъ, съ рогами, зачесанными подъ высокіе парики,—честь всѣхъ этихъ вымысловъ и главной нити разсказа принадлежитъ Пушкину. Сидѣвшій въ той же компатѣ Космократовъ подслушалъ; воротясь домой, не могъ заснуть почти всю ночь и нѣсколько времени спустя положилъ съ памяти на бумагу. Не желая, однако, быть ослушникомъ ветхо-завѣтной заповѣди «Не укради», пошелъ съ тетрадью къ Пушкину въ гостиницу Демутъ, убѣдилъ его прослушать отъ начала до конца, воспользовался многими, очень памятными его поправками и потомъ, по настоятельному желанію Дельвига, отдалъ въ «Сѣверные Цвѣты» (см. «Мои воспоминанія» бар. А. И. Дельвига, I, 158).

Фактъ ясенъ. Предъ нами—разсказъ Пушкина, записанный другимъ, но редактированный самимъ Пушкинымъ. Именно тѣмъ, что это разсказъ Пушкина, можно объяснить «настоятельное желаніе» Дельвига помѣстить его въ своемъ альманахѣ,—тѣмъ болѣе, что самъ Титовъ, начинающій, молодой работникъ, не могъ разсчитывать на такое вниманіе. Кстати — нѣсколько словъ о Титовѣ и другихъ упомянутыхъ лицахъ.

Влад. Павл. Титовъ родился 28 февраля 1807 г. въ старой дворянской семьѣ; со стороны матери онъ приходился племянникомъ министру юстиціи Д. В. Дашкову. Образованіе получилъ въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, учился много и разносторонне, прекрасно зналъ классическія литературы, на семнадцатомъ году поступилъ въ московскій архивъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ и четыре года пробылъ «архивнымъ юношей». Его друзьями и товарищами были: Д. В. Веневитиновъ, А. И. Кошелевъ, братья Кирѣевскіе, Д. Н. Свербеевъ, М. П. Погодинъ, С. П. Шевыревъ. У извѣстной княгини З. А. Волконской онъ встрѣчался съ Мицкевичемъ и Пушкинымъ. Когда члены этого кружка юныхъ «любомудровъ» стали издавать «Московск. Вѣстникъ», возникшій при сочувствіи и нѣкоторомъ участіи Пушкина, Титовъ сдѣлался усерднымъ сотрудникомъ новаго журнала и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ помѣщалъ въ немъ статьи, замѣтки и компиляціи по литературѣ, исторіи, искусству. Въ 1828 г. онъ переѣхалъ на службу въ Петербургъ, и къ этому году, вѣроятно, и относится его новая встрѣча съ Пушкинымъ, благодаря которой сохранился занимающій насъ разсказъ великаго поэта. Еще нѣсколько лѣтъ спустя Титовъ началъ отставать отъ литературы и дѣлать карьеру, которая пошла блистательно. Въ 1839 г. онъ уже занималъ важную должность генеральнаго консула въ Валахіи и Молдавіи, а въ 1843 г. былъ назначенъ посланникомъ при Блистательной Портѣ; онъ занималъ этотъ постъ до Крымской кампаніи. Одно время, недолгое впрочемъ, онъ завѣдывалъ воспитаніемъ наслѣдника престола Николая Александровича и его братьевъ Александра (впослѣдствіи императора), Владиміра и Алексѣя. Потомъ опять служилъ по дипломатическому вѣдомству, былъ членомъ Государственнаго Совѣта, гдѣ съ 1882 г. предсѣдательствовалъ въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, былъ почетнымъ опекуномъ, предсѣдателемъ археографической комиссіи, и умеръ, насытясь днями и почестями до Андрея Первозваннаго включительно, 14 сентября 1891 г. въ Харьковѣ (тамъ и похороненъ). Это былъ очень образованный, живой и воспріимчивый человѣкъ, падкій на всякую, безъ разбора, умственную пищу (Тютчевъ говорилъ, что, вѣроятно, Господь поручилъ Титову составить инвентарь всему мірозданію), но небольшой писатель. Для насъ послѣднее обстоятельство имѣетъ даже особенную цѣнность: незначительная авторская индивидуальность Титова, значитъ, должна была совершенно подчиниться Пушкинской силѣ тамъ, гдѣ пришлось имъ вступить въ неожиданный союзъ.

Въ семьѣ Карамзина, уже покойнаго тогда, Пушкинъ бывалъ часто. Тамъ его любили, и онъ самъ не только чтилъ память историка, которой посвятилъ своего «Годунова», но былъ въ большой дружбѣ съ дѣтьми и съ вдовой Карамзина, сестрою своего друга, князя П. А. Вяземскаго. Екатерина Николаевна Карамзина была, по отзывамъ всѣхъ, кто ее зналъ, существо очаровательное. «Въ тебѣ—открытый свѣтъ! Прекрасная душа, цвѣти не увядая»—обращался къ ней Жуковскій въ посвященныхъ ей стихахъ. Е. Н. Карамзина (род. 22 сентября 1805 г., умерла 10 ноября 1867 г.) вышла впослѣдствіи за князя П. И. Мещерскаго. Екатеринѣ Николаевнѣ принадлежитъ чрезвычайно интересное письмо о смерти и похоронахъ Пушкина.

Пушкинъ охотно уступилъ Титову свой разсказъ и даже преподалъ юношѣ много совѣтовъ. Онъ вообще любилъ поощрять начинающихъ авторовъ. Для Ершова онъ написалъ начальные четыре стиха «Конька Горбунка» и внимательно пересмотрѣлъ всю сказку; ободрялъ Губера, переводчика «Фауста»; одобрилъ первые опыты гр. Алексѣя Толстого и Андрея Муравьева.

Быть можетъ, онъ самъ перенесъ бы на бумагу свой разсказъ, если бы не снисходительное вниманіе къ юношѣ, которому такъ захотѣлось записать разсказъ Пушкина. Тогда, несомнѣнно, мы имѣли бы произведеніе во всѣхъ отношеніяхъ значительное. Но, можетъ быть, оно такъ и заглохло бы, забылось бы, не получило бы никакого письменнаго воплощенія. «Много алмазныхъ искръ Пушкина разсыпались тутъ и тамъ въ потемкахъ, иныя уже угасли, и едва ли не навсегда», говорилъ В. И. Даль. Во всякомъ случаѣ, мы должны быть благодарны маленькому молодому писателю двадцатыхъ годовъ, который сохранилъ для насъ, по крайней мѣрѣ, самый разсказъ Пушкина, какъ таковой, фабулу, ситуаціи, характеры. Но стиль и отчасти композиція должны были потерпѣть нѣкоторый ущербъ.

«Разыгранный Фрейшицъ перстами робкихъ ученицъ»—все-таки произведеніе большого мастера, и не будь у насъ подлинника веберовской оперы, мы интересовались бы ею и въ робкой ученической передачѣ. Русская литература того времени, находилъ Пушкинъ, была бѣдна художественнымъ вымысломъ. «Главная ошибка наша»—писалъ онъ Погодину (31 августа 1827 г.)—«была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная; проза можетъ быть еще лучше, но вотъ бѣда: слишкомъ мало вздору... Кстати, о повѣстяхъ: онѣ должны быть непремѣнно существенной частію журнала... У насъ не то, что въ Европѣ—повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина, у насъ про нихъ еще толкуютъ». И Пушкинъ «благословилъ» печатать повѣсть, переданную молодымъ писателемъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», рядомъ съ отрывкомъ изъ «Арапа Петра Великаго» и такими перлами лирики, какъ «Воспо-

минаніе», «Предчувствіе». Бытовыми чертами повѣсть родится съ «Домикомъ въ Коломнѣ» и «Мѣднымъ Всадникомъ». Въ бытовомъ смыслѣ это тоже «петербургская повѣсть». Вдова-старушка съ хорошенькой простушкой-дочерью, живущія въ низенькомъ домикѣ на окраинѣ города, фигурируютъ въ «Мѣдномъ Всадникѣ» и «Домикѣ въ Коломнѣ»; тотъ же простой, бѣдный бытъ, такъ же освѣщенный теплымъ сочувствіемъ автора маленькимъ людямъ. Въ этомъ кругу Пушкинъ вскорѣ нашелъ своего «Станціоннаго смотрителя», и шедшему по его слѣдамъ Достоевскому и натуральной школѣ была открыта дорога къ «Бѣднымъ людямъ» и городской мѣщанской бѣдпотѣ.

Къ фантастикѣ Пушкинъ, отъ природы суевѣрный, боявшійся неблагопріятныхъ народныхъ примѣтъ и вѣрившій въ талисманы, всегда питалъ слабость. Въ его прозѣ «Гробовщикъ» можетъ служить комическимъ выраженіемъ этой склонности къ чудесному, «Пиковая дама»—трагическимъ. Въ «Уединенномъ домикѣ» щедро заплачена дань «страшному»—тутъ и число звѣриное 666, и другъ-дьяволъ, и извозчикъ-мертвецъ, и черти-игроки, ставящіе на карту не рубли, а грѣшныя души человѣческія, и символическія сновидѣнія,—словомъ, полный арсеналъ романтической чертовщины.

Юмористической ноткой въ концѣ повѣсти авторъ замѣтно пытается смягчить впечатлѣніе всѣхъ этихъ ужасовъ. «Во вкусѣ умной старины» разсказъ пропитанъ моралью: и герой, и героиня—оба несутъ кару за недостатокъ нравственной выдержки, за чрезмѣрную податливость соблазну. На повѣсти лежитъ печать несомнѣннаго литературнаго вліянія—разсказовъ Гофмана.

1051. [ВЕЗИ, ВЕЗИ, НЕ ЖАЛѢЙ...]

Вези, вези, не жалѣй,
Со мной ѣхать веселѣй!

Мнѣ изюмъ
Нейдетъ на умъ,
Цуккербродъ
Не лѣзетъ въ ротъ,
Пастила нехороша
Безъ тебя, моя душа.

Записано Пушкинымъ на оборотѣ листка послѣ передней крышки переплета I тома книги «L'Achilléide et les Sylves de Stace, traduites en français par P. L. Cormiliolle», находящейся въ библіотекѣ Пушкина; напеч. въ «Пушк. и его соврем.», IX—X, 342 (со спимкомъ). Подъ стихами рукою А. П. Кернъ написано: «А. К. 19-е окт. 1828-го года. С.-П—гъ». Въ этотъ день Пушкинъ уѣзжалъ изъ Петербурга въ Тверскую губернію и Москву, и къ данному отъѣзду относится «напутственная» шутка. Она представляетъ собою варіацію на извѣстную пѣсенную тему. «Русскій инвалидъ», И. Н. Скобелевъ, въ одномъ изъ своихъ разсказовъ («Библіотека для Чтенія» 1834 г., т. II, отд. I, стр. 81) приводитъ «любимую пѣсенку добрыхъ, почтенныхъ старушекъ нашихъ:

Ходи, миленькой, почаще,
Носи пряничковъ послаще;
Винограду—
Хоть для взгляду,
А изюму—
Ради уму!»

1052. NEC TEMERE, NEC TIMIDE.

Въ утломъ челнѣ и беззвѣздною ночью я,
бурѣ навстрѣчу,
Въ море пускался; буря же къ пристани
прямо меня принесла.
— Путникъ! Судьбы не испытывай; челны
другихъ погибали.

—

Берегъ на гордой триремѣ оставилъ я въ
полдень блестящій,
Тихому Эвру мой парусъ довѣря. — И что
же? Погибъ я.
— Путникъ! Судьбы не страшись: многіе
брега достигли.

Л. С. Пушкинъ, братъ поэта, въ 1850 г. показывалъ Н. Ѳ. Щербинѣ и Б. М. Маркевичу (см. письмо Маркевича къ кн. Н. Н. Голицыну въ «Русс. Вѣстникѣ» 1888 г., сент., 426 430) списокъ этой пьесы, до насъ не дошедшій. Щербина призналъ «пошибъ совсѣмъ пушкинскій». Стихотвореніе переписано было рукою П. В. Нащокина. «Однажды въ Москвѣ я у него жилъ»,—разсказывалъ Левъ Сергѣевичъ,—«вернулся я вечеромъ съ какого-то обѣда, на которомъ выпито было, какъ говорится, зѣло. Вхожу, вижу, сидятъ у него братъ, Соболевскій и Туманскій, читаютъ что-то и смѣются. «Ну, ну, вотъ и прочитай Левушкѣ», кричитъ братъ Нащокину. Тотъ и началъ вотъ это самое: «Въ утломъ челнокѣ и беззвѣздною ночью»... Только конца я уже положительно не слышалъ,—расхохотался Левъ Сергѣевичъ, сверкая изъ-подъ усовъ своими крупными бѣлыми зубами, потому что ноги меня не держали; опустился я на диванъ и заснулъ, какъ убитый... Проснувшись на другой день, я и не вспомнилъ объ этихъ стихахъ, никто о нихъ не заводилъ и рѣчи, и, найдя ихъ теперь у себя, мнѣ стоило даже въ первую минуту труда припомнить, что это такое и гдѣ что-то подобное я слышалъ...»

Кто-то вошелъ въ эту минуту съ визитомъ къ Льву Сергѣевичу, и разговоръ нашъ оборвался.

Препровождая къ вамъ—обращается къ Голицыну Маркевичъ—и стихи (я ихъ тогда же списалъ), и мой разсказъ къ нимъ, предоставляю вамъ рѣшить вопросъ: въ какой мѣрѣ почитаете вы возможнымъ приписать ихъ А. С. Пушкину, и не мистифицировалъ ли насъ съ Щербиною Левъ Сергѣевичъ (онъ отъ этого былъ не прочь), прочитавъ намъ собственную свою поддѣлку подъ «пошибъ» геніальнаго брата?»

Голицынъ уклонился отъ всякаго отвѣта на вопросъ. Пробовалъ заняться имъ Л. Н. Майковъ (см. его «Пушкинъ», СПб., 1899, стр. 30—31) и писалъ: «черезчуръ литературный (?) характеръ этого разсказа побуждаетъ отнестись къ нѣкоторымъ его частностямъ съ осторожностью, но въ общемъ онъ, кажется, заслуживаетъ довѣрія. Прежде всего замѣтимъ, что оба брата Пушкины дѣйствительно находились въ Москвѣ, мѣстѣ постояннаго пребыванія Соболевскаго и Нащокина, лѣтомъ 1830 года. Далѣе для приведеннаго выше антологическаго стихотворенія у А. Пушкина могутъ быть указаны параллели въ подражаніи Моску «Земля и море» (1821 г.) и въ заимствованіяхъ изъ греческой антологіи (1833 г.)». Дальше этихъ осторожныхъ замѣчаній Майковъ не пошелъ.

Не подлежатъ сомнѣнію ни вѣрность разсказа Маркевича и передачи имъ стиховъ, которые онъ «тогда же списалъ», ни справедливость безхитростнаго разсказа Л. С. Пушкина, который не рѣшился категорически приписать ихъ брату. Первая подтверждается вышеупомянутымъ совпаденіемъ нѣкоторыхъ подробностей показаній Маркевича съ другими данными; что же касается до второй, то, вопреки мнѣнію Маркевича, намъ неизвѣстна ни одна мистификація Льва Сергѣевича. Въ стихахъ, какъ вѣрно замѣтилъ Щербина, дѣйствительно виденъ «пошибъ совсѣмъ пушкинскій», и такихъ стиховъ не могли написать ни самъ Левъ Сергѣевичъ (словамъ котораго къ тому же, повторяемъ, нѣтъ основаній не вѣрить), ни Соболевскій, съ языка и съ пера котораго сходили только юмористическіе стихи и ядовитыя эпиграммы, ни Нащокинъ, никогда ничего не писавшій, ни посредственный поэтъ Туманскій, которому далеко до такихъ стиховъ.

Нащокинъ, какъ извѣстно, любилъ Пушкина, поклонялся ему, и всего естественнѣе будетъ предположить, что если онъ записалъ ихъ, то именно потому, что, они принадлежали его кумиру и лучшему другу. Несмотря на недостатки второго стиха, слишкомъ полнаго, и послѣдняго, неполнаго (если читать дѣйствительно «страшись», а не «страшися»), что объясняется неотдѣланностью стиховъ (Пушкину случалось, впрочемъ, просто ошибаться въ счетѣ и сочетаніи гекзаметрическихъ стопъ, и бар. Е. Ѳ. Розенъ однажды исправилъ у него въ корректурѣ подобный недочетъ), имъ не можетъ не быть придана высокая эстетическая оцѣнка, которая, въ связи съ другими фактическими данными, разсказанными Л. С. Пушкинымъ, дѣлаетъ весьма вѣроятной принадлежность ихъ Пушкину, и въ этомъ отношеніи ихъ, во всякомъ случаѣ, приходится выдѣлить изъ множества приписываемыхъ Пушкину по разнымъ причинамъ стихотвореній. При тѣхъ обстоятельствахъ, о которыхъ разсказывалъ Левъ Пушкинъ, стихи такого достоинства могли принадлежать только его геніальному брату.

Пьеса представляетъ собою распространенное переложеніе антологическаго стихотворенія, переведеннаго также Батюшковымъ («О греческой антологіи», СПб., 1820):

Съ отвагой на челѣ и съ пламенемъ въ крови
Я плылъ, но съ бурей вдругъ предстала смерть ужасна.
О юный плаватель, сколь жизнь твоя прекрасна!
Ввѣряйся челноку, плыви!

Переведено оно и Д. В. Дашковымъ («Утопшій къ пловцу»—«Сѣв. Цвѣты» на 1825 г., стр. 307):

Въ бурныхъ волнахъ я погибъ: но ты—плыви безъ боязни!
Море, меня поглотивъ, въ пристань другихъ принесло.

Въ антологіи приписывается Ѳеодориду.

1053. [ПОКОЙНИКЪ, АВТОРЪ СУХОЩАВЫЙ...]

Покойникъ, авторъ сухощавый,
Писалъ для денегъ, пилъ изъ славы.

Набросано на поляхъ бѣлового, съ поправками, автографа «Ямба» («Черни»), принадлежавшаго Л. Н. Майкову, а нынѣ находящагося у великаго князя Константина Константиновича. Съ нѣкоторою вѣроятностью двустишіе можетъ быть отнесено къ 1828 г. (см. «Труды и дни Пушкина», изд. 2-ое, стр. 456). Напечатано въ «Вѣсахъ» 1907 г., мартъ, 7, 8.

1054. [ЧЕТЫРЕ ШУТКИ.]

I.

День блаженства настоящій
Дѣва вкуситъ наконецъ,
Часъ пробьетъ, и . . . . . .
. . . . . .

II.

Мы наслажденіе удвоемъ!
. . . . . .

III.

Дѣва, ... не топырь:
. . . . . нетопырь.

IV.

Овдотья Яковлевна пахнетъ
. . . . . .

Эти четыре шутки (I—четверостишіе, остальныя—двустишія) напечатаны, съ необходимыми цензурными сокращеніями, В. Я. Брюсовымъ («Письма П—па и къ П—ну», М., 1903, стр. 157, 168, 169) съ копіи, гдѣ указано: «списано съ подлинной, собственноручной Пушкина рукописи, хранящейся у Петра Сергѣевича Киселева». Подлинный автографъ находится у Н. П. Киселева, въ Москвѣ (письмо его къ Н. Лернеру 14 ноября 1910 г.). Пушкинъ былъ въ большой дружбѣ съ отцомъ перваго и дѣдомъ второго, С. Д. Киселевымъ (см. примѣч. къ № 535, 555). Онъ женился на Елиз. Никол. Ушаковой; см. письма къ нему Пушкина (15 ноября 1829 г. и 1831 г., мартъ). Приблизительная хронологія этихъ риѳмованныхъ дурачествъ—1827—1829 годы, когда Пушкинъ и С. Д. Киселевъ, оба еще холостые, щедро платили дань молодости.

Подобными версификаторскими фокусами отличался Д. Д. Минаевъ. Не чуждался ихъ Влад. Соловьевъ. Онъ однажды писалъ Н. Я. Гроту («Н. Я. Гротъ въ очеркахъ, воспоминаніяхъ и письмахъ»..., СПб., 1911, стр. 291):

Невронъ финляндскій, страждущій невритомъ,
Привѣтъ свой шлетъ московскому неврону!
Все бытіе земное, что ни врн тамъ,
Все въ рѣку брошено (въ рѣку) временъ—не въ Рону!

Въ «Утопленникѣ» Пушкинъ риѳмовалъ: «по калачу»—«поколочу».

1055. [ПУСКАЙ УВѢНЧАННЫЙ ЛЮБОВЬЮ КРАСОТЫ...]

Пускай увѣнч[анный] люб[овью] кра-
с[оты]
Въ завѣт[номъ] зол[отѣ] хранитъ ея черты
И письма тайныя, награду долгой муки.
Но въ [тяжкіе] часы томительной разлуки
Ничто, ничто моихъ не радуетъ очей,
И ни единый даръ возлюбленной моей,
Драгой залогъ любви, утѣха грусти нѣж-
ной,
Не лѣчитъ ранъ любви безумной, безна-
дежной.

Съ автографа, находящагося въ майковской коллекціи рукописей Пушкина, хранящейся въ Академіи Наукъ (см. «Пушк. и его соврем.», IV, 20—21, гдѣ приведены первые два стиха), пьеса напечатана въ III т. академич. изд. Соч. Пушкина, стр. 216, съ отнесеніемъ къ 1824 г. (ibid., примѣч., 389) на томъ основаніи, что «именно въ эту пору поэтъ, внезапно перенесенный съ юга на сѣверъ, долженъ былъ особенно чувствовать тяжесть «часовъ томительной разлуки» съ милыми сердцу». Намъ это единственное «основаніе» кажется шаткимъ; лишь съ приблизительной вѣроятностью можно датировать стихотвореніе 20-ми годами.

1056. [ОЧЕСА—ЧУДЕСА...]

Очеса—чудеса,
Подъ очами небеса,
Волоса какъ лѣса,
Ниже . . . . . коса,
Талья точно какъ оса,
Бедра круче колеса,
И . . . . . .
Оттопырились comme ça.
А . . . . . моя краса,—
Будетъ Божія роса.

Эти десять стиховъ, съ необходимыми цензурными сокращеніями, напечатаны В. Я. Брюсовымъ («Письма П—на и къ П—ну», М., 1903, стр. 156, текстъ немного дополненъ нами по нашему списку) по старому рукописному сборнику, гдѣ указано: «записано со словъ князя П. А. Вяземскаго». Источникъ заслуживаетъ довѣрія какъ потому, что въ томъ же сборникѣ находятся четыре шутки, оправдываемыя автографомъ Пушкина, такъ и потому, что стихи приписывалъ Пушкину кн. П. П. Вяземскій (см. Сочин. П., изд. П. А. Ефремова, 1880 г., II, 439; 1882 г., II, 418; т. VIII, 1905 г., 270). Ефремовъ печаталъ ихъ по-разному и неисправно и относилъ, со словъ кн. П. П. Вяземскаго, къ 1830 г. «По нѣкоторымъ даннымъ»—говоритъ В. Я. Брюсовъ (l. c.)—«мы относимъ эти стихи къ болѣе раннему времени». Не они ли, подъ названіемъ «Ахъ, какія чудеса»... упоминаются Н. В. Гербелемъ въ берлинскомъ томикѣ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина, 1861 г., стр. XI? В. Я. Брюсовъ озаглавливаетъ ихъ: «На Истомину».

1057. АКТЕОНЪ.

[Программа].

Морфей влюбленъ въ Діану—Его дворъ-онъ усыпляетъ Ендиміона—Діана назначаетъ ему свиданіе и находитъ его спящимъ— . . . . Актеонъ это узнаетъ отъ Ѳеоны, Наяды, не спитъ, наконецъ видитъ Діану въ источникѣ.

Актеонъ, un fat, après avoir séduit Théone, Naïade, lui demande l'histoire scandaleuse de Diane—Théone médit Morphée etc. etc. Актеонъ voit Diane, en devient amoureux, la trouve au bain, meurt dans la grotte de Théone.—

Этотъ набросокъ поэтическаго замысла впервые напечатанъ въ III т. академич. изд. Сочин. Пушкина, примѣч., стр. 108—109, съ автографа, находящагося въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина (см. «Пушк. и его соврем.», IV, 22). П. О. Морозовъ усматриваетъ въ немъ «приступъ» къ начатой пьесѣ «Въ лѣсахъ Гаргаріи щастливой»... (см. во II т. настоящ. изд., стр. 156), но никакихъ хронологическихъ основаній для отнесенія наброска къ 1821—1822 г.г. нѣтъ. Программа Пушкина представляетъ собою самостоятельную обработку миѳологическихъ сюжетовъ объ Эндиміонѣ и Актеонѣ.

1058. [ПОСВЯЩЕНІЕ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ «БАХЧИСАРАЙСКАГО ФОНТАНА».]

[Черновой набросокъ].

Посвящаю тебѣ стихотвореніе, нѣкогда явившееся подъ твоимъ покровительствомъ, и которое тебѣ обязано было большею частію своимъ успѣхомъ. Да будетъ оно залогомъ моей неизмѣнной дружбы и скромнымъ памятникомъ моего уваженія къ благородному характеру, любви къ твоему прекрасному таланту. *А. П.*

Исчерканный черновой набросокъ находится въ принадлежащемъ академіи наукъ майковскомъ собраніи автографовъ Пушкина (см. «Пушк. и его совр.», IV, 5, № 11); впервые напечатанъ въ III т. академич. изд. Сочин. Пушкина, примѣч., стр. 197. Бѣловая редакція до насъ не дошла. Пушкинъ хотѣлъ напечатать посвященіе при третьемъ изданіи «Бахчисарайскаго Фонтана» (1830 г.), но это ему не удалось. Отчего»—писалъ онъ Вяземскому 2 мая 1830 г.—«не напечатано мое посвященіе тебѣ въ третьемъ изданіи Фонтана? Неужто мой Цензоръ не пропустилъ? Это для меня очень досадно»... Весьма возможно, что посвященіе дѣйствительно не было пропущено самимъ Николаемъ Павловичемъ, подозрительно смотрѣвшимъ тогда

на Вяземскаго. Пушкинъ былъ благодаренъ Вяземскому за его историческое предисловіе къ поэмѣ (см. во II т., стр. 186, 618 и примѣч. къ № 486).

ИЗЪ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

1830 г.

Составившая эпоху въ исторіи русской прессы «Литературная Газета» 1830 г. и своимъ появленіемъ и самымъ существованіемъ, какъ уже давно въ общихъ чертахъ извѣстно, была обязана главнымъ образомъ Пушкину. Его другъ, баронъ А. А. Дельвигъ, получившій отъ правительства разрѣшеніе на нее, былъ издателемъ «Газеты», но ея вдохновителемъ и главною силою былъ Пушкинъ. Великому писателю давно хотѣлось создать органъ чистой литературы и литературной критики и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабить пагубное вліяніе на младенческую еще общественную мысль «Сына Отечества» и «Сѣверной Пчелы» Греча и Булгарина. Пушкинъ былъ убѣжденъ, что въ послѣднее пятилѣтіе Александровскаго царствованія онъ одинъ «имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ министерство [народнаго просвѣщенія, въ рукахъ котораго находилась тогда и цензура], несмотря на неизмѣримое неравенство средствъ». О расширеніи этихъ «средствъ» онъ никогда не переставалъ мечтать—вплоть до возникновенія «Современника». Издатель «Московскаго Телеграфа» Н. А. Полевой не оправдалъ надеждъ, которыя на него возлагали прогрессивные читатели, и не велъ борьбы съ петербургскими монополистами печати. Спалъ съ взятаго по началу тона другой московскій журналъ, «Московскій Вѣстникъ», созданіе веневитиновскаго кружка. Пушкинъ, который въ 1828 г. совѣтовалъ его руководителю, Погодину, «терпѣніемъ, добросовѣстностью, благородствомъ и особенно настойчивостью оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности», охладѣлъ съ теченіемъ времени къ «Московскому Вѣстнику». Группа, во главѣ которой стоялъ Пушкинъ, и къ которой примыкали кн. П. А. Вяземскій, Боратынскій, Жуковскій, осталась безъ собственнаго журнала. Дельвига тогда, какъ замѣчаетъ его біографъ В. П. Гаевскій («Современникъ», т. XLVII, отд. III, стр. 38), «упросили» издавать органъ Пушкинской литературной группы, и Пушкинъ, конечно, сталъ душою новаго журнала и его усерднымъ участникомъ. Въ «Литер. Газетѣ» 1830 г. Пушкинъ помѣстилъ большой разборъ перваго тома «Исторіи русскаго народа» Полевого, отрывки изъ «Арапа Петра Великаго» и «Путешествія въ Арзрумъ» и рядъ стихотвореній и критическихъ и полемическихъ статей и замѣтокъ. «Литературную Газету» Пушкинъ самъ настолько считалъ своимъ созданіемъ, что, издавая «Современникъ», заявилъ во всеуслышаніе: «Современникъ по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному образу мнѣній о предметахъ, подлежащихъ его суду, будетъ продолженіемъ Литературной Газеты». Въ этихъ словахъ, подтверждаемыхъ многими другими данными, ясно читается признаніе: «Литерат. Газета»—это я!—Молодой Ив. Кирѣевскій писалъ въ началѣ 1830 г. своему отчиму, А. А. Елагину: «на «Литерат. Газету» подпишитесь непремѣнно, милый другъ папенька. Это будетъ газета достоинства европейскаго, большая часть статей въ ней будетъ писана Пушкинымъ, который открылъ средство къ критикѣ, въ простомъ извѣщеніи объ книгѣ, быть такимъ же поэтомъ, какъ въ стихахъ» (Соч. Ив. Кирѣевскаго, изд. 1911 г., т. I, стр. 18—19).

Значительная часть членовъ Пушкинскаго кружка и привлеченныхъ имъ сотрудниковъ охладѣла къ начинанію, какъ водится у насъ, слишкомъ быстро. «Всѣ эти основатели газеты», какъ выражается Анненковъ, «помогали ей впослѣдствіи болѣе совѣтами, чѣмъ произведеніями своими» («Общественные идеалы Пушкина»—«Вѣстн. Европы», 1880, іюнь, 599). Самъ Дельвигъ въ началѣ января уѣхалъ въ Москву и оставилъ газету на рукахъ Пушкина, который жаловался вскорѣ Вяземскому: «скучно издавать газету одному...» «Александръ Пушкинъ до пріѣзда Дельвига надзираетъ за изданіемъ «Литерат. Газеты»,—писалъ 8 января С. Т. Аксакову драматургъ князь А. А. Шаховской, который далъ Пушкину обѣщаніе прислать въ газету отрывокъ изъ своей новой пьесы («Русск. Архивъ» 1873 г., 1, ст. 0472, 0474).

Газета выходила «и въ отсутствіе Дельвига»—говоритъ Гаевскій (тамъ же, 41)—«прежнимъ порядкомъ при дѣятельномъ участіи Пушкина и князя Вяземскаго, многія сочиненія которыхъ являлись въ газетѣ безъ подписи». Уже по возвращеніи въ Петербургъ Дельвигъ спрашивалъ Пушкина, тогда, въ свою очередь, уѣхавшаго въ Москву: «доволенъ ли ты продолженіемъ газеты?», т. е. продолженіемъ дѣла, начатаго самимъ Пушкинымъ.

Эти и подобныя указанія на выдающееся участіе Пушкина въ «Литерат. Газетѣ» какъ-то мало привлекали вниманіе издателей сочиненій Пушкина и собирателей его авторскаго наслѣдія, и «Литерат. Газета» не подвергалась въ этомъ отношеніи детальному обслѣдованію. Еще Бѣлинскій въ 1841 г. писалъ: «сколько еще въ журналахъ статей, которыя публика читала, не зная, что авторъ ихъ—Пушкинъ!» и говорилъ о «множествѣ мелкихъ статей» въ «Литературной Газетѣ». Анненковъ («Матеріалы для біографіи Пушкина», изд. 1855 г., стр. 250—251) заявлялъ: «много отдѣльныхъ замѣтокъ, мѣткихъ, исполненныхъ остроумія, было помѣщено на листкахъ газеты, но мы уже не можемъ указать ихъ читателямъ. Онѣ не были имъ подписаны и не сохранились, къ сожалѣнію, въ рукописяхъ поэта, а завѣренія и свидѣтельства его друзей, какъ преданія словесныя, не придаютъ дѣлу той юридической достовѣрности, которая необходима для опредѣленія литературной собственности». Въ другомъ мѣстѣ Анненковъ, возвращаясь къ этому вопросу, говоритъ: «А. С. Пушкинъ весьма много писалъ для газеты, издававшейся однимъ изъ самыхъ близкихъ ему людей, но большая часть статей этихъ не сохранилась въ черновыхъ бумагахъ и, такимъ образомъ, не можетъ быть признана за нимъ съ достовѣрностью, хотя въ нѣкоторыхъ, преимущественно мелкихъ критическихъ замѣткахъ, рука его чувствуется довольно ясно» (Анненковское изд. сочин. Пушкина, V, 633). При дальнѣйшихъ своихъ занятіяхъ Пушкинымъ Анненковъ указалъ еще нѣкоторыя «замѣтки его, появившіяся въ смѣси «Литерат. Газеты» и не попавшія ни въ одинъ изъ сборниковъ его твореній» («Обществ. идеалы», стр. 601). Слѣдующіе издатели удовлетворились сообщеніями Анненкова, и вопросъ о дѣйствительныхъ размѣрахъ участія Пушкина въ «Лит. Газетѣ» долго никѣмъ не обсуждался. Нельзя не пожалѣть о проявленномъ Анненковымъ не-

довѣрія къ «завѣреніямъ и свидѣтельствамъ друзей» Пушкина; мы не знаемъ, о комъ говорилъ Анненковъ, но если это были люди литературныхъ интересовъ, вродѣ Соболевскаго, Вяземскаго или Кирѣевскаго, то ихъ показанія стоили бы «юридической достовѣрности». Но и самъ Анненковъ признавалъ возможность кое-гдѣ довольно ясно чувствовать руку Пушкина.

Нѣсколько лѣтъ назадъ впервые обратился непосредственно къ «Лит. Газетѣ» пишущій настоящія строки, и результатомъ этой работы было установленіе принадлежности перу Пушкина нѣсколькихъ критическихъ и полемическихъ статей и замѣтокъ, между прочимъ, объ «Адольфѣ» Б. Констана (см. настоящ. изд., № 886) о стихахъ С.-Бева (№ 945); онѣ опубликованы въ XII вып. «Пушк. и его соврем.» и въ «Сѣверн. Запискахъ», 1913, февр.

Помимо всякихъ историческихъ и непререкаемо-документальныхъ основаній, Анненковъ и другіе изслѣдователи, молчаливо удовлетворившіеся его данными, не потрудились прежде всего учесть одну весьма важную при рѣшеніи интересующей насъ задачи функцію. Это—стиль писателя, его «рука» (какъ слабо намекнулъ Анненковъ), его индивидуальная физіономія, его темпераментъ. Чѣмъ писатель значительнѣе, тѣмъ эти черты рѣзче и опредѣленнѣе, и Кирѣевскій былъ вполнѣ правъ, считая Пушкина въ газетныхъ статьяхъ «такимъ же поэтомъ, какъ въ стихахъ». Это главное, но это еще не все. Пушкинъ для насъ—весьма ясная литературная личность. Мы знаемъ систему его убѣжденій, концепцію его критическихъ взглядовъ; знаемъ также, какія онъ могъ (и при тѣхъ обстоятельствахъ, о которыхъ мы говоримъ, онъ одинъ только могъ) высказывать литературныя мнѣн... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ допустить, что иная анонимная статья написана не Пушкинымъ, значитъ—допустить одновременное существованіе никому не извѣстнаго второго Пушкина. Возвращаясь въ частности къ «Лит. Газетѣ», мы для установленія пушкинскаго авторства примѣнили также методъ «исключенія». Всѣ эти данныя въ совокупности позволяютъ намъ приписывать Пушкину нѣсколько анонимныхъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ «Литерат. Газетѣ» 1830 г. Не довольствуясь, конечно, этимъ предварительнымъ объясненіемъ, мы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ излагаемъ доводы, продиктовавшіе намъ такое мнѣніе.

1059. [О РУССКИХЪ ПОЛЕМИСТАХЪ.]

Когда Макферсонъ издалъ *Стихотворенія Оссіана* (переводъ, подражаніе или собственное сочиненіе, — этотъ вопросъ, кажется, доселѣ еще не рѣшенъ), тогда всѣ съ восхищеніемъ читали ихъ и перечитывали. «Никто еще не былъ *опечаленъ* мыслію, (говоритъ Вилльменъ), что удивляясь симъ поэтическимъ пѣснямъ, онъ удивлялся современнику. Всѣ чувствовали *удовольствіе безъ примѣси*, то есть, читали превосходныя поэмы и не обязаны были за нихъ благодарностью *никому изъ живыхъ людей*.» Потомъ начали догадываться, допытываться, и дознались (въ правду или нѣтъ), что поэмы Оссіановы были поддѣльныя, новѣйшія произведенія, словомъ: что ихъ создалъ самъ Макферсонъ. Извѣстный критикъ Докторъ Джонсонъ, человѣкъ отмѣнно грубый, сильно напалъ на Макферсона и называлъ его обманщикомъ и злоумышленнымъ дѣлателемъ подлоговъ. Закипѣла жаркая война на перьяхъ. И вотъ образчикъ тогдашней полемики: отвѣтъ Д. Джонсона на письмо Макферсона, который гордо изъявлялъ свою досаду на обидное невѣріе Англійскаго критика.

Г. Джемсъ Макферсонъ!

«Я получилъ ваше глупое и безстыдное письмо. Я всѣми мѣрами буду стараться отражать всякое насильственное противъ меня покушеніе; а чего не могу сдѣлать самъ, то сдѣлаютъ за меня законы. Надѣюсь, что угрозы какого-нибудь негодяя никогда не отклонятъ меня отъ стремленія—изобличать обманъ.

«Какого себѣ оправданія требуете вы отъ меня? Я считалъ вашу книгу подложною, и теперь ее считаю таковою жь. Въ подтвержденіе сего мнѣнія, я представилъ публикѣ причины, которыя вызываю васъ опровергнуть. Я презираю ваше бѣшенство. Ваши дарованія, по изданіи въ свѣтъ вашего Гомера, кажется, не слишкомъ опасны; а слышанное мною о вашемъ характерѣ заставляетъ меня обращать вниманіе не на то, что вы скажете, а на то, что вы докажете. Это письмо вы можете напечатать, если хотите.»

Въ поясненіе нѣкоторыхъ словъ сего письма, должно сказать, что Макферсонъ, обольщенный успѣхомъ своего Оссіана, перевелъ Гомерову Иліаду Оссіановскимъ слогомъ и весьма неудачно.

Предлагаемъ это письмо, какъ поучительный примѣръ для нашихъ журнальныхъ Критиковъ. И почему нашимъ *Адиссонамъ* не быть и нашими *Джонсонами*?

Въ составѣ сотрудниковъ «Литерат. Газеты», вообще немногочисленномъ, Пушкинъ былъ единственнымъ интересовавшимся англійской литературой. № 5, отъ 21 января, въ которомъ помѣщена эта замѣтка («Смѣсь», стр. 40), былъ одинъ изъ составленныхъ Пушкинымъ лично. Для этого № онъ далъ также рецензію на «Юрія Милославскаго» и извѣщеніе о запискахъ палача Самсона и, кромѣ того, исправилъ стихи Вяземскаго «Къ нимъ» (объ этомъ см. письма Боратынскаго къ Вяземскому въ «Старинѣ и Новизнѣ», V, 49—50, и Сочин. Вяземскаго, IV, стр. 74—75 и II—III). Пушкину въ изданіи газеты помогалъ О. М. Сомовъ, работникъ трудолюбивый, но недалекій. На

немъ лежала черная работа, и отвѣтственныя роли ему не поручались, а эта замѣтка, направленная противъ отечественныхъ «Адиссоновъ и Джонсоновъ», была, разумѣется, весьма отвѣтственнымъ выпадомъ противъ русскихъ полемистовъ, на грубые и дерзкіе пріемы которыхъ Пушкинъ жаловался не разъ. На примѣрѣ Джонсона онъ хотѣлъ показать, какъ далеко можно зайти въ этомъ направленіи. Русскій «Адиссонъ», конечно, Булгаринъ. Адиссономъ Пушкинъ назвалъ его въ насмѣшку: Булгаринъ велъ свой журналъ въ «нравственно-сатирическомъ» духѣ, представителемъ котораго, въ прямомъ смыслѣ слова, былъ Адиссонъ со своимъ журналомъ «Spectator».

1060. [РУССКІЯ ШУТКИ.]

Кто-то замѣтилъ, что Рускія шутки выгодно пользуются правомъ давности, что чѣмъ шутка старѣе, тѣмъ она забавнѣе и однимъ словомъ, не столько шутка, сколько частое повтореніе ея смѣшитъ слушателей. Если такъ, то должно признаться, что Рускіе Журналы владѣютъ Рускою шуткою съ удивительнымъ искуствомъ. Иная шутка идетъ у нихъ на десять лѣтъ, переходитъ въ журнальномъ мірѣ изъ одного поколѣнія въ другое и примѣняется, смотря по обстоятельствамъ, къ разнымъ лицамъ. Журналы, Журналисты, подписчики смѣняются новыми, а шутка все ведется та же. Одна изъ такихъ *нетлѣнныхъ* шутокъ есть эпитетъ *знаменитыхъ*, приписываемый въ ироническомъ смыслѣ къ нѣкоторымъ именамъ, который впрочемъ, кажется, у насъ и не безъ извѣстности. Мы видѣли эту колкость въ цвѣтущей порѣ ея въ Журналахъ, которые послѣ замѣнили ее какими нибудь *Грипусье*, или другими замысловатыми вдохновеніями домашней веселости. Эта шутка, упадшая въ иномъ Журналѣ, тотчасъ была поднята съ пола другимъ, и теперь идетъ опять въ гору.

Эта замѣтка, помѣщенная въ № 18, отъ 27 марта, стр. 146, отд. «Смѣсь», вполнѣ въ духѣ Пушкина—и по слогу, и по тону, не говоря уже о содержаніи. «Повторенное острое слово становится глупостью», гласитъ одно изъ его бѣглыхъ замѣчаній. Когда журналисты долго травили И. В. Кирѣевскаго однимъ неудачнымъ его выраженіемъ, Пушкинъ писалъ: «Положимъ, все та же шутка имъ и удается. Но какая имъ отъ того прибыль?... Малое число любителей (литературы) вѣритъ наконецъ не шуткѣ, безпрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно пробивающимся мнѣніямъ здоровой критики и безпристрастія». Быть можетъ, приведенныя строки вызваны нелѣпой и беззубой выходкой «Вѣстника Европы» противъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», по поводу которой Пушкинъ писалъ въ 1831 г.: «Шутки нашихъ критиковъ приводятъ иногда въ изумленіе своею невинностію. Вотъ истинный анекдотъ: въ лицеѣ одинъ изъ младшихъ нашихъ товарищей, и, не тѣмъ будь помянутъ, добрый мальчикъ, но довольно простой и во всѣхъ классахъ послѣдній, сочинилъ однажды два стиха, извѣстные всему лицею:

Ха, ха, ха, хи, хи, хи,
Дельвигъ пишетъ стихи.

Каково же было намъ, Дельвигу и мнѣ, въ прошломъ 1830 году, въ первой книжкѣ важнаго Вѣстника Европы найти слѣдующую шутку: «Альманахъ Сѣверные Цвѣты раздѣляется на прозу и стихи—хи, хи!» Вообразите себѣ, какъ обрадовались мы старой нашей знакомкѣ! Сего не довольно. Это хи, хи показалось, видно, столь затѣйливымъ, что его перепечатали съ большой похвалой въ Сѣверной Пчелѣ:

«Хи, хи, какъ весьма остроумно сказано было въ Вѣстникѣ Европы, etc.»

Прозвищемъ Грипусье въ тогдашнихъ журналахъ донимали Н. А. Полевого, который такъ передалъ французское слово gris-poussière. Пушкинъ упоминаетъ объ этомъ прозвищѣ въ статьѣ «Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ» («Телескопъ» 1831 г., № 15).

1061. [ОБЪ ЭПОПЕѢ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.]

«Мнѣ всё совѣтуютъ,» говорилъ однажды Л. Байронъ Капитану Медвину, «написать эпическую поэму. Вы мнѣ то же намекаете, что я не оставлю ни одной большой поэмы. Я думаю, что подъ *большой поэмой* вы разумѣете поэму тяжелую, или, такъ сказать, поэму увѣсистую. По-моему, оба эти прилагательныя однозначащи. Вы говорите, что *Чильдъ-Гарольдъ* неровенъ; что обѣ послѣднія пѣсни несравненно выше двухъ первыхъ. Я знаю, что это *вещь* безъ формы и сущности: *живописное путешествіе*! Но кто же въ теперешнее время читаетъ Мильтона? Мое мнѣніе о неравенствѣ моихъ поэмъ таково, что онѣ не лучше и не хуже однѣ другихъ. Что касается до поэмъ эпическихъ, то развѣ нѣтъ у васъ поэмъ Сутея? У него есть и *Іоанна д'Аркъ* и *Проклятіе Келамы*, и Богъ вѣсть еще сколько проклятій, до *Послѣдняго Готва* (*) включительно! Если вамъ непремѣнно нужна эпическая поэма, такъ вотъ вамъ *Донъ-Жуанъ*. Вотъ что я называю эпопеей (**): это эпическая поэма въ духѣ нашего времени, какъ *Иліада* въ духѣ вѣка Гомерова. Любовь, вѣра и политика составляютъ собою предметъ, и въ наши времена производятъ

(*) *Родерикъ, или послѣдній Готвъ*, поэма Сутея (Southey), увѣнчаннаго Поэта (poète lauréat) Англійскаго.

(**) Тогда было только пять пѣсней *Донъ-Жуана*, когда Л. Байронъ велъ этотъ разговоръ съ Медвиномъ, записанный симъ послѣднимъ чрезъ полчаса послѣ.

столько же раздоровъ, какъ и въ вѣкахъ отдаленной древности. Нѣтъ недостатка ни въ Парисахъ, ни въ Менелаяхъ, ни въ crim. conv. (*) въ добавокъ прочему. Съ первой пѣсни *Донъ-Жуана*, является у насъ Елена. Я сдѣлаю моего героя настоящимъ Ахилломъ въ бояхъ, человѣкомъ, который можетъ трижды сряду погасить свѣчу пулей изъ пистолета; и — вы можете смѣло на меня положиться: у меня будетъ самая чистая нравственная цѣль. Самъ Докторъ Джонсонъ не нашелъ бы привязаться ни къ одному слову.» — Такъ постигалъ Байронъ эпопею нашего времени. Замѣтимъ, что и у насъ на Руси (хотя не друзья, а журнальные Критики) требуютъ отъ Поэта длинныхъ поэмъ, поэмъ эпическихъ, хвалебныхъ. Но вѣдь у нихъ есть двѣ или три Петріады, Наполеонъ въ Россіи, Суворовды, Александроиды и пр. и пр. Это, конечно, не поэмы Сутея; за то всѣ онѣ, по выраженію Байрона, *поэмы тяжелыя, или такъ сказать, поэмы увѣсистыя*: чего жь еще желать нашимъ прихотливымъ критикамъ?

Здѣсь (№ 24, 26 апрѣля, «Смѣсь», стр. 193—194) имѣются въ виду разнообразные кривотолки, вызванные «Онѣгинымъ» и недавнимъ появленіемъ «Полтавы». Пушкинъ, по обыкновенію, защищаетъ полную свободу творчества. Между прочимъ, «Сѣверная Пчела» (1829 г., № 138) ждала отъ него хвалебныхъ стиховъ въ честь «Эриванскаго героя» Паскевича. «Петріады» упоминаются въ «Онѣгинѣ»; Татьяна промѣниваетъ на Мартына Задеку въ числѣ разнаго книжнаго хлама «двѣ Петріады». Изъ всего состава «Литерат. Газеты» только авторъ «Онѣгина» могъ такъ сочувственно принять Байроновское опредѣленіе «поэмы нашего времени». Для него это было дѣломъ самозащиты.

1062. [О «СОБРАНІИ НАСѢКОМЫХЪ».]

Сіе стихотвореніе, напечатанное въ Алманахѣ: *Подснѣжникъ*, нынѣшняго года, обратило на себя общее вниманіе. Всѣ Журналы отозвались о немъ, и большею частію неблагосклонно. Оно удостоилось двухъ пародій, помѣщенныхъ въ *Вѣстникѣ Европы* и въ *Московскомъ Телеграфѣ*. Пародія *Вѣстника* отличается легкимъ остроуміемъ; пародія *Телеграфа* — полнотою смысла и строгою грамматической и логической точностію.—Здѣсь мы помѣщаемъ сіе важное стихотвореніе, исправленное Сочинителемъ. Въ непродолжительномъ времени выйдетъ оно особою книгой, съ предисловіемъ, примѣчаніями и біографическими объясненіями, съ присовокупленіемъ всѣхъ критикъ, коимъ оно подало поводъ, и съ опроверженіемъ оныхъ. Изданіе сіе украшено будетъ искусно литохромированнымъ изображеніемъ насѣкомыхъ. Цѣна съ пересылкою 25 руб.

(*) Сокращеніе словъ: criminal conversation, непозволительная связь; источникъ многихъ процессовъ у Англичанъ, въ слѣдствіе супружеской невѣрности.

Приписывать Пушкину эту замѣтку, помѣщенную въ 43-мъ №, 30 іюля, стр. 56, можно по слѣдующимъ основаніямъ. Въ началѣ ея было перепечатано извѣстное шуточное стихотвореніе Пушкина «Собраніе насѣкомыхъ», въ которомъ колкій поэтъ задѣлъ группу литераторовъ: «они, пронзенные насквозь, рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ». Отвѣтомъ на нее была неудачная пародія «Эпиграмма (На голосъ: *Мое собраніе насѣкомыхъ.*)», появившаяся въ «Московскомъ Телеграфѣ» Полевого (1830 г., ч. 32, «Новый живописецъ общества и литературы», № 8, стр. 135). Пародія была подписана: «Обезьянинъ»; псевдонимъ заключалъ въ себѣ грубый намекъ на некрасивую наружность Пушкина. Поэтъ вообще не переносилъ личностей, а эта выходка не могла не задѣть его особенно сильно: однажды онъ жаловался: «въ газетѣ объявили, что я собою весьма неблагообразенъ, и что портреты мои слишкомъ льстивы. На эту личность я не отвѣчалъ, хотя она меня глубоко тронула». Въ пародіи «Вѣстника Европы» (1830 г., II, 302) были беззубо обруганы лучшія произведенія Пушкина: «*Полтава*—Божія коровка, *Кавказскій Пленникъ*—злой паукъ; вотъ *Годуновъ*—россійскій жукъ, *Онѣгинъ*—тощая піявка, *Графъ Нулинъ* — мелкая козявка»... Иронія, которою пропитаны отзывы о «легкомъ остроуміи» пародіи «Вѣстника» и «полнотѣ смысла и строгой грамматической и логической точности» пародіи «Телеграфа»,—вполнѣ въ духѣ Пушкина. Статьи Ѳеофилакта Косичкина могутъ служить образцомъ этой ядовитой ироніи и торжественно-серьезнаго стиля. Кромѣ Пушкина, едва ли кто-нибудь изъ участниковъ «Литературной Газеты» могъ написать эти строки, и принадлежность ихъ пушкинскому перу нельзя не считать наиболѣе вѣроятной.

1063. [ОБЪ «ИВАНѢ ВЫЖИГИНѢ».]

Въ нынѣшнемъ году *Сѣверная Пчела* отличалась особенною неблагосклонностію къ Гг. Загоскину, Пушкину и Кирѣевскому. Причины сему отыскать не трудно. Г-нъ Загоскинъ издалъ романъ, коего успѣхъ могъ повредить ходу Историческаго романа Г. Булгарина. Строгій приговоръ *Димитрію Самозванцу* (См. Лит. Газ. No 14) былъ приписанъ Пушкину (*); а въ *Денницѣ*

(*) А. С. Пушкину предлагали написать критику Историческаго романа Г. Булгарина. Онъ отказался, говоря: чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надѣюсь. [Примѣчаніе «Литерат. Газеты»].

ЛЮБИМАЯ ПУШКИНЫМЪ РОЩА ВЪ БОЛДИНѢ.

По фотографіи, снятой для настоящаго изданія.

столько же раздоровъ, какъ и въ вѣкахъ отдаленной древности. Нѣтъ недостатка ни въ Парисахъ, ни въ Менелаяхъ, ни въ crim. conv. (*) въ добавокъ прочему. Съ первой пѣсни *Донъ-Жуана*, является у насъ Елена. Я сдѣлаю моего героя настоящимъ Ахилломъ въ бояхъ, человѣкомъ, который можетъ трижды сряду погасить свѣчу пулей изъ пистолета; и — вы можете смѣло на меня положиться: у меня будетъ самая чистая нравственная цѣль. Самъ Докторъ Джонсонъ не нашелъ бы привязаться ни къ одному слову.» — Такъ постигалъ Байронъ эпопею нашего времени. Замѣтимъ, что и у насъ на Руси (хотя не друзья, а журнальные Критики) требуютъ отъ Поэта длинныхъ поэмъ, поэмъ эпическихъ, хвалебныхъ. Но вѣдь у нихъ есть двѣ или три Петріады, Наполеонъ въ Россіи, Суворовды, Александроиды и пр. и пр. Это, конечно, не поэмы Сутея; за то всѣ онѣ, по выраженію Байрона, *поэмы тяжелыя, или такъ сказать, поэмы [illegible]*: чего жь еще желать нашимъ прихотливымъ критикамъ?

Здѣсь (№ 24, 26 апрѣля, «Сѣвѣ», стр. 193—194) имѣются въ виду разнообразные кривотолки, вызванные «Онѣгинымъ» и недавнимъ появленіемъ «Полтавы». Пушкинъ, по обыкновенію, защищается [illegible] чимъ, «Сѣверная Пчела» [illegible] отъ него хвалебныхъ стиховъ въ честь «Эривинскаго героя» Паскевича. [illegible] наются въ «Онѣгинѣ»: Татьяна предпочитаетъ на Мартына Задеку въ числѣ разнаго книжнаго хлама «двѣ Петріады». Изъ всего состава «Литерат. Газеты» только авторъ «Онѣгина» могъ такъ сочувственно принять Байроновское опредѣленіе «поэмы нашего времени». Для него это было дѣломъ самозащиты.

1062. [О «СОБРАНІИ НАСѢКОМЫХЪ».]

Сіе стихотвореніе, напечатанное въ Альманахѣ: *Подснѣжникъ*, нынѣшняго года, обратило на себя общее вниманіе. Всѣ Журналы отозвались о немъ, и большею частію неблагосклонно. Оно удостоилось двухъ пародій, помѣщенныхъ въ *Вѣстникѣ Европы* и въ *Московскомъ Телеграфѣ*. Пародія *Вѣстника* отличается легкимъ остроуміемъ; пародія *Телеграфа* — полнотою смысла и строгою грамматической и логической точностію.—Здѣсь мы помѣщаемъ сіе важное стихотвореніе, исправленное Сочинителемъ. Въ непродолжительномъ времени выйдетъ оно особою книгой, съ предисловіемъ, примѣчаніями и біографическими объясненіями, съ присовокупленіемъ всѣхъ критикъ, коимъ оно подало поводъ, и съ опроверженіемъ оныхъ. Изданіе сіе украшено будетъ искусно литохромированнымъ изображеніемъ насѣкомыхъ. Цѣна съ пересылкою 25 руб.

(*) Сокращеніе словъ: criminal conversation, непозволительная связь; источникъ многихъ процессовъ у Англичанъ, въ слѣдствіе супружеской невѣрности.

Приписывать Пушкину эту замѣтку, помѣщенную въ 43-мъ №, 30 іюля, стр. 56, можно по слѣдующимъ основаніямъ. Въ началѣ ея было перепечатано извѣстное шуточное стихотвореніе Пушкина «Собраніе насѣкомыхъ», въ которомъ колкій поэтъ задѣлъ группу литераторовъ: «они, пронзенные насквозь, рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ». Отвѣтомъ на нее была неудачная пародія «Эпиграмма (На голосъ: *Мое собраніе насѣкомыхъ.*)», появившаяся въ «Московскомъ Телеграфѣ» Полевого (1830 г., ч. 32, «Новый живописецъ общества и литературы», № 8, стр. 135). Пародія была подписана: «Обезьянинъ»; псевдонимъ заключалъ въ себѣ грубый намекъ на некрасивую наружность Пушкина. Поэтъ вообще не переносилъ личностей, а эта выходка не могла не задѣть его особенно сильно: однажды онъ жаловался: «въ газетѣ объявили, что я собою весьма неблагообразенъ, и что портреты мои слишкомъ льстивы. На эту личность я не отвѣчалъ, хотя она меня глубоко тронула». Въ пародіи «Вѣстника Европы» (1830 г., II, 302) были безъ-зубо обруганы лучшія произведенія Пушкина. «*Полтава*—Божія коровка, *Кавказскій Плѣнникъ*— [illegible] паукъ; вотъ *Годуновъ*—россійскій жукъ, [illegible] колкая козявка»... Ироніи, которою пронизаны отзывы о [illegible] «Вѣстника» и «полнотѣ смысла и строгой грамматической и логической точности» пародіи «Телеграфа», вполнѣ въ духѣ Пушкина. Статьи Ѳеофилакта Косичкина могутъ служить образцомъ этой ядовитой ироніи и торжественно-серьезнаго стиля. Кромѣ Пушкина, едва ли кто-нибудь изъ участниковъ «Литературной Газеты» могъ написать эти строки, и принадлежность ихъ пушкинскому перу нельзя не считать наиболѣе вѣроятной.

1063. [ОБЪ «ИВАНѢ ВЫЖИГИНѢ».]

Въ нынѣшнемъ году *Сѣверная Пчела* отличалась особенною неблагосклонностію къ Гг. Загоскину, Пушкину и Кирѣевскому. Причины сему отыскать не трудно. Г-нъ Загоскинъ издалъ романъ, коего успѣхъ могъ повредить ходу Историческаго романа Г. Булгарина. Строгій приговоръ *Димитрію Самозванцу* (См. Лит. Газ. No 14) былъ приписанъ Пушкину (*); а въ *Денницѣ*

(*) А. С. Пушкину предлагали написать критику Историческаго романа Г. Булгарина. Онъ отказался, говоря: чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надѣюсь [Примѣчаніе «Литерат. Газеты»].

напечатано было слѣдующее мнѣніе объ Ив. Выжигинѣ:

«Пустота, безвкусіе, бездушность; нравственныя сентенціи, выбранныя изъ дѣтскихъ прописей, невѣрность описаній, приторность шутокъ: вотъ качества сего сочиненія, качества, которыя составляютъ его достоинство, ибо они дѣлаютъ его по плечу простому народу и той части нашей публики, которая отъ азбуки и катихизиса приступаетъ къ повѣстямъ и путешествіямъ. Что есть люди, которые читаютъ Выжигина съ удовольствіемъ и слѣдовательно съ пользою, это доказывается тѣмъ, что Выжигинъ разходится. Но гдѣ же эти люди? спросятъ меня.—Мы не видимъ ихъ, точно также, какъ и тѣхъ, которые наслаждаются *Сонникомъ* и книгою *О клопахъ*; но они есть, ибо и *Сонникъ*, и *Выжигинъ*, и *О клопахъ* разкупаются во всѣхъ лавкахъ.»

Кирѣевскій.

Замѣтимъ, что намъ не удалось встрѣтить ни одного порядочнаго Литератора, ни одного умнаго свѣтскаго человѣка, ни одной образованной женщины, которые бы вполнѣ не согласились съ мнѣніемъ Г. Кирѣевскаго.—Въ Allgemeine Zeitung нынѣш. года напечатана статья, въ которой Г. Булгаринъ сравненъ, какъ Авторъ, съ Стерномъ, Мерсье и многими другими извѣстными Европейскими Писателями. Сочинитель писемъ изъ Карлова можетъ быть въ слѣдствіе сего спокоенъ, видя, что заказныя похвалы скорѣе доходятъ изъ Россіи, къ иностраннымъ Журналистамъ, чѣмъ мнѣнія путешествующихъ Литераторовъ. (См. 2-е письмо изъ Карлова, напечатанное въ 94 No Сѣвер. Пчелы).

Эта замѣтка, появившаяся въ 45 №, 9 августа, «Смѣсь», стр. 72, едва ли могла появиться безъ участія Пушкина, который, къ тому же, находился тогда въ Петербургѣ, гдѣ издавалась «Литературная Газета». О «Юріи Милославскомъ» писалъ Пушкинъ (№ 5 «Литер. Газеты»). Взбѣсившая Булгарина рецензія на его «Димитрія Самозванца» была написана Дельвигомъ. Она особенно обострила отношенія между «Сѣверной Пчелой» и «Литературной Газетой». Задѣлъ Булгарина и И. В. Кирѣевскій въ «Денницѣ» на 1830 г. «Молодой Кирѣевскій»—писалъ Пушкинъ—«въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обозрѣніи нашей словесности, говоря о Дельвигѣ, употребилъ сіе изысканное выраженіе: «древняя муза его покрывается иногда душегрѣйкою новѣйшаго унынія». Выраженіе, конечно, смѣшное. Зачѣмъ не сказать было просто: въ стихахъ Дельвига отзывается иногда уныніе новѣйшей поэзіи? Журналисты наши, о которыхъ г. Кирѣевскій отозвался довольно непочтительно, подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки и вотъ уже годъ какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику». Конечно, «рвалъ душегрѣйку» Кирѣевскаго и Булгаринъ. Въ 94 № «Сѣверной Пчелы», 7 августа, Булгаринъ помѣстилъ «Второе письмо изъ Карлова на Каменный островъ», въ которомъ были обруганы «нѣсколько юныхъ Россіянъ» за то, что они «выдаютъ себя за первоклассныхъ русскихъ поэтовъ, философовъ и критиковъ и всѣмъ журналистамъ обѣщаютъ сообщать извѣстія о Россіи, а болѣе о русской литературѣ. Тотъ самый почтенный критикъ, который выступилъ на поприще словесности въ нынѣшнемъ году Обозрѣніемъ Словесности, напечатаннымъ въ альманахѣ «Денница», и назвалъ моего бѣднаго Выжигина книгой одного достоинства съ сонниками и гадательными книгами, а читателей Выжигина сравнилъ съ публикой толкучаго рынка,—этотъ самый критикъ, одѣвшій музу нашего добраго издателя Литературной Газеты (мимоходомъ сказать, столь же виноватаго во вздорныхъ критикахъ сей Газеты, какъ и предъ Великимъ Моголомъ) въ душегрѣйку новѣйшаго унынія, этотъ самый почтенный критикъ наименованъ въ числѣ первыхъ сотрудниковъ иностранныхъ журналовъ... Другой—авторъ писемъ изъ Италіи, помѣщаемыхъ въ Московскомъ Вѣстникѣ, и соучастникъ по изданію сего журнала. Можешь себѣ представить, каково будетъ доставаться намъ въ этихъ извѣстіяхъ о русской литературѣ, и на какую степень станутъ поэты и прозаики, которыхъ издатель Московскаго Телеграфа въ шутку назвалъ знаменитыми и литературными аристократами! Не могу удержаться отъ смѣха, когда подумаю, что они приняли это за правду и въ отвѣтъ на это заговорили въ своемъ листкѣ о дворянствѣ! Жаль, что Мольеръ не живетъ въ наше время. Какая неоцѣненная черта для его комедіи: Мѣщанинъ въ дворянствѣ! Добрые люди, мнѣ право жаль ихъ. Какой вздоръ они вскидываютъ сами на себя. Говорятъ, что Лордство Байрона и аристократическія его выходки, при образѣ мыслей Богъ вѣсть какомъ, свели съ ума множество Поэтовъ и стихотворцевъ въ разныхъ странахъ, и всѣ они заговорили о шестисотлѣтнемъ дворянствѣ! Въ добрый часъ! Дай Богъ, чтобъ это вперило желаніе быть достойными знаменитыхъ предковъ (если у кого есть они), однакожъ это не сдѣлаетъ глаже и умнѣе ни прозы, ни стиховъ». Далѣе слѣдовалъ извѣстный «анекдотъ» объ «американскомъ» поэтѣ, «подражателѣ Байрона», который объявлялъ себя потомкомъ негритянскаго принца, а, между тѣмъ, оказалось, что этотъ предокъ былъ простой негръ-невольникъ, купленный за бутылку рома.

Пушкинъ не остался въ долгу, и лучшимъ отвѣтомъ Булгарину была знаменитая ядовитая приписка, о «Видокѣ Фиглярнѣ», къ «Моей родословной». Немедленнымъ же отвѣтомъ была замѣтка Пушкина: «Новыя выходки противу такъ называемой литературной аристократіи»..., помѣщенная въ томъ же № 45 «Литерат. Газеты», гдѣ напечатана также приведенная выше замѣтка. Еще за нѣсколько лѣтъ до возникновенія этой полемики Пушкинъ удивлялся, что «путешественникъ Ансело говоритъ... о какомъ-то русскомъ романѣ, прославившемъ автора и еще находящемся въ рукописи»... Въ 1831 г. Пушкинъ писалъ: «г-нъ Ансело въ своемъ путешествіи, возбудившемъ въ Парижѣ общее вниманіе, провозгласилъ еще не существовавшаго Ивана Выжигина луч-

шимъ изъ русскихъ романовъ». Проводя ироническую параллель между Булгаринымъ и А. А. Орловымъ, Пушкинъ говорилъ, что Орловъ «не задавалъ обѣдовъ иностраннымъ литераторамъ, не знающимъ русскаго языка, дабы за свою хлѣбосоль получить мѣстечко въ ихъ дорожныхъ запискахъ».

В. П. Гаевскій (Дельвигъ» ст. 4, стр. 55) указываетъ, что «Смѣсь» № 45-го была составлена Пушкинымъ и Дельвигомъ; можетъ быть, и этотъ изслѣдователь думалъ (если не зналъ навѣрное, такъ какъ занимался бумагами Дельвига), что интересующая насъ замѣтка была написана не однимъ Дельвигомъ. Участвуя въ составленіи 45-го № «Литературной Газеты», помѣщая въ немъ свой отвѣтъ Булгарину (о выходкахъ противъ литературной аристократіи), Пушкинъ, какъ это легко можно допустить, приложилъ руку и къ воспроизводимой нами полемической замѣткѣ, гдѣ даже приведены его собственныя слова о романѣ Булгарина. Должно думать, что небольшая редакціонная коллегія газеты въ этомъ случаѣ дѣйствовала не только не безъ санкціи, но и при непосредственномъ участіи Пушкина.

1064. [«А! И У НИХЪ ТО ЖЕ!»]

Сочинитель *Письма изъ Рима къ Издателю Л. Газеты* (см. No 36) весьма справедливо замѣтилъ, что чужія литературныя ссоры, кривотолки, пристрастныя и недобросовѣстныя сужденія Критиковъ иностранныхъ приносятъ намъ, по слабости человѣческой, «недостойное, но нужное утѣшеніе: *а! и у нихъ то же!*» — Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ есть что-то утѣшительное. Истинные любители Поэзіи часто досадуютъ, видя, какъ наши Лже-Критики ополчаются всѣми силами своего тупоумія противъ того или другаго изъ лучшихъ современныхъ нашихъ Поэтовъ и умышленно не хотятъ въ немъ признать истиннаго таланта, признаннаго всѣми просвѣщенными читателями. Въ утѣшеніе друзьямъ Поэзіи и правды, напомнимъ имъ приговоръ Edinburgh-Review первымъ произведеніямъ Лорда Байрона. Можетъ быть, мы угодимъ и нашимъ читателямъ, и нашимъ Критикамъ, сообщивъ имъ образчикъ порицаній сего Эдимбургскаго Оракула Поэтовъ.

Девятнадцати-лѣтній Байронъ, вышедъ изъ Кембриджской Коллегіи, издалъ первые свои, школьные стихотворные опыты: подъ заглавіемъ: *Часы досуга* (*). Стихотвореніямъ, помѣщеннымъ въ этой книжкѣ, напечатанъ былъ въ Edinburgh-Review самый строгій и безпощадный разборъ, гдѣ между прочимъ Критикъ объявилъ юному Байрону, что ему никогда не бывать Поэтомъ, вклеилъ разтянутую, вовсе не остроумную *юридическую* шутку на счетъ *несовершеннолѣтія*, которымъ юный Поэтъ будто бы хвалится или оправдывается въ заглавіи своихъ *Часовъ досуга* и въ отмѣткахъ времени, когда написано имъ было каждое стихотвореніе. Все это изложено въ такомъ тонѣ и въ такихъ благородныхъ выраженіяхъ, унизано такими выходками и намеками, что невольно улыбнешься и скажешь: *а! и у нихъ то же!*

Замѣчательно, что Критикъ, упоминая въ числѣ другихъ произведеній молодаго Байрона объ его стихотвореніи: *Слеза*, говоритъ: «Равнымъ образомъ *превосходные стихи* (exquisites lines) Г-на Роджерса *на Слезу*, должны бъ были устрашить юнаго Поэта, когда онъ вздумалъ *кропать* объ этомъ же предметѣ.» — Въ *превосходныхъ стихахъ*, о коихъ Критикъ упоминаетъ, Самуилъ Роджерсъ называетъ глазъ своей Хлои *коралловою кельей* (a coral cell), *источникомъ чувствительности* (a spring of sensibility), *маленькимъ брильянтомъ* и пр. и пр., и повершаетъ этѣ выисканныя нѣжности слѣдующимъ размышленіемъ: «Законъ, округляющій слезу и заставляющій ее падать изъ своего источника, есть тотъ самый, который сохраняетъ землѣ сферическій ея видъ и указуетъ планетамъ ихъ теченіе (*).» Забавное истолкованіе *закона тяготѣнія!* Но Роджерсъ, какъ извѣстно, богатый банкиръ, живетъ въ ладу со всѣмъ литературнымъ, особливо журнальнымъ міромъ,

«Онъ милый хлѣбосолъ, онъ къ дружеству способенъ,»

говоря стихомъ Баратынскаго; Роджерсъ пышно угощаетъ всѣхъ современныхъ Поэтовъ и Критиковъ: какъ же стихамъ его не быть *превосходными?*... Повторимъ еще: *а! и у нихъ то же!*

И эту замѣтку (№ 50, 3 сентября, стр. 114, «Смѣсь») направленную противъ русскихъ «лже-критиковъ» и полемистовъ, мы приписываемъ Пушкину и по слогу, и по содержанію, и по стиху Боратынскаго, котораго Пушкинъ цитировалъ часто, и потому, что въ ней сквозитъ личное раздраженіе, поводъ къ которому ясенъ. Недавно въ статьѣ «Сына Отечества» о «Полтавѣ» говорилось: «Пушкинъ началъ писать въ такихъ лѣтахъ, когда

(*) Hours of Idleness, by Georges Gordon, Lord Byron a minor. Newark. 1809.

(*) That very law which moulds a tear,
And bits it trickle from its source,
That law preserves the Earth a sphere
And guides the planets in their course!
Rogers.

невозможно дѣлать усилій, чтобы быть стихотворцемъ». Н. И. Надеждинъ въ «Вѣстникѣ Европы» придрался къ этому невинному замѣчанію: «начать писать слишкомъ рано?.. Такъ это еще не признакъ генія! Въ противномъ случаѣ, пятнадцатилѣтній юноша, котораго исторію разсказалъ намъ дядюшка обсуживаемаго нами теперь поэта, былъ бы по всѣмъ признакамъ—геній!» Къ этому прибавлено даже прямое указаніе на «прекрасную басню В. Л. Пушкина, въ коей Аполлонъ вершитъ судъ свой надъ однимъ пятнадцатилѣтнимъ поэтомъ». Пушкинъ разсердился и сейчасъ же отвѣтилъ Надеждину въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» злой эпиграммой на «взрослаго болвана», «семинариста», автора «лакейскихъ диссертацій». Въ «Литерат. Газетѣ» Пушкинъ, повидимому, намекаетъ на этотъ эпизодъ упоминаніемъ о «шуткѣ насчетъ несовершеннолѣтія» Байрона.

«Онъ милый хлѣбосолъ, онъ къ дружеству способенъ»—стихъ изъ одного посланія Боратынскаго къ Гнѣдичу (см. соч. Е. А. Боратынскаго, изд. 4-ое, прилож., 29; «Вѣсы» 1908 г., май, 58). Этотъ «хлѣбосолъ»—Булгаринъ. Въ слѣдующемъ году Пушкинъ писалъ въ «Телескопѣ», проводя ироническую параллель между Булгаринымъ и А. А. Орловымъ, что Орловъ «не задавалъ обѣдовъ иностраннымъ литераторамъ, не знающимъ русскаго языка, дабы за свою хлѣбъ-соль получить мѣстечко въ ихъ дорожныхъ запискахъ». Другимъ образцомъ подобнаго «хлѣбосола» былъ извѣстный метромапъ графъ Д. И. Хвостовъ, который, какъ Самуэль Роджерсъ, тратилъ большія деньги на печатаніе своихъ произведеній и былъ небезкорыстно поддерживаемъ Булгаринской партіей (см., напр., письмо А. Е. Измайлова къ И. И. Дмитріеву въ «Русск. Архивѣ» 1871 г., ст. 1006). Среди участниковъ «Литерат. Газеты» Пушкинъ былъ единственный человѣкъ знакомый съ англійской литературой настолько, что могъ знать и цитировать третьестепеннаго Роджерса (кстати, онъ сохранился въ библіотекѣ Пушкина—см. «Пушкинъ и его современники», IX—X, 322—323). На сравненіе русскихъ «Эдинбургскихъ оракуловъ» и доморощенныхъ Роджерсовъ съ англійскими Пушкина навело начало корреспонденціи С. П. Шевырева «Письмо изъ Рима къ издателю Л. Г.» (№ 36, 25 іюня), начинающееся словами: «Вездѣ война, вездѣ люди: въ политикѣ, въ литературѣ и въ искусствѣ. Замъ, М. Г., какъ журналисту, если надоѣли свои, то по крайней мѣрѣ любопытны чужія ссоры, которыя слабому человѣку приносятъ недостойное, но нужное утѣшеніе: *а! и у нихъ то же!*»

1065. [АНЕКДОТЪ О БАЙРОНѢ.]

Горестно видѣть, что нѣкоторые Критики вмѣшиваютъ въ мѣлочныя выходки и придирки своего недоброжелательства или зависти къ какому-либо извѣстному Писателю, намеки и указанія на личныя его свойства, поступки, образъ мыслей и вѣрованіе. Душа человѣка есть недоступное хранилище его помысловъ: если самъ онъ таитъ ихъ, то ни коварный глазъ непріязни, ни предупредительный взоръ дружбы не могутъ проникнуть въ сіе хранилище. И какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто, по какому-либо своенравному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставлять на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія; часто можетъ бросать пыль въ глаза черни однѣми своими странностями. Анекдотъ объ отрубленномъ хвостѣ Алкивіадовой собаки всѣмъ извѣстенъ; странныя поговорки, прыжки и увертки Суворова, въ живой еще памяти у всѣхъ Рускихъ.

Лордъ Байронъ часто былъ обвиняемъ въ развратности нрава, своекорыстіи, непомѣрномъ эгоизмѣ и безвѣріи: личные непріятели знаменитаго Поэта, женщины, лжесвяты-методисты и нѣкоторые благосклонные Журналисты безъ умолку такъ о немъ трубили, а одинъ *присяжный* или *увѣнчанный* Поэтъ (*) назвалъ его поэзію *сатанинскою*.—На первыя три обвиненія служатъ отвѣтомъ: скорбь благороднаго Поэта послѣ развода съ своенравною его супругой и разлуки съ дочерью, неоднократно имъ изъясненная въ разговорахъ съ друзьями и въ письмахъ, выраженная съ необыкновеннымъ чувствомъ въ прекрасной его элегіи: *Прости*, и въ нѣсколькихъ краснорѣчивыхъ станцахъ Чайльдъ-Гарольда; безкорыстныя его пожертвованія въ пользу Грековъ, и даже въ пользу ложныхъ друзей и неблагодарныхъ книгопродавцевъ; благодѣянія, оказанныя имъ разнымъ лицамъ въ Италіи и въ Турціи; постоянная его дружба съШеллеемъ, Гобгоузомъ и примиреннымъ Т. Муромъ, наконецъ, благороднѣйшая и чистѣйшая жертва, принесенная имъ страждущему человѣчеству: смерть его въ стѣнахъ осажденной Миссолонги.—Послѣднее обвиненіе (въ безвѣріи) онъ отчасти самъ отразилъ въ отвѣтѣ своемъ помянутому *увѣнчанному Поэту*. Но вотъ еще анекдотъ, узнанный уже по смерти Байрона и служащій свидѣтельствомъ въ защиту его отъ злонамѣренныхъ обвинителей. Анекдотъ сей, кажется, нигдѣ еще не былъ помѣщенъ въ Рускомъ переводѣ.

Лордъ Байронъ долгое время носилъ на груди своей какую-то драгоцѣнность, на лентѣ. Капитанъ Медуинъ думалъ, что это былъ портретъ первой его любовницы. Извѣстный Оріенталистъ, Г. Гаммеръ, напечаталъ въ одной Нѣмецкой газетѣ, что

(*) Southey, *Poète lauréat.*

это былъ Восточный *амулетъ*. «Сей амулетъ,» говоритъ Гаммеръ, «состоитъ изъ лоскутка бумаги, даннаго какимъ-то Дервишемъ: это списокъ съ условія, заключеннаго (по мнѣнію Магометанъ) между Царемъ Соломономъ и дьяволомъ, въ силу котораго Сатана обязался не дѣлать никакого зла человѣку, который будетъ носить при себѣ сіе рукописаніе, содержащее пять молитвъ: Адама, Ноя, Іова, Іоны и Авраама!» Догадки того и другаго опровергаются слѣдующимъ повѣствованіемъ.

Во время пребыванія Л. Байрона въ Аѳинахъ (въ первое его путешествіе), онъ поселилъ великую къ себѣ пріязнь въ одномъ монахѣ Францисканскаго монастыря, гдѣ Байронъ остановился на жительство. Монахъ сей назывался отцемъ Бернардомъ. Когда освобожденіе Греціи манило Байрона изторгнуться изъ роскошной и веселой Италіи, тогда, рѣшась на славный свой подвигъ, разсказывалъ онъ однажды друзьямъ своимъ объ этомъ монахѣ.

— «Странное дѣло,» говорилъ Байронъ: «отецъ Бернардъ, отдавая мнѣ Христа, Котораго самъ онъ носилъ, сказалъ мнѣ пророческимъ голосомъ: «Ты будешь защитникомъ Христіанъ, ты возвратишься въ Грецію и станешь за правое дѣло вѣрныхъ... но я не буду обрадованъ свиданіемъ съ тобою: боюсь, что ты не дойдешь до Аѳинъ.» Лордъ Байронъ по сихъ словахъ погрузился въ глубокую задумчивость, которой никто не осмѣлился нарушить; ибо всѣ привыкли видѣть, что онъ бывалъ иногда молчаливъ и какъ бы одинокъ между людьми, когда какая-либо важная, или печальная мысль приходила къ нему, и даже въ серединѣ разговора. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, онъ присовокупилъ слѣдующія замѣчательныя слова:

— «Едва повѣрятъ, что я ни въ какомъ случаѣ не могъ разстаться съ этимъ крестомъ; однако жь это сущая правда. Я никогда не соглашался отдать его ни матери, ни сестрѣ своей, которыя просили его у меня по возвращеніи моемъ въ Англію: этотъ крестъ данъ мнѣ былъ на память Пріоромъ Францискановъ, живущимъ въ Діогеновой башнѣ въ Аѳинахъ. Предобрый этотъ монахъ очень любилъ меня; когда онъ узналъ, что я готовился къ отъѣзду, то крайне опечалился.—«Не забывайте меня, Милордъ,» сказалъ онъ, прощаясь со мною: «выберите изо всѣхъ моихъ скудныхъ пожитковъ то, что вамъ понравится, и берегите на память объ отцѣ Бернардѣ.» — Я указалъ рукою на Распятіе, бывшее на немъ, и спросилъ, не отдастъ ли онъ мнѣ его. Добрый Пріоръ такъ былъ обрадованъ моимъ выборомъ, что слезы навернулись у него на глазахъ. Онъ былъ человѣкъ истинно-вѣрующій. Съ тѣхъ поръ я ни на минуту не покидалъ сего Распятія. Скажу вамъ даже, что однажды, когда мнѣ показалось, будто бы я потерялъ его, я былъ самъ не свой: меня это мучило.... И вотъ наконецъ предсказаніе отца Бернарда сбывается; мнѣ должно ѣхать въ Грецію, и пр.»

Анекдотъ сей находится въ одной любопытной книгѣ о Лордѣ Байронѣ, изданной въ Лондонѣ Г-мъ де-Сальво, который присовокупляетъ, что Распятіе сіе отыскано по кончинѣ благороднаго Лорда въ его портфелѣ, лежавшемъ подлѣ его смертнаго одра. Князь Маврокордато отослалъ оное къ наслѣдникамъ Байрона вмѣстѣ съ его *Альбомомъ* и бумагами. Оно теперь въ рукахъ Гобгоуза. — Прибавимъ, что если въ этомъ случаѣ вмѣшивалось отчасти и суевѣріе, то все-таки видно, что вѣра внутренняя перевѣшивала въ душѣ Байрона *скептицизмъ*, выказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ. Можетъ быть, даже, что скептицизмъ сей былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной.

Судьба этой статьи (№ 53, 18 сентября, стр. 139—140, «Смѣсь») весьма странная. Въ нѣкоторыхъ прежнихъ изданіяхъ сочиненій Пушкина (отъ дополнительнаго тома анненковскаго изданія, 1857 г., до второго ефремовскаго, 1882 г.) она напечатана подъ заглавіемъ: «Анекдотъ о Байронѣ». Анненковъ внесъ ее въ свое изданіе по указанію нѣкоего литератора еще пушкинской эпохи А. Грена, писавшаго, что будто бы Пушкинъ въ 1821 г. подарилъ подлинникъ этой статьи поэту В. Г. Теплякову. «Весь этотъ разсказъ оставляемъ на отвѣтственности г. Грена», заявилъ Анненковъ, но статья показалась ему принадлежащей Пушкину, и онъ, не обративъ вниманія на то, что въ ней говорится о смерти Байрона, который въ 1821 г. еще былъ живъ, и только замѣтивъ совпаденіе высказанныхъ въ ней взглядовъ съ тѣмъ, что говорилъ Пушкинъ въ періодъ изданія «Литерат. Газеты», рѣшилъ: «Полемическое начало ея придѣлано позднѣе... Біографическая важность этой статьи, вѣроятно, будетъ усмотрѣна всѣми. Пушкинъ писалъ *о себѣ*, когда говорилъ: «Онъ (человѣкъ) можетъ по произволу надѣвать на себя личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто по какому-либо своенравному убѣжденію ума своего онъ можетъ выставлять на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія»... и проч.» (Сочин. П-на, изд. Анненкова, VII, ч. I, 21; ч. II, 123—124).

Анненковъ ошибся, но лишь отчасти, и въ главномъ ему не измѣнили ни тонкое литературное чутье, ни превосходное пониманіе Пушкина Бо́льшую осторожность проявилъ Ефремовъ, по

опа-то и отвела его въ сторону отъ истины. Разсказъ Грена о Тепляковѣ и 1821 годѣ, конечно, вздоръ, и Гренъ просто списалъ изъ «Литерат. Газеты» статью, которую помѣстилъ въ «Общезанимательномъ Вѣстникѣ» 1857 г., сочинивъ при этомъ никогда не случившуюся исторійку. Этотъ Гренъ, вообще, былъ личностью довольно темной и довѣрія не заслуживалъ. Еще въ 1830 г. онъ былъ уличенъ въ плагіатѣ (см. сочин. П—на, изданіе Ефремова, 1880 г., V, 523). Впослѣдствіи онъ сочинялъ письма Пушкина къ фантастической «бѣдной вдовѣ», къ Дельвигу, къ никогда не существовавшей «княжнѣ Абамелекъ» или записку Баратынскаго къ Пушкину (см. «Труды и дни П—на», изд. 2-ое, стр. 348). Всѣ эти упражненія такъ ничтожны и жалки, что никого не могли ввести въ заблужденіе и лишь характеризовали самого неудачника-мистификатора. Личность Грена и нелѣпое пріуроченіе къ 1821 г. анекдота, который могъ быть узнанъ лишь по смерти Байрона (1824 г.), заставили изслѣдователей быть сугубо осторожными, и въ слѣдующія изданія скомпрометированная Греномъ статья уже не попала (см. изд. литерат. фонда, V, 263; П. Ефремовъ, «Мнимый П—нъ»—«Нов. Время» 1903 г., № 9851). Никому не пришло въ голову посчитаться не съ Греномъ, который, извлекая статью изъ «Литерат. Газеты», вѣроятно, и не задумывался, подлинный ли это Пушкинъ, или нѣтъ,—а съ самой статьею. С. И. Пономаревъ въ своемъ «Указателѣ сочиненій кн. П. А. Вяземскаго» (Сборникъ Отд. русск. яз. и словесн. И. Акад. Наукъ, т. XX, № 5, стр. 88) приписалъ ее Вяземскому, но Пономаревъ—источникъ ненадежный. Такъ, нѣкоторыя сочиненія имъ предположительно отнесены къ Вяземскому (напр., № 7, № 291, № 377, № 380); немало у него ошибокъ. Самъ Вяземскій никакихъ библіографическихъ указаній не далъ.

Однако—по полету виденъ орелъ. Внимательный анализъ статьи убѣждаетъ, что авторомъ ея могъ быть только Пушкинъ. Во вступительныхъ и заключительныхъ строкахъ — самый анекдотъ могъ быть переведенъ кѣмъ-нибудь другимъ — нельзя не узнать его стиля, его паѳоса, его завѣтныхъ убѣжденій и литературныхъ взглядовъ. Ни лѣнивый и посредственный Дельвигъ, ни сухой Вяземскій, ни журнальный чернорабочій Сомовъ, и никто изъ представителей пушкинскаго круга не могъ написать этихъ строкъ,—а только одинъ Пушкинъ, и Анненковъ вѣрно замѣтилъ, что онъ говоритъ здѣсь pro domo sua. Еще такъ недавно Булгаринъ писалъ, что Пушкинъ поклоняется «болѣе усердно Бахусу и Плутусу, нежели музамъ», что онъ «бросаетъ риѳмами во все священное, чванится предъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобы позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ... маратъ бѣлые листы на продажу, чтобы спустить деньги на крапленныхъ листахъ», что у него «одно господствующее чувство—суетность». Пушкинъ не отвѣчалъ прямо на эти недостойныя обвиненія, заявленныя въ формѣ весьма прозрачной аллегоріи. Его не злили лично, а какъ писателя и гражданина возмущали эти выходки, но онъ черпалъ утѣшеніе въ сознаніи, что такова писательская доля: «дружина ученыхъ и писателей стоитъ всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла». Въ этой борьбѣ, находилъ онъ, воспитывается общественное мнѣніе, «мало по малу образуется и уваженіе къ личной чести гражданина». Съ высказаннымъ здѣсь убѣжденіемъ вполнѣ совпадаетъ начало статьи о Байронѣ.

Далѣе мы встрѣчаемъ вполнѣ пушкинское пониманіе «толпы», «черни» и защиту того душевнаго цѣломудрія, которое иногда заставляетъ глубокую натуру скрывать за наружными странностями и кажущимися пороками свои лучшія стороны — и сердечную доброту, и горячую вѣру. Защищая Байрона отъ обвиненія въ безвѣріи, Пушкинъ защищалъ и себя, и не кощунственна была та панихида, которую заказалъ онъ деревенскому попу «за упокой раба Божія боярина Георгія». Этимъ поступкомъ, какъ впослѣдствіи статьей о Байронѣ, нашъ поэтъ обнаружилъ истинное «хранилище своихъ помысловъ»,—но какъ часто шелъ онъ «вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной», и какъ горько платился за «временное своенравіе ума»! Тѣмъ вѣрнѣе и сочувственнѣе понималъ онъ это въ великомъ англійскомъ поэтѣ.

Все, что говорится здѣсь о Байронѣ, цѣликомъ сходится съ тѣмъ, что высказывалъ Пушкинъ о немъ всегда, и въ бесѣдахъ, и въ перепискѣ, и въ печати. Въ статьѣ 1836 г. «Мнѣніе М. Е. Лобанова» («Современникъ», III) Пушкинъ вспомнилъ отзывъ Соути о «сатанинской» литературѣ. Книга Сальво сохранилась въ библіотекѣ Пушкина («П-нъ и его современники», IX — X, 329—330).

1066. [О ШАРЛѢ НОДЬЕ и французскихъ романтикахъ.]

Histoire du roi de Bohême et de ses sept châteaux (*Исторія о Богемскомъ Королѣ и о семи его замкахъ*. Соч. Карла Нодье).— Парижъ. 1 т. въ 8-ю д. л.

Нынѣшняя, *романтическая* Французская Литература взяла какое-то странное направленіе. Неясное, неопредѣленное (le vague) какъ будто бы сдѣлалось ея символомъ и правиломъ. Въ трагедіяхъ новѣйшей Французской школы мы видимъ однѣ формы, одну рѣзкую новость выраженій, произвольное измѣненіе благозвучнаго Расиновскаго стиха въ стихъ болѣе свободный, но зато и болѣе шероховатый,—и напрасно ищемъ отчетливости въ созданіи, напрасно ищемъ характеровъ. Сіе же можно примѣнить, съ необходимыми исключеніями, и къ новѣйшимъ повѣстямъ или небольшимъ романамъ, изданнымъ въ послѣдніе годы во Франціи, какъ на пр. Le dernier jour d'un condamné, L'Ane mort et la femme guillotinée, La Confession и т. п. Кажется, образцами ихъ, хотя и отдаленными, были повѣсти Гофманна, Тика и другихъ новыхъ Нѣмецкихъ Писателей. Книжка, которой заглавіе выставлено

въ началѣ сей статьи, написана не совсѣмъ въ этомъ родѣ: она болѣе сбивается на какую-то аллегорію; но неясность цѣли Автора, придуманныя имъ заглавіе и форма сочиненія и безотчетность цѣлаго по праву даютъ книжкѣ сей мѣсто между тѣми, о коихъ мы упомянули выше. Мы перевели ея заглавіе въ подражаніе заглавіямъ старинныхъ Рускихъ сказокъ: *о богемскомъ королѣ*, напомнило намъ Исторію *о* Петрѣ златыхъ ключахъ, Исторію *о* Францылѣ Венеціянинѣ и т. п.; и въ этомъ, думаемъ, мы не удалились отъ намѣренія Г. Нодье: онъ самъ, кажется, хотѣлъ поманить читателей своихъ стариною, въ родѣ Французскихъ Fabliaux du moyen âge.

Въ одномъ изъ Парижскихъ Журналовъ нынѣшняго года помѣщенъ былъ остроумный разборъ сего новаго произведенія Г. Нодье, представленный въ видѣ разговора двухъ читателей. Выписываемъ сей разборъ и по его оригинальности, и по сходству нашихъ мнѣній насчетъ разбираемой книги съ мнѣніями Французскаго Критика. Вотъ какъ онъ оправдывается въ принятой имъ формѣ критики: «Сочиненіе сіе (*Исторія Богемскаго Короля* и пр.), по странности своей выходящее изъ правилъ всякой оцѣнки, хотя нѣсколько важной, было напередъ опорочено одними и разхвалено другими по причинѣ своей формы. Мы почли за приличное привести здѣсь слѣдующій разговоръ двухъ читателей, отдававшихъ при насъ другъ другу отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ.»

— «Читали ль вы *Исторію о Богемскомъ Королѣ и семи его замкахъ*?

— «Да, я изъ первыхъ читалъ ее.

— «Ну, что же вы о ней думаете?

— «Не умѣю вамъ сказать, что думаю. Исторія пречудная; только она очень темна, очень запутана, и должно сказать правду, не слишкомъ много найдешь связи въ ея неизтощимомъ разнообразіи.

— «Какъ! неужели вы простодушно искали до конца приключеній Богемскаго Короля? Развѣ вы не отгадали съ первой главы, что Авторъ придумалъ это заглавіе для того, чтобы подшутить надъ своимъ читателемъ и придать заманчивую форму своимъ вымысламъ и идеямъ?

— «Нѣтъ; не могу похвалиться, чтобъ я отгадалъ это съ первой главы. У меня не такое быстрое соображеніе; притомъ же я не зналъ, что такъ пріятно и сообразно съ хорошимъ вкусомъ подшучивать, какъ вы изволите говорить, надъ своимъ читателемъ. Однако жь, я началъ догадываться объ этомъ на двадцатой страницѣ. Какъ я ни простъ, а все таки не похожъ на того добраго Парижскаго мѣщанина, который, увидѣвъ на театрѣ комедію Les Plaideurs вслѣдъ за *Андромахой*, находилъ, что пьеса Расинова удивительно какъ хороша, да только не понималъ, зачѣмъ она начинается такъ жалко, а кончится такъ смѣшно.

— «А! такъ вы знаете этотъ анекдотъ! Да вы читали ль Расина?

— «Вопросъ вашъ, мнѣ кажется, не совсѣмъ вѣжливъ. Какъ могли вы предполагать, будто бы я совершенно незнакомъ съ лучшими произведеніями нашей Литературы?

— «Хорошо, хорошо! Вижу, до какой точки вы дошли въ ней. Теперь судятъ и критикуютъ Расина, но не читаютъ его. Впрочемъ, вы вольны его читать и даже удивляться ему. Обратимся къ нашему предмету. Недовольно еще доискаться, что въ новой книгѣ не говорится почти о Богемскомъ Королѣ и семи его замкахъ: надобно еще дознаться, что она въ себѣ заключаетъ, вникнуть въ ея смыслъ, въ тонкости, въ аллегоріи.

— «Такъ много есть тонкостей и аллегорій въ *Исторіи о Богемскомъ Королѣ*? Я, помнится, замѣтилъ въ ней довольно частые *недосмыслы*; но видно, это потому, что я не все понялъ.

— «О! это со всѣми случается. Книгу эту можно назвать обильнымъ рудникомъ: чѣмъ дальше въ ней роешься, тѣмъ больше находишь дорогихъ каменьевъ; но надобно умѣть ихъ распознавать подъ ихъ оболочкой. Золото и брильянты не сіяютъ полнымъ своимъ блескомъ въ нѣдрахъ земли: надобно имѣть острое зрѣніе, чтобъ ихъ отыскать.

— «Я, право, радъ, что съ вами встрѣтился. Безъ сомнѣнія, въ *Исторіи о Богемскомъ Королѣ* есть множество красотъ и можетъ быть даже полезныхъ уроковъ, которые были бы для меня потеряны, и которые вы потрудитесь мнѣ изъяснить. Когда у меня будетъ ключъ ко всѣмъ имъ, тогда и я окажу другимъ такую жь услугу.

— «Посмотримъ. Угадали ли вы, кто скрывается подъ именами Пика де-Фанферлюкіо, Брелока и Теодора?

— «Нѣтъ; да мнѣ большой нужды не было знать, кто сіи три фантастическія существа, которыя говорятъ всегда отрывистыми рѣчами, и у которыхъ поминутно на языкѣ или ученость, или чувствительность,

когда только они не бредятъ, какъ въ горячкѣ.

— «Э! такъ, видно, вы догадались: вы обозначили ихъ характеры, не узнавъ ихъ самихъ. Это доказываетъ, что у Автора много правды въ его очертаніяхъ. Пикъ де-Фанферлюкіо—ученость; Теодоръ—сердце; Брелокъ—воображеніе; а всѣ они трое вмѣстѣ—Г. Нодье.

— «Презабавная тройчатка!

— «А скажите-ка мнѣ, кто таковъ Бріошѐ? кто Джероламо?

— «На это дамъ вамъ отвѣтъ, когда вы мнѣ разтолкуете ясно и точно, что такое *Классическая* и что *Романтическая школа.*

— «А деревянныя головы Мистигри, у которыхъ мысли приводятся въ движеніе пружинами? а парики Попокамбу-Волосатаго? А люди-машины въ Томбукту, изъ коихъ одни методически просѣваютъ слова природнаго своего языка въ большой Академическій мѣшокъ, другіе скоблятъ мѣстоименія, отбираютъ союзы, провѣваютъ частицы, шелушатъ нарѣчія? А тѣ молодые люди, которыя тасуютъ листки бумаги, на коихъ представлены короли, дамы, валеты, и ловко дѣлятъ ихъ на пять пакетцевъ, думая, что сочиняютъ трагедіи? А тотъ окруженный бокалами Профессоръ, который съ жаромъ толкуетъ о *поліодонтахъ, монодонтахъ, анизодонтахъ?* А тотъ Антикварій, который читаетъ іероглифы и потрошитъ мумію?

— «Этѣ-то именно загадки я отгадалъ, да и всѣ, думаю, отгадаютъ, не ломая себѣ голову. Неужели вы хотите подражать тѣмъ Комментаторамъ, которые чертятъ бѣлыя поля книги для объясненія того, что ясно само собою, а затруднительныя мѣста оставляютъ во всей ихъ темнотѣ? Боюсь, чтобъ вы не вздумали мнѣ объяснять, кто такова *Патриція,* и спѣшу васъ упредить. Патриція, кобылица породистая, знатная, — словомъ, очень и очень благородная, которая когда-то бѣгала рысью, скакала, гарцовала и дивила всѣхъ своими скачками и побрякушками; а теперь устарѣла и стала хрома, крива, разбита и съ норовомъ: согласитесь, что тутъ не нужно дальнихъ объясненій. Знаю такъже и другую большую кобылицу Англійской породы, сродни Джонъ-Булевой кобылицѣ, на которой нельзя ѣздить иначе, какъ заплатя деньги, и которая съ виду кажется бодра, рьяна, съ гордою шеей; а не меньше того Брелокъ сожалѣетъ, что ее заковали, спутали и заѣздили.—

— «Неправда ли: всё это удивительныя аллегоріи? Кромѣ того, что онѣ ясны и разительны, какъ сами вы сознаетесь,—не кажется ли вамъ, что онѣ очень остроумны?

— «Мнѣ нравится первая; но, сказать ли правду? я не нахожу большаго достоинства во всѣхъ этихъ вымыслахъ.

— «На васъ трудно угодить; а это вѣдь сатира во вкусѣ Рабелѐ!

— «Вездѣ я слышу ту же похвалу; можетъ быть она очень справедлива; но зачѣмъ же нынче писать сатиры во вкусѣ Рабелѐ? Когда можно ясно выразить свою мысль обо всемъ, то зачѣмъ хлопотать изъ того, чтобъ быть темнымъ?

— Скажу вамъ еще однажды: такая форма гораздо заманчивѣе. Къ тому же, сатира не должна указывать слишкомъ прямо: ей должно прятаться подъ покрываломъ, изъ-за котораго каждый воленъ узнать себя или своего сосѣда.

— «Такъ, по вашему мнѣнію, всему есть свой смыслъ въ томъ сочиненіи, о которомъ мы разсуждаемъ? Это большая загадка, которою должны изощряться и догадливость и терпѣніе всѣхъ любопытныхъ?

— «Да, я такъ думаю.

— «Съ моей стороны, я радуюсь тому. Мнѣ пріятно будетъ со временемъ узнать, кто таковъ Король Богемскій. Мы также узнаѐмъ, что значитъ туфель Попокамбу, которому Г. Нодье посвящаетъ три или четыре главы, больше наскучившія мнѣ, нежели выведшія меня изъ терпѣнія. Мы узнаѐмъ, зачѣмъ онъ такъ часто пріискивалъ по сотнямъ эпитетовъ къ одному слову; зачѣмъ онъ симетрически нанизывалъ по стольку гласныхъ, которыя сталкиваются между собою и ничего не говорятъ уму. Зачѣмъ онъ наполнилъ сряду девять страницъ именами насѣкомыхъ, какъ напр., phalènes, noctues, bombyces, pyrales, zygènes, alucites, hépiales, ptérophores, libellules, ascalaphes, hémérobes, myrmiléons, и пр. и пр.; зачѣмъ онъ въ разныхъ мѣстахъ набиралъ по стольку же именъ собственныхъ; зачѣмъ онъ тысячу разъ принимался за такія же выходки, которыя кажутся вѣчнымъ повтореніемъ однѣ другихъ, и изъ которыхъ одной было бы очень достаточно для сатирической его цѣли: а такая цѣль вѣрно у него была.

— «Была ли у него цѣль! можно ли въ томъ сомнѣваться? Такой остроумный и смѣтливый человѣкъ, какъ Г. Нодье, не написалъ бы пятидесяти или шестидесяти страницъ изъ одного только удовольствія—низать слова одни къ другимъ.

— «Признаюсь, это меня удивляетъ; а все мнѣ кажется, что я правъ. Есть еще и другое удовольствіе, которое могло льстить Сочинителю: то, чтобы видѣть, какъ люди умные, съ глубокою проницательностью (какъ вы, сударь), станутъ ломать себѣ голову, отыскивая смыслъ въ словахъ или сказкахъ, которымъ онъ не хотѣлъ придать никакого смысла. Не находите ли вы, что онъ отчасти выказываетъ это безжалостное намѣреніе, заставляя васъ призадуматься надъ тою велемудрою главою, которая начинается сими словами: «Pif, paf, piaf, patapan. — Ouhiyns, ouhiyns. — Hoé, hu. Dia hurau. Tza, tza, tza?» Объясните мнѣ, на милость, эти слова.

— «Явное дѣло, что имъ нельзя дать никакого объясненія. Авторъ хотѣлъ здѣсь позабавиться надъ тѣми Писателями, которые воображаютъ, что они и глубоки, и высоки, когда умѣли сдѣлаться непонятными.

— «Этого достоинства нельзя отвергать и въ *Исторіи о Богемскомъ Королѣ*.

— «Такъ вы охуждаете это сочиненіе и говорите, что оно совсѣмъ дурно?

— «Боже меня сохрани! я не охуждаю его; но завидую тѣмъ, которые понимаютъ его отъ доски до доски, и читая его, ни разу не вздремнули.

— «Вѣрно только вамъ однимъ не понравилась трогательная и такъ мило и простодушно разсказанная повѣсть Гервазія и Эйлаліи.

— «Да развѣ я сказалъ, что эта повѣсть мнѣ не понравилась? Напротивъ, я очень полюбилъ этихъ бѣдныхъ, слѣпыхъ дѣтей, и думаю, что ихъ жалкая разлука, горесть и отчаяніе Гервазія извлекли бы у меня слезы, когда бы не должно было съ трудомъ отыскивать разныхъ частей сего разсказа, между ученымъ вздоромъ Фанферлюкія и шутовствомъ Пульчинелла или Брелока. Блестящее воображеніе и пріятная кисть Г. Нодье выказываются также въ эпизодѣ о Вѣчномъ Жидѣ и во многихъ другихъ отрывкахъ, которые, къ сожалѣнію, всѣ недокончены.

— «А въ томъ-то и главная прелесть этой книжки, то есть: въ удачномъ и смѣломъ смѣшеніи веселости, воображенія, ума и учености, гдѣ Сочинитель слегка и мимоходомъ коснулся множества разныхъ вопросовъ и предметовъ; гдѣ найдешь и замысловатыя аллегоріи, и тонкія, ѣдкія насмѣшки на ряду съ учеными разсужденіями и очаровательными мечтами.

— «Грація, сила, тонкость, свѣжесть, учености—все это въ самомъ дѣлѣ есть въ этой книжкѣ; только въ такой смѣси и съ такою небрежностью, которыя страннымъ образомъ бросаются въ глаза, потому что онѣ—слѣдствіе разсчета и принятаго намѣренія, а не полной свободы воображенія. Кажется, будто видишь васильки, розы и лилеи, украшеніе садовъ, брошенныя съ намѣреніемъ въ клумбу, въ которой нарочно посажены волчицы, репейникъ и крапива.

— «Намъ трудно будетъ согласиться.

— «И мнѣ такъ кажется. Со всѣмъ тѣмъ, мы согласны уже въ одномъ.

— «Въ чемъ же?

— «Въ необыкновенномъ талантѣ Автора.

Мы встрѣчаемъ въ этой статьѣ, появившейся въ № 55 «Литерат. Газеты» 1830 г., 28 сентября, стр. 153—155 (отд. библіографіи, подъ рубрикой «Иностранная Словесность»), полнѣйшее совпаденіе съ мнѣніями, которыя Пушкинъ высказывалъ о французской новой литературѣ по поводу романовъ Гюго, Жанена, С.-Бева, вызвавшихъ его рецензіи и замѣчанія на страницахъ той же «Литер. Газеты», и по другимъ поводамъ. Жалобамъ на преобладаніе у французскихъ романтиковъ «однѣхъ формъ, одной рѣзкой новости выраженія», на отсутствіе «отчетливости въ созданіи» и «характеровъ», на всѣ эти формальные и внутренніе недостатки ихъ школы, вполнѣ соотвѣтствуютъ другія жалобы. «Делормъ слишкомъ много придаетъ важности нововведеніямъ такъ называемой романтической школы французскихъ писателей, которые сами полагаютъ слишкомъ большую важность въ формѣ стиха»... (статья о С.-Бевѣ). Стихъ сталъ у нихъ «болѣе свободнымъ, но зато и болѣе шероховатымъ», — около того же времени Пушкинъ писалъ объ этой эволюціи «благозвучнаго Расиновскаго стиха» («Домикъ въ Коломнѣ»):

Онъ вынянченъ былъ мамкою не дурой:
За нимъ смотрѣлъ степенный Буало;
Шагалъ онъ чинно, стянутъ былъ цезурой,
Но пудреной піитикѣ на зло
Растрепанъ онъ свободною цензурой.
Ученіе не въ прокъ ему пошло:
Hugo съ товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили безъ цезуры.
О, что бъ сказалъ поэтъ-законодатель,
Гроза несчастныхъ мелкихъ риѳмачей!
И ты, Расинъ, безсмертный подражатель,
Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и царей!...
Что бъ вы сказали, сей соблазнъ увидя?
Нашъ вѣкъ обидѣлъ васъ, вашъ стихъ обидя!...
Александрійскій стихъ по всѣмъ суставамъ
Развинченъ, гнется, прыгаетъ легко
И высоко, какъ бѣлка по дубравамъ;
Ломается проворно и легко
На диво всѣмъ парнасскимъ костоправамъ...

Это писано какія-нибудь двѣ недѣли спустя послѣ появленія статьи въ «Литер. Газетѣ». Въ другой разъ («Мысли на дорогѣ») Пушкинъ съ пренебреженіемъ говорилъ о писателяхъ, «которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли, истинной жизни его», и которыхъ

за это ожидаетъ заслуженное забвеніе. Однажды у Карамзиныхъ говорили о французскихъ романтикахъ, и Пушкинъ, по словамъ А. О. Смирновой (Записки, I, 203, 204), «сказалъ, что въ концѣ концовъ романтическая школа выродится въ извѣстную моду и кружковщину, а всякая мода и всякая кружковщина ему ненавистны», и что «въ поэзіи форма, не содержащая мыслей и чувствъ, есть не что иное, какъ упражненіе парнасцевъ». Пушкина всегда смущало у французскихъ романтиковъ «неясное, неопредѣленное», которое онъ, съ своей безпощадной ясностью честнаго во всемъ ума, считалъ не необходимымъ и нарочитымъ. Онъ осуждалъ того поэта, который «систематически» говорилъ себѣ: «soyons extravagants» и «истинное вдохновеніе» (статья о С.-Бевѣ) замѣнялъ надуманными странностями; Пушкинъ называлъ это—«фиглярствовать странностями» («Мысли на дорогѣ»). Признавая талантъ каждаго въ отдѣльности изъ крупныхъ французскихъ романтиковъ, Пушкинъ осуждалъ самую школу за неясность ея художественныхъ стремленій, за ту «безотчетность цѣлаго», которая тщетно старается скрыть отъ зоркаго глаза отсутствіе внутренней цѣльности. Боратынскаго нашъ поэтъ высоко ставилъ за то, что «никогда не старался онъ малодушно угождать господствующему вкусу и требованіямъ мгновенной моды, никогда не прибѣгалъ къ шарлатанству, преувеличенію (exagération для произведенія большаго эффекта, никогда не пренебрегалъ трудами неблагодарными, рѣдко замѣчаемыми, трудами отдѣлки и отчетливости», не взирая на то, что «вѣрность ума, чувства, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность менѣе дѣйствуютъ на толпу, нежели преувеличеніе (exagération) модной поэзіи». Кстати,—поясненія русскихъ словъ французскими, поставленными въ скобки, напр. «неясное, неопредѣленное (le vague)» — одна изъ типичныхъ особенностей прозаическаго стиля Пушкина, мысль котораго часто рождалась во французской оболочкѣ, и который подчасъ съ трудомъ находилъ удачное русское выраженіе для передачи оттѣнка мысли, легко выражавшагося по-французски.

Вполнѣ въ духѣ Пушкина и переводъ заглавія «Исторіи» Нодье по образцу заглавій старинныхъ русскихъ сказокъ. Такъ и своего «Бориса Годунова» онъ первоначально собирался озаглавить: «Комедія *о* настоящей бѣдѣ Московскому Государству»... и т. д. (см. въ т. V настоящ. изд., прис. № 145; «Вѣстн. Евр.» 1882, октябрь, 893; «П-нъ и его соврем.», XII, 9); въ письмѣ къ Л. В. Дубельту 5 марта 1834 г. онъ назвалъ «Исторію Пугачевскаго бунта»—«Исторіей о Пугачевѣ». Всѣ эти мысли и выраженія Пушкина, сходящіяся почти до буквальнаго тождества съ положеніями, высказанными въ статьѣ о Нодье, притомъ появившейся въ органѣ, гдѣ Пушкинъ проводилъ свои взгляды на литературу, неколебимо убѣждаютъ въ принадлежности Пушкину этой статьи, которою пополняется компендіумъ литературныхъ сужденій великаго писателя.

1067. [ОБЪ «ИСПОВѢДИ» Ж. ЖАНЕНА].

La Confession, par l'Auteur de l'Ane mort et la femme guillotinée (*Исповѣдь* Сочиненіе Автора книги: Мертвый оселъ и казненная женщина). — Парижъ, 1830. 2-мъ т. (въ 1-мъ томѣ XLII — 190, во 2 тома 192 стран. въ 12-ю д. л.).

Эпиграфъ сей книги, взятый изъ Шекспирова Гамлета: Man delights not me, no woman neither (человѣкъ не веселитъ меня, женщина также), уже довольно ясно выражаетъ цѣль Сочинителя, изложенную имъ пространнѣе въ длинномъ Предисловіи. Здѣсь указываетъ онъ на равнодушіе нашего вѣка ко всему, особливо къ предметамъ и правиламъ Вѣры. Съ нѣкоторыми сужденіями его нельзя не согласиться. Онъ говоритъ, напримѣръ, что наша эпоха, въ *нравственномъ* смыслѣ, не слишкомъ вдохновительна для Писателей; и это совершенно справедливо. Изувѣрство, и самое даже безвѣріе, заключаютъ въ себѣ обильную пищу для воображенія Поэта и Романиста; но равнодушіе, и такъ сказать, *безстрастіе* къ вѣрованію, ослабляя впечатлѣніе предметовъ духовныхъ, холодитъ воображеніе даже самое изобрѣтательное и пылкое.

Другая замѣчательная мысль сего Предисловія, выраженная въ остроумной шуткѣ, относится къ общей наклонности современныхъ намъ Писателей, или лучше сказать, къ общему потоку, увлекающему за собою и Эпиковъ, и Трагиковъ, и Романистовъ нашего вѣка. Читатели можетъ быть уже догадались, что здѣсь идетъ дѣло о *наклонности оживить вѣки минувшіе*, преданія и повѣрья старины, нравы, обычаи и предразсудки разноплеменныхъ предковъ нынѣшняго Европейскаго поколѣнія. Авторъ говоритъ, что для Писателей нашей эпохи ничего не осталось новаго, что они должны поневолѣ повторять, или, какъ онъ выражается, *изобрѣтать* старое. Но послушаемъ его самого.

«.... Настаетъ время честолюбія. Писатели наши (Французскіе) уже не довольствуются передѣлываніемъ; они хотятъ создать что-нибудь, и изобрѣтаютъ—угадайте, что? То, что уже сдѣлано за нѣсколько столѣтій: средніе вѣки. Возстаньте, башни, высокія колокольни, гробницы, украшенныя гербами! Проснитесь, Рыцари и Клирики! Вотъ что теперь изобрѣтаютъ! Какъ будто у насъ нѣтъ Фруассара, Рыцаря Жуанвиля и старинныхъ повѣстей (fabliaux)!—Но что дѣлать? Это, можетъ статься, начало изобрѣтенія.

«Послѣ *изобрѣтенія* среднихъ вѣковъ, изобрѣтаютъ Испанію; да, Испанію, Гренаду, Кордуу, Мавровъ, всю Исторію Г. Флоріана, *Гонзальва Кордуанскаго*,—и мало ли

чего? Гораздо прежде однако же всего этого, были изобрѣтены *Романсы о Сидѣ*.

«Не думайте, чтобъ на томъ только и остановились. Изобрѣтя Испанію, изобрѣтаютъ и Востокъ; его золотые города, его мечети, гаремы, Суламитъ, Босфоръ, опіумъ и розовое масло. Видно, позабыли *Тысячу и одну ночь* и *Гяура*.

«Я забылъ сказать, что въ промежуткахъ времени изобрѣли также Россомахъ, Ларвъ, Гномовъ, Саламандръ, Вампировъ, всѣ сказки Перро (Perrault), удивительныя, образцовыя творенія нашего Перро!....

«Когда ничего уже не осталось изобрѣтать въ содержаніи, тогда начали изобрѣтать въ формахъ; создали языкъ, имѣющій болѣе силы, нежели языкъ XVII-го вѣка; *изобрѣли* Ронсара и переносы изъ одного стиха въ другой: это было превосходное изобрѣтеніе Дюбартаса (*)!

«Послѣ сего вздумали *изобрѣсти* Театръ: дѣло было самое легкое; четыре скамьи Французскаго Театра оставались незанятыми, и вѣрно бы отдали ихъ покойнику Скаррону, когда бы онъ еще здравствовалъ. Сначала выказался изъ толпы Поэтъ, изобрѣтшій преложеніе и сперва сказавшій самъ себѣ: «Будетъ и мой вечеръ,» а послѣ напечатавшій: «Былъ и мой вечеръ;» потому что онъ *изобрѣлъ* Шекспирова *Отелло*, изъ сцены въ сцену; не скажу: слово въ слово, чтобы не прогнѣвить тѣнь твою, великій Вилльямъ!

«Вы знаете, какое было послѣднее и величайшее изъ всѣхъ сихъ изобрѣтеній: трагедія, блестящая прекрасными стихами и варварскими выраженіями, но сочиненная вся на воспоминаніяхъ, прикидывающаяся къ старому отцу старинной трагедіи. Право, на этотъ разъ ничего не было новаго, кромѣ партерра; и клянусь еще, вы бы это замѣтили по восклицаніямъ и воплямъ удивленной толпы, между тѣмъ какъ ложи слушали съ безмолвнымъ изумленіемъ и печалью.»

Сочинитель сознается, что и онъ, увлекаясь симъ общимъ стремленіемъ подражать, или выдумывать старое за-ново, подражалъ въ своей книгѣ сказкамъ Кребильона (сына): ибо и Кребильонъ, по его мнѣнію, въ разсказахъ своихъ изображалъ духъ своего вѣка и нравы своихъ современниковъ, хотя иносказательно.

Что сказать о самой повѣсти, романѣ, или еще, предложимъ новый вопросъ: какъ назвать этотъ родъ сочиненій? Мы, впрочемъ, не станемъ вооружаться исключительною строгостью нѣкоторыхъ журнальныхъ нашихъ Критиковъ, которые рѣшительно отвергаютъ всякой новый родъ произведеній, не признанный и не узаконенный школьными Риториками и Піитиками.

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux;

и мы совершенно согласны съ этимъ миролюбивымъ правиломъ. Между тѣмъ, чтобы познакомить читателей съ разсматриваемою нами книгой, выписываемъ ея содержаніе, которое, благодаря простотѣ и немногосложности его, можетъ помѣститься въ немногихъ строкахъ.

Анатоль, сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей, по желанію ихъ намѣренъ жениться. Но Анатоль разборчивъ, и гораздо прихотливѣе *Разборчивой невѣсты* въ басняхъ Крылова. Правда, въ невѣстахъ, которыхъ ему предлагаютъ, ему нето бросается въ глаза, что у каждой изъ нихъ

То носъ широкъ, то брови густы,
Тутъ этакъ, тамъ не такъ;

но онъ строго разсматриваетъ ихъ нравъ и душевныя качества, и ни одна изъ нихъ не приходитъ ему по сердцу. Анатоль ввѣряетъ наконецъ будущую свою судьбу выбору своей матери. Его посылаютъ, безъ всякаго предупрежденія, въ одинъ сосѣдній замокъ. Тамъ онъ видитъ молодую дѣвушку прелестную, невинную, рѣзвую — дитя въ полномъ значеніи слова; и это дитя одарено умомъ, талантами, тою обворожительною измѣнчивостью разположенія духа и ощущеній, кои въ одномъ лицѣ совокупляютъ цѣлый міръ приманокъ разнообразныхъ. Это была невѣста Анатоля. То рѣзва, то степенна, то легкомысленна, то разсудительна и вкрадчива—она плѣняетъ всѣхъ, плѣняетъ и Анатоля. Предложеніе его принято; день брака назначенъ; служитель алтаря благословилъ новобрачныхъ—и свадебный пиръ зашумѣлъ. Анна, супруга Анатоля, кружится въ бѣшеномъ вальсѣ съ однимъ пригожимъ мужчиной; она не обращаетъ вниманія на своего мужа, еще прежде сватьбы огорченнаго ея легкомысленнымъ желаніемъ имѣть мужа придворнаго и право ѣздить ко Двору. Теперь все

(*) Старинный Французскій Поэтъ, написавшій поэму: La Semaine *(Седьмица мірозданія)*, и отличавшійся странною натяжкой звукоподражательныхъ словъ, па пр. въ описаніи полета и пѣнія жаворонка. *Пр. Переводч.*

досадно Анатолю: и музыка Россини, разыгрываемая неискуснымъ оркестромъ, и невниманіе жены, отъ души вертящейся въ вальсѣ, и видъ нарядной старухи, желающей казаться молодою, и звонъ денегъ, перебрасываемыхъ игроками. Онъ думаетъ объ отвѣтственности своей за честь жены, думаетъ, какъ тяжка сія обязанность, думаетъ о прежней своей свободѣ.... Все это еще пуще взрываетъ его досаду. Наконецъ, балъ кончается въ пять часовъ утра; Анатоль идетъ съ своею новобрачной, но она, какъ усталое отъ рѣзвостей дитя, засыпаетъ на ложѣ брачномъ. Черныя мысли еще сильнѣе мутятъ душу Анатоля: онъ простираетъ руки и вмѣсто нѣжныхъ объятій, удушаетъ юную свою супругу. Здѣсь начинаются его угрызенія. Онъ ищетъ освободиться отъ нихъ, завидуетъ казни осужденныхъ, бродитъ, какъ тѣнь. Наконецъ хочетъ прибѣгнуть къ утѣшеніямъ вѣры, ищетъ себѣ исповѣдника—и дѣлается столь же разборчивымъ кающимся грѣшникомъ, какъ прежде былъ женихомъ. Всѣ исповѣдники не по немъ: всѣ они дѣти своего вѣка, волнуемаго сомнѣніемъ, лишеннаго теплоты вѣры. Таинственный исповѣдникъ приходитъ ночью къ Анатолю: Сочинитель не сказалъ, кто былъ сей исповѣдникъ; но читателю позволено догадываться, что это было существо не человѣческой породы. Кто именно? другой вопросъ, который трудно рѣшить; таково, кажется, и было намѣреніе Автора. Анатоль исповѣдуется отъ души сему таинственному исповѣднику, сему грозному судіи дѣлъ и помысловъ; «и когда Священникъ всталъ, Анатоль все еще былъ тамъ же на колѣняхъ, съ сложенными руками, съ мутнымъ и бродящимъ взоромъ, какъ пораженный громомъ.... Родители Анатоля принуждены были запереть его на полгода въ домъ съумасшедшихъ. Теперь ему лучше: онъ веселъ безъ улыбки, счастливъ безъ блеска, румянъ, полнотѣлъ. Совѣсть угрызаетъ его только тогда, когда онъ порою пропуститъ службу церковную. Онъ постригся въ духовный чинъ.» Тѣмъ кончается и вся повѣсть о немъ.

Главнѣйшее искуство Сочинителя, еще яснѣе обличающееся въ первомъ его произведеніи: L'âne mort et la femme guillotinée, состоитъ въ равнодушномъ разсказѣ событій самыхъ ужасныхъ, въ холодномъ описаніи предметовъ, возмущающихъ душу. Для него, по видимому, нѣтъ ничего страшнаго, ничего умилительнаго, ничего отвратительнаго. Симъ то, кажется, онъ хотѣлъ выразить духъ современнаго поколѣнія, прошедшаго чрезъ всѣ крайности, извѣдавшаго всѣ ужасы, охладѣвшаго ко всему и на все взирающаго съ безстрастіемъ фаталиста Мусульманскаго. Мы не скажемъ ничего въ похвалу сей цѣли: благороднѣйшее стремленіе Писателя, по нашему мнѣнію, должно состоять въ томъ, чтобы давать возвышенное направленіе своему вѣку, а не увлекаться его странностями и пороками. Въ противномъ случаѣ, мы въ созданіяхъ ума и воображенія будемъ встрѣчать ту же прозу жизни, къ которой приглядѣлись уже въ обыкновенномъ нашемъ быту; и отъ сего міръ житейскій и міръ фантазіи сольются для насъ въ одну непрерывную, однообразную цѣпь ощущеній давно знакомыхъ, давно извѣданныхъ и уже наскучившихъ намъ безконечными своими повтореніями.

Но мы должны отдать полную справедливость Автору, что онъ умѣетъ живо схватывать черты, едва замѣтныя, ощущенія самыя легкія, и передаетъ ихъ вѣрно, хотя и хладнокровно, вмѣстѣ съ тѣми, кои по свойству своему гораздо глубже и сильнѣе, и которыя рѣзко обозначаются подъ перомъ его. — Таковы, на пр., изображеніе Анны, юной невѣсты Анатоля; описаніе свадебнаго бала и послѣдовавшей за нимъ ужасной катастрофы; наконецъ, мученія совѣсти въ молодомъ убійцѣ и т. п. (*) Замѣтимъ еще, что Сочинитель говоритъ, будто бы писалъ сію книгу не приготовляясь, не обдумывая, а просто пускалъ бродить по волѣ и мысли, и перо свое: этимъ намекомъ, кажется, хотѣлъ онъ подшутить надъ легковѣріемъ нѣкоторыхъ читателей; ибо въ сочиненіи его, при всей неправильности хода, видѣнъ планъ обдуманный и намѣреніе, ясно выражающееся въ цѣломъ.

«Зачѣмъ»—писалъ еще въ январѣ 1830 г. Вяземскій Пушкину — «не помѣстить хорошей рецензіи иностранной на какую-нибудь новую замѣчательную книгу?» Исполненіемъ этого желанія представляется намъ рецензія на «Confession», новый, прошумѣвшій въ Европѣ, романъ Ж. Жанена, недавно прославившагося «Мертвымъ осломъ и казненной женщиной». Нельзя сомнѣваться, что эта рецензія (№ 60, 23 октября, «Библіографія», стр. 193—195) принадлежитъ Пушкину. Высказанное въ ея началѣ о нравственномъ равнодушіи современнаго поколѣнія—твердое убѣжденіе Пушкина, недавно писавшаго въ «Онѣгинѣ» о современной литературѣ,

Въ которой отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ

(*) Въ слѣд. № нашей Газеты помѣстятся нѣкоторые изъ сихъ отрывковъ.

Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтаньямъ преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ...

Пушкинъ привѣтствовалъ (въ 1 № «Лит. Газеты») издаваемый Вяземскимъ переводъ романа Бенжамена Констана «Адольфъ», герой котораго именно такой «современный человѣкъ». Съ Анатолемъ, который «строго разсматриваетъ нравъ и душевныя качества невѣстъ, и ни одна изъ нихъ не приходитъ ему по сердцу», мы встрѣчаемся въ черновомъ наброскѣ Пушкина, относящемся къ той же эпохѣ:

«Тебя пою на томной лирѣ,
Но гдѣ найду мой идеалъ,
И кто пойметъ меня въ семъ мірѣ?»
— Но Анатоль не понималъ...

Набросокъ этотъ (см. настоящ. изд., т. II, стр. 502; V, прим. № 569), очевидно, навѣянъ «Исповѣдью» Ж. Жанена; къ тому же, Пушкина самого тогда занимали мысли о бракѣ. Нашъ поэтъ высоко цѣнилъ французскаго писателя. По поводу «Мертваго осла» онъ писалъ княгинѣ Вяземской: «vous avez raison de trouver l'Ane délicieux, c'est un des ouvrages les plus marquants du moment». Объ обоихъ этихъ романахъ (и еще объ одномъ, «Barnave») онъ собирался писать впослѣдствіи (см. т. V, 433, № 1025). По направленію, къ которому примыкалъ Жаненъ, Пушкинъ не сочувствовалъ. Его душѣ были вообще противны «равнодушный разсказъ событій самыхъ ужасныхъ, холодное описаніе предметовъ, возмущающихъ душу». Появленіе записокъ палача Самсона вызвало у Пушкина жалобу на «безнравственность нашего любопытства», на «жажду новизны и сильныхъ впечатлѣній», и даже въ «Послѣднемъ днѣ осужденнаго» Гюго Пушкинъ увидѣлъ «грязь», т.-е. ужасъ надрывающаго душу сюжета. Защищая въ 1836 г. русскую литературу отъ обвиненій, выдвинутыхъ М. Е. Лобановымъ Пушкинъ поставилъ ей въ заслугу, что на нее не вліяли писатели вродѣ Жанена, и повторялъ: «для удовлетворенія публики, всегда требующей новизны и сильныхъ впечатлѣній, многіе писатели обратились къ изображеніямъ отвратительнымъ, мало заботясь объ изящномъ, объ истинѣ, о собственномъ убѣжденіи»... Это тѣ же мысли, которыя проводятся въ статьѣ объ «Исповѣди» Жанена. Ясно, что только Пушкинъ могъ быть ея авторомъ.

1068. ИЗЪ ДЕСЯТОЙ (СОЖЖЕННОЙ) ГЛАВЫ «ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА».

Вл[аститель] слабый и лукавый,
Плѣшивый щеголь, врагъ труда,
Нечаянно пригрѣтый славой,
Надъ нами Ц[арство]валъ тогда.
Его мы очень смирн[ымъ] знали,
Когда не наши повара
Орла двуглаваго щипали
У Б[онапартова] шатра.
Гроза 12 года
Наст[ала] — кто тутъ намъ помогъ?
Остервененіе народа,
Б.[арклай], Зима или Р.[усскій] Б.[огъ]?
Но Богъ помогъ — сталъ ропотъ ниже,
И скоро силою вещей
Мы очутилися въ П.[арижѣ],
А Р.[усскій] Ц.[арь] главой Ц[арей]. ...

. . . . . .

И чѣмъ жирнѣе, тѣмъ тяжелѣ.
О Р[усскій] глупый нашъ н[ародъ]
Скажи, за чѣмъ ты въ самомъ дѣлѣ....

. . . . . .

Авось, о Шиболетъ народный,
Тебѣ бъ я оду посвятилъ,
Но стихоплетъ Великородный
Меня уже предупредилъ....

. . . . . .

Сей мужъ судьбы, сей странникъ бранный,
Предъ кѣмъ унизились Ц[ари],
Сей всадникъ, Папою вѣнчанный,
Исчезнувшій какъ тѣнь зари....

. . . . . .

Тряслися грозно Пиринеи,
Волканъ Неаполя пылалъ,
Безрукій К.[нязь] друзьямъ Мореи
Изъ К.[ишинева] ужъ мигалъ...

. . . . . .

Я всѣхъ уйму съ моимъ народомъ—
Нашъ Ц.[арь] въ покоѣ говорилъ....

. . . . . .

Потѣшный полкъ Петра Титана,
Дружина старыхъ усачей,
Предавшихъ нѣкогда [тирана]
Свирѣпой шайкѣ палачей...

. . . . . .

[Россія] присм[прѣла] снова
И пуще Ц.[арь] пошелъ кутить
Но искра пламени инова
Уже издавно можетъ быть....

. . . . . .

У нихъ свои бывали сходки.
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки....

. . . . . .

Витійствомъ рѣзкимъ знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У безпокойнаго Никиты,
У осторожнаго Ильи....

. . . . . .

Все это были заговоры
Между лафитомъ и клико,
Куплеты, дружескіе споры,
И не входила глубоко
Въ сердца мятежная наука.
Все это было только скука,
Бездѣлье молодыхъ умовъ,
Забавы взрослыхъ шалуновъ....
. . . . . по пустякамъ....
Вездѣ бесѣды недовольныхъ....

И постепенно сѣтью тайной....
Другъ Марса, Вакха и Венеры,
Тутъ Л.[унинъ] дерзко предлагалъ
Свои рѣшительныя мѣры
И вдохновенно бормоталъ....
Читалъ свои стихотворенья....
Казалось..... обнажалъ
Цареубійств[енный] кинжалъ....
. . . . . .
Одну Россію въ мірѣ видя,
Лелѣя въ ней свой идеалъ,
Хромой Т[ургеневъ] имъ внималъ
И, слово: рабс[тво] ненавидя,
Предвидѣлъ въ сей толпѣ дворянъ
Освободителей кре[стьянъ].

Такъ было надъ Невою льдистой.
Но тамъ, гдѣ ранѣе весна
Блеститъ надъ Каменкой тѣнистой
И надъ холмами Ту[льчина],
Гдѣ Вит[генштейновы] дружины
Днѣпромъ подмытыя равнины
И степи Буга облегли,
Дѣла иныя ужъ пошли....
. . . . . .
Тамъ П. [доставалъ] кинжалъ
И рать набатомъ....
Холоднокровный Генералъ
Въ союзъ свободы вербовалъ...
. . . . . .
И, полонъ дерзости и силъ,
[Порывъ] минуты [торопилъ]...
. . . . . .

«Онѣгинъ дорисованъ», заявилъ Пушкинъ прощаясь со своимъ «страннымъ спутникомъ», сопровождавшимъ поэта цѣлыя десять лѣтъ, но тутъ же, въ той же строфѣ, признался, что разстается съ Онѣгинымъ «вдругъ». Покинувъ Евгенія «въ минуту злую для него», послѣ горькой отповѣди, выслушанной имъ отъ Татьяны, Пушкинъ вполнѣ завершилъ свой романъ какъ художественное цѣлое, но читатель все-таки не можетъ не любопытствовать, какъ представлялъ себѣ Пушкинъ дальнѣйшую судьбу Онѣгина, какой исходъ ждалъ «чудака». Изъ оставленной Пушкинымъ хронологической схемы романа, набросанной по окончаніи его, и изъ словъ Пушкина: «я девять пѣсенъ написалъ», видно, что «Евгеній Онѣгинъ» состоялъ изъ девяти главъ, причемъ восьмая называлась «Странствіе», а девятая — «Большой свѣтъ» (П. В. Анненковъ, «Матеріалы для біогр. П—на», изд. 1855 г., стр. 227—228; И. А. Шляпкинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ П—на», СПб. 1903, стр. 46). Отъ восьмой главы до насъ дошли только фрагменты, правда, довольно значительные, которые Пушкинъ назвалъ: «Отрывки изъ путешествія Онѣгина», а девятая заняла мѣсто восьмой, выпуская которую въ свѣтъ («Послѣдняя глава Евгенія Онѣгина», СПб., 1832, предисл.) Пушкинъ писалъ: «пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ (впрочемъ, весьма справедливымъ и остроумнымъ). Авторъ чистосердечно признается, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую главу, въ коей описано было путешествіе Онѣгина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сію выпущенную главу точками или цыфромъ; но во избѣжаніе соблазна рѣшился онъ лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, осьмой надъ послѣдней главою Евгенія Онѣгина»... Нѣсколько ранѣе (21 ноября 1830 г. въ Болдинѣ), собираясь выпустить вмѣстѣ восьмую и девятую главы (см. въ посмертн. изд. Сочин. П., XI, 235, примѣч. П. А. Плетнева), Пушкинъ писалъ въ предполагаемомъ предисловіи: «вотъ еще двѣ главы Евгенія Онѣгина—послѣднія, по крайней мѣрѣ для печати»... Помѣщая отрывки изъ восьмой главы при первомъ полномъ изданіи романа, 1833 г. (кое-что было напечатано ранѣе), Пушкинъ повторилъ приведенныя строки изъ «Послѣдней главы Евгенія Онѣгина» и прибавилъ, что «рѣшился выпустить эту главу по причинамъ важнымъ для него, а не для публики» (стр. 274). По упомянутой схемѣ и по самому роману извѣстно, что, возвратившись изъ странствія, Онѣгинъ вновь попадаетъ въ большой свѣтъ, гдѣ и происходитъ объясненіе съ Татьяной, и этимъ романъ оканчивается.

Однако, справедливо говоритъ Анненковъ («Матеріалы», 342), «еще долго послѣ окончанія Онѣгина Пушкина влекло къ нему противъ воли. Поэту нашему какъ будто недоставало своего постояннаго труда, съ которымъ онъ сжился въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Онъ жалѣлъ о романѣ и скучалъ по немъ»... На это указываетъ рядъ набросковъ на тему о продолженіи «Онѣгина» (см. примѣч. къ №№ 720—726). И эти наброски, и прямыя заявленія Пушкина, приведенныя выше, заставляютъ думать, что авторъ все еще не могъ разстаться съ героемъ. Въ 1829 г. онъ разсказывалъ своему брату, Льву Сергѣевичу, и М. В. Юзефовичу (см. воспоминанія послѣдняго въ «Русс. Архивѣ» 1880, III, 443), что по первоначальному замыслу «Онѣгинъ долженъ былъ или погибнуть на Кавказѣ, или попасть въ число декабристовъ». Проведя въ своей нижегородской деревнѣ «дѣтородную» осень 1830 г., Пушкинъ обработалъ тамъ восьмую и девятую главы Онѣгина» и привезъ ихъ изъ Болдина «совсѣмъ готовыя въ печать» (письма къ Дельвигу 4 ноября и къ Плетневу 9 декабря 1830 г.); онѣ были окончательно завершены одна 18 сентября, а другая—25-го. Тогда же въ Болдинѣ Пушкинъ писалъ «Повѣсти Бѣлкина». На послѣдней страницѣ «Метели», въ находящейся въ Румянцевскомъ музеѣ черновой тетради «Повѣстей» (№ 2379—см. «Русс. Стар.» 1884 г., ноябрь, 339), сохраняется такая замѣтка, сдѣланная пушкинскою рукою: «19 окт., сожж. X пѣснь».

«Онъ много написалъ въ деревнѣ»—внесъ въ свой дневникъ другъ Пушкина кн. П. А. Вяземскій 19 декабря 1830 г. (см. его Сочин., IX, 152):— «привелъ въ порядокъ 8 и 9 главу Онѣгина, ею и кончаетъ; изъ 10-й, предполагаемой, читалъ мнѣ строфы о 1812 годѣ и слѣдующихъ—славная хроника»...; затѣмъ, назвавъ еще нѣсколько произведеній, созданныхъ въ 1830 г. въ Болдинѣ, Вяземскій тутъ же записываетъ и подчеркиваетъ слѣдующія слова: «у вдохновеннаго Никиты, у осторожнаго Ильи». Лѣтомъ 1832 г., находясь въ Мюнхенѣ, А. И. Тургеневъ писалъ Н. И. Тургеневу, жившему въ Парижѣ (изъ Россіи А. И. Тургеневъ едва ли бы рѣшился это писать): «Есть

тебѣ и еще нѣсколько безсмертныхъ строкъ о тебѣ. Александръ Пушкинъ не могъ издать одной части своего Онѣгина, гдѣ онъ описываетъ путешествіе его по Россіи, возмущеніе 1825 года и упоминаетъ, между прочимъ, и о тебѣ:

Одну Россію въ мірѣ видя,
Преслѣдуя свой идеалъ,
Хромой Тургеневъ имъ внималъ
И, плети рабства ненавидя,
Предвидѣлъ въ сей толпѣ дворянъ
Освободителей крестьянъ.

Въ этой части у него есть прелестныя характеристики русскихъ и Россіи, но она останется надолго подъ спудомъ. Онъ читалъ мнѣ въ Москвѣ только отрывки» («Ж. М. Н. Просв.» 1913, мартъ, 16—17).

Кое-что изъ этой «славной хроники», уничтоженной главы «Евгенія Онѣгина», дошло до насъ и стало извѣстно лишь въ 1910 г. Пушкину нельзя было надѣяться на появленіе этихъ стиховъ въ печати, ихъ опасно было даже держать подъ спудомъ, но совсѣмъ разстаться съ ними ему было тяжело, и онъ сохранилъ ихъ membra disjecta, отчасти въ исчерканныхъ черновыхъ отрывкахъ, отчасти въ видѣ криптограммы, очевидно не вполнѣ уцѣлѣвшей, но разбираемой довольно легко. Эти автографы находятся въ Академіи Наукъ, въ майковскомъ собраніи рукописей Пушкина (см. «П—нъ и его соврем.», IV, 11, № 37 д, и 15, № 57). Ихъ разобралъ и напечаталъ П. О. Морозовъ («П—нъ и его соврем.», XIII, 1—12, со снимками). Большую часть текста даетъ криптограмма (№ 57). Поэтъ записалъ свои стихи такимъ образомъ, чтобы непосвященному при первомъ взглядѣ нельзя было понять, въ чемъ тутъ дѣло (повидимому, разсчетъ оправдался въ отношеніи жандармской описи бумагъ, слѣдъ которой остался на обѣихъ страницахъ листка—помѣты красными чернилами «66» и «67»). Стихи размѣщены порознь, но въ извѣстной комбинаціи, на двухъ внутреннихъ сторонахъ согнутаго пополамъ листа. Среди нихъ оказались четыре, почти дословно вошедшіе въ посвященную Николаю I пьесу «Герой» (о Наполеонѣ). Взаимное расположеніе этихъ четырехъ стиховъ послужило какъ бы ключемъ, съ помощью котораго весь автографъ былъ разобранъ, хотя не совсѣмъ точно, такъ какъ Пушкинъ не держался строго принятаго порядка размѣщенія стиховъ, записывалъ, очевидно, наскоро, да «криптограмма» и не представляетъ собою законченнаго цѣлаго, и нѣкоторыя мѣста стоятъ внѣ связи съ другими. Иныя сокращенія словъ переданы предположительно, по общему смыслу; такія слова заключены въ квадратныя скобки. Нѣсколько общими, и тутъ, и тамъ повторяющимися стихами «криптограмма» сливается съ черновыми набросками, Наше чтеніе нѣсколько отличается отъ текста, даваемаго г. Морозовымъ: такъ, нами указано: «Изъ Кишинева ужъ мигалъ»...; «Тебѣ бъ я оду посвятилъ» (а не «Тебя бъ (подземнымъ?) посвятилъ»); «О русскій глупый нашъ народъ»...; вставленъ стихъ: «У осторожнаго Ильи» («Рѣчь» 1910 г., №№ 97, 159); мы читаемъ: «Россія присмирѣла снова»; «Лелѣя въ ней свой идеалъ»... Стихи о Н. И. Тургеневѣ разобраны съ помощью цитаты его брата («Одну Россію въ мірѣ видя»... и проч.). Внѣ общей концепціи оставили мы нѣсколько стиховъ криптограммы, которые слишкомъ трудно привести въ связь другъ съ другомъ. На первой страницѣ ея записаны они въ такомъ порядкѣ (перемежаемые, конечно, другими стихами):

Авось по манью — ....
А про тебя и въ усъ не дуетъ...
Семействамъ возвратитъ...
Ты А. холопъ....

Сбоку приписано другимъ пріемомъ почерка:

Моря достались Албіону...
Авось дороги намъ испр....
Измученъ казнію покоя.....
Кинжалъ Л пѣлъ Б.....

На второй страницѣ:

Авось аренды забывая.....
Ханжа запрется въ монастырь....

Г. Морозовъ предлагаетъ такую комбинацію:

Авось, аренды забывая,
Ханжа запрется въ монастырь;
Авось, по манью (Николая?)
Семействамъ возвратитъ (Сибирь?)....

Д. Соколовъ («П-нъ и его соврем.», XVI, 3) предлагаетъ читать стихъ: «Кинжалъ Л пѣлъ Б» (неразобранный г. Морозовымъ) — «Кинжалъ Лувеля пѣлъ Биронъ», что довольно вѣроятно, хотя Байронъ не писалъ стиховъ о Лувелѣ, а выраженное имъ въ «Чайльдъ-Гарольдѣ» общее сочувствіе тираноубійству едва ли можетъ быть истолковано столь «распространительно». Оставлены нами въ сторонѣ также не поддающіяся передачѣ исчеркапныя мѣста въ черновыхъ набросках. «Авось, о Шиболетъ народный»—обращеніе къ русскому «шиболету», намекъ на одну изъ психологическихъ особенностей русской натуры. Пушкинъ здѣсь упоминаетъ о юмористическомъ стихотвореніи князя И. М. Долгорукаго «Авось», это стихотвореніе называетъ одой къ русскому «авось», а автора—«великороднымъ стихоплетомъ». Слово «Шиболетъ» (значитъ по-еврейски колосъ) заимствовано изъ Библіи (Книга Судей, XI, 5—6). Мужи галаадскіе перехватили у племени Ефраима переправу черезъ Іорданъ и спрашивали каждаго желавшаго перейти на другой берегъ ефраимита: «ты не изъ Ефраимова ли племени?» Тотъ отвѣчалъ: «нѣтъ». Ему предлагали произнести слово «шибболетъ», и онъ отвѣчалъ «сибболетъ», выдавая этимъ произношеніемъ свое происхожденіе. «И брали его, и закалали его у переправы чрезъ Іорданъ»... Такъ и русскаго человѣка можно узнать по его неизмѣнному безпечному «авось».

Замыслъ Пушкина былъ, повидимому, широкъ. Поэтъ начинаетъ ab ovo, съ 1812 г., когда проникли революціонныя идеи въ русскую передовую интеллигенцію, говоритъ о революціонныхъ движеніяхъ на Западѣ въ началѣ двадцатыхъ годовъ, упоминаетъ неаполитанскую революцію, греческую гетерію (см. кишиневскій дневникъ 1821 г.), характеризуетъ военную молодежь, Сѣверное тайное общество и переходитъ къ Южному....

Какъ было нами показано («Пушкинъ о декабристахъ. Необходимая поправка» — «Рѣчь» 1913 г., № 155), Пушкинъ о Южномъ обществѣ говоритъ послѣ Сѣвернаго (раньше первая страница чернового листка невѣрно принималась за

вторую, и обратно), и говоритъ въ иномъ тонѣ, чѣмъ о Сѣверномъ. Онъ отлично зналъ, и не могъ не знать, и разницу въ программахъ Сѣвернаго общества и Южнаго, и несходство господствовавшихъ въ нихъ настроеній, и различіе взглядовъ на предстоящіе тактическіе шаги, приведшіе вскорѣ, несмотря на состоявшееся между обоими обществами соглашеніе, къ замѣшательству, которое было одною изъ причинъ крушенія общаго дѣла. Малоразборчивыя строки, которыми кончается черновикъ, явно относятся къ дѣйствіямъ южанъ, серьезнымъ и рѣшительнымъ, къ пропагандѣ среди солдатъ. Инпціаломъ П. здѣсь обозначенъ, повидимому, Пестель, дѣятельность котораго Пушкинъ никакъ ужъ не могъ назвать забавой взрослаго шалуна. Одинъ изъ серьезнѣйшихъ историковъ движенія и самъ декабристъ, бар. А. Е. Розенъ (Записки, СПб. 1907 г., стр. 421—422) проводитъ рѣзкую грань между тѣми, кто «забавлялись голословными совѣщаніями на съѣздахъ и сходахъ», и людьми, которые «не шутили» и «серьезно увлеклись дѣломъ»; во главѣ послѣднихъ онъ, конечно, назвалъ Пестеля. Отзывъ Пушкина о Лунинѣ проникнутъ явной ироніей. Какихъ рѣшительныхъ дѣйствій, кромѣ словъ, можно было ожидать отъ друга Вакха и Венеры? Не менѣе проникненъ отзывъ о Н. И. Тургеневѣ, преданномъ одной мечтѣ — эмансипаціи крестьянъ — и ожидавшемъ этого шага отъ дворянства... Пушкину, который еще въ 1819 г. ждалъ освобожденія крестьянъ отъ «мапія царя», а не отъ передового русскаго общества, въ 1830 г. казалась смѣшной наивная вѣра фанатика въ готовность цѣлаго сословія сознательно пожертвовать матеріальными интересами. Такъ понялъ эти слова Пушкина самъ Н. И. Тургеневъ, котораго они, писалъ онъ брату, «заставили пожать плечами. Судьи, меня и другихъ осудившіе, дѣлали свое дѣло: дѣло варваровъ, лишенныхъ всякаго свѣта гражданственности, цивилизаціи. Но вотъ являются другіе судьи. Можно имѣть талантъ для поэзіи, много ума, воображенія, и при всемъ томъ быть варваромъ» («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1913, мартъ, 17). Но на югѣ шли «дѣла иныя». Тамъ сидѣли не мечтатели, а энергичные дѣятели, люди не словъ, а дѣйствій. Какъ бы Пушкинъ ни относился къ нимъ, но пренебрежительной ироніи здѣсь уже не могло быть мѣста. Можетъ быть, онъ осудилъ бы ихъ несравненно рѣзче, но для этого, конечно, нашелъ бы иныя слова. Во всякомъ случаѣ, мы ихъ не знаемъ, а знаемъ одно— что жестокій приговоръ декабризму въ дошедшихъ до насъ остаткахъ сожженной главы «Онѣгина» долженъ быть относимъ къ Сѣверному обществу, а не къ Южному.

Рѣзкій отзывъ объ Александрѣ I сходится съ другими отзывами Пушкина о немъ (см. примѣч. къ №№ 108, 403). Вполнѣ ясно несочувствіе Пушкина декабристамъ, какъ политическимъ дѣятелямъ. Какъ людей, поэтъ ихъ жалѣлъ и громко высказывалъ это (см. примѣч. №№ 487, 490, 506, 523); и теперь, быть можетъ, онъ выразилъ это чувство, если сколько-нибудь соотвѣтствуютъ подлиннику чтеніе и комбинація стиховъ о ханжѣ (кн. А. Н. Голицынѣ, гонителѣ декабристовъ) и о милости царя, по манію котораго Сибирь возвратитъ изгнанниковъ ихъ осиротѣлымъ семьямъ. Вступивъ еще въ Одессѣ на путь политическаго скептицизма, Пушкинъ теперь былъ далеко отъ идеаловъ, которые вдохновляли декабристовъ, и еще дальше отъ сочувствія ихъ средствамъ къ достиженію этихъ идеаловъ. Болѣе того: къ нѣкоторымъ изъ декабристовъ, наиболѣе крайнимъ и не принадлежавшимъ къ числу его личныхъ друзей, онъ относился даже съ антипатіей, которой не умѣлъ скрыть. Не безъ ироніи записалъ онъ въ программѣ задуманнаго «Русскаго Пелама»: «общество умныхъ» и въ числѣ ихъ назвалъ «безпокойнаго Никиту»—«умнаго и пылкаго» Ник. Мих. Муравьева, а рядомъ съ нимъ—«осторожнаго Илью»—кн. Ил. Долгорукова (Кн. И. А. Долгоруковъ, одинъ изъ основателей Союза Благоденствія, въ началѣ 1821 г. письменно заявилъ о своемъ выходѣ изъ тайнаго общества; слѣдственная комиссія, судившая декабристовъ, признала, что онъ «заслужилъ при милостивомъ прощеніи совершенное забвеніе кратковременнаго заблужденія, извиняемаго отмѣнною молодостью»).

Въ соприкосновеніе съ этимъ «обществомъ умныхъ» долженъ былъ войти Онѣгинъ въ десятой главѣ романа. Хотя въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ дана лишь сатирически освѣщенная картина движенія «1812 года и слѣдующихъ», а объ Онѣгинѣ не сказано ни слова, но изъ сообщеній Вяземскаго и А. И. Тургенева видно, что это именно часть десятой главы. Съ восьмой главою, также на половину уничтоженной, «Странствіемъ», десятая связана, очевидно, тѣмъ, что Онѣгинъ, познакомившись въ своемъ путешествіи по Россіи съ жизнью отечества, такъ чуждой ему благодаря его жалкому воспитанію, и затѣмъ (въ девятой главѣ, «Большой свѣтъ») оттолкнутый Татьяной, въ десятой главѣ попадаетъ въ среду политическихъ заговорщиковъ. Опредѣливъ хронологическій остовъ романа, Ивановъ-Разумникъ (т. III настоящ. изд., 209) заключаетъ, что послѣднее объясненіе Татьяны съ Онѣгинымъ происходило въ началѣ весны 1825 г. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этой развязки наступила развязка политическаго движенія, въ которое повелъ поэтъ своего героя, отвергнутаго любимой женщиной.

Трудно сказать, была ли закончена десятая глава, и въ какомъ положеніи очутился Онѣгинъ среди декабристовъ. Горячему энтузіасту Ленскому Пушкинъ готовъ былъ предсказать, что онъ могъ «быть повѣшенъ, какъ Рылѣевъ» (варіантъ XXXVIII строфы 6-й главы), но едва ли такая участь была суждена Онѣгину, какимъ мы его знаемъ, когда «вдругъ разстаемся съ нимъ». Въ «Странствіи» онъ неожиданно «проснулся патріотомъ», славянофиломъ, врагомъ Запада, но объ этой новой аватарѣ своего героя Пушкинъ говоритъ съ нескрываемой ироніей, зная, что это только новая маска, и что Онѣгинъ способенъ завтра явиться «Мельмотомъ, космополитомъ, Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой». Можно думать, что если Онѣгинъ и погибаетъ въ общемъ крушеніи декабристовъ, то только за свою внѣшнюю связь съ ними. А можетъ быть Пушкинъ думалъ заставить его пережить гибель двадцатниковъ и остаться въ сторонѣ, тоскующимъ, blasé, какимъ былъ, напримѣръ, столь близкій нашему поэту и отчасти отразившійся въ его героѣ, Александръ Раевскій—«Демонъ».

1069. [О ПОВѢСТИ К. Н. БАТЮШКОВА].

Повѣсть сія сочинена Батюшковымъ въ деревнѣ (1810 года) и подарена одному любителю словесности, которому свидѣтель-

ствуемъ искреннюю благодарность за сообщеніе драгоцѣнной сей рукописи и за позволеніе напечатать оную. Можетъ быть найдутъ въ этой повѣсти недостатокъ созданія и народности, можетъ быть скажутъ, что въ ней не видно древней Руси и двора Владимірова; какъ бы то ни было, но поэтическая душа Батюшкова отсвѣчивается въ ней, какъ и въ другихъ его произведеніяхъ, и нѣжныя, благородныя чувствованія выражены прекраснымъ гармоническимъ слогомъ.

Въ январѣ 1831 г. внезапно умеръ лучшій другъ Пушкина, его «братъ названный» Дельвигъ, издававшій нѣсколько лѣтъ сряду «Сѣверные Цвѣты». Семья Дельвига осталась безъ всякихъ средствъ, и Пушкинъ первый изъ всѣхъ друзей Дельвига пришелъ ей на помощь. Добрый и деликатный поэтъ далъ вдовѣ Дельвига, подъ благовиднымъ предлогомъ, значительную денежную сумму и, не довольствуясь этимъ, задумалъ издать къ предстоящему 1832 году слѣдующій выпускъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» въ пользу семьи друга. Кромѣ того, ему хотѣлось «Сѣверными Цвѣтами» достойно помянуть Дельвига, справить по немъ «поэтическую тризну». Самъ онъ далъ для «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» нѣсколько стихотвореній (въ томъ числѣ «Трудъ», «Эхо», «Бѣсы», «Анчаръ») и «Моцарта и Сальери» и сталъ усердно добывать у друзей и знакомыхъ матеріалы для альманаха и даже заблаговременно заботился о распространеніи книги. У Языкова, Вяземскаго, Боратынскаго, Ѳеодора Глинки Пушкинъ просилъ и прозу, и стихи, писалъ имъ, не лѣнился напоминать и вообще былъ очень дѣятеленъ *). Осенью альманахъ былъ готовъ, (проденсурованъ 9 октября 1831 года). «Сѣверные Цвѣты» на 1832 годъ появились благодаря Пушкину, бывшему не только иниціаторомъ ихъ, но и редакторомъ.

Замѣтка о повѣсти Батюшкова предпослана, въ видѣ примѣчанія, «старинной повѣсти» К. Н. Батюшкова «Предслава и Добрыня», которою открывается альманахъ (отд. «Проза», стр. 1—2).

Подъ замѣткой нѣтъ никакой подписи. Тѣмъ не менѣе, принадлежность ея перу Пушкина несомнѣнна. За это ручается не только то обстоятельство, что Пушкинъ редактировалъ «Сѣверные Цвѣты» на 1832 г., но и самый стиль ея, обычный, строгій прозаическій стиль Пушкина, и кому этотъ стиль знакомъ, кто въ него вчитался, тотъ сейчасъ же узнаетъ Пушкина. «Гармоническій», «гармонія» въ примѣненіи къ слогу, стиху (особенно стиху Батюшкова)—одно изъ очень частыхъ выраженій у Пушкина (см. въ IV т. настоящаго изданія замѣчанія Пушкина на поляхъ «Опытовъ» Батюшкова). Употребленіе слова «народность» въ замѣткѣ о Батюшковѣ вполнѣ сходится съ представленіемъ Пушкина о народности въ литературѣ: «одинъ изъ нашихъ критиковъ»,—писалъ онъ,—«кажется, полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи. Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т.-е. радуются тому, что, изъясняясь по-русски, употребляютъ русскія выраженія. Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполнѣ можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками: для другихъ оно или не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ. Ученый нѣмецъ негодуетъ на учтивость героевъ Расина; французъ смѣется, видя въ Кальдеронѣ—Коріона, вызывающаго на дуэль своего противника, и проч. Все это, однако жъ, носитъ печать народности. Есть образъ мыслей и чувствованій, есть тьма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу»... Съ этой точки зрѣнія Пушкинъ не могъ не осудить и дѣйствительно осудилъ повѣсть Батюшкова, и это осужденіе ясно слышится въ словахъ: «можетъ быть найдутъ».. и т. д.; Пушкинъ хвалитъ только самого Батюшкова и, не безъ преувеличенія, его слогъ. Самая же повѣсть для него, и вообще для всякаго читателя 1832 г., представляла развѣ историческій интересъ. Она написана въ духѣ слащавой, фантастической «народности», которая была модной въ русской литературѣ начала XIX вѣка и питалась не менѣе фальшивой «исторіей», археологіей и миѳологіей вродѣ «Versuch einer Slavischen Mythologie» А. С. Кайсарова.

Первый въ этомъ духѣ сталъ писать Карамзинъ, котораго Батюшковъ въ стихотвореніи «Мои Пенаты» хвалитъ за то, что онъ «описываетъ намъ... древню Русь и нравы Владиміра времянъ»; на эти-то слова, вѣроятно, и намекаетъ Пушкинъ, говоря, что въ повѣсти Батюшкова «не видно древней Руси и двора Владимірова». Батюшковъ, впрочемъ, и самъ понималъ это, хотя и увѣрялъ: «Мы не позволяли себѣ большихъ отступленій отъ исторіи», и не печаталъ «Предславы и Добрыни». Повѣсть появилась въ печати тогда, когда Батюшковъ, неизлѣчимо душевнобольной, давно уже влачилъ жалкое, безсознательное существованіе. Въ 1830 г. Пушкинъ видѣлъ его, заговорилъ съ нимъ, но Батюшковъ его не узналъ. Вотъ почему Пушкинъ благодарилъ за позволеніе напечатать «Предславу и Добрыню» не его, а «одного любителя словесности»,— по

*) «Переписка Пушкина», акад. изд. II, 221, 225, 231, 277, 281, 283, 288, 314, 320, 321, 339, 340, 342, 343, 344, 363, 366. См. также письмо О. М. Сомова къ М. А. Максимовичу 28 сентября 1831 г. («Современникъ» 1854 г., т. XLVII, критика, стр. 60—61; «Русск. Арх.» 1908 г., III, 264—265; В. В. Даниловъ, «Литературные матеріалы и очерки», Варш., 1908, стр. 26—27, оттискъ изъ «Русс. Филолог. Вѣстника»). Пушкинъ не принялъ для «Сѣв. Цвѣтовъ» на 1832 г. одного стихотворенія Боратынскаго («Татевскій сборникъ», стр. 39, пис. № 29). Анненковъ называетъ Пушкина издателемъ альманаха въ этомъ году (Соч. Пушкина, т. II, 1855 г. стр. 498). Вяземскому Пушкинъ 8 сентября 1831 г. напоминалъ о матеріалѣ для «Сѣв. Цвѣтовъ» («Русс. Библіофилъ» 1911 г., № 5, стр. 19). Сохранившіеся въ библіотекѣ Пушкина до нашихъ дней четыре экземпляра «Сѣв. Цвѣтовъ» на 1832 г. («Пушкинъ и его современники», IX—X, стр. 123) указываютъ, что онъ распространялъ альманахъ въ качествѣ его издателя. Издателемъ его называетъ Пушкина и П. А. Плетневъ («Ал—дръ С.—чъ Пушкинъ»—«Современникъ» 1838 г, т. X, стр. 46—48). Хотя въ альманахѣ нѣтъ указанія, что издалъ его Пушкинъ, книгопродавцы, однако, знали это и объявили поэта издателемъ («С.-Пб. Вѣдом.» 1832 г., № 7, января 9, прибавл., стр. 43; см. Ф. Витбергъ, «Литературно - библіографическія замѣтки» — «Сѣв. Вѣстн.» 1895 г., № 9, стр. 328).

предположенію Л. Н. Майкова *), А. И. Тургенева **) или А. Н. Оленина.

И по языку, и по содержанію замѣтки ясно, что она не могла быть написана ни Сомовымъ, ни Плетневымъ, близко стоявшими къ «Сѣвернымъ Цвѣтамъ», а только Пушкинымъ; къ тому же, ее никому другому и приписать нельзя, кромѣ Пушкина, который редактировалъ тотъ альманахъ, гдѣ была напечатана повѣсть Батюшкова. Какъ ни мала замѣтка, въ ней Пушкинъ выразилъ свое мнѣніе объ одномъ изъ своихъ ближайшихъ учителей-поэтовъ и съ благодарной снисходительностью постарался найти достоинство въ вещи, которая по существу не могла ему нравиться.

1070. [ПРОГРАММА «РЕВИЗОРА».]

[Свиньинъ]
Криспинъ пріѣзжаетъ въ
NB. на ярмонку
губернію—его принимаютъ
за Audass. Губерн.
честной дуракъ губ.
съ нимъ проказитъ
— Крисп. сватается за дочь

Автографъ находится въ Имп. Публичной Библіотекѣ,—листокъ въ 8-ю д. л., съ водянымъ знакомъ «1832» и помѣтою красными чернилами «76». Впервые напечатанъ въ сборн. «П-нъ и его соврем-ки», XVI, 110. Слова «NB. на ярмонку» приписаны надъ третьей строкою. Заключенное въ скобки имя «Свиньинъ» зачеркнуто. Загадочное имя Audass. можно прочесть и какъ «Audass.», причемъ надъ заглавнымъ А, слѣва, поставленъ знакъ въ видѣ φ (П. Морозовъ—ibid., 111). Въ связи съ содержаніемъ «Ревизора», первоначальную программу котораго нельзя не узнать въ этомъ наброскѣ, г. Морозовъ правильно прочиталъ «Губерн.» какъ губернаторъ, а «губ.»—губернаторша. Плутоватый главный герой Криспинъ, самое имя котораго, заимствованное изъ старинной итальянской и французской комедіи, говоритъ такъ много,—соотвѣтствуетъ Хлестакову, губернаторъ—городничему, губернаторша—городничихѣ. Она «проказитъ» съ Криспиномъ,—это напоминаетъ кокетничанье Анны Андреевны съ Хлестаковымъ. «Криспинъ сватается за дочь», какъ Хлестаковъ за Марью Антоновну.

«Мысль Ревизора» принадлежитъ Пушкину», заявилъ Гоголь въ своей «Авторской исповѣди». А. О. Смирнова сообщила, что Пушкинъ разсказалъ Гоголю «этотъ анекдотъ, взятый изъ дѣйствительности» (Записки, I, 314). У комментаторовъ и біографовъ обоихъ писателей до сихъ поръ пользовались кредитомъ два варіанта разсказа, въ которомъ готовы были видѣть ядро первоначальнаго замысла «Ревизора». Они переданы графомъ В. А. Сологубомъ («Воспоминанія», М., 1866, стр. 18) и П. И. Бартеневымъ (ibid., 18—19). «Пушкинъ»—разсказываетъ Сологубъ—«познакомился съ Гоголемъ и разсказалъ ему про случай, бывшій въ г. Устюжнѣ, Новгородской губерніи, о какомъ-то проѣзжемъ господинѣ, выдавшемъ себя за чиновника министерства и обобравшемъ всѣхъ городскихъ жителей. Кромѣ того, Пушкинъ самъ, будучи въ Оренбургѣ, узналъ, что о немъ получена графомъ В. А. Перовскимъ секретная бумага, въ которой послѣдній предостерегался, чтобы былъ остороженъ, такъ какъ поѣздка Пушкина имѣла цѣлью обревизовать секретно дѣйствія оренбургскихъ чиновниковъ. На этихъ двухъ данныхъ задуманъ былъ «Ревизоръ», коего Пушкинъ называлъ себя всегда крестнымъ отцомъ».

Подъ вліяніемъ этихъ подозрѣній, немало позабавившихъ Пушкина, ему, сообщаетъ изъ какихъ-то «неизданныхъ записокъ о жизни Пушкина» Бартеневъ, «пришла идея написать комедію «Ревизоръ». Онъ сообщилъ послѣ объ этомъ Гоголю, разсказывалъ нѣсколько разъ другимъ и собирался самъ что-то написать въ этомъ родѣ (Слышано отъ самого Пушкина.)»

Не сомнѣваясь въ приблизительной достовѣрности разсказа о Пушкинѣ, сохраненнаго двумя современными свидѣтелями, мы не видимъ въ немъ не только завязки «Ревизора», но и намека на тотъ сюжетъ, который былъ обработанъ Гоголемъ. Съ «Ревизоромъ» здѣсь есть лишь одна общая черта: страхъ провинціальной администраціи, вѣчно боящейся ревизора. Устюженскій самозванецъ слишкомъ отдаленно напоминаетъ Хлестакова, который ни за кого себя и не собирался выдавать и, лишь слабо догадываясь, что его принимаютъ за важную особу, вышилъ на этой канвѣ роскошные узоры своего упоеннаго и, въ сущности, совершенно безкорыстнаго лганья.

На происхожденіе «Ревизора» проливаютъ свѣтъ какъ приведенная программа, такъ отчасти и нѣкоторыя другія показанія, до сихъ поръ игнорированныя изслѣдователями.

Такъ, если вѣрить товарищу Гоголя В. П. Любичу-Романовичу (см. его воспоминанія въ «Историч. Вѣстникѣ» 1902 г., февр., 553), Пушкинъ разсказывалъ ему:

— «Ревизоръ»—тоже моя идея. Это какъ разъ относилось къ двадцатымъ годамъ, когда я былъ въ Новороссіи... Типъ Хлестакова у меня намѣченъ въ живомъ лицѣ... Это своего рода Митрофанушка, только болѣе обтесанъ и менѣе отроченъ, чего, однако, Гоголь не далъ своему Хлестакову, вложивъ въ его рѣчь дозу нахальства и увѣренной глупости... Да, именно увѣренной глупости, потому что Хлестаковъ сознаетъ свое глупое положеніе среди семьи глупаго городничаго, но все-таки его поддерживаетъ, увѣренный въ томъ, что его глупый умъ, по сравненію съ глупостью уѣзднаго начальства, много значительнѣе... Даже высшая одесская губернская власть, въ вѣдѣніи которой находился я тогда, какъ полусыльный, и та ничѣмъ не уступала гоголевскому Сквозникъ-Дмухановскому. По своему мягкому и доброму характеру знаменитый административный мужъ въ эпоху «Николаевскихъ войнъ», графъ Киселевъ, этотъ господарь Молдавіи и Валахіи и впослѣдствіи министръ государственныхъ имуществъ, тоже былъ Сквозникъ въ своемъ родѣ, потому что онъ весь уходилъ въ авторитетъ своего камердинера, который ему говорилъ, что «этого» надо наказать, а «того» помиловать, и т. д.».

Съ этимъ показаніемъ Пушкина связывается важное показаніе Гоголя, записанное въ дневникѣ

---

*) Сочин. К. Н. Батюшкова, изд. Л. Н. Майкова, II, 396.

**) Отъ А. И. Тургенева получили кое-что изъ произведеній Батюшкова для своихъ изданій Б. М. Ѳедоровъ (Переписка Пушкина, I, 372, письмо барона А. А. Дельвига) и А. Ѳ. Воейковъ (Сочин. Батюшкова, изд. Майкова, I, 420).

О. М. Бодянскаго. Однажды, въ 1851 г., въ домѣ С. Т. Аксакова Гоголь «при разговорѣ», между прочимъ, замѣтилъ, что первую идею къ «Ревизору» его подалъ ему Пушкинъ, разсказавъ о Павлѣ Петровичѣ Свиньинѣ, какъ онъ, въ Бессарабіи, выдавалъ себя за какого-то петербургскаго важнаго чиновника и, только зашедши ужъ далеко (сталъ было брать прошенія отъ колодниковъ), былъ остановленъ. Послѣ слышалъ я, прибавилъ онъ, еще нѣсколько подобныхъ продѣлокъ, напримѣръ о какомъ-то Волковѣ («Русс. Стар.» 1889 г., октябрь, 134; сравн. «Сборникъ Общ-ва любит. росс. словесн.» на 1891 г., стр. 118).

Здѣсь выясняется еще одна частность: пріемъ прошеній, и, главное, подтверждается имя «живого лица», въ которомъ Пушкинъ памѣтилъ типъ Хлестакова, какъ разсказывалъ поэтъ Любичу-Романовичу,—то имя, которое названо въ началѣ программы.

П. П. Свиньинъ (1788—1839 гг.), живописецъ, романистъ, историкъ, собиратель древностей, авторъ путешествій, основатель «Отечеств. Записокъ», былъ человѣкъ не безъ знаній и добрыхъ душевныхъ качествъ, но болѣзненно лживый. Пушкинъ весело высмѣялъ его несчастную слабость въ «дѣтской сказочкѣ» «Маленькій лжецъ». (Въ «Собраніи насѣкомыхъ» онъ названъ «Россійскимъ жукомъ», см. примѣч. къ № 554. А. Е. Измайловъ написалъ на него извѣстную басню «Лгунъ».

Подвизался Свиньинъ и въ государственной службѣ, но и въ ней, вопреки глубокомысленному афоризму Пруткова, не позналъ истины. Съ 1805 г. онъ состоялъ на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (гдѣ числился и Пушкинъ), и въ 1824 г. вынужденъ былъ оставить это поприще съ большимъ скандаломъ. Сгубила его та смѣсь глупости съ плутовствомъ, которую такъ мѣтко воплотилъ Гоголь въ образѣ Хлестакова, и на которую намекалъ Пушкинъ своимъ опредѣленіемъ: «Криспинъ». Посланный въ Молдавію по важному дѣлу, Свиньинъ отличился подлинно по-хлестаковски. Объ этомъ одинъ изъ современниковъ, К. А. Полевой («Записки», СПб., 1888 г., стр. 276—277), сохранилъ извѣстіе, тѣмъ болѣе любопытное, что оно связано съ именемъ Пушкина. Разсерженный одною безтактностью Свиньина, Пушкинъ завелъ съ нимъ разговоръ о его «приключеніяхъ въ Бессарабіи, гдѣ тотъ былъ съ важнымъ порученіемъ отъ правительства, но поступалъ такъ, что его удалили отъ всякихъ занятій по службѣ. Пушкинъ сталъ его разспрашивать объ этомъ очень ловко и смѣло, такъ что несчастный Свиньинъ вертѣлся, какъ береста на огнѣ.

Пушкинъ спрашивалъ Свиньина: «правда ли, что будто вы въѣзжали въ Яссы съ торжественной процессіей, верхомъ, съ многочисленной свитой, и внушили такое почтеніе соломеннымъ молдавскимъ и валахскимъ боярамъ, что они поднесли вамъ сто тысячъ серебряныхъ рублей?»... «Ну, а вѣдь вамъ подарили шубы?»... Такими вопросами Пушкинъ преслѣдовалъ Свиньина довольно долго, представляя себя любопытствующимъ, тогда какъ зналъ, что рѣчь о бессарабскихъ приключеніяхъ была для Свиньина—ножъ острый!».

Эти приключенія Свиньина, о которыхъ Пушкинъ разсказалъ Гоголю, дали воображенію автора «Ревизора» тему, развитую въ приключеніяхъ Хлестакова. Торжественный пріемъ, подношенія, пріемъ прошеній — все это чрезвычайно похоже на тѣ «чудеса», которыя приключились съ Хлестаковымъ въ уѣздномъ городѣ, какъ похожъ на Хлестакова самъ простодушный Свиньинъ. Недаромъ Гоголь въ «замѣчаніяхъ для господъ актеровъ» указываетъ, что «чѣмъ болѣе исполняющій эту роль покажетъ чистосердечія и простоты, тѣмъ болѣе онъ выиграетъ», а въ знаменитомъ письмѣ къ Пушкину послѣ перваго представленія комедіи объясняетъ: «Хлестаковъ лжетъ вовсе не холодно или фанфаронски-театрально, онъ лжетъ съ чувствомъ, въ глазахъ его выражается наслажденіе, получаемое имъ отъ этого; это вообще лучшая и самая поэтическая минута въ его жизни—почти родъ вдохновенія»...

Называя главнаго героя своей программы Свиньинымъ, Пушкинъ имѣлъ въ виду не только Свиньина, какъ типъ, какъ образецъ русскаго Криспина, но и похожденія Свиньина, въ которыхъ такъ много того, что стали послѣ называть хлестаковщиной.

Приведенныя данныя достаточно разъясняютъ, въ чемъ состояла «мысль» комедіи, которая принадлежала Пушкину. Онъ далъ Гоголю намѣченный образъ Хлестакова и схему содержанія, тѣ очертанія, которыя Гоголю пришлось детализировать и заполнить своими красками.

Но къ данному Пушкинымъ сюжету Гоголь отнесся вполнѣ по-своему. «Честнаго дурака»-губернатора онъ обратилъ въ умнаго плута-городничаго. Гоголь, который зналъ то, что еле замѣчалъ Пушкинъ,—«какъ грустна Россія», «въ «Ревизорѣ» рѣшился собрать въ одну кучу все дурное въ Россіи»... Сообразно съ этимъ взглядомъ на русскую жизнь и поставленною цѣлью, гоголевское пониманіе Хлестакова-Свиньина должно было быть углубленнѣе и шире, чѣмъ понималъ его Пушкинъ. Для Пушкина Хлестаковъ могъ быть только бытовымъ типомъ, который онъ наблюдалъ съ любопытствомъ психолога и художника, а для моралиста и гражданина Гоголя это былъ одинъ изъ живыхъ символовъ «всего дурного въ Россіи».

Помѣтка красными чернилами на автографѣ программы — слѣдъ жандармской описи бумагъ Пушкина, произведенной послѣ смерти поэта. «Ревизоръ» писался въ 1834—1835 гг., и пушкинскую программу, бумага которой носитъ клеймо 1832 г., можно датировать 1832—1833 гг.

1071. [НАЧАЛО СКАЗКИ ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ.]

Въ славной въ Муромской землѣ
Въ Карачаровѣ селѣ
Жилъ былъ дьякъ съ своей дьячихой
Подъ конецъ ихъ жизни тихой
Богъ отраду имъ послалъ
Сына имъ онъ даровалъ

Первый стихъ первоначально былъ начатъ словами: «Жилъ былъ», но они зачеркнуты. Стихи дошли до насъ въ подлинникѣ; они находятся въ маленькой записной тетрадкѣ, вынутой изъ бумажника, въ который она была вставлена, и хранящейся въ Имп. Публичной Библіотекѣ; были напечатаны (съ небольшими, впрочемъ, неточностями) въ Отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1889 г. (стр 57) и въ собраніе сочиненій Пушкина включаются впервые. Благодаря даннымъ, представляемымъ записной тетрадкой, въ которой отрывокъ находится, можно опредѣлить съ нѣкоторымъ

«приближеніемъ» его дату. Въ эту тетрадку поэтъ внесъ замѣчанія и наблюденія, сдѣланныя во время поѣздки осенью 1833 г. въ края, гдѣ когда-то широко развернулись грозныя событія пугачевщины. Мы находимъ въ ней замѣтки, вскорѣ пригодившіяся Пушкину для «Исторіи Пугачевскаго бунта», рисунки, историческую народную пѣсню, первые четыре стиха которой Пушкинъ напечаталъ въ примѣчаніяхъ къ «Исторіи» (вся она помѣщена въ Отчетѣ, стр. 56) и начало другой пѣсни («Уральски казаки»).

Упоминаются станціи, черезъ которыя пришлось Пушкину проѣзжать, указаны разстоянія между ними, записаны денежные расходы. Есть и хронологическія помѣтки. Такъ, подъ однимъ рисункомъ подписано (л. 1 об.): «Смоленская гора, церковь съ кол. *) и домъ Карамзина. 15 сент. Волга»; дѣйствительно, Пушкинъ провелъ въ Симбирскѣ, на родинѣ Карамзина, дни 10 — 14 сентября 1833 года. А на той самой страницѣ (л. 7 об.), гдѣ написаны стихи «Въ славной въ Муромской землѣ...», записано и забавное замѣчаніе: «нынче калмыки такъ обрусѣли, что готовы съ живого шкуру содрать (слова Мордвина, 16 сент.)». По этимъ датамъ можно отнести стихотвореніе къ серединѣ сентября 1833 года. Тетрадка вся исписана карандашомъ. Поэтъ пользовался ею только въ дорогѣ; въ дорогѣ были начаты и эти стихи.

По стилю и по стройному размѣру видно, что мы имѣемъ дѣло не съ записью народной пѣсни, а съ оригинальнымъ переложеніемъ въ стихи народнаго сказанія объ Ильѣ Муромцѣ. Пушкинъ тогда усердно изучалъ народное творчество и самъ писалъ въ его духѣ. Вскорѣ, по окончаніи своей поѣздки, онъ написалъ въ Болдинѣ «Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ», «Сказку о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ». Любимый же богатырь русскаго эпоса занималъ его давно, и имя Ильи мы встрѣчаемъ нѣсколько разъ въ относящейся къ 1822 году программѣ эпической поэмы, полуфантастическаго содержанія, матеріаломъ для которой должны были служить былинный эпосъ и древняя русская исторія. Среди дѣйствующихъ въ ней богатырей кіевскаго цикла видная роль отводилась Ильѣ Муромцу (см. «Русск. Стар.» 1884 г., май, 328, 329, 332), о которомъ въ программѣ, между прочимъ, говорится: «Илія въ молодости обрюхатилъ царевну татарскую — она вышла замужъ, объявила сыну, сынъ ѣдетъ отыскивать отца... Илья встрѣчаетъ своего сына, сражается съ нимъ... Илія находитъ пустынника, который пророчествуетъ ему участь Россіи»... Но дальше программы, довольно сложной и запутанной, дѣло не пошло, и къ Ильѣ Пушкинъ возвратился лишь спустя одиннадцать лѣтъ. Этого популярнаго богатыря поэтъ зналъ давно не только по народнымъ пѣснямъ (и по Киршѣ Данилову), но и по «Богатырской сказкѣ» Карамзина «Илья Муромецъ», оказавшей свою долю вліянія на «Руслана и Людмилу».

---

*) Т. е. колокольней.

1072. [ИСТОРИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.]

Ур.[альски] Казаки
Были дураки
Генерала убили
Госуд....

Автографъ, писанный карандашемъ, находится въ записной тетрадкѣ Пушкина, хранящейся въ Имп. Публичной Библіотекѣ, среди бумагъ А. А. Краевскаго. Впервые эти строки напечатаны въ газетѣ «Рѣчь» 1910 г., № 45. Онѣ принадлежатъ къ тѣмъ замѣткамъ, которыя заносилъ Пушкинъ въ памятную тетрадку, объѣзжая бывшій театръ пугачевщины. По даннымъ, заключающимся въ этой тетрадкѣ, запись можно датировать сентябремъ 1833 г. (см. примѣч. къ «Началу сказки объ Ильѣ Муромцѣ»). Отправляясь собирать матеріалы для «Исторіи Пугачевскаго бунта», Пушкинъ говорилъ П. В. Кирѣевскому, что привезетъ ему уральскихъ пѣсенъ, но—писалъ потомъ Кирѣевскій Н. М. Языкову — «уральскихъ пѣсенъ, обѣщанныхъ передъ отъѣздомъ туда, онъ, кажется, ни одной не привезъ, по крайней мѣрѣ мнѣ не присылалъ» («Историч. Вѣстникъ» 1883 г., декабрь, 538—539). Въ примѣчаніяхъ къ II главѣ «Исторіи Пугачевскаго бунта» Пушкинъ привелъ начало исторической пѣсни («Изъ крѣпости изъ Зерной»...; см. Отчетъ Имп. Публ. Библіот. за 1889 годъ, стр. 56).

1073. [НАЧАЛО СКАЗКИ «КОНЕКЪ-ГОРБУНОКЪ.»]

За горами, за лѣсами,
За широкими морями,
Противъ неба, на землѣ,
Жилъ старикъ въ одномъ селѣ..

Эти четыре стиха, которыми начинается знаменитая сказка П. П. Ершова «Конекъ-Горбунокъ»,—«по свидѣтельству г-на Смирдина, принадлежатъ Пушкину, удостоившему ее тщательнаго пересмотра», говоритъ П. В. Анненковъ («Матеріалы для біографіи Пушкина», изд. 1855 г., стр. 166, примѣч.) Свидѣтельству Смирдина нельзя не вѣрить. Этотъ честный и благородный издатель не только довольно близко зналъ Пушкина и вообще вращался въ томъ литературномъ кругу, центромъ котораго былъ Пушкинъ, но и издавалъ «Библіотеку для Чтенія», гдѣ въ 1834 г. (т. III) былъ помѣщенъ отрывокъ изъ сказки, и тогда же выпустилъ всю сказку отдѣльнымъ изданіемъ.

Великій поэтъ, какъ извѣстно, доброжелательно и внимательно относился къ молодымъ талантамъ. Ершова, которому во время появленія въ печати «Конька-Горбунка», шелъ 19-й годъ, представилъ Пушкину, вѣроятно, П. А. Плетневъ, читавшій русскую литературу въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ Ершовъ тогда учился по философско-юридическому факультету. Пушкинъ, по словамъ Ершова, который разсказывалъ объ этомъ своему другу (и впослѣдствіи біографу) А. К. Ярославцову, былъ очень доволенъ «Конькомъ-Горбункомъ» и сказалъ молодому автору: «теперь этотъ родъ сочиненій можно мнѣ и оставить». Въ 1860 г. эти слова Пушкина повторялъ

Ярославцову баронъ Е. Ѳ. Розенъ, бывшій тогда у Пушкина и слышавшій его разговоръ съ Ершовымъ (А. К. Ярославцовъ, «П. П. Ершовъ, авторъ сказки «Конекъ-Горбунокъ», СПб., 1872, стр. 2—3, 15). Одному изъ своихъ знакомыхъ Пушкинъ говорилъ: «Этотъ Ершовъ владѣетъ русскимъ стихомъ, точно своимъ крѣпостнымъ мужикомъ» («Русс. Арх.» 1899 г., II, 355).

Это было, вѣроятно, въ 1834 году. Дѣйствительно, въ сентябрѣ 1834 года Пушкинъ написалъ свою послѣднюю сказку,—«Сказку о золотомъ пѣтушкѣ», и больше къ «этому роду сочиненій» не вернулся. Самые стихи, которыми начинается сказка, набросаны, надо думать, немного ранѣе этого времени, въ томъ же году.

1074. [ЗАМѢТКА О «СЛОВѢ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ».]

Хочу копье преломити а любо испити. Г. Сенковскій съ удивл. видитъ тутъ выраженіе рыцарское — нѣтъ; это значитъ просто неудачу: Или сломится копье мое, или напьюсь изъ Дону. Тотъ-же смыслъ, какъ и въ пословицѣ: либо панъ, либо пропалъ.

Автографъ, на четверткѣ почтовой бумаги большого формата съ водянымъ клеймомъ 1834 г., находится въ библіотекѣ Академіи Наукъ. Онъ былъ найденъ, при составленіи каталога библіотеки Пушкина («Пушк. и его соврем.», IX—X, стр. 21 и снимокъ), въ книгѣ А. Ѳ. Вельтмана «Пѣснь ополченію Игоря Святославича, Князя Новгородъ-Сѣверскаго», М., 1833, которую Пушкинъ изучалъ въ связи съ занятіями «Словомъ» (см. въ т. V настоящ. изд. «Замѣчанія на пѣснь о полку Игоревѣ»). Замѣтка можетъ быть датируема 1834—1835 гг.

1075. [ГАСТРОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.]

Не откладывай до ужина того, что можешь съѣсть за обѣдомъ.

L'exactitude est la politesse des cuisiniers.

Желудокъ просвѣщеннаго человѣка имѣетъ лучшія качества добраго сердца: чувствительность и благодарность.

Автографъ, листокъ, находящійся въ академіи наукъ, былъ обнаруженъ въ библіотекѣ Пушкина, въ знаменитой книгѣ Brillat-Savarin «Physiologie du goût», которой Пушкинъ, повидимому, пытался подражать и въ содержаніи, и въ тонѣ шутокъ. Между первымъ афоризмомъ и вторымъ было начато и зачеркнуто: «Не предлагай своему гостю того, что самъ»...; въ третьемъ афоризмѣ первоначально было вмѣсто «просвѣщеннаго»— «образованнаго», и вмѣсто «лучшія» — «всѣ» (см. «П—нъ и его соврем.» IX—X, стр. 310 и снимокъ). Во второмъ афоризмѣ, пародирующемъ извѣстную поговорку о politesse des rois, Пушкинъ повторилъ по-своему неоднократное утвержденіе автора «Физіологіи вкуса»: «la qualité la plus indispensable du cuisinier est l'exactitude». Изданіе, въ которомъ нашелся листокъ Пушкина, вышло въ 1834 г., и приведенныя строки соотвѣтственно могутъ быть датированы 1834 — 1836 гг.

1076. [ЗАКЛЮЧЕНІЕ ОБЗОРА «НОВЫХЪ КНИГЪ» ВЪ I ТОМѢ «СОВРЕМЕННИКА».]

Вотъ книги, вышедшія въ продолженіи первой четверти сего года. О большей части ихъ мы ничего не говорили, потому что о нихъ рѣшительно ничего нельзя сказать. Иныя по значительности своей требуютъ особаго разбора. Иныя, взятыя отдѣльно, не принадлежатъ собственно къ Словесности, которой преимущественно посвященъ журналъ нашъ, но, будучи сложены въ общій итогъ книгъ, входятъ такимъ образомъ въ область Литтературы и въ этомъ отношеніи получили здѣсь мѣсто. Изъ сего реэстра книгъ ощутительно замѣтно преобладаніе Романа и Повѣсти, этихъ властелиновъ современной Литтературы. Ихъ почти вдвое больше противъ числа другихъ книгъ. Безпрерывнымъ появленіемъ въ свѣтъ они, не смотря на глубокое свое ничтожество, свидѣтельствуютъ о всеобщей потребности. Исторія заглядываетъ урывками въ Русскую Литтературу. Капитальныхъ и большихъ Историческихъ сочиненій нѣтъ ни въ переводахъ, ни въ оригиналахъ. На Статистику и Экономію одни намеки. Даже въ знаніяхъ практическихъ, не вторгающихся въ бытъ Литтературный, замѣтно тоже мелководіе.

Посылая Н. М. Языкову первый томъ «Современника», Пушкинъ писалъ ему (14 Апрѣля 1836 года): «изъ статей критическихъ моя одна— о Кониско мъ». Но «Разборомъ сочиненій Георгія Конискаго» (такъ названа статья въ оглавленіи книги), а также большой статьей Гоголя «О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году» не исчерпывается весь отдѣлъ критики въ первомъ томѣ. Ей посвященъ еще особый отдѣлъ: «Новыя книги», состоящій изъ рецензій на послѣднія русскія книжныя новости; среди нихъ Пушкинъ помѣстилъ рецензію на гоголевскіе «Вечера на хуторѣ» и замѣтку объ извѣстномъ переводѣ «Вастолы» Виланда, которую слѣдуетъ считать собственно не рецензіей, а личнымъ объясненіемъ публикѣ обстоятельствъ, благодаря которымъ на заглавную страницу «Вастолы» попало имя поэта, перенесшаго за свое доброе желаніе помочь бѣдняку-литератору довольно серьезную непріятность. Ни одна изъ рецензій въ «Новыхъ книгахъ» не подписана; не подписанъ и весь этотъ отдѣлъ. Большая часть ихъ, какъ извѣстно, принадлежитъ Гоголю, въ сочиненіяхъ котораго (пользуемся лучшимъ изданіемъ, 10-мъ) онѣ и помѣщены; въ собраніяхъ же сочиненій Пушкина, начиная съ изданія П. В. Анненкова (т. I, стр. 414—416), помѣщаются упомянутыя строки о «Вечерахъ на хуторѣ» и «Вастолѣ». Ни одинъ изъ изслѣдователей послѣ Анненкова не потрудился обратить свое вниманіе на отдѣлъ «Новыхъ книгъ». Анненковъ вполнѣ справедливо приписалъ Пушкину эти замѣтки, «несомнѣнно составленныя имъ», хотя, не располагая точными

данными, тутъ же отнесъ на счетъ Пушкина двѣ рецензіи изъ числа гоголевскихъ.

По подлинной рукописи Гоголя Н. С. Тихонравовъ (Соч. Гоголя, изд. 10-е, V, 522—529 и 651—671) установилъ точно, какія именно рецензіи въ первомъ томѣ «Современника» принадлежатъ Гоголю. За вычетомъ изъ отдѣла «Новыхъ книгъ» этихъ рецензій и двухъ пушкинскихъ, приходится рѣшить вопросъ объ одной маленькой библіографической замѣткѣ и о заключеніи, которымъ завершается отдѣлъ. Первой не заинтересовался никто; на второе обратили въ свое время вниманіе Кулишъ и Тихонравовъ.

Кулишъ («Записки о жизни Гоголя», I, СПб., 1856, стр. 166) предположилъ, что «заключеніе обзора писано Гоголемъ», но ничѣмъ своего предположенія не подтвердилъ. Тихонравовъ (Соч. Гоголя, V, 661) уклонился отъ рѣшенія вопроса: «въ записныхъ книгахъ Гоголя этого заключенія нѣтъ, и мы не рѣшаемся ни утверждать, ни отрицать принадлежность его Гоголю». Наша попытка рѣшить вопросъ привела насъ къ убѣжденію, что заключеніе написано не Гоголемъ, а Пушкинымъ.

Соображенія, по которымъ мы приписываемъ это заключеніе Пушкину, слѣдующія: допустивъ участіе молодого Гоголя въ библіографическомъ отдѣлѣ «Современника», которое, впрочемъ, пришлось скоро ограничить, Пушкинъ, хотѣвшій быть и бывшій, какъ выразился Гоголь («О движеніи»...— «Соврем.», I, 211), «сильной пружиной» своего журнала, «видимъ лицомъ» въ немъ, едва ли бы позволилъ ему высказать столь рѣшительное и общее мнѣніе, налагающее серьезную отвѣтственность на журналъ. Намекаетъ на авторство Пушкина также выраженіе: «журналъ нашъ». Особенную же вѣроятность нашему убѣжденію придаетъ слѣдующее обстоятельство. Отдѣлъ «Новыхъ книгъ» начался (стр. 296) обѣщаніемъ, что «книги, означенныя звѣздочкой, будутъ въ послѣдствіи разобраны». Вскорѣ Пушкинъ объявилъ «отъ редакціи» («Соврем.», III, 331—332), что «въ спискѣ вновь вышедшимъ книгамъ звѣздочкою означены были у издателя тѣ, которыя показались ему замѣчательными, или которыя намѣренъ онъ былъ прочитать; но онъ не предполагалъ отдавать о всѣхъ ихъ отчетъ публикѣ: многія не входятъ въ область литтературы, о другихъ потребны свѣдѣнія, которыхъ онъ не пріобрѣлъ». По сходству послѣднихъ словъ этого заявленія съ тѣми строками приведеннаго заключенія, гдѣ говорится о книгахъ, которыя «не принадлежатъ собственно къ Словесности», можно съ значительной вѣроятностью предположить, что второе писано тою же рукою, что и первое,—рукою Пушкина.

«Исторія средних вѣковъ, составленная Берлинскимъ Профессоромъ Циммерманомъ. СПбургъ. 1836.

Непонятно, отъ чего у насъ Переводчики изъ множества оригинальныхъ сочиненій выбираютъ именно худшее. У насъ не переведены до сихъ поръ Гизо, Тіери, Гюльманъ и проч.».

Авторъ этой маленькой замѣтки — либо Гоголь, какъ извѣстно, занимавшійся исторіей въ качествѣ спеціалиста, либо Пушкинъ, также интересовавшійся научно-исторической литературой. Если набросалъ ее Гоголь, то Пушкинъ въ заключеніи, конечно, воспользовался его наблюденіемъ. Если она принадлежитъ Пушкину, то въ заключеніи онъ повторилъ свое собственное наблюденіе. Во всякомъ случаѣ, замѣтка можетъ быть съ равнымъ правомъ приписываема какъ Гоголю, такъ и Пушкину.

1077. ФРАНЦУЗСКАЯ АКАДЕМІЯ.

Скрибъ въ Академіи. Онъ занялъ кресло Арно, умершаго въ прошломъ году.

Арно сочинилъ нѣсколько трагедій, которыя въ свое время имѣли большой успѣхъ, а нынѣ совсѣмъ забыты. Такова участь поэтовъ, которые пишутъ для публики, угождая ея мнѣніямъ, примѣняясь къ ея вкусу, а не для себя, не въ слѣдствіе вдохновенія независимаго, не изъ безкорыстной любви къ своему искусству! Двѣ или три басни, остроумныя или граціозныя, даютъ покойнику Арно болѣе права на титло поэта, нежели всѣ его драматическія творенія. Всѣмъ извѣстенъ его *Листокъ:*

De ta tige détachée,
Pauvre feuille desséchée
Ou va tu?—Je n'en sais rien, etç.

Участь этого маленькаго стихотворенія замѣчательна. Костюшко передъ своею смертью повторилъ его на берегу Женевскаго Озера; Александръ Ипсиланти перевелъ его на Греческій языкъ; у насъ его перевели Жуковскій и Давыдовъ,

Нашъ боецъ чернокудрявый
Съ бѣлымъ локономъ на лбу.

Можетъ быть, и самъ Давыдовъ не знаетъ стиховъ, которые написалъ ему Арно, услыша о его переводѣ. Онъ помѣстилъ ихъ въ примѣчаніяхъ къ своимъ сочиненіямъ (*).

При вступленіи своемъ въ Академію Скрибъ произнесъ блестящую рѣчь, на ко-

---

(*) La *Feuille* a obtenu dans plus d'une langue les honneurs de la traduction. Celle qui en a été faite en russe par le général Davouidoff, est, dit-on, remarquable par son élégance et sa fidélité. M. Davouidoff est un de ces hommes qui, nés avec le don de la poësie, ne s'y livrent que par caprice et pour se délasser de la guerre et des plaisirs. Instruit de l'honneur qu'il en avoit reçu, l'auteur de ces fables lui en adressa un exemplaire avec cet envoi:

A vous, poëte, à vous, guerrier,
Qui sablant le champagne au bord de l'Hipocrène
Avez d'une feuile de chêne
Fait une feuillee dlaurier.

торую столь же блистательно отвѣчалъ Вильменъ, а J. Janin въ своемъ фельетонѣ осмѣялъ того и другаго. Въ семъ случаѣ всѣ три представителя Французскаго остроумія были на сценѣ.

РѢЧЬ Г. СКРИБА.

Мм. Гг.

«Когда Генуэзская Республика, какъ вамъ извѣстно, дерзнула сопротивляться Лудовику XIV, тогда Дожъ ея принужденъ былъ явиться въ Версаль, чтобъ испросить прощеніе у великаго Короля. Въ то время, какъ удивлялся онъ Версальскимъ садамъ, гдѣ каждый шагъ представляетъ побѣду искусства надъ природою, ихъ шумнымъ водопадамъ, апельсиннымъ рощамъ и висячимъ террасамъ, его спросили: что находитъ онъ всего необыкновеннѣе въ Версали? Дожъ отвѣчалъ: «мое присутствіе»!

Такъ и я, Мм. Гг., видя вокругъ себя всѣ знаменитости Франціи, окруженный славными воспоминаніями литературнаго величія, я долженъ бы удивляться всего болѣе моему здѣсь присутствію, еслибъ только одна мысль не успокаивала и не ободряла меня:

Академія, эта представительная Палата Литтературы, желала, чтобы всѣ роды произведеній, получившіе право гражданства по силѣ Буаловой хартіи и законовъ вкуса, имѣли въ нѣдрахъ ея своихъ уполномоченныхъ, ею утверждаемыхъ: подобно нашимъ законодательнымъ собраніямъ, гдѣ избранный небольшою деревнею сидитъ рядомъ съ Депутатомъ большаго города, она предоставила мнѣ входъ въ свое собраніе и возвысила тѣмъ незначительный родъ сочиненія, котораго я представитель; я бы гордился этимъ позволеніемъ, еслибъ авторъ водевилей имѣлъ право гордиться.

Да, Мм. Гг., я не ошибаюсь въ истинной причинѣ моего сюда назначенія! Если довольно долго испытывалъ я свои силы на второстепенной сценѣ и старался изобразить Талію въ миніатюрѣ, если иногда на театрѣ, болѣе возвышенномъ, я старался начертать нѣсколько картинъ большаго размѣра; такія усилія не даютъ еще мнѣ права почитать себя здѣсь однимъ изъ представителей комедіи. Вы же, Мм. Гг., и не нуждаетесь въ новыхъ: вы имѣете блистательныхъ авторовъ *Домашняго Тирана, Адвоката, Двухъ Зятей*, *Школы Стариковъ*; вамъ хотѣлось только, чтобы кресла Ложона не оставались надолго праздными!

Въ его имени вы дали *Пѣсни* грамоту на дворянство; вы захотѣли передать ее мнѣ, и я только этому обстоятельству обязанъ честью занимать мѣсто между вами.

Можетъ быть, этотъ родъ сочиненія, по видимому столь незначительный, котораго названіе странно слышать подъ классическими сводами этой залы, можетъ быть, онъ достоинъ вашего вниманія; и мнѣ должно было бы по всей справедливости, или по крайней мѣрѣ изъ благодарности къ своему протектору, защищать его; мнѣ бы должно разсказать вамъ исторію Водевиля (Val de rire) отъ его колыбели до нашихъ дней; но обязанность болѣе важная и торжественная занимаетъ мои мысли и останавливаетъ на устахъ веселые напѣвы.

Много уже времени прошло съ тѣхъ поръ какъ я въ первый разъ былъ въ этой залѣ. Я учился тогда въ Наполеоновскомъ Лицеѣ, и на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ все осталось попрежнему, намъ раздавали награды. Товарищи, соперники, друзья были здѣсь, какъ и теперь! Тамъ родные, сестры, матери!... Счастливъ, кто имѣетъ мать свидѣтельницею своего торжества! Я тогда былъ счастливъ! На этой сторонѣ сидѣли наши учители, начальники, знаменитые литтераторы и государственные люди: пальмы, назначенныя въ награду слабымъ достоинствамъ, раздавались тогда, какъ и теперь, великими талантами. Я спросилъ у моего сосѣда, какъ зовутъ Президента? Онъ отвѣчалъ: это Г. Фонтанъ (C'est le Grand-Maître M. de Fontanes). А возлѣ него кто это съ такимъ важнымъ и прекраснымъ видомъ? Главный Секретарь Университета, Г. Арно, авторъ *Марія въ Минтурнѣ*, трагедіи, которой прелестные стихи мы знали наизусть... Авторъ *Марія въ Минтурнѣ!* Я привсталъ, чтобъ посмотрѣть на него: думалъ ли я тогда, что ученикъ займетъ мѣсто своего учителя — и что приду въ это святилище я — положить кипарисную вѣтвь на гробъ раздававшаго вѣнки!

Зачѣмъ, по крайней мѣрѣ, голосъ сильнѣе и выразительнѣе моего не призванъ говорить похвальное слово этому добродѣтельному человѣку и поэту, о которомъ вы сожалѣете? По какому послѣднему для него нещастію трудная честь оцѣнить произведенія трагической его музы досталась въ удѣлъ питомцу пѣсни?

Увлеченный съ юныхъ лѣтъ непреодолимою наклонностію къ поэзіи, Г. Арно былъ еще очень молодъ, когда издалъ *Марія въ Минтурнѣ*, первое свое произведеніе; это

было смѣлое предпріятіе для молодаго человѣка 24-хъ лѣтъ: возбудить участіе къ отвратительному Марію, человѣку, наполнившему Италію кровью и кознями, человѣку, который обезславилъ себя хищеніемъ и грабительствомъ, не имѣлъ подобно Силлѣ ни довольно величія души, чтобъ остановиться во время, ни довольно смѣлости, чтобъ оставить свое поприще; но Г. Арно понялъ, что въ глазахъ толпы нещастіемъ искупаются преступленія. Онъ избралъ героемъ не Марія гонителя, а Марія изгнанника, побѣдителя Кимвровъ, скитающагося бѣглеца; онъ чувствовалъ, что бываетъ на свѣтѣ великое и благородное зрѣлище: слава въ борьбѣ съ нещастіемъ, неудача, переносимая съ мужествомъ—и онъ отгадалъ! Не подражая авторамъ, до него изображавшимъ этотъ предметъ, не призывая на помощь ни постороннихъ интригъ, ни женщинъ, ни трагической любви, онъ приступилъ къ своему предмету съ строгою простотою древности—и создалъ историческую картину, надъ которой возвышается вездѣ великій образъ Марія. И помните ли вы, Мм. Гг., какое впечатлѣніе производилъ этотъ рабъ, этотъ Кимвръ, когда онъ, испуганный при видѣ Консульскаго чела, покрытаго сороколѣтнею славою, бросалъ кинжалъ и убѣгалъ повторяя:

«Я никогда не буду въ состояніи умертвить Марія»!

Эта трагедія была посвящена Его Свѣтлости Графу Прованскому, будущему Лудовику XVIII. Арно былъ привязанъ къ дому его потому, что принцъ любилъ литтературу, и покровительство его могло быть полезно молодому поэту: въ тѣ времена оно было необходимо даже и для литтературнаго успѣха; времена измѣнились, и слава Богу, теперь писатель не имѣетъ надобности просить вельможъ удостоить его покровительствомъ! Въ своемъ трудѣ находитъ онъ славу—и еще болѣе, если возможно—свою независимость.

Въ началѣ революціи Гр. Прованскій удалился въ чужіе края; а Арно, подвергаясь отъ того многимъ опасностямъ, поспѣшилъ переѣхать въ Англію. Странная была его участь! Покровитель, имъ избранный, тогдашній Принцъ, а въ послѣдствіи Король, былъ причиною двукратнаго удаленія Арно изъ Франціи: въ 92 году своимъ отъѣздомъ, въ 1815 своимъ прибытіемъ.

Арно старался снова возвратиться на родину. Захваченный какъ эмигрантъ въ Дункирхенѣ, онъ былъ брошенъ въ тюрьму и освобожденъ изъ нея по приказу Комитета общественнаго спокойствія (Comité de salut public), который постановилъ, и на этотъ разъ справедливо, что законъ объ эмигрантахъ не распространяется на литтераторовъ, а слѣдовательно и на автора *Марія въ Минтурнѣ*, поэтически предполагая, что вселенная принадлежитъ поэту, и что его отечество повсюду.

Наступили лучшіе дни для Франціи: республика еще существовала, но безъ кровавыхъ топоровъ Децемвировъ, даже безъ строгостей Рима и Спарты. По невоздержному вкусу къ роскоши и удовольствіямъ, по забвенію прошедшаго и безпечности о будущемъ, можно было бъ назвать республику Аѳинскою, еслибъ у кого только достало смѣлости сравнить Барраса съ Перикломъ! Мы были тогда подъ правленіемъ Директоріи, правленіемъ слабымъ, веселымъ, роскошнымъ, правленіемъ, такъ сказать, Регенства Революціи.

Обратившись къ литтературнымъ трудамъ, Арно издалъ сперва трагедію *Оскаръ*, гдѣ такъ мило выражены тихія чувства любви и дружбы; потомъ трагедію *Венеціанцы*, коихъ пятый актъ есть лучшій актъ драмы новѣйшихъ временъ. Впрочемъ, для исторической вѣрности, мы должны сказать, что Арно не одинъ сочинилъ этотъ пятый актъ. Сперва онъ далъ щастливую развязку своей пьесѣ. Montcassin, герой ея, не умиралъ, а былъ спасенъ ея соперникомъ отъ казни; эта развязка не понравилась одному Члену Института, котораго Арно зналъ въ Италіи, и которому читалъ свою трагедію. Этотъ Членъ Института былъ генералъ Бонапартъ, котораго мнѣнія въ литтературѣ были столь же тверды и рѣшительны, какъ и въ политикѣ; онъ терпѣть не могъ Вольтера, имѣлъ нещастіе не любить Расина, но Корнеля готовъ былъ сдѣлать первымъ министромъ (*). Бонапартъ любилъ развязки разительныя и хотѣлъ, чтобъ даже и на театрѣ всѣ препятствія уничтожались штыкомъ.

Конецъ пятаго акта *Венеціанцовъ* былъ для этого человѣка неестественъ: онъ находилъ, что щастіе любовниковъ портило развязку. Еслибъ нещастіе было неисправимо, говорилъ онъ Г-ну Арно, то минутное ощущеніе, которое оно произвело во мнѣ, осталось бы у меня до вечера, до завтра!... Нужно, чтобъ герой умеръ, надо непремѣнно убить его! Убейте его! и Mont-

(*) См. Mémorial de Las-Cazes.

cassin былъ казненъ, по повелѣнію Наполеона, къ великому удовольствію публики, утвердившей приговоръ рукоплесканіями. Безполезно упоминать, что трагедія *Венеціанцы* была посвящена генералу Бонапарту: это и справедливо.

Бонапартъ любилъ Арно, и эта дружба никогда не измѣнялась; Арно, какъ надежному человѣку, Бонапартъ поручалъ образованіе Іонійскихъ острововъ; Бонапартъ принимаетъ Арно въ своемъ домѣ, въ улицѣ Шантерень, позволяя ему участвовать въ домашнихъ разговорахъ, которые тогда были исторіею; послѣ, на адмиральскомъ кораблѣ, который везъ въ Египетъ Кесаря и его фортуну, Бонапартъ и Арно толкуютъ объ Оссіанѣ и Гомерѣ; потомъ Бонапартъ-императоръ даетъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ Университетѣ. Наполеонъ постоянно уважалъ Арно, хотя не разъ могъ бы жаловаться на его сатирическія выходки и рѣзкую откровенность. Тотъ, кто однимъ взглядомъ умѣлъ отгадать, оцѣнить достоинство, въ первый день своего прибытія въ Италію, рукою побѣдителя написалъ на своихъ памятныхъ табличкахъ имя Арно: и двадцать три года спустя послѣ того, рукою умирающаго, писалъ онъ это же имя въ своемъ завѣщаніи, съ утесовъ Св. Елены.

Что могу я прибавить къ этому свидѣтельству?

Послѣ стодневнаго переворота, Арно былъ изгнанъ, а что и того удивительнѣе, лишенъ мѣста, которое онъ занималъ между вами и на которое онъ вами былъ призванъ. Касательно стиховъ и поэзіи, Мольеръ сказалъ:

«Hors qu'un commandement exprès du roi ne vienne»...

Повелѣніе пришло и исключило Арно изъ Института.

Во время своего изгнанія, которое Арно перенесъ съ благородствомъ и твердостію, онъ сочинилъ послѣднее отдѣленіе Басень, лучшее, по моему мнѣнію, литературное его произведеніе: ибо здѣсь онъ создалъ новый родъ, который останется образцомъ, тѣмъ болѣе, что авторъ не старался подражать ни Лафонтену, ни Флоріану; здѣсь нѣтъ веселой простоты перваго, нѣтъ изящной и граціозной чувствительности втораго: здѣсь эпиграмма, здѣсь сатира, здѣсь Ювеналъ, сдѣлавшійся баснописцемъ—можетъ быть, по одинаковой причинѣ.

Не былъ ли Арно увлеченъ самъ своею гиперболою? Не представлялось ли ему общество слишкомъ порочнымъ, а люди слишкомъ злыми? Справедливо упрекали Флоріана за излишнее множество овечекъ, разсыпанныхъ въ его сочиненіяхъ. Кажется, въ басняхъ Арно не слишкомъ ли много волковъ?...

Въ отсутствіе Арно, трагедія его *Германикъ* игралась въ Парижѣ и была принята съ успѣхомъ въ первый день, а на другой изгнана изъ театра подобно автору ея, изгнанному изъ Франціи. Наконецъ, когда послѣ пятилѣтней ссылки насталъ для него день правосудія, онъ возвратился въ отечество и опять занялъ свое мѣсто между вами... Тутъ неожиданный случай снова и уже навсегда похитилъ его у вашей дружбы! Младшій изъ его сыновей испыталъ жестокую потерю; отецъ спѣшилъ утѣшить сына и предпринялъ роковое для себя путешествіе. Арно имѣлъ привычку долго прогуливаться пѣшкомъ; на ходу сочинилъ онъ всѣ свои творенія. Однажды утромъ, по сильному жару, онъ проходилъ и просочинялъ болѣе обыкновеннаго; усталый онъ воротился домой; легъ на кровать и сказалъ дочери: поиграй на фортопіано; дочь повиновалась; отецъ, будто отдыхая, все болѣе и болѣе поникалъ головою: онъ уже былъ мертвъ, а она еще играла.

Онъ скончался безъ страданія, безъ предсмертныхъ мученій, съ улыбкою на устахъ, думая о своихъ утреннихъ трудахъ, о дѣтяхъ, о друзьяхъ, можетъ быть, о васъ, Мм. Г.г!

Онъ умеръ, оставивъ намъ троихъ сыновей, свою и нашу надежду! троихъ сыновей, которые на поприщахъ литтературномъ, военномъ и судебномъ, достойно поддерживаютъ честь отцовскаго имени. Одинъ изъ нихъ, авторъ Регула, доказалъ, что принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ фамилій, которыхъ слава наслѣдственна, доказалъ, что аристократическое право дворянства, доставаемое авторствомъ, подобно купленному оружіемъ, можетъ учреждать маіоратство.

Хотя ничто не подавало повода думать о скорой кончинѣ Арно, но съ нѣкотораго времени здоровье его видимо слабѣло. Сильные удары, безжалостно направленные на человѣка и писателя, поколебали его крѣпкую, но чувствительную и раздражительную организацію.

Въ наши времена существуетъ ядовитый родъ критики, которая достигаетъ до сердца; ею не поскупились для Арно: и, не смотря на свои сѣдины, на прежніе тріумфы, онъ не могъ, подобно Марію въ Минтурнѣ, обезоружить Кимвра.

Надобно сказать и то, весьма часто ошибались въ характерѣ Арно. Въ душѣ этого человѣка глубоко напечатлѣвались всѣ воспоминанія и добра и зла. Если онъ никогда не забывалъ нанесеннаго ему зла, то вѣчно за то носилъ въ сердцѣ благодѣяніе. Признаемся также, что, по живому и острому расположенію ума своего, Арно не могъ удержаться отъ остраго слова, и если прибавимъ къ этому недостатку необыкновенную откровенность Арно, то намъ будетъ понятно, отъ чего онъ имѣлъ столько враговъ. Между тѣмъ не было человѣка добрѣе его. Неразъ доказывалъ онъ это; не разъ, занимая важную должность при Университетѣ, онъ подавалъ руку помощи отвергнутому таланту или скромному достоинству. Арно принялъ въ свою канцелярію нашего поэта Беранже, котораго онъ одинъ тогда разгадалъ. Разговоръ Арно былъ исполненъ выраженій смѣлыхъ и живописныхъ, носилъ на себѣ отпечатокъ той насмѣшливости, которая встрѣчается въ его басняхъ, разныхъ стихотвореніяхъ и даже въ пѣсняхъ, оригинально веселыхъ.... да, Мм. Гг., въ пѣсняхъ Арно, въ пѣсняхъ трагическаго писателя! Я такъ горжусь этимъ обстоятельствомъ, что спѣшу заговорить о немъ: это для меня важный авторитетъ, это новое доказательство въ пользу рода сочиненія, которому я осмѣливаюсь, можетъ быть, дерзко доставить между вами право гражданства.

Для этого, Мм. Гг., мнѣ бы должно развернуть передъ вами то, что я назову героическими временами пѣсни, когда она сопутствовала въ сраженіяхъ Роланду и храбрымъ рыцарямъ Карла Великаго, или когда съ Труверами и Менестрелями съ арфою въ рукахъ она приходила къ дверямъ Дворца и садилась за столъ съ владѣтелемъ замка; показать вамъ, потомъ, какъ она отправилась въ крестовые походы и возвращалась съ первыми христіанскими баронами; какъ она, сидя у готическаго очага, веселымъ напѣвомъ о Султанѣ Саладинѣ забавляла досуги благородныхъ дамъ. Потомъ я бы долженъ былъ представить вамъ ее, когда нѣжная и воинственная съ Агнесою Сорель она научала Карла VII, какимъ образомъ возвращаютъ королевства; какъ она, насмѣшливая и щеголеватая, писала съ Франциской I веселые куплеты на стеклахъ Шамбора, потомъ вдругъ, фанатическая и возмутительная, съ крестомъ Лиги, или подъ знаменемъ Фронды, нападала на Королей, низвергала министровъ, перемѣняла Парламенты; и можетъ быть, желая изобразить исторію пѣсни, я бы неожиданно разсказалъ вамъ всю исторію Франціи.

Въ знаменитой рѣчи, исполненной тонкихъ и остроумныхъ мыслей, одинъ изъ первыхъ нашихъ драматическихъ авторовъ доказывалъ здѣсь, что если бы какой нибудь ужасный переворотъ истребилъ съ лица земли всѣ историческіе документы, оставивъ невредимымъ лишь собраніе нашихъ комедій, то это собраніе замѣнило бы всѣ лѣтописи. Литтературная свобода Академіи позволитъ ли мнѣ не вполнѣ раздѣлять это мнѣніе? Я не думаю, чтобъ комическій авторъ былъ историкомъ: это не его назначеніе; не думаю, чтобъ въ самомъ Мольерѣ можно было найти исторію нашей страны. Комедія Мольера говоритъ ли намъ что нибудь о великихъ происшествіяхъ вѣка Лудовика XIV? Есть ли въ ней хотя слово о заблужденіяхъ, слабостяхъ и ошибкахъ великаго Короля! Говоритъ ли она объ уничтоженіи Нантскаго эдикта? Нѣтъ, Мм. Гг., точно также, какъ комедія временъ Лудовика XV молчитъ о Parc-au-cerf, комедія временъ Имперіи—о страсти къ завоеваніямъ! Если прибавимъ къ этому новую невѣроятность (меня такъ часто упрекали въ этомъ недостаткѣ, что мнѣ позволено будетъ прибавить еще тысячу первую въ пользу истины) и если въ свою очередь предположимъ, что, подобно тому намѣстнику Магомета, который сжегъ всю библіотеку Александрійскую и сохранилъ только книгу Пророка, найдется въ наши времена какой нибудь побѣдитель Калмыцкій или Татарскій, любитель веселостей, пристрастный къ пѣснямъ какъ Омаръ къ Алкорану, сожжетъ всѣ историческія книги, а пощадитъ только собраніе нашихъ пѣсенъ разнаго рода и водевилей, напечатанныхъ донынѣ, посмотримъ, не льзя ли будетъ съ пособіемъ однихъ этихъ документовъ возстановить главнѣйшіе факты нашей исторіи? Быть можетъ, я заблуждаюсь; быть можетъ, это одинъ только парадоксъ: но мнѣ кажется, что съ помощію этого веселаго архива, этихъ поющихъ лѣтописей, легко было бы отыскать имена, числа, произшествія, забытыя комедіею, или историческія лица, пощаженныя ею.

Подобная вѣрность не возможна для комической музы, я знаю; я это говорю ей не въ укоризну, а разсказываю просто, какъ есть дѣло; я увѣренъ, что ни Лудовикъ XIV, ни Лудовикъ XV, ни Наполеонъ, не потерпѣли бы на театрѣ великихъ поученій исто-

ріи, и не позволили бы вывести на сцену то, что бы до нихъ близко касалось. Нынѣшній комическій авторъ въ семъ отношеніи не имѣетъ больше преимущества передъ своими предшественниками. У насъ раздражительность партій заступила мѣсто раздражительности Правительства; въ нашъ вѣкъ свободы, мы не вольны изображать на сценѣ все смѣшное: всякая партія защищаетъ своихъ и позволяетъ занимать смѣшное лишь у сосѣда; самое книгопечатаніе, эта неограниченная власть свободныхъ правленій, книгопечатаніе хочетъ говорить правду всему свѣту, но не любитъ, чтобъ говорили ему истину. Я здѣсь, повторяю, не хочу укорять комедію, но напротивъ, оправдать ее и доказать, что отъ нее требовали невозможнаго, требовали, чтобъ она заступила мѣсто исторіи.

По крайней мѣрѣ, комедія намъ описываетъ нравы?... Справедливо! Согласенъ, что она ближе къ точности и истинѣ нравоописательной, нежели къ исторической; но со всѣмъ тѣмъ, исключая нѣкоторыя, весьма рѣдкія произведенія (какъ наприм. *Туркаретъ*, образецъ точности), мы находимъ театръ, по какой-то довольно странной судьбѣ, почти всегда въ прямомъ противорѣчіи съ обществомъ. Напримѣръ, Мм. Гг., касательно нравовъ? Разберемъ эпоху Регенства! Если комедія выражаетъ постоянно общество, то комедія тѣхъ временъ должна бы намъ представить странныя вольности и веселыя сатурналіи. Совсѣмъ нѣтъ; она холодна, точна, взыскательна и благопристойна. Такова комедія Детуша, она не смѣется или смѣется очень мало, комедія Лашоссе плачетъ. Подъ скиптромъ Лудовика XV, или лучше подъ скиптромъ Вольтера, въ ту минуту, когда рѣшались эти великіе вопросы, измѣнившіе всѣ общественныя мысли и въ быстромъ движеніи увлекавшіе осьмнадцатое столѣтіе, столь полное настоящимъ и будущимъ, мы видимъ на театрѣ Дора, Мариво, Де Лану, т.-е. остроуміе, романизмъ и пустоту.

Во время самыхъ жестокихъ періодовъ революціи, когда трагедія, какъ говорили, рыскала по улицамъ, что представлялъ театръ? Сцены человѣколюбивыя и чувствительныя, какъ напримѣръ: *Женщины*, *Сыновняя Любовь*, а въ Январѣ 93 года, во время суда надъ Лудовикомъ XVI, давали *Прекрасную Мызницу*, комедію пастушескую и чувствительную. Во время Имперіи, въ царство славы и побѣдъ, комедія не была побѣдительницею и воинственною! При возстановленіи Бурбоновъ, правленіи мирномъ, лавры, военные мундиры, завладѣли сценою; Талія надѣла эполеты! А въ наши времена? Въ эту самую минуту, въ которую я говорю съ вами, вообразите иностранца, новаго Анахарсиса, упавшаго съ неба посреди нашей образованности и отправляющагося въ театръ, чтобъ узнать точное и положительное состояніе Парижскихъ нравовъ въ 1835-мъ году? Какъ бы испугался этотъ почтенный иностранецъ! Онъ не посмѣлъ бы показаться въ улицахъ Парижа невооруженный, не посмѣлъ бы сдѣлать шага, чтобъ не встрѣтить убійства, прелюбодѣянія, кровосмѣшенія; а все отъ того, что его увѣрили, будто театръ есть выраженіе общества.

И еслибъ потомъ кто-нибудь взялъ этого иностранца за руку и ввелъ въ наши гостиныя, въ нашъ семейный кругъ, съ какимъ бы удивленіемъ увидѣлъ онъ, что ни въ одну эпоху, можетъ быть, нравственность наша не была такъ хороша, какъ теперь; что кромѣ нѣкоторыхъ исключеній, о которыхъ говорятъ только по ихъ рѣдкости, никогда еще подъ домашнею кровлею не жило столько добродѣтелей. Еслибъ ему сказать, что прежде высшіе классы подавали примѣръ порока, что часто самъ Дворъ ничтожилъ народную нравственность; если сказать ему, что теперь добродѣтель низходитъ къ намъ свыше и отражается отъ престола на обществѣ: то, помирившись съ этимъ обществомъ, которое онъ обвинялъ по незнанію, иностранецъ съ радостію сказалъ бы: меня обманули; слава Богу, театръ не всегда служитъ выраженіемъ современныхъ нравовъ!

Какимъ же образомъ растолковать, Мм. Гг., это постоянное противорѣчіе между театромъ и обществомъ? Случай ли этому причиною, или скорѣе современный вкусъ и наклонности, отгаданныя и разработанныя авторами? Вы идете въ театръ не за нравоученіемъ или исправленіемъ, а для развлеченія и удовольствія. Васъ увеселяетъ болѣе вымыселъ, нежели истина! Представляя то, что вы имѣете ежедневно передъ глазами, не льзя вамъ понравиться; но то, чего не видите вы въ обыкновенной жизни, все чрезвычайное, романическое, вотъ что васъ очаровываетъ, — теперь это и представляютъ вамъ.

Такъ во дни ужаса революціи, именно потому, что вашимъ глазамъ больно было смотрѣть на кровавыя сцены и грабительства, вы были счастливы, находя на театрѣ человѣколюбіе и благотворительность, которыя тогда были вымыслами...

Точно такъ и во времена возстановленія Бурбоновъ, вамъ напоминали тѣ дни, когда вы давали Европѣ законы — и прошедшее утѣшало васъ въ настоящемъ.

Слѣдственно театръ весьма рѣдко бываетъ выраженіемъ современнаго общества; по крайней мѣрѣ, какъ мы видѣли, онъ часто выражаетъ противоположное, такъ что должно искать произшествія въ томъ именно, о чемъ театръ молчитъ. Комедія изображаетъ страсти всѣхъ временъ, какъ изображали ихъ Мольеръ, Данкуръ и Пикаръ, съ такою веселостію, какъ Коленъ д'Арлевилль, съ такою прелестью, какъ Андріё; она описываетъ рѣдкія изключенія и минутныя странности; она едва приподнимаетъ завѣсу и показываетъ намъ только уголокъ общества; но нравы цѣлаго народа, цѣлыя эпохи, изящныя или грубыя, развратныя или набожныя, кровавыя или героическія, кто ихъ намъ откроетъ? Хороши онѣ были или дурны, ихъ вы найдете, Мм. Гг., въ тѣхъ лѣтописяхъ, о которыхъ я вамъ сейчасъ говорилъ:

Ces peintures naives,
Des malices du siècle immortelles archives.

Пѣсня! она не имѣла никакой выгоды скрывать истину, а появлялась напротивъ именно для того, чтобъ высказать ее! И такъ, Мм. Гг., пробѣжимъ снова тѣ эпохи, о которыхъ мы говорили, начнемъ съ Регенства, такъ мало сохраненнаго комическими авторами того времени и прибѣгнемъ къ пѣсенникамъ: не будутъ ли они болѣе вѣрными живописцами общества? Колле, напримѣръ:

Chansonniers, mes confrères,
Le coeur, l'amour sont des chimères,
Dans vos chansons legères
Traitez de vieux abus
Ces vertus
Qu'on n'a plus.

Не бойтесь, Мм. Гг., я вамъ прочту только одинъ куплетъ и то отрывками:

L'amour est mort en France
C'est un
Défunt
Mort de trop d'aisance!
. . . . . .
Et tous ces nigauds
Qui font des madrigaux
Supposent à nos dames
Des coeurs
Des moeurs,
Des vertus, des ames!
Et remplissent de flammes
Nos amans presque eteints,
Ces pantins
Libertins!

Не видите ли вы, Мм. Гг., всего Регенства въ этихъ стихахъ? А что было бы, если бъ я прочиталъ всю пѣсню до конца!

Хотите ли узнать общество осьмнадцатаго столѣтія? Это общество щегольское и остроумное, разсудительное и скептическое, которое вѣрило не въ Бога, а въ наслажденія? Хотите ли имѣть понятіе о его нравахъ, философіи и маленькихъ ужимкахъ? Не спрашивайте Комедію—она вамъ ничего не скажетъ! Прочтите пѣсни Вуазенона, Буфлера и кардинала Берни.

Пойдемте далѣе къ тѣмъ временамъ, когда испуганной Пѣснѣ приходилось изломать свирѣль свою; она и тутъ не молчитъ, не перестаетъ описывать нравовъ своего времени; она неотлучна какъ вѣрное эхо, при всякой громкой эпохѣ принимаетъ звуки и передаетъ ихъ намъ. Такъ въ нашу революцію, раздѣляющуюся на двѣ различныя половины, періодъ ужасовъ изображенъ въ безбожныхъ пѣсняхъ 93 года, періодъ геройства и славы въ воинственныхъ гимнахъ, которые повели нашихъ воиновъ на завоеваніе Европы.

Я не говорю вамъ о славѣ Имперіи— она имѣла исторіографами всѣхъ пѣсенниковъ той эпохи, начиная съ Дезожье, перваго пѣсенника всѣхъ временъ, который производилъ пѣсни, какъ Лафонтенъ басни!

Что касается до временъ возстановленія Бурбоновъ, то не спрашивайте о нихъ наши театры, не ищите ихъ въ столбцахъ Монитёра: для этого у насъ есть пѣсни Беранже».

— Въ концѣ рѣчи своей, остроумный ораторъ представляетъ Пѣсню во всегдашнемъ бореніи съ господствующею силою: онъ припоминаетъ, какъ она воевала во времена Лиги и Фронды, какъ осаждала палаты кардиналовъ Ришельё и Мазарина, какъ дерзала порицать важнаго Лудовика XIV, какъ осмѣивала его престарѣлую любовницу, безталантныхъ министровъ и несчастныхъ генераловъ; какъ при умномъ и безнравственномъ Регентѣ и при слабомъ и холодномъ Лудовикѣ XV нападенія ея не прекратились; какъ наконецъ въ безмолвное время грознаго Наполеона она одна возвысила свой голосъ, и приводитъ въ примѣръ извѣстную пѣсню: L roi d'Ivetot.

Il étoit un roi d'Ivetot,
Peu connu dans l'histoire,
Se levant tard, se couchant tôt,
Passant le jour à boire,
Et couronné par Jeanneton
D'un simple bonnet de coton etc.

Признаюсь: врядъ ли кому могло войти въ голову, чтобъ эта пѣсня была сатира на Наполеона. Она очень мила (и чуть-ли не лучшая изо всѣхъ пѣсень хваленаго Béranger), но ужь конечно въ ней нѣтъ и тѣни оппозиціи.

ОТВѢТЪ Г. ВИЛЬМЕНА, НЕПРЕМѢННАГО СЕКРЕТАРЯ АКАДЕМІИ.

М. Г.!

Ваша рѣчь имѣла успѣхъ такой же, какъ и ваши комедіи; здѣсь встрѣчаютъ васъ тѣже рукоплесканія, которыя раздаются при вашемъ имени на всѣхъ театрахъ Франціи и почти всей Европы. Академія это предвидѣла: она была увѣрена, что избрать васъ было дѣломъ справедливости и народности. Во всѣхъ родахъ литтературы всякая прочная слава даетъ право на Академическое званіе; никому не можетъ быть дозволено въ продолженіи 20 лѣтъ безнаказанно морить со смѣху публику.

Напрасно, М. Г., слѣдуя законамъ оффиціальной скромности, вы бы стали унижать предъ нами постоянные ваши успѣхи, опираясь на легкую форму вашихъ сочиненій; все дѣло въ произведеніи вкуса не въ предметѣ и не въ формѣ — но въ талантѣ. Есть пѣсни, которыя гораздо лучше эпической поэмы. Знаменитый Академикъ, котораго вы теперь занимаете мѣсто и котораго вы такъ удачно характеризировали, послѣ великихъ трагическихъ произведеній отличился особенно своею оригинальностію въ эпиграммахъ, названныхъ имъ Баснею. Этотъ человѣкъ съ умомъ и талантомъ умѣлъ бы оцѣнить всю творческую силу, которая видна въ безчисленныхъ и разнообразныхъ вашихъ комическихъ произведеніяхъ. Онъ бы не упрекнулъ васъ, ни за многихъ вашихъ сотрудниковъ, ни за многія прелестныя ваши произведенія, которыя принадлежатъ не вамъ одному, но которыя безъ васъ никогда бы не существовали. Арно зналъ, что вкусъ, который умѣетъ выбирать и совершенствовать, есть важная часть изобрѣтенія, что мысль вполовину принадлежитъ тому, кто умѣетъ придать ей настоящую цѣну. Онъ съ радостію-бы принялъ предложеннаго вами ему сотрудника—Наполеона, котораго краткую и страшную піитику вы такъ удачно изобразили.

Только пятый актъ *Венеціанцевъ* они создали вмѣстѣ. Если это сообщество не было дѣятельнѣе, то виною тому не генералъ Бонапартъ, который въ первому жару молодости и славы, между побѣдой надъ Италіей, управленіемъ Франціей, завоеваніемъ Египта, занимался всѣмъ, думалъ обо всемъ вдругъ, и не зналъ, куда дѣваться съ своими мыслями и изобрѣтеніями въ ожиданіи Императорскаго престола. Арно привязался къ нему съ похода въ Италію, со времени трагедіи *Оскаръ*, которую послалъ онъ героическому обожателю Оссіана. Вскорѣ потомъ онъ принялъ участіе въ Египетской экспедиціи и послѣдовалъ за Кесаремъ въ Александрію. Во время переѣзда на адмиральскомъ кораблѣ *Востокъ*, который несъ въ себѣ столько ученыхъ и военныхъ знаменитостей, Арно безпрестанно бесѣдовалъ съ Генераломъ. Говорили о войнѣ, объ искусствахъ, о свободѣ, о завоеваніи всего свѣта, о литтературѣ, о трагедіи. Бонапартъ часто возвращался къ этому послѣднему предмету, для котораго онъ составилъ себѣ цѣлую теорію. Политика, общественная польза — вотъ что по его мнѣнію могло быть единственными предметами трагедіи; гдѣ дѣло шло о любви, о сердечныхъ бореніяхъ, не исключая и *Заиры*, все это онъ причислялъ къ комедіи. Арно противился этимъ нововведеніямъ и однажды послѣ долгаго спора, когда Генералъ сказалъ ему: «Какъ бы то ни было, но мнѣ хочется сочинить съ вами вмѣстѣ трагедію».—Охотно, отвѣчалъ Арно,—тогда, когда мы сочинимъ вмѣстѣ планъ сраженія!—

Не смотря на эту короткость въ обращеніи, которой бы многіе позавидовали, несмотря на довѣрчивость счастливой звѣздѣ завоевателя, Арно не окончилъ путешествія. Долгъ службы задержалъ его въ Мальтѣ при началѣ завоеванія. Но онъ былъ изъ первыхъ между тѣми, которые призывали героя изъ Египта и приготовляли къ тому общее мнѣніе.

18-е Брюмера Арно находился при Бонапартѣ однимъ изъ ревностныхъ участниковъ военнаго переворота, который основалъ Имперію, и находился при немъ безъ всякихъ личныхъ расчетовъ. Литтераторъ въ полномъ смыслѣ слова, нѣсколько безпечный и гордый, Арно не заботился болѣе ни о своей будущности, ни о благосклон-

ности своего покровителя. Сперва остался онъ въ Мальтѣ, а послѣ въ дали отъ политики и Императорскаго Двора принялъ на себя скромную и важную должность, гдѣ его вліяніе было всегда правосудно и благодѣтельно.

Свободные часы его были всѣ посвящаемы литтературѣ. Трагическій авторъ школы *Дюсиса* въ произведеніяхъ своихъ, онъ прибавилъ къ древнимъ формамъ новую степень ужаса, а иногда и простоты. Страстный обожатель Наполеона, онъ не воспѣвалъ его царствованія. Великіе Властители, потрясающіе сильно воображеніе народовъ, пробуждаютъ его у поэтовъ уже долго послѣ своей кончины. Одаренный умомъ колкимъ и насмѣшливымъ, способнымъ болѣе къ коварнымъ намекамъ басни, нежели къ панегирику, Арно выхвалялъ Наполеона лишь послѣ его паденія и то вѣрнымъ языкомъ исторіи. Его пристрастіе было благоговѣніе къ генію и къ несчастію; оно вдохнуло ему много краснорѣчивыхъ страницъ: онъ заплатилъ изгнаніемъ за право написать ихъ. Писатель мирный, врагъ всѣхъ общественныхъ переворотовъ, онъ былъ увлеченъ бурей, сокрушившей династію.

По этому случаю, въ продолженіе нѣкотораго времени, онъ могъ не принадлежать болѣе этой Академіи, гдѣ онъ имѣлъ столько правъ на свое мѣсто, и куда все его призывало. Онъ даже возвратился къ намъ при томъ правленіи, которое такъ несправедливо изгнало его. Во второй разъ услышалъ онъ здѣсь похвалы трудамъ, прославившимъ жизнь его, и таланту, которому никакая революція не могла дать отставки. Ему прочли тѣ стихи, которыми означенъ былъ первый день его изгнанія; и онъ нашелъ въ рукоплесканіяхъ и въ живомъ соучастіи публики сладкую награду своему благородному характеру.

Этотъ характеръ вмѣстѣ съ его славою далъ ему право на мѣсто, требовавшее довѣренности, которое опустѣло между нами послѣ умнаго и почтеннаго *Андріе*, мѣсто, которое требуетъ безкорыстной любви къ словесности, призываетъ иногда къ защитѣ ея достоинства и должно быть нераздѣльно соединено съ тѣми благородными чувствами, которыя она внушаетъ душѣ человѣка.

Какъ должны мы сожалѣть, что внезапная смерть прекратила эту жизнь въ полной ея силѣ и похитила Арно посреди недоконченныхъ трудовъ его! Записки, писанныя имъ съ такимъ остроуміемъ и безпечностію, составляютъ любопытный памятникъ его старости, и могутъ выдержать эту неблагодарную и грубую критику, которая всегда ожидаетъ послѣднихъ произведеній художника и поэта. Арно, какъ умный и нечестолюбивый зритель, замѣшанный въ движеніи вѣка, не умѣлъ имъ пользоваться, но видѣлъ много вещей и всегда умѣлъ оцѣнять ихъ съ тою сильною прямотою совѣсти, отъ которой яснѣетъ самый расчетъ разума. Ни собственная выгода, ни политическія связи не имѣли вліянія на вѣрность его воспоминаній, на его нравственный инстинктъ. Нѣкоторыя несчастья прежней Королевской династіи, можетъ быть, нигдѣ не были описаны съ такимъ живымъ участіемъ, какъ въ книгѣ Арно, изгнаннаго изъ Франціи въ 1815 году.

Это происходило отъ того, что чувства справедливости были у него врожденными; и его строки хотя носятъ иногда печать современныхъ страстей, но дышатъ всегда откровенностію, которой нельзя не уважать.

Вы поняли и достойно оцѣнили талантъ вашего предшественника; но ваше поприще, М. Г., счастливое и легкое, не можетъ сравниться съ его поприщемъ. Вы, я знаю, уважаете музу науки, ученые труды, успѣхи, дорого купленные и добываемые съ боя. Вы все это знаете по слухамъ: для васъ Литтература съ молодости была рядомъ наслажденій, славою, богатствомъ. Это весьма рѣдкая участь, примѣръ опасный, быть можетъ; но его оправдываютъ вашъ талантъ и характеръ.

Не бойтесь, М. Г., я не буду долго останавливаться на этой счастливой участи; но позвольте мнѣ найти причину ея въ вопросѣ болѣе общемъ, который вы сей часъ предложили себѣ и разрѣшили умно и удачно, но можетъ быть, не совсѣмъ справедливо. Тайна вашихъ постоянныхъ успѣховъ заключается, я думаю, въ томъ, что вы счастливо разгадали духъ нашего вѣка; вы создали родъ комедіи, съ которою онъ хорошо сроднился, которая походитъ на него, комедію живую, развязную, быструю; не обширную изящную картину, которую изучить намъ не достаетъ времени, а рядъ портретовъ выразительныхъ, которые блеснутъ, исчезнутъ, но не забываются. И такъ, не раздѣляя мнѣнія, которое вы поддерживаете, не думая, подобно вамъ, что театръ по существу своему долженъ быть въ противорѣчіи съ нравами, противоположнымъ полюсомъ общества, что онъ не долженъ походить на публику, чтобы пра-

виться публикѣ, я, признаюсь вамъ, придерживаюсь втораго мнѣнія и могу опровергнуть ваши доказательства вашими же комедіями.

Безъ сомнѣнія, одна комедія не составляетъ полной исторіи народа; но она объясняетъ, пополняетъ эту исторію. Она ничего не говоритъ о политическихъ происшествіяхъ, по крайней мѣрѣ со временъ Аристофана (или, если хотите, со временъ Бертрана и Ратона), но она свидѣтельница духа и нравовъ народа, у котораго родились эти происшествія. Не называя никого по имени, она пишетъ лѣтопись каждаго. Узнали ли бъ вы совершенно вѣкъ Лудовика XIV безъ Мольера? Знали ли бы вы, что́ былъ тогда дворъ, городъ и особенно Тартюфъ? Нѣтъ ни одной пьесы Мольера, не исключая и фантастической драмы Донъ-Жуана, которая бы не показала вамъ какой-нибудь любопытной стороны народнаго духа въ XVII столѣтіи, не дала бы вамъ понятія о движеніи въ нравахъ и не открыла бъ вамъ броженія мнѣній при мнимой тишинѣ этой величественной эпохи?

Въ послѣдствіи, М. Г., эта мелочная, жеманная драма Дората, Лану, и даже Мариво, котораго вы уже слишкомъ смѣшиваете съ ними, увѣрены ли вы, что она въ сильной противоположности съ своимъ временемъ? XVIII-е столѣтіе, столь полное настоящимъ и будущимъ, выражаясь вашими словами, XVIII-е столѣтіе не походило ли въ праздности высшихъ классовъ, въ злоупотребленіяхъ ума, въ утонченномъ развратѣ нравовъ на натянутую драму, которой оно рукоплескало? И даже не найдемъ ли мы и въ другихъ комедіяхъ того времени, еще болѣе слабыхъ, вѣрнаго изображенія нравовъ, и можетъ быть достойнаго наблюденій Историковъ? Что же касается до хорошихъ комедій той же эпохи, то они говорятъ много, и даже слишкомъ много; напримѣръ, Свадьба Фигаро есть безцѣнное свѣдѣніе для исторіи.

Я боюсь, М. Г., слѣдуя за вами далѣе, броситься ради комедіи въ лѣтописи нашей революціи: но и въ ту эпоху, этотъ сантиментальный наборъ словъ, это идолопоклонство *старости, добродѣтели, дѣтству*, выводимое на театрѣ во время политическихъ ужасовъ, не было ли также чертою нравовъ? Тотъ же самый наглый обманъ не повторялся ли въ рѣчахъ трибуны и въ программахъ народныхъ праздниковъ, гдѣ священныя слова человѣчества смѣшивались съ гнусными преступленіями; — это были проповѣди и гимны новой *Лиги*.

Мнѣ кажется, М. Г., что театръ, хорошъ ли онъ или дуренъ, естественъ ли онъ, или натянутъ, всегда, какъ прежде говорили и доказывали, театръ есть драгоцѣнный свидѣтель для исторіи нравовъ и мнѣній.

Въ нравахъ народа заключены его предразсудки, его воспоминанія, его сожалѣнія; для этого онъ иногда ходитъ въ театръ искать того, что не выражаетъ настоящаго его положенія, но говоритъ ему о томъ, чего онъ желаетъ, или что имъ потеряно. И потому я скажу, М. Г., пользуясь вашимъ же примѣромъ: если въ мирныя времена *возстановленія* ваши отставные полковники, ваши заслуженные храбрые солдаты были въ такой милости у публики, то не отъ того, что эта картина противорѣчила духу времени; но напротивъ потому что льстила ему, лаская обиженное народное самолюбіе; проницательный политикъ могъ бы открыть въ этихъ представленіяхъ, принимаемыхъ толпою съ восторгомъ, страсть не потушенную въ теченіи 15 лѣтъ, и вдругъ вспыхнувшую.

Да, М. Г.! въ вашихъ же произведеніяхъ можно найти эту современную точность, которую вы, отнявъ у комедіи, присвоили одной Пѣснѣ, и сдѣлать васъ Историкомъ противъ вашей воли. Впрочемъ въ этомъ дѣлѣ вы приняли всѣ возможныя предосторожности: вы соединили Пѣсню съ Комедіей, и что ни говори о вашей литтературной теоріи, — со всѣхъ сторонъ васъ ожидаютъ рукоплесканія.

Я признаюсь, что эта теорія дѣлается весьма правдоподобною въ послѣднихъ примѣрахъ вами приведенныхъ. Въ нашихъ глазахъ, почти въ то самое мгновеніе, когда я говорю, исчезло было это соотношеніе, это сходство театра съ публикою, или лучше сказать, казалось, что одинъ изъ нихъ хотѣлъ быть развратителемъ другаго. Но въ этомъ отзывѣ общественному перевороту, въ этомъ безплодномъ броженіи возмутительныхъ головъ, нѣтъ ли чего такого, чѣмъ бы можно было изъяснить эту потребность сильныхъ потрясеній, столь противоположную нашимъ семейственнымъ нравамъ, эту потребность, рѣдко удовлетворенную на театрѣ и которая бы уничтожилась сама собой, скукою публики, даже безъ пособія цензуры? Вы сами, Милостивый Государь, можете судить лучше другихъ объ этомъ, вы не заражены эпидеміею

преувеличенія, этой страстью къ ложному, вы умѣете на свободѣ соединять остроуміе съ здравымъ смысломъ, и не нуждаетесь въ неблагопристойныхъ сценахъ для драматическаго эффекта.

Долгіе успѣхи научили васъ этому трудному искусству, отъ котораго вы рѣдко отступали, не смотря на огромное количество пьесъ, писанныхъ наскоро. Аристократъ Буало говорилъ:

Il faut, même en chanson, du bon sens et de l'art.

Этотъ совѣтъ, хотя, кажется, можетъ быть ненужнымъ и лишнимъ въ наше время, но тѣмъ не менѣе можетъ быть примѣненъ съ точностію ко всѣмъ родамъ пѣсни на нашихъ театрахъ. Ни легкость предмета, ни свобода формы, ни шалость ума, никогда не могутъ избавить автора отъ этихъ двухъ старинныхъ условій, требуемыхъ Буало: *здраваго смысла и изящества;* и если бы даже они перестали быть принадлежностію большихъ произведеній, то все бы надо было требовать ихъ соблюденія отъ водевиля и комической оперы.

Такъ въ прошедшемъ столѣтіи человѣкъ съ необработаннымъ талантомъ, Седенъ, съ помощію здраваго смысла и искусства нашелъ новое мѣсто на нашихъ театрахъ и оставилъ незабытыя произведенія. Вамъ, М. Г., приготовленному съ раннихъ дней изученіемъ литтературы, вамъ предстояло менѣе усилій и затрудненій. Къ той оригинальности, безъ которой ни одинъ писатель не можетъ занять сильно публики, вы присоединили изученіе хорошихъ образцевъ; ваши первыя произведенія, по видимому, импровизированныя, посреди юной, безпечной веселости, всегда носили на себѣ отпечатокъ искусства и были написаны съ такою же быстротою, какъ и со тщаніемъ.

Вы ограничивали вашъ талантъ тѣсною и легкою рамкою. Оригинальные характеры, свѣжія, дѣвственныя представленія нравовъ — уже были похищены у васъ прежними мастерами. Бросая наблюдательный взглядъ на наше общество, вы не нашли въ немъ уже тѣхъ рѣзкихъ образовъ, той борьбы между состояніями, того особеннаго характера разныхъ классовъ, столь удобныхъ для высшей комедіи; и несмотря на счастливые примѣры, вы не рѣшились испытать свою силу въ этой изящной сферѣ искусства. Васъ прельщалъ успѣхъ болѣе легкій и скорый. Вмѣсто того, чтобъ сосредоточить вашу комическую силу на какомъ нибудь предметѣ, требующемъ долгаго размышленія, вы раздробили ее на тысячу мелкихъ блистательныхъ очерковъ, возобновили ту изобрѣтательную плодовитость Испанскихъ поэтовъ, которыхъ произведенія и успѣхи считались сотнями. Посреди общества, подведеннаго подъ одинъ и тотъ же уровень, но общества дѣятельнаго, безпокойнаго, вы переносили на сцену его мнѣнія, моды, причуды по мѣрѣ того, какъ онѣ появлялись предъ вами.

Когда трудно было прямо ухватиться за минутную истину, вы часто искусно добирались до ней со стороны; для этого брали, вмѣсто главной черты, мелочные оттѣнки и умѣли заставлять публику рукоплескать даже и тому, о чемъ вы молчали. Многія мелкія пьесы Мольера цѣнятся знатоками наравнѣ съ его большими произведеніями. Вы умѣли быть оригинальнымъ, подражая этимъ небольшимъ пьескамъ; и часто воспоминаніе или противоположная сторона какой-либо мысли великаго поэта подавали вамъ средство написать цѣлую новую пьесу.

Но особенно въ наше время, подъ Парижскимъ горизонтомъ, въ его шумной жизни, въ его дѣлахъ и удовольствіяхъ на биржѣ, въ литтературѣ, вокругъ себя, въ происшествіяхъ вчерашняго вечера, вы умѣли схватить предметы и освятить ихъ вдохновеніемъ. Вашъ театръ приблизился къ тѣмъ *Пословицамъ* гостиныхъ, гдѣ общество обрисовываетъ само себя, и говоритъ своимъ ежедневнымъ языкомъ. Но, пока вы писали подъ диктовку публики, возвращая ей, что она вамъ давала, сколько удачныхъ и остроумныхъ картинъ, сколько быстрыхъ и живыхъ разговоровъ обличали ваше участіе въ этой общей работѣ.

Вотъ причина, М. Г., почему ваши пьесы забавляютъ всю Францію, переходятъ за границу и тамъ переведенныя, передѣланныя, сокращенныя, увеличенныя, по вкусу разныхъ народовъ, поддерживаютъ всѣ театры отъ Юга до Сѣвера. Вездѣ хохотали, вездѣ съ жадностью хватались за ваши произведенія. Это служитъ доказательствомъ, что не костюмъ и минутные намеки составляютъ главное въ этихъ совершенно Парижскихъ пьесахъ,—но что въ нихъ много истины и много веселости обще-человѣческой.

Мнѣ помнится, одинъ знаменитый Нѣмецкій критикъ, слишкомъ строгій къ нашимъ классическимъ поэтамъ, можетъ быть, умомъ и знаніемъ завлеченный въ невольный парадоксъ, предпочиталъ въ полномъ смыслѣ *Просителя — Мизантропу.* Я увѣ-

ренъ, что вы сами несогласны съ этимъ мнѣніемъ; но заблужденіе, въ которое вы ввели такого критика своею остроумною комедіею, служитъ новымъ доказательствомъ въ вашу пользу; такое заблужденіе было бы невозможно, если бы не было много ума и много жизни въ этихъ легкихъ сценахъ, которыя не только играютъ, но на которыя пишутъ комментаріи за границей. Не повторяя словъ критика, я не могу однако же не обратить вниманія на особенное искусство, съ которымъ ведены ваши важнѣйшія пьесы, на быстрое и свободное движеніе вашей драмы, на вѣрность производимыхъ ею впечатлѣній (хотя разговоръ и бываетъ иногда слишкомъ украшенъ или слишкомъ мелоченъ), на вашу тайну обрисовывать предметъ во всѣхъ возможныхъ видахъ, на вашъ разговорный слогъ, то граціозный, то простой, то трогательный и всегда остроумный.

Какое разстояніе отъ *Дипломата* до *Валеріи*, отъ *l'Interieur d'un Bureau* до *Michel et Christine!* Какое разнообразіе, иногда какое остроумное нравоученіе, въ многочисленныхъ пьесахъ, на предметъ профанированный стариннымъ театромъ: на бракъ! Одна изъ нихъ, *Женидьба по ращету* (le Mariage d'argent), есть настоящая комедія въ пяти актахъ, безъ куплетовъ, безъ *сотрудниковъ*, поддерживаемая драматическою цѣлостью, единствомъ характеровъ, истиною разговора, силою оставляемаго ею въ душѣ впечатлѣнія. Проза не вредитъ этому творенію, также какъ и прекраснымъ комедіямъ Лесажа и Пикара.

Не надобно спрашивать, М. Г., зачѣмъ вы не пытались чаще возобновлять эту высшую комедію, которая такъ удалася вамъ; у васъ не было недостатка ни въ талантѣ, ни въ источникахъ смѣшнаго. Даже это поприще расширилось при дѣйствіи нашихъ общественныхъ переворотовъ, и вамъ было возможно испытать свои силы надъ политическою комедіею, этою крайнею вольностію театральнаго искусства. Между большимъ числомъ вашихъ успѣховъ замѣчательны Bertrand et Raton, сколько по новости предмета, столько и по истинѣ подробностей. Эта пьеса сама собою имѣла достоинство случайное, оцѣненное публикою, для которой потребность порядка было чувствомъ народнымъ. Она осмѣивала мятежъ и живо изображала, какое искусственное волненіе и какія мелочныя причины могутъ иногда возмущать спокойствіе Государства.

Впрочемъ, М. Г., это поприще политической комедіи, на которомъ вы сдѣлали нѣсколько шаговъ, скоро закрылось, и вы объ этомъ не сожалѣете. Вашему таланту остроумному и разнообразному не нужно отыскивать смѣшное въ раздорахъ партій; вы и безъ этого средства умѣете возбудить вниманіе и покупать побѣду. Вы еще молоды: публика ожидаетъ отъ васъ многаго. Обратится ли вашъ талантъ къ успѣхамъ болѣе рѣдкимъ, или возобновитъ прежніе, Академія во всякомъ случаѣ не будетъ сожалѣть о своемъ выборѣ. Ибо честь и жизнь Литтературнаго общества тогда только возможны, когда оно привлекаетъ къ себѣ всѣ роды знаменитостей, узаконенныхъ публикою. Это различныя формы, въ которыхъ является состояніе искусства въ какой либо націи. Не всѣ приходятъ вдругъ и не всякой принимаетъ въ этомъ дѣлѣ одинаковое съ другими участіе; строгому вкусу, глубокой учености должно быть мѣсто возлѣ смѣлаго таланта; возлѣ людей, посвятившихъ себя Словесности для самой Словесности, должны быть люди, для которыхъ оно лишь средство дѣйствія на трибунѣ, въ судѣ и въ театрѣ. Всѣ эти различные роды соприкасаются одинъ къ другому и соединяются: сіе-то самое смѣшеніе и составляетъ характеръ Академіи. Каждая наша потеря, какъ и всякій нашъ выборъ, болѣе и болѣе утверждаютъ насъ въ этой мысли. Нѣкогда изъ среды насъ былъ похищенъ ораторъ, котораго важное, возвышенное слово, громко прозвучавъ въ національныхъ собраніяхъ, тихо раздавалось въ нашихъ мирныхъ бесѣдахъ, мужъ доблестный и краснорѣчивый, сохранившій всеобщее уваженіе и въ отдаленіи отъ дѣлъ, и даже при кормилѣ правленія. Кто возвратитъ намъ Лене *)?

По крайней мѣрѣ да огласятся эти стѣны нашимъ сѣтованіемъ и да простятъ намъ, что мы поспѣшили воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы гласно принести дань нашего благоговѣнія на его смиренную и еще свѣжую могилу.

«Французская Академія», рукописи которой не существуетъ, напечатана во II т. «Современника» (цензурн. разрѣшеніе 30 іюня 1836 г.), стр. 14—52, непосредственно за «Россійской Академіей», которой составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ pendant, а затѣмъ была воспроизведена Н. О. Лернеромъ въ «Рус. Старинѣ» 1911 г., октябрь, стр. 3—33 (отрывки были помѣщены въ газ. «Рѣчь»

*) Французская академія на мѣсто умершаго Лене выбрала г. Дюпати, мимо представлявшихся кандидатами Балланша, Виктора Гюго и Моле. Академія имѣла на то, вѣроятно ей извѣстныя, причины. Мы же не знаемъ, что такое г. Дюпати.

1911 г., № 208). Бѣлинскій писалъ по поводу выхода въ свѣтъ послѣднихъ трехъ томовъ посмертнаго изданія сочиненій Пушкина («Отечеств. Записки» 1841 г., т. XVII, № 8, Библіогр. хроника, стр. 34—35), указывая, что въ изданіе вошло не все написанное имъ, и что «Французскую Академію» можно приписывать Пушкину. Вслѣдъ за Бѣлинскимъ обратилъ вниманіе на статью его комментаторъ С. А. Венгеровъ, который (см. его изданіе Сочин. Бѣлинскаго, VI, 597) нашелъ, что «Французская Академія» — «судя по увѣренному тону и кое-какимъ блесткамъ, можетъ быть, принадлежитъ Пушкину». Остановился на ней также И. А. Шляпкинъ, заявившій: «мы считаемъ эту статью составленной Пушкинымъ и Одоевскимъ» («Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», СПБ., 1903 г., стр. 69).

Она посвящена описанію засѣданія Французской Академіи, въ которомъ былъ торжественно принятъ въ «безсмертные» Скрибъ, и состоитъ изъ трехъ частей: вступительной рѣчи Скриба, отвѣта ему, произнесеннаго постояннымъ секретаремъ Академіи Вильменомъ, и вступленія и отдѣльныхъ замѣчаній, принадлежащихъ Пушкину. Весною 1836 г. князь В. Ѳ. Одоевскій писалъ Пушкину: «Переводчикъ нашъ занемогъ, и отъ того Вильменова рѣчь опоздала. Я только вчера вечеромъ и получилъ ее. Начало я исправлялъ еще прежде, и отъ того первые листы переписаны, но за слѣдующіе извините, что перемараны жестоко; несмотря на это, вы просмотрите еще разъ». Судя по выраженію: «Вильменова рѣчь», можно думать, что постороннимъ переводчикомъ былъ переведенъ только отвѣтъ Вильмена, безъ рѣчи Скриба; во всякомъ случаѣ, нельзя сомнѣваться, что редакторскій карандашъ Пушкина прошелся по переводу, такимъ образомъ, «авторизованному» имъ. Во вступленіи упоминаются стихи Дениса Давыдова, посвященное ему французскимъ поэтомъ Арно посланіе и отзывъ Арно о немъ. Прочитавъ статью, Давыдовъ писалъ Пушкину 10 августа 1836 г.: «Ты по шерсти погладилъ самолюбіе мое, отыскавъ Богъ знаетъ гдѣ и прозу, и стихи Арно, о которыхъ я и знать не зналъ». Такимъ образомъ, современникъ и близкій Пушкину человѣкъ, при томъ лично заинтересованный въ данной статьѣ, прямо удостовѣряетъ принадлежность ея Пушкину. Впрочемъ, за это ручается самое содержаніе статьи.

Въ ней нельзя не узнать языка Пушкина, его простого, нѣсколько суроваго прозаическаго стиля, его духа, его воззрѣній. Онъ говорилъ «кресла», а не «кресло»: въ «Пирѣ во время чумы» читаемъ: «его здѣсь кресла стоятъ пустыя». Такъ же онъ иногда говорилъ не «титулъ», а по-старинному— «титло»: «его титло — спаситель Россіи», писалъ онъ о Кутузовѣ-Смоленскомъ *); «здѣсь крестьяне величаютъ господъ титломъ ваше здоровье;—титло завидное, безъ коего всѣ прочія ничего не значатъ» **). Слова: «нашъ боецъ чернокудрявый съ бѣлымъ локономъ на лбу»—изъ посланія Н. М. Языкова къ Денису Давыдову. «Посланіе къ Давыдову—прелесть»!—писалъ Языкову Пушкинъ ***) и шутилъ: «нашъ боецъ чернокудрявый окрасилъ было свою сѣдину, замазалъ и свой бѣлый локонъ, но послѣ вашихъ стиховъ опять его вымылъ»—и правъ. Это знакъ благоговѣнія къ поэзіи». Незадолго до того Пушкинъ написалъ Давыдову посланіе *), начинающееся точнымъ переводомъ перваго стиха пьесы, которую посвятилъ ему Арно: «Тебѣ, пѣвцу, тебѣ, герою»! Въ литераторѣ pur sang понятны благородныя чувства горечи и достоинства, съ которыми говоритъ онъ о поэтахъ, пишущихъ не по вдохновенію, «не для себя», а стараясь угодить публикѣ. «Ни одинъ изъ французскихъ поэтовъ»—писалъ Пушкинъ однажды— «не дерзнулъ быть самобытнымъ, ни одинъ, подобно Мильтону, не отрекся отъ современной славы». Нашъ поэтъ, который столько работалъ «для себя» и для свѣтлаго будущаго родной литературы, испыталъ, что значитъ не угодить публикѣ,—и она въ послѣдніе годы его жизни твердила на тысячу ладовъ, что Пушкинъ исписался, выдохся, и превозносила Бенедиктовыхъ и Сенковскихъ.

Для живо интересовавшагося литературной жизнью Франціи Пушкина, въ библіотекѣ котораго имѣлись и Скрибъ, и Арно, и Вильменъ, и Жюль Жаненъ, рѣчи Скриба и Вильмена, въ которыхъ онъ увидѣлъ совпаденіе съ нѣкоторыми собственными взглядами, были явленіемъ, стоющимъ вниманія; была у него и другая, затаенная цѣль, заставившая его вслѣдъ за отчетомъ о недавнемъ засѣданіи Россійской Академіи помѣстить статью о Французской Академіи. Нужно замѣтить, что мнѣніе его о французской художественной литературѣ никогда не было особенно лестнымъ для нея, и еще въ примѣчаніяхъ къ первой главѣ «Онѣгина» онъ не безъ сочувствія писалъ, что въ балетахъ Дидло «одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ гораздо болѣе поэзіи, чѣмъ во всей французской литературѣ». Иногда противорѣча себѣ самому въ нѣкоторыхъ частностяхъ, онъ въ своихъ статьяхъ, рецензіяхъ, письмахъ и бесѣдахъ высказывалъ общіе взгляды, весьма неблагопріятные для французской литературы, считалъ пагубнымъ вліяніе ея на русское общество и русскую литературу, осуждая ея «отвратительную подлость», лежащую на ней печать «отвратительной власти демократіи», ея «глубокій и жалкій упадокъ». Отдавая вполнѣ справедливо преимущество французской прозѣ передъ поэзіей, Пушкинъ, однако, не умѣлъ оцѣнить значеніе народившагося на его глазахъ французскаго соціальнаго романа, въ которомъ усматривалъ этическую и даже политическую опасность, и въ своихъ рѣзкихъ заключеніяхъ вообще заходилъ далеко. Но въ началѣ 1836 г. дѣйствительность показала ему воочію неправоту его взглядовъ въ ихъ послѣдовательной deductio ad absurdum. Въ томъ самомъ засѣданіи Россійской Академіи, отчетъ о которомъ въ «Современникѣ» предшествуетъ «Французской Академіи», Пушкину пришлось услышать рѣчь М. Е. Лобанова «О духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной». Она поразила его, и онъ въ своемъ отчетѣ («Современникъ» т. I) писалъ: «Мнѣніе сіе заслуживаетъ особеннаго разбора какъ по своей сущности, такъ и по важности мѣста, гдѣ оное было произнесено». Въ слѣдующемъ же томѣ «Современника» онъ исполнилъ свое обѣщаніе, обстоятельно разобралъ «мнѣніе» Лобанова и выдвинулъ противъ него свои возраженія. Встревоженный чрезмѣрнымъ вліяніемъ французской литературы на русскую, Лобановъ

*) «Объясненіе» — «Современникъ», т. IV, стр. 295.

**) Письмо 5 ноября 1830 г. изъ Болдина къ кн. П. А. Вяземскому.

***) 14 апрѣля 1836 г.

*) 18 января. Напечат. въ «Современникѣ», т. V, 1837 г., стр. 313.

«не безъ содроганія» констатировалъ, что «есть и въ нашей словесности нѣкоторый отголосокъ безправія и нелѣпостей, порожденныхъ иностранными писателями», и взывалъ: «ужели жизнь и кровавыя дѣла разбойниковъ, палачей и имъ подобныхъ, наводняющихъ нынѣ словесность въ повѣстяхъ, романахъ, въ стихахъ и прозѣ, и питающихъ одно только любопытство, представляются въ образецъ для подражанія?» и т. п. Эта сильная тирада должна была напомнить Пушкину его собственныя слова, написанныя нѣсколько лѣтъ назадъ, когда онъ, проклиная, по поводу появленія записокъ палача Самсона, «безнравственную жажду новизны и сильныхъ ощущеній», восклицалъ: «Явилась толпа людей темныхъ съ позорными своими сказаніями... Журналы наполнились выписками изъ Видока. Поэтъ Гюго не постыдился въ немъ искать вдохновеній для романа, исполненнаго огня и грязи». А вскорѣ Пушкинъ еще рѣзче возставалъ противъ этого «крайняго оскорбленія общественнаго приличія» и спрашивалъ: «не должна ли гражданская власть обратить мудрое вниманіе на соблазнъ новаго рода, совершенно ускользнувшій отъ предусмотрѣнія законодательства?» Лобановъ, ругательски ругая Жюль Жанена, Евгенія Сю и другихъ французскихъ писателей, увѣрялъ, что французамъ «самыя отвратительныя зрѣлища не кажутся таковыми, самыя разрушительныя мысли для нихъ не столь заразительны, ибо они давно ознакомились и, такъ сказать, срослись съ ними въ ужасахъ революціи». При всей своей дикости это былъ вѣрный выводъ изъ предпосылки (о «безправственности» французской литературы), въ которой Пушкинъ долженъ былъ узнать отголосокъ того убѣжденія, возникновенію котораго помогалъ онъ самъ. Возражая Лобанову особенно мягко, по разнымъ причинамъ, изъ которыхъ главныя—цензурныя и политическія опасенія, а второстепенная—необходимость съ тактическою осторожностью отказаться отъ доли своего прежняго мнѣнія, Пушкинъ спрашивалъ: «можно ли на цѣлый народъ изрекать такую страшную анаѳему?»—на «народъ, который произвелъ Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескье... народъ, который оказываетъ столь сильное религіозное стремленіе»... Во всякомъ случаѣ, Лобановъ, находилъ Пушкинъ, преувеличилъ опасность отъ вліянія французовъ на современную русскую прозу, для которой «Лесажъ и Вальтеръ-Скоттъ служили образцами, а не Бальзакъ и не Жюль Жаненъ», не говоря уже о поэзіи, которая «осталась чужда вліянію французскому». Возраженіе Лобанову усматривалъ Пушкинъ, конечно, и въ словахъ Скриба о несоотвѣтствіи современнаго французскаго театральнаго репертуара дѣйствительному состоянію нравовъ французскаго общества. Особенно же испугали Пушкина скорпіоны и бичи, которые рекомендовалъ Лобановъ, для борьбы съ ужаснымъ зломъ, приложить къ русской литературѣ. Въ Пушкинѣ заговорилъ честный гражданинъ и литераторъ, и онъ далъ Лобанову достойный отпоръ.

Въ началѣ 1836 г. въ число французскихъ «безсмертныхъ» вступилъ извѣстный плодовитый драматургъ Скрибъ *), занявшій мѣсто Арно **), оставившаго по себѣ въ литературѣ память автора посредственныхъ трагедій, но остроумныхъ и язвительныхъ «fables» («проходите скорѣе, — онъ кусается», написалъ однажды кто-то подъ его бюстомъ). По этому поводу Скрибъ произнесъ въ торжественномъ засѣданіи Академіи discours de réception, на который отвѣчалъ ему отъ имени Академіи, по обычаю, ея постоянный секретарь, историкъ Вильменъ *), а талантливый фельетонистъ Жюль Жаненъ пошутилъ надъ ними обоими въ «Journal des Débats» **). Для Пушкина, какъ и его круга, это было интересное событіе занимавшей его французской литературной жизни, а къ тому же онъ увидѣлъ въ немъ возможность наглядно показать «безвредность» современной французской литературы, «невинность» ея духа, представляемаго Академіей и не заслуживающаго громовъ и молній Лобанова, даже ея ничтожность. Только такъ, въ связи съ тогдашними мыслями Пушкина объ этомъ предметѣ, можно объяснить появленіе обѣихъ рѣчей съ замѣчаніями Пушкина на нихъ въ его журналѣ; иначе — это была бы непонятная случайность.

Писательская физіономія Пушкина видна вполнѣ въ этой статьѣ. Нравилось Пушкину и лощенное изящество блестящихъ рѣчей; педаромъ онъ называлъ французовъ «остроумнымъ и положительнымъ народомъ».

Оставляя въ сторонѣ обильно расточенныя обоими ораторами оффиціальныя похвалы мертвымъ и лесть живымъ, остановимся на двухъ — трехъ мѣстахъ рѣчей Скриба и Вильмена, которыя Пушкинъ долженъ былъ прочитать съ особымъ сочувствіемъ. «Слава Богу, — говорилъ Скрибъ,—теперь писатель не имѣетъ надобности просить вельможъ удостоить его покровительствомъ! Въ своемъ трудѣ находитъ онъ славу—и еще болѣе, если возможно—свою независимость». Такъ же разсуждалъ и Пушкинъ: «никому отчета не давать, себѣ лишь самому служить и угождать...—вотъ счастье, вотъ права!»; «у насъ писатели не могутъ изыскивать милости и покровительства у людей, которыхъ почитаютъ себѣ равными»; «независимость и самоуваженіе однѣ могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы».

На слово «безталантныхъ» слѣдуетъ обратить вниманіе; въ своей статьѣ о Лобановѣ Пушкинъ

---

*) Auguste-Eugène Scribe род. въ 1791, умеръ въ 1861. Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ презрительно отозвался о водевиляхъ Скриба (письмо къ М. П. Погодину 11 іюля 1832 г.).

**) Antoine-Vincent Arnault род. въ 1766 г., въ Академію вступилъ въ 1799 г., въ 1829 г. былъ выбранъ ея постояннымъ секретаремъ, умеръ въ 1834 г.

*) Abel-François Villemain род. въ 1790 г., въ Академію вступилъ въ 1821 г., въ 1832 г. былъ выбранъ ея постояннымъ секретаремъ, умеръ въ 1870 г.

**) 3 Février 1836, «M. Scribe et son vaudeville de réception» (подп. «J. J.»). Фельетонъ Ж. Жанена дѣйствительно очень остроуменъ. Жаненъ сожалѣетъ, что изъ этого, единолично разыгранного Скрибомъ, водевиля былъ устраненъ хоръ его сотрудниковъ, и язвительно пародируетъ рѣчь Скриба; надо прибавить, что въ фельетонѣ Жанена высказаны нѣкоторыя вѣрныя и серьезныя мысли. Объ отношеніяхъ Пушкина къ Ж. Жанену см. его Переписку, академич. изд., II, 143, его замѣтку «О новѣйшихъ романахъ» (т. V, 433), статью о «Confession», «Записки» А. О. Смирновой, I, 230—231, 328—329. — Jules-Gabriel Janin род. въ 1804, умеръ въ 1874 г.

поправляетъ выраженіе Лобанова «безталанный» (въ смыслѣ «бездарный») и говоритъ: «г. Лобановъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать безталантный»; однако, въ языкѣ и въ литературѣ удержалось не пушкинское выраженіе. Беранже Пушкинъ недолюбливалъ; находилъ, что онъ «не поэтъ» и «не имѣетъ ничего страстнаго, вдохновеннаго». Въ его пѣсенкѣ о королѣ Ивето дѣйствительно нѣтъ ничего оппозиціоннаго ни по намѣреніямъ автора, ни по содержанію, но, когда она появилась (1813 г.), французское общество, недовольное Наполеономъ, сочло ее сатирою на императора, и она распространилась по всей странѣ въ тысячахъ списковъ. Опровергая наличность въ пѣсенкѣ оппозиціоннаго настроенія, Пушкинъ отчасти устраняетъ слабый признакъ того политическаго духа, на который указывалъ Лобановъ: патріархальный король Ивето могъ и можетъ сойти за сатиру не на одного Наполеона.

Касаясь лицъ, упомянутыхъ Пушкинымъ въ его примѣчаніи къ рѣчи Вильмена, скажемъ вкратцѣ, что талантъ Гюго нашъ поэтъ признавалъ, хотя считалъ его «второстепеннымъ» *), а Балланша называлъ гордостью Франціи **). Объ избраніи Дюпати ***) на вакансію Лене ****) и о сопровождавшихъ это избраніе обстоятельствахъ писалъ А. И. Тургеневъ въ своей «Хроникѣ Русскаго» *****).

На статью Пушкина о Французской Академіи нужно смотрѣть какъ на важный этапъ его писательскаго пути. Рядомъ и въ связи съ отвѣтомъ Лобанову, она служитъ показателемъ благотворнаго кризиса, совершавшагося въ его ранѣе сложившихся литературныхъ воззрѣніяхъ, по безжалостно оборваннаго смертью и не дошедшаго до полнаго разрѣшенія, отъ котораго можно было бы ждать великихъ послѣдствій для литературы.

1078. НАРОДНЫЯ ПѢСНИ ВЪ НОВООТКРЫТЫХЪ ЗАПИСЯХЪ ПУШКИНА ******).

Дѣятельности Пушкина, какъ собирателя народнаго пѣсеннаго творчества, до сихъ поръ не подведенъ итогъ. Не характеризованы его техническіе пріемы, не опредѣлены съ возможною точностью хронологія и мѣстные предѣлы его этнографическихъ наблюденій, не изслѣдованъ смущавшій еще Кирѣевскаго вопросъ о границѣ, отдѣляющей Пушкина-собирателя отъ Пушкина-подражателя и самостоятельнаго поэта въ народномъ духѣ; даже еще не приведены въ извѣстность всѣ собранные имъ матеріалы. Эти задачи, важныя для издателей, изслѣдователей и біографовъ, выдвигаетъ на очередь новое изданіе знаменитаго пѣсеннаго собранія П. В. Кирѣевскаго. Пушкинъ былъ въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя помогали матеріалами великому «радѣльщику русской пѣсни». Поэтъ доставилъ ему, по собственному показанію Кирѣевскаго, «замѣчательную тетрадь пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи». Другія сообщенія Кирѣевскаго обстоятельнѣе и цѣннѣе. «Покойный А. С. Пушкинъ доставилъ мнѣ 50 №№ пѣсенъ, которыя онъ съ большой точностью записалъ самъ со словъ народа, хотя и не обозначилъ, гдѣ именно. Вѣроятно, что онъ записалъ ихъ у себя въ деревнѣ въ Псковской губерніи», приписалъ Кирѣевскій къ одной изъ пѣсенъ. Въ 40-хъ годахъ Кирѣевскій показалъ Ѳ. И. Буслаеву тетрадь пушкинскихъ записей и прибавилъ: «Вотъ эту пачку далъ мнѣ самъ Пушкинъ и при этомъ сказалъ: «Когда-нибудь, отъ нечего дѣлать, разберите-ка, которыя поетъ народъ, и которыя смастерилъ я самъ». И сколько ни старался я разгадать эту загадку, никакъ не могу сладить. Когда это мое собраніе будетъ напечатано, пѣсни Пушкина пойдутъ за народныя». Эта тетрадь исчезла; С. О. Долговымъ была обнаружена нѣсколько лѣтъ назадъ одна запись въ автографѣ Пушкина *), но онъ едва ли принадлежалъ къ той тетради. Сообщенныя Пушкинымъ пѣсни Кирѣевскій распредѣлилъ по отдѣламъ, но не успѣлъ ихъ издать. Одна пѣсня, съ точными указаніями на сообщеніе Пушкина («Что при вечерѣ вечерничкѣ»...), приготовленная къ печати Кирѣевскимъ, появилась вскорѣ послѣ его смерти въ «Русск. Бесѣдѣ» 1857 г., кн. II, стр. 25—27; двѣ другія напечаталъ П. А. Безсоновъ въ редактированной имъ части собранія Кирѣевскаго. Изучая бумаги Кирѣевскаго, В. Ѳ. Миллеръ обнаружилъ и напечаталъ (въ упомянутой работѣ) двѣнадцать свадебныхъ пѣсенъ, записанныхъ, по заявленію Кирѣевскаго, Пушкинымъ.

1.

Нынѣ московское Общество любителей россійской словесности предприняло изданіе «новой серіи» собранія Кирѣевскаго, подъ редакціей В. Ѳ. Миллера и М. Н. Сперанскаго. Недавно вышелъ первый выпускъ «Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», посвященный обрядовымъ пѣснямъ, въ число которыхъ вошли свадебныя. Среди нихъ оказалось еще около двухъ десятковъ пушкинскихъ записей. «Вниманіе Пушкина къ свадебнымъ пѣснямъ — говоритъ Миллеръ **) — понятно для всякаго этнографа. Въ этихъ пѣсняхъ, сопровождающихъ разные моменты свадебнаго обряда, традиціонно хранимыхъ преимущественно женщинами, какъ извѣстно, донеслось даже до нашихъ дней немало слѣдовъ старины, старины временъ боярскихъ, такъ какъ вся обстановка крестьянскаго свадебнаго обряда, съ его свадебными

---

*) «О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ Потеряннаго Рая» — «Современникъ», т. V, 1837 г., стр. 134.

**) Въ цитиров. отвѣтѣ Лобанову.

***) Louis-Emmanuel-Félicité-Charles Mercier Dupaty (1775—1851 г.г.) былъ напыщенный стихотворецъ и драматургъ, авторъ ямбической поэмы «Délateurs» (1819); въ академію онъ вступилъ въ 1835 г.

****) Joseph-Henri-Joachim vicomte Lainé (1767—1835 г. г.), адвокатъ и политическій дѣятель, замѣчательный ораторъ, не бывъ писателемъ, былъ выбранъ въ Академію въ 1816 г.— Louis-Matthieu comte Molé (1781—1855 г.г.), политическій дѣятель и писатель, въ Академію былъ выбранъ въ 1840 г.

*****) «Современникъ», т. I, стр. 281—282.

******) Извлеченія изъ этого очерка были напечатаны въ «Рѣчи» 1912 г., № 28, «Русс. Старинѣ» 1912 г., январь, 218—229, и апрѣль, 99—108.

*) Эта запись, «Не бѣлинька березонька къ землѣ клонится»... упомянута проф. В. Ѳ. Миллеромъ въ статьѣ «Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ», М., 1899, стр. 31, и напечатана въ IV томѣ настоящаго изданія сочиненій Пушкина, стр. 76.

**) «П-нъ, какъ поэтъ-этнографъ», стр. 29—30.

чинами, представляетъ какъ бы копію старинной боярской и княжеской свадьбы, начиная съ названія молодыхъ княземъ и княгинею. Въ 20-хъ годахъ, когда такія пѣсни записывалъ Пушкинъ, вѣроятно, въ своей деревнѣ, въ Михайловскомъ, вся обрядовая старина крестьянской свадьбы была еще свѣжѣе, чѣмъ въ наши дни, и уже съ этой стороны пушкинская запись представляетъ нѣкоторый интересъ. Но нельзя не отмѣтить и того, что Пушкинъ понималъ необходимость указывать къ какому именно моменту свадьбы пріурочена та или другая пѣсня, т. е. пріемъ, который въ настоящее время нашими этнографическими программами рекомендуется любителямъ, какъ научное требованіе... Едва-ли поэтому мы ошибемся, если предположимъ, что Пушкинъ у себя въ деревнѣ лично наблюдалъ всю обрядовую сторону крестьянской свадьбы и записалъ пѣсни въ связи съ моментами обрядности, какъ и требуетъ этнографическая точность»... «Вѣроятно, впослѣдствіи — прибавилъ В. Ѳ. Миллеръ, — при болѣе точномъ пересмотрѣ всего собранія Кирѣевскаго окажутся и другія пѣсни, кромѣ свадебныхъ, записанныя Пушкинымъ».

Однако, при подготовленіи къ изданію «новой серіи» прежде всего нашлись незамѣченныя раньше пушкинскія записи именно свадебныхъ пѣсенъ *). Приводимъ ихъ здѣсь, какъ переданы онѣ редакторами, но даемъ имъ здѣсь свою нумерацію. (Въ сборникѣ онѣ перемѣшаны съ другими, уже извѣстными). Всѣ онѣ съ излишней категоричностью пріурочены въ «новой серіи» къ Псковской губерніи, даже къ Опочецкому уѣзду, и именно къ с. Михайловскому, правда, не безъ осторожнаго вопросительнаго знака.

I.

Въ банѣ дѣвушки, моя невѣсту, поютъ и пляшутъ, пьютъ и пивомъ поддаютъ. Невѣста между тѣмъ плачетъ голосомъ, приговаривая:

Какъ-то мнѣ будетъ въ чужіе люди идти?
Что какъ будетъ назвать свёкра батюшкой?
А какъ будетъ назвать свекровь матушкой?
Богъ тебѣ судья, свѣтъ мой, родимый батюшка!
Али я тебѣ молодёшенька припаскучила? и пр.

Изъ бани пришедъ, дѣвушки чешутъ ей голову, одѣнутъ, посадятъ за столъ.—Женихъ пріѣзжаетъ со своими холостыми товарищами. Они другъ друга дарятъ.

Въ день свадьбы дѣвушки съ пѣньемъ одѣваютъ её; потомъ сажаютъ одну за столъ передъ блюдомъ, куда всѣ кладутъ деньги, за что она молча кланяется. Потомъ отецъ ея и мать выводятъ её посередь комнаты и начинаютъ благословлять, послѣ чего идётъ невѣста, крестясь, садится, чтобъ ѣхать къ вѣнцу. Всѣ дѣвушки за нею, также крестятся.

II **).

Мимо дворика батюшкина,
Мимо терема матушкина,
Пролегала тутъ дороженька;
Пробѣгалъ тутъ добрый конь;
За конёмъ бѣжитъ добрый молодецъ,
У воротъ стоитъ красна дѣвица.
Какъ возговоритъ добрый молодецъ:
«Перейми коня, красна дѣвица!»
— Мнѣ нельзя перенять коня:
У меня травой ноги спутаны,
Росой глаза замочены. —
Возговоритъ добрый молодецъ:
«Не приманывай, красна дѣвица:
Не травой ноги спутаны,
Не росой глаза замочены:
Ноги спутаны кручинушкой,
Глаза замочены горючьми слезми!»

III.

Когда молодые сидятъ за столомъ, пріѣхавъ отъ вѣнца, то дѣвушки поютъ всѣмъ гостямъ; перваго начинаютъ величать попа.

У попа у батюшки
Золота скуфеюшка;
Низала скуфеюшку
Его молода жена
Александра Ѳедоровна.
Слышишь-ли, батюшка?
Тебѣ пѣсню поёмъ.
Тебѣ честь воздаёмъ;
Мы хотимъ съ тебя даровъ,
Даровъ великіихъ,—
Двѣ гривны золотомъ.

А попъ отвѣчаетъ: «На́те, суки, возьмите въ руки, не корите попа».

IV.

Не стыдно ли вамъ, бояры,
Передъ нами, дѣвками, стояти,
Въ рукахъ шапочки держати?

V.

Поётся вдовѣ.

Княгиня душенька,
Скажи, пожалуй, намъ
Про свою го́стейку!
«У меня свѣтъ го́стейка
Молодая вдовушка,
Вдова моло́дая,
Вдова богомольная:
Всѣ святымъ святителямъ
Богомолилася
О своихъ о дѣтушкахъ».
Слышишь-ли, вдовушка?
Тебѣ пѣсню поёмъ,
Тебѣ честь воздаёмъ.
Мы хотимъ съ тебя даровъ,
Даровъ великіихъ,—
Двѣ гривны золотомъ.

VI.

Величаютъ холостого.

Князёкъ молоденькій,
Лебедёкъ нашъ бѣленькій *),
Скажи, пожалуй, намъ
Про свого гостя намъ!

*) №№ 144, 145, 153—169.

**) См. «Пушк. и его соврем.», XV, 139—140.

*) Дѣвушки обращаются къ молодому.

«У меня свѣтъ гость дорогой
(имя и отчество)
Во любви онъ по́званый,
Во чести́ посо́женый,
За дубовымъ столомъ,
За браной скатертью,
Не женатый Иванушка,
Холостой Михайловичъ.
Холостой завистливый,
Его глазъ уро́чливый.
Выйди, холо̀стенькій,
Выдь къ намъ за завѣсу! *)
Выбери, холо́стенькій,
Кто тебѣ покажется!»
Слышишь ли, гость дорогой?
Мы тебѣ пѣсню поёмъ,
Тебѣ честь воздаёмъ,
Мы хотимъ съ тебя даровъ,
Даровъ великіихъ,—
Двѣ гривны золотомъ.

Имъ подаютъ деньги въ стаканѣ пива, приговаривая:

VII.

Вотъ вамъ, красныя дѣвушки!
Малое примите,
На большомъ не судите.
Денежки принимайте,
Полъ поровняйте **).

VIII.

Величаютъ гостью, какъ дѣвушку, такъ и замужнюю.

Княгиня душенька! ***)
Скажи, пожалуй, намъ
Про свою го̀стейку!
«У меня свѣтъ го́стейка
(имя и отчество)
Во любви по́звана,
Во чести посо́жена,
Хорошо снаряжена:
Серёжки—яхонты,
Лицё разгорѣлося,
Монисты зо́лоты
Шею огру́зили!»
Слышишь ли, гостейка,
Тебѣ пѣсню поёмъ,
Тебѣ честь воздаёмъ,
Мы хотимъ съ тебя даровъ,
Даровъ великіихъ,—
Двѣ гривны золотомъ.

IX.

А у свата сводника
Лихорадка съ бо́лѣстью,
Она съ чёрной немочью,
На печи подъ шубою,
На дворѣ нагишкою!
По морозу босикомъ,
По травѣ нагишёмъ!
Ему чирій въ го́лову,
А другой въ бо́роду,
Третій въ ручушку,
Четвертый въ ноженьку!
У сватушки кудри
На четыре грани,
Его черти драли,
Шу́ты полыскали,
По кучамъ таскали,
Братомъ называли:
Ты, сватушко, братецъ!
Дари, дари дѣвокъ,
Дари, дари красныхъ!
Станешь дари́ти—
Не станутъ кори́ти.

X.

Сватъ, сватъ молодой!
Не бывать тебѣ у насъ,
Не ѣдать киселя!
Не бѣжать тебѣ луго́мъ,
Не др.....ь тебѣ гужёмъ!

XI.

Безтолковый сватушко!
По невѣсту ѣхали,
Въ огородъ заѣхали,
Пива бочку про́лили,
Всю капусту по̀лили.
Вереѣ молилися:
«Верея, верёюшка!
Укажи дороженьку
По невѣсту ѣхати!»
Сватушко, догадайся!
За мошёночку принимайся!
Въ мошнѣ денежки шевелятся,
Онѣ къ дѣвушкамъ норовятся;
А копѣйка ребромъ становится,
Она къ дѣвушкамъ норовится!

XII.

На дѣвичникѣ свата корятъ.

Всѣ пѣсни перепѣли,
Горлушки пересохли!
А сватушко рыжій
По берегу рыщетъ,
Хочетъ удавиться,
Хочетъ утопиться,
Отъ красныхъ дѣвокъ,
Отъ бѣлыхъ лебёдокъ.
Дари, дари дѣвокъ!
Дари лебёдокъ!
Не станешь дарити—
Мы пуще корити!»
Сватушко, догадайся!
За мошёночку принимайся!
Въ мошнѣ денежка шевелится,
Къ краснымъ дѣвушкамъ норовится.

XIII.

Поется на дѣвичникѣ.

Сватушка гость, богатый, торова̀тый,
Онъ съ гривны на гривну ступаетъ,
Онъ рублёмъ воро́ты запираетъ,
Онъ полтиной воро́ты отпираетъ.
Сватушко, догадайся!
За мошёночку принимайся!
Въ мошнѣ денежка шевелится,
Къ краснымъ дѣвушкамъ норовится.

---

*) Дѣвушки сидятъ за занавѣсомъ, продернутымъ черезъ всю избу.

**) Т. е. попляшите. *Примѣчаніе собирателя.*

***) Дѣвушки обращаются къ молодой. *Примѣчаніе собирателя.*

XIV.

Про жениха, какъ взойдетъ къ невѣстѣ.

Какъ сказали-то, Иванушка хорошъ да хорошъ!—
Чёртъ у него, не хорóшество!
Самъ шестòмъ,
Голова пестòмъ,
Уши ножницами,
Руки грáбельками,
Ноги вилочками,
Глаза дырочками
Соловьи́ны-то глаза
По верхàмъ глядятъ;
По верхàмъ глядятъ,
Они каши хотятъ.
Вчера каша сваренá,
Вчера съѣдена была.
Шея-то синя,
Будто въ пéтлѣ была!
Носъ-отъ синь,—
Это свахинъ сынъ!

XV.

Ты, невѣста, передъ кѣмъ стоишь?
Передъ кѣмъ стоишь, на кого глядишь?
Онъ тебѣ чужъ чуженекъ,
У него поросячій душекъ!
Онъ съ кýрами клевалъ,
Съ поросятами ѣдалъ!

XVI.

Эту пѣсню поютъ дѣвушки, гуляя по улицѣ, водя пòдъ руки покровенную невѣсту.

Уже вѐчеръ на дворѣ вечерѣется,
Ужь красное солнушко зá лѣсъ кòтится,
Что частыя-то звѣздочки высыпаются,
У меня-ли молодёшеньки некрасованой
Съ моими лáстушки, сестрицы, милыми подружки.
Я пойду-ли спрошусь у родимой матушки:
«Ты сударыня, родимая матушка!
Не гулять у тебѣ прошуся, не красоватися,
Я развѣить свою кручинушку великую.
Я пойду-ль молодёшенька во чистò поле,
Я ударюсь молодёшенька о сырý землю;
А мы вскрикнемте, сестрицы, громкимъ голосомъ:
Ты раздайся-ли, мать сырà земля!
Ахъ, ты встань, ты встань, родной батюшко *),
Ты приди ко мнѣ, горюшѣ молодёшенькѣ,
На мою-ли на смиренную на бесѣдушку!
Снарядить-то меня горюшу есть кому,
А благословить-то меня нé кому,
Мы взойдемъ-ка ли, сестрицы, въ новыя сѣни,
Мы воскрикнемте, сестрицы, громкимъ голосомъ:
Не шатитесь, не ломитесь, сѣни новыя!
Неужли-жъ я молодёшенька тяжелёшенька
Съ моимъ ластушкамъ, сестрицамъ, милымъ подружкамъ?
Тяжела моя великая кручинушка.
Государыня, родимая матушка!
Отвори-тка свой высóкъ терёмъ!
Не зноби меня горюшу молодёшеньку!
Я и такъ молодёшенька назяблася.
Я сяду молодёшенька подъ окошечкомъ:
Не летитъ-ли мой кормилецъ батюшко?
Мы пойдемте-тка, сестрицы, вдоль по улицѣ;
Вы кладите-тка слѣдочки частёхонько,
Уливайте слѣдочки горючьми́ слезьми́.
Опослѣ пойдетъ родимая матушка:
«Не княгиня тутъ гуляла, не боярыня,
Тутъ ходила, тутъ гуляла чадо милое!»

XVII.

Много, много у сырá дубá
Много вѣтвей и пóвѣтвей,
Только нѣту у сырà дубá
Золотыя вершиночки:
Много, много у княгини души
Много роду, много племени,
Только нѣту у княгини души
Нѣту ея родной матушки:
Благословить есть кому,
Снарядить нéкому *).

XVIII.

Поется сиротѣ.

Ты рѣка ли моя рѣченька,
Ты рѣка ли моя быстрая!
Течешь, рѣчка, не колы́хнешься,
На крутой берегъ не взóльешься,
Желтымъ пескомъ не возмýтишься!
Отчего же мнѣ возмутитися?
Ни дождя нѣту, ни вихорю:
Ахъ ты, умная дѣвица
(имя и отчество),
Что сидишь ты, не улы́бнешься?
Говоришь рѣчи, не усмѣхнешься?
— «Что чему же мнѣ смѣятися?
На что глядя, радоватися?
Полонъ дворъ у насъ подводъ стоитъ,
Полна горница гостей сидитъ.
Ужъ какъ всѣ гости собралися,
Одного-то гостя нѣтъ какъ нѣтъ;
Ужъ какъ нѣтъ гостя милаго,
Моего батюшки родимаго **):
Снарядить-то меня есть кому,
Блáсловить-то меня нéкому;
Что снарядитъ меня родная мать,
Блáсловитъ меня чужой отецъ».

XIX.

Пò меду, мёду по паточному
Плавала чарочка серебряная:
Кто эту чарочку пéренялъ?
Пéренялъ, пéренялъ князь государь,
Подносилъ, подносилъ госпожѣ княжнѣ:
«Выкушай, выкушай, душа госпожа!
Я тебѣ, княгиня, про свой сонъ разскажу:

---

*) Если невѣста не сирота, то, разумѣется, выпускаются стихи, обращенные къ покойному отцу, или замѣняются другими, импровизированными. *Прим. собир.*

*) Благословляетъ обыкновенно отецъ, снаряжаетъ мать. *Прим. собир.*

**) Если жъ молодая круглая сирота, то поется:

Ужъ какъ нѣтъ гостей милыихъ:
Моего батюшки родимаго,
Моей матушки родимой. *Прим. собир.*

Будто у насъ середь широ́ка двора
Будто у насъ разстилалась трава;
По травкѣ гуляетъ па́вынька,
Па́вынька—па́вынька княгиня душа».

Пояснительныя ремарки принадлежатъ, конечно, Пушкину (въ № I, напримѣръ, ясно виденъ его слогъ), а «примѣчанія собирателя»—П. В. Кирѣевскому, который, быть можетъ, руководствовался при этомъ опять-таки указаніями Пушкина (напр., въ №№ VI, XVIII).

Великій поэтъ воспользовался своею жатвой свадебныхъ пѣсенъ, когда писалъ вторую сцену «Русалки». Въ ней сватъ обращается къ дѣвушкамъ:

Али всѣ пѣсенки вы перепѣли?
Аль горлышки отъ пѣнья пересохли?

Эти слова напоминаютъ начало пѣсни № XII. Насмѣшливая пѣсня, которою отвѣчаетъ свату хоръ, почти дословно сходится съ пѣснями №№ XI и XII, особенно съ первой,—только въ драмѣ она болѣе отдѣлана. Прибавлены два стиха («Сватушка, сватушка» и «Тыпу поклонилися»); послѣдніе два стиха хора почти буквально (за исключеніемъ отброшеннаго предлога «Къ») повторяютъ заключеніе пѣсни № XII, а всѣ остальные—точное повтореніе № XI. Отвѣтъ свата хору: «На, на, возьмите, не корите свата», напоминаетъ отвѣтъ попа величающимъ его дѣвушкамъ (послѣ пѣсни № III): «нате... возьмите... не корите попа». Зловѣщая пѣсня, которую затягиваетъ на княжеской свадьбѣ одинокій голосъ: «По камушкамъ, по желтому песочку»..., въ началѣ своемъ повторяетъ образы и выраженія пѣсни № XVIII. Пѣсня, въ которой хоръ дразнитъ свата (№№ XI и XII), болѣе всѣхъ другихъ подходитъ къ самостоятельнымъ произведеніямъ Пушкина въ народномъ духѣ; быть можетъ, на нее-то и намекалъ поэтъ, щеголяя своей виртуозностью и предлагая Кирѣевскому отличить, что «смастерилъ» онъ самъ, отъ неподдѣльнаго народнаго творчества. Если такія мѣста, какъ «у тебѣ» *), «развѣить» (въ № XVI) дѣйствительно такъ и записаны Пушкинымъ, то ими особенно подчеркивается то уваженіе и вниманіе, съ которыми Пушкинъ прислушивался къ народной рѣчи. Картинное выраженіе: «монисты золоты шею огрузили» (въ № VIII) врѣзалось въ память Пушкина, и онъ хотѣлъ имъ воспользоваться при переиздаціи своей «Сказки о рыбакѣ и рыбкѣ», гдѣ въ стихѣ: «жемчуги окружили шею» исправилъ (на поляхъ печатнаго экземпляра III-ей части своихъ «Стихотвореній») сказуемое: «огрузили» **). Пѣсня № X редакторами изданія не введена въ текстъ, а приводится въ предисловіи (стр. LXXII); она попала въ число «нехорошихъ», т.-е. неприличныхъ, но она записана Пушкинымъ и принадлежитъ къ тѣмъ свадебнымъ, въ которыхъ заключаются обычныя насмѣшки надъ скуповатымъ сватомъ.

Разсматривавшій бумаги Кирѣевскаго Н. Трубицынъ («Народныя пѣсни, записанныя Пушкинымъ»—«П. и его соврем.», XV) въ своихъ дополненіяхъ къ цитированной выше статьѣ Миллера возстанавливаетъ (стр. 139, 140—142), на основаніи замѣчаній Кирѣевскаго, съ приблизительной точностью одну пушкинскую запись, находящуюся въ той самой тетради, гдѣ записана пѣсня «Мимо дворика батюшкина»... (см. выше, № II). Приводимъ эту запись, продолжая принятую нами нумерацію.

*) Въ первомъ изданіи третьей главы «Онѣгина», стр. V, 1827 г., было:

Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ,
Какъ *у* Вандиковой Мадон*ъ*.

**) См. «П-нъ и его совр-ки», IX—X, 83.

XX.

Тёща про зятюшку злобничала,
Злобничала и пирогъ пекла.
Испекла пирогъ въ двенадцать рублей:
Солоду, муки на четыре рубля,
Ягодовъ, изюму на́-восемь рублей.
«Этотъ пирогъ семерымъ не съѣсть!»
Зять-отъ сѣлъ, да присѣстомъ съѣлъ.
«Какъ тебя, зятюшку, не пе́рервало!»

2.

Отъ издающаго «новую серію» «Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ» Общества любителей россійской словесности и отъ редактирующаго это изданіе профессора М. Н. Сперанскаго я получилъ позволеніе опубликовать нѣсколько пушкинскихъ записей народныхъ пѣсенъ, находящихся въ собраніи П. В. Кирѣевскаго, за что приношу глубокую благодарность какъ уважаемому Обществу, такъ и профессору Сперанскому, обнаружившему ихъ въ бумагахъ незабвеннаго собирателя. О всѣхъ ихъ, кромѣ одной: «Ахъ ты, молодость, моя молодость»..., г. Сперанскій упоминаетъ въ предисловіи къ первому выпуску новой серіи, стр. XLVII, LXXI — LXXII. Эти записи особенно важны тѣмъ, что позволяютъ установить до извѣстной степени точно время и мѣсто данныхъ этнографическихъ наблюденій Пушкина и приближаютъ къ разрѣшенію общій вопросъ о территоріальныхъ и хронологическихъ предѣлахъ его занятій народнымъ творчествомъ. Воспроизводятся записи въ томъ порядкѣ, въ какомъ находятся онѣ въ систематизированномъ собраніи Кирѣевскаго. Принятая нумерація продолжается.

XXI.

Авдотья вдовина
По бережку ходила,
Правой рукой махала:
А свѣтъ моя сторона, сторона,
Никольская слобода,
На ней тебѣ не бывать, не живать,
Пивца, винца не пивать,
Калачиковъ не ѣдать.
Злодѣй Ванька воръ побѣдна голова *)
Кличетъ Дуньку изъ воротъ въ огородъ,
Сорветъ Дунька лопушокъ
Подъ самый корешокъ.
Сошьетъ Дунькѣ сарафанъ.
Китаичный голубой,
Снурочикъ-отъ павили́чная трава,
А питочки ковылокъ, ковылокъ,
А пуговки репеёкъ, репеёкъ.
Гдѣ не́—взялся таракапъ,
Проѣлъ Дунькѣ сарафанъ

*) На стр. 30-й книги А. Ѳ. Вельтмана «Пѣснь ополченію Игоря Святославича»..., М., 1833, Пушкинъ приписалъ (см. «Пушк. и его соврем.», IX—X, 21):

Ты побѣдный добрый м[олодецъ]
Безталанная головушка.

Надъ самою надъ дырой,
А дядюшка Митрофанъ
Зашей Лунькѣ сарафанъ
Китаичный голубой.

XXII.

Калина, калина!
На заднiемъ порядкѣ *),
Подъ горою три солдатки:
Одна Настька, друга̀ Машка,
Какъ третiя Наташка.
Повадилась Наташка
Во Царёвъ кабакъ ходить,
Зелено̀е вино пить,
Цѣловальника любить:
Цѣловальникъ молодой,
Проводи меня домой
По улицѣ мостовой,
По дорожкѣ столбовой
До кроватки тесово̀й,
До перинки пухово̀й.
На перинѣ дѣвица,
Лежитъ она, нѣжится,
Лицё разгорѣлося.
Чего захотѣлося?
Не надо мнѣ, матушка,
Ни мёду, ни сахару,
Ни сладкiихъ яблочковъ,
Ни медовыхъ пряничковъ.
Приведи-ка, матушка,
Татарина съ скрыпкою,
Мордвина̀ съ волынкою,
Холосто̀ва съ дудками.
На Бо̀лдинскомъ на плоту **)
Она мыла, полоскала,
Фату въ воду опускала.
Милый фаточку ловилъ,
Кафтанъ съ шубою сронилъ:
Она губушки надула,
Пошла къ старостѣ на думу
И къ бурмистру на разсуду:
Какъ что староста-то скажетъ,
И бурмистръ-отъ что прикажетъ?
Ты поставься-ка въ попы!
Какъ и что это за попокъ
Въ сарафанѣ, безъ портокъ.

XXIII.

Я вечёръ, вечёръ, добрый мо̀лодецъ,
Вечёръ загулялся,
Я со любушкой, со своей сударушкой,
Долго застоялся;
Я тайнаго ласкова словечка
Отъ ней дожидался.
Ничего-то моя сударушка
Она мнѣ не сказала,
Только сказала моя сударушка
Грубое словечко;
«Ты отстань, отстань, добрый мо̀лодецъ,
«Отстань по охотѣ, —
«Не отстанешь ты по охотушкѣ,
«Отстань по неволѣ».
Тосковалъ-то я, добрый мо̀лодецъ,
Ровно три годочка,
Что никто, никто по добромъ мо̀лодцѣ
Никто не потужитъ,
Что ни батюшка, ни матушка,
Ни жена молодая,
Что потужитъ ли, погорюетъ ли
Красная дѣвица,
Что назва̀ная моя прежняя
Милая сестрица!

XXIV.

Уродился я несча̀стливъ, безталанливъ,
Приневолили меня, малёшенька женили.
Молода была жена, я глупенекъ;
Сталъ я молодцемъ, жена стала старенька.
Полюбилась мнѣ молодка молодая,
Изсушила мое сердце ретивое.
Какъ вечёръ меня молодка огорчила,
Мнѣ несносную насмѣшку насмѣяла:
«Отступися, мнѣ сказала, отвяжися,
«У тебѣ *) своя жена, съ ней и цѣлуйся».
Во бору ли, во сыромъ ли, стукъ-трескъ:
Бурлачки сосну̀ подрубливаютъ,
Подрубливаютъ, поваливаютъ,
Изъ сыра бора по лугу̀ волокутъ,
По крутому бѐрежку покатываютъ.
Середь лодочки устапавливаютъ,
Тонкiй парусъ навѣшиваютъ,
Уплываютъ внизъ по Волгѣ по рѣкѣ.
Вы постойте, добры мо̀лодцы, погодите,
Вы съ собой меня возьмите посадите,
Разлучѝте съ опостылой со женою.

XXV.

Ахъ ты молодость, моя молодость,
Не видалъ я тебя, когда ты прошла,
Когда ты прошла, когда миновалася,
Живучи съ женой не съ корыстною.
Не продать мнѣ жену, не промѣнять ее,
Что ни братцу, ни товарищу.
Я пойду ли самъ крутымъ бережкомъ,
Я найду ль себѣ повыхъ плотничковъ,
Новыхъ плотничковъ, корабельщичковъ.
Я сострою новъ тесовъ корабль
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Тонкихъ, бѣлыхъ, полотняныихъ.
Я спущу корабль на сине море,
Посажу ли жену свою барыню,
Отпущу ли жену въ свою сторону.
А я самъ пойду на круту гору,
Посмотрю ли я на сине море:
А ужь корабль бѣжитъ—какъ соколъ летитъ,
А жена-то сидитъ точно барыня.
Ужь я вскрикну ли громкимъ голосомъ:
— «Воротись, жена моя барыня,
«А мы будемъ жить лучше прежняго,
«А я буду любить лучше стараго».
— «Не обманывай ты, распостылый мужъ:
«Что не грѣть солнцу зимой противъ лѣтняго,
«Не свѣтить мѣсяцу лѣтомъ противъ зимняго,
«Не любить тебѣ меня пуще прежняго» **).

---

*) «Порядокъ» здѣсь значитъ—сторона улицы, рядъ домовъ.

**) Во II записи, повидимому, соединены двѣ пѣсни; вторая начинается стихомъ:
«На Болдинскомъ на плоту».

*) См. выше, запись № XVI, стихъ 8.

**) Ср. конецъ: «Яныша-Королевича» («Пѣсни Западныхъ Славянъ»):
«Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,
«Противъ милой жена не утѣшитъ».

XXVI *).

Ужь какъ нонѣшніе люди,
Они молоды лукавы,
Съ измалѣнька вороваты;
Не видавши много видятъ,
Не слыхавши много слышатъ.
Какъ сказали про дѣвицу
Напрасную небылицу:
Будто я, красна дѣвица,
Во всю темну ночь не спала,
Въ зеленомъ саду гуляла,
Сладко вишенье щипала,
(Показалось дѣвкѣ мало)
Виноградомъ забавляла,
На бѣлое блюдо клала,
Въ Итальянскій платъ вязала;
За ворота выходила,
Извощичка нанимала,
Извощичка молодого,
Не женатаго, холостого:
Вези меня поскорѣе,
Чтобы люди не видали,
Сосѣдушки не слыхали,
Моему батюшкѣ не сказали.
Мой батюшко очень грозенъ,
Посадилъ меня въ темницу:
Ни дверей нѣтъ, ни окошекъ,
Одна труба, да мала.
Ахъ ты, батюшко родимый!
Проруби ты мнѣ окошко
На правую на сторонку,
Куда милый гулять ходитъ,
Добра коня поить водитъ.

XXVII.

Долина долинушка,
Раздолье широкое.
На той на долинушкѣ
Ничто не родилося:
Ни грибки, ни ягодки,
Ни чёрна смородина,
Только уродилася
Рощица зелёная.
Изъ-за той ли рощицы
Заря занималася,
Заря занималася,
Солнце выкаталося.
Грѣетъ, грѣетъ солнушко
Зимой не по-лѣтнему:
Любитъ, любитъ миленькій,
Любитъ не по-прежнему,
Любилъ все обманывалъ,
Другу подговаривалъ:
Поди, поди, дѣвица,
За меня замужъ,
За меня, за молодца,
За парня холостова.
Нейду, нейду, дѣвица,
Нейду, не подумаю.
Кого же мнѣ, дѣвицѣ,
Полюбить будетъ?
Полюбить холостова,—
Холостъ скоро женится;
Полюбить женатаго,—
Жена-то разсердится.
Полюблю я, дѣвушка,
Солдата гвардейскаго:
Солдатъ въ походъ пойдетъ,
Дѣвицу съ собой возьмётъ.

*) Къ VI-ой записи Кирѣевскій приписалъ варіантъ, встрѣчающійся «въ нѣкоторыхъ пѣсенникахъ», и замѣчаніе, что конецъ ея (отъ стиха «Мой батюшко очень грозенъ»)—«очевидно изъ другой пѣсни».

Привожу также списокъ «разгульныхъ» пѣсенъ, составленный, по словамъ Кирѣевскаго Пушкинымъ *). Для чего составилъ Пушкинъ этотъ списокъ, неизвѣстно. Надо думать, онъ хотѣлъ сообщить Кирѣевскому, какія пѣсни были ему извѣстны или имъ собраны, и едва-ли всѣ онѣ понадобились Кирѣевскому. Если сопоставить списокъ, въ который, надо помнить, вошли только пѣсни веселаго содержанія, съ тѣми отголосками народнаго пѣсеннаго творчества, которые слышатся въ пушкинской поэзіи, нельзя достаточно надивиться этому бережному и любовному вниманію къ творчеству народа.

Мучительно завидовавшій Пушкину, недоброжелательно къ нему относившійся Н. М. Языковъ писалъ 16 декабря 1831 г. своему брату Ал—дру Мих—чу: «Пушкинъ говоритъ, что онъ сличилъ донынѣ напечатанныя русскія пѣсни и привелъ ихъ въ порядокъ и сообразность, зане вѣдь онѣ издавались безъ всякаго толку; но онъ, кажется, хвастаетъ» **). Пушкинъ, конечно, не хвасталъ, а, вѣроятно не закончилъ этой работы, слѣды которой можно видѣть въ нижеслѣдующемъ спискѣ «разгульныхъ» пѣсенъ (Несомнѣнно, ему были извѣстны и всевозможныя пѣсни другого рода).

1) Ходилъ Ваня по лужечку.
2) Я по жёрдочкѣ шла.
3) Ахъ, деревня отъ деревни.
4) Не летай, мой соловей.
5) Наша Дуня не точетъ, не прядетъ.
6) Во лѣску, во лѣску текла рѣчка по песку.
7) Дѣвушки вино курили.
8) Противъ солнца на востокѣ.
9) Я вечеръ, молода, во пиру была.
10) Какъ по улицѣ идетъ молодецъ.
11) Сѣяли дѣвушки ярый хмѣль.
12) Свѣти, свѣтелъ мѣсяцъ.
13) Борозда моя, бороздочка.
14) Въ воскресенье на рыночекъ ходила.
15) Сгорѣло мое сердечушко.
16) Ахъ ты, Грунюшка Груняша, Груня ягода моя.
17) Я млада...
18) Разыгрался Юрьевъ конь.
19) Ужъ какъ люди въ людяхъ-то живутъ.
20) Всѣ домой, всѣ домой.
21) Во полѣ рябинушка стояла.
22) Сколько мнѣ браженьки ни пити.
23) Во лугахъ, во зеленыхъ лугахъ.
24) У воротъ дѣвка стояла съ молодцемъ.
25) При зарюшкѣ, при зарѣ.
26) Возлѣ Дону, возлѣ Дону.
27) Ужъ и чей это терёмъ, побывалъ бы я въ немъ.
28) Мимо саду, мимо зелена садочку дорожка лежала.

*) М. Н. Сперанскій, «П. В. Кирѣевскій и его собраніе пѣсенъ», вступительная статья къ «новой серіи», вып. I, стр. LXXI.—Повтореніе въ спискѣ нѣкоторыхъ заглавій указываетъ, можетъ быть, на варіантныя записи нѣкоторыхъ пѣсенъ.

**) «Ист. Вѣст.» 1883 г., XII, 533—534.

29) Зима моя, зима непогожая.
30) На что было горо́дъ городить.
31) Не путемъ Ваня гуляетъ, трехъ дѣвушекъ любитъ.
32) Бѣлая моя, чернобровая моя.
33) Бѣлильцы румяницы мои.
34) Журушка журавель.
35) Молодушка молода.
36) Воробьюшка воробей.
37) У нашего сосѣда.
38) Васильюшка рыбачёкъ.
39) Ходитъ Васинька горой.
40) За рѣкой, рѣкой.
41) Не пора ли, не пора ли намъ домой.
42) У насъ по улицѣ, у насъ по широкой.
43) За рѣкою, за рѣкою солдатъ сѣно коситъ.
44) Какъ у вдовушки-вдовицы.
45) На улицѣ ромода.
46) Породила меня мати недоноска.
47) Въ го́родѣ городу́.
48) По лугу я, дѣвица, гуляла.
49) Во лугахъ, лугахъ, лугахъ, во зелёныхъ лугахъ.
50) Прошелъ козелъ за лыками.
51) Ту́ру ту́ру пастушёкъ.
52) При улицѣ, при широкой.
53) Чарочки по столику похаживаютъ.
54) Думай, моя головушка, да не продумайся.
55) Ты, Настя, Настюшка моя.
56) Авдотья вдовина.
57) На горѣ, горѣ.
58) Голосистой пѣтушокъ.
59) Калина, калина.
60) Какъ но́пече куры.
61) Ахъ ты матушка, голова болитъ.
62) Шелъ козелъ мостомъ.
63) Какъ во городѣ было во Казани.
64) Ягода моя, ягода виноградная.
65) Охъ ты, ёжъ.
66) Пошла наша Дуня ленкомъ побираться.
67) Сидитъ птичка во садку.
68) За рѣкою диво.
69) Шла Анюта по воду́.
70) Какъ по тра́вѣ, какъ ходачъ гуляетъ.
71) Полоса моя, полосынька.
72) Тараканъ дрова рубилъ.
73) Охъ ты зять мой, зятюшко.
74) Ахъ ты, Катинька Катюша.
75) Какъ подъ яблонью.
76) Какъ кума-то къ кумѣ въ рѣшетѣ приплыла.
77) Смолоду младешенька гульлива я была.
78) Ахъ, гдѣ жена была, гдѣ сударыня была.
79) Во саду былъ орѣшникъ.
80) Возлѣ рѣки Москва-рѣчки.
81) Таня по́ полю ходила, бѣлу пшёнушку полола.
82) Какъ у нашихъ у воротъ.
83) Ахъ ты бражка, ты бражка, ты сычепая.
84) Сколько мнѣ бражки ни пити.
85) Я вечёръ млада.

Пѣсню XXIV можно считать не простою записью, а либо передѣлкой народной пѣсни, либо даже оригинальнымъ произведеніемъ въ народномъ духѣ, возникшимъ, конечно, подъ вліяніемъ народныхъ поэтическихъ и бытовыхъ мотивовъ. По крайней мѣрѣ, первые десять стиховъ скорѣе принадлежатъ Пушкину, чѣмъ народу, и, быть можетъ, эта пѣсня изъ тѣхъ, о которыхъ великій поэтъ говорилъ великому знатоку: «Разберите-ка, которыя поетъ народъ, и которыя смастерилъ я самъ». Сохранился въ бумагахъ Пушкина набросокъ записи, начинающейся словами: «Уродился я, бѣдный недоносокъ»... *). Въ имѣющейся у насъ копіи этой записи есть стихъ: «Недоростка меня бѣднаго женили»... Характерно, что, переводя съ сербскаго, для «Пѣсенъ западныхъ славянъ», пѣсню «Соловей», Пушкинъ или не понялъ сербскаго текста: «Ме није мајка оженила млада» (то есть «мать не женила меня»...), или нарочно измѣнилъ жалобу добраго молодца:

Какъ ужъ первая забота,—
Рано молодца женили...

Этого русскаго «бытового явленія», обычнаго въ тѣ времена, Пушкинъ не забылъ, описывая нравы обитателей села Горохина. «Мужчины женятся обыкновенно на тринадцатомъ году на дѣвицахъ двадцатилѣтнихъ. Жены били своихъ мужей въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ. Послѣ чего мужья начинали бить женъ; и такимъ образомъ, оба пола имѣли свое время власти, и равновѣсіе было соблюдено». «Вообще»—находилъ Пушкинъ («Мысли на дорогѣ»)—«несчастіе жизни семейственной есть отличительная черта въ нравахъ русскаго народа. Шлюсь на русскія пѣсни: обыкновенное ихъ содержаніе — или жалобы красавицы, выданной замужъ насильно, или упреки молодого мужа постылой женѣ. Свадебныя пѣсни наши унылы, какъ вой похоронный».

Принято думать, что Пушкинъ записывалъ пѣсни только въ Михайловскомъ (1824—1826 г. г.). Кирѣевскій, которому онъ доставилъ свои записи безъ обозначенія, гдѣ онѣ собраны, думалъ, что «вѣроятно, онъ записалъ ихъ у себя въ деревнѣ въ Псковской губерніи». Несомнѣнно, нѣкоторыя пѣсни были записаны Пушкинымъ дѣйствительно въ Михайловскомъ, но что касается до воспроизведенныхъ во второй главѣ настоящаго очерка, то ихъ можно съ полною увѣренностью датировать временемъ не раньше знаменитой «дѣтородной» осени 1830 г. **) и, во всякомъ случаѣ, тридцатыми годами. Это соображеніе, высказанное мною вскользь въ газетной статьѣ, подтверждается болѣе вѣскими и обстоятельными доводами знатока русской географіи и этнографіи, лично знакомаго какъ разъ съ тѣми мѣстами, гдѣ находится Болдино, Р. Д. Семенова Тянъ-Шанскаго, любезно сообщившаго мнѣ ихъ.

«Пушкину»—говоритъ Р. Д. Семеновъ-Тянъ-Шанскій—«принадлежало село Малое Болдино (рядомъ съ которымъ есть еще и Большое Болдино); это въ Лукояновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, вблизи границы Ардатовскаго уѣзда, Симбирской губерніи.

Болдино—село русское, но кругомъ немало мордовскихъ деревень и селъ. Мордва здѣсь въ общемъ довольно сильно обрусѣла: православные, говорятъ по-русски, мало отличаются бытомъ, хотя между собой говорятъ по-мордовски, а мѣстами и

*) См. «Пушкинъ и его современники», IV, 23.—Ср. выше, въ спискѣ «разгульныхъ пѣсенъ» № 46, и въ пѣсенникѣ Чулкова пѣсню «Недоноска меня матушка родила»... (Соч. М. Д. Чулкова, изд. академіи наукъ, I, 631—632.

**) Въ первый разъ Пушкинъ побывалъ въ Болдинѣ осенью 1829 г., но очень недолго («Труды и дни Пушкина», изданіе 2-е, стр. 198; «Пушкинъ и его современники», I, 86).

до сей поры сохранили свои костюмы, которые надѣваютъ въ праздники. Русскіе все-же ихъ отличаютъ, присоединяя къ собственнымъ именамъ и фамиліямъ (производнымъ отъ собствен. именъ) прозвище «Мордвинъ».

Немало въ этой мѣстности и татарскихъ селеній; какъ разъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ, по рѣчкѣ Пьяной въ Сергачскомъ уѣздѣ, Нижегород. губ., и до самаго Васильсурска тянется сплошная полоса татарскихъ селеній. Татары сюда проникли должно быть въ XV вѣкѣ. Эта татарская окраина Нижегородской губерніи, болѣе сосредоточенная, чѣмъ мордовскія ея селенія, не чувствуя себя еще русскимъ краемъ, въ половинѣ XVII в. разыграла видную роль въ исторіи возстанія Стеньки Разина, но нынѣ ее можно считать порядочно обрусѣвшей, хотя татары не забыли своего языка и остаются мусульманами.

Въ предѣлахъ Лукояновскаго уѣзда въ 1670 г. происходили стычки передовыхъ отрядовъ правительственныхъ войскъ кн. Юрія Алексѣевича Долгорукова съ шайками Стеньки Разина *), увѣнчавшіяся успѣхомъ правительства. Все это показываетъ, что мѣстность эта въ свое время не представляла изъ себя такого уголка, какъ теперь, и вліяніе близкаго сосѣдства съ Волгой, съ главнымъ пристанищемъ «вольницы»—Самарской лукой и Жигулями, должно было сказываться и въ характерѣ быта, и въ пѣсняхъ.

Что пѣсня XXII записана не въ Псковской губерніи, а въ Болдинѣ, доказывается не только встрѣчающимся въ ней наименованіемъ «Болдинскаго плота», но и упоминаніемъ «Мордвина съ волынкой» (между прочимъ, и теперь среди мордовцевъ имѣются музыканты, приглашаемые играть въ торжественныхъ случаяхъ и къ русскимъ) и «татарина съ скрыпкой». Наконецъ, весь характеръ пѣсни болѣе подходитъ къ окраинной сторонѣ—къ Поволжью, чѣмъ къ исконному русскому псковскому гнѣзду.

Позволю себѣ высказать, что и XXI пѣсня записана Пушкинымъ въ Болдинѣ, такъ какъ здѣсь упоминается о «ковылкѣ», т. е. ковылѣ, котораго въ Псковской губерніи не знаютъ; напротивъ, въ Лукояновскомъ уѣздѣ эта степная трава встрѣчается, и ея бѣлыя нитевидныя пряди во время цвѣтенія характерны, и сравненіе ихъ съ нитками очень тонко какъ поэтическій образъ.

Почти безъ всякаго сомнѣнія можно утверждать, что пѣсни XXIV и XXV—тоже болдинскія или того времени, когда Пушкинъ ѣздилъ черезъ Волгу въ Оренбургскій край собирать матеріалы для «Исторіи Пугачевскаго бунта» **). За то, что эти пѣсни относятся къ болдинскому пребыванію Пушкина, говоритъ ихъ колоритъ, характерный для средняго Поволжья и Жигулей. Здѣсь упоминаются и сосна на высокомъ берегу и то, что разочарованный молодецъ уходитъ къ поволжской вольницѣ, какъ извѣстно, имѣвшей свои притоны въ Жигуляхъ, слѣдовательно, не такъ далеко отъ юго-восточнаго угла Нижегородской губерніи.

*) Пушкинскія записи пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ относятся, судя по черновымъ тетрадямъ поэта, къ двадцатымъ годамъ. *Н. Л.*

**) «Уральскихъ пѣсенъ, обѣщанныхъ передъ отъѣздомъ туда», — писалъ П. В. Кирѣевскій П. М. Языкову 17 января 1834 г.,— «онъ, кажется, ни одной не привезъ; по крайней мѣрѣ мнѣ не присылалъ» («Истор. Вѣстн.» 1883, декабрь, 538—539). См., впрочемъ, запись «Уральски казаки»...

Пушкинъ старательно изучалъ русскую пѣсню, какъ научно образованный этнографъ, а, какъ поэтъ и вѣрный сынъ народа, онъ чувствовалъ ея элегическую тоску, ея буйный размахъ, ея умный и добрый юморъ *), ея горячія слезы **). И, быть можетъ, незамѣтно для себя, сливаясь съ народнымъ моремъ, онъ самъ создавалъ тѣ образцы, которые трудно было отличить отъ «настоящихъ» даже такому признанному судьѣ, какъ Петръ Кирѣевскій. Послѣдній высоко цѣнилъ знанія Пушкина въ этой области и писалъ въ 1832 г. Н. М. Языкову, что Пушкинъ «намѣренъ какъ можно скорѣе издавать русскія пѣсни, которыхъ у него собрано довольно много». Кирѣевскій собирался даже послать Пушкину копію съ своего собранія ***), очевидно, отдавая ему преимущество, но Пушкинъ, занятый другими заботами и трудами, раздумалъ издавать народныя пѣсни, и Кирѣевскій съ усиленной энергіей самъ взялся за это дѣло; Пушкинъ тогда обѣщалъ ему написать къ сборнику свое предисловіе ****). Трудно рѣшить, когда Пушкинъ передалъ Кирѣевскому свои записи, но въ февралѣ 1831 года князь П. П. Вяземскій «съ жадностію слушалъ высказываемое Пушкинымъ своимъ друзьямъ мнѣніе о.... звучности народнаго русскаго стиха. Тутъ же я услыхалъ, что Пушкинъ обратилъ свое вниманіе на народное сокровище, коего только часть сохранилась въ сборникѣ Кирши Данилова, что имѣется много чудныхъ, поэтическихъ пѣсенъ доселѣ неизданныхъ, и что дѣло это находится въ надежныхъ рукахъ Кирѣевскаго» *****). Быть можетъ, Пушкинъ передалъ Кирѣевскому свои записи не сразу, а по частямъ, вѣроятно, въ теченіе 1834—1836 г.г.

Хотя нѣкоторыя приведенныя и названныя пѣсни извѣстны въ старыхъ пѣсенникахъ и преимущественно въ записяхъ многихъ собирателей, но со всѣми ими необходимо при изученіи Пушкина считаться, такъ какъ великій поэтъ ихъ записывалъ и пользовался ими какъ поэтическимъ матеріаломъ и образцами народнаго языка, а иногда передѣлывалъ ихъ и самъ творилъ въ ихъ духѣ. Много разсѣяно въ его поэзіи отраженій народнаго творчества. Вотъ, между прочимъ, одно изъ раннихъ, никѣмъ до сихъ поръ не отмѣченное. Восхитительный набросокъ (1821 г.) «Въ твою свѣтлицу...», повидимому, навѣянъ популярной народной пѣсней ******). П. А. Шляпкинъ *******) указываетъ на весьма вѣроятную связь комическихъ стиховъ «Женись. На комъ?...» съ лубочной картинкой на тему «Разсужденіе холостого человѣка о женитьбѣ».

Н. Лернеръ.

*) Однажды, скучая на придворномъ балѣ, онъ казалъ:

«Неволя, неволя — боярскій дворъ:

«Стоя наѣшься, сидя наспишься». («Русс. Арх.» 1889, III, 124). Ср. «Пушк. и его соврем.», IX—X, 97.

**) Пушкинъ интересовался и малорусскими народными пѣснями и «обиралъ» сборникъ М. А. Максимовича («Русск. Арх.» 1874, II, 1058, 1070—1071).

***) «Истор. Вѣст.» 1883, декабрь, 535—536.

****) Ibid., 538.

*****) «Русск. Арх.» 1884, II, 416.

******) См. «Современникъ» 1836 г. № 1, стр. 140 (Бар. Е. Ѳ. Розенъ, «О риѳмѣ»); «Великорусскія народныя пѣсни», изд. А. Н. Соболевскаго, т. VII, № 737.

*******) «Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», стр. 22.

ПУШКИНЪ КАКЪ ИСТОРИКЪ.

(Общая характеристика).

I.

Несмотря на громадную литературу о Пушкинѣ, его репутація, какъ историка, до сихъ поръ остается подъ знакомъ вопроса.

Наиболѣе распространеннымъ мнѣніемъ, кажется, является то, которое признаетъ Пушкина историкомъ тамъ, гдѣ онъ не хотѣлъ быть имъ, и отказываетъ ему въ этомъ наименованіи тамъ, гдѣ онъ, какъ разъ, выступалъ въ качествѣ «строгаго историка»: въ «Капитанской дочкѣ» Пушкинъ настоящій историкъ, а «Исторія Пугачевскаго бунта» —или «длинное историческое примѣчаніе» къ этому роману, или «докладная записка» о мятежѣ, написанная главнымъ образомъ для императора Николая I. Словомъ, на разные лады дается понять, что собственно въ исторической области Пушкинъ не далъ, да и не могъ дать ничего замѣчательнаго. Но правильно ли такое мнѣніе о Пушкинѣ? Едва ли. Во всякомъ случаѣ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, снисходительно-отрицательное отношеніе къ историческимъ начинаніямъ Пушкина оказывается слишкомъ преувеличеннымъ, утрированнымъ...

Бѣда заключается въ томъ, что Пушкинъ самъ повредилъ себѣ, какъ историку, тѣмъ, что былъ великимъ поэтомъ и художникомъ слова. Историческія начинанія Пушкина невольно разсматривали сквозь призму его значенія въ области поэзіи и литературы и неизбѣжно видѣли въ немъ, какъ историкѣ, нѣчто очень незначительное, маленькое. Но это своего рода оптическій обманъ. Если желаешь правильно оцѣнить Пушкина, какъ историка, надо на минуту забыть о Пушкинѣ, какъ поэтѣ, помня только одно: поэты родятся, историки дѣлаются. Поэзія и художественная литература—родная стихія Пушкина, онъ въ ней по таланту безпредѣленъ и не этотъ колоссъ долженъ вспоминаться, когда мы говоримъ о Пушкинѣ, какъ историкѣ, а современные ему историки: тогда будетъ ясно, что обычная гримаса при сужденіи о Пушкинѣ-историкѣ не имѣетъ за собой ничего, кромѣ традиціоннаго недоразумѣнія, психологически, впрочемъ, вполнѣ естественнаго...

«Историки дѣлаются»... Пушкинъ не успѣлъ сдѣлаться историкомъ, вполнѣ достойнымъ своего великаго имени, ибо онъ умеръ въ томъ возрастѣ (около 38 лѣтъ), который для историковъ нашего времени считается «молодымъ» и ознаменовывается нерѣдко лишь первымъ солиднымъ выступленіемъ предъ ученой публикой,—обыкновенно съ магистерской диссертаціей, словомъ, въ возрастѣ «начинающаго ученаго»; но нашъ дивный поэтическій геній своими начинаніями въ области исторіи и своимъ «первымъ историческимъ опытомъ», явившимся, къ несчастію, и послѣднимъ, доказалъ, что у него были всѣ данныя, чтобы современемъ сдѣлаться выдающимся ученымъ историкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Уже въ самыхъ родовыхъ воспоминаніяхъ Пушкина заключалась почва, на которой вырабатывалась въ немъ склонность къ исторіи. Извѣстное участіе одного изъ предковъ Пушкина по отцовской линіи въ событіяхъ Смутнаго времени могло привлекать вниманіе поэта къ этой весьма сложной эпохѣ русской исторіи, въ высшей степени для него интересной и по другимъ, болѣе серьезнымъ мотивамъ, какъ психологическимъ, такъ и политическимъ *). Своеобразная роль, которую игралъ его предокъ по материнской линіи Ибрагимъ Ганнибалъ при Петрѣ I, невольно вызывала въ Пушкинѣ стремленіе изучить и воспроизвести знаменательную эпоху Преобразованія. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ, что и безъ воспоминаній о «черномъ» прадѣдѣ невозможно было пройти мимо личности и дѣя-

*) Объ этомъ есть статьи въ настоящемъ изданіи, см. выше, т. II,—о драмѣ Пушкина «Борисъ Годуновъ».

тельности перваго русскаго императора, особенно въ такое время, когда еще очень живо чувствовалось вѣяніе той бурной эпохи, и казалось, что тѣнь державнаго плотника еще царитъ надъ построенной имъ столицей, особенно такому человѣку, какимъ былъ Пушкинъ, съ поразительной яркостью воспринимавшій историческія воспоминанія, ощущавшій запахъ, слышавшій голоса и шаги далеко отошедшей, былой жизни... Но, несмотря на это, едва ли можно отрицать и то обстоятельство, что оригинальный «крестникъ» Петра I явился однимъ изъ поводовъ того очарованія, какое производила на Пушкина величавая фигура «на тронѣ вѣчнаго работника»: вѣдь именно около «арапа Петра Великаго» наиболѣе реально и рельефно были сгруппированы несравненнымъ мастеромъ-художникомъ характеристическія черты преобразовательной эпохи.

Если въ родовыхъ воспоминаніяхъ предъ умственнымъ взоромъ потомка-поэта вставали образы болѣе или менѣе отдаленнаго русскаго прошлаго, то тѣ впечатлѣнія, которыя шли отъ юношескихъ лѣтъ Пушкина, тѣмъ болѣе воспитывали въ немъ вкусъ къ исторіи. Только что пережитая народами Европы эпоха была полна драматизма, необыкновеннаго движенія, центральное мѣсто въ которомъ занимала уже окруженная обаятельной легендой, поражавшая воображеніе личность маленькаго императора, кидавшаго лучи своей ослѣпительной славы на многихъ второстепенныхъ историческихъ героевъ недавняго прошлаго... Наполеонъ и его чудная, какъ бы подчиненная какимъ-то велѣніямъ рока, съ мрачнымъ, трагическимъ концомъ, судьба властно заставляли безконечно-чуткаго Пушкина, равно какъ и другихъ мыслящихъ современниковъ, углубляться и вдумываться въ историческую жизнь, создающую по временамъ такихъ необыкновенныхъ феноменовъ, не то чародѣевъ, не то полубоговъ, «сверхчеловѣковъ», какимъ романтическому воображенію представлялся бывшій властитель Европы, надолго превратившійся во властителя думъ ея поэтовъ, художниковъ и историковъ.

Воспитавшись въ атмосферѣ, пропитанной историческими воспоминаніями и недавними глубокими впечатлѣніями, Пушкинъ, такимъ образомъ, не могъ не любить исторіи: напротивъ, изъ всѣхъ отраслей знанія исторія явилась для него самой интересной, излюбленной. Но Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ одаренъ пламеннымъ темпераментомъ, жилъ онъ въ эпоху романтизма, которому самъ отдалъ неизбѣжную дань; мудрено ли, послѣ того, что въ исторіи Пушкинъ прилѣплялся ко всему выходящему изъ общаго уровня и обычнаго теченія жизни, ко всему отмѣченному силой, мощью, героизмомъ, ко всему, соединяющемуся съ движеніемъ, шумомъ, кровью, словомъ—съ широко развертывающейся трагедіей человѣческой жизни... Отсюда объясняется извѣстное пристрастіе Пушкина къ такимъ историческимъ личностямъ, какъ Стенька Разинъ, Пугачевъ, Борисъ Годуновъ, Петръ Великій, Мазепа, Суворовъ, Наполеонъ, у которыхъ, при всей разницѣ ихъ положеній и дарованій, есть то общее, что всѣ они люди необыкновенные, сильные своей активностью, способные поразить воображеніе толпы и дать ей пищу для созданія о нихъ болѣе или менѣе живописной легенды. Отсюда понятно и то, что эпохи борьбы и великихъ народныхъ движеній были эпохами, на которыхъ особенно любила останавливаться мысль Пушкина. Но, размышляя объ этихъ эпохахъ, онъ на первомъ планѣ ставилъ личность и при томъ въ какомъ-либо отношеніи героическую личность, которая такъ или иначе направляла или даже создавала событія, давала тотъ или другой смыслъ эпохѣ. Пушкинъ былъ такимъ же поэтомъ героическаго, трагическаго въ жизни, какимъ младшій его современникъ Гоголь былъ поэтомъ пошлаго, комическаго. Если у Гоголя, напр., личность Наполеона оказалась пригодной лишь для того, чтобы впутать ее въ исторію Чичикова, то у Пушкина личность «великаго изгнанника» является, какъ море, въ ореолѣ мрачнаго величія, подернутаго, какъ осеннимъ туманомъ, безысходною скорбью... Въ представленіи Пушкина Наполеонъ—это сломленная сила, ассоціирующаяся съ величественной стихіей природы: предъ этой силой можно только преклоняться съ благоговѣніемъ и грустью, чувствами, исключающими возможность помѣщенія Наполеона въ какую-нибудь комическую концепцію. Наполеонъ не то, что его «соперникъ» Александръ I, въ которомъ, по тонкому наблюденію Пушкина, «было много дѣтскаго»,—этотъ

> Властитель слабый и лукавый,
> Плѣшивый щеголь, врагъ труда,
> Нечаянно пригрѣтый славой...

Въ немногихъ словахъ—предъ нами цѣлый историческій образъ, болѣе, кажется, соотвѣтствующій дѣйствительному, чѣмъ

тотъ, который получается, если принять замѣчанія нѣкоторыхъ современныхъ намъ историковъ о чуть ли не мефистофелевскихъ свойствахъ «слабаго» монарха, о его необыкновенно проницательныхъ «дипломатическихъ ходахъ» и «твердости» въ разъ принятомъ имъ направленіи... Силою своего художественнаго генія Пушкинъ постигалъ людей и, конечно, онъ сумѣлъ бы надлежащимъ образомъ прочитать и понять недавно обнародованную переписку Александра I, лишь подтверждающую на нашъ взглядъ пушкинское мнѣніе о «Благословенномъ». Для Пушкина было вполнѣ ясно, что не вслѣдствіе настойчивости послѣдняго, а «силою вещей мы очутилися въ Парижѣ» *); Александръ же тоже сыгралъ свою роль въ европейской исторіи: «прусскій и австрійскій» онъ «сшилъ себѣ мундиръ». Преклоняясь предъ такими личностями, какъ Наполеонъ, Пушкинъ съ оттѣнкомъ презрѣнія относился къ слабовольнымъ историческимъ «дѣятелямъ», къ числу коихъ онъ относилъ Александра I**), который, несомнѣнно, обладалъ нѣкоторыми привлекательными свойствами, какъ частный человѣкъ, но не имѣлъ ни твердости характера, ни крѣпкой убѣжденности въ исповѣдуемомъ имъ, ни надлежащей проницательности касательно результатовъ создававшихся политическихъ конъюнктуръ, не имѣлъ, слѣдовательно, свойствъ, столь необходимыхъ для государя... Пушкинъ, поклонникъ сильнаго, героическаго, не могъ отнестись къ такому историческому лицу иначе, какъ иронически, а отсюда и небольшая утрировка въ изображеніи Александра, въ его психологической сущности понятаго поэтомъ совершенно правильно. Эта утрировка явилась какъ бы местью Пушкина Александру, но не за гоненія, какія онъ принялъ отъ него, а за то, что тотъ не по заслугамъ, а «нечаянно» сдѣлался «главой царей». Это совершенно противорѣчило раздѣляемой Пушкинымъ доктринѣ о томъ, что главнѣйшій двигатель исторіи—личность, ея воля.

II.

Историческое міровоззрѣніе Пушкина образовалось главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Карамзина. При чрезвычайно живомъ, ясномъ и находчивомъ умѣ, Пушкинъ не могъ рабски относиться къ знаменитому исторіографу. Онъ прекрасно видѣлъ односторонность его «Исторіи», — и въ пору своего молодого либерализма остроумно осмѣялъ ея политическую схему въ блестящей, всѣмъ извѣстной, эпиграммѣ; онъ полагалъ, что Карамзинъ, будучи «Колумбомъ» русской исторіи, хронологически первымъ русскимъ историкомъ, въ то же время былъ послѣднимъ русскимъ лѣтописцемъ, т.-е. повѣствователемъ, еще не разорвавшимъ съ архаическими, наивными пріемами исторіографіи. Мы не говоримъ о слогѣ и тонѣ «Исторіи Государства Россійскаго»: Пушкинъ, разумѣется, не былъ плѣненъ характеромъ карамзинскаго изложенія, и ироническое отношеніе къ нему создатель небывалой до него простоты поэтической и прозаической рѣчи могъ только раздѣлять. Но при всемъ томъ Пушкинъ былъ ученикомъ Карамзина, умнымъ ученикомъ, умѣвшимъ критиковать своего учителя, но знавшимъ наряду съ его недостатками и его достоинства, заслуги. Высота, на которую Пушкинъ ставилъ карамзинскія заслуги, не позволила ему разсмотрѣть сильныя стороны попытки Полевого замѣнить «Исторію Государства Россійскаго» «Исторіей русскаго народа», и Пушкинъ прошелъ мимо новыхъ идей, выдвигаемыхъ европейской исторіографіей: 1) идеи изученія исторіи народа, создавшаго и самое государство, и 2) идеи извѣстной закономѣрности въ общемъ ходѣ исторіи. Какъ для Карамзина, такъ и для Пушкина основное содержаніе исторіи опредѣлялось волей отдѣльныхъ лицъ и сцѣпленіемъ случайностей, а при такомъ воззрѣніи почти не оставалось мѣста для представленія о закономѣрномъ историческомъ процессѣ, въ которомъ главную роль играютъ массовые интересы, а личность и случай дѣлаютъ лишь своеобразный рисунокъ по намѣченнымъ основными жизненными факторами линіямъ. Въ сознаніи Пушкина первое мѣсто занималъ именно историческій рисунокъ, и имъ почти совершенно закрывались тѣ главные пути, по которымъ двигалась историческая жизнь. Нигдѣ Пушкинъ не высказалъ такъ рельефно вѣры въ господство личной воли и случайности въ исторіи, какъ въ своей замѣткѣ объ эпизодѣ съ Лукреціей, предшествовавшемъ учрежденію римской республики, или точнѣе о томъ, что было бы, если бы этотъ эпизодъ кончился не трагично, а какъ-

*) «Пушкинъ и его современники», вып. XVI. СПБ 1913. Стр. 9.

**) Подобнымъ образомъ представляли себѣ Александра и другіе замѣчательные его современники, въ томъ числѣ и Наполеонъ (см., напр., «Русск. Стар.» 1912 г., кн. V, 431—437; «Голосъ Минувшаго», 1913, III—Записки А. В. Подопіо, 118 и др.; Записки Д. Н. Свербеева, II, 419—424).

нибудь иначе (напр., по-нулински?): «Лукреція бы», говоритъ Пушкинъ, «не зарѣзалась», «Публикола не взбѣсился бы, и міръ и исторія міра были бы не тѣ». Такъ размышляла надъ исторіей вообще старая историческая школа, къ которой принадлежалъ, вслѣдъ за Карамзинымъ, и Пушкинъ. Случайности въ исторіи не отрицаетъ и новая историческая школа, но она не придаетъ ей такого могучаго, рѣшающаго значенія. Пушкина постоянно занимала мысль о томъ, что было бы при иномъ сцѣпленіи случайностей, при появленіи иныхъ лицъ, а не тѣхъ, которыя появились,—и онъ возвышался до представленія объ «общемъ ходѣ вещей», до признанія, на основаніи этого, возможности «глубокихъ предположеній, часто оправданныхъ временемъ»; но, справедливо полагая, что «человѣческому уму» «невозможно предвидѣть случая», Пушкинъ «случаю» придавалъ преувеличенное значеніе. Въ этомъ отношеніи онъ рѣзко отличался отъ такихъ европейскихъ историковъ его времени, какъ Гизо, которые уже приступили къ изученію историческихъ процессовъ и къ нимъ, а не къ личностямъ и «случаямъ» сводили главнѣйшее содержаніе исторіи. Пушкинъ не отрѣшился еще вполнѣ отъ теологическаго взгляда на человѣческую жизнь, говоря, что «Провидѣніе не алгебра», и вѣрилъ, что тѣ лица, напр., «Наполеонъ» или «Полиньякъ», появленія коихъ «никто не могъ предсказать», именно и двигали историческую жизнь по своему усмотрѣнію, тогда какъ, по болѣе новымъ воззрѣніямъ, они сами двигались ею.

Примыкая къ карамзинской школѣ и раздѣляя нѣкоторыя воззрѣнія одного изъ ближайшихъ ея представителей, московскаго историка Погодина, Пушкинъ былъ убѣжденъ, что «Россія никогда ничего не имѣла общаго съ остальною Европою, что исторія ея требуетъ другой мысли, другой формулы, чѣмъ мысли и формулы, выведенныя Гизотомъ изъ исторіи христіанскаго Запада». Это было высказано въ 1830 году въ той же статьѣ (посвященной разбору «Исторіи русскаго народа»), изъ которой мною были приведены цитаты, характеризующія взглядъ Пушкина на «случай» въ исторіи *). Съ этими идеями Пушкинъ и умеръ, но ничто намъ не ручается, что онъ остался бы съ ними, если бы пожилъ и поработалъ въ области исторіи подольше.

*) Сочиненіе Пушкина, настоящее изданіе С. А. Венгерова, IV, стр. 545.

Напротивъ, имѣются серьезныя основанія предполагать, что въ дальнѣйшемъ Пушкинъ, какъ историческій мыслитель, сильно двинулся бы впередъ и всталъ бы въ уровень съ современными ему успѣхами исторической науки, въ частности—философіи исторіи. Думать такъ мы имѣемъ право прежде всего потому, что Пушкинъ, сверхъ его любви къ историческому чтенію (о чемъ свидѣтельствуетъ его библіотека, обстоятельно описанная Б. Л. Модзалевскимъ), былъ чрезвычайно даровитъ и въ качествѣ историческаго мыслителя. Это бросалось въ глаза не одной Смирновой, приходившей въ восторгъ отъ бесѣдъ великаго поэта на историческія и политическія темы. И признанные историки-спеціалисты обращали на способность Пушкина къ исторіи свое вниманіе, въ которомъ едва-ли можно усматривать одну любезность: «у васъ такая бездна критическаго ума», сказалъ однажды Пушкину историкъ Барантъ; «для васъ исторія не есть только рядъ фактовъ, событій, а нѣчто гораздо большее». Понятенъ поэтому совѣтъ Сперанскаго Пушкину—«писать исторію своего времени» *).

III.

И то, что подмѣчали въ нашемъ великомъ поэтѣ касательно его отношенія къ исторіи болѣе или менѣе замѣчательные его современники, было глубоко справедливо. Пушкинъ въ теченіе всей жизни тяготѣлъ къ исторіи, и поэтическое творчество его проникнуто историческимъ элементомъ. Много разъ указывали на геніальную способность Пушкина постигать заинтересовавшую его эпоху или страну въ ея бытовомъ колоритѣ и въ особенностяхъ душевнаго склада ея людей, постигать интуитивно, безъ особо кропотливаго изученія соотвѣтствующихъ источниковъ,—и, конечно, въ этомъ указаніи много правды. Дѣйствительно, Пушкинъ, по темнымъ преданіямъ, по «немногимъ словамъ», дошедшимъ до него, по обрывкамъ воспоминаній, по какому-нибудь обломку старины, все равно матеріальному или духовному, по которому равнодушно скользитъ взглядъ обыкновеннаго человѣка, возсоздавалъ давно умершую жизнь и возсоздавалъ такъ, что будто-бы авторъ самъ былъ современни-

*) В. С. Иконниковъ, «Историческія воззрѣнія Пушкина», отдѣльн. оттискъ журн. «Военно-Истор. Вѣстн.» 1911 г., стр. 8.

комъ описываемаго, что онъ видѣлъ этихъ, давно истлѣвшихъ въ могилахъ, людей, слышалъ ихъ и понялъ, какъ они думали и чувствовали. Настоящей живой водой было воображеніе Пушкина для умершей жизни: она оживала подъ его перомъ и являлась предъ изумленнымъ взоромъ читателя съ подлиннымъ своимъ лицомъ. Подобно тому, какъ «поэтъ» Гёте «чувствовалъ травъ прозябанье», какъ ему была «звѣздная книга ясна и съ нимъ говорила морская волна», такъ и Пушкинъ «чувствовалъ» давно исчезнувшее общество, ему ясна была его психологія, съ нимъ говорила старина раздѣльными голосами разнообразныхъ своихъ представителей. Этой геніальной способности легко проникать въ историческую эпоху Пушкинъ главнымъ образомъ и обязанъ, что создалъ такіе шедевры, какъ «Борисъ Годуновъ», «Мѣдный всадникъ», «Капитанская дочка», «Каменный гость», «Скупой рыцарь» и длинный рядъ другихъ твореній, въ которыхъ чувствуется пульсъ чуждой Пушкину, но интуитивно постигнутой имъ жизни. Все это болѣе или менѣе извѣстно и не оспаривается. Но сказаннымъ вопросъ далеко не исчерпывается,—въ дѣлѣ постиженія Пушкинымъ историческихъ эпохъ и характеровъ участвовала не одна художественная интуиція. Въ весьма значительной степени надо признать и предварительное и при томъ весьма тщательное изученіе эпохъ и историческихъ лицъ, заинтересовавшихъ нашего поэта. И въ этомъ изученіи онъ является предъ нами уже настоящимъ историкомъ.

IV.

Такъ, напр., извѣстно, съ какимъ вниманіемъ Пушкинъ отнесся къ изученію Смутнаго времени и, въ частности, личности и роли Бориса Годунова, прежде чѣмъ приступить къ созданію своей безсмертной драмы. Едва ли даже надо останавливаться на этомъ, хорошо установленномъ въ пушкинской литературѣ, положеніи; необходимо только отмѣтить, что знанія поэта по означенной эпохѣ отличались и обширностью и продуманностью. Присяжный историкъ Погодинъ признавалъ это за Пушкинымъ, и они оба неразъ ожесточенно, часами, спорили по вопросу о личности и дѣятельности Бориса Годунова, въ оцѣнкѣ котораго пріятели радикально расходились. Напечатанная Погодинымъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (за 1829 г.) статья «объ участіи Годунова въ убіеніи царевича Дмитрія» встрѣчена была Пушкинымъ съ весьма острымъ интересомъ. Мало того, что онъ «цѣлые два часа протолковалъ» съ Погодинымъ, стремясь доказать, что историкъ не правъ въ своей попыткѣ реабилитировать Годунова, — Пушкинъ дома засѣлъ за погодинскую статью и, продолжая горячо оспаривать автора, сдѣлалъ тутъ же, на книжкѣ журнала, длинный рядъ замѣчаній и разнаго рода отмѣтокъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ хорошо Пушкинъ былъ оріентированъ въ затрагиваемыхъ статьей вопросахъ.

Приведемъ нѣкоторые примѣры. Такъ, на слова Погодина: «Димитрій родился отъ седьмаго брака Іоаннова, и по тогдашнимъ понятіямъ едва ли имѣлъ право на престолъ, по крайней мѣрѣ неоспоримое»— Пушкинъ пишетъ: «Смотри всѣ лѣтописи, гдѣ объ незаконности Дмитрія нигдѣ не упомянуто, напротивъ». Ироническія восклицанія Погодина по поводу карамзинскаго повѣствованія объ ядѣ, оказавшемся недостаточнымъ для царевича, опять заставляютъ Пушкина сослаться на «лѣтописцевъ», а юмористическій вопросъ Погодина: «существуютъ ли такіе злодѣи, которые согласны дать скрупулъ мышьяку, а не драхму», исторгаетъ у Пушкина лаконическую отповѣдь: «шуточки», пишетъ поэтъ. Пишетъ онъ и болѣе рѣзкія слова на тѣ или другія заявленія Погодина: «глупость», «вздоръ»; но эти отмѣтки, свидѣтельствуя объ экспансивности поэта, однако, не доказываютъ его легкомыслія: Пушкинъ въ одномъ мѣстѣ зачеркнулъ слово «глупость» и написалъ не оцѣнку, а возраженіе, въ данномъ случаѣ, очевидно, найдя первоначально написавшееся слово несправедливымъ. Ясно, что, при всей кипучести своего темперамента, Пушкинъ вдумывался въ статью, желая не обидѣть ея автора, а самому себѣ подтвердить, что Погодинъ ошибается, впадаетъ въ «противорѣчіе» *) съ самимъ собой въ потугахъ оправдать Годунова въ убійствѣ. Пушкинъ въ этомъ

*) Погодинъ пишетъ: «Можно-ли сказать утвердительно, что Борису необходимо нужна была смерть Дмитрія. Нельзя ли, наоборотъ, предположить, что Борисъ готовилъ ему смерть политическую, а не настоящую?» Это Пушкинъ подчеркнулъ и написалъ: «противурѣчіе». Это же слово Пушкинъ написалъ и противъ фразы Погодина, подчеркнувъ слова, набранныя разрядкой: «согласимся (самая трудная уступка), что Борисъ своими мѣрами хотѣлъ показать народу, будто и живой Дмитрій ему не опасенъ».

вопросѣ раздѣлялъ взглядъ Карамзина, на котораго онъ и ссылается въ своихъ разсматриваемыхъ сейчасъ замѣткахъ, но раздѣлялъ вполнѣ сознательно, самостоятельно изучивъ первоисточники эпохи—лѣтописи и др.

Эти замѣчанія *) наглядно показываютъ, что Пушкинъ, увлеченный историческими образами Смутнаго времени, сроднился съ нимъ и былъ хозяиномъ въ этой области. Удивительно ли послѣ того, что Пушкинъ о людяхъ и событіяхъ Смуты говорилъ авторитетно, и къ его сужденіямъ внимательно прислушивался спеціалистъ и съ нимъ считался? И сужденія Пушкина въ этой сферѣ нельзя счесть отсталыми: вопросъ о томъ, виновенъ или невиновенъ Борисъ въ угличскомъ дѣлѣ, и до сихъ поръ остается вопросомъ, и предположительное рѣшеніе его въ томъ же смыслѣ, какъ у Пушкина, возможно и въ настоящее время, при всей новѣйшей литературѣ о Смутномъ времени. Сверхъ того, геніальная проникновенность Пушкина дала ему возможность и въ его время (какъ это указалъ еще К. Н. Бестужевъ-Рюминъ) понять перваго самозванца,—«основныя черты» его характера, «въ высокой степени симпатическаго» **).

V.

По мѣрѣ того, какъ Пушкинъ мужалъ, мысль его все чаще и чаще—и съ повышеннымъ интересомъ—останавливалась на историческихъ темахъ. Исполинская фигура Петра Великаго была центромъ, отъ котораго отправлялись историческія размышленія Пушкина и къ которому они возвращались. «Государство», ради коего работалъ Петръ I, и въ дальнѣйшемъ находило себѣ выдающихся «слугъ», отдававшихъ на служеніе той же идеѣ свои недюжинныя дарованія, но оно же (наличное государство) создавало попрежнему и ярыхъ противниковъ себѣ. Къ числу первыхъ, конечно, принадлежалъ славный генералиссимусъ Суворовъ, личность и дѣятельность котораго настолько интересовали Пушкина, что онъ рѣшилъ написать прежде всего его «исторію»; но, собирая матеріалы для этой «исторіи», Пушкинъ пожелалъ имѣть и получилъ и тѣ изъ нихъ, которые должны были выставить услугу Суворова государству въ дѣлѣ побѣды надъ Пугачевымъ. Эти послѣдніе матеріалы увлекли Пушкина, и тѣмъ скорѣе, что Пугачевымъ онъ давно интересовался *), и изъ этой эпохи у него былъ задуманъ романъ; увлеченіе же вновь представившейся исторической темой объ одномъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ потрясателей государства не замедлило выразиться въ написаніи Пушкинымъ, вмѣсто «Исторіи Суворова», яко бы «отрывка» изъ нея—«Исторіи Пугачева», которая, такимъ образомъ, явилась первымъ историческимъ опытомъ нашего поэта. Въ немъ впервые Пушкинъ выступилъ передъ публикой въ качествѣ ученаго историка. Чтобы по достоинству оцѣнить это выступленіе и первый научно-историческій трудъ Пушкина, надо принять во вниманіе цѣлый рядъ условій общаго и частнаго свойства. Въ другомъ мѣстѣ **) мы достаточно подробно разсмотрѣли эти условія; не желая повторяться, мы здѣсь ихъ лишь перечислимъ, но зато остановимся на характеристикѣ этого пушкинскаго произведенія.

VI.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что политическія и общественныя условія того времени, когда Пушкинъ писалъ свою «Исторію Пугачева», были неблагопріятны для вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія и освѣщенія этого вопроса. Цензурный гнетъ былъ безграниченъ и тяготѣлъ надъ самыми умѣренными представителями печатнаго слова. По отношенію къ Пушкину цензоромъ являлся самъ императоръ Николай, который, если и пропускалъ нѣкоторыя произведенія, не имѣвшія шансовъ пройти чрезъ сложную систему установленной цензуры, то все же бдительно стоялъ на стражѣ каждой пушкинской фразы, каждаго слова. Тема о Пугачевѣ была рискованной темой: слишкомъ долго она находилась подъ правительственнымъ замкомъ вмѣстѣ съ относящимися къ ней документами,—и Пушкинъ, не «смѣвшій», какъ онъ самъ говоритъ, «распечатать» подлинное дѣло о Пугачевѣ «безъ монаршаго на то соизволенія», но пріобрѣтшій для этой темы частные

*) Б. Л. Модзалевскій, «Архивъ опеки надъ дѣтьми и имуществомъ Пушкина въ Музеѣ А. А. Бахрушина». С.-Петербургъ, 1910 г., стр. 58—71.

**) Ibid., 72.

*) Сочиненія Пушкина, изд. Имп. академіи наукъ, Переписка, I, 144.

**) Сочиненія Пушкина, изд. Импер. ак. наукъ, см. мой комментарій («Примѣчанія») къ «Исторіи Пугач. бунта», стр. 4—46.

матеріалы и получившій бумаги изъ архивовъ военнаго министерства, какъ будто бы въ обходъ «Пугачева», для исторіи Суворова, а потомъ обработавшій всѣ скопившіеся у него источники въ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Исторія Пугачева», сомнѣвался, что оно будетъ пропущено императоромъ Николаемъ въ печать *): до того правительство пріучило авторовъ бояться вызывать предъ взоры публики мятежныя тѣни даже прежнихъ временъ. Само собою понятно, что при такой авторской психологіи, опредѣляемой всѣмъ политическимъ строемъ и режимомъ, Пушкинъ и могъ дать въ своемъ сочиненіи о Пугачевѣ только внѣшнюю исторію предпріятія самозванца и борьбы съ нимъ правительства. Такъ неизбѣжно опредѣлялась тема о Пугачевѣ въ николаевскую эпоху не только по политическимъ, но и по соціальнымъ мотивамъ, обусловливаемымъ наличностью крѣпостного права. Императоръ Николай, хотя и не сочувствовалъ послѣднему, но, управляя страной чрезъ дворянство и все время чувствуя себя на соціально-политическомъ вулканѣ, не желалъ ссориться съ первымъ сословіемъ, боялся послѣдняго, т.-е. крестьянства, а также и всѣхъ его друзей, дѣлалъ изъ крѣпостного вопроса государственную тайну и не допускалъ его выясненія въ печати, столь неизбѣжнаго и въ сочиненіи о пугачевскомъ мятежѣ. Уже по одному этому такое сочиненіе явилось бы съ существеннѣйшимъ пробѣломъ,—безъ картины тѣхъ соціально-экономическихъ условій, которыя создали пугачевщину, какъ необходимо вытекающее изъ нихъ закономѣрное явленіе народной исторіи. Но въ данномъ случаѣ внутренняя политика не разошлась ни съ историческимъ, ни съ соціальнымъ міровоззрѣніемъ автора. Мы уже выше констатировали, что Пушкинъ былъ историкомъ старой школы. Для него исторія была не изслѣдованіемъ причинъ событія, заключающихся въ общихъ соціально-экономическихъ условіяхъ жизни, а разсказомъ о лицахъ и совершавшихся по ихъ волѣ дѣйствіяхъ, слѣдовательно, о сцѣпленіи всевозможныхъ случайностей: послѣднія были, но могли и не быть,—и тогда «ходъ исторіи былъ бы не тотъ». Для Пушкина пугачевское возстаніе было «мятежемъ, начатымъ горстью непослушныхъ казаковъ, усилившимся по непростительному нерадѣнію начальства»,—и только, т.-е. печальною случайностью екатерининскаго царствованія, которую бдительное начальство легко могло бы парализовать своевременно принятыми мѣрами. Отсюда понятно, почему главнѣйшимъ предметомъ сочиненія Пушкина являются Пугачевъ и его сообщники: въ нихъ—причина движенія; дѣйствія противъ мятежниковъ—другая составная часть сочиненія: въ нихъ—и причина усиленія бунта, и причина его прекращенія. Къ тому же Пушкинъ полагалъ, что «военныя дѣйствія» противъ Пугачева, при томъ до тѣхъ поръ «малоизвѣстныя», будутъ интересны для императора Николая. Такъ теоретическій взглядъ Пушкина на исторію совпадалъ съ его практическими соображеніями. Хорошо извѣстно, въ какихъ политическихъ и матеріальныхъ тискахъ находился великій поэтъ со времени своей женитьбы. Личное положеніе Пушкина связало его съ дворомъ желѣзною и золотою цѣпями, т.-е. «милостивымъ» цензорствомъ (надъ его сочиненіями) самого Николая и разнаго рода субсидіями, получаемыми поэтомъ отъ правительства. Пушкинъ, честный и благородный Пушкинъ, съ наивностью генія чувствовалъ себя глубоко обязаннымъ верховной власти за получаемое, тогда какъ предъ нимъ были всѣ кругомъ виноваты и прежде всего высокій неискренній, боявшійся и нелюбившій его, покровитель. И Пушкинъ не зналъ, чѣмъ отблагодарить этого покровителя, чѣмъ заплатить ему!... Составляя предисловіе къ «Исторіи Пугачевскаго бунта», Пушкинъ написалъ: «Новѣйшая наша исторія спасена Николаемъ I» *), но это было уже слишкомъ,—и фраза, къ чести Пушкина-историка, была зачеркнута. Тѣмъ не менѣе, къ тому времени, когда Пушкинъ писалъ «Исторію Пугачева», могущественная жизнь въ значительной мѣрѣ задавила въ поэтѣ его прежніе радикальные политическіе взгляды и вольнолюбивыя мечты **): онъ уже далеко отошелъ отъ своихъ друзей—декабристовъ... Онъ не желалъ и не могъ быть «холопомъ», по временамъ показывалъ воочію, кто онъ такой, и заставлялъ высокаго покровителя тѣмъ болѣе держаться насторожѣ; но въ

*) «Переписка А. С. Пушкина», изд. Импер. ак. наукъ, III, 196.

*) Рукоп. Румянц. Музея, № 2390.

**) См., напр., въ «Историческихъ замѣчаніяхъ» Пушкина, полностью впервые напечатанныхъ С. А. Венгеровымъ, характеристику самодержавія (Настоящ изд., IV, 475).

общемъ Пушкинъ былъ уже очень умѣренный либералъ въ области политики, а по отношенію къ крѣпостному вопросу въ немъ остался уже просто «добрый баринъ», сторонникъ гуманныхъ отношеній между помѣщиками и ихъ «подданными», не торопившійся, однако, съ освобожденіемъ хотя-бы и «по манію царя». Поэтому вполнѣ естественно, Пушкинъ безъ особаго усилія надъ собою могъ проявить въ своемъ сочиненіи о Пугачевѣ чисто-сословное, дворянское отношеніе къ бунтовавшимъ тогда народнымъ массамъ, именуемымъ въ пушкинской «Исторіи», согласно дворянскимъ источникамъ, нерѣдко «сволочью». Такимъ образомъ все, лежавшее и внѣ, и внутри Пушкина, сходилось къ тому, чтобы «Исторія Пугачева» получилась въ благонамѣренномъ видѣ, не расходящемся съ «видами правительства»; и, дѣйствительно, въ ней не нашлось ничего оппозиціоннаго, ничего, въ чемъ послышалось бы горячее сочувствіе угнетенному крестьянству. Императоръ Николай пропустилъ «Исторію» и даже разрѣшилъ заимообразную субсидію (въ количествѣ 20,000 р.) на ея напечатаніе. Но... тѣмъ не менѣе, высокій цензоръ, сдѣлавшій какія-то, оставшіяся неизвѣстными, отмѣтки при чтеніи этой «Исторіи», нашелъ,—и это сдѣлалось извѣстнымъ потомству — что заглавіе сочиненія неудобно, не соотвѣтствуетъ роли главнаго героя: заглавіе—«Исторія Пугачева» было зачеркнуто императоромъ, и онъ собственноручно начерталъ: «Исторія Пугачевскаго бунта», замѣтивъ, что «преступникъ, какъ Пугачевъ, не имѣетъ исторіи». Не будемъ слишкомъ строги къ Пушкину за общее направленіе его перваго историческаго труда: даже послѣ цензуры Николая, обезвредившей заглавіе этого сочиненія, оно министру народнаго просвѣщенія гр. Уварову все-таки представлялось «возмутительнымъ»...*)

Не будемъ также слишкомъ строги и къ чисто-фактической сторонѣ этого сочиненія, ибо, по условіямъ своей семейной жизни, нуждаясь матеріально, Пушкинъ былъ связанъ временемъ, торопился **), а это обстоятельство, конечно, неблагопріятно отразилось на его изслѣдованіи.

*) Дневникъ Пушкина, въ настоящ. изданіи, V, 450.

**) Переписка, III, 51—55, 84, 93, 101, 102, 106; 114—118, 120, 124—128, 133—135, 141—143, 151—157, 160, 164, 179. См. также въ упомянутыхъ выше нашихъ «Примѣчаніяхъ» къ «Исторіи Пугач. бунта» для акад. изд. Сочин. Пушкина, 43—46.

VII.

И нѣкоторые современники, и новѣйшіе историки указывали, что у Пушкина было мало матеріаловъ для исполненія даже его задачи—изложить исторію Пугачева. Но это справедливо только въ томъ случаѣ, если мы забудемъ о положеніи даннаго вопроса до Пушкина, т.-е. забудемъ исторіографическую точку зрѣнія, единственно научную въ такого рода оцѣнкахъ.

Надо помнить, что русская историческая литература о пугачевщинѣ почти-что начинается съ Пушкина. То, что было до него, является скорѣе матеріалами для этого вопроса, при томъ крайне скудными, чѣмъ историческими работами. Достаточно указать, что самымъ лучшимъ изъ того, что раньше было писано о Пугачевѣ на русскомъ языкѣ, Пушкинъ считалъ—и справедливо — «Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова», написанныя его сыномъ, а въ нихъ пугачевщина лишь эпизодически входитъ въ біографію Александра Ильича Бибикова и обрывается на томъ моментѣ ея, когда кончается жизнь этого дѣятеля, обрывается до превращенія казацко-инородческаго бунта въ настоящую жакерію, т.-е. до самаго опаснаго момента возстанія. За неимѣніемъ сколько-нибудь полныхъ русскихъ сочиненій о Пугачевѣ, приходилось обращаться къ иностраннымъ, и Пушкинъ нѣкоторыми изъ нихъ не преминулъ воспользоваться для своего труда. Но иностранныя сочиненія, нѣкоторыя изъ коихъ давали правильное общее объясненіе главнѣйшей причины мятежа и вѣрное изображеніе иныхъ частностей, преимущественно военныхъ,—въ большинствѣ случаевъ грѣшили многими ошибками, извращеніями и легендами, принимавшимися за дѣйствительныя происшествія. Необходимо было документальное изложеніе исторіи Пугачевскаго мятежа по русскимъ источникамъ. Такого изложенія не существовало,—и Пушкину предстояло начать дѣло почти на пустырѣ, къ тому же въ значительной мѣрѣ заповѣдномъ...

Чтобы построить на такомъ мѣстѣ зданіе, надо было, разумѣется, прежде всего, пріобрѣсти подходящіе для того матеріалы. Первые изъ нихъ попали къ Пушкину довольно случайно — для темы не о Пугачевѣ, а о Суворовѣ; но потомъ Пушкинъ, видимо, увлекшись представившейся возможностью написать строго-историческій трудъ о Пугачевѣ, уже нароч. то сталъ со-

бирать матеріалы для этой темы. Если не прилагать къ этому пушкинскому предпріятію позднѣйшей мѣрки и сравнивать его съ тѣмъ, что было тогда извѣстно о Пугачевѣ въ русской печати, то можно согласиться съ Пушкинымъ, что ему удалось собрать «множество матеріаловъ». Кромѣ печатныхъ источниковъ,—русскихъ и иностранныхъ,—въ его распоряженіи были рукописные, дотолѣ неизвѣстные, а именно: 10 книгъ, относящихся къ Пугачевскому бунту,—(и между ними «рапорты генералъ-аншефа Бибикова, князя Голицына и графа Суворова-Рымникскаго»)—изъ архивовъ инспекторскаго департамента военнаго министерства *), чрезвычайно важная лѣтопись Рычкова, составленная по оффиціальнымъ документамъ и частнымъ извѣстіямъ, неизданныя записки И. И. Дмитріева, матеріалы Д. Н. Бантыша-Каменскаго, какъ-то: 1) біографія Пугачева, 2) біографіи нѣкоторыхъ другихъ лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ исторіи Пугачевскаго мятежа и 3) біографія гр. П. И. Панина. Этими и нѣкоторыми другими матеріалами Пушкинъ не удовлетворился. Когда у него уже была написана большая часть «Исторіи Пугачева», онъ ѣдетъ на самыя мѣста мятежа, еще не «поросшія» тогда «травой забвенія», и тамъ на лету старается схватить живое слово старожила-очевидца, преданіе, еще переливающееся яркими красками, вѣщую пѣсню, дабы чрезъ все то уразумѣть типическія черты разыгравшейся здѣсь страшной трагедіи и психологію ея своеобразныхъ дѣйствующихъ лицъ. И хотя Пушкинъ очень быстро объѣхалъ пугачевскія мѣста, польза отъ этого путешествія для его труда едва ли подлежитъ сомнѣнію. Свѣдѣнія и впечатлѣнія, полученныя тогда поэтомъ, могли только еще болѣе вдохновить его къ окончанію и усовершенствованію его историческаго опыта, а также, конечно, дали наиболѣе цѣнное содержаніе и реальное освѣщеніе для его «романа» изъ пугачевской эпопеи, желаніемъ окончить который была мотивирована Пушкинымъ самая просьба его (на имя Бенкендорфа) о разрѣшеніи ему поѣздки въ Казанскую и Оренбургскую губерніи.

По возвращеніи оттуда, Пушкинъ въ селѣ Болдинѣ (куда онъ пріѣхалъ 1-го октября) **) въ теченіе мѣсяца докончилъ и привелъ въ порядокъ свое сочиненіе о Пугачевѣ (предисловіе помѣчено 8-мъ ноября, будучи, очевидно, написано по окончаніи труда).

Рукопись «Исторіи Пугачевскаго бунта», а также пушкинскіе матеріалы къ ней *), хранящіеся въ Румянцевскомъ музеѣ, позволяютъ до извѣстной степени судить о процессѣ работы Пушкина надъ означенной темой. Къ разработкѣ ея, какъ сказано выше, онъ приступилъ еще до своей поѣздки въ Казанскую и Оренбургскую губерніи и ушелъ въ этой разработкѣ далеко: 6-ть главъ «Исторіи Пугачева» были уже готовы весной 1833 г.; такъ, послѣ 6-ой главы въ румянцевскомъ экземплярѣ рукописи стоитъ помѣтка: 22 мая 1883 г. **). Прежде чѣмъ писать это сочиненіе, Пушкинъ конспектировалъ бывшіе въ его рукахъ оффиціальные документы, дѣлалъ изъ нихъ краткія извлеченія. Однако, изученіе текста «Исторіи Пугачевскаго бунта» сравнительно съ ея напечатанными «Приложеніями» и иными печатными источниками, съ одной стороны, и съ упомянутыми сейчасъ рукописными конспектами, извлеченіями и остальными матеріалами Румянцевскаго собранія, съ другой, приводитъ къ заключенію, что, кромѣ всего указаннаго, Пушкинъ пользовался для своего повѣствованія еще такими оффиціальными рукописными источниками, изъ которыхъ предварительно онъ не сдѣлалъ ни экстрактовъ, ни отдѣльныхъ выписокъ,—по крайней мѣрѣ, въ разсматриваемомъ Румянцевскомъ собраніи таковыхъ не имѣется: напр., нѣтъ ни экстрактовъ, ни выписокъ изъ рапортовъ Михельсона послѣ 25 іюля (1774 г.), нѣтъ донесеній императрицѣ гр. П. И. Панина, а, между тѣмъ, въ текстѣ «Исторіи Пугачевскаго бунта» замѣтно знакомство Пушкина съ нѣкоторыми изъ этихъ документовъ. Остается предположить, что изслѣдователь предварительно не все конспектировалъ и выписывалъ, а иное излагалъ прямо на память, лишь проштудировавъ лежавшій предъ нимъ оффиціальный документъ. При такомъ предположеніи, становится болѣе понятно, почему Пушкинъ такъ быстро справился съ новой и нелегкой исторической темой: начавъ съ конспектированія документовъ, съ выписокъ изъ нихъ, онъ, когда мало-мальски оріен-

*) «Переписка», III, 9, 13 и 16.

**) «Переписка», III, 49; Лернеръ, «Труды и дни Пушкина», СПБ., 1910 г., стр. 250.

*) Рукописи Румянц. Музея, №№ 2390 и 2391.

**) 7-ю главу Пушкинъ, повидимому, набросалъ 6 сентября въ Казани (см. «Пушкинъ и его современники», IV, 30 и 31).

тировался въ матеріалѣ, затѣмъ уже не терялъ времени на эту кропотливую предварительную работу, а прямо писалъ, и это было тѣмъ удобнѣе, что онъ всегда могъ справиться по присланнымъ къ нему и остававшимся у него на дому во все время писанія (да и послѣ такового) *) архивнымъ документамъ.

Списокъ «Исторіи Пугачевскаго бунта», хранящійся въ Румянцевскомъ Музеѣ, В. Е. Якушкинъ назвалъ «чистовымъ» **). Это, дѣйствительно, экземпляръ, переписанный самимъ Пушкинымъ набѣло; но здѣсь имѣются и черновыя страницы (что тоже отмѣчено В. Е. Якушкинымъ), падающія на 1-ю главу; много поправокъ и въ другихъ главахъ, особенно во 2-ой. Эти главы Пушкинъ переписалъ собственноручно, а остальныя—«чистовыя»—отдалъ переписать переписчику; такимъ образомъ получился новый списокъ того же сочиненія, въ 1855 г. пріобрѣтенный Императорской Публичной библіотекой и хранящійся въ ея рукописномъ отдѣленіи ***). Изученіе этого послѣдняго списка приводитъ къ заключенію, что онъ тотъ самый, по которому печаталась «Исторія Пугачевскаго бунта». Объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего надпись, которую Пушкинъ сдѣлалъ карандашемъ на оборотѣ первой страницы, для завѣдующаго типографіей, гдѣ печаталась книга: «Вотъ тебѣ мой благодѣтель первая глава—съ богомъ»; объ этомъ столь же неопровержимо свидѣтельствуютъ разныя другія помѣтки и указанія для типографіи, какъ самого Пушкина, такъ и наблюдавшаго за печатаніемъ «благодѣтеля» (Яковлева); наконецъ, самая внѣшность рукописи съ обычными слѣдами типографской работы говоритъ намъ о томъ же. Заглавія нѣтъ, какъ на первомъ, такъ и на второмъ спискахъ; но причины отсутствія заглавія тамъ и тутъ, повидимому, разныя: оканчивая и приводя въ порядокъ свое сочиненіе въ Болдинѣ, Пушкинъ, вѣроятно, еще колебался, какъ его озаглавить, назвавъ его въ письмѣ къ женѣ «Записками о Пугачевѣ» ****): заглавія, слѣдовательно, еще и не было на этой рукописи. Что касается второго списка, то заглавіе здѣсь, вѣроятно, было и читалось оно, надо думать,—«Исторія Пугачева», но такъ какъ этотъ списокъ былъ въ рукахъ императора Николая I *), давшаго, какъ извѣстно, сочиненію другое заглавіе, то, естественно, первая страница съ начертаніемъ царскою рукою—«Исторія Пугачевскаго бунта» была отдѣлена отъ рукописи и сохранена такъ, что впослѣдствіи тотъ, кто подбиралъ рукопись въ типографіи, не могъ уже получить этой страницы.

Изъ всего сказаннаго ясно, что списокъ Императорской Публичной библіотеки и былъ послѣднимъ, «чистовымъ» въ точномъ смыслѣ этого слова, ясно и то, съ какою вдумчивостью и тщательностью, при всей торопливости, Пушкинъ относился къ первому своему историческому труду. Но этого мало. Въ означенной рукописи Императорской Публичной библіотеки мы находимъ новыя, доселѣ неизвѣстныя, черты для характеристики работы Пушкина надъ «Исторіей Пугачевскаго бунта». Стоитъ только внимательно просмотрѣть эту рукопись,—и мы увидимъ, что Пушкинъ не остановился и послѣ этой новой переписки своего сочиненія; онъ продолжалъ надъ нимъ работать: дѣлалъ перестановку въ изложеніи, переносилъ отдѣльныя мѣста изъ текста въ примѣчанія и наоборотъ, измѣнялъ отдѣльныя выраженія, замѣнялъ одни слова другими, нѣкоторыя же страницы «Исторіи» совершенно переработалъ, вписавъ, напримѣръ, гораздо болѣе подробный разсказъ о положеніи осажденныхъ въ Яицкой крѣпости и объ ихъ освобожденіи, чѣмъ было раньше въ томъ же самомъ академическомъ спискѣ **). Эта лихорадочная, но упорная работа по существу и надъ слогомъ

*) «Переписка», III, 250 и 251.

**) «Русск. Старина» 1884 г., т. 44, 573.

***) Имп. Публ. библ., Собраніе автографовъ, «Исторія Пугачевскаго бунта».

****) «Переписка», III, 51.

*) Аргументацію по этому вопросу см. въ моихъ «Примѣчаніяхъ» къ «Истор. «Пугач. бунта» въ академ. изд. Сочин. Пушкина, стр. 42 и 43.

**) Новое, затѣмъ напечатанное, изложеніе означеннаго момента заняло въ рукописи 6 вставленныхъ листовъ (лл. 1—6); прежнее изложеніе занимало всего одинъ листъ; приведемъ здѣсь эти первоначальныя строки, забракованныя историкомъ въ послѣдней рукописи, очевидно, за ихъ краткость.

«Крѣпость сего города находилась въ осадѣ съ самаго начала года. Гарнизонъ претерпѣвалъ всѣ ужасы голода. Хлѣба уже не было. Мѣшали землю съ отрубями и составляли какое-то тѣсто. Лошадиное мясо раздавалось на вѣсъ. Ѣли кошекъ и собакъ. Гарнизонъ находился въ вѣчной опасности, ибо осада велена была правильнѣе нежели подъ Оренбургомъ и подъ Уфою. Наконецъ (15 апрѣля) изъ крѣпости замѣчено было, что мятежные казаки въѣзжали въ городъ въ безпорядкѣ, одинъ за другимъ. Цѣлый день жители волновались, перебѣгали изъ дома въ домъ и сходились на улицахъ. Къ вечеру ударили въ соборный колоколъ. Казаки собрали кругъ и долго шумѣли; потомъ кучею пошли къ крѣпости.

сочиненія повела къ тому, что изложеніе его выиграло въ точности, выразительности и красочности.

Напечатана «Исторія Пугачевскаго бунта» была съ тою же стремительностью, съ какой писалась *). Само собою понятно, что этотъ ускоренный темпъ перваго историческаго предпріятія Пушкина, при всей той заботливости, о которой краснорѣчиво говорятъ намъ его рукописи, обусловилъ многіе недостатки изслѣдованія. Изученіе пушкинскаго текста сравнительно не только съ послѣдующими изслѣдованіями о пугачевщинѣ, но даже съ тѣми матеріалами, которые напечатаны въ «Приложеніяхъ» къ «Исторіи Пугачевскаго бунта», показываетъ, что Пушкинъ не въ полной мѣрѣ воспользовался этими матеріалами, что изложеніе его мѣстами въ отношеніи исторической правды ниже соотвѣтствующихъ мѣстъ «Лѣтописи» Рычкова, и что оно не свободно отъ фактическихъ пробѣловъ, ошибокъ и неточностей **). Все это касается до исторіи мятежа въ Оренбургскій его періодъ, для котораго у Пушкина было еще достаточно матеріаловъ: здѣсь причина недостатковъ именно поспѣшность въ работѣ. Еще болѣе крупные пробѣлы и ошибки въ изложеніи послѣдняго періода пугачевщины, начавшагося по переходѣ самозванцемъ Волги, объясняются, помимо торопливости, и тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ разъ, для этого важнѣйшаго періода у Пушкина было всего меньше матеріаловъ.

Самымъ слабымъ мѣстомъ «Исторіи Пугачевскаго бунта» было, несомнѣнно, освѣщеніе вопроса, зависѣвшее какъ отъ цензурныхъ условій момента, такъ—и едва ли не болѣе—отъ указаннаго выше общаго историческаго міровоззрѣнія Пушкина; въ своихъ «примѣчаніяхъ» нашъ историкъ отчасти пролилъ свѣтъ на истинный характеръ пугачевщины и тѣмъ уменьшилъ крупнѣйшій недостатокъ своего труда—отсутствіе соціально-экономической стороны вопроса. Но къ Пушкину въ этомъ отношеніи надо приложить его собственный критерій: надо помнить тѣ задачи, какія онъ самъ себѣ поставилъ. Какъ историкъ старой школы, онъ имѣлъ въ виду изложеніе событій и характеристику личностей, прежде всего, разумѣется, Пугачева. Отсюда—элементарность пріемовъ изложенія, характерная не для одного Пушкина, но и для признанныхъ выдающихся русскихъ историковъ того времени, напр., для Погодина, Устрялова и друг. Въ своемъ письмѣ къ И. И. Дмитріеву по поводу нападокъ критики *) на «Исторію Пугачевскаго бунта», не имѣвшую, по словамъ автора, успѣха въ публикѣ, Пушкинъ говоритъ, что онъ «старался только объ одномъ ясномъ изложеніи происшествій, довольно запутанныхъ», и что Пугачевъ представленъ у него «Емелькою Пугачевымъ, а не Байроновымъ Ларою». Въ извѣстной мѣрѣ Пушкинъ разрѣшилъ первую поставленную себѣ задачу: при критическомъ изученіи пушкинскаго текста оказывается, что нерѣдко событія изложены Пушкинымъ, хотя и кратко, бѣгло, но достаточно точно, напр., въ разсказѣ о дѣйствіяхъ мятежниковъ въ ближайшее время послѣ неудачи Кара и катастрофы съ Чернышевымъ, о дѣйствіяхъ Михельсона при освобожденіи Казани, о

Симоновъ уже готовился отразить ихъ пушками, но съ изумленіемъ увидѣлъ, что они вели связанныхъ своихъ предводителей, атамановъ Каргу и Толкачева. Они приближались, громко моля о помилованіи себя и о пощадѣ городу: Симоновъ принялъ ихъ, самъ не вѣря своему избавленію. Жители увѣдомили его объ освобожденіи Оренбурга и о скоромъ прибытіи Мансурова. Гарнизонъ бросился на хлѣбъ, нанесенный изъ города. 17-го прибылъ Мансуровъ и принялъ начальство надъ городомъ» (Рукоп. Импер. Публич. библіотеки, л. 83).

*) См. въ нашихъ «Примѣчаніяхъ», стр. 43—45.

**) Въ нашихъ «Примѣчаніяхъ» это показано.

*) Броневскій въ «Сынѣ Отечества» (январь 1835 г.) назвалъ «Исторію Пугачевскаго бунта» «мертворожденнымъ» произведеніемъ, упрекалъ Пушкина въ холодности и сухости изложенія, но и этотъ критикъ всетаки призналъ пушкинское сочиненіе «дѣльнымъ и полезнымъ трудомъ». Появились и вполнѣ благопріятныя для автора рецензіи на «Исторію Пугачевскаго бунта» въ «Сѣверной Пчелѣ» барона Е. Ѳ. Розена и въ «Библіотекѣ для Чтенія». «Мы нашли въ «Исторіи Пугачевскаго бунта», писалъ въ заключеніе своей рецензіи критикъ послѣдняго журнала, «слишкомъ много любопытнаго и занимательнаго, чтобъ за удовольствіе, доставленное намъ и нашимъ читателямъ, заплатить ея сочинителю неблагодарностью, упреками; и только мимоходомъ изъявимъ наше сожалѣніе о нѣкоторыхъ неправильностяхъ языка и небрежностяхъ слога, оставшихся случайно подъ перомъ автора и забытыхъ его внимательностью» («Библіот. для Чтенія», т. X, 1835 г., апрѣль, стр. 38). «Какая полнота, какое богатство слога при такой простотѣ и сжатости!», восклицалъ критикъ «Сѣверной Пчелы» (протестуя противъ критики «Сына Отечества»). «Вотъ какъ надобно писать исторію». Онъ только полагаетъ, что «большую часть примѣчаній» Пушкинъ «могъ бы помѣстить въ текстѣ и книга этимъ выиграла бы безъ сомнѣнія» («Сѣверная Пчела» 1835 г., стр. 151 и 152). Послѣднее замѣчаніе совершенно правильно: многое изъ «примѣчаній» увеличило бы значительность текста, будучи помѣщено здѣсь.

послѣдствіяхъ взятія Пугачевымъ этого города и проч. Можно сказать больше. Повѣствованіе Пушкина о событіяхъ даже въ послѣднемъ періодѣ бунта, мало ему извѣстномъ и потому изложенномъ съ большими фактическими ошибками, не лишено и положительной стороны: такъ, набросанная Пушкинымъ общая картина возстанія, анархіи и смятенія, при всей своей эскизности, весьма выразительна и въ главнѣйшихъ чертахъ вѣрна дѣйствительности. Что касается характеристики личности Пугачева, то и въ этомъ случаѣ Пушкинъ «старался» нарисовать реальную историческую фигуру. «Старался», но «представленъ» ли, дѣйствительно, у Пушкина самозванецъ «Емелькою Пугачевымъ», какъ историкъ думалъ? Нѣкоторой идеализаціи этой личности Пушкинъ не избѣгнулъ: въ «Исторіи Пугачевскаго бунта» Пугачевъ слишкомъ самостоятеленъ и слишкомъ талантливъ, какъ военачальникъ; вѣдь, конечно, это—преувеличеніе сказать, что «рѣдкій изъ тогдашнихъ военачальниковъ былъ въ состояніи управиться съ Пугачевымъ». Но, при всемъ томъ, Пушкинъ отнесся къ Пугачеву далеко не такъ восторженно, какъ когда-то къ Разину, котораго онъ назвалъ «единственнымъ поэтическимъ лицомъ Русской исторіи». Поэтическаго, тѣмъ менѣе байроническаго, въ Пугачевѣ Пушкинъ справедливо ничего не нашелъ, и въ общемъ со страницъ его «Исторіи» на насъ глядитъ ловкій, смѣтливый бродяга, «казакъ прямой», который могъ бы быть «лихимъ урядникомъ» въ любомъ «передовомъ» кавалерійскомъ «отрядѣ».

Такое изображеніе Пугачева, несомнѣнно, оказало свое вліяніе на послѣдующихъ его историковъ, въ томъ числѣ и академика Н. Ѳ. Дубровина, который въ своемъ сочиненіи «Пугачевъ и его сообщники» далъ множество новыхъ фактовъ изъ подлиннаго дѣла о Пугачевѣ и изъ другихъ архивныхъ источниковъ, но, въ сущности, мало отступилъ отъ того пониманія личности Пугачева, которое было предложено авторомъ «Исторіи Пугачева».

Пушкинъ едва-ли не лучше, чѣмъ кто-либо, сознавалъ недостатки своего «историческаго отрывка», какъ онъ скромно представилъ публикѣ «Исторію Пугачевскаго бунта» (въ предисловіи); онъ, видимо, предполагалъ этотъ трудъ переработать на основаніи болѣе полныхъ матеріаловъ, ради чего добился ознакомленія съ подлиннымъ «слѣдственнымъ дѣломъ о Пугачевѣ» и другими документами; но преждевременная трагическая смерть великаго поэта и начинающаго вдумчиваго, стремившагося къ «научной истинѣ» *), историка Пушкина разрушила всѣ дальнѣйшіе его широкіе планы въ исторической области вѣдѣнія. Однако, и то, что далъ намъ Пушкинъ въ первомъ и послѣднемъ трудѣ по исторіи, для своего времени представляло выдающуюся заслугу, ибо этимъ трудомъ онъ заполнилъ существовавшій до него въ русской исторіографіи пробѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, Пушкинъ обнародовалъ, по сравненію съ предшествующимъ ему временемъ, дѣйствительно, солидное количество новыхъ матеріаловъ о пугачевщинѣ, за которые ему были признательны изслѣдователи послѣдующаго времени и которые не утратили своего научнаго значенія и до сихъ поръ; Пушкинъ, далѣе, далъ въ общемъ намъ правдивое, реальное представленіе о личности главнаго героя повѣствованія—Пугачева, отчетливо обрисовавъ эту, разжалованную Николаемъ I изъ историческихъ лицъ, фигуру,—не только по ясно видящему вдохновенію **), но и чрезъ научное изслѣдованіе; Пушкинъ, наконецъ, помѣстилъ эту фигуру въ первый по времени цѣльный общій очеркъ всего пугачевскаго движенія, очеркъ, написанный безъ всякихъ риторическихъ вычуръ и искусственно-«художественныхъ» фразъ, но съ тою удивительною, по-истинѣ «образцовой» (какъ сказалъ Погодинъ ***) простотой, которая не умираетъ.

VIII.

Отмѣченные положительные результаты труда Пушкина надъ «Исторіей Пугачева» тѣмъ болѣе слѣдуетъ подчеркнуть, что одновременно съ этимъ трудомъ Пушкинъ вчернѣ написалъ «Капитанскую дочку», отдѣлалъ цѣлый рядъ поэтическихъ произведеній, создалъ такой шедевръ, какъ «Мѣдный всадникъ», а во время печатанія «Исторіи Пугачевскаго бунта» усиленно велъ работы надъ «Исторіей Петра Великаго». Въ теченіе всей жизни Пушкинъ былъ полонъ образомъ великаго преобразователя Россіи, о немъ Пушкинъ никогда не забывалъ и постоянно мучился думами... И эти думы у

*) «Пушкинъ и его современники», VII, статья Ѳ. Е. Корша, стр. 51. Ср. статью А. Ѳ. Кони: «Нравственный обликъ Пушкина» («Вѣстникъ Европы», 1899 г., 504).

**) Хотя оно имѣло, конечно, первостепенное значеніе.

***) Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», IV, 272.

поэта двоились: какъ мощный геній, какъ «вѣчный на тронѣ работникъ» на благо Россіи, Петръ привлекалъ къ себѣ поэта: Пушкинъ преклонялся предъ нимъ, готовъ былъ боготворить его; какъ страшный деспотъ, не останавливающійся ни передъ чѣмъ, предъ цѣлями котораго обращались въ ничто человѣческія личности и жизни, для цѣлей котораго возможны были рѣшительные и неосторожные эксперименты надъ самой Россіей, Петръ отталкивалъ отъ себя Пушкина, и поэтъ готовъ былъ его жгуче ненавидѣть. «Какая дума на челѣ! Какая сила въ немъ сокрыта!» восклицаетъ поэтъ, всматриваясь въ лицо мѣднаго всадника; но тутъ же мысль Пушкина молніеносно охватываетъ послѣдствія «дѣла Петрова», опредѣляющія собой и то положеніе, въ которомъ, какъ пойманная вольная птица въ желѣзной клѣткѣ, безнадежно бился и самъ поэтъ, и изъ устъ его выходитъ горькая укоризна по адресу мѣднаго всадника на конѣ, поднятомъ надъ пропастью:

О мощный властелинъ судьбы!
Не такъ ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію поднялъ на дыбы?

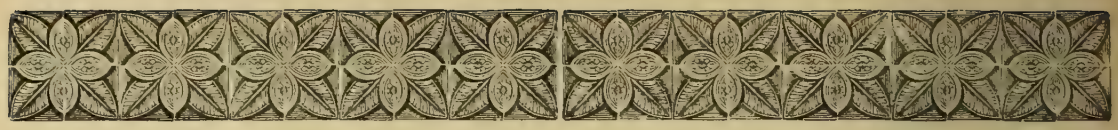
И Пушкинъ, «со страхомъ и трепетомъ» «приступивъ» *) къ изученію «Петра», лихорадочно роется въ архивахъ, куда былъ допущенъ Николаемъ для разработки исторіи Петра Великаго, весьма интересовавшей и самого императора, роется, чтобы рѣшить не какъ поэтъ, а какъ «историкъ строгій» мучившую его дилемму: кто же такой Петръ I, благодѣтель или мучитель Россіи? Своимъ глубокимъ интересомъ къ Петру Великому Пушкинъ заражалъ и свою, вообще довольно беззаботную къ его литературнымъ планамъ, супругу; она спрашивала его въ письмахъ объ этой работѣ, и Пушкинъ ей охотно отвѣчалъ: «Ты спрашиваешь меня о Петрѣ», писалъ онъ женѣ изъ Петербурга 29 мая 1834 г., «идетъ по маленьку; скопляю матеріалы—привожу въ порядокъ—и вдругъ вылью мѣдный памятникъ, котораго нельзя будетъ перетаскивать съ одного конца города на другой, съ площади на площадь, изъ переулка въ переулокъ» **). А вскорѣ, 10-го іюня, Пушкинъ уже сообщалъ женѣ: «Петръ I идетъ; того и гляди напечатаю I-й томъ къ зимѣ» *). Ни къ этой зимѣ (1834 г.), ни къ другимъ немногимъ, оставшимся для него, зимамъ Пушкину не удалось выпустить I тома «Исторіи Петра Великаго». Результатомъ работы надъ этой исторической темой остались только «матеріалы», представляющіе, какъ и матеріалы Румянцевскаго Музея—для исторіи Пугачева,—конспективное изложеніе фактовъ по изученнымъ оффиціальнымъ документамъ и по другимъ источникамъ. Вчитываясь въ эти матеріалы, можно догадываться, что Пушкинъ различалъ въ дѣятельности Петра цѣль и средства: цѣль высокая, средства жестокія. Въ конечномъ итогѣ своей работы Петръ—великій государственный человѣкъ: такъ, его государственныя учрежденія — «плоды ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости». Въ своихъ средствахъ Петръ—великій тиранъ: отдѣльные указы его «кажется, писаны кнутомъ». Какъ человѣкъ, Петръ, при всемъ его умѣ,—великій варваръ, часто нетрезвый, съ добрыми и злыми порывами, но всегда грубыми, некультурными. Такимъ, какъ будто бы, вырисовывался образъ Петра I предъ Пушкинымъ, если только возможно, хотя бы и гипотетически, судить по этому вопросу на основаніи оставшихся послѣ поэта «матеріаловъ»; но страдальческая кончина Петра, познавшаго въ этотъ моментъ, какъ и послѣдній изъ трепетавшихъ предъ нимъ подданныхъ, «тщету земную», повидимому, мирила Пушкина съ этимъ «властелиномъ» - деспотомъ, въ которомъ, кажется, онъ прозрѣвалъ и природную доброту, лишь затушеванную страшными, «тиранскими» пріемами управленія. Въ этомъ отношеніи намъ представляется знаменательнымъ слѣдующее мѣсто изъ «матеріаловъ». Когда «архіереи»... «стали увѣщевать» умирающаго, то Петръ, разсказываетъ Пушкинъ, «оживился — показалъ знакъ, чтобы его приподняли и возведши очи вверхъ, произнесъ засохлымъ языкомъ и невнятнымъ голосомъ: сіе едино жажду мою утоляетъ; сіе едино услаждаетъ меня» **).. Нѣтъ сомнѣнія, что изученіе петровской эпохи вдохновило Пушкина и дало ему надлежащія краски для созданія «Арапа Петра Великаго», все равно какъ изученіе «Исторіи Пугачева» художественно вылилось въ «Капитанскую дочку»; но, тѣмъ не менѣе,

*) Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», IV, 238.
**) «Переписка», III, 11, 120 и 121.

*) Переписка, III, 128.
**) Сочин., наст. изд., V, 277.

оцѣнивать Пушкина, какъ историка, слѣдуетъ не только по «романамъ». Пушкинъ самъ рѣзко различалъ область исторіи, дѣйствительности, отъ области «вымысла»: ...«мечты поэта историкъ строгій гонитъ васъ», сказалъ онъ. «Строгимъ историкомъ» Пушкинъ явился лишь въ «Исторіи Пугачевскаго бунта» и въ «Матеріалахъ для Исторіи Петра Великаго»: главнымъ образомъ по этимъ начинаніямъ мы и опредѣляемъ правоспособность Пушкина на эту роль. Первое и послѣднее законченное историческое сочиненіе Пушкина мы уже характеризовали; что касается «матеріаловъ для Исторіи Петра Великаго», то они тоже свидѣтельствуютъ о тщательности и вдумчивости Пушкина въ историческихъ изысканіяхъ, при всей быстротѣ работы,—о тѣхъ же качествахъ, какія, мы видѣли, Пушкинъ проявилъ и въ изслѣдованіи исторіи Пугачева. Словомъ, если Пушкина сравнивать съ перечисленными выше историками, общій научный обликъ коихъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы на немъ останавливаться,—а, можетъ быть, и съ позднѣйшими равнаго этимъ историкамъ вѣса,—то можно утверждать, что Пушкинъ, какъ историкъ, началъ не хуже ихъ... А, взвѣсивъ все сказанное и не забывая стремленія Пушкина широко изучить исторію XVIII стол., а также принявъ во вниманіе чрезвычайно мѣткія и правдивыя сужденія Пушкина въ его кишиневскихъ «Историческихъ замѣчаніяхъ» (1822 г.) о дѣятельности и эпохѣ Екатерины II, мы, думаю, далеко не безъ основанія можемъ настаивать, что къ Пушкину, какъ историку, надо относиться серьезно, а не такъ-себѣ, между прочимъ, почти иронически, и что въ нашемъ великомъ поэтѣ были заложены, отчасти осуществившіяся, но, конечно, большею частью погибшія, за раннею смертью, большія возможности не только какъ высоко-вдохновеннаго поэта и романиста, но и какъ «строгаго историка». Во всеобъемлющей душѣ и всеохватывающемъ умѣ Пушкина совмѣщалось обыкновенно несовмѣстимое: орлиный полетъ фантазіи въ красочную область «вымысла» и критическая историческая мысль, направляемая трудолюбивымъ изысканіемъ среди непочатыхъ тогда архивныхъ богатствъ.

Н. Ѳирсовъ.



ЧААДАЕВЪ и ПУШКИНЪ.

Когда они впервые встрѣтились у Карамзина въ Царскомъ Селѣ, Чаадаеву было года 22, Пушкину—17: онъ еще учился въ Лицеѣ. Дружба ихъ началась нѣсколько позже, по окончаніи Пушкинымъ Лицея, и оборвалась съ его высылкой изъ Петербурга въ 1820 г. Оба были, значитъ, еще очень молоды; но въ то время въ образованномъ дворянскомъ кругу юноши созрѣвали рано.

Легко представить себѣ, какъ съ шумомъ и хохотомъ, сверкая бѣлыми зубами, врывается въ кабинетъ Чаадаева смуглый, курчавый, невысокій, быстрый въ движеніяхъ юноша — Пушкинъ. Онъ, можетъ быть, кутилъ до утра, но у него крѣпкіе нервы, и очень вѣроятно, что, проснувшись поздно, онъ еще часъ—другой, полулежа въ постели, писалъ свою поэму о Русланѣ, потомъ одѣлся небрежно-щегольски, вышелъ на Невскій, прошелся и рѣшилъ зайти къ Чаадаеву. Онъ всегда ходитъ къ Чаадаеву, тотъ у него не бываетъ. Они—закадычные друзья. И какъ странно! Между ними, казалось бы, не должно быть ничего общаго. Чаадаевъ—аристократъ, блестящій гвардейскій офицеръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, ученый и мыслитель. Ему всего 24 года, но онъ уже занимаетъ прекрасное положеніе въ свѣтѣ: онъ съ успѣхомъ продѣлалъ французскую кампанію и теперь состоитъ адъютантомъ при командирѣ гвардейскаго корпуса, князѣ Васильчиковѣ; онъ хорошъ собой, его знаетъ дворъ, онъ свой человѣкъ въ аристократическихъ гостиныхъ Петербурга. Онъ богатъ и независимъ; его спокойная увѣренность въ обращеніи съ людьми—вѣроятно, предметъ страстной зависти для Пушкина; онъ импонируетъ сдержанной любезностью — вотъ въ чемъ его сила. Его кабинетъ—сочетаніе элегантности и учености. Чаадаевъ—домосѣдъ и аккуратенъ до щепетильности; если хорошенько присмотрѣться, на обстановкѣ, какъ и на самомъ хозяинѣ, лежитъ отпечатокъ педантизма, и Пушкинъ здѣсь—точно олицетвореніе буйной шалости и безпорядка. Что свело этихъ двухъ несходныхъ молодыхъ людей?—Но это будущій величайшій поэтъ Россіи и ея сильнѣйшій философскій умъ. У обоихъ—острая потребность интеллектуальнаго, и такъ какъ каждый изъ нихъ по-своему неистощимо своеобразенъ, то во взаимномъ общеніи оба находятъ наслажденіе; вотъ почему и память объ этой дружбѣ осталась столь яркой для обоихъ. Одинъ широко образованъ и умомъ свободно господствуетъ надъ своими знаніями, другой чутокъ, быстръ въ пониманіи и геніально-прозорливъ: это-ли не чудесная пара для дружбы и особенно для бесѣдъ!

Мы можемъ до нѣкоторой степени возстановить содержаніе этихъ бесѣдъ. Въ одной позднѣйшей неоконченной повѣсти Пушкина, гдѣ дѣйствіе происходитъ въ 1825 году, гвардейскій офицеръ пишетъ своему другу въ отвѣтъ на его назидательные совѣты: «Твои умозрительныя и важныя разсужденія принадлежатъ къ 1818 году. Въ то время строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ. Мы являлись на балы, не снимая шпагъ: намъ неприлично было танцовать, и некогда заниматься дамами». По образованности и широтѣ взгляда Чаадаевъ, конечно, превосходилъ большинство своихъ сверстниковъ; но въ общемъ онъ дѣлилъ ихъ интересы; и для него на первомъ планѣ стояли тогда строгое отношеніе къ себѣ и желаніе свободы для Россіи. То и другое соединялось въ сознаніи своего общественнаго долга. Когда Пушкинъ въ самомъ разгарѣ этой дружбы захотѣлъ одной чертой опредѣлить Чаадаева, ему пришлось сказать: «Онъ въ Римѣ былъ-бы Брутъ, въ Афинахъ Периклесъ»; значитъ,

въ его глазахъ Чаадаева всего больше отличали свободолюбіе и широкій государственный взглядъ. Это указываетъ также на преобладающій предметъ ихъ разговоровъ. Чаадаевъ, безъ сомнѣнія, «развивалъ» своего молодого друга; такъ, мы узнаемъ объ ихъ совмѣстныхъ чтеніяхъ; позднѣе Пушкинъ вспоминалъ: «Какъ я съ Каверинымъ гулялъ... съ моимъ Чадаевымъ читалъ», и въ посланіи къ Чаадаеву: «Посмотримъ, перечтемъ...» и «Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры». Главными темами этихъ бесѣдъ и чтеній были политическая жизнь народовъ въ прошломъ и будущемъ, уроки историческаго опыта и грядущія судьбы человѣчества вообще и Россіи въ частности; характеризуя эти бесѣды, Пушкинъ употребляетъ слова: «пророческіе споры» и «вольнолюбивыя надежды». Самымъ жгучимъ интересомъ являлось, конечно, порабощеніе Россіи; только объ этомъ и говоритъ единственное обращеніе къ Чаадаеву, написанное Пушкинымъ за два года дружбы; очевидно, онъ сознавалъ, что въ этомъ чувствѣ они сливаются всего полнѣе. Я не буду приводить этихъ извѣстныхъ стиховъ; укажу только, на какую почву здѣсь поставлено стремленіе къ свободѣ:

Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы.

Это—идея нравственнаго долга передъ самимъ собой и передъ родиной: таковъ былъ характеръ этихъ бесѣдъ.

Какъ это всегда бываетъ, непосредственно Пушкинъ сознавалъ только ихъ конкретное содержаніе; но въ другомъ свѣтѣ представились они ему два года спустя, въ Кишиневѣ, когда, вмѣстѣ съ угаромъ петербургской жизни, разсѣялось и навѣянное на него средою острое политическое настроеніе. Здѣсь, въ уединеніи, «для сердца новую вкушая тишину», онъ углубился въ себя и далъ себѣ отчетъ въ своемъ прошломъ. И тутъ-то онъ сумѣлъ по-настоящему оцѣнить и свою дружбу съ Чаадаевымъ. Что ему кажется теперь въ ней наиболѣе цѣннымъ, это уже не тѣ уроки политической мудрости и вольнодумства, которыми онъ тогда упивался, а нѣчто другое, чего онъ тогда не умѣлъ цѣнить и почти не замѣчалъ: та нравственная атмосфера, которою онъ дышалъ, входя къ Чаадаеву. Онъ говоритъ Чаадаеву:

Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;
О, неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленный;
Въ минуту гибели надъ бездной потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь;
Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.

Здѣсь не нужно искать намековъ на дружескія услуги со стороны Чаадаева, и «потаенная бездна», конечно, меньше всего означаетъ, какъ это часто утверждали, грозившую Пушкину ссылку въ Соловецкій монастырь: здѣсь рѣчь идетъ исключительно о внутреннихъ паденіяхъ Пушкина и о высокой настроенности духа, о нравственной свободѣ, которымъ онъ учился у Чаадаева. Напротивъ, эта «потаенная бездна» какъ разъ свидѣтельствуетъ о какомъ-то тяжеломъ нравственномъ кризисѣ, пережитомъ Пушкинымъ между 1818 и 1820 гг.

И, наконецъ, напомню строки, такъ хорошо дорисовывающія и портретъ Чаадаева, и картину этой дружбы:

Когда соединимъ слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель
И вѣтренной толпы безстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ
и т. д.

Въ любой біографіи Пушкина можно найти разсказъ о томъ, какъ Чаадаевъ въ 1818 г. чрезъ Васильчикова представилъ Александру I «Деревню» Пушкина, и другой разсказъ—о ссылкѣ Пушкина на югъ, когда Чаадаевъ чрезъ Карамзина добился смягченія кары, ожидавшей молодого поэта: двѣ элементарныя услуги, какія могъ оказать Пушкину каждый изъ его знакомыхъ.

Съ этой ссылки пути обоихъ друзей далеко расходятся, и не только потому, что

Пушкинъ оказался вдругъ выбитымъ изъ прежней колеи: жизнь Чаадаева вскорѣ измѣнилась не менѣе круто. Въ концѣ 1820 г. онъ подалъ въ отставку и бросилъ Петербургъ; въ 1823 г. онъ уѣхалъ за границу и, проживъ тамъ три года, вернулся въ Москву чуть ли не въ одинъ день съ Пушкинымъ—въ началѣ сентября 1826 г., но вернулся совершенно другимъ человѣкомъ, и въ ближайшее время, до 1829 г., едва-ли даже поддерживалъ сношенія съ Пушкинымъ.

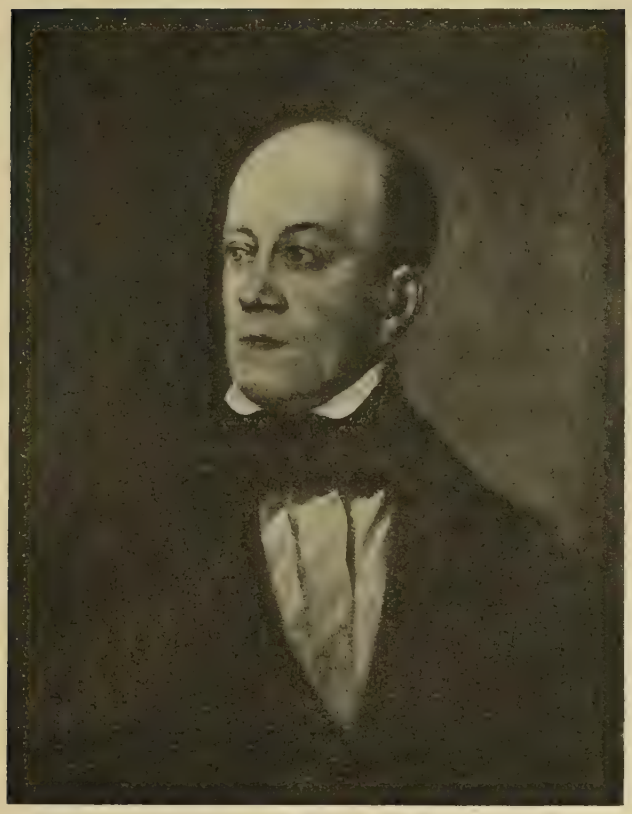
Онъ пережилъ за эти годы тяжелый душевный переломъ. Подобно Заратустрѣ, и онъ надолго ушелъ въ пустыню, и жилъ тамъ одинъ лицомъ къ лицу со своимъ грознымъ Богомъ, пока не позналъ Его и не покорился Ему; когда онъ снова вышелъ къ людямъ, онъ несъ имъ скрижаль завѣта.

Въ 1829 году внутренняя борьба была кончена, и Чаадаева снова потянуло къ людямъ изъ мрачнаго одиночества, въ которомъ онъ прожилъ почти четыре года; въ то же самое время онъ началъ излагать свое ученіе въ формѣ философскихъ писемъ. Пушкинъ, жившій тогда въ Москвѣ, былъ однимъ изъ первыхъ, кому онъ далъ для прочтенія свое первое, знаменитое впослѣдствіи письмо.

За десять лѣтъ, что они прожили врозь, Пушкинъ много выстрадалъ какъ человѣкъ и пышно расцвѣлъ какъ поэтическій геній, но онъ остался въ той же плоскости: ничто не нарушило удивительную природную цѣльность его духа; напротивъ—она только полнѣе раскрылась. Чаадаевъ въ то время вовсе не жилъ; когда, въ концѣ 20-хъ годовъ, онъ проходилъ по улицамъ Москвы, мрачный, изможденный, низко надвинувъ шляпу, чтобы не быть узнаннымъ,—о немъ можно было сказать, что говорили о Данте равеннскіе мальчики: «вотъ человѣкъ, побывавшій въ преисподней». Глубокій душевный расколъ кинулъ его въ одну изъ тѣхъ бездонныхъ, неизслѣдимыхъ крайностей, въ какія впадаютъ только люди великаго духа и откуда они выносятъ наверхъ новые аспекты вѣчной истины. Это было, какъ извѣстно, мистическое истолкованіе міра. Для Чаадаева теперь больше не существовало ни случайности, ни противорѣчій, ни непонятнаго разнообразія явленій,—и въ то время, какъ наивно-вѣрующій ощущаетъ стройность и осмысленность бытія только въ идеѣ Верховнаго Разума, Чаадаевъ сознавалъ ее въ самомъ процессѣ, видѣлъ воочію послѣдовательное строеніе царствія Божьяго на землѣ. Въ его глазахъ вся міровая жизнь — одинъ цѣльный механизмъ претворенія плотскаго въ духовное и личнаго въ безличное имманетной міру Божественной силой, и вся исторія человѣчества — не что иное, какъ послѣдовательный ходъ этого процесса, конечной цѣлью котораго является сліяніе міра съ Богомъ. И такъ всецѣло была воспринята его духомъ эта система, такъ глубоко имъ продумана, что ему было естественно пріурочивать къ общему міровому дѣлу любое частное историческое явленіе нынѣшняго дня, напримѣръ, революцію 1830 года или поэзію Гейне.

Какъ отнесся Пушкинъ на первыхъ порахъ къ ученію Чаадаева, мы не знаемъ. До насъ дошло его письмо къ Чаадаеву отъ 1831 г. о третьемъ «Философическомъ письмѣ»: онъ былъ изумленъ силою и красотою слога, широтою и грандіозностью картинъ, но онъ ничего не говоритъ о существѣ дѣла, называя взглядъ Чаадаева на исторію совершенно новымъ для себя и ограничиваясь частными возраженіями. Напротивъ, само собою понятно, какъ долженъ былъ теперь Чаадаевъ смотрѣть на поэтическую дѣятельность Пушкина. Если онъ не находилъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы заклеймить поэмы Гомера, какъ соблазнительный апоѳеозъ плоти, то тѣмъ больше должна была ужасать и печалить его чувственная поэзія его друга. Онъ умѣлъ въ полной мѣрѣ цѣнить и силу чувства, и художественное дарованіе Пушкина. Повидимому, его временами занимала мысль—какъ хорошо было бы ему, владѣющему идеей истины, соединиться съ Пушкинымъ, великимъ русскимъ поэтомъ, чтобы общими силами двинуть Россію впередъ. До насъ дошла одна его записка къ Пушкину, писанная, вѣроятно, въ 1829 году. Это призывъ и укоръ, гдѣ истина пытается увлечь на свой путь красоту, не догадываясь, что красота—и сама истина, но укоръ, полный любви, и призывъ, трогательный какъ молитва.

«Самое пламенное мое желаніе, мой другъ,—пишетъ Чаадаевъ,—видѣть васъ посвященнымъ въ тайну временъ. Нѣтъ болѣе прискорбнаго зрѣлища въ нравственномъ мірѣ, какъ геніальный человѣкъ, не постигшій своего вѣка и своего призванія. Когда видишь, что тотъ, кто долженъ былъ бы властвовать надъ умами, самъ подчиняется власти привычекъ и рутинѣ



ЧААДАЕВЪ.

Съ портрета, находящагося въ Публич. Библіотекѣ.

толпы, тогда чувствуешь себя самъ задержаннымъ въ своемъ движеніи; тогда говоришь себѣ: зачѣмъ этотъ человѣкъ, который долженъ бы вести меня, мѣшаетъ мнѣ идти впередъ? Именно это я испытываю каждый разъ, когда думаю о васъ, и я думаю объ этомъ такъ часто, что это меня совершенно удручаетъ. Не мѣшайте же мнѣ идти, прошу васъ. Если у васъ не хватаетъ терпѣнія ознакомиться съ тѣмъ, что совершается въ мірѣ, уйдите въ себя и изъ собственныхъ нѣдръ вынесите тотъ свѣтъ, который неизбѣжно есть во всякой душѣ, подобной вашей. Я убѣжденъ, что вы могли бы сдѣлать безмѣрное благо этой бѣдной Россіи, заблудившейся на землѣ. Не обманывайте своей судьбы, мой другъ. Послѣднее время по-русски читаютъ всюду; вы знаете, что Булгарина перевели и поставили рядомъ съ Жуи, что же касается васъ, то нѣтъ нумера журнала, гдѣ бы о васъ не было рѣчи. Я нашелъ имя моего друга Гульянова упомянутымъ съ почтеніемъ въ толстой книгѣ, а знаменитый Клапротъ въ знакъ признанія подарилъ ему египетскую корону; можно сказать, онъ потрясъ пирамиды на ихъ основахъ. Видите, какъ много славы вы можете себѣ добыть. Киньте крикъ къ небу — оно вамъ отвѣтитъ.

«Я говорю вамъ все это, какъ видите, по поводу книги, которую посылаю вамъ. Такъ какъ въ ней говорится понемногу обо всемъ, то она, можетъ быть, пробудитъ въ васъ нѣсколько добрыхъ мыслей. Простите, мой другъ. Я говорю вамъ, какъ Магометъ арабамъ, — о, если бы вы знали!»

Чаадаевъ возвращался къ этому потомъ еще неразъ. Въ 1831 году онъ писалъ Пушкину: «Несчастіе, другъ мой, что не пришлось намъ съ вами тѣснѣе сойтись въ жизни. Я попрежнему стою на томъ, что мы съ вами должны были идти вмѣстѣ и

что изъ этого вышло бы что-нибудь полезное и для самихъ насъ, и для ближняго». Я приведу здѣсь одно изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ писемъ Чаадаева къ Пушкину, писанное въ сентябрѣ 1831 г., т.-е. когда Чаадаевъ уже вернулся въ московское общество, сталъ бывать въ Англійскомъ клубѣ и принимать у себя друзей; оно лучше познакомитъ читателя съ Чаадаевымъ второго періода и съ его отношеніемъ къ Пушкину, чѣмъ мы могли бы это сдѣлать на многихъ страницахъ. Для ясности надо сказать, что «переворотъ», о которомъ идетъ рѣчь въ письмѣ,—іюльская революція и послѣдовавшій за нею, какъ-разъ лѣтомъ этого 1831 года, бурный антиклерикальный взрывъ во Франціи, когда народъ жегъ церкви, рубилъ кресты и пр. Эта революція ужаснула Чаадаева. Онъ видѣлъ въ ней буйный разгулъ матеріальныхъ силъ, катастрофу, способную надолго задержать ходъ всемірнаго религіознаго процесса.

«Ну, мой другъ *), что же вы сдѣлали съ моей рукописью? ужъ не пристала ли къ ней холера? Говорятъ, впрочемъ, у васъ холера не показывалась. Развѣ не сбѣжала ли рукопись какъ-нибудь? Въ такомъ случаѣ, пожалуйста, дайте знать. У меня было большое удовольствіе увидѣть опять вашъ почеркъ. Онъ мнѣ напомнилъ то прежнее время, въ которомъ, сказать правду, было немного хорошаго, но когда еще жива была надежда, когда еще не наступала пора великихъ разочарованій. Понимаете, я говорю о себѣ; но и вамъ, думается, было лучше, когда еще не до дна исчерпалась дѣйствительность. Другъ мой, ваша дѣйствительность была свѣтла и блестяща; но существуетъ ли такая дѣйствительность, которая могла бы сравняться съ обманчивыми ожиданіями и предчувствіями, лживыми призраками блаженнаго возраста невѣдѣнія?

«Вамъ, говорили вы, хотѣлось бы побесѣдовать; давайте бесѣдовать. Но берегитесь: я, вы знаете, не изъ веселыхъ, а вы—человѣкъ нервный. Ну-те, о чемъ мы станемъ бесѣдовать? Уменя одна идея, вы это знаете. Если бы, по какой-нибудь случайности, и оказались въ моемъ мозгу еще какія-нибудь другія мысли, то онѣ не замедлили бы приклеиться все къ той же одной идеѣ; глядите, будетъ ли это вамъ удобно? Если бы еще вы возбудили во мнѣ какія-нибудь мысли отъ вашего міра, если бы вы вызвали меня! Но вамъ угодно, чтобы я заговорилъ первый, быть такъ; но еще разъ, право, берегите нервы!

«Вотъ что я вамъ собираюсь сказать. Примѣтили ли вы, что въ нѣдрахъ нравственнаго міра совершается нѣчто чрезвычайное, подобное тому, что, говорятъ, происходитъ въ нѣдрахъ физическаго міра? Скажите же, какъ это на васъ дѣйствуетъ? По-моему, въ этомъ великомъ переворотѣ—поэзія природы; а вы не можете оставаться къ нему равнодушнымъ, уже потому, мнѣ кажется, что въ этомъ представляется обильная пища для эгоизма поэта. Есть ли возможность не чувствовать себя задѣтымъ въ своихъ самыхъ сокровенныхъ чувствахъ, когда задѣваются всѣ основы человѣческой природы! На дняхъ мнѣ случилось видѣть письмо вашего пріятеля, великаго поэта *): это беззаботная веселость, наводящая ужасъ. Скажите на милость, какимъ это образомъ человѣкъ, который въ былое время печалился по всякому поводу, не находитъ въ себѣ ни малѣйшей скорби теперь, когда валится цѣлый міръ?! Ибо, поглядите, другъ мой, развѣ же это не погибель міра? Развѣ тотъ, кто неспособенъ предчувствовать иной, новый міръ, имѣющій возникнуть на мѣстѣ прежняго, можетъ видѣть во всемъ этомъ что-нибудь, какъ не одно ужасное разрушеніе?! Неужели и у васъ тоже не найдется по этому поводу ни одной мысли, ни одного чувства? Я увѣренъ, что мысль эта, это чувство, они есть у васъ, только запрятанныя глубоко, невѣдомо для самихъ васъ, въ какомъ-нибудь затаенномъ уголкѣ вашей души; пробиться на свѣтъ Божій имъ нельзя—они затеряны подъ грудой старыхъ понятій, привычекъ и условностей, изъ какихъ, что ни говорите, неизбѣжно слитъ всякій поэтъ, что онъ ни дѣлай; ибо, другъ мой, со дней индуса Вальмики, пѣвца Рамайяны, и греческаго Орфея, до шотландца Байрона, всѣ до одного поэты обречены до сего дня пересказывать вѣчно одно и то же, въ какомъ бы уголкѣ вселенной ни раздавалась ихъ пѣснь.

«О, какъ бы хотѣлось мнѣ разомъ вызвать наружу всю мощь вашего поэтическаго дарованія! Какъ бы хотѣлось мнѣ теперь же добыть изъ ея глубины все, что, я знаю, таится въ ней, дабы и вы дали намъ услышать одинъ изъ тѣхъ гимновъ, которыхъ жаждетъ вѣкъ нашъ! О, тогда какъ

*) «Русскій Архивъ» 1881 г., т. I, стр. 431—438. Подлинникъ по-французски.

*) Жуковскаго.

ЧААДАЕВЪ.

Портретъ, находящійся въ Историч. музеѣ въ Москвѣ.

поразились бы вы мгновенно всѣмъ, что теперь проходитъ предъ вами не оставляя ни малѣйшаго слѣда въ вашемъ духѣ! Какъ преобразилось бы тогда все предъ вашимъ взоромъ!

«А покамѣстъ давайте все-таки побесѣдуемъ. Недавно, всего какой-нибудь годъ тому назадъ, міръ жилъ себѣ съ чувствомъ спокойной увѣренности въ своемъ настоящемъ и будущемъ, мирно припоминая свое прошедшее и поучаясь имъ. Духъ возрождался въ спокойствіи, память человѣческая обновлялась, мнѣнія примирялись, стихала страсть, раздраженія не находили себѣ пищи, честолюбіе получало удовлетвореніе въ прекрасныхъ трудахъ, всѣ потребности человѣка мало-по-малу сводились въ предѣлы умственной сферы, всѣ интересы были готовы сойтись на единомъ интересѣ всеобщаго прогресса разума. Для меня это было—вѣра, довѣрчивость безконечная! Въ этомъ счастливомъ мирѣ міра, въ этомъ будущемъ я обрѣталъ и мой собственный миръ, видѣлъ мое собственное будущее. И случилась вдругъ глупость одного человѣка, одного изъ тѣхъ людей, которые, невѣдомо для нихъ самихъ, бываютъ призваны управлять человѣческими дѣлами,—и вотъ: спокойствіе, миръ, будущее, все вдругъ разлетѣлось прахомъ. Подумайте хорошенько: все это произведено не однимъ изъ великихъ событій, сокрушающихъ царства и народы; нѣтъ, дурость одного человѣка! Вамъ въ томъ вихрѣ, въ которомъ вы вращаетесь, нельзя было почувствовать этого такъ, какъ почувствовалъ я: это понятно. Но можетъ ли быть, чтобы это изумительное приключеніе, которому еще не бывало подобныхъ, всецѣло отмѣченное перстомъ Промысла, представлялось вамъ лишь обыденной прозой, или много-много дидактической поэмой, въ родѣ какого-нибудь

Лиссабонскаго землетрясенія, для васъ ни къ чему непригодной.

«Быть этого не можетъ! Нѣтъ, у меня, я чувствую, слезы навертываются, когда погляжу на это великое бѣдствіе стараго, моего стараго общества. Это всеобщее горе, обрушившееся столь внезапно на мою Европу, усугубило мое личное горе. А, между тѣмъ, да, такъ! Изъ всего этого имѣетъ выйти одно только благо; я глубоко убѣжденъ въ этомъ и имѣю утѣшеніе видѣть, что не одинъ я не теряю надежды на образумленіе разума. Но какъ и когда это совершится? Однимъ ли сильнымъ умомъ, нарочно посланнымъ на сіе Провидѣніемъ, или рядомъ событій, которыя оно вызоветъ для просвѣщенія человѣчества? Не вѣдаю. Но какое-то смутное чутье говоритъ мнѣ, что скоро имѣетъ явиться человѣкъ повѣдать намъ истину, потребную времени. Кто знаетъ, быть можетъ это будетъ, во-первыхъ, нѣчто въ родѣ той политической религіи, что Сенъ-Симонъ теперь проповѣдуетъ въ Парижѣ; либо католицизмъ новаго рода, какимъ нѣкоторые дерзновенные священники хотятъ замѣнять католицизмъ, созданный и освященный вѣками. Отчего и не такъ? Какое дѣло, тѣмъ ли, инымъ ли способомъ будетъ данъ первый толчекъ тому движенію, которое долженствуетъ завершить судьбы человѣчества! Многое предшествовавшее тому великому моменту, въ который Божественный Посланникъ нѣкогда возвѣстилъ міру благую вѣсть, было предназначено приготовить міръ; многому подобному суждено, безъ сомнѣнія, совершиться и въ наши дни, прежде чѣмъ и намъ будетъ принесено новое благовѣстіе съ небесъ. Будемъ ждать».

Въ послѣднихъ строкахъ письма Чаадаевъ выражаетъ надежду найти откликъ въ душѣ поэта. «Отъ васъ будетъ зависѣть заставить меня взяться за перо опять; немножко сочувствія въ вашемъ будущемъ письмѣ! Г. Нащокинъ сказываетъ, что вы страшно лѣнивы; поройтесь-ка немножко у себя въ головѣ, и особенно въ сердцѣ, которое умѣетъ биться такъ горячо, когда захочетъ: вы отыщете въ немъ больше матеріаловъ, чѣмъ нужно намъ на всѣ остальные годы наши. Прощайте, старый и добрый другъ. А рукопись-то моя? Чуть было и не позабылъ. Пожалуйста, вы-то не позабудьте».

Въ 1836 г., когда въ «Телескопѣ» было напечатано знаменитое «Философическое письмо», Чаадаевъ послалъ одинъ оттискъ Пушкину, и Пушкинъ отозвался обширнымъ, внимательно обдуманнымъ письмомъ, которое дошло до насъ въ двухъ черновикахъ: оно осталось непосланнымъ, какъ думаютъ, потому, что Пушкинъ до отсылки его узналъ о бурѣ, вызванной чаадаевскимъ письмомъ въ оффиціальныхъ сферахъ. Письмо Пушкина носитъ явные слѣды осторожности и умолчаній на тотъ конецъ, если-бы оно попало въ ненадлежащія руки. Во всякомъ случаѣ, оно чрезвычайно замѣчательно. Основную идею Чаадаева, его философію исторіи, Пушкинъ опять обходитъ молчаніемъ. Скорѣе можно думать, что онъ принимаетъ ее,—по крайней мѣрѣ, въ своихъ возраженіяхъ онъ отъ нея исходитъ. Его замѣчанія касаются исключительно прикладной стороны чаадаевской теоріи—его взгляда на Россію; они настолько послѣдовательны, что въ главномъ Чаадаевъ и самъ уже нѣсколько раньше додумался до нихъ, и такъ полны ума и чувства, какъ могъ писать тогда о Россіи, кромѣ Чаадаева, одинъ Пушкинъ.

Въ самый годъ смерти Пушкина Чаадаевъ, высочайше объявленный за свое «Философическое письмо» сумасшедшимъ, началъ писать «Апологію сумасшедшаго», и здѣсь, смягчая свой прежній безнадежный отзывъ о Россіи, онъ сказалъ: «наконецъ, можетъ быть преувеличеніемъ было опечалиться на минуту о судьбѣ народа, изъ нѣдръ котораго вышли могучая натура Петра Великаго, всеобъемлющій умъ Ломоносова и граціозный геній Пушкина». Въ 1837 году такъ оцѣнить національное значеніе Пушкина умѣли, конечно, немногіе.

Чаадаевъ пережилъ Пушкина почти на двадцать лѣтъ. Онъ гордился дружбою поэта и старался, чтобы и другіе не забывали о ней. Ужъ онъ не преминетъ, поглаживая свой голый черепъ, обстоятельно разсказать новому знакомому исторію этой дружбы и услуги, оказанной имъ Пушкину, когда онъ «спасъ» его отъ Соловокъ; еще незадолго до смерти, когда П. И. Бартеневъ началъ печатать въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» матеріалы для біографіи Пушкина, онъ былъ крайне уязвленъ умолчаніемъ въ нихъ о себѣ и нажаловался на молодого автора Шевыреву до-нельзя обиженнымъ письмомъ. Но правда требуетъ сказать, что Пушкинъ дѣйствительно любилъ его, какъ немногихъ. Узнавъ объ

ЧААДАЕВЪ ВЪ СВОЕМЪ МОСКОВСКОМЪ КАБИНЕТѢ.

Съ картины, находящейся въ Румянцевскомъ Музеѣ. Воспроизводится впервые.

отъѣздѣ Чаадаева за-границу, онъ порадовался за него, но эгоистически огорчился: «Любимая моя надежда была съ нимъ путешествовать. Теперь Богъ знаетъ, когда свидимся». Вскорѣ по пріѣздѣ въ Михайловское, въ 1824 г., онъ вмѣстѣ съ перстнемъ, безъ котораго ему «грустно», велитъ брату прислать себѣ и портретъ Чаадаева. Друзья знаютъ его слабость къ Чаадаеву: когда Нащокинъ, недолюбливавшій Чаадаева, хочетъ въ письмѣ къ Пушкину (уже въ 30-хъ годахъ) сдѣлать о немъ критическое замѣчаніе, онъ оговариваетъ: «Еще съ позволенія вашего скажу (ибо ты не любишь, чтобы я объ немъ говорилъ), рука на сердцѣ, говорю правду, что онъ еще блуждаетъ», и пр.

Проходя мимо церкви Вознесенія у Никитскихъ воротъ въ Москвѣ, вы непремѣнно каждый разъ вспомните, что здѣсь вѣнчался Пушкинъ,—и что-то милое, уютное, родное глянетъ на васъ и съ этого ветхаго домика насупротивъ, и изъ крутого переулочка, откуда входятъ въ церковь. Особенное очарованіе лежитъ для насъ на всемъ, до чего въ своей жизни дотронулся Пушкинъ. И потому, какъ ни значителенъ для насъ Чаадаевъ самъ по себѣ, какъ ни дорого намъ его собственное наслѣдіе, дружба съ Пушкинымъ что-то еще прибавляетъ ему: одна изъ самыхъ теплыхъ чертъ его облика, несомнѣнно, заключается въ томъ, что его любилъ Пушкинъ.

М. Гершензонъ.

Вильгельмъ Карловичъ фонъ-Кюхельбекеръ.

(1797 — 1846).

I.

Жизнь Вильгельма Карловича Кюхельбекера—цѣлая романтическая поэма, очень печальная. Кюхельбекеръ родился 10 іюня 1797 г. въ Петербургѣ, въ нѣмецкой семьѣ, но роднымъ языкомъ былъ для него языкъ русскій. Въ то время, когда онъ еще ни слова не зналъ по-нѣмецки, русская кормилица и русскія няньки давали ему первые уроки словесности. Вторымъ учителемъ въ тѣ же дѣтскіе годы былъ Карамзинъ, котораго съ упоеніемъ читалъ этотъ эксцентричный и восторженный мальчикъ. На всю жизнь осталась у него, у нѣмца, эта съ юныхъ лѣтъ привитая ему любовь къ Россіи. Положимъ, въ русскомъ языкѣ и въ стилистикѣ ему никогда не удавалось достигнуть мастерства и свободы, но зато любовь ко всему русскому, начиная отъ сказокъ, кончая политикой, при немъ осталась. Онъ былъ среди патріотовъ александровскаго и николаевскаго царствованій однимъ изъ самыхъ рьяныхъ.

Въ 1812 году мы встрѣчаемъ Кюхельбекера въ частномъ пансіонѣ въ городѣ Верро, а три года спустя (1815) воспитанникомъ Царскосельскаго Лицея. Къ точнымъ наукамъ онъ особенной любви не обнаружилъ, но къ словесности во всѣхъ ея видахъ питалъ нѣжнѣйшую страсть. Поведеніемъ онъ не могъ похвастаться, и начальство часто его наказывало. Зато товарищи любили его за доброту сердца, за его горячность, за эксцентричность темперамента, комическая сторона котораго не заслоняла для лицъ, его близко знавшихъ, идейной сущности всѣхъ его странностей.

Изъ этихъ товарищей наиболѣе близки были ему Дельвигъ и Пушкинъ.

Въ 1817 году Кюхельбекеръ былъ выпущенъ изъ Лицея и поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Имѣлъ онъ терпѣніе прослужить четыре года и вышелъ въ 1821 году въ отставку. Энтузіастъ, который еще ребенкомъ любилъ уединяться въ лѣса и восторженно импровизировать рыцарскія сказки и поэмы, который жилъ всегда во враждѣ со всякими разсчетами и изящную, идеальную сторону жизни предпочиталъ матеріальной, — онъ былъ совсѣмъ не созданъ для какой-нибудь службы, за исключеніемъ, конечно, службы музамъ, съ которыми онъ сдружился еще въ Лицеѣ. Этому служенію онъ и отдался, когда простился съ министерствомъ. Перезнакомился онъ быстро со всѣмъ наличнымъ составомъ тогдашнихъ литераторовъ, и молодыхъ и старыхъ, и сталъ писать одновременно въ цѣломъ рядѣ журналовъ. Знакомый Карамзина, Крылова, Жуковскаго, Гнѣдича и Катенина, товарищъ Пушкина, Дельвига, пріятель Баратынскаго, Плетнева, Грибоѣдова, Туманскаго, Рылѣева, Марлинскаго и В. Одоевскаго—онъ имѣлъ доступъ во всѣ редакціи и его печатали охотно, хотя все, что онъ писалъ, по исполненію, было далеко отъ художественнаго совершенства. Журнальная дѣятельность, не только творческая, но и критическая и публицистическая, заставила Кюхельбекера подумать о пополненіи образованія. Онъ приналегъ на науку, возымѣлъ мысль даже посвятить себя ей и ея преподаванію—что, кстати сказать, для него не было бы новинкой, такъ какъ онъ, еще служа въ министерствѣ, въ то же время былъ учителемъ русскаго и латинскаго языковъ въ Педагогическомъ Институтѣ. Изъ наукъ онъ, кажется, въ это время больше всего интересовался философіей.

Научныя занятія и литературная работа были прерваны неожиданнымъ отъѣздомъ Кюхельбекера заграницу. Ему предложили сопровождать А. Н. Нарышкина въ

качествѣ секретаря и условія были выгодныя. Побывалъ онъ въ Германіи, исходилъ тамъ всѣ музеи и картинныя галлереи и знакомился съ кѣмъ только могъ изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ людей. Въ Веймарѣ Кюхельбекеръ посѣтилъ Гёте и отмѣтилъ съ большой радостью, что старикъ интересуется русской литературой... Небо Италіи, кажется, не особенно плѣнило Кюхельбекера, и онъ тосковалъ на югѣ; но скоро Парижъ его утѣшилъ. Онъ сталъ къ тому же вольной птицей: съ Нарышкинымъ, со своимъ «бариномъ» какъ онъ говорилъ, онъ разссорился и изъ секретаря превратился въ свободнаго художника-литератора. Здѣсь, въ Парижѣ, передъ французской аудиторіей выступилъ онъ однажды въ роли лектора славянскихъ литературъ и языка. Лекціи имѣли успѣхъ, но были очень скоро прекращены по требованію русскаго правительства, такъ какъ лекторъ разрѣшилъ себѣ какія-то вольнодумныя выходки. Въ чемъ онѣ состояли, съ точностью неизвѣстно, но на Кюхельбекера послѣ этого инцидента долго косились, и бывшій директоръ Лицея Энгельгардтъ совѣтовалъ ему вообще на нѣкоторое время удалиться съ литературнаго горизонта. Съ этого горизонта онъ, дѣйствительно, сошелъ, но на короткій срокъ, и въ концѣ 1821 г. очутился на Кавказѣ, чиновникомъ при Ермоловѣ. Онъ уѣхалъ бы и дальше, въ Персію, какъ ему предлагали, если бы довольно бурная скандальная ссора и дуэль съ однимъ близкимъ Ермолову лицомъ не заставили его черезъ полгода вернуться въ Россію и на весь 1823 годъ запереться въ деревнѣ. Здѣсь ему, конечно, не сидѣлось. Въ концѣ 1823 года онъ переселился въ Москву, сталъ опять вольнымъ преподавателемъ русской словесности въ университетскомъ пансіонѣ и въ частныхъ домахъ и вновь весьма усердно принялся за литературную работу. Носился онъ тогда съ планомъ «вольнолюбивой» трагедіи, которую мечталъ посвятить Государю. Въ 1824 году началась его работа въ редакціи литературнаго и философскаго альманаха «Мнемозина», который онъ издавалъ вмѣстѣ съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ. Весна 1825 года застала его въ Петербургѣ, гдѣ у него не было никакихъ опредѣленныхъ занятій. Въ концѣ года открылись опять кое-какіе виды на педагогическую дѣятельность, но день 14-го декабря осудилъ его невзначай на медленную и мучительную агонію.

Для политической агитаціи Кюхельбекеръ былъ совершенно непригоденъ, и все участіе его въ декабрьскомъ движеніи—какъ видно изъ его собственныхъ показаній на судѣ—носило характеръ чистой случайности. Принятъ былъ онъ въ тайное общество Рылѣевымъ чуть ли не наканунѣ рокового дня. Въ предварительныхъ засѣданіяхъ и преніяхъ не участвовалъ и—какъ самъ выражался—до 14-го числа ни отъ кого ничего не зналъ и не слышалъ. Утромъ 14-го ему Рылѣевъ сказалъ, что полки въ этотъ день должны присягать Николаю Павловичу, но что многіе изъ нихъ на это несогласны; Рылѣевъ просилъ Кюхельбекера отправиться на площадь, дождаться прихода войскъ и, присоединившись къ войскамъ, кричать ура Константину. На площадь Кюхельбекеръ пришелъ слишкомъ рано и никого на ней не засталъ; пошелъ домой и встрѣтилъ по дорогѣ кн. А. Одоевскаго, который снабдилъ его пистолетомъ. Затѣмъ пришелъ онъ къ Рылѣеву и, по его порученію, поѣхалъ опять на площадь. По дорогѣ вывалился изъ саней и уронилъ въ снѣгъ свой пистолетъ, который смокъ. На площади онъ остался, но въ полномъ невѣдѣніи, что ему дѣлать. Дѣйствовалъ онъ, очевидно, подъ вліяніемъ охватившаго его психоза, на что и самъ указывалъ въ своихъ показаніяхъ. Воображеніе его такъ разыгралось, что онъ приписывалъ себѣ и другимъ рѣчи и факты, которыхъ не было, и самъ обратилъ вниманіе судей на «разстройство своихъ способностей тѣлесныхъ и душевныхъ», такъ какъ «сомнѣвался во всегдашнемъ благоустройствѣ своихъ умственныхъ силъ». «Очнулся я, говорилъ онъ, только тогда, когда услышалъ картечные выстрѣлы; все остальное передо мной какъ будто было во снѣ». Въ этомъ тяжкомъ снѣ онъ — по показанію очевидцевъ — метался по площади, размахивалъ пистолетомъ и еще палашомъ, которымъ запасся, командовалъ людямъ, которые его не слушали, хотѣлъ вести солдатъ гвардейскаго экипажа въ штыки, но они за нимъ не пошли. Велъ онъ себя — какъ говорилъ И. Пущинъ—хоть и на трагической сценѣ, но смѣшно. Среди этихъ, быть можетъ, и комическихъ въ извѣстномъ смыслѣ, выходокъ была одна, имѣвшая самое трагическое вліяніе на судьбу несчастнаго Кюхельбекера. Это было покушеніе, какое онъ произвелъ на жизнь В. К. Михаила Павловича и генерала Воинова. Онъ навелъ свой пистолетъ на Великаго Князя, но какой-то солдатъ отвелъ его; въ генерала Воинова онъ стрѣлялъ, но

отсырѣвшій пистолетъ далъ осѣчку. Что касается этого покушенія на генерала Воинова, то самъ Кюхельбекеръ не могъ дать яснаго отвѣта на то, какъ это случилось: очевидно, что онъ находился въ состояніи невмѣняемомъ. Про покушеніе на Великаго Князя Кюхельбекеръ говорилъ настойчиво и ясно, что онъ совершилъ его въ полномъ сознаніи и съ очень опредѣленною цѣлью. Такъ какъ Михаилъ Павловичъ зналъ лично его семью и въ извѣстномъ смыслѣ покровительствовалъ ей, то Кюхельбекеръ, опасаясь, какъ бы кто-нибудь другой не совершилъ настоящаго покушенія съ печальными послѣдствіями, взялъ это дѣло на себя, вполнѣ увѣренный, что его отсырѣвшій пистолетъ не выстрѣлитъ. Объясненіе это можетъ, конечно, показаться очень натянутымъ и неправдоподобнымъ, но, судя по необычайно искреннему тону признаній Кюхельбекера, должно предположить, что онъ говорилъ сущую правду.

Подъ вечеръ 14-го, когда толпа обратилась въ бѣгство, убѣжалъ и Кюхельбекеръ. Захвативъ съ собой своего крѣпостного человѣка, переодѣвшись, онъ пѣшкомъ направился къ западной границѣ, какъ онъ утверждалъ, въ Варшаву къ В. К. Константину Павловичу. Ему удалось добраться до Варшавы, но здѣсь, въ первые же часы по прибытіи, онъ былъ узнанъ, отчасти по оригинальной его внѣшности, описаніе которой было распубликовано, отчасти въ виду неосторожныхъ разговоровъ. 25 января 1826 года онъ былъ доставленъ въ Петербургъ въ Петропавловскую крѣпость. Судъ вынесъ ему смертный приговоръ, замѣненный 15-тилѣтнимъ арестомъ въ крѣпостяхъ и затѣмъ пожизненной ссылкой.

На этомъ моментѣ его жизни можно было-бы и оборвать его біографію, такъ какъ все то, что за этимъ послѣдовало, было въ сущности медленнымъ умираніемъ.

Изъ Петропавловской крѣпости Кюхельбекера перевели въ Шлиссельбургъ, оттуда въ казематъ Динабургской крѣпости, затѣмъ по прошествіи четырехъ лѣтъ въ Ревельскую цитадель (1831), потомъ въ Свеаборгскую крѣпость и, наконецъ, оттуда въ 1835 году онъ попалъ на поселеніе въ восточную Сибирь, въ Баргузинъ. Какъ жилось ему въ этихъ тюрьмахъ—можно легко себѣ представить, но Кюхельбекеръ не унывалъ. Если для него, какъ онъ говорилъ, «не существовало времени вообще, и десять лѣтъ и завтра были одно и то же», то у него зато было много времени для чтенія и писанія, въ чемъ ему не отказывали. Онъ въ тюрьмѣ выучился многимъ языкамъ, и его нерѣдко посѣщало вдохновеніе. Помирившись съ гибелью своей личной жизни, онъ опасался лишь гибели своего таланта. Эти опасенія были напрасны, но всетаки, хотя онъ и сдружился со своимъ одиночнымъ заключеніемъ, оно его надломило. Жизнь въ Сибири была, конечно, лучше тюрьмы, но и она была жизнью тяжкой. Намекая на провинціальное общество, среди котораго ему приходилось жить, Кюхельбекеръ сравнивалъ себя съ Прометеемъ, заклеваннымъ воробьями; всего больше его угнетали денежная нужда и быстро развивавшаяся болѣзнь, которая и свела его въ могилу. Въ Сибири онъ женился (1837) на женщинѣ, которая была далека отъ его духовныхъ интересовъ. На время послѣ женитьбы онъ какъ будто-бы помолодѣлъ, но начинать вторую жизнь было уже поздно, тѣмъ болѣе, что нужда и болѣзнь дѣлали свое дѣло. Кюхельбекеръ угасалъ быстро. Онъ умеръ въ августѣ 1846 года въ Тобольскѣ, куда попалъ послѣ долгихъ странствованій по разнымъ мѣстамъ Сибири.

II.

Въ Лицеѣ Кюхельбекеръ считался однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ и при выпускѣ получилъ серебряную медаль. Товарищи оцѣнили въ немъ эту серьезную сторону его ума при всѣхъ его странностяхъ. Въ числѣ первыхъ оцѣнилъ ее и Пушкинъ. Дружба Пушкина съ Кюхельбекеромъ носила нѣсколько необычный характеръ. У большинства въ памяти удержалась преимущественно ея шутливая сторона. Пушкинъ шутилъ и потѣшался надъ Кюхельбекеромъ, иногда настолько жестоко, что его товарищъ помышлялъ о барьерѣ. Въ данномъ случаѣ Пушкинъ не отставалъ отъ всѣхъ своихъ товарищей, для которыхъ Кюхельбекеръ былъ мишенью всевозможныхъ насмѣшекъ. Въ сатирическомъ журналѣ («Лицейскій Мудрецъ»), который издавали лицеисты, Кюхельбекеръ часто появлялся подъ именемъ Гезеля (Gesell), и ему доставалось за пристрастіе къ дерптскимъ студентамъ и за дурное произношеніе русскаго языка *).

*) Карикатуры на Кюхельбекера см. въ т. I настоящ. изданія, стр. 55 и 375. Портретъ Кюхельбекера въ т. V, стр. 418.

Во всѣхъ такихъ шуткахъ мѣткости и остроты было мало и къ характеристикѣ Кюхельбекера онѣ ничего не прибавляютъ. Ничего не говоритъ и столь извѣстная эпиграмма Пушкина, которому въ трудную минуту вдругъ стало «кюхельбекерно»—слово, которое потомъ Пушкинъ принялъ въ свой лексиконъ, какъ видно изъ его писемъ. Гораздо полновѣснѣе было другое словцо, которымъ Пушкинъ окрестилъ своего друга и которое Кюхельбекеру должно было понравиться, если бы онъ его услышалъ. Пушкинъ въ 1823 году называлъ Кюхельбекера «Анахарсисомъ Клоцемъ» и тѣмъ самымъ пополнилъ наши свѣдѣнія о радикальномъ образѣ мыслей своего друга, мыслей, о которыхъ до 1825 года мы знаемъ такъ мало.

Не менѣе, чѣмъ внѣшность поэта, могли дать поводъ къ насмѣшкамъ и его литературные вкусы и писанія. Разсказовъ о такихъ насмѣшкахъ ходитъ немало, но что касается Пушкина, то онъ въ своихъ шуткахъ былъ достаточно сдержанъ и милостивъ.

Онъ смѣялся очень надъ «славяно-русскими стихами изъ Іереміи», которыми «чудакъ» Кюхельбекеръ воспѣвалъ Грецію, «великолѣпную, классическую, поэтическую Грецію, гдѣ все дышитъ миѳологіей и героизмомъ» (1822 г.). Потѣшался Пушкинъ и надъ нѣкоторыми мѣстами изъ очень слабой и неудачной комедіи своего друга «Шекспировы духи», написанной въ стилѣ Шихматова; бранилъ автора за его страсть сочинять совсѣмъ не-русскіе слова и обороты, но выражалъ ему полное одобреніе, и даже очень повышенное, за нѣкоторыя страницы и за удачные типы (1825 г.) Рѣшительнаго осужденія поэтическихъ мечтаній Кюхельбекера Пушкинъ не высказывалъ, если не считать одного письма къ Жуковскому (1825 г.), въ которомъ онъ говорилъ, что ему подумать страшно, что стихи Жуковскаго могутъ быть напечатаны вмѣстѣ со стихами Кюхельбекера. Но въ общемъ судъ Пушкина надъ его другомъ-писателемъ былъ въ его пользу—Пушкинъ признавалъ въ Кюхельбекерѣ вообще писателя, и поэта и, въ особенности, критика. «Сколько я ни читалъ о романтизмѣ,—писалъ Пушкинъ Бестужеву въ 1825 г.—все не то; д а ж е Кюхельбекеръ вретъ». И, наконецъ, Вяземскому Пушкинъ говорилъ совсѣмъ серьезно: «Кюхельбекеръ человѣкъ дѣльный съ перомъ въ рукахъ, хоть и сумасбродъ» (1825 г.), и объ изданіи стихотвореній этого сумасброда Пушкинъ въ 1831 году хлопоталъ у гр. Бенкендорфа.

Но какъ бы ни потѣшался надъ своимъ «Вилей» и «Кюхлей» Пушкинъ, какъ бы ни было ему ясно все несовершенство его твореній, но онъ его любилъ глубокой любовью за его умъ и сердце. За смѣшной наружностью и смѣшными словами Пушкинъ чувствовалъ глубину и серьезность духа этого человѣка. Стоитъ вспомнить то, что Пушкинъ писалъ въ своихъ стихотвореніяхъ (не шутливыхъ) о своемъ другѣ, чтобы увидать, какъ много серьезнаго и возвышеннаго было связано въ воспоминаніяхъ Пушкина съ именемъ Кюхельбекера. О Шиллерѣ, о любви, о славѣ вспоминалъ онъ, когда онъ о немъ думалъ, и очень теплыя строки лицейскихъ годовщинъ были посвящены ихъ дружбѣ. Человѣка возвышенно думающаго и съ золотымъ сердцемъ онъ въ немъ всегда цѣнилъ, и сталъ цѣнить его очень рано. «Желаю Кюхельбекеру,—писалъ Пушкинъ Дельвигу въ 1821 г.,—духа цѣломудрія въ Парижѣ, смиренномудрія и терпѣнія. О духѣ любви я не безпокоюсь, въ этомъ нуждаться онъ не будетъ». Можетъ быть, эти слова были сказаны тогда въ игривомъ смыслѣ, но въ отношеніяхъ Пушкина къ Кюхельбекеру духъ истинной любви присутствовалъ всегда, и съ той и съ другой стороны.

Въ письмахъ Пушкинъ посылалъ другу частыя братскія лобзанія, тревожился, когда Кюхельбекеръ капризничалъ и дулся, и просилъ о посредничествѣ друзей (1823). Онъ «страждалъ за него; но все любилъ его» (1825).

Нѣтъ точныхъ свѣдѣній, какъ Пушкинъ принялъ извѣстіе о несчастіи, сразившемъ Кюхельбекера. Изъ осторожности Пушкинъ молчалъ объ этомъ въ своихъ письмахъ, и только Дельвигу писалъ онъ вскользь: «радуюсь, что тевтонъ Кюхля не былъ славянинъ (т.-е. не принадлежалъ къ обществу соединенныхъ славянъ), а охмелѣлъ въ чужомъ пиру». Но радоваться было нечему.

Трогательна была послѣдняя встрѣча въ сей земной жизни двухъ пріятелей.

Въ октябрѣ 1827 года Кюхельбекера перевозили въ Динабургскую крѣпость подъ конвоемъ. На одной изъ станцій къ «преступнику бросился въ объятія нѣкто г. Пушкинъ и началъ послѣ поцѣлуя съ нимъ разговаривать. Я—рапортуетъ сопровождавшій Кюхельбекера фельдъегерь,—видя сіе,

наипоспѣшнѣйше отправилъ, какъ перваго, такъ и другого за полверсты отъ станціи, дабы не дать имъ разговаривать. Г-нъ Пушкинъ просилъ меня дать Кюхельбекеру денегъ; я въ семъ ему отказалъ. Тогда онъ, г-нъ Пушкинъ, кричалъ и, угрожая мнѣ, говорилъ, что по прибытіи въ Петербургъ въ ту же минуту Его Императорскому Величеству пожалуется какъ за недопущеніе распроститься съ другомъ, такъ и дать ему на дорогу денегъ. Самъ же г-нъ Пушкинъ между прочими угрозами объявилъ мнѣ, что онъ былъ посаженъ въ крѣпость и потомъ выпущенъ, почему я еще болѣе препятствовалъ имѣть ему сношеніе съ арестантомъ».

Это была ихъ послѣдняя встрѣча. Въ Сибири Кюхельбекеръ часто вспоминалъ Пушкина, и слова, въ которыхъ выливалось это поэтическое воспоминаніе, были болѣе справедливы, чѣмъ выводы, къ которымъ Кюхельбекеръ иногда приходилъ, когда хотѣлъ серьезно критиковать произведенія своего друга.

Ты на якорѣ - и бури
Ужь не мрачатъ твоей лазури...
Будь слава Промыслу благому!
Изъ грозной, тягостной борьбы
Съ вѣнкомъ ты вышелъ. Что и грому
Гремѣть отнынѣ? Былъ свирѣпъ;
Но ты подъ ревъ его окрѣпъ...
Данъ ты въ честь,
Въ утѣху данъ родному краю!..
Расторгъ ты козни вѣроломства;
Итакъ: впередъ, и въ слухъ потомства
Пролейся въ пѣсняхъ вѣковыхъ!
Талантъ, любимцу Небомъ данный,
Въ унылой ночи нѣдръ земныхъ
Да не сокроется... [1832]

Чьи рѣзче всѣхъ рисуются черты
Предъ взорами моими? Какъ перуны
Сибирскихъ грозъ, его златыя струны
Рокочутъ... Пушкинъ, Пушкинъ! это ты!
Твой образъ—свѣтъ мнѣ въ морѣ темноты,
Твои живыя вѣщія мечты
Меня не забывали въ ту годину,
Какъ пилъ и ты, уединенъ, кручину.
Тогда и ты, какъ нѣкогда Назонъ,
Къ родному краю простиралъ объятья,
И надъ Невой затрепетали братья,
Услышавъ гармоническій твой стонъ.
Съ сѣдого Пейпуса, волшебный, онъ
Раздался, прилетѣлъ и прервалъ сонъ,
Дремоту нашихъ мелкихъ попеченій—
И погрузилъ насъ въ волны вдохновеній...
[1836]

Въ гробъ бездонный, молніей сраженный,
Послѣдній палъ родимый мнѣ поэтъ—
И вотъ опять Лицея день священный—
Но Пушкина уже межь вами нѣтъ!
Не принесетъ онъ новыхъ пѣсенъ вамъ,
Отъ нихъ не затрепещутъ груди ваши,
Не выпьетъ съ вами онъ заздравной чаши—
Онъ воспарилъ къ заоблачнымъ друзьямъ.
Онъ нынѣ съ нашимъ Дельвигомъ пируетъ,
Онъ нынѣ съ Грибоѣдовымъ моимъ:
По нихъ, по нихъ душа моя тоскуетъ;
Я жадно руки простираю къ нимъ.... [1837]

III.

Конечно, не въ силѣ ума Кюхельбекера, не въ силѣ его поэтическаго дара слѣдуетъ искать корней этой дружбы Пушкина, дружбы, дѣйствительно, сердечной, а не покровительственной. Сначала ихъ сблизила юность, всегда щедрая въ своемъ довѣріи и симпатіяхъ, затѣмъ поэзія лицейскихъ мечтаній скрѣпила ее и, наконецъ, несчастіе придало ей ореолъ извѣстной святости. Но, помимо всего этого, въ самой натурѣ Кюхельбекера было нѣчто, что не могло не вызвать отклика въ душѣ истиннаго поэта. Онъ, этотъ нелѣпый Кюхельбекеръ, самъ по себѣ, какъ человѣкъ, какъ явленіе жизни, былъ по-своему поэтиченъ. Оригинальнѣйшее сочетаніе матеріи и духа представлялъ онъ собою. Длинный до безконечности, притомъ сухой и какъ-то странно извивавшійся всѣмъ тѣломъ — «глистъ», какъ его звали въ Лицеѣ—онъ былъ ярый поклонникъ красоты—гармоніи сущностей и формъ, разлитой въ мірѣ. Эксцентричный умъ, пылкія страсти, живость фантазіи, вопреки его культу красоты, принимали въ немъ, въ его поведеніи и рѣчахъ, обликъ чего-то совсѣмъ несуразнаго, подчасъ дикаго. Ненормальнымъ человѣкомъ казался онъ почти всѣмъ, кто съ нимъ сталкивался. Всѣ, начиная съ императора Александра Павловича, знали за нимъ эту способность становиться всегда въ какое-то неловкое положеніе и къ людямъ и къ событіямъ, и многіе приписывали эксцентричность его рѣчей и выходокъ прямо его умственной неуравновѣшенности. «Сумасшедшій»—говорили про него Карамзинъ, Жуковскій и Грибоѣдовъ. Полевому онъ казался человѣкомъ, сотканнымъ изъ противорѣчій и нелѣпостей. «Твоя голова часто творитъ dumme Streiche,—писалъ ему однажды его старый наставникъ Энгельгардтъ,—тебѣ нравятся твои такъ называемыя странности,

но нужно, чтобы тебя меньше тѣшила мысль о нихъ. Быть страннымъ дозволяется, не надобно только, чтобы самъ человѣкъ это сознавалъ». Но едва-ли Кюхельбекеръ чудилъ сознательно. Когда ему самому приходилось думать надъ этими странностями, какими проявлялъ себя его «духъ», тотъ духъ, о которомъ онъ и по праву думалъ высоко,—онъ объяснялъ себѣ дѣло иначе. «Вѣрьте, что я былъ лучше и хуже молвы и сужденій обо мнѣ людей, знавшихъ только мою наружность». «Я всегда былъ недоволенъ моимъ настоящимъ положеніемъ, всегда имъ жертвовалъ будущему и въ будущемъ предвидѣлъ однѣ непріятности; многіе почитали меня человѣкомъ необыкновеннымъ и ошибались, другіе...» Быть можетъ, еще правильнѣе понялъ онъ свою душу, когда послѣ долгихъ лѣтъ тюрьмы и ссылки, припоминая, какъ Искупитель благословлялъ дѣтей, онъ чистосердечно признавался, что и онъ младенецъ, и что до гроба быть такимъ младенцемъ—вотъ все, о чемъ онъ проситъ Бога. Дѣйствительно, если быть взрослымъ младенцемъ значитъ безхитростно и безъ разсчета смотрѣть на міръ и на людей, довѣряться имъ и любить ихъ, грѣшить безъ злобы, вѣрить въ близкое торжество правды и любви на землѣ, ненавидѣть свирѣпо тѣхъ, кто причиняетъ боль ближнему, умѣть сострадать, не отступать передъ невозможнымъ, грозить и не замѣчать, какъ безсильна угроза и какъ другіе надъ ней смѣются, наконецъ, любить чудесное и чудить, засыпать подъ сказку и капризничать при пробужденіи—если все это значитъ быть ребенкомъ, то такимъ именно и былъ этотъ идеалистъ и романтикъ, поэтическую душу котораго Пушкинъ цѣнилъ и любилъ. Но Пушкинъ могъ любить и цѣнить, помимо души своего друга, и ту нелѣпую форму, къ какую иногда облекались ея проявленія. Вѣкъ былъ романтическій, и сочетаніе «возвышеннаго съ причудливымъ «du grotesque и «du sublime» было тогда въ цѣнѣ и въ модѣ.

IV.

Кюхельбекеръ былъ идеалистъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Во всемъ въ жизни стремился онъ вычитать проявленіе какого-нибудь высшаго принципа, сначала философскаго, а затѣмъ, во время долгихъ лѣтъ своего земного страданія, принципа религіознаго и мистическаго.

Къ мышленію отвлеченному, метафизическому, «выше-физическому», какъ онъ выражался, чувствовалъ онъ большую склонность. Рѣшительный врагъ того взгляда на міръ, «который цѣль бытія заключаетъ единственно въ мгновеніи», переживаемомъ человѣкомъ здѣсь на землѣ, онъ былъ сторонникомъ мысли, благопріятствующей религіозно-философскому, чисто-философскому или, какъ онъ выражался, «размышляющему» міровоззрѣнію. Во Франціи его симпатіи были на сторонѣ идеологовъ и эклектиковъ—Дежерандо, Гизо и Кузена, «достойныхъ продолжателей Малебранша, Декарта и Паскаля». Въ Германіи его любимымъ философомъ былъ Шеллингъ.

Кюхельбекеръ не изучалъ Шеллинга систематично и прилежно, такъ какъ, по собственному его признанію, въ немъ не было того постоянства, той всепобѣждающей твердости, которая необходима для пріобрѣтенія глубокихъ знаній, но изъ замѣтокъ, которыя попадаются въ его сочиненіяхъ и дневникахъ, видно, что Шеллингъ привлекалъ къ себѣ его вниманіе чаще другихъ мыслителей. Въ кругѣ этой философіи и вращалась далеко, впрочемъ, не строгая мысль Кюхельбекера въ дни его свободы, въ тѣ годы усиленной журнальной работы, когда онъ вмѣстѣ съ Одоевскимъ—самымъ глубокомысленнымъ изъ нашихъ тогдашнихъ шеллингіанцевъ — издавалъ альманахъ «Мнемозину», который долженъ былъ служить проводникомъ нѣмецкой философіи въ Россіи.

Съ 1825 года Кюхельбекеръ не имѣлъ возможности слѣдить за развитіемъ философской мысли на Западѣ, какъ онъ слѣдилъ раньше. Но всетаки это развитіе отъ его пытливаго вниманія не ускользнуло. Онъ остался вѣренъ своему любимому «выше-физическому» образу мысли, и большой тревогой былъ исполненъ его умъ, когда онъ почувствовалъ, что золотой вѣкъ метафизики проходитъ. Это раздуміе охватило Кюхельбекера въ серединѣ 30-тыхъ годовъ, когда еще только зарождалось новое позитивное направленіе въ философіи. Впрочемъ, философія Гегеля, тогда въ самомъ цвѣту въ Россіи, могла бы утѣшить Кюхельбекера, но онъ, кажется, не имѣлъ о ней понятія и утѣшалъ себя иначе. Усматривая въ новомъ поворотѣ философской мысли опасность для всего возвышеннаго и идеальнаго въ жизни, Кюхельбекеръ себя успокаивалъ тѣмъ, что если Германія и охладѣла къ Фихте и Шеллингу,

то всетаки она никогда не можетъ охладѣть къ истинной метафизикѣ, потому что метафизика состоитъ въ тѣсномъ союзѣ съ красотой и вѣрой. «Утверждать, что духъ нашего времени благопріятствуетъ наукамъ естественнымъ, механикѣ и наукамъ политическимъ исключительно—писалъ нашъ философъ—значитъ односторонне смотрѣть на нашъ вѣкъ. Противъ такой оцѣнки говоритъ вся наша поэзія—Байронъ, Муръ, Скоттъ, Саути, Казиміръ де ла Винь, Ламартинъ, Виньи, Манцони, Нѣмцы съ Гёте до нашихъ современниковъ, Мицкевичъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ. Передъ лицомъ такихъ творцовъ выше-физическаго міра можно ли говорить объ одностороннемъ позитивномъ направленіи нашего вѣка?» Признавъ въ поэзіи лучшее и сильнѣйшее противоядіе позитивизму, Кюхельбекеръ успокоился. Впрочемъ, онъ съ годами вообще охладѣлъ къ философіи. Подъ давленіемъ тяжелыхъ условій его жизни онъ сталъ отставать отъ науки, и религіозное чувство, которое съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе въ немъ укрѣплялось, превращало его изъ мыслителя въ смиренно-вѣрующаго человѣка. Тревога духа въ немъ утихала; наивная чуткость его души, отдававшая его такъ часто во власть минутному настроенію и вспышкамъ восторженнаго чувства, стала сказываться все рѣже и рѣже, по мѣрѣ того, какъ текли годы ссылки и заключенія; и бурный романтикъ превращался въ богобоязненнаго поэта, при которомъ осталась только глубокая вѣра въ человѣка и въ его гуманное призваніе на землѣ.

Кюхельбекеръ былъ съ дѣтства религіозенъ; въ глубинѣ души своей онъ былъ сентименталистъ и піэтистъ, и философская мысль, о которой мы говорили, никогда въ открытую борьбу съ этимъ піэтизмомъ не вступала: ни въ сочиненіяхъ Кюхельбекера, ни въ его дневникахъ мы не находимъ и слѣда той борьбы вѣры и умозрѣнія, которая, въ особенности въ юношескихъ годахъ, для истиннаго философа неизбѣжна. Религія совершила мирный захватъ его сердца, и ничто ея власти надъ этимъ сердцемъ не оспаривало. Кюхельбекеръ всю жизнь былъ противникомъ «Виландо-Кантовскаго индифферентизма», какъ онъ выражался, т.-е. противникомъ критицизма, упирающагося въ недоказуемое или одинаково вѣроятное, и врагомъ эпикуреизма, порывающаго связь между Божествомъ и человѣкомъ. Кюхельбекеръ эту связь всегда живо чувствовалъ.

Иногда его религіозное настроеніе принимало мистическую окраску. Вмѣстѣ съ Лафатеромъ и Юнгъ-Штиллингомъ вѣрилъ онъ въ непосредственное видимое дѣйствіе Провидѣнія, помогающаго людямъ въ ихъ частной жизни вещественными явленіями, т.-е. чудесами; онъ искалъ въ сновидѣніяхъ намековъ и указаній для жизни дѣйствительной, онъ вѣрилъ въ возможность общенія съ умершими, и, само собой разумѣется, онъ былъ ярымъ исповѣдникомъ безсмертія души; иногда онъ доходилъ до того, что утверждалъ, будто самъ видѣлъ никого иного какъ самого чорта; иногда онъ просто бредилъ.

При такомъ наплывѣ религіознаго настроенія и мистическихъ чаяній въ Кюхельбекерѣ росло чувство смиренія, чувство грустнаго отказа отъ всѣхъ земныхъ наслажденій и приманокъ, отъ всего того, чего его бурная душа въ юности такъ жаждала и отъ чего теперь отрекалась въ преддверіи новой загробной жизни, къ которой, какъ онъ ясно понималъ, онъ быстро приближался. Онъ готовился къ этой жизни безропотно и покорно, и христіанское смиреніе становилось мало-помалу основнымъ мотивомъ почти всѣхъ его стихотвореній и поэмъ, надъ которыми онъ неустанно трудился въ годы своего заточенія и ссылки. Стихи были для него единственной усладой въ этой до слезъ печальной жизни, и всѣ они пріобрѣтали молитвенный характеръ, и одна была въ нихъ мысль: «да будетъ воля Твоя».

Въ религіи разрѣшились для Кюхельбекера постепенно всѣ вопросы жизни... и даже любовь, это чисто-земное чувство. Религіозную окраску приняла и идея о прогрессѣ человѣчества, надъ которой онъ упорно, долго, всю свою жизнь думалъ. Это была одна изъ самыхъ дорогихъ его уму и сердцу идей, которая никогда въ немъ не умирала, несмотря на всѣ разочарованія.

Въ годы ранней юности онъ любилъ говорить объ «усовершенствованіи», о «прогрессѣ человѣческаго рода»; онъ говорилъ о немъ часто въ своихъ стихахъ, въ публицистическихъ очеркахъ и критическихъ статьяхъ; тогда это были мечты, полныя энтузіазма, навѣянныя чтеніемъ Гердера, Канта и Шеллинга. Грядущее блаженство рода человѣческаго рисовалось нашему мечтателю, конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ, и эти мечтанія были очень оптимистичны. «Богъ создалъ насъ не для тер-

заній и не для страданій, а для счастія,— говорилъ онъ,— и Богъ любитъ всѣхъ равною любовью; Ему одинаково дорого и счастье насѣкомаго, и счастіе ангела». Такой оптимизмъ на гедонистической подкладкѣ не могъ, конечно, выдержать столкновенія съ жизнью. Онъ былъ хорошъ какъ юношеская греза. Но отъ мысли, что человѣчество создано для наслажденія, Кюхельбекеръ не отказался. Понимая это наслажденіе уже не въ грубомъ смыслѣ, а въ самомъ высокомъ, признавая, что великое блаженство есть цѣль жизни, а средство для достиженія ея дано въ великомъ страданіи, нашъ идеалистъ сталъ открыто проповѣдовать свою вѣру въ постепенное, хотя и медленное, движеніе человѣка по пути отъ худшаго состоянія къ лучшему. Онъ высказалъ эти мысли въ цѣломъ рядѣ фельетоновъ,—самыхъ удачныхъ изъ всего, что имъ писано въ прозѣ—которые печатались въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 г. подъ заглавіемъ «Европейскія письма или путешествіе жителя Американскихъ Сѣверныхъ Штатовъ XXV столѣтія». Фельетоны эти пропитаны самымъ возвышеннымъ идеализмомъ и оптимизмомъ. Авторъ, обозрѣвая всю исторію рода человѣческаго, утверждалъ, что въ жизни никогда ничего не было потеряно, не было слова, согрѣтаго въ сердцѣ добраго человѣка, которое бы не содѣйствовало благотворительно воспитанію самыхъ отдаленныхъ поколѣній. Самыя заблужденія, сами пороки и злодѣянія не были безполезны, ибо они служили открытію истины. «Мы уже гораздо менѣе злополучныхъ предковъ нашихъ удалены отъ блаженнаго вѣка»,—утверждалъ онъ. Блаженство вѣка Кюхельбекеръ усматривалъ во все болѣе и болѣе торжествующемъ демократизмѣ, въ открывающейся всѣмъ людямъ возможности развивать всесторонне свои умственныя и нравственныя качества.

Такъ въ молодые свои годы широко и спокойно смотрѣлъ нашъ оптимистъ на задачу развитія человѣческаго братства народовъ. Это вѣрованіе не утратило своего обаянія надъ Кюхельбекеромъ и въ годы его несчастій. Не въ примѣръ многимъ людямъ, въ которыхъ крушеніе надеждъ и личныя бѣды усиливаютъ или развиваютъ пессимистическій взглядъ на міръ, Кюхельбекеръ остался оптимистомъ, но только весь свой оптимизмъ онъ поставилъ теперь подъ охрану Бога и возложилъ свои надежды уже не на людей, а на Провидѣніе, которое ими руководитъ. Цѣль жизни человѣчества осталась та же, т.-е. возможное земное совершенствованіе, но иниціатива принадлежала уже не человѣку.

Таковъ въ своихъ основныхъ философскихъ, религіозныхъ и историческихъ взглядахъ былъ этотъ мечтатель, занесенный къ намъ, какъ будто случайно, изъ Германіи конца XVIII столѣтія, этотъ сентиментальный и меланхолическій Stürmer и Dränger съ необузданными порывами фантазіи и плохо дисциплинированной мыслью, съ любовью къ отвлеченной философіи, по природѣ религіозный, иногда мистикъ, гуманистъ, свирѣпо ненавидящій всякое зло и насиліе и, въ сущности, младенчески-мягкая, эстетическая душа, воспріимчивая ко всему нравственно и художественно-прекрасному.

Другъ его юности — Баратынскій — писалъ о немъ одному изъ своихъ знакомыхъ: «Кюхельбекеръ человѣкъ замѣчательный по многимъ отношеніямъ и рано или поздно въ родѣ Руссо очень будетъ замѣтенъ между нашими писателями. Онъ съ большими дарованіями, и характеръ его очень сходенъ съ характеромъ женевскаго чудака; та же чувствительность и недовѣрчивость, то же безпокойное самолюбіе, влекущее къ неумѣреннымъ мнѣніямъ, дабы отличиться особеннымъ образомъ мыслей, и, порою, та же восторженная любовь къ правдѣ, къ добру, къ прекрасному, которой онъ все готовъ принести въ жертву: человѣкъ вмѣстѣ достойный уваженія и сожалѣнія, рожденный для любви къ славѣ (можетъ быть, и для славы) и для несчастія».

Послѣдняя часть этого пророчества оправдалась: Кюхельбекеръ былъ рожденъ для несчастія. До славы русскаго Жанъ-Жака онъ не дожилъ, но онъ былъ, безспорно, по духу родственникомъ женевскаго пророка, сочиненія котораго онъ почитывалъ и сентенціи котораго повторялъ часто въ своихъ стихотвореніяхъ.

V.

Литературное наслѣдство Кюхельбекера еще не приведено въ ясность. То, что напечатано до сихъ поръ въ русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ, и то, что пущено въ оборотъ въ рукописяхъ, составляетъ лишь меньшую часть того, что имъ было написано. Онъ писалъ необычайно много и на волѣ, въ дни юности, и въ тюрьмахъ, и на поселеніи. Сочинять была его страсть: сна-

чала это была работа въ надеждѣ славы, затѣмъ она стала единственнымъ утѣшеніемъ въ несчастіи. Самъ авторъ, къ счастію своему, былъ о себѣ очень высокаго мнѣнія: онъ считалъ себя настоящимъ вдохновеннымъ поэтомъ и очень серьезнымъ писателемъ. На самомъ дѣлѣ все, что онъ писалъ, не возвышается надъ среднимъ уровнемъ и теперь забыто. Но исторіи русской словесности все-таки придется считаться съ творчествомъ Кюхельбекера, взятомъ въ его цѣломъ.

Быть можетъ, каждое отдѣльное произведеніе и полно всевозможныхъ недочетовъ, но когда имѣешь передъ собой всю совокупность этихъ безчисленныхъ стихотвореній, поэмъ, начатыхъ, доведенныхъ до половины и оконченныхъ, когда перебираешь цѣлый ворохъ критическихъ статей и фельетоновъ, то становишься лицомъ къ лицу съ богатымъ и очень своеобразнымъ матеріаломъ, который, при малой цѣнности художественной, имѣетъ большую цѣнность историческую: творчество Кюхельбекера—одно изъ самыхъ оригинальныхъ проявленій русскаго такъ называемаго «романтизма», именно русскаго, въ которомъ такъ причудливо соединялись иной разъ совсѣмъ несоединимые элементы. За этотъ русскій романтизмъ Кюхельбекеръ ломалъ копья и въ стихахъ и въ прозѣ. Онъ одновременно творилъ, сочинялъ и критиковалъ; давалъ образцы творчества и установлялъ мѣрило вкуса; и въ любопытное противорѣчіе съ самимъ собой сталъ онъ какъ поэтъ и критикъ.

Познакомимся съ нимъ сначала какъ съ теоретикомъ, чтобы увидать затѣмъ, какъ онъ свою теорію примѣнялъ на практикѣ.

Свои критическія сужденія Кюхельбекеръ не свелъ во-едино. Они разбросаны частью въ журналахъ того времени, частью въ его дневникахъ, которые онъ велъ въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ. Основная тенденція всѣхъ этихъ сужденій—одна: разрывъ съ подражательностью въ литературѣ и призывъ къ самобытному творчеству. Этотъ призывъ былъ вполнѣ сознательный и продуманный, такъ какъ въ иностранной словесности Кюхельбекеръ былъ очень начитанъ и всѣми ея красотами умѣлъ наслаждаться и, конечно, признавалъ ея превосходство надъ русской. Среди своихъ современниковъ онъ могъ похвастаться своимъ литературнымъ образованіемъ, и всѣ европейскіе языки были ему знакомы. Тѣмъ большую цѣну пріобрѣтаютъ его сужденія о литературѣ русской, которой онъ самъ служилъ своимъ словомъ. Вытекаютъ эти сужденія, главнымъ образомъ, изъ его необузданнаго патріотизма. Несмотря на свое нѣмецкое происхожденіе, онъ былъ большимъ патріотомъ, настолько рѣзкимъ въ мнѣніяхъ, что его не безъ основанія называли иногда первымъ изъ славянофиловъ. Онъ требовалъ самобытной національной литературы для Россіи и требовалъ во имя патріотическаго чувства. Русь ему мечталась великой, какъ держава, и великой, какъ очагъ наукъ и искусствъ. Признавая все преимущество западныхъ литературъ и подражая иноземнымъ образцамъ въ своемъ собственномъ творчествѣ, онъ, хоть въ теоріи, утѣшалъ себя мечтами о расцвѣтѣ истинно-русской поэзіи. «Святая Русь,—писалъ онъ,—достигнетъ высочайшей степени благоденствія и Русскій Богъ не вотще даровалъ своему избранному народу его чудныя способности, его языкъ, богатѣйшій и сладостнѣйшій между всѣми европейскими».

Кюхельбекеръ благоговѣлъ передъ красотой, силой и гибкостью русскаго языка и напрягалъ всѣ усилія, чтобы способствовать его росту и славѣ. Для этого онъ настойчиво совѣтовалъ писателямъ уснащать русскій языкъ старыми словами и оборотами, и самъ, гдѣ только было можно, прибѣгалъ къ этому чисто-внѣшнему пріему. Онъ былъ убѣжденъ, что именно такая мозаичная работа можетъ и должна поддержать самобытность и народность литературнаго языка. Въ великой будущности этого языка онъ былъ вполнѣ увѣренъ.

Не столь спокоенъ бывалъ онъ, когда думалъ о будущности русскаго словеснаго творчества вообще, т.-е. о національной формѣ и самобытномъ содержаніи русскихъ художественныхъ произведеній. Главная опасность для этого творчества, какъ думалъ Кюхельбекеръ, заключалась въ соблазнѣ подражанія иноземнымъ образцамъ. Предостеречь нашихъ писателей отъ этого пагубнаго подражанія и направить ихъ вниманіе на богатство нашей самобытной жизни — Кюхельбекеръ и поставилъ себѣ задачей въ руководящей критической статьѣ «Мнемозины» (1824). Статья была озаглавлена «О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе». Кюхельбекеръ былъ недоволенъ минорнымъ и печальнымъ тономъ въ нашей литературѣ и ставилъ его въ вину Жуковскому и Батюшкову, которые

заразились имъ, подражая Шиллеру, Парни и Мильвуа. Поэзія западныхъ романтиковъ сбила насъ совсѣмъ съ толку. Чайльдъ-Гарольды насъ одолѣли и все потому, что мы не рѣшаемся быть самобытными. Всего лучше имѣть поэзію народную, но ужъ если подражать, то надо знать кому, а у насъ художественный вкусъ настолько неразвитъ, что мы не отличаемъ поэтовъ. Мы одинаково цѣнимъ великаго Гёте и недозрѣвшаго Шиллера, Расина и Вольтера, огромнаго Шекспира и однообразнаго Байрона... Мы благоговѣемъ передъ всякимъ нѣмцемъ или англичаниномъ. Для славы Россіи нужна поэзія истинно-русская. Вѣра праотцевъ, нравы отечественности, лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя—лучшіе, чистѣйшіе, вѣрнѣйшіе источники для нашей словесности. Станемъ надѣяться, что наши писатели сбросятъ съ себя поносныя цѣпи нѣмецкія и захотятъ быть русскими.

Этимъ мыслямъ Кюхельбекеръ остался вѣренъ всю свою жизнь — въ теоріи, но не на практикѣ. Цѣня въ русской словесности прежде всего народную форму и самобытный сюжетъ, нашъ патріотъ, естественно, долженъ былъ отдать предпочтеніе старшему поколѣнію нашихъ писателей передъ младшимъ, къ которому принадлежалъ самъ. Въ твореніяхъ этого младшаго поколѣнія онъ находилъ больше подражательнаго элемента, чѣмъ въ писаніяхъ стариковъ Карамзинской эпохи, у которыхъ онъ почему-то этого подражанія не хотѣлъ замѣтить. Странно читать въ его критическихъ замѣткахъ и въ его дневникахъ хвалебные отзывы о писаніяхъ Шихматова, Шишкова, Катенина, Бутурлина и подобныхъ. Вездѣ, гдѣ только Кюхельбекеръ подмѣчалъ хотя бы слабый ароматъ народности, онъ привѣтствовалъ его и готовъ былъ закрыть глаза на все остальное. Онъ даже Кукольника и Вельтмана приравнивалъ къ Пушкину. Странная односторонность критическихъ взглядовъ Кюхельбекера всего яснѣе отразилась на его сужденіяхъ именно о Пушкинѣ, котораго онъ такъ любилъ.

Вотъ эти сужденія на протяженіи долгихъ лѣтъ.

Въ 1824 году Кюхельбекеръ пишетъ: «Пушкинъ, безъ сомнѣнія, превосходитъ большую часть русскихъ современныхъ ему стихотворцевъ: но между лилипутами не мудрено казаться великаномъ. «Русланъ и Людмила»—романтическая поэма, въ которой при всѣхъ ея недостаткахъ болѣе творческаго воображенія, нежели во всей остальной современной русской словесности. «Кавказскій плѣнникъ» написанъ самыми сладостными стихами и особенно при первомъ чтеніи вливаетъ въ душу живое сѣтованіе».

О лирическихъ стихотвореніяхъ Пушкина имѣемъ въ дневникѣ Кюхельбекера (1835 г.) слѣдующую запись: «Сказать-ли? Право, боюсь даже въ дневникѣ высказать на этотъ счетъ мое мнѣніе. Но быть такъ! Читаю по вечерамъ мелкія стихотворенія Пушкина; большая часть (и замѣчу—всѣ почти хваленыя, напр., «Демонъ», «Подражаніе Корану», «Вакхическая пѣснь», «Андре Шенье») слишкомъ остроумны, слишкомъ обдуманы, обдѣланы и разсчитаны для эффекта, а потому въ нихъ нѣтъ... вдохновенія. Зато есть другія стихотворенія, менѣе блестящія, но мнѣ особенно любезныя. Вотъ нѣкоторыя: «Гробъ юноши», «Коварность», «Воспоминаніе», «Ангелъ», «Отвѣтъ анониму», «Зимній вечеръ», «19-ое октября». «Чернь»—всяческій перлъ лирическихъ стихотвореній Пушкина».

Къ «Демону» Кюхельбекеръ былъ въ особенности строгъ. «Въ хваленомъ «Демонѣ» — писалъ онъ — нѣтъ самобытной жизни, онъ не проистекъ изъ глубины души поэта, а былъ написанъ потому, что должно же было написать что-нибудь въ этомъ родѣ».

Спустя много лѣтъ, возвращаясь въ 1843 г. къ этимъ же вопросамъ, Кюхельбекеръ рѣшительно отдаетъ «Руслану» предпочтеніе передъ «Бахчисарайскимъ фонтаномъ» и «Кавказскимъ плѣнникомъ», хвалитъ, однако, «Братьевъ разбойниковъ»; въ большомъ восторгѣ отъ «Домика въ Коломнѣ» и отъ «Анджело»; и только вскользь упоминаетъ объ «Онѣгинѣ».

Объ «Онѣгинѣ» Кюхельбекеръ вообще не любилъ говорить, и самый типъ героя ему не нравился.

Странные отзывы, но очень послѣдовательные, если надлежитъ преклоняться передъ каждымъ народнымъ или внѣшне-народнымъ мотивомъ, и всякій не чисто-русскій мотивъ осуждать, не взирая на его отдѣлку.

Тенденціозный теоретикъ, патріотъ съ славянофильской окраской, требующій отъ поэзіи, прежде всего, самобытности и народности, хотя-бы чисто-внѣшней, Кюхельбекеръ въ теоріи несочувственно относился ко всякому разладу поэта съ дѣйствительностью, видя въ этомъ измѣну русскому благодушію, русской удали и жизнерадостному здоровью славянскаго духа вообще.

Но всѣ эти взгляды критика поэтъ опровергалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ на практикѣ.

VI.

Истиннымъ поэтомъ Кюхельбекеръ не былъ, но онъ бывалъ постоянно поэтически настроенъ. Великіе писатели Запада, безъ различія школъ и направленій, учили его цѣнить въ поэтѣ, прежде всего, свободу и не подчинять вдохновеніе никакимъ, даже самымъ высокимъ, постороннимъ цѣлямъ. И вотъ, когда такое свободное поэтическое вдохновеніе на него находило, Кюхельбекеръ готовъ былъ, какъ пчела, собирать свой медъ со всѣхъ пахучихъ цвѣтовъ западной художественной словесности, не разсуждая, а только наслаждаясь. Тогда онъ, забывая, что ему надлежитъ быть самобытнымъ, самъ начиналъ пѣть съ чужого голоса и поступалъ въ выучку къ тѣмъ самымъ англичанамъ, нѣмцамъ и французамъ, которыхъ онъ обвинялъ въ развращеніи нашего русскаго художественнаго вкуса. Въ его собственныхъ стихахъ борьба иноземнаго съ роднымъ русскимъ всегда кончалась въ пользу иноплеменниковъ, и онъ мстилъ имъ за эту побѣду въ своихъ критическихъ статьяхъ и отзывахъ.

Изъ всѣхъ поэтическихъ формъ Кюхельбекеръ любилъ больше всего форму лирической пѣсни и лирической поэмы. За свою относительно недолгую жизнь онъ написалъ много такихъ пѣсенъ и поэмъ. Обозрѣть ихъ всѣ нѣтъ возможности, да и нѣтъ необходимости. Его творчество необычайно ровное, и въ немъ никакого совершенствованія незамѣтно. За авторомъ всегда остается способность настраивать себя поэтически, и никогда не достигаетъ онъ настоящей поэтической силы. Всѣ его оды, пѣсни, баллады и поэмы—отзвуки западныхъ литературныхъ теченій, несмотря на попытку разнообразить иноземный мотивъ внѣшними аксессуарами мнимой народности.

Для патетическаго и сильнаго, которое Кюхельбекеръ очень любилъ въ поэзіи, у него не хватало полета фантазіи и внѣшней силы выраженія. Вотъ почему въ патетическихъ одахъ у него такъ много реторики и вычурности. Когда же авторъ переходилъ отъ возвышенныхъ темъ къ темамъ болѣе простымъ, и когда онъ писалъ въ стилѣ античной антологической поэзіи или въ стилѣ сентиментально-романтической пѣсни, онъ находилъ соотвѣтствующую форму и подчасъ даже красивую. Къ мотивамъ античной антологіи Кюхельбекеръ имѣлъ пристрастіе еще съ юныхъ лѣтъ, но онъ реставрировалъ античныя настроенія и мысли, главнымъ образомъ, изъ чистой любви къ красотѣ, и политическіе и гражданскіе мотивы попадались въ этихъ пѣсняхъ крайне рѣдко. Обыкновенно въ нихъ развиты старыя темы о безпощадной власти судьбы, или веселый мотивъ въ честь боговъ Вакха и Киприды; много пѣсенъ посвящено богу Аполлону и его животворящему дару. Въ общемъ, въ этихъ античныхъ стихахъ Кюхельбекера все-таки мало пластичности выраженія.

Съ болѣе искреннимъ и сильнымъ чувствомъ написаны стихи, посвященные личнымъ воспоминаніямъ поэта, хотя оригинальнаго въ нихъ также мало. Вѣчныя темы любви съ неизмѣнной Филомелой, порывы восторга, подъ обаяніемъ котораго юноша, по примѣру Шиллера, горитъ желаніемъ «обнять вселенную, прижать ее къ своему сердцу и себя удвоить», неопредѣленная мечтательность, полусонъ души, томленіе по иному міру и «полетъ съ богиней Фантазіей въ иные края, гдѣ воздухъ чище, радость въ поляхъ и миръ подъ вѣтвями березъ»— вотъ излюбленные мотивы этихъ пѣсенъ Кюхельбекера, пѣсенъ, въ большинствѣ случаевъ минорныхъ. Мы знаемъ, какъ нашъ писатель воевалъ противъ грусти и всякаго томленія — но отдѣлаться отъ нихъ въ своемъ творчествѣ онъ былъ безсиленъ — такъ сильна была эта грусть у поэтовъ, которыми онъ вдохновлялся.

Любопытно, что во всѣхъ его грустныхъ стихотвореніяхъ совсѣмъ отсутствуетъ весьма распространенный тогда на Западѣ мотивъ общественный—скорбь не о себѣ, а о неустройствахъ общества.

Особую группу въ стихотвореніяхъ Кюхельбекера составляютъ гимны въ честь поэта и его великой миссіи на землѣ. Кюхельбекеръ развивалъ эти темы и въ стихахъ, и въ прозѣ. Вѣчные вопросы о связи добра и красоты, о сущности вдохновенія, о роли поэта въ обществѣ—всѣ эти тонкія проблемы этики и эстетики нашли себѣ у насъ въ лицѣ Кюхельбекера перваго по времени истолкователя. Идя по слѣдамъ нѣмецкихъ романтиковъ и античныхъ классиковъ, онъ попытался поставить эти вопросы, если не на философскую почву, то хоть рѣшить ихъ не по правиламъ шаблонной стилистики и реторики, какъ они рѣшались раньше. Веневитиновъ, На-

деждинъ, Полевой и Бѣлинскій, независимо, конечно, отъ Кюхельбекера, продолжали эту работу и съ большимъ успѣхомъ, но за словами Кюхельбекера остается все-таки хронологическое первенство. Излагать содержаніе этихъ гимновъ въ честь поэта и поэзіи нѣтъ нужды, такъ какъ въ нихъ нѣтъ оригинальныхъ мыслей: они написаны подъ непосредственнымъ вліяніемъ иностранныхъ образцовъ. Любопытно, что ихъ основная мысль заключена въ прославленіи созерцательнаго эстетическаго покоя духа и въ «сладостномъ» пѣснопѣніи. Оба эти качества, тогда въ извѣстныхъ писательскихъ кругахъ на Западѣ очень цѣнимыя, совсѣмъ, повидимому не, согласовались съ бурной и эксцентричной душой нашего писателя.

Помимо чисто-лирическихъ формъ, Кюхельбекеръ очень любилъ форму лирической или драматической поэмы. Такихъ поэмъ онъ набросалъ и закончилъ очень много. Литературная стоимость большинства изъ нихъ ниже средней, но онѣ характерны по замысламъ и по сюжетамъ—такая попадается въ нихъ пестрота и смѣсь самобытныхъ и иностранныхъ темъ! Фантазія нашего писателя поочередно увлекалась «Аргивянами», «Святополкомъ Окаяннымъ», «Рогдаевыми псами», «Царемъ Давидомъ», какимъ-то «Деодатомъ», «Вѣчнымъ жидомъ», «Зоровавелью», какимъ-то «Итальянцемъ», «Лжедимитріемъ», «Семью спящими отроками», «Иваномъ, купеческимъ сыномъ», какой-то «Сиротой», «Ляпуновымъ», «Юріемъ и Ксеніей», «Шуйскими», Дмитріемъ Ростовскимъ и наконецъ фантастическимъ дворяниномъ русскимъ Львомъ Ижорскимъ. Кромѣ этого всего, было имъ начато нѣсколько романовъ и написана комедія-водевиль «Шекспировы духи». Всѣ эти поэмы, драмы и романы, частью только набросанныя и задуманныя, частью выполненныя—продуктъ совершенно плѣнной мысли, т.-е. перепѣвы мотивовъ иностранныхъ. Въ самой техникѣ выполненія замѣтно подражаніе, несмотря на всѣ самобытно-народныя инкрустаціи.

Изъ этихъ поэмъ самыя законченныя и самому автору наиболѣе любезныя—были «Ижорскій» (напечатанъ въ 1836 г. безъ имени автора) и «Вѣчный жидъ» (1832—1834).

Мистерія «Ижорскій» была для поэта предметомъ раздумій почти всей его жизни; задумалъ ее Кюхельбекеръ въ 20-хъ годахъ и въ 40-хъ еще думалъ объ ея продолженіи. Поэма слаба и ни у одного изъ критиковъ не нашла оправданія. Бѣлинскій называлъ ее тысяча первой пародіей на Чайльдъ-Гарольда. «Ижорскій»—исторія преступной эгоистической души, скучающей въ предѣлахъ, ей отведенныхъ на землѣ, души, отданной во власть темной силѣ, души страстной и страдающей и всетаки спасенной за то, что она думаетъ упорнѣе, вѣритъ сильнѣе и чувствуетъ глубже, чѣмъ другія души. Если вспомнить о Фаустѣ, Донъ-Жуанѣ, Манфредѣ, то надо признаться, что родство у «Ижорскаго» очень почетное и знатное, что, конечно, для него очень невыгодно. Эту иностранную тему о грѣхопаденіи и искупленіи сильной души Кюхельбекеръ попытался обработать въ чисто-русскомъ стилѣ. Онъ воспользовался прежде всего образами славянской миѳологіи, и въ числѣ дѣйствующихъ лицъ мистеріи появились Бука, Шишимора и Кикимора, Зничъ, волкъ-оборотень, русалки, лѣшіе, домовые и въ подмогу имъ совсѣмъ уже не народные Сильфы, Гномы, Ондины, Саламандры, даже Титанія и Аріэль изъ шекспировскаго репертуара. Всѣ эти духи плетутъ свои интриги, чтобы погубить или спасти отъ гибели (нравственной) русскаго дворянина Льва Ижорскаго—какъ видимъ, родственника семьи Печориныхъ, Онѣгиныхъ и Ленскихъ. Въ концѣ концовъ при помощи добродѣтельной и любящей Лидіи удается кое-какъ вырвать Ижорскаго изъ рукъ темныхъ силъ.

Ижорскій долженъ былъ производить впечатлѣніе «доблестнаго бойца, исшедшаго съ честью изъ сраженія съ огромной ратницей судьбой», онъ долженъ былъ напоминать «могучихъ и сильныхъ сыновъ старой Греціи», онъ долженъ былъ быть «мужемъ вознесеннымъ надъ черныю»... Но все это были лишь мечты автора. Отъ всѣхъ глубокихъ чувствъ и мыслей, которыми жили въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка задумчивые, разочарованные и гнѣвные индивидуалисты,—отъ всей ихъ скорби и ненависти у Ижорскаго остались какіе-то темные, немотивированные намеки. Ни основная идея поэмы, ни выполненіе этой идеи не могутъ претендовать на какую-нибудь художественную стоимость. Значеніе этой странной мистеріи — чисто-историческое. Если мы хотимъ на примѣрѣ убѣдиться, какъ иностранныя литературныя теченія могли механически, а не органически сливаться съ зарождавшимися мотивами русскими, то болѣе нагляднаго примѣра искать нечего...

Попытка Кюхельбекера завоевать для русской литературы сразу цѣлую область лирической поэзіи и создать мистико-философскую лирическую драму оказалась неудачной.

Болѣе правдива и болѣе художественна по выполненію была другая поэма нашего автора, которую онъ дописывалъ почти наканунѣ смерти и которая стала какъ-бы его предсмертной исповѣдью. Это былъ «Агасверъ». Легенда очень старая, но планъ обработки ея у Кюхельбекера оригиналенъ.

«Вѣчный жидъ»—поэма безотрадная по мыслямъ и настроенію. Авторъ истолковалъ старую легенду довольно своеобразно. Онъ возложилъ всѣ свои упованія на загробную жизнь и потому осудилъ весь процессъ развитія жизни человѣческой на землѣ, представивъ его какъ длинную цѣпь совсѣмъ, повидимому, не цѣлесообразныхъ страданій: всѣ эти страданія приводятъ человѣка въ концѣ концовъ къ тому же состоянію, съ котораго онъ началъ свое земное бытіе, т. е. къ состоянію полной дикости и огрубѣнія, среди которыхъ человѣка и застаетъ второе пришествіе Христа на землю. Кюхельбекеръ какъ будто забылъ объ идеѣ прогресса, которую онъ такъ часто развивалъ въ своихъ сочиненіяхъ. Агасверъ, проживя съ человѣчествомъ всю его жизнь, не видитъ на землѣ никакого улучшенія. Начиная со смерти Христа и кончая французской революціей, въ мірѣ незамѣтно даже количественнаго прироста христіанскихъ идей и чувствъ. Только въ нѣкоторыхъ избранныхъ, единичныхъ людяхъ христіанская доктрина оставалась на одномъ уровнѣ глубины и силы. Христосъ побѣдилъ на землѣ въ лицѣ нѣкоторыхъ лишь героевъ, масса же, толпа осталась навсегда непросвѣщеннымъ врагомъ всѣхъ этихъ избранниковъ. Съ вѣками она не измѣнилась, и всегда и вездѣ Агасверъ могъ узнать въ ней все ту же толпу, которая распяла самого Учителя.

Такова была эта отчаянная предсмертная дума Кюхельбекера; на ней, какъ на образномъ рѣшеніи міровой загадки, остановился этотъ обманутый жизнью мечтатель. Вѣра въ человѣка была, какъ будто, имъ утрачена: вся исторія обратилась въ оскорбительную трагедію. Казалось, что всѣ высшія человѣческія стремленія, все духовное въ мірѣ должно для этого міра пройти безслѣдно, должно убѣдить человѣка лишь въ одной истинѣ—въ ничтожествѣ всякаго попеченія о земномъ, которое изъ зла возникло и ко злу должно возвратиться. Всякая мысль о приближеніи земного порядка къ идеалу небеснаго царствія какъ будто навсегда была покинута и вмѣстѣ съ ней падало и самое дорогое для человѣка въ жизни—сознаніе цѣлесообразности потраченной имъ энергіи... Это былъ ужасный бредъ, бредъ совсѣмъ больного человѣка и подавленнаго несчастіемъ. Только полнымъ разрушеніемъ силъ и надеждъ можно объяснить такой предсмертный пессимизмъ у идеалиста, который и на свободѣ, и въ тюрьмѣ, и въ ссылкѣ продолжалъ вѣрить въ прогрессъ, созидаемый свободнымъ человѣкомъ подъ опекой милосерднаго Божества.

Отдавая все должное идейной сторонѣ произведеній Кюхельбекера, патетичной возвышенности нѣкоторыхъ разработанныхъ имъ темъ, нельзя не признать въ общемъ ихъ художественной слабости. Но исторія литературы всетаки сохранитъ имя Кюхельбекера на своихъ страницахъ — не за поэтическую цѣнность его твореній, а въ виду своеобразности его творчества въ его цѣломъ: писатель, всего громче требовавшій самобытности въ литературѣ и всего чаще предостерегавшій другихъ отъ подражанія, самъ заимствовалъ и сюжеты, и мысли, и настроенія, и внѣшнюю технику у писателей иноземныхъ.

VII.

Всѣ эти странности и противорѣчія теоріи и практики въ служеніи искусству объясняются условіями времени. Творчество Кюхельбекера — оригинальный образчикъ «русскаго романтизма», который, вопреки желанію самихъ писателей, принималъ иногда подъ ихъ перомъ очень причудливыя формы. Въ исторіи нашей словесности едва-ли найдется эпоха, когда западныя литературныя теченія такъ смѣшивались и такъ боролись съ самобытнымъ, пока еще очень слабымъ и нерѣшительнымъ направленіемъ русскаго художественнаго творчества, какъ въ первыя три десятилѣтія XIX вѣка. Мы тогда ревностно стремились усвоить настроенія и идеи нашихъ сосѣдей, стремились также и въ художественномъ воспроизведеніи жизни подражать внутренней и внѣшней техникѣ тѣхъ образцовъ, которые намъ были даны въ литературѣ иноземной. Одновременно съ быстрымъ расцвѣтомъ этой подражательной литературы

стали робко пробиваться и первые ростки самобытнаго творчества, въ которомъ русская жизнь, старая и новая, пыталась найти себѣ соотвѣтствующую оригинальную художественную форму. Эта нарождавшаяся самобытная словесность выдерживала упорную борьбу съ цѣлымъ рядомъ самыхъ разнообразныхъ, отовсюду нахлынувшихъ иноземныхъ литературныхъ вліяній. Вся наша журналистика первыхъ десятилѣтій XIX вѣка была ареной ожесточенныхъ споровъ о судьбѣ и сущности «народности» въ литературѣ и объ опасностяхъ, которыми иноземная словесность грозила этой народности.

Признавая за этой народностью всѣ права, мы, тѣмъ не менѣе, съ необычайной алчностью набросились въ тѣ годы на литературныя богатства Запада; мы стали эксплоатировать чужое самымъ хищническимъ способомъ, переводя, передѣлывая и даже искажая все самое видное и крупное, что намъ удавалось подмѣтить въ словесномъ творчествѣ нашихъ сосѣдей.

Противорѣчія между сужденіями писателя и его творческой работой въ такихъ условіяхъ были вполнѣ возможны. Онъ могъ желать самобытной литературы для своей родины, могъ желать оригинальныхъ русскихъ формъ для своего творчества и могъ, за неимѣніемъ таковыхъ и за скромностью своихъ силъ, оставаться подъ прямымъ и сильнымъ вліяніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ формъ иностранныхъ образцовъ.

Въ такомъ положеніи находились многіе изъ «русскихъ романтиковъ» начала XIX вѣка, и среди нихъ однимъ изъ наиболѣе типичныхъ былъ Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ.

Несторъ Котляревскій.

Послѣдняя дуэль Пушкина.

Работая надъ біографіей Пушкина, я съ 1902 года началъ собирать матеріалы по исторіи послѣдняго поединка Пушкина. Мои поиски сопровождались значительными результатами, благодаря дѣятельному содѣйствію комиссіи по изданію сочиненій Пушкина при Императорской академіи наукъ. Изъ различныхъ архивовъ, правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ, былъ извлеченъ рядъ важныхъ документовъ для исторіи дуэли—письма Геккерена - отца къ графу Нессельроде и къ своему правительству, письма Вяземскаго и Жуковскаго о дуэли, донесенія иностранныхъ дипломатовъ, данныя о самомъ Дантесѣ и т. д. Нѣкоторые изъ собранныхъ мною матеріаловъ были использованы мною въ статьѣ «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ» («Истор. Вѣст.» 1905, янв., мартъ, апрѣль и въ моей книгѣ «Пушкинъ. Очерки», Спб. 1902); въ полномъ и подлинномъ видѣ всѣ собранные мною документы и матеріалы помѣщены въ печатающейся нынѣ книгѣ моей «Дуэль и смерть Пушкина. Изслѣдованіе и матеріалы (отдѣльно и въ органѣ Пушкинской комиссіи «Пушкинъ и его современники», вып. XIX и XX). Въ этой книгѣ даны критическія разысканія по вопросу объ исторической достовѣрности и цѣнности матеріаловъ по исторіи дуэли и сдѣлана попытка разсказать исторію дуэли такъ, какъ она представляется на основаніи безспорныхъ свидѣтельствъ и документовъ. Вокругъ дуэли Пушкина съ Дантесомъ много разсказовъ, слуховъ, досужей болтовни современниковъ, сплетенъ, легендъ, и временами можно придти въ отчаяніе отъ невозможности получить достовѣрные выводы. Критическая работа надъ матеріалами вскрываетъ во многихъ случаяхъ рѣшительное несоотвѣтствіе знакомой намъ легенды съ дѣйствительностью, но плодотворные результаты критическаго пересмотра не ограничиваются только констатированіемъ несоотвѣтствія; они не менѣе цѣнны и тогда, когда сопровождаются признаніемъ достовѣрности тѣхъ или иныхъ утвержденій легенды.

ДАНТЕСЪ-КАВАЛЕРГАРДЪ.

Настоящая статья является извлеченіемъ изъ моего изслѣдованія о дуэли Пушкина съ Дантесомъ, которое находится въ названной выше, еще печатающейся моей книгѣ. Въ своемъ изложеніи я совершенно не принимаю во вниманіе многочисленныхъ разсказовъ и сообщеній современниковъ и опираюсь только на достовѣрныя, документальныя данныя. Исторію дуэли я начинаю съ 4-го ноября 1836 года—дня полученія пасквилей на Пушкина—и заканчиваю описаніемъ дуэли *). Личности убійцы Пушкина необходимо посвятить особую статью, такъ какъ все, что мы знаемъ о немъ до сихъ поръ по разсказамъ и сплет-

*) Обстоятельства семейной жизни Пушкина, игравшія роковую роль въ исторіи дуэли, разсказаны въ статьѣ П. О. Морозова «Семейная жизнь Пушкина» въ IV томѣ нашего изданія. *Ред.*

нямъ далеко, отстоитъ отъ засвидѣтельствованной документами дѣйствительности *).

I.

Ухаживанія Дантеса были продолжительны и настойчивы. Впослѣдствіи баронъ Геккеренъ въ письмѣ къ своему министру иностранныхъ дѣлъ отъ 30 января 1837 года сообщалъ: «Уже годъ, какъ мой сынъ отличаетъ въ свѣтѣ одну молодую и красивую женщину, г-жу Пушкину» **). Самъ Пушкинъ упоминаетъ о двухлѣтнемъ постоянствѣ, съ которымъ Дантесъ ухаживалъ за Пушкиной.

Встрѣтили ли его ухаживанія какой-либо отвѣтъ или остались безотвѣтными? Отвѣта на этотъ вопросъ станемъ искать не у враговъ Пушкина, а у него самого, у его друзей, наконецъ, въ самыхъ событіяхъ.

Въ письмѣ къ барону Геккерену Пушкинъ пишетъ: «я заставилъ Вашего сына играть столь плачевную роль, что моя жена, пораженная такой плоскостью, не была въ состояніи удержаться отъ смѣха, и чувство, которое она, быть можетъ, испытывала къ этой возвышенной страсти, угасло въ презрѣніи»... ***). Уже намекъ, содержащійся въ подчеркнутыхъ строкахъ, приводитъ къ заключенію, что Н. Н. Пушкина не осталась глуха и безотвѣтна къ чувству Дантеса, которое представлялось ей возвышенной страстью. Въ черновикѣ письма къ Геккерену Пушкинъ высказывается еще рѣшительнѣе и опредѣленнѣе: «Поведеніе Вашего сына было мнѣ хорошо извѣстно... но я довольствовался ролью наблюдателя съ тѣмъ, чтобы вмѣшаться, когда сочту это удобнымъ. Я зналъ, что хорошая фигура, несчастная страсть, двухлѣтнее постоянство всегда произведутъ въ концѣ концовъ впечатлѣніе на молодую женщину и тогда мужъ, если онъ не дуракъ, станетъ вполнѣ естественно довѣреннымъ своей жены и хозяиномъ ея поведенія. Я признаюсь Вамъ, что я нѣсколько безпокоился» *). Князь Вяземскій, упоминая въ письмѣ къ вел. кн. Михаилу Павловичу объ объясненіяхъ, которыя были у Пушкина съ женой послѣ полученія анонимныхъ писемъ, говоритъ, что «невинная въ сущности жена призналась въ легкомысліи и вѣтренности, которыя побуждали ее относиться снисходительно къ навязчивымъ ухаживаніямъ молодого Геккерена» **). Можно изъ этихъ словъ заключить, что Наталья Николаевна «увлеклась» красивымъ и моднымъ кавалергардомъ, но какъ сильно было ея увлеченіе, до какихъ степеней страсти оно поднялось? Что оно не было данью легкомыслія и вѣтренности, можно судить по ея отношенію къ Дантесу послѣ тяжелаго инцидента съ дуэлью въ ноябрѣ мѣсяцѣ, послѣ сватовства и женитьбы Дантеса на сестрѣ Натальи Николаевны. Наталья Николаевна знала гнѣвный и страстный харак-

ДАНТЕСЪ въ 1848 году.

*) Цитаты изъ моей статьи «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ» по моей книгѣ «Пушкинъ. Очерки» обозначаю краткимъ указаніемъ «Пушкинъ», а цитаты изъ печатающейся книги («Дуэль и смерть Пушкина») указываются ссылкой «Дуэль». Сочиненія Пушкина (Изд. Имп. академіи наукъ), «Переписка» подъ ред. В. И. Саитова обозначаются въ сноскахъ кратко «Переписка».

**) «Пушкинъ», 364.

***) «Переписка», III, 412.

*) «Переписка», III, 413.

**) «Пушкинъ», 314.

теръ своего мужа, видѣла его страданія и его бѣшенство въ ноябрѣ мѣсяцѣ; казалось бы, всякое легкомысліе и всякая вѣтренность при такихъ обстоятельствахъ должны были исчезнуть навсегда. И что же? Вяземскій, озабоченный охраненіемъ репутаціи Натальи Николаевны, все-таки не нашелъ въ себѣ силы обойти молчаніемъ ея поведеніе послѣ свадьбы Дантеса: «Она должна бы удалиться отъ свѣта и потребовать того же отъ мужа. У нея не хватило характера, и вотъ она опять очутилась почти въ такихъ же отношеніяхъ съ молодымъ Геккереномъ, какъ и до его свадьбы; тутъ не было ничего преступнаго, но было много непослѣдовательности и безпечности» *). Ясно, кажется, что сила притяженія, исходившаго отъ Дантеса, была слишкомъ велика, и ея не ослабили ни страхъ передъ мужемъ, ни боязнь сплетенъ, ни даже то, что чувственныя симпатіи Дантеса, до сихъ поръ отдававшіяся ей всецѣло, оказались подѣленными между ней и ея сестрой.

Итакъ сердца Дантеса и Натальи Николаевны Пушкиной съ неудержимой силой влеклись другъ къ другу. Кто же былъ прельстителемъ и кто завлеченнымъ? Друзья Пушкина единогласно выдаютъ Наталью Николаевну за жертву Дантеса. Этому должно было бы повѣрить уже и потому, что она не была активной натурой. Но были, вѣроятно, моменты, когда въ этомъ поединкѣ флирта доминировала она, возбуждая и завлекая Дантеса все дальше и дальше по опасному пути. Можно повѣрить, по крайней мѣрѣ, барону Геккерену, когда онъ, позднѣе, послѣ смерти Пушкина, предлагалъ допросить Пушкину и, не питая, конечно, увѣренности, что подобные разспросы не будутъ допущены, заявлялъ: «она (Пушкина) сама можетъ засвидѣтельствовать, сколько разъ предостерегалъ я ее отъ пропасти, въ которую она летѣла; она скажетъ, что въ своихъ разговорахъ съ нею я доводилъ свою откровенность до выраженій, которыя должны были ее оскорбить, но вмѣстѣ съ тѣмъ и открыть ей глаза; по крайней мѣрѣ, я на это надѣялся» **).

Какую роль игралъ въ сближеніи Дантеса и Пушкиной голландскій посланникъ баронъ Геккеренъ, ставшій съ лѣта 1836 г. пріемнымъ отцомъ француза? Былъ ли онъ сводникомъ, старался ли онъ облегчить своему пріемному сыну сношенія съ Пушкиной и привести эпизодъ свѣтскаго флирта къ вожделѣнному концу? Пушкинъ, друзья его и Николай Павловичъ отвѣчали на этотъ вопросъ категорическимъ да. У всѣхъ нихъ былъ единственный источникъ свѣдѣній о роли Геккерена — свидѣтельство Натальи Николаевны. «Она раскрыла мужу— писалъ князь Вяземскій великому князю Михаилу Павловичу, — все поведеніе молодого и стараго Геккереновъ по отношенію къ ней; послѣдній старался склонить ее измѣнить своему долгу и толкнуть ее въ пропасть» *). «Хотя никто не могъ обвинять жену Пушкина—сообщалъ императоръ Николай I своему брату,—столь же мало оправдывали поведеніе Дантеса, а въ особенности гнуснаго его отца... Порицаніе поведенія Геккерена справедливо и заслуженно; онъ точно велъ себя, какъ гнусная каналья. Самъ сводничалъ Дантесу въ отсутствіи Пушкина, уговаривая жену его отдаться Дантесу, который будто умиралъ къ ней любовью... Жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведенія обоихъ»... **). Пушкинъ самому Геккерену такъ характеризовалъ его роль: «Вы, представитель коронованной особы,—вы были отеческимъ сводникомъ вашего побочнаго сына... Все его поведеніе, вѣроятно, было направлено вами: вы, вѣроятно, нашептывали ему тѣ жалкія любезности, въ которыхъ онъ разсыпался, и тѣ пошлости, которыя онъ писалъ. Подобно развратной старухѣ, вы отыскивали по всѣмъ угламъ мою жену, чтобы говорить ей о любви вашего сына, и когда онъ, больной въ сифилисѣ, оставался дома, принимая лѣкарства, вы увѣряли, что онъ умираетъ отъ любви къ ней; вы бормотали ей: «отдайте мнѣ моего сына» ***).

Согласимся въ томъ, что баронъ Геккеренъ былъ человѣкъ низкихъ нравственныхъ качествъ; согласимся, что онъ не остановился бы ни передъ какой гадостью, разъ она была средствомъ къ извѣстной цѣли. Но все, что мы о немъ знаемъ, не даетъ намъ права на заключеніе, что онъ совершалъ гадости ради нихъ самихъ. Спрашивается, какой для него былъ смыслъ въ сводничествѣ своему пріемному сыну? Еще до усыновленія онъ могъ бы

*) «Пушкинъ», 318.
**) Тамъ же, 384, 385.

*) «Пушкинъ», 314.
**) Тамъ же, 359.
***) «Переписка», III, 412.

секретно оказывать Дантесу свое содѣйствіе, свое посредничество, но, связавъ съ нимъ свое имя, онъ не сталъ бы рисковать своимъ именемъ и положеніемъ. Свѣтскій скандалъ былъ неизбѣженъ, все равно завершился бы флиртъ Дантеса тайной связью и онъ увезъ бы Наталью Николаевну за границу, или же Дантесъ и его пріемный отецъ добились бы развода и второго брака для Н. Н. Пушкиной. Второе предположеніе, конечно, чистая утопія: разводы были въ то время очень затруднены и Николай Павловичъ не былъ ихъ покровителемъ. Но въ томъ или другомъ случаѣ баронъ Геккеренъ, полномочный нидерландскій министръ, представитель интересовъ своего государства, подвергалъ не только словесному сраму, но и серьезному риску всю свою карьеру. Надо признать, что въ жизненные разсчеты барона Геккерена отнюдь не могло входить поощреніе любовныхъ ухаживаній Дантеса. А если мы приложимъ къ барону Геккерену ту мѣрку, съ которой подходили къ нему многіе изъ обвинявшихъ его въ сводничествѣ, и если на минуту согласимся съ ними въ томъ, что любовь Геккерена къ Дантесу заходила далеко за предѣлы отцовской и была любовью мужчины къ мужчинѣ, то тогда обвиненіе въ сводничествѣ станетъ совсѣмъ невѣроятнымъ. И если Геккеренъ былъ дѣйствительно человѣкомъ извращенныхъ нравовъ, то, ревнуя Н. Н. Пушкину къ Дантесу, не сводить его съ ней онъ былъ долженъ, а разлучать во что бы то ни стало.

Графъ В. А. СОЛОГУБЪ.

До насъ дошли оправданія Геккерена какъ-разъ противъ обвиненій въ сводничествѣ. Защищаясь отъ нихъ, онъ ссылается на признанія Пушкиной и на свидѣтельства лицъ постороннихъ. «Я будто бы подстрекалъ моего сына къ ухаживаніямъ за г-жею Пушкиной. Обращаюсь къ ней самой по этому поводу. Пусть она покажетъ подъ присягой, что ей извѣстно, и обвиненіе падетъ само собой... Если г-жа Пушкина откажетъ мнѣ въ этомъ признаніи, то я обращусь къ свидѣтельству двухъ высокопоставленныхъ дамъ, бывшихъ повѣренными всѣхъ моихъ тревогъ, которымъ я день за днемъ давалъ отчетъ во всѣхъ моихъ усиліяхъ порвать эту несчастную связь» *). Трудно допустить, чтобы Геккеренъ писалъ эти признанія графу Нессельроде на вѣтеръ, заранѣе будучи увѣренъ, что ни Пушкину, ни высокопоставленныхъ дамъ не спросятъ: вѣдь онъ зналъ, что его письма графу Нессельроде будутъ извѣстны императору Николаю, и долженъ былъ считаться съ возможностью того, что императоръ возьметъ да и прикажетъ разспросить всѣхъ указанныхъ имъ свидѣтельницъ по дѣлу! Наконецъ, Геккеренъ въ своемъ оправданіи указываетъ на одинъ любопытный фактъ, остающійся невыясненнымъ для насъ и по сей день: «Мнѣ скажутъ, что я долженъ былъ бы повліять на сына? Г-жа Пушкина и на это могла бы дать удовлетворительный отвѣтъ, воспроизведя письмо, которое я потребовалъ отъ сына,— письмо, адресованное къ ней, въ которомъ онъ заявлялъ, что отказывается отъ какихъ бы то ни было видовъ на нее. Письмо отнесъ я самъ и вручилъ его въ собственныя руки» **). Если повѣрить Геккерену, то этотъ фактъ съ письмомъ заставляетъ многое въ исторіи Дантеса и Н. Н. Пушкиной отнести за ея счетъ. Къ вышеприведеннымъ словамъ Геккеренъ дѣлаетъ ехидное добавленіе: «Г-жа Пушкина воспользовалась имъ, чтобы доказать мужу и роднѣ, что она никогда не забывала своихъ обязанностей» ***). Итакъ, слѣдуя соображеніямъ

*) «Пушкинъ», 385.
**) Тамъ же, 385.
***) Тамъ же, 386.

здраваго смысла, мы болѣе склонны думать, что баронъ Геккеренъ не повиненъ въ сводничествѣ: скорѣе всего, онъ дѣйствительно старался о разлученіи Дантеса и Пушкиной. Вспоминается одна фраза изъ письма Геккерена къ Дантесу, писаннаго изъ Петербурга послѣ высылки послѣдняго за границу. «Боже мой, Жоржъ, что за дѣло оставилъ ты мнѣ въ наслѣдство! А все недостатокъ довѣрія съ твоей стороны. Не скрою отъ тебя, меня огорчило это до глубины души; не думалъ я, что заслужилъ отъ тебя такое отношеніе» *). Отношенія, зачерченныя въ этихъ строкахъ, не позволяютъ принять огульно утвержденіе о своднической роли барона Геккерена.

Ухаживанья Дантеса за Н. Н. Пушкиной стали сказкой города. Объ нихъ знали всѣ, и съ пытливымъ вниманіемъ слѣдили за развитіемъ драмы. Свѣтъ съ зловѣщимъ любопытствомъ наблюдалъ и ждалъ, чѣмъ разразится конфликтъ. И никто изъ видѣвшихъ не подумалъ о томъ, что надо помочь Пушкину, надо предупредить возможный роковой исходъ. «Вашему императорскому высочеству—писалъ послѣ смерти поэта кн. Вяземскій Михаилу Павловичу—небезызвѣстно, что молодой Геккеренъ ухаживалъ за г-жей Пушкиной. Это неумѣренное и довольно открытое ухаживаніе порождало сплетни въ гостиныхъ и мучительно озабочивало мужа» **). Михаилу же Павловичу писалъ то же послѣ смерти поэта императоръ Николай: «Давно ожидать должно было, что дуэлью кончится ихъ неловкое положеніе» ***). И этотъ монархъ, считавшій для себя все позволеннымъ, не сдѣлалъ ровно ничего къ предупрежденію рокового исхода. П. И. Бартеневъ слышалъ отъ графа В. Ѳ. Адлерберга о его попыткѣ устранить столкновеніе Пушкина съ Дантесомъ: «Зимой 1836—1837 гг. на одномъ изъ бывшихъ вечеровъ графъ В. Ѳ. Адлербергъ увидѣлъ, какъ стоявшій позади Пушкина молодой князь П. В. Долгорукій кому-то указывалъ на Дантеса и при этомъ подымалъ вверхъ пальцы, растопыривая ихъ рогами... Находясь въ постоянныхъ дружескихъ сношеніяхъ съ Жуковскимъ, восхищаясь дарованіемъ Пушкина, онъ тревожился мыслью о семъ послѣднемъ. Ему вспомнилось, что кавалергардъ Дантесъ какъ-то выражалъ желаніе проѣхаться на Кавказъ и подраться съ горцами. Графъ Адлербергъ поѣхалъ къ великому князю Михаилу Павловичу (который тогда былъ главнокомандующимъ гвардейскимъ корпусомъ) и, сообщивъ ему свои опасенія, говорилъ, что слѣдовало бы хоть на время удалить Дантеса изъ Петербурга. Но остроумный французъ-красавецъ пользовался большимъ успѣхомъ въ обществѣ. Его считали тамъ украшеніемъ баловъ. Онъ подкупалъ и своимъ острословіемъ, до котораго великій князь былъ большой охотникъ, и мѣру, предложенную графомъ Адлербергомъ, не успѣли привести въ исполненіе» *).

Пушкинъ зналъ объ ухаживаніяхъ Дантеса; онъ наблюдалъ, какъ крѣпло и росло увлеченіе Натальи Николаевны. Но въ началѣ ноября, до полученія анонимныхъ писемъ, онъ, повидимому, не пришелъ къ опредѣленному рѣшенію, какъ ему поступить въ такихъ обстоятельствахъ. Вяземскій писалъ впослѣдствіи: «Пушкинъ, будучи увѣренъ въ привязанности къ себѣ своей жены и въ чистотѣ ея помысловъ, воспользовался своей супружеской властью, чтобы во время предупредить послѣдствія этого ухаживанія, которое и привело къ неслыханной катастрофѣ» **).

Самъ Пушкинъ въ письмѣ къ Геккерену пишетъ, что поведеніе его сына было ему давно извѣстно, и онъ не могъ оставаться равнодушнымъ. Но до поры, до времени онъ довольствовался ролью наблюдателя, откладывая свое вмѣшательство до удобнаго момента. Въ Пушкинѣ сидѣлъ человѣкъ XVIII вѣка, раціоналистъ, дѣйствующій по извѣстнымъ максимамъ, которыхъ было такъ много въ этотъ вѣкъ. Онъ теоретически вѣрилъ тому, что, при нарастаніи любовнаго конфликта жены съ третьимъ человѣкомъ, мужъ въ опредѣленный моментъ долженъ стать довѣреннымъ своей жены и взять въ свои руки управленіе поведеніемъ жены. Но этотъ принципъ, удобный теоретически, на практикѣ оказался неудобопримѣнимъ. Изъ письма Пушкина къ барону Геккерену видно, что онъ только по полученіи анонимныхъ писемъ счелъ моментъ подходящимъ для того, чтобы стать довѣреннымъ своей жены и хозяиномъ ея поведенія, но изъ всѣхъ дальнѣйшихъ событій ясно, что Пушкинъ упустилъ моментъ: довѣренность жены не оказалась

*) «Пушкинъ», 398.
**) Тамъ же, 313.
***) Тамъ же, 358.

*) «Русскій Архивъ» 1892 г., т. II, стр. 488. Изъ записной книжки «Р. А.».
**) «Пушкинъ», 313.

полной, и полновластнымъ хозяиномъ поведенія молодой женщины онъ уже не могъ стать. Несмотря на свою пассивность, робкость, Наталья Николаевна не имѣла силъ подчиниться исключительно волѣ мужа и противостоять сладкому вліянію Дантеса.

II.

«4 ноября по утру—писалъ Пушкинъ въ неотправленномъ письмѣ къ Бенкендорфу—я получилъ три экземпляра анонимнаго письма, оскорбительнаго для моей чести и чести моей жены».... *). Послѣ нѣкоторыхъ справокъ и розысковъ Пушкинъ узналъ, что «въ тотъ же день семь или восемь лицъ также получили по экземпляру того же письма, въ двойныхъ конвертахъ, запечатанныя и адресованныя на мое имя. Почти всѣ, получившіе эти письма, подозрѣвая какую-нибудь подлость, не отослали ихъ ко мнѣ» **). Намъ извѣстно, что такія письма получили кн. П. А. Вяземскій, графъ М. Ю. Віельгорскій, тетка графа В. А. Сологуба, Васильчикова, Е. М. Хитрово. «4 ноября—писалъ князь Вяземскій великому князю Михаилу Павловичу—моя жена вошла ко мнѣ въ кабинетъ съ запечатанной запиской, адресованной Пушкину, которую она только что получила въ двойномъ конвертѣ по городской почтѣ. Она заподозрѣла въ ту же минуту, что здѣсь крылось что-либо оскорбительное для Пушкина. Раздѣляя ея подозрѣнія и воспользовавшись правомъ дружбы, которая связывала меня съ нимъ, я рѣшился распечатать конвертъ и нашелъ въ немъ документъ. Первымъ моимъ движеніемъ было бросить бумагу въ огонь, и мы съ женой дали другъ другу слово сохранить все это въ тайнѣ. Вскорѣ мы узнали, что тайна эта далеко не была тайной для многихъ лицъ, получившихъ подобныя письма, и даже Пушкинъ не только самъ получилъ такое-же, но и два другихъ подобныхъ, переданныхъ ему друзьями, не знавшими ихъ содержанія и поставленными въ такое же положеніе, какъ и мы» *). «Въ первыхъ числахъ ноября 1836 г.—читаемъ мы въ воспоминаніяхъ гр. В. А. Сологуба—тетка моя Васильчикова, у которой я жилъ тогда на Большой Морской, велѣла однажды утромъ меня позвать къ себѣ и сказала: «Представь себѣ, какая странность! Я получила сегодня пакетъ на мое имя, распечатала и нашла въ немъ другое, запечатанное письмо съ надписью: Александру Сергѣевичу Пушкину. Что мнѣ съ этимъ дѣлать?» Говоря такъ, она вручила мнѣ письмо, на которомъ было дѣйствительно написано кривымъ лакейскимъ почеркомъ: Александру Сергѣичу Пушкину. Мнѣ тотчасъ же пришло въ голову, что въ этомъ письмѣ что-нибудь написано о моей прежней личной исторіи съ Пушкинымъ, что слѣдовательно уничтожить его я не долженъ, а распечатать не въ правѣ. Затѣмъ я отправился къ Пушкину и, не подозрѣвая нисколько содержанія приносимаго мною гнуснаго пасквиля, передалъ его Пушкину. Пушкинъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, распечаталъ конвертъ и тотчасъ сказалъ мнѣ: «я ужъ знаю, что такое; я такое письмо получилъ сегодня же отъ Елиз. Мих. Хитрово: это мерзость противъ жены моей. Впрочемъ, понимаете, что безъимяннымъ письмомъ я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади

ИДАЛІЯ ПОЛЕТИКА.

*) «Переписка», III, 416.
**) Тамъ же, 416.

*) «Пушкинъ», 313.

плюнетъ на мое платье, такъ это дѣло моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя—ангелъ, никакое подозрѣніе коснуться ея не можетъ. Послушайте, что я по сему предмету пишу г-жѣ Хитрово». Тутъ онъ прочиталъ мнѣ письмо, вполнѣ сообразное съ его словами» *).

Въ концѣ концовъ, анонимныя письма, которымъ нерѣдко приписываютъ гибель Пушкина, явились лишь случайнымъ возбудителемъ. Не будь ихъ, все-равно раньше или позже насталъ бы моментъ, когда Пушкинъ вышелъ бы изъ роли созерцателя любовной интриги его жены и Дантеса. Въ сущности, зная страстный и нетерпѣливый характеръ Пушкина, надо удивляться лишь тому, что онъ такъ долго выдерживалъ роль созерцателя. Отсутствіе реакціи можно приписать тому состоянію оцѣпенѣнія, въ которое въ 1836 г. повергали всѣ его дѣла: и матеріальныя и литературныя и т. д. Анонимныя письма были толчкомъ, вытолкнувшимъ Пушкина изъ колеи созерцанія. Чести его была нанесена обида, и обидчики должны были понести наказаніе. Обидчиками были тѣ, кто подалъ поводъ къ самой мысли объ обидѣ, и тѣ, кто причинилъ ее, кто составилъ и распространилъ пасквиль.

Поводъ былъ очевиденъ: ухаживанія Дантеса. Лица, съ которыми Пушкинъ говорилъ по этому поводу, «пришли въ негодованіе отъ неосновательнаго и низкаго оскорбленія; но всѣ, повторяя, что поведеніе моей жены безукоризненно, говорили, что поводомъ къ этой клеветѣ послужило слишкомъ явное ухаживаніе за нею Дантеса»—писалъ Пушкинъ въ письмѣ къ Бенкендорфу **). Произошли объясненія съ женой, которыя, конечно, только утвердили общую молву. Наталья Николаевна, передавая мужу объ ухаживаніяхъ Дантеса, подчеркивала его навязчивость, а заодно указала и на то, что старый Геккеренъ старался склонить ее къ измѣнѣ своему долгу; о себѣ она призналась только въ томъ, что по легкомыслію и вѣтренности слишкомъ снисходительно отнеслась къ приставаніямъ Дантеса. Ея объясненія, если вѣрить словамъ Вяземскаго и самого Пушкина, оставили въ Пушкинѣ впечатлѣніе полной ея невинности и рѣшительной гнусности ея соблазнителей. «Пушкинъ—говоритъ Вяземскій—былъ тронутъ ея довѣріемъ, раскаяніемъ и встревоженъ опасностью, которая ей угрожала, но, обладая горячимъ и страстнымъ характеромъ, не могъ отнестись хладнокровно къ положенію, въ которое онъ съ женой былъ поставленъ; мучимый ревностью, оскорбленный въ самыхъ нѣжныхъ, сокровенныхъ своихъ чувствахъ, въ любви къ своей женѣ, видя, что честь его задѣта чьей-то неизвѣстной рукой, онъ послалъ вызовъ молодому Геккерену, какъ единственному виновнику, въ его глазахъ, въ двойной обидѣ, нанесенной ему въ самое сердце» *). «Я не могъ допустить,—писалъ Пушкинъ въ письмѣ къ Бенкендорфу,—чтобы, въ этой исторіи, имя моей жены было связано клеветою съ именемъ кого бы то ни было. Я просилъ сказать объ этомъ г. Дантесу» **).

Оставался еще составитель и распространитель пасквиля. Князь Вяземскій сообщалъ вел. кн. Михаилу Павловичу, что, какъ только были получены анонимныя письма, Пушкинъ заподозрѣлъ въ ихъ сочиненіи стараго Геккерена и умеръ съ этой увѣренностью. Въ письмѣ къ Бенкендорфу Пушкинъ писалъ, что по бумагѣ, слогу письма и манерѣ изложенія онъ удостовѣрился въ ту же минуту, что письмо отъ иностранца, человѣка высшаго общества, дипломата. Изъ этого же письма видно, что Пушкинъ не сразу пришелъ къ убѣжденію, что авторъ анонимныхъ писемъ былъ баронъ Геккеренъ. Убѣжденіе составилось лишь спустя нѣкоторое время, послѣ нѣкоторыхъ поисковъ. Мы узнаемъ дальше, какъ отнесся Пушкинъ къ барону Геккерену на первыхъ порахъ послѣ вызова его пріемнаго сына, и увидимъ, что такое отношеніе трудно допустимо при предположеніи, что уже въ это время Пушкинъ считалъ Геккерена авторомъ пасквиля. По воспоминаніямъ графа Сологуба, передавшаго Пушкину экземпляръ пасквиля въ день полученія, выходитъ, что въ первый моментъ у Пушкина не было мысли ни о дипломатѣ, ни о Геккеренѣ: онъ заявилъ Сологубу, что въ сочиненіи присланнаго ему всѣмъ извѣстнаго диплома на званіе рогоносца онъ подозрѣвалъ одну даму, которую ему и назвалъ.

4 ноября Пушкинъ получилъ анонимныя письма и на другой день, 5 ноября ***)

*) «Воспоминанія гр. В. А. Сологуба. Новыя свѣдѣнія о предсмертномъ поединкѣ А. С. Пушкина». М. 1866, стр. 41 — 43. Письмо Пушкина къ Е. М. Хитрово до насъ не дошло.

**) «Переписка», III, 417.

*) «Пушкинъ», 314.

**) «Переписка», III, 417.

***) Геккеренъ въ письмѣ къ Загряжской отъ 13 ноября даетъ эту дату: «Depuis huit jours

отправилъ вызовъ Дантесу на квартиру его пріемнаго отца барона Геккерена. Какъ-разъ въ этотъ день Дантесъ находился дежурнымъ по дивизіону *), дома не былъ, и вызовъ попалъ въ руки барона Геккерена. Со словъ К. К. Данзаса сообщалось въ свое время, что «Пушкинъ послалъ вызовъ Дантесу черезъ офицера генеральнаго штаба К. О. Россета» **). Врядъ ли это сообщеніе вѣрно. Вызовъ былъ письменный. Когда графу Сологубу пришлось позднѣе выступить въ роли секунданта, Даршіакъ, секундантъ Дантеса, желая ознакомить его съ обстоятельствами дѣла, предъявилъ ему документы и среди нихъ «вызовъ Пушкина Дантесу». По всей вѣроятности, вызовъ былъ просто посланъ, а не переданъ кѣмъ-либо, ибо попасть не по назначенію онъ могъ только въ томъ случаѣ, если онъ былъ посланъ, и ни одинъ секундантъ въ мірѣ не позволилъ бы себѣ отдать вызовъ кому-либо иному, а не вызываемому. Вызовъ Пушкина не былъ мотивированъ.

Вызовъ Пушкина засталъ барона Геккерена врасплохъ. О его замѣшательствѣ, о его потрясеніи свидѣтельствуютъ и дальнѣйшее его поведеніе и сообщенія Жуковскаго въ письмахъ къ Пушкину. Онъ въ тотъ же день отправился къ Пушкину, заявилъ, что онъ принимаетъ вызовъ за своего сына, и просилъ отложить окончательное рѣшеніе на 24 часа въ надеждѣ, что Пушкинъ обсудитъ еще разъ все дѣло спокойнѣе и перемѣнитъ свое рѣшеніе. Черезъ 24 часа, т.-е. 6 ноября, Геккеренъ снова былъ у Пушкина и нашелъ его непоколебимымъ. Объ этомъ его свиданіи съ Пушкинымъ князь Вяземскій разсказываетъ въ письмѣ къ великому князю Михаилу Павловичу слѣдующее: «Геккеренъ разсказалъ Пушкину о своемъ критическомъ положеніи и затрудненіяхъ, въ которыя его поставило это дѣло, каковъ бы ни былъ его исходъ; онъ говорилъ ему о своихъ отеческихъ чувствахъ къ молодому — человѣку, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь съ цѣлью обезпечить ему благосостояніе. Онъ прибавилъ, что видитъ зданіе всѣхъ своихъ надеждъ разрушеннымъ до основанія въ ту самую минуту, когда считалъ свой трудъ доведеннымъ до конца. Чтобы приготовиться ко всему, могущему случиться, онъ попросилъ новой отсрочки на недѣлю. Принимая вызовъ отъ лица молодого человѣка, т.-е. своего сына, какъ онъ его называлъ, онъ, тѣмъ не менѣе, увѣрялъ, что тотъ совершенно не подозрѣваетъ о вызовѣ, о которомъ ему скажутъ въ послѣднюю минуту. Пушкинъ, тронутый волненіемъ и слезами отца, сказалъ: «Если такъ, то не только недѣлю—я вамъ даю двѣ недѣли сроку и обязуюсь честнымъ словомъ не давать никакого движенія этому дѣлу до назначеннаго дня и при встрѣчахъ съ вашимъ сыномъ вести себя такъ, какъ если бы между нами ничего не произошло» *).

К. К. ДАНЗАСЪ.

d'angoisses j'ai été si heureux et si tranquille hier au soir... («Дуэль», 173). Промежутокъ восьми тревожныхъ дней, кончившійся 12 ноября вечеромъ, начался, слѣдовательно, съ 5 ноября — дня, въ который въ руки барона Геккерена попалъ вызовъ, предназначенный Дантесу.

*) С. А. Панчулидзевъ сообщилъ мнѣ касающіяся Дантеса выписки изъ приказовъ по Кавалергардскому полку. Изъ нихъ видно, что 4 ноября поручику барону Дантесу-Геккерену за незнаніе людей своихъ взводовъ и за неосмотрительность въ своей одеждѣ командиръ полка сдѣлалъ строжайшій выговоръ и предписалъ нарядить его дежурнымъ по дивизіону 5 разъ. Дежурилъ Дантесъ, въ исполненіе предписанія, 5, 7, 9, 11 и 13 ноября. Эти даты важны для хронологіи событій.

**) «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина», со словъ К. К. Данзаса, СПБ. 1863, стр. 10. Разсказы о секундантствѣ К. О. Россета вызываютъ много недоумѣній.

*) «Пушкинъ», 314—315.

Пушкинъ въ письмѣ къ Бенкендорфу излагаетъ кратко исторію отсрочки: «Баронъ Геккеренъ является ко мнѣ—и принимаетъ вызовъ, за г. Дантеса, прося отсрочки поединка на 15 дней» *).

Итакъ, Геккерену удалось отсрочить поединокъ и выиграть такимъ образомъ время. Теперь надо было употребить всѣ старанія къ тому, чтобы устранить самое столкновеніе съ возможнымъ роковымъ исходомъ. Эта забота легла на сердце не одному Геккерену. Переполошилась, конечно, прежде всего Наталья Николаевна, а за нею ея сестры и тетушка, покровительница всѣхъ сестеръ Гончаровыхъ, фрейлина двора Екатерина Ивановна Загряжская. Вызовъ былъ сдѣланъ, и, слѣдовательно, грозилъ срамъ ея племянницѣ, такъ хорошо принятой при дворѣ, и, конечно, ей самой, опекавшей и охранявшей сестеръ Гончаровыхъ. Надо было сдѣлать все, что только возможно, чтобы предупредить скандалъ, устранить дуэль, затушить дѣло. Ни Наталья Николаевна, ни ея сестры, конечно, ничего тутъ не могли сдѣлать, и надо было дѣйствовать самой Загряжской. Она такъ и поступила и приняла дѣятельнѣйшее участіе въ развитіи дальнѣйшихъ событій. 6-го ноября молодой Гончаровъ, братъ Натальи Николаевны, съѣздилъ въ Царское Село къ Жуковскому, и въ тотъ же день Жуковскій былъ уже въ Петербургѣ. Жуковскій былъ другомъ, котораго Пушкинъ слушался въ мірскихъ дѣлахъ; Жуковскій любилъ Пушкина и былъ миролюбивъ, и Гончаровы поступили правильно, вызвавъ его и вмѣшавъ въ разыгрывавшіяся событія.

Пушкинъ отправилъ вызовъ. Надо было убѣдить его отказаться отъ вызова. Надъ вопросомъ, какъ это сдѣлать, ломали голову баронъ Геккеренъ, Е. И. Загряжская и В. А. Жуковскій.

6 ноября Жуковскій, по вызову Гончарова, пріѣхалъ въ Петербургъ и направился къ Пушкину. Въ то время, какъ онъ находился у него, явился Геккеренъ. Это было второе посѣщеніе Пушкина Геккереномъ, когда онъ добился двухнедѣльной отсрочки. Жуковскій оставилъ Пушкина и спустя нѣкоторое время снова вернулся къ нему. Конецъ дня Жуковскій провелъ у графа Віельгорскаго и кн. Вяземскаго. Очевидно, разговоръ шелъ о дѣлѣ Пушкина. Вечеромъ Жуковскій получилъ письмо отъ Е. И. Загряжской.

*) «Переписка», III, 417.

На другой день, утромъ 7 ноября, Жуковскій былъ уже у Загряжской. «Отъ нее къ Геккерену»—кратко гласитъ конспективная записка Жуковскаго, которой мы въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ пользоваться. Она является важнѣйшимъ источникомъ для исторіи ноябрьскаго столкновенія Пушкина съ Дантесомъ. Къ сожалѣнію, многія замѣтки въ запискѣ Жуковскаго слишкомъ конспективны, писаны были про себя и толкованію не поддаются *).

«Поутру у Загряжской. Отъ нее къ Геккерену. (Mes antécédents — неизвѣстное совершонное прежде бывшаго)». Эти краткія указанія не трудно развернуть. Загряжская обратилась къ Жуковскому съ просьбой о содѣйствіи и помощи при разрѣшеніи конфликта и разсказала остававшіяся ему неизвѣстными обстоятельства, происшедшія до вызова. Эти «antécédents» мы не можемъ выяснить ни по замѣткамъ Жуковскаго, ни по другимъ источникамъ. А что-то было дѣйствительно! На это есть намеки и въ разорванномъ черновикѣ письма Пушкина къ Геккерену **). Отъ Загряжской Жуковскій поѣхалъ къ Геккерену. Ясно, что посѣщеніе Геккерена было продиктовано Жуковскому именно Загряжской. Во всякомъ случаѣ, сообщеніе Вяземскаго о томъ, что баронъ Геккеренъ бросился къ Жуковскому и Мих. Віельгорскому съ уговорами о посредничествѣ, не вѣрно, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Жуковскому. Если Геккеренъ искалъ помощи въ Жуковскомъ и другихъ, то и они, въ свою очередь, искали его содѣйствія. Неясно, было ли внушенное Загряжской посѣщеніе Жуковскимъ Геккерена первымъ опытомъ ея сношеній съ Геккереномъ, или они обмѣнялись сношеніями еще до наступленія этого момента, и Жуковскій явился официальнымъ посредникомъ? Неясенъ по связи съ только-что поставленнымъ и слѣдующій вопросъ: былъ ли у Загряжской уже опредѣленный (но пока не сообщенный Жуковскому) планъ предотвращенія бѣды, или она отправила Жуковскаго къ Геккерену только поговорить и посмотрѣть, нельзя ли что-либо сдѣлать?

У Геккерена Жуковскаго ждали «откры-

*) Конспективная записка Жуковскаго впервые напечатана въ моей книгѣ («Дуэль», 196—198). При цитированіи записки въ дальнѣйшемъ изложеніи отдѣльныхъ ссылокъ не дѣлаю.

**) «Le 2 de novembre vous eûtes [de] cru M-r votre fils [une] la suite d'une... [coup. de plaisir. Il vous dit... té que me femme crei... n'elle perdoit la tête...»

тія»—«о любви сына къ Катеринѣ; открытіе о родствѣ; о предполагаемой свадьбѣ». По поводу перваго открытія Жуковскій въ скобкахъ замѣтилъ: «моя ошибка насчетъ имени». Дѣло, кажется, надо представлять себѣ такъ. Геккеренъ сказалъ Жуковскому, что его сынъ любитъ не m-me Пушкину, а ея сестру. Жуковскій назвалъ Александрину и ошибся. Второе открытіе Геккерена невразумительно: о какомъ родствѣ могъ открыться Геккеренъ? О родствѣ съ Дантесомъ, но объ этомъ говорили только сплетни, а въ дѣйствительности его не было. Быть можетъ, Геккеренъ говорилъ о далекомъ родствѣ или, вѣрнѣе, свойствѣ Дантеса съ Пушкиными?*)

Итакъ, уже 7-го ноября, черезъ 48 часовъ послѣ вызова, была пущена въ оборотъ мысль объ ошибочныхъ подозрѣніяхъ Пушкина и о предполагавшейся свадьбѣ Дантеса и Екатерины Гончаровой. Какъ, у кого возникла эта мысль? Жуковскій услышалъ ее впервые отъ Геккерена, но это не значитъ, что эта мысль его созданіе. Обычное представленіе таково: Геккерены такъ перепугались вызова и были въ такомъ смятеніи, что готовы были пойти на все, что открывало просвѣтъ среди темныхъ и тревожныхъ обстоятельствъ. Прежде всего подставили вмѣсто Натальи Николаевны Катерину Николаевну и заявили, что чувства Дантеса относились къ послѣдней. Ну, а если такое заявленіе поведетъ къ женитьбѣ? Не бѣда: можно и жениться, но только бы не драться, только бы не подставлять грудь подъ выстрѣлъ Пушкина! Такое обычное представленіе должно признать не соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Проектъ сватовства Дантеса къ Екатеринѣ Гончаровой существовалъ до вызова. Жуковскій въ одномъ изъ «дуэльныхъ» писемъ къ Пушкину упоминаетъ о бывшемъ въ его рукахъ и полученномъ отъ Геккерена матеріальномъ доказательствѣ, что «дѣло, о коемъ теперь идутъ толки (т.-е. женитьба Дантеса), затѣяно было еще гораздо прежде вызова». Геккеренъ въ письмѣ къ Загряжской отъ 13 ноября тоже говоритъ о томъ, что проектъ свадьбы Екатерины Гончаровой и Дантеса существуетъ уже давно и что самъ онъ отрицательно относился къ этому проекту по мотивамъ, извѣстнымъ Загряжской. Въ перепискѣ отца Пушкина съ дочерью Ольгой Сергѣевной есть упоминанія о возможномъ бракѣ m-lle Гончаровой и Дантеса еще въ письмѣ отъ 2 ноября 1836 года *).

МѢСТО ДУЭЛИ въ 1860—70 гг.
Рис. Д. И. Лобанова.

Итакъ, мысль о женитьбѣ Дантеса на Гончаровой существовала до вызова. Въ какихъ реальныхъ формахъ нашла выраженіе эта мысль, опредѣлить затруднительно. Было ли только брошено на вѣтеръ Геккеренами слово о возможности брака Екатерины Гончаровой и Дантеса или мысль эта дебатировалась подробно, не извѣстно. Намъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ, что въ самый моментъ возникновенія

*) Во французскихъ извѣстіяхъ нерѣдки ссылки на родство. Дѣйствительно, Дантесъ по матери былъ внукъ графини Елизаветы Ѳедоровны Вартеслебенъ (р. 7 марта 1758 года, ум. бездѣтной 27 августа 1835 года. См. «Московскій Некрополь», т. II, 298). Эта графиня Вартеслебенъ была замужемъ за графомъ Алексѣемъ Семеновичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ (1730—1817). Этотъ же Мусинъ-Пушкинъ доводился шестиюроднымъ братомъ Надеждѣ Платоновнѣ Мусиной-Пушкиной, бабушкѣ жены поэта. Родство Пушкина съ Мусиными-Пушкиными — родство кровное, хотя и весьма отдаленное.

*) См. «Пушкинъ и его современники», вып. XII, стр. 88 и 94.

проектъ женитьбы на Гончаровой уже представлялся средствомъ отвести глаза Пушкину и скрыть отъ него истинный смыслъ ухаживаній Дантеса. Но, какъ ни была мимолетна эта мысль, она тотчасъ же всплыла на поверхность, лишь только грянулъ громъ, и Пушкинъ послалъ свой вызовъ. Геккеренъ заметался, ища выхода, ища спасенія отъ дуэли, а Дантесъ, лишь только освѣдомился о вызовѣ, какъ принялъ позу.

Въ объясненіяхъ своихъ передъ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Нессельроде и передъ нидерландскимъ правительствомъ Геккеренъ опредѣленно говоритъ о томъ, что Дантесъ рѣшился на бракъ съ исключительной цѣлью не компрометировать дуэлью m-me Пушкину. «Сынъ мой — писалъ Геккеренъ своему министру барону Верстолку, — понимая хорошо, что дуэль съ г. Пушкинымъ уронила бы репутацію жены послѣдняго и скомпрометировала бы будущность его дѣтей, счелъ за лучшее дать волю своимъ чувствамъ и попросилъ у меня разрѣшенія сдѣлать предложеніе сестрѣ г-жи Пушкиной, молодой и хорошенькой особѣ, жившей въ домѣ супруговъ Пушкиныхъ; этотъ бракъ, вполнѣ приличный съ точки зрѣнія свѣта, такъ какъ дѣвушка принадлежала къ лучшимъ фамиліямъ страны, спасалъ все: репутація г-жи Пушкиной оставалась внѣ подозрѣній, мужъ, разувѣренный въ мотивахъ ухаживанія моего сына, не имѣлъ бы поводовъ считать себя оскорбленнымъ (повторяю, клянусь честью, что онъ имъ никогда и не былъ), и, такимъ образомъ, поединокъ не имѣлъ бы уже смысла. Вслѣдствіе этого я полагалъ своей обязанностью дать согласіе на этотъ бракъ» *). Въ письмѣ къ графу Нессельроде Геккеренъ выражается еще рѣзче, еще опредѣленнѣе. Опровергая предположеніе, выставлявшее Дантеса авторомъ подметныхъ писемъ, Геккеренъ пишетъ: «съ какою цѣлью? Развѣ для того, чтобы заставить ее броситься въ его объятія, не оставивъ ей другого исхода, какъ погибнуть въ глазахъ свѣта и отвергнутой мужемъ? Но подобное предположеніе плохо вяжется съ тѣмъ высоконравственнымъ чувствомъ, которое заставило моего сына закабалить себя на всю жизнь, чтобы спасти репутацію любимой женщины. Или онъ хотѣлъ вызвать тѣмъ поединокъ, надѣясь на благопріятный исходъ? Но три мѣсяца тому назадъ онъ рисковалъ тѣмъ же; однако, будучи далекъ отъ подобной мысли, онъ предпочелъ безвозвратно себя связать съ единственной цѣлью — не компрометировать г-жу Пушкину» *). Прусскій посланникъ Либерманъ, доносившій послѣ смерти Пушкина объ исторіи дуэли и почерпавшій свои свѣдѣнія, по всей вѣроятности, отъ самого Геккерена, по поводу брака Дантеса сообщилъ, между прочимъ: «чтобы положить конецъ поднявшемуся по поводу этого дѣла шуму, молодой баронъ Геккеренъ совершенно добровольно рѣшился жениться на сестрѣ m-me Пушкиной, которой онъ также оказывалъ большое вниманіе. Хотя дѣвушка не имѣла никакого состоянія, пріемный отецъ молодого человѣка далъ свое согласіе на бракъ» **).

Каковы были психологическіе мотивы рѣшимости Дантеса «закабалить» себя бракомъ на немилой женщинѣ? Дѣйствительно ли для него на первомъ планѣ стояло счастье любимой женщины, и для того лишь только, чтобы не омрачить его, онъ, какъ рыцарь, приносилъ въ жертву своей любви счастье своей жизни? Или же онъ попросту струсилъ поединка и ради устраненія его, ради устраненія возможнаго рокового исхода предпочелъ «закабалить» себя на всю жизнь? Прежде, чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, приведемъ любопытныя разсужденія князя Вяземскаго въ письмѣ къ великому князю Михаилу Павловичу: «Говоря по правдѣ, надо сказать, что мы всѣ, такъ близко слѣдившіе за развитіемъ этого дѣла, никогда не предполагали, чтобы молодой Геккеренъ рѣшился на этотъ отчаянный поступокъ, лишь бы избавиться отъ поединка. Онъ самъ былъ, вѣроятно, опутанъ темными интригами своего отца. Онъ приносилъ себя ему въ жертву. Я его, по крайней мѣрѣ, такъ понялъ. Но часть общества захотѣла усмотрѣть въ этой свадьбѣ подвигъ высокаго самоотверженія ради спасенія чести г-жи Пушкиной. Но, конечно, это только плодъ досужей фантазіи. Ничто ни въ прошломъ молодого человѣка, ни въ его поведеніи относительно нея не допускаетъ мысли о чемъ-либо подобномъ» ***). Въ разсужденіяхъ Вяземскаго слѣдуетъ отмѣтить, что онъ и другіе друзья Пушкина не рѣшались приписать поступка Дантеса

*) «Пушкинъ», 365.

*) «Пушкинъ», 388—389.
**) Тамъ же, 371.
***) Тамъ же, 317.

побужденію трусливаго характера. Очень темны сообщенія Вяземскаго о темныхъ интригахъ Геккерена, которыя будто бы вызвали Дантеса на такой поступокъ. Не согласнѣе ли съ истиной вещей признать, что рѣшеніе Дантеса, какъ и большинство человѣческихъ рѣшеній, не является слѣдствіемъ одного какого-либо мотива, а есть результатъ взаимодѣйствія мотивовъ? Остается, во всякомъ случаѣ, фактомъ то, что онъ былъ влюбленъ въ Наталью Николаевну, желалъ ея, тянулся къ ней черезъ всѣ препятствія, не останавливаясь и предъ смертельной опасностью. Послѣ всего того, что случилось въ ноябрѣ, не удержался же онъ отъ соблазна новыхъ сближеній съ ней въ январѣ, послѣ своей свадьбы! Чего достигалъ онъ, объявляя о своихъ матримоніальныхъ намѣреніяхъ и вступая въ бракъ? Да, конечно, прежде всего онъ могъ питать надежду, что его рѣшеніе отведетъ гнѣвъ Пушкина отъ головы Натальи Николаевны и охранитъ ея репутацію, ослабивъ свѣтское злословіе и свѣтскія сплетни. Но были и еще выгоды. Поединокъ оторвалъ, отдалилъ бы его навсегда отъ Пушкиной, а бракъ на ея сестрѣ, наоборотъ, приблизилъ бы, облегчилъ бы возможность встрѣчъ, сближеній подъ покровомъ родственныхъ отношеній и чувствъ. Стоило только бракосочетанію совершиться, какъ Дантесъ сейчасъ же сталъ пользоваться такой возможностью. О томъ, что между ними станетъ еще третій человѣкъ—Екатерина Гончарова, Дантесъ, по всей вѣроятности, и не думалъ: онъ былъ слишкомъ легокъ для такихъ долгихъ мыслей и слишкомъ побѣдитель женскихъ сердецъ. Екатерина Гончарова была вся въ его власти, ибо она была страстно влюблена въ него и, зная, конечно, объ отношеніяхъ Дантеса къ сестрѣ, объ его влюбленности въ нее, ни на минуту не задумалась соединить свою руку съ рукой Дантеса. «Согласіе Екатерины Гончаровой и все ея поведеніе въ этомъ дѣлѣ непонятны, если только загадка эта не объясняется просто ея желаніемъ во что бы то ни стало выйти изъ разряда старыхъ дѣвъ»—писалъ кн. Вяземскій, забывая добавить, что къ этому вполнѣ законному желанію присоединялось и страстное увлеченіе Геккереномъ. А затѣмъ, какъ бы ни было сильно чувство любви Дантеса къ Н. Н. Пушкиной, выливавшееся, главнымъ образомъ, въ стремленіи къ обладанію, оно не исключало возможности любовныхъ достиженій у другихъ женщинъ. И даже предъ Натальей Николаевной Дантесъ могъ бы выиграть своимъ рѣшеніемъ,—она должна была оцѣнить самоотверженіе, съ какимъ онъ бросился въ кабалу. И такое разсужденіе могло быть и у Дантеса, когда онъ рѣшался объявить свое намѣреніе жениться на Екатеринѣ Гончаровой.

Возвратимся къ Жуковскому, выслушавшему «открытія» Геккерена. По разсказу князя Вяземскаго, «Геккеренъ увѣрялъ Жуковскаго, что Пушкинъ ошибается, что сынъ его влюбленъ не въ жену его, а въ свояченицу, что уже давно сынъ его умоляетъ своего отца согласиться на ихъ бракъ, но что тотъ, находя бракъ этотъ не подходящимъ, не соглашался, но теперь, видя, что дальнѣйшее упорство съ его стороны привело къ заблужденію, грозящему печальными послѣдствіями, онъ, наконецъ, далъ свое согласіе» *). Свои дѣйствія и свое впечатлѣніе Жуковскій отмѣтилъ въ конспективной запискѣ кратко: «Мое Слово.—Мысль все остановить». «Слово» Жуковскаго, по всей вѣроятности, вѣрно передано въ воспоминаніяхъ со словъ К. К. Данзаса: «Жуковскій совѣтовалъ барону Геккерену, чтобы сынъ его сдѣлалъ какъ можно скорѣе предложеніе своячеицѣ Пушкина, если онъ хочетъ прекратить всѣ враждебныя отношенія и неосновательные слухи» **). Разсказъ Геккерена открылъ умственнымъ очамъ Жуковскаго ранѣе не существовавшую возможность разстроить дуэль, внушилъ «мысль все остановить». Все оказывалось такимъ простымъ: стоило сказать Пушкину, что онъ ошибся, что Дантесъ желалъ въ дѣйствительности не его жену, а Екатерину Гончарову, и дѣло образуется.

Но сдѣлать это было не легко. Геккеренъ открылся Жуковскому въ своихъ планахъ, но потребовалъ отъ него строжайшаго сохраненія всего имъ сказаннаго въ величайшей тайнѣ ото всѣхъ и отъ Пушкина въ томъ числѣ, представляя Жуковскому положеніе вещей въ такомъ видѣ. Обстоятельства складывались въ пользу брака, онъ самъ даетъ свое разрѣшеніе, бракъ могъ бы осуществиться, но теперь его осуществленію мѣшаетъ вызовъ Пушкина, ибо теперь въ свѣтѣ скажутъ, что угроза поединка заставила Дантеса неожиданно и противъ воли жениться на Гончаровой; а такое мнѣніе—мало того, что оно невѣрно—оскорбительно и Геккеренами не можетъ быть допущено.

*) «Пушкинъ», 315.
**) «Послѣдніе дни...» и т. д., 11.

Но въ то же время, разъ ихъ дѣйствительныя желанія таковы и разъ, вообще, дѣйствительность такова, какою рисуютъ ее они, а не Пушкинъ, то поединокъ ясно нелѣпъ и долженъ быть устраненъ. Объ этомъ ужъ пусть заботятся друзья Пушкина. А Дантесъ исполнитъ то, что велитъ ему долгъ: онъ принялъ вызовъ, приметъ и поединокъ и послѣ поединка объявитъ о сватовствѣ своемъ къ Екатеринѣ Гончаровой. Поединокъ могъ бы быть устраненъ, по мнѣнію Геккереновъ, въ томъ случаѣ, если бы Пушкинъ взялъ свой вызовъ обратно и притомъ отнюдь не на основаніи предполагаемой возможности брака: Геккерены не приняли бы вожделѣннаго отказа отъ вызова, если бы онъ былъ мотивированъ именно такимъ образомъ. Выходило такъ, что дѣйствительнымъ основаніемъ для прекращенія дуэли была мысль о женитьбѣ Дантеса на Гончаровой, но Пушкинъ долженъ былъ взять обратно свой вызовъ на иномъ, мнимомъ основаніи, а не дѣйствительномъ. Жуковскому предстояло вести тонкую двойную игру. То, что Геккеренъ открылъ ему подъ великимъ секретомъ, онъ долженъ былъ передать Пушкину подъ такимъ же секретомъ. Пушкинъ внутри себя долженъ былъ рѣшать въ зависимости отъ узнаннаго подъ секретомъ, а внѣ, въ разсужденіяхъ съ другими онъ не могъ опираться на внутреннія основанія.

Вслѣдъ за словами «мысль все остановить» въ конспективной запискѣ слѣдуютъ краткія, но выразительныя фразы: «Возвращеніе къ Пушкину. Les revelations. Его бѣшенство». Revelations, это, конечно, тѣ открытія, которыя только-что выслушалъ Жуковскій отъ Геккерена. Открытія эти возмутили Пушкина до крайней степени, до степени «бѣшенства». Простодушному Жуковскому можно было отвести глаза, можно было внушить, что предметомъ исканій Дантеса была не жена Пушкина, а ея сестра. Но какъ можно было убѣдить въ этомъ Пушкина, какъ можно было пытаться говорить объ этомъ Пушкину, когда объ ухаживаніяхъ Дантеса за Натальей Николаевной, объ его влюбленности въ нее онъ зналъ отъ нея самой! Она сама созналась въ легкомысленной снисходительности къ ухаживаніямъ Дантеса; наконецъ, Пушкинъ видѣлъ, что «красивая наружность, несчастная страсть и двухлѣтнее постоянство» произвели уже дѣйствіе на сердце его жены. Смѣшно было убѣждать Пушкина въ противномъ, и потому нетрудно представить «бѣшенство» Пушкина въ отвѣтъ на открытія Жуковскаго и Геккерена. Въ упоминаніи о проектѣ женитьбы онъ увидѣлъ низкую и трусливую попытку увильнуть отъ дуэли. Пушкинъ способенъ былъ на бѣшеное изліяніе своихъ страстей, но онъ былъ прямой человѣкъ. И если, вызывая Дантеса, онъ могъ думать, что тотъ по-своему, но все-таки искренне увлеченъ Натальей Николаевной, то теперь этотъ, такъ легко отрекающійся отъ любимой имъ женщины человѣкъ показался ему неизмѣримо низкимъ, ничтожнымъ и, вдобавокъ, презрѣннымъ трусомъ, готовымъ ускользнуть отъ выстрѣла противника въ немилыя объятія. Не имѣя рѣшительно никакой возможности повѣрить въ свою ошибку (жена вмѣсто свояченицы), Пушкинъ не повѣрилъ и серьезности намѣренія Дантеса сочетаться бракомъ съ Екатериной Николаевной Гончаровой: онъ думалъ, что Геккеренамъ было важно лишь добиться съ его стороны отказа отъ вызова и сорвать поединокъ. Для этого надо было пустить мысль о бракѣ, а потомъ можно было и отложить ея осуществленіе навѣки.

Итакъ, предстояла тяжелая задача— переубѣдить Пушкина. Время было лучшимъ помощникомъ.

Непоколебимость Пушкина въ своемъ рѣшеніи о дуэли нужно было сломить не натискомъ, а продолжительной и настойчивой осадой. Эту осаду повели Жуковскій, Геккеренъ, Загряжская. Начались переговоры, въ которые былъ вовлеченъ и Пушкинъ. Цѣль ихъ была, съ одной стороны, вывести Геккереновъ изъ области словъ о предложеніи, о свадьбѣ къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ теперь же, до наступленія момента дуэли; съ другой стороны—освоить Пушкина съ мыслью о бракѣ Гончаровой и Дантеса и убѣдить его въ непремѣнномъ осуществленіи этой мысли.

Подъ 7 ноября Жуковскій отмѣтилъ еще слѣдующія событія: «свиданіе съ Геккерномъ. Извѣщеніе его Вьельгорскимъ. Молодой Геккеренъ у Вьельгорскаго». День 8 ноября былъ посвященъ переговорамъ. «Геккернъ у Загряжской»,—помѣтилъ Жуковскій. Тутъ, очевидно, разговоръ сводился къ убѣжденію Геккереновъ поскорѣе выявить свои намѣренія. Жуковскій былъ у Пушкина. «Большое спокойствіе. Его слезы. То, что я говорилъ о его отношеніяхъ». Подъ 9 ноября Жуковскій занесъ опять неясное слово «Les Revelations de Heckern».

НАЧАЛО ДУЭЛИ.
Рисунокъ Петра Соколова.

Какія разоблаченія сдѣлалъ на этотъ разъ Геккеренъ, остается неизвѣстнымъ. Но въ результатѣ ихъ Жуковскій предложилъ посредничество. «Мое предложеніе посредничества. Сцена втроемъ съ отцомъ и сыномъ. Мое предложеніе свиданія». Чтобы понять эту запись Жуковскаго, надо вспомнить двойственность его игры. Офиціально о предполагаемой женитьбѣ Дантеса Жуковскій не могъ говорить, ибо Геккеренъ взялъ съ него слово держать это въ тайнѣ. Неофиціальная попытка воздѣйствовать на Пушкина не только была безуспѣшна, но и чрезмѣрно раздражила его. Такимъ образомъ дѣло не подвинулось ни на шагъ. Оставался путь офиціальный, требовавшій въ данномъ случаѣ особаго дипломатическаго такта, и Жуковскій предложилъ себя въ посредники по переговорамъ. Мало того, онъ намѣтилъ и первый пунктъ своей посреднической программы. По его мысли, необходимо было устроить свиданіе Дантеса съ Пушкинымъ. Въ этомъ свиданіи Пушкинъ долженъ былъ играть роль человѣка, офиціально ни о чемъ не знающаго, и пойти на выясненіе мотивовъ своего немотивированнаго вызова. Затѣмъ, вступалъ въ дѣло Дантесъ и, очевидно, излагалъ свой настоящій взглядъ насчетъ женитьбы. Въ результатѣ Пушкинъ долженъ былъ взять вызовъ обратно. Таковъ былъ замыселъ Жуковскаго. Ему принадлежитъ иниціатива посредничества и свиданія, но для Пушкина эта иниціатива должна была исходить отъ самого Геккерена. Офиціальная версія: именно Геккеренъ обратился къ Жуковскому съ просьбой о посредничествѣ. Такъ Геккеренъ и поступилъ. 9 ноября онъ написалъ Жуковскому слѣдующее письмо, впервые оглашаемое въ моей книгѣ*). Вотъ оно:

9/21 ноября 1831 года.

Милостивый Государь.

Навѣстивъ m-lle Загряжскую, по ея приглашенію, я узналъ отъ нея самой, что она посвящена въ то дѣло, о которомъ я вамъ

*) «Дуэль», 171.

сегодня пишу. Она же передала мнѣ, что подробности вамъ одинаково хорошо извѣстны; поэтому я могу полагать, что не совершаю нескромности, обращаясь къ вамъ въ этотъ моментъ. Вы знаете, милостивый государь, что вызовъ г-на Пушкина былъ переданъ моему сыну при моемъ посредничествѣ, что я принялъ его отъ его имени, что онъ одобрилъ это принятіе и что все было рѣшено между г-номъ Пушкинымъ и мною. Вы легко поймете, какъ важно для моего сына и для меня, чтобъ эти факты были установлены непререкаемымъ образомъ: благородный человѣкъ, даже если онъ несправедливо вызванъ другимъ почтеннымъ человѣкомъ, долженъ прежде всего заботиться о томъ, чтобы ни у кого въ мірѣ не могло возникнуть малѣйшаго подозрѣнія по поводу его поведенія въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Разъ эта обязанность исполнена, мое званіе отца налагаетъ на меня другое обязательство, которое представляется мнѣ не менѣе священнымъ.

Какъ вамъ извѣстно также, милостивый государь, что все происшедшее по сей день совершилось безъ вмѣшательства третьихъ лицъ. Мой сынъ принялъ вызовъ; принятіе вызова было его первой обязанностью, но, по меньшей мѣрѣ, надо объяснить ему, ему самому, по какимъ мотивамъ его вызвали. Свиданіе представляется мнѣ необходимымъ, обязательнымъ, свиданіе между двумя противниками, въ присутствіи лица, подобнаго вамъ, которое сумѣло бы внести свое посредничество со всѣмъ авторитетомъ полнаго безпристрастія и сумѣло бы оцѣнить реальное основаніе подозрѣній, послужившихъ поводомъ къ этому дѣлу. Но послѣ того, какъ обѣ враждующія стороны исполнили долгъ честныхъ людей, я предпочитаю думать, что вашему посредничеству удалось бы открыть глаза Пушкину и сблизить двухъ лицъ, которыя доказали, что обязаны другъ другу взаимнымъ уваженіемъ. Вы, милостивый государь, совершили бы такимъ образомъ почтенное дѣло, и если я обращаюсь къ вамъ въ подобномъ положеніи, то дѣлаю это потому, что вы одинъ изъ тѣхъ людей, къ которымъ я особливо питалъ чувства уваженія и величайшаго почтенія, съ какимъ я имѣю честь быть вашъ, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга баронъ Геккернъ».

Съ письмомъ Геккерена въ рукахъ Жуковскій пришелъ къ Пушкину и предложилъ ему устроить свиданіе и разговоръ съ Дантесомъ. Дантесъ хотѣлъ бы видѣться и говорить съ Пушкинымъ—сказалъ Пушкину Жуковскій. Какъ Жуковскій объяснялъ положеніе вещей, какъ онъ мотивировалъ желаніе Дантеса, съ какимъ дипломатическимъ подходомъ подошелъ онъ къ Пушкину, обо всемъ этомъ ясное представленіе даютъ его письма къ Пушкину, которыя теперь уже можно датировать. Предложеніе свиданія Жуковскій сдѣлалъ 9 ноября; Пушкинъ, очевидно (если судить по письмамъ Жуковскаго) отнесся рѣзко-опредѣленно къ предложенію Жуковскаго, столь рѣзко-опредѣленно, что Жуковскій не успѣлъ даже развить передъ нимъ всю силу своей дипломатической аргументаціи и былъ вынужденъ убѣждать Пушкина письменно. Въ тотъ же день 9 ноября Жуковскій отправилъ слѣдующую записку: «Я не могу еще рѣшиться почитать наше дѣло конченнымъ. Еще я не далъ никакого отвѣта старому Геккерну; я сказалъ ему въ моей запискѣ, что не засталъ тебя дома и что не видавшись съ тобою не могу ничего отвѣчать. И такъ есть еще возможность все остановить. Рѣши, что я долженъ отвѣчать. Твой отвѣтъ невозвратно все кончитъ. Но ради Бога одумайся. Дай мнѣ счастіе избавить тебя отъ безумнаго злодѣйства, а жену твою отъ совершеннаго посрамленія. Я теперь у Вьельгорскаго, у котораго обѣдаю» *).

Вечеромъ 9 ноября Пушкинъ былъ у Вьельгорскаго, и разговоры его съ Жуковскимъ на тему о дуэли продолжались здѣсь. Придя къ Вьельгорскому, Пушкинъ увидѣлъ, что Вьельгорскій знаетъ о дуэли, и взволновался: ему показалось, что слухи о дуэли распространяются слишкомъ быстро, и недостаетъ только того, чтобы о дуэли узнали жандармскія власти. На другой день утромъ Жуковскій показалъ новое письмо Пушкину. Онъ успокаивалъ Пушкина и убѣждалъ его въ томъ, что тайна сохранится. Но главная задача письма была не въ этомъ. «Пишу это однако не для того только, чтобы тебя успокоить на счетъ сохраненія тайны. Хочу, чтобы ты не имѣлъ никакого ложнаго понятія о томъ участіи, какое принимаетъ въ этомъ дѣлѣ молодой Геккернъ. Вотъ его исторія. Тебѣ уже извѣстно, что было съ первымъ твоимъ вызовомъ, какъ онъ не попался въ руки сыну, а пошелъ черезъ отца и какъ сынъ

*) «Переписка», III, 400.

узналъ о немъ только по истеченіи 24 часовъ, т.-е. послѣ вторичнаго свиданія отца съ тобою. Въ день моего пріѣзда, въ то время, когда я у тебя встрѣтилъ Геккерна, сынъ былъ въ караулѣ и возвратился домой. А на другой день въ часъ за какую-то ошибку онъ долженъ былъ дежурить три дня не въ очередь. Вчера онъ въ послѣдній разъ былъ въ караулѣ и нынче съ часа по полудни будетъ свободенъ. Эти обстоятельства изъясняютъ, почему онъ лично не могъ участвовать въ томъ, что дѣлалъ его бѣдный отецъ, силясь отбиться отъ несчастія, котораго одно ожиданіе сводитъ его съ ума. Сынъ, узнавъ положеніе дѣлъ, хотѣлъ непремѣнно видѣться съ тобой, но отецъ, испугавшись свиданія, обратился ко мнѣ. Не желая быть зрителемъ или актеромъ въ трагедіи, я предложилъ свое посредство, то есть, хотѣлъ предложить его, написавъ въ отвѣтъ отцу то письмо, котораго брульонъ тебѣ показывалъ, но котораго не послалъ и не пошлю. Вотъ все. Нынче по утру скажу старому Геккерну, что не могу взять на себя никакого посредства, ибо изъ разговоровъ съ тобою вчера убѣдился, что посредство ни къ чему не послужитъ, почему я и не намѣренъ никого подвергать непріятности отказа. Старый Геккернъ такимъ образомъ не узнаетъ, что попытка моя съ письмомъ его не имѣла успѣха. Это письмо будетъ ему возвращено и мое вчерашнее офиціальное свиданіе съ тобою можетъ считаться не бывшимъ.

Все это я написалъ для того, что счелъ святѣйшею обязанностію засвидѣтельствовать передъ тобою, что молодой Геккернъ во всемъ томъ, что дѣлалъ его отецъ, былъ совершенно посторонній, что онъ также готовъ драться съ тобою, какъ и ты съ нимъ, и что онъ также боится, чтобы тайна не была какъ-нибудь нарушена. И отцу отдать ту же справедливость. Онъ въ отчаяніи, но вотъ что мнѣ сказалъ: «Я приговоренъ къ гильотинѣ; я прибѣгаю къ милости, если мнѣ это не удастся — придется взойти на гильотину. И я взойду, такъ какъ люблю честь моего сына такъ же, какъ и его жизнь». — Этимъ свидѣтельствомъ роль, весьма жалко и неудачно сыгранная, оканчивается»... *).

Но Пушкинъ былъ непреклоненъ, а Жуковскому пришлось поступить такъ, какъ онъ хотѣлъ. Онъ вернулъ Геккерну его письмо. Это письмо хранится до сего дня въ архивѣ барона Дантесъ-Геккерна. Въ своемъ конспектѣ событій подъ 10 ноября Жуковскій записалъ: «Молодой Геккернъ у меня. Я отказываюсь отъ свиданія. Мое письмо къ Геккерну. Его отвѣтъ. Мое свиданіе съ Пушкинымъ».

Пушкинъ не пошелъ ни на какіе компромиссы, и роль Жуковскаго, весьма жалко и неудачно сыгранная, закончилась. Дружеское воздѣйствіе Жуковскаго не принесло желанныхъ результатовъ и уступило мѣсто воздѣйствію родственному. Въ дѣло вступила Екатерина Ивановна Загряжская, а отказавшійся Жуковскій игралъ роль ея пособника. Въ его конспективныхъ запискахъ читаемъ помѣту: «посылка ко мнѣ Е. И. Что Пушк. сказалъ Александринѣ». Слова Пушкина Александринѣ, очевидно, заключали въ себѣ что-то значительное, но что именно, сказать мы сейчасъ не можемъ, да и врядъ ли будемъ имѣть возможность. Но, очевидно, результатомъ посѣщенія Жуковскимъ Загряжской было отмѣченное имъ въ запискѣ его «посѣщеніе Геккерна». У Геккерена Жуковскій, конечно, говорилъ все о томъ-же, какъ уладить дѣло. Если бы Геккерены привели въ исполненіе свой матримоніальный проектъ, то Пушкинъ взялъ бы вызовъ обратно—въ этомъ, очевидно, и Жуковскій, и Загряжская были убѣждены. Но Геккерены упирались и говорили, что они не приступятъ къ осуществленію своего проекта до тѣхъ поръ, пока Пушкинъ не возьметъ вызовъ, ибо въ противномъ случаѣ въ свѣтѣ намѣреніе Дантеса жениться на Гончаровой приписали бы трусливому желанію избѣжать дуэли. Упомянувъ въ конспектѣ о посѣщеніи Геккерена, Жуковскій записываетъ: «Его требованіе письма». Путь компромисса былъ указанъ, и инициатива замиренія, по мысли Геккерена, должна была исходить отъ Пушкина. Онъ, Пушкинъ, долженъ былъ послать Геккерену письмо съ отказомъ отъ вызова. Этотъ отказъ устраивалъ бы господъ Геккереновъ. Но Пушкинъ не пошелъ и на это. «Отказъ Пушкина. Письмо, въ которомъ упоминаетъ о сватовствѣ»,—записываетъ въ конспектѣ Жуковскій. Эта запись легко поддается комментарію. Пушкинъ соглашался написать письмо съ отказомъ отъ вызова, но такое письмо, въ которомъ было бы упомянуто о сватовствѣ, какъ о мотивѣ отказа. Пушкинъ хотѣлъ сдѣлать то, что Геккеренамъ было всего непріятнѣе.

*) «Переписка», III, 401—402.

12 ноября произошло новое совѣщаніе Геккерена съ Загряжской, на которомъ выработанъ новый планъ воздѣйствія на Пушкина. Загряжская должна была лично переговорить съ Пушкинымъ и утверждать, что инициатива брака Дантеса и Гончаровой исходитъ отъ нея, что старый Геккеренъ долго не соглашался на этотъ бракъ, но теперь согласился, и бракъ состоится сейчасъ же послѣ дуэли. Сколько правды въ этихъ заявленіяхъ Загряжской и сколько дипломатіи, которой надо было опутать Пушкина, сказать трудно. Я выше указывалъ на то, что слухи о женитьбѣ Дантеса на Гончаровой существовали гораздо раньше 4 ноября. Содержаніе той бесѣды, которую должна была имѣть Загряжская съ Пушкинымъ, можно узнать изъ неизданнаго письма Геккерена къ Загряжской, которое онъ написалъ ей 13-го ноября утромъ *):

«Послѣ безпокойной недѣли я былъ такъ счастливъ и спокоенъ вечеромъ, что забылъ просить васъ, сударыня, сказать въ разговорѣ, который вы будете имѣть сегодня, что намѣреніе, которымъ вы заняты о К. и моемъ сынѣ, существуетъ уже давно, что я противился ему по извѣстнымъ вамъ причинамъ, но, когда вы меня пригласили придти къ вамъ, чтобы поговорить, я вамъ заявилъ, что дальше не желаю отказывать въ моемъ согласіи, съ условіемъ, во всякомъ случаѣ, сохранять все дѣло въ тайнѣ до окончанія дуэли, потому что съ момента вызова П. оскорбленная честь моего сына обязывала меня къ молчанію. Вотъ въ чемъ главное, такъ какъ никто не можетъ желать обезчестить моего Жоржа, хотя, впрочемъ, и желаніе было бы напрасно, ибо достигнуть этого никому не удалось бы. Пожалуйста, сударыня, пришлите мнѣ словечко послѣ вашего разговора, страхъ опять охватилъ меня, и я въ состояніи, которое не поддается описанію.

Вы знаете тоже, что съ Пушкинымъ не я уполномачивалъ васъ говорить, что это вы дѣлаете сами по своей волѣ, чтобы спасти своихъ».

Читая это письмо, чувствуешь, что Геккеренъ боится, какъ бы Загряжская чего не напутала, не сбилась, и, простившись съ ней наканунѣ, спѣшитъ послать къ ней подробнѣйшее наставленіе.

Въ какой мѣрѣ Пушкинъ былъ убѣжденъ рѣчами Загряжской, мы не знаемъ, но онъ, во всякомъ случаѣ, согласился на свиданіе съ Геккереномъ у Загряжской, которое и состоялось, можетъ быть, уже 13-го ноября или же 14-го ноября. Очевидно, Пушкинъ тутъ уже въ нѣсколько офиціальной обстановкѣ въ присутствіи Загряжской и Геккерена выслушалъ сообщеніе о предполагаемой свадьбѣ Дантеса и Гончаровой, и тутъ же съ него было взято слово, что все сообщенное ему останется тайной. Выслушавъ офиціальное заявленіе, Пушкинъ нашелъ возможнымъ пойти на уступки и согласился взять свой вызовъ обратно. Старшій Геккеренъ долженъ былъ передать отказъ Пушкина своему пріемному сыну.

Пушкинъ далъ слово держать втайнѣ сообщенный ему проектъ бракосочетанія Дантеса и Гончаровой, но, кажется, онъ не считалъ себя особо связаннымъ имъ. Тутъ были особыя причины. Вѣдь онъ-то зналъ, что всѣ симпатіи Дантеса были на сторонѣ Натальи Николаевны и что проектъ женитьбы на Екатеринѣ Николаевнѣ есть только отводъ глазъ; не вѣрилъ онъ въ искренность и дѣйствительность желаній Дантеса и укрѣпился въ убѣжденіи, что все это дѣлается съ исключительнымъ намѣреніемъ избѣжать дуэли. Этотъ образъ дѣйствій ему былъ противенъ, и онъ въ нѣкоторой степени афишировалъ низость Дантеса, разсказывая, правда, въ ближайшемъ кругу, о матримоніальныхъ планахъ Дантеса. Отъ нескромности Пушкина трепеталъ Жуковскій, который все боялся, что разглашеніе тайны Пушкинымъ станетъ извѣстно Геккеренамъ, они откажутся отъ брака и, слѣдовательно, дуэли не миновать. До насъ дошло два длиннѣйшихъ письма къ Пушкину Жуковскаго, въ которыхъ онъ выговариваетъ поэту за его нескромность. Онъ съ необыкновеннымъ жаромъ ратуетъ за Геккереновъ, за чистоту ихъ намѣреній. Письма Жуковскаго столь характерны, что я позволю себѣ привести ихъ почти цѣликомъ *):

«Ты поступаешь весьма неосторожно, невеликодушно и даже противъ меня несправедливо. Зачѣмъ ты разсказалъ обо всемъ Екатеринѣ Андреевнѣ и Софьѣ Николаевнѣ? Чего ты хочешь? Сдѣлать невозможнымъ то, что теперь должно кончиться для тебя самого наилучшимъ образомъ. Думалъ долго о томъ, что ты мнѣ вчера говорилъ, я нахожу твое предположеніе совершенно невѣроятнымъ, и имѣю причину быть увѣ-

*) «Дуэль», 173.

*) «Переписка», III, 402—405.

КОНЕЦЪ ДУЭЛИ.

Рисунокъ К. Чичагова.

реннымъ, что во всемъ томъ, что случилось для отвращенія драки, молодой Геккернъ ни мало не участвовалъ. Все это дѣло отца и весьма натурально, чтобы онъ на все рѣшился, дабы отвратить свое несчастіе. Я видѣлъ его въ такомъ положеніи, котораго нельзя выдумать и сыграть, какъ роль. Я остаюсь въ полномъ убѣжденіи, что молодой совершенно въ сторонѣ, и на это вчера еще имѣлъ доказательство. Получивъ отъ стараго Г. доказательство матеріальное, что дѣло, о коемъ теперь идутъ толки, затѣяно было еще гораздо прежде твоего вызова, я далъ ему совѣтъ поступить такъ, какъ онъ и поступилъ, основываясь на томъ, что, если тайна сохранится, то никакого безчестія не падетъ на его сына, что и ты самъ не можешь предполагать, чтобы онъ хотѣлъ избѣжать дуэли, который имъ принятъ, именно потому, что не онъ хлопочетъ, а отецъ о его отвращеніи. Въ этомъ послѣднемъ я увѣренъ, вчера еще болѣе увѣрился и всѣмъ готовъ сказать, что молодой Г. съ этой стороны совершенно чистъ. Это я сказалъ и Карамзинымъ, запретивъ имъ крѣпко-на-крѣпко говорить о томъ, что слышали объ тебѣ, и увѣривъ ихъ, что вамъ непремѣнно надобно будетъ драться, если тайна теперь или даже послѣ откроется. И такъ требую отъ тебя уже собственно для себя, чтобы эта тайна у васъ умерла навсегда. Говорю для себя вотъ почему: полагая, что всѣ обстоятельства, сообщенныя мнѣ отцемъ Геккерномъ, справедливы (въ чемъ я не имѣлъ причины и нужды сомнѣваться), я сказалъ, что почитаю его, какъ отца, въ правѣ и даже обязательно предупредить несчастіе открытіемъ дѣла какъ оно есть; что это открытіе будетъ въ то же время и репарацiею того, что было сдѣлано противъ твоей чести передъ свѣтомъ. Хотя я не вмѣшанъ въ самое дѣло, но совѣтъ мною данъ. Не могу же я согласиться принять участіе въ посрамленіи человѣка, котораго честь пропадаетъ, если тайна будетъ открыта. А эта тайна хранится теперь между нами; намъ

ее должно и беречь. Прошу тебя въ этомъ случаѣ беречь и мою совѣсть. Если что-нибудь откроется и я буду это знать, то уже мнѣ по совѣсти нельзя будетъ утверждать того, что неминуемо должно нанести безчестіе. Напротивъ, я долженъ буду подать совѣтъ противный. Избавь меня отъ такой горестной необходимости. Совѣтъ есть человѣкъ; не могу же находить приличнымъ другому такого поступка, который осрамилъ бы самого меня на его мѣстѣ. И такъ требую тайны теперь и послѣ. Сохраненіемъ этой тайны ты также обязанъ и самому себѣ, ибо въ этомъ дѣлѣ и съ твоей стороны есть много такого, въ чемъ долженъ ты сказать: виноватъ! Но болѣе всего ты долженъ хранить ее для меня: я въ это дѣло замѣшанъ невольно и не хочу, чтобы оно оставило мнѣ какое-нибудь нареканіе; не хочу, чтобы кто-нибудь имѣлъ право сказать, что я нарушилъ довѣренность, мнѣ оказанную. Я увижусь съ тобою передъ обѣдомъ. Дождись меня».

Это письмо не подѣйствовало на Пушкина, и онъ продолжалъ совершать нескромность. Жуковскій вновь писалъ ему: «Вотъ что приблизительно ты сказалъ княгинѣ третьяго дня, уже имѣя въ рукахъ мое письмо: «Я знаю автора анонимныхъ писемъ и черезъ недѣлю вы услышите обо одной мести, единственной въ своемъ родѣ; она будетъ полная, исчерпывающая; она броситъ человѣка въ грязь; громкіе подвиги Раевскаго—игра дѣтей передъ тѣмъ, что я намѣренъ сдѣлать» и тому подобное».

Заявленія Пушкина княгинѣ Вяземской совершенно разъясняютъ намъ, почему Пушкинъ считалъ возможнымъ разглашать то, что было ему сообщено. Онъ пришелъ за это время къ твердому убѣжденію, что авторомъ анонимныхъ писемъ былъ баронъ Геккеренъ.

Но Жуковскій не считался съ Пушкинымъ, не принималъ во вниманіе его взглядовъ на виновниковъ событія и только, какъ завороженный, продолжалъ твердить объ одномъ: о томъ, что надо хранить тайну и что несохраненіе тайны компрометируетъ его, Жуковскаго. «Все это очень хорошо,—продолжалъ въ письмѣ Жуковскій,—особливо послѣ обѣщанія, даннаго тобою Геккерену въ присутствіи твоей тетушки (которая мнѣ о томъ сказывала), что все происшедшее останется тайною. Но скажи мнѣ, какую роль во всемъ этомъ я играю теперь и какую долженъ буду играть послѣ передъ добрыми людьми, какъ скоро все тобою самимъ обнаружится и какъ скоро узнаютъ, что и моего тутъ меду капля есть? И какимъ именемъ и добрые люди, и Геккеренъ, и самъ ты наградите меня, если, зная предварительно о томъ, что ты намѣренъ сдѣлать, приму отъ тебя письмо, написанное Геккерену, и, сообщая его по принадлежности, засвидѣтельствую, что все между вами кончено, что тайна сохранится и что каждаго честь останется неприкосновенною. Хорошо, что ты самъ обо всемъ высказалъ и что все это мой добрый геній довелъ заблаговременно. Само по себѣ разумѣется, что я ни о чемъ случившемся не говорилъ княгинѣ. Не говорю теперь ничего и тебѣ: дѣлай, что хочешь. Но булавочку свою беру изъ игры вашей, которая теперь съ твоей стороны далеко мнѣ не нравится. А если Геккеренъ вздумаетъ отъ меня истребовать совѣта, то не долженъ ли я по совѣсти сказать ему: остерегитесь. Я это и сдѣлаю».

Дѣло все же казалось слаженнымъ. Какъ-никакъ, а Пушкинъ все-таки согласился отказаться отъ вызова. Но тутъ пришла новая бѣда съ совершенно неожиданной стороны. На сцену явилось новое дѣйствующее лицо—Дантесъ, который до сихъ поръ появлялся лишь безъ словъ. Выслушавъ отъ своего отца отказъ Пушкина отъ вызова, онъ возмутился и отправилъ Пушкину слѣдующее примѣчательное письмо *):

«Милостивый государь.

Баронъ Геккеренъ сообщилъ мнѣ, что онъ уполномоченъ г-номъ **) увѣдомить меня, что всѣ тѣ основанія, по которымъ вы вызвали меня, перестали существовать и что посему я могу смотрѣть на этотъ вашъ поступокъ, какъ на не имѣвшій мѣста.

Когда вы вызвали меня безъ объясненія причинъ, я безъ колебаній принялъ этотъ вызовъ, такъ какъ честь обязывала меня это сдѣлать. Въ настоящее время вы увѣряете меня, что вы не имѣете болѣе основаній желать поединка. Прежде чѣмъ вернуть вамъ ваше слово, я желаю знать, почему вы измѣнили свои намѣренія, не уполномочивъ никого представить вамъ объясненія, которыя я располагалъ дать вамъ лично. Вы первый согласитесь съ тѣмъ, что прежде чѣмъ взять свое слово обратно, каждый изъ насъ долженъ представить объясненія для

*) «Дуэль», 174.
**) Фамилія осталась неразобранной.

того, чтобы впослѣдствіи мы могли относиться съ уваженіемъ другъ къ другу».

Мы знаемъ теперь, что Пушкину поступокъ Дантеса (т.-е. брачный проектъ) казался низкимъ и что Геккеренъ для него былъ авторомъ подметныхъ писемъ. Можно себѣ представить, каково было негодованіе Пушкина, когда онъ получилъ письмо Дантеса. Въ конспективныхъ замѣткахъ Жуковскаго читаемъ выразительную строчку:

«Письмо Дантеса къ Пушкину и его бѣшенство».

А за этой строчкой слѣдуетъ запись:

«Снова дуэль. Секундантъ. Письмо Пушкина». Эту строку не трудно расшифровать при помощи воспоминаній графа Сологуба *):

«У Карамзиныхъ праздновался день рожденія старшаго сына. Я сидѣлъ за обѣдомъ подлѣ Пушкина. Во время общаго веселаго разговора, онъ вдругъ нагнулся ко мнѣ и сказалъ мнѣ скороговоркой: «Ступайте завтра къ д'Аршіаку. Условьтесь съ нимъ только на счетъ матеріальной стороны дуэли. Чѣмъ кровавѣе, тѣмъ лучше. Ни на какія объясненія не соглашайтесь». Потомъ онъ продолжалъ шутить и разговаривать, какъ бы ни въ чемъ не бывало. Я остолбенѣлъ, но возражать не осмѣлился. Въ тонѣ Пушкина была рѣшительность, не допускавшая возраженій. Вечеромъ я поѣхалъ на большой раутъ къ австрійскому посланнику графу Фикельмону. На раутѣ всѣ дамы были въ траурѣ, по случаю смерти Карла X. Одна Катерина Николаевна Гончарова, сестра Натальи Николаевны Пушкиной (которой на раутѣ не было), отличалась отъ прочихъ бѣлымъ платьемъ. Съ ней любезничалъ Дантесъ-Геккеренъ. Пушкинъ пріѣхалъ поздно, казался очень встревоженъ, запретилъ Катеринѣ Николаевнѣ говорить съ Дантесомъ и, какъ узналъ я потомъ, самому Дантесу высказалъ нѣсколько болѣе чѣмъ грубыхъ словъ. Съ д'Аршіакомъ, статнымъ молодымъ секретаремъ французскаго посольства, мы выразительно переглянулись и разошлись, не будучи знакомы. Дантеса я взялъ въ сторону и спросилъ его, что онъ за человѣкъ. «Я человѣкъ честный, отвѣчалъ онъ, и надѣюсь скоро это доказать». Затѣмъ онъ сталъ объяснять, что не понимаетъ, чего отъ него Пушкинъ хочетъ; что онъ поневолѣ будетъ съ нимъ стрѣляться, если будетъ къ тому принужденъ; но никакихъ ссоръ и скандаловъ не желаетъ. Ночь я, сколько мнѣ помнится, не могъ заснуть: я понималъ, какая лежала на мнѣ отвѣтственность передъ всей Россіей. Тутъ уже было не то, что исторія со мной. Со мной я за Пушкина не боялся. Ни у одного русскаго рука на него бы не поднялась; по французу русской славы жалѣть было нечего.

На другой день погода была страшная, снѣгъ, мятель. Я поѣхалъ сперва къ отцу моему, жившему на Мойкѣ, потомъ къ Пушкину, который повторилъ мнѣ, что я имѣю только условиться насчетъ матеріальной стороны самаго безпощаднаго поединка, и наконецъ, съ замирающимъ сердцемъ, отправился къ д'Аршіаку. Каково же было мое удивленіе, когда съ первыхъ словъ д'Аршіакъ объявилъ мнѣ, что онъ самъ всю ночь не спалъ: что онъ, хотя не русскій, но очень понимаетъ, какое значеніе имѣетъ Пушкинъ для русскихъ, и что наша обязанность сперва просмотрѣть всѣ документы, относящіеся до порученнаго намъ дѣла. Затѣмъ онъ мнѣ показалъ:

1) Экземпляръ ругательнаго диплома на имя Пушкина.

2) Вызовъ Пушкина Дантесу, послѣ полученія диплома.

3) Записку посланника барона Геккерена, въ которой онъ просилъ, чтобъ поединокъ былъ отложенъ на двѣ недѣли *).

4) Собственноручную записку Пушкина, въ которой онъ объявлялъ, что беретъ свой вызовъ назадъ, на основаніи слуховъ, что г. Дантесъ женится на его невѣсткѣ К. Н. Гончаровой **).

Я стоялъ поражённый, какъ будто свалился съ неба. Объ этой свадьбѣ я ничего не слыхалъ, ничего не вѣдалъ и только тутъ понялъ причину вчерашняго бѣлаго платья, причину двухнедѣльной отсрочки, причину ухаживанія Дантеса. Всѣ хотѣли остановить Пушкина. Одинъ Пушкинъ того не хотѣлъ.

---

*) Въ воспоминаніяхъ Сологуба («Русск. Арх.» 1866 и отдѣльно: «Восп. гр. В. А. Сологуба. Новыя свѣдѣнія о поединкѣ Пушкина». М. 1866) есть неточности и незначительныя фактическія ошибки. Онѣ отмѣчены мной въ моей книгѣ о дуэли; здѣсь же я привожу выдержки изъ воспоминаній безъ всякой критики. Укажу только, что память измѣнила гр. Сологубу въ датахъ (день рожденія старшаго сына Карамзиныхъ, раутъ у гр. Фикельмона) и при перечисленіи показанныхъ ему документовъ.

*) Врядъ ли такая записка была! Геккеренъ лично просилъ объ отсрочкѣ Пушкина.

**) Это письмо, надо думать, не было показано Геккереномъ Дантесу, такъ же, какъ и второе, писанное по настоянію Даршіака и Сологуба.

«Вотъ положеніе дѣла, сказалъ д'Аршіакъ. Вчера кончился двухнедѣльный срокъ, и я былъ у г. Пушкина съ извѣщеніемъ, что мой другъ Дантесъ готовъ къ его услугамъ *). Вы понимаете, что Дантесъ желаетъ жениться, но не можетъ жениться иначе, какъ если г. Пушкинъ откажется просто отъ своего вызова безъ всякаго объясненія, не упоминая о городскихъ слухахъ. Г. Дантесъ не можетъ допустить, чтобъ о немъ говорили, что онъ былъ принужденъ жениться, и женился во избѣжаніе поединка. Уговорите г. Пушкина безусловно отказаться отъ вызова. Я вамъ ручаюсь, что Дантесъ женится, и мы предотвратимъ, можетъ быть, большое несчастіе». Этотъ д'Аршіакъ былъ необыкновенно симпатичной личностью и самъ скоро потомъ умеръ насильственною смертью на охотѣ. Мое положеніе было самое непріятное: я только теперь узнавалъ сущность дѣла; мнѣ предлагали самый блистательный исходъ, то, что я и требовать и ожидать бы никакъ не смѣлъ, а между тѣмъ я не имѣлъ порученія вести переговоры. Потолковавъ съ д'Аршіакомъ, мы рѣшились съѣхаться въ три часа у самого Дантеса. Тутъ возобновились тѣ же предложенія, но въ разговорахъ Дантесъ не участвовалъ, все предоставивъ секунданту. Никогда въ жизнь свою я не ломалъ такъ головы. Наконецъ, потребовавъ бумаги, я написалъ по-французски къ Пушкину слѣдующую записку:

«Согласно вашему желанію я условился на счетъ матеріальной стороны поединка. Онъ назначенъ 21 ноября въ 8 часовъ утра на Парголовской дорогѣ, на 10 шаговъ барьера. Впрочемъ, изъ разговоровъ узналъ я, что г. Дантесъ женится на вашей свояченицѣ, если вы только признаете, что онъ велъ себя въ настоящемъ дѣлѣ какъ *честный* человѣкъ. Г. д'Аршіакъ и я служимъ вамъ порукой, что свадьба состоится; именемъ вашего семейства умоляю васъ согласиться» и пр. **).

*) Инициатива вторичнаго вызова, какъ видно изъ конспективныхъ замѣтокъ Жуковскаго, исходила отъ Пушкина и была результатомъ письма къ нему Дантеса.

**) Сологубъ приводитъ свое письмо по памяти. Оно сохранилось въ подлинникѣ и стало извѣстно намъ въ самое послѣднее время («Переписка», III, 408). Вотъ его текстъ въ переводѣ съ французскаго:

«Согласно Вашему желанію, я былъ у г. д'Аршіака, чтобы условиться о времени и мѣстѣ. Мы рѣшили въ субботу, потому что въ пятницу мнѣ нельзя быть свободнымъ, въ сторонѣ Парголова, рано утромъ, въ 10 шагахъ разстоянія.

Точныхъ словъ я не помню, но содержаніе письма вѣрно. Очень мнѣ памятно число 21 ноября, потому что 20 было рожденіе моего отца, и я не хотѣлъ ознаменовать этотъ день кровавой сценой. Д'Аршіакъ прочиталъ внимательно записку; но не показалъ ея Дантесу, несмотря на его требованіе, а передалъ мнѣ и сказалъ: «Я согласенъ. Пошлите». Я позвалъ своего кучера, отдалъ ему въ руки записку и приказалъ вести на Мойку, туда, гдѣ я былъ утромъ. Кучеръ ошибся и отвезъ записку къ отцу моему, который жилъ тоже на Мойкѣ и у котораго я тоже былъ утромъ. Отецъ мой записки не распечаталъ, но, узнавъ мой почеркъ, и очень встревоженный, выглядѣлъ условія о поединкѣ. Однако, онъ отправилъ кучера къ Пушкину, тогда какъ мы около двухъ часовъ оставались въ мучительномъ ожиданіи. Наконецъ, отвѣтъ былъ привезенъ. Онъ былъ въ общемъ смыслѣ слѣдующаго содержанія: «Прошу гг. секундантовъ считать мой вызовъ недѣйствительнымъ, такъ какъ по городскимъ слухамъ (par le bruit public) я узналъ, что г. Дантесъ женится на моей свояченицѣ. Впрочемъ, я готовъ признать, что въ настоящемъ дѣлѣ онъ велъ себя честнымъ человѣкомъ»*). «Этого достаточно»--сказалъ д'Аршіакъ, отвѣта Дантесу не показалъ и поздравилъ его женихомъ. Тогда Дантесъ обратился ко мнѣ со словами: «Ступайте къ г. Пушкину и поблагодарите его, что онъ согласенъ кончить нашу ссору. Я надѣюсь, что мы будемъ видаться, какъ братья». Поздравивъ съ своей стороны Дантеса, я предложилъ д'Аршіаку лично повторить эти слова Пушкину и ѣхать со мной. Д'Аршіакъ и на это согласился. Мы

Г-нъ д'Аршіакъ конфиденціально добавилъ, что баронъ Геккеренъ окончательно рѣшилъ объявить о своемъ брачномъ намѣреніи, но что онъ, будучи остановленъ опасеніемъ показаться желающимъ избѣжать дуэли, можетъ привести свой проектъ въ исполненіе только тогда, когда между вами все будетъ кончено и Вы засвидѣтельствуете словесно передо мной и передъ г-мъ д'Аршіакомъ, что его бракъ Вы не приписываете расчетамъ, недостойнымъ благороднаго человѣка. Не имѣя отъ Васъ полномочія согласиться на то, чему я отъ всего сердца сочувствую, я прошу Васъ именемъ Вашей семьи согласиться на эту сдѣлку, которая помиритъ обѣ стороны. Нечего говорить Вамъ, что г. Даршіакъ и я ручаемся за Геккерена».

*) Мнѣ кажется, что было два письма Пушкина съ отказомъ отъ дуэли; они были аналогичнаго содержанія. Одно изъ нихъ напечатано въ «Перепискѣ», III, 409; черновикъ другого тамъ же, съ ошибочнымъ отнесеніемъ этого черновика къ бѣловому.

КОНЕЦЪ ДУЭЛИ.

Набросокъ Павла Соколова.

застали Пушкина за обѣдомъ. Онъ вышелъ къ намъ нѣсколько блѣдный и выслушалъ благодарность, переданную ему д'Аршіакомъ. «Съ моей стороны, продолжалъ я, я позволилъ себѣ обѣщать, что вы будете обходиться съ своимъ зятемъ, какъ съ знакомымъ».—«Напрасно, воскликнулъ запальчиво Пушкинъ. Никогда этого не будетъ. Никогда между домомъ Пушкина и домомъ Дантеса ничего общаго быть не можетъ». Мы грустно переглянулись съ д'Аршіакомъ. Пушкинъ затѣмъ немного успокоился. «Впрочемъ, добавилъ онъ, я призналъ и готовъ признать, что г. Дантесъ дѣйствовалъ какъ честный человѣкъ». «Больше мнѣ и не нужно», подхватилъ д'Аршіакъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Вечеромъ на балѣ С. В. Салтыкова свадьба была объявлена, но Пушкинъ Дантесу не кланялся. Онъ сердился на меня, что, несмотря на его приказаніе, я вступилъ въ переговоры. Свадьбѣ онъ не вѣрилъ. «У него, кажется, грудь болитъ, говорилъ онъ, того гляди, уѣдетъ за границу. Хотите биться объ закладъ, что свадьбы не будетъ. Вотъ у васъ тросточка. У меня бабья страсть къ этимъ игрушкамъ. Проиграйте мнѣ ее».—А вы проиграете мнѣ всѣ ваши сочиненія.—Хорошо.—(Онъ былъ, въ это время, какъ-то желчно веселъ). «Послушайте, сказалъ онъ мнѣ черезъ нѣсколько дней, вы были болѣе секундантомъ Дантеса, чѣмъ моимъ; однако я не хочу ничего дѣлать безъ вашего вѣдома. Пойдемте въ мой кабинетъ». Онъ заперъ дверь и сказалъ: «Я прочитаю вамъ мое письмо къ старику Геккерну. Съ сыномъ уже покончено... Вы мнѣ теперь старичка подавайте». Тутъ онъ прочиталъ мнѣ всѣмъ извѣстное письмо къ голландскому посланнику. Губы его задрожали, глаза налились кровью. Онъ былъ до того страшенъ, что только тогда я понялъ, что онъ дѣйствительно африканскаго происхожденія. Что

могъ я возразить противъ такой сокрушительной страсти? Я промолчалъ невольно, и такъ какъ это было въ субботу (пріемный день кн. Одоевскаго), то поѣхалъ къ кн. Одоевскому. Тамъ я нашелъ Жуковскаго и разсказалъ ему про то, что слышалъ. Жуковскій испугался и обѣщалъ остановить отсылку письма. Дѣйствительно, это ему удалось: черезъ нѣсколько дней онъ объявилъ мнѣ у Карамзиныхъ, что дѣло онъ уладилъ, и письмо послано не будетъ. Пушкинъ точно не отсылалъ письма, но сберегъ его у себя на всякій случай?»

III.

1 января 1837 года въ приказѣ по Кавалергардскому ея величества полку было отдано о разрѣшеніи поручику барону Геккерену вступить въ законный бракъ съ фрейлиною двора Екатериной Гончаровой, а черезъ два дня, 3 января, приказомъ по полку было предписано: «Выздоровѣвшаго г. поручика барона де Геккерена числить на лицо, котораго по случаю женитьбы его не наряжать ни въ какую должность до 18-го сего января, т. е. въ продолженіе 15-ти дней» *). Бракосочетаніе было совершено 10 января по католическому обряду въ римско-католической церкви св. Екатерины и по православному—въ Исаакіевскомъ соборѣ. Свидѣтелями при бракосочетаніи расписались баронъ Геккеренъ, графъ Г. А. Строгановъ, ротмистръ Кавалергардскаго полка Августинъ Бетанкуръ виконтъ д'Аршіакъ, л.-гв. гусарскаго полка поручикъ Иванъ Гончаровъ и полковникъ Кавалергардскаго полка Александръ Полетика. Екатерина Николаевна вошла въ семью Геккереновъ-Дантесовъ и стала жить ихъ жизнью. Вотъ ея первое письмо своему свекру:

«Милый папа, я очень счастлива, что, наконецъ, могу написать вамъ, чтобы благодарить отъ всей глубины моего сердца за то, что вы удостоили дать ваше согласіе на мой бракъ съ вашимъ сыномъ, и за благословеніе, которое вы прислали мнѣ и которое, я не сомнѣваюсь, принесетъ мнѣ счастіе. Наша свадьба состоялась въ послѣднее воскресенье, 22-го текущаго мѣсяца, въ 8 часовъ вечера въ двухъ церквахъ—католической и греческой. Моему счастію недостаетъ возможности быть около васъ, познакомиться лично съ вами, съ моимъ братомъ и сестрами и заслужить вашу дружбу и расположеніе. Между тѣмъ, это счастіе не можетъ осуществиться въ этомъ году, но баронъ обѣщаетъ намъ навѣрное, что будущій годъ соединитъ насъ въ Зульцѣ. Я была бы очень рада, если бы, ввиду этого, моя сестра Нанина вступила со мной въ переписку и давала бы мнѣ свѣдѣнія о васъ, милый папа, и о вашихъ. Съ своей стороны я беру на себя держать васъ въ курсѣ всего, что можетъ васъ здѣсь интересовать, а ей я дамъ тѣ мелкія подробности интимной переписки, какія получаются съ радостію, когда близкихъ раздѣляетъ такое большое разстояніе. Мое счастіе полно, и я надѣюсь, что мужъ мой такъ же счастливъ, какъ и я; я могу васъ увѣрить, что посвящу всю мою жизнь любви къ нему и изученію его привычекъ для того, чтобы когда-нибудь представить вамъ картину нашего блаженства и нашего домашняго счастія. Я ограничусь теперь очень нѣжнымъ поцѣлуемъ, умоляя васъ дать мнѣ вашу дружбу. До свиданія, милый папа, будьте здоровы, любите немного вашу дочь Катю и вѣрьте нѣжному и почтительному чувству, которое она питаетъ къ вамъ всегда» *).

Читая это идиллическое письмо, прямо не можешь себѣ и представить ту трагедію, которая разыгрывалась около баронессы Дантесъ-Геккеренъ и которой, кажется, только она одна въ своей ревнивой влюбленности въ мужа не хотѣла замѣтить или понять.

Между тѣмъ, совершившійся бракъ не внесъ радикальныхъ перемѣнъ въ положеніе дѣйствующихъ лицъ трагедіи. Самъ Пушкинъ на свадьбѣ Дантеса не былъ. Онъ только, по показанію Дантеса впослѣдствіи въ военно-судной комиссіи, «прислалъ жену къ Дантесу въ домъ на его свадьбу». Отсутствіе Пушкина и присутствіе одной Пушкиной на свадьбѣ, по мнѣнію Дантеса, «вовсе не означало, что всѣ наши сношенія должны были прекратиться». На самомъ дѣлѣ такого заключенія Дантесъ не имѣлъ права дѣлать: оно соотвѣтствовало всего-на-всего только его желанію, чтобы дѣйствительность была такова, чтобы возможность его сношеній съ Натальей Николаевной продолжалась. Но Пушкинъ «непремѣннымъ» условіемъ требовалъ отъ Геккерена, чтобы не было «никакихъ сношеній между семействами» **). Геккерены, дѣйствительно, стремились къ возстановленію мирныхъ

*) «Пушкинъ», 349.

*) «Дуэль», 263.

**) Такъ говорилъ Пушкинъ 27 января въ квартирѣ д'Аршіака.

ПОСЛѢДНЯЯ ДУЭЛЬ ПУШКИНА.

Съ картины А. Наумова, находящейся въ Пушкинскомъ музеѣ при Александровскомъ Лицеѣ.

Клише и печать „УНІОНЪ" Петроградъ

могъ я возразить противъ такой сокрушительной страсти? Я промолчалъ невольно, и такъ какъ это было въ субботу (пріемный день кн. Одоевскаго), то поѣхалъ къ кн. Одоевскому. Тамъ я нашелъ Жуковскаго и разсказалъ ему про то, что слышалъ. Жуковскій испугался и обѣщалъ остановить отсылку письма. Дѣйствительно, это ему удалось: черезъ нѣсколько дней онъ объявилъ мнѣ у Карамзиныхъ, что дѣло онъ уладилъ, и письмо послано не будетъ. Пушкинъ точно не отсылалъ письма, но сберегъ его у себя на всякій случай?»

III.

1 января 1837 года въ приказѣ по Кавалергардскому ея величества полку было отдано о разрѣшеніи поручику барону Геккерену вступить въ законный бракъ съ фрейлиною двора Екатериной Гончаровой, а черезъ два дня, 3 января, приказомъ по полку было предписано: «Выздоровѣвшаго г. поручика барона де Геккерена числить на лицо, котораго по случаю женитьбы его не наряжать ни въ какую должность до 18-го сего января, т. е. въ продолженіе 15-ти дней» *). Бракосочетаніе было совершено 10 января по католическому [illegible] римско-католической церкви св. Екатерины и по [illegible] соборѣ. Свидѣтелями при бракосочетаніи расписались баронъ Геккеренъ, графъ Г. А. Строгановъ, ротмистръ Кавалергардскаго полка Августинъ Бетанкуръ виконтъ д'Аршіакъ, л.-гв. гусарскаго полка поручикъ Иванъ Гончаровъ и полковникъ Кавалергардскаго полка Александръ Полетика. Екатерина Николаевна вошла въ семью Геккереновъ-Дантесовъ и стала жить ихъ жизнью. Вотъ ея первое письмо своему свекру:

«Милый папа, я очень счастлива, что, наконецъ, могу написать вамъ, чтобы благодарить отъ всей глубины моего сердца за то, что вы удостоили дать ваше согласіе на мой бракъ съ вашимъ сыномъ, и за благословеніе, которое вы прислали мнѣ и которое, я не сомнѣваюсь, принесетъ мнѣ счастіе. Наша свадьба состоялась въ послѣднее воскресенье, 22-го текущаго мѣсяца, въ 8 часовъ вечера въ двухъ церквахъ — католической и греческой. Моему счастію недостаетъ возможности быть около васъ, познакомиться лично съ вами, съ моимъ братомъ и сестрами и заслужить вашу дружбу и расположеніе. Между тѣмъ, это счастіе не можетъ осуществиться въ [illegible] году, но баронъ обѣщаетъ намъ [illegible] что будущій годъ соединитъ насъ въ Зуд[illegible]. Я была бы очень рада, если бы, [illegible] этого, моя сестра Наина вступила со мной въ переписку и давала бы мнѣ свѣдѣнія о васъ, милый папа, и о вашихъ. Съ своей стороны я беру на себя держать васъ въ курсѣ всего, что можетъ васъ здѣсь интересовать, а ей я дамъ тѣ мелкія подробности интимной переписки, какія получаются с радостію, когда близкихъ раздѣляетъ такое большое разстояніе. Мое счастіе полное, и я надѣюсь, что мужъ мой такъ же счастливъ, какъ и я; я могу васъ увѣрить, что посвящу всю мою жизнь любви къ нему и изученію его привычекъ для того, чтобы когда-нибудь представить вамъ картину нашего блаженства и нашего домашняго счастія. Я ограничусь теперь очень нѣжнымъ поцѣлуемъ, умоляя васъ дать мнѣ вашу дружбу. До свиданія, милый папа, будьте здоровы, любите немного вашу дочь Катю и вѣрьте нѣжному и почтительному чувству, которое она питаетъ къ вамъ всегда» *).

Читая это идиллическое письмо, [illegible] представить ту трагедію, которая разыгрывалась около барона [illegible] и ревнивой Натальи Николаевны. Она одна въ своей ревнивой влюбленности въ мужа не хотѣла замѣтить и понять.

Между тѣмъ, совершившійся бракъ внесъ радикальныхъ перемѣнъ въ положеніе дѣйствующихъ лицъ трагедіи. Самъ Пушкинъ на свадьбѣ Дантеса не былъ. Сказано только, по показанію Дантеса впослѣдствіи въ военно-судной комиссіи, «привезъ жену къ Дантесу въ домъ на его свадьбу». Отсутствіе Пушкина и присутствіе [illegible] Пушкиной на свадьбѣ, по мнѣнію Дантеса, «вовсе не означало, что всѣ наши сношенія должны были прекратиться». На самомъ дѣлѣ такого заключенія Дантесъ не имѣлъ [illegible] дѣлать: оно соотвѣтствовало всего [illegible] только его желанію, чтобы дѣйствительность была такова, чтобы возможность сношеній съ Натальей Николаевной [illegible] должалась. Но Пушкинъ «непремѣнно» [illegible] условіемъ требовалъ отъ Геккеренъ, [illegible] не было «никакихъ сношеній [illegible] мействами» **). Геккерены, дѣйствительно, стремились къ возстановленію [illegible]

*) «Дуэль», 263.

**) Такъ говорилъ Пушкинъ 27 января [illegible] квартирѣ д'Аршіака.

Клише и печать „УНІОНЪ"-Петроградъ.

отношеній. По разсказу Данзаса, Дантесъ пріѣзжалъ къ Пушкину съ свадебнымъ визитомъ, но не былъ принятъ. Данзасъ прибавляетъ, что Дантесъ пытался писать Пушкину, но онъ возвратилъ письмо старшему Геккерену непрочитаннымъ. О сценѣ, разыгравшейся при возвращеніи письма, скажу дальше. Намъ понятно, почему Дантесъ стремился къ примиренію, но, почему этого же добивался Геккеренъ, не совсѣмъ ясно. Желаніе, чтобы хоть по внѣшности все представлялось высоко приличнымъ, играло тутъ, конечно, большую роль.

Геккерены не бывали у Пушкиныхъ, но сношенія не только не прекратились послѣ бракосочетанія, но участились, сдѣлались, какъ кажется, легче, интимнѣе. Дантесъ вѣдь сталъ родной Пушкинымъ. Встрѣчалась она съ Дантесомъ у тетушки Е. И. Загряжской, на вечерѣ, на балахъ, которыхъ въ январѣ 1837 года было особенно много. Ухаживанія Дантеса сейчасъ же обратили общее вниманіе. Въ одномъ современномъ дневникѣ подъ 22 января 1837 года записана слѣдующая любопытная сцена, которую наблюдала на балу романтически настроенная дѣвица *):

«На балу я не танцовала. Было слишкомъ тѣсно.

Въ мрачномъ молчаніи я восхищенно любовалась г-жею Пушкиной. Какое восхитительное созданіе!

Дантесъ провелъ часть вечера неподалеку отъ меня. Онъ оживленно бесѣдовалъ съ пожилою дамою, которая, какъ можно было заключить изъ долетавшихъ до меня словъ, ставила ему въ упрекъ экзальтированность его поведенія.

Дѣйствительно — жениться на одной, чтобы имѣть нѣкоторое право любить другую, въ качествѣ сестры своей жены,— Боже, для этого нуженъ порядочный запасъ смѣлости (courage)...

Я не разслышала словъ, тихо сказанныхъ дамой. Что же касается Дантеса, то онъ отвѣчалъ громко, съ оттѣнкомъ уязвленнаго самолюбія:

— Я понимаю то, что вы хотите дать мнѣ понять, но я совсѣмъ не увѣренъ, что сдѣлалъ глупость!

— Докажите свѣту, что вы сумѣете быть хорошимъ мужемъ... и что ходящіе слухи не основательны.

— Спасибо, но пусть меня судитъ свѣтъ.

Минуту спустя я замѣтила проходившаго А. С. Пушкина. Какой уродъ! (Quel monstre!)

Разсказываютъ, но какъ дерзать довѣрять всему, о чемъ болтаютъ?! Говорятъ, что Пушкинъ, вернувшись какъ-то домой, засталъ Дантеса tête-à-tête съ своею супругою.

Предупрежденный друзьями, мужъ давно уже искалъ случая провѣрить свои подозрѣнія; онъ сумѣлъ совладать съ собою и принялъ участіе въ разговорѣ. Вдругъ у него явилась мысль потушить лампу. Дантесъ вызвался снова ее зажечь, на что Пушкинъ отвѣчалъ: «Не безпокойтесь, мнѣ, кстати, нужно распорядиться насчетъ кое-чего»...

Ревнивецъ остановился за дверью, и чрезъ минуту до слуха его долетѣло нѣчто похожее на звукъ поцѣлуя...

Впрочемъ, о любви Дантеса извѣстно всѣмъ. Ее, якобы, видятъ всѣ.

Однажды вечеромъ я сама замѣтила, какъ баронъ, не отрываясь, слѣдилъ взорами за тѣмъ угломъ, гдѣ находилась она. Очевидно, онъ чувствовалъ себя слишкомъ влюбленнымъ для того, чтобы, надѣвъ маску равнодушія, рискнуть появиться съ нею среди танцующихъ».

И Дантеса, и Наталью Николаевну вновь неодолимо потянуло другъ къ другу. Побѣда надъ Екатериной Николаевной не могла особенно льстить самолюбію Дантеса: достиженья были легки. Не то съ Натальей Николаевной, желанной ему и трудно достижимой. Бракъ не насытилъ любовнаго жара Дантеса, и когда онъ оказался на положеніи родственника Натальи Николаевны, то частыя встрѣчи съ нею у Е. И. Загряжской, на балахъ раздразнили вновь его любовныя стремленія къ Натальѣ Николаевнѣ. Если онъ изъ любви къ Натальѣ Николаевнѣ принесъ себя въ жертву и женился на женщинѣ, которая не была для него особливо желанной, то долженъ же онъ былъ вознаградить себя за воздержаніе и за жертву и добиться достиженій. Онъ возобновилъ свои нападенія на Наталью Николаевну, и любовная схватка началась. Она такъ сильно потянулась къ своему бофреру, что впечатлѣнія второй любви вытѣснили изъ области ея памяти и сознанія тяжелыя ноябрьскія переживанія. Атмосфера сгустилась, и кн. Вяземскій въ письмѣ къ великому князю Михаилу Павловичу нарисовалъ слѣдующими чертами картину положенія послѣ бракосочетанія Дантеса:

«Это новое положеніе, эти новыя отношенія мало измѣнили сущность дѣла.

*) «Русская Старина», 1900, т. CIII, августъ, стр. 383 - 385.

Молодой Геккеренъ продолжалъ, въ присутствіи своей жены, подчеркивать свою страсть къ г-жѣ Пушкиной. Городскія сплетни возобновились, и оскорбительное вниманіе общества обратилось съ удвоенной силою на дѣйствующихъ лицъ драмы, происходящей на его глазахъ. Положеніе Пушкина сдѣлалось еще мучительнѣе; онъ сталъ озабоченнымъ, взволнованнымъ, на него тяжело было смотрѣть. Но отношенія его къ женѣ оттого не пострадали. Онъ сдѣлался еще предупредительнѣе, еще нѣжнѣе къ ней. Его чувства, въ искренности которыхъ невозможно было сомнѣваться, вѣроятно, закрыли глаза его женѣ на положеніе вещей и его послѣдствія. Она должна была бы удалиться отъ свѣта и потребовать того же отъ мужа. У нея не хватило характера, и вотъ она опять очутилась почти въ такихъ же отношеніяхъ съ молодымъ Геккереномъ, какъ и до его свадьбы; тутъ не было ничего преступнаго, но было много непослѣдовательности и безпечности».

Нельзя не отмѣтить, что изъ всѣхъ свидѣтельствъ о послѣдней дуэли Пушкина, оставленныхъ друзьями Пушкина и редактированныхъ въ духѣ строгой охраны чести вдовы Пушкина, приведенныя слова кн. Вяземскаго являются единственнымъ свидѣтельствомъ, несущимъ осужденіе поведенію Натальи Николаевны. Въ письмѣ къ А. Я. Булгакову отъ 9 февраля 1837 года, предназначенномъ для разглашенія въ обществѣ, тотъ же князь Вяземскій почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ рисуетъ положеніе дѣлъ послѣ брака, такъ же характеризуетъ поведеніе Дантеса и отношеніе Пушкина, но ... опускаетъ сообщеніе, касающееся Пушкиной *).

«Отношенія къ женѣ не пострадали», говоритъ князь П. А. Вяземскій, «и стали еще нѣжнѣе». Конспективныя замѣтки, набросанныя Жуковскимъ, не позволяютъ намъ принять за истинное утвержденіе Вяземскаго. Въ дѣйствительности отношенія Пушкина къ женѣ были очень сложны. Прежде всего, неровны. «Послѣ свадьбы. Два лица. Мрачность при ней. Веселость за ея спиной» — записалъ Жуковскій. Что значитъ эта двойственность въ отношеніяхъ Пушкина: при женѣ мраченъ, безъ нея веселъ?

За только что приведенной замѣткой слѣдуетъ въ замѣткахъ Жуковскаго совершенно нерасшифровываемая запись „des revelations d'Alexandrine". Какія разоблаченія и кому сдѣлала старшая изъ трехъ сестеръ, Александрина? Кому? — Кажется, по контексту надо думать: Жуковскому. Вслѣдъ за этой загадочной записью Жуковскій заноситъ: «При теткѣ ласка къ женѣ, при Александринѣ и другихъ, кои могли бы разсказать des brusqueries. Дома же веселость и большое согласіе». Въ этой замѣткѣ все неясно. При теткѣ Пушкинъ ласковъ къ женѣ, при другихъ, кто могъ бы разсказать, грубоватъ. Кому разсказать? Дантесу, что ли? Если Дантесу, то почему же Пушкину нужно, чтобы до Дантеса дошли свѣдѣнія не о томъ, что онъ ласковъ съ женой, а о томъ, что онъ съ ней грубъ? Послѣдняя фраза записи: «Дома же веселость и большое согласіе» какъ будто противорѣчитъ приведенной раньше записи: «Мрачность при ней. Веселость за ея спиной». Слишкомъ скудны замѣтки Жуковскаго, не даютъ онѣ отвѣта на безчисленные вопросы, не даютъ представленія о томъ, что же было: онѣ бросаютъ намеки, тревожатъ наше воображеніе и остаются нѣмыми. Всѣ, кто занимается Пушкинымъ, кто любитъ его, будутъ склоняться въ тревожномъ раздумьѣ надъ записями Жуковскаго, и ихъ жадная и раздраженная пытливость врядъ ли будетъ удовлетворена. И будутъ ли разрѣшены когда-либо загадки, заключенныя въ словахъ и фразахъ, набросанныхъ для памяти Жуковскимъ? Вотъ послѣднія три строки во второмъ листкѣ конспективныхъ замѣтокъ Жуковскаго:

Исторія кровати.
Le gaillard tres bien (Одно слово въ этой фразѣ осталось неразобраннымъ).
Vous m'avez porté bonheur.

Любопытство читателя возбуждено до крайности. Исторія кровати?.. Какое значеніе играла эта исторія въ исторіи послѣднихъ дней жизни поэта? Но помѣта «исторія кровати» связывается невольно въ нашемъ умѣ съ тѣмъ разсказомъ, который приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. П. Арапова, дочь Н. Н. Пушкиной. Пушкинъ вошелъ въ интимное общеніе съ сестрой своей жены Александриной, Азинькой, какъ звали ее въ семьѣ. Случай будто бы обнаружилъ эту связь. «Разъ какъ-то, разсказываетъ А. П. Арапова въ своихъ воспоминаніяхъ, Александра Николаевна замѣтила пропажу шейнаго креста, которымъ она очень дорожила. Всю прислугу поставили

*) Въ письмѣ къ А. Я. Булгакову князь П. А. Вяземскій.

МѢСТО ДУЭЛИ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.
(У Коломяжскаго ипподрома).

на ноги, чтобы его отыскать. Тщетно перешаривъ комнаты, уже отложили надежду, когда камердинеръ, постилая на ночь кровать Александра Сергѣевича,—это совпало съ родами его жены, — нечаянно вытряхнулъ искомый предметъ. Этотъ случай долженъ былъ неминуемо породить много толковъ, и хотя другихъ данныхъ обвиненія няня не могла привести, она съ убѣжденіемъ повторяла мнѣ: «Какъ вы тамъ ни объясняйте, это ваша воля, а по-моему — грѣшна была тетенька передъ вашей маменькой!»

И вотъ Жуковскій, какъ нѣчто примѣчательное для исторіи послѣднихъ дней Пушкина, отмѣчаетъ «исторію кровати», а строчкой выше—не комментированный имъ фактъ «les revelations d'Alexandrine». Создается навязчивая ассоціація: но отвѣчаетъ ли онъ дѣйствительности? Отвѣтить на этотъ вопросъ нѣтъ возможности.

IV.

Итакъ, на виду у всего свѣта Дантесъ недвусмысленно ухаживалъ за Пушкиной. Не могъ не видѣть этого и Пушкинъ. Онъ узнавалъ объ ухаживаніяхъ изъ тѣхъ же источниковъ—отъ жены и изъ анонимныхъ писемъ. Жена передавала ему плоскія остроты Дантеса и разсказывала о той игрѣ, которую велъ Дантесъ, и объ участіи въ

ней Геккерена старшаго. Приходится думать, что Пушкину въ этомъ новомъ сближеніи роль Натальи Николаевны не казалась активной. Ее соблазняли, и она была жертвой двухъ Геккереновъ. Недалеко отъ правды предположеніе, что послѣ всего происходившаго въ ноябрѣ Пушкинъ не считалъ искреннимъ и сколько-нибудь серьезнаго увлеченія Дантеса Натальей Николаевной. Наоборотъ, новая игра въ любовь со стороны Дантеса должна была представляться Пушкину сознательнымъ покушеніемъ не на вѣрность его жены, а на его честь, обдуманнымъ отмщеніемъ за то положеніе, въ которое были поставлены Геккерены имъ, Пушкинымъ. Само собой разумѣется, въ своихъ разсказахъ мужу Наталья Николаевна не выдвигала своей активности и, по всей вѣроятности, во всемъ винила Геккереновъ, въ особенности старшаго. Иного она не могла разсказать своему мужу. Въ ноябрьскомъ столкновеніи Пушкинъ на моментъ почувствовалъ нѣкій романтизмъ въ страсти Дантеса; теперь же романтизмъ исчезъ безслѣдно, и осталась одна грубая проза житейскихъ отношеній. Мотивы дѣйствій противниковъ были обнажены для Пушкина, и положеніе стало безмѣрно тягостнѣе, чѣмъ прежде. Гораздо острѣе почувствовалась Пушкину роль «свѣта». Онъ не могъ не сознавать, что онъ и его жена — притча во языцѣхъ, предметъ злорадства многихъ и многихъ свѣтскихъ людей, у которыхъ было немало своихъ причинъ негодовать на Пушкина. Князь П. А. Вяземскій въ письмѣ къ великому князю Михаилу Павловичу такъ изображаетъ душевное состояніе Пушкина:

«Когда друзья Пушкина, желая его успокоить, говорили ему, что не стоитъ такъ мучиться, разъ онъ увѣренъ въ невинности своей жены, и увѣренность эта раздѣляется всѣми его друзьями и всѣми порядочными людьми общества, то онъ имъ отвѣчалъ, что ему недостаточно увѣренности своей собственной, своихъ друзей и извѣстнаго кружка, что онъ принадлежитъ всей странѣ и желаетъ, чтобы имя его оставалось незапятнаннымъ вездѣ, гдѣ его знаютъ. За нѣсколько часовъ до дуэли онъ говорилъ д'Аршіаку, секунданту Геккерена, объясняя причины, которыя заставляли его драться: «Есть двоякаго рода рогоносцы; одни носятъ рога на самомъ дѣлѣ; тѣ знаютъ отлично, какъ имъ быть; положеніе другихъ, ставшихъ рогоносцами по милости публики, затруднительнѣе. Я принадлежу къ послѣднимъ». Вотъ въ какомъ настроеніи онъ былъ, когда пріѣхали его сосѣдки по имѣнію, съ которыми онъ часто видѣлся во время своего изгнанія. Должно быть, онъ спрашивалъ ихъ о томъ, что говорятъ въ провинціи объ его исторіи, и, вѣроятно, вѣсти были для него неблагопріятны. По крайней мѣрѣ, со времени пріѣзда этихъ дамъ онъ сталъ еще раздражительнѣе, тревожнѣе, чѣмъ прежде. Балъ у Воронцовыхъ, гдѣ, говорятъ, Геккеренъ былъ сильно занятъ г-жей Пушкиной, еще увеличилъ его раздраженіе. Жена передала ему остроту Геккерена, на которую Пушкинъ намекалъ въ письмѣ къ Геккерену-отцу, по поводу армейскихъ остротъ. У обѣихъ сестеръ былъ общій мозольный операторъ, и Геккеренъ сказалъ г-жѣ Пушкиной, встрѣтивъ ее на вечерѣ: «je sais maintenant que votre cor est plus beau, que celui de ma femme» *). Вся эта болтовня, всѣ эти мелочи растравляли рану Пушкина. Его раздраженіе должно было выйти изъ границъ».

Данзасъ разсказываетъ одинъ эпизодъ изъ этого періода, рисующій степень раздраженія Пушкина. Мнѣ кажется, что въ разсказѣ Данзаса не все соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но онъ можетъ объяснить, почему вызовъ былъ направленъ не Дантесу, а Геккерену.

«Геккеренъ заставлялъ сына своего писать къ нему письма, въ которыхъ Дантесъ убѣждалъ его забыть прошлое и помириться. Такихъ писемъ Пушкинъ получилъ два, одно еще до обѣда, бывшаго у графа Строганова, на которое и отвѣчалъ за этимъ обѣдомъ барону Геккерену на словахъ то, что мы сказали уже выше, т.-е., что онъ не желаетъ возобновлять съ Дантесомъ никакихъ отношеній. Не смотря на этотъ отвѣтъ, Дантесъ пріѣзжалъ къ Пушкину съ свадебнымъ визитомъ; но Пушкинъ его не принялъ. Вслѣдъ за этимъ визитомъ, который Дантесъ сдѣлалъ Пушкину, вѣроятно, по совѣту Геккерена, Пушкинъ получилъ второе письмо отъ Дантеса. Это письмо, Пушкинъ, не распечатывая, положилъ въ карманъ и поѣхалъ къ бывшей тогда фрейлинѣ г-жѣ Загряжской, съ которою былъ въ родствѣ. Пушкинъ черезъ нее хотѣлъ возвратить письмо Дан-

*) Непереводимая игра словъ, основанная на созвучіи словъ: «cor» — мозоль и «corps» — тѣло. Буквально: «я теперь знаю, что у васъ мозоль красивѣе, чѣмъ у моей жены».

тесу; но, встрѣтясь у ней съ барономъ Геккереномъ, онъ подошелъ къ нему и, вынувъ письмо изъ кармана, просилъ барона возвратить его тому, кто писалъ его, прибавивъ, что не только читать писемъ Дантеса, но даже и имени его онъ слышать не хочетъ.

Вѣрный принятому имъ намѣренію, постоянно раздражать Пушкина, Геккеренъ отвѣчалъ, что такъ какъ письмо это писано было къ Пушкину, а не къ нему, то онъ и не можетъ принять его.

Этотъ отвѣтъ взорвалъ Пушкина, и онъ бросилъ письмо въ лицо Геккерену со словами: «Tu la recevra, gredin».

Ну, конечно, послѣдняя фраза не была сказана. Какъ ни смотрѣть на Геккерена, нельзя, конечно, не признать, что, выслушавъ такое оскорбленіе, Геккеренъ тотчасъ же долженъ былъ вызвать Пушкина. Недопустимо, чтобы онъ смолчалъ.

Ближайшій поводъ разсказанъ дочерью Пушкиной А. П. Араповой (отъ П. П. Ланского) въ ея воспоминаніяхъ. Въ нихъ личность Пушкина изображена темными красками, а ей трудно вѣрить въ очень многихъ сообщеніяхъ о Пушкинѣ, но въ томъ разсказѣ, который я сейчасъ приведу, ей можно и должно повѣрить, ибо это говоритъ дочь о матери *).

«Геккеренъ, окончательно разочарованный въ своихъ надеждахъ, такъ какъ при рѣдкихъ встрѣчахъ въ свѣтѣ Наталья Николаевна избѣгала, какъ огня, всякой возможности разговоровъ, хорошо проученная ихъ послѣдствіями, прибѣгнулъ къ послѣднему средству.

Онъ написалъ ей письмо, которое было— вопль отчаянія, съ перваго до послѣдняго слова.

Цѣль его была добиться свиданія. Онъ жаждалъ только возможности излить ей всю свою душу, переговорить только о нѣкоторыхъ вопросахъ, одинаково важныхъ для обоихъ, завѣрялъ честью, что прибѣгаетъ къ ней единственно, какъ къ сестрѣ его жены, и что ничѣмъ не оскорбитъ ея достоинство и чистоту. Письмо, однако же, кончалось угрозою, что если она откажетъ ему въ этомъ пустомъ знакѣ довѣрія, онъ не въ состояніи будетъ пережить подобное оскорбленіе. Отказъ будетъ равносиленъ смертному приговору, а можетъ быть даже и двумъ. Жена въ своей безумной страсти способна послѣдовать данному имъ примѣру, и, загубленныя въ угоду трусливому опасенію, двѣ молодыя жизни вѣчнымъ гнетомъ лягутъ на ея безчувственную душу».

«Года за три передъ смертью,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. П. Арапова,— она разсказала во всѣхъ подробностяхъ разыгравшуюся драму нашей воспитательницѣ, женщинѣ, посвятившей младшимъ сестрамъ и мнѣ всю свою жизнь и внушавшей матери такое довѣріе, что на смертномъ одрѣ она поручила насъ ея заботамъ, прося не покидать домъ до замужества послѣдней изъ насъ. Съ ея словъ я узнала, что, дойдя до этого эпизода, мать, со слезами на глазахъ: «Видите, дорогая Констанція, сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я не переставала строго допытывать свою совѣсть, и единственный поступокъ, въ которомъ она меня уличаетъ, это согласіе на роковое свиданіе... Свиданіе, за которое мужъ заплатилъ своей кровью, а я — счастьемъ и покоемъ всей своей жизни. Богъ свидѣтель, что оно было столько же кратко, сколько невинно. Единственнымъ извиненіемъ мнѣ можетъ послужить моя неопытность на почвѣ состраданія... Но кто допуститъ его искренность?»

Арапова окружаетъ свой разсказъ роемъ психологическихъ и моральныхъ соображеній. Мы можемъ оставить ихъ безъ вниманія и взять только одно утвержденіе о фактѣ свиданія. Да, на квартирѣ у Идаліи Григорьевны Полетика состоялось свиданіе Дантеса съ Натальей Николаевной. Пушкинъ узналъ, по разсказу Араповой, о свиданіи на другой же день изъ анонимнаго письма. Это извѣстіе переполнило чашу его терпѣнія.

Наконецъ, раздраженіе Пушкина вышло изъ границъ. Онъ рѣшилъ быть поединку. Въ своемъ рѣшеніи онъ открылся наканунѣ вызова давнишней своей пріятельницѣ изъ Тригорскаго, дочери П. А. Осиповой Зинѣ Вульфъ. Въ 1837 году она была уже замужемъ и какъ разъ въ январѣ пріѣзжала въ Петербургъ и видалась съ Пушкинымъ. Въ письмѣ къ брату Ник. Ив. отъ 28 февраля 1837 г. Александръ Ив. Тургеневъ пишетъ: «Теперь узнаемъ, что Пушкинъ наканунѣ открылся одной дамѣ, дочери той Осиповой, у коей я былъ въ Тригорскомъ, что онъ будетъ драться. Она не умѣла или не могла помѣшать, и теперь упрекъ жены, которая узнала объ этомъ

*) «Нов. Вр.» № 11425, 2 янв. 1908 г.

на нихъ падаетъ» *). Пушкинъ былъ очень близокъ съ П. А. Осиповой и ея дочерьми; съ ними онъ могъ говорить совершенно откровенно и просто, говорить такъ, какъ онъ, пожалуй, ни съ кѣмъ въ Петербургѣ не могъ говорить. И дѣйствительно, надо думать, онъ имѣлъ съ Вульфъ значительный разговоръ. Когда Тургеневъ, отвозившій тѣло Пушкина въ Святогорскій монастырь, навѣстилъ Тригорское, Осипова разсказывала ему о разговорѣ съ Пушкинымъ и впослѣдствіи писала о томъ же. По поводу ея письма Тургеневъ писалъ 24 февраля ей: «Умоляю васъ написать мнѣ все, что вы умолчали и о чемъ только намекнули въ письмѣ вашемъ,—это важно для исторіи послѣднихъ дней Пушкина. Онъ говорилъ съ вашей милой дочерью почти наканунѣ дуэли; передайте мнѣ вѣрно и обстоятельно слова его; ихъ можно сообразить съ тѣмъ, что онъ говорилъ другимъ,—и правда объяснится. Если вы потребуете тайны, то обѣщаю вамъ ее; но для чего таить то, на чемъ уже лежитъ печать смерти!» **) Письма Осиповой къ Тургеневу до насъ не дошли, и не извѣстно, отвѣтила ли она на запросъ Тургенева. Есть еще одно свидѣтельство о разговорѣ Пушкина съ сестрами Вульфъ. Мужъ Евпраксіи Николаевны, бар. Б. А. Вревскій, писалъ 28 февраля 1837 года мужу сестры Пушкина Н. И. Павлищеву: «Евпраксія Николаевна была съ покойнымъ Александромъ Сергѣевичемъ всѣ послѣдніе дни его жизни. Она находитъ, что онъ счастливъ, что избавленъ этихъ душевныхъ страданій, которыя такъ ужасно его мучили послѣднее время его существованія» ***). Очевидно, задушевныя бесѣды Пушкина съ тригорскими пріятельницами имѣли вліяніе на его душу, что-то выяснили, были значительными. Не даромъ и кн. Вяземскій отмѣтилъ фактъ разговора Пушкина съ сестрами Вульфъ: «Должно быть, онъ спрашивалъ ихъ о томъ, что говорятъ въ провинціи объ его исторіи, и, вѣрно, вѣсти были для него неблагопріятны. По крайней мѣрѣ, со времени пріѣзда этихъ дамъ онъ сталъ еще раздраженнѣе и тревожнѣе, чѣмъ прежде». Но почему Осипова не передала Тургеневу всего, что говорилъ Пушкинъ ея дочерямъ? Что онъ сказалъ имъ такого, что Осипова не сочла возможнымъ сообщить Тургеневу? Ясно, во всякомъ случаѣ, что ея сообщенія далеко не соотвѣтствовали той версіи исторіи дуэли, которую распространяли друзья Пушкина, той версіи, которая тщательно умалчивала объ интимныхъ событіяхъ въ семьѣ Пушкина.

*) «Пушкинъ и его современники» VI, 92.
**) Тамъ же, I, 59.
***) Тамъ же, XII, 111.

Во вторникъ, 26 января, Пушкинъ далъ ходъ тому письму, которое было изготовлено имъ еще въ ноябрѣ, но не было послано тогда старшему Геккерену. 26 января онъ отправилъ барону Геккерену это письмо, въ которомъ, по выраженію князя Вяземскаго, «онъ излилъ все свое бѣшенство, всю скорбь раздраженнаго, оскорбленнаго сердца своего, желая, жаждая развязки, и перомъ, омоченнымъ въ желчи, запятналъ неизгладимыми поношеніями и старика, и молодого» *). Необходимо отмѣтить то обстоятельство, что Пушкинъ не сталъ писать новаго письма, а ограничился отсылкой стараго. Все содержаніе его относится, въ сущности, къ событіямъ, разыгравшимся до и во время ноябрьскаго инцидента, но Пушкина, очевидно, въ этотъ моментъ не интересовало то или иное содержаніе. Письмо было нужно, лишь какъ символъ нанесенія неизгладимой обиды, и этой цѣли оно удовлетворяло вполнѣ—даже въ такой мѣрѣ, что ни одинъ изъ друзей Пушкина, ни одинъ изъ свѣтскихъ людей, ни одинъ дипломатъ, ни самъ Николай Павловичъ не могли извинить Пушкину этого письма. «Послѣдній поводъ къ дуэли, котораго никто не постигаетъ, и заключавшійся въ самомъ дерзкомъ письмѣ Пушкина къ Геккерену, сдѣлалъ Дантеса правымъ въ семъ дѣлѣ»—заключалъ Николай Павловичъ въ письмѣ къ брату Михаилу Павловичу **).

Кн. Вяземскій, очевидно, со словъ Даршіака приводитъ сказанную ему Пушкинымъ за часъ до поединка фразу: «Съ начала этого дѣла я вздохнулъ свободно только въ ту минуту, когда именно написалъ это письмо» ***). Въ тотъ день, когда письмо было отправлено къ Геккерену, Тургеневъ видѣлъ Пушкина два раза, и оба раза Пушкинъ былъ веселъ.

Какихъ результатовъ ждалъ Пушкинъ отъ своего письма? Конечно, онъ долженъ былъ предвидѣть, что можетъ послѣдовать вызовъ на дуэль, но можно ли думать, что Пушкинъ, зная характеръ Геккерена, могъ

*) Не приводимъ этого общеизвѣстнаго письма. См. выше стр. 170—171.
**) «Пушкинъ».
***) «Русск. Арх.», 1879, II, 248.

разсчитывать и на то, что Геккеренъ не пойдетъ на дуэль, промолчитъ о немъ и только приметъ мѣры къ дѣйствительному прекращенію флирта и какихъ-либо сношеній съ домомъ Пушкина? Такое мнѣніе было высказано въ литературѣ о пушкинской дуэли, но врядъ ли съ нимъ можно согласиться. Пушкинъ жаждалъ именно развязки, а пока существовалъ свѣтъ и въ этомъ свѣтѣ были своими Геккерены, до той поры не могъ бы успокоиться Пушкинъ. Наоборотъ: если бы письмо не подѣйствовало, Пушкинъ, конечно, не остановился и передъ дальнѣйшими воздѣйствіями.

Предоставимъ слово барону Геккерену. 30 января въ донесеніи своему министру онъ слѣдующимъ образомъ излагалъ исторію дуэли:

«Мы въ семьѣ наслаждались полнымъ счастьемъ; мы жили, обласканные любовью и уваженіемъ всего общества, которое наперерывъ старалось осыпать насъ многочисленными тому доказательствами. Но мы старательно избѣгали посѣщать домъ господина Пушкина, такъ какъ его мрачный и мстительный характеръ намъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ. Съ той или другой стороны отношенія ограничивались лишь поклонами.

Не знаю чему слѣдуетъ приписать нижеслѣдующее обстоятельство: необъяснимой ли ко всему свѣту вообще и ко мнѣ въ частности зависти, или какому-либо другому невѣдомому побужденію, — но только прошлый вторникъ (сегодня у насъ суббота), въ ту минуту, когда мы собирались на обѣдъ къ графу Строганову, и безъ всякой видимой причины, я получаю письмо отъ господина Пушкина. Мое перо отказывается воспроизвести всѣ отвратительныя оскорбленія, которыми наполнено было это подлое письмо.

Все же я готовъ представить вашему превосходительству копію съ него, если вы потребуете, но на сегодня разрѣшите ограничиться только увѣреніемъ, что самые презрѣнные эпитеты были въ немъ даны моему сыну, что доброе имя его достойной матери, давно умершей, было попрано, что моя честь и мое поведеніе были оклеветаны самымъ гнуснымъ образомъ.

Что же мнѣ оставалось дѣлать? Вызвать его самому? Но, во-первыхъ, общественное званіе, которымъ королю было угодно меня облечь, препятствовало этому; кромѣ того, тѣмъ дѣло не кончилось бы. Если бы я остался побѣдителемъ, то обезчестилъ бы своего сына; недоброжелатели всюду бы говорили, что я самъ вызвался, такъ какъ уже разъ улаживалъ подобное дѣло, въ которомъ сынъ обнаружилъ недостатокъ храбрости; а если бы я палъ жертвой, то его жена осталась бы безъ поддержки, такъ какъ мой сынъ неминуемо выступилъ бы мстителемъ. Однако, я не хотѣлъ опереться только на мое личное мнѣніе и посовѣтовался съ графомъ Строгановымъ, моимъ другомъ. Такъ какъ онъ согласился со мною, то я показалъ письмо сыну, и вызовъ господину Пушкину былъ посланъ» *).

Эти строки подтверждаютъ разсказъ Данзаса: «Говорятъ, что, получивъ это письмо, Геккеренъ бросился за совѣтомъ къ графу Строганову и что графъ, прочитавъ письмо, далъ совѣтъ Геккерену, чтобы сынъ его, баронъ Дантесъ, вызвалъ Пушкина на дуэль, такъ какъ послѣ подобной обиды, по мнѣнію графа, дуэль была единственнымъ исходомъ».

Вызовъ Пушкину отъ лица Дантеса передалъ въ тотъ же день виконтъ д'Аршіакъ вмѣстѣ съ письмомъ Геккерена.

Въ письмѣ Геккерена останавливаетъ вниманіе послѣдняя фраза. Очевидно, Геккеренъ не вѣрилъ въ серьезность дуэли, если писалъ, что впослѣдствіи послѣ дуэли онъ найдетъ средство научить Пушкина уваженію къ его званію. Не лишенная интереса черточка!

V.

Исторія послѣднихъ дней жизни Пушкина разсказана въ извѣстномъ письмѣ Жуковскаго къ отцу поэта, напечатанномъ въ «Современникѣ» 1837 г., т. 5.

Въ письмѣ была разсказана и исторія самого поединка. Но разсказъ о поединкѣ не вошелъ ни въ печатный текстъ письма, ни въ списки. Впервые эта неизвѣстная часть письма напечатана въ моей книгѣ **). Позволяю себѣ привести цѣликомъ разсказъ Жуковскаго:

«Дуэль была рѣшена наканунѣ, во вторникъ, 26-го января. Утромъ 27 числа, Пушкинъ, еще не имѣя секунданта, вышелъ рано со двора. Встрѣтясь на улицѣ со своимъ лицейскимъ товарищемъ, подполковникомъ ***) Данзасомъ, онъ посадилъ его съ собою въ сани и, не разсказывая ничего,

*) «Пушкинъ», 375.
**) «Дуэль», 28—30.
***) Въ черпов. «полковникомъ».

повезъ къ д'Аршіаку, секунданту своего противника. Тамъ, прочитавъ передъ Данзасомъ собственноручную копію съ того письма, которое имъ было написано къ министру Геккерену и которое произвело вызовъ отъ молодого Геккерена, онъ оставилъ Данзаса для условій съ д'Аршіакомъ, а самъ возвратился къ себѣ и ждалъ спокойно развязки. Его спокойствіе было удивительное; онъ занимался своимъ «Современникомъ» и за часъ передъ тѣмъ, какъ ему ѣхать стрѣляться, написалъ письмо къ Ишимовой (сочинительницѣ Русской Исторіи для дѣтей, трудившейся и для его журнала). Въ этомъ письмѣ, довольно длинномъ, онъ говоритъ ей о назначенныхъ имъ для перевода піесахъ, и входитъ въ подробности о ея Исторіи, на которую дѣлаетъ критическія замѣчанія, такъ просто и внимательно, какъ будто бы ничего иного у него въ эту минуту на умѣ не было. Это письмо есть памятникъ удивительной силы духа: нельзя читать его безъ умиленія, безъ какой-то благоговѣйной грусти: ясный, простосердечный слогъ его глубоко трогаетъ, когда вспоминаешь при чтеніи, что писавшій это письмо съ такою беззаботностію, чрезъ часъ уже лежалъ на смертной постелѣ, безъ надежды спасенія *). По условію, Пушкинъ долженъ былъ **) найти своего секунданта, кажется, въ кондитерской лавкѣ Вольфа, дабы оттуда ѣхать на мѣсто; онъ пришелъ туда въ часовъ ***). Данзасъ уже его дожидался съ санями; поѣхали ****); мѣсто для поединка выбрано было на Петербургской сторонѣ у Комендантской дачи; выѣхавъ изъ города, увидѣли впереди другія сани: это былъ Геккеренъ съ своимъ секундантомъ; остановились почти въ одно время и пошли въ сторону отъ дороги; снѣгъ былъ по колѣна. По выборѣ мѣста, надобно было вытоптать въ снѣгу площадку, чтобы противники *****) удобно могли стоять другъ противъ и сходиться. Оба секунданта и Геккеренъ занялись этою работою, Пушкинъ сѣлъ на сугробѣ и смотрѣлъ на роковое приготовленіе съ большимъ равнодушіемъ. Наконецъ, вытоптана была тропинка, въ аршинъ шириною и въ двадцать шаговъ длиною; плащами означили барьеры, одна отъ другой въ десяти шагахъ; каждый сталъ въ пяти шагахъ позади своей. Данзасъ махнулъ шляпою; пошли; Пушкинъ почти дошелъ до своей барьеры; Геккеренъ, за шагъ отъ своей, выстрѣлилъ; Пушкинъ упалъ лицомъ на плащъ и пистолетъ его увязнулъ въ снѣгу такъ, что все дуло наполнилось снѣгомъ. Je suis blessé *), сказалъ онъ, падая. Геккеренъ хотѣлъ къ нему подойти, но онъ, очнувшись, сказалъ: ne bougez pas; je me sens encore assez fort, pour tirer mon coup. Данзасъ подалъ ему другой пистолетъ. Онъ оперся на лѣвую руку, лежа, прицѣлился, выстрѣлилъ, и Геккеренъ упалъ, опрокинутый сильною контузіею; пуля пробила мясистыя части правой руки, коею онъ закрылъ себѣ грудь, и, будучи тѣмъ ослаблена, попала въ пуговицу, которою панталоны держались на подтяжкѣ противъ ложки: эта пуговица спасла Геккерена. Пушкинъ, увидя его падающаго, бросилъ вверхъ пистолетъ и закричалъ: Bravo! Между тѣмъ кровь лилась изобильно; было надобно поднять раненаго; но на рукахъ его донести до саней невозможно; ихъ къ нему подвезли, для чего надобно было разломать заборъ; въ саняхъ довезли его до дороги, гдѣ находилась Геккеренова карета, въ которую онъ и сѣлъ съ Данзасомъ. Лѣкаря на мѣстѣ сраженія не было. Дорогою онъ, повидимому, не страдалъ, по крайней мѣрѣ, этого не было замѣтно; онъ былъ напротивъ даже веселъ; разговаривалъ съ Данзасомъ и разсказывалъ ему анекдоты. Въ шесть часовъ послѣ обѣда привезенъ онъ былъ въ этомъ отчаянномъ положеніи домой подполковникомъ Данзасомъ, его лицейскимъ товарищемъ **)».

П. Щеголевъ.

*) Первч.: «умирающій отъ раны».

**) «Первч.: встрѣтиться въ положенный часъ съ своимъ секундантомъ».

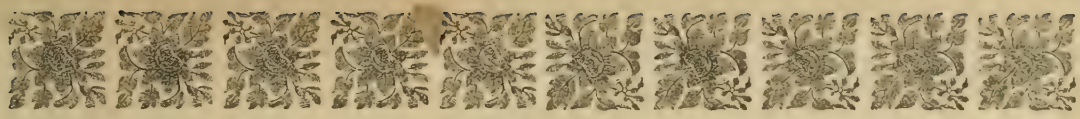
***) И въ первой черновой, и въ бѣловомъ спискѣ пробѣлъ остался незаполненнымъ.

****) «Первч.: избранное мѣсто было въ лѣсу у Комендантской дачи».

*****) Первч.: «и тотъ, и другой».

*) Первч. въ чрнв.: «но его сбила съ ногъ только сильная контузія».

**) Исторія болѣзни разсказана далѣе въ статьѣ д-ра Малиса. *Ред.*



Болѣзнь и смерть А. С. Пушкина *).

Потухъ огонь на алтарѣ.

I.

Знакомство съ біографіями подавляющаго большинства русскихъ писателей вполнѣ оправдываетъ горькія слова Некрасова, что въ судьбѣ ихъ есть что-то роковое. Это «роковое» сказывалось не только и не столько въ томъ, какъ они жили, сколько въ томъ, какъ они умирали. Смерть ихъ почти всегда носила печать чего-то случайнаго, «безсмысленнаго и безпощаднаго». Особенно ярко, до боли ярко проявилось это въ смерти геніальнѣйшаго изъ русскихъ поэтовъ—Пушкина. И самая дуэль со всѣми ея грустными и гнусными подробностями, и невыносимыя физическія и нравственныя мученія, превратившія недолгіе «дни страданія» въ сплошную пытку, и, наконецъ, та «политика», которая окружала ложе умирающаго поэта, и на фонѣ которой ясно вырисовывалась характерная фигура Бенкендорфа,—все это создаетъ такую потрясающую картину, производитъ такое жуткое впечатлѣніе, отъ котораго не легко освободиться.

27-го января 1837 года въ 4 час. 30 м. Пушкинъ былъ раненъ, а 29-го января въ 2 ч. 45 м. его не стало.

Въ теченіе этихъ неполныхъ двухъ сутокъ у постели Пушкина перебывало немало врачей. Одни изъ нихъ посѣтили больного лишь одинъ разъ, другіе находились постоянно около него, принимали участіе въ его леченіи. Трое изъ этихъ врачей Пушкина, а именно Шольцъ, Спасскій и Даль, оставили намъ крайне цѣнныя записки *). Къ сожалѣнію, врачъ, руководившій леченіемъ, выдающійся хирургъ своего времени, Арендтъ нигдѣ не обмолвился ни словомъ о ранѣ и болѣзни Пушкина.

На основаніи этихъ записокъ мы намѣрены дать возможно полную и послѣдовательную картину болѣзни, столь быстро унесшей въ могилу А. С. Пушкина.

Но прежде всего вернемся къ роковому дню 27-го января 1837 года и къ роковому событію этого дня—къ дуэли Пушкина.

Дуэль Пушкина съ Дантесомъ поражаетъ насъ съ интересующей насъ точки зрѣнія одной характерной особенностью—отсутствіемъ врачей на мѣстѣ поединка. Это обстоятельство должно было имѣть громадное—я не хочу сказать, рѣшающее—значеніе для исхода пораненія. Какъ извѣстно, Дантесъ выстрѣлилъ первый. Раненый Пушкинъ упалъ на шинель Данзаса, служившую барьеромъ, пролежалъ нѣсколько мгновеній, затѣмъ приподнялся и въ сидячемъ положеніи, опираясь на лѣвую руку, выстрѣлилъ въ своего противника. Послѣ этого напряженія онъ снова упалъ и съ нимъ сдѣлался обморокъ. Рана сильно кровоточила: шинель, на которой лежалъ Пушкинъ, была пропитана кровью и на снѣгу была также кровь. Когда раненый пришелъ въ себя, его уложили въ сани, откуда вскорѣ переложили въ встрѣтившуюся карету, посланную барономъ Геккереномъ для Дантеса. Переѣздъ по скверпѣйшей

*) Этой темѣ посвящены, сколько мнѣ извѣстно, три статьи медицинскаго характера: 1) Исторія болѣзни А. С. Пушкина, «Врач. Вѣд.» 1880, № 426; 2) Родзевичъ, Г., «Исторія послѣдней болѣзни поэта А. С. Пушкина», «Волгарь», 1899, № 142; 3) Лукьяновъ, С. М., «О послѣднихъ дняхъ жизни и смерти А. С. Пушкина съ медицинской точки зрѣнія». «Извѣст. Отд. Русск. Языка и Словесности Имп. ак. наукъ», 1899, т. IV, кн. 3.

*) Мы слѣдовали тому тексту этихъ записокъ, какой приведенъ въ имѣющемъ появиться трудѣ П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина». П. Е. любезно предоставилъ въ наше распоряженіе корректурные листы своей книги, за что мы здѣсь и приносимъ ему нашу признательность.

дорогѣ продолжался около часа. Раненый Пушкинъ чувствовалъ жгучую боль, говорилъ прерывистыми фразами, мучился отъ тошноты. Нѣсколько разъ принуждены были останавливаться, потому что обмороки слѣдовали довольно часто одинъ за другимъ и сотрясеніе пути ослабляло силы раненаго*).

Картина переѣзда Пушкина съ мѣста дуэли домой носила бы нѣсколько иной характеръ, если бы на мѣстѣ поединка былъ врачъ и раненому сейчасъ же была оказана медицинская помощь. Прежде всего на рану была бы наложена повязка, которая съ одной стороны способствовала бы остановкѣ кровотеченія, а съ другой—защищала бы и предохраняла бы рану отъ загрязненія, а также умѣряла бы толчки и удары при ѣздѣ. Затѣмъ врачъ сумѣлъ бы такъ уложить раненаго въ экипажѣ, что переѣздъ не былъ бы сопряженъ съ такими мученіями. Наконецъ, во время пути Пушкину можно было бы давать возбуждающія или болеутоляющія средства. Однимъ словомъ, при наличности врача и врачебной помощи Пушкинъ испыталъ бы несравненно меньше страданій, потерялъ бы меньше крови и сохранилъ бы больше силъ.

Причину такого крупнаго упущенія со стороны секундантовъ, какимъ является отсутствіе врачебной помощи на мѣстѣ поединка, слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, искать въ ихъ стремленіи къ тому, чтобы о предстоящей дуэли никто не зналъ. Вѣдь только утромъ того же дня, когда состоялась дуэль, Пушкинъ озаботился приглашеніемъ своего секунданта. Сохранить въ тайнѣ предстоящую дуэль вполнѣ удалось, такъ какъ даже николаевская полиція узнала о дуэли лишь на слѣдующій день, когда весь городъ говорилъ не только о ранѣ, но даже уже о смерти Пушкина.

*) Анненковъ, «А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи».

Можно, помимо этой главной причины, высказать еще предположеніе, что секундантъ Пушкина Данзасъ, въ виду малаго времени и массы хлопотъ, совершенно забылъ о приглашеніи врача, или разсчитывалъ, что другая сторона позаботится объ этомъ. Другая же сторона, вѣроятно, была увѣрена въ благопріятномъ для Дантеса исходѣ дуэли, и Гекеренъ ограничился лишь тѣмъ, что на всякій случай послалъ на встрѣчу Дантесу карету.

Эта же боязнь огласки объясняетъ намъ, почему ни по близости мѣста поединка, ни, наконецъ, даже въ квартирѣ Пушкина не было организовано врачебной помощи на случай полученія Пушкинымъ болѣе или менѣе серьезной раны. Во всякомъ случаѣ, противникъ Пушкина очень скоро по возвращеніи въ городъ получилъ медицинское пособіе, что, впрочемъ, можетъ быть объяснено просто тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ гораздо раньше Пушкина вернулся въ городъ. Никто ни изъ родныхъ, ни изъ близкихъ, ни изъ друзей Пушкина ничего не зналъ о предстоящей дуэли, поэтому, кромѣ Данзаса, никто и не могъ озаботиться приглашеніемъ врача *).

Лейбъ-медикъ Н. Ѳ. АРЕНДТЪ.

*) Иное объясненіе отсутствія врачей даетъ С. М. Лукьяновъ: онъ видитъ «общую причину» неприглашенія врачей ни той, ни другой стороной въ томъ, что врачи по уголовному кодексу 1832 года якобы подлежали уголовной отвѣтственности за присутствіе на дуэли. Такое толкованіе является совершенно необоснованнымъ. «По ст. 354 Св. Зак. Уг. 1832 г.,—пишетъ Лукьяновъ,—посредники, свидѣтели или секунданты, неуспѣвшіе въ примиреніи, судятся какъ участники поединка; о врачахъ во всемъ отдѣлѣ о поединкѣ (ст. 349—356) не говорится ни слова, а потому (?!) въ соотвѣтствующихъ случаяхъ они и наказывались наравнѣ съ другими свидѣтелями поединка» (курсивъ нашъ). Можно, думается намъ, съ нѣкоторою смѣлостью утверждать, что и въ Россіи, даже въ николаевскія времена, врядъ-ли какія-либо лица наказывались только потому, что о нихъ не говорится ни слова въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ пере-

Когда, наконецъ, послѣ ужаснаго переѣзда, о которомъ мы уже упоминали, раненаго Пушкина привезли домой, начались поиски врачей. Лакей Пушкина былъ посланъ къ Спасскому, какъ къ домашнему врачу семьи поэта, а Данзасъ бросился отыскивать хирурговъ.

«Данзасъ поѣхалъ сначала къ Арендту, но не засталъ его дома; затѣмъ онъ бросился къ Саломону, но и его не засталъ; отъ Саломона онъ направился къ Персону*), но и тутъ прежняя неудача. По совѣту жены Персона, Данзасъ поѣхалъ въ Воспитательный Домъ, гдѣ можно было найти врача навѣрно. По счастью, въ воротахъ Воспитательнаго Дома Данзасъ, дѣйствительно, встрѣтилъ врача-акушера Шольца, котораго и пригласилъ къ Пушкину. Сославшись на свою спеціальность, не подходящую къ данному случаю, Шольцъ пообѣщалъ, однако, сейчасъ же привезти къ раненому другого врача» **).

В. И. ДАЛЬ.

Шольцъ ***) сдержалъ свое обѣщаніе и оказался первымъ врачемъ, видѣвшимъ раненаго Пушкина. Шольцъ явился къ Пушкину вмѣстѣ съ хирургомъ Задлеромъ, котораго «дорогою сыскалъ». Когда они оба вошли въ кабинетъ къ Пушкину, то нашли его лежащимъ на диванѣ; около него находились жена, Данзасъ и Плетневъ. Больной просилъ удалить и не допустить при изслѣдованіи раны жену и прочихъ домашнихъ. «Увидѣвъ меня, разсказываетъ Шольцъ, далъ мнѣ руку и сказалъ: «плохо со мной». Врачи осмотрѣли рану и Задлеръ уѣхалъ за нужными инструментами, а Шольцъ остался у больного. «Больной, разсказываетъ далѣе Шольцъ, громко и ясно спрашивалъ меня: «Что вы думаете о

числены лица, подлежащія отвѣтственности! Вѣдь стоитъ только развернуть Св. Зак. Угол. 1832 г. и взглянуть на ст. 1, чтобы понять, что въ этомъ кодексѣ строго и полно былъ уже проведенъ принципъ: nullum crimen sine poena, nulla poena sine lege. Не слѣдуетъ забывать, что нашъ кодексъ 1832 г., какъ и всѣ прочіе наши кодексы и до и послѣ этого, находился въ связи съ западно-европейскими кодексами, а никогда и ни въ одномъ европейскомъ кодексѣ врачи, подающіе помощь дуэлянтамъ, не подлежали отвѣтственности. Наше законодательство всегда также стояло на такой же точкѣ зрѣнія, какъ это и доказываетъ неудачная попытка ввести наказуемость врачей, сдѣланная въ проектѣ Угол. Улож. 1845 г. По проекту Улож. 1845 г. предполагалось, что «медики могутъ быть отвѣтственны въ томъ случаѣ, если они не употребили средствъ примиренія и не объявили о предстоящей дуэли полиціи», но Государственный Совѣтъ исключилъ это постановленіе проекта (статью 1919 проекта) въ томъ соображеніи, что «безнаказанностью этихъ лицъ можно нерѣдко предупредить тѣ печальныя послѣдствія, которыя можетъ имѣть поединокъ». Чтобы подчеркнуть этотъ старый взглядъ, въ Ул. 1845 г. къ ст. 1980, говорящей объ уголовной отвѣтственности свидѣтелей (секундантовъ), было сдѣлано примѣчаніе, что «врачи, призываемые для помощи раненымъ, не почитаются свидѣтелями поединка». Такимъ образомъ лишь въ 1845 г. въ нашемъ законодательствѣ впервые была сдѣлана попытка ввести отвѣтственность врачей, приглашаемыхъ на мѣсто поединка для помощи раненымъ, и тотчасъ же эта попытка потерпѣла окончательное фіаско. Другого вывода, казалось бы, нельзя сдѣлать. Но С. М. Лукьяновъ дѣлаетъ, однако, слѣдующій выводъ: «Такимъ образомъ вопросъ объ отвѣтственности врачей, приглашаемыхъ на мѣсто поединка для помощи раненымъ, впервые появляется въ нашемъ законодательствѣ лишь въ 1845 г., т. е. спустя 8 лѣтъ послѣ дуэли Пушкина съ Дантесомъ». Сдѣлавъ этотъ логически и юридически крайне цѣнный выводъ, С. М. Лукьяновъ торжественно восклицаетъ: «Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ главное оправданіе секундантовъ Пушкина и Дантеса!» (Лукьяновъ, l. c. стр. 961).

*) Персонъ (Johann Person) былъ врачемъ института глухонѣмыхъ.

**) Лукьяновъ, l. c. стр. 962.

***) Шольцъ (Wilhelm Scholz) былъ директоромъ родовспомогательнаго заведенія при Воспитательномъ Домѣ.

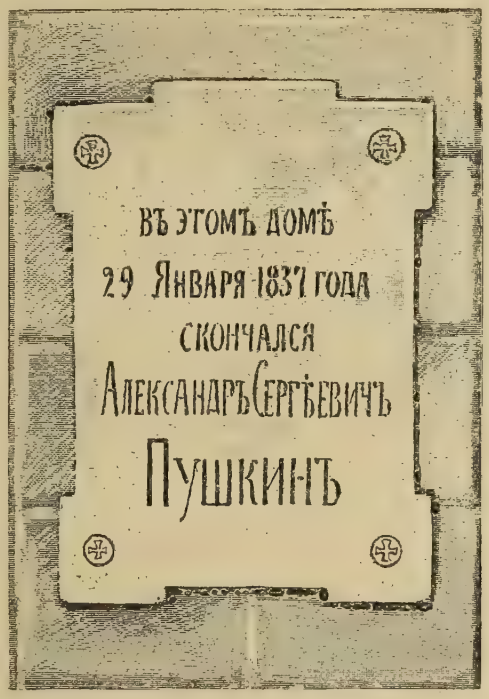
моей ранѣ; я чувствовалъ при выстрѣлѣ сильный ударъ въ бокъ и горячо стрѣльнуло въ поясницу; дорогою шло много крови; скажите мнѣ откровенно, какъ вы рану находите».—«Не могу вамъ скрыть, что рана ваша опасная».—«Скажите мнѣ—смертельная».—«Считаю долгомъ вамъ это не скрывать, но услышимъ мнѣніе Арендта и Саломона, за которыми послано».—«Je vous remercie, vous avez agi en honnête homme envers moi—при семъ рукою потеръ себѣ лобъ—il faut que j'arrange ma maison». Черезъ нѣсколько минутъ сказалъ: «мнѣ кажется, что много крови идетъ». Я осмотрѣлъ рану, но нашлось, что мало, и наложилъ новый компрессъ. «Не желаете ли вы видѣть кого-нибудь изъ близкихъ пріятелей?»—«Прощайте, друзья», сказалъ онъ, глядя на библіотеку. «Развѣ вы думаете, что я часу не проживу?»—«О нѣтъ, не потому, но я полагалъ, что вамъ пріятнѣе кого-нибудь изъ нихъ видѣть. Г-нъ Плетневъ здѣсь».—«Да, но я бы желалъ Жуковскаго. Дайте мнѣ воды, меня тошнитъ». Я трогалъ пульсъ, нашелъ руку довольно холодной—пульсъ малый, скорый, какъ при внутреннемъ кровотеченіи; вышелъ за питьемъ и чтобы послать за г-номъ Жуковскимъ. Между тѣмъ пріѣхали Задлеръ, Арендтъ и Саломонъ—и я, заканчиваетъ свою записку Шольцъ, оставилъ печальнаго больного, который добродушно пожалъ мнѣ руку».

ДОМЪ КН. ВОЛКОНСКОЙ, ВЪ КОТОРОМЪ УМЕРЪ ПУШКИНЪ.
(Мойка, у Пѣвческаго моста).

Приведенный только что разговоръ Пуш-

кина съ д-ромъ Шольцемъ,—первымъ врачемъ, видѣвшимъ его рану,—вызываетъ въ насъ глубокое преклоненіе передъ душевной мощью великаго поэта, показавшаго съ такою трогательной простотой, что Caesarem mori stantem licet. Въ противоположность этому образъ дѣйствій д-ра Шольца по отношенію къ своему больному далеко не говоритъ въ пользу ума и сердца почтеннаго акушера: спеціальность послѣдняго, какъ онъ совершенно правильно самъ замѣтилъ, являлась не подходящей къ данному случаю, и это обстоятельство, естественно, обязывало Шольца быть крайне сдержаннымъ въ своихъ сужденіяхъ о характерѣ раны. Предъ нимъ былъ раненый, потерявшій много крови благодаря своей ранѣ; это положеніе Шольцъ вполнѣ правильно оцѣнилъ, и это положеніе, разумѣется, должно было внушать очень серьезныя опасенія. Поэтому признаніе Шольцемъ раны Пушкина опасной было вполнѣ обосновано и такимъ заявленіемъ раненому было сказано очень и очень много. Но почему акушеръ Шольцъ, взглянувъ только на огнестрѣльную рану, рѣшилъ, что она смертельна, и почему онъ это свое ни на чемъ не основанное заключеніе «считалъ своимъ долгомъ не скрыть» отъ Пушкина, — вотъ это представляется намъ совершенно необъяснимымъ и позволяетъ намъ вынести невыгодное заключеніе объ умѣ и сердцѣ д-ра Шольца. Характерно указаніе Шольца, что Пушкинъ при прощаніи «добродушно» пожалъ ему руку. Дѣйствительно, не каждый на мѣстѣ Пушкина отнесся бы «добродушно» къ такому врачу.

Наконецъ, явились долгожданные Арендтъ и Саломонъ *). Къ этому же времени возвратился и Задлеръ, ѣздившій за «нужными» инструментами. Не надо обладать особой проницательностью, чтобы съ полною увѣренностью сказать, какіе это были инструменты и для чего они были «нужны». Каждый правовѣрный хирургъ того времени считалъ первою необходимостью зондировать каждую огнестрѣльную рану и извлекать каждую найденную пулю. Это зондированіе ранъ и погоня за пулями принесли немало несчастій, стоили немало жизней. Вѣрный этому завѣту, Задлеръ привезъ инструменты, нужные для зондированія раны и извлеченія пули. Арендтъ же, въ свою очередь, конечно, первымъ долгомъ произвелъ зондированіе раны, но пули не нашелъ, да и найти не могъ, какъ мы это увидимъ ниже. Зондированіе раны Пушкина установило для его врачей лишь то, о чемъ можно было бы заключить при тщательномъ изслѣдованіи области раненія, и не прибѣгая къ зондированію, а именно, что здѣсь дѣло шло о проникающей ранѣ живота, т.-е. о ранѣ, при которой пуля пробила стѣнку живота и проникла въ полость живота. Въ данномъ случаѣ зондированіе не могло даже дать Арендту указаній на направленіе, которое приняла пуля, пробивъ брюшную стѣнку. Поэтому, не найдя пули, Арендтъ не могъ уяснить



ДОСКА, ПРИБИТАЯ КЪ ДОМУ кн. ВОЛКОНСКОЙ.

*) Саломонъ, Христіанъ Христіановичъ, родился въ 1796 г. въ Нарвѣ, сынъ чиновника. Въ 1814 году поступилъ въ Спб. мед.-хир. академію, гдѣ и окончилъ курсъ съ золотою медалью въ 1817 г. 1818—1822 г.г. провелъ въ научной командировкѣ отъ академіи въ Германіи и Англіи. По возвращеніи защитилъ докторскую диссертацію и былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ хирургіи. Саломонъ оставилъ каѳедру въ 1847 г. Въ 1850 г. покинулъ Петербургъ и переселился въ Дерптъ. 25-го сентября 1851 года Саломонъ умеръ въ Авиньонѣ въ время путешествія по южной Франціи. Онъ былъ талантливымъ хирургомъ и много писалъ по своей спеціальности.

себѣ мѣсто нахожденія пули, а, слѣдовательно, и тѣхъ пораненій, которыя она причинила въ полости живота. Ему оставалось лишь строить различныя предположенія, изъ которыхъ самыми вѣроятными могли являться два: либо пуля повредила какой-либо паренхиматозный органъ и тогда каждую минуту могло наступить внутреннее кровотеченіе съ неотвратимымъ роковымъ исходомъ; либо пуля пробила полый органъ (главнымъ образомъ, кишечникъ) и тогда, какъ общее правило, должно было произойти воспаленіе брюшины съ тѣмъ же исходомъ. Бороться съ такого рода пораненіями въ то время не умѣли, предотвращать такихъ осложненій не могли. Поэтому Арендтъ, не смотря на то, что онъ былъ очень опытнымъ, активнымъ и рѣшительнымъ хирургомъ, былъ въ данномъ случаѣ лишенъ возможности проявить въ чемъ-либо свое хирургическое pouvoir. Въ виду этого онъ и призналъ положеніе Пушкина безнадежнымъ. При данныхъ условіяхъ съ такимъ взглядомъ долженъ былъ согласиться каждый хирургъ того времени, согласился, внѣ всякаго сомнѣнія, и Саломонъ.

Этотъ взглядъ Арендта сказался не только на леченіи раненаго, но и на всемъ отношеніи врачей, окружавшихъ Пушкина, къ больному поэту.

Во всякомъ случаѣ, съ момента появленія своего у постели раненаго Пушкина Арендтъ принялъ на себя главное руководство его леченіемъ.

II.

«Г-нъ Пушкинъ при всѣхъ пособіяхъ, оказываемыхъ ему Его Превосходительствомъ г-номъ лейбъ-медикомъ Арендтомъ, находится въ опасности жизни»— такими словами заканчивалось донесеніе старшаго врача полиціи о дуэли Пушкина *). Посмотримъ же теперь, какія пособія оказывались Пушкину и въ какой «опасности жизни» онъ находился.

Если мы сгруппируемъ и расположимъ въ хронологической послѣдовательности всѣ данныя медицинскаго характера, имѣющіяся въ запискахъ врачей Пушкина, то мы можемъ до извѣстной степени возстановить картину кратковременной болѣзни Пушкина въ ея постепенномъ ходѣ и развитіи.

Вотъ этотъ поистинѣ «скорбный листъ».

27/I. 7—8 час. вечера. Рана кровотечетъ мало. Руки довольно холодныя. Пульсъ малый, скорый. Тошнота. Назначены холодные со льдомъ компрессы на животъ. Холодительное питье.

9—11 час. вечера. Отъ времени до времени тихія жалобы на боль въ животѣ. Забывался на короткое время.

3—4 часа ночи. Боль въ животѣ начала усиливаться.

5 час. ночи. Боль въ животѣ сдѣлалась значительной.

28-го/I. Утромъ. Боли въ животѣ усилились и показалась значительная опухоль живота. Поставлено промывательное; оно не подѣйствовало. Боли въ животѣ возросли до высочайшей степени— это была настоящая пытка. Физіономія больного измѣнилась; взоръ его сдѣлался дикъ; казалось, глаза готовы были выскочить изъ своихъ орбитъ; чело покрылось холоднымъ потомъ; руки похолодѣли; пульса

Madame N. Pouchkinn, en vous annonçant avec une profonde douleur la mort de son mari, Alexandre Pouchkinn, Gentilhomme de la Chambre de S. M. I., décédé le 29 de ce mois, vous prie de lui faire l'honneur d'assister au service funèbre qui sera célébré dans la Cathédrale de St.-Isaac, à l'Amirauté, le 1 (13) Février, à 11 heures du matin.

Французское приглашеніе на отпѣваніе тѣла Пушкина.

*) Старшій врачъ полиціи въ своемъ донесеніи, поданномъ 28-го января, т.-е. на другой день послѣ дуэли, сообщалъ, что «полиціей узнано, что вчера въ 5-мъ часу пополудни, за чертою города, позади Комендантской дачи, происходила дуэль между Камеръ-Юнкеромъ Александромъ Пушкинымъ и Поручикомъ Кавалергардскаго Ея Величества полка барономъ Геккереномъ; первый изъ нихъ раненъ пулею въ нижнюю часть брюха, а послѣдній въ правую руку навылетъ и получилъ контузію въ брюхо».

какъ не бывало. Больной испытывалъ ужасную муку.

Назначена вытяжка бѣлены съ каломелью.

Наконецъ боль, повидимому, стала утихать, но лицо еще выражало глубокое страданіе, руки попрежнему были холодны, пульсъ едва замѣтенъ.

12 час. пополудни. Больной сталъ спокойнѣе. Руки теплѣе и пульсъ явственнѣе. Данъ опій (нѣсколько капель). Больной успокоился. Холодные компрессы замѣнены припарками. Самочувствіе больного лучше.

1 часъ дня. Пульсъ сталъ подыматься.

6 час. вечера. Пульсъ поднялся, ударялъ не болѣе 120 въ минуту, сталъ полнѣе и тверже, сдѣлался жесткимъ. Оконечности согрѣлись, общая теплота тѣла возвысилась, безпокойство усилилось. Началъ показываться небольшой общій жаръ.

7 час. вечера. Теплота въ тѣлѣ увеличилась, пульсъ сдѣлался гораздо явственнѣе и боль въ животѣ ощутительнѣе.

Наталья Николаевна Пушкина, съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщая о кончинѣ супруга ея, Двора Е. И. В. Камеръ-Юнкера Александра Сергѣевича Пушкина, послѣдовавшей въ 29-й день сего Января, покорнѣйше проситъ пожаловать къ отпѣванію тѣла его въ Исакіевскій Соборъ, состоящій въ Адмиралтействѣ, 1-го числа Февраля въ 11 часовъ до полудня.

Русское приглашеніе на отпѣваніе тѣла Пушкина.

Поставлено 25 пьявокъ къ животу.

Жаръ уменьшился, опухоль живота опала. Пульсъ сталъ ровнѣе, рѣже и мягче; кожа показывала небольшую испарину.

12 час. ночи. Общая слабость брала верхъ.

Ночь провелъ въ тоскѣ и мучимый сильными болями. Пульсъ упадалъ съ часу на часъ.

29/I. Рано утромъ. Больной истаевалъ. Руки были холодны; пульсъ едва замѣтенъ.

12 час. дня. Пульсъ сталъ падать примѣтно и вскорѣ исчезъ вовсе. Руки начали стыть, въ ногахъ теплота сохранилась гораздо болѣе. Больной изнывалъ тоской, начиналъ по временамъ уже забываться, ослабѣвалъ, и лицо его измѣнилось.

2 час. 45 мин. пополудни. Руки остыли по самыя плечи, пальцы на ногахъ, ступни, колѣни тоже; отрывистое, частое дыханіе измѣнилось болѣе и болѣе на медленное, тихое, протяжное, еще одинъ слабый, едва замѣтный вздохъ и «пропасть необъятная, неизмѣримая раздѣляла уже живыхъ отъ мертваго».

Воспроизведенный путемъ такой мозаики скорбный листъ страдаетъ, разумѣется, неполнотою и представляется въ значительной мѣрѣ дефектнымъ, не говоря уже о томъ, что съ современной точки зрѣнія насъ здѣсь прежде всего поражаетъ отсутствіе термометріи, отсутствіе данныхъ измѣренія температуры больного. Но и въ этомъ своемъ неполномъ и дефектномъ видѣ такого рода скорбный листъ даетъ возможность легче оріентироваться и уяснить себѣ картину роковой болѣзни Пушкина.

Итакъ, въ первые моменты послѣ раненія мы имѣемъ предъ собой ясную картину остраго малокровія и незначительныя явленія такъ называемаго раздраженія брюшины (тошнота). Въ началѣ болѣзни угрожающе выступаютъ на первый планъ послѣдствія значительной кровопотери. Но вскорѣ эта опасность уступила мѣсто другой. Постепенно явленія остраго малокровія начинаютъ проходить, блѣднѣть, а на первый планъ выдвигаются грозные симптомы воспаленія брюшины — перетонита. Ночью (съ 27/I на 28/I) стали обнаруживаться явленія воспаленія брюшины, а къ утру 28/I мы видимъ уже рѣзкую картину перитонита (невыносимыя боли въ животѣ, вздутіе живота). Перитонитическія явленія быстро наростаютъ. Вечеромъ 28/I констатируется уже бросающееся въ глаза повышеніе температуры. Послѣ мѣстнаго кровопусканія (приставленія піявокъ), можетъ быть, какъ результатъ этой мѣры, наступило незначительное кратковременное

улучшеніе. Къ ночи на 29/I на сцену выступаетъ грозный признакъ, указывающій на близость конца,—упадокъ силъ. Къ этому симптомокомплексу присоединилась и характерная до извѣстной степени для перитонита тоска. Наконецъ, при все возрастающемъ упадкѣ силъ наступилъ роковой исходъ.

Болѣзнь, унесшая Пушкина въ могилу, явилась слѣдствіемъ полученной имъ проникающей раны живота и представляетъ собою такъ называемый травматическій перитонитъ (peritonitis traumatica), одну изъ немногихъ формъ первичнаго, идіопатическаго перитонита. Съ клинической стороны слѣдуетъ указать на крайне быстрое теченіе болѣзненнаго процесса: здѣсь можно почти говорить о молніеносной формѣ болѣзни (péritonite foudroyante французовъ). Въ связи и въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ стоитъ и патологоанатомическая картина, найденная при вскрытіи *) трупа и описанная Далемъ: «всѣ кишки (т.-е. серозная оболочка кишекъ), говоритъ Даль, оказались сильно воспаленными..., не было ни сывороточныхъ или гнойныхъ изліяній, ни приращеній». Въ виду быстраго теченія болѣзни ни эксудата, ни склеекъ не успѣло образоваться. Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе еще на одно указаніе Даля, имѣющееся въ протоколѣ вскрытія, а именно, что «въ одномъ только мѣстѣ величиною съ грошъ тонкія кишки были поражены гангреною». «Въ этой точкѣ, вполнѣ правильно замѣчаетъ Даль, по всей вѣроятности, кишки были ушиблены пулей». Такіе ушибы кишечной стѣнки съ послѣдующимъ омертвѣніемъ мѣста ушиба могутъ сами по себѣ вызывать перитониты при простыхъ ушибахъ живота **). Въ данномъ случаѣ присутствіе такого омертвѣвшаго участка кишечной стѣнки способствовало, внѣ всякаго сомнѣнія, обостренію уже развившагося перитонита и ускоренію роковой развязки.

Мы видѣли, какова была болѣзнь Пушкина. Посмотримъ теперь, каково было лѣченіе, каковы были тѣ «всѣ пособія, оказываемыя Арендтомъ».

Мы, конечно, не станемъ останавливаться на совершенно праздномъ, на нашъ взглядъ, вопросѣ, можно ли было бы спасти Пушкина, если бы его лѣчили согласно современнымъ хирургическимъ воззрѣніямъ и при помощи современныхъ оперативныхъ пособій подъ эгидой современной хирургической техники. Насъ долженъ интересовать болѣе реальный вопросъ, какъ Пушкина въ дѣйствительности лѣчили. Но при этомъ мы должны помнить о той пропасти, которая, ко благу человѣчества, отдѣляетъ, въ особенности въ этой области хирургіи, «прежде» отъ «теперь». Между тѣмъ, какъ прежде, по остроумному замѣчанію германскаго хирурга Nussbaum'a, на врачѣ лежала часто только тяжелая задача наблюдать процессъ смерти, онъ можетъ въ настоящее время посредствомъ своевременнаго оперативнаго пособія спасти жизнь раненаго. У постели раненаго Пушкина на врачей какъ разъ и выпала только тяжелая задача наблюдать процессъ смерти.

Лѣчебный арсеналъ, пущенный въ ходъ врачами Пушкина, былъ не великъ и не разнообразенъ, но вполнѣ согласовался съ тогдашними медицинскими знаніями и воззрѣніями. Показаній къ какому-либо активному хирургическому вмѣшательству въ сферѣ компетенціи хирурговъ того времени не имѣлось даже для такого выдающагося хирурга, какимъ былъ Арендтъ. Поэтому въ смыслѣ мѣстнаго лѣченія дѣло свелось къ прикладыванію на рану сначала холодныхъ компрессовъ, а потомъ—припарокъ. Именно указаніе на такой способъ лѣченія огнестрѣльныхъ ранъ мы находимъ въ руководствѣ по хирургіи выдающагося клинициста того времени Stromeyer'a *). Когда рѣзко обозначились явленія перитонита, то было произведено мѣстное кровопусканіе (піявки), какъ мѣра борьбы съ воспалительнымъ процессомъ вообще и съ перитонитомъ въ частности. Не говоря уже о мѣстномъ кровопусканіи, которое еще долго примѣнялось при перитонитѣ, въ тѣ времена считали всякое лѣченіе перитонита неправильнымъ, если оно не начиналось съ обильнаго общаго кровопусканія. Вѣдь это были тѣ времена, когда врачи «лили кровь,

*) Вскрытіе ограничилось, повидимому, лишь одной брюшной полостью. Почтисъ полной увѣренностью можно предположить, что вскрытіе было произведено Далемъ.

**) Ср. статью Моту «Лѣченіе ушибовъ живота вслѣдствіе удара лошадинымъ копытомъ», «Воен.-Мед. Журн.» 1891, февраль (переведено нами изъ «Archives de méd. et pharm. milit.», 1891).

*) Ist der Kranke dann zur Ruhe gebracht und hat er sich von der ersten Erschütterung erholt und ist wieder ganz warme geworden, so lässt man kalte Umschläge über dem Theilmachen. Wenn diese jedoch dem Patienten nicht behagen, Frösteln, Spannung und Schmerzen erregen, so lässt man sie weg und macht warme Umschläge von warmen Wasser oder Seinmehl» (L. Stromeyer. «Handbuch der Chirurgie», 1844, pag. 315).

какъ воду», когда, напримѣръ, въ Парижъ отправляли піявокъ цѣлыми вагонами, когда, однимъ словомъ, не понимали, какую цѣнность для организма представляетъ кровь, этотъ, по выраженію гетевскаго Мефистофеля, «сокъ совсѣмъ особеннаго свойства».

Что касается общаго лѣченія, то оно состояло, главнымъ образомъ, въ назначеніи вытяжки бѣлены съ каломелью и опія; примѣненіе послѣдняго средства можно только одобрить. Однимъ словомъ, въ смыслѣ лѣченія врачи Пушкина дѣлали, что могли и какъ могли. Конечно, съ точки зрѣнія борьбы съ болѣзненнымъ процессомъ и облегченія страданій больного все это было крайне недостаточно.

Наконецъ, и въ отношеніи врачебнаго наблюденія и ухода врачамъ Пушкина нельзя сдѣлать ни малѣйшаго упрека. Арендтъ, руководившій лѣченіемъ, посѣщалъ больного по нѣсколько разъ въ день и являлся немедленно по первому требованію другихъ врачей. Въ ночь съ 27/I на 28/I дежурилъ у постели Пушкина Спасскій, а съ 2 ч. пополудни 28/I и до послѣдней минуты жизни поэта около него безотлучно находился Даль.

Если мы теперь поставимъ себѣ вопросъ, какова была рана, полученная Пушкинымъ, то на основаніи протокола вскрытія — къ сожалѣнію, также неполнаго и дефектнаго — мы можемъ прослѣдить направленіе и ходъ пули. Противники стояли, — какъ это обычно при пистолетныхъ дуэляхъ, — бокомъ, въ полъ-оборота другъ къ другу, съ вытянутыми руками, открывая для выстрѣловъ правую боковую поверхность тѣла. Дантесъ, видимо, цѣлился въ верхнюю часть тѣла: направленіе пули отъ входного отверстія, расположеннаго въ 2-хъ дюймахъ отъ верхней передней ости правой подвздошной кости (spina anterior superior ossis ilei dextre) внизъ къ крестцовой кости, ясно говоритъ за это. Пробивъ передне-боковую брюшную стѣнку и проникнувъ въ полость большого таза, пуля прорыла себѣ борозду въ правой подвздошной кости по окружности большого таза, гдѣ при вскрытіи найдено было множество небольшихъ осколковъ кости. Скользя такимъ путемъ по окружности таза въ направленіи сверху внизъ, пуля встрѣтила

ПУШКИНЪ НА СМЕРТНОМЪ ОДРѢ.
Рис. Бруни.

сопротивленіе въ крестцовой кости, раздробила ее и засѣла гдѣ-нибудь по близости (т.-е. въ толщѣ крестцовой же кости) *). Вотъ каковой оказалась рана Пушкина по вскрытіи его тѣла. Но не таковой представлялась эта рана при жизни Пушкина, на живомъ. Въ послѣднемъ случаѣ рана, полученная Пушкинымъ, должна была представляться какъ огнестрѣльная проникающая рана живота, въ которой снарядъ прошелъ между внутренностями безъ поврежденія ихъ. Такія раны носятъ названіе контуурирующихъ и наблюдаются въ брюшной полости гораздо чаще, нежели въ другихъ областяхъ нашего тѣла, въ особенности при раненіяхъ круглыми пулями **). А Пушкинъ какъ-разъ и былъ раненъ круглой пулей. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ пуля не прошла на вылетъ, а засѣла въ брюшной полости. Такого рода проникающія раны брюшной полости представляются еще болѣе серьезными ***).

Все это въ той или иной степени, конечно, понималъ и учитывалъ Арендтъ, и все это, конечно, давало ему право смотрѣть на положеніе раненаго Пушкина крайне пессимистически.

III.

Когда Даль говоритъ, что «вскрытіе трупа показало, что рана принадлежала къ безусловно смертельнымъ», то, принимая въ разсчетъ vouloir и pouvoir хирургіи того времени, такое заявленіе представляется совершенно правильнымъ. Но при жизни Пушкина врачи его ни о поврежденіи тазовыхъ костей, ни объ ушибѣ кишечной петли ничего не знали. Для нихъ, какъ мы видѣли, дѣло шло о проникающей ранѣ живота безъ какихъ-либо доступныхъ имъ признаковъ поврежденія внутреннихъ органовъ. А такая рана являлась безусловно опасной, но не безусловно смертельной. На такой точкѣ зрѣнія и должны были стоять врачи Пушкина. Въ дѣйствительности они заняли совершенно иную позицію и съ перваго же момента отняли у несчастнаго страдальца всякую надежду. Я, конечно, оставляю въ сторонѣ акушера Шольца, выступленіе котораго, не смотря на весь трагизмъ момента, производитъ впечатлѣніе какого-то entrée comique. Я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, Арендта. И Арендтъ, а за нимъ и Спасскій, рѣшили, что не только дни, но даже часы, а, пожалуй, и минуты Пушкина сочтены. Этотъ свой взглядъ на Пушкина, какъ на умирающаго, врачи совершенно не сочли нужнымъ скрывать отъ больного, и вотъ это представляется намъ недопустимымъ. Особенно это подчеркивалъ Спасскій. Такъ, тотчасъ же вслѣдъ за отъѣздомъ Арендта (послѣ перваго его визита) Спасскій сказалъ Пушкину «объ исполненіи христіанскаго долга». Пушкинъ съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждалъ появленія Арендта и его компетентнаго мнѣнія о своемъ положеніи, и такая поспѣшность тотчасъ послѣ посѣщенія Арендта служила яркой иллюстраціей къ печальнымъ словамъ Арендта объ отсутствіи надежды на выздоровленіе поэта. Въ этотъ же первый день болѣзни поздно ночью, опять-таки вслѣдъ за визитомъ Арендта (онъ заѣзжалъ въ 11 часовъ вечера), Спасскій спросилъ больного, не угодно ли ему сдѣлать какія-либо распоряженія; нужно отдать справедливость Спасскому: болѣе подходящее время трудно было выбрать! И вотъ Пушкинъ, вмѣсто того, чтобы заснуть, призываетъ Данзаса и начинаетъ объявлять ему свои долги». Утромъ 28/I, когда приступъ страшныхъ болей сталъ стихать, Спасскій опять-таки спрашиваетъ больного, «не хочетъ ли онъ видѣть своихъ друзей», и устраиваетъ длинную процессію торжественно прощающихся съ Пушкинымъ друзей (Жуковскій, Віельгорскій, Вяземскій, Тургеневъ и Данзасъ). Во все время своего присутствія у постели умирающаго Пушкина Спасскій не отставалъ отъ него съ вопросами, не желаетъ ли онъ видѣть жену или кого-либо изъ друзей, и довелъ несчастнаго страдальца до того, что тотъ сталъ ему отвѣчать: «я позову».

---

*) «Время и обстоятельства не позволили продолжать подробнѣйшихъ розысканій», замѣчаетъ здѣсь Даль.

**) «Die contourirte Richtung des Schusscanals habe ich bei Bauchwunden viel öfter, als in anderen Gegenden des Körpers gesehen. Namentlich beobachtete ich sie bei von runden Kugeln Verwundeten». (Пироговъ, «Kriegschirurgie», pag. 570).

***) «Schlimmer sind natürlich solche penetrirende Schusswunden, in welchen das Geschoss, nachdem es den Peritoneum einmal durchbohrt hat, sich in die Bauch und Beckunhöhle senkt. Dann hat man eine penetrirende und mit der Gegenwart des fremden Körpers in der serösen Höhle complicirte Wunde vor sich, und man hat das ganze Heil dann nur in der des Einkapselung der Kugel und in der Localisirung der Peritonitischen Reizes und Exsudation zu suchen (Pirogoff. Ibidem, p. 571—572).

Лишь появленіе Даля внесло въ атмосферу, окружавшую ложе больного поэта, бодрящую струю. До этого момента Пушкинъ съ полнымъ правомъ могъ сказать своимъ врачамъ: «Vous ne me guérisez pas, vous ne me soulagez pas, vous ne me consolez pas» *).

«Vous ne me consolez pas!» — восклицаетъ, приведя разсказъ Chomel'я, извѣстный французскій историкъ медицины Daremberg **) и продолжаетъ: «Cette parole résume à elle seule la moitie des devoirs du medecin. Il ne faut qu'approcher du lit sur lequel le malade, pauvre ou riche, jeune ou vieux, ignorant ou d'un esprit cultivé, lutte contre les angoisses de la douleur et cherche à écarter les ténèbres que la mort repand déjà autour de lui, pour comprendre combien il a soif de consolations, avec quelle avidité il recueille un heureux présage, avec quelle joie il entend quelques paroles rassurantes, avec quelle anxiété il interroge l'oeil du médecin, avec quel bonheur il entrevoit un visage ami, avec quelle effusion il saisit la main que lui offre celui dont il attend son salut!» ***).

ПУШКИНЪ НА СМЕРТНОМЪ ОДРѢ.
Рис. съ натуры А. А. Козлова.

Психологія больного, такъ прекрасно отраженная въ этихъ немногихъ строкахъ, была, конечно, въ полной мѣрѣ присуща и геніальному страдальцу, находившемуся на попеченіи Арендта и Спасскаго. А, между тѣмъ, отношеніе ихъ къ Пушкину въ этой сферѣ непріятно поразило Даля, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ маленькое, но характерное замѣчаніе послѣдняго. «Гг. Арендтъ и Спасскій пожимали плечами»—вотъ первое, что глубоко поразило Даля, когда онъ только-что переступилъ порогъ комнаты, гдѣ происходила «эта таинственная борьба жизни и смерти».

Въ лицѣ Даля у постели Пушкина оказался врачъ, который понималъ, что больного прежде всего надо утѣшить, подбодрить, внушить ему трогательный принципъ: spiro, spero. И Пушкинъ инстинктивно понялъ, съ чѣмъ пришелъ къ нему Даль, и встрѣтилъ его словами: «плохо, братъ». «Въ первый разъ, замѣчаетъ по этому поводу Даль, Пушкинъ сказалъ мнѣ ты; я отвѣчалъ ему также и побратался съ нимъ за сутки до смерти его, уже не для здѣшняго міра». Первыми словами Даля были слова надежды и утѣшенія. Конечно, послѣ всего выслушаннаго Пушкинымъ отъ другихъ врачей, такія слова не могли оказать должнаго дѣйствія, но, во всякомъ случаѣ, они были несравненно умѣстнѣе въ устахъ врача, нежели жестокіе, безаппеляціонные приговоры. Мы видѣли, что излѣчить Пушкина врачи не могли, а облегчить его страданія могли лишь въ крайне недостаточной степени. Но утѣшать его, поддерживать въ немъ надежду они, разумѣется, могли. И если они этого не дѣлали, а поступали совершенно наоборотъ, то мы не можемъ не

*) Съ такими словами обратился къ своему врачу больной, о которомъ разсказываетъ Chomel въ своихъ «Éléments de pathologie generale».

**) Daremberg, Ch. «La médecine, histoire et doctrines», p. 349—350.

***) Мы приводимъ эти строки въ оригиналѣ, чтобы переводомъ не ослабить непосредственнаго впечатлѣнія ярко и блестяще набросанной картины.

сдѣлать имъ упрека за такой образъ дѣйствія.

Другой еще упрекъ заслужили врачи Пушкина, главнымъ образомъ, Арендтъ: у постели тяжело раненаго Пушкина было очень много «политики» и очень мало медицины. Это, конечно, вполнѣ отвѣчало условіямъ времени. Въ то время сыскъ стоялъ очень высоко, а медицина—очень низко. И если въ томъ, что было очень мало медицины, врачей, какъ мы видѣли, винить нельзя, то въ томъ, что было очень много «политики», что въ эту «политику» былъ вовлеченъ самъ больной, что благодаря этому онъ волновался и переживалъ тревожные минуты и часы,—въ этомъ вина врачей, этого врачи не могли допускать ни подъ какимъ видомъ. Охранить душевный покой тяжелаго больного—первая задача врача. И этой первой своей задачи врачи Пушкина совершенно не выполнили. Конечно, здѣсь дѣло шло не объ обыкновенномъ больномъ. Умиралъ поэтъ, самымъ рьянымъ «читателемъ» котораго былъ начальникъ III отдѣленія Бенкендорфъ, а цензоромъ — императоръ Николай Павловичъ. Рѣшивъ, что рана Пушкина смертельна и что спасти его нельзя, врачи тотчасъ же въ самой категорической формѣ объявили ему объ этомъ и затѣмъ стали уже смотрѣть на него, какъ на покойника.

ПУШКИНЪ НА СМЕРТНОМЪ ОДРѢ.

Рис. свинцовымъ карандашемъ съ натуры акад. А. Н. Мокрицкаго.

Единственное исключеніе среди врачей являлъ собою Даль. Помыслы же всѣхъ остальныхъ и врачей и друзей умирающаго поэта были направлены лишь на то, какъ взглянетъ на все это дѣло царь.

Въ группѣ лицъ, наиболѣе тѣсно окружившихъ ложе умирающаго Пушкина, находились двое, близко стоявшихъ къ трону: Арендтъ и Жуковскій. Они-то

оба и явились иниціаторами предсмертнаго примиренія поэта съ царемъ и предстателями,—главнымъ образомъ, Жуковскій—предъ царемъ за ослушника-поэта. Мы не станемъ, конечно, входить въ подробности всего этого эпизода, но и съ интересующей насъ точки зрѣнія прежде всего необходимо указать, какъ на крайне важное обстоятельство, на то, что не Пушкинъ первый заговорилъ о царѣ. Не Пушкинъ обратился къ Арендту съ просьбой передать царю то-то и то-то, а Арендтъ его въ этомъ участія. Принимая непосредственное участіе въ этихъ хлопотахъ, больной страшно волновался, нервничалъ и безпокоился. Какъ извѣстно, особо блестящихъ результатовъ эти хлопоты не дали. Вспомнимъ, что не успѣло еще остыть тѣло Пушкина, какъ въ кабинетъ его по распоряженію Бенкендорфа явился Дубельтъ и наложилъ свою тяжелую руку на всѣ бумаги скончавшагося поэта и подвергъ все, даже самую интимную корреспонденцію, подробному изслѣдованію съ точки зрѣнія

ПУШКИНЪ НА СМЕРТНОМЪ ОДРѢ.

Рис. А. П. Мокрицкаго.

сказалъ Пушкину: «Ѣду къ государю, не прикажете ли что сказать ему». Точно также не Пушкинъ обратился къ Жуковскому, а Жуковскій во время инсценированной Спасскимъ процессіи прощающихся друзей торжественно вопросилъ Пушкина: «Что сказать отъ тебя царю?» Конечно, слѣдовало предстательствовать за Пушкина, ослушавшагося приказа царя, слѣдовало хлопотать за его жену и дѣтей, но никоимъ образомъ врачи не должны были допускать активнаго участія въ этомъ самого больного: все это могло и должно было совершаться помимо Пушкина, безъ корпуса жандармовъ. Вспомнимъ, какъ хоронили Пушкина, какъ гробъ съ его тѣломъ былъ поставленъ въ подвалъ, какъ изъ этого подвала ночью гробъ, помѣщенный въ ящикъ, увезли на простыхъ саняхъ во Псковъ. Вотъ какъ, не смотря на всѣ предстательства предъ трономъ, была почтена память геніальнаго поэта! Съ другой стороны, нельзя, конечно, безъ улыбки читать болѣе чѣмъ странныя разсужденія С. М. Лукьянова о врачебной роли императора Николая Павловича, о томъ, «что наибольшую медицинскую помощь оказалъ на первыхъ же порахъ несчастному рапе-

ному не Арендтъ и не другой кто изъ врачей, а именно самъ царь». «Медицинская помощь» царя и создала атмосферу политики, несовмѣстимую съ необходимымъ для тяжелаго больного душевнымъ покоемъ.

Въ заключеніе я позволю себѣ коснуться душевнаго состоянія, душевнаго переживанія Пушкина, когда ему пришлось примириться съ мыслью, что ему «здѣсь не житье». На этомъ вопросѣ подробно останавливается В. С. Соловьевъ въ своемъ поэтически-философскомъ этюдѣ «Судьба Пушкина». Основываясь, главнымъ образомъ, на приводимомъ кн. Вяземскимъ разговорѣ Пушкина съ Данзасомъ о Геккеренѣ, причемъ Пушкинъ заявилъ, что требуетъ, чтобы Данзасъ не мстилъ за его смерть, что онъ прощаетъ Геккерену и хочетъ умереть христіаниномъ, основываясь на этихъ словахъ Пушкина, Соловьевъ находитъ, что Пушкинъ передъ смертью совершенно переродился и ушелъ изъ жизни совершенно примиренный. Конечно, предъ великою загадкою смерти многое въ человѣкѣ преображается и измѣняется. Конечно, взгляды на людей и вещи у Пушкина умирающаго стали иные, нежели они были у Пушкина, полнаго жизни. Странно было бы ожидать отъ человѣка такого великаго ума и такой великой души, какимъ былъ Пушкинъ, чтобы онъ завѣщалъ своему другу мстить за себя. То, что геніальный поэтъ отказался отъ такой вендетты, далеко не говоритъ еще за то, что онъ, рукою низкаго врага насильственно вырванный изъ жизни, уходилъ изъ нея примиренный со всѣми и со всѣмъ. Я полагаю, что психологію умирающаго поэта правильнѣе понялъ другой поэтъ, такъ ярко и сильно откликнувшійся на смерть его:

И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ.

Д-ръ мед. Ю. Г. Малисъ.

Рисунокъ Элеоноры Жуковской (1837) съ маски Палацци.

МАСКА, СНЯТАЯ СЪ МЕРТВАГО ЛИЦА ПУШКИНА.

Святыя Горы—мѣсто вѣчнаго упокоенія Пушкина.

Совмѣщавшій въ себѣ юношескую безпечность и старчески-разсчетливую дальновидность, поэтъ давно (1829 г.) опредѣлилъ мѣсто, гдѣ надлежало истлѣвать его «безчувственному тѣлу». Въ музыкѣ стиховъ распорядился объ этомъ не хуже, чѣмъ дѣлалось въ типичномъ духовномъ завѣщаніи непорядливой и въ то же время заботливо-мудрой дворянской старины. Если въ художественномъ образѣ и опасно находить слѣдъ реальности, все-таки можно повѣрить, что мысль Пушкина пронеслась около старой рощи, шумящей надъ холмомъ-некрополемъ Святыхъ Горъ, когда перебирала она разныя мѣстности, гдѣ могла застичь скитальца смерть,—и заканчивала свое желаніе завѣтомъ:

Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать.

Близкій къ Михайловскому, видному съ вершины этого холма, Святогорскій монастырь былъ традиціоннымъ мѣстомъ упокоенія насельниковъ окрестныхъ дворянскихъ гнѣздъ, и словно не случайно напомнила объ этомъ О. С. Павлищева въ письмѣ къ С. Л. Пушкину всего за годъ до кончины поэта. Ко времени созданія стихотворенія «Брожу ли я» тамъ лежали уже предки поэта. А въ началѣ апрѣля 1836 г. тамъ же хоронили его мать. На погребеніе пріѣзжалъ въ монастырь и Пушкинъ и, говорятъ, указалъ мѣсто своей могилы. Вотъ почему въ первыя тревожныя минуты послѣ кончины, когда предстояли хлопоты о перевезеніи праха, вдова и близкія лица почти не колебались: монастырь и опредѣленное мѣсто были связаны съ волей почившаго.

I.

Въ глазахъ историка литературы, готоваго и несомнѣнно обязаннаго чувствовать власть минувшаго надъ настоящимъ, нѣчто сосѣдящее съ мистикой-закономѣрностью пріобрѣтаетъ тотъ фактъ, что Святогорскій монастырь, въ своихъ стѣнахъ принявшій «до радостнаго утра» прахъ великаго, въ старину былъ однимъ изъ центровъ литературныхъ интересовъ. Исторію возникновенія обители и о первыхъ ея годахъ мы знаемъ изъ очень литературно написаннаго произведенія неизвѣстнаго автора. Памятникъ мѣстной монастырской письменности Псковской земли создавался почти рядомъ съ тѣмъ «уголкомъ земли», гдѣ «два года незамѣтныхъ» творилъ позднѣе Пушкинъ. Это — «Повѣсть о явленіи чудотворныхъ иконъ Богородицы во области града Пскова на Синичьей Горѣ». Человѣкъ начитанный, «книжный», анонимный авторъ ея подражалъ недурнымъ образцамъ, не чуждался красивой риторики и, какъ видно, имѣлъ подъ руками немного историческихъ фактовъ. Цѣль его назидательная. Съ восторгомъ разсказываетъ онъ о чудесномъ явленіи иконъ «Одигитріи» и «Умиленія», о происходившихъ исцѣленіяхъ при этомъ событіи, а также во время крестнаго хода во Псковъ. Ходъ установленъ позднѣе, въ 1647 году, тогда же повѣсть получила литературную обработку и предназначалась для чтенія во время торжественныхъ службъ въ пути слѣдованія иконъ. На основаніи преданій и первоначальныхъ записей авторъ подробно и съ теплотой говоритъ о блаженномъ Тимоѳеѣ, который сподобился явленія иконъ «въ годъ (т. е. во время) вечерняго пѣнія на воздусѣ». Ссылается онъ на «лѣтописныя книги», до сихъ поръ загадочныя, такъ какъ установлено, что Псковскою лѣтописью онъ не пользовался.

«Повѣсть» — единственный источникъ для древнѣйшей исторіи Святогорскаго монастыря. Начало его относится къ московскому періоду прошлаго Псковской земли. Иконы чудесно сохранились во время пожара, и Иванъ Грозный «повелѣ на той горѣ устроити церковь каменну и повелѣ быти

обители». Точно установить дату этого событія трудно: другія показанія противорѣчивы, а главное—было два явленія иконъ. Историки представили нѣсколько попытокъ согласовать разныя извѣстія. Но 60-е годы XVI вѣка представляются въ данномъ случаѣ вполнѣ допустимымъ временемъ возникновенія монастыря.

Самая исторія монастыря мало интересна. Въ ней не найдемъ ни одного красиваго движенія. Съ начала XVII в. Святыя Горы оффиціально считались въ числѣ первыхъ трехъ десятковъ «старшихъ» обителей всей Руси, настоятель имѣлъ санъ архимандрита. Если бы архивъ не былъ уничтоженъ пожаромъ, ночью 1784 года, о старой эпохѣ существованія монастыря мы знали бы больше. Можетъ быть, имъ заинтересовался бы и Пушкинъ. Во время пожара сгорѣли деревянныя постройки вмѣстѣ съ утварью. Уцѣлѣвшія не могли уносить мысль поэта къ эпохѣ Годунова или Самозванца. Успенская каменная церковь, соборъ, еще за годъ до пожара подверглась безвкусной и безстильной передѣлкѣ въ самыхъ характерныхъ своихъ линіяхъ—кровли и купола. Внутри сдѣланы новыя царскія двери, выстроены хоры и крыльцо въ «казенную палатку». Подновлена живопись иконостаса. Поэтому весь храмъ не удержалъ характера даже эпохи предшествующей капитальной перестройки 1655 года. Другія церкви появились только съ XVIII вѣка, а колокольня, вѣнчающая весь пейзажъ холма, закончена въ 1821 году. Нова и каменная ограда съ башнями и воротами. Словомъ, для чуткаго къ линіямъ величавой старины поэта Святыя Горы его времени, времени созданія «Бориса Годунова», могли говорить много меньше, чѣмъ московскій кремль со всѣми тонами ушедшихъ эпохъ.

II.

Въ Святыхъ Горахъ Пушкинъ нашелъ интересъ не археологическій, а этнографическій. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ особеннымъ торжествомъ еще отличались чтимые въ краю крестные ходы съ монастырскими святынями, и на храмовые праздники, на совпадавшія съ ними ярмарки съѣзжались и сходились сюда массы сосѣднихъ дворянъ, мелкаго купечества, мѣщанства, крестьянъ и представителей «бродячей Руси». Въ этихъ шумливыхъ празднествахъ, входившихъ въ кругъ развлеченій барства наряду съ поѣздками на именины, на охоту и т. д.,—тоже стиль эпохи.

На такія празднества пріѣзжалъ въ Святыя Горы и Пушкинъ. Стеченія народа бывали большія, продолжались по нѣсколько дней и даже недѣль. Кромѣ храмовыхъ праздниковъ, ярмарки устраивались у стѣнъ монастыря еще предъ девятой пятницей поПасхѣ, наканунѣ Покрова, въ день Благовѣщенія и на Пасху. Разные товары, въ томъ числѣ и сырье, привозились на лошадяхъ и на лодкахъ, пригонялся скотъ для продажи и мѣны. Заранѣе размѣщались они въ особо устроенныхъ «гостинныхъ» лавкахъ, принадлежавшихъ монастырю и составлявшихъ источникъ дохода, въ наскоро разбитыхъ палаткахъ или просто на возахъ. Число торговыхъ лавокъ во времена Пушкина доходило до полутораста. Устраивались харчевни, и доходъ «съ кабаковъ и пива» издавна, согласно царскимъ грамотамъ XVII вѣка, шелъ въ пользу монастыря.

Широкошумная и сѣрая сѣверно-русская пестрота монастырскихъ ярмарокъ должна была особенно поразить Пушкина послѣ пребыванія его на югѣ съ особой азіатской культурой Кавказа, Тавриды или Бессарабіи—яркой, кричащей, солнечной и чужой. И на фонѣ родного ласкающаго говора особенную прелесть пріобрѣтало пѣніе слѣпцами-нищими, «каликами перехожими», стильныхъ духовныхъ стиховъ. Какъ художника, Пушкина особенно влекло оно, и сохранился разсказъ «очевидцевъ-старожиловъ» о злоключеніяхъ поэта въ одну изъ ярмарокъ девятой пятницы передъ Петровымъ постомъ.

Въ бѣлой крестьянской рубахѣ съ красными ластовками, съ такими же поясомъ и лентой черезъ плечо, однажды Пушкинъ явился къ главнымъ воротамъ монастырскимъ и сталъ пѣть съ слѣпцами стихи о Лазарѣ убогомъ, объ Алексіи человѣкѣ Божіемъ. Своей тростью съ бубенцами онъ дирижировалъ хоромъ. Естественно, что необыкновенное зрѣлище собрало массу народа, столпившагося вокругъ и заслонившаго выходъ изъ воротъ на площадь. Исправникъ, прибавляетъ преданіе, не узналъ въ этомъ маскарадѣ хорошо извѣстнаго ему подпадзорнаго коллежскаго секретаря, отправилъ его подъ арестъ, и только приставу удалось освободить его отъ гнѣва высшаго начальства.

Такова версія, хранившаяся въ монастырѣ (игум. Іоаннъ, Описаніе и т. д., 111). Нѣсколько иначе разсказывалъ К. А. Тимоѳееву о томъ же эпизодѣ кучеръ Пушкина, Петръ. По его словамъ, Пушкинъ ха-

живалъ на ярмарку, «какъ есть бывало, какъ дома: рубаха красная, не бритъ, не стриженъ. Чудно такъ! Палка желѣзная въ рукахъ (раньше упомянуто, что вѣсомъ она въ девять фунтовъ). Придетъ въ народъ, тутъ—гулянье, а онъ сядетъ на-земь, соберетъ къ себѣ нищихъ, слѣпцовъ, они ему пѣсни поютъ, стихи сказываютъ. Такъ вотъ было разъ, еще спервоначалу, пріѣхалъ туда капитанъ-исправникъ на ярмарку. Ходитъ—смотритъ: что за человѣкъ чудной въ красной рубахѣ съ нищими сидитъ? Посылаетъ старосту спросить: кто, молъ, такой? А Александръ-то Сергѣичъ тоже на него смотритъ, зло такъ, да и говоритъ эдакъ скоро (грубо такъ онъ всегда говорилъ):

— Скажи капитану-исправнику, что онъ меня не боится, и я его не боюсь. А если надо ему меня знать, такъ я—Пушкинъ.

Капитанъ ничто взялъ, съ тѣмъ и уѣхалъ. А Александръ Сергѣичъ бросилъ слѣпцамъ бѣленькую, да тоже домой пошелъ» («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1859, VIII, отд. II, 146—147).

Разсказъ этотъ долго жилъ въ монастырѣ, и характерно, что главныя его ворота до сихъ поръ связаны не только съ именемъ Пушкина, но съ разсказаннымъ эпизодомъ. Другія ворота, съ юговосточной стороны, ведущія къ Михайловскому, также извѣстны до сихъ поръ, какъ «Пушкинскія»: чрезъ нихъ «А. С. Пушкинъ обыкновенно входилъ въ обитель».

III.

Другой фактъ, связывающій поэта съ Святыми Горами, также заслуживаетъ довѣрія. Одинъ изъ пріѣздовъ его въ монастырь совпалъ съ годовщиной смерти Байрона. Пушкинъ заказалъ игумену Іонѣ отслужить панихиду «по рабѣ Божьемъ болярина Георгіи».

СВЯТОГОРСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

О болѣе тѣсныхъ связяхъ Пушкина съ братіей монастыря прямыхъ свѣдѣній нѣтъ. Можетъ быть, имя одного изъ «бродягъ въ видѣ чернецовъ» въ сценѣ у литовской границы «Бориса Годунова» является не случайнымъ совпаденіемъ. Въ концѣ XVII вѣка игуменомъ Святогорскаго монастыря былъ Мисаилъ, о чемъ Пушкинъ, конечно, могъ знать. Еще одна подробность, едва ли лишенная вѣроятія. Автору статьи «Къ біографіи Пушкина» («Р. Вѣстн.» 1869 XI, 92—94) А. Н. Вульфъ сообщилъ, между прочимъ, что «отъ игумена Святогорскаго монастыря Пушкинъ позаимствовалъ поговорки, вставленныя въ «Бориса Годунова»,

именно въ ту сцену, которая происходитъ въ корчмѣ на границѣ:

Пашъ Ѳома
Пьетъ до дна,
Выпьетъ—да поворотитъ
Да въ донышко поколотитъ... и т. д.»

Какъ извѣстно, въ первыхъ изданіяхъ этихъ поговорокъ нѣтъ («Р. Стар.» 1870, I, 404).

Общительность характера Пушкина не исключаетъ возможности, по крайней мѣрѣ, знакомства его съ кѣмъ-нибудь изъ братіи, кромѣ игумена, котораго, какъ увидимъ, онъ зналъ по отношеніямъ оффиціальнымъ, и іеромонаха Василія. Поэтому интересно познакомиться со свѣдѣніями о братіи монастыря времени водворенія Пушкина въ Псковской губерніи, именно за 1824 годъ. Свѣдѣнія эти появляются здѣсь въ печати впервые и извлечены изъ дѣлъ Псковской духовной консисторіи въ разрядѣ монастырскихъ дѣлъ 1825 года за № 1 (прежней описи № 271). Составлены они 27 января и доставлены во Псковъ за № 71 на основаніи требованія сообщить данныя «о монастырѣ, о монастырскомъ настоятелѣ, о монашествующихъ, о бѣльцахъ, съ показаніемъ, какова они поведенія и способны ли впредь къ послушаніямъ».

За формуляромъ игумена Іоны (см. ниже) помѣщены такія же подробныя свѣдѣнія объ 11-ти лицахъ. Монастырское преданіе, сообщенное игуменомъ Іоанномъ, авторомъ «Описанія Святогорскаго монастыря» (Псковъ, 1899), архіепископу псковскому (въ настоящее время новгородскому) Арсенію, говоритъ о знакомствѣ Пушкина только съ самымъ образованнымъ изъ іеромонаховъ, Василіемъ.

«Іеромонахъ Василій,—читаемъ въ дѣлѣ,—55 лѣтъ, изъ великороссіянъ, дьяческой сынъ, постриженъ въ монашество въ 1800 году въ Александро-Невской лаврѣ. Учился въ Смоленской семинаріи отъ нижняго грамматическаго класса до окончанія богословія и, сверхъ того, обучался обоимъ греческимъ языкамъ, то-есть древнему елинскому и простому, нынѣ общеупотребительному, а притомъ исторіи, географіи и ариѳметикѣ. Въ 1792 году опредѣленъ былъ въ Вяземское училище нижняго грамматическаго класса учителемъ, обучалъ симъ классамъ семь годъ; сверхъ же того, отправлялъ катихизиторскую должность и изустныя говорилъ въ тамошнемъ Вяземскомъ соборѣ и по другимъ церквамъ проповѣди. Въ 1800 году опредѣленъ былъ въ Александро-Невскую Академію нижняго греческаго класса учителемъ; въ томъ же году произведенъ во іеродіакона и опредѣленъ былъ въ морской корпусъ, гдѣ обучалъ закону, и въ томъ же году переведенъ въ Псково-Печерскій монастырь въ число братства, гдѣ по приказанію вышней команды занимался, сверхъ іеродіаконской должности, сказываніемъ изустныхъ проповѣдей. Въ 1801 во Псковской семинаріи былъ риторики учителемъ и говорилъ по назначенію изустныя проповѣди. Въ 1802 переведенъ въ Крыпецкой монастырь. Въ 1804 переведенъ въ сей Святогорскій монастырь, въ 1805 произведенъ въ оный монастырь во іеромонаха. Въ 1806 переведенъ въ Псково-Печерскій монастырь, въ 1810 переведенъ паки въ сей Святогорскій монастырь, гдѣ и нынѣ находится и сказываетъ по назначенію отъ начальства ежегодно во Псковскомъ каѳедральномъ соборѣ изустныя проповѣди, и въ 1818 году августа 7 дня за 1812 г. для ношенія на персехъ крестъ при актѣ, подписанномъ Его Высокопреосвященствомъ Евгеніемъ Архіепископомъ псковскимъ, лифляндскимъ и курляндскимъ и кавалеромъ». Въ опредѣленной графѣ дана такая его аттестація: «поведенія хорошаго, къ послушанію способенъ».

Далѣе, «на іеромонашеской вакансіи вдовый священникъ Іаковъ Димитріевъ 56 лѣтъ изъ великороссіянъ, священническій сынъ, бѣлецъ. По окончаніи богословскаго курса въ 1797 году произведенъ Псковскаго уѣзда въ Верхонинскій погостъ во священника, въ 1803 году переведенъ въ Святодуховъ Якобштадтскій заштатный монастырь, въ 1804 переведенъ въ Іоанно-Богословскій Крыпецкой монастырь, въ 1805 году переведенъ въ Псково-Печерскій монастырь, въ 1814 переведенъ въ Великолуцкой Троицкой Сергіевъ монастырь, а въ 1816 годахъ переведенъ, по прошенію его, въ сей Святогорскій монастырь, гдѣ и нынѣ находится». Аттестація—такая же.

Затѣмъ идутъ послужные списки двухъ дьяконовъ: «на іеродіаконской вакансіи, вдовый діаконъ Іоаннъ Федоровъ 56 лѣтъ изъ великороссіянъ, пономарскій сынъ, бѣлецъ. Въ 1787 году опредѣленъ, по исключеніи изъ семинаріи изъ грамматическаго класса, Опочецкаго уѣзда въ Старицкой погостъ во дьячка. Въ 1810 произведенъ во оной же погостъ къ Покровской церкви во діакона, а въ 1820 году опредѣленъ по прошенію въ сей Святогорскій монастырь,

ПЕРЕВОЗЪ ТѢЛА ПУШКИНА ВЪ СВЯТЫЯ ГОРЫ.

Этюдъ А. Наумова.

именно въ ту сцену, которая происходитъ въ корчмѣ на границѣ:

Пашъ Ѳома
Пьетъ до дна,
Вышетъ—да поворотитъ
Да въ донышко покалотитъ... и т. д.»

[illegible] этихъ поговорокъ нѣтъ («Р. Стар.» 1870, I, [illegible]).

Общительность характера Пушкина не исключаетъ возможности, по крайней мѣрѣ, знакомства его съ кѣмъ-нибудь изъ братіи, кромѣ игумена, котораго, какъ увидимъ, [illegible] по отношеніямъ оффиціальнымъ [illegible] иеромонаха Василія. Поэтому [illegible] познакомимся со свѣдѣніями о [illegible] Псковской губерніи, именно за [illegible] дѣлъ [illegible] первые и извлечены изъ дѣлъ Псковской духовной консисторіи въ разрядѣ монастырскихъ дѣлъ 1825 года за № 1 (прежней описи № 271). Составлены они 27 января и доставлены во Псковъ за № 71 на основаніи требованія сообщить данныя «о монастырѣ, о монастырскомъ настоятелѣ, о монашествующихъ, о бѣльцахъ [illegible] способны ли впредь къ послушаніямъ».

За формуляромъ игумена Іоны (см. ниже) помѣщены такія же подробныя свѣдѣнія объ 11-ти лицахъ. Монастырское преданіе, сообщенное игуменомъ Іоанномъ, авторомъ «Описанія Святогорскаго монастыря» (Псковъ, 1899), архіепископу псковскому (въ настоящее время новгородскому) говоритъ о знакомствѣ Пушкина [illegible] образованнымъ изъ іеро[illegible]

[illegible] Василій,—читаемъ въ дѣлѣ,—55 лѣтъ, изъ великороссіянъ, дьяческій сынъ, постриженъ въ монашество въ 1800 году въ Александро-Невской лаврѣ. Учился въ Смоленской семинаріи отъ низшаго грамматическаго класса до окончанія богословія и, сверхъ того, обучался обоимъ греческимъ языкамъ, то-есть древнему еллинскому и простому, нынѣ общеупотребительному, а притомъ исторіи, географіи и ариѳметикѣ. Въ 1792 году опредѣленъ былъ въ Вяземское училище низшаго грамматическаго класса учителемъ, обучалъ симъ классамъ семь годъ; сверхъ же того, отправлялъ катихизиторскую должность и изустныя говорилъ въ тамошнемъ Вяземскомъ соборѣ и по другимъ церквамъ проповѣди. Въ 1800 году опредѣленъ былъ въ Александро-Невскую Академію низшаго греческаго класса учителемъ; въ томъ же году произведенъ во іеродіакона и опредѣленъ былъ въ морской корпусъ, гдѣ обучалъ закону, въ томъ же году переведенъ въ Псково-Печерскій монастырь въ число братства, гдѣ по приказанію вышней команды занимался, сверхъ іеродіаконской должности, сказываніемъ изустныхъ проповѣдей. Въ 1801 въ Псковской семинаріи былъ риторики учителемъ и говорилъ по назначенію изустныя проповѣди. Въ 1802 переведенъ въ Крыпецкой монастырь. Въ 1804 переведенъ въ сей Святогорскій монастырь, въ 1805 произведенъ въ оный монастырь во іеромонаха. Въ 1806 переведенъ въ Псково-Печерскій монастырь, въ 1810 переведенъ паки въ сей Святогорскій монастырь, гдѣ и нынѣ находится и сказываетъ по назначенію отъ начальства ежегодно во Псковскомъ каѳедральномъ соборѣ изустныя проповѣди, и въ 1818 году августа 7 дня за 1812 г. для ношенія на пересѣ крестъ при актѣ, подписанномъ Его Высокопреосвященствомъ Евгеніемъ Архіепископомъ псковскимъ, лифляндскимъ и курляндскимъ и кавалеромъ». Въ опредѣленіи [illegible] «способенъ ли впредь къ послушанію способенъ».

Далѣе, «на іеромонашеской вакансіи вдовый священникъ Іаковъ Димитріевъ 56 лѣтъ изъ великороссіянъ, священническій сынъ, бѣлецъ. По окончаніи богословскаго курса въ 1797 году произведенъ Псковскаго уѣзда въ Верхонинскій погостъ во священника, въ 1803 году переведенъ въ Святодуховъ Якобштадтскій заштатный монастырь, въ 1804 переведенъ въ Іоанно-Богословскій Крыпецкой монастырь, въ 1805 году переведенъ въ Псково-Печерскій монастырь, въ 1814 переведенъ въ Великолуцкой Троицкой Сергіевъ монастырь, а въ 1816 году переведенъ, по прошенію его, въ сей Святогорскій монастырь, гдѣ и нынѣ находится. Аттестація—такая же.

Затѣмъ идутъ послужные списки [illegible] дьяконовъ: «на іеродіаконской вакансіи вдовый діаконъ Іоаннъ Федоровъ [illegible] изъ великороссіянъ, пономарскій [illegible] лецъ. Въ 1787 году опредѣленъ, [illegible] ченіи изъ семинаріи изъ грамм[illegible] класса, Опочецкаго уѣзда въ Ст[illegible] погостъ во дьячка. Въ 1810 пр[illegible] оной же погостъ къ Покров[illegible] во діакона, а въ 1820 году опр[illegible] прошенію въ сей Святогорскій мон[illegible]

гдѣ и нынѣ находится», съ аттестаціей: «поведенія нехудого, къ послушанію способенъ». Второй,—«на іеромонашеской вакансіи вдовый діаконъ Василій Ивановъ 38 лѣтъ, изъ великороссіянъ, дьяческой сынъ, бѣлецъ. Въ 1801 году опредѣленъ былъ въ Старожитовской погостъ пономаремъ, въ 1809 году произведенъ Островскаго уѣзда Сигорицкаго погоста къ Воскресенской церкви во діакона, а 1823 года іюля 25 числа опредѣленъ по прошенію его въ оный монастырь и, по обѣщанію его постричься въ монашество, на праздную іеромонашескую вакансію, гдѣ и нынѣ находится», «поведенія хорошаго».

Наконецъ перечисляются четыре послушника отъ 17 до 55 лѣтъ: Иванъ Васильевъ, Иванъ Дометіевъ, Иванъ Федоровъ и Василій Михайловъ, тоже съ аттестаціями поведенія, первый—хорошаго, оба послѣдніе — «нехудого», и отрицательная характеристика только у второго: «поведенія посредственнаго, къ послушанію способенъ, но грубъ и вздорливъ».

IV.

Главная связь Пушкина съ Святогорскимъ монастыремъ выражалась въ томъ, что, сданный на поруки отца и находившійся подъ надзоромъ гражданскихъ властей, онъ одновременно отданъ былъ конфиденціально подъ духовное начало святогорскаго игумена. Ясно, что послѣднее вызвано всѣмъ тѣмъ, что относится къ извѣстному письму изъ Одессы и «упражненіямъ въ чистомъ аѳеизмѣ», а не къ допросамъ о «Гавриліадѣ» (августъ 1828 года). Что оффиціальное опредѣленіе объ этомъ духовномъ руководительствѣ представителемъ ближайшаго къ Михайловскому монастыря шло чрезъ синодъ, не можетъ быть сомнѣній, но пока приходится удостовѣрить, что въ синодальномъ архивѣ никакихъ документовъ, относящихся къ данному дѣлу Пушкина и падающихъ на періодъ отъ марта-апрѣля до конца 1824 года и даже слѣдующихъ годовъ, не сохранилось *). Поэтому первоисточникомъ продолжаютъ оставаться записки П. И. Пущина.

Пущинъ пробылъ въ Михайловскомъ 11-е января 1825 года. Друзья читали «Горе отъ ума». «Среди этого чтенія кто-то подъѣхалъ къ крыльцу,—разсказываетъ другъ поэта.—Пушкинъ выглянулъ въ окно, какъ будто смутился и торопливо раскрылъ лежавшую на столѣ Четьи-Минею *). Замѣтивъ его смущеніе и недоразумѣвая причины, я спросилъ его:

— Что это значитъ?

Не успѣлъ онъ отвѣтить, какъ вошелъ въ комнату низенькій, рыжеватый монахъ и рекомендовался мнѣ настоятелемъ сосѣдняго монастыря. Я подошелъ подъ благословеніе. Пушкинъ тоже, прося его сѣсть. Монахъ началъ извиненіемъ въ томъ, что, можетъ быть, помѣшалъ намъ, потомъ сказалъ, что узнавши мою фамилію, ожидалъ найти знакомаго ему П. С. Пущина, уроженца великолуцкаго **), котораго очень давно не видалъ. Ясно было, что настоятелю донесли о моемъ пріѣздѣ.

Хотя посѣщеніе его было вовсе некстати, но я все-таки хотѣлъ faire bonne mine à mauvais jeu и старался увѣрить его въ противномъ. Объяснилъ ему, что я Пущинъ такой-то, лицейскій товарищъ хозяина, а что генералъ Пущинъ, его знакомый, командуетъ бригадой въ Кишиневѣ, гдѣ я въ 1820 году съ нимъ встрѣчался. Разговоръ завязался о томъ, о семъ. Между тѣмъ подали чай. Пушкинъ спросилъ рому.... Настоятель выпилъ два стакана чаю... и послѣ этого началъ прощаться, извиняясь снова, что прервалъ нашу товарищескую бесѣду».

Пущину неловко было за друга: «онъ, какъ школьникъ, присмирѣлъ при появле-

*) По моей просьбѣ, архиваріусы А. И. Никольскій и Л. К. Бродскій любезно пересмотрѣли вмѣстѣ со мной всѣ существующіе въ архивѣ синода описи дѣлъ и рукописные указатели къ нимъ за нѣсколько лѣтъ по всѣмъ отдѣламъ, въ томъ числѣ по канцеляріи оберъ-прокурора. По имѣющимся у меня вполнѣ компетентнымъ свѣдѣніямъ, такого дѣла нѣтъ и среди признаваемыхъ еще до сихъ поръ секретными документовъ, которымъ также сдѣлана опись, безъ особаго разрѣшенія, для занимающихся недоступная. Изъ бесѣдъ съ нѣкоторыми видными іерархами, знакомыми съ практикой веденія подобнаго рода «деликатныхъ» увѣщаній, какимъ могло быть оно въ отношеніи Пушкина, выяснилось, что могло и совсѣмъ не существовать переписки. Частью это наблюденіе усиливается характеромъ веденія дѣлъ оберъ-прокуроромъ интересующаго насъ періода кн. П. С. Мещерскимъ, который въ такихъ случаяхъ переписки не заводилъ. Такъ же дѣйствовалъ часто и преосвященный Евгеній (Казанцевъ). У него былъ Пушкинъ въ концѣ сентября 1825 г. во Псковѣ.

*) Если авторъ записокъ пользуется этимъ терминомъ не какъ нарицательнымъ названіемъ книги духовнаго содержанія вообще, то разумѣются Минеи Димитрія Ростовскаго. Въ пушкинской библіотекѣ не сохранилось, впрочемъ, ни одного экземпляра этого изданія.

**) О пребываніи игумена Іоны въ Великихъ Лукахъ см. ниже въ его формулярномъ спискѣ.

піи настоятеля». И, когда гость пожалѣлъ, что своимъ пріѣздомъ вызвалъ посѣщеніе игумена, Пушкинъ сказалъ:

— Перестань, любезный другъ! Вѣдь онъ и безъ того бываетъ у меня: я порученъ его наблюденію. Что говорить объ этомъ...».

Написанныя въ декабрѣ 1826 года во Псковѣ воспоминанія Пущина до сихъ поръ, кажется, не возбуждали сомнѣній въ своемъ цѣломъ. Поэтому нѣсколько страннымъ является категорическое сообщеніе, сдѣланное А. Н. Вульфомъ, будто «во время пребыванія своего въ ссылкѣ, въ деревнѣ, Пушкинъ подъ надзоромъ игумена Святогорскаго монастыря не былъ и только угощалъ его у себя по праздникамъ» («Пушкинъ», въ отдѣлѣ «Замѣтки, поправки и дополненія», «Р. Стар.» 1870, I, 404).

Оффиціальныя свѣдѣнія о духовникѣ Пушкина, сообщенныя въ названномъ выше документѣ псковской консисторіи (Монаст. 1825 г. № 1, прежн. описи № 271), дополняютъ набросанный въ воспоминаніяхъ Пущина портретъ игумена Іоны: «изъ великороссіянъ, изъ купечества, шестидесяти шести лѣтъ, обучался по-россійски читать и писать. Постриженъ въ монашество въ 1797 г. въ Святогорскомъ монастырѣ архимандритомъ Аѳанасіемъ». «Въ 1795 году,—читаемъ дальше,—опредѣленъ былъ по желанію въ Святоблаговѣщенскую Никандрову пустынь послушникомъ; въ томъ же году, по указу псковской духовной консисторіи, переведенъ въ Псковской загородной Его Высокопреосвященства кусовской домъ житеннымъ. Въ 1801 году по прошенію переведенъ въ Псково-Печерскій монастырь въ число братства. Въ 1802 году генваря 12 дня произведенъ въ Псково-Печерскій же монастырь во іеродіакона; въ 1804 году іюля 10 дня произведенъ въ тотъ же монастырь во іеромонаха и въ ономъ же году, по указу псковской духовной консисторіи, переведенъ въ Великолуцкой Троицкой-Сергіевъ монастырь и опредѣленъ казначеемъ. Въ 1805 году іюля 20 дня Его Высокопреосвященствомъ Иринеемъ архіепископомъ и кавалеромъ благословленъ въ священнослуженіи употреблять набедренникъ. Въ 1809 году, по указу псковской духовной консисторіи, переведенъ паки въ Псково-Печерскій монастырь и опредѣленъ казначеемъ. Въ 1812 году марта 30 дня Его Высокопреосвященствомъ Иринеемъ архіепископомъ Псковскимъ, Лифляндскимъ и Курляндскимъ и кавалеромъ произведенъ въ Великолуцкой Троицкой-Сергіевъ монастырь во игумена. Въ 1818 году марта 27 дня получилъ высокомонаршее благоволеніе за 1812 годъ для ношенія на персехъ крестъ на владимирской лентѣ при актѣ, подписанномъ Его Высокопреосвященствомъ Евгеніемъ архіепископомъ Псковскимъ, Лифляндскимъ и Курляндскимъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ. Того же 1818 года, по силѣ указа псковской духовной консисторіи октября отъ 4 дня, переведенъ въ третьеклассный Святогорскій монастырь, гдѣ и нынѣ находится».

Въ 1827 году находимъ уже другого игумена, Геннадія, при которомъ совершилось погребеніе Пушкина въ Святыхъ Горахъ.

Въ серіи матеріаловъ «Для будущаго полнаго собранія сочиненій А. С. П.», съ предисловіемъ Н. В. Гербеля («Р. Арх.» 1876, X, 230), помѣщено извѣстное стихотвореніе, съ правдоподобной на первый взглядъ датой «1825» (правда, въ скобкахъ) и такой замѣткой: «Относится къ игумену Святогорскаго монастыря, которому вмѣнено было въ обязанность навѣщать Пушкина въ его сельскомъ изгнаніи и слѣдить за его нравственностью»:

Дѣдушка-игуменъ
Былъ ли намъ пріятенъ?
Жилъ ли онъ межъ гуменъ,
Иль межъ голубятенъ?
Бабочкамъ-молодкамъ
Онъ ли строилъ куры?
Дѣвушкамъ-красоткамъ
Объяснялъ ли, куры
Отчего несутся?

Ефремовъ сдѣлалъ поправку въ датѣ, отнеся стихотвореніе къ 1824 году. Какъ приписываемая Пушкину шутка, помѣщено оно въ «Сочиненіяхъ» подъ ред. П. Морозова VII (1887), 150—151, несмотря на давнишнее сообщеніе А. Н. Вульфа автору статьи «Къ біографіи Пушкина» («Р. Вѣстн.» 1869), что «риѳмы «Дѣдушка-игуменъ» и прочее набраны были Львомъ Пушкинымъ, Пановскимъ, Вронченко и другими ихъ собесѣдниками въ 1832 году въ Варшавѣ» («Р. Стар.» 1870, I, 404). Недоразумѣніе могло только усиливаться появленіемъ «Замѣтокъ на новое изданіе сочиненій Пушкина» С. Г. Чирикова («Р. Арх.» 1881, I, 195), гдѣ приводился варіантъ къ стихотворенію, принадлежавшему будто бы Пушкину:

Дѣвушкамъ-красоткамъ
Онъ ли строилъ куры?
Бабушкамъ-devot' камъ
Говорилъ ли: куры...

ЛѢСТНИЦА КЪ МОГИЛѢ ПРЕДКОВЪ ПУШКИНА.
Картина В. Максимова (1898).

Бартеневу пришлось еще разъ припомнить въ примѣчаніи къ замѣткѣ почему-то забытое или игнорируемое сообщеніе Вульфа. Помимо характернаго варіанта («девоткамъ»), и другія данныя говорятъ противъ принадлежности шутки А. С. Пушкину.

V.

Прахъ изстрадавшагося поэта, при жизни своей доставлявшаго столько хлопотъ и опасеній всякаго рода начальствамъ, вызвалъ рядъ новыхъ опасеній и хлопотъ. Первоначальный планъ отпѣванія въ Иса-

акіевскомъ соборѣ былъ запрещенъ, хотя на отпечатанныхъ уже билетахъ отпѣваніе назначено было въ этомъ соборѣ. До 2 часовъ 30 января предполагали отпѣвать въ церкви Адмиралтейства — не состоялось и это.

28 же января снята была маска, затѣмъ въ ближайшіе дни портреты съ мертваго писали Ѳ. Бруни, Мокрицкій, А. Козловъ. Въ восемь часовъ вечера того же числа состоялась первая панихида. 30-го вечеромъ друзья положили тѣло въ гробъ, и въ ночь на 31-е оно перенесено въ Конюшенную церковь. Въ понедѣльникъ 1 февраля происходило отпѣваніе. Священникъ Малевъ хотѣлъ сказать слово противъ дуэлей, видно, просилъ разрѣшенія (ср. письмо Е. С. Уваровой къ Жуковскому 31 января) и, навѣрное, не получилъ его. Студенты петербургскаго университета выразили желаніе «идти за гробомъ въ мундирахъ». Приняты были мѣры, чтобы удержать профессоровъ и студентовъ отъ участія въ похоронахъ поэта. Заупокойная литургія началась въ $10^1/_2$ ч. Мѣстъ въ церкви едва хватило «для блестящей публики». Послѣ отпѣванія гробъ вынесли изъ церкви въ подвалъ на другомъ дворѣ въ зданіи придворной конюшни.

По всему было ясно, что такой же запуганной скромностью должно было отличаться и погребеніе. Министръ нар. просв. Уваровъ выразилъ недовольство по поводу «пышной похвалы» въ «Литер. прибавл. къ «Русскому Инвалиду» А. Краевскаго и написалъ попечителю Московскаго учебнаго округа, чтобы тотъ поддерживалъ «надлежащую умѣренность и тонъ приличія» въ изданіяхъ московскихъ. Вмѣстѣ съ Краевскимъ, выговоръ за сочувственный некрологъ получилъ и Н. Гречъ.

Колебанія Пушкиныхъ и друзей относительно мѣста погребенія продолжались, видно, недолго. Утромъ 30 января Тургеневъ еще писалъ А. И. Нефедьевой, что неизвѣстно, «здѣсь ли или въ псковской деревнѣ его предадутъ землѣ. Лучше бы здѣсь въ виду многочисленной публики, друзей и почитателей его. Деревня можетъ быть продана, и кто позаботится о памятникѣ незабвеннаго поэта?» Въ 2 часа онъ приписываетъ въ томъ же письмѣ: «кажется, рѣшено, что его повезутъ хоронить въ деревню». 1 февраля Тургеневъ рѣшительно говоритъ о монастырѣ, «гдѣ онъ (Пушкинъ) желалъ покоиться». Оффиціальная переписка объ этомъ начинается письмомъ графу Д. Н. Блудову дальняго родственника жены поэта, гр. Г. А. Строганова, какъ извѣстно, взявшаго на себя всѣ хлопоты и расходы по погребенію. Въ письмѣ опредѣленно говорится о Святогорскомъ монастырѣ, какъ мѣстѣ вѣчнаго упокоенія поэта: «покойный А. С. Пушкинъ желалъ, видно, чтобы къ смерти тѣло его перевезено было для погребенія въ монастырь Святыя Горы, въ Псковской губерніи, въ Опочскомъ уѣздѣ. Тамъ погребены мать его и предки ея». По порученію вдовы, Строгановъ проситъ министра внутреннихъ дѣлъ сдѣлать распоряженія «для свободнаго перевезенія тѣла въ упомянутый монастырь». Неизвѣстно, какія понадобились Блудову бумаги, «нужныя для исполненія этой печальной обязанности», но въ тотъ же день изъ министерства послано разрѣшеніе с.-петербургскому военному генералъ-губернатору гр. П. К. Эссену съ приказомъ о соотвѣтствующихъ распоряженіяхъ по части гражданской. Вмѣстѣ съ тѣмъ посланъ и «открытый листъ на свободный пропускъ тѣла до мѣста преданія онаго землѣ», съ приказомъ выдать послѣдній тому, «подъ чьимъ надзоромъ тѣло сіе везено будетъ». Слѣдующіе документы касаются свободнаго пропуска тѣла по тремъ земскимъ судамъ. Отношеніе петербургскаго военнаго генералъ-губернатора гражданскому губернатору М. Н. Жемчужникову отъ 2 февраля повторяетъ желаніе поэта и просьбу вдовы, прибавляя, что министръ внутреннихъ дѣлъ, «не находя препятствія къ удовлетворенію настоящей просьбы, буде тѣло покойнаго не предано еще землѣ и закупорено въ засмоленномъ гробѣ, проситъ меня учинить по сему предмету по части гражданской зависящее распоряженіе.» 3 февраля Эссенъ увѣдомляетъ гр. Строганова, что объ отправленіи тѣла имъ извѣщенъ с.-петербургскій комендантъ генералъ-адъютантъ Мартыновъ. Сохранились также отношенія Д. Н. Блудова къ псковскому гражданскому губернатору А. Н. Пещурову съ просьбой не допускать «никакой встрѣчи, никакой церемоніи» при погребеніи, отвѣтъ Блудова гр. Строганову, переписка съ синодомъ и т. д.

Въ «открытомъ листѣ» отъ 1-го февраля, на предъявителя, «предписывается гражданскимъ и земскимъ полиціямъ въ провозѣ помянутаго тѣла до мѣста преданія онаго землѣ препятствія не дѣлать». Предъявителемъ оказался, впрочемъ, не Строгановъ, котораго могли задержать въ Петербургѣ дѣла по части опеки, а А. И. Тургеневъ.

МОГИЛА ПУШКИНА ВСКОРѢ ПОСЛѢ ЕГО СМЕРТИ.
(Литографія съ рис. Соколова 1837 г.).

2 февраля управляющій III отдѣленіемъ А. Н. Мордвиновъ приказывалъ тому же Пещурову принять мѣры, чтобы, согласно волѣ государя, при погребеніи Пушкина не было «никакой встрѣчи, никакой церемоніи». И позднѣе псковскій губернаторъ докладывалъ министру внутреннихъ дѣлъ, что всѣ необходимыя распоряженія онъ сдѣлалъ раньше полученія имъ предписанія изъ министерства,—на основаніи распоряженія управляющаго III отдѣленіемъ. Наиболѣе осторожнымъ оказалось духовное начальство, и въ предписаніи псковскаго архіепископа Наѳанаила святогорскому игумену Геннадію отъ 4 февраля упоминается уже не только о недозволеніи «никакой

встрѣчи, никакой церемоніи», но чтобы «не было никакого особливаго изъявленія», съ прибавленіемъ, что отпѣваніе совершено въ столицѣ. О томъ же и тогда же предписывалъ псковскій губернаторъ островскому исправнику Бородину, а 5 числа опочецкому земскому исправнику Карпову. Затѣмъ началась переписка уже изъ мѣстныхъ административныхъ центровъ.

VI.

Всѣ формальности были, наконецъ, соблюдены. Поздно вечеромъ 3-го числа, около 10 часовъ, послѣдній разъ отслужена панихида у гроба, и въ полночь гробъ отправленъ въ Псковскую губернію. По словамъ Тургенева, такой поздній часъ былъ волей государя. Вяземскій предложилъ свой возокъ; Тургеневъ отказался и нанялъ кибитку, такъ какъ было тепло. Отъ казенныхъ прогоновъ онъ тоже отказался. Обшитый гробъ сопровождали Тургеневъ и жандармскій капитанъ Ракѣевъ, разсказавшій объ исполненіи этого порученія М. И. Михайлову въ 1861 году («Р. Стар.» 1906, VIII, 391). Капитанъ ѣхалъ впереди тѣла, Тургеневъ съ почтальономъ—позади, въ кибиткѣ.

«Дядька покойнаго, — писалъ позднѣе Тургеневъ, — желалъ также проводить останки своего добраго барина къ послѣднему его жилищу, куда недавно возилъ онъ же и тѣло его матери. Онъ сталъ на дрогахъ, кои везли ящикъ съ тѣломъ, и не покидалъ его до самой могилы». Государь приказалъ Тургеневу сопровождать тѣло до самаго мѣста погребенія и отказалъ вдовѣ, которая будто бы просила разрѣшить Данзасу проводить «прахъ друга» (Письмо гр. А. Бенкендорфа гр. Г. А. Строганову).

Ночью миновали Софію, Гатчино. Утромъ 4 числа прослѣдовали черезъ Лугу, въ 9 часовъ вечера того же дня прибыли во Псковъ, исполнили нѣкоторыя формальности и въ часъ ночи направились дальше. 5-го около 3 часовъ пріѣхали въ Тригорское, и въ тотъ же день поспѣшили въ монастырь.

Могилу приготовили крестьяне Осиповой. Мерзлая земля затягивала работу, и имъ помогали крестьяне изъ Михайловскаго. Готова могила была только къ разсвѣту. Гробъ на ночь поставили въ «верхнюю» церковь (Успенскій соборъ). Утромъ отслужена послѣдняя панихида (Тургеневъ неточно говоритъ объ «отпѣваніи»), и въ семь часовъ 6 числа, въ субботу, прахъ преданъ землѣ противъ алтаря у восточной его стороны, въ четырехъ шагахъ отъ церковной стѣны, недалеко отъ спуска съ горы, около могилъ дѣда и бабушки Пушкина: Іосифа Абрамовича († 1806) и Марьи Алексѣевны Ганнибалъ († 1818). Близко ли находились могилы его отца и матери, неизвѣстно, такъ какъ онѣ не сохранились или же при погребеніи положены въ общемъ склепѣ. Но есть свидѣтельство Тургенева, что онъ приказалъ «рыть могилу подлѣ матери Пушкина». Кучеръ Петръ, въ концѣ 50 гг. сообщившій нѣсколько подробностей К. Тимоѳееву, помнилъ, что тѣло поэта «провожалъ изъ города генералъ Ѳоминъ да офицеръ. А еще кто были ли тутъ, ужъ не помню». Если вѣрить преданіямъ, живущимъ въ монастырѣ и окрестностяхъ до сихъ поръ, многихъ смутило будто бы то, что при въѣздѣ тѣла въ ограду не было перезвона. Намъ лично это представляется мало вѣроятнымъ.

Тургеневъ взялъ нѣсколько горстей земли и вѣтвей сосѣдняго дерева. На слѣдующій день онъ былъ уже во Псковѣ, откуда писалъ о преданіи праха землѣ Вяземскому и одновременно «реляцію» о своей поѣздкѣ А. Я. Булгакову. Съ большими подробностями обо всемъ разсказываетъ онъ же въ письмѣ А. И. Нефедьевой отъ 9 числа.

Началась обратная отписка по начальству. 3 февраля островской исправникъ Бородинъ посылаетъ псковскому губернатору рапортъ о совершенномъ погребеніи и т. д. Не обошлось безъ курьезовъ. Черезъ три дня послѣ погребенія опочецкій земскій исправникъ Карповъ приказываетъ сельскому засѣдателю Петрову присутствовать при погребеніи Пушкина и истребовать открытый листъ на провозъ тѣла. Въ это время гробъ давно былъ зарытъ, Тургеневъ уѣхалъ.

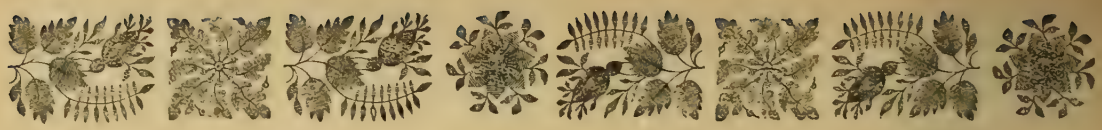
Могилы четырехъ большихъ славянскихъ поэтовъ находятся на вершинахъ горъ—въ разныхъ концахъ земли. Всѣ они умерли далеко отъ родныхъ горъ и перенесены туда позднѣе.

На одинокой вершинѣ Стражилова, около Дуная, воспѣтой поэтомъ и господствующей надъ окрестностями австро-венгерскаго Срема, подъ простымъ крестомъ положенъ родоначальникъ сербскаго романтизма Бранко Радичевичъ. На огромномъ курганѣ надъ «ревучимъ» Днѣпромъ, среди широкой украинской степи, которую такъ

любилъ пѣвецъ, рядомъ съ убогой часовенкой лежитъ Тарасъ Шевченко. Задумчивый краковскій Вавель надъ Вислой, кремль былой и нынѣшней романтической Польши, въ нѣдрахъ полнаго мистики великолѣпно-мрачнаго собора хранитъ останки Адама Мицкевича. На вершинѣ Святыхъ Горъ, недалеко отъ рѣки Великой, подъ сѣнью шумящихъ деревьевъ и призывнаго благовѣста колоколовъ покоится Пушкинъ. А вокругъ «гробового входа»—очаровательный сѣверный пейзажъ съ далеко видными холмами, березовыми и хвойными рощами, свѣтлыми озерами и сѣрыми поселками — типичное великорусское барокко, котораго такъ много въ свѣтлой поэзіи великаго.

Литература: Митр. Евгеній, «Описаніе Святогорскаго Успенскаго монастыря» (Дерптъ, 1821); «Село и Михайловское и Святогорскій монастырь» («Иллюстрація» 1848, IX, 137—139, рис. на стр. 132—133); «Записки И. И. Пущина о дружескихъ связяхъ его съ Пушкинымъ» («Атеней» 1859, II, мартъ—апрѣль, 535); К. (А.) Тимоѳеевъ, «Могила Пушкина и село Михайловское. Письмо къ редактору (А. Никитенку)». («Журн. Мин. Нар. Просв.» CIII, 1859, VIII, Отд. II, 140—151. Перепечатано въ «Р. Стар.» 1899, V, 267—276); «Село Михайловское и могила А. С. Пушкина. Изъ воспоминаній Русскаго Путешественника» («Калейдоскопъ» 1860, №№ 47 и 48); Памятная книжка Псковской губ. за 1860 и 1861 гг. (замѣтки Миротворцева); А. Аммосовъ, «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина» (Спб. 1863, 39—40, 67—68); А. И. Тургеневъ, «О перевозѣ тѣла Пушкина въ Святыя Горы» (письмо къ А. Я. Булгакову. «Рус. Арх.» 1864, IV); П. Строевъ, «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви» (Спб. 1877, 394); В. Звѣринскій, «Матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской имперіи» (Спб. 1892, II № 1142, 306—307); «Провозъ тѣла поэта А. С. Пушкина» («Р. Стар.» 1892, XI, 452); Отношеніе Д. Н. Блудова къ псковскому гражданскому губернатору—издано въ «Псковск. Городск. Листкѣ» 1896 № 72 и «Моск. Листкѣ» 1899 № 69 (затѣмъ, вмѣстѣ съ другими документами, игум. Іоанномъ, П. Васильевымъ, В. Острогорскимъ); «Записки А. О. Смирновой», II (Спб. 1897, 81); А. Фаресовъ, «Въ Святыхъ Горахъ и Псковѣ 26—29 мая» («Ист. Вѣстн.» 1899, VII, 147—177, съ фотогр. мон.); М. И. Каспійскій, «Похороны А. С. Пушкина и его могила» (тамъ же, 1899, V, 618 и слѣд.; на стр. 751—видъ могилы въ 1856 г.); И. П. Васильевъ, «Слѣды пребыванія А. С. Пушкина въ Псковской губ.» (Спб. 1899, 47—49); В. П. Острогорскій, «Альбомъ. Пушкинскій уголокъ 1799—1899» (М., 1899, 75—77, 83, 108, 115); «Сынъ Отечества» 1899, № 51; Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», II (Спб., 1899, 77—83); «Альбомъ видовъ Святогорскаго монастыря Псковской епархіи» (безъ года и мѣста печати. Фототипія К. Фишеръ въ Москвѣ); Н. Любинецкій, «Землевладѣніе церквей и монастырей Россійской имперіи» (Спб. 1900, 23); «Россія» подъ ред. В. П. Семенова, III (Спб. 1900, 316); Дѣло архива канцеляріи министра внутр. дѣлъ «о перевозѣ тѣла камеръ-юнкера Пушкина для погребенія въ Псковскую губ.»—пріобрѣтено покупкой Имп. Пуб. Библ-кой F. XVIII № 53 («Отчетъ за 1900 и 1901 г.» Спб. 1905, 233); Н. Державинъ, «А. С. Пушкинъ и юбилейная лит-ра» («Р. Фил. Вѣстн.» 1901, III—IV, 153—156); «Вѣдомость мужскимъ и женскимъ монастырямъ и общинамъ за 1901 г.» (Спб. 1902, 80—81); «Святыя Горы. Могила Пушкина», «У гроба Пушкина «Нива» 1902, № 37, 743, 744, съ рис.); В. Модзалевскій, «Поѣздка въ с. Тригорское» («Пушк. и его соврем.» I. Спб. 1903, 8, 63); I(ером.) А(лексій Симанскій), «Поѣздка преосв. Арсенія, еписк. Псковскаго и Порховскаго, въ Святогорскій мон., Тригорское, Михайловское и г. Островъ» («Псков. Епарх. Вѣд.» 1904, XVII, 398—410); Н. Лернеръ, «Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина. О перевозкѣ тѣла камеръ-юнкера Пушкина для погребенія въ Псковскую губернію» («Р. Стар.» 1907, II, 453—457); Л. Денисовъ, «Православные монастыри Россійской имперіи» (М. 1908, 700—705, съ изобр. Святогорскаго мон. 701); П. М. Устимовичъ, «По пушкинскимъ мѣстамъ» («Ист. Вѣстн.» 1908, III, 1036—1048, съ 5 иллюстр. Поправка—тамъ же IV, 400); Н. Серебрянскій, «Очерки по исторіи монастырской жизни въ Псковской землѣ» (М. 1908, 25, 27, 66—73, 354 и слѣд., 552—561); А. Фоминъ, «Новые матеріалы для біографіи Пушкина» («Пушк. и его соврем.» VI. Спб. 1908, 57, 64—68, 70—73, 81—82); К-нъ, «Еще о Пушкинскихъ мѣстахъ» («Ист. Вѣстн.» 1909, XI, 581—594); Ал. Гр-въ, «Святыя Горы» (Иллюстр. прил. къ «Нов. Времени» 1909 № 11834); В. Вейденбаумъ, «Нѣсколько словъ о Пушкинскихъ мѣстахъ» («Ист. Вѣстн.» 1911, VIII, 585—591); В. Модзалевскій, «Архивъ опеки» и т. д. («Пушк. и его соврем.» XIII. Спб. 1910, 128).

А. Яцимирскій.



Обнажившійся гробъ Пушкина.

Во время пушкинскихъ празднествъ 1899 года, по случаю столѣтія со дня рожденія поэта, многіе посѣтившіе Святыя Горы обратили вниманіе на опасное положеніе его могилы и стоящаго на ней надгробнаго памятника. Гора, на которой расположенъ Святогорскій монастырь, постоянно осыпается съ краю, могила же поэта расположена какъ разъ на краю, почему рано или поздно ей грозило полное разрушеніе. Псковскій комитетъ, обсуждая способы чествованія памяти Пушкина, не могъ пройти мимо вполнѣ обоснованныхъ указаній на грозящую великой могилѣ опасность. Рѣшено было укрѣпить откосъ горы и замѣнить попортившійся кирпичный цоколь надгробнаго памятника—гранитнымъ. Проектъ этихъ работъ былъ составленъ въ 1901 г. гражданскимъ инженеромъ В. Л. Назимовымъ и, по одобреніи проекта академіей наукъ, ему же было поручено руководство работами по укрѣпленію могилы и памятника. Въ строительный сезонъ 1901 г., за недостаткомъ матеріала, были произведены лишь подготовительныя работы, а съ 1 іюня 1902 г. приступлено было къ выполненію проекта исправленій. Прежде всего пришлось позаботиться о предотвращеніи обвала мѣста погребенія поэта. Для этого въ откосѣ горы были заложены основанія каменныхъ стѣнъ, стѣны были возведены до уровня подошвы памятника и вокругъ могилы насыпана площадка. Такимъ способомъ было измѣнено прежнее опасное положеніе могилы на краю горы. Послѣ этого приступили въ подведенію подъ памятникъ новаго гранитнаго цоколя, и тутъ нечаянное обстоятельство дало возможность хоть нѣсколькимъ случайнымъ лицамъ увидѣть собственными глазами и осязать своими руками гробъ Пушкина, 65 лѣтъ пролежавшій въ землѣ. Судьбѣ угодно было, чтобы въ числѣ немногихъ свидѣтелей этого единственнаго въ своемъ родѣ событія оказались лица, причастныя къ литературѣ и вооруженныя фотографическими аппаратами. Только благодаря этой счастливой случайности чтущіе память великаго поэта земли Русской могли получить представленіе о знаменательномъ событіи, хотя бы въ томъ слабомъ отображеніи, которое могли дать газетныя строки и фотографическіе снимки.

Техническія причины обнаженія гроба были таковы: передѣлка свода надъ могилой не входила въ планъ работъ, но, такъ какъ работы производились надъ самымъ склепомъ, часть свода, съ западной стороны памятника въ разстояніи $1^1/_2$ арш. отъ него, осѣла, при чемъ образовалось отверстіе площадью около 12 квадр. вершковъ. Оказалось, что сводъ выложенъ толщиною въ $^1/_2$ кирпича на известковомъ растворѣ; и растворъ и кирпичъ были значительно деформированы временемъ.

Сквозь образовавшееся при обвалѣ отверстіе обнажилась часть гроба Пушкина. Произошло это, повидимому, 10 августа 1902 г. Въ это самое время «счастливый случай повелѣлъ» журналисту В. К. Фролову заѣхать погостить къ своему знакомому земскому начальнику бар. Г. В. Розену, имѣніе котораго расположеновъ 30 верстахъ отъ Святыхъ Горъ. Узнавъ отъ случайно встрѣтившагося знакомаго, гостившаго въ сосѣднемъ имѣніи, о капитальныхъ работахъ на могилѣ Пушкина и о томъ, что черезъ образовавшееся отверстіе какъ будто виденъ гробъ поэта, г. Фроловъ съ понятнымъ нетерпѣніемъ поспѣшилъ утромъ 12 августа

ВИДЪ МОГИЛЫ И НАДГРОБНАГО ПАМЯТНИКА ПУШКИНА

въ дни производившагося ремонта, когда обнажился гробъ Пушкина (10—12 Августа 1902).

По фотографіи барона Г. В. Розена.

поѣхать въ Святыя Горы; вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ и бар. Розенъ, состоявшій членомъ Пушкинскаго комитета. Оба захватили на всякій случай фотографическіе аппараты, которые сослужили службу болѣе важную, чѣмъ можно было надѣяться заранѣе.

В. К. Фроловъ и бар. Розенъ не напрасно торопились. Опоздай они хоть на часъ — другой, и они бы не увидѣли на могилѣ ничего, кромѣ обычнаго при ремонтѣ безпорядка. «Подойдя къ передней рѣшеткѣ могилы Пушкина, пишетъ г. Фроловъ («Нов. Вр.» 26 сент. 1902 г. № 9540), мы увидѣли около нея груды кирпичей, бочки съ известью, почернѣвшія гнилыя доски, тутъ же валявшіяся, и надъ всѣмъ этимъ хаосомъ высоко приподнятую переднюю чугунную рѣшетку, изъ-подъ которой въ безпорядочномъ видѣ торчали обломки старыхъ могильныхъ сводовъ и новые кирпичи, вдѣланные въ стѣны могильнаго склепа. Небольшая группа рабочихъ въ пять—шесть человѣкъ, во главѣ съ десятникомъ, копошилась около этихъ сводовъ. Еще моментъ, и мы увидѣли на глубинѣ не болѣе одного аршина отъ поверхности земли переднюю (головную) часть дубоваго гроба съ прахомъ геніальнаго поэта!.. Рабочіе уже начинали накладывать доски на новыя кружала, стоявшія надъ гробомъ, чтобы по нимъ производить кладку кирпичей для новыхъ сводовъ». Гробъ пролежалъ въ землѣ, скрытый отъ людскихъ взоровъ, 65 лѣтъ и, при обычныхъ почвенныхъ условіяхъ, этого срока было бы болѣе чѣмъ достаточно для полнаго разложенія не только трупа, но и деревяннаго вещества гроба. Но, очевидно, почва Святыхъ Горъ особенно благопріятна для сохраненія зарытаго въ ней, и только благодаря этому гробъ прекрасно сохранился до 1902 г. По словамъ г. Фролова, «мѣстами на немъ уцѣлѣли даже отдѣльные куски довольно широкаго парчеваго позумента, нѣкогда украшавшаго гробовую крышку; весьма возможно, что это были остатки креста изъ парчевой ткани... Не только парчевые позументы, но и узоры въ видѣ петель по ихъ краямъ всѣ въ значительной степени сохранили если не свои первоначальные (вѣроятно, золотисто-темные и красные), то измѣнившіеся отъ долгаго лежанія въ землѣ, но все же достаточно еще яркіе и свѣжіе цвѣта: зеленовато-желто-голубой и коричневый, отчасти же и свой мишурный блескъ. На крышкѣ гроба уцѣлѣли также и нѣкоторыя металлическія фигурныя части, служившія либо его украшеніемъ, либо скрѣпленіемъ самой крышки; онѣ, надо полагать, были сдѣланы изъ позолоченной мѣди, судя по сохранившимся на нихъ и замѣтнымъ на очень близкомъ разстояніи темно-желтымъ полоскамъ на выпуклыхъ мѣстахъ... Самый гробъ поэта... имѣетъ темно-коричневый цвѣтъ настоящаго дуба, и форма его нѣсколько отличается отъ нынѣшней формы гробовъ. Онъ кажется болѣе широкимъ, покатымъ и закругленнымъ съ боковъ, причемъ его доски въ мѣстахъ скрѣпленій имѣютъ значительныя углубленія». При погребеніи поэта гробъ его былъ вложенъ въ деревянный ящикъ, но отъ ящика остались, по словамъ рабочихъ, только нѣсколько гнилыхъ досокъ, которыя лежали тутъ же около могилы въ моментъ посѣщенія ея г. Фроловымъ. Впрочемъ, изслѣдованія цѣлости ящика не производилось, могилу разрывали только сверху. Поэтому очень возможно, что лопатами и ломами была сломана верхняя часть ящика, съ боковъ же и снизу ящикъ могъ въ большей или меньшей степени сохраниться въ землѣ.

Изъ подробнаго описанія г. Фролова мы видимъ, какъ ясно и отчетливо могъ разсмотрѣть гробъ великаго поэта всякій, кто оказался бы въ Святыхъ Горахъ въ моментъ обнаженія гроба. Но, увы, кромѣ названныхъ лицъ, 5—6 рабочихъ, да еще очень немногихъ мѣстныхъ жителей около гроба никого не могло быть, такъ какъ обнаженіе произошло совершенно неожиданно, и никто не былъ извѣщенъ о немъ не только заранѣе, но и тогда, когда гробъ уже былъ виденъ. Напротивъ, завѣдующій работами г. Назимовъ спѣшилъ съ исправленіемъ свода; посѣтители могилы не застали самого г. Назимова на мѣстѣ работъ, но соотвѣтственный приказъ былъ отданъ десятнику и, уходя отъ могилы, гг. Фроловъ и Розенъ уже слышали стукъ лопатъ и молотковъ, закрывавшихъ, быть можетъ навсегда, священный гробъ отъ людскихъ взоровъ.

Г. Фролову и особенно спутнику его, бар. Розену, удалось запечатлѣть на фотографическихъ пластинкахъ общій видъ памятника въ моментъ производства работъ, и, что особенно важно, удалось получить вполнѣ отчетливый снимокъ съ обнажившейся части гроба. Снимки эти прилагаются къ настоящей статьѣ; они могутъ дать живое представленіе о той волнующей

картинѣ, которая была передъ глазами немногихъ, оказавшихся въ Святыхъ Горахъ въ этотъ исключительный моментъ. Въ объясненіе снимковъ нужно только прибавить, что полученіе ихъ представляло значительныя трудности. «Хотя гробъ лежалъ и на небольшой глубинѣ и благодаря прекрасной погодѣ былъ явственно виденъ, тѣмъ не менѣе, пришлось держать камеры въ неправильномъ положеніи, съ сильнымъ уклономъ книзу, въ глубь могилы, въ которой по сторонамъ виднѣвшейся передней части гроба лежали густыя тѣни, переходившія въ полнѣйшій мракъ...

Благодаря сильно наклоненному и при томъ боковому положенію камеры, и весь снимокъ съ гроба получилъ соотвѣтствующее положеніе, причемъ уголъ передней, кверху приподнятой для подведенія новаго цоколя рѣшетки, пришелся... не прямо противъ могилы, а въ сторонѣ отъ нея. Поэтому для наглядности нужно мысленно представить себѣ изображенный на рисункѣ гробъ нѣсколько отклоненнымъ вверхъ, на лѣвую сторону, и тогда получится настоящее его положеніе въ могилѣ, прямо передъ рѣшеткой...

По странной игрѣ случая, на одномъ изъ верхнихъ камней стараго свода, въ правой сторонѣ на фотографическомъ снимкѣ вышло довольно рельефное изображеніе маски человѣческаго лица. Если посмотрѣть на одну изъ такихъ масокъ, снятыхъ съ Пушкина, то можно найти нѣкоторое съ ней сходство, отклонивъ ее нѣсколько въ профиль».

Таковы были впечатлѣнія г. Фролова, которыми онъ поспѣшилъ подѣлиться со всей читающей Россіей, сообщивъ во всѣ крупныя столичныя газеты о видѣнномъ имъ въ Святыхъ Горахъ. Приведенный нами разсказъ, помимо своего непосредственнаго интереса для людей, дорожащихъ всѣмъ, что связано съ именемъ Пушкина, особенно обращаетъ на себя вниманіе установленіемъ интереснаго и ранѣе неизвѣстнаго факта. Благодаря почвеннымъ условіямъ Святыхъ Горъ гробъ Пушкина сохранился гораздо дольше, чѣмъ можно было предполагать, и это даетъ право допустить, что и останки поэта могли сохраниться въ большей цѣлости, чѣмъ при обычныхъ условіяхъ. Когда въ Западной Европѣ пытались извлечь останки великихъ людей, то удавалось найти въ лучшемъ случаѣ скелетъ или даже только нѣкоторыя части его. Такъ было при вскрытіи могилы и извлеченіи останковъ Рафаэля, Петрарки, Данте, Канта и др. западно-европейскихъ геніевъ; при извлеченіи останковъ Шиллера приходилось даже руководствоваться настолько спорными указаніями для распознанія его скелета, что, по утвержденію проф. Велькера, черепъ, признанный принадлежащимъ Шиллеру, на самомъ дѣлѣ не могъ принадлежать ему. Но всѣ эти препятствія не помѣшали извлеченію останковъ великихъ людей Западной Европы, изученію этихъ останковъ учеными, воспроизведенію ихъ художниками и помѣщенію хоть немногаго сохранившагося отъ тѣлеснаго существа генія въ такія условія, чтобы ихъ не могло больше коснуться тлѣніе.

У насъ было какъ-разъ обратно. Ни у кого не являлось мысли объ извлеченіи останковъ національнаго генія, сама судьба какъ бы натолкнула на эту мысль, обнаживъ часть гроба поэта, показавъ полную сохранность его и легкость извлеченія изъ земли.

Сообщеніе г. Фролова вызвало обычную газетную шумиху, раздавались предложенія о созданіи мавзолея, достойнаго имени поэта, но все это скоро было забыто и не было выполнено даже минимальное требованіе уваженія къ памяти поэта,—гробъ его не былъ помѣщенъ въ металлическій ящикъ для предотвращенія дальнѣйшаго гніенія. Не позаботились даже возстановить сгнившій первоначальный ящикъ, и лишь наскоро укрѣпили сводъ кирпичами сомнительнаго достоинства. Прошло уже больше десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ поспѣшно былъ засыпанъ землей обнажившійся гробъ поэта, и никто не знаетъ, хранятъ ли еще Святыя Горы великую реликвію въ томъ видѣ, какой она имѣла 10 лѣтъ тому назадъ.

В. В.

ОБНАЖИВШІЙСЯ (10—12 Августа 1902 года) ГРОБЪ ПУШКИНА.

По фотографіи, снятой бар. Г. В. Розеномъ.

картинѣ, которая было передъ глазами немногихъ, оказавшихся въ Святыхъ Горахъ въ этотъ исключительный моментъ. Въ объясненіе снимковъ нужно только прибавить, что получение ихъ представляло значительныя трудности. «Хотя гробъ лежалъ и на небольшей глубинѣ и благодаря прекрасной погодѣ былъ явственно виденъ, тѣмъ не менѣе, пришлось держать камеры [illegible] съ большимъ уклономъ книзу, въ глубь могилы, въ которой по сторонамъ виднѣвшейся передней [illegible] гроба лежали густыя тѣни, переходившія въ полнѣйшій мракъ...

Благодаря сильно наклоненному и при томъ боковому положенію камеры, и весь снимокъ съ гроба получилъ соотвѣтствующее положеніе, причемъ уголъ передней, кверху приподнятой для подведенія новаго цоколя рѣшетки, пришелся... не прямо противъ могилы, а въ сторонѣ отъ нея. Поэтому для наглядности нужно мысленно представить себѣ изображенный на рисункѣ гробъ нѣсколько отклоненнымъ вверхъ, на лѣвую сторону, и тогда получится настоящее его положеніе въ могилѣ, прямо передъ рѣшеткой.

По странной игрѣ случая, на одномъ изъ верхнихъ камней старинной [illegible] на правой сторонѣ на фотографическомъ снимкѣ вышло довольно рельефное изображеніе маски человѣческаго лица. Если посмотрѣть на одну изъ такихъ масокъ, снятыхъ съ Пушкина, то можно найти нѣкоторое съ ней сходство, отклонивъ ее [illegible] въ профиль».

Такова была впечатлѣнія г. Фролова, которыми онъ поспѣшилъ поѣлиться со [illegible] читающей Россіей, сообщивъ во всѣ [illegible] газеты о [illegible] Горахъ. Приведенный [illegible] помимо своего непосред[illegible] интереса для людей, [illegible] имени Пушкина, [illegible] на себя вниманіе уста[illegible] и ранѣе неизвѣст[illegible]. Благодаря [illegible] Горъ гробъ Пушкина со[illegible] чѣмъ можно было предполагать, и это даетъ право допустить что и останки поэта могли сохраниться въ большей цѣлости, чѣмъ при обычныхъ условіяхъ. Когда въ Западной Европѣ пытались извлечь останки великихъ людей, не удавалось найти въ лучшемъ случаѣ скелетъ или даже только нѣкоторыя части его. Такъ было при вскрытіи могилы и извлеченіи останковъ Рафаэля, Петрарки, Данте, Канта и др. западно-европейскихъ геніевъ; при извлеченіи останковъ Шиллера приходилось даже руководствоваться настолько спорными указаніями для распознанія [illegible] скелета, что, по утвержденію проф. Вагнера, черепъ, признанный принадлежащимъ Шиллеру, на самомъ дѣлѣ не могъ принадлежать ему. Но всѣ эти препятствія не помѣшали извлеченію останковъ великихъ людей Западной Европы, изученію этихъ останковъ учеными, воспроизведенію [illegible] художниками и помѣщенію хоть немногихъ сохранившагося отъ тѣлеснаго существованія въ такія условія, чтобы ихъ не могло больше коснуться тлѣніе.

У насъ было какъ-разъ обратно. Никого не являлось [illegible] какъ бы натолкнула [illegible] сохранность его и [illegible] изъ земли.

Сообщеніе г. Фролова [illegible] газетную шумиху, раздавались [illegible] о созданіи мавзолея, достойнаго имени [illegible] было забыто и [illegible] было выполнено даже минимальное требованіе уваженія къ памяти поэта,—гробъ не былъ помѣщенъ въ металлическій ящикъ для предотвращенія дальнѣйшаго гніенія. Не позаботились даже возстановить сгнившій первоначальный ящикъ, и лишь настолько укрѣпили сводъ кирпичами сомнительнаго достоинства. Прошло уже больше десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ поспѣшно [illegible] засыпанъ землей обнажившійся гробъ [illegible] эта, и никто не знаетъ, хранятъ ли [illegible] Святыя Горы великую реликвію въ [illegible] видѣ, какой она имѣла 10 лѣтъ тому [illegible] назадъ.

В. В.

Александръ Тургеневъ и Пушкинъ.

Тургеневъ вѣрный покровитель
Поповъ, Евреевъ и сиротъ,
Но слишкомъ счастливый гонитель
И езуитовъ и глупцовъ
И лѣности моей безплодной

. . . . . .

Одинъ лишь ты съ глубокой лѣнью
Къ трудамъ охоту сочеталъ.

А. Пушкинъ.

I.

Ни одно жизнеописаніе А. С. Пушкина не можетъ обойтись безъ того, чтобы въ немъ не была отмѣчена та существенная роль, которую сыгралъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ въ жизни нашего поэта. Тургеневъ опредѣлилъ Пушкина въ Царскосельскій Лицей, онъ же отвезъ его прахъ къ мѣсту послѣдняго упокоенія; онъ былъ всегда въ курсѣ всѣхъ литературныхъ дѣлъ Пушкина; вмѣстѣ они создавали «Арзамасъ»; онъ же хлопоталъ о возвращеніи его изъ ссылки и т. д., и т. д.

Однимъ словомъ, съ поэтической колыбели и до самаго конца земного существованія Пушкина Александръ Ивановичъ, фактически-ли, нравственно-ли, но всегда былъ около своего младшаго друга и въ каждый моментъ готовъ былъ протянуть ему свою вѣрную и надежную руку.

Пушкинъ высоко цѣнилъ это и платилъ Тургеневу взаимной сердечной привязанностью. Интересно отмѣтить, что Пушкинъ обращался къ Тургеневу на «вы», а послѣдній говорилъ и писалъ ему на «ты». Пушкинъ часто подтрунивалъ надъ нѣкоторыми слабостями Александра Ивановича въ своихъ поэтическихъ посланіяхъ и письмахъ. Однако, онъ всегда отдавалъ дань должнаго уваженія Александру Ивановичу — и какъ старшему другу, которому онъ былъ многимъ обязанъ, и какъ одному изъ интереснѣйшихъ и лучшихъ людей своего времени во всей Западной Европѣ *).

Дѣйствительно, Александръ Ивановичъ Тургеневъ въ исторіи Европы—явленіе очень рѣдкое, особенно если принять во вниманіе всѣ условія жизни конца XVIII и первой половины XIX вѣка и на Западѣ и въ Россіи.

Французская революція, Екатерина II и Павелъ, Павелъ I и Александръ I, общеевропейскія войны съ 1810 до 1815 года, заговоръ декабристовъ, воцареніе императора Николая I и т. д., и т. д.

Этотъ маленькій перечень полныхъ контрастовъ лицъ и событій говоритъ за то, что человѣку, который самими обстоятельствами былъ вынуждаемъ такъ или иначе реагировать на нихъ, не легко было сохранить полное равновѣсіе и цѣльность характера, и тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе вынужденную для даннаго лица необходимость жить не въ одной странѣ, заниматься не однимъ только своимъ дѣломъ и считаться не съ однимъ опредѣленнымъ интересомъ и требованіемъ, а съ широкимъ разнообразіемъ, кажется, всѣхъ жизненныхъ явленій, частныхъ, личныхъ,

*) См., напримѣръ, отзывъ А. С. Пушкина объ Александрѣ Ивановичѣ въ «Современникѣ» 1836 г. по поводу корреспонденцій Тургенева подъ названіемъ: «Хроника русскаго въ Парижѣ», или его же отзывы и характеристики въ письмахъ Пушкина, напечатанныхъ въ академическомъ изданіи его сочиненій.

общественныхъ, государственныхъ, дипломатическихъ, историческихъ и т. д.

Одна изъ весьма многочисленныхъ поэтическихъ характеристикъ Александра Ивановича *), написанная незадолго до его смерти, очень удачно опредѣляетъ богатство и разнообразіе этой исключительной и рѣдкой натуры:

«Есть въ мірѣ чудный человѣкъ
. . . . . .
Онъ нѣжный другъ, нѣжнѣйшій братъ,
Мудрецъ, эпикуреецъ,
Полу-Катонъ, Алкивіадъ
И чистый Европеецъ!»

Затѣмъ авторъ **) этой характеристики дополняетъ нарисованный имъ портретъ еще нѣсколькими интересными штрихами. По его словамъ, Александръ Ивановичъ:

«За многихъ чувствуетъ, живетъ,
. . . . . .
Онъ видитъ зорко, далеко,
Его повсюду око;
Онъ пишетъ сжато, коротко,
А чувствуетъ глубоко».

Надо имѣть въ виду, что судьба Александра Ивановича Тургенева сложилась во многомъ противъ его личной воли и желанія, толкая его изъ восточной части Европы на крайній западъ ея, бросая отъ одного дѣла къ другому и попутно вводя его въ болѣе или менѣе тѣсныя сношенія съ очень многими выдающимися людьми своего времени на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ.

А онъ не только не уклонялся отъ всего и всѣхъ, но, наоборотъ, шелъ всему и всѣмъ навстрѣчу и обладалъ способностью всегда использовать, конечно, въ хорошемъ смыслѣ этого слова, и обстоятельства и людей въ своихъ собственныхъ цѣляхъ, при этомъ цѣляхъ всегда въ высокой степени благородныхъ и гуманныхъ.

II.

Александръ Ивановичъ Тургеневъ родился въ 1784 году, 27-го марта, въ г. Симбирскѣ.

Отцомъ его былъ извѣстный сотрудникъ Н. И. Новикова масонъ Иванъ Петровичъ Тургеневъ, раздѣлившій при Екатеринѣ II вмѣстѣ съ Новиковымъ и остальными друзьями и товарищами его по Типографической Компаніи печальную участь—ссылку. Возвращенный изъ ссылки императоромъ Павломъ, Иванъ Петровичъ былъ назначенъ директоромъ Московскаго университета *) и пансіона при немъ, гдѣ воспитывалась группа дѣятелей младшаго поколѣнія, смѣнившая Новиковскую Типографическую Компанію и Дружеское Ученое Общество, въ которую вошли четыре сына Тургенева, Жуковскій, Кайсаровы, Воейковъ и многіе другіе.

Всѣ братья Александра Ивановича были людьми также далеко незаурядными. Больше другихъ извѣстенъ Николай Ивановичъ **), отличный юристъ, выдающійся государственный дѣятель, декабристъ и крупный писатель по вопросу объ освобожденіи крестьянъ ***).

Менѣе извѣстны другіе два брата, Андрей и Сергѣй, роль которыхъ, въ свое время весьма существенная, пока еще очень мало выяснена исторически.

Андрей Ивановичъ ****) былъ старшимъ братомъ, служилъ по дипломатической части, былъ талантливымъ стихотворцемъ и еще болѣе талантливымъ критикомъ *****). Онъ умеръ цвѣтущимъ юношей.

Сергѣй Ивановичъ ******), младшій изъ всѣхъ братьевъ, былъ также въ числѣ друзей Пушкина *******). Онъ умеръ очень молодымъ—въ 1827 г. Въ значительно большей степени, чѣмъ другіе братья, Сергѣй унаслѣдовалъ отъ отца склонность къ мистицизму и философіи и сыгралъ вмѣстѣ со своими друзьями немаловажную роль въ этомъ отношеніи въ исторіи развитія какъ русской

---

*) См. «Литературную Газету» 1840 года, 7-го февраля, № 11.

**) По всей вѣроятности—Б. М. Федоровъ, какъ это можно заключить по некрологу Ал. Ив. Тургенева въ «Иллюстраціи» 1846 г., 12-го янв., № 2.

*) Въ 1797 году и прослужилъ въ немъ до 1803 года. Умеръ 28-го февраля 1807 года въ Петербургѣ.

**) Родился въ 1789 году, умеръ въ 1871 году въ Парижѣ.

***) Литература о немъ весьма велика и въ послѣднее время увеличивается еще въ значительной степени изданіемъ академіей наукъ сырыхъ матеріаловъ—дневниковъ, писемъ и др. рукописей изъ Архива братьевъ Тургеневыхъ.

****) Родился въ 1781 году, умеръ въ 1803 г.

*****) См. о немъ въ трудахъ В. И. Саитова, академиковъ Александра И. Веселовскаго и В. М. Истрина и въ моихъ статьяхъ въ «Рус. Библіофилѣ» 1911 и 1912 г.г.

******) Родился въ 1791 году.

*******) До насъ дошло нѣсколько писемъ Пушкина къ нему. См. академическое изданіе «Сочиненій А. С. Пушкина», Спб. 1906—1911 гг., 3 т.

РЕЛИКВІЯ СЪ ГРОБА ПУШКИНА.

Парчевой позументъ, взятый В. К. Фроловымъ 12-го Августа 1902 г.

съ обнажившагося гроба Пушкина.

(По фотографіи, снятой владѣльцемъ реликвіи В. К. Фроловымъ).

такъ и французской философской мысли и романтическаго направленія.

Эта сторона его дѣятельности пока можетъ быть отмѣчена только на основаніи сырого матеріала, находящагося въ большомъ количествѣ въ Архивѣ братьевъ Тургеневыхъ и ждетъ еще своего изслѣдователя.

Александръ Ивановичъ, второй изъ братьевъ, былъ близокъ и друженъ со всѣми тремя братьями, былъ ихъ попечителемъ, заступникомъ и постояннымъ ходатаемъ, какъ за нихъ самихъ, такъ и за всѣхъ ихъ друзей и близкихъ.

Эти дружески-родственныя отношенія къ братьямъ *) и были главной причиной того, что онъ самъ, начавшій такъ блестяще строить свою жизнь и карьеру, въ концѣ концовъ, превратился въ какого-то странствующаго историка и всеевропейскаго общественнаго дѣятеля и ходатая по литературнымъ, политическимъ и многимъ другимъ дѣламъ своихъ многочисленныхъ друзей и безчисленныхъ знакомыхъ.

Многіе изъ нихъ, какъ мы уже знаемъ, позволяли себѣ болѣе или менѣе остроумно, а иногда и весьма ехидно подтрунивать надъ многообразіемъ дѣлъ и заботъ и надъ многогранностью интересовъ Александра Ивановича, но всѣ вполнѣ искренно и безконечно любили его.

Въ исторіи русской жизни Тургеневъ, несмотря на то, что напечаталъ очень немного, оставилъ глубокій и яркій слѣдъ и своимъ вліяніемъ на другихъ и своими общительностью и посредничествомъ въ самомъ широкомъ и лучшемъ смыслѣ этихъ словъ, а также обаяніемъ своей на рѣдкость свѣтлой, живой, безгранично отзывчивой на все доброе личности.

Послѣ домашняго образованія, онъ, какъ было уже упомянуто, получилъ образованіе въ Благородномъ Пансіонѣ при московскомъ университетѣ. А затѣмъ, что отразилось, конечно, въ высокой степени благотворно на развитіи молодого человѣка, въ 1802 году онъ былъ отправленъ отцомъ въ геттингенскій университетъ, гдѣ прошелъ очень серьезный курсъ наукъ историческихъ, юридическихъ и политическихъ.

Братъ Николай, издавшій письма Александра Ивановича **), такъ пишетъ въ своемъ предисловіи къ нимъ объ этомъ вліяніи геттингенскаго университета и нѣмецкой науки, на которой они оба воспитались:

«Братъ мой много жилъ съ Нѣмцами. Наиболѣе онъ зналъ этотъ народъ съ самой лучшей его стороны, со стороны ученой образованности. Я вполнѣ раздѣлялъ любовь и глубокое уваженіе брата къ Нѣмцамъ. И съ нашей стороны было бы грубою неблагодарностью не имѣть этихъ чувствъ, а малодушіемъ—умалчивать о нихъ. Мы многимъ обязаны Нѣмецкимъ ученымъ: мы слушали ихъ лекціи, читали ихъ книги. Живое слово такихъ профессоровъ, каковы были славный равно и ученостію и смѣлостію политическою Шлецеръ, глубокомысленный историкъ Геренъ, геніальный Геде и многіе другіе, не могло не проникнуть до глубины нашей души и оставить въ ней слѣдовъ, коихъ превратности въ жизни не могли изгладить».

Далѣе очень существеннымъ обстоятельствомъ въ умственномъ ростѣ А. И. было образовательно-научное путешествіе его въ 1803 году вмѣстѣ съ А. С. Кайсаровымъ*) по славянскимъ землямъ.

Затѣмъ началась служба.

На государственной службѣ—въ комиссіи составленія законовъ — Тургеневъ сразу зарекомендовалъ себя такимъ дѣльнымъ и энергичнымъ чиновникомъ, что заслужилъ полное уваженіе начальства и быстро пошелъ впередъ по іерархической лѣстницѣ: въ 1807 году, во время путешествія Государя за границу, онъ состоитъ въ его свитѣ, въ 1810 году назначается на должность директора департамента духовныхъ дѣлъ, въ 1812 году занимаетъ постъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, въ 1822 г. состоитъ уже старшимъ членомъ совѣта комиссіи составленія законовъ.

Одновременно Александръ Ивановичъ состоялъ и секретаремъ Библейскаго Общества и правителемъ дѣлъ въ Женскомъ Патріотическомъ Обществѣ, въ организаціи которыхъ онъ принималъ самое горячее участіе.

Послѣ безрезультатныхъ хлопотъ за осужденнаго верховнымъ судомъ за участіе въ заговорѣ декабристовъ брата Николая **)

---

*) Въ особенности къ Николаю, положеніе котораго было съ 1826 г., послѣ его осужденія, дѣйствительно тяжело и томительно въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ-рядъ.

**) «Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Т.», Лейпцигъ, 1872 г.

*) См. о немъ у Сухомлинова: «А. С. Кайсаровъ и его литературные друзья», Спб., 1897 г., и мои статьи въ «Русскомъ Библіофилѣ» 1911 г.—«Андрей Ивановичъ Тургеневъ и А. С. Кайсаровъ» и 1912 г.—«А. С. Кайсаровъ».

**) Н. И. Тургеневъ непосредственно участія

Александръ Ивановичъ оставляетъ оффиціальную службу и всю остальную жизнь проводитъ въ странствованіяхъ по Германіи, Англіи, Франціи, Италіи, Швейцаріи, Голландіи, Даніи и Швеціи, постоянно, однако, возвращаясь въ Россію, гдѣ онъ и умеръ во время одного изъ такихъ пріѣздовъ въ 1845 году *).

III.

Во время своихъ путешествій Александръ Ивановичъ не только интересовался всѣми деталями культуры, цивилизаціи и всего строя данной страны, но вмѣстѣ съ тѣмъ прилагалъ всѣ усилія къ розыску историческихъ документовъ **), касающихся Россіи.

И въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ очень много: онъ разыскалъ и сумѣлъ забраться въ такіе архивные тайники, которые рѣдко кому бываютъ доступны, и затѣмъ онъ списалъ частью самъ, частью при помощи переписчиковъ, а частью привезъ въ оригиналахъ громадное количество очень важныхъ для исторіи Россіи матеріаловъ. Изъ нихъ незначительная только часть была издана Археографической Комиссіей въ 1841 и 1842 гг. ***). Небольшой частью этихъ матеріаловъ воспользовался Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ трехтомномъ трудѣ: «La Russie et les russes» (Paris. 1847). И, конечно, не одинъ еще изслѣдователь историческаго прошлаго Россіи воспользуется богатыми матеріалами, собранными Александромъ Ивановичемъ во всѣхъ концахъ Европы.

Далѣе необходимо упомянуть еще объ одной сферѣ дѣятельности Александра Ивановича, которая, хотя была неоффиціальной, но, тѣмъ не менѣе, была весьма существенной по ея результатамъ.

Это «кругъ добра», какъ назвалъ эту сферу кн. П. А. Вяземскій.

Считая Александра Ивановича вообще только многостороннимъ дилетантомъ, кн. Вяземскій говоритъ, что «былъ одинъ кругъ дѣятельности, въ которомъ онъ являлся пламеннымъ виртуозомъ и неутомимымъ труженикомъ. Это—кругъ добра. Онъ не только дѣлалъ добро по вызову, по просьбѣ: онъ отыскивалъ случаи помочь, обезпечить, устроить участь меньшей братіи, гдѣ ни была бы она... Списокъ всѣхъ людей, которымъ помогъ Тургеневъ, за которыхъ вступался, которыхъ возстановилъ во время служенія своего, могъ бы превзойти списокъ любовныхъ побѣдъ, одержанныхъ Донъ-Жуаномъ по свидѣтельству Лепорелло въ оперѣ Моцарта. Русская литература, русскіе литераторы, нуждавшіеся въ покровительствѣ, въ поддержкѣ, молодые новички, еще не успѣвшіе проложить себѣ дорогу, всегда встрѣчали въ немъ ходатая и умнаго руководителя. Онъ былъ, такъ сказать, долгое время посредникомъ, агентомъ, по собственной волѣ уполномоченнымъ и аккредитованнымъ повѣреннымъ въ дѣлахъ русской литературы при предержащихъ властяхъ и образованномъ обществѣ... Позднѣе, когда сошелъ онъ со служебнаго поприща и кругъ вліятельной дѣятельности его естественно сузился, онъ съ тѣмъ же усердіемъ, съ такимъ же напряженнымъ направленіемъ сдѣлался въ Москвѣ ходатаемъ, заступникомъ, попечителемъ несчастныхъ, пересылаемыхъ въ Сибирь»... *).

IV.

Если бы мы захотѣли указаніемъ на этотъ фактъ — активной и безпредѣльной доброты Александра Ивановича—закончить перечень главныхъ чертъ его характера, мы сдѣлали бы большую ошибку, не указавъ на главную изъ всѣхъ особенностей его характера и вытекающую отсюда наиболѣе цѣнную и важную сторону историческаго значенія его личности.

Эту особенность Александра Ивановича можно бы сравнить съ отличительной особенностью одного изъ замѣчательныхъ изобрѣтеній нашего времени—а именно со способностью аппарата безпроволочнаго телеграфа—воспринимать и перехватывать

въ заговорѣ не принималъ, такъ какъ въ это время находился для леченія за границей, гдѣ, послѣ приговора суда, и остался навсегда.

*) Въ Москвѣ 3-го декабря.

**) Преимущественно различныхъ дипломатическихъ актовъ бывшихъ въ Россіи представителей иностранныхъ государствъ. Эти изысканія были оффиціальной работой его, о которой дѣлались Высочайшіе доклады, между прочимъ, иногда лично самимъ Тургеневымъ.

***) Большая часть собранныхъ Александромъ Ивановичемъ матеріаловъ была найдена мною во время моихъ розысковъ въ архивѣ П. Н. Тургенева (сына Николая Ивановича) совершенно случайно въ библіотечныхъ шкапахъ за рядами книгъ и въ настоящее время находится въ Рукописномъ отдѣленіи библіотеки академіи наукъ.

*) «Полное собр. сочин. кн. П. А. Вяземскаго», т. VIII, стр. 271.

АЛЕКСАНДРЪ ТУРГЕНЕВЪ.
Бюстъ работы Петра Николаевича Тургенева (Академія наукъ).

всѣ носящіяся по громаднымъ воздушнымъ пространствамъ колебанія электрическихъ волнъ и затѣмъ самому отдавать и распространять ихъ по всѣмъ не менѣе громаднымъ пространствамъ и далекимъ направленіямъ.

Такъ Александръ Ивановичъ былъ натурой исключительной по своей поразительно чуткой и быстрой воспріимчивости самыхъ разнообразныхъ окружающихъ его жизненныхъ явленій, начиная отъ самыхъ простыхъ изъ будничной жизни, кончая политическими и философскими системами. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ способностью все воспринимаемое имъ, съ такой же легкостью, ясностью и быстротой отдавать другимъ и распространять устно и письменно на громадныя разстоянія: изъ Рос-

сіи на далекій югъ — въ Италію, или на крайній западъ Европы—въ Англію, и наоборотъ.

Эта способность общественнаго посредничества — въ первой половинѣ XIX вѣка, когда еще не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телефона, ни періодической прессы въ ея современномъ состояніи, ни другихъ созданій второй половины XIX вѣка, — эта способность была особенно цѣнной и важной по ея проявленіямъ, создававшимъ общеніе и связь между разбросанными на громадномъ пространствѣ интеллигентными силами.

Александръ Ивановичъ Тургеневъ являлся какимъ-то таинственнымъ центромъ, къ которому приходили и отъ котораго шли по всѣмъ направленіямъ чудесныя нити человѣческихъ чувствъ, волненій, мыслей, намѣреній и т. д., и т. д.

И сконцентрированное въ немъ все вновь расходилось по безконечно-длиннымъ радіусамъ при помощи какихъ-то волшебныхъ токовъ, не знавшихъ преградъ ни въ пространствѣ, ни во времени.

Матеріальными средствами или способами для этого служили,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и остались памятниками этой особенности Александра Ивановича Тургенева—его дневники и письма.

И что это за письма и что за дневники!..

Прежде всего—ихъ количество!..

Напечатанныя до сихъ поръ письма Тургенева составятъ не менѣе четырехъ-пяти объемистыхъ томовъ *), а дневники за одинъ только первый годъ ихъ писанія (1803 г.) заключаютъ около 100 печатныхъ страницъ **).

А, между тѣмъ, какъ это теперь уже вполнѣ опредѣленно выясняется по даннымъ матеріаловъ Архива братьевъ Тургеневыхъ, поступившаго въ академію наукъ, а также судя по тому, что находится въ архивѣ П. В. Жуковскаго, напечатанное до сихъ поръ—это только весьма незначительная часть того, что было вообще написано Александромъ Ивановичемъ. Сейчасъ уже ясно, что дневники и письма Александра Ивановича займутъ не менѣе 10 — 12 томовъ академическаго изданія.

А относительно количества корреспондентовъ и качества этого матеріала лучше всего обратиться снова къ тому же князю П. А. Вяземскому: «Александръ Ивановичъ, говоритъ кн. Вяземскій, переписывался и съ просителями своими, и съ братьями, и съ друзьями, и со знакомыми, и часто съ незнакомыми, съ учеными, съ духовными лицами всѣхъ возможныхъ исповѣданій, съ дамами всѣхъ возрастовъ, различныхъ лѣтъ и поколѣній, былъ въ перепискѣ со всею Россіею, съ Франціею, съ Германіею, Англіею и другими государствами. И письма его—большею частію образцы слога, живой рѣчи. Они занимательны по содержанію своему и по художественной отдѣлкѣ, о которой онъ не думалъ, но которая выражалась, изливалась сама собою подъ неутомимымъ и беззаботнымъ перомъ его. Русскимъ языкомъ въ особенности владѣлъ онъ, какъ немногимъ изъ присяжныхъ писателей удается имъ владѣть».

Такъ отзывается недюжинный поэтъ и человѣкъ, самъ прекрасно владѣвшій слогомъ и большой любитель дружеской и товарищеской переписки.

Лучшій до сихъ поръ біографъ Александра Ивановича — В. И. Саитовъ *) въ своей лаконической біографіи Александра Ивановича Тургенева посвящаетъ нѣсколько страницъ одному только перечисленію именъ, темъ и другихъ указаній на переписку и дневники Александра Ивановича.

Поэтому ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать преувеличенной ту часть стихотворенія Б. М. Федорова **), въ которой онъ широкимъ размахомъ описываетъ безчисленныя и разнообразныя знакомства Александра Ивановича:

«Со всей Европой онъ какъ свой:
. . . . . .
У Вальтеръ-Скотта онъ живалъ,
Съ Кювье онъ подружился,
У Гете гостемъ пировалъ,
У Гумбольта учился,
Съ Шатобріаномъ вечеркомъ
У Рекамье прелестной,
Всѣмъ знаменитостямъ знакомъ
И гость весьма любезный.
И съ Ламартиномъ онъ ѣзжалъ,
Знавалъ друзей Байрона.
На балѣ въ Римѣ танцовалъ
Съ сестрой Наполеона!»

*) Переписка съ братомъ Николаемъ, съ кн. П. А. Вяземскимъ, письма геттингенскаго періода и весьма значительное количество писемъ, разбросанныхъ понемногу въ нашихъ историческихъ журналахъ.

**) См. II выпускъ Архива Братьевъ Тургеневыхъ—«Письма и дневники Александра Ивановича Тургенева геттингенскаго періода (1802—1804)». Съ введ. В. М. Истрина. СПб., 1911 г.

*) См. «Сочиненія К. Н. Батюшкова». СПб., 1887 г. т. I, стр. 355 и слѣд.

**) См. «Иллюстрацію» 1846 г., 12 янв., № 2.

Таковъ въ главныхъ, только самыхъ общихъ чертахъ былъ другъ А. С. Пушкина.

Александръ Ивановичъ Тургеневъ и любилъ и понималъ и правильно цѣнилъ *) геніальнаго любимца музъ, котораго ему именно пришлось малымъ подросткомъ привести къ нимъ.

Не даромъ у Александра Ивановича былъ такой острый и зоркій глазъ, о которомъ поэтъ сказалъ:

«Иной не высмотритъ и въ годъ,
Что онъ увидитъ въ сутки» **).

V.

Въ нашемъ распоряженіи далеко еще не достаточно матеріаловъ для полнаго выясненія роли Тургенева въ отношеніи Пушкина, но, во всякомъ случаѣ, и сейчасъ можно предполагать, что, несомнѣнно, въ учебные годы лицейской жизни Александръ Ивановичъ былъ для Пушкина такимъ совѣтникомъ-руководителемъ, который, хотя и не стоялъ близко около своего воспитанника, но, тѣмъ не менѣе, умѣлъ то издали, то въ рѣдкія свиданія давать извѣстное направленіе, извѣстную пищу уму и воображенію пылкой натуры будущаго поэта, который уже въ отроческіе годы посвящалъ свои досуги поэзіи.

Тургеневъ же познакомилъ Пушкина съ частыми обитателями Царскаго Села — Карамзинымъ и Жуковскимъ, которые приняли въ Пушкинѣ горячее участіе, и литературный путь во всю ширь открылся передъ юношей.

По окончаніи лицея Пушкинъ сохраняетъ къ Александру Ивановичу самыя дружескія чувства и неоднократно въ тяжелыя минуты обращается къ нему съ просьбами о помощи и заступничествѣ, чувствуя отлично, что онъ не встрѣтитъ отказа у своего стараго, испытаннаго друга.

Сколько, напримѣръ, искренности и глубокаго чувства въ заключеніи письма Пушкина изъ Кишинева (7 мая 1821 г.) къ Александру Ивановичу:

«вѣрьте, что гдѣ-бъ я ни былъ, душа моя, какова ни есть принадлежитъ вамъ»... ***).

*) См., напримѣръ, оцѣнку Пушкина, сдѣланную Александромъ Ивановичемъ въ письмѣ къ брату Николаю 31 янв. 1837 г., напечатанномъ мною въ вып. VI, стр. 14, «Пушкинъ и его современники».

**) См. въ «Иллюстраціи» 1846 г., № 2.

***) Это письмо находится въ числѣ рукописей Пушкина, описанныхъ мною въ «Русскомъ Библіофилѣ» 1911 г. и въ отдѣльномъ оттискѣ. Письмо № 6.

И если до насъ дошло только небольшое количество писемъ изъ переписки Пушкина съ Тургеневымъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что эта переписка была невелика. Многое, безъ сомнѣнія, пропало, но самый характеръ писемъ, особенно Пушкина, говоритъ за то, какія близкія, дружескія отношенія установились между ними.

Въ 1836 г. Пушкинъ увлекается изданіемъ «Современника». Въ число сотрудниковъ журнала былъ привлеченъ и Александръ Ивановичъ.

Интересныя, живыя корреспонденціи его изъ заграничной жизни подвергаются обычной участи — помаркамъ «чопорной цензуры».

Пушкинъ огорченъ за своего дорогого сотрудника, съ присущимъ ему блестящимъ юморомъ въ своемъ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому жалуется на печальную участь статьи Тургенева и собирается искать заступничества за него у «знаменитаго» въ свое время графа Бенкендорфа—начальника III отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи:

«Ура! наша взяла. Статья Козловскаго прошла благополучно... Но бѣдный Тургеневъ!.. всѣ политическіе комеражи его остановлены. Даже имя Фіески и всѣхъ министровъ вымараны *); остаются однѣ православныя буквы нашихъ русскихъ католичекъ, да дипломатокъ. Однако, я хочу обратиться къ Бенкендорфу—не заступится ли онъ?»

Какъ это трогательно: Пушкинъ хлопочетъ за Тургенева у графа Бенкендорфа, который—не пройдетъ и года—по желанію самого императора, предложитъ тому же Тургеневу сопровождать прахъ поэта для похоронъ его внѣ Петербурга—въ глуши Псковской губерніи.

Всѣ событія, касающіяся дуэли, предсмертныхъ страданій и смерти Пушкина, были описаны Александромъ Ивановичемъ въ его письмахъ къ друзьямъ и роднымъ.

Нужно перечитать въ подлинникѣ всѣ относящіяся сюда письма Александра Ивановича, чтобы понять царившія вездѣ настроенія и оцѣнить какъ должно всѣ факты, которые имѣли мѣсто въ эти глубокопечальные дни русской жизни **).

*) Рѣчь идетъ о заговорѣ Фіеско, который 28 іюля 1835 г. произвелъ покушеніе на короля Людовика Филиппа. При этомъ король былъ раненъ, а 12 человѣкъ свиты были убиты.

**) Эти письма были напечатаны мною въ

Эти полтора десятка писемъ Александра Ивановича—и надо имѣть въ виду, что нѣкоторыя изъ нихъ были писаны въ комнатахъ рядомъ съ отходившимъ въ вѣчность несчастнымъ страдальцемъ — эти письма Тургенева составляютъ полную трагизма главу поэмы изъ русской дѣйствительности, наводящую ужасъ и теперь по силѣ своихъ непосредственныхъ впечатлѣній по поводу переживаній какъ самого Пушкина, такъ и всѣхъ окружавшихъ его въ эти мрачные дни. Съ этими письмами никогда не сравняются никакія письма талантливаго и чувствительнаго Жуковскаго, ни другихъ біографовъ Пушкина, которые захотѣли бы воспроизвести послѣднія минуты одного изъ великихъ страдальцевъ Земли Русской.

Три письма Александра Ивановича Тургенева, написанныя имъ 29 января 1837 г. *),—одно Нефедьевой, другое—неизвѣстному и третье—А. Я. Булгакову по своей изобразительности и силѣ впечатлѣній должны быть послѣдними лавровыми вѣтвями въ каждомъ жизнеописаніи Пушкина.

Ихъ надмогильный выразительный рельефъ имѣлъ въ своемъ основаніи то, о чемъ Тургеневъ, отказываясь отъ какого бы то ни было возмѣщенія расходовъ по поѣздкѣ съ прахомъ Пушкина въ Псковскую губернію, писалъ 2-го марта того же года А. И. Нефедьевой:

«Не даромъ же любилъ меня Пушкинъ, особливо въ послѣдніе дни его»... **).

Эта взаимная любовь ихъ витала и во время писанія этихъ писемъ и глубже всякаго рѣзца скульптора создала ихъ искреннюю, вполнѣ отвѣчавшую дѣйствительности правдивость и всю силу настоящаго, неподдѣльнаго «трагическаго» въ ихъ, кажется, такомъ простомъ, безыскусственномъ изложеніи и содержаніи.

Этими тремя письмами лучше всего заключить и очеркъ взаимныхъ отношеній Александра Ивановича и Пушкина — они раскроютъ человѣку, не потерявшему еще способности чувствовать всю глубину и чуткость души историка, лучезарную геніальность и весь ужасъ трагической гибели поэта и то смятеніе и уныніе, въ какое была повержена осиротѣвшая надолго родина ихъ самихъ и той громадной народной массы, которая стояла за ними.

VI.

1.

А. И. Тургеневъ—А. И. Нефедьевой *) въ Москву.

29 Генваря. День рожденія Жуковскаго. 1837. СПб. 10 час. утра.

«Вчера въ теченіе вечера какъ казалось, что Пушкину хотя едва, едва легче; какая-то слабая надежда раждалась въ сердцѣ болѣе нежели въ умѣ. Арндтъ не надѣялся и говорилъ, что спасеніе было бы чудомъ; онъ мало страдалъ, ибо ему помогали масломъ; сегодня въ 4 часа утра послали за Арндтомъ спросить поставить ли піявки еще разъ; касторовое масло не дѣйствуетъ и на низъ не было. Сегодня впустили въ комнату жену, но онъ не знаетъ, что она близь его кушетки, и недавно спросилъ, при ней, у Данзаса: думаетъ ли онъ, что онъ сегодня умретъ, прибавивъ: «Я думаю, по крайней мѣрѣ, желаю. Сегодня мнѣ спокойнѣе и я радъ, что меня оставляютъ въ покоѣ; вчера мнѣ не давали покоя». Жуков., К. Вязем., Гр. Мих. Велгурскій провели здѣсь всю ночь и теперь здѣсь: (я пишу въ комнатахъ Пушкина). Мы сбираемся обѣдать у Гр. Велгур-го съ новорожденнымъ—Ангеломъ, можетъ быть въ день кончины другаго великаго Поэта.

1 часъ. Пушкинъ слабѣе и слабѣе. Касторовое масло недѣйствуетъ. Надежды нѣтъ. За часъ начался холодъ въ членахъ. Смерть быстро приближается; но умирающій сильно не страждетъ; онъ покойнѣе. Жена подлѣ него, онъ безпрестанно беретъ его (sic) за руку. Александрина **)—плачетъ, но еще на ногахъ. Жена—сила любви даетъ ей вѣру—когда уже нѣтъ надежды!—Она повторяетъ ему: Tu vivras!!

Я сей часъ встрѣтилъ отца Гекерна: онъ распрашивалъ объ умирающемъ съ сильнымъ участіемъ; разсказалъ содержаніе,—выраженіе письма Пушкина. Ужасно! ужасно! Невыносимо: нечево было дѣлать. При всемъ томъ, когда Гекернъ упалъ отъ полученной контузіи и Пушк. наминуту думалъ, что онъ убитъ, доброта сердца въ

академическомъ изданіи «Пушкинъ и его современники», вып. VI, подъ заглавіемъ «Новые матеріалы для біографіи Пушкина» и отдѣльнымъ оттискомъ. СПб. 1908 г.

*) См. «Нов. матеріалы для біографіи Пушкина», письма подъ №№ 3, 4 и 5, стр. 7—11.

**) См. тамъ же письмо № 12, стр. 25.

*) Родственница и другъ Александра Ивановича, у которой онъ всегда останавливался въ Москвѣ. У нея же онъ и умеръ въ 1845 г.

**) Сестра жены Пушкина, жена барона Фризенгофа.

Пушкинѣ взяла верхъ и онъ сказалъ à peu près: «Tiens! Je croyais, que sa mort me ferait plaisir; à present je crois presque que cela me fait de la peine!»

Весь городъ, Дамы, Дипломаты, авторы, знакомые и незнакомые наполняютъ комнаты, справляются объ умирающемъ. Сѣни наполнены несмѣющими взойти далѣе. Пріѣзжаетъ сей часъ Элиза Хитрова, входитъ въ его кабинетъ и становится на колѣна.

Антоновъ огонь разливается; онъ все въ памяти. Сохраните для меня сіи письма и дайте прочесть И. И. Дмитріеву и Свербееву.

Щербинина 5 февр. ѣдетъ отсюда; буду писать съ ней.

Во многихъ ожесточеніе, злоба противъ Гекерна: но нещастный спасшійся—не нещастнѣе-ли его!

Сей часъ сказалъ онъ Доктору и Поэту Далю, автору Курганнаго Козака, который отъ него неотходитъ: «Скажи, скоро ли это кончится? Скучно!»—Онъ—въ послѣднихъ минутахъ.

Забывается и начинаетъ говорить безсмыслицу. Il a le hoquet de la mort et la femme le trouve aujourd'hui mieux qu'hier! Elle est à la porte de son cabinet; elle y entre parfois; sa figure n'annonce pas une mort si prochaine.

«Опустите сторы, я спать хочу» сказалъ онъ сей часъ. 2 часа пополудни...»

2.

А. И. Тургеневъ—неизвѣстному.

29-го января 1837 г.

«11 час. утра. Въ квартирѣ Пушкина, еще не умершаго. Въ 5-мъ часу начались страданія; онъ кричалъ; но послѣ утихли (sic) и онъ меньше страдаетъ и тихъ. Государь прислалъ къ нему вчера же Арндта съ письмомъ, писаннымъ карандашемъ, которое велѣлъ прочесть Пушкину и привести къ себѣ назадъ; вотъ à peu près выраженія письма: «Естьли Богъ не велитъ уже намъ увидѣться на этомъ свѣтѣ, то прими мое прощеніе и совѣтъ умереть по христіянски и причаститься, а о женѣ и о дѣтяхъ не безпокойся. Они будутъ моими дѣтьми и я беру ихъ на свое попеченіе».—Это обрадовало Пушк. и успокоило. Онъ часто призываетъ на минуту къ себѣ жену, которая все твердила: «Il ne mourra pas, je sens qu'il ne mourra pas». Теперь она кажется видитъ уже близкую смерть.—Пушк.: со всѣми нами прощается; жметъ руку и потомъ даетъ знакъ вытти. Мнѣ два раза пожалъ руку, взглянулъ, но не въ силахъ былъ сказать ни слова. Жена опять сказала: «Quelque chose me dit qu'il vivra».

Съ Велгур., съ Жук. также простился. Узнавъ, что К. А. Карамзина здѣсь же просилъ два раза позвать ее, и далъ ей знать чтобы перекрестила его. Она зарыдала и вышла.

11½ ч. *). Опять призывалъ жену, но ее не пустили; ибо послѣ того какъ онъ сказалъ ей: Arndt m'a condamné, je suis blessé mortellement, она въ нервическомъ страданіи, лежитъ въ молитвѣ передъ образами.—Онъ безпокоился за жену, думая, что она ничего не знаетъ объ опасности и говоритъ, что «люди заѣдятъ ее, думая, что она была въ эти минуты равнодушною: это рѣшило его сказать ей объ опасности.

Полдень. Арндтъ сей часъ былъ. Была урина, но надежды нѣтъ, хотя и есть облегченіе страданіямъ. Ночью онъ кричалъ ужасно; почти упалъ на полъ въ конвульсіи страданія. Благое провидѣніе въ эти самыя 10 минутъ послало сонъ женѣ; она не слыхала криковъ; послѣдній крикъ разбудилъ ее, но ей сказали, что это было на улицѣ: послѣ онъ еще не кричалъ.—Теперь я опять входилъ къ нему; онъ страдаетъ, повторяя: «Боже мой! Боже мой! что это!» сжимаетъ кулаки въ конвульсіи.

Настоящаго воспаленія нѣтъ; но тѣмъ хуже. Арндтъ думаетъ, что это не протянется до вечера, а ему должно вѣрить: онъ видѣлъ смерть въ 34-хъ битвахъ.

2-й часъ. Пуш. тихъ. Арндтъ опять здѣсь; но безъ надежды. Пушкинъ самъ себѣ пощупалъ пульсъ, махнулъ рукою и сказалъ: «смерть идетъ».

Прежде полученія письма Государя сказалъ: «Жду царскаго слова, чтобы умереть спокойно», и еще: «Жаль, что умираю: весь его бы былъ», т.-е.: царевъ...

Пріѣхала Е. Мих. Хитрова и хочетъ видѣть его, плачетъ и пѣняетъ всѣмъ; но онъ не могъ видѣть ее.

Два часа. Есть тѣнь надежды, но только тѣнь, т.-е. нѣтъ совершенной невозможности спасенія. Онъ тихъ и иногда забывается.

2 часа съ ½. Вотъ 22 часа ранѣ. Инфламаціи еще нѣтъ, но ея и лихорадки опа-

*) Было написано: «полдень».

саются. Письмо идетъ на почту, а я опять къ страдальцу».

3.

А. И. Тургеневъ—А. Я. Булгакову.

[29-го января].

«Отошли и это къ сестрицѣ.

3-й часъ пополудни. Четвергъ.

У Гекерна поутру взяли шпагу; т.-е. домовый арестъ.

Аршіяка, секунданта, посылаетъ Барантъ курьеромъ въ Парижъ.

Пушкину хуже. Грудь поднимается. Оконечности тѣла холодѣютъ; но онъ въ памяти.

Сегодня еще не хотѣлъ онъ, чтобы жена видѣла его страданія; но послѣ захотѣлось ему морошки и онъ сказалъ, чтобы дали женѣ подать ему морошки.

Сію минуту я входилъ къ нему, видѣлъ его, слышалъ, какъ онъ крехтитъ; ему надѣвали рукава на руки; онъ спросилъ: «Ну—что кончено?» Даль отвѣчалъ: «Кончено», но послѣ подумавъ, что онъ о себѣ говоритъ, Даль спросилъ его: «Что кончено?» Пуш. отвѣчалъ: «Жизнь». Ему сказали, что его перекладывали и что кончали надѣваніе рукава.

3 часа. За десять минутъ Пушкина—нестало. Онъ нестрадалъ, а желалъ скорой смерти.—Жуковскій, Гр. Велгурскій, Даль, Спаскій, Княгиня Вяземская, и я—мы стояли у канапе и видѣли—послѣдній вздохъ его. Докторъ Андрѣевскій закрылъ ему глаза.

За минуту прошлась къ нему жена; ее не впустили.—Теперь она видѣла его умершаго. Пріѣхалъ Арндтъ; за ней ухаживаютъ. Она рыдаетъ, рвется, но и плачетъ.

Жуковскій послалъ за художникомъ снять съ него маску.

Жена все не вѣритъ, что онъ умеръ: все не вѣритъ.—Между тѣмъ тишина уже нарушена. Мы говоримъ вслухъ—и этотъ шумъ ужасенъ для слуха; ибо онъ говоритъ о смерти того, для коего мы молчали.

Онъ умиралъ тихо, тихо...»

Развѣ только извѣстное стихотвореніе Лермонтова «На смерть Пушкина» по силѣ производимаго имъ впечатлѣнія можетъ быть сравниваемо съ этими письмами. А нѣкоторыя строки Тургенева какъ будто даже послужили матеріаломъ для отдѣльныхъ частей стихотворенія и, между прочимъ, для слѣдующей, кажется, наиболѣе поэтичной строфы этого стихотворенія Лермонтова:

«Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ—
Не раздаваться имъ опять:
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ,
И на устахъ его печать!»

Нашъ очеркъ мы закончимъ словами историка Погодина, который, узнавъ о внезапной смерти Александра Ивановича, писалъ:

«Тургеневъ былъ ревностнымъ сыномъ Европейской цивилизаціи; просвѣщеніе, законная свобода, право—были его кумирами. Проживъ столько времени въ чужихъ краяхъ, онъ заимствовалъ многія западныя привычки, кои сдѣлались его второю натурою, хотя и оставался онъ Русскимъ въ душѣ».

И затѣмъ еще:

«Во всѣхъ Европейскихъ обществахъ онъ былъ представителемъ Русскаго ума, Русской смѣтливости, шутливости, ироніи, и вообще поддерживалъ вездѣ славу Русскихъ способностей».

Таковъ въ общихъ чертахъ былъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ, которому его сотоварищи по «Арзамасу» не даромъ дали поэтическое прозваніе отзывчивой на каждое нѣжнѣйшее дуновеніе вѣтерка «Эоловой Арфы».

Александръ Ал. Ѳоминъ.

Стихотворная техника Пушкина *).

1.

Въ развитіи стихотворной техники Пушкина можно различить три основныхъ періода. Первый обнимаетъ «Лицейскія стихотворенія» и стихи, написанные до ссылки 1820 г. Онъ характеризуется, особенно въ началѣ, разнообразіемъ метровъ, но и сравнительной небрежностью стиха: ритма, инструментовки и риѳмъ. Второй періодъ занимаетъ приблизительно все десятилѣтіе 20-хъ годовъ. Въ это время Пушкинъ окончательно вырабатываетъ тотъ стихъ, который мы теперь называемъ пушкинскимъ. Однако, для этого періода, особенно для его первой половины, характерны нѣкоторое однообразіе метровъ и ритмовъ и педантическая строгость, съ какой Пушкинъ соблюдаетъ поставленныя имъ себѣ правила. Во вторую половину этого періода метры и ритмы становятся разнообразнѣе, стихъ свободнѣе. Полное развитіе ритма и широкое разнообразіе поэтическихъ формъ осуществляется Пушкинымъ въ третьемъ періодѣ, приходящемся на послѣдніе годы его жизни. Такимъ образомъ, правильнѣе всего разсматривать развитіе стихотворной техники Пушкина на пяти ступеняхъ: первый періодъ распадается на двѣ ступени, 1812—1815 и 1816—1819 г., второй періодъ—также на двѣ ступени, 1820—1824 и 1825—1830 г., и третій періодъ, 1831—1836 г., образуетъ послѣднюю, высшую, пятую ступень. Разумѣется, точныхъ граней между этими періодами и ступенями провести невозможно. Переходъ отъ однихъ пріемовъ творчества къ другимъ совершался у Пушкина постепенно, и въ концѣ каждаго періода уже встрѣчаются стихи, написанные техникой періода слѣдующаго.

Ранніе стихи Пушкина (1812—1815 г.) написаны самыми разнообразными размѣрами. Юный поэтъ не сразу остановился на 4-стопномъ ямбѣ, какъ излюбленной формѣ стиха. Изъ 58 стихотвореній, которыя дошли до насъ отъ этихъ лѣтъ, только 17 написаны сплошь 4-стопнымъ ямбомъ, т. е. менѣе 30%. Въ самомъ началѣ Лицейскаго періода Пушкинъ какъ бы намѣренно пробуетъ различныя поэтическія формы, выбирая среди нихъ ту, которая наиболѣе отвѣчала бы его вкусу. Въ это время Пушкинъ рѣшительное предпочтеніе передъ 4-стопнымъ ямбомъ отдаетъ ямбу 3-стопному и хорею, а «торжественныя» посланія неизмѣнно пишетъ или александрійскимъ стихомъ или сочетаніемъ 6-стопнаго ямба съ болѣе короткими строчками. Во всемъ этомъ сказалось, конечно, вліяніе прямыхъ учителей Пушкина въ поэзіи: Батюшкова и Жуковскаго, охотно пользовавшихся 3-стопнымъ ямбомъ въ своихъ посланіяхъ, французскихъ эротическихъ лириковъ, любившихъ короткіе размѣры, и русскихъ поэтовъ XVIII вѣка, разработавшихъ александрійскій стихъ.

Въ общемъ, въ раннихъ стихотвореніяхъ Пушкина (1812—1815 г.) мы находимъ почти всѣ основные размѣры русскаго стиха (отсутствуетъ анапестъ), въ томъ числѣ:

Ямбы — 2-стопные («Роза»; въ началѣ 1816 г. тѣмъ же размѣромъ написано

*) Предлагаемая статья лишь намѣчаетъ вопросы изученія стихотворной техники Пушкина. При почти полномъ отсутствіи всякихъ предварительныхъ изслѣдованій и статистическихъ подсчетовъ, всестороннее разсмотрѣніе стиха Пушкина еще невозможно. Наиболѣе цѣнными разысканіями въ данной области остаются: статьи Ѳ. Е. Корша «Разборъ вопроса о подлинности окончанія «Русалки» (СПб. 1893) и книга Андрея Бѣлаго «Символизмъ» (М. 1910), къ которымъ мы и отсылаемъ читателей за нѣкоторыми подробностями. Что касается техническихъ терминовъ, встрѣчающихся въ нашей статьѣ, то, въ случаѣ надобности, объясненіе ихъ читатели найдутъ въ книгѣ Н. Н. Шульговскаго «Теорія и практика поэтическаго творчества» (СПб. 1914). Намъ остается добавить, что наши примѣры взяты преимущественно изъ лирики Пушкина, въ которой наиболѣе ярко выразились ритмическія особенности его стиха.

«Пробужденіе»), 3-стопные («Къ сестрѣ», «Городокъ», «Къ Дельвигу», «Батюшкову», «Къ Пущину», «Къ Галичу» и др.; въ началѣ 1816 г. тѣмъ же размѣромъ написаны картины «Фавнъ и пастушка» и «Фіалъ Анакреона»), 4-стопные («Кольна», «Къ молодой актрисѣ», «Къ Батюшкову», «Къ Ломоносову», «Романсъ», «Посланіе къ Юдину», «Князю А. К. Горчакову», «Моему аристарху» и др.), 5-стопные («Эвлега»), 6-стопные («Осгаръ») и, въ частности, александрійскій стихъ («Къ другу стихотворцу», «Лицинію», «На возвращеніе государя императора изъ Парижа»), сочетаніе ямбовъ 3- и 4-стопныхъ («О, Делія драгая», «Пирующіе студенты», «Мечтатель» и др.), 4- и 5-стопныхъ («Къ баронессѣ М. А. Дельвигъ»), 4- и 6-стопныхъ («Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», «Красавицѣ, которая нюхала табакъ» и др.), 3-, 4-, 5- и 6-стопныхъ (разныя эпиграммы, «Леда», въ которую включены части хореическія и дактилическія, и др.).

Хореи—3-стопные («Делія»), 4-стопные («Леда», «Посланіе къ Натальѣ», «Опытность», «Блаженство», «Гробъ Анакреона») и 4-стопные съ дактилическимъ окончаніемъ («Бова»,—размѣръ, заимствованный, вѣроятно, у Н. М. Карамзина), сочетаніе 3- и 4-стопныхъ («Козакъ»).

Дактили — 2-стопные («Измѣны», «Леда», къ которымъ въ 1816 г. присоединяются еще 3 стихотворенія того же размѣра) и гекзаметрическіе, причемъ гекзаметръ является съ риѳмой («Несчастіе Клита»).

Амфибрахіи—3- и 4-стопные («Сраженный рыцарь»).

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ начальныхъ опытахъ встрѣчается большое разнообразіе строфическаго построенія. Рядомъ съ обычными четверостишіями и двустишіями (въ александрійскомъ стихѣ), мы находимъ строфы изъ 6 стиховъ («Разсудокъ и любовь», «Сраженный рыцарь», — съ различнымъ расположеніемъ риѳмъ), изъ 7 стиховъ («О, Делія драгая», «Делія»—съ различнымъ расположеніемъ риѳмъ), изъ 8 стиховъ («Эвлега», «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», «Осгаръ», «Романсъ», «Вода и вино», «Къ Батюшкову», «Мечтатель»— съ нѣсколькими формами расположенія риѳмъ) и изъ 10 стиховъ («Опытность»). Форму строфы принимаютъ и нѣкоторыя эпиграммы, изъ 5 стиховъ («Подражаніе французскому», «Бывало прежнихъ лѣтъ герой») и изъ 6 стиховъ («Угрюмыхъ тройка есть пѣвцовъ»).

Въ слѣдующіе годы перваго періода Пушкинъ не только не расширяетъ своей метрики, но скорѣе суживаетъ ее (1816—1819 г.) Стихи все чаще и чаще начинаютъ замыкаться въ однообразный размѣръ—4-стопный ямбъ. Новые метры, не испробованные раньше, встрѣчаются за эти годы у Пушкина крайне рѣдко и, такъ сказать, случайно: въ эпиграммахъ, въ шуткахъ. Его вниманіе обращено не на метрику, а на ритмику, но вполнѣ развить ее ему удалось лишь въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ, относящихся къ самому концу періода, полный же расцвѣтъ ее относится уже къ годамъ послѣ ссылки.

Ямбомъ написано за эти годы почти 90% всѣхъ дошедшихъ до насъ стихотвореній, а именно 4-стопнымъ ямбомъ свыше 50% всѣхъ стихотвореній, а также и первая большая поэма Пушкина («Русланъ и Людмила»). Изъ болѣе короткихъ ямбическихъ размѣровъ 2- и 3-стопнымъ ямбомъ написаны сплошь только тѣ 3 стихотворенія 1816 г., которыя названы раньше. Затѣмъ 2-стопные ямбы входятъ, какъ часть, въ нѣкоторыя стихотворенія (заключительные стихи каждой строфы «Пѣвца», заключительный,—вѣроятно, просто неполный,—стихъ пародіи «Послушай, дѣдушка», предпослѣдній стихъ, съ дактилическимъ окончаніемъ, эпиграммы «На графиню Орлову»). 3-стопные ямбы, какъ часть, также входятъ въ нѣкоторыя стихотворенія («Noël», «Къ ней», «Б. Б. Мансурову», «На Кюхельбекера» и др.). Наконецъ, 2- и 3-стопные ямбы встрѣчаются еще, въ сочетаніи съ 2-стопнымъ амфибрахіемъ, въ наброскѣ «Все призракъ, суета».

Зато Пушкинъ широко развиваетъ за эти годы употребленіе 5-стопнаго ямба, иногда чистаго, иногда соединеннаго съ 6-стопнымъ и болѣе короткимъ ямбомъ. Этотъ многостопный ямбъ нравился Пушкину, какъ подходящій размѣръ для элегій, которыя онъ охотно писалъ въ эти годы. Нѣсколько элегій написано чистымъ 5-стопнымъ ямбомъ («Уныніе» или «Желаніе», «Уныніе» или «Разлука», «Осеннее утро», «Опять я вашъ, о юные друзья», «Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой» и др.), другія — сочетаніемъ многостопнаго (5- и 6-стопнаго) ямба съ болѣе короткими ямбическими строками («Мечтателю», «Выздоровленіе», «Къ ней», «Пѣвецъ», «Я видѣлъ смерть», «Я думалъ, что любовь угасла навсегда» и др.) Тѣми же размѣрами (т. е. чистымъ 5-стопнымъ ямбомъ или

многостопнымъ ямбомъ съ болѣе короткими строчками) написанъ рядъ посланій (два посланія князю А. М. Горчакову, «Краевъ чужихъ неопытный любитель», «Къ П. П. Каверину», «Дельвигу», «Въ альбомъ И. И. Пущину», «Въ послѣдній разъ въ сѣни уединенья» и др.), нѣсколько отдѣльныхъ стихотвореній (въ томъ числѣ «Сонъ», чистымъ 5-стопнымъ ямбомъ, «Торжество Вакха» и «Домовому» разностопными ямбами) и рядъ «мелочей»: эпиграммъ, надписей и т. под. Можно отмѣтить еще первую попытку Пушкина писать бѣлымъ 5-стопнымъ ямбомъ въ пародіи «Послушай, дѣдушка»... Чистый 6-стопный ямбъ сохранился почти исключительно въ формѣ александрійскаго стиха, въ торжественныхъ посланіяхъ («Безвѣріе», «Жуковскому» и, повидимому, въ привѣтственной стихотворной рѣчи въ Арзамасѣ); кромѣ того, чистымъ 6-стопнымъ ямбомъ написана лишь одна эпиграмма («На Каченовскаго»).

Хорей занимаетъ въ эти годы въ стихахъ Пушкина самое незначительное мѣсто. Пушкинъ пишетъ 4-стопнымъ хореемъ или легкія, полушутливыя стихотворенія («Къ Наташѣ», «Лилѣ», «Къ молодой вдовѣ», «Кривцову», «Вечерній пиръ») или прямыя шутки и эпиграммы («Именины», «И останешься съ вопросомъ», «Есть въ Россіи городъ Луга», «На Колосову»). То же надо сказать о сочетаніи 3- и 4-стопнаго хорея, которымъ написаны два шутливыхъ стихотворенія («Гауэншильдъ и Энгельгардтъ» и «Что ты, дѣвица, грустна»).

Дактиль является исключительно 2-стопный, уже испробованный Пушкинымъ раньше, и притомъ только въ стихахъ 1816 г. («Заздравный кубокъ», «Боже Царя храни» и «Пуншевая пѣсня», если она принадлежитъ Пушкину).

Амфибрахій, 2-стопный, съ однимъ мужскимъ окончаніемъ, мы находимъ лишь одинъ разъ, какъ часть, въ наброскѣ «Все призракъ, суета».

Наконецъ, впервые появляется у Пушкина анапестъ, въ маленькой эпиграммѣ («На А. С. Стурдзу»). Стихотвореніе написано сочетаніемъ одностопныхъ и 2-стопныхъ стиховъ, причемъ одностопные стихи имѣютъ любопытное 4-сложное окончаніе.

Надо еще упомянуть, что въ эпиграммѣ «Исторія стихотворца» четные стихи имѣютъ лишь одинъ слогъ: ихъ приходится разсматривать, или какъ усѣченный одностопный хорей, или какъ стяженіе одностопнаго ямба *).

Точно такъ же бѣдны за эти годы и строфическія построенія Пушкина. Кромѣ четверостишій и двустишій (въ александрійскомъ стихѣ), имъ употребляются почти исключительно строфы въ 8 стиховъ, съ 4 риѳмами, послѣдовательно мужскими и женскими («Русалка» и др.). Въ видѣ исключенія, такая же строфа въ одѣ «Вольность» начинается мужской риѳмой. Намеки на болѣе сложныя строфы мы находимъ опять только въ эпиграммахъ и шутливыхъ стихотвореніяхъ («Noël», строфа изъ 8 стиховъ 3-, 4- и 6-стопнаго ямба, «Къ Ѳ. Ф. Юрьеву», эпиграммы на Карамзина и др.).

Во второмъ періодѣ многія черты пушкинской техники только-что разсмотрѣнныхъ лѣтъ остаются въ силѣ. Такъ, ямбъ продолжаетъ господствовать и особенно 4-стопный ямбъ, которымъ Пушкинъ пишетъ и чисто-лирическія стихотворенія, и посланія, и поэмы, и эпиграммы. Торжественныя посланія, особенно въ началѣ періода, все еще облекаются въ форму александрійскаго стиха. Хорей сначала примѣняется только въ стихотвореніяхъ шутливыхъ. Однако, появляются и новые размѣры. Пушкинъ начинаетъ писать бѣлымъ стихомъ. Болѣе широкое примѣненіе получаетъ амфибрахій. Во вторую половину періода Пушкинъ находитъ новое примѣненіе хорею и вновь пробуетъ дактиль, съ его подраздѣленіемъ — гекзаметромъ. Но все же, кромѣ опытовъ самыхъ послѣднихъ лѣтъ этого періода (1828—1830), въ немъ попрежнему ритмика преобладаетъ надъ метрикой. Пушкинъ стремится разнообразить не размѣры и не строфы, а движеніе стиха и его звучность.

Третья ступень пушкинской техники обнимаетъ годы 1820—1824. Громадное большинство стихотвореній, поэмъ и драмъ этого періода написано ямбомъ. Короткіе ямбы, любимые Пушкинымъ-лицеистомъ, въ эти годы почти исчезаютъ изъ его поэзіи. Какъ отголоски прошлаго, можно принять одно стихотвореніе, написанное 2-стопнымъ ямбомъ («Адели»), и два стихотворенія, написанныхъ 3-стопнымъ ямбомъ («Къ моей чернильницѣ» и шутку «Мой

*) Или, наконецъ, какъ выдѣленную въ особый стихъ часть послѣдней стопы. Ср. у Тютчева:

Въ ночи лазурной почиваетъ—Римъ.
Взошла луна и овладѣла—имъ.

другъ, уже три дня...»). Затѣмъ 2-стопный и даже одностопный ямбъ употреблены, какъ часть, въ стихотвореніи «Ночной зефиръ...» *), гдѣ основная часть написана хореемъ, а 3-стопный, какъ часть, въ посланіи П. С. Пущину, въ балладѣ «Женихъ» и въ одѣ «Кинжалъ». Пушкинъ какъ бы чуждается этихъ слишкомъ «легкихъ» размѣровъ.

4-стопнымъ ямбомъ, напротивъ, написано свыше 100 стихотвореній, набросковъ, эпиграммъ и большинство поэмъ этихъ лѣтъ: «Кавказскій плѣнникъ», «Братья разбойники», «Бахчисарайскій фонтанъ», «Цыганы», «Графъ Нулинъ». Начиная стихотвореніе то мужской, то женской риѳмой, искусно пользуясь пиррихіями, Пушкинъ въ этихъ стихахъ уже достигаетъ большого разнообразія ритма.

5-стопный ямбъ теряетъ въ эти годы то значеніе, какое имѣлъ въ предыдущіе. Имъ написано еще нѣсколько элегій («Мнѣ васъ не жаль года моей весны», «Наперсница волшебной старины», «Желаніе», «Наперсница моихъ сердечныхъ думъ», «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты», «19 октября 1825 г.» и др.), но Пушкинъ уже начинаетъ предпочитать этотъ стихъ для большихъ, эпическихъ или драматическихъ созданій. Бѣлымъ 5-стопнымъ ямбомъ (по образцу трагедій Шекспира) написанъ «Борисъ Годуновъ»; въ 5-стопныхъ ямбахъ обработана «Гавриліада» и начатъ переводъ «Дѣвственницы» Вольтера. Разностопнымъ ямбомъ написано нѣсколько элегій («Погасло дневное свѣтило», «Ненастный день потухъ» и др.) и нѣсколько большихъ «раздумій» («Андрей Шенье», «Кинжалъ», «Недвижный стражъ дремалъ», «Дочери Карагеоргія»). Какъ самостоятельная форма, является чередованіе 4- и 5-стопнаго ямба («Ты правъ, мой другъ», «Ужели онъ казался прежде мнѣ»).

Наибольшаго развитія достигаетъ въ эти годы чистый 6-стопный ямбъ. Около 30 стихотвореній написано александрійскимъ стихомъ. Среди нихъ есть опять немало «торжественныхъ» посланій («Чаадаеву», «Къ Овидію», два посланія цензору, князю П. А. Вяземскому, брату и мн. др.), есть попытки писать драмы, по образцу «лжеклассическихъ» драмъ («Вадимъ», отрывки изъ комедіи), есть эпиграммы («На Каченовскаго», «Тимковскій царствовалъ» и др.). Но всего охотнѣе въ эти годы примѣнялъ Пушкинъ александрійскій стихъ къ стихотвореніямъ антологическимъ; такъ написанъ имъ длинный рядъ превосходныхъ стихотвореній («Доридѣ», «Дорида», «Нереида», «Дѣва», «Муза», «Примѣты», «Сафо», «Покровъ, упитанный язвительною кровью» и мн. др.); такъ же написаны Пушкинымъ и элегіи, по строгости формы приближающіяся къ античной поэзіи («Ночь», «Сожженное письмо», «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда» и др.). Въ этомъ должно видѣть вліяніе стиха Андре Шенье, которымъ Пушкинъ въ тѣ годы увлекался. 6-стопнымъ ямбомъ съ вольнымъ чередованіемъ риѳмъ написано лишь нѣсколько мелочей и набросковъ («Къ портрету Вяземскаго», «Умолкну скоро я», «Красавица передъ зеркаломъ» и др.).

Хореемъ Пушкинъ продолжалъ пользоваться для «легкихъ» созданій. 3-стопнымъ хореемъ написана шутка «Брови царь нахмуря». 4-стопнымъ хореемъ—сказка, дошедшая до насъ лишь въ отрывкѣ, «Царь Никита», нѣсколько «мелочей» («Оленькѣ Масонъ», «Лизѣ страшно полюбить», «Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати», «Что же будетъ ли вино» и др.) и эпиграммъ («На Аракчеева», «Въ жизни мрачной и презрѣнной», «Кишиневскія дамы» и др.) Но въ то же время Пушкинъ начинаетъ пробовать хорей и для значительныхъ созданій. Хореемъ онъ пишетъ три «экзотическихъ» стихотворенія («Вертоградъ моей сестры», «Съ португальскаго», «Ночной зефиръ»), передѣлку античнаго стихотворенія Парни («Плещутъ волны Флегетона»), вставную пѣсенку въ «Цыганахъ» («Птичка Божія не знаетъ»), нѣсколько отрывковъ («Въ голубомъ эѳира полѣ» и др.). 8-стопнымъ хореемъ написана пропущенная сцена «Бориса Годунова»; но этотъ стихъ опредѣленно распадается на два 4-стопныхъ хорея.

Амфибрахіемъ обработано всего 6 стихотвореній, но всѣ они принадлежатъ къ числу значительнѣйшихъ. 2-стопный амфибрахій встрѣчаемъ въ «Подражаніяхъ Корану» («Возстань, боязливый»); 3- и 4-стопный въ «Пѣснѣ о вѣщемъ Олегѣ»; 4-стопный, съ однѣми мужскими риѳмами, въ «Черной шали» и «Узникѣ», съ чередованіемъ риѳмъ, въ стихахъ «И путникъ усталый на Бога

---

*) Впрочемъ, два стиха припѣва:

Шумитъ,
Бѣжитъ...

можно разсматривать, какъ части одного двухстопнаго стиха съ внутренней риѳмой, лишь для удобства читателей печатаемыя какъ двѣ отдѣльныхъ строки.

ропталъ»; разностопный въ «Вакхической пѣснѣ».

Попытку писать дактилемъ, именно гекзаметромъ, встрѣчаемъ только въ наброскѣ «О, Геліосъ, внемли...»

Анапестомъ, 2-стопнымъ, съ однѣми мужскими риѳмами, написана пѣсня Земфиры «Старый мужъ, грозный мужъ».

За вторую половину перваго періода (1826—1829 г.) въ этой схемѣ намѣчаются характерныя измѣненія.

Короткіе ямбы совсѣмъ исчезаютъ. 2-стопнымъ написаны лишь двѣ шутки («За Netty...» и «Amour, exil» и части строфы въ «Обвалѣ»), 3-стопнымъ одинъ набросокъ («Лишь розы увядаютъ» и части баллады «Женихъ»). 4-стопнымъ, иногда безъ риѳмъ, опять около 100 стихотвореній и двѣ большихъ вещи «Полтава» и «Сцена изъ «Фауста». 5-стопнымъ, съ риѳмами, нѣсколько маленькихъ стихотвореній («Три ключа», «Я васъ любилъ...») и рядъ эпиграммъ. Зато теряется значеніе и александрійскаго стиха. Изъ большихъ посланій имъ написано лишь одно («Вельможѣ») и, кромѣ того, 6 небольшихъ стихотвореній («Соловей», «Каковъ я прежде былъ», «Поѣдемъ, я готовъ» и др.) и 2 эпиграммы. Разностопными ямбами написано также 5—6 стихотвореній, изъ нихъ набросокъ «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» воспроизводитъ строфу 1814 г., а два («Когда для смертнаго...» и «На холмахъ Грузіи») написаны характернымъ чередованіемъ 6- и 4-стопныхъ стиховъ.

Напротивъ, употребленіе хорея сильно развивается. 4-стопнымъ хореемъ Пушкинъ пишетъ не только эпиграммы и шутки («У Тальони иль Кальони», «Въ отдаленіи отъ васъ», «Сводня грустно за столомъ», «Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій», «Какъ сатирой безымянной» и др.), но и длинный рядъ чисто-лирическихъ созданій. Ихъ можно раздѣлить на двѣ группы. Во-первыхъ, Пушкинъ примѣняетъ хорей въ стихахъ, въ которыхъ хочетъ выразить настроеніе смутное, неопредѣленное («Буря мглою небо кроетъ», «Сквозь волнистые туманы», «Снова тучи надо мною», «Дорожныя жалобы» и др.) Во-вторыхъ, пользуется Пушкинъ хореемъ въ стихахъ, переносящихъ насъ въ другой міръ, въ другую обстановку, какъ сказали бы романтики—«экзотическихъ» («Талисманъ», «Кобылица молодая», «Риѳма —звучная подруга», «Изъ Гафиза») и рядѣ стихотвореній, написанныхъ на Кавказѣ и о Кавказѣ («Делибашъ», «Донъ», «Зорю бьютъ», «Былъ и я среди донцовъ» и др.). 5-стопнымъ хореемъ (единственный разъ употребленнымъ Пушкинымъ) написанъ набросокъ «Кормомъ, стойлами, надзоромъ» *).

Амфибрахіемъ написано стихотвореніе «Кавказъ» и шутка «Душа моя Павелъ».

Гекзаметромъ—набросокъ «Въ рощахъ Карійскихъ» и дистихомъ (гекзаметръ съ пентаметромъ)—«Загадка». Эти размѣры должны занять важное мѣсто въ слѣдующемъ періодѣ. 2-стопнымъ дактилемъ—набросокъ «Страшно и скучно».

Анапестъ, соединенный съ хореемъ, встрѣчается только въ шутливомъ наброскѣ «А въ ненастные дни», размѣръ котораго заимствованъ у Рылѣева.

Строфы второго періода большею частью однообразны. Пушкинъ всего охотнѣе пользуется четверостишіями и двустишіями («Черная шаль»). Большія оды и баллады пишетъ строфою въ 8 стиховъ, составляющей соединеніе двухъ четверостишій («Наполеонъ», «Утопленникъ» и др.). Однако, встрѣчаются и сложныя построенія: «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ» (строфа изъ 6 стиховъ), «Женихъ» (строфа изъ 8 стиховъ, 4 четырехстопныхъ и 4 двухстопныхъ), «19 октября 1826 г.» (строфа изъ 8 стиховъ, въ которой, въ первомъ четверостишіи, стихи съ женскими риѳмами стоятъ рядомъ), «Риѳма—звучная подруга» (строфа изъ 6 стиховъ), строфа «Евгенія Онѣгина» (изъ 14 стиховъ) и даже октава («Кто видѣлъ край...»). Особенное оживленіе въ этомъ отношеніи представляютъ стихи, написанные въ 1829 г. на Кавказѣ («Обвалъ» и др.), но они знаменуютъ уже переходъ къ третьему періоду съ его богатствомъ строфическаго построенія.

Въ «Домикѣ въ Коломнѣ» (1830 г.) Пушкинъ писалъ: «Четырехстопный ямбъ мнѣ надоѣлъ!» Это не было пустой похвальбой. За годы 1830—1836 Пушкинымъ не написано и 40 стихотвореній 4-стопнымъ ямбомъ. 6-стопный ямбъ за эти годы все чаще и чаще употребляется имъ для шутокъ. Въ нихъ Пушкинъ какъ бы развѣнчиваетъ торжественный александрійскій стихъ. Зато хореемъ за эти годы написано не меньше стихотвореній, чѣмъ 4-стопнымъ ямбомъ, и рядъ большихъ созданій (сказки).

---

*) Основной размѣръ этого чернового наброска, несомнѣнно, 5-стопный хорей; поэтому текстъ всѣхъ изданій подлежитъ различнымъ исправленіямъ (напр., ст. 20 должно читать: «Съ морды каплетъ кровяная пѣна...»).

Наконецъ, обширное мѣсто въ поэзіи Пушкина получаютъ гекзаметръ и дистихи.

Короткіе ямбы, 2- и 3-стопные, не воскресаютъ въ этотъ періодъ. Мы ихъ находимъ лишь какъ части, въ соединеніи съ болѣе длинными («Эхо», «Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума» и др.). Изъ большихъ поэмъ 4-стопнымъ ямбомъ написана лишь одна, законченная поэтомъ: «Мѣдный всадникъ», и двѣ незаконченныхъ: «Галубъ» и «Клеопатра». Другія большія созданія обработаны въ 5-стопномъ ямбѣ: «Домикъ въ Коломнѣ», драмы («Скупой рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Каменный гость» и др.) Одна написана 6-стопнымъ ямбомъ («Анджело»). 5-стопнымъ ямбомъ съ риѳмами написаны одинъ сонетъ («Суровый Дантъ...») и небольшое число элегій («Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье», «19 октября 1836 г.» и др.) 6-стопнымъ ямбомъ—терцины («И далѣ мы пошли...»), сонеты, стихотвореніе «Осень». Александрійскимъ стихомъ преимущественно шутки («Глухой глухого звалъ...», «Румяный критикъ мой», «Изъ записки къ пріятелю», «Французскихъ риѳмачей суровый судія», «На это скажутъ мнѣ» и др.), два—три значительныхъ стихотворенія («Полководецъ», «Нѣтъ, я не дорожу», «Странникъ») и лишь въ самые послѣдніе годы нѣсколько стихотвореній на религіозныя темы («Когда великое свершалось торжество», съ однимъ 3-стопнымъ стихомъ, «Какъ съ древа сорвался», «Отцы пустынники», «Когда за городомъ» и др.). Разностопныхъ ямбовъ почти нѣтъ (исключеніе—весьма плохая, по стиху, ода «Клеветникамъ Россіи»), и одинъ разъ употреблено чередованіе 6- и 4-стопнаго ямба («Къ Н*»).

Хореемъ въ эти годы Пушкинъ пользуется въ тѣхъ же случаяхъ, какъ въ послѣдніе годы предыдущаго періода. Мы опять находимъ въ хореяхъ стихи, передающіе «смутное» настроеніе («Бѣсы», отчасти и «Колокольчики звенятъ», «Въ полѣ чистомъ серебрится»), стихотворенія «экзотическія» («Родригъ», безъ риѳмъ, «Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный», «Было время, процвѣтала», «Подражаніе арабскому» и др.) и, въ связи съ ними, стихотворенія на античныя темы (три перевода изъ Анакреона, «Богъ веселый винограда», «Отъ меня вечоръ Леила», «Изъ Катулла» и др.). Но, кромѣ того, Пушкинъ сталъ охотно примѣнять хорей къ созданіямъ, въ которыхъ хотѣлъ передать русскій народный складъ. Хореемъ обработаны имъ сказки («О царѣ Салтанѣ», «О мертвой царевнѣ», «О золотомъ пѣтушкѣ»), нѣсколько «Пѣсенъ западныхъ славянъ» («Похоронная пѣсня», «Бонапартъ и черногорцы», «Соловей», «Вурдалакъ», «Конь»), русская баллада «Пиръ Петра Великаго» и, можетъ быть, по аналогіи, шотландская баллада «Воронъ къ ворону летитъ» и баллада Мицкевича «Воевода». Хорей находимъ мы и еще въ нѣсколькихъ созданіяхъ («Цыгане», «Ходитъ во полѣ коса», «Было время, процвѣтала», въ пѣснѣ русалокъ), отчасти также приближающихся къ понятію «экзотическихъ», и въ рядѣ эпиграммъ и шутокъ («Царь увидѣлъ предъ собою», «Полюбуйтесь же вы, дѣти», «Въ Академіи Наукъ» и др.).

Амфибрахіемъ опять написано одно значительное лирическое стихотвореніе («Туча»), часть пѣсни русалокъ въ драмѣ и отрывокъ «Не розу паѳосскую», съ дактилическими окончаніями.

Цѣлый рядъ антологическихъ стихотвореній обработанъ уже не александрійскимъ стихомъ, но античными метрами: гекзаметромъ и дистихами («Изъ Ксенофана Колоѳонскаго», «Изъ Аѳенея», «Іонъ Хіосскій», «Юноша, скромно пируй», «Художнику», на статуи, «Отрокъ», «Риѳма», «Трудъ», «Юношу, горько рыдая» и др.).

Анапестъ встрѣчается 2-стопный въ пѣсенкѣ «Пью за здравіе Мери» и 3- и 4-стопный въ балладѣ «Будрысъ и его сыновья». Въ этихъ стихахъ Пушкинъ впервые примѣнилъ анапестъ къ созданіямъ, которымъ самъ придавалъ значеніе.

Наконецъ, Пушкинъ пробуетъ совершенно новые метры, которые до него не разрабатывалъ никто. Это складъ народныхъ пѣсенъ, которыми написаны отдѣльныя стихотворенія (пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, «Только что на прогалинахъ весеннихъ»), цѣлая сказка («О рыбакѣ и рыбкѣ») и большая часть «Пѣсенъ западныхъ славянъ». Еще болѣе своеобразнымъ размѣромъ написана сказкѣ «О попѣ и работникѣ его Балдѣ». Складомъ раешниковъ сложено поминаніе «Господина Шафонскаго». Чувствуется, что «четырехстопный ямбъ» надоѣлъ Пушкину дѣйствительно, что художникъ ищетъ новыхъ метровъ.

Еще большее разнообразіе въ этомъ періодѣ мы видимъ въ строфическомъ строеніи стихотвореній. Впервые Пушкинъ берется за постоянныя формы сонета («Поэту», «Мадонна», «Сонетъ») и терцинъ («Подражанія Данту», «Въ началѣ жизни») и возобновляетъ октавы («Осень», «Домикъ

въ Коломнѣ»). Разнообразя четверостишія, Пушкинъ охотно придаетъ имъ форму стансовъ. («Въ часы забавъ иль праздной скуки», «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ» и мн. др.). Затѣмъ мы видимъ строфы изъ 5 стиховъ («Пажъ», «Разставаніе», «Пью за здравіе Мери», съ «тройнымъ созвучіемъ»), изъ 6 стиховъ («Эхо», «Зимнее утро», гимнъ въ честь чумы, «Воевода», «Не дай мнѣ Богъ», «Къ тѣни полководца» и др., съ различнымъ расположеніемъ риѳмъ), изъ 8 стиховъ («Моя родословная», «Красавицѣ», «19 октября 1831 г.», «Заклинаніе», «На выздоровленіе Лукулла» и др.), изъ 10 стиховъ («Бородинская годовщина»), изъ 14 стиховъ («Евгеній Онѣгинъ», «Родословная моего героя») и нѣкоторыя другія построенія.

Можно сказать, что въ концѣ жизни Пушкинъ сумѣлъ соединить богатство ритмическое съ метрическимъ разнообразіемъ.

2.

Ритмика Пушкина распадается на тѣ же три періода, какъ его метрика. Въ первомъ періодѣ ритмы Пушкина бѣдны, однообразны и случайны. Во второмъ они богаты, но стѣснены правилами, которыя поэтъ соблюдаетъ строго. Въ третьемъ ритмика становится свободной, достигаетъ высшей выразительности и высшаго разнообразія.

Сила Пушкина въ двухсложныхъ размѣрахъ: ямбахъ и хореяхъ. Особенно разработана Пушкинымъ ритмика 4-стопнаго ямба, которымъ онъ все же писалъ больше всего. Дактили Пушкина, въ томъ числѣ и гекзаметры, довольно безцвѣтны. Нѣсколько болѣе разработанъ амфибрахій. Анапестомъ написано у Пушкина слишкомъ мало, чтобы говорить о пушкинскомъ анапестѣ.

Въ раннихъ стихахъ Пушкина наиболѣе ритмически развитыми были короткіе ямбы. Два стихотворенія, написанныхъ 2-стопнымъ ямбомъ, «Роза» и «Пробужденіе», даютъ едва ли не всѣ возможныя модификаціи этого размѣра, и позднѣйшія попытки Пушкина въ той же формѣ («Адель» и отдѣльные стихи въ другихъ пьесахъ) не прибавляютъ ничего новаго. Искуснымъ употребленіемъ пиррихія въ первой стопѣ и искуснымъ распредѣленіемъ цезуръ юноша-Пушкинъ придаетъ исключительное разнообразіе этому, казалось бы столь неподвижному, ритму. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно привести нѣсколько стиховъ, чтобы убѣдиться, сколько разныхъ модификацій умѣлъ Пушкинъ придать 2-стопному ямбу:

Гдѣ наша роза...
—
Увяла роза...
—
Мечты! Мечты!
—
Я пробужденъ...
—
И ловитъ сна
Воспоминанье...

3-стопные ямбы остались у Пушкина почти на той же стадіи развитія, на какой они стояли у Батюшкова и Жуковскаго. Въ нихъ почти исключительно господствуютъ строки съ пиррихіемъ во второй стопѣ:

Безъ дѣла въ хлопотахъ,
Зѣвая, веселился
Въ театрѣ, на пирахъ...

Рѣже встрѣчаются строки со всѣми тремя иктами:

Березокъ своды темны
Прохладну сѣнь даютъ...

Еще рѣже строки съ пиррихіемъ въ первой стопѣ:

Не подхожу я къ ручкѣ...

Сочетанія этихъ формъ совершенно произвольны, а преобладаніе первой, которая иногда встрѣчается въ 10—12 стихахъ подъ-рядъ, придаетъ извѣстную монотонность длиннымъ стихотвореніямъ. Впрочемъ, въ единственномъ большомъ стихотвореніи, написанномъ этимъ размѣромъ послѣ Лицейскаго періода, «Къ моей чернильницѣ», число стиховъ съ тремя иктами уже гораздо значительнѣе, что даетъ всему стихотворенію гораздо больше разнообразія и дѣлаетъ стихъ болѣе твердымъ, болѣе мужественнымъ.

4-стопный ямбъ у Пушкина принялъ вполнѣ опредѣленную форму только около 1820 г. Начиная съ этого времени, Пушкинъ почти исключительно пользовался тремя главными модификаціями этого стиха: стихомъ съ 4 иктами, стихомъ съ однимъ пиррихіемъ и стихомъ съ двумя пиррихіями, не стоящими рядомъ. При этомъ Пушкинъ въ тѣхъ случаяхъ, когда пиррихій въ словѣ слѣдуетъ за удареніемъ, стремился къ тому, чтобы онъ кончалъ слово (стоялъ передъ цезурой), а въ тѣхъ случаяхъ, когда пиррихій стоитъ въ словѣ передъ удареніемъ,—чтобы онъ не начиналъ собою слово. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пуш-

кинъ предпочиталъ, чтобы пиррихій, стоящій въ словѣ послѣ ударенія, приходился на 3-ю стопу, а не на 2-ю, а пиррихій, стоящій въ словѣ передъ удареніемъ, на 1-ю стопу. Такимъ образомъ чисто - «пушкинскими» должно признать такіе стихи:

1) Съ пиррихіемъ, стоящимъ въ словѣ послѣ ударенія:

Природа жаждущихъ степей...

—

Покойныхъ рыцарей любовь...

—

Померкла молодость моя
Съ ея невѣрными дарами.

Напротивъ, стихи:

Замѣченный ея душой....

—

Иль иволги напѣвъ живой....

уже составляютъ исключеніе у Пушкина.

2) Съ пиррихіемъ, стоящимъ въ словѣ послѣ ударенія:

Непроходимыя дубравы....

—

Неизъяснимому волненью....

—

Александрійскаго столпа.....

Свое правило Пушкинъ, видимо, считалъ соблюденнымъ и тогда, когда первый слогъ стиха былъ атониченъ (проклитикой), напр.:

И толковала чернь тупая...

—

И равнодушная природа....

При такомъ же пиррихіи въ дальнѣйшихъ стопахъ Пушкинъ по возможности держался того же правила. Такъ, вполнѣ пушкинскіе стихи:

Забылся я неосторожно...

—

Вокругъ нея заговорятъ....

—

Ты рождена воспламенять
Воображеніе поэтовъ....

Но не рѣдкость встрѣтить стихи съ такимъ пиррихіемъ въ 3-й или 4-й стопѣ, гдѣ это правило нарушено, напр.:

Услышать слово роковое...

—

Казалось, плѣнникъ безнадежный
Къ унылой жизни привыкалъ....

Впрочемъ, оба правила нарушались Пушкинымъ иногда ради опредѣленныхъ цѣлей изобразительности. Такъ, пиррихій послѣ ударенія не замыкаетъ слова (преимущественно въ 3-й стопѣ), когда надо вложить въ стихъ особую страстность, напр.:

Твои плѣнительныя очи...

—

Тиха украинская ночь...

—

Пройдетъ непризнанное вновь...

Всѣ эти свойства своего 4-стопнаго ямба Пушкинъ чутьемъ угадалъ съ самаго начала своей дѣятельности. Даже въ лицейскихъ стихахъ у него весьма мало отступленій отъ нихъ. Но въ своихъ раннихъ стихахъ Пушкинъ пользовался разными формами своего ямба, такъ сказать, случайно, мало или не всегда согласуя ихъ съ содержаніемъ. Съ развитіемъ ритма Пушкина у него вырабатывается опредѣленное отношеніе къ различнымъ модификаціямъ 3-стопнаго ямба. Прослѣдить ихъ всѣ здѣсь невозможно, и приходится ограничиться нѣсколькими примѣрами.

Въ тѣхъ стихотвореніяхъ, гдѣ Пушкинъ хотѣлъ выразить настроенія нѣжныя и страстныя, онъ, въ пору расцвѣта своей ритмики, всегда пользовался стихами, богатыми пиррихіями. Напр.:

Иль только сонъ воображенья
Въ пустынной мглѣ нарисовалъ
Свои минутныя видѣнья,
Души неясный идеалъ.

Точно такъ же въ стихотвореніи «Я помню чудное мгновенье» на 24 стиха только 4 содержатъ всѣ 4 икта, причемъ нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть все же прочитаны съ пиррихіемъ («И вотъ опять явилась ты»), а одинъ, какъ нѣчто противополагающій общему настроенію стиховъ, намѣренно отягощенъ удареніями («Шли годы. Бурь порывъ мятежный...»).

Напротивъ, чтобы придать стиху суровость, Пушкинъ или рѣзко дѣлилъ его тремя цезурами, заставляя звучать всѣ четыре икта, какъ, напр.:

Подите прочь! Какое дѣло...

—

«Кто ты? Одна, порой ночною
Зачѣмъ ты здѣсь?»—Я шла къ тебѣ...

—

Выходитъ Петръ. Его глаза...

—или пользуется необычной разстановкой цезуръ, напр., тотчасъ послѣ перваго икта при пиррихіи въ первой стопѣ:

Береговой ея гранитъ...

—

Ареопагъ остервенѣлый...

—

Ты затопилъ, освирѣпѣвъ...

—

Я проходилъ пустыню міра...

Сюда же относится игра цезурами, очень тонкая у Пушкина. Стихи чисто-лирическіе обычно представляютъ у него одно связное цѣлое; напротивъ, стихи, заключающіе описаніе и повѣствованіе, большею частью рѣзко раздѣлены цезурами на части. Въ этомъ отношеніи замѣчательно описаніе выхода Петра въ «Полтавѣ». Весь «Мѣдный всадникъ» (кромѣ его лирическихъ отступленій) написанъ съ рѣзкими цезурами, порой придающими стихамъ характеръ прозы. Извѣстны замѣчательныя цезуры стиха: «Шведъ, русскій, колетъ, рубитъ, рѣжетъ...» или «Крикъ женскій, брань и смѣхъ и ропотъ...» Менѣе обращалось вниманіе на довольно частыя у Пушкина цезуры, дѣлящія стихъ на двѣ равныя половины, что сообщаетъ особую полноту стиху, какъ бы обращаетъ его въ два стиха:

Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной...

—

И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей...

—

Лукавый умъ и сила рукъ...

—

Потоплена, запружена..

Избѣгалъ Пушкинъ такого размѣщенія цезуръ, при которомъ онѣ являются послѣ каждой стопы. Но иногда, въ цѣляхъ изобразительности, онъ допускалъ и такое дѣленіе стиха, напр.:

«Зачѣмъ ты здѣсь?»—Я шла къ тебѣ...

—

Не спи, казакъ: во тьмѣ ночной...

—

Монахъ, монахъ, ко мнѣ, ко мнѣ...

Въ общемъ, можно замѣтить, что въ лирикѣ Пушкинъ модифицировалъ 4-стопный ямбъ преимущественно игрой пиррихіевъ, въ поэмахъ—игрой цезуръ.

Развивая ритмику отдѣльныхъ стиховъ, Пушкинъ въ то же время развивалъ и богатство ритмическихъ сочетаній. Уже въ «Русланѣ и Людмилѣ» можно подмѣтить стремленіе юнаго поэта строить сложныя сочетанія различныхъ ритмическихъ единицъ *). Въ пору расцвѣта своего творчества Пушкинъ достигалъ въ этомъ высшаго совершенства. Группы разно-ритмичныхъ стиховъ образуютъ у него какъ бы строфы, спаянныя въ одно цѣлое. Здѣсь не мѣсто приводить длинныя выписки. Укажемъ только, напр., на часто встрѣчающуюся у Пушкина ритмическую группу, кончающуюся приблизительно тѣмъ же ритмомъ, какъ и въ стихахъ:

и свѣтла
Адмиралтейская игла.

—или на другую, также нерѣдкую группу, кончающуюся парными, одинаково-ритмичными стихами, какъ, напр.:

Телѣги мирныя цыгановъ,
Смиренной вольности дѣтей...

Такихъ «обычныхъ» у Пушкина ритмическихъ группъ можно насчитать больше десяти. Обращаясь въ послѣдніе годы къ формѣ стансовъ, Пушкинъ отчасти желалъ, можетъ быть, освободить себя отъ этой привычной ему группировки ритмическихъ единицъ.

Пушкинъ, въ позднѣйшіе годы, опредѣленно избѣгалъ (кромѣ исключительныхъ случаевъ, когда то требовалось для высшей изобразительности) ставить рядомъ одинаково-ритмическія строки. Насколько умѣлъ Пушкинъ разнообразить ритмъ послѣдовательныхъ стиховъ, можетъ служить примѣромъ посланіе къ Языкову: «Языковъ! кто тебѣ внушилъ» или, еще лучше, стихотвореніе «Не пой, красавица, при мнѣ...» *).

Наиболѣе совершенный 4-стопный ямбъ является у Пушкина все же въ его послѣднихъ созданіяхъ, въ стихотвореніяхъ 1830—1836 г., въ «Мѣдномъ всадникѣ», «Галубѣ», «Клеопатрѣ». Здѣсь налицо всѣ тѣ свойства стиха, о которыхъ мы говорили, но особенно развита игра цезурами. Для 4-стопнаго ямба этого періода характерно уменьшеніе числа пиррихіевъ: стихъ становится такъ насыщенъ образами, что для пиррихіевъ какъ бы не остается мѣста. Что прежде достигалось накопленіемъ пиррихіевъ, Пушкинъ теперь охотнѣе выражаетъ звукописью. Вмѣстѣ съ тѣмъ многое изъ того, чего раньше онъ избѣгалъ, онъ теперь примѣняетъ свободно, умѣя изъ самыхъ недостатковъ стиха извлечь особую изобразительность. Таковы, напр., стихи: «Вы слышите ль мой голосъ грубый» или «И тронулась арба. За ней...», въ которыхъ рѣдкій у Пушкина пиррихій даетъ совершенно

*) См. «Символизмъ» А. Бѣлаго, стр. 422.

*) См. «Символизмъ» А. Бѣлаго, стр. 396 и сл.

особое впечатлѣніе: дерзкаго вопроса, въ первомъ случаѣ, движенія арбы—во второмъ. Гораздо свободнѣе ставитъ также Пушкинъ въ эти годы значимыя слова на тезисахъ стопы, напр.: «Нѣтъ, мыслитъ онъ, не замѣнитъ...», «Ты — трусъ, ты — рабъ, ты — армянинъ» (стихъ, начало котораго переходитъ въ спондеическій метръ). Впрочемъ, въ этомъ отношеніи Пушкинъ до конца соблюдалъ все же большую осторожность (см. дальше). Все это, вмѣстѣ взятое, опредѣленно отличаетъ строгій, мужественный, рѣзко дѣлимый цезурами 4-стопный ямбъ позднѣйшихъ лѣтъ Пушкина отъ 4-стопнаго ямба его юности, легкаго, женственнаго, въ которомъ каждый стихъ образуетъ какъ бы отдѣльную волну.

Тѣ правила о пиррихіяхъ и цезурахъ, которыя были отмѣчены по отношенію къ 4-стопному ямбу, Пушкинъ примѣнялъ и въ ямбѣ многостопномъ. Только въ бѣломъ 5-стопномъ ямбѣ, который Пушкинъ употреблялъ преимущественно для діалога, онъ позволялъ себѣ большую свободу. Въ діалогахъ драмъ Пушкина уже не рѣдкость встрѣтить стихи, какъ слѣдующіе:

Давно царямъ подручниками служимъ...

—

Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ...

—

Пускай ихъ спесь о мѣстничествѣ тужитъ....

—

Три мѣсяца ухаживали вы...

Точно такъ же, при цезурѣ на второй стопѣ, Пушкинъ въ ней не только не избѣгаетъ, въ 5-стопномъ ямбѣ, пиррихія, но, напротивъ, любитъ его. Совершенно пушкинскіе стихи:

Въ атласные, дырявые карманы...

—

Ни милостей ни вашего вниманья...

Также, при такой цезурѣ, встрѣчается въ 5-стопномъ ямбѣ и столкновеніе двухъ пиррихіевъ, напр.:

Современемъ и понемногу снова...

По отношенію къ цезурѣ 5-стопный ямбъ Пушкина распадается на двѣ вполнѣ различныхъ группы. До 1830 г. Пушкинъ въ 5-стопномъ ямбѣ считалъ необходимой мужскую цезуру послѣ 2-й стопы. По словамъ самого Пушкина, онъ принялъ это правило «подъ вліяніемъ французскаго пентаметра». Такъ написаны всѣ лирическія стихотворенія и поэмы 1814—1829 г.г. и «Борисъ Годуновъ». Стихи безъ опредѣленной цезуры составляютъ за эти годы у Пушкина въ 5-стопномъ ямбѣ величайшую рѣдкость; во всемъ «Борисѣ Годуновѣ» только одинъ такой стихъ. Начиная съ 1830 г., Пушкинъ, подъ вліяніемъ общаго стремленія къ большей свободѣ ритма, отказывается отъ постоянной цезуры въ 5-стопномъ ямбѣ. Въ «Домикѣ въ Коломнѣ» онъ еще говоритъ: «Я въ пятистопной строчкѣ люблю цезуру на второй стопѣ». Но самъ «Домикъ» написанъ безъ соблюденія точной цезуры. Такъ же написаны «Мицкевичъ», «Вновь я посѣтилъ», набросокъ «Въ началѣ жизни», драмы 1830 г., «Русалка» и др. Это освобожденіе придало стиху гораздо больше разнообразія. Стихи съ мужской цезурой чередуются со стихами съ цезурой женской, съ цезурой послѣ 3-й стопы и со стихами безъ опредѣленной цезуры (напр., «Но видомъ величавая жена», «Послѣдней въ Андалузіи крестьянки»). Нѣсколько жесткій въ «Годуновѣ», стихъ ожилъ, сталъ способенъ отражать самыя разнообразныя настроенія.

Напротивъ, въ 6-стопномъ ямбѣ Пушкинъ до конца строго соблюдалъ постоянную мужскую цезуру послѣ 3-й стопы. Кажется, во всемъ творчествѣ Пушкина есть лишь три стиха, нарушающихъ (вѣроятно, случайно) это правило:

За городомъ въ проклятой вентѣ. Я Лауры...

—

Убилъ его родного брата. Правда, жаль...

—

Все жалобы, упреки, слезы,—мочи нѣтъ...

Развитіе 6-стопнаго ямба шло у Пушкина особымъ путемъ. Пушкинъ постепенно облегчалъ этотъ стихъ, вводя пиррихіи въ новыхъ стопахъ и особенно все чаще примѣняя пиррихическую цезуру. Такъ, напр., въ первыхъ 30 стихахъ посланія «Къ другу стихотворцу» (1814 г.) всего 9 стиховъ съ пиррихической цезурой; въ стихотвореніи «Когда за городомъ задумчивъ я брожу» (1836 г.) на 28 стиховъ такихъ цезуръ уже 13. Въ стихотвореніи «Примѣты» (1822 г.), при 14 стихахъ, пиррихическихъ цезуръ всего 3; въ «Молитвѣ» (1836 г.), при 16 стихахъ, ихъ 8. Въ посланіи «На возвращеніе государя императора» (1815 г.), во всѣхъ 88 стихахъ, такихъ цезуръ только 25, т.-е. 30%; въ наброскѣ «Тогда я демоновъ» (1832 г.), при 19 стихахъ, ихъ 14, т.-е. 75%. Въ видѣ исключенія число пиррихическихъ цезуръ болѣе значительно въ

нѣсколькихъ элегіяхъ раннихъ лѣтъ и въ посланіи къ Жуковскому, гдѣ Пушкинъ, видимо, поддался вліянію техники того поэта, къ которому обращалъ свои стихи. Такимъ образомъ, если 4-стопный ямбъ съ годами становился у Пушкина болѣе мужественнымъ, то ямбъ 6-стопный, наоборотъ, постепенно освобождался отъ свойственной ему сухости, становился болѣе легкимъ, болѣе женственнымъ.

Съ развитіемъ своей техники Пушкинъ развивалъ также и игру цезурами въ 5- и 6-стопномъ ямбѣ. Въ раннихъ стихахъ цезуры смысловыя почти всегда совпадаютъ съ цезурами метрическими; enjambements весьма рѣдки. Но уже въ 20-хъ годахъ Пушкинъ начинаетъ искать разнообразія для многостопныхъ ямбовъ въ игрѣ цезурами. Онъ уже охотно дѣлитъ такіе стихи на три части (напр.: «Судьба глядитъ, мы вянемъ, дни бѣгутъ»), переноситъ смыслъ изъ конца одного стиха (и не только съ полустишія) въ начало другого, противополагаетъ сплошные стихи—дробленнымъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно стихотвореніе «Покровъ, упитанный...» (1825 г.), въ которомъ порывистость движеній Алкида выражена стихами съ рѣзкими цезурами, а освобожденіе духа героя—связностью послѣднихъ полутора стиховъ. Высокаго совершенства и полной свободы отъ метра достигаетъ эта игра цезурами въ стихахъ послѣднихъ лѣтъ, напр., въ сонетѣ «Поэту»:

Ты—царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди...

Прекрасные примѣры того же находимъ въ посланіи «Вельможа», въ поэмѣ «Анджело» и др.

Разностопный ямбъ (прежде называвшійся «вольнымъ» стихомъ), которымъ Пушкинъ охотно пишетъ въ первую половину своей дѣятельности, потомъ вовсе исчезаетъ изъ его творчества. Сохраняется только правильное чередованіе длинныхъ и короткихъ ямбическихъ строкъ, напр., 6- и 4-стопнаго ямба.

Хорей получилъ развитіе у Пушкина только во вторую половину дѣятельности. Но очень рано Пушкинъ усвоилъ себѣ взглядъ, что во всѣхъ хореическихъ строчкахъ, какой бы длины онѣ ни были, первая стопа должна быть замѣнена пиррихіемъ. Болѣе частыя нарушенія этого правила мы находимъ только въ раннихъ стихахъ Пушкина, напр.:

Помнишь ли, мой братъ, по чашѣ...
—
Стелется туманъ ненастный....
—
Каждый у своей гробницы....

Напротивъ, чисто-пушкинскіе хореи звучатъ такъ:

Узнаемъ коней ретивыхъ...
—
Равнодушно уходила...

Въ пору расцвѣта техники Пушкина хореи съ иктомъ на первомъ слогѣ встрѣчаются крайне рѣдко, и то большею частью въ первомъ стихѣ пьесы, напр.:

Блеща средь полей широкихъ....
—
Долго сихъ листовъ завѣтныхъ....

или при дѣленіи стиха цезурами на три части, напр.:

Въ службѣ, въ картахъ и въ пирахъ....

Болѣе часты они въ сказкахъ, написанныхъ вообще очень свободнымъ стихомъ. Въ нихъ не рѣдкость стихи вродѣ слѣдующихъ:

Времени не тратя даромъ....
—
Дѣвицу въ живыхъ оставить....
—
Бабушка, постой немножко....

Что касается пиррихія въ 3-й стопѣ 4-стопнаго хорея, то онъ подчиняется у Пушкина тому же правилу, какъ въ ямбѣ, т.-е. чаще всего стоитъ передъ цезурой, если слѣдуетъ въ словѣ послѣ ударенія. Такъ, совершенно пушкинскіе стихи:

Только пьяное вино....
—
Краснощекому Здоровью....
—
Посмѣялася рѣчамъ....

Исключеній изъ этого правила у Пушкина немного; таковъ, напр., стихъ:

Предсѣдательница оргій....

Цезуры въ хореяхъ у Пушкина гораздо однообразнѣе, чѣмъ въ ямбѣ. Самая обычная дѣлитъ стихъ на двѣ половины:

Русскій штыкъ иль русскій флагъ....
—
Не стыдись, навѣкъ ты мой....
—

Скучно, грустно... Завтра, Нина....

—

Отъ недуга, отъ могилы....

—

Отъ измѣны, отъ забвенья
Сохранитъ мой талисманъ....

Благодаря обязательному пиррихію въ первой стопѣ, число модификацій хорея оказывается гораздо меньшимъ, чѣмъ ямба. Поэтому и ритмическія сочетанія хореевъ у Пушкина гораздо бѣднѣе, чѣмъ сочетанія ямбовъ. Впрочемъ, во многихъ хореическихъ пьесахъ Пушкинъ намѣренно придавалъ стихамъ однообразное ритмическое движеніе, выражая грусть, уныніе, напр., въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ „Сквозь волнистые туманы», «Буря», «Мчатся тучи», или, стараясь выразить удаль, въ пѣснѣ «Пиръ Петра Великаго». Болѣе разнообразны ритмическія сочетанія въ стихахъ «экзотическихъ» и на античныя темы. Такъ, напр., въ пьесѣ «Узнаемъ коней ретивыхъ» одинаковое построеніе имѣютъ лишь стихи, одинаковые по содержанію (1-й, 3-й и 6-й), остальные всѣ различны; въ пьесѣ «Порѣдѣли, побѣлѣли» ритмъ только двухъ стиховъ повторяется вполнѣ и т. д.

Въ двухсложныхъ размѣрахъ особенно важенъ вопросъ о постановкѣ значимыхъ словъ на тезисахъ стопы. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ всегда былъ очень остороженъ. Широкое развитіе спондеевъ въ ямбахъ и хореяхъ произошло уже въ послѣ-Пушкинскую эпоху. У него самого они являются лишь въ самомъ затаенномъ видѣ. Такъ, напр., онъ позволялъ себѣ начинать ямбъ двумя одинаковыми односложными словами, напр.:

Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный...

—

Всѣ, всѣ уже прошли...

—

Что, что ты врешь?..

—

Ты, ты всѣхъ бѣдъ моихъ виною...

Гораздо рѣже на первомъ слогѣ стоитъ особое значимое слово:

Тронъ ждетъ тебя...

—

Такъ. Памятникъ жена ему воздвигла...

—

Крикъ женскій, брань и смѣхъ и ропотъ...

—

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья...

—

Шведъ, русскій, колетъ, рубитъ, рѣжетъ...

На тезисахъ другихъ стопъ это встрѣчается еще рѣже и еще затаеннѣе, напр.:

Скажи... пѣтъ, послѣ переговоримъ...

—

Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ...

Напротивъ, Пушкинъ широко прибѣгалъ къ атонированію двухсложныхъ словъ, ставя въ ямбической стопѣ малозначущія хореическія слова. Въ раннихъ стихахъ встрѣчаются даже такіе примѣры:

Вы чинно, молча, сложа руки...

—

Долго бъ спать было совѣтникамъ...

Позднѣе Пушкинъ допускалъ атонированіе лишь предлоговъ, союзовъ и мѣстоименій. Подобныхъ примѣровъ довольно много на всемъ протяженіи его творчества, напр., въ ямбахъ:

Черезъ его шагнете кости...

—

Передо мной явилась ты...

—

Или, но это кромѣ шутокъ...

—

Или уже они увяли...

—

Или сосѣдняя долина...

—

Я предлагаю выпить въ его память...

То же въ хореяхъ:

Гезіодъ или Омиръ...

—

Съ того свѣта привидѣніемъ...

—

Не отвергнуть сего случая...

—

Его за руку взяла...

Въ черновомъ наброскѣ стиховъ «Съ португальскаго»:

Она пѣснѣ улыбалась...

А въ сказкахъ даже:

Войска идутъ день и ночь...

Въ виду такого стремленія атонировать двухсложныя слова, можно думать, что самъ Пушкинъ считалъ иные хореи, гдѣ въ первой стопѣ стоитъ иктъ, за начинающіеся съ проклитики, напр.:

Сколько разъ повиновался...

—

Помня первыя свиданья...

—

ПУШКИНЪ.

Константина Сомова.

Скучно, грустно... Завтра, Муза...

От недуга, от могилы...

От измѣны, от забвенья
Сохранить мой талисманъ...

Благодаря обязательному ямбическому въ первой стопѣ, число модификацій хорея оказывается гораздо меньшимъ, чѣмъ ямба. Поэтому и ритмическія сочетанія хореевъ у Пушкина гораздо бѣднѣе, чѣмъ сочетанія ямбовъ. Впрочемъ, во многихъ хореическихъ пьесахъ Пушкинъ намѣренно придавалъ стихамъ однообразное ритмическое движеніе, выражая грусть, уныніе, напр., въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ «Сквозь волнистые туманы», «Буря», «Мчатся тучи», или, стараясь выразить удаль, въ пѣснѣ «Пиръ Петра Великаго». Болѣе разнообразны ритмическія сочетанія въ стихахъ «экзотическихъ» и на античныя темы. Такъ, напр., въ пьесѣ «Узнаешь коней ретивыхъ» одинаковое построеніе имѣютъ лишь стихи, одинаковые по содержанію (1-й, 3-й и 6-й), остальные всѣ различны; въ пьесѣ «Порѣбѣли, [illegible] только двухъ стиховъ повторяется вполнѣ и т. д.

Въ двухсложномъ размѣрѣ особенно важенъ вопросъ о постановкѣ значимыхъ словъ на тезисахъ стопы. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ всегда былъ очень остороженъ. Широкое развитіе спондеевъ въ ямбахъ и хореяхъ произошло уже въ послѣ-Пушкинскую эпоху. У него самого они являются лишь въ самомъ затаенномъ видѣ. Такъ, напр., онъ позволялъ себѣ начинать ямбъ двумя одинаковыми односложными словами, напр.:

Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ лѣсъ чудесный...

Всѣ, всѣ уже прошли...

Что, что ты врешь...

Ты, ты всѣхъ обѣдъ моихъ виною...

Гораздо рѣже на первомъ слогѣ стоитъ [illegible] значимое слово:

Гробъ ждетъ тебя...

[illegible]ъ. Мамкинъ жена ему поздравила...

Крикъ женскій, брань и смѣхъ и ропотъ...

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья...

Мечъ, русскій, колетъ, рубитъ, рѣжетъ...

На тезисахъ другихъ стопъ это встрѣчается еще рѣже и еще затаеннѣе, напр.:

Скажи... нѣтъ, послѣ переговоримъ...

Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ...

Напротивъ, Пушкинъ широко прибѣгалъ къ атонированію двухсложныхъ словъ, ставя въ ямбической стопѣ малозначущія хореическія слова. Въ раннихъ стихахъ встрѣчаются даже такіе примѣры:

Вы чинно, молча, сложа руки...

Долго бъ спать было совѣтникамъ...

Позднѣе Пушкинъ допускалъ атонированіе лишь предлоговъ, союзовъ и мѣстоименій. Подобныхъ примѣровъ довольно много на всемъ протяженіи его творчества, напр., въ ямбахъ:

Черезъ его шагнете кости...

Передо мной явилась ты...

Или, но это кромѣ шутокъ...

Или уже они увяли...

Или сосѣдняя долина...

Я предлагаю выпить въ его память...

То же въ хореяхъ:

Гезіодъ или Омиръ...

Съ того свѣта привилѣгіемъ...

Не отвергнуть сего случая...

Его за руку взяла...

Въ черновомъ наброскѣ стиховъ «Съ португальскаго»:

Она пѣснѣ улыбалась...

А въ сказкахъ даже:

Войска идутъ день и ночь...

Въ виду такого стремленія атонировать двухсложныя слова, можно думать, что самъ Пушкинъ считалъ иные хореи, гдѣ въ первой стопѣ стоитъ иктъ, за начинающіеся съ проклитики, напр.:

Сколько разъ повиновался...

Помня первыя свиданья...

Кудри—честь главы моей...

—

Парка счетъ ведетъ имъ строго... *)

Надо добавить, что, при всемъ чутьѣ Пушкина къ стиху, ему случалось ошибаться въ счетѣ стопъ, что показываетъ извѣстную условность нашего стихосложенія. Такъ, среди 6-стопныхъ стиховъ у Пушкина не разъ оказываются 5-стопные. Въ александрійскихъ стихахъ «Нѣтъ, я не дорожу...» находимъ 5-стопный стихъ:

Когда склонясь на долгія моленья...

Въ заключеніи элегіи «Когда для смертнаго» (окончательно не отдѣланномъ) на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ бы по метру стоять 6-стопный стихъ, читаемъ:

И сердцу вновь паноситъ хладный свѣтъ...

Въ стихотвореніи «Къ Н*» опять 5-стопный стихъ:

Ты проклялъ насъ, безсмысленныхъ дѣтей...

Наоборотъ, среди 5-стопныхъ стиховъ иногда проскальзываютъ 6-стопные. Въ «Каменномъ гостѣ» три 6-стопныхъ стиха:

Убилъ его родного брата. Правда, жаль...

—

Ну, въ знакъ того, что ты совсѣмъ ужъ не сердита...

—

За городомъ, въ проклятой вентѣ. Я Лауры...

Въ стихахъ «Вновь я посѣтилъ» 6-стопный стихъ:

Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи...

Даже въ «Борисѣ Годуновѣ»:

У Вишневецкаго, что на одрѣ болѣзни...

Въ неотдѣланной «Русалкѣ», вмѣсто 5-стопныхъ, находимъ стихи 6-стопные и 4-стопные; то же въ наброскѣ «Въ началѣ жизни» и въ др. **) Въ черновомъ наброскѣ «Кормомъ, стойлами, надзоромъ», написанномъ 5-стопнымъ хореемъ, находимъ стихи 4- и 6-стопные. Немало метрическихъ промаховъ въ Лицейскихъ стихахъ, не подвергшихся окончательной обработкѣ.

Сравнительно съ двухсложными размѣрами, трехсложные разработаны Пушкинымъ гораздо менѣе.

Амфибрахій является у Пушкина всегда въ чистомъ видѣ: онъ не допускалъ въ немъ анакрусы *). Въ тезисахъ стопъ Пушкинъ съ самаго начала свободно ставилъ атонированныя слова. Только въ тщательно обработанной «Пѣснѣ о вѣщемъ Олегѣ» онъ ихъ рѣшительно избѣгалъ, позволяя себѣ атонировать лишь односложныя малозначущія слова—

Открой мнѣ всю правду, не бойся меня...

Въ другихъ стихахъ, писанныхъ амфибрахіемъ, находимъ атонированными и значущія слова—

Мы вольныя птицы, пора, братъ, пора...

—

Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой...

и атонированныя двухсложныя слова, даже ямбическія:

Я далъ ему злата и проклялъ его...

—

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ...

—

А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни...

Технику гекзаметра и дистиховъ (гекзаметра съ пентаметромъ) Пушкинъ заимствовалъ у Гнѣдича и Дельвига, не внеся въ нее ничего существенно своего. Впрочемъ, замѣну дактиля хореемъ Пушкинъ допускалъ почти исключительно въ первой стопѣ и послѣ цезуръ, главной или второстепенной. Такъ, напр., вполнѣ пушкинскій гекзаметръ:

Чистый лоснится полъ; стеклянныя чаши блистаютъ...

Такую замѣну Пушкинъ допускалъ и при односложномъ словѣ въ началѣ стиха:

Медъ и сыръ молодой, все готово, весь убранъ цвѣтами...

Примѣромъ замѣны дактиля хореемъ послѣ второстепенной цезуры можетъ служить стихъ:

Злое дитя, старикъ молодой, властелинъ доброправный...

Извѣстно, что въ «Загадкѣ» третій стихъ былъ написанъ Пушкинымъ съ метрической ошибкой и исправленъ (не совсѣмъ удачно) издателями.

Въ анапестѣ Пушкинъ свободно допу-

*) Другіе примѣры см. у Ѳ. Е. Корша, op. cit.

**) Другіе примѣры см. тамъ же.

*) Анакрусу въ амфибрахіи охотно допускалъ Лермонтовъ. См., напр., его стихотвореніе «Русалка плыла по рѣкѣ голубой...»

скалъ въ тезисахъ стопъ, особенно первой, не только значущія односложныя слова («Снѣгъ на землю валится...»), но и значущія двухсложныя, впрочемъ, только хореическія. Таковы анапесты:

Старый мужъ, грозный мужъ...

—

Жарче лѣтняго дня...

—

Тихо заперъ я двери...

—

Солнце жизни моей...

Въ балладѣ «Будрысъ и его сыновья» (1833 г.) такія athona въ первой стопѣ даже преобладаютъ надъ пиррихіями:

Дѣти, сѣдла чините...

—

Жены ихъ, какъ въ окладахъ...

—

Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта...

Особенность пушкинской метрики составляютъ народные размѣры. Ими написано большинство «Пѣсенъ западныхъ славянъ», «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ» и нѣсколько отдѣльныхъ стихотвореній. Въ основу этого размѣра,—какъ и размѣра нашихъ былинъ *),—положенъ не счетъ слоговъ и удареній, а счетъ значимыхъ выраженій въ стихѣ. У Пушкина каждый стихъ заключаетъ въ себѣ большей частью три значущихъ выраженія. Напр.:

Что бѣлѣетъ | на горѣ | зеленой?
Снѣгъ ли то | али лебеди | бѣлы?
Былъ бы снѣгъ | онъ давно бъ | растаялъ,
Были бъ лебеди | они бъ | улетѣли.

Другой примѣръ:

Не два волка | въ оврагѣ | грызутся,
Отецъ съ сыномъ | въ пещерѣ | бранятся.
Старый Петро | сына | укоряетъ.

Начальныя слова въ этомъ отрывкѣ такъ же атонированы, какъ то обычно у Пушкина въ анапестѣ. Примѣръ изъ «Сказки о рыбакѣ и рыбкѣ»:

Въ дорогой | собольей | душегрѣйкѣ,
Парчевая | на маковкѣ | кичка,
Жемчуги | окружили | шею,
На рукахъ | золотые | перстни,
На ногахъ | красные | сапожки.

Примѣръ такого же стиха, съ двухдольнымъ дѣленіемъ:

Сталъ | воевода
Требовать | подарковъ.
Поднесъ | Стенька Разинъ
Камки | хрущатыя,
Парчи | золотыя.

Совершенно произвольнымъ стихомъ написана «Сказка о попѣ и работникѣ его Балдѣ». Подобно присказкамъ раешниковъ, она основана исключительно на конечныхъ созвучіяхъ. Отдѣльные стихи могутъ быть при этомъ произвольнаго метра и произвольной длины. Сходнымъ складомъ написано поминовеніе «Господина Шафонскаго».

Къ народнымъ размѣрамъ Пушкинъ обратился уже въ послѣдній періодъ своей дѣятельности, когда почувствовалъ, что его ритмика вполнѣ освободилась отъ власти метра.

3.

Звуковая гармонія стиха Пушкина основывается главнымъ образомъ на игрѣ риѳмами, аллитераціяхъ и словесной инструментовкѣ.

Въ своихъ раннихъ стихахъ Пушкинъ относился довольно небрежно къ этимъ началамъ. Во второмъ періодѣ онъ выработалъ себѣ строгія правила для риѳмы и въ отдѣльныхъ стихахъ прибѣгалъ къ тонкой инструментовкѣ и къ смѣлымъ аллитераціямъ. Только въ третьемъ періодѣ звуковая гармонія стиха Пушкина достигаетъ полнаго развитія.

Въ Лицейскихъ стихахъ Пушкина много крайне небрежныхъ риѳмъ. Образцами въ риѳмахъ юный Пушкинъ избралъ себѣ Батюшкова и Жуковскаго, не послѣдовавъ ни за Державинымъ, считавшимъ достаточнымъ риѳмовать гласныя, не обращая вниманія на согласныя, ни за Херасковымъ, стремившимся соблюдать въ риѳмѣ опорную согласную. Но неопытность молодого стихотворца заставляла Пушкина часто дѣлать прямыя ошибки въ риѳмовкѣ словъ. Такъ, въ Лицейскихъ стихахъ встрѣчаемъ риѳмы: «богатства—государства», «брегъ—повергъ», «макъ—крылахъ», «китайца—американца», «весельи—исчезли», «радъ—писать» и т. д.*).

Во второмъ періодѣ Пушкинъ вырабатываетъ для себя правила риѳмы, въ общемъ соблюдаемыя русскими поэтами до

*) См. изслѣдованіе П. Д. Голохвастова «Законы стиха», СПб. 1883.

*) Значительный списокъ такихъ риѳмъ (однако, не исчерпывающій) см. у Ѳ. Е. Корша, op. cit., стр. 18.

сихъ поръ. Пушкинъ считаетъ риѳму, начиная съ ударяемой гласной, не обращая вниманія на опорную согласную. Только для мужскихъ риѳмъ на гласную онъ признаетъ нужнымъ, да и то не всегда (по образцу французскихъ поэтовъ), риѳмовать и опорную согласную. Сходные въ произношеніи звуки въ риѳмѣ смѣшиваются: *а* и *я*, *ы* и *и*, *о* и *е*, *у* и *ю*, *ѣ* и *е*, *д* и *т*, *з* и *с*, *ф* и *в*, *б* и *п*, *ж* и *ш*, *к* и *г* и т. д. Смѣшиваются и сходныя, въ произношеніи, окончанія *ого* (правописаніе временъ Пушкина *аго*) и *ова*. Приставка *й* къ неударяемому слогу въ концѣ слова не измѣняетъ риѳмы. Не измѣняютъ ее и сходныя (обѣ твердыя или обѣ мягкія) гласныя, стоящія послѣ ударенія, напр., *о* и *ы*, *и* и *е* (*ѣ*). Энклитическія слова, безъ ударенія, тѣсно примыкающія къ предыдущему слову, риѳмуются съ цѣлымъ созвучнымъ словомъ, образуя составную риѳму, и т. д.

Такимъ образомъ, чисто-пушкинскими риѳмами надо признать слѣдующія: 1) при сходныхъ звукахъ: «какъ-нибудь—блеснуть», «брегетъ—обѣдъ», «разъ—васисдасъ», «увѣренъ—Каверинъ», «подъ Азовомъ—суровымъ», «послушный—простодушной», «милый—силой», «снова — рокового», «младого—снова» и т. д.; 2) при дополненіи звука *й*: «мечтаній—нянѣ», «славы—лукавый»; надо замѣтить, что такихъ риѳмъ у Пушкина сравнительно немного, но зато, отчасти подъ вліяніемъ правописанія своего времени, Пушкинъ считалъ себя вправѣ риѳмовать не только *ый* и *ой*, но и *ый* и *о* (неударяемые), напр.: «благородный — угодно»; 3) составныя риѳмы: «моложе—что же», «нельзя ли—побѣжали», «нельзя ль—жаль», «Чайльдъ - Гарольдомъ — сóльдомъ», «отвѣчай-ка—хозяйка» и т. п.

Однако, даже въ пору расцвѣта техники Пушкина, въ его стихахъ встрѣчаются различныя уклоненія отъ такихъ правилъ, частью намѣренныя, преслѣдующія извѣстныя цѣли изобразительности, частью—объясняемыя только недосмотромъ поэта.

Во-первыхъ, и въ поэмахъ и въ лирикѣ встрѣчаются единичные стихи не риѳмованные. Часто это можно объяснить ошибкой издателей или переписчика (хотя бы переписчикомъ былъ самъ Пушкинъ). Такихъ стиховъ немало въ Лицейскомъ періодѣ, но есть они и въ позднѣйшихъ. Такъ, въ стихотвореніи „Риѳма—звучная подруга“ въ первой строфѣ остался не риѳмованнымъ 4-й стихъ, отчего вся строфа стала короче слѣдующихъ. Въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ остается безъ риѳмы стихъ: „Мелькала дѣва предо мной“. Въ „Мѣдномъ всадникѣ“ безъ риѳмы осталось 3 стиха: „И не нашелъ уже слѣдовъ“, „На городъ кинулась. Предъ нею“, „А спалъ на пристани. Питался“ и т. под. Наоборотъ, случается у Пушкина, что одна и та же риѳма повторяется слишкомъ долго. Такъ, въ поэмахъ и длинныхъ стихотвореніяхъ риѳма одного четверостишія иногда не только повторяется въ слѣдующемъ, но идетъ даже далѣе. Таковы риѳмы въ концѣ 1-й пѣсни „Полтавы“: „забываетъ—открываетъ—затмеваетъ — воображаетъ“, или риѳмы „Вадима“, гдѣ одно слово повторяется дважды: „Старика—вѣтерка—рѣка—старика“ и др.

Во-вторыхъ, Пушкинъ иногда слишкомъ свободно понималъ сходство звуковъ. Нельзя осудить, несмотря на ихъ смѣлость, риѳмъ, какъ „пожалуй—малый“, „оракулъ — каракуль“, но, по выраженію Ѳ. Е. Корша, конечно, самъ Пушкинъ „не одобрилъ бы такихъ созвучій, каковы“: „Васька—коляска“, „вручивъ—вкривь“, „низкій—александрійскій—склизкій“, „молотъ—городъ“, „союзъ—боюсь“ и т. под. Кромѣ того, не всегда требуя для мужской риѳмы на гласную опорной согласной, Пушкинъ идетъ въ этомъ отношеніи слишкомъ далеко. Можно примириться съ тѣмъ, что онъ риѳмуетъ безъ опорной согласной слова на *я* и *ю* (какъ іотированныя гласныя) и даже на *и* (какъ на гласную, очень сильную въ произношеніи), напр.: „меня—моя“, „себя—я“, „пою—молю“, „королю—свою“, „любви—мои“, „колеи—земли“. Уже слабѣе риѳмы, какъ: „пустой—землей“, „мое—Gillot“, но совсѣмъ слабыми надо признать риѳмы, какъ: „она — сошла“, „плоды — мечты“, „пуста—пруда“, „толпу — арбу“. Недостаткомъ риѳмы является и риѳмовка двойной согласной (въ женскихъ окончаніяхъ) съ одной: „бездыханна—Діана“ и т. под.

Съ современной точки зрѣнія приходится осудить еще риѳмовку *ё* съ *е*: „черкеса—утеса“, „лѣсъ—грезъ“, „желѣзы—слезы“, „тяжелой—оробѣлой“ и т. под. Наконецъ, недочетомъ риѳмы является и риѳмовка словъ одного корня, что нерѣдко у Пушкина: „скажи — укажи“, „отважно — важно“, „знать—узнать“, „шли—нашли“, „снесъ—донесъ“ и т. д. При этомъ Пушкинъ порой довольствуется простымъ повтореніемъ слова, вмѣсто риѳмы, иногда въ новомъ смыслѣ, иногда въ томъ же: „сапоги — сапоги“ (въ пѣснѣ Франца), „міра — мира“ („Безвѣріе“), „міра—мира“

(„Русланъ"), „до нихъ—ихъ" („Е. О.") и т. д. Иногда этотъ пріемъ производится Пушкинымъ явно намѣренно, въ произведеніяхъ шутливыхъ, въ народномъ складѣ и т. под., напр.: „А что же дѣлаетъ супруга—одна въ отсутствіе супруга" („Графъ Нулинъ"), „гости—въ гости" („О царѣ Салтанѣ"), „слезы точитъ—ножъ... точитъ" („Женихъ"). Сюда же относятся риѳмы составныя, буквально повторяющія слово: „по калачу—поколочу", „по лбу—полбу".

При всѣхъ этихъ единичныхъ промахахъ, риѳмовку Пушкина должно признать очень замѣчательной и придающей стиху особую силу. Сила риѳмы Пушкина—въ ея естественности. Пушкинъ не щеголяетъ рѣдкостью и изысканностью риѳмы; „новыхъ" риѳмъ у него немного. Словарь риѳмъ Пушкина показалъ бы, какъ часто у него повторяются однѣ и тѣ же пары созвучій, особенно мужскихъ. Но Пушкинъ внимательно заботился о двухъ вещахъ: 1) чтобы риѳмующееся слово естественно приходилось на конецъ стиха и 2) чтобы подъ риѳму попадали тѣ слова, на которыя почему-либо надо обратить особое вниманіе читателя, на которыхъ лежитъ смысловое удареніе. Благодаря этому, риѳма Пушкина—не случайное украшеніе, но необходимый элементъ стиха, нѣчто связанное съ нимъ органически, его существенная часть. Риѳма Пушкина не только отмѣчаетъ концы стиховъ (ея первое назначеніе въ тоническомъ стихѣ), но могущественно способствуетъ общему художественному впечатлѣнію, выдвигаетъ образы, подчеркиваетъ мысли, оттѣняетъ музыку ритма. Чтобы вполнѣ показать это, пришлось бы выписать сотни примѣровъ. Ограничимся двумя-тремя.

Возьмемъ отрывокъ:

Альфонсъ садится на коня;
Ему хозяинъ держитъ стремя.
«Синьоръ, послушайтесь меня:
Пускаться въ путь теперь не время».

Это—примѣръ естественности въ расположеніи риѳмъ. Нельзя и въ прозѣ разставить слова въ иномъ порядкѣ. Риѳмующіяся слова съ необходимостью падаютъ на концы стиховъ. Это создаетъ впечатлѣніе необыкновенной простоты рѣчи: риѳма не чувствуется, но свое назначеніе исполняетъ.

Возьмемъ другой примѣръ:

Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.

Или:

По лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.

Это—примѣры того, какъ Пушкинъ ставитъ подъ риѳму слова особенно значительныя въ стихѣ, тѣ, на которыя должно обратить особое вниманіе, которыя должны запомниться больше всѣхъ другихъ. Благодаря этому, тѣ «наглагольныя риѳмы», которыя Пушкинъ защищалъ въ «Домикѣ въ Коломнѣ», кажутся во второмъ четверостишіи нужными и естественными. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые стихи Пушкина особенно характерны, напр.: «Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой»; поэтъ хотѣлъ дать образъ именно широкой Невы, а не вообще рѣки. Наоборотъ, онъ пишетъ: «И въ нихъ широкими рѣками Вливались улицы»; здѣсь важнѣе было сравненіе улицъ съ «рѣками», а «широкими» является лишь дополнительнымъ эпитетомъ.

Изобразительное значеніе риѳмы у Пушкина наиболѣе сказывается въ стихотвореніяхъ «характерныхъ» (нѣсколько «стилизованныхъ») и шутливыхъ. Таковы, напр., риѳмы въ «Утопленникѣ», въ «Гусарѣ» (1833 г.), во многихъ эпиграммахъ. Звуковое значеніе пушкинской риѳмы полно раскрывается въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ «Я помню чудное мгновенье», «Что въ имени тебѣ моемъ», «Сквозь волнистые туманы», «Мчатся тучи, вьются тучи» и др.

Пушкинъ пользовался почти исключительно риѳмами женскими и мужскими. При этомъ женская риѳма у него разработана гораздо больше, нежели мужская. Среди мужскихъ риѳмъ Пушкина особенно много обычныхъ паръ, повторяющихся по нѣсколько разъ. Однако, среди тѣхъ и другихъ есть отдѣльные примѣры и риѳмы «богатой»: «капать—лапоть», «бездной—желѣзной», «времена—Карамзина», «честь—есть» (также тѣ составныя риѳмы, которыя были приведены выше), и примѣры риѳмы «сочной» (съ опорной согласной): «скрежетъ—рѣжетъ», «власами—глазами», «раскаты — рогаты», «заглушенъ — женъ», «страсть—обокрасть», и примѣры риѳмы многосложной: приведенные выше «по калачу—поколочу», «по лбу—полбу» и др. Довольствуясь обычно парою риѳмъ, Пушкинъ въ послѣдніе годы полюбилъ «тройное созвучіе»: такъ написаны, по самой формѣ строфъ, его октавы, терцины, за-

тѣмъ стихотворенія «Въ послѣдній разъ твой образъ милый», «Пажъ» и др. Въ сонетахъ имѣемъ образецъ четырежды повторяющейся риѳмы; то же въ строфахъ «Обвала» и «Эха».

Однако, Пушкинъ не былъ чуждъ и многосложныхъ риѳмъ. Уже въ Лицейскихъ стихахъ встрѣчаются трехсложныя окончанія (безъ риѳмъ) и, въ гимнѣ «Боже царя храни» (въ которомъ Пушкинъ слѣдовалъ размѣру Жуковскаго), дактилическія риѳмы: «смирителю—хранителю—утѣшителю», «безмятежною—надежною—нѣжною» и т. д. Въ отрывкѣ «Не розу паѳосскую» (1835 г.) опять находимъ дактилическія риѳмы: «паѳосскую—ѳеосскую», «оживленную—окропленную». Дактилическая риѳма встрѣчается и въ одной эпиграммѣ: «плотію—Фотію». Четырехсложныя окончанія встрѣчаются въ эпиграммѣ на Стурдзу: «библическаго—монархическаго» и въ отрывкѣ «А въ ненастные дни»: «выигрывали—отписывали» (что, впрочемъ, можно разсматривать, какъ слабую мужскую риѳму). Въ «Сказкѣ о попѣ» находимъ и дактилическія и четырехсложныя риѳмы: «нахвалится—печалится», «понатужился—понапружился», «покрякиваетъ—вскакиваетъ» *).

Въ сочетаніяхъ риѳмъ Пушкинъ предпочиталъ чередованіе женской и мужской или мужской и женской. Однимъ выборомъ начальной риѳмы (мужской или женской) онъ умѣлъ видоизмѣнять самый характеръ стихотворенія (ср., напр., характеръ стихотвореній, начинающихся мужской риѳмой: «Не пой, красавица, при мнѣ», «Обвалъ», «Монастырь на Казбекѣ»). Но въ строфахъ Пушкинъ любилъ ставить рядомъ двѣ женскихъ или двѣ мужскихъ риѳмы; такъ построена строфа «Евгенія Онѣгина», строфы «Сраженнаго рыцаря», «Жениха», «Гимна въ честь чумы», стихотвореній «Въ послѣдній разъ...», «Риѳма—звучная подруга», «Пажъ» и мн. др. Сюда же должно отнести всѣ двухстишія, какъ въ александрійскомъ стихѣ, такъ и самостоятельно созданныя поэтомъ (напр., въ «Полтавѣ»—пѣсня «Кто при звѣздахъ и при лунѣ», «Черную шаль», «Съ португальскаго» и др.) Такія же сочетанія одинаковыхъ риѳмъ, стоящихъ рядомъ, обычны у Пушкина въ поэмахъ и длинныхъ, не строфическихъ стихотвореніяхъ. Есть у Пушкина и стихотворенія, написанныя сплошь съ однимъ мужскимъ или однимъ женскимъ, или однимъ дактилическимъ окончаніемъ. Наконецъ, есть попытка построить строфу изъ 3-хъ риѳмъ, причемъ каждая появляется лишь черезъ три стиха,—набросокъ:

Не розу паѳосскую,
Росой оживленную,
Я нынѣ пою;
Не розу ѳеосскую,
Виномъ окропленную,
Стихами хвалю.

Независимо отъ риѳмъ, стихъ Пушкина исполненъ высокой музыкальности. Это достигается, прежде всего, крайне осторожнымъ выборомъ звуковъ. Какъ эвритмистъ, Пушкинъ не знаетъ себѣ равныхъ въ русской поэзіи до нашихъ дней. Можно указать у него лишь самое ограниченное число неудачныхъ сочетаній звуковъ. Напротивъ, наблюдая сочетанія и столкновенія согласныхъ и гласныхъ у Пушкина, мы постоянно видимъ величайшую заботливость поэта о легкомъ, музыкальномъ переходѣ отъ одного слога, отъ одного слова, отъ одного стиха къ другому. Для Пушкина характерны такіе переходы отъ слова къ слову, какъ: «Отрокъ милый, отрокъ нѣжный», «Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ», «Богъ помочь вамъ, друзья мои», «Рѣжь меня» и т. под., гдѣ столкновенія согласныхъ не даютъ никакого затрудненія въ чтеніи, или «Мои утраченные годы», «Гордой юности моей», «Легко и радостно играетъ», «Порой опять» и т. д., гдѣ столь же легки столкновенія гласныхъ. Впрочемъ, столкновенія гласныхъ у Пушкина сравнительно рѣдки: въ большинствѣ случаевъ слово, кончающееся на гласную, а тѣмъ болѣе на двѣ гласныхъ, вызываетъ у Пушкина слѣдомъ слово, начинающееся съ согласной. Это правило онъ часто соблюдаетъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда слово на гласную кончаетъ стихъ или полустишіе. Разумѣется, требованія звуковой изобразительности заставляютъ иногда Пушкина нарушать эти правила. Таковъ, напр., стихъ: «Адмиралтейская игла»; таково намѣренное нагроможденіе сталкивающихся согласныхъ въ стихѣ: «Ты—трусъ, ты—рабъ, ты—Армянинъ» и т. под. Но даже въ этихъ стихахъ эвритмія соблюдена.

Вторымъ средствомъ музыкальности стиха является аллитерація. Стихъ только тогда

*) Такимъ образомъ, четырехсложныя риѳмы не являются изобрѣтеніемъ новаго времени. Послѣ Пушкина ими пользовался Я. Полонскій въ стихотвореніи «Старая няня». Лишь послѣ этого такія риѳмы были разработаны Ѳ. Сологубомъ, В. Пястомъ, пишущимъ эти строки и др.

музыкаленъ, когда гласныя и согласныя словъ приведены между собою въ извѣстную гармонію. Простѣйшей формой аллитераціи (собственно аллитераціей) служитъ единопачатіе: слова или слоги въ словахъ начинаются съ одного и того же звука. Развитіемъ аллитераціи служитъ вообще согласованіе всѣхъ звуковъ словъ въ гармоніи. Понимая первенствующее значеніе аллитераціи въ музыкѣ стиха, Пушкинъ, однако, заботился о томъ, чтобы она назойливо не выступала на первое мѣсто. Аллитераціи у Пушкина, большею частью, скрыты, чувствуются въ чтеніи, но почти незамѣтны безъ внимательнаго разбора. Онъ предпочиталъ аллитераціи внутри словъ, а не въ начальныхъ звукахъ, или аллитераціи черезъ слово, а не въ словахъ, стоящихъ рядомъ.

Есть, конечно, у Пушкина и примѣры рѣзкихъ аллитерацій. Таковы, напр., стихи: «*М*илой *М*ери *м*оей», «Отуманенъ *л*унный *л*икъ», «И до*л*го *м*илой *М*аріулы», «И зеленый *в*лажный *в*олосъ», «На *п*ечальныя *п*оляны», «*Ж*укъ *жужжа*лъ» (звукоподражаніе) и т. под. Но гораздо болѣе по-пушкински построены стихи: «*В*ойны кро*в*а*в*ыя забав*ы*», «И *лѣт*ней, *т*еплой ночи *т*ьма», *Пт*ичка *пи*скнула во *т*ьмѣ», «*Ле*лѣе*т*ъ, милая, *т*ебя», «Во*лны*, пле*сн*увшей въ берегъ да*льн*ый». Еще болѣе тонкую аллитерацію находимъ въ такихъ, напр., стихахъ: «Д*у*шна, какъ че*р*ная т*ю*рьма», «У*зо*ру надписи над*гр*обной», «Т*е*рекъ и*г*раетъ въ сви*рѣ*помъ ве*с*ельи», «Былъ ве*ч*еръ. Не*б*о ме*рк*ло» и т. под. Можно сказать, что въ пору расцвѣта техники Пушкина у него нѣтъ ни одного стиха, въ которомъ не была бы примѣнена аллитерація. При этомъ она не ограничивается однимъ стихомъ, но часто переходитъ въ слѣдующіе, и иногда отзвукъ ея слышится въ стихотвореніи черезъ нѣсколько строфъ*).

Съ аллитераціей тѣсно связана звукопись (словесная инструментовка). Аллитерація является, собственно говоря, однимъ изъ ея средствъ: аллитерація, сама по себѣ, только придаетъ стиху музыкальность; аллитерація, какъ средство звукописи, служитъ для высшей изобразительности поэзіи. Наряду съ другими пріемами словесной инструментовки (главнымъ образомъ съ выборомъ соотвѣтственно окрашенныхъ гласныхъ и согласныхъ), Пушкинъ только въ раннихъ стихахъ примѣнялъ аллитерацію ради нея самой. Ужъ со второго періода онъ начинаетъ пользоваться ею, какъ средствомъ звукописи. Въ послѣдніе годы дѣятельности искусство изображать звуками достигаетъ у Пушкина полнаго развитія.

Полное изображеніе пушкинской звукописи опять потребовало бы многихъ десятковъ примѣровъ, и опять здѣсь приходится ограничиться нѣсколькими образцами.

Замѣчательное изображеніе морского шума даютъ заключительные стихи «Къ морю»:

Перенесу, то*бо*ю по*лн*ъ,
Тво*и* ска*лы*, тво*и* за*ли*вы,
И блескъ, и тѣнь, и го*в*оръ *во́лн*ъ.

Здѣсь особенно замѣчательны послѣднія слова, дающія звуками всю иллюзію прибрежнаго шума водъ: «говоръ волнъ». Не менѣе замѣчательно звуковое изображеніе начинающейся метели въ «Бѣсахъ»:

*М*утно *н*ебо, *н*очь *м*утна....
—
Въ *м*утной *м*ѣсяца *и*грѣ....
—
*Ви*згомъ *жа*лобнымъ и *во*емъ.... и т. д.

Или изображеніе «Зимней дороги»:

Сквозь *во*лнистые ту*ма*ны
Пробира*е*тся *лу*на,
На *пе*ча*л*ьныя *по*ляны
*Л*ьетъ *пе*ча*л*ьный свѣтъ *о*на....

Въ этой строфѣ и въ слѣдующихъ искусство пользоваться аллитераціями ради цѣлей звукописи достигаетъ совершенства. Едва ли не каждый звукъ, не каждая буква принята поэтомъ во вниманіе. Иного характера звукопись находимъ въ стихахъ:

Оно *у*мретъ, какъ *шу*мъ печальный
Во*лны*, пле*сн*увшей въ берегъ да*льн*ый,
Какъ зв*у*къ ночн*ой* въ лѣс*у* глухомъ.

Здѣсь аллитераціи очень тонки: *ш* аллитерируется съ *ч*, *ой* (подъ удареніемъ) съ *о* и т. под.

Однимъ изъ лучшихъ примѣровъ пушкинской звукописи можетъ служить стихотвореніе «Обвалъ». Первая строфа своими повторными риѳмами на *лы* даетъ сразу впечатлѣніе суровости и мрачности описываемой картины. Стихъ: «И *ро*пщетъ *бо*ръ» приближается къ звукоподражанію.

*) См., напр.:

Но *к*расоты *в*оспоминанье
Намъ *сер*дце *тр*огаетъ *т*айкомъ,—
И *стр*окъ *н*ебрежныхъ *нач*ер*т*анье
*В*ношу смиренно *в*ъ *в*ашъ альбомъ.
*А*вось на *п*амять *п*оневолѣ
*П*ридетъ *в*амъ тотъ, кто *в*асъ *п*ѣвалъ
Въ тѣ дни, какъ *П*рѣсненское поле
Еще *з*аборъ не *з*аграждалъ.

Однѣ мужскія риѳмы стихотворенія усиливаютъ общее впечатлѣніе. Только 5-ый стихъ, изображающій «волнистую мглу», своими мягкими аллитераціями на *л* нѣсколько смягчаетъ его: «И блещутъ средь волнистой мглы». Во второй строфѣ паденіе обвала передано накопленіемъ согласныхъ: «И *съ тяжкимъ грохотомъ* упалъ». Короткіе стихи «Загородилъ», «Остановилъ», своими пиррихіями, даютъ впечатлѣніе мгновенности явленія. Напротивъ, тѣ же короткіе стихи въ третьей строфѣ, раздѣленные на двѣ самостоятельныхъ стопы, «Прошибъ снѣга», «Свои брега», даютъ впечатлѣніе удали, свирѣпости Терека, широты разлива. Заключеніе четвертой строфы рисуетъ звуками ту «пыль водъ», которой Терекъ «орошалъ ледяный сводъ»: «И *шумной* пѣной *орошалъ*». Наконецъ, послѣдняя строфа каждымъ своимъ стихомъ рисуетъ разнообразнѣйшія картины. «И *путь по* немъ *широкій шелъ*»—аллитераціями на *п* и на *ш* и своими цезурами изображаетъ самый путь. Въ стихѣ «И *конь скакалъ* и *влекся волъ*» различіемъ аллитерацій на *к* и на *в* передана разница между быстрымъ скаканіемъ коня и медленными движеніями вола. Та же медлительность движеній верблюда въ слѣдующемъ стихѣ передана также аллитераціей на *в*: «И *своего верблюда велъ*». Два послѣднихъ стиха, своей связностью, своими цезурами, выборомъ полногласнаго слова «Эолъ» и полуриѳмами: «*небесъ—жилецъ*» даютъ впечатлѣніе небеснаго простора:

Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ,
Небесъ жилецъ!

«Мѣдный всадникъ» — одна сплошная звукопись. Слѣдовало бы выписать каждый стихъ повѣсти, чтобы раскрыть богатство звуковыхъ сочетаній и звуковой изобразительности, скрытой въ ней. Не будемъ уже говорить о поразительномъ, по звукописи, изображеніи скачки мѣднаго всадника по потрясенной мостовой:

Какъ будто *грома грохотанье*,
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой....
И *озаренъ луною блѣдной*,
Простерши руку въ вышинѣ,
За *нимъ несется всадникъ мѣдный*
На звонко-скачущемъ конѣ...
И *во всю ночь безумецъ бѣдный*,
Куда *стопы* ни *обращалъ*,
За *нимъ повсюду всадникъ мѣдный*
Съ *тяжелымъ топотомъ скакалъ*....

Но и, помимо этого знаменитаго мѣста, каждый образъ, каждая мысль, каждая картина повѣсти находитъ свое полное выраженіе въ самыхъ звукахъ стиха. Мы встрѣчаемъ здѣсь богатыя аллитераціи: «*стро*гій, *стро*йный видъ», «прозрачный *сумрак*ъ, *блеск*ъ *безлунный*», «и блескъ, и шумъ, и *говоръ баловъ*», «*стоя*ли *сто*гны озерами» и т. под.; аллитераціи болѣе глубокія: «съ *разбѣг*а стекла *бьют кормой*», «какъ *вѣтеръ*, буйно *завывая*», «дождь капалъ, *вѣтеръ вылъ уныло*», «*плескалъ* на *пристань*; *ропща пени*», «а въ семъ *конѣ какой огонь*», «*уздой желѣзной*» и т. д. Находимъ, наряду съ аллитераціями, почти звукоподражанія, какъ, напр., «*твоей твердыни дымъ* и *громъ*» или эти изумительныя строки:

Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой.

Если сопоставить съ этимъ, что „Мѣдный всадникъ“ (при всей глубинѣ идеи, положенной въ его основаніе) въ то же время является вообще замѣчательнѣйшимъ созданіемъ Пушкина по совершенству стиха, придется признать повѣсть вѣнцомъ всѣхъ созданій великаго поэта. Нигдѣ въ другомъ произведеніи Пушкина четырехстопный ямбъ не движется такъ разнообразно и такъ свободно, какъ именно въ „Мѣдномъ всадникѣ“. Нигдѣ поэтъ не пользуется съ большимъ искусствомъ цезурами, придавая ими совершенно неожиданное движеніе стиху. Нигдѣ у Пушкина риѳмы не звучатъ такъ естественно и вмѣстѣ съ тѣмъ не способствуютъ въ такой мѣрѣ яркости образовъ и картинъ, какъ въ „петербургской повѣсти“. Наконецъ, именно въ стихахъ „Мѣднаго всадника“ Пушкинъ вполнѣ раскрываетъ свое искусство живописать звуками: словесная инструментовка достигаетъ здѣсь того идеала, о которомъ только мечтаютъ поэты нашихъ дней. Можно сказать, что въ „Мѣдномъ всадникѣ“, какъ и въ другихъ стихотвореніяхъ послѣднихъ лѣтъ жизни, Пушкинъ достигъ вершинъ своей стихотворной техники и далъ еще не превзойденные образцы русской стихотворной рѣчи вообще.

Валерій Брюсовъ.

Политическіе и общественные взгляды Пушкина въ послѣдній періодъ его жизни.

I.

Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова,—

говоритъ Пушкинъ въ стихотвореніи, носящемъ странное, явно невѣрное заглавіе „Изъ VI Пиндемонте“ (1836 г. См. IV, 43 и прим. *). Поэтъ не жалѣетъ, что боги отказали ему въ сладкой участи оспаривать налоги или мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать; какъ это ни странно для писателя, такъ жестоко страдавшаго отъ цензуры, принужденнаго это самое стихотвореніе спасать отъ ея придирчивости обманнымъ заголовкомъ, — ему мало горя, свободна ли печать, иль чуткая цензура въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура. Ему дороги иныя, лучшія права; ему потребна иная, лучшая свобода:

. . . . . Никому
Отчета не давать себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья,—
Вотъ счастье, вотъ права! . . . . . .

Это вырвавшееся изъ самой глубины измученнаго сердца стихотвореніе особенно цѣнно съ интересующей насъ въ настоящую минуту точки зрѣнія: нигдѣ въ другомъ мѣстѣ,—по крайней мѣрѣ, въ послѣдній періодъ своей дѣятельности,—Пушкинъ не развилъ съ такой отчетливостью и яркостью своей политической программы. На языкѣ „суровой прозы“ можно сформулировать ее приблизительно такъ: индифферентизмъ по отношенію къ политическимъ формамъ, пренебрежительное отношеніе къ политической свободѣ, и рядомъ съ этимъ настойчивое требованіе свободы личной, причемъ свобода печати выдѣляется изъ сферы правъ личной свободы и относится къ сферѣ правъ политическихъ. Въ этомъ же стихотвореніи поэтъ объясняетъ, почему государственныя формы интересуютъ его такъ мало: „зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа,—не все ли намъ равно? Богъ съ ними“.

Политическія убѣжденія послѣдняго періода жизни Пушкина, выраженныя въ этомъ стихотвореніи, конечно, не тождественны съ убѣжденіями его молодости, однако, и не настолько отличны отъ нихъ, чтобы можно было говорить о какомъ-нибудь переломѣ, о разрывѣ съ вольнолюбивыми стремленіями юности. Въ самый ранній періодъ поэтической дѣятельности у Пушкина стремленіе къ свободѣ въ строгихъ рамкахъ законности шло рука объ руку съ безразличіемъ къ политическимъ формамъ или даже съ опредѣленнымъ сочувствіемъ къ монархіи и съ безусловно отрицательнымъ отношеніемъ къ тому, что ему казалось крайностями революціи; уже тогда онъ мечталъ о сочетаніи подъ властью царей мощныхъ законовъ со святою вольностью*) (Ода «Вольность», 1819, I, 511). Правда, Пушкинъ пѣлъ тогда „кинжалъ и дѣву Эвмениду“, но пѣлъ онъ ихъ „маратовымъ жрецамъ“, уже тогда клеймя Марата именемъ уродливаго палача надъ трупомъ вольности безглавой, а Робеспьера и конвентъ (нѣсколько позднѣе, 1825) именемъ убійцы съ палачами («Андре Шенье», I, 284).

*) Всѣ ссылки на томы и страницы сдѣланы по настоящему изданію С. А. Венгерова.

*) Это подробно и полно разъяснено въ статьѣ Ал. Слонимскаго «Пушкинъ и декабрьское движеніе», см. II т. настоящаго изданія, стр. 503—528.

Относясь крайне отрицательно къ „самовластію“, отрицающему одинаково и свободу, и законность, Пушкинъ даже и тогда, на зарѣ своей жизни, не видѣлъ въ самодержавіи, какъ опредѣленной государственной формѣ, чего-либо исключающаго законность и свободу,—и этимъ сильно отличался отъ декабристовъ.

Если подъ свободою Пушкинъ разумѣлъ обыкновенно свободу личную *), то подъ законностью онъ, конечно, не понималъ формальнаго исполненія буквы всякаго существующаго законодательнаго акта; онъ хорошо зналъ, что въ длинномъ ряду дѣйствующихъ постановленій существуетъ не одинъ „законъ неправедный, ужасный“, который „къ страданью осуждаетъ насъ“ («Романсъ», 1814, I, 157); онъ дарилъ свое сочувствіе кочующему цыгану за то, что его дикость не знаетъ законовъ, заставляющихъ терзать и казнить людей («Цыганы», 1824, II, 248); онъ съ полнымъ отрицаніемъ относился ко всѣмъ тѣмъ законамъ, которые установили и поддерживали крѣпостное право, какъ учрежденіе, въ корнѣ отрицающее свободу. Подъ законами и законностью Пушкинъ, ученикъ Куницына и Николая Тургенева, сторонниковъ теоріи естественнаго права, разумѣлъ общія начала юридическаго правосознанія, заложенныя природою въ человѣческую душу и нерѣдко искажаемыя въ государственномъ строѣ,—и только въ этомъ смыслѣ онъ могъ «свободною душою законъ боготворить» и утверждать, что «барство дикое, безъ чувства, безъ закона, присвоило себѣ насильственной лозой и трудъ, и собственность, и время земледѣльца» («Деревня», 1819, I, 525).

При всѣхъ глубокихъ перемѣнахъ и случайныхъ колебаніяхъ убѣжденій, Пушкинъ черезъ всю свою жизнь пронесъ относительное безразличіе къ политическимъ формамъ государства съ замѣтнымъ и съ лѣтами все усиливавшимся уклономъ сочувствія въ сторону монархіи, притомъ монархіи самодержавной, но при необходимомъ условіи, чтобы это была монархія идеальная, чуждая самовластія, искренно заботящаяся о святой вольности и просвѣщенной свободѣ гражданъ въ рамкахъ строгой и благодѣтельной законности.

Сочувствіе «святой вольности» и законности, въ особенности въ соединеніи съ утопической вѣрой въ просвѣщенный и благородный царизмъ, можетъ, конечно, быть чисто платоническимъ и уживаться съ самымъ крайнимъ политическимъ и соціальнымъ консерватизмомъ. Оно и уживалось у многихъ современниковъ и друзей Пушкина, напр., у рѣшительнаго крѣпостника Карамзина, который, по его собственнымъ словамъ, въ душѣ былъ республиканцемъ, но въ дѣйствительной жизни отстаивалъ крѣпостное право; у принципіальнаго—во имя интересовъ государства и церкви—защитника смертной казни Жуковскаго; въ значительной степени у князя Вяземскаго, въ особенности во второй періодъ его жизни,—но не у Пушкина.

Для Пушкина вольность и законность категорически и безповоротно отрицали и осуждали крѣпостное право, а вмѣстѣ съ нимъ и соціальный (въ нѣкоторой степени и политическій) строй Россіи первой половины XIX в. Рѣшительное осужденіе крѣпостного права вмѣстѣ съ вѣрой въ его паденіе по манію царя встрѣчаемъ мы у Пушкина въ самомъ началѣ его поэтической дѣятельности, въ 1819 г. («Деревня», I, 525); въ самомъ концѣ ея (1836) Пушкинъ ставитъ себѣ въ особенную заслугу то, что „вслѣдъ Радищеву возславилъ онъ свободу“,—имя Радищева даетъ полное основаніе подъ свободой разумѣть здѣсь не что-нибудь вродѣ дикой цыганской свободы или права (доступнаго, конечно, только богатымъ людямъ) по прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ, а не что иное, какъ свободу крестьянства отъ крѣпостной власти. Въ 17-лѣтній промежутокъ между этими двумя конечными моментами Пушкинъ возвращался къ крѣпостному праву,—вслѣдствіе условій нашей печати,—не особенно часто, но все-таки достаточно, чтобы не оставить въ насъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ неизмѣнности своего враждебнаго отношенія къ нему; болѣе того: съ теченіемъ лѣтъ онъ все болѣе укрѣплялся въ немъ, все лучше оцѣнивалъ его губительное значеніе для всего строя русской жизни. Можетъ быть, именно это углубленіе чувства и освобождаетъ его и отъ риторики, которою проникнута «Деревня», и отъ поверхностности, съ которою онъ относится въ ней къ главной язвѣ тогдашней Россіи. Въ «Деревнѣ» Пушкинъ видитъ только одну

*) Встрѣчаются, однако, мѣста, гдѣ Пушкинъ говорилъ о свободѣ народовъ или государствъ («19 окт. 1836», IV, 50) и др. См. въ концѣ тома въ «Указателѣ именъ и предметовъ» указанія всѣхъ мѣстъ, гдѣ Пушкинъ говоритъ о свободѣ и вольности.

сторону крѣпостного права — угнетеніе самихъ крѣпостныхъ, тяжелое и возмутительное; но все-таки онъ еще можетъ смотрѣть на него со стороны, не теряя способности находить блаженство и свободною душою боготворить законъ въ виду дикаго беззаконія барства; онъ даже не замѣчаетъ страннаго противорѣчія между «тощимъ рабствомъ» и усмотрѣнными имъ въ той же деревенской жизни «слѣдами довольства и труда». Въ произведеніяхъ второго періода поэтъ развертываетъ гораздо болѣе широкую, и гораздо болѣе реальную, картину всей русской жизни, разъѣденной язвой крѣпостного права. Всего болѣе останавливается онъ на жизни помѣщиковъ—пустой, праздной, безсодержательной, безсмысленной, съ пошлыми забавами вродѣ травли медвѣдемъ людей, стоящихъ ниже ихъ по общественному положенію и потому не находящихъ управы («Дубровскій», 1833, IV, 305). Мы встрѣчаемъ у Пушкина «хозяевъ превосходныхъ, владѣльцевъ нищихъ мужиковъ" («Евг. Онѣг.», 1826, III, 284); мы видимъ, какъ даже добрыя барыни бреютъ лбы и бьютъ, осердясь, служанокъ («Евг. Он.», 1823, III, 256); мы видимъ, какъ помѣщики проигрываютъ въ карты «и серебро, наслѣдіе отцовъ, и лошадей, и даже кучеровъ» (1829, III, 64) и сами идутъ къ вѣрному разоренію, передавая въ наслѣдство дѣтямъ лишь маленькую долю, — и то заложенныхъ крестьянскихъ душъ изъ полученныхъ ими самими десятковъ тысячъ (1833, III, 425). Мы видимъ помѣщика, устраивающаго себѣ гаремъ изъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, и слышимъ, какъ мужики говорятъ про него: „у него тамъ и своимъ-то плохо приходится, а достанутся чужіе, такъ онъ съ нихъ не только шкурку, да и мясо-то отдеретъ" («Дубровскій», IV, 287 и 296). Читателю предоставляется угадывать, что думали и чувствовали служанки, которыхъ били ихъ добрыя барыни, кучера, которыхъ проигрывали въ карты, души, которыя отдавались въ залогъ, дѣвушки, попадавшія въ помѣщичій гаремъ, тѣ мужики, которымъ брили лбы, съ которыхъ снимали шкурки съ мясомъ. «Горюхино пріуныло, базаръ запустѣлъ, пѣсни..... умолкли. Половина мужиковъ была на пашнѣ, другая служила въ батракахъ; ребятишки пошли по міру..... Леха Тарасовъ (мужикъ) бѣжалъ въ лѣсъ,—а о томъ прикащикъ весьма крушился и свирѣпствовалъ во словесахъ; а отвезли въ городъ и отдали въ рекруты Ваньку пьяницу" («Ист. села Горюхина», 1830, IV, 227 — 236). „Картина, ужасная тѣмъ, что она правдоподобна", какъ говоритъ самъ Пушкинъ, приведя подобную же картину изъ сочиненія Радищева (1833, V, 257). Развращаются благодаря крѣпостному праву помѣщики, развращаются и крестьяне; они „тщеславятся богатствомъ и силою своего господина (того самаго, который снимаетъ съ нихъ шкурку съ мясомъ и держитъ крѣпостной гаремъ) и въ свою очередь позволяютъ себѣ многое въ отношеніи къ сосѣдямъ, надѣясь на его сильное покровительство" («Дубровскій», IV, 287). Всѣ живутъ въ атмосферѣ безправія; дѣвушку, даже тогда, когда для этого нѣтъ „властнаго барской воли слова", выдаютъ замужъ, не спрашивая ея согласія, едва ей минетъ 13 лѣтъ, за мальчика моложе ея лѣтами; „ей съ плачемъ косу расплели, да съ пѣньемъ въ церковь повели. И вотъ ввели въ семью чужую" («Евг. Он.», 1824, III, 260); нерѣдко „мужчины женятся на 13 году на дѣвицахъ 20-лѣтнихъ; жены били своихъ мужей въ теченіи 4 или 5 лѣтъ, послѣ чего уже мужья начинали бить женъ; такимъ образомъ оба пола имѣли свое время власти, и равновѣсіе было соблюдено" (IV, 235). И общій итогъ—бѣдность, вытравляющая изъ груди мужика естественныя человѣческія чувства,—„несетъ подъ мышкой гробъ ребенка, и кличетъ издали лѣниваго попенка, чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ: скорѣй, ждать некогда, давно бъ ужъ схоронилъ»,—и печать унынія на русской поэзіи, отражающей русскую жизнь («Шалость», 1830, III, 84). Крѣпостное право такимъ образомъ уже не печальное пятно на блестящей картинѣ цвѣтущихъ нивъ и горъ, а общій фонъ всей русской жизни *).

*) Свой взглядъ на крѣпостное право, не въ видѣ художественныхъ картинъ, а въ теоретической формѣ Пушкинъ высказалъ въ двухъ статьяхъ: «Мысли на дорогѣ» (1833, V, 247) и «Александръ Радищевъ» (1836, V, 336), но высказалъ эзоповскимъ языкомъ, съ такими оговорками и ограниченіями, очевидно, прибавленными только для цензуры (и все-таки не спасшими ихъ отъ запрещенія), что не сразу можно даже понять, что авторъ хочетъ сказать; однако, при внимательномъ и критическомъ чтеніи дѣлается ясно, что Пушкинъ почти цѣликомъ подписывается подъ радищевской оцѣнкой крѣпостного права съ его торговлей живыми душами промотавшагося и проигравшагося помѣщика, съ его рекрутчиной, насильственными браками и проч. Смыслъ этихъ произведеній Пушкина, долгое время не понятый, былъ превосходно разъясненъ В. Якушкинымъ

Такимъ образомъ, если у Пушкина было сословно-дворянское чувство, то оно не дѣлало его еще крѣпостникомъ, не заставляло отстаивать наиболѣе важную соціальную привилегію дворянства того времени. А что такое чувство въ душѣ Пушкина было, и притомъ весьма глубокое и сильное, въ этомъ сомнѣваться нѣтъ никакихъ основаній. Пушкинъ съ явной гордостью не разъ говорилъ о своемъ болѣе чѣмъ шестисотлѣтнемъ дворянствѣ и выражалъ убѣжденіе, что истинное родовое дворянство, какъ особое сословіе, необходимо въ государствѣ, сожалѣлъ объ упадкѣ древнихъ родовъ Россіи, о вытѣсненіи ихъ новымъ дворянствомъ вчерашняго дня, выскочившимъ изъ денщиковъ, пѣвчихъ, хохловъ въ случаѣ, которые гордятся не славою предковъ, но чиномъ какого-нибудь дяди дурака или баломъ двоюродной сестры; сожалѣлъ о томъ, что мы, русскіе, подобно калмыкамъ, не дорожимъ своими предками, какъ это дѣлаютъ всѣ культурные народы. («Гости съѣзжались на дачу», 1831, IV, 256; «Отрывки изъ романа въ письмахъ», 1829, IV, 138—139; «Родословная моего героя», 1833, III, 424—425); „или дворянство не нужно въ государствѣ, говорилъ онъ, или должно быть ограждено и не доступно иначе, какъ по собственной волѣ государя. Если въ дворянство можно будетъ поступать изъ другихъ состояній..... по порядку службы, то вскорѣ дворянство не будетъ существовать, или (что все равно) все будетъ дворянствомъ“ («Дневникъ», 1835, V, 449).

Въ наброскѣ программы задуманной статьи (V, 433) Пушкинъ, повторяя свою мысль о томъ, что для свободнаго развитія государства необходимо (въ противовѣсъ возможному деспотизму власти) независимое родовое дворянство, опредѣляетъ его, какъ „сословіе высшее, награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы“. Въ виду довольно частыхъ жалобъ Пушкина на раздробленіе дворянскихъ имѣній, можно думать, что подъ первыми названными здѣсь преимуществами онъ разумѣетъ майораты; что же касается до преимуществъ касательно част-

---

въ статьѣ «Пушкинъ и Радищевъ», перепечатанной въ его книгѣ «О Пушкинѣ», М., 1899. Параллель между относительною зажиточностью, личнымъ достоинствомъ и даже свободой русскаго крѣпостного мужика,—и нищетой, зависимостью, рабской забитостью англійскаго рабочаго, проведенная въ «Мысляхъ на дорогѣ», какъ будто противорѣчитъ тому взгляду на крѣпостное право, который Пушкинъ развиваетъ въ «Исторіи села Горюхина» и въ другихъ своихъ произведеніяхъ и даже въ другихъ мѣстахъ этихъ самыхъ «Мыслей на дорогѣ»; въ дѣйствительности она, вѣроятно, объясняется съ одной стороны тѣмъ же (не увѣнчавшимся успѣхомъ) стремленіемъ смягчить краски своей картины, чтобы спасти ее отъ цензорскаго карандаша, а съ другой стороны дѣйствительной вѣрой въ исключительно тяжелыя — даже сравнительно съ русскими — условія жизни англійскихъ рабочихъ, проникшей тогда въ Россію и державшейся у насъ въ литературѣ очень долго.

Какъ бы мы ни относились къ поступку Пушкина, позволившему себѣ по извѣстнымъ практическимъ соображеніямъ сознательно и намѣренно прикрашивать русскую дѣйствительность и ради цензуры такъ маскировать свои статьи, что читатель могъ бы понять ихъ совсѣмъ на-выворотъ, мы не должны изъ-за этого поступка увлекаться на ложный путь при анализѣ дѣйствительныхъ мнѣній и убѣжденій Пушкина. Что же касается поступка, то и тутъ не слѣдуетъ забывать времени его совершенія и господствовавшихъ тогда литературныхъ нравовъ. Вотъ для примѣра нѣсколько словъ на ту же тему, сказанныхъ другимъ писателемъ:

«У насъ, въ Россіи, гдѣ выраженіе «умереть съ голода» употребляется, какъ ипербола, потому что въ Россіи не только трудолюбивому бѣдняку, но и отъявленному лѣнтяю-нищему нѣтъ рѣшительно никакой возможности умереть съ голода,—у насъ, въ Россіи, не всѣ повѣрятъ безъ труда, что въ Англіи и во Франціи голодная смерть для бѣдныхъ—самое возможное и нисколько не необыкновенное дѣло. Нѣсколько недѣль, два-три мѣсяца болѣзни или недостатка въ работѣ,—и бѣдный пролетарій долженъ умереть съ семействомъ, если не прибѣгнетъ къ преступленію, которое должно повести его на гильотину..... Бѣдствія народа въ Парижѣ выше всякой мѣры, превосходятъ самыя смѣлыя выдумки фантазіи».

Эти слова о невозможности умереть въ Россіи съ голоду сказаны десятью годами позднѣе (1844), и сказаны Бѣлинскимъ («Полное собраніе соч.», подъ ред. Венгерова, т. VIII, СПб., 1907, стр. 472).

А вотъ и еще слова Бѣлинскаго по поводу «Стансовъ» Пушкина и заключавшейся въ нихъ параллели между Николаемъ I и Петромъ В.:

«Эта пьеса драгоцѣнна русскому сердцу въ двухъ отношеніяхъ: въ ней, словно изваянный, является колоссальный образъ Петра; въ связи съ нимъ находимъ въ ней поэтическое пророчество, такъ чудно и вполнѣ сбывшееся, о блаженствѣ нашихъ дней» («Собр. сочин. В. Г. Бѣлинскаго», изд. подъ ред. Иванова-Разумника, т. III, СПб., 1911, стр. 270).

Оцѣнку и характеристику взглядовъ Пушкина на крѣпостное право и выясненіе мѣста, занимаемаго поэтомъ въ исторіи борьбы съ этимъ институтомъ, см. въ книгѣ В. Семевскаго «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в.», СПб., 1888, т. I, стр. 419—422, т. II, стр. 255—262.

Въ печатаемомъ въ концѣ настоящаго VI тома «Указателѣ именъ и предметовъ» читатель подъ словами «Крѣпостное право» и «Помѣщики» найдетъ полное указаніе на всѣ мѣста, гдѣ Пушкинъ хотя бы мелькомъ говоритъ объ этихъ предметахъ.

ной свободы, то не ясно, какія реальныя мѣры въ этомъ смыслѣ могъ бы онъ предложить. Во всякомъ случаѣ, главная, имѣвшаяся налицо привилегія родового дворянства, за которую оно ревниво держалось,—крѣпостное право,—находило въ лицѣ Пушкина безпощаднаго судью. Онъ охотно признавалъ также, что „есть достоинство выше знатности рода—именно достоинство личное. Имена Минина и Ломоносова перевѣсятъ можетъ быть всѣ наши старинныя родословныя. Но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться сими именами?“ («Стр. изъ ром. въ письмахъ» IV, 139). „Достоинство—всегда достоинство, и государственная польза требуетъ его возвышенія“ (IV, 256); слѣдовательно, происхожденіе изъ низшихъ классовъ народа не должно закрывать доступа къ службѣ и къ занятію хотя бы и высшихъ мѣстъ въ государствѣ. Дворянская спесь, высокомѣрное отношеніе къ низшимъ всегда возмущаетъ Пушкина, и онъ видитъ въ ней не гордость, а „аристократическій предразсудокъ“ («Дубровскій», IV, 304; также IV, 552). Дѣйствительное, реальное русское дворянство, для котораго „не прошли еще времена Фонвизина, среди котораго процвѣтаютъ Простаковы и Скотинины“ (IV, 139), не заслуживало въ глазахъ Пушкина ни уваженія, ни сочувствія, и Пушкинъ охотно примѣнялъ къ нему кличку „свѣтской черни“ или „знатной черни“, даже влагая его,—съ весьма малой степенью исторической достовѣрности,—въ уста Бориса Годунова. Родовитость жестокаго и безчестнаго Троекурова нисколько не мѣшаетъ Пушкину ошельмовать губернатора и господъ, ѣздящихъ къ нему на поклонъ: „было бы корыто, а свиньи будутъ“ (IV, 296), а безразличіе къ страданіямъ своего народа у дворянъ, дающихъ по случаю совершеннолѣтія наслѣдника дорого стоющій балъ, заставляетъ Пушкина бросить печальный вопросъ: «что скажетъ народъ, умирающій съ голода?» (V, 442).

Во всякомъ случаѣ, какихъ бы то ни было юридическихъ привилегій въ политической области Пушкинъ для дворянства не добивался.

Къ раннему періоду жизни поэта относится даже категорическое и прямое отрицаніе такихъ привилегій: „къ счастью“, говоритъ онъ, „многократныя попытки аристократіи въ XVIII в. ограничить самодержавіе“ не удались и наше самодержавіе осталось неприкосновеннымъ; къ счастью потому, что находящееся у власти дворянство никогда бы не допустило освобожденія крестьянъ и для этого послѣдняго оказалась бы необходимой революція (IV, 474).

Эти мысли высказывалъ Пушкинъ въ своихъ «Историческихъ замѣчаніяхъ», набросанныхъ въ 1822 г.; но и въ позднѣйшій періодъ онъ, безъ сомнѣнія, подписался бы подъ каждой изъ нихъ. Самодержавію онъ сочувствовалъ попрежнему, или больше прежняго; слѣдовательно, дворянскія попытки ограничить его не привлекли его симпатій; отъ ненависти къ крѣпостному праву онъ не отказался. Но, можетъ быть, онъ перемѣнилъ свое мнѣніе относительно роли дворянства въ борьбѣ съ нимъ?

Совсѣмъ недавно, къ великому счастью для всѣхъ, кому дорогъ Пушкинъ, чуждыя краски беззаконнаго рисунка, начертаннаго, правда, самимъ Пушкинымъ, но начертаннаго подъ давленіемъ художника-варвара—цензуры и полиціи, спали ветхой чешуей съ картины генія, и его созданье, 10-я глава «Евг. Он.», написанная, вѣроятно, въ 1830 году, явилась передъ нами если не съ прежней красотой, то, во всякомъ случаѣ, въ обрывкахъ, представляющихъ громадный интересъ, всего болѣе для пониманія политическаго міровоззрѣнія Пушкина во второй періодъ его дѣятельности:

Одну Россію въ мірѣ видя,
Лелѣя въ ней свой идеалъ,
Хромой Тургеневъ имъ *) внималъ
И, слово «рабство» ненавидя,
Предвидѣлъ въ сей толпѣ дворянъ
Освободителей крестьянъ (VI, 212).

Итакъ, перемѣны мнѣнія о роли дворянства въ будущемъ освобожденіи крестьянъ не было.

Въ одномъ изъ варіантовъ «Родословной своего героя» Пушкинъ говорилъ:

Могучихъ предковъ правнукъ бѣдный,
Люблю встрѣчать ихъ имена
Въ двухъ-трехъ строкахъ Карамзина.
Отъ этой слабости безвредной,
Какъ ни старался, видитъ Богъ,
Отвыкнуть я никакъ не могъ.

Это нѣсколько преувеличено: „слабость“ у него была развита въ извѣстную аристократическую систему и, слѣдовательно, не была вполнѣ безвредной, но система останавливалась какъ-разъ передъ защитою тѣхъ привилегій, которыя дѣлаютъ дворянство дѣйствительно серьезной соціальною

*) Кружку будущихъ декабристовъ.

силой. Поэтому дворянская гордость Пушкина, хотя и имѣетъ, какъ всякая дворянская гордость, генетическую связь и тѣсное духовное родство съ духомъ дворянской касты, но все же въ своемъ дѣйствительномъ видѣ была отъ него едва ли не дальше, чѣмъ отъ дѣйствительно безобиднаго тщеславія своимъ происхожденіемъ. И это одинаково какъ въ первый, такъ и во второй періодъ жизни Пушкина.

Итакъ—не дворянство освободитъ крестьянъ. Кто же въ такомъ случаѣ?

Можетъ быть, сами крестьяне? Но „бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились", писалъ Пушкинъ 10 іюля 1826 г. (VI, 21); если даже раньше въ революціи онъ видѣлъ торжество „уродливыхъ палачей" и „безглавую вольность", то теперь онъ видѣлъ въ ней „союзъ ума и фурій" и, рядомъ съ закономъ, воздвигнутымъ „свободой грозною", также „мрачный ужасъ" («Къ вельможѣ», 1829, III, 60). Естественно, что крестьянской революціи Пушкинъ не могъ желать, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ въ нее вѣрить; „русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный", описанный въ «Капитанской дочкѣ», былъ, по его мнѣнію, неизбѣжно обреченъ на неудачу (см. «Капитанская дочка», «Исторія Пугачевскаго бунта»).

Оставалась одна сила въ тогдашней Россіи, и эта сила была царизмъ. На него-то и возложилъ свои надежды Пушкинъ уже въ 1819 г. въ «Деревнѣ», потомъ въ «Историческихъ запискахъ» 1822 г., и остался вѣренъ этой надеждѣ во всю свою жизнь, съ вѣрой и надеждой подхватывая всякій слухъ о преобразовательныхъ планахъ Николая I и желая ихъ видѣть въ дѣйствіяхъ, въ которыхъ ихъ не было и слѣда. Замѣчаніями объ этомъ переполнены его письма. Если историческое чутье не обмануло Пушкина въ его представленіи о царизмѣ, какъ о единственной силѣ, которой ходомъ русской исторіи предназначено дѣло освобожденія крестьянъ, то въ частныхъ случаяхъ оно безпрестанно обманывало его.

II.

Къ конституціонализму, какъ государственной формѣ, Пушкинъ никогда не питалъ особенныхъ симпатій, да и мало зналъ о немъ. Упоминаній о конституціи въ его сочиненіяхъ очень мало.

Въ стих. «Къ вельможѣ» (1829, III, 60) Пушкинъ характеризуетъ англійскій парламентъ («сей двойственный соборъ—здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровый»), какъ «пружины смѣлыя гражданственности новой»,—характеристика, недостаточно опредѣленная и полная, чтобы на ней основывать выводъ объ отношеніи Пушкина къ конституціонализму.

Гораздо интереснѣе нѣсколько словъ, мимоходомъ брошенныхъ объ англійскомъ парламентѣ въ разговорѣ съ англичаниномъ, составляющемъ одинъ изъ набросковъ для «Мыслей на дорогѣ» (1833, V, 262):

«Онъ.—Слѣдственно, свободы нѣтъ нигдѣ; ибо вездѣ есть или законы, или естественныя препятствія.

Я.—Такъ; но разница: покоряться предписаннымъ нами самими законамъ, или повиноваться чужой волѣ.

Онъ.—Ваша правда. Но развѣ народъ англійскій участвуетъ въ законодательствѣ? Развѣ власть не въ рукахъ малаго числа? Развѣ требованія народа могутъ быть исполнены его повѣренными?»

Идея всеобщаго голосованія, имѣвшая за собой въ пушкинскія времена уже полуторастолѣтнюю исторію, была мало извѣстна въ Россіи (хотя Пестель принялъ ее въ основу своей конституціи) и, кажется, осталась неизвѣстной или неясной Пушкину.

Тѣмъ характернѣе, что онъ устами фантастическаго англичанина осудилъ англійскую конституцію, какъ конституцію аристократическую; вмѣстѣ съ ней онъ на томъ же основаніи, повидимому, былъ склоненъ осудить всякую конституцію, такъ какъ съ болѣе демократическими онъ не былъ знакомъ *).

*) Толкованіе словъ «о тѣхъ и той», за здоровье которыхъ Пушкинъ выпивалъ вмѣстѣ съ В. Л. Давыдовымъ, какъ карбонаріевъ и конституціи («по тѣ въ Неаполѣ шалятъ, а та едва ли тамъ воскреснетъ», II, 61), имѣетъ за себя нѣкоторое основаніе, такъ какъ они были написаны въ 1821 г., какъ разъ тогда, когда въ Неаполѣ была отмѣнена конституція; но съ не меньшимъ правомъ они могутъ быть переведены «карбонаріями и свободой» и, во всякомъ случаѣ, имѣютъ слишкомъ шутливый, слишкомъ легкій характеръ, чтобъ на нихъ можно было бы строить какіе-либо выводы объ отношеніи Пушкина къ идеѣ конституціонализма въ этотъ раннiй періодъ его жизни.

Упоминаніе о русской конституціи въ «Историческихъ замѣчаніяхъ», шутливое замѣчаніе въ «Странствіи Евг. Он.» о «палатѣ англійскаго клоба» съ его преніями о кашахъ, какъ о пробѣ народныхъ засѣданій, и др. не имѣютъ значенія для выясненія интересующаго насъ вопроса. См. въ «Указателѣ именъ и предметовъ» въ концѣ этого тома указанія на всѣ упоминанія Пушкина о «Парламентѣ» и «Конституціи».

Пушкинъ, конечно, не могъ не знать словъ г-жи Сталь, сказанныхъ ею императору Александру I: «Государь, вашъ характеръ есть уже конституція для вашей имперіи и ваша совѣсть есть ея гарантія» *), и, по всей вѣроятности, онъ сочувствовалъ если не содержавшейся въ нихъ оцѣнкѣ личности Александра, то своеобразной конституціонной теоріи. Вѣроятно, Пушкинъ отнесся бы съ сочувствіемъ также къ позднѣйшимъ словамъ короля прусскаго Фридриха Вильгельма IV: «я не допущу, чтобъ между мной и народомъ вторгся листъ бумаги».

Отношеніе къ крѣпостному праву было такимъ образомъ одною изъ причинъ, питавшихъ въ Пушкинѣ преданность самодержавію. Другимъ и, вѣроятно, важнѣйшимъ источникомъ пушкинскаго царизма была художественная красота этой идеи, вполнѣ соотвѣтствовавшей художнической натурѣ поэта. Самъ человѣкъ съ громадными духовными силами, Пушкинъ преклонялся передъ величіемъ личности; и въ исторіи, и въ современномъ ходѣ событій онъ видѣлъ борьбу личностей и дѣятельность человѣческой личности, какъ таковой, считалъ главнымъ историческимъ факторомъ. Высокая по своимъ духовнымъ силамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стоящая на неизмѣримой высотѣ личность царя, съ этой высоты благодѣтельствующая свободный и счастливый народъ, добровольно склоняющаяся передъ благодѣтельными и свободными законами; государство обширное и грозное для враговъ; народъ великій, свободный и просвѣщенный, осѣненный славою побѣдъ, но великодушный по отношенію къ падшимъ,— вотъ политическій идеалъ, привлекавшій Пушкина своею художественною законченностью, утопичности котораго онъ не замѣчалъ *).

Послѣдній моментъ—военное могущество и блескъ побѣды,—игралъ не послѣднюю роль въ этой картинѣ. «Отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной славы», Пушкинъ гордился суворовскими побѣдами, двѣнадцатымъ годомъ, вообще военною славою Россіи, и за нее многое прощалъ даже Александру I, котораго сильно не любилъ.

Въ молодости увлеченіе бранной славой выражалось иногда въ очень странныхъ формахъ: «О Котляревскій, бичъ Кавказа, куда ни мчался ты грозой, твой ходъ, какъ черная зараза, губилъ, ничтожилъ племена» (1821, II, 54),—эти стихи могли бы вызвать негодованіе не только мягкаго и гуманнаго либерала Вяземскаго (II, 37), чуждаго шовинистическихъ инстинктовъ своего друга, но и иного націоналиста.

Въ одной черновой рукописи 1824 г. встрѣчается даже такое невѣроятное обращеніе къ полякамъ:

И мы о камень падшихъ стѣнъ
. . . . . .
(И мы младенцевъ избивали).
(«Графу Олизару», II, 261).

По, всей вѣроятности, здѣсь есть какое-то недоразумѣніе, и врядъ ли второй стихъ можно непосредственно связывать съ первымъ. Однако, и дальнѣйшіе, уже безспорные, стихи звучатъ тоже весьма злобно:

. . . . . (мы) топтали
Красу Костюшкиныхъ знаменъ.

---

*) Слова сообщены самой г-жей Сталь въ ея «Dix années d'exil» (цит. Семевскій въ «Политическія и общественныя идеи декабристовъ». СПб., 1909, стр. 71); книга Сталь имѣется въ библіотекѣ Пушкина, но какъ-разъ на страницахъ, на которыхъ находятся приведенныя слова, она не разрѣзана (см. «Каталогъ библіотеки Пушкина» въ изд. академіи наукъ «Пушкинъ и его современники», вып. IX, СПб., 1910, стр. 341). Слѣдовательно, есть вѣроятность, что Пушкинъ книги Сталь не читалъ полностью. Тѣмъ не менѣе, слова г-жи Сталь, въ особенности послѣ ихъ опубликованія въ печати, должны были пользоваться широкой извѣстностью въ обществѣ. Въ «Историческихъ замѣчаніяхъ» Пушкинъ приводитъ другое замѣчаніе г-жи Сталь, что конституція Россіи есть самовластіе (въ подлинникѣ: деспотизмъ), ограниченное цареубійствомъ, но отношеніе его къ этому опредѣленію неясно.

*) При коронаціи императора Александра I Карамзинъ привѣтствовалъ его торжественной одой, въ которой убѣждалъ его «дѣлами Богу подражать».

Его велѣньямъ нѣтъ препоны;
Но онъ, творя, боготворитъ.
Онъ можетъ все, но свято чтитъ
Его жъ премудрости законы,—
И Фебъ въ сіяніи своемъ
Течетъ всегда однимъ путемъ,
. . . . . .
Сколь необузданность ужасна,
Сколь ты, свобода, намъ мила,
И съ пользою царей согласна!
Ты вѣчно славой ихъ была.
Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,
Гдѣ добрый не боясь живетъ;
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
Гдѣ гибнетъ правый и неправый.

Этотъ поэтическій образъ, хотя и выраженный топорными карамзинскими стихами, увлекалъ и Пушкина и, можетъ быть, былъ однимъ изъ источниковъ, повліявшихъ на выработку его политическихъ убѣжденій. См. также извѣстную характеристику царской власти въ словахъ Розенкранца (въ «Гамлетѣ»).

И тотъ не нашъ, кто съ дѣвой вашей
Кольцомъ завѣтнымъ сопряженъ;
Не выпьемъ мы завѣтной чашей
Здоровье вашихъ красныхъ женъ,
И наша дѣва молодая,
Привлекши сердце поляка,
Не приметъ, гордостью пылая,
Любовь народнаго врага.

Прошло нѣсколько лѣтъ; политическія убѣжденія Пушкина подверглись извѣстной эволюціи; свое преклоненіе передъ политической мощью и величіемъ Россіи онъ сохранилъ въ полномъ объемѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ его кровожадность по отношенію къ черкесамъ и полякамъ совершенно испарилась; онъ остался русскимъ націоналистомъ, но націонализмъ, освободившись отъ крайностей (болѣе, впрочемъ, крайностей въ выраженіяхъ, чѣмъ въ мнѣніяхъ, такъ какъ біографія Пушкина не свидѣтельствуетъ, напр., въ пользу того, чтобы его политическая вражда къ Польшѣ распространялась и на польскихъ дѣвъ и женъ), принялъ мягкій, культурный или, употребляя любимый пушкинскій эпитетъ, просвѣщенный оттѣнокъ.

«Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина» (1831) Пушкина являются выраженіемъ истинныхъ взглядовъ поэта на польскій вопросъ во второй періодъ его жизни. Основная точка зрѣнія осталась прежняя: Польша должна принадлежать Россіи, польскія возстанія должны быть подавляемы,—этого требуетъ величіе и достоинство Россіи. Но о топтаніи въ прахъ знаменъ Костюшки теперь уже нѣтъ и рѣчи, напротивъ:

Въ бореньѣ падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца *).

*) В. Д. Спасовичъ въ статьѣ «Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра В.» («Собр. соч.» т. II, СПб., 1889, стр. 227) отмѣтилъ странность мотивировки этого обѣщанія: какъ можно ставить на счетъ полякамъ пожаръ Москвы, когда самъ же Пушкинъ, какъ почти всѣ современники, приписывали его русскимъ. Спасовичъ ошибся: Пушкинъ намекаетъ здѣсь не на московскій пожаръ 1812 г., а на взятіе Москвы поляками въ 1611—1612 г.

Такимъ образомъ отъ имени русскаго народа (или русскаго государства, русскаго правительства, что въ данномъ случаѣ одно и то же) и будущихъ русскихъ поэтовъ дано великое и торжественное обѣщаніе полякамъ.

Обѣщаніе, какъ извѣстно, исполнено не было: если Варшава не была сожжена (причина этого была прекрасно выяснена Вяземскимъ: Варшава была наша, и если бы мы ее сожгли, то намъ же пришлось бы и застраивать ее), то сильно ли отличалась вся послѣдующая политика по отношенію къ Польшѣ отъ топтанія враговъ въ прахѣ? Что же касается до лиры русскаго пѣвца, то стихи Тютчева, съ такой характеристикой польскихъ повстанцевъ:

Геройскій пылъ, предательство и ложь,
Притонъ разбойничій въ дому молитвы,
Въ одной рукѣ распятіе и ножъ,—

въ связи съ заключавшимися въ нихъ восторгами передъ Муравьевымъ, — развѣ эти стихи не были пѣснью обиды, которую поляки услышали отъ лиры русскаго пѣвца?

Пушкинъ, во всякомъ случаѣ, за нее не отвѣтственъ; обѣщаніе нарушено не имъ; онъ самъ никогда не переставалъ мечтать

. . . . . о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся (III, 499).

Къ вопросу о завоеваніи Кавказа Пушкинъ возвращается въ «Путешествіи въ Арзрумъ» (1829). Основная точка зрѣнія осталась прежней: сочувствіе завоеванію Кавказа; но постановка вопроса, его трактовка вовсе не напоминаютъ «Кавказскаго плѣнника». Тамъ—грубый восторгъ передъ блескомъ побѣдъ ради побѣдныхъ лавровъ. Здѣсь—политическая задача Россіи, и для разрѣшенія ея Пушкинъ настойчиво рекомендуетъ не довольствоваться одной силой оружія и не губить, ничтожить племена, а позаботиться о культивированіи края и совѣтуетъ вести пропаганду христіанства (однако, съ сохраненіемъ религіозной терпимости); но къ дѣйственной, самоотверженной религіозной пропагандѣ мы,—съ глубокой горечью прибавляетъ онъ,—не способны, какъ къ этому способны католики и даже магометане. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ протестуетъ противъ обращенія русскихъ властей съ черкескими аманатами,—«рѣзвыми и красивыми мальчиками»: «Ихъ держатъ въ жалкомъ положеніи. Они ходятъ въ лохмотьяхъ,

полунагіе и въ отвратительной нечистотѣ. На иныхъ видѣлъ я деревянныя колодки. Вѣроятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалѣютъ о своемъ пребываніи въ Владикавказѣ» (Этотъ скромный и сдержанный упрекъ въ свое время былъ, конечно, запрещенъ цензурой).

Въ «Полтавѣ» (1829) Пушкинъ поставилъ вопросъ о Малороссіи. Ея политическая самостоятельность несовмѣстима съ политическимъ и военнымъ могуществомъ Россіи, и потому Пушкинъ осудилъ политическія стремленія не только Мазепы, возбуждавшаго въ немъ личную антипатію, но и той удалой юности, которая, алча перемѣнъ, роптала на Мазепу за кажущійся недостатокъ рѣшительности. Побѣда надъ сепаратистской Малороссіей была необходима, и одержавшій ее Петръ В. воздвигъ себѣ огромный памятникъ, но лишь при непремѣнномъ условіи — соединенія гражданства сѣверной державы съ ея воинственной судьбой.

III.

Чтобы уяснить себѣ характеръ націонализма Пушкина, намъ нужно еще разсмотрѣть его отношеніе къ еврейству.

Нѣтъ сомнѣнія, что у Пушкина, какъ почти у всѣхъ дѣятелей того времени, было антисемитическое чувство: евреевъ онъ не любилъ. Это характеризуется не тѣмъ, конечно, что онъ почти всегда (за немногими исключеніями) употреблялъ слово «жиды», а не евреи; это слово тогда не имѣло нынѣшняго одіознаго смысла. По крайней мѣрѣ, даже Лермонтовъ, первый русскій писатель, вполнѣ опредѣленно и ясно высказавшійся рѣшительнымъ врагомъ всяческаго антисемитизма *), употреблялъ то же самое слово. Гораздо важнѣе то постоянное сочетаніе имени «жидъ» (или «еврей») съ какимъ-нибудь весьма нелестнымъ эпитетомъ («тѣснится средь толпы еврей сребролюбивый», рядомъ съ нимъ «болтливый грекъ и турокъ молчаливый, и важный персъ, и хитрый армянинъ» 1821, VI, 177), долженствующимъ квалифицировать общенаціональныя черты; или употребленіе такихъ образовъ, хотя бы сказочныхъ, которые сами по себѣ не говорятъ ничего конкретнаго, но не могутъ не имѣть какого-то, хотя и безпредметнаго, однако, все же оскорбительнаго смысла (на шабашѣ вѣдьмъ «поютъ, играютъ, свистятъ и въ мерзостной игрѣ жида съ лягушкою вѣнчаютъ». «Гусаръ», 1833, III, 374); не менѣе характерна и та гримаса презрѣнія, съ которой Пушкинъ въ письмѣ къ Раевскому (1829, VI, 41) говоритъ, что Марина Мнишекъ «распутничала, переходя отъ одного авантюриста къ другому, раздѣляла то противное ложе жида, то палатку казака» *).

Но когда Пушкину приходилось серьезно ставить себѣ еврейскій вопросъ, то онъ отвѣчалъ на него иначе:

Не то бѣда, что ты полякъ.....
Пожалуй, будь себѣ татаринъ,—
И въ томъ не вижу я стыда;
Будь жидъ,—и это не бѣда (1830, III, 80).

«Развѣ Іисусъ Христосъ не родился евреемъ?» ставитъ онъ въ письмѣ къ Чаадаеву (1836, VI, 163) вопросъ, который былъ бы крайне неудобенъ для дѣйствительнаго антисемита.

У Пушкина есть начало большой, повидимому, повѣсти въ стихахъ: «Въ еврейской хижинѣ лампада» (1832, III, 332). Повѣсть только начата, и содержаніе ея совершенно не выяснено, но уже изъ первыхъ серьезныхъ и величавыхъ строкъ совершенно ясно, что тонъ, въ которомъ Пушкинъ собирался трактовать ея героевъ, совершенно чуждъ какого бы то ни было антисемитизма.

Такимъ образомъ, дѣйствительнымъ антисемитомъ, т.-е. врагомъ еврейскаго народа, сторонникомъ какихъ-либо конкретныхъ ограниченій его въ правахъ, тѣмъ болѣе массоваго изгнанія евреевъ изъ Россіи Пушкинъ не былъ.

Въ общемъ, должно сказать, что Пушкинъ, конечно, былъ націоналистомъ, но его націонализмъ былъ лишь стремленіемъ къ политической мощи и величію Россіи и русскаго народа; изъ него вытекало желаніе политическаго пораженія другихъ народовъ, съ которыми Россія вступала въ политическую борьбу, но

*) См. его драму «Испанцы» и стих. «Куда такъ проворно, жидовка младая»; см. мою статью о немъ въ «Еврейской Энциклопедіи», изд. Брокгаузъ-Ефрона, СПб., т. X.

*) Что касается до «противнаго ложа» жида, то самъ Пушкинъ, повидимому, не распространялъ этой антипатіи и на жидовокъ; по крайней мѣрѣ, еще въ періодъ наибольшей остроты его націоналистическихъ чувствъ онъ не прочь былъ христосоваться съ еврейкой и даже выражалъ готовность,—конечно, въ шутку,—за ея поцѣлуй приступить къ вѣрѣ Моисея («Христосъ воскресъ, моя Ревекка», 1821, II, 65).

никоимъ образомъ не угнетеніе, не культурное подавленіе другихъ народностей. Особенно ярко выступаютъ взгляды Пушкина при сравненіи ихъ съ взглядами двухъ современныхъ ему представителей либеральнаго движенія—декабриста Пестеля и князя Вяземскаго.

Пестель стоялъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ тогдашняго общественнаго движенія, гораздо болѣе крайнемъ, чѣмъ не только умѣренный и сдержанный Пушкинъ даже въ періодъ его наиболѣе крайняго вольномыслія, но и большинство декабристовъ; онъ былъ радикалъ и революціонеръ, не боявшійся ни самыхъ рѣшительныхъ способовъ борьбы для достиженія своихъ политическихъ цѣлей (онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы повторить словъ Пушкина: «бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились»), ни крайнихъ выводовъ изъ своей политической программы. Къ самодержавію, передъ которымъ преклонялся Пушкинъ, онъ относился съ рѣшительнымъ отрицаніемъ и былъ послѣдовательнымъ республиканцемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ якобинцемъ, сторонникомъ централизаціи,—не пушкинской, внѣшней, скорѣе формальной централизаціи,—а дѣйствительной централизаціи съ подавленіемъ мѣстныхъ вольностей во имя свободы цѣлаго, съ полнымъ подчиненіемъ личности государству. Онъ желалъ, чтобы «на всемъ пространствѣ россійскаго государства господствовалъ одинъ только языкъ россійскій»; чтобы «нынѣ существующее различіе въ названіяхъ народовъ, населяющихъ Россію», было уничтожено и всѣ назывались русскими; чтобы «одни и тѣ же законы, одинъ и тотъ же образъ управленія, по всѣмъ частямъ Россіи существовали и тѣмъ самымъ въ политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ вся Россія на цѣломъ своемъ пространствѣ являла бы видъ единородства, единообразія и единомыслія... Всѣ различныя племена, въ Россіи обрѣтающіяся, къ общей пользѣ совершенно обрусѣютъ и тѣмъ содѣйствовать будутъ къ возведенію Россіи на высшую ступень благоденствія, величія и могущества» *).

Исходя изъ этого своего централизма, Пестель не только не любилъ евреевъ,—ихъ, какъ мы видѣли, не любилъ и Пушкинъ, — но былъ рѣшительнымъ врагомъ ихъ культурной обособленности, настаивалъ на ея насильственномъ подавленіи, доходя даже до грандіознаго плана насильственнаго массоваго выселенія ихъ изъ Россіи *).

Тутъ мы видимъ совершенную противоположность Пушкину. Якобинецъ-революціонеръ протягивалъ руку императору Николаю I, пожалуй, даже Павлу I, съ ихъ любовью къ порядку и единообразію; республиканецъ - государственникъ во имя блага цѣлаго отрицалъ за человѣческою личностью какія бы то ни было личныя права. Напротивъ, сравнительно безразличный къ государственнымъ формамъ, но все же явственно тяготѣвшій къ самодержавію Пушкинъ стремился примирить свою государственность съ свободой личности, съ культурной самобытностью народностей, со всѣмъ многообразіемъ душевной жизни человѣка, сверкающей для него всѣми цвѣтами радуги и звучащей всѣми тонами гаммы. Онъ признавалъ историческую неизбѣжность конфликтовъ между государственностью и личностью, но глубоко скорбѣлъ о страданіяхъ личности и никогда не склоненъ былъ безъ крайней нужды приносить ее въ жертву **).

Князь Вяземскій лично стоялъ еще дальше отъ декабристовъ, чѣмъ Пушкинъ. Но по своимъ убѣжденіямъ онъ въ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ былъ болѣе крайнимъ, болѣе послѣдовательнымъ политическимъ либераломъ, чѣмъ его другъ, въ то же время нисколько не ниже его оцѣнивая блага личной сво-

---

*) Пестель, «Русская Правда», изд. «Оріонъ», СПб., 1906, стр. 55.

*) Семевскій, «Политическія идеи декабристовъ», СПб., 1909, стр. 521—522.

**) Съ этой точки зрѣнія очень интересенъ «Мѣдный всадникъ»; см. статью о немъ В. Брюсова III, 456. Интересенъ также «Анчаръ» (1828, II, 494). Въ немъ Пушкинъ указываетъ на роковую, губительную для человѣческаго счастья власть человѣка надъ человѣкомъ («но человѣка человѣкъ послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ», туда, куда ни птица не летитъ, ни звѣрь нейдетъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ:

А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

Тутъ государственная необходимость, и Пушкинъ вполнѣ признаетъ ее, какъ совершенно неизбѣжную въ человѣческомъ обществѣ.

Но вотъ какою цѣною покупается ея удовлетвореніе:

Принесъ, и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

Совершенно ясно, что эту цѣну Пушкинъ заплатитъ не съ легкимъ сердцемъ, хотя бы за величіе государства.

боды, но только не распространяя требованія таковой на крестьянъ, или, по крайней мѣрѣ, распространяя его съ гораздо меньшей горячностью и рѣшительностью.

Въ качествѣ послѣдовательнаго либерала онъ относился съ осужденіемъ и къ личности императора Николая I, и къ политикѣ его правительства и не приходилъ въ восторгъ отъ военныхъ успѣховъ Россіи ни на Кавказѣ, ни въ Польшѣ; въ свое время онъ негодовалъ на наивный и кровожадный націонализмъ пушкинскаго «Кавказскаго плѣнника» (см. II, 37) и остался вѣренъ себѣ, когда появились въ свѣтъ «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина».

«Охота Жуковскому, пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, писать шпильные стихи (стихотворцы, которые въ Москвѣ ходятъ въ шпилѣ по домамъ съ поздравительными одами), и не совѣстно ли пѣвцу въ станѣ Русскихъ воиновъ и пѣвцу въ Кремлѣ сравнивать нынѣшнее событіе съ Бородинымъ *)? Тамъ мы бились одинъ противъ 10, а здѣсь, напротивъ, 10 противъ одного... *Очень хорошо и законно дѣлаетъ господинъ, когда приказываетъ высѣчь холопа, который вздумаетъ отыскивать незаконно и нагло свободу свою, но все же нѣтъ тутъ вдохновеній для поэта...* Признаюсь, что мнѣ хотѣлось здѣсь оцарапнуть и Пушкина, который также, сказываютъ, написалъ стихи. Признаюсь въ томъ, что не послалъ письма не отъ нравственной вѣжливости, но для того, чтобъ не сдѣлать хлопотъ отъ распечатаннаго письма на почтѣ... При первой войнѣ, при первомъ движеніи въ Россіи, Польша возстанетъ на насъ, или должно будетъ имѣть русскаго часового при каждомъ полякѣ. Есть одно средство: бросить Царство Польское, какъ даемъ мы отпускную негодяю, котораго ни держать у себя не можемъ, ни поставить въ рекруты. Пускай Польша выбираетъ себѣ родъ жизни... Стихи Жуковскаго для меня такая пакость, что я предпочелъ бы имъ смерть... Будь у насъ гласность печати, никогда Жуковскій не подумалъ бы, Пушкинъ не осмѣлился бы воспѣть побѣды Паскевича. Во-первыхъ, потому, что этотъ родъ восторга анахронизмъ, что ничего нѣтъ поэтическаго въ моемъ кучерѣ, котораго я за пьянство и воровство отдалъ въ солдаты и который, попавъ въ желѣзный фрунтъ, попалъ въ машину, которая стоитъ или подается впередъ безъ воли, безъ мысли и безъ отчета, а что города берутся именно этими машинами, а не полководцемъ, которому стоитъ только разчесть, сколько онъ пожертвуетъ этихъ машинъ, чтобы повязать на жену свою Екатерининскую ленту. Во-вторыхъ, потому что курамъ на смѣхъ быть внѣ себя отъ изумленія, видя, что льву удалось, наконецъ, положить лапу на мышь... Пушкинъ въ стихахъ своихъ: Клеветникамъ Россіи кажетъ имъ шишъ изъ кармана.. Не-ужь-ли Пушкинъ не убѣдился, что намъ съ Европой воевать была бы смерть? Зачѣмъ же говорить нелѣпости?.. И что за святотатство сочетать Бородино съ Варшавою! Россія вопіетъ противъ этого беззаконія... Пушкину и Жуковскому кажется бы и стыдно» *).

*) Рѣчь идетъ о стихотв. Жуковскаго «Русская Слава» (1831).

Противоположность не менѣе характерная. Политическій либералъ Вяземскій судитъ и осуждаетъ—правильно и послѣдовательно съ своей точки зрѣнія—націоналиста Пушкина, и тутъ же, хотя и мимоходомъ, но совершенно ясно признаетъ хорошимъ и законнымъ сѣченіе холопа за требованіе свободы или отдачу въ солдаты кучера за пьянство и воровство. Крайній либерализмъ Вяземскаго имѣлъ такимъ образомъ явственную крѣпостническую подкладку (можетъ быть, именно поэтому онъ такъ скоро испарился и замѣнился дѣйствительнымъ консерватизмомъ), тогда какъ царизмъ и умѣренное свободомысліе Пушкина въ основѣ своей имѣли демократическое уваженіе къ человѣческой личности и оказались гораздо болѣе прочными.

IV.

Въ началѣ статьи я уже отмѣтилъ, что свободу печати Пушкинъ исключалъ изъ сферы правъ личныхъ. Онъ признавалъ ее правомъ политическимъ и относился къ ней вовсе не съ той горячностью, какъ этого можно было бы ожидать отъ писателя, такъ часто и такъ жестоко страдавшаго отъ цензуры. Вопросъ о свободѣ печати въ русской литературѣ былъ ясно и опредѣленно поставленъ и опредѣленно разрѣшенъ уже въ 1790 г.; современники Пушкина декабристы, даже стоявшіе гораздо дальше отъ литературы и меньше имѣвшіе личныхъ интересовъ и основаній ненавидѣть цензуру, прекрасно понимали значеніе цензуры и въ своихъ требованіяхъ болѣе или менѣе отвергали ее. Между тѣмъ, Пушкинъ даже въ первый такъ называемый вольнолюбивый періодъ своей жизни требовалъ только благоразумія отъ цензуры,—«будь строгъ, но будь уменъ»,—говорилъ онъ цензору,—и охотно признавалъ: «что нужно Лондону, то рано для Москвы» (см. два характерныя посланія къ цензору, 1822 и 1824, II, 150 и 219).

И это отношеніе къ принципу свободы печати проходитъ черезъ всю жизнь Пушкина почти неизмѣннымъ. Измѣняются выраженія, но сущность остается та же: что нужно Лондону, то рано для Москвы; сво-

*) Вяземскій, «Полн. собр. соч.», т. IX, СПб., 1884, стр. 155—160.

бода слова не нужна еще Россіи, и если только цензура мнѣнья не тѣснитъ и терпитъ разумъ, не преступаетъ начертанныхъ уставовъ (т.-е. все той же дорогой Пушкину законности), если она «скромной истинѣ», мирному уму и «даже глупости невинной и довольной не заграждаетъ пути заставой своевольной»; другими словами, если она не нарушаетъ элементарныхъ правъ необходимой личной свободы, то Пушкину безразлично, господствуетъ ли принципъ свободы печати, или политическое право гражданъ оцѣнивать высшую политику правительства встрѣчаетъ стѣсненіе со стороны строгой цензуры. Къ несчастью, однако, въ цензурныхъ комитетахъ засѣдали почти исключительно, употребляя его выраженіе, глупцы и трусы, для которыхъ Кутейкинъ и Христосъ были два равныя лица, а Куницынъ не отличался отъ Марата, и Пушкинъ не разъ принужденъ былъ съ горечью смотрѣть на «благородныя раны» (VI, 58) его произведеній, полученныя ими въ цензурѣ. «Опричники руководствуются не уставомъ, а своимъ крайнимъ разумѣніемъ,—жалуется онъ въ одномъ письмѣ и жалуется не вполнѣ основательно, такъ какъ именно уставъ о цензурѣ предоставилъ разумѣнію цензоровъ почти безпредѣльный просторъ.—«Тяжело, нечего сказать: и съ одной цензурой напляшешься; каково же зависѣть отъ цѣлыхъ четырехъ? Не знаю, чѣмъ провинились русскіе писатели, которые не только смирны, но даже сами отъ себя согласны съ духомъ правительства. Но знаю, что никогда не бывали они притѣснены, какъ нынче, даже и въ послѣднее пятилѣтіе покойнаго Александра, когда вся литература сдѣлалась рукописной, благодаря Красовскому и Бирукову» (1836, VI, 162).

Подобными жалобами переполнена вся переписка Пушкина, и, тѣмъ не менѣе, онъ никогда и нигдѣ не высказывалъ сочувствія полной свободѣ печати. Мысль должна быть свободна, сословіе писателей не должно быть притѣсняемо, говоритъ онъ, но для борьбы съ злоупотребленіями печатнымъ словомъ необходима предварительная цензура, конечно, цензура благоразумная и благонамѣренная (въ пушкинскомъ, не современномъ смыслѣ этого слова); «цензоръ есть важное лицо въ государствѣ, санъ его имѣетъ нѣчто священное», говоритъ Пушкинъ въ 1833 г., почти буквально повторяя свои слова изъ перваго посланія къ цензору 1822 г., и «мѣсто цензора долженъ занимать гражданинъ, извѣстный своимъ умомъ и познаньями, а не первый коллежскій ассесоръ» *).

Пушкинъ не ограничивается теоретическимъ признаніемъ необходимости цензуры при желательности ослабленія ея придирчивости; нѣтъ, онъ конкретно указываетъ, что должна запрещать цензура, и даже иногда находитъ ее у насъ чрезмѣрно слабой въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Она должна ограждать сословія отъ огульныхъ нападокъ (1830, IV, 553); защищать личную честь гражданъ (и тутъ же приводитъ рядъ примѣровъ, въ сущности, доказывающихъ, что для цензуры это невозможно, даже если бы она и желала этого) (1830, V, 7), и спрашиваетъ, не слѣдовало ли бы запрещать такія оскорбляющія общественныя приличія книги, какъ записки шпіона Видока и палача Самсона (1830, IV, 550). Пушкинъ почти съ сочувствіемъ говорилъ (въ «Дневникѣ») о запрещеніи «Московскаго Телеграфа», въ которомъ, по его мнѣнію, проповѣдывался якобинизмъ (V, 443) и поддержалъ своимъ сочувствіемъ (письмо къ Вяземскому 1836, VI, 168) и отчасти содѣйствіемъ поданный, или предполагавшійся къ подачѣ, кн. Вяземскимъ доносъ на цензуру за ея попустительство.

Эта поддержка, оказанная князю Вяземскому, лежитъ темнымъ пятномъ на памяти великаго поэта. А, между тѣмъ, онъ все-таки былъ послѣдователенъ и вѣренъ себѣ. Безцензурной печати онъ не представлялъ себѣ и все время признавалъ, что въ вопросахъ государственной важности правительство должно направлять общественное мнѣніе при помощи цензуры.

V.

Преклоненіе передъ идеей самодержавія не было у Пушкина преклоненіемъ ни передъ той конкретною формой, въ которую воплотился этотъ институтъ въ Россіи, ни передъ носителями самодержавной власти.

Петра Великаго Пушкинъ ставилъ чрезвычайно высоко. По его убѣжденію, въ гражданствѣ сѣверной державы и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ея воинственной судьбѣ Петръ В. воздвигъ огромный памятникъ себѣ, и

*) «Мысли на дорогѣ» (1833, V, 258), «Ал. Радищевъ» (1836, V, 340). Хотя несомнѣнно, что въ этихъ статьяхъ Пушкинъ «подличалъ благонамѣренно», но столь же несомнѣнно, что какъ-разъ приведенныя мысли выражали дѣйствительныя убѣжденія Пушкина. См. примѣчаніе Н. О. Лернера ко «Второму посланію къ цензору», III, 526.

за это Пушкинъ поставилъ ему два памятника—въ «Полтавѣ» и «Мѣдномъ Всадникѣ». Но это не мѣшало ему относиться критически и къ личности преобразователя, и къ его дѣлу, въ которомъ онъ видѣлъ также и другую черту, отталкивавшую поэта: деспотизмъ, недостатокъ уваженія къ личной свободѣ, подавленіе человѣческой личности.

Свое критическое отношеніе къ Петру Пушкинъ высказывалъ уже въ молодости.

«Петръ I,—говорилъ онъ въ «Историческихъ замѣчаніяхъ» (1822, IV, 474),—не страшился народной свободы, неминуемаго слѣдствія просвѣщенія, ибо довѣрялъ своему могуществу и презиралъ человѣчество можетъ быть болѣе, чѣмъ Наполеонъ». Сейчасъ же вслѣдъ за этимъ Пушкинъ указываетъ, что, несмотря на отсутствіе страха передъ народной свободой, «исторія представляетъ около Петра всеобщее рабство... Всѣ состоянія, окованныя безъ разбора, были равны передъ его дубинкою. Все дрожало, все безмолвно повиновалось».

Все, что говорилъ потомъ Пушкинъ о Петрѣ, было дальнѣйшимъ развитіемъ этой мысли: величіе государства, могущество, просвѣщеніе, слѣдствіемъ котораго должна быть свобода,—и всеобщее рабство. 12 лѣтъ спустя послѣ «Историч. замѣчаній» Пушкинъ пишетъ въ «Матеріалахъ для Исторіи Петра В.» (1834, V, 279): «Достойна удивленія разность между государственными учрежденіями Петра Великаго и временными его указами. Первыя суть плоды ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости, вторые нерѣдко жестоки, своенразны и, кажется, писаны кнутомъ. Первыя были для вѣчности, или по крайней мѣрѣ для будущаго,—вторые вырвались у нетерпѣливаго самовластнаго помѣщика». Въ тѣхъ же матеріалахъ Пушкинъ многократно отмѣчаетъ такіе факты: «въ сіе же время изданъ тиранскій указъ»... «Петръ опять издалъ одинъ изъ своихъ жестокихъ указовъ»;... «Указъ жестокій, тиранскій, какъ обыкновенно». И эти оцѣнки политическихъ дѣйствій Петра перемежаются съ личными замѣчаніями весьма непочтительнаго свойства: «Петръ не пьянствовалъ, умѣлъ себя воздержать»; «съ похмѣлья видно» и др. еще болѣе рѣзкими. Ту же мысль о неизбѣжномъ, исторически-необходимомъ, но весьма печальномъ противорѣчіи между величіемъ созданнаго Петромъ національнаго и государственнаго дѣла, и неизбѣжно связанными съ нимъ страданіями дорогого сердцу поэта маленькаго человѣка Пушкинъ, какъ мы уже говорили, воплотилъ въ поэтической формѣ въ своемъ «Мѣдномъ всадникѣ» (1833).

Для пониманія взгляда Пушкина на Екатерину II у насъ, къ сожалѣнію, гораздо меньше матеріала; тѣмъ не менѣе, его все же достаточно, чтобы замѣтить ту же двойственность въ оцѣнкѣ императрицы, хотя совершенно въ иныхъ пропорціяхъ: признаніе заслугъ военныхъ и политическихъ (гораздо меньшихъ, чѣмъ у Петра), а, съ другой стороны,—деспотизмъ управленія (не гораздо худшій). На воинскую славу имѣетъ Екатерина право, ибо ей обязаны мы Чернымъ моремъ; униженная Швеція и уничтоженная Польша,—вотъ великія права Екатерины на благодарность русскаго народа. Наказъ Екатерины Пушкинъ цѣнитъ за заключающееся въ немъ признаніе правъ личности («Первое посланіе къ цензору», 1822, II, 151). «Но исторія оцѣнитъ печальное вліяніе царствованія на нравы, откроетъ жестокую дѣятельность ея деспотизма подъ личиной кротости и терпимости, народъ, угнетенный намѣстниками, казну, расхищенную любовниками..... важныя ошибки ея политической экономіи, ничтожность въ законодательствѣ, отвратительное фиглярство въ сношеніяхъ съ философами ея столѣтія, и тогда голосъ обольщеннаго Вольтера не избавитъ ея славной памяти отъ проклятія Россіи..... Екатерина любила просвѣщеніе, а Новиковъ, распространившій первые лучи его, перешелъ изъ рукъ Шешковскаго (домашній палачъ кроткой Екатерины) въ темницу, гдѣ и находился до самой ея смерти; Радищевъ былъ сосланъ въ Сибирь, Княжнинъ умеръ подъ розгами *) и Фонвизинъ, котораго она боялась, не избѣгнулъ бы той же участи, если бы не чрезвычайная его извѣстность; Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя всѣмъ своему неограниченному властолюбію.....Но лишивъ его независимаго состоянія и ограничивъ монастырскіе доходы, она нанесла сильный ударъ просвѣщенію народному» (IV, 474—475).

Оцѣнка эта относится къ 1822 г., т.-е. къ первому періоду дѣятельности Пушкина, и хотя въ послѣдующій періодъ дѣятельности Пушкина мы не находимъ объ Екатеринѣ отзывовъ такого же рода, но сопоставленіе ихъ съ отзывами о Петрѣ Великомъ, а также «Исторія Пугачевскаго бунта», указывающая (въ смягченномъ для цензуры видѣ) на жестокій деспотизмъ управленія,

*) Фактъ не вѣренъ.

на угнетеніе какъ русскихъ, такъ и инородцевъ, какъ на причину бунта,—все это даетъ вполнѣ достаточное основаніе думать, что Пушкинъ отъ нея не отказался.

Александръ I, —

Властитель слабый и лукавый,
Плѣшивый щеголь, врагъ труда,
Нечаянно пригрѣтый славой (1830, VI, 212)

—былъ до глубины души антипатиченъ Пушкину, видѣвшему въ немъ лицемѣра, привычнаго къ противочувствіямъ, арлекина въ лицѣ и жизни (1829, III, 64). И своей антипатіи онъ оставался вѣренъ всю жизнь, если не считать періода самой ранней молодости, когда иное отношеніе къ Александру сказалось въ сказкѣ «Бова» (1815, I, 203), стих. «На возвращеніе Государя изъ Парижа» (1815, I, 291) и др.; впрочемъ, и тутъ единственной отмѣченной заслугой Александра была его побѣда надъ Наполеономъ. За исключеніемъ первыхъ лѣтъ царствованія Александра («Дней Александровыхъ прекрасное начало», 1824, II, 220), Пушкинъ видѣлъ въ немъ самовластнаго деспота (1823, II, 208). Въ письмѣ къ Жуковскому, написанномъ въ январѣ 1826 г., онъ отмѣчаетъ: «Въ теченіе 10 лѣтъ его царствованія лира твоя молчала. Это лучшій упрекъ ему. Никто болѣе тебя не имѣлъ право сказать: гласъ лиры—гласъ народа. Слѣдств. я не совсѣмъ былъ виноватъ, подсвистывая ему до самаго гроба» (1826, VI, 16) *). И вмѣстѣ съ тѣмъ у Пушкина имѣются двѣ замѣчательныхъ характеристики Александра I совершенно иного рода, обѣ въ лицейскихъ годовщинахъ (одна выкинута изъ окончательнаго текста):

Онъ—человѣкъ, имъ властвуетъ мгновенье;
Онъ—рабъ молвы, сомнѣній и страстей,
Но такъ и быть, простимъ ему гоненье,—
Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ лицей.
(«19 окт. 1825»).

Вы помните ль, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался?
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
(«19 окт. 1836», IV, 50).

И тутъ отрицательное отношеніе къ самовластному монарху смягчается, слѣдовательно, благодаря его славѣ 1812—1815 годовъ, благодаря вознесенію имъ Россіи надъ міромъ изумленнымъ *).

Иначе относился Пушкинъ къ Николаю. Будучи сторонникомъ свободы, онъ былъ, однако, поклонникомъ этого царя, въ лицѣ котораго «самовластье» достигло самаго крайняго предѣла. Пушкинъ утверждалъ, что Николай «бодро, честно правитъ нами» (1828, II, 487), и въ самомъ концѣ своей жизни говорилъ о немъ: «новый царь, суровый и могучій, на рубежѣ Европы бодро сталъ» (IV, 51). А чисто-личное отношеніе выразилъ онъ въ поразительномъ по отсутствію всякаго сходства съ оригиналомъ портретѣ, набросанномъ въ стих. «Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ» (1834, III, 497). Здѣсь, къ великому изумленію читателя, Николай представленъ человѣкомъ, способнымъ восходить на таинствен-

*) Въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ постоянными порицаніями стоитъ наименованіе Александра I нашимъ добрымъ царемъ (1824, II, 220).

*) Постоянно относясь съ восторженнымъ преклоненіемъ къ «священной памяти двѣнадцатаго года» (1824, II, 220) и къ «великодушному пожару» Москвы (1821, II, 74, также 1831, IV, 252), Пушкинъ находилъ, что «общество (афишировавшее въ это время свой напускной, дѣланный патріотизмъ) было довольно гадко» (IV, 249). Въ 10 главѣ «Евг. Он.» Пушкинъ отнесся къ славѣ 1812 года довольно иронически:

Гроза двѣнадцатаго года
Настала; кто тутъ намъ помогъ?
Остервенѣніе народа,
Барклай, зима, иль русскій богъ?
Но богъ помогъ, сталъ ропотъ ниже,
И скоро силою вещей
Мы очутилися въ Парижѣ,
А русскій царь главой царей (VI, 212).

Это мѣсто исключительное, и конечно, его шутливый тонъ не свидѣтельствуетъ объ отказѣ отъ «священной памяти двѣнадцатаго года», которой поэтъ значительно позднѣе вновь посвятилъ нѣсколько приведенныхъ выше строкъ въ «19 окт. 1836 года».

Гораздо болѣе измѣнчивымъ, чѣмъ къ Александру I, было отношеніе Пушкина къ Наполеону, въ которомъ онъ видѣлъ то деспота, то героя свободы. Эта измѣнчивость зависѣла отъ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ свѣдѣній, имѣвшихся у Пушкина въ различные періоды о Наполеонѣ, а не отъ измѣнчивости основныхъ принциповъ самого поэта. Пушкину принадлежитъ едва ли не лучшая изъ всѣхъ данныхъ до настоящаго времени краткихъ характеристикъ общаго значенія Наполеона: «Мятежной вольницы наслѣдникъ—и убійца» (1823, II, 208). Пушкинъ хорошо видѣлъ противорѣчіе: съ одной стороны «Наполеона плѣняло самовластье разочарованной красой», а съ другой онъ «міру вѣчную свободу изъ мрака ссылки завѣщалъ» (1821, II, 73—74). Въ различной оцѣнкѣ взаимотношенія между двумя членами этой формулы—источникъ всѣхъ противорѣчій Пушкина въ оцѣнкѣ личности Наполеона.

ныя вершины и выносить оттуда свои скрижали *).

Для объясненія этого страннаго недоразумѣнія въ біографіи поэта и въ личныхъ свойствахъ императора Николая имѣется достаточный матеріалъ. При всемъ своемъ деспотизмѣ, при всемъ своемъ безсердечіи и духовной узости Николай былъ искусный актеръ, умѣвшій очаровывать людей поддѣлкой подъ сердечность и благородство. Онъ сумѣлъ очаровать даже кое-кого изъ декабристовъ, когда они сидѣли въ тюрьмѣ, и, слѣдовательно, находились въ гораздо лучшихъ условіяхъ для пониманія его личности; повѣшенный имъ Рылѣевъ въ письмахъ изъ крѣпости выражалъ глубокое и, конечно, совершенно искреннее уваженіе къ личности императора Николая I. Проницательный, тонкій психологъ, «съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей», Пушкинъ въ своихъ житейскихъ отношеніяхъ не разъ жестоко обманывался и съ изумительной довѣрчивостью подавалъ руку клеветникамъ безбожнымъ, изумительно легко вѣрилъ словамъ и ласкамъ ложнымъ. Какъ же было ему не обмануться въ личности императора Николая, который почтилъ въ немъ вдохновенье и освободилъ его мысль! Какимъ образомъ могъ онъ заподозрить, что за этимъ дѣйствіемъ скрывается опредѣленная цѣль сковать его геній и заставить его служить интересамъ правительства!?

Пушкинъ вѣрилъ Николаю I, какъ человѣку, и обманывался относительно нѣкоторыхъ казавшихся ему просвѣщенными и либеральными мѣръ, съ радостнымъ восторгомъ подхватывая и сообщая друзьямъ всякій слухъ объ освободительныхъ планахъ царя, самый мимолетный, самый неосновательный. Не всегда, однако. Одно письмо Пушкина къ женѣ было вскрыто (явленіе весьма обычное) на почтѣ и передано лично императору Николаю I. По этому поводу въ слѣдующемъ письмѣ къ женѣ Пушкинъ говорилъ: «свинство почты такъ меня охолодило, что я пера въ руки взять былъ не въ силахъ. Мысль, что кто-нибудь насъ съ тобой подслушиваетъ, приводитъ меня въ бѣшенство. Безъ политической свободы жить очень можно; безъ семейственной неприкосновенности невозможно. Каторга не въ примѣръ лучше» (VI, 125).

Уже изъ этого видно, что приведенное въ началѣ статьи стихотвореніе «Изъ Пиндемонте» съ его противоположеніемъ свободы политической свободѣ личной было навѣяно чисто-личными переживаніями.

Въ своемъ дневникѣ по поводу того же самаго случая Пушкинъ пишетъ:

«Однако какая глубокая безнравственность въ привычкахъ нашего правительства. Полиція распечатываетъ письма мужа къ женѣ и приноситъ ихъ читать царю (человѣку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится въ томъ признаться и давать ходъ интригѣ, достойной Видока и Булгарина. Что ни говори, мудрено быть самодержавнымъ» (V, 446); само собою разумѣется, самодержавнымъ въ пушкинскомъ смыслѣ слова, т.-е. при условіи уваженія къ законности и свободѣ гражданъ (семейственной неприкосновенности), такъ какъ совершенно очевидно, что самодержавнымъ въ своемъ смыслѣ слова Николай I оставался и тогда, когда со страстью вычитывалъ политическую неблагонадежность изъ вскрытыхъ писемъ мужа къ женѣ.

Черезъ мѣсяцъ, однако, Пушкинъ пишетъ женѣ:

«На того я пересталъ сердиться потому, что не онъ виноватъ въ свинствѣ его окружающихъ»,—далѣе слѣдуетъ характеристика россійскаго государственнаго строя въ выраженіяхъ весьма сильныхъ (употреблявшихся Пушкинымъ нерѣдко даже въ письмахъ къ женѣ), въ своемъ мѣстѣ сообщенныхъ (съ необходимыми сокращеніями), но неудобныхъ для перепечатыванія (VI, 127).

Въ приведенномъ сейчасъ отрывкѣ изъ дневника Пушкинъ противопоставляетъ Николая I его правительству. Нѣчто сходное дѣлаетъ онъ также въ стихотвореніи «Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю хвалу свободную слагаю» (1828); въ немъ онъ, намекая на приговоръ по дѣлу декабристовъ, говоритъ о льстецахъ, которые стремятся изъ державныхъ правъ царя ограничить одну лишь милость (II, 487).

Это противопоставленіе царя льстецамъ или царя правительству, конечно, совершенно не соотвѣтствовало исторической дѣйствительности; конечно, судьи хорошо знали, что они идутъ навстрѣчу желаніямъ Николая I, отказывая ему въ правѣ миловать декабристовъ, и то же самое знала полиція, вовлекая Николая въ интригу, достойную Видока и Булгарина, вполнѣ подходившую къ его характеру и личнымъ вкусамъ. Но Пушкинъ этого не зналъ и не понималъ.

*) Такая же восторженная оцѣнка сдѣлана въ стих. «Герой» (1830, III, 130), на этотъ разъ, впрочемъ, на основаніи дѣйствительнаго факта.

Такимъ образомъ, и въ отношеніи Пушкина къ Николаю I нѣтъ отказа отъ общаго политическаго міровоззрѣнія, а есть только несомнѣнная, вполнѣ выясненная послѣдующей исторіей, ошибка въ пониманіи лица.

Оправдывая лично Николая I, къ николаевской дѣйствительности во всемъ ея объемѣ, къ николаевскому правительству, къ николаевской полиціи, къ николаевской системѣ управленія вообще Пушкинъ не могъ относиться иначе, какъ съ самымъ суровымъ отрицаніемъ.

Мы уже видѣли отношеніе его къ крѣпостному праву,—соціальной базѣ николаевской эпохи; мы видѣли его отношеніе къ полиціи, къ суду въ двухъ частныхъ случаяхъ, касавшихся одинъ лично самого Пушкина, другой близкихъ ему декабристовъ, въ которыхъ, къ тому же, дѣйствія полиціи и суда имѣли непосредственное соприкосновеніе съ личностью самого Николая I.

Посмотримъ теперь, какъ относился Пушкинъ къ русской полиціи и русскому суду въ ихъ обычной повседневной дѣятельности.

Улицы у насъ не безопасны,—жалуется онъ въ «Дневникѣ» 1833 г. на постоянные грабежи, совершающіеся на петербургскихъ улицахъ. «Полиція видно занимается политикой, а не ворами и мостовыми» (V, 440).

«Разбои Дубровскаго—благодать для исправниковъ: разъѣзды, слѣдствія, подводы, а деньги въ карманѣ. Какъ такого благодѣтеля извести! Не правда ли, господинъ исправникъ?—Сущая правда, ваше превосходительство,—отвѣчалъ совершенно смутившійся исправникъ» (1833, IV, 308).

Вліятельный помѣщикъ требуетъ отъ засѣдателя, чтобы тотъ въ судебномъ порядкѣ оттягалъ для него имущество у сосѣдняго помѣщика, а когда тотъ проситъ хоть какихъ-нибудь документовъ, то отвѣчаетъ:

«Врешь, братецъ, какіе тебѣ документы. На то указы. Въ томъ-то и сила, чтобы безо всякаго права отнять имѣніе и пустить его нищимъ» (1833, IV, 290).

И оказывается, что при русскихъ судебныхъ порядкахъ это вполнѣ возможно; для назиданія читателей Пушкинъ считаетъ нужнымъ помѣстить цѣликомъ судебное рѣшеніе, такъ какъ «всякому пріятно будетъ увидѣть одинъ изъ способовъ, коимъ на Руси мы можемъ лишиться имѣнія, на владѣніе коимъ имѣемъ неоспоримыя права».

Малѣйшее возраженіе со стороны крестьянъ противъ явно-несправедливаго дѣйствія власти вызываетъ со стороны исправника грозный окрикъ:

«Да это бунтъ! Гей, староста, сюда! Отыщи сей же часъ, кто смѣлъ со мною разговаривать. Я его!».

Молодой Дубровскій пытается успокоить толпу и говоритъ ей:

«Не бойтесь. Государь милостивъ. Я буду просить его. Онъ насъ не обидитъ, мы всѣ его дѣти; а какъ ему за васъ будетъ заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать?» (IV, 300). Крестьяне не бунтовали, и, конечно, государь за нихъ не заступился; актъ произвола совершился легко, свободно и безнаказанно, по крайней мѣрѣ, безъ легальнаго наказанія; наказаніе было совершено при помощи преступленія (о такомъ наказаніи Пушкинъ думалъ и въ молодости: «свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ, послѣдній судія позора и обиды; гдѣ дремлетъ мечъ закона, свершитель ты проклятій и надеждъ». 1821, II, 70).

Исторія села Горюхина, рисующая крайне мрачную картину русскаго народнаго быта, заканчивается обѣщаніемъ выяснить выгоды и невыгоды различныхъ образовъ правленія: власти избраннымъ міромъ старшинъ, назначенныхъ помѣщиками приказчиковъ и наконецъ непосредственной власти самихъ помѣщиковъ. Но повѣсть осталась неоконченной. Мы видимъ въ ней художественный отвѣтъ на вопросъ о первыхъ двухъ родахъ правленія: управленіе избранными старшинами оказывается дурнымъ, управленіе приказчиковъ еще гораздо хуже; именно оно довело Горюхино до окончательнаго раззоренія, до того, что «Горюхино пріуныло, базаръ запустѣлъ, пѣсни умолкли... ребятишки пошли по міру, и день храмового праздника сдѣлался годовщиною печали и поминаній горестныхъ». Картины непосредственнаго помѣщичьяго управленія нѣтъ, и мы не знаемъ также, какой теоретическій отвѣтъ хотѣлъ дать Пушкинъ (устами помѣщика Бѣлкина) на поставленный имъ вопросъ относительно всѣхъ трехъ родовъ правленія.

Самая постановка вопроса указываетъ на то, что данный частичный отвѣтъ о двухъ первыхъ родахъ автора не удовлетворяетъ. Весьма вѣроятно, что отвѣтъ былъ бы таковъ: всѣ названные роды правленія никуда не годятся, разъ основой соціальнаго быта является крѣпостное право. Конечно, не исключена возможность и того, что Пушкинъ остановился бы на томъ или

другомъ изъ нихъ, какъ на относительно лучшемъ или относительно худшемъ. Врядъ ли только онъ высказался бы за непосредственное помѣщичье управленіе. Запись лѣтописца, «отличающаяся ясностью и краткостью слога», въ такомъ родѣ: «4 мая снѣгъ; Тришка за грубость битъ. 6—корова бурая пала. Сенька за пьянство битъ. 9—дождь и снѣгъ. Тришка битъ по погодѣ. 10—Тришка битъ за пьянство» и т. п. Эта запись не обѣщаетъ особаго сочувствія автора (по крайней мѣрѣ, автора Пушкина, стоящаго за авторомъ Иваномъ Петр. Бѣлкинымъ) къ непосредственному помѣщичьему управленію. Во всякомъ случаѣ, если Пушкина привлекало самодержавіе, то не самодержавіе въ образѣ помѣщичьей власти, и въ самой «Исторіи села Горюхина» ставится, конечно, вопросъ не о преимуществахъ республики, самодержавія или монархическаго конституціонализма, а о крѣпостномъ правѣ и свободѣ *).

Разладъ между Пушкинымъ и окружавшей его николаевской дѣйствительностью чувствовался имъ самымъ мучительнымъ образомъ. Правительство строго слѣдило за каждымъ его шагомъ, личнымъ и литературнымъ; цѣнителями такого сомнительнаго вкуса, какъ императоръ Николай I и Бенкендорфъ, ему безпрестанно давались благожелательные совѣты о переработкѣ драмы въ романъ и т. п.; по временамъ ему грозили болѣе или менѣе тяжкія кары за старые или новые грѣхи и не разъ ему приходилось слышать, какъ другіе подвергались самымъ жестокимъ карамъ только за распространеніе его произведеній («Андре Шенье»). Отъ совѣтовъ благожелательной власти, направлявшей его музу въ сторону своеобразнаго учительства въ интересахъ самодержавія,—конечно, не въ идеальномъ пушкинскомъ смыслѣ, а въ смыслѣ наличнаго конкретнаго самодержавія или, по пушкинской терминологіи, самовластія,—Пушкинъ укрылся на высоты чистаго искусства, въ область вдохновенія, звуковъ сладкихъ и молитвъ, ранѣе ему чуждую *)

«У меня душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ,—писалъ Пушкинъ въ 1836 г.—Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ, я получалъ уже полицейскіе выговоры и мнѣ говорили Vous avez trompé и т. п. Что же со мной теперь будетъ? Мордвиновъ будетъ на меня смотрѣть, какъ на Ѳаддея Булгарина и Николая Полевова, какъ на шпіона. Чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ» (VI, 158). Такими стонами переполнена вся его переписка. Такимъ же стономъ было стихотвореніе «Изъ Пиндемонте». Та же жажда личной свободы, жестоко нарушаемой николаевской дѣйствительностью, болѣзненно звучитъ въ стихотвореніи: «Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума» (1833, III, 484) и во множествѣ другихъ.

Если бы стихотвореніе «Изъ Пиндемонте» было написано теперь, то впечатлѣніе, производимое имъ на читателей, было бы страннымъ, чтобы не сказать больше. Кому въ настоящее время не ясна изъ повседневнаго опыта тѣсная связь между свободой политической и свободой гражданской? Кто не знаетъ, что свобода личная находитъ свою опору и гарантію исключительно въ извѣстныхъ государственныхъ формахъ и безъ нихъ существовать не можетъ; что зависимость отъ неограниченной верховной власти совсѣмъ не то, что зависимость отъ народа, дѣйствующаго въ

*) Къ этимъ картинамъ, или, лучше сказать, къ этимъ разбросаннымъ штрихамъ картины русской жизни можно прибавить общую ея оцѣнку, которую Пушкинъ дастъ въ такихъ словахъ: «Нужно сознаться, что нашъ соціальный бытъ (notre existance sociale) есть нѣчто крайне печальное. Это отсутствіе общественнаго мнѣнія, это индифферентизмъ ко всему, что является долгомъ, справедливостью, истиной, это циническое презрѣніе къ мысли и достоинству человѣка, все это крайне неутѣшительно, и вы (Чаадаевъ) хорошо сдѣлали, громко сказавъ это». Конечно, слова эти были сказаны не для печати, а въ письмѣ (19 окт. 1836 г.) къ Чаадаеву по поводу его злополучнаго «Философическаго Письма» въ «Телескопѣ» (VI, 163).

*) Оцѣнку стихотворенія «Чернь» (1828) съ этой точки зрѣнія см. въ статьѣ Г. В. Плеханова «Искусство и общественная жизнь», Современникъ 1912, № 11. Слово «чернь» Пушкинъ почти всегда, нерѣдко съ эпитетами «свѣтская» или «знатная», примѣнялъ къ представителямъ высшаго общества, лишеннаго истиннаго образованія и истиннаго благородства. Есть, однако, рѣдкія исключенія, напр. «Чернь перестанетъ бояться таинственной власти царя, если царь начнетъ являться къ ней» (V, 431). Правительство въ николаевскую эпоху,—и во время Пушкина, и позднѣе,—охотно указывало писателямъ, что они должны, ближняго любя, давать смѣлые уроки; еще въ пятидесятыхъ годахъ министръ народнаго просвѣщенія объяснялъ Островскому, что «благородная и полезная цѣль таланта» заключается «въ утвержденіи того столь важнаго въ жизни общественной и частной вѣрованія, что злодѣянія находятъ достойную кару еще и на землѣ», и Островскій принужденъ былъ не только выслушивать эти вразумленія, но даже приносить «глубокую благодарность за совѣты, которыми министру угодно было почтить» его. См. С. А. Венгеровъ, «Очерки по исторіи русской литературы», СПб. 1907, стр. 30.

строго опредѣленныхъ конституціонныхъ рамкахъ; что идеалъ добродѣтельнаго монарха, добровольно подчиняющагося законамъ, охраняющаго свободу и права своихъ подданныхъ, есть чистая утопія? Непониманіе такихъ общеизвѣстныхъ истинъ теперь свидѣтельствовало бы лишь о совершенной невѣжественности (если не о недобросовѣстности) писателя или объ его крайней наивности. Не менѣе, однако, наивно подходить съ мѣркой нашихъ дней къ произведенію, имѣющему почти столѣтнюю давность. Пушкинъ былъ неправъ, но его точка зрѣнія не была еще безповоротно осуждена жизнью и еще не свидѣтельствовала ни о невѣжествѣ, ни о наивности и еще много лѣтъ спустя могла привлекать очень выдающихся людей, далекихъ отъ служенія дѣлу реакціи. Въ 1862 г. революціонеръ Бакунинъ ставилъ себѣ вопросъ, за кѣмъ ему идти къ осуществленію народнаго блага: «за Романовымъ, за Пугачевымъ, или, если новый Пестель найдется, за нимъ», и отвѣчалъ такъ: «Скажемъ правду: мы охотнѣе всего пошли бы за Романовымъ, если бы Романовъ захотѣлъ идти по демократической дорогѣ, намѣченной для него Бакунинымъ», что онъ считалъ возможнымъ *). Еще позже, въ 1880 г., Михайловскій вспоминалъ, что раньше онъ и его единомышленники вѣрили въ то, что «нѣкоторые элементы наличныхъ порядковъ, сильные властью... возьмутъ на себя починъ проложенія для Россіи пути къ свободѣ и счастію народа. Это была возможность. Теоретической возможностью она остается и до сихъ поръ, но она убываетъ съ каждымъ днемъ. Практика урѣзываетъ ее безпощадно». Такимъ образомъ, только къ 1880 г. практика доказала,—и то еще не окончательно и не всѣмъ,—утопичность идеала, не совсѣмъ далекаго отъ того, который Пушкинъ лелѣялъ полустолѣтіемъ раньше.

Тѣмъ не менѣе, уже въ его время многіе изъ его современниковъ хорошо понимали несовмѣстимость законности и свободы съ самодержавіемъ **). Самъ Пушкинъ на каждомъ шагу чувствовалъ это на самомъ себѣ; онъ не могъ не замѣчать, не могъ не сознавать, не могъ не задумываться надъ внутреннимъ противорѣчіемъ своихъ политическихъ идеаловъ. Тѣмъ не менѣе, онъ ихъ держался до конца жизни. Отчасти это объясняется недостаточностью его познаній въ области политическихъ наукъ. Декабристы ихъ изучали и стояли на высотѣ знанія своего вѣка. Пушкинъ въ этомъ отношеніи стоялъ позади него. Счетъ, представленный ему иностраннымъ книжнымъ магазиномъ Белизара *), свидѣтельствуетъ о томъ, что въ послѣдніе мѣсяцы его жизни онъ покупалъ въ большомъ числѣ иностранныя книги по политическимъ вопросамъ; такъ, онъ пріобрѣлъ 2 тома токвилевской «Démocratie en Amérique»; 8 томовъ Бенжамена Констана «Collection complète des ouvrages publiés sur le gouvernement représentatif», его же «Commentaire sur l'ouvrage de Filangieri»; «Annual Register» за 1833, 1834 и 1835 годы, нѣсколько книгъ о Соедин. Штатахъ. Можно предположить, что Пушкинъ созналъ недостатокъ своихъ знаній въ этой области и нашелъ нужнымъ ихъ пополнить; но всѣ названныя книги, за исключеніемъ одного тома Токвиля и книги Гамильтона объ Америкѣ, остались неразрѣзанными. Очевидно, осуществить свое намѣреніе, если оно у него было, Пушкинъ не успѣлъ **). Впослѣдствіи славянофилы, державшіеся политическаго идеала, близкаго къ пушкинскому, и точно также бившіеся въ тискахъ чувствовавшагося ими противорѣчія, нашли (въ лицѣ своихъ эпигоновъ) исходъ, пожертвовавъ свободой ради самодержавія. Слишкомъ высокая оцѣнка, даваемая Пушкинымъ свободѣ, слишкомъ мучительныя страданія, которыя онъ испытывалъ отъ ея отсутствія, заставляютъ думать, что такой исходъ для Пушкина былъ психологически невозможенъ. Преждевременная смерть отъ пули, съ легкимъ сердцемъ пущенной въ него авантюристомъ, дала ему другой выходъ.

VI.

Мы разсмотрѣли взгляды Пушкина на наиболѣе общіе вопросы государственной

*) Бакунинъ, «Народное дѣло. Романовъ, Пугачевъ или Пестель». Перепеч. въ книгѣ «М. Бакунинъ», изд. Балашова, СПб. 1906, стр. 180.

**) См., напр., цитаты изъ «Катехизиса Никиты Муравьева», приведенныя В. П. Семевскимъ въ «Политическихъ и общественныхъ идеяхъ декабристовъ», СПб. 1909, стр. 484 и сл.

*) Напеч. Б. Л. Модзалевскимъ въ изд. ак. наукъ «Пушкинъ и его современники», вып. XIII, СПб. 1910, стр. 119 и сл.

**) См. Каталогъ его библіотеки въ «Пушкинъ и его современники» вып. IX, СПб. 1910. Необходимо отмѣтить, что въ библіотекѣ имѣются книги по тѣмъ же вопросамъ, не значащіяся въ счетѣ Белизара, слѣдовательно, надо думать, пріобрѣтенныя раньше. Но и ихъ постигла (напр., соч. Бентама, даже политическія сочиненія Руссо) та же участь: онѣ остались неразрѣзанными.

и общественной жизни. Коснемся еще нѣсколькихъ частныхъ вопросовъ.

Существуетъ мнѣніе, что на женщину Пушкинъ смотрѣлъ исключительно съ эротической точки зрѣнія и дальше воспѣванія женскихъ ножекъ не шелъ. Лирическія стихотворенія Пушкина даютъ для такого мнѣнія нѣкоторый матеріалъ, и все-таки оно односторонне и неправильно. Самыя задушевныя свои мысли по этому вопросу Пушкинъ высказалъ въ повѣсти «Рославлевъ».

«Развѣ женщины не имѣютъ отечества,— говоритъ въ ней Пушкинъ устами своей героини,—развѣ нѣтъ у нихъ отцовъ, братьевъ, мужей? Развѣ кровь русская для насъ чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтобы насъ на балѣ вертѣли въ экосезахъ, а дома заставляли вышивать по канвѣ собачекъ? Нѣтъ, я знаю, какое вліяніе женщина можетъ имѣть на мнѣніе общественное или даже на сердце хоть одного человѣка. Я не признаю униженія, къ которому насъ принуждаютъ..... Нѣтъ сомнѣнія, что русскія женщины лучше образованы, болѣе читаютъ, болѣе мыслятъ, нежели мужчины, занятые Богъ знаетъ чѣмъ» (1831, IV, 249—251) *). Совершенно ясно, что Пушкинъ признавалъ право женщины на образованіе и на участіе въ общественной жизни наравнѣ съ мужчиной и въ этомъ отношеніи значительно опередилъ свой вѣкъ, еще не поставившій (въ Россіи) на очередь вопроса о женской эмансипаціи **).

Въ «Полтавѣ», «Капитанской дочкѣ» и другихъ своихъ произведеніяхъ Пушкинъ не разъ подходилъ къ описанію смертной казни. Казнь лично близкихъ ему декабристовъ многіе годы приковывала къ себѣ его мысль. Не смотря на это, ни въ его сочиненіяхъ, ни въ его письмахъ, нельзя найти ни одного слова, изъ котораго съ увѣренностью можно было бы заключить, что Пушкинъ и теоретически ставилъ себѣ вопросъ о законности или цѣлесообразности смертной казни и давалъ на него тотъ или иной—положительный или отрицательный,—но опредѣленный отвѣтъ *). Но для нѣкоторыхъ предположеній кое-что найти можно.

При свободномъ укладѣ вольной цыганской жизни, такъ восхищавшей Пушкина въ первый періодъ его жизни, не могло быть и рѣчи о казни. «Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ: мы не терзаемъ, не казнимъ», говоритъ старый цыганъ, вызывая полное сочувствіе автора. Но переносилъ ли онъ сказавшееся здѣсь отвращеніе къ пролитію крови на общество иной структуры?

Въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» совершается казнь грузинки, казнь за чрезвычайно тяжелое преступленіе, ею совершенное, и Пушкинъ выноситъ свой приговоръ: «какая бъ ни была вина, ужасно было наказанье». Эти слова какъ будто приближаютъ насъ къ отвѣту на нашъ вопросъ.

---

*) Въ «Евг. Онѣгинѣ» указывается, что обычный разговоръ помѣщиковъ о сѣнокосѣ, о винѣ, о псарнѣ, о своей роднѣ, конечно, не блисталъ ни чувствомъ, ни поэтическимъ огнемъ, ни остротою, ни умомъ, но разговоръ ихъ милыхъ женъ гораздо меньше былъ уменъ (1823, III, 250). Рѣчь въ двухъ отрывкахъ идетъ о разныхъ обществахъ,—столичномъ и деревенскомъ.

**) Ср. т. IV, ст. С. А. Венгерова «Русская Шарлотта Кордэ».

*) Проф. Малиновскій въ книгѣ «Русскіе писатели-художники о смертной казни», Томскъ, 1910, утверждаетъ (стр. 12—22), что Пушкинъ былъ противникомъ смертной казни. Въ картинѣ казни Кочубея и Искры Малиновскій видитъ свидѣтельство, «что народъ противъ казни, что онъ молится за казнимыхъ, что казнь развращаетъ палача, что толпу она не устрашаетъ, не устрашаетъ и казнимаго», тогда какъ виновникъ казни Мазепа терзается муками совѣсти. Однако же, самъ Малиновскій указываетъ, что ожиданіе казни совершенно иначе дѣйствуетъ на Клавдіо (въ «Анджело»). Даже въ небольшомъ стихотвореніи «Сказали разъ царю, что наконецъ мятежный вождь Ріего былъ удавленъ» (II, 258), въ которомъ Пушкинъ даетъ льстецамъ совѣтъ сохранять оттѣнокъ благородства и въ самой подлости, и которое написано какъ разъ для этого совѣта, даже въ немъ Малиновскій какимъ-то образомъ увидѣлъ протестъ противъ смертной казни; между тѣмъ, скорѣе можно въ немъ усмотрѣть признаніе смертной казни въ словахъ: «Ріего былъ, конечно, очень грѣшенъ, но онъ за то повѣшенъ» (Малиновскій, стр. 12—22). Точно такимъ же способомъ Малиновскій на основаніи признанія Гоголемъ «адскихъ мукъ», сопровождавшихъ казнь казаковъ (въ «Тарасѣ Бульбѣ») «порожденіемъ тогдашняго грубаго, свирѣпаго вѣка», дѣлаетъ Гоголя принципіальнымъ противникомъ смертной казни, что, конечно, весьма сомнительно. На такомъ фундаментѣ, очевидно, нельзя ничего строить, и выводы Малиновскаго слишкомъ поспѣшны. Если держаться метода Малиновскаго, то въ словахъ Пушкина (въ «Дневникѣ», V, 442), что Николай I «первый у насъ имѣлъ право и возможность казнить цареубійцъ или помышлявшихъ о цареубійствѣ; его предшественники принуждены были терпѣть и прощать», можно было бы увидѣть признаніе смертной казни. Между тѣмъ, Малиновскій не приводитъ какъ разъ тѣхъ мѣстъ изъ Пушкина, на основаніи которыхъ можно было бы придти къ тому же самому выводу, правда, съ гораздо меньшею степенью увѣренности.

Заутра казнь,—привычный пиръ народу.
. . . . . .
Я плахѣ обреченъ. Послѣдніе часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палачъ мою главу подыметъ за власы
Надъ равнодушною толпою. (1825, II, 284).—

такія слова едва ли могъ написать человѣкъ, относящійся къ «привычному пиру народа» иначе, чѣмъ съ омерзѣніемъ.

Поэма «Анджело» (1833), въ которой поэтъ показываетъ, что всѣ мы бродимъ на самой грани преступленья, и которая заканчивается торжествомъ милосердія, повидимому, должна говорить то же самое, хотя ея фантастическая обстановка не даетъ права съ полной увѣренностью переносить ея выводы въ конкретную обстановку современнаго общества.

Вообще на основаніи приведенныхъ цитатъ можно думать, что Пушкинъ не былъ чуждъ раздумья надъ вопросомъ о смертной казни и въ его разрѣшеніи стоялъ, по меньшей мѣрѣ, не позади передовыхъ людей своего вѣка.

Вопросу о народномъ образованіи Пушкинъ посвятилъ спеціальную записку (1826, IV, 485). Но она написана по прямому заказу императора Николая I; къ ней вполнѣ примѣнимы слова самого Пушкина о «благонамѣренномъ подличаніи» (V, 539), и потому къ ней нужно относиться съ сугубой осторожностью. Странная мысль о передачѣ всего дѣла народнаго образованія исключительно въ руки государства съ запрещеніемъ образованія частнаго могла бы быть выведена, съ одной стороны, изъ высокаго уваженія, которое Пушкинъ питалъ къ государству и его воспитательной роли, и изъ признанія народнаго образованія политической задачей, съ другой стороны—изъ крайне низкаго мнѣнія о русскомъ обществѣ. Во всякомъ случаѣ, надо подождать болѣе серьезныхъ доказательствъ, чтобы признать эту идею дѣйствительнымъ убѣжденіемъ Пушкина. Но въ той же запискѣ мимоходомъ высказана мысль, которой нельзя не признать за таковое: это мысль о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Они тогда процвѣтали вездѣ (Царскосельскій лицей составлялъ рѣдкое исключеніе); вся педагогическая система николаевской эпохи держалась на тѣлесныхъ наказаніяхъ, самый воздухъ тогда былъ пропитанъ розгами и шпицрутенами,—и, высказываясь противъ тѣлесныхъ наказаній, Пушкинъ слишкомъ явственно шелъ противъ духа времени, противъ желаній Николая и Бенкендорфа, чтобы здѣсь увидѣть уступку духу времени, подлаживаніе подъ чьи-либо вкусы; какъ разъ наоборотъ. Напротивъ, въ мотивировкѣ этой мысли есть такая уступка, такое подлаживаніе, и оно очень интересно.

«Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній (въ учебныхъ заведеніяхъ) необходимо. Надлежитъ заранѣе внушать воспитанникамъ правила чести и человѣколюбія. Не должно забывать, что они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатомъ; слишкомъ жестокое воспитаніе дѣлаетъ изъ нихъ палачей, а не начальниковъ» (IV, 485).

Здѣсь нѣтъ ни одного слова прямого осужденія тѣлесныхъ наказаній въ арміи, но очевидно, что Пушкинъ считалъ необходимымъ, по меньшей мѣрѣ, смягченіе ихъ,—говорить о большемъ въ этой запискѣ, посвященной совсѣмъ другому вопросу, онъ не имѣлъ ни основанія, ни возможности, разъ записка имѣла своею задачею (конечно, не достижимой и не достигнутой) повліять на императора и окружавшихъ его людей.

Вопросъ о политическихъ убѣжденіяхъ Пушкина, особенно во второй періодъ его жизни, всегда вызывалъ несогласія и нерѣдко рѣшался неправильно.

«Вездѣ видите вы въ Пушкинѣ человѣка, душой и тѣломъ принадлежащаго къ основному принципу, составляющаго сущность изображаемаго класса; короче, вездѣ видите русскаго помѣщика... Онъ нападаетъ въ этомъ классѣ на все, что противорѣчитъ гуманности; но принципъ класса для него вѣчная истина... Онъ въ душѣ былъ больше помѣщикомъ и дворяниномъ, нежели сколько можно ожидать этого отъ поэта... Невозможно предположить болѣе консервативной натуры, какъ натура Пушкина», говоритъ Бѣлинскій *).

Ту же самую мысль развилъ Анненковъ, а вслѣдъ за нимъ съ различными оттѣнками Добролюбовъ, Пыпинъ и многіе другіе. Наконецъ особенно рѣзкую формулировку придалъ ей Ивановъ-Разумникъ **):

«Общественная группа, съ которой боролся Пушкинъ, была бюрократическая аристократія; въ этой борьбѣ во имя правъ личности Пушкинъ

*) «Собр. соч. Бѣлинскаго» подъ ред. Иванова-Разумника, СПб. 1911, т. III, стр. 419 и 442.

**) Ивановъ-Разумникъ, «Исторія русской общественной мысли», т. I, изд. 2-е, СПб. 1908, стр. 151.

хотѣлъ найти оружіе въ правахъ аристократіи стиринной, родовой... Духъ независимости—вотъ что дорого Пушкину, но въ то же самое время онъ требуетъ полнаго равенства въ самой литературѣ: «въ мирной республикѣ наукъ какое намъ дѣло до гербовъ и пыльныхъ грамотъ»... Аристократизмъ Пушкина не былъ у него сословнымъ предразсудкомъ, а имѣлъ болѣе глубокое значеніе, былъ развитъ въ цѣлую систему и имѣлъ весьма опредѣленный политическій характеръ. Пушкинъ полагаетъ, что старинная, родовая, наслѣдственная аристократія,—непремѣнно наслѣдственная,... является своего рода конституціонной гарантіей, будучи сдерживающимъ моментомъ деспотизма; такая точка зрѣнія Пушкина была причиной его отрицательнаго отношенія къ бюрократической реформѣ Сперанскаго, а отчасти и Петра Великаго; табель о рангахъ... была для Пушкина первопричиной всѣхъ неустройствъ русской жизни. Идеалъ Пушкина—аристократическая олигархія, самое существованіе которой, по его мысли, было бы достаточной гарантіей общей независимости; бюрократическая аристократія — это оселъ, лягающій демократическимъ копытомъ геральдическаго льва; къ этой высшей бюрократіи Пушкинъ былъ безпощаденъ».

Мнѣніе Бѣлинскаго, — и то съ оговорками и смягченіями,—можетъ быть принято. Но формулировка, приданная ему Ивановымъ-Разумникомъ, а тѣмъ болѣе дальнѣйшее развитіе этой мысли въ формѣ утвержденія, что Пушкинъ былъ «идеологомъ дворянства», совершенно ошибочна. Да, Пушкинъ былъ дворяниномъ по происхожденію, по воспитанію, по связямъ, какъ дворянами были и декабристы; да, дворянское происхожденіе, воспитаніе, связи,—все это оставило достаточно глубокій слѣдъ въ его душѣ. Но между его политическимъ міросозерцаніемъ и идеологіей дворянства—глубокая пропасть, и имя этой пропасти—крѣпостное право. Чтобы сдѣлать Пушкина идеологомъ дворянства, нужно признать, что дворянство, какъ классъ, ненавидѣло крѣпостное право, желало его отмѣны; но тогда дѣлается совершенно непонятнымъ, почему же оно не было отмѣнено при Николаѣ, при Александрѣ I, или еще раньше. Нужно признать дворянство николаевской эпохи прогрессивнымъ классомъ; иначе, какъ понять, что поэзія идеолога реакціоннаго класса сдѣлалась могучимъ факторомъ прогресса?

Нѣтъ, соціальную основу политическихъ убѣжденій Пушкина надо искать не въ дворянствѣ *), а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ **).

Совершенно ни на чемъ не основано также утвержденіе объ олигархическихъ идеалахъ Пушкина. Если у Пушкина было сочувствіе въ какой-либо опредѣленной государственной формѣ, то это была монархія, и притомъ неограниченная, ни въ какомъ случаѣ не олигархія.

Мы можемъ подвести итоги.

Въ первый періодъ своей жизни Пушкинъ шелъ съ либеральнымъ движеніемъ времени и былъ представителемъ прогрессивныхъ началъ двадцатыхъ годовъ, но представителемъ своеобразнымъ. Онъ былъ безусловнымъ и рѣшительнымъ врагомъ крѣпостного права, и необходимость его отмѣны была главенствующимъ пунктомъ его политической программы. Но въ современномъ ему строѣ Россіи онъ видѣлъ только одну силу, которая могла совершить это дѣло: царя. Относясь вообще довольно безразлично къ политическимъ формамъ, онъ все же предпочиталъ всѣмъ другимъ—самодержавный царизмъ, но при условіи признанія царизмомъ свободы личности и законности. Власть государства надъ личностью Пушкинъ все же признавалъ и даже въ качествѣ государственника-цариста въ довольно широкихъ размѣрахъ, считая, что истинная свобода личности вполнѣ совмѣстима съ разумною, хотя и широкою, властью государства. О конституціонномъ строѣ онъ мало зналъ, мало имъ интересовался и значенія его не понималъ. Признавая свободу мысли и слова въ ограниченныхъ предѣлахъ, онъ допускалъ цензуру, какъ орудіе для предупрежденія злоупотребленій ею. Сословный строй онъ признавалъ, въ частности, онъ признавалъ необходимость существованія въ государствѣ дворянства, но отрицалъ его притязанія на политическую власть. Высоко цѣня внѣшнее могущество государства, преклоняясь передъ бранной славой, онъ дорожилъ укрѣпленіемъ военной и политической мощи Россіи, гордился ея военными успѣхами, желалъ завоеванія Кавказа и полнаго подчиненія Польши, причемъ его націонализмъ выражался въ формахъ, очень крайнихъ, почти кровожадныхъ. Революціонныхъ путей къ осуществленію своихъ идеаловъ и, въ частности, политическаго убійства, какъ способа политической борьбы, Пушкинъ не отри-

---

*) Ср. по вопросу о взглядѣ Пушкина на дворянство мнѣнія Ив. Аксакова, В. Е. Якушкина и Анненкова въ ст. Б. Л. Модзалевскаго въ т. 1 наст. изд., стр. 23—24.

**) Во всякомъ случаѣ, съ гораздо большимъ основаніемъ можно искать ее въ нарождавшейся тогда буржуазіи; не даромъ Пушкинъ еще съ дѣтства говорилъ съ большимъ сочувствіемъ не только о грозномъ мечѣ войны, но и о «судахъ летучихъ, торговлей окрыленныхъ» (1815, I, 293).

цалъ, хотя сочувствіе имъ было довольно внѣшнимъ и поверхностнымъ. Въ общемъ его политическое направленіе можетъ быть, не смотря на наличность такого пункта, какъ свобода крестьянъ, охарактеризовано какъ умѣренный либерализмъ.

Во второй періодъ жизни царизмъ Пушкина окрѣпъ, но и уваженіе къ личной свободѣ окрѣпло тоже, при сохраненіи прежняго отношенія къ свободѣ печати; отрицаніе крѣпостного права сдѣлалось болѣе глубокимъ; сочувствіе идеѣ сословности сохранилось и, можетъ быть, окрѣпло; сохранился и націонализмъ, но въ сильно смягченномъ, окультуренномъ видѣ, лишившись прежней наивной кровожадности и изъ простого, почти инстинктивнаго преклоненія передъ блескомъ побѣдъ обратившись въ опредѣленную политическую программу расширенія политической мощи Россіи при условіи сохраненія культурной самостоятельности покоренныхъ народовъ. Питая антипатію къ евреямъ, какъ народности, Пушкинъ не былъ антисемитомъ въ современномъ смыслѣ этого слова. Рѣзкое измѣненіе произошло въ отношеніи Пушкина къ способамъ борьбы: неудача декабрьскаго возстанія заставила его совершенно разувѣриться въ революціонныхъ путяхъ, и отнынѣ онъ вѣрилъ только въ перемѣны, связанныя съ распространеніемъ просвѣщенія и перемѣнами въ нравахъ. Пропасть между современнымъ русскимъ строемъ и всѣмъ душевнымъ строемъ Пушкина осталась незасыпанной, и даже болѣе того,—сдѣлалась гораздо глубже.

Такимъ образомъ, какого-нибудь перелома въ политическихъ убѣжденіяхъ Пушкина не произошло; въ общемъ политическія убѣжденія Пушкина остались тѣми же, что и въ молодости. Даже оцѣнка такихъ личностей, какъ Петръ В., по существу измѣнилась мало.

В. Водовозовъ.

ПУЩИНЪ и ПУШКИНЪ.

«Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный».
(Пушкинъ о Пущинѣ).

«Еслибы я былъ на мѣстѣ Данзаса, роковая пуля встрѣтила бы мою грудь: я бы нашелъ средство сохранить поэта—товарища, достояніе Россіи».
(Пущинъ о Пушкинѣ).

«Какъ жаль, что нѣтъ здѣсь Пущина, мнѣ бы легче было умирать».
(Пушкинъ о Пущинѣ).

И такъ, отъ самаго начала сознательной жизни, отъ первыхъ лѣтъ ученія до могилы, пронесъ великій поэтъ нѣжную любовь къ Ивану Ивановичу Пущину, который такъ же вѣрно и горячо былъ преданъ своему лицейскому товарищу. Выше, въ статьяхъ Н. О. Лернера «Пушкинъ въ лицеѣ» (т. I), А. Л. Слонимскаго «Пушкинъ и декабрьское движеніе» (томъ II) и А. Н. Веселовскаго «Періодъ зеленой лампы» (т. I), въ значительной степени освѣщены тѣ обстоятельства жизни Пушкина, которыхъ пришлось бы коснуться въ настоящей статьѣ, и потому размѣры ея можно ограничить рамками очерка жизни И. И. Пущина и его взаимоотношеній съ Пушкинымъ.

Связанные тѣсной дружбой съ перваго же дня вступленія въ Лицей, въ которомъ они въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ жили почти въ одной комнатѣ, но рѣзко различавшіеся характерами, Пушкинъ и Пущинъ взаимно вліяли другъ на друга и воздѣйствовали одинъ на другого лучшими сторонами своихъ индивидуальныхъ свойствъ, укрѣпляя подъ этимъ взаимнымъ вліяніемъ свои природныя дарованія. По выходѣ изъ Лицея, друзья разошлись въ разныя стороны, но взрощенная въ отроческіе годы любовь продолжала благоуханно цвѣсти въ ихъ сердцахъ, и каждому изъ нихъ пришлось быть впослѣдствіи, въ разное время, ангеломъ-утѣшителемъ другого въ тяжкую пору невзгодъ и лишеній. Разобщенные, идущіе разными дорогами къ своимъ жизненнымъ цѣлямъ, Пушкинъ и Пущинъ оба черпали силу и вдохновеніе изъ глубины своихъ чистыхъ и свѣтлыхъ сердецъ, въ которыхъ прочное мѣсто занимала ихъ лицейская дружба.

Зародилась она въ августѣ 1811 года, въ огромной залѣ дворца министра народнаго просвѣщенія А. К. Разумовскаго, куда были свезены малолѣтніе сыновья лучшихъ дворянскихъ фамилій того времени для опредѣленія въ новое учебное заведеніе—Императорскій Царскосельскій Лицей. Въ первый же день знакомства мальчики подружились и въ свободное до начала лицейскихъ занятій время много разъ сходились въ домѣ Василія Львовича Пушкина, откуда часто отправлялись гулять въ Лѣтній садъ. Но въ особенно благопріятныя условія развитія ихъ дружба была поставлена, когда, по переѣздѣ въ Царское Село, Пушкинъ и Пущинъ были размѣщены въ смежныхъ комнатахъ, раздѣлявшихся тонкой деревянной перегородкой, не препятствовавшей имъ переговариваться даже шепотомъ. И въ долгія зимнія ночи мальчики, лежа въ своихъ комнатахъ, повѣряли другъ другу свои тайны, сомнѣнія и надежды; и все болѣе и болѣе закрѣплялась ихъ дружба, все глубже и серьезнѣе проникала въ ихъ нѣжныя, богато одаренныя души взаимная любовь.

Насталъ день 19-го октября, когда Куницынъ возжегъ въ сердцахъ обоихъ друзей «чистую лампаду», такъ красиво разгорѣвшуюся въ груди Пушкина въ божественный огонь пророческаго вдохновенія и столь яркимъ пламенемъ гражданства вспыхнувшую въ груди Пущина, воспитавъ изъ него борца, воодушевленнаго самоотверженной любовью къ народу-страдальцу. Прошелъ торжественный и незабвенный день открытія Лицея, наступили будни.

Рѣзкій характеръ Пушкина мѣшалъ ему сразу же близко сойтись съ другими товарищами, которые нѣсколько чуждались вспыльчиваго, раздражительнаго мечтателя-поэта, и на первыхъ порахъ Пущинъ былъ почти единственнымъ товарищемъ его дѣтскихъ игръ и шалостей, единственнымъ повѣреннымъ его вольнолюбивыхъ, не укладывавшихся въ рамки лицейскаго регламента стремленій. Не обходилось, конечно, безъ размолвокъ между Пушкинымъ и Пущинымъ, но онѣ лишь сильнѣе укрѣпляли ихъ дружбу, какъ свидѣтельствуетъ самъ поэтъ въ пьесѣ «Пирующіе студенты» (т. I, стр. 139, наст. изд.), обращаясь къ Пущину со слѣдующими словами:

Товарищъ милой, другъ прямой!
Тряхнемъ рукою руку,
Оставимъ въ чашѣ круговой
Педантамъ сродну скуку.
Не въ первой разъ мы вмѣстѣ пьемъ,
Нерѣдко и бранимся,
Но чашу дружества нальемъ
И тотчасъ помиримся.

Пущинъ, какъ и другіе лицеисты, конечно, не могъ избѣгнуть вліянія крупнаго уже и тогда и полностью проявлявшагося литературнаго дарованія Пушкина. «Пушкинъ,—пишетъ И. И. Пущинъ въ своихъ «Запискахъ» (СПб. 1907), — постоянно и дѣятельно участвовалъ во всѣхъ лицейскихъ журналахъ, импровизировалъ такъ называемыя народныя наши пѣсни, точилъ на всѣхъ эпиграммы и проч. Естественно, онъ былъ во главѣ литературнаго движенія, сначала въ стѣнахъ Лицея...» А К. Я. Гротъ, перепечатавъ въ своей книгѣ «Пушкинскій лицей» (СПб. 1901, стр. 292) дѣтскій журналъ лицеистовъ I-го выпуска «Лицейскій Мудрецъ», высказываетъ предположеніе, что письмо первое въ № 3 журнала (отдѣлъ 5-ый — Политика) принадлежитъ И. И. Пущину (въ немъ разсказана исторія съ попыткой Кюхельбекера утопиться и исторія съ гогель-могелемъ).

Несомнѣнно, подъ вліяніемъ Пушкина, Пущинъ перевелъ въ 1814 г. изъ популярнаго въ то время курса литературы Ла-Гарпа главу «объ эпиграммѣ и надписи у древнихъ», стихотворный текстъ которой перевелъ Пушкинъ («Венерѣ отъ Лаисы», т. I, стр. 119), и отрывокъ «О путешественникахъ» изъ соч. Лафатера.

Л. Н. Майковъ пишетъ по поводу послѣднихъ двухъ литературныхъ опытовъ Пущина: «Такимъ образомъ, два пріятеля почти одновременно выступили въ печать. Есть основаніе думать, что Пущинъ образовалъ свой литературный вкусъ преимущественно подъ вліяніемъ Пушкина; даже впослѣдствіи своими сужденіями о произведеніяхъ словесности Иванъ Ивановичъ напоминалъ мнѣнія своего геніальнаго друга» (Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», СПб. 1899, стр. 87).

Говоря о литературныхъ занятіяхъ Пущина, надо отмѣтить, что объ его писательскихъ способностяхъ былъ хорошаго мнѣнія не одинъ только Пушкинъ (объ этомъ передаетъ со словъ Пущина Е. И. Якушкинъ — «Записки Пущина», СПб. 1907, стр. 84). Н. И. Тургеневъ, затѣвая въ 1818 г. политическій журналъ, предлагалъ И. И. Пущину написать для этого изданія статью о книгѣ m-me Сталь «Considérations sur la revolution française» (См. В. И. Семевскій, «Политическія и общественныя идеи декабристовъ», СПб. 1909, стр. 214, и «Записки Пущина», стр. 49). Будучи въ Сибири, онъ перевелъ записки Франклина, но переводъ этотъ, посланный въ Россію, погибъ въ пути (См. Я. Гротъ, «Пушкинъ», 1899, стр. 181—182).

О дѣтскихъ шалостяхъ, соединявшихъ Пушкина и Пущина, говорить здѣсь не приходится. Все это изложено въ статьѣ Н. О. Лернера (въ I томѣ, стр. 39 и слѣд.), который пользовался записками Пущина о Пушкинѣ, вообще являющимися почти единственнымъ фактически достовѣрнымъ матеріаломъ для описанія жизни поэта въ лицейскій періодъ.

Среди многихъ стихотвореній Пушкина, посвященныхъ его первому безцѣнному другу, эта сторона ихъ жизни обрисована, конечно, со многими поэтическими вольностями, въ стихотвореніи «Воспоминаніе» 1815 г. (т. I, стр. 271):

Помнишь ли, мой братъ, по чашѣ,
Какъ въ отрадной тишинѣ
Мы топили горе наше
Въ чистомъ пѣнистомъ винѣ?
Какъ, укрывшись молчаливо
Въ нашемъ темномъ уголкѣ,
Съ Вакхомъ нѣжились лѣниво,
Школьной стражи вдалекѣ?...
.... Хохотъ чистаго веселья,
Неподвижной тусклой взоръ —
Измѣняли чадъ похмѣлья.
Сладкой Вакха заговоръ!

И позже, въ стихотвореніи «19-е октября» (1825), въ первоначальной редакціи (Я. Гротъ «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи», СПб. 1899, стр. 149), поэтъ вспоминалъ ихъ дѣтскіе годы:

Мы вспомнили, какъ Вакху приносили
Безмолвную мы жертву въ первый разъ,
Какъ мы впервой всѣ трое полюбили
Наперсники товарищи проказъ...

О тѣхъ же студенческихъ пирушкахъ и вообще о тѣсныхъ товарищескихъ отношеніяхъ Пушкина и Пущина говорится въ другомъ стихотвореніи («Къ Пущину», т. I), предшествовавшемъ по времени написанія цитированному только что:

Любезный именинникъ,
О Пущинъ дорогой!
Прибрелъ къ тебѣ пустынникъ
Съ открытою душой;
Прими жъ его лобзанья
И чистыя желанья
Сердечной простоты!
Старинный собутыльникъ!
Забудемся на часъ.
Веселье, будь до гроба
Сопутникъ вѣрной нашъ,
И пусть умремъ мы оба
При стукѣ полныхъ чашъ!

Эта настойчивость въ упоминаніи пуншевыхъ попоекъ ввела даже одного изъ біографовъ Пущина въ заблужденіе, и онъ приписалъ Пущину качества, несвойственныя другу великаго поэта (Н. А. Гастфрейндъ «И. И. Пущинъ», СПб. 1913; см. нашу замѣтку объ этомъ очеркѣ въ «Голосѣ Минувшаго», май 1914).

Конечно, не только въ совмѣстныхъ пирушкахъ проявлялась дружба нашихъ лицеистовъ и не только въ умѣломъ пользованіи пуншевой чашей выражалась общность ихъ чувствъ. «Мы съ нимъ постоянно были въ дружбѣ,—пишетъ И. И. Пущинъ,— хотя въ иныхъ случаяхъ разно смотрѣли на людей и вещи; откровенно сообщая другъ другу противорѣчащія наши воззрѣнія, мы все таки умѣли ихъ сгармонировать и оставались въ постоянномъ согласіи». А Пушкинъ, въ стихотвореніи «Въ альбомъ И. И. Пущину» (1817), писалъ (т. I, стр. 409):

Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На время улети въ Лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будетъ вновь...

Совсѣмъ, казалось, разошлись пути друзей по окончаніи Лицея, въ 1817 г. Пушкинъ уѣхалъ въ деревню къ роднымъ, Пущинъ, больнымъ, остался лежать въ лазаретѣ Лицея, а потомъ поступилъ въ гвардейскую конную артиллерію и черезъ нѣсколько лѣтъ (1823) переѣхалъ въ Москву, на должность надворнаго судьи, побывъ недолго въ такой же должности въ Петербургѣ. Одинъ пошелъ по пути общественно-самоотверженнаго служенія, въ рѣзко опредѣленномъ духѣ, другой сталъ пѣть свои гимны солнцу и любви. Но въ далекихъ, на первый взглядъ, направленіяхъ обоихъ друзей было много общаго и, главное, вдохновляемаго ихъ взаимной любовью. «Бурцевъ нашелъ, что по мнѣніямъ и убѣжденіямъ моимъ, вынесеннымъ изъ Лицея, я готовъ для дѣла,—пишетъ Пущинъ.—На этомъ основаніи онъ принялъ въ общество меня и Вольховскаго». На свое пребываніе въ обществѣ Пущинъ смотрѣлъ, какъ на обязанность работать для освобожденія народа отъ ига физическаго и духовнаго, и первою его мыслью, по вступленіи въ члены кружка, было разсказать все Пушкину: «Онъ всегда согласно со мною мыслилъ о дѣлѣ общемъ (res publica), по своему проповѣдывалъ въ нашемъ смыслѣ—и изустно, и письменно, стихами и прозою».

Увѣренность Пущина въ томъ, что Пушкинъ не только сочувственно относится къ идеямъ общества, но способенъ также всецѣло отдаться борьбѣ за ихъ осуществленіе, была настолько велика, что онъ не сомнѣвался въ присоединеніи поэта къ движенію, если бы тотъ зналъ о существованіи кружка. Скоро Пушкинъ пріѣхалъ въ столицу и, конечно, увидѣлся съ первымъ

своимъ другомъ, а немного спустя онъ заболѣлъ, и Пущинъ, почти ежедневно, навѣщалъ его. Въ долгихъ задушевныхъ бесѣдахъ они затрагивали такъ волновавшіе ихъ въ лицейскіе годы вопросы, и Пушкинъ, подозрѣвавшій, что другъ его знаетъ что-то особенное, просилъ посвятить его въ тайну общества, но Пущинъ уже къ тому времени рѣшилъ не привлекать своего лицейскаго товарища къ активной дѣятельности. «Особенно во время его болѣзни и продолжительнаго выздоровленія, видясь чаще обыкновеннаго, онъ затруднялъ меня спросами и разспросами, отъ которыхъ я, какъ умѣлъ, отдѣлывался, успокаивая его тѣмъ, что онъ лично, безъ всякаго воображаемаго имъ общества, дѣйствуетъ какъ нельзя лучше для благой цѣли».

Объ отношеніяхъ Пушкина къ декабристамъ вообще и взаимоотношеніяхъ Пушкина и Пущина въ связи съ участіемъ послѣдняго въ тайномъ обществѣ—интересныя данныя въ ст. П. Е. Щеголева «Воспоминанія декабриста — неизданное письмо И. И. Горбачевскаго къ М. А. Бестужеву» (газ. «День», 1913, ноябрь-декабрь), а также въ ст. Н. О. Лернера «Декабристы и Пушкинъ» (газ. «Рѣчь», 1912, 24 III). Здѣсь находимъ характерный отрывокъ, показывающій, что крайніе декабристы считали Пущина умѣреннымъ политическимъ дѣятелемъ, неспособнымъ на рѣзкія дѣйствія и рѣшительныя выступленія. «Ты скажешь,— пишетъ Горбачевскій,—а Пущинъ Ив. Ив. развѣ худой человѣкъ? Я скорѣе скажу, чудо человѣкъ,—что хочешь, такъ онъ хорошъ;—но я тебя теперь спрошу, республиканецъ-ли онъ, или нѣтъ? Способенъ-ли онъ къ верху дномъ все переворотить? Нѣтъ и нѣтъ,—ему надобны революціи, дѣланныя чтобы на розовой водѣ; они всѣ хотѣли все сдѣлать переговорами, ожидая, чтобы сенатъ къ нимъ вышелъ и, поклонившись, спросилъ, что вамъ угодно,—все къ вашимъ услугамъ!». Вся эта тирада написана въ связи съ гнѣвнымъ выпадомъ Горбачевскаго противъ Пушкина, съ которымъ-де непристойно знаться истиннымъ политическимъ дѣятелямъ, а «бѣдный Пущинъ того и не зналъ»...

Иванъ Ивановичъ Пущинъ, «рыцарь правды», какъ его назвалъ князь С. Г. Волконскій, былъ годомъ старше Пушкина, но въ отношеніи гражданскаго самосознанія онъ еще въ Лицеѣ шелъ значительно впереди всѣхъ своихъ товарищей. Поступивъ, по окончаніи Лицея, въ гвардію, онъ оставилъ въ 1823 году военную службу, въ которой могъ сдѣлать блестящую карьеру уже по одному своему происхожденію, и принялъ выборную должность судьи въ Петербургѣ, а вскорѣ перешелъ въ уголовный департаментъ московскаго надворнаго суда, побуждаемый своими гражданскими чувствами и желая на дѣлѣ, а не только на словахъ примѣнять свои идеи.

ПУЩИНЪ въ старости.
Работа Мазера (1850 г.).

Е. И. Якушкинъ, хорошо знавшій Пущина и много бесѣдовавшій съ нимъ объ его прошломъ, пишетъ: «Желая показать, что въ службѣ государству нѣтъ обязанности, которую можно бы было считать унизительною, онъ хотѣлъ занять одну изъ низшихъ полицейскихъ должностей—должность квартальнаго надзирателя. Своимъ примѣромъ онъ хотѣлъ доказать, какимъ уваженіемъ можетъ и должна пользоваться та должность, къ которой общество относилось въ то время съ крайнимъ презрѣніемъ. Намѣреніе Пущина возмутило его

родныхъ. Сестра его, на колѣняхъ, въ слезахъ, умоляла его отказаться отъ мысли занять полицейскую должность; онъ уступилъ ея просьбамъ и, выйдя въ отставку, поступилъ сверхштатнымъ членомъ въ петербургскую палату Уголовнаго Суда» («Записки о Пушкинѣ» И. И. Пущина, стр. 37). О томъ, какъ отрицательно относилось тогда т. н. общество къ судебной дѣятельности, см. отзывъ кн. Юсупова въ «Запискахъ» Пущина (стр. 54). Этотъ типичный представитель московской знати того времени видѣлъ нѣчто необыкновенное въ томъ, что судья Пущинъ танцовалъ на балу въ домѣ генералъ-губернатора съ дочерью послѣдняго.

Скромный въ собственной оцѣнкѣ, очень сдержанный въ разсказахъ о себѣ лично, Пущинъ умалчиваетъ въ своихъ «Запискахъ» о своей судебной дѣятельности, но въ литературѣ приводятся случаи, свидѣтельствующіе о высокомъ пониманіи имъ своихъ судейскихъ обязанностей. Племянникъ его А. И. Малиновскій разсказываетъ о томъ, какъ самоотверженно И. И. Пущинъ былъ преданъ своему дѣлу и какъ терпѣливо разбирался онъ въ мелкихъ жалобахъ обывателей, стараясь внушить имъ понятіе о законности и уваженіи къ суду. Е. И. Якушкинъ сообщаетъ, что судебная дѣятельность Пущина прямо-таки удивляла современниковъ. Особенное вниманіе общества обратило на себя рѣшеніе надворнаго суда по дѣлу извѣстнаго любителя музыки и композитора Алябьева, обвинявшагося въ нанесеніи побоевъ помѣщику Времеву у себя въ домѣ во время азартной карточной игры, отъ чего Времевъ черезъ три дня умеръ. Вліятельные друзья Алябьева сначала старались замять дѣло, затѣмъ пустили въ ходъ подкупъ, угрозы и всяческое другое давленіе, чтобы добиться оправданія помѣщика-композитора, тѣмъ болѣе, что прямыхъ доказательствъ смерти Времева отъ побоевъ Алябьева не было,—но ничто не помогло. Въ дѣлѣ участвовалъ Пущинъ, который, послѣ долгой и упорной борьбы, настоялъ на обвинительномъ приговорѣ, и Алябьевъ былъ лишенъ чиновъ, орденовъ, дворянства и сосланъ на житье въ Тобольскъ. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе уже тогда, когда самъ нелицепріятный судья былъ отправленъ другимъ судилищемъ на каторгу за свои политическія дѣянія.

Пушкинъ высоко цѣнилъ судейскую дѣятельность своего друга. На него имѣли большое нравственное вліяніе преисполненные высокаго гражданскаго чувства мотивы, побудившіе Пущина промѣнять блестящій гвардейскій мундиръ на скромную тогу судьи. Такъ, въ первоначальной редакціи стихотворенія «19-е октября» (1825) имѣются слѣдующіе, зачеркнутые впослѣдствіи, стихи (Я. Гротъ, «Пушкинъ», стр. 149):

И все прошло—проказы, заблужденья...
Ты, освятивъ тобой избранный санъ,
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ.

Много разговоровъ было у друзей на эту тему въ январѣ 1825 года, когда Пущинъ посѣтилъ Пушкина въ его изгнаніи, въ селѣ Михайловскомъ.

Шло время по окончаніи Лицея. Друзья видѣлись очень рѣдко. Пока Пущинъ служилъ въ Петербургѣ, Пушкинъ былъ на югѣ и на Кавказѣ, потомъ Пущинъ переѣхалъ въ Москву, и, наконецъ, Пушкинъ былъ сосланъ въ Михайловское. Ближайшіе друзья и даже родные, если не отшатнулись отъ поэта, то остерегались имѣть непосредственныя сношенія съ нимъ, боясь репрессій со стороны зорко слѣдившаго за Пушкинымъ правительства (см. ст. Е. В. Пѣтухова «Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ» во II томѣ наст. изд.). Пущинъ первый посѣтилъ его тамъ, и это посѣщеніе было наиболѣе отраднымъ явленіемъ въ жизни поэта за пять мѣсяцевъ его проживанія въ Михайловскомъ. «Въ 1824 году въ Москвѣ тотчасъ же узналось, что Пушкинъ изъ Одессы сосланъ на жительство въ Псковскую деревню отца своего, подъ надзоръ мѣстной власти,—пишетъ Пущинъ.—Всѣ мы, огорченные несомнѣннымъ этимъ извѣстіемъ, терялись въ предположеніяхъ.... Съ той минуты, какъ я узналъ, что Пушкинъ въ изгнаніи, во мнѣ зародилась мысль непремѣнно навѣстить его. Собираясь на Рождество въ Петербургъ для свиданія съ родными, я предположилъ съѣздить и въ Псковъ, къ сестрѣ Набоковой; мужъ ея командовалъ тогда дивизіей, которая тамъ стояла, а оттуда уже рукой подать въ Михайловское. Вслѣдствіе этой программы я подалъ въ отпускъ на двадцать восемь дней въ Петербургскую и Псковскую губернію» («Записки», стр. 55).

Общіе знакомые Пушкина и Пущина, узнавъ о цѣли путешествія въ Псковскую губернію, отговаривали послѣдняго отъ этой поѣздки, рисуя самыя мрачныя перспективы, какъ ея послѣдствіе. Пущинъ такъ передаетъ эти разговоры: «Передъ отъѣз-

домъ, на вечерѣ у князя Голицина, встрѣтился я съ А. И. Тургеневымъ, который незадолго до того пріѣхалъ въ Москву. Я подсѣлъ къ нему и спрашиваю: «Не имѣетъ-ли онъ какихъ-либо порученій къ Пушкину, потому что я въ январѣ буду у него?» «Какъ! Вы хотите къ нему ѣхать? Развѣ не знаете, что онъ подъ двойнымъ надзоромъ—и полиціи, и духовнымъ?» «Все это знаю; но знаю также, что нельзя не навѣстить друга послѣ пятилѣтней разлуки въ теперешнемъ его положеніи, особенно, когда буду отъ него съ небольшимъ въ ста верстахъ. Если не пустятъ къ нему, уѣду назадъ». «Не совѣтовалъ бы, впрочемъ, дѣлайте какъ знаете»,—добавилъ Тургеневъ. Почти тѣ же предостереженія выслушалъ я отъ В. Л. Пушкина, къ которому заѣзжалъ проститься и сказать, что увижу его племянника».

Друзья свидѣлись 11 января 1825 г., и Пущинъ оставилъ въ своихъ «Запискахъ» краснорѣчивое, согрѣтое нѣжною любовью, описаніе этой встрѣчи: «Послѣ Крещенія я поѣхалъ въ Псковъ. Погостилъ у сестры нѣсколько дней и отъ нея вечеромъ пустился изъ Пскова; въ Островѣ, проѣздомъ ночью, взялъ три бутылки клико и къ утру слѣдующаго дня уже приближался къ желаемой цѣли. Свернули мы, наконецъ, съ дороги въ сторону, мчались среди лѣса по гористому проселку: все мнѣ казалось не довольно скоро. Спускаясь съ горы, недалеко уже отъ усадьбы, которой за частыми соснами нельзя было видѣть, сани наши въ ухабѣ такъ наклонились на бокъ, что ямщикъ слетѣлъ... Я схватилъ возжи. Кони несутъ среди сугробовъ, опасности нѣтъ: въ сторону не бросятся, все лѣсъ, и снѣгъ имъ по брюхо, править не нужно. Скачемъ опять въ гору извилистою тропой; вдругъ крутой поворотъ, и какъ будто неожиданно вломились съ маху въ притворенныя ворота, при громѣ колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засѣли въ снѣгу не разчищеннаго двора... Я оглядываюсь: вижу на крыльцѣ Пушкина, босикомъ, въ одной рубашкѣ, съ поднятыми вверхъ руками».

Не даромъ поэтъ въ предчувствіи пріѣзда друга писалъ въ неоконченномъ отрывкѣ, датированномъ этимъ числомъ:

Стрекотунья бѣлобока,
Подъ калиткою моей,
Скачетъ пестрая сорока
И пророчитъ мнѣ гостей.

Не менѣе поэта былъ взволнованъ и Пущинъ. «Не нужно говорить, — пишетъ онъ,—что тогда во мнѣ происходило. Выскакиваю изъ саней, беру его въ охапку и тащу въ комнату. На дворѣ страшный холодъ, но въ иныя минуты человѣкъ не простужается. Смотримъ другъ на друга, цѣлуемся, молчимъ. Онъ забылъ, что надобно прикрыть наготу, я не думалъ объ заиндевѣвшей шубѣ и шапкѣ... Наконецъ пробила слеза (она и теперь, черезъ тридцать-три года, мѣшаетъ писать въ очкахъ), мы очнулись». Привели себя друзья въ порядокъ и усѣлись съ трубками. «Бесѣда пошла правильнѣе; многое надо было хронологически разсказать, о многомъ разспросить другъ друга».

Пушкинъ жадно слушалъ разсказы своего лицейскаго друга о послѣднихъ политическихъ и литературныхъ новостяхъ столицы и много разспрашивалъ его о тайныхъ обществахъ, существованіе которыхъ онъ подозрѣвалъ уже давно. Настойчивость Пушкина сбила Пущина съ позиціи, и онъ признался другу въ принадлежности къ тайному обществу, но отказался отъ сообщенія подробностей и перемѣнилъ тему разговора. Однако, и безъ этого они имѣли о чемъ говорить.

На Пушкина посѣщеніе его лучшаго друга произвело благотворное вліяніе. Еще въ 1823 году, изъ Одессы, онъ писалъ Дельвигу по полученіи привѣта отъ Пущина: «Мой Дельвигъ, я получилъ всѣ твои письма и отвѣчалъ почти на всѣ. Вчера повѣяло мнѣ жизнью лицейскою; слава и благодареніе за то тебѣ и моему Пущину» (См. Н. О. Лернеръ, «Труды и дни Пушкина», стр. 90,—о недошедшемъ до насъ письмѣ И. И. Пущина). А затѣмъ, не зная еще, что Пущинъ собирается къ нему въ Михайловское, но, повидимому, освѣдомленный о пребываніи своего лицейскаго друга въ Петербургѣ, писалъ (во 2-й половинѣ декабря 1824 г.) брату: «Кланяйся господину Жуковскому. Заѣзжай къ Пущину и Малиновскому». Самый же пріѣздъ друга сильно обрадовалъ Пушкина, явился какъ-бы живительнымъ ключемъ, въ которомъ онъ почерпалъ струю свѣжихъ силъ. Пріѣздъ этотъ соединилъ опальнаго поэта съ внѣшнимъ міромъ. Пущинъ передалъ Пушкину всѣ новости столичной жизни и, въ свою очередь, оживилъ въ петербургскомъ и московскомъ обществахъ, по возвращеніи, интересъ къ Прометею села Михайловскаго.

Самъ Пущинъ пристально пригляды-

вался къ обстановкѣ деревенской жизни своего друга и къ нему самому. «Вообще,—пишетъ онъ,—Пушкинъ показался мнѣ нѣсколько серьезнѣе прежняго, сохраняя однакожъ ту же веселость; можетъ быть, самое положеніе его произвело на меня это впечатлѣніе. Онъ, какъ дитя, былъ радъ нашему свиданію, нѣсколько разъ повторяя, что ему еще не вѣрится, что мы вмѣстѣ.

Прежняя его живость во всемъ проявлялась, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ воспоминаніи: имъ не было конца въ неумолкаемой нашей болтовнѣ. Наружно онъ мало перемѣнился, обросъ только бакенбардами; я нашелъ, что онъ тогда былъ очень похожъ на тотъ портретъ, который потомъ видѣлъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ».

И портретъ Кипренскаго, и гравюра съ него, работы Уткина, воспроизведены въ III томѣ наст. изданія. Тотъ же портретъ положенъ въ основу композиціи Н. Н. Ге «Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ—посѣщеніе Пущина», фототипическое воспроизведеніе которой дано во II томѣ этого изданія.

Наряду съ разспросами о лицейскихъ товарищахъ, о политическихъ новостяхъ и о причинахъ, побудившихъ Пущина пойти въ судьи, Пушкинъ интересовался, конечно, литературными новостями столичной жизни. «Я привезъ Пушкину въ подарокъ «Горе отъ ума»,—пишетъ Пущинъ; — онъ былъ очень доволенъ этою тогда рукописною комедіей, до того ему вовсе почти незнакомою. Послѣ обѣда, за чашкой кофею, онъ началъ читать ее вслухъ; но опять жаль, что не припомню теперь мѣткихъ его замѣчаній, которыя, впрочемъ, потомъ частію явились въ печати.

Среди этого чтенія кто-то подъѣхалъ къ крыльцу. Пущкинъ выглянулъ въ окно, какъ будто смутился и торопливо раскрылъ лежавшую на столѣ Четью-Минею. Замѣтивъ его смущеніе и не подразумѣвая причины, я спросилъ его: что это значитъ? Не успѣлъ онъ отвѣчать, какъ вошелъ въ комнату низенькій, рыжеватый монахъ и рекомендовался мнѣ настоятелемъ сосѣдняго монастыря... Я радъ былъ, что мы избавились этого гостя, но мнѣ неловко было за Пушкина: онъ, какъ школьникъ, присмирѣлъ при появленіи настоятеля. Я ему высказалъ мою досаду, что накликалъ это посѣщеніе. «Перестань, любезный другъ! Вѣдь онъ и безъ того бываетъ у меня, я порученъ его наблюденію. Что говорить объ этомъ вздорѣ!».

Тутъ Пушкинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ читать комедію; я съ необыкновеннымъ удовольствіемъ слушалъ его выразительное и исполненное жизни чтеніе, довольный тѣмъ, что мнѣ удалось доставить такое высокое наслажденіе».

Затѣмъ Пушкинъ читалъ Пущину свои произведенія, продиктовалъ ему начало «Цыганъ» для «Полярной Звѣзды» и просилъ благодарить Рылѣева «за его патріотическія «Думы».

Весь день провели друзья вмѣстѣ. «Между тѣмъ время шло за полночь. Намъ подали закусить: на прощанье хлопнула третья пробка. Мы крѣпко обнялись—въ надеждѣ, можетъ быть, скоро свидѣться въ Москвѣ. Шаткая эта надежда облегчала разставанье послѣ такъ отрадно промелькнувшаго дня. Ямщикъ уже запрегъ лошадей, колоколецъ брякалъ у крыльца, на часахъ ударило три. Мы еще чокнулись стаканами, но грустно пилось: какъ будто чувствовалось, что послѣдній разъ вмѣстѣ пьемъ, и пьемъ на вѣчную разлуку! Молча я набросилъ на плечи шубу и убѣжалъ въ сани. Пушкинъ еще что-то говорилъ мнѣ вслѣдъ; ничего не слыша, я глядѣлъ на него: онъ остановился на крыльцѣ, со свѣчей въ рукѣ. Кони рванули подъ гору. Послышалось: «Прощай, другъ!» Ворота скрыпнули за мною...»

19 октября 1825 г. («Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ», т. II) поэтъ умиленно вспоминалъ посѣщеніе Пущина:

...Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ.

А послѣ «14 декабря», когда Пущинъ томился уже въ казематахъ Шлиссельбургской крѣпости, Пушкинъ также благодарно вспоминалъ день пріѣзда своего друга и писалъ ему:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ тоже утѣшенье,
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней.

Не только нравственное значеніе имѣлъ пріѣздъ Пущина для Пушкина. Какъ всегда,

гражданскій паѳосъ «рыцаря правды» повліялъ на творчество поэта, и первое произведеніе Пушкина, послѣ отъѣзда Пущина изъ Михайловскаго, отразило содержаніе ихъ бесѣдъ 11-го января. А. Л. Слонимскій отмѣтилъ уже (т. II, стр. 526) вліяніе пріѣзда Пущина въ Михайловское на появленіе «Андрея Шенье», и здѣсь достаточно только упомянуть объ этомъ. Другія свидѣтельства вліянія Пущина на свободолюбивыя мысли Пушкина находимъ у Я. Грота («Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», стр. 248, въ примѣчаніи П. А. Вяземскаго къ запискѣ М. А. Корфа о Лицеѣ), у Л. Майкова («Пушкинъ», стр. 90), у В. И. Семевскаго («Политическія и общественныя идеи декабристовъ», СПб. 1909, стр. 230).

Провалъ декабрьскаго движенія болью отозвался въ сердцѣ Пушкина. С. А. Венгеровъ выяснилъ въ статьѣ «По поводу рисунка Пушкина» (т. II, стр. 529), что поэтъ былъ сильно занятъ мыслью о своихъ друзьяхъ и товарищахъ, погибшихъ на висѣлицѣ или изнывавшихъ въ Сибири. А. Л. Слонимскій развилъ эту тему болѣе подробно, приведя выдержки изъ разныхъ писемъ и стихотвореній Пушкина, доказывающія, что онъ очень страдалъ за своихъ друзей. Но тяжелѣе всѣхъ другихъ чувствовалъ поэтъ утрату Пущина, лучшаго друга своего сердца, воспѣтаго имъ рыцаря правды и добра, освятившаго санъ судьи и воплотившаго народную совѣсть.

Въ письмѣ къ Дельвигу (20-го февраля 1826 г.) Пушкинъ, говоря о судьбѣ Кюхельбекера и радуясь, что участь послѣдняго облегчена, переходитъ къ Пущину и пишетъ: «Но что Ив. Пущинъ? Мнѣ сказывали, что 20-го, т.-е. сегодня, участь ихъ должна рѣшиться—*и сердце не на мѣстѣ*».

Еще когда Пущинъ находился въ Шлиссельбургской крѣпости, Пушкинъ написалъ, 13-го декабря 1826 года, и передалъ А. Г. Муравьевой, уѣзжавшей къ мужу въ Забайкалье, стихотвореніе «Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!», посвященное Пущину. А въ первоначальномъ наброскѣ этого стихотворенія писалъ послѣ словъ: «твой колокольчикъ огласилъ»—

Забытый кровъ, шалашъ опальный
Ты съ утѣшеньемъ посѣтилъ,
Ты день отрадный и печальный
Съ изгнаннымъ другомъ раздѣлилъ.

(Ср. исторію текста и подробности—въ примѣчаніяхъ Н. О. Лернера, т. IV, стр. XX).

Такъ Пушкинъ и Пущинъ утѣшили другъ друга въ несчастьи и оба считали эти дни лучшими въ жизни. Пущинъ глубоко чувствовалъ, что Пушкинъ первый встрѣтилъ его въ Сибири задушевнымъ словомъ, и, приведя стихотвореніе «Мой первый другъ», которое онъ получилъ уже въ началѣ 1828 года, въ день своего пріѣзда въ Читу, пишетъ: «отрадно отозвался во мнѣ голосъ Пушкина! Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не могъ обнять его, какъ онъ меня обнималъ, когда я первый посѣтилъ его въ изгнаніи».

Переписываясь съ Е. А. Энгельгардтомъ, Пущинъ получалъ отъ него извѣстія о Пушкинѣ. Поэтъ, упоенный успѣхами творчества и заласканный московскими почитателями, не забывалъ его. Однажды Энгельгардтъ переслалъ своему Jeannot слѣдующее стихотвореніе Пушкина на 19-е октября 1827 года, за которое онъ (см. т. IV, стр. XLVI) даже получилъ непріятность:

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, Царской службы
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ таинствахъ любви!
Богъ помочь вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли!

И другими путями доходили до декабристовъ отклики сердечной любви поэта. Въ началѣ 1827 или еще въ концѣ 1826 года (см. т. IV, примѣчанія, стр. XXIII) онъ написалъ, пересланное черезъ А. Г. Муравьеву туда же, стихотвореніе «Во глубинѣ сибирскихъ рудъ» (т. II, стр. 451), въ которомъ, конечно, къ Пущину относились слова:

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ...

А въ стихотвореніи «Аріонъ» (1827) поэтъ писалъ:

Насъ было много на челнѣ;
...Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ-налету вихорь шумный...
Погибъ и кормщикъ и пловецъ!...
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою,
Я гимны прежніе пою...

«Въ своеобразной нашей тюрьмѣ,—пишетъ Пущинъ въ «Запискахъ» о Пушкинѣ,—

я слѣдилъ съ любовью за постепеннымъ литературнымъ развитіемъ Пушкина; мы наслаждались всѣми его произведеніями, являвшимися въ свѣтъ».

Объ общественныхъ и политическихъ мотивахъ въ творчествѣ Пушкина до 1825 года, болѣе всего, конечно, привлекавшихъ вниманіе Пущина, говорится въ статьяхъ А. Л. Слонимскаго и особенно Н. А. Котляревскаго («Пушкинъ въ Александровскую эпоху», т. II настоящаго изданія).

Самъ Пущинъ высказался о своемъ вліяніи на творчество Пушкина до 1825 года довольно опредѣленно, и это свидѣтельство, если вспомнить необычайную скромность автора, имѣетъ существенное значеніе.

Это интересное заявленіе Пущина находимъ въ письмѣ А. И. Малиновскаго къ Я. К. Гроту, опубликованномъ К. Я. Гротомъ въ его книгѣ «Пушкинскій Лицей» (СПб. 1911, стр. 112).

Сообщая Я. К. Гроту, въ письмѣ отъ 9-го сентября 1888 года, что онъ посылаетъ ему на 11-ти листахъ матеріалы для жизнеописанія его дяди И. И. Пущина, А. И. Малиновскій (сынъ И. В. Малиновскаго отъ его перваго брака съ М. И. Пущиной) приводитъ также слѣдующую подлинную выдержку изъ письма Пущина къ его отцу (отъ 14-го іюня 1840 года): «Послѣдняя могила Пушкина! кажется если бы при мнѣ должна была случиться несчастная его исторія и если бы я былъ на мѣстѣ К. Данзаса, то роковая пуля встрѣтила бы мою грудь: я бы нашелъ средство сохранить поэта-товарища, достояніе Россіи, хотя не всѣмъ его стихамъ поклоняюсь; ты догадаешься, про что я хочу сказать; онъ минутно забывалъ свое назначеніе и все это послѣ нашей разлуки»...

Перейду къ личной біографіи Пущина. Иванъ Ивановичъ Пущинъ, сынъ генералъ-интенданта, сенатора И. П. и внукъ извѣстнаго адмирала Екатерининской эпохи П. И. Пущиныхъ, родился 4 мая 1798 г. Мать его, урожденная Рябинина, въ раннемъ дѣтствѣ И. И. заболѣла, и будущій лицеистъ росъ на попеченіи старшихъ сестръ и гувернеровъ. Получивъ первоначальное образованіе дома, И. И. на 13 году былъ отданъ въ Царскосельскій Лицей, куда былъ принятъ въ уваженіе къ просьбѣ своего заслуженнаго дѣда. Въ Лицеѣ онъ ближе всѣхъ сошелся съ Пушкинымъ, какъ потому, что ихъ помѣстили рядомъ, и они бокъ-о-бокъ прожили шесть лѣтъ, такъ и потому, что семья Пущиныхъ была знакома домами съ семьею В. Л. Пушкина, и юные друзья чаще всего сходились до начала лицейскихъ занятій въ домѣ поэта-дяди. Тѣсной дружбѣ ихъ содѣйствовало еще и то, что Пущинъ обладалъ открытымъ и честнымъ характеромъ, привлекавшимъ къ нему симпатіи всѣхъ товарищей, и рѣзкій, взбалмошный поэтъ не могъ не привязаться къ полюбившему его Пущину.

Въ Лицеѣ Пущинъ, не смотря на близкое участіе во всѣхъ шалостяхъ товарищей, былъ на лучшемъ счету у преподавателей благодаря своему привлекательному характеру и прекраснымъ способностямъ, дававшимъ ему возможность успѣвать въ наукахъ. Уже въ «табели, составленной изъ поданныхъ вѣдомостей гг. профессоровъ, адъюнктовъ и учителей: 1) о успѣхахъ, 2) о прилежаніи, 3) о дарованіяхъ воспитанниковъ Императорскаго Лицея, какіе оказали они въ теченіи полугода съ 23 октября 1811 по 19 марта 1812 года», опубликованной Д. Ѳ. Кобеко въ его интересномъ трудѣ «Императорскій Царскосельскій Лицей» (СПб. 1911, стр. 46), находимъ подъ фамиліей Пущина (помѣщеннаго четвертымъ въ общемъ спискѣ воспитанниковъ въ порядкѣ успѣховъ) слѣдующія данныя: «Въ росс. и лат. яз. 1) Превосходные успѣхи, и болѣе тверды, нежели блистательны. 2) Рѣдкаго прилежанія. 3) Счастливыхъ дарованій. Въ франц. яз. 1) Весьма обычные успѣхи. 2) Очень прилеженъ. 3) Очень понятенъ и способенъ. Въ нѣм. яз. 1) Великіе и надежные успѣхи. 2) Примѣрнаго прилежанія. 3) Отмѣнныхъ дарованій. Въ логикѣ. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Отмѣнно прилеженъ. 3) Понятенъ. Въ ариѳмет. 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Очень хорошихъ дарованій. Въ географіи и исторіи. 1) Прекрасные успѣхи. 2) Весьма прилеженъ. 3) Очень хорошихъ дарованій. Въ рисованіи. 1) Довольно хорошіе успѣхи. 2) Очень прилеженъ. 3) Весьма способенъ. Въ чистописаніи. 1) Успѣхи довольно хороши. 2) Прилеженъ. 3) Способенъ».

Въ очеркѣ Н. А. Гастфрейнда («И. И. Пущинъ», СПб. 1913, стр. 6) приведены, наряду съ отзывами учителей, также отзывы лицейскихъ гувернеровъ и надзирателей, перепечатанные изъ «Лицейскаго журнала».

Такъ, въ отчетѣ Мартына Пилецкаго «о поведеніи и свойствахъ гг. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго лицея» (отъ 19 ноября 1812 г.) читаемъ

о Пущинѣ: «Пущинъ 14 лѣтъ. Съ весьма хорошими дарованіями; всегда прилеженъ и ведетъ себя благоразумно. Благородство, воспитанность, добродушіе, скромность, чувствительность, съ мужествомъ и тонкимъ честолюбіемъ, особенно же разсудительность суть отличныя его свойства. Въ обращеніи пріятенъ, вѣжливъ и искрененъ, но съ приличною разборчивостью и осторожностью». Гувернеръ Чириковъ (отзывъ отъ 30 сентября 1813 г.) пишетъ: «Иванъ Пущинъ. Непризнателенъ, въ словахъ и поступкахъ оказываетъ нерѣдко особенную небрежность, впрочемъ ласковъ, усерденъ, весьма прилеженъ и опрятенъ». Въ чемъ выразились отмѣченныя здѣсь отрицательныя свойства характера Пущина неизвѣстно, но слѣдуетъ отмѣтить, что этотъ отзывъ противорѣчитъ какъ всѣмъ отзывамъ наставниковъ и другихъ надзирателей, такъ и отзывамъ товарищей Пущина по Лицею и всѣхъ знавшихъ его впослѣдствіи. Профессора неоднократно, въ послѣдующіе годы, повторяли приведенные выше отзывы отчета, а Кайдановъ писалъ въ «вѣдомости о дарованіяхъ, прилежаній и успѣхахъ воспитанниковъ по части географіи всеобщей и россійской исторіи» (отъ ноября 1812 по 1 января 1814 г.): «Иванъ Пущинъ. Дарованій очень хорошихъ, уроки слушаетъ всегда съ особеннымъ вниманіемъ, а посему оказываетъ весьма хорошіе успѣхи. Въ поведеніи благонравенъ».

Въ названной выше книгѣ Д. Ѳ. Кобеко опубликовалъ весьма интересный «отчетъ конференціи Лицея въ учебныхъ занятіяхъ воспитанниковъ старшаго возраста въ теченіе шестилѣтняго курса ученія», дающій возможность судить о характерѣ и внутреннемъ содержаніи учебнаго курса, который прошли первые лицеисты.

Въ заключительной части отчета конференція высказывала увѣренность, что воспитанники «содѣлаются добрыми гражданами и ревностными служителями общества». А Пущинъ писалъ: «Еще въ лицейскомъ мундирѣ я былъ частымъ гостемъ артели, которую тогда составляли Муравьевы (Александръ и Михайло), Бурцевъ, Павелъ Колошинъ и Семеновъ. Съ Колошинымъ я былъ въ родствѣ. Постоянныя наши бесѣды о предметахъ общественныхъ, о злѣ существующаго у насъ порядка вещей и о возможности измѣненія, желаемаго многими въ тайнѣ, необыкновенно сблизили меня съ этимъ мыслящимъ кружкомъ: я сдружился съ нимъ, почти жилъ въ немъ. Бурцевъ, которому я больше высказывался, нашелъ, что по мнѣніямъ и убѣжденіямъ моимъ, вынесеннымъ изъ Лицея, я готовъ для дѣла. На этомъ основаніи онъ принялъ въ общество меня» («Записки», 1907, стр. 44).

Не только Пушкинъ, всѣ лицейскіе товарищи любили Пущина, и со многими изъ нихъ онъ остался въ близкой дружбѣ по окончаніи Лицея. Никто не могъ, впослѣдствіи, когда Пущинъ былъ уже въ опалѣ, въ ссылкѣ, въ каторгѣ, отозваться о немъ плохо. Баронъ, позднѣе графъ М. А. Корфъ въ своей извѣстной запискѣ о Лицеѣ (Я. Гротъ, «Пушкинъ», 1899, стр. 251) пишетъ о Пущинѣ: «Ив. Ив. Пущинъ, со свѣтлымъ умомъ, съ чистою душою, съ самыми благородными намѣреніями, былъ въ Лицеѣ любимцемъ всѣхъ товарищей. По выпускѣ онъ поступилъ въ гвардейскую конную артиллерію: для пылкой души его, жаждавшей безпрестанной пищи, военная служба въ мирное время показалась, однакоже, слишкомъ мертвою и, бросивъ ее, кажется, въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ пошелъ служить въ губернскія мѣста, сперва въ Петербургѣ, потомъ въ Москвѣ, съ намѣреніемъ возвысить и облагородить этотъ родъ службы, которому въ то время не посвящалъ себя еще почти никто изъ порядочныхъ людей. Но излишняя пылкость и ложный взглядъ на средства къ счастью Россіи сгубили нашего любимца»...

А Н. И. Гречъ, знавшій его по своей близости къ кружку декабристовъ, вспоминалъ потомъ: «Ив. Ив. Пущинъ, одинъ изъ воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея перваго блистательнаго выпуска,—благородный, милый, добрый человѣкъ, истинный филантропъ, покровитель бѣдныхъ, гонитель неправды. Въ добродѣтельныхъ порывахъ для благотворенія человѣчеству вступилъ онъ на службу безвозмездно по выборамъ въ уголовную палату. Память объ его умѣ, сердцѣ и характерѣ останется навѣки въ глубинѣ души моей»...

О декабристахъ, конечно, говорить не приходится. Тѣ въ письмахъ другъ къ другу и даже въ показаніяхъ на допросахъ по дѣлу 14 декабря прямо говорили, что считали за честь знакомиться съ Пущинымъ.

Весьма трогательна также горячая любовь къ Пущину директора Лицея Е. А. Энгельгардта, отражающаяся въ ихъ перепискѣ.

Отмѣчу, что въ перепискѣ съ Ѳ. Ѳ. Матюшкинымъ Энгельгардтъ называетъ Пу-

щина золотымъ и, сообщая объ отъѣздѣ послѣдняго въ Москву, на должность судьи, пишетъ: «очень, очень больно мнѣ съ нимъ разставаться, но опредѣленіе его тамъ такъ лестно и для него и для Лицея, что я уже о себѣ и думать не смѣю». «Послѣ отъѣзда Пущина,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—мнѣ тутъ очень будетъ пусто и грустно».

Примкнувъ къ тайному обществу по окончаніи Лицея, Пущинъ сталъ принимать въ немъ дѣятельнѣйшее участіе и, между прочимъ, привлекъ въ него одного изъ виднѣйшихъ декабристовъ, К. Ф. Рылѣева. Еще въ 1820 г. Пущинъ считался необходимымъ участникомъ возстанія Семеновскаго полка, и С. Г. Волконскій приводитъ въ своихъ «Запискахъ» (СПб. 1901, стр. 421) слѣдующій разговоръ съ Пущинымъ: «Вотъ что этотъ рыцарь правды мнѣ сказалъ: «Во время бунта Семеновскаго полка я встрѣтился съ Ник. Ив. (Тургеневымъ), и онъ спросилъ меня: «Что же вы не въ рядахъ возстанія Семеновскаго полка? Вамъ бы тамъ надлежало быть!»

По переѣздѣ въ Москву Пущинъ былъ предсѣдателемъ мѣстной управы общества и часто наѣзжалъ въ Петербургъ для обсужденія мѣръ по согласованію дѣятельности отдѣльныхъ управъ.

Кромѣ того, онъ основалъ въ Москвѣ союзъ, имѣвшій цѣлью личное освобожденіе дворовыхъ людей. Мысль объ освобожденіи крестьянъ постоянно занимала Пущина, и онъ прилагалъ усилія къ осуществленію ея. Обязанность основаннаго имъ московскаго союза состояла въ томъ, чтобы «непремѣнно не имѣть при своей услугѣ крѣпостныхъ людей, если они (члены общества) въ правѣ ихъ освободить». Кромѣ того, члены союза обязывались при всякомъ случаѣ оказывать пособіе, денежное или всякое другое, къ освобожденію какого-нибудь лица.

Впослѣдствіи этотъ союзъ былъ преобразованъ въ «практическій», имѣвшій тѣ же цѣли.

По изслѣдованію В. И. Семевскаго, Пущинъ былъ изъ числа тѣхъ членовъ Сѣвернаго общества, которыхъ не удовлетворило даже постановленіе объ освобожденіи крестьянъ только съ огородами, земледѣльческими орудіями и принадлежащимъ имъ скотомъ. И на копіи второй редакціи конституціи Н. Муравьева, написанной рукою Рылѣева, сдѣлано рукою И. И. Пущина замѣчаніе: «ежели огородъ, то земля» («Политическія и общественныя идеи декабристовъ», стр. 614). Говорить болѣе подробно о роли и значеніи Пущина въ исторіи декабрьскаго возстанія здѣсь не мѣсто, этому вопросу удѣлено достаточно вниманія въ спеціальной литературѣ (списокъ приведенъ ниже). Надо, однако, остановиться на самомъ актѣ возстанія.

При первомъ извѣстіи о приближающейся развязкѣ И. И. Пущинъ поспѣшилъ изъ Москвы въ Петербургъ, съ трудомъ добившись отпуска отъ не желавшаго отпустить его генералъ-губернатора князя Голицына, и принималъ участіе во всѣхъ засѣданіяхъ думы, рѣшавшей вопросы организаціи возстанія. Былъ онъ, конечно, и на томъ засѣданіи, на которомъ рѣшенъ былъ вопросъ о выводѣ войскъ на Дворцовую площадь. 13 декабря онъ писалъ въ Москву, декабристу Семенову, слѣдующее, прося его показать это письмо генераламъ М. Ѳ. Орлову и М. А. фонъ-Визину: «насъ по справедливости назвали бы подлецами, если бы мы пропустили нынѣшній, единственный случай. Когда ты получишь это, все уже будетъ кончено».

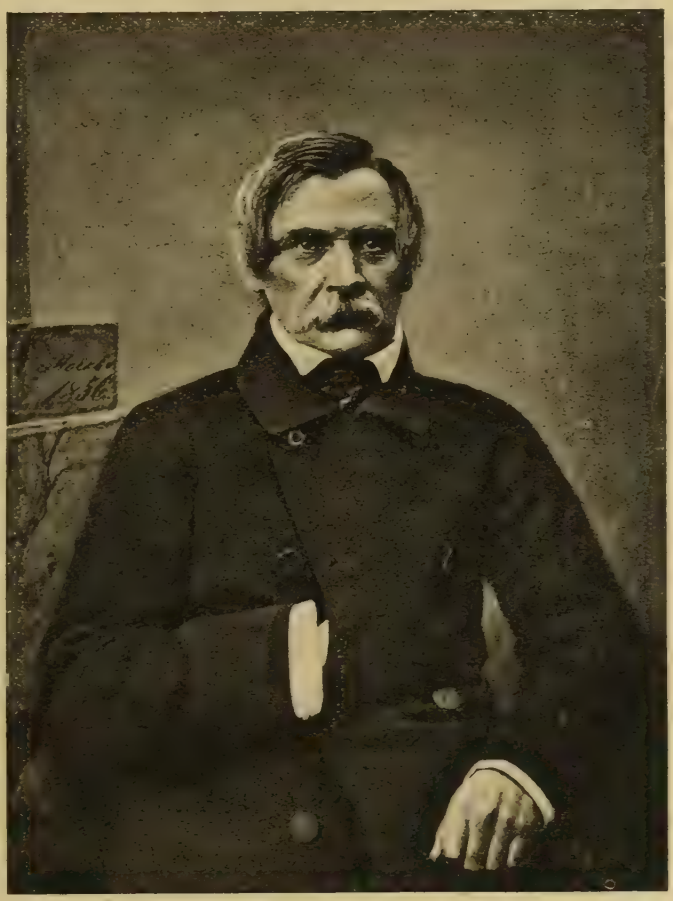
Предполагая, что ихъ попытка можетъ окончиться ничѣмъ, Пущинъ добавляетъ: «Прощай, вздохни объ насъ, если...» («Государственныя преступленія въ Россіи», сборникъ подъ ред. В. Я. Богучарскаго, т. I, стр. 39).

14 декабря утромъ Пущинъ, по показанію струсившаго въ послѣдній моментъ кн. С. П. Трубецкого, которому заговорщики предназначали роль диктатора, былъ у него вмѣстѣ съ Рылѣевымъ и уговаривалъ его исполнить свой долгъ передъ обществомъ—быть на площади на случай, если что-нибудь произойдетъ. Пущину же совмѣстно съ Рылѣевымъ было поручено доставить въ сенатъ проектъ манифеста, который долженъ былъ составить С. Г. Батенковъ въ случаѣ успѣха предпріятія. Находясь на Сенатской площади, Пущинъ принималъ живое участіе во всѣхъ событіяхъ дня и принималъ на себя командованіе тѣми отрядами, начальники которыхъ попрятались въ рѣшительную минуту.

Не смотря на присутствіе въ самомъ центрѣ стрѣльбы, Пущинъ, по счастливой случайности, не былъ раненъ, хотя бывшій на немъ плащъ его дѣда-адмирала былъ прострѣленъ во многихъ мѣстахъ. Столь же благополучно удалось ему избѣжать ареста въ этотъ день и прибыть въ квартиру отца.

15 декабря къ Пущину пріѣхалъ его

лицейскій товарищъ, кн. А. М. Горчаковъ, привезшій ему заграничный паспортъ и горячо убѣждавшій его уѣхать на отходившемъ въ тотъ день иностранномъ пароходѣ. Горчаковъ ручался Пущину, что онъ благополучно доставитъ его на пароходъ, но рыцарь правды не согласился уѣхать. «Онъ считалъ постыднымъ избавиться бѣгствомъ отъ той участи, которая ожидаетъ другихъ членовъ тайнаго общества, — пишетъ хорошо знавшій И. И. Пущина Е. И. Якушкинъ: — дѣйствуя съ ними вмѣстѣ, онъ хотѣлъ раздѣлить и ихъ судьбу». Въ то же утро, какъ передаетъ цитируемый авторъ, заѣхалъ къ Пущину кн. П. А. Вяземскій и спросилъ его, не можетъ-ли онъ быть ему чѣмъ-нибудь полезенъ. Пущинъ просилъ его взять на сохраненіе портфель съ бумагами, но не потому, что эти бумаги могли отяготить его участь, а потому, что тамъ находились стихотворенія Пушкина, Дельвига и Рылѣева, которыя онъ хотѣлъ сохранить для потомства. Когда Пущинъ черезъ 30 съ лишнимъ лѣтъ вернулся изъ Сибири, онъ получилъ отъ Вяземскаго этотъ портфель въ сохранности.



И. И. ПУЩИНЪ.
Съ портр. 1856 г.

16 декабря вечеромъ Пущинъ былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Во все время слѣдствія онъ держался съ поразительнымъ спокойствіемъ и съ рѣдкимъ самообладаніемъ велъ свою систему защиты, заключавшуюся въ рѣшительномъ отрицаніи какого-либо участія въ подготовленіи возстанія, какъ своего личнаго, такъ и всѣхъ называвшихся ему слѣдователями лицъ, выгораживая ихъ часто вопреки очевидности. Онъ признавалъ только тѣ имена, относительно которыхъ ему предъявлялись слишкомъ явныя улики, и до конца слѣдствія, напримѣръ, не назвалъ Бурцева, заявляя, что его ввелъ въ общество вымышленный капитанъ Бѣляевъ. Такая система защиты при инквизиціонномъ способѣ допроса, практиковавшемся комиссіею, дѣятельность которой направлялъ самъ Николай Павловичъ, должна быть названа героической, если вспомнить, что многіе привлеченные къ слѣдствію не выдерживали пытокъ, нравственныхъ и отчасти физическихъ, и сообщали комиссіи даже больше, чѣмъ отъ нихъ требовали и ожидали узнать.

Благородная же сдержанность Пущина въ показаніяхъ производитъ прямо-таки умилительное впечатлѣніе и можетъ служить примѣромъ мужественнаго поведенія въ условіяхъ мѣста и времени *). Можно сказать, что ни одинъ декабристъ не былъ такъ сдержанъ на до-

*) Первоначально предполагалось включить въ эту статью нѣкоторыя извлеченія изъ подлиннаго дѣла о Пущинѣ въ Госуд. Архивѣ; копію этого дѣла еще нѣсколько лѣтъ назадъ любезно предоставилъ въ мое распоряженіе извѣстный историкъ В. И. Семевскій. Но во время писанія статьи появилась въ продажѣ брошюра Н. А. Гастфрейнда о Пущинѣ (СПб., 1913), въ которой «дѣло» воспроизведено полностью, и потому это намѣреніе было оставлено. *С. Ш.*

просахъ, какъ И. И. Пущинъ, и ни въ одномъ изъ дѣлъ о декабристахъ перваго разряда отвѣты допрашиваемаго не занимаютъ такъ мало мѣста сравнительно съ вопросами комиссіи и ихъ обоснованіемъ, какъ въ дѣлѣ перваго безцѣннаго друга великаго поэта.

И за эту сдержанность Пущинъ дорого поплатился. Въ спискѣ лицъ, преданныхъ суду, И. И. Пущинъ названъ 14-мъ, по Сѣверному обществу. Въ росписи, содержащей приговоръ верховнаго уголовнаго суда, онъ за № 20-мъ обозначенъ подъ рубрикой: «государственные преступники перваго разряда, осуждаемые къ смертной казни отсѣченіемъ головы».

Здѣсь читаемъ: «Коллежскій ассесоръ Пущинъ. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго; участвовалъ въ управленіи общества, принималъ членовъ и давалъ порученія; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ».

Въ указѣ верховному уголовному суду читаемъ: «Разсмотрѣвъ докладъ о государственныхъ преступникахъ, отъ верховнаго уголовнаго суда намъ поднесенный, Мы находимъ приговоръ, онымъ постановленный, существу дѣла и силѣ законовъ сообразнымъ. Но силу законовъ и долгъ правосудія желая по возможности согласить съ чувствами милосердія, признали Мы за благо опредѣленныя симъ преступникамъ казни и наказанія смягчить нижеслѣдующими въ нихъ ограниченіями: 1) Преступникамъ перваго разряда (перечисляются 25 человѣкъ, среди нихъ—Пущинъ), верховнымъ уголовнымъ судомъ къ смертной казни осужденнымъ,—даровавъ имъ жизнь, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать вѣчно въ каторжную работу». Еще черезъ нѣсколько дней, указомъ сенату, Пущинъ былъ, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ, уравненъ въ отношеніи наказанія съ обвиняемыми второй категоріи I разряда, получивъ 20 лѣтъ каторги и поселеніе. Во время чтенія приговора Пущинъ былъ единственный, пытавшійся выступить съ рѣчью къ судьямъ и товарищамъ.

До отправленія въ Сибирь Пущинъ находился въ заключеніи въ Шлиссельбургской крѣпости (около полутора лѣтъ), а затѣмъ былъ отправленъ на каторгу, въ Читу.

Здѣсь онъ пользовался тою же всеобщею любовью, какою неизмѣнно пользовался въ разнообразнѣйшихъ слояхъ общества на волѣ. Въ мемуарахъ декабристовъ лучшія страницы отведены воспоминаніямъ о встрѣчахъ и сношеніяхъ съ Пущинымъ. Какъ и на волѣ, онъ всегда проявлялъ лучшія товарищескія чувства ко всѣмъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться, и старался скрасить неволю друзей, забывая о своихъ собственныхъ страданіяхъ. Не только о тѣхъ, кто былъ на каторгѣ, онъ находилъ еще возможность заботиться объ участи семей своихъ товарищей и писалъ, напр., Е. А. Энгельгардту о необходимости устроить дѣтей В. И. Штейнгеля, выражалъ сочувствіе В. Д. Вольховскому по поводу утраты имъ дочери и т. д. Онъ даже находилъ время посылать съ каторги пожертвованія на памятникъ Ломоносову, на учрежденіе фонда для оказанія помощи семьямъ лицеистовъ и т. д. О матеріальной помощи, широко оказывавшейся Пущинымъ неимущимъ декабристамъ, говорить не приходится.

Особенно часто переписывался Пущинъ съ Е. А. Энгельгардтомъ, а также съ сестрами и братомъ. Обширна была также его переписка съ декабристами и ихъ женами въ Сибири, къ сожалѣнію, не опубликованная и неизвѣстно гдѣ находящаяся.

По освобожденіи отъ каторжныхъ работъ (1839) Пущинъ былъ поселенъ въ западной Сибири, въ Туринскѣ, а затѣмъ переведенъ былъ въ Ялуторовскъ (1843), гдѣ имѣлъ такихъ дорогихъ его сердцу сосѣдей, какъ Якушкинъ, Муравьевъ-Апостолъ, Оболенскій. Помогая товарищамъ, нуждающимся матеріально, Пущинъ все время пребыванія на каторгѣ былъ нравственною опорою для многихъ другихъ (напр., Оболенскаго во время его женитьбы). Не имѣя первое время собственной семьи, И. И. помогалъ своимъ семейнымъ товарищамъ надзоромъ по хозяйству, обученіемъ дѣтей и т. д. Онъ же былъ иниціаторомъ и главнымъ дѣятелемъ артели, основанной для улучшенія матеріальнаго быта декабристовъ.

Политическимъ убѣжденіямъ своимъ Пущинъ оставался вѣренъ всегда, и въ Сибири онъ продолжалъ все ту же проповѣдь освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и страны отъ излишней опеки бюрократіи. Въ письмѣ къ Е. А. Энгельгардту отъ 5 марта 1845 г. онъ пишетъ: «Вы все хотите имѣть подробное свѣдѣніе объ Ялуторовскѣ. Право, ничего нѣтъ особенно занимательнаго ни въ политическомъ, ни въ естественномъ отношеніи. Упра-

вленье то же самое, что и за Ураломъ, съ одною только существенною, коренною выгодою: нѣтъ крѣпостныхъ. Это благо всей Сибири и такое благо, которое имѣетъ необыкновенно полезное вліяніе на край и, безъ сомнѣнія, подвинетъ ее впередъ отъ Россіи. Я не иначе смотрю на Сибирь, какъ на Американскіе штаты: богата всѣми царствами природы. Измѣните нѣсколько постановленія, все пойдетъ улучшаться... Многіе хотѣли перевести заразу крѣпостныхъ на Сибирскую почву... Вообще здѣсь, можно сказать, почти нѣтъ помѣщиковъ... Народъ смышленный, довольно образованный сравнительно съ Россіей, за малыми исключеніями, и вообще состояніе уравнено: не встрѣчаете большой нищеты».

Не смотря на всю свою привлекательность и на чрезвычайныя симпатіи, возбуждаемыя имъ во всѣхъ, знавшихъ его, И. И. Пущинъ большую часть жизни не былъ женатъ. Въ воспоминаніяхъ о немъ А. П. Сазоновичъ (воспитанница М. И. Муравьева-Апостола) находимъ слѣдующую характеристику лицейскаго Jeannot: «И. И. Пущинъ не отличался особенной красотой, но это былъ очень видный мужчина. Его глубокіе, умные, сѣрые глаза вмѣстѣ съ привѣтливой улыбкой красиваго рта придавали много прелести его лицу, выкупая излишнюю ширину нижней части носа. По юношеской веселости своего нрава, онъ не могъ долго вести съ товарищами серьезный разговоръ или споръ; но въ обыденной болтовнѣ, особенно въ женскомъ кружкѣ, онъ былъ неподражаемъ, хотя для краснаго словца не щадилъ ни друга, ни отца. Обыкновенно, начиная съ самого себя, онъ задѣвалъ всѣхъ забавно, мѣтко, безпрестанно острилъ и приводилъ общество въ пріятнѣйшее настроеніе духа. Онъ очень нравился женщинамъ, и многія изъ нихъ преслѣдовали его своею любовью и брачными предложеніями. Но Иванъ Ивановичъ для послѣдняго былъ слишкомъ требователенъ: красавица безъ отпечатка хорошаго общества теряла въ его глазахъ всякую прелесть. Поэтому между сибирячками ему могли нравиться только дочери его товарищей. Тогда въ горькихъ шуткахъ онъ высказывалъ сожалѣнія, что его время ушло, что для нихъ онъ старъ, а онѣ слишкомъ молоды для того, чтобъ остановить на немъ свое вниманіе. Во всемъ тщательно избѣгая комическаго, онъ никогда не ухаживалъ за молодыми барышнями... Старыя и молодыя вдовушки были существеннымъ несчастьемъ въ жизни Ив. Ив., т. к. онѣ смѣло и назойливо шли на приступъ, устраняя въ крайнемъ случаѣ не только необходимость брака, но и необходимость взаимныхъ чувствъ... Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ женитьбы кн. Оболенскаго, одна изъ вдовъ, благодаря своей настойчивости, наградила его сыномъ, послѣ чего требовала, чтобъ онъ женился на ней. Ив. Ив. соглашался исполнить ея желаніе, но съ твердымъ намѣреніемъ тотчасъ же послѣ вѣнчанья пустить себѣ пулю въ лобъ. Молодая женщина, дорожа его жизнью и спокойствіемъ, предпочла немедленно уѣхать изъ Ялуторовска на свою родину, въ вост. Сибирь, къ родственникамъ, а сына Ив. Ив. взялъ къ себѣ. Пребываніе въ домѣ Пущина двоихъ дѣтей, матери которыхъ обществу были неизвѣстны, давало поводъ къ превратнымъ предположеніямъ. Пущинъ по собственному почину собралъ своихъ товарищей и откровенно исповѣдался передъ ними, душою страдая за свой поступокъ, изумительный для нихъ и не извинительный въ его собственныхъ глазахъ никакою женскою назойливостью» («Декабристы. Матеріалы для характеристики». Подъ ред. прив.-доц. П. М. Головачева, М., 1907, изд. М. М. Зензинова, стр. 121 и далѣе). Тотъ же авторъ, горячо защищая память Пущина отъ необоснованныхъ упрековъ одного изъ писавшихъ о немъ, сообщаетъ, что у И. И. въ Туринскѣ родилась дочь Аннушка, ради воспитанія которой онъ и переселился въ Ялуторовскъ, гдѣ жила наиболѣе сплоченная, интеллигентная колонія декабристовъ.

Изъ женъ декабристовъ Пущинъ пользовался особымъ расположеніемъ А. В. Ентальцевой и Н. Д. Фонъ-Визиной. Относительно первой г-жа Сазоновичъ пишетъ, что «сибиряки предполагали, что они въ Россіи (послѣ вдовства Ентальцевой) женятся, чтобъ не разлучаться другъ съ другомъ». Но это предположеніе оказалось ошибочнымъ. Пущинъ, по возвращеніи въ Россію, женился (1857 г.) на вдовѣ М. А. Фонъ-Визина, Натальѣ Дмитріевнѣ, урожденной Апухтиной, съ которой его связывали дружескія чувства еще при жизни ея мужа, его товарища и друга. Въ обширномъ, основанномъ на неизданныхъ матеріалахъ, очеркѣ В. И. Шенрока о Н. Д. Фонъ-Визиной («Одна изъ женъ декабристовъ», «Рус. Богатство», 1894, №№ 11 и 12) взаимоот-

ношенія Пущина и Фонъ-Визиной получили, къ сожалѣнію, неполное освѣщеніе. Къ тому же, авторъ не привелъ въ своемъ изслѣдованіи писемъ И. И. Пущина къ Фонъ-Визиной, которыя онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи. Но и то немногое, что мы находимъ въ этой статьѣ, прекрасно обрисовываетъ духовный обликъ Пущина.

«Но ни съ кѣмъ, конечно, Наталья Дмитріевна не сошлась такъ близко и искренно, какъ съ своимъ будущемъ мужемъ, Ив. Ив. Пущинымъ... Въ натурѣ Пущина было такъ много благородства и вообще столько привлекательныхъ сторонъ, совершенно отвѣчавшихъ идеальнымъ требованіямъ Нат. Дм., что она не только скоро примирилась съ тѣмъ, что онъ мірской человѣкъ (это прежде служило отрицательнымъ признакомъ для сближенія съ Пущинымъ, когда Н. Д. находилась въ періодѣ сильнѣйшаго увлеченія аскетизмомъ), но привязалась къ нему больше всѣхъ другихъ декабристовъ... И. И. Пущинъ былъ человѣкъ очень умный, живой, сообщительный, чрезвычайно искренній, но особенно отзывчивый на горе ближняго. Онъ постоянно о комъ-нибудь хлопоталъ, кому-нибудь старался сдѣлать добро. Трудно было указать человѣка, сердечнѣе относившагося къ людямъ вообще, въ особенности-же ко всѣмъ декабристамъ; со всѣми онъ былъ въ сношеніяхъ, всѣ его любили, и обо всѣхъ онъ всегда что-нибудь сообщалъ въ своихъ письмахъ, и гдѣ только представлялся случай, готовъ былъ помочь, оказать услугу и вездѣ внушалъ къ себѣ чувства благодарности...». Слава Пущина, какъ защитника и ходатая за обиженныхъ, была столь велика, что къ нему обращались съ просьбами ходатайствовать передъ лицами, гораздо больше знавшими просителя, нежели онъ самъ.

Не имѣя писемъ Фонъ-Визиной къ Пущину до 50-хъ годовъ, В. И. Шенрокъ не рѣшался утверждать положительно, но думаетъ, что первый шагъ къ болѣе тѣсному сближенію между ними принадлежалъ Пущину. Въ своихъ письмахъ онъ такъ охотно балагуритъ съ нею и съ ея мужемъ, передаетъ такія любопытныя вѣсти о разсѣянныхъ по лицу Сибири декабристахъ, такое задушевное участіе принимаетъ во всѣхъ интересахъ Фонъ-Визиныхъ, что неудивительно, если все это послужило прочнымъ основаніемъ дружбы его съ Нат. Дм.... Съ Фонъ-Визиными, какъ и съ другими декабристами, Пущинъ не могъ наговориться въ письмахъ и искренно желаетъ чаще видѣться. Онъ то приглашаетъ Нат. Дм. во время одной изъ ея поѣздокъ взять путь на Ирбитъ, чтобы хоть на минуту увидѣться съ нимъ въ Туринскѣ, то съ радостью спѣшитъ ухватиться за намекъ со стороны Фонъ-Визина на возможное свиданіе: «вы правы, что надобно пользоваться минутами близкаго сообщенія—часто предчувствую скорый отъѣздъ». Когда Нат. Дм. повѣдала своему другу о непріятномъ впечатлѣніи, которое она испытала при взглядѣ на портреты дѣтей, онъ писалъ ей: «вѣрите-ли, что я плакалъ, читая вашъ разсказъ о портретахъ, или, вѣрнѣе сказать, повѣсть сердца вашего при видѣ незнакомыхъ дѣтей».

Свою давнюю любовь къ литературѣ Пущинъ удовлетворялъ въ Сибири чтеніемъ всѣхъ выходившихъ тогда журналовъ, но не ограничивался только легальной литературой. Вмѣстѣ съ Фонъ-Визиной «они съ увлеченіемъ читали извѣстное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю и всѣмъ этимъ либерализмомъ приводили въ ужасъ одного наивнаго добраго пріятеля, надъ которымъ много трунили по поводу его упрековъ въ неосторожности».

«Наконецъ,—пишетъ В. И. Шенрокъ,—чрезвычайно оригинально, что Нат. Дм., не подозрѣвая, что ей придется быть его женой, и какъ бы отвѣчая на его сердечное расположеніе и сочувствіе къ ней, не разъ заводила съ нимъ интимный разговоръ о его будущей женитьбѣ и сватала ему невѣстъ. Когда Пущинъ жилъ вмѣстѣ съ Оболенскимъ въ Туринскѣ, они были неразлучны. Въ это время у Нат. Дм. мелькнула мысль о женитьбѣ одного изъ нихъ на одной общей знакомой». Пущинъ отказывался, говоря, что онъ «одинъ только разъ въ жизни думалъ жениться, но это не удалось — и дѣло кончено».

«Во всякомъ случаѣ,—продолжаетъ В. И. Шенрокъ,—взаимное расположеніе Нат. Дм. и Пущина росло съ каждымъ годомъ, такъ что въ началѣ 50-хъ годовъ случилось, что украдкой отъ властей Н. Д. отправлялась въ Ялуторовскъ для свиданія не только съ о. Стефаномъ (Знаменскимъ; часть его переписки съ Фонъ-Визиной опубликована въ «Литер. Сборникѣ ред. «Вост. Обозрѣніе», СПб. 1885), но и съ Пущинымъ, за что послѣдній благодарилъ М. А. (Фонъ-Визина), сожалѣя о томъ, что самъ М. А. не рискнулъ на совмѣстную поѣздку съ женой».

По возвращеніи изъ Сибири, Пущинъ

переѣхалъ въ Москву, а затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ его радостно встрѣтили друзья и знавшіе его, а послѣ женитьбы на Н. Д. Фонъ-Визиной поселился въ ея имѣніи, с. Марьинѣ, Бронницкаго у., Московской г. О мотивахъ столь поздней женитьбы Пущина имѣются въ литературѣ различныя указанія, но они устанавливаютъ, что эта женитьба не принесла разбитому болѣзнью, нажитою еще въ крѣпости, Пущину особенной радости. Декабристъ баронъ В. И. Штейнгель писалъ Д. И. Завалишину (4 сентября 1857 г.) слѣдующее по этому поводу: «Ив. Ив. Пущинъ женился на вдовѣ Фонъ-Визина, Натальѣ Дмитріевнѣ; это бракъ взаимнаго вспомоществованія; ей необходимъ голосъ мущины для содержанія въ порядкѣ большого имѣнія; ему—нѣжный уходъ въ его болѣзненномъ состояніи» («Щукинскій сборникъ», ч. IX, стр. 372).

Старый ялуторовскій знакомый декабристовъ, Я. Казимирскій писалъ (1860 г.) Е. П. Оболенскому: «Прозѣжая черезъ Ялуторовскъ, мы остановились въ домѣ Балакшина. Сколько воспоминаній пробѣжало въ моей памяти... и образъ незабвеннаго убывшаго друга, и васъ всѣхъ... Мнѣ приходитъ на мысль, что если бы васъ не тронули изъ Ялуторовска, всѣ были бы живы и благополучны. Конечно, странная мысль еще къ этой мысли, мысль, что бракъ его съ Н. Д. убилъ почти его?.. Вотъ идея! не правда-ли, что дикая, а между тѣмъ она неоднократно приходила и приходитъ мнѣ въ голову». «Вы знаете, что его тиранили его сестры? — прибавляетъ Казимирскій, — какъ не хотѣли признать его дѣтей и проч. и проч. Эти сердечныя неудовольствія сломили этотъ сильный организмъ и убили нашего И. И.». («Рус. Старина», 1901, № 2, стр. 444—445).

Въ томъ же селѣ Марьинѣ Ив. Ив. Пущинъ и скончался 3 апрѣля 1859 г., 61 года отъ роду, сохранивъ до конца дней своихъ ясность ума, чистоту политическихъ убѣжденій и возвышенныя душевныя качества. Заключу замѣтку словами декабриста Н. Р. Цебрикова въ письмѣ его къ Е. П. Оболенскому: «Смерть такъ и коситъ декабристовъ! Ив. Пущинъ, какъ говорятъ, сохранилъ свои вѣрованія, свои убѣжденія до послѣдней минуты! Миръ праху его!»...

Литература (основная): «Записки И. И. Пущина о Пушкинѣ», СПб. 1907; Н. Гастфрейндъ, «Ив. Ив. Пущинъ», СПб. 1913; Я. Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», СПб. 1899 (письма къ Энгельгардту); К. Гротъ, «Пушкинскій Лицей», СПб. 1911 (письма къ роднымъ и къ Энгельгардту); Д. Кобеко, «Императорскій Царскосельскій Лицей», СПб. 1911 (письмо къ Вольховскому); «Сочиненія Пушкина. Переписка», подъ ред. В. Саитова, т. I, СПб. 1906 (письма къ Пушкину); К. Гротъ, «Изъ лицейской старины. И. И. Пущинъ», «Ист. Вѣстникъ», 1905, августъ (письма къ разнымъ лицамъ); К. Гротъ, «Празднованіе Лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него», «Пушкинъ и его современники», вып. XIII, СПб. 1910 (письма къ разнымъ лицамъ); «Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина», ч. X, М. 1902 (письма къ Завалишину); Н. Гастфрейндъ, «Товарищи Пушкина по Лицею», т. I—III (письма къ разнымъ лицамъ); Н. Гастфрейндъ, «Кюхельбекеръ и Пущинъ», СПб. 1901; А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ, «Декабристы въ Западной Сибири», Спб. 1905 (письмо къ И. Д. Горчакову); В. И. Шенрокъ, «Одна изъ женъ декабристовъ», «Рус. Богатство», 1894, №№ 11 и 12; М. Пущинъ, «Записки», «Рус. Архивъ», 1908, №№ 11 и 12.

Статьи и замѣтки о Пущинѣ: «Колоколъ», 1859, № 46; Л. Майковъ, «Пушкинъ», СПб. 1899; В. Богучарскій въ «Галлереѣ Шлиссельбургскихъ узниковъ», СПб. 1907; А. Ельницкій въ «Русскомъ Біографическомъ Словарѣ», СПб. 1910; «Декабристы. 86 портретовъ», Вступительная статья В. Мякотина, М., изд. Зензинова, стр. 199—203; В. Руммель и В. Голубцовъ, «Родословный сборникъ», СПб. 1887, т. II; С. Штрайхъ, «Кіевская Мысль», 1909, 3/IV и «Одесскія Новости», 1909, 3/IV; Н. Лернеръ, «Рѣчь», 1913, 19/VIII. Воспоминанія о Пущинѣ — во всей мемуарной литературѣ декабристовъ и ихъ женъ, а также у Греча — «Записки о моей жизни», СПб. 1886; въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ», 1885, №№ 2 и 3, воспоминанія учителя. Различные портреты Пущина: при его «Запискахъ», Спб. 1907; во II томѣ наст. изданія — изъ группы, приложенной къ «Запискамъ» В. П. Зубкова подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, и при наст. статьѣ.

С. Штрайхъ.

Примѣчанія.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1831 г.

674. КРАСАВИЦА.

(т. III, стр. 179).

Автографъ неизвѣстенъ. Впервые пьеса появилась въ «Библіот. для Чтенія» 1834 г., т. III, отд. I, стр. 238, и вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. IV, СПб., 1835, стр. 57—58, съ подзаголовкомъ: «(Въ Альбомъ Г****)» и безъ даты. Въ приготовленной для посмертнаго изданія тетради произведеній Пушкина, находящейся въ Румянцевскомъ музеѣ, № 2393, есть копія пьесы, въ которой къ посвященію «Г****» неизвѣстной рукою приписано подъ звѣздочками: «рафинѣ» (А. И. Незеленовъ, «Шесть статей о Пушкинѣ», СПб., 1892, стр. 81). «Быть можетъ,— догадывается А. И. Незеленовъ—стихотвореніе посвящено не Гончаровой». Предположенію этому нельзя отказать въ извѣстныхъ основаніяхъ, хотя указаніе неизвѣстнаго намъ лица (П. О. Морозовъ въ «Сочин. Пушкина», изд. «Просвѣщ.», II, 518, думаетъ, что это былъ Жуковскій) на какую-то неназванную графиню слишкомъ слабый доводъ. Пьеса датирована не была, и къ 1831 г. отнесъ ее Анненковъ непонятно почему («Сочин. Пушкина», изд. 1855 г., т. III, стр. 3—4). Г. Н. Геннади (изд. 1859 г., I, 472) передѣлалъ подзаголовокъ: «Въ альбомъ Н. Н. Гончаровой». Прочіе издатели послѣдовали его примѣру, и возникла традиція, слѣпо и прочно укрѣпившаяся. П. О. Морозовъ (ibid., 518—519) находитъ, что «приписка «Графинѣ», сдѣланная [кѣмъ?], видимо, въ устраненіе примѣненія стиховъ къ женѣ поэта, не должна возбуждать сомнѣнія въ томъ, что стихи эти написаны въ альбомъ Натальи Николаевны—и, вѣроятно, незадолго передъ ихъ свадьбой, происходившей 18 февраля 1831 г.»; эта мысль раньше высказана Н. Ѳ. Сумцовымъ («Харьковс. университ. сборн. въ память П—на», Хар., 1900, стр. 244). Надо думать, что Анненковъ, считая стихи по содержанію и тону относящимися къ Натальѣ Николаевнѣ, внесъ ихъ въ число произведеній 1831 г., когда поэтъ готовился къ свадьбѣ или переживалъ медовый мѣсяцъ. Между тѣмъ, не въ пользу 1831 г. говоритъ то, что въ число пьесъ, принадлежащихъ къ этому году и изданныхъ самимъ поэтомъ (III часть «Стихотвореній Александра Пушкина»), данное стихотвореніе не вошло, а въ IV части помѣщено между «Воеводой» (1833 г.) и «Сказкой о золотомъ пѣтушкѣ» (1834 г.). Правда, непосредственно за послѣдней въ IV части идутъ произведенія, принадлежащія къ разнымъ годамъ (1833, 1824, 1830 и др.), но мѣсто, занимаемое здѣсь «Красавицей», говоритъ скорѣе за 1833—1834 г.г., чѣмъ за 1831; всѣ предшествующія ей произведенія расположены въ правильномъ хронологическомъ порядкѣ. Это уменьшаетъ, хотя и не упраздняетъ совершенно, вѣроятность пріуроченія «Красавицы» къ женѣ поэта. Пушкину, несмотря на то, что онъ былъ женатъ, случалось увлекаться, конечно, строго-цѣломудренно, съ «богомольнымъ благоговѣніемъ», другими женщинами (см., напр. «Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я»...; примѣч. къ №№ 688, 727).

Съ этимъ гимномъ женской красотѣ Н. Ѳ. Сумцовъ (ibid., 243) сближаетъ описаніе красавицы въ наброскѣ «Кто знаетъ край...» (№ 519), и тѣ же мотивы обѣихъ пьесъ звучатъ въ LII строфѣ 7-ой главы «Онѣгина» (гдѣ воспѣта, по предположенію Вяземскаго, А. А. Корсакова). «Красавица» принадлежитъ къ высшимъ идеальнымъ проявленіямъ души Пушкина и выдаетъ его «сокровенное мечтанье» въ любви. Поэтъ здѣсь поднялся «выше міра и страстей». Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина мимоходомъ причислилъ пьесу къ «превосходнымъ». Она навѣяла Тютчеву четверостишіе «Императрицѣ Маріи Александровнѣ» («Кто бъ ни былъ ты, но, встрѣтясь съ ней»...).

675. СМИРДИНЪ МЕНЯ ВЪ БѢДУ ПОВЕРГЪ...

(т. III, стр. 179).

Этимъ четверостишіемъ начинается записка Пушкина къ М. Л. Яковлеву, автографъ которой, на бумагѣ съ клеймомъ 1829 г., находится у К. Я. Грота (см. Я. К. Гротъ, «П—нъ, его лицейскіе товарищи и наставники», изд. 2-ое, стр. 301). Впервые напечатано въ «Библіографич. Запискахъ» 1861 г., т. III, № 10, ст. 289, съ указаніемъ, что, «по словамъ Яковлева, относится къ 1836 г.», а также въ берлинскомъ томикѣ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина, 1861 г., стр. 119. Геннади (изд. 1870 г., I, 508) напечаталъ его въ числѣ стихотвореній «неизвѣстныхъ годовъ»; П. А. Ефремовъ (изд. 1880 г., III, 412, 450) отнесъ къ 1833 г., «потому что въ этомъ году у Пушкина были разсчеты съ Смирдинымъ за 2-ое изданіе Онѣгина», но прибавилъ, что «если разсчетъ съ Яковлевымъ велся за печатаніе «Исторіи Пугачевскаго бунта», то записка можетъ относиться къ 1834 или началу 1835 г.», а въ слѣдующихъ своихъ изданіяхъ (1882, VII, 347; 1903, VII, 671) напечаталъ подъ 1836 г., такъ же, какъ и П. Морозовъ (изд. Лит. фонда, VII, 414; «Просвѣщ.», VIII, 406). В. И. Саитовъ въ академич. изданіи переписки Пушкина (т. II, № 569) отнесъ записку ко второй половинѣ іюля 1831 г., считая ее, что весьма вѣроятно, отвѣтомъ на записку Яковлева отъ 16 іюля 1831 г. съ напоминаніемъ о необходимости поскорѣе послать деньги баронессѣ С. М. Дельвигъ (см. ibid., пис.

№ 573). Немного раньше, 3 іюля, Пушкинъ писалъ Плетневу: «ради Бога, вели Смирдину прислать мнѣ денегъ»... Намъ кажется, что, въ виду категорическаго указанія М. Л. Яковлева, записку слѣдуетъ датировать 1836 годомъ, тѣмъ болѣе, что нельзя поручиться, что до сихъ поръ приведены въ извѣстность всѣ дѣловыя отношенія Пушкина съ Яковлевымъ и Смирдинымъ. Несмотря на нелестный отзывъ о Смирдинѣ, Пушкинъ очень уважалъ «сего торгаша», который поставилъ русскую книжную торговлю на небывалую до того высоту, умѣлъ щедро цѣнить литературный трудъ (см. примѣч. къ № 701) и, между прочимъ, издавалъ и распространялъ сочиненія самого Пушкина, основалъ «Библіотеку для Чтенія». Александръ Филипп. Смирдинъ (21 янв. 1795—16 сентяб. 1857) или «Александръ Филипповъ сынъ Македонскій», какъ называли его друзья-литераторы, искренно любилъ литературу и палъ жертвой своей вѣры въ нее. Неосторожно расширивъ операціи, онъ разорился и умеръ бѣднякомъ. Имъ было выпущено въ 1833 г. первое полное изданіе «Евгенія Онѣгина». 19 февраля 1833 г. Пушкинъ былъ у него на торжествѣ по случаю перехода его книжнаго магазина въ новое помѣщеніе, увѣковѣченномъ извѣстнымъ альманахомъ и портретной группой А. П. Брюллова (см. «Сѣв. Пчелу» 1833 г., № 45; альм. «Новоселье», СПб., 1833, стр. V—VII). См. примѣч. къ № 786.

---

676. ЭХО.

(т. III, стр. 179).

Автографъ неизвѣстенъ. Впервые пьеса появилась въ альман. «Сѣверные Цвѣты» на 1832 г. (цензурн. разрѣш. 9 октября 1831 г.), стр. 50, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. III, 1832 г., стр. 117—118, гдѣ ею открывается рядъ стихотвореній, отнесенныхъ къ 1831 г. Пушкинъ упоминаетъ о ней въ двухъ спискахъ своихъ стихотвореній («П—нъ и его соврем.», XVI, 117, 121), причемъ въ первомъ датируетъ ее 1829 г., а во второмъ помѣщаетъ послѣ «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинской годовщины». Въ виду неокончательнаго значенія списковъ приходится принять дату, данную самимъ авторомъ въ «Стихотвореніяхъ». П. А. Ефремовъ («Сочин. П.», III, 210; за нимъ П. О. Морозовъ въ изд. Лит. фонда, II, 128) далъ пьесѣ подзаголовокъ: «Изъ Томаса Мура». Это было сдѣлано благодаря указанію В. П. Гаевскаго (рецензія на «Матеріалы для біогр. П—на» П. В. Анненкова—«Отечеств. Зап.», т. 100, 1855 г., отд. III, стр. 61—62): «стихотвореніе «Эхо» не есть вполнѣ самостоятельное и навѣяно чтеніемъ Томаса Мура; главная мысль въ немъ принадлежитъ самому Пушкину, но нѣкоторыя подробности и даже размѣръ стихотворенія обличаютъ вліяніе автора «Ирландскихъ Мелодій». Между тѣмъ, какъ показано И. И. Х. («За Пушкина»—«Русс. Арх.» 1888, II, 500—501) и Л. И. Поливановымъ (см. его изд. «Сочин. П.», т. I, изд. 3-е, стр. 358—359), связь между пьесами Пушкина и Мура («Echo») весьма отдаленная. «Все сходство — говоритъ Поливановъ — ограничивается заглавіемъ и размѣромъ стиха, впрочемъ, съ тою разницею, что среди четырехстопныхъ стиховъ стихи трехстопные, 2-й и 5-й каждой строфы Мура, являются у Пушкина 4-мъ и 6-мъ (самое число стиховъ каждой строфы увеличено на одинъ стихъ). Содержаніе обѣихъ пьесъ различно: у Мура эхо—символъ любви, у Пушкина—символъ отзывчивости поэта, не встрѣчающаго отзыва своимъ пѣснямъ». Но форма стихотворенія навѣяна Пушкину Муромъ, а также Бернсомъ (см. наши прим. къ «Обвалу», № 590, написанному тѣмъ же размѣромъ и съ тою же конструкціей; Ѳ. Е. Коршъ, изслѣдованіе о «Русалкѣ», стр. 249).

«Эхо» явилось результатомъ размышленій о сущности поэтическаго генія. «Талантъ Пушкина—говоритъ Анненковъ («Матеріалы», 178—179)—былъ тайною для него самого, которую онъ не могъ объяснить иначе, какъ сравненіемъ съ явленіями физической природы, дѣйствующими по законамъ, имъ невѣдомымъ. Вспомнимъ его описаніе поэта въ «Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ»: «въ гармоніи соперникъ мой былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный»... и проч.; вспомнимъ еще его сравненіе поэта съ эхомъ въ извѣстной пьесѣ «Эхо»... «Таковъ и ты, поэтъ!»—восклицаетъ Пушкинъ въ концѣ стихотворенія. Дѣйствительно, его поэтическая способность должна была ему самому казаться неизъяснимымъ предопредѣленіемъ, потому что если обширное чтеніе, образованность, размышленіе давали ей матеріалы и пищу, то породить ее были не въ силахъ». Бѣлинскій (см. его «Соч.», изд. Венгерова, VI, 15) находилъ, что «въ этихъ стихахъ заключается полнѣйшая характеристика поэта и высочайшая апоѳеоза художника». Однако, ни полнаго опредѣленія поэта, ни его увѣнчанія мы здѣсь не видимъ. Пушкинъ характеризуетъ лишь одно свойство поэта—объективность, «тонкость поэтической организаціи, чуткость натуры на всякое дыханіе жизни, отзывчивость на все живое» (Апол. Григорьевъ, «Сочин.», I, 184). «Безъ сомнѣнія — говоритъ М. Н. Катковъ (см. «М. Н. К. о Пушкинѣ», М., 1900, стр. 28)—Пушкинъ не имѣлъ въ виду выразить этими стихами полное значеніе поэта... Аналогія съ отголоскомъ не очень богата и немного хромаетъ, но, тѣмъ не менѣе, она намекаетъ на весьма характеристическое, хотя вовсе не исключительное, значеніе поэта. Существенный смыслъ сравненія, по нашему мнѣнію, заключается въ призваніи поэта постигать и воспроизводить всѣ явленія жизни». На односторонность этой характеристики указываетъ и кн. Д. Н. Цертелевъ («Взглядъ П—на на поэзію»—«Русс. Вѣстн.», 1899, іюнь, 414): «въ искусствѣ первоначальный толчокъ, исходная точка творческаго процесса всегда находится внѣ художника, хотя, чѣмъ болѣе онъ воспріимчивъ и чутокъ, тѣмъ незамѣтнѣе и слабѣе можетъ быть этотъ толчокъ, вызывающій въ душѣ художника почти непроизвольное эхо. «Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ»... и т. д. Такъ говоритъ Пушкинъ. Однако, утвержденіе, что поэту нѣтъ отзыва, не совсѣмъ точно,—этотъ отзывъ есть, только такъ же, какъ въ горахъ эхо постепенно слабѣетъ и замираетъ, такъ и чувство, находящее въ словѣ поэта силу громоваго раската, въ своихъ дальнѣйшихъ откликахъ становится все слабѣе и лишь изрѣдка доходитъ до него обратно невнятнымъ шепотомъ. Сравненіе поэта съ эхомъ передаетъ лишь одну сторону поэтическаго творчества; оно указываетъ лишь на его чуткость и отзывчивость ко всевозможнымъ голосамъ и настроеніямъ; но у него есть еще другое свойство: это—способность собирать въ одинъ фокусъ разрозненные и неуловимые для другихъ лучи красоты; эта способность позволяетъ ему за смутными очертаніями быстро мелькающей дѣйствительности не только самому

видѣть неизмѣнные, непреходящіе идеалы, но отчасти дѣлать ихъ доступными и другимъ, освѣщая ихъ своимъ внутреннимъ свѣтомъ и заставляя ихъ проходить передъ зрителемъ, какъ картины волшебнаго фонаря». Д. Н. Овсянико-Куликовскій («Пушкинъ», СПб., 1909, стр. 64) замѣчаетъ, что эта безотзывность поэта была своего рода иллюзіей: «онъ находился тогда на перепутьѣ, на великомъ поворотномъ пунктѣ, когда ликвидировалось прошлое и подводились его итоги; когда свободу творчества и высшую гуманную объективность отношеній и созерцаній онъ сравнивалъ съ безстрастными, безпечальными откликами бездушнаго «эха», и когда ему казалось, что поэту нѣтъ «отзыва», потому что «толпа» его не понимаетъ, не можетъ вникнуть въ глубину его переживаній и оцѣнить широту его поэтическаго воззрѣнія... Это—временная аберрація мысли и чувства, которою обычно у великихъ поэтовъ сопровождается расцвѣтъ ихъ творчества, иллюзія самосознанія и самочувствія, возникающая какъ продуктъ броженія мысли и чувства». Впрочемъ, въ утвержденіи: «тебѣ нѣтъ отклика», гдѣ Вл. Соловьеву послышалась «слегка грустная нота» («Значеніе поэзіи въ стихотвореніяхъ П—на»—«В. Евр.» 1899, дек., 708), можно усматривать не столько теоретическую мысль, сколько слѣдъ личныхъ впечатлѣній, личную жалобу на одиночество и непониманіе.

Основная же мысль пьесы, объ отзывчивости поэта на всѣ голоса жизни, выражалась Пушкинымъ не разъ. «И внялъ я неба содроганье, и горній ангеловъ полетъ, и гадъ морскихъ подводный ходъ, и дольней лозы прозябанье»... («Пророкъ»). «Вѣтру, и орлу, и сердцу дѣвы нѣтъ закона. Гордись! таковъ и ты, поэтъ, и для тебя закона нѣтъ. Исполненъ мыслями златыми, непонимаемый никѣмъ»... (см. примѣч. къ №№ 728, 773). Самая пассивность поэта-эха защищаетъ его отъ капризныхъ требованій «толпы» съ ея временными кумирами и обезпечиваетъ ему творческую свободу, и подчиненіе высшему началу онъ сознательно предпочитаетъ иному, низшему служенію, но въ то же время сохраняетъ за собою право отворачиваться отъ «пышныхъ игръ Мельпомены» и сочувствовать «забавѣ площадной» (см. № 746).

Современный критикъ, Ѳ. Б. (Булгаринъ—«Сынъ Отеч.» и Сѣв. Архивъ» 1833, т. 33, № 6) назвалъ пьесу «произведеніемъ дарованія юнаго, сильнаго разумомъ и душою, отголоскомъ поэзіи современной, высокой, трогательной, томной, грустной, но крѣпительной и неувядаемой; звуки сіи не гибнутъ въ воздухѣ», прибавилъ онъ, явно намекая на слова Пушкина: «тебѣ нѣтъ отзыва»...

«Эхо» положено на музыку Н. Брянскимъ и Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ (петерб. универс. сборн. «Памяти П—на», 1900 г., стр. 109, 123).

---

677. ПЕРЕДЪ ГРОБНИЦЕЮ СВЯТОЙ...

(т. III, стр. 179).

Автографъ пьесы, по словамъ П. А. Ефремова (см. его изданія «Сочин. П—на»), былъ у Е. И. Якушкина; въ майковскомъ собраніи рукописей Пушкина, принадлежащемъ академіи наукъ, есть списокъ, заключающій двѣ послѣднія строфы съ датой «1831» (см. «П—нъ и его соврем.», IV, 15),—по всей вѣроятности, тотъ самый, съ котораго онѣ были напечатаны П. В. Анненковымъ въ VII т. его изданія сочин. П—на, стр. 44. Первыя же три строфы были помѣщены Пушкинымъ въ «Объясненіи» по поводу стихотворенія «Полководецъ», напечатанномъ въ «Современникѣ» 1836 г., т. IV, стр. 297—298, гдѣ Пушкинъ защищался противъ обвиненія въ «низкой и преступной сатирѣ на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи, конечно, недостойные великой тѣни, но искренніе и изліянные изъ души»; здѣсь слѣдуютъ первыя три строфы пьесы, причемъ авторъ даетъ понять, что она не вся, такъ какъ кончаетъ ее припиской: «и проч.». Не обращая вниманіе на «нѣкогда» и «и проч.», Анненковъ (см. его изд., III, 60) рѣшилъ, что «стихи, по нашему мнѣнію, написаны вмѣстѣ съ Объясненіемъ» (см. примѣч. къ № 763), и не догадался о связи послѣднихъ двухъ строфъ, озаглавленныхъ имъ «Къ тѣни полководца», со стихами, помѣщенными въ «Объясненіи»; онъ лишь пояснилъ опубликованныя имъ строфы: «отрывокъ, писанный въ одно время съ патріотическими стихотвореніями «Бородинская годовщина» и «Клеветникамъ Россіи» (т. VII, стр. 45). Въ обоихъ изданіяхъ Г. Н. Геннади (1859 г., I, 515—516; 1870 г., I, 476—477) отрывки соединены въ одно цѣлое, входящее въ составъ «Объясненія», и напечатаны подъ 1835 г., и лишь П. А. Ефремовъ (изд. 1880 г., III, 211—212, 440) перенесъ пьесу въ 1831 г.

Вмѣстѣ съ «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинской годовщиной» она составляетъ лирико-патріотическую трилогію и занимаетъ въ ней, повидимому, первое по времени мѣсто. Она написана подъ впечатлѣніемъ извѣстій о серьезныхъ русскихъ неудачахъ въ Польшѣ. Лѣтнія письма Пушкина полны опасеній. «Народы такъ и рвутся, такъ и лаютъ; того и гляди, навяжется на насъ Европа» (1 іюня—Вяземскому). «Здѣсь говорятъ о взятіи Вильны и о повѣшеніи Храповицкаго. Ужасно во всѣхъ отношеніяхъ! Дай Богъ, чтобы это было ложное извѣстіе» (11 іюня—ему же). «Кажется, дѣло польское кончается; я все еще боюсь: генеральная баталія, какъ говорилъ Петръ I, дѣло зѣло опасное» (3 августа—ему же). Лишь недѣли полторы спустя извѣстія стали свѣтлѣе: «наши дѣла польскія идутъ слава Богу» (14 августа—ему же). «Теперь время чуть ли не столь же грозное, какъ въ 1812 году», сказалъ Пушкинъ графу Е. Е. Комаровскому («Русс. Арх.» 1879, I, 385). При такомъ тяжеломъ положеніи дѣлъ онъ не видѣлъ полководца, который могъ бы справиться съ мятежомъ. Дѣйствія Дибича были неуспѣшны, Паскевичъ еще не подступилъ къ дѣлу вплотную. Въ этотъ критическій моментъ, казалось Пушкину, Россіи нуженъ былъ вождь достойный Кутузова, и у его гробницы, въ петербургскомъ Казанскомъ соборѣ, сосредоточилъ поэтъ свои тревожныя думы (Приблизительная датировка стихотворенія: іюнь—іюль). Но скоро тревога смѣнилась ликованіемъ, и стихотворенію уже по тону не было мѣста въ томъ сборникѣ, гдѣ напечаталъ Пушкинъ двѣ другія части вызванной польскимъ возстаніемъ «трилогіи»; къ тому же, оно не могло быть и цензурнымъ по тому времени, такъ какъ подчеркивало серьезность польскаго дѣла и внушало обществу неудобныя сравненія современныхъ военныхъ дѣятелей съ главнымъ героемъ 1812-го года.

О великолѣпномъ выраженіи: «Екатерининскіе орлы» см. примѣч. къ № 601.

БЮСТЪ ПУШКИНА.

Работы С. И. Гальберга (1835—1837).

Въ томъ же 1831 г. въ «Литерат. Газетѣ», 11 мая, № 27, стр. 218—219, было напечатано стихотвореніе Трилуннаго «Гробница Кутузова».

---

678. КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

(т. III, стр. 180).

Извѣстны два автографа пьесы. Одинъ, которымъ пользовался П. В. Анненковъ (см. его изд. «Сочин. П—на», III, 11), съ эпиграфомъ: «Vox et praeterea nihil» и помѣтой: «2 авг. С. Ц.» (т.-е. Село Царское), принадлежащій нынѣ вел. князю Константину Константиновичу (снимокъ въ Альбомѣ петерб. Пушкинск. выставки 1899 г., л. 70), представляетъ собою перебѣленный текстъ съ небольшимъ числомъ поправокъ. Другой, безъ заглавія и безъ эпиграфа, съ помѣтой: «5 сент. 1831. Царское Село» былъ подаренъ В. А. Жуковскимъ С. А. Юрьевичу; онъ нынѣ находится въ курскомъ музеѣ (см. «Историч. Вѣстн.» 1910, апр., 296) и описанъ В. Е. Якушкинымъ («П—нъ и его соврем.», XVII — XVIII, 1—2; см. ibid., II,

стр. XV); въ немъ есть поправки, нанесенныя рукою Жуковскаго и, повидимому, присовѣтованныя имъ Пушкину. Впервые пьеса появилась, вмѣстѣ съ «Старой пѣсней на новый ладъ» Жуковскаго и «Бородинской годовщиной», въ сборн. «На взятіе Варшавы. Три стихотворенія В. Жуковскаго и А. Пушкина», СПб., 1831, съ помѣтой «16 августа 1831 года» (вѣроятно, день окончательнаго ея исправленія: дата «5 августа», даваемая Анненковымъ въ «Матеріалахъ», изд. 1-ое, стр. 318,—вѣроятно, описка или опечатка), а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. III, 1832 г., стр. 119 — 122. «Насъ разомъ прорвало, и есть отъ чего», писалъ Жуковскій А. И. Тургеневу («Письма В. А. Ж. къ А. И. Т.», М., 1895, стр. 259).

Объ обстоятельствахъ, при которыхъ возникла она, см. примѣч. къ № 677. «Въ виду смущенной Европы и укрощенія польскаго мятежа въ предѣлахъ самой имперіи, Пушкинъ — говоритъ Анненковъ («Матер.», l. c.) — возвысилъ патріотическій голосъ, исполненный энергіи; съ Державина Россія не слыхала столь мощныхъ звуковъ». Императоръ Александръ II впослѣдствіи разсказывалъ: «когда Пушкинъ написалъ эту оду, онъ прежде всего прочелъ ее намъ» (Е. Д., «Изъ воспоминаній объ императорѣ Александрѣ II» — журн. «Ученикъ» 1911 г., № 45, стр. 1087). Такимъ образомъ царская семья и придворный кружокъ, въ которомъ вращался Пушкинъ лѣтомъ 1831 г., были первыми слушателями оды. Николай Павловичъ не прочь былъ пользоваться искусствомъ какъ орудіемъ вліянія на общество; онъ поощрялъ патріотовъ вродѣ Кукольника (драма «Рука Всевышняго отечество спасла»); въ томъ же 1831 г. Бенкендорфъ предлагалъ Каратыгину вставить въ водевиль патріотическіе куплеты («Историч. Вѣстн.» 1887, № 10, стр. 165—166). На этотъ разъ голосъ Пушкина совпалъ съ настроеніемъ подавляющаго большинства. Декабристъ А. А. Бестужевъ, узнавъ о польскомъ возстаніи, жалѣлъ, что ему «не удастся промѣнять пуль съ панами добродзѣями... Поляки никогда не будутъ искренними друзьями русскихъ... Кровь зальетъ ихъ, но навсегда ли? Дай Богъ» («Русс. Вѣстн.», т. 87, стр. 505). Сочувствіе, которымъ пользовалось польское дѣло въ Европѣ, особенно во Франціи, направило русскій протестъ именно въ сторону французскаго общественнаго мнѣнія, которое не щадило русскаго народа и правительства ни въ политической печати, ни въ парламентскихъ рѣчахъ. Пушкинъ одно время, въ разгаръ возстанія, даже думалъ, что Россіи придется имѣть дѣло съ европейской коалиціей: «народы такъ и рвутся, такъ и лаютъ»; ему казалось, что Россіи грозитъ новое нашествіе «двѣнадцати языковъ». Беранже («Hâtons-nous», «Poniatowski») и Казиміръ Делавинь («Dies irae de Kosciuszko», «La Varsovienne») явились поэтическими защитниками Польши. Пушкинъ поднялъ голосъ въ защиту національнаго русскаго дѣла. «Ему — говоритъ Л. И. Поливановъ (см. его изд. «Соч. П.», I, изд. 3-е, стр. 361)— стало ясно, что пришло время выразить нравственное право Россіи въ рѣшеніи «домашняго стараго спора» и указать всю неумѣстность притязанія враговъ Россіи подчинить ее ихъ волѣ. Плодомъ этого размышленія была ода Пушкина, которую скоро знала наизусть вся образованная Россія. Она какъ нельзя лучше выразила народное чувство собственнаго достоинства... Во второй строфѣ поставленъ впервые съ полною ясностью и прямотою коренной вопросъ русской исторіи... Съ рѣдкою прозорливостью русскій поэтъ указалъ въ той враждѣ Европы къ намъ такую сторону, которая озарила и для будущихъ поколѣній истинный смыслъ нашихъ правъ въ славянскомъ вопросѣ. Съ неменьшимъ достоинствомъ въ строфѣ 4-й подкрѣплено право самостоятельнаго пути русской политики напоминаніемъ о той безкорыстной услугѣ, которая на памяти всѣхъ такъ недавно была оказана Россіей этой озлобленной Европѣ. Болѣе сдержаннаго голоса оскорбленнаго патріотическаго чувства было бы несправедливо требовать. Едва ли можно указать во всей европейской литературѣ болѣе возвышенное произведеніе въ области политической лирики. Для написанія его нуженъ былъ не только патріотъ: нуженъ былъ и великій художникъ, проникнутый тѣмъ чувствомъ мѣры, какимъ обладалъ только Пушкинъ. Послѣ этого убѣдительнаго голоса разума получаетъ особый смыслъ и та величавая картина возставшей какъ одинъ человѣкъ русской земли, которая изображена въ строфѣ 5. Полки русскіе, сверкающіе оружіемъ, въ сознаніи поэта не были орудіемъ одной матеріальной силы. Они получаютъ глубокій смыслъ и въ глазахъ читателя, который научится понимать своего поэта». Въ 1836 г., въ письмѣ къ кн. Н. Б. Голицыну, переведшему оду на французскій языкъ, Пушкинъ выразилъ сожалѣніе, что переводъ этотъ не появился раньше: «я бы его отправилъ во Францію, чтобы утереть носъ всѣмъ этимъ крикунамъ изъ палаты депутатовъ» (см. выше, стр. 165). Но уже тогда раздавались одиночные голоса противъ духа этихъ стиховъ. «Съ какимъ живымъ участіемъ рукоплескали имъ въ Петербургѣ! — разсказываетъ Ф. Ф. Вигель («Москва и Петербургъ» — «Русс. Арх.» 1893, II, 581) — въ Москвѣ же названы они огромнымъ пятномъ на его поэтической славѣ». Вскорѣ Чаадаевъ писалъ ему, привѣтствуя въ немъ національнаго поэта: «особенно удивительны стихи къ врагамъ Россіи; я вамъ это говорю. Въ нихъ больше мыслей, чѣмъ было сказано и создано у насъ въ цѣлый вѣкъ... Не всѣ одного со мною мнѣнія, сами понимаете, но пусть ихъ говорятъ, а мы пойдемъ впередъ»... («Русс. Арх.» 1881, I, 434). Пушкину свойственъ былъ націоналистическій даже въ эпоху «Кавказ. плѣнника» (Эпилогъ). Что удивительнаго въ томъ, что онъ разгорѣлся еще болѣе въ эпоху Николая. «Однажды Пушкинъ между пріятелями сильно руссофильствовалъ и громилъ Западъ. Это смущало Александра Тургенева... Онъ горячо оспаривалъ мнѣнія Пушкина; наконецъ, не выдержалъ и сказалъ ему: «а знаешь ли что, голубчикъ?—съѣзди ты хоть въ Любекъ». Пушкинъ расхохотался, и хохотъ обезоружилъ его. Нужно при этомъ напомнить, что Пушкинъ не бывалъ никогда заграницею, что въ то время русскіе путешественники отправлялись обыкновенно съ любскими пароходами, и что Любекъ былъ первый иностранный городъ, ими посѣщаемый» (разсказъ кн. П. А. Вяземскаго—«Русс. Арх.» 1873, II, 2139). «Онъ, хотя вовсе не славянофилъ, примыкалъ нерѣдко къ понятіямъ, сочувствіямъ, умозрѣніямъ, особенно отвращеніямъ замкнутой въ самой себѣ Россіи» («Соч. Вяземскаго», I, стр. LVII). Ал. Тургеневъ писалъ брату Н. И. о своемъ спорѣ съ Чаадаевымъ изъ-за стиховъ Пушкина, которымъ Чаадаевъ, какъ мы знаемъ, сочувствовалъ. «Вяземскій — писалъ А. И. брату—очень гонялъ его

въ Москвѣ за Польшу... Онъ варваръ въ отношеніи къ Польшѣ, какъ поэтъ, думая, что безъ патріотизма, какъ онъ его понимаетъ, нельзя быть поэтомъ, и для поэзіи не хочетъ выходить изъ своего варварства. Стихи его «Клеветникамъ Россіи» доказываютъ, какъ онъ сей вопросъ понимаетъ. Я только въ одномъ Вяземскомъ замѣтилъ справедливый взглядъ и на эту поэзію, и на весь этотъ нравственно-политическій міръ (или — безнравственно). Слышалъ споры ихъ, но самъ молчалъ, ибо Пушкинъ началъ обвинять Вяземскаго, оправдывая себя...» («Ж. М. Н. Пр.» 1913, мартъ, 18—21). Мнѣніе Вяземскаго о пьесѣ было крайне отрицательное. Въ своемъ дневникѣ онъ писалъ: «Пушкинъ въ стихахъ «Клеветникамъ Россіи» кажетъ имъ шишъ изъ кармана. Онъ знаетъ, что они не прочтутъ стиховъ его, слѣдовательно, и отвѣчать не будутъ на «вопросы», на которые отвѣчать было бы очень легко, даже самому Пушкину. За что возрождающейся Европѣ любить насъ?... Мнѣ также уже надоѣли эти географическія фанфаронады наши: «Отъ Перми до Тавриды» и проч. Что же тутъ хорошаго, чѣмъ радоваться и чѣмъ хвастаться, что мы лежимъ въ растяжку, что у насъ отъ мысли до мысли пять тысячъ верстъ... «Вы грозны на словахъ, попробуйте на дѣлѣ»... А это похоже на Яшку, который горланитъ на мірской сходкѣ: да что вы, да суньсяка, да гдѣ вамъ, да мы-то! Неужели Пушкинъ не убѣдился, что намъ съ Европою воевать была бы смерть? Зачѣмъ же говорить нелѣпости и еще противъ совѣсти и болѣе всего безъ пользы? Хорошо иногда въ журналѣ политическомъ «взбивать слова», чтобы заметать глаза «пѣною», но у насъ, гдѣ нѣтъ политики, изъ чего пустословить, кривословить? Это глупое ребячество или постыдное униженіе» («Соч. Вяземскаго», IX, 158—159). Но Вяземскій былъ неправъ, утверждая, что «у насъ нѣтъ политики». Самая сенсація, произведенная стихами Пушкина, показывала, что политическая жизнь въ Россіи была, не говоря о многихъ другихъ, болѣе вѣскихъ доказательствахъ (см. примѣч. къ № 751). Споръ между Пушкинымъ и Вяземскимъ на эту тему, который передается въ «Запискахъ» А. О. Смирновой (I, 283 — 284), вѣроятно, выдуманный, такъ какъ въ немъ Пушкинъ говоритъ: «ты написалъ мнѣ, что это шипельные стихи», но это письмо не было послано Вяземскимъ (см. примѣч. къ № 680). Во всякомъ случаѣ, въ либеральныхъ кругахъ общества ода и «Бородинская годовщина» повредили Пушкину, въ нихъ увидѣли даже измѣну убѣжденіямъ (см. «Очерки русской литературы» Кенига, СПб., 1862, стр. 109—110), хотя Пушкинъ никогда не былъ полонофиломъ (см. примѣч. къ № 420, «Графу О...»; это стихотвореніе даже отдѣльными выраженіями напоминаетъ разсматриваемую оду). Но еще сильнѣе былъ восторгъ, вызванный пьесой, и громче похвалы поэту. С. С. Уваровъ перевелъ ее на французскій языкъ, за что Пушкинъ горячо благодарилъ его (см. выше, стр. 88). Графъ Д. И. Хвостовъ сочинилъ по поводу оды стихи и послалъ ихъ Пушкину, впрочемъ, жалуясь на «завистливыхъ крамольниковъ», коихъ «слухи не внемлютъ прелестей гармоніи сыновъ Аполлона» (И. А. Шляпкинъ, «Изъ неизд. бумагъ П—на», стр. 153). По свидѣтельству графини А. Д. Блудовой, «стихи Пушкина повторялись всѣми съ увлеченіемъ» («Русс. Арх.» 1874, I, 738). Д. Н. Блудовъ («Русс. Арх.» 1875, I, 143) находилъ въ нихъ (также въ «Бородинской годовщинѣ») «много прекраснаго». Е. А. Боратынскій писалъ П. В. Кирѣевскому, что въ одѣ «сказано дѣло, и указана настоящая точка, съ которой должно смотрѣть на нашу войну съ Польшей» («Татевскій Сборникъ», стр. 21). Эту «настоящую точку» такъ объяснилъ Анненковъ («Общественные идеалы П—на», «В. Евр.» 1880, іюнь, 615—617):

«Подъ знаменемъ нарушеннаго принципа народной воли и національности Франція, только что провозгласившая этотъ принципъ у себя, стала почти цѣликомъ въ ряды самыхъ ожесточенныхъ враговъ Россіи. Начавшаяся борьба двухъ славянскихъ племенъ вызвала тамъ въ печати и на трибунѣ бурю ненависти, угрозъ и всевозможныхъ обвиненій противъ русскаго народа и правительства,—бурю, которая сообщилась и ближайшимъ сосѣдямъ Россіи. По секрету передавались слухи объ опасномъ положеніи правительствъ, конституціонныхъ и абсолютныхъ, одинаково истощавшихся въ усиліяхъ сдерживать порывы своихъ народовъ, которые требовали почти въ одинъ голосъ передѣлки европейской исторіи и трактатовъ во всемъ, что они сказали въ пользу и въ интересѣ Россіи. Не одинъ Пушкинъ приходилъ въ негодованіе отъ этого непомѣрнаго озлобленія умовъ, не одинъ онъ думалъ, что какъ бы ни велики были успѣхи нашей секретной дипломатической борьбы съ направленіемъ, — одной этой борьбы еще не было достаточно, и слѣдовало бы вызвать на борьбу съ нимъ голосъ самого общества. Какъ ни совѣтовали еще послѣднему покрывать всѣ яростныя нападки его враговъ однимъ горделивымъ молчаніемъ, но многимъ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ и Жуковскимъ, казалось, что вмѣшательство общества въ полемику было еще нужнѣе ему самому, для разрѣшенія болѣзненныхъ тревогъ его собственной совѣсти и сознанія, чѣмъ даже для отраженія несправедливыхъ обвиненій со стороны. Конечно, выразительныхъ словъ: «бунтъ», «мятежъ» — достаточно было для успокоенія чувства законности у большинства тогдашней русской публики, но вопросъ о нравственномъ правѣ употреблять силу оружія противъ идеи о политической самостоятельности у народа, котораго много лѣтъ пріучали къ ней офиціально,—этотъ вопросъ оставался и затѣмъ смутнымъ для значительной части русской интеллигенціи. На этотъ вопросъ именно Пушкинъ и рѣшился отвѣчать, противопоставляя польской идеѣ и заграничной ея пропагандѣ другую идею, обнаруживавшую, по его мнѣнію, настоящій историческій и нравственный смыслъ начавшейся борьбы двухъ родственныхъ племенъ. Идея эта имѣла еще и то качество, что способна была оправдать мѣры, принимаемыя для доставленія ей торжества. За три недѣли до паденія Варшавы Пушкинъ написалъ по адресу европейскихъ и польскихъ враговъ нашихъ пьесу «Клеветникамъ Россіи», которую можно назвать первой политической журнальной статьей, тогда написанной у насъ по польскому вопросу,—и это несмотря на ея лирическую форму. Политическая мысль укрылась здѣсь подъ крыло Державинской оды и сложила тутъ свои зародыши, за неимѣніемъ никакого другого пріемника. Замѣчательно, что ей всѣ обрадовались и, можетъ быть, всего сильнѣе тѣ, которые не считали возможнымъ и нужнымъ призывать на помощь своему дѣлу независимый голосъ публицистики. Всѣмъ она даровала ключъ къ благопріятному толкованію смутнаго и щекотливаго вопроса, но главная привле-

кательная ея сторона заключалась въ томъ, что она какъ бы возлагала великую народную миссію на непосредственныхъ, активныхъ дѣятелей войны. Такимъ образомъ, настоятельная потребность минуты была удовлетворена, хотя, безъ сомнѣнія, и въ духѣ того времени. Много разъ потомъ ссылались на мысль Пушкина, что польскій вопросъ представляетъ, по преимуществу, домашнее дѣло славянскаго міра, отъ поворота котораго въ ту или другую сторону зависитъ направленіе и будущность славянства вообще; много разъ также и разработывали эту мысль въ различныхъ смыслахъ. За Пушкинымъ остается, въ концѣ концовъ, непрекаемая честь первой попытки подложить нравственную и теоретическую основу подъ голый фактъ ненавистнаго столкновенія двухъ родственныхъ племенъ. 27-го августа совершилось столь долго и нетерпѣливо ожидаемое паденіе Варшавы, далеко не прекратившее, впрочемъ, какъ извѣстно, развитіе племенной борьбы. Пушкинъ привѣтствовалъ событіе стихотвореніемъ «Бородинская годовщина», которое, вмѣстѣ съ пьесой «Клеветникамъ Россіи» и стихотвореніемъ Жуковскаго по тому же случаю, напечатано въ одной брошюрѣ. Въ это время они все дѣлали сообща. Болѣе чѣмъ вѣроятно поэтому, что и появленію той знаменитой пьесы предшествовалъ долгій обмѣнъ мыслей въ дружескомъ кругу, который образовался около Пушкина въ Царскомъ Селѣ, и который состоялъ почти весь изъ лицъ, приближенныхъ болѣе или менѣе къ императорскому двору, а потому и знавшихъ многія подробности и секреты политики, скрытыя еще отъ глазъ толпы».

Формула Пушкина: «домашній старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою» вошла въ обиходъ. Ее повторили К. С. Аксаковъ, который говорилъ въ 1838 г. въ Берлинѣ: «это семейственный споръ, и постороннія націи не могутъ судить о немъ вѣрно» («Cosmopolis» 1898, № 3, стр. 275), и даже Некрасовъ въ извѣстныхъ стихахъ къ Муравьеву-Виленскому («Русс. Арх.» 1885, II, 203). Въ Европѣ обратили вниманіе на оду (см. «Пушкинъ и его соврем.» VII, 60 — 64; «Переп. Вяземс. съ А. И. Тургеневымъ», ред. Н. Кульмана, I, 100).

Критикъ «Галатеи» (1839 г., ч. 4, № 29) назвалъ оду, какъ и «Бородинс. годовщину», «произведеніемъ болѣе ораторскимъ, нежели поэтическимъ». Напротивъ, Варнгагенъ-ф.-Энзе причислилъ ихъ къ «прекраснѣйшимъ, какія только написалъ Пушкинъ... Поэтъ истинный всегда принадлежитъ отечеству, и если его сограждане сражаются и проливаютъ свою кровь, то онъ долженъ имъ во всякомъ случаѣ желать побѣды и славы»... Бѣлинскій, который въ свой гегельянскій періодъ восхищался до самозабвенія этими пьесами, какъ гимномъ дѣйствительности («Соч. Герцена», СПб., 1905, II, 314; «Письма Бѣлинскаго», I, 343; «Воспом. И. И. Панаева», изд. 3-е, 244—245), находилъ, что въ нихъ «слишкомъ замѣтна личность поэта», что мѣшаетъ имъ назваться гимнами въ смыслѣ спокойно-созерцательнаго отношенія къ жизни («Соч. Б.», изд. Венгерова, VI, 100), а въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина упомянулъ ихъ въ числѣ лучшихъ стихотвореній. Политическій смыслъ пьесы всегда находилъ то восторженныхъ поклонниковъ (Н. Сушковъ, Н. Н. Страховъ, К. Н. Леонтьевъ), то такихъ же противниковъ (Писаревъ, Добролюбовъ, Левъ Толстой, Вл. Соловьевъ). Знаменитый живописецъ К. П. Брюлловъ смѣялся надъ «стальной щетиной», которая напомнила ему свинью («Др. и нов. Россія» 1877, № 6, стр. 128—129), по Боратынскій нашелъ, что этотъ стихъ «силенъ и живописенъ». «Недвижный Китай» былъ уже упомянутъ Пушкинымъ въ пьесѣ 1829 г. «Поѣдемъ, я готовъ»... (см. примѣч. къ № 602).

---

679. СКАЗКА О ЦАРѢ САЛТАНѢ.

(т. III, стр. 187).

«Сказкѣ о Царѣ Салтанѣ» предшествовали бѣглыя записи народной сказки на эту тему. Одна изъ нихъ находится въ тетради (Румянц. муз., № 2366, л. 30_2,—см. «Русс. Стар.» 1884, май, 334—335), относящейся еще къ 1822—1823 гг.: «Царь не имѣетъ дѣтей. Слушаетъ трехъ сестеръ; когда бы я была царица, то я бы (выстроила дворецъ), всякій день...; когда бы я была царица, завела бы хоромы. На другой день свадьба. Зависть первой жены; война, царь на войнѣ, царевна рождаетъ сына; гонецъ etc. Царь умираетъ бездѣтенъ. Оракулъ, буря, ладья. Избираютъ его царемъ—онъ правитъ въ славѣ—ѣдетъ корабль—у Салтана. Рѣчь о новомъ государѣ Салтанъ хочетъ слать пословъ, царевна посылаетъ своего повѣреннаго гонца, который клевещетъ. Царь объявляетъ войну—царица узнаетъ его съ башни»... Неясности наскоро набросанной записи хорошо объяснилъ В. Е. Якушкинъ въ «Русс. Стар.», I. с. Онъ же отнесъ ее къ 1822 г. на основаніи ея положенія въ кишиневской тетради: «эта программа для насъ интересна тѣмъ, что показываетъ намъ, что Пушкинъ уже на югѣ занимался простонародными русскими сказками, между тѣмъ какъ доселѣ его обращенія къ народной поэзіи относили къ эпохѣ пребыванія въ Михайловскомъ, объясняли исключительно вліяніемъ деревни и разсказовъ старой няни; послѣдней же приписывали и самую сказку о царѣ Салтанѣ; Пушкинъ дѣйствительно записалъ въ Михайловскомъ, со словъ своей няни, нѣсколько сказокъ, между прочимъ и о царѣ Салтанѣ; но, во всякомъ случаѣ, данная программа, излагающая сказку въ другой редакціи, показываетъ на болѣе раннее знакомство Пушкина съ этой сказкой. Данная программа интересна для насъ еще и въ другомъ отношеніи: она набросана Пушкинымъ въ 1822 г., самую же сказку онъ написалъ лишь въ 1831 г., т.-е. черезъ девять лѣтъ». Предположеніе Якушкина получило кредитъ, котораго, по нашему мнѣнію, оно не заслуживаетъ. Пушкинъ не разъ возвращался къ своимъ тетрадямъ, которыхъ вовсе не исписывалъ въ строго-хронологическомъ порядкѣ; приведенная запись стоитъ въ черновой тетради особнякомъ, и за болѣе позднее время ея внесенія въ тетрадь говоритъ слѣдующее. Непосредственно за нею слѣдуютъ (л.л. 31—33_1) выписки изъ сочиненія Ginguené «Histoire littéraire de l'Italie» о первоначальномъ источникѣ сказки о Бовѣ-Королевичѣ, «Buovo d'Antona»,—интересъ же къ сказкамъ Пушкинъ обнаруживаетъ именно въ Михайловскомъ; въ 1824 г. онъ пишетъ брату: «слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма». Вяземскому онъ сообщаетъ въ январѣ 1825 г.: «слушаю старыя сказки», а въ письмѣ къ нему въ маѣ упоминаетъ о «Buovo d'Antona». Нѣтъ со-

БЮСТЪ ПУШКИНА.

Работы И. И. Витали (1842—1843).

мнѣнія, что дѣйствительно въ Михайловскомъ онъ впервые познакомился съ міромъ народной сказки, и приведенную запись съ гораздо бо́льшимъ правомъ можно отнести къ 1824—1825 гг., чѣмъ къ 1822, когда Пушкинъ былъ оторванъ отъ народа. Сохранились программы задуманной Пушкинымъ сказки о Бовѣ («П—нъ и его совр.», IV, 22), которую П. В. Анненковъ («П—нъ въ Александров. эпоху», стр. 135—136) считаетъ предшественницей замысла «Руслана и Людмилы», но это сомнительно, и данныя программы также нужно относить къ серединѣ 20-хъ годовъ по связи ихъ съ другими записями (см. въ т. IV наст. изд., № 817).

Другая, болѣе подробная и ближе подходящая къ обработкѣ Пушкина запись находится въ тетради московскаго Румянцевскаго музея № 2368, л.л. 58—56_1 (см. въ IV т. настоящ. изд., № 816); она относится приблизительно къ 1825—1826 гг.; очевидно, обѣ записи происходили изъ разныхъ источниковъ. Однимъ изъ нихъ была, надо думать, няня Арина Родіоновна.

Наконецъ, въ болѣе поздней тетради (москов. Румянц. муз., № 2371, л.л. 15_2 и 16_1) находятся первые 14 стиховъ сказки и слѣдующая программа дальнѣйшаго: «Только успѣла она выговорить сіи слова, какъ дверь отворилась, и царь вошелъ безъ доклада. Царь имѣлъ привычку гулять поздно по городу и подслушивать рѣчи своихъ подданныхъ. Онъ съ пріятной улыбкой подошелъ къ меньшой сестрѣ, взялъ ее за руку и сказалъ: будь же царицей и роди мнѣ царевича. Потомъ, обратясь къ старшей и средней, сказалъ онъ: ты будь у меня при дворѣ ткачихой, а ты кухаркой. Съ этимъ словомъ, не давъ имъ образумиться, царь два раза свистнулъ; дворъ наполнился воинами и царедворцами; коляска подъѣхала къ крыльцу. Царь сѣлъ въ нее съ новою царицей, а свояченицъ велѣлъ везти во дворецъ; ихъ посадили въ телѣги, и всѣ поскакали» («Русс. Стар.», 1884, іюль, 40—41). Эта программа относится къ 1827—1830 гг., но, быть-можетъ, и къ 1831 г., когда Пушкинъ обработалъ, наконецъ, народный сюжетъ, облюбованный давно.

«Наиболѣе своеобразной чертой пушкинской передѣлки, повидимому, совсѣмъ чуждой народнымъ версіямъ, т.-е. всецѣло пушкинской вставкой, представляется заключительное прощеніе злыхъ сестеръ. Эта черта вполнѣ отвѣчаетъ гуманистическому міросозерцанію Пушкина... Пушкинская сказка стоитъ несравненно выше соотвѣтствующихъ народныхъ варіантовъ. Содержаніе тутъ не такъ важно — говоритъ Н. Ѳ. Сумцовъ («Изслѣдованія о П—нѣ» — «Харьков. универ. сб. въ память П—на», 1900, стр. 303—310), — какъ внѣшняя форма изложенія и частности. Содержаніе общее у всѣхъ сказокъ этого разряда. У Пушкина ему приданъ широкій эпическій размахъ; достигнуто это эпическими пріемами повтореній, амплификаціей и многими необыкновенно удачными слововыраженіями». Далѣе Н. Ѳ. Сумцовъ обозрѣваетъ рядъ русскихъ и иноплеменныхъ варіантовъ сказки (ср. Ю. Яворскій, «Къ исторіи Пушкинскихъ сказокъ», Льв., 1899; В. Сиповскій въ «П. и его совр.», IV, 82). Имена Салтана и Гвидона Пушкину, указываетъ В. Чернышевъ («П—нъ и его совр.», IV, 128—129), были знакомы по «Сказкѣ о Бовѣ-королевичѣ»; имя Гвидона встрѣчаемъ въ упомянутой программѣ сказки о Бовѣ («П—нъ въ Ал. эпоху» Анненкова, 136). Бойкимъ четырехстопнымъ хореемъ, съ попеременно повторяющимися парными мужскими и женскими риѳмами, Пушкинъ пользовался уже раньше («Царь Никита», «Съ португальскаго»); это, говоритъ Л. И. Поливановъ (см. его изд. «Соч. П.», т. II, изд. 2-ое, М., 1892, стр. 215—216), «стихъ живой, свободный, удобный для отрывистаго слога сказки, сообщающій ему характеръ параллелизма, такъ гармонирующаго съ наивнымъ сказочнымъ тономъ и производящій на слухъ впечатлѣніе самаго первобытнаго мотива, наигрываемаго на балалайкѣ. Въ тоническомъ риѳмованномъ стихѣ послѣ не былъ никѣмъ примѣняемъ ни одинъ размѣръ, болѣе подходящій для произведеній этого рода. Имъ воспользовался впослѣдствіи и Ершовъ для своего «Конька-Горбунка», котораго затвердила, наравнѣ со сказками Пушкина, вся грамотная и полуграмотная Россія. Очевидно, размѣръ былъ угаданъ вѣрно и пришелся по русскому вкусу». Пушкину, замѣчаетъ Эллисъ («Русскіе символисты», М., 1910, стр. 288), «удалось не только чутко уловить повѣствовательную, эпическую напѣвность русской сказки вплоть до фигуръ эпическаго повторенія и аллитерацій, но и облечь ее въ новую, еще болѣе совершенную форму, оперить ее чисто-пушкинской играющей и скользящей риѳмой». Н. Петровъ («Народныя черты и симпатіи въ поэзіи П—на» — «Памяти П—на», сборн. Кіевск. учебн. окр., II, 1900, стр. 88) говоритъ о сказкахъ Пушкина: «не знаешь, чему больше дивиться, богатству ли народной фантазіи, поэтичности ли содержанія, или поразительной виртуозности формы, въ которую облекъ эти милые разсказы Пушкинъ. Мы стоимъ здѣсь на какомъ-то неуловимомъ рубежѣ двухъ, казалось бы, несогласимыхъ другъ съ другомъ міровъ: простонароднаго, дѣтски-наивнаго, такъ неотразимо захватывающаго поэта, и міра культурнаго, сложнаго, къ которому онъ принадлежалъ по общему своему духовному развитію. Но здѣсь эта граница стирается безъ слѣдовъ: здѣсь народно-наивное по сущности возвышается до высоко-художественныхъ формъ, и, наоборотъ, культурное міросозерцаніе растворяется безъ остатка въ свѣтѣ и теплѣ народныхъ простодушныхъ созерцаній. Что обработка этихъ сказочныхъ мотивовъ не была для Пушкина простой забавой, шалостью, а увлекала его, какъ болѣе или менѣе серьезная работа, доказывается уже тою замѣчательною тщательностью, съ которою отдѣланъ каждый стихъ, каждый образъ, выработанъ каждый эпитетъ, каждое слово, каждый звукъ!»

Въ апрѣлѣ 1831 г. Пушкинъ писалъ Плетневу, что «Дмитріевъ, думая критиковать Жуковскаго, далъ ему прездравый совѣтъ: «Жук., говорилъ онъ, въ своей деревнѣ заставляетъ старухъ себѣ ноги гладить и разсказывать сказки и потомъ перекладываетъ ихъ въ стихи. Преданія русскія ничуть не уступаютъ въ фантастической поэзіи преданіямъ ирландскимъ и германскимъ». Проводя лѣто въ Царскомъ Селѣ, Пушкинъ и Жуковскій, разсказываетъ П. В. Анненковъ («Матеріалы для біогр. П—на», изд. 2-ое, стр. 309—311), «по какому-то дружелюбному состязанію согласились написать каждый по русской сказкѣ. Кому принадлежитъ первая мысль этого поэтическаго турнира, мы можемъ только догадываться. Пушкинъ уже ознакомился съ міромъ народныхъ сказаній и много думалъ о немъ про себя»; сказки же Жуковскаго «совершенно покинули мѣстный, сказочный колоритъ и скорѣе принадлежали гер-

манской легендѣ и романтической поэзіи, чѣмъ русскому міру; между прочимъ, сказка о Берендеѣ взята Жуковскимъ изъ разсказовъ Арины Родіоновны, вѣроятно, переданныхъ ему Пушкинымъ». 3 сентября онъ писалъ Вяземскому, что «на дняхъ испразнился сказкой въ тысячу стиховъ». Это и была «Сказка о Царѣ Салтанѣ», въ которой почти тысяча стиховъ (998). Отрывки онъ иногда читалъ женѣ, Жуковскому, А. О. Россетъ (см. ея воспоминанія въ «Русс. Арх.» 1871 г., ст. 1877). «И Пушкинъ окончилъ свою сказку!— писалъ Гоголь («Письма Г.», изд. В. Шенрока, I, 189) 10 сентября Жуковскому: — Боже мой, что-то будетъ далѣе? Мнѣ кажется, что теперь воздвигается огромное зданіе чисто-русской поэзіи. Страшные граниты положены въ фундаментъ, и тѣ же зодчіе выведутъ и стѣны, и куполъ на славу вѣкамъ!.. Когда-то пріобщусь я этой божественной сказки?..» А. С. Данилевскому Гоголь (ib., 196) писалъ 2 ноября: «у Пушкина... сказки русскія народныя, — не то, что «Русланъ и Людмила», но совершенно русскія».

Сказка была вскорѣ, въ томъ же 1831 г., напечатана, вмѣстѣ съ сказками Жуковскаго, въ брошюрѣ, изданной въ нѣсколькихъ экземплярахъ для высочайшихъ особъ, и вошла въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», 1832 г. (ценз. разр. 20 января), стр. 130—181 (съ поправкой на особомъ листкѣ въ концѣ книги). Среди читателей она вызвала много толковъ, діаметрально-противорѣчивыхъ. Гнѣдичъ, напр., былъ въ такомъ же восторгѣ, какъ Гоголь, и писалъ автору («Матеріалы» Анненкова, 311):

Пушкинъ, Протей
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ
твоихъ пѣснопѣній!
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей!
Пой какъ поешь ты, родной соловей!
Байрона геній, иль Гете, Шекспира —
Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ.
Ты же, постигнувшій таинства русскаго
духа и міра,
Ты — нашъ Баянъ!
Небомъ роднымъ вдохновенный,
Ты на Руси нашъ пѣвецъ *несравненный*.

П. А. Осипова за «снотворной сказкой», которую прислалъ ей Пушкинъ, «провела безсонную ночь» (И. А. Шляпкинъ, «Изъ неизд. бумагъ П—на», СПб., 1903, стр. 158—160). Рецензентъ «Русскаго Инвалида» (1832 г., № 86) находилъ, что она «разсказана съ тою свободою и прелестью стиха, съ тѣмъ знаніемъ русскаго сказочнаго типа, съ тѣмъ счастливымъ даромъ примѣняться къ вымысламъ, повѣрьямъ и быту народныхъ нашихъ разсказовъ, коими читатели русскіе любовались въ эпилогѣ (?) къ «Руслану и Людмилѣ» и во многихъ мѣстахъ сей поэмы». Бар. Е. Розенъ («Сѣв. Пчела» 1832, № 81) писалъ: «геній старины, омывшись, какъ лебедь, въ Касталійскомъ ключѣ пушкинской поэзіи, носится мимо насъ легкимъ, мелодическимъ полетомъ; удивительно счастливо здѣсь соединена народность выраженія со всею очаровательностью пушкинской дикціи». Но бо́льшая часть читателей отнеслась къ сказкѣ холодно. «Сухая, мертвая работа, старинная пыль», писалъ «Телескопъ» (1832, IX, № 9). Н. М. Языковъ нашелъ, что это «не Пушкина родъ», а братъ его А. М.,—что сказка разсказана педурно, по людей, знакомыхъ съ народными сказками, не можетъ удовлетворить («Ист. Вѣстн.» 1883, дек., 533, 534; «В. Евр.» 1897, дек., 603). Боратынскій («Татевскій Сборникъ», СПб., 1899, стр. 48—49) находилъ, что лучше «оставить матеріалы народной поэзіи въ ихъ первобытномъ видѣ», и что сказка Пушкина «равна достоинствомъ одной изъ нашихъ старыхъ сказокъ, и только; можно даже сказать, что между ними она не лучшая». Бѣлинскій не разъ говорилъ о сказкахъ Пушкина и не могъ понять ихъ значеніе. Такъ же, какъ Боратынскій, онъ протестовалъ противъ «поддѣлки»: «въ вашей сказкѣ будутъ русскія слова, но не будетъ русскаго духа, и потому, несмотря на мастерскую отдѣлку и звучность стиха, она нагонитъ одну скуку и зѣвоту. Вотъ почему сказки Пушкина, несмотря на всю прелесть стиха, не имѣли ни малѣйшаго успѣха» («Соч. Б.», изд. Венгерова, II, 71). «Онѣ рѣшительно дурны, поэзія и не касалась ихъ. Мы не можемъ понять, что за странная мысль овладѣла имъ и заставила тратить свой талантъ на эти поддѣльные цвѣты. Русская сказка имѣетъ свой смыслъ, но только въ такомъ видѣ, какъ создала ее народная фантазія; передѣланная же и прикрашенная, она не имѣетъ рѣшительно никакого смысла» (ib., 415; ср. VI, 310, и сказанное въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина). Источникъ этой ошибки великаго критика — въ его общемъ пренебрежительномъ отношеніи къ народной поэзіи (см. объясненія Венгерова въ его примѣч. къ «Соч. Б.», VI, 626—630). «Пушкинъ изобрѣлъ этотъ ложный родъ, когда началъ угасать поэтическій огонь въ душѣ его», писалъ Н. В. Станкевичъ, но прибавилъ, что «первая его сказка въ этомъ родѣ (т.-е. «Салтанъ») еще имѣетъ нѣчто поэтическое» («Н. В. Ст. Переписка его и біографія», М., 1857, 2-ая пагин., стр. 105). Н. В. Сушковъ («Обозъ къ потомству»—«Раутъ», кн. III, М., 1854, стр. 332) ставилъ сказки Пушкина не выше сказокъ Дмитріева или Панкратія Сумарокова. А. Мартыновъ («Маякъ», т. XI, «Критика», стр. 102—115) писалъ, что Пушкинъ «вовсе не понималъ русской сказки и ея драгоцѣнныхъ стихій... всѣ лица оставилъ куклами, какъ онѣ оболванены народомъ... посредственный рисовальщикъ и нисколько живописецъ... души, выраженія, жизни — и въ заводѣ нѣтъ». И. С. Тургеневъ (рѣчь 1880 г.) говорилъ, что сказки Пушкина, «самыя слабыя, какъ извѣстно, изъ всѣхъ его произведеній», — лучшее доказательство, какъ «неумѣстно и безплодно поддѣлываться подъ народный тонъ, вообще подъ народность». Анненковъ («Матеріалы», l. c.) видѣлъ въ «Сказкѣ о Царѣ Салтанѣ» «скорѣе свидѣтельство о гибкости авторскаго таланта», чѣмъ выраженіе народнаго духа, и язвительно замѣчалъ, что только «литераторы, мечтавшіе о народной поэзіи изъ кабинета, и писатели, преимущественно занимавшіеся изученіемъ иностранныхъ словесностей», могли находить въ «Салтанѣ» зерно нѣкоего новаго направленія. Ходъ событій показалъ, что именно эти восторженные цѣнители были правы, и что въ стихахъ восхищеннаго Гнѣдича не было ни слова преувеличенія.

«Сказка» послужила канвою для либретто извѣстной оперы Н. А. Римскаго-Корсакова; для ея постановки рядъ эскизовъ далъ М. А. Врубель.

---

680. БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

(т. III, стр. 199).

Автографа пьесы не существуетъ, если не считать сохранившихся обрывковъ двухъ послѣднихъ строкъ съ датой «5 сент.» («П—нъ и его соврем.», IV, 28) и поправокъ по печатному тексту въ цензурномъ экземплярѣ третьей части «Стихотвореній Александра Пушкина» (см. «Соч. П.», изд. Ефремова, VIII, 1905 г., стр. 338). Впервые пьеса появилась, съ помѣтой: «5-го сентября 1831 года», въ сборникѣ «На взятіе Варшавы», СПб., 1831 (о немъ см. примѣч. къ № 678), а затѣмъ, съ поправками, вошла въ «Стихотворенія», III, 1832 г., стр. 123—129. Отсылая читателя къ примѣч. №№ 677, 678, 681, 751, гдѣ онъ найдетъ подробныя свѣдѣнія о политическихъ обстоятельствахъ, при которыхъ возникъ весь циклъ патріотическихъ пьесъ 1831 г., здѣсь мы ограничимся немногочисленными справками, относящимися ближайшимъ образомъ къ данному стихотворенію.

«Когда взяли Варшаву—разсказывала А. О. Смирнова («Русс. Арх.» 1871 г., ст. 1882) — пріѣхалъ Суворовъ съ извѣстіями; мы обѣдали всѣ вмѣстѣ за общимъ фрейлинскимъ столомъ. Изъ Александровскаго прибѣжалъ лакей и объявилъ радостную и страшную вѣсть... Мы всѣ бросились въ Александровскій дворецъ, какъ были, безъ шляпъ и зонтиковъ, и, проходя мимо Китаева дома (гдѣ жили въ Ц. С. Пушкины), я не подумала объявить объ этомъ Пушкину. Что было во дворцѣ, въ самомъ кабинетѣ Императрицы, я не берусь описывать. Государь самъ сидѣлъ у ея стола, разбиралъ письма, писанныя наскоро, иныя незапечатанныя; раздавалъ ихъ по рукамъ и отсылалъ по назначенію». Кн. А. А. Суворовъ, внукъ знаменитаго полководца, пріѣхалъ изъ Варшавы въ Царское Село 4 сентября, такъ что Пушкинъ написалъ свою новую оду подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ радостнаго извѣстія. Въ «Запискахъ» А. О. Смирновой (I, 121—124) находимъ нѣкоторыя, повидимому достовѣрныя, подробности: «Пушкинъ сказалъ мнѣ, что его сосѣдка Ламбертъ уже раньше меня велѣла передать ему пріятную новость. Оказывается, что ямщикъ, который везъ Суворова, крича сообщалъ новость всѣмъ прохожимъ, когда пріѣхалъ въ Царское Село, и лакей графини Ламбертъ узналъ все на улицѣ... Сегодня утромъ былъ молебенъ... Выходя изъ церкви, его величество увидалъ Пушкина, позвалъ его и поблагодарилъ за стихи, которые нашелъ превосходными». См. въ т. V настоящ. изд., стр. 432, запись, внесенную Пушкинымъ въ дневникъ 4 сентября 1831 г. Участь Варшавы была рѣшена въ день годовщины Бородинскаго боя.

Ода Пушкина отмѣчена вліяніемъ Державина и въ тонѣ (напр., начало предпослѣдней строфы), и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ («россъ», «славяновъ»); ему, конечно, была хорошо знакома ода Державина 1794 г. «На взятіе Варшавы» (см. «Соч. Державина», 2-ое акад. изд. Я. Грота, I, 453, 536). Кн. И. Ѳ. Паскевичъ благодарилъ Жуковскаго и Пушкина за ихъ стихи («Русс. Арх.» 1875 г., III, 369). Отозвались и другіе русскіе поэты, кромѣ Пушкина и Жуковскаго, на взятіе Варшавы—Хомяковъ, Тютчевъ. «Старая пѣсня на новый ладъ» Жуковскаго весьма мелка по политическому смыслу; польское возстаніе въ этомъ ухарскомъ славословіи наивно трактуется какъ «измѣна» и «бунтъ». Хомяковъ предавалъ проклятію возстаніе за то, что оно мѣшаетъ единенію славянскихъ орловъ, но не въ равенствѣ, а въ подчиненіи «старшему—Сѣверному Орлу». Тютчевъ также смотрѣлъ на Польшу какъ на жертву дѣлу всеславянскаго братства и освобожденія,—«славянъ родныя поколѣнья подъ знамя русское собрать и весть на подвигъ просвѣщенья единомысленную рать». Пушкинъ, въ своей неизмѣнной политической трезвости, не доходилъ до такой наивности; онъ понималъ, что 1831-й годъ не послужитъ къ укрѣпленію славянскаго братства, отказался рѣшать вопросъ о конечной участи «русскаго моря» и «славянскихъ ручьевъ» и, провозглашая, что «участь Польши рѣшена», мечталъ лишь о болѣе или менѣе сносномъ взаимномъ modus vivendi. Совсѣмъ иной взглядъ на польское возстаніе проводится въ прекрасномъ стихотвореніи, приписываемомъ декабристу кн. А. И. Одоевскому «При извѣстіи о польской революціи» («Литерат. Вѣстн.», т. VIII, 1904 г., стр. 204—205; Н. Котляревскій, «Декабристы Одоевскій и А. Бестужевъ», СПб., 1907, стр. 84—85): «Едва дошелъ съ далекихъ береговъ небесный звукъ спадающихъ оковъ, и вздрогнули въ сердцахъ живыя струны, всѣ чувства вдругъ въ созвучіе слились... Нѣтъ, струны въ нихъ еще не порвались! Еще, друзья, мы сердцемъ юны! И въ комъ оно отъ чувствъ не задрожитъ!—Вы слышите, на Вислѣ брань кипитъ, тамъ съ Русью Ляхъ воюетъ за свободу»... Вяземскаго «Бород. годовщина» возмущала не меньше, чѣмъ «Клеветникамъ Россіи». Онъ хотѣлъ было послать Пушкину, еще не читавъ ихъ, но только о нихъ услышавъ, письмо, въ которомъ бранилъ Жуковскаго за «шпильные стихи», разсчитывая «оцарапнуть и Пушкина». Вяземскій находилъ, что «совѣстно сравнивать нынѣшнее событіе съ Бородинымъ. Тамъ мы бились одинъ противъ 10 (?), здѣсь, напротивъ, 10 противъ одного. Это дѣло весьма важно въ государственномъ отношеніи, но тутъ нѣтъ ни на грошъ поэзіи... Одна мысль показалась мнѣ умѣстною и кстати. Это мадригалъ молодому Суворову. Нечего было Суворову вставать изъ гроба, чтобы благословить страданіе Паскевича, которое милостію Божіею и безъ того обойдется. Въ Паскевичѣ ничего нѣтъ суворовскаго, а война наша съ Польшею тоже вовсе не суворовская, но хорошо было дѣдушкѣ полюбоваться внукомъ. Послѣ этихъ стиховъ не понимаю, почему Пушкину не воспѣвать Орлова за побѣды его старорусскія» (усмиреніе бунта въ военныхъ поселеніяхъ—см. т. V настоящ. изд., 431—432), «Нессельроде за подписаніе мира. Когда рѣшишься быть поэтомъ событій, а не соображеній, то нечего робѣть и жеманиться... Пой, да и только. Смѣшно, когда Пушкинъ хвастается, что «мы не сожжемъ Варшавы ихъ». И вѣстимо, потому что послѣ намъ пришлось же бы застроить ее» («Соч. Вяземскаго», IX, 155—156, 159). Тогда же Вяземскій писалъ Е. М. Хитрово: «какъ огорчили меня эти стихи! Власти, общественному порядку часто приходится исполнять грустныя, кровавыя обязанности, но поэтъ, слава Богу, не обязанъ ихъ воспѣвать. Правительство, подчиняясь слѣпой и непоколебимой необходимости, можетъ подписать смертный приговоръ народу, какъ и отдѣльному лицу, противящемуся установленному порядку и неизбѣжнымъ условіямъ существованія, но поэзія, которая не должна быть помощницей необходимости, не должна вмѣшиваться въ эту прозу дѣйствительности. Вотъ гдѣ поэтъ долженъ сказать

БЮСТЪ Н. РАМАЗАНОВА.

вмѣстѣ съ Христомъ: царство мое не отъ міра сего!» («Русс. Арх.» 1895, II, 111; 1909, III, 464—465). При всемъ благородствѣ, проявленномъ здѣсь Вяземскимъ, онъ не былъ справедливъ къ Пушкину, который въ своихъ стихахъ исходилъ не изъ «событій», а именно изъ «соображеній», повторяя уже высказанныя въ «Клеветникамъ Россіи» мысли о русско-польскихъ отношеніяхъ и о западныхъ врагахъ Россіи.

---

681. ОТЪ ВАСЪ УЗНАЛЪ Я ПЛѢНЪ ВАРШАВЫ.

(т. III, стр. 200).

Эти три стиха извлечены изъ напечатанной въ «Воспоминаніяхъ» А. О. Смирновой («Русс. Арх.» 1871 г., ст. 1881—1882) карандашной надписи (см. выше, стр. 86, № 423) на присланномъ ей,

тогда еще Россетъ, Пушкинымъ экземплярѣ сборника «На взятіе Варшавы», гдѣ были напечатаны «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина». «Quand j'aurai trouvé les deux autres vers, je vous les enverrai», прибавилъ онъ въ концѣ. О самомъ взятіи Варшавы Пушкинъ, жившій тогда въ Царскомъ Селѣ, узналъ собственно не отъ А. О. Россетъ, а отъ графини Ламбертъ («Русс. Арх.», ib.). Александрѣ Осиповнѣ писалъ объ этомъ ея братъ, Аркадій, участвовавшій въ этомъ дѣлѣ («Русс. Арх.», 1896, I, 284—285), и, вѣроятно, она сообщила Пушкину подробности. Брошюра носитъ цензурную помѣту 7 сентября. Къ этому времени, не позднѣе 10 сентября, относится записка Пушкина.

---

682. СКАЗСКА О ПОПѢ И О РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ.

(т. III, стр. 200).

Автографъ находится въ тетради московскаго Румянцевскаго музея № 2376-Б, л.л. 18—19, 44—45; онъ датированъ: «13 сент.». На л. 45_2 — рисунки, воспроизведенные въ III т. настоящ. изд., стр. 201. Сказка окончена 13 сентября 1831 г., въ Болдинѣ; начата же лѣтомъ, въ Царскомъ Селѣ, гдѣ съ нею познакомилась А. О. Россетъ: «иногда [Пушкинъ] читалъ намъ отрывки своихъ сказокъ... Онъ восхищался заглавіемъ одной: «Попъ толоконный лобъ и служитель его Балда». «Это такъ дома можно — говорилъ онъ — а вѣдь цензура не пропуститъ!» («Русс. Арх.» 1871, ст. 1877). Къ лѣту относитъ сказку и Гоголь, который писалъ 2 ноября А. С. Данилевскому: «все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ. Почти каждый вечеръ собирались мы: Жуковскій, Пушкинъ и я. О, если бы ты зналъ, сколько прелестей вышло изъ-подъ пера сихъ мужей! У Пушкина... сказки русскія народныя... одна писана даже безъ размѣра, только съ риѳмами, и прелесть невообразимая» («Письма Гоголя», изд. В. И. Шенрока, I, 196). Въ апрѣлѣ 1832 г. В. Д. Комовскій писалъ Н. М. Языкову, что сказка «О попѣ толоконномъ лбѣ и работникѣ его Балдѣ» не можетъ быть напечатана и ради своего содержанія, и изъ-за заглавія («Историч. Вѣстн.» 1883, дек., 534). Однако, сказка нѣсколько лѣтъ спустя, уже по смерти Пушкина, была напечатана въ «Сынѣ Отечества» 1840 г., т. II, № 5, а затѣмъ въ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина, т. IX, 1841 г. Для того, чтобы провести ее сквозь цензуру, Жуковскій, которому сказка очень нравилась («Матеріалы» Анненкова, изд. 2-ое, стр. 310), кое-что въ ней измѣнилъ, устранилъ попа и вообще «духовный» элементъ, передѣлалъ заглавіе: «Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ»... и проч. П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи (III, 554) указалъ, что въ печатномъ текстѣ сказки «существуютъ нѣкоторыя несходства съ рукописью, но нисколько не отнимающія ея достоинства и не вредящія ея общему тону». Впервые возстановилъ «попа» П. А. Ефремовъ (изд. 1882 г., т. III); нѣкоторыя поправки предложилъ В. Е. Якушкинъ («Русс. Стар.» 1884 г., октябрь, 81); исправнѣе напечаталъ текстъ П. Морозовъ (изд. Литер. фонда, т. III); въ настоящемъ изданіи точно воспроизведенъ текстъ, даваемый подлинною рукописью.

Въ бумагахъ Пушкина сохранилась бѣглая запись народной сказки о попѣ и Балдѣ (см. въ т. IV настоящаго изд., стр. 82—83, № 818). Изъ нея видно, что поэтъ не особенно удалился отъ источника. «Стихотворная обработка — говоритъ Н. Ѳ. Сумцовъ («Изслѣдованія о П—нѣ»— «Харьковск. универс. сборн. въ память П—на» 1900 г., стр. 310—316) — сравнительно съ записью отличается значительной величиною. Повсемѣстно внесены эпическія амплификаціи и бытовыя черты. Мотивъ о приводѣ медвѣдя отсутствуетъ; остальные мотивы идутъ въ нѣсколько измѣненномъ порядкѣ; мимоходомъ упоминаются дочь и сынъ попа. Въ стихотворной передачѣ сказка отличается цѣльностью и законченностью. Сказка о Балдѣ принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ и популярныхъ чуть не на всемъ земномъ шарѣ. Основной, главный ея мотивъ — слуга-силачъ». Въ сборникахъ сказокъ мотивъ этотъ встрѣчается подъ разными заголовками: «Попъ и его работникъ», «Чортъ-слуга», «Желѣзный человѣкъ» и др.; Н. Ѳ. Сумцовъ разсматриваетъ рядъ русскихъ, славянскихъ и иноплеменныхъ варіантовъ (ср. Ю. А. Яворскій, «Къ исторіи пушкинскихъ сказокъ», Льв., 1899); есть романская сказка о рыцарѣ, котораго король послалъ въ адъ взять дань съ Люцифера («Соч. А. В. Амфитеатрова», т. XVIII, «Дьяволъ», стр. 265). По мнѣнію М. Халанскаго («Сказки» — «Ист. русс. литературы», т. I, изд. Сытина и «Міра», стр. 156), это одинъ изъ тѣхъ мотивовъ, которые большею частью изъ восточныхъ источниковъ вошли въ западноевропейскую литературу, а оттуда, черезъ западнославянское посредство, въ русскій фольклоръ.

«Сказка эта — говоритъ Л. И. Поливановъ (см. его изд. «Соч. П.», т. II, изд. 2-ое, М., 1892, стр. 228) — представляетъ мастерской образецъ того силлабическаго стиха, которымъ писались сатирическіе эпизоды на подписяхъ подъ лубочными картинами. Этотъ «лубочный стихъ»— силлабическій, но, какъ число слоговъ въ каждомъ стихѣ въ немъ произвольное, то по праву можетъ быть разсматриваемъ какъ рубленая проза и отличается отъ нея лишь риѳмами, большею частью парными... Пушкинъ воспользовался лубочнымъ стихомъ для своей сказки, сохранивъ его свойства, но сумѣвъ найти и въ этомъ стихѣ своеобразную красоту: для этого онъ освободилъ слогъ сказки отъ всего книжнаго (дѣепричастій, славянизмовъ) и всего того, что напоминаетъ родство этого стиха съ польскими виршами. Получился тотъ чисто-народный русскій лубочный стихъ, который не выдерживался вполнѣ въ произведеніяхъ лубочной печати, но элементы котораго Пушкинъ имѣлъ передъ глазами въ тѣхъ лубочныхъ виршахъ, которыя уже претворили польско-русскій пошибъ въ великорусскій. Риѳма въ лубочномъ стихѣ избирается свободно. Она то мужеская, ямбическая, то женская, хореическая или дактилическая, то съ тремя низкими слогами на концѣ; число слоговъ въ стихѣ отъ 14 до 3. Воспроизведеніе шуточной сказки этой служитъ фактическимъ подтвержденіемъ ироническаго смысла замѣтки въ устахъ недоросля по поводу лубочной картинки на стѣнѣ станціонной комнаты, съ изображеніемъ погребенія кота и спора краснаго носа съ морозомъ: «картинки эти въ нравственномъ, какъ и въ художественномъ отношеніи, не стоятъ вниманія образованнаго человѣка». Ѳ. Е. Коршъ (изслѣдованіе о «Русалкѣ», стр. 16 — 17, 78, 310) обращаетъ вниманіе на чисто-народныя особен-

ности языка сказки — ассонансы вмѣсто риѳмы, «Балдову побѣду» (а не «Балдину»), «зайковъ» (вмѣсто заекъ). Одного тона со сказкой поминанія «Сватъ Иванъ»... и «Господина Шафонскаго»... (№№ 699 и 700), «Какъ весенней теплой порою»...

Бѣлинскій, не постигавшій значенія вообще мало оцѣненной въ его время литературой и наукой народной поэзіи, въ общемъ обзорѣ поэтическаго наслѣдія Пушкина отнесся къ сказкѣ какъ къ «плоду довольно ложнаго стремленія къ народности». Кольцовъ почти вѣрить не хотѣлъ, что она — Пушкина. «Положимте — писалъ онъ Бѣлинскому («Соч. К.», акад. изд., 213), — сказка русская, весь ея матерьялъ высказанъ прекрасно, коротко и полно, и по внутреннему достоинству она Пушкина, по словесность (!), риѳма — и уху больно, и читать тяжело»... Положительно опередило эпоху мнѣніе одного критика («С.-Петерб. Вѣдом.», 1841 г., №№ 259, 260): «сказка доказываетъ, какъ сильно было въ Пушкинѣ желаніе оживить нашу народную поэзію, и какъ мастерски онъ умѣлъ подладиться подъ ея полудикіе тоны. Она написана риѳмованными стихами, безъ всякаго размѣра, точно какъ, напр., сказки въ «Старичкѣ-весельчакѣ», но относится къ нимъ— какъ созданіе искусства къ грубымъ произведеніямъ природы». Для Апол. Григорьева («Соч.», I, 512—513) сказка — одно изъ подтвержденій «неоспоримой истины», что Пушкину «было дано непосредственное чутье народной жизни».

---

683. ЧѢМЪ ЧАЩЕ ПРАЗДНУЕТЪ ЛИЦЕЙ.

(т. III, стр. 203).

Автографъ, на отдѣльномъ листкѣ, находится въ Румянцевскомъ музеѣ (тетр. № 2377-А, см. «Русс. Стар.», 1884, октябрь, 86—87); стихотвореніе не отдѣлано, снабжено помѣтой: «19 окт. 1831» и подписано: «А. П.» Впервые пьеса появилась въ посмертномъ изданіи «Сочин. П—на», т. IX, 1841 г., стр. 157—158, подъ произвольнымъ заглавіемъ «Лицейская годовщина», съ двумя поправками, вѣроятно внесенными Жуковскимъ, и безъ заключительной строфы («Тѣснѣй, о милые друзья»...), въ подлинникѣ находящейся въ выпискѣ и напечатанной въ изданіи Анненкова (III, 12); одинъ стихъ, передѣланн. въ посмертномъ изданіи, указанъ въ «Русс. Архивѣ», 1881, III, 471. П. О. Морозовъ возбудилъ («Сочин. П.», изд. «Просвѣщ.», II, 526—527) сомнѣніе въ правильности пріуроченія пьесы къ 1831 г. Въ протоколѣ состоявшагося 19 октября 1831 г. собранія лицейскихъ первокурсныхъ записано, что Пушкина въ этотъ день среди нихъ не было («П—нъ и его соврем.», XIII, 49—51), но въ слѣдующемъ году Пушкинъ посѣтилъ собраніе и, какъ писалъ Е. А. Энгельгардтъ Ѳ. Ѳ. Матюшкину, «сговорилъ довольно милые стишки» («Вѣстн. Всем. Ист.» 1899, декабрь, № 1, стр. 101). «Выходитъ, такимъ образомъ, — замѣчаетъ г. Морозовъ, — что или Пушкинъ написалъ стихотвореніе не въ 1831, а въ 1832 г., или, приготовивъ его въ 1831 г. и не попавъ, по случайной причинѣ, на лицейскую сходку, сохранилъ листокъ у себя до слѣдующаго года, когда представился случай прочитать его товарищамъ; въ виду помѣты должно быть принято второе предположеніе». Оба эти предположенія не выдерживаютъ критики, потому что основаны на третьемъ,—что стихи, читанные въ 1832 г.,—«Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей»; однако, кромѣ упоминанія въ письмѣ Энгельгардта, мы ничего не знаемъ о стихахъ Пушкина на лицейскую годовщину 1832 г. (см. примѣч. къ № 543).

Шесть товарищей, смерть которыхъ оплакиваетъ Пушкинъ,—П. Н. Ржевскій (1817), П. А. Корсаковъ (1820), К. Д. Костенскій (1830), П. Ѳ. Саврасовъ (1830), бар. А. А. Дельвигъ (1831), С. С. Есаковъ (1831). Корсаковъ и Саврасовъ умерли заграницей, «въ землѣ чужой»; Есаковъ палъ, хотя отъ собственной руки, но все-таки жертвою войны, какъ бы «на бранномъ полѣ» (см. примѣч. къ № 147); Дельвига свела въ могилу почти буквально «печаль»,—такъ повліяли на него отнятіе «Литерат. Газеты» и угрозы Бенкендорфа. О смерти еще одного изъ товарищей, графа С. Брольо, послѣдовавшей еще въ двадцатыхъ годахъ, Пушкинъ, повидимому, не зналъ, давно потерявъ Брольо изъ виду, и насчитывалъ въ лицейской семьѣ только шесть покойниковъ (см. ст. Д. Ѳ. Кобеко «Шесть упраздненныхъ мѣстъ»—«П-нъ и его соврем.», V, 75—81). Столько же «упраздненныхъ мѣстъ» считалъ и бывшій директоръ лицея Е. А. Энгельгардтъ: «шестеро подъ чернымъ крестомъ», писалъ онъ В. Д. Вольховскому въ 1836 г. (Н. Гастфрейндъ, «Товарищи Пушкина по Имп. Царскосельск. Лицею», I, 112). Предчувствіе не обмануло Пушкина, и слѣдующимъ въ роковой очереди пришлось быть ему самому. Особенно больна была Пушкину смерть Дельвига, и предчувствія собственной кончины съ этихъ поръ стали осаждать поэта, чѣмъ далѣе,— тѣмъ сильнѣе. Перешагнувъ за роковой рубежъ тридцати лѣтъ, Пушкинъ сталъ предаваться воспоминаніямъ; его стихи на лицейскія годовщины 1831 и 1836 г.г. — элегическіе обзоры прошлаго, въ которыхъ личныя переживанія сплетаются съ историческими событіями. «Печаль минувшихъ дней въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй; мой путь унылъ»,—сказалъ онъ недавно. Съ этихъ поръ его личная лирика рѣшительно принимаетъ элегическій тонъ.

Бѣлинскій (1841 г.) упомянулъ «Чѣмъ чаще празднуетъ»... въ числѣ лучшихъ новинокъ посмертнаго изданія («Сочин. Б.», изд. Венгерова, VI, 276).

---

684. КОГДА ВЪ ОБЪЯТІЯ МОИ.

(т. III, стр. 204).

Черновой набросокъ находится въ 2372-ой тетради Румянцевскаго музея, л. 66, и впервые былъ напечатанъ П. В. Анненковымъ въ VII т. его изданія «Сочин. П—на», стр. 43, подъ заглавіемъ «Отрывокъ» и съ датой 1831 г.; дополненія къ тексту даны въ «Русс. Архивѣ» 1881, III, 470, и «Русс. Стар.» 1884, авг., 315. За точность анненковской хронологіи поручиться трудно. Анненковъ (ib., 44) относитъ тетрадь, въ которой пьеса записана, къ 1830—1831 гг. Сама по себѣ тетрадь эта обнимаетъ большій промежутокъ, приблизительно 1828—1833 гг.; по содержанію стихотворенія, въ которомъ поэтъ говоритъ несомнѣнно о своихъ отношеніяхъ къ женѣ, видно, что оно не могло быть написано ранѣе 1831 г., и поэтому его

слѣдуетъ датировать менѣе точно: 1831—1833 гг. Анненковская же датировка объясняется, намъ кажется, слѣдующимъ. Въ рукахъ у Анненкова было письмо А. Н. Вульфъ къ Н. Н. Пушкиной 1831 г. «Когда та, говоря о старыхъ знакомыхъ своего мужа, шутливо намекнула на бывшую привязанность поэта къ Евпраксіи Николаевнѣ (Вульфъ),—вотъ что отвѣчала ей Анна Николаевна: «какъ вздумалось вамъ ревновать мою сестру, дорогой другъ мой? Если бы даже мужъ вашъ и дѣйствительно любилъ сестру, какъ вамъ угодно непремѣнно думать, настоящая минута не смываетъ ли все прошлое, которое теперь становится тѣнью, вызываемой однимъ воображеніемъ и оставляющей послѣ себя менѣе слѣдовъ, чѣмъ сонъ. Но вы — вы владѣете дѣйствительностью, и все будущее передъ вами» («П—нъ въ Александр. эпоху», стр. 280—281). Вѣроятно, Анненковъ связывалъ эти строки непосредственно съ стихотвореніемъ, которое считалъ вызваннымъ ими. Такая тѣсная связь намъ представляется сомнительною, но письмо А. Н. Вульфъ подтверждаетъ поэтическое показаніе Пушкина. Молодая жена не прощала Пушкину его любовнаго прошлаго и не вѣрила его искреннимъ и горячимъ признаніямъ. В. Я. Брюсовъ («Изъ жизни П—на» — «Нов. Путь», 1903, іюнь, 102) видѣлъ въ этомъ стихотвореніи доказательство равнодушія Н. Н. Пушкиной къ мужу. Между тѣмъ, оно свидѣтельствуетъ о ревности, т.-е. именно не о равнодушіи. Вообще Пушкина была ревнива, быть можетъ не изъ одной только женской гордости, и Пушкину не разъ приходилось успокаивать ее и оправдываться (см. нашу ст. «Ревность Н. Н. Пушкиной»—«Русс. Стар.», 1905, ноябрь, 421—425). Зная его донъ-жуанскую репутацію, къ тому же, какъ водится, раздутую молвой, она мало вѣрила его клятвамъ. Однако, онъ, вступая въ бракъ, дѣйствительно распрощался со всѣмъ прошлымъ. Кернъ писала: «онъ былъ серьезенъ, важенъ, какъ слѣдовало человѣку съ душою, принимавшему на себя обязанность счастливить другое существо» («П—нъ и его соврем.», V, 150). «Любовь въ бракѣ — говорилъ онъ—это верхъ человѣческаго достоинства въ любви» («Записки А. О. Смирновой», I, 307). «Пьеса не докончена, а между тѣмъ чего, кажется, еще не достаетъ для полноты этого поэтическаго выраженія идеальнаго порыва души: этой жажды возрожденія, являющейся отъ прикосновенія молодого и свѣжаго чувства къ увядающей душѣ?» (ст. И. Л. о VII томѣ изд. Анненкова въ «Библ. для Чт.» 1858 г., т. 147, № 2).

Пьеса положена на музыку Б. Шереметевымъ.

---

685. ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

(т. III, стр. 235).

Автографы «Онѣгина» находятся въ слѣдующихъ учрежденіяхъ и у слѣдующихъ лицъ. Въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, тетр. №№ 2366, 2368 - 2371, 2382,—черновики всѣхъ главъ (подробно описаны В. Е. Якушкинымъ въ «Русс. Стар.» 1884 г. и Л. И. Поливановымъ въ его изданіи «Соч. П—на», т. IV, изд. 3-е, М., 1901, стр. 160—162). Въ Имп. Публичной Библіотекѣ — четыре тетрадки, содержащія перебѣленный, но съ болѣе или менѣе значительными измѣненіями и дополненіями, текстъ 1, 2, 3 и 8-й главъ («Отчетъ» И. П. Б. за 1884 г., стр. 130—140), пріобрѣтенныя отъ П. В. Жуковскаго, сына поэта; переплетенная тетрадка, принадлежавшая когда-то П. А. Плетневу и заключающая въ себѣ тщательно переписанныя, съ незначительными поправками, 4 и 5 главы («Отчетъ» за 1885 г., стр. 83—84); отрывки изъ 7-й главы, вмѣстѣ съ нѣсколькими «выписками изъ альбома Онѣгина» въ бумагахъ А. А. Краевскаго («Отчетъ» за 1889 г., стр. 52—53), восемь черновыхъ листковъ описанія путешествія Онѣгина («Отчетъ» за 1898 г., стр. 145—146; «Русс. Стар.» 1888, янв., 236—238). Въ Пушкинскомъ музеѣ при Имп. Александровскомъ лицеѣ — перебѣленныя, съ поправками, первыя четыре строфы 8-й главы, 9-ой въ первоначальной редакціи («Рукописи П—на. I. Автографы П—скаго музея II. Алекс. Лицея», вып. 1, изд. князя Олега Константиновича, СПб., 1911, снимки). Въ библіотекѣ Имп. академіи наукъ — бѣловая рукопись первой главы, копія чужой руки, но съ поправками и передѣлками автора, которымъ собственноручно написаны также посвященіе, заглавіе, пять страницъ текста въ началѣ и двѣ въ концѣ (П—нъ и его соврем.», II, 1—7); въ майковскомъ собраніи рукописей Пушкина отрывки изъ главъ 1, 7, 8 и уничтоженной 10-ой («П—нъ и его соврем.» IV, стр. 10—11, № 37; стр. 15, № 57; стр. 28, № 15; Альбомъ Петерб. Пушкинс. выставки 1899 г., каталогъ, №№ 37, 38). Въ парижскомъ собраніи А. Ѳ. Отто («Онѣгина»)—отрывки изъ 7 и 8 главъ и описанія путешествія Онѣгина («П—нъ и его соврем.» XII, стр. 14, 16, 20, 22, №№ 25, 34, 52, 55; въ «В. Европы» 1883 г., янв., г. Отто заявлялъ, что у него имѣются автографы 1, 3 и 8 главъ, но ихъ въ его собраніи теперь нѣтъ, — это, очевидно, тѣ самыя рукописи, которыя были проданы Публ. Библіотекѣ П. В. Жуковскимъ). Въ Берлинской Королевской библіотекѣ — черновикъ II строфы 7-ой главы («Русс. Стар.» 1893, янв., 222—223). У П. М. Раевскаго, въ семейномъ архивѣ, — отрывки изъ 3-ей главы («П—нъ и его соврем.», II, 17—19). У И. А. Шляпкина—отрывки изъ «Альбома Онѣгина» и 8-ой главы и листокъ, на которомъ Пушкинъ бѣгло изложилъ хронологію «Онѣгина» (Шляпкинъ, «Изъ неизд. бумагъ П—на», СПб., 1903, стр. 5—6, 15, 23, 24—25, 46). У великаго князя Константина Константиновича имѣется экземпляръ переплетенныхъ вмѣстѣ, порознь изданныхъ 1—6 главъ съ проклеенными между страницами листками бѣлой бумаги, на которыхъ есть собственноручныя поправки Пушкина (Альбомъ Петерб. Пушкинс. выставки 1899 г., каталогъ, № 121; «Міръ Божій» 1899, № 6, отд. II, стр. 33). У графа С. Д. Шереметева—какой-то отрывокъ и вся 2 глава, присланная Пушкинымъ въ 1825 г. кн. П. А. Вяземскому («П—нъ и его соврем.», VIII, стр. VIII). Черновикъ сведенныхъ вмѣстѣ, вѣроятно для перваго отдѣльнаго изданія «Онѣгина», примѣчаній съ нѣсколькими поправками текста, опубликованный В. Я. Брюсовымъ («Письма П—на и къ П—ну», М., 1903, стр. 138—151), находился, кажется, у П. И. Бартенева.

Не лишены значенія для исторіи текста «Онѣгина» нѣкоторыя копіи, принадлежавшія современникамъ Пушкина, — напр., выписки кн. В. Ѳ. Одоевскаго, сохранившіяся въ бумагахъ П. А. Плетнева (Я. К. Гротъ, «П—нъ, его лицейскіе товарищи и наставники», изд. 2-ое, СПб., 1899, стр. 154—158); списокъ 2-ой главы, принадлежа-

СТАТУЭТКА ТЕРЕБЕНЕВА.
(1837).

вшій П. П. Каверину (Ю. Н. Щербачевъ, «Пріятели П-на М. А. Щербининъ и П. П. Каверинъ», М., 1913, стр. 155—158).

Пушкинъ издавалъ «Онѣгина» отдѣльными главами и болѣе или менѣе цѣльными отрывками. Главы выходили въ слѣдующемъ порядкѣ. 1-ая, съ посвященіемъ брату Льву Сергѣевичу, предисловіемъ и «Разговоромъ книгопродавца съ поэтомъ», вышла въ 1825 г.; 2-ая—въ 1826 г.; 3-я—въ 1827 г. съ слѣдующимъ предисловіемъ: «первая глава «Евгенія Онѣгина», написанная въ 1823 г., появилась въ 1825 г. Спустя два года издана вторая. Эта медленность произошла отъ постороннихъ обстоятельствъ. Отнынѣ изданіе будетъ слѣдовать въ безпрерывномъ порядкѣ: одна глава тотчасъ за другою». Въ 1828 г. вышли одной книжкой главы 4 и 5, съ посвященіемъ П. А. Плетневу; существуютъ особые экземпляры этого изданія съ нѣкоторыми текстуальными отличіями въ 5 главѣ (В. В. Никольскій, «Къ библіографіи Е. О.»—«Россійск. Библіографія» 1881 г., 15 окт., № 95 (19), стр. 409 — 410, и «Идеалы П—на», изд. 4-ое, СПб., 1899, стр. 143—148). Въ томъ же году появилась 6-ая глава. 7-ая вышла въ 1830 г., 8-ая—въ 1832 г., съ предисловіемъ: «Пропущенныя строфы»... и т. д. (см. т. III наст. изд., стр. 315). Вторыми изданіями вышли 1-ая глава—въ 1829 г., и 2-ая — въ 1830. Полное изданіе романа вышло въ 1833 г., безъ посвященія брату, безъ «Разговора книгопродавца съ поэтомъ», съ перенесеніемъ посвященія Плетневу въ примѣчанія, съ прибавленіемъ «Отрывковъ изъ путешествія Онѣгина», которымъ предшествуетъ объясненіе, заключающее въ своемъ составѣ предисловіе къ 8 главѣ. Слѣдующее полное изданіе появилось въ 1837 г., въ день смерти поэта, съ посвященіемъ Плетневу передъ началомъ романа (а не предъ 4—5 главами, какъ прежде). Отрывки изъ «Евгенія Онѣгина» Пушкинъ помѣстилъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1825 г., стр. 280 — 281, — строфы VII—X 2-ой главы; на 1826 г., «Поэзія», 56—62,—строфы XXIV—XXIX, XXXVII — XL той же главы; на 1827 годъ, стр. 221—224,—«Письмо Татьяны», и стр. 282—284—«Ночной разговоръ Татьяны съ няней» изъ 3 главы; послѣдній отрывокъ долженъ былъ появиться въ альманахѣ «Звѣздочка» въ 1826 г., но альманахъ не вышелъ (см. «Русс. Арх.» 1869 г., ст. 058, и «Русс. Стар.» 1883, іюль, 60—61). Въ «Московск. Вѣстникѣ» 1827 г., ч. 2, № VI, 113 — 118, — отрывокъ «изъ 7 главы» (потомъ изъ путешествія) «Одесса» (перепечат. въ «Одесс. Вѣстн.» того же года, № 30); ч. 5, № XX, 365 — 367, — отрывокъ изъ 4 главы (строфы I — IV, потомъ отброшенныя) «Женщины»; 1828 г., ч. 7, № I, 5—12,—отрывокъ изъ 7 главы «Москва» (оставшись недоволенъ опечатками «Моск. Вѣстн.», Пушкинъ перепечаталъ его въ «Сѣверной Пчелѣ» 1828 г., № 17), и № II, 148 — 150, — отрывокъ «Альбомы» изъ 4 главы (строфы XXVII—XXX). Въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1830 г., «Поэзія», 4—6,—отрывокъ изъ 7 главы (строфы I—IV). Въ «Литературной Газетѣ» 1830 г., № 1, стр. 2 — 3, — отрывокъ изъ 8 главы (потомъ—путешествія Онѣгина) «Прекрасны вы, брега Тавриды» (почти четыре строфы), и стр. 8,—цитата изъ 7 главы (стр. XXII) въ замѣткѣ объ «Адольфѣ» Бенж. Констана (см. т. IV настоящ. изд., стр. 537, № 887).

Вскорѣ послѣ смерти Пушкина началось до сихъ поръ не закончившееся изученіе и опубликованіе черновиковъ и первоначальныхъ редакцій различныхъ частей романа. Первые отрывки появились въ «Современникѣ» 1838 г., т.т. XI и XII, и были перепечатаны въ посмертн. изд. «Соч. П.», т. IX, 1841 г., стр. 187—192, 458—463 (см. изд. Анненкова, IV, 230). Многое сообщилъ П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи (т. I, «Матеріалы», 1855 г., стр. 39—40, 47, 72—73, 229, 323—342; т. VII, 1857 г., ч. I, 74 — 75). Одинъ изъ напечатанныхъ Анненковымъ въ VII т. отрывковъ опубликовалъ со словъ С. А. С.[оболевскаго] М. Н. Лонгиновъ въ «Современникѣ», т. LVIII, 1856 г., отд. V, стр. 11. Одно дополненіе было напечатано въ «Библіографич. Запискахъ», т. I, 1858 г., ст. 351. Изъ черновой рукописи примѣчаній къ роману, вѣроятно той, которую впослѣдствіи описалъ Брюсовъ, Я. К. Гротъ напечаталъ въ «Русс. Архивѣ» 1865, ст. 1354, одно примѣчаніе. П. А. Ефремовъ внесъ въ третье изд. Я. А. Исакова, т. III, СПб., 1880, дополненія и поправки по автографу 2 главы, принадлежавшему князю П. А. Вяземскому (см. ib., 439). Разныя выдержки изъ автографовъ Румянцевскаго музея были помѣщены П. И. Бартеневымъ въ «Русс. Арх.» 1881, I, 221—232 (перепечат. въ сборн. «Бумаги П—на», вып. I, М., 1881, 133—144); III, 468; 1884, III, 199 (перепеч. въ сборн. «Къ біографіи П—на», вып. II, М., 1885, стр. 108); опубликованныя въ 1881 г. П. А. Ефремовъ включилъ въ свое слѣдующее изданіе (Ѳ. Анскаго, т. III, М., 1882). Другіе варіанты и дополненія сообщилъ А. Отто въ «Вѣстн. Европы» 1883 г., № 1. Отрывки изъ автографовъ Публичн. Библіотеки появились въ «Отчетѣ» ея за 1884 г. (см. выше). Много ихъ извлекъ изъ румянцевскихъ рукописей и напечаталъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г. В. Е. Якушкинъ. Тамъ же, 1888 г., янв., 231—258, А. Ѳ. Бычковъ опубликовалъ съ автографовъ Публ. Библіотеки черновики описанія путешествія Онѣгина, послѣдняя строфа котораго появилась въ «Русс. Архивѣ» 1887 г. (см. ниже). Въ «Отчетѣ» Публ. Библ. за 1889 г. (см. выше) появились выдержки изъ набросковъ, сохранившихся въ бумагахъ Краевскаго. Въ «Русс. Стар.» 1893 г. (см. выше) И. А. Шляпкинъ опубликовалъ набросокъ, находящійся въ Берлинской Библіотекѣ. Я. К. Гротъ (см. выше) напечаталъ выписки кн. Одоевскаго. Затѣмъ послѣдовали сообщенія И. А. Шляпкина («Изъ неизд. бумагъ»..., см. выше), Б. Л. Модзалевскаго (изъ архива П. М. Раевскаго, см. выше), В. И. Срезневскаго (описаніе тургеневской рукописи 1 главы, см. выше), В. Я. Брюсова (см. выше), П. О. Морозова (фрагменты 10 главы, изъ майковскаго собранія,—«П—нъ и его соврем.», XIII, 1—12, см. выше, стр. 212 — 215, № 1068, гдѣ приведены дополненія наши), Н. О. Лернера («Сѣверныя Записки» 1913, апр., 119 — 122). Много наблюденій надъ рукописями у П. А. Ефремова (изд. Суворина, 1903—1905 г.г., т.т. IV и VIII) и П. О. Морозова (изд. «Просвѣщ.», т. IV). Особенное значеніе имѣетъ текстъ перваго полнаго изданія (1833 г.), который издатели должны считать основнымъ, хотя и къ нему нельзя относиться безъ критики. Въ библіографическомъ и историко-литературномъ отношеніи заслуживаютъ вниманія изданія, редактированныя В. Е. Якушкинымъ (изд. Общества любит. российск. словесн. при московск. унив., 1887) и Л. И. Поливановымъ (въ IV т. его изд. «Соч. П—на»).

«Насъ теперь поражаетъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» цѣльность и выдержанность его основы — замѣчаетъ В. Е. Якушкинъ (назв. изд., 304), — судьба героя намъ кажется такою естественною,

такою неизбѣжною; намъ кажется, что романъ основанъ на строго и заранѣе обдуманномъ планѣ; а между тѣмъ этого вовсе не было... Въ предпослѣдней строфѣ 8 главы Пушкинъ такъ вспоминаетъ время, когда онъ только принялся за Онѣгина: «Промчалось много, много дней съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна и съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ явилися впервые мнѣ, и даль свободнаго романа я сквозь магическій кристаль еще неясно различалъ». И это не преувеличеніе. Изъ черновыхъ набросковъ мы знаемъ, что поэтъ, напр., хотѣлъ сначала заставить Онѣгина сразу влюбиться въ Татьяну; что онъ думалъ изобразить, какъ Москва сейчасъ же замѣчаетъ Татьяну; что поѣздку Лариныхъ въ Москву онъ хотѣлъ рѣшить еще въ третьей главѣ, а не въ седьмой; что на своихъ именинахъ Татьяна, по первоначальной мысли поэта, падала въ обморокъ, и т. п.». Первоначально въ концѣ 6 главы (изд. 1828 г.) значилось: «конецъ первой части», — очевидно, предполагались двѣ части. Потомъ Пушкинъ рѣшилъ раздѣлить романъ на три части, но, наконецъ, отказался отъ всякаго дѣленія. Отрывокъ «Одесса» онъ помѣстилъ въ «Московск. Вѣстн.» съ подзаголовкомъ: «Изъ седьмой главы Евгенія Онѣгина»,—между тѣмъ, въ окончательной редакціи седьмой главы этихъ стиховъ нѣтъ. О намѣреніи раздѣлить романъ на три части свидѣтельствуетъ набросанная Пушкинымъ 26 сентября 1830 г. программа (подлинникъ у И. А. Шляпкина, напечат. не совсѣмъ точно Анненковымъ въ «Матеріалахъ для біогр. П—на», 1855 г., стр. 227, и исправно Шляпкинымъ, «Изъ неизд. бумагъ П—на», стр. 46 со снимкомъ; см. въ исторіи текста). Въ этой программѣ 8 глава названа «Странствіе», а послѣдняя, 9-ая,—«Большой свѣтъ», но 8 глава была отброшена и отъ нея остались лишь, въ видѣ приложенія, «Отрывки изъ путешествія Онѣгина», 9-ая заняла мѣсто 8-й; въ 1830 г. писалась уже и десятая (см. примѣч. къ № 1068; ср. примѣч. къ №№ 720—726). Программа Пушкина не совсѣмъ точна въ хронологическихъ датахъ, но въ ней обозначены мѣста, гдѣ каждая глава создавалась, что, въ связи съ нѣсколькими помѣтами времени въ рукописяхъ и упоминаніями въ письмахъ, даетъ довольно полныя хронологическія свѣдѣнія о томъ, какъ росъ «Онѣгинъ».

«Строфы Онѣгина», по правильному наблюденію Анненкова, «писались въ-разбивку и ложились въ естественный свой порядокъ уже по окончаніи каждой главы. Этимъ обстоятельствомъ изъясняется множество пропущенныхъ строфъ въ Онѣгинѣ, обозначенныхъ только римскими цифрами. Нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно были выкинуты, но немало есть и такихъ, которыя совсѣмъ не были написаны, а если и существовали, то единственно въ памяти поэта... Несмотря на извѣстный перерывъ (выпущенную главу), нѣтъ признаковъ насильственнаго сцѣпленія разсказа въ романѣ, нѣтъ мѣста, включеннаго для механической связи частей его» («Матер. для біогр. П—на», 226—230).

«Днемъ рожденія» своего «Онѣгина» поэтъ, какъ видно изъ упомянутой программы, считалъ 9 мая 1823 г. Въ черновой рукописи (Румянц. муз., № 2369, л. 4_2) надъ первой строфою романа находятся двѣ даты: «9 мая» и «28 мая ночью» (наблюденіе П. Е. Щеголева въ «П. и его соврем.», XIII, 164—165); первая, въ виду ея совпаденія съ датой программы, должна быть признана относящейся къ «Онѣгину»; вторая же, можетъ быть, и не относится къ нему. Эта датировка изслѣдователями передавалась неточно. Такъ, Бартеневъ («Русс. Арх.» 1881, I, 221) привелъ только одну помѣту: «28 мая ночью»; В. Е. Якушкинъ («Русс. Стар.» 1884, іюнь, 552, и изд. Общ. люб. р. слов., 306) прочиталъ «9 іюня—28 мая ночью». П. О. Морозовъ въ изд. Лит. фонда привелъ 28 мая, а въ изд. «Просвѣщ.» (IV, 6) предположилъ, что 9 іюня есть то же 28 мая по новому стилю. Л. И. Поливановъ («Когда начатъ Онѣгинъ?»—см. его изд. «Соч. П.», т. IV, изд. 3-е, стр. 179) пытался объяснить противорѣчіе между «9 іюня» и «28 мая» — «поспѣшностью Пушкина при справкахъ съ тетрадями, а именно: составляя свой листокъ со счетомъ годовъ, мѣсяцевъ и дней, употребленныхъ на Онѣгина, Пушкинъ, очевидно, желая взглянуть день начала Онѣгина, справился съ тетрадью № 2369 и изъ двойной помѣты этого начала соединилъ число первой даты (9) съ мѣсяцемъ (май) второй даты и записалъ: «9 мая». Якушкинъ (назв. изд.) принялъ 28 мая. П. А. Ефремовъ въ двухъ первыхъ своихъ изданіяхъ (1880 и 1882) принялъ 9 мая, а въ послѣднемъ (т. VIII, 1905 г., стр. 472) цитировалъ якушкинскую дату, не высказывая собственнаго мнѣнія. Несмотря на всю неопровержимость указаній Пушкина (въ программѣ, въ письмахъ, въ черновикахъ, въ предисловіи къ отдѣльному изданію 3 главы), что 1 глава написана въ 1823 г., П. Бартеневъ (l. c.), Якушкинъ (назв. изд.) и Морозовъ (въ изд. Лит. фонда) датировали ее 1822 г.,— очевидно потому, что на внутренней сторонѣ передней доски переплета тетради, въ которой находится она, имѣется надпись: «27 мая 1822 Кишиневъ, Pouschkin, Alexeef, Пушкинъ», а также потому, что подъ черновыми стихами, соотвѣтствующими XXXIII строфѣ 1 главы, въ другой музейной тетради, № 2366, л. 13-об., будто бы есть дата 16 августа 1822 г., какъ указалъ Якушкинъ («Русс. Стар.» 1884, май, 331). Л. И. Поливановъ (назв. статья, 178, 179) такъ же прочиталъ эту дату, но рѣшилъ, что въ годѣ— описка, и должно быть не 1822, а 1823. «Эта строфа, въ этой тетради два раза появляющаяся, отсутствуетъ въ правильномъ рядѣ строфъ 1 главы (въ тетради № 2369). Кромѣ того, является здѣсь, въ тетради № 2366, не только эта строфа «Онѣгина», но на листѣ 14 и стихотвореніе «Ты, сердцу непонятный мракъ»... (которымъ начинается тетрадь № 2369), и притомъ тотчасъ послѣ упомянутой строфы Е. О. Оба отрывка, очевидно, внесены въ старую тетрадь, гдѣ оставались страницы незаписанныя, и ясно почему: заглавіе, приготовленное въ ней для «Тавриды», занимаетъ страницу (13-го листа), оборотъ ея оставался бѣлымъ; далѣе слѣдовало два листа, изъ коихъ на первомъ (14-мъ) — начало программы «Тавриды» (прозаическій набросокъ, тождественный съ послѣдующимъ началомъ стиховъ этой поэмы, и рисунокъ (женщины, плачущей подъ деревомъ), а на второмъ (оборотъ 15-го листа)—фигура рыцаря. Самый текстъ поэмы начинается послѣ этихъ двухъ измаранныхъ листовъ, уже на 16-мъ листѣ. Очевидно, что Пушкинъ въ 1823 г. внесъ на эти незаписанныя страницы свои наброски: XXXIII строфу и отрывокъ... Описка даты 16 августа 1822 г. естественна въ тетради, гдѣ на оборотѣ листа стоитъ подъ заглавіемъ «Таврида» этотъ старый годъ: 1822. Во всякомъ случаѣ, это предположеніе легче допустить, нежели 1) что Пушкинъ, составляя счетъ числа дней, посвящен-

ныхъ Е. О., сдѣлалъ ошибку въ годѣ; 2) что совершенно случайно отсутствуетъ именно XXXIII строфа въ ряду строфъ XXVIII—XXXII и... XXXIV (въ тетради № 2369), отличающихся такимъ порядкомъ и примыкающихъ къ письму 1823 г. (кн. Вяземскому); 3) что совершенно случайно въ тетради № 2366 находятся только двѣ строфы Е. О.: а тамъ дѣйствительно только и находятся упомянутая XXXIII строфа и часть сосѣдней съ нею XXXIV строфы (на л. 34-об.), притомъ верхомъ внизъ и вмѣстѣ съ черновымъ письмомъ Бестужеву 13 іюня 1823 г. (на л. 35 и 36-об.) — новое доказательство, что поэтъ въ 1823 г. обращался къ этой старой тетради» (Ср. Л. Поливановъ, «Демонъ П — на» — «Русс. Вѣстн.» 1886, авг., 845). П. Морозовъ въ изданіи Литерат. фонда принялъ дату «16 августа 1822 г.», а въ изд. «Просвѣщ.», со ссылкой на Поливанова,—«16 августа 1823 г.». П. Е. Щеголевъ («П—нъ и его соврем.», XIV, 171—176) отстаиваетъ дату 16 августа 1822 г.: «должно принять, что стихи, занесенные въ тетради 2366 на л. 13-об., вписаны туда дѣйствительно 16 августа 1822 г., значитъ— до обращенія Пушкина къ работѣ надъ «Онѣгинымъ» и, можетъ быть, задолго до возникновенія самаго замысла романа и, слѣдовательно, не имѣя никакого отношенія къ «Онѣгину», представляютъ произведеніе самостоятельное... А когда Пушкинъ писалъ 1 главу «Онѣгина», онъ воспользовался этими стихами и внесъ ихъ въ свой романъ. Вотъ самое естественное предположеніе... Помѣта 16 августа 1822 года не есть описка». Между тѣмъ, въ рукописи такой помѣты не существуетъ вовсе. Рядомъ съ стихами на 13_2 л. 2366 тетради приписано: «16 avr.» (т.-е. avril), безъ означенія года, такъ какъ другими чернилами и другимъ пріемомъ почерка кругомъ всей страницы написаны цифры годовъ съ 1811 до 1825, а также 1830, изъ которыхъ близко къ датѣ «16 avr.» стоятъ, хотя вовсе къ ней не относятся, цифры 1822 и 1824 (Н. Лернеръ въ «Современникѣ» 1911, апр., 360), и нельзя поручиться даже за то, что помѣта «16 avr.» относится къ данному наброску, а приводимыя Поливановымъ доказательства, что Пушкинъ въ 1823 г. обратился къ прежней тетради, болѣе вѣски, чѣмъ соображенія П. Щеголева въ пользу какого-то самостоятельнаго замысла, лишь отчасти пригодившагося для «Онѣгина». Окончена же первая глава 22 октября 1823 г. (Рум. муз., № 2369, л. 22). 2 глава принадлежитъ тому же году: «писано въ 1823 году», сказано на 5 стр. отдѣльнаго изданія ея. Начата она приблизительно въ концѣ октября; помѣчена подъ XVI стр.—1 ноября, подъ XVII—XVIII—3 ноября, подъ XL, послѣдней, — 8 декабря 1823 г. (ibid., лл. 29_2, 30_2, 41_2). 3 глава начата 8 февр. 1824 г. (ib., л. 48_2), XXXIV стр. помѣчена 5 сент. 1824, окончена 2 окт. 1824 г. (Рум. муз., № 2370, лл. 11_2, 20). 4 глава носитъ помѣты: при XXIII стр.—31 дек. 1824 г. и 1 янв. 1825, послѣ XLII стр.—2 янв. 1826, послѣ LI—3 янв. (ib., лл. 52, 77—79), хотя еще въ первой половинѣ сентября 1825 г. Пушкинъ писалъ Катенину, что кончилъ 4 главу. Глава 5-ая начата 4 янв. 1826 г. (ib., л. 79_2) и въ томъ же году окончена. 6-ая глава написана въ 1826—1827 гг.; при XLIII—XLV стр. помѣта 10 авг. [1827 г.] (Рум. муз., № 2368, л. 24). 7-ая глава написана въ 1827—1828 гг.; передъ XII стр. помѣта — 19 февраля (Рум. муз., № 2371, л. 5); окончена 4 ноября 1828 г. («Матеріалы» Анненкова, 212). 19 декабря 1827 г. Пушкинъ написалъ посвященіе Плетневу (см. «Труды и дни П—на» изд. 2-ое, стр. 165). Къ седьмой главѣ относится «Альбомъ Онѣгина», гдѣ есть помѣта: 5 авг. [1828] (Рум. муз., № 2371, л. 9). 8 главу, наполовину уничтоженную («Странствіе»), Пушкинъ въ программѣ датировалъ 1829 г.; въ одной рукописи (Рум. муз., № 2382, лл. 100_1—98_1) находимъ помѣту: «2 октября» [1829 г.]; но нѣсколько строфъ («Одесса»), вошедшихъ потомъ въ «Отрывки изъ путешествія Онѣгина», Пушкинъ напечаталъ въ 1827 г., что дало Анненкову поводъ предположить («Матер.», 229), что «Странствіе Онѣгина, можетъ быть, написано еще въ 1826 г.». Вчитываясь въ черновыя строфы описанія Одессы, находящіяся въ тетради Румянцевс. музея № 2370, лл. 65—68, мы замѣтили («Сѣв. Записки» 1913, апр., 119—120) слабость, быть можетъ совершенное отсутствіе связи этихъ стиховъ съ романомъ. Тетрадь № 2370 была начата еще въ Одессѣ и продолжалась въ Михайловскомъ и позднѣе. Значительная часть ея посвящена «Евгенію Онѣгину», но она относится еще къ тому времени, когда путешествіе Онѣгина и заѣздъ его въ Одессу еще не возникали въ головѣ Пушкина. «Одесскимъ» страницамъ въ рукописи предшествуютъ и за ними слѣдуютъ черновики четвертой главы романа; въ самыхъ же наброскахъ описанія Одессы нельзя усмотрѣть ни малѣйшаго намека на связь ихъ съ «Онѣгинымъ». Онѣгинскимъ размѣромъ, типичными строфами любимаго романа, Пушкинъ просто набрасывалъ свои воспоминанія объ Одессѣ. Это было никакъ не позже 1827 года и, вѣроятно, даже раньше, въ 1826 или 1825 г., а впослѣдствіи, отдѣлывая «Странствіе», Пушкинъ включилъ въ него эти строфы. Послѣдняя строфа («И берегъ Сороти отлогій»...) датирована 18 сентября 1830 г. («Труды и дни П—на», изд. 2-ое, стр. 220; напечат. въ «Русс. Арх.» 1887, I, 147—148; 1893, III, 255; см. ib., 378—379; 1894, II, 304; мѣсто ея въ романѣ указано послѣднимъ изданіемъ Ефремова). 9 глава, потомъ занявшая мѣсто 8-ой, начата 24 декабря 1829 г. (Румян. муз., № 2382, л. 25_3), а кончена 25 сентября 1830 г., какъ значится въ рукописи (Анненковъ, «Матер.», 228, 308; «П—нъ и его соврем.», IV, 11) и въ составленной на другой день, 26 сентября 1830, программѣ романа; черезъ годъ Пушкинъ вставилъ въ нее «Письмо Онѣгина къ Татьянѣ», помѣченное 5 октября 1831 г. (Анненковъ, «Матер.», 228, 308, 318; «П—нъ и его соврем.», IV, 10—11). 21 ноября 1830 г. написано «Предисловіе къ Евгенію Онѣгину» (Румян. муз., № 2387-Б., л. 62; въ настоящ. изд., т. III, 205— снимокъ; см. въ т. V наст. изд., стр. 425—«У насъ довольно трудно»...), которое авторъ хотѣлъ было предпослать задуманному изданію 8 и 9 главъ вмѣстѣ. Въ 1830 же году писалась и 10 глава. Не довѣряя программѣ Пушкина, Якушкинъ временемъ начала и конца романа считалъ «28 мая 1822—3 октября 1831», а Морозовъ сократилъ этотъ срокъ ровно на годъ (начало — 1823 г.). Между тѣмъ, Пушкинъ былъ правъ. «Онѣгинъ» создавался отъ 9 мая 1823 г. до 25 сентября 1830 (позднѣйшая вставка, «Письмо Онѣгина», въ счетъ этого сплошного срока, конечно, не можетъ входить); вѣренъ и вычисленный имъ ариѳметическій итогъ: «7 лѣтъ, 4 мѣсяца, 17 дней». Въ пьесѣ «Трудъ» роману подведенъ поэтическій итогъ, грустный и торжественный.

ПУШКИНЪ.

Чугунные бюстики со статуэтки Теребенева 1837 г.

686. НѢТЪ, Я НЕ ДОРОЖУ МЯТЕЖНЫМЪ НАСЛАЖДЕНЬЕМЪ...

(т. III, стр. 331).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые она была напечатана въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 г., № 7, ст. 203, по списку, сообщенному П. А. Ефремовымъ («Сочин. П-на», изд. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 341), съ отнесеніемъ къ 1830 г. Въ этомъ спискѣ, по необходимости имѣющемъ значеніе первоисточника, пьеса датирована 19 января 1832 г., что указано П. А. Ефремовымъ («Соч. П.», изд. 1880 г., III, 253, 442).

Если эта дата вѣрна, а сомнѣваться въ ней мы не имѣемъ основаній, то пьеса должна быть отнесена къ женѣ поэта. Тогда это была единственная женщина, владѣвшая всѣми мыслями Пушкина (см. примѣч. къ № 727), да и по тону и содержанію пьесы видно, что рѣчь въ ней идетъ объ отношеніяхъ супруговъ. «Вакханкѣ» Пушкинъ противопоставляетъ свою «Мадону». Только вдохновенное пушкинское слово могло такъ цѣломудренно-нѣжно коснуться самой интимной стороны брака. «Стихотвореніе крайне свободное и ясное до того, что только Пушкинъ могъ себѣ позволить такую вещь», говоритъ К. Н. Леонтьевъ («Въ своемъ краю», гл. XV—«Отечеств. Записки»,

т. CLV, отд. I, стр. 49). Въ 1908 г. П. И. Бартеневъ разсказалъ пишущему эти строки, что, когда онъ прочиталъ стихотвореніе С. Т. Аксакову, степенный С. Т. «поблѣднѣлъ отъ восторга»: «Боже, какъ онъ объ этомъ разсказалъ!» Пушкинъ одинъ имѣлъ право на такую смѣлость. Стоитъ вспомнить его «Платоническую любовь», которую, по выраженію А. И. Тургенева, «первой стыдливости читать можно» (см. т. I, № 192). Въ черновикѣ посланія къ А. А. Шишкову (Русс. Стар.» 1884, мартъ, 647) Пушкинъ недаромъ говоритъ, что «пѣлъ любви невинное начало, но такъ таинственно, съ такимъ разборомъ словъ, съ такою скромностью стыдливой, что, не краснѣя боязливо, меня бы выслушалъ и дѣвственный К[атонъ]»... Поэтическое признаніе Пушкина проливаетъ нѣкоторый свѣтъ въ самый потаенный уголъ его семейной жизни. «Развѣ не страшно—говоритъ В. Я. Брюсовъ («Изъ жизни Пушкина»—«Нов. Путь» 1903, іюнь, 102)—думать о тѣхъ «долгихъ моленіяхъ», съ которыми Пушкинъ долженъ былъ обращаться къ своей женѣ, прося ея ласкъ, о томъ, что она отдавалась ему «нѣжна, безъ упоенья», «едва отвѣтствовала» его восторгу и дѣлила, наконецъ, его пламень лишь поневолѣ!» Г. Брюсовъ видитъ здѣсь доказательство того, что Н. Н. Пушкина вообще была чужда своему мужу. Между тѣмъ, это признаніе говоритъ, самое большее, лишь о физіологическомъ несоотвѣтствіи супруговъ въ извѣстномъ отношеніи, о холодности сексуальнаго темперамента молодой женщины. О послѣднемъ свидѣтельствуетъ самый типъ «торжественной красы» Пушкиной, ея «меланхолическое и тихое выраженіе», подмѣченное умной графиней Фикельмонтъ: «у Пушкина видны всѣ порывы страстей, у жены—вся меланхолія отреченія отъ себя». Такъ же рисуются намъ супруги Пушкины въ другомъ стихотвореніи, посвященномъ Натальѣ Николаевнѣ: «Когда въ объятія мои...» (см. примѣч. къ № 684). И, какъ это часто бываетъ, именно холодность жены возбуждала чувственность супруга, доставляя ему «мучительное» наслажденіе, сопровождавшееся сознаніемъ трудно доставшейся побѣды. «Язва лобзаній» напомнила Ѳ. Е. Коршу («Разборъ вопроса о подлинности окончанія «Русалки» П-на по записи Д. П. Зуева», СПб., 1898, стр. 267) «язвительныя лобзанія» Заремы въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ». С. Любомудровъ («Античные мотивы въ поэзіи П-на», изд. 2-ое, СПб., 1901, стр. 27—29) оцѣнилъ «необыкновенную прелесть и нѣжность» этого стихотворенія: «грація, изящество, нѣжность эроса неподражаема», а пластичностью формы оно напомнило критику Шенье.

---

687. ВЪ ТРЕВОГѢ ПЕСТРОЙ И БЕЗПЛОДНОЙ...

(т. III, стр. 331).

Черновой автографъ пьесы находится въ одной изъ тетрадей Пушкина, хранящейся въ Имп. Публичной Библіотекѣ (см. ея Отчетъ за 1889 г., стр. 55; «Соч. П—на», изд. «Просвѣщ.», II, 529—530), а бѣловой—въ хранящемся въ Парижѣ, у А. Ѳ. Опѣгина (Отто), альбомѣ А. О. Смирновой, на 1-й стр., гдѣ Пушкинъ написалъ: «Историческія записки А. О. С***» и т. д., а внизу поставилъ дату: «18 марта 1832» («П—нъ и и его соврем.» XII, 24—25). «Въ 1832 г.—разсказывала А. О. Смирнова («Русс. Архивъ», 1871, ст. 1882)—Александръ Сергѣевичъ приходилъ всякой день почти ко мнѣ, также и въ день рожденія моего принесъ мнѣ альбомъ и сказалъ: «вы такъ хорошо разсказываете, что должны писать свои Записки» и на первомъ листѣ написалъ стихи: «Въ тревогѣ пестрой и безплодной...» и пр.» Впервые пьеса появилась въ «Отечеств. Запискахъ» 1840 г., т. XII, отд. III, 229, подъ заглавіемъ «Въ альбомъ» (у Анненкова, «Сочин. П.» 1855 г., III, 24, не вѣрно указано число 16 марта).

Александра Осиповна Смирнова, въ дѣвичествѣ Россетъ, родилась въ Одессѣ въ 1809 г., въ 1826 г. окончила съ шифромъ курсъ Екатерининскаго института (гдѣ русскую словесность преподавалъ другъ Пушкина П. А. Плетневъ) и въ томъ же году была назначена фрейлиной къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, а съ 1828 г.—къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Дружба съ Плетневымъ и съ семьей Карамзиныхъ сблизили ее съ Жуковскимъ, Александромъ Тургеневымъ, кн. П. А. Вяземскимъ, Пушкинымъ. Особенно подружилась она съ Пушкинымъ въ 1831 г., когда поэтъ съ молодой женою проводилъ лѣто въ Царскомъ Селѣ, гдѣ находился Дворъ. Пушкинъ, уже упоминавшій о ней въ пьесѣ 1828 г. «Ея глаза» (см. примѣч. къ № 529), читалъ ей свои стихи и находилъ, что «она чрезвычайно мила, умна» (письмо къ Вяземскому 3 сент. 1831); вскорѣ она была для него «вѣстницею славы»—сообщила о паденіи мятежной Варшавы (см. примѣч. къ № 681). Въ 1832 г. вышла замужъ за камеръ-юнкера Н. М. Смирнова (1809—1870; его воспоминанія о Пушкинѣ напечатаны въ «Русс. Архивѣ», 1882, I, 229—239). Пушкинъ былъ въ дружбѣ съ ея братьями Клементіемъ и Аркадіемъ Россетами; первый едва не былъ его секундантомъ въ поединкѣ съ Дантесомъ; разсказы второго о Пушкинѣ помѣщены въ «Русс. Архивѣ» 1882, I, 245—248. Умная, изящная, блестяще образованная, Смирнова была душою кружка, въ которомъ царилъ Пушкинъ и постоянными членами котораго были Гоголь, Жуковскій, Вяземскій. Ей не разъ случалось ходатайствовать за русскую литературу у царя Николая Павловича. «Всѣ мы—вспоминалъ о ней Вяземскій («Старая записная книжка»—«Сочин.», VIII, 233—235)—болѣе или менѣе были военнопленными красавицы; кто болѣе или менѣе уязвленный, но всѣ были задѣты и тронуты. Кто-то изъ насъ прозвалъ смуглую, южную, черноокую дѣвицу Donna Sol, главною дѣйствующей личностью испанской драмы Гюго («Эрнани»). Жуковскій... прозвалъ ее «небеснымъ дьяволенкомъ». Кто хвалилъ ея черные глаза, иногда улыбающіеся, иногда огнестрѣльные; кто—стройное и маленькое ушко, эту аристократическую женскую примѣту, какъ ручка и какъ ножка; кто любовался ея красивою и своеобразною миловидностью... Несмотря на свое общественное положеніе, на свѣтскость свою, она любила русскую поэзію и обладала тонкимъ и вѣрнымъ поэтическимъ чутьемъ. Она угадывала (болѣе того, она вѣрно понимала) и все высокое, и все смѣшное. Изящное стихотвореніе Пушкина приводило ее въ восторгъ. Переряженная и маслеиичная поэзія пѣвца Курдюковой (т.-е. Мятлева) находила въ ней сочувственный смѣхъ... Наша красавица умѣла постигать Рафаэля, но не отворачивалась отъ Теньера, ни отъ каррикатуры Гогарта и даже Кома. Вообще увлекала она всѣхъ живостью своею, чуткостью впечатлѣній, остроуміемъ, нерѣдко поэтическимъ настроеніемъ. Прибавьте къ

этому, въ противоположность, не лишенную прелести какую-то южную лѣнивость, усталость. Въ ней было что-то севильяне женственности. Вдругъ эта мнимая безстрастность расшевелится или теплымъ сочувствіемъ всему прекрасному, доброму, возвышенному, или (да простятъ мнѣ барыни выраженіе) «ощетинится» скептическимъ и язвительнымъ отзывомъ на жизнь и на людей. Она была смѣсь противорѣчій, но эти противорѣчія были какъ музыкальныя разнозвучія, которыя подъ рукою художника сливаются въ какое-то странное, но увлекательное созвучіе. Въ ней были струны, которыя откликались на всѣ вопросы ума и на всѣ напѣвы сердца... Хотя не было въ чулкахъ ея ни малѣйшей синей петли, она могла прослыть у нѣкоторыхъ «академикомъ въ чепцѣ». Свѣдѣнія ея были разнообразныя, чтенія поучительныя и серьезныя, впрочемъ, не въ ущербъ романамъ и газетамъ. Даже богословскіе вопросы, богословскія пренія были для нея заманчивы. Профессоръ духовной академіи могъ быть не лишнимъ въ дамскомъ кабинетѣ ея, какъ и дипломатъ, какъ Пушкинъ или Гоголь, какъ гвардейскій любезникъ, молодой левъ петербургскихъ салоновъ. Она выходила иногда въ пріемную комнату, гдѣ ожидали ее свѣтскіе посѣтители, послѣ урока греческаго языка, на которомъ хотѣла изучить восточное богослуженіе и святыхъ отцовъ. Прямо отъ бесѣды съ Григоріемъ Назіанзиномъ или Іоанномъ Златоустомъ влетала она въ свой салонъ и говорила о дѣлахъ парижскихъ съ старымъ дипломатомъ, о петербургскихъ сплетняхъ, не безъ нѣкотораго оттѣнка дозволеннаго и всегда остроумнаго злословія, съ пріятельницею... Пушкинъ увлекался прелестью и умомъ ея». П. С. Аксаковъ писалъ въ некрологѣ о ней (газ. «Русь» 1882 г., № 37): «Ея красота, столько разъ воспѣтая поэтами,—не величавая и блестящая красота формъ (она была очень невысокаго роста), а южная красота тонкихъ, правильныхъ линій смуглаго лица и черныхъ, бодрыхъ, проницательныхъ глазъ, вся оживленная блескомъ острой мысли, ея пытливый, свободный умъ и искреннее влеченіе къ интересамъ высшаго строя—искусства, поэзіи, знанія—скоро создали ей при дворѣ и въ свѣтѣ исключительное положеніе. Дружба съ Плетневымъ и Жуковскимъ (также въ то время служившимъ при дворѣ) свела ее съ Пушкинымъ, и скромная фрейлинская келья въ 4-мъ этажѣ Зимняго дворца сдѣлалась мѣстомъ постояннаго сборища всѣхъ знаменитостей тогдашняго литературнаго міра... Она и предъ лицомъ императора Николая, который очень цѣнилъ и любилъ ея бесѣду, являлась, такъ сказать, представительницею, а иногда и смѣлой защитницей лучшихъ въ ту пору стремленій русскаго общества и своихъ непридворныхъ друзей. Зная ея дружескія отношенія съ Пушкинымъ, государь Николай Павловичъ нерѣдко черезъ нее получалъ отъ Пушкина и передавалъ ему обратно рукописи его произведеній. И, выйдя замужъ за Николая Михайловича Смирнова (впослѣдствіи губернатора въ Калугѣ, а потомъ и въ Петербургѣ, и скончавшагося лѣтъ 10 тому назадъ), Александра Осиповна не прекратила сношеній съ своими друзьями (она вообще была вѣрный другъ); напротивъ—ея гостиная, или, лучше сказать, она сама была долго и долго притягательнымъ центромъ для всѣхъ выдающихся художниковъ, писателей, мыслящихъ дѣятелей. Со многими изъ нихъ она вела обширную переписку. Извѣстна ея дружба съ Гоголемъ, котораго, конечно, не всякая дама «большого свѣта и двора», особенно той эпохи, была бы способна такъ понять, оцѣнить и привязать къ себѣ душою. Вообще, не только въ Россіи, но и заграницей она была знакома со всѣми болѣе или менѣе замѣчательными людьми, искала бесѣды съ ними, и при ея необычайной памяти, при ея начитанности, при ея житейской опытности, ея разговоръ, ея разсказъ, даромъ котораго она владѣла мастерски, представлялъ неотразимую занимательность и прелесть».

Ее высоко цѣнили и С. Т. и К. С. Аксаковы. Ей посвящали стихи Лермонтовъ, И. П. Мятлевъ, В. И. Туманскій, гр. Алексѣй Толстой, Хомяковъ, С. А. Соболевскій, гр. Е. П. Ростопчина. Бѣлинскій писалъ о ней (женѣ, 10 іюня 1846 г.): «c'est une dame de qualité; свѣтъ не убилъ въ ней ни ума, ни души, а того и другого природа отпустила ей не въ обрѣзъ... Чудесная, превосходная женщина,—я безъ ума отъ нея»... «Какъ чудесно выразилъ ее Пушкинъ!»—сказалъ С. Т. Аксаковъ, приводя разсматриваемую пьесу. Особенно силенъ былъ слѣдъ, оставленный ею въ жизни и творчествѣ Гоголя. «Женщина эта — писалъ Гоголь С. Т. Аксакову (28 августа 1847 г.) — почтена была короткою дружбой Пушкина и Жуковскаго, которые любили ее за здравый разсудокъ и за добрую душу... Съ ней мы были издавна какъ братъ и сестра, и безъ нея Богъ вѣсть, былъ ли бы я въ силахъ перенести многое трудное въ моей жизни»... Умерла Смирнова 7 іюля 1882 г. въ Парижѣ (погребена 9 сентября въ московскомъ Донскомъ монастырѣ). Въ послѣдніе годы жизни она записывала свои воспоминанія, приводила въ порядокъ старыя бумаги, но не успѣла окончить эту работу. Ея воспоминанія были напечатаны въ «Русс. Архивѣ» 1871 г., ст. 1869—1883; 1882, I, 206—219 («Изъ записокъ дамы»; полностью въ сборн. «Николаевская эпоха», М., 1910); 1890, II, 283—284; 1895, II, 17—27, 188—199, 323—348, 449—464; III, 77—90. Весьма небрежное и не лишенное мистификаторскаго элемента изложеніе записокъ Смирновой, сдѣланное ея дочерью О. Н. Смирновой, печаталось въ 1893—1895 г.г. въ «Сѣверн. Вѣстникѣ» (отд. изданіе ч. I, 1895, и ч. II, 1897 г.); пользоваться этой книгой надо съ величайшей осторожностью. Но Пушкинъ недаромъ посвященіемъ на первой страницѣ подареннаго ей альбома вызывалъ ее писать историческія записки. Мемуары Смирновой слѣдуетъ издать критически. Обширная переписка ея еще не вся обнародована. Она представляетъ собою драгоцѣнный матеріалъ для исторіи Николаевской эпохи. Объ А. О. Смирновой см. Языковъ «Обзоръ жизни и трудовъ русс. писателей», вып. II и XI; В. П. Шенрокъ, «А. О. С. и Н. В. Гоголь» («Русс. Стар.» 1888, апр., іюнь, іюль, окт.) и «П—нъ и Гоголь» («Сѣв. Вѣстн.» 1893, янв.); «Остафьев. архивъ кн. Вяземскихъ», ред. В. И. Саитова, III, 563—571. См. ниже, примѣч. къ № 702.

---

688. ГОНИМЫЙ РОКА САМОВЛАСТЬЕМЪ...

(т. III, стр. 331).

Автографъ неизвѣстенъ. Подъ заглавіемъ: «Въ альбомъ» и съ датой: «27 Октября 1832». пьеса была напечатана въ анненковскомъ изданіи «Сочин. П—на», т. VII, 1857 г., 1-ая пагин., стр. 97 (копія находится въ бумагахъ Анненкова—см.

«Пушк. и его соврем.», IV, 38), но впервые появилась въ печати немного раньше, въ апрѣльской книгѣ «Современника» того же года, стр. 196. Кому посвящена пьеса, неизвѣстно,—вѣроятно, женщинѣ. Объ отношеніи Пушкина къ столицамъ см. примѣч. къ № 526, статью въ III т. наст. изд. «Послѣ ссылки въ Москвѣ», стр. 351—352. Въ томъ же 1832 году у Пушкина былъ разговоръ о Москвѣ съ Ф. Ф. Вигелемъ, который собирался поселиться тамъ и «объяснилъ Пушкину свои надежды и желанья. «Нѣтъ – сказалъ онъ мнѣ,— не ѣздите туда. Я самъ долженъ былъ оставить Москву; я васъ знаю, вы будете изнывать, глядя на все, что тамъ происходитъ. Въ обществѣ какая безтолковщина, и какой мрачный характеръ принимаетъ зрѣющее, учащееся юношество»—ему самому не съ большимъ было тридцать лѣтъ— «грустно смотрѣть на него: что за правила, что за сужденія!» (Ф. Ф. Вигель, «Москва и Петербургъ»—«Русс. Арх.» 1893, II, 576).

---

689. НѢТЪ, НѢТЪ, НЕ ДОЛЖЕНЪ Я, НЕ СМѢЮ, НЕ МОГУ...

(т. III, стр. 332).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она, подъ заглавіемъ «Къ ***», безъ даты, въ «Альманахѣ на 1838 годъ», изд. В. А. Владиславлева, стр. 348, и въ посмертное изданіе не вошла, на что обратилъ вниманіе Бѣлинскій, перепечатавшій ее въ «Отечеств. Запискахъ» (1841 г., т. XVII, № 8) изъ альманаха, въ которомъ она явилась, по его словамъ («Московск. Наблюдат.» 1838 г., т. XVI, мартъ, кн. I), «лучшимъ и драгоцѣннѣйшимъ литературнымъ сокровищемъ»; въ своемъ общемъ обзорѣ произведеній Пушкина Бѣлинскій опять отмѣтилъ этотъ пропускъ. Въ собранія сочиненій Пушкина она стала включаться начиная съ изданія П. В. Анненкова (III, 19), который отнесъ ее къ 1832 г. «потому, что въ оригиналѣ находится помѣтка, хотя сдѣланная и не собственною рукой Пушкина: 27 Октября 1832 г.» (ib., 24; что это за оригиналъ, неизвѣстно). Прежде пьеса печаталась съ пропускомъ 10-го стиха. Н. В. Гербель («Русскій»— рм. берлинскій томикъ запрещенныхъ стихотвореній П—на, 1861 г., стр. XII) не могъ нигдѣ сайти этого стиха. Впервые онъ появился въ послѣднемъ ефремовскомъ изданіи «Сочин. П—на» (1903 г., II, 308; VIII, 1905 г., стр. 345; ср. «Матеріалы для академич. изд. сочин. П—на», СПб., 1902 г., стр. 273). «По указанію И. А. Шляпкина—говорится въ «Описаніи Пушкинскаго музея И. Александр. Лицея», СПб., 1899 г., стр. 157)— это стихотвореніе (1832 г.) относится къ Н. В. Соллогубъ (по мужу Свистуновой). Внукъ ея, баронъ Корфъ, сообщилъ И. А. Шляпкину, что пропущенный стихъ читается: Любуясь дѣвою въ печальномъ сладострастьи». «Можетъ быть и такъ,— замѣчаетъ по этому поводу Ефремовъ,—потому что у меня была копія, а не автографъ», но едва ли такъ, потому что «томленье сладострастья» во тѣхъ отношеніяхъ пріемлемѣе «печальнаго сладострастья». У Ефремова пьеса озаглавлена: «Надеждѣ Львовнѣ Соллогубъ»; Майковъ же говоритъ, что она «относится къ графинѣ Натальѣ Львовнѣ Соллогубъ». Указаніе барона Корфа подкрѣпляетъ утвержденіе Ефремова, что пьеса посвящена Надеждѣ Соллогубъ.

Графиня Над. Льв. Соллогубъ, вторая дочь гр. Льва Иван. и графини Анны Михайл., рожд. княжны Горчаковой, фрейлина вел. княгини Елены Павловны, съ 1836 г. замужемъ за Алексѣемъ Никол. Свистуновымъ (1808—1872 гг.), по свидѣтельству гр. В. А. Соллогуба («Воспоминанія», СПб., 1887 г., стр. 95), «была замѣчательно хороша собою» и слыла въ числѣ первыхъ петербургскихъ красавицъ («Остаф. Арх.», III, 236, 262, 348). Умерла въ глубокой старости 13 января 1903 г. (ib., 609). Одно время Пушкинъ, уже женатый, за нею «открыто ухаживалъ», возбуждая ревность Натальи Николаевны («Русс. Арх.» 1888 г., II, 309); въ одномъ изъ писемъ къ женѣ, 1832 г., онъ поддразниваетъ ее: «я велъ себя прекрасно, любезничалъ съ гр. Сологубъ (съ теткой entendons-nous)» (см. письма къ женѣ №№ 466, 533, 534, 540, 546). Но это ухаживаніе, огорчавшее жену поэта, было вполнѣ невинно, что и сказалось въ стихотвореніи. Сравнивая его съ другимъ, «Я васъ любилъ»... (см. примѣч. къ № 573), Апол. Григорьевъ («Сочин.», I, 281) говоритъ: «это самоотверженіе чувства встрѣтите вы только у Пушкина, да развѣ еще у Мицкевича, и то, впрочемъ, не въ такой чистотѣ; такое самоотверженіе не есть уступчивость, происходящая отъ холодности чувства... Долго долженъ перегорать и очищаться человѣческій эгоизмъ для того, чтобы дойти до этой свѣтлой мысли» (ib., 91). Лермонтову, пѣвцу загробной ревности, поборающей смерть («Любовь мертвеца»), подобное примиреніе давалось тяжело и не завершалось нравственной гармоніей. «И я его люблю—говоритъ онъ любимой женщинѣ о своемъ соперникѣ:—онъ заслужилъ твою слезу и если бъ былъ врагомъ моимъ, то я бъ съ тѣхъ поръ его любилъ», и признаетъ себя побѣжденнымъ случившимся, которому долженъ подчиниться: «я доволенъ долженъ быть и тѣмъ, что зрѣлъ, какъ ты жалѣла о другомъ»... («О, не скрывай! ты плакала о немъ»..). Не то у Пушкина: «изящно-гуманное чувство отзывается чѣмъ-то благоуханно-святымъ въ испытанномъ, но не побѣжденномъ жизнью поэтѣ» (отзывъ Бѣлинскаго въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина). Ницше понималъ это; онъ писалъ женщинѣ, въ которую былъ влюбленъ: «я думаю о васъ съ такой братской сердечностью, что могъ бы полюбить вашего мужа потому, что онъ вашъ мужъ» («Русс. Богатство» 1901 г., кн. 3, отд. II, 88). В. Я. Брюсовъ («Ложные доводы» — «Ежемѣс. Сочин.» 1901 г., окт., 154—155) спрашиваетъ: «неужели «смотрѣть на женщину безъ вожделѣнія» значитъ уже совершать подвигъ?» Конечно, это не подвигъ, но не всякому дано разрѣшать «томленье сладострастья» такъ спокойно и чисто. «Какъ прекрасны, какъ возвышенны—говоритъ А. К. Бороздинъ («Воспитательное значеніе поэзіи П—на», СПб., 1899 г., стр. 13)—чувства, выраженныя въ этомъ дивномъ стихотвореніи! Полное забвеніе своей личности, рѣшительное отреченіе отъ столь обычнаго любовнаго эгоизма заставляютъ признать это стихотвореніе драгоцѣннѣйшимъ перломъ въ области любовной лирики, въ которой даже у величайшихъ поэтовъ мы много находимъ произведеній, внушенныхъ совсѣмъ инымъ настроеніемъ и провозглашающихъ весьма несимпатичныя стремленія». Д. Н. Овсянико-Куликовскій («П—нъ», СПб., 1909 г., стр. 62—63) того же мнѣнія о нравственномъ смыслѣ пьесы: «въ расцвѣтѣ творчества Пушкинъ въ вопросахъ любви возвысился до высокаго «безкорыстія»... Выраженіе

ПУШКИНЪ.

Бюстъ работы кн. П. Трубецкого (1889).

«спокойствіе мое я строго берегу» не слѣдуетъ понимать въ эгоистическомъ смыслѣ. Дѣло идетъ о внутренней свободѣ, которою теперь такъ дорожилъ Пушкинъ—и какъ поэтъ, и какъ человѣкъ. Это «спокойствіе» вполнѣ совмѣстимо съ тѣмъ, что можно назвать фикціею въ любви,—любовью поэтической и человѣчной, безъ личныхъ притязаній. Поэзія и гуманность сливаются здѣсь воедино, и это единое есть лучшій даръ души, въ силу котораго человѣкъ становится высоко-моральною личностью».

—

690. ВЪ ЕВРЕЙСКОЙ ХИЖИНѢ ЛАМПАДА...

(т. III, стр. 332).

Карандашный автографъ находится въ академіи наукъ, въ майковскомъ собраніи бумагъ Пушкина; на сосѣднемъ листкѣ рукописи записаны пьесы 20-хъ годовъ («Каковъ я прежде былъ»..., «Зимняя дорога»—см. «П—нъ и его соврем.» IV, 7—8). Впервые напечаталъ набросокъ П. В. Анненковъ въ VII т. своего изданія «Сочин. П.», 1857 г., VII, 1-ая пагин., 45—46, подъ заглавіемъ: «Начало повѣсти», съ отнесеніемъ къ 1832 г. и замѣчаніемъ: «мы не можемъ дать никакихъ поясненій касательно этого отрывка, набросаннаго Пушкинымъ чрезвычайно небрежно карандашемъ на замаранномъ листѣ бумаги; позволено только догадываться, что отрывокъ есть новое свидѣтельство того поворота къ эпической дѣятельности, который совершился около 1832 года въ поэтѣ нашемъ». Подъ этимъ годомъ пьеса стала включаться съ тѣхъ поръ во всѣ изданія произведеній Пушкина, и лишь П. А. Ефремовъ («Сочин. П.», т. VIII, 1905 г., стр. 345) предположилъ, безъ всякихъ основаній, что ее «можетъ быть, вѣрнѣе отнести къ 1835 году». Осторожнѣе будетъ датировать ее 20—30-ми годами. Судя по неполнотѣ и нестройному взаимному расположенію нѣкоторыхъ стиховъ, Пушкинъ едва только началъ обрабатывать сюжетъ, повидимому, весьма мрачный, на что указываютъ пустая колыбель, надъ которой плачетъ молодая еврейка, испугъ евреевъ, когда раздается стукъ... Въ тонѣ поэта, во всякомъ случаѣ, чувствуются симпатія и состраданіе. Быть можетъ къ этому замыслу относятся слова въ зачеркнутой строфѣ «Осени» (настоящ. изд., т. III, стр. 86), гдѣ Пушкинымъ, въ числѣ его «знакомцевъ давнихъ, плодовъ мечты», упоминаются «Испанцы въ епанчахъ, Жиды»...

---

691. АЛЬФОНСЪ.

(т. III, стр. 332).

Стихотвореніе было напечатано впервые въ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина, т. IX, 1841 г., стр. 205—206, подъ заглавіемъ: «Альфонсъ. Начало поэмы», безъ всякаго хронологическаго пріуроченья, неизвѣстно съ какого оригинала,—но, повидимому, съ того самаго, который находится въ семейномъ архивѣ Брюлловыхъ и былъ опубликованъ И. Кубасовымъ въ «Русс. Стар.» 1899, февр., 309—315. Съ этого автографа, полубѣлового, съ поправками, напечатано оно и въ настоящемъ изданіи, въ связи съ указаніями П. А. Ефремова («Сочин. П.», т. VIII, 1905 г., стр. 342—343); какъ попала рукопись въ архивъ Брюлловыхъ, неизвѣстно; объ отношеніяхъ Пушкина къ братьямъ А. П. и К. П. Брюлловымъ см. «Русс. Стар.», l. c., и 1911 г., декабрь, 657—667, ст. Н. Лернера «Лже-Брюлловскій портретъ Пушкина». П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи «Сочин. П.», II, 196—198, отнесъ стихотвореніе къ «неизвѣстнымъ годамъ», но, повидимому, считалъ его юношескимъ, такъ какъ у Анненкова ему предшествуютъ и за нимъ слѣдуютъ нѣсколько десятковъ лицейскихъ пьесъ; при этомъ Анненковъ назвалъ стихотвореніе въ числѣ тѣхъ («Осгаръ», «Эвлега», «Леда», «Бова» и проч.), по которымъ «можно видѣть, какъ молодой авторъ прошелъ черезъ всѣ ступени подражанія, отъ Макферсона и Парни до Карамзина и Жуковскаго» (ibid., 228). Подъ «неизвѣстными годами» напечатана пьеса и у Геннади (изд. 1859 г., II, 429—430; 1870, II, 363—364). Однако, по зрѣлому, сочному стиху трудно признать ее юношеской и датировать ее приходится 20—30-ми годами. П. А. Ефремовъ («Сочин. П.», изд. 1880 г., III, 255—256, 443; 1882 г., III, 241—242, 444; 1903 г., II, 300—301, VIII (1905 г.), 341—342; за нимъ и П. О. Морозовъ—изд. Лит. фонда, II, 138—139; «Просвѣщ.», II, 166—167, 530—531) отнесъ стихотвореніе къ 1832 г. «по соображенію (?) съ другими произведеніями поэта» и, познакомившись съ брюлловской рукописью, нашелъ даже, что «почеркъ похожъ (!) на автографы 1832 г.» Бѣлинскій въ рецензіи на три послѣдніе тома посмертнаго изданія («Соч. Б.», изд. Венгерова, VI, 276, 279) назвалъ «Альфонса» въ числѣ «особенно замѣчательныхъ» новинокъ посмертнаго изданія,—чуткій критикъ, очевидно, считалъ пьесу произведеніемъ вполнѣ зрѣлымъ. Н. Ѳ. Сумцовъ («Изслѣдованія о Пушкинѣ»—«Харьков. унив. сборн. въ память П—на», 193—194) сближаетъ образъ висѣлицы въ «Альфонсѣ» съ другимъ подобнымъ въ пьесѣ 1827 г. «Какая ночь! Морозъ трескучій»...; и тутъ, и тамъ конь и всадникъ одинаково относятся къ страшному зрѣлищу. Въ стихѣ: «Висятъ. Закаркавъ, отлѣтѣла»—рѣдкій у Пушкина примѣръ enjambement.

---

692. КОГДА-ТО, ПОМНЮ, СЪ УМИЛЕНЬЕМЪ...

(т. III, стр. 333).

Черновой набросокъ пьесы находится въ хранящейся въ Имп. Публичной Библіотекѣ, въ бумагахъ Краевскаго, записной тетрадкѣ Пушкина (Отчетъ И. П. Б. за 1889 г., стр. 56); копія, 1837 г., имѣется въ бумагахъ В. А. Жуковскаго (И. Бычковъ, «Бумаги Ж—го, поступившія въ И. Публ. Библ-ку въ 1884 г.,» СПб., 1887, стр. 16). Впервые она появилась, подъ заглавіемъ «А. Д. Б...ской», въ «Отечеств. Запискахъ» 1840 г., т. VIII, отд. III, стр. 1. Къ 1832 г. отнесъ ее П. В. Анненковъ (см. его изд. «Соч. Пушкина», III, стр. 19—20), что весьма вѣроятно, судя по даннымъ помянутой тетрадки, гдѣ рядомъ находятся стихи этого года къ А. О. Россетъ («Въ тревогѣ пестрой и безплодной»...) и помѣта «10 mars 1832. Bibl. de Volt.» «Мечтатель» (С. Н. Глинка, «Экспромптъ») писалъ этой особѣ въ «Дамскомъ Журналѣ» 1832 же г., ч. 38, 171 (см. В. В. Каллашъ, «Puschkiniana», Кіевъ, 1902, стр. 105): «Нашъ Пушкинъ, Вяземскій, Козловъ тебя осыпали поэзіи цвѣтами». П. А. Ефремовъ (изд. 1880 г., III, 264, 444) озаглавилъ пьесу дѣвическимъ именемъ А. Д. Боратынской, еще не бывшей тогда замужемъ: «Княжнѣ А. Д. Абамелекъ».

Кн. Анна Давыд. Абамелекъ, дочь кн. Давыда Семеновича и Марѳы Іоакимовны, рожд. Лазаревой, род. около 1814 г. (надгробная надпись гласитъ, что она умерла въ 1889 г. 75 лѣтъ—«Петерб. Некрополь», I, 260), съ 1832 г. фрейлина, въ 1835 вышла за Иракл. Абр. Боратынскаго (1802—1859), брата поэта. Въ столичномъ обществѣ пушкинской эпохи княжна Абамелекъ блистала красотой восточнаго типа и живымъ, привлекательнымъ умомъ. «Востокъ горитъ въ твоихъ очахъ, во взорахъ нѣга упоенья, напѣвы сердца на устахъ, а въ сердцѣ—пламень вдохновенья», писалъ ей

ПУШКИНЪ. 4 СТАТУИ ЛЕОПОЛЬДА БЕРЕНШТАМА.

И. П. Козловъ. «Задумываюсь я, любуяся тобой», говорилъ ей Вяземскій («Соч.» IV, 176, «Княжнѣ А. Д. Абамелекъ»; на старости лѣтъ, въ 1874 г., онъ посвятилъ ей стихи «Еще одно послѣднее сказанье»—XII, 479—480). Поэтъ Курдюковой, И. П. Мятлевъ, шутилъ: «что ни меттэ а ла фигюръ, все вамъ идетъ, же ву засюръ; что ни парлэ, все а пропо... а исподлобья паръ азаръ если вы бросите регаръ, такъ ужъ вулэ, не па вулэ, а нотръ фреръ сейчасъ брюлэ»... («Татевскій сборникъ», стр. 63—64). Къ ней же, вѣроятно, относится стихотвореніе К. К. Павловой («А. Д. Б—ой»—«Русс. Бесѣда», 1859, IV, 11—12). А. Д. Боратынская оставила по себѣ слѣдъ не только въ воспоминаніяхъ современниковъ. Любя поэзію, обладая литературнымъ вкусомъ, хорошо зная нѣсколько языковъ, она переводила русскихъ поэтовъ на иностранные языки и иностранныхъ на русскій. Ею изданы французскій переводъ «Чернеца» Козлова (М., 1831), «Translations from russian and german poets» by a russian lady, Baden-Baden, 1875—1878 (англійскіе переводы изъ Апухтина, Лермонтова, Некрасова, Пушкина, гр. А. К. Толстого, Ѳ. А. Туманскаго, Тютчева). Изъ Пушкина она перевела 18 стихотвореній, въ томъ числѣ по-французски «Талисманъ» (отдѣльное изданіе 1831 г., съ музыкой Титова) и по-англійски настоящую пьесу. На русскій языкъ она особенно охотно переводила Гейне; 25 стихотвореній его напечатаны въ сборникѣ «Переводы нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ стихотвореній», Баденъ-Баденъ, 1876—1877. «Анна Давыдовна,—по словамъ одного изъ знавшихъ ее,—любила читать Св. Писаніе и отцовъ церкви, литургію св. Іоанна Златоуста она изучала по греческому подлиннику, для чего выучилась греческому языку. Богато одаренная умомъ и красотою, А. Д. вмѣстѣ съ тѣмъ умѣла вліять со стороны прекраснаго и на окружающихъ. Она читала стихи художественно и всѣ лучшія произведенія Пушкина знала наизусть». Скончалась она 13 февр. 1889 г. (О ней см. «Русс. Арх.» 1865 г., стр. 1510; 1897 г., II, 537; 1900, III, 616; И. П. Хрущовъ, «Одна изъ воспѣтыхъ П—мъ»—«Харьковс. универс. сб. въ память П—на», 1900 г.; «Остафьевс. Арх.», III, 682—683; Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойн. русс. писателей», вып. IX, М., 1905).

Бѣлинскій въ своемъ обзорѣ поэзіи Пушкина назвалъ данную пьесу въ числѣ «доказательствъ, что онъ, взявшись за перо, по волѣ или поневолѣ, уже не могъ не быть художникомъ даже въ свѣтскомъ комплиментѣ, въ привѣтствіи, возложенномъ приличіемъ». На самомъ дѣлѣ эти стихи гораздо теплѣе и сердечнѣе.

---

693. И ДАЛѢ МЫ ПОШЛИ...

(т. III, стр. 334).

Автографъ, со многими поправками, находится въ принадлежащемъ академіи наукъ майковскомъ собраніи рукописей Пушкина («П—нъ и его соврем.», IV, 16). Впервые пьеса появилась въ посмертномъ изданіи «Сочин. П.», т. IX, 1841 г., стр. 175—176, гдѣ напечатана вслѣдъ за терцинами «Въ началѣ жизни школу помню я»... подъ общимъ съ ними заглавіемъ «Подражанія Данту», безъ всякой даты. Такъ же напечаталъ, съ исправленіями, эти пьесы Анненковъ (см. его изд. II, 530—531), по словамъ котораго (ib., 543—544), эти два разныя стихотворенія, изъ которыхъ послѣднее («И далѣ мы пошли»...) еще раздѣляется на двѣ составныя части въ рукописи, даны были посмертнымъ изданіемъ сбитыя вмѣстѣ и подъ однимъ общимъ, произвольнымъ заглавіемъ «Подражанія Данту». Его нѣтъ и не могло быть въ рукописи. Первое изъ двухъ этихъ стихотвореній написано въ 1830 г. и въ Болдинѣ; второе, можетъ быть, нѣсколько позднѣе и, вѣроятно, въ Петербургѣ. Въ немъ открываются нѣкоторыя черты, имѣющія видъ насмѣшки надъ дѣйствительными жизненными обстоятельствами, черты, которыя, однако-жъ, скоро пропадаютъ въ общемъ величіи цѣлаго. Мы зачислили его въ 1830 г. только изъ невозможности опредѣлить съ точностью годъ его созданія, хотя и имѣемъ нѣкоторый поводъ думать, что оно можетъ относиться къ началу 1832 г.» (То же мнѣніе о хронологіи пьесы Анненковъ выразилъ въ «Матер. для біогр. П—на», изд. 2-ое, 300). Что это за «поводъ», Анненковъ не объяснилъ, и, намъ кажется, осторожнѣе будетъ датировать стихотворенія, безъ невозможной въ данномъ случаѣ точности, тридцатыми годами.

И по формѣ, съ той, впрочемъ, разницей, что терцина Пушкина одной стопою длиннѣе, и по содержанію видно, что поэтъ дѣйствительно подражалъ Данте. Пушкинъ любилъ великаго классика, восхищался его «смѣлостью изображенія, созданія, гдѣ планъ обширный объемлется творческою мыслію» (т. IV наст. изд., стр. 504; прим. къ № 610). Въ 1831 г. онъ «умолялъ» С. И. Шевырева, занимавшагося тогда итальянской литературой, переводить Данте и собирался написать ему объ этомъ «умное и большое письмо» («Русс. Арх.», 1882, III, 185; 1909, II, 501). Впослѣдствіи С. Шевыревъ («Москвитянинъ», 1841, ч. 5, № 9) писалъ: «духъ всей этой пьесы и пластическіе стихи, доведенные до высшей степени совершенства, до того напоминаютъ духъ и стиль Данта въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ Ада, что удивляешься нашему славному автору, какъ умѣлъ онъ съ одинаковою легкостью и свободою переноситься въ духъ древней греческой поэзіи, восточной, въ Шекспира и въ Данта. Многообъемлющему генію Пушкина все было возможно. Картины печенаго ростовщика и этой стеклянной горы, которая «звеня растрескалась колючими звѣздами», вы не найдете у Данта, но онѣ созданы совершенно въ его духѣ и стилѣ, и онъ бы самъ, конечно, отъ нихъ не отказался. Все это подражаніе можно назвать дополненіемъ къ XVII, XXI и XXII пѣснямъ его Ада. Пушкинъ написалъ подражанія только тѣмъ пѣснямъ, въ которыхъ Дантъ казнитъ самые низкіе пороки человѣчества... Жаль, что поэтъ нашъ не нарисовалъ намъ чего-нибудь граціознаго или высокаго въ стилѣ Данта: какъ бы ему это было доступно! Его пластическій стихъ имѣетъ много родства со стихомъ славнаго тосканца, и едва ли въ какомъ-нибудь народѣ можно найти формы столь готовыя для передачи красотъ этой поэзіи, какъ въ стихѣ русскомъ, такъ, какъ выдѣлалъ его Пушкинъ могучимъ рѣзцомъ своимъ». Пьеса, говоритъ Анненковъ («Матер.», 300—301), «останавливаетъ особенно вниманіе наше тѣмъ, что можетъ служить разительнымъ свидѣтельствомъ какъ артистической способности Пушкина усвоять всѣ формы, такъ и подвижности его таланта. Для простой шутки, какую предполагалъ онъ написать, Пушкинъ избралъ форму дантовскаго раз-

сказа и такъ овладѣлъ ею, что шутка совсѣмъ пропала въ изложеніи. Всякій согласится, что печеный ростовщикъ, лопающійся на огнѣ и испускающій сѣрный запахъ, уже не имѣетъ признаковъ пародіи: онъ ярко освѣщенъ лучами поэзіи. Немного яснѣе выражается она въ женѣ съ ея сестрой, выведенныхъ на страшную казнь, даже безъ поясненія ихъ преступленій, но здѣсь опять удивительное описаніе казни ихъ отводитъ глаза и устраняетъ всякое подозрѣніе о первомъ поводѣ стихотворенія. Со всѣмъ тѣмъ рукопись свидѣтельствуетъ несомнѣнно, что все стихотвореніе порождено скорѣе сатирической мыслію, чѣмъ какой-либо другою, но въ развитіи своемъ необычайная поэтическая мощь автора подавила первое намѣреніе и, вмѣсто насмѣшки, произвела картину превосходную, исполненную величія и ужаса». Бѣлинскій, въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина, находитъ, что онъ «нѣсколькими терцинами въ духѣ Дантовой «Божественной комедіи» познакомилъ русскихъ съ Дантомъ больше, чѣмъ могли бы это сдѣлать всевозможные переводчики, — какъ можно познакомиться съ Дантомъ только читая его въ подлинникѣ» («Соч. Б.», ч. VIII, М. 1860, стр. 322); ихъ «можно счесть за отрывочные переводы изъ «Божественной комедіи», и онѣ даютъ о ней лучшее и вѣрнѣйшее понятіе, чѣмъ всѣ доселѣ сдѣланные по-русски переводы въ стихахъ и прозѣ» (ib., 408). Н. Н. Страховъ («Замѣтки о П — нѣ», Кіевъ, 1897, стр. 27, 32—33, 52—53) видѣлъ въ этой пьесѣ пародію на Данте, который «оскорбилъ» поэтическое чувство Пушкина «грубою матеріальностью картинъ, избыткомъ въ нихъ яркихъ красокъ и рѣзкихъ движеній, заслоняющихъ внутреннее содержаніе»... Элементъ пародіи, дѣйствительно, ярокъ въ первой части, гдѣ Пушкинъ казнитъ ростовщика (а къ этой породѣ дѣльцовъ поэтъ, всегда обремененный долгами, имѣлъ личныя причины относиться безъ особой симпатіи), но во второй части нѣтъ и намека на пародію. Замѣчательно, что Пушкинъ не сказалъ, за что страдаютъ обѣ грѣшницы, но ихъ мука такъ ужасна, что въ сравненіи съ нею блѣднѣетъ самое тяжкое преступленіе. Въ самомъ стилѣ видна дантовская рѣзкость и простонародность выраженій («тащилъ», «пихнули», «сидючи»). Ѳ. Е. Коршъ (изслѣдованіе о «Русалкѣ», стр. 78) обращаетъ вниманіе на слово «лопалъ» въ 5-мъ стихѣ «вмѣсто «лопался», вѣроятно, только по аналогіи съ «лопнулъ», которое слѣдуетъ тутъ же черезъ девять стиховъ». Карантинный стражъ съ вонючей жаровней — впечатлѣніе разъѣздовъ въ холерный 1830 годъ.

---

694. ДОЛГО СИХЪ ЛИСТОВЪ ЗАВѢТНЫХЪ...

(т. III, стр. 335).

Автографъ неизвѣстенъ. Впервые стихотвореніе появилось въ «Отечеств. Запискахъ» 1839 г., т. I, отд. III, стр. 2, подъ заглавіемъ: «Въ альбомъ» и съ датой «1832», откуда перешло въ посмертное изданіе «Сочин. П.», IX, 473. П. В. Анненковъ (см. его изданіе, III, 24) говоритъ: «мы не знаемъ лица, къ которому оно написано, но можемъ догадываться по одному стиху его, что владѣтель альбома былъ литераторъ и поэтъ». П. А. Ефремовъ (см. его изд. 1880 г., III, 443—444; 1882, III, 445) предполагаетъ, что, такъ какъ въ томъ же номерѣ «Отеч. Записокъ» (ibid., стр. 1) было помѣщено стихотвореніе Дельвига, сообщенное другомъ обоихъ поэтовъ М. Л. Яковлевымъ, то, быть можетъ, Яковлевымъ было сообщено и стихотвореніе Пушкина изъ собственнаго альбома. Дѣйствительно, къ Яковлеву, который писалъ стихи и сочинялъ романсы, могутъ подходить пожеланія—«на Парнасѣ много грома» и «ни единаго альбома»; (о немъ см. у Н. А. Гастфрейнда, «Товарищи П—на по Имп. Царскосельс. Лицею», т. II, СПб., 1912). Бѣлинскій обратилъ вниманіе на это «маленькое прелестное стихотвореніе» («Московс. Наблюдатель» 1839 г, ч. II, № 4; «Соч. Б.», изд. Венгерова, IV, 278), а въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи упомянулъ его какъ одно изъ «доказательствъ преобладанія въ Пушкинѣ художническаго элемента надъ всѣми другими, — онъ, взявшись за перо, по волѣ или поневолѣ, уже не могъ не быть художникомъ даже въ свѣтскомъ комплиментѣ, въ привѣтствіи, возложенномъ приличіемъ» («Соч. Б.», ч. VIII, М., 1860, стр. 395—396). Объ отношеніи Пушкина къ альбомной поэзіи см. примѣч. къ № 552. Описывая въ письмѣ къ женѣ (12 сентября 1833 г.) свое знакомство съ А. А. Фуксъ, Пушкинъ сообщаетъ: «я такъ и ждалъ, что принужденъ буду ей написать въ альбомъ, но Богъ помиловалъ». А. М. Каратыгина («Мое знакомство съ А. С. Пушкинымъ»— «Русс. Стар.» 1880, іюль, 567—568) разсказываетъ, что Пушкинъ въ ея альбомѣ «исписалъ нѣсколько страницъ (!) очень милыми стихами и что-то нарисовалъ»; это извѣстіе сомнительно.

---

695. РУСАЛКА.

(т. III, стр. 361).

Отсылая читателя къ вступительной статьѣ П. О. Морозова (III, 353 сл.), мы ограничимся здѣсь нѣкоторыми справками и дополненіями. Автографы «Русалки» находятся въ рукописяхъ Румянцевскаго музея, тетр. № 2371, лл. 85_2 — 84_1 и $83a_2$; № 2376-А, лл. 7—18; № 2382, лл. 19_2—22_1, 39_2, 40_1; (см. «Русс. Стар.» 1884, іюль, 50; окт. 77 — 78; ноябрь, 349, 355). Они прекрасно изданы въ фототипическихъ снимкахъ въ натуральную величину А. де Біонкуромъ, подъ редакціей Л. Бѣльскаго, приложившаго къ нимъ точную транскрипцію текста. Есть отдѣльная рукопись—разговоръ княгини съ мамкой (напеч. въ «Русс. Арх.» 1865 г., ст. 1353 — 1354; снимки—въ книгѣ В. Брюсова «Письма П—на и къ П—ну»). Объ одномъ еще неизданномъ наброскѣ сообщаетъ П. О. Морозовъ. Главное значеніе имѣетъ автографъ въ 2376-ой тетради, представляющій собою перебѣленный текстъ, съ котораго печаталась «Русалка» въ «Современникѣ», т. VI, 1837 г., стр. 1—32, хотя и неточно (вообще «Русалку» долго печатали съ ошибками,—см. ст. П. О. Морозова «О «Русалкѣ» П—на»—газ. «Новости» 1903 г., № 190). Анненковъ («Матеріалы для біогр. П—на», изд. 2-ое, стр. 281 — 282, 354) находилъ, что «первыя неясныя черты драмы встрѣчаются уже въ тетрадяхъ 1829 года». Ѳ. Е. Коршъ («Разборъ вопроса о подлинности окончанія «Русалки» П—на по записи Д. П. Зуева», СПб., 1898, стр. 11, 99—110) подробно обслѣдовалъ хронологію драмы; начало ея онъ относитъ къ 1828 г., пѣсню русалокъ (сц. 4-ая)—къ 1830, первую сцену—къ 1832, а вторую и третью, которыя «въ первой половинѣ

ОДИНЪ ИЗЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ПРОЕКТОВЪ ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ.

Снимокъ приложенъ къ 2-му изданію «Матеріаловъ» Анненкова (СПб., 1873).

1832 г. не были отдѣланы, если даже были набросаны»,—къ 1833—1834 гг. Мы не видимъ основаній относить начало «Русалки» ни къ 1828 г., ни къ 1829; писать ее Пушкинъ началъ осенью 1830 г., хотя задумана она была, можетъ быть, и гораздо раньше. Занимался онъ ею долго. В. А. Нащокина разсказывала («Нов. Время» 1898 г., № 8115), что въ свой послѣдній пріѣздъ въ Москву онъ читалъ черновую Нащокинымъ: это было въ 1836 г. По смерти Пушкина П. В. Нащокинъ разсказывалъ о ней знакомымъ («Истор. Вѣстн.» 1883, дек., 541).

Несомнѣнная связь «Русалки» съ «Янышемъ-Королевичемъ», оригинала котораго, какъ извѣстно, напрасно искали у славянъ, не проливаетъ свѣта на фабулистическое происхожденіе драмы. В. Колосовъ («П—нъ въ Тверской губерніи»—«Русс. Стар.» 1888, окт., 99—100) пытался объяснить происхожденіе «Русалки» преданіемъ, слышаннымъ Пушкинымъ въ 20-хъ годахъ: «дочь мельника была влюблена въ барскаго камердинера, этого камердинера за какую-то вину баринъ отдалъ въ солдаты, и она съ отчаянія утопилась»... Отъ этого «преданія» до сюжета «Русалки» безконечно далеко. Къ числу натяжекъ надо отнести соображенія Ѳ. Зѣлинскаго («Мотивъ разлуки у Овидія, Шекспира и Пушкина» — «Вѣстн. Евр.» 1903, окт.), что на «Русалку» оказалъ вліяніе Овидій, и не прямо, а черезъ посредство Шекспира («Антоній и Клеопатра»),

Объ использованномъ Пушкинымъ во второй сценѣ матеріалѣ народныхъ свадебныхъ пѣсенъ см. выше, стр. 239, и IV, 63. Вообще на всей драмѣ лежитъ печать народности; «Русалка», по словамъ Ап. Григорьева («Сочин.», I, 512—513, 516),—одно изъ доказательствъ «неоспоримой истины», что Пушкину «было дано непосредственное чутье народной жизни и дана была непосредственная же любовь къ народной жизни... Знаете ли вы, господа, трактующіе о томъ, что Пушкинъ не народный поэтъ, какой могучей жизнью полны эти очерки? «Русалку» пытались ставить на сцену въ той формѣ, въ какой создалъ ее Пушкинъ. Попытка оказалась неудачною именно потому, что очерки въ полнотѣ своей слишкомъ сжаты, слишкомъ коротки для сценическаго осуществленія. «Русалка», съ сохраненіемъ ея пушкинскихъ формъ, цѣлости содержанія и даже большей части божественныхъ стиховъ поэта, явилась на сценѣ оперою. Посмотрите же, какъ либретто, т.-е. поэма Пушкина, получивши краски, тѣло, сценическую продолжительность, давитъ своею громадностью музыку, весьма, впрочемъ, замѣчательную во многихъ отношеніяхъ и принадлежащую высокому музыкальному таланту». Григорьевъ говоритъ здѣсь объ оперѣ Даргомыжскаго, поставленной впервые въ 1856 г. (см. М. М. Ивановъ, «П—нъ въ музыкѣ», СПб., 1899, стр. 14—16, 64—67, 133).

---

696. [ИЗЪ КСЕНОФАНА КОЛОФОНСКАГО].

(т. III, стр. 371).

Пьеса извѣстна въ двухъ автографахъ. Одинъ, карандашный, съ тремя поправками, съ припискою внизу въ скобкахъ: «Изъ Ксенофана Колофонскаго» и съ датой «12 янв.», находится въ принадлежащемъ академіи наукъ майковскомъ собраніи рукописей Пушкина (см. «П. и его соврем.», IV, 17). Другой, писанный чернилами, воспроизведенъ facsimile въ «Album cosmopolite» извѣстнаго чревовѣщателя Александра Ватмара (Vattemars), а оттуда въ Альбомѣ петербургской Пушкинской выставки 1899 г., л. 68. Въ послѣднемъ лишь одна незначительная поправка нечаянной описки, и онъ во всемъ сходится съ печатной редакціей, появившейся въ «Библіот. для Чтенія», т. V, 1834 г., № 8, отд. I, стр. 20, гдѣ пьеса помѣщена первой подъ заглавіемъ: «Подражанія древнимъ», съ припиской подъ нею въ скобкахъ: «Изъ Ксенофана Колофонскаго»; за ней слѣдуетъ другая—«Изъ Аѳенея». Дата «1832», стоящая подъ второю пьесой, относится, вѣроятно, къ обѣимъ. Надо думать, что либо Пушкинъ написалъ «Изъ Ксенофана» 12 января 1832 г., либо, какъ предполагаетъ Анненковъ (см. его изд. «Сочин. П.», III, 24), что вѣроятнѣе, 12 января 1833 г. переписалъ стихотвореніе, созданное въ 1832 г. Безъ всякой даты, подъ тѣмъ же заглавіемъ «Подражанія древнимъ» (см. слѣдующ. примѣч.) и съ подзаголовкомъ въ скобкахъ: «Изъ Ксенофана Колофонскаго», пьеса вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. IV, 1835 г., стр. 101—102.

Изъ какого источника узналъ Пушкинъ, почти не разбиравшій по-гречески, стихотвореніе греческаго поэта, неизвѣстно, но надо думать, что изъ французскаго. Ксенофанъ, родомъ изъ Колофона, основатель элейской философской школы (VI в. до Р. Х.), опровергалъ антропоморфическія представленія о божествѣ, изложилъ свои взгляды въ поэмѣ «О природѣ», дошедшей до насъ въ очень незначительныхъ остаткахъ, писалъ дидактическіе стихи. Стихотвореніе, переведенное Пушкинымъ, въ подлинникѣ написано элегической мѣрой (гекзаметромъ, чередующимся съ пентаметромъ) и дословно значитъ (по переводу Л. Поливанова—см. его изд. «Сочин. П.», I, изд. 3-е, М., 1905, стр. 372—374) слѣдующее: «Вотъ уже чисты и полъ, и руки всѣхъ, и чаши. Одинъ вѣнчаетъ сплетенными вѣнками, а другой подаетъ въ чашахъ благовонную мазь. Стоитъ кратера, полная услады; въ кувшинахъ готово и вино, которое обѣщаетъ никогда не изсякнуть; сладкое, виннымъ устоемъ пахнетъ оно. А посрединѣ ладанъ издаетъ священное благоуханіе. Готова и студеная вода, вкусная и чистая. Лежатъ золотистые хлѣбы, и пышный столъ отягченъ сыромъ и обильнымъ медомъ. Посрединѣ—жертвенникъ убранъ со всѣхъ сторонъ цвѣтами. Пѣніе и клики радости оглашаютъ домъ. Но мужамъ, предавшимся веселью, надлежитъ сначала славить бога благоговѣйными повѣствованіями и рѣчами чистыми, а совершивъ возліяніе и помолившись о томъ, чтобъ имѣть силы на дѣла справедливыя (ибо они, конечно, легче, чѣмъ высокомѣріе), потомъ пить столько, чтобъ дойти домой безъ помощи слуги, если кто не очень старъ; изъ мужей же должно прославлять того, кто услаждаетъ вино прекрасными рѣчами о томъ, сколь долговѣчна память о добродѣтели и ея слава,—того, кто не разсказываетъ ни о битвахъ Титановъ и Гигантовъ, ни о дѣлахъ Кентавровъ—измышленія предковъ,—ни о страшныхъ распряхъ; нѣтъ въ нихъ никакой пользы: а полезно всегда поминать о богахъ». Болѣе точный, съ сохраненіемъ размѣровъ, переводъ принадлежитъ С. Любомудрову («Античные мотивы въ поэзіи П—на», изд. 2-ое, СПб., 1901, стр. 44—45); поправки къ нему см. въ «Руководствѣ по исторіи греч. литерат.» А. и М. Круазе, ч. I, перев. С. Радцига, М., 1907, стр. 213. «Переводъ Пушкина, въ общемъ близкій къ подлиннику, исключилъ все прозаическое греческаго образца. Онъ смягчилъ и дидактизмъ подлинника, значительно отступивъ въ концѣ піесы отъ наставленія Ксенофана. Сохранивъ требованіе молитвы о правдѣ, все остальное наставленіе у Пушкина заключено въ одномъ выразительномъ послѣднемъ стихѣ. Въ самой картинѣ приготовленной къ пиру залы переводъ пластичнѣе подлинника... Но эти незначительныя отступленія, сверхъ того, придали произведенію еще одно, болѣе важное достоинство. Двумя-тремя легкими чертами выразивъ нетерпѣніе собравшихся гостей, Пушкинъ осмыслилъ весь поучительный монологъ поэта. Послѣ изображенія гостей, ищущихъ зауряднаго чувственнаго наслажденія, рѣчь хозяина является кстати. Притомъ Пушкинъ вложилъ въ уста мудраго хозяина рѣчь дружескую, чуждую всякаго ригоризма. Это—мудрецъ добродушный; онъ близокъ гостямъ своимъ, но читатель чувствуетъ его «необщее выраженіе» и вѣритъ въ силу его слова болѣе, нежели въ холодную проповѣдь Ксенофана. Такимъ образомъ въ небольшомъ отрывкѣ выступаютъ передъ нами живыя лица гостей и не менѣе живой мудрецъ-хозяинъ. Ни того, ни другого въ греческомъ подлинникѣ нѣтъ».

Бѣлинскій въ статьѣ о Римскихъ элегіяхъ Гете (1841 г.) назвалъ пьесу «высочайшимъ идеаломъ антологической поэзіи», однимъ изъ «мраморныхъ изваяній, которыя дышутъ музыкой»,—«въ которыхъ дивная гармонія пушкинскаго стиха сочеталась съ самымъ роскошнымъ пластицизмомъ

образовъ», и которыя могутъ служить образцомъ, «что такое антологическая поэзія, и какъ высказывается эллинскій духъ въ «божественной эллинской рѣчи», какъ назвалъ ее самъ Пушкинъ» («Соч. Б.», изд. Венгерова, VI, 265—266; см. также письмо Бѣл. къ Н. В. Станкевичу 1839 г.— А. Н. Пыпинъ, «Б., его жизнь и переписка», изд. 2-ое, СПб., 1908, стр. 252). Въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина Бѣлинскій сказалъ, что отъ этой пьесы «вѣетъ античнымъ духомъ», и назвалъ ее въ числѣ произведеній, отражающихъ «созерцаніе любви и наслажденій жизни въ духѣ древнихъ».

---

697. [ИЗЪ АѲЕНЕЯ].

(т. III, стр. 371).

Карандашный автографъ, съ датой: «1 янв. 1833», находится въ принадлежащемъ академіи наукъ майковскомъ собраніи рукописей Пушкина (см. «Пушк. и его соврем.», IV, 16). Впервые пьеса появилась, вмѣстѣ съ другой: «Изъ Ксенофана Колофонскаго», подъ общимъ заглавіемъ: «Подражанія древнимъ» и съ датой «1832», въ «Библіот. для Чтенія», т. V, 1834 г., № 8, отд. I, стр. 20, безъ заглавія и съ припиской внизу и въ скобкахъ: «Изъ Аѳенея». Противорѣчіе между датами объясняется тѣмъ, что поэтъ 1 января 1833 г. переписалъ набѣло пьесу, созданную въ 1832 г. (см. «Сочин. П.», изд. Анненкова, III, 24). Безъ всякой даты она была перепечатана въ «Стихотвореніяхъ Александра Пушкина», ч. IV, 1835 г., стр. 103, подъ тѣмъ же заглавіемъ: «Подражанія древнимъ» и съ подзаголовкомъ въ скобкахъ «Изъ Аѳенея». Въ бумагахъ Пушкина, замѣтимъ кстати, сохранилась приготовленная Пушкинымъ обертка съ надписью: «Подражаніе древнимъ» (Румянц. муз., № 2385-Б—см. «Русс. Стар.» 1884, декабрь, 529).

Аѳеней, грамматикъ и риторъ, родомъ изъ Нижняго Египта, современникъ Марка Аврелія и Александра Севера (умеръ около 228 г. нашей эры), оставилъ потомству любопытный литературный сборникъ, отъ котораго до насъ дошла только небольшая часть, подъ заглавіемъ: «Deipnosophistai» («Пиръ ученыхъ»). Эта книга сохранила много важныхъ свѣдѣній о греческомъ домашнемъ и общественномъ бытѣ и нѣсколько сотъ отрывковъ изъ литературныхъ произведеній древности, значительная часть которыхъ до сихъ поръ не найдена. Пушкинъ зналъ эту замѣчательную книгу, какъ указано Л. Поливановымъ (см. его изд. «Сочин. П.», I, изд. 3-е, М., 1905, стр. 371—372), по французскому переводу «Banquet des Savans», par Athénée, traduit par Lefebvre de Villebrune. Paris, 1789 (имѣется въ библіотекѣ Пушкина—см. ея каталогъ въ «П. и его соврем.», IX—X, 144). Пушкинъ почти не зналъ греческаго языка, но, сличая подлинникъ, французскій переводъ и стихотвореніе, С. Любомудровъ («Античные мотивы въ поэзіи Пушкина», изд. 2-ое, СПб., 1901, стр. 41—44) пришелъ къ заключенію, что нашъ поэтъ «по далеко не совершенной копіи сумѣлъ уловить и передать подлинникъ лучше, живѣе и по духу даже ближе, чѣмъ переводчикъ, владѣвшій языкомъ и не стѣсненный стихотворнымъ размѣромъ».

Эпитафія, которую Аѳеней приписываетъ поэту Гедилу, состоитъ изъ десяти стиховъ, написана элегическимъ размѣромъ (гекзаметромъ и пентаметромъ) и дословно гласитъ, въ безупречномъ по близости къ подлиннику переводѣ Любомудрова:

Здѣсь подъ могильной плитою флейта Ѳеонъ обитаетъ,
Сладкій свирѣли игрокъ, мимовъ въ оркестрѣ краса.
Нѣкогда Скирпалъ слѣпой родилъ себѣ сына подъ старость;
Славя рожденье его, Скирпалъ младенца призналъ;
Имя же далъ онъ такое ему за искусную руку,
Сладость Ѳеона игры имъ предрекая впередъ.
Славилъ онъ музъ, опьяненныхъ виномъ, безпечныя игры,
Славилъ и Ваттала онъ, мастера пить и шутить,
Дивной красой одареннаго. Идучи мимо Ѳеона,
Славной флейтѣ его молвите: «Здравствуй, Ѳеонъ!»

Французскій переводчикъ испортилъ и подсластилъ эпитафію, вставилъ въ нее, ни къ селу ни къ городу, напыщенное восклицаніе будто бы отъ имени автора: «что говорю я!» У Пушкина пьеса вышла лучше не только французскаго перевода, но и античнаго подлинника. «Какъ искусно умѣетъ поэтъ—говоритъ Любомудровъ—сократить представленія, вызываемыя подлинникомъ, не только не нарушая, но даже усиливая впечатлѣніе. Такъ, напримѣръ, три стиха подлинника, изображающіе, какъ отецъ зоветъ на праздникъ рожденія сына и въ присутствіи гостей даетъ ему имя «Ѳеонъ», желая предречь его будущую славу,—Пушкинъ передаетъ однимъ эпитетомъ «вдохновенный», и одно это слово рисуетъ и радость убѣленнаго сѣдинами старца, когда онъ держитъ въ рукахъ своего первенца-сына, и его пророческое прозрѣніе, угадавшее въ этотъ моментъ будущую судьбу мальчика... Все существенное схвачено, ни одна изъ дѣйствительныхъ красотъ подлинника не опущена, а пьеса вышла короче на четыре стиха». Бѣлинскій въ своемъ обзорѣ поэзіи Пушкина назвалъ эпитафію Ѳеону въ числѣ антологическихъ пьесъ, выражающихъ «созерцаніе любви и наслажденій жизни въ духѣ древнихъ».

---

698. ВИНО.

(т. III, стр. 371).

Автографъ, карандашемъ, съ нѣкоторыми отличіями во второй строкѣ, подъ заглавіемъ: «Вино (Іонъ Хіоскій)», находится въ академіи наукъ, въ майковскомъ собраніи рукописей Пушкина («П—нъ и его соврем.» IV, 16). Впервые пьеса напечатана П. В. Анненковымъ («Сочин. П.», III, 24) и отнесена къ 1832 г., какъ написанная «въ одно время» съ стихотвореніями изъ Ксенофана Колофонскаго и изъ Аѳенея. На оборотѣ ея записана пьеса «Юноша, скромно пируй»..., помѣченная 2 января (см. примѣч. къ № 759). Оба стихотворенія записаны, повидимому, въ одинъ пріемъ, и такимъ образомъ «Вино» нужно относить къ 1—2 января 1833 г. Пушкинское переложеніе кое въ чемъ не сходится съ греческимъ подлинникомъ, который дословно гласитъ: «О неукротимое волоокое дитя, юноша—не юноша, пріятнѣйшій слуга въ шумныхъ любовныхъ похожденіяхъ, вино, возбуждающее душу,

властитель людей». Анализируя пьесу Пушкина, С. Любомудровъ говоритъ: «художественность пріема наблюдается здѣсь въ группировкѣ эпитетовъ, видоизмѣненной сравнительно съ подлинникомъ. Руководимый контрастомъ двухъ первыхъ эпитетовъ, «дитя», «старикъ», Пушкинъ прибѣгъ къ такому же пріему и во второмъ стихѣ, сопоставивъ два противоположныя свойства вина, какъ «зачинщика обидъ» и какъ «заступника любви»; въ силу такого распредѣленія опредѣленіе «шумный» само собой отошло къ первому, а при второмъ осталось противоположное ему понятіе «милый», тогда какъ въ греческомъ оба опредѣленія поставлены рядомъ и отнесены къ эротическому элементу. Такимъ образомъ, рука художника-мастера сказалась и здѣсь» («Античные мотивы въ поэзіи Пушкина», изд. 2-ое, СПб., 1901, стр. 46—47). Іонъ изъ Хіоса (род. около 484, ум. около 424 г. до Р. Х.) игралъ нѣкоторую роль въ аѳинской политической и литературной жизни, писалъ трагедіи (получивъ награду за одну изъ нихъ, Іонъ, по словамъ преданія, послалъ каждому аѳинянину по кружкѣ хіосскаго вина), пэаны, эпиграммы, гимны, элегіи, философскія и историческія сочиненія; отъ всего этого до насъ дошли ничтожные отрывки. Изъ какого источника почерпнулъ Пушкинъ фрагментъ его диѳирамба вину, неизвѣстно.

---

699. СВАТЪ ИВАНЪ, КАКЪ ПИТЬ МЫ СТАНЕМЪ....

(т. III, стр. 372).

Автографъ находится въ 2374-ой тетради Румянцевскаго музея, лл. 15-об. и 16. Впервые пьеса была напечатана П. В. Анненковымъ въ «Матеріалахъ для біогр. П—на» («Сочин. П.», т. I, 1855 г., стр. 155—156): «монологъ пьянаго мужичка, къ которому Пушкинъ приложилъ даже и картинку отъ руки, собственнаго издѣлія, изображающую веселаго разсказчика за стаканомъ вина, въ послѣдней степени вакхическаго одушевленія». Этотъ рисунокъ воспроизведенъ въ «Русс. Вѣстн.» 1899 г., іюнь, 389, 397; мужикъ, поглаживая бороду, сидитъ за столомъ; лицо пьяно-серьезное, глаза посоловѣли; передъ нимъ стаканъ и на половину опорожненный штофъ. Анненковъ не датировалъ пьесы какимъ-нибудь опредѣленнымъ временемъ и только замѣтилъ, что она написана «гораздо позднѣе» стиховъ «Какъ весенней теплой порою»... Г. Н. Геннади въ обоихъ своихъ изданіяхъ помѣстилъ ее подъ рубрикой «эпическихъ отрывковъ неизвѣстныхъ годовъ». П. А. Ефремовъ во всѣхъ своихъ изданіяхъ (а слѣдуя ему—и П. О. Морозовъ въ обоихъ своихъ) отнесъ набросокъ къ 1833 г. на томъ основаніи, что въ 1833 г. (см. слѣдующ. примѣч.) Пушкинъ въ томъ же шуточномъ тонѣ и тѣмъ же народнымъ складомъ написалъ нѣсколько стиховъ въ посланіи Вяземскаго къ Жуковскому, начинающемся словами: «надо помянуть, непремѣнно помянуть надо

Трехъ Матренъ,
Да Луку съ Петромъ...»

Но эти два стиха, конечно, не принадлежатъ ни Пушкину, ни Вяземскому: это просто обычная народная прибаутка, которою начинается поминаніе какъ дающимъ тонъ motto, и они не служатъ доказательствомъ близкой хронологической связи между обѣими пьесами. По положенію же «Свата Ивана» въ музейной тетради набросокъ слѣдуетъ датировать приблизительно 1833 — 1835 годами.

Это одно изъ тѣхъ произведеній, въ которыхъ, справедливо говоритъ Анненковъ (ibid., 152—153), «сила Пушкина и близкое знакомство съ духомъ русской поэзіи выступаютъ особенно ясно. Складъ и теченіе рѣчи удивительно близко подходятъ къ обыкновеннымъ пріемамъ народной фантазіи, и только по особенной полнотѣ и граціи подробностей видите, что тутъ прошла творческая рука поэта. Они кажутся деревенской пѣсней, пропѣтой великимъ мастеромъ. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается и тайна высокаго наслажденія, доставляемаго ими». «Какое прекрасное произведеніе!—говоритъ Н. Некрасовъ («Къ вопросу о значеніи П—на въ исторіи русскаго литературняго языка», сборн. «Памяти П—на», изд. журн. «Жизнь», СПб., 1899, стр. 231—232).—Сколько въ немъ живой правды! Какъ мастерски умѣлъ Пушкинъ сочетать грубость понятій простого человѣка съ благородными качествами его русской души: широтою чувства и смысломъ поэзіи!.. Такъ Пушкинъ охарактеризовалъ въ этомъ произведеніи нашу русскую простонародность! А какой языкъ! При многихъ чисто-русскихъ народныхъ оборотахъ рѣчи, при чисто-русскомъ простонародномъ складѣ изложенія мыслей и чувствъ Пушкинъ не допустилъ ни одного намѣреннаго искаженія формы; онъ не замѣнилъ даже слова «непремѣнно» обыкновенно употребительною въ просторѣчіи формою «безпремѣнно», и мѣстоименія «этихъ» формою «евтихъ» или «ентихъ» и т. п. Очевидно, что всякое лишнее искаженіе русскаго языка и общихъ типическихъ формъ простонародной рѣчи было противно его чувству художника, соблюдающаго во всемъ извѣстную мѣру». «Въ Пушкинѣ — сказалъ въ своей знаменитой рѣчи Достоевскій — есть что-то сроднившееся съ народомъ взаправду, доходящее въ немъ почти до какого-то простодушнѣйшаго умиленія. Возьмите сказаніе о медвѣдѣ и о томъ, какъ убилъ мужикъ его боярыню-медвѣдицу, или припомните стихи «Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ»..., и вы поймете, что я хочу сказать». Нѣсколько раньше («П—нъ, Лермонтовъ и Некрасовъ»—«Дневникъ писателя» 1877 г., декабрь) Достоевскій писалъ, что эта «прелестная шутка»—«что-то любовное, что-то милое и умиленное въ его созерцаніи народа».

Пахомовна—не только превосходно схваченный типъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ настоящій портретъ няни поэта, Арины Родіоновны (см. примѣч. къ № 516).

---

700. ГОСПОДИНА ШАФОНСКАГО...

(т. III, стр. 372).

Эти двадцать шесть стиховъ составляютъ часть шуточнаго посланія кн. П. А. Вяземскаго находившемуся тогда въ Швейцаріи В. А. Жуковскому, 26 марта 1833 г., воспроизведеннаго fac-simile въ изданномъ кн. П. П. Вяземскимъ въ 1880 г. сборникѣ «Семь автографовъ А. С. Пушкина 1816—1837 г.» (№ 6). Въ томъ же году оно напечатано въ «Сочин. кн. П. А. Вяземскаго», IV, 167—169, подъ заглавіемъ «Поминаніе», а также въ статьяхъ кн. П. П. Вяземскаго «А. С. П—нъ 1826—1837 по документамъ Остафьевскаго архива

и личнымъ воспоминаніямъ» (газ. «Берегъ» 1880 г. и отдѣл.). «Не поговоримъ ли—пишетъ Вяземскій Жуковскому — о словесности, то есть о поэзіи, напримѣръ о нашей съ Пушкинымъ и Мятлевымъ, который въ этомъ случаѣ былъ notre chef d'école. Надо помянуть, непремѣнно помянуть надо»... Тутъ, послѣ народной прибаутки: «Трехъ Матренъ, да Луку съ Петромъ», начинается длинный списокъ именъ разныхъ знакомыхъ и незнакомыхъ, въ томъ числѣ «Пушкина не Мусина, не Онѣгинскаго, а Бобрищева» и «нашего славнаго поэта шурина Павлищева», а въ серединѣ, послѣ стиха: «Бывшаго Каммеръ-Гера Приклонскаго», рукою Пушкина четко набросаны двадцать шесть строкъ; за ними опять рядъ именъ, подобранныхъ Вяземскимъ, который спрашиваетъ Жуковскаго: «довольно ли съ тебя, а у насъ уже набралось около тысячи. Это вольное подражаніе твоему пѣвцу въ русскомъ станѣ. Надѣюсь, что этотъ образецъ воспламенитъ твое вдохновеніе, и ты не оставишь по части швейцарской составить значительное пополненіе... Мы часто поминаемъ Василія Андреевича Жуковскаго и кума его Михайла Трофимовича Каченовскаго»...

«Риѳмованная проза» Пушкина, «со вставками даже безъ риѳмы», напомнила Ѳ. Е. Коршу (изслѣдованіе о «Русалкѣ», стр. 104—105) «прибаутки раешниковъ».

«Докторъ Шулеръ, умершій въ чумѣ»—кишиневскій знакомецъ Пушкина, членъ тамошней масонской ложи «Овидій» (о немъ см. ст. Е. Вейденбаума въ «П—нъ и его соврем.» VIII, 12—14, газетѣ «Кавказъ» 1890 г., № 77, и «Тифлисск. Листкѣ» 26 мая 1899 г., иллюстр. прилож.; В. И. Семевскій, «Политическія и общественныя идеи декабристовъ», СПб., 1909, стр. 315). Съ петербургскимъ полиціймейстеромъ Дершау Пушкинъ въ 1827 и 1828 г.г. встрѣчался по непріятнымъ дѣламъ, возникшимъ изъ-за «Андрея Шенье» и «Гавриліады» (о немъ см. въ «Остафьев. архивѣ кн. Вяземскихъ», II, 591). Въ ресторанѣ Дюме Пушкинъ бывалъ часто; тамъ онъ познакомился съ Дантесомъ. Кн. Григорій Волконскій—можетъ быть, кн. Г. П. Волконскій, состоявшій при азіатскомъ департаментѣ (о немъ см. въ «Остафьевс. архивѣ», III, 705—709). Арндтъ—по всей вѣроятности, извѣстный петербургскій врачъ. Костромской губернаторъ Ланской – Сергѣй Степановичъ (1787—1862), впослѣдствіи графъ и министръ внутреннихъ дѣлъ. «Графиня вице-канцлерша Нессельроде»—Марія Димитріевна, рожд. графиня Гурьева (1786—1849), жена стоявшаго во главѣ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ гр. К. В. Нессельроде. Хвостовъ—графъ Дим. Иван., поэтъ. Роде (Петръ)—знаменитый французскій скрипачъ и композиторъ (1774—1830). О баронѣ Люцероде Пушкинъ упоминаетъ въ письмѣ къ А. А. Фуксъ 19 октября 1834 г., о генералѣ бар. Ф. Ф. Винцингероде (1770—1818)—въ письмѣ къ Д. В. Давыдову въ концѣ мая 1836 г. Велеурскими друзья прозывали въ шутку братьевъ графовъ Віельгорскихъ, одинъ изъ которыхъ очень любилъ выпить; ср. «Посланіе графу М. Ю. Велеурскому» К. Н. Батюшкова (Польскіе графы Велегурскіе (Wielegòrski) по-русски писались Віельгорскими; см. этюдъ Е. А. Боброва «Гоголь и Достоевскій» въ Сб. учено-литерат. общ. при Юрьевск. унив., т. XV, 1909 г., стр. 187; «Русс. Стар.» 1913, декабрь, 515). А. А. Самборскій — извѣстный священникъ и сельскохозяйственный дѣятель (1740—1815); «онъ по образованію и понятіямъ своимъ опередилъ своихъ современниковъ на цѣлое столѣтіе» (бар. А. Е. Розенъ, «Записки декабриста», СПб., 1907, стр. 37).

---

701. ГУСАРЪ.

(т. III, стр. 372).

Небольшой черновой отрывокъ, съ датой «16 апрѣля 1833» и рисункомъ (гусаръ на конѣ и чертенята), находится въ парижскомъ собраніи А. Ѳ. Отто (Онѣгина); см. «П—нъ и его соврем.», XII, 15. Впервые пьеса появилась въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1834 г., т. I, № 1, стр. 13, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. IV, 1835 г., стр. 1—10, съ датой 1833 г. Отъ издателя «Библ. для Чт.» А. Ф. Смирдина Пушкинъ получилъ огромную плату. «Смирдинъ, говорятъ, заплатилъ ему 2000 р. асс.» («Матеріалы для біогр. П—на», изд. 1-ое, стр. 393). А. М. Языковъ, братъ поэта, писалъ В. Д. Комовскому 1 октября 1833 г.: «вчера былъ у насъ Пушкинъ, возвращавшійся изъ Оренбурга... Онъ прочиталъ намъ свою сказку «Гусаръ»; ее купилъ, дескать, у него Смирдинъ за 1000 руб. сто стиховъ» («Историч. Вѣстн.» 1883, дек., 537). 10 декабря Комовскій писалъ А. М. Языкову: «Смирдинъ, возвратившись при мнѣ отъ Пушкина въ свою лавку, съ прискорбіемъ жаловался на него: за три пьески, въ которыхъ-де не болѣе трехъ печатныхъ листовъ будетъ, требуетъ Александръ Сергѣевичъ 15,000 рублей. У этого барона не дурна фантазія»... — «Пушкинъ правъ, продавая втридорога свои стихи, съ торгашами такъ и должно», отвѣчалъ А. М. Языковъ (ib., 538). По всей вѣроятности, съ «Гусаромъ» связанъ эпизодъ, о которомъ черезъ три года послѣ смерти Пушкина разсказывалъ супругамъ Панаевымъ самъ Смирдинъ (А. Я. Головачева - Панаева, «Русс. писатели и артисты», СПб., 1890, стр. 247—248). Смирдинъ долженъ былъ уплатить Пушкину за какую-то рукопись пятьдесятъ золотыхъ, но жена поэта, находя, что онъ всегда продешевливаетъ, взяла рукопись къ себѣ и заставила Смирдина заплатить сто золотыхъ. Въ «Гусарѣ» 116 стиховъ, — значитъ, Пушкинъ получилъ по 17 р. 24 к. за стихъ. Можно съ увѣренностью сказать, что такой платы не получалъ отъ издателя-коммерсанта ни одинъ русскій поэтъ ни до Пушкина, ни послѣ него. Лишь въ наше время подобную плату за стихи стали получать отъ крупныхъ газетныхъ издателей популярнѣйшіе поэты Англіи и Америки, вродѣ Киплинга. Если перевести ассигнаціонные рубли на серебряныя деньги по тогдашнему курсу, то выйдетъ приблизительно 6 руб. за стихъ, но при этомъ не нужно упускать изъ виду, что покупная способность серебрянаго рубля тогда была раза въ два съ половиною выше нынѣшней. Вообще Пушкинъ получалъ очень крупную плату со временъ «Бахчисарайскаго Фонтана» (см. нашу ст. во II т., стр. 185); особенно щедро платилъ писателямъ Смирдинъ въ «Библ. для Чтенія», гдѣ, по словамъ Кенига («Очерки русс. литературы», СПб., 1862, стр. 231), «многіе получали отъ 250 до 300 руб. за листъ прозы, а за стихи платили такъ дорого, что одному поэту доводилось получать по 5 руб. за стихъ», — какъ мы видѣли, даже больше. А. В. Никитенко (см. его «Записки и дневникъ», изд. 2-ое, I, 242, 244) говорилъ, что Пушкинъ «грабитъ Смирдина»; «такъ называемые знаменитые наши литераторы

требуютъ только денегъ, денегъ и денегъ» (см. примѣч. къ №№ 720—726; «Соч. Бѣлинскаго», X, М., 1860, стр. 314).

Какъ на источникъ фабулы «Гусара», помянутый В. Д. Комовскій указывалъ на повѣсть О. М. Сомова «Кіевскія Вѣдьмы», напечатанную въ сборникѣ «Новоселье» 1833 г. («Ист. В.», ib., 538). Связь между ними разсмотрѣна В. В. Даниловымъ («Литерат. очерки», Варш., 1910, отд. отт. изъ «Русс. Филол. Вѣстн.» 1910 г., стр. 12—21); онъ говоритъ «положительно о заимствованіи Пушкинымъ сюжета у Сомова» и ссылается на совпаденіе нѣкоторыхъ подробностей — буря, шабашъ, жидъ и т. п. Но не менѣе возможно и то, что Пушкинъ, независимо отъ Сомова, зналъ популярную южно-русскую сказку изъ длиннаго цикла вѣдьмовскихъ похожденій, принадлежащаго притомъ не одной только южно-русской демонологіи (см. «Изслѣдованія» Н. Ѳ. Сумцова въ Харьков. унив. сб. въ память П—на, 1900 г., стр. 269—276; Е. Кагаровъ, «Очеркъ соврем. состоянія миѳологич. науки»—«Вопросы теор. и психол. творчества», V, 324—325). Подобный разсказъ, также солдатскій и также относящійся къ кіевской вѣдьмѣ, см. въ «Русс. Арх.» 1906, II, 394, 395—396 (В. Глоріантовъ, «Изъ былого времени»). О какомъ-то мѣстопребываніи нечистой силы упоминаетъ Пушкинъ въ одной сказочной записи (см. т. IV наст. изд., № 821,—«и огни, и много ихъ»...). Конечно, Пушкину былъ знакомъ драгунскій ротмистръ Брамербасъ, герой сказки И. И. Дмитріева «Причудница», «бывшій столько лѣтъ въ малороссійскомъ краѣ игралищемъ злыхъ вѣдьмъ» (П. В. Владиміровъ, «А. С. П—нъ и его предшественники»—сб. «Памяти П—на», «Кіевс. Универс. Извѣстія» 1899 г., май, стр. 13).

Народность еще мало цѣнилась въ пушкинскую эпоху. «Типъ гусара, мастерски очерченный Пушкинымъ, не былъ тогда замѣченъ большинствомъ публики», говоритъ П. В. Анненковъ (см. его изд. «Сочин. П.», III, 39). «Пустячокъ», сказалъ П. А. Катенинъ, хотя прибавилъ, что «его проглотить можно» («Русс. Стар.» 1911, авг., 380). «Безжизненное стихотвореніе», писалъ Н. В. Станкевичъ («Переписка и біографія», М., 1857, 2-ая пагин., 82). Одинъ лишь Денисъ Давыдовъ («Сочин.», СПб., 1895, III, 190) нашелъ, что это «вспышка изъ царь-пушки Пушкина»; въ тонѣ пьесы, эпиграфомъ къ которой могло бы послужить начало давыдовскаго «Полусолдата», поэтъ-казакъ долженъ былъ почувствовать нѣчто родное. Булгаринъ («Сѣв. Пчела» 30 дек. 1833 г., № 300, стр. 1187—1188) въ отзывѣ о «Библ. для Чт.» писалъ: «стихотвореніе Пушкина одушевлено веселостью, игривостью и очаровательностью разсказа, превосходящаго волшебство предмета».

Бѣлинскій сначала (1835) отнесся къ стихотворенію холодно: «не безъ достоинства» («Соч. Б.», изд. С. А. Венгерова, II, 415); но впослѣдствіи, понявъ значеніе народности, въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи назвалъ его «превосходнымъ». Не понялъ «Гусара» Н. А. Полевой (въ рецензіи на «Библ. для Чт.», см. «Соч. Ап. Григорьева», I, 237). Н. В. Сушковъ («Обозъ къ потомству» — «Раутъ», III, М., 1854, стр. 334) оцѣнилъ въ пьесѣ «особенно бойкій разсказъ». Курьезна сердитая и бранчивая рецензія А. Мартынова («Маякъ» 1843 г., т. XI, «Критика», стр. 96—99), который отказался понимать, «въ чемъ заключается поэзія этихъ шиночныхъ элементовъ грязной жизни». Л. И. Поливановъ (см. его изд. «Соч. П.», М., 1887, стр. 307) находитъ, что «трудно указать другой образецъ такого художественнаго воспроизведенія просторѣчія, исполненнаго неподдѣльной наивности, сквозь которую, однако, замѣтенъ юморъ автора. Народное повѣрье здѣсь нашло такого повѣствователя, въ устахъ котораго, вопреки его волѣ, иллюзія фантастическаго разсказа раскрывается читателю довольно ясно, но хвастунъ-солдатъ вѣритъ всею душою тому, о чемъ повѣствуетъ, и что ему привидѣлось съ горѣлки, и даже величается тѣмъ, что «видалъ такіе виды», поощряемый еще болѣе простодушнымъ слушателемъ, котораго нашелъ себѣ на крестьянскомъ дворѣ, гдѣ чиститъ коня своего». Едва ли, впрочемъ, солдатъ самъ крѣпко вѣритъ своимъ словамъ. Просто онъ высокомѣрно поучаетъ сѣраго мужика.

3—4 стихи приводятъ на память знаменитое выраженіе изъ «Fourberies de Scapin» Мольера: «Que diable allait il faire dans cette galère»?...

Пропія «Гусара» положила конецъ русской фантастической балладѣ, но его отношеніе къ народности дало свои плоды въ литературѣ и ранѣе всего отразилось въ тонѣ «Бородина» Лермонтова (см. П. А. Ѳедоровскій, «Забытый литературный вопросъ», Тифл., 1891, стр. 17; П. В. Владиміровъ, «Историч. и нар.-бытов. сюжеты въ поэзіи Лерм—ва», К., 1892, стр. 30).

---

702. ПОЛЮБУЙТЕСЬ ЖЕ ВЫ, ДѢТИ...

(т. III, стр. 374).

Автографа не существуетъ. Пьеса впервые появилась въ «Библіографич. Запискахъ» 1858 г., I, 494—496, при слѣдующемъ разсказѣ М. Н. Лонгинова, ссылающагося на слова лица, которое Пушкинъ назвалъ «длиннымъ Фирсомъ»: «Однажды, если не ошибаюсь въ 1833 году лѣтомъ, когда Пушкинъ жилъ на Черной рѣчкѣ, на одной изъ сосѣднихъ дачъ вечеромъ собралось довольно большое общество, и въ томъ числѣ Пушкинъ. Всѣ гости были охотники до картъ, а потому они вскорѣ расположились вокругъ зеленаго стола, и одинъ изъ нихъ началъ метать банкъ. Всѣ игроки совершенно погрузились въ свои ставки и разсчеты, такъ что вниманіе ихъ ничѣмъ нельзя было отвлечь отъ стола, на которомъ рѣшалась участь многочисленныхъ понтеровъ. Въ это время въ калитку палисадника, въ который выходили открытыя окна и балконныя двери дачи, вошелъ молодой человѣкъ очень высокаго роста, закутанный въ широкій плащъ. Увидя играющую компанію, онъ незамѣтно для занятыхъ своимъ дѣломъ игроковъ, не снимая ни шляпы, ни плаща, вошелъ въ комнату и остановился за спиною одного изъ понтеровъ. Такая нецеремонность въ обращеніи не покажется удивительною, если мы скажемъ читателямъ, что молодой человѣкъ этотъ былъ кн. С. Г. Г., хорошій пріятель Пушкина и прочихъ лицъ, бывшихъ въ комнатѣ. Г. и теперь извѣстенъ въ обществѣ любезностію, остроуміемъ и талантами: онъ очень пріятный музыкантъ и стихотворецъ, написавшій нѣсколько преостроумныхъ эпиграммъ и другихъ очень милыхъ пьесъ. Въ то время онъ былъ въ числѣ многочисленныхъ почитателей дѣвицы Р., принадлежавшей къ лучшимъ украшеніямъ петербургскаго общества по замѣчательной красотѣ, плѣнительной любезности и свѣтлому уму. Должно замѣтить, что дня за два до описываемаго вечера

Г. находился въ томъ же обществѣ, которое сошлось теперь на дачѣ Черной рѣчки, выигралъ около тысячи рублей, именно у банкомета, державшаго теперь банкъ, и что выигрышъ этотъ остался за нимъ въ долгу. Г., подошедши къ столу, простоялъ нѣколько минутъ все-таки никѣмъ не замѣченный и наконецъ, взявши со стола какую-то карту, бросилъ ее и закричалъ: «ва-банкъ!» Всѣ подняли глаза и увидѣли со смѣхомъ и изумленіемъ неожиданнаго гостя въ его странномъ костюмѣ. Начались привѣтствія, но банкометъ, озадаченный ставкою Г., всталъ и, отведя его немного въ сторону, спросилъ: «да ты на какія деньги играешь? на э т и или на т ѣ?» Подъ «этими» онъ разумѣлъ ставку нынѣшняго вечера, а подъ «тѣми» свой долгъ. Г. отвѣтилъ ему: «это все равно: и на э т и, и на т ѣ, и на т ѣ, т ѣ, т ѣ». Игра продолжалась, но Пушкинъ слышалъ отвѣтъ Г.; т ѣ, т ѣ, т ѣ его очень забавляло, и онъ шутя написалъ стихи».

Имя черноокой Россети въ «Библіогр. Запискахъ» было обозначено только буквой Р., хотя Лонгиновъ тутъ-же въ примѣчаніи довольно ясно указалъ, что этой особѣ Пушкинъ посвятилъ стихи: «Въ тревогѣ пестрой и безплодной»..., и что съ нею постоянно переписывался Гоголь. Имя это появилось полностью въ берлинскомъ томикѣ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина, 1861 г., стр. 165, а затѣмъ въ первомъ изданіи Ефремова (1880, III, 327). Лѣтомъ 1833 г. Пушкинъ дѣйствительно жилъ на дачѣ на Черной рѣчкѣ, но А. О. Россети тогда была не Россети (или, вѣрнѣе, Россетъ), а уже около полутора года Смирнова.

Прозвище «Фирса» принадлежало одному изъ представителей многочисленнаго рода Голицыныхъ, которые въ тѣ времена чуть не всѣ носили разныя прозванія,—князю Серг. Григ. Голицыну (род. 28 іюля 1806 г., ум. 19 ноября 1868 г.). «Прозвище Ѳирсъ, сколько намъ извѣстно,—говоритъ П. И. Бартеневъ («Русс. Арх.» 1871 г., ст. 0949) — находилось въ какой-то связи съ 14 декабря, днемъ памяти св. мученика Ѳирса». Кн. Н. С. Голицынъ («Записки»—«Русс. Стар.» 1881, мартъ, 520—521) о происхожденіи этого прозвища передаетъ слѣдующее: «Князь С. Г. Голицынъ былъ вхожъ въ домъ генералъ-адъютанта Чернышева (впослѣдствіи графа и князя) и почти домашнимъ человѣкомъ въ его семействѣ. Такъ какъ онъ былъ очень милый и любезный собесѣдникъ и притомъ пріятный пѣвецъ романсовъ и оперныхъ арій, то дѣти генерала Чернышева и прозвали его, въ шутку, Тирсисомъ (Thyrsis, по русски Ѳирсъ). Но какъ 14-го декабря, по русскимъ святцамъ, празднуется память св. мучениковъ Ѳирса и другихъ съ нимъ, то, при производствѣ слѣдствія надъ декабристами, возникло подозрѣніе, не имѣло ли прозваніе Ѳирсъ какого-нибудь соотношенія съ событіемъ 14 декабря 1825 г., и отъ князя С. Г. Голицына потребовано было объясненіе, которое и оказалось единственно означенною выше дѣтскою шуткой. Но это прозваніе съ тѣхъ поръ осталось ему на цѣлую жизнь» (Ср. «Воспоминанія Фонтона», Лпц., 1862, II, 16—18). «Это былъ — разсказываетъ В. Д. Давыдовъ («Р. А.», ib.) — одинъ изъ остроумнѣйшихъ, пріятнѣйшихъ собесѣдниковъ своего времени, русскій образованный баринъ въ полномъ смыслѣ слова и одинъ изъ такихъ разсказчиковъ, какихъ весьма рѣдко можно слышать». Онъ очень любилъ музыку, писалъ стихи, между прочимъ, для романсовъ Глинки («Русс. Арх.» 1869 г., 362—363). Гр. В. А. Соллогубъ («Воспоминанія», СПб., 1887, стр. 99) вспоминаетъ о немъ, какъ объ «умномъ и веселомъ собесѣдникѣ, но шутникѣ и шалунѣ легендарномъ» (ср. «Записки А. О. Смирновой», I, 47). «У него былъ великолѣпный басъ, и, кромѣ того, онъ былъ пріятный въ обществѣ человѣкъ и забавный разсказчикъ» («Записки гр. М. Д. Бутурлина»—«Русс. Арх.» 1897, II, 241). Быть можетъ о немъ говоритъ А. Я. Булгаковъ въ письмахъ къ дочери, изъ Москвы, 2 октября 1833 г. («Русс. Арх.», 1906, II, 80) и 24 сентября 1834 г. (ibid., 530), упоминая о комъ-то подъ прозвищемъ «те-те-те», и кн. П. А. Вяземскій въ письмѣ къ Пушкину 26 іюля 1828 г. («пѣсни поетъ князь Голицынъ, ночи пѣвецъ и картежникъ»).

703—719. ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

(т. III, стр. 405).

Отсылая читателя къ вступительной статьѣ А. И. Яцимирскаго (III, 375—402), мы ограничимся здѣсь немногочисленными справками и замѣчаніями.

Извѣстны автографы только трехъ пѣсенъ: «Пѣсни о Георгіи Черномъ» (въ майковскомъ собраніи рукописей Пушкина, принадлежащемъ академіи наукъ,—«П—нъ и его совр.», IV, 16), «Соловья» (Румянцевс. муз., № 2375, лл. 18_2 и 35_1,—«Русс. Стар.» 1884, сент., 648 — 649) и «Что бѣлѣетъ на горѣ зеленой»... (у И. А. Шляпкина, «Изъ неизд. бумагъ П—на», СПб., 1903, стр. 32). Первыя 15 появились въ «Библ. для Чтенія», т. IX, 1835 г., отд. I, стр. 5—32; 16-ая—тамъ же, стр. 487, а 17-ая—въ «Сочин. П.», изд. П. В. Анненкова, I, 380 (первая половина) и у Шляпкина, l. c. (вторая половина). Пушкинъ хотѣлъ, вѣроятно, продолжать серію, такъ какъ въ его бумагахъ имѣется краткая запись: «18-ая пѣснь сербская» (см. примѣч. къ № 729). Время ихъ созданія — приблизительно 1832—1833 гг. (см. «Труды и дни П—на», изд. 2-ое, 276, 283). Первыя 16 Пушкинъ включилъ въ свои «Стихотворенія», ч. IV, 1835 г., стр. 113—176, съ небольшими разночтеніями и присоединеніемъ не бывшихъ въ «Библ. для Чт.» предисловія (105—112) и примѣчаній (177 — 189). По выходѣ IV ч. «Стихотвореній», «Библ. для Чт.» (1835, т. 12, отд. 6) писала, что эти «прелестныя подражанія народнымъ поэтическимъ преданіямъ... подъ перомъ Пушкина обновляютъ угасающую жизнь свою, чтобы продлить свое существованіе еще на нѣсколько столѣтій». А. Мартыновъ въ «Маякѣ» (т. XI, 1843 г., «Критика», 133—145) отнесся къ нимъ, всѣмъ вмѣстѣ и каждой въ отдѣльности, очень сурово: «поддѣльныя пѣсни, въ высокой степени скучныя, въ которыхъ и тѣни нѣтъ славянскаго»... Бѣлинскій говорилъ о нихъ не разъ: «эти пѣсни подложныя, выдуманныя двумя французскими шарлатанами, — и что жъ? Пушкинъ умѣлъ придать этимъ пѣснямъ колоритъ славянскій, такъ что, если бы его ошибка не открылась, никто и не подумалъ бы, что это пѣсни подложныя. Кто что ни говори, а это могъ сдѣлать только одинъ Пушкинъ!» («Соч. Б.», изд. Венгерова, II, 415). Вторымъ мистификаторомъ Бѣлинскій считалъ, должно быть, Нодье. «Поддѣлка двухъ французовъ заставляетъ его взяться за народныя пѣсни Сербіи, и онъ создаетъ рядъ пѣсенъ, дышащихъ всею роскошью дикой поэзіи дикаго на-

рода» (VIII, 199; ср. IX, 113). Онѣ «болѣе чѣмъ что-нибудь доказываютъ непостижимый поэтическій тактъ Пушкина и гибкость его таланта... Не знаемъ, каковы вышли на французскомъ языкѣ эти пѣсни, обманувшія Пушкина, но у Пушкина онѣ дышатъ всею роскошью мѣстнаго колорита, и многія изъ нихъ превосходны, несмотря на однообразіе, неизбѣжное, впрочемъ, свойство всѣхъ народныхъ произведеній» («Соч. Б.», ч. VIII, М., 1860, стр. 408). Современная публика не поняла ихъ значенія. «Мы помнимъ— говоритъ А. В. Дружининъ («П—нъ и послѣдн. изданіе его сочин.»—«Б. для Чт.» т. 130, 1855 г., № 3—4, стр. 41—42, 87) — дилетантовъ стараго времени, входившихъ въ гостиную съ книжкой «Современника» или «Библ. для Чтенія» и говорившихъ: «исписывается бѣдный Александръ Сергѣевичъ»,—«не даются больше стихи Пушкину!» Память наша ясно представляетъ намъ толстаго господина, сидящаго въ кругу дамъ и мужчинъ за круглымъ столомъ и читающаго комическимъ голосомъ «Пѣсни Западныхъ славянъ». Слушатели внимаютъ съ выраженіемъ нѣкоторой грусти на лицахъ и все-таки смѣются такимъ страннымъ стихамъ, стихамъ такъ похожимъ на простонародную прозу!.. Сжатость формы, текучесть повѣствованія, бѣдность поэтическихъ украшеній поражаютъ насъ въ «Пѣсняхъ З. сл.». Намъ кажется, что по временамъ труды въ сказанномъ родѣ утомляли самого Пушкина,—такъ, напр., безподобно передавая поэтическую легенду «Видѣніе короля», онъ, какъ бы неохотно, подступаетъ къ другимъ пѣснямъ, болѣе бѣднымъ поэтической прелестью». А. А. Потебня смѣялся надъ «дѣтскою заносчивостью» мнѣній Бѣлинскаго о способности Пушкина «перевоплощаться» («Изъ записокъ по теоріи словесности», Хар., 1905, стр. 50) и находилъ, что «человѣкъ, отмѣченный печатью генія, попался впросакъ, принимая за народную поэзію западныхъ славянъ пѣсни, не имѣющія никакого къ ней отношенія; это позоръ русской литературы» («Вопросы теоріи и психологіи творчества», т. II, вып. 2, СПб., 1910, стр. 61). Ср. отзывъ Н. В. Сушкова («Раутъ», кн. III, М., 1854, стр. 332). Это мнѣніе такъ чудовищно-нелѣпо, что даже не нуждается въ опроверженіи. Одно можно сказать: эпосу, утратившему значительную долю простоты въ передачѣ Меримэ, Пушкинъ, не обращавшійся къ подлиннымъ сербскимъ пѣснямъ, возвратилъ славянскую стихію, и мистификація Меримэ дала на русской почвѣ результаты, которые были бы тѣми же, если бы Пушкинъ не пользовался при изученіи сербскихъ пѣсенъ книгой Меримэ, а познакомился съ другими источниками; да онъ и ихъ зналъ (см. ст. Яцимирскаго); еще въ 1820 г. Каченовскій («Вѣстн. Евр.», № 14, «О сербскихъ народныхъ пѣсняхъ») направлялъ вниманіе образованныхъ русскихъ людей на сербскій эпосъ. Въ библіотекѣ Пушкина («П—нъ и его соврем.» IX—X, №№ 925, 1142, 1154) сохранились «Voyage en Dalmatie» Фортиса, первые три тома сборника Караджича и, конечно, книга Меримэ. Послѣднюю и нельзя сводить, несмотря на хвастливыя заявленія и «саморазоблаченія» Меримэ, исключительно къ мистификаціи (см. Л. И. Поливановъ во II т. его изд. «Соч. П.», изд. 2-ое, стр. 245—247). Въ 1821 г. въ Измаилѣ, разсказываетъ И. П. Липранди («Русс. Арх.» 1886, ст. 1279) свояченица купца Славича «продиктовала ему какую-то славянскую пѣсню, но бѣда въ томъ, что въ ней есть слова иллирійскаго нарѣчія, которыхъ онъ не понимаетъ; а она, кромѣ своего родного и итальянскаго языка, другихъ не знаетъ»; онъ искалъ знающаго человѣка, который бы растолковалъ ему эти слова. Съ представителями славянской интеллигенціи Пушкинъ долженъ былъ встрѣчаться въ Одессѣ; «Сербіанка» Милутиновича была даже издана на средства Ив. Ризнича, мужа одесской красавицы, воспѣтой Пушкинымъ (А. И. Маркевичъ, «П — нъ и Новороссійскій край», Од., 1900, стр. 14 — 15). Противоположною мнѣнію Потебни крайностью является отзывъ Достоевскаго, который писалъ въ разгаръ славянскаго движенія («Дневникъ писателя» 1877, февр., гл. I), что «П. З. сл.»—«это шедевръ изъ шедевровъ Пушкина, между шедеврами его шедевръ, не говоря уже о пророческомъ и политическомъ значеніи этихъ стиховъ... Это предчувствіе славянъ русскими, это пророчество русскихъ славянамъ о будущемъ братствѣ и единеніи... «Пѣсни», какъ всѣмъ извѣстно, взяты у Пушкина съ французскаго»... Пушкинъ «возстановилъ славянъ, и ужъ, конечно, теперь это «Пѣсни Западныхъ славянъ», настоящихъ славянъ, славянъ, даже породнившихся уже съ русскими. Конечно, этихъ пѣсенъ нѣтъ въ Сербіи, поются у нихъ другія, но это все равно: пушкинскія пѣсни—это пѣсни всеславянскія, народныя, вылившіяся изъ славянскаго сердца, въ духѣ, въ образѣ славянъ, въ смыслѣ ихъ, въ обычаѣ и въ исторіи ихъ». О «Пѣснѣ о Георгіи Черномъ» и «Пѣснѣ о битвѣ при Зеницѣ Великой» Достоевскій говоритъ: «это два шедевра изъ этихъ пѣсенъ, брилліанты первой величины въ поэзіи Пушкина»... Гораздо трезвѣе мнѣніе Гоголя («Соч.», изд. 10-ое, VI, 399), что Пушкинъ «съ вѣрною простотою передалъ въ полновѣсныхъ стихахъ своихъ» пѣсни Меримэ, который самъ «почувствовалъ и угадалъ духъ славянскій».

О связи «Яныша-Королевича» съ «Русалкой» см. выше, примѣч. къ № 695; о концѣ этой пѣсни— ib., стр. 240, и изслѣдованіе Ѳ. Е. Корша о «Русалкѣ», стр. 103. Послѣ Пушкина пѣсни Меримэ мало переводились на русскій языкъ. Укажемъ только переводы «Морлахъ въ Венеціи» (по передѣлкѣ Мицкевича) В. Г. Бенедиктова и Н. Берга («Современникъ» 1846 г., т. 43, стр. 217 — 220) и «Воевода Меркурій» Н. Лернера («Недѣля «Соврем. Слова» 1912 г., № 229).

720—726. [ПОПЫТКИ ВЕРНУТЬСЯ КЪ «ЕВГЕНІЮ ОНѢГИНУ»].

(т. III, стр. 423).

«Еще долго послѣ окончанія Онѣгина — говоритъ Анненковъ («Матеріалы для біографіи Пушкина», изд. 1-ое, 1855 г., стр. 342) — Пушкина влекло къ нему противъ воли. Поэту нашему какъ-будто недоставало своего постояннаго труда, съ которымъ онъ сжился въ продолженіе стольких лѣтъ. Онъ жалѣлъ о романѣ и скучалъ по немъ. Возвратиться къ нему и связать опять свое вдохновеніе съ его строгимъ и вмѣстѣ свободнымъ ходомъ не было возможности. Онѣгинъ кончился совершенно, и трудно было выискать благовидную причину, чтобъ начать новыя прилѣпки къ нему. Пушкинъ чувствовалъ это невольно»... Мы знаемъ (см. выше, стр. 212—215), почему Пушкинъ «вдругъ разстался» съ своимъ героемъ. Мысли поэта приняли такой оборотъ, что онъ не могъ разсчитывать провести ихъ въ печать. Но публика ждала продолженія романа, а вѣрный

ПРОЭКТЪ П. П. ЗАБѢЛЛО.
(1873).

другъ Плетневъ, отечески заботившійся о денежныхъ дѣлахъ Пушкина, продолжалъ указывать ему, что романъ для него—вѣрнѣйшій источникъ дохода. Все время, пока «Онѣгинъ» писался, Плетневъ твердилъ Пушкину: «не отставай отъ работы своего романа,—это вѣрнѣйшій капиталъ, который у тебя передъ глазами»..., называлъ его «кормильцемъ» своего автора, «золотымъ дномъ». Внѣшняя возможность продолжать романъ была, такъ какъ главный герой оставался въ живыхъ «и не женатъ»; можно было продолжать сюиту житейскихъ картинъ, но для Пушкина уже изсякло, вмѣстѣ съ Александровской эпохой, это «золотое дно» поэзіи и денегъ. «Пожалуй, я бы радъ», отвѣчаетъ онъ на дружескіе упреки, но, сознавая невозможность продолжать, отшучивается вмѣсто прямого отвѣта. Въ его бумагахъ сохранились наброски стиховъ на эту тему. Они находятся въ тетрадяхъ Румянцевскаго музея: 1-й—въ № 2384, л. 30_1, и № 2385; 2-ой—№ 2384, л. 30_1; 3-й—ib., л. 55_2; 4-й и 5-й—ib., л. 59_2; 6-й—ib., л. 59_1; 7-й—№ 2373, л. 32_1. Появились они: 3-й, 4-й и 5-й въ «Матеріалахъ» Анненкова, стр. 342, 343; 1-й—въ «Русс. Арх.» 1881 г., III, 473 (болѣе исправный текстъ—въ «Русс. Стар.» 1884 г., дек., 525); 2-й—въ «Русс. Стар.» 1884 г., дек., 525; 6-й—ibid., 528; 7-й—ib., авг., 329. Датированъ изъ нихъ лишь одинъ, 4-й,—онъ помѣченъ «15 сент.» («Русс. Стар.» 1884 г., дек., 527). Рядомъ съ набросками 1-мъ и 2-мъ въ рукописи находятся еще два стиха:

Рисуй унылыхъ барышень своихъ
Смущенье ..... сердце ихъ

(ib., 525). Тѣсно связанные между собою по содержанію наброски, вѣроятно, не были отдѣлены другъ отъ друга сколько-нибудь значительнымъ промежуткомъ времени. Шесть набросковъ, записанныхъ въ 2384-й тетради, должны были быстро слѣдовать другъ за другомъ. Повтореніе 1-го на особомъ листкѣ, вклеенномъ въ 2385-ую

тетрадь, написано, очевидно, тогда же; на оборотѣ его находится программа: «ты мнѣ совѣтуешь продолжать Онѣгина, увѣряя меня, что я его не кончилъ» («Русс. Стар.» 1884 г., дек., 529). Отдѣльное мѣсто занимаетъ лишь набросокъ, означенный у насъ 7-мъ, но написанный, можетъ быть, ранѣе другихъ, въ 1833 г. Остальные же шесть приходится отнести къ 1835 г. по положенію ихъ въ 2384-ой тетради.

Наброски 1—2 представляютъ собою начало посланія къ П. А. Плетневу; къ этому замыслу по структурѣ стиха примыкаетъ и 3-й. Къ Плетневу же, вѣроятно, долженъ былъ относиться и 7-й. 4-й и 5-й, писанные онѣгинскимъ размѣромъ, обличаютъ иной планъ (6-й лишь незначительное измѣненіе 5-го). П. О. Морозовъ («Сочин. П.», изд. Лит. фонда, III, 422; «Просвѣщ.», IV, 7) находитъ, что послѣдніе «повидимому, должны были служить вступленіемъ въ новую главу романа», но Ѳ. Е. Коршъ (изслѣдованіе о «Русалкѣ», стр. 115—116) справедливо замѣчаетъ, что онѣгинскія строфы вовсе не доказательство; «поэма не біографія, значеніе ея не въ событіяхъ, составляющихъ ея внѣшнее содержаніе, а въ той мысли, которая въ ней художественно воплощается. Тѣмъ, что разсказано въ «Евгеніи Онѣгинѣ», эта мысль исчерпана... Поэтъ ясно сознавалъ опредѣленную его повѣствованію мѣру»...

«Осенніе досуги»—одно изъ нерѣдкихъ у Пушкина указаній на особое свойство его писательской природы. «Осень подходитъ»—говорится въ одномъ изъ его писемъ. «Это мое любимое время, здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ, пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ». Діорама—изобрѣтеніе Дагерра, 1822—картины, написанныя на обѣихъ сторонахъ тонкой и прозрачной матеріи различными на каждой сторонѣ красками. Свѣтъ, падающій на полотно то спереди, то сзади, заставляетъ зрителей видѣть то одну картину, то другую, смѣняющія другъ друга съ чрезвычайной быстротой. Дѣдамъ діорама замѣняла эффекты кинематографа.

Современники Пушкина жаловались на дороговизну его сочиненій и въ частности «Онѣгина» (см. ст. В. И. Чернышева въ «П. и его соврем.», VI, «О двухъ изданіяхъ «Братьевъ-разбойниковъ»). Отдѣльныя тетрадки «Онѣгина» стоили всѣ вмѣстѣ 40 руб. асс., а иногда и дороже. М. А. Бестужевъ-Рюминъ (о немъ см. примѣч. къ № 619-а) въ сатирѣ «М. В. Томская и Ф. С. Калугинъ» (СПб., 1828 г.) жаловался: «прочтешь книжонку въ полчаса... а молодежь-то въ часъ иль два на память выучить успѣетъ... межъ тѣмъ рублей все по пяти за каждую главу плати». «Припомните—писалъ онъ въ своемъ «Сѣверн. Меркуріи» (1830 г., № 60, стр. 237),—что за семь главъ «Евгенія Онѣгина», которыя вы прочитаете въ три часа времени, и въ которыхъ едва ли есть пятнадцать листовъ бумаги, надобно заплатить тридцать пять рублей государственными ассигнаціями». Онъ писалъ (№ 134, стр. 224), что, по слухамъ, въ «Онѣгинѣ» будетъ до сотни главъ (см. также № 49, стр. 195, и № 140, стр. 246). О томъ же писалось въ «Сѣв. Пчелѣ» и другихъ журналахъ. Пушкинъ хотѣлъ оправдываться въ печати: «цѣна устанавливается не писателемъ, а книгопродавцами. Въ отношеніи стихотвореній число требователей ограничено. Оно состоитъ изъ тѣхъ же лицъ, которыя платятъ по пяти рублей за мѣсто въ театрѣ»... (О платѣ за стихи, которую получалъ Пушкинъ, см. примѣч. къ № 701). Изъ-за дороговизны «Онѣгинъ» распространялся въ рукописныхъ копіяхъ, которыя продавались дешевле печатныхъ экземпляровъ; множество такихъ списковъ дошло до насъ (см. «Русс. Стар.» 1880 г., іюль, 578; «Н. А. Лейкинъ въ его воспоминаніяхъ и перепискѣ», СПб., 1907 г., стр. 36; «Татевскій Сборникъ», 34). Когда, въ 1833 г., вышелъ полный «Онѣгинъ» по 12 руб., «Москов. Телеграфъ» (№ 6) писалъ: «Хвала поэту, который сжалился надъ тощими карманами читающихъ людей! Веселіе Руси, въ которой богатые покупаютъ книги такъ мало, а небогатымъ покупать «Онѣгина» было такъ неудобно!» Но кое-кто находилъ и эту цѣну «все-таки жидовски дорогой» («Историч. Вѣстн.» 1883 г., дек., 536). Слѣдующее изданіе, 1837 г., стоило 5 руб., но Бѣлинскій («Сочин.», изд. Венгерова, IX, 45) мечталъ объ изданіи вдесятеро дешевле. Самое дешевое изданіе «Онѣгина» вышло въ 1899 г. (М., изд. Брилліантовыхъ); оно стоило 7 коп., но было еле доступно глазу,—такъ грязно и мелко отпечатанъ цинкографически уменьшенный текстъ.

---

727. КОГДА БЪ НЕ СМУТНОЕ ВЛЕЧЕНЬЕ..

(т. III, стр. 423).

Черновой автографъ находится въ 2375-ой тетради Румянцевскаго музея, л. 35-об. Когда въ 1850 г. опека надъ дѣлами и дѣтьми Пушкина просила о разрѣшеніи выпустить новое изданіе его сочиненій, съ дополненіями, въ числѣ которыхъ была данная пьеса, императоръ Николай Павловичъ приказалъ ее «какъ совершенно пустое стихотвореніе, изъ печати вовсе исключить» («Сочин. П.», изд. Ефремова, VIII, 1905, стр. 346; «Дѣла III Отдѣленія собств. Е. И. В. Канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ», СПб., 1906, стр. 216, 218), и она появилась въ печати уже въ слѣдующее царствованіе, въ «Современникѣ» 1857 г., т. LXI, янв., отд. I, стр. 1, но съ ошибками, исправленными въ VII т. изданія Анненкова, вышедшемъ вскорѣ, 1-ая пагин., стр. 46—47, съ указаніями: «пьеса открытая въ бумагахъ Пушкина... въ рукописи она носитъ помѣтку: «1833, дорога, Сентябрь.» Повидимому, Анненковъ говоритъ здѣсь о другомъ автографѣ, нынѣ неизвѣстномъ. Н. В. Гербель въ берлинскомъ томикѣ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина, 1861 г., стр. 162, указалъ, неизвѣстно изъ какого источника, что пьеса «относится къ А. А. Олениной» (также въ «Русс. Арх.» 1876 г., III, 244); за нимъ повторили это указаніе П. А. Ефремовъ (изд. 1880 г., III, 327, 447; 1882, III, 312—313, 449; 1903 г., II, 315, и VIII (1905 г.), 346), П. О. Морозовъ (изд. Лит. фонда, II, 145; «Просвѣщ.» II, 172, 534) и П. М. Устимовичъ («А. А. Андро, рожд. Оленина»—«Русс. Стар.» 1890, августъ, 393). Можно думать, что на пріуроченіе пьесы къ Олениной Гербеля навели стихи Пушкина, несомнѣнно ей посвященные,—«Городъ пышный, городъ бѣдный»..., гдѣ упоминается ея «маленькая ножка»; Гербелю, конечно, былъ знакомъ и отзывъ Пушкина о ножкахъ Олениной, записанный въ воспоминаніяхъ А. П. Кернъ («Библ. для Чтенія» 1859 г., т. CLIV, № 4, стр. 128). Это единственная связь между данной пьесой и Олениной, связь грубо-натянутая, потому что Пушкинъ никогда не цѣловалъ ножекъ Олениной и въ сентябрѣ 1833 г. уже давно не былъ увлеченъ ею. Единственная женщина, которая тогда владѣла его сердцемъ, была его жена (см. примѣч. къ №№ 684,

686, 689). Предположенію, что Пушкинъ говоритъ здѣсь о своей женѣ, мѣшаютъ развѣ «невѣдомая тишь» и обозначеніе «здѣсь» въ связи съ помѣтой: «дорога» (Пушкинъ тогда былъ въ отлучкѣ, а Наталья Николаевна оставалась въ Петербургѣ); впрочемъ, помѣтка «дорога» можетъ означать, что стихотвореніе лишь записано въ дорогѣ. Для мимолетнаго дорожнаго увлеченія, о которомъ притомъ ровно ничего неизвѣстно, здѣсь выражено чувство слишкомъ сильное. Во всякомъ случаѣ, А. А. Оленина тутъ не при чемъ.

Пьеса положена на музыку десятью композиторами, въ томъ числѣ А. С. Даргомыжскимъ, А. Шахматовымъ (Петерб. университ. сборн. «Памяти П—на», стр. 81—82).

---

728. РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.

(т. III, стр. 424).

Сочетаясь единствомъ основного замысла съ «Мѣднымъ всадникомъ» и мѣстами смѣшиваясь съ нимъ въ черновыхъ рукописяхъ Пушкина, «Родословная моего героя» не подверглась окончательной обработкѣ. Автографы Пушкина хранятъ много слѣдовъ работы надъ нею, и болѣе или менѣе отдѣланныя части ея находятся въ слѣдующихъ бумагахъ Пушкина: въ тетрадяхъ Румянцевскаго музея, № 2373, лл. 18_1—21_2; № 2374, лл. 3_2, 4_1, 7_2—15_1; № 2375, лл. 16 и 36, 17_1, 19 и 34, 20, 33, 32, 21_2, 31_1, 23—28_1, 60 (см. «Русс. Стар.» 1884 г., авг., 324—326; сент., 642—643, 648, 649—650, 651—652, 653); въ тетрадкѣ, находящейся въ Имп. Публичн. Библіотекѣ (см. ея «Отчетъ» за 1889 г., стр. 54—55), лл. 11_2—13; на двухъ листахъ, хранящихся въ парижскомъ собраніи А. Отто («Онѣгина»—см. «П-нъ и его соврем.», XII, 13). Незначительныя извлеченія изъ рукописей, сдѣланныя П. В. Анненковымъ, находятся въ принадлежащемъ академіи наукъ майковскомъ собраніи («П-нъ и его соврем., IV, 38) и у П. А. Шляпкина («Изъ неизданн. бумагъ П-на», СПб., 1903, стр. 70). Первыя восемь строфъ, безъ нумераціи ихъ, безъ подписи, подъ даннымъ заглавіемъ напечаталъ самъ авторъ въ «Современникѣ» 1836 г., т. III, стр. 152—157, съ цензурными пропусками и передѣлками (нѣсколько больше измѣненій въ текстѣ посмертнаго изданія, т. IV, 1838 г., стр. 320—325). Этотъ текстъ сохранилъ и Анненковъ (т. III его изд., стр. 359—363, 549), а въ «Матер. для біогр. П-на» (I, 180) и дополнител. томѣ (VII, ч. I, 70—72) напечаталъ рядъ отрывковъ изъ еще неопубликованныхъ рукописей. Другіе отрывки напечаталъ П. И. Бартеневъ въ «Русс. Арх.» 1881, I, 448; III, 230—233; 1884, III, 199; кое-какія дополненія далъ В. Е. Якушкинъ («Русс. Стар.» 1884, см. выше). Отрывокъ, соотвѣтствующій строфамъ IX—XII, и еще одинъ варіантъ сообщилъ А. Ѳ. Отто («Онѣгинъ») въ «Русс. Мысли» 1886 г., май, 1—4. О черновикахъ и варіантахъ см. въ «Исторіи текста», гдѣ они и будутъ приведены. Замѣтимъ только, что въ нихъ кое-гдѣ нелегко разобраться при установленіи ихъ связи и послѣдовательности. Такъ, одну строфу, «Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва»..., Анненковъ считалъ особымъ «неизданнымъ стихотвореніемъ» («Матеріалы», 180), а П. А. Ефремовъ напечаталъ сначала (изд. 1880 г., II, 250—251) «по соотношенію» съ «Чернью» подъ 1828 г., а потомъ (изд. 1882 г., IV, 487) какъ вторую редакцію отрывка «Поэтъ идетъ»... (см. ниже, примѣч. къ № 773).

Хронологія поэмы опредѣляется ея связью съ «Мѣдн. всадникомъ», до того тѣсной, что мѣстами въ рукописяхъ поэта теченія обоихъ произведеній сливаются (напр., Румянц. муз., № 2374, л. 7_2—15_1; № 2375, лл. 16 и 36); на одной изъ этихъ страницъ находимъ помѣту: «6 окт.» [1883 г.] (см. «Русс. Стар.» 1884, сент., 642); возможно, что къ «Родословной» поэтъ возвращался и позднѣе, когда «Мѣдный всадникъ» получилъ законченную форму. Возникли обѣ поэмы изъ одного источника, но очень скоро отдѣлились другъ отъ друга, такъ какъ «Родословная» въ составѣ «Мѣднаго всадника» нарушила бы внѣшнее равновѣсіе частей, да и по тону, сатирико-юмористическому, не вязалась бы съ глубокимъ трагизмомъ «Мѣднаго всадника». Герою послѣдняго поэтъ оставилъ родословную, но свелъ ее къ нѣсколькимъ словамъ («Прозванья намъ его не нужно»... и т. д.). Съ величайшей симпатіей Пушкинъ изобразилъ въ своемъ героѣ (названіе «мой герой» должно было подготовить читателей къ «Мѣдн. всаднику», въ которомъ они встрѣтили бы лицо уже знакомое) такой же «обломокъ униженныхъ родовъ», какимъ считалъ себя самого въ «Моей родословной». Самая исторія рода Езерскихъ напоминаетъ исторію рода Пушкиныхъ, разсказанную тамъ. Езерскій такъ же, какъ Пушкинъ, униженъ до мѣщанства, растерялъ давно семейныя связи, бѣденъ и служитъ въ ничтожной должности. Больше унизить своего героя Пушкинъ не могъ: потомокъ почти феодаловъ, которые «гордыней славились боярской», Езерскій—рабъ, прикованный къ петербургской бюрократической машинѣ, которую такъ презиралъ его творецъ. Кн. П. А. Вяземскій («Старая записная книжка»—«Соч.», VIII, 82) разсказываетъ очень характерный въ этомъ отношеніи анекдотъ—Пушкинъ, отыскавши въ какой-то элегіи два стиха, съ которыми авторъ обращается къ возлюбленной: «всѣ непріятности по службѣ съ тобой, мой другъ, я забывалъ», говорилъ: «изо всей русской поэзіи эти два стиха самые чисто-русскіе и самые глубоко и вѣрно прочувствованные». Въ «Родословной» Пушкинъ далъ волю своему классовому чувству и сознанію. О высокомъ государственномъ значеніи и жалкомъ современномъ положеніи стараго дворянства онъ говорилъ уже не разъ. «Мы такъ положительны, что мы на колѣняхъ предъ настоящимъ случаемъ, успѣхомъ и славою, но у насъ нѣтъ очарованія древностію, благодарности къ прошедшему и уваженія къ нравственному достоинству... Прошедшее для насъ не существуетъ. Карамзинъ недавно разсказалъ намъ нашу исторію, но едва ли мы выслушали его. Мы гордимся не славою предковъ, но чиномъ какого-нибудь дяди-дурака или баломъ двоюродной сестры. Замѣтьте, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости и безнравственности»... (т. IV настоящ. изд., стр. 256; сравн. ib., 138—139, 553; V, 6—7). И Пушкинъ указывалъ, что надо дѣлать высшему классу, чтобы исполнить патріотическій долгъ и поддержать свое соціальное и экономическое значеніе. Устами одного изъ своихъ героевъ онъ характеризуетъ упадокъ дворянства («дѣдъ былъ богатъ, сынъ нуждается, внукъ идетъ по міру»,—та же схема и почти перифраза той же характеристики въ родословной Езерскаго) и рекомендуетъ мѣры борьбы съ этимъ зломъ: «званіе помѣщика есть та же служба; заниматься тремя тысячами душъ, коихъ все благосостояніе зависитъ совершенно отъ насъ, важнѣе, чѣмъ командовать взводомъ

или переписывать дипломатическія депеши; небреженіе, въ которомъ мы оставляемъ нашихъ крестьянъ, непростительно; чѣмъ болѣе имѣемъ мы надъ ними правъ, тѣмъ болѣе имѣемъ и обязанностей въ ихъ отношеніи».

Бѣлинскій не понялъ этой стороны «Родословной» и обвинилъ Пушкина, который самъ трунитъ надъ своей «безвредной слабостью» къ родовой славѣ, въ аристократическихъ предразсудкахъ. Поэма, говоритъ онъ въ обзорѣ творчества Пушкина («Соч.», ч. VIII, 1860 г., стр. 649—657), «написана стихами до того прекрасными, что нѣтъ никакой возможности противиться ихъ обаянію, несмотря на ихъ содержаніе; и потому эта піеса—истинный шалашъ, построенный великимъ мастеромъ изъ драгоцѣннаго паросскаго мрамора». Бѣлинскій оцѣнилъ «Вольтеровское остроуміе», съ которымъ описанъ гордецъ Варлаамъ Езерскій, но возмутился упрекомъ Пушкина въ забвеніи славныхъ предковъ: «эти мысли изумительны своею наивностью, достойною тѣхъ временъ, когда Варлаама Езерскаго, за споры то съ тѣмъ, то съ другимъ, съ безчестіемъ выводили изъ-за царскаго стола!... Здѣсь въ поэтѣ сказался человѣкъ, не могшій, на зло себѣ, отрѣшиться отъ предразсудковъ, надъ которыми самъ смѣялся». Не обратилъ вниманія Бѣлинскій на всегдашнее сочувствіе поэта сокрушившей всѣхъ «Варлаамовъ Езерскихъ» петровской реформѣ, о которомъ критику не слѣдовало бы забывать, и которое въ этомъ случаѣ отмѣтилъ Апол. Григорьевъ («Соч.», I, 247—«Пушкинъ все наше перечувствовалъ, отъ любви къ загнанной старинѣ до сочувствій реформѣ»). «Родословная»—настоящій перлъ тонкаго юмора и историческаго лиризма, а въ систему политическихъ воззрѣній Пушкина входитъ какъ интерпретація въ живыхъ образахъ соціологической схемы. Прочитавъ сообщенныя г. Отто въ «Русс. Мысли» строфы, С. Надсонъ («Проза. Дневники. Письма», СПб., 1912, стр. 261—262) писалъ: «изящная, чисто-пушкинская простота стиха, тонкій, граціозный юморъ, чарующая мелодичность, роскошь образовъ и красокъ,—все это говоритъ само за себя»... Приведемъ также странное мнѣніе Н. И. Коробки («Личность въ русс. обществѣ и литературѣ XIX в.», СПб., 1903, стр. 50), что «Родословная» (какъ и «Мѣдн. всадникъ»)—«отрывокъ неудавшагося цѣлаго».

IX—XII строфы «Родословной»—своего рода глава изъ поэтики Пушкина, въ которой занимаетъ мѣсто рядомъ съ «Чернью», «Поэту», «Эхо», «Поэтомъ», «Я памятникъ себѣ воздвигъ»..., «Изъ VI Пиндемонте», «Разговоромъ книгопродавца съ поэтомъ», наброскомъ «Поэтъ идетъ»... (послѣдній особенно близко сходится съ сказаннымъ здѣсь,—см. примѣч. къ № 773). Ѳ. Е. Коршъ (изслѣдованіе о Русалкѣ», стр. 147) находитъ невѣроятнымъ, чтобы XII строфа была написана послѣ сонета «Поэту», въ которомъ мысль объ одиночествѣ поэта и его самоудовлетвореніи представляется критику развитіемъ «сырого матеріала», даннаго въ «Родословной»; не говоря уже о непоколебимости хронологическихъ данныхъ, здѣсь никакого «матеріала» нѣтъ, а есть лишь сокращенное повтореніе высказаннаго въ сонетѣ.

Ходаковскій, съ которымъ сравниваетъ себя Пушкинъ,—извѣстный историкъ, археологъ и этнографъ-путешественникъ Зоріанъ Яковл. Доленга-Ходаковскій, пользовавшійся большимъ уваженіемъ русскаго ученаго міра и умершій въ 1825 г. Пушкинъ упоминаетъ о немъ какъ объ авторитетѣ, признававшемъ подлинность «Слова о полку Игоревѣ» (т. V настоящ. изд., стр. 289). О немъ см. Н. А. Полевой, «Записка о жизни З. Д.-Х.» («Сынъ Отеч.» 1839 г., т. VIII); «Записки К. А. Полевого», СПб., 1888, стр. 71—77, 213—219; А. Н. Пыпинъ, «З. Д.-Х.» («Вѣстн. Евр.» 1886, ноябрь, 305—357, и «Ист. русс. этнографіи», III, 38—87); Н. П. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», II, 10—12.

---

729. СКАЗКА О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

(т. III, стр. 426).

Черновой автографъ находится въ тетради московскаго Румянцевскаго музея № 2376-В, л.л. 2 и 21; въ концѣ его помѣты: «14 окт. 1833. Болдино», а ниже: «18-я пѣсня сербская» («Русс. Стар.» 1884, окт., 82; «Соч. П.», изд. Анненкова, I, 373, 379, 380; III, 555). «Подъ сказкой о Рыбакѣ и Рыбкѣ—говоритъ Анненковъ—мы видѣли подпись: 18-ая пѣсня сербская. Такимъ образомъ Пушкинъ зачислилъ въ одинъ разрядъ съ «Пѣснями Западныхъ Славянъ» народный апологъ, принадлежащій столько же русскому міру, сколько славянскому вообще и германскому, потому что корень его скрывается уже въ индѣйскихъ представленіяхъ. Мысль поэта о пристройкѣ сказки къ ряду сербскихъ пѣсенъ могла только родиться изъ убѣжденія, что она приняла подъ рукой его родовые признаки славянской поэмы»... Между тѣмъ, западно-славянскіе «признаки» въ сказкѣ весьма отдаленны и; во всякомъ случаѣ, такъ сомнительны, что трудно представить себѣ яркія русскія бытовыя особенности ея на фонѣ западнаго славянства. Несомнѣнно, Анненковъ, а за нимъ и другіе издатели и ученые, Ефремовъ, Морозовъ, Поливановъ, Пл. Кулаковскій («Славянск. мотивы въ творчествѣ П—на», Варш., 1899, стр. 2), Л. Майковъ («П—нъ», СПб. 1899, стр. 427), которые сочли возможнымъ причислить сказку къ «Пѣснямъ Западныхъ славянъ», не разсуждая довѣрились помѣтѣ внизу рукописи: «18-ая пѣсня сербская». И по смыслу, и по положенію этой помѣты ясно, что она свидѣтельствуетъ лишь о намѣреніи Пушкина продолжать этотъ циклъ и вовсе не относится къ «Сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ», находясь внизу ея случайно.

Впервые сказка появилась въ «Библіот. для Чтенія», т. X, 1835 г., отд. I, стр. 5—11, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. IV, 1835 г., стр. 75—86. Печатный текстъ этотъ не совсѣмъ исправенъ; такъ, въ стихѣ 10-мъ удареніе падаетъ на послѣдній слогъ, въ 12-мъ—на третій отъ конца («морской», «рыбкою»), тогда какъ всюду подъ удареніемъ долженъ быть предпослѣдній слогъ; на это давно указывалъ А. Мартыновъ въ «Маякѣ». Собираясь издать новое собраніе своихъ стиховъ, Пушкинъ внесъ два исправленія въ текстъ IV части «Стихотвореній» («П—нъ и его соврем.», IX—X, 83): въ 12-мъ стихѣ «золотой» замѣнилъ «одною», а въ 108-мъ «окружили»—«огрузили»; въ «Библ. для Чтенія» это слово было напечатано: «огружили» (см. выше, стр. 239). По словамъ П. И. Мельникова («Соч. В. И. Даля», изд. Вольфъ, I, 1897 г., біогр. очеркъ, стр. XXXIII), у В. И. Даля была рукопись сказки съ надписью: «Твоя отъ

твоихъ! Сказочнику казаку Луганскому сказочникъ Александръ Пушкинъ». Съ Далемъ Пушкинъ недавно, 18—19 сентября, видѣлся въ Оренбургѣ, сообщилъ ему содержаніе сказки о Георгіи храбромъ и о сѣромъ волкѣ, которое Даль впослѣдствіи обработалъ («Соч. Даля», назв. изд., IX, 177). Слова Пушкина: «Твоя отъ твоихъ», надо думать, указываютъ, что сюжетъ «Сказки о рыбакѣ и рыбкѣ» передалъ Пушкину Даль (Л. Майковъ, ор. с., 425; Вал. Майковъ, «Сказка о рыб. и рыбкѣ П—на и ея источники»—«Ж. М. Н. Пр.» 1892, май, 157). «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ»—объясняетъ Н. Ѳ. Сумцовъ («Изслѣдованія о П—нѣ»—«Харьк. универс. сб. въ память П—на», стр. 287—303)—примыкаетъ къ тому широкому циклу восточныхъ (азіатскихъ) и западныхъ (европейскихъ) сказаній, въ которыхъ одно, два или нѣсколько лицъ получаютъ отъ сверхъестественнаго существа дары, которые, однако, по винѣ самихъ просителей или приносятъ вредъ, или исчезаютъ, и остается, какъ въ сказкѣ Пушкина, statu quo ante... Несмотря на значительное число собранныхъ варіантовъ, сказка о рыбакѣ и рыбкѣ принадлежитъ къ самымъ темнымъ въ историко-литературномъ отношеніи. Всѣ варіанты въ совокупности ничего не говорятъ ни о мѣстѣ зарожденія сказки, ни о путяхъ ея распространенія, ни о способахъ ея дифференціаціи и обработки. Если простѣйшія формы принимать за древнѣйшія, что въ литературной исторіи не всегда бываетъ, то и сказку о рыбакѣ и рыбкѣ, какъ многія другія, можно будетъ считать вышедшей изъ далекой Индіи. Несомнѣнно лишь то, что всѣ сказки этого рода давно уже циркулируютъ въ Европѣ и, въ частности, въ Россіи... Въ передачѣ сказки Пушкинъ близко держался народной основы, сохранилъ всѣ главные мотивы и мѣстами лишь придалъ имъ яркую культурно-бытовую обстановку. Что взялъ или, точнѣе, могъ взять Пушкинъ, можно догадываться изъ народныхъ параллелей, въ частности, изъ одной нѣмецкой сказки, которая весьма близко стоитъ къ пушкинскому великорускому оригиналу. Въ русскихъ народныхъ сказкахъ встрѣчается или золотая рыбка, или, при существованіи тѣхъ же главныхъ мотивовъ дареній, что и у Пушкина, дерево, лиса, птичка-невеличка. Пушкинъ воспользовался варіантомъ съ золотой рыбкой. Такой именно варіантъ, весьма близкій къ сказкѣ Пушкина, находится въ сборникѣ Аѳанасьева, т. I, № 39». Къ послѣднему варіанту, по замѣчанію Л. Поливанова (см. его изд. «Соч. П.», т. II, изд. 2-ое, 288), «такъ близка сказка Пушкина, что возможно предположеніе, не изъ портфеля ли Пушкина взятъ текстъ, напечатанный у Аѳанасьева; извѣстно, что въ его сборникъ вошла значительная доля сказокъ, доставленныхъ В. И. Далемъ»... Объ этомъ сюжетѣ въ русскомъ эпосѣ см. «Систематич. указатель темъ и варіантовъ русскихъ народныхъ сказокъ» А. М. Смирнова—«Изв. II Отд. И. Ак. Н.», т. XVII, кн. 3, стр. 131—134; вообще о немъ см. М. Халанскій, «Сказки»—«Ист. русск. литературы», изд. «Міра», т. I, стр. 147; Ю. А. Яворскій, «Къ исторіи Пушкинскихъ сказокъ», Льв., 1899; А. И. Яцимирскій, «Румынск. параллели и отрывки въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ П—на», Варш., 1901, стр. 19—22. В. Сиповскій («П—нъ и его соврем.», IV, 81, 83) ошибочно считаетъ сказку о рыбакѣ и рыбкѣ «чужой», «почерпнутой не у народа, а изъ книги»:—«напрасно искали источникъ въ русскихъ простонародныхъ сказкахъ,—она нашлась среди нѣмецкихъ, у братьевъ Гриммовъ». Однако, трудно допустить, что Пушкину, плохо разбиравшему по-нѣмецки, могла быть извѣстна померанская сказка; переводъ ея—у Сумцова, который допускаетъ близость между померанской сказкой и неизвѣстнымъ «пушкинскимъ оригиналомъ».

Пушкинъ въ своей сказкѣ, говоритъ Анненковъ, «нашелъ рѣчь до того безыскусственную, что трудно замѣтить въ ней малѣйшій признакъ сочинительства, и разсказъ до того простой и добродушный, что въ немъ нѣтъ и тѣни подозрѣнія о своемъ собственномъ достоинствѣ, и ни тѣни щегольства самимъ собою; нельзя не подивиться этой мастерской стихотворной передачѣ, не имѣющей почти ни размѣра, ни версификаціи и сохраняющей одинъ только свободный ритмъ народнаго языка, съ его созвучіями и оборотами». «Глубина народности отчасти обусловлена искуснымъ введеніемъ выразительныхъ простонародныхъ словъ и выраженій» (Сумцовъ). Непосредственнымъ знакомствомъ съ подблюдными пѣснями отзывается, напр., игра словъ: «въ корытѣ много ли корысти» (сравн. «Пѣсни, собр. П. В. Киреевскимъ», новая серія, вып. I, М., 1911, №№ 1076, 1089; «Собр. разныхъ пѣсенъ» М. Д. Чулкова, изд. акад. наукъ, I, 769).

Современники Пушкина не умѣли достойно оцѣнить народность его сказокъ (см. примѣч. къ №№ 679, 682, 738), хотя «Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ» ставили выше другихъ. А. Мартыновъ писалъ: «мысль превосходная, стоила превосходной оправы. Пушкинъ кое-какъ ее склеилъ; со всѣмъ тѣмъ она лучше всѣхъ другихъ его сказокъ. Одного жаль: языкъ народный не довольно чистъ и ровенъ, все сбивается на книжный» («Маякъ», т. XI, 1843 г., «Критика», 129—133). Бѣлинскій вообще находилъ, что сказки Пушкина «рѣшительно дурны, конечно поэзія и не касалась ихъ» («Соч. Б.», изд. Венгерова, II, 415), но, хотя «эти сказки были неудачными опытами поддѣлаться подъ русскую народность», однако, «и въ нихъ былъ виденъ Пушкинъ, а въ «Сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ» онъ даже возвысился до совершенной объективности и сумѣлъ взглянуть на народную фантазію орлинымъ взоромъ Гете» (III, 285; ср. ibid., 377); для Бѣлинскаго («Соч.», ч. VIII, М., 1860, стр. 696) сказки Пушкина—«плодъ довольно ложнаго стремленія къ народности», но эта сказка—«исключеніе, потому что въ ней есть положительныя достоинства; это не народная сказка: народу принадлежитъ только ея мысль, но выраженіе, разсказъ, стихъ, самый колоритъ—все принадлежитъ поэту». Апол. Григорьевъ видѣлъ въ ней одно изъ подтвержденій «неоспоримой истины», что Пушкину «было дано непосредственное чутье народной жизни, и дана была непосредственная же любовь къ народной жизни».

На тему сказки Сенъ-Леономъ былъ сочиненъ балетъ «Золотая рыбка», музыку къ которому написалъ Л. Минкусъ («Памяти П—на», петерб. унив. сб., стр. 130; В. Свѣтловъ, «Терпсихора», СПб., 1906, стр. 50—51), и Ю. К. Арнольдомъ была начата комическая опера (назв. сбор., 1. с.).

---

730. АНДЖЕЛО.

(т. III, стр. 435).

Черновики отдѣльныхъ мѣстъ поэмы находятся въ 2374-ой тетради Румянцевскаго музея, лл. $30а_2$, 31_1, 30_2, 30_1, 29_2 («Русс. Стар.» 1884,

сент., 644—645) и въ парижскомъ собраніи А. Отто («Онѣгина»—«П. и его совр.», XII, 8), а полная рукопись, перебѣленная, но съ поправками,—въ Имп. Публичн. Библіотекѣ (см. ея «Отчетъ» за 1884 г., стр. 142-143); въ концѣ третьей части имѣется помѣта: «27 окт. Болд. 1833»; первая часть датирована 24-мъ, а вторая—26-мъ октября, каковыя даты означаютъ, конечно, время окончательной отдѣлки; снимокъ одной страницы этой рукописи (изъ VI гл. II части) данъ въ «Исторіи русской словесности» П. Н. Полевого, III, 76. Впервые появился «Анджело» въ сборн. «Новоселье», изд. А. Ф. Смирдина, ч. II, СПб., 1834, стр. 49—80, а затѣмъ былъ перепечатанъ въ «Поэмахъ и повѣстяхъ Александра Пушкина», ч. II, СПб., 1835, стр. 183—221. Въ обоихъ этихъ изданіяхъ поэма была напечатана съ искаженіями, проникшими въ нее главнымъ образомъ по милости цензуры, которой авторъ долго не могъ этого простить (см. «Записки и дневникъ» А. В. Никитенко, изд. 2-ое, I, 271; также примѣч. къ № 767). Начиная съ послѣдняго изданія Ефремова (т. III, 1903 г.; см. также его статью «Пропуски въ поэмѣ П—на Анджело» — «Русс. Вѣдом.» 1899 г., № 157) и второго Морозова («Просв.», IV), пропуски въ текстѣ пополняются на основаніи рукописи Публ. Библіотеки; о нихъ когда-то безрезультатно спрашивалъ «Русскій» (Н. В. Гербель) въ берлинскомъ томикѣ запрещенныхъ сочиненій П—на, 1861 г., стр. XII, и имъ посвящена Н. Черняевымъ («Критич. статьи и замѣтки о П—нѣ», Хар., 1900, стр. 365—375) интересная статья «Еще нѣсколько словъ о стихахъ «Анджело», не дозволенныхъ къ печатанію императоромъ Николаемъ I».

У современниковъ Пушкина «Анджело», какъ извѣстно, не имѣлъ успѣха. «Его русскія сказки и «Анджело» непріятно подѣйствовали на всѣхъ его многочисленныхъ и восторженныхъ поклонниковъ», разсказываетъ И. И. Панаевъ («Литерат. воспоминанія», изд. 3-е, СПб., 1888, стр. 152). «Дукъ Анджело — писалъ Н. Сушковъ (сборн. «Раутъ», кн. III, М., 1854, стр. 332) — куда какъ блѣденъ, вялъ и сухъ». Оставляя въ сторонѣ самый ранній, незначительный отзывъ (Мурманскаго) въ «Сѣв. Пчелѣ» 9 мая 1834 г., № 103, стр. 421 и отсылая читателя къ сдѣланному во вступительной статьѣ П. Морозова (т. III настоящ. изд., стр. 433—434) обзору мнѣній Бѣлинскаго (укажемъ еще одинъ отзывъ его, 1836 г.,— «Сочин. Б.», изд. Венгерова, II, 407) и нѣсколькихъ позднѣйшихъ критиковъ, ограничимся здѣсь нѣкоторыми дополненіями. Въ 1849 г. П. А. Плетневъ писалъ Жуковскому, предлагая ему «побороться съ Шекспиромъ:» «посмотрите, что за чудная пьеса Пушкина «Анджело», а это одна попытка заимствованія у Шекспира. Перечитайте ее, чтобы освѣжить давнишнія впечатлѣнія. Я увѣренъ, что это притянетъ васъ къ чему-нибудь въ Шекспирѣ... Что за оригинальность идей, что за свѣжесть выраженій, что за неотразимыя истины, что за свобода въ положеніяхъ въ каждой части «Анджело»! А это и не драма; просто—одинъ экстрактъ»... («Русс. Арх.» 1870 г., 1297—1298).

Въ исторіи пушкинскаго «шекспиризма» поэма играетъ особенно важную роль (см. ст. М. Покровскаго въ т. IV настоящ. изд.). «Никому кромѣ Пушкина—говоритъ Н. Черняевъ, op. cit., 171, 174—175, 179—180, 198, 232)—не удалось достойнымъ образомъ помѣряться силами съ Шекспиромъ при передѣлкѣ его трагедій и комедій въ произведенія эпической поэзіи и на тѣ самыя темы, которыя разрабатывалъ Шекспиръ... Тѣ мѣста «Мѣры за мѣру», которыя Пушкинъ переводилъ, онъ переводилъ не буквально и не дословно, не придерживаясь рабски подлинника, но мастерски передавая его смыслъ и красоту. Желая выдержать форму старинной новеллы, Пушкинъ съ умысломъ употреблялъ кое-гдѣ усѣченыя окончанія въ именахъ прилагательныхъ и нѣкоторыя архаическія выраженія, вродѣ дхнетъ, увѣрчивость, понесла (въ смыслѣ забеременѣла) и т. д. Ради сохраненія вѣрности итальянскому быту Пушкинъ уклонился отъ Шекспира, дѣйствующія лица котораго говорятъ всѣ другъ другу, согласно англійскому обычаю, вы. У Пушкина герцогъ говоритъ всѣмъ ты; Анджело, какъ намѣстникъ, говоритъ Изабелѣ тоже ты. На ты говоритъ съ нимъ и Изабела, какъ съ вельможею, облеченнымъ неограниченной властью... Каждый, кто станетъ изучать «Анджело» параллельно съ драмой Шекспира, будетъ съ лихвою вознагражденъ за свой трудъ: передъ нимъ шагъ за шагомъ будетъ раскрываться необыкновенное умѣнье Пушкина пользоваться всякимъ намекомъ Шекспира, собирать здѣсь и тамъ разбросанныя указанія для характеристики эпохи, мѣстности и дѣйствующихъ лицъ и извлекать изъ ихъ признаній и діалоговъ матеріалы и краски для своего разсказа... Представьте себѣ большое полотно какого-нибудь первокласснаго живописца, на которомъ главныя, центральныя фигуры, воплощающія въ себѣ поэтическую идею картины и всю ея красоту, обставлены цѣлымъ рядомъ мастерски выполненныхъ, но, собственно говоря, ненужныхъ фигуръ, увеличивающихъ размѣры композиціи, но не много прибавляющихъ къ ея основному содержанію. Пришелъ скульпторъ, равный по таланту нашему живописцу, и, восхищенный главными фигурами, воспроизвелъ ихъ съ своеобразнымъ очарованіемъ въ дивно исполненной мраморной группѣ. Картина—это «Мѣра за мѣру» Шекспира; мраморная группа — это «Анджело» Пушкина... Новелла Пушкина представляетъ образецъ изящнаго, стройнаго, плавнаго и безыскусственнаго или, вѣрнѣе сказать, истинно-художественнаго и въ высшей степени искуснаго и въ то же время простого разсказа, нравственный смыслъ котораго выясняется самъ собой, безъ всякихъ дидактическихъ и философскихъ комментаріевъ. Черезъ всю новеллу Пушкина просвѣчиваетъ возвышенное міросозерцаніе, не допускающее никакихъ компромиссовъ съ пороками и слабостями людей, но запечатлѣнное въ то же время мягкимъ, кроткимъ и любовнымъ отношеніемъ къ ближнимъ и чуждое даже тѣни безпощадной и фарисейской строгости». А. П. Кадлубовскій («Гуманные мотивы въ творчествѣ П—на», Нѣжинъ, 1899, стр. 9—10) подчеркиваетъ въ поэмѣ мотивъ прощенія: «великодушное, царственное прощеніе, милость, какъ лучшее изъ «державныхъ правъ», плѣняли его воображеніе не разъ; послѣднія слова «Анджело», какъ заключительный аккордъ разрѣшающія всю драму, говорятъ именно о прощеніи, съ особой силою указывая на него, и звучатъ такъ величественно просто: И Дукъ его простилъ».

Одно изъ лучшихъ мѣстъ поэмы по силѣ чувства—слова Клавдіо о смерти (ч. II, гл. VI), въ свое время наполовину урѣзанныя цензурой. Молодая, полная силъ натура, еще не пришедшая ни опытомъ, ни размышленіемъ къ примиренію съ смертью и оправданію ея, содрогается передъ неизвѣстнымъ. Этотъ ужасъ—не ужасъ нигилизма

и безвѣрія, потому что—«земля прекрасна, и жизнь мила». Въ трогательномъ созвучіи съ послѣдними словами жалобный вопросъ самого Пушкина: «что въ смерти добраго?...» (см. примѣч. къ № 618).

Ѳ. Е. Коршъ (изслѣдованіе о «Русалкѣ», 79, 317—318) обращаетъ вниманіе на народное слово «пужало» (ч. I, гл. V) и видитъ странность въ выраженіи «избранная рѣчь»:—«что значитъ избранная?» (Намъ кажется, что это галлицизмъ, гдѣ избранный имѣетъ смыслъ «отборный», «изысканный» — напр., propos или discours choisi). Анненковъ (см. его изд. «Соч. П.», III, 553) отмѣтилъ оригинальное слово «увѣрчивость» (ч. I, гл. VII), прекрасно передающее активность воздѣйствія. По поводу «Анджело» Варнгагенъ-ф.-Энзе замѣтилъ, что хотя «александрійскій стихъ можетъ назваться жесткимъ, но у Пушкина и въ немъ виденъ даръ поэта» («Сынъ Отечества» 1839 г., т. 7). Есть плохая передѣлка «Анджело» въ трехъактную трагикомедію «Искушеніе» (Д. Лобанова, СПб., 1887).

---

731. ВОЕВОДА.

(т. III, стр. 453).

Извѣстны два черновые автографа пьесы. Одинъ находится въ 2373-ей тетради Румянцевскаго музея, лл. 29_1—28_2. Другой, болѣе поздній, съ датой: «28 окт. 1833 Болд.», находится въ парижскомъ музеѣ г. Онѣгина (см. «Пушк. и его соврем.», вып. XII, 13—14, гдѣ приведены первые три стиха и послѣдній). Замѣчательно, что въ парижскомъ автографѣ (часть его воспроизведена въ журналѣ «Le Monde Illustré», № 2717, 24 avril 1909, p. 263; см. также «Наше Время», прилож. къ «Петерб. Газетѣ» 16 апрѣля 1909 г., № 16, стр. 127) предпослѣдній стихъ, написанный сначала: «Хлопецъ видно промахнулся» исправленъ: «знать не промахнулся», но эта поправка въ печать не попала; стихъ 55-й былъ: «тише ты, собачье племя». Впервые пьеса появилась въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1834 г., т. II, № 3, стр. 98—100, съ припиской: «Польская баллада» и указаніемъ въ оглавленіи тома: «Изъ М—а», отсутствующимъ въ «Стихотвореніяхъ Александра Пушкина», гдѣ стихотвореніе было перепечатано (ч. IV, 1835 г., стр. 49—55), а равно въ посмертномъ изданіи (IV, 41—44). Имя автора баллады долго не могло, по цензурнымъ условіямъ, появиться въ русской печати. Молодой Бѣлинскій въ «Молвѣ» (1836 г., № 3; цит. по изд. Венгерова, II, 415—416) нашелъ, что пьеса «рѣшительно хороша», и, приведя объясненіе влюбленнаго красавицѣ, замѣтилъ: «здѣсь есть чувство»... Повидимому, Бѣлинскій тогда не зналъ, что это вещь не оригинальная. Въ общемъ же обзорѣ поэзіи Пушкина, писанномъ въ 40-хъ годахъ, онъ сказалъ, что это—«мастерской переводъ изъ Мицкевича» («Сочин. Б.», ч. VIII, М., 1860, стр. 411).

У Мицкевича баллада называется «Czaty» («Засада») и написана ямбомъ размѣромъ («Будрыса»). Вообще переводъ Пушкина не вполнѣ вѣренъ подлиннику. Анализируя его, Л. П. Поливановъ (см. его изд. «Сочин. П.», т. II, М., 1887, стр. 310—311) говоритъ: «стихотвореніе «Воевода», сохраняя только общій ходъ дѣйствія и рѣчей дѣйствующихъ лицъ подлинника, и въ томъ и въ другомъ отступаетъ отъ него, главнымъ образомъ измѣнивъ характеристику соперника воеводы... Рѣчамъ этого соперника сообщено болѣе сдержанности; рѣчь его у Пушкина – порывъ самоотреченія, тогда какъ у Мицкевича это болѣе голосъ страсти, и притомъ не свободной отъ сластолюбія. Измѣнена и послѣдняя строфа болѣе полнымъ изображеніемъ смерти воеводы, тогда какъ у Мицкевича о ней сообщается только однимъ послѣднимъ словомъ баллады, конечно въ разсчетѣ на эффектъ». Нѣкоторыми пропусками и измѣненіями, находитъ Поливановъ, «Пушкинъ придалъ сценѣ Мицкевича, имѣющей лишь значеніе бытовой картинки, болѣе драматическаго интереса». Различія между подлинникомъ и переводомъ П. Кулаковскій («Славянскіе мотивы въ творчествѣ Пушкина», Варш., 1899, стр. 18—19) объясняетъ «свойствами пушкинскаго творчества. Въ стихотвореніи Мицкевича жена воеводы готовится совершить измѣну мужу. Пушкинъ называетъ эту женщину панною, такъ переводя слово niewiasta (употребленное также и въ балладѣ Мицкевича), и ни разу не называетъ ее женою, какъ Мицкевичъ въ началѣ стихотворенія. Такимъ образомъ, весь смыслъ фабулы значительно мѣняетъ свой характеръ: дѣло идетъ не о предполагаемой измѣнѣ жены,—воевода, пріобрѣвшій благоволеніе красавицы своимъ богатствомъ, погибаетъ, такъ сказать, естественно, для торжества нравственной правды, уступая свои права тому, кто пріобрѣлъ ихъ инымъ способомъ—своею вѣрною любовью, сердцемъ. Сообразно съ этимъ видоизмѣняется и вся обстановка событія, и ему дается иной характеръ. Воевода Пушкина возвращается изъ похода и никого не нашелъ въ спальнѣ, а не выходитъ изъ садовой бесѣдки, какъ у Мицкевича, чтобы провѣрить, спитъ ли его жена, и затѣмъ отправляется къ кустамъ, окружающимъ эту бесѣдку. Онъ, по подлиннику, какъ бы подслушалъ шопотъ влюбленной пары и, провѣривъ подозрѣніе, хочетъ казнить измѣнницу... Воевода смѣлъ, рѣшителенъ, силенъ; у него не дрожатъ руки отъ волненія, какъ говорится въ оригиналѣ. Сообразно со всѣмъ тономъ стихотворенія Пушкина отпадаетъ изъ этой баллады описаніе костюма и позы красавицы, столь сочно изображенныхъ у Мицкевича; опускается и сцена, когда красавица, взволнованная объясненіемъ влюбленнаго, «опустила плечи и склонилась въ его объятья». Пушкинъ, артистически чувствовавшій мѣру въ художественномъ произведеніи и всегда умѣвшій соблюсти единство тона, сдѣлавъ эти сцены простыми, придалъ много силы, чистоты и энергіи всему разсказу». J. Tretiak («Mickiewicz i Puszkin», Warsz., 1906 г., 266) усматриваетъ «оригинальную, но несообразную перемѣну въ томъ, что жену воеводы Пушкинъ всюду называетъ панной. Зато пропускъ строфы: «Каждый вечеръ будетъ онъ, утопая въ лебяжьемъ пуху»... свидѣтельствуетъ о большомъ художественномъ вкусѣ переводчика». Ѳ. Е. Коршъ («Разборъ вопроса о подлинности окончанія «Русалки» Пушкина по записи Д. П. Зуева», стр. 33), напротивъ, признаетъ, что пьеса Пушкина «во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже подлинника, отъ котораго переводъ отличается невыгодно не одною формой, но и редакціей конца». Такъ же, какъ и Кулаковскій, Н. Ѳ. Сумцовъ («Харьковс. университ. сборн. въ память П—на», 262—263) справедливо признаетъ, что Пушкинъ «даетъ нѣчто особое, отличное отъ произведенія Мицкевича, нѣчто

русское и субъективное». П. Б. (Бартеневъ—«Русс. Арх.» 1885, I, 460) говоритъ, что Пушкинъ здѣсь «далеко не передаетъ необыкновенной силы и прелести польскаго поэта». Гораздо ближе къ подлиннику переводы Фета («Дозоръ») и А. Н. Данилевскаго-Александрова («Въ мірѣ пѣсни», СПб., 1911). Музыкальныя интерпретаціи «Воеводы» принадлежатъ Направнику и Чайковскому (симфоническая баллада—см. Петерб. университ. сборн. «Памяти П—на», стр. 71, 132). Пушкинъ могъ узнать балладу отъ самого Мицкевича, который ее часто декламировалъ въ Петербургѣ (Кулаковскій, op. cit., 16—17). «Сочиненіе рядовое,—писалъ въ «Маякѣ» (1843 г., т. XI, гл. IV, 101—102) А. Мартыновъ:—по исполненію баллада сія такъ слаба, что нечего и выписать изъ нея въ примѣръ художественности слога»...

---

732. БУДРЫСЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

(т. III, стр. 454).

Чистовой автографъ, съ поправками, на бумагѣ съ клеймомъ 1829 г., подъ заглавіемъ: «Будрышь (изъ Мицкевича)» и съ датой: «28 окт. 1833 Болд.», находится въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина (см. «Пушк. и его соврем.» IV, 17). Впервые пьеса появилась въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1834 г., т. II, № 3, стр. 96—97, съ подзаголовкомъ: «Литовская баллада» и указаніемъ въ оглавленіи тома: «Изъ М—а», отсутствующимъ въ «Стихотвореніяхъ Ал—дра П—на», ч. IV, 1835 г., стр. 43—48, и въ посмертномъ изданіи (IV, 38—40). По словамъ П. В. Анненкова (см. его изд. «Сочин. П.», III, 38), въ автографѣ, вѣроятно вышеупомянутомъ, Пушкинъ «писалъ сперва вездѣ Будры*шь* вмѣсто Будрыс*ъ* и Пац*ъ* вмѣсто Паз*ъ*». Пушкинъ близко къ подлиннику и съ соблюденіемъ размѣра перевелъ балладу Мицкевича «Trzech Budrisów», напечатанную въ прозаическомъ русскомъ переводѣ въ «Сынѣ Отечества» 1829 г., № XXVII, стр. 113—115. «Пьеса не безъ достоинства», сказалъ о ней Бѣлинскій («Молва» 1836 г., № 3; «Сочин.», изд. Венгерова, II, 415), а въ общемъ обзорѣ пушкинскаго творчества назвалъ ее «мастерскимъ переводомъ изъ Мицкевича» («Сочин. Б.», ч. VIII, М., 1860, стр. 411). Это дѣйствительно превосходный переводъ. Л. Н. Павлищевъ увѣряетъ, что Пушкинъ говорилъ своей сестрѣ, что «влюбленъ до безумія» въ эту «искорку Мицкевича», переведенную для него авторомъ по-французски «съ начала до конца» («Изъ семейной хроники», М., 1890, стр. 103—104), но Павлищеву вообще трудно вѣрить, тѣмъ болѣе, что Пушкинъ навѣрное ,зналъ переводъ «Сына Отечества», да и самъ разбиралъ не плохо по-польски (см. примѣч. къ № 511). Ничѣмъ не подтверждается также передаваемое П. И. Бартеневымъ («Русс. Арх.» 1885, I, 460) извѣстіе, что будто бы «Пушкинъ два раза переводилъ балладу. Въ первомъ, утраченномъ переводѣ, который онъ читалъ И. В. Кирѣевскому, было: «Тамъ всѣ жены, какъ иконы,—Въ серебрѣ и въ жемчугахъ». Теперь читаемъ одинъ стихъ: «Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоцѣнныхъ нарядахъ». Конечно, такъ лучше. Надо замѣтить, что въ подлинникѣ ничего этого нѣтъ». Дѣйствительно, въ описаніи новгородскихъ богатствъ говорится только о собольихъ мѣхахъ и серебристыхъ покровахъ, «а у купцовъ тамъ денегъ—что льду». Пушкинъ самъ своимъ переводомъ былъ не особенно доволенъ. Однажды онъ читалъ его какому-то литератору въ присутствіи О. И. Сенковскаго. «Хозяинъ — разсказываетъ О. И. Сенковскій («Сочин.», т. VII, 1859, стр. 211)—чрезвычайно хвалилъ этотъ прекрасный переводъ. «Я принимаю—сказалъ Пушкинъ—хвалу вашу за простой комплиментъ. Я недоволенъ этими стихами. Тутъ есть многіе недостатки».—Напримѣръ?—«Напримѣръ, полячка м л а д а я».—Такъ что жъ?—«Это небрежность. Надобно было сказать м о л о д а я, но я полѣнился передѣлать три стиха для одного слова», Но хозяинъ утверждалъ, что это прекрасно. Пушкинъ никакъ съ нимъ не соглашался и ушелъ, увѣряя, что всѣ подобныя отступленія отъ настоящаго русскаго языка лежатъ у него на совѣсти». Есть еще одинъ стихотворный переводъ—А. Н. Данилевскаго-Александрова («Въ мірѣ пѣсни», СПб., 1911). П. Кулаковскій («Славянскіе мотивы въ творчествѣ Пушкина», Варш., 1899, стр. 18) указываетъ, что «по подлиннику Ольгердъ ведетъ войска на Русь, Скиргеллъ—на поляковъ, Кейстутъ—на тевтоновъ; у Пушкина же Пазъ идетъ походомъ на поляковъ, Ольгердъ—на пруссаковъ, а Кейстутъ—на русскихъ. При томъ уваженіи къ оригиналамъ, которое видно во всѣхъ произведеніяхъ Пушкина, если онъ заимствовалъ сюжетъ, такія измѣненія могутъ быть объяснены только тѣмъ, что въ самой первоначальной редакціи этой баллады Мицкевича или въ ея французскомъ переводѣ (?) именно такъ распредѣлялась роль вождей литовскихъ, ибо они не могутъ быть объяснены требованіями и характеромъ творчества Пушкина».

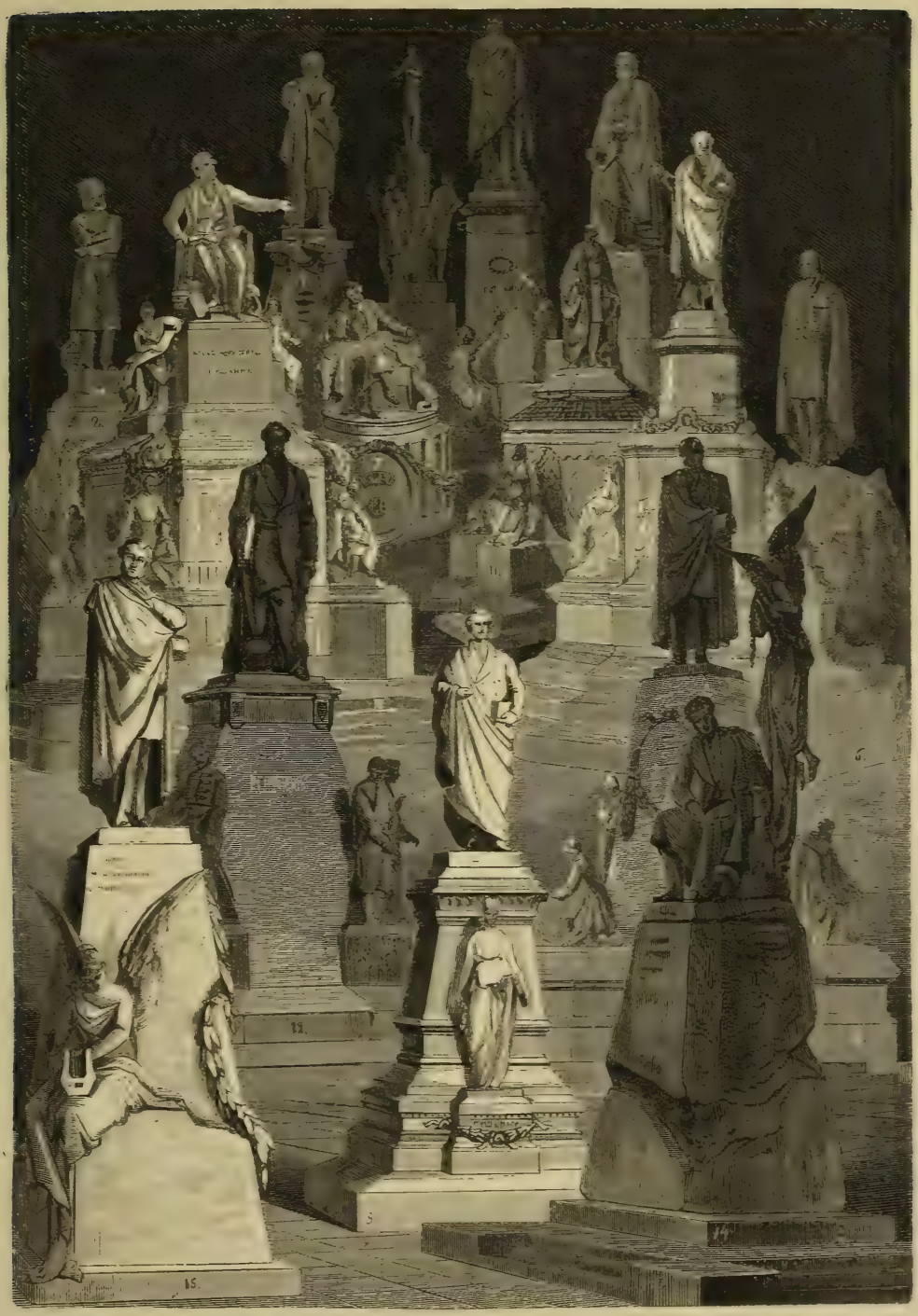
Курьезный критикъ А. Мартыновъ («Маякъ» 1843 г., т. XI, отд. IV, стр. 99—101) писалъ: «напрасно Пушкинъ здѣсь употребилъ размѣръ анапестическій... Поэтическая мысль этой баллады та, что молодой человѣкъ охотно промѣняетъ и жизнь, и свои обязанности, и все что хотите—на дѣву»...

---

733. МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

(т. III, стр. 473).

Автографы и списки поэмы находятся въ тетрадяхъ Румянцевскаго музея № 2372, лл. 54_2—46_2 (на л. 52_2 помѣта — «30 октября»); № 2373, л. 23_1; № 2374, лл. 7_2 — 15_1 (на л. 7_2 помѣта «6 окт.»), 16_2—17_1; № 2375, лл. 1—10, 43—50 (помѣты на л. 50_2—«29 окт.» и на л. 10_2—«31 окт. 1833. Болдино. 5 ч. 5»), 16_1, 36_1, 18_2; № 2376-Б, лл. 10—16, 47—53, 20—40, 41 (см. «Русс. Стар.» 1884 г., авг., 319, 327; сент., 642—643, 646—648; окт., 80, 81); здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Мѣдный всадникъ» еще сплетается съ «Родословной моего героя» (см. выше, прим. къ № 728); какой-то листокъ находился въ парижскомъ собраніи А. Ѳ. Отто («Онѣгина»—см. «П—нъ и его соврем.», XII, 11); списанные П. В. Анненковымъ отрывки находятся въ принадлежащемъ академіи наукъ майковскомъ собраніи рукописей Пушкина (ib., IV, 38). Исторія созданія поэмы изложена В. Я. Брюсовымъ въ его вступительной статьѣ (т. III настоящ. изд.). Впервые появился «Мѣдный всадникъ» вскорѣ по смерти Пушкина въ «Современникѣ», т. V, стр. 1—21, но еще раньше Пушкинъ помѣстилъ отрывокъ изъ него, подъ загла-



ПЕРВЫЙ КОНКУРСЪ ПРОЭКТОВЪ ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ.
(1873).

віемъ «Петербургъ» (отъ начала до стиха «Тревожить вѣчный сонъ Петра»), въ «Библіот. для Чтенія», т. VII, 1834 г. (отд. I, 117—119). Въ «Соврем.» поэма была напечатана съ цензурными пропусками и поправками В. А. Жуковскаго, отчасти восполненными Анненковымъ (т. VII его изд., ч. 1, стр. 72—73). Затѣмъ текстъ дополнялся и исправлялся въ «Библіографич. Запискахъ» 1861 г., ст. 276; берлинскомъ томикѣ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина 1861 г., стр. 166; «Русс. Арх.» 1881, III, 228—240 (ст. П. Бартенева); «Соч. П—на», изд. «Просвѣщ.», IV; «Русс. Мысли» 1910, іюнь (ст. В. Брюсова).

Фабулистическая канва отчасти указана Пушкинымъ—книга В. Н. Берха «Подробное историческое извѣстіе о всѣхъ наводненіяхъ, бывшихъ въ Санктпетербургѣ», СПб., 1826, гдѣ описано бѣдствіе 7 ноября 1824 г. (она сохранилась въ библіотекѣ Пушкина — «П—нъ и его соврем.», IX—X, 8). Образъ скачущаго по улицамъ столицы бронзоваго гиганта былъ навѣянъ Пушкину, вѣроятно, слѣдующимъ преданіемъ (разсказъ П. И. Бартенева въ «Русс. Арх.» 1877, II, 424—425; сравн. разсказъ А. П. Милюкова въ «Сынѣ Отечества» 1869 г., воскресн. № 29, «Откуда Пушкинъ взялъ сюжетъ Мѣднаго Всадника?»). «Мысль о Мѣдномъ Всадникѣ пришла Пушкину вслѣдствіе разсказа, который былъ ему переданъ извѣстнымъ графомъ М. Ю. Вельегорскимъ. Въ 1812 г., когда опасность вторженія грозила и Петербургу, государь Александръ Павловичъ предположилъ увезти статую Петра Великаго, и на этотъ предметъ статсъ-секретарю Молчанову было отпущено нѣсколько тысячъ р. Въ пріемную къ кн. А. Н. Голицыну, масону и духовидцу, повадился ходить какой-то маіоръ Батуринъ. Онъ добился свиданія съ княземъ, другомъ царевымъ, и передалъ ему, что его, Батурина, преслѣдуетъ одинъ и тотъ же сонъ. Онъ видитъ себя на Сенатской площади. Ликъ Петра поворачивается. Всадникъ съѣзжаетъ со скалы своей и направляется по петербургскимъ улицамъ къ Каменному острову, гдѣ жилъ тогда Александръ Павловичъ. Батуринъ, влекомый какою-то чудною силою, несется за нимъ и слышитъ топотъ мѣди по мостовой. Всадникъ въѣзжаетъ на дворъ Каменноостровскаго дворца, изъ котораго выходитъ къ нему навстрѣчу задумчивый и озабоченный государь. «Молодой человѣкъ, до чего довелъ ты мою Россію?—говоритъ ему Петръ Великій.—Но покамѣстъ я на мѣстѣ, моему городу нечего опасаться!» Затѣмъ всадникъ поворачиваетъ назадъ... Пораженный разсказомъ Батурина, кн. Голицынъ, самъ сновидецъ, передаетъ сновидѣніе государю, и въ то время, какъ многія государственныя сокровища и учрежденія перевозятся во внутрь Россіи, статуя Петра Великаго оставлена въ покоѣ. Судя по этому разсказу, который случилось намъ слышать отъ современниковъ, и въ числѣ ихъ отъ С. А. Соболевскаго, надо думать, что первоначальными звуками чудесной поэмы, родившимися въ головѣ Пушкина, были стихи: «Показалось ему, что грознаго царя»... и т. д. Поэтическія черты разсказа о страшномъ снѣ, въ связи съ воспоминаніемъ о судьбѣ Россіи въ 1812 г., поразили его». Н. Черняевъ («Критич. статьи и замѣтки о П—нѣ», Хар., 1900 г., 88—91) предполагаетъ, что въ воображеніи Пушкина сонъ Батурина сплелся съ легендой о Донъ-Жуанѣ и статуѣ.

Другой случай, не столь романтическій, какъ сонъ, о которомъ разсказалъ Александру I кн. А. Н. Голицынъ, далъ поэту образъ несчастнаго, сидящаго на львѣ. Объ этомъ случаѣ разсказываетъ современникъ Пушкина и очевидецъ наводненія 7 ноября 1824 г. А. В. Кочубей («Семейная хроника. Записки Аркадія Васильевича Кочубея. 1790—1873». СПб. 1890, стр. 204). Львы, которые въ вѣчной поэмѣ Пушкина сохранятся тогда, когда исчезнутъ ихъ мраморныя изваянія, знакомы всему Петербургу. Они украшаютъ крыльцо дома военнаго министерства, близъ Исаакіевскаго собора; это—копіи, а ихъ античные оригиналы находятся во Флоренціи, гдѣ стоятъ по сторонамъ входной лѣстницы лоджіи dei Lanzi, на площади Синьоріи (М. П. Соловьевъ, «Письма изъ Италіи»—«Русс. Обозр.» 1896, апр., 651). На одномъ изъ этихъ львовъ спасся нѣкто Яковлевъ. По словамъ А. В. Кочубея, онъ «прогуливался по городу и, когда вода начала уже прибывать, спѣшилъ домой; но, подойдя къ дому князя Лобанова (теперешнему военнаго министерства), онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что вода препятствуетъ ему идти далѣе. Для спасенія жизни Яковлевъ рѣшился взлѣзть на одного изъ львовъ, стоявшихъ у этого дома, и тамъ случайно просидѣлъ все время наводненія». Поэтъ бралъ «свое» всюду, гдѣ находилъ его. Два случайные, мимолетные разсказа, о страшномъ сновидѣніи и о человѣкѣ, просидѣвшемъ на каменномъ львѣ нѣсколько часовъ, которые не надолго остановили бы вниманіе всякаго простого смертнаго, генію внушили высокопоэтическую, величественную мысль—противопоставить другъ другу Мѣднаго Всадника, гордо возвышающагося въ своей «неколебимой вышинѣ» надъ разъяренной стихіей, и замирающаго отъ холода и страха человѣка верхомъ на мраморномъ звѣрѣ.

Въ тѣхъ же «Запискахъ» Кочубея (стр. 203—204), а также въ «Старой записной книжкѣ» князя П. А. Вяземскаго («Соч.», VIII, 126—127), разсказанъ забавный случай съ сенаторомъ графомъ В. В. Толстымъ, который проснулся въ день наводненія, не зная о несчастьѣ, подошелъ къ окну и, увидѣвъ плывущаго по улицѣ въ лодкѣ генералъ-губернатора графа М. А. Милорадовича, съ ужасомъ рѣшилъ, что сходитъ съ ума, и успокоился только тогда, когда убѣдился, что другіе видятъ то же самое, и что, значитъ, онъ не сталъ жертвой галлюцинаціи. Среди пушкинскихъ набросковъ къ «Мѣдному всаднику» этотъ анекдотъ воспроизведенъ въ стихахъ («Со сна идетъ къ окну сенаторъ»... см. въ исторіи текста), но Пушкинъ откинулъ ихъ, какъ комическій элементъ, который только нарушилъ бы величавую строгость поэмы о «властелинѣ судьбы» и безжалостно попранныхъ имъ ея пасынкахъ, о желѣзной волѣ, которая, по выраженію Радищева, «вознося отечество, не утвердила вольность частную» (Н. Лернеръ, «Изъ исторіи Мѣднаго Всадника»—«Русс. Стар.» 1908, янв., 117—119). Зналъ, вѣроятно, Пушкинъ и о комическомъ протестѣ, весьма образно заявленномъ противъ Петра Великаго женою этого сенатора Толстого. «Наводненіе 1824 года — разсказываетъ Вяземскій (ib., 126)— произвело на нее такое сильное впечатлѣніе и такъ раздражило ее противъ Петра I, что еще задолго до славянофильства дала она себѣ удовольствіе проѣхать мимо памятника Петра и высунуть предъ нимъ языкъ» (ср. письмо Вяземскаго А. И. Тургеневу объ этой «мести»—«Переп. Вяз. съ Т.», ред. Н. Кульмана, 70—71). Приводи-

мыя Пушкинымъ слова Альгаротти о Петербургѣ были извѣстны поэту, можетъ быть, лишь какъ эпиграфъ одной изъ находившихся у него иностранныхъ книгъ о Россіи («П—нъ и его соврем.», IX — X, 183). Слова «Россію вздернулъ [поднялъ] на дыбы!» кн. П. А. Вяземскій приписывалъ себѣ: «мое выраженіе, сказанное Мицкевичу и Пушкину, когда мы проходили мимо памятника; я сказалъ, что этотъ памятникъ символическій: Петръ скорѣе поднялъ Россію на дыбы, чѣмъ погналъ ее впередъ» («Стар. и Новизна» VIII, 40). На вступленіе оказала вліяніе статья Батюшкова «Прогулка въ Академію Художествъ»; Батюшковъ сравниваетъ былую пустыню съ великолѣпіемъ возникшей на ея мѣстѣ столицы, приводитъ размышленія Петра: «здѣсь будетъ городъ, чудо свѣта, сюда призову всѣ художества, всѣ искусства», и мѣткое сравненіе какого-то иностранца, который «сказалъ, указывая на коня Фальконетова: онъ скачетъ какъ Россія!»

Несомнѣнно невѣрному преданію о монологѣ, произносимомъ Евгеніемъ передъ памятникомъ, вѣрили многіе: Бѣлинскій, Бартеневъ («Р. Арх.» 1877, II, 424), Анненковъ («П. въ Алекс. эпоху», 82), П. С. Аксаковъ («Русс. Обозр.» 1897, февр., 589), но П. А. Ефремовъ («Соч. П—на», изд. Суворина, VIII, 1905 г., стр. 457 — 460) вполнѣ доказательно опровергъ его.

Бѣлинскій считалъ поэму однимъ изъ знаменій «совершенно новаго періода высшей, просвѣтленной художнической дѣятельности Пушкина» (1838 г., — «Соч. Б.», изд. Венгерова, III, 286—287). Критикъ «С.-Петерб. Вѣдомостей» 1841 г., №№ 259 — 260, писалъ: «герой «Мѣднаго всадника» почти заслоненъ поставленною вокругъ него огромною декораціей, представляющею картину наводненія и среди него колоссальное изваяніе Петра Великаго; эта картина начертана истинно-художнической кистью». С. П. Шевыревъ («Москвитянинъ» 1841 г., ч. 5, № 9) находилъ «главную мысль, зерно и единство художественнаго созданія» въ «соотвѣтствіи между хаосомъ природы, который видите вы въ потопѣ столицы, и хаосомъ ума, пораженнаго утратою», но жалѣлъ, что «этотъ мотивъ не былъ развитъ до конечной полноты и потерялся въ какой-то неопредѣленности эскизованнаго, но мастерского исполненія». Въ обзорѣ поэзіи Пушкина Бѣлинскій выяснилъ историческій смыслъ поэмы. «Настоящій герой ея — Петербургъ... Въ безпрестанномъ столкновеніи несчастнаго съ «гигантомъ на бронзовомъ конѣ» и въ впечатлѣніи, какое производитъ на него видъ Мѣднаго Всадника, скрывается весь смыслъ поэмы, здѣсь ключъ къ ея идеѣ... Въ этой поэмѣ видимъ мы горестную участь личности, страдающей какъ бы вслѣдствіе избранія мѣста для новой столицы, гдѣ подверглось гибели столько людей, — и наше сокрушенное сочувствіемъ сердце, вмѣстѣ съ несчастнымъ, готово смутиться; но вдругъ взоръ нашъ, упавъ на изваяніе виновника нашей славы, склоняется долу, — и въ священномъ трепетѣ, какъ бы въ сознаніи тяжкаго грѣха, бѣжитъ стремглавъ, думая слышать за собой, «какъ будто грома грохотанье, тяжело-звонкое скаканье по потрясенной мостовой». Мы понимаемъ смущенной душой, что не произволъ, а разумная воля олицетворены въ этомъ Мѣдномъ Всадникѣ, который, въ неколебимой вышинѣ, съ распростертой рукой, какъ бы любуется городомъ... И намъ чудится, что, среди хаоса и тьмы этого разрушенія, изъ его мѣдныхъ устъ исходитъ творящее: «да будетъ!», а простертая рука гордо повелѣваетъ утихнуть разъяреннымъ стихіямъ... И смиреннымъ сердцемъ признаемъ мы торжество общаго надъ частнымъ, не отказываясь отъ нашего сочувствія къ страданію этого частнаго... При взглядѣ на Великана, гордо и неколебимо возносящагося среди всеобщей гибели и разрушенія, и какъ-бы символически осуществляющаго собой несокрушимость его творенія,—мы, хотя и не безъ содроганія сердца, но сознаемся, что этотъ бронзовый гигантъ не могъ уберечь участи индивидуальностей, обезпечивая участь народа и государства; что за него историческая необходимость, и что его взглядъ на насъ есть уже его оправданіе... Да, эта поэма—апоѳеоза Петра Великаго, самая смѣлая, самая грандіозная, какая могла только прійти въ голову поэту, вполнѣ достойному быть пѣвцомъ великаго преобразователя Россіи»... «Если Мѣдный Всадникъ— говоритъ А. В. Дружининъ («Библ. для Чт.» 1855 г., т. 130, № 3—4, стр. 94—96) — такъ близокъ къ сердцу каждаго русскаго, если ходъ всей поэмы такъ связанъ съ исторіей и поэмой города Петербурга,—то все-таки поэма въ цѣломъ не есть достояніе одной Россіи: она будетъ оцѣнена, понята и признана великой поэмою вездѣ, гдѣ есть люди способные понимать изящество... Мѣдный Всадникъ есть вещь общедоступная, произведеніе европейское. Онъ изобилуетъ совершенствами всѣхъ родовъ, начиная отъ своего величаваго начала до послѣдней неслыханно-грандіозной сцены, когда гигантъ на бронзовомъ конѣ скачетъ за несчастнымъ юношей, потрясая мостовую копытами металлической лошади и въ блѣдномъ сіяніи луны простираетъ впередъ свою грозную руку! Смѣлость, съ которою поэтъ сливаетъ исторію своего героя съ торжественнѣйшими эпохами народной исторіи, безпредѣльна, изумительна и нова до крайности; между тѣмъ какъ общая идея всего произведенія по величію своему принадлежитъ къ тѣмъ идеямъ, какія родятся только въ фантазіяхъ поэтовъ, подобныхъ Данту, Шекспиру и Мильтону».

Позднѣйшая критика (Айхенвальдъ, Овсянико-Куликовскій, Ивановъ-Разумникъ) въ главныхъ чертахъ примыкаетъ къ пониманію поэмы, предложенному Бѣлинскимъ. Тема Пушкина, впервые поставившаго вопросъ о конечномъ значеніи «петербургскаго періода» русской исторіи, донынѣ хранитъ свою живость и остроту въ нашей литературѣ и общественности, и сквозь всѣ ея видоизмѣненія и осложненія (славянофилы, Достоевскій, Мережковскій и проч.) свѣтитъ яркій пушкинскій огонь; отъ нея отзѣтвилась и часто трактуется тема наводненія, которое должно погубить Петербургъ за его историческіе грѣхи.

Лучшее комментированное изданіе «Мѣднаго всадника»—A. Lupus (Вольфа) «Der eherne Reiter», СПб., 1898, нѣмецк. переводъ - съ многочисленными примѣчаніями. Превосходно издана поэма въ «Мірѣ Искусства» 1904 г., № 1, съ 33 иллюстраціями Александра Бенуа. Важнѣйшія изъ нихъ даны въ настоящемъ изданіи.

---

734. [РОДРИГЪ].

(т. III, стр. 483).

Черновой автографъ, на отдѣльныхъ листкахъ, находится въ тетради Румянцевскаго музея № 2377-А, лл. 6, 7, 8, 9; на л. 6 набросана программа («Родригъ спасается въ пещерѣ одинъ. Его сны, искушенія»), соотвѣтствующая строфамъ 18—22. Къ тому же замыслу долженъ относиться еще одинъ набросокъ: «Чудный сонъ мнѣ Богъ послалъ»... (ibid., № 2375, л. 29), написанный, вѣроятно, раньше и, повидимому, изображающій отшельника, который ожидаетъ Родрига (см. исторію текста). Пьеса, не совсѣмъ отдѣланная и незаконченная, появилась впервые въ посмертномъ изданіи «Сочин. П.», т. IX, 1841 г., стр. 177—182, подъ заглавіемъ «Родригъ», перешедшимъ во всѣ слѣдующія изданія. Анненковъ датировалъ ее 1832 г. и прибавилъ (см. его изд., III, 23): «все стихотвореніе есть только первоначальный очеркъ, который Пушкинъ предполагалъ раздѣлить на нѣсколько отдѣловъ; послѣдняя часть его, о Родригѣ-побѣдителѣ, не была написана». Въ обоихъ изданіяхъ Геннади и первыхъ двухъ Ефремова пьеса также отнесена къ 1832 г., но П. О. Морозовымъ (въ изд. Литерат. фонда, II, 155—159) перенесена въ 1833 г., что болѣе соотвѣтствуетъ ея положенію среди другихъ рукописей.

Бѣлинскій въ рецензіи на три послѣдніе тома посмертнаго изданія («Отечеств. Записки» 1841 г.—«Соч. Б.», изд. Венгерова, VI, 276, 279) назвалъ «Родрига» въ числѣ «прекрасныхъ и интересныхъ» новинокъ посмертнаго изданія, но тутъ же замѣтилъ, что «всего менѣе можно быть довольну пьесою «Родригъ»: это что-то недоконченное, въ родѣ тѣхъ испанскихъ балладъ, которыя давно уже прискучили». Анненковъ («Матеріалы для біогр. П—на», изд. 2-ое, стр. 379—380) думалъ, что Пушкинъ «перевелъ старый испанскій романсъ». Дѣйствительно, Пушкинъ использовалъ одну изъ излюбленныхъ темъ испанскихъ романсовъ, но не непосредственно, а изъ литературно-романтическаго источника—поэмы англійскаго поэта Southey «Roderick, the last of the Goths». Родригъ, послѣдній представитель визиготской королевской династіи, правившей Испаніей, отнялъ тронъ у его ближайшихъ наслѣдниковъ и былъ весьма непроченъ на престолѣ. Враги не оставляли его въ покоѣ, и имъ оказалъ поддержку повелитель Сеуты, номинальный вассалъ византійскаго императора, графъ Юліанъ, по преданію оскорбленный Родригомъ, который соблазнилъ его дочь Каву, воспитывавшуюся при толедскомъ дворѣ. Юліанъ убѣдилъ сѣверо-африканскаго государя Мусу-ибн-Носейра, вассала дамасскаго калифа, предпринять завоеваніе Испаніи и помогъ ему своими войсками и флотомъ. Менѣе чѣмъ въ годъ Испанія была разгромлена арабами, а въ рѣшительномъ бою 26 іюля 711 г. арабскій генералъ Тарикъ-ибн-Зейадъ окончательно разбилъ испанцевъ, во главѣ которыхъ сражался Родригъ. Самъ король безслѣдно исчезъ. «Такъ какъ о немъ никто ничего не слыхалъ — говоритъ арабскій лѣтописецъ,—и его не нашли ни живого, ни мертваго, то его послѣдняя судьба остается извѣстна одному Аллаху». Нѣкоторыя христіанскія хроники говорятъ положительно, что Родригъ былъ убитъ въ сраженіи; одинъ саламанкскій лѣтописецъ X в. увѣряетъ, что въ его времена въ Португаліи была найдена надмогильная надпись: «здѣсь почіетъ Родригъ, послѣдній король Готовъ». Несчастный король, съ личной судьбою котораго такъ тѣсно связана гибель Испаніи, никогда не былъ забытъ народомъ и сталъ героемъ множества сказокъ и легендъ, впослѣдствіи подвергшихся литературной обработкѣ въ видѣ баснословныхъ хроникъ, рыцарскихъ романовъ и романсовъ. Послѣдніе дали англійскому поэту Соути готовую тему и канву для одного изъ лучшихъ его произведеній—поэмы о Родригѣ, появившейся въ 1814 г. Пушкинъ хорошо зналъ Соути и его поэму (см. «Пушк. и его соврем.», IX—X, №№ 1399, 1400). Жуковскій въ 1822 г. началъ переводить «Родрига» (см. «Бумаги Жуковскаго»... опис. И. Бычкова, СПб., 1887, стр. 89; «Сочин. Пушк.», изд. Ефремова, VIII, 1905 г., 349). Пушкинъ почему-то скептически отнесся къ этому намѣренію и писалъ: «Когда-то говорилъ онъ мнѣ о поэмѣ Родрикъ Саутея; попросите его отъ меня чтобъ онъ оставилъ его въ покоѣ»... (см. т. V настоящ. изд., пис. № 35). Въ одной замѣткѣ, помѣщенной въ «Литерат. Газетѣ», Пушкинъ упоминаетъ о «Родерикѣ, или послѣднемъ Готѳѣ». Въ своихъ наброскахъ Пушкинъ почти во всемъ слѣдуетъ Соути. Дальнѣйшую судьбу короля Соути рисуетъ такъ. Покинувъ свое уединеніе, король, никѣмъ не узнаваемый, встрѣчается съ благородной дамой, мечтающей о возрожденіи Испаніи. Послѣ дальнѣйшихъ таинственныхъ странствій, Родригъ попадаетъ въ монастырь св. Феликса. Преподобный Одоаръ благословляетъ его на священный подвигъ, и онъ отправляется поднимать народъ противъ мавровъ. При исполненіи этой миссіи онъ неожиданно встрѣчается съ нѣкогда соблазненной имъ дочерью графа Юліана. Она не узнаетъ въ посѣдѣвшемъ скитальцѣ того, кого любила и любитъ до сихъ поръ, ищетъ у старца религіознаго утѣшенія, разсказываетъ ему о своей любви къ королю Родригу и винитъ себя во всѣхъ несчастьяхъ, постигшихъ Родрига и Испанію. Наконецъ, графъ Юліанъ, которому въ свою очередь измѣнили мавры, умираетъ въ объятіяхъ дочери. Въ священникѣ, который приходитъ исповѣдать умирающаго и примирить его съ вѣрою отцовъ, онъ узнаетъ Родрига и прощаетъ ему вину.

Трудно сказать, пошелъ ли бы Пушкинъ дальше за Соути. Въ испанскихъ романсахъ, Пушкину тоже, несомнѣнно, знакомыхъ, старецъ-отшельникъ, къ которому приходитъ король, совѣтуетъ ему спасти душу мученичествомъ — дать себя на растерзаніе барсу, но звѣрь не трогаетъ грѣшника, и лишь по усердному моленію отшельника Богъ посылаетъ смерть Родригу (см. Б. П. Алмазова «Король Родриго (Изъ испанскаго Romancero)»; въ другой версіи (см. «Письма объ Испаніи» В. П. Боткина) барса замѣняетъ змѣя,—она долго не жалитъ Родрига, но молитва пустынника помогаетъ, и король обрѣтаетъ желанную смерть: «Господь помиловалъ меня—говоритъ онъ,—змѣя ужалила меня, ужалила»... Но у Пушкина, какъ у Соути, Родригъ, по высшему велѣнію, уходитъ изъ пустыни. Та «побѣда надъ врагами», которую предвѣщаетъ ему видѣніе, быть можетъ, побѣда не политическая надъ арабами, а духовная—надъ собственными страстями.

Пушкинъ сохранилъ форму испанскаго романса—четырехстопный трохей безъ риѳмъ. Первый ея образецъ въ русской литературѣ данъ Н. М. Карамзинымъ («Графъ Гварпосъ. Древняя гишпанская историческая пѣсня»).

---

735. ЕСЛИ ѢХАТЬ ВАМЪ СЛУЧИТСЯ.

(т. III, стр. 484).

Исчерканный черновой автографъ, съ котораго напечатанъ набросокъ въ настоящемъ изданіи, находится въ 2373-ей тетради Румянцевскаго музея, л. 30_1, и впервые появился, въ не совсѣмъ точной передачѣ, въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., августъ, 328 (болѣе исправно—въ изданіи «Просвѣщ.», II, 189—190). Другой автографъ описанъ П. А. Шляпкинымъ («Изъ неизданныхъ бумагъ П—на», СПб., 1903, стр. 39—40); онъ также исчерканъ, но пространнѣе музейнаго. Послѣдній по положенію среди другихъ черновиковъ долженъ быть датируемъ 1833 годомъ. Рукопись пр. Шляпкина точно датирована быть не можетъ; на оборотѣ ея находится черновой отрывокъ пьесы «Вновь я посѣтилъ»..., и поэтому г. Шляпкинъ датировалъ набросокъ 1835 г., но, какъ справедливо замѣтилъ П. А. Ефремовъ («Сочин. П.», т. VIII, 1905 г., стр. 351), это не доводъ въ пользу пріуроченія наброска къ тому же времени. Въ шляпкинскомъ автографѣ 2-й и 3-й стихи читаются:

Отъ **** на *
Тамъ, гдѣ Л. струится...

Далѣе говорится о скучающемъ путникѣ, который завистливо смотритъ на сидящее на балконѣ семейство.

Пр. Шляпкинъ рѣшилъ: «конечно (!), здѣсь дѣло идетъ о домикѣ (?) П. А. Осиповой и Вульфовъ въ Тригорскомъ; тогда (?) во второмъ стихѣ послѣ «на» слѣдуетъ читать «Псковъ» и «Л.» конечно Ловать; буква и звѣздочки поставлены временно потому, что имена сразу не укладывались въ размѣръ». Между тѣмъ, въ музейномъ наброскѣ упоминаются Москва и Волга,—значитъ, Псковская губернія здѣсь непричемъ. П. А. Ефремовъ (ibid., 352) предполагаетъ, что «Л.»—Ле́мета, рѣчка въ Лукояновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи. Можно думать, что звѣздочки во 2-мъ стихѣ обозначаютъ число слоговъ въ обозначенныхъ ими словахъ, и 2—3 стихи тогда могутъ читаться, если допустить, что стихи полномѣрные, примѣрно такъ:

Отъ Ардатова на *
Тамъ, гдѣ Ле́мета струится...

(Ардатовъ стоитъ на р. Леметѣ). Но это, конечно, весьма гадательно.

Такъ какъ въ 1833 г. Пушкинъ побывалъ въ Нижегородской губерніи и въ Поволжьѣ (чего въ 1835 г. не было), то съ тѣмъ большею вѣроятностью можно отнести къ 1833 году эту пьесу, начатую дважды и такъ и не завершенную (см. «Труды и дни П—на», изд. 2-ое, стр. 292).

---

736. КОЛОКОЛЬЧИКИ ЗВЕНЯТЪ.

(т. III, стр. 484).

Автографъ пьесы находится въ 2373-ей тетради Румянцевскаго музея, л. 30_1. Впервые она была напечатана П. В. Анненковымъ въ «Матеріалахъ для біографіи П—на», 1855 г., стр. 345, въ числѣ разбросанныхъ въ бумагахъ поэта отрывковъ, какъ «примѣръ фантастическаго представленія явленій» («Сочин. П.», изд. Анненкова, VII, 2-ая пагин., 214). П. А. Ефремовъ въ своихъ изданіяхъ (1880 г., II, 12, 406; 1882, II, 380; 1903, II, 67—68) отнесъ ее къ 1825 г. «на основаніи писемъ Пушкина, указывающихъ, что онъ именно въ это время занимался народными пѣснями и сказками» (изд. 1880 г., II, 406). П. О. Морозовъ (изд. Лит. фонда, I, 376), слѣдуя Ефремову, тоже датировалъ ее 1825 г., но въ слѣдующемъ своемъ изданіи («Просвѣщ.», II, 190, 542; сравн. изд. Ефремова, т. VIII, 1905 г., стр. 352) отнесъ ее къ 1833 г. по положенію въ музейной тетради. Ѳ. Е. Коршъ («Разборъ вопроса о подлинности окончанія «Русалки» по записи Д. П. Зуева», 100) считаетъ ее «подражаніемъ народнымъ пѣснямъ». Того же мнѣнія Всев. Миллеръ («П—нъ какъ поэтъ-этнографъ», М., 1899, стр. 49—50): «подъ вліяніемъ слушанья и записыванья народныхъ пѣсенъ, которыми Пушкинъ увлекался въ Михайловскомъ,—точная хронологія пьесы Миллеру не была извѣстна — разнообразные художественные образы, возникающіе по временамъ въ его воображеніи, какъ бы невольно принимаютъ очертанія въ народномъ духѣ и отливаются въ стихи народнаго склада... Таковъ мелькнувшій передъ нимъ образъ пляшущей цыганочки, можетъ быть запечатлѣвшійся въ его памяти еще въ Кишиневѣ. Появившись въ русской деревнѣ, эта сценка дала пѣсенку, къ сожалѣнію неоконченную, живо напоминающую по складу народныя плясовыя пѣсни съ обычнымъ припѣвомъ» (См. также въ IV т. настоящ. изд., стр. 63, ст. Н. Трубицына «П—нъ и русская народная поэзія»). Основной мотивъ Пушкину могла подсказать московская цыганщина, въ его время еще не опошленная, которую онъ такъ любилъ. М. П. Мусоргскій положилъ пѣсенку (1867 г.) на музыку (Петерб. унив. сборн. «Памяти Пушкина», стр. 82).

---

737. НЕ ДАЙ МНѢ БОГЪ СОЙТИ СЪ УМА.

(т. III, стр. 484).

Автографъ находится въ тетради московскаго Румянцевскаго музея № 2377-А (см. «Русс. Ст.» 1884, октябрь, 86), на одномъ листѣ съ отрывкомъ изъ «Родрига». По словамъ П. В. Анненкова (см. его изд. соч. II — на, III, 39), стихотвореніе «принадлежитъ 1833 году и писано въ одно время съ Мѣднымъ Всадникомъ», но рукопись не даетъ точныхъ основаній для такого опредѣленія, которое, впрочемъ, заслуживаетъ вѣроятія. Осторожнѣе было бы датировать пьесу 1832—1834 гг., по связи ея съ «Мѣднымъ всадникомъ» и «Русалкой», гдѣ также затронутъ вопросъ о безуміи. Совершенно не стоитъ довѣрія заявленіе Л. Павлищева («Воспоминанія объ А. С. П — нѣ», М., 1890, стр. 321), что пьеса написана «весной 1833 года». Впервые появилась она въ IX т. посмертнаго изданія, 1841 г., стр. 129—130.

Въ «Русалкѣ» Князь, человѣкъ съ «нормальной», грубой душевной организаціей, судитъ о безуміи просто и «здраво»:

Страшно
Ума лишиться! Легче умереть:
На мертвеца глядимъ мы съ уваженьемъ,
Творимъ о немъ молитвы, — смерть равняетъ
Съ нимъ каждаго. Но человѣкъ, лишенный
Ума, становится не человѣкомъ:
Напрасно рѣчь ему дана,—не правитъ
Словами онъ; въ немъ брата своего
Звѣрь узнаетъ; онъ людямъ въ посмѣянье;
Надъ нимъ всякъ воленъ; Богъ его не судитъ...

Но самъ поэтъ мыслилъ иначе. В. Я. Брюсовъ (см. въ III т. настоящ. изд., стр. 463) справедливо замѣчаетъ, что героя «Мѣднаго всадника», Евгенія, «безуміе какъ-то возвысило, облагородило... Вообще во всѣхъ стихахъ, посвященныхъ «безумному» Евгенію, есть особая задушевность». Въ «Мѣдномъ всадникѣ» и особенно въ разсматриваемомъ стихотвореніи Пушкинъ обратилъ вниманіе на то, чего не замѣтилъ бы Князь изъ «Русалки»,—на освобождающее значеніе безумія. Только охваченный безуміемъ полунищій, мелкій чиновникъ могъ увидѣть тѣневую, демоническую сторону дѣла и личности Петра Великаго. Только безуміе дало мольбамъ и слезамъ бѣднаго «Рыцаря, влюбленнаго въ Дѣву», такую жаркую, сосредоточенную силу, что само строгое Небо тронулось ими.

Въ этомъ «чудесномъ и неожиданномъ для трезваго реалиста стихотвореніи» одинъ критикъ (Н. Я. Абрамовичъ, «Художники и мыслители», кн. II, М., 1911, стр. 208 — 209) усматриваетъ «стремленіе оторваться отъ колеса обычнаго жизневращенія, найти какіе-то косвенные, можетъ быть кружные пути къ широкой жизненной вольности, прорваться за предѣлы замкнутаго кругозора къ вѣщей, поэтической, безумно опьяняющей свободѣ, чтобы найти ее въ самомъ безуміи, съ которымъ граничитъ вдохновеніе поэта. Что заставило его подойти къ идеѣ безумія, задуматься надъ ней и—мало того—въ страстныхъ, полныхъ напряженной силы образахъ отразить грезы этой свободы, даруемой безуміемъ?... Какая ересь для трезваго художника—мечтать о какомъ-то дикомъ размахѣ стихійно-душевныхъ силъ, объ освобожденіи отъ того, что движется законнымъ, установленнымъ порядкомъ, жаждать оторваться отъ него и идти по дорогѣ иныхъ исканій, иныхъ прозрѣній, довѣряясь лишь темному влеченію тоскующей и страстной души». Какъ преобразилось воспріятіе «Пророка» подъ десницей Архангела, и онъ сталъ видѣть и слышать то, что прежде не было ему доступно, такъ преображается оно и теперь. «Пламенный бредъ», чадъ новыхъ грезъ, «нестройныхъ» и «чудныхъ» («духъ неволи, стройный видъ», говоритъ онъ о Петербургѣ,— см. № 526),—въ нихъ счастье. Что нужды, что небеса «пустыя»!—око вдохновеннаго безумца увидитъ въ нихъ «горній ангеловъ полетъ»... Великій поэтъ понималъ, что за «неизъяснимы наслажденья» можно испытать «бездны мрачной на краю», на грани, раздѣляющей нормальный умъ и безуміе, и лишь мысль о жестокихъ условіяхъ общественности ставила преграду анархическому порыву, который Пушкинъ умѣлъ остановить «желѣзной уздой» воли «на высотѣ, надъ самой бездной»... Но сознаніе достигнутой высоты, предвкушеніе иныхъ, новыхъ возможностей осталось навсегда.

Бѣлинскій въ рецензіи на три послѣдніе тома посмертнаго изданія («Соч. Б.», изд. Венгерова, VI, 276, 279) упомянулъ пьесу въ числѣ его лучшихъ новинокъ: «всѣ они прекрасны и интересны, а нѣкоторыя изъ нихъ запечатлѣны всею силою генія Пушкина» (ср. его отзывъ въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи). Другой современный критикъ («С.-Пбургск. Вѣдом.» 1841 г., №№ 259, 260) назвалъ ее «замѣчательной по своей оригинальности». Гораздо глубже оцѣнилъ ее Н. П. Огаревъ (въ предисловіи къ «Русской потаенной литературѣ», Лнд., 1861, стр. LXIV): «общество шло къ отдыху и раздумью; Пушкинъ доросталъ до геніальной художественности, но передъ концомъ поворачивалъ къ глухому, мистическому полуотчаянію, полупророчеству,— такъ звучатъ его «Подражанія Данту», «Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума», «Однажды странствуя»... На этомъ звукѣ онъ замеръ». Оставляя въ сторонѣ курьезно-ограниченное мнѣніе Третяка (J. Tretiak, «Mickiewicz i Puszkin», Warsz., 1906, 279—281, 323), что «безуміе, о которомъ говоритъ Пушкинъ въ этомъ стихотвореніи, это—безуміе поэта, который хотѣлъ бы пѣть о свободѣ въ Россіи», укажемъ, что Пушкинъ, несомнѣнно, выразилъ здѣсь до отчаянія доходящее недовольство сложившимися условіями своей личной жизни. Но несравненно шире національно-общественное значеніе пьесы. Въ ней впервые высказано русское отношеніе къ культурѣ. Въ «Мѣдномъ всадникѣ» Пушкинъ поставилъ вопросъ опредѣленнѣе. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ былъ предшественникомъ Гоголя, Достоевскаго и Толстого (тема разработана Д. Мережковскимъ— «Вѣчные спутники. Пушкинъ», изд. 3-е, СПб., 1906, гл. II).

---

738. СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

(т. III, стр. 485).

Автографъ, безъ начала (до 63-го стиха) и съ помѣтой «4 ноября 1833 Болд.», на 11 страницахъ, находится въ Берлинской королевской библіотекѣ (см. «П—нъ и его соврем.», II, стр. IV) и описанъ И. А. Шляпкинымъ («Русс. Стар.» 1893, янв., 224—240); онъ представляетъ незначительныя отличія отъ печатной редакціи, которая появилась въ «Библіот. для Чтенія», т. II, 1834 г., № 2, отд. I, стр. 1—17, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. IV, 1835 г., стр. 13—41, гдѣ датирована 1833 г. Въ рукописи два послѣдніе стиха сказки слѣдующіе:

Сказка ложь, да намъ урокъ,
А иному и намекъ.

Этотъ намекъ, по предположенію И. А. Шляпкина, «едва ли не относится къ женѣ поэта... Не хотѣлъ ли онъ намекнуть, что и ея красота преходяща, какъ красота мачехи-царицы? или что и ей нужно быть осторожной въ виду завистливыхъ къ ея красотѣ представительницъ свѣтскаго круга?» Такое предположеніе намъ кажется слишкомъ подозрительнымъ, но интересно, что въ томъ же 1833 г. поэтъ писалъ женѣ (см. выше, стр. 105): «Глядѣлась ли ты въ зеркало, и увѣрилась ли ты, что съ твоимъ лицомъ ничего сравнить нельзя на свѣтѣ?...» Очевидно, тогда, въ августѣ, сказка уже складывалась, и 4 ноября была лишь закончена. «Намекъ» же не пропалъ, и мы его находимъ въ концѣ другой сказки Пушкина — «О золотомъ пѣтушкѣ».

Сказка представляетъ собою довольно точное изложеніе популярнаго народнаго сюжета. Пушкинъ зналъ его уже давно, о чемъ свидѣтельствуетъ относящаяся приблизительно къ 1825—1826 г.г. (см. примѣч. № 679) бѣглая запись, находящаяся въ тетради Румянцевскаго музея № 2368, л.л. 53_1—53_2 (см. въ IV т. настоящ. изд., № 822). Сюжетъ этотъ, объясняетъ Н. Ѳ. Сумцовъ («Изслѣдованія о П—нѣ»—«Харьк. универс. сборн. въ память П—на», стр. 316), «примыкаетъ

къ циклу сказокъ о гонимой дѣвицѣ и временной ея смерти, о Пепелюшкѣ, Aschenputte, Сандрильонѣ... Сказки этого рода встрѣчаются почти во всѣхъ русскихъ сборникахъ, у Аѳанасьева, Чубинскаго, Кулиша, Рудченка и др. Варіантъ Пушкина примыкаетъ тѣсно къ народнымъ сказкамъ о временной смерти царевны отъ колдовства» (ср. т. IV паст. изд., 68—69; Ю. А. Яворскій, «Къ исторіи Пушкинскихъ сказокъ», Львовъ, 1899; М. Халанскій, «Сказки»—«Ист. русс. литературы», изд. «Міра», т. I, стр. 148 — 149; А. И. Яцимирскій, «Румынскія параллели и отрывки въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ П—на», Варш., 1901, стр. 23 — 29). Л. И. Поливановъ (см. его изд. «Сочин. П.», т. II, изд. 2-ое, стр. 295) приводитъ изъ сборника Аѳанасьева подходящій варіантъ. Мнѣніе В. В. Сиповскаго, что эта сказка «болѣе принадлежитъ западу, чѣмъ русскому народу» («П—нъ и его соврем.», IV, 82), явно невѣрно.

Въ общемъ складѣ, въ языкѣ своей сказки Пушкинъ выказалъ глубокое пониманіе народности и знаніе пріемовъ народнаго творчества (эпическія повторенія, обращенныя къ силамъ природы мольбы). Полунарицательное имя дѣвушки Чернавки Пушкинъ также взялъ изъ народныхъ сказокъ (см. ст. В. Чернышева въ «П. и его соврем.», VI, 129—131). Къ особенностямъ народнаго языка надо, между прочимъ, отнести ударенія «Съ бѣлой зóри до ночи́» (см. изслѣдованіе Ѳ. Е. Корша о «Русалкѣ», стр. 309).

Во времена Пушкина народность въ литературѣ еще не пользовалась признаніемъ и правильной оцѣнкой (см. примѣч. № 679, 682, 729). А. Мартыновъ въ «Маякѣ» (т. XI, 1843 г., «Критика», 115—124) писалъ: «объ отдѣлкѣ лицъ, характеровъ, переспективы и помина не было; одна только рисовка, и то очень посредственная; мысли—никакой». Бѣлинскій, въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина, находилъ, что въ этой сказкѣ Пушкина, какъ и въ другихъ, «было бы не основательно видѣть народную русскую поэзію», и назвалъ ее также «плодомъ довольно ложнаго стремленія къ народности» («Сочин. Б.», ч. VIII, М., 1860, стр. 515, 696). Зато обладавшій чувствомъ народности В. К. Кюхельбекеръ писалъ (1834), что «механическая часть этой примѣчательной сказки превосходна, — размѣръ и слогъ совершенно соотвѣтствуютъ предмету» («Русс. Стар.» 1884, янв., 82).

На сюжетъ сказки М. М. Петипа сочинилъ балетъ «Волшебное зеркало», музыку къ которому написалъ Корещенко (см. «Мемуары» М. Петипа, СПб., 1906, стр. 73, 89 — 92; В. Свѣтловъ, «Терпсихора», СПб., 1906, стр. 209—216).

---

739. ФРАНЦУЗСКИХЪ РИФМАЧЕЙ СУРОВЫЙ СУДІЯ.

(т. III, стр. 491).

Наброски находятся въ 2374-ой тетради Румянцевскаго музея, на лл. 2_2—3_1 (карандашомъ, отъ «Французскихъ рифмачей»... до «деньги нужны вамъ») и 6_2 (карандашомъ и чернилами, отъ «Не лучше ль вамъ») и, по положенію среди рукописей «Родословной моего героя» и «Капитанской дочки», должны быть относимы къ 1833 г. Повидимому, они представляютъ собою отдѣленные небольшимъ промежуткомъ времени приступы къ литературной сатирѣ. Анненковъ впервые напечаталъ большую часть ихъ (до словъ «У васъ исполнена» включительно) въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи П—на» (изд. 1855 г., стр. 348—349), какъ «подражаніе Буало», и пояснилъ: «Пушкинъ любилъ испытывать свою способность усвоивать чуждые пріемы и принимать, по произволу, различныя формы и оттѣнки стихотворства; это была, такъ сказать, его поэтическая забава». Этотъ отрывокъ въ обоихъ изданіяхъ Геннади появился подъ рубрикой «неизвѣстныхъ годовъ», а въ первомъ изданіи Ефремова (1880, II, 33—34), непонятно почему, былъ датированъ 1825 г. Въ «Русс. Архивѣ» 1881 г., I, 448—449, появился еще одинъ отрывокъ, находящійся на 6-мъ л. тетради, и тогда П. А. Ефремовъ (изд. 1882, III, 465—466) правильно отнесъ ихъ къ 1833 г. Остальные стихи перваго отрывка, слѣдующіе за словами «У васъ исполнена» (до «деньги нужны вамъ»), были напечатаны въ «Русс. Стар.» 1884, сент., 642, и «Русс. Арх.» того же года, III, 200.

По формѣ и тону это—подражаніе не только Буало, къ которому Пушкинъ обращается въ началѣ («поэтъ-законодатель, гроза несчастныхъ мелкихъ риѳмачей», сказано о немъ въ «Домикѣ въ Коломнѣ»), но и Ювеналу, одинъ стихъ котораго Пушкинъ почти дословно приводитъ («Ужели все молчать да слушать?...»—начало первой сатиры: «Semper ego auditor tantum? numquamne reponam»...). Ювенала Пушкинъ хорошо зналъ и даже собирался переводить (см. слѣдующ. примѣч.), и, готовясь казнить «ребятъ-подлецовъ» современной русской литературы, взывалъ къ «музѣ пламенной сатиры»: «вручи мнѣ ювеналовъ бичъ» (см. выше, № 664). По содержанію же, конечно, это далеко не подражаніе кому бы то ни было, а яркое выступленіе противъ современниковъ. Здѣсь Пушкинъ высказалъ, между прочимъ, свое врожденное отвращеніе къ службѣ, «гражданской иль военной» (см. примѣч. къ № 138) и попутно несправедливо задѣлъ Н. А. Полевого, издававшаго «Исторію Русскаго народа» по подпискѣ и не совсѣмъ аккуратно. Ссылка на Буало относится къ тому мѣсту II пѣсни «L'art poétique», гдѣ говорится о сонетѣ, и которое кончается знаменитымъ афоризмомъ: «Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme».

---

740. ЦѢНИТЕЛЬ УМСТВЕННЫХЪ ТВОРЕНІЙ ИСПОЛИНСКИХЪ.

(т. III, стр. 491).

Съ чернового автографа, находящагося въ 2384-ой тетради Румянцевскаго музея, л. 56_1, набросокъ впервые былъ напечатанъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., дек., 527. По положенію въ рукописи, а также на основаніи приводимыхъ ниже показаній кн. П. А. Вяземскаго въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву и въ другихъ мѣстахъ, онъ долженъ быть датируемъ не 1833 г., къ которому его отнесли П. О. Морозовъ (изд. Литерат. фонда и изд. «Просвѣщ.») и П. А. Ефремовъ (изд. Суворина), а 1835 и даже, вѣрнѣе, 1836 г.

«Незадолго до кончины — писалъ 17 іюня 1837 г. Вяземскій Дмитріеву («Русс. Арх.» 1868 г., ст. 655) — Пушкинъ перечитывалъ ваши сочиненія... Особенно удивлялся онъ мастерской отдѣлкѣ вашего шестистопнаго стиха въ переводахъ Попе и Ювенала. Козловскій убѣждалъ его перевесть Ювеналову сатиру «Желанія», и Пушкинъ изучалъ

прилежно данные вами образцы. Сколько драгоцѣнныхъ начинаній найдено въ его бумагахъ!»... Три года спустя, въ некрологической статьѣ о кн. Козловскомъ, Вяземскій («Сочин.», II, 293—294) писалъ: «въ литературныхъ бесѣдахъ своихъ съ Пушкинымъ настоятельно требовалъ онъ отъ него перевода любимой своей сатиры Ювенала «Желанія». И Пушкинъ передъ концомъ своимъ готовился къ этому труду; помню даже, что при этомъ случаѣ Пушкинъ перечитывалъ образцы нашей дидактической поэзіи и, между прочимъ, переводъ Ювеналовой сатиры Дмитріева и любовался симъ переводомъ какъ нечаянною находкою». Въ семидесятыхъ годахъ Вяземскій («Сочин.», I, 161) опять вспомнилъ объ этомъ: «кн. Козловскій просилъ Пушкина перевесть одну изъ сатиръ Ювенала, которую Козловскій почти съ начала до конца зналъ наизусть. Онъ преслѣдовалъ Пушкина этимъ желаніемъ и предложеніемъ. Тотъ, наконецъ, согласился и сталъ приготовляться къ труду. Однажды приходитъ онъ ко мнѣ и говоритъ: «а знаешь ли, какъ приготовляюсь я къ переводу, заказанному мнѣ Козловскимъ? Сейчасъ перечиталъ я переводы Дмитріева латинскаго поэта и англійскаго Попе. Удивляюсь и любуюсь силѣ и стройности шестистопнаго стиха его»... Сатиры Ювенала Пушкинъ такъ и не перевелъ, но слѣды знакомства съ нимъ видны въ незавершенной литературной сатирѣ «Французскихъ рифмачей суровый судія» (см. предыдущ. примѣч.). Въ библіотекѣ Пушкина (см. ея каталогъ въ «Пушк. и его соврем.», IX—X) Ювеналъ сохранился въ нѣсколькихъ изданіяхъ.

«Переложить его я далъ тебѣ обѣтъ»... Изъ показаній Вяземскаго видно, что Пушкинъ здѣсь обращался къ кн. Козловскому. Князь Петръ Борис. Козловскій (1783—1840) былъ человѣкъ очень образованный и умный и настоящій европеецъ. Онъ долго жилъ заграницей, былъ русскимъ посланникомъ въ Туринѣ, а потомъ въ Штутгардтѣ, служилъ въ Англіи, гдѣ игралъ видную роль въ высшемъ обществѣ и водилъ дружбу съ лучшими людьми; оттого Пушкинъ и называетъ его «другомъ бардовъ Англіи». Одинъ современникъ писалъ о немъ: «князь Козловскій признанъ былъ однимъ изъ умнѣйшихъ людей эпохи, въ которой умъ былъ, однакоже, не особенная рѣдкость». Посредственный стихотворецъ и писатель, Козловскій былъ великимъ мастеромъ живой устной бесѣды, увлекательной, веселой, сверкающей парадоксами. «На Козловскаго» звали, какъ въ старину на жирную стерлядь. Этому очарованію нисколько не мѣшало то, что Козловскій былъ во всѣхъ отношеніяхъ старомоденъ. «Онъ былъ — говоритъ Вяземскій, посвятившій его памяти двѣ интересныя статьи, — классикъ по многимъ убѣжденіямъ своимъ, правиламъ, сочувствіямъ и вѣрованіямъ, и особенно строгій классикъ въ литературномъ отношеніи. Латинскій языкъ, латинскіе писатели были ему свои. Особенно любилъ онъ Ювенала. Когда скоропостижно сошелъ съ ума кучеръ, который везъ его въ коляскѣ, и, направивъ лошадей прямо на край обвала, опрокинулся съ ними со всѣми въ яму на нѣсколько саженей глубины, князь Козловскій, вытащенный оттуда, разбитый, привѣтствовалъ прибывшаго къ нему на помощь лекаря стихами изъ Ювеналовой сатиры... Въ отношеніи литературныхъ мнѣній онъ былъ не только строгій классикъ, но едва ли и не закоснѣлый старовѣръ. За исключеніемъ сочиненій историческихъ, политическихъ и сочиненій, до точныхъ наукъ относящихся, мало того, что онъ не уважалъ литературы новѣйшей, но и отказывался отъ нея и не признавалъ ея; развѣ только два изъ новѣйшихъ поэтовъ были изъяты имъ изъ сего остракизма: Байронъ и Пушкинъ». Не даромъ, значитъ, назвалъ его Пушкинъ цѣнителемъ «исполинскихъ» умственныхъ твореній. Поэтъ познакомился съ Козловскимъ незадолго до возникновенія «Современника», и они очень полюбились другъ другу. Въ первой же книгѣ «Современника» Козловскій помѣстилъ замѣчательный «Разборъ парижскаго математическаго ежегодника», свой первый опытъ русской прозы, въ третьей статью «О надеждѣ»; по смерти Пушкина въ «Современникѣ» появилась его статья «Теорія паровъ», написанная, по его словамъ, «по завѣщанію Пушкина». Козловскому такъ хотѣлось видѣть своего любимаго Ювенала въ хорошемъ русскомъ переводѣ, что, когда Пушкина не стало, онъ, разсказываетъ Вяземскій, «передалъ Жуковскому исполненіе любимой задачи своей, обѣщаясь написать комментаріи и примѣчанія къ сему творенію».

---

741. НАПРАСНО Я БѢГУ КЪ СІОНСКИМЪ ВЫСОТАМЪ.

(т. III, стр. 492).

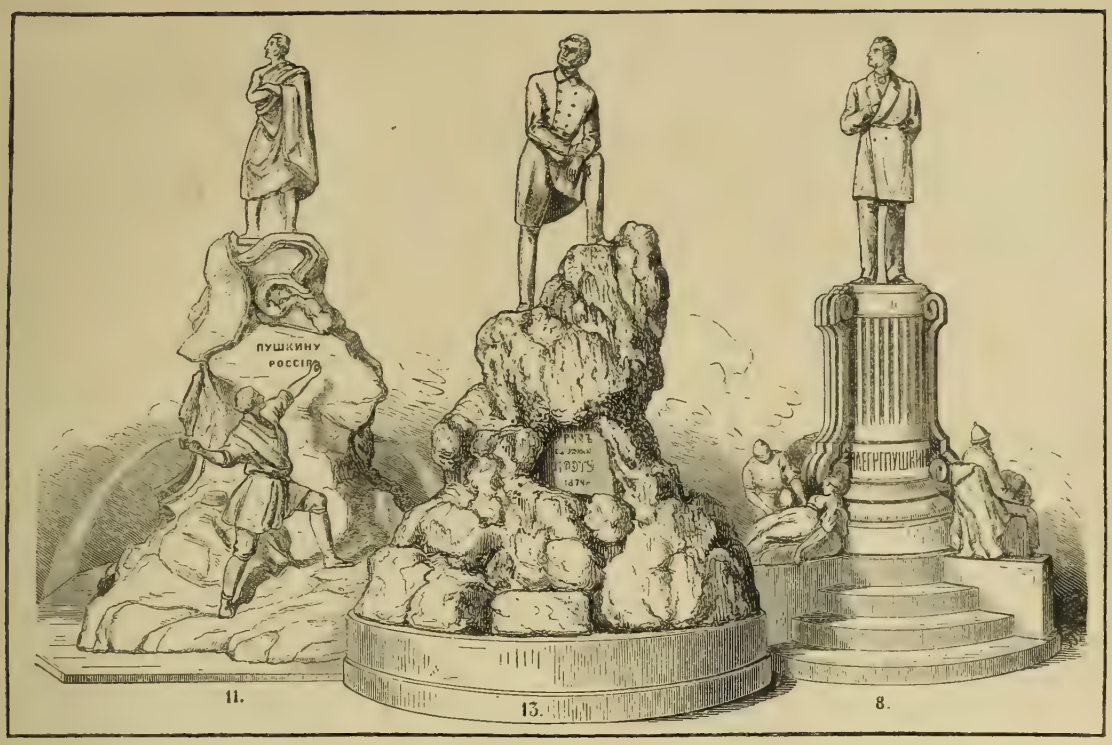
Автографъ неизвѣстенъ. Впервые пьеса появилась въ VII, дополнительномъ томѣ «Соч. П—на», изд. Анненкова, 1-ая пагин., стр. 98—99, безъ даты и съ чтеніемъ 4-го стиха: «Взметая гривой пыль и гриву потрясая». Г. Н. Геннади въ обоихъ своихъ изданіяхъ помѣстилъ ее подъ рубрикою «неизвѣстныхъ годовъ»; П. А. Ефремовъ (изд. 1880 г., III, 326; 1882, III, 312, 449; 1903—1905, II, 339; VIII, 350) слово «гривой» замѣнилъ «лапой» (что было принято и другими изданіями) и помѣстилъ пьесу подъ 1833 г., очевидно въ виду связи ея съ «Странникомъ» по единству настроенія. Конечно, эта датировка гадательна, и было бы осторожнѣе датировать пьесу 20—30-ми годами. По силѣ покаяннаго настроенія отрывокъ роднится съ такими признаніями, какъ «Воспоминаніе», «26 мая 1828 г.», «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ».

---

742. ЦАРЬ УВИДѢЛЪ ПРЕДЪ СОБОЮ.

(т. III, стр. 492).

Съ автографа, находящагося въ 2375-ой тетради Румянцевскаго музея, л.л. 21_1 и 31_2, набросокъ впервые былъ напечатанъ, подъ произвольнымъ заглавіемъ: «Опытъ дѣтскаго стихотворенія», въ «Русс. Архивѣ» 1881 г., III, 473, а болѣе исправно В. Е. Якушкинымъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., сентябрь, 650—651. По положенію среди черновиковъ «Родословной моего героя» онъ долженъ быть относимъ къ 1833 г. Пушкинъ написалъ въ 1833 г. «Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ», «Сказку о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ». Повидимому, тогда же его занималъ какой-то другой сказочный сюжетъ, который онъ началъ разрабатывать и не кончилъ.



ПРОЕКТЫ ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ.

Конкурсъ 1874 года.

743. ВЪ ЧИСТОМЪ ПОЛѢ СЕРЕБРИТСЯ...

(т. III, стр. 492).

Карандашный автографъ наброска находится въ 2374-ой тетради Румянцевскаго музея, л. 31. Напечатанъ въ «Русс. Стар.», 1884, сентябрь, 644, и въ «Русс. Арх.» того же года, III, 199. По положенію среди черновиковъ «Анджело» долженъ быть относимъ къ 1833 г. Поэтъ выразилъ здѣсь свою любовь и къ русской природѣ, и къ народной пѣснѣ, грусть которыхъ онъ глубоко чувствовалъ (см. примѣч. къ № 483). Весь тонъ начатой Пушкинымъ пьесы соотвѣтствуетъ пѣснѣ, которую онъ проситъ ямщика спѣть,—это популярная протяжная «Лучинушка» (см. ея записи въ сборникѣ Е. Линевой «Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи», вып. II, СПб., 1909, №№ 2—4). Н. А. Добролюбову («Сочин.», изд. Панафидиной, I, 343) «Лучина» внушила «Дорожную пѣсню» съ несомнѣнными политическими, а также личными намеками:

Мчитесь, кони, ночью влажной,
Пой «Лучину», мой ямщикъ!
Этой жалобы протяжной
Такъ понятенъ мнѣ языкъ...

Съ выраженіемъ «мѣсяцъ свѣтитъ хладно» можно сравнить подобное же въ «Талисманѣ»: «луна теплѣе блещетъ»... (см. примѣч. къ № 492).

---

744. [ГАЛУБЪ].

(т. III, стр. 493).

Автографы поэмы находятся въ тетрадяхъ Румянцевскаго музея № 2373, лл. 3—12; № 2375, лл. 12—15 и 37—40; № 2382, лл. 22_2—23_1 (см. «Русс. Стар.» 1884 г., авг., 321; сент., 646—647; ноябрь, 349—350; въ «Русс. Вѣстн.» 1899, іюнь, 381, воспроизведена (см. ib. 395) часть текста, находящагося на 4-мъ л. № 2373). Первый приступъ къ «Галубу» встрѣчается въ 2382-ой тетради, еще полной впечатлѣній кавказскаго путешествія 1829 г., и надо думать, что тогда-то, быть можетъ еще на Кавказѣ, начата поэма; здѣсь находится набросокъ не то программы, не то списка намѣченныхъ лицъ: «Галубъ. Тазитъ. Чу... Танас...» (оба послѣднія слова недописаны; П. Морозовъ въ «Сочин. П.», изд. «Просвѣщ.», III, 594, предполагаетъ, что «Танас...» есть «Танасъ», т.-е. Аѳанасій). Затѣмъ «Галубъ» продолжался въ 2373-ей тетради, гдѣ записана программа, позволяющая судить довольно точно о внѣшнемъ планѣ поэмы, оставшейся безъ окончательнаго завершенія: «1. Похороны.—2. Черкесъ-христіанинъ.—3. Купецъ.—4. Рабъ.—5. Убійца.—6. Изгнаніе.—7. Любовь.—8. Сватовство.—9. Отказъ.—10. Миссіонеръ.—11. Война.—12. Сраженіе.—13. Смерть.—14. Эпилогъ»; эта программа впервые напечатана П. В. Анненковымъ («Матеріалы для біогр. П—на», изд. 1855 г., стр. 226), который сообщаетъ (ib., 225) еще одну программу: «Обрядъ похоронъ.

Уздень и меньшой сынъ. I день. Лань—почта—грузинскіе купцы. II день. Орелъ—казакъ. III день. Отецъ его гонитъ. Юноша и монахъ. Любовь отвергнута. Битва и монахъ». Первую программу надо считать болѣе поздней, такъ какъ она ближе соотвѣтствуетъ содержанію поэмы, гдѣ, напр., любовь Тазита вовсе не отвергнута. По мнѣнію Анненкова, она показываетъ, что «Тазитъ былъ уже христіаниномъ еще въ аулѣ своего отца»; Анненковъ основывается, вѣроятно, на словахъ: «черкесъ-христіанинъ», но это не о Тазитѣ сказано, а, конечно, о его воспитателѣ. «Иногда, — продолжаетъ Анненковъ — кажется изъ сличенія обѣихъ программъ, что поэтъ имѣлъ двоякое намѣреніе въ отношеніи своего героя. По первой можно предполагать, что онъ хотѣлъ сдѣлать инока орудіемъ его просвѣтленія; по второй, что самъ инокъ, или миссіонеръ, упоминаемый въ ней, есть Тазитъ, рѣшившійся на распространеніе христіанства въ собственной своей родинѣ... Довольно любопытно, что по мѣрѣ исполненія программы Пушкинъ зачеркивалъ въ ней нумера, соотвѣтствовавшіе частямъ поэмы, уже написаннымъ. Такъ зачеркнуты были семь первыхъ цифръ программы. Остались нетронутыми семь другихъ. Цифры эти и слѣдовало еще обратить въ живую рѣчь и поэтическіе образы». Написанное въ 2373-й и 2382-й тетрадяхъ—черновики; въ 2375-ой же тетради—текстъ бѣловой, но съ помарками и поправками. Тексты 2373-й и 2375-й тетрадей по положенію среди другихъ черновиковъ слѣдуетъ датировать 1833 годомъ. Съ послѣдней рукописи поэма была впервые напечатана, послѣ смерти Пушкина, въ т. VII «Современника», 1837 г., съ передѣлками (вѣроятно, Жуковскаго), отчасти устраненными Анненковымъ (см. его изд. «Соч. П.», III, 548—549); тамъ ей и дано было заглавіе «Галубъ», не имѣющееся въ рукописяхъ. «Галубъ — говоритъ Анненковъ («Матер.», 224—226)—былъ первымъ и еще не совсѣмъ яснымъ проблескомъ эпическаго настроенія духа, поражающаго въ Пушкинѣ, особенно съ 1833 г. Поэма осталась въ отрывкѣ потому, что не вполнѣ еще установилось самонаправленіе автора»... Послѣднее довольно спорно, и, во всякомъ случаѣ, можно сказать, что трудно судить о направленіи Пушкина именно потому, что не окончена эта поэма, гдѣ лишь поставленъ, а не разрѣшенъ важный религіозно-соціальный вопросъ. «Тазитъ — говоритъ дальше Анненковъ — можетъ быть, одной бѣглой чертой связывается съ европейскимъ міромъ; поэтъ вскользь упоминаетъ, что это ребенокъ, неизвѣстно гдѣ найденный» (этотъ намекъ, замѣтимъ, намъ незнакомъ); «по затѣмъ герой поэмы уже составляетъ часть того народа, съ которымъ вскорѣ начинаетъ расходиться въ характерѣ и въ требованіяхъ нравственной природы. Поэтъ даже и не описываетъ, какъ это случилось, какой цѣпью мыслей приведенъ онъ былъ къ разнорѣчію съ своимъ племенемъ... Такое молчаніе есть замѣчательная черта силы творческаго воображенія. Пушкинъ не останавливается надъ тайной работой духа, неуловимой какъ подземная, скрытая работа природы. Онъ тотчасъ переходитъ къ описанію трехъ дней отсутствія Тазита изъ отцовскаго дома и съ первыхъ стиховъ уже вполнѣ выражаетъ въ чудной картинѣ неспособность Тазита къ такъ называемымъ доблестямъ племени: мщенію, жаждѣ корысти, и наконецъ отвращеніе его отъ всей нравственной основы народнаго существованія единокровныхъ. Сцены между Тазитомъ и отцомъ принадлежатъ къ разительнѣйшимъ сценамъ драматическаго искусства. Отвергнутый отцомъ, Тазитъ ищетъ любви и сватается за дочь одного чеченца. На этомъ мѣстѣ отрывокъ кончается, но уже читатель предвидитъ неуспѣхъ дѣла: Тазитъ выступилъ изъ принятаго круга понятій и войти снова въ общую жизнь народа не можетъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ поэма, читатель остается въ совершенномъ недоумѣніи, гдѣ и какой истокъ найдетъ вся эта тревога мощной души, пробужденной къ истинѣ, чѣмъ и когда можетъ завершиться эта неожиданная драма? Программа [первая] отвѣчаетъ на вопросъ и сообщаетъ настоящее слово поэмы, ея истинную мысль: вся драма должна была объясниться и закончиться христіанствомъ... Оба раза слово, означающее инока, проводника мира и благовѣстія, подчеркнуто въ рукописи: онъ и дѣйствительно долженъ былъ завершить благодатное дѣло сердца и обстоятельствъ. Къ нему-то, исподволь, но съ замѣчательной твердостью руки, ведетъ поэтъ героя своего съ самаго начала. Здѣсь останавливаемся изъ опасенія впасть въ произвольныя толкованія и догадки; но полагаемъ, что немногихъ словъ нашихъ достаточно для показанія, какой обширный кругъ должна была захватить поэма, навѣянная Пушкину Кавказомъ, и чѣмъ она могла кончиться. Если принять въ соображеніе одну жаркую страницу, исписанную Пушкинымъ въ «Путешествіи въ Арзрумъ», гдѣ онъ говоритъ о значеніи вообще христіанской проповѣди для дикихъ племенъ, то даже представляется возможность думать, что просвѣтленный и умиротворенный Тазитъ является снова между народомъ своимъ въ качествѣ учителя и, по всѣмъ вѣроятіямъ, искупительной жертвы... Начиная съ Шатобріана, европейскія литературы нерѣдко представляли намъ развитіе той же мысли, какая преобладаетъ въ поэмѣ Пушкина; но вѣрность характеру мѣстности и нравственнымъ типамъ края, истина и трагическое величіе сдѣлали бы ее, вѣроятно, явленіемъ совершенно другого рода и непохожимъ на предшествовавшіе образцы».

Въ первой же главѣ «Путешествія въ Арзрумъ» Пушкинъ описываетъ «слѣды разореннаго аула, называвшагося Татартубомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ Большой Кабардѣ», надгробные памятники черкесовъ, похороны въ осетинскомъ аулѣ подъ Владикавказомъ, и излагаетъ свои мысли о необходимости «идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братьямъ, лишеннымъ донынѣ свѣта истиннаго». Татартубъ онъ недаромъ ввелъ въ поэму. «Мѣстность эта, называемая «Татартупъ», т.-е. татарскій холмъ, носитъ слѣды древняго городища», объясняетъ Е. Г. Вейденбаумъ («Кавказская поминка о П—нѣ», Тифл., 1899, стр. 48): «городище пользовалось прежде у кабардинцевъ и чеченцевъ величайшимъ уваженіемъ: клятва, произнесенная при Татартупѣ, считалась священною; преступники, прибѣгавшіе подъ защиту Татартупа, были неприкосновенны; здѣсь происходили народныя собранія, и приносились жертвы». Убійство въ священномъ убѣжищѣ было поэтому сугубымъ преступленіемъ. Пушкинъ зналъ о немъ, вѣроятно, изъ записокъ графа Л. Ф. Сегюра (онѣ имѣлись въ его библіотекѣ—«Пушк. и его соврем.», IX—X, 335, № 1378), гдѣ говорится, при описаніи быта кабардинцевъ (заимствованномъ изъ записки графа П. С. Потемкина «О Кабардѣ»), что они (приводимъ слова самого Потемкина) «къ сему мѣсту сохраняютъ столь великое благо-

говѣніе, что въ чрезвычайныхъ между собою обязательствахъ заклинаются онымъ и никогда уже сей клятвы не преступаютъ; всякой гонимый или обидимый, ищущій убѣжища у Татартупа и добѣжавшій до того мѣста, остается невредимъ» («Русс. Арх.» 1865 г., изд. 2-ое, ст. 825). Тамъ же (ст. 824—825, записка Потемкина) Пушкинъ почерпнулъ извѣстіе о любопытномъ обычаѣ, объясняющемъ роль воспитателя Тазита: «первое правило каждаго владѣльца есть отнять и украсть все, что въ глаза можетъ представиться. Это правило всасываютъ они съ молокомъ матери: ибо какъ скоро у владѣльца родится сынъ, отдаютъ его на воспитаніе кому-либо изъ узденей (родъ дворянъ), который долженъ уже до самаго возраста его воспитывать и содержать на собственномъ своемъ иждивеніи. Воспитатель пріучаетъ дитя къ проворству и кражѣ: ибо награда его за воспитаніе та, что когда питомецъ возмужаетъ, то всякой добычи, имъ пріобрѣтенной, отдаетъ онъ девять доль воспитателю, оставляя себѣ послѣднюю; называютъ воспитателя дядькой» (см. также «Русс. Арх.» 1866 г., ст. 1606—1608); Сегюръ привелъ эти мѣста почти цѣликомъ (см. «Русс. Арх.» 1907 г., III, 100). Ближайшая цѣль такого воспитанія въ чужой семьѣ—предотвращеніе изнѣженности и соотвѣтствующій закалъ. Оттуда же могъ Пушкинъ получить общее представленіе о религіозныхъ вѣрованіяхъ кабардинцевъ («нѣкогда идолопоклонники, потомъ христіане и недавно обратившіеся къ магометанству, не очень чтутъ эти различныя вѣроисповѣданія и еще менѣе ихъ нравственныя предписанія»); въ «Путешествіи въ Арзрумъ» (гл. I) онъ говоритъ объ ихъ дикости и о томъ, что они «очень недавно приняли магометанскую вѣру». У Сегюра же разсказывается о презрѣніи ихъ къ армянамъ. Едва ли этнографическія свѣдѣнія Пушкина простирались дальше; онъ называетъ описываемыхъ горцевъ, повидимому—кабардинцевъ, то черкесами (родъ), то адехами (видъ), то чеченцами (другой видъ; см. у Ѳ. Е. Корша, изслѣдованіе о «Русалкѣ», стр. 215). Черкесовъ вообще другой свидѣтель эпохи Ф. Ф. Вигель («Записка о Керчи», М., 1893, стр. 57—58) рисуетъ «людьми, между коими отцы и матери малыхъ дѣтей учатъ воровать; между коими тотъ пользуется уваженіемъ, кто отличился обманомъ, внезапнымъ нападеніемъ на сосѣда и пріятеля и похищеніемъ его стадъ и рабовъ; людьми, у которыхъ нѣтъ никакой вѣры, а какое-то перемѣшанное изъ христіанства и магометанства суевѣріе заступаютъ ея мѣсто». Какъ видно изъ словъ и размышленій Галуба объ ограбленіи армянина, о плѣненіи рабовъ, о набѣгахъ, Пушкинъ воздержался отъ «романтизаціи» своего героя и остался строго-вѣренъ реальному быту.

«Въ «Галубѣ—анализируетъ Д. С. Мережковскій («Вѣчные спутники»)—Пушкинъ возвратился къ темѣ «Цыганъ» и «Кавказскаго плѣнника». Теперь въ первобытной жизни, которая нѣкогда противополагалась европейской культурѣ какъ нѣчто единое, поэтъ изображаетъ глубокій разладъ, присутствіе непримиримо борющихся нравственныхъ теченій. Жестокость Галуба вытекаетъ изъ того же понятія о правѣ, какъ и жестокость Алеко. Оба они говорятъ тѣми же словами о кровавомъ долгѣ, о мщеніи... Галубъ считаетъ себя выше дикаго, празднаго и презрѣнно-добраго Тазита, такъ же, какъ Алеко считаетъ себя выше стараго цыгана, не признающаго ни закона, ни чести, ни брака, ни вѣрности; преимущества обоихъ основаны на исполненіи кроваваго долга, на воздаяніи врагу, на понятіи антихристіанской безпощадной справедливости – fiat jus. И старый цыганъ, и Тазитъ чужды этимъ культурнымъ понятіямъ о справедливости. Оба они—вѣчные бродяги, питомцы дикой праздности и воли, смѣшные или страшные людямъ мечтатели». Р. В. Ивановъ-Разумникъ («Поэмы Пушкина», Спб. 1912, стр. XXVIII—XXIX; «Исторія русс. обществ. мысли», т. I, изд. 3-е, стр. 148—149) видитъ въ Тазитѣ сильную личность и находитъ, что Пушкинъ въ борьбѣ Тазита съ окружающимъ обществомъ явно стоитъ на сторонѣ Тазита. Между тѣмъ, Тазитъ отнюдь не сильная личность, не дѣятель, не борецъ; это созерцатель и непротивленецъ; нравственныя коллизіи, которыя такъ или иначе рѣшаетъ старикъ въ «Цыганахъ», для него не существуютъ; онъ пассивенъ и лишь въ любви пытается проявить нѣкоторую активность. Онъ не поборетъ страстей,—онѣ словно не существуютъ для него. Галубъ выше его, ибо въ жертву усвоеннымъ нравственнымъ понятіямъ приноситъ, съ глубокимъ страданіемъ, свою отцовскую любовь, перенесенную съ покойнаго сына на оставшагося; замѣчательно, что (въ черновикѣ) потрясенный изгнаніемъ Тазита Галубъ все-таки зоветъ его снова... Но Пушкинъ никому не отдаетъ своего преимущественнаго сочувствія и рисуетъ обоихъ героевъ съ безпощадной объективностью, предъ которою равны и простая крѣпость Галуба родному житейскому укладу, и туманная (и тѣмъ самымъ подозрительная) сложность натуры Тазита.

Бѣлинскій, который видѣлъ въ поэмѣ одно изъ лучшихъ произведеній «періода высшей просвѣтленной художнической дѣятельности Пушкина» («Соч. Б.», изд. Венгерова, III, 286), «великое созданіе» («Соч. Б.», ч. X, М., 1860, стр. 333—334), въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина трезвѣе опредѣлилъ Тазита. «Безъ образованія, безъ всякаго знакомства съ другими идеями или другими формами общественной жизни, но единственно инстинктомъ своей натуры юный Тазитъ вышелъ изъ стихіи своего родного племени, своего родного общества. Онъ не понимаетъ разбоя ни какъ ремесла, ни какъ поэзіи жизни; не понимаетъ мщенія ни какъ долга, ни какъ наслажденія... Въ самомъ дѣлѣ, что онъ такое—поэтъ, художникъ, жрецъ науки или просто одна изъ тѣхъ внутреннихъ, глубоко сосредоточенныхъ въ себѣ натуръ, рождающихся для мирныхъ трудовъ, мирнаго счастья, мирнаго и благодѣтельнаго вліянія на окружающихъ его людей? Какъ знать это кому-нибудь, если онъ самъ того не знаетъ? Явись онъ въ цивилизованномъ обществѣ—хотя съ трудомъ, съ борьбой, надѣлавъ тысячи ошибокъ, но сознаетъ бы онъ свое назначеніе, нашелъ бы его и отдался бы ему. Но онъ родился среди патріархально-разбойническаго, дикаго и невѣжественнаго племени, съ которымъ у него нѣтъ ничего общаго,—и ему нѣтъ мѣста на землѣ, онъ отверженъ, проклятъ; его родные—враги его... Отецъ Тазита—чеченецъ душой и тѣломъ, чеченецъ, которому непонятны, которому ненавистны всѣ нечеченскія формы общественной жизни, который признаетъ святой и безусловно истинной только чеченскую мораль, и который, слѣдовательно, можетъ въ сынѣ любить только истаго чеченца. Въ отношеніи къ сыну онъ не дѣйствуетъ иначе, какъ заодно съ чеченскимъ обществомъ, во имя его національности. Трагическая коллизія между отцомъ и сыномъ, т. е. между обществомъ и

человѣкомъ, не могла не обнаружиться скоро... Здѣсь, въ лицѣ отца, говоритъ общество. Такія чеченскія исторіи случаются и въ цивилизованныхъ обществахъ: Галилея въ Италіи чуть не сожгли живого за его несогласіе съ чеченскими понятіями о міровой системѣ. Но тамъ человѣкъ знаніемъ опередилъ свое общество и, еслибъ былъ сожженъ, могъ бы имѣть хоть то утѣшеніе передъ смертью, что идеи-то его не сожгутъ невѣжественные палачи... Здѣсь же человѣкъ вышелъ изъ своего народа своей натурой, безъ всякаго сознанія объ этомъ,—самое трагическое положеніе, въ какомъ только можетъ быть человѣкъ!... Одинъ среди множества, и ближніе его—враги ему; стремится онъ къ людямъ и съ ужасомъ отскакиваетъ отъ нихъ, какъ отъ змѣи, на которую наступилъ нечаянно... И винитъ, и презираетъ, и проклинаетъ онъ себя за это, потому что его сознаніе не въ силахъ оправдать въ собственныхъ его глазахъ его отчужденіе отъ общества... И вотъ она—вѣчная борьба общаго съ частнымъ, разума—съ авторитетомъ и преданіемъ, человѣческаго достоинства—съ общественнымъ варварствомъ! Она возможна и между чеченцами!»... По поводу сватовства Тазита Бѣлинскій замѣчаетъ: «Увы! бѣдный юноша говорилъ все это, не зная самъ себя. Онъ былъ могучъ и молодъ, у него много было отваги и храбрости,—но жалѣлъ бѣжавшаго раба, не могъ убить израненнаго и обезоруженнаго врага: онъ былъ чеченцемъ, и въ его саклѣ поселился бы голодъ... И за то онъ отвергнутъ; отвержена и та, которая имѣла несчастіе полюбить его! Что съ ними стало, намъ неинтересно знать. Они должны погибнуть—это вѣрно; но какъ погибнуть, что до того!.. Слѣдовательно, поэму эту можно считать цѣлой и оконченной. Мысль ея видна и выражена вполнѣ».

Все это справедливо, за исключеніемъ разума и человѣческаго достоинства, которыхъ не видно въ жалкой, ничѣмъ высшимъ не освѣщенной, пассивности Тазита. По отношенію къ своимъ единоплеменникамъ онъ вовсе не носитель какой-нибудь идеи, а холодный отрицатель, безплодный, непонимающій и непонимаемый, стоящій не выше, а ниже той, по правильному выраженію Мережковскаго, культуры, которую олицетворяетъ Галубъ, и едва ли Пушкинъ хотѣлъ представить въ немъ христіанина и сознательнаго піонера—скорѣе межеумка, жертву двойственнаго воспитанія, одно изъ обреченныхъ орудій начинающейся ломки бытовыхъ условій, въ которыхъ еще всѣми корнями сидятъ старый Галубъ и отецъ невѣсты.

Стихи поэмы, по выраженію С. П. Шевырева («Москвитянинъ» 1841 г., ч. 5, № 9), «достигаютъ такой степени совершенства въ отдѣлкѣ, что въ нихъ не знаешь чему болѣе удивляться: Пушкину ли или русскому языку? Это рѣзецъ Кановы или Тенерани, покорившій себѣ до конца всю звонкую твердость нашего мрамора». Образецъ выразительности—четверостишіе «Ужъ потухалъ закатъ огнистый...» и т. д., гдѣ звукъ «и» передаетъ медлительное движеніе печальной процессіи и томленіе горя.

Лермонтовъ, на котораго «Галубъ» произвелъ сильное впечатлѣніе (отраженіе въ «Бѣглецѣ»—проклятіе Гаруна матерью), изобразилъ, напротивъ, юношу, тоскующаго въ христіанскомъ монастырѣ по томъ строѣ жизни, въ которомъ задыхался Тазитъ, по «томъ чудномъ мірѣ тревогъ и битвъ, гдѣ люди вольны какъ орлы», и проклинающаго колокольный звонъ, символъ покорности и рабства («Мцыри»).

745. НА ЭТО СКАЖУТЪ МНѢ...

(т. III, стр. 496).

«У насъ есть — писалъ Анненковъ, впервые напечатавшій отрывокъ («Матеріалы для біографіи П—на», 1855 г., стр. 193—194) — продолженіе неизданнаго и утеряннаго стихотворенія поэта, написанное имъ на одной сторонѣ печатнаго объявленія, оторваннаго, вѣроятно, отъ какого-нибудь французскаго романа. На другой сторонѣ листка, гдѣ набросаны эти стихи, не лишенные, какъ кажется, нѣкотораго ироническаго оттѣнка, напечатано объявленіе французскаго книгопродавца»... Автографъ этотъ опубликованъ снова, съ болѣе исправной передачей второго стиха, И. А. Шляпкинымъ («Изъ неизданныхъ бумагъ П—на», СПб., 1903, стр. 31), полностью воспроизведшимъ также объявленіе о предстоящемъ выходѣ нѣсколькихъ печатающихся книгъ, въ томъ числѣ «Spectacle dans un fauteuil» Мюссе и «Aloïse» Bergounioux. Г. Н. Геннади въ обоихъ своихъ изданіяхъ помѣстилъ отрывокъ подъ рубрикою «неизвѣстныхъ годовъ»; П. А. Ефремовъ (изд. 1880 г., II, 16, 406) пріурочилъ его къ 1826 г., думая, что онъ «набросанъ, вѣроятно, по случаю отсылки стихотвореній для печатанья изданія 1826 г.», а въ слѣдующихъ своихъ изданіяхъ (1882 г., VII, 95; 1903 г., VII, 98) помѣстилъ его безъ всякаго хронологическаго опредѣленія, какъ примѣчаніе къ письму Пушкина къ брату 1824 г. (цитируемому ниже; это повторилъ П. Морозовъ въ изданіи Литерат. фонда, VII, 68); И. А. Шляпкинъ датировалъ его 1832—1833 гг., съ чѣмъ поспѣшилъ согласиться Ефремовъ (1905, т. VIII, стр. 350). Между тѣмъ, судя по тому, что романъ Бергуніу и «Spectacle» Мюссе вышли въ 1835 г., стихи должны быть датируемы 1835—1836 гг.

И. А. Шляпкинъ (l. c.) сближаетъ отрывокъ съ сатирой «Французскихъ риѳмачей суровый судія»..., но связь между ними довольно отдаленная; въ сатирѣ говорится о людяхъ, которые чужды «прямого вдохновенія» и за перо берутся изъ суетнаго тщеславія или ради денегъ. Самъ поэтъ не пишетъ, а только «печатаетъ для денегъ». Пьеса принадлежитъ къ числу тѣхъ признаній, въ которыхъ Пушкинъ раскрылъ свой взглядъ на отношенія поэта къ обществу. «Поэтъ какъ будто добровольно отказывается отъ славы, отъ всякаго значенія для толпы, отъ всякихъ ея требованій» (Н. Н. Страховъ, «Замѣтки о П—нѣ»..., изд. 2-ое, Кіевъ, 1897, стр. 11—12). Противъ тѣхъ непріятныхъ сторонъ популярности, на которыя жаловался поэтъ въ первой главѣ «Египетскихъ ночей», Пушкинъ защищался ссылкою на профессію. О призваніи, о священномъ огнѣ нельзя говорить съ толпою, но о ремеслѣ можно. «Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его званіе и прозвище, которымъ онъ заклейменъ, и которое никогда отъ него не отпадаетъ». «Чуя «божественный глаголъ», поэтъ уходитъ «на берега пустынныхъ волнъ, въ широкошумныя дубровы»... Творчество—великое таинство, «блаженъ кто молча былъ поэтъ», но «можно рукопись продать», какъ продаетъ ремесленникъ свои издѣлія. «На конченную свою поэму я смотрю какъ сапожникъ на пару своихъ сапогъ: продаю съ барышомъ» (см. въ т. V, пис. № 45). «Pourquoi chantais-tu? На сей вопросъ Ламартина отвѣчаю: я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, лѣкарь моритъ—за деньги, за деньги, за деньги.

Таковъ я въ наготѣ моего цинизма!» (см. т. V, пис. № 67). Однако, онъ не сразу преодолѣлъ «sa répugnance d'écrire et de vendre ses vers pour vivre» (тамъ же, пис. № 79), и въ его отвѣтѣ видно уклоненіе отъ истины, правда, вынужденное вопросами, сопровождаемыми «улыбкою невѣрной». Пушкинъ считалъ счастьемъ—писать и жить «для себя» («Изъ VI Пиндемонте»), но печаталъ не ради денегъ, а повинуясь жаждѣ общенія съ міромъ, которое самъ же по праву вмѣнилъ себѣ въ заслугу («Памятникъ»), и которое неразлучно съ «отрадой самолюбивыхъ думъ» (см. наши примѣч. къ №№ 302, 388).

---

746. [КЪ Н***.]

(т. III, стр. 497).

Карандашный автографъ (первыя восемь строкъ), съ отмѣткою вверху «NB», находится въ тетради Румянцевскаго музея № 2377—В, л. 6 об. («Русс. Стар.» 1884, окт., 84); отъ В. И. Саитова пишущій эти строки слышалъ, что былъ какой-то автографъ у Л. Н. Майкова,—быть можетъ, тотъ, который былъ прежде у П. В. Анненкова. Пьеса появилась впервые въ посмертномъ изданіи «Сочин. П.», т. IX, 1841 г., стр. 159, безъ даты и подъ заглавіемъ «Къ Н***, и съ цензурнымъ пропускомъ какихъ-то четырехъ строкъ (П. А. Шляпкинъ, «Изъ неизд. бумагъ П—на», Спб., 1903, стр. 342), а затѣмъ вошла въ изданіе Анненкова, т. III, стр. 42, гдѣ отнесена къ 1834 г. Въ «Матеріалахъ для біогр. П—на», изд. 1855 г., стр. 180—181, Анненковъ сообщилъ любопытныя свѣдѣнія объ автографѣ, бывшемъ въ его рукахъ: «здѣсь еще пьеса не кончается у Пушкина; на другой страницѣ онъ продолжаетъ ее, но какъ будто уже для самого себя, какъ будто для того, чтобъ не потерять случая дополнить свое воззрѣніе на поэта новой чертой. Онъ продолжаетъ:

Таковъ прямой поэтъ. Онъ сѣтуетъ душой
На пышныхъ играхъ Мельпомены—
И улыбается забавѣ площадной
И вольности лубочной сцены.

* *
*

То Римъ его зоветъ, то гордый Иліонъ,
То скалы старца Оссіана,
И съ дѣтской легкостью межъ тѣмъ летаетъ онъ
Вослѣдъ Бовы иль Еруслана.

Эти строфы были зачеркнуты самимъ авторомъ». Заглавія въ этомъ автографѣ, повидимому, не было, такъ какъ Анненковъ, печатая стихотвореніе подъ заглавіемъ «Къ Н***», прибавилъ (III, 44), что оно «дано посмертнымъ изданіемъ». Ѳ. Е. Коршъ (изслѣдованіе о «Русалкѣ», стр. 215) указываетъ на неточность въ выраженіи: «разбивъ листы своей скрижали».

О происхожденіи пьесы и о лицѣ, къ которому она относится, существуютъ двѣ различныя версіи, обѣ исходящія отъ Гоголя. Въ письмѣ къ Жуковскому «О лиризмѣ нашихъ поэтовъ» («Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», Спб., 1847, стр. 74—76) Гоголь заявилъ, что въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ уподобилъ Боговидцу Моисею «Монарха вообще какъ Божія помазанника», который «затѣмъ только собралъ всю власть въ себя самого и отдѣлился отъ всѣхъ насъ и сталъ выше всего на землѣ, чтобы чрезъ то стать ближе равно ко всѣмъ, снисходить съ вышины ко всему и внимать всему, начиная отъ грома небесъ и лиры поэта до незамѣтныхъ увеселеній нашихъ. Кажется, какъ бы въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ, задавши вопросъ себѣ самому, что такое эта власть, самъ же упалъ въ прахъ предъ величіемъ возникнувшаго въ душѣ его отвѣта. Не мѣшаетъ замѣтить, что это былъ тотъ поэтъ, который былъ слишкомъ гордъ и независимостію своихъ мнѣній, и своимъ личнымъ достоинствомъ... Пушкинъ слышалъ въ то же время всю малость званія своего передъ званіемъ вѣнценосца и умѣлъ благоговѣйно поклониться предъ тѣми изъ нихъ, которые показали міру величество своего званія». Прочитавъ эти строки, С. П. Шевыревъ написалъ Гоголю 30 января 1847 г.: «какъ могъ ты сдѣлать ошибку, нашедъ въ посланіи Пушкина къ Гнѣдичу совершенно иной смыслъ, смыслъ неприличный даже? Не знаю, какъ Плетневъ не поправилъ тебя. Посланіе адресовано къ Гнѣдичу: какъ же бы Пушкинъ могъ сказать кому другому: «ты проклялъ насъ»?» («Отчетъ Имп. Публ. Библіот. за 1893 г.», прилож., стр. 43). Плетневу Шевыревъ писалъ 20 марта: «какъ могъ онъ такъ истолковать посланіе Пушкина къ Гнѣдичу! Толкованіе даже неприличное, если вникнуть во все посланіе» («Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», III, 721). О томъ, что стихотвореніе обращено къ Гнѣдичу, уже упоминалось въ печати—не кѣмъ инымъ, какъ Бѣлинскимъ. Въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина Бѣлинскій привелъ это «стихотвореніе Пушкина, свидѣтельствующее о его уваженіи къ труду и имени переводчика Иліады» и назвалъ его, подъ заглавіемъ «Къ Гнѣдичу», въ числѣ лучшихъ новинокъ посмертнаго изданія («Сочин. Б.», ч. VIII, 1860 г., стр. 288—289, 412); надо замѣтить, что нѣсколькими годами раньше (1841), въ рецензіи на три послѣдніе тома посмертнаго изданія, Бѣлинскій упомянулъ пьесу подъ заглавіемъ не «Н***», а «К. Г***» (что Бѣлинскій называетъ именно ее, видно изъ порядка перечисленія имъ пьесъ), и мы склонны думать, что «К.» опечатка (вмѣсто «Къ»), а «Г***» поставлено нарочно, и это заглавіе должно читаться «Къ Гнѣдичу», т.-е. что Бѣлинскій уже тогда зналъ, кому пьеса посвящена (см. «Соч. Б.», изд. Венгерова, VI, 276). Шевыревъ могъ знать объ этомъ изъ иного источника. Отвѣтъ Гоголя Шевыреву послѣдовалъ нескоро и былъ довольно страненъ: «я не отвѣчалъ потому, что, не имѣя моей книги, не зналъ, въ какомъ видѣ напечатана эта статья. Теперь, скрѣпясь духомъ, пробѣжалъ. Это просто безсмыслица. Статья эта и у меня въ рукописи довольно темна, а съ этими, непонятными даже для меня, обрѣзываніями цензуры даже такихъ мѣстъ, которыхъ непропуски можно только приписать къ какому-нибудь умыслу самой цензуры,—просто путаница. Не говоря о разныхъ вещахъ поважнѣе, прилагаю здѣсь непропущенный листокъ, служащій отвѣтомъ на твой запросъ о стихотвореніи Пушкина» (27 апрѣля—«Пис. Гоголя», III, 444). Печатая это мѣсто («Русс. Стар.» 1875, дек., 661), О. Ѳ. Миллеръ прибавилъ: «листокъ этотъ было бы лишнимъ печатать здѣсь, такъ какъ почти все въ немъ заключающееся уже напечатано въ послѣднемъ изданіи «Сочиненій Гоголя». Недостаетъ только слѣдующей приписки подъ стихами Пушкина: «Слухъ о томъ, что это стихотвореніе Гнѣдичу, распустилъ я, съ моихъ словъ

повторили это «Отечественныя Записки» (Дѣло идетъ о стихотвореніи «Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ»)». Итакъ, Гоголь съ одной стороны объявляетъ себя источникомъ «слуха, что это стихотвореніе Гнѣдичу», а съ другой—какъ будто отрекается отъ этого «слуха» и пытается свалить на цензуру вину въ какомъ-то недоразумѣніи. Но вотъ что читаемъ мы въ полномъ, неиспорченномъ цензурою текстѣ («Русс. Арх.» 1866 г., ст. 1732—3; «Соч. Гоголя», изд. 10-ое, ред. Н. С. Тихонравова, IV, 44—45; въ прямыя скобки заключено то, что исключила цензура): «Какъ мѣтко выражался Пушкинъ! Какъ понималъ онъ значеніе великихъ истинъ! [Это внутреннее существо—силу самодержавнаго монарха онъ даже отчасти выразилъ въ одномъ своемъ стихотвореніи, которое между прочимъ ты самъ напечаталъ въ посмертномъ собраніи его сочиненій, выправилъ даже въ немъ стихъ, а смыслъ не угадалъ. Тайну его теперь открою. Я говорю объ одѣ императору Николаю, появившейся въ печати подъ скромнымъ именемъ: Къ Н***. Вотъ ея происхожденіе. Былъ вечеръ въ Аничковомъ дворцѣ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, къ которому, какъ извѣстно, приглашались одни избранные изъ нашего общества. Между ними былъ тогда и Пушкинъ. Все въ залахъ уже собралося; но государь долго не выходилъ. Отдалившись отъ всѣхъ въ другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей отъ дѣлъ минутой, онъ развернулъ «Иліаду» и увлекся нечувствительно ея чтеніемъ во все то время, когда въ залахъ давно уже гремѣла музыка и кипѣли танцы. Сошелъ онъ на балъ уже нѣсколько поздно, принеся на лицѣ своемъ слѣды иныхъ впечатлѣній. Сближеніе этихъ двухъ противоположностей скользнуло незамѣченнымъ для всѣхъ, но въ душѣ Пушкина оно оставило сильное впечатлѣніе, и плодомъ его была слѣдующая величественная ода, которую повторю здѣсь всю, она же вся въ одной строфѣ: «Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ»... и т. д. Оставимъ личность императора Николая, и] разберемъ, что такое монархъ вообще, какъ Божій помазанникъ, обязанный стремить ввѣренный ему народъ къ тому свѣту, въ которомъ обитаетъ Богъ, и вправѣ ли былъ Пушкинъ уподобить его древнему Боговидцу Моисею»... и проч. По отношенію къ Пушкину цензура нисколько не исказила смысла этихъ строкъ, и объясненіе Гоголя Шевыреву ничего не объясняетъ. Между тѣмъ, эта версія укрѣпилась и не разъ навлекала на Пушкина обвиненіе въ сервилизмѣ (см., напр., ст. С. Шашкова «П—нъ и Лермонтовъ» въ «Дѣлѣ» 1873, іюль, 355—356; Н. П. Коробки «Личность въ русскомъ обществѣ и литературѣ начала XIX в.», Спб., 1903, стр. 37). «И на первый взглядъ въ этомъ отрывкѣ вызываетъ недоумѣніе многое,—говоритъ В. В. Каллашъ («Загадочное стихотвореніе П—на»—«П. и его соврем.» XII, 48-59).—Въ разборѣ бумагъ Пушкина и въ посмертномъ изданіи его сочиненій Гоголь участія не принималъ. О «выправкѣ стиха» и не угаданномъ Жуковскимъ смыслѣ оды онъ, положимъ, могъ узнать отъ самого Жуковскаго во время свиданій съ нимъ заграницей или въ Россіи въ началѣ 40-хъ годовъ. Почему онъ тогда не открылъ Жуковскому «тайны», если зналъ ее самъ? Почему онъ открываетъ ее ему только въ 1846 году, хотя вообще къ Пушкину и всякимъ Аничковскимъ «тайнамъ» Жуковскій всегда стоялъ ближе его, Гоголя? Характеристика Аничковскихъ вечеровъ въ письмѣ къ Жуковскому вообще звучитъ очень наивно,—вѣроятно, она разсчитана на «большую публику». Затѣмъ, если дѣйствительно случай съ императоромъ Николаемъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе на Пушкина, почему объ этомъ нѣтъ упоминаній въ дневникахъ и перепискѣ поэта; какъ онъ могъ остаться совершенно неизвѣстнымъ Жуковскому, всегда бывшему au courant всей придворной жизни? Императоръ Николай, зачитавшійся «Иліады»,—случай вѣдь дѣйствительно исключительный... Откуда взялось заглавіе стихотворенія? «Къ Н***», съ подразумѣваемымъ «Николаю», звучитъ необычною для тѣхъ временъ и невозможною даже для Пушкина фамильярностью. Если слова «сближеніе этихъ двухъ противоположностей скользнуло незамѣченнымъ для всѣхъ, но въ душѣ Пушкина оно оставило сильное впечатлѣніе» указываютъ какъ будто бы на свидѣтельство очевидца, скорѣе всего—самого Пушкина, то заключительное выраженіе: «кажется, какъ бы въ этомъ стихотвореніи...» должно исключить это предположеніе: повидимому, мы имѣемъ дѣло съ догадками самого Гоголя, облеченными въ обычную для того періода его развитія мистико-прорицательную форму...» В. В. Каллашъ признаетъ важность «приписки», сообщенной Гоголемъ Шевыреву. «Статья «Отечественныхъ Записокъ» принадлежала Бѣлинскому, который могъ услышать о Гнѣдичѣ отъ Гоголя во время ихъ бесѣдъ по поводу изданія перваго тома «Мертвыхъ Душъ» (какъ извѣстно, Бѣлинскій принималъ въ немъ живое участіе), въ 1841—1842 гг. Но зачѣмъ было Гоголю «распускать» эти «слухи»? Почему онъ сознательно навелъ Бѣлинскаго и другихъ на ложные слѣды и, по крайней мѣрѣ, въ теченіе шести лѣтъ бережно хранилъ свою «тайну» даже отъ самыхъ близкихъ людей? Почему онъ рѣшилъ нарушить молчаніе только въ 1846 г., хотя для этого не было никакихъ особыхъ основаній?» На всѣ эти вопросы отвѣтилъ уже раньше В. Ѳ. Саводникъ («Замѣтки о П—нѣ»—«Русс. Арх.» 1904, II, 140—148): «Гоголь нигдѣ не говоритъ, что узналъ о происхожденіи этого стихотворенія отъ самого Пушкина; онъ выражается по этому поводу довольно неопредѣленно: «тайну его теперь открою». Подобное выраженіе могло значить, что дѣло идетъ лишь объ одномъ предположеніи со стороны Гоголя; очень часто подобныя предположенія принимаютъ у него характеръ категорическихъ утвержденій, особенно въ эпоху созданія «Выбранныхъ мѣстъ», когда Гоголь сталъ смотрѣть на себя, какъ на носителя высшей истины, призваннаго проповѣдывать ее людямъ. Далѣе мы встрѣчаемъ въ разсказѣ Гоголя новую неясность: Гоголь говоритъ, что государь читалъ «Иліаду», «отдалившись отъ всѣхъ въ другую половину дворца»; когда же онъ вошелъ въ бальную залу, то никто изъ присутствующихъ не замѣтилъ его настроенія, и только одинъ Пушкинъ увидалъ на его лицѣ «слѣды иныхъ впечатлѣній». По разсказу Гоголя выходитъ, такимъ образомъ, что Пушкинъ не только обратилъ вниманіе на задумчивость государя, но и самъ вѣрно угадалъ причину этого настроенія. Такая проницательность, конечно, превышаетъ предѣлы человѣческихъ способностей, такъ какъ замѣченная Пушкинымъ задумчивость государя могла происходить отъ иныхъ причинъ, напр., отъ государственныхъ заботъ, и объ истинной причинѣ его настроенія Пушкинъ могъ узнать лишь отъ него самого; но объ этомъ Гоголь ни словомъ не упо-

минаетъ. Конечно, можно предположить, что всѣ эти недоумѣнія, вызываемыя разсказомъ Гоголя, происходятъ лишь отъ недостаточно точной и ясной редакціи его. Однако, эти недоумѣнія не только не разсѣиваются, но даже еще усугубляются, когда мы обращаемся къ анализу самаго содержанія стихотворенія». Тутъ В. Ѳ. Саводникъ указываетъ на полное несоотвѣтствіе разсказа Гоголя разсказанному въ пьесѣ. «Какія скрижали могъ вынести государь изъ бесѣды съ Гомеромъ? Примѣнима ли характеристика настроенія изображаемой толпы къ придворному балу?... Далѣе, что значатъ слова: «смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей»? Вѣдь Гоголь говоритъ, что никто, кромѣ Пушкина, не замѣтилъ настроенія государя». Наконецъ, двѣ дополнительныя строфы указываютъ, что «и въ предыдущемъ рѣчь шла также о поэтѣ; въ противномъ случаѣ, если бы предметъ сравненія былъ иной, онъ выразился бы нѣсколько иначе: «такъ и поэтъ»... и т. д. Сравненіе поэта съ пророкомъ не стоитъ особнякомъ у Пушкина: достаточно напомнить его знаменитое стихотвореніе Пророкъ». И, несмотря на отсутствіе указаній на индивидуальный случай, очевидно, давшій Пушкину импульсъ (какая-нибудь бесѣда съ Гнѣдичемъ, литературный отзывъ Гнѣдича и т. под.,—см. намекъ Анненкова — «Матер.», 250), критикъ высказываетъ рядъ вѣскихъ доводовъ, подтверждающихъ, что пьеса обращена къ Гнѣдичу. Въ 1821 г. Пушкинъ писалъ ему: «О ты, который воскресилъ Ахилла призракъ величавый, Гомера музу намъ явилъ»..; въ 1822: «вы, коего геній и труды слишкомъ высоки для этой дѣтской публики, что вы дѣлаете, что дѣлаетъ Гомеръ?» Въ 1825 г. Пушкинъ писалъ, что его переводъ «Иліады» «будетъ классическій, европейскій подвигъ въ нашемъ отечествѣ». Но ни В. В. Каллашъ, ни В. Ѳ. Саводникъ не оцѣнили въ этомъ отношеніи того отзыва о переводѣ «Иліады», который напечаталъ Пушкинъ въ «Литературной Газетѣ» (1830 г., № 2). Герой и толпа, изображенные въ пьесѣ, такъ же изображены и въ рецензіи. «Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ, тебя мы долго ожидали»,—«наконецъ вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣливо ожиданный переводъ Иліады!» «И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ и вынесъ намъ свои скрижали»,—«съ чувствомъ глубокимъ уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единаго, высокаго подвига». Современную литературную толпу рецензія рисуетъ такими же чертами, какими характеризована суетная толпа въ стихотвореніи: «когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частію устремились на блестящія бездѣлки, когда талантъ чуждается труда, а мода пренебрегаетъ образцами древности, когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но токмо легкомысленное занятіе»..., библейская картина толпы, пляшущей вокругъ рукотворнаго кумира,—аллегорическое изображеніе даннаго литературнаго момента. Въ писательскомъ обликѣ Гнѣдича была возвышенность. Что касается до Гоголя, то онъ, «не лжецъ, а выдумщикъ» (выраженіе С. Т. Аксакова), несомнѣнно, поддался здѣсь нѣкоей аберраціи мыслей и воспоминаній. В. В. Каллашъ неудачно пытался спорить съ В. Ѳ. Саводникомъ. «Какія «скрижали», какіе лучи могли быть у Гнѣдича? Какое «безумство суетнаго пира» ему пришлось обличать? — спрашиваетъ г. Каллашъ, не замѣчая, что герой пьесы именно не обличаетъ.— Во всемъ его творчествѣ нельзя подыскать ничего, что хоть сколько-нибудь подходило бы подъ понятія «разбиванія скрижалей» и проклинанія безсмысленныхъ дѣтей». Да и его «бесѣда съ Гомеромъ» далеко не была уединенной, такъ какъ проходила на глазахъ у всего литературнаго міра, и результатами ея Гнѣдичъ дѣлился съ читателями не разъ до изданія полнаго перевода «Иліады». «Малая долина» и «журчанье пчелъ» только съ большою натяжкою могутъ быть пріурочены къ его идилліямъ. Кого имѣлъ въ виду Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи? Не Гнѣдича и не Николая Павловича,—по нашему глубокому убѣжденію». Къ области выдумокъ надо отнести вздорный разсказъ, находящійся въ «Запискахъ А. О. Смирновой» (I, 320—321) и построенный цѣликомъ на словахъ Гоголя; онъ принадлежитъ, конечно, О. Н. Смирновой.

Почему Анненковъ отнесъ пьесу къ 1834 г., неизвѣстно. Музейный автографъ, не давая точныхъ хронологическихъ указаній, допускаетъ датировку 1830 г. (когда появился переводъ Гнѣдича). П. О. Морозовъ («Сочин. П.», изд. «Просвѣщ.» VI, 585), соглашаясь вообще съ Саводникомъ, высказывается на этомъ основаніи за 1830 г. Съ этого приблизительно времени въ Пушкинѣ, находитъ Анненковъ («Матеріалы», 309, 389), обнаруживается стремленіе къ эпосу; его мысль «подчиняется величавому, строгому, спокойному изложенію, которое порабощаетъ читателя невольно, неудержимо и безпрекословно».

Пушкинъ недаромъ отбросилъ послѣдніе восемь стиховъ. «Едва ли—замѣчаетъ Саводникъ,— при этомъ играли какую-либо роль чисто-эстетическія соображенія, такъ какъ подобными стихами могъ быть доволенъ и самый взыскательный художникъ... Наиболѣе вѣроятнымъ представляется намъ слѣдующее соображеніе: Пушкинъ рѣшился пожертвовать второю частью своего стихотворенія потому, что оно вносило нѣкоторую двойственность въ идею всего цѣлаго. Вѣдь въ послѣднихъ строфахъ рѣчь идетъ о свободѣ поэта, чуждаго всякихъ стѣсненій въ своемъ творчествѣ, всякихъ вліяній извнѣ; въ первой же части стихотворенія Пушкинъ изображаетъ другую характерную черту истиннаго поэта, его благожелательность, черту въ высокой степени присущую личности самого Пушкина. Эта благожелательность особенно рѣзко оттѣняется путемъ сопоставленія съ нетерпимой ревностью ветхозавѣтнаго пророка, чуждаго всякаго снисхожденія къ человѣческимъ слабостямъ и недостаткамъ: образъ Моисея, проклинающаго народъ «въ порывѣ гнѣва и печали», несомнѣнно, носился въ воображеніи поэта, вызванный, быть можетъ, чисто-ассоціативно при упоминаніи о «скрижаляхъ»... Весьма возможно, что сопоставленіе въ одномъ небольшомъ стихотвореніи двухъ важныхъ и независимыхъ другъ отъ друга качествъ поэтическаго генія (свобода и благожелательность) показалось Пушкину нарушеніемъ внутренняго единства этого стихотворенія, во избѣжаніе чего онъ и откинулъ всю вторую часть... Этимъ указаніемъ на благожелательность и терпимость истиннаго поэта Пушкинъ дополняетъ новой и весьма важной чертою свою общую характеристику поэтическаго генія и вноситъ существенную поправку къ такимъ стихотвореніямъ, какъ «Чернь», «Сѣятель», «Поэту», гдѣ встрѣчаются поистинѣ жестокія слова по адресу дѣтей

ничтожныхъ міра... Чувства высокой терпимости, снисхожденія и благожелательности проникаютъ собою всю поэзію Пушкина, составляя ея моральную красоту, подкупающую читателя не менѣе красоты чисто-эстетической, и эту именно сторону своего поэтическаго генія Пушкинъ въ данномъ стихотвореніи изобразилъ въ качествѣ характерной черты, присущей вообще поэту... Конецъ стихотворенія примыкаетъ къ такимъ произведеніямъ Пушкина, какъ «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ», «Поэту», «Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ», «Осень» и др. Въ откинутой строфѣ «Осени» мы также встрѣчаемся съ перечисленіемъ занимавшихъ поэта сюжетовъ; въ одномъ изъ варіантовъ упоминаются, между прочимъ, и скалы Шотландіи». Объ этомъ значеніи пьесы см. также «Матеріалы» Анненкова, 180—181; «Замѣтки о П—нѣ» Н. Н. Страхова, изд. 2-ое, 46; «Критич. статьи и замѣтки о П—нѣ» Н. Черняева, стр. 495—496; «Поэтъ и читатель въ лирикѣ П—на» Б. Никольскаго, стр. 65; «Гуманные мотивы въ творчествѣ П—на» А. Кадлубовскаго, Нѣжинъ, 1899, стр. 17.

---

747. СТРАННИКЪ.

(т. III, стр. 497).

Два автографа находятся въ тетради Румянцевскаго музея № 2377-А, лл. 3, 4 и 5, оба на бумагѣ съ клеймами 1834 г.; одинъ изъ нихъ безъ заглавія; въ находящемся тутъ же спискѣ пьеса названа «Изъ Bunyan» («Русс. Стар.» 1884, окт., 85, 86); третій (черновикъ IV-й строфы и на оборотѣ наброски II-ой), на бумагѣ съ клеймомъ 1833 г., находится въ принадлежащемъ академіи наукъ майковскомъ собраніи рукописей Пушкина («П—нъ и его соврем.», IV, 17). Впервые появилась пьеса, подъ заглавіемъ «Отрывокъ», въ посмертномъ изданіи «Сочин. П—на», т. IX, 1841 г., стр. 183—186); здѣсь текстъ представляетъ нѣкоторыя отличія отъ извѣстныхъ нынѣ рукописей. Анненковъ указываетъ (см. его изд. «Сочин. П.», I, 370, 386; III, 39), что «надъ стихотвореніемъ находится помѣтка автора: 26 іюня 1833». Намъ эта рукопись неизвѣстна, и мы думаемъ, что, если у Анненкова не случайная описка, въ 1833 г. Пушкинъ могъ лишь взяться за пьесу, которую отдѣлывалъ позднѣе, не ранѣе 1834 г. (см. «Труды и дни П—на», изд. 2-ое, стр. 309). Въ несомнѣнной связи съ «Странникомъ» набросокъ «Напрасно я бѣгу къ Сіонскимъ высотамъ» (см. примѣч. къ № 741).

Бѣлинскій въ рецензіи на три послѣдніе тома посмертнаго изданія упомянулъ ее въ числѣ лучшихъ новинокъ этого изданія и назвалъ «цѣлой поэмой глубоко-религіознаго содержанія, написанной библейскимъ языкомъ» («Соч. Б.», изд. Венгерова, VI, 276, 278), а въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи сказалъ, что это «большое стихотвореніе, родъ поэмы, исполненной глубокаго смысла», одно изъ доказательствъ «разнообразія поэзіи Пушкина, его удивительной способности легко и свободно переноситься въ самыя противоположныя сферы жизни». Гоголь высоко цѣнилъ «Странника»: «въ лиризмѣ нашихъ поэтовъ — писалъ онъ В. А. Жуковскому («О лиризмѣ нашихъ поэтовъ»—«Сочин.», изд. 10-ое, IV, 39)—есть что-то такое, чего нѣтъ у поэтовъ другихъ націй, именно что-то близкое къ библейскому, то высшее состояніе лиризма, которое чуждо увлеченій страстныхъ и есть твердый возлетъ въ свѣтѣ разума, верховное торжество духовной трезвости. Не говоря уже о Ломоносовѣ или Державинѣ, даже у Пушкина слышится этотъ строгій лиризмъ повсюду, гдѣ ни коснется онъ высокихъ предметовъ. Вспомни только стихотворенія его: къ пастырю церкви, «Пророкъ» и, наконецъ, этотъ таинственный побѣгъ изъ города, напечатанный уже послѣ его смерти». Въ послѣдніе годы жизни Пушкина Гоголь подмѣтилъ въ немъ «то, что строилось внутри самой души его и готовилось освѣтить передъ нимъ еще больше жизнь. Отголоски этого слышны въ изданномъ уже по смерти его стихотвореніи, въ которомъ звуками почти апокалипсическими изображенъ побѣгъ изъ города, обреченнаго гибели, и часть его собственнаго душевнаго состоянія» (ib., 186,—«Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи»)... Анненковъ говоритъ: «Религіозное настроеніе духа въ Пушкинѣ начинаетъ проявляться особенно съ 1833 года тѣми превосходными пѣснями, основаніе которымъ положило стихотвореніе «Странникъ»... Стихотвореніе это, составляющее поэму само по себѣ, открываетъ то глубокое духовное начало, которое уже проникло собою мысль поэта, возвысивъ ее до образцовъ, принадлежащихъ по характеру своему образамъ чисто-эпическимъ. Что это не было въ Пушкинѣ отдѣльной поэтической вспышкой, свидѣтельствуютъ многія послѣдующія его стихотворенія, какъ «Молитва», «Подражаніе итальянскому»... Лучшимъ доказательствомъ постояннаго, опредѣленнаго направленія служатъ опять рукописи поэта. Въ нихъ мы находимъ, что онъ прилежно изучалъ повѣствованія Четьи-Минеи и Пролога, какъ въ формѣ, такъ и въ духѣ ихъ. Между прочимъ, онъ выписалъ изъ послѣдняго благочестивое сказаніе, имѣющее сильное сходство съ самой пьесой Странникъ»... («Соч. П.», изд. Анненкова, I, 386); тутъ Анненковъ приводитъ сказаніе «Вложи убо ему»... (см. въ т. V настоящ. изд., стр. 326, № 969). «Повѣствовательная форма—продолжаетъ Анненковъ (ib., 388—389)—сдѣлалась любимой поэтической формой для Пушкина съ этого времени, и въ ней заключено качество настоящаго эпоса: строгая мысль, порожденная двойнымъ вдохновеніемъ историческаго и религіознаго свойства. Пушкинъ не успѣлъ выразить послѣднее свое направленіе въ одномъ цѣломъ, образцовомъ созданіи, но оставилъ глубокіе и многозначительные слѣды его въ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ, какъ мы уже сказали, писанныхъ съ 1833 г.»...

Указаніе самого Пушкина («Изъ Bunyan») долго не было извѣстно, но въ «Молвѣ» 1857 г., № 10, Б. (П. И. Бартеневъ) указалъ на источникъ, которымъ пользовался Пушкинъ. «Странникъ»—переложеніе начала первой главы аллегорическаго разсказа англійскаго проповѣдника и поэта Джона Бэніана (1628—1688) «Pilgrim's progress» (изд. въ 1678 г.); это сочиненіе, написанное горячо и искренне, до сихъ поръ очень популярно въ Англіи. Первый русскій переводъ его появился въ 1782 г. («Любопытное и достопримѣч. путешеств. христіанина»); у русскихъ мистиковъ оно было въ большомъ уваженіи. Въ библіотекѣ Пушкина сохранилось («П—нъ и его соврем.» IX—X, 17) третье изданіе «Сочиненій Іоанна Бюніана», М., 1819, въ четырехъ частяхъ; первыя двѣ части занимаетъ «Любопытное и достопамятное путешествіе христіанина и христіанки съ дѣтьми къ

ТРЕТІЙ КОНКУРСЪ (1875) ПРОЕКТОВЪ ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ.

Проекты (слѣва направо) Шредера, Забѣлло и Опекушина.

блаженной вѣчности, чрезъ многія приключенія, съ разными странствующими лицами правымъ путемъ, гдѣ различно изобразуются разныя состоянія, успѣхи и счастливый конецъ души христіанина, къ Богу стремящагося» (Есть еще нѣсколько изданій «Путешествія пилигрима», 1878, 1903, 1908 г.г.). Это обстоятельство, какъ справедливо замѣтилъ И. С. Аксаковъ (пис. къ Н. С. Соханской-Кохановской—«Русс. Обозр.» 1897, февр., 589, 595), «нисколько не отнимаетъ достоинства у Пушкина; его заимствованія несравненно выше подлинника; подлинникъ является просто осчастливленнымъ». Кохановская («Степной цвѣтокъ на могилу П—на»—«Русс. Бесѣда» 1859, т. V, отд. III, стр. 68) въ «Странникѣ» видитъ «полнѣйшее подтвержденіе и запечатлѣніе глубокаго духовнаго начала пушкинской поэзіи». Н. П. Огаревъ («Русс. потаенная лит—ра», Лнд., 1861, «Предисловіе», стр. LXIV) говоритъ: «Пушкинъ доросталъ до геніальной художественности, но передъ концомъ поворачивалъ къ глухому, мистическому полуотчаянію, полупророчеству,—такъ звучать его «Подражанія Данту», «Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума»..., «Однажды странствуя»... На этомъ звукѣ онъ замеръ». «Развѣ это только переложеніе? — спрашивалъ Достоевскій въ знаменитой рѣчи 1880 г.:—въ грустной и восторженной музыкѣ этихъ стиховъ чувствуется самая душа сѣвернаго протестантизма, англійскаго іересіарха, безбрежнаго мистика съ его тупымъ, мрачнымъ и непреоборимымъ стремленіемъ и со всѣмъ безудержемъ мистическаго мечтанія. Читая эти странные стихи, вамъ какъ бы слышится духъ вѣковъ реформаціи, вамъ понятенъ становится этотъ воинственный огонь начинавшагося протестантизма; понятна становится, наконецъ, самая исторія, и не мыслью только, а какъ будто вы сами тамъ были, прошли мимо вооруженнаго стана сектантовъ, пѣли съ ними ихъ гимны, плакали съ ними въ ихъ мистическихъ восторгахъ и вѣровали вмѣстѣ съ ними въ то, во что они повѣрили»... «Любопытенъ—говоритъ Н. Я. Абрамовичъ («Мотивы мистики и реализма въ творчествѣ П—на»—«Художники и мыслители», II, М., 1911, стр. 210—212) — интересъ поэта къ этой книгѣ, въ которой не сухая богословская теоретика и не елейно-пустыя изліянія мѣщански-скудной души, жаждущей безопасности и благополучія «на томъ свѣтѣ», а младенчески-безхитростное выраженіе всего, что наполняло болѣзненную жизнь Бэніана, полную нервныхъ подъемовъ, восторговъ и экстазовъ... Нѣтъ сомнѣнія, что поэта плѣнила дѣтская искренность, тревожная смятенность и страстность его души, захваченной смутными, но полными непреодолимой силы влеченіями. И чрезвычайно для насъ интересно и важно то, что русскій

поэтъ такъ проникновенно и остро вслушался въ эту рѣчь, въ эти образы, въ эти настроенія стариннаго мистика-поэта и такъ артистически отразилъ въ своемъ переводѣ всю странную смѣсь—и душевной подавленности, и непреодолимаго внутренняго безпокойства, и смутнаго болѣзненнаго влеченія, звучащаго въ книгѣ Бэніана. Весь отрывокъ совершенно выдержанъ въ одномъ тонѣ... Пушкинъ въ данномъ случаѣ не только разрѣшилъ сложную художественную задачу, но далъ субъективное свидѣтельство родственности ему такихъ мотивовъ, выполненное съ любовью и съ тонкимъ интимнымъ проникновеніемъ».

Та «часть собственнаго душевнаго состоянія» поэта, которую отмѣтилъ здѣсь Гоголь, уже давно разрасталась въ Пушкинѣ. «Дельвигъ не любилъ поэзіи мистической, — записалъ однажды Пушкинъ:—онъ говаривалъ: чѣмъ ближе къ небу, тѣмъ холоднѣе». Но Пушкинъ, съ его необъятными силами, не боялся никакихъ высотъ. Его тянуло въ «монастырь на Казбекѣ», въ келью «отца пустынника» (см. примѣч. къ №№ 586, 780). Другой великій нашъ поэтъ, недавно угасшій современникъ нашъ, еще болѣе Пушкина тяготѣвшій къ аскетизму, передъ самой кончиной сдѣлалъ отчаянную попытку осуществить подвигъ «Странника». Сдѣлалъ ли бы ее и Пушкинъ,—объ этомъ можно только гадать, но въ сферу его сочувствій входила эта «великая скорбь», которая грѣшника возводитъ въ святые.

---

748. [МИЦКЕВИЧЪ.]

(т. III, стр. 499).

Извѣстны два автографа пьесы: одинъ, черновой, въ 2374-ой тетради Румянцевскаго музея, лл. 7_1—6_2 (см. «Русс. Стар.» 1884 г., сент., 642, и «Русс. Арх.» 1881, I, 449) и другой, болѣе отдѣланный, нынѣ находящійся у великаго князя Константина Константиновича, къ которому перешелъ отъ А. А. Майковой (см. «Каталогъ петерб. Пушкинск. юбил. выст. 1899 г.», № 42). Впервые пьеса появилась въ посмертномъ изданіи «Сочин. П—на», т. IX, 1841 г., стр. 171, подъ заглавіемъ «М*». Перепечатывая ее оттуда, Анненковъ (см. его изд. «Сочин. П.», III, 44) прибавилъ: «трогательная пѣснь, которую друзья Пушкина знали въ окончательномъ видѣ задолго до ея появленія въ печати, чѣмъ и объясняются нѣкоторыя, малыя несходства ея съ нашимъ первымъ черновымъ оригиналомъ». Тутъ же Анненковъ сообщаетъ, что на рукописи сохраняется отмѣтка: «10 Августа 1834. СПб.» (ср. ib., I, 390).

Объ отношеніяхъ Пушкина и Мицкевича, съ которымъ нашъ поэтъ познакомился въ 1826 г. въ Москвѣ, мы говорили выше (т. III наст. изд., стр. 343—344; прим. къ № 511). Они продолжались и въ Петербургѣ, гдѣ Пушкинъ принималъ Мицкевича у себя, встрѣчался съ нимъ у общихъ друзей (см. «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», II, 548), между прочимъ у Дельвига (бар. А. И. Дельвигъ, «Мои воспоминанія», I, 77—78, 119; В. П. Гаевскій, «Дельвигъ», ст. IV—«Современникъ» 1854 г., т. 47, изд. III, стр. 7), у К. А. Собанской (см. примѣч. къ № 572). Его имя сохранилось подъ коллективной дружеской запиской къ Пушкину (акад. изд. переписки П—на, II, 65) и на подаренномъ имъ Пушкину собраніи сочиненій Байрона, подъ надписью: «Байрона Пушкину посвящаетъ поклонникъ обоихъ А. Мицкевичъ» («П—нъ и его соврем.», IX—X, 183). Пушкинъ поднесъ ему свою «Полтаву» (акад. изд. переп. II, II, 90), о которой жарко съ нимъ бесѣдовалъ («Записки К. А. Полевого», СПб. 1888, стр. 171—172), взялся за переводъ его «Конрада Валленрода». Мицкевичъ перевелъ первую часть его «Воспоминанія». Плѣняли Пушкина импровизаціи Мицкевича и его неизмѣнная вдохновенная приподнятость. Однажды они завтракали у Погодина, и Пушкинъ, по свидѣтельству С. Т. Аксакова, «держалъ себя ужасно гадко, отвратительно. Посудите, каковы были разговоры, что Мицкевичъ два раза принужденъ былъ сказать: «господа, порядочные люди и наединѣ и сами съ собою не говорятъ о такихъ вещахъ» («Русс. Арх.» 1878, II, 50); и здѣсь проявилось въ Мицкевичѣ «воззрѣніе съ высоты на жизнь». Мицкевичъ, какъ онъ изображенъ въ пьесѣ, срисованъ съ натуры. «Подробности, находящіяся въ стихотвореніи, — разсказываетъ Анненковъ («Матер. для біогр. П—на», изд. 2-ое, стр. 243) — всѣ взяты изъ дѣйствительности. Лицо, къ которому оно написано, отличалось даромъ импровизаціи и разъ въ самой квартирѣ Пушкина, въ Демутовомъ трактирѣ, долго и съ жаромъ говорило о любви, которая нѣкогда должна связать народы между собою». П. Дубровскій («Адамъ Мицкевичъ»—«Отеч. Записки», т. CXX, 1858 г., сент., 39) подтверждаетъ это: «отъ П. А. Плетнева я слышалъ, что эта мысль была выражена Мицкевичемъ въ его рѣчи на французскомъ языкѣ, которую онъ однажды импровизировалъ въ дружескомъ кругу русскихъ литераторовъ, въ Петербургѣ». Отъѣздъ заграницу и русско-польскія событія 1831 г. отдалили Мицкевича отъ его русскихъ друзей и Пушкина въ томъ числѣ, но Пушкинъ не измѣнилъ своихъ теплыхъ чувствъ къ нему и не терялъ его изъ виду. Его не могло не задѣть стихотвореніе Мицкевича «Къ русскимъ друзьямъ», которое онъ переписалъ въ свою тетрадь (Румянц. муз., № 2373, л. 33) и въ которомъ долженъ былъ прочитать ядовитый намекъ на себя, хотя, впрочемъ, нельзя поручиться, что, говоря о человѣкѣ, продавшемся правительству, Мицкевичъ думалъ именно о Пушкинѣ. Смерть русскаго поэта исторгла изъ сердца Мицкевича всякую горечь; онъ сдѣлалъ спеціальный визитъ бывшей тогда въ Парижѣ А. О. Смирновой (ея «Записки», II, 6—7), напечаталъ въ журналѣ «Le Globe» статью о немъ, которую подписалъ: «Одинъ изъ друзей Пушкина» (переводы кн. П. А. Вяземскаго (извлеченіе въ «Русс. Арх.» 1873 и «Сочин.», VII, М. А. Славинскаго въ сборн. «Памяти П—на», изд. журн. «Жизнь», 1899 г., А. К. въ «Мірѣ Божьемъ» 1899 г., май). Одновременно въ Россіи прошелъ слухъ, что онъ вызвалъ на дуэль Дантеса («Труды и дни П—на», изд. 2-ое, стр. 410). Въ 1841 г. С. П. Шевыревъ писалъ («Москвитянинъ», ч. 5, № 9), что «чистая молитва Пушкина исполнилась». О Пушкинѣ Мицкевичъ никогда не могъ вспоминать равнодушно (см. «Русс. Арх.» 1896, I, 378). См. также примѣч. къ № 733. Объ ихъ отношеніяхъ писано много; укажемъ книгу I. Tretiaka «Mickiewiez i Puszkin», Warsz., 1906; ст. М. А. Славинскаго «О дружбѣ П—на и М—ча» въ цитир. сб. «Жизнь»; В. Л. «Два генія»—«Русс. Мысль» 1906, декабрь; аноп. ст. «М—чъ и П—нъ»—«Ежемѣс. Сочиненія» 1900, № 4; Кс. Полевого—«Поэтъ М—чъ»—«Живописн. Библіотека» 1858, № 10, и «Записки», стр. 170—176; В. Д. Спасовича «П-нъ и М—чъ у памятника Петра Великаго»—

«Вѣстн. Евр.» 1887, апр., и «Сочин.», IX; А. Л. Погодинъ, «Ад. М—чъ, его жизнь и творчество», М., 1912, т. II, гл. XV; кн. П. А. Вяземскій, «М—чъ о П—нѣ» («Сочин.», т. VII).

Бѣлинскій («Соч.», изд. Венгерова, VI, 276) назвалъ пьесу въ числѣ лучшихъ новинокъ посмертнаго изданія. Анненковъ («Матер.», 300, 381) видитъ въ ней «качество настоящаго эпоса: строгую мысль, порожденную двойнымъ вдохновеніемъ, историческаго и религіознаго свойства». Этой мыслью «о временахъ грядущихъ» покрывается жестокій кличъ торжества побѣдителей, звучащій въ «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинской годовщинѣ»; здѣсь Пушкинъ самъ сумѣлъ взглянуть на жизнь «съ высоты».

Пьеса положена на музыку Ц. А. Кюи (Петерб. универс. сборн. «Памяти П—на», 1900 г., стр. 83).

---

749. СКАЗКА О ЗОЛОТОМЪ ПѢТУШКѢ.

(т. III, стр. 502).

Черновики находятся въ 2374-ой тетради московскаго Румянцевскаго музея, л.л. 1_2, 20_9—23_1, а бѣловой автографъ, съ помѣтой: «Болдино, 20 сент. 1834, 10 ч. 53 м.»,—въ Имп. Публичной Библіотекѣ (см. ея «Отчетъ» за 1857 г., стр. 19); заглавная страница этой рукописи, съ рисунками автора, воспроизведена въ III т. настоящ. изд., стр. 501). Впервые сказка появилась въ «Библ. для Чтенія», т. IX, 1835 г., № 16, отд. I, стр. 111 сл., а затѣмъ вошла въ IV ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», стр. 59—72; оба эти печатные текста представляютъ ничтожныя отличія (см. изд. Анненкова, III, 554—555). Стихи «Царствуй лежа на боку» и два послѣдніе долго не могли появиться въ печати, и Пушкинъ въ своемъ дневникѣ (т. V наст. изд., стр. 450) жаловался на цензора А. В. Никитенко: «времена Красовскаго воротились, Никитенко глупѣе Бирукова» (см. примѣч. къ № 384). Эти пропуски указаны Н. Гербелемъ въ берлинскомъ томикѣ 1861 г., стр. 167, и П. Е. (фремовымъ) въ «Библіогр. Запискахъ» 1861 г., ст. 275—276.

Имя царя Дадона Пушкинъ заимствовалъ изъ популярной сказки о Бовѣ-королевичѣ («П—нъ и его соврем.», VI, 128—129; выше, примѣч. къ № 679). И. Н. Ждановъ («Сочин.», II, 326) считаетъ «Сказку о золотомъ пѣтушкѣ» близкой и точной передачей народной сказки, но это мнѣніе слишкомъ категорично. «Звѣздочетъ и скопецъ», шамаханская царица—не русскіе элементы, и Н. Трубицынъ (т. IV наст. изд., стр. 69), признавая сказку «въ отношеніи народности слабѣе другихъ у Пушкина», справедливо подозрѣваетъ литературный источникъ. В. В. Сиповскому («П—нъ и его соврем.», IV, 82) сказка Пушкина напомнила одну сказку Клингера. Н. Ѳ. Сумцовъ («Изслѣдованія о П—вѣ»—«Харьк. унив. сб. въ память П—на», 1900, стр. 317) сообщаетъ, что «сказка о золотомъ пѣтушкѣ мало распространена въ народной словесности, она проникла въ Россію литературнымъ путемъ и народу мало извѣстна». Бѣлинскій, въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина, отнесся къ ней такъ же холодно, какъ и къ другимъ сказкамъ, которыя считалъ «плодомъ довольно ложнаго стремленія къ народности» (см. примѣч. къ № 679). А. Мартыновъ («Маякъ», т. XI, 1843 г., «Критика», стр. 124—129) писалъ: «художественности здѣсь нѣтъ», совершенно и серьезно удивлялся, какъ это царь Дадонъ, «вдругъ увидѣвъ Шамаханскую предестницу, забылся такъ, что у него какъ будто дѣтей и не было; невѣроятно, чтобъ любовь устарѣвшаго царя къ не довольно еще для него извѣстной, хотя и прекрасной, женщинѣ такъ скоро и внезапно истребила любовь его къ дѣтямъ, тѣмъ болѣе, что эта женщина, какъ и самъ онъ ясно видѣлъ, была главною причиною раздора между сыновьями его и погибели ихъ собственной и войскъ, бывшихъ подъ ихъ предводительствомъ»... Послѣдніе два стиха—почти дословное повтореніе варіанта окончанія «Сказки о мертвой царевнѣ»:

Сказка ложь, да намъ урокъ,
А иному и намекъ».

Фабула сказки послужила для либретто оперы Н. А. Римскаго-Корсакова «Золотой пѣтушокъ».

---

750. СЪ ОЧАМИ БЫСТРЫМИ...

(т. III, стр. 508).

Съ чернового автографа, на бумагѣ съ клеймомъ 1834 г., набросокъ впервые напечатанъ И. А. Шляпкинымъ («Изъ неизданныхъ бумагъ П—на», СПб., 1903, стр. 38); въ настоящемъ изданіи онъ воспроизведенъ по тому же автографу съ нѣкоторыми отличіями отъ передачи проф. Шляпкина (точнѣе). Послѣдній отнесъ набросокъ къ 1834 г.; во всякомъ случаѣ, вѣрнѣе будетъ не столь точное датированіе 1834—1836 гг. По предположенію проф. Шляпкина, «вѣроятно, дѣло идетъ о какомъ-либо сластолюбивомъ французскомъ писателѣ конца XVIII вѣка», а П. А. Ефремовъ («Сочин. П.», VIII, 1905 г., 355) возразилъ: «почему же не о скептикѣ, не объ «атеѣ или софистѣ» (?) вродѣ Гунчисона, встрѣченнаго Пушкинымъ въ юности? о сластолюбіи въ наброскѣ ни слова нѣтъ». П. О. Морозовъ («Сочин. П.», изд. «Просвѣщ.», II, 547) предположилъ: «не говорится ли здѣсь о Вольтерѣ?» Но, прежде всего, набросокъ не предоставляетъ возможности судить, о литературномъ ли вліяніи говоритъ здѣсь поэтъ, или о реальной, отнюдь не иносказательной, встрѣчѣ съ живымъ человѣкомъ. Пушкинъ высоко цѣнилъ и любилъ Вольтера, что не мѣшало ему признавать цинизмъ французскаго поэта. Вліяніе Вольтера на Пушкина сказалось, между прочимъ, въ «Гавриліадѣ», но Пушкинъ вовсе не «попалъ въ сѣти» къ фернейскому скептику, и его вліяніе на нравственную сферу Пушкина никогда не было велико.

---

751. ТЫ ПРОСВѢЩЕНІЕМЪ СВОЙ РАЗУМЪ ОСВѢТИЛЪ...

(т. III, стр. 508).

Исчерканный набросокъ впервые напечатанъ съ автографа И. А. Шляпкинымъ («Изъ неизданныхъ бумагъ П—на», СПб., 1903, стр. 28—30); въ настоящемъ изданіи текстъ напечатанъ по тому же автографу съ нѣкоторыми отличіями отъ передачи проф. Шляпкина (точнѣе), рядомъ приведшаго свой опытъ бѣлового «извлеченія»; объ этомъ

см. замѣчанія В. В. Сиповскаго («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1903, іюнь, 445—448) и П. Е. Щеголева («Историч. Вѣстн.», 1904, январь, 271 — 272). И. А. Шляпкинъ датировалъ его 1830—1834 гг., П. О. Морозовъ («Соч. П—на», изд. «Просвѣщ.», II, 528)—1831 г., мы же—1831 (не ранѣе конца)—1834 гг. (см. «Труды и дни П—на», изд. 2-ое, стр. 326). Во всякомъ случаѣ, стихи не могли быть написаны въ 1830 г., такъ какъ въ нихъ говорится о событіяхъ 1831 года. Г. Шляпкинъ въ «полонофилѣ», къ которому обращается Пушкинъ, видитъ Сенковскаго, поляка, но, какъ вѣрно замѣтилъ П. Морозовъ (цит. изд., 529), судя по тому, что этотъ человѣкъ горячо сочувствовалъ польскому дѣлу и возненавидѣлъ свой народъ, рѣчь идетъ о русскомъ. П. Бартеневъ («Русс. Арх.» 1903 г., іюнь, обложка, стр. 3) спрашивалъ: «къ кому это писано? не къ Чаадаеву ли?»

Упоминаніе о «французскомъ пустомелѣ», который «ревѣлъ на каѳедрѣ» въ пользу поляковъ, стоитъ въ несомнѣнной связи съ заключающимся въ «Бородинской годовщинѣ» выпадомъ: «Но вы, мутители палатъ, легкоязычные витіи»... (см. примѣч. къ №№ 678, 680, 681). Объ отношеніи Пушкина къ І. Лелевелю см. нашу ст. «П—нъ и Лелевель»—«Историч. Вѣстн.» 1905, авг., 620—623.

---

752. ИЗЪ АНАКРЕОНА. ОДА LV.

(т. IV, стр. 21).

Чистовой автографъ, подъ заглавіемъ: «(Изъ Анакреона) отрывокъ», съ двумя зачеркнутыми (но авторомъ ли, неизвѣстно) послѣдними стихами, находится въ принадлежащемъ академіи наукъ майковскомъ собраніи пушкинскихъ рукописей, въ описаніи котораго («П—нъ и его соврем.», IV, 18) сказано: «въ концѣ приписано: «6 янв. 1835», цифра 5 читается очень неопредѣленно»... Къ 1835 г. отнесъ пьесу и П. В. Анненковъ (см. его изд. «Сочин. П.», III, 56, 63). Тѣмъ же днемъ помѣчены и два другія переложенія изъ Анакреона («Порѣдѣли, побѣлѣли»... и «Что же сухо»...). Впервые пьеса появилась въ посмертн. изд. «Сочин. П.», т. IX, 1841 г., стр. 149, безъ двухъ послѣднихъ стиховъ, которые Анненковъ замѣнилъ строкой точекъ (III, 56), а затѣмъ возстановилъ (VII, перв. пагин., 78). По словамъ Анненкова («Матеріалы для біогр. П—на», изд. 2-ое, 344; «Соч. П.», III, 63), пьеса была найдена при разборѣ рукописей Пушкина въ одномъ пакетѣ съ нѣсколькими другими антологическими произведеніями. Поэтъ вставилъ ее въ наброски начатой повѣсти изъ древне-римской жизни (см. примѣч. къ № 757) и вложилъ въ уста Петронія, встрѣчающаго этими словами своего друга. Пушкинъ довольно близко къ подлиннику передалъ оду Анакреона. Вотъ почти безукоризненный по точности переводъ Л. А. Мея:

Конямъ тавро на бедрахъ
Желѣзомъ выжигаютъ,
Пареянъ при первомъ взглядѣ
По ихъ тіарамъ знаютъ.
А я, взглянувъ, влюбленныхъ
Узнать умѣю разомъ:
У нихъ на сердцѣ мѣтка,
Чуть видимая глазомъ.

«Два послѣдніе стиха—замѣчаетъ С. Любомудровъ («Античные мотивы въ поэзіи П—на», изд. 2-ое, СПб., 1901, стр. 57)—Пушкинъ измѣняетъ по-своему, и пьеса, если и теряетъ оттого нѣсколько въ граціозности (въ оригиналѣ указывается на внутреннее затаенное чувство, невольно проскальзывающее наружу), зато много выигрываетъ въ ясности и законченности».

Бѣлинскій въ статьѣ о «Римскихъ Элегіяхъ» Гете (см. «Соч. Б.», изд. Венгерова, VI, 266) назвалъ стихотвореніе въ числѣ антологическихъ по «простотѣ и единству мысли, способной выразиться въ небольшомъ объемѣ, простодушію и возвышенности въ тонѣ, пластичности и граціи формы», а въ рецензіи на три послѣдніе тома посмертнаго изданія (см. ibid., 276) упомянулъ его въ числѣ лучшихъ новинокъ этого изданія, что не помѣшало критику въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи причислить его къ тѣмъ изъ выражающихъ «созерцаніе любви и наслажденій жизни въ духѣ древнихъ» антологическихъ пьесъ, которыя «не отличаются особеннымъ поэтическимъ достоинствомъ» («Соч. Б.», ч. VIII, М., 1860, стр. 373).

Нашъ поэтъ хорошо зналъ и любилъ Анакреона. «Онъ былъ учителемъ моимъ», говоритъ объ Анакреонѣ Пушкинъ въ «Завѣщаніи» (1815 г.); имъ навѣяны Пушкину «Гробъ Анакреона» (1815) и «Фіалъ Анакреона» (1816). Въ подражаніе ему Пушкинъ написалъ пьесу «Кобылица молодая»... (1828 г., см. примѣч. къ № 534). Подробно объ отношеніяхъ Пушкина къ Анакреону см. у П. Черняева, «П—нъ какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древне-классическихъ поэтовъ», Каз., 1899, стр. 43—48. См. также примѣч. къ №№ 753—755.

---

753. ИЗЪ АНАКРЕОНА. ОДА LVI.

(т. IV, стр. 21).

Бѣловой автографъ, подъ заглавіемъ «Ода LVI (изъ Анакр.)», съ немногими поправками и, на оборотѣ, предположительной передѣлкой послѣднихъ четырехъ стиховъ, съ датой «6 янв. 1835», находится въ принадлежащемъ академіи наукъ майковскомъ собраніи рукописей Пушкина («П—нъ и его соврем.», IV, 17—18). Впервые пьеса появилась у П. В. Анненкова въ «Матеріалахъ для біографіи П—на» (см. его изд. «Сочин. П.», I, 399), въ составѣ набросковъ повѣсти изъ древне-римской жизни, куда Пушкинъ намѣренъ былъ ее включить. «Желая развлечь какъ-нибудь печальныя мысли, — говоритъ герой, — я вынулъ записныя дощечки и перевелъ одну изъ одъ Анакреона, которую и сберегъ въ память этого печальнаго дня»... Прочитавъ эти стихи, Петроній сказалъ ему (ibid., 400): «когда читаю подобныя стихотворенія, мнѣ всегда любопытно знать, какъ умерли тѣ, которые такъ сильно были поражены мыслію о смерти. Анакреонъ увѣряетъ, что Тартаръ его ужасаетъ, но не вѣрю ему»... Анненковъ прибавляетъ: «это неизданное стихотвореніе Пушкина написано имъ 6-го января 1835 г. отдѣльно,—съ заглавіемъ: «Ода LVI (изъ Анакреона)». Въ повѣствовательномъ отрывкѣ находится только ссылка на него»... Тѣмъ же днемъ помѣчены два другія переложенія изъ Анакреона («Узнаемъ коней ретивыхъ»... и «Что же сухо»...).

ПАМЯТНИКЪ ПУШКИНУ

по проекту Антокольскаго.

Съ оригинала, находящагося въ Академіи Художествъ.

мѣчанія В. В. Сиповскаго («Журн. Мин. Нар. в», 1903, іюнь, 445—448) и П. Е. Щеголева торич. Вѣстн.», 1904, январь, 271 — 272). . Шляпкинъ датировалъ его 1830—1834 гг., Морозовъ («Соч. П—на», изд. «Просвѣщ.», 8)—1831 г., мы же—1831 (не ранѣе конца)— гг. (см. «Труды и дни П—на», изд. 2-ое, 326). Во всякомъ случаѣ, стихи не могли написаны въ 1830 г., такъ какъ въ нихъ ится о событіяхъ 1831 года. Г. Шляпкинъ позонофилѣ», къ которому обращается Пуш- , видитъ Сенковскаго, поляка, но, какъ вѣрно ... П. Морозовъ (цит. изд., 529), судя по ... этотъ человѣкъ ... сочувствовалъ ... ему дѣлу и возненавидѣлъ свой народъ, ... о русскомъ. П. Бартеневъ («Русс. 1903 г., іюнь, обложка, стр. 3) спрашивалъ: ... ему ... ... къ Чаадаеву ли?»

... о ... ...

Довольно точный переводъ оды, принадлежащій Бажанову, гласитъ:

У меня виски сѣдые,
Голова вся побѣлѣла,
Зубы стары, и ужъ юность
Безвозвратно улетѣла.
Мнѣ теперь уже немного
Жить осталось, наслаждаясь;
Потому-то я такъ часто
Плачу, тартара пугаясь.
Глубина его ужасна,
Входъ его не огороженъ,
Но вошедшему оттуда
Уже выходъ невозможенъ.

«Пушкинъ сказался и тутъ — замѣчаетъ С. Любомудровъ («Античные мотивы въ поэзіи П—на», изд. 2-ое, СПб., 1901, стр. 58):—ослабѣвшіе въ деснахъ зубы и потухшій огонь очей—это его собственные образы, лишній разъ подтверждающіе, что геній виденъ всюду, какихъ бы мелочей, какихъ бы пустяковъ онъ ни коснулся»...

---

754. ИЗЪ АНАКРЕОНА. ОДА LVII.

(т. IV, стр. 21).

Бѣловой автографъ подъ заглавіемъ «Ода LVII», съ двумя поправками и датой «6 янв. 1835», находится въ принадлежащемъ академіи наукъ майковскомъ собраніи рукописей Пушкина («П—нъ и его соврем.», IV, 18). Другой автографъ, описанный И. А. Шляпкинымъ («Изъ неизданныхъ бумагъ П—на», СПб., 1903, стр. 36—37), представляетъ собою болѣе раннюю, черновую редакцію, которую И. А. Шляпкинъ безосновательно датируетъ 1833 г. (см. «Труды и дни П—на», изд. 2-ое, стр. 326). Впервые пьеса появилась въ посмертн. изд. «Сочин. П.», т. IX, 1841 г., стр. 145. П. В. Анненковъ (см. его изд. «Сочин. П.», I, 353; III, 63) сообщаетъ, что она была найдена при разборѣ рукописей Пушкина въ одномъ пакетѣ съ нѣсколькими другими антологическими произведеніями. Тѣмъ же днемъ помѣчены еще два переложенія изъ Анакреона («Узнаемъ коней ретивыхъ»... и «Порѣдѣли, побѣлѣли»...).

Пушкинъ нѣсколько сократилъ оду Анакреона, которая въ довольно точномъ переводѣ Бажанова гласитъ:

Ну, давай мнѣ, мальчикъ, чашу.
Пить мнѣ хочется ужасно.
Влей въ нее воды ты десять,
А вина лишь пять ціатовъ,
Такъ чтобъ могъ я, упиваясь,
Пировать межъ тѣмъ спокойно.
Ну, давай же поскорѣе!
Мы не станемъ съ шумомъ, съ гамомъ
Напиваться такъ, какъ скиѳы
На пирахъ своихъ, а будемъ
Тихо пить подъ звуки пѣсенъ.

Мораль пьесы, требованіе умѣренности, Пушкинъ выражалъ въ антологическихъ стихотвореніяхъ не разъ (см. примѣч. къ №№ 755, 759).

Объ этой пьесѣ Бѣлинскимъ сказано то же самое, что о LV одѣ (см. примѣч. къ № 752).

---

755. БОГЪ ВЕСЕЛЫЙ ВИНОГРАДА...

(т. IV, стр. 21).

Исчерканный черновой автографъ находится въ академіи наукъ, въ майковскомъ собраніи бумагъ Пушкина (см. «П—нъ и его соврем.», IV, 18). Впервые пьеса появилась въ посмертномъ изданіи «Сочин. П.», т. IX, 1841 г., стр. 146. Анненковъ (см. его изд. I, 353; III, 63) помѣстилъ пьесу подъ 1835 г. на томъ основаніи, что она была найдена при разборѣ рукописей Пушкина въ одномъ пакетѣ съ нѣсколькими другими, изъ которыхъ три помѣчены 1835 годомъ (см. примѣч. къ №№ 752, 753, 754, 757, 759, 760, 761), но осторожно прибавилъ, что она «должна принадлежать къ той же эпохѣ». Въ изданіяхъ Ефремова, Морозова и Поливанова пьеса снабжена несуществующей датой «6 января 1835 г.». Бѣлинскій упомянулъ пьесу въ перечнѣ антологическихъ стихотвореній Пушкина по «простотѣ и единству мысли, способной выразиться въ небольшомъ объемѣ, простодушію и возвышенности въ тонѣ, пластичности и граціи формы» (статья о «Римскихъ Элегіяхъ» Гете—«Соч. Б.», изд. Венгерова, VI, 266), назвалъ ее въ числѣ лучшихъ новинокъ посмертнаго изданія (ibid., 276), а въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи снова вспомнилъ о ней, говоря объ антологическихъ стихотвореніяхъ Пушкина, посвященныхъ «созерцанію любви и наслажденій жизни въ духѣ древнихъ», но замѣтилъ, что она изъ «не отличающихся особеннымъ поэтическимъ достоинствомъ» («Соч. Б.», ч. VIII, М., 1860, стр. 373). П. А. Ефремовъ, Л. И. Поливановъ, С. Любомудровъ (ссылки см. въ примѣч. къ № 756) отнесли ее къ предварительной работѣ для «Египетскихъ ночей», но, конечно, нельзя не признать, что стихи могли имѣть и самостоятельное значеніе. Ихъ мораль—требованіе воздержанія, то же, что въ пьесахъ «Чистый лоснится полъ»..., «Что же сухо»..., «Юноша, скромно пируй»... (противоположная мысль выражена въ стихахъ «Мальчику»). «Читая такія строки,—говоритъ А. К. Бороздинъ («Воспитательное значеніе поэзіи П—на», СПб., 1899, стр. 6)—положительно можно забыть, что онѣ принадлежатъ поэту XIX столѣтія, ихъ можно принять за переводъ... Подражатель, какъ бы онъ ни былъ свѣдущъ, не можетъ такъ писать: для этого нужно быть геніемъ, постигающимъ глубочайшую сущность чуждаго духовнаго строя». Ближайшимъ руководителемъ Пушкина въ этой области былъ, конечно, Анакреонъ.

---

756. ОТЪ МЕНЯ ВЕЧОРЪ ЛЕИЛА...

(т. IV, стр. 22).

Подлинникъ бѣловой съ поправками, на небольшомъ листкѣ съ жандармской красной помѣтой въ серединѣ: «36», находится у Л. Ѳ. Пантелеева, къ которому перешелъ отъ Л. Н. Майкова, и былъ въ 1910 г. выставленъ въ Петербургѣ на картинной выставкѣ «Треугольникъ». Повидимому, съ этого подлинника пьеса появилась впервые въ посмертномъ изданіи «Сочин. П.», т. IX, 1841 г., стр. 155, подъ произвольнымъ заглавіемъ: «Леила». Бѣлинскій упомянулъ ее въ перечнѣ антологическихъ стихотвореній по «простотѣ и единству мысли, способной выразиться

въ небольшомъ объемѣ, простодушію и возвышенности въ тонѣ, пластичности и граціи формы» (статья о «Римскихъ Элегіяхъ» Гете — см. «Сочин. Б.», изд. Венгерова, VI, 266), назвалъ ее въ числѣ лучшихъ новинокъ посмертнаго изданія (ibid., 276), а въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи снова вспомнилъ о ней, говоря объ антологическихъ стихотвореніяхъ Пушкина, посвященныхъ «созерцанію любви и наслажденій жизни въ духѣ древнихъ», но замѣтилъ, что она изъ «не отличающихся особеннымъ поэтическимъ достоинствомъ» («Соч. Б.», ч. VIII, М., 1860, стр. 373). П. В. Анненковъ (см. его изд. «Соч. П.», I, 353; III, 63) помѣстилъ пьесу подъ 1835 г. на томъ основаніи, что она была найдена при разборѣ рукописей Пушкина въ одномъ пакетѣ съ нѣсколькими другими, изъ которыхъ три датированы 1835 годомъ (см. примѣч. къ №№ 752—755, 757, 759, 760, 761), но осторожно прибавилъ, что она «должна принадлежать къ той же эпохѣ». С. Любомудровъ («Античные мотивы въ поэзіи Пушкина», изд. 2-ое, СПб., 1901, стр. 53 — 55, 59—60), вслѣдъ за П. А. Ефремовымъ (см. его изд. 1880 г., III, 452; 1882, III, 467; VIII (1905 г.), 355—356), категорически отнесъ ее къ предварительной работѣ для «Египетскихъ ночей» и упомянулъ какъ одну изъ «заготовленныхъ про всякій случай, набросанныхъ вчернѣ, такъ, чтобы потомъ не жаль было ихъ и бросить»... Но пьеса вполнѣ отдѣлана по формѣ, а значеніе ея могло быть и самостоятельно.

---

757. МАЛЬЧИКУ.

(т. IV, стр. 22).

Пьеса появилась впервые въ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина (т. IX, 1841 г., стр. 48) съ неизвѣстнаго нынѣ оригинала. Существуетъ въ автографѣ болѣе ранняя редакція (напечат., со снимкомъ, въ «Русс. Библіофилѣ» 1913 г., февраль, стр. 18—22), датированная «18 февр. 1832» и отличающаяся варіантами въ стих. 5: «Вы же, воды, прочь теките», и 7: «Строгихъ постниковъ поите». Въ посмертномъ изданіи пьеса не датирована, но она пріурочивается обыкновенно къ 1835 г. согласно указанію П. В. Анненкова, напечатавшаго ее (см. его изданіе «Сочин. П.», III, 57) подъ этимъ годомъ въ числѣ нѣсколькихъ антологическихъ стихотвореній. «Отсюда прилагаемъ—писалъ онъ въ примѣчаніяхъ (къ «LVII одѣ Анакреона», — ibid., 63) — еще восемь мелкихъ пьесъ, написанныхъ, кажется, въ самую минуту чтенія древнихъ поэтовъ. Мы причисляемъ ихъ, вмѣстѣ съ LVII одой Анакреона, къ замѣткамъ Пушкина во время чтенія. Онѣ не обдѣланы и составляютъ только матеріалы для стихотворенія. Всѣ онѣ даны 9-мъ дополнительнымъ томомъ посмертнаго изданія 1841 г. Года ихъ созданія извѣстны съ достовѣрностью только для двухъ первыхъ («Что же сухо въ чашѣ дно?» и «Узнаемъ коней ретивыхъ»...), которыя набросаны авторомъ 6 января 1835 г., но и остальныя должны принадлежать къ той же эпохѣ. Онѣ всѣ найдены въ одномъ пакетѣ, при разборѣ рукописей Пушкина». Въ другомъ мѣстѣ Анненковъ («Матеріалы для біогр. П.», 1855 г., стр. 353) говоритъ: «всѣ эти пьесы найдены нами въ особенномъ пакетѣ, куда были вложены, вѣроятно, самимъ Пушкинымъ». Анненковъ буквально повторилъ текстъ посмертнаго изданія; если только онъ былъ точенъ и имѣлъ въ виду всѣ названныя имъ стихотворенія, онъ зналъ оригиналъ «Мальчику», по его словамъ, «необдѣланный». Надо думать, что послѣ 18 февраля 1832 г.—быть можетъ, даже въ 1835 г.—поэтъ взялся за отдѣлку пьесы; замѣтимъ, что въ автографѣ 1832 г., въ припискѣ къ заглавію: «Изъ Катулла» виденъ совсѣмъ иной пріемъ почерка, указывающій, вѣроятно, на болѣе позднее время.

Изъ упомянутыхъ антологическихъ стихотвореній два вошли въ наброски повѣсти изъ римской жизни, которые Анненковъ (назв. изд. «Сочин. П.», III, 63) считалъ «планами, предшествовавшими «Египетскимъ ночамъ». П. А. Ефремовъ, уже съ полной увѣренностью, заявлялъ, что цѣлый рядъ этихъ пьесъ, въ томъ числѣ «Мальчику», «былъ написанъ для одного изъ подготовительныхъ очерковъ къ «Египетскимъ ночамъ» (см. изд. «Сочин. П.», подъ ред. Ефремова, 1880 г., III, 452; 1882, III, 467; 1905 г., VIII, 355—356). Эта догадка ничѣмъ не подтверждается, но косвенныя основанія для предположенія о нѣкоемъ единомъ серьезномъ замыслѣ имѣются. На это указываетъ, между прочимъ, нахожденіе въ одномъ пакетѣ около десятка антологическихъ пьесъ, изъ которыхъ три (двѣ названныя и «LVI ода Анакреона») помѣчены однимъ днемъ (6 января 1835 г.). Такое же предназначеніе могъ имѣть переводъ изъ Катулла. Пушкинъ довольно близко къ подлиннику передалъ carmen XXVII римскаго лирика («Ad pocillatorem»):

Minister vetuli puer Falerni
Inger mi calices amariores,
Ut lex Postumiae iubet magistrae,
Ebrioso acino ebriosioris.
At vos quo lubet hinc abite lymphae,
Vini pernicies et ad severos
Migrate,—hic merus est Thyonianus.

Изъ «Сочин. П.», изд. Поливанова, т. I, изд. 3-е, стр. 384, заимствуемъ точный переводъ: «Мальчикъ-слуга! налей мнѣ чашу стараго фалернскаго погорче, какъ велитъ законъ предсѣдательницы (оргій) Постуміи, которая жаднѣе до вина, чѣмъ впитывающая сокъ ягода. А ты, вода, погибель вина, удались отсюда куда хочешь; отправляйся къ постникамъ: чистъ здѣсь напитокъ сына Тіоны» (Вакха)». Воспѣтое столькими поэтами фалернское вино, которое доставлялъ Фалернскій округъ на сѣверѣ Кампаніи (Terra di Lavore), весьма славилось въ древности. Это крѣпкое красное вино поступало въ употребленіе по десятому году. Старое фалернское представляло собою густой горьковатый ликеръ; его пили разбавляя водою или подбавляя меду. Пушкинъ, говоритъ П. Черняевъ («П—нъ какъ любитель античнаго міра...», Казань, 1899, стр. 76), оставилъ безъ перевода стихъ ebrioso acino ebriosioris—«пьянѣе ягоды налившись виноградной» (въ переводѣ Фета). Хотя Бѣлинскій и замѣчаетъ, что этотъ переводъ не отличается особымъ поэтическимъ достоинствомъ, однако же нельзя не видѣть въ немъ умѣнья воспроизвести оригиналъ во всей его яркой прелести.

Бѣлинскій упоминаетъ объ этомъ стихотвореніи нѣсколько разъ. Въ статьѣ о «Римскихъ Элегіяхъ» Гете (1841 г.; изд. Венгерова, VI, 266) онъ называетъ его въ числѣ тѣхъ антологическихъ произведеній Пушкина, отличительные признаки которыхъ—«простота и единство мысли, способ-

ной выразиться въ небольшомъ объемѣ, простодушіе и возвышенность въ тонѣ, пластичность и грація формы»... Тогда же онъ, по поводу выхода трехъ послѣднихъ томовъ посмертнаго изданія, упомянулъ «Мальчику» въ перечнѣ посмертныхъ стихотвореній «совершенно новыхъ, нигдѣ не бывшихъ напечатанными; всѣ они прекрасны и интересны, а нѣкоторыя изъ нихъ запечатлѣны всею силою генія Пушкина» (ibid., 276). Но въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина, разбираясь детально въ его антологіи, Бѣлинскій («Сочин.», изд. Солдатенкова и Щепкина, VIII, М., 1860, стр. 373) назвалъ «Мальчику» въ числѣ тѣхъ пьесъ, которыя «не отличаются особеннымъ поэтическимъ достоинствомъ». Стихотвореніе положено на музыку П. И. Бларамбергомъ («Памяти Пушкина», сборн. петерб. универс., СПб., 1900, стр. 121).

Пушкинъ весьма цѣнилъ Катулла. По поводу своего «Онѣгина» онъ писалъ однажды: «Ювеналъ, Катуллъ, Петроній, Вольтеръ и Байронъ далеко не сохраняли должнаго уваженія къ читателямъ и къ прекрасному полу. Говорятъ, что наши дамы начинаютъ читать по-русски. Смѣло предлагаемъ имъ произведеніе, гдѣ найдутъ онѣ подъ легкимъ покрываломъ сатирической веселости наблюденія вѣрныя и безпристрастныя». Катуллъ былъ въ глазахъ Пушкина образцомъ искренности: «для тѣхъ, которые любятъ Катулла, Грессета и Вольтера,—для тѣхъ искренность драгоцѣнна въ поэтѣ». Изъ его брачной пѣсни (указаніе П. Черняева, op. cit., 75) Пушкинъ заимствовалъ припѣвъ, которымъ поздравилъ недавно женившагося Дельвига, «вольно» переведенный такъ: «чортъ побери вашу свадьбу, свадьбу вашу чортъ побери». Въ библіотекѣ Пушкина были стихотворенія Катулла въ подлинникѣ и во французскомъ переводѣ («Пушк. и его соврем.», IX—X, №№ 713, 714),

---

758. [ИЗЪ ГОРАЦІЯ].

(т. IV, стр. 22).

Черновой автографъ находится въ парижскомъ собраніи А. Ѳ. Онѣгина («Пушк. и его соврем.», XII, 17). Впервые пьеса появилась въ «Сынѣ Отечества» 1840 г., т. 22, откуда перешла въ посмертное изданіе «Сочин. П.», т. IX, 1841 г., стр. 335—336, подъ вымышленнымъ заглавіемъ «Горацій» и съ неправильнымъ отнесеніемъ къ «лицейскимъ стихотвореніямъ», какъ указалъ П. В. Анненковъ (см. его изд., III, 63), прибавившій, что «это блестящее подражаніе одной изъ Гораціевыхъ одъ (книга II, ода VII, Ad Pompejum) и написано было авторомъ для одного изъ многочисленныхъ плановъ, предшествовавшихъ «Египетскимъ ночамъ» замышленнымъ, какъ извѣстно, въ 1835 г.». Автографъ не даетъ никакихъ основаній для этой датировки, а «Египетскія ночи», какъ вѣрно говоритъ самъ Анненковъ («Матер. для біогр. П—на», изд. 2-ое, стр. 393) занимали воображеніе Пушкина уже давно, и мысль о нихъ «обрѣла себѣ настоящую форму только спустя десять лѣтъ». Въ наброскахъ, относящихся къ повѣсти изъ древне-римской жизни («Цесарь путешествовалъ»...) эту пьесу цитируетъ Петроній и, по поводу бѣгства Горація, замѣчаетъ: «Хитрый стихотворецъ хотѣлъ разсмѣшить Августа и Мецената своею трусостію, чтобъ не напомнить имъ о другомъ». Связь этихъ набросковъ съ «Египетскими ночами» весьма сомнительна, но такъ какъ въ нихъ внесены оды LV и LVI Анакреона, автографы которыхъ помѣчены 6 янв. 1835 г., то и данную пьесу можно относить къ тому же году, хотя она могла быть написана и раньше. Въ изданіяхъ Геннади она озаглавлена: «Подражаніе Гораціевой одѣ: (Ad Pompejum. II ч.)», а у Ефремова и П. Морозова—«Изъ Горація». П. А. Ефремовъ въ своемъ первомъ изданіи (1880 г., I, 548), не попавъ сказаннаго въ запискахъ Н. И. Лорера («Русс. Арх.» 1874, II, 675), напечаталъ конецъ пьесы какъ отдѣльное стихотвореніе, что исправилъ въ т. III, 452; см. также «Русс. Арх.» 1881, I, 179—180. Вотъ дословный переводъ оды Горація «Къ Помпею Вару» (заимствов. изъ изд. Л. Поливанова, т. I, изд. 3-е, М., 1905, стр. 380): «Помпей, первый изъ моихъ друзей, подвергавшійся вмѣстѣ со мной часто крайней опасности, когда Брутъ былъ начальникомъ войска, кто возвратилъ тебя римскимъ гражданиномъ отечественнымъ богамъ и небу Италіи? (ты), съ которымъ я часто виномъ короталъ медленный день, увѣнчавъ волосы, умащенные сирійскимъ малобатромъ. Съ тобою испыталъ я (на себѣ битву) при Филиппахъ и быстрое бѣгство, нечестно оставивши свой щитъ, когда была сокрушена (наша) храбрость, и грозные (воины) постыдно коснулись подбородками земли. Но быстрый Меркурій унесъ меня испуганнаго черезъ (ряды) непріятелей въ густомъ туманѣ; тебя же опять поглощающая волна унесла на войну по бурному морю. Устрой же по обѣту пиръ Юпитеру и склонись, утомленный долгой войною, подъ моимъ лавромъ и не жалѣй кубковъ, предназначенныхъ тебѣ. Наполни гладкіе бокалы массійскимъ виномъ, подателемъ забвенія, и вылей благовонія изъ вмѣстительныхъ сосудовъ. Кто позаботится сдѣлать поскорѣй вѣнки изъ влажнаго сельдерея и мирта? Кого Венера назначитъ распорядителемъ пира? Я предамся безумному веселью не хуже ѳракійцевъ; мнѣ пріятно безумствовать, получивши назадъ своего друга». Вмѣстѣ съ Помпеемъ Варомъ Горацій, въ войскахъ Брута, участвовалъ въ битвѣ при Филиппахъ (42 г. до Р. Хр.), окончившейся гибелью Брута и торжествомъ Августа. Горацій охотно подчинился происшедшей перемѣнѣ, а его другъ еще продолжалъ участвовать въ борьбѣ противъ Августа и впослѣдствіи былъ амнистированъ. Привѣтствуя его возвращеніе, Горацій, какъ очень правдоподобно замѣчаетъ Пушкинъ, хотѣлъ упоминаніемъ о своей трусости смягчить общее впечатлѣніе сюжета, который могъ прогнѣвать Августа, и при этомъ, говоритъ Фетъ («К. Горацій Флаккъ», М., 1883, стр. 58), «можетъ быть, хотѣлъ польстить своему самолюбію мыслью, что Меркурій, покровитель лиры, спасъ въ немъ будущаго великаго поэта». Переводъ Пушкина довольно близокъ къ подлиннику. «Пушкинскій ямбъ — говоритъ С. Любомудровъ («Античные мотивы въ поэзіи П—на», изд. 2-ое, СПб., 1901, стр. 61) — можетъ смѣло поспорить съ «алкеевой строфой» римскаго оригинала по своей звучности и силѣ. Образы выдержаны въ точности; введеніе мальчика, прислуживающаго за пиромъ, способствуетъ лишь оживленію картины. Духъ пьесы переданъ неподражаемо». Пушкинъ очень любилъ и хорошо зналъ «безсмертнаго труса» Горація; въ его библіотекѣ сохранился Горацій въ русскомъ и французскихъ переводахъ, но Пушкинъ, недурной латинистъ, читалъ его и

въ подлинникѣ (подробно объ его знакомствѣ съ римскимъ поэтомъ см. у П. Черняева, «П. какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древне-классическихъ поэтовъ», Каз., 1899, стр. 66—75). Его первую оду («Къ Меценату») Пушкинъ началъ переводить (см. «П. и его соврем.», XII, 16):

Царей потомокъ, Меценатъ,
Мой покровитель стародавный...
[О ты, мой вождь и покровитель славный]...

«Никто изъ старыхъ — говорилъ Бѣлинскій въ своемъ обзорѣ пушкинской поэзіи, — ни изъ новыхъ русскихъ переводчиковъ и подражателей Горація не говорилъ такимъ гораціанскимъ языкомъ и складомъ и такъ вѣрно не передавалъ индивидуальнаго характера гораціанской поэзіи, какъ Пушкинъ въ этой пьесѣ, къ тому же и написанной прекрасными стихами. Можно ли не слышать въ нихъ живого Горація?... Въ этомъ стихотвореніи видна художническая способность Пушкина свободно переноситься во всѣ сферы жизни, во всѣ вѣка и страны»...

---

759. ЮНОША, СКРОМНО ПИРУЙ...

(т. IV. стр. 22).

Карандашный автографъ, безъ помарокъ, съ датой: «2 янв.», находится въ академіи наукъ, въ майковскомъ собраніи рукописей Пушкина (см. «П—нъ и его соврем.», IV, 16). Впервые пьеса появилась въ посмертномъ изданіи «Сочин. П.», т. IX, 1841 г., стр. 147. Анненковъ въ своемъ изданіи помѣстилъ ее подъ 1835 г. (т. III, стр. 57, 63) на томъ основаніи, что она оказалась въ одномъ пакетѣ съ нѣсколькими другими антологическими стихотвореніями, изъ которыхъ три несомнѣнно датированы 6 января 1835 г. (№№ 752—754). Но въ подлинникѣ пьеса написана, повидимому, въ одинъ пріемъ съ другою—«Вино» (см. примѣч. къ № 698), находящеюся на оборотѣ того же листка и отнесенною Анненковымъ, имѣвшимъ въ рукахъ автографъ, къ 1833 г. Поэтому не правильнѣе ли было бы и данную пьесу датировать 2 января 1833 г.? Да и самъ Анненковъ не ручается категорически за 1835-й годъ, а причисляетъ ее «къ той же эпохѣ». Бѣлинскій («Сочин»., изд. Венгерова, VI, 276) назвалъ ее въ числѣ лучшихъ повинокъ посмертнаго изданія, но въ общемъ обзорѣ пушкинскаго творчества замѣтилъ, что она «не отличается особеннымъ поэтическимъ достоинствомъ» («Сочин. Б.», ч. VIII, М., 1860, стр. 373). С. Любомудровъ («Античные мотивы въ поэзіи Пушкина», изд. 2-ое, СПб., 1901, стр. 47) говоритъ: «двустишіе, написанное пентаметромъ, содержаніемъ напоминаетъ «Пиръ» Ксенофана, а формой «Вино» Іона Хіосскаго; впрочемъ, оно не представляетъ чего-либо особеннаго». Пушкинъ здѣсь повторяетъ совѣты древнихъ: «каждый въ мѣру свою напивайся» («Чистый лоснится полъ»...), «пьяное вино раствори водою трезвой»... («Что же сухо»...). «Шумная влага» навѣяна Іономъ Хіосскимъ («шумный зачинщикъ обидъ»).

---

760. ЮНОШУ, ГОРЬКО РЫДАЯ...

(т. IV, стр. 22).

Автографъ, принадлежавшій Л. Н. Майкову, нынѣ находится у великаго князя Константина Константиновича. Впервые пьеса появилась въ посмертномъ изданіи «Сочин. П.», IX, 143, П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи (III, 57—58, 63) отнесъ ее къ 1835 г. по связи съ двумя несомнѣнно датированными этимъ годомъ стихотвореніями на классическіе мотивы («Что же сухо»... и «Узнаемъ коней ретивыхъ»...), съ которыми она нашлась «въ одномъ пакетѣ при разборѣ рукописей Пушкина» (см. примѣч. къ № 757). Это довольно шаткое хронологическое основаніе, и осторожнѣе было бы датировать стихотвореніе просто 30-ми годами.

Бѣлинскій писалъ (въ статьѣ о «Римскихъ Элегіяхъ» Гете): «глубокъ смыслъ этой прелестной картины: она—одно изъ обычныхъ явленій молодой любви, она выражаетъ общій характеръ любящаго женскаго сердца, которое изливается въ упрекахъ и ненависти отъ полноты оскорбленной любви, и—все отъ той же любви—сторожа покой милаго ему оскорбителя, изливается тихими слезами, готовыми уступить мѣсто и тихой радости, и бурнымъ восторгамъ»... («Сочин. Б.», изд. Венгерова, VI, 267); онъ назвалъ пьесу однимъ изъ «мраморныхъ изваяній, которыя дышутъ музыкой», «высочайшихъ идеаловъ антологической поэзіи», и привелъ ее, «чтобъ яснѣе и очевиднѣе показать, что такое антологическая поэзія, и какъ высказывается эллинскій духъ въ «божественной эллинской рѣчи», какъ назвалъ ее самъ Пушкинъ» (ibid., 265—266). Въ статьѣ о посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина Бѣлинскій упомянулъ эту пьесу въ числѣ «особенно замѣчательныхъ» повинокъ, которыя «всѣ прекрасны и интересны, а нѣкоторыя изъ нихъ запечатлѣны всею силою генія Пушкина» (ibid., 276, 279). Въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина Бѣлинскій выдѣлилъ эту «маленькую пьесу, принадлежащую къ самой позднѣйшей порѣ поэтической дѣятельности Пушкина», изъ ряда его антологическихъ стихотвореній, полныхъ «созерцанія любви и наслажденій жизни въ духѣ древнихъ» («Сочин. Б.», ч. VIII, М., 1860, стр. 372—373). Анненковъ видѣлъ въ подобныхъ произведеніяхъ «результатъ артистической потребности воспроизвести содержаніе и манеру древнихъ поэтовъ» («Матеріалы для біографіи П—на», изд. 2-ое, стр. 344). Пьеса «принадлежитъ къ самымъ граціознымъ твореніямъ Пушкина въ антологическомъ родѣ», говоритъ С. Любомудровъ («Античные мотивы въ поэзіи Пушкина», изд. 2-ое, СПб., 1901, стр. 47—48). Она положена на музыку А. С. Даргомыжскимъ, С. Донауровымъ, Полиной Віардо-Гарсіа, Ц. А. Кюи (Петерб. университ. сборн. «Памяти П—на», стр. 109).

---

761. НЕ РОЗУ ПАФОССКУЮ...

(т. IV, стр. 22).

Бѣловой автографъ, съ двумя поправками, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ», находится въ академіи наукъ, въ майковской коллекціи бумагъ Пушкина (см. «Пушк. и его соврем.» IV, 18). Черновой набросокъ повторенъ дважды въ тетради

ПРОЭКТЪ АНТОКОЛЬСКАГО.

(1875)

СТАТУЯ ПУШКИНА НА ВЕРХУ ПАМЯТНИКА.

Румянцевскаго музея № 2387-Б, л. 46-об. На той же страницѣ записанъ отрывокъ изъ «Каменнаго гостя»; быть можетъ, набросокъ тоже относится къ 1830 г., тѣмъ болѣе, что на смежныхъ страницахъ немало произведеній этого года,—по осторожнѣе было бы датировать пьесу вообще 30-ми годами. Появилась она впервые въ посмертномъ изданіи «Сочин. П—на», IX, 144. П. В. Анненковъ датировалъ ее въ своемъ изданіи (III, 58—59, 63) 1835 годомъ по той же причинѣ, по какой отнесъ къ этому времени еще нѣсколько пьесъ (см. примѣч. къ № 760). Бѣлинскій (1841 г.) назвалъ ее въ числѣ лучшихъ новинокъ посмертнаго изданія («Сочин.», изд. Венгерова, VI, 276). Мнѣніе Анненкова—то же, что и о предыдущей пьесѣ. «Элина»—конечно, условное имя, безъ индивидуальнаго значенія. О роли розы въ античной культурѣ см. у В. П. Боткина («Сочин.», т. II, СПб., 1891, стр. 325—335, «Объ употребленіи розы у древнихъ», по сочиненію Вюстерманна); Е. Г. Кагаровъ, «Роза въ поэзіи античной Греціи» («Вѣстн. Харьк. ист.-филол. общ-ва», вып. III, 1913 г., стр. 16—22). Сравн. пьесу 1827 г. «Есть роза дивная»..., гдѣ также упоминается Пафосъ. «Θеосъ», какъ писалъ Пушкинъ,—островъ Теосъ, родина Анакреона, пѣвца любви и вина и автора знаменитаго гимна розѣ.

---

762. ПОДРАЖАНІЕ АРАБСКОМУ.

(т. IV, стр. 23).

Черновой автографъ находится въ принадлежащемъ академіи наукъ майковскомъ собраніи рукописей Пушкина («П—нъ и его соврем.», IV, 18). Первоначально пьеса не имѣла заглавія, и 3—4 стихи читались:

Въ край безлюдный, въ степи снѣжны
Я готова за тобой.

Она была иначе задумана и начата изящнѣе. Къ отроку въ ней обращалась влюбленная женщина; но, написавъ первые четыре стиха и затѣмъ измѣнивъ 3—4, Пушкинъ продолжалъ ее по иному замыслу. Тавтологія въ новыхъ 3—4 ст. замѣнила прекрасное выраженіе полнаго жгучей страсти признанія. Измѣнивъ смыслъ пьесы на «восточный» ладъ, Пушкинъ долженъ былъ дать ей соотвѣтствующее названіе. Для чего сдѣлалъ онъ это? Можетъ быть, образъ любящей женщины, готовой слѣдовать за «милымъ отрокомъ» «въ край безлюдный, въ степи снѣжны», былъ ему навѣянъ кѣмъ-нибудь изъ самоотверженныхъ подругъ декабристовъ, и рѣчь идетъ о Сибири? Изъ опасенія ли цензурныхъ придирокъ, или, скорѣе, повинуясь внезапному капризу вдохновенія передѣлалъ Пушкинъ такъ прекрасно начатые стихи? («Вѣсы» 1907, мартъ, 7—8). По крайней мѣрѣ, первоначальная редакція перваго четверостишія и вторая далеко не однотонны, и едва ли арабская женщина могла имѣть понятіе о снѣжныхъ степяхъ.

Впервые стихотвореніе появилось въ IX т. посмертн. изд. «Соч. Пушкина», 1841 г., стр. 154, а затѣмъ вошло въ изд. Анненкова, т. III, стр. 59, съ отнесеніемъ къ 1835 г., вѣроятно, потому, что было, при разборѣ рукописей Пушкина, найдено въ одномъ пакетѣ съ нѣсколькими другими, помѣщенными Анненковымъ подъ 1835 г., такъ какъ два изъ нихъ, «Что же сухо»... и «Узнаемъ коней ретивыхъ»..., помѣчены 6 января 1835 г.; однако, Анненковъ прибавилъ, что «остальныя должны принадлежать къ той же эпохѣ» (ib., 63; также «Матеріалы для біографіи П—на», изд. 1-ое, 353). Осторожнѣе было бы датировать пьесу 30-ми годами.

Восточный колоритъ и взглядъ на красоту сближаютъ пьесу съ стихотвореніемъ «Не плѣнялся бранной славой»..., 1829 г. (см. примѣч. къ № 578). Цензоръ посмертнаго изданія А. В. Никитенко затруднился пропустить ее, но петерб. цензурный комитетъ разрѣшилъ («П—нъ и его соврем.», XVI, 96—97, 99). Бѣлинскій въ статьѣ о «Римскихъ элегіяхъ» Гете назвалъ ее въ числѣ антологическихъ стихотвореній. «Многимъ, можетъ быть, покажется странно, что мы относимъ къ числу антологическихъ не только такія стихотворенія, которыхъ содержаніе принадлежитъ скорѣе новѣйшему міру, нежели древнему, но даже и подражаніе арабской пьесѣ, тогда какъ аравійская поэзія не имѣетъ ничего общаго съ греческою. На это мы отвѣтимъ, что сущность антологическихъ стихотвореній состоитъ не столько въ содержаніи, сколько въ формѣ и манерѣ. Простота и единство мысли, способной выразиться въ небольшомъ объемѣ, простодушіе и возвышенность въ тонѣ, пластичность и грація формы—вотъ отличительные признаки антологическаго стихотворенія» («Соч. Б.», изд. Венгерова, VI, 266). Въ рецензіи на три послѣдніе тома посмертнаго изданія Бѣлинскій упомянулъ о «Подражаніи арабскому» какъ объ одной изъ лучшихъ новинокъ посмертнаго изданія (ib., 276, 279); этотъ отзывъ онъ повторилъ въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина («Соч.», т. VIII, 1860 г., стр. 412). Апол. Григорьевъ («О правдѣ и искренности въ искусствѣ»—«Сочин.», т. I, 1876 г., стр. 133) усматривалъ въ подобныхъ произведеніяхъ напряженіе и сочиненность: «въ иныхъ совершенно стройныхъ натурахъ это суть только капризы таланта, пробы въ разныхъ манерахъ,—пробы, не вносимыя ими въ общій кругъ ихъ пѣсенъ, а если и внесенныя, то случайно или по нѣкоторому недосмотру; такъ, я увѣренъ, что стихотвореніе «Отрокъ милый, отрокъ нѣжный»—подражаніе чувствованію арабскому, никогда не предназначалось къ печати нашимъ Пушкинымъ». Предназначалось или не предназначалось, но самый фактъ возникновенія подобныхъ представленій у поэта такого калибра, какъ Пушкинъ, свидѣтельствуетъ объ искренности отношенія къ предмету. Пушкинъ, быть можетъ, не безъ ироніи, эстетически принялъ нѣкую сторону жизни, внѣ которой было бы непонятно многое въ античной и восточной культурѣ.

---

763. ПОЛКОВОДЕЦЪ.

(т. IV, стр. 23).

Черновой автографъ, подъ заглавіемъ «Барклай де Толи» и съ помѣтой «7 апрѣля 1835. Свѣтлое Воскресеніе», находится въ 2374-ой тетради Румянцевскаго музея, лл. 28_2—25_2; въ другой тетради Румянц. муз., № 2382, л., 107_2, записаны два

стиха («О, люди, жалкій родъ»... и т. д.); въ третьей, № 2377, л. 7, записано имя «Барклай де Толи», быть можетъ, для того, чтобы закрѣпить этой краткой замѣткой возникшую мысль о пьесѣ (см. «Русс. Стар.» 1884, сент., 645; ноябрь, 371; окт., 86). Набросокъ, гдѣ записаны заглавіе «Полководецъ» и первыя три слова пьесы, находится въ парижскомъ музеѣ г. Отто («П—нъ и его соврем.», XII, 11). Другой автографъ, съ помѣтой «7 апрѣля 1835. Св. Воскр. СПб. Мятель и морозъ», бывшій въ рукахъ П. В. Анненкова (см. его изд. «Соч. П.», III, 61), а потомъ Л. Н. Майкова (Альбомъ петерб. Пушкин. юбил. выставки 1899 г., автогр., № 46), нынѣ принадлежитъ великому князю Константину Константиновичу. Въ бумагахъ Анненкова (П. А. Шляпкинъ, «Изъ неизд. бумагъ П—на», стр. 74) имѣется копія четырехъ стиховъ, замѣненныхъ точками и въ музейномъ автографѣ неотдѣланныхъ и читающихся нѣсколько иначе (см. «Соч. Пушкина», 2-ое изд. Ефремова, 1882 г., III, 468):

Вотще! преемникъ твой стяжалъ успѣхъ, сокрытый
Въ главѣ твоей.—А ты, непризнанный, забытый
Виновникъ торжества, почилъ—и въ смертный часъ
Съ презрѣньемъ, можетъ быть, воспоминалъ объ насъ.

Рука цензуры не коснулась пьесы. Хотя предсѣдатель петербургскаго цензурнаго комитета кн. М. А. Дондуковъ-Корсаковъ («князь Дундукъ») 24 авг. 1836 г. донесъ главному управленію цензуры, что «въ числѣ статей, поступившихъ на разсмотрѣніе цензуры для періодическаго изданія «Современникъ», стихотвореніе подъ заглавіемъ «Полководецъ» заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя мысли о главнокомандующемъ россійскими войсками въ 1812 г. Барклаѣ де Толли, выраженныя въ такомъ видѣ, что комитетъ почелъ себя не вправѣ допустить ихъ къ напечатанію безъ разрѣшенія высшаго начальства», но министръ народн. просвѣщ. С. С. Уваровъ разрѣшилъ стихотвореніе отношеніемъ 26 августа («П—нъ и его соврем.», VI, 7; «Извѣстія Имп. Академіи Наукъ» 1911 г., стр. 516, №№ 40, 41); и оно появилось въ III т. «Современника» 1836 г., стр. 193—195, безъ подписи.

«Съ 1830 года—говоритъ Анненковъ («Матер. для біогр. П—на», изд. 2-ое, стр. 300, 381)—мысль Пушкина начинаетъ преимущественно выбирать повѣствованіе для проявленія своего и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняется величавому, строгому, спокойному изложенію, которое порабощаетъ читателя невольно, неудержимо и безпрекословно. Таковы стихотворенія «Полководецъ» и пр. Эпическій тонъ этихъ стихотвореній ясенъ для слуха наименѣе изощреннаго... Повѣствовательная форма сдѣлалась любимой поэтической формой для Пушкина съ этого времени, и въ ней заключено качество настоящаго эпоса: строгая мысль, порожденная двойнымъ вдохновеніемъ историческаго и религіознаго свойства»... Подобную мысль пробудилъ въ немъ портретъ работы Доу, находящійся въ военной галлереѣ Зимняго дворца (см. примѣч. къ № 530),—вѣрнѣе, онъ помогъ поэту сочетать разбросанныя мысли объ исторической роли и личной судьбѣ Барклая, объ отношеніи толпы къ выдающимся дѣятелямъ. Мальчикомъ-лицеистомъ Пушкинъ, конечно, слыхалъ не разъ нареканія на князя М. Б. Барклая де Толли, который въ 1812 г., командуя первой западной арміей и подготовивъ планъ борьбы съ Наполеономъ, не убаюкивалъ русское общество лестью и легкомысленными надеждами и не былъ понятъ и подвергся жестокимъ нападкамъ, вплоть до обвиненія въ измѣнѣ. Пушкинъ, повидимому, судилъ о Барклаѣ «какъ всѣ»; въ одномъ письмѣ (П. А. Катенину 4 дек. 1825) онъ хвалилъ цесаревича Константина Павловича за «вражду съ нѣмцемъ Барклаемъ». Но постепенно туманъ сталъ разсѣиваться. Уже въ 1812 же году многіе стали понимать причины и глубину трагедіи Барклая. По словамъ современника, онъ «въ Бородинскомъ сраженіи видимо искалъ смерти; его бѣлый конь и невозмутимая, высокая, неподвижная фигура виднѣлись всюду, гдѣ была наибольшая опасность, но онъ не былъ даже раненъ. Замѣчательно при этомъ, что русскій солдатъ, столь чуткій и опытный въ опредѣленіи личной храбрости и неустрашимости, во время командованія арміей Барклая доходилъ до обвиненія его въ трусости и даже измѣнѣ и съ затаеннымъ, злобнымъ недовѣріемъ относился къ его имени. Послѣ же Бородинскаго сраженія, когда Барклай возвращался шагомъ съ послѣдняго осмотра поля битвы, молчаливый и задумчивый по обыкновенію, всѣ части войскъ, мимо которыхъ приходилось ему проѣзжать, по собственному, неудержимому побужденію привѣтствовали его единодушнымъ, громогласнымъ «ура», какъ бы въ видѣ возмездія за тяготѣвшее надъ нимъ доселѣ несправедливое и обидное обвиненіе» («Русс. Арх.» 1884, I, 167). Послѣ Бородина онъ писалъ государю: «не сбылось мое пламеннѣйшее желаніе,—Провидѣніе пощадило жизнь, которая меня тяготитъ»... Другой современникъ, Н. И. Тургеневъ писалъ: «Общество, которое даже въ Россіи не бываетъ долго несправедливымъ, современемъ отказалось отъ своего предубѣжденія противъ Барклая де Толли; военные сумѣютъ оцѣнить заслуги его какъ генерала, а люди безпристрастные отдадутъ дань уваженія его неподкупности и прямотѣ его характера» («Записки изгнанника», СПб., 1907, стр. 9). Уже въ 1830 г. Пушкинъ былъ склоненъ объяснять неудачу Наполеона въ Россіи не только зимой и «русскимъ Богомъ», но и талантомъ Барклая. Вѣроятно, ему была извѣстна появившаяся въ «Московс. Телеграфѣ» 1833 г. № 9, май, статья «Взглядъ на Исторію Наполеона», гдѣ впервые въ русской печати было заявлено о великой заслугѣ Барклая, который «умѣлъ спасти армію и затруднилъ, изумилъ Наполеона своею системою медленія вслѣдствіе глубокаго разсчета» и былъ «хранителемъ Россіи; къ сожалѣнію, обстоятельства не позволили ему самому довершить своего великаго подвига, который оттого и оцѣнивается многими не такъ, какъ бы надлежало, но исторія будетъ справедливѣе современниковъ: она отдастъ каждому законный участокъ славы». Замѣчательно, что статья навлекла на журналъ непріятности: по жалобѣ Уварова на эти «оскорбительные толки и ироническіе намеки» Николай I приказалъ пригрозить Н. А. Полевому закрытіемъ журнала, а три года спустя тотъ же Уваровъ пропустилъ въ печать стихотвореніе Пушкина, въ которомъ словно сама исторія произнесла реабилитацію оклеветаннаго полководца (М. И. Сухомлиновъ, «Изслѣд. и статьи по русс. литер. и просвѣщ.», II., 398—403). Не менѣе благороднымъ поборникомъ правды и еще болѣе самостоятельнымъ судьею явился Пушкинъ, когда писалъ «Исто-

рію Пугач. бунта», по отношенію къ памяти генерала Михельсона. За это старый сподвижникъ Михельсона графъ К. Ѳ. Толь горячо благодарилъ Пушкина (Шляпкинъ, 302); трогательный отвѣтъ Пушкина см. выше, стр. 170, пис. № 701.

Читатели встрѣтили пьесу Пушкина восторженно и благодарно. «Барклай—прелесть!» сказалъ А. И. Тургеневъ («Остафьевс. Арх.», III, 334). Н. И. Гречъ написалъ Пушкину (12 окт. 1836): «не могу удержаться отъ изліянія предъ вами, отъ полноты сердца, искреннихъ чувствъ глубокаго уваженія и признательности къ вашему таланту и благороднѣйшему его употребленію. Этимъ стихотвореніемъ, образцовымъ и по наружной отдѣлкѣ, вы доказали свѣту, что Россія имѣетъ въ васъ истиннаго поэта, ревнителя чести, жреца правды, благороднаго поборника добродѣтели, возносящагося свѣтлымъ ликомъ и чистою душею надъ туманами предразсудковъ, повѣрій и страстей, въ которыхъ коснѣетъ пресмыкающаяся долу прозаическая чернь. Честь вамъ, слава и благодареніе! Вы нашли истинное, дѣйствительное, единственное назначеніе поэзіи» (сборн. «Пушкинъ», I, М., 1881, стр. 20; ср. «Записки о моей жизни» Н. И. Греча, СПб., 1886, стр. 275, и «Русс. Арх.» 1870 г., ст. 1263). Въ отвѣтѣ Гречу Пушкинъ (см. выше, стр. 163, пис. № 676) Пушкинъ повторилъ свой умиленный отзывъ о характерѣ Барклая. Гоголь былъ въ восхищеніи отъ пьесы: «видана ли была гдѣнибудь такая прелесть!» («Пис. Гоголя», I, 426). Одному читателю показалось несправедливымъ, что Пушкинъ назвалъ Россію «чужой землею» Барклаю («Русс. Арх.» 1873 г., I, 787); онъ не замѣтилъ, что это-то еще болѣе возвышаетъ Барклая. Пушкинъ очень интересовался мнѣніемъ о пьесѣ публики, между прочимъ, военной молодежи; разспрашивая объ этомъ А. О. Россета, онъ «прибавилъ, что не дорожитъ мнѣніемъ знатнаго, свѣтскаго общества» («Русс. Арх.» 1882, I, 245). Встрѣчались и неблагопріятныя мнѣнія, на почвѣ старыхъ счетовъ 1812 г. Въ кругу людей, близкихъ покойному Кутузову, пьеса была принята какъ оскорбленіе памяти Кутузова, хотя его родная дочь, пріятельница Пушкина Е. М. Хитрово была на сторонѣ поэта и предупреждала его (Шляпкинъ, 285) что противъ него готовится спеціальная статья. Она вскорѣ и появилась—«Критическая замѣтка на стихотвореніе Пушкина Полководецъ», Л. Голенищева-Кутузова, СПб., 1836 (перепеч. въ 3-мъ Ефремовс. изд. «Соч. П—на», VIII, 361—367); авторъ упрекаетъ Пушкина: «поэтъ полагаетъ, что генералъ Барклай де Толли уступилъ свой лавровый вѣнецъ князю Голенищеву-Кутузову!... сожалѣнія достойно, что нашъ поэтъ позволилъ себѣ такой совершенно неприличный вымыслъ». Въ слѣдующемъ томѣ «Современника» Пушкинъ помѣстилъ свое «Объясненіе» по этому поводу (см. т. V настоящ. изд., № 990; примѣч. къ № 677). Въ стихахъ «Художнику» (см. № 776) повторена та же характеристика обоихъ дѣятелей: «зачинатель Барклай» и «совершитель Кутузовъ». Разсказанное въ «Запискахъ А. О. Смирновой» (I, 62—63, 321)—явная выдумка.

Бѣлинскій высоко цѣнилъ пьесу: «превосходное стихотвореніе» («Соч. Б.», изд. Венгерова, III, 292); «одно изъ лучшихъ стихотвореній Пушкина» по «благородной простотѣ, силѣ, сжатости и поэтической прелести» (ib., IV, 280); «одно изъ величайшихъ созданій геніальнаго Пушкина» (ib., 424); «одно изъ превосходнѣйшихъ созданій Пушкина» (ч. VIII, М., 1860, стр. 412). Кохановская («Степной цвѣтокъ на могилу П—на»—«Русс. Бесѣда» 1859 г., № 5, «Критика», 56—58) указываетъ на данную пьесу какъ на «примѣръ того высокаго посредства поэта, въ какомъ онъ стоитъ въ отношеніи высшихъ убѣжденій и истинъ своего народа. Кто теперь не знаетъ, кто не сочувствуетъ судьбѣ того суроваго жребія, выпавшаго на долю несчастливаго вождя?... Истина великой мысли, положенная въ основу глубоко обдуманнаго замысла, спасшаго великую судьбу русскаго народа и за ней судьбу столькихъ царствъ и народовъ,—двадцать пять лѣтъ эта святая истина никла передъ поверхностными убѣжденіями близорукаго взгляда толпы, передъ однимъ звукомъ чуждаго имени! И даже черезъ двадцать пять лѣтъ, когда поэтъ возвысилъ свой благородный голосъ въ защиту этой непризнанной истины, что сдѣлала толпа — льстивая поклонница не величія дѣлъ и великой мысли, а поклонница одного успѣха? Она обвинила Пушкина въ намѣреніи оскорбить чувство народной гордости и въ стараніи будто бы унизить священную славу Кутузова. Но это всегдашнее дѣло толпы. «Лишь благородный умъ чтитъ образъ благородный». И какъ высоко и благородно является здѣсь дѣло нашего поэта! Оно—заслуга передъ обществомъ. Гуломъ своихъ поэтическихъ стиховъ, своихъ укоровъ, вырывающихся скорбнымъ, высокимъ негодованіемъ, Пушкинъ какъ бы стираетъ наши заблужденія, снимаетъ пятно неблагодарности, лежащее на самой блестящей страницѣ нашей исторіи, и примиряетъ насъ съ духомъ благороднаго чужеземца, оскорбленнаго нами въ годину тяжкихъ испытаній... Вотъ что значитъ не раздѣлять ни убѣжденій, ни стремленій *толпы*, и именно вслѣдствіе того быть великимъ *народнымъ* поэтомъ, вынося на своемъ лицѣ честь и высшую благородную мысль отчизны».

---

764. ТУЧА.

(т. IV, стр. 24).

Бѣловой автографъ, на отдѣльномъ листкѣ, находится въ Имп. Публичной Библіотекѣ; въ немъ (см. ея «Отчетъ» за 1873 г., стр. 53—54; Л. Н. Майковъ, «Матер. для акад. изд. соч. П—на», стр. 274) двѣ поправки — рукою Пушкина въ стихѣ 5 («облегала» вмѣсто «обнимала») и рукою А. А. Краевскаго въ стихѣ 11 («лаская листочки» вмѣсто «колебля вершины»); дата—«13 апрѣля 1835» (см. «Соч. П.», изд. П. В. Анненкова, III, 61). Вторая поправка внесена Краевскимъ по просьбѣ Пушкина (см. выше, пис. № 594); о другомъ автографѣ, намъ неизвѣстномъ, разсказывалъ А. А. Краевскій П. П. Бартеневу («Русс. Арх.» 1892, II, 490). Впервые пьеса появилась въ «Московск. Наблюдателѣ» 1835 г., ч. II, кн. 2, май, стр. 175.

«Пушкинъ—говоритъ В. Ѳ. Саводникъ («Чувство природы въ поэзіи П—на, Лермонтова и Тютчева», М., 1911, с. 71—72)—преимущественно изображалъ природу въ ея спокойные моменты; разгулъ стихійныхъ силъ, полный мрачной красоты, такъ привлекавшей къ себѣ другого поэта

ПРОЭКТЪ МИКѢШИНА.
(*1874*).

и пушкинскаго современника—Тютчева, почти не нашелъ себѣ отраженія въ поэзіи Пушкина, за исключеніемъ трехъ стихотвореній: «Буря» (1825), «Бѣсы» (1830) и «Туча». При этомъ послѣднее стихотвореніе изображаетъ моментъ утиханія бури, пронесшейся надъ землею и омрачившей на время «ликующій день». Этотъ выборъ момента чрезвычайно характеренъ для отношеній Пушкина къ природѣ. Въ противоположность Тютчеву, съ особенной охотой изображавшему картины грозы и бури, тѣхъ безпокойныхъ состояній природы, когда выступаютъ наружу мрачныя силы хаоса, Пушкинъ чувствовалъ болѣе тѣготѣнія къ спокойной красотѣ космоса, не раздираемаго дисгармоническими порывами и борьбой стихійныхъ силъ. Поэзія бури была понятна Пушкину, какъ и поэзія человѣческихъ страстей, которымъ онъ самъ, въ личной жизни, отдалъ такую обильную дань; но едва ли не дороже была его душѣ ясная красота покоя». У Лермонтова и Тютчева природа живетъ отдѣльной отъ человѣка жизнью; у Пушкина ее животворитъ только человѣкъ, безъ котораго она «равнодушна» до бездушія въ сіяніи своей «вѣчной красы» (Ср. П. Ф. Грипевичъ, «А. С. П—нъ»—Сборн. «Русс. Богатства», ч. II, СПб., 1900, стр. 69—70). Пушкинскій пейзажъ немыслимъ безъ человѣка или, по крайней мѣрѣ, безъ его незримаго, но ясно ощущаемаго присутствія и участія.

«Близость къ ходу дѣйствительности—говоритъ Анненковъ («Матеріалы для біогр. П—на», 1855 г., стр. 250)—можетъ быть усмотрѣна и въ такихъ пьесахъ, которыя по глубокому, вдохновенному своему содержанію, кажется, совершенно отдѣляются отъ обычнаго теченія жизни»; однимъ изъ примѣровъ здѣсь названа «Туча». Ѳ. Е. Коршъ (изслѣдованіе о «Русалкѣ», стр. 64) спрашиваетъ: «гдѣ она написана: въ Петербургѣ или въ Михайловскомъ, въ которомъ онъ провелъ часть осени? находится ли она въ связи съ какимъ-нибудь петербургскимъ событіемъ, напр., съ пожалованіемъ ему заимообразно 30 тысячъ рублей, или съ воспоминаніями юности?» (Пушкинъ находился тогда въ Петербургѣ, въ деревню поѣхалъ лишь черезъ мѣсяцъ; см. «Труды и дни П—на», изд. 2-ое, стр. 332, 334). В. П. Гаевскій («О вліяніи Лицея на творчество П—на»—«Въ память 50-лѣтія кончины А. С. П—на», СПб., 1887, стр. 49—50) объясняетъ: «иногда ничтожное обстоятельство или самая обыкновенная мысль воспринимаются творческою силою воображенія и воплощаются въ художественные образы. Пріемы пушкинскаго творчества представляютъ многочисленные къ тому примѣры. Приведу одинъ изъ нихъ, еще неизвѣстный. Въ 1834 г. Пушкинъ писалъ женѣ, изъ Петербурга въ Москву, о семейныхъ дѣлахъ. Письмо было по обыкновенію распечатано на почтѣ и, по совпаденію именъ (?), послужило поводомъ къ новымъ подозрѣніямъ и непріятностямъ. Потребовалось объясненіе, но обвиненія были такъ нелѣпы, что разсѣялись немедленно. Эта набѣжавшая тучка дала мысль для прелестнаго стихотворенія: «Послѣдняя туча разсѣянной бури»... Повидимому, между послѣдствіями письма и стихотвореніемъ не существуетъ никакой внутренней связи, но въ подобныхъ необъяснимыхъ процессахъ мысли и заключается непроницаемая тайна художественнаго творчества». Догадка Гаевскаго не болѣе, какъ догадка. Непріятности 1834 г. изъ-за перлюстраціи писемъ и попытки поэта избавиться отъ высокой опеки отдѣляются отъ «Тучи» слишкомъ длиннымъ промежуткомъ, 8—11 мѣсяцевъ. Догадку П. О. Морозова («Соч. П—на», изд. «Просвѣщ.», II, 555), что стихотвореніе «вызвано, можетъ быть, тревогой по поводу возникшаго дѣла о Гавриліадѣ», надо совсѣмъ отбросить, такъ какъ дѣло о «Гавриліадѣ» было ликвидировано въ 1828 г. и больше не возбуждалось. Намъ кажутся лишними и мелочными всѣ эти розыски того или иного факта; такимъ фактомъ является само по себѣ проявленное въ пьесѣ бодрое и примиренное настроеніе, а причины его могли быть сложны и многообразны. Форма, въ которую это настроеніе вылилось, отчасти объясняется его связью съ другой пьесой, «Аквилонъ» (см. примѣч. къ № 390), на что впервые обратилъ вниманіе Б. Н. Алмазовъ («О поэзіи П—на»—сборн. «Утро», М., 1859, стр. 144—145); сравненіе между ними провелъ Л. П. Поливановъ (см. его изд. «Соч. П.», т. I, изд. 3-е, стр. 161, 389). «Не подлежитъ сомнѣнію—замѣчаетъ Л. Н. Майковъ («Изъ замѣтокъ о П—нѣ»—«Русс. Вѣстн.» 1893, № 2, и «Историко-литерат. очерки», СПб., 1895, стр. 259—265)—что основной мотивъ «Тучи» слѣдуетъ искать въ обстоятельствахъ личной жизни поэта». Сравнивая «Аквилонъ» и «Тучу», Майковъ находитъ, что «въ первомъ нѣтъ той твердой увѣренности въ просвѣтлѣніи, которая такъ ясно выступаетъ въ послѣднихъ стихахъ второй. Кромѣ того, между двумя стихотвореніями есть различіе и въ самыхъ пріемахъ поэта рисовать картину природы: въ «Аквилонѣ» буря изображена дѣйствительно болѣе рѣзкими чертами, чѣмъ въ «Тучѣ»; но въ послѣдней изображеніе ярче, хотя въ то же время отличается поразительной простотой рѣчи. Въ этомъ отношеніи «Туча» представляется однимъ изъ совершеннѣйшихъ образцовъ позднѣйшей поэтической манеры Пушкина». Далѣе Майковъ напоминаетъ о сходствѣ выраженій: «недавно черныхъ тучъ грядой сводъ неба мрачно о б л е г а л с я» (варіантъ) и «ты небо недавно кругомъ о б л е г а л а», и обращаетъ вниманіе на замѣну «колебля вершины» словами «лаская листочки»: «образъ болѣе спокойный, болѣе умѣстный въ картинѣ прекращающейся бури... Въ этой поправкѣ нельзя не видѣть той изумительной внимательности, съ какою великій поэтъ отдѣлывалъ свои произведенія, и какъ заботливо онъ устранялъ изъ нихъ даже мелкія черты, прекрасныя сами по себѣ, но нарушавшія общую гармонію поэтической картины».

«Лирическое произведеніе—говоритъ Бѣлинскій («Раздѣленіе поэзіи на роды и виды», 1841 г.—«Соч. Б.», изд. Венгерова, VI, 70—71)—не есть одно и то же съ музыкальнымъ произведеніемъ, но въ ихъ основной сущности есть нѣчто общее. Въ лирическомъ произведеніи, какъ и во всякомъ произведеніи поэзіи, мысль выговаривается словомъ; но эта мысль скрывается за ощущеніемъ и возбуждаетъ въ насъ созерцаніе, которое трудно перевести на ясный и опредѣленный языкъ сознанія. И это тѣмъ труднѣе, что чисто-лирическое произведеніе представляетъ собою какъ бы картину, между тѣмъ какъ въ немъ главное дѣло не самая картина, а чувство, которое она возбуждаетъ въ насъ... Такова, напр., лирическая пьеса Пушкина «Туча». Сколько есть людей на бѣломъ свѣтѣ, которые, прочтя эту пьесу и не найдя въ ней нравственныхъ апоѳегмъ и философскихъ афоризмовъ, скажутъ: «да что же тутъ т а к о г о?—препустенькая пьеска!» Но тѣ, въ

душѣ которыхъ находятъ свой отзывъ бури природы, кому понятнымъ языкомъ говоритъ «таинственный громъ», и кому «послѣдняя туча разсѣянной бури», которая «одна печалитъ ликующій день», тяжела какъ грустная мысль при общей радости,—тѣ увидятъ въ этомъ маленькомъ стихотворенія великое созданіе искусства». Этотъ «образецъ пушкинскаго созерцанія природы» Бѣлинскій назвалъ, въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина, «живописью въ поэзіи». И. С. Тургеневъ (рецензія на «Записки ружейнаго охотника» С. Аксакова — «Современникъ», т. 37, 1853 г., отд. III, стр. 42 — 43) писалъ: «отношенія этого, по духу своему, дѣйствительно древняго поэта къ природѣ такъ же просты, естественны, какъ у древнихъ, и, при всей смѣлости поэтическихъ образовъ, совершенно здравы. Кто не знаетъ его Тучи?»... Извѣстно, какъ вдохновенно прочиталъ Тургеневъ «Тучу» на московскомъ пушкинскомъ празднествѣ 1880 г. «Чудные стихи эти, всѣми затверженные наизусть съ дѣтства, показались чѣмъ-то новымъ. Такова сила настроенія массы. Стихотвореніе показалось политическимъ, относящимся къ переживаемому времени... Хотѣлъ ли Тургеневъ такого впечатлѣнія, — не знаю, но оно было произведено», разсказываетъ одинъ слушатель (Н. Я. Стечькинъ, «Изъ воспоминаній объ И. С. Т.», СПб., 1903, стр. 29). «Тургеневъ—передаетъ дочь Л. Н. Толстого, Т. Л. Сухотина («Друзья и гости Ясной Поляны»—«Нов. Время», 1908 г., № 11456)—чтобы провѣрить чье-либо художественное чутье, всегда задавалъ вопросъ: «какой стихъ въ пушкинской «Тучѣ» нехорошъ?» Помню, мой отецъ тотчасъ же указалъ на стихъ: «и молнія грозно тебя обвивала», который Тургеневъ и подразумѣвалъ. Тотъ же экзаменъ отецъ сдѣлалъ впослѣдствіи Фету, который также сразу отмѣтилъ тотъ же стихъ». Фетъ высоко цѣнилъ «Тучу» и писалъ о ней («О стихотвореніяхъ Ѳ. Тютчева» — «Русс. Слово», 1859, февр., отд. II, стр. 70 — 71): «въ иныхъ художественныхъ произведеніяхъ мысль такъ тонка и до того сливается съ чувствомъ, что, даже написавши много, трудно высказать ее ясно, что, однако, нисколько не вредитъ богатству содержанія и достоинству цѣлаго. Вспомните «Тучу» Пушкина... Кто не видитъ чудной замкнутости этого образа, не чувствуетъ свѣжести, которою онъ вѣетъ, и не подозрѣваетъ мысли о просвѣтлѣніи, тому я ничего не могу сказать. Нельзя, безумно желать болѣе роскошнаго содержанія».

Пьеса положена на музыку нѣсколькими композиторами, въ томъ числѣ А. Г. Рубинштейномъ, П. Віардо-Гарсіа, Г. Я. Фистулари, Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ (см. «Памяти П-на», сборн. с.-петерб. унив., 1900 г., стр. 99—100, 122; П. В. Анненковъ, «Литерат. воспоминанія», СПб., 1909, стр. 566).

---

765. СЦЕНЫ ИЗЪ РЫЦАРСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

(т. IV, стр. 25).

См. дальше въ примѣчаніяхъ къ прозѣ.

---

766. ПИРЪ ПЕТРА ПЕРВАГО.

(т. IV, стр. 37).

Автографъ пьесы, подъ заглавіемъ «Пиръ Петра Перваго», съ датой «1835» и немногочисленными поправками, сохранился въ собраніи И. И. Куриса (сообщеніе В. И. Саитова); въ немъ интересное начертаніе: «въ Питербурхѣ-городкѣ». П. Б. («Замѣтки для будущихъ издателей П—на»—«Отеч. Зап.», т. 45, 1846 г., «Смѣсь», стр. 111) догадывался, что «въ такой пьесѣ, какъ «Пиръ Петра», гдѣ поэтъ проникнутъ духомъ того времени и заимствуетъ изъ тогдашнихъ письменныхъ памятниковъ слова «Питербургъ-городокъ», не могъ онъ иначе сказать, какъ «ц*а*луетъ» [а не ц*ѣ*луетъ, какъ напечатано], — языкомъ старой, до-Петровской Руси»... «Это — замѣтила редакція — не совсѣмъ справедливо: Пушкинъ всегда и вездѣ писалъ: ц*а*ловать»; въ автографѣ Куриса дѣйствительно читается «ц*а*луетъ». Пушкинъ открылъ этой пьесой, напечатанной безъ подписи, свой «Современникъ» (1836 г., т. 1, стр. 1—3) «какъ будто для показанія важнаго значенія литературы нашей», замѣчаетъ П. В. Анненковъ («Матеріалы для біогр. П—на», изд. 2-ое, стр. 406). «Въ 1836 г., у Жуковскаго — разсказываетъ современникъ (Н. П. Иванцкій, автобіографія—Щукинс. Сборн. VIII, 323)—были субботы. Однажды въ субботу сидѣли у него Крыловъ, Краевскій и еще кое-кто. Вдругъ входитъ Пушкинъ, взбѣшенный ужасно. Что за причина? спрашиваютъ всѣ. А вотъ причина: цензоръ Крыловъ не хочетъ пропустить въ стихотвореніи Пушкина «Пиръ Петра Великаго» стиховъ: «чудотворца-исполина чернобровая жена»... Пошли толки о цензорахъ». Посмертное изданіе воспроизвело пьесу небрежно, на что указываетъ Анненковъ (см. его изд. «Соч. П—на», III, 61); такъ, изъ «*Н*аукъ» были сдѣланы «*п*аукъ», но «въ словѣ «Науки» Пушкинъ имѣлъ въ виду олицетвореніе, и оно уже выходило тогда изъ точнаго смысла простого существительнаго имени».

О какомъ событіи говоритъ Пушкинъ, неизвѣстно,— вѣроятно, объ одномъ изъ примиреній Петра Великаго съ А. Д. Меншиковымъ. Л. Н. Поливановъ («Соч. П—на», т. I, изд. 3-е, стр. 390) напоминаетъ, что указомъ 2 сент. 1724 г. Петръ повелѣлъ «ботикъ въ 30-мъ числѣ августа для торжествованія выводить повсегодно на воду»... По поводу слова «годовщина» въ началѣ 4-ой строфы вспоминается замѣчаніе А. П. Вульфа (сб. Л. Н. Майкова «П—нъ», стр. 185): «я помню, какъ Пушкинъ, въ 28 году, искалъ онаго; мы сбивались на какое-то другое слово, котораго теперь не помню». Однако, оно не разъ встрѣчается у Пушкина (напр., «Бородинская годовщина», «19 октября 1831»). «Библейская» простота выраженія: «родила ль Екатерина»... поражала и восхищала Проспера Мериме, который говорилъ объ этомъ Тургеневу; ср. слова Пушкина о «первобытномъ нашемъ языкѣ» въ письмѣ № 60.

Истинный «человѣкъ благой воли», Пушкинъ понималъ «радость прощенія и смиренія, которыя божественно-человѣчны», «сладость прощенія» (его подлинныя слова—см. «Записки А. О. Смирновой», I, 150, 164). Умирая, онъ сказалъ К. К. Данзасу, своему секунданту и старому товарищу, что «не хочетъ, чтобъ кто-нибудь мстилъ за него, и желаетъ умереть христіаниномъ» (А. Аммосовъ, «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. П—на»,

СПб., 1863, стр. 32). Эту высокую человѣческую черту онъ умѣлъ цѣнить. Мицкевичу, который «намъ сталъ врагомъ», онъ просилъ Бога «возвратить миръ въ озлобленную душу». Нѣтъ, кажется, мѣры преступленію Анджело, но—«Дукъ его простилъ». Николаю I поэтъ напоминалъ: «во всемъ будь пращуру подобенъ... и памятью какъ онъ незлобенъ», и «милость» считалъ однимъ изъ лучшихъ «державныхъ правъ» власти. «Земныхъ властителей ничто не украшаетъ, какъ милосердіе», говорится въ «Анджело». Политическимъ врагамъ, полякамъ, онъ обѣщалъ, что они «народной Немезиды не узрятъ гнѣвнаго лица и не услышатъ пѣснь обиды отъ лиры русскаго пѣвца». Въ Петрѣ Великомъ онъ показалъ не только «Мѣднаго Всадника», аморальнаго сверхчеловѣка, «властелина судьбы»... Его Петръ прекрасенъ не только тогда, когда «ужасенъ», когда онъ «весь какъ Божія гроза», или когда онъ упоенъ побѣдой, но и въ минуты иного торжества, побѣды надъ самимъ собою. «Только одинъ Пушкинъ — говоритъ Гоголь («О лиризмѣ нашихъ поэтовъ»)— могъ почувствовать всю красоту такого поступка. Умѣть не только простить своему подданному, но еще торжествовать это прощеніе какъ побѣду надъ врагомъ,—это истинно божеская черта. Только на небесахъ умѣютъ поступать такъ. Тамъ только радуются обращенію грѣшника еще болѣе, нежели самому праведнику, и всѣ сонмы невидимыхъ силъ участвуютъ въ небесномъ пиршествѣ Бога. Пушкинъ былъ знатокъ и оцѣнщикъ вѣрный всего великаго въ человѣкѣ. Да и какъ могло быть иначе, если духовное благородство есть уже свойственность почти всѣхъ нашихъ писателей?» И Петръ былъ для поэта тѣмъ прекраснѣе, что и свой вѣкъ Пушкинъ называлъ «жестокимъ»: что же говорить о временахъ Петра! Около средины 30-хъ годовъ, вѣрно замѣтилъ Анненковъ («Матеріалы», 381), «повѣствовательная форма сдѣлалась любимой поэтической формой для Пушкина, въ ней заключено качество настоящаго эпоса: строгая мысль, порожденная двойнымъ вдохновеніемъ историческаго и религіознаго свойства». Одинъ изъ плодовъ ея—«Пиръ Петра Перваго».

Бѣлинскій не сразу уразумѣлъ значеніе пьесы. «Отличается бойкостію стиха и оригинальностью выраженія», сказалъ онъ о ней въ 1836 г. («Соч. Б.», изд. Венгерова, III, 2). Нѣсколько лѣтъ спустя онъ взглянулъ на пьесу съ теоретической стороны, какъ на превосходный образецъ «думы», которая «есть тризна историческому событію или просто пѣсня историческаго содержанія; дума почти то же, что эпическая элегія, только она требуетъ непремѣнно народности во взглядѣ и выраженіи» («Соч. Б.», VI, 103). Лишь въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина Бѣлинскій воздалъ должное этой пьесѣ. «Изъ мелкихъ произведеній его болѣе другихъ отличаются присутствіемъ глубокой и яркой мысли, и вмѣстѣ съ тѣмъ національнаго чувства въ истинномъ значеніи этого слова, стихотворенія, посвященныя памяти Петра Великаго... Пушкинъ нигдѣ не является ни столько высокимъ, ни столько національнымъ поэтомъ, какъ въ тѣхъ вдохновеніяхъ, которыми обязанъ онъ великому имени творца Россіи. Эти стихотворенія достойны своего высокаго предмета... Изъ мелкихъ стихотвореній Петру посвящены только двѣ пьесы, — но это перлы поэзіи Пушкина». [Бѣлинскій говоритъ о «Стансахъ» («Въ надеждѣ славы и добра») и затѣмъ о «Пирѣ»]. «Это высокое художественное произведеніе и въ то же время — народная пѣсня. Вотъ передъ такой народностью въ поэзіи мы готовы преклоняться; вотъ это—патріотизмъ, передъ которымъ мы благоговѣемъ» («Соч. Б.», т. VIII, 1860 г., стр. 402 — 404). Германскій критикъ Варнгагенъ-фонъ-Энзе (въ «Iahrbücher f. wissenschaftl. Kritik» 1839 г.) писалъ, значительно опережая русскую критику, что въ этой «покоряющей сердца» пѣснѣ «поэтъ съ мыслью высокой, столько же русской, сколько и общечеловѣческой, воплощаетъ въ могущественнѣйшихъ, трогательнѣйшихъ образахъ торжественный актъ прощенія и примиренія и разсыпаетъ эти образы въ формахъ быстрой, веселой пѣсни. Никогда еще такое духовное благородство и величіе не соединялись такъ счастливо съ высокимъ даромъ музъ, какъ въ этой пѣснѣ. Эта одна пѣсня можетъ служить ручательствомъ, что русская поэзія можетъ смѣло поставить себя на ряду со всякой другою поэзіей, достигшей до высочайшей степени развитія» (перев. М. Н. Каткова—«М. Н. К. о Пушкинѣ», М., 1900, стр. 16).

Пьеса положена на музыку нѣсколькими композиторами, въ томъ числѣ П. П. Сокалькимъ и А. Н. Верстовскимъ, кантаты которыхъ до сихъ поръ не изданы (Петерб. университ. сборникъ «Памяти П—на», 1900 г., стр. 89, 120, 128; М. М. Ивановъ, «П—нъ въ музыкѣ», СПб., 1899, стр. 124—125). Верстовскій для своей кантаты воспользовался Преображенскимъ маршемъ и пѣсней Петровской эпохи «Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ», которую «часто игрывалъ покойному Пушкину, и она приводила его въ восторгъ» (Щукинс. Сборн., IX, 371, 372, 373).

---

767. НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ ЛУКУЛЛА.

(т. IV, стр. 38).

Черновой автографъ пьесы находится въ 2384-ой тетради Румянцевскаго музея, лл. 41_2—42_2 (см. «Русс. Арх.» 1881, III, 472; «Русс. Стар.» 1884, дек., 526). Впервые появилась она въ «Москов. Наблюдателѣ» 1835 г., сент., кн. II, стр. 191—193, но затѣмъ долго не входила въ собранія сочиненій Пушкина и была перепечатываема въ заграничной русской печати («Полярн. Звѣзда» 1856, кн. II, стр. 22—23, Русс. Библіотека» 1858, I, 22 — 24); въ Россіи появилась снова въ «Библіогр. Запискахъ», т. I, 1858 г., ст. 367 — 368. Однако, за появленіе ея въ «Библіогр. Запискахъ» цензоръ Н. ф.-Крузе поплатился выговоромъ (П—нъ и его соврем.» VI, 42—43). Нѣсколько ранѣе П. В. Анненковъ вынужденъ былъ исключить ее, по требованію цензуры, изъ дополнительнаго тома своего изданія сочиненій Пушкина («И. А. Гончаровъ—цензоръ Пушкина»— газ. «Голосъ Земли» 29 января 1912 г., № 20). Лишь начиная съ 2-го изд. Геннади (1870, I, 548 — 550) она стала включаться въ собранія сочиненій Пушкина. Хотя пьеса была напечатана въ сентябрьской книжкѣ журнала, но написана она не въ сентябрѣ, а позже (что видно изъ дальнѣйшаго)—въ октябрѣ—ноябрѣ.

Подзаголовокъ «Подражаніе латинскому» былъ

придуманъ Пушкинымъ для того, чтобы легче обмануть бдительность цензуры. Сообщенію Н. Куликова («Русс. Стар. 1881, августъ, 616) и П. Устимовича («Кончина А. С. П—на», Варш., 1887, стр. 15), что петербургскіе журналы отказались напечатать стихотвореніе, вѣрить невозможно, такъ какъ Пушкинъ не рѣшился бы представить его въ петербургскую цензуру, гдѣ сейчасъ были бы поняты смыслъ пьесы и намѣреніе автора. Написана она была по слѣдующему поводу. Тяжело заболѣлъ графъ Д. Н. Шереметевъ (1803—1871), одинъ изъ богатѣйшихъ людей въ Россіи, и министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ, женатый на его двоюродной сестрѣ, рожден. графинѣ Е. А. Разумовской, заранѣе почувствовавъ себя наслѣдникомъ шереметевскихъ милліоновъ (у Шереметева дѣтей не было), преждевременно и съ чрезвычайною безтактностью принялъ мѣры охраны его имущества. Но Шереметевъ выздоровѣлъ, и Уваровъ оказался въ очень смѣшномъ положеніи. «Здѣсь— писалъ изъ Петербурга 25-го октября 1835 г. кн. П. А. Вяземскій А. И. Тургеневу — пронесся лживый слухъ о смерти богача Шереметева... Въ комитетѣ министровъ кто-то сказалъ qu'il avoit la fièvre scarlatine. «Et vous, vous avez la fièvre de l'attente», сказалъ громогласнымъ голосомъ своимъ Литта, оборотившись къ Уварову, который одинъ изъ наслѣдниковъ Шереметева. Ужъ прямо какъ изъ пушки выпалило» («Остафьевс. Архивъ», III, 277). О поведеніи Уварова много говорили въ Петербургѣ, но особенную огласку получило оно, когда пришла книжка «Московс. Наблюдателя» со стихами Пушкина. 17 января цензоръ А. В. Никитенко внесъ въ свой дневникъ («Записки и дневникъ», изд. 2-ое, I, 270—271): «Пушкинъ написалъ родъ пасквиля на министра народнаго просвѣщенія, на котораго онъ очень сердитъ за то, что тотъ подвергнулъ его сочиненія общей цензурѣ. Прежде его сочиненія разсматривались въ собственной канцеляріи государя, который и самъ иногда читалъ ихъ... Пасквиль Пушкина... напечатанъ въ «Москов. Наблюдателѣ». Онъ какъ-то хвалился, что непремѣнно посадитъ на гауптвахту когонибудь изъ здѣшнихъ цензоровъ... Этой цѣли онъ теперь, кажется, достигнетъ въ Москвѣ, ибо пьеса надѣлала много шуму въ городѣ. Всѣ узнаютъ въ ней, какъ нельзя лучше, Уварова». Спустя три дня Никитенко (ibid) опять записываетъ: «Весь городъ занятъ «Выздоровленіемъ Лукулла». Враги Уварова читаютъ пьесу съ восхищеньемъ, но большинство образованной публики недовольно своимъ поэтомъ. Въ самомъ дѣлѣ Пушкинъ этимъ стихотвореніемъ не много выигралъ въ общественномъ мнѣніи, которымъ, при всей своей гордости, однако, очень дорожитъ. Государь, черезъ Бенкендорфа, приказалъ сдѣлать ему строгій выговоръ». Скандалъ былъ внушительный (см. «Остафьев. Арх.» III, 296; Соч. Н. И. Пирогова, Кіевъ, 1910, II, 542); Автобіографія Н. П. Иванцкаго — «Щукинс. Сборн.», VIII, 262). Несмотря на злорадство враговъ Уварова, поступокъ Пушкина произвелъ впечатлѣніе въ общемъ невыгодное для поэта. «Здѣсь толкуютъ — писалъ 22 января А. М. Языковъ В. Д. Комовскому — о стихахъ Пушкина, напечатанныхъ въ «Наблюдателѣ», и видятъ тутъ намеки на Уварова... Уваровъ все-таки лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ; онъ сдѣлалъ и дѣлаетъ много хорошаго и совсѣмъ не заслуживаетъ, чтобы въ него бросали изъ за угла грязью»... («Историч. Вѣстн.» 1883, дек., 540). Вскользь кольнулъ Пушкина Сенковскій, имѣвшій, впрочемъ

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПРОЕКТЪ ОПЕКУШИНА.

свои расчеты на расположеніе Уварова: берегитесь, неосторожный геній... журнальная полемика самый низкій и отвратительный родъ прозы послѣ риѳмованныхъ пасквилей» («Библ. для Чтенія», т. XV, 1836 г., отд. VI, стр. 69). Особенно же непріятенъ былъ Пушкину высочайшій выговоръ. Что онъ дѣйствительно былъ сдѣланъ Пушкину, въ этомъ нельзя сомнѣваться, но, конечно, не въ видѣ той анекдотической бесѣды, о которой разсказываетъ одинъ современникъ (Н. Куликовъ — «Русс. Стар.» 1881, авг., 616 — 618) будто бы со словъ самого поэта. По этому разсказу (опускаемъ небывало - драматическія подробности) Пушкинъ заявилъ Бенкендорфу, что написалъ стихи не на Уварова. «А на кого же?—На васъ!...—Да развѣ я воровалъ казенныя дрова? — Такъ, стало быть, Уваровъ воровалъ, когда подобную улику принялъ на себя?»... Но въ этомъ анекдотѣ есть нѣкое зерно правды. Сохранилось черновое письмо Пушкина, вѣроятно, къ Бенкендорфу, гдѣ Пушкинъ объясняетъ, что ничьей личности не имѣлъ въ виду, а писалъ вообще «о подлой жадности наслѣдника, во время болѣзни своего родственника опечатывающаго вещи, которыхъ алчетъ», и что не его вина, если публика узнала въ «подлецѣ, который воруетъ казенныя дрова, представляетъ своей женѣ невѣрные счеты, подлипалѣ, который становится нянькой у важныхъ баръ,—знатнаго барина, человѣка богатаго и имѣющаго честь занимать высокій постъ... Права или неправа публика, дѣло не мое. Мое дѣло доказать, что никогда, ни въ какой формѣ, я ни на кого не инсинуировалъ»... Другими словами, Пушкинъ просто повторяетъ тѣ же обвиненія, которыя находятся въ пьесѣ, и смыслъ его «оправданія» тотъ, что если бы все это не было правдой, то молва не примѣняла бы пьесу къ данному лицу. Впрочемъ, нельзя поручиться, что это письмо было перебѣлено и отправлено адресату, и разсказъ Куликова (ср. разсказъ К. И. Фишера — «Истор. Вѣстн.» 1908, январь, 49 — 50) заслуживаетъ довѣрія лишь въ томъ отношеніи, что выговоръ Пушкину былъ сдѣланъ (какъ сообщаетъ и Никитенко), а больше ни въ чемъ (ср. отзывъ Д. П. Ознобишина— «Симбирс. Губернс. Вѣдом.» 1899 г., № 37). «Московс. Наблюдатель», редакцію котораго Пушкинъ «подвелъ», тоже не могъ благодарить поэта. «Нѣтъ ли прижимки твоему журналу со стороны наслѣдника Лукулла? Я знаю, что «Наблюдатель» охаетъ», писалъ Пушкину Д. Давыдовъ 6 апрѣля: издателю его, В. А. Андросову, изъ-за помѣщенія оды Пушкина не удалась ученая карьера (Автобіографія Н. Н. Мурзакевича—«Русс. Стар.» 1887, янв., 43). Непріятную нотацію пришлось Пушкину выслушать отъ князя Н. Г. Репнина (см. выше, пис. №№ 629, 630), который написалъ ему: «геніальный талантъ вашъ принесетъ пользу отечеству и вамъ славу воспѣвая вѣру и вѣрность русскую, а не оскорбленіемъ частныхъ лицъ»... «Не могу не сознаться — отвѣчалъ Пушкинъ,—что мнѣніе вашего сіятельства касательно сочиненій, оскорбительныхъ для чести частнаго лица, совершенно справедливо. Трудно ихъ извинить даже когда они написаны въ минуту огорченія и слѣпой досады; какъ забава суетнаго или развращеннаго ума, они были бы непростительны». Пушкинъ уже раскаивался въ напечатаніи «оды» и пытался смягчить свою вину ссылкой на «минуту огорченія и слѣпой досады». Нельзя не отмѣтить совершенно лживый разсказъ, находящійся въ «Запискахъ А. О. Смирновой» (I, 271), гдѣ въ уста Пушкина вложены слова: «Жуковскій мнѣ говорилъ, что это Бенкендорфъ настроилъ противъ меня Уварова, когда я написалъ стихотвореніе на выздоровленіе Лукулла; я нисколько не мѣтилъ въ Уварова, болѣзнь Шереметева показалась мнѣ благодарнымъ сюжетомъ...» и т. д. Нанесенную столь недостойнымъ образомъ Уварову обиду усилило вмѣшательство въ скандалъ А. Жобара, профессора греческой, французской и латинской словесности въ казанскомъ университетѣ. «Это былъ — говоритъ одинъ изъ знавшихъ его (гр. Д. Н. Толстой — «Русс. Арх.» 1912 г., I, 361) — человѣкъ истинно ученый и замѣчательно энергическій; жаль только, что, выведенный изъ терпѣнія несправедливостью, онъ растратилъ эту энергію на безплодную борьбу съ личностями». Безпощадно прямолинейный, фанатически-честный, Жобаръ столкнулся съ учебной администраціей и самимъ Уваровымъ, который въ 1835 г. даже пытался объявить его сумасшедшимъ и такимъ образомъ обезоружить. Это Уварову не удалось, и Жобаръ возненавидѣлъ его со всѣмъ пыломъ, на который былъ способенъ. Какъ разъ въ это время появилась ода Пушкина и горючимъ масломъ пролилась въ огонь ненависти, которымъ пылала мятежная душа мстительнаго француза. Жобаръ немедля перевелъ ее французскими стихами и послалъ Уварову при язвительномъ письмѣ. Извѣщая Уварова о своемъ намѣреніи напечатать въ Европѣ свой переводъ «со всѣми комментаріями, необходимыми для уразумѣнія текста» этой «изумительной оды», которую Пушкину внушило «особое благоволеніе», оказываемое «сѣвернымъ Меценатомъ—сынамъ Аполлона», Жобаръ ехидно просилъ у Уварова «разрѣшенія» на опубликованіе перевода. Вскорѣ онъ прислалъ его, вмѣстѣ съ копіей письма къ Уварову, Пушкину. Благодаря Жобара, Пушкинъ просилъ его (см. выше, пис. № 635) не опубликовывать перевода: «я жалѣю, что напечаталъ пьесу, которую написалъ въ дурномъ расположеніидуха». Ея появленіе въ печати вызвало недовольство лица, мнѣніе котораго мнѣ дорого, и пренебрегать которымъ было бы съ моей стороны неблагодарностью и безуміемъ»... Жобаръ отвѣтилъ Пушкину, что исполнитъ его просьбу, но напечатаетъ переводъ лишь въ крайности, если не добьется справедливаго рѣшенія по своему дѣлу. При этомъ онъ прислалъ Пушкину экземпляръ «Пасхальнаго яйца», открытаго письма къ Уварову, котораго онъ обвинялъ въ присвоеніи чужихъ ученыхъ трудовъ. Всѣ эти документы Жобаръ усердно распространялъ въ публикѣ; Д. Давыдовъ писалъ Пушкину: «этотъ Жобаръ — злая бестья, ловко доклевавшій журавля, подбитаго соколомъ». По настоянію Уварова Жобаръ былъ вскорѣ высланъ изъ Россіи (Объ его дѣлѣ см. его брошюру «Extrait de mes mémoires sur la Russie», Вѣна, 1854; Е. М. Ѳеоктистовъ, «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. I. Магницкій», стр. 109—123; рукопись Жобара «Mon crime» въ Имп. Публ. Библ. — ея «Отчетъ» за 1903 г., прилож., 104; В. Никольскій, «Жобаръ и П—нъ»— «Русс. Стар.» 1880, іюль, 555—564; пис. гр. Д. Н. Толстого къ гр. М. Д. Бутурлину—«Русс. Арх.» 1912, I, 361).

С. С. Уваровъ, создатель знаменитой формулы «самодержавіе, православіе, народность» (1786—1855), блестящій дилетантъ въ наукѣ, счастливый дѣлатель служебной карьеры, въ двадцать пять

лѣтъ бывшій попечителемъ петербургскаго учебнаго округа, съ 1833 г. (до 1849) министръ народнаго просвѣщенія, въ молодости вращался въ литературныхъ кругахъ, былъ членомъ Арзамасскаго общества и особенно друженъ съ Батюшковымъ. Свои выдающіяся способности Уваровъ принесъ въ жертву служебнымъ успѣхамъ и устроенію денежныхъ дѣлъ; надежды, которыя на него возлагались въ молодости передовыми людьми, быстро разсѣялись, и Уваровъ получилъ опредѣленную репутацію ни предъ чѣмъ не останавливающагося карьериста и пріобрѣтателя. Когда онъ служилъ подъ начальствомъ министра финансовъ Канкрина, А. И. Тургеневъ писалъ о немъ: «всѣхъ кормилицъ у Канкриной знаетъ и дѣтямъ даетъ кашку» («Остаф. Арх.», III, 33,—на это-то и намекаетъ Пушкинъ: «у вельможъ не буду нянчить ребятишекъ»), а впослѣдствіи называлъ его «всѣхъ оподляющимъ» (ib., 334). Кн. П. А. Вяземскій считалъ его «безхарактернымъ, слишкомъ суетнымъ и легкомысленнымъ» («Сочин.», IX, 205; ср. X, 160). А. О. Смирнова («Русс. Арх.» 1882, I, 211) за одну продѣлку (о которой см. также «Дневникъ» Никитенко, I, 358—359) вѣрно назвала его «штукаремъ». Роль Пушкина въ столкновеніи съ нимъ Вл. Соловьевъ («Судьба П—на», СПб., 1898, с. 28—29) правильно оцѣниваетъ: «обличеніе чьихъ-нибудь личныхъ недостатковъ не есть задача поэзіи, хотя бы сатирической... Пушкинъ обличаетъ только частный характеръ министра, и его обличеніе представляетъ скорѣе пасквиль, нежели сатиру... Если ради внѣшней красоты стиховъ можно извинить ихъ написаніе и сообщеніе близкимъ друзьямъ, то обнародованіе ихъ чрезъ напечатаніе въ журналѣ не имѣетъ никакого оправданія».

Ближайшимъ поводомъ къ написанію пьесы кое-кто (М. Деларю — «Русс. Стар.» 1880, авг., 219; Н. Куликовъ, 616) считалъ «выговоръ», будто бы полученный Пушкинымъ за эпиграмму «Въ академіи наукъ»... отъ Уварова, бывшаго ея президентомъ, но самая возможность выговора, въ какой бы то ни было формѣ, со стороны Уварова Пушкину, который не былъ ему подчиненъ, должна быть отвергнута. Причины были иныя, и нерасположеніе къ Уварову въ Пушкинѣ наростало давно и медленно. Во времена «Арзамаса» они, конечно, встрѣчались не разъ у общихъ друзей и знакомыхъ. Впослѣдствіи Пушкинъ былъ свидѣтелемъ безцеремоннаго устроенія Уваровымъ своихъ дѣлишекъ, вызывавшаго въ обществѣ насмѣшки и негодованіе. Если вѣрить Н. И. Гречу («Записки», СПб., 1886, стр. 456), именно отъ Уварова Булгаринъ узналъ о происхожденіи Пушкина отъ «негра, котораго продали въ Кронштадтѣ за бутылку рома»; но, во всякомъ случаѣ, неизвѣстно, дошло ли это до Пушкина. Политикѣ Уварова Пушкинъ сочувствовалъ, и они долго были въ приличныхъ отношеніяхъ. Въ 1831 г. Уваровъ прислалъ Пушкину свой переводъ «Клеветникамъ Россіи» на французскій языкъ (см. выше, пис. № 430); въ 1832 г. возилъ его въ московскій университетъ и представилъ студентамъ: «вотъ само искусство» («Стихотворенія А. Н. Майкова», изд. 3-е, СПб., 1872, ч. III, стр. 199). При выборахъ Пушкина въ Россійскую Академію, 1832 г., Уваровъ подалъ за него свой голосъ (М. Сухомлиновъ, «Ист. Росс. Акад.», VII, 79). Въ 1834 г. Пушкинъ горячо одобрилъ запрещеніе «Московск. Телеграфа», котораго добился Уваровъ, ходатайствовалъ у него за Гоголя (см. выше, пис. № 532) и даже въ концѣ 1836 г., уже считая Уварова «un parfait personnage de mesamis» (см. выше, пис. № 683), снабдилъ своими замѣчаніями записку, которую хотѣлъ ему подать кн. П. А. Вяземскій, чтобы провоцировать его на усиленіе преслѣдованій печати (см. выше, пис. № 691); впрочемъ, разсказъ Н. М. Коншина, что въ январѣ 1837 г. Пушкинъ хотѣлъ писать Уварову или поговорить съ нимъ о мѣстѣ для Коншина («Русс. Арх.» 1877, III, 403) сомнителенъ. Такимъ образомъ, что подтверждается и множествомъ другихъ данныхъ, Пушкинъ не принадлежалъ къ политическимъ противникамъ Уварова, но все-таки чисто-личною нельзя назвать причину недовольства поэта. Въ 1834 г. оно проявилось ясно по слѣдующему поводу. «Я представилъ [Уварову] еще сочиненіе или перевод Пушкина «Анджело». Прежде — записалъ въ апрѣлѣ 1834 г. Никитенко (I, 241, 242) — государь самъ разсматривалъ его поэмы, и я не зналъ, имѣю ли я право цензировать ихъ. Теперь министръ приказалъ мнѣ поступать въ отношеніи къ Пушкину на общемъ основаніи. Онъ самъ прочелъ «Анджело» и потребовалъ, чтобы нѣсколько стиховъ были исключены». Плетневу Никитенко сказалъ по этому поводу: «Напрасно Александръ Сергѣевичъ на меня сердится: я долженъ исполнять свою обязанность, и въ настоящемъ случаѣ ему причинилъ непріятность не я, а самъ министръ». Какъ велико было негодованіе Пушкина, объ этомъ говоритъ запись въ его дневникѣ (см. т. V наст. изд., стр. 450). Въ слѣдующемъ году Уваровъ совсѣмъ лишилъ Пушкина права пользоваться царской цензурой и подвергъ общей (см. «Дѣла III Отдѣленія собств. Е. И. В. Канцеляріи объ А. С. П—нѣ», СПб., 1906, стр. 165—167; выше, пис. № 614). «Исторію Пугачевскаго бунта» онъ считалъ зажигательной книгой (дневникъ Пушкина, l. c.) и въ началѣ 1837 г. совѣтовалъ А. А. Краевскому не имѣть дѣла съ людьми «столь вреднаго образа мыслей, какимъ отличается Пушкинъ» («Русс. Стар.» 1880, іюль, 537—538; см. примѣч. къ № 390). Пушкинъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ не только въ качествѣ литератора, но и въ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ царю; Уваровъ здѣсь являлся тѣмъ придворнымъ льстецомъ, который, по слову нашего поэта, «изъ его державныхъ правъ одну лишь милость ограничитъ». Отместкою министру и была злая «ода».

Когда Пушкина не стало, молва объявила Уварова однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ подготовителей интриги, приведшей поэта къ гибели. Вѣрно ли это, судить невозможно, такъ какъ самая интрига еще не можетъ быть распутана, но, во всякомъ случаѣ, и Уваровъ сохранилъ до гроба ненависть къ памяти Пушкина, и общественное мнѣніе считало его однимъ изъ моральныхъ виновниковъ смерти поэта. Услышавъ, въ 1839 г., что Уваровъ впалъ въ немилость (слухъ былъ невѣренъ), Гоголь писалъ Д. П. Шевыреву: «кажется, мстительная тѣнь Пушкина вмѣшалась въ это дѣло и, защищая за гробомъ любезныя ей права литературы и просвѣщенія, наконецъ настигла преслѣдуемаго неизбѣжно ею хищника» («Пис. Гоголя», I, 603). Уваровъ присутствовалъ на отпѣваніи тѣла Пушкина, что на нѣкоторыхъ произвело хорошее впечатлѣніе («смерть—примиритель», замѣчаетъ А. И. Тургеневъ—«П—нъ и его соврем.», VI, 68), а на другихъ—противоположное; Бартеневъ слышалъ, что онъ въ церковь «явился «блѣдный и самъ не свой, и отъ

него сторонились» («Русс. Арх.» 1888, II, 297). Въ то же время онъ (впрочемъ, здѣсь видна также рука самого Николая Павловича) былъ, по выраженію Никитенки (I, 284), «очень занятъ укрощеніемъ громкихъ воплей по случаю смерти Пушкина», дѣлалъ выговоры журналистамъ за сочувственные некрологическіе отзывы о Пушкинѣ (Никитенко, I, 285; «Русс. Стар.» 1880, іюль, 537) и приказалъ цензурѣ поддерживать въ нихъ «надлежащую умѣренность и тонъ приличія» («Щукинс. Сборн.» I, 298; II, 305), не разрѣшилъ, между прочимъ, напечатать стихотвореніе молодого Я. К. Грота на смерть Пушкина (Я. Гротъ, «П—нъ, его лицейс. товарищи и наставники», изд. 2-ое, стр. 288—289). Въ слѣдующемъ году справлялся юбилей И. А. Крылова, и Жуковскій, разсказываетъ Гречъ («Записки», 503), «чуть не разссорился съ Уваровымъ. Въ рѣчи своей на юбилеѣ Жуковскій упомянулъ съ теплымъ участіемъ о Пушкинѣ... Уваровъ приказалъ подать къ себѣ изъ цензуры, въ рукописи, всѣ статьи о юбилеѣ Крылова и исключилъ изъ нихъ слова Жуковскаго о Пушкинѣ. Жуковскій жестоко вознегодовалъ на это и настоялъ на томъ, чтобы рѣчь его была напечатана вполнѣ». Однако, кое-чѣмъ тутъ Жуковскому пришлось поступиться: «будетъ это истолковано дурно, ибо говорится о Пушкинѣ», писалъ онъ кн. В. Ѳ. Одоевскому («Русс. Стар.» 1904, іюль, 152). Однажды (1842 г.) И. И. Давыдовъ, котораго Уваровъ назвалъ «русскимъ Вильменомъ», въ одномъ обзорѣ русской литературы не упомянулъ Пушкина; эта выходка «русскаго Вильмена» очень понравилась Уварову (Никитенко, I, 321). Но въ другихъ случаяхъ Уваровъ любилъ щегольнуть «справедливостью» къ памяти врага, и зная, какъ цѣнилъ талантъ Пушкина Николай Павловичъ, онъ докладывалъ царю (1839), что Хомяковъ «могъ бы одинъ идти по стопамъ Пушкина», отъ котораго отличается, впрочемъ, «глубокимъ религіознымъ чувствомъ» («Русс. Арх». 1885, III, 159).

---

768. ВНОВЬ Я ПОСѢТИЛЪ...

(т. IV, стр. 38).

Несмотря на то, что Пушкинъ занимался этой пьесой, повидимому, долго, она не получила совершенной отдѣлки и дошла до насъ въ черновыхъ автографахъ. Два находятся въ Румянцевскомъ музеѣ, одинъ—въ тетради № 2377, л. 12, отъ «Вновь я посѣтилъ»... до «И обо мнѣ вспомянетъ»..., съ датой: «29 сентября 1835» (снимокъ одной страницы этой рукописи см. въ альбомѣ В. П. Острогорскаго «П—скій уголокъ», М., 1899, при стр. 14); другой—въ тетради № 2384, лл. 30_2—31_2, 39_1—40_1, болѣе исчерканный и болѣе полный («Русс. Стар.» 1884, окт., 87; дек., 526). Третій автографъ, сильно исчерканный и посвященный воспоминаніямъ о нянѣ (соотвѣтствуетъ строкамъ 15—17 принятой въ печати редакціи), написанъ на клочкѣ бумаги, гдѣ тутъ же набросанъ черновикъ письма къ гр. Е. Ф. Канкрину отъ 23 октября 1835 г. (И. А. Шляпкинъ, «Изъ неизд. бумагъ П—на», стр. 41—43). Вѣроятно это стихотвореніе упоминаетъ Пушкинъ въ одномъ спискѣ подъ названіемъ «Сосны» («Русс. Стар.» 1884, окт., 85). Пушкинъ не успѣлъ сочетать осуществленныя имъ части замысла, но онъ уже приступилъ къ этой работѣ, и, напримѣръ, третій автографъ представляется какъ бы поглощеннымъ первымъ. И. А. Шляпкинъ (l. c.) даже предположилъ, что «первоначально, хотя и связно, но совершенно самостоятельно были три темы: воспоминанія о прошлой михайловской жизни и настроеніи, о нянѣ и затѣмъ картина озера и трехъ сосенъ». Предположеніе это, конечно, неосновательно, такъ какъ черновики не указываютъ на подобную раздѣльность, психологически къ тому же невѣроятную. П. О. Морозовъ высказалъ заслуживающую полнаго довѣрія догадку («Соч. П.», изд. «Просвѣщ.», II, 560), что къ тому же плану принадлежитъ еще одинъ набросокъ, находящійся также въ 2384-й тетради Румянцевскаго музея, л. 23_1: «Я возмужалъ»... (впервые напечат. въ «Русс. Стар.» 1884 г., дек., 523; въ настоящ. изд. № 789,—т. IV, стр. 51), представляющій собою, очевидно, попытку продолженія пьесы; по внутреннему значенію онъ является примирительнымъ, какъ это всегда бываетъ у Пушкина, аккордомъ послѣ звуковъ скорби и досады, въ которыхъ еще «кипятъ горькія чувства». Общая неотдѣланность видна, между прочимъ, и въ неравномѣрности длины стиховъ (изслѣдованіе Ѳ. Е. Корша о «Русалкѣ», стр. 53—54). Въ настоящемъ изданіи, какъ и въ другихъ, за основной текстъ принята редакція 2377-ой тетради; варіанты см. въ исторіи текста.

Пьеса была напечатана впервые послѣ смерти Пушкина въ V т. «Современника», 1837 г., стр. 320—322, подъ произвольнымъ заглавіемъ «Отрывокъ», вслѣдъ за двумя другими пьесами («Лицейская годовщина 1836» и «Молитва») подъ общей рубрикой: «Послѣднія три стихотворенія А. С. Пушкина», кончая словами: «И обо мнѣ вспомянетъ»... и съ измѣненіями, внесенными, должно быть, Жуковскимъ. Послѣднихъ еще больше въ посмертномъ изданіи «Сочин. П.», т. IX, стр. 240—242, на что указалъ П. В. Анненковъ (см. его изд., III, 62—63), помѣстившій пьесу (ib., 52—54) подъ 1835 г. (прежде она печаталась безъ датировки), сообщившій (т. I, стр. 115—116) послѣдніе стихи (отъ «Въ разны годы»... до «И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства») и повторившій заглавіе «Опять на родинѣ» (см. I, 392), данное оглавленіемъ посмертн. изданія.

Хронологія пьесы опредѣляется датой, поставленной самимъ Пушкинымъ «26 сентября 1835». Она возбудила сомнѣнія В. Е. Якушкина, который читаетъ не «1835», а «1833» («Русс. Стар.» 1884, окт., 87; дек., 525), хотя Анненковъ въ этой самой рукописи читалъ «5», а не «3» (его изд., I, 223, 392; III, 61—62), а положеніе набросковъ въ 2384-ой тетради говоритъ скорѣе за 1835-й годъ. Всего же важнѣе въ хронологическомъ отношеніи (у автора можно было бы допустить описку въ датѣ) то, что въ 1833 г. Пушкинъ не былъ въ Михайловскомъ, которое описываетъ въ пьесѣ, а въ 1835 былъ, и лишь днемъ раньше (25 сентября) писалъ женѣ прозой почти то же, о чемъ говоритъ въ стихахъ: «въ Михайловскомъ нашелъ я все постарому, кромѣ того, что нѣтъ ужъ въ немъ няни моей, и что около знакомыхъ старыхъ сосенъ поднялась во время моего отсутствія молодая сосновая семья, на которую досадно мнѣ смотрѣть, какъ иногда досадно мнѣ видѣть молодыхъ кавалергардовъ на балахъ, на которыхъ уже не пляшу. Но дѣлать нечего; все кругомъ меня говоритъ, что я старѣю»... Слова Пушкина: «ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ»—окончательное подтвержденіе 1835 г. П. А. Плетневъ говорилъ, что эти

стихи «въ послѣдній разъ написаны имъ въ деревнѣ» («Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», I, 201, 232).

«Для вдохновенья нужно сердечное спокойствіе, и я не спокоенъ», объяснялъ тогда Пушкинъ свое настроеніе въ одномъ письмѣ изъ деревни къ Плетневу. Матеріальныя дѣла его были запутаны, цензура явно придиралась къ нему; даже въ деревнѣ, на досугѣ, ему не писалось, хотя онъ разсчитывалъ, что эта осень поможетъ ему осуществить нѣсколько творческихъ намѣреній, давно лелѣянныхъ. Мысль его могла сосредоточиться и нѣсколько успокоиться только на воспоминаніяхъ о пережитомъ здѣсь когда-то. Пьеса чрезвычайно важна въ біографическомъ отношеніи. Она проливаетъ свѣтъ не только на михайловскіе два года жизни поэта, но и на исторію его пребыванія на югѣ (см. изд. Анненкова, I, 115). Въ его жалобѣ на «дружбу заплатившую обидой за жаръ души довѣрчивой и нѣжной» мы усматриваемъ намекъ на Александра Раевскаго (см. примѣч. № 394). Въ относящемся къ этому мѣсту варіантѣ Пушкинъ говоритъ о привезенномъ изъ Одессы грузѣ, тяготившемъ душу: «и ненависть, и грезы мести бурной»... (сравн. «Все въ жертву памяти твоей»..., 1825 г., гдѣ упоминается «мщенье, бурная мечта ожесточеннаго страданья»),—«но здѣсь меня таинственнымъ щитомъ прощеніе святое осѣнило, поэзія, какъ ангелъ утѣшитель, спасла меня»... Строки, въ которыхъ говорится объ ошибкахъ молодости, свидѣтельствуютъ о покаянномъ чувствѣ, не утратившемъ всей своей остроты даже въ воспоминаніяхъ окончательно созрѣвшаго человѣка (ср. «Воспоминаніе», 1828 г.). Теплымъ, благодарнымъ словомъ вспомнилъ Пушкинъ Арину Родіоновну (см. примѣч. № 516). Ландшафтъ, описанный Пушкинымъ, конечно, не измѣнился, но воспѣтыя имъ придорожныя сосны не сохранились. А. И. Тургеневъ («П—нъ и его соврем.», VI, 73, 82) надѣялся, что онѣ «для русскихъ будутъ то же, что дерево Тасса надъ Ватиканомъ для Италіи и для всей Европы», но беззаботность и невѣжество расправились съ старыми знакомками Пушкина. Ихъ, кромѣ ихъ «угрюмаго товарища», видѣлъ въ 1859 г. К. Тимоѳеевъ («Ж. М. Н. Пр.» 1859, т. 103, «Могила П—на и с. Михайловское»), но послѣ того онѣ простояли недолго. Печальный, обнаженный остовъ одной изъ нихъ еще торчалъ въ 80-хъ годахъ, а потомъ и онъ былъ снесенъ, и лишь небольшой обрубокъ его хранится въ Михайловскомъ (см. «Соч. П.», изд. Л. Поливанова, I, изд. 3-е, стр. 392; «Нива» 1913, № 26, стр. 510, 511) и въ Пушкинскомъ музеѣ при Александровскомъ Лицеѣ (см. дальше въ концѣ примѣчаній).

Всегдашняя доброта и благожелательство Пушкина вполнѣ выразились и здѣсь, въ этой мысли о «внукѣ», тамъ близко сходящейся съ давно высказаннымъ пожеланіемъ: «пусть у гробового входа младая будетъ жизнь играть»... Однажды онъ утѣшалъ Плетнева: «жизнь все еще богата, мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомцевъ, новые созрѣютъ намъ друзья... Мы будемъ старые хрычи, жены наши—старыя хрычовки, а дѣтки будутъ славные, молодые, веселые ребята; мальчики станутъ повѣсничать, а дѣвчонки сентиментальничать, а намъ то и любо» (пис. 22 іюля 1831 г.).

«Удивительная простота—говоритъ объ этой пьесѣ Гоголь («Русс. Стар.» 1909, мартъ, 469)—и такая тихая и вмѣстѣ глубокая грусть, что я даже не въ силахъ былъ переписать; мнѣ такъ сдѣлалось грустно». Плетневъ находилъ въ ней «чувства довольства, спокойствія и созерцательности» («Переписка Я. Грота съ Плетн.», I, 212). Бѣлинскій («Соч.», ч. VIII, 1860 г., стр. 412) причислилъ ее къ лучшимъ посмертнымъ произведеніямъ Пушкина; Д. Н. Овсянико-Куликовскій («П—нъ», Спб., 1909, стр. 205) называетъ «однимъ изъ величайшихъ созданій міровой лирики». К. Д. Бальмонтъ чутко обратилъ вниманіе на звуковую изобразительность словъ: «знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ меня привѣтствовалъ» (примѣч. къ перев. «Соч. Шелли», т. I, 1903 г., стр. 472) и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ («Вѣтеръ»—газ. «День» 1914 г., № 94).

---

769. КОГДА ВЛАДЫКО АССИРІЙСКІЙ...

(т. IV, стр. 39).

Есть три черновые автографа этой пьесы. Одинъ, съ котораго она воспроизведена здѣсь, находится въ 2384-ой тетради Румянцевскаго музея, л.л. 43-об.—44; на немъ помѣта: «9 ноября». Другой, на листкѣ съ клеймомъ 1834 г., находится въ академіи наукъ, въ майковскомъ собраніи рукописей Пушкина (см. «Пушк. и его соврем.», IV, 17). Третій, на бумагѣ также съ клеймомъ 1834 г.,—въ парижскомъ собраніи А. Ѳ. Онѣгина (см. ibid., XII, 19—20); послѣдній представляетъ собою черновикъ продолженія пьесы. Положеніе перваго автографа въ музейной тетради и клеймо 1834 г. на бумагѣ двухъ другихъ автографовъ позволяютъ датировать пьесу 1835 годомъ. Впервые появилась она, безъ всякаго хронологическаго пріуроченія, въ «Матеріалахъ» Анненкова («Соч. П.», т. I, 1855 г., стр. 388), какъ одинъ изъ примѣровъ переработки художникомъ изученныхъ литературныхъ матеріаловъ: «пораженное воображеніе его крѣпло и пріобрѣтало особенную мощь вмѣстѣ съ ходомъ его направленія и по мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ него». Въ обоихъ изданіяхъ Г. Н. Геннади стихотвореніе напечатано подъ рубрикою «неизвѣстныхъ годовъ». П. А. Ефремовъ, давшій ему произвольное заглавіе «Юдиѳь», во всѣхъ своихъ изданіяхъ отнесъ его къ 1832 г., П. О. Морозовъ—въ изд. Литерат. фонда также, но въ изд. «Просвѣщенія» перенесъ его въ 1835 г.; Ефремовъ («Сочин. П.», т. VIII, 1905 г., 345) съ этимъ согласился.

Эти стихи, говоритъ Ю. Айхенвальдъ («П—нъ», М., 1908, стр. 19—20), «такъ сильны, что ихъ можно трепетать какъ живого существа,—и точно выковалъ ихъ молотъ Гефеста... Замокъ—непокорный, имъ замкнуты тѣсныя врата, грозится высота: все это сильное, еще усиленное аллитераціями, въ то же время не достигнуто преднамѣренно какими-нибудь внѣшними пріемами и не разсчитано на эффектъ».

Пушкинъ взялся за обработку сюжета, излюбленнаго эпиками всевозможныхъ вѣковъ и народовъ,—подвига еврейской героини Юдиѳи, о которомъ разсказывается въ библейской «Книгѣ Іудиѳи». Русскій поэтъ не пошелъ дальше изображенія страха евреевъ, осады крѣпости и смущенія осаждающихъ (IV гл. «Книги Іудиѳи»), но нѣтъ сомнѣнія, что его нравственное сочувствіе было на сторонѣ Юдиѳи; онъ самъ создалъ образъ русской женщины, которая задумала «явиться въ французскій лагерь, добраться до Наполеона и тамъ убить его изъ своихъ рукъ» (т. IV настоящ. изд., стр. 250; ibid., 559, ст. С. А. Венгерова).

Тотъ же сюжетъ использованъ Л. А. Меемъ въ поэмѣ «Юдиѳь», первая глава которой посвящена также описанію осады крѣпости.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на рѣдкое въ художественной литературѣ слово «раскаты»—фортификаціонный терминъ; Пушкинъ употребилъ его въ лицейскомъ посланіи къ Юдину, въ описаніи сраженія; въ «Полтавѣ» упоминаются «Бендеръ пустынные раскаты» (см. Ѳ. Е. Коршъ, изслѣдованіе о «Русалкѣ», стр. 55—56). Раскатъ, по объясненію Даля, плоская насыпь или помостъ подъ валомъ крѣпости для постановки пушки.

---

770. Я ДУМАЛЪ, СЕРДЦЕ ПОЗАБЫЛО...

(т. IV, стр. 40).

Пьеса извѣстна въ двухъ автографахъ. Одинъ находится въ 2384-й тетради Румянцевскаго музея, л. 58-об.; онъ воспроизведенъ въ настоящемъ изданіи. Другой находится въ академіи наукъ, въ майковскомъ собраніи рукописей Пушкина; по словамъ описанія («П—нъ и его соврем.», IV, 29—30), въ немъ, такъ же, какъ въ музейномъ автографѣ, есть неоконченный набросокъ третьей строфы. Вѣроятно, съ этого автографа пьесу напечаталъ впервые Анненковъ («Соч. П—на» 1855 г., I, 212, восемь стиховъ) и замѣтилъ, что она «можетъ быть, относится» къ осени 1828 г. Г. Н. Геннади печаталъ ее подъ рубрикой произведеній «неизвѣстныхъ годовъ» (съ датой: «1828?»), П. А. Ефремовъ во всѣхъ своихъ изданіяхъ датировалъ ее 1828 г., безъ всякихъ оговорокъ; П. О. Морозовъ въ изданіи Литерат. фонда—также, но въ изд. «Просвѣщ.» (II, 205, 558) перенесъ въ 1835 г. «по содержанію тетради, въ которой она записана (Моск. Муз.)». Анненковъ не обратилъ вниманія на то, что отнесенный имъ къ 1828 г. набросокъ написанъ на бумагѣ съ клеймомъ 1830 г. Осторожнѣе будетъ датировать его 1833—1835 гг., такъ какъ въ музейной тетради есть стихи, могущіе быть относимыми къ болѣе раннему времени (о продолженіи «Онѣгина»). Не первый разъ признается поэтъ, какую власть имѣетъ надъ нимъ женская красота: «Могу ль на красоту взирать безъ умиленья, безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья»... (см. въ IV т. ст. «Донъ-Жуанскій списокъ» и примѣч. къ №№ 527, 689, 727).

---

771. О БѢДНОСТЬ! ЗАТВЕРДИЛЪ Я НАКОНЕЦЪ...

(т. IV, стр. 40).

Съ карандашнаго автографа Пушкина, находящагося въ 2384-й тетради Румянцевскаго музея, л. 58-об., набросокъ впервые напечатанъ П. И. Бартеневымъ въ «Русс. Арх.» 1882 г., I, 226. Другой черновой автографъ этихъ же стиховъ находится въ парижскомъ собраніи А. Ѳ. Онѣгина и, какъ видно изъ описанія послѣдняго («Пушк. и его соврем.», XII, 11—12), почти совпадаетъ по содержанію съ наброскомъ Румянцевскаго музея. Только третій стихъ полонъ; прибавлено обращеніе къ бѣдности: «властелинъ враждебный». Не зная, что набросокъ уже напечатанъ П. И. Бартеневымъ, В. Е. Якушкинъ напечаталъ его, какъ новинку, въ «Русс. Стар.» 1884 г., декабрь, 528. П. И. Бартеневъ предположилъ, что это—начало стиховъ, предназначавшихся для импровизатора въ «Египетскихъ ночахъ»; къ его предположенію присоединился П. О. Морозовъ («Сочин. П.», изд. Лит. фонда, IV, 405; изд. «Просвѣщ.», V, 639). П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина (Суворина, т. II, стр. 374) отвергъ это предположеніе, отдѣлилъ набросокъ отъ черновиковъ «Египетскихъ ночей» и не согласился съ А. Ѳ. Онѣгинымъ, предложившимъ отнести его къ началу двадцатыхъ годовъ (ibid., VIII, 371). У Ефремова, а также въ «Трудахъ и дняхъ Пушкина», изд. 2-ое, стр. 347, онъ датированъ 1835 г. на основаніи положенія его въ тетради Румянцевскаго музея. Онѣгинскій черновикъ, повидимому, не даетъ никакихъ основаній для той или иной датировки.

Какъ извѣстно, за нѣсколько часовъ до поединка съ Дантесомъ Пушкинъ послалъ Пушмовой книгу «The poetical works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall», изданную въ 1829 г. въ Парижѣ, изъ которой просилъ перевести для «Современника» нѣсколько отмѣченныхъ въ концѣ ея карандашемъ драматическихъ пьесъ Корнуоля. Пушмова исполнила просьбу-завѣщаніе поэта, и въ VIII томѣ «Современника», вышедшемъ въ ноябрѣ 1837 г., появились (стр. 75—175) переведенные ею «Драматическіе очерки» Корнуоля: «Лудовикъ Сфорца», «Любовь излеченная снисхожденіемъ», «Средство побѣждать», «Амелія Уентуортъ» и «Соколъ».

Послѣдняя пьеса начинается длиннымъ монологомъ героя (Фредериго): «О бѣдность! Пойму ли я наконецъ твой горькій урокъ! Ты, имѣющая такъ много власти надъ этой прекрасной землей, ты, суровая противница утѣшительнаго довольства, ты, нарушительница сна, скажи, что сдѣлалъ я тебѣ, что ты такъ жестоко преслѣдуешь меня?»... и т. д. (стр. 156, курсивъ нашъ). О «случайномъ» совпаденіи говорить, конечно, не приходится; ясно, что набросокъ Пушкина есть попытка перевести начало монолога Фредериго. Такимъ образомъ, нельзя не признать, что Ефремовъ былъ правъ, отрицая связь наброска съ «Египетскими ночами», и къ двумъ пьесамъ, созданнымъ Пушкинымъ подъ вліяніемъ Корнуоля («Пью за здравіе Мери»... и «Я здѣсь, Инезилья»...), нужно прибавить еще одну.

---

772. ВЕЗУВІЙ ЗѢВЪ ОТКРЫЛЪ...

(т. IV, стр. 40).

Два незавершенные, исчерканные наброска пьесы находятся въ 2374-ой тетради московскаго Румянцевскаго музея, л.л. 18_2 и 19_1 (см. «Русс. Стар.» 1884 г., февр., 422; сент., 643). Внѣшность черновиковъ обнаруживаетъ ту манеру Пушкина, которую мѣтко опредѣлила гр. Е. П. Ростопчина въ одномъ письмѣ къ Дюма («Русс. Стар.» 1882, сент., 617): «Пушкинъ весь порывъ; у него все прямо выливается; мысль исходитъ или, скорѣе, извергается изъ его души, изъ его мозга во всеоружіи съ головы до ногъ; затѣмъ онъ все передѣлываетъ, исправляетъ, подчищаетъ, но мысль остается та же, цѣльная и точно опредѣленная... П—нъ давалъ себѣ отчетъ въ ходѣ и

совокупности даже и самой маленькой изъ его отдѣльныхъ пьесъ». Нѣсколько первыхъ стиховъ напечаталъ П. В. Анненковъ въ «Матеріалахъ для біогр. П—на», изд. 1855 г., стр. 354. Затѣмъ они появились въ обоихъ изданіяхъ Г. Н. Геннади, подъ рубрикою «неизвѣстныхъ годовъ». П. А. Ефремовъ во второмъ своемъ изданіи (1882 г., III, 470) привелъ еще нѣсколько стиховъ и во всѣхъ трехъ изданіяхъ датировалъ ихъ 1835 г., что повторилъ П. О. Морозовъ въ обоихъ своихъ изданіяхъ. Намъ кажется, что скорѣе можно отнести наброски къ 1834 г. Тетрадь, въ которой они находятся, даетъ право на такую датировку, а сами стихи написаны подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ картины К. П. Брюллова «Послѣдній день Помпеи», бывшей петербургской «злобою дня» въ августѣ—сентябрѣ 1834 г. «Знаменитая картина г. Карла Брюллова, «Послѣдній день Помпеи», уже около двухъ недѣль привезена въ Петербургъ... Говорятъ, что она будетъ въ непродолжительномъ времени выставлена для публики» («С.-Пет. Вѣдом.» 12 авг. 1834 г., № 187). 17 августа 1834 г. въ «Сѣв. Пчелѣ», № 184, появилась статья В. В. В. о картинѣ, а въ слѣдующемъ № былъ напечатанъ переводъ извѣстнаго письма Плинія Младшаго къ Тациту о гибели Помпеи, съ замѣчаніемъ: «нынѣ всѣ занимаются участью Помпеи, всѣ толкуютъ о происшествіи, изображенномъ мастерскою кистію Брюллова». Августомъ 1834 г. помѣтилъ Гоголь свою статью о картинѣ. Вѣроятно, тогда же видѣлъ ее и Пушкинъ.

Написанная въ Италіи въ 1830—1833 гг. и нынѣ находящаяся въ петербургскомъ музеѣ Александра III огромная картина Брюллова, богатая колоритомъ и эффектами освѣщенія, но мелодраматическая по композиціи и напыщенная по настроенію, въ свое время производила сильное впечатлѣніе. Гоголь называлъ ее «свѣтлымъ воскресеніемъ живописи», «полнымъ, всемірнымъ созданіемъ». Герценъ («Соч.», изд. Павленкова, VI, 26) считалъ ее «высочайшимъ произведеніемъ русской живописи». Е. А. Боратынскій сказалъ Брюллову: «былъ послѣдній день Помпеи для русской кисти первый день» («Русс. Арх.» 1893, I, 313). Болѣе сдержанно отнеслись къ ней В. А. Жуковскій (см. «Р. Стар.» 1880, янв., 189—191), маркизъ Кюстинъ («La Russie en 1839», 6-me éd., t. IV, P., 1843, p. 292). Еще И. Е. Рѣпинъ («Воспоминанія»..., СПб., 1901, стр. 30, 77) воспитывался подъ вліяніемъ брюлловскихъ традицій, но въ 60-хъ годахъ авторитетъ Брюллова былъ сокрушенъ главнымъ образомъ Стасовымъ: «къ этому времени — говоритъ Рѣпинъ — у насъ прозрѣлъ вкусъ національный; общество жаждало правды выраженія, искренности вдохновенія художниковъ и самобытности; малѣйшая традиція общеевропейской школы итальянизма претила русскому духу». Русской славѣ картины предшествовала заграничная. Въ 1833 г. комитетъ общества поощренія художниковъ издалъ брошюру «Собраніе описаній картины Карла Брюллова «Послѣдній день Помпеи», составленную В. П. Лангеромъ изъ отзывовъ итальянскихъ цѣнителей (см. Н. Соловьевъ, «В. Лангеръ»—«Стар. Годы» 1912, янв.). Извѣстный богачъ А. Н. Демидовъ, по заказу котораго была написана картина, писалъ художнику, изъ Петербурга, 12 сент. 1834 г., что она «вначалѣ удостоилась лучшаго одобренія государя императора, потомъ отличныхъ особъ, художниковъ и любителей изящнаго и, наконецъ, самой публики здѣшней столицы... Всѣ умы здѣшнихъ жителей въ продолженіе полутора мѣсяца были заняты однимъ только сужденіемъ о ней, и талантъ вашъ превознесенъ до невѣроятія» («Архивъ Брюлловыхъ», СПб., 1900, стр. 150—151). Пушкинъ, который вообще высоко ставилъ Брюллова (объ ихъ отношеніяхъ см. нашу ст. «Лже-Брюлловскій портретъ П — на» — «Русс. Стар.» 1911, дек., и примѣч. къ № 777), былъ въ восторгѣ отъ картины. Свою мысль (въ черновой редакціи статьи о стихотвореніяхъ Теплякова), что «талантъ не воленъ, и его подражаніе не есть постыдное похищеніе, признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои собственныя силы, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія, или чувство въ смиреніи своемъ еще болѣе возвышенное, желаніе изучить свой образецъ и дать ему вторичную жизнь»,— Пушкинъ иллюстрировалъ примѣромъ Брюллова, который, «усыпляя свою творческую силу, съ пламеннымъ и благороднымъ подобострастіемъ списывалъ Аѳинскую школу Рафаеля, — а между тѣмъ въ головѣ его уже шаталась поколебленная Помпея, кумиры падали, народъ бѣжалъ по тѣсной улицѣ, чудно освѣщенной Волканомъ»... Уже давно поэтъ позавидовалъ одному изъ своихъ пріятелей: «счастливецъ! онъ видѣлъ и Римъ, и Везувій» (пис. № 164). Въ черновикѣ «Осени» (см. т. III наст. изд., стр. 87) упоминается «дымъ Везувія», который мечталъ увидѣть Пушкинъ.

---

773. ПОЭТЪ ИДЕТЪ... ОТКРЫТЫ ВѢЖДЫ...

(т. IV, стр. 40).

Исчерканный набросокъ находится въ 2384-ой тетради Румянцевскаго музея, л. 43_1, и впервые былъ напечатанъ въ «Русс. Архивѣ» 1882, I, 226, П. И. Бартеневымъ, который рѣшилъ, что это— отвѣтъ импровизатора («Египетскія ночи») на тему, данную ему Чарскимъ: «поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсенъ, толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ»... Тутъ Пушкинъ, вѣроятно, намѣренъ былъ вставить «пылкіе стихи» импровизатора, «вольно переданные однимъ изъ нашихъ пріятелей со словъ, сохранившихся въ памяти Чарскаго»... П. А. Ефремовъ (см. его изд. «Сочин. П.», 1882 г., IV, 487) склоненъ былъ видѣть въ наброскѣ «первообразъ» стиховъ «Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва»..., относящихся къ «Родословной моего героя», а въ слѣдующемъ своемъ изданіи (Суворина, т. V, 1903 г., стр. 76) готовъ былъ присоединиться къ мнѣнію Бартенева, равно какъ и П. О. Морозовъ (изд. «Просвѣщ.», т. V, 1904 г., стр. 637). Не зная, что набросокъ извѣстенъ, А. И. Незеленовъ опубликовалъ его, какъ новость, въ «Историч. Вѣстн.» 1889, мартъ, 681—682. Ефремовъ напечаталъ его въ своемъ послѣднемъ изданіи (т. II, 1903 г., стр. 374), какъ особую пьесу подъ 1835 г., а П. О. Морозовъ (изд. «Просвѣщ.», IV, 1904 г., стр. 366—367) въ числѣ варіантовъ «Родословной моего героя». Это безусловно невѣрно, такъ какъ въ тетради, гдѣ набросокъ находится, нѣтъ черновиковъ «Родословной», и его надо считать отдѣльной пьесой; датировка Ефремова вполнѣ пріемлема, такъ какъ соотвѣтствуетъ содержанію тетради и положенію стиховъ въ ней. Но внутренняя связь между ними и «Родословной моего героя» несомнѣнна, такъ какъ тамъ Пушкинъ высказываетъ ту же

мысль о свободѣ творчества и притомъ въ схожихъ, до буквальнаго кое-гдѣ тождества, образахъ и выраженіяхъ (см. въ III т. настоящ. изд., стр. 425, строфы XI—XII). Съ этой мыслью Пушкинъ никогда не разставался; ея защитѣ посвящена «Чернь», ея онъ коснулся въ «Египетскихъ ночахъ», гдѣ данный набросокъ дѣйствительно могъ занять соотвѣтствующее мѣсто, хотя поручиться за это, конечно, нельзя (См. примѣч. къ № 728).

---

774. ВЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ...

(т. IV, стр. 40).

Эпиграмма, автографъ который нынѣ неизвѣстенъ, въ печати появилась впервые въ 1861 г., въ изданной Н. П. Огаревымъ «Русской потаенной литературѣ», Лонд., стр. 86 («Князю Дундукову-Корсакову») и въ берлинскомъ томикѣ «Стихотвореній Пушкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій», стр. 101 («Князю Дундукову»). Объ автографѣ А. А. Краевскій разсказывалъ П. И. Бартеневу, что видѣлъ его у Пушкина. Поэтъ далъ Краевскому для «Московск. Наблюдателя» автографъ «Тучи», который при немъ вырвалъ изъ своей тетради. «Прочитавъ его и складывая, чтобы положить въ карманъ, Краевскій видитъ на оборотѣ листка еще небольшіе стихи; но только что онъ прочелъ первый стихъ: «Въ Академіи Наукъ»..., Пушкинъ мгновенно вырвалъ у него листокъ, переписалъ посылаемые «Московс. Наблюдателю» стихи на отдѣльной бумагѣ, отдалъ Краевскому, а первый листокъ спряталъ. Краевскій помнилъ, что въ послѣднемъ стихѣ было: «Отъ того, что есть чѣмъ сѣсть». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Краевскій приноситъ Пушкину корректуру «Современника». «Некогда, некогда — говоритъ Пушкинъ: — надобно ѣхать въ публичное засѣданіе академіи. Хотите? Поѣдемъ вмѣстѣ: посмотрите, какъ президентъ и вице-президентъ будутъ торчать на моей эпиграммѣ» («Русс. Арх.» 1892 г., II, 490). Въ одной запискѣ 1836 г. Пушкинъ спрашивалъ князя В. Ѳ. Одоевскаго: «не увидимся ли въ Академіи Наукъ, гдѣ засѣдаетъ кн. Д.?» По другому разсказу, появившемуся въ «Русс. Стар.» (1880 г., сент., 220) еще при жизни Краевскаго, Пушкинъ 29 декабря 1836 г. повезъ Краевскаго съ собою въ академію наукъ, на торжественное годичное собраніе. «За столомъ, на предсѣдательскомъ мѣстѣ, вмѣсто заболѣвшаго Уварова, сидѣлъ кн. М. А. Дундуковъ-Корсаковъ, лучезарный, въ лентѣ, звѣздахъ, румяный, и весело, привѣтливо поглядывалъ на своихъ сосѣдей-академиковъ и на публику... «Вѣдь вотъ сидитъ довольный и веселый — шепнулъ Пушкинъ Краевскому, мотнувъ головою по направленію къ Дундукову, — а вѣдь сидитъ то на моей эпиграммѣ! ничего, не больно, не вертится!» Эпиграмма Пушкина давно была извѣстна, но Пушкинъ постоянно увѣрялъ, что она принадлежитъ Соболевскому. На этотъ разъ онъ проговорился Краевскому потому, что незадолго предъ тѣмъ самъ же нечаянно показалъ ему автографъ свой съ этою именно эпиграммою». Ѳ. М. Деларю («Русс. Стар.», ib., 219) ошибочно приписываетъ ее Крюкову. П. А. Ефремовъ («Сочин. П.», изд. 1880 г., II, 453; 1882 г., VII, 368; 1903 г., II, 368, VII, 676) отнесъ ее къ сентябрю, но это, конечно, невѣрно, потому что Краевскій видѣлъ подлинникъ ея ранѣе напечатанія «Тучи», появившейся въ майской книгѣ «Моск. Наблюдателя».

Кн. Мих. Александр. Дондуковъ-Корсаковъ (1794—1869), родной братъ лицейскаго товарища Пушкина Н. А. Корсакова (о немъ см. примѣч. № 273) и цензора и литератора П. А. Корсакова (издателя «Маяка», въ 1833—1842 г.г. былъ попечителемъ петербургскаго учебнаго округа и по этой должности стоялъ во главѣ петербургскаго цензурнаго комитета. Княжескій титулъ и фамилію Дондукова онъ пріобрѣлъ женитьбой на дочери своего дальняго родственника князя Н. И. Дондукова-Корсакова, который, тоже бывъ просто Корсаковымъ, получилъ княжество и другую фамилію женившись на дочери князя Іоны Дундука, изъ рода калмыцкихъ князей Дундукъ-Омбо. (Нѣкоторыя свѣдѣнія указаны у Н. А. Гастфрейнда, «Товарищи Пушкина по Царскосельс. Лицею», т. I, СПб., 1912 г., стр. 450—454).

7 марта 1835 г. кн. М. А. Дондуковъ-Корсаковъ былъ назначенъ вторымъ вице-президентомъ академіи наукъ и сталъ «засѣдать»... Въ августѣ Пушкинъ подалъ въ главный комитетъ цензуры жалобу на цензурныя притѣсненія: «г. попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа изустно объявилъ мнѣ, что не можетъ болѣе позволить мнѣ печатать моихъ сочиненій, какъ доселѣ они печатались»... и т. д. Въ письмѣ, 26 апрѣля, къ П. И. Дмитріеву Пушкинъ называетъ Дондукова-Корсакова «фокусникомъ», который «кувыркается на канатѣ». По поводу тяжбы съ цензурой Пушкинъ писалъ въ октябрѣ П. А. Плетневу: «ужели залягаетъ меня осленокъ Никитенко и забодаетъ быкъ Дундукъ? Впрочемъ, они отъ меня такъ легко не отдѣлаются»... Датировать эпиграмму надо, сообразовываясь съ временемъ отсылки списка «Тучи» въ «Московск. Наблюдатель» и днемъ назначенія Дондукова-Корсакова вице-президентомъ академіи, приблизительно началомъ мая 1835 г. По словамъ П. Устимовича («Памяти 29 января 1837 г.»..., Варш., 1887 г., стр. 15—16), она стала распространяться лѣтомъ.

Пушкинъ не только посмѣялся въ ней надъ своимъ цензурнымъ притѣснителемъ и надъ нелѣпымъ назначеніемъ главою ученаго учрежденія человѣка съ весьма сомнительными научными заслугами, но также выразилъ въ ней свое обычное отношеніе къ русской оффиціально-ученой сферѣ. Онъ самъ былъ членомъ Россійской Академіи, съ 7 января 1833 г. (см. М. И. Сухомлиновъ, «Исторія Россійской Академіи», VII, 77—84, 472), но относился къ ней иронически и очень забавлялся ея дѣятельностью. Въ концѣ сентября 1833 г. онъ разсказывалъ братьямъ Языковымъ, что его избраніе въ академію «производитъ тамъ большой шумъ, оживляя симъ сонныхъ толкачей, іереевъ и моряковъ. Во второй уже разъ дошло до того, что ему прочли параграфъ устава, которымъ велѣно выводить изъ засѣданія членовъ непристойно себя ведущихъ. Старики видятъ свою ошибку, но дѣлать уже нечего: зло посреди ихъ, вѣковое спокойствіе нарушено навсегда или, по крайней мѣрѣ, надолго» («Историч. Вѣстн. 1883 г., декабрь, 537). Послѣ перваго засѣданія, въ которомъ Пушкинъ участвовалъ, онъ разсказывалъ кн. П. А. Вяземскому «уморительныя вещи о безчинствѣ засѣданія... Пушкинъ болѣе всего недоволенъ завтракомъ... Онъ хочетъ первымъ предложеніемъ своимъ подать голосъ, чтобы наняли хорошаго повара и покупали хорошее вино французское» («Русс. Арх.» 1900 г., I, 369). Од-

нажды, когда въ члены Россійской Академіи былъ предложенъ какой-то нѣмецъ, Пушкинъ замѣтилъ: «только и было два мѣста у насъ, гдѣ не было нѣмцевъ: это—Россійская Академія и лейбъ-гвардіи казачій полкъ» («Русс. Арх.» 1873 г., I, 960—961). По поводу забавнаго поведенія избраннаго вмѣстѣ съ Пушкинымъ Катенина въ засѣданіяхъ академіи, съ ея завтраками изъ ерофеича, чернаго пива и семги съ лукомъ, П. А. Плетневъ писалъ 11 марта 1833 г. Жуковскому: «вы можете представить, какъ это забавляетъ Пушкина»... («Русс. Арх.» 1875 г., II, 468). Но нѣкоторыхъ заслугъ академіи Пушкинъ не отрицалъ и въ статьѣ о Лобановѣ выразилъ, хотя не безъ ироніи, желаніе, «чтобы Россійская Академія, уже принесшая истинную пользу нашему прекрасному языку и совершившая столь много знаменитыхъ подвиговъ, ободрила, оживила отечественную словесность».

СТИХОТВОРЕНІЯ 1836 ГОДА.

775. Д. В. ДАВЫДОВУ.

(т. IV, стр. 41).

Черновой автографъ, безъ даты и заглавія, находится въ парижскомъ собраніи рукописей Пушкина, у А. Отто (Онѣгина); въ послѣднемъ стихѣ не «урядникъ», а «наѣздникъ» («П—нъ и его соврем.», XII, 12). По словамъ Н. В. Гербеля (Русскаго), въ семействѣ Д. В. Давыдова хранился подлинникъ пьесы, датированный «18 января 1836 г. СПб.» («Стихотворенія П—на, не вошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій», Берл., 1861 г., стр. 162). Впервые она появилась въ «Современникѣ», т. V, 1837 г., стр. 313, подъ заглавіемъ: «Д. В. Давыдову. (При посылкѣ «Исторіи Пугачевскаго бунта)», а оттуда перешла въ посмертное изданіе, IX, 138. Анненковымъ (см. т. III его изд., 43) была по ошибкѣ отнесена къ 1834 г. Пушкинъ пишетъ Давыдову въ его собственномъ стилѣ (см. т. II, № 271, и здѣсь, № 1038); сожалѣніе о несбывшейся военной карьерѣ совсѣмъ не шуточное (см. примѣч. къ № 278). «Пушкинъ и его друзья, воспитанные во время Наполеоновскихъ войнъ, подъ вліяніемъ героическаго разгула представителей этой эпохи, — разсказываетъ кн. П. П. Вяземскій (сб. «Пушкинъ», изд. П. Бартенева, II, 61)—щеголяли воинскимъ удальствомъ... Нынѣшнее поколѣніе можетъ понять подобное явленіе развѣ только съ помощью романа Толстого «Война и миръ». Пушкинъ какъ будто дорожилъ послѣдними отголосками беззавѣтнаго удальства, видя въ нихъ послѣднія проявленія заживо схороняемой самобытной жизни. Этотъ воинственный, удалой духъ Пушкина еще сильно звучитъ въ посланіи къ Денису Давыдову при посылкѣ ему Исторіи Пугачевскаго бунта». Н. Черняевъ вѣрно подмѣтилъ въ пьесѣ симпатію къ Пугачеву, въ которомъ Пушкинъ за внушительными чертами вождя возстанія разглядѣлъ простеца-казака («Капитанская дочка Пушкина», М., 1897 г., стр. 66—67).

Дениса Давыдова Пушкинъ любилъ и какъ поэта, и какъ человѣка. «Онъ далъ мнѣ почувствовать, что можно быть оригинальнымъ», говорилъ онъ М. В. Юзефовичу, и вліянію Давыдова, не безъ явнаго преувеличенія, благодарно приписывалъ свою независимость отъ авторитетовъ Батюшкова и Жуковскаго («Русс. Арх.» 1874 г., II, 732; 1880 г., III, 444). «Это понятно,—объясняетъ Юзефовичъ:—оригинальность Давыдова могла дѣйствительно поразить геніальнаго юношу: она такъ исключительно-своеобразна, что не оставляла даже возможности подражать ему; у него одного не было ни поддѣльщиковъ, ни подражателей». «Пушкинъ разсказывалъ, что въ молодости онъ старался подражать Давыдову—въ крученіи стиха и усвоилъ себѣ его манеру навсегда» (П. П. Вяземскій, ibid.). Пушкинъ дѣйствительно съ необыкновенной легкостью воспринялъ стиль Давыдова въ своихъ посланіяхъ къ нему. Издавая «Современникъ», Пушкинъ очень дорожилъ сотрудничествомъ Давыдова, который напечаталъ у него нѣсколько стихотвореній и статьи «О партизанской войнѣ» и «Занятіе Дрездена». Ихъ отношенія (о нихъ см. у Б. Садовского «Русская Камена», М., 1910 г., «Д. В. Давыдовъ») были вполнѣ сердечныя, и нѣтъ основаній приписывать Пушкину передаваемую Н. В. Путятой злую шутку: «военные увѣрены, что онъ отличный писатель, а писатели про него думаютъ, что онъ отличный генералъ» («Русс. Арх.» 1899 г., II, 355). Пушкинъ, со своей неизмѣнной благожелательностью, едва ли даже замѣчалъ такія черты Давыдова, какъ хитрость и хвастовство (см. отзывъ Плетнева—«Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», III, 412). Когда Пушкина не стало, Давыдовъ назвалъ его смерть «общественнымъ несчастьемъ».

Первый стихъ—точный переводъ перваго же стиха посланія къ Давыдову французскаго поэта Арно—«A vous, poëte, à vous, guerrier»..., упоминаемаго Пушкинымъ въ статьѣ «Французская Академія» (выше, стр. 221).

Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина назвалъ пьесу въ числѣ «доказательствъ преобладанія въ Пушкинѣ художественнаго элемента надъ всѣми другими,—доказательствъ, что онъ, взявшись за перо, по волѣ или по неволѣ, уже не могъ не быть художникомъ даже въ свѣтскомъ комплиментѣ, въ привѣтствіи, возложенномъ приличіемъ»...

---

776. ХУДОЖНИКУ.

(т. IV, стр. 42).

Бѣловой автографъ, съ поправками и датой «25 март. 1836», находится въ принадлежащемъ академіи наукъ майковскомъ собраніи рукописей Пушкина («П—нъ и его совр—ки», IV, 19). Напечатана пьеса впервые въ посмертномъ изданіи «Сочин. П—на» (IX, 1841 г., стр. 131), какъ удостовѣряетъ Анненковъ (см. его изд., III, 71), «вѣрно съ рукописью». Г. Н. Геннади (изд. 1870 г., I, 488) отнесъ ее къ извѣстному скульптору С. И. Гальбергу (вѣроятно, на основаніи предположенія В. П. Гаевскаго: «вѣроятно, Гальбергъ»—«Дельвигъ», ст. 4-ая, «Современникъ» 1854 г., т. 47, отд. III, стр. 59), что повторилъ П. А. Ефремовъ изд. 1880 г., III, 427, 454; 1882 г., III, 407, 470; 1903—1905, II, 376), прибавивъ, что Гальбергъ «дѣлалъ бюстъ Пушкина». Ѳ. А. Витбергъ («Кому посвящено Пушкинымъ стихотвореніе Художнику?»—«Нов. Время» 1899 г., № 8340) указалъ, что стихотвореніе должно быть относимо не къ Гальбергу, который никогда не создавалъ статуй или бюстовъ Барклая и Кутузова, а къ другому скульптору, Б. И. Орловскому, автору извѣст-

ныхъ статуй, стоящихъ передъ Казанскимъ соборомъ, ангела на Александровской колоннѣ, лѣпныхъ украшеній Московскихъ Тріумфальныхъ воротъ на Забалканскомъ проспектѣ. «Всѣ эти статуи упомянуты Пушкинымъ не потому, что онѣ просто украшали мастерскую художника, а, безъ сомнѣнія, потому, что онѣ были его произведенія: ими Пушкинъ и характеризуетъ хозяина мастерской, даетъ понять, въ чью именно мастерскую онъ пришелъ. А въ такомъ случаѣ очевидно, что хозяиномъ мастерской и авторомъ выставленныхъ въ ней работъ былъ не Гальбергъ, въ числѣ произведеній котораго не было ни сатира съ дѣвицей, ни статуй Барклая де Толли и Кутузова». Былъ у Орловскаго и фавнъ со свирѣлью, котораго Пушкинъ называетъ сатиромъ съ дѣвицей. П. А. Ефремовъ (изд. 1903 — 1905 г.г., VIII, 372) находилъ, что это невѣрно, потому что «Гальберга Пушкинъ зналъ лично, и онъ сдѣлалъ потомъ бюстъ Пушкина». Между тѣмъ въ стихотвореніи нѣтъ ни малѣйшаго намека на бюстъ поэта, и самый бюстъ этотъ былъ исполненъ Гальбергомъ лишь по смерти Пушкина (см. письмо П. А. Плетнева къ В. Г. Теплякову 29 мая 1837 г.—«Историч. Вѣстн.» 1887 г., іюль, 21). Видѣть скульптурные портреты Кутузова и Барклая Пушкинъ могъ тогда только у Орловскаго, котораго, къ тому же, онъ долженъ былъ знать, такъ какъ Орловскій былъ однимъ изъ экспертовъ, осматривавшихъ въ 1832 г. у Пушкина статую Екатерины II, которую онъ хотѣлъ продать правительству (см. наши «Замѣтки о П—нѣ» въ «Русс. Стар.» 1913 г., дек., 507, 510). Предположеніе, что «художникъ», которому посвятилъ свою пьесу Пушкинъ, былъ Б. И. Орловскій, наиболѣе вѣроятно. Упоминаніе о Барклаѣ и Кутузовѣ, во всякомъ случаѣ, содержитъ ясный намекъ именно на Орловскаго, если даже думать, что герой пьесы Пушкина—вообще представитель искусства ваянія, что, впрочемъ, менѣе допустимо.

Въ мастерской скульптора Пушкинъ вспомнилъ своего незабвеннаго друга Дельвига, любившаго искусство и написавшаго идиллію «Изобрѣтеніе ваянія». Это послѣдній въ поэзіи Пушкина вздохъ о Дельвигѣ. «Воспоминаніе о покойномъ Дельвигѣ, другѣ юности,—говоритъ С. Любомудровъ («Античные мотивы въ поэзіи Пушкина», изд. 2-ое, стр. 53) — необыкновенно смягчаетъ тоны этой вначалѣ совершенно мраморной піесы и сообщаетъ ей высокую человѣчную прелесть, озаряющую ее какимъ-то кроткимъ, лучезарнымъ сіяніемъ».

Бѣлинскій въ статьѣ о «Римскихъ элегіяхъ» Гете причислилъ пьесу къ антологическимъ по «простотѣ и единству мысли, способной выразиться въ небольшомъ объемѣ, простодушію и возвышенности въ тонѣ, пластичности и граціи формы» («Соч. Б.», изд. Венгерова, VI, 266), а въ рецензіи на три послѣдніе тома посмертнаго изданія упомянулъ ее въ числѣ лучшихъ новинокъ (ib., 276).

---

777. КОГДА ВЕЛИКОЕ СВЕРШАЛОСЬ ТОРЖЕСТВО.

(т. IV, стр. 42).

Автографъ неизвѣстенъ. Стихотвореніе сохранилось въ писарской копіи московскаго Румянцевскаго музея, тетр. № 2395, подъ заглавіемъ «Мірская власть» (А. И. Незеленовъ, «Шесть статей о П — нѣ», СПб., 1892, стр. 80); списанная П. В. Анненковымъ копія находится въ принадлежащемъ академіи наукъ майковскомъ собраніи рукописей Пушкина («П — нъ и его соврем.» IV, 38). Первые шесть стиховъ напечаталъ Анненковъ въ своемъ изданіи «Сочин. П—на» (т. I, «Матер. для біогр.», 1855 г., стр. 422). Послѣднія стихотворенія Пушкина, говоритъ онъ, «всѣ уже ознаменованы тѣмъ особымъ состояніемъ духа, которое въ высокихъ образахъ, граничащихъ съ религіознымъ эпосомъ, ищетъ пищи и удовлетворенія себѣ. Замѣтно, что воображеніе поэта обставлено, такъ сказать, картинами историческаго и духовнаго содержанія и безпокойно живетъ между ними, еще выбирая предметъ для полнаго поэтическаго усвоенія... Явленія жизни начинаютъ представляться мысли его той стороной, которая чѣмъ-либо соприкасается съ исторической или религіозной идеей. 5 іюня Пушкинъ началъ стихотвореніе, первыя строки котораго здѣсь приводимъ... Картина въ шести стихахъ, мѣрно и величественно возстающая передъ глазами вашими!».. Цѣликомъ пьеса появилась во II кн. «Полярн. Звѣзды» 1856 г., стр. 21, откуда перепечатана въ «Русской Библіотекѣ» 1858 г., т. I, стр. 21; затѣмъ вошла въ сборникъ Н. П. Огарева «Русская потаенная литература», Лонд., 1861, стр. 32; по указанію Н. В. Гербеля (въ берлинскомъ томикѣ запрещенныхъ стихотвореній П—на, 1861 г., стр. 162 — 163, гдѣ даны дополненія къ русскимъ изданіямъ того времени) она встрѣчалась въ рукописныхъ сборникахъ, подъ заглавіемъ «Мірская власть». «Стихи написаны—прибавляетъ Гербель—по тому случаю, что на выставкѣ около картины Брюллова, изображающей Распятіе, были поставлены часовые для предупрежденія тѣсноты отъ толпы». Въ VII, дополнит., томѣ своего изд., 1857 г., стр. 49, Анненковъ пытался провести пьесу цѣликомъ, но это ему не удалось. Цензору (И. А. Гончарову) показались «смѣлыми» нѣсколько стиховъ, «хотя стихотвореніе по мысли весьма благонамѣренно» (газ. «Голосъ Земли» 1912 г., № 20). Не помогло Анненкову и предупредительное, но явно вымышленное объясненіе: «первая мысль этого стихотворенія была дана Пушкину, какъ мы слышали, французской гравюрой изъ эпохи извѣстнаго конкордата между Наполеономъ I и Папой. Гравюра изображала Распятіе съ двумя часовыми изъ старой гвардіи императора». Тутъ Анненковъ привелъ другую дату: «1 іюня». Изъ изданія Анненкова пьеса, безъ стиховъ 12—13 и четырехъ послѣднихъ, была перепечатана въ «Современникѣ», т. 66, 1857 г., отд. I, стр. 218. Безъ пропусковъ она была напечатана въ изд. Геннади, 1870 г., I, 490 — 491.

Кн. П. А. Вяземскій на поляхъ берлинскаго томика, 2-ое изд., 1870 г., набросалъ замѣчаніе, что стихи «вѣроятно, написаны потому, что въ Страстную Пятницу въ Казанскомъ соборѣ стоятъ солдаты на часахъ у плащаницы» («Стар. и Новизна», VIII, 39), но противъ этой догадки говорятъ прямыя указанія на распятіе и на «гуляющихъ господъ». «Записки А. О. Смирновой» (I, 241, 245, 271) подтверждаютъ это, но не заслуживаютъ довѣрія въ подробностяхъ, рисующихъ Пушкина плаксиво-экспансивнымъ и черезчуръ словоохотливымъ, между тѣмъ какъ религіозное чувство Пушкина было строго-цѣломудренно;

разсказъ о томъ, что Пушкинъ собирался довести негодующее стихотвореніе до государя, приходится совершенно отвергнуть, такъ какъ Пушкинъ слишкомъ хорошо зналъ Николая Павловича, чтобы обращаться къ нему съ жалобой на духъ солдатчины. Также не вызываетъ довѣрія предположеніе М. К. Лемке («Николаевскіе жандармы»..., СПб., 1908, стр. 521—522), что «злые стихи дошли до Бенкендорфа и, разумѣется, не могли не озлобить надменнаго нѣмца».

Картина К. П. Брюллова, нынѣ находящаяся въ петербургской лютеранской Петропавловской церкви, въ 1836 г. такъ же прошумѣла, какъ въ 1834 «Послѣдній день Помпеи». Жуковскій цѣлые часы проводилъ передъ нею (Мокрицкій, «Воспом. о Брюлловѣ»—«Отеч. Зап.» 1855 г., т. 103, отд. II, стр. 156). И. Е. Рѣпинъ («Воспоминанія»..., СПб., 1901, стр. 76) съ восторгомъ отзывается о ея техникѣ и значительности производимаго впечатлѣнія: «такъ много вдохновенія, свѣта, трагизма!.. сколько экстаза, сколько силы въ этихъ увѣренныхъ линіяхъ, въ этихъ рѣшительныхъ линіяхъ рисунка!»... Пушкинъ не могъ не поддаться этому властному впечатлѣнію и далъ волю религіозному чувству и оскорбленному гражданскому сознанію. Въ немъ были одновременно уязвлены и вѣрующій христіанинъ, и гражданинъ-демократъ, и эстетикъ, и изъ-подъ пера его вылилась злая сатира на деспотизмъ, пытающійся подчинить себѣ высшую жизнь духа. 6-ой стихъ, въ сравненіи съ предыдущимъ растянутый, выразительно передаетъ скорбь. Когда Пушкина не стало, Брюлловъ вспоминалъ, какъ онъ восхищался «Распятіемъ» (Мокрицкій, стр. 167).

---

778. ПОДРАЖАНІЕ ИТАЛЬЯНСКОМУ.

(т. IV, стр. 42).

Перебѣленный, съ поправками и помѣтой: «22 іюня 1836. Кам. остр.», автографъ находится въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина («П—нъ и его совр.» IV, 19). Впервые пьеса появилась въ IX т. посмертнаго изданія «Сочин. Пушкина», 1841 г., стр. 150; П. В. Анненковъ («Сочин. П.», изд. 1855 г., III, 71) подтверждаетъ, что она была напечатана «вѣрно съ рукописью». Это довольно близкій къ подлиннику переводъ изъ итальянскаго поэта Francesco Gianni (1760—1822) «Sonetto sopra Giuda». Пушкинъ по обыкновенію сократилъ и усилилъ пьесу.

Allor che Giuda di furor satollo
Piombò dal ramo, rapido si mosse
L'instigator suo demone, e scontrollo
Battendo l'ali come fiamma rosse;
Pel nodo che al fellon rettorse il collo
Giu nel bollor delle roventi fosse
Appena con le scabre ugne rotollo
Ch'arser le carni e sihilaron l'osse;
E in mezzo al vampo della gran bufera
Con diro ghigno Satana fu visto
Spianar le rughe della fronte altera:
Poi fra le braccia si recò quel tristo,
E con la bocca fumigante e nera
Gli rese il bacio che avea dato a Cristo.

Анненковъ справедливо увидѣлъ здѣсь «значительное расширеніе образовъ и мыслей подлинника—(«Матеріалы для біогр. П—на», изд. 2-ое, стр. 303—304):—картина Пушкина пріобрѣтаетъ энергію, которая затмеваетъ превосходный образецъ, лежавшій передъ нимъ». Это одинъ изъ признаковъ «того духовнаго начала, которое проникло собою мысль поэта, возвысивъ ее до образовъ, принадлежащихъ по характеру своему образамъ чисто-эпическимъ» (ib., 378; ср. ib., 381). Въ связи съ «Молитвой», написанной ровно черезъ мѣсяцъ, и пьесой «Когда великое свершалось торжество», написанной нѣсколько ранѣе, стихи о Іудѣ «ознаменованы тѣмъ особымъ состояніемъ духа, которое въ высокихъ образахъ, граничащихъ съ религіознымъ эпосомъ, ищетъ пищи и удовлетворенія себѣ» (ib., 413). Бѣлинскій въ рецензіи на три послѣдніе тома посмертнаго изданія назвалъ пьесу одной изъ «особенно замѣчательныхъ» («Соч. Б.», изд. Венгерова, VI, 279); ср. его отзывъ въ общемъ обзорѣ поэзіи П—на (изд. 1860 г., т. VIII, стр. 412). Совсѣмъ не понялъ и не оцѣнилъ «Подражанія» Н. Н. Страховъ, увидѣвшій въ немъ почти «пародію на Данта» («Замѣтки о Пушкинѣ», изд. 2-ое, Кіевъ, 1897 г., стр. 53); критикъ не постигъ глубины этого ужаснаго юмора, сатанинскаго «веселія» и бѣсовскаго хохота, которымъ встрѣтилъ предателя адъ (см. Ю. Айхенвальдъ, «Силуэты русс. писателей», вып. I, изд. 2-ое, стр. 180).

---

779. ИЗЪ VI ПИНДЕМОНТЕ.

(т. IV, стр. 43).

Черновой набросокъ, безъ заглавія, и перебѣленный, съ поправками, автографъ, съ заглавіемъ (ранѣе было: «изъ Alfred Musset») и датой «5 іюл.», находятся въ принадлежащемъ академіи наукъ майковскомъ собраніи рукописей Пушкина («П—нъ и его современ.» IV, 19, №№ 77 и 76). Въ Румянцевскомъ музеѣ имѣется (тетр. № 2395) писарская копія, безъ заглавія, и съ варіантами въ двухъ предпослѣднихъ стихахъ (А. И. Незеленовъ, «Шесть статей о П—нѣ», СПб., 1892, стр. 80—81; «Ист. Вѣстн.» 1889, мартъ, 683). Впервые напечаталъ П. В. Анненковъ въ I т. своего изданія «Соч. П—на», 1855 г., стр. 423, послѣдніе пять стиховъ, а вся пьеса появилась лишь въ VII, дополнител., томѣ этого изданія, 1857 г., 1-ая нагин., стр. 50, подъ заглавіемъ «(Изъ VI Пиндемонте)», и съ пропускомъ слова «царямъ» въ 5 стихѣ, 11 и 12 стиховъ и словъ «для власти, для ливреи» въ 15 стихѣ (о цензурованіи пьесы для изданія Анненкова см. «И. А. Гончаровъ—цензоръ Пушкина»—газ. «Голосъ Земли» 1912 г., № 20). Въ первомъ изданіи Геннади, 1859 г., I, 532, были пополнены стихи 11—12 (см. указанія Русскаго—Н. В. Гербеля—въ берлинскомъ томикѣ запрещен. стихотвореній П—на 1861 г., стр. 163); во второмъ изд. Геннади 1870 г., I, 491,—также 15-й стихъ; а вся пьеса цѣликомъ была напечатана въ первомъ изданіи Ефремова, 1880 г., I, 429—430. Къ 1836 г. отнесъ ее Анненковъ (ll. cc.).

Уже одно то, что Пушкинъ хотѣлъ приписать пьесу сначала Мюссе, потомъ Пиндемонте (она, по свидѣтельству Анненкова, I, 287, «не имѣетъ ничего общаго съ обоими выбранными и столь противоположными между собой авторами»), указываетъ не только на оригинальность пьесы, но и на глубокую ея интимность; такъ, стихотво-

ренію «Цыганы», 1830 г., онъ далъ подзаголовокъ: «Съ англійскаго». Дѣлалось это для того, чтобы отвлечь читателя и критику отъ неосторожныхъ вторженій въ личную жизнь писателя, а также, чтобы провести цензуру. В. Д. Спасовичъ («П—нъ и Мицкевичъ у памятника Петру В.»—«Вѣстн. Евр.» 1887, апр., 776) усмотрѣлъ въ этомъ стихотвореніи «юморъ» и назвалъ Пушкина «шутникомъ, забавлявшимся озадачиваніемъ литераторовъ насчетъ иностранныхъ поэтовъ, которыхъ якобы онъ переводилъ»,—мнѣніе въ своемъ родѣ единственное. Второстепеннаго итальянскаго лирика Иппол. Пиндемонте (1753—1828) Пушкинъ назвалъ именно потому, что онъ былъ малоизвѣстенъ внѣ Италіи, но самъ Пушкинъ зналъ его давно и взялъ изъ него эпиграфъ къ «Кавказск. плѣннику» (В. Я. Брюсовъ думаетъ, что эпиграфъ сообщилъ Пушкину Батюшковъ, но это маловѣроятно—«Русс. Арх.» 1908, III, 586; см. сборн. «Памяти Пушкина», изд. журн. «Жизнь», СПб., 1899, стр. 126).

Значеніе пьесы въ исторіи задушевной жизни Пушкина велико. Въ этихъ стихахъ, говоритъ Анненковъ (ib., 422—423) онъ «высказываетъ всѣ подробности свои какъ художника. Созерцаніе природы и наслажденіе искусствомъ признаетъ онъ единственной цѣлью своей жизни, пренебрегая и откидывая всѣ другія, многоразличныя цѣли, которыя волнуютъ его современниковъ. Онъ ставитъ цѣль положительно и твердо: «по прихоти своей»... и т. д. То же самое онъ говорилъ и прежде, но теперь не прежнее вольное, артистическое наслажденіе всѣми явленіями жизни скрывается въ его словахъ, но сближеніе съ тѣми величавыми образами, которые предчувствовала и по которымъ томилась душа его»... Уже давно стремился онъ къ «первой наукѣ—чтить самого себя» (см. № 611). Но предаться этой «наукѣ» мѣшали все болѣе запутывавшіяся обстоятельства, и въ рѣзкости и ироніи такихъ выраженій, какъ «олухи», «балагуръ», «сладкая участь» государственнаго дѣятеля, слышатся горькія жалобы на свою собственную печально сложившуюся жизнь, проклятія «усталаго раба». Только вырывая эти жалобы изъ общей концепціи признаній и заявленій Пушкина и не учитывая его настроеній, можно считать ихъ проявленіемъ «политико-общественнаго индифферентизма», какъ дѣлаетъ Ивановъ-Разумникъ («Ист. русс. обществ. мысли», I, изд. 3-е, стр. 148). Объ общественномъ индифферентизмѣ говоритъ и А. Н. Пыпинъ («Ист. русс. литер—ры», т. IV, изд. 3-е, стр. 405). Другой критикъ (Алексѣй Н. Веселовскій—сб. «Памяти П—на», изд. журн. «Жизнь», стр. 126) называетъ пьесу даже «охранительной», забывая, что Пушкинъ не могъ же въ самомъ дѣлѣ «охранять давившія его самого цѣпи, не позволявшія ему «по прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ», и что право «никому отчета не давать» ведетъ не къ консерватизму, а къ крайнему индивидуализму. Даже граждански-строгая критика 60-хъ годовъ умѣла разбираться лучше въ этомъ вопросѣ. «Скорбный фактъ»—писалъ А. Станкевичъ («Атеней» 1858 г., ч. I, № 2), но тутъ же указывалъ на «другіе факты», совсѣмъ иного значенія, между прочимъ, на напечатанную въ VII же т. изд. Анненкова «статью противъ мнѣній М. А. Лобанова грозныхъ для русской литературы и стѣснительныхъ для правъ слова»; таково же было мнѣніе Н. А. Добролюбова («Современникъ», т. LXVI, 1858 г., отд. II, стр. 40—41). «Противоположность свободы, которой ищетъ и требуетъ поэтъ, и стѣсненій, налагаемыхъ жизнью въ обществѣ,—объясняетъ А. А. Потебня («Изъ записокъ по теоріи словесности», Хар., 1905, стр. 42)—есть только частный случай общечеловѣческаго столкновенія правъ личности и среды, впрочемъ, случай, въ коемъ это столкновеніе наиболѣе явственно. Поэтъ можетъ настаивать на своемъ правѣ потому, что цѣль его дѣятельности не можетъ быть опредѣлена ни имъ самимъ, ни другими заранѣе. Но вѣдь и тамъ, гдѣ эта цѣль заранѣе со стороны опредѣлима, вмѣшательство въ самый способъ ея достиженія портитъ дѣло. И извозчикъ, нанятый до мѣста или на часъ, хочетъ, чтобы его не дергали и не мѣшали править лошадьми». Человѣкъ съ несомнѣнно развитымъ общественнымъ чувствомъ—Грибоѣдовъ писалъ однажды (С. Н. Бѣгичеву, 9 дек. 1826): «буду ли я когда-нибудь независимымъ отъ людей? Зависимость отъ семейства, другая отъ службы, третья отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ... Поэзія! люблю ее безъ памяти, страстно... Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно-вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ?»... Пушкинъ мечталъ о «лучшей свободѣ», къ которой свобода политическая относится какъ часть къ цѣлому, нисколько ей не противорѣча. Болѣе того: та «тайная свобода», которой желалъ себѣ Пушкинъ еще въ юности («А. Ѳ. Орлову», 1819 г.), свобода «тайныхъ стиховъ», «для забавы, безъ дальныхъ умысловъ» («Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ»...), немыслима безъ гражданской свободы, и Пушкинъ не могъ не понимать этого. И поэту, и не-поэту нечего прибавить къ тому поистинѣ безпредѣльному пониманію личной свободы, которое далъ здѣсь Пушкинъ, выражая ясно и послѣдовательно свой завѣтный жизненный идеалъ.

Такъ же крѣпка связь пьесы съ поэтикой Пушкина. Онъ всегда отстаивалъ право «прихоти» поэта. «Ты самъ свой высшій судъ». «Идешь, куда тебя влекутъ мечтанья тайныя... Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва, ни нуждъ, ни хохота, ни рева, ни удивленья, ни труда»... Для поэта «закона нѣтъ» такъ же, какъ «вѣтру и орлу и сердцу дѣвы нѣтъ закона». «Власти» и «народъ»—это та же «чернь», которой дѣла не должно быть до избранника вдохновенія, «счастливца празднаго» (выраженіе пушкинскаго Моцарта), свободно скитающагося по Божьему міру. Видя въ первой, «отрицательной», части стихотворенія выраженіе озлобленнаго настроенія, Д. Н. Овсянико-Куликовскій («Пушкинъ», СПб., 1909, стр. 164—165) находитъ, что вторая «дышитъ неподдѣльною психологическою правдою: это точное выраженіе того, что въ самомъ дѣлѣ переживалъ и къ чему всею душою стремился Пушкинъ въ то время: порвать съ обществомъ и правительствомъ, бѣжать, уединиться, странствовать по свѣту, жить «для себя» и—для творчества. Нѣтъ сомнѣнія: если бы это желаніе осуществилось, Пушкинъ создалъ бы много новыхъ великихъ произведеній. Уединеніе, свобода отъ общественныхъ связей, удаленіе отъ гнетущихъ впечатлѣній и воздѣйствій тогдашней русской дѣйствительности, бѣгство, скитанія, «отщепенство»,—все это нужно было Пушкину именно какъ поэту». Ср. выше статью В. В. Водовозова.

---

780. ОТЦЫ ПУСТЫННИКИ И ЖЕНЫ НЕПОРОЧНЫ.

[Молитва].

(т. IV, стр. 43).

Бѣловой, безъ заглавія, съ немногочисленными поправками и помѣтой «22 іюля 1836», автографъ, неизвѣстно гдѣ находящійся нынѣ, воспроизведенъ fac-simile на особомъ листкѣ, приложенномъ къ V т. «Современника» 1837 г., гдѣ, стр. 319, и напечатана пьеса впервые. Внизу стихотворенія Пушкинъ нарисовалъ колѣнопреклоненнаго монаха въ кельѣ. Въ «Запискахъ А. О. Смирновой» (I, 321) имѣется чувствительный и явно-выдуманный разсказъ о чтеніи Пушкинымъ «Молитвы» у Смирновыхъ въ присутствіи С. А. Соболевскаго, который въ іюлѣ 1836 г. былъ заграницей и возвратился въ Россію послѣ смерти Пушкина (см. В. И. Саитовъ, С. А. Соболевскій—«Сборн. статей въ честь Д. Ѳ. Кобеко», СПб., 1913, стр. 202—205).

Стихотвореніе принадлежитъ послѣднимъ мѣсяцамъ жизни поэта, когда его посѣщали предчувствія близкой кончины, и мысли его приняли глубоко-религіозное, сосредоточенное направленіе. Единствомъ настроенія оно роднится съ нѣсколькими задушевными изліяніями того же года: «Когда великое свершалось торжество»..., «Подражаніе итальянскому», «Когда за городомъ задумчивъ я брожу»... (см. примѣч. №№ 777, 778, 781). «Всѣ они — говоритъ Анненковъ («Матер. для біогр. П—на», изд. 2-ое, стр. 413) — ознаменованы тѣмъ особымъ состояніемъ духа, которое въ высокихъ образахъ, граничащихъ съ религіознымъ эпосомъ, ищетъ пищи и удовлетворенія себѣ». Пушкинъ, который понималъ сладость заоблачной кельи, въ сосѣдствѣ Бога («Монастырь на Казбекѣ»), высоко цѣнилъ любимую всѣмъ православнымъ міромъ молитву св. Ефрема Сирина: «она такъ и дышетъ монашествомъ», говорилъ онъ («Соч. кн. П. А. Вяземскаго», VII, 508). Послѣдніе семь стиховъ представляютъ собою ея переложеніе. «Это, конечно, прекрасные стихи— говоритъ Н. Черняевъ («Пророкъ Пушкина въ связи съ его же Подражаніями Корану», М., 1898, стр. 45—46),—но если сопоставить ихъ поэзію съ поэзіей молитвы св. Ефрема Сирина, они не выдержатъ сравненія и покажутся водянистыми и блѣдными. Сжатость и сила языка и замкнутость каждой изъ трехъ отдѣльныхъ частей молитвы св. Ефрема Сирина совершенно пропали въ пушкинскомъ переложеніи. Отступленія отъ подлинника, допущенныя поэтомъ, только обезцвѣчиваютъ его, ничего не прибавляя къ его красотѣ. Воззваніе «Владыко дней моихъ» не имѣетъ того величія, какимъ отличается обращеніе къ Богу Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего», и кажется прозаичнымъ въ сравненіи съ нимъ. «Унылая праздность» совсѣмъ не то, что «уныніе и праздность». Ефремъ Сиринъ проситъ у Бога избавить его не только отъ «унылой праздности», но отъ «праздности» вообще, такъ же точно онъ проситъ о спасеніи не только отъ «унынія», сопряженнаго съ «праздностью», но и отъ всякаго другого «унынія», которое служитъ первою ступенью къ отчаянію и къ совершенному упадку духа. Эпитетъ, которымъ характеризуетъ Пушкинъ любопачаліе, великолѣпенъ, но, безъ всякой надобности, растягиваетъ первое прошеніе молитвы. Послѣднія слова перваго прошенія у Ефрема Сирина («не даждь ми») представляютъ образецъ мощнаго и выразительнаго лаконизма, который исчезаетъ въ пушкинской передачѣ («не дай душѣ моей»). Трудно, далѣе, подыскать оправданіе для перестановки прошеній, которую допустилъ Пушкинъ, сдѣлавшій среднюю часть молитвы Ефрема Сирина послѣднею, а послѣднюю— среднею, благодаря чему онъ лишилъ себя возможности заключить свое переложеніе тою хвалой Богу, которою заканчивается молитва Ефрема Сирина. Всѣ три прошенія ея, замѣтимъ кстати, представляютъ стройное и строго послѣдовательное гармоническое цѣлое. Этого нѣтъ у Пушкина. Трудно также подыскать оправданіе соединенію всей молитвы въ одинъ періодъ посредствомъ союзовъ *но* и *и*, ибо именно раздѣльность прошеній придаетъ ей какую-то своеобразную, трудновыразимую красоту. А развѣ восклицаніе: «О, Боже»—то же самое, что «Ей, Господи, Царю»? Да и замѣну словомъ «смиреніе» слова «смиренномудріе» нельзя назвать удачною. Неудачна также замѣна словъ: «Даруй ми, рабу Твоему» словами: «мнѣ въ сердцѣ оживи». Въ своемъ великомъ смиреніи Ефремъ Сиринъ не почиталъ себя обладателемъ высшихъ добродѣтелей и просилъ не объ «оживленіи ея въ своемъ сердцѣ», а о «дарованіи ея», какъ «послѣднему грѣшнику. Выбросивъ изъ молитвы слово «рабъ», Пушкинъ тѣмъ самымъ стушевалъ ея церковный характеръ, придалъ ей оттѣнокъ свѣтскости и не дорисовалъ той покорности волѣ Божіей, которою дышетъ молитва великаго аскета». Бѣлинскій («Сочин.», изд. Венгерова, III, 290) находилъ въ пьесѣ «чувство просвѣтлѣнія примиреннаго съ самимъ собою духа, вышедшаго съ честію изъ опасной борьбы. И кто бы усомнился въ этомъ, прочтя эту трогательную исповѣдь души страждущей и блаженной въ своемъ страданіи»,—и тутъ Бѣлинскій приводитъ все стихотвореніе.

«Жены непорочны», слагавшія молитвы, обличаютъ близкое знакомство Пушкина съ исторіей церкви; объ этомъ см. статью Г. Воробьева «Женщины-слагательницы церковныхъ пѣснопѣній» («Русс. Арх.» 1893 г., I, 115—117).

Пьеса положена на музыку нѣсколькими композиторами, въ томъ числѣ А. С. Даргомыжскимъ и Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ (петерб. универс. сборн. «Памяти П—на», стр. 84, 119).

---

781. КОГДА ЗА ГОРОДОМЪ ЗАДУМЧИВЪ Я БРОЖУ.

(т. IV, стр. 44).

Автографъ, бѣловой, но съ поправками и передѣлками, датированный: «14 авг. 1836. Кам. остр.», находится въ принадлежащемъ академіи наукъ майковскомъ собраніи рукописей Пушкина (см. «П-нъ и его соврем.», IV, 19). Впервые пьеса появилась въ I т. «Сочин. Пушкина», изд. П. В. Анненкова, 1855 г., стр. 422, не вся (первые два стиха и отъ «Но какъ же любо мнѣ» до конца), а цѣликомъ—въ «Современникѣ» 1857 г., т. LXVI, отд. I, стр. 217—218, и въ VII, дополнительномъ, томѣ анненковскаго изданія, 1857 г., стр. 47—48, съ замѣчаніемъ: «одинъ недодѣланный стихъ «Могилы склизкія» и проч.—оставляемъ какъ нашли его въ рукописи». Анненкову (см. его статью «Любопытная тяжба»—«В. Евр.» 1881, янв., 30; ср. «Дѣла III Отд. собств. Е. И. В. Канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ», СПб., 1906, стр. 228—229) пришлось

выручать изъ когтей цензуры три стиха: «На мѣсто праздныхъ урнъ»... и т. д. и увѣрять, что «авторъ здѣсь говоритъ о неприличіи языческихъ памятниковъ надъ гробницами, и еще надо прибавить, что все стихотвореніе, откуда взятъ отрывокъ, проникнуто у него глубокимъ христіанскимъ чувствомъ». Среди произведеній 1836 г., въ III т., Анненковъ стихотворенія не напечаталъ, а лишь упоминаетъ о немъ, какъ о «неизданномъ» (стр. 71). Надо замѣтить, что въ VII т. у Анненкова ошибка въ датѣ: «14 марта» (указаніе П. А. Ефремова—«Русс. Стар.», 1880, іюнь, 320, 328). Пушкинъ жилъ тогда на дачѣ на Каменномъ островѣ, и кладбище, навѣявшее на него выраженныя въ пьесѣ впечатлѣнія, вѣроятно Новодеревенское.

Пушкинъ любилъ подобныя меланхолическія прогулки. «Бывало, разсуждая о Пушкинѣ, старый выѣздной лакей Ушаковыхъ Иванъ Евсѣевъ говаривалъ, что сочинители все дѣлаютъ не полюдски: «ну, что,—прости, Господи!—вчера онъ къ мертвецамъ-то ѣздилъ? Вѣдь до разсвѣта прогулялъ на Ваганьковѣ!» Это значило, что Александръ Сергѣевичъ, уѣзжая вечеромъ отъ Ушаковыхъ, велѣлъ кучеру повернуть изъ воротъ направо, и что на разсвѣтѣ видѣли карету его возвращающеюся обратно по Прѣснѣ» (Л. Н. Майковъ, «П-нъ», СПб., 1899, стр. 361). Здѣсь утихала его тоска, и такъ, между прочимъ, выражалась его «къ мертвымъ прадѣдамъ любовь», «любовь къ отеческимъ гробамъ» (см. № 673). Въ наброскѣ «Стою печаленъ»... (№ 669) онъ посылалъ поклонъ «таинственному привѣтливому ночлегу». Онъ не только протестовалъ противъ пошлости жизни, о которой громко заявляютъ на городскомъ кладбищѣ купеческіе и чиновничьи мавзолеи съ ихъ нелѣпыми затѣями, но, во имя связи съ предками, съ деревенской, помѣстной Русью, желалъ лечь на вѣчный покой и завѣщалъ похоронить себя «ближе къ милому предѣлу», на родовомъ сельскомъ кладбищѣ. Не безъ ужаса говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ женѣ: «мало утѣшенія въ томъ, что меня похоронятъ въ полосатомъ кафтанѣ, и еще на тѣсномъ петербургскомъ кладбищѣ, а не въ церкви, на просторѣ».

«Извѣстно — говорилъ Н. А. Добролюбовъ въ рецензіи на VII т. изданія Анненкова, — что въ послѣднее время въ Пушкинѣ особенно сильно развились генеалогическіе предразсудки, но нынѣ напечатанное стихотвореніе «Когда за городомъ»... обнаруживаетъ воззрѣніе совершенно чистое» («Современникъ» 1858 г., т. LXVII, отд. II, стр. 40). И. Л., критикъ «Библ. для Чтенія» (1858 г., т. 147, № 2), писалъ, что стихотвореніе «изумительно по разнообразію красокъ, по противоположности образовъ, которые, затронувъ два различныхъ мотива духа, сливаются въ одно поэтическое представленіе, образуютъ одно цѣлое и ясное чувство. Само по себѣ это чувство очень просто, но путь, которымъ поэтъ приводитъ къ нему, изумителенъ. Въ двухъ картинахъ исчерпана поэзія кладбища: ея идеальная и отрицательная стороны. Рядъ образовъ, возмущающихъ душу до желчи нелѣпостью, пугающихъ воображеніе голой дѣйствительностью, переходитъ въ картину, тихая и величавая красота которой успокаиваетъ и нѣжитъ. Крайняя дѣйствительность съ ея отрицаніемъ и идеалъ поставлены здѣсь лицомъ къ лицу и находятъ равно поэтическое выраженіе... Поэзія представляетъ мало примѣровъ такого гармоническаго сочетанія совершенно противоположныхъ началъ: оно требуетъ отъ поэта великихъ творческихъ силъ и полнаго обладанія ими». Ю. И. Айхенвальдъ («П-нъ», М., 1908, стр. 15) спрашиваетъ: «можно ли въ картинахъ смерти выразительнѣе описать двѣ жизни въ ихъ противоположности—городскую и деревенскую? И блѣдное лицо вора въ темной рамѣ ночи, около склизкихъ, зѣвающихъ могилъ, крадущагося за безносыми геніями и растрепанными харитами,— не есть ли это тотъ самый кошмаръ города и та болдэровская черная поэзія безобразія, которые занимаютъ современное утонченное искусство, повидимому, такъ далеко ушедшее отъ Пушкина, а на самомъ дѣлѣ имъ пережитое?».

---

782. Я ПАМЯТНИКЪ СЕБѢ ВОЗДВИГЪ НЕРУКОТВОРНЫЙ.

(т. IV, стр. 44).

Черновой набросокъ трехъ послѣднихъ строфъ находится въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина («П—нъ и его соврем.», IV, 19), а перебѣленный автографъ, съ поправками и съ помѣтой «1836 авг. 21. Кам. остр.»—въ Румянцевскомъ музеѣ, тетр. № 2384, л. 57_2 (см. снимокъ въ т. IV настоящ. изд., стр. 47). Впервые пьеса появилась въ посмертномъ изд. «Сочин. П.», т. IX, 1841 г., стр. 121—122, подъ произвольнымъ заглавіемъ «Памятникъ» и съ поправками, принадлежащими Жуковскому, который, цензуры ради, вмѣсто «Александрійскаго столпа» (т. е. Александровской колонны передъ Зимнимъ дворцомъ) поставилъ «Наполеонова»; Гоголь («О лиризмѣ нашихъ поэтовъ, письмо къ В. А. Жуковскому»—«Соч. Гоголя», изд. 10-ое, IV, 46) писалъ: «въ «Наполеоновомъ столпѣ» виноватъ, конечно, ты, но положимъ, если бы даже стихъ остался въ своемъ прежнемъ видѣ, онъ все-таки послужилъ бы доказательствомъ, и даже еще бо̀льшимъ, какъ Пушкинъ, чувствуя свое личное преимущество, какъ человѣка, передъ многими изъ вѣнценосцевъ, слышалъ въ то же время всю малость званія своего передъ званіемъ вѣнценосца и умѣлъ благоговѣйно поклониться передъ тѣми изъ нихъ, которые показали міру величество своего званія». Жуковскому же принадлежитъ, конечно, и передѣлка 15-го стиха: «Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ». Окончательно текстъ былъ возстановленъ П. И. Бартеневымъ въ «Русс. Арх.» 1881, I, 235 (поправка въ изд. Лит. фонда, II, 190; VII, стр. LIX).

Эпиграфъ указываетъ на первоисточникъ, давшій пьесѣ основной тонъ. Это — знаменитая ода Горація «Ad Melpomenen», которую Пушкинъ зналъ, конечно, какъ зналъ онъ и подражаніе ей Державина «Памятникъ», которому самъ явно подражалъ:

Такъ!—весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.
Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ...
О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай...

Замѣчательно, что въ пьесахъ Пушкина и Державина одинаковое число стиховъ и строфъ. Не осталось безъ вліянія на Пушкина и другое горацiанское стихотвореніе Державина на ту же тему—«Лебедь»:

Съ Курильскихъ островов до Буга,
Отъ Бѣлыхъ до Каспійскихъ водъ,
Народы, свѣта съ полукруга,
Составившіе Россовъ родъ,
Со временемъ о мнѣ узнаютъ:
Славяне, Гунны, Скиѳы, Чудь...

Еще много лѣтъ назадъ, въ 1823 г., Пушкинъ мечталъ (набросокъ, относящійся къ 2-ой гл. «Онѣгина»,—«Русс. Стар.» 1884, іюнь, 568):

Быть можетъ, этотъ стихъ небрежный
Переживетъ мой вѣкъ мятежный.
Могу ль воскликнуть....
Exegi monumentum я
Воздвигнулъ памятникъ...

Бѣлинскій, который считалъ пьесу однимъ изъ лучшихъ произведеній Пушкина («Соч.», изд. Венгерова, VI, 276; изд. 1860 г., ч. VIII, 412), говоритъ («Соч.», изд. Венгерова, VIII, 171), что Пушкинъ «по-своему воспользовался, по примѣру Державина, примѣненіемъ къ себѣ этой мысли [Горацiя], въ собственной оригинальной формѣ. Въ стихотвореніи того и другого поэта рѣзко обозначился характеръ двухъ эпохъ, которымъ принадлежатъ они: Державинъ говоритъ о безсмертіи въ общихъ чертахъ, о безсмертіи книжномъ; Пушкинъ говоритъ о своемъ памятникѣ: «Къ нему не заростетъ народная тропа» и этимъ стихомъ олицетворяетъ ту живую славу для поэта, которой возможность настала съ его времени». Чернышевскій также подчеркиваетъ («Очерки Гоголев. періода русс. лит–ры») соціально-моральную тенденцію пьесы («благодѣтельно дѣйствовалъ на общество и защищалъ страдальцевъ»). Гоголь (ib., 50—51) видитъ въ стихотвореніи «душевный портретъ» самого поэта: «стоитъ только вспомнить Пушкина, чтобы видѣть, какъ вѣренъ этотъ портретъ. Какъ онъ весь оживлялся и вспыхивалъ, когда дѣло шло къ тому, чтобы облегчить участь какого-либо изгнанника или подать руку падшему! Какъ выжидалъ онъ первой минуты царскаго благоволенія къ нему, чтобы заикнуться не о себѣ, а о другомъ, несчастномъ, упадшемъ!» Ему дорога была слава («безъ непримѣтнаго слѣда мнѣ было бъ грустно міръ оставить», говорилъ онъ), но добро ему казалось выше, и онъ недаромъ сказалъ о своемъ Ленскомъ: «быть можетъ, онъ для блага міра иль хоть для славы былъ рожденъ». Тѣмъ высшимъ торжествомъ для него было сознаніе безсмертной славы, пріобрѣтенной соединеніемъ добра и красоты. «Чувства добрыя»—быть можетъ, прямое воспоминаніе о словахъ Александра I, который благодарилъ его за «bons sentiments, que ses vers inspirent» («Деревня», 1819 г.). Пушкинъ и въ буквальномъ смыслѣ слова призывалъ «милость къ падшимъ» («Стансы», посвященные Николаю I, «Друзьямъ») и славилъ свободу (ода «Вольность»), не говоря, конечно, объ общемъ значеніи его поэзіи. Въ призывѣ къ своей Музѣ онъ начерталъ идеалъ человѣка и поэта, смиренно сознавшаго Божественную волю и счастливаго своимъ согласіемъ съ нею. Поэтъ мирится и съ людьми. Онъ уже не отвергаетъ никого, предъ нимъ нѣтъ «черни», «безмысленнаго народа»: онъ хочетъ быть «любезнымъ народу», съ гордостью видитъ, какъ ширится «народная тропа». Но онъ не можетъ забыть, что безсмертенъ не одинъ геній,—безсмертны и подлость и глупость («услышишь судъ глупца»—«Поэту»), и противъ нихъ дѣйствительно одно средство—презрѣніе («останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ»—ib.) Какъ Заратустра на горную вершину, удалялся прежде Пушкинъ въ свое гордое одиночество («ты царь, живи одинъ»), но оно не было для него конечной цѣлью: цѣль—«благо міра», «чувства добрыя», «народная тропа». Таковъ завѣтъ Пушкина, завершающій его творчество, и если бы оно продлилось дольше, протянулось бы по инымъ, новымъ и новымъ путямъ и тропинкамъ, всѣ онѣ вели бы неизмѣнно къ народной тропѣ, которую никогда не терялъ изъ виду Пушкинъ.

Выраженіе «жестокій вѣкъ» напоминаетъ другое—«вѣкъ желѣзный» (см. выше, т. III, стр. 423, № 720). Совѣтъ: «не оспаривай глупца» встрѣчаемъ въ «Альбомѣ Онѣгина», какъ «мысль Корана» (ib., 326). Къ слову «нерукотворный» напрасно пробовалъ придраться кн. П. А. Вяземскій («Соч.», VIII, 333): «а чѣмъ же писалъ онъ стихи свои, какъ не рукою? Статуя ваятеля, картина живописца такъ же рукотворны, какъ и написанная пѣснь поэта». Стихотвореніе положено на музыку нѣсколько разъ (Петерб. универс. сборн. «Памяти П—на», 1900 г., стр. 88, 119—120).

783—784 [НА СТАТУИ.]

(т. IV, стр. 49).

На открывшейся въ концѣ сентября 1836 г. въ академіи художествъ выставкѣ общее вниманіе привлекали двѣ статуи, изображающія молодыхъ людей, играющихъ въ свайку и въ бабки, работы—первая А. В. Логановскаго (1812—1855), вторая—Н. С. Пименова (1812—1864). «Присутствіе, а еще болѣе самое исполненіе этихъ народныхъ статуй—писалось въ «Художественной Газетѣ» (1836 г., №№ 9—10, дек., 140—141)—пріятно изумило публику. Никто не миновалъ ихъ, не вкусивъ безотчетнаго удовольствія. Играющій въ свайку, Логановскаго, юноша, стройный, молодой, во всей порѣ юности, ведетъ игру, не требующую особаго напряженія,—напротивъ, ловкость его, небрежная по наружности, есть слѣдствіе навыка; усилія никакого. Онъ покоенъ, увѣренъ въ ударѣ. Лѣпка играющаго въ свайку прекрасна. Играющій въ бабки, Пименова,—уже мужъ зрѣлый, крѣпкій, сильный; игра его заставляетъ принять положеніе болѣе напряженное, и выборъ этого положенія отмѣнно удаченъ.... Эти изваянія имѣютъ и литературное достоинство! А. С. Пушкинъ почтилъ ихъ привѣтными античными четырестишіями, которыми, съ обязательнаго согласія автора, мы имѣемъ удовольствіе украсить наше изданіе. Эти четырестишія равно принадлежатъ какъ отечественной литературѣ, такъ и отечественнымъ художествамъ». Тутъ слѣдуютъ пьесы: «1. На статую играющаго въ свайку»; «2. На статую играющаго въ бабки» (Автографъ ихъ неизвѣстенъ). Исправляемъ опечатку въ 3-мъ стихѣ первой изъ нихъ, гдѣ слѣдуетъ читать: «Вотъ и товарищъ тебѣ»... Изъ «Худож. Газеты»

онѣ были перепечатаны «Русс. Архивомъ» 1869 г., ст. 073—074, а въ собранія сочиненій Пушкина стали включаться начиная съ второго изданія Г. Н. Геннади (1870 г.), по словамъ котораго (I, 520) Пушкинъ при первомъ свиданіи съ Пименовымъ «въ энергическомъ порывѣ и съ навернувшимися на глазахъ слезами, взявъ въ обѣ руки руку ваятеля, сказалъ громко: слава Богу, наконецъ и скульптура на Руси явилась народною».

По словамъ біографа Пименова, П. Петрова («Н. С. П., профессоръ скульптуры», СПб., 1883, стр. 5—6) Пушкинъ тутъ же на выставкѣ набросалъ четверостишіе въ записной книжкѣ, вырвалъ листокъ и вручилъ художнику съ приглашеніемъ къ себѣ; Пименовъ не могъ объ этомъ вспоминать безъ волненія. Взглядъ на народное значеніе статуи Пименова Пушкинъ подчеркнулъ во второй пьесѣ, гдѣ говоритъ о «русской удалой игрѣ»; она показалась ему болѣе народной, чѣмъ работа Логановскаго. Тогда же онъ горячо привѣтствовалъ первую русскую національную оперу—«Жизнь за царя» Глинки. Въ статуѣ Пименова Пушкинъ впервые увидѣлъ самобытную трактовку народнаго сюжета въ русской скульптурѣ. Прежніе русскіе скульпторы, Ѳедоръ Шубинъ, М. И. Козловскій, Иванъ Прокофьевъ, И. П. Мартосъ, С. И. Гальбергъ, гр. Ѳ. П. Толстой были по духу иностранцы и классики. Статуи Пименова и Логановскаго знаменуютъ въ русской скульптурѣ поворотъ къ народности, такъ одобрительно признанный Пушкинымъ. Замѣчательно, что ничего лучше этихъ статуй оба художника больше не создали.

Ѳ. Е. Коршу (изслѣдованіе о «Русалкѣ», стр. 90) показался неудачнымъ второй стихъ второй пьесы: «ужели не «поднялъ онъ мѣткую кость»?» «Между тѣмъ, слово «поднялъ» образуетъ правильный спондей, хотя, правда, классическая метрика не допускала замѣны дактиля спондеемъ во второй части пентаметра (Н. Н. Шульговскій, «Теорія и практика поэтическаго творчества», СПб., 1914, стр. 270). А. А. Потебня приводитъ вторую пьесу какъ примѣръ «превращенія въ разсказъ, рядъ моментовъ, скульптурнаго изображенія момента» («Изъ записокъ по теоріи словесности», Хар., 1905, стр. 6). «Здѣсь—говоритъ А. Н. Сиротининъ («Бесѣды о русс. словесности», СПб., 1909, стр. 237)—первокласный мастеръ слова вступаетъ въ состязаніе съ художникомъ рѣзца... Одинъ моментъ, схваченный Пименовымъ, онъ превращаетъ въ рядъ послѣдовательныхъ моментовъ и развертываетъ передъ нами картину, полную жизни... И не знаешь, кому отдать честь побѣды,—поэту или ваятелю. Кажется, что она принадлежитъ поэту. Пусть мы не видимъ у него лица мальчика, не ощущаемъ такъ осязательно его тѣла, но зато здѣсь выражено нѣчто безконечно болѣе важное, здѣсь въ дѣйствіи раскрывается передъ нами жизнь человѣческая, ибо гдѣ есть движеніе, тамъ есть и жизнь». Здѣсь оправдывается формулированный Лессингомъ («Лаокоонъ») законъ искусства: «дѣйствія составляютъ настоящій предметъ поэзіи». «Сюжетъ статуи — анализируетъ С. Любомудровъ («Античные мотивы въ поэзіи П-на», изд. 2-ое, СПб., 1901, стр. 49—50)—выраженъ въ словахъ: «наклонился, рукой о колѣно бодро оперся, другой поднялъ мѣткую кость, вотъ ужъ прицѣлился»...; но поэтъ, инстинктивно чувствуя, что границы поэзіи въ данномъ случаѣ должны быть гораздо шире, нежели скульптуры, захватываетъ также предыдущій и послѣдующій моменты, характеризуя первый словами: «юноша трижды шагнулъ»... и указывая на второй обращеніемъ къ воображаемой толпѣ, окружившей играющихъ: «прочь! раздайся, народъ любопытный»... Не менѣе красива другая эпиграмма; надо только вникнуть, какое тонкое пониманіе пластической красоты обнаруживаетъ слѣдующій стихъ, съ его текущими другъ за другомъ эпитетами: «Юноша, полный красы, напряженья, усилія чуждый, строенъ, легокъ и могучъ»; да, эта фигура дѣйствительно подъ пару «Дискоболу», и поэтъ чудно закруглилъ и заключилъ впечатлѣніе этимъ сравненіемъ русскаго молодца съ античнымъ идеаломъ мужской красоты и граціи». Дискоболъ (метатель диска) — статуя Мирона, греческаго скульптора V в. до Р. Х., о которой Квинтиліанъ писалъ: «quid tam distortum atque elaboratum, quam ille Discobolus Myronis?» Она дошла до насъ не въ подлинникѣ, а въ нѣсколькихъ копіяхъ, самая популярная изъ которыхъ была найдена въ XVIII в. и находится въ Римѣ, въ палаццо Массими.

---

785. [19 ОКТЯБРЯ 1836].

(т. IV, стр. 50).

Черновые автографы этой пьесы, безъ заглавія, вѣроятно, такъ и оставшейся незаконченной, находятся въ тетрадяхъ Румянцевскаго музея № 2377-А, л. 1, и № 2386-В, лл. 2 и 78. Въ первой есть поправки, принадлежащія, быть можетъ, Жуковскому; о нихъ см. «Русс. Арх.» 1881 г., III, 471, и «Русс. Стар.» 1884 г., окт., 84—85; въ настоящ. изданіи воспроизведенъ текстъ тетради № 2377. Впервые пьеса появилась въ «Современникѣ», т. V, 1837 г., стр. 316—317, подъ заглавіемъ: «Лицейская годовщина»; здѣсь она кончалась стихомъ: «На рубежѣ Европы бодро сталъ». Въ собранія сочиненій Пушкина стала включаться начиная съ посмертнаго изданія (IX, 1841 г., 235—238), гдѣ была напечатана подъ рубрикой: «Послѣднія три стихотворенія А. С. Пушкина». Послѣдніе полтора стиха («И надъ землей»... и т. д.) появились въ «Русс. Арх.», l. c. Мы принимаемъ условное для всѣхъ посвященныхъ лицейскимъ годовщинамъ стихотвореній заглавіе. Имъ, говоритъ Анненковъ (см. его изд. «Сочин. П—на», III, 72), «слѣдовало бы всегда называться «19-е Октября». Начиная съ 1825 г., они составляютъ правильную цѣпь, звенья которой выражаютъ взглядъ, настроеніе духа, образъ мыслей автора въ разныя эпохи. Эпическій тонъ послѣдней лицейской пѣсни Пушкина завершаетъ достойнымъ образомъ весь циклъ ихъ, начатой съ такимъ лирическимъ одушевленіемъ»... (сравн. его «Матеріалы«—ib., I, 223).

Стихотвореніе было написано, по всей вѣроятности, незадолго до 19 октября 1836 г., дня двадцатипятилѣтія лицея. Первокурсные рѣшили праздновать этотъ день попрежнему отдѣльно отъ другихъ выпусковъ, и Пушкинъ писалъ М. Л. Яковлеву (см. письмо № 675): «нечего для двадцатипятилѣтняго юбилея измѣнять старинные обычаи лицея: это было бы худое предзнаменованіе». И, намекая на свою пьесу «19 октября 1825», прибавилъ: «сказано, что и послѣдній лицеистъ одинъ будетъ праздновать 19 октября». Собраніе состоялось въ квартирѣ М. Л. Яковлева, и до насъ дошелъ протоколъ его, первые пять

ПАМЯТНИКЪ ПУШКИНУ ВЪ МОСКВѢ

по проекту акад. Опекушина.

ыли перепечатаны «Русс. Архивомъ» 1869 г., 73—074, а въ собраніи сочиненій Пушкина включаться начиная съ второго изданія Гонади (1870 г.), по словамъ котораго (I, Пушкинъ при первомъ свиданіи съ Пименовымъ «въ энергическомъ порывѣ и съ навернувшимися на глазахъ слезами, взявъ къ обѣ руки [illegible] сказалъ громко: слава Богу, наконецъ скульптура на Руси явилась народною». По словамъ біографа Пименова, П. Петрова [illegible] профессора [illegible], СПб., 1883, 5—6) Пушкинъ тутъ же на выставкѣ набро[illegible] [illegible] вручилъ художнику съ приглашеніемъ [illegible] Пименовъ не могъ объ этомъ вспоми[illegible] волненія. Взглядъ на народное значе[illegible]атуи Пименова Пушкинъ подчеркнулъ во [illegible]й пьесѣ, гдѣ говоритъ о «русской удалой [illegible] она показалась ему болѣе народной, [illegible] работа Логановскаго. Тогда же онъ горячо [illegible]тствовалъ первую русскую національную [illegible] «Жизнь за царя» Глинки. Въ статуѣ Пи[illegible]а Пушкинъ впервые увидѣлъ самобытную [illegible]ку народнаго сюжета въ русской скульп[illegible] Прежніе русскіе скульпторы, Ѳедоръ Шу[illegible] М. И. Козловскій, Иванъ Прокофьевъ, [illegible] Мартосъ, С. И. Гальбергъ, гр. Ѳ. П. Толстой [illegible] по духу иностранцы и классики. Статуи [illegible]ева и Логановскаго знаменуютъ въ русской [illegible]ѣ поворотъ къ народности, такъ одоб[illegible]емый признанный Пушкинымъ. Замѣчательно, [illegible] чего лучше этихъ статуй оба художника [illegible] не создали.

[illegible] Е. Корнуу (изслѣдованіе о «Русалкѣ», стр. 90) [illegible]ался незначнымъ второй стихъ второй пьесы: «подвязалъ онъ мѣткую кость». Между [illegible] [illegible] правда, классическая метрика не [illegible] [illegible] пентаметра (И. И. Шульговскій, [illegible] [illegible] поэтическаго творчества», СПб., 1914, [illegible] А. Потебня приводитъ вторую пьесу [illegible] «превращенія въ разсказъ, рядъ [illegible] пластическаго изображенія момента» [illegible] теоріи словесности», Хар., 1905, [illegible]). «Здѣсь,—говоритъ А. Н. Веселовскій («Бе[illegible] русс. словесности», СПб., 1909, стр. 237)— [illegible]ласный мастеръ слова вступаетъ въ [illegible]ніе съ художникомъ рѣзца. Одинъ мо[illegible] схваченный Пименовымъ, онъ превращаетъ [illegible] послѣдовательныхъ моментовъ и развер[illegible] передъ нами картину, полную жизни... [illegible] кому отдать честь побѣды,—поэту [illegible] Кажется, что она принадлежитъ [illegible] Пусть мы не видимъ у него лица маль[illegible] не ощущаемъ такъ осязательно его тѣла, [illegible] [illegible]ажено ничто безконечно болѣе [illegible] дѣйствію раскрывается передъ [illegible] жизнь человѣческая, ибо гдѣ есть движеніе, [illegible] есть и жизнь. Здѣсь оправдывается форму[illegible] [illegible] Лессингомъ («Лаокоонъ») законъ [illegible]

[illegible] Сюжетъ статуи — анализируетъ [illegible]бомудровъ. Античные мотивы въ поэзіи [illegible], изд. 2-ое, СПб., 1901, стр. 49—50)—выра[illegible] въ словахъ: «наклонился, рукой о колѣно [illegible]о оперся, другой подвялъ мѣткую кость, вотъ [illegible] прицѣлился»...; но поэтъ, инстинктивно чув[illegible]я, что границы поэзіи въ данномъ случаѣ [illegible]ны быть гораздо шире, нежели скульптуры, [illegible]тываетъ также предыдущіи и послѣдующіи моменты, характеризуя первый словами: «юноша трижды шагнулъ»... и указывая на второй обращеніемъ къ воображаемой толпѣ, окружающей играющихъ: «прочь! раздайся, народъ любопытный»... Не менѣе красива другая эпиграмма; настолько вникнуть, какое тонкое пониманіе пластической красоты обнаруживаетъ слѣдующій стихъ съ его текущими другъ за другомъ эпитетами: «Юноша, полный красы, напряженья, усилія чуждый, строенъ, легокъ и могучъ»; да, эта фигура дѣйствительно подъ пару «Дискоболу», и поэтъ чудно закруглилъ и заключилъ впечатлѣніе этимъ сравненіемъ русскаго молодца съ античнымъ идеаломъ мужской красоты и граціи». Дискоболъ (метатель диска) — статуя Мирона, греческаго скульптора V в. до Р. Х., о которой Квинтиліанъ писалъ: «quid tam distortum atque elaboratum, quam ille Discobolus Myronis?» Она дошла до насъ не въ подлинникѣ, а въ нѣсколькихъ копіяхъ, самая популярная изъ которыхъ была найдена въ XVIII в. и находится въ Римѣ, въ палаццо Массими.

---

785. [19 ОКТЯБРЯ 1836].

(т. IV, стр. 50).

Черновые автографы этой пьесы, безъ заглавія, вѣроятно, такъ и оставшейся незаконченной, находятся въ тетрадяхъ Румянцевскаго музея № 2377-А, л. 1, и № 2386-В, лл. 2 и 78. Въ первой есть поправки, принадлежащія, быть можетъ, Жуковскому; о нихъ см. «Русс. Арх.» 1881 г., III, 471, и «Русс. Стар.» 1884 г., окт., [illegible] [illegible] впервые появилась въ «Современникѣ», т. V, 1837 г., стр. 316—317, подъ [illegible] «Годовщина»; здѣсь она [illegible] «На рубежѣ Европы бодр[illegible] [illegible] Въ собраніи сочиненій Пушкина стала включаться начиная съ посмертнаго изданія (IV, 1841 г., 235—238), гдѣ была напечатана подъ рубрикой: «Послѣднія три стихотворенія А. С. Пушкина». Послѣдніе полтора стиха («И надъ землею [illegible] и т. д.) появились въ «Русс. Арх.», i. e. Мы принимаемъ условное для всѣхъ посвященныхъ лицеискимъ годовщинамъ стихотворній заглавіе Нѣтъ, говоритъ Анненковъ (см. его изд. «Сочин. П—на», III, 72), «слѣдовало бы всегда называться «19-е Октября». Начиная съ 1825 г., они составляютъ правильную цѣпь, звенья которой выражаютъ взглядъ, настроеніе духа, образъ мыслей автора въ разныя эпохи. Лирическій тонъ послѣдней лицейской пѣсни Пушкина завершаетъ [illegible] [illegible] обрядомъ весь циклъ ихъ, начатый съ такимъ лирическимъ одушевленіемъ»... (сравнить его «Матеріалы»—ib., I, 223).

Стихотвореніе было написано, по всей вѣроятности, незадолго до 19 октября 1836 г., [illegible] двадцатипятилѣтія лицея. Первокурсные рѣшились праздновать этотъ день попрежнему [illegible] отъ другихъ выпусковъ, и Пушкинъ [illegible] М. Л. Яковлеву (см. письмо № 675): «[illegible] двадцатипятилѣтняго юбилея измѣнить старинному обычаю лицея: это было бы худое предзнаменованіе». И, намекая на свою пьесу «19 [illegible] 1825», прибавилъ: «сказано, что и послѣдній лицеистъ одинъ будетъ праздновать 19 [illegible]». Собраніе состоялось въ квартирѣ М. Л. Яковлева, и до насъ дошелъ протоколъ его, перепечатанный по просьбѣ дѣвъ. Пушкинъ въ Москвѣ

пунктовъ котораго написаны Пушкинымъ (напечат. В. П. Гаевскимъ въ статьѣ «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ Пушкинское время»—«Отечеств. Записки», т. 139, 1861 г., ноябрь, отд. II, стр. 37—38; автографъ находится у К. Я. Грота, помѣстившаго снимки съ него въ своей книгѣ «Пушкинскій Лицей», СПб., 1911 г., стр. 350—351; см. его же статьи «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ»—«Нов. Время» 1909 г., № 12071, и «П—нъ и его соврем.», XIII, 58—63). Вотъ этотъ протоколъ.

«19 октября 1836. Праздновали двадцатипятилѣтіе лицея» (тутъ рукою Яковлева приписанъ его адресъ и слѣдуютъ собственноручныя подписи участниковъ) «Юдинъ, Мясоѣдовъ, Гревенцъ, Яковлевъ, Мартыновъ, Модестъ Корфъ, А. Пушкинъ, Алексѣй Илличевскій, Ф. Стевенъ, К. Данзасъ. Собрались вышеупомянутые господа лицейскіе въ домѣ у Яковлева и пировали слѣдующимъ образомъ: 1) обѣдали вкусно и шумно, 2) выпили три здоровья (по заморскому toasts): a) за двадцатипятилѣтіе лицея, b) за благоденствіе лицея, c) за здоровье отсутствующихъ; 3) читали письма, писанныя нѣкогда отсутствующимъ братомъ Кюхельбекеромъ къ одному изъ товарищей; 4) читали старинные протоколы и пѣсни и проч. бумаги, хранящіяся въ архивѣ лицейскомъ у старосты Яковлева; 5) поминали лицейскую старину» (остальное писано рукой Яковлева); «6) пѣли національныя пѣсни, 7) Пушкинъ начиналъ читать стихи на 25-лѣтіе лицея, но всѣхъ стиховъ не припомнилъ и кромѣ того отозвался, что онъ ихъ не докончилъ, но обѣщалъ докончить, списать и пріобщить въ оригиналѣ къ сегодняшнему протоколу. *Примѣчаніе.* Собрались всѣ въ половинѣ пятаго часа, разошлись въ половинѣ десятаго». Къ этому протоколу въ бумагахъ Грота (Я. Гротъ, «П—нъ»..., изд. 2-ое, стр. 301) присоединенъ печатный текстъ, на трехъ нумерованныхъ страничкахъ, вышедшій «вскорѣ послѣ празднованія» (?); быть можетъ, отпечаталъ его Яковлевъ. Онъ озаглавленъ: «Лицейская годовщина 1836.»

М. Л. Яковлевъ (см. «П—нъ» Л. Н. Майкова, стр. 321—322) разсказывалъ П. В. Анненкову («Матеріалы», 245), что Пушкинъ «по обыкновенію и къ 1836 году приготовлялъ лирическую пѣснь, но не успѣлъ ее докончить. Въ день праздника онъ извинился передъ товарищами, что прочтетъ имъ пьесу не вполнѣ додѣланную, развернулъ листъ бумаги: помолчалъ немного и, только что началъ, при всеобщей тишинѣ, свою удивительную строфу. «Была пора, нашъ праздникъ молодой сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался», какъ слезы покатились изъ глазъ его... Онъ положилъ бумагу на столъ и отошелъ въ уголъ комнаты, на диванъ... Другой товарищъ уже прочелъ за него послѣднюю лицейскую годовщину». Спустя мѣсяцъ, 24 ноября, Яковлевъ писалъ В. Д. Вольховскому объ этомъ собраніи: «примѣтно старѣемъ мы! Никто лишняго уже не пьетъ, никто съ избыткомъ сердца не веселится. Впрочемъ, время провели мы весьма пріятно. Всѣ разошлись чинно въ 10-мъ часу. Пушкинъ было начиналъ читать стихи на 25-лѣтіе, но не вспомнилъ. Обѣщалъ ихъ докончить и доставить. Проходитъ мѣсяцъ, а обѣщаніе еще не выполнено. Боюсь—обманетъ» (Н. Гастфрейндъ, «Товарищи П—на по Имп. Царскосельскому Лицею», т. I, СПб., 1912, стр. 155). Г. Гастфрейндъ (ib., 542; т. II, 250—251) находитъ, что слезы Пушкина и проч.—«легенда»... «все это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и всѣ эти слезы и чуть не обмороки Пушкина имѣли мѣсто въ пылкомъ воображеніи Анненкова и Гаевскаго» (Гаевскій, ibid., также сообщаетъ объ этомъ со словъ того же Яковлева). Приводя цитированныя выше строки изъ письма Яковлева къ Вольховскому, г. Гастфрейндъ говоритъ, что, «если бы что-либо подобное случилось въ дѣйствительности, намъ кажется, Яковлевъ не преминулъ бы извѣстить своего друга Вольховскаго»... Однако, это не возраженіе, и умолчаніе Яковлева въ письмѣ къ Вольховскому о слезахъ Пушкина не опровергаетъ того, что разсказалъ онъ Анненкову и Гаевскому. Правда, Анненковъ и Гаевскій не совсѣмъ одинаково передаютъ слова Яковлева. Гаевскій сообщаетъ, что Пушкинъ читалъ свои стихи наизусть, такъ что другой не могъ ихъ дочитать за него; это, пожалуй, такъ, потому что въ письмѣ Яковлева говорится: «начиналъ читать, но не вспомнилъ». А можетъ быть «не вспомнилъ» не самой пьесы, а того конца ея, который такъ и остался недовершеннымъ, все же предыдущее читалъ по черновику (Замѣтимъ, что автографъ въ тетради № 2377—отдѣльный, вырванный откуда-то листъ; быть можетъ, съ него-то и читалась пьеса въ собраніи 19 октября 1836 г.). Въ этотъ же день, въ далекой Сибири, изнывавшій въ ссылкѣ Кюхельбекеръ вспомнилъ Пушкина въ задушевной пьесѣ, которую послалъ другу («19 октября 1836 года»—«Собр. стихотв. декабристовъ», Лпц., 1862, стр. 143—144; назв. ст. Гаевскаго, стр. 38).

Грустный, элегическій тонъ пьесы, во всякомъ случаѣ, говоритъ о тяжелыхъ предчувствіяхъ. Въ 1836 г. они часто навѣщали его. Печать безысходной грусти лежитъ на всемъ его творчествѣ послѣдняго года, и недаромъ онъ словно поспѣшилъ подвести себѣ «итогъ», гордый, но справедливый, въ «Памятникѣ»; недаромъ задумывался о вѣчномъ покоѣ сельскаго кладбища. Пушкина покинула его обычная жизнерадостность, и онъ зналъ, что конецъ его близокъ. Левъ Толстой говорилъ: «ни въ какія предчувствія я не вѣрю, а въ предчувствія смерти вѣрю» (В. Ѳ. Булгаковъ, «У Толстого въ послѣдній годъ его жизни», М., 1911, стр. 120). Послѣдніе мѣсяцы Пушкина, погибшаго катастрофически, во цвѣтѣ лѣтъ и здоровья,—доказательство, что такимъ предчувствіямъ вѣрить можно. Пушкинъ готовъ принять смерть какъ всегда принималъ жизнь—«не сѣтуйте: таковъ судьбы законъ»... «Все благо: бдѣнія и сна приходитъ часъ опредѣленный». Онъ только золотитъ свой закатъ томительно-сладкими воспоминаніями о миновавшей молодости и умершихъ друзьяхъ (см. также примѣч. къ № 683), гордыми историческими воспоминаніями. Онъ обозрѣваетъ протекшія двадцать пять лѣтъ,—отъ торжественнаго открытія лицея (см. въ I т. нашу статью «П—нъ въ лицеѣ») и «грозы 12-го года» до послѣднихъ лѣтъ, когда «на рубежѣ Европы бодро сталъ» Николай I, суровый монархъ-охранитель, гонитель «новыхъ тучъ», тучъ парижской революціи 1830 г., польскаго возстанія 1831 г. Поэтъ опять нашелъ теплыя слова для Александра I, которому столько разъ «подсвистывалъ» (см. №№ 108, 162, 403, 583), о 12-мъ годѣ вспомнилъ иначе, чѣмъ въ скептической «10-ой» главѣ «Онѣгина» (см. здѣсь, № 1068), съ энтузіазмомъ лицейскихъ одъ и «Наполеона» (см. также «Метель»). Посвященная 12-му году строфа, по выраженію графа М. А. Корфа (Я. К. Гротъ, «П—нъ, его лицейскіе товарищи и наставники»,

изд. 2-ое, 237) была «не поэтической прикрасою. Весною и лѣтомъ 1812 г. почти ежедневно шли черезъ Царское Село войска... Не говоря уже о жадности, съ которою пожиралась и комментировалась каждая реляція, не могу не вспомнить горячихъ слезъ, которыя мы проливали надъ Бородинскою битвою, выдававшеюся тогда за побѣду, но въ которой мы инстинктивно видѣли другое, и надъ паденіемъ Москвы». Другой лицеистъ, И. И. Пущинъ («Записки», СПб., 1907, стр. 23), разсказывалъ: «эти событія сильно отразились на нашемъ дѣтствѣ. Началось съ того, что мы провожали всѣ гвардейскіе полки, потому что они проходили мимо самаго лицея; мы всегда были тутъ при ихъ появленіи, выходили даже во время классовъ, напутствовали воиновъ сердечною молитвой, обнимались съ родными и знакомыми; усатые гренадеры изъ рядовъ благословляли насъ крестомъ. Не одна слеза тутъ пролита!.. Всему живо сочувствовалось у насъ; опасенія смѣнялись восторгами при малѣйшемъ проблескѣ къ лучшему. Профессора приходили къ намъ и научали насъ слѣдить за ходомъ дѣлъ и событій, объясняя иное, намъ недоступное». 12-му г. Пушкинъ посвятилъ еще нѣсколько стиховъ, которыми хотѣлъ продолжить «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» 1829 г. (см. нашу ст. «Изъ черновыхъ рукописей П—на. Стихи о 12-мъ годѣ»—«Рѣчь» 1911 г., № 159). Содержаніемъ и тономъ они близки къ «19 октября 1836»:

Среди святыхъ воспоминаній
Я здѣсь безпечно возрасталъ,
А глухо между тѣмъ потокъ народной брани
Ужъ волновался и роптал.
Россію обняла кровавая забота,
И мимо нашихъ рощъ.....
И тучи конныя, и тяжкая пѣхота,
И пушекъ свѣтлые ряды.

Поэтъ разсказываетъ, что онъ и его товарищи—«на нихъ», т. е. на проходившія мимо Царскаго Села войска,

...завистливо взирали,
Ловили брани дивной звукъ
И негодуя проклинали
И дѣтскія лѣта...
И узы мирныя наукъ.

---

786. КОЛЬ ТЫ КЪ СМИРДИНУ ВОЙДЕШЬ.

(т. IV, стр. 51).

Впервые эпиграмма была напечатана въ «Библіогр. Запискахъ» 1858 г., № 12, ст. 370, въ такой редакціи:

Къ Смирдину какъ ни зайдешь,—
Ничего не купишь.
Иль Сенковскаго найдешь,
Иль въ Булгарина наступишь.

Та же редакція воспроизведена Н. В. Гербелемъ въ берлинскомъ томикѣ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина, 1861 г., стр. 118, и въ статьѣ «Для будущаго полнаго собранія сочиненій Пушкина» («Русс. Арх.» 1876 г., III, 227); съ небольшимъ варіантомъ («придешь» вмѣсто «зайдешь») повторена И. И. Панаевымъ въ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» («Современникъ» 1861 г., т. 85, № 1, отд. I, стр. 156). Самое же раннее упоминаніе о ней находится въ одномъ письмѣ П. А. Плетнева къ Я. К. Гроту, 1840 г.: «вотъ старая эпиграмма А. Пушкина: Къ Смирдину какъ ни зайдешь»... и т. д. Графъ В. А. Сологубъ («Воспоминанія», М., 1866 г., стр. 46; СПб., 1887 г., стр. 180) разсказываетъ, что въ ноябрѣ 1836 г., зайдя вмѣстѣ съ Пушкинымъ въ книжную лавку Смирдина, тамъ «импровизировалъ эпиграмму: «Коль ты къ Смирдину войдешь, Ничего тамъ не найдешь. Ничего ты тамъ не купишь, Лишь Сенковскаго толкнешь». Эти четыре стиха я сказалъ выходящему Александру Сергѣевичу, который съ необыкновенною живостью заключилъ:

Иль въ Б..... наступишь».

Однако, Сологубу трудно въ этомъ случаѣ вѣрить. И. И. Панаевъ разсказываетъ въ «Литерат. воспоминаніяхъ», что однажды встрѣтился въ лавкѣ Смирдина съ Пушкинымъ и С. А. Соболевскимъ, который, «съ улыбкой обратившись къ Смирдину, началъ съ нѣкоторою торжественностью: «Къ Смирдину какъ ни придешь»... и остановился. Смирдинъ заюлилъ и началъ ухмыляться... Послѣ я уже узналъ, что стихъ, произнесенный Соболевскимъ у Смирдина, былъ первый стихъ извѣстнаго экспромпта Пушкина». Это было, судя по разсказу Панаева (хронологія у него не устанавливается точно) гораздо раньше ноября 1836 г. Въ лавкѣ Смирдина часто собирались петербургскіе литераторы (см. «Изъ воспоминаній петербургскаго старожила» П. Юркевича—«Ист. Вѣстн.» 1882 г., октябрь, стр. 166). Слова «Сенковскаго толкнешь» могли быть сказаны только въ томъ случаѣ, если бы автору эпиграммы дѣйствительно случилось толкнуть Сенковскаго, а о встрѣчѣ съ Сенковскимъ Сологубъ даже не упоминаетъ. Это обстоятельство въ связи съ разсказомъ Панаева и показаніемъ Плетнева заставляетъ отвергнуть «версію» Сологуба, считать эпиграмму всецѣло пушкинской, принимать текстъ «Библіогр. Записокъ» и относить ее не къ 1836 г., а къ болѣе раннему времени,—безъ излишней точности къ первой половинѣ 30-хъ годовъ. П. А. Ефремовъ («Сочин. П.», изд. 1880 г., III, 450, 456) находилъ, что она «относится къ 1836 г., если дѣйствительно принадлежитъ Пушкину», но въ слѣдующемъ изданіи (1882 г., VII, 347) повторилъ версію Сологуба.

Она представляетъ собою пародію на четверостишіе, посвященное Смирдину А. Е. Измайловымъ:

Когда къ вамъ ни придешь,
То литераторовъ всегда у васъ найдешь
И въ умной дружеской бесѣдѣ
Забудешь иногда, ей-ей, и объ обѣдѣ.

(О Смирдинѣ см. примѣч. къ № 675). За пропускъ въ «Библіогр. Запискахъ» нѣсколькихъ стихотвореній Пушкина, въ томъ числѣ данной эпиграммы, цензору былъ сдѣланъ выговоръ («Пушк. и его соврем.», VI, 42).

---

787. [КАНОНЪ ВЪ ЧЕСТЬ М. И. ГЛИНКИ].

(т. IV, стр. 51).

Такъ какъ вопросъ о томъ, что именно въ этой коллективной шуткѣ принадлежитъ Пушкину, до сихъ поръ еще не былъ точно выясненъ, мы приводимъ ее всю цѣликомъ въ томъ видѣ, въ какомъ она напечатана въ первомъ изданіи «Канона» («Канонъ, слова Пушкина, Жуковскаго, князя Вяземскаго и гр. Віельгорскаго, музыка кн. В. Ѳ. Одоевскаго и М. И. Глинки». Музыка положена на четыре голоса. Напеч. въ СПб. 15 декабря 1836 г., въ листъ; перепечат. въ «Запискахъ» М. И. Глинки—«Рус. Стар.» 1870 г. и отд. СПб., 1887, стр. 118—119).

Пушкинъ.

Пой въ восторгѣ, русскій хоръ,
Вышла новая новинка.
Веселися, Русь! нашъ Глинка—
Ужъ не Глинка, а фарфоръ!

Кн. Вяземскій.

За прекрасную новинку
Славить будетъ гласъ молвы
Нашего Орфея—Глинку—
Отъ Неглинной –до Невы!

Жуковскій.

Въ честь столь славныя новинки
Грянь, труба и барабанъ!
Выпьемъ за здоровье Глинки
Мы глинтвейну стаканъ!

Гр. Віельгорскій.

Слушая сію новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещетъ, но ужъ Глинку
Затоптать не можетъ въ грязь!

Затѣмъ опять повторяется первый куплетъ. Самъ Глинка говоритъ въ своихъ запискахъ (изд. 1887 г., 118): «считаю нелишнимъ привести здѣсь стихи, сочиненные въ честь мою на дружескомъ вечерѣ у князя Одоевскаго Жуковскимъ, Пушкинымъ, княземъ Вяземскимъ и Соболевскимъ». Но Глинка не привелъ стиховъ ни въ подлинной рукописи записокъ, ни въ провѣренной имъ копіи. 26 ноября 1855 г. онъ писалъ Д. В. Стасову: «у князя Одоевскаго хранятся куплеты на меня, написанные зимою съ 1836 на 1837 годъ Пушкинымъ, Жуковскимъ и К. Вяземскимъ. Если не ошибаюсь, то должно быть 4 куплета—всего 16 стиховъ. Соблаговолите вооружиться исполинскою настойчивостью, чтобы получить копію съ этихъ стиховъ» (ibid., 366—367). 23 іюня 1856 г. Глинка опять проситъ Д. В. Стасова «пріобрѣсть копію этихъ стиховъ отъ кн. Одоевскаго» и, «получа, присоединить къ запискамъ». Память, повидимому, измѣнила Глинкѣ, который не вспомнилъ, что стихи были напечатаны, и въ запискахъ назвалъ Соболевскаго однимъ изъ ихъ авторовъ. Приведенный выше текстъ былъ сообщенъ редакціи «Русс. Старины» (1870 г., т. II, стр. 312—313) С. А. Соболевскимъ при слѣдующей замѣткѣ: «Послѣ князя Одоевскаго нашлась четвертушка нотной бумаги, на которой близко знакомою мнѣ рукою Всеволожскаго написаны стихи, сложенные Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Жуковскимъ въ честь Глинки; тутъ же, рукою кн. Одоевскаго, музыка на эти куплеты и собственноручная рукою Одоевскаго замѣтка о томъ, что все это происходило на обѣдѣ 13 декабря 1836 года у Александра Всеволодовича Всеволожскаго, что первый куплетъ—Жуковскаго, второй—Вяземскаго, третій—Жуковскаго, четвертый—Пушкина, и что музыка—кн. Одоевскаго и гр. Михаила Юрьевича Віельгорскаго (въ печ. изд. канона—названъ Глинка), обо мнѣ—ни слова. Я думаю, что память измѣнила Глинкѣ, назвавшему меня въ числѣ творцовъ шутливаго «канона»; я съ августа мѣсяца 1836 года былъ за границей, гдѣ оставался на этотъ разъ около года». Редакція «Русс. Старины» здѣсь прибавляетъ: «отмѣтимъ, что въ печатномъ изданіи канона куплеты приписаны авторамъ въ такомъ порядкѣ: 1-й—Віельгорскаго, 2-й—Вяземскаго, 3-й—Жуковскаго, 4-й – Пушкина. На спискѣ, принадлежащемъ г. Соболевскому, наверху надпись «Canon à l'unisson», внизу отмѣтка: 13 декабря 1836 года, на обѣдѣ у Всеволожскаго». Итакъ, здѣсь говорится о двухъ спискахъ: одномъ, найденномъ въ бумагахъ Одоевскаго, и какомъ-то другомъ, бывшемъ у Соболевскаго. Какъ распредѣлены куплеты между авторами въ послѣднемъ, не сказано, но списокъ Одоевскаго расходится въ этомъ отношеніи съ печатнымъ изданіемъ, хотя оба они согласно приписываютъ Пушкину четвертый куплетъ. Намъ нигдѣ не удалось достать первое изданіе «Канона», но въ позднѣйшемъ изданіи Стелловскаго [«Романсы и пѣсни М. И. Глинки», № 27,—«Появилася новинка (Канонъ)»] такъ же, какъ въ томъ, не обозначенномъ точно, на которое ссылается «Русс. Старина», 1-й куплетъ приписанъ Віельгорскому, 2-й—Вяземскому, 3-й Жуковскому и 4-й — Пушкину (цензурное разрѣшеніе—«С.-Петербургъ, 15 декабря 1836 г.»).

На Пушкинской выставкѣ, устроенной въ 1880 г. въ Петербургѣ комитетомъ общества для пособія нуждающ. литераторамъ и ученымъ (см. ея «Каталогъ», СПб., 1880, стр. 55), фигурировалъ «автографъ канона, сочиненнаго въ честь Глинки 13 декабря 1836 г. на завтракѣ у Александра Всеволодовича Всеволожскаго графомъ Віельгорскимъ, княземъ Вяземскимъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ и положеннаго на музыку княземъ Одоевскимъ. Рукою Пушкина написанъ послѣдній куплетъ, сбоку. Все остальное, карандашемъ и чернилами, написано кн. Одоевскимъ. Автографъ этотъ принадлежалъ управляющему имѣніями Всеволожскихъ А. И. Колмыкову (ум. въ 1880 г.), отъ котораго пріобрѣтенъ въ 1873 г. въ Перми Елис. Никит. Зенковичъ. Упоминаемая въ «Запискахъ М. И. Глинки» («Русс. Стар.» 1870 г., т. II, стр. 312) рукопись А. В. Всеволожскаго, найденная въ бумагахъ кн. Одоевскаго, есть копія съ этого автографа.—Собств. А. Сигунова». На петербургской Пушкинской выставкѣ 1899 г. этотъ автографъ опять былъ выставленъ, и въ Альбомѣ выставки (текстъ, стр. 24, № 765) еще разъ указано: «послѣдній куплетъ написанъ рукой Пушкина». Надо думать, что А. В. Всеволожскій (братъ Н. В. Всеволожскаго, которому Пушкинъ посвятилъ извѣстное посланіе (см. т. I, № 191), тоже членъ «Зеленой Лампы»), хозяинъ дома, гдѣ Глинку чествовали друзья, оставилъ подлинникъ себѣ на память, и печатались куплеты съ не совсѣмъ исправной копіи. Во всякомъ случаѣ, имъ подтверждается принадлежность Пушкину четвертаго куплета («Слушая сію новинку»...). На той же выставкѣ («Каталогъ», 23—24) находился печатный экзем-

пляръ канона съ нотами. Странно, что П. А. Ефремовъ (см. его изд. «Сочин. П.», 1880 г., III, 456; 1882, III, 472; 1903—1905 г.г., II, 389 и VIII, 376) списалъ текстъ не съ автографа, а съ печатнаго экземпляра и въ первыхъ двухъ изданіяхъ приписалъ куплеты авторамъ согласно указанію печатной редакціи, а въ третьемъ прибавилъ, противорѣча самому себѣ: «1-й куплетъ приписывается Пушкину (или гр. М. Ю. Віельгорскому),... 4-й—гр. Віельгорскому (или Пушкину)» (т. II, 1. с.), и въ примѣчаніяхъ (т. VIII, 1. с.): «кажется, вѣрнѣе предполагать, что Пушкинъ написалъ 1-й куплетъ, а не послѣдній».

Событіе, по поводу котораго написанъ «Канонъ»,—постановка «Жизни за царя». Пушкинъ присутствовалъ на первомъ представленіи оперы 27 ноября 1836 г. Тѣсной близости между Пушкинымъ и Глинкой не было. Познакомились они еще когда Глинка воспитывался въ благородномъ пансіонѣ при главномъ педагогическомъ институтѣ, гдѣ учился братъ Пушкина Левъ, котораго поэтъ иногда тамъ навѣщалъ (1817—1820). По возвращеніи Пушкина въ Петербургъ они встрѣчались дружески у А. П. Кернъ (см. ея воспоминанія), Дельвига, Жуковскаго; бывалъ Пушкинъ и у самого Глинки. Пушкинъ написалъ на его музыку текстъ «Не пой, красавица, при мнѣ»... (см. примѣч. къ № 528); Глинка надѣялся по его указаніямъ составить либретто «Руслана и Людмилы» (Пушкинъ говорилъ ему, что «многое бы передѣлалъ» въ поэмѣ), сочинилъ нѣсколько романсовъ на слова Пушкина («Ночной зефиръ»..., «Я помню чудное мгновенье»..., «Я здѣсь, Инезилья»..., «Кубокъ заздравный»..., «Гдѣ наша роза»..., «Пью за здравіе Мери»..., «Адель» и др.). Въ 1840 г. онъ писалъ А. П. Кернъ «(Записки», 292): «какъ вы поживаете въ Тригорскѣ? Сообщите мнѣ подробное описаніе вашего тамъ пребыванія, въ особенности о мѣстѣ, гдѣ покоится прахъ Пушкина».

---

788. ПОРА, МОЙ ДРУГЪ, ПОРА!..

(т. IV, стр. 51).

Автографъ находится въ парижскомъ собраніи рукописей Пушкина, у А. Отто (Онѣгина; «П. и его соврем.», XII, 8). Впервые пьеса была напечатана П. И. Бартеневымъ въ «Русс. Арх.» 1886 г., III, 126 (и снова въ «Русс. Арх.» 1887 г., I, 147), не совсѣмъ точно, по словамъ г. Отто, сообщившаго П. А. Ефремову поправки къ тексту «Русс. Архива» («Соч. П—на», изд. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 377). Въ той же рукописи, непосредственно за стихами, Пушкинъ записалъ слѣдующія размышленія, напечатанныя также въ «Русс. Арх.» 1887 г.: «Юность не имѣетъ нужды въ at home; зрѣлый возрастъ ужасается своего уединенія. Блаженъ кто находитъ подругу: тогда удались онъ домой. О, скоро ли перенесу я мои пенаты въ деревню? Поля, садъ, крестьяне, книги, труды поэтическіе, семья, любовь etc. Религія, смерть». Въ собранія сочиненій Пушкина стихотвореніе стало входить начиная съ изданія Литературнаго фонда (II, 193), гдѣ напечатано подъ заглавіемъ: «[Къ женѣ]» и съ отнесеніемъ къ 1836 г. «Кажется, — говоритъ Ефремовъ (l. c.)— что оно написано если не въ 1834 г., то лѣтомъ или не позже осени 1836 г., когда Пушкинъ особенно сильно заботился объ устройствѣ своихъ дѣлъ по Михайловскому и Болдину и по разсчетамъ съ родными и съ казеннымъ долгомъ, намѣреваясь уѣхать изъ Петербурга и даже опасаясь, чтобъ его не удержала отъ этого какая-нибудь новая милость государя». Несомнѣнно, стихотвореніе относится къ женѣ поэта и написано если не въ 1836 г. то, во всякомъ случаѣ, не ранѣе 1834 г. Желаніе разстаться съ Петербургомъ и переѣхать въ деревню Пушкинъ высказывалъ не разъ: «плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ», писалъ онъ женѣ 15 мая 1834 г. Но этимъ надеждамъ не суждено было сбыться. «Сельская нѣга и домашняя тишина» («Цыганы», 1830 г.), о которыхъ мечталъ онъ, ему не дались. Да и вообще онъ требовалъ отъ жизни въ сущности не многаго. «Самаго лучшаго состоянія нѣтъ на свѣтѣ, но разнообразіе спасительно для души» (пис. къ Гнѣдичу 23 марта 1821 г.). Но жизнь держала своего «усталаго раба» на крѣпкой цѣпи. «Какой-то рокъ удерживаетъ меня въ Петербургѣ», говорилъ онъ А. О. Смирновой (ея «Записки», I, 340; ср. II, 5). Его петербургскій домъ не былъ тѣми «пенатами», у которыхъ онъ могъ бы отдыхать душою, и къ которымъ взывалъ (см. № 611): «въ долгіе часы пустынной жизни томительно просилась отдохнуть близъ вашего святого пепелища моя душа»... Онъ не думалъ, какъ его Онѣгинъ, что «вольность и покой — замѣна счастью», но жизнь и его не пощадила. Въ 1836 г. онъ писалъ Нащокину, что, будь у него пять тысячъ, онъ раздѣлался бы съ Петербургомъ и увезъ бы жену въ Псковскую деревню (тамъ онъ хотѣлъ купить усадьбу близъ Тригорскаго и Михайловскаго, которое предполагалъ уступить сестрѣ), но ему не удалось достать этихъ денегъ, а Нащокинъ не догадался тогда ихъ ему дать («XIX вѣкъ», изд. П. И. Бартенева, I, М., 1872, стр. 402). Горячая любовь къ женѣ, высказанная въ пьесѣ, усилена мыслью о смерти, мыслью, предъ которой кажутся такъ ничтожны всѣ терніи семейнаго быта, и которой противопоставляется только любовь «сильнѣе смерти».

Первый стихъ представляетъ рѣдкій у Пушкина примѣръ ненужной и потому неудачной аллитераціи (такая же есть и въ «Онѣгинѣ»: «Пора, перо покоя проситъ»...).

---

789. Я ВОЗМУЖАЛЪ...

(т. IV, стр. 51).

См. выше, примѣч. къ № 768.

Н. Лернеръ.

Примѣчанія къ прозѣ см. въ дополнительномъ, VII томѣ.

Пушкинъ и русская музыка *).

Едва ли можно считать вполнѣ случайнымъ то обстоятельство, что годъ смерти Пушкина почти совпадаетъ съ годомъ нарожденія нашей національной музыкальной школы: первое представленіе оперы Глинки «Жизнь за царя» состоялось 28-го ноября 1836 г., а Пушкинъ скончался всего черезъ два мѣсяца послѣ этого знаменательнаго событія: 29-го янв. 1837 г. Несомнѣнно, Пушкинъ имѣлъ основное общее значеніе для исторіи русскаго національнаго искусства, а въ томъ числѣ и музыки, прежде всего ярко выраженнымъ національнымъ характеромъ своего творчества. Уже въ такомъ сравнительно слабомъ юношескомъ произведеніи, какъ поэма «Русланъ и Людмила», національныя черты пушкинскаго творчества сказались настолько ярко и опредѣленно, что современная ему критика, отражавшая, разумѣется, ходячіе вкусы и толки, выражала свое неодобреніе извѣстнымъ сторонамъ поэмы приблизительно съ той же точки зрѣнія, какую нѣсколько позже обнаружило высшее петербургское общество, находя музыку «Жизни за царя» «musique des cochers».

Такъ, рецензентъ «Вѣстника Европы» (1820 г.) укорялъ Пушкина за то, что поэтъ «пародировалъ» будто бы въ «Русланѣ и Людмилѣ» Киршу Данилова и «увлекался величіемъ, плавностью, силой, красотами, богатствомъ нашихъ старинныхъ пѣсенъ». Критикъ находилъ, что всѣ эти новшества Пушкина производятъ такое же впечатлѣніе «на просвѣщеннаго или хоть немного свѣдущаго» читателя, какое произвело бы въ московскомъ благородномъ собраніи появленіе гостя съ бородою, въ армякѣ и лаптяхъ, кричащаго зычнымъ голосомъ: «здорово, ребята»!

Въ самомъ дѣлѣ, и въ первой оперѣ еще молодого Глинки, и въ юношеской поэмѣ Пушкина, въ нашемъ искусствѣ и поэзіи впервые подверглись художественной обработкѣ истинно народные мотивы, составлявшіе дотолѣ удѣлъ «кучеровъ» и «людей съ бородами, въ армякахъ и лаптяхъ», впервые такъ громко и талантливо заговорило народное чувство, такъ ясно сказалась «русская душа». Популярность Пушкина, ставшаго любимцемъ русскаго образованнаго общества съ самыхъ первыхъ его произведеній, отвѣчала, конечно, назрѣвшей потребности въ національной поэзіи и литературѣ, но и сама также невольно содѣйствовала упроченію этого вкуса къ національному. Живая и естественная національность его поэзіи, почерпаемая изъ непосредственнаго знакомства съ разными сторонами русской жизни и нисколько не отзывавшаяся предумышленнымъ маскарадомъ, какой мы нерѣдко чувствуемъ у Карамзина, Жуковскаго, Дельвига и другихъ современниковъ Пушкина, должна была дѣйствовать заразительно и на дѣятелей въ области другихъ искусствъ, служила имъ образцомъ и примѣромъ, имѣвшимъ на нихъ безсознательное, быть можетъ, но тѣмъ не менѣе глубокое вліяніе.

*) Данный очеркъ представляетъ собой переработку статьи подъ тѣмъ же заглавіемъ, появившейся въ 1900 г. въ «Сборникѣ статей преподавателей и слушателей историко-филол. факультета Спб. университета «Памяти Пушкина». Ср. также М. Ивановъ, «Пушкинъ въ музыкѣ», историко-критическій очеркъ, СПб., 1899; В. Корганов, «А. С. Пушкинъ въ музыкѣ», Тифлисъ, 1899; Л. Турыгина, «А. С. Пушкинъ въ области музыки», СПб. 1899; И. Липаевъ, «А. С. Пушкинъ и русская музыка» («Русская Музыкальная Газета» 1899 г., № 21—22); Н. Финдейзенъ, «Пушкинъ и Глинка» (тамъ же); А. Степовичъ, «А. С. Пушкинъ и его музыкальные истолкователи» («Сборникъ статей объ А. С. Пушкинѣ Кіевскаго Педагогическаго Общества. По поводу столѣтняго юбилея», Кіевъ, 1899); проф. Б. И. Срезневскій, «Пушкинъ и музыка», («Ученыя записки Императорскаго Юрьевскаго Университета, 1899, № 5); проф. Н. Д. Кашкинъ, въ юбилейномъ сборникѣ, изданномъ редакціей журнала «Жизнь», «значеніе поэзіи А. С. Пушкина въ русской музыкѣ» (СПб., 1899, стр. 130—146); проф. Л. А. Саккетти, «Отношеніе Пушкина къ музыкѣ» («Сборникъ статей въ честь Дмитрія Ѳомича Кобеко», СПб., 1913).

Пушкинъ въ этомъ отношеніи являлся предшественникомъ Глинки, начавшаго свою композиторскую дѣятельность произведеніями большею частью *безъ всякой національной физіономіи* (если не считать двухъ-трехъ незначительныхъ романсовъ въ обычномъ quasi - народномъ вкусѣ того времени), и только въ «Жизни за царя» рѣшительно и безповоротно ставшаго на тотъ національный путь, который раньше былъ проложенъ въ нашей поэзіи Пушкинымъ. Музыкальныхъ предшественниковъ у Глинки въ этомъ отношеніи не было.

Quasi - національные романсы и оперы нашихъ композиторовъ XVIII и начала XIX вѣка (Ѳомина, Матинскаго, бр. Титовыхъ, Кашина, Верстовскаго) очень мало могли помочь Глинкѣ въ его дѣлѣ созданія русской національной музыки. Если часто говорятъ, что Пушкинъ создалъ русскую поэзію и литературу, до него не существовавшія, а Ивановъ—русскую живопись, то съ еще большимъ правомъ можемъ мы сказать, что Глинка одинъ и безъ предшественниковъ создалъ русскую музыку. И Пушкинъ и Ивановъ имѣли значительныхъ предшественниковъ и современниковъ (Державинъ, Карамзинъ, Батюшковъ, Жуковскій, Брюловъ), но у Глинки ихъ, строго говоря, не было.

Самый выдающійся изъ предшественниковъ и современниковъ Глинки, Верстовскій, съ его слабой дилеттантской техникой и наивнымъ безсознательнымъ творчествомъ, съ полуребяческими операми-водевилями, лишенными какихъ бы то ни было музыкально-драматическихъ характеровъ, вмѣсто которыхъ мы находимъ картонныя маріонетки, является пигмеемъ въ сравненіи съ Глинкой и его могучей музыкальной характеристикой, роскошью и яркостью музыкальныхъ красокъ, геніальной легкостью и мастерствомъ техники, классической простотой и поразительной новизной и свѣжестью творчества въ одно и то же время. Батюшковъ, Жуковскій, Державинъ имѣли несомнѣнное вліяніе на Пушкина. Нѣкоторыя вещи Батюшкова, въ меньшей мѣрѣ Жуковскаго (въ послѣднемъ случаѣ виновата разница темпераментовъ, не дарованій или поэтической техники) могли бы принадлежать Пушкину. Языкъ и стиль Пушкина и Карамзина также преемственно связаны другъ съ другомъ. Брюлловъ, рядомъ съ Ивановымъ, несмотря на весь свой академизмъ, всю свою театральность и псевдоклассицизмъ, все-таки настоящій художникъ (хотя бы только по первоклассной техникѣ), а не аматеръ, тогда какъ Верстовскій передъ Глинкой не болѣе, какъ талантливый любитель музыки, кропатель многочисленныхъ водевилей и кантатъ «на случай». «Аскольдова могила» его уже потому не могла оказать никакого вліянія на Глинку — опернаго композитора, что послѣдній имѣлъ возможность ознакомиться съ нею лишь послѣ того, какъ «Жизнь за царя» была если не поставлена, то написана.

Такимъ образомъ Верстовскій отнюдь не можетъ считаться предшественникомъ Глинки на пути послѣдовательнаго органическаго развитія русской самобытной музыки. Онъ — только параллельный отростокъ, выросшій на самыхъ верхнихъ слояхъ богатаго вѣкового запаса народнаго творчества, тогда какъ Глинка — могучій дубъ, глубоко запустившій свои корни въ сочную нетронутую цѣлину и выбравшій изъ глубочайшихъ ея нѣдръ самые питательные, самые здоровые соки. Верстовскій является такимъ образомъ только извѣстнымъ симптомомъ, показателемъ общаго направленія эпохи, маленькимъ спутникомъ, блѣднѣющимъ въ лучахъ яркаго свѣтила— Глинки. Національный элементъ въ лучшемъ его произведеніи—«Аскольдовой могилѣ» такъ же условенъ, какъ у «русскихъ» композиторовъ XVIII в., у Кавоса и др., выражаясь въ томъ же полуитальянскомъ— полурусскомъ складѣ мелодіи, поддерживаемой нехитрымъ сопровожденіемъ и самой элементарной гармонизаціей также итальяно-европейскаго характера.

Правда, и Глинка не ушелъ отъ общаго тогда полуитальянскаго склада русской музыки, и въ «Жизни за царя», а изрѣдка даже и въ «Русланѣ», мы найдемъ его, хотя и въ облагороженномъ, болѣе музыкальномъ и талантливомъ изложеніи. Но рядомъ съ подобными страницами, въ которыхъ Глинка является сыномъ своей эпохи, зависящимъ отъ ея вкусовъ и привычекъ, мы находимъ страницы, поражающія своей новизной, своимъ геніальнымъ прозрѣніемъ въ самую сокровенную глубь народнаго творчества (хоры «Славься» и «Разливалася» въ «Жизни за царя», многія мѣста «Руслана» и др.),—страницы, составляющія его историческое и художественное значеніе въ нашей музыкѣ и безусловно не имѣющія ничего себѣ подобнаго во всей предыдущей исторіи нашего искусства.

Ничего подобнаго не было у насъ до

Глинки и въ области другихъ искусствъ. Только въ поэзіи Пушкина, чудныхъ описаніяхъ русской природы и жизни въ «Евгеніи Онѣгинѣ», историческихъ картинахъ «Бориса Годунова», балладахъ изъ народной жизни и т. д. Глинка имѣлъ передъ собой образцы настоящихъ національныхъ художественныхъ созданій, которыхъ не могъ найти дома въ своемъ искусствѣ.

Но не въ одной національности заключалась сила и красота пушкинской поэзіи: съ любовью къ родной природѣ, родному народу, его быту и поэзіи онъ сочеталъ и широкое общечеловѣческое или «всечеловѣческое» міровоззрѣніе, отзываясь одинаково чутко и гибко и на темы, заимствованныя изъ чуждой, не русской жизни. Въ галлереѣ образовъ, созданныхъ Пушкинымъ, мы найдемъ и средневѣковаго рыцаря съ его вассаломъ, и пылкаго испанца Донъ-Жуана, и разъѣдаемаго рефлексіей германца Фауста; рядомъ идутъ конгеніальныя варіаціи на мотивы Данте и на пѣсенные мотивы западныхъ славянъ, на темы античнаго искусства и восточной поэзіи (превосходныя подражанія Корану и Пѣсни Пѣсней). Эта черта поэзіи Пушкина не менѣе важна, чѣмъ подчеркнутая нами національная ея окраска. Она дѣйствовала также воспитательнымъ образомъ на русское общество, раздвигая его кругозоръ и не давая замкнуться въ слѣпомъ самообожаніи, въ полномъ равнодушіи и даже враждѣ ко всему тому, что не наше.

Мы найдемъ въ нашей музыкѣ отраженіе этихъ обѣихъ характерныхъ и основныхъ чертъ пушкинской поэзіи. Совершенно такъ же, какъ поэмы и драмы Пушкина ближе связаны духовно съ поэмами Байрона и драмами Шекспира и Шиллера, чѣмъ съ поэмами Богдановича и Хераскова и драмами Сумарокова, Княжнина, Озерова, такъ и оперы Глинки обнаруживаютъ болѣе тѣсное духовное родство съ операми Моцарта, Бетховена, Вебера, Керубини, чѣмъ съ произведеніями Ѳомина, Паскевича, бр. Титовыхъ, Кавоса и другихъ «отечественныхъ» композиторовъ. Какъ Пушкинъ учился у великихъ европейскихъ поэтовъ основнымъ тайнамъ творчества, искусству свободно выражать извѣстное поэтическое содержаніе въ свободной и гибкой, вполнѣ ему соотвѣтствующей формѣ, такъ и Глинка искалъ и нашелъ себѣ учителей и предшественниковъ въ великихъ европейскихъ композиторахъ, усвоивая отъ нихъ не ту или другую внѣшнюю манеру выраженія (какъ это дѣлалъ Верстовскій, подражая Веберу), но самую основу ихъ творчества, самую тайну ихъ генія. Другими словами, и Пушкинъ и Глинка учились у западныхъ мастеровъ той свободѣ духа, свободѣ творчества, которая необходима для созданія геніальныхъ вѣчныхъ произведеній искусства и которой оба они (особенно Глинка) не могли найти у себя дома.

Случайное ли это совпаденіе конгеніальныхъ натуръ, или мы имѣемъ здѣсь слѣдствіе неуловимаго духовнаго вліянія старшаго художника-поэта на болѣе молодого музыканта, но и въ Глинкѣ, какъ въ Пушкинѣ, сливается въ одно гармоническое цѣлое національное начало съ общечеловѣческимъ и европейскимъ. Въ его лицѣ русское музыкальное искусство, усвоившее западныя средства выраженія—музыкально-архитектоническія формы, извѣстные пріемы тематической разработки, общія нормы гармоніи и контрапункта, богатый и яркій западный оркестръ, отнынѣ ищетъ и находитъ въ своемъ собственномъ исконномъ запасѣ народнаго творчества оригинальные пріемы истинно національной мелодіи, гармоніи и контрапункта. Глинка силой своего генія первый угадываетъ эти пріемы, первый создаетъ неувядаемые образцы вполнѣ національной русской музыки, оставаясь въ то же время европейцемъ въ своихъ оперныхъ формахъ, строгихъ основахъ своей гармоніи и контрапункта, своемъ блестящемъ и разнообразномъ оркестрѣ.

Рядомъ съ глубоко-національными страницами «Жизни за царя» и «Руслана и Людмилы», мы видимъ у Глинки «Аррагонскую хоту» и «Ночь въ Мадридѣ», своего рода музыкальныя параллели къ пушкинскимъ «Каменному гостю» и испанскимъ романсамъ, гдѣ композиторъ возводитъ въ высшую форму художественнаго созданія сырые народные испанскіе мотивы съ такой же гибкостью и естественностью, какую онъ проявилъ въ оперной обработкѣ родныхъ напѣвовъ и собственныхъ оперныхъ композиціяхъ въ національномъ стилѣ. Характерно, что «Камаринская» (1848 г.) даже написана послѣ «Аррагонской хоты» (1845) и первой редакціи «Ночи въ Мадридѣ» (1851 г.) — «Recuerdas de los Castillos» (1848). Къ симфонической разработкѣ родныхъ напѣвовъ Глинка такимъ образомъ пришелъ отъ своихъ испанскихъ увертюръ, послужившихъ ему какъ бы предварительными этюдами.

«Испанскія» произведенія Глинки дѣ-

лаются настолько типичными для нашей музыкальной школы, что у нихъ является многочисленное потомство, носящее болѣе или менѣе яркія черты фамильнаго сходства съ ними: Балакиревъ пишетъ увертюру на тему испанскаго марша, сообщенную ему Глинкой же, Римскій-Корсаковъ— «Испанское капричціо», Чайковскій — «Итальянское капричціо», а молодой Глазуновъ начинаетъ свою композиторскую карьеру съ увертюры на новогреческія народныя темы (ор. 1), къ которой впослѣдствіи присоединяется такая же вторая (ор. 6). Къ этому же роду произведеній, порожденныхъ «Аррагонской хотой» Глинки, относятся: увертюра на чешскія народныя темы Балакирева, «Чухонская фантазія» Даргомыжскаго, «Сербская фантазія» Римскаго-Корсакова и др., менѣе значительныя произведенія. Укажемъ еще на рядъ экзотическихъ романсовъ, вродѣ еврейскихъ пѣсенъ Глинки и различныхъ восточныхъ романсовъ Даргомыжскаго, Римскаго-Корсакова, Мусоргскаго, Глазунова, Чайковскаго, открывающійся романсами Глинки на слова Пушкина: «Въ крови горитъ огонь желанья» и «Не пой, красавица, при мнѣ ты пѣсенъ Грузіи печальной». Правда, не всѣ тексты этихъ «восточныхъ» романсовъ принадлежатъ Пушкину, но все-таки на всѣхъ нихъ лежитъ отпечатокъ пушкинскихъ подражаній восточной поэзіи, которыя породили аналогичныя произведенія Щербины, Мея, Фета, не разъ вдохновлявшія нашихъ композиторовъ.

Антологическія стихотворенія Пушкина и вызванныя ими произведенія позднѣйшихъ поэтовъ: Майкова, Фета и др. также часто подвергались музыкальному истолкованію у нашихъ композиторовъ *), стремившихся придать и музыкѣ древній характеръ употребленіемъ греческихъ тональностей и т. д. Такого «антологическаго» музыкальнаго рода мы не найдемъ въ западной музыкѣ, и онъ является исключительной принадлежностью русской музыкальной школы. Это расширеніе музыкальныхъ средствъ выраженія въ данномъ случаѣ вытекало изъ поэтическаго содержанія текстовъ, восходящаго къ концѣ концовъ опять-таки къ кристальному источнику пушкинской поэзіи.

Одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ нашей новой русской музыки является противоположеніе восточнаго элемента русскому, ставшее такимъ каноничнымъ или необходимымъ пріемомъ нашихъ новыхъ композиторовъ, что Мусоргскій вводитъ восточную пляску «персидокъ» даже въ свою «Хованщину», хотя условія московской жизни XVII в. вовсе не оправдывали подобную вольность либреттиста-композитора. Правда, впервые восточный элементъ, вызванный требованіями литературнаго сюжета, хотя и почти номинальный, появляется еще у одного изъ нашихъ композиторовъ прошлаго вѣка, Паскевича, въ оперѣ котораго «Февей» (на текстъ Екатерины II) находимъ «Калмыцкую пѣсню», исполняемую хоромъ. Но музыка этого номера, основанная, повидимому, на подлинной калмыцкой мелодіи (въ $^6/_8$), хотя бы и сильно европеизованной, все же носитъ общій характеръ европейской музыки XVIII в., такъ что заслуга введенія подлиннаго восточнаго элемента въ нашу музыку все-таки должна быть всецѣло приписана Глинкѣ. Первымъ его произведеніемъ этого рода является романсъ «Грузинская пѣсня»: «Не пой, красавица», на слова Пушкина. Композиторъ воспользовался здѣсь подлиннымъ восточнымъ напѣвомъ, сообщеннымъ ему А. С. Грибоѣдовымъ. Но и самый напѣвъ, и его музыкальная обработка у Глинки не представляютъ ничего ярко-характернаго въ смыслѣ восточнаго колорита. Замѣчательно, впрочемъ, что и здѣсь поэтомъ-товарищемъ композитора является тотъ же Пушкинъ.

Только въ «Русланѣ и Людмилѣ» Глинки впервые, наряду съ русской національной стихіей, отведено видное мѣсто яркому и характерному восточному элементу, схваченному такъ же геніально-правдиво, какъ и національный русскій. Это противоположеніе русскаго элемента восточному въ концѣ концовъ восходитъ къ пушкинской поэмѣ, гдѣ оно уже было дано самимъ поэтомъ.

Ратмиръ, изнѣженный и чувственный восточный властелинъ, какимъ онъ является съ перваго акта глинкинской оперы, очерченъ уже такимъ въ самой поэмѣ, давшей сюжетъ для оперы. Такой же восточный характеръ имѣютъ у Пушкина и двѣнадцать дѣвъ, заманивающихъ Ратмира въ волшебный замокъ своею пѣснью, со сло-

*) «Менискъ» Кюи (слова Майкова), «Я въ гротѣ ждалъ тебя», «Искусство», «Октава» «Римскаго-Корсакова (слова Майкова), «Муза», «Нереида» Глазунова (слова Пушкина) и т. д. Въ извѣстной мѣрѣ, хотя и въ совершенно условныхъ формахъ, античный колоритъ находимъ уже въ «Торжествѣ Вакха» Даргомыжскаго, писанномъ на пушкинскій текстъ (симфонія флейтщицъ и т. д.).

вами которой въ нашей памяти неразрывно слились геніальные звуки глинкинской обработки подлиннаго народнаго персидскаго мотива *). Пушкину же принадлежитъ и образъ волхва-финна, давшій Глинкѣ поводъ воспользоваться для его характеристики народной финской мелодіей, разработанной не менѣе оригинально и ярко, чѣмъ восточные и русскіе мотивы **).

Съ истинно конгеніальнымъ чутьемъ Глинка развилъ эти намеки, брошенные въ поэмѣ Пушкина, и выдвинулъ ихъ въ одинъ рядъ съ національнымъ русскимъ содержаніемъ. Въ этомъ его заслуга, опредѣлившая дальнѣйшее развитіе русской національной музыки, но нѣтъ сомнѣнія, что основнымъ источникомъ указанныхъ элементовъ музыки Глинки является поэзія Пушкина, давшая творческой фантазіи композитора извѣстныя внѣшнія схемы и направившая ея дѣятельность въ извѣстную опредѣленную сторону.

Отъ восточныхъ страницъ «Руслана и Людмилы» Глинки ведетъ свое начало наша многочисленная музыкальная литература, разработывающая восточные мотивы: оперы «Кавказскій плѣнникъ» Кюи (на пушкинскій же сюжетъ), восточные романсы Даргомыжскаго («Ты рождена воспламенять», «О, дѣва роза, я въ оковахъ»), восточные хоры и фортепіанныя пьесы Мусоргскаго, его же пляска «Персидокъ» въ Хованщинѣ, «Исламей» и «Тамара» Балакирева, его же превосходная «Грузинская пѣсня» (на текстъ Пушкина: «Не пой, красавица, при мнѣ»...), открывающая собою рядъ прекрасныхъ восточныхъ романсовъ Римскаго-Корсакова, Бородина, Мусоргскаго, Чайковскаго и ихъ послѣдователей (многіе тоже на пушкинскіе тексты), симфоническія страницы Бородина (Andante первой и второй симфоній, «Въ Средней Азіи»), добрая половина его же «Игоря», «Антаръ» и «Шехеразада» Римскаго-Корсакова, Шемаханская царица въ «Золотомъ пѣтушкѣ» его же и т. д. Передъ обаятельной прелестью глинкинскаго востока не устояли и такіе мало расположенные въ общемъ къ новой русской школѣ композиторы, какъ Сѣровъ, противопоставившій въ своей «Юдиѳи» элементы еврейскій и ассирійскій, хотя и въ гораздо болѣе условной формѣ, чѣмъ у Глинки, А. Рубинштейнъ въ его «Фераморсѣ», «Демонѣ», «Маккавеяхъ», «Персидскихъ пѣсняхъ» и т. д. и даже Направникъ (симфоническая поэма «Востокъ», симфонія «Демонъ»).

Все это многочисленное музыкальное потомство выросло изъ тѣхъ зеренъ, которыя мы указали выше въ самой поэзіи Пушкина.

Такого богатаго и разнообразнаго пользованія мѣстнымъ этнографическимъ музыкальнымъ матеріаломъ, какое развилось на нашей духовной почвѣ, согрѣтой яркими лучами пушкинской поэзіи, мы не найдемъ въ исторіи западной музыки. Этнографическій музыкальный колоритъ въ произведеніяхъ западныхъ композиторовъ носитъ большею частью внѣшній и условный характеръ. Здѣсь мы находимъ только случайныя немногочисленныя картинки и отдѣльные моменты, трактованные нерѣдко вполнѣ условно, вродѣ нѣсколькихъ страницъ Берліоза (pifferari въ его «Гарольдѣ въ Италіи», венгерскій маршъ въ «Гибели Фауста», къ слову сказать—ничѣмъ внутренне не мотивированный, восточные танцы въ «Троянцахъ въ Карѳагенѣ»), Бетховена (хоръ дервишей и маршъ изъ музыки къ «Аѳинскимъ развалинамъ» Коцебу), Вебера (двѣ-три странички въ «Оберонѣ», вызванныя требованіями сюжета), Шумана (нѣсколько прекрасныхъ моментовъ въ «Раѣ и Пери», имѣющихъ, однако, вполнѣ фантастическій характеръ и совсѣмъ невѣрныхъ этнографически), Бизе («испанскіе» номера «Карменъ», также довольно условные и отзывающіеся маскарадомъ), Давида (ода-симфонія «Пустыня») и т. д.

Но всѣ эти параллели въ западной музыкѣ представляются случайными; въ нихъ почти не замѣчается того стремленія на время переродиться, окунуться въ чужую жизнь, жить ея вкусами, наклонностями, стремленіями и страстями, которое диктовало Пушкину его подражанія восточной или западно-славянской поэзіи, его «Каменнаго гостя» и т. д., а Глинкѣ его «Арагонскую хоту», «Ночь въ Мадридѣ» или восточные номера «Руслана».

Тамъ это только интересныя картинки,

---

*) Характерно, что «великолѣпная русская баня», въ которую дѣвы ведутъ Ратмира, изображена чисто-восточными красками:

Ужъ волны дымныя текутъ
Въ ея серебряные чаны
И брызжутъ хладные фонтаны;
Разостланъ роскошью коверъ;
На немъ усталый ханъ ложится и т. д.

**) Съ финномъ Пушкина-Глинки генетически связана также и упомянутая выше «Чухонская фантазія» Даргомыжскаго.

красивая костюмерія маскарада, почти бутафорская принадлежность, служащая для большаго разнообразія и занимательности спектакля *), тогда какъ здѣсь — вполнѣ опредѣленная духовная потребность, жажда новыхъ ощущеній и впечатлѣній, результатъ извѣстнаго непочатаго еще богатства душевныхъ силъ, ихъ разносторонняго и многострунаго строя, величайшимъ представителемъ котораго въ исторіи нашей духовной жизни является Пушкинъ, воспитатель и учитель многихъ и многихъ поколѣній.

Если мы сравнимъ хотя бы восточную музыку глинкинскаго «Руслана», основанную нерѣдко на подлинныхъ восточныхъ темахъ, съ таковой же веберовскаго «Оберона», написанной раньше и также пользовавшейся оригинальными темами, то увидимъ, насколько музыка русскаго композитора цѣльнѣе, глубже и подлиннѣе соотвѣтствующихъ страницъ нѣмецкаго автора, оставляя въ сторонѣ всякое сравненіе ихъ дарованій.

Въ этомъ искусствѣ отрѣшаться отъ своей природы и становиться на время другимъ человѣкомъ, искусствѣ, составляющемъ необходимое условіе объективнаго художественнаго творчества, Глинка имѣлъ своимъ предшественникомъ и, быть можетъ, примѣромъ для безсознательнаго подражанія (хотя и въ другой области творчества) только Пушкина, впервые намъ показавшаго, какъ можетъ геніальный художникъ перевоплощаться одною силою своей многосторонне отзывчивой и гибкой фантазіи.

Кромѣ этого общаго воспитательнаго вліянія, важность и возможность котораго достаточно уже нами выяснена, Пушкинъ оказалъ важное вліяніе на исторію нашей оперы, какъ авторъ драматическихъ сценъ «Русалки», на текстъ которыхъ Даргомыжскій написалъ свою извѣстную оперу, имѣющую большое историческое значеніе.

Существуетъ мнѣніе, что Пушкинъ самъ готовилъ «Русалку», какъ текстъ для оперы.

Впервые это мнѣніе встрѣчается у Бѣлинскаго въ его извѣстномъ разборѣ «Сочиненій А. Пушкина» («Сочиненія В. Бѣлинскаго, изд. 5-е, т. VIII., М., 1885 г., стр. 679), соотвѣтствующая часть котораго появилась въ 1846 г. *), т.-е. всего 9 лѣтъ спустя послѣ смерти поэта и появленія въ печати «Русалки». Но, сообщивъ его какъ слухъ, Бѣлинскій прибавляетъ: «это предположеніе едва ли основательно», такъ какъ «за исключеніемъ двухъ хоровъ русалокъ и одной свадебной пѣсни, да голоса невидимой русалки на свадебномъ пиру, вся пьеса писана пятистопнымъ ямбомъ, слишкомъ длиннымъ и однообразнымъ для пѣнія».

Позже находимъ такое же мнѣніе у Анненкова («Матеріалы для біографіи и оцѣнки произведеній Пушкина», СПб. 1 изд., 1855 г., стр. 365 — 366, 2 изд., 1873 г., стр. 357—358), основывающагося, повидимому, на современныхъ ему свидѣтельствахъ **).

Если слухъ, сообщаемый Бѣлинскимъ и Анненковымъ, вѣренъ, то значеніе нашего великаго поэта въ глазахъ историка русской музыки должно возрасти еще болѣе. Тогда придется признать, что Пушкинъ оказалъ непосредственное вліяніе на развитіе самой формы новой русской оперы, явившись въ этой области вполнѣ опредѣленнымъ новаторомъ и реформаторомъ, опередившимъ свое время на нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Къ сожалѣнію, Анненковъ не указываетъ тѣхъ источниковъ, на которыхъ онъ основываетъ свое мнѣніе. Выраженіе: «по нѣкоторымъ разсказамъ, сообщеннымъ недавно публикѣ», заставляетъ думать, что этихъ источниковъ, очевидно печатныхъ, было нѣсколько, и что обнародованы они были незадолго до появленія въ свѣтъ «Матеріаловъ» Анненкова (1855 г.), т.-е., вѣроятно, въ теченіе 1850—1854 годовъ. Но въ небогатой литературѣ воспоминаній, анекдотовъ и разсказовъ о Пушкинѣ, относящейся къ этому промежутку времени, нѣтъ никакихъ данныхъ по занимающему насъ вопросу. Единственный разсказъ,

*) Исключеніе составляютъ только венгерскія страницы фортепіанной и симфонической музыки Листа, вытекшія изъ дѣйствительно искренняго національнаго чувства, и тѣ произведенія Бетховена и Шуберта, въ которыхъ они пользовались національными темами: первый—русскими, второй—шведскими и славянскими или венгерскими, трактуя ихъ, однако, просто какъ счастливые и интересные музыкальные мотивы.

*) «Говорятъ, будто «Русалка» была писана Пушкинымъ, какъ либретто для оперы. Если бы это было и правда, то хотя самъ Моцартъ написалъ бы музыку на эти слова,—опера не была бы выше своего либретто,—тогда какъ до сихъ поръ лучшія оперы писаны на глупѣйшія и пошлѣйшія слова» и т. д.

**) «По нѣкоторымъ разсказамъ, сообщеннымъ недавно публикѣ, можно заключить, что Пушкинъ смотрѣлъ на Русалку свою, какъ на либретто для оперы» и т. д.

имѣющій къ нему нѣкоторое отношеніе, напечатанъ въ анонимномъ «Музыкальномъ Обозрѣніи», въ отдѣлѣ «Петербургскій Вѣстникъ» журнала «Пантеонъ» (изд. Ѳ. Кони, 1852 г., кн. 10, стр. 56).

Изъ него мы узнаемъ, что въ 1836 г. у Козлова однажды собрались Пушкинъ, Жуковскій и др. литераторы того времени. Въ возникшемъ разговорѣ о русской музыкѣ Пушкинъ выразилъ желаніе «видѣть оперу лирическую, въ которой соединялись бы всѣ чудеса хореографическаго (sic!), музыкальнаго и декоративнаго искусства. Даргомыжскій, композиторъ нѣсколькихъ романсовъ, заслужившихъ уже нѣкоторую извѣстность, еще робкій молодой человѣкъ, о которомъ шли толки, что онъ написалъ оперу на сюжетъ «Эсмеральды», вмѣшался въ разговоръ и замѣтилъ, что охотники до выполненія подобной оперы всегда найдутся между русскими композиторами, но найдутся ли между русскими литераторами охотники написать либретто для такой оперы? Пушкинъ на это отвѣчалъ, что у него есть для подобной оперы два сюжета.—Какіе же это сюжеты? — спросилъ Даргомыжскій. — Одинъ, отвѣтилъ Пушкинъ — оканчиваемая мною драматическая фантазія «Русалка», другой — небольшое стихотвореніе въ антологическомъ родѣ «Торжество Вакха». Изъ первой можетъ выйти большая опера, изъ второй—небольшая лирическая опера-балетъ... Слова поэта заронились въ душу композитора», который и написалъ музыку на оба сюжета.

Едва ли, однако, въ этомъ разсказѣ, имѣющемъ довольно апокрифическій характеръ *), можно видѣть одинъ изъ «разсказовъ», на которые ссылается Анненковъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь говорится лишь о «сюжетахъ» для оперы, не о готовыхъ либретто.

Третье современное «Матеріаламъ» Анненкова извѣстіе, что Пушкинъ писалъ «Русалку», какъ оперу, находимъ у извѣстнаго нашего музыкальнаго критика и композитора А. Н. Сѣрова въ его рецензіи на «Русалку» Даргомыжскаго, напечатанной въ «Музыкальномъ и Театральномъ Вѣстникѣ» за 1856 г. (см. «Критическія статьи» А. Н. Сѣрова, т. I, СПб., 1892 г., стр. 539—540): «есть мнѣніе, что Пушкинъ писалъ «Русалку» именно какъ текстъ «оперы» для одного изъ пріятелей своихъ. «Музыкальность» сюжета подтверждается тогда самымъ намѣреніемъ» и т. д. Приведенное мѣсто изъ статьи Сѣрова, однако, еще бѣднѣе фактическими указаніями, чѣмъ соотвѣтствующее сообщеніе Анненкова, къ которому оно, вѣроятно, въ концѣ концовъ и восходитъ.

Отъ Анненкова же исходитъ предположеніе, что композиторомъ, для котораго Пушкинъ готовилъ свою «Русалку», былъ современный ему молодой музыкантъ Андрей Петровичъ Есауловъ, носившій собственно фамилію Петрова, незаконный сынъ помѣщика Есаулова *).

Мнѣніе Анненкова **) является довольно правдоподобнымъ. Въ пользу его говоритъ прежде всего то дѣйствительное участіе, которое поэтъ принималъ въ судьбѣ Есаулова, его личныхъ и музыкальныхъ дѣлахъ. Пушкинъ посылаетъ черезъ Нащокина поклоны Есаулову ***), дважды проситъ ****) своего пріятеля прислать ему второе исправленное изданіе есауловскаго романса *****), который собирается «пустить въ моду между фрейлинами», интересуется состояніемъ либретто, которое Вельтманъ писалъ, по мнѣнію Анненкова, для Есаулова ******),

*) Ни въ автобіографіи, ни въ письмахъ Даргомыжскаго нѣтъ никакихъ указаній, подтверждающихъ приведенный анекдотъ анонимнаго автора. Сомнительно, чтобы композиторъ могъ умолчать о такомъ естественно памятномъ для него событіи, какъ указаніе ему самимъ знаменитымъ поэтомъ сюжета для оперы.

*) «Сочиненія А. С. Пушкина», изд. А. С. Суворина, т. VIII. Письма. Изд. 3-е. СПб. 1887 г., стр. 491. Подстр. примѣчаніе 3-е.

**) Примѣчаніе Анненкова къ письму Пушкина къ Нащокину («Матеріалы для біографіи и т. д.», 1855 г., стр. 371—372): ...«Пушкинъ самъ принималъ въ немъ (Есауловѣ) живѣйшее участіе и мы думаемъ, что, несмотря на оперу г. Вельтмана (см. о ней ниже, примѣч. 5), онъ для Есаулова началъ свою «Русалку». Онъ хотѣлъ вывести въ люди неизвѣстнаго композитора»...

***) Письмо къ П. В. Нащокину 1831 г. 26-го іюня.

****) Письма къ П. В. Нащокину 1831 г. 26-го іюня и 3 августа.

*****) Вѣроятно «Испанскій романсъ: «Ночной зефиръ»..., на который (см. «Puschiniana» Межова, СПб., 1887 г., № 4467) Есауловъ написалъ музыку. Анненковъ («Матеріалы для біогр.» 1855 г., примѣч. на стр. 371—372), напротивъ, предполагаетъ, что это былъ единственный извѣстный ему романсъ Есаулова «на слова Пушкина «Разставаніе». («Въ послѣдній разъ твой образъ милый»), свидѣтельствующій о глубинѣ чувства, дарованіи автора и его познаніяхъ въ гармоніи».

******) Цитир. примѣчаніе Анненкова («Матеріалы» 1855 г., стр. 371—372): «Опера г. Вельтмана носила названіе, если не ошибаемся: «Лѣтняя ночь». Содержаніе авторъ заимствовалъ, вѣроятно, изъ извѣстной пьесы Шекспира. Она писалась для молодого музыканта А. П. Есаулова, замѣчатель-

и даетъ цѣлую характеристику композитора, котораго онъ старался исправить и устроить *).

Кромѣ этихъ данныхъ, указывающихъ на извѣстную близость поэта къ Есаулову, въ пользу предположенія Анненкова говоритъ и то обстоятельство, извѣстное намъ изъ писемъ самого Пушкина, что Вельтманъ писалъ «оперу», т. е. оперное либретто, предназначавшееся, по словамъ Анненкова, для Есаулова. Очевидно, мысль объ оперѣ занимала послѣдняго.

Впрочемъ, и изъ этого проекта, повидимому, ничего не вышло. Кто виноватъ былъ въ этомъ: либреттистъ ли, не сумѣвшій угодить капризному и нервному композитору, или этотъ послѣдній, мы не знаемъ, какъ вообще очень немного знаемъ о жизни Есаулова до и послѣ знакомства съ Пушкинымъ. Возможно, что либретто Вельтмана было отложено въ виду текста, писавшагося Пушкинымъ, или что Пушкинъ взялся написать для Есаулова другое либретто именно потому, что послѣдній остался недоволенъ работой Вельтмана.

Нѣкоторое, хотя и очень слабое, основаніе для этихъ предположеній даетъ тотъ интересъ, который проявляетъ Пушкинъ въ своихъ письмахъ **) по отношенію къ «оперѣ Вельтмана». Другое, хотя столь же слабое, основаніе можно видѣть въ томъ обстоятельствѣ, что «Русалка», начатая, правда, еще въ 1828 г., особенно занимала Пушкина зимой 1832—1833 года, т. е. какъ разъ въ то время, когда онъ интересовался «оперой» Вельтмана. Съ Есауловымъ поэтъ познакомился, во всякомъ случаѣ, раньше этого времени, такъ какъ уже въ письмѣ 26-го іюня 1831 г. къ Нащокину онъ проситъ послѣдняго передать Есаулову поклонъ и прислать его романсъ (см. выше).

Такимъ образомъ всѣ эти данныя, по крайней мѣрѣ, не противорѣчатъ высказанному Анненковымъ мнѣнію, что «Русалка» предназначалась поэтомъ, какъ либретто для Есаулова. Уже Сѣровъ (см. цитир. выше его статью) обращалъ вниманіе на «музыкальность сюжета» Русалки, хотя и прибавлялъ: «Однако, текстъ Пушкина еще далеко не либретто, какимъ оно должно быть по требованіямъ музыки». Изъ дальнѣйшихъ разсужденій Сѣрова видно, что этотъ до извѣстной степени отрицательный взглядъ его на «Русалку», какъ либретто, вытекалъ изъ рутиннаго представленія объ оперѣ, котораго онъ тогда (въ 1856 г.) еще держался: «въ каждой сценѣ—*основа вполнѣ музыкальна* (курсивъ нашъ), но слова очень часто подъ музыку не годятся, а во многихъ мѣстахъ текста недостаетъ для самыхъ существенныхъ частей оперы, органически вызываемыхъ «задачею» сцены: напримѣръ, говорятъ три лица, но слова ихъ не сгруппированы въ «терцетъ», или: на сценѣ свадьба, но нѣтъ словъ для поздравительныхъ хоровъ, и т. д. Надо было многое присочинить—оставаясь въ духѣ оригинала, надо было пожертвовать многими и многими безподобными стихами, чтобы уложить текстъ въ музыкальныя рамки; наконецъ надо было «придѣлать» развязку піесы, не искажая данностей Пушкина» *).

Позже, когда Сѣровъ познакомился съ идеями Вагнера о музыкальной драмѣ, онъ, навѣрное, не сталъ бы жалѣть объ отсутствіи словъ для поздравительныхъ хоровъ или терцетовъ, но въ 1856 г., несмотря на всю его начитанность, литературный вкусъ и образованіе, «Русалка», какъ либретто, оказалась еще выше его пониманія и не подходила подъ рутинную, шаблонную мѣрку, снятую съ ходячей оперной формы XVIII и первой половины XIX в.

Такъ же, какъ и Сѣровъ, посмотрѣлъ на текстъ «Русалки» и Даргомыжскій, кое-

---

нымъ способностямъ котораго отдаютъ справедливость всѣ знавшіе его коротко».

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что показаніе Анненкова, выраженное имъ самимъ не вполнѣ увѣренно, страдаетъ нѣкоторой неточностью и находится въ противорѣчіи съ другими болѣе ранними извѣстіями, по которымъ музыку на либретто Вельтмана собирался писать А. А. Алябьевъ. Откуда зналъ Анненковъ, что Вельтманъ предназначалъ свою передѣлку именно Есаулову, онъ не говоритъ. Такимъ образомъ здѣсь мы встрѣчаемся, повидимому, съ личной и поздней догадкой самого Анненкова.

*) Письмо къ Нащокину за мартъ или апрѣль 1834 г.: «Андрей Петровичъ (Есауловъ) въ ужасномъ положеніи. Онъ умиралъ съ голоду и сходилъ съ ума (т.-е. вѣроятно, страдалъ delirium tremens). Соболевскій и я помогали ему деньгами—скупо, увѣщаніями—щедро. Теперь думаю отправить его въ полкъ капельмейстеромъ. Онъ художникъ въ душѣ и въ привычкахъ, т.-е. безпеченъ, нерѣшителенъ, лѣнивъ, гордъ и легкомысленъ, предпочитаетъ всему независимость. Но вѣдь и нищій независимѣе поденщика. Я ему ставлю въ примѣръ нѣмецкихъ геніевъ, преодолѣвшихъ столько горя, дабы добиться славы и куска хлѣба. Сколько ты долженъ ему? Хочешь я за тебя и ему заплачу?».

**) Письмо къ Нащокину 2 октября 1832 г.

*) А. Сѣровъ, «Крит. статьи», т. I, СПб., 1892 г., стр. 539—540.

что выкинувшій изъ него даже тамъ, гдѣ въ общемъ пушкинскіе стихи сохранены, а также и прибавившій довольно много новыхъ вставныхъ оперныхъ хоровыхъ и сольныхъ «номеровъ». Впослѣдствіи Даргомыжскій радикальнымъ образомъ измѣнилъ свои взгляды на оперу, какъ музыкальную драму, и написалъ, какъ извѣстно, своего «Каменнаго гостя» на полный пушкинскій текстъ безъ всякихъ измѣненій, хотя онъ и менѣе годился для музыкальной иллюстраціи, чѣмъ «Русалка».

Тѣмъ не менѣе, несмотря на уступки, сдѣланныя Даргомыжскимъ шаблонному взгляду на оперу, уклоненія его отъ пушкинскаго сценарія и вообще постройки пьесы нужно признать незначительными. Послѣ вставокъ, о которыхъ мы уже говорили, самыя крупныя отличія либретто Даргомыжскаго отъ пушкинской «Русалки» заключаются въ замѣнѣ болѣе легкими и подвижными размѣрами оригинальнаго пушкинскаго пятистопнаго ямба, который даже совсѣмъ немузыкальный Бѣлинскій справедливо находилъ «слишкомъ длиннымъ и однообразнымъ для пѣнія». При этомъ, однако, у Даргомыжскаго нерѣдко сохранено не только общее содержаніе измѣненныхъ мѣстъ, но даже и удержаны подлинные выраженія, эпитеты и сравненія Пушкина.

Замѣна эта, дѣйствительно, являлась необходимой: въ мѣстахъ сильныхъ и страстныхъ тягучій пятистопный ямбъ, которымъ почти сплошь написана «Русалка», совершенно не годился для музыки, требовавшей болѣе живого и страстнаго ритма и въ текстѣ.

Въ указанномъ неудобствѣ оригинальнаго размѣра стиховъ «Русалки» нельзя, однако, видѣть доказательство того, что Пушкинъ никогда не предназначалъ ея для опернаго либретто, какъ заключалъ отсюда Бѣлинскій (см. выше). Въ черновомъ наброскѣ «Русалки», принадлежавшемъ А. С. Норову и напечатанномъ Я. К. Гротомъ («Русскій Архивъ» 1865, № 12) мы находимъ одинъ отрывокъ, писанный народнымъ, болѣе легкимъ и пригоднымъ для музыки размѣромъ и выдержанный очень послѣдовательно въ стилѣ народныхъ русскихъ пѣсенъ. Соотвѣтствующее мѣсто (сцена Княгини съ Мамкой) въ обнародованной редакціи «Русалки» является уже въ передѣланномъ видѣ не только въ отношеніи размѣра (обычный пятистопный ямбъ), но и по стилю, имѣющему въ окончательной редакціи болѣе общелитературный характеръ, а не народный, какъ въ первоначальномъ наброскѣ. Для образчика приводимъ начало этого разговора:

Мамка.

Княгиня-княгинюшка,
Дитя мое милое,
Что сидишь невесело,
Головку повѣсила?
Ты не вѣсь головушку,
Не печаль меня старую,
Свою няню любимую.

Княгиня.

Ахъ, нянюшка, нянюшка, милая моя!
Какъ мнѣ не тужить, какъ веселой быть:
Какъ была я въ дѣвицахъ, мужъ любилъ меня;
Вышла за него—разлюбилъ меня.
Бывало, дружокъ мой супротивъ меня сидитъ,
Сидитъ цѣлый день и съ мѣста нейдетъ:
Сидитъ да глядитъ, не смигиваетъ.
А нынче дружокъ мой ни свѣтъ ни заря
Разбудитъ меня, да самъ на коня.
Весь день по гостямъ разгуливаетъ,
Пріѣдетъ—не молвитъ словечушка мнѣ—
Онъ ласковаго, привѣтливаго, и т. д.

Подобный текстъ вполнѣ уже пригоденъ для музыкальной интерпретаціи, и навѣрное ни одинъ русскій композиторъ, даже въ Пушкинскія времена, не нашелъ бы его для себя неудобнымъ. Не представляетъ ли этотъ отрывокъ именно часть того либретто, которое Пушкинъ писалъ для Есаулова?

Очень можетъ быть, что и Пушкинъ не угодилъ капризному, неуживчивому и лѣнивому музыканту (см. его характеристику въ письмѣ поэта), который, вѣроятно, и самъ не ясно представлялъ себѣ, что ему нужно. По этой или другой причинѣ либретто осталось не конченнымъ, и Пушкинъ могъ воспользоваться имъ для своихъ драматическихъ сценъ, передѣланныхъ имъ уже для печати изъ опернаго либретто. Отсюда, можетъ быть, ведетъ свое начало съ одной стороны та «музыкальность основы» драматическихъ сценъ Пушкина, о которой говоритъ Сѣровъ (см. выше), а съ другой—традиціонный драматическій размѣръ пятистопнаго ямба, крайне неудобный по своей тягучести для музыкальнаго изложенія. Необыкновенная сжатость и сосредоточенность драматическаго движенія, отсутствіе всякихъ второстепенныхъ и задерживающихъ дѣйствіе эпизодовъ, такъ сказать, ускоренный темпъ всего хода дѣй-

ствія, также весьма говорятъ въ пользу того предположенія, что «Русалка» первоначально предназначалась для оперы.

Правда, въ 1823 г. (письмо къ кн. Вяземскому 4 ноября 1823 г.) Пушкинъ выражалъ свой отрицательный взглядъ на оперу: «Что тебѣ пришло въ голову писать оперу и подчинить поэта музыканту? Чинъ чина почитай. Я бы и для Россини не пошевелился». Но съ тѣхъ поръ до того времени, къ которому относится предполагаемое сотрудничество Пушкина съ Есауловымъ, прошло уже цѣлыхъ 10—11 лѣтъ, и поэтъ могъ измѣнить свой взглядъ.

Однако, если онъ и принялся за писаніе опернаго либретто, то въ самомъ дѣлѣ не захотѣлъ подчиняться ходячему оперному шаблону и жертвовать поэзіей и требованіями драмы въ угоду вкусу публики и пѣвцовъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ «Русалку» Пушкина, она вполнѣ отвѣчаетъ идеалу музыкальной драмы, какъ его понималъ величайшій музыкальный драматургъ XIX в. Рихардъ Вагнеръ. На первомъ планѣ въ ней драматическіе моменты дѣйствія, въ которыхъ и сосредоточенъ весь паѳосъ драмы, по идеалу Вагнера требующій для высшаго своего выраженія и проявленія содѣйствія музыки. Нѣтъ никакихъ побочныхъ эпизодовъ, пространныхъ экспозицій, разсказовъ, шаблонныхъ самостоятельныхъ арій, дуэтовъ и т. под. ансамблей, нарушающихъ ходъ дѣйствія и имѣющихъ своей цѣлью услажденіе меломановъ и доставленіе пѣвцамъ возможности блеснуть техникой, силой, объемомъ голоса и т. д. Отсюда то отсутствіе готовыхъ рутинныхъ «терцетовъ» и «хоровъ», являющихся тамъ, гдѣ имъ быть надлежитъ по шаблонному оперному рецепту, хотя бы и въ ущербъ дѣйствію драмы, отсутствіе, о которомъ жалѣлъ молодой Сѣровъ и которое, можетъ быть, не понравилось и Есаулову, находившемуся подъ полнымъ вліяніемъ тогдашней итальянской оперной музыки, какъ это показываютъ немногія сохранившіяся его произведенія. Либретто осталось такимъ образомъ втуне, и поэтъ началъ передѣлывать свой первоначальный набросокъ въ драму, но не успѣлъ кончить эту работу.

Какъ бы то ни было, «Русалка», если не въ первоначальной редакціи, предназначавшейся, быть можетъ, для Есаулова, то въ окончательной своей формѣ все-таки послужила либретто уже для оперы Даргомыжскаго. Едва ли можно сомнѣваться, что свободный и могучій драматизмъ пушкинскаго текста отразился и на общемъ характерѣ музыки Даргомыжскаго, въ свою очередь послужившей отправной точкой для него самого въ «Каменномъ гостѣ» и для позднѣйшихъ нашихъ композиторовъ съ ихъ опытами въ области музыкальной драмы. Свободная форма діалоговъ Князя и Наташи, въ первой сценѣ, Князя и Мельника, въ сценѣ четвертой, вытекавшая только изъ требованій драматической и психологической правды и красоты, сказалась и на свободной формѣ соотвѣтствующихъ сценъ въ оперѣ Даргомыжскаго. Замѣчательно, что въ этихъ и другихъ номерахъ, гдѣ Даргомыжскій ближе держался пушкинскаго текста (діалогъ свата съ хоромъ дѣвушекъ во второй сценѣ, княгини и мамки въ сценѣ третьей и т. д.), тамъ и композиторъ приближается къ вдохновенной красотѣ, правдѣ и силѣ поэтическаго текста и даетъ намъ самые крупные, самые значительные въ художественномъ и историческомъ отношеніи номера оперы. Напротивъ, большинство номеровъ, вставныхъ по тексту, и по музыкѣ представляется менѣе оригинальнымъ, болѣе блѣднымъ, рутиннымъ и условнымъ (тріо «Ахъ прошло то время золотое», арія-дуэтъ «Подруги дѣтства», заздравный хоръ «Да здравствуетъ нашъ князь младой», арія княгини «Дни минувшихъ наслажденій» и т. д.). Точно поэтическій замыселъ Пушкина оплодотворялъ и творческую фантазію композитора, придавая ей ту оригинальность, силу и смѣлость, которыя покидали ее въ значительной мѣрѣ, когда ей приходилось имѣть дѣло съ шаблоннымъ и банальнымъ текстомъ не пушкинскихъ, вставныхъ номеровъ.

Стремясь воплотить въ звукахъ патетическіе, потрясающіе и въ то же время столь простые въ своемъ трезвомъ реализмѣ моменты пушкинской драмы, со всей силой, правдой и свободой музыкально-драматическаго выраженія, композиторъ отыскалъ для нихъ особыя формы, доселѣ не встрѣчавшіяся въ нашей музыкѣ, создалъ новые пріемы музыкально-драматической рѣчи, имѣвшіе огромное историческое значеніе и наложившіе глубокій отпечатокъ на все послѣдующее развитіе нашей оперы. «Мелодическій речитативъ» лучшихъ мѣстъ «Русалки» и ея нерѣдко свободныя оперныя формы, навѣянныя трезвой простотой и жизненностью пушкинскаго текста и вытекавшія изъ условій и требованій драмы, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи привели

къ «Каменному гостю» Даргомыжскаго, «Ратклифу» и «Анджело» Кюи, «Борису Годунову» Мусоргскаго, «Псковитянкѣ» Римскаго-Корсакова, произведеніямъ основного значенія въ исторіи нашей новой оперы.

Такимъ образомъ и наше музыкально-реалистическое направленіе, особенно ярко сказавшееся въ только-что названныхъ нашихъ операхъ, также находится въ извѣстной генетической связи съ пушкинской поэзіей. Почему нибудь не находилъ же раньше подобныхъ формъ и пріемовъ тотъ же Даргомыжскій, не только когда писалъ свою «Эсмеральду», но и въ своемъ «Торжествѣ Вакха» (1846—1848), къ которому хронологически почти непосредственно примыкаетъ «Русалка» (начатая въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ и почти уже законченная въ 1852 г.). Холодное и нѣсколько дѣланное только-что названное анакреонтическое стихотвореніе юношескихъ лѣтъ Пушкина (1817 г.) точно само не заключало въ себѣ достаточно огня, чтобы зажечь фантазію композитора, и музыка его осталась холодной и условной.

Слѣды вліянія аріознаго стиля, созданнаго Даргомыжскимъ главнымъ образомъ въ «Русалкѣ», найдемъ и въ богатой нашей романсной литературѣ, охотно разработывавшей деликатную и тонкую декламацію въ стилѣ «мелодическаго речитатива» «Русалки» и родственныхъ ему пріемовъ. Самъ Даргомыжскій (послѣ «Русалки»), Кюи, Мусоргскій, въ меньшей степени Балакиревъ и Римскій-Корсаковъ нерѣдко прибѣгаютъ къ нему въ своихъ замѣчательныхъ романсахъ.

Кромѣ этого общаго вліянія, которое имѣла «Русалка» Пушкина-Даргомыжскаго на дальнѣйшее развитіе нашей оперы и романса, необходимо отмѣтить и вліяніе нѣкоторыхъ ея частностей. «Сватъ» Пушкина или «Тысяцкій» Даргомыжскаго, въ которомъ слиты вмѣстѣ и нѣкоторыя другія эпизодическія лица Пушкина (гость, дружко),—первое дѣйствительно оригинальное и чисто русское комическое лицо въ нашей оперѣ (въ «Жизни за царя» нѣтъ совсѣмъ комизма, а Фарлафъ въ «Русланѣ» еще сильно напоминаетъ итальянскаго опернаго персонажа-буффо), обрисованное Даргомыжскимъ съ замѣчательною мѣткостью и добродушнымъ юморомъ, который находимъ уже у Пушкина. Онъ открываетъ собой галлерею позднѣйшихъ нашихъ оперныхъ болѣе или менѣе комическихъ персонажей, иногда обнаруживающихъ легкое фамильное съ нимъ сходство: Шуйскій въ «Борисѣ Годуновѣ» Мусоргскаго, Матута въ «Псковитянкѣ» Римскаго-Корсакова, Каленикъ въ его же «Майской ночи», отчасти Бермята въ «Снѣгурочкѣ» и т. д.

Нѣкоторыя сценическія ситуаціи «Русалки» также даютъ себя чувствовать въ позднѣйшихъ нашихъ операхъ. Такъ, слезы и жалобы покинутой княгини, тоскующей въ ожиданіи мужа, отразились въ рядѣ аналогичныхъ сценъ у Сѣрова («Рогнѣда»: монологъ Рогнѣды «Снова съ тоскою осталась одна...»), Бородина въ «Игорѣ» (сцена Ярославны, передъ приходомъ къ ней дѣвушекъ, дѣйствіе I, картина 2-я), Римскаго-Корсакова («Садко», картина III, сцена Любавы Буслаевны, ожидающей «запропавшаго» Садко) и т. д. Призывъ русалки къ князю отражается въ сценахъ между Садко и Морской Царевной и т. д.

Аналогичное вліяніе на нашихъ оперныхъ композиторовъ оказали и извѣстные ситуаціи и образы «Руслана и Людмилы» Глинки, восходящіе въ большинствѣ случаевъ къ извѣстнымъ деталямъ пушкинской поэмы.

Великолѣпная интродукція оперы Глинки, вдохновленная начальными стихами поэмы («Дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой»...) и почти буквально передающая ихъ въ музыкальныхъ формахъ *), отразилась въ извѣстныхъ сценахъ нашихъ позднѣйшихъ оперъ: въ сценѣ свадьбы «Русалки» Даргомыжскаго съ ея заздравными хорами и прощальной аріей молодой княгини, составляющей pendant къ каватинѣ Людмилы **); въ сценѣ пира Владимира Краснаго Солнышка въ «Рогнѣдѣ» Сѣрова; отчасти въ интродукціи оперы «Садко» Римскаго-Корсакова и др.

«Звонкихъ гуслей бѣглый звукъ», сопровождающій у Пушкина пѣніе «сладостнаго пѣвца» Баяна и воспроизведенный Глинкой

---

*) Отмѣтимъ хотя бы оркестровое più stretto передъ каватиной Людмилы, иллюстрирующее стихи:

«Слилися рѣчи въ шумъ невнятный;
Жужжитъ гостей веселый кругъ».

**) Каватина Людмилы сама, впрочемъ, вставной номеръ въ оперѣ Глинки, и у Пушкина ея нѣтъ. Конечно, общая ситуація свадебнаго пира и въ «Русалкѣ» принадлежитъ уже Пушкину, но соотвѣтствующая сцена въ оперѣ Даргомыжскаго распространена композиторомъ-либреттистомъ именно подъ вліяніемъ болѣе широкихъ размѣровъ интродукціи «Руслана», цѣликомъ намѣченной Пушкинымъ въ его поэмѣ.

въ неподражаемо оригинальномъ и свѣжемъ инструментальномъ наигрышѣ передъ речитативомъ Баяна, продолжаетъ звучать и у позднѣйшихъ нашихъ композиторовъ: гусляръ Нѣжата въ «Садко» Римскаго-Корсакова, его же слѣпые гусляры въ «Снѣгурочкѣ» *), отчасти и самъ «Садко», Лумиръ въ «Младѣ», гусляръ, изображенный А. К. Лядовымъ въ его фортепіанной балладѣ «Про старину» и др. — прямые потомки Баяна Глинки-Пушкина.

Кончаковна у Бородина въ «Игорѣ»— родная сестра Ратмира **), а самъ Игорь— несомнѣнно потомокъ «доблестнаго красавца» Руслана, такой же вѣрный и прямодушный и также разлученный враждебной судьбой съ своею милой. Правда, сходство положеній Руслана и Игоря уже опредѣляется первоисточникомъ послѣдняго поэтическаго характера—«Словомъ о Полку Игоревѣ» и не можетъ быть сведено къ вліянію перваго образа на второй, но музыкально-поэтическая обрисовка Игоря въ оперѣ Бородина безусловно носитъ слѣды вліянія глинкинскаго Руслана, музыкальная характеристика котораго въ свою очередь внушена была композитору поэмой Пушкина. Сцена затменія въ «Игорѣ» также находится въ извѣстной родственной связи со сценой общаго оцѣпенѣнія послѣ похищенія Людмилы Черноморомъ въ оперѣ Глинки. Правда, либреттистъ Глинки перенесъ послѣднюю сцену изъ опочивальни молодыхъ въ княжескую гридницу, но главное настроеніе ея, данное стихами поэмы, сохранилось въ превосходной музыкѣ Глинки, рисующей, какъ

...вдругъ
Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ туманѣ,
Лампада гаснетъ, дымъ бѣжитъ,
Кругомъ все смерклось, все дрожитъ,
И замерла душа въ Русланѣ... (и другихъ гостяхъ)
Все смолкло. Въ грозной тишинѣ
Раздался дважды голосъ странный,
И кто-то въ дымной глубинѣ
Взвился чернѣе мглы туманной...
И снова теремъ пустъ и тихъ.

Музыкальные пріемы, которыми Бородинъ рисуетъ общій ужасъ и оцѣпенѣніе при видѣ зловѣщаго и непонятнаго явленія природы, безусловно родственны съ примѣненными Глинкой въ указанной выше сценѣ «Руслана и Людмилы» *). У Глинки же они вытекали прямо изъ настроенія, даннаго ему поэтомъ.

Меньшее историческое вліяніе оказывали другія наши оперы, писанныя на сюжеты Пушкина, что вполнѣ естественно въ виду основного, центральнаго значенія «Руслана и Людмилы» Глинки и «Русалки» Даргомыжскаго, сравнительно съ другими нашими болѣе поздними операми. Но и въ нихъ можно найти извѣстныя, хотя бы и не столь рельефныя черты исторической преемственности и вліянія, восходящія опять-таки къ пушкинской поэзіи. Такъ, въ образахъ бражниковъ-гудочниковъ Скулы и Ерошки въ оперѣ Бородина «Князь Игорь» чувствуется съ одной стороны нѣкоторое вліяніе пушкинскихъ «честныхъ старцевъ» Мисаила и Варлаама изъ «Бориса Годунова», нашедшихъ себѣ столь яркое музыкальное воплощеніе въ оперѣ Мусоргскаго, а съ другой извѣстное духовное родство съ храбрымъ Фарлафомъ, предпочитающимъ у Пушкина сладкій отдыхъ на берегу ручейка и помощь Наины труднымъ подвигамъ странствующаго витязя. Старецъ Пименъ въ «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина, такъ хорошо воплощенный Мусоргскимъ въ музыкальныхъ звукахъ его оперы, является предкомъ старца Досифея (alias Василій Корень) въ «Хованщинѣ» Мусоргскаго же. Превосходныя народныя сцены «Бориса Годунова» Мусоргскаго, хотя и не вполнѣ придерживающіяся пушкинскаго текста, но все же вызванныя имъ, безподобная сцена въ корчмѣ, строго слѣдующая за Пушкинымъ, безъ

---

*) Они уже есть въ сказкѣ Островскаго, но вѣдь она явилась *послѣ* «Руслана» Глинки.

**) Укажемъ хотя бы на параллелизмъ аріи Ратмира «И жаръ и зной» съ каватиной Кончаковны «Ночь, спускайся скорѣй, тьмой окутай меня» и т. д. Нужды нѣтъ, что слова первой аріи не принадлежатъ Пушкину, но основной ихъ мотивъ мы найдемъ у Пушкина:

Я вижу теремъ отдаленный,
Гдѣ витязь томный, воспаленный
Вкушаетъ одинокій сонъ;
Его чело, его ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ горятъ;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье тайное манятъ;
Онъ страстно, медленно вздыхаетъ,
Онъ видитъ ихъ—и въ пылкомъ снѣ
Покровы къ сердцу прижимаетъ...

*) У Глинки педаль валторнъ на Es, являющемся то квинтой доминантсептаккорда, то его терціей (въ энгармоническомъ значеніи dis), то септимой уменьшеннаго септаккорда и т. д., у Бородина также педаль на D, служащемъ то терціей, то септимой, то основнымъ тономъ, то квинтой доминантсептаккорда въ третьемъ его обращеніи (секундаккордъ).

ПАМЯТНИКЪ ПУШКИНУ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ (на Пушкинской улицѣ).

По фотографіи, снятой для настоящаго изданія.

въ неподражаемо оригинальномъ и свѣжемъ инструментальномъ наигрышѣ передъ речитативомъ Баяна, продолжаетъ звучать и у позднѣйшихъ нашихъ композиторовъ: гусляръ Нѣжата въ «Садко» Римскаго-Корсакова, его же слѣпые гусляры въ «Снѣгурочкѣ» *), отчасти и самъ «Садко», Лумиръ въ «Младѣ», гусляръ, изображенный А. К. Лядовымъ въ его фортепіанной балладѣ «Про старину» и др. — прямые потомки Баяна Глинки-Пушкина.

Кончаковна у Бородина въ «Игорѣ»— родная сестра Ратмира **), а самъ Игорь— несомнѣнно потомокъ «доблестнаго красавца» Руслана, такой же вѣрный и прямодушный и также разлученный враждебной судьбой съ своею милой. Правда, сходство положеній Руслана и Игоря уже опредѣляется первоисточникомъ послѣдняго поэтическаго характера—«Словомъ о Полку Игоревѣ» и не можетъ быть сведено къ вліянію перваго образа на второй, но музыкально-поэтическая обрисовка Игоря въ оперѣ Бородина безусловно носитъ слѣды вліянія глинкинскаго Руслана, музыкальная характеристика котораго въ свою очередь внушена была композитору поэмой Пушкина. Сцена затменія въ «Игорѣ» также находится въ извѣстной родственной связи со сценой [illegible] послѣ похищенія Людмилы Черноморомъ въ оперѣ Глинки. Правда, либреттистъ Глинки перенесъ послѣднюю сцену изъ опочивальни молодыхъ въ княжескую гридницу, но главное настроеніе ея, данное стихами поэмы, сохранилось въ превосходной музыкѣ Глинки, рисующей, какъ

...вдругъ
Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ туманѣ,
Лампада гаснетъ, дымъ бѣжитъ,
Кругомъ все смерклось, все дрожитъ,
И замерла душа въ Русланѣ...(и другихъ гостяхъ)
Все смолкло. Въ грозной тишинѣ
Раздался дважды голосъ странный,
И кто-то въ дымной глубинѣ
Взвился черней мглы туманной...
И снова теремъ пустъ и тихъ.

Музыкальные пріемы, которыми Бородинъ рисуетъ общій ужасъ и оцѣпенѣніе при видѣ зловѣщаго и непонятнаго явленія природы, безусловно родственны съ примѣненными Глинкой въ указанной выше сценѣ «Руслана и Людмилы» *). У Глинки же они вытекали прямо изъ настроенія, даннаго ему поэтомъ.

Меньшее историческое вліяніе оказывали другія наши оперы, писанныя на сюжеты Пушкина, что вполнѣ естественно въ виду основного, центральнаго значенія «Руслана и Людмилы» Глинки и «Русалки» Даргомыжскаго, сравнительно съ другими нашими болѣе поздними операми. Но и въ нихъ можно найти извѣстныя, хотя бы и не столь рельефныя черты исторической преемственности и вліянія, восходящія опять-таки къ пушкинской поэзіи. Такъ, въ образахъ бражниковъ-гудочниковъ Скулы и Ерошки въ оперѣ Бородина «Князь Игорь» [illegible] которые [illegible] пушкинскихъ «честныхъ старцевъ», Мисаила и Варлаама изъ «Бориса Годунова», наведшихъ себѣ столь яркое музыкальное воплощеніе въ оперѣ Мусоргскаго, а съ другой извѣстное духовное родство съ храбрымъ Фарлафомъ, предпочитающимъ у Пушкина сладкій отдыхъ на берегу ручейка и помощь Наины труднымъ подвигамъ странствующаго витязя. Старецъ Пименъ въ «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина, такъ хорошо воплощенный Мусоргскимъ въ музыкальныхъ звукахъ его оперы, является предкомъ старца Досифея (alias Василій Корень) въ «Хованщинѣ» Мусоргскаго же. Превосходныя народныя сцены «Бориса Годунова» Мусоргскаго, хотя и не вполнѣ придерживающіяся пушкинскаго текста, но все же вызванныя имъ, безподобная сцена въ корчмѣ, строго слѣдующая за Пушкинымъ, безо

ГЛИНКА И ПУШКИНСКАЯ ЭПОХА (на пушкинском языке).

*) Они уже есть въ сказкѣ Островскаго, но вѣдь она явилась *послѣ* «Руслана» Глинки.

**) Укажемъ хотя бы на параллелизмъ аріи Ратмира «И жаръ и зной» съ каватиной Кончаковны «Ночь, спускайся скорѣй, тьмой окутай меня» и т. д. Нужды нѣтъ, что слова первой аріи не принадлежатъ Пушкину, но основной ихъ мотивъ мы найдемъ у Пушкина:

Я вижу теремъ отдаленный,
Гдѣ витязь томный, воспаленный
Вкушаетъ одинокій сонъ;
Его чело, его ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ горятъ;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье тайное манятъ;
Онъ страстно, медленно вздыхаетъ,
Онъ видитъ ихъ—и въ пылкомъ снѣ
Покровы къ сердцу прижимаетъ...

*) У Глинки педаль валторнъ на Es, являющемся то квинтой доминантсептаккорда, то его терціей (въ энгармоническомъ значеніи dis), то септимой уменьшеннаго септаккорда и т. д. У Бородина также педаль на D, служащемъ то терціей, то септимой, то основнымъ тономъ, то квинтой доминантсептаккорда въ третьемъ его обращеніи (секундаккордъ).

всякаго сомнѣнія, оказали глубокое вліяніе на послѣдующія произведенія нашихъ оперныхъ композиторовъ и еще надолго сохранятъ его.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ развитіи нашей музыки еще долго будутъ разработываться подобные мотивы и ситуаціи, такъ или иначе восходящіе къ поэзіи Пушкина. Какъ «Дубровскій» Направника отражаетъ вліяніе «Евгенія Онѣгина» и «Пиковой Дамы» Чайковскаго въ общихъ пріемахъ опернаго письма и трактовки пушкинскихъ сюжетовъ и персонажей, такъ въ будущемъ могутъ явиться и еще болѣе близкія сходства и совпаденія, вродѣ только-что отмѣченныхъ совпаденій между «Русланомъ» и позднѣйшими нашими операми,—совпаденій, восходящихъ въ концѣ концовъ къ мотивамъ пушкинской поэзіи.

Мы не говоримъ уже о той роли, которую играли въ исторіи нашей музыки лирическія стихотворенія нашего великаго поэта, послужившія текстомъ для безчисленнаго количества романсовъ, какъ лучшихъ нашихъ композиторовъ, такъ и болѣе или менѣе безвѣстныхъ диллетантовъ, подчасъ доходившихъ до невѣроятнаго безвкусія и дерзости въ попыткахъ «иллюстрировать» своей музыкой иногда глубочайшія произведенія Пушкина. Объ этомъ уже говорили другіе и довольно много *). Укажемъ только, что на романсахъ, писанныхъ на тексты Пушкина, легко можно иллюстрировать исторію нашего романса, начиная съ Верстовскаго, Н. А. и Н. С. Титовыхъ, Алябьева, Геништы, Вильбоа, Глинки и Даргомыжскаго и кончая Балакиревымъ, Мусоргскимъ, Бородинымъ, Кюи, Римскимъ-Корсаковымъ, Глазуновымъ и ихъ эпигонами и послѣдователями. Въ выборѣ текстовъ для романсовъ, несомнѣнно, отражается и большее развитіе, какъ вкуса композиторовъ, такъ и сферы музыкальной изобразительности. Самыя раннія композиціи романсовъ выпадаютъ на долю такихъ текстовъ Пушкина, какъ «Черная шаль», «Лила, Лила, я страдаю», «Подъ вечеръ осенью ненастной» и т. д., на которыя никто и не подумаетъ теперь писать музыку; кромѣ того, особымъ предпочтеніемъ композиторовъ пользовались тексты, трактующіе о «любви» («Я васъ любилъ» и т. д.). Напротивъ, геніальнѣйшія и глубочайшія произведенія поэта, вродѣ «Музы», «Пророка», «Трехъ ключей», находятъ себѣ музыкальныхъ истолкователей только въ недавнее время въ лицѣ А. К. Глазунова («Муза»), Н. А. Римскаго-Корсакова («Пророкъ»), Ц. А. Кюи («Пророкъ» и «Три ключа») и С. М. Ляпунова («Три ключа»). Въ этомъ ростѣ нашей музыки, кромѣ общаго нашего духовнаго развитія, многимъ, конечно, обязаннаго тому же Пушкину, видную роль, какъ мы видѣли выше, играетъ и долго еще будетъ играть поэзія нашего великаго писателя, направлявшая фантазію нашихъ лучшихъ композиторовъ на новыя и свѣжія темы музыкальнаго творчества, дававшая яркое и глубокое поэтическое содержаніе ихъ произведеніямъ и заставлявшая искать ихъ новыхъ путей въ искусствѣ, небывалыхъ еще формъ и пріемовъ выраженія, которые съ достоинствомъ могли бы стать рядомъ съ геніально-простымъ и правдивымъ, но въ то же время могучимъ и яркимъ словомъ ихъ вдохновителя-поэта.

С. Буличъ.

*) Подробную библіографію музыкальныхъ произведеній, вокальныхъ и инструментальныхъ, написанныхъ на пушкинскіе тексты или сюжеты, доведенную до 1900 г., см. въ цит. выше моей работѣ въ Университ. сборникѣ «Памяти Пушкина» (СПб., 1900).

ПУШКИНЪ и ЛЕРМОНТОВЪ.

I.

Въ четвертой книжкѣ «Галатеи» 1829 г. было напечатано слѣдующее стихотвореніе Ротчева *):

ПѢСНЬ ВАКХАНКИ.

Лицо мое горитъ на солнечныхъ лучахъ,
И бѣлая нога отъ тернія страдаетъ!
Ищу тебя давно въ сосѣдственныхъ лугахъ,
Но только эхо горъ призывъ мой повторяетъ.
О, милый юноша! меня стыдишься ты...
Зачѣмъ меня бѣжишь? вглядись въ мои черты!
Прочти мой томный взглядъ, прочти мои мученья!
Приди скорѣй! тебя ждетъ прелесть наслажденья.
Брось игры дѣтскія, о, юноша живой;
Узнай,—во мнѣ навѣкъ остался образъ твой.
Ахъ, на тебѣ печать безпечности счастливой,
И взоръ твоихъ очей, какъ дѣвы взоръ стыдливой;
Твоя младая грудь не вѣдаетъ огня
Любви мучительной, который жжетъ меня.
Приди изъ рукъ моихъ принять любви уроки!
Я научу тебя восторги раздѣлять,
И будемъ вмѣстѣ млѣть и сладостно вздыхать!...
Пускай увѣрюсь я, что поцѣлуй мой страстный
Въ тебѣ произведетъ румянца блескъ прекрасный!
О, если-бъ ты пришелъ вечернею порой
И задремалъ, склонясь на грудь мою главой!
Тогда бы я тебѣ украдкой улыбалась,
Тогда-бъ я притаить дыханіе старалась.

Въ это время (январь 1829 г.) Лермонтовъ жилъ съ бабушкой въ Москвѣ, учась въ Университетскомъ Благородномъ пансіонѣ. Очевидно, книжка «Галатеи» попала въ его руки, и стихотвореніе Ротчева соблазнило его: къ 1830 году издатели относятъ стихотвореніе Лермонтова, написанное—что̀ видно съ перваго взгляда—на сюжетъ ротчевской «Вакханки»:

Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой!
Какъ ты стыдливъ! и т. д.

Чѣмъ соблазнила его пьеса Ротчева? Онъ взялъ изъ нея только ея ядро: любовь вакханки къ невинному и равнодушному юношѣ; всѣ остальные элементы ротчевской пьесы онъ измѣнилъ: эллинскую вакханку превратилъ въ продажную красу, безпечнаго и веселаго отрока—въ замкнутаго юношу, и разлученныхъ свелъ вмѣстѣ; а главное—въ то время, какъ пьеса Ротчева вся выдержана въ свѣтлыхъ, радостныхъ тонахъ, такъ что и любовныя «мученья» вакханки не нарушаютъ этого свѣтлаго колорита, а только придаютъ ему бо́льшую теплоту,—Лермонтовъ набросилъ на картину трагическое покрывало: мрачный трагизмъ—въ судьбѣ женщины, слегка окрашенъ трагизмомъ и юноша, наконецъ, трагиченъ и самый характеръ ея любви; воображаемой идилліи, которою кончается стихотвореніе Ротчева, соотвѣтствуетъ трагическій конецъ лермонтовской пьесы:

О, наслаждайся! ты—мой господинъ!
Хотя тебѣ случится, можетъ быть,
Меня въ своихъ объятьяхъ задушить—
Блаженствомъ смерть мнѣ будетъ отъ тебя....
Мой другъ, чего не вынесешь любя!

Итакъ, контрастъ грѣха и чистоты; мало того—страстное влеченіе грѣшнаго къ чистому, то-есть въ грѣшномъ самосознаніе своей неполноты, и отсюда тревож-

*) Оно представляетъ собою сокращенный переводъ стихотворенія А. Шенье «Lydé», полностью переведеннаго позднѣе Фетомъ («см. Poésies de André Chénier», par. M. H. De Latouche, Paris, 1841, pp. 38—40, и «Полн. собр. стихотвореній А. А. Фета», изд. Маркса, 1910, т. III, стр. 247—249: Лида).

ность, жажда, исканіе, въ чистомъ же—самодовлѣющая полнота: вотъ что—по всей вѣроятности интуитивно—подмѣтилъ Лермонтовъ въ пьесѣ Ротчева. И когда онъ попытался на свой ладъ изобразить этотъ контрастъ и это влеченіе, то наружу ярко выступилъ ихъ трагическій смыслъ.

То, о чемъ я говорю, было въ Лермонтовѣ не мыслью, не чувствомъ: оно было скорѣе всего образомъ. Въ этомъ самомъ стихотвореніи онъ говоритъ о лунѣ, блуждающей межъ тучъ, что она—«какъ ангелъ средь отверженныхъ». Это сравненіе, по существу странное, конечно, не случайно подвернулось подъ перо Лермонтова: оно какими-то тайными нитями связано съ замысломъ пьесы. Совершенно такъ же и весь этотъ эпизодъ—переработка ротчевской «Вакханки»—не случаенъ въ творчествѣ Лермонтова.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ свой жизненный образъ Лермонтовъ нашелъ готовымъ, и именно у Пушкина. Эта находка была для юнаго Лермонтова откровеніемъ и освобожденіемъ; предоставленный собственнымъ силамъ, онъ, вѣроятно, еще долго блуждалъ бы мыслью въ сумеркахъ собственнаго духа, тщетно отыскивая фокусъ своего самосознанія. «Демонъ» Пушкина былъ впервые напечатанъ въ 1824 г., «Ангелъ»—въ 1828-мъ; въ 1829 году вышло собраніе стихотвореній Пушкина, гдѣ пятнадцатилѣтній Лермонтовъ, вѣроятно, и прочиталъ впервые эти два стихотворенія. Въ этомъ же 1829 году онъ пишетъ первый очеркъ своего «Демона». Стихотвореніе Пушкина «Демонъ» дало ему образъ демона, стихотвореніе «Ангелъ» — идею встрѣчи демона съ образомъ чистоты и совершенства; наконецъ, фабулу своей поэмы онъ заимствовалъ, можетъ быть, изъ письма Татьяны во 2-й главѣ «Онѣгина»:

Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся;
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твой голосъ раздавался, и т. д.

Но Лермонтовъ по-своему пересоздалъ пушкинскаго демона, какъ и ротчевскую вакханку; самобытность его творческой мысли въ такомъ раннемъ возрастѣ удивительна.

II.

Въ дверяхъ Эдема Ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ,
А Демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
И ты недаромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ небѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

Такова у Пушкина встрѣча двухъ міровыхъ началъ, грѣха и совершенства. Ангелъ стоитъ недвижно, онъ не жаждетъ и не ищетъ—даже взоромъ; его потупленный взглядъ—стыдливость безгрѣшной чистоты, или скорбь о падшемъ братѣ, которая боится выдать себя, чтобы не оскорбить. Напротивъ, демонъ жадно смотритъ, и это—знакъ его мучительной неполноты; но онъ *только* смотритъ: вотъ что характерно для Пушкина. Встрѣча обѣихъ стихій ни для одной не проходитъ безслѣдно,—тамъ рождается жалость, здѣсь умиленіе,—но активнаго воздѣйствія не возникаетъ между ними, т. е. никакой внутренній порывъ не нудитъ демона слиться съ противоположнымъ началомъ. Только мгновенное провидѣніе совершенства, и отсюда рождающееся умиленіе,—но никакой попытки отдаться ему и овладѣть имъ.

Изъ этого пушкинскаго зерна родилась въ Лермонтовѣ концепція его «Демона». Съ проницательностью истинно-геніальной онъ не только понялъ пушкинскій образъ и не только узналъ себя въ немъ, но и сумѣлъ на основаніи собственнаго душевнаго опыта исправить его и дополнить; и такъ цѣльна была его необыкновенная натура, что въ отроческомъ постиженіи она сознала себя всецѣло, такъ что опытъ зрѣлыхъ лѣтъ уже не прибавилъ ни одной существенной черты къ тѣмъ, которыми нарисованъ образъ демона въ очеркѣ 1829 года.

«Демонъ» Лермонтова—сложная переработка пушкинскаго «Ангела», исторія той же встрѣчи двухъ стихій, но разсказанная иначе. И прежде всего—самый образъ демона! Лермонтовъ совершенно отодвинулъ въ тѣнь объективное изображеніе демона, какъ міровой силы: на первый планъ у него выступило (уже въ первой редакціи, 1829 года,—и такъ до конца) *субъективное* состояніе демона, его душевная пытка; онъ «душой измученною боленъ», онъ «роняетъ, посреди мученья, свинцовы слезы», и т. д. Символическій смыслъ пушкинскаго образа былъ этимъ, разумѣется, значительно ослабленъ, но зато была дана возможность пси-

хологически раскрыть этотъ образъ. А для Лермонтова только это одно и было важно: онъ въ лицѣ демона разрѣшалъ мучительную загадку своего собственнаго существованія. Извѣстно, что замыселъ этой поэмы имѣетъ автобіографическую подкладку (любовь Лермонтова къ В. А. Лопухиной); достаточно вспомнить собственныя признанія Лермонтова:

Какъ демонъ мой, я—зла избранникъ...
Ты для меня была, какъ счастье рая
Для демона, изгнанника небесъ... и т. д.,

или въ посвященіи къ одной изъ позднихъ редакцій «Демона»:

...И не узнаешь здѣсь простого выраженья
Тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ...

Если бы у насъ и не было этихъ признаній поэта, все равно было бы очевидно, что въ своемъ демонѣ онъ изображалъ самого себя—такъ часто онъ въ своихъ стихахъ характеризуетъ себя чертами, составляющими въ совокупности характеръ его демона. Въ немъ съ раннихъ лѣтъ кипѣли тяжелыя и недобрыя чувства, мысли мрачныя и холодныя; онъ безмѣрно мучился пустынностью своей души, ущербностью всѣхъ своихъ впечатлѣній. Его исповѣди ужасны:

Пусть я кого-нибудь люблю,—
Любовь не краситъ жизнь мою:
Она, какъ чумное пятно
На сердцѣ, жжетъ—хотя темно (1831 г.).

И вотъ пушкинскій разсказъ о встрѣчѣ двухъ началъ оказался для Лермонтова, при переводѣ съ символическаго языка на языкъ психологіи, неполнымъ и невѣрнымъ: онъ по себѣ зналъ другое, и потому онъ долженъ былъ писать своего «Демона».

Умиленіе пушкинскаго демона—о, да, да! Это чувство Лермонтовъ хорошо зналъ въ себѣ, оттого онъ могъ плакать облегчающими слезами, читая пушкинскаго «Ангела». Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зналъ, что его демонъ—не можетъ остановиться на умиленіи, что сіяніе совершенства, блеснувъ предъ нимъ и освѣтивъ ужасъ его собственной тьмы, неизбѣжно родитъ въ немъ страсть во что бы то ни стало слиться съ этой свѣтозарной стихіей, отдаться ей, избыть тоску своего ущербнаго, тревожнаго, безрадостнаго существованія. Такъ его «Демонъ» становится разсказомъ не о мгновенной только встрѣчѣ, не объ эстетическомъ умиленіи грѣха предъ образомъ совершенства, но объ активномъ усиліи грѣховнаго начала преодолѣть свою природу. Эта попытка заранѣе обречена на неудачу,—она и не удастся,—но въ самой природѣ грѣха лежитъ его скорбное самосознаніе, а слѣдовательно,—и непобѣдимая потребность искать себѣ исцѣленія, т. е. жаждать, домогаться. Только совершенство пассивно (и, однако, несмотря на свою пассивность, могущественно), грѣхъ же неизбѣжно, въ силу своего страданія, активенъ: этотъ намекъ Пушкина Лермонтовъ раскрылъ и довелъ до конца.

III.

Пушкинскій демонъ былъ тоже—образъ автобіографическій; Пушкинъ самъ говоритъ это въ стих. «Демонъ». Въ Пушкинѣ было все—и злые омуты, и гады; не менѣе Лермонтова онъ извѣдалъ и «мракъ земныхъ суетъ», и «алчный грѣхъ», и омертвѣлость духа, когда «сердце пусто, празденъ умъ»; и предъ нимъ вставали жгучимъ укоромъ «видѣнья первоначальныхъ, чистыхъ дней». Тютчевъ хорошо сказалъ о немъ:

Онъ былъ боговъ органъ живой,
Но съ кровью въ жилахъ... знойной кровью.

Темный голосъ этой крови властвовалъ надъ нимъ неодолимо, томилъ его, мучилъ его. И все же онъ сравнительно легко несетъ сознаніе своей грѣховности. Не то, чтобы оно не угнетало его подчасъ; надо ли напоминать тѣ строки, тѣ пламенныя признанія, гдѣ онъ далъ волю своему стыду и своему раскаянію, хотя бы, напримѣръ, «Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день»? Но онъ — фаталистъ; онъ твердо знаетъ, что своей души ему не передѣлать, и оттого онъ не ищетъ святости, даже не понимаетъ, чтобы ее можно было искать. Онъ констатируетъ, какъ фактъ, безъ сентиментальнаго сокрушенія:

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ:
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ.

Эти сіонскія высоты влекутъ его къ себѣ, но, какъ его демонъ въ стих. «Ангелъ», онъ только съ умиленіемъ созерцаетъ ихъ; даже въ самыя страшныя минуты самосознанія онъ способенъ только «лить потоки слезъ»; ни одного намека на готовность

очиститься, сдѣлать хоть малое усиліе къ перерожденію. Его извѣстные стансы къ м. Филарету—точная аналогія къ «Ангелу»:

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Тамъ, въ «Ангелѣ»,—эстетическое умиленіе предъ святостью, здѣсь—стыдъ и ужасъ; но оба чувства совершенно пассивны, такъ сказать, завзято-пассивны.

Душа человѣческая первозданна, ничему не подвластна и управляется своими внутренними законами—эта мысль есть ось пушкинскаго міровоззрѣнія. Ни моя разумная воля, ни явленія внѣшняго міра ничего не могутъ измѣнить въ ней; слѣдуя какимъ-то своимъ таинственнымъ законамъ, она то мертвѣетъ, то оживаетъ сама въ себѣ,—и въ каждомъ своемъ состояніи она сама присваиваетъ себѣ изъ дѣйствительности тѣ элементы, которые соотвѣтствуютъ ея состоянію, потому что дѣйствительность въ каждый мигъ содержитъ безчисленныя возможности,самыя противоположныя между собою: выбираетъ, притомъ конгеніально, сама душа. Мы еще слишкомъ мало знаемъ это міровоззрѣніе Пушкина: его стихи гладки,—скользнешь, и не замѣтишь, что́ въ нихъ. Но если читать ихъ медленно, въ нихъ открываются удивительныя мысли. Онъ пишетъ:

Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Это значитъ: страданій объективно нѣтъ; страданіе—только плодъ сердечной пустоты; внѣшній фактъ становится страданіемъ только въ силу извѣстнаго душевнаго состоянія, предшествующаго ему и отъ него независимаго. Такъ и все внѣшнее, по мысли Пушкина, нейтрально; жизнь духа неизслѣдимо автономна. Въ стихотвореніи «Я помню чудное мгновенье» Пушкинъ разсказываетъ о реальныхъ вещахъ—о двухъ своихъ встрѣчахъ съ А. П. Кернъ. Первая ихъ мимолетная встрѣча была въ Петербургѣ въ 1819 г., вторая, которою собственно и вызвана пьеса Пушкина,—въ іюнѣ 1825 г. въ Тригорскомъ; между обѣими встрѣчами легли долгіе годы ссылки и душевной омертвѣлости Пушкина. И вотъ, разсказавъ объ этой омертвѣлости, когда онъ жилъ «безъ божества, безъ вдохновенья, безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви», Пушкинъ продолжаетъ:

Душѣ настало пробужденье:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Совсѣмъ не такъ, какъ хотѣли объяснять біографы,—что новая встрѣча съ Кернъ въ 1825 году пробудила Пушкина отъ апатіи. Какъ-разъ наоборотъ (надо обратить вниманіе на слова «и вотъ»): душа проснулась самочинно, въ ней совершился таинственный кризисъ («Душѣ настало пробужденье»; такъ Пушкинъ говоритъ и въ одномъ изъ подражаній Корану: «Насталъ пробужденья для путника часъ», послѣ того, какъ путникъ многіе годы проспалъ въ пустынѣ «по волѣ владыки небесъ и земли»),—и именно въ силу того, что душа проснулась,—ей предстало свѣтлое видѣнье. Оттого Пушкинъ, съ безсознательнымъ умысломъ, и употребилъ здѣсь такія безплотныя слова: «видѣнье», «геній красоты»: это «видѣнье»—плодъ душевной полноты, какъ страданье есть плодъ душевной омертвѣлости. Все въ мірѣ—призракъ, видѣніе, но все пріобрѣтаетъ существенность—въ духѣ *).

IV.

Всякому, кто со вниманіемъ прочтетъ различныя редакціи «Демона», будетъ ясно, что Лермонтовъ строилъ планъ своей поэмы вполнѣ сознательно. Особенно любопытна въ этомъ отношеніи одна изъ раннихъ редакцій—1830 года. Первая, нечаянная встрѣча (подслушанная демономъ пѣсня монахини) вызываетъ въ демонѣ умиленіе,—совершенно по-пушкински Но Пушкинъ на этомъ и кончаетъ,—Лермонтовъ идетъ дальше: демонъ уже не властенъ забыть эти звуки и это видѣнье; они—

Остались на душѣ его,
И въ памяти сего мгновенья
Ужъ не загладитъ ничего.

Проходитъ нѣкоторое время, — демонъ тщетно силится «незабвенное забыть», запавшая искра тлѣетъ въ немъ—и вотъ оказывается:

тотъ желѣзный сонъ
Прошелъ... Любить онъ можетъ... можетъ...

*) Срав. то, что я писалъ о «Пиковой дамѣ» (настоящее изд. т. IV и «Образы прошлаго», М., 1912).

И, наконецъ,—свершилось: «И въ самомъ дѣлѣ любитъ онъ».

Такъ же твердо, какъ и Пушкинъ, Лермонтовъ зналъ, что грѣхъ и страданіе грѣха предопредѣлены и неисцѣлимы; попытка демона обречена на неудачу,—и все же Лермонтовъ заставляетъ его сдѣлать эту попытку, а въ послѣднихъ редакціяхъ поэмы вкладываетъ въ его рѣчи такую глубокую боль, такую страстную вѣру въ возможность для него спасенія, что о коварномъ искусительствѣ не можетъ быть и подозрѣнія. Демонъ вѣритъ, не можетъ не вѣрить при первомъ проблескѣ надежды,—потому что его муки нестерпимы.

Таковъ былъ самъ Лермонтовъ. Пушкинъ смирялся предъ неизбѣжностью, Лермонтовъ не могъ смиряться, и это, очевидно, потому, что душевныя страданія Лермонтова (его самосознаніе несовершенства) были несравненно мучительнѣе, нежели у Пушкина. Вся поэзія Лермонтова, насколько онъ говоритъ о самомъ себѣ,—сплошной стонъ, сплошное проклятіе. Если читать его стихи медленно и съ участіемъ,—сердце сжимается жалостью: какъ ужасны были его настроенія! какъ безрадостна и трудна его жизнь! Перечтите «И скучно, и грустно», или удивительное по глубинѣ и сосредоточенности чувства «Гляжу на будущность съ боязнью»,—эти слова послѣдней скорби:

Я въ мірѣ не оставлю брата;
И тьмой и холодомъ объята
Душа усталая моя...

Кто еще такъ страдалъ? А глаза сухи, слезъ нѣтъ и не будетъ... Бѣдный поэтъ!

Но Лермонтова уже нѣтъ, его страданія кончились, и мы можемъ спокойно изучать его душевную жизнь, чтобы научиться лучше понимать его поэзію—и самихъ себя. Мы подошли теперь къ самому главному—къ вопросу о характерѣ его страданія.

Я сказалъ, что настроенія Лермонтова съ самаго отрочества были сплошной пыткой; по сравненію съ его муками душевная жизнь Пушкина была въ общемъ очень счастлива, т. е. сравнительно спокойна, ясна, часто празднична. И вотъ именно эта великая острота боли дѣлала Лермонтова до такой степени нетерпѣливымъ и, можно сказать, корыстнымъ. Онъ такъ страдаетъ, что ему не до размышленій о своемъ несовершенствѣ; онъ боленъ—боленъ пустынностью и тревожностью своего духа, боленъ своей ущербностью и одиночествомъ,—и онъ жаждетъ одного: исцѣлиться, т. е. обрѣсти полноту чувствъ и душевный покой. Пушкинъ хорошо зналъ чистое чувство грѣховности, то настроеніе, когда человѣкъ говоритъ себѣ: пусть я невластенъ не согрѣшать, но мнѣ больно и стыдно, что я такъ далекъ отъ совершенства. Пушкинъ зналъ «змѣи сердечной угрызенья»; всѣ помнятъ эти стихи:

И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

Такого покаяннаго псалма никогда не могъ бы написать Лермонтовъ. Въ его поэзіи вообще нельзя открыть ни малѣйшихъ признаковъ покаянія; чувство грѣха ему чуждо, и совершенство манитъ его не потому, что оно само по себѣ прекрасно, а потому, что оно сыто, спокойно и счастливо, тогда какъ онъ голоденъ, тревоженъ и несчастенъ. Вотъ почему демонъ Пушкина при видѣ ангела только умиленъ:

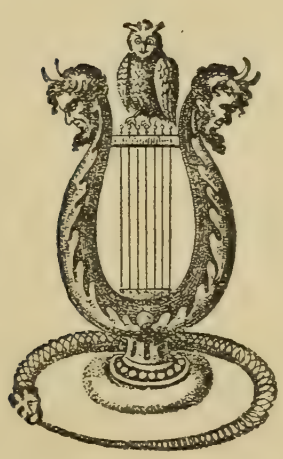
Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
И ты недаромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ небѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

Чувства болѣе безкорыстнаго, чѣмъ это, нельзя себѣ и представить. Умиленіе же лермонтовскаго демона длится едва мгновеніе, чтобы тотчасъ уступить мѣсто своекорыстной мечтѣ объ исцѣленіи. Такъ, Пушкинъ благоговѣетъ предъ красотою совершенства, смиренно сознавая ея недосягаемость для себя, а Лермонтовъ завидуетъ счастью совершенства, мятежно силится овладѣть имъ. Два полюса религіознаго сознанія, два крайнихъ чувства, неизмѣнно присущихъ въ смѣшеніи каждой человѣческой душѣ. И такъ ярко ихъ изображеніе, точно нашимъ двумъ величайшимъ поэтамъ было предназначено демонстрировать предъ всѣмъ свѣтомъ эти двѣ типичныя односторонности въ ихъ наиболѣе чистой формѣ.

Многіе пути ведутъ ко спасенію, и каждой душѣ предуказанъ свой путь. Они оба ясно видѣли предъ собою солнце, которое большая часть людей только смутно чуютъ, какъ желѣзо чуетъ магнитъ: образъ совершенства; и оба тосковали о немъ, хотя и по-разному. Чистое умиленіе Пушкина и бурное вожделѣніе Лермонтова равно святы, ибо дѣло идетъ о горней красѣ, не о земной. Молится ли подвижникъ, незлобивый сердцемъ, проливая слезы умиленія и благодарности, или преступная душа

скорбитъ несказанной скорбью о чернотѣ своей и съ проклятіями молитъ исцѣленія своихъ мукъ,—не то же ли небесное пламя тамъ свѣтитъ, здѣсь жжетъ? Поэзія Пушкина и поэзія Лермонтова—два разныхъ служенія, и нѣтъ смысла судить, чье служеніе выше. Но намъ важно смотрѣть и замѣтить: они оба одинаково знали какимъ-то недоказуемымъ, но необыкновенно увѣреннымъ знаніемъ, что есть нѣкая норма бытія, совершенство; невольное отступленіе отъ этой нормы Пушкинъ ощущалъ въ себѣ какъ грѣхъ, Лермонтовъ—какъ причину своихъ душевныхъ страданій. Какъ сложился въ нихъ этотъ умопостигаемый образъ? Ихъ непоколебимая вѣра въ его реальность носитъ всѣ признаки опытнаго знанія. Вѣрнѣе всего зримаго и осязаемаго они видѣли міръ такой, какого внѣшній опытъ и разсудокъ не знаютъ; очевидно, у нихъ былъ и другой, болѣе тонкій опытъ,—иначе ихъ увѣренность была бы или притворствомъ, или бредомъ, чему противорѣчатъ страстная искренность и формальная красота ихъ признаній. Они—не учители идеаловъ, а повѣствователи о видѣнномъ ими, очевидцы и свидѣтели подлинно-сущаго. Именно въ этой убѣжденности ихъ свидѣтельствъ, въ этомъ всенародномъ оглашеніи результатовъ высшаго душевнаго опыта заключается цѣнность ихъ поэзіи, какъ и всякаго истиннаго искусства.

М. Гершензонъ.



ПУШКИНЪ У БРЮЛЛОВА.

Одинъ психіатръ удивлялся, какъ могъ Пушкинъ перенести всѣ бѣды своихъ послѣднихъ лѣтъ—и не сойти съ ума, по крайней мѣрѣ, не заболѣть тяжелой неврастеніей. «Нужно ли лучшее доказательство прекраснаго, идеальнаго здоровья?» *).

Такіе документы, какъ письмо къ графу К. Ѳ. Толю, написанное въ тотъ же день, когда отправлено было Геккерну извѣстное оскорбительное письмо, послужившее ближайшею причиною поединка, или записка къ Ишимовой, набросанная за нѣсколько часовъ до условленной кровавой встрѣчи съ Дантесомъ, особенно краснорѣчиво говорятъ объ умѣніи Пушкина владѣть собою, объ его истинно-героическомъ мужествѣ. Но храбрый боецъ—нашъ великій поэтъ умѣлъ не только бороться съ враждебными людьми и обстоятельствами, но и забывать ихъ, что гораздо труднѣе, и хоть на краткія минуты смирять предчувствія близкаго конца и воскрешать въ душѣ беззавѣтную веселость юношескихъ дней. Такъ иной разъ съ грозового неба въ просвѣты между тучами падаютъ золотые лучи.

Это было за два дня до дуэли. Сегодня — читаемъ мы въ запискахъ ученика К. П. Брюллова, А. И. Мокрицкаго **), подъ 25 января 1837 г.—«въ нашей мастерской... были Пушкинъ и Жуковскій. Сошлись они вмѣстѣ, и Карлъ Павловичъ угощалъ ихъ своею портфелью и альбомами. Весело было смотрѣть, какъ они любовались и восхищались его дивными акварельными рисунками; но когда онъ показалъ имъ недавно оконченный рисунокъ: «Съѣздъ на балъ къ австрійскому посланнику въ Смирнѣ», то восторгъ ихъ выразился крикомъ и смѣхомъ. Да и можно ли глядѣть безъ смѣха на этотъ прелестный, забавный рисунокъ? Смирнскій полиціймейстеръ, спящій посреди улицы на коврѣ и подушкѣ, такая комическая фигура, что на нее нельзя глядѣть равнодушно. Позади него, за подушкой, въ тѣни, видны двое полицейскихъ стражей: одинъ сидитъ на корточкахъ, другой лежитъ упершись локтями въ подбородокъ и болтая босыми ногами, обнаженными выше колѣнъ; эти ноги, какъ двѣ кочерги, принадлежащія тощей фигурѣ стража, еще болѣе выдвигаютъ полноту и округлость формъ спящаго полиціймейстера, который, будучи изображенъ въ ракурсъ, кажется отъ того еще толще и шире. Пушкинъ не могъ разстаться съ этимъ рисункомъ, хохоталъ до слезъ и просилъ Брюллова подарить ему это сокровище; но рисунокъ принадлежалъ ужъ княгинѣ Салтыковой, и Карлъ Павловичъ, увѣряя его, что не можетъ отдать, обѣщалъ нарисовать ему другой; Пушкинъ былъ безутѣшенъ; онъ, съ рисункомъ въ рукахъ, сталъ передъ Брюлловымъ на колѣни и началъ умолять его: «Отдай, голубчикъ! Вѣдь другого ты не нарисуешь для меня; отдай мнѣ этотъ». Не отдалъ Брюлловъ рисунка, а обѣщалъ нарисовать другой. Я, глядя на эту сцену,

*) В. Ф. Чижъ, «Пушкинъ какъ идеалъ душевнаго здоровья»—«Пушкинскій сборникъ, изданный Императ. Юрьевскимъ университетомъ», Юр., 1899, стр. 69,70.

**) А. И. Мокрицкій, «Воспоминаніе о Брюлловѣ»—«Отечеств. Записки», т. CIII, 1855 г., отд. II, стр. 165—166; ср. «Рус. Стар.» 1880, январь, 189. Мокрицкому принадлежитъ рисунокъ, изображающій Пушкина въ гробу.

ЗА 2 ДНЯ ДО ДУЭЛИ

ПУШКИНЪ, ВЪ ПРИПАДКѢ ВЕСЕЛОСТИ, НА КОЛѢНЯХЪ ВЫМАЛИВАЕТЪ У БРЮЛЛОВА ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ РИСУНОКЪ.

Рисунокъ И. Е. Рѣпина.

Съ оригинала, принадлежащаго Н. О. Лернеру.

не думалъ, что Брюлловъ откажетъ Пушкину. Такіе люди, казалось мнѣ, не становятся даромъ на колѣни передъ равными себѣ. Это было ровно за четыре дня до смерти Пушкина»...*). Черезъ два дня послѣ смерти поэта Брюлловъ велѣлъ Мокрицкому **) «читать стихи Пушкина и восхищался каждой строкой, каждой мыслью и жалѣлъ душевно о ранней кончинѣ великаго поэта. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что не отдалъ ему рисунка, о которомъ тотъ такъ просилъ его, вспоминалъ о томъ, какъ Пушкинъ восхищался его картиной «Распятіе» ***) и эскизомъ «Гензерихъ грабитъ Римъ»... ****) 31 марта, разсказываетъ далѣе Мокрицкій *****), у Брюллова были Венеціановъ, Ѳедоръ Брюлловъ и самъ разсказчикъ; «скоро пришелъ А. А. Краевскій и прочелъ намъ нѣкоторыя стихотворенія Пушкина, найденныя въ рукописи послѣ его смерти: «Отцы пустынники и жены непорочны», «Русалку», нѣсколько сценъ изъ «Каменнаго гостя» и «Галуба». Когда Краевскій разсказалъ Брюллову о послѣднихъ часахъ жизни Пушкина и о томъ, что хотятъ издать полное собраніе его сочиненій, Брюлловъ выразилъ желаніе нарисовать къ нимъ фронтисписъ, въ которомъ хотѣлъ изобразить Пушкина съ лирой въ рукахъ, на скалѣ кавказскихъ горъ, посреди величественной кавказской природы,—намѣреніе, какъ извѣстно, оставшееся безъ исполненія *). Рамазановъ **) называетъ Пушкина въ числѣ авторовъ, которые «составляли его наслажденіе, и въ нихъ онъ почерпалъ новыя освѣжительныя силы къ созданію». Бюстъ и маска Пушкина находились въ его мастерской ***). Брюлловъ восхищался поэтомъ, его открытой, жизнерадостной натурой, и говорилъ: «Какой Пушкинъ счастливецъ! Такъ смѣется, что словно кишки видны!» ****).

Подобный счастливый моментъ, быть можетъ послѣдній въ жизни поэта, запечатлѣлъ въ своихъ запискахъ современникъ, а нашъ геніальный мастеръ съ вдохновенной простотою и неоспоримой убѣдительностью передалъ волшебнымъ перомъ выраженіе удовольствія, веселости, беззаботности на умоляющемъ и смѣющемся лицѣ Пушкина.

Н. Лернеръ.

---

*) О томъ же разсказываетъ племянникъ Брюллова П. П. Соколовъ («Воспоминанія»—«Историч. Вѣстн.» 1910 г., авг., 399).

**) Мокрицкій, стр. 167.

***) Пушкину эта картина внушила полное религіознаго чувства и гражданскаго негодованія стихотвореніе «Когда великое свершалось торжество»....

****) Пушкинъ писалъ женѣ объ этой «недоконченной картинѣ» 11 мая 1836 г. «Когда А. С. Пушкинъ, посѣтивши Карла Павловича, замѣтилъ ему, что картина, произведенная по этому эскизу, можетъ стать выше «Послѣдняго дня Помпеи», то онъ отвѣтилъ: «сдѣлаю выше Помпеи!»... (Скульпторъ Рамазановъ, «Воспоминанія о Карлѣ Павловичѣ Брюлловѣ»—«Москвитянинъ» 1852 г., т. IV, № 16, августъ, кн. 2, стр. 105). На Пушкина брюлловская «Гибель Помпеи» произвела сильное впечатлѣніе; до насъ дошли наброски начатаго имъ стихотворенія на ея тему («Везувій зѣвъ открылъ»...).

*****) Мокрицкій, 170.

*) Впослѣдствіи Брюлловъ иллюстрировалъ одну сцену изъ «Бахчисарайскаго фонтана»; воспроизведеніе ея въ гравюрѣ помѣщено въ изданіи В. Генкеля «Сѣверное Сіяніе» 1862 г., т. I. Н. В. Соловьеву («Русская книжная иллюстрація XIX вѣка и произведенія Пушкина»—«Русс. Библіофилъ» 1911 г., № 5, стр. 48) эта картина кажется носящей «яркіе слѣды спѣшной работы по заказу», но Ѳ. Глинка писалъ о ней еще въ 1849 г. какъ о законченномъ произведеніи («Мастерская Брюллова»—сборн. «Раутъ» изд. Н. В. Сушкова, М., 1851, стр. 57—58).

**) «Воспоминанія о К. П. Б.», стр. 100.

***) «Архивъ Брюлловыхъ», СПб., 1900, стр. 132.

****) «Изъ разсказовъ А. О. Россета про Пушкина»—«Русс. Арх.» 1882, I, 246.

Примѣчанія къ письмамъ Пушкина.

1.

И. И. Мартынову.

Самое раннее изъ извѣстныхъ намъ писемъ Пушкина. Было напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1889, III, 507, и въ книгѣ Я. К. Грота «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», СПб. 1901, стр. 175.

Иванъ Ивановичъ Мартыновъ (1771—1833), извѣстный переводчикъ древнихъ классиковъ, былъ директоромъ д-та народнаго просвѣщенія при министрѣ гр. А. К. Разумовскомъ, а сынъ его, Аркадій, былъ однокурсникомъ Пушкина въ лицеѣ. Въ письмѣ идетъ рѣчь о стихотвореніи: «На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа» (I, № 63), которое и было отослано въ Петербургъ вмѣстѣ съ этимъ письмомъ.

Я. К. Гротъ указываетъ, что подлинный автографъ, сохранившійся въ бумагахъ Вольховскаго, былъ написанъ на почтовомъ листѣ, тщательнымъ почеркомъ, но потомъ, очевидно, былъ вновь переписанъ начисто, такъ какъ въ немъ слова: «Его Величеству» зачеркнуты, и вмѣсто нихъ надъ строкою написано сокращенно, другою рукою: «Государю Императору».

2.

Князю П. А. Вяземскому.

Съ кн. П. А. Вяземскимъ Пушкинъ познакомился незадолго передъ тѣмъ, у своего дяди, В. Л. Пушкина, и въ письмѣ называетъ молодого стихотворца дорогими ему въ ту пору именами французскихъ поэтовъ XVII вѣка Шапеля (авторъ «Путешествія въ Лангедокъ» въ забавно-нравоучительномъ стилѣ) и Буало. Далѣе упоминается о критическомъ разборѣ «Россіады» Хераскова Мерзляковымъ въ издававшемся имъ въ 1815 г. журналѣ «Амфіонъ» и о желаніи Пушкина участвовать въ занятіяхъ «Арзамаса», куда онъ былъ принятъ еще до окончанія лицейскаго курса. Слѣдующіе за тѣмъ два стиха взяты изъ посланія кн. Вяземскаго къ Д. В. Давыдову, напечатаннаго въ «Амфіонѣ» же 1815, № 4 («Сочиненія кн. Вяземскаго», III, 66). «Князья-стихотворцы на Ш.»—Шаликовъ, Шаховской и Ширинскій-Шихматовъ (см. I, № 68). Ломоносовъ Сергѣй Григорьевичъ—лицейскій товарищъ Пушкина. О немъ см. Н. Гастфрейндъ, «Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому Лицею», т. I (СПб. 1912), стр. 377—398.

3.

В. Л. Пушкину.

Напечатано въ «Сынѣ Отечества» 1821, № 8, стр. 178. Поэтъ отвѣчаетъ на письмо дяди отъ 17 апрѣля 1816 г. («Складчина», СПб. 1874 и «Соч. В. Л. Пушкина», СПб. 1895, стр. 150), гдѣ В. Л. говоритъ: «Ты сынъ Сергѣя Львовича и братъ мнѣ по Аполлону». «Опасный сосѣдъ»—извѣстное шуточное стихотвореніе В. Л.; «Вотъ»—его прозвище въ «Арзамасѣ», куда онъ былъ принятъ съ разными комическими церемоніями, разсказанными Вигелемъ («Воспоминанія», V, 41—43), кн. Вяземскимъ («Соч.» VIII, 417—418) и М. А. Дмитріевымъ («Мелочи изъ запаса моей памяти»). «Ословъ»—Шишковъ; «Шутовской»—кн. Шаховской; «Шолье Андреевичъ»—кн. Вяземскій.

4.

В. А. Жуковскому.

См. I, 425 и 446.

5.

Князю П. А. Вяземскому.

Пушкинъ былъ выпущенъ изъ лицея 9 іюня 1817 г., съ чиномъ X класса, и 13 іюня опредѣленъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ П. М. Юдинымъ, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, съ содержаніемъ по 700 р. въ годъ. 3 іюля онъ подалъ прошеніе объ отпускѣ по 15 сентября въ Псковскую губернію «для приведенія въ порядокъ домашнихъ дѣлъ» и, какъ видно изъ этого письма, вернулся въ Петербургъ ранѣе назначеннаго срока. «Асмодей»—арзамасское прозвище кн. Вяземскаго.

6.

В. А. Жуковскому.

Напечатано въ «Вѣстн. Евр.» 1888, № 9, стр. 431, съ автографа, находящагося въ альбомѣ С. Н. Батюшковой (Имп. Публ. Б-ка).

См. I, 529 и 536.

А. И. Тургеневу.

Въ половинѣ іюня 1819 г. Пушкинъ былъ серьезно боленъ и, нѣсколько оправившись, по-

далъ 9 іюля прошеніе объ отпускѣ и уѣхалъ, около 15-го, въ Михайловское, не успѣвъ проститься съ Тургеневыми. «Оба Мирабо»—или сами же братья Тургеневы, или кто-нибудь изъ общихъ молодыхъ пріятелей, собиравшихся у Тургеневыхъ, гдѣ обычно шли «вольные» разговоры, во время которыхъ и Пушкинъ, по преданію, написалъ свою оду «Вольность», лежа на окнѣ и глядя на Михайловскій замокъ. Посланіе къ А. Ѳ. Орлову (I, № 185) написано было передъ отъѣздомъ Пушкина изъ Петербурга. «Напечатайте въ собственной типографіи»—конечно, значитъ: «отдайте переписать». Дмитрій Александровичъ Кавелинъ (1778—1851) былъ въ то время директоромъ спб. университета, а Сергѣй Александровичъ Соболевскій (1803—1870), сынъ Александра Ив. Соймонова и Анны Ив. Лобковой, былъ школьнымъ товарищемъ Льва Серг. Пушкина. Кардиналомъ-племянникомъ и камергеромъ донъ-Базиліо Пушкинъ называетъ А. И. Тургенева потому, что онъ въ то время состоялъ при министрѣ духовныхъ дѣлъ кн. А. Н. Голицынѣ и занимался дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

8.

Н. И. Кривцову.

О Н. И. Кривцовѣ см. I, 458—464. Черновое письмо находится въ рукописи Рум. Муз. № 2364, л. 71 (см. «Рус. Стар.» 1884, т. 41, стр. 659), гдѣ этому наброску предшествуютъ два стиха:

Нѣтъ, нѣтъ, мои друзья, напрасны ваши пени:
Я васъ люблю, все тотъ же я—

9.

П. Б. Мансурову.

Съ подлинника, находящагося въ Имп. Публ. Б-кѣ, напечатано Я. К. Гротомъ въ «Рус. Стар.» 1880, т. 28, стр. 543—544. Въ настоящемъ изданіи вновь свѣрено съ рукописью и отчасти дополнено. Черточки находятся въ подлинникѣ, а точками означены пропуски.

Павелъ Борисовичъ Мансуровъ—родственникъ Никиты Всеволожскаго и членъ кружка «Зеленой Лампы». О немъ см. I, 560. Въ письмѣ упоминаются: танцовщица Крылова, о которой говорится также и въ обращенномъ къ Мансурову стихотвореніи (I, № 193); Ѳ. Ф. Юрьевъ; Никита Всеволожской; Елена Яковлевна Сосницкая, урожденная Воробьева, дочь извѣстнаго въ свое время пѣвца, вышедшая въ 1817 г. замужъ за артиста Ив. Ив. Сосницкаго и скончавшаяся въ 1855 г., и, наконецъ, Як. Ник. Толстой, о которомъ см. I, 560—566. «Дурная комедія» кн. Шаховского—«Пустодомы», представленная въ первый разъ 10 октября 1819 г. (Араповъ, «Лѣтопись рус. театра», стр. 281).

10.

Князю П. А. Вяземскому.

«Преображенскій пріятель»—П. А. Катенинъ, служившій тогда въ Преображенскомъ полку. Кн. Вяземскій, въ письмѣ къ Пушкину и А. И. Тургеневу изъ Варшавы, отъ 19 и 20 февраля 1820 г., между прочимъ, писалъ: «Поздравь, мой милый Сверчекъ, пріятеля своего NN съ счастливымъ испражненіемъ барельефовъ пировъ Гомера, которые такъ долго лежали у него на желудкѣ. Признаюсь, я вложилъ Эсхилу выраженіе ему чуждое... Отецъ Брюмоа ввелъ меня въ соблазнъ: онъ сказалъ: «Eschyle... avoit coutume de dire que ses pièces n'étoient que des reliefs des festins étalés dans l'Iliade et l'Odyssée. Увлеченный поэтическимъ смысломъ уподобленія, я позабылъ справиться.... съ французскимъ словаремъ, который, сказавши мнѣ, что reliefs на языкѣ старинномъ значитъ: restes de viandes, меня избавилъ бы отъ преступленія противъ Эсхила, а желудокъ г-на NN отъ барельефовъ, которые, легко сознаюсь съ нимъ, не такъ скоро переваришь, какъ мясные объѣдки...» («Переписка Пушкина», I, 12). Посланіе Вяземскаго къ Дмитріеву см. въ «Соч. Вяземскаго», III, 295—296. Вѣроятно, Пушкинъ имѣлъ въ виду слѣдующіе стихи:

Но что несноснѣе тѣхъ умниковъ спѣсивыхъ,
Нелѣпыхъ знатоковъ, судей велерѣчивыхъ,
Которыхъ всѣ права—надменность, пренья шумъ,
А глупость тѣмъ глупѣй, что нагло корчитъ умъ?

По поводу замѣчанія Пушкина объ этомъ посланіи Вяземскій, въ отвѣтномъ письмѣ отъ 30 мая («Переписка», I, 17—19), писалъ: «Если ты непремѣнно хочешь, чтобы стихи мои въ посланіи къ Дм. мѣтили на Катенина, то буди воля твоя...» Стихотворенія Вяземскаго, далѣе упоминаемыя, напечатаны были: «Уныніе»—въ «Сынѣ Отечества» 1820, № 12, а «Первый снѣгъ»—въ «Новостяхъ Литературы» 1822, № 2. См. «Соч. Вяз.», III, 146 и 193. Стихотвореніе Жуковскаго «Голосъ съ того свѣта» было помѣщено въ 3-й книжкѣ его изданія «Для немногихъ», 1818 г. «Поэма» Пушкина, т.-е. «Русланъ и Людмила», была окончена 26 марта 1820 г. Два отрывка изъ I-й пѣсни были напечатаны въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820, № 3, и изъ III-й пѣсни—въ «Сынѣ Отечества» 1820, №№ 15 и 16. Въ послѣднихъ строкахъ письма Пушкинъ, вѣроятно, намекаетъ на пережитыя имъ непріятности изъ-за показыванія въ театрѣ портрета Лувеля и т. п.

11.

Н. И. Гнѣдичу.

П. Я. Чаадаевъ, узнавъ, что Пушкину угрожаетъ ссылка въ Сибирь или въ Соловецкій монастырь, поспѣшилъ къ Карамзину съ просьбой заступиться за поэта. Карамзину удалось расположить въ пользу Пушкина его непосредственнаго начальника, графа Ив. Ант. Каподистрія, который пользовался тогда большимъ довѣріемъ государя, и первоначально предположенное наказаніе было замѣнено служебнымъ переводомъ Пушкина въ канцелярію главнаго попечителя колонистовъ южнаго края Россіи, г.-л. Инзова. Поэтъ выѣхалъ изъ Петербурга 5 мая. Какъ видно изъ этой записки къ Гнѣдичу и слѣдующей — къ Чаадаеву, дѣло было рѣшено очень быстро, причемъ Пушкинъ самъ не вѣрилъ въ грозившую ему опасность и не ожидалъ высылки.

12.

П. Я. Чаадаеву.

См. выше.

13.

П. Я. Чаадаеву.

Случайно сохранившаяся строчка изъ чернового письма.

14.

Л. С. Пушкину.

См. II, 17—21. «Лѣкарь», ѣхавшій вмѣстѣ съ Пушкинымъ и Раевскими, былъ д-ръ Рудыковскій, напечатавшій впослѣдствіи въ «Рус. Вѣстникѣ» 1841, № 1, статью: «Встрѣча съ Пушкинымъ». См. «Матеріалы» Анненкова, стр. 65.

Около этого же времени И. Н. Инзовъ писалъ о Пушкинѣ К. Я. Булгакову: «Разстроенное его здоровье въ столь молодыя лѣта и непріятное положеніе, въ коемъ онъ, по молодости, находится, требовали, съ одной стороны, помощи, а съ другой—безвредной разсѣянности, а потому отпустилъ я его съ генераломъ Раевскимъ, который въ проѣздъ свой черезъ Екатеринославль охотно взялъ его съ собою. При оказіи прошу сказать объ ономъ графу И. А. Каподистріи. Я надѣюсь, что за сіе меня не побранитъ и не назоветъ баловствомъ: онъ—малый, право, добрый, жаль только, что скоро кончилъ курсъ наукъ; одна ученая скорлупа останется навсегда скорлупою» («Рус. Арх.» 1863, стр. 900—902).

Броневскій, Семенъ Михайловичъ (ум. 1830), былъ градоначальникомъ въ Ѳеодосіи, которую Пушкинъ называетъ «Кефою». Въ 1823 г. онъ издалъ «Новѣйшія историческія и географическія извѣстія о Кавказѣ», въ двухъ частяхъ. Какъ мартинистъ, велъ религіозно-мистическую переписку съ Сперанскимъ (Бар. М. Корфъ, «Жизнь гр. Сперанскаго», II, 148—149).

«Ночью, на кораблѣ, написалъ я элегію»—«Погасло дневное свѣтило», см. II, № 234. Это стихотвореніе было передано Гречу и напечатано въ «Сынѣ Отечества».

«Любимая моя надежда—увидѣть опять полуденный берегъ...» Ср. «Желаніе» (II, № 272) и заключительные стихи «Бахчисарайскаго фонтана» (II, стр. 200).

«Михайло Орловъ повторяетъ... Русскимъ безвѣстную...» Здѣсь письмо въ двухъ мѣстахъ прожжено. Мих. Ѳед. Орловъ (род. 25 марта 1788, ум. 19 августа 1842), членъ «Арзамаса» съ прозвищемъ «Рейнъ», сынъ генералъ - поручика Ѳед. Григ. Орлова (1741—1796), окончивъ образованіе въ пансіонѣ аббата Николя, въ 1801 г. былъ причисленъ къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а въ 1805 поступилъ на службу въ кавалергардскій полкъ, съ которымъ и участвовалъ въ кампаніи противъ французовъ, въ битвѣ подъ Аустерлицемъ и во многихъ послѣдующихъ сраженіяхъ. Въ 1814 г., по порученію государя, онъ подписалъ капитуляцію о сдачѣ Парижа («Рус. Стар.» 1877, т. 20). Въ 1817 г. былъ назначенъ начальникомъ штаба 4-го пѣхотнаго корпуса въ Кіевѣ, состоявшаго подъ командою Н. Н. Раевскаго, а въ 1820 былъ переведенъ командиромъ 16-й пѣхотной дивизіи въ Кишиневъ. Въ это время онъ примкнулъ къ Союзу Благоденствія, но скоро въ немъ разочаровался и въ началѣ января 1821 г. отправился въ Москву на союзный съѣздъ и отказался отъ участія въ дѣлахъ этого общества. Весной того же года онъ женился на старшей дочери Раевскаго, Екатеринѣ Николаевнѣ. Впослѣдствіи, въ 1823 г., по доносу о принадлежности Орлова къ тайному обществу, онъ былъ устраненъ отъ командованія дивизіей, а въ концѣ 1825 г., съ открытіемъ заговора декабристовъ, арестованъ въ Москвѣ и подвергся 6-мѣсячному заключенію въ крѣпости, затѣмъ былъ отставленъ отъ службы съ запрещеніемъ въѣзда въ обѣ столицы. Вскорѣ, однако, ему было разрѣшено жить въ Москвѣ, гдѣ онъ и поселился, войдя въ кругъ передовыхъ людей того времени, изъ которыхъ больше всего сблизился съ П. Я. Чаадаевымъ. Скучая невольнымъ бездѣйствіемъ, онъ принялъ участіе въ дѣлахъ московскаго художественнаго класса и занимался изученіемъ финансовъ. Плодомъ этихъ занятій было изданное имъ въ 1833 г. сочиненіе «О государственномъ кредитѣ». См. «Остафьевскій Архивъ», I, 456—459.

15.

Н. И. Гнѣдичу.

Пушкинъ былъ отправленъ въ Екатеринославъ, къ ген. Инзову, 5 мая 1820 г.; въ концѣ мая выѣхалъ съ семействомъ Раевскихъ на Кавказъ и въ началѣ іюня прибылъ на минеральныя воды; 5 августа выѣхалъ изъ Пятигорска, 8 и 9 былъ въ крѣпости Кавказской, 14—въ Тамани, 15—въ Керчи, 17—въ Ѳеодосіи у Броневскаго; въ концѣ августа уѣхалъ изъ Ѳеодосіи въ Юрзуфъ, гдѣ провелъ три недѣли, и 21 сентября пріѣхалъ въ Кишиневъ. Проживъ тамъ два мѣсяца, онъ отправился въ Каменку, откуда и написано это письмо. О пребываніи его въ Каменкѣ см. статьи А. М. Лободы въ сборникѣ «Памяти Пушкина», сост. проф. и преп. унив. св. Владиміра, Кіевъ, 1899, и въ настоящемъ изданіи, II, 104.

Въ письмѣ говорится объ изданіи «Руслана и Людмилы», печатавшемся подъ наблюденіемъ Гнѣдича, о переведенной имъ же «Андромахѣ» Расина, отрывки изъ котораго были помѣщены въ «Сынѣ Отечества», о напечатанной тамъ же (1820, №№ 34 — 37) критикѣ на «Руслана» А. О. Воейкова, объ эпиграммѣ Крылова и вопросахъ Д. П. Зыкова, отвѣтъ на которые былъ данъ А. Перовскимъ, наконецъ, о виньеткѣ къ «Руслану», составленной А. Н. Оленинымъ, нарисованной А. Ивановымъ и гравированной М. Ивановымъ (см. I, 572—593).

Жуковскій состоялъ въ то время преподавателемъ русскаго яз. при в. кн. Александрѣ Ѳеодоровнѣ (супругѣ в. кн. Николая Павловича) и въ началѣ 1821 г. сопровождалъ Высочайшихъ особъ заграницу. Кюхельбекеръ въ 1820—1821 гг. участвовалъ, вмѣстѣ съ Рылѣевымъ, въ журналѣ «Невскій Зритель».

16.

А. Н. Раевскому.

Для сравненія подробностей см. письмо П. И. Пестеля къ гр. П. Д. Киселеву отъ 14 марта 1821 г. въ книгѣ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго «Графъ П. Д. Киселевъ и его время», СПб. 1882, IV, 10—15, и настоящаго изданія т. IV, № 858.

«Два великихъ народа давно падшихъ въ презрительное ничтожество»—греки и итальянцы. «Константинъ-паша» —Али-паша Янинскій.

«Что станетъ дѣлать Россія?» Гр. Каподистрія сообщилъ изъ Лайбаха, 26 марта 1821 г., Высочайшее повелѣніе объ исключеніи Ипсиланти изъ русской службы, а Портѣ сообщено было, что политика государя всегда будетъ чужда покушеніямъ, нарушающимъ спокойствіе какой-либо страны, и что онъ желаетъ точнаго соблюденія существующихъ международныхъ договоровъ.

17.

Барону А. А. Дельвигу.

См. II, 562.

Въ 1820 г. Кюхельбекеръ, въ качествѣ секретаря А. Л. Нарышкина, ѣздилъ заграницу и въ парижскомъ «Атенеѣ» прочелъ нѣсколько либеральныхъ лекцій о русской литературѣ. Эти лекціи были остановлены по требованію русскаго посольства, а Кюхельбекеръ, по возвращеніи въ Россію, долженъ былъ уѣхать на Кавказъ, къ А. П. Ермолову, съ которымъ, однако, не ужился и въ 1825 г. вернулся въ Петербургъ.

«Талантъ прекрасный и лѣнивый», Дельвигъ и самъ сознавалъ свою лѣность—и выразилъ это въ сочиненной имъ себѣ эпитафіи:

Прохожій! Здѣсь лежитъ философъ-человѣкъ:
Онъ проспалъ цѣлый вѣкъ.

«Скарментадо»—главное дѣйствующее лицо въ философской повѣсти Вольтера «Histoire des voyages de Scarmentado».

18.

Н. И. Гнѣдичу.

См. II, 562—563.

19.

Дегильи.

Этого француза Пушкинъ вызывалъ на дуэль, отъ которой тотъ уклонился—и получилъ настоящее письмо (Анненковъ, «Пушкинъ въ Александровскую эпоху», 192—193). Въ рукописи Румянцевскаго Музея № 2365, л. 42 («Рус. Стар.» 1884, т. 42, стр. 99) находится относящійся къ этой исторіи рисунокъ (воспроизведенъ во II т. наст. изд. стр. 171): комната, дверь, стулъ, на окнѣ—кошка; посреди комнаты стоитъ худощавый человѣкъ въ одной рубашкѣ. Внизу — подпись: «Ma femme! Ma culotte! Et mon duel donc! Oh, ma foi, qu'elle s'en tire comme elle voudra, puisque c'est elle qui porte culotte!»

20.

Л. С. и О. С. Пушкинымъ.

Мих. Вас. Милоновъ (1792—1821)—лирическій поэтъ, принадлежавшій къ кругу учениковъ Мерзлякова; по отзыву Вигеля, «огромный талантъ, потопленный въ винѣ». Его «Сатиры, посланія и мелкія стихотворенія» изданы въ СПб. 1819. О немъ см. «Благонамѣренный» 1821, декабрь; Плетневъ, «Соч.», I, 12—13; Вяземскій, «Соч.», VIII, 345; М. Дмитріевъ, «Мелочи», и пр.

«Вопросы Воейкову» по поводу «Руслана и Людмилы» задавалъ не Катенинъ, а Д. П. Зыковъ. «Черная шаль» была напечатана въ «Сынѣ Отечества» 1821, № 15, и затѣмъ перепечатана въ «Благонамѣренномъ» 1821, ч. XIV, № 10, стр. 142, съ примѣчаніемъ: «Напечатана съ ошибками въ 15-мъ номерѣ Сына Отечества. Прим. Соч.» См. II, 553. Никита Вс. Всеволожской намѣревался издать собраніе стихотвореній, которое Пушкинъ ему «полу-продалъ, полу-проигралъ», но это изданіе не состоялось. V. C. P. (Veuve Clicquot Ponsardin)—марка шампанскаго; L. D.—марка шато-д'икема. Овошникова—кордебалетная танцовщица, бывшая на содержаніи у Всеволожскаго. Лампа—см. I, 542—568 и П. Е. Щеголева «Пушкинъ», СПб. 1912, стр. 1—34. Калмыкъ—слуга Всеволожскаго, привѣтствовавшій возгласомъ: «Здравія желаю!» гостя, обмолвившагося нецензурнымъ словомъ. См. II, № 339. Поэма Сем. Серг. Боброва (ум. 1810): «Таврида или мой лѣтній день въ Таврическомъ Херсонесѣ» изд. въ Николаевѣ, 1789, и вторично, подъ заглавіемъ: «Херсонида, картина лучшаго лѣтняго дня въ Херсонесѣ Таврическомъ», въ СПб. 1804.

21.

А. И. Тургеневу.

По рукописи Румянцевскаго Музея № 2365, л. 66, напечатано (не вполнѣ точно) въ «Рус. Стар.» 1884, т. XLII, 109.

Въ этомъ «арзамасскомъ» наброскѣ Пушкинъ вспоминаетъ комедію кн. Шаховского «Липецкія воды», по поводу перваго представленія которой друзья автора устроили его «вѣнчаніе», а арзамасцы—торжественныя «похороны» съ кантатой (1816, см. V, 410). На Фонтанкѣ, въ домѣ почтоваго вѣдомства, жили братья Александръ и Николай Тургеневы. «Рейнъ»—арзамасское прозвище М. О. Орлова. «Гуси»—конечно, «арзамасскіе».

22.

С. И. Тургеневу.

Напечатано въ «Вѣстн. Евр.» 1880, дек., 819.

Сергѣй Ивановичъ, младшій братъ А. И. и Н. И. Тургеневыхъ, служилъ при гр. Воронцовѣ во время пребыванія русскихъ войскъ во Франціи, а потомъ состоялъ при посольствѣ въ Константинополѣ. Послѣ осужденія брата Николая за 14 декабря 1825 г. онъ помѣшался и умеръ 1 іюня 1827 г. въ Парижѣ, куда онъ былъ отвезенъ для лѣченія. Въ письмѣ упоминаются оба брата Тур-

геневы, изъ которыхъ старшаго, Александра, Пушкинъ называетъ «муфти» и «преосвященствомъ»—по службѣ его въ д-тѣ духовныхъ дѣлъ, а второго, Николая (1789—1871), «драгоманомъ», потому что онъ служилъ въ азіатскомъ д-тѣ. «Чу»—арзамасское прозвище Дм. Вас. Дашкова, который въ 1818—1820 гг. также состоялъ при посольствѣ въ Константинополѣ. Долгорукой—кн. Илья Андреевичъ (1797—1848) принадлежалъ, вмѣстѣ съ Никитою Муравьевымъ, по словамъ Пушкина, къ «обществу умныхъ» (см. IV, 459). Въ черновыхъ набросках къ десятой (сожженной) главѣ «Евгенія Онѣгина» (VI, 212) поэтъ упоминаетъ о собраніяхъ тогдашнихъ вольнодумцевъ:

Сбирались члены сей семьи
У безпокойнаго Никиты,
У осторожнаго Ильи.

23.

Н. И. Гречу.

Посланіе къ Чаадаеву (II, № 266) напечатано въ «Сынѣ Отечества» 1821, ч. 72, № 35, стр. 82—84, подъ заглавіемъ: «Къ Ч—ву», съ подписью: «Александръ Пушкинъ» и съ помѣтой: «20 апрѣля 1821, Кишиневъ». Здѣсь былъ пропущенъ стихъ: «Вольнолюбивыя надежды оживимъ»; кромѣ того, былъ отброшенъ стихъ: «Холопа знатнаго, грабителя въ звѣздѣ», а въ слѣдующемъ стихѣ, вмѣсто: «Или философа...» напечатано, для сохраненія смысла, «Глупца философа». «Эпикурейскимъ» Пушкинъ называетъ кабинетъ Гнѣдича и въ письмѣ къ нему самому (№ 15).

24.

В. Ѳ. Раевскому.

О Владимірѣ Ѳедосѣевичѣ Раевскомъ см. П. Е. Щеголева «Историческіе этюды», СПб. 1913, стр. 159—252.

25.

Неизвѣстному.

Начало чернового наброска въ одной изъ рукописей Румянцевскаго Музея.

26.

В. П. Горчакову.

Отрывокъ изъ письма, при которомъ были приложены стихи изъ посвященія «Кавказскаго плѣнника», не попавшіе тогда въ печать.

27.

Князю П. А. Вяземскому.

Попандопуло—одинъ изъ кишиневскихъ грековъ. Иванъ Петровичъ Липранди (1790—1880) участвовалъ въ кампаніяхъ 1812—1814 гг., позже служилъ въ Одессѣ, при гр. Воронцовѣ; оставивъ военную службу, былъ чиновникомъ особыхъ порученій сначала при министрѣ внутр. дѣлъ, потомъ—при удѣльномъ вѣдомствѣ. Ему принадлежитъ нѣсколько историческихъ трудовъ и много статей въ «Рус. Архивѣ», «Рус. Стар.», «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.» и др. Впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ печальную извѣстность своимъ шпіонствомъ по дѣлу Петрашевскаго. Есть основанія предполагать, что этой профессіей онъ занимался еще во времена Пушкина въ Одессѣ. Любопытные по мелкимъ подробностямъ отрывки изъ его воспоминаній о Пушкинѣ напеч. въ «Рус. Арх.» 1866.

Посланіе Вяземскаго къ Каченовскому было напечатано въ «Сынѣ Отечества» 1821, ч. 67, стр. 76, и начиналось стихами:

Передъ судомъ ума сколь, Каченовскій! жалокъ
Талантовъ низкій врагъ, завистливый зоилъ.

Въ отвѣтъ на это посланіе въ «Вѣстникѣ Европы» 1821, ч. 115, № 9, стр. 12, было напечатано «Посланіе къ Птелинскому - Ульминскому *)», начинавшееся стихами:

Передъ судомъ ума сколь, Птелинскій, смѣшенъ,
Кто, самолюбіемъ, пристрастьемъ увлеченъ,
Вѣкъ раболѣпствуя, съ слѣпымъ благоговѣньемъ,
Считаетъ критику ужаснымъ преступленьемъ, и пр.

Въ посланіи Пушкина къ Чаадаеву, вслѣдъ за стихами объ «американцѣ» Толстомъ, который названъ «картежнымъ воромъ», идутъ стихи о Каченовскомъ:

Ораторъ Лужниковъ, никѣмъ не замѣчаемъ,
Мнѣ мало досаждалъ своимъ невиннымъ лаемъ.

Въ «Сынѣ Отечества» 1821, № 20, было напечатано стихотвореніе Жуковскаго «Пери и ангелъ», заимствованное изъ Томаса Мура.

«Тристрамъ Шанди» — извѣстный романъ Лауренса Стерна (1762).

«Желаю щастія Дядѣ и не пишу къ нему, потому что опасаюсь журнальныхъ почестей», т.-е. появленія въ какомъ-нибудь журналѣ отвѣтнаго посланія Василія Львовича. «Буяновъ» — герой извѣстнаго шуточнаго стихотворенія В. Л. Пушкина «Опасный сосѣдъ».

28.

Л. С. Пушкину.

Въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ 24 марта 1821 г. (№ 18) Пушкинъ обѣщалъ прислать ему «Кавказскаго плѣнника», а въ письмѣ 21 сентября того же года предложилъ купить поэму Гречу, вѣроятно, потому, что Гнѣдичъ слишкомъ дешево заплатилъ за «Руслана и Людмилу». Но или Гречъ замедлилъ съ отвѣтомъ, или Пушкинъ не захотѣлъ вызвать неудовольствіе Гнѣдича,—поэма, все-таки, досталась послѣднему (см. № 30).

Примѣчанія къ приложеннымъ къ настоящему письму стихотвореніямъ см. II, 581 и 589.

---

*) Ulmus—вязъ.

29.

А. П. Полторацкому.

А. П. Полторацкій—одинъ изъ тѣхъ пріятелей Пушкина, которымъ посвящено стихотвореніе: «Друзьямъ» (II, № 331). Записка относится къ дуэли поэта съ полковникомъ Старовымъ, о которой см. II, 165—166.

30.

Н. И. Гнѣдичу.

Ср. выше, письмо № 28.

Эпиграфомъ взяты начальные стихи I-й элегіи I-й книги «Tristia» Овидія, котораго Пушкинъ въ то время усердно читалъ и къ которому уже написалъ посланіе (II, № 75). Идиллія Гнѣдича «Рыбаки», напечатанная незадолго передъ тѣмъ въ «Сынѣ Отечества», вѣроятно, была прислана Пушкину въ отдѣльномъ оттискѣ.

31.

Этотъ №, по ошибкѣ не выставленный на стр. 503, относится къ черновику предыдущаго письма.

32.

П. А. Катенину.

Рук. Рум. Муз. № 2366, л. 18. По замѣчанію В. Е. Якушкина, впервые напечатавшаго этотъ отрывокъ въ «Рус. Стар.» 1884, т. 42, стр. 333, вѣроятно, на предшествовавшемъ (вырванномъ) листѣ было самое письмо, а сохранившіеся отрывки представляютъ только дополнительныя вставки.

Катенинъ напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» 1822, ч. 76, № 13, «Письмо къ издателю Сына Отечества», т.-е. къ Гречу, по поводу его очерка рус. словесности, причемъ, признавая первенство Пушкина надъ всѣми молодыми поэтами, упрекалъ Греча за неупоминаніе о Боратынскомъ.

33.

Н. И. Гнѣдичу.

Какъ уже сказано выше (прим. къ № 20), Пушкинъ незадолго передъ своимъ отъѣздомъ изъ Петербурга отдалъ Н. В. Всеволожскому, для изданія, приготовленную къ печати рукопись своихъ стихотвореній. Въ 1822 г. князь А. Я. Лобановъ-Ростовскій хотѣлъ купить право этого изданія, и Я. Н. Толстой велъ съ поэтомъ переговоры. «Готовая поэмка» — «Братья-разбойники». Французское двустишіе взято изъ Расина, «Britannicus» (II, 3) и въ подлинникѣ читается:

> l'ose pourtant vous dire que je n'ai merité
> Ni cet excès d'honneur, ni cette indignité.

Комедія Ник. Ив. Хмѣльницкаго (1789—1845) «Нерѣшительный, или семь пятницъ на недѣлѣ» впервые представлена въ Петербургѣ 26 іюля 1820 г. О Хмѣльницкомъ см. статьи Н. Добротворскаго въ «Историч. Вѣстн.» 1889, т. 38, стр. 559-583, и Н. Коробки въ «Ежегодникѣ Имп. Театровъ», сез. 1895—1896, прил., кн. I, стр. 89—118.

Приложенное къ настоящему письму стихотвореніе «Птичка» было напечатано въ «Литерат. Листкахъ» Булгарина 1823, № 2, съ искаженіями. См. II, 598.

34.

А. А. Бестужеву.

Александръ Александровичъ Бестужевъ (1797—1837), романистъ, извѣстный впослѣдствіи подъ псевдонимомъ Марлинскаго, и декабристъ, уже съ 1819 г. былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ многихъ журналовъ, а въ началѣ 1823 г. издалъ, вмѣстѣ съ К. Ѳ. Рылѣевымъ, альманахъ «Полярная Звѣзда», повторенный съ огромнымъ успѣхомъ въ 1824 г. О немъ см. статьи: С. А. Венгерова—въ «Критико-біогр. словарѣ рус. писателей», III, 147—177, и Н. А. Котляревскаго—въ «Рус. Бог.», 1902, № 5. Посланіе Пушкина «Къ Овидію» (II, № 75) было напечатано въ «Пол. Звѣздѣ» на 1823 г. съ передѣлкою двухъ послѣднихъ стиховъ.

35.

Н. И. Гнѣдичу.

Пушкинъ получилъ отъ Гнѣдича печатный экземпляръ «Кавказскаго плѣнника» и 500 р. ассигнаціями. Онъ былъ очень недоволенъ этимъ скуднымъ вознагражденіемъ и долго вспоминалъ о немъ съ досадою (Анненковъ, «Мат.», 75).

«Здѣсь у насъ молдованно и тошно... что-то съ нимъ дѣлается»—намекъ на собственную эпиграмму на Кюхельбекера (I, № 179) и воспоминаніе объ отсутствующемъ товарищѣ, о которомъ поэтъ долго не имѣлъ извѣстій.

---

35 bis.

П. А. Катенину.

Катенинъ принялъ на свой счетъ приводимый въ этомъ письмѣ стихъ изъ посланія къ Чаадаеву (II, № 266), полагая, что Пушкинъ намекаетъ на его комедію «Сплетни» (въ трехъ д., въ стихахъ, подражаніе «Le Méchant» Грессе), представленную въ первый разъ въ Петербургѣ 31 декабря 1820 г., гдѣ въ тирадахъ Зельскаго нѣкоторые «проницательные» читатели находили намеки на Пушкина. Въ дѣйствительности никакихъ подобныхъ намековъ въ комедіи нѣтъ. Трагедія Корнеля «Сидъ», переведенная въ стихахъ Катенинымъ, была представлена 14 декабря 1822 г., въ бенефисъ В. А. Каратыгина, и издана въ СПб. въ томъ же году.

36.

Л. С. Пушкину.

О Катенинѣ см. предыдущее письмо. Вас. Ив. Козловъ, сынъ купца, студентъ моск. уни-

верситета, участвовалъ въ изданіи «Рус. Инвалида» (1815 — 1824), «Новостей Литературы» (1822—1825) и «Сѣв. Пчелы» (при ея основаніи). Ум. 11 мая 1825 г., 33-хъ лѣтъ отъ роду. Его письма къ Макарову—въ «Дамскомъ Журналѣ» 1825, ч. 27; некрологъ—въ «Сѣв. Пч.» 1825, № 58.

«Изданіе Бестужева» — «Полярная Звѣзда», которая въ то время готовилась къ выходу.

37.

Князю П. А. Вяземскому.

Объясненіе по поводу нападокъ на Толстого-американца въ посланіи къ Чаадаеву. О томъ же Пушкинъ хотѣлъ писать Вяземскому и въ стихотворномъ посланіи, которое сохранилось только въ неотдѣланныхъ черновыхъ набросках (II, № 357 и акад. изд., III, прим., 43—45), гдѣ, между прочимъ, находятся такіе стихи:

И въ глупомъ бѣшенствѣ кричу я наконецъ
Хвостову: ты дуракъ! а Стурдзѣ: ты подлецъ!

* *
*

Но шутку не могу придумать я другую,
Какъ только отослать его, Толстого, къ ...

* *
*

Кто Фирсъ, красавецъ, шутъ, невѣжда молодой,
Задорный говорунъ, когда-то бывшій въ модѣ,
Толстова тайный другъ по греческой методѣ...

* *
*

Но можно ль комара тотчасъ не раздавить
И въ грязь словцомъ однимъ глупца не превратить?

* *
*

Когда бъ еще я былъ риѳмачь миролюбивый,
Никѣмъ не знаемый, смиренный, молчаливый,
Учтивый, какъ добра союзникъ записной,
Довольный изрѣдка журнальной похвалой,
Иль фабулистъ, всегда смиренный лирикъ,
Но Фебъ во гнѣвѣ мнѣ промолвилъ: будь сатирикъ!
Съ тѣхъ поръ безплодный жаръ въ груди моей горитъ,
Браниться жажду я,—рука моя свербитъ...

Впослѣдствіи, подготовляя къ печати изданіе своихъ стихотвореній, вышедшее въ 1826 г., Пушкинъ выкинулъ изъ посланія къ Чаадаеву обидные для Толстого стихи.

Прадтъ (аббатъ Доминикъ Дюфуръ de Pradt, 1759—1837)—французскій публицистъ и дипломатъ, произведенія котораго имѣли въ свое время, благодаря остроумію и сатирическимъ выходкамъ, большой успѣхъ.

«Поэма въ мистическомъ родѣ» — конечно, «Гавриліада» (II, № 315).

38.

Л. С. Пушкину.

«Орлеанская Дѣва» Шиллера, въ переводѣ Жуковскаго, не была поставлена на сценѣ, а трагедія «Смерть Роллы» была представлена въ Петербургѣ 27 августа 1822 г. Глухаревъ, по словамъ П. Арапова («Лѣтопись рус. театра», 247), былъ рослый и дородный актеръ, между прочимъ, эффектно изображавшій статую Командора въ игранной въ Петербургѣ еще въ 1816 г. комедіи Мольера «Донъ-Жуанъ». Далѣе въ письмѣ говорится о стихотвореніи Кюхельбекера «Олимпійскія игры» и объ его посланіи къ Ермолову, гдѣ находятся, между прочимъ, стихи:

Такъ пѣлъ, въ Суворова влюбленъ,
Бардъ дивный, исполинъ Державинъ.

См. «Литературный Вѣстникъ» 1902, II, 173. Прозаическій отрывокъ изъ лицейскаго сочиненія Кюхельбекера («Отрывокъ изъ Грозы С.-Ламберта») приведенъ Пушкинымъ на память, но вполнѣ вѣрно. Это сочиненіе находится въ рукописномъ лицейскомъ журналѣ «Вѣстникъ», 3 декабря 1811 г. (К. Я. Гротъ, «Пушкинскій Лицей», СПб. 1911, стр. 247).

Въ «Сынѣ Отечества» 1822, ч. 68, стр. 35, была напечатана элегія: «Б...овъ изъ Рима». Это стихотвореніе, въ которомъ отъ имени поэта говорилось, что онъ утратилъ вдохновеніе вдали отъ родины и друзей («Я снялъ свой миртовый вѣнокъ и дни влачу безъ славы»), было написано П. А. Плетневымъ («Соч. Плетнева», III, 250), но въ журналѣ появилось безъ подписи. Въ то время у Батюшкова уже обнаруживались признаки душевнаго недуга: онъ откликнулся письмомъ къ Гнѣдичу, полнымъ негодованія какъ на автора элегіи, такъ и на редакторовъ журнала («Соч. Батюшкова», III, 772).

Въ самомъ концѣ письма Пушкинъ говоритъ о думѣ Рылѣева «Богданъ Хмѣльницкій», напечатанной въ «Рус. Инвал.» 1822, № 54 (ср. «Соч. Рылѣева», изд. 1875, стр. 52 и 322) и начинавшейся стихами:

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда лишь въ полдень проникалъ,
Скользя по сводамъ, лучъ денницы...

Рылѣевъ исправилъ эту ошибку, перепечатавъ стихотвореніе въ «Сынѣ Отечества» 1822, № 23.

39.

Я. Н. Толстому.

См. II, № 339. Черновой отрывокъ вставленнаго въ письмо стихотворенія находится въ рукописи Рум. Муз. № 2365, л. 48-об. и 49; другой отрывокъ, также черновой,—въ записной книжкѣ 1820—21 гг. въ Имп. Публ. Б-кѣ, лл. 60, 60-об. и 65. Транскрипція обоихъ отрывковъ дана въ акад. изданіи, III, прим., 246—248; тамъ же и снимокъ съ библіотечной рукописи, изъ которой можно извлечь слѣдующія строки:

И разгорались наши споры
Отъ брашнъ, и шутокъ, и вина...
Я вижу васъ, друзья-обжоры,
Примите брата-шалуна...
Услышу ль я, мои поэты,
Боговъ торжественный языкъ?
Налейте мнѣ вина кометы!
Желай мнѣ здравія, Колмыкъ!
Разлуки долгой и тяжелой
Забыта хладная печаль;
Ты здѣсь, амфитріонъ веселый,

Щастливецъ, добрый, умный враль!
. . . . . .
Благословите мой возвратъ!
Но гдѣ же онъ, твой милый братъ,
Недавній рекрутъ Гименея?
Гдѣ ты, прелестный Адонисъ,
Жилецъ Пафоса и Киѳеры,
Любимецъ вѣтреныхъ Лаисъ,
Щастливый баловень Венеры?
Приди, щастливый царь кулисъ,
Театра злой лѣтописатель,
Очаровательныхъ актрисъ
Непостоянный обожатель!
Вы оба въ прежни времена
Любимой лестью баловали
Пѣвца свободы и вина
. . . . . .
Забывъ и лиру, и покой,
Бѣгу за милою мечтой . .
. . . . . любовь
И сердца пылъ неосторожный,
Забуду посохъ мой дорожный
И равнодушенъ буду вновь.
А вы, товарищи младые,
Друзья,—готовьте шумный пиръ,
Готовьте чаши круговыя,
Вѣнки пировъ и гимны лиръ.

Въ концѣ письма упоминается книга Толстого: «Мое праздное время» СПб. 1821.

40.

Н. И. Гнѣдичу.

«Плѣнники» — «Кавказскій плѣнникъ» и «Шильонскій узникъ», изд. Гнѣдичемъ. Указанныя далѣе опечатки были исправлены во 2-мъ изданіи «К. Пл.» Къ первому изданію былъ приложенъ портретъ молодого Пушкина, въ гравюрѣ Геймана, съ замѣткою, что издатели думаютъ, что пріятно сохранить юныя черты поэта, котораго первыя произведенія ознаменованы даромъ необыкновеннымъ.

41.

Л. С. Пушкину.

«Mais cette jouissance est digne d'un vieux sapajou du 18-e siècle»—ср. «Евгеній Онѣгинъ», IV, 7 (наст. изд. III, 270): «Чѣмъ меньше женщину мы любимъ», и пр.

42.

Л. С. Пушкину.

Л. С. показалъ Плетневу письмо, гдѣ говорилось объ элегіи на Батюшкова (№ 38), вслѣдствіе чего Плетневъ написалъ Пушкину посланіе: «Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ», напечатанное въ «Трудахъ Вольн. общ. люб. росс. слов.» 1824, № 4 («Соч. Плетнева», III, 276).

«О, други, Августу мольбы мои несите» — стихъ изъ посланія къ Овидію. «Календарь» (т.-е. альманахъ) Бестужева—«Полярная Звѣзда». Ив. Вас. Сленинъ, книгопродавецъ, купилъ первое изданіе «Руслана», но деньги выплачивалъ по частямъ и даже книгами.

43.

П. А. Плетневу.

Находится въ рук. Рум. Муз. № 2366, лл. 42—43 об.

44.

Неизвѣстной.

Въ той же рукописи, л. 30 («Рус. Стар.» 1884, т. 42, стр. 334).

45.

Князю П. А. Вяземскому.

Знаменитый цензоръ А. И. Красовскій задерживалъ и уродовалъ статьи кн. Вяземскаго. «Жаль мнѣ, что я не въ Петербургѣ», писалъ раздосадованный Вяземскій А. И. Тургеневу (7 декабря 1822 : право, ударилъ бы Красовскаго въ щеку... Должно бить цензоровъ до того, что никто за милліоны и за Андреевскія не пойдетъ въ цензора» («Ост. Арх.» II, 286). Жалоба Вяземскаго на Красовскаго напеч. въ «Рус. Арх.» 1896, II, 293.

46.

Л. С. Пушкину.

О «полуденной денницѣ» см. выше, прим. къ № 38. Въ думѣ Рылѣева «Олегъ Вѣщій» («Соч.», изд. 1875 г., стр. 4) сказано, что Олегъ «прибилъ свой щитъ съ гербомъ Россіи къ Царьградскимъ воротамъ». Яковъ—камердинеръ Жуковскаго.

47.

Графу К. В. Нессельроде.

«Рус. Стар.» 1887, т. 58, стр. 245; Брюсовъ, «Письма Пушкина», стр. 9. Нессельроде отвѣтилъ не Пушкину, а Инзову (27 марта 1823): «Находящійся при в. пр-вѣ коллежскій секретарь Пушкинъ отнесся ко мнѣ письменно объ испрошеніи ему отпуска для свиданія съ семействомъ. Вслѣдствіе доклада о семъ государю императору, е. в-ство соизволилъ приказать мнѣ увѣдомить г. Пушкина, чрезъ посредство в. пр-ва, что онъ нынѣ желаемаго позволенія получить не можетъ».

48.

Л. С. Пушкину.

«И все то благо, все добро»—стихъ Державина. Истомина играла роль черкешенки въ балетѣ Дидло: «Кавказскій плѣнникъ, или тѣнь невѣсты», представленномъ (съ музыкой К. А. Кавоса) 15 января 1823 г. Стихотвореніе Noël («Сказки»)

см. I, № 162. Двѣ звѣздочки—подпись Пушкина подъ стихотвореніями, напечатанными въ «Пол. Звѣздѣ» на 1823 годъ. «Мечта воина»—подъ этимъ заглавіемъ было напечатано первоначально стихотвореніе «Война» (II, № 278). Стихъ Гнѣдича—изъ его «Тарентинской дѣвы», напеч. въ «Пол. Зв.» 1823. Въ концѣ письма—намеки на жалобы Пушкина на свою ссылку.

49.

В. П. Горчакову.

См. II, № 368.

50.

Князю П. А. Вяземскому.

Варюшка и Буяновъ—дѣйствующія лица въ «Опасномъ сосѣдѣ» В. Л. Пушкина. «Подслушиваю у калитки»: въ одной изъ замѣтокъ Пушкинъ говоритъ, что онъ «читаетъ всѣ №№ Вѣстника Европы, гдѣ его ругаютъ, что значитъ, по его энергическому выраженію, подслушивать у дверей, что говорятъ о немъ въ прихожей» (IV, 554). Далѣе говорится о статьѣ кн. Вяземскаго о «Кавк. плѣнникѣ» въ «Сынѣ Отечества» 1822, № 49. Замѣчанія Пушкина на статью кн. Вяземскаго объ Озеровѣ см. IV, № 874. По словамъ Вяземскаго, «Пушкинъ Озерова не любилъ, и онъ часто бывалъ источникомъ нашихъ живыхъ и горячихъ споровъ. Оба мы были неуступчивы и нѣсколько запосчивы, я—еще болѣе, нежели Пушкинъ. Онъ не признавалъ въ Озеровѣ никакого дарованія; я, можетъ быть, дарованіе его преувеличивалъ. Современемъ, вѣроятно, мы сошлись бы на полу-дорогѣ».

«Щелчекъ цензурѣ»: въ упомянутой выше статьѣ Вяземскаго о «Кавк. плѣнникѣ», между прочимъ, замѣчено: «Бдительная цензура, которую нельзя упрекнуть у насъ въ потворствѣ, умѣетъ и безъ помощи посторонней удерживать писателей въ предѣлахъ дозволеннаго».

«Посланіе Бирукову»—«Первое посланіе цензору», II, № 347.

«Бестужева статья»—«Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи», въ «Пол. Зв.» 1823.

51.

Князю П. А. Вяземскому.

Іордаки (или Іоргаки) — одинъ изъ вождей греческаго возстанія. Гречанка — Калипсо Полихрони, см. II, № 341. П. А. Катенинъ 7-го ноября 1821 г., по Высочайшему повелѣнію, былъ высланъ изъ Петербурга за шиканье въ театрѣ Семеновой и поселился въ своей деревнѣ, Кологривскаго уѣзда, Костромской губ. Охотниковъ—адъютантъ М. Ѳ. Орлова. О Марьѣ Ивановнѣ Римской-Корсаковой (ум. 1833) см. статью М. О. Гершензона: «Грибоѣдовская Москва» въ «Голосѣ Минувшаго» 1913, №№ 11 и 12. «15 лѣтъ ген. Орлову»—вѣроятно, службы въ офицерскихъ чинахъ.

52.

А. А. Бестужеву.

Повѣсти Бестужева: «Романъ и Ольга» и «Вечеръ на бивуакѣ» были напечатаны въ «Пол. Зв.» 1823. Осиповъ, Николай Петровичъ (1751—1799)—авторъ «Энеиды, вывороченной наизнанку» (СПб., 1791). Майковъ, Василій Ивановичъ (1728—1778) — авторъ шуточной поэмы «Елисей или раздраженный Вакхъ» (1771). Собраніе его сочиненій изд. подъ ред. П. А. Ефремова въ СПб. 1867. Пушкинъ въ набросках VIII главы «Онѣгина» вспоминаетъ о томъ, что онъ еще въ лицеѣ «читалъ охотно Елисея». «Благовѣщеніе»—«Гавриліада». О росказняхъ Родзянки о Пушкинѣ см. I, 500 и II, 292.

53.

А. А. Шишкову.

Объ Александрѣ Ардаліоновичѣ Шишковѣ см. I, 364—366. Александръ Ивановичъ—Казначеевъ, правитель канцеляріи гр. Воронцова.

54.

Князю П. А. Вяземскому.

Ср. письма 33, 35 и 40.

55.

Л. С. Пушкину.

Вигель въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ объ итальянской оперѣ въ Одессѣ того времени: «Цѣны на мѣста были самыя низкія, и ложи всѣ абонированы, по большей части—негоціантами. Лѣтомъ во время морскихъ купаній, пріѣзжіе, не зная, куда вечеромъ дѣваться, посѣщали театръ и наполняли его. Негоціанты, всегда расчетливые, отдавали ложи свои гораздо дороже симъ пріѣзжимъ, такъ что въ годъ приходились онѣ имъ даромъ. Зимой не сами эти господа, а жены ихъ исправно посѣщали театръ... Давали прекрасныя оперы: Севильскій Цирульникъ, Итальянцы въ Алжирѣ, Сорока-Воровка и др. Исполненіе плохо, а всѣ согласно хлопали, хвалили. Такъ уже было принято: обычай, мода» (Рус. Арх.» 1892, «Записки Вигеля», ч. VI, 133). Ср. «Странствіе Онѣгина», XXV—XXVII (т. III, стр. 323).

«Мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ цѣпей»—стихъ изъ Шильонскаго узника»; далѣе, фраза: «о Кишиневѣ я вздохнулъ» воспроизводитъ другой стихъ изъ той же поэмы: «Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ».

Козловъ, Василій Ивановичъ, поэтъ, о которомъ см. прим. къ п. 36, служилъ въ канцеляріи гр. Воронцова. Туманскій, Василій Ивановичъ (1800—1860), былъ потомъ секретаремъ посольства въ Константинополѣ и помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта. О немъ см. статью С. Брайловскаго въ «Пантеонѣ Литературы» 1890, т. 9. Раичъ (Амфитеатровъ), Семенъ Егоровичъ (1792 — 1855) — переводчикъ «Освобожденнаго Іерусалима».

56.

Князю П. А. Вяземскому.

«Упоительнымъ мечтамъ—твоя отъ твоихъ». Въ посланіи кн. Вяземскаго къ Давыдову, написанномъ въ 1816 г. и въ то время еще не напечатанномъ («Соч. Вяз.», III, 128), есть стихи:

Сказавъ прости очарованьямъ
На зло плѣнительныхъ грѣховъ,
И упоительнымъ мечтаньямъ
Весны, веселій и стиховъ...

Фурнье—французъ, близкій къ дому Раевскихъ. «Стурдза монархическій»—намекъ на собственную эпиграмму: «Я вкругъ Стурдзы хожу», I, № 190. Графъ Александръ Дмитріевичъ Ланжеронъ (1763—1831) былъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ ранѣе гр. Воронцова (уволенъ въ 1822 г.). О Дм. Петр. Сѣверинѣ см. II, 609 — 610. А. И. Тургеневъ писалъ кн. Вяземскому, 25 сентября 1823 г., что Пушкинъ «былъ въ Одессѣ у Сѣверина, который сказалъ, чтобы онъ не ходилъ къ нему, обошелся съ нимъ мерзко, и африканецъ едва не поколотилъ его» («Ост. Арх.», II, 352).

Стихи въ концѣ письма взяты изъ посланія кн. Вяземскаго къ Ѳ. И. Толстому—«американцу», съ которымъ Пушкинъ въ то время былъ въ ссорѣ. См. выше, прим. къ п. 37.

57.

А. Н. Раевскому (?).

Черновое, трудно читаемое письмо—въ рукописи Рум. Муз. № 2369, лл. 21 и 21-об. Трудно сказать положительно, что оно адресовано А. Н. Раевскому: въ письмѣ говорится о дядѣ адресата, между тѣмъ какъ у А. Н., кажется, никакого дяди не было. «Лара» и «Атала» Ганскіе—очевидно, прозвища какихъ-то брата и сестры изъ тогдашняго одесскаго общества. «Мельмотомъ-скитальцемъ (извѣстный романъ Матюрэна) Пушкинъ называлъ А. Н. Раевскаго. Вообще этотъ отрывокъ очень теменъ и не поддается объясненію. Можно только догадываться, что рѣчь идетъ о какихъ-то любовныхъ отношеніяхъ, къ которымъ были причастны какъ Пушкинъ, такъ и его корреспондентъ.

58.

Ф. Ф. Вигелю.

См. II, № 375. Майгинъ—одна изъ знакомыхъ Пушкину кишиневскихъ дамъ. Пульхерія—дочь молдаванскаго боярина («кукона») Егора Кирилловича Варѳоломея, бывшаго членомъ совѣта мѣстнаго управленія въ Кишиневѣ. Завальевскій, Никита Степановичъ, служилъ въ канцеляріи гр. Воронцова. «Пушкинъ имъ забавлялся, позволялъ ему всякія съ собою фамильярности, а З. почиталъ свое знакомство лестнымъ для Пушкина» (Вигель, «Записки», VI, 120).

59.

Князю П. А. Вяземскому.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ была послана рукопись «Бахчисарайскаго фонтана». Въ черновомъ письмѣ (рук. Рум. Муз. № 2369, лл. 32—33) послѣ словъ: «загрызи ее, если возможно» прибавлено: «если не для меня, такъ для Софьи Киселевой». Это—Софья Станиславовна Киселева, урожденная гр. Потоцкая, которую Вяземскій называлъ «похотливой Минервой» («Ост. Арх.», I, 326, 338, 354, 362). Такъ же называетъ ее въ этомъ письмѣ и Пушкинъ. Выписка изъ «Путешествія по Тавридѣ» И. М. Муравьева-Апостола (СПб. 1821) была приложена къ «Бахчисарайскому фонтану», см. II, стр. 201—204. Въ черновикѣ говорится объ Андреѣ Шенье и другихъ французскихъ поэтахъ.

60.

Князю П. А. Вяземскому.

А. Л.—вѣроятно, тетка Пушкина, Анна Львовна, на смерть которой Пушкинъ и Дельвигъ сочинили впослѣдствіи (1825) забавные стихи. Въ «Тавридѣ» Боброва, по требованію Пушкина присланной ему братомъ (см. п. 20), о гаремныхъ женахъ говорится:

Иль заключенныя сидятъ,
Какъ бы Данаи въ мѣдныхъ башняхъ,
Подъ стражею скопцовъ въ Гаремахъ.

Вопросъ о Грибоѣдовѣ объясняется ходившими тогда слухами о томъ, будто въ лицѣ Чацкаго изображенъ Чаадаевъ. Послѣдній же въ это время долженъ былъ оставить службу и уѣхать заграницу, вслѣдствіе исторіи въ Семеновскомъ полку. См. статью Жихарева въ «Вѣстн. Евр.» 1871, VII, 199—208.

Черновикъ этого письма находится въ рукописи Рум. Муз. № 2369, л. 41.

61.

Князю П. А. Вяземскому.

При этомъ письмѣ была послана поэма «Братья-разбойники». См. II, № 332.

62.

Барону А. А. Дельвигу.

Въ началѣ письма говорится о сонетахъ Дельвига и особенно объ одномъ изъ нихъ, посвященномъ Языкову, гдѣ находятся слѣдующіе стихи о Пушкинѣ:

Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть, и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье,
И за себя боговъ благословилъ.
Пѣвца «Пировъ» я съ музой подружилъ—
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье.

«Сатира къ Гнѣдичу»—первоначальная редакція второго посланія Боратынскаго къ Гнѣдичу, которое, очевидно, было доставлено Пушкину въ рукописи, такъ какъ въ печати появилось только

въ 1908 г., въ журналѣ «Вѣсы», № 5, стр. 53—58. Здѣсь, между прочимъ, находятся стихи:

Сказать Измайлову: болтунъ еженедѣльной,
Ты сдѣлалъ свой журналъ Парнасской богадѣльной,
И въ немъ ты каждаго убогаго умомъ
Съ любовью жалуешь услужливымъ листкомъ.
И Цертелевъ блажной, и Яковлевъ трахтирный,
И пошлый Федоровъ, и Сомовъ безмундирный,
Съ тобою заключивъ торжественный союзъ,
Несутъ къ тебѣ плоды своихъ лакейскихъ музъ.

(См. «Соч. Боратынскаго», изд. имп. ак. наукъ, т. I, стр. 238).

«Я полу-Хвостовъ»: гр. Д. И. Хвостовъ говоритъ о себѣ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

Люблю писать стихи и отдавать въ печать;
Не скрою и того: люблю ихъ и читать.

«Пишу теперь новую поэму...» — «Евгеній Онѣгинъ». «Нѣмецкій плѣнникъ»—переводъ, изданный Евг. Ольдекопомъ («Des Berggefangene», 5 pb. 1823).

63.

Неизвѣстнымъ дамамъ.

Рук. Рум. Муз. № 2369, л. 37-об. Одна изъ дамъ, къ которымъ обращается въ этомъ письмѣ Пушкинъ,—г-жа Майгинъ, упоминаемая въ письмѣ къ Вигелю (№ 58).

64.

А. И. Тургеневу.

Кипренскій, Орестъ Адамовичъ (1783—1836), портретистъ и историческій живописецъ, сынъ крѣпостного, въ 1798 г. былъ отпущенъ на волю и принятъ въ академію художествъ, гдѣ его учителями были Угрюмовъ и Левицкій. Въ 1805 г. онъ получилъ первую золотую медаль за картину «Димитрій Донской на Куликовомъ полѣ», въ 1812 г. получилъ званіе академика, а въ 1816 г. отправленъ заграницу. Его письмо изъ Рима, заключающее въ себѣ обзоръ его пути отъ Петербурга до Италіи, было напечатано въ «Сынѣ Отечества» 1817, т. 42, стр. 3—25. Возвратившись въ Россію въ 1823 г., онъ черезъ пять лѣтъ снова уѣхалъ въ Италію и умеръ въ Римѣ. Имъ написаны портреты Крылова, Жуковскаго, Батюшкова, Д. Давыдова и Пушкина (1827). См. А. П. Сомова «Галлерея имп. ак. худ.», I, 174—175.

Княгиня Голицына—Авдотья Ивановна, см. I, 516—526.

65.

И. Н. Инзову.

Рук. Рум. Муз. № 2369, л. 41.

66.

Князю П. А. Вяземскому.

Письмо начинается замѣчаніями, относящимися къ «Бахчисарайскому фонтану», причемъ приводится, между прочимъ, стихъ Буало (изъ его «Art Poétique»). Кривцову (I, 458—464), бывшему тогда губернаторомъ въ Воронежѣ, Пушкинъ около того же времени послалъ письмо, до насъ не дошедшее. Кюхельбекеръ, въ шутку названный здѣсь Анахарсисомъ Клоцомъ, по имени французскаго демагога, погибшаго на гильотинѣ въ 1794 г., издалъ, вмѣстѣ съ кн. Вл. Ѳед. Одоевскимъ, въ 1824 г., четыре книжки журнала «Мнемозина». Зонтагъ—Анна Петровна, рожд. Юшкова (1785—1864), племянница Жуковскаго, составительница дѣтскихъ повѣстей и сказокъ и священной исторіи для дѣтей. О ней см. статью П. И. Бартенева въ газ. «День» 1864, № 13.

67.

Л. С. Пушкину.

Въ началѣ письма приводится стихъ изъ извѣстной пѣсни Рылѣева: «Ахъ, гдѣ тѣ острова, гдѣ растетъ трынъ-трава, братцы!» Далѣе упоминается А. О. Корниловичъ, въ то время—капитанъ генеральнаго штаба, впослѣдствіи осужденный за 14 декабря 1825 г. Въ 1824 г. онъ издалъ альманахъ «Русская Старина, карманная книжка для любителей отечественнаго на 1825 годъ», гдѣ (въ предисловіи) находится фраза, надъ которою смѣется Пушкинъ. Трагедія Расина «Федра» въ переводѣ М. Е. Лобанова была представлена 9 ноября 1823 г. съ участіемъ Семеновой и Каратыгина и имѣла большой успѣхъ (Араповъ, «Лѣт. рус. театра», 345). По этому случаю въ «Сынѣ Отечества» 1823, ч. 89, была напечатана хвалебная статья Ореста Сомова, гдѣ переводчикъ трагедіи былъ названъ «побѣдителемъ непобѣдимаго». Отрывокъ изъ поэмы Рылѣева «Войнаровскій» былъ напечатанъ въ «Пол. Звѣздѣ» на 1824 годъ.

68.

А. А. Бестужеву.

Начальныя строки письма относятся къ элегіи «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда», которая была напечатана въ «Пол. Звѣздѣ» на 1824 г. съ тремя послѣдними стихами, впослѣдствіи исключавшимися Пушкинымъ во всѣхъ изданіяхъ. Въ двухъ другихъ стихотвореніяхъ, тамъ же напечатанныхъ,—«Нереида» и «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты»—Пушкинъ указываетъ опечатки. См. II, 555 и 623. Въ той же книжкѣ «Пол. Зв.» были напечатаны и стихотворенія Боратынскаго: «Истина», «Аглая», «Римъ», «Признаніе» и «Къ *** (Лутковскому)».

69.

Ѳ. В. Булгарину.

См. предыдущее письмо. Заботясь объ исправленіи опечатокъ, Пушкинъ, все-таки, не достигъ своей цѣли: элегія «Простишь ли мнѣ ревнивыя

мечты» была перепечатана въ «Литературныхъ Листкахъ» Булгарина (1824, № 4) съ пропускомъ цѣлыхъ трехъ стиховъ – вѣроятно, по цензурнымъ соображеніямъ.

70.

А. А. Бестужеву.

Въ «Пол. Зв.» на 1824 г. была напечатана повѣсть А. Бестужева «Замокъ Нейгаузенъ» и статья Николая Александровича Бестужева «Объ удовольствіяхъ на морѣ», о которой и говорится въ настоящемъ письмѣ. Арабская сказка Сенковскаго—«Витязь буланаго коня». Мадригалъ Родзянки оканчивается стихами:

Вчера, сегодня, безпрестанно
Люблю и мыслю о тебѣ.

71.

Князю П. А. Вяземскому.

Въ началѣ письма говорится объ изданіи кн. Вяземскимъ «Бахчисарайскаго фонтана», а затѣмъ—о статьяхъ его: «Замѣчанія на краткое обозрѣніе рус. литературы 1822 г., напечатанное въ № 5 «Сѣвернаго Архива 1823 г.» («Новости Литературы» 1823, № 19 и «Соч. Вяз.», I, 101) и «Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева»—при книгѣ: «Стихотворенія И. И. Дмитріева», изд. 6-е, СПб. 1823 («Соч. Вяз.», I, 112).

72.

Князю П. А. Вяземскому (?).

Это письмо, изъ котораго извѣстенъ только приводимый отрывокъ, было перехвачено на почтѣ и послужило главнымъ поводомъ къ высылкѣ Пушкина изъ Одессы. По указанію А. И. Левшина, бывшаго въ то время правителемъ походной канцеляріи гр. Воронцова, докторъ-атеистъ «Гунчисонъ» (фамилія, по-англійски мало вѣроятная: можетъ быть — Hutchinson?), учившій Пушкина своей философіи, былъ впослѣдствіи, въ Лондонѣ, ревностнымъ пасторомъ англиканской церкви (Анненковъ, «Пушкинъ», 260).

Какъ разъ въ то же время, въ мартѣ 1824 г., кн. Вяземскій писалъ Пушкину: «Сдѣлай милость, будь остороженъ на языкъ и на перо. Не играй своимъ будущимъ. Теперешняя ссылка твоя лучше всякаго мѣста. Что тебѣ въ Петербургѣ? Вѣрные люди сказывали мнѣ, что уже на Одессу смотрятъ, какъ на champ d'asyle,—а въ этомъ полѣ, вѣрно, никакая ягодка болѣе тебя не обращаетъ вниманія. Въ случаѣ какой-нибудь непогоды Воронцовъ не отстоитъ тебя и не защититъ, если правда, что и онъ подозрѣваемъ въ подозрительности... Ты довольно сыгралъ пажескихъ шутокъ съ правительствомъ, довольно подразнилъ его,—и полно! А вся наша оппозиція ничѣмъ инымъ ознаменоваться не можетъ, que par des espièglories. Намъ не дается мужествовать противъ него; мы можемъ только ребячиться. А всегда ребячиться—надоѣстъ» («Рус. Арх.» 1879, кн. 8, стр. 470).

73.

Л. С. Пушкину.

«Какъ можно печатать партикулярныя письма?» Булгаринъ напечаталъ въ своихъ «Литературныхъ Листкахъ» (1824, № 4), по поводу «Бахч. фонтана», отрывокъ изъ письма Пушкина къ А. А. Бестужеву (п. 70). Сенявинъ, Иванъ Григорьевичъ, былъ впослѣдствіи товарищемъ министра вн. дѣлъ.

74.

Князю П. А. Вяземскому.

Къ изданію «Бахч. фонтана» 1824 г. былъ приложенъ, вмѣсто предисловія, «Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской Стороны или съ Васильевскаго Острова» (см. наст. изд. II, 189—191). Собираясь написать «кое-что о нашей бѣдной словесности», Пушкинъ, повидимому, набросалъ тѣ нѣсколько строкъ, которыя помѣщены въ настоящемъ изд. въ т. IV, стр. 477, № 862.

75.

Издателю „Сына Отечества".

«Сынъ Отечества» 1824, № 18. О полемикѣ по поводу «Бахчисарайскаго фонтана» см. II, 186—188 и «Остафьевскій Архивъ», т. III.

76.

А. И. Казначееву.

Рук. Рум. Муз. № 2370, лл. 1—2. Александръ Ив. Казначеевъ былъ правителемъ канцеляріи гр. Воронцова. Объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ это и слѣдующее письмо къ нему (№ 79), ср. Анненкова «Пушкинъ», 252—264.

77.

А. Н. Раевскому.

Рук. Рум. Муз. № 2364, л. 2.

78.

А. Н. Раевскому.

Анненковъ, «Пушкинъ», 206.

79.

А. И. Казначееву.

Рук. Рум. Муз. № 2370, лл. 8—9.

80.

Князю П. А. Вяземскому.

Княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская, урожд. княжна Гагарина, ум. 1886. Изъ Одессы она писала мужу о Пушкинѣ: «Онъ натворилъ новыхъ

фарсовъ, вслѣдствіе которыхъ подалъ прошеніе объ отставкѣ; при этомъ онъ совсѣмъ не правъ. Изъ хорошаго источника я узнала, что этой отставки онъ не получитъ. Мнѣ его очень жаль, но я ни въ комъ еще не видала такой взбалмошности и такой склонности къ злословію, какъ у него...» («Ост. Арх.», III, 37).

81.

Л. С. Пушкину.

«Съ перемѣною министерства ожидаю и перемѣны цензуры». Ср. «Второе посланіе къ цензору» (II, 221):

Я съ перемѣною несчастнаго правленья
Отставки цензоровъ, признаться, ожидалъ...

82.

Князю П. А. Вяземскому.

«Греція мнѣ огадила...» Байронъ въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ къ 2-й пѣсни «Чайльдъ-Гарольда», между прочимъ, говоритъ: «Французскій консулъ г. Фовель, проведшій тридцать лѣтъ преимущественно въ Аѳинахъ,... часто говорилъ въ моемъ присутствіи, что греки не заслуживаютъ освобожденія, доказывая это ссылкою на ихъ національную и личную развращенность» («Соч. Байрона», изд. Брокгаузъ-Ефронъ подъ ред. Венгерова, I, 493).

83.

Н. В. Всеволожскому.

Рук. Рум. Муз. № 2370, л. 36. Ср. п. 20.

84.

А. А. Бестужеву.

Ср. письма 68, 70 и 73. «Я принужденъ былъ вмѣшаться»—см. п. 75. О Всеволожскомъ ср. предыдущее письмо.

---

85 (въ текстѣ по ошибкѣ 87).

Князю П. А. Вяземскому (?).

Ср. п. 59.

---

86 (въ текстѣ по ошибкѣ 88).

А. И. Тургеневу.

Тургеневъ писалъ кн. Вяземскому, 1 іюля 1824: «Гр. Воронцовъ прислалъ представленіе объ увольненіи Пушкина. Желая, coûte qui coûte, оставить его при немъ, я ѣздилъ къ Нессельроде, но узналъ отъ него, что это уже невозможно; что уже нѣсколько разъ, и давно, гр. Воронцовъ представлялъ о семъ, et pour cause, что надобно искать другого мецената-начальника. Долго вчера толковалъ я о семъ съ Сѣверинымъ, и мысль наша остановилась на Паулуччи, тѣмъ болѣе, что Пушкинъ—и псковскій помѣщикъ. Виноватъ одинъ Пушкинъ. Графиня его отличала, отличаетъ, какъ заслуживаетъ талантъ его, но онъ рвется въ бѣду свою. Больно и досадно. Куда съ нимъ дѣваться?» Вяземскій, отвѣчая на это письмо, писалъ (7 іюля): «Видно, дѣло такъ повернули, что не онъ просится... Грѣшно, если надъ нимъ уже промышляютъ и лукавятъ. Сдѣлай одолженіе, попроси Сѣверина устроить, что можно, къ лучшему». Сѣверинъ, однако, отказался отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ и сказалъ, что «рѣшитъ, вѣроятно, самъ государь, а Нессельроде можетъ только надоумить» («Ост. Арх.», III, 57—58).

---

87 (въ текстѣ по ошибкѣ 89).

Князю П. А. Вяземскому.

«Плутня Ольдекопа»: Евстафій Ив. Ольдекопъ (ум. 1845), извѣстный впослѣдствіи составитель словарей и учебниковъ, издавалъ въ 1822—1826 гг. «St.-Petersburgische Zeitung», а позже служилъ въ III отдѣленіи С. Е. И. В. канцеляріи. Въ 1823 г. онъ перепечаталъ «Кавказскаго плѣнника» при своемъ нѣмецкомъ переводѣ поэмы, что вызвало со стороны Пушкина и кн. Вяземскаго оффиціальные протесты, не имѣвшіе, однако, никакихъ послѣдствій.

88.

И. С. Зеновичу.

11 іюня 1824 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе — «находящагося въ вѣдомствѣ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ коллежскаго секретаря Пушкина уволить вовсе отъ службы». 29 того же іюля Пушкинъ далъ подписку, въ которой обязался «по данному отъ г. Одесскаго градоначальника маршруту, безъ замедленія, отправиться изъ г. Одессы къ мѣсту назначенія въ губернскій городъ Псковъ, не останавливаясь нигдѣ на пути по своему произволу, а по прибытіи въ Псковъ явиться лично къ г-ну гражданскому губернатору». Маршрутъ былъ назначенъ черезъ Николаевъ, Елисаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ и Витебскъ («Рус. Стар.» 1887, т. 53, стр. 246, и Н. Гастфрейндъ, «Пушкинъ. Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго Главнаго архивовъ М-ва иностр. дѣлъ, относящіеся къ службѣ его», СПб. 1900, стр. 4—8). Выѣхавъ изъ Одессы 30 іюля, Пушкинъ прибылъ въ Михайловское 9 августа. По дорогѣ онъ остановился на короткое время въ имѣніи г. Зеновича, въ Витебской губ., и, не заставъ хозяина дома, оставилъ ему эту записку.

Кн. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу, 13 августа: «Послѣднее письмо жены моей наполнено сѣтованіями о жребіи несчастнаго Пушкина. Онъ отъ нея отправился въ свою ссылку; она оплакиваетъ его, какъ брата. Они до сей поры не знаютъ причины его несчастія. Какъ можно такими крутыми мѣрами поддразнивать и вызывать отчаяніе человѣка? Кто творецъ этого безчеловѣчнаго убійства? Или не убійство—заточить пылкаго, кипучаго юношу въ деревнѣ русской? Правительство вѣрно было обольщено ложными сплетнями. Да и что такое за наказаніе за вины, которыя не подходятъ ни подъ какое право? Неужели въ столицахъ нѣтъ людей, болѣе виновныхъ Пушкина?

Сколько вижу изъ нихъ обрызганныхъ грязью и кровью! А тутъ за необдуманное слово, за неосторожный стихъ предаютъ человѣка на жертву... Да и постигаютъ ли тѣ, которые вовлекли власть въ эту мѣру, что есть ссылка въ деревнѣ на Руси? Должно быть богатыремъ духовнымъ, чтобы устоять противъ этой пытки! Страшусь за Пушкина. Въ его лѣта, съ его душою, которая также кипучая бездна огня (прекрасное выраженіе Козлова о Байронѣ), нельзя надѣяться, чтобы одно занятіе, одна дѣятельность мыслей удовольствовали бы его. Признаюсь, я не иначе смотрю на ссылку Пушкина, какъ на coup de grâce, что нанесли ему. Не предвижу для него исхода изъ этой бездны. Неужели не могли вы отвлечь этотъ ударъ? Да зачѣмъ не позволить ему ѣхать въ чужіе края? Изданіе его сочиненій окупитъ будущее его на нѣсколько лѣтъ. Скажите, ради Бога, какъ дубинѣ Петра Великаго, которая не сошла съ нимъ во гробъ, бояться прозы и стишковъ какого-нибудь молокососа? Никакіе вирши... не проточатъ ея. Она, православная матушка наша, зелепѣетъ и дебелѣетъ себѣ такъ, что любо! Хоть приди Орфей возмутительныхъ пѣсней, такъ никто съ мѣста не тронется» («Ост. Арх.» III, 73). Тургеневъ отвѣчалъ по почтѣ—и потому иносказательно: «Пушкинъ въ Онѣгинѣ, жалуясь на жестокость петербургскихъ дамъ, говоритъ:

И на бровяхъ ихъ—надпись ада:
«Оставь надежду навсегда!»

Остальное—при свиданіи. Впрочемъ, ты уже видѣлъ теперь Сѣверина, и онъ все объяснилъ тебѣ» (Тамъ же, 79).

89.

И. М. Рокотову.

Иванъ Матвѣевичъ Рокотовъ—молодой помѣщикъ, сосѣдъ Пушкина по имѣнію.

90.

А. Н. Вульфу.

См. III, 517—519, № 387.

91.

П. А. Плетневу.

См. III, 552, № 413.

92.

Н. И. Кривцову.

О Кривцовѣ см. I, 458—465.

93.

Князю П. А. Вяземскому.

Объ Ольдекопѣ см. выше, п. 89. Кн. Вяземскій, увидѣвъ въ «Моск. Вѣд.» объявленіе о новомъ изданіи «Кавк. плѣнника», просилъ Жуковскаго узнать, съ дозволенія ли С. Л. Пушкина и вслѣдствіе ли какой-нибудь сдѣлки съ нимъ выпустилъ свое изданіе Ольдекопъ. Жуковскій, переговоривъ съ Дельвигомъ, отвѣчалъ князю, что никакой сдѣлки нѣтъ и что продажа новаго изданія—беззаконная. Тогда Вяземскій послалъ за книгопродавцемъ Ширяевымъ, который сказалъ ему, что Ольдекопъ заплатилъ Сергѣю Львовичу за право перепечатки. Вяземскій, спрашивая Пушкина о томъ, какое изъ двухъ обстоятельствъ справедливо, писалъ, что если право не дано Ольдекопу, то поэтъ долженъ прислать формальную довѣренность на имя В. Л. Пушкина или кн. Вяземскаго для того, чтобы они могли начать тяжбу («Рус. Арх.» 1879, № 8, стр. 471—472). Настоящее письмо Пушкина и является отвѣтомъ на этотъ вопросъ. По полученіи его, 27 октября, Вяземскій писалъ Тургеневу: «Научи, что дѣлать, къ кому писать: къ Милорадовичу ли, Шишкову? А лучше всего—самъ похлопочи, только поскорѣе. Теперь у Пушкина только и осталось, что деревенька на Парнассѣ, а если и ее разорять станутъ, то что придется ему дѣлать? Неужели нѣтъ у насъ законной управы на такое грабительство? Остановить продажу мало: надобно, чтобъ Ольдекопъ возвратилъ уже вырученныя деньги за проданные экземпляры... Повидайся съ Дельвигомъ, который также знаетъ это дѣло, и пусть онъ напишетъ Пушкину, что оно къ тебѣ перешло». Дельвигъ обѣщалъ съѣздить къ Ольдекопу и потребовать вознагражденія. «Я поручилъ ему, писалъ Тургеневъ, постращать его жалобою начальству, если онъ гдѣ служитъ и если онъ, хотя экземплярами, не согласится заплатить за убытокъ. Ольдекопъ самъ нищій. Что съ него взять? Я велѣлъ сказать ему, что буду на него жаловаться. Авось, страхъ подѣйствуетъ тамъ, гдѣ молчитъ совѣсть» («Ост. Арх.», III, 87, 90).

Объ эпиграммѣ на Воронцова см. III, стр. 512, № 382. «Маленькое поминаньице» о Байронѣ—конечно, стихотвореніе «Къ морю», о которомъ см. III, стр. 513—517, № 385.

94.

Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

Рук. Рум. Муз. № 2370, лл. 34-об. и 35 («Рус. Стар.» 1884, т. 43, стр. 13—14). Съ замѣчаніями о сосѣдяхъ ср. «Онѣгинъ», II, 5; далѣе говорится о П. А. Осиповой и ея дочеряхъ.

95.

Л. С. Пушкину.

«Талія Булгарина»—альманахъ «Русская Талія на 1825 годъ». «Михайло»—Мих. Ив. Калашниковъ, крѣпостной человѣкъ Пушкиныхъ, жившій въ Михайловскомъ еще «при арапѣ», т.-е. при Петрѣ Абрамовичѣ Ганнибалѣ, котораго хорошо помнилъ. Впослѣдствіи онъ управлялъ Михайловскимъ, а потомъ—Болдинымъ. На старости отпущенный на волю, умеръ въ бѣдности въ Петербургѣ, осенью 1838 г., слишкомъ 90 лѣтъ отъ роду. Въ бумагахъ Пушкина сохранился клочекъ, оторванный отъ его письма, съ подписью: «...рабъ Калашниковъ». «Чухонка Боратынскаго»—поэма «Эда», вышедшая въ свѣтъ только въ 1826 г.

Лицеистъ Пушкинъ на актѣ 1815 г. декламируетъ свое стихотвореніе

«Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ» въ присутствіи Державина.

Съ картины, находящейся въ Пушкинскомъ музеѣ при Александровскомъ Лицеѣ.

[illegible] грязью и [illegible] на зеркалу... [illegible] быть богатыремъ духовнымъ, чтобы устоять [illegible] его лѣти, съ его душою, которая также кипуча [illegible] бедна огня (прекрасное выраженіе Козлова [illegible]), нельзя надѣяться, чтобы одно занятіе, [illegible] дѣятельность мысли удовольствовали бы [illegible]. Признаюсь, я не иначе смотрю на ссылку [illegible], какъ на coup de grâce, что нанесли [illegible] моей бедной [illegible] ... Я [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ...

Клише и печать „УНІОНЪ"-Петроградъ.

96.

Б. А. Адеркасу.

Борисъ Антоновичъ Адеркасъ — псковскій губернаторъ. Копія съ этого письма была послана П. А. Осиповой Жуковскому, съ просьбою предупредить бѣду, которая изъ всего этого могла бы произойти. Черезъ нѣсколько времени Осипова извѣстила Жуковскаго, что, по счастливому случаю, вмѣшательство его въ это дѣло оказалось ненужнымъ: человѣкъ, которому Пушкинъ вручилъ письмо для доставленія губернатору, не заставъ его во Псковѣ, вернулся обратно съ письмомъ, которое Пушкинъ уничтожилъ. Анненковъ («Пушк.», 272) высказываетъ предположеніе, что вся эта исторія съ письмомъ была просто выдумана для того, чтобы сильнѣе подѣйствовать на Жуковскаго. Возможно, однако, и другое предположеніе. Пушкинъ могъ написать это письмо въ минуту сильнаго раздраженія, послѣ ссоры съ отцомъ, а Осипова приказала слугѣ не передавать письма по адресу и вернуть его подъ предлогомъ, будто губернатора не оказалось въ городѣ. Между тѣмъ, Пушкинъ успокоился — и уничтожилъ письмо. См. статью проф. Е. В. Пѣтухова «Пушкинъ въ Михайловскомъ» во II томѣ наст. изд., стр. 366—380.

97.

В. А. Жуковскому.

Начальникъ края, рижскій генералъ-губернаторъ маркизъ Паулуччи, поручилъ опочецкому уѣздному предводителю дворянства Пещурова пригласить С. Л. Пушкина взять на себя надзоръ за поведеніемъ сына. Послѣдствіемъ этого и была ссора съ отцомъ, о которой пишетъ Пушкинъ. Жуковскій на это письмо отвѣчалъ:

«Милый другъ, твое письмо привело бы въ великое меня замѣшательство, если бы твой братъ не пріѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ изъ Петербурга и не прибавилъ къ нему словесныхъ объясненій. Получивъ его, я точно не зналъ, на что рѣшиться. Вотъ первая мысль, которая мнѣ представилась: ѣхать къ Паулуччи, который здѣсь и съ которымъ я очень мало знакомъ, предупредить его насчетъ твоего письма къ Адеркасу и объяснить ему твое положеніе. И я это бы сдѣлалъ (ибо ничего другого не могъ придумать), если бы не явился твой Левъ и не сказалъ мнѣ, что все будетъ само собою устроено. Безъ него, желая тебѣ сдѣлать пользу, я только бы тебѣ, вѣроятно, повредилъ, т.-е. обратилъ бы вниманіе на то, что лучше оставить въ неизвѣстности. Я не могу поручиться, уважилъ ли бы Паулуччи мою просьбу. Тургенева, который съ нимъ хорошо знакомъ, нѣтъ въ Петербургѣ.

На письмо твое, въ которомъ описываешь ты, что случилось между тобою и отцомъ, не хочу отвѣчать, ибо не знаю, кого изъ васъ обвинять и кого оправдывать. И твое письмо, и разсказы Льва увѣряютъ меня, что ты столько же неправъ, сколько и отецъ твой. На все, что съ тобою случилось, и что ты самъ на себя навлекъ, у меня одинъ отвѣтъ: поэзія. Ты имѣешь не дарованіе, а геній. Ты богачъ, у тебя есть неотъемлемое средство быть выше незаслуженнаго несчастія и обратить въ добро заслуженное. Ты болѣе, чѣмъ кто-нибудь, можешь и обязанъ имѣть нравственное достоинство. Ты рожденъ быть великимъ поэтомъ; будь же этого достоинъ. Въ этой фразѣ — вся твоя мораль, все твое возможное счастіе и все вознагражденіе. Обстоятельства жизни, счастливой или несчастливой, — шелуха. Ты скажешь, что я проповѣдую со спокойнаго берега утопающему. Нѣтъ, — я стою на пустомъ берегу, вижу въ волнахъ сплача и знаю, что онъ не утонетъ, если употребитъ свою силу, и только показываю ему лучшій берегъ, къ которому онъ непремѣнно доплыветъ, если захочетъ самъ. Плыви, сплачъ! А я обнимаю тебя» («Рус. Арх.» 1889. III, 114).

98.

Л. С. Пушкину.

Картинка Пушкина была въ свое время перерисована Потбекомъ и приложена, въ гравюрѣ Гейтмана, къ «Невскому Альманаху» на 1829 годъ вмѣстѣ съ 5-ю другими картинками къ «Онѣгину». Ею вызвана эпиграмма Пушкина: «Вотъ, перешедши мостъ Кокушкинъ...» (III, 63).

99.

Л. С. Пушкину.

«Я тружусь во славу Корана» — «Подражанія Корану», II, № 398.

100.

В. А. Жуковскому.

О «маленькой гречанкѣ» Родосѣ Софіаносъ Пушкинъ писалъ Жуковскому, вѣроятно, еще изъ Одессы, по просьбѣ жены бессарабскаго вице-губернатора Крупенскаго, у которой воспитывалась эта дѣвочка, дочь одного изъ греческихъ этеристовъ. Письмо это до насъ не дошло; но сохранилось отвѣтное письмо Жуковскаго отъ 1 іюня 1823 г. («Рус. Арх.» 1889, III, 113), въ которомъ онъ писалъ: «Имя Софіаносъ — прекрасное и для меня столь же священное, какъ и для Греціи, но не знаю, удастся ли мнѣ почтить его такъ, какъ я бы желалъ. Поговорю съ тѣми, кто это дѣло знаетъ и кто что-нибудь по этому дѣлу можетъ. Если не получишь никакого отъ меня отзыва, то знай, что не удалось. Если же удастся, то лѣнь исчезнетъ, и напишу подробно».

101.

Л. С. Пушкину.

Въ началѣ письма говорится о петербургскомъ наводненіи 7 ноября 1824 г., потомъ — о смерти тетки поэта, Анны Львовны, которой впослѣдствіи Пушкинъ съ Дельвигомъ сочинили шуточную эпитафію (II, № 437). А. Н. — Анна Николаевна Вульфъ; письма въ Лубны — къ Аннѣ

Петровнѣ Керпъ. «Кларисса Гарлоу»—извѣстный романъ Ричардсона (1748). Письмо къ К. В. Ѳ.—къ кн. В. Ѳ. Вяземской (94). «Полярные господа»—Рылѣевъ и Бестужевъ, издатели «Пол. Звѣзды». Гр. Ивел.—графиня Екатерина Марковна Ивеличъ, родственница Пушкиныхъ.

102.

Князю П. А. Вяземскому.

Содержаніе письма объясняется предыдущими письмами. «Телѣга жизни» была напечатана въ «Моск. Телегр.» 1825, № I. См. II, № 377.

103.

В. А. Жуковскому.

См. пп. 96, 97, 101. О «маленькой гречанкѣ»—п. 100.

104.

Д. М. Княжевичу.

Рук. Рум. Муз. № 2370, л. 41-об. («Рус. Стар.» 1884, т. 43, стр. 18).

Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ (1788—1844) былъ близокъ съ литераторами начала XIX в.,—Измайловымъ, Гречемъ, Милоновымъ и др., участвовалъ въ разныхъ журналахъ и альманахахъ, между прочимъ, и въ «Пол. Звѣздѣ» 1824 г. Онъ служилъ въ Одессѣ по м-ву финансовъ, а впослѣдствіи былъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа. См. Н. И. Греча «Воспоминанія о Д. М. Княжевичѣ», СПб., 1860.

105.

Л. С. и О. С. Пушкинымъ.

«Демонъ» (II, № 371) былъ напечатанъ въ «Мнемозинѣ» Кюхельбекера, 1824, кн. III, съ ошибками и перепечатанъ поэтому въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1825 г. (стр. 275). «Море» все-таки явилось въ той же «Мнемозинѣ», кн. IV.

Далѣе Пушкинъ сообщаетъ поправку къ «Разговору книгопродавца съ поэтомъ» (II, № 388), который былъ напечатанъ въ видѣ предисловія къ «Онѣгину», и повторяетъ брату свои порученія относительно книгъ и разныхъ вещей. Подобныя порученія Пушкинъ давалъ Льву Сергѣевичу довольно часто; въ его бумагахъ сохранился листокъ съ замѣтками: «Бумаги, перьевъ, облатокъ, чернилъ, чернильницу de voyage. Чемоданъ. Библіи 2. Шекспиръ. Вина Bordeaux, Sauternes, Champagne. Сыръ. Курильницу. (Lampe de voyage. Allumettes, табакъ, гл. труб. черешн.) Chemises, bague. Médaillon simple, montre».

«Закрытіе Ѳеатра и запрещеніе баловъ»—по случаю наводненія 7 ноября 1824 г. Анна Львовна, по завѣщанію, раздѣлила свое имѣніе между двумя племянницами Солнцевыми и Ольгой Сергѣевной. Кн. П. П. Шаликовъ напечаталъ въ своемъ «Дамскомъ Журналѣ» 1824 № 22, стр. 128—130, стихи: «Къ Василію Львовичу Пушкину, на кончину сестры его, Анны Львовны Пушкиной»:

Братъ лучшій, лучшую утратившій сестру.
Я знаю: слезъ, тобой струимыхъ, не сотру, и пр.

О В. В. Энгельгардтѣ см. I, 508—510. «Старина»—альманахъ Корниловича «Русская Старина», см. п. 67. «Козловъ слѣпой»—извѣстный поэтъ, Иванъ Ивановичъ (1779—1840), которому Пушкинъ въ 1825 г. написалъ посланіе (II, № 440).

106.

А. Г. Родзянкѣ.

Анна Петровна Керпъ (см. о ней ст. Б. Л. Модзалевскаго въ III томѣ наст. изд., стр. 585—606) жила въ то время въ Лубнахъ. На это письмо Пушкина послѣдовалъ совмѣстный отвѣтъ Родзянки и А. П. Керпъ (въ маѣ 1825 г.), на который Пушкинъ, въ свою очередь, отвѣчалъ стихотворнымъ посланіемъ (II, № 445).

107.

Л. С. Пушкину.

См. II, № 416, и III, стр. 552—554.

108.

Барону А. А. Дельвигу.

Часть этого письма была напечатана въ приложеніи къ «Бахчисарайскому фонтану» (см. II, стр. 204). Черновое находится въ рук. Рум. Муз. № 2370, лл. 42 об.—44.

109.

Л. С. Пушкину.

«Слава—. . . . . » (точками замѣнены три непечатныхъ слова). Въ концѣ письма слова: «о банкирѣ, о перепискѣ, о мѣстѣ пребыванія Чаадаева»—условныя выраженія, которыя должны были означать устройство пересылки денегъ и писемъ заграницу, въ случаѣ побѣга, о которомъ въ то время помышлялъ Пушкинъ. Онъ ждалъ къ Рождеству брата изъ Петербурга и Вульфа изъ Дерпта, предполагая устроить съ ними по этому поводу совѣщаніе. П. А. Осипова также была посвящена въ эти замыслы, но испугалась сообщеннаго ей секрета и извѣстила о немъ Жуковскаго: «Если вы думаете, писала она, что воздухъ и солнце Франціи, или близь лежащихъ къ ней, черезъ Альпы, земель полезенъ для русскихъ орловъ, и оный не вреденъ будетъ нашему, то пускай останется то, что теперь написала, вѣчной тайной; когда же вы другого мнѣнія, то подумайте, какъ предупредить отлетъ» (Анненковъ, «Пушкинъ», 282).

Въ самомъ концѣ письма Пушкинъ справляется о своемъ п. 101.

110.

Л. С. Пушкину.

Дельвигъ обѣщалъ пріѣхать на Рождество въ Михайловское, но не пріѣхалъ. Пущинъ, Малиновскій, Матюшкинъ—лицейскіе товарищи Пушкина.

1825.

111.

К. Ѳ. Рылѣеву.

Въ «Пол. Зв.» 1825 г. новыхъ отрывковъ изъ «Войнаровскаго» помѣщено не было; поэма явилась, въ началѣ того же года, въ отдѣльномъ изданіи.

112.

Князю П. А. Вяземскому.

Въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1825 годъ были помѣщены эпиграммы кн. Вяземскаго:

Черта мѣстности.

Прочесть ли вамъ любовное посланье?
— «Радъ слышать васъ».—Прошу совѣтовъ я!
Домъ, гдѣ сидитъ владычица моя!
—«Позвольте мнѣ вамъ сдѣлать замѣчанье:
«Я бъ не сказалъ: сидитъ, да ужь и домъ,
«Мнѣ кажется, не ладитъ со стихомъ;
«Не лучше ли: живетъ, иль обитаетъ,
«И домъ смѣнить на храмъ или чертогъ?
«Любовь во храмъ и хату претворяетъ,
«Къ тому жь, къ стихамъ идетъ высокій слогъ.
— Такъ, спѣсь и мнѣ нарѣчья музъ знакома;
Но здѣсь въ стихѣ есть мѣстная черта:
Несчастная младая красота
Сидитъ въ стѣнахъ смирительнаго дома!

Простосердечный отвѣтъ.

Съ подагрою въ груди супругъ сѣдой,
Предчувствуя ужь близкій запахъ ели,
Въ послѣдній часъ, на роковой постели
Прощаяся съ молоденькой женой,
Ей говорилъ сквозь кашель и сквозь слезы:
«Вдовой тебя оставить больно мнѣ;
«Но—ахъ! еще мучительнѣй вдвойнѣ
«Мнѣ страхъ, что годъ пройдетъ — и снова розы,
«Моимъ въ гробу ругаясь крѣпкимъ сномъ,
«Блеснутъ тебѣ предъ брачнымъ алтаремъ!
«Другой супругъ... За гробомъ ревность мучитъ...
«Ты молода: вдовѣть тебѣ наскучитъ!»
— Охъ, нѣтъ,—жена въ отвѣтъ ему:—клянусь,
Голубчикъ мой, что твой поклепъ обиденъ!
Дай овдовѣть: вдовства я не боюсь:
Мнѣ жребій вдовъ былъ завсегда завиденъ!

Жанъ-Батистъ Руссо (1670—1741) былъ особенно извѣстенъ своими непристойными стихотвореніями, а также ядовитыми посланіями и эпиграммами.

113.

Князю П. А. Вяземскому.

Пущинъ посѣтилъ Пушкина въ Михайловскомъ 11 января 1825 г. и привезъ ему «Горе отъ ума». Стихотвореніе гр. Д. И. Хвостова «Посланіе къ NN о наводненіи Петрополя» было напечатано въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1825 г. Пушкинъ вспомнилъ о немъ въ «Мѣдномъ всадникѣ» (III, 480):

Графъ Хвостовъ,
Піитъ, любимый небесами,
Ужъ пѣлъ безсмертными стихами
Несчастье невскихъ береговъ.

Влад. Серг. Филимоновъ (1787—1858), авторъ поэмъ: «Дурацкій колпакъ» (5 частей, 1822—1828), «Обѣдъ» (1837), «Непостижимая» (1841), басенъ и пр., напечаталъ въ «Рус. Инв.» 1825, № 17, длинное объявленіе о предпринятомъ имъ изданіи «Искусство жить», начинавшееся словами: «Не смотря на явное, въ лучшихъ Русскихъ обществахъ, предпочтеніе языка французскаго языку русскому, задерживающее въ Россіи успѣхъ отечественной словесности, на полосѣ земли отъ Чернаго моря до Сѣвернаго океана есть люди, читающіе по-русски, и притомъ есть такіе, которые читаютъ только по-русски»... «Желая отнынѣ посвятить—доколѣ Парки неумолимыя позволятъ—жизнь свою трудамъ Литературнымъ, я приступаю къ исполненію одного изъ любимыхъ предположеній моихъ»—изданію сокращеннаго перевода сочиненій Дроза, Циммермана, Шаррона, Франклина, подъ заглавіемъ: «Искусство жить».

114.

Князю П. А. Вяземскому.

Графъ Павелъ Христофоровичъ Граббе (1789—1875), въ то время командиръ Лубенскаго гусарскаго полка, былъ отставленъ отъ службы «за несоблюденіе порядка» и удаленъ на жительство въ Ярославль. Онъ имѣлъ связи съ Союзомъ Благоденствія.

115.

А. А. Бестужеву.

А. И. Тургеневъ писалъ кн. Вяземскому, 26 февраля 1825 г., что Пушкинъ взялъ съ своего брата, читавшаго «Цыганъ» наизусть, честное слово, что онъ списывать ихъ ни для кого не будетъ («Ост. Арх.», III, 99). John Bowring, переводчикъ произведеній русской, польской, чешской и венгерской поэзіи, издалъ въ 1825 г. «Русскую антологію», въ которой помѣстилъ, между прочимъ, переводъ разсказа Жуковскаго: «Марьина роща», подъ заглавіемъ: «Mary's Goat» (?! «Марьинъ козелъ»).

116.

Л. С. Пушкину.

Жозефъ Фуше, герцогъ Отрантскій (1763–1820), во время революціи былъ членомъ конвента, а при Наполеонѣ — министромъ полиціи. Графъ Бертранъ (1773—1844)—французскій генералъ, извѣстный своею преданностью Наполеону, сопровождавшій его на Эльбу и на о-въ св. Елены и привезшій потомъ во Францію его прахъ. Графъ Монтолонъ (1782—1853) также сопровождалъ Наполеона на о-въ св. Елены. Оба эти лица издали впослѣдствіи записки о Наполеонѣ.

«Мой Копшинъ»—такъ Пушкинъ называетъ, почему-то, В. И. Туманскаго, напечатавшаго въ «Новостяхъ Литературы» 1825 г. стихотвореніе «Дѣвушка влюбленному поэту», гдѣ дѣвушка говоритъ поэту:

Начну ль бесѣдовать я съ вами?—
Какъ будто сидя съ авторами,
Мнѣ замѣчательнѣй всего
Ошибки слога моего.

Въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1825 г. была помѣщена элегія Туманскаго «На скалы, на холмы глядѣть безъ наглядѣнья...»

Николай Михайловичъ Копшинъ (ум. 1859) печаталъ свои стихотворенія въ тогдашнихъ журналахъ и служилъ въ военной службѣ, а впослѣдствіи былъ директоромъ училищъ Тверской губ., директоромъ московской гимназіи, Ярославскаго лицея и, наконецъ, главнымъ инспекторомъ училищъ Западной Сибири.

Боратынскій находился въ это время на принудительной военной службѣ въ Финляндіи, унтеръ-офицеромъ Нейшлотскаго полка, и очень тяготился своимъ положеніемъ. Хлопоты о производствѣ въ офицеры долго не удавались. Только въ концѣ 1825 г. послѣдовало это производство, возвращавшее поэту права гражданства и возможность выйти въ отставку.

«Гр. В.»—графъ М. С. Воронцовъ.

117.

Князю П. А. Вяземскому.

Мухановъ, Александръ Алексѣевичъ, пріятель Пушкина, былъ адъютантомъ гр. Закревскаго, финляндскаго генералъ-губернатора.

«Мадригалъ кн. Шаликову»—стихи въ «Разговорѣ» (II, 216):

Пускай ихъ Шаликовъ поетъ,
Любезный баловень природы.

Въ послѣдующихъ изданіяхъ вмѣсто «Шаликовъ» было поставлено: «юноша».

Въ концѣ письма говорится о «Моск. Телеграфѣ», начавшемъ выходить съ 1825 г. при ближайшемъ участіи Вяземскаго.

118.

Н. И. Гнѣдичу.

Первая глава «Онѣгина» вышла въ СПб. въ началѣ 1825 г. Разрѣшеніе подписано цензоромъ Бируковымъ 29 декабря 1824 г.

«Пѣсни Греческія»—«Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, изданныя и переведенныя въ стихахъ, съ прибавленіемъ введенія, сравненія ихъ съ простонародными пѣснями русскими и примѣчаній Н. Гнѣдича», СПб., 1825.

119.

Л. С. Пушкину.

Роза Григорьевна — экономка въ Михайловскомъ, нянтая матерью поэта.

«Море и земля» см. II, № 252. «Ив. Ив. Парни» не былъ указанъ, какъ источникъ напечатаннаго въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1825 г. стихотворенія «Прозерпина» (II, № 386, и III, стр. 517). «Издатель Н. А.»—Полевой, издатель «Моск. Телеграфа». Басня Измайлова «Черный Котъ» напечатана въ «Невскомъ Альманахѣ» 1825 г. «Слѣпой попъ»—священникъ при церкви городскихъ богадѣленъ въ Петербургѣ Гавр. Абр. Пакатскій переложилъ въ стихи Плачъ Іереміи (1812), Псалтирь (1818), Книгу Іисуса сына Сирахова (1825) и Канонъ Андрея Критскаго (1829). За Псалтирь Россійская Академія наградила его премією въ 500 р. («Извѣстія Росс. Ак.» 1820, кн. VIII, стр. 7). На заглавномъ листѣ этой и слѣдующихъ книгъ перелагатель названъ «лишеннымъ зрѣнія».

120.

А. Н. Вульфу.

Рѣчь идетъ о «Посланіи» Языкова къ Пушкину, которое оканчивается слѣдующими стихами:

Въ бытописаньи русскихъ музъ
Меня твое благоволенье
Предастъ въ другое поколѣнье,
И сталь плѣшиваго косца,
Всему ужасная, не скоситъ
Тобой хранимаго пѣвца.
Такъ камень съ низменныхъ полей
Носитель Зевсовыхъ огней,
Играя, на гору заноситъ.

121.

Л. С. Пушкину.

«Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ, въ стихахъ и въ прозѣ» вышло 2-мъ изданіемъ, въ 12-ти частяхъ, въ СПб. 1822—1824. Къ этому изданію нѣкоторые строгіе читатели примѣняли слова Чацкаго: «Я глупостей не чтецъ, а пуще—образцовыхъ».

«Качеповскій возсталъ на меня». Въ «Вѣстн. Евр.» 1825, ч. 144, № 17, была помѣщена статья И. Р...ина «Нѣчто о спорѣ по поводу Онѣгина (письмо къ редактору В. Е.)», въ которой авторъ полемизируетъ съ Полевымъ и высказываетъ, что «сочинители дурныхъ поемъ суть точно величины отрицательныя», почему и Пушкинъ долженъ быть признанъ отрицательной величиной.

«У васъ ерзсь...» Слова эти относятся къ происходившимъ въ 1824 и 1825 гг. спорамъ о

сущности поэзіи, въ связи съ различными опредѣленіями новаго въ ту пору «романтическаго» направленія. «Моск. Телеграфъ», отстаивая право генія творить наперекоръ теоріямъ и правиламъ, находилъ, что существо поэзіи заключается не въ формѣ поэтическаго произведенія (т.-е., какъ передаетъ эту мысль Пушкинъ,—не въ стихахъ), а въ томъ высокомъ наслажденіи, «въ которомъ человѣкъ, упоенный очаровательнымъ восторгомъ, не смѣетъ дать отчета самому себѣ въ своихъ чувствахъ» («М. Т.» 1825, № 5). Точно также и Кюхельбекеръ, въ статьѣ «О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе», нап. въ «Мнемозинѣ» 1824 г., мѣриломъ художественнаго достоинства поэтическихъ произведеній признавалъ «восторгъ».

Пѣсня «Одинъ сижу во компаніи ни ково не вижу» помѣщена въ 3-й части «Собранія разныхъ пѣсенъ» М. Д. Чулкова, СПб., 1773, № 189 («Сочиненія М. Д. Чулкова», изд. ак. наукъ, СПб. 1913, т. I, стр. 711).

122.

Л. С. Пушкину.

Л. С. Пушкинъ съ 12 ноября 1824 по 24 октября 1826 г. служилъ въ д-тѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Боратынскій былъ въ концѣ 1825 г. произведенъ въ офицеры по ходатайству А. А. Закревскаго, бывшаго въ то время финляндскимъ генералъ-губернаторомъ.

123.

Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу.

Получивъ отъ Всеволожскаго рукопись своихъ стихотвореній и пересмотрѣвъ ее, Пушкинъ переслалъ брату и Плетневу всѣ матеріалы для изданія и въ этомъ письмѣ даетъ указанія относительно нѣкоторыхъ подробностей. Стихотвореніе Жуковскаго «Мотылекъ и цвѣты» было напечатано въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1825 г., съ примѣчаніемъ: «Стихи, написанные въ альбомъ Н. И. П. на рисунокъ, представляющій бабочку, сидящую на букетѣ изъ pensées и незабудокъ». Въ 3-й строфѣ этой пьесы говорится о мотылькѣ, слетѣвшемъ съ высоты и прельщенномъ цвѣтами:

Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородные
Переселенцы съ вышины,
Что вамъ, какъ и ему, свободные
И крылья, и душа даны...

Въ слѣдующей же строфѣ обнаруживается ошибка мотылька:

Не рождены вы для вниманія,
Вамъ непонятенъ чувства гласъ...

Въ концѣ стихотворенія поэтъ обращается къ цвѣтамъ:

Пускай же къ вамъ, рѣзвясь, ласкается
Какъ вы, минутный вѣтерокъ;
Иною прелестью плѣняется
Безсмертья вѣстникъ—мотылекъ.

«Слишкомъ дорога» и пр.—стихъ изъ сказки Дмитріева «Модная жена».

«Каждую шутку особенно»—опечатка вм. «каждую штуку».

124.

Л. С. Пушкину.

Говорится о «Братьяхъ-разбойникахъ».

125.

А. А. Бестужеву.

Въ 1821 г. Байронъ велъ полемику съ біографомъ Попа Боульсомъ по вопросу о томъ, что предпочтительнѣе: изображеніе природы или изображеніе тлѣнныхъ, искусственныхъ вещей. Байронъ держался послѣдняго мнѣнія. Боульсъ утверждалъ, напримѣръ, что корабль заимствуетъ всю свою поэзію отъ волнъ, вѣтра, солнца и пр., а самъ по себѣ ничего не значитъ; Байронъ же, наоборотъ, говорилъ, что волны и вѣтры сами по себѣ, безъ поэзіи искусственныхъ предметовъ, еще не могутъ составить поэтической картины. Воду можно видѣть и въ лужѣ, вѣтеръ слышать и въ трещинахъ хлѣва, а солнцемъ любоваться и въ мѣдной посудинѣ, — отъ этого еще ни вода, ни вѣтеръ, ни солнце не сдѣлаются предметами поэтическими. Переходя къ возраженію Боульса, который утверждалъ, что описывать деревья достопочтеннѣе, нежели употреблять свой талантъ на изображеніе колоды картъ, Байронъ говорилъ, что тутъ допущено смѣшеніе предметовъ, но что писатель, сумѣвшій сдѣлать поэтическій предметъ изъ колоды картъ, конечно, выше того, кто вяло описываетъ деревья, соблюдая, напр., только вѣрность внѣшнимъ ихъ признакамъ...

Настоящее письмо Пушкина служитъ отвѣтомъ на письмо Бестужева отъ 9 марта 1825 г., гдѣ Б., между прочимъ, писалъ: «Никогда не соглашусь, что поэма заключается въ предметѣ, а не въ исполненіи», а по поводу «Онѣгина» замѣтилъ: «Что свѣтъ можно описывать въ поэтическихъ формахъ,—это несомнѣнно, но далъ ли ты Онѣгину поэтическія формы, кромѣ стиховъ? поставилъ ли ты его въ контрастъ со свѣтомъ, чтобы въ рѣзкомъ злословіи показать его рѣзкія черты?... Прочти Бейрона:... у него даже притворное пустословіе скрываетъ въ себѣ замѣчанія философскія, а про сатиру и говорить нечего... И какъ зла и какъ свѣжа его сатира!»

Далѣе въ томъ же письмѣ Бестужевъ говоритъ: «Ты великой льстецъ нащетъ Рылѣева и такъ же справедливъ, сравнивая себя съ Баратынскимъ въ элегіяхъ, какъ говоря, что бросишь писать отъ перваго поэмы. Униженіе паче гордости. Я, напротивъ, скажу, что кромѣ поэмъ тебѣ ничего писать не должно».

Съ своей стороны, и Рылѣевъ писалъ около того же времени (10 марта): «Не знаю, что будетъ Онѣгинъ далѣе; быть можетъ, въ слѣдующихъ пѣсняхъ онъ будетъ одного достоинства съ Донъ-Жуаномъ,... но теперь онъ ниже Бахчисарайскаго Фонтана и Кавказскаго Плѣнника. Я готовъ спорить объ этомъ до второго пришествія. Мнѣніе Байрона, тобою приведенное, неспра-

ведливо; поэтъ, описавшій колоду картъ лучше, нежели другой—деревья, не всегда выше своего соперника. У каждаго свой даръ, своя муза... Несогласенъ и на то, что Онѣгинъ выше Бахчисарайскаго Фонтана и Кавказскаго Плѣнника, какъ твореніе искусства. Сдѣлай милость, не оправдывай софизмовъ Воейковыхъ: имъ только дозволительно ставить искусство выше вдохновенія. Ты на себя клеплешь и взводишь Богъ знаетъ что».

По поводу строгихъ отзывовъ Пушкина о «Думахъ» Рылѣева послѣдній писалъ Бестужеву:

Хоть Пушкинъ судъ мнѣ строгій произнесъ
И слабый даръ какъ недругъ тайный взвѣсилъ,
Но отъ того, Бестужевъ, еще носъ
Я недругамъ въ угоду не повѣсилъ, и пр.

127.

Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

Посылая къ Вяземскому 2-ю главу «Онѣгина» (черезъ Дельвига), Пушкинъ на рукописи надписалъ брату: «Доставь это Вяземскому, повторивъ просьбу, чтобы онъ никому не показывалъ, да и самъ не пакости».

На стр. 544, во 2-мъ столбцѣ, строка 3 св., послѣ слова pour пропущено lui.

128.

Л. С. Пушкину.

Въ началѣ письма говорится о повѣсти Антонія Погорѣльскаго (А. А. Перовскій) «Лефортовская маковница». Старуха-колдунья, живущая въ Москвѣ, въ Лефортовской части, завѣщаетъ своей внучкѣ выйти замужъ за того, кого она ей назначитъ. Вскорѣ послѣ смерти старухи къ внучкѣ является титулярный совѣтникъ Аристархъ Фалалеевичъ Мурлыкинъ, въ которомъ дѣвушка, къ своему ужасу, узнаетъ бабушкина кота, товарища ея колдовства. Объ Алексѣѣ Алексѣевичѣ Перовскомъ (1787—1839) см. статью В. П. Горленка въ «Кіевской Старинѣ» 1888, апрѣль.

129.

Л. С. Пушкину.

Объ эпиграммѣ на Каченовскаго см. III, 562. «Разговоръ лже-Дмитріева» (такъ назвалъ Пушкинъ М. А. Дмитріева, племянника И. И.) и «весь процессъ» — полемика, вызванная «Разговоромъ» кн. Вяземскаго, помѣщеннымъ въ видѣ предисловія въ отдѣльномъ изданіи «Бахчисарайскаго фонтана». См. II, 186—187.

«Подпись слѣпого поэта»—собственноручная надпись И. И. Козлова на присланномъ Пушкину экземплярѣ поэмы «Чернецъ». Свое намѣреніе отвѣчать поэту стихами Пушкинъ исполнилъ только 15 мая, отославъ ему посланіе: «Пѣвецъ, когда передъ тобой»... (II, 290, и III, 563).

«Войнаровскій» — извѣстная поэма Рылѣева, напечатанная въ СПб. 1825. «Чайльдъ-Гарольдъ» Ламартина — неудачная попытка сочинить продолженіе байроновской поэмы въ видѣ V-й ея пѣсни. «Талія» — альманахъ Булгарина «Русская Талія» (СПб., 1825), въ которомъ, между прочимъ, были напечатаны отрывки изъ комедіи-водевиля князя Шаховского «Ворожея, или тайны духовъ» и изъ комедіи Хмѣльницкаго «Нерѣшительный, или семь пятницъ на недѣлѣ».

«Рѣзвоскачущая кровь Грибоѣдова»—выраженіе изъ посланія Кюхельбекера къ Грибоѣдову, напечатаннаго въ «Моск. Телегр.» 1825, № 2, стр. 118 и начинающагося стихами:

Пѣвецъ! Тебѣ даны рукой судьбы
Душа живая, пламень чувства,
Веселье свѣтлое и къ родинѣ любовь
Высокаго искусства
И рѣзвоскачущая кровь!

Пушкинъ запомнилъ этотъ смѣшной эпитетъ и воспроизвелъ его въ шуточной одѣ гр. Хвостову (II, № 446, и прим., III, 564), съ соотвѣтствующимъ примѣчаніемъ:

Султанъ ярится. Кровь Эллады
И рѣзвоскачетъ, и кипитъ...

Письмо Жуковскаго, о которомъ говорится далѣе, до насъ не дошло. «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» (I, № 37), о которыхъ говорится также и въ предыдущемъ письмѣ, не вошли въ изданіе «Стихотвореній Пушкина» 1826 г., а «Наполеонъ» (II, № 277) явился въ этомъ изданіи съ пропускомъ строфъ 4-й, 5-й, 6-й и 8-й и 3-го стиха 10-й, замѣненныхъ точками.

130.

Князю П. А. Вяземскому.

Байронъ умеръ въ Мисолонги, 7 (19) апрѣля 1824 г. Въ «Моск. Телегр.» 1825, № I, были напечатаны статьи: «Характеръ лорда Бейрона» и «Смерть лорда Бейрона».

О перепечаткѣ «Бахчисарайскаго фонтана» до Пушкина дошли невѣрныя свѣдѣнія: поэма не была перепечатана, а только переведена на французскій яз. Шопеномъ. Этотъ переводъ былъ изданъ въ 1826 г. (La Fontaine des pleurs, poème de M. Alexandre Pouchkine, traduit librement du Russe par I. M. Chopin. Paris 1826).

131.

Л. С. Пушкину.

Хотя это письмо и помѣчено 17-мъ апрѣля, однако, написано, безъ сомнѣнія, одновременно съ предыдущимъ, потому что въ концѣ его сказано: «Сегодня день смерти» Байрона. Панихиды были отслужены въ церквахъ Григорскаго и сосѣдняго съ нимъ сельца (городища) Воронича. «Шкода»—шуточное прозвище священника с. Воронича. См. Н. Л. Щеглова «Новое о Пушкинѣ», СПб., 1903.

132.

Князю П. А. Вяземскому.

«Надѣюсь, что ты выздоровилъ». Пущинъ писалъ Пушкину 2 апрѣля, что Вяземскій «совсѣмъ поправился, началъ выѣзжать».

«Кюхельбекерской Державинъ» — въ одномъ изъ стихотвореній Кюхельбекера было сказано: «Такъ пѣлъ, въ Суворова влюбленъ, Державинъ». Пушкинъ замѣтилъ, что этотъ стихъ «слишкомъ ужъ греческой».

Въ «Невскомъ Альманахѣ» 1825 г., стр. 106—112, была напечатана пародія Полевого на извѣстную, переведенную Жуковскимъ, элегію Грея «Сельское кладбище»—подъ заглавіемъ: «Книжная лавка»:

Послѣдній солнца лучъ сверкаетъ за горою;
Повсюду—шумъ глухой запоровъ и ключей;
Изъ лавокъ, погребовъ медлительной стопою
Идутъ за самоваръ купцы къ семьѣ своей.
Здѣсь мрачно. Книгъ ряды прилавки отягчаютъ
И въ смертной тишинѣ на полкахъ предстоятъ,
Громады свертковъ, книгъ подлавки занимаютъ
И подъ прилавками безмолвныя лежатъ.
. . . . . .
Подъ сводомъ каменнымъ сей лавки погребенны,
Романы, повѣсти, поэмъ обширный рядъ,
Здѣсь проза русская, стихи переведенны,
Забытые въ пыли, сномъ безпробуднымъ спятъ,
и пр.

Полевой въ «Моск. Телегр.» 1825, ч. I, стр. 338, извинялся за эти стихи, заявляя, что «эта давно забытая, вздорная пародія» появилась въ альманахѣ безъ его вѣдома.

Николай Шамфоръ (1741—1794)—плодовитый писатель, членъ французской академіи, одинъ изъ остроумнѣйшихъ людей своего времени, былъ большимъ поклонникомъ революціи и ненавистникомъ аристократовъ, покровительствомъ которыхъ, однако, не пренебрегалъ, хотя и тяготился имъ. Онъ игралъ видную роль въ парижскихъ салонахъ и прославился своими блестящими остротами и сарказмами, которые одинаково сыпались и на враговъ, и на друзей. Въ 1800 г. въ Парижѣ былъ изданъ сборникъ «Chamfortiana», заключающій въ себѣ афоризмы, замѣтки и анекдоты, выбранные изъ сочиненій Шамфора. Кн. Вяземскій въ своей «Старой записной книжкѣ» часто приводитъ изреченія Шамфора и сравниваетъ его съ М. И. Веревкинымъ, который также былъ «великій краснобай и разсказчикъ». Пушкинъ вспомнилъ о Шамфорѣ по поводу своего посланія къ Чаадаеву (II, № 266) и исключенныхъ изъ него при перепечаткѣ въ изданіи 1826 г. стиховъ объ «американцѣ» Толстомъ.

133.

Л. С. Пушкину.

Дельвигъ пріѣхалъ въ Михайловское, вѣроятно, за нѣсколько дней до написанія этого письма. Стихотвореніе Рылѣева «Смерть чигиринскаго старосты» напечатано въ «Пол. Звѣздѣ» на 1825 г. О посланіи къ Чаадаеву см. въ предыдущемъ письмѣ. «Пасквиль» Толстого намъ неизвѣстенъ.

134.

Князю П. А. Вяземскому.

Объ элегіи на смерть Анны Львовны см. III, 562. По словамъ А. П. Кернъ, П. А. Осипова спросила Пушкина: «Что же, собственно, остроумнаго въ этихъ стихахъ?» — «Я надѣюсь, сударыня,—отвѣчалъ поэтъ,—что мнѣ и барону Дельвигу позволяется не всегда быть умными» (Майковъ, «Пушкинъ», 256).

135.

Л. С. Пушкину.

Говорится о переписанной для Вяземскаго 2-ой главѣ «Онѣгина». См. выше, прим. къ п. № 127.

136.

Князю П. А. Вяземскому.

Кн. Вяземскій говорилъ о Пушкинѣ въ своей статьѣ «Литературная смѣсь. Жуковскій. Пушкинъ. О новой піитикѣ басенъ» («Моск. Телегр». 1825, № 4; «Соч. Вяз.», I, 178). «Въ бореньяхъ съ трудностью сплачъ необычайный»—стихъ изъ посланія кн. Вяземскаго къ Жуковскому («Соч. Вяз.», III, 226). Іоганнъ-Генрихъ Фоссъ (1751 — 1826) — знаменитый переводчикъ Гомера, Виргилія, Овидія и др. классиковъ. «Былое сбудется опять»— стихъ Жуковскаго. Статья Вяземскаго о «Чернецѣ» была напечатана въ «Моск. Телегр.» 1825 («Соч. Вяз.», I, 185).

«У него есть какой-то тамъ палачъ»... Во второй части «Войнаровскаго» разсказывается о бредѣ Мазепы, который видитъ передъ собою Кочубея съ Искрой:

«Вотъ, вотъ они!.. При нихъ палачъ!»
Онъ говорилъ, дрожа отъ страху:
«Вотъ, ихъ взвели уже на плаху,
«Кругомъ стенанія и плачъ..
«Готовъ ужъ исполнитель муки;
«Вотъ, засучилъ онъ рукава,
«Вотъ, взялъ уже сѣкиру въ руки...
«Вотъ, покатилась голова!..
«И вотъ другая!... всѣ трепещутъ!...
«Смотри, какъ страшно очи блещутъ!...»

Нееловъ (или Неѣловъ), Сергѣй Алексѣевичъ (род. 1779), былъ основателемъ стихотворческой «школы», послѣдователями которой явились Мятлевъ и Соболевскій, и авторомъ стиховъ, которымъ Пушкинъ далъ названіе «poésies maternelles». Въ теченіе полувѣка онъ осмѣивалъ всевозможныя московскія событія. Его экспромпты, четверостишія и остроты были всегда мѣтки и забавны, почему и пользовались большимъ успѣхомъ въ обществѣ. Кн. Вяземскій говоритъ о немъ, что «онъ былъ русская Эолова арфа, т.-е. народная игривая балалайка». Нѣкоторыя изъ произведеній Неѣлова напечатаны Вяземскимъ въ «Старой записной книжкѣ», а также—въ «Рус. Архивѣ» 1874 и 1887 гг. См. «Остафьевскій Архивъ», II, прим., 498.

Стихи Шаликова — «Къ А. С. Пушкину (на его отреченіе пѣть женщинъ)» — въ «Дамскомъ Журналѣ» 1825, № 8, стр. 68 — 69, написаны по поводу «Разговора книгопродавца съ поэтомъ» (II, № 388), гдѣ было сказано:

Пускай ихъ Шаликовъ поетъ,
Любезный баловень природы. (См. выше, п. 117).

Шаликовъ на это замѣчаетъ:

. . . нашъ любезный сибаритъ
Талантомъ, чувствомъ, пѣснопѣньемъ,
Лишь только женщинъ отбранитъ,
Какъ вдругъ невольно, съ восхищеньемъ,
О ножкахъ, лучшей красотѣ
Роскошно-томнаго Востока,—
Своей прелестнѣйшей мечтѣ,
Воспомянувъ, въ мгновенье ока
У ножекъ съ лирою златой!
И ножка женщины, конечно,
Не хуже головы мужской,
Набитой спесью, чванствомъ вѣчно,
И, тѣмъ не менѣе,—пустой.

«Благодарю за Casimir». Casimir Delavigne (1793—1843)—извѣстный лирикъ и драматургъ.

«Первый геній тамъ будетъ романтикъ»... Пушкинъ вѣрно угадалъ значеніе Виктора Гюго, ставшаго во главѣ новой, романтической школы французскихъ поэтовъ.

137.

К. Ѳ. Рылѣеву.

Окончательныя строфы «Петра въ Острогожскѣ»:

Гдѣ въ лугахъ необозримыхъ,
При журчаніи волны,
Кобылицъ неукротимыхъ
Гордо бродятъ табуны;
Гдѣ въ странѣ благословенной
Потонулъ въ глуши садовъ
Городокъ уединенный
Острогожскихъ казаковъ.

Пушкинъ еще въ 1823 г., въ письмѣ къ брату (№ 46) указывалъ на ошибку Рылѣева, который въ своей думѣ «Олегъ Вѣщій» говоритъ, что Олегъ «прибилъ свой щитъ съ гербомъ Россіи къ Царьградскимъ воротамъ».

Въ письмѣ къ Пушкину отъ 12 мая 1825 г. Рылѣевъ писалъ: «Ты ни слова не говоришь о Исповѣди Наливайки, а я ею гораздо болѣе доволенъ, нежели Смертью Чигиринскаго старосты, которая такъ тебѣ понравилась... Петербургъ тошенъ для меня, онъ студитъ вдохновеніе; душа рвется въ степи...»

138.

В. А. Жуковскому.

Желая какъ-нибудь вырваться изъ своей ссылки, Пушкинъ рѣшился формально просить о дозволеніи ѣхать заграницу или, по крайней мѣрѣ, въ столицы, для поправленія своего разстроеннаго здоровья, ссылаясь на воображаемыя страданія въ ногѣ, происходящія, будто бы, отъ аневризма. Онъ поручилъ ходатайствовать объ этомъ своей матери «и былъ очень недоволенъ, когда Надежда Осиповна замѣнила его дѣловую просьбу какимъ-то патетическимъ письмомъ къ государю» (Анненковъ, «Пушкинъ», 285). Слухъ объ его болѣзни встревожилъ довѣрчиваго Жуковскаго, который тотчасъ же и написалъ ему:

«Мой милой другъ, прошу тебя отвѣчать какъ можно скорѣе на это письмо, но отвѣчай человѣчески, а не сумасбродно. Я услышалъ отъ твоего Брата и отъ твоей Матери что ты боленъ. Правда ли это? Правда ли, что у тебя въ ногѣ есть что то похожее на аневризмъ, и что ты уже около десяти лѣтъ угощаешь у себя этаго постояльца не говоря никому ни слова. Причины такой таинственной любви къ аневризму я не понимаю и никакъ не могу ее раздѣлять съ тобою. Теперь это уже не тайна и ты долженъ позволить друзьямъ твоимъ вступиться въ домашнія дѣла твоего здоровья. Глупо и низко не уважать жизнь. Отвѣчай искренно и не безумно. У васъ въ Опочкѣ некому хлопотать о твоемъ аневризмѣ. Сюда перетащить тебя теперь невозможно. Но можно, надеюсь сдѣлать, что бы ты переѣхалъ на житье и леченье въ Ригу. Согласись, милый другъ, обратить на здоровье свое то вниманіе котораго требуютъ отъ тебя твои друзья и твоя будущая прекрасная слава (теперешняя—никуда не годится, не годится не потому единственно, что другіе признаютъ ее такою, нѣтъ болѣе потому что она не согласна съ твоимъ достоинствомъ); ты долженъ быть поэтомъ Россіи, долженъ заслужить благодарность—теперь ты получилъ только первенство по таланту; присоедини къ нему и то что лучше еще таланта—достоинство.... Напиши ко мнѣ немедленно о своемъ аневризмѣ. И я тотъ часъ буду писать къ Паулуччи. Съ нимъ я уже имѣлъ разговоръ о тебѣ и можно положиться на его доброжелательство».

Отвѣтомъ на это письмо и является настоящее письмо Пушкина.

«Я буду думать объ однихъ пятистопныхъ безъ риѳмъ». Еще въ 1818 г., прочитавъ написанное бѣлыми стихами стихотвореніе Жуковскаго «Тлѣнность», начинающееся такъ:

Послушай, дѣдушка: мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что, если то жь случится
И съ нашей хижиной?—

Пушкинъ сочинилъ на него пародію:

Послушай, дѣдушка: мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что, если это проза,
Да и дурная?

Жуковскій очень смѣялся надъ этой пародіей, но предсказывалъ, что настанетъ время, когда молодой поэтъ перемѣнитъ свое мнѣніе о бѣломъ стихѣ.

При изданіи своихъ стихотвореній 1824 г. Жуковскій обратился къ совѣтамъ Д. И. Блудова и по его указаніямъ нѣкоторыя пьесы исключилъ. Помѣщенное въ этомъ же изданіи посланіе Жуковскаго къ Блудову начинается стихами, которые пародируетъ Пушкинъ:

Веселаго пути
Любезному желаю
Ко древнему Дунаю, и пр.

АВТОПОРТРЕТЪ Е. П. БАКУНИНОЙ (Первая любовь Пушкина).

По фотографіи, принадлежащей П. Н. Климковскому.

«Водолазъ»—баллада Шиллера «Der Taucher», названная въ переводѣ Жуковскаго: «Кубокъ».

Въ концѣ приведеннаго выше письма Жуковскій говоритъ: «Я ничего не знаю совершеннѣе по слогу твоихъ Цыганъ. Но милый другъ какая цѣль! Скажи чего ты хочешь отъ своего генія? Какую память хочешь оставить о себѣ отечеству, которому такъ нужно высокое? Какъ жаль что мы розно!»

139.

Императору Александру I.

Черновое прошеніе, о которомъ говорится въ предыдущемъ письмѣ. Жуковскому была послана вторая редакція; первая находится въ рукописи Рум. Музея № 2370, лл. 69-об.—70. Въ строкѣ 5-й второго абзаца сокращеніе «Vot.» слѣдуетъ читать: «Votre Majesté». Въ концѣ того же абзаца вмѣсто «admiration» слѣдуетъ: «admirateur». Упоминаемый въ началѣ 3-го абзаца «другъ»—вѣроятно, П. Я. Чаадаевъ.

140.

А. А. Бестужеву.

Статья Бестужева «Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1824 и въ началѣ 1825 года» была напечатана въ «Пол. Звѣздѣ» на 1825 годъ.

Четверостишіе на стр. 550 взято изъ оды Державина на возвращеніе гр. Зубова изъ Персіи. Эту оду Пушкинъ хорошо помнилъ и не разъ приводилъ изъ нея отрывки (напр., въ одномъ изъ примѣчаній къ «Кавказскому плѣннику»); но замѣчаніе, что она «недавно открыта», слѣдуетъ понимать относительно: ода была напечатана въ сентябрьской книжкѣ «Друга Просвѣщенія» 1804 г. (ч. III, стр. 187), хотя написана въ 1797 г.

«Посланіе къ А.»—посланіе Жуковскаго къ императору Александру I.

По поводу словъ о «шестисотлѣтнемъ дворянинѣ» Рылѣевъ писалъ Пушкину (въ началѣ іюня): «Ты сдѣлался аристократомъ; это меня разсмѣшило. Тебѣ ли чваниться пятисотлѣтнимъ дворянствомъ? И тутъ вижу маленькое подражаніе Байрону. Будь, ради Бога, Пушкинымъ. Ты самъ по себѣ молодецъ». Отвѣтъ Пушкина на это замѣчаніе см. въ письмѣ № 142.

«Турниръ»—повѣсть Бестужева «Ревельскій турниръ», напечатанная въ «Пол. Звѣздѣ» на 1825 г. Объ этой повѣсти въ «Моск. Телегр.» 1825, № 8, стр. 334, былъ данъ такой отзывъ: «Слогъ А. А. Бестужева совершенно въ другомъ родѣ, чѣмъ слогъ Жуковскаго, но онъ имѣетъ свою прелесть, неподдѣльно хорошъ и въ «Ревельскомъ турнирѣ» увлекателенъ. Эту повѣсть можно назвать лучшимъ изъ всего того, что донынѣ написалъ г. Бестужевъ: разсказъ и разговоръ живы, природа, картины вѣрны, характеры отдѣланы съ точностью».

141.

Барону А. А. Дельвигу.

«Бабушка Чичерина»—Варвара Васильевна, дочь полковника Вас. Ив. Чичерина, скончалась въ 1824 г. и оставила наслѣдство племяннику своему Вас. Льв. Пушкину. Братъ послѣдняго, Петръ, артиллерійскій полковникъ, скончался въ томъ же 1824 году.

«Разн. Стих.»—тетрадь, по которой печаталась книга: «Стихотворенія Александра Пушкина», изданная въ 1826 г. «Мельникъ»—басня Крылова. «Н. М.»—Карамзинъ.

142.

К. Ѳ. Рылѣеву.

См. выше, письмо № 140.

143.

В. А. Жуковскому.

Въ іюнѣ 1825 г. Пушкину было разрѣшено лѣчиться во Псковѣ, гдѣ, конечно, не было сколько-нибудь знающихъ врачей. Иронически благодаря за эту милость, поэтъ замѣчаетъ, что тамъ, впрочемъ, есть искусный коновалъ Всеволодовъ (а не Всеволожскій, какъ его ошибочно назвалъ Пушкинъ), авторъ книги «Сокращенная патологія скотоврачебной науки» (СПб., 1817).

144.

Князю П. А. Вяземскому.

В. Л. Пушкинъ дѣйствительно перевелъ пѣсню Беранже «Le Bon Dieu», которая, конечно, по содержанію своему не могла быть напечатана. «А. М.» — Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ (1769—1825), дальній родственникъ поэта и самъ стихотворецъ, переводчикъ «Тартюфа» и «Федры». См. о немъ Вигеля «Воспоминанія», IV, 118—119; кн. Вяземскаго, «Соч.», VII, 396; VIII, 177, 217, 255—256. По поводу его смерти Жуковскій писалъ А. С. Пушкину: «Бѣдный и любезный нашъ А. М. умеръ и снесъ въ могилу неистощимый запасъ шутокъ своихъ на Василья Львовича. Не видавши ихъ вмѣстѣ, ты точно можешь жалѣть объ утратѣ оригинальныхъ и высоко-комическихъ сценъ. Намъ ужь такъ сладко не смѣяться! были выходки классическія...»

«Опечатка»—см. примѣчаніе къ стихотворенію «Пріятелямъ», III, 557. Объ эпиграммѣ на «Благонамѣреннаго» см. III, 563.

145.

Князю П. А. Вяземскому.

По поводу написанія имени Байрона Пушкинъ приводитъ начальный стихъ изъ посланія къ Байрону Ламартина:

Toi dont le monde encor ignore le vrai nom,
Esprit mystérieux, mortel, ange, ou démon,
Qui que tu sois, Byron, bon ou fatal génie...

«Замѣчанія на замѣчанія Дениса»—замѣтка кн. Вяземскаго «О разборѣ трехъ статей въ запискахъ Наполеона», напеч. въ «Моск. Телегр.» 1825, № 12 (см. «Соч. Вяз.», I, 193). Статья Пушкина о г-жѣ Сталь (IV, № 864) была напечатана въ той же книжкѣ «Моск. Телегр.» съ подписью: «Ст. Ар.» (Старый Арзамасецъ) и съ помѣтою: «9 іюня 1825».

146.

А. Н. Вульфъ.

«Не мила ей прелесть ночи»—изъ романса Козлова «Венеціанская ночь», который пѣла въ Тригорскомъ А. П. Кернъ. Дальше говорится о самой Аннѣ Петровнѣ. См. III, 592—594.

147.

Барону А. А. Дельвигу.

Свадьба Дельвига была 30 октября 1825 г. Онъ женился на дочери Михаила Александровича Салтыкова (1769—1851), Софьѣ Михайловнѣ. Въ молодости Салтыковъ былъ гвардейскимъ офицеромъ и пользовался благосклонностью Екатерины II («Русс. Арх.» 1876, III, 385); въ 1812 г. былъ назначенъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа, впослѣдствіи былъ сенаторомъ. См. о немъ Вигеля «Воспоминанія» III, 62—63.

О письмѣ Н. О. Пушкиной см. выше, прим. къ п. № 138.

148.

А. П. Кернъ.

См. статью Б. Л. Модзалевскаго «Анна Петровна Кернъ» въ III томѣ настоящаго изданія, стр. 585—606.

149.

П. А. Осиповой.

О предположеніяхъ друзей Пушкина относительно возможности для него поѣздки въ Ригу см. письмо Жуковскаго въ прим. къ письму № 138.

150.

Л. С. Пушкину.

Запкинъ—извѣстный въ то время книгопродавецъ-издатель.

«Вѣроятно, говоритъ П. А. Ефремовъ, долготерпѣніе Пушкина къ поступкамъ «брата-гуляки и мота» (какъ его характеризовали такіе противоположные авторитеты, какъ А. Бестужевъ и кн. Вяземскій) совершенно истощилось: переписка съ братомъ почти совсѣмъ прекращается. Въ десять слѣдующихъ лѣтъ онъ написалъ Льву Сергѣевичу только пять писемъ, но уже чистодѣловыхъ и инымъ тономъ». Далѣе Ефремовъ приводитъ шуточные стихи Соболевскаго:

Нашъ пріятель Пушкинъ Лёвъ
Не лишенъ разсудка;
Но съ шампанскимъ жирный пловъ
И съ груздями утка
Намъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка.

151.

И. Ф. Мойеру.

Профессоръ дерптскаго университета, знаменитый хирургъ Иванъ Филипповичъ Мойеръ, другъ Жуковскаго, былъ женатъ на любимой племянницѣ поэта, Марьѣ Андреевнѣ Протасовой (ум. 1823).

152.

П. А. Осиповой.

См. наст. изд. т. II, стр. 370. Рокотовъ—молодой помѣщикъ, сосѣдъ Пушкина по имѣнію.

153.

Н. Н. Раевскому.

Это письмо, печатаемое съ черновика, повидимому, осталось не отправленнымъ, такъ какъ часть его повторена въ письмѣ отъ 30 января 1829 г. (№ 272), также напечатанномъ съ чернового наброска и, можетъ быть, также не отправленнаго по назначенію. О сношеніяхъ Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ см. статью Л. Н. Майкова въ книгѣ «Пушкинъ» (СПб., 1899), стр. 137—161, а также статью проф. Лободы «Пушкинъ и Раевскіе» въ наст. изд., II, 104—118. Содержаніе настоящаго письма слѣдуетъ сопоставить съ замѣтками Пушкина о «Борисѣ Годуновѣ» (II, 570—571).

Въ послѣднихъ строкахъ 2-го столбца стр. 3 Пушкинъ ссылается на сочиненіе Авг.-Вильг. Шлегеля: «Cours de la littérature dramatique, trad. d'allemand, 3 тома (1814), выписанное имъ черезъ брата (см. письмо № 121). Это сочиненіе сохранилось въ пушкинской библіотекѣ (см. ея описаніе, составленное Б. Л. Модзалевскимъ въ IX—X вып. изданія «Пушкинъ и его современники», стр. 331, № 1356). Далѣе упоминается «Озлобленный» (Le Haineux) Байрона это — Джакопо Лоредано въ трагедіи «Двое Фоскари». Смертельный врагъ Фоскари, онъ добивается его гибели и, видя передъ собою трупъ стараго дожа, пишетъ въ своей записной книжкѣ: «Ha pagato» (онъ заплатилъ). «А что онъ былъ вамъ долженъ?» спрашиваетъ глава Совѣта Десяти.—«Старинный долгъ и долгъ природный — смерти».

154.

П. А. Осиповой.

Этотъ отрывокъ изъ письма сообщенъ въ «Воспоминаніяхъ» А. П. Кернъ. См. указанную выше статью Б. Л. Модзалевскаго.

155.

П. А. Осиповой.

«La petite»—меньшая дочь Осиповой, Екатерина Ивановна, впослѣдствіи, въ замужествѣ,—Фокъ.

156.

Н. А. Полевому.

Этимъ письмомъ начинаются непосредственныя сношенія Пушкина съ Полевымъ. Раньше посредникомъ между ними былъ кн. Вяземскій, принимавшій близкое участіе въ «Моск. Телеграфѣ» въ первое время существованія этого журнала. Въ теченіе 1825 г. Пушкинымъ были напечатаны въ «Телеграфѣ» двѣ эпиграммы, отрывокъ изъ «Цыганъ», «Телѣга жизни» и «Въ альбомъ» («Если жизнь тебя обманетъ...»); въ 1826 г.—«Элегія» («Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный») и эпиграммы на Каченовскаго.

157.

П. А. Плетневу.

Поправка къ «Андрею Шенье» не вошла въ печатавшееся тогда изданіе стихотвореній Пушкина, потому что письмо не дошло до Плетнева. О стихотвореніи Козлова «Венеціанская ночь» см. выше, прим. къ п. № 146.

158.

П. А. Осиповой.

Въ письмѣ упоминается о генералѣ Кернѣ, мужѣ Аннѣ Петровны, который сообщалъ Осиповой какія-то подробности объ «отеческомъ наблюденіи» за Пушкинымъ со стороны псковскаго губернатора Адеркаса.

159.

Князю П. А. Вяземскому.

Павелъ Петровичъ Свиньинъ (1788—1839) напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» 1818, ч. 49, статью «Поѣздка въ Грузино», съ эпиграфомъ:

Я весь объѣхалъ бѣлый свѣтъ,
Зрѣлъ Лондонъ, Лиссабонъ, Римъ, Трою,
Дивился многому умомъ,
Но только въ Грузинѣ одномъ
Былъ счастливъ сердцемъ и душою
И сожалѣлъ, что не поэтъ.

Этими-то стихами и была вызвана эпиграмма кн. Вяземскаго, тогда же (1818) присланная имъ изъ Варшавы А. И. Тургеневу:

«Что пользы», говоритъ разсчетливый Свиньинъ,
«Мнѣ кланяться развалинамъ безплоднымъ
«Пальмиры, Троп иль Аѳинъ?
«Пусть дорожитъ Парнасса гражданинъ
«Воспоминаньемъ благороднымъ:
«Я не поэтъ, я дворянинъ,
«И лучше въ Грузино пойду путемъ доходнымъ:
«Тамъ кланяясь, могу я выкланяться въ чинъ».

Впослѣдствіи, вѣроятно,—по совѣту Пушкина,—Вяземскій передѣлалъ эту эпиграмму, начиная съ 4-го стиха, такъ:

«Нѣтъ, лучше въ Грузино пойду путемъ доходнымъ:
«Тамъ кланяясь, могу я выкланяться въ чинъ.
«Оставимъ славы дымъ поэтамъ сумасброднымъ:
«Я не поэтъ, а дворянинъ».

Послѣдній стихъ—пародія стиха Рылѣева въ посвященіи «Войнаровскаго»: «Я не поэтъ, а гражданинъ». Пушкинъ, по словамъ кн. Вяземскаго, «очень смѣялся надъ этимъ стихомъ. Несмотря на свой либерализмъ, онъ говорилъ, что если кто пишетъ стихи, то прежде всего долженъ быть поэтомъ; если же хочешь просто гражданствовать, то пиши прозою» («Русс. Арх.» 1866, столб. 475; «Ост. Арх.» I, 129, 508—511).

«О новой піитикѣ басенъ»—статья кн. Вяземскаго (см. выше, прим. къ п. № 136).

160.

П. А. Осиповой.

О дошедшихъ до Керна слухахъ см. выше, прим. къ п. № 158. Пещуровъ—предводитель дворянства Опочецкаго уѣзда. О «старомъ негрѣ» см. наст. изд. т. V, № 1006.

161.

В. И. Туманскому.

Замѣчательно, что это письмо начинается тѣми же словами, какъ и написанное за девять мѣсяцевъ передъ тѣмъ черновое письмо къ Д. М. Княжевичу (№ 104). По содержанію письма ср. пп. №№ 113 и 114, а также п. № 116. «В. Д. и А. И.»—вѣроятно, А. И. Казначеевъ и его жена.

162.

А. П. Кернъ.

Подлинникъ этого письма находится въ Имп. Публ. Б-кѣ. Netty—Анна Николаевна Вульфъ.

163.

Князю П. А. Вяземскому.

Стихотвореніе кн. Вяземскаго «Нарвскій водопадъ» было впослѣдствіи напечатано въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1826 г., а Пушкину было прислано для замѣчаній при письмѣ отъ 4 августа 1825 г.

Въ томъ же письмѣ Вяземскій сообщилъ Пушкину, что въ Ревелѣ есть нѣкая Дорохова, которая «поетъ, т. е. сказываетъ стихи на русскій ладъ нашихъ барышенъ; напр., изъ Молдавской пѣсни: Однажды я созвалъ пежданыхъ гостей. Это сочетаніе двухъ словъ—самое нельзя прелести! Я сказывалъ ей, что увѣдомляю тебя о поправкѣ стиха. Сдѣлай одолженіе, душа, напечатай его такъ въ полныхъ своихъ стихотвореніяхъ».

164.

В. А. Жуковскому.

Жуковскій писалъ Пушкину 9 августа 1825 г.: «Прошу тебя, мой милый другъ, отвѣчать немедленно на это письмо. Рѣшился ли ты дать сдѣлать себѣ операцію и согласишься ли поѣхать для этаго во Псковъ? Операторъ готовъ. Это Моейръ, Дерптскій профессоръ, мой родня и другъ. Прошу въ немъ видѣть Жуковскаго. Онъ тотчасъ къ тебѣ отправится, какъ скоро узнаетъ, что ты его ожидаешь. И такъ увѣдоми меня съ точнѣйшею точностію, когда будешь во Псковѣ». Отвѣтомъ на это письмо и является настоящее письмо Пушкина, на которое Жуковскій, въ свою очередь, отвѣчалъ 28 сентября: «Ты, какъ я вижу, предалъ въ руцѣ мои только духъ свой, любезнѣйшій сынъ. А мнѣ право до духу твоего нѣтъ дѣла: онъ живъ и будетъ живъ ибо весьма живущъ. Подавай ка мнѣ свое грѣшное тѣло, то-есть свой аневризмъ. Съ этимъ прекраснымъ аневризмомъ не уцѣлѣетъ и духъ твой.... Вспомнивъ, что настала глубокая осень (ты обѣщалъ ею воспользоваться),—собраться въ дорогу, отправиться въ Псковъ и нанявъ для себя такую квартиру, въ которой могъ бы помѣститься и Моейръ, немедленно написать къ нему что ты въ Псковѣ... Перестань быть эпиграммой, будь поэмой».

Перовскій—Василій Алексѣевичъ, другъ Жуковскаго, бывшій впослѣдствіи оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ.

165.

А. П. Кернъ.

«Получа письмо (№ 148), я тотчасъ ему отвѣчала», говоритъ А. П. Кернъ, «и съ нетерпѣніемъ ждала отъ него второго письма, но онъ это второе письмо вложилъ въ пакетъ тетушкинъ (П. А. Осиповой) а она не только не отдала мнѣ его, но даже не показала. Тѣ, которые его читали, говорили, что оно прелесть какъ мило» (Майковъ, «Пушкинъ», 245).

166.

А. П. Кернъ.

Здѣсь говорится о случаѣ, упомянутомъ въ предыдущемъ примѣчаніи, а слѣдующее письмо къ П. А. Осиповой заключаетъ въ себѣ дальнѣйшія объясненія по этому же поводу.

167.

П. А. Осиповой.

Подлинникъ—въ Имп. Публ. Б-кѣ. См. ниже, прим. къ п. № 173.

168.

А. Н. Вульфу.

Упоминанія о цензорахъ, наборщикахъ, колясскѣ—условныя фразы, относящіяся къ планамъ Пушкина о побѣгѣ заграницу, отъ которыхъ онъ теперь уже отказался. Вульфъ прислалъ ему изъ Дерпта шуточное стихотвореніе Языкова: «Подите прочь,—теперь не ночь», и пр.

169.

П. А. Катенину.

Пушкинымъ неточно приведенъ стихъ Горація (Od. II, 14, 1):

Eheu fugaces, Postume, Postume,
Labuntur anni...

Въ альманахѣ Булгарина «Русская Талія, подарокъ любителямъ и любительницамъ отечественнаго театра на 1825 годъ» были напечатаны отрывки изъ III дѣйствія «Андромахи» Расина въ переводѣ Катенина и сцены изъ трагедіи Ротру «Венцеславъ» въ передѣлкѣ А. А. Жандра.

Въ послѣдней строкѣ письма—опечатка: вм. a rividerca надо читать: a rivederla.

170.

Князю П. А. Вяземскому.

Съ кн. А. М. Горчаковымъ Пушкинъ встрѣтился въ с. Лямоновѣ у Пещурова, къ которому князь пріѣхалъ въ гости; читалъ ему отрывки изъ «Бориса Годунова» («Русс. Арх.» 1883, III, 205—206; Гротъ, «Пушкинъ», 268).

Пѣсня Земфиры, съ нотами, напечатана въ «Моск. Телегр.» 1825, № 31, стр. 69, съ примѣчаніемъ: «Прилагаемъ ноты дикаго напѣва сей пѣсни, слышаннаго самимъ поэтомъ въ Бессарабіи». Ср. «Моск. Вѣд.» 1858, № 19, стр. 80. Графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій (1788—1856) былъ извѣстенъ какъ музыкантъ-любитель. Кн. Вяземскій посвятилъ его памяти стихотвореніе «Поминки» («Русс. Арх.», 1877, I, 542):

Любезный человѣкъ и человѣкъ любимый—
Вотъ біографія его въ стихѣ одномъ.
Онъ сталъ незамѣнимъ, онъ былъ необходимый,
Какъ дорожили имъ, такъ сѣтуемъ о немъ!
Онъ старостою былъ, душой и запѣваломъ
Бесѣдъ аттическихъ и дружескихъ трапезъ;
Съ Жуковскимъ чокался онъ пѣнистымъ бокаломъ,
И съ Пушкинымъ въ карманъ онъ за словомъ не лѣзъ и пр.

Въ сатирѣ Милонова «Къ моему разсудку» были, между прочимъ, такіе стихи о В. Л. Пушкинѣ:

А Вздоркинъ—что ни день, то басня или ода!
А Вздоркинъ, новаго произведя урода,
Скропавши два стиха, надулся и кричитъ:
«О радость! О восторгъ! И я, и я—піитъ!

Послѣдній стихъ взятъ изъ стихотворенія Вас. Льв. «Къ любимцамъ музъ». По поводу этой выходки Милонова добродушный В. Л. замѣтилъ: «А вѣдь сколько разъ бывалъ у меня, чай пилъ!»

171.

Князю П. А. Вяземскому.

О Савеловѣ см. выше, пп. №№ 113 и 161.

«Поступокъ Мура»: Томасъ Муръ уничтожилъ записки Байрона.

О предисловіи г-на Лемонте къ баснямъ Крылова — статья Пушкина (см. наст. изд. т. IV, № 865).

172.

Князю П. А. Вяземскому.

Кн. Вяземскій написалъ Пушкину, 28 августа—6 сентября, длинное письмо, въ которомъ упрекалъ за то, что поэтъ не хочетъ воспользоваться разрѣшеніемъ жить во Псковѣ, совѣтовалъ «попытаться плыть по водѣ» и, между прочимъ, говорилъ: «Ты любуешься въ гоненіи» и просилъ послушаться Жуковскаго и поѣхать въ Псковъ для операціи у Мойера. Въ томъ же письмѣ Вяземскій просилъ Пушкина дать что-нибудь въ «Телеграфъ» и сообщалъ ему: «Ты Сталью отдѣлалъ моего пріятеля, а можетъ быть и своего, Александра Муханова, бывшаго адъютанта Закревскаго. Да подѣломъ, хоть мнѣ его и жаль». Далѣе, по поводу просьбы Пушкина прислать ему житіе какого-нибудь юродиваго, Вяземскій писалъ: «Карамзинъ очень доволенъ твоими трагическими занятіями и хотѣлъ отыскать для тебя Желѣзный Колпакъ. Онъ говоритъ, что ты долженъ имѣть въ виду въ начертаніи характера Борисова дикую смѣсь: набожности и преступныхъ страстей. Онъ безперестанно перечитывалъ Библію и искалъ въ ней оправданія себѣ. Эта противоположность драматическая. Я совѣтовалъ бы тебѣ прислать планъ трагедіи Жуковскому для показанія Карамзину, который могъ бы тебѣ полезенъ быть въ историческомъ отношеніи. Житіе Василія Блаженнаго напечатано особо. Да возьми повѣсть дядюшки твоего Василья: развѣ онъ не довольно блаженный для тебя? Карамзинъ говоритъ, что ты въ колпакѣ не много найдешь пищи, то-есть вшей. Всѣ юродивые похожи. Жуковскій увѣряетъ, что и тебѣ надобно выѣхать въ лицахъ юродиваго...»

Настоящее письмо Пушкина и является отвѣтомъ на приведенныя мѣста изъ письма Вяземскаго. О выраженіи: «Самъ съѣшь» см. замѣтку Пушкина въ V томѣ наст. изд., стр. 4—5.

173.

А. П. Кернъ.

Пушкинъ говоритъ о письмѣ къ П. А. Осиповой (№ 167). Анна Петровна и не отдала этого письма теткѣ.

174.

Барону А. А. Дельвигу.

О стихахъ, которыми начинается это письмо, см. III, 566, прим. къ № 452. Письмо Пушкина къ брату объ «Андреѣ Шенье» намъ неизвѣстно.

175.

Князю П. А. Вяземскому.

О Хвостовѣ см. III, 565. Въ концѣ сентября Пушкинъ былъ во Псковѣ и, между прочимъ, видѣлся тамъ съ архіереемъ Евгеніемъ (Казанцевымъ) и губернаторомъ Адеркасомъ. См. И. И. Василева, «Слѣды пребыванія А. С. Пушкина въ Псковской губерніи», СПб., 1899.

176.

В. А. Жуковскому.

Этимъ письмомъ Пушкинъ окончательно ликвидировалъ всѣ хлопоты, вызванныя извѣстіемъ объ его «аневризмѣ», о которомъ съ тѣхъ поръ въ его переписскѣ уже не упоминается.

177.

А. Н. Вульфу.

Въ письмѣ говорится объ А. П. Кернъ и ея мужѣ.

178.

А. А. Бестужеву.

Предполагавшееся Пушкинымъ изданіе поэмъ въ то время не состоялось, хотя Плетневъ и предлагалъ ихъ напечатать отдѣльной книгой. Якубовичъ—извѣстный своими приключеніями дуэлистъ, по словамъ Анненкова («Пушкинъ», 66), «пользовался необычайною популярностью въ свѣтѣ и пріобрѣлъ въ воображеніи молодыхъ людей размѣры и очертанія почти что эпическаго героя, хотя его малое пониманіе себя и своего времени, его наклонность къ фразѣ въ словахъ и поступкахъ не давали ему особеннаго на то права...»

«Что такое его духи?»—драма Кюхельбекера «Шекспировы духи» въ 2-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, вышла въ СПб. 1825.

«Планщикомъ» Пушкинъ назвалъ Рылѣева потому, что онъ имѣлъ обыкновеніе составлять предварительные планы или конспекты для своихъ думъ и поэмъ и однажды писалъ Пушкину, что составляетъ планъ для «Хмѣльницкаго».

179.

Князю П. А. Вяземскому.

Рѣчь идетъ объ альманахѣ Погодина «Уранія» на 1826 г., въ которомъ и были напечатаны присланныя Пушкинымъ при этомъ письмѣ стихотворенія.

180.

П. А. Катенину.

Каратыгинъ—вѣроятно, Василій Андреевичъ, извѣстный трагикъ (1802—1853).

181.

А. П. Кернъ.

Гюльнара—героиня поэмы Байрона «Корсаръ». Лепла—героиня поэмы «Гяуръ».

182.

П. А. Плетневу.

«Слушай въ оба уха»—слова изъ драмы Кюхельбекера «Шекспировы духи», о которой говорится далѣе.

«Покажи это письмо Жуковскому, который, можетъ быть, на меня сердитъ»—за отказъ отъ лѣченія у Мойера, см. п. № 176.

«Борька»—Борисъ Мих. Федоровъ, плодовитый писатель того времени, одинъ изъ подражателей Булгарина, печаталъ тогда отрывки изъ своего романа «Князь Курбскій» (появившагося въ полномъ видѣ только въ 1843 г.). Пушкину приписывалась эпиграмма, принадлежащая Дельвигу или Соболевскому:

Федорова Борьки
Мадригалы горьки,
Эпиграммы сладки,
А доносы гадки.

«Письма къ двумъ еще юродивымъ»—вѣроятно, къ Кюхельбекеру и Воейкову. Послѣдній въ сентябрьской книжкѣ своего журнала «Новости Литературы» напечаталъ статью «Екатеринославъ» со свѣдѣніями объ Екатеринѣ II, Потемкинѣ, Державинѣ и пр.

Загорскій, Мих. Павл., талантливый поэтъ, стихотворенія котораго, преимущественно—элегіи, оригинальныя и переводныя (изъ Виргилія, Горація, Ламартина, Байрона, Шиллера и Фосса), печатались въ журналахъ и альманахахъ того времени. Онъ умеръ въ 1824 г., 20-ти лѣтъ. Некрологъ—въ «Соревнователѣ Просвѣщенія» 1824, № 9, стр. 345.

183.

В. К. Кюхельбекеру.

Въ пьесѣ «Шекспировы духи» поэтъ, сочиняя стихи, пародируетъ «Жалобу Цереры» и монологи изъ «Орлеанской дѣвы» въ переводѣ Жуковскаго. При стихѣ: «Грустенъ я, унылъ и сиръ» онъ замѣчаетъ:

Сиръ — слово старое; прочтутъ иные: сыръ;
Сиръ никого не тронетъ,
Да вспомнятъ лимбургскій, голландскій, всякій сыръ;
Сиръ! Слово сиръ мою элегію уронитъ.

Дальше тотъ же поэтъ говоритъ:

Я всегда въ уединеніи
Пасъ стада главы моей,—
Васъ, созданья вдохновенія, и пр.

1826.

185.

В. А. Жуковскому.

О Пушкинѣ въ Бессарабіи см. статью А. И. Яцимирскаго въ т. II наст. изд., стр. 158—178.

186.

Барону А. А. Дельвигу.

На это письмо Дельвигъ отвѣчалъ въ началѣ февраля 1826 г.: «Милый мой Пушкинъ, до тебя дошли ложные слухи о Раевскомъ. Правда, они оба въ Петербургѣ, но на совершенной свободѣ. Государь говорилъ съ ними, увѣрился въ ихъ невинности и, говорятъ, пожалъ имъ руку и поцѣловалъ ихъ. Отецъ ихъ сдѣланъ членомъ Совѣта».

187.

П. А. Плетневу.

«Стихотворенія Александра Пушкина» вышли изъ цензуры 8 октября 1825 г., но на книгѣ выставленъ 1826 годъ.

188.

Барону А. А. Дельвигу.

Сочиненія Альфіери Пушкинъ читалъ въ Михайловскомъ и относился къ нему очень сочувственно.

189.

П. А. Катенину.

Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо Катенина отъ 3 февраля 1826 г. изъ Петербурга. Въ этомъ письмѣ Катенинъ спрашивалъ: «Скажи пожалуй, къ какому К — ну ты пишешь нѣчто о Колосовой? Многіе думаютъ, что ко мнѣ; но я въ первый разъ прочелъ эти стихи въ печатной книгѣ». Рѣчь идетъ о стихотвореніи 1821 г. «Кто мнѣ

пришлетъ ея портретъ?» См. II, 563, прим. къ № 264.

Далѣе, въ томъ же письмѣ Катенинъ просилъ стиховъ для альманаха, который хотѣлъ издать одинъ изъ его знакомыхъ, «человѣкъ очень хорошій, умный и образованный», для котораго и самъ Катенинъ собирался написать «что-нибудь порядочное». Изданіе, повидимому, не состоялось.

190.

Барону А. А. Дельвигу.

Отвѣтъ на письмо Дельвига, выше упомянутое, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «По письму твоему примѣтилъ я, что ты изволишь на меня дуться, быть можетъ, за долгое мое молчаніе. Исправься, душа моя, отъ такого грѣха; будь человѣкомъ, не будь звѣремъ!» О Кюхельбекерѣ Дельвигъ писалъ: «Говорятъ, что онъ совсѣмъ не былъ въ числѣ этихъ негодныхъ Славянъ, а просто былъ воспламененъ, какъ длинная ракета... Говорятъ, великій князь Михайла Павловичъ съ нимъ болѣе всѣхъ ласковъ».

«Эда» — поэма Боратынскаго. Слѣпушкинъ, Ѳедоръ Никифоровичъ (1787—1848)—поэтъ-самоучка.

191.

П. А. Осиповой.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ была послана «Эда».

192.

П. А. Плетневу.

Слѣпушкину была присуждена Россійской Академіей, 30 января 1826 г., за его стихотворенія «медаль средней величины» и 50 червонцевъ; кромѣ того, государь пожаловалъ ему почетный кафтанъ. «Академическій четвертакъ»—жетонъ, выдававшійся каждому члену Россійской Академіи за присутствіе въ засѣданіи; потомъ эти жетоны обмѣнивались на деньги.

Плетневъ, въ письмѣ отъ 6 февраля, писалъ: «Ты отказываешься прислать Годунова за тѣмъ, что некому переписать. Это странно. Вѣдь надобно жь будетъ когда-нибудь объ этомъ похлопотать. Пригласи изъ Опочки дни на три къ себѣ какаго-нибудь писаку и заплати ему за труды. Увидишь, что онъ всѣ твои стихи возмется переписывать тебѣ».

По предположенію Я. К. Грота, настоящее письмо Пушкина не дошло до Плетнева (Гротъ, 126—127).

193.

П. А. Плетневу.

Отвѣтъ на письмо Плетнева отъ 27 февраля, въ которомъ сообщалось, что «Стихотворенія А. Пушкина» уже распроданы, и что если теперь предпринять второе изданіе, то надо будетъ что-нибудь прибавить, «потому что въ другой разъ нѣкоторыхъ піесъ ужь не пропустятъ».

«Повѣсть въ родѣ Верро»—«Графъ Нулинъ».

Въ томъ же письмѣ Плетневъ писалъ: «Жуковскій особенно проситъ прислать Бориса. Онъ бы желалъ его прочесть самъ, и еще (когда позволишь) на лекціи его. Другая его къ тебѣ комиссія состоитъ въ томъ, чтобы ты написалъ къ нему письмо серьозное, въ которомъ бы сказалъ, что, оставляя при себѣ образъ мыслей твоихъ, на кои никто не имѣетъ никакаго права, не думаешь играть словами никогда, которыя бы противорѣчили какому-нибудь всѣми принятому порядку. Послѣ этаго письма онъ скоро надѣется съ тобою свидѣться въ его квартирѣ».

Наконецъ, Плетневъ спрашивалъ, что дѣлать съ деньгами, вырученными отъ продажи «Стихотвореній», и сообщалъ, что у него остается на рукахъ еще 5.000 р.

194.

В. А. Жуковскому.

«Письмо въ треугольной шляпѣ и башмакахъ», о которомъ говорится въ предыдущемъ письмѣ. Несмотря на то, что оно было написано согласно данной программѣ, Жуковскій остался имъ недоволенъ и отвѣчалъ (12 апрѣля): «Я никакъ не умѣю изъяснить для чего ты написалъ ко мнѣ послѣднее письмо свое. Если оно только ко мнѣ, то оно странно. Если жь для того, чтобы его показать, то безразсудно. Ты ни въ чемъ не замѣшанъ — это правда. Но въ бумагахъ каждаго изъ дѣйствовавшихъ находятся стихи твои. Это худой способъ подружиться съ правительствомъ. Ты знаешь, какъ я люблю твою музу и какъ дорожу твоею благопріобрѣтенною славою, ибо умѣю уважать Поэзію и знаю, что ты рожденъ быть великимъ поэтомъ и могъ бы быть честью и драгоцѣнностію Россіи. Но я ненавижу все, что ты написалъ возмутительнаго для порядка и нравственности. Наши отроки (то есть все зрѣющее поколѣніе), при плохомъ воспитаніи, которое не даетъ имъ никакой подпоры для жизни, познакомились съ твоими буйными, одѣтыми прелестію поэзіи, мыслями; ты уже многимъ нанесъ вредъ неисцѣлимый — это должно заставить тебя трепетать. Талантъ — ничто. Главное — величіе нравственное... Не просись въ Петербургъ. Еще не время. Пиши Годунова и подобное: они отворятъ дверь свободы».

195.

И. Е. Великопольскому.

Объ Иванѣ Ермолаевичѣ Великопольскомъ (1797—1868) см. III, 607—608, и IV, прим. къ № 524.

Князь Циціановъ—Ѳедоръ Ивановичъ, армейскій офицеръ, пріятель Великопольскаго.

196.

Князю П. А. Вяземскому.

«Одинъ изъ друзей» — самъ же Пушкинъ. Вяземскій отвѣчалъ 10 мая: «Живой чреватой грамоты твоей не видалъ... Твоя грамота ѣдетъ завтра съ отцомъ твоимъ и семействомъ въ Болдино, куда назначенъ онъ твоимъ отцомъ управляющимъ. Какой же способъ остановить дочь здѣсь и для какой пользы? Безъ вѣдома отца ея сдѣлать этаго нельзя, а съ вѣдома его лучше же ей быть при семействѣ своемъ. Мой совѣтъ: написать тебѣ полу-любовное, полу-раскаятельное, полу-помѣщичье письмо блудному твоему тестю, во всемъ ему признаться, поручить ему судьбу дочери и грядущаго творенія, но поручить на его отвѣтственность, напомнивъ, что нѣкогда, волею Божіею, ты будешь его бариномъ и тогда сочтешься съ нимъ въ хорошемъ или худомъ исполненіи твоего порученія. Другого средства не вижу, какъ уладить это по совѣсти, благоразумію и къ общей выгодѣ. Я радъ былъ бы быть воспріемникомъ и незаконнаго твоего Бахчисарайскаго Фонтана, на страхъ завести новую классикоромантическую распрю хотя съ Сергѣемъ Львовичемъ или съ пѣвцомъ Буянова, но оно не исполнительно и не удовлетворительно. Другого дѣлать, кажется, нечего, какъ то, что я сказалъ...»

197.

А. Н. Вульфу.

Говорится о «вдохновенномъ» Языковѣ, объ А. П. Кернъ и ея мужѣ. Синскъ—почтовая станція по дорогѣ изъ Острова въ Великія Луки.

198.

Князю П. А. Вяземскому.

«Видѣлъ ли ты мою Эду?» см. выше, п. № 196.

«Стансы» Вяземскаго О. А. Пушкиной написаны въ Ревелѣ, 12 августа 1825 г., и напечатаны въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1826 г.:

Насъ случай свелъ; но не слѣпцомъ меня
Къ тебѣ онъ влекъ непобѣдимой силой:
Поэта другъ, сестра и геній милой,
По сердцу ты и мнѣ давно родня, и пр.

О Боратынскомъ Вяземскій писалъ Пушкину 10 мая: «Ты знаешь, что твой Евгеній захотѣлъ продолжиться и женится на сосѣдкѣ моей Енгельгартъ, дѣвушкѣ любезной, умной и доброй, но не элегіаческой по наружности».

199.

Князю П. А. Вяземскому.

Отвѣтъ на письмо отъ 10 мая. Ансело—путешественникъ, издавшій потомъ книгу: «Six mois en Russie» (P., 1827), о которой кн. Вяземскій напечаталъ въ «Моск. Телегр.» 1827, ч. 15, критическую статью въ видѣ письма изъ Парижа къ С. Д. Полторацкому (см. «Соч. Вяз.», I, 232).

200.

И. Е. Великопольскому.

Преображенское—станція въ Псковской губ. См. выше, п. 195. Великопольскій отвѣчалъ посланіемъ, см. III, 607.

201.

Князю П. А. Вяземскому.

Н. М. Карамзинъ скончался 22 мая 1826 г. Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо Вяземскаго отъ 12 іюня, въ которомъ Вяземскій писалъ: «Хотя ты и шалунъ, и грѣшилъ иногда епиграммами противъ Карамзина, чтобы сорвать улыбку съ нѣкоторыхъ сорванцовъ и подлецовъ, но безъ сомнѣнія ты оплакалъ его смерть сердцемъ и умомъ». Объ эпиграммахъ на Карамзина см. I, 555.

Фердинандо Галіани (1728 — 1787) — аббатъ, публицистъ и экономистъ. — Его «Переписка» (Correspondance inédite de l'Abbé F. Galiani... précédée d'une notice historique sur la vie et les oeuvres de l'auteur, P., 1818) находилась въ библіотекѣ Пушкина («Пушкинъ и его современники», вып. IX—X, стр. 236).

Катерина Андреевна—Карамзина.

202.

Князю П. А. Вяземскому.

Слухъ о Н. И. Тургеневѣ оказался невѣрнымъ: Тургеневъ остался навсегда заграницей.

Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо Вяземскаго отъ 31 іюля, въ которомъ было переписано стихотвореніе князя «Море», съ припиской «Вотъ тебѣ, моему барину на Парнассѣ, мой смиренный ревельскій оброкъ». Дальше говорится: «Сестра твоя сказывала, что ты хотѣлъ прислать мнѣ извлеченіе изъ записокъ своихъ относительно до Карамзина. Жду ихъ съ нетерпѣніемъ».

203.

М. П. Погодину или В. В. Измайлову.

Черновой набросокъ въ рукописи Рум. Муз. № 2367, л. 36-об. Скорѣе всего относится къ Измайлову: ср. ниже, п. № 207.

204.

П. А. Осиповой.

Пушкинъ, въ сопровожденіи фельдъегеря Вальша, отправился въ Псковъ, по дорогѣ въ Москву, въ ночь съ 3 на 4 сентября.

205.

П. А. Осиповой.

См. статью Н. О. Лернера «Послѣ ссылки въ Москвѣ», III, 335—352. Представленіе Пушкина императору Николаю Павловичу состоялось 8 сен-

ПУШКИНЪ.

Эскизъ Тропинина, наход. въ Третьяковской Галлереѣ.

тября. Въ тотъ же день Пушкинъ вызвалъ на дуэль Толстого—«американца», но дуэль не состоялась, такъ какъ дѣло уладилось мирно.

206.

А. А. Муханову.

Первое чтеніе «Годунова» происходило 10 сентября 1826 г. у Веневитиновыхъ. Затѣмъ Пушкинъ читалъ свою трагедію у кн. Вяземскаго и у С. А. Соболевскаго.

207.

В. В. Измайлову.

Пушкинъ отвѣчаетъ на письма Измайлова отъ 19 мая и 29 сентября, въ которыхъ заключалась просьба о присылкѣ стиховъ для предполагаемаго альманаха. Ср. выше, п. № 203.

208.

Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

S. P., по всей вѣроятности,—Sophie Pouchkine, Софья Ѳедоровна Пушкина; см. А. Ѳ. Кони, «Страничка изъ жизни Пушкина» въ «Извѣстіяхъ Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ», т. X (1905 г.), кн. I, стр. 399—414 и въ наст. изд. т. III, 181. Пушкинъ былъ въ нее влюбленъ и собирался свататься, но опоздалъ: она вышла за Панина. См. п. № 217.

209.

С. А. Соболевскому.

См. прим. къ № 481, въ т. IV, стр. XI—XII.

210.

Н. М. Языкову.

«Тригорское»—стихотвореніе Языкова, посвященное П. А. Осиповой. «Первое посланіе»—къ цензору (т. II, № 347).

211.

Князю П. А. Вяземскому.

«Получила ли княгиня поясы и письмо мое изъ Торжка?»—п. № 208.

«Она велѣла»—Софья Ѳедоровна Пушкина, см. то же письмо.

Новый журналъ—«Моск. Вѣстникъ», который издавался кружкомъ молодыхъ «шеллингистовъ» подъ ред. Погодина. Завальевскій, Никита Степановичъ,—сослуживецъ Пушкина въ Одессѣ, см. прим. къ п. № 58. Сушковъ, Николай Вас. (1796—1871), братъ поэтессы графини Ростопчиной, очень плодовитый, но мало замѣчательный московскій писатель 20-хъ—60-хъ гг.

«Что Запретная Роза? что Тимашева?»—см. т. IV, стр. VIII—X, прим. къ № 479.

«Не Дмитріеву чета». Кн. Вяземскій, въ шутку, объяснялъ нападки Пушкина на Дмитріева—завистью.

212.

Н. М. Языкову.

Ср. п. № 210.

213.

М. П. Погодину.

Это письмо явилось результатомъ полученной Пушкинымъ отъ Бенкендорфа оффиціальной бумаги отъ 22 ноября 1826 г. за № 111, съ объявленіемъ Высочайшаго повелѣнія «дабы Вы въ случаѣ какихъ либо новыхъ Литературныхъ произведеній вашихъ, до напечатанія или распространенія оныхъ въ рукописяхъ, представляли бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ или чрезъ посредство мое, или даже и прямо, Его Императорскому Величеству».

«Все перемѣнится и будетъ мука»—кажется, вѣрнѣе читать соотвѣтственно пословицѣ и такому же выраженію въ п. № 193: перемѣлится.

214.

А. Х. Бенкендорфу.

Отвѣтъ на упомянутую выше оффиціальную бумагу отъ 22 ноября. Бенкендорфъ отвѣчалъ 9 декабря за № 135: «Получивъ письмо Ваше, вмѣстѣ съ препровожденною при ономъ драматическою піесою, я поспѣшаю Васъ о томъ извѣстить, съ присовокупленіемъ, что я оную представлю Его Императорскому Величеству и дамъ Вамъ знать о воспослѣдовать имѣющемъ Высочайшемъ отзывѣ. Между тѣмъ прошу Васъ сообщать мнѣ на сей же предметъ всѣ и мѣлкіе труды блистательнаго Вашего пера».

215.

Н. С. Алексѣеву.

Отвѣтъ на письмо Алексѣева изъ Кишинева отъ 30 октября. На настоящее же письмо Алексѣевъ отвѣчалъ изъ Хотина 20 марта 1827 г. См. прим. къ № 482 въ т. IV, стр. XII—XIII.

216.

Князю П. А. Вяземскому.

Отвѣтъ на письмо княгини В. Ѳ. Вяземской, съ припискою князя, отъ 19 ноября. Пушкинъ прилагаетъ предыдущее письмо къ Алексѣеву, для отсылки ему черезъ Павла или Николая Дмитріевича Киселевыхъ, или черезъ жену Павла Дм., Софью Станиславовну (рожд. графиня Потоцкая).

217.

В. П. Зубкову.

Василій Петровичъ Зубковъ (1800—1862), воспитанникъ основанной Н. Н. Муравьевымъ Школы для колонновожатыхъ и потомъ—совѣтникъ московской палаты гражданскаго суда, другъ П. И. Пущина, былъ женатъ на дальней родственницѣ Пушкина, Аннѣ Ѳедоровнѣ Пушкиной, сестра которой, Софья Ѳедоровна, произвела сильное впечатлѣніе на поэта во время его пребыванія въ Москвѣ въ 1826 г. Подробный комментарій къ настоящему письму данъ въ статьѣ А. Ѳ. Кони «Страничка изъ жизни Пушкина» («Изв. Отд. рус. яз. и слов.», т. X, 1905, кн. I, стр. 399—414 и отд. отт. и въ наст. изд. т. III, 181. Записки Зубкова напечатаны въ сборникѣ «Пушкинъ и его современники», вып. IV (1906), стр. 90—186. Софья Ѳедоровна вышла замужъ за Валеріана Александровича Панина въ началѣ 1827 г. и скончалась въ 1862 г.

Графъ Николай Александровичъ Самойловъ, котораго поздравляетъ Пушкинъ въ припискѣ къ письму, былъ послѣднимъ представителемъ рода. Онъ женился на графинѣ Ю. П. фонъ-деръ-Паленъ и умеръ въ 1842 г. Поздравленіе относится, по всей вѣроятности, къ сватовству графа, хотя, по словамъ М. О. Гершензона («Голосъ Минувшаго» 1913, XII, 34), онъ женился въ 1825 г.

218.

С. А. Соболевскому.

При этомъ письмѣ было приложено предыдущее, для отсылки Зубкову. Выраженіе: «виды мои гладки» относится, вѣроятно, къ проекту сватовства къ С. Ѳ. Пушкиной.

219.

Неизвѣстному.

Послѣднее слово надписи слѣдуетъ читать: jour.

1827.

220.

А. Х. Бенкендорфу.

Отвѣтъ на письмо Бенкендорфа отъ 14 декабря за № 151, въ которомъ приведена собственноручная резолюція императора Николая Павловича на представленной ему запискѣ о «Борисѣ Годуновѣ»: «Я считаю, что цѣль Г. Пушкина была бы выполнена, еслибъ съ нужнымъ очищеніемъ передѣлалъ комедію свою въ историческую повѣсть или романъ, на подобіе Валтера Скота, а также обращено вниманіе поэта на мѣста, «требующія нѣкотораго очищенія» и отмѣченныя въ самой рукописи.

221.

В. И. Туманскому.

Рѣчь идетъ о «Моск. Вѣстникѣ», первая книжка котораго вышла въ январѣ 1827 г. «Одесса» (изъ «Путешествія Онѣгина») была напечатана въ 6-й книжкѣ этого журнала. Туманскій отвѣчалъ 3 марта выраженіемъ своей готовности участвовать въ журналѣ и обѣщаніемъ взять у Левшина статью о киргизахъ.

222—224.

А. А. Муханову.

Первая записка написана на оборотѣ письма къ Муханову Н. А. Полевого: видимо, Пушкинъ заѣхалъ къ Муханову и, не заставъ его дома, написалъ эти строчки на первомъ попавшемся листкѣ бумаги. Дядя—В. Л. Пушкинъ—жилъ тогда въ собственномъ домѣ на Басманной, а ресторанъ Яра помѣщался на Петровкѣ.

225.

П. П. Каверину.

Каверинъ, въ 1823 г. оставившій военную службу, въ сентябрѣ 1826 г. снова поступилъ въ С.-Петербургскій драгунскій полкъ, а въ маѣ 1827 г. переведенъ былъ въ Курляндскій драгунскій же полкъ. По словамъ біографа Каверина, Ю. Н. Щербачева («Пріятели Пушкина М. А. Щербининъ и П. П. Каверинъ», М., 1913, стр. 55), Вѣра Ѳедоровна Д. «долго занимала мѣсто въ его сердцѣ... Связь эта длилась не одинъ годъ». «Свинскій городокъ»—Боровскъ, уѣздный городъ Калужской губ., гдѣ находился тогда Каверинъ съ своимъ полкомъ.

226.

А. Х. Бенкендорфу.

Отвѣтъ на письмо Бенкендорфа отъ 4 марта 1827 г. за № 403, въ которомъ Б. выражалъ удивленіе, что Пушкинъ представляетъ ему свои стихи черезъ какого-то, вовсе ему неизвѣстнаго, барона Дельвига, и совѣтуетъ исключить заглавныя буквы друзей въ пьесѣ «19 октября», которыя, пожалуй, могутъ подать поводъ къ неблагопріятнымъ для поэта заключеніямъ.

227.

Н. Н. Раевскому.

Ср. п. № 153 и прим. къ «Борису Годунову».

228.

В. Д. Соломирскому.

Соломирскій—лейбъ-гусаръ, незаконный сынъ Д. П. Татищева. Вслѣдствіе какого-то недоразу-

мѣнія, Пушкинъ вызвалъ его (или имъ былъ вызванъ) на дуэль, которая, впрочемъ, не состоялась.

229.

М. П. Погодину.

«Черкешенка» — вѣроятно, стихотвореніе «Отвѣтъ Ѳ. А. Туманскому», начинающееся словами: «Нѣтъ, не черкешенка она» и появившееся только въ изданіи 1829 г. См. наст. изд. II, № 484. Посланіе къ Языкову («Языковъ, кто тебѣ внушилъ...») было напечатано въ № 9 «Моск. Вѣстн.» 1827 г.

230.

А. Х. Бенкендорфу.

На это письмо Бенкендорфъ отвѣчалъ 3 мая 1827 г., за № 849: «Его Величество, соизволяя на прибытіе ваше въ С.-Петербургъ, Высочайше отозваться изволилъ, что не сомнѣвается въ томъ, что данное Русскимъ дворяниномъ Государю своему честное слово вести себя благородно и пристойно будетъ въ полномъ смыслѣ сдержано».

231.

Л. С. Пушкину.

Л. Пушкинъ опредѣлился въ концѣ 1826 г. въ Нижегородскій драгунскій полкъ, но прибылъ на мѣсто службы только въ мартѣ или апрѣлѣ 1827 г., когда Паскевичъ только что занялъ мѣсто Ермолова. Потому Пушкинъ и спрашиваетъ, каково служить при новомъ начальникѣ. Марья Ив. Римская-Корсакова (о которой см. статью М. О. Гершензона «Грибоѣдовская Москва» въ «Голосѣ Минувшаго» 1913, XI и XII) съ дочерьми Александрой Александровной и Екатериной Александровной въ маѣ 1827 г. поѣхала на кавказскія воды.

232.

С. А. Соболевскому.

Соболевскій взялся напечатать 2-ю главу «Онѣгина» въ Москвѣ, но запоздалъ, а между тѣмъ въ Петербургѣ вышла уже 3-я глава.

233.

П. А. Осиповой.

Отвѣтъ на письмо П. А. Осиповой, посланное во второй половинѣ мая, къ которому было приложено посланіе Языкова «Къ Нянѣ».

234.

М. П. Погодину.

Пушкинъ получилъ отъ Соболевскаго письмо, которое до насъ не дошло,—вѣроятно, съ приложеніемъ корректуры 2-й главы «Онѣгина». См. выше, п. № 232.

235.

Н. М. Языкову.

См. т. IV, стр. XXXIV — XXXV, прим. къ № 498.

236.

А. Х. Бенкендорфу.

Объ отношеніяхъ Пушкина къ Бенкендорфу см. «Матеріалы» и «Пушкинъ въ Алекс. эпоху» Анненкова; «А. С. Пушкинъ» М. М. Попова въ «Русс. Стар.» 1874, т. X; «Императоръ Николай Павловичъ—критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина» М. И. Сухомлинова («Изслѣдованія и статьи», т. II); «А. С. Пушкинъ и А. Х. Бенкендорфъ»—въ «Русс. Стар.» 1899, т. XCVIII; «Письма Пушкина и къ Пушкину» В. Я. Брюсова, М., 1903; «Изъ неизд. бумагъ А. С. П.» И. А. Шляпкина, СПб., 1903; «Дѣла III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи объ А. С. П.», СПб., 1905; «Сношенія П—па съ правительствомъ» В. Я. Брюсова—въ «Русс. Арх.» 1906, II, 323—328.

237.

С. А. Соболевскому.

Отвѣтъ на недошедшія до насъ два письма Соболевскаго.

238.

А. Х. Бенкендорфу.

Объ Ольдекопѣ см. выше, въ письмахъ 1824 г. Бенкендорфъ отвѣчалъ 22 августа 1827, за № 1936: «На письмо ваше о перепечатаніи Г. Ольдекопомъ Кавказскаго Плѣнника вмѣстѣ съ Нѣмецкимъ переводомъ мнѣ не остается ничего другаго вамъ отвѣтить, какъ то, что Родителю Вашему объявлено было тѣми, отъ которыхъ это зависѣло. Перепечатаніе вашихъ стиховъ, вмѣстѣ съ переводомъ, вѣроятно послѣдовало съ позволенія Цензуры, которая на то имѣетъ свои правила. Впрочемъ, даже и тамъ, гдѣ находятся положительные законы нашетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками».

239.

А. Х. Бенкендорфу.

На это письмо Бенкендорфъ отвѣчалъ также 22 августа, за № 1937: «Представленныя вами новыя стихотворенія ваши Государь Императоръ изволилъ прочесть съ особеннымъ вниманіемъ. Возвращая вамъ оныя, я имѣю обязанность изъяснить слѣдующее заключеніе:

1. Ангелъ къ напечатанію дозволяется;

2. Стансы, а равно 3) и третія глава Евгенія Онѣгина тоже.

4. Графа Нулина Государь Императоръ изволилъ прочесть съ большимъ удовольствіемъ и отмѣтить своеручно два мѣста, кои Его Величество желаетъ видѣть измѣненными, а именно слѣдующіе два стиха: Порою съ бариномъ шалитъ и Коснуться хочетъ одѣяла. Впрочемъ прелестная піеса сія позволяется напечатать.

5. Фаустъ и Мефистофель позволено напечатать, за исключеніемъ слѣдующаго мѣста:

Да модная болѣзнь: она
Недавно вамъ подарена.

6. Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ при всемъ поэтическомъ своемъ достоинствѣ, по содержанію своему неприличны къ напечатанію. Сверхъ того Церковь проклинаетъ Разина, равно какъ и Пугачева».

240.

Барону А. А. Дельвигу.

Элегія—на смерть Ризничъ (II, № 463); посланіе о черепѣ—II, № 507; проза—«Арапъ Петра Великаго». Сомовъ, Орестъ Михайловичъ (1793—1833) издавалъ вмѣстѣ съ Дельвигомъ «Сѣв. Цвѣты». «Вечеръ у Карамзина»—статья Булгарина. Дельвигъ отказался ее напечатать, и она появилась въ «Альбомѣ Сѣверныхъ Музъ» на 1828 г.

241.

М. П. Погодину.

«Фаустъ»—сцена изъ Фауста, см. выше, прим. къ п. № 239. Байбакъ—С. А. Соболевскій.

242.

М. П. Погодину.

См. прим. къ п. № 239. М. Я. фонъ-Фокъ увѣдомилъ П. А. Плетнева, 27 августа, что пропущенныя Высочайшею цензурою пьесы Пушкина можно печатать съ помѣтою: «Съ дозволенія Правительства». Плетневъ въ тотъ же день сообщилъ объ этомъ Пушкину, переславъ ему и два письма Бенкендорфа (о цензурѣ государя и объ Ольдекопѣ, см. выше). Цензоромъ, о которомъ говоритъ Пушкинъ, былъ профессоръ моск. университета Двигубскій.

«Уранія»—альманахъ, который только разъ былъ изданъ Погодинымъ, въ 1826 г., и затѣмъ уже не повторялся. Издатель «Благонамѣреннаго», А. Е. Измайловъ, издалъ въ 1827 г. альманахъ «Календарь Музъ». Индійская сказка «Переправа» была переведена съ нѣмецкаго В. П. Титовымъ.

243.

Неизвѣстному.

Находится въ рукописи Рум. Муз. № 2368, л. 30.

244.

А. Х. Бенкендорфу.

Отвѣтъ на письма Бенкендорфа отъ 22 августа.

245.

Ѳ. В. Булгарину.

Въ 1827 году Булгаринъ не настолько еще опредѣлился, чтобы личныя съ нимъ сношенія представлялись невозможными. Скоро, однако, Пушкину пришлось измѣнить свое мнѣніе о немъ. Кн. Вяземскій, въ ноябрѣ 1827 г., писалъ Пушкину: «Не стыдно ли тебѣ, пакостнику, обѣдать у Булгарина?».

246.

Л. С. Пушкину.

Раевскій (Н. Н.) въ то время находился на Кавказѣ. Эти двѣ строчки написаны въ видѣ приписки къ семейному письму—отъ отца, матери и сестры.

247.

М. П. Погодину.

Стихотвореніе В. И. Туманскаго «Голубые глаза» напечатано въ собраніи его стихотвореній (Спб., 1881) подъ заглавіемъ: «Прекраснымъ глазамъ». Константинъ Ѳедоровичъ Калайдовичъ (1792—1832), археографъ и историкъ, въ 1828 г. собирался издавать журналъ «Русскій Зритель», для котораго Пушкинъ, вѣроятно, обѣщалъ дать что-нибудь.

1828.

248.

П. А. Осиповой.

Дельвигъ былъ командированъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ производить слѣдствіе по заготовленію въ Слободско-Украинской (нынѣ Харьковская) губерніи провіанта для войскъ по высокимъ цѣнамъ и по дорогѣ въ Харьковъ собирался заѣхать въ Тригорское. Сороть—рѣчка около Тригорскаго, воспѣтая Языковымъ. Euphrosine — Евпраксія Николаевна Вульфъ, впослѣдствіи—баронесса Вревская.

249—250.

М. П. Погодину.

Въ «Моск. Вѣстникѣ» 1828, № 1, былъ напечатанъ отрывокъ изъ VII главы «Онѣгина», подъ заглавіемъ: «Москва», съ опечатками: «Флимушъ»

вм. «Финмушъ», «сани» вм. «дрожки» и «магазины моды» вм. «магазины, моды». Булгаринъ перепечаталъ этотъ отрывокъ въ № 17 «Сѣв. Пчелы», съ примѣчаніемъ: «Въ одномъ журналѣ сей отрывокъ напечатанъ былъ съ непростительными ошибками. По желанію почтеннаго автора помѣщаемъ оный съ поправками въ Сѣв. Пчелѣ. Повтореніе стиховъ А. С. Пушкина никогда не можетъ быть излишнимъ». Погодинъ обидѣлся и прислалъ Пушкину проектъ объясненія, которое хотѣлъ помѣстить въ «Моск. Вѣстникѣ». На этомъ письмѣ Погодина Пушкинъ сдѣлалъ надпись, печатаемую нами подъ № 249, а затѣмъ написалъ Погодину письмо № 250.

С. П. Шевыревъ помѣщалъ въ «Моск. Вѣстникѣ» свои критическія статьи. Письмо къ нему Пушкина до насъ не дошло.

251.

А. Х. Бенкендорфу.

Отвѣтъ на письмо отъ 5 марта 1828 г., въ которомъ Бенкендорфъ сообщилъ, что государь «съ большимъ удовольствіемъ читалъ VI главу Евгенія Онѣгина; что касается до стихотворенія подъ заглавіемъ «Друзьямъ», то Его Величество совершенно доволенъ имъ, но не желаетъ, чтобы оно было напечатано». См. т. IV, прим. къ № 523.

252.

П. А. Осиповой.

Сохранился экземпляръ IV и V главъ «Онѣгина» (СПб., 1828), подаренный Пушкинымъ Евпр. Ник. Вульфъ, съ надписью: «Твоя отъ Твоихъ».

253.

С. А. Соболевскому.

Относительно А. П. Кернъ Б. Л. Модзалевскій, указывая на присущую Пушкину способность писать корреспондентамъ своимъ въ тонѣ ихъ собственныхъ писемъ и въ соотвѣтствіи съ ихъ характерами, допускаетъ полную возможность предположить, что написанная въ данномъ случаѣ фраза была сказана «для краснаго словца» (см. наст. изд. II, 600). Если это—объясненіе, то ни въ какомъ случаѣ—не оправданіе.

Въ «Атенеѣ» 1828, ч. I, № 4, стр. 76—89, была помѣщена критическая статья о IV и V главахъ «Онѣгина», подписанная буквою В. Здѣсь, между прочимъ, были такія замѣчанія: «Лучинка, другъ ночей зимнихъ, трещитъ передъ дѣвою, прядущею въ избушкѣ... Скажи это кто-нибудь другой, а не Пушкинъ, досталось бы ему отъ нашихъ должностныхъ Аристарховъ... На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый, задумавъ плыть по лону водъ, — не далеко уплыветъ... Бордо благоразуменъ. Открытіе. Попьемъ, попишемъ: можетъ быть, откроемъ въ немъ и еще какія-нибудь достохвальныя качества», и пр. Ср. V, 423—424.

Зубаревъ и Иванъ Савельичъ—извѣстные въ то время московскіе шуты.

254.

И. Е. Великопольскому.

См. т. IV, прим. къ № 524.

255—256.

А. Х. Бенкендорфу.

На первое изъ этихъ писемъ Бенкендорфъ отвѣчалъ 20 апрѣля.

«Я докладывалъ Государю Императору о желаніи Вашемъ, М. Г., участвовать въ начинающихся противъ Турокъ военныхъ дѣйствіяхъ; Его Императорское Величество, принявъ весьма благосклонно готовность Вашу быть полезнымъ въ службѣ Его, Высочайше повелѣть мнѣ изволилъ увѣдомить Васъ, что Онъ не можетъ Васъ опредѣлить въ Армію, поелику всѣ мѣста въ оной заняты и ежедневно случаются отказы на просьбы желающихъ опредѣлиться въ оной, но что Онъ не забудетъ Васъ и воспользуется первымъ случаемъ, чтобы употребить отличныя Ваши дарованія на пользу отечества».

Отвѣтъ на второе письмо былъ данъ устно, черезъ чиновника III Отдѣленія Ивановскаго, сообщившаго Пушкину отказъ въ просьбѣ о заграничномъ отпускѣ (23 августа).

257.

Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

«Его Сіятельство Павелъ»—сынъ кн. П. А. Вяземскаго, въ то время еще ребенокъ. Кн. Вяземскій писалъ Пушкину: «Я у Павлуши нашелъ въ тетради: «Критика на Е. О.», и по началу можно надѣяться, что онъ и нашимъ критикамъ не уступитъ. Вотъ она: «И какой тутъ смыслъ: «Завѣтный вензель *О* да *Е*?» Въ другомъ мѣстѣ онъ просто приводитъ твой стихъ: «Какія глупыя мѣста». L'enfant promet. Булгаринъ и теперь былъ бы радъ усыновить его Пчелѣ». (См. «Собр. соч. кн. П. П. Вяземскаго», СПб., 1893, стр. 510).

258.

Князю П. А. Вяземскому.

Надпись на письмѣ кн. Вяземскаго къ Пушкину съ приглашеніемъ составить пикникъ.

259.

С. А. Соболевскому.

Ср. выше, п. № 253. Пушкинъ былъ долженъ Соболевскому 2.100 р., а Соболевскій перевелъ на него свой долгъ кн. Трубецкому. «Баронесса»—С. М. Дельвигъ.

260.

М. П. Погодину.

Шевыревъ напечаталъ въ «Моск. Вѣстн.» письмо Гете (см. В. В. Каллаша «Русскія отношенія Гете» въ сборникѣ «Подъ знаменемъ науки», М., 1902, стр. 178—184). «Мысль»—стихотвореніе Шевырева. «Сѣверные цвѣты»—Булгаринъ и Гречъ («Сѣв. Пчела»). «Ксенофонтъ Телеграфъ»—Кс. А. Полевой, братъ издателя «Моск. Телеграфа». «Калибанъ» - С. А. Соболевскій. «Славянинъ»—журналъ Воейкова.

261.

С. А. Соболевскому.

См. п. № 259.

262.

А. Х. Бенкендорфу.

Черновое въ рукописи Рум. Муз. № 2371, л. 23. Относится къ исторіи съ «Гавриліадой», см. III, 602—606.

263.

Князю П. А. Вяземскому.

Черновое—въ рукописи Рум. Муз. № 2371, л. 20.

Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо кн. Вяземскаго отъ 26 іюля, въ которомъ тотъ, между прочимъ, писалъ: «Ради Бога, облегчи меня: вотъ уже второй день, что меня пучитъ и мучитъ стихъ: «Быть можетъ, нѣкогда восплачешь обо мнѣ», который ты же мнѣ натвердилъ. Откуда онъ? чей онъ? Перерылъ я всего Батюшкова, Озерова, тебя, и нигдѣ не нахожу, а тутъ есть что-то озеровское, батюшковское. Помнится мнѣ, что это переводъ стиха французскаго, который кончается такъ: l'amant qu'elle a perdu. Да и подлинника сыскать не могу, ни припомнить. Ради Бога, сжалься и наведи меня на слѣдъ». Далѣе Вяземскій сообщаетъ, что его сосѣдъ Бекетовъ своеобразно толкуетъ стихъ изъ «Онѣгина»: «Съ Благонамѣреннымъ въ рукахъ»; приглашаетъ Пушкина въ Пензу; говоритъ, что «здѣсь есть милая бабочка, Всеволожская, Пелагея Николаевна», которой Вяземскій написалъ стихи: «Простоволосая головка», тутъ же сообщаемые, и проситъ написать что-нибудь на листочкѣ для ея альбома; наконецъ, спрашиваетъ о Киселевѣ (Н. Д.) и Сергѣѣ Голицынѣ. На всѣ эти вопросы и отвѣчаетъ Пушкинъ. Junior—сынъ А. Н. Оленина, Алексѣй Алексѣевичъ. «Мѣдная Венера»—графиня Закревская. «Критика кн. Павла»—см. выше, примѣч. къ п. № 257.

Въ черновомъ письмѣ Пушкинъ благодаритъ за сравненіе красавицы съ его стихомъ. Въ стихотвореніи кн. Вяземскаго «Простоволосая головка» есть куплетъ:

Все въ ней такъ молодо, такъ живо,
Такъ непохоже на другихъ,
Такъ поэтически игриво,
Какъ Пушкина веселый стихъ.

«Ра . . . и Гр. В.»—Раевскій и графъ Воронцовъ. Рѣчь идетъ о высылкѣ А. Н. Раевскаго изъ Одессы по настоянію Воронцова, который приревновалъ его къ своей женѣ.

Вяземскій отвѣчалъ на это письмо: «Спасибо за успокоеніе поэтическаго недоумѣнія моего... Сердечно жалѣю о твоихъ хлопотахъ по поводу Гавріила; но надѣюсь, что послѣдствій худыхъ не будетъ и что Фонъ-Фокъ скажетъ Музѣ твоей: Стихородица, дѣво, радуйся, благословенна ты въ женахъ и прочее...»

264.

А. Н. Вульфу.

Ловеласъ — герой романа Ричардсона «Клариса Гарлоу»; Вальмонъ—развратный герой романа Шодерло-де-Лакло «Опасныя связи».

«Извѣстно, — говоритъ Л. Н. Майковъ («А. Н. Вульфъ и его дневникъ»—въ книгѣ «Пушкинъ», СПб., 1899, стр. 165),—какою страстною натурой обладалъ поэтъ и какъ дорого платился онъ за свои сердечныя увлеченія, а вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно и то, что смолоду онъ любилъ преувеличивать свои пороки и какъ бы выставлять ихъ на показъ. Это объясняетъ тонъ его писемъ къ Вульфу... Вульфу, который былъ на шесть лѣтъ моложе Пушкина, товарищеское его обращеніе, очевидно, было пріятно, и хотя въ сущности это былъ человѣкъ иного нрава, гораздо менѣе пламенный, онъ не желалъ отставать отъ Пушкина и къ тому же, по своей крайней молодости, имѣлъ слабость, какъ говоритъ преданіе, «влюблять въ себя молоденькихъ барышенъ и мучить ихъ». Такое стеченіе обстоятельствъ давало поводъ къ разнымъ эпизодамъ, иногда комическаго свойства. Такъ, въ январѣ 1827 года Пушкину и Вульфу случилось вмѣстѣ гостить у одного Вульфова родственника, помѣщика Старицкаго уѣзда; тутъ бывшему дерптскому студенту вздумалось приволокнуться за одною, жившею въ томъ же домѣ, молоденькою поповною, и онъ прокрался ночью въ комнату, гдѣ она спала со служанкой; та проснулась, прикрикнула на неожиданнаго посѣтителя, и онъ поспѣшилъ уйти; но на утро неудачное похожденіе Вульфа стало всѣмъ извѣстно. Пушкинъ превозносилъ дѣвушку за смѣлость и находчивость, а пріятеля безпощадно поднялъ на смѣхъ. Приключеніе это должно было тѣмъ болѣе позабавить поэта, что въ то время уже былъ написанъ «Графъ Нулинъ» — и, конечно, извѣстенъ Вульфу, которому, такимъ образомъ, неожиданно для самого себя, пришлось разыграть этотъ анекдотъ въ лицахъ». См. также брошюру В. Колосова «А. С. Пушкинъ въ Тверской губ. въ 1827 г.», Тверь, 1888.

М. В. Борисова—сирота, дочь помѣщика, жившая въ домѣ П. И. Вульфа. «Была она очень красивая, имѣла выразительные глаза и черные волосы. Мать ея сильно выпивала» (Тамъ же).

265.

А. П. Кернъ.

Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга въ ночь на 20 октября въ Малинники, имѣніе А. Н. Вульфа въ Старицкомъ уѣздѣ, Тверской губ., гдѣ и написалъ предыдущее письмо къ Вульфу и эту приписку къ письму Анны Ник. Вульфъ.

266—267.

Барону А. А. Дельвигу.

Кн. Вяземскій писалъ Пушкину изъ Остафьева, 18 сентября: «Вотъ тебѣ посланіе отъ одной костромитянки... эта Готовцева точно милая дѣвица тѣломъ и душою. Сдѣлай милость, батюшка Александръ Сергѣевичъ, потрудись скомпоновать мадригалецъ въ отвѣтъ не посрами своего сводника. Нельзя ли напечатать эти стихи въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ: надобно побаловать женскій полъ... Вотъ и мои къ ней стихи: мы такъ и напечатали бы эту Сузану между двумя старыми прелюбодѣями...» См. V, прим. къ № 546, стр. IX—X.

«Отвѣтъ Катенину»—см. тамъ же, прим. къ № 545, стр. VIII—IX. Оба эти стихотворенія были напечатаны въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1829 г. «Мунито» — ученая собака, которую тогда показывали въ Петербургѣ и о которой печатались похвальныя статьи въ «Сѣв. Пчелѣ». Петръ Марковичъ—Полторацкій, отецъ А. П. Кернъ. Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ упрекалъ Пушкина за то, что онъ въ «Онѣгинѣ» благородныхъ барышенъ назвалъ дѣвченками, а простую деревенскую дѣвку—дѣвою. «Голубчикъ» — шуринъ Пушкина, мужъ Ольги Сергѣевны, Ник. Ив. Павлищевъ, собирался издавать альманахъ, для котораго О. С. и просила «Ворона», т.-е. «Шотландскую пѣсню» (II, № 556). Стихотвореніе, однако, появилось въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1829 г.

268.

Издателямъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ».

Примѣчаніе къ напечатанному въ «Сѣв. Цв.» на 1829 г. стихотворенію П. А. Катенина «Старая быль», въ отвѣтъ на которое Пушкинъ написалъ упомянутое выше посланіе.

269.

Н. В. Путятѣ.

Лагренэ—секретарь французскаго посольства. См. «Рус. Арх.» 1903, № 10, обложка, стр. 3.

270.

Графу Ѳ. И. Толстому.

Толстой отвѣчалъ на этой же запискѣ.

1829.

271.

Князю П. А. Вяземскому.

Булгаринъ, черезъ Бенкендорфа, донесъ, что кн. Вяземскій предполагаетъ издавать въ Москвѣ, подъ чужимъ именемъ, «Утреннюю Газету» (объ этомъ предположеніи Вяземскій не имѣлъ и понятія), и что онъ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, провелъ ночь въ Коломнѣ, въ неприличномъ домѣ (на самомъ дѣлѣ они были въ гостяхъ у писателя В. С. Филимонова, см. т. IV, стр. LXVI). Вслѣдствіе этого доноса московскій военный генералъ-губернаторъ кн. Д. В. Голицынъ препроводилъ Вяземскому отношеніе графа П. А. Толстого, въ которомъ говорилось, что государь запрещаетъ Вяземскому издавать газету, такъ какъ освѣдомился о развратномъ поведеніи князя въ Петербургѣ, и что если Вяземскій будетъ вовлекать въ пороки молодежь, то противъ него будутъ приняты мѣры строгости. «Я прошу слѣдствія и суда,—писалъ Вяземскій А. И. Тургеневу 14 ноября 1828 г.;—не знаю, чѣмъ это кончится, но если не дадутъ мнѣ полнаго и блестящаго удовлетворенія, то я покину Россію» («Остафьевскій Архивъ», III, 183). Возникшая по этому поводу оффиціальная переписка напечатана въ IX томѣ «Полнаго собранія сочиненій кн. Вяземскаго», стр. 99—114; подробное изложеніе дѣла находится въ его «Исповѣди» (тамъ же, т. II) и въ письмахъ къ Жуковскому («Рус. Арх.» 1900, I). Необходимымъ дополненіемъ къ этому служитъ письмо кн. Вяземскаго къ императору Николаю, напеч. въ «Рус. Арх.» 1890, II, 279.

Въ письмѣ Пушкина буквы означаютъ: Г.—государя, Б.—Бенкендорфа. Филимоновъ названъ бабочкой, вѣроятно, потому, что съ 1829 г. издавалъ журналъ «Бабочка». Princesse Moustache — княгиня Голицына, мать московскаго генералъ-губернатора. Зинаида—княгиня Волконская. Дальше — намекъ на ея связь съ итальянскимъ графомъ Риччи. «Море» — извѣстное стихотвореніе Жуковскаго. «Его Гомеръ»—переводъ отрывка изъ Иліады. Гнѣдичъ очень ревниво относился къ попыткамъ другихъ писателей переводить Гомера.

272.

Н. Н. Раевскому.

См. выше, п. № 153.

273.

И. М. Снегиреву.

Иванъ Мих. Снегиревъ (1793 — 1868) былъ профессоромъ моск. университета и цензоромъ.

274.

Н. И. Гончаровой.

Наталья Ивановна Гончарова—будущая теща Пушкина. Графъ Толстой — Ѳедоръ Ивановичъ, «американецъ», бывшій посредникомъ въ сватовствѣ Пушкина къ Н. Н. Гончаровой. Въ день отсылки этого письма, 1 мая, Пушкинъ выѣхалъ изъ Москвы на Кавказъ.

275.

Б. Г. Чиляеву.

Черновой набросокъ въ рукописи Рум. Муз. № 2382, л. 106-об. См. IV, 501. Борисъ Гавриловичъ Чиляевъ, родомъ грузинъ, былъ по окончаніи персидской кампаніи назначенъ управляющимъ горскими народами, живущими въ окрестностяхъ Военно-Грузинской дороги, и жилъ въ селѣ Квишетѣ, на Арагвѣ, гдѣ Пушкинъ и ночевалъ у него.

276.

Барону А. А. Дельвигу.

См. IV, 516. О свиданіи Пушкина съ Ермоловымъ въ Орлѣ—см. тамъ же, 506.

277.

М. П. Погодину.

Пушкинъ возвратился изъ своей поѣздки въ Москву около 20 сентября.

278.

П. А. Плетневу.

Отрывокъ изъ письма, относимый къ Плетневу предположительно, такъ какъ подлинное письмо до насъ не дошло.

279.

А. Н. Вульфу.

Анна Ник. и Евпраксія Ник. — сестры А. Н. Вульфа; Александра Ивановна — Осипова; Гретхенъ — вѣроятно, Марья Вас. Борисова, см. выше, прим. къ п. № 264. Фридерика Ив.—жена дяди Вульфа, Павла Ив., которому принадлежало село Павловское (См. т. V, стр. XI, прим. къ № 548). Берново — имѣніе другого дяди, Ив. Ив. Вульфа, близъ Малинниковъ. Ив. Ив. былъ женатъ на Аннѣ Ѳед. Муравьевой; ихъ дочь, Анна Ив. (Netty) впослѣдствіи вышла замужъ за Труведлера (см. т. V, стр. X). Поповна — Екатерина Евграфовна Смирнова, см. выше, примѣчан. къ п. № 264.

280.

А. Х. Бенкендорфу.

Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо Бенкендорфа отъ 14 октября за № 4360: «Государь Императоръ, узнавъ по публичнымъ извѣстіямъ, что Вы, Милостивый Государь, странствовали за Кавказомъ и посѣщали Арзерумъ, Высочайше повелѣть мнѣ изволилъ спросить Васъ, по чьему позволенію предприняли Вы сіе путешествіе. Я же съ своей стороны покорнѣйше прошу Васъ увѣдомить меня, по какимъ причинамъ не изволили Вы сдержать даннаго мнѣ слова и отправились въ закавказскія страны, не предувѣдомивъ меня о намѣреніи Вашемъ сдѣлать сіе путешествіе».

281.

С. Д. Киселеву.

Объ Ушаковыхъ см. Майковъ, «Пушкинъ», СПб., 1899, стр. 355—377, и т. V, стр. XVII—XVIII, прим. къ № 555. «Карсомъ» (за неприступность) Пушкинъ называлъ свою будущую жену, Н. Н. Гончарову.

282.

И. А. Яковлеву.

Яковлевъ — извѣстный въ то время московскій богачъ.

283.

Н. И. Гнѣдичу.

Черновой набросокъ въ рукописи Рум. Муз. № 2382, л. 28-об., написанный одновременно съ замѣткою о выходѣ «Иліады», напечатанною въ «Литературной Газетѣ» (см. IV, 538).

284.

Въ редакцію „Литературной Газеты".

Отрывокъ изъ «Онѣгина» не былъ напечатанъ въ «Лит. Газетѣ».

285.

Неизвѣстной.

Ольга—сестра Пушкина, О. С. Павлищева.

1830.

286.

Н. И. Гнѣдичу.

См. выше, п. № 283.

Прочитавъ въ № 2 «Лит. Газ». 1830 г. замѣтку Пушкина о выходѣ «Иліады», Гнѣдичъ написалъ ему 6 января: «Любезной Пушкинъ! Сердце мое полно; а я одинъ; прими его изліяніе. Не знаю, кѣмъ написаны во 2-мъ номерѣ Лит. Газеты нѣсколько строкъ объ Иліадѣ; но едвали цѣлое похвальное слово, въ величину съ Плиніево Траяну, такъ бы тронуло меня, какъ эти нѣсколько строкъ! Едвали мнѣ въ жизни случится читать что либо о моемъ трудѣ, что было бы сказано такъ благородно и было бы мнѣ такъ утѣшительно и сладко! Это лучше царскихъ перстней. Обнимаю тебя». Отвѣтомъ на это письмо

и служитъ записка Пушкина. Андріё—кондитерская на Невскомъ проспектѣ.

287.

Князю П. А. Вяземскому.

Кн. Вяземскій часто посылалъ на судъ Пушкина свои стихи прежде, чѣмъ отдавать ихъ въ печать.

288.

А. Х. Бенкендорфу.

Бенкендорфъ отвѣчалъ 17 января, также на французскомъ языкѣ: «Поспѣшаю Васъ увѣдомить, что Его Величество не изволилъ изъявить согласія на Вашу просьбу объ отпускѣ въ чужіе края, полагая, что это слишкомъ разстроило бы Ваши денежныя дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ отвлекло бы Васъ отъ Вашихъ занятій. Равнымъ образомъ, не можетъ быть исполнено и желаніе Ваше сопровождать нашу миссію въ Китай, такъ какъ всѣ ея должностныя лица уже назначены, и назначенія не могутъ быть измѣнены безъ увѣдомленія о томъ Пекинскаго двора. Что касается дозволенія напечатать новую Вашу трагедію, то я не премину увѣдомить Васъ на-дняхъ объ окончательномъ отвѣтѣ».

289.

М. Н. Загоскину.

На это письмо Загоскинъ отвѣчалъ выраженіемъ благодарности и, между прочимъ, писалъ: «Мнѣ очень пріятно, что г. Погорѣльскій хочетъ написать рецензію на мой романъ; но, признаюсь, былъ бы еще довольнѣе, если бы этотъ разборъ Вамъ не понравился и Вы бы сдѣлали то, о чемъ мнѣ намекнулъ въ своемъ письмѣ Ф. Ф. Вигель».

Въ «Лит. Газетѣ», № 5, была напечатана рецензія, написанная самимъ Пушкинымъ (см. IV, 545).

290.

А. Х. Бенкендорфу.

Ник. Ник. Раевскій (старшій) скончался 16 сентября 1829 г. Его зять, кн. С. Г. Волконскій, декабристъ, былъ на каторгѣ, какъ и родственникъ его В. Л. Давыдовъ; другой зять, М. Ѳ. Орловъ, послѣ 14 декабря 1825 г. былъ устраненъ отъ службы.

291.

М. О. Судіенкѣ.

Судіенко (1803—1872)—богатый помѣщикъ, пріятель Пушкина.

292.

Князю П. А. Вяземскому.

Орестъ—Ор. Мих. Сомовъ, сотрудникъ Дельвига по изданію «Лит. Газеты». Статсъ-секретарь Ник. Наз. Муравьевъ, котораго въ шутку называли «Хвостовымъ прозы», былъ авторомъ очень нелѣпой книги «Нѣкоторыя изъ забавъ отдохновенія съ 1805 года» (13 частей, СПб., 1828 сл.). Ушакова—Екатерина Николаевна, см. выше, прим. къ п. № 281. «Къ нимъ»—стихотвореніе кн. Вяземскаго, см. п. № 287. О критикѣ «Павлуши» Вяземскаго см. прим. къ п. № 257.

293.

Неизвѣстному сановнику.

А. В. Никитенко въ своемъ дневникѣ, подъ 30 января 1830 г., разсказываетъ, что Воейковъ въ I-мъ № «Славянина» напечаталъ стихи «Цензоръ», будто бы переведенные съ французскаго, въ которыхъ былъ весьма прозрачно названъ кн. Голицынъ, «славный невѣжествомъ, но еще болѣе ханжествомъ». Цензоръ К. С. Сербиновичъ, привлеченный къ отвѣту, сказалъ, что онъ не могъ знать, что стихи эти содержатъ въ себѣ личность, тѣмъ болѣе, что переводъ съ французскаго. Воейковъ былъ посаженъ на гауптвахту, а Сербиновичъ устраненъ отъ цензурованія «Лит. Газ.» и замѣненъ профессоромъ физики Щегловымъ.

294.

М. О. Судіенкѣ.

Отвѣтъ на недошедшее до насъ письмо Судіенки, который, вѣроятно, отвѣчалъ Пушкину на письмо отъ 22 января (№ 291).

295.

Князю П. А. Вяземскому.

Графъ Потемкинъ, Сибилевъ и др. были арестованы за шиканье и шумъ въ театрѣ Кардовой. Шульгинъ—московскій оберъ-полицеймейстеръ; Волковъ—жандармскій генералъ. О гр. Потемкинѣ см. «Остафьевскій Архивъ», III, 667—668. О «дѣлѣ» кн. Вяземскаго—выше, прим. къ п. № 271. Жихаревъ — Сергѣй Петровичъ (1788 — 1860), членъ «Арзамаса», авторъ извѣстныхъ записокъ «Дневникъ студента» и «Дневникъ чиновника». Кн. С. С. Гагаринъ былъ съ 1829 по 1833 г. директоромъ Императорскихъ театровъ въ Петербургѣ. Копъ—содержатель одной изъ московскихъ гостиницъ.

296.

Князю П. А. Вяземскому.

Упоминаемое здѣсь другое письмо къ кн. Вяземскому, «давно написанное», намъ неизвѣстно. Солнцевъ—Матвѣй Михайловичъ, камергеръ, мужъ тетки Пушкина, Елизаветы Львовны; Ольга Мат-

вѣевна—его дочь. Нащокинъ, Павелъ Воиновичъ,—пріятель Пушкина. О немъ см. ниже, прим. къ письмамъ къ нему.

297.

А. Х. Бенкендорфу.

Отвѣтъ на письмо Бенкендорфа отъ 17 марта: «Къ крайнему моему удивленію услышалъ я, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, что вы разсудили уѣхать въ Москву, не предваря меня, согласно съ сдѣланнымъ между нами условіемъ, о сей вашей поѣздкѣ. Поступокъ сей принуждаетъ меня васъ просить о увѣдомленіи меня, какія причины могли васъ заставить измѣнить данному мнѣ слову? Мнѣ весьма пріятно будетъ, если причины, побудившія васъ къ сему поступку, будутъ довольно уважительны, чтобы извинить оный, но я вмѣняю себѣ въ обязанность васъ предувѣдомить, что всѣ непріятности, коимъ вы можете подвергнуться, должны вами быть приписаны собственному вашему поведенію».

298.

Князю П. А. Вяземскому.

Доносъ Сумарокова былъ напечатанъ въ «Лит. Газ.», № 28. «Елиза»—Е. М. Хитрово, преслѣдовавшая Пушкина своей дружбой. Выходка Булгарина—пасквиль на Пушкина въ видѣ анекдота о развратномъ французѣ, въ «Сѣв. Пчелѣ» 1830, № 30. См. V, 7. Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ (1801—1874) былъ впослѣдствіи министромъ юстиціи. Павелъ Михайловичъ Строевъ (1796—1876), извѣстный археографъ, составилъ «Ключъ къ Исторіи Государства Россійскаго», напечатанный только въ 1836 г. Слухъ о Батюшковѣ оказался невѣрнымъ: онъ умеръ 7 іюля 1855 г.

299.

А. Х. Бенкендорфу.

Бенкендорфъ отвѣчалъ 3 апрѣля, что положеніе Пушкина вовсе не такъ плохо, какъ ему кажется, и что отъ него самого зависитъ еще болѣе его улучшить своимъ поведеніемъ. Что касается Булгарина, то онъ ничего о Пушкинѣ не говорилъ, да Бенкендорфъ и видѣлъ-то его въ послѣднее время всего два-три раза, и то для того, чтобы сдѣлать ему выговоръ. Вопросъ о дозволеніи поѣхать въ Полтаву для свиданія съ Н. Раевскимъ былъ представленъ на Высочайшее разрѣшеніе, и государь рѣшительно запретилъ эту поѣздку, имѣя основанія быть недовольнымъ поведеніемъ Раевскаго въ послѣднее время. «Изъ этого самаго обстоятельства вы можете убѣдиться, что мои добрые совѣты дадутъ вамъ возможность избѣгать неправильныхъ поступковъ, которые вы можете совершать, если не станете спрашивать моего мнѣнія».

300.

Н. А. Полевому.

Писаревъ—предсѣдатель московскаго общества любителей россійской словесности, которое избрало Пушкина въ члены одновременно съ Булгаринымъ. Полевой отвѣчалъ: «Ничего, совершенно ничего. Мы всѣ, старые члены, ничего не дѣлаемъ... Избраніе ваше сопровождалось рукоплесканіями и показало, что желаніе общества украсить списокъ своихъ членовъ вашимъ именемъ было согласно съ чувствами публики, весьма обширной», и пр.

301.

Н. И. Гончаровой.

О сватовствѣ Пушкина см. въ статьѣ П. О. Морозова «Семейная жизнь Пушкина» въ т. IV, стр. 201—206.

302.

С. Л. и Н. О. Пушкинымъ.

См. тамъ же. Сергѣй Львовичъ отвѣчалъ французскимъ письмомъ 16 апрѣля: «Да будетъ тысячу, тысячу разъ благословенъ вчерашній день, когда мы получили твое письмо, милый Александръ. Онъ наполнилъ мое сердце радостью и признательностью. Да, другъ мой, именно такъ. Я уже давно не проливалъ столь сладкихъ слезъ, какъ при чтеніи этого письма», и пр. Обращаясь къ дѣловой сторонѣ вопроса, отецъ писалъ: «Тебѣ извѣстно мое положеніе. У меня тысяча душъ, но двѣ трети моего имѣнія заложены въ воспитательномъ домѣ. Я даю Оленькѣ около 4.000 р. въ годъ. У меня остается имѣніе, доставшееся мнѣ по раздѣлу послѣ покойнаго брата,—200 душъ незаложенныхъ; предоставляю ихъ тебѣ въ полное пользованіе. Это можетъ принести тебѣ 4.000 р. годового дохода, а современемъ, можетъ быть, и больше». Надежда Осиповна, благословляя сына на бракъ, писала, что они немедленно пріѣхали бы сами въ Москву, если бы это только отъ нихъ зависѣло.

303.

А. Х. Бенкендорфу.

Бенкендорфъ отвѣчалъ на это письмо 28 апрѣля, что государь съ удовольствіемъ узналъ о намѣреніи Пушкина вступить въ бракъ, и что Пушкинъ находится «вовсе не подъ гнѣвомъ, а лишь подъ отеческимъ попеченіемъ» и что никогда никакая полиція не получала приказанія за нимъ наблюдать; государю угодно было только поручить генералу Бенкендорфу,—не какъ шефу жандармовъ, а какъ человѣку, пользующемуся довѣріемъ, руководить Пушкина своими совѣтами. Что касается «Годунова», то государь разрѣшилъ напечатать это произведеніе «подъ собственною отвѣтственностью» автора.

304.

С. П. Шевыреву.

Приписка въ письмѣ М. П. Погодина къ Шевыреву, жившему тогда въ Римѣ.

305.

Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

Въ письмѣ упоминается романъ Жюля Жанена «Мертвый оселъ и гильотинированная женщина» и разсказъ В. Гюго «Послѣдній день приговореннаго къ смерти».

306.

М. П. Погодину.

Погодинъ переѣхалъ въ собственный домъ на Дѣвичьемъ Полѣ.

307.

Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

Вѣроятно, при этой запискѣ были отосланы книги, о которыхъ говорится въ письмѣ № 305.

308.

Князю П. А. Вяземскому.

Графиня Ф.—графиня Фикельмонъ («Долли»), дочь Е. М. Хитрово, жена австрійскаго посланника. Е. Ф. Канкринъ—министръ финансовъ, подъ начальствомъ котораго служилъ тогда кн. Вяземскій. Журналы: С. Е. Раича «Галатея» и кн. Шаликова «Дамскій Журналъ» помѣщали почти исключительно стихи и моды. «Мой Цензоръ»—государь. Солнцевъ, Матвѣй Михайловичъ, мужъ тетки Пушкина, Елизаветы Львовны, былъ очень толстъ. По словамъ кн. Вяземскаго, его хотѣли было сдѣлать камеръ-юнкеромъ, но, въ виду его толщины, должны были дать ему камергерскій мундиръ. Катерина Андреевна—Карамзина, сестра кн. Вяземскаго.

309.

А. Н. Гончарову.

Аѳанасій Николаевичъ Гончаровъ—дѣдъ невѣсты Пушкина.

310.

П. А. Плетневу.

Отвѣтъ на письмо Плетнева, въ которомъ онъ предлагалъ продать Смирдину на 4 года всѣ напечатанные уже экземпляры «Онѣгина», двухъ томовъ «Стихотвореній», «Полтавы», «Цыганъ» и «Фонтана», обѣщая за это высылать ежемѣсячно въ продолженіе 4-хъ лѣтъ по 600 р., «хотя бы въ эти четыре года ты ни стишка не напечаталъ новаго: будешь кормиться все старыми крохами».

«Ф. Ф.»—Фонъ-Фокъ, начальникъ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи. По вопросу о предисловіи Плетневъ отвѣчалъ (21 мая): «Важность предисловія должна гармонировать съ самою трагедіею, что можно сдѣлать только яснымъ и вѣрнымъ взглядомъ на истинную поэзію драмы вообще, а не предикою изъ темы о блудномъ сынѣ Булгаринѣ; слѣдственно (по моему разумѣнію) не стоитъ тебѣ якшаться съ нимъ въ этомъ мѣстѣ...»

Статья Пушкина о запискахъ Видока была напечатана въ № 20 «Лит. Газеты» (6 апрѣля). См. IV, 550. Программа романа «Настоящій Выжигинъ» вошла въ напечатанную въ «Телескопѣ» 1831, ч. IV, № 15, статью Пушкина «О мизинцѣ г-на Булгарина и о прочемъ» (см. V, 45—46).

311—320.

М. П. Погодину.

Погодинъ писалъ Шевыреву, 5 мая, что Пушкинъ читалъ его трагедію «Марѳа Посадница или славянскія дѣвы» и былъ ею очень доволенъ («Рус. Арх.» 1882, III, 148).

Всѣ десять записокъ относятся къ займу, устроенному для Пушкина Погодинымъ при близкомъ участіи Надеждина.

321.

И. Ѳ. Антипину и Ѳ. И. Абакумову.

Это, собственно, не письмо, а автографъ, данный на память калужскимъ мѣщанамъ Антипину и Абакумову, посѣтившимъ Пушкина въ имѣніи Гончаровыхъ «Полотняный Заводъ», Медынскаго уѣзда, Калужской губ., въ 16-ти верстахъ отъ Калуги (Бартеневъ, «Пушкинъ», II, 149—150).

322.

А. Х. Бенкендорфу.

Въ 8-й строкѣ письма—опечатка: вмѣсто marquée слѣдуетъ читать: manquée.

А. Н. Гончаровъ хотѣлъ продать статую Екатерины II для уплаты части приданаго своей внучки, Н. Н. Пушкиной. Бенкендорфъ отвѣчалъ 26 іюня: «Государь Императоръ... изъявилъ соизволеніе свое на расплавленіе имѣющейся у г. Гончарова колоссальной неудачно изваянной въ Берлинѣ бронзовой статуи блаженныя памяти императрицы Екатерины II, съ предоставленіемъ ему, г. Гончарову, права воздвигнуть, когда обстоятельства дозволятъ ему исполнить сіе, другой приличный памятникъ сей августѣйшей благотворительницы его фамиліи».

323.

Огонь-Догановскому.

Черновое въ рукописи Рум. Муз. № 2372, л. 60-об. Огонь-Догановскій—одинъ изъ московскихъ шулеровъ, въ руки которыхъ попалъ Пушкинъ въ началѣ 30-хъ годовъ.

324.

Н. Н. Гончаровой.

«Заводъ» — имѣніе Гончаровыхъ «Полотняный Заводъ», Медынскаго уѣзда, Калужской губ.

325—326.

А. Н. Гончарову.

О разрѣшеніи продать статую см. выше, п. № 322. Кромѣ этого разрѣшенія, А. Н. Гончаровъ хлопоталъ о ссудѣ изъ казны, для чего и обращался къ министру финансовъ, но получилъ отказъ.

327.

А. Х. Бенкендорфу.

Отвѣтъ на приведенное выше письмо Бенкендорфа отъ 26 іюня.

328.

М. Н. Загоскину.

Щепинъ — маленькій московскій актеръ. М. Н. Загоскинъ (1789—1852) былъ членомъ по хозяйственной части въ московской дирекціи Императорскихъ театровъ, а въ 1831 г. замѣнилъ Ѳ. Ѳ. Кокошкина въ должности директора.

329—331.

Н. Н. Гончаровой.

Наталья Кирилловна — Загряжская, дочь кн. Кирилла Разумовскаго, родственница Гончаровыхъ. Ея «разговоры» см. V, 393—396. Тамъ же и ея портретъ. Катерина Ивановна — сестра Нат. Ив. Гончаровой, тетка невѣсты Пушкина. Графиня Варвара Петровна Полье раньше была замужемъ за гр. Шуваловымъ. Иванъ Николаевичъ—старшій братъ Н. Н. Гончаровой, Grand'Maman—статуя Екатерины, о которой см. выше.

332.

Этотъ №, по ошибкѣ, пропущенъ при нумераціи писемъ.

333.

Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

Приписка въ письмѣ кн. П. А. Вяземскаго къ женѣ.

334.

М. Я. фонъ-Фоку.

См. выше, п. № 322.

335—336.

А. Н. Гончарову.

Вас. Льв. Пушкинъ скончался 20 августа 1830 г. Нижегородская деревня—Болдино, Лукояновскаго уѣзда.

337.

Н. Н. Гончаровой.

См. IV, 207—208.

338.

Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

См. предыдущее письмо.

339.

П. А. Плетневу.

«Тридцать лѣтъ, или жизнь игрока»—извѣстная мелодрама Дюканжа.

340.

Н. Н. Гончаровой.

Отвѣтъ на полученное въ тотъ же день и неизвѣстное намъ письмо Н. Н. Гончаровой, которая, получивъ грустное письмо поэта (№ 337), поспѣшила его успокоить. Въ рукописи Рум. Музея № 2379, на послѣдней страницѣ повѣсти «Гробовщикъ», помѣченной 9-мъ сентября, приписано: «Письмо отъ Natalie». См. еще ниже, п. № 342.

341.

А. Н. Гончарову.

Отвѣтъ на неизвѣстное намъ письмо А. Н. Гончарова.

342.

П. А. Плетневу.

Пушкинъ видѣлся съ дядей Вас. Льв. за два дня до его смерти, 18 августа 1830 г. О цензорѣ Щегловѣ см. выше, п. № 293. Въ концѣ письма говорится объ изданіи «Бориса Годунова», которое было поручено заботамъ Плетнева.

343.

П. А. Плетневу.

Отвѣтъ на недошедшее до насъ письмо Плетнева. См. ниже, п. № 367.

344—346.

Н. Н. Гончаровой.

Сержъ—братъ Нат. Ник., Сергѣй Николаевичъ.

Въ 7-й строчкѣ письма № 345 снизу—опечатка: вмѣсто je ris ieune слѣдуетъ читать: je ris jaune.

347.

П. А. Плетневу.

«Хоть я и не изъ иныхъ прочихъ, такъ сказать» - выраженіе изъ шуточнаго стихотворенія Пушкина «Рефутація Беранжера» (см. II, 496).

Относительно «Бориса Годунова» Бенкендорфъ увѣдомилъ 22 октября 1830 г. министра народнаго просвѣщенія кн. Ливена, что Пушкину Высочайше разрѣшено печатать эту трагедію въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія.

348.

Н. Н. Гончаровой.

«Это очень хорошо для вашего сосѣда Адріана»—Адріанъ Прохоровъ, герой повѣсти «Гробовщикъ» (IV, 146), которая начинается разсказомъ объ его переѣздѣ съ Басманной на Никитскую, въ сосѣдство съ домомъ Гончаровыхъ.

349.

Барону А. А. Дельвигу.

Осень 1830 г. была для Пушкина временемъ наибольшей производительности. Никогда, ни раньше, ни позже, онъ не писалъ такъ много стиховъ и прозы, какъ именно въ эту осень.

350.

П. А. Осиповой.

Отвѣтъ на два письма, до насъ не дошедшія. Точно такъ же неизвѣстны намъ и тѣ письма отъ отца, о которыхъ говоритъ Пушкинъ. О Раблэ разсказываютъ анекдотъ, будто онъ, умирая, сказалъ: «Je m'en vais chercher un grand Peut-Etre».

351.

Князю П. А. Вяземскому.

Отвѣтъ на недошедшее до насъ письмо. Около того же времени Пушкинымъ были получены письма отъ невѣсты и отъ брата Льва, также не сохранившіяся. «Баламутъ»—шулерскій способъ укладки картъ, чтобы онѣ, при шулерской же тасовкѣ, всегда оставались въ томъ же порядкѣ. «Лиза голенькая»—такъ называлъ Пушкинъ Елиз. Мих. Хитрово за ея привычку сильно декольтироваться. Пушкину приписывается эпиграмма:

Лиза въ городѣ жила
Съ дочкой Доленькой;
Лиза въ городѣ слыла
Лизой голенькой.
Нынче Лиза en gala
У австрійскаго посла,
Не по-прежнему мила,
Но по-прежнему гола.

Дочь Е. М., Долли, была замужемъ за австрійскимъ посломъ гр. Фикельмономъ.

«О Полиньякѣ»—Пушкинъ побился съ Вяземскимъ объ закладъ на бутылку шампанскаго, что министровъ Карла X отдадутъ подъ судъ за государственную измѣну.

«Въ засосъ и съ подогрѣвцами выраженіе изъ «Рефутаціи Беранжера»:

Но помнишь ли, фальшивый пѣснопѣвецъ,
Ты нашъ морозъ среди родныхъ снѣговъ
И батарей, задорный подогрѣвецъ
Солдатской штыкъ и петлю казаковъ?

(См. Ю. Н. Щербачева «Пріятели Пушкина М. А. Щербининъ и П. П. Каверинъ», М., 1913, стр. 127—128).

«Нашихъ каторжниковъ»—декабристовъ.

352.

М. П. Погодину.

«Вѣчевая трагедія»—драма Погодина «Марѳа Посадница». Второй томъ Полевого—«Исторія Русскаго Народа», о которой Пушкинъ написалъ критическую статью (см. IV, 541). Патмосъ—мѣсто заточенія апостола Іоанна, гдѣ онъ писалъ Апокалипсисъ. «Апокалипсическая пѣснь»—стихотвореніе «Герой» (см. т. V, стр. LXI, прим. къ № 649).

353—354.

Н. Н. Гончаровой.

Упоминаемыя здѣсь письма отца и кн. Шаликова намъ неизвѣстны. Давыдовъ одно время считался женихомъ Н. Н. Гончаровой. Письмо № 354—отвѣтъ на недошедшее до насъ письмо невѣсты отъ 19 ноября.

355.

А. Н. Верстовскому.

Алексѣй Николаевичъ Верстовскій—извѣстный композиторъ (1799—1862), служилъ въ то время въ дирекціи Имп. московскихъ театровъ. Графъ Закревскій (Арсеній Андреевичъ, 1783 — 1865) былъ тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ и для борьбы съ появившеюся въ Россіи холерою

отправился въ юго-восточныя губерніи, на границахъ которыхъ учредилъ карантины. Эти карантины вмѣсто того, чтобы пресѣкать эпидемію, способствовали ея распространенію, а на населеніе наводили ужасъ даже большій, чѣмъ самая болѣзнь. Неудача принятыхъ Закревскимъ санитарныхъ мѣръ и послужила причиною его увольненія, въ 1831 г., въ отставку.

Павловъ, Николай Филипповичъ (1805—1864),— извѣстный беллетристъ и журналистъ. Одинъ изъ генераловъ былъ уволенъ императоромъ Павломъ отъ службы, какъ сказано въ приказѣ, «за лицо, уныніе наводящее»

356.

М. П. Погодину.

Разборъ драмы Погодина «Марѳа Посадница» см. V, 14—16.

357—358.

Н. Н. Гончаровой.

«Документъ», упоминаемый въ началѣ письма № 357, вѣроятно, письмо къ Пушкину Д. Языкова, доставившаго поэту свидѣтельство на безпрепятственный выѣздъ изъ Нижегородской губ. въ Москву.

359.

П. А. Плетневу.

«Повѣсть, писанная октавами»—«Домикъ въ Коломнѣ». Пять повѣстей прозою—«Повѣсти Бѣлкина». Дельвигъ напечаталъ въ № 61 «Лит. Газеты» четверостишіе Казимира Делавиня на предполагавшійся памятникъ жертвамъ іюльскихъ дней:

France, dis-moi leurs noms! Je n'en vois point paraître
Sur ce funèbre monument:
Ils ont vaincu si promptement
Que tu fus libre avant de les connaître.

Черезъ два дня Бенкендорфъ запросилъ министра народнаго просвѣщенія кн. Ливена, «кто прислалъ эти помѣщенные ни къ какой стати стихи» и какими правилами руководствовался разрѣшившій ихъ цензоръ. Дельвигъ отвѣчалъ, что стихотвореніе «прислано ему отъ неизвѣстнаго, какъ произведеніе поэзіи, имѣющее достоинство новости, и напечатано въ Газетѣ, какъ многія другія чисто литературныя произведенія, безъ всякаго примѣненія къ обстоятельствамъ или отношеніямъ, съ разрѣшенія цензуры». Цензоръ Семеновъ отозвался, что онъ «по чистой совѣсти, не нашелъ ничего противнаго отечественнымъ законамъ и цензурнымъ правиламъ, тѣмъ болѣе, что смерть людей, на памятникѣ которыхъ предположено сдѣлать надписи, сопряжена съ новымъ правительствомъ Франціи, которое признано и Россіею, и прочими державами Европы». Бенкендорфъ не удовлетворился этими объясненіями, вызвалъ Дельвига и сдѣлалъ ему «строгое внушеніе», назвавъ его при этомъ «бѣшенымъ либераломъ» и якобинцемъ. Послѣ этого разговора, въ которомъ извиненія Дельвига были признаны «нѣсколько дерзкими», ему было запрещено издавать газету. Изданіе было передано Ор. М. Сомову, который, однако, могъ продлить существованіе «Лит. Газеты» только до іюня слѣдующаго года. Что касается Дельвига, то онъ, вслѣдъ за претерпѣнной имъ бурей угрозъ, подозрѣній и оскорбленій, «заперся въ своемъ домѣ, завелъ карты, дотолѣ не видѣнныя въ немъ, никуда не показывался и никого не принималъ, кромѣ своихъ близкихъ. Подъ дѣйствіемъ такого образа жизни и глубоко почувствованнаго огорченія можно было опасаться, что первая серьезная болѣзнь унесетъ всѣ его силы. Такъ и случилось: болѣзнь не заставила себя ждать и быстро свела его въ могилу» (Анненковъ, «Воспоминанія и критическіе очерки», III, 233).

360.

П. В. Нащокину.

О Павлѣ Воиновичѣ Нащокинѣ см. статью М. О. Гершензона, въ т. V, стр. 18—29. Н. И. Гончарова была очень набожна и часто возила Пушкина съ невѣстой по московскимъ соборамъ и къ Иверской.

361.

Князю П. А. Вяземскому.

Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо Вяземскаго отъ 19 декабря, въ которомъ князь просилъ его побывать у кн. Юсупова и «поразвѣдать» о Фонвизинѣ: «Не вспомнитъ ли какихъ-нибудь анекдотовъ о немъ, острыхъ словъ его? нѣтъ ли писемъ его?»

«Обозы» — стихотвореніе кн. Вяземскаго. «О Польшѣ»—имѣется въ виду польское возстаніе.

362.

Н. С. Алексѣеву.

«Мой милый, какъ несправедливы» — этимъ стихомъ начинается посланіе къ Алексѣеву 1821 г. (II, 66).

Къ этому письму С. Д. Киселевымъ сдѣлана приписка, въ которой, между прочимъ, говорится: «Мнѣ кажется, онъ забылъ, что пишетъ въ Бухарестъ, а не въ Кишиневъ... Пушкинъ женится на Гончаровой, между нами сказать, на бездушной красавицѣ, и мнѣ сдается, что онъ бы съ удовольствіемъ заключилъ отступной трактатъ».

Алексѣевъ отвѣчалъ 14 января 1831 г.: ... «Ты, спрашивая меня о Кишиневѣ, вѣроятно, забылъ, что уже третій годъ я нахожусь въ Валахіи; но если ты никѣмъ не извѣщенъ о всемъ, что произошло въ Бессарабіи, то я могу тебѣ дать краткій отчетъ».

363.

Князю П. А. Вяземскому.

Пушкинъ уѣхалъ изъ Москвы уже послѣ своей свадьбы, около 15—16 мая 1831 г.

1831.

364.

Н. А. Полевому.

Полевой отвѣчалъ на эту записку въ тотъ же день: «Вѣрьте, вѣрьте, что глубокое почтеніе мое къ Вамъ никогда не измѣнялось и не измѣнится. Въ самой литературной непріязни Ваше имя, Вы всегда были для меня предметомъ искренняго уваженія, потому что Вы у насъ одинъ и единственный».

365.

П. Я. Чаадаеву.

Эти строки написаны на первомъ листѣ посланнаго Чаадаеву экземпляра «Бориса Годунова».

366.

Князю П. А. Вяземскому.

Яковлевъ, Михаилъ Лукьяновичъ (1798—1868), лицейскій товарищъ Пушкина. Изданіе альманаха «Блинъ» не состоялось. «Дѣвичій сонъ»—стихотвореніе кн. Вяземскаго («Соч.», IV, 123).

Графъ Полиньякъ (1780—1847), будучи при Карлѣ X министромъ иностранныхъ дѣлъ и главою кабинета, явился главнымъ виновникомъ знаменитыхъ «ордонансовъ», повлекшихъ за собою революцію 1830 г. Онъ пытался бѣжать, но былъ узнанъ, арестованъ при громадномъ возбужденіи народа и заключенъ въ венсенскую тюрьму, а потомъ преданъ суду палаты пэровъ, которая приговорила его къ лишенію гражданскихъ правъ и пожизненному заключенію въ крѣпости Гамѣ. Впослѣдствіи, въ 1836 г., онъ былъ помилованъ. Кн. Вяземскій, державшій съ Пушкинымъ пари о Полиньякѣ, писалъ 1 января 1831 г.: «Милости просимъ, пріѣзжай, да прошу привезти съ собою полиньяковское шампанское». Ламенэ (1782—1854)—знаменитый французскій писатель и общественный дѣятель, сначала реакціонеръ, потомъ—открытый сторонникъ революціи 1830 г. Денисъ—Давыдовъ; рѣчь идетъ объ его статьѣ «Замѣчанія на некрологію Н. Н. Раевскаго, изданную при «Инвалидѣ» 1829 года, съ прибавленіемъ его собственныхъ записокъ на нѣкоторыя событія войны 1812 года, въ коихъ онъ участвовалъ». Статья эта вышла отдѣльною книжкою въ М. 1832. Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ (1806—1856), извѣстный славянофилъ, тогда только-что возвратился въ Москву изъ-за границы. О «Лизѣ голенькой» см. выше, прим. къ п. № 351.

367.

П. А. Плетневу.

Пушкинъ упоминаетъ недошедшее до насъ письмо Плетнева, написанное въ сентябрѣ 1830 г., на которое онъ отвѣтилъ 29 того же сентября (п. № 343). Глинка, Ѳедоръ Николаевичъ, напечаталъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1831 годъ стихотвореніе, въ которомъ бѣднякъ, между прочимъ, говоритъ: «Богъ дастъ дѣтей?... Ну, что жъ? пусть Онъ намъ будетъ кумъ!» Посланіе Плетнева къ Гнѣдичу см. въ «Соч. Плетнева», III, 253.

368.

П. А. Плетневу.

«Марья Алексѣвна»—княгиня изъ «Горя отъ ума». «Газета»—Литературная.

369.

М. П. Погодину.

«Нікодімъ Надоумко»—псевдонимъ Надеждина въ «Вѣстникѣ Европы».

370.

А. Х. Бенкендорфу.

Отвѣтъ на письмо Бенкендорфа отъ 9 января, въ которомъ было сказано: «Е. В. Государь Императоръ поручить мнѣ изволилъ увѣдомить Васъ, что сочиненіе Ваше «Борисъ Годуновъ» изволилъ читать съ особымъ удовольствіемъ».

371.

Князю П. А. Вяземскому.

Баронъ А. А. Дельвигъ скончался 14 января 1831 г. На другой день Ор. М. Сомовъ писалъ Е. А. Боратынскому: «Приготовьте Пушкина, который вѣрно теперь и не чаетъ, что радость его возмутится такою горестью». Но уже въ самый день смерти Дельвига Плетневъ извѣстилъ о ней Пушкина, который получилъ его письмо 20 января. Салтыковъ, Мих. Александровичъ,—тесть Дельвига. «Адольфъ»—романъ Бенжамена Констана, переведенный кн. Вяземскимъ, написавшимъ къ нему и предисловіе, которое было прислано Пушкину для замѣчаній.

372.

П. А. Плетневу.

Отвѣтъ на письмо Плетнева отъ 14 января.

373.

П. А. Плетневу.

Софья Михайловна — вдова Дельвига. Пушкинъ купилъ у нея свой портретъ, написанный въ 1827 г. О. А. Кипренскимъ. Сомовъ жилъ, главнымъ образомъ, сотрудничествомъ Дельвигу по «Сѣв. Цвѣтамъ» и «Лит. Газетѣ». Туманскій—Василій Ивановичъ. Гнѣдичъ написалъ на смерть Дельвига стихотвореніе, напечатанное въ его «Соч.» (СПб., 1832), стр. 185. Сенъ-Флоранъ—французскій книжный магазинъ въ Петербургѣ.

Плетневъ отвѣчалъ на это письмо 22 февраля и, между прочимъ, писалъ: «Написать исторію и характеристику поэзіи Дельвига—дѣло столь же прекрасное, сколько и полезное. Если бы Баратынскій не вызвался на это, я бы тебя сталъ просить о томъ же, или даже самъ на то посягнулъ бы... Уговорилъ я баронессу продать тебѣ портретъ твой. Высылать его въ Москву незачѣмъ. Оставлю до пріѣзда твоего у себя. Деньги за него (тысячу рублей) отдамъ остальныя отъ десяти тысячъ Годунова, изъ которыхъ четыре переслано тебѣ, а пять отдано долгу Дельвигу. Здоровье баронессы ни хорошо, ни худо. Въ дѣлахъ ея денежныхъ вышла очень худая притча: Богъ знаетъ, кто и когда успѣлъ утянуть изъ ихъ портфеля ломбардныхъ билетовъ на 54 тысячи. Сколько ни старались открыть, даже слѣдовъ не видно. Это тѣмъ непонятнѣе, что всѣ другія бумаги найдены по смерти Дельвига въ чрезвычайномъ порядкѣ, съ удивительною отчетливостью; а пропавшіе билеты находились между этими же бумагами. Ты упоминалъ объ изданіи Сѣв. Цвѣтовъ. Это непремѣнно сдѣлать надобно съ посвященіемъ Дельвигу. Сомова можно будетъ вознаградить изъ выручки такою же суммою, какая приходилась на его долю и прежде. Я даже полагаю, что для пользы же Сомова надобно будетъ поступить такъ и съ Литературной Газетой. Онъ ей не придастъ живости, безъ чего она рѣшительно умретъ. Не взяться ли тебѣ съ Вяземскимъ за нее?»

374.

Н. И. Кривцову.

О Николаѣ Ивановичѣ Кривцовѣ см. статью Г. Карасика въ т. I, стр. 458—464. При настоящемъ письмѣ Пушкинъ послалъ ему «Годунова». Въ это время Кривцовъ былъ уже въ отставкѣ и жилъ въ деревнѣ.

375.

П. А. Плетневу.

Свадьба Пушкина была 18 февраля, въ церкви Стараго (Большого) Вознесенія. См. Н. Невзорова «Къ біографіи А. С. Пушкина, матеріалы изъ архивовъ и др. малоизвѣстныхъ источниковъ», СПб., 1899, стр. 6—8.

376.

А. Н. Гончарову.

О приданомъ см. предыдущее письмо. «Памятникъ»—статуя Екатерины II.

377.

П. А. Плетневу.

Ст. Ал.—первая жена Плетнева, Степанида Александровна. Баронесса С. М. Дельвигъ черезъ пять мѣсяцевъ послѣ смерти Дельвига вышла замужъ за Михаила Абрамовича Боратынскаго, брата поэта. Гнѣдичъ былъ назначенъ членомъ главнаго правленія училищъ.

378.

Н. И. Хмѣльницкому.

Н. И. Хмѣльницкій (1789—1845), извѣстный драматическій писатель, былъ въ то время смоленскимъ губернаторомъ и устраивалъ въ Смоленскѣ публичную библіотеку.

379.

С. Д. Киселеву.

Сергѣй Дмитріевичъ Киселевъ былъ женатъ на Елизаветѣ Николаевнѣ Ушаковой. См. т. V, стр. XVII—XVIII, прим. къ № 555.

380.

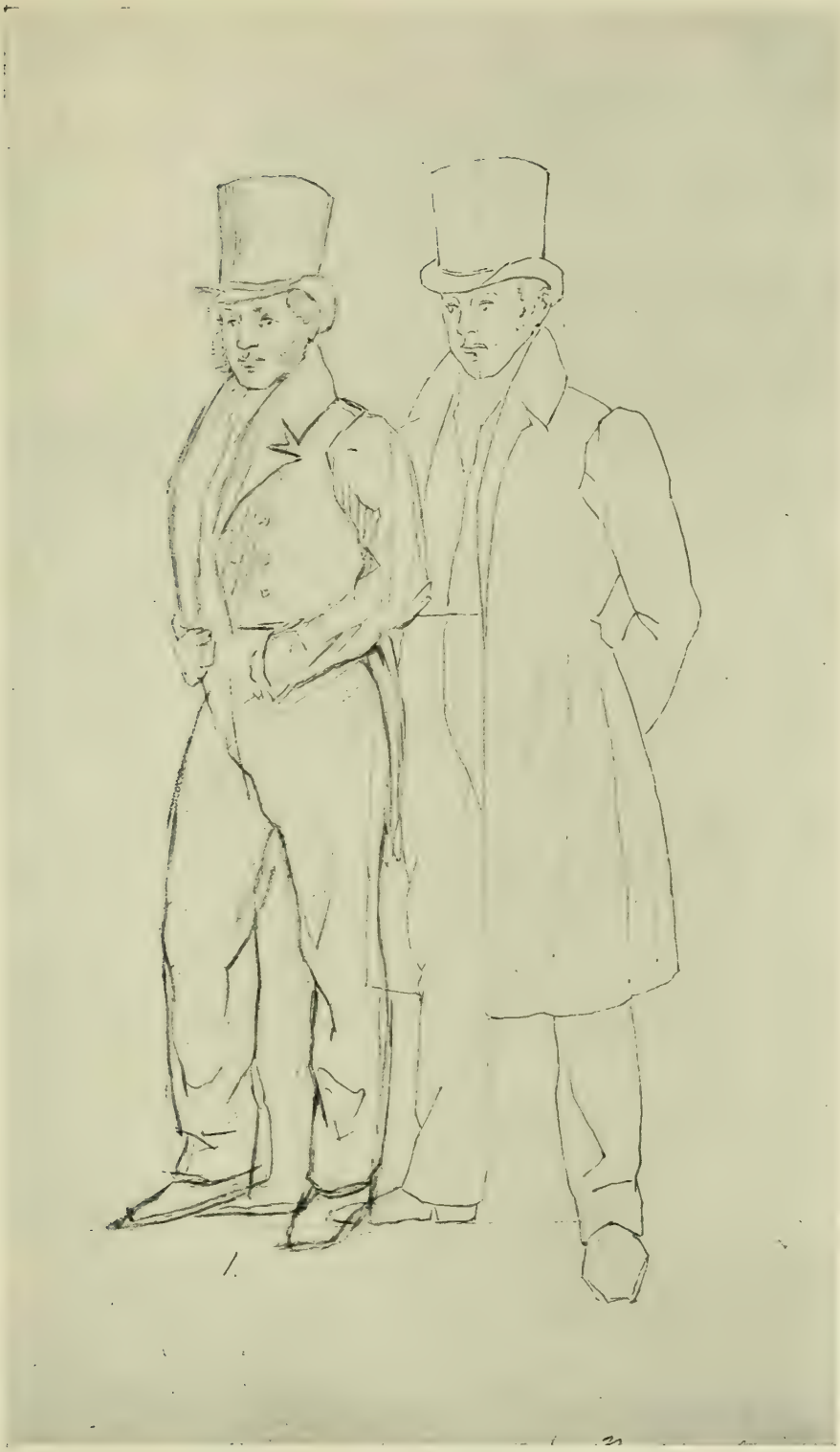
П. А. Плетневу.

Белизаръ—преемникъ Сенъ-Флорана, владѣлецъ книжнаго магазина, гдѣ Пушкинъ постоянно покупалъ книги. По указанію Плетнева Белизаръ переслалъ Пушкину нѣсколько томовъ латинскихъ классиковъ. «Элиза»—Е. М. Хитрово. «Южная ласточка»—Александра Осиповна Россеттъ (впослѣдствіи — Смирнова). «Марѳа Посадница» — драма Погодина. Она была уже напечатана въ 1830 г., о чемъ Пушкинъ или не зналъ, или забылъ: онъ читалъ ее въ рукописи.

381.

Л. С. Пушкину.

Пушкинъ обратился, черезъ Бенкендорфа, съ ходатайствомъ о переводѣ брата въ дѣйствующую армію (въ Польшу) и получилъ отвѣтъ, что государь поставилъ этотъ переводъ въ зависимость отъ согласія главнокомандующаго, графа Паскевича. Переводъ состоялся.



ПУШКИНЪ и ЖУКОВСКІЙ въ 1832 году.

Подготовительный эскизъ Чернецова для его картины «Парадъ на Марсовомъ Полѣ». Важенъ тѣмъ, что на эскизѣ точно обозначенъ ростъ Пушкина: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, рисованъ съ натуры 1832 года. Апрѣля 15. Ростомъ 2 арш. 5 в. съ половиной». Съ оригинала, находящагося въ Акад. Художествъ.

382.

П. А. Плетневу.

«Петръ Ивапычъ» — романъ Булгарина «П. И. Выжигинъ», продолженіе его же романа «Иванъ Выжигинъ». Письмо Сомова къ Пушкину намъ неизвѣстно. Делормъ—псевдонимъ извѣстнаго критика Сентъ-Бева, который такъ подписывалъ свои стихотворенія.

383.

П. А. Плетневу.

Отвѣтъ на недошедшее до насъ письмо Плетнева. Деларю, Михаилъ Даниловичъ (1811—1868)—поэтъ, воспитанникъ Царскосельскаго лицея. Подолинскій, Андрей Ивановичъ (1806 — 1886), — также поэтъ, авторъ поэмы «Дивъ и Пери» (1827), стихотворной повѣсти «Борскій» (1829) и поэмы «Нищій» (1830). О Гоголѣ Пушкинъ впервые узналъ отъ Плетнева, который писалъ ему 22 февраля 1831 г.: «Надобно познакомить тебя съ молодымъ писателемъ, который обѣщаетъ что-то очень хорошее... Жуковскій отъ него въ восторгѣ. Я нетерпѣливо желаю подвести его къ тебѣ подъ благословеніе...»

384.

П. В. Нащокину.

Поливановъ, Александръ Юрьевичъ, былъ женихомъ Александры Николаевны Гончаровой, свояченицы Пушкина. Пушкинъ писалъ А. Н. Гончарову объ его сватовствѣ и получилъ отвѣтъ (9 апрѣля): «Много о немъ наслышанъ; разумѣю его весьма хорошимъ молодымъ человѣкомъ... и буде этого хочетъ сама Саша, и мать ея на то согласна, я противъ сего никакого препятствія не могу сдѣлать». Свадьба, однако, не состоялась.

Горчаковъ—Владиміръ Петровичъ, старинный знакомецъ Пушкина еще по Кишиневу. Марья Ивановна — экономка у Нащокина. Нащокинъ отвѣчалъ на это письмо: «Посылаю тебѣ довѣренность, соверши ее въ гражданской палатѣ, и не вырони лоскутка изъ пакета, на которомъ написано, какъ тебѣ подписать, присылай ее скорѣе». Дѣло шло о довѣренности на имя Нащокина для разсчетовъ по долгамъ, оставшимся у Пушкина въ Москвѣ.

385.

А. Х. Бенкендорфу.

Г-жа Кюхельбекеръ—сестра товарища Пушкина, В. К. Кюхельбекера. Изданіе сочиненій его, о которомъ хлопоталъ Пушкинъ, не состоялось.

При этомъ письмѣ была приложена записка объ изданіи газеты, см. V, 430—431.

386.

Князю П. А. Вяземскому.

Сужденія о польскомъ возстаніи слѣдуетъ сопоставить съ стихотвореніемъ «Клеветникамъ Россіи». Булгаринъ не былъ высланъ изъ Петербурга.

387.

П. В. Нащокину.

Ср. выше, прим. къ п. № 384. «Не отыскался ли женихъ на извѣстную особу?» Нащокинъ тяготился сожительствомъ съ цыганкой Ольгой Андреевной, которую онъ откупилъ у табора, и мечталъ выдать ее замужъ. Катерина Ивановна Загряжская — сестра тещи Пушкина. Въ «Лит. Газ.» была напечатана рецензія о повѣстяхъ Вельтмана «Странникъ» и «Бѣглецъ».

388—389.

П. В. Нащокину.

Павловъ—Николай Филипповичъ, писатель. Рахмановъ—московскій кредиторъ Пушкина. Дибичъ умеръ отъ холеры въ ночь на 29 мая 1831 г. Храповицкій, Матвѣй Евграфовичъ,—виленскій генералъ-губернаторъ. Слухъ былъ ложный.

390.

Князю П. А. Вяземскому.

Кн. Вяземскій отвѣчалъ 17 іюня: «Я очень радъ, что Жуковскій опять сбѣсился... Высылайте скорѣе Тургенева. Боюсь, онъ выдохнется въ Петербургѣ и уже не ошибетъ меня своимъ европейскимъ запахомъ».

391—392.

П. В. Нащокину.

«Подрядчикъ» — по перевозкѣ обоза съ вещами Пушкина изъ Москвы въ Царское Село. Изъ письма Нащокина отъ 9 іюня видно, что Рахмановъ предлагалъ ему застраховать свою жизнь, на что Нащокинъ, однако, не согласился. Объ А. Ю. Поливановѣ Нащокинъ въ томъ же письмѣ сообщалъ, что онъ «рѣшился ѣхать къ дѣдушкѣ, былъ и никого не видалъ, кого нужно; такъ и воротился. Дѣдушка ему сказалъ, что онъ самъ у себя уже шестой день никого не видитъ, что Наталья Ивановна нездорова и не выходитъ, и дочери — тожъ». Въ другомъ письмѣ, отъ 20 іюня, Нащокинъ сообщалъ, что онъ былъ «немного боленъ». Великій князь Константинъ Павловичъ умеръ отъ холеры въ Витебскѣ. «Образъ» Пушкина—вѣроятно, литографія Сандомури съ портрета Кипренскаго. Шнейдеръ, Ѳедоръ Даниловичъ,—московскій врачъ; представле-

ніе—вѣроятно, къ чину или какой-нибудь наградѣ. Андрей Петровичъ—Есауловъ, композиторъ, положившій на музыку романсъ Пушкина «Ночной зефиръ». Поклоны относятся къ московскимъ цыганкамъ.

393.

Н. И. Гончаровой.

О Поливановѣ см. предыдущее примѣчаніе. Объ 11.000 см. п. № 375, гдѣ Пушкинъ говоритъ: «11.000 тещѣ—пиши пропало».

394.

П. А. Осиповой.

Дочь Осиповой, Евпраксія Николаевна Вульфъ, выходила въ это время замужъ за барона Вревскаго. Савкино — деревня недалеко отъ Тригорскаго. Осипова отвѣчала на это письмо 19 іюля сообщеніемъ, что свадьба состоялась 8 числа и что Пушкинъ могъ бы, если владѣлецъ Савкина не согласится его продать, купить небольшой кусокъ земли съ домикомъ у нея самой.

395.

М. П. Погодину.

«Старая статистика»—изданная Погодинымъ рукопись XVIII в. подъ заглавіемъ: «Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго Государства. Собрано трудами Ивана Кирилова» (М., 1831).

396.

П. А. Плетневу.

«Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина, изданныя А. П.» вышли въ СПб. въ концѣ октября 1831 т. (12°, XX + 2 нен. + 192 стр.).

397.

Князю П. А. Вяземскому.

Отвѣтъ на письмо Вяземскаго отъ 17 іюня. «Адольфъ» Бенжамена Констана печатался подъ наблюденіемъ Плетнева. «Рославлевъ или Русскіе въ 1812 году»—романъ Загоскина, см. IV, 555. «Разговоръ о Борисѣ Годуновѣ Пушкина» вышелъ въ М. 1831, и Вяземскій спрашивалъ, читалъ ли его Пушкинъ, прибавляя: «Прочти, моя радость». Сочиненіе кн. Вяземскаго о Фонвизинѣ появилось въ печати только въ 1848 г.

398.

П. Я. Чаадаеву.

Отвѣтъ на письмо Чаадаева отъ 17 іюня, въ которомъ онъ, между прочимъ, писалъ: «Ecrivez-moi en russe: il ne faut pas que vous parliez d'autre langue que celle de votre vocation». Уѣзжая изъ Москвы, Пушкинъ взялъ у Чаадаева рукопись его «Философическаго письма», чтобы похлопотать объ ея напечатаніи въ Петербургѣ и, вѣроятно, обѣщалъ переговорить объ этомъ дѣлѣ съ Блудовымъ. «Nécropolis»—Москва: такъ помѣчено письмо Чаадаева. Не дождавшись отвѣта Пушкина на прежнее свое письмо, Чаадаевъ вновь написалъ ему 7 іюля, съ просьбой о немедленномъ возвращеніи рукописи.

399.

П. А. Плетневу.

Молчановъ, П. П., —статсъ-секретарь, одинъ изъ друзей Плетнева.

400.

М. Л. Яковлеву.

Отвѣтъ на записку Яковлева отъ 16 іюля о томъ, что баронесса Дельвигъ уѣзжаетъ изъ Петербурга и что ей очень нужны деньги, которыя Яковлевъ проситъ прислать ему какъ можно скорѣе.

401.

П. А. Плетневу.

«Россети черноокая»—Александра Осиповна, фрейлина императрицы Александры Ѳеодоровны, впослѣдствіи — Смирнова. Ж. — Жуковскій. Эслингъ—лицеистъ выпуска 1826 г. Ник. Ник. Геслингъ.

402.

А. Х. Бенкендорфу.

Бенкендорфъ, отношеніемъ отъ 23 іюля 1831 г., сообщилъ гр. Нессельроде о Высочайшемъ повелѣніи опредѣлить въ коллегію иностранныхъ дѣлъ «извѣстнаго нашего поэта титулярнаго совѣтника Пушкина, съ дозволеніемъ отыскивать въ архивахъ матеріаловъ для сочиненія исторіи императора Петра I», и просилъ назначить Пушкину жалованье. Журналъ былъ признанъ «предпріятіемъ излишнимъ».

403.

М. Л. Яковлеву.

Пушкинъ оставался еще долженъ вдовѣ Дельвига и платилъ проценты по векселю. Платежи шли черезъ руки Яковлева. Баллада о Рыцарѣ—III, № 648. Яковлевъ отвѣчалъ 23 іюля, что С. М. Дельвигъ отдастъ ему трагедіи Кюхельбекера, а также балладу и письма.

404.

П. В. Нащокину.

Отвѣтъ на письмо Нащокина отъ 15 іюля, гдѣ, между прочимъ, Нащокинъ писалъ: «Буде (смерть) до меня доберется, то прошу покорно по всѣмъ векселямъ моимъ взыскать деньги; капиталъ храни, гдѣ хочешь, а проценты—половину на воспитаніе сына, если не умретъ, ибо твоей крестницы уже нѣтъ, а другую—на содержаніе матери». Посылка на имя Чаадаева—конечно, его рукопись. О «Борисѣ Годуновѣ» Нащокинъ писалъ: «Пробѣжалъ я гдѣ-то Разговоръ о Борисѣ Годуновѣ Учителя съ Помѣщикомъ,—очень хорошо, и кто написалъ, никакъ сего не воображаетъ, что лучше и похожѣе описать разговоромъ сужденій нашихъ безмозглыхъ грамотеевъ семинаристовъ никакъ нельзя; это совершенный слѣпокъ съ натуры: думая написать на тебя злую критику, написалъ отрывокъ, достойный помѣстить въ романъ. Прочти, сдѣлай одолженіе, — ты по разговору узнаешь говорящихъ... словомъ сказать, — прекрасно, Вальтеръ Скоттъ совершенный». Ср. выше, прим. къ п. № 397.

405.

П. А. Плетневу.

Отвѣтъ на письмо отъ 19 іюля, въ которомъ Плетневъ, между прочимъ, писалъ: «Эслинга (Богъ знаетъ, что это за существо; ты воображаешь, что я знакомъ со всѣмъ свѣтомъ) я не принималъ еще у себя, и о повѣстяхъ никакого извѣстія не имѣю. Радъ буду ихъ издать, только по возвращеніи въ городъ, т.-е. по прекращеніи холеры... Сѣверные Цвѣты готовы, но мнѣ никакихъ порученій не дѣлай: живу я въ такой деревнѣ, которая не на почтовой дорогѣ». Слухъ о смерти Хвостова оказался ложнымъ.

406.

П. В. Нащокину.

Ср. отрывки изъ записной книжки (Отклики на событія 1831 г.) въ т. V, стр. 431—432.

407.

П. А. Осиповой.

Отвѣтъ на письмо Осиповой отъ 19 іюля. Ольга Сергѣевна неожиданно пріѣхала въ Царское Село, не имѣя письменнаго разрѣшенія отъ министра Двора, и потому ее препроводили обратно, продержавъ въ карантинѣ. Но потомъ Жуковскій досталъ для нея разрѣшеніе, и дѣло обошлось безъ особенныхъ непріятностей.

408.

М. П. Погодину.

О статистикѣ см. прим. къ п. № 395.

409.

Н. М. Коншину.

О Коншинѣ см. прим. къ п. № 116.

410.

П. В. Нащокину.

Короткій, Дмитрій Васильевичъ,—московскій чиновникъ, пріятель Нащокина. Карніолинъ (а не Корниліонъ) Пинскій, Матвѣй Михайловичъ (1794—1866),—литераторъ того времени, впослѣдствіи сенаторъ. Есауловскій романсъ—«Ночной зефиръ» — былъ напечатанъ только въ 1834 г., въ музыкальномъ журналѣ Варламова «Эолова Арфа», № 5, подъ заглавіемъ: «Гишпанская пѣсня». Если это было «второе» изданіе, о которомъ говоритъ Пушкинъ, то «первое» остается неизвѣстнымъ.

Нащокинъ отвѣчалъ 18 августа: «Горчакова вексель я не получилъ,—онъ живетъ въ деревнѣ, пріѣзжалъ два раза и не привозилъ его. У Короткаго я еще не спрашивалъ про ломбардъ: я его не видалъ; Корніолъ Пинскій здоровъ, я его на улицѣ встрѣтилъ, зачѣмъ тебѣ его? Есаулова нѣтъ въ Москвѣ, и романса тоже, получилъ мѣсто за 4 т. р.,—я очень радъ. Онъ въ Ярославлѣ, и еще ко мнѣ не писалъ...»

411.

Князю П. А. Вяземскому.

Статья Пушкина «Нѣсколько словъ о мизинцѣ Г. Булгарина и о прочемъ» напечатана въ «Телескопѣ» 1831, ч. IV, № 15, стр. 412—418. См. наст. изд. т. V, стр. 44. «А. Ив.» — Тургеневъ; письмо Вяземскаго съ его «религіозно-философической» припиской намъ неизвѣстно. О Чаадаевѣ писалъ Пушкину Нащокинъ: «Онъ нынѣ пустился въ люди,—всякой день въ клобѣ».

412.

П. А. Плетневу.

Отвѣтъ на письмо отъ 25 іюля. Бестужевъ-Рюминъ, Михаилъ Алексѣевичъ (ум. 1832), журналистъ, издатель «Сѣвернаго Меркурія», выходившаго очень неаккуратно, потому что Бестужевъ сильно запивалъ. См. о немъ Венгерова «Критико-біогр. Словарь», III, 207—215. «Сказки»—«Повѣсти Бѣлкина».

413.

П. И. Миллеру.

Павелъ Ивановичъ Миллеръ, въ то время воспитанникъ Царскосельскаго лицея, въ іюлѣ 1831 г. встрѣтилъ Пушкина въ паркѣ и рѣшился ему представиться. Пушкинъ предложилъ ему продолжать прогулку вмѣстѣ съ нимъ, подробно разспрашивалъ о лицеѣ, просилъ прислать ему изъ лицейской библіотеки «Телеграфъ» и «Телескопъ» и, въ заключеніе, пригласилъ его къ себѣ. Миллеръ воспользовался этимъ приглашеніемъ и раза четыре побывалъ у Пушкина на дачѣ. Между нимъ и поэтомъ,—его «дѣдомъ» или «пращуромъ», — началась переписка, и четыре письма Пушкина показываютъ, какъ любезно относился онъ къ сидѣвшему еще на школьной скамьѣ юному лицеисту, обращаясь къ нему чисто по-товарищески. См. Д. Кобеко «Императорскій Царскосельскій Лицей», СПб., 1911, стр. 306.

414.

Князю П. А. Вяземскому.

«Асмодей»—арзамасское прозвище кн. Вяземскаго, который на это письмо отвѣчалъ 24 августа: «Спасибо, большое спасибо за Арзамасскую грамоту. Крыло вдохновенія, старины и Арзамасскаго гуся повѣяло надъ тобою... Сдѣлай одолженіе, занимайся приготовленіями журнала, корми эту мысль, но прежде всего напиши планъ и представь его, куда слѣдуетъ... Да, кстати, ты, кажется, ревнуешь и къ Голенькой? Я поздравлю ее и скажу, что ты часто пишешь мнѣ о какомъ-то Морнэ...»

415.

П. А. Плетневу.

Плетневъ отвѣчалъ 5 сентября: «Повѣсти Бѣлкина изъ цензуры получены. Ни перемѣнъ, ни откидокъ не воспослѣдовало, по милости Никиты Ивановича Бутырскаго» (цензоръ).

416.

А. Ѳ. Воейкову.

Гоголь писалъ Пушкину 21 августа: «Любопытнѣе всего было мое свиданіе съ типографіей. Только что я просунулся въ двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фиркать и прыскать себѣ въ руку, отворотившись къ стѣнкѣ. Это меня нѣсколько удивило; я къ фактору, и онъ, послѣ нѣкоторыхъ ловкихъ уклоненій, наконецъ сказалъ, что штучки, которыя изволили прислать изъ Павловска для печатанія, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикамъ принесли большую забаву. Изъ этого я заключилъ, что я писатель совершенно во вкусѣ черни».

417.

Н. В. Гоголю.

Въ письмѣ къ Пушкину отъ 21 августа Гоголь излагалъ планъ «эстетическаго разбора» двухъ романовъ: Булгарина и Орлова. Статья Ѳ. Косичкина «Торжество дружбы, или оправданный Александръ Анѳимовичъ Орловъ» напечатана въ «Телескопѣ» 1831, ч. IV, № 13, стр. 135 — 144. См. наст. изд. т. V, стр. 40. «Остренькій сидѣлецъ»—Полевой. «Ваша Надежда Николаевна» — Гоголь ошибся въ имени жены Пушкина.

418.

Неизвѣстному.

Одна изъ многихъ записокъ этого рода, вызванныхъ затруднительнымъ денежнымъ положеніемъ.

419.

П. В. Нащокину.

Александръ Григорьевъ — лакей Пушкина. «Теща не унимается»—см. п. № 393.

420.

Князю П. А. Вяземскому.

О смерти ф.-Фока см. V, 432. «Переписка Авраама»: кн. Вяземскій въ письмѣ отъ 24 августа, на которое отвѣчаетъ Пушкинъ, между прочимъ, писалъ: «Жаль, что тебя здѣсь нѣтъ: я угостилъ бы тебя перепискою извѣстнаго тебѣ Авраама съ Игнатіемъ Петровымъ, по поводу отпускной его. Письма подсыпаны эпиграммами противъ господъ Ворожейкиныхъ и желчно-елегійскими выходками что всѣмъ извѣстно, что послѣ брата не осталось ему ни булавки. И все это написано съ добросовѣстностью и съ нѣкоторою классическою сановитостью». Сказка Пушкина—о царѣ Салтанѣ. О «Рославлевѣ» кн. Вяземскій пи-

салъ (въ томъ же письмѣ), что въ этомъ романѣ «нѣтъ истины ни въ одной мысли, ни въ одномъ чувствѣ, ни въ одномъ положеніи». Dona Sol—А. О. Смирнова, о которой кн. Вяземскій писалъ: «Попроси ее сжечь до замужества своего всю мою поэзію и мою прозу, а что онѣ у нея залежались, знаю я потому, что она для смѣха ихъ кому-то показывала». Рассужденіе о пословицѣ: кн. Вяземскій высказалъ мнѣніе, что текстъ пословицы: щей горшокъ, да самъ большой неисправенъ: въ русскомъ нѣтъ этого духа независимости; не просто-ли: щей горшокъ, да самый большой? Катерина Андреевна—Карамзина.

421.

П. И. Миллеру.

Миллеръ прислалъ Пушкину книжку «Телескопа» со статьею Ѳ. Косичкина.

422.

Князю П. А. Вяземскому.

Двое братьевъ Дельвига, Александръ и Иванъ, были взяты имъ на воспитаніе послѣ смерти отца. Вас. Льв. Пушкинъ носилъ въ «Арзамасѣ» прозвище «Вотъ», которое было потомъ передѣлано въ «Вот-рушку», отчего его и поминали ватрушками. «Свѣтлана»—арзамасское прозвище Жуковскаго. Обрядъ принятія Вас. Льв. отличался разными шутовскими подробностями: его завалили шубами, въ память о поэмѣ Шаховского «Расхищенныя шубы», заставляли стрѣлять изъ лука въ чучело и пр. (Ср. статью Н. К. Пиксанова въ III т.).

423.

А. О. Смирновой.

Вмѣстѣ съ этой запиской Пушкинъ прислалъ книжку «На взятіе Варшавы. Три стихотворенія В. Жуковскаго и А. Пушкина», СПб., 1831 (16 нен. стр. 8°).

424.

П. А. Осиповой.

Отвѣтъ на письмо отъ 21 августа. На настоящее же письмо П. А. Осипова отвѣчала 29 сентября.

425.

П. И. Миллеру.

Въ «Моск. Телеграфѣ» 1831, ч. 42, помѣщена была рецензія о «Повѣстяхъ Бѣлкина». Никакого отвѣта на статью Косичкина въ «Сынѣ Отечества» не было.

426.

М. Д. Деларю.

О Деларю см. прим. къ п. № 383, объ Эслингѣ—прим. къ п. № 405.

427.

П. В. Нащокину.

Отвѣтъ на письмо Нащокина отъ 30 сентября, гдѣ Нащокинъ сообщалъ о своихъ денежныхъ переговорахъ съ Догановскимъ и «господами компанейщиками», которые не хотѣли довѣрить ему пяти тысячъ. «Я въ страшномъ сокрушеніи, что не могъ съ этими минотаврами кончить, и потому предлагаю тебѣ либо дождаться моихъ денегъ, которыя всѣ сполна пришлю для удовлетворенія сихъ и пр., а не то, эти же 15 тыс. могу, взявши, тебѣ прислать. Догановскій съ Жемчужниковымъ ѣдутъ къ вамъ; ты тамъ съ ними и кончишь, додавъ своихъ 5 т. Кстати, если можешь, на сколько ты жалованья получаешь?»

428.

П. И. Миллеру.

Миллеръ просилъ прислать ему «Повѣсти Бѣлкина».

429.

А. Х. Бенкендорфу.

Бенкендорфъ отвѣчалъ 19 октября, что «никакого не можетъ быть препятствія къ изданію особою книгою тѣхъ стихотвореній Вашихъ, которыя уже были единожды напечатаны». Къ этому, однако, было прибавлено: «Сколь ни удостовѣренъ Государь Императоръ въ чистотѣ Вашихъ намѣреній и правилъ, но со всѣмъ тѣмъ однакоже мнѣ неизвѣстно, чтобы Его Величество разрѣшилъ Вамъ всѣ Ваши сочиненія печатать подъ одною Вашею только отвѣтственностію. Упоминаемое въ письмѣ Вашемъ сообщеніе мое къ Вамъ 1829 года относилось къ одной лишь трагедіи Вашей подъ названіемъ Годуновъ, а потому Вамъ надлежитъ по прежнему испрашивать всякій разъ Высочайшее Е. В. соизволеніе на напечатаніе Вашихъ сочиненій».

430.

С. С. Уварову.

Уваровъ прислалъ Пушкину, при письмѣ отъ 8 октября, свой переводъ на французскій яз. стихотворенія «Клеветникамъ Россіи». См. ниже, прим. къ п. № 683.

431.

П. В. Нащокину.

См. выше, п. № 427 и прим. Семенъ Ѳедоровичъ—повѣренный Гончаровыхъ.

432.

А. Н. Гончарову.

Отвѣтъ на неизвѣстное намъ письмо Гончарова, денежныя дѣла котораго были близки къ банкротству.

433.

Н. М. Языкову.

«Европеецъ» — журналъ И. В. Кирѣевскаго, вскорѣ запрещенный. Объ этомъ изданіи Кирѣевскій писалъ Пушкину, прося о сотрудничествѣ, и, между прочимъ, высказалъ: «Я назвалъ его такъ... потому, что предполагаю наполнять его статьями, относящимися больше до Европы вообще, чѣмъ до Россіи. Однако, если когда-нибудь Ѳеофилактъ Косичкинъ захочетъ сдѣлать честь моему журналу: высѣчь въ немъ Булгарина, то, разумѣется, въ этомъ случаѣ Булгаринъ будетъ Европа въ полномъ смыслѣ слова». Письмо Орлова намъ неизвѣстно; Пушкинъ отвѣчалъ на него 24 ноября 1831—9 января 1832 г. (см. ниже, п. № 435). Съ первоначальнымъ замысломъ «Самозванца» А. С. Хомякова, впослѣдствіи значительно измѣненнымъ, Пушкинъ познакомился еще въ Москвѣ. См. «Соч. Хомякова», тт. V и VIII. Посланіе гр. Хвостова «А. С. Пушкину, члену Россійской Академіи, 1831 года, при случаѣ чтенія стиховъ его о клеветникахъ Россіи» напечатано въ «Стихотвореніяхъ» Хвостова, VII, СПб., 1834, стр. 99. Здѣсь имѣются стихи:

Отъ ига лѣтъ, подобно маку,
Я, сгорбяся, равняюсь злаку,
Но сталъ союзникъ Зодіаку.
Страшась холеры стрѣлъ и пуль,
Я пѣлъ въ Петрополѣ іюль, и пр.

434.

Ѳ. Н. Глинкѣ.

Глинка получилъ это письмо 27-го и отвѣчалъ на него 28 ноября съ приложеніемъ трехъ стихотвореній и прозаическаго «лоскутка».

435.

А. А. Орлову.

Отвѣтъ на неизвѣстное намъ письмо Орлова, о которомъ Пушкинъ упоминаетъ въ письмѣ къ Языкову (№ 433).

436.

А. Х. Бенкендорфу.

Бенкендорфъ отвѣчалъ на это письмо 10 декабря, причемъ «дословно» передалъ отзывъ государя: «Можете сказать отъ меня Пушкину, что я вполнѣ раздѣляю мнѣніе его покойнаго друга Дельвига: оскорбленія столь низкія и подлыя, какъ тѣ, которымъ онъ подвергся, безчестятъ того, отъ кого они исходятъ, а не того, на кого они направлены. Единственное противъ нихъ оружіе—презрѣніе; вотъ какъ на его мѣстѣ поступилъ бы я. Что касается этихъ стиховъ, то я нахожу въ нихъ остроуміе, но еще болѣе желчи. Для чести его пера и особенно—его благоразумія лучше было бы ихъ не распространять».

437.

Н. Н. Пушкиной.

Получивъ 28-дневный отпускъ въ Москву, по денежнымъ дѣламъ, Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга 3 декабря и 6-го прибылъ въ Москву, гдѣ остановился у Нащокина. Письмо написано карандашемъ. Двѣ первыя строчки отрѣзаны.

438.

Н. Н. Пушкиной.

«Домъ» Нащокина—построенная по его заказу модель дома съ мебелью и всею обстановкою (см. приложенія къ наст. тому). «Цыхлеръ»—Сихлеръ, модный магазинъ въ Москвѣ. Свадьба Александры Александровны Римской-Корсаковой (дочери давнишней знакомой Пушкина, Марьи Ивановны) съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Вяземскимъ состоялась 12 февраля 1832 г. («Голосъ Минувшаго» 1913, XII, 37).

439.

Н. Н. Пушкиной.

Власовъ, Александръ Сергѣевичъ, — разорившійся коллекціонеръ. Для покрытія его долговъ послѣ его смерти была устроена лотерея коллекцій, а потомъ онѣ распродавались съ аукціона. О «студентѣ-дуракѣ» см. статью П. Е. Щеголева «Пушкинъ и московскіе студенты въ 1831 г.» въ «Истор. Вѣстн.» 1904, № 4, стр. 207—222, и замѣтку Ф. А. Витберга «Предполагаемый литературный источникъ для біографіи Пушкина», въ сборникѣ «Пушкинъ и его современники», II, 50—60. Несчастнымъ обожателемъ Н. Н. Гончаровой, заслужившимъ отъ Пушкина титулъ «дурака», былъ Ѳедоръ Ѳоминскій, романъ котораго «Невѣдомые Теодоръ и Розалія, или высочайшее наслажденіе въ бракѣ, нравоучительный романъ, взятый изъ истиннаго происшествія» былъ напечатанъ въ М. 1832 (ценз. разрѣшеніе—23 октября 1831). По мнѣнію Ф. А. Витберга, «отзывъ объ авторѣ есть просто результатъ субъективнаго настроенія поэта, вызваннаго

вообще впечатлѣніемъ отъ всѣхъ пошлыхъ ухаживателей за Н. Н., отъ которыхъ въ его глазахъ ничѣмъ не отдѣлялся и Ѳоминскій; отзывъ же о романѣ вызванъ его почти дѣтской наивностью и очень неудовлетворительной формой». Къ біографіи Пушкина романъ этотъ никакого отношенія не имѣетъ.

440.

Д. Н. Бантышу-Каменскому.

Д. Н. Бантышъ-Каменскій (1788—1850)—авторъ «Исторіи Малой Россіи отъ присоединенія ея къ Россійскому государству до отмѣны гетманства» (4 т., М., 1822, 1830, 1842) и составитель «Словаря достопамятныхъ людей русской земли» (5 т., М., 1836). Помѣта: «(Петербургъ)» при настоящемъ письмѣ въ академическомъ изданіи явно ошибочна, такъ какъ 14 декабря 1831 г. Пушкинъ былъ въ Москвѣ. Бантышъ-Каменскій отвѣтилъ въ тотъ же день: «Я долженъ болѣе жалѣть, нежели Вы, что лишенъ удовольствія познакомиться съ уважаемымъ всѣми писателемъ, дѣлающимъ честь Россіи; но долгомъ поставляю предупредить Васъ своимъ посѣщеніемъ въ доказательство глубочайшаго почтенія съ коимъ и пр.».

441.

Н. Н. Пушкиной.

«Письмо Б.»—конечно, Бенкендорфа, см. выше, прим. къ п. № 436.

442.

Н. Н. Пушкиной.

«Голкондскіе алмазы»—брилліанты, заложенные въ Москвѣ тещей, которые Пушкинъ хотѣлъ выкупить въ случаѣ удачныхъ денежныхъ сдѣлокъ при помощи Нащокина. Давыдовъ—молодой человѣкъ, одинъ изъ московскихъ поклонниковъ Н. Н. См. ниже, п. № 464.

1832.

443.

А. Х. Бенкендорфу.

О статуѣ Екатерины II см. выше, пп. №№ 322, 325, 335, 344.

444.

П. А. Осиповой.

Въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1832 годъ были напечатаны «Моцартъ и Сальери», «Анѳологическія эпиграммы», «Дорожныя жалобы», «Эхо», «Делибашъ», «Анчаръ» и «Бѣсы».

445.

П. В. Нащокину.

Нащокинъ отвѣчалъ: «Твои дѣла Рахмановъ кончилъ, векселя получены; о бриллiантахъ справлялся,—срокъ еще не выходилъ, все въ порядкѣ». По порученію Нащокина, Андрей Христофоровичъ Кренцеръ, завѣдывавшій его фабрикою, ѣздилъ въ Кострому, къ брату Нащокина, чтобы взять у него денегъ, но засталъ его въ самомъ безнадежномъ и жалкомъ состояніи,—спившимся и окруженнымъ разными проходимцами, которые расхищали его имущество.

446.

М. О. Судіенку.

Софья Остафьевна—хозяйка извѣстнаго въ свое время въ Петербургѣ дома свиданій.

447.

Д. Н. Блудову.

Письмо Блудова, на которое отвѣчаетъ Пушкинъ, намъ неизвѣстно. Вѣроятно, дѣло идетъ о предполагавшейся работѣ въ архивахъ.

448.

П. В. Нащокину.

«А. Хр.»—Андрей Христофоровичъ Кренцеръ, см. п. № 445. «Арапъ»—чернильница, подаренная Пушкину Нащокинымъ. Брюловъ, повидимому, вовсе не писалъ портрета Пушкина: приписываемый ему портретъ, бывшій на московской пушкинской выставкѣ 1899 г., писанъ кѣмъ-то другимъ.

449.

А. Х. Бенкендорфу.

Отвѣтъ на отношеніе Бенкендорфа отъ 7 февраля: «Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ покорнѣйше проситъ А. С. Пушкина доставить ему объясненіе, по какому случаю помѣщены въ изданномъ на сей 1832 годъ альманахѣ подъ названіемъ Сѣверные Цвѣты нѣкоторыя стихотворенія его, и между прочимъ Анчаръ, древо яда, безъ предварительнаго испрошенія на напечатаніе оныхъ Высочайшаго дозволенія». Письмо Пушкина ошибочно помѣчено имъ «7 Янв.».

450.

П. В. Нащокину.

На письмо къ Рахманову, до насъ не дошедшее, о которомъ говоритъ Пушкинъ, онъ получилъ отвѣтъ отъ 9 февраля: «Вещи ваши мною вчерашній день изъ здѣшняго воспитательнаго дома выкуплены... на будущей почтѣ постараюсь ихъ къ вамъ отправить».

451.

И. И. Дмитріеву.

Отвѣтъ на письмо Дмитріева отъ 1 февраля, въ которомъ, между прочимъ, былъ данъ отзывъ о новѣйшихъ произведеніяхъ Пушкина, напечатанныхъ въ «Сѣв. Цвѣтахъ»: «Ваши Годуновъ, Моцартъ и Сальери доказываютъ намъ, что вы не только поэтъ-протей, но и сердцевѣдецъ, и живописецъ, и музыкантъ. До сихъ поръ послѣ Карамзина (въ старинныхъ его мелкихъ стихахъ) одинъ только Пушкинъ заставляетъ меня читать бѣлые свои стихи и забывать о риѳмахъ».

О запрещеніи «Европейца» см. въ книгѣ М. К. Лемке «Николаевскіе жандармы», СПб., 1908, стр. 67—78.

452.

А. Х. Бенкендорфу.

По Высочайшему повелѣнію, Бенкендорфъ препроводилъ Пушкину 17 февраля экземпляръ только что вышедшаго тогда «Полнаго собранія законовъ Россійской Имперіи». На просьбу о разрѣшеніи разсмотрѣть библіотеку Вольтера послѣдовало, 29 февраля, согласіе.

Черновое письмо ср. съ п. № 449.

453.

Кистеру.

Изъ этого письма видно, что Пушкинъ платилъ даже старые свои долги, отъ платежа которыхъ, живя въ Кишиневѣ, онъ отказывался.

454.

А. Х. Бенкендорфу.

По всеподданнѣйшему докладу графа Нессельроде 4 іюля 1832 г. Высочайше повелѣно: требовать изъ государственнаго казначейства съ 14 ноября 1831 г. по 5.000 р. въ годъ на извѣстное Е. И. В—ству употребленіе, по третямъ года, и выдавать сіи деньги титулярному совѣтнику Пушкину. См. переписку по этому дѣлу въ книгѣ Н. А. Гастфрейнда «Пушкинъ. Документы Государственнаго и Спб. Главнаго архивовъ М-ва иностранныхъ дѣлъ», СПб., 1900, стр. 29—34. Пушкинъ началъ получать жалованье съ 27 іюля 1832 г.

455.

П. А. Осиповой.

Алымовъ—владѣлецъ дома на Фурштадтской, гдѣ жилъ тогда Пушкинъ. Рожденіе внука—сына баронессы Вревской.

456.

Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

19 мая 1832 г. у Пушкина родилась дочь Марія.

457.

М. П. Погодину.

Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо отъ 11 іюля, въ которомъ Погодинъ, между прочимъ, просилъ его переговорить съ Смирдинымъ, не купитъ ли онъ изданіе Погодина «Нѣмецкій Театръ», пер. А. А. Шишкова, въ 4-хъ частяхъ. Въ этомъ изданіи былъ напечатанъ также и переводъ пьесы Тика «Фортунатъ», о которомъ упоминается въ концѣ письма.

458.

Графу Д. И. Хвостову.

Графъ Хвостовъ прислалъ Н. Н. Пушкиной написанное имъ и положенное кѣмъ-то на музыку стихотвореніе «Соловей въ Таврическомъ саду», оканчивающееся куплетомъ:

Любитель музъ, съ зарею майской
Спѣши къ источникамъ ключей:
Ступай подслушать на Фурштадтской,
Поетъ гдѣ Пушкинъ-соловей.

459—461.

А. П. Кернъ.

Рѣчь идетъ, вѣроятно, о какомъ-нибудь денежномъ дѣлѣ, которое старались устроить для А. П. Кернъ Пушкинъ и Е. М. Хитрово.

462.

М. П. Погодину.

Программу и замѣтки по изданію газеты см. V, 435.

463.

Н. Н. Пушкиной.

«Сарою» Пушкинъ называетъ сожительницу Нащокина, цыганку Ольгу Андреевну. «Оберъ»—московская гостиница. Спасскій—докторъ.

464.

Н. Н. Пушкиной.

«Твой Давыдовъ»—см. выше, п. № 442, а также въ статьѣ П. Е. Щеголева «Пушкинъ и московскіе студенты въ 1831 году», въ «Ист. Вѣстн.» 1904, № 4, стр. 218—219, 221. Тамъ же и о Сорохтинѣ. Катерина Ивановна—Загряжская, тетка Нат. Ник. Окуловъ—шуринъ Нащокина.

465.

Н. Н. Пушкиной.

«Пушкинъ»—вѣроятно, графъ Мусинъ-Пушкинъ. Давыдовъ—Ив. Ив., профессоръ московскаго университета.

466.

Н. Н. Пушкиной.

Идалія Григорьевна Полетика, побочная дочь гр. Строгонова, пріятельница Нат. Ник. Два стиха взяты изъ записанной Пушкинымъ народной пѣсни: см. IV, 78, № 808. О посѣщеніи Пушкинымъ московскаго университета см. И. А. Гончарова «Изъ университетскихъ воспоминаній», «Вѣст. Евр.» 1887, апр., 502. По словамъ П. А. Ефремова («Соч. Пушкина», изд. Суворина, VII (1903), 474-475 прим.), «разговоръ былъ крупный, и тогдашній студентъ-очевидецъ Мих. Дм. Перемышльскій (старшій сынъ князя-писателя Д. П. Горчакова) передавалъ, что Пушкинъ показался студентамъ очень похожимъ на обезьяну, и что одинъ изъ нихъ по поводу спора тутъ же экспромптировалъ:

Мопса старая вступила
Съ обезьяной въ страшный споръ:
Утверждала, говорила,
Что Пѣснь Игорева—вздоръ.
Обезьяна строитъ рожи,
Проситъ факты указать;
Мопса рвется вонъ изъ кожи
И не можетъ доказать».

Около того же времени Пушкинъ обѣдалъ у С. С. Уварова вмѣстѣ съ П. И. Давыдовымъ и М. А. Максимовичемъ («Кіевск. Стар.» 1904, сент., 336—337).

«Aurore»—Аврора Карловна Шерпваль, извѣстная въ свое время красавица, дочь выборгскаго губернатора, бывшая въ замужествѣ сначала за П. Н. Демидовымъ, потомъ—за А. Н. Карамзинымъ, сыномъ исторіографа. См. о ней «Соч. Боратынскаго», изд. Имп. акад. наукъ, I (1914), 251. О домикѣ Нащокина см. выше, п. № 438. «Отрыжковымъ» Пушкинъ называлъ, въ шутку, Наркиза Ивановича Тарасенко-Отрѣшкова, которому онъ выдалъ, 16 сентября 1832 г., довѣренность на принятіе званія редактора разрѣшенной ему, Пушкину, литературной и политической газеты (Анненковъ, «Воспоминанія и критическіе очерки», III, 259—260; «Истор. Вѣстн.», 1886, февр., 389).

467.

Н. Н. Пушкиной.

«Братъ Дмитрій Николаевичъ»—Гончаровъ, братъ Нат. Ник. Отецъ ея, Николай Аѳанасьевичъ, еще съ 1814 г., вслѣдствіе неудачнаго паденія съ лошади, былъ «умоповрежденнымъ». Бороздина «соловейка» славилась въ московскомъ свѣтѣ своимъ голосомъ.

468.

П. В. Нащокину.

Пушкинъ уѣхалъ изъ Москвы 10 октября и, прибывъ въ Петербургъ, переѣхалъ съ Фурштадтской на новую квартиру, въ домъ Жадимировскаго на Большой Морской. Ѳедоръ Даниловичъ—докторъ Шнейдеръ. «Первый томъ Островскаго»—первая половина повѣсти «Дубровскій». Начало I-й главы этой повѣсти помѣчено 21 октября; глава VIII кончена 11 ноября. «Журналъ остановился»: Бенкендорфъ 1 октября 1832 г. сообщилъ Н. Н. Пушкиной, французской запискою, что готовъ утвердить Н. И. Тарасенко-Отрѣшкова редакторомъ разрѣшенной Пушкину газеты; а 21 октября начальникъ III Отдѣленія А. Н. Мордвиновъ написалъ Пушкину, что съ изданіемъ газеты надо подождать до возвращенія Бенкендорфа въ Петербургъ и до одобренія государемъ представленныхъ ему образцовъ газеты. Затѣмъ 16 ноября Гречъ писалъ Булгарину, что Пушкинъ «образумился» и не будетъ издавать ни журнала, ни газеты; тогда же и о томъ же писалъ и В. Д. Комовскій А. М. Языкову, замѣчая, что газета Пушкина—вздоръ, изъ котораго ничего не выйдетъ (Лернеръ, «Труды и дни Пушкина», изд. 2-е (СПб., 1910), стр. 272—273).

Статуя — гончаровскій памятникъ Екатерины II, который былъ потомъ проданъ заводчику Берду за 5.000 р. У Пушкина родился, 6 іюля 1833 г., сынъ, названный не Гавріиломъ, какъ первоначально предполагалось, а Александромъ; крестнымъ отцомъ его былъ П. В. Нащокинъ. Опера Вельтмана—«Сонъ въ лѣтнюю ночь» (по Шекспиру), либретто которой онъ писалъ для Есаулова. Павелъ—сынъ Нащокина отъ цыганки.

1833.

469.

Графу А. И. Чернышеву.

Графъ Чернышевъ былъ тогда военнымъ министромъ. Пушкинъ отвѣчаетъ на вопросъ: какія именно свѣдѣнія нужно будетъ ему получить изъ военнаго министерства для составленія исторіи Суворова. Затѣмъ 25 февраля Пушкину были препровождены три книги, заключающія въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о Суворовѣ, причемъ было сообщено, что слѣдственнаго дѣла о Пугачевѣ, равно какъ донесеній Суворова 1794 и 1799 гг. и приказовъ его войскамъ, въ С.-Петербургскомъ архивѣ инспекторскаго д-та не находится.

470.

П. В. Нащокину.

«Ф. Д—у»—доктору Шнейдеру, см. п. № 468. Сенаторъ Салтыковъ—тесть Дельвига. Вееръ—ростовщикъ-ювелиръ. «Въ Тюфляхъ»—въ подмосковной Тюфелевой рощѣ, гдѣ Пушкинъ, по порученію Нащокина, приторговывалъ землю.

471.

М. П. Погодину.

Гоголь писалъ Погодину 20 февраля, что Пушкинъ недавно говорилъ государю о своемъ желаніи взять Погодина въ сотрудники и получилъ на это согласіе («Письма Гоголя», изд. Маркса, I, 245). Погодинъ отвѣчалъ Пушкину 29 марта: «Радъ безъ памяти и благодарю безъ ума. Но зачѣмъ вы зовете меня въ Петербургъ? Мнѣ довольно Москвы, и надолго. Оставаясь въ университетѣ, я начну разбирать иностранный архивъ, въ Петербургъ буду наѣзжать по мѣрѣ надобности...»

472.

Графу А. И. Чернышеву.

Въ отвѣтъ на это письмо гр. Чернышевъ, 29 марта, прислалъ Пушкину 8 книгъ, заключающихъ въ себѣ рапорты генералъ-аншефа Бибикова, князя Голицына и графа Суворова, сообщивъ, что рапортовъ генерала Михельсона въ дѣлахъ военнаго министерства не имѣется.

473.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

Кн. Одоевскій приглашалъ Пушкина на чтеніе Якимовымъ перевода «Венеціанскаго купца».

474.

А. П. Ермолову.

Неизвѣстно, было ли послано Ермолову это письмо и полученъ ли на него какой-либо отвѣтъ. «Записки» Ермолова были напечатаны только въ 1863 году.

475.

И. Т. Калашникову.

Калашниковъ, Иванъ Тимоѳеевичъ (ум. 1885), писатель-сибирякъ, авторъ романовъ: «Дочь купца Жолобова» (изъ иркутскихъ преданій, СПб. 1831, 2-е изд. 1832, 3-е 1842), «Камчадалка» (СПб. 1833, 2-е изд. 1842), «Изгнанники» (СПб. 1834), «Автоматъ» (СПб. 1841) и пр. О немъ см. «Рус. Арх.» 1873, № 4, стр. 537 и слл. Его воспоминанія напечатаны въ «Рус. Старинѣ» 1905 г.

Настоящее письмо, впервые напечатанное И. А. Шляпкинымъ («Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», СПб., 1903, стр. 89), написано карандашемъ на второй страницѣ листа простой писчей бумаги, причемъ начало и конецъ совершенно стерлись и не поддаются прочтенію. Какъ видно, Калашниковъ спрашивалъ мнѣнія Пушкина о своей «Камчадалкѣ». Пушкинъ и говоритъ объ этомъ романѣ, а также и о ранѣе вышедшемъ—«Дочь купца Жолобова». Далѣе говорится, конечно, о Полевомъ.

476.

П. А. Осиповой.

Отвѣтъ на недошедшее до насъ письмо Осиповой. Родители Пушкина пріѣхали изъ Москвы 6 мая.

477.

П. И. Соколову.

Петръ Ивановичъ Соколовъ—непремѣнный секретарь Россійской Академіи. Сенаторъ Дмитрій Осиповичъ Барановъ былъ предложенъ въ члены академіи Шишковымъ 27 мая и баллотировался 5 августа. Объ отношеніяхъ Пушкина къ академіи см. Сухомлинова «Ист. Росс. Ак.», VII, 77—84. Настоящее черновое письмо набросано карандашемъ въ рукописи Рум. Музея № 2372, л. 59.

478.

Г. И. Спасскому.

Григорій Ивановичъ Спасскій (ум. 1864)—историкъ Сибири, издатель журналовъ «Сѣверный Вѣстникъ» (1818—1825) и «Азіатскій Вѣстникъ» (1825—1827).

479.

Барону М. А. Корфу.

Отвѣтъ на письмо Корфа, въ которомъ онъ просилъ рекомендовать Смирдину Н. М. Бакунина какъ хорошаго переводчика.

Въ 5-й строчкѣ письма—опечатка: вмѣсто à tout слѣдуетъ читать: à tant.

480.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

Рукопись Рум. Музея № 2373, л. 44-об.

481.

А. А. Ананьину.

Около этого же времени Пушкинъ продалъ Смирдину первое полное изданіе «Евгенія Онѣгина», которое и вышло въ свѣтъ въ 1833 г.

482.

А. Н. Мордвинову.

Отвѣтъ на запросъ отъ 29 іюля: «Его Величество, соизволяя на поѣздку вашу въ Дерптъ для посѣщенія г-жи Карамзиной, изъявилъ Высочайшую свою волю знать, что побуждаетъ васъ къ поѣздкѣ въ Оренбургъ и Казань, и по какой причинѣ хотите вы оставить занятія, здѣсь на васъ возложенныя?»

Мордвиновъ отвѣчалъ 7 августа, что государь разрѣшилъ Пушкину ѣхать въ Оренбургъ и Казань на четыре мѣсяца.

483.

Н. Н. Пушкиной.

Получивъ упомянутое выше разрѣшеніе, Пушкинъ обратился къ ближайшему своему начальству съ слѣдующимъ прошеніемъ (11 августа):

«Въ Департаментъ Хозяйственныхъ и Счетныхъ дѣлъ.

«Отъ состоящаго въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Титулярнаго Совѣтника Пушкина прошеніе.

«Его Сіятельство Г. Генералъ-Адъютантъ Графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ меня черезъ Г. Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Мордвинова что Его Императорскому Величеству угодно было изъявить свое Высочайшее соизволеніе на увольненіе меня въ отпускъ на четыре мѣсяца въ губерніи Казанскую и Оренбургскую. Въ слѣдствіе сего покорнѣйше прошу Департаментъ Хозяйственныхъ и Счетныхъ дѣлъ учинить во исполненіе таковой Монаршей воли распоряженіе о снабженіи меня надлежащимъ для сего свидѣтельствомъ. Письмо же Г. Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Мордвинова при семъ имѣю честь представить. Титулярный Совѣтникъ Александръ Пушкинъ».

Вслѣдствіе этого прошенія Пушкину было выдано, 12 августа, отпускное свидѣтельство. 18 августа онъ выѣхалъ изъ Петербурга и 20 прибылъ въ Торжокъ, откуда и написалъ женѣ настоящее письмо. Ярополецъ—имѣніе Гончаровыхъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ, Московской губ., принадлежавшее въ XVIII в. графу Чернышеву.

484.

Н. Н. Пушкиной.

Павловское—имѣніе Павла Ивановича Вульфа. Вельяшева, Екатерина Васильевна, племянница П. И. Вульфа. Ей посвящено стихотвореніе «Подъѣзжая подъ Ижоры» (см. т. V, стр. XI, № 548). Пожарская—содержательница гостиницы въ Торжкѣ (отсюда «пожарскія котлеты»). Г-жа Марсъ—извѣстная французская актриса.

485.

Н. Н. Пушкиной.

Дорошенко, Петръ, малороссійскій гетманъ, послѣдніе три года своей жизни провелъ въ пожалованномъ ему селѣ Ярополцѣ (по-старинному: «Ярополче»), гдѣ и умеръ въ 1698 г. Семенъ Ѳедоровичъ—управляющій Гончаровыхъ. Дмитрій Николаевичъ Гончаровъ, братъ Нат. Ник., сватался къ графинѣ Чернышевой-Кругликовой, но получилъ отказъ. Муравьевъ «святой»—Андрей Николаевичъ, извѣстный писатель по церковнымъ вопросамъ.

486.

Н. Н. Пушкиной.

Булгаковъ, Александръ Яковлевичъ,—московскій почтъ-директоръ. Орловъ—Михаилъ Ѳедоровичъ.

487.

Н. Н. Пушкиной.

Нижегородская ярмарка офиціально закрывается 25 августа, но торговля прекращается не сразу.

488.

Н. Н. Пушкиной.

Судіенко, Мих. Ос., см. выше письма къ нему.

489.

Н. Н. Пушкиной.

См. брошюру Е. Н. Боброва «Пушкинъ въ Казани», СПб., 1905 («П. и его совр.», III) и А. С. Архангельскаго «П. въ Казани», Каз., 1899.

490.

А. А. Фуксъ.

Объ А. А. Фуксъ (племянница поэта Каменева) см. «Рус. Стар.» 1904, №№ 6 и 7. Ея воспоминанія о Пушкинѣ напечатаны въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1844, № 2, и перепечатаны въ упомянутой выше брошюрѣ проф. Архангельскаго.

491.

Н. Н. Пушкиной.

Село Языкова находилось въ 65 верстахъ отъ Симбирска. Серг. Ник. — братъ Нат. Ник. «Blue stockings» («синій чулокъ»)—А. А. Фуксъ. Стихотвореніе Боратынскаго, подъ заглавіемъ: «А. А. Ф . . . ой» (т.-е. «Фуксовой») см. въ его «Соч.», изд. ак. наукъ, I (1914), стр. 127. Оно представляетъ, дѣйствительно, сплошной комплиментъ:

Вы-ль, дочерь Евы, какъ другая,—
Вы-ль, передъ зеркаломъ своимъ
Власы роскошные вседневно убирая,
Ихъ блескомъ шелковымъ любуясь передъ нимъ,
Любуясь ясными очами,
Обворожительнымъ лицомъ
Блестящей Граціи, предъ вами
Живописуемой услужливымъ стекломъ,
Вы-ль угадать могли свое предозначенье?
Какъ, вмѣсто женской суеты,
Въ душѣ довольной красоты
Затрепетало вдохновенье? и пр.

Мужъ ея, Карлъ Ѳедоровичъ, служилъ въ казанскомъ университетѣ съ 1805 г., сначала въ качествѣ профессора естественной исторіи и ботаники, а съ 1818 г.—терапіи, патологіи и клиники. Хотя по происхожденію — заграничный нѣмецъ, онъ былъ въ 30-хъ годахъ уже казанскимъ старожиломъ и едва ли не единственнымъ знатокомъ края, глубоко и всесторонне изучившимъ его исторію, этнографію и статистику; имѣя огромную медицинскую практику, онъ зналъ въ Казани всѣхъ и все; къ нему направляли всѣхъ проѣзжихъ путешественниковъ, изучавшихъ край въ томъ или другомъ отношеніи: къ нему обращались за свѣдѣніями и справками Гумбольдтъ, Гакстгаузенъ, министръ П. Д. Киселевъ, Сперанскій и др. А. А. Фуксъ написала «На проѣздъ А. С. Пушкина чрезъ Казань» стихи, напечатанные въ журналѣ «Заволжскій Муравей» 1834, I, 15 — 18. См. сборникъ В. В. Каллаша «Русскіе поэты о Пушкинѣ», М., 1899, стр. 58.

492.

Н. Н. Пушкиной.

Пушкинъ выѣхалъ изъ Казани въ Симбирскъ 8 сентября и въ тотъ же день былъ въ уѣздномъ городкѣ Казанской губ. Лаишевѣ, въ 59 верстахъ отъ Казани, гдѣ страшно напугалъ станціоннаго смотрителя своею подорожною, въ которой было сказано, что онъ уволенъ въ отпускъ «по Высочайшему повелѣнію» (см. ст. П. П. Суворова «Пушкинъ въ Лаишевѣ», «Моск. Вѣд.» 1901, № 323). О пребываніи поэта въ Симбирскѣ см. статью В. Поливанова въ «Истор. Вѣстн.» 1899, № 8, стр. 568—576, и Д. Лебедева «А. С. Пушкинъ и симбирскіе старожилы» въ «Моск. Вѣд.» 1901, № 242.

493.

Н. Н. Пушкиной.

Въ Оренбургѣ Пушкинъ остановился у губернатора В. А. Перовскаго (друга Жуковскаго) и встрѣтился съ В. И. Далемъ, который возилъ его по городу и окрестностямъ, между прочимъ,—въ пугачевскую столицу, станицу Берды (Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», стр. 416 и сл.; «Русс. Арх.» 1899, II, 138; «Труды Оренбургской ученой архивной комиссіи», VI, Ор., 1900, стр. 209—237). Въ обратный путь онъ выѣхалъ 20 сентября.

494.

Н. Н. Пушкиной.

О посѣщеніи Пушкинымъ бр. Языковыхъ см. «Истор. Вѣстн.» 1883, № 12, стр. 537. О пребываніи въ Болдинѣ см. статью А. И. Звѣздина «О родовомъ имѣніи А. С. Пушкина въ Нижегородской губ. и о пребываніи въ немъ поэта въ 1830-хъ годахъ» («Дѣйствія Нижегородской губернской архивной комиссіи», IV, Н.-Новг., 1900, стр. 51—69).

495.

Н. Н. Пушкиной.

Кн. Петръ Ив. Мещерскій былъ женатъ на дочери Карамзина, Софьѣ Николаевнѣ. О Безобразовѣ см. въ «Дневникѣ» Пушкина подъ 1-мъ января 1834 г. (V, 440).

496.

Н. Н. Пушкиной.

«Женихъ княжны Любы» (Хилковой)—Безобразовъ, см. выше. Императоръ Николай Павловичъ въ апрѣлѣ 1848 г. говорилъ гр. Корфу, Орлову и Вронченкѣ: «Подъ конецъ его жизни, встрѣчаясь очень часто съ его женою, я разъ какъ-то разговорился съ нею о коммеражахъ, ко-

торымъ ея красота подвергаетъ ее въ обществѣ; я совѣтовалъ ей быть какъ можно осторожнѣе и беречь свою репутацію, сколько для себя самой, столько и для счастія мужа, при извѣстной его ревности. Она, вѣрно, разсказала объ этомъ мужу, потому что, встрѣтясь гдѣ-то со мною, онъ сталъ благодарить за добрые совѣты его женѣ. «Развѣ ты и могъ ожидать отъ меня другого?» спросилъ я его.—Не только могъ, государь, но, признаюсь откровенно, я и васъ самихъ подозрѣвалъ въ ухаживаніи за моею женою» («Русс. Стар.» 1899, VIII, 311).

497.

Н. Н. Пушкиной.

«К. Н.»—Катерина Николаевна, свояченица Пушкина. Поэтъ, въ шутку, сватаетъ ее за Жуковскаго. Князь В. Ѳ. Одоевскій писалъ Пушкину 28 сентября о предположеніи издать къ новому году альманахъ подъ заглавіемъ: «Тройчатка, или Альманахъ въ три этажа», съ участіемъ Пушкина, Гоголя и Одоевскаго. Къ этому письму Соболевскій сдѣлалъ приписку, въ которой сообщалъ о своемъ предположеніи издать «на славу» тоже альманахъ и просилъ: «Христа ради, стишковъ и прозы, прозы и стишковъ, на обѣдъ, на вино, на лошадей и Богъ знаетъ на что еще. Прошу помогать».

498.

Н. Н. Пушкиной.

«Басня Измайлова»—сказка подъ заглавіемъ «Завѣтное пиво», на которую Полевой написалъ пародію въ «Новомъ Живописцѣ» 1832, II, 223—225, подъ заглавіемъ «Паюсная икра». «Политика»—Идалія Григорьевна Полетика.

499.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

Отвѣтъ на письмо Одоевскаго отъ 28 сентября (см. выше, прим. къ п. № 497). Одоевскій предполагалъ, что онъ самъ (псевдонимъ—«Гомозейко»), Гоголь («Рудый Панько») и Пушкинъ («Бѣлкинъ») возьмутъ каждый для себя въ будущемъ альманахѣ «Тройчатка» особый «этажъ». Въ концѣ письма упоминается о комедіи Гоголя: вѣроятно, это предполагавшаяся комедія «Владиміръ III-й степени».

500.

Н. Н. Пушкиной.

Брантомъ (1540—1614)—французскій придворный и авторъ мемуаровъ, въ составъ которыхъ вошли жизнеописанія знаменитыхъ полководцевъ, знаменитыхъ женщинъ, красавицъ и пр. Его сочиненія, изд. 1787 г., находились въ библіотекѣ Пушкина («П. и его совр.», IX—X, стр. 175, № 672). Л. С. Пушкинъ еще 6 февраля 1833 г. писалъ брату изъ Варшавы, что его выключили изъ службы за неявку въ полкъ, и просилъ похлопотать, чтобы его приняли въ гражданскую службу,—при миссіи въ Греціи или въ Персіи, а если нельзя, то на какое-нибудь другое мѣсто.

501.

П. В. Нащокину.

Рѣчь идетъ объ освобожденіи Нащокина отъ его цыганки Ольги Андреевны. Онъ оставилъ ей свой домъ въ Москвѣ и значительную сумму денегъ, тайкомъ уѣхалъ въ подмосковную кн. Трубецкихъ и обвѣнчался съ Вѣрой Александровной Нарской. Князь Ѳед. Ѳед. Гагаринъ (1786—1863)—шуринъ Нащокина. Послѣдній писалъ Пушкину: «Съ Гагаринымъ при ней (О. А.) и говорить, хотя по-французски, я не долженъ; принимать никого не могу: боюсь и драмы, и даже трагедіи при свидѣтеляхъ... дѣлать нечего до времени, какъ сидѣть и не шевелиться. Кошемаръ въ явѣ и не во снѣ: кричать хочется,—голосу нѣтъ, т. е. денегъ; ни рукой, ни ногой, ни головой шевельнуть нельзя, и все давитъ, давитъ и не задавитъ. Когда-нибудь конецъ будетъ».

502.

И. И. Дмитріеву.

Дмитріевъ не хотѣлъ печатать своихъ записокъ при жизни. Онѣ были изданы только въ 1866 г., подъ заглавіемъ: «Взглядъ на мою жизнь». Отрывокъ изъ этихъ записокъ—описаніе казни Пугачева—былъ сообщенъ Пушкину и помѣщенъ въ примѣчаніяхъ къ «Исторіи Пугачевскаго бунта» (См. V, 130—131).

503.

А. С. Норову.

Норовъ, Авраамъ Сергѣевичъ (1795—1869)—извѣстный государственный дѣятель, писатель и библіофилъ, бывшій впослѣдствіи (1854—1858) министромъ народнаго просвѣщенія. Изъ его библіотеки Пушкинъ бралъ рѣдкія книги, которыми пользовался для «Исторіи Пугачевскаго бунта». Въ письмѣ упоминаются: Relation des particularités de la rebellion de Stenko Razin contre le Grand Duc de Moscovie etc. 1682 (см. V, 131); путешествіе по Россіи голландца Struys'a (1675) и «Стенко Разинъ донски казакъ измѣнникъ; id est, Stephanus Razin Donicus Cozacus perduellis publicae disquisitioni exhibitus praeside Conrado Samuele Schurtzfleisch».

504.

А. С. Норову.

«Сатириконъ»—извѣстное сочиненіе Петронія. Мистеріи — можетъ быть, какое-нибудь собраніе французскихъ мистерій.

505.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

На письмѣ надписано: «Отвѣтить: 1-е, что піесы его, для журнала Смирдина назначаемыя, могутъ быть помѣщаемы въ ономъ по разсмотрѣніи цензурою на ровнѣ съ другими; 2-е, чтобъ рукопись Пугачевщины прислалъ къ Графу». Заготовленный отвѣтъ остался не подписаннымъ, и 15 декабря помѣчено, что отвѣтъ графъ объявилъ на словахъ. Разговоръ этотъ происходилъ 12 декабря, причемъ Бенкендорфъ возвратилъ Пушкину представленное имъ при настоящемъ письмѣ «стихотвореніе» — поэму «Мѣдный всадникъ». См. V, 439.

506.

П. В. Нащокину.

Это письмо не дошло до Нащокина: оно было послано «съ оказіей», черезъ отправлявшагося изъ Петербурга въ Калугу И. Ѳ. Антипина, который, не заставъ Нащокина въ Москвѣ, увезъ письмо съ собою и хранилъ у себя болѣе 35 лѣтъ. Это—тотъ самый Антипинъ, который вмѣстѣ съ другимъ калужскимъ жителемъ Ѳ. И. Абакумовымъ приходилъ на Полотняный Заводъ, чтобы увидѣть Пушкина, и получилъ отъ поэта автографъ. См. п. № 321. «Крестникъ» Нащокина — сынъ Пушкина Александръ, род. 6 іюля 1833 г.

1834.

507.

С. Д. Нечаеву.

С. Д. Нечаевъ былъ оберъ-прокуроромъ св. синода.

508—509.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

На стр. 115, во 2-мъ столбцѣ, строка 6 сверху,—опечатка: вмѣсто percé слѣдуетъ читать: forcé.

Черновое французское письмо № 509 было замѣнено бѣловымъ русскимъ № 508.

510.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

На подлинномъ помѣчено: «Сперанскому, что государь приказалъ Исторію Пугачева соч. Пушкина напечатать въ тип. 2-го Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи, подъ его вѣдомствомъ находящейся». 4 марта Бенкендорфомъ было сообщено объ этомъ Сперанскому и одновременно написано Министру Финансовъ о выдачѣ Пушкину 20.000 р. О томъ же увѣдомленъ и Пушкинъ. См. V, 441.

511.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

См. предыдущее примѣчаніе.

512.

Л. В. Дубельту.

Леонтій Васильевичъ Дубельтъ — командиръ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, 4 марта 1834 г. увѣдомилъ Пушкина, по порученію шефа жандармовъ гр. Бенкендорфа, о послѣдовавшемъ Высочайшемъ соизволеніи на напечатаніе «Исторіи Пугачевскаго бунта» въ одной изъ подвѣдомственныхъ д. т. с. Сперанскому типографій.

513.

П. В. Нащокину.

Отвѣтъ на недошедшее до насъ письмо Нащокина, написанное, очевидно, уже послѣ его свадьбы (см. выше, прим. къ п. № 501).

«Кензельва»—карточный терминъ: ставка въ 15 разъ большая данной суммы: «пліе» — ставка вдвое. Ср. въ варіантахъ «Онѣгина»: «... имѣетъ кензельва большія на меня права». Происшествіе съ Нат. Ник. случилось 4 марта. Андрей Петровичъ—Есауловъ.

514—515.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

Гречъ пригласилъ Пушкина и другихъ литераторовъ къ себѣ, для совѣщанія объ изданіи «Энциклопедическаго Лексикона», предположеннымъ Плюшаромъ. См. V, 442.

516.

Д. М. Княжевичу.

Д. М. Княжевичъ—министръ финансовъ.

517.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

См. предыдущее письмо.

518.

М. П. Погодину.

Отвѣтъ на письмо отъ 24 марта, въ которомъ Погодинъ просилъ прислать стихотвореніе для прочтенія въ Московскомъ обществѣ любителей россійской словесности.

519.

А. В. Никитенку.

Никитенко отвѣчалъ 9 апрѣля: «Съ душевнымъ удовольствіемъ готовъ исполнить ваше желаніе теперь и всегда: да благословитъ только васъ Геній вашъ новыми вдохновеніями, а мы готовы — что? скажете вы— обрѣзывать крылья ему? По крайней мѣрѣ моя рука не поднимется на это. Потрудитесь прислать мнѣ все, что означено въ запискѣ вашей и увѣдомить меня, къ какому времени желали бы вы окончанія этой тяжбы политическаго механизма съ искусствомъ, говоря просто, процензурованія. Я Пиковой Дамы не подписалъ, потому что считаю ее только частію собранія, къ которому уже заодно приписано будетъ: печатать позволяется».

520.

Графу Г. А. Строгонову.

Графъ Григорій Александровичъ Строгоновъ, родственникъ Гончаровыхъ, прислалъ Пушкину № «Франкфуртской Газеты» съ отчетомъ о рѣчи польскаго эмигранта Лелевеля. См. V, 444, и статью Н. О. Лернера «Пушкинъ и Лелевель» въ «Истор. Вѣстн.» 1905, VIII, 620—623

521.

І. М. Пеньковскому.

См. п. № 513. Пеньковскій—управляющій нижегородскимъ имѣніемъ С. Л. Пушкина.

522.

И. И. Лажечникову.

Отвѣтъ на письмо отъ 30 марта, при которомъ Лажечниковъ прислалъ копію съ рукописи Рычкова.

«Первый романъ»—«Послѣдній Новикъ». Въ альманахѣ Максимовича «Денница» были напечатаны отрывки изъ новаго романа Лажечникова «Ледяной домъ».

523.

Н. Н. Пушкиной.

Нат. Ник. съ дѣтьми уѣхала изъ Петербурга къ роднымъ 15 апрѣля. См. V, 444. Журдэнъ—герой комедіи Мольера «Мѣщанинъ въ дворянствѣ». Графъ Юлій Помпеевичъ Литта—оберъ-камергеръ.

524.

Н. Н. Пушкиной.

Спасскій, Иванъ Тимоѳеевичъ,—докторъ.

525.

Н. Н. Пушкиной.

Это письмо было распечатано полиціей. См. V, 446.

526—529.

Н. Н. Пушкиной.

Г-жа Зонтагъ—извѣстная тогда пѣвица.

530.

Д. Н. Бантышу-Каменскому.

Отвѣтъ на письмо отъ 10 апрѣля, при которомъ Бантышъ-Каменскій прислалъ снимокъ съ печати Пугачева и обѣщалъ прислать его біографію. На письмо Пушкина Б.-Каменскій отвѣчалъ 7 мая и прислалъ: 1) біографію Пугачева; 2) разныя краткія біографіи, числомъ 20, отличившихся въ сіе смутное время вѣрностію къ Престолу и содѣйствовавшихъ самозванцу; 3) біографію графа Петра Ив. Панина.

531.

Н. И. Павлищеву.

Отвѣтъ на письмо отъ 26 апрѣля, въ которомъ Павлищевъ просилъ прислать ему немедленно 1539 злотыхъ, должныхъ Львомъ Сергѣевичемъ, и увѣдомить «положительно», съ какого именно срока будутъ высылаться Ольгѣ Сергѣевнѣ обѣщанныя отцомъ 1.500 р. въ годъ.

532.

Н. В. Гоголю.

Гоголь хлопоталъ тогда о профессорской каѳедрѣ въ Кіевѣ и въ письмѣ къ Пушкину 13 мая просилъ его сказать Уварову, что Гоголь «еле живъ» и по состоянію своего здоровья нуждается

въ скорѣйшемъ переѣздѣ на югъ. На это письмо и отвѣчаетъ Пушкинъ, вспоминая о запрещеніи «Моск. Телеграфа», о которомъ см. V, 443.

Въ подлинникѣ вмѣсто «назидать» написано: «нажидать».

533—535.

Н. Н. Пушкиной.

О Смирновой см. V, 445. Мещерскіе уѣхали заграницу 26 мая; Пушкинъ провожалъ ихъ до Кронштадта.

536.

Н. Н. Пушкиной.

О распечатанномъ полиціею письмѣ см. выше, прим. къ п. № 525.

537.

А. Н. Мордвинову.

Отвѣтъ на это письмо неизвѣстенъ. «Повѣсти, изданныя Александромъ Пушкинымъ» вышли въ свѣтъ въ этомъ же году. Въ эту книгу вошли, кромѣ повѣстей Бѣлкина, «Двѣ главы изъ историческаго романа» («Арапъ Петра Великаго») и «Пиковая дама».

538.

Н. Н. Пушкиной.

Ventriloque—чревовѣщатель Александръ Ваттемаръ. Пушкинъ написалъ ему въ альбомъ замѣтку—см. ниже, № 544.

539.

Графу N. N.

Неизвѣстно, кому писана эта записка и о какой книгѣ тутъ идетъ рѣчь. Написано на оборотѣ черновика «Пѣсни о Георгіи Черномъ».

540.

Н. Н. Пушкиной.

См. прим. къ п. № 525.

Тетка—Кат. Ив. Загряжская—уѣхала съ Натальей Кирилловной Загряжской. О представленіи Пушкина великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ см. V, 446—447.

541.

Д. Н. Бантышу-Каменскому.

Отвѣтъ на письмо отъ 7 мая, см. выше, прим. къ п. № 530.

542.

Н. Н. Пушкиной.

Князь Викторъ Павловичъ Кочубей—предсѣдатель государственнаго совѣта и комитета министровъ. Объ его смерти см. V, 447.

543.

Н. Н. Пушкиной.

«Моя любимая»—Александра Николаевна. О прусскомъ кронпринцѣ см. V, 447.

544.

А. Ваттемару.

См. выше, прим. къ п. № 538.

545—547.

Н. Н. Пушкиной.

Письмо Спасскаго—конечно, съ медицинскими совѣтами. Оливье—владѣлецъ дома, въ которомъ жили Пушкины. «Тотъ»—государь.

548.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

Бенкендорфъ отвѣчалъ 30 іюня: «Письмо ваше ко мнѣ ... было мною представлено Государю Императору въ подлинникѣ, и Его Императорское Величество, не желая никого удерживать противъ воли, повелѣлъ мнѣ сообщить Г. Вице-Канцлеру объ удовлетвореніи вашей просьбы, что и будетъ мною исполнено. Затѣмъ на просьбу вашу о предоставленіи вамъ и въ отставкѣ права посѣщать государственные архивы для извлеченія справокъ Государь Императоръ не изъявилъ своего соизволенія, такъ какъ право сіе можетъ принадлежать единственно людямъ, пользующимся особенною довѣренностію начальства».

549.

П. А. Осиповой.

Отвѣтъ на письма Осиповой отъ 17 и 24 іюня. Карлъ Рейхманъ былъ посланъ въ Болдино, чтобы ознакомиться тамъ съ положеніемъ хозяйства, и 22 іюня написалъ Пушкину, что онъ не мо-

Пушкинъ въ группѣ писателей и ученыхъ, во время парада на Марсовомъ Полѣ въ 1832 г.

Фрагментъ картины Григорія Чернецова. Съ оригинала, находящагося въ Зимнемъ Дворцѣ.

въ скорѣйшемъ переѣздѣ на югъ. На это письмо и отвѣтилъ Пушкинъ, помѣщенное в «Моск. Телеграфа», о которомъ см. V, 443.

Въ подлинникѣ вмѣсто «назадать» написано: [illegible]

535—[illegible]

Н. Н. Пушкиной.

О Смирновой см. V, 445. Мещерскіе уѣхали заграницу 26 мая; Пушкинъ провожалъ ихъ до Кронштадта.

536.

Н. Н. Пушкиной.

О распечатанномъ полиціею письмѣ см. выше, прим. къ п. № 525.

537.

А. Н. Мордвинову.

Отвѣтъ на это письмо неизвѣстенъ. «Повѣсти, изданныя Александромъ Пушкинымъ» вышли въ свѣтъ въ этомъ же году. Въ эту книгу вошли, кромѣ повѣстей Бѣлкина, «Двѣ главы [illegible] Метель Вьюга» [illegible] «Пикковая [illegible]

538.

Н. Н. Пушкиной.

Venerioque—чревовѣщатель Александръ Ваттемаръ. Пушкинъ написалъ ему въ альбомъ замѣтку—см. ниже, № 544.

539.

Графу N. N.

Неизвѣстно, кому писана эта записка и о какой книгѣ тутъ идетъ рѣчь. Написано на оборотѣ черновика «Пѣсни о Георгіи Черномъ».

540.

Н. Н. Пушкиной.

См. прим. къ п. № 525.

Тетка—Кат. Ив. Загряжская—уѣхала съ Натальей Кирилловной Загряжской. О представленіи Пушкина великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ см. V, 446—447.

541.

Д. Н. Бантышу-Каменскому.

Отвѣтъ на письмо отъ 7 мая, см. выше прим. къ п. № 530.

542.

Н. Н. Пушкиной.

Князь Викторъ Павловичъ Кочубей—предсѣдатель государственнаго совѣта и комитета министровъ. Объ его смерти см. V, 447.

543.

Н. Н. Пушкиной.

«Моя любимая»—Александра Николаевна. О прусскомъ кронпринцѣ см. V, 447.

544.

А. Ваттемару.

См. выше, прим. къ п. № 538.

545—547.

Н. Н. Пушкиной.

Письмо Спасскаго,—конечно, съ ложнымъ [illegible] въ которомъ [illegible] государь.

548.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

Бенкендорфъ отвѣчалъ 30 іюня: «Письмо ваше ко мнѣ ... было мною представлено Государю Императору въ подлинникѣ, и Его Императорское Величество, не желая никого удерживать противъ воли, повелѣлъ мнѣ сообщить Г. Вице-Канцлеру объ удовлетвореніи вашей просьбы, что и будетъ мною исполнено. Затѣмъ на просьбу вашу о предоставленіи вамъ и въ отставкѣ права посѣщать государственные архивы для извлеченія справокъ Государь Императоръ не изъявилъ своего соизволенія, такъ какъ право сіе можетъ принадлежать единственно людямъ, пользующимся особенною довѣренностію начальства».

549.

П. А. Осиповой.

Отвѣтъ на письма Осиповой отъ 17 и 21 іюня. Карлъ Рейхманъ былъ посланъ въ Болдино, [illegible] бы ознакомиться тамъ съ положеніемъ [illegible] и 22 іюня написалъ Пушкину, что [illegible]

Пушкинъ въ глубокомъ [illegible] и [illegible] во время пребыванія на [illegible] Маршовомъ Полѣ въ 1832 г.

жетъ взять на себя управленіе этимъ имѣніемъ, потому что оно совершенно разстроено недобросовѣстнымъ хозяйничаньемъ бурмистра Михайлы Иванова. Поэтому Рейхманъ опять вернулся въ Малинники, къ Вульфу, у котораго раньше служилъ, а въ Болдинѣ остался прежній управляющій, Іосифъ Матвѣевичъ Пеньковскій.

550.

Н. Н. Пушкиной.

Объ отставкѣ см. выше, п. № 51°

551.

М. Л. Яковлеву.

Лицейскій товарищъ Пушкина, Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ, былъ начальникомъ типографіи II Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи.

552—553.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

Узнавъ о поданномъ Пушкинымъ прошеніи объ отставкѣ, Жуковскій написалъ ему 2 іюля: «Государь опять говорилъ со мною о тебѣ. Если бы я зналъ напередъ, что побудило тебя взять отставку, я бы ему объяснилъ все; но такъ какъ я и самъ не понимаю, что могло тебя заставить сдѣлать глупость, то мнѣ и ему нечего было отвѣчать. Я только спросилъ: Нельзя ли какъ этого поправить?—Почему жь нельзя? отвѣчалъ онъ. Я никогда не удерживаю никого и дамъ ему отставку. Но въ такомъ случаѣ все между нами кончено. Онъ можетъ однако еще возвратить письмо свое. Это меня истинно трогаетъ. А ты дѣлай, какъ разумѣешь. Я бы на твоемъ мѣстѣ ни минуты не усумнился, какъ поступить. Спѣшу только увѣдомить о случившемся». То же самое Жуковскій повторилъ и въ другомъ письмѣ, написанномъ на слѣдующій день даже въ двухъ редакціяхъ (одна — для показа Бенкендорфу). Тогда Пушкинъ и написалъ Бенкендорфу одно письмо за другимъ.

554.

В. А. Жуковскому.

Жуковскій отвѣчалъ на это письмо 6 іюля: «Я право не понимаю, что съ тобою сдѣлалось: ты точно поглупѣлъ; надобно тебѣ или пожить въ желтомъ домѣ, или велѣть себя хорошенько высѣчь, чтобы привести кровь въ движеніе. Бенкендорфъ прислалъ мнѣ твои письма, и первое, и послѣднее. Въ первомъ есть кое-что живое, но его нельзя употребить въ дѣло, ибо въ немъ ты не пишешь ничего о томъ, хочешь ли оставаться въ службѣ или нѣтъ; послѣднее, въ коемъ просишь, чтобы все осталось по-старому, такъ сухо, что оно можетъ показаться государю новою неприличностію. Развѣ ты разучился писать? развѣ считаешь ниже себя выразить какое-нибудь чувство къ государю? Зачѣмъ ты мудришь? Дѣйствуй просто... Однимъ словомъ, я все еще стою на томъ, что ты долженъ написать прямо къ государю».

555.

В. А. Жуковскому.

Отвѣтъ на приведенное выше письмо.

556.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

По поводу этихъ писемъ Бенкендорфъ докладывалъ государю: «Письмо Пушкина ко мнѣ и другое отъ него же къ Жуковскому. Такъ какъ онъ сознается въ томъ, что просто сдѣлалъ глупость, и предпочитаетъ казаться лучше непослѣдовательнымъ, нежели неблагодарнымъ, и такъ какъ я еще не сообщилъ о его отставкѣ ни кн. Волконскому, ни гр. Нессельроде, то я предполагаю, что В. В—ву благоугодно будетъ смотрѣть на его первое письмо, какъ будто его вовсе не было. Передъ нами мѣрило человѣка: лучше, чтобы онъ былъ на службѣ, нежели предоставленъ самому себѣ».

Государь отвѣчалъ: «Я ему прощаю, но позовите его, чтобы еще разъ объяснить ему всю безсмысленность его поведенія, и чѣмъ все это можетъ кончиться; то, что можетъ быть простительно 20-лѣтнему безумцу, не можетъ примѣняться къ человѣку 35-ти лѣтъ, мужу и отцу семейства».

«Прошедшій мѣсяцъ былъ буренъ», записалъ Пушкинъ въ своемъ дневникѣ подъ 22 іюля. «Чуть было не поссорился я съ Дворомъ, но все перемололось. Однако, это мнѣ не пройдетъ» (V, 447).

557.

М. Н. Загоскину.

«Послѣднее твореніе» — романъ «Аскольдова могила». Александръ—Ваттемаръ, см. пп. №№ 538 и 544.

558.

Н. Н. Пушкиной.

«Съ тѣмъ чуть было не побранился»—см. выше, прим. къ п. № 556, и слѣдующее письмо.

559—560.

Н. Н. Пушкиной.

Въ п. № 560, строка 38, опечатка: вмѣсто не имѣемъ слѣдуетъ читать: не имѣетъ.

561.

Александру Ваттемару.

См. выше, п. № 557.

562.

Н. Н. Пушкиной.

О маршалѣ Мезонѣ см. V, 447.

563—564.

Н. Н. Пушкиной.

М-мъ Жоржъ—французская актриса. Тетка—Кат. Ив. Загряжская. Сержъ и Иванъ—Гончаровы, братья Нат. Ник.

565.

М. Л. Яковлеву.

Говорится о неисправности списка съ рукописи Рычкова. Имя Вольтера было устранено изъ предисловія къ «Исторіи Пугачевскаго бунта». № 14—номеръ лицейской комнаты Пушкина, который часто подписывалъ такъ записки къ своимъ школьнымъ товарищамъ.

566.

Н. И. Гончаровой.

4 августа 1834 г. Пушкинъ подалъ въ д-тъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ слѣдующее прошеніе:

«Имѣя необходимую надобность воспользоваться по домашнимъ обстоятельствамъ отпускомъ въ Нижегородскую и Калужскую губерніи на три мѣсяца, покорнѣйше прошу Департаментъ Хозяйственныхъ и Счетныхъ Дѣлъ снабдить меня надлежащимъ для сего свидѣтельствомъ. Двора Его Императорскаго Величества камеръ-юнкеръ и Титулярный Совѣтникъ Александръ Пушкинъ».

Всеподданнѣйшій докладъ гр. Нессельроде объ этомъ отпускѣ былъ утвержденъ 14 августа. На другой день Пушкинъ получилъ отпускное свидѣтельство, а 25 августа выѣхалъ въ Москву. Тамъ онъ пробылъ всего нѣсколько часовъ, причемъ видѣлся съ А. Н. Раевскимъ и братомъ Львомъ Сергѣевичемъ и затѣмъ уѣхалъ въ Полотняные Заводы. 26 августа—именины Натальи Ив. и Натальи Ник.; 27—день рожденія Нат. Ник. (1812).

567—568.

С. А. Соболевскому.

Пробывъ въ Заводахъ двѣ недѣли, Пушкинъ отвезъ жену и дѣтей въ Москву, а самъ уѣхалъ въ Болдино, куда прибылъ 13 сентября.

569.

Н. Н. Пушкиной.

«Кузина - маргаритка» — Чичерина. «Исторія завоеванія Англіи» — извѣстное сочиненіе Ог. Тьерри.

570.

Н. Н. Пушкиной.

Языковъ—братъ поэта, Александръ, о которомъ говорится въ слѣдующемъ письмѣ, посѣтилъ Пушкина въ Болдинѣ 26 сентября.

571.

Н. М. Языкову.

Петръ Михайловичъ—другой братъ Языкова.

572.

М. Л. Яковлеву.

Пушкинъ возвратился въ Петербургъ 18 октября и сейчасъ же справился у Яковлева о празднованіи лицейской годовщины.

573.

А. А. Фуксъ.

Объ Александрѣ Андреевнѣ Фуксъ см. выше, прим. къ п. № 490. Эрастъ Петровичъ Перцовъ—давнишній знакомый Пушкина и Боратынскаго, казанскій житель.

574.

Н. В. Гоголю.

Говорится о повѣсти «Невскій проспектъ», вошедшей въ составъ изданнаго Гоголемъ въ 1834 г. сборника «Арабески». Цензурное разрѣшеніе сборника послѣдовало 20 ноября, причемъ разсказъ о «сѣкуціи» въ печатномъ текстѣ значительно смягченъ противъ рукописнаго («Соч. Гоголя», изд. 10-е, М., 1889, V, 591, 600).

575.

І. М. Пеньковскому.

П. А. Осипова писала Пушкину 1 ноября о денежныхъ дѣлахъ и о безпокойствѣ его родителей, прося, вмѣстѣ съ тѣмъ, уплатить за нее проценты въ ломбардъ за заложенное имѣніе. 20 ноября Пушкинъ выдалъ Пеньковскому слѣдующую довѣренность:

«Милостивый государь мой, Осипъ Матвѣевичъ. По довѣренности отца моего, статскаго совѣтника Сергѣя Львовича Пушкина, имѣю я въ своемъ вѣдѣніи въ Нижегородской губерніи въ селѣ Болдинѣ по 4-й ревизіи 563 души, а въ сельцѣ Кистеневкѣ въ Сергачевскомъ уѣздѣ 220 душъ, собственно мнѣ принадлежащихъ. По случаю пребыванія моего въ С.-Петербургѣ, прошу васъ оное имѣніе принять въ полное ваше распоряженіе и управленіе, и буде случатся по оному дѣла, то слѣдующія прошенія, объявленія и всякаго роду бумаги отъ имени моего, за вашимъ рукоприкладствомъ, во всѣ присутственныя мѣста, а также и частнымъ лицамъ, подавать. По тѣмъ дѣламъ выписки, экстракты и рѣшенія выслушивать, удовольствіе или неудовольствіе подписывать, на апелляціи въ высшія присутственныя мѣста, со взносомъ апелляціонныхъ денегъ, подавать, крестьянъ отъ обидъ и притѣсненій защищать, для работъ и промысловъ, по вашему разсужденію, отпускать съ законными видами, также и дворовыхъ отпускать по паспортамъ съ наложеніемъ оброка.

«При томъ имѣете вы наблюдать, чтобы казенныя повинности и подати были въ свое время сполна уплочены; положенный же съ оброчныхъ крестьянъ оброкъ получать безъ недоимокъ и ко мнѣ высылать; буде окажутся дурнаго поведенія и вредные вотчинѣ крестьяне и дворовые люди, таковыхъ отдавать во всякое время въ зачетъ будущаго рекрутства; если окажутся неспособными, то отдавать безъ зачету, предварительно меня о томъ увѣдомивъ. Словомъ, прошу васъ въ ономъ имѣніи распоряжаться, какъ бы я самъ, высылая доходы на мое имя; что же вы къ приращенію доходовъ и къ улучшенію имѣнія учините, впередъ во всемъ вамъ вѣрю и впредь спорить и прекословить не буду.

«Двора Его Императорскаго Величества камеръ-юнкеръ титулярный совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ. 20 ноября 1834 года. Сія довѣренность принадлежитъ Бѣлорусскому дворянину Осипу Матвѣевичу Пеньковскому».

576—578.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

На письмѣ № 577 помѣчено: «Доложено Государю 2 декабря 1834 г.». На письмѣ № 578 надписано: «Послана записка Государю», а на самой этой запискѣ, представленной 18 декабря, государемъ написано: «Можно ему выдать, ежели ничего другаго нѣтъ, какъ то, что я читалъ». Въ тотъ же день объ этомъ было сообщено Мордвиновымъ Сперанскому, который отвѣчалъ 19 декабря, что остается поэтому только свѣрить текстъ. 23 декабря Бенкендорфъ сообщилъ, что книгу можно выпустить. 29 декабря въ «Сѣверной Пчелѣ» было напечатано объявленіе о выходѣ въ свѣтъ «Исторіи Пугачевскаго бунта».

1835.

579—580.

П. В. Нащокину.

Отвѣтъ на письмо Нащокина, писанное во второй половинѣ декабря 1834 г., въ которомъ Н. сообщалъ, что онъ переѣхалъ въ Москву (изъ Тулы) и что у него родилась дочь Катерина.

581.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

На письмѣ надпись карандашемъ: «Государь принялъ и велѣлъ его благодарить. Позволяетъ Пушкину читать все дѣло и проситъ здѣлать выписку для Государя; дать знать, гдѣ слѣдуетъ, должно быть М. Юстиціи». 31 января Н. Журавлевъ увѣдомилъ, что дѣло хранится въ сенатскомъ архивѣ. 2 февраля Бенкендорфъ сообщилъ м-ру юстиціи о дозволеніи Пушкину тамъ заниматься; 6 февраля м-ръ юстиціи увѣдомилъ, что объ этомъ сообщено оберъ-прокурорамъ, а 21 февраля извѣстилъ, что, по всеподданнѣйшей запискѣ, статсъ-секретарь Танѣевъ увѣдомилъ его, что дѣло въ восьми запечатанныхъ пакетахъ должно быть передано въ государственный архивъ, о чемъ приказано увѣдомить вице-канцлера и допустить Пушкина.

582.

Д. Н. Бантышу-Каменскому.

Отвѣтъ на письмо Б.-Каменскаго отъ 9 января. См. прим. къ п. № 530.

583.

И. И. Дмитріеву.

Первый примѣръ «большихъ оборотовъ въ торговлѣ литературной» былъ данъ не Карамзинымъ, а Н. И. Новиковымъ, которому удалось широко развить издательское дѣло.

Непремѣнный секретарь Россійской Академіи Петръ Ивановичъ Соколовъ. Воейковъ въ своемъ «Домѣ сумасшедшихъ» помѣстилъ о немъ такой куплетъ:

Вотъ онъ, съ харей фарисейской,
Петръ Иванычъ «осударь»,
Академіи расейской
Непремѣнный секретарь.
Ничего не сочиняетъ,
Ничего не издаетъ,—
Три оклада получаетъ
И столовыя беретъ.

«Современникъ» Дмитріева—графъ Д. И. Хвостовъ. Дмитріевъ отвѣчалъ на настоящее письмо 4 марта и, между прочимъ, писалъ: «Благодарю также и за добрую вѣсть о моемъ сверстникѣ:

пріятно мнѣ слышать о двойной благостынѣ его... Что же касается до свѣжей нашей потери, она важна, конечно, всѣмъ намъ чувствительна, но я соглашаюсь съ вами и съ старинной пословицей: святое мѣсто не будетъ пусто. Почіетъ Соколовъ но бдитъ еще Языковъ (прозаикъ)».

584.

Д. Н. Бантышу-Каменскому.

Бантышъ-Каменскій отвѣчалъ 18 апрѣля увѣдомленіемъ о полученіи экземпляра «Исторіи Пугачевскаго бунта» и возвращенныхъ біографій.

585.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

Рѣчь идетъ объ «Анджело». На письмѣ помѣчено: «Завтра въ 10 часовъ утра».

586.

Л. С. Пушкину.

Н. И. Павлищевъ писалъ Пушкину, въ письмѣ отъ 31 января: «Вы заплатили за него (Л. С.) 18 т... Возможность брать безъ хлопотъ деньги въ чужомъ карманѣ не обязываетъ знать мѣру, вмѣстимость его; да и кто при этой возможности не станетъ брать полною горстью? Это разсужденіе примѣняется къ положенію Л. С. Безпечная жизнь его оправдывается тѣмъ, что онъ, будучи незнакомъ съ собственностію, не знаетъ ей и цѣны. Дайте ему собственность,—и я поручусь, что онъ оставитъ странствованія свои по закавказскимъ степямъ; что онъ, взявъ имѣніе въ руки, по необходимости долженъ будетъ математически сообразить расходъ съ приходомъ; что онъ сдѣлается помѣщикомъ, какъ всякій другой...» Въ слѣдующемъ письмѣ Павлищевъ настаивалъ на выдѣлѣ законной части Ольгѣ Сергѣевнѣ.

587.

И. И. Дмитріеву.

Отвѣтъ на письмо отъ 10 апрѣля, въ которомъ Дмитріевъ, между прочимъ, писалъ: «Сочиненіе ваше подвергалось и здѣсь (въ Москвѣ) разнымъ толкамъ, довольно смѣшнымъ, но никогда дѣльнымъ; одни дивились, какъ вы смѣли напоминать о томъ, что нѣкогда велѣно было предать забвенію, — нужды нѣтъ, что осталась бы прорѣха въ русской исторіи; другіе—и, къ сожалѣнію, большая часть лживыхъ романтиковъ — желали бы, чтобъ Исторія ваша и въ расположеніи, и въ слогѣ изуродована была всѣми припасами смирдинской школы и чтобы была гораздо погрузнѣе...» Лобановъ, Михаилъ Евстафьевичъ (1787—1846) — стихотворецъ и драматургъ, переводчикъ «Федры» Расина и біографъ Крылова. Ѳедоровъ, Борисъ Михайловичъ (1794 — 1875) — стихотворецъ, драматургъ, журналистъ и писатель для дѣтей, постоянно бывшій предметомъ насмѣшекъ для пушкинскаго кружка, гдѣ его звали не иначе, какъ «Борькой». Пушкину приписывалась эпиграмма, на самомъ дѣлѣ сочиненная Дельвигомъ или Соболевскимъ:

Ѳедорова Борьки
Мадригалы горьки,
Эпиграммы сладки,
А доносы гадки.

Языковъ, Дмитрій Ивановичъ (1773—1845)— писатель и переводчикъ, издавшій, между прочимъ, переводъ сочиненія Шлецера «Несторъ» (СПб., 1808 — 1819). «Вы пророкъ» — см. прим. къ п. № 583.

«N фокусникъ, а NN его паясъ»: кн. М. А. Дондуковъ-Корсаковъ (см. IV, 40) и П. Н. Фуссъ.

588.

І. М. Пеньковскому.

Ср. выше, прим. къ п. № 575. Распоряженіе Пушкина объясняется настойчивыми письмами Н. И. Павлищева. См. слѣдующія два письма.

589.

Л. С. Пушкину.

См. предыдущее письмо, а также п. № 586, прим.

590.

Н. И. Павлищеву.

Отвѣтъ на письма Павлищева отъ 31 января и 25 апрѣля. См. прим. къ п. № 586.

591.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

Въ послѣдней строкѣ на стр. 139 — опечатка: вмѣсто imitation слѣдуетъ читать: initiation.

На подлинникѣ государь написалъ карандашемъ: «Нѣтъ препятствія ему ѣхать куда хочетъ, но не знаю, какъ разумѣетъ онъ согласить сіе со службою. Спросите, хочетъ ли отставки, ибо иначе нѣтъ возможности его уволить на столь продолжительный срокъ».

592.

Н. И. Павлищеву.

Ср. п. № 590.

593.

В. А. Дурову.

О Дуровѣ см. V, 435. Рѣчь идетъ о запискахъ «кавалериста-дѣвицы» Надежды Андреевны Дуровой, которыя впослѣдствіи были изданы Пушкинымъ (см. V, 391).

594.

А. А. Краевскому.

См. примѣчаніе къ стихотворенію «Туча» (№ 764).

595.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

На письмѣ гр. Бенкендорфъ написалъ: «Если ему нужны деньги, Государь готовъ ему помочь, пусть мнѣ скажетъ; если нужно дома побыть, то можетъ взять отпускъ на 4 мѣсяца».

596.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

Это письмо было затѣмъ передѣлано и въ окончательной своей редакціи послано Бенкендорфу 22 іюля. См. слѣдующій №.

597.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

Въ текстѣ письма двѣ опечатки: въ строкѣ 4-й вмѣсто comblé слѣдуетъ: accablé и въ строкѣ 11-й вмѣсто milles—mille.

На подлинномъ написано гр. Бенкендорфомъ, 26-го іюля 1835 г.: «L'Empereur lui propose 10.000 roubles et 6 mois de congé au bout duquel il verra s'il doit prendre son congé ou non».

598.

В. Д. Вольховскому.

Владиміръ Дмитріевичъ Вольховскій (1798—1841), товарищъ Пушкина по лицею, былъ начальникомъ штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.

599.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

На подлинномъ рукою гр. Бенкендорфа написано: «L'Empereur lui accorde les 30.000 roubles en retenant, comme il le demande, ses appointements».

600.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

О преслѣдованіи Пушкина Уваровымъ и Дондуковымъ см. V, 450. Газета Пушкину не была разрѣшена, а трехмѣсячный журналъ позволено издавать подъ названіемъ «Современникъ». См. ниже.

601.

Князю П. А. Вяземскому.

Ср. мелкія замѣтки грамматическаго характера, V, 9.

602.

А. А. Фуксъ.

Рыбушкинъ, Михаилъ Самсоновичъ, бывшій адъюнктъ казанскаго университета, переведенный уже въ это время на должность директора училищъ въ Астрахань. Онъ былъ редакторомъ университетскаго журнала «Заволжскій Муравей» и написалъ «Краткую Исторію Казани», экземпляръ которой былъ имъ посланъ Пушкину. Эта книга сохранилась въ библіотекѣ Пушкина неразрѣзанною («П. и его совр.», IX — X, стр. 90, № 339).

603.

Е. П. Люценку.

Ефимъ Петровичъ Люценко (1776—1854) былъ первымъ секретаремъ хозяйственнаго правленія лицея, съ 1811 по 1813 г. Онъ помѣстилъ въ разныхъ журналахъ огромное количество стихотворныхъ и прозаическихъ пьесъ, оригинальныхъ и переводныхъ. Въ 1835 г. онъ приготовилъ къ печати переводъ поэмы Виланда «Вастола или желанія», но не могъ найти издателя. Любопытно, что Пушкинъ въ настоящемъ письмѣ называетъ Люценка «лицеистомъ» и какъ о таковомъ ходатайствуетъ у барона Корфа. Увѣнчалось ли это ходатайство какимъ-нибудь успѣхомъ—неизвѣстно; но Пушкинъ рѣшилъ пособить Люценку другимъ способомъ. Онъ позволилъ ему на заглавномъ листѣ «Вастолы», выпущенной безъ обозначенія имени переводчика, напечатать слова: «Изданіе А. С. Пушкина». Появленіе этой книжки вызвало въ 1836 г. насмѣшливый и желчный отзывъ Сенковскаго въ «Библ. для Чтенія», который крайне раздражилъ Пушкина, вынудивъ его дать объясненіе этому дѣлу въ первой же книжкѣ только-что начатаго имъ «Современника». Сверхъ того, толки, возникшіе по этому дѣлу въ тогдашнемъ обществѣ, привели Пушкина къ ссорѣ съ однимъ изъ старыхъ его знакомыхъ, Хлюстинымъ и вызвали непріятную между ними переписку, едва

не окончившуюся дуэлью (п. № 628). См. статью Б. Л. Модзалевскаго «Пушкинъ и Люценко» въ «Русской Старинѣ» 1898, т. XCIV, стр. 73—88, и Д. Ѳ. Кобеко, «Императорскій Царскосельскій Лицей», СПб., 1911, стр. 36, 345—346.

604.

В. А. Полѣнову.

В. А. Полѣновъ завѣдывалъ секретнымъ отдѣленіемъ Государственнаго архива и въ то же время управлялъ департаментомъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ. Вся оффиціальная переписка по поводу занятій Пушкина Пугачевскимъ дѣломъ напечатана у Н. А. Гастфрейнда «Пушкинъ. Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго главнаго архивовъ М. И. Д.», СПб., 1900, стр. 17—21.

605.

Графу Е. Ф. Канкрину.

Государь приказалъ возвратить Пушкину деньги, удержанныя изъ данныхъ ему въ ссуду 30.000 р., и разсрочить ему уплату всего долга на четыре года безъ процентовъ. Переписка по этому дѣлу—у Гастфрейнда, ор. с., 47—51.

606.

Н. Н. Пушкиной.

Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга 7 сентября въ Михайловское и Тригорское. Въ письмѣ говорится о гр. Канкринѣ и его женѣ, къ которой должна была обратиться Нат. Ник. по дѣлу объ удержаніи съ Пушкина прежняго долга (см. предыдущее письмо). Графъ Гурьевъ—бывшій министръ финансовъ. Марья Александровна—дочь Пушкина. Тетки «Азя» и «Коко»—свояченицы поэта, Александра и Екатерина Николаевны Гончаровы.

607.

А. И. Беклешовой.

Александра Ивановна Осипова, дочь Прасковьи Александровны, была съ 1833 г. замужемъ за псковскимъ полицеймейстеромъ Беклешовымъ. О ней см. III, 545. Къ ней относится стихотвореніе 1824 г. «Признаніе», въ которомъ есть стихъ: «И путешествія въ Опочку». Марія Ивановна—ея сестра.

608.

Н. Н. Пушкиной.

Вревская—Евпраксія Николаевна (Вульфъ), дочь П. А. Осиповой. «Маймистъ»—петербургское прозвище чухонъ.

609.

Н. Н. Пушкиной.

«Въ Михайловскомъ нашелъ я все по-старому...» ср. стихотвореніе «Вновь я посѣтилъ...» (IV, 38).

610.

Н. Н. Пушкиной.

Катерина Ивановна — Загряжская. Графиня Полье вышла замужъ за князя ди-Бутера (см. V, 442). «Канкринъ шутитъ»—см. п. № 605.

611.

Н. Н. Пушкиной.

Вопросъ о Плетневѣ и «общемъ дѣлѣ» касается, вѣроятно, задуманнаго ими альманаха. См. слѣдующее письмо.

612.

П. А. Плетневу.

Отвѣтъ на неизвѣстное намъ письмо Плетнева. «Путешествіе»—въ Арзрумъ—было напечатано въ первой книжкѣ «Современника» 1836 г., стр. 17—84. «Всеуниженное прошеніе» Пушкина въ Главный Комитетъ Цензуры было подано 28 августа 1835 г. Приводимъ его:

«Честь имѣю обратиться въ Главный Комитетъ Цензуры съ покорнѣйшею просьбою о разрѣшеніи встрѣтившихся затрудненій.

«Въ 1826 году Государь Императоръ изволилъ объявить мнѣ, что ему угодно быть самому моимъ цензоромъ. Вслѣдствіе Высочайшей воли все, что съ тѣхъ поръ было мною напечатано, доставляемо было мнѣ прямо отъ Его Величества изъ III отдѣленія Собственной его канцеляріи, при подписи одного изъ чиновниковъ: «съ дозволенія Правительства». Такимъ образомъ были напечатаны: «Цыганы»—повѣсть (1827), 4-я, 5-я, 6-я, 7-я и 8-я главы «Евгенія Онѣгина»—романа въ стихахъ (1827, 1828, 1831, 1833), «Полтава» (1829), 2-я и 3-я часть «Мелкихъ Стихотвореній», 2-е исправленное изданіе поэмы «Русланъ и Людмила» (1828), «Графъ Нулинъ» (1828), «Исторія Пугачевскаго Бунта» и проч.

«Нынѣ, по случаю «втораго исправленнаго» изданія «Анджело», перевода изъ Шекспира (неисправно и съ своевольными поправками напечатаннаго книгопродавцемъ Смирдинымъ), г. попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа изустно объявилъ мнѣ, что не можетъ болѣе позволить мнѣ печатать моихъ сочиненій, какъ доселѣ они печатались, т.-е. съ надписью чиновника Собственной Его Величества канцеляріи. Между тѣмъ, никакого новаго распоряженія не воспослѣдовало, и такимъ образомъ я лишенъ права печатать свои сочиненія, дозволенныя самимъ Государемъ Императоромъ.

«Въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ Государь изволилъ возвратить мнѣ сочиненіе мое, дозволивъ оное

напечатать, за исключеніемъ собственноручно замѣченныхъ мѣстъ. Не могу болѣе обратиться для подписи въ Собственную канцелярію Его Величества, и принужденъ утруждать Комитетъ всеуниженнымъ вопросомъ: какую новую форму соизволитъ онъ предписать мнѣ для представленія рукописей моихъ въ типографію? Титулярный совѣтникъ Александръ Пушкинъ».

Копію съ этого прошенія Уваровъ почти черезъ мѣсяцъ, 23 сентября, прислалъ начальнику III Отдѣленія, для свѣдѣнія, и прибавилъ, что Пушкину сообщено, что безъ разсмотрѣнія цензуры печатаются только рукописи, издаваемыя съ особаго Высочайшаго разрѣшенія. Мордвиновъ на этой бумагѣ помѣтилъ: «Убрать». См. п. № 614.

Лангеръ, Валеріанъ Платоновичъ, лицеистъ II курса, съ именемъ котораго связана исторія возникновенія у насъ художественнаго литографированія, талантливый художникъ-иллюстраторъ.

Комедія Гоголя—«Утро дѣлового человѣка».

«Сенковскій промышляетъ именемъ Бѣлкина»: въ майской книжкѣ «Библ. для Чтенія» была напечатана «Потерянная для свѣта повѣсть» съ подписью: А. Бѣлкинъ. За нею явилось еще нѣсколько повѣстей съ тою же подписью. Это былъ псевдонимъ Алексѣя Васильевича Тимоѳеева (1812—1883), извѣстнаго болѣе своими стихами.

613.

М. П. Погодину.

См. предыдущее письмо. «Г. С. издатель «Живописнаго Ежегодника»—вѣроятно: «г. Семенъ» (Августъ Ив.), владѣлецъ извѣстной петербургской типографіи и издатель, начиная съ 1835 г., Живописнаго Обозрѣнія.

«Наблюдатели»—редакція журнала «Московскій Наблюдатель», начавшаго выходить въ 1835 г.

614.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

См. выше, прим. къ п. № 612.

615.

Графу Е. Ф. Канкрину.

См. выше, прим. къ п. 605.

616.

П. А. Осиповой.

Мать поэта, Надежда Осиповна, долго болѣла и скончалась 29 марта 1836 г.

617.

П. В. Нащокину.

«Кнерцеръ»—Кренцеръ, Андрей Христофоровичъ, завѣдывавшій фабрикою Нащокина въ Тюфеляхъ.

618.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

Рѣчь идетъ о стихотвореніи «На выздоровленіе Лукулла» (IV, № 767).

619.

И. И. Лажечникову.

См. п. № 522. Лажечниковъ отвѣчалъ 22 ноября подробнымъ письмомъ, въ которомъ возражаетъ на всѣ упреки Пушкина относительно историческихъ подробностей «Ледяного дома». «Ваши упреки задѣли меня за живое, говоритъ онъ:— отвѣтомъ моимъ хотѣлъ я доказать, что историческую вѣрность главныхъ лицъ моего романа старался я сохранить, насколько позволяло мнѣ поэтическое созданіе...» Относительно слова «хоботъ» Лажечниковъ пишетъ: «Всякій лихой сказочникъ, вмѣсто того, чтобы сказать: такимъ-то образомъ, такимъ-то путемъ, пощеголяетъ выраженіемъ: такимъ-то хоботомъ. Я слышалъ это, бывало, отъ моего стараго дядьки, слыхалъ потомъ не разъ въ народѣ московскомъ, слѣдственно, по нарѣчію великороссійскому».

620.

Графу П. А. Клейнмихелю.

Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо отъ 24 сентября. На настоящее письмо Клейнмихель отвѣтилъ, что «книги, заключающей въ себѣ послѣднія письма и донесенія генерала Бибикова 1774 года, ни въ здѣшнемъ, ни въ московскомъ архивѣ инспекторскаго д-та нѣтъ».

621.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

Трудно сказать, кого изъ московскихъ литераторовъ Пушкинъ назвалъ въ этомъ письмѣ дуракомъ. «Лѣтописецъ» — первоначально предполагавшееся названіе журнала, который потомъ былъ названъ «Современникомъ». Такъ называетъ его и кн. Одоевскій въ письмѣ къ Пушкину, написанномъ около того же времени: «Заглавіе можетъ быть такое: Современный Лѣтописецъ политики, наукъ и литературы, содержащій въ себѣ обозрѣніе достопримѣчательнѣйшихъ происшествій, въ Россіи и другихъ государствахъ Европы, по всѣмъ отраслямъ политической, ученой и эстетической дѣятельности съ начала 3-го (послѣдняго) десятилѣтія 19-го вѣка».

622.

П. А. Осиповой.

П. А. отвѣчала на это письмо 18 января 1836 г. и, между прочимъ, высказала сомнѣніе въ

справедливости извѣстія о Кюхельбекерѣ. Извѣстіе это, однако, вскорѣ подтвердилось: Пушкинъ получилъ отъ Кюхельбекера письмо отъ 12 февраля изъ Баргузина, куда онъ былъ переведенъ съ каторги на поселеніе.

623.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

Записки Моро-де-Бразе напечатаны въ 4-мъ томѣ «Современника» (см. V, 306).

14 января 1836 г. Бенкендорфъ увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія гр. С. С. Уварова, что государемъ разрѣшено Пушкину изданіе трехмѣсячнаго журнала подъ предварительною цензурою. 16 того же января Уваровъ отвѣтилъ, что имъ по поводу этого разрѣшенія сдѣланы надлежащія распоряженія.

624.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

Отвѣтъ на предложеніе Одоевскаго принять участіе въ «Дѣтскомъ Журналѣ», который предполагали издавать Львовъ и А. Н. Очкинъ.

625.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

Пушкинъ интересовался новымъ журналомъ «Московскій Наблюдатель», въ которомъ было напечатано, съ полною его подписью, стихотвореніе «На выздоровленіе Лукулла» (1835, сент., кн. 2, стр. 191).

626.

Н. А. Дуровой.

Пушкинъ называетъ Надежду Андреевну Дурову — Александромъ Андреевичемъ, потому что такъ называла она себя сама. 5 августа 1835 г. она написала Пушкину изъ Елабуги (Вятской губ.) письмо съ предложеніемъ купить нѣсколько листовъ ея записокъ: «Купите, Александръ Сергѣевичъ! Прекрасное перо ваше можетъ сдѣлать изъ нихъ что-нибудь весьма занимательное для нашихъ соотечественниковъ, тѣмъ болѣе, что происшествіе, давшее поводъ писать ихъ, было нѣкогда предметомъ любопытства и удивленія...» Отвѣтъ Пушкина на это письмо неизвѣстенъ, но, вѣроятно, Пушкинъ отвѣчалъ просьбою прислать рукопись, потому что Дурова 23 сентября написала своему знакомому Мамышеву, что Пушкинъ хочетъ купить ея записки («Отчетъ» Имп. Публ. Б—ки 1889, стр. 195). Затѣмъ, 30 сентября, она извѣстила Пушкина, что рукопись записокъ еще въ апрѣлѣ была послана Мамышеву въ Гатчину, но, вѣроятно, затерялась, такъ какъ Мамышевъ уже полгода ничего не отвѣчаетъ. Въ октябрѣ Мамышевъ отослалъ рукопись Пушкину, находившемуся тогда въ Тригорскомъ, а 6 января 1836 г. Дурова опять написала Пушкину: «Позвольтѣ мнѣ узнать ваше мнѣніе о ней (рукописи) и то, угодно ли вамъ взять ее?» На это письмо и отвѣчаетъ Пушкинъ.

627.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

Дѣло идетъ объ извѣстномъ сочиненіи И. П. Сахарова «Сказанія русскаго народа», котораго 1-я часть вышла въ СПб. 1836. Пушкинъ хотѣлъ взять изъ 2-й части этого сочиненія статьи о загадкахъ и о славянской миѳологіи; однако, статьи эти въ «Современникѣ» не появились.

628.

С. С. Хлюстину.

Семенъ Семеновичъ Хлюстинъ (1811—1844) племянникъ «американца» гр. Ѳ. И. Толстого, участникъ турецкой войны 1828—1829 гг., потомъ служившій въ Москвѣ надворнымъ судьею, былъ давно знакомъ съ Гончаровыми, какъ сосѣдъ по имѣнію. Когда Сенковскій, желая уязвить Пушкина, напечаталъ въ 1-й книжкѣ «Библ. для Чтенія» 1836 г. ироническую рецензію на переводъ «Вастолы» (см. прим. къ п. № 603), гдѣ, между прочимъ, находилась фраза: «Пушкинъ не станетъ обманывать публики двусмысленностями», Хлюстинъ, въ разговорѣ съ Пушкинымъ, неосторожно коснулся этого больного мѣста, слѣдствіемъ чего и явилось рѣзкое замѣчаніе Пушкина, вызвавшее обмѣнъ письмами (въ одинъ и тотъ-же день — два письма Хлюстина и одно— Пушкина). Дѣло, однако, кончилось миромъ.

629—630.

Князю Н. Г. Репнину.

Кн. Репнинъ отвѣчалъ 10 февраля, что Пушкинъ повѣрилъ пустымъ росказнямъ, что съ Боголюбовымъ и даже въ его присутствіи онъ ничего о Пушкинѣ не говорилъ, «а тѣмъ паче прочтя посланіе Лукуллу», и что онъ желаетъ поэту употреблять свой талантъ на пользу и славу отечества, а не на оскорбленіе частныхъ лицъ.

631.

А. А. Фуксъ.

Отвѣтъ на недошедшее до насъ письмо А.А. Фуксъ. На настоящее же письмо она отвѣтила 24 мая присылкою нѣсколькихъ своихъ произведеній, изъ которыхъ, впрочемъ, ни одно не попало въ «Современникъ».

632.

В. Д. Сухорукову.

См. «Записку о Сухоруковѣ», IV, 534, и «Путешествіе въ Арзрумъ», тамъ же, 538. Василій Дмитріевичъ Сухоруковъ, сотникъ л.-гв. казачьяго полка, былъ удаленъ изъ гвардіи на Кавказъ по неудовольствіямъ съ гр. А. И. Чернышевымъ, съ которымъ разошелся во взглядахъ при составленіи положенія объ управленіи Донскимъ казачьимъ войскомъ. Такъ говорятъ А. Карасевъ («Рус. Стар.» 1871, февр.), Ѳ. И. Шумковъ («Донская Газета» 1877, № 2) и М. В. Юзефовичъ («Рус. Арх.» 1880, III, 431—446); по оффиціальнымъ же свѣдѣніямъ, Сухоруковъ былъ исключенъ изъ гвардіи и отправленъ на Донъ, подъ надзоръ войскового атамана, за прикосновенность къ дѣлу 14 декабря 1825 г. Въ 1827 г. ему было разрѣшено вновь поступить на дѣйствительную службу, въ Донской казачій полковника Карпова 2 полкъ, находившійся въ Закавказьѣ. Здѣсь, какъ человѣкъ образованный и хорошо владѣвшій перомъ, онъ былъ причисленъ къ корпусному штабу и, по порученію гр. Паскевича, занялся собираніемъ статистическихъ и другихъ матеріаловъ для исторіи кампаній 1828 и 1829 гг. Эти его занятія стали извѣстны въ Петербургѣ, показались подозрительными и поставили Паскевича въ необходимость оправдываться въ томъ, что онъ приблизилъ къ себѣ опальнаго казака. Письменныя работы не препятствовали Сухорукову принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. За кампанію 1828 г. онъ получилъ Владиміра 4-й ст., а за штурмъ Ахалцыха награжденъ золотымъ оружіемъ. Отличія эти, однако, не спасли его отъ дальнѣйшихъ невзгодъ: въ 1830 г. онъ былъ вновь арестованъ, доставленъ въ Петербургъ и отправленъ на службу въ Финляндію, гдѣ и скончался въ началѣ 40-хъ годовъ. Въ литературѣ онъ извѣстенъ изслѣдованіемъ о бытѣ донскихъ казаковъ, напечатаннымъ въ «Рус. Старинѣ» Корниловича, 1824 г.; много его статей, безъ подписи, было помѣщено въ «Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ» 1828 и 1829 гг.; наконецъ, въ 1867—1872 г.г. въ Новочеркасскѣ издано его «Историческое описаніе земли Войска Донскаго».

633.

Князю П. А. Вяземскому.

Въ 1-мъ томѣ «Современника» было помѣщено стихотвореніе кн. Вяземскаго «Роза и кипарисъ»; въ 2-мъ томѣ—статьи о «Ревизорѣ», «Наполеонъ и Юлій Цезарь» и разборъ поэмы Эдгара Кинэ «Наполеонъ».

634.

В. А. Дурову.

Н. А. Дурова написала Пушкину 17 февраля: «Рукопись моя, вояжируя болѣе года, возвратилась наконецъ ко мнѣ... Лѣтомъ я пріѣду самъ съ моими записками, чтобъ лично отдать ихъ подъ ваше покровительство; а теперь въ замѣну братъ посылаетъ вамъ мои записки 12-го года, если вы найдете ихъ стоющими труда, чтобъ поправить».

635.

А. Жобару.

Профессоръ казанскаго университета Альфонсъ Жобаръ, удаленный Магницкимъ, не добившись отъ министра народнаго просвѣщенія Уварова удовлетворенія своихъ претензій, задумалъ отомстить ему напечатаніемъ своего перевода на французскій языкъ стихотворенія Пушкина «На выздоровленіе Лукулла». Въ письмѣ изъ Москвы, отъ 16 марта 1836 г., онъ сообщилъ Пушкину, что свой переводъ послалъ Уварову съ предложеніемъ принять его какъ собственный и напечатать, подобно тому, какъ онъ уже не разъ печаталъ подъ своимъ именемъ чужіе ученые труды, награждая ихъ авторовъ чинами и крестами. Копію съ этого письма Жобаръ сообщилъ и Пушкину. На письмо Пушкина Жобаръ отвѣчалъ 17 апрѣля, что онъ, до времени, не будетъ печатать своего перевода, но что послалъ его списки своему брату въ Бельгію и отцу—во Францію, куда пересылаетъ всѣ документы своей тяжбы съ Уваровымъ.

636.

С. Н. Глинкѣ.

Отвѣтъ на неизвѣстное намъ письмо Глинки. На настоящее же письмо Глинка отвѣтилъ 26 марта обѣщаніемъ представить первыя двѣ части своихъ записокъ, уже прошедшихъ сквозь цензуру.

637.

А. Л. Крылову.

20 марта 1836 г. попечитель спб. учебнаго округа кн. М. А. Дондуковъ-Корсаковъ увѣдомилъ Пушкина, что «по встрѣченному затрудненію Спб. цензурнымъ комитетомъ въ пропускѣ статьи: Письма изъ Парижа обстоятельство сіе будетъ представлено комитетомъ на разрѣшеніе главнаго управленія цензуры». Изъ возникшей по этому дѣлу переписки видно, что цензоръ Крыловъ, находя въ статьѣ (А. И. Тургенева) «Парижъ (хроника Русскаго)», наряду съ свѣдѣніями литературнаго содержанія и такія и вѣстія, которыя помѣщаются исключительно въ повременныхъ изданіяхъ политическихъ, какъ-то: о Фіески (главный виновникъ покушенія на жизнь Людовика-Филиппа 28 іюля 1835) съ другими подсудимыми, перемѣнахъ министерства, спорахъ объ уменьшеніи процентовъ и т. п., почелъ себя не въ правѣ допустить къ напечатанію статью такого рода вполнѣ безъ разрѣшенія начальства и, отмѣтивъ карандашемъ сомнительныя мѣста, представилъ оныя на благоусмотрѣніе комитета. Комитетъ, основываясь на томъ, что въ журналѣ «Современникъ» должны быть помѣщаемы статьи чисто-литературныя, призналъ себя не въ правѣ дозволить цензору Крылову одобрить къ напечатанію въ ономъ предметы, могущіе подать поводъ къ политическимъ сужденіямъ, и, по желанію издателя, постановилъ испросить на сіе разрѣшеніе высшаго начальства.

«Хроника Русскаго» появилась въ 1-й книгѣ «Современника», стр. 258—295, но, по выраженію

кн. Вяземскаго («Ост. Арх.» III, 312), «сжатая цензурнымъ корсетомъ», хотя, все-таки, въ ней осталось много мѣстъ, подозрительныхъ съ точки зрѣнія тогдашнихъ охранителей. См. статью С. А. Переселенкова: «Матеріалы для исторіи отношеній цензуры къ А. С. Пушкину» въ сборникѣ «П. и его совр.», VI, 4—6.

638.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

«Путешествіе въ Арзрумъ» было напечатано въ 1-мъ томѣ «Современника», стр. 17—84.

639.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

Первый томъ «Современника», разрѣшенный цензоромъ Крыловымъ 31 марта, вышелъ въ свѣтъ 11 апрѣля 1836 г. Во второмъ томѣ была помѣщена статья кн. Одоевскаго (за подписью: С. Ѳ.) «О враждѣ къ просвѣщенію, замѣчаемой въ новѣйшей литературѣ». Въ третьемъ томѣ явилась его статья (съ тою же подписью) «Какъ пишутся у насъ романы». Статья о Сегеліелѣ (духъ, падшій вслѣдствіе негодованія на существующее въ мірѣ зло) въ печати не появлялась. Сцены Гоголя—«Утро дѣлового человѣка».

640.

Князю М. А. Дондукову-Корсакову.

Кн. Дондуковъ увѣдомилъ Пушкина, 10 апрѣля, что, кромѣ Крылова, для разсматриванія «Современника» назначенъ еще цензоръ Гаевскій: «Весьма радъ сему случаю доказать Вамъ, М. Г., на опытѣ всегдашнюю мою готовность содѣйствовать съ моей стороны къ скорѣйшему изданію журнала и сочиненій Вашихъ».

641.

Н. М. Языкову.

Голубово — село въ Псковской губ., имѣніе бар. Вревскаго.

Въ 6-й строкѣ письма—опечатка, допущенная также и въ академическомъ изданіи: бокалы не съ Еммой, а съ ёмкой. Это—тотъ самый «напитокъ благородный, сліянье рома и вина», о которомъ говоритъ Пушкинъ въ своемъ посланіи къ Языкову 1827 г. (II, 456).

Въ посланіи къ Давыдову Языковъ называетъ его: «боецъ чернокудрявый съ бѣлымъ локономъ на лбу».

642.

М. П. Погодину.

Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Псковскую губернію на погребеніе матери, которая скончалась 29 марта и похоронена въ Святогорскомъ монастырѣ. Погодинъ отвѣчалъ на это письмо 1 мая и предложилъ для «Современника» цѣлый рядъ своихъ работъ.

643.

А. Н. Мордвинову.

Отвѣтъ на письмо отъ 28 апрѣля: «Его С—во графъ Александръ Христофоровичъ проситъ васъ доставить къ нему письмо, полученное вами отъ Кюхельбекера, и съ тѣмъ вмѣстѣ желаетъ непремѣнно знать, чрезъ кого вы его получили». Рѣчь идетъ о письмѣ Кюхельбекера отъ 12 февраля, см. выше, прим. къ п. № 622.

644.

Князю М. А. Дондукову-Корсакову.

Отвѣтъ на неизвѣстное намъ письмо Дондукова. Дѣло идетъ о статьѣ Давыдова «Воспоминаніе объ осадѣ Дрездена», которая была все-таки напечатана въ 4-мъ томѣ «Современника».

645.

И. И. Лажечникову.

Лажечниковъ жилъ въ это время въ Твери, гдѣ былъ директоромъ училищъ.

646.

Н. Н. Пушкиной.

Брюловъ, Карлъ Павловичъ, извѣстный художникъ. «Прусакъ Криднеръ»—Кригеръ, писавшій портретъ Нат. Ник. Перовскій — Алексѣй Алексѣевичъ, писавшій подъ псевдонимомъ Антонія Погорѣльскаго. А(О)кулова—дочь директора московской гимназіи, камергера Матвѣя Алексѣевича Окулова, женатаго на сестрѣ П. В. Нащокина. Толстой—«американецъ»; дочь его — Сара, писательница. «Наблюдатели» — члены редакціи «Моск. Наблюдателя». Marie W. — дочь кн. П. А. Вяземскаго.

647.

Н. Н. Пушкиной.

Солнцевъ, Матвѣй Михайловичъ, мужъ тетки Пушкина, Елизаветы Львовны. Александръ Карамзинъ—сынъ исторіографа.

648.

Князю П. А. Вяземскому.

Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ, — министръ юстиціи, бывшій «арзамасецъ». Окуловъ — см. выше, прим. къ п. № 646.

649.

Н. Н. Пушкиной.

Кн. Одоевскій принялъ на себя, на время отсутствія Пушкина, наблюденіе за печатаніемъ второго тома «Современника». Записки Дуровой появились въ этомъ томѣ съ предисловіемъ Пушкина, см. V, 391. Иванъ и Дмитрій Николаевичи — Гончаровы, братья Нат. Ник. Малиновскій — директоръ московскаго главнаго архива м-ва иностранныхъ дѣлъ.

650.

Н. Н. Пушкиной.

Второй сынъ поэта, Григорій Александровичъ, родился 14 мая 1835 г. «Тинтере» — карточная игра. «Загородное болото» — дача на Черной рѣчкѣ, гдѣ жили Пушкины лѣтомъ.

651.

Н. Н. Пушкиной.

Дюрье и Сихлеръ—модные магазины. Апрѣлевъ обольстилъ сестру Павлова, который потребовалъ удовлетворенія или брака. Апрѣлевъ отказался. Вскорѣ назначена была его свадьба съ другою. Павловъ подстерегъ его на паперти и закололъ кинжаломъ.

652.

С. С. Хлюстину.

Наталья Николаевна 23 мая родила дочь Наталью Александровну (въ первомъ бракѣ — Дубельтъ, во второмъ — графиня Меренбергъ).

653.

П. В. Нащокину.

«Записки Нащокина» см. V, 30.

654.

Д. В. Давыдову.

Статья Давыдова «Воспоминанія объ осадѣ Дрездена» напечатана въ 4-мъ томѣ «Современника», а въ 3-мъ томѣ помѣщена его же статья о партизанской войнѣ. См. выше, п. 644. На настоящее письмо Давыдовъ отвѣчалъ 18 мая: «Правда твоя, видно, какая-нибудь нѣмецкая вѣдьма особаго рода стоитъ горой за Дрезденъ и Винценгероде. Вотъ, я другой разъ въ дуракахъ отъ этого проклятаго городишки, и Чернышевъ другой разъ спасаетъ Винценгероде: первый разъ — отъ французскихъ жандармовъ, которые везли его во Францію на закланіе, въ другой разъ — отъ анаѳемы, воспѣтой мною его поганой памяти... Какъ бы то ни было, но эскадронъ мой, опрокинутый, растрепанный и изрубленный саблею, прошу тебя привести въ порядокъ... собери растрепанныя части и сдѣлай изъ нихъ нѣчто цѣлое...»

655.

Н. Н. Ушакову.

Генералъ Ушаковъ въ своей книгѣ «Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи» разсказалъ объ участіи Пушкина въ перестрѣлкѣ съ турецкими наѣздниками 14 іюня 1829 г.

656.

А. Н. Муравьеву.

Андрей Николаевичъ Муравьевъ (1806—1874), впослѣдствіи — извѣстный церковный писатель, авторъ «Путешествія по Святымъ мѣстамъ», «Писемъ о богослуженіи», «Исторіи россійской церкви», «Житій святыхъ» и пр., помѣстилъ во 2-мъ томѣ «Современника» отрывокъ изъ своей трагедіи «Битва при Тиверіадѣ».

657.

Л. С. Пушкину.

Раздѣлъ имѣнія, оставшагося послѣ матери, предложенный Пушкинымъ, не былъ одобренъ Павлищевымъ, мужемъ Ольги Сергѣевны, который нашелъ оцѣнку слишкомъ низкою.

658.

Н. А. Дуровой.

Отрывокъ изъ записокъ Дуровой о 12-мъ годѣ, купленный Пушкинымъ, былъ напечатанъ во 2-мъ томѣ «Современника» съ небольшой вступительной замѣткой, къ которой Пушкинъ поставилъ эпиграфомъ: «Modo vir, modo femina» (см. V, 344). Дурова обидѣлась и написала Пушкину, 7 іюня: «Имя, которымъ вы назвали меня, М. Г. Александръ Сергѣевичъ, въ вашемъ предисловіи, не даетъ мнѣ покоя! Нѣтъ ли средства помочь этому горю? Записки хоть и напечатаны, но въ свѣтъ еще не вышли, публика ничего объ нихъ не знаетъ; и такъ, нельзя ли сдѣлать такимъ образомъ: присоедините ихъ къ тѣмъ, что сегодня взяли у меня, издайте все вмѣстѣ отъ себя и назовите: «Своеручныя Записки русской амазонки, извѣстной подъ именемъ Александрова». На это письмо и отвѣчаетъ Пушкинъ.

Дурова была въ это время въ Петербургѣ. См. ея книгу «Годъ жизни въ Петербургѣ, или невыгоды третьяго посѣщенія, сочиненіе Александрова», СПб., 1838. См. также «Замѣтки о Пушкинѣ» П. Е. Щеголева въ «Извѣстіяхъ отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ», т. VIII, кн. 4 (1903), стр. 383.

659.

И. И. Дмитріеву.

Въ «Моск. Вѣдомостяхъ» и «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» появились статьи за подписью «И. Д.». Не желая, чтобы эти статьи приписывались ему, Дмитріевъ помѣстилъ во 2-мъ томѣ «Современника» соотвѣтствующее заявленіе.

660.

І. М. Пеньковскому.

Отвѣтъ на недошедшее до насъ письмо. Михайло Ивановъ—болдинскій бурмистръ, отставленный за злоупотребленія.

661.

А. А. Краевскому.

Краевскій завѣдывалъ печатаніемъ 2-го тома «Современника». Ошибка была допущена въ сценѣ изъ трагедіи Муравьева «Битва при Тиверіадѣ». Буквы *К. Б.* означаютъ: «Князь Боэмундъ». Страница была перепечатана.

662.

Н. А. Дуровой.

Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо Дуровой отъ 24 іюня, въ которомъ она упрекала его за медленность печатанія «Записокъ», требовала, чтобы онѣ были представлены государю, и предупреждала, что согласна ждать только до 1 іюля, а затѣмъ будетъ дѣйствовать самостоятельно.

663.

А. А. Краевскому.

Второй томъ «Современника» разрѣшенъ къ печати цензоромъ Крыловымъ 30 іюня и вышелъ въ свѣтъ въ началѣ іюля. Собственныя имена въ статьѣ кн. Вяземскаго были исправлены.

664.

И. Я. Яковлеву.

Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ, извѣстный въ свое время богачъ, пріятель и кредиторъ Пушкина.

665.

Н. И. Павлищеву.

Отвѣтъ на письмо отъ 27 іюня, въ которомъ Павлищевъ подробно сообщалъ о положеніи хозяйства въ Михайловскомъ, куда онъ пріѣхалъ «на ревизію», и о плутняхъ управителя Рингеля, имъ уволеннаго. Полонскій — столоначальникъ гражданской палаты.

666—667.

А. А. Краевскому.

Статья кн. Вяземскаго о «Ревизорѣ» напечатана во 2-мъ томѣ «Современника».

668.

А. А. Краевскому.

Пушкинъ благодаритъ за хлопоты по изданію 2-го тома, ошибаясь въ имени Краевскаго.

669.

Д. В. Давыдову.

Давыдовъ писалъ 2-го іюня, что его «удалецъ-партизанъ» можетъ «пройти бодро и смѣло мимо цензурнаго комитета, не ломая шапки, а въ случаѣ каприза—наплевать членамъ въ глаза,—такъ, здорово живешь, отъ нечего дѣлать, чтобы показать, что ничего не боится».

670.

А. А. Жандру.

Андрей Андреевичъ Жандръ (1789—1873), другъ Грибоѣдова, въ сотрудничествѣ съ которымъ перевелъ съ французскаго комедію Барта «Притворная невѣрность» (1817), былъ директоромъ канцеляріи морского м—ва, а впослѣдствіи—сенаторомъ.

671.

А. А. Крылову.

При этой запискѣ была представлена статья «Александръ Радищевъ» (V, 336).

672.

Н. И. Павлищеву.

Павлищевъ писалъ 11 іюля, что по его заключенію самая низкая цѣна Михайловскому—70.000 р., если же Пушкинъ захочетъ купить его, то можно уступить за 64.000 р., а ниже «нельзя ни подъ какимъ видомъ». При этомъ Павлищевъ просилъ немедленно объявить въ газетахъ о продажѣ имѣнія. Въ слѣдующемъ письмѣ, 1 августа, онъ предлагалъ раздѣлъ имѣнія. Впослѣдствіи, послѣ смерти Пушкина, Михайловское было куплено опекою за 20.825 р.

С. Л. Пушкинъ прислалъ сыну это письмо Павлищева: «оно растерзало мнѣ душу,—писалъ онъ:—я не спалъ всю ночь, до такой степени оно неприлично, написано въ высшей степени невѣжливо, безъ всякаго вниманія къ моему положенію и къ недавно постигшему меня горю (смерть Надежды Осиповны). Это человѣкъ очень жадный, очень корыстолюбивый и очень мало разумѣющій то, за что берется...»

673.

Въ Цензурный Комитетъ.

Статья «Александръ Радищевъ» была возвращена Пушкину съ надписью Крылова: «Не дозволено къ напечатанію предписаніемъ Главнаго Управленія Цензуры отъ 26 августа 1836 г. № 271». Цензоръ не рѣшился взять эту статью на свою отвѣтственность и, «не зная, въ какой степени можетъ быть допущено въ періодическомъ изданіи возобновленіе свѣдѣній о такомъ лицѣ и происшествіи, которому въ наше время есть еще многіе современники», представилъ дѣло на усмотрѣніе комитета. Министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ на представленіи комитета написалъ: «Статья сама по себѣ недурна, и съ нѣкоторыми измѣненіями могла бы быть пропущена. Между тѣмъ, нахожу неудобнымъ и совершенно излишнимъ возобновлять память о писателѣ и о книгѣ, совершенно забытыхъ и достойныхъ забвенія».

674.

П. А. Корсакову.

Въ 1817 г. Пушкинъ напечаталъ нѣсколько стихотвореній въ издававшемся П. А. Корсаковымъ журналѣ «Сѣверный Наблюдатель». При настоящемъ письмѣ Пушкинъ послалъ ему первую половину «Капитанской дочки». Корсаковъ отвѣчалъ 28 сентября: «Можете посудить, съ какимъ удовольствіемъ получилъ я вчера повѣренное цензурѣ моей ваше новое произведеніе, съ какимъ наслажденіемъ я прочелъ его,—или нѣтъ, не просто прочелъ, проглотилъ его. Нетерпѣливо жду послѣдующихъ главъ... Вы желаете сохранить анонимъ, и я не измѣню вашей тайнѣ; но мнѣ нужно чье-нибудь имя для вписанія его въ регистры комитетскіе, или, лучше сказать, нужно лицо представителя манускрипта. Потрудитесь же сообщить мнѣ его имя; а оно должно быть не вымышленное, ибо цензура, допуская псевдонимы и анонимы авторовъ, должна непремѣнно знать, кѣмъ именно сочиненіе неизвѣстнаго представляется цензору. Это одна просьба, а вотъ другая. Мнѣ хотѣлось бы увидѣться лично съ вами и перемолвить нѣсколько словъ о парѣ словъ вашего прелестнаго романа, который я безъ малѣйшаго затрудненія хоть сейчасъ готовъ подписать и дозволить къ печатанію. Назначьте же часъ и мѣсто свиданія». См. ниже, прим. къ п. № 679.

675.

М. Л. Яковлеву.

Въ 1836 г. минуло 25 лѣтъ со дня открытія Царскосельскаго лицея. Желая отпраздновать этотъ день торжественнѣе обыкновеннаго, бывшій директоръ лицея Е. А. Энгельгардтъ предложилъ соединиться на пиршествѣ 19 октября, по крайней мѣрѣ, первымъ тремъ курсамъ. Яковлевъ, къ которому онъ обратился съ этимъ предложеніемъ, сообщилъ Корфу, 9 октября, что «было у насъ съ нѣкоторыми изъ нашихъ совѣщаніе и рѣшительно положено: праздновать по прежнимъ примѣрамъ одному первому выпуску. Пусть Е. А. соединяетъ подъ свои знамена 2-й, 3-й и прочіе выпуски и воздаетъ честь и хвалу существованію лицея, но пусть, насъ, стариковъ, оставитъ въ покоѣ». Такимъ образомъ, у большинства лицейскихъ первенцевъ предложеніе Энгельгардта не встрѣтило сочувствія. О разногласіи Яковлевъ увѣдомилъ Пушкина, пославъ къ нему и къ прочимъ товарищамъ оба мнѣнія, на что и получилъ настоящую записку. Къ мнѣнію Пушкина присоединились: Гурьевъ (№ 40), Мартыновъ (№ 33), Мясоѣдовъ (№ 41) и Комовскій (№ 35). См. статью К. Я. Грота «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него» («П. и его совр.», XIII, 58—63).

676.

Н. И. Гречу.

Отвѣтъ на письмо Греча отъ 12 октября: «Прочитавъ въ 3-й книжкѣ Современника стихотвореніе ваше «Полководецъ», не могу удержаться отъ изліянія предъ вами, отъ полноты сердца, искреннихъ чувствъ глубокаго уваженія и признательности къ вашему таланту и благороднѣйшему его употребленію. Этимъ стихотвореніемъ, образцовымъ и по наружной отдѣлкѣ, вы доказали свѣту, что Россія имѣетъ въ васъ истиннаго поэта, ревнителя чести, жреца правды, благороднаго поборника добродѣтели, возносящагося свѣтлымъ ликомъ и чистою душою надъ туманами предразсудковъ, повѣрій и страстей, въ которыхъ коснѣетъ пресмыкающаяся долу прозаическая чернь. Честь вамъ, слава и благодареніе. Вы нашли истинное, дѣйствительное, единственное назначеніе поэзіи».

677.

Барону М. А. Корфу.

Въ виду работъ Пушкина по исторіи Петра Великаго, Корфъ прислалъ ему списокъ иноязычныхъ сочиненій о Россіи, при письмѣ (отъ 13 октября), въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда служба не поглощала еще всего моего времени, мнѣ хотѣлось ближе изучить русскую исторію, и это постепенно навело меня на мысль составить полный библіографическій каталогъ всѣхъ книгъ и пр., когда-либо изданныхъ о Россіи... Я собралъ огромный запасъ матеріаловъ, впослѣдствіи, однакожъ, оставшихся безъ всякой дальнѣйшей обработки и частію даже растерянныхъ. Послѣдній

нашъ разговоръ о великомъ твоемъ трудѣ припомнилъ мнѣ эту работу. Изъ разрозненныхъ ея остатковъ я собралъ все то, что было у меня въ виду о Петрѣ В. и посылаю тебѣ...».

678.

П. Я. Чаадаеву.

Опечатки: въ строкѣ 14 письма вмѣсто «laisser» слѣдуетъ: «laisser»; на стр. 164, строка 2, вмѣсто «Croyez» слѣдуетъ: «Croyez-vous»; въ черновикѣ, строка 3: «disoit à Alexandre»; строка 4: вмѣсто «pope» слѣдуетъ: «pape»; строка 12: «je suis encore chaud et tout, tout effrayé de son livre».

Клементій Осиповичъ Россетъ (братъ А. О. Смирновой) писалъ Пушкину около того же времени: «Сейчасъ, возвратившись домой, я узналъ нижеслѣдующее обстоятельство, которое спѣшу вамъ сообщить въ дополненіе къ нашему разговору. Государь читалъ статью Чедаева и нашелъ ее нелѣпою и сумазбродною, сказавъ при томъ, что онъ не сумнѣвается, «что Москва не раздѣляетъ сумазброднаго мнѣнія автора», а ген.-губ. князю Голицыну предписалъ ежедневно навѣдываться о состояніи здоровья головы Чедаева и отдать его подъ присмотръ Правительства, цензора отставить, а № журнала запретить. Сообщая вамъ объ этомъ, для того, чтобъ вы еще разъ прочли писанное вами письмо къ Чедаеву, а еще лучше—отложили бы посылать по почтѣ, я прошу прислать мнѣ вышесказанный № для прочтенія». Вѣроятно, вслѣдствіе этой записки настоящее письмо осталось неотосланнымъ (на это указываетъ замѣтка, сдѣланная Пушкинымъ на оборотѣ 7-й страницы).

679.

П. А. Корсакову.

Корсаковъ писалъ Пушкину 25 октября: «Я прочелъ всю рукопись «Капитанская Дочка» и не нашелъ въ ней ничего предосудительнаго. Одно только обстоятельство заставило меня къ вамъ обратиться. Благоволите увѣдомить: 1-е, существовала ли дѣвица Миронова и дѣйствительно ли была у покойной императрицы? 2-е, объявить ли мнѣ въ Цензурѣ, что рукопись эта (неизвѣстнаго автора) доставлена вами,—ибо окончаніе ея обличаетъ васъ въ изданіи этой повѣсти? Вы спросите: на что мнѣ первое? Отвѣчаю. У васъ выведена на сцену, хотя и самымъ приличнымъ образомъ, великая Екатерина; и потому, прежде возвращенія вамъ оригинала, долженъ я о томъ доложить моему начальнику, по порядку, у насъ существующему. Но доклада этого вамъ опасаться не надо; онъ—необходимая проформа, отъ которой я отступить не имѣю права. Итакъ, съ отвѣтомъ вашимъ благоволите мнѣ прислать и начало повѣсти, а я уже вамъ все вмѣстѣ, и конецъ, и начало, тотчасъ послѣ доклада на премину доставить». На это письмо и отвѣчаетъ Пушкинъ. «Капитанская дочка» появилась въ 4-мъ томѣ «Современника».

680.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

Повѣсть въ письмахъ кн. Одоевскаго «Сильфида» была напечатана въ 1-мъ томѣ «Современника» 1837 г., причемъ письмо тестя было передѣлано по указаніямъ Пушкина.

681.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

Волковъ, Матвѣй Степановичъ, профессоръ строительнаго искусства, полковникъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, написалъ статью въ опроверженіе разсужденій Н. И. Тарасенкова-Отрѣшкова, высказывавшагося противъ желѣзныхъ дорогъ (съ эпиграфомъ: «Бѣда, коль...»). Австріецъ Герстнеръ напечаталъ докладъ о выгодахъ сооруженія Царскосельской ж. д.

682.

Графу Е. Ф. Канкрину.

Покончивъ дѣло съ казеннымъ долгомъ, Пушкинъ собирался переселиться на житье въ деревню. Канкринъ отвѣчалъ, 21 ноября, что пріобрѣтеніе помѣщичьихъ имѣній въ казну онъ считаетъ неудобнымъ и что оно могла бы состояться только по особому Высочайшему повелѣнію.

683.

Князю Н. Б. Голицыну.

Князь Николай Борисовичъ Голицынъ (1794—1866), ветеранъ 12-го года, музыкантъ и писатель, переводчикъ «Чернеца» Козлова, перевелъ на французскій языкъ стихотвореніе «Клеветникамъ Россіи». Переводъ этотъ былъ потомъ напечатанъ отдѣльной брошюрой въ М. 1839. Изъ другихъ двухъ переводовъ, упоминаемыхъ Пушкинымъ, одинъ принадлежитъ графу С. С. Уварову (см. прим. къ п. № 430), а другой — А. Цурикову. Этотъ послѣдній также былъ напечатанъ отдѣльной брошюрой въ М. 1839.

684.

Графу В. А. Сологубу.

Возмущенный ухаживаніемъ Дантеса за Нат. Ник. и анонимными письмами, Пушкинъ вызвалъ его на дуэль и секундантомъ пригласилъ графа В. А. Сологуба. Тотъ условился о днѣ (21 ноября) и мѣстѣ поединка и, сообщая объ этомъ Пушкину, прибавилъ, что изъ разговора съ секундантомъ Дантеса д'Аршіакомъ узналъ о намѣреніи Дантеса сдѣлать предложеніе свояченицѣ Пушкина, Екатеринѣ Николаевнѣ, если только Пушкинъ признаетъ передъ секундантами, что въ поступкахъ Дантеса не было ничего предосудитель-

наго. Поэтому Пушкинъ и отмѣнилъ свой вызовъ. Судьи, разбиравшіе дѣло о дуэли Пушкина, считали настоящее письмо адресованнымъ д'Аршіаку (Б. Никольскій, «Послѣдняя дуэль Пушкина», СПб., 1901, стр. 52 — 53). Можетъ быть Пушкинъ послалъ обоимъ секундантамъ два одинаковыхъ письма.

685.

М. Л. Яковлеву.

«Записка о святыхъ», можетъ быть, имѣла какое-нибудь отношеніе къ замѣткѣ Пушкина о трудѣ кн. Эристова «Словарь о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви». См. V, 370.

686.

Барону Геккерну.

Письмо это, переписанное съ нѣкоторыми поправками, было послано барону Геккерну только 26 января 1837 г. Первоначальный же черновикъ былъ найденъ послѣ смерти Пушкина въ корзинѣ подъ столомъ, изорванный въ мелкіе куски, которые собрать всѣ оказалось невозможнымъ. Что можно было прочесть изъ этихъ клочковъ, напечатано въ «Рус. Старинѣ» 1880, № 7.

687.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

Анонимный пасквиль, о которомъ Пушкинъ говоритъ въ этомъ письмѣ, составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Les Grand Croix, Commandeurs et Chevaliers du sérénissime Ordre des Cocus, réunis au Grand Chapître sous la présidence du vénérable Grand Maître de l'Ordre, S. E. D. L. Narichkine, ont nommé à l'unanimité Mr. Alexandre Pouchkine coadjuteur du Grand Maître de l'Ordre des Cocus et historiographe de l'Ordre».

Пушкинъ получилъ 4 ноября 1836 г., утромъ, три экземпляра этого пасквиля. Въ тотъ же день его получили: княгиня Вяземская, Е. М. Хитрово, графъ Сологубъ и еще нѣсколько человѣкъ изъ числа знакомыхъ Пушкина.

688—689.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

Сахаровъ — Иванъ Петровичъ, археологъ. 4-й томъ «Современника» разрѣшенъ цензурою 11 ноября и вышелъ въ свѣтъ, вѣроятно, въ концѣ того же мѣсяца.

690.

Копшинъ писалъ Пушкину 20 декабря, прося его посодѣйствовать, черезъ Жуковскаго, удовлетворительному разрѣшенію ходатайства о мѣстѣ директора тверской гимназіи, освобождающемся за выходомъ въ отставку Лажечникова.

691.

Князю П. А. Вяземскому.

Дѣло идетъ о письмѣ къ Уварову относительно излишней терпимости цензуры къ мнѣніямъ, несогласнымъ съ формулированными имъ основами «оффиціальной народности» (православіе, самодержавіе, народность).

692.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

Пушкинъ былъ въ торжественномъ годичномъ собраніи академіи наукъ 29 декабря 1836 г. и, указывая на вице-президента кн. М. А. Дондукова-Корсакова, сказалъ Краевскому: «А вѣдь сидитъ-то на моей эпиграммѣ! Ничего, не больно, не вертится!» См. IV, 40.

693.

А. А. Плюшару.

Отвѣтъ на письмо Плюшара отъ 23 декабря, въ которомъ изложены были условія порученнаго ему Пушкинымъ новаго изданія стихотвореній.

694.

С. Л. Пушкину.

Веневитиновъ былъ курскимъ губернаторомъ.

1837.

695.

Н. Н. Карадыкину.

Кто былъ Карадыкинъ—неизвѣстно. Записка написана, повидимому, въ отвѣтъ на просьбу о деньгахъ.

696.

Ѳ. А. Скобельцыну.

Скобельцынъ – московскій игрокъ. Денегъ у него не оказалось, и онъ вернулъ письмо кн. Вяземскому съ отказомъ.

697.

А. И. Тургеневу.

Письма А. И. Тургенева изъ Парижа и Рима предназначались къ напечатанію въ «Современникѣ». Стихотвореніе было въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 14 августа 1826 г., см. п. № 202.

698.

Въ ресторанъ Фильетта.

699.

А. О. Ишимовой.

Александра Осиповна Ишимова (1806—1881) извѣстна преимущественно какъ писательница для дѣтей и переводчица. Барри Корнуоллъ (псевдонимъ Брайана Уоллера Проктора)—англійскій поэтъ, изъ котораго Пушкинъ заимствовалъ «Пиръ во время чумы».

700.

А. И. Тургеневу.

701.

Графу К. Ѳ. Толю.

Отвѣтъ на письмо отъ 25 января, въ которомъ гр. Толь благодарилъ за присылку «Исторіи Пугачевскаго бунта» и, между прочимъ, писалъ: «Я съ удовольствіемъ видѣлъ въ вашей книгѣ, что Михельсонъ былъ главнымъ виновникомъ (sic!) сего важнаго возмущенія, въ чемъ, однако, современники его не хотѣли отдать ему справедливость. Я пользовался личною довѣренностію генерала Михельсона, ибо въ чинѣ подполковника былъ я въ качествѣ генералъ-квартирмейстера въ командовавшей имъ арміи въ 1806, 1807 и 1808 гг. Онъ въ бесѣдахъ своихъ со мною часто разсказывалъ мнѣ о его дѣйствіяхъ противъ Пугачева и горько жаловался на интриги, которыми хотѣли затмить его службу».

702.

Барону Геккерну.

Ср. п. № 686.

703.

К. О. Россету.

Клементій Осиповичъ, братъ А. О. Смирновой.

704.

Виконту Д'Аршіаку.

Д'Аршіакъ—секундантъ Дантеса, отвѣчалъ на это письмо: «Такъ какъ вы оскорбили честь барона Жоржа Геккерна, то вы должны дать ему удовлетвореніе. Вы должны сами представить своего секунданта, и о приглашеніи его съ нашей стороны не можетъ быть рѣчи. Готовый отправиться на мѣсто встрѣчи, баронъ Жоржъ Геккернъ настаиваетъ на томъ, чтобы вы поступали согласно принятымъ правиламъ. Всякая задержка будетъ имъ сочтена за отказъ въ удовлетвореніи и за желаніе, путемъ разглашенія этого дѣла, воспрепятствовать его окончанію. Свиданіе секундантовъ необходимо ранѣе поединка, и если бы вы отъ него отказались, то оно будетъ поставлено однимъ изъ условій барона Геккерна; а вы мнѣ сказали вчера и написали сегодня, что вы согласны на всѣ его условія».

705.

А. О. Ишимовой.

Отвѣтъ на письмо отъ 26 января. «Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей»—сочиненіе Ишимовой.

П. Морозовъ.

Дополненія къ письмамъ Пушкина.

706.

А. И. Тургеневу.

Не правда ли, что вы меня не забыли, хотя я ничего не писалъ и давно не получалъ объ васъ никакого извѣстія? мочи нѣтъ почтенный Александръ Ивановичъ, такъ мнѣ хочется недѣли двѣ побывать въ этомъ пакостномъ Петербургѣ, безъ Карамзиныхъ, безъ васъ двухъ да еще безъ нѣкоторыхъ избранныхъ соскучишься и не въ Кишеневѣ, а вдали камина К. Голицыной замерзнешь и подъ небомъ Италіи. Въ руцѣ твои предаюся Отче вы, который сближены съ жителями Каменнаго острова, не можете ли вы меня вытребовать на нѣсколько дней (однакожъ не болѣе) съ моего острова Паѳмоса? я привезу вамъ зато сочиненіе во вкусѣ Апокалипсиса и посвящу вамъ христолюбивому пастырю поэтическаго нашего стада, но сперва дайте знать минутнымъ друзьямъ моей минутной младости, чтобъ они прислали мнѣ денегъ, чемъ они чрезвычайно обяжутъ искателя новыхъ впечатлѣній. Въ нашей Бессарабіи въ впечатлѣніяхъ недостатку нѣтъ. Здѣсь такая каша что хуже овсянаго киселя. Орловъ женился; вы спросите какимъ образомъ? не понимаю..... Голова его тверда; душа прекрасная; но чортъ ли въ нихъ? онъ женился, надѣнетъ халатъ и скажетъ: ornatur qui procul... вѣрьте что гдѣбъ я ни былъ душа моя, какова ни есть, принадлежитъ вамъ и тѣмъ которыхъ умѣлъ я любить.

Пушкинъ.

Кишеневъ
7 мая
1821.

Если получу я позволеніе возвратится то не говорите ничего никому, и я упаду какъ снѣгъ на голову.

На оборотѣ: Его Превосходительству Александру Ивановичу Тургеневу въ С.-Петербургъ.

Автографъ—въ Тургеневскомъ архивѣ; напечат. въ «Русскомъ Библіофилѣ» 1911 г., № 5, стр. 16—17. Объ обстоятельствахъ, въ которыхъ тогда находился Пушкинъ, см. выше, стр. 173—176, примѣч. къ № 1036. К. Голицына — княгиня Евдокія Ивановна. «Минутной младости минутные друзья» и «искатель новыхъ впечатлѣній»—изъ элегіи 1820 г. «Погасло дневное свѣтило»... Овсяный кисель—намекъ на извѣстное стихотвореніе Жуковскаго. Орловъ—Мих. Ѳеод., только что тогда женившійся на Екат. Ник. Раевской.

707.

Неизвѣстному.

[Май—Ноябрь 1823 г.].

J'ose espérer qu'un exil de quatre ans ne m'a pas effacé [tout à fait] de votre mémoire...

Эти двѣ строки записаны Пушкинымъ въ черновой тетради (Румянцевск. муз., № 2369, л. 40_1); слова, заключенныя въ прямыя скобки, въ подлинникѣ зачеркнуты. Тетрадью этой Пушкинъ пользовался въ 1822—1824 гг. Приведенныя строки не упомянуты В. Е. Якушкинымъ въ его обзорѣ румянцевскихъ бумагъ Пушкина, при описаніи той страницы, на которой онѣ находятся («Русс. Стар.» 1884 г, іюнь, 567). Онѣ записаны на серединѣ страницы; верхъ и низъ ея заняты черновикомъ письма къ А. И. Тургеневу, бѣловикъ котораго помѣченъ 1 декабря (1823 г.). П. И. Бартеневъ, впервые напечатавшій черновое письмо къ Тургеневу («Русс. Арх.» 1881, I, 230—231), не выдѣлилъ этихъ двухъ строкъ изъ состава письма; его примѣру послѣдовали П. А. Ефремовъ («Соч. Пушкина», изд. 1882 г., VII, 62; 1903 г., VII, 90). П. О. Морозовъ (изд. Лит. фонда, VII, 63; изд. «Просвѣщ.», VIII, 437). Между тѣмъ и по содержанію, и по положенію въ рукописи эти французскія строки не имѣютъ ничего общаго съ русскимъ письмомъ къ Тургеневу и набросаны, конечно, ранѣе его. Кому собирался подать вѣсть о себѣ Пушкинъ, судить невозможно. «Exil de quatre ans...»—значитъ, письмо писано на четвертомъ году изгнанія, не раньше мая и, во всякомъ случаѣ, не позже 1 декабря 1823 г.

708.

Неизвѣстному.

[Сентябрь—Декабрь 1826 г.].

Voilà ma tragédie. Je voulais vous l'apporter moi même, mais tous ces jours-ci j'ai fait le jeune homme... qui... tout le long du jour...

Карандашная надпись на рукописи «Бориса Годунова» (Румянцевск. муз., тетр. № 2392, л. 1); напечат. П. В. Анненковымъ въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», изд. 1855 г., стр. 175, немного полнѣе—въ «Русс. Стар.» 1884 г., дек., 573.

709.

Н. Н. Гончаровой.

[20 іюля 1830 г. (?)].

J'ai l'honneur de vous présenter mon frère qui a trouvé...

Фраза, находящаяся на л. 32-об. 2382-й тетради Румянцевскаго музея; напечат. въ «Русс. Стар.» 1884 г., ноябрь, 353. Повидимому, это—начало письма къ невѣстѣ 20 іюля 1830 г., извѣстнаго (здѣсь, № 329) во французскомъ переводѣ И. С. Тургенева («Вѣстн. Евр.» 1878, янв., 11).

710.

Князю П. А. Вяземскому.

[15—19 октября 1831 г. Царское Село].

Сей часъ ѣду изъ Ц. С. въ П. б. мебели твои въ цѣлости оставлены мною здѣсь для того, чтобъ доставить тебѣ прямо туда гдѣ ты остановишься.—Деньги тебѣ не выслалъ ибо жду тебя сюда—но когда жъ будешь ты? Ждемъ и не дождемся—похлопочи о Сѣв. Цв., пришли намъ своихъ стиховъ и прозъ, да у Языкова нѣтъ ли чего? я слышу они съ Кирѣевскимъ затѣваютъ журналъ; съ богомъ! да будутъ ли моды? важный вопросъ. По крайней мѣрѣ можно будетъ намъ гдѣ нибудь показаться—да и Косичкинъ этому радъ. А то куда принужденъ онъ былъ приютиться! въ Телескопъ! легко сказать. Дворъ у Васъ—Ж. и Россети въ П—гѣ. Ж. написалъ пропасть хорошаго и до сихъ поръ все еще продолжаетъ переводить одну пѣснь изъ Marmion; славно. Каковъ Гоголь! повѣсти мои печатаютъ—Сѣв. Цв. будутъ любопытны. Прощай до свиданья. Мой адресъ: у Измайловскаго мосту на Воскресенской улицѣ въ домѣ Берникова.

Съ автографа, находящагося въ Тургеневскомъ архивѣ, напечатано въ «Русс. Библіофилѣ» 1911 г., № 5, стр. 19, гдѣ невѣрно датировано «сентябремъ». Дата опредѣляется довольно точно по слѣдующимъ признакамъ: «Сей часъ ѣду изъ Ц. С. въ П. б., мебели твои оставлены мною здѣсь», пишетъ Пушкинъ. Значитъ, эти строки написаны передъ самымъ переѣздомъ Пушкина съ дачи въ городъ, что произошло въ октябрѣ. 21-мъ октября и Петербургомъ помѣчено письмо его къ С. С. Уварову, а 22-го Пушкинъ писалъ Нащокину: «вотъ я въ П.Б., гдѣ я былъ принужденъ перемѣнить мною нанятый домъ. Пиши мнѣ: на Галерной въ домѣ Брискорнъ». 23-го сестра поэта О. С. Павлищева, жившая тогда въ Петербургѣ, писала мужу, что Пушкины, по возвращеніи въ городъ, «ne sont pas tout-à-fait installés encore; à leur arrivée ils ont pris une maison, qui a fini par leur déplaire, et ils ont trouvé une autre à la Galerna» *). Такимъ образомъ, 22—23 октября молодые супруги еще не устроились какъ слѣдуетъ на своей новой квартирѣ въ Галерной улицѣ, быть можетъ, проведя нѣсколько дней въ другой квартирѣ, очевидно, той самой, адресъ которой Пушкинъ сообщаетъ Вяземскому: «у Измайловскаго мосту, на Воскресенской **) улицѣ, въ домѣ Берникова». Когда же переѣхалъ Пушкинъ въ Петербургъ? П. И. Миллеръ, встрѣчавшійся въ то время съ нимъ, указываетъ неопредѣленно, что въ концѣ октября ***); это невѣрно, потому что, какъ мы уже видѣли, 21 октября Пушкинъ писалъ изъ Петербурга Уварову. П. В. Анненковъ ****) говоритъ, что «22-го числа Пушкинъ покинулъ Царское Село и переѣхалъ въ Петербургъ», но и это, конечно, невѣрно. Едва ли Пушкинъ сталъ бы во время хлопотъ, вызванныхъ переѣздомъ съ дачи и мѣной квартиры въ городѣ, отвѣчать Уварову; написалъ онъ ему, конечно, тогда, когда очутился во второй квартирѣ, на Галерной улицѣ. 7 октября онъ писалъ Нащокину изъ Царскаго и не только ничего не говорилъ о переѣздѣ въ городъ, но просилъ своего друга писать на имя Ольги Сергѣевны. «Я слышу [Языковъ] съ Кирѣевскимъ затѣваютъ журналъ», говоритъ Пушкинъ. Кирѣевскій написалъ Пушкину о своемъ «Европейцѣ» въ концѣ октября, но Пушкинъ уже зналъ о новомъ журналѣ отъ Жуковскаго, которому Кирѣевскій писалъ изъ Москвы: «Мой журналъ заставитъ больше писать Боратынскаго и Языкова, которые обѣщали мнѣ дѣятельное участіе» *****).

---

*) «Пушкинъ и его современники», XV, 101. Въ полуфантастическихъ «Воспоминаніяхъ» Л. Н. Павлищева (стр. 263) оно невѣрно помѣчено 2 ноября.

**) Здѣсь, конечно, описка: вмѣсто Вознесенской улицы (т. е. Вознесенскаго проспекта).

***) «Русс. Архивъ» 1902 г., III, 235.

****) «Матеріалы для біографіи П—на», изд. 2-е, стр. 312.

*****) «Русс. Арх.» 1909 г., I, 591—592; «Полн. собр. сочин. И. В. Кирѣевскаго», ред. М. Гершензона, II, 224.

Это письмо помѣчено въ Московскомъ почтамтѣ 6 октября, значитъ, получено Жуковскимъ и могло стать извѣстно Пушкину не ранѣе 10-го числа. Въ протоколѣ празднованія лицейской годовщины, состоявшагося въ 1831 г., какъ всегда, 19 октября, сказано *): «Пушкинъ не былъ потому только, что не нашелъ квартиры» (Яковлева, у котораго собрались первокурсные). Значитъ, Пушкинъ былъ 19 октября въ Петербургѣ. «Повѣсти мои печатаютъ», пишетъ Пушкинъ («Повѣсти Бѣлкина»). «Повѣсти мои напечатаны», пишетъ Пушкинъ Нащокину 22-го числа. 28 октября Д. Н. Блудовъ писалъ своей семьѣ: «посылаю вамъ вновь вышедшее собраніе повѣстей Пушкина; я не читалъ его, получивъ только вчера» **). «Дворъ у васъ», говоритъ Пушкинъ князю Вяземскому, бывшему тогда въ Москвѣ. «Что-то Москва? Какъ вы приняли Государя?» спрашивалъ Пушкинъ Нащокина въ письмѣ 22 октября. Царь пріѣхалъ въ Москву 12 октября, а 15-го пріѣхала государыня, и начались балы и праздники ***). По всему этому письмо Пушкина нужно считать написаннымъ въ день переѣзда изъ Царскаго Села въ Петербургъ, приблизительно между 15 и 19 октября. «Сѣверные Цвѣты» Пушкинъ издавалъ тогда въ пользу осиротѣвшей семьи Дельвига (см. выше, стр. 216). Ж.—Жуковскій.

711.

Н. Н. Пушкиной.

6 декабря [1831 г. Москва].

Сей часъ пріѣхалъ къ Нащокину на Пречистинскомъ Валу въ домѣ Г-жи Ильинской.—Завтра буду тебѣ писать. Сегодня мочи нѣтъ усталъ.—Цалую тебя женка, мой Ангелъ.

6 дек.

Конецъ письма (отъ «Сегодня мочи нѣтъ»...) давно извѣстенъ въ печати (здѣсь, № 437), а начало, съ автографа, принадлежащаго Н. В. Соловьеву, появилось въ «Русс. Библіофилѣ» 1913 г., февр., 16—17. Печатая вторую часть записки («Вѣстн. Евр.» 1878, янв., 22, № 14), И. С. Тургеневъ писалъ М. М. Стасюлевичу: «невозможно предположить, чтобы все письмо № 14 состояло изъ одной строки»... («М. М. Стасюлевичъ и его современники», III, 134).

712.

А. Х. Бенкендорфу.

Général,

Il y a deux ou trois ans que Monsieur Gontcharoff, le grand père de ma femme, se trouvant pressé d'argent, fut sur le point de réfondre une Statue colossale de Catherine II, et c'est à Votre Excellence que je m'adressai pour en obtenir la permission. Comme j'avais cru qu'il ne s'agissait que d'une masse informe de bronze, je ne demandais pas mieux. Mais il se trouva que la Statue était une belle production de l'art, et j'eus consience et regret de l'anéantir pour en tirer quelques milliers de roubles. Votre Excellence avec la bonté accoutumée m'avait fait espérer que le gouvernement pourrait me l'acheter; je l'ai donc fait venir ici. Si la fortune d'un particulier ne permet pas de l'acheter, ni de la garder, cette belle Statue pourrait convenablement être placée soit dans un des établissements fondés par l'Impératrice, soit á Zarskoe Sélo, où Sa Statue manque parmi les monuments qu'Elle a fait élever aux grands hommes qui l'ont servie. J'en désirerai 25.000 R, ce qui est le quart de ce qu'elle a coutée. (Ce monument ayant été fondé en Prusse par un sculpteur de Berlin).

La Statue est actuellement chez moi (Rue Форштатская, maison d'Алымовъ).

Je suis avec respect, Général, de Votre Excellence le très humble et très obeissant serviteur

Signé: Alexandre Pouchkine.

8 Juin 1832.
St.-Pb.

Съ автографа, находящагося въ архивѣ министерства Императорскаго Двора, въ дѣлѣ 1832—1833 гг. «О бронзовой колоссальной статуѣ Екатерины II, предлагаемой къ покупкѣ писателемъ А. Пушкинымъ», письмо напечатано Н. О. Лернеромъ въ газ. «Рѣчь» 1911 г., № 87 (перепечат. въ «Русс. Старинѣ» 1913, декабрь, 505—506). До сихъ поръ была извѣстна только часть письма (здѣсь, № 443), напечатанная П. А. Ефремовымъ въ его послѣднемъ изданіи «Сочин. Пушкина» (1903 г., т. VII, № 436) «съ рукописи Анненкова» (VIII, 614), списанной, повидимому, съ неполнаго черновика.

Письмо на трехъ страницахъ бѣлой бумаги крупнаго почтоваго формата, собственноручно написано поэтомъ; почеркъ—размашистый и четкій, такъ называемый «парадный»; автографъ—великолѣпной сохранности. Вверху первой страницы, тоже пушкинской рукою, написано:

«Copie.
10 іюня 1832».

На подлинномъ собственноручно г. министромъ отмѣчено: «Писать къ президенту академіи, чтобъ послать осмотрѣть сію статую къ

*) «П—нъ и его современники», XIII, 51.
**) «Русс. Арх.» 1875 г., I, 152.
***) «Русск. Арх.» 1875 г., I, 148, 150.

автору Пушкину гг. Мартоса, Демута, Гальберга, Орловскаго, съ тѣмъ, чтобы донесли, какъ о достоинствѣ ея, такъ и о цѣнѣ.

10 іюня 1832».

Письмо адресовано къ А. Х. Бенкендорфу, на что указываетъ не только обращеніе «Général», но и ссылка на данное два-три года назадъ разрѣшеніе обратить статую въ металлъ.

713.

Н. И. Гончаровой.

[1831—1833 гг.].

Милостивая Государыня
Матушка Наталья Ивановна

Вчера получили мы письмо Ваше и сердечно благодаримъ Васъ за...

Автографъ этихъ неоконченныхъ строкъ находится у И. А. Шляпкина, который напечаталъ ихъ въ своемъ сборникѣ «Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», СПб., 1903, стр. 83—84, со снимкомъ.

714.

Неизвѣстному.

[1832—1833 гг.].

Jugez de mon désespoir... m'a rapporté aujourd'hui une réponse, que j'avais fait hier à l'aimable billet que vous avez bien voulu m'écrire... [Merci]...

Автографъ находится въ тетради Румянцевскаго музея № 2380, II, л. 24-об.; напечат. въ «Русс. Стар». 1884 г., ноябрь, 345.

715.

М. Л. Яковлеву.

[5 іюля 1834 г. Петербургъ].

Вотъ тебѣ мой благодѣтель первая глава—съ Богомъ.

Автографъ—въ Имп. Публичной Библіотекѣ, на оборотѣ рукописи первой главы «Исторіи Пугачевскаго бунта», поступившей въ типографію, какъ помѣчено, 5 іюля 1834 г., чѣмъ опредѣляется дата записки; напечат. въ «Нивѣ» 1914 г., № 15, стр. 290.

716.

М. Л. Яковлеву.

[17 іюля 1834 г. Петербургъ].

Вотъ и второй томъ.

Автографъ—въ Имп. Публичной Библіотекѣ, на титульной страницѣ рукописи II тома «Исторіи Пугачевскаго бунта». Дата опредѣляется обозначенною на рукописи помѣтою дня поступленія ея въ типографію.

717.

А. И. Тургеневу.

[1834].

Жена выбрала булавки и сердечно Васъ благодаритъ. Само по себѣ разумѣется, что Пугачевъ явится къ вамъ первому, какъ скоро выдетъ изъ печати. Симбирскъ осажденъ былъ не имъ, а однимъ изъ его сообщниковъ, по прозвищу Фирска. Книгу оставлю у жены, которая вамъ ее и возвратитъ. Весь вашъ—до свиданья.

А. П.

На оборотѣ: Его Превосходительству М. Г. Александру Ивановичу Тургеневу.

Автографъ—въ Тургеневскомъ архивѣ; напечат. въ «Русс. Библіофилѣ» 1911 г., № 5, стр. 19—20. На оборотѣ приписка А. И. Тургенева: «Симбирскъ въ 1691 г. устоялъ противу Степана Разина, Пугачева того времени».

718.

А. И. Тургеневу.

[1834 г.].

Это все у меня ужъ есть—и будетъ напечатано въ приложеніи.—Благодаренъ Полевому за его доброе расположеніе къ исторіографу Пугачева, камерюнкеру и проч. Сей часъ ѣду, лошади уже заложены.

На оборотѣ: А. И. Тургеневу.

Автографъ—тамъ же; напечат. ibid, 20—21.

719.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

[Конецъ 1835—Мартъ 1836 г.г.].

Вотъ Вамъ декабрь. Благодарю за статью, сей часъ сажусь за нее. Повѣсть! Повѣсть! — —

Съ автографа, принадлежащаго Елиз. Ник. Гончаровой, напечат. въ «Пушк. и его соврем.», XVI, 12.

720.

Князю П. А. Вяземскому.

[19—24 января 1836 г.].

Ура! наша взяла. Статья Козловскаго прошла благополучно; сей часъ начинаю ее печатать. Но бѣдный Тургеневъ!... всѣ политическія камеражи его остановлены. Даже имя Фіески и всѣхъ министровъ вымараны; остаются одни православныя Буквы нашихъ русскихъ Католичекъ, да дипломатокъ. Однако я хочу обратиться къ Бенкендорфу—не заступится-ли онъ? Ты мнѣ говорилъ о своихъ стихахъ къ Потоцкой: получилъ-ли ты ихъ? покрайнѣй мѣрѣ не вспомнишь-ли ихъ?

А. П.

Съ автографа, находящагося въ Тургеневскомъ архивѣ, напечат. въ «Русс. Библіофилѣ» 1911 г., № 5, стр. 21, со снимкомъ. Въ «Русс. Библіофилѣ» записка правильно датирована 1836 г., но невѣрно отнесена къ началу апрѣля. Въ примѣчаніяхъ къ ней справедливо указано, что въ ней говорится о цензурованіи первой книги «Современника». Но въ началѣ апрѣля книга уже вышла въ свѣтъ *), съ цензурнымъ дозволеніемъ отъ 31 марта. Пушкинъ пишетъ, что «сей часъ начинаетъ печатать» статью князя П. Б. Козловскаго; значитъ, это было задолго до выхода книги. Далѣе онъ сообщаетъ о расправѣ цензуры съ «Хроникою Русскаго», А. И. Тургенева. 23 янв. Вяземскій писалъ Тургеневу: «Изъ записки ко мнѣ Пушкина увидишь ты, что цензура тебя сѣчетъ и рубитъ» **); очевидно, Вяземскій при этомъ письмѣ послалъ Тургеневу записку Пушкина, которая и осталась въ Тургеневскомъ архивѣ и теперь обнародована ***). Такимъ образомъ устанавливается и время ея написанія, хотя не вполнѣ точно. Дѣло въ томъ, что означеніе времени при письмѣ князя Вяземскаго къ Тургеневу въ «Остафьевскомъ Архивѣ» представляется сомнительнымъ: письмо, помѣченное въ этомъ изданіи № 751, состоитъ изъ трехъ частей, «19 января», «24-го» и «23-го»; по содержанію частей видно, что онѣ расположены въ правильномъ хронологическомъ порядкѣ, и странно, что вторая часть означена позднѣе третьей. Здѣсь можно подозрѣвать описку или опечатку, и записку Пушкина приходится означить приблизительно 19—24 января 1836 г.

*) 8 апрѣля Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу, что она выйдетъ 11 апрѣля («Къ біографіи А. С. Пушкина», вып. II, М., 1885, стр. 63; «Остафьевск. Арх.», III, 312).

**) «Остафьевск. Арх.», III, 290).

***) Въ примѣчаніяхъ къ «Остаф. Архиву», III, 676, въ свое время было сказано, что эта записка не сохранилась.

721.

Графу А. Х. Бенкендорфу (?).

[Январь 1836 г.].

(Черновое).

Je vous supplie de me pardonner mon importunité, mais comme je n'ai pu hier me justifier devant le ministre.

Mon ode a été envoyé à Moscou sans aucune explication—mes amis n'en avaient aucune connaissance. [Il n'y a] toute espèce d'allusion [a y] en est soigneusement éloignée. La partie satyrique porte sur [l'] la vile avidité d'un héritier, qui au moment de la maladie de son parent fait déjà mettre les scelets sur les effets qu'il convoite. J'avoue qu'une anecdote pareille avoit été repandue, et que j'ai [trouvé] recueilli une expression poetique échappée à ce Sujet [a] [Mais je crois qu'il est] [qu'il est] [permis de mettre en vers, un mot adress.] [Le public a pu] [appliqu.].

Il est impossible d'écrire une ode satirique sans que la malignité n'y trouve tout de suite une allusion—[Lorsque] Derj. dans son Вельможа peignit un sybarite plongé dans la volupté, [sourd aux cris du peuple, de sa et] [ingrat] [préferant] qui crie

Мнѣ мигъ...

On applicat ces vers à Palen et à d'autres—cependant toute ces declamations etaient de lieux communs—qui avait été repeté mille fois.

Au fond, c'était des vices du grand seigneur et je ne puis mieux jusqu'à quel point Dérj. était innocent de toute personnalité.

[Mon ode a été] tant pis pour le public—il ne suffit à moi de n'avoir pas (non seulement nommé) ni même insinu... [Je n'ai jamais nommé personne]; le public [et] [la] [a dit on reconnu] à qui que soit que mon ode dans le portrait d'un vil [héritier] avare.

d'un drole qui vole [qu] le bois de la couronne, qui [trompe] presente à sa femme des comptes infidèles [etc.] d'un plat-pied qui, [par *),] devient [la] bonne [de] d'enfants chez les gr. S., etc. a dit-on reconnu, un grand seigneur, un homme riche, un homme honoré d'une charge impartante. [Celà ne me regarde pas] [Cela est]—[il suffit que je ne] [Je n'en sais rien] je demande seulement quel est le trait de mon ode qui puisse lui être appliqué [etc.] ou bien (qu'on me prouve que je l'ai nommé)—que j'ai insinué—

tout celà est bien vague; toutes ces accusations sont des lieux communs—

c'est à dire dans [la] [peinture d'un] la Satyre des vices les plus bas et les plus communs—peints.

Il m'importe peu que le public ait tort ou raison. Ce qui m'importe beaucoup c'est de prouver que jamais en aucune manière, je n'ai insinué à personne que mon ode étoit dirigé contre qui que ce soit—

Автографъ письма, относящагося къ столкновенію поэта съ С. С. Уваровымъ по поводу оды «На выздоровленіе Лукулла», находится въ парижскомъ собраніи г. Отто («Онѣгина»; см. «Пушк. и его соврем.», XII, 9); напечат. въ академич. изданіи переписки Пушкина, т. III, стр. 471—472. см. выше, примѣч. къ № 767.

722.

П. А. Осиповой.

[22 декабря 1836 г. Петербургъ].

Vous ne saurez croire ma bien chère **Прасковія Александровна** combien votre lettre m'a fait plaisir. Je n'avais pas de vos nouvelles depuis plus de quatre mois; et ce n'est qu'avant hier que M-r Lvof, m'en a donnés; le même jour j'ai reçu votre lettre. J'avais ésperé vous voir en automne, mais j'en ai été empêché en partie par mes affaires, en partie par **Павлищевъ** qui m'a mis de mauvaise humeur, en sorte que je n'ai pas voulu avoir l'air de venir à **Михайловское** pour arranger le partage.

C'est avec bien du regret que j'ai été obligé de renoncer à être votre voisin, et j'espère encore ne pas perdre cette place que je prefère à bien d'autres;

Вотъ въ чемъ дѣло: j'avois proposé d'abord de prendre le bien à moi tout seul, en m'engageant de payer mon frère et ma soeur les parts qui leur reviennent à raison de 1500 r. par âme. **Павлищевъ оцѣнилъ Михайловское въ 800 р. душу—я съ нимъ и не спорю, но въ такомъ случаѣ принужденъ былъ отказаться и предоставилъ имѣніе продать. Передъ своимъ отъѣздомъ, писалъ онъ ко мнѣ, что онъ имѣніе уступаетъ мнѣ за 500 р. душу, потому что ему деньги нужны.** Je l'ai envoyé promener, en lui diesant que si le bien coutoit le double, je ne voulois pas en profiter aux depents de ma soeur et de mon frère. La chose en est restée là. Voulez vous savoir quel seroit mon désir? J'aurois voulu vous savoir proprietaire de **Михайловское**, et moi me reserver l' **Усадьба** avec le jardin et une dixaine de **дворовыхъ**.

J'ai grande envie de venir un peu à **Тригорское** cet hiver—

Nous eussions parlé de tout celà.

En attendant je vous salue de tout mon coeur. Ma femme vous remercie de votre souvenir. **Не привезти ли мнѣ вамъ ее?**

Mes hommages à toute votre famille; à **Евпраксея Тимофеевна** sur tout.

Съ автографа, находящагося въ Тургеневскомъ архивѣ, напечат. въ «Русс. Библіофилѣ» 1911 г., № 5, стран. 22—23, со снимкомъ; въ перечнѣ документовъ Тургеневскаго архива оно помѣчено (стр. 9) 20-го декабря 1836 г., а надъ самымъ текстомъ иначе—24 декабря, при чемъ никакихъ основаній какъ для той, такъ и для другой даты не приведено. Однако, ни ту, ни другую нельзя признать вѣрною. Осипова отвѣчала Пушкину на это письмо въ день его полученія, 6 января 1837 г. (акад. изд. переписки Пушкина, № 1128), а 9 января писала ему опять: «je vous ai écrit, mon cher Александръ Серьгеичь en reponse à votre lettre du 22 de l'anée passée que j' avois recu le jour des 3 Rois». Итакъ, Осипова 6 января отвѣтила Пушкину на его письмо отъ 22 декабря, на то самое письмо, о которомъ мы здѣсь говоримъ. Оно служитъ отвѣтомъ на письмо Осиповой отъ 15 декабря (И. А. Шляпкинъ, «Изъ нензд. бумагъ П—на», стр. 294—295).

723.

А. И. Тургеневу.

[1834—1836 гг.].

Письца у меня французскаго нѣтъ, Россійскихъ сколько угодно. Завтра же пригоню. Мнѣ покамѣстъ изъ Парижа ничего не надобно; развѣ Папу Мейстера.

---

*) Одно слово не разобрано.

Съ автографа, находящагося въ Тургеневскомъ архивѣ, напечат. въ «Русс. Библіофилѣ» 1911 г., № 5, стр. 20. «Папа Мейстера»—извѣстная книга Ж. де Местра «Du Pape».

30-хъ ГОДОВЪ.

724.

Неизвѣстной.

Permettez moi de me mettre à vos pieds pour...

Автографъ находится у И. А. Шляпкина, который напечаталъ эту фразу въ своемъ сборникѣ «Изъ неизд. бумагъ П—на», стр. 36.

725.

С. Д. Нечаеву.

Возвратите мнѣ любезный Сергѣй Дмитріевичь не посылку, но письмо: я забылъ въ немъ сказать нужное. Когда въ путь?

А. Пушкинъ.

Напечат. въ академич. изданіи переписки Пушкина, т. III, стр. 459.

726.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

Очень вамъ благодаренъ—я вѣчно дома, а передъ Вами кругомъ виноватъ—да чортъ знаетъ какъ я измѣнился.

7 янв.

Напечат. тамъ же.

727.

Князю В. Ѳ. Одоевскому.

Я дома больной въ насморкѣ. Готовъ принять въ мой (!) коморкѣ любезного гостя—но самъ изъ коморки не выду.

А. П.

Автографы обѣихъ записокъ (№№ 726 и 727) находятся въ Имп. Публичной Библіотекѣ, въ бумагахъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго.

НЕИЗВѢСТНАГО ВРЕМЕНИ.

728.

Неизвѣстному.

J'esperais vous voir et vous parler encore avant mon départ, mais mon mauvais sort me poursuit dans tout ce que je veux. Adieu donc, cher ami, je vais m'enterrer à la campagne jusqu'au premier Janvier—je pars la mort dans le coeur.

Напечат. В. Я. Брюсовымъ («Письма П—на и къ П—ну», М., 1903, стр. 25) съ примѣчаніемъ: «писано рукой Пушкина на обрывкѣ; къ кому обращена эта записка, намъ неизвѣстно». П. А. Ефремовымъ «(Сочин. П—на», изд. 1903 г., т. VII, № 281) она отнесена къ 1830 г., когда у Пушкина произошла размолвка съ невѣстой (см. письма №№ 337—340).

729.

Ѳ. Н. Глинкѣ.

А. Пушкинъ проситъ Ѳ. Н. Глинку удѣлить ему нѣсколько минутъ.

Автографъ находится въ библіотекѣ Общества любителей древней письменности; напечат. въ академич. изданіи переписки Пушкина, т. III, стр. 457.

730.

Неизвѣстному.

Посылаю тебѣ мою образину. Скажи сколько хочешь ты за свою карету? Есть покупщики.

А. П.

Автографъ принадлежитъ А. А. Бахрушину; напечат. въ академич. изданіи переписки Пушкина, т. III, стр. 457. Адресатъ—быть можетъ, кн. П. А. Вяземскій, и въ такомъ случаѣ записка относится къ 1828 г. (см. письмо Вяземскаго къ Н. А. Муханову 23 іюня 1828 г.—«Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина», IX, 195). «Образина» же—гравированный Н. И. Уткинымъ портретъ Пушкина по оригиналу Кипренскаго.

731.

Неизвѣстному.

Въ эту минуту не могу еще ничего сдѣлать; черезъ недѣлю надѣюсь Васъ увидѣть и съ Вами переговорить. Если самъ не буду, пріѣзжайте ко мнѣ.

А. П.

Пожалуйста не принимайте этого письма за отказъ.

Напечатано въ «Россійской Библіографіи», изд. Э. Гартье, 1880 г., № 65 (13), стр. 313.

732.

Неизвѣстному.

Ты хотѣлъ видѣть Тифлискаго живописца—Уговорись съ нимъ когда бы намъ вмѣстѣ къ нему пріѣхать—да можешь ли ты обѣдать завтра у меня?

А. П.

Автографъ находится въ архивѣ Литературнаго фонда; напечат. въ «Вѣсахъ» 1908 г., февр., 40. Есть основанія считать адресатомъ В. А. Жуковскаго.

733.

П. П. Каверину.

Mille pardon, mon cher Kaverine, si je vous fais faux bon—une circonstance imprevue me force à partir de suite.

Автографъ принадлежитъ Ю. Н. Щербачеву (см. его книгу «Пріятели Пушкина М. А. Щербининъ и П. П. Каверинъ», М., 1913, стр. 59—60, 159, 208); напечат. въ академич. изд. переписки П—на, т. III, стр. 460.

Н. Лернеръ.

Пушкинъ въ ряду русскихъ писателей на памятникѣ тысячелѣтію Россіи (Микѣшина) въ Новгородѣ.

По фотографіи, снятой для настоящаго изданія.

731.

Неизвѣстному.

Въ эту минуту не могу еще ничего сдѣлать; черезъ недѣлю надѣюсь Васъ увидѣть и съ Вами переговорить. Если самъ не буду, пріѣзжайте ко мнѣ.

А. П.

Пожалуйста не принимайте этого письма за отказъ.

Напечатано въ «Россійской Библіографіи», изд. Э. Гартье, 1880 г., № 65 (13), стр. 313.

732.

Неизвѣстному.

Ты хотѣлъ видѣть Тифлискаго живописца—Уговорись съ нимъ когда бы намъ вмѣстѣ къ нему пріѣхать—да можешь и ты обѣдать завтра у меня.

А. П.

Автографъ находится въ архивѣ Литературнаго фонда; напечат. въ «Вѣсахъ» 1908 г., февр., № Есть основанія считать адресатомъ В. А. Жуковскаго.

733.

П. П. Каверину.

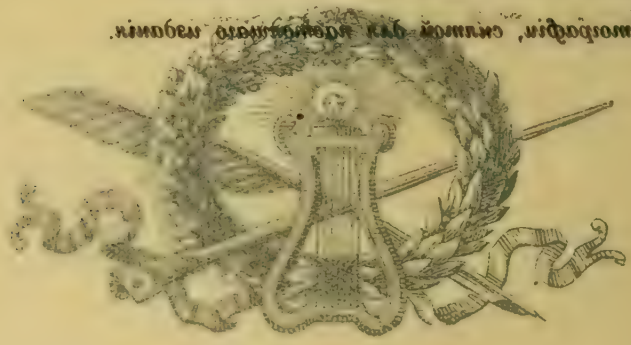
Mille pardon, mon cher Kaverine, si je vous fais faux bon—une circonstance imprévue me force à partir de suite.

Автографъ принадлежитъ Ю. Н. Щербачеву (см. его книгу «Пріятели Пушкина М. А. Щербининъ и П. П. Каверинъ», М., 1913, стр. 59—60, 159, 208); напечат. въ академич. изд. переписки П—на, т. III, стр. 460.

Н. Лернеръ.

Пушкинъ въ ряду русскихъ писателей на памятникѣ тысячелѣтію Россіи (Мякѣшина) въ Новгородѣ.

По фотографіи, снятой для продажнаго медальона.



Алфавитный указатель произведеній Пушкина

ПО ЗАГОЛОВКУ И ПО ПЕРВОМУ СТИХУ.

Въ настоящій указатель включены въ алфавитномъ порядкѣ всѣ произведенія Пушкина, стихотворныя и прозаическія, причемъ мелкія стихотворенія занесены по большей части два раза: подъ ихъ заглавіемъ (подъ которымъ они помѣщены въ настоящемъ изданіи) и по ихъ первому стиху; иногда, когда имѣется нѣсколько заглавій, по три и болѣе раза. Занесены также первоначальныя заглавія, имѣющіяся въ рукописяхъ, о которыхъ сдѣланы упоминанія въ письмахъ или сочиненіяхъ Пушкина, въ примѣчаніяхъ, комментаріяхъ или біографическихъ статьяхъ (напр., «Кавказъ», первоначальное заглавіе «Кавказскаго плѣнника»; «Харемъ», первоначальное заглавіе «Бахчисарайскаго фонтана» и т. д.), съ указаніемъ на страницы, на которыхъ сдѣланы эти упоминанія.

При главномъ заглавіи произведенія (подъ которымъ оно помѣщено въ настоящемъ изданіи) указывается: 1) годъ его написанія; 2) №, подъ которымъ оно напечатано въ настоящемъ изданіи; 3) томъ и страница, на которой оно помѣщено; 4) томы и страницы, на которыхъ помѣщены вводныя статьи, примѣчанія къ нему и всѣ мѣста, гдѣ что-либо говорится о данномъ произведеніи; не указываются они лишь въ томъ случаѣ, когда данное произведеніе упомянуто въ цѣломъ рядѣ другихъ, безъ всякихъ характеризующихъ именно его замѣчаній (Включеніе такихъ указаній безполезно удлиняло бы ряды цифръ, и безъ того для нѣкоторыхъ произведеній, напримѣръ, для «Евгенія Онѣгина», весьма длинные, затруднительные для пользованія). Само собою разумѣется, что всѣ упоминанія самого Пушкина о своихъ произведеніяхъ, хотя бы совершенно мимоходныя, даже сдѣланныя въ простыхъ перечняхъ (напр., V, **412**), въ настоящій указатель заносятся. Наконецъ 5) иллюстраціи.

При заглавіяхъ по первому стиху и при подзаголовкахъ указываются только томъ и страница, на которой помѣщено данное произведеніе, и не указываются ни иллюстраціи, ни упоминанія о немъ.

Жирнымъ шрифтомъ указываются страницы, на которыхъ помѣщены: 1) самыя произведенія; 2) иллюстраціи и автографы, принадлежащіе самому Пушкину; 3) упоминанія о данномъ произведеніи, сдѣланныя самимъ Пушкинымъ. Тѣмъ же **жирнымъ шрифтомъ** печатаются заглавія произведеній, подъ которыми они помѣщены въ настоящемъ изданіи.

Курсивомъ указываются страницы, на которыхъ помѣщены вводныя статьи и примѣчанія, спеціально посвященныя данному произведенію. Обычнымъ прямымъ шрифтомъ — страницы, на которыхъ помѣщены иллюстраціи или упоминанія о данномъ произведеніи, сдѣланныя комментаторами.

[Абамелекъ, княжнѣ А. Д.]. III, **332**.

Avez-vous vu la tendre rose. I, **123**.

Автобіографическое и неосуществленныя программы. [Отрывки изъ лицейскихъ записокъ. Остатки Кишиневскаго дневника и т. д.]. V, **410—450**; VI, **173**.

А въ ненастные дни собирались они. (Изъ письма къ кн. Вяземскому). (1828). № 540. II, **494**; V, *V*; III, 6; VI, 38; 353, 365.

(Аглаѣ, къ —). Кокеткѣ. II, **59**.

Адели. (1822). № 343. II, **142**; *602*; I, 364; II, 115, 562; VI, 351, 355, 500. Портретъ А. Давыдовой. II, 142.

«Адская» поэма. Отрывки. (1821). № 314—318. II, **85**; *587—588*; 542, 561, 626. Иллюстр. **85**, **86**, **87**.

[**«А! И у нихъ то же!»**]. № 1064. VI, 202; *202—203*.

Акаѳистъ К. Н. К—ой, загл. стих. «Земли достигнувъ». IV, LII.

Аквилонъ. (1824). № 390. II, **218**; III, *523*; IV, XXXIX; V, XXXI; VI, 478.

Актеонъ. [Программа]. № 1057. VI, **196**; *196*.

Актрисѣ. Къ молодой —. I, **131**.

Александръ Радищевъ. (1836). № 975. V, **336—342**; III, 548; VI, **162**; 370, 371, 379, 596, 597. Портретъ А. Радищева V, 336—337.

Алексѣеву. (1821). № 270. II, **66**; *568—569*; 571, 604; IV, XIII; VI, 176, 566.

(Алексѣеву, Н. С. Изъ писемъ —). II, **407**.

Альбомныя стихотворенія, см. «Въ альбомъ», «Въ дѣтскій альбомъ», «Изъ альбома»; также: «Сленину, И. В.», «Ушаковой, Ек. Н.».

Альбомъ Евг. Онѣгина, см. «Евгеній Онѣгинъ».

[**Альманашникъ**]. (1829). № 884. IV, **535—537**; III, 15; IV, LXVIII; V, XLVIII.

Альфіери. Изъ —. II, **460**.

Альфонсъ садится на коня. [Не закончено]. (1832). № 691. III, **332**; VI, *430*; 364.

Амуръ и Гименей. (1816). № 77. I, 321; *316.*
Amour, exil. (1828). № 561. II, 500; V, *XX—XXI*; VI, 353.
Анакреона. Изъ —. Оды. IV, 21.
Анакреона. Гробъ —. I, 265.
Анакреона. Фіалъ —. I, 323.
(Анакреону. Подражаніе —). II, 492.
Анаксагору. Къ—, загл. стих. «Кривцову». I, 456.
Ангелъ. (1827). № 494. II, 453; IV, *XXX—XXXI*; II, 623; III, 208, 229, 530, 560; VI, 275, 515—518, 555. Портретъ Е. К. Воронцовой. II, 453.
Англійскаго. Съ —. Цыганы. III, 81.
Англія есть отечество каррикатуры. (1830). № 898. IV, 548.
Анджело. (1833). № 730. III, 435—452. *П. Морозовъ.* «Анджело». *430—434.* VI, *445—447.* II, 441; III, 2; IV, 214; VI, 275, 354, 359, 386, 387, 457, 480, 483, 588, 590. Иллюс. III, 437, 439, 441, 445, 449, 451.
Андрей Шенье. Посвящено Н. Н. Р. (Раевскому). (1825). № 428. II, 284—286. Примѣчанія *Пушкина.* 286. III, *558—560*; I, 442, 562; II, 377, 442, 475, 481, 526, 560; дѣло о стих. А. Шенье 604; V, 552; IV; VI, 4, 12, 15, 18, 20; 275, 352, 368, 384, 387, 397, 437, 547, 549. Портретъ А. Шенье. II. 285.
[**Андрей Шенье не романтикъ**]. (1830). № 885. IV, 537.
[**Анекдотъ о Байронѣ**]. № 1065. VI, 203—204; *204—205.*
Анекдоты [Table Talk]. (1830—1836). № 994. V, 392—402; VI, 564. Портретъ Н. К. Загряжской 395.
Анониму. Отвѣтъ —. III, 81.
Антологическій отрывокъ, первоначальное заглавіе стих. «Діонея». II, 558.
Анчаръ. (1828). № 541. II, 494—495; II, 442; V, 474, XXIII, VI, 94; 216, 376, 575.
Анѳологическія эпиграммы, общее заглавіе, подъ которымъ впервые появились «Царскосельская статуя» и нѣк. др. стих. V, LVIII, LXIV; VI, 575.
Аптеку позабудь ты для вѣнковъ лавровыхъ. (1820). № 249. II, 16; *556.*
Арабскому. Подражаніе —. IV, 23.
Аракчеева. На —. II, 7.
Арапъ Петра Великаго. Повѣсть. № 832. IV, 113—132. *Сергѣй Дуслендеръ.* «Арапъ Петра Великаго». *104—112.* I, 14; III, 23, 211, 219, 459, 460; IV, 66, 353, 354, XXII, XLVI, LVII; V т., XXXIX; VI, 180, 181, 193, 197, 245, 256, 257, 556, 584. Иллюстр. IV, 117, 119, 122—123, 123, 129, 132—133.
Аристъ! и ты въ толпѣ служителей Парнасса! I, 67—71.
Аристъ намъ обѣщалъ Трагедію такую. I, 181.
Аріонъ. (1827). № 501. II, 455; IV, *XXXVII—XXXIX*; II, 524, 528; III, 229; IV, LII; VI, 397. Иллюстр. II, 455.
[Аріосто. Неотдѣланный переводъ изъ —]. II, 384—385.
A son amant Eglé sans resistance. (1831). № 311. II, 83; *586.*
[**Ахъ вы, выходы, выходы, погреба государевы**]. Французскій переводъ. № 830. IV, 86.
[**Ахъ, далече-далече во чистомъ полѣ**]. Французскій переводъ. № 833. IV, 87.
[**Ахъ ты, батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ**]. Французскій переводъ. № 828. IV, 86.
Аѳенея. Изъ —. III, 371.

Баболовскому дворцу. Къ —. I, 447.
[Байрона. Изъ посвященія «Чайльдъ Гарольда»—]. IV, 352.
Байрона. Ни одно изъ произведеній лорда—. IV, 500.
[Байрона. Переводъ начала «Гяура»—]. VI, 178.
Байрону. Подражаніе. Погасло дневное свѣтило. II, 8.
[**Бакуниной, Е. П.**]. Напрасно воспѣвать мнѣ ваши именины. № 1033. VI, 172; *172.*
Баллада. (1819). № 200. I, 549; *568—570.*
Басня о душѣ, которая вслѣдствіе излишняго усердія заботившихся о ней пошла по рукамъ чертей,—неизвѣстное произведеніе Пушкина. I, *304.*
[Баратынскій]. Пора Баратынскому занять на русскомъ Парнасѣ мѣсто. V, 32—35.
Б[аратын]ской, А. Д., загл. стих. «Когда-то, помню, съ умиленьемъ». VI, 430.
(**Баратынскому**). (1822). № 342. II, 141; *601.*
Баратынскому изъ Бессарабіи. (1822). № 330. II, 120; *591*; 601.
Б(аратынскому). Къ —. II, 398.
Барышня крестьянка. (1830). № 837. IV, 159—168. А. *Искозъ.* «Барышня крестьянка». *197—198.* I, 162; III, 220, 221, 225. V, 381, XIV. Иллюстр. IV, 163.
[Батюшкова. Замѣчанія Пушкина на поляхъ «Опытовъ»—]. IV, 490—500.
Батюшкова. Impromptu при проводахъ —.(Не сохранилось). II, *536.*
[Батюшкова, К. Н. О повѣсти—]. VI, 215—216.
Батюшкову. (1815). № 44. I, 225; *228*; 55—56, 151, 218, VI, 350.
Батюшкову. Къ —. I, 145—147.
Бахчисарайскій фонтанъ. (1823). № 370. II, 193—200. *Ю. Айхенвальдъ.* «Бахчисарайскій фонтанъ» *180—183; Н. Лернеръ.* «Бахчисарайскій фонтанъ». *184—188, 616—618.* Предисловіе кн. *П. А. Вяземскаго* къ 1 изд. «Б. ф.» «Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны, или съ Васильевскаго острова». *189—191.* «Выписка изъ Путешествія по Тавридѣ *И. М. Муравьева-Апостола*», *201—204.* «Отрывокъ изъ письма къ Д.*» 204. I, 70; «Фонтану Бахчисарайскаго дворца» II, 11; 98, 102, 107, 226, 233, 431, 435—437, 478, 485, 551, 552, 555, 560, 570, 584, 604; III, 9, 15—19, 24, 90, 205, 217; 322; 469, 520, 541—543, 551, 562, 583, 590; IV, 18, 55, 94, 266; 476; 555, XXI, XXIV, XLIV; V, 420, 426; 452, 453, 456; 515—524, 527, 528, 536—538, 544—546; VI, 32, 43, 52, 165; Посвященіе «Бахч. фонтана» князю Вяземскому 196; 275, 352, 363, 386, 426, 437, 522, 525, 532—534, 538, 541, 542, 552, 563. Иллюстр. II, 180, 184—185, 192, 193, 194, 194—195, 196, 197, 199, 200, 201, 202, 203.
Безвредная ссора. VI, 180.
Безвѣріе. (1817). № 141. I, 417—419; *438—440*; 124, 208; II, 471, 599; III, 231; V, 231, 241; VI, 351, 363. Иллюстр. I, 419.
Безсмертною рукой раздавленный зоилъ. I, 175.
[Безсонова, А. Примѣчаніе къ письму — о статьѣ Гоголя]. V, 389.
[Безсонова, А. и Косичкина. О статьяхъ—]. V, 345.
Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье. III, 82.
Береза бѣлая. № 792. IV, 74.
Берольдъ Савойской, не написанное или потерянное произведеніе Пушкина. III, 118.
Битва у Зеницы-Великой. (1833). № 705. III, 408. Прим. *Пушкина* 420; *375—402.* VI, *439—440.*
Благословенъ и день, и часъ. (1829). № 604. III, 75; V, *XLIII.* Автографъ и рисунокъ Пушкина III, 75.
Благословенъ твой новый путь, не сохранившееся произведеніе. (1829). № 605. III, 76; V, *XLIII.*

Благослови, поэтъ! Въ тиши Парнасской сѣни. I, 421—425.
Благословляю новоселье. III, 174.
Благовѣщеніе, вѣроятно, первон. загл. Гавриліады. II, 606; VI, 531.
Благочестивая жена. I, 561.
Блаженство. (1814). № 24. I, 135—137; *132*; 149; V, 244; VI, 350. Иллюстраціи: I, 135, 137.
Блаженъ въ златомъ кругу вельможъ. (1827). № 518. II, 462; *IV*, *LVIII—LIX*.
Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни. I, 479.
Блаженъ, кто въ шумѣ городскомъ. (1816). № 74, I, 309; *308—310*; V, 493.
Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ,—первоначальная (лицейская) редакція стих. «Дельвигу» I, 412.
Блеститъ луна, недвижно море спитъ. (1823—24). № 408. II, 260; III, *550—551*; 556.
Блеща средь полей широкихъ. III, 66.
Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая. Переводъ неизданныхъ стиховъ Андрея Шенье. (1827). № 505. II, 456; IV, *XLIV—XLV*; III, 583; IV, XXXVII, LVIII.
Блѣдна, слаба Земфира дремлетъ. II, 250.
Бова. (1815). № 38. I, 203—209; *202—210*; 56, 124, 151, 458, 581; II, 504, 508; IV, 54; V, 239, 240; 493; VI, 350, 430. Иллюстр. I, 205, 206, 209.
Богами вамъ еще даны. I, 363.
Богородицыны дочки. V, 401.
Богъ веселый винограда. (1835). № 755. IV, 21; VI, *469*, 354.
Богъ вѣсть, за что философы, піиты. I, 349.
Богъ помочь вамъ, друзья мои. II, 456.
Боже, Царя храни. (1816). № 108. I, 365; *366—368*; 508; VI, 351, 365. Автографъ I, 365.
Больны вы, дядюшка,—нѣтъ мочи. (1816). № 113. I, 371; *372*.
Бонапарте, неизв. лицейское стих. Пушкина. III, 302; V, 412.
Бонапартъ и черногорцы. (1833). № 711. III, 413; *375—402*; VI, *439—440*. Иллюстрація III, 413.
Борисъ Годуновъ. (1825). № 453. II, 318—364. Посвященіе памяти Карамзина 316. Зачеркнутая Пушкинымъ въ рукописи (1825) и не помѣщенная имъ въ изд. 1831 г. сцена 365. *Ѳ. Батюшковъ*. «Борисъ Годуновъ» *296—307*; *Н. Павловъ-Сильванскій*. «Народъ и царь въ трагедіи П—на» *308—314*. Замѣтки *Пушкина*, относящіяся къ «Б. Г.» 570—574. III, *566 — 574*. I, 9, 236, 238, 464, 474, 567, 577; II, 116, 117, 228, 233, 372, 375, 376, 380, 482, 486, 560, 592, 605, 606; III, 21, 107, 119, 121, 185; 275 (?); 340, 344, 347; и имп. Николай I 350—351; 518, 536; IV, 3—5, *8—20*, 59, 63, 66, 72, 96, 185, 243, 285, 354, 358, 367, II, XII, XV, XLIV, LV, LVII, LXVI; V т., 23, 235, 243, 380, 387; 418—420; 459, 473; 552; XV, L; VI, 7, 10—15, 18, 22, 29, 32, 41, 45, 50—53, 59, 61, 66—70, 78, 82, 96; 200, 209, 244, 248, 326—328, 352, 358, 361, 503; музыка Мусоргскаго 511, 512; 546, 448, 551 — 554, 561 — 571, 576; 602. Иллюстраціи II, 316—363.
Бородинская годовщина. (1831). № 680. III, 199—200; VI, *416—417*; V, 244; VI, 355, 375, 378, 407—412, 418, 467, 468, 479, 480.
Брадатый староста Авдѣй. (1828). № 568. II, 502; V, *XXIII—XXIV*; IV, 66.
(Брату). Братъ милый, отрокомъ разстался ты со мной. II, 154.
Братъ милый, отрокомъ разстался ты со мной. (Брату). (1822). № 355. II, 154; *612*.
Братья Разбойники. (1822). № 332. II, 127—131. *Несторъ Котляревскій*. «Братья Разбойники» *122—126*; *591—592*; 116, 117, 175, 233, 428, 435, 478, 485, 521; III, 217, 567, 590; IV, 13, 15, 17, 55, 272; XII, XXXV; V, 420; 455; 504, 513, 514, 516, 518, 529, 530, 543, 545; VI, 275, 352, 442, 528, 532, 541. Иллюстр. II, 127, 129, 130, 131. Программа-автографъ 159.
Брови Царь нахмуря. (1825). № 452. II, 295; III, *566*; VI, 12; 352.
Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ. Стансы. (1829). № 603. III, 74; I. 326; III, 168, 233; V, XLV; VI, 355, 485.
[**Будемъ справедливы**]. (1830) № 910. V, 3.
Будрысъ и его сыновья. (1833). № 732. III, 454; VI, *448*; IV, L; VI, 354, 362. Иллюстрація III, 455.
[**Будучи русскимъ писателемъ**]. (1830). № 909. V, 2—3.
Будущая эпитафія, одно изъ загл. стих. «Моя эпитафія» I, 298.
[**Буквы, составляющія славянскую азбуку**. Eno et Ikael]. (1830). № 936. V, 11.
Булгарина. На—III, 80; 83.
Буря. Ты видѣлъ дѣву на скалѣ. (1825). № 467. II, 401; III, *580*; I, 338; VI, 360, 478.
Буря мглою небо кроетъ. II, 400.
Бывало въ сладкомъ ослѣпленьи. (1823—24). № 409. II, 260; III, *551*.
Бывало прежнихъ лѣтъ Герой. I, 227; VI, 350.
Была пора: нашъ праздникъ молодой. IV, 50—51.
Было время, процвѣтала. III, 169—170.
Былъ и я среди Донцовъ. (1829). № 608. III, 7?; V, *XLIV*; IV, 69; VI, 353.
Былъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный. (Первая редакція. Передѣлка въ «Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ»). (1830). № 648. III, 133—134; V, *LXI*; VI, 81; 571.
Быть въ сраженіи похвально. (1829). № 616. III, 78; V, *XLVI*.
Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ. II, 290.
Бѣги, сокройся отъ очей. I, 511.
Бѣжитъ рѣчка по песку. № 791. IV, 73.
Бѣсы. (1830). № 633. III, 82—83; V, *LV*; III 558; IV, 64, 69; V, V, LV; VI, 216, 354, 360, 364, 366, 478, 575. Иллюстрація III, 83.
Bunyan. Изъ —. Загл. стих. «Странникъ». VI, 464.

Вадимъ. (Отрывки драмы и поэмы). (1822). № 335. II, 136—138; *594—598*; 587, 592; IV, 7, 11, 53, 358; VI, 352, 363. Программы «Вадима». V, 414.
Вакхическая пѣсня. (1825). № 431. II, 288; III, *561*; II, 378, 482, 528; III, 181; VI, 275, 353.
Вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать било. I, 295.
Вамъ Музы, милыя старушки. II, 488—489.
Variantes en l'honneur de m-lle N. II, 289.
Вастола, или желанія. Повѣсть въ стихахъ, сочиненіе Виланда, издалъ А. Пушкинъ. СПБ. въ тип. Деп. Внѣшн. Торг., 1836, въ 8, стр. 96. (1835). № 972. V, 335; 477, 478, 589; VI, 220.
Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ. II, 152.
Вдали ты зришь утесъ уединенный? I, 93.
Вдовѣ. Къ молодой —. I, 371.
[**Вези, вези, не жалѣй**..]. № 1051. VI, 194; *194*;
Везувій зѣвъ открылъ. (Черновые наброски). (1835). № 772. IV, 40; VI, *486—487*. Иллюстр. IV. 40—41.
Великій день Бородина. III, 199.
Великимъ быть желаю. I, 481.
(Великопольскому, И. Е. Изъ письма къ —). Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось. II, 403.
[Великопольскому, И. Е.], Посланіе къ—. Сочинителю Сатиры на игроковъ. II, 488.
Вельможѣ. Къ—. Кн. Н. Б. Юсупову III, 58—62.

(Вельяшевой, Е. В.). Подъѣзжая подъ Ижоры. II, 497.

(Венерѣ отъ Лансы). (1814). № 18. I, 119; *120—122*; VI, 391. Иллюстр. I, 119.

Венерѣ, Ѳебу и Ѳемидѣ. (1822). № 360. II, 156. *613.*

Вертоградъ моей сестры. (1825). № 432. II, 238; III, *561*; II, 579, 580; IV, IV; VI, 352.

Веселый вечеръ въ жизни нашей. VI, 172.

Веселый пиръ. (1818). № 174. I, 479; *483—484*; VI, 351.

Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Изд. 2-е, двѣ ч., въ 8 д. л. XIV, 203 и X, 233, въ тип. Деп. Внѣшн. Торговли. (1836). № 973. V, 336; VI, 220.

Вечерня отошла давно. (1821). № 300. II, 81, *584.*

Вечерняя заря въ пучинѣ догорала. I, 219—221.

Вечерній пиръ. VI, 351.

Взгляни на милую, когда свое чело. II, 23.

Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ. I, 409.

(Вигелю, Ф. Ф. Изъ письма къ —). Проклятый городъ Кишиневъ. II, 207.

[Вигелю, Ф. Ф. Отвѣтъ —]. VI, 178.

[Видока. О запискахъ—]. IV, 550.

Видѣніе короля. (1833). № 703. III, 405—407. Прим. *Пушкина* 420. *375 — 402*; VI, *439—440.* Иллюстраціи III, 405, 406, 407.

Виландъ. Вастола, или желанія. Повѣсть въ стихахъ. Изд. А. Пушкина. V, 335.

Вильсоновой. Изъ — трагедіи. Пиръ во время чумы. III, 169—173.

Вино. (Іонъ Хіосскій). III, 371.

Виноградъ. (1820). № 242. II, 10, *552*; 170.

Вишня. (Приписывается Пушкину). (1815). № 66. I, 297—299; *303.* Иллюстр. 297.

Владиміръ, можетъ-быть, первоначальное названіе Кавказскаго Плѣнника II, 25.

Властитель слабый и лукавый. VI, 212—213.

Влахъ въ Венеціи. (1833). № 707. III, 410. Прим. *Пушкина* 420; *375—402*; VI, *439, 440.* Иллюстрація III, 411.

Влюбленный бѣсъ, не написанное или потерянное произведеніе Пушкина. III, 118.

[Внизъ то было, по матушкѣ, Камышенкѣ рѣкѣ]. Французскій переводъ. № 827. IV, 86.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ. I, 431.

«Внимай, что я тебѣ вѣщаю». I, 561.

Вновь я посѣтилъ. (Не закончено и не отдѣлано). (1835). № 708. IV, 38—39; VI, *484—485*; I, 28, 476; II, 380; III, 233; IV, 57, LVII; V, 235, 236; VI, 358, 361, 453, 590. Иллюстр. IV, 39.

Внукъ Тредьяковскаго Клитъ гекзаметромъ пѣсенки пишетъ. I, 181.

Во время оное, былое. (1829). № 613. III, 77; V, *XLV—XLVI.*

Во времена Царя Додона. (1821). № 304. II, 32; *585.*

Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ. (1827). № 490. II, 451; IV, *XXIII*; II, 528; III, 350; IV, I, XLV; VI, 397. Иллюстр. II, 451.

Во городѣ то было во Астраханѣ. IV, 77.

Вода и вино. (1815). № 43. I, 225; *226*; 322, 324, 364; V, 237; VI, 350.

Воевода. (1833) №. 731. III, 453; VI, *447—448*; IV, L; VI, 354, 355, 406. Иллюстрація III, 453.

Воевода Милошъ. (1833). № 714. III, 415; *375—402*; VI, *439—440.* Иллюстрація III, 415.

Возвратясь изъ подъ Арзрума. (1830). № 921. V, 6.

[Возвратясь изъ путешествія]. [Другая обработка предыдущей темы]. (1830). № 916. V, 4.

Возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году. На —. I, 291—293.

Возможно ль, вмѣсто розъ, Амуромъ насажденныхъ. I, 121.

Возрожденіе. (1819). № 198. I, 543; *568*; 556; II, 513; IV, VII; V, XLI.

Возстань, боязливый. II, 254—255.

Возстань, о Греція, возстань. (1823). № 369. II, 179; *615—616*; 442, 576.

Воистину, еврейки молодой. II, 143—148.

Война. (1821). № 278. II, 75; *576—577*; 426, 431, 442, 599; VI, 531.

Война!.. Подъяты наконецъ. II, 75.

(Волконскаго, Сергѣя, декабриста. Эпитафія сыну —). II, 459,

Волконской, кн. З. А. При посылкѣ ей поэмы Цыганы. (1827). № 499. II, 454; IV, *XXXV—XXXVI.* Портретъ II, 454—455.

Волконской, княжнѣ. (1816). № 104. I, 361; *358.*

Волненьемъ жизни утомленный. (1828). № 565. II, 501; V, *XXI.*

Вольное подражаніе лорду Байрону. Моя родословная или русской мѣщанинъ. III, 100—101.

Вольность. Ода. (1819). № 183. I, 511—517; *510—516*; 466, 498—502; 519; 520, 534, 542, 558; II, 427, 474, 513, 514, 519, 536, 572; III, 229, 465, 559, 583; V, 415; 489; VI, 164; 351, 368, 495, 524. Иллюстр. I, 511, 513, 515, 517.

Вольтера. Начало перевода «Дѣвственницы» — II, 386.

Вольтера. Изъ —. Стансы. Ты мнѣ велишь пылать душою. I, 401.

Вольтеръ. (Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses, etc. Paris». (1836)). № 981. V, 349—352; VI, 164.

Во лѣсахъ дремучіихъ. № 809. IV, 78.

[Воображаемый разговоръ съ Александромъ I]. (1825). № 1008. V, 415—416; I, 510; II, 268, 534; III, 548; IV, 6, LI.

Wordsworth. Изъ —. IV, 352.

Во ржи былъ василекъ прекрасный. VI, 180.

Воронцова. На —, загл. стих. «Полугерой, полуневѣжда». III, 512.

Воронъ къ ворону летитъ. (Шотландская пѣсня). (1828). № 556. II, 500; V, *XVIII — XIX*; VI, 40; 354, 559.

Воротился ночью мельникъ. IV, 36.

Во славномъ городѣ во Кіевѣ. № 808. IV, 78.

Воспитанный подъ барабаномъ. (1824). № 403. II, 258; III, *548—549*; I, 468.

Воспоминаніе. Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день. (1828). № 531. II, 491; I, 540; III, 182, 183, 517, 551; V, I, IV; VI, 193, 275, 353, 361, 456, 518.

Воспоминаніе. (Къ Пущину). (1815). № 57. I, 271; *278—280*; 149, 304, 364; VI, 391, 392. Иллюстр. I, 271.

Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ. (1814). № 37. I, 185—197; *196—200*; 14, 58, 60, 150, 151, 212, 216, 222, 228, 241, 294, 304, 368; II, 472, 505, 507, 541; IV, 52; V, 237—239, 241; 412; 442, 545; XLI; VI, 350. Иллюстр.: I, 185, 187, 189, 191, 192—193, 193, 195, 197, 198, 199; автографъ 200.

Воспоминанія въ Ц. С. (Царскомъ Селѣ). (Окончательно не отдѣлано). (1829). № 601. III, 72—73; V, *XL—XLI*; IV, IV; VI, 353, 456, 498. Иллюстр. III, 72, 73.

Воспоминаньемъ упоенный. II, 2.

Воспоминаньями смущенный. III, 72—73.

Вотъ Виля—онъ любовью дышетъ. I, 375.

Вотъ Еврейка съ Тодорашкой. II, 79.

Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ. (1816—17). № 150. I, 431; *452.*
Вотъ зеркало мое—прими его, Киприда! I, 119.
Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ. (Въ альбомъ Е. Н. Вульфъ). (1826). № 476. II, 403; III. *609—610.*
Вотъ карапузикъ нашъ, монахъ, I, 431.
Вотъ Коцитъ, вотъ Ахеронъ,—неизвѣстный набросокъ. III, 517.
Вотъ муза, рѣзвая болтунья. (1821). № 305. II, 82; *585.*
Вотъ перешедши мостъ Кокушкинъ. III, 63.
Вотъ Хвостовой покровитель. I, 553.
Враги мои, покамѣстъ я ни слова. II, 281.
Всеволожскому. (1819). № 191. I, 531--533; *538—540*; 482, 510; II, 438; III, 553; IV, 53. Иллюстр. I, 531.
Все въ жертву памяти твоей. (1825). № 468. II, 401; III, *580.*
Все въ ней гармонія, все диво. III, 179.
Все въ таинственномъ молчаньи. I, 265.
Всегда такъ будетъ и бывало. (1821). № 281. II, 78; *581.*
Все жалобы, упреки, слезы. (Отрывокъ изъ комедіи). (1821). № 313. II, 84; *587.*
Всей Россіи притѣснитель. II, 7.
Все кончено: межъ нами связи нѣтъ. (1823—24). № 410. II, 260; III, *551—552.*
«Все миновалось». I, 289.
Все мое, сказало злато. II, 460.
Все плѣняетъ насъ въ Эсѳири. I, 505.
Все призракъ, суета. (1818—19). № 220. II, 3; *542*; VI, 350, 351.
Все тихо, на Кавказъ идетъ ночная мгла. Элегія. V, XLIII.
Встрѣчались мнѣ наперсники молвы. (1822). № 366. II, 157; *614*; 586; III, 551.
[**Встрѣча съ Кюхельбекеромъ**]. (1827). № 1012. V, 418. Портретъ Кюхельбекера. 418—419.
Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весной. I, 331—333.
Всѣ говорятъ, онъ Вальтеръ Скоттъ. (Неправильно приписываемая Пушкину эпиграмма). V, 489.
Всѣмъ извѣстно, что французы народъ самый анти-поэтическій. (1831). № 948. V, 46; IV, 3.
Всю жизнь провелъ въ дорогѣ, и умеръ въ Таганрогѣ. (Приписывается П—у). I, 466.
2 ноября. Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ. III, 68.
Второе посланіе къ Аристарху—загл. (для цензуры) стих. «Второе посланіе къ цензору». III, 526.
Второе посланіе къ цензору. (1824). № 393. II, 219—221; III, *526—528*; II, 473, 481, 608, 609; V, 539; VI, 352, 378, 381, 535. Иллюстр. II, 220, 221.
Vous me demandez mon portrait. I, 169.
Вульфу А. Н. (1824). № 387. II, 215; III, *517—519*; I, 550; V, 530. Портретъ III, 215.
(Вульфъ А. Н.). За Netty сердцемъ я летаю. II, 497.
(Вульфъ, Е. Н. Въ альбомъ). Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ. II, 403.
Вурдалакъ. (1833). № 715. III, 415; *375—402.*
Вчера былъ день разлуки шумной. II, 120.
Вчера за чашей пуншевою. I, 279.
Вчера мнѣ Маша приказала. I, 305.
Въ Академіи Наукъ. (1835). № 774. IV, 40; VI, *488—489*; 354, 483, 599.
«Въ альбомъ», или «Въ альбомъ иностранкѣ», разныя заглавія ст. «Иностранкѣ». III, 511.
Въ Альбомъ малюткѣ, одно изъ загл. стих. Адели. II, 602.
Въ альбомъ г. К., загл., подъ кот. было впервые напечатано стих. «Кн. А. П. Голицыной». I, 516.
Въ альбомъ, загл. стих. «Что въ имени тебѣ моемъ». V, XXV.
(Въ Альбомъ). Гонимый рока самовластьемъ. III, 331.
(Въ Альбомъ). Долго сихъ листовъ завѣтныхъ. III, 334.
(Въ альбомъ Вульфъ, Е. Н.). Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ. II, 403.
(Въ альбомъ Г***). [Н. Н. Гончаровой]. Красавица. III, 179.
Въ альбомъ Зубову, А. Н. (1817). № 132. I, 407; *412*; III, 554.
Въ Альбомъ Илличевскому. (1817). № 134. I, 409; *414.* Иллюстр. 409.
Въ Альбомъ Пущину, И. И. (1817). № 135. I, 409; *428*; VI, 351, 392.
Въ Альбомъ Россетти, А. О. Въ тревогѣ пестрой и безплодной. III, 331.
Въ Альбомъ Сосницкой, Е. Я. (1818). № 171. I, 477; *482—483.*
(Въ Альбомъ). Е. Н. У***вой (Елиз. Никол. Ушаковой). II, 500.
Въ Альбомъ Щербинину, М. А. (1819). № 186. I, 523; *528—532*; 310, 510.
Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей. II, 452.
Въ Геенѣ праздникъ. Въ тмѣ кромѣшной. II, 85.
Въ глуши, измучась жизнью постной. (Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому). (1825). № 451. II, 381; III, *574*; VI, 12.
(Въ голубомъ эѳира полѣ). Догорала молодая. II, 156.
Въ дверяхъ Эдема Ангелъ нѣжный. II, 453.
Въ Доридѣ нравятся и локоны златые. II, 6.
Въ дыму, въ крови, сквозь тучи стрѣлъ. VI, 176; *176.*
(Въ дѣтскій альбомъ кн. П. П. Вяземскому—сыну). Душа моя Павелъ. II, 422.
Въ еврейской хижинѣ лампада. (Не закончено). (1832). № 690. III, 332; VI, *430*; 376.
Въ его «Исторіи» изящность, простота. I, 555.
Въ жизни мрачной и презрѣнной. (1820). № 233. II, 7; *548 — 549*; IV, XI; VI, 352. Портретъ Ѳ. Толстого II, 7.
Въ Коломнѣ на углу маленькой площади. [Набросокъ 1831 г.] № 845. IV, 259 — 260; 265, 266, 269, 557.
Въ крови горитъ огонь желанья. (Подражаніе «Пѣснѣ Пѣсней» Соломона). (1821). № 280. II, 78; *579 — 580*; III, 561; IV, IV; VI, 503; положено на музыку Глинкой 504.
Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной. II, 294.
Въ лѣсахъ Гаргаріи щастливой. (1822). № 362. II, 156; *613*; VI, 196.
Въ младенчествѣ моемъ она меня любила. II, 23.
Въ молчаньи предъ тобой сижу. I, 373.
Въ надеждѣ славы и добра. II, 423.
Въ началѣ жизни школу помню я. [Не закончено]. (1830). № 647. III, 133; V, *LX—LXI*; I, 58; II, 559, 606, 621; III, 228; IV, VII; V, XL; VI, 354, 358, 361, 431.
Въ неволѣ скучной увядаетъ. I, 349.
Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній жаръ. I, 405.
Въ немъ радости мои; когда померкну я. I, 351.
Въ одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля. [Набросокъ 1831 г.] № 842. IV, 253—254; 265, 267, 269.

[**Въ одной газетѣ, почти офиціальной, сказано было, что прадѣдъ мой**]. (1830). № 919—920. V, 5—6; LVIII.

[**Въ одной газетѣ, почти офиціальной, сказано было, что я — мѣщанинъ во дворянствѣ**]. (1830) № 922. V, 6—7.

Въ одномъ изъ московскихъ журналовъ выписываютъ объявленіе объ «Иліадѣ». (1830). № 899. IV, 548—549.

Въ одномъ изъ нумеровъ Лит. Газеты. [О записках Видока]. (1830). № 901. IV, 550; V, 463, 464; VI, 53, 118; 563.

(Въ отвѣтъ на стихи кн. Вяземскаго). Ея глаза. I, 490.

Въ отдаленіи отъ васъ. (Е. Н. Ушаковой). (1827). № 497. II, 454; IV, *XXXIV*; III, 346; IV, 353.

Въ печальной праздности я лиру забывалъ. I, 421.

Въ пещерахъ Геликона. I, 225.

Въ пещерѣ, на острыхъ каменьяхъ. III, 411.

Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья. (Изъ цикла «Подражаній Корану»). (1823—24). № 414. II, 260; III, *543*; IV, XXVI.

Въ полѣ чистомъ серебрится. (1833). № 743. III, 492; VI, *457*; IV, 63, 69, XIV; VI, 354.

Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья. Разлука. I, 411.

Въ послѣдній разъ твой образъ милой. Разставаніе. III, 84.

Въ пустынѣ чахлой и скупой. II, 494—495.

Въ рощахъ Карійскихъ, загл. стих. «Таится пещера». IV, LXI.

Въ рощѣ сумрачной, тѣнистой. I, 135.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ. II, 50.

Въ рюмкѣ свѣтлой предо мною. (1828). № 570. II, 502; V, *XXIV*.

Въ себѣ всѣ блага заключая. II, 4.

Въ сіяніи и въ радостномъ покоѣ. (Эпитафія сыну декабриста Сергѣя Волконскаго). (1827). № 508. II, 459; IV, *XLVII — XLVIII*; II, 518. Портретъ М. Н. Волконской съ сыномъ. II, 459.

Въ славной въ Муромской землѣ. VI, 218.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной. II, 455.

Въ степяхъ зеленыхъ Буджака. (1828). № 467. II, 502; V, *XXIII*.

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный. II, 60.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ. II, 62—63.

Въ сыромъ борку на клену. (Сводный текстъ изъ двухъ варіантовъ). № 802—803. IV, 76.

Въ твою свѣтлицу, другъ мой нѣжный. (1821). № 303. II, 82; *584—585*; VI, 243.

Въ тревогѣ пестрой и безплодной. (Въ Альбомъ А. О. Россетти). (1832). № 687. III, 331; VI, *426—427*; 430, 439.

Въ третьемъ нумерѣ Московскаго Вѣстника. [О гекзаметрахъ Мерзлякова]. (1830). № 900. IV, 549—550. Портретъ Мерзлякова 549.

Въ 179* году возвращался я. [Набросокъ 1831 - 1832 гг.]. № 843. IV, 254; 265, 267.

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы. II, 205.

Въ утломъ челнѣ и беззвѣздною ночью я, бурѣ навстрѣчу. VI, 194.

Въ часы забавъ иль праздной скуки. Стансы. (1830). № 623. III, 79; V, *LI*; VI, 355, 517. Портретъ митр. Филарета. III, 79.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю. II, 139.

Въ Элизіи Василій Тредьяковскій. III, 69.

Въ Юрзуфѣ бѣдный Музульманъ. (1821). № 309. II, 82—83; *585*.

Выздоровленіе. (1818). № 164. I, 465; *470—472*; 149, 546; VI, 350.

Выздоровленіе Лукулла. На —. IV, 38.

Вы избалованы природой. II, 500.

[**Вы, молодые ребята, послушайте**]. Французскій переводъ. № 826. IV, 85—86.

[**Выписки изъ Чети-миней**]. (1835). № 969. V, 326.

Высоко надъ семьею горъ. III, 65.

Выстрѣлъ. (1830). № 838. IV, 169—176. *А. Искозъ*. «Выстрѣлъ». *186—191*. Иллюстр. 169, 171, 173, 176.

Вы съединить могли съ холодностью сердечной. I, 477.

Вѣнецъ желаніямъ! И такъ я вижу васъ. (Отрывокъ изъ рѣчи въ «Арзамасѣ»). (1817). № 136. I, 411; *430*; VI, 351.

Вѣнчанье Шутовскаго. [Отрывки изъ лицейскихъ записокъ]. V, 410.

Вѣрное предсказаніе. VI, 179.

[**Вѣтренный мальчикъ**]. Дѣтскія книжки. V, 17. Портретъ Н. Полевого 17.

(Вяземскаго, князя. Въ отвѣтъ на стихи —). Ея глаза. II, 490.

Вяземскаго. Къ портрету —. II, 14.

[Вяземскаго. Замѣчанія *Пушкина* на статью кн.—объ Озеровѣ]. IV, 486—490.

[Вяземскаго. О статьяхъ Кн.—]. IV, 547—548.

[Вяземскаго, кн. О сборникѣ —]. Отъ редакціи. V, 391.

[Вяземскій, П. А. «Старина и Новизна. Историческій и Литературный Сборникъ»]. V, 391.

(**Вяземскому, кн. П. А.**). Язвительный поэтъ, острякъ замысловатой. (1822). № 357. II, 155; *613*; VI, 352. Портретъ кн. Вяземскаго, рисованный *Пушкинымъ*. II, 155.

(Вяземскому, кн. П. А. Изъ письма —). Въ глуши, измучась жизнью постной. II, 381.

— —. Такъ море, древній душегубецъ. II, 401.

— —. А въ ненастные дни собирались они. II, 494.

(Вяземскому, кн.). Сатирикъ и поэтъ любовный, II, 295.

[Вяземскому, князю. Посвященіе «Бахчисарайскаго фонтана»]. VI, 196.

(Вяземскому, кн. П. П. —сыну. «Въ дѣтскій альбомъ» —). Душа моя Павелъ. II, 422.

Вянетъ, вянетъ лѣто красно. I, 361.

Гавриліада. (1822). № 345. II, 143—148; *602—606*; I, 89, 186, 336, 458, 512, 591; II, 87, 440, 536, 561, 567, 569, 585, 588, 600; III, 6, 91, 574; IV, 100, IV, LII; V, 489, IV, XXI, XXIII; VI, 38, 39; 329, 352, 437, 467, 478, 531, 558. Иллюстр. II, 143.

Гайдукъ Хризичъ. (1833). № 708. III, 411. Прим. *Пушкина* 420. *375—402*. Иллюстр. 411, 422.

Галичу. Къ —. Пускай угрюмый рифмотворъ. I, 229.

Галичу. Посланіе къ —. Гдѣ ты, лѣнивецъ мой? I, 237—239.

(**Галубъ**). (Не окончено и не отдѣлано) (1833). № 744. III, 493—496; VI, *457—460*; II, 605; III, 136, 472, 536; IV, 200; VI, 354, 357, 522. Иллюстр. III, 495.

Гаремъ, первоначальное названіе «Бахчисарайск. фонт.», III, 19; VI, 43. См. Харемъ.

[**Гастрономическія замѣчанія**]. № 1075. VI, 220; *220*.

Гаузншильдъ и Энгельгардтъ. (1817). № 139. I, 413; *434—436*; VI, 351.

Гафиза. Изъ —. Не плѣнялся бранной славой. III, 62.

Гдѣ міръ одной мечтѣ послушной? I, **347**.
Гдѣ наша роза. I, **283**.
Гдѣ ты, лѣнивецъ мой? I, **237—239**.
Герой. (1830). № 649. III, **134**; V, *LXI—LXII*; I, 198; III, 529; IV, XXIII; VI, 63; 214, 382, 565.
[**Гете имѣлъ большое вліяніе на Байрона**]. (1830). № 935. V, **11**.
Глаза скосивъ на усъ кудрявой. I, **307**.
[Глинки, М. И. Канонъ въ честь—]. IV, **51**.
(Глинку, Ѳ. Н. На —). II, **281**.
Глинкѣ Ѳ. (1822). № 346. II, **149**; *606—608*; 598, 611; V, **511**, **512**. Портретъ II, 149.
Глубокой ночи на поляхъ. I, **329**.
Глухой глухаго звалъ къ суду судьи глухова. (1830). № 620. III, **79**; V, *L*; IV, 66; V, **3**; VI, 354.
Гляжу какъ безумный на черную шаль. II, **12**.
Гнѣдича, Н. И. На —. I, **555**.
Гнѣдичу. Къ —. II, **60**.
Гнѣдичу. Къ —, загл. стих. «Къ Н.*». VI, 461.
(Гоголь). Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. V, **336**.
Гоголя. Примѣчаніе къ повѣсти «Носъ». V, **389**.
Года четыре тому назадъ (1834)—первоначальный набросокъ «Пиковой дамы». IV, 264.
Голиковъ говоритъ, что [Ганнибалъ] былъ. V, **LVIII**.
(Голицына. Кн. Евд. Ив.). Краевъ чужихъ неопытный любитель. I, **441**.
Голицына. На кн. А. Н. —. Вотъ Хвостовой покровитель. I, **553**.
Г[олицын]ой. Кн. [А И.] Посылая ей оду Вольность. (1819). № 184. I, **519**; *516—526*; IV, 95, LII. Портретъ Голицыной I, 519.
(**Голицыной. Кн. М. А.**). (1823). № 378. II, **209**; *628—629*; 550, 572; V, **545**.
Голицыну. Кн. А. Н. Надгробная надпись. II, **209**.
Гомерова. Иліада—, переведенная Н. Гнѣдичемъ. IV, **538**.
Гонимый рока самовластьемъ. (Въ Альбомъ). (1832). № 688. III, **331**; VI, *427—428*.
Г[ончаровой], Н. Н. Въ альбомъ —. Красавица. III, **179**.
Горація. Изъ —. Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ. IV, **22**.
Горишь ли ты, лампада наша. (Я. Н. Толстому) (1822). № 339. II, **140**; *599*; 509, 589; V, **508**.
Городокъ. (Къ ***). (1814). № 31. I, **171—179**; *170—186*; 32, 33, 36, 58, 134, 149, 184, 190, 204, 206, 248, 259, 388, 470; II, 536, 605; IV, 52; V, 238—240, 243, 244, XVLII; VI, 350. Иллюстр. I, 171, 177, 178, 180.
Городъ пышный, городъ бѣдный. (1828). № 526. II, **489**; IV, *LXVII*; V, XXIV; VI, 442.
Горчакову. Князю А. М. —. Пускай не знаясь съ Аполлономъ. (1815). № 48. I, **231**; *230—238*; 292, 336; III, 229; IV, 53; V, 238; VI, 350. Портретъ I, 231.
Горчакову. Посланіе къ князю А. М. —. Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весною. I, **331—333**.
Горчакову. Князю А. М. (1819). № 199. I, **545—547**; *568*; 234; II, 438, 509, 543, 566, 587; VI, 351. Портретъ I, 545.
(Горчакову. Кн. А. М. —. Отрывокъ). Но я не тотъ! мои златые годы. II, **4**.
(Горчакову В. П. Изъ записки —). Зима мнѣ рыхлою стѣною. II, **179**.
Господина Шафонскаго. (Вставка Пушкина въ «Поминаніе», написан. кн. Вяземскимъ). (1833). № 700. III, **372**; VI, *436—437*; 354, 362, 419.
Гости съѣзжались на дачу. [Набросокъ 1831—1832 гг.]. № 844. IV, **255—258**; 265—267, 557; VI 371, 443. Иллюстр. IV, 257.
Готовцовой, А. И. Отвѣтъ —. II, **497**.
Графиня одна держитъ письмо. (Драматическій отрывокъ). (1830). № 667. III, **176**; V, *LXV*; IV, 110.
Графъ Нулинъ. (1825). № 460. II, **393 — 397**. *П. Морозовъ*. «Графъ Нулинъ» *387—392*. 233, 377, 443; III, 185, 340; IV, 17, 243, 372, XV, XXI; V, 3; 376, 377, 379, **421 — 423**; 456, XV, XXXVIII, LXXII; VI, **18**; 200, 352, 364, 551, 556, 558; **590**. Иллюстр. II, 395.
Графу О... (Олизару). (1823—24). № 420. II, **261 — 262**; III, *555—556*; VI, 374, 411. Иллюстр. II, 261.
[**Гречанка вѣрная! не плачь. Онъ палъ героемъ**]. № 1040. VI, **177**; *177*; 178.
Гречанка, я люблю тебя. (1821). № 308. II, **82**; *585*; II, 167.
Гречанкѣ. (1822). № 341. II, **141**; *600—601*; 167, 426, 430, 437, 585; III, 511; IV, 96; V, XLII, Иллюстр. II, 141.
Гробовщикъ. (1830). № 835. IV, **146—150**. *А. Искозъ*. «Гробовщикъ» *191—193*. VI. 175, 194, 564, 565. Рисунки *Пушкина* IV, **147**, **149**, **150**.
Гробъ Анакреона. (1815). № 54. I, **265**; *272—276*; 149, 364; II, 552; IV, LIII; VI, 350, 468. Иллюстр. I, 265.
Гробъ юноши. (1821). № 273. II, **69**; *570—571*; I, 138; III, 233; VI, 275. Портретъ Н. А. Корсакова. II, 69.
Гроза луны, свободы воинъ. II, **11**.
Грустенъ и веселъ вхожу, ваятель, въ твою мастерскую. IV, 42.
Гусаръ. (1833). № 701. III, **372—374**; VI, *437—438*; I, 162, 166, 308; III, 8; IV, 69, 71; VI, 364, 376. Иллюстр. III, 373.

Давайте пить и веселиться. I, **403**.
Dawe. То —, Esqr. II, **491**.
Давно-ли тайными судьбами. (1818—19). № 221. II, **3**; *542*.
Давно объ ней воспоминанье. II, **209**.
Давыдову, Вас. Льв. (1821). № 265. II, **61—62**; *563—564*; 518, 520; VI, 373. Портретъ II, 61.
Давыдову, [А. Л.] (На приглашеніе ѣхать съ нимъ моремъ на полуденный берегъ Крыма). (1824). № 380. II, **210**; III, *510*; II, 562.
Давыдову, Д. В. При посылкѣ «Исторіи Пугачевскаго бунта» (1836). № 775. IV, 41; VI, *489*; 233. Портретъ. IV, 41.
Дай, Никита, мнѣ одѣться. VI, **177**.
[Данту. Подражаніе —]. И далѣ мы пошли. III, **334**.
Данту. Подраженіе —, загл. стих. «Въ началѣ жизни школу помню я». V, LX.
Даруетъ небо человѣку II, **194**.
Даръ напрасный, даръ случайный. (1828). № 533. II, **492**; 414, 442, 561; III, 231, 234; V, IV, XLI, LI, LX; VI, 456.
Да, Слава въ прихотяхъ вольна. Герой. III, **134**.
Дафна и Дабижа. Молдавское преданіе 1663 г. Но сохранившаяся запись въ бумагахъ Пушкина, II, 175.
Два дубочка выростали рядомъ. III, **415**.
27 мая 1819. № 1035. VI, **172**; *172—173*.
(26 Мая, 1828). Даръ напрасный, даръ случайной. II, **492**.
[**Два отрывка изъ другихъ главъ исторіи Петра В**]. (1834). V, **275—278**.

Два чувства дивно близки намъ. (1830). № 673. III, **178**; V, *LXVI*; VI, 494.

Движеніе. (1825). № 448. II, **294**; III, *565*; VI, **14**.

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый. II, **294**.

Двѣ пѣсни, неизвѣстное произведеніе лицейскаго періода. V, **412**.

19 октября. (1825). № 456. II, **381—385**; III, *574—575*; I, 50, 60, 134, 232, 238, 255, 287, 424, 428; II, 482, 505—507, 511, 604; III, 185, 351, 530; IV, XX; V, 236; VI, **27**; 275, 352, 353, 381, 392, 394, 396, 496, 554. Иллюстр. II, 381, 382, 383.

19 Октября 1827. (1827). № 506. II, **456**; IV, *XLV—XLVI*; II, 528; IV, XXIII, XLV; VI, 397.

19 Октября 1828 (1828). № 543. II, **496**; V, *VII*; I, 60.

[19 октября 1831]. Чѣмъ чаще празднуетъ лицей. III, **203**.

19 Октября 1836. (Не закончено). (1836). № 785. IV, **50—51**; VI, *496—498*; I, 50, 60; III, 233; IV, 5; V, 236; VI, 369, 381, 484.

Делибашъ. (1829). № 584. III, **64**; V, *XXXI—XXXII*; IV, 69; VI, 353, 576.

Делія. (1812—13). № 9. I, **63**; *66*; 294; VI, 350.

Delorme, Joseph. Vie, poésies et pensées de —. V, **36—40**.

[Дельвигу. Къ —. Отвѣтъ. I, **215—217**.

Дельвигу. (1817). № 133. I, **407**; *412—414*; 364; II, 550; V, 241; VI, 351.

Дельвигу. Къ —. II, **60**.

Д[ельвигу]. Посланіе къ —. Черепъ. II, **457—458**.

[Дельвигу]. При посылкѣ бронзоваго сфинкса. Загадка. III, **71**.

[Дельвигу]. Мы рождены, мой братъ названый. III, **175**.

Дельвигъ, М. А. Къ баронессѣ. —. I, **295**.

[Дельвигѣ. О —.]. V, **35—36**.

Демонъ. (1823). № 371. II, **205**; *618—623*; I, 424; II, 118, 411, 412, 430, 440—442, 479, 628; III, 21, 229; **307**, **315**; 528 — 531, 551, 607; IV, VII, XXVII, XXXI; V, **415**; **535**; VI, 215, 275, 515, 516, 538. Иллюстр. II, 205.

День блаженства настоящій. II, **195**.

[**Деревенскія впечатлѣнія. Встрѣча съ П. А. Ганнибаломъ**]. (1825). № 1006. V, **415**.

Деревня. (1819). № 187. I, **525—527**; *532—536*; 391, 499, 520, 556; II, 442, 473, 474, 513; отношеніе къ ней имп. Александра 514; **519**, 593; III, 548; IV, 53, 238; VI, 259, 369, 373, 495.

Державина видѣлъ я только однажды. (1833). № 1029. V, **436—437**. Портретъ Державина 432—433.

(Десятая заповѣдь). Добра чужаго не желать. II, **80**.

Джонъ Теннеръ. (1836). № 982. V, **352—365**; 376; VI, **163**.

[Divide et impera]. (1830). № 932. V, **10**; IV, 3.

Димитрій и Марина, не написанное или потерянное произведеніе Пушкина (или отрывокъ изъ «Бориса Годунова»). III, **118**; 340.

Дитя, не смѣю надъ тобою. II, **262**.

Дитя Харитъ и вдохновенья. I, **281**.

Діонея. (1821). № 255. II, **23**; *558*; 621.

Діонизіи. Изъ Сафо. IV, **352**.

Для береговъ отчизны дальной. (1830). № 654. III, **164**; V, *LXIII*; II, 278, 624; III, 577; IV, LIX; V, LIX.

Для васъ, души моей царицы. I, **594**.

[Дмитріева, И. И. О книгѣ —: Путешествіе NN въ Парижъ и Лондонъ.]. V, **288**.

[Дневника Кишиневскаго. Изъ —]. VI, **173**.

[Дневника Кишиневскаго. Остатки изъ —]. V, **413**.

[**Дневникъ Пушкина съ 1833—1835 г.**] № 1032. V, **438—450**; 378; VI, 251, 371, 379, 382, 383, 386. Портретъ А. О. Смирновой 448—449.

Добра чужого не желать. (Десятая Заповѣдь). (Приписывается Пушкину). (1821). № 296. II, **80**, *583*.

Добрый совѣтъ. (1817). № 127. I, **403**; *406*.

Добрый человѣкъ. (1818). № 173. I, **477**; *483*.

Довольно битвы мчался громъ. I, **335**.

Догорала молодая. (Въ голубомъ эѳира полѣ). (1822). № 361. II, **156**; *613*; VI, 352.

Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ. III, **66**.

Долго сихъ листовъ завѣтныхъ. (Въ Альбомъ). (1832). № 694. III, **334**; VI, *432*.

До меня доходятъ. (1821). № 322. II, **88**; *589*.

Домикъ въ Коломнѣ. (1830). № 638. III, **92—99**. *Вал. Брюсовъ.* «Домикъ въ Коломнѣ» *88—91*. V, *LVII*,—I, 194; II, 443, 567, 606; III, 118, 353, 470; IV, 58, 63, 184, 186, 208, XIII; V, 378, 382, XXII, XXIII, L, LVII; VI, **18**, **66**; 194, 208, 275, 353, 354, 358, 364, 566. Рисунки *Пушкина* съ автографами III, **97**, **99**. Иллюстр. 95, 98.

Домовому. (1819). № 196. I, **541**; *567—568*; II, 593; IV, 69; VI, 351.

Донъ. (1829). № 587. III, **66**; V, *XXXIII—XXXIV*; IV, 69; VI, 353, 359; VI, **66**.

Донъ-Жуанъ, первоначальное заглавіе «Каменнаго гостя». III, **118**, 119; IV, 184; VI, **66**.

Дорида. (1820). № 228. II, **6**; *547*; VI, 352.

Доридѣ. (1820). № 227. II, **6**; *546—547*; 442; III, 583; VI, 352.

Дорожные стихи, первонач. загл. стих. «Дорожныя жалобы». V, *XXXVI*.

Дорожныя жалобы. (1829). № 589. III, **66**; V, *XXXVI*; VI, 353, 575.

Дочери Карагеоргія. (1820). № 244. II, **11**; *553*; 170, 442; VI, 352.

[Драматическій отрывокъ]. Графиня одна держитъ письмо. III, **176**.

Дробясь о мрачныя скалы. III, **66—68**.

Другу отъ друга. (1818). № 161. I, **459**; *458*. Портретъ Вольтера. **459**.

Другу стихотворцу. Къ —. I, **67**, **71**.

Другъ Дельвигъ, мой парнаскій братъ! II, **60**.

Другъ мой милый, красно солнышко мое. № 81[1], IV, **79**.

Дружба. (1825). № 430. II, **288**; III, *560*; V, **545**; VI, **14**.

Друзья! досужный часъ насталъ. I, **139**.

Друзья! простите—завѣщаю. I, **373**.

Друзьямъ. Богами вамъ еще даны. (1816). № 106. I, **363**; *362*; 287, 406; V, **412**.

Друзьямъ. Вчера былъ день разлуки шумной. (1822). № 331. II, **120**; *591*; 611; V, **545**; VI, 528.

Друзьямъ. Нѣтъ, я не льстецъ, когда Царю. (1828). № 523. II, **487**; IV, *LXII—LXIII*; III, 181, 340, 350, 458; IV, XXII, XXIV; VI, 382, 495, 557.

Дубровскій. (1832—1833). IV, **287—327**. *А. Яцимирскій.* «Дубровскій». *271—286*; I, 380; IV, 64, 69, 199, 200, 214, 353, 354, 361, 365, 376, LVI; V, XLVI; VI, **100**, **101**; 370, 372, 383, 577. Автографъ и рисунки *Пушкина* IV, **295**, **307**; иллюстр. 289, 303, 309, 315, 325.

Дубровы, гдѣ въ тиши свободы. (1818—19). № 218. II, 2; *541—542*; 544.

Дука. Молдавское преданіе XVII вѣка. Запись въ бумагахъ П. II, 175.

Дундукову князю, загл. стих. «Въ академіи наукъ». VI, 488.

Дуровой, Н. А. Записки —, издаваемыя Пушкинымъ. V, **344**.
[Дурова, Н. А.]. Кавалеристъ-дѣвица. V, **391**.
[Дуровѣ. О —]. V, **435**—**436**.
Духовной жаждою томимъ. II, **404**—**405**.
Душа моя Павелъ. (Въ дѣтскій альбомъ кн. П. П. Вяземскому-сыну). (1826). № 483а. II, **422**; IV, *XVII—XIX*; VI, 353.
Дѣва. (1821). № 253. II, *22*; *557*; IV, 97, XXIV; VI, 352.
Дѣвицы, красавицы. Пѣсня дѣвушекъ (изъ «Евг. Онѣгина»). III, **266**.
Дѣдушка-игуменъ, неправильно приписываемое Пушкину стих. VI, **330**.
Дѣтскія книжки. (1830). 941. V, **16**—**17**; IV, 244. Иллюстрац. V, 16, 17.

Евгеній Онѣгинъ. Романъ въ стихахъ. (1823—1831). № 685. III, **235**—**314**. Посвященіе I главы Льву Сергѣевичу Пушкину **236**. Посвященіе 4 и 5 гл. П. А. Плетневу **269**. Приложенія къ «Евгенію Онѣгину». I. Странствіе Онѣгина (съ предисловіемъ къ нему) **315**—**325**. II. Альбомъ Онѣгина **325**—**327**. Примѣчанія *Пушкина* къ «Евгенію Онѣгину» **328**—**330**. Изъ десятой (сожженной) главы Евгенія Онѣгина. № 1068. VI, **212**—**213**. «[Объ Евгеніи Онѣгинѣ]». V, **423** — **425**. *Ивановъ-Разумникъ*. «Евгеній Онѣгинъ». III, *205—234*. *Н. Лернеръ*. «Изъ десятой (сожженной) главы Евгенія Онѣгина» VI, *213—215*.—*420—424*; *440—442*.—I, 14, 39, 54—58, 66, 84, 196, 212, 241, 287, 290, 306, 308, 342, 391, 392, 410, 450, 453, 455, 484, 488, 493, 506, 538, 563, 564; II, 94, 96, 100, 102, 104, 184, 186, 188, 228, 231, 233, 236, 264—266, 273—275, 277—279, 368, 374, 376, 380, 414—416, 425, 426, 429, 430, 432—438, 440,—449, 470, 480, 485—486, 508, 512, 532, 533, 539, 544, 547, 549, 559, 562, 565, 568—571, 575, 576, 578, 581, 599, 602, 610, 618, 624; «На картинки къ Евгенію Онѣгину» III, **63**; 88, 90, 118, 184, 185, 340, 343, 344, 347, 351, 355; «Попытки вернуться къ Евгенію Онѣгину» **423**; 510, 512, 513, 518, 519, 520, 522, 524, 526, 527, 533, 543, 552—554, 560, 567, 568; **570**; 577, 590, 592, 609, 610; IV, 15, 46, 53, 55, 57, 63, 64, 69, 92—97, 99, 104, 184, 186, 193—198, 200, 201, 208, 265—269, 282, 353, 366, 367, 372, 376; **537**; 556, XII, XIII, XV, XVIII, XXVI, XXXIV, XLIV, XLV, XLVIII, LV—LXI, LXIV, LXV, LXVIII; V т., **3**, **8**; 231—236, 238, 243, 245, 375, 381, **419**, **423**—**425**; 453 — 456, 461; 464, 473; **518**—**524**, **527**—**552**; V, IX—XV, XX, XXV, XXVII, XXX, XXXI, XXXVI, XXXVIII,—XLI, XLV. XLVII, XLVII, XLVIII, LIII, LVI, LXII, LXIV, LXXII; VI, **10**, **12**, **15**, **18**, **20**, **25**, **26**, **32**—**37**, **40**, **44**, **53**, **66**, **97**, **100**, **165**; 178, 179, 200; **212**—**213**; 213—215, 233, 245, 275, 353, 355, 364, 365, 370, 372, 373, 381, 386, 406, 407, 471, 495, 500, 503; музыка Чайковскаго 513; 515, 527—543, 554—557, 560, 563, 579, 582; **590**. Рисунки и автографы *Пушкина*. III, **205**, **245**, **247**, **249**, **251**, **270**. Иллюстраціи: III, 63, и затѣмъ почти на каждой страницѣ 237 - 328.
(Еврейкѣ). Христосъ Воскресъ. II, **65**.
Египетскія ночи. (1835). № 853. IV, **450**—**456**. *Валерій Брюсовъ*. «Египетскія ночи». *444* — *449*. I, 474; II, 377; III, 343; IV, 109, XLII, LI; V, 375, 380, 383, 483, XIV, XLIII, L, LII—LIV, LVIII; VI, 354, 357, 460, 470, 471, 486—488.
Его Сіятельству Графу Дмитрію Ивановичу Хвостову. Ода. II, **293**—**294**.
Его стиховъ плѣнительная сладость. I, **471**.
Едва уста краснорѣчивы. (1823—24). № 419. II, 261; III, *554—555*.
[**Езуитъ Поссевинъ**]. (1830). № 928. V, **10**; IV, 3.
Елисаветы Алексѣевны. Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь Е. И. В. Императрицы —. I, **507**.
Ex ungue leonem. (1825). № 442. II, **290**; III, *563*; 557; V, **551**.
Ельвина, милой другъ, приди, подай мнѣ руку. I, **355**.
(Есакову, С. С.). И останешься съ вопросомъ. I, **431**.
Escamoteur, l'. № 2. I, **35**; *35*; 82.
Если въ жизни поднебесной. (1828). № 560. II, **500**; V, *XX—XXI*.
Если жизнь тебя обманетъ. (1825). № 438. II, **290**; III, *562—563*; II, 368, 482; III, 609; VI, 547.
Если ѣхать вамъ случится. (Черновой набросокъ). (1838). № 735. III, **484**; VI, *453*.
Есть въ Россіи городъ Луга. (1817). № 151. I, **433**; *452*, VI, 351, 357.
Есть различная смѣлость. [О смѣлости выраженій]. (1827). № 878. IV, **504**.
Есть роза дивная. (1827). № 495. II, **454**; IV, *XXXI—XXXII*.
Еще одной высокой, важной пѣсни. (1829). № 611. III, **76**—**77**; V, *XLV*.
Ея глаза. (Въ отвѣтъ на стихи кн. Вяземскаго). (1828). № 529. II, **490**; IV, **4**; *LXVIII — LXX*. V, IV; VI, 426. Портретъ А. Олениной 490—491.

Жалоба. (1822). № 348. II, **152**; *609—610*.
Желалъ-бы быть твоимъ, Семенова, покровомъ. I, **559**.
Желаніе. Христосъ воскресъ. Питомецъ Феба (1816). № 75. I, **311**; *310 — 312*; 287, 444; IV, 53; V, LXXI.
Желаніе. Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы. (1821). № 272. II, **68**; *570*; 98; 101, 426, 429, 435, 436, 585, 613, 618; III, 510, 520; V, XXIII; VI, 352, 353, 525.
Желаніе славы. (1825). № 414. II, **292**; III, *564*; II, 378, 482; III, 551, 552; IV, 10, XXVII, XXVIII.
(Желанье). Уныньe. I, **351**.
Желѣзная маска. (1837). № 998. V, **407**—**408**.
Женись—на комъ—на Вѣрѣ Чацкой. (1830). № 672. III, **178**; V т. LXVI; VI, 243.
Женихъ. Простонародная сказка. (1825). № 427. II, **281**—**283**; III, *557—558*; II, 377; IV, 62, 67, 272, 367, 372; V, V, LV; VI, 352, 353, 364, 365. Иллюстр. II, 283.
Живописцу. Къ —. I, **281**.
Живъ, живъ курилка! (На М. Т. Каченовскаго). (1825). № 434. II, **289**; III, *562*; IV, 65; V, **545**.
Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный. IV, **36**.
Житье тому, любезный другъ. Въ альбомъ М. А. Щербинину. I, **523**.
Жуковскаго. Къ портрету —. I, **471**.
Жуковскій святой Парнаса чудотворецъ. VI, 173.
(Жуковскому). Штабсъ-капитану, Гете, Грею. I, **425**.
Жуковскому. Когда къ мечтательному міру. (1818). № 166. I, **469**; *474*; VI, 351. Иллюстр. I, 469.
Жуковскому. Къ —. I, **421**—**425**.
Журналами обиженный жестоко. (1829). № 594. III **70**.
Журнала греческаго возстанія. Изъ —. VI, **471**—**473**.

Забудь, любезный мой Каверинъ. I, **407**.
Забылъ и рощу, и свободу. (1823—24). № 422. II, **262**; III, *556*.

Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый. (1821). № 298. II, **81**; *583*.
Зависть, первоначальное названіе «Моцарта и Сальери». III, 121, 122.
Завѣщаніе. (1816). № 115. I, **373**; *374*; V, **412**.
Загадка. При посылкѣ [Дельвигу] бронзоваго сфинкса. (1829). № 600. III, **71**; V, *XXXIX—XL*; VI, 353, 361. Иллюстрація III, 71.
За горами, за лѣсами. VI, **219**.
Загряжской Н. К. Разговоры —. V, **393—396**.
Загоскина М. Н. Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 г. Соч. —. IV, **545—546**.
Заздравный кубокъ. (1816). № 81. I, **327**; *322*; 320, 324, 364; VI, 351.
Заклинаніе. (1830). № 643. III, **101**; V, *LIX*. III, 551, 577; IV, 98, LIX; VI, 355.
[**Заключеніе обзора «Новыхъ книгъ» въ I томѣ «Современника»**]. № 1076. VI, **220**; *220—221*.
Законъ природы. VI, **180**.
За кость поссорились собаки. VI, **180**.
(Закревской, графинѣ Агр. Ѳед.) Портретъ. II, **493**.
[**Замѣтка о «Словѣ о Полку Игоревѣ»**]. № 1074. VI, **220**; *220*.
[**Замѣтка о холерѣ**]. (1831). № 1026. V, **434**.
Замѣтки Пушкина о своихъ произведеніяхъ. №№ 1013—1021. V, **418—426**.
[**Замѣчанія на Анналы Тацита**]. (1825). № 871. IV, **482—483**; 5.
Замѣчанія на «Пѣснь о Полку Игоревѣ». (1834). № 962. V, **289—291**; VI, 220.
Замѣчанія о русскомъ театрѣ, не дошедшая пьеса. I, **491**.
Замѣчанія Пушкина на поляхъ «Опытовъ» Батюшкова. (1826—1828). № 875. IV, **490—500**; VI, 216. Иллюстр. IV, 493.
Замѣчанія Пушкина на статью кн. Вяземскаго объ Озеровѣ. (1826—1828). № 874. IV, **486—490**; VI, 531. Бюстъ Озерова. IV, 489.
За Netty сердцемъ я летаю. (А. И. Вульфъ). (1828). № 547. II, **497**; V, *X—XI*; IV, 10[illegible]; VI, 353.
Записи народныхъ сказокъ. IV, **81—84**.
(Записка къ Жуковскому). Раевскій, молоденецъ прежній. I, **529**.
Записка къ пріятелю. (1822). № 354. II, **154**; *611—612*.
[**Записка объ изданіи Газеты**]. (1831). № 1022б. V, **430—431**; 467.
[**Записка о Сухоруковѣ**]. (1829). № 883. IV, **534—535**; VI, 593.
[Записка, представленная Пушкинымъ императору Николаю]. О народномъ воспитаніи. IV, **483—486**.
Записки бригадира Моро-де-Бразе о походѣ 1711 года. Съ предисловіемъ и примѣчаніями *А. С. Пушкина*. (1835). № 966. V, **306—324**; VI, **150**.
Записки М*. Русскій Пеламъ. IV, **457—460**.
Записки Н. А. Дуровой, издаваемыя А. Пушкинымъ. (1836). № 977. V, **344**; VI, 595. Портретъ Дуровой. V, **344—345**.
[**Записки П. В. Нащокина**, имъ диктованныя въ Москвѣ, 1830]. (1830). № 942. V, **30—32**. *М. Гершензонъ*. «Пушкинъ и Нащокинъ». *18—29*. IV, 269; VI, **158**.
За старые грѣхи наказанный судьбой. (1818—19). № 224. II, **3**; *543*.
Затопися, баненька. № 798. IV, **75**.
За ужиномъ объѣлся я. (Приписывается Пушкину). (1818). № 179. I, **481**; II, *534*; V, **505**; VI, 528.
Заутра съ свѣчкой. (1816). № 114. I, **373**; *374*.
Зачѣмъ безвременную скуку. (1826). № 480. II, **406**; IV, *X—XI*; III, 181, 344; IV, X.
Зачѣмъ, Елена, такъ пугливо. (1829). № 612. III, **77**; V, *XLV*; IV, 100.
Зачѣмъ изъ облака выходишь. I, **355**.
Зачѣмъ кричишь ты, что ты дѣва. I, **375**.
Зачѣмъ раздался громъ войны. II, **154**.
Зачѣмъ твой дивный карандашъ. II, **491**.
Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ. II, **218**.
Здорово, Юрьевъ, имянинникъ. I, **529**.
Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой. II, **215**.
Здравствуй, круглая сосѣдка! II, **79**.
Здѣсь Пушкинъ погребенъ; онъ съ музой молодою. I, **295**.
Земли достигнувъ. (1827). № 513. II, **461**; IV, *LII*; XXXVII.
Земля и море. Идиллія Мосха. (1821). № 252. II, **22**; *556—557*; I, 252; II, 109; III, 8; IV, XXXIX; V, **542**; VI, 194, 540.
Земля недвижна, неба своды. II, **253—254**.
Зима мнѣ рыхлою стѣною. (Изъ записки В. П. Горчакову). (1823). № 368. II, **179**; *615*; V, **512**.
Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? 2 ноября. (1829). № 591. III, **68 — 69**; V, *XXXVIII*; IV, 52; V, XXII, XXXIX.
Зимнее утро. (1829). № 592. III, **69**; V, *XXXVIII—XXXIX*; VI, 355.
Зимній вечеръ. (1825). № 465. II, **400**; III, *578—579*; I, 28; II, 482; III, 558, 580; IV, 57, 63, 69, XIV, LV; V т. V, XLVIII, LV; VI, 275, 353.
Зимняя дорога. (1826). № 483. II, **407**; IV, *XIII—XV*; I; V т. XXXVI; VI, 353, 360, 364, 366, 430.
Злое дитя, старикъ молодой, властелинъ добронравный. III, **371**.
Золото и булатъ. (1827). № 510. II, **460**; IV, *XLVIII—XLIX*.
Зорю бьютъ... изъ рукъ моихъ. (1829). № 610. III, **76**; V, *XLIV—XLV*, VI, 353.
Зубову, А. Н. Въ альбомъ —. I, **407**.
[«Иванѣ Выжигинѣ. Объ —]. VI, **200—201**.
И вдругъ растрепанную тѣнь. VI, **177**.
И вотъ ущелье мрачныхъ скалъ. (1829). № 614. III, **77**; V, *XLVI*.
И. В. С. *** [Сленину]. (1828). № 552. II, **499**; V, *XIII—XIV*.
И въ глупомъ бѣшенствѣ кричу я наконецъ. VI, **529**.
И вы повѣрить мнѣ могли. II, **59**.
Игорь и Ольга, не написанная героич. поэма. I, 300, 302, 580; IV, 53; V, **411**.
Играй, Адель. II, **142**.
И далѣ мы пошли. [Подражаніе Данту]. (1832). № 693. III, **334**; VI, *431—432*; IV, 243; V т., LX; VI т., 354, 358.
Идиллія Мосха. Земля и море. II, **22**.
Избави, Господи, ума такого. I, **445**.
Изгнанье славно. (1822). № 352. II, **154**; *611*.
Издавна мудрые искали. I, **329**.
Издателю Сына Отечества. (1822—1824). № 861. IV, **476—477**.
Издревле сладостный союзъ. II, **217—218**.
Измѣны. (1815). № 62. I, **289**; *292—294*; 66, 132, 316, 358, 388; II, 551; IV, 92; VI, 350.
Изъ альбома А. П. Керинъ. (1828). № 560—563. II, **500**.
Изъ Alfieri. (Не отдѣлано). (1827). № 509. II, **460**; IV, *XLVIII*.
Изъ Анакреона. Оды LV—LVII. (1835). № 752—754. IV, **21**; VI, *468 — 469*; IV, **462**; VI, 354, 360, 470—472, 474.
(Изъ Аѳенея). III, **371**.

Изъ Bunyan, загл. стих. «Странникъ». VI, 464.
Изъ Вильсоновой трагедіи: The city of the plague. Пиръ во время чумы. III, 169—173.
(Изъ Вольтера). Стансы. I, 401.
Изъ Wordsworth. (1833—35). № 849. IV, 352.
Изъ Гафиза. Не плѣняйся бранной славой. III, 62.
(**Изъ Горація**). (1835). № 758. IV, 22; VI, *471—472*; IV, 462
Изъ десятой (сожженной) главы «Евгенія Онѣгина». № 1068. VI, 212—213.
[**Изъ журнала греческаго возстанія**]. (1821). № 858. IV, 471—473. Иллюстр.: 471, 472, 473.
(Изъ записки В. П. Горчакову). Зима мнѣ рыхлою стѣною. II, 179.
[Изъ записки къ А. О. Смирновой при посылкѣ ей «Бородинской годовщины»]. III, 200.
(**Изъ записки къ пріятелю**). Куда-же ты? Въ Москву. (1830). № 639. III, 100; V, *LXIII*; VI, 354.
[**Изъ записной книжки, такъ называемой «Тарасенкова-Отрѣшкова»**]. (1822). № 1002. V, 413; IV, 92.
(Изъ Катулла). Мальчику. IV, 22.
[**Изъ Кишиневскаго дневника**]. (1821). № 1036. VI, 173; *173—176*.
(Изъ Ксенофана Колофонскаго). III, 371.
Изъ «Литературной Газеты» 1830 г. VI, 198—212; *197—212*.
(Изъ Марота). Старикъ. I, 223.
Изъ VI Пиндемонте. (1836). № 779. IV, 43; VI, *491—492*; III, 521; IV, *LXVII*; V, 236, 379, XLV, LII; VI, 368, 382, 384, 444, 461.
(Изъ писемъ Н. С.) [Алексѣеву]. Прощай, отшельникъ бессарабской. II, 407.
(Изъ письма къ Ф. Ф. Вигелю). Проклятый городъ Кишиневъ. II, 207.
(Изъ письма къ И. Е. Великопольскому). Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось. II, 403.
(Изъ письма къ кн. Вяземскому). А въ ненастные дни собирались они. II, 494.
(Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому). Въ глуши, измучась жизнью постной. II, 381.
(Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому). Такъ море, древній душегубецъ. II, 404.
(Изъ письма къ брату Льву). Что-же? будетъ-ли вино? II, 260—261.
(Изъ письма къ А. Г. Родзянкѣ). Прости, украинскій мудрецъ. II, 258.
(Изъ письма къ С. А. Соболевскому). У Гальяни иль Кольони. II, 406.
[**Изъ посвященія «Чайльдъ Гарольда» Байрона**]. (1833—35). № 850. IV, 352; II, 444.
(**Изъ поэмы или сказки о царѣ Зензевеѣ**). (1822). № 353. II, 154; *611*.
[**Изъ Сафо**]. Діонизіи. (1833—35). № 851. IV, 352.
[**Изъ Сафо**]. Пѣсенка Афродитѣ. (1833—35). № 851. IV, 352.
(Изъ Томаса Мура). Эхо. III, 179.
[Изъ «Урядника» царя Алексѣя Михайловича]. [Термины соколиной охоты]. V, 48.
Изъ черновыхъ набросковъ и не дошедшихъ произведеній 1818—1819 гг. II, 1—4; *539—546*.
Изъ черновыхъ набросковъ. (1820). II, 16.
Изъ черновыхъ набросковъ 1821 г. II, 81—85.
Изъ А. Шенье. Покровъ, упитанный язвительною кровью. (1825). № 461. II, 397; III, *576*; 583; VI, 352, 359.
Иліада Гомерова, переведенная Н. Гнѣдичемъ. (1830). № 888. IV, 538.
Иліады. На переводъ —. III, 164.
Илличевскому. Въ альбомъ —. I, 409.
Impromtu при проводахъ Батюшкова (не сохранилось). (1818). № 210б. II, *536*.
Имянинницѣ. Къ —. II, 288.
Имянины. (1817). № 128. I, 403; *406*; VI, 351.
И недовѣрчиво и жадно. II, 497.
Иной имѣлъ мою Аглаю. (1822). № 328. II, 119; *589—590*; 114, 562; V, 503, 511.
Иностранкѣ. (1824). № 381. II, 210; III, *510—512*; IV, *XXXVII*.
Иностранная литература. [Стихотворенія Делорма и Сентъ-Бева]. V, 36—40.
И останешься съ вопросомъ... (С. С. Есакову). (1816—1817). № 117. I, 431; *450—451*; III, 552; VI, 351. Портретъ С. Есакова. I, 431.
И путникъ усталый на Бога роптал. II, 255—256.
И разгорались наши споры. VI, 529.
И скоро, скоро смолкнетъ брань. II, 78.
Испанскій романсъ. Ночной зефиръ струитъ эфиръ. II, 257.
Исправленный забіяка. Дѣтскія книжки. V, 16—17.
Истина. (1816). № 82. I, 329; *324*; V, 412.
[**Историческая пѣсня**]. № 1072. VI, 219; *219*.
[**Историческія замѣчанія**]. (1822). № 859. IV, 473—475; II, 519, 520, 592; III, 458, 549; IV, 4; V, XXXIV; VI, 250, 257, 372—374, 380.
[Исторія Петра Великаго]. Матеріалы и отрывки. (1834). № 959. V, 266—280. См. Матеріалы для исторіи Петра Великаго.
Исторія Пугачевскаго Бунта. (1833). Часть I. V, 53—104. Предисловіе 51. Примѣчанія *Пушкина* къ исторіи Пугачевскаго бунта 106—131. Часть II. Приложенія. 135—227. III, 471; IV, 41; 61—64, 214, 215, 272, 357, 359, 361—368, 377; Объ «Исторіи Пугачевскаго бунта» V, 298—306; 440—441, 450; 475, 476; VI, 101—104, 110, 113—118, 122, 125, 129, 131—139, 142, 144, 145, 149, 152, 170; 209, 219, 243, 244; *249—255*; 373, 380, 406, 476, 483, 581, 582, 586—588; 590, 600; 604. Иллюстр. изъ изданія 1834 г., заглавныя страницы V, 49, 133; подписи подъ указами Пугачева 62, 70; печать Пугачева 76; подпись Михельсона 94; подписи кн. Щербатова и др. 99; карта 136—137. Рис. 53, 56, 57, 63, 67, 71, 77, 84, 85, 87, 90, 91, 95, 101, 104, 112—113, 128—129, 144—145, 160—161, 168—169, 176—177, 192—193, 208—209, 216—217, 224—225.
Исторія русскаго народа, сочиненіе Николая Полеваго. (1830). № 890. IV, 540—545; 444; V, 467; VI, 197, 246, 247, 565. Портретъ Н. Полевого IV, 543.
Исторія села Горюхина. IV, 227—236. *С. Венгеровъ.* «Горюхино, а не Горохино». *226. А. Искозъ.* «Исторія села Горюхина». *237—246*. III, 353; IV, 64, 66, 186, 197, 200, 208, 228, 367, XXXVII; V, XXXIII; VI, 242, 370, 371, 383, 384. Виньетка Пушкина къ исторіи села Горюхина. IV, 227; иллюстраціи: 229, 232, 233.
Исторія стихотворца. (1816—1817). № 149. I, 431; *451—452*; VI, 351.
Источникъ быстрый Каломоны. I, 89.
И такъ я щастливъ былъ. (1815). № 67. I, 301; *300*; 285; V, 410.
Итальянскому подражаніе. IV, 42.
И ты, любезный другъ, оставилъ. I, 155.
И чувствую - душа въ сей часъ. (1829). № 606. III, 76. V, *XLIII*; XXVIII.
Ищи въ чужомъ краю здоровья и свободы. II, 492.
И я слыхалъ, что бѣлый свѣтъ. (1818—19). № 214. II, 1; *540*.

Іакинѳъ Маглановичъ. Похоронная пѣсня. III, 411.
(Іонъ Хіосскій). Вино. III, 371.

К. А. Б. (1816—1817). № 146. I, 431; *448—450*; 287; IV, 93, 98.
Кавалеристъ-дѣвица, происшествіе въ Россіи въ 2 част. Издалъ Иванъ Бутовскій. СПБ. При подпискѣ I ч. выдается, а на 2 билетъ. (1836). № 992. V, 391.
Каверина, П. П. Къ портрету —. (1817). I, 405.
Каверина. Стихи на П. П. —. II, *531*.
Каверину, П. П. Къ —. (1817). I, 407.
Кавказскій плѣнникъ. Повѣсть. (1821). № 257. II, 42—55; Предисловіе ко 2 изд. (1828) 38. Посвященіе Ник. Ник. Раевскому 40—41. Примѣчанія Пушкина 56. *П. Морозовъ*. «Кавказскій плѣнникъ» *24—38. 559—560*; I, 536; II, 18—21, 58, 98, 104, 116, 123, 124, 187, 191, 232, 233, 263, 426, 431—438, 440, 446, 449, 478, 485, 511, 521, 549, 556—562; предполагавшійся эпиграфъ къ «К. п.» 564—565; 577, 578, 581, 592, 615, 620, 621; III, 9, 90, 215—217, 226; 236; 527, 533, 590; IV, 9, 17, 18, 53, 55, 60; 510; 555; V, 420; 452; 499—518, 527, 530, 531. XV, XLVI; VI т., 14, 31, 61, 177; 200, 275, 352, 353, *374*, 375, 410, 459, 492; музыка Кюи, 505; 527, 528—536, 541, 542, 545, 555. Рис. и авт. П — а. II, 43, 47; иллюстр. 41, 44—45, 45, 48—49, 49, 51, 52, 53, 54, 55, 57.
Кавказъ, первонач. загл. «Кавк. плѣнника». II, 25, 32, 559.
Кавказъ. (1829). № 585. III, 64—65; V, *XXXII—XXXIII*; XXXVII; VI, 353.
Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ. III, 64.
Кагульскому памятнику. Къ —. II, 2.
Какая ночь! Морозъ трескучій. (1827). № 515. II, 461—462; IV, *LIII—LIV*; V т., LIX; VI, 430.
Каковъ я прежде былъ. Отрывокъ изъ Андрея Шенье. (1828). № 527. II, 490; IV, *LXVII*; III, 583; V, XLII; VI, 353, 430, 486.
[**Какой-то лордъ**]. (1830—1831). № 932а. V, 10.
Какъ брань тебѣ не надоѣла. (1820). № 241. II, 10; *552*.
Какъ быстро въ полѣ, вкругъ открытомъ. (1830). № 663. III, 175; V, *LXV*.
Какъ весенней теплою порою. [Не закончено и не отдѣлано]. (1830). № 655. III, 165; V, *LXIII—LXIV*; IV, 64, 67, 367; VI, 436. Автографъ и рисунокъ Пушкина III, 165.
Какъ въ дому-то березанька бѣлехонька стоитъ. № 795. IV, 74.
Какъ! Живъ еще курилка-журналистъ? II, 289.
Какъ за церковью, за нѣмецкою. № 808. IV, 78.
Какъ на утренней зарѣ, вдоль по Камѣ по рѣкѣ. № 806. IV, 77.
Какъ наше сердце своенравно. (1822). № 358. II, 156; *613*.
Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ. II, 132—135.
Какъ облака на небѣ... № 1049. VI, 180; *180—181*.
Какъ по Волгѣ рѣкѣ, по широкой. № 812. IV, 79.
Какъ покинула меня Парасковья. III, 410.
Какъ при вечерѣ, вечерѣ. № 793. IV, 74.
Какъ сатирой безымянной. (1829). № 596. III, 70; VI, 353.
Какъ сладостно!... но, боги, какъ опасно. (1818—19). № 213. II, 1; *540*.
Какъ съ древа сорвался предатель ученикъ. IV, 42.
Какъ у нашего князя. № 800. IV, 75.
Калмычкѣ. (1829). № 577. III, 62; V, *XXIX*; XXVIII.
Каменный гость. (1830). № 650. III, 147—161. *Несторъ Котляревскій*. «Каменный гость» *135—146*. V, *LXII*, III, 118, 123, 353, 355, 546; IV, 16, 184—187, 191—193, 208; V, LVII; VI, 66; 248, 354, 361, 474, 503; музыка Даргомыжскаго 509—511; 522. Автографъ съ рисункомъ *Пушкина*. III, 149. Иллюстр.: 147, 150—151, 153, 155, 156—157, 157, 158, 159, 161.
[**Камчатскія дѣла**. Отъ 1694 до 1740 года]. (1834). № 960. V, 280—288.
[**Канонъ въ честь М. И. Глинки**]. (1836). № 787. IV, 51; VI, *499—500*; V, XLIX.
Капитанская дочка. (1834). IV. 379—443. *Модестъ Гофманъ*. «Капитанская дочка». *351—378*; I, 30, 162, 585; II, 592; III, 211, 212; IV, 61, 63, 64, 185, 197, 199, 200, 272, 282, XLVI; VI, 134, 163; 244, 248, 255, 373, 386, 455, 597, 598. Иллюстр.: III, 381, 385, 389, 390, 391, 395, 399, 403, 407, 409, 413, 415, 425, 427, 430—431, 433, 437, 438—439, 441, 412—413.
Капризъ,—загл. стих. «Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузой». V, LV.
Карамзина. Эпиграммы на —. I, 555.
Карамзина. Примѣчаніе къ «Отрывку изъ рукописи — о древней и новой Россіи». V, 402.
Картину разъ высматривалъ сапожникъ. III, 70.
Картина Царскаго Села, задуманное произведеніе II. I, 47, *302*; V, 411.
Картины, неизв. произведеніе лицейскаго періода. I, *302*, 314; V, 412.
[Катенина, П. А. О сочиненіяхъ —]. V, 228.
Катенину. Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ. (1821). № 264. II, 60; *563*; 544; VI, 17; 550.
Катенину. Отвѣтъ —. (1828). II, 496.
Катулла. Изъ —. IV, 22.
(Каченовскаго. На —). Безсмертною рукой раздавленный зоилъ. (1818). I, 475.
(Каченовскаго. На —). Хавроніосъ! ругатель закоснѣлый. (1820). II, 10.
(Каченовскаго. На —). Клеветникъ безъ дарованья. (1821). II, 78.
(Каченовскаго. На —). Живъ, живъ курилка. (1825). II, 289.
«К. Г.», заглавіе стих. «Составленъ онъ изъ подлой спѣси». II, 582.
[Кернъ, А. П.]. Къ ***. Я помню чудное мгновенье. (1825). II, 291.
Кернъ, А. П. Изъ альбома —. (1828). II, 500.
(Кернъ, А. П.). Когда твои младыя лѣта. (1829). III, 58.
Кинжалъ. (1821). № 274. II, 70; *571—572*; 442, 474, 520; III, 465; V, 489; 548; VI, 352, 368, 383. Иллюстр. II, 70, 71; 159.
(Кипренскому, О. А.) Любимецъ моды легкокрылой. II, 461.
Кирджали. Повѣсть. (1834). № 958. V, 263—265, II, 176; IV, 272.
Кирджали, первонач. загл. стих. «Въ степяхъ зеленыхъ Буджака». V, XXIII.
Киселеву Н. Д. (1828). № 535. II, 492; V, II.
[Китайскихъ анекдотахъ. О —]. V, 3.
[Кишиневскаго дневника. Остатки изъ —]. (1821) V, 413.
[Кишиневскаго дневника. Изъ —]. (1821). VI, 173.
(**Кишиневскія дамы**). (1821). № 289—295. II, 79—80; *582—583*; 167, 567, VI, 352. Иллюстр. II, 79.
Клеветникамъ Россіи. (1831). № 678. III,

180; VI, *409—412*; III, 556; IV, 46; VI, 83, 165; 354, 375, 378, 407, 408, 416—418, 467, 483, 569, 573, 574, 598.

Клеветникъ безъ дарованья. (На Каченовскаго). (1821). № 285. II, 78; *581—582*; V, 503, 510.

Ключъ къ Исторіи Государства Россійскаго Н. М. Карамзина. *2 ч.* М. (1836). № 993. V, 391.

Клянусь четой и нечетой. II, 251—256.

Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный. V, XLIX.

Кобылица молодая. (Подражаніе Анакреону). (1828). № 534. II, 492; V, *I—II*; VI, 353, 468.

Коварность. (1824). № 394. II, 222; III, *528—531*. II, 276, 623; III, 182, 524; IV, XXVII; VI, 275.

Когда бъ не смутное влеченье. (1833). № 727. III, 423; VI, *442—445*; 454.

Когда-бъ писать ты началъ сдуру. (1820). № 240. II, 10; *551*.

Когда, бывало, встарину. (Е. Н. Ушаковой). (1827). № 496. II, 454; IV, *XXXII—XXXIV*; III, 346.

Когда великое свершалось торжество. (1836). № 777. IV, 42; VI, *490—491*, 444, IV; V т., 236; VI, 354, 493, 522.

Когда владыко Ассирійскій. [Не закончено и не отдѣлано] (1835). № 769. IV, 39—40; VI, *485—486*; II, 429; IV, 559, IV.

Когда въ объятія мои. [Окончательно не отдѣлано]. (1831). № 684. III, 204; VI, *419—420*; 426.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день. II, 491.

Когда за городомъ задумчивъ я брожу. [Не отдѣлано]. 1836). № 781. IV, 44; VI, *493—494*; V, 236; VI, 354, 358.

Когда ко граду Константина. III, 66.

Когда, къ мечтательному міру. I, 469.

Когда, любовію и нѣгой упоенный. II, 292.

Когда могущая зима III, 176.

Когда на поклоненье. I, 323.

Когда помилуетъ насъ Богъ. (1828). № 563. II, 500; V, *XXI*; IV т., XXXIV.

Когда по синевѣ морей. II, 22.

Когда сожмешь ты снова руку. I, 459.

Когда средь оргій жизни шумной. II, 149.

Когда стройна и свѣтлоока. (1828). № 559. II, 500; V, *XX*.

Когда твои младыя лѣта. (А. П. Кернъ). (1829). № 574. III, 58; V, *XXVII — XXVIII*; III, 600; V т., III.

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей. II, 222.

Когда то, помню, съ умиленьемъ. [Княжнѣ А. Д. Абамелекъ]. (1832). № 692. III, 333; VI, *430—431*. Иллюстр. 333.

Козакъ. (1814). № 29, I, 167; *162—166*; 170, 324; III, 8; IV, 66; V, 240, 350; VI, 350.

Козлову. По полученіи отъ него Чернеца. (1825). № 440. II, 290; III, *563*; VI, 542. Портретъ. II, 290.

К—ой, К. Н. Акаѳистъ —, загл. стих. «Земли достигнувъ». IV, LII.

Кокеткѣ. (Къ Аглаѣ). (1821). № 261. II, 59; *561—562*; 114; IV, 96. Портретъ. II, 59.

Колокольчики звенятъ. (1833). № 736. III, 484; VI, *453*; II, 376; IV, 63; VI, 354.

(Колосову, А. М. На —). I, 505.

Кольна. (Подражаніе Оссіану). (1814). № 14. I, 89 — 91; *88 — 90*; 106, 112, 257, 389; VI, 350. Иллюстр. I, 89.

Коль ты къ Смирдину войдешь. (Первые 4 стиха принадлежатъ гр. В. А. Сологубу, 5-й Пушкину). (1836). № 786. IV, 51. VI, *498*. V, 479, 489.

Комедійки—подражанія Мольеру. № 1. I, *35*.

Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому государству, о царѣ Борисѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ, первоначальное заглавіе «Бориса Годунова» въ рукописи. II. 296, 316; IV, 5.

Конисскаго, Георгія. Собраніе сочиненій —. V, 327—335.

[Констана, Бенжамена. О переводѣ романа — «Адольфъ»]. IV, 537.

[Кончина Петра Великаго]. V, 277—278.

Конь. (1833). № 718. III, 418; *375—402*.

Король ходитъ большими шагами. III, 405.

Корану. Подражанія —. II, 251—256, 260.

Косичкина. О статьяхъ А. Б. и —. V, 345.

Косичкинъ, Ѳеофилактъ. Торжество дружбы, или оправданный А. А. Орловъ. V, 40—43. — Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ. V, 44—46.

Краевъ чужихъ неопытный любитель. (Кн. Евд. Ив. Голицына). (1817). № 157. I, 441; *456*; 516, 524; II, 508; IV, 95; VI, 351. Портретъ Е. Голицыной. I, 440—441.

Красавица. (Въ альбомъ Г**** [Н. Н. Гончаровой]). (1831). № 674. III, 179; VI, *406*; II, 557; VI, 355.

Красавица передъ зеркаломъ. (1821). № 254. II, 23; *557—558*; VI, 352.

Красавицѣ, которая нюхала табакъ. (1814). № 19. I, 121; *124—126*; 128, 208, 358; V, 244; VI, 350. Иллюстр. I, 121.

Краснорѣчивый забіяка. (1818—1819). № 226ж. II, 545; *545*.

Красы Ланcъ, завѣтные пиры. (1821). № 310. II, 83; *585—586*; 33, 440.

Кривцову. (1817). № 158. I, 443; *456*; 460; II, 542; VI, 351. Портретъ I, 443.

Кривъ былъ Гнѣдичъ поэтъ, прелагатель слѣпова Гомера. V, LXIII.

[Критикѣ. О литературной —]. IV, 538.

[Критикѣ. О личностяхъ въ —]. IV, 550—551.

«Критическія Замѣтки», общее названіе, данное издателями ряду замѣтокъ: «Нѣкоторые писатели ввели обыкновеніе» и сл. (V, 1 и сл.). II, 436; III, 11; IV, 17—18, 58, 64, 71.

Критонъ, роскошный гражданинъ. (1829). № 607. III, 76; V, *XLIII—XLIV*.

Кромѣшникъ, загл. стих. «Какая ночь! морозъ трескучій». IV, LIII, LIV.

Ксенофана Колофонскаго. Изъ —. III, 371.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы. II, 68.

Кто, волны, васъ остановилъ. (1822). № 359. II, 156; *613*.

Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ. (1827). № 519. II, 462—463; IV, *LIX—LX*; II, 424; VI, 406. Иллюстр. II, 463.

Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ. IV, 22; 462.

Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ. II, 60.

Кто на снѣгахъ возрастилъ Ѳеокритовы нѣжныя розы. III, 71.

Кто съ минуту переможетъ. I, 133.

Кубокъ тяжелый. I, 327.

Куда же ты?—Въ Москву, чтобъ графскихъ именинъ. III, 100.

Куда ты холоденъ и сухъ. II. 153.

Couplets. (1817). № 145. I, 429; *148*. Автографъ 427. Иллюстр. 429.

Курбскій, неизвѣстное произведеніе Пушкина. III, 118.

(Къ Аглаѣ). Кокеткѣ. II, 59.

Къ Александру. Посланіе. Неизвѣстное произведеніе лицейскаго періода. V, 412.

Къ Анаксагору, загл. стих. «Кривцову». I, 456.

Къ Баболовскому дворцу. (Приписывается Пушкину). (1817). № 160. I, **447**; II, *532*. Иллюстр. I, 447.

Къ Б* (Баратынскому).** (1825). № 462. II, **398**; III, *576—577*. Портретъ II, 398.

Къ Батюшкову. (1814). № 26. I, **145—147**; *142—143. П. Морозовъ*, «Пушкинъ и Батюшковъ». *144—154*; 170, 174; V, 240, 241; **412**; LII; VI, 350. Иллюстр. I, 145, 147, 153, 154.

Къ вельможѣ. (Кн. Н. Б. Юсупову). (1829). № 575. III, **58—62**; II, 566; IV, XII; V, 474, XLVII, LII; VI, 353, 359, 373. Иллюстр. III, 59, 61.

Къ Галичу. (1815). № 47. I, **229**; *230*; 46, 149, 218, 241, 280, 284, 308, 324, 364, 436; IV, *53*; V, **412**; VI, 350. Иллюстр. I, 229.

Къ Гнѣдичу. (1821). № 263. II, **60**; *562—563*; V, **499**.

Къ Гнѣдичу, загл. стих. «Къ Н***». VI, 461.

Къ Делін, загл. стих. «О, Делія драгая». I, 62.

Къ Дельвигу. Отвѣтъ. (Двѣ редакціи). (1815). № 40. I, **215—217**; *216—220*; 68, 149, 336; V, **412**; LXXI; VI, 350. Автографъ *Пушкина* I, **217**.

Къ Дельвигу. (1821). № 262. II, **60**; *562*; 521, 522; V, **499**.

Къ Дельвигъ, баронессѣ М. А. (1815). № 65. I, **295**; *298*; VI, 350.

Къ другу стихотворцу. (1814). № 12. I, **67—71**; *68—72*; 6, 72, 112, 186, 190, 257; «Къ др. ст.» и цензура 72; IV, 53; V, LVII; VI, 350, 358. Иллюстр. I, 71.

Къ женщинѣ-поэту, загл. стих.: «Я видѣлъ васъ, я ихъ читалъ». IV, VIII.

[Къ женѣ], загл. стих. «Пора, мой другъ, пора». VI, 500.

Къ живописцу. (1815). № 60. I, **281**; *288—290*; 284, 285, 326, 389, 420; IV, 92. Иллюстр. I, 281, 288—291.

Къ Жуковскому. (1817). № 143. I, **421—425**; *442—446*. 55, 56, 196, 204, 206, 430; II, 533; VI, 351. V, **412**; XLVIII.

Къ журнальнымъ пріятелямъ, одно изъ загл. стих. «Пріятелямъ». III, 557; V, 454.

Къ именинницѣ. (1825). № 433. II, **288**; III, *561*.

Къ Каверину, П. П. (1817). № 131. I, **407**; *408—412*; I, 56, 528, 530, 563; II, 531; VI, 351.

(Къ Кагульскому памятнику). Элегія. II, 2.

Къ Ломоносову, Н. Г. (1814). № 27. I, **155**; *156*; 126, 170; V, 238, 240; **412**; VI, 350. Иллюстр. 155.

Къ М*(атюшкину)—ошибочное загл. въ Анненковскомъ изд. стих.: »Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый». II, 583.

Къ Машѣ. (1816). № 72. I, **305**; *306*.

Къ моей чернильницѣ. (1821). № 267. II, **64**; *567*; I, 150; II, 426, 432, 434, 438, 539, 584; III, 519; V, XXII; VI, 351.

Къ молодой актрисѣ. (1814). № 22. I, **131**; *130*; 49, 128, 354; IV, 91; V, **412**; VI, 350. Иллюстр. 129.

Къ молодой вдовѣ. (1816). № 112. I, **371**; *370—372*; 128, 287; V, 238; VI, 351.

Къ Морфею. (1816). № 91. I, **351**; *340—342*; 57, 286, 390; V, 239.

Къ морю. (1824). № 385. II, **211—213**; III, *513—517*; II, 279, 427, 439, 440, 521, 614; III, 525, 554, 610; V, **531**, **535**, **539**, **542**, **545**; VI, 366, 536, 538. Иллюстр. II, 213, 214—215.

Къ Наташѣ. (1816). № 103. I, **361**; *354—358*; 124, 126, 128, 287; III, 579; IV, 64, 96; VI, 351.

Къ ней. Ельвина, милой другъ, приди, подай мнѣ руку. (1816). № 96. I, **355**; *346—348*; 57 168, 286, 326, 354, 362; II, 570, VI, 350.

Къ ней. Въ печальной праздности я лиру забывалъ. (1817). № 142. I, **421**; *440—442*; 455, 524; III, 599; IV, XXXIV; VI, 350.

(Къ нянѣ). Подруга дней моихъ суровыхъ. II, **462**.

[**Къ Н.*****]. (1834). № 746. III, **497**; VI, *461—464*; IV т., IV; VI т., 354, 361, 381.

«Къ Н. Я. П. 1818»—загл. вѣроятно стих. «Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь имп. Елизаветы Алексѣевны». I, 506.

Къ Овидію. (1821). № 279. II, **75—77**; *577—579*; 479, 562, 566, 588; III, 522; V, **505**; **507**, **509**, **511**, **516**, **545**; XLIII; VI, 352, 528, 530.

Къ О... ой. (Е. С. Огаревой), которой митрополитъ прислалъ плодовъ изъ своего сада. (1817). № 154. I, **437**; *454*; III, 549.

Къ письму. (1816). № 93. I, **351**; *342*; 286.

Къ портрету Вяземскаго. (1820). № 246. II, **14**, *555*; 440; VI, 352. Портретъ II, 14.

Къ портрету Жуковскаго. (1818). № 168. I, **471**; *476—478*; V, XX. Портретъ I, 471,

Къ портрету П. П. Каверина. (1817). № 130. I, **405**; *408*. II. 474.

Къ портрету П. Х. Молоствова. (приписывается Пушкину). (1817). № 160 а. II, **532**.

Къ портрету П. Я. Чаадаева. (1817). № 129. I, **405**; *406—408*; II, 474; VI, 258. Портретъ I, 405.

Къ принцу Оранскому. (1816). № 85. I, **335**; *328—330*; 368, 508, 542; II, 574; V, **412**. Портретъ принца и его супруги в. кн. Анны Павловны. I, 336—337.

Къ Пущину. (4 мая). Любезный имянинникъ. (1815). № 46. I, 227; *230*; 364; V, **412**; VI, 350, 3 2.

(Къ Пущину). Воспоминаніе. Помнишь ли, мой братъ по чашѣ. I, **271**.

Къ сестрѣ. (1814). № 13. I, **73—75**; *72—76*; 32, 44, 82, 130, 148, 170, 248, 259, 292, 581; V, 237; **412**; VI, 350. Иллюстр. I, 73.

Къ сну,—загл. въ рук. стих. «Къ Морфею». I, 310.

[**Къ стати началъ я писать съ 13-лѣтняго возраста**]. (1830). № 915. V, **4**.

Къ тебѣ сбкрался я давно. (Письмо къ Н. М. Языкову). (1827). № 498. II, **454**; IV, *XXXIV—XXXV*; *XXXIV*; VI, **30**.

Къ товарищамъ молодости—загл. стих. «19 окт. 1827 г.» IV, XLV.

«Къ товарищамъ передъ выпускомъ»—одно изъ загл. стих. «Товарищамъ», I, 432.

Къ тѣни полководца, загл. стих. «Передъ гробницею святой». VI, 408.

«Къ Чаадаеву». Любви, надежды, гордой славы. (1818). № 172. I, **477**; *483*; 520, 522, 556; II, 442, 474, 514, 550, 566; VI, 259.

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ. I, **467**.

Къ чему холодныя сомнѣнья? II, **9**.

(**Къ Юрьеву**) **Ѳ. Ф.** (1819). № 189. I, **529**; *536*. 152, 482; VI, 351.

Къ Я. — загл. стих. «Къ тебѣ сбирался я давно». IV, XXXIV.

Къ Языкову. Издревле сладостный союзъ. (1824). № 389. II, **217—218**; III, *521—523*; I, 14; II, 426, 481; III, 579; IV, XLIII. Портретъ II, 217.

Къ Яз*.** (Языкову). Языковъ, кто тебѣ внушилъ. (1827). № 504. II, **456**; IV, *XLIII—XLIV*; VI, 29; 357, 555.

(Къ ***). Городокъ. I, **171—179**.

Къ * (А. П. Кернъ).** Я помню чудное мгновенье. (1825). № 443. II, **291**; III, *564*; I, 440, 482; II, 377, 378, 482; III, 185, 351, 585, 592, 598, 599, 604; VI, 356, 364, 500, 517. Силуэтъ А. П. Кернъ. 291.

Къ *** (Княжнѣ Хованской). (1827). № 500. II, **455**; IV, *XXXVI—XXXVII*; I, 392.

Къ *.** Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой. (1817). № 156: I, 441; *455*; 524; VI, 350.
Къ *.** Щастливъ, кто близъ тебя, любовникъ упоенной. (1818—19). № 215. II, 2; *540—541*.
Къ *, загл. стих. «Зачѣмъ безвременную скуку». IV, X.
Къ *, загл. стих. «Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я». VI, 428.
Кюхельбекера. На —. I, 375.
Кюхельбекеру, загл. стих. «Разлука». I, 430; V, 412.

Лагерь при Эвфратѣ. Не плѣняйся бранной славой. III, 62.
Лаиса, я люблю. (1818—1819). № 226 е. II, 545; *545*.
L'amour aussi n'est qu'un volage. I, 429.
Латинскому. Подражаніе —. IV, 38.
«La Tolyade». № 4. I, 36.
Лафонтену. Подражанія (недошедшія). I, *36*.
Лебедь и гусь. VI, 179.
Леда. (1814). № 17. I, 115—117; *116—120*; 272, 389; II, 551; V, 412; VI, 350, 430. Иллюстр. I, 115, 117.
Леила—загл. стих. «Отъ меня вечоръ Леила» .VI, 469.
Лемноскій Богъ тебя сковалъ. II, 70.
Лемонте. О предисловіи г-на—Къ переводу басенъ И. А. Крылова. IV, 479—481.
Лида, другъ мой неизмѣнной. I, 371.
Лидѣ. Письмо къ —. I, 403.
Лидѣ. Посланіе къ —. I, 325.
Лиза въ городѣ жила. (Приписывается Пушкину). VI, 565.
Лизѣ страшно полюбить. (1821). № 283, II, 78; *581*; V, 236; VI, 352.
Лила, Лила, я страдаю. I, 369.
Лилѣ. (1816). № 111. I, 369; *370*; 237, 372, VI, 351; музыка 513.
[Литературная Газета. Статьи и замѣтки, напечатанныя въ — 1830 г., или предназначавшіяся для нея]. IV, 537—554.
«Литературной Газеты» Изъ —. 1830 г. VI, 198—212.
Литературное извѣстіе. (1829). № 593. III, 69. Иллюстрація 69.
Литературное общество. (1829). № 881. IV, 533—534.
Литовская баллада, подзаголовокъ стих. «Будрысъ и его сыновья». VI, 448.
Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ. (1824). № 405. II, 258; III, *549*.
Лицейская годовщина, загл. стих. «Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей». VI, 419.
Лицейскія годовщины, см. Девятнадцатое октября.
Лицейскія стихотворенія. (1812—1817). I, 63—407; *39—412*; V, 231.
Лицинію. (1815). № 39. I, 211—213; *212—216*; 276, 394; II, 505, 507; V, 239, 240; 412; VI, 350. Иллюстр. 213.
Лициній, зришь ли ты: на быстрой колесницѣ. I, 211—213.
Лишь благосклонный мракъ разкинетъ. I, 403.
Лишь розы увядаютъ. (1825). № 471. II, 402; III, *580*; VI, 353.
Лицинскій околѣлъ. (1828). № 557. II, 500; V, *XIX*.
Лобанова М. Е. Мнѣніе — о духѣ словесности. V, 345—349.
Ломоносову, Н, Г. Къ —. I, 155.
Лордъ Байронъ. (1835). № 964. V, 296—298; II, 444.
Лукулла. На выздоровленіе —. IV, 38.
Лукъ звѣнитъ, стрѣла трепещетъ. (1827). № 493. II, 452; IV, *XXIX—XXX*.
Любви, надежды, гордой славы. I, 477.
Любезный имянинникъ. I, 227.
Любезнѣйшій нашъ другъ, о ты Василій Львовичъ. (1830). № 668. III, 177; V, *LXVI*; XLIX.
Любезный Вяземскій, поэтъ и камергеръ, VI, 84.
Любимецъ вѣтренныхъ Лаисъ. I, 475.
Любимецъ моды легкокрылой. (О. А. Кипренскому). (1827). № 514. II, 461; IV, *LII—LIII*. Портретъ II, 461.
Люблю вашъ сумракъ неизвѣстной. (1822). № 338. II, 139; *599*; III, 231; V, XLVII; VI, 547.
Люблю я въ полдень воспаленной. I, 225.
Любовь одна веселье жизни хладной. (1816). № 87. I, 345; *332—336*, 57, 285, 364, 390.
Любовью, дружествомъ и лѣнью. I, 407.
Любопытный. (1828). № 553. II, 499; V, *XIV*; I, 378.
Лѣтопись села Горюхина, неправильное заглавіе «Исторіи села Горохина». IV, 226.
Лѣчись, иль быть тебѣ Панглосомъ. V, 511.

Мадамъ Ризничъ съ Римскимъ носомъ. II, 260.
Маглановича Іакинѳа. Похоронная пѣсня. III, 411.
Мадона. Сонетъ. (1830). № 626. III, 80; V, *LIII*; IV, 209, IV, X;V т., 467, VI, 354.
Мадригалъ—загл. стих. «Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати». II, 610; VI, 14.
Маленькій лжецъ. Дѣтскія книжки. V, 16; VI, 218. Портретъ Свиньина V, 16.
Мальчику. (Изъ Катулла). (1835). № 757. IV, 22. VI, *470—471*; 354, 469.
Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ. (1829). № 597. III, 70; II, 391; VI, 203.
Мансуровъ, закадышный другъ. I, 535.
(**Мансурову П. Б.**) (1819), № 193. I, 535; *560*; VI, 350.
[**Марія Шонингъ**]. [Набросокъ 1832 г.]. (1832). № 846. IV, 261—263; *265*, *557*.
Марко Якубовичъ. (1833). № 710. III, 412. Прим. *Пушкина* 420—422; *375—402*.
(Марота. Изъ —). I, 223.
Мартышка. VI, 179.
Мартышка, съ юныхъ лѣтъ прыжки свои любя. VI, 179.
[Массонъ. Оленькѣ —]. II, 6.
[**Матеріалы для первой главы исторіи Петра Великаго**]. (1834). № 959. V, 266—275. —. [**Два отрывка изъ другихъ главъ.** 1703. Основаніе Петербурга. 1725. Кончина Петра Великаго]. V, 275—278. — [**Нѣсколько выписокъ изъ матеріаловъ для Исторіи Петра Великаго. 1672—1689**]. V, 278—280. III, 459; IV, 359, VI, 80, 85, 95, 102, 118; *255—257*; 380, 570, 597. Иллюстр. V, 272—273.
М*(атюшкину). Къ —, ошибочное загл. стих. «Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый». II, 583.
Машѣ. Къ —. I, 305.
Медлительно влекутся дни мои. I, 351.
Медокъ. (Медокъ въ Уаллахъ). (1830). № 665. III, 175, *V*, *LXV*; I, 476.
Медокъ въ Уаллахъ. III, 175.
Между горъ по каменью. № 797. IV, 75.

[**Между прочими литературными обвиненіями**]. (1830—1831). № 924. V, **8**.
Межъ тѣмъ, какъ генералъ Орловъ. II, **61—62**.
Межъ тѣмъ, какъ изумленный міръ. II, **284—286**.
Мелкія замѣтки. № 928—940. V, **10—16**; II, 409.
[**Мелкія замѣтки грамматическаго характера**]. (1830). № 927. V, **9**.
Мелкія замѣтки, повидимому относящіяся къ 1825 году. №№ 866—870. IV, **481**.
[Мерзлякова. О гекзаметрахъ]. IV, **549—550**.
Метель. (1830). № 839. IV, **177—183**. *А. Искозъ*, «Метель» *193 — 197*; IV, 282; VI, 213. Иллюстр. IV, 181.
Мечта воина—загл. стих. «Война». II, 576; VI, 531.
Мечтатель. (1815). № 49. I, **233—235**; *240*; 58, 149, 218, 456; V, **412**; VI, 350. Иллюстр. 233, 235.
Мечтателю. (1818). № **163**. I, **463**; *468—470*; II, 540; VI, 350.
Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость. I, **351**.
Мигъ вожделѣнный насталъ: оконченъ мой трудъ многолѣтній. III, **174**.
Милостыня—загл. въ рукоп. 8-го Подражанія Корану. III, **544**.
Мильтонѣ. О — и Шатобріановомъ переводѣ «Потеряннаго рая». V, **402—405**.
Митрополитъ, хвастунъ безстыдной. I, **437**.
[**Мицкевичъ**]. (1834). № 748. III, **499**; VI, *466—467*; I, 476; VI, 358, 375. Портретъ III, 499.
Мицкевича. Отрывки изъ поэмы «Конрадъ Валленродъ». II, **460**.
Младенцу. (1823—24). № 423. II, **262**; III, *556*; IV, XXVI.
Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой. I, **263**.
Младыхъ пировъ утихли смѣхи. (1821). № 325. II, **88**; *589*; 599.
[**Многіе негодуютъ на журнальную критику**]. (1830). № 934. V, **10—11**.
[**Множество словъ и выраженій, насильственнымъ образомъ введенныхъ**]. (1830). № 937. V, **11**.
Мнѣ бой знакомъ—люблю я звукъ мечей. (1820). № 229. II, **6**; *547*; I, 482; II, 515, 577.
Мнѣ васъ не жаль, года весны моей. (1820). № 235. II, **8**; *550*, 431; VI, 352.
Мнѣ жаль великія жены. (Окончательно не отдѣлано Пушкинымъ). (1824). № 406. II, **258**; III, *549—550*.
Мнѣ не спится, нѣтъ огня. III, **133**.
Мнѣніе М. Е. Лобанова о духѣ словесности какъ иностранной, такъ и отечественной. <Читано 18 января 1836 г. въ Императорской Россійской Академіи>. (1836). № 980. V, **345—349**; III, 343; V, 385—388; VI, 205, 212, 233—235, 489.
Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки (неправильно приписывается Пушкину). III, 545.
Могущій богъ садовъ. Черновой набросокъ. 1818—19 г. I, 567.
Мое завѣщаніе друзьямъ. (1815). № 55. I, **267**; *276*; 292, 298, 364, 374; V, 237.
Моей чернильницѣ. Къ —. II, **64**.
Моему Аристарху. (1815). № 51. I, **247—249**; *250—268*; 46, 332, 389; IV, *53*, *XLV*; V, 239; **412**; V, XXII, XLVII; VI т., 350. Иллюстр. I, 249, 257, 260, 264, 266.
Мое собранье насѣкомыхъ. II, **499**.
[**Можно не удостоивать отвѣтомъ своихъ критиковъ**]. (1820). № 913. V, **3**.
Мои замѣчанія объ русскомъ театрѣ. (1819). № 857. IV, **466—470**; 93. Иллюстр.: 466, 467, 469, 470.
Мои мысли о Шаховскомъ. (1815). № 856. IV, **465**. Портретъ 465.
Мой голосъ для тебя и ласковый и томной. II, **206**.
Мой демонъ—первон. загл. «Демона». II, 618.
Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ. (1821). № 276. II, **72**; *573*; 572.
Мой другъ, не славный я поэтъ. I, **439**.
Мой другъ, уже три дня. (1822). № 329. II, **119**; *590*; 166, 167; VI, 352.
Мой милый другъ, разстался я съ тобою. I, **355**.
Мой милый, какъ несправедливы. II, **66**.
Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный. (И. И. Пущину). (1826). № 485. II, **422**; IV, *XX—XXI*; I, 149; II, 511; IV, XXIII; VI, 390, 396, 397. Иллюстр. II, 422—423.
Мой плѣнникъ вовсе не любезенъ. VI, **177**.
Мой портретъ. (1814). I, **169**.
Молвой покинутый изгнанникъ. (1821). № 323. II, **88**; *589*.
Молдавская пѣсня. Черная шаль. II, **12**.
Молитва—загл. стих. «Отцы пустынники и жены непорочны». V, 493.
Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ. (Приписывается Пушкину). (1817). № 159. I, **445**; II, *531—532*; I, 308, 410, 412, 542, 544, 550; III, 554; VI, 172. Иллюстр. I, 445.
Молодой актрисѣ. Къ —. I, **331**.
Молодой вдовѣ. Къ —. I, **371**.
Молодой Киреевскій. (1830—1831). № 926. V, **9**; VI, 201.
Молоствова П. Х. Къ портрету —. II, **532**.
Мольеру, подражанія. Комедійки. I, *35*.
Монастырь на Казбекѣ. (1829). № 586. III, **65**; V. *XXXIII*; XLI; VI, 365, **466**, 493. Иллюстрація III, 65.
Монахъ (не сохранилось; можетъ быть, другое назв. стих. «Русалка».) (1818). № 210г. II, *538*; I, 238, 566.
Mon portrait. (1814). I, **169**; *168—170*; 54; III, 182; IV, 108.
(**Мордвинову, Н. С.**). (Не закончено). (1825). № 464. II, 399; III, *577—578*. Портретъ. II, 399.
[Моро де Бразе. Записки —]. V, **306—324**.
Морозъ и солнце; день чудесный. III, **69**.
Морфей, до утра дай отраду. I, **351**.
Морфею. Къ —. I, **351**.
Морю. Къ —. II, **211—213**.
Москва была освобождена. (1831). № 950. V, **46—47**.
Моцартъ и Сальери. (1830). № 645. III, **127—134**. *А. Горнфельдъ*. «Моцартъ и Сальери». *118—126*. I, 74. III, 137, 340, 352; IV, 15, 16, 184—191, 208, *XV*; V, 474, LVII, LX; VI, **66**, **79**; 216, 354, 575, 576. Иллюстр. III, 126, 127, 129, 131.
[**Моцартъ и Сальери**]. (1833). № 956. V, **246**.
Моя родословная или русской мѣщанинъ. Вольное подражаніе лорду Байрону. (1830). № 641. III, **100**; V, *LVIII—LIX*; I, 10, 11; 14, 23, 150; III, 458; IV, XXII; V, 466; VI, 201, 355.
Моя эпитафія. (1815). № 64. I, **295**; *298*; 374; III, 182.
Мстительность. VI, **179**.
Муза. (1821). № 256, II, **23**; *558—559*; I, 150, 240, 364, 567; II, 442, 480, 568; IV, VII, X; VI т., 352; музыка Глазунова 513.
(Мура, Томаса. Изъ —). Эхо. III, **179**.
[Муравьева, А. Н. О книгѣ —: Путешествіе къ Св. Мѣстамъ]. V, **46**.
М[ухано]вѣ. О г-жѣ Сталь и о г. А. —. IV, **478—479**.
Мчатся тучи, вьются тучи. III, **82—83**.
Мы рождены, мой братъ названный. [Дельвигу]. (1830). № 666. III, **175**; V, *XLV*.
[**Мысли на дорогѣ**]. (1833—35). № 957. V,

ПУШКИНЪ и ГОГОЛЬ.

(Выдѣлено изъ общей группы рус. писателей на памятникъ тысячелѣтію Россіи въ Новгородѣ).
По фотографіи, снятой для настоящаго изданія.

247—262; III, 20, 343, 527; IV, *3*, *58*; V, 233, 384, 385, XXIII; VI т., 208, 209, 242, 370, 371, 373, 379.

Мѣдный всадникъ. Петербургская повѣсть. (1833). № 733. III, 473—482. Предисловіе **473**. Вступленіе **473—474**. Примѣчанія *Пушкина* къ «Мѣдному всаднику» **482**. *В. Брюсовъ*. «Мѣдный всадникъ». *456—472*. VI, *448—451*. I, 150; II, 240, 616; III, 5, 16, 23, 90, 519, 550; IV, *105*, *200*, *214*, *271*, *358*, *XXII*, *XLIII*, LXVII; и цензура имп. Николая V, 439; VI, **113**, **114**, **117**, **118**; 194, 248, 255, 256, 354, 357, 363, 376, 380, 443, 444, 453, 454, 480, 539, 582. Рисунокъ *Пушкина* III, **472**. Иллюстр.: 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 481, 482.

Мѣсяцъ. (1816). № 97. I, **355**; *348*; 286, 344, 354, 362.

Мюссе. По поводу Альфреда де —. V, 12.

На Аракчеева. (1820). № 231—232. II, 7; *548*; I, 500. III, 229; VI, 352. Портретъ II, 7.

Наброски и отрывки. (1830). №№ 662—673. III, **175—178**.

[Набросокъ автобіографическаго характера] (съ французскаго). IV, **141—142**.

[**Набросокъ о русской литературѣ**]. № 1045. VI, **178**; *178*.

[Набросокъ 1819 г.]. Надинька (Эльвина). IV, **103**.

[Набросокъ 1831 г.]. Въ Коломнѣ на углу маленькой площади. IV, **259—260**.

[Набросокъ 1831 г.]. Въ одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля. IV, **253—254**.

[Набросокъ 1831—1832 г.г.]. Въ 179* году возвращался я. IV, **254**.

[Набросокъ 1831—1832 г.г.]. Гости съѣзжались на дачу. IV, **255—258**.

[Набросокъ 1832 г.]. [Марія Шонингъ]. IV, **261—263**.

[На Булгарина]. Не то бѣда, что ты полякъ. III, **80**.

[На Булгарина]. Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь. III, **83**.

На Вильма [Отрывки изъ лицейскихъ записокъ]. V, **412**.

Нависъ покровъ угрюмой нощи. I, **185—197**.

На Владиславлева. [Отрывки изъ лицейскихъ записокъ]. V, **411**.

На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа, въ 1815 году. (1815). № 63. I, **291—293**; *294—296*; 151, 368, 542; II, 473, 504, 507, 574; V, 238, 241, 243; **493**; VI, 350, 358, 381, 388. Портретъ Александра I. I, 292—293.

На В[оронцо]ва, загл. стих. «Полугерой, полуневѣжда». III, 512.

На выздоровленіе Лукулла. Подражаніе латинскому. (1835). № 767. IV, **38**; VI, *480—484*; I, 214; IV, 220, VI, **149**, **153**; 355, 591—593; **605**, **606**.

На Гакена. [Отрывки изъ лицейскихъ записокъ]. V, **411**.

На Георгіевскаго. [Отрывки изъ лицейскихъ записокъ]. V, **411**.

(На Глинку, Ѳ, Н.). Нашъ другъ Ѳита. II, **281**.

На Гнѣдича, Н. И. (Приписывается Пушкину). (1819). № 203. I, **555**; II, *534—535*.

На Голицына, князя А. Н. (1819). № 202. I, **553**, *570*. Портретъ 553.

Надгробная надпись. Кн. А. Н. Голицыну. (1823). № 379. II, **209**; 629.

(**Надежда Парнаса**). (1818—1819). № 226а. II, **543—544**; *544*.

Наденькѣ. (Приписывается Пушкину). (1818). № 178. I, **481**; II, *533—534*; IV, 265.

На диво намъ и всей Европѣ (ошибочно приписываемая П-у эпиграмма на А. Муравьева). IV, XXX.

Надинька (**Эльвина**). [Набросокъ 1819 г.]. № 831. IV, **103**.

Надо мной въ лазури ясной. (1830). № 670. III, **178**; V, *LXVI*.

Надпись на бесѣдкѣ. (1816). № 95. I, **353**; *346*; 286. Иллюстр. 353.

Надъ лебедемъ желая посмѣяться. IV, **179**.

Надъ лѣсистыми брегами. III, **81**.

Надъ Невою рѣзво вьются. IV, **37**.

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ. I, **539**.

Надъ Сербіей смилуйся ты, Боже! III, **415**.

Надѣясь на мое презрѣнье. (Не отдѣлано окончательно). (1829). № 599. III, **71**. II, 391. Портретъ Н. Надеждина. III, 71.

На Заб. и Петр. Отрывки изъ лицейскихъ записокъ]. V, **412**.

[**На зарѣ то было, братцы, на утренней**]. Французскій переводъ. № 832. IV, **87**.

На Иконникова. [Отрывки изъ лицейскихъ записокъ]. V, **412**.

На Испанію родную. III, **483**.

На Кайданова. [Отрывки изъ лицейскихъ записокъ]. V, **411**.

(**На картинки къ «Евгенію Онѣгину» въ «Невскомъ Альманахѣ»**). (1829). № **579—580**. III, **63**, V, XXX; VI, 537. Иллюстр. III, 63.

На Карцева. [Отрывки изъ лицейскихъ записокъ]. V, **411**.

(**На Каченовскаго**). Безсмертною рукой раздавленный зоилъ. (1818). № 169. I, **475**; *478 — 480*, VI, **58**; 351.

(На Каченовскаго). Клеветникъ безъ дарованья. II, **78**.

(**На Каченовскаго**). Хавроніусъ! ругатель закоснѣлый. (1820). № 239. II, **10**; *551*; VI, 352.

На Каченовскаго, М. Т. Живъ, живъ Курилка. I, **289**.

(**На Колосову, А. М.**). (1819). № 180. I. **505**; *504—506*; 491; II, 563; VI, 351. Портретъ. I, 505.

На Куницына. [Отрывки изъ лицейскихъ записокъ]. V, **412**.

На Кюхельбекера. (1816). № 118. I, **375**; *378*; VI, 350. Иллюстр. I, 375.

На Лав. [Отрывки изъ лицейскихъ записокъ]. V, **412**.

На лирѣ скромной, благородной. I, **507**.

(**На Одесскихъ дамъ**). (1823—24). № 412. II, **260**; III, *552*.

На Орлову, графиню. (Приписывается Пушкину). (1819). № 209. I, **561**; II, *536*; VI, 350. Портретъ I, 561.

На переводъ Иліады. (1830). № 653, III, **164**. V, *LXII—LXIII*; VI, 560. Иллюстр. III, 161.

Наперсникъ. (1828). № 538. II, **494**; V, *III—IV*

Наперсница волшебной старины. (1821). № 269. II, **65**; *568*; I, 240, 332, 364; IV, 57, LV; VI, 352. *LV*.

Наперсница моихъ сердечныхъ думъ. (1821). № 299. II, **81**; *584*; VI, 352.

Наполеонъ. (1821). № 277. II, **73—74**; *573—576*; I, 330; II, 115, 429, 473, 520, 552, 574, 575, 577; 627; III, 513, 517, 545; IV, 7; V, 244; **519**, **545**, XXXVI; VI, 381. Иллюстр. II, 73, 74.

Наполеонъ на Эльбѣ. (1815). № 41. I, **219—221**; *220—224*; 151; II, 472, 574, 575; IV, 13, V, 240; VI, **412**. Иллюстр. I, 218—219, 219, 221.

Напрасно ахнула Европа. (1824). № 407. II, 259; III, *550*. Иллюстр. II, 259.

Напрасно видишь тутъ ошибку. (1829). № 583. III, 64; VI, 381.

Напрасно воспѣвать мнѣ ваши имянины. VI, 172.

Напрасно, милый другъ, я мыслилъ утаить. (1818—19). № 217. II, 2; *541*.

Напрасно, пламенный поэтъ. II, 496.

Напрасно рощу оглашаетъ. (1821). № 320. II, 88; *588*.

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ. (1833). № 741. III, 492; VI, *456*; III, 181; IV, IV; VI, 464, 516.

На приглашеніе ѣхать съ нимъ моремъ на полуденный берегъ Крыма. Давыдову. II, 210.

На Пучкову, Е. Н. . (1816). № 120. I, 375. *378—380*. Автографъ. 377.

Народномъ воспитаніи. О —. IV, 483—486.

Народности въ литературѣ О —. IV, 483.

На Разумовскаго, графа А. К. (1814). № 35. I, 183; *188—190*. Портретъ 183.

Народныя пѣсни въ новооткрытыхъ записяхъ Пушкина. № 1078. VI, 236 — 242; *235—243*.

Народныя пѣсни и сказки въ записяхъ, передѣлкахъ и переводахъ Пушкина. IV, *52—72*; 272.

I) Пушкинскія записи, изданныя П. А. Безсоновымъ. («Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ». Вып. 5, М. 1863 и вып. X, М. 1874). IV, 73.

II) Свадебныя пѣсни, записанныя для Петра Кирѣевскаго. Найдены—въ копіяхъ—въ бумагахъ Кирѣевскаго проф. Всеволодомъ Миллеромъ. IV, 74—76.

III) Собственноручная запись Пушкина, найденная С. О. Долговымъ въ бумагахъ Петра Кирѣевскаго. IV, 76.

IV) Записи пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ. IV, 77.

V) Запись пѣсни о девяти братьяхъ-разбойникахъ. IV. 78.

VI) Записи пѣсенъ разнаго содержанія. IV, 78—79.

VII) Пѣсни, подвергшіяся художественной переработкѣ. IV, 79—80.

[**На себя**]. № 1034. VI, 172.

На скользкомъ поприщѣ Тимковскаго наслѣдникъ. II, 219—221.

Наслажденіе. (1816). № 89. I, 349; *338—340*; 149.

На смерть Наполеона—рук. загл. «Наполеона». II, 571.

На смерть стихотворца. (1816). № 119. I, 375; *378*; 168.

[**На статуи**]. 1. [Мальчика, играющаго въ бабки]. [Работы Н. Пименова]. 2. [Мальчика, играющаго въ свайку]. [Работы Н. Логановскаго]. (1836). №№ 783—784. IV, 49; VI, *495—496*; II, 593; V, 236; VI, 354. Иллюстр. IV, 49.

(**На Стурдзу, А. С.**). (1819). № 190. I, 529; *538*; IV, 65; VI, 351, 365, 532. (Портретъ) I, 529.

Насъ было много на челнѣ. II, 455.

Натальѣ. Посланіе къ —. I, 125—127.

Наташѣ. Къ —. I, 361.

На тихихъ берегахъ Москвы. (1822). № 356. II, 155; *612*.

На Фотія (1819). № 201. I, 551; *570*. Портретъ. 551.

На Хвостова, графа. (Приписывается Пушкину). (1819). № 208. I, 559; II, *536*.

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла. (Отрывокъ). (1829). № 576. III, 62; V, *XXVIII—XXIX*; XLIII; VI, 353.

(Начало перевода «Дѣвственницы» Вольтера). Я не рожденъ святыню славословить. II, 386.

Начало повѣсти—загл. стих. «Въ еврейской хижинѣ». VI, 430.

[**Начало сказки «Конекъ-Горбунокъ»**]. № 1073. VI, 219; *219—220*.

[**Начало сказки объ Ильѣ Муромцѣ**]. № 1071. VI, 218; *218—219*.

Начнемъ ab ovo: мой Езерскій. III, 424.

На Шумахера [Отрывки изъ лицейскихъ записокъ]. V, 411.

Нашъ другъ Ѳита. (На Ѳ. Н. Глинку). (1825). № 426. II, 281; III, *557*; II, 510; V, 539.

Нащокина, П. В. Записки —. V, 30—32.

Наѣздники. (1816). № 83. I, 329; *324—326*; 285, 350; II, 570, 571.

На это скажутъ мнѣ. [Черновой набросокъ]. (1833). № 745. III, 496; VI, *460—461*; 354.

На языкѣ, тебѣ невнятномъ. II, 210.

Не большой онъ русскій баринъ. II, 532.

Не бѣлинька березонька къ землѣ клонится. № 804. IV, 76.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря. III, 100.

Невѣдомскій—поэтъ, невѣдомый никѣмъ. (1828). № 558. II, 500; V, *XIX—XX*.

Не вѣровалъ я Троицѣ до нынѣ, — приписываемое П—у стих. IV, 99.

Не вѣрю чести игрока [приписывается Пушкину]. V, 489.

Недавно въ одномъ изъ нашихъ журналовъ. [О разговорѣ у княгини Халдиной]. (1830). № 893. IV, 547.

Недавно, обольщенъ прелестнымъ сновидѣньемъ. I, 401.

Недавно тихимъ вечеркомъ. (1818—19). № 223. II, 3; *542*.

Недавно я, въ часы свободы. (Сѣтованія). (1821). № 271. II, 67; *569—570*. VI, 177. Иллюстр. 67.

[«**Недавно я въ часы свободы** ... **Окончаніе посланія**]. № 1038. VI, 177.

Недавно я стихами какъ-то свиснулъ. II, 290.

Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума. (1833). № 737. III, 484; VI, *453—454*; III, 463; VI, 384, 465.

Недаромъ вы приснились мнѣ. II, 254.

[**Не даромъ ты ко мнѣ воззвалъ**]... № 1044. VI, 178; *178*.

Не два волка въ оврагѣ грызутся. III, 414.

Недвижный стражъ дремалъ. (Отрывокъ). (1823). № 376. II, 208—209; *627—628*; I, 198; II, 473, 576, 616, 628; IV, 7; V, LXII; VI, 352, 381.

Недоконченная картина. (1819). № 197. I, 543; *568*; II, 511.

Не дорого цѣню я громкія права. IV, 43.

Не знаю гдѣ, но не у насъ. (1827). № 512. 460; IV, *L—LII*.

Nec temere, nec timide. № 1052. VI, 194; *194—195*.

Нельзя, мой толстый Аристипъ. II, 210.

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ. III, 80.

Не мысля гордый свѣтъ забавить. III, 269.

Ненастный день потухъ. (1824). № 392. II, 219; III, *524—526*; II, 623, 629; III, 552; VI, 352.

Не отдѣланный переводъ 100—112 октавъ XXIII пѣсни «Orlando Furioso» Аріосто. Предъ рыцаремъ блеститъ вода. II, 384—385.

Не плѣняйся бранной славой. Изъ Гафиза. (Лагерь при Эвфратѣ). (1829). № 578. III, 62; V, *XXIX—XXX*; VI, 353, 474.

Не пой, красавица, при мнѣ. (1828). № 528. II, 490; IV, *LXVII—LXVIII*; 94; VI, 357, 365, пол. на музыку Глинкой, 504; Балакиревымъ 505.

Непоколебимость. VI, 179.

Непримиримою судьбою. (1821). № 321. II, 83; *589*.

Не притворяйся, милый другъ. II, 142.

Не пугай насъ, милый другъ. I, 443.

Нереида. (1820). № 247. II, 14; *555*; I, 391; II, 98, 107, 623; V, 452; 521; VI, 352.

Не розу Паѳосскую. [Не закончено]. (1835). № 761. IV, 22; VI, *473—474*; 354, 365.

Не смѣю Вамъ стихи Баркова. (1828). № 562. II, 500; V, *XX—XXI*.

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой. I, 441.

Не стану я жалѣть о розахъ. II, 10.

Несчастіе Клита. (1814). № 34. I, 181; *188*; VI, 350.

Не то бѣда, Авдей Флюгаринъ. (1830). № 627. III, 80; V, 465, 489.

Не то бѣда, что ты полякъ. [На Булгарина]. (1830). № 624. III, 80; V, 460, 464, 489; VI, 376. Иллюстр. III, 80.

Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ. (1821). № 302. II, 81—82, *584*; 533; III, 519; V, XXI.

Не удивляйся, милый мой. (1821). № 307. II, 82; *585*.

[**Не шуми, мати зеленая дубровушка**]. Французскій переводъ. № 823. IV, 85.

Ни блескъ ума, ни стройность платья. II, 78

[Н*** . Къ —]. III, 497.

Нимфодорѣ Семеновой. (Приписывается Пушкину). (1819). № 207. I, 559; II, *536*. Портретъ 559.

Ни одно изъ произведеній Лорда Байрона. (1827). № 876. IV, 500.

Н. Н. При посылкѣ ей Невскаго Альманаха. (1825). № 466. II, 400; III, *579—580*; 608. Иллюстр. II, 400.

NN, загл. стих. «В. В. Энгельгардту». I, 508.

Новоселье. (1830). № 661, III, 174, V, *LXIV—LXV*; 20.

[**Новый романъ**]. (1836). № 987. V, 389.

Новый Тарквиній, первон. загл. Графа Нулина». II, 387.

[**Новыя выходки противу такъ называемой литературной аристократіи**]. (1830). № 906. V, 1; 465; VI, 201.

Новыя пріобрѣтенія Пушкинскаго текста и дополненія. № 1033—1078. VI, 172—243.

Новѣйшихъ романахъ. О —. V, 433.

[Нодье. О Шарлѣ — и французскихъ романтикахъ]. VI, 205—208.

(Noël). Сказки. I, 461.

Noël, неизв. произв. 1824 г. II, 429.

Ночной зефиръ струитъ эфиръ. Испанскій романсъ. (1824). № 400. II, 257; III, *545—546*; II, 613; VI, 352, 500, 507, 570. Иллюстр. II, 257.

Ночь. (1823). № 373. II, 206; *625*; 623, 629, VI, 352.

Но я не тотъ! Мои златые годы. (Кн. А. М. Горчакову. Отрывокъ). (1818—19). № 225. II, 4; *543*.

«Нравоучительныя четверостишія». № 1048. VI, 179—180; *180*.

Нѣкоторые журналы, обвиненные въ неприличности ихъ полемики. [О статьяхъ кн. Вяземскаго]. (1830). № 896. IV, 547—548.

[**Нѣкоторые писатели ввели обыкновеніе**]. (1830). № 908. V, 1—2; 490.

[**Нѣсколько выписокъ изъ матеріаловъ для исторіи Петра Великаго. 1672—1689**]. (1834). V, 278—280.

Нѣсколько словъ о мизинцѣ Г. Булгарина и о прочемъ. Ѳ. Косичкина. (1831). № 917. V, 44—46; 18, 471, 492; VI, 53, 83; 199, 200; 563, 572—574.

Нѣтъ, не Черкешенка она. II, 422.

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати. (1822). № 349. II, 152; *610*; VI, 14; 552.

Нѣтъ, нѣтъ, (мои друзья). (1818—1819). № 226к. II, 54; *546*; 542.

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу.. (1832). № 689. III, 332; VI, *428—429*; V, XXVI; VI, 406.

Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ. (1832). № 686. III, 331; VI, *425—426*; III, 526; VI, 354, 361.

Нѣтъ, я не льстецъ, когда Царю. II, 437.

Нянѣ. Къ —. II, 462.

[**О Бахчисарайскомъ Фонтанѣ**]. (1831). № 1016. V, 420.

Обвалъ. (1829). № 590. III, 66—68; V, *XXXVI—XXXVII*, VI, 353, 365—367. Иллюстрація III, 67.

О, боги мирные полей, дубравъ и горъ, — неизв. стих. V, XLV.

[**О Борисѣ Годуновѣ**]. (1831). № 1013. V, 418—420.

[**О Братьяхъ разбойникахъ**]. (1831). № 1017. V, 421; 462.

Общая судьба. VI, 130.

[**Объ Андре Шенье**]. (1825). № 869. VI, 481.

[**Объ Евгеніи Онѣгинѣ**]. (1831). № 1020. V, 423—425; 164.

[**Объ «Иванѣ Выжигинѣ»**]. № 1063. VI, 200—201; *201—202*.

[**Объ «Исповѣди». Ж. Жанена**]. № 1067. VI, 209—211; *211—212*.

[**Объ исторіи поэзіи Шевырева**]. (1835). № 968. V, 325—326.

Объ «Исторіи Пугачевскаго бунта». <Разборъ статьи, напечатанной въ «Сынѣ Отечества» въ январѣ 1835 года>. (1835). № 965. V, 298—306.

Объ обязанностяхъ человѣка. Сочиненіе Сильвіо Пеллико. (1836). № 984. V, 369—370.

[**Объ упрекахъ писателей дворянскимъ достоинствомъ и литературною извѣстностью**]. (1830). № 903. IV, 551; V, 465.

[**Объ эпопеѣ нашего времени**]. № 1061. VI, 193; *199—200*.

Объясненіе. (1836). № 990. V, 390—391; VI, 233, 408.

О бѣдность! Затвердилъ я наконецъ. [Черновой набросокъ]. (1835). № 771. IV, 40; VI, *486*.

[**О вдохновеніи и восторгѣ**]. (1824). № 863. IV, 477.

Овидію. Къ —. II, 75—77.

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ. II, 75—77.

О вы, которые любили. (1821). № 259. II, 58; *560—561*.

О вы, которые съ язвительнымъ упрекомъ. I, 417—419.

(Огаревой, Е. С.). Къ О....ой, которой Митрополитъ прислалъ плодовъ изъ своего сада. I, 437.

[О гекзаметрахъ Мерзлякова]. Въ третьемъ нумерѣ «Московскаго Вѣстника». IV, 549—550.

О, Геліосъ, внемли. (1822). № 367. II, 157; *614*; VI, 353.

О, Геліосъ, внемли, серебрянымъ лукомъ звенящій. II, 157.

О г-жѣ Сталь и о г. А. М—вѣ. [Мухановѣ]. (1825). № 864. IV, 478—479; V, 552; XLVIII; VI, 546.

[**О графѣ Нулинѣ**]. (1831). № 1019. V, 421—423.
О горе, горе то невѣстино. № 799. IV, 75.
Ода. Вольность. I, 511—517.
Ода. Его Сіятельству Графу Дмитрію Ивановичу Хвостову. (1825). № 446. II, 293—294; Примѣчанія *Пушкина*. 294. III, *564 — 565*; V, XII, XLVIII; VI, 180, 542. Портретъ. II, 293.
[**О дамахъ**] (1830]. № 933. V, 10.
[**О дворянствѣ**]. (1832). № 1024. V, 433; VI, 371.
О, Делія драгая. Пѣсня. (1812—13). № 8. I, 63; *62—66*; 128, 142, 148, 294, 348, 388, 416; IV, 555; VI, 350. Автографъ. I, 65. Иллюстр. 63.
[**О Дельвигѣ**]. (1831). № 944. V, 35—36; XL. Портретъ. 34—35.
Одесскихъ дамъ. На —. II, 260.
[**Одинъ изъ великихъ нашихъ согражданъ**]. (1830). № 923. V, 7—8; 492.
Одинъ-то былъ у отца у матери единый сынъ. № 810. IV, 79.
Однажды, странствуя среди долины дикой. III, 497.
Одна свѣча избу лишь слабо освѣщала. VI, 179.
Одна черта руки моей. (1821). № 321. II, 88; *588—589*.
[**О драмѣ**]. (1830). № 940. V, 12—16.
[**О Дуровѣ**]. (1833). № 1028. V, 435—437.
Оды LV—LVII. Изъ Анакреона. (1835). IV, 21.
О дѣва—роза, я въ оковахъ. Подражаніе турецкой пѣснѣ. (1820). № 237. II, 9; *551*; 107, 431, 552; IV, XXIV; муз. Даргомыжскаго, VI, 505.
О, если правда, что въ ночи. III, 101.
О, жены чистыя пророка. II, 251—252.
[О запискахъ Видока]. Въ одномъ изъ нумеровъ «Лит. Газеты». IV, 550.
[**О запискахъ Самсона**]. (1830). № 892. IV, *546—547*; V, 382; VI, 198, 212, 234, 379.
[**Ой ты нашъ батюшка, тихой Донъ**]. Французскій переводъ. № 824. IV, 85.
[**О «Кавказскомъ плѣнникѣ»**] (1831). № 1015. V, 420.
[**О «Кавказскомъ плѣнникѣ»**]. № 1042. VI; 177, *177—178*. II, 560.
[**О китайскихъ анекдотахъ**]. (1830). № 911, V, 3; 459.
[**О книгѣ А. Н. Муравьева: Путешествіе къ св. мѣстамъ**]. (1831). № 919, V, 46; IV, 445, XXIX. Портретъ А. Н. Муравьева. V, 47.
[О книгѣ И. И. Дмитріева: Путешествіе N. N. въ Парижъ и Лондонъ]. Путешествіе Б. Л. П. V, 288
Окно. (1816). № 88. I, 347; *336—338*; 285, 344, 354.
О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье. III, 81—82.
Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роща отряхаетъ. III, 84—86.
Олеговъ щитъ. (1829). № 588. III, 66; V, *XXXIV—XXXV*.
(Олениной, А. А.). Примѣты. III, 58. —Что въ имени тебѣ моемъ? III, 58.
(**Оленькѣ Массонъ**). (1820). № 230. II, 6; *547—548*; 472; VI, 352.
[**О литературной критикѣ**]. (1830). № 889. IV, 538.
[О личностяхъ въ критикѣ]. Требуетъ ли публика извѣщенія. IV, 550—551.
Ольга, крестница Киприды. II, 6.
О Малороссіи. [Программа]. (1826). № 1009. V, 416.
[**О мертвой царевнѣ**]. № 822. IV, 84.
О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ Потеряннаго Рая. (1836). № 996. V, 402—405; 380, 381; VI, 235.
О, мирный селянинъ! Въ твоемъ жилищѣ нѣтъ. VI, 179.
О муза пламенной сатиры. (1830). № 664. III, 175; V, *LXV*; VI. 455.
Она. (1816). № 117. I, 373; *376*.
Она мила—скажу межъ нами. II, 490.
(**Она мнѣ**). (1818—1819). № 226в. II. 544; *544*.
О народномъ воспитаніи. [Записка, представленная Пушкинымъ императору Николаю]. (1826). № 873. IV, 483—436; I, 30, 31; II, 513, 528, 529, 535; III, 338—340, 347; IV, 4, 6, 11, 20, XLVI; VI, 387.
О народности въ литературѣ. (1826). № 872. IV, 483; 56; VI, 216.
Она тогда ко мнѣ придетъ. (Приписывается Пушкину). (1818), № 177. I, 481; II, *177*.
[**О некрологіи Генерала отъ Кавалеріи П. Н. Раевскаго**] (1830). № 886. IV, 537.
О новѣйшихъ романахъ. (1832). № 1025. V, 433; VI, 234.
On peut très bien, mademoiselle. I, 361.
Онъ вышней волею небесъ. I, 405.
Онъ между нами жилъ. III, 499.
О нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла. (1829). № 618. III, 78; IV, 51; V, *XLVII*; LV; VI, 447.
О нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла. IV, 51.
[**О переводчикахъ**]. (1825). № 866. IV, 481.
[**О переводѣ романа Бенж. Констана «Адольфъ»**]. (1830). № 887. IV, 537; V, 381; VI, 198, 212, 422.
Описаніе розы. № 7. I, *62*.
[**О повѣсти К. Н. Батюшкова**]. № 1069. VI, 215—216; *216—217*.
[**О Полтавѣ**]. (1831). № 1021. V, 425 — 426; III, 18—19.
[**О попѣ и Балдѣ**]. № 818. IV, 82—83.
Оправданная лѣнь, неизвѣстное произведеніе лицейскаго періода. V, 412.
О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова. (1825). № 865. IV, 479—481; 71, 354; VI, 549.
[**О приказахъ**]. (1831). № 951. V, 47—48.
О приличіи въ литературѣ. По поводу Альфреда де Мюссе. (1830). № 939. V, 12; 378, 379, 380, 382.
Опричникъ—загл. стих. «Какая ночь! морозъ трескучій...» IV, *LIII*.
Опытность. (1814). № 23. I, 133; *132*, 149, 272; VI, 350. Иллюстр. I, 1 3.
Опять на родинѣ—загл. стих. «Вновь я посѣтилъ». VI, 484.
Опять увѣнчанны (побѣды). (1830). № 671. III, 178; V, *LXVI*.
Опять я вашъ, о юные друзья! I, 361—363.
[О разговорѣ у княгини Халдиной]. Недавно въ одномъ изъ нашихъ журналовъ. IV, 547.
Оранскому. Къ принцу —. I. 335.
Орелъ бьетъ сокола, а соколъ бьетъ гусей. VI, 179.
Орлову. (1819). № 185. I, 521; *526—528*; 510; II, 577; V, 495; VI, 524. Портретъ, I, 521.
Орлову. На графиню —. I, 561.
Орловъ, Александръ Акимовичъ. Торжество дружбы, или оправданный —. V, 40—43.
[**О романахъ Вальтеръ-Скотта**]. (1825). № 868. IV, 481.
[**О Русланѣ и Людмилѣ**]. (1831). № 1014. V, 420.
[**О русскихъ полемистахъ**]. № 1059. VI, 198; *198—199*.
[**О русской литературѣ, съ очеркомъ французской**]. (1834). № 963. V, 292—296; IV, 3.

[О сборникѣ кн. Вяземскаго). Отъ редакціи. V, 391.

Осгаръ. (1814). № 16. I, 95—97; *94—96*; 107, 108, 112, 270, 389; V, 237—240; VI, 350, 430.

Осеннее утро. (1816). № 102. I, 359; *354*; 286, 342, 344; VI, 350, 354.

Осеннее чувство—загл. стих. «Какъ быстро въ полѣ, вкругъ открытомъ». V, LXV.

Осень. Отрывокъ. [Окончательно не отдѣланъ]. (1830). № 637. III, 84—86; V, *LVI—LVII*. II, 567; IV, 52. XLII; V т., XXII, XXXIX, XLII; VI, 354, 430, 464, 487. Рисунки и автографъ Пушкина. III, 86—87.

О сжалтесь надо мною. I, 269.

(Осиповой, Александрѣ Ивановнѣ). Признаніе. (1824) II, 257.

О* [сиповой], П. А.** Быть можетъ, ужъ не долго мнѣ. (1825). № 441. II, 290; III, *563*.

[**О слогѣ**]. (1822—1824). № 860. IV, 476; 71.

[**О слѣпомъ царѣ и любовникахъ его жены**]. № 820. IV, 83—84.

[О смѣлости выраженій]. Есть различная смѣлость. IV, 504.

(Основаніе Петербурга). [Два отрывка изъ Ист. Петра В.]. V, 275—278.

[**О «Собраніи насѣкомыхъ»**]. № 1062. VI, 200; *200*.

[**О сочиненіяхъ П. А. Катенина**]. № 954. V, 228;

Оссіану. Подражаніе —. I, 89—91.

Оставь, о Лезбія. (1818—1819). № 226и. II, 545. *545—546*.

Оставя честь судьбѣ на произволъ. (1821). № 287. II, 78; *582*; 562; V, 511.

[**Остатки автобіографіи**]. (Болѣзнь. Карамзинъ). (1823). № 1010. V, 416—417; II; 378, 535; IV, 8.

[**Остатки изъ Кишиневскаго дневника**]. (1821). № 1001. V, 413; II, 512; V, 427.

[**Остатки программы поэмы изъ исторіи X и XI вѣковъ**]. (1822). № 1003. V, 413—414.

[**О статьяхъ А. Б. и Косичкина**]. (1836). № 979. V, 345.

(О статьяхъ Кн. Вяземскаго). Нѣкоторые журналы, обвиненные въ неприличности ихъ полемики. IV, 547—548.

Острая шутка не есть окончательный приговоръ. (1830). № 897. IV, 548.

Отвѣтъ—загл. стих. «Она мила, скажу межъ нами». IV, LXLVIII.

Отвѣтъ Анониму. (1830). № 630. III, 81—82; V, *LIV*; LII; VI, 275.

[**Отвѣтъ Ф. Ф. Вигелю**]. № 1046. VI, 178; *178—179*.

Отвѣтъ А. И. Готовцовой. (1828). № 546. II, 497; V, *IX—X*; VI, 40.

Отвѣтъ. Къ Дельвигу. I, 215—217.

Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны. (1819). № 181. I, 507; *506—508*; 368, 520; II, 540, 541; V, LII. Портретъ имп. Елизаветы Алексѣевны. I, 507.

Отвѣтъ Катенину. (1828). № 545. II, 496, V, *VIII—IX*; VI, 39.

Отвѣтъ Ѳ. А. Туманскому. (1826). № 484. II, 422; IV, *XIX—XX*; I; VI т., 29; 555.

Отвѣтъ. [Ек. Н. Ушаковой]. (1830). № 622. III, 79; V *LI*; IV, XXXIV.

[**Отдавая полную справедливость**]. [1830). № 907. V, 1.

[**Отелло отъ природы не ревнивъ**]. (1830). № 930. V, 10.

[**Отклики на событія 1831 года**]. (1831). № 1023. V, 431—433; IV, 11; VI, 384.

Откуда чудный шумъ, неистовые клики. I, 397—399.

Отраднымъ ангеломъ на землю онъ явился. II, 209.

[**О «Трехъ повѣстяхъ» Павлова**]. (1835). № 967. V, 325.

Отрокъ. (1830). № 640. III, 100; V, *LVIII*, V, LXIV; VI, 354.

Отрокъ милый, отрокъ нѣжный. IV, 23.

Отрывки «адской» поэмы. II, 85.

[**Отрывки изъ лицейскихъ записокъ**]. (1815). № 999. V, 410—412; I, 30, 31, 50, 54; IV, 53.

Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія. (1827). № 877. IV, 501—504; II, 409; V, 455. Портретъ «лорда Мидаса», гр. М. С. Воронцова; IV, 501.

[**Отрывки изъ разговоровъ**]. (1830). № 905. IV, 553—554.

[**Отрывки изъ романа въ письмахъ**]. (1829—30). № 833. IV, 133—140; II, 508, 587; III, 214, 221; IV, 265—269; V, 381, XXXVIII; VI, 371, 372. Иллюстр. 135, 137.

Отрывки и наброски 1827 г. № 513—522. II, 461—464; IV, 64.

[**Отрывокъ**]. № 1041. VI, 177; *177*.

Отрывокъ—загл. стих. «Вновь я посѣтилъ». VI. 484.

Отрывокъ—загл. стих. «Когда въ объятія мои». VI, 419.

Отрывокъ—загл. стих. «Не розу Пафосскую». VI, 472.

Отрывокъ—загл. стих. «Странникъ». VI, 464.

Отрывокъ—загл. стих. «Что бѣлѣетъ на горѣ зеленой». III, 395.

Отрывокъ. На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла. III, 62.

(Отрывокъ) Недвижный стражъ дремалъ. II, 208—209.

Отрывокъ. Осень. 84—86.

Отрывокъ изъ Андрея Шенье. Каковъ я прежде былъ. II, 490.

(Отрывокъ изъ комедіи). Все жалобы, упреки, слезы. II, 84.

Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей. (1829). № 880. IV, 531—533; V, 458, 462.

Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы. [Рославлевъ]. IV, 247—252.

Отрывокъ изъ посланія Языкову—одно изъ загл. стих. «Къ Языкову». III, 521.

Отрывокъ изъ поэмы Мицкевича «Конрадъ Валленродъ». Сто лѣтъ минуло, какъ Тевтонъ. II, 460.

Отрывокъ изъ рукописи—заглавіе замѣтки «О Полтавѣ». III, 18.

(Отрывокъ изъ рѣчи въ Арзамасѣ). Вѣнецъ желаніямъ. I, 411.

Отцы пустынники и жены непорочны. (1836). № 780. IV, 43; VI, *493*; II, 605; IV, 444; VI, 354, 358, 464, 466, 484, 491, 522. Иллюстр. IV, 43.

[**Отчего издателя Литературной Газеты и его сотрудниковъ называютъ аристократами**]. (1830). № 918. V, 5,

О ты, который сочеталъ. I, 521.

О ты, который сочеталъ. (Черновой набросокъ). (1826). № 486. II, 422; IV; *XXI*.

Отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы. [Изъ записки къ А. О. Смирновой, при посылкѣ ей «Бородинской годовщины»]. (1831). № 681. III, 200; VI, *417—418*; 86; 426.

Отъ всенощной, вечоръ, идя домой. (1815). № 71. I, 303; *303—304*.

Отъ издателя (повѣстей покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина). (1830). IV, 144—145.

Отъ меня вечоръ Леила. (1835). № 756. IV, 22; VI, *469—470*; 354.

Отъ редакціи (Современника). (1836). № 989. V, 389—390.

Отъ редакціи (Современника). [О сборникѣ кн. Вяземскаго]. (1836). № 991. V, 391.

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ. III, 58—62.

Охотникъ до журнальной драки. (1824). № 404. II, 258; III, *549*.

[О хроникѣ русскаго А. И. Тургенева]. (1836). № 978. V, 345; VI, 339.

Охъ Тетенька! охъ Анна Львовна! II, 289.

[О Царѣ Кащеѣ]. № 819. IV, 83.

[О Царѣ подземномъ, Иванѣ Царевичѣ и Марьѣ Царевнѣ]. № 817. IV, 82.

[О Царѣ Салтанѣ]. № 816. IV, 81.

[О Цыганахъ]. (1831). № 1018. V, 420—421.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь? II, 294.

О чемъ шумите вы, народные витіи? III, 180.

[Очеса—чудеса...] № 1056. VI, 196; *196*.

[О Шарлѣ Нодье и французскихъ романтикахъ]. № 1066. VI, 205—208; *208—209*.

О, Эгельстромъ! я восхищенный. (1828). № 549. II, 497; V, *XII*; VI, 180.

[Павлова. О трехъ повѣстяхъ —]. V, 325.

Пажъ, или пятнадцатый годъ. (1830). № 631. II, 82; V, *LV*; 236, 379; VI, 355, 365.

Памятникъ—загл. стих. «Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный». VI, 494.

Пеллико, Сильвіо. Объ обязанностяхъ человѣка. V, 369—370.

Первое посланіе къ Аристарху—заглавіе для цензуры «Перваго посланія къ цензору». II, 219. 608.

Первое посланіе цензору. (1822). № 347. II, 150—152; *608—609*; 219; 473, 481, 504, 522, 524; IV, 19, 71, V, 512; XLIX; VI, 352, 378, 380, 531.

Первый обожатель возбуждаетъ чувствительность женщины. (1825). № 867. IV, 481.

Переводъ Иліады. На —. III, 164.

[Переводъ начала «Гяура» Байрона]. Traduction litterale. № 1043. № VI, 178; *178*.

Переводъ неизданныхъ стиховъ Андрея Шенье. Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая. II, 456.

Переводы народныхъ пѣсенъ на французскій языкъ. IV, 85—87; *65*.

Передъ гробницею святой. (1831). № 677. III, 179—180; VI, *408—409*; V, 391; VI, 355. Иллюстр. III, 179.

Перестрѣлка за холмами. III, 64.

[Перечитывая самыя бранчивыя критики]. (1830). № 914. V, 4.

Петербургъ—заглавіе отдѣльно напечатаннаго отрывка изъ «Мѣднаго всадника». III, 472; VI, 450.

«Печаленъ ты, признайся; что съ тобой?» I, 373.

Пиковая дама. (1833). IV, 335—351. *М. Гершензонъ.* «Пиковая дама». *328—334*. 217, 264; V, 384; 443; 475, 476, V; VI, 118; 194; 582, 584. «Пиковая дама» Чайковскаго. VI, 513. Иллюстр. IV, 335, 337, 339, 343, 344—345, 345, 347, 349.

Пиндемонте. Изъ VI —. IV, 43.

Пирующіе студенты. (1814). № 25. I, 139; *132—142*; 149, 241, 246, 248, 318, 322, 364; II, 510, 571; V, 412; VI, 350, 391. Автографы II—на и Илличевскаго. I, 141.

Пиръ во время чумы. (Изъ Вильсоновой трагедіи: The city of the plague). (1830). № 656. III, 169—173. *К. Арсеньевъ.* «Пиръ во время чумы» *166—168*. V, *LXIV*; II, 551, 577; III, 118, 119, 136, 154; 353, IV, 184—186, 191 — 193, 208; V т., LVII, LXII; VI т., 66; 233, 354, 355, 365; 600. Иллюстр. III, 169, 171.

Пиръ Петра Перваго. (1835). № 766. IV, 37; VI, *479—480*; III, 23, 458; IV, XXII; VI т., 354, 360. Иллюстр. IV, 37.

Пиры, любовницы, друзья. (1822). № 351. II, 153; *611*; 33; III, 229.

Письма. (1815—1825). №№ 1—146. V, 493—552; VI, *523—546*. (1825—1837). №№ 147—705. VI, 1—171; IV, *546—600*. Иллюстр.: 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19, 21, 23, 25, 27, 29, 31, 33, 35, 37, 39, 41, 43, 45, 47, 49, 51, 53, 55, 57, 59, 61, 63, 65, 67, 69, 71, 73, 75, 77, 79, 81, 83, 85, 87, 89, 91, 93, 95, 97, 99, 101, 103, 105, 107, 109, 111, 113, 115, 117, 119, 121, 123, 125, 127. Дополненія къ письмамъ №№ 706 — 753. VI, 601 – 608.

Адеркасу, Б. А. № 96. X 1824. V, 532; VI, *537*.

Алексѣеву, Н. С. № 216. 1/XII 1826. VI, 25; *553*.—№ 362. 26/XII 1830; VI, 66; *566*.

Ананьину, А. А. № 481. 26/VII 1833; VI, 104; *579*.

Антипину, И. Ѳ. и Абакумову, Ѳ. И. № 321. 27/V 1830; VI, 54; *563*.

Аршіаку виконту д' № 704. 27/I 1837; VI, 171; *600*.

Бантышу-Каменскому, Д. Н. № 440. 14/XII 1831; VI, 92; *575*.—№ 530. 1/V 1834; VI, 122; *583*.—№ 541. 3/VI 1834; VI, 125; *584*. — № 582. 26/I 1835; VI, 137; *587*.—№ 584. 2/IV 1835; VI, 138; *588*.

Беклешевой, А. И. № 607. IX 1835, VI, 145; *590*.

Бенкендорфу, А. Х. № 214. 29/XI 1836; VI, 24; *553*.—№ 220. 3/I 1827; VI, 26; *554*.—№ 226. 22/III 1827; VI, 26; *554*.—№ 230. 24/IV 1827; VI, 29; *555*.—№ 236. 29/VI 1827; VI, 30; *555*.—№ 238. 20/VII 1827; VI, 31; *555*.—№ 239. 20/VII 1827; VI, 32; *555*.—№ 244. 10/IX 1827; VI, 34; *556*.—№ 251. 5/III 1828; VI, 35; *557*.—№ 255. 18/IV 1828. VI, 36; *557*.—№ 256. 21/IV 1828; VI, 36; *557*. — № 262. VIII 1828; VI, 38; *558*.—№ 280. 10/XI 1829; VI, 43; *560*.—№ 288. 7/I 1830; VI, 45; *561*.—№ 290. 18/I. 1830; VI, 46; *561*.—№ 297. 21/III 1830; VI, 48; *562*.—№ 299. 24/III 1830; VI, 48; *562*.—№ 303. 16/IV 1830; VI, 50; *562*.—№ 322. 29/V 1830; VI, 54; *563*.—№ 327. 4/VII 1830; VI, 55; *564*. — № 370. 18/I 1831; VI, 69; *567*.—№ 385. 27/V 1831; VI, 74; *569*.—№ 402. VII 1831; VI, 80; *570*.—№ 429. X 1831; VI, 87; *573*. — № 436. 24/XI 1831; VI, 90; *574*. — № 443. 1832; VI, 92; *575*.—№ 449. 7/II 1832; VI, 94; *575*.—№ 452. 24/II 1832; VI, 95; *576*.—№ 454. 3/V 1832; VI, 96; *576*.—№ 480. 22/VII 1833; VI, 104; *579*. — № 505. 6/XII 1833; VI, 113; *582*.—№ 508. 26/II 1834; VI, 115; *582*. — № 509. II 1834; VI, 115; *582*. — № 510. 27/II 1834; VI, 115; *582*.—№ 511. 5/III 1834; VI, 116; *582*.—№ 517. 25/III 1834; VI, 117; *583*.—№ 548. 25/VI 1834; VI, 128; *584*.—№ 552. 3/VII 1834; VI, 130; *585*. — № 553. 4/VII 1834; VI, 130; *585*.—№ 556. 6/VII 1834; VI, 130; *585*.—№ 576. XI 1834; VI, 136; *587*.—№ 577. 23/XI 1834; VI, 136; *587*.—№ 578. 17/XII 1834; VI, 136;

587. — № 581. 26/I 1835; VI, **137**; *587.*— № 585. 11/IV 1835; VI, **138**, *588.* № 591. 1/VI 1835; VI, **139**; *588.*—№ 595. 4/VII 1835; VI, **141**; *589.*—№ 596. VII 1835; VI, **141**; *589.*— № 597. 22/VII 1835; VI, **142**; *589.*—№ 599. 26/VII 1835; VI, **143**; *589.*—№ 600. VII; 1835; VI, **143**; *589.*—№ 614. X 1835; VI, **148**; *591.* — № 618. X—XI 1835; VI, **149**. *591.*—№ 623. 31/XII 1835; VI; **150**; *592.*— № 687. 21/XI 1836; VI, **167**; *599.*—№ 712. 8/VI 1832; VI, **603**; 603.—№ 721. I 1836; VI, **605**; *605.*

Бестужеву, А. А. № 34. 21/VI 1822; V, **505**; VI, *528.*—№ 52. 13/VI 1823; V, **513**; VI, *531.*—№ 68. 12/I 1824; V, **521**; VI, *533.* — № 70. 8/II 1824; V, **522**; VI, *534.*— № 84. 29/VI 1824; V, **528**; VI, *535.*—№ 115. I 1825; V, **540**; VI, *539.*—№ 126. 24/III 1825; V, **543**; VI, *541.*—№ 140. V—VI 1825; V, **549**; VI, *545.*—№ 178. 30/XI 1825; VI, **14**; *549.*

Блудову, Д. Н. № 447. 20/I 1832; VI, **94**; *575.*

Булгарину, Ѳ. В. № 69. 1/II 1824; V, **522**; VI, *533.*—№ 245. XI 1827; VI **35**; *556.*

Ваттемару, А. № 544. 16/VI 1834; VI, **127**; *584.*—№ 561. VII 1834; VI, **132**; *586.*

Великопольскому, И. Е. № 195. III 1826; VI, **19**; 551. —№ 200. 3 VI 1826; VI, **20**. *552.*—№ 254. III—IV 1828; VI, **36**; *557.*

Верстовскому, А. Н. № 355. XI 1830; VI, **64**; *565.*

Вигелю, Ф. Ф. № 58. XI 1823; V, **516**; VI, *532.*

Воейкову, А. Ѳ. № 416. VIII 1831; VI, **85**; *572.*

Вольховскому, В. Д. № 598. 22/VII 1835; VI, **142**; *589.*

Всеволожскому, Н. В. № 83. VI 1824; V, **528**; VI, *535.*

Вульфъ, Аннѣ Ник. № 146. 21/VII 1825; V, **552**; VI, *546.*

Вульфу, А. Н. № 90. 20/IX 1824; V, **530**; VI, *536.*—№ 120. III 1825; V, **542**; VI, *540.*—№ 168. VIII 1825; VI, **9**; *548.*—№ 177. 10/X 1825; VI, **13**; *549.* — № 197. 7/V 1826; VI, **19**; *552.*—№ 264. 27/X 1828; VI, **39**; *558.*—№ 279, 16/X 1829; VI, **43**; *560.*

Вяземской, кн., В. Ѳ. № 94. X 1824; V, **531**; VI, *536.*—№ 127. 24/III 1825; V, **544**; VI, *542.*—№ 208. 3/XI 1826; VI, **22**; *553.*— № 257. 24/IV 1828; VI, **37**; *557.*—№ 305. IV—V 1830; VI, **51**; *563.*—№ 307. V 1830; VI, **52**; *563.* — № 333. 4/VIII 1830; VI, **57**; *564.*—№ 338. VIII 1830; VI, **58**; *564.*—№ 456. 4/VI 1832; VI, **96**; *576.*

Вяземскому, кн., П. А. № 2. 27/III 1816; V, **493**; VI, *523.*—№ 5. 1/IX 1817; V; **494**; VI *523.*—№ 10. III 1820; V, **495**; VI, *524.*—№ 27. 2/II 1822; V, **502**; VI, *527.* — № 37. I/IX 1822; V, **506**; VI, *529.*—№ 45. XII/I 1822—23; V, **510**; VI, *530.*—№ 50. 6/II 1823; V; **512**; VI, *531.*—№ 51. 5/IV 1823; V, **513**; VI, *531.*— № 54. 19/VIII 1823; V, **514**; VI, *531.*—№ 56 14/X 1823; V, **515**; VI, *532.* — № 59. 4/XI 1823; V, **517**; VI, *532.*—№ 60. 4—11/XI 1823; V, **518**; VI, *532.* — № 61. 11/XI 1823; V, **518**; VI, *532.*—№ 66. 20/XII 1823; V, **520**; VI, *533.*—№ 71. 8/III 1824; V, **523**; VI, *534.*— № 72. III 1824; V, **523**; VI, *534.* — № 74. IV 1824; V, **524**; VI, *534.*—№ 80. VI 1824; V, **526**; VI, *534.*—№ 82. VI 1824; V, **527**; VI *535.*—№ 85. 5/VII 1824; V, **529**; VI, *535.*— № 87. 15/VII 1824; V, **529**; VI, *535.*—№ 93. 10/X 1824; V, **531**; VI, *536.*—№ 102. 29/XI 1824; V, **534**; VI, *538.*—№ 112. 25/I. 1825; V, **539**; VI, — № 113. 25/I. 1825; V, **539**; VI, *539.*—№ 114. I 1825; V, **540**; VI, 539.—№ 117. 19/II 1825; V, **541**; VI, *540.*—№ 130. 7/IV 1825; V, **545**; VI, *542.*—№ 132. IV 1825; V, **546**; VI, *543.*—№ 134. IV 1825; V, **547**; VI, *543.*— № 136. 25/V 1825; V, **547**; VI, *543.*— № 144. VII 1825; V, **551**; VI, *545.*—№ 145. 13/VII 1825; V, **552**; VI, *545.*—№ 159. 10/VIII 1825; VI, **5**; *547.*—№ 163. 14—15/VIII 1825; VI, **6**; *547.*—№ 170. IX 1825; VI, **10**; *548.*— № 171. IX 1825; VI, **10**; *549*; — № 172. 13—15/IX 1825; VI, **11**; *549.*—№ 175. X 1825; VI, **12**; *549.*—№ 179. XI—XII 1825; VI, **14**; *550.*—№ 196. IV—V 1826; VI, **19**; *552.*—№ 198. V 1826; VI, **19**; *552.*—№ 199. 27/V 1826; VI, **20**; *552.*—№ 201. 10/VII 1826; VI, **20**; *552.*—№ 202. 14/VIII 1826; VI, **21**; *552.*—№ 211. 9/XI 1826; VI, **23**; *553.*—№ 216. 1/XII 1826; VI, **25**; *553.* — № 258. 21/V 1828; VI, **37**; *557.*—№ 263. 1/IX 1828; VI, **38**; *558.*—№ 271. 25/I 1829; VI, **40**; *559.*— № 287. VI, **45**; *561.*—№ 292. I—II 1830; VI, **46**; *561.*—№ 295. 14/III 1830; VI, **47**; 561.— № 296. 16/III 1830; VI, **47**; *561.* — № 298. III 1830; VI, **48**; *562.* — № 308. 2/V 1830; VI, **52**; *563.* — № 351. 5/XI 1830; VI, **62**; *565.*—№ 361. XII 1830; VI, **66**; *566.*—№ 363. XII 1830; VI, **67**; *567*, — № 366. 2/I 1831; VI, **67**; *567.* — № 371. 20/I 1831; VI, **69**; *567.* — № 386. 1/VI 1831; VI, **74**; *569.*— № 390. 11/VI 1831; VI, **75**; *569.* — № 397. 3/VII 1831; VI, **78**; *570.* — № 411. 3/VIII 1831; VI, **83**; *571.*—№ 414. 14/VIII 1831; VI; **84**; *572.*— № 420. 3/IX 1831; VI, **86**; *572.*— № 422. IX 1831; VI, **86**; *573.* — № 601. 1835 г.; VI, **143**; *589.* — № 633. III 1836; VI, **152**; *593.* — № 648. 7/V 1836; VI, **156**; *594.*— № 691. XII 1836; VI; **168**, *599.*—№ 710. 15—19/X 1831; VI; **602**, *602.*—№ 720. 19—24/I. 1836; VI, **605**; *605.*

Въ редакцію «Литературной Газеты» № 284. 1829; VI, **44**; *560.*

Въ ресторанъ Фильетта № 698. 16/I 1837; VI, **170**, 600.

Въ цензурный Комитетъ № 673. 5/IX 1836; VI, **162**; *597.*

Геккерну, бар. № 686. 21/XI 1836; VI, **166**; *599.*—№ 702. 26/I 1837; VI, **170**; *600.*

Глинкѣ, С. Н. № 636. III 1836; VI, **153**; *593.*

Глинкѣ, Ѳ. Н. № 434. 21/XI 1831; VI, **89**; *574.*—№ 729. неизв. времени; VI, **607**, *607.*

Гнѣдичу, Н. И. № 11. IV—V 1820; V, **496**; VI, *524.*—№ 15. 4/XII 1820; V, **497**; VI, *525.*—№ 18. 24/III 1821; V, **499**; VI, *526.*— № 30. 29/IV 1822; V, **503**; VI, *528.*—№ 33. 13/V 1822; V, **504**; VI, *528.*—№ 35. 27/VII 1822; V, **505**; VI, *528.*—№ 40. 27/IX 1822; V, **508**; VI, *530.*—№ 118. 23/II 1825; V, **541**; VI, *540.* — № 283. XII 1829; VI, **44**; *560.*— № 286. 6/I 1830; VI, **44**; *560.*

Гоголю Н. В. № 417. 25/VIII 1831; VI, **85**; *572.*—№ 532. 13/V 1834; VI **122**; *583.* — № 574. X—XI 1834; VI, **135**; *586.*

Голицыну, кн., Н. Б. № 683. 10/XI 1836; VI, **165**; *598.*

Гончаровой Н. И. № 274. 1/V 1829; VI, **42**; *559.*—№ 301. IV 1830, VI, **49**; *562.*—№ 393. 26/VI 1831; VI, **76**; *570.*—№ 566. VIII 1834. VI, **133**; *586.*—№ 713. 1831—33; VI, **604**; *604.*

Гончаровой Н. Н. № 324. VI 1830; VI, **54**; *564.* — № 329. 20/VII 1830; VI, **56**; *564.*—№ 330. 20—30/VII 1830; VI, **56**; *564.*—№ 331. 30/VII 1830; VI, **56**; *564.*—№ 337. VIII 1830; VI, **58**; *564.*—№ 340. 9/IX 1830; VI, **58**; 564. —№ 344. 30/IX 1830; VI, **60**; *565.*—№ 345. 11/X 1830; VI, **60**; *565.*—№ 346; X 1830; VI, **60**; *565.*—№ 348. 4/XI 1830; VI, **61**; *565.*—№ 353. 18/XI 1830; VI, **63**; *565.*—№ 354. 26/XI 1830; VI, **64**; *565.*—№ 357. 1—2/XII 1830; VI, **65**; *566.*—№ 358. 2/XII 1830; VI, **65**; *566.*—№ 709. 20/VII 1830; VI, **602**; *602.*

ГончаровуА. Н. № 309. 3/V 1830; VI, **52**; *563.*—№ 325. 7/VI 1830; VI, **55**; *564.*—№ 326. 28/VI 1830; VI, **55**; *564.*—№ 335. 14/VIII 1830; VI, **57**; *564.*—№ 336. 24/VIII 1830; VI, **57**; *564.*—№ 341. 9/IX 1830; VI, **58**; *564.*—№ 376. 24/II 1831; VI, **71**; *568.*—№ 432. 25/X 1831; VI, **88**; *574.*

Горчакову В. П. № 26. 1821—1822; V, **502**; VI, *527.*—№ 49. I. 1823; V, **512**; VI, *531.*

Графу N. N. № 539. 1834; VI, **124**; *584.*

Гречу Н. И. № 23. 21/IX 1821; V, **501**; VI, *527.*—№ 676. 13/X 1836; VI, **163**; *597.*

Давыдову Д. В. № 654. V 1836; VI, **158**, *595.*—№ 669. VII—VIII 1836; VI, **161**; *596.*

Дегильи № 19. 6 VI 1821; V, **500**; VI, *526.*

Деларю, М. Д. № 426. 25/IX 1831; VI, **87**; *573.*

Дельвигу, бар., А. А. № 17. 23/III 1821; V, **499**; VI, *526.*—№ 62. 16/XI 1823; V, **518**; VI, *532.*—№ 108. XII 1824; V, **536**; VI, *538.*—№ 125. III 1825; V, **543**; VI, *541.*—№ 141. VI 1825; V, **550**; VI, *545.*—№ 147. 23/VII 1825; VI, **1**; *546.* — № 174. IX—X 1825; VI, **12**; *549.*—№ 186. I 1826; VI, **16**; *550.*—№ 188. II 1826; VI, **17**; *550.*—№ 190. 20/II 1826; VI, **17**; *551.*- № 240. 31/VII 1827; VI, 32. *556.*—№ 266. XI 1828; VI, **39**; *559.*—№ 267; 26/XI 1828; VI, **40**; *559.*—№ 276. V—VI 1829; VI, **42**; *560.*—№ 349. 4/XI 1830; VI, 62; *565.*

Дмитриеву, И. И. № 451. 14/II 1832; VI, **95**; *576.*—№ 502. XI 1833; VI, **113**; *581.*—№ 583. 14/II 1834; VI, **137**; *587.*—№ 587. 26/IV 1835; VI, **138**; *588.*—№ 659. 14/VI 1836; VI, **159**; *596.*

Дондукову-Корсакову, кн., М. А. № 640. 6/IV 1836; VI, **154**; *594.*—№ 644. IV 1836; VI, **155**; *594.*

Дубельту, Л. В. № 512. 5/III 1834; VI, **116**; *582.*

Дуровой, Н. А. № 626. 19/I 1836; VI, **151**; *592.*—№ 658. 14/VI 1836; VI, **159**; 595.—№ 662. VI—VII 1836; VI, **160**; *596.*

Дурову, В. А. № 593. 16/VI 1835; VI, **141**; *589.*—№ 634. 17/III 1836; VI, **153**; *593.*

Ермолову, А. П. № 474. III—IV 1833; VI, **102**; *578.*

Жандру, А. А. № 670. 1836; VI, **162**; *596.*

Жобару, А. № 635. 24/III 1836; VI, **153**; *593.*

Жуковскому, В. А. № 4. 1817; V, **494**; VI, *523.*—№ 6. VII 1819; V, **494**; VI, *523.*—№ 97. 13/X 1824; V, **532**; VI, *537.*—№ 100. XI 1824; V, **533**; VI, *537.*—№ 103. 29/XI 1824; V, **534**; VI, *538.*—№ 138. V—VI 1825; V, **548**; VI, *544.*—№ 143. VI—VII 1825; V, **551**; VI, *545.*—№ 164. 17/VIII 1825; VI, 7; *548.*—№ 176. 6/X 1825; VI, **13**; *549.*—№ 185. I 1826; VI, **16**; *550.*—№ 194. 7/III 1826; VI, **18**; *551.*- № 554. 4/VII 1834; VI, **130**; *585.* — № 555. 6/VII 1834; VI, **130**; *585.*

Загоскину, М. Н. № 289. 11/I 1830; VI, **45**; *561.*—№ 328. 14/VII 1830; VI, **56**; *564.*—№ 557. 9/VII 1834; VI, **131**; *585.*

Зеновичу, И. С. № 88. 8/VIII 1824; V, **530**; VI, *535.*

Зубкову, В. П. № 217. VI, **25**; *554.*

Издателю Сына Отечества, № 75. IV 1824; V, **524**; VI, *534.*

Издателямъ Сѣверныхъ Цвѣтовъ на 1829 годъ. № 268. XII 1828; VI, **40**; *559.*

Измайлову, В. В. № 207. 9/X 1826; VI, **22**; *553.*

Императору Александру I. № 139. V—VI 1825; V, **549**; VI, *545.*

Инзову, И. Н. № 65. XII 1823; V, **520**; VI, *533.*

Ишимовой, А. О. № 699. 25/I 1837; VI, **170**; *600.*—№ 705. 27/I 1837; VI, **171**; *600.*

Каверину, П. П. № 225. 18/II 1827; VI, **26**; *554.*—№ 733. Неизв. времени; VI, **608**; *608.*

Казначееву, А. И. № 76. 25/V 1824; V, **525**; VI, *534.*—№ 79. VI 1824; V, **526**; VI, *534.*

Калашникову, И. Т. № 475. III—IV 1833; VI, **103**; *578.*

Канкрину, гр., Е. Ф. № 605 6/IX 1835; VI, **144**; *590.*—№ 615. 23/X 1835; VI, **148**; *591.*—№ 682. 6/XI 1836; VI, **165**; *598.*

Карадыкину, Н. Н. № 695. 1836—37 г.; VI, **169**; *599.*

Катенину, П. А. № 32. IV—V 1822; V, **504**; VI, *528.*—№ 35. 19/VII 1822; V, **506**; VI, *528.* — № 169. IX 1825; VI, **9**; *548.*—№ 180. 4/XII 1825; VI, **14**; *550.*—№ 189. II 1826; VI, **17**; *550.*

Керн, А. П. № 148. 25/VII 1825; VI, **1**; *546.*—№ 162. 14/VIII 1825; VI, **6**; *547.*—№ 165. VIII 1825; VI, **8**; *548.*—№ 166. 28/VIII 1825; VI, **8**; *548.*—№ 173. 22/IX 1825; VI, **12**; *549.*—№ 181. 8/XII 1825; VI, **15**; *550.*—№ 184. XII 1825; VI, **16**.—№ 265. X—XI 1828; VI, **39**; *558.*—№ 459. 1832; VI, **97**; *576.*—№ 460. 1832; VI, **97**; *576.*—№ 461; 1832; V, **98**; **576**.

Киселеву, С. Д. № 281. 15/XI 1829; VI, 44; *560.*—№ 379. III 1831; VI, **72**; *568.*

Кистеру, № 453. II 1832; VI, **96**; *576.*

Клейнмихелю П. А. № 620. 19/XI 1835; VI, **150**; *591.*

Княжевичу Д. М. № 104. XII 1824; V, **535**; VI, *538.*—№ 516. 22/III 1834; VI, **117**; *582.*

Коншину Н. М. № 409. 1831; VI, **83**; *571.*—№ 690. 22/XII 1836; VI, **168**; *599.*

Корсакову П. А. № 674. IX 1836; VI, **162**; *597.*—№ 679. 25/X 1836; VI, **164**; *598.*

Корфу, бар., М. А. № 479. VII 1833; VI, **104**; *579.*—№ 677. 14/X 1836; VI, **163**; *597.*

Краевскому А. А. № 594. 18/VI 1835;

VI, **141**; *589.*—№ 661. VI 1836; VI, **160**; *596.*—№ 663. 6/VII 1836; VI, **161**; *596.*—№ 666. 13/VII 1836; VI, **161**; *596.*—№ 667. VII 1836; VI, **161**; *596.*—№ 668. VII 1836; VI, **161**; *596.*

Кривцову Н. И. № 8. VII—VIII 1819; V, **495**; VI, *524.*—№ 92. IX—X 1824; V, **530**. VI, *536.*—№ 374. 10/II 1831; VI, **70**; *568.*

Крылову А. Л. № 637. III 1836; VI, **153**; *593.*—№ 671. VIII 1836; VI; **162**; *596.*

Кюхельбекеру В. К. № 183. XII 1825; VI, **15**; *550.*

Лажечникову И. И. № 522. IV 1834; VI, **118**; *583.*—№ 619. 3/XI 1835; VI, **149**; *591.*—№ 645. I/V 1836; VI, **155**; *594.*

Люценку Е. П. № 603. 19/VIII 1835; VI, **144**; *589.*

Мансурову П. Б. № 9. 27/X 1819; V, **495**; VI, *524.*

Мартынову, И. И. № 1. 28/XI 1815; V, **493**; VI, *523.*

Миллеру, П. И. № 413. VIII 1831; VI, **84**; *572.*—№ 421. IX 1831; VI, **86**; *573.*—№ 425. IX 1831; VI, **87**; *573.*—№ 428. X 1831; VI, **87**; *573.*

Мойеру, И. Ф. № 151. 29/VII 1825, VI, 2; *546.*

Мордвинову, А Н. № 482. 30/VII 1833; VI, **104**; *579.*—№ 537. 26/V 1834; VI, **124**; *584.*—№ 643. 28/IV 1836; VI, **155**; *594.*

Муравьеву, А. Н. № 656. V—VI 1836; VI, **159**; *595.*

Муханову, А. А. № 206. IX—X 1826; VI, **22**; *553.*—№ 222. II 1827; VI, **26**; *554.*—№ 223. II, 1827; VI, **26**; *554.*—№ 224. II, 1827; VI, **26**; *554.*

Нащокину, П. В. № 360. XII 1830; VI, **66**; *566.*—№ 384. V 1831; VI, **73**; *569.*—№ 387. 1/VI 1831; VI, **74**; *569.*—№ 388. VI 1831; VI, **75**; *569.*—№ 389. 11/VI 1831; VI, **75**; *569.*—№ 391. VI 1831; VI, **76**; *569.*—№ 392. 26/VI 1831; VI, **76**; 569.—№ 404. 21/VII 1831; VI, **81**; *571.*—№ 406. 29/VII 1831; VI, **82**; *571.*—№ 410. 3/VIII 1831; VI, **83**; *571.*—№ 419. 3/IX 1831; VI, **85**; *572.*—№ 427. 7/X 1831; VI, **87**; 573.—№ 431. 22/X 1831; VI, **88**; *574.*—№ 445. 8—10/I 1832; VI, **93**; *575.*—№ 448. I 1832; VI, **94**; *575.*—№ 450. II 1832; VI, **94**; *576.*—№ 468. 2/XII 1832; VI, **100**; *577.*—№ 470. II 1833; VI, **101**; *578.*—№ 501. 24/XI 1833; VI, **112**; *581.*—№ 506. XII 1833; VI, **114**; *582.*—№ 513. III 1834; VI, **116**; *582.*—№ 579. I 1835; VI, **136**; *587.*—№ 580. 20/I 1835; VI, **137**; 587.—№ 617. X 1835; VI, **148**; *591.*—№ 653. 27/V 1836; VI, **158**; *595.*

Неизвѣстной. № 44. 1822; V, **510**; VI, *530.*—№ 285. XII 1829; VI, **44**; *560.*—№ 724. 30-хъ годовъ; VI, **607**; *607.*

Неизвѣстному. № 25. 1821; V, **502**; VI, *527.*—№ 219. VI, **26**; *554.*—№ 243. 1827 г.; VI, **34**; *556.*—№ 418. 1831; VI, **85**; *572.*—№ 707. V—XI 1823; VI, **601**; *601.*—№ *708.* IX—XII 1826; VI. **602**; *602.*—№ 714. 1832—33; VI, **604**; *604.*—№ 728. Неизв. времени; VI, **607**; *607.*—№ 730. Неизв. времени; VI, **607**; *607.*—№ 731. Неизв. времени; VI, **608**; *608.*—№ 732. Неизв. времени; VI, **608**; *608.*

Неизвѣстному сановнику. № 29. II, 1830; VI, **46**; *561.*

Неизвѣстнымъ дамамъ. № 63. XI—XII 1823; V, **519**; VI, *533.*

Нессельроде, К. В. № 47. 13/I 1823; V, **511**; VI, *530.*

Нечаеву, С. Д. № 507. 12/II 1834; VI, **114**; *582.*—№ 725. 30-хъ годовъ; VI, **607**; *607.*

Никитенку, А. В. № 519. IV 1834; VI, **118**; *583.*

Норову, А. С. № 503. XI—XII 1833; VI, **113**; *581.*—№ 504. XI—XII 1833; VI, **113**; *582.*

Огонь-Догановскому. № 323. V—VI 1830; VI, **54**; *564.*

Одоевскому, кн., В. Ѳ. № 473. 28/III 1833; VI, **102**; *578.*—№ 499. 30/X 1833; VI, **112**; *581.*—№ 514. 16/III 1834; VI, **117**; *582.*—№ 515. III 1834; VI, **117**; 582. — № 621. XI 1835; VI, **150**; *591.* — № 624. 1835 — 36; VI, **151**; *592.*—№ 625. 1835 — 36; VI, **151**; *592.* — № 638. III 1836; VI, **154**; *594.*—№ 639. IV 1836; VI, **154**; *594.*—№ 680. X—XI 1836; VI, **164**; *598.*—№ 681. X—XI 1836; VI, **165**; *598.*—№ 688. XI—XII 1836; VI, **168**; *599.*—№ 689. XI—XII 1836; VI, **168**; *599.*—№ 692. XII 1836; VI, **169**; *599.*—№ 719. III 1836; VI, **605**; *605.*—№ 726. 30-хъ годовъ; VI, **607**; *607.*—№ 727. 30-хъ годовъ; VI, **607**; *607.*

Орлову, А. А. № 435. 24/XI 1831 и 9/I; 1832; VI, **89**; *574.*

Осиповой, П. А. № 149. 25/VII 1825; VI, **2**; *546.*—№ 152. 29/VII 1825; VI, **2**; *546.*—№ 154. VII—VIII 1825; VI, **4**; *546.*—№ 155. 1/VIII 1825; VI, **4**; *547.*—№ 158. 8/VIII 1825; VI, **4**; *547.*—№ 160; 11/VIII 1825; VI, **5**, *547.*—№ 167. 28/VIII 1825; VI, **9**; *548.*—№ 191. 20/II 1826; VI, **18**; *551.*—№ 204. 4/IX 1826; VI, **21**; *552.*—№ 205. 15/IX 1826; VI, **21**; *552.*—№ 233. VI, 1827; VI, **30**; *555.*—№ 248. 24/I 1828; VI, **35**; *556.*—№ 252. III 1828; VI, **36**; *557.*—№ 350. 5/XI 1830; VI, **62**; *565.*—№ 394. 29/VI 1831; VI, **77**; *570.*—№ 407. 29/VII 1831; VI, **82**; *571.*—№ 424. 11/IX 1831; VI, **86**, *573.*—№ 444. I 1832; VI, **93**; *575.*—№ 455. V, 1832; VI, **96**; *576.*—№ 476. 13—14/V 1833; VI, **103**; *578.*—№ 549. 29/VI 1834; VI, **129**; *584.*—№ 616. X 1835; VI, **148**; *591.*—№ 622. 26/XII 1835; VI, **501**; *591.*—№ 722. 22/XII 1836; VI, **606**; *606.*

Павлищеву, Н. И. № 531. 4/V 1834; VI, **122**; *583.*—№ 590. 2/V 1835; VI, **139**; *588.*—№ 592. 3/VI 1835; VI, **140**; *588.*—№ 665. 13/VII 1836; VI, **161**; *596.*—№ 672. VIII 1836; VI, **162**; *596.*

Пеньковскому, I. М. № 521. 13/IV 1834; VI, **118**; *583.*—№ 575. 10/XI 1834; VI, **135**; *586.*—№ 588. 1/V 1835; VI, **139**; *588.*—№ 660. 14/VI 1836; VI, **160**; *596.*

Плетневу, П. А. № 43. X—XI. 1822; V, **509**; VI, *530.*—№ 91. IX—X 1824; V, **530**; VI, *536.*—№ 123. 15/III 1825; V, **543**; VI, *541.*—№ 157. VIII 1825; VI, **4**; *547.*—№ 182. XII 1825; VI, **15**; *550.*—№ 187. I, 1826; VI, **16**; *550.*—№ 192. 3/III 1826; VI, **18**; *551.*—№ 193. III, 1826; VI, **18**; *551.*—№ 278. X 1829; VI, **42**; *560.*—№ 310. V 1830; VI, **52**; *563.*—№ 339. 31/VIII 1830; VI, **58**; *564.*—№ 342. 9/IX 1830; VI, **59**; *564.*—

№ 343. 29/IX 1830; VI, **59**; *565.*—№ 347. X 1830; VI, **61**; *565.*—№ 359. 9/XII 1830; VI, **66**; *566.*—№ 367. 7/I 1831; VI, **68**; *567.*—№368. 13/I 1831; VI, **68**; *567.*—№ 372. 21/I 1831; VI, 69; *567.*—№ 373. 31/I 1831; VI, **70**; *568.*—№ 375. II 1831; VI, **70**; *568.*—№ 377. 24/II 1831; VI, **71**; *568.*—№ 380. 26/III 1831; VI, **72**; *568.*—№ 382. 11/IV 1831; VI, **72**; *569.*—№ 383. IV 1831; VI, **73**; *569.*—№ 396. 3/VII 1831; VI, **78**; *570.*—№ 399. 16/VII 1831; VI, **79**; *570.*—№ 401. VII 1831; VI, **79**; *570.*—№ 405. 22/VII 1831; VI, **81**; *571.*—№ 412. 3/VIII 1831; VI, **84**; *572.*—№ 415. VIII 1831; VI, **84**; *572.*—№ 612. X 1835; VI, **147**; *590.*

Плюшару, А. А. № 693. 29/XII 1836; VI, **169**; *599.*

Погодину, М. П. № 213. 29/XI 1826; VI, **24**; *553.*—№ 229. IV 1827; VI, **29**; *555.*—№ 234. 10/VI 1827; VI, **30**; *555.*—№ 241. VIII 1827; VI, **32**; *556.*—№ 242. 31/VIII 1827; VI, **34**; *556.*—№ 247. 1827; VI, **35**; *556.*—№ 249. VI, **35**; *556.*—№ 250. 19/II 1828; VI, **35**; *556.*—№ 260. 1/VII 1828; VI, **37**; *558.*—№ 277. IX—X 1829; VI, **42**; *560.*—№ 306. IV—V 1830; VI, **52**; *563.*—№ 311. V 1830; VI, **53**; *563.*—№ 312. V 1830; VI, **53**; *563.*—№ 313. V 1830; VI, **53**; *563.*—№ 314. V 1830; VI, **53**; *563.*—№ 315. V 1830; VI, **53**; *563.*—№ 316. V 1830; VI, **53**; *563.*—№ 317. V 1830; VI, **53**; *563.*—№ 318. V 1830; VI, **53**; *563.*—№ 319. V 1830; VI, **53**; *563.* № 320. V 1830; VI, **54**; *563.*—№ 352. XI 1830; VI, **63**; *565.*—№ 356. XI 1830; VI, **65**; *566.*—№ 369. I 1831; VI, **69**; *567.*—№ 395. VI 1831; VI, **77**; *570.*—№ 408. VI 1831; VI, **82**; *571.*—№ 457. 11/VII 1832; VI, **96**; *576.*—№ 462. IX 1832; VI, **98**; *576.*—№ 471. 5/III 1833; VI, **101**; *578.*—№ 518. IV 1834; VI, **117**; *583.*—№ 613. X 1835; VI, **147**; *591.*—№ 612. 14/IV 1836; VI, **155**; *594.*

Погодину, М. П. или Измайлову, В. В. № 203. VIII, 1826; VI, **21**; *552.*

Подпись Пушкина подъ запискою кн. П. А. Вяземскаго гр. Ѳ. И. Толстому. № 270. 1828—29; VI, **40**; *559.*

Полевому, Н. А. № 156. 2/VIII 1825; VI, **4**; *547.*—№ 300. 27/III 1830; VI, **49**; *562.*—№ 364. 1/I 1831; VI, **67**; *567.*

Полторацкому, А. П. № 29. I, 1822; V, **503**; VI, *528.*

Польнову, В. А. № 604. 28/VIII 1835; VI, **144**; *590.*

Путятѣ, Н. В. № 269. VII—X 1828 и I—III 1829; VI, **40**; *559.*

Пушкиной, Н. Н. № 437. 6/XII 1831; VI, **90**; *574.*—№ 438. 8 XII 1831; VI, **90**; *574.*—№ 439. 10/XII 1831; VI, **91**; *574.*—№ 441. XII 1831; VI, **92**; *575.*—№ 442. 16/XII 1831; VI, **92**; *575.*—№ 463. 22/IX 1832; VI, **98**; *577.*—№ 464. 25/IX 1832; VI, **98**; *577.*—№ 465. 27/IX 1832; VI, **99**; *577.*—№ 466. IX 1832; VI, **100**; *577.*—№ 467. X 1832; VI, **100**; *577.*—№ 483. VIII 1833; VI, **104**; *579.*—№ 484. 23/VIII 1833; VI, **105**; *579.*—№ 485. 26/VIII 1833; VI, **105**; *579.*—№ 486. 27/VIII 1833; VI, **106**; *579.*—№ 487. 2/IX 1833; VI, **106**; *579.*—№ 488. 2/IX 1833; VI, **107**; *579.*—№ 489. 8/IX 1833; VI, **108**; *580.*—№ 491. 12/IX 1833; VI, **108**; *580.*—№ 492. 14/IX 1833; VI, **109**; *580.*—№ 493. 19/IX 1833; VI, **109**; *580.*—№ 494. 2/X 1833; VI, **109**, *580.*—№ 495. 8/X 1833; VI, **110**; *580.*—№ 496. 11/X 1833; VI, **110**; *580.*—№ 497. 21/X 1833; VI, **111**; *581.*—№ 498. 30/X 1833; VI, **111**; *581.*—№ 500. 6/XI 1833; VI, **112**; *581.*—№ 523. 17/IV 1834; VI, **119**; *583.*—№ 524. 19/IV 1834; VI, **119**; *583.*—№ 525. 20—22/IV 1834; VI, **120**; *583.*—№ 526. 24/IV 1834; VI, **120**; *583.*—№ 527. 28/IV 1834; VI, **120**; *583.*—№ 528. 30/IV 1834; VI, **121**; *583.*—№ 529. 30/IV 1834; VI, **121**; *583.*—№ 533. V 1834; VI, **122**; *584.*—№ 534. V, 1834; VI, **123**; *584.*—№ 535. 16/V 1834; VI, **123**; *584.*—№ 536. 18/V 1834; VI, **123**; *584.*—№ 538. 29/V 1834; VI, **124**; *584.*—№ 540. 3/VI 1834; VI, **124**; *584.*—№ 542. 8/VI 1834; VI, **126**; *584.*—№ 543. 11/VI 1834; VI, **126**; *584.*—№ 545. VI 1834; VI, **127**; *584.*—№ 546. VI 1834; VI; **127**; *584.*—№ 547. VI 1834; VI, **128**; *584.*—№ 550. 30/VI 1834; VI, **129**; *585.*—№ 558. 11/VII 1834; VI, **131**; *585.*—№ 559. VII 1834; VI, **131**; *585.*—№ 560. 14/VII 1834; VI, **132**; *585.*—№ 562. VII 1834; VI, **132**; *586.*—№ 563. VII, 1834; VI, **133**; *586.*—№ 564. 3/VIII 1834; VI, **133**; *586.*—№ 569. 15/IX 1834; VI, **134**; *586.*—№ 570. IX 1834; VI, **134**; *586.*—№ 607. 14/IX 1835; VI, **145**; *590.*—№ 608. 21/IX 1835; VI, **146**; *590.*—№ 609. 25/IX 1835; VI, **146**; *590.*—№ 610. IX 1835; VI, **146**; *590.*—№ 611. 2/X 1835; VI, **147**; *590.*—№ 646. 4/V 1836; VI, **156**; *594.*—№ 647. 5/V 1836; VI, **156**; *594.*—№ 649. 11/V 1836; VI, **157**; *595.*—№ 650. 14 | 16/V 1836; VI, **157**; *595.*—№ 651. 18/V 1836; VI, **158**; *595.*—№ 711. 6/XII 1831; VI, **603**; *603.*

Пушкину, В. Л. № 3. I 1817; V, **494**; VI, *523.*

Пушкину, Л. С. № 14. 24/IX 1820; V, **496**; VI, *525.*—№ 28. 24/I 1822; V, **502**; VI, *527.*—№ 36. 21/VII 1822; V, **506**; VI, *528.*—№ 38. 4/IX 1822; V, **507**; VI, *529.*—№ 41. IX—X 1822; V, **509**; VI, *530.*—№ 42. 18/X 1822; V, **509**; VI, *530.* — № 46. I 1823; V, **511**; VI, *530.* — № 48. 30/I 1823; V, **511**; VI, *530.*—№ 55. 25/VIII 1823; V, **515**; VI, *531.*—№ 67. I 1824; V, **520**; VI, *533.*—№ 73. 1/IV 1824; V, **523**; VI, *534.* — № 81. 13/VI 1824; V, **527**; VI, *535.*—№ 95. X 1824; V, **531**; VI, *536.*—№ 98. XI 1824; V, **532**; VI, *537.*—№ 99. XI 1824; V, **533**; VI, *537.*—№ 101. XI 1824; V, **533**; VI, *537.*—№ 107. XII 1824; V, **536**; VI, *538.*—№ 109. XII 1824; V, **538**; VI, *538.*—№ 110. XII 1824; V, **538**; VI, *539.*—№ 116. II 1825; V, **540**; VI, *540.*—№ 119. II—III 1825; V, **542**; VI, *540.*—№ 121. 14/III 1825; V, **542**; VI, *540.*—№ 122. 14/III 1825; V, **543**; VI, *541.*—№ 123. 15/III 1825; V, **543**; VI, *541.*—№ 124. III 1825; V, **543**; VI, *541.*—№ 128. 27/III 1825; V, **544**; VI, *542.*—№ 129. IV 1825; V, **545**; VI, *542.*—№ 131. 17/IV 1825; V, **546**; VI, *542.*—№ 133. 22—23/IV 1825; V, **546**; VI, *543.*—№ 135. IV 1825; V, *547*; VI, *543.*—№ 150. 28/VII 1825; VI, **2**; *546.*—№ 231. 8/V 1827; VI, **29**; *555.*—№ 246. 21/XI 1827; VI, **35**; *556.*—№ 381. 6/IV 381; VI, **72**; *568.*—№ 586. IV 1835; VI, **138**; *588.*—№ 589. 2/V 1835; VI, **139**; *588.*—№ 657. 3/VI 1836; VI, **159**; *595.*

Пушкину, С. Л. № 694. XII 1836; VI, **169**; *599.*

Пушкинымъ, Л. С. и О. С. № 20.

27/VI 1821; V, **500**; VI, *526*.—№ 105. 4/XII 1824; V, **535**; VI, *538*.
Пушкинымъ, С. Л. и Н. О. № 302. IV 1830; VI, **49**; *562*.

Раевскому, А. Н. № 16. III 1821; V, **498**; VI, *526*.—№ 57. X 1823; V, **516**; VI, *532*.—№ 77. VI 1824; V, **526**; VI, *534*.—№ 78. VI 1834; V, **526**; VI, *534*.
Раевскому, В. Ѳ. № 24. 1821; V, **502**; VI, *527*.
Раевскому, Н. Н. № 153. VII—VIII 1825; VI, **3**; *546*.—№ 227. III—IV 1827; VI, **27**; *554*.—№ 272. 30/I 1829; VI, **41**; *559*.
Репнину, кн., Н. Г. № 629. 5/II 1836; VI, **152**; *592*.—№ 630. 11/II 1836; VI, **152**; *592*.
Родзянкѣ, А. Г. № 106. 8/XII 1824; V, **536**; VI, *538*.
Рокотову, И. М. № 89. VIII—IX 1824; V, **530**; VI, *536*.
Россетъ, К. О. № 703. 26/I 1837; VI, **171**; *600*.
Рылѣеву, К. Ѳ. № 111. 25/I 1825; V, **538**; VI, *539*.—№ 137. V 1825; V, **548**; VI, *544*.—№ 142. VII 1825; V, **550**; VI, *545*.

Скобельцыну, Ѳ. А. № 696. 8/I 1837; VI, **169**; *599*.
Смирновой, А. О. № 423. IX 1831; VI, **86**; *573*.
Снегиреву, И. М. № 273. IV 1829; VI, **42**; *559*.
Соболевскому, С. А. № 209. 9/XI 1826; VI, **22**; *553*.—№ 218. I/XII 1826; VI, **25**; *554*.—№ 232. X—XI 1827; VI, **30**; *555*.—№ 237. 15/VII 1827; VI, **31**; *555*.—№ 253. III 1828; VI, **36**; *557*.—№ 259. V—VI 1828; VI, **37**; *557*.—№ 261. 3/VII 1828; VI, **38**; *558*.—№ 567. 9/IX 1834; VI, **134**; *586*.—№ 568. IX 1834; VI, **134**; *586*.
Соколову, П. И. № 477. V 1833; VI, **103**; *578*.
Соллогубу, В. А. № 684. 17/XI 1836; VI, **166**; *598*.
Соломирскому, В. Д. № 228. 15/IV 1827; VI, **29**; *554*.
Спасскому, Г. И. № 478. VI—VI 1833; VI, **103**; *578*.
Строганову, гр., Г. А. № 520. IV 1834; VI, **118**; *583*.
Судіенкѣ, М. О. № 291. 22/I 1830; VI, **46**; *561*.—№ 294. 12/II 1830; VI, **47**; *561*.—№ 446. 15/I 1832; VI, **93**; *575*.
Сухорукову, В. Д. № 632. 14/III 1836; VI, **152**; *593*.

Толстому, Я. Н. № 39. 26/IX 1822; V, **508**; VI, *529*.
Толю, К. Ѳ. № 701. 26/I 1837; VI, **170**; *600*.
Туманскому, В. И. № 161. 13/VIII 1825; VI; **5**, *547*.—№ 221. I—II 1827; VI, **26**; *554*.
Тургеневу, А. И. № 7. 9/VII 1819; V, **495**; VI, *523*.—№ 21. VII 1821; V, **501**; VI, *526*.—№ 64. I—XII 1823; V, **519**; VI, *533*.—№ 86. 14/VII 1824; V, **529**; VI, *535*.—№ 697. 16/I 1837; VI, **170**; *600*.—№ 700. 26/I 1837; VI, **170**; *600*.—№ 706. 7/V 1821; VI, **601**; *601*.—№ 717. 1834; VI, **604**; *604*.—№ 718. 1834; VI, **604**; *604*.—№ 723. 1831—1836; VI, **606**; *607*.
Тургеневу, С. И. № 22. 21/VIII 1821; V, **501**; VI, *526*.

Уварову, С. С. № 430. 21/X 1831; VI, **88**; *573*.
Ушакову, Н. И. № 655. V—VI 1836; VI, **159**; *595*.

Фонъ-Фоку, М. Я. № 334. 9/VIII 1830; VI, **57**; *564*.
Фуксъ, А. А. № 490. 8/IX 1833; VI, **108**; *580*.—№ 573. 19/X 1834; VI, **135**; *586*.—№ 602. 15/VIII 1835; VI, **144**; *589*.—№ 631. 20/II 1836; VI, **152**; *592*.
Хвостову, гр., Д. И. № 458. 1832; VI, **97**; *576*.
Хлюстину, С. С. № 628. 14/II 1836; VI, **151**; *592*.—№ 652. 25/V 1836; VI, **158**; *595*.
Хмѣльницкому, Н. И. № 378. 6/III 1831; VI, **71**; *568*.

Чаадаеву, П. Я. № 12. V 1820; V, **496**; VI, *525*.—№ 13. 1820; V, **496**; VI, *525*.—№ 365. 2/I 1831; VI, **67**; *567*.—№ 398. 6/VII 1831; VI, **78**; *570*.—№ 678. 19/X 1836; VI, **136**; *598*.
Чернышеву, кн., А. И. № 472. 8/III 1833; VI, **102**; *578*.
Чиляеву, Б. Г. № 275. 23/V 1829; VI, **42**; *560*.

Шевыреву, С. П. № 304. 26/IV 1830; VI, **51**; *563*.
Шишкову, А. А. № 53. VII—XII 1823; V, **514**; VI, *531*.

Языкову, Н. М. № 210. 9/XI 1826; VI, **23**; *553*.—№ 212. 21/XI 1826; VI, **24**; *553*.—№ 235. 14/VI 1827; VI, **30**; *555*.—№ 433. 18/XI 1831; VI, **89**; *574*.—№ 571. 26/IX 1834; VI, **135**; *586*.—№ 641. 14/IV 1836; VI, **155**; *594*.
Яковлеву, И. А. № 282. XI 1829; VI, **44**; *560*.—№ 664. 9/VII 1836; VI, **161**; *596*.
Яковлеву, М. Л. № 400. VII 1831; VI, **79**; *570*.—№ 403. 19/VII 1831; VI, **80**; *571*.—№ 551. 3/VII 1834; VI, **129**; *585*.—№ 565. VIII 1834; VI, **133**; *586*.—№ 572. 19/X 1834; VI, **135**; *586*.—№ 675. X 1836; VI, **163**; *597*.—№ 685. 19/XI 1836; VI, **166**; *599*.—№ 715. 5/VII 1834; VI, **604**; *604*.—№ 716. 17/VII 1834; VI, **604**; *604*.

Письма. Изъ писемъ и записокъ:

Алексѣеву, Н. С. II, **407**.
Брату Льву. II, **260—261**.
Великопольскому, И. Е. II, **403**.
Вигелю, Ф. Ф. II, **207**.
Вяземскому, кн., П. А. II, **381**; **404**; **494**.
Горчакову, В. П. II, **179**.
Пріятелю. III, **100**.
Пушкину, Льву С. II, **260—261**.
Родзянкѣ, А. Г. II, **218**.
Смирновой, А. О. III, **200**.
Соболевскому, С. А. II, **406**.

Письмо къ Лидѣ. (1817). № 126. I, **403**; *404—406*; 390.
(Письмо къ Н. М. Языкову). Къ тебѣ сбирался я давно. II, **454**.

Питомецъ модъ, большого свѣта другъ. I, **545**—**547**.

Платонизмъ— загл. ст. «Платоническая любовь». I, 560.

Платоническая любовь. (1819). № 192. I, **535**; *560*; 391; II, 542; VI, 426.

(Плетневу П. А.). Ты издалъ дядю моего. II, **260**.

Плещутъ волны Флегетона. II, **214**.

Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ. II, **294**.

Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглосомъ. (1821). № 297. II, **80**; *583*.

Повѣрьте мнѣ, Фигляринъ моралистъ [эпиграмма Баратынскаго, измѣненная Пушкинымъ]. V, 489, 491.

Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина. (1830). IV, **146** — **183**. Отъ издателя **144** — **145**. *А. Искозъ*. «Повѣсти Бѣлкина». *184—200*. I, 308; III, 225, 353; IV, 65, 69, 208, 210, 226, 353—355, 360, 366, 371, 376, 377, 444, 449, XLIV; V, 473, 475, LVII.; VI т., **66**, **70**, **78**, **79**, **84**—**86**, **118**, **147**; 213, 566, 570, 572, 573, 584, **602**; 603. Рисунки *Пушкина* IV, **147**, **149**, **150**. Иллюстр. 153, 155, 157, 158, 163, 169, 171, 173, 176, 181.

Повѣсть въ стихахъ, сочиненіе Виланда, издалъ А. Пушкинъ. СПБ. въ тип. Деп. Внѣшн. Торг., 1836, въ 8, стр. 96. Вастола, или желанія. V, **335**.

Повѣсть Кирджали. V, **263**—**265**.

Погасло дневное свѣтило. Подражаніе Байрону. (1820). № 234. II, **8**; *549—550*; 20, 26, 96, 107, 430, 479; III, 343; V, 451; **497**; VI, 352, 525; **601**.

Погребъ. (1815). № 56. I, **269**; *276—278*; 322, 324, 364. Иллюстр. 269.

Поднялся шумъ; свирѣлью полевой. I, **359**.

(Подражаніе Анакреону). Кобылица молодая. II, **492**.

Подражаніе арабскому. (1835). № 762. IV, **23**; VI, *474*; V, XXX; VI, 354.

Подражаніе Байрону. Погасло дневное свѣтило. II, **8**.

[Подражаніе Данту]. И далѣ мы пошли. III, **334**.

Подражаніе Данту— загл. стих. «Въ началѣ жизни школу помню я». V, LX; VI, 431.

Подражаніе итальянскому. Какъ съ древа сорвался. (1836). № 778. IV, **42**; VI, *491*; II, 605; IV, 444, IV; V т., 236; VI, 354, 464, 493.

Подражаніе латинскому. На выздоровленіе Лукулла. IV, **38**.

(Подражаніе Оссіану). Кольна. I, **89**—**91**.

(Подражаніе «Пѣснѣ Пѣсней» Соломона). Въ крови горитъ огонь желанья. II, **78**.

Подражаніе турецкой пѣснѣ. О дѣва—роза, я въ оковахъ. II, **9**.

(**Подражаніе французскому**). (1814). № 33. I, **181**; *188*; VI, 350.

Подражаніе А. Шенье. Ты вянешь и молчишь. II, **222**.

Подражаніе. Элегія. I, **357**.

Подражанія. Одно изъ заглавій стих. «Вертоградъ моей сестры» и «Въ крови горитъ огонь желанья». II, 579; III, 561.

Подражанія древнимъ. I. (Изъ Ксенофана Колофонскаго). II. (Изъ Аѳенея). III. Вино (Іонъ Хіосскій). (1833). №№ 696—698. III, **371**; VI, *434—436*; II, 547; VI, 354, 469, 472.

Подражанія древнимъ—общее заглавіе для ряда стихотвореній: «Доридѣ» и др. II, 547.

Подражанія Корану. (1824). № 398. II, **251**—**256**. Примѣчанія *Пушкина* къ «Подражаніямъ Корану». **256**. Изъ цикла «Подражаній Корану». «Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья». II, **260**. III, *536—544*; I, 562; II, 378, 482; III, 181, 185; IV, XXVIII V т., **533**; VI, 275, 352, 503, 537. Иллюстр. II, 251—255.

Подражанія Лафонтену. [не дошедшія] № 3. I, **36**

Подруга дней моихъ суровыхъ. (Къ нянѣ). (1827). № 516. II, **462**; IV, *LIV—LVIII*; I, 28; IV, 57.

Подруга думы праздной. II, **64**.

Подъ вечеръ, осенью ненастной. I, **157**.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной. (1825). № 463. II, **398**; III, *577*; II, 278, 378, 42[illegible], 624; III, 118; IV, LIX; VI, **32**; 556.

Подъ хладомъ старости угрюмо угасалъ. II, **399**.

Подъѣзжая подъ Ижоры. (Е. В. Вельяшевой). (1828). № 548. II, **497**; V, *XI*; IV, 95; V, X, XXXI. VI, **43**.

«Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ». I, **183**.

Позволь душѣ моей открыться предъ тобою. (1818—19). № 212. II, **1**; *539—540*; I, 85; II, 542.

Поздно ночью изъ похода. III, **453**.

Познай, свѣтлѣйшій левъ, смятенія вину. VI, **179**.

Пой въ восторгѣ русскій хоръ. IV, **51**.

По камнямъ гробовымъ, въ туманахъ полуночи. I, **95**—**97**.

Пока не требуетъ поэта. II, **456**.

Пока супругъ тебя, красавицу младую. (1823—24). № 421. II, **262**; III, *556*; 551; V, 236.

[**Покойникъ, авторъ сухощавый**]. № 1053. VI, **195**; *195*.

Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ. I, **375**.

Покойны чувства, ясенъ умъ. II, **156**.

Покровъ, упитанный язвительною кровью. II, **397**.

Полеваго Николая. Исторія русскаго народа—. IV, **540**—**545**.

Полководецъ. (1835). № 763. IV, **23**—**24**; VI, *474—476*; IV, LXXI; V, **390**; 479; VI, **163**; 354, 597. Портретъ Барклай де-Толли. IV, 24—25.

Полтава, поэма (1829). № 570а. III, **32**—**53**. Предисловіе. **30**. Посвященіе. **31**. Примѣчанія **54**—**57**. *Ю. Айхенвальдъ* «Полтава» *1—6*. *Ив. Житецкій*. «Полтава въ историческомъ и историко-литературномъ отношеніи» *6—28*. I, 166, 324; II, 233, 391, 428, 524; III, 181, 458, 469, 536; IV, 12, 15, 94, 105, 286, 358, 359. L, LXVIII; V, 2; 239; **418**. **425**—**426**; 456, XV, XXII—XXIV, XXXIX, XL, XLVII, XLIX, LVI; VI, **42**, **43**, **96**; 200, 202, 353, 357, 363, 365, 376, 380, 386, 466, 486, 563; **590**. Иллюстраціи: III, 1, 9, 17, 24—25, 30, 33, 35, 37, 38 — 39, 41, 45, 47, 49, 51, 52—53, 53, 54, 55, 56, 57.

Полу-герой, полу-невѣжда. (1824). № 382. II, **210**; III, *512*; IV т., LI; V т., **531**.

Полу-фанатикъ, полу-плутъ. I, **551**.

Полюби меня дѣвица. (1829). № 609. III, **76**; V, *XLIV*.

Полюбилъ королевичъ Янышъ. III, **417**.

Полюбуйтесь же вы, дѣти. (1833). № 702. III, **374**; VI, *438—439*; 354. Иллюстр. III, 374—375

Помилуй, трезвой Аристархъ. I, **247**—**249**.

Помнишь ли, мой братъ по чашѣ. I, **271**.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель. I, **541**.

По небу крадется луна. I, **233**—**235**.

По поводу Альфреда де Мюссе. О приличіи въ литературѣ. V, **12**.

[**По поводу дѣленія «Моск. Телеграфомъ» Европы на классическую и романтическую**]. (1825). № 870. IV, **481**.

Попутный дуетъ вѣтръ.—Идетъ корабль. III, **175**.

[**Попытки вернуться къ «Евгенію Онѣгину»**]. (1833). №№ 720—726. III, 423; VI, *440—442*; 486.

Пора Баратынскому занять на русскомъ Парнасѣ мѣсто. [Баратынскій]. (1830). № 943. V, 32—35. Портретъ Баратынскаго. 33.

Пора, мой другъ, пора! покоя сердце проситъ. (1836). № 788. IV, 51; VI, *500*; IV, 360, 445; V, XLV.

Пора, пора! рога трубятъ. II, 393—397.

Портретъ. (1817). № 148. I, 431; *451*. Иллюстр. 431.

Портретъ. (Гр. Аграфенѣ Ѳед. Закревской). (1828). № 536. II, 493; V, *II—III*; IV, 266; V, XXVII. Портретъ Закревской II, 493.

Портрету. Къ —. Вяземскаго. II, 14.

Портрету. Къ —. Жуковскаго. I, 471.

Портрету. Къ —. П. П. Каверина. I, 405.

Портрету. Къ —. П. Х. Молоствова. II, 532.

Портрету. Къ —. П. Я. Чаадаева. I, 405.

Порѣдѣли, побѣлѣли. IV, 21.

[Посвященіе князю П. А. Вяземскому «Бахчисарайскаго фонтана»]. [Черновой набросокъ]. № 1058. VI, 196; *196—197*.

Посланіе къ Александру, неизвѣстное произведеніе лицейскаго періода. V, 412.

Посланіе Бонапарте, неизв. произведеніе 1814 или 1815 г. I, *302*.

Посланіе къ В. [И. Е. Великопольскому]. Сочинителю Сатиры на игроковъ. (1828). № 524. II, 488; IV, *LXIII—LXV*; III, 608; V, 456.

Посланіе къ Галичу. (1815). № 50. I, 237—239; *246—248*; 324, 364; II, 505; V, 239. Иллюстр. I, 239.

Посланіе къ Д ***. (Дельвигу). Черепъ. II, 457—458.

Посланіе къ князю А. М. Горчакову. Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весною. (1816). № 84. I, 331—333; *326—328*; 232, 285, 336, 338, 344, 350; VI, 351.

Посланіе Лидѣ. (1816). № 79. I, 325; *318*; 168, 287, 324; 415; III, 510. Иллюстр. I, 325.

Посланіе къ Натальѣ. (1814). № 21. I, 125—127; *126—130*; 124, 354, 358; IV, 91; V, 240; VI, 350. Иллюстр. I, 125, 127.

Посланіе къ павловскимъ фрейлинамъ (не сохранилось) (1818). № 210в. II, *538*.

Посланіе къ В. Л. Пушкину. (1817). № 140. I, 415; *436—438*; 55, 122, 218, 280, 284, 322, 324; II, 577; 607; V, LXXI.

(Посланіе А. Г. Родзянкѣ). (1825). № 445. II, 292—293; III, *564*.

Посланіе Трубецкому, неизв. произв. 1814 или 1815 гг. I, *302*.

Посланіе А. И. Тургеневу. (Начало) (1818—19). № 226. II, 4; *543*.

Посланіе Шишкову, неизв. произв. 1814 или 1815 гг. I, *302*.

Посланіе къ Ю. [Дину]. (1815). № 58. I, 273—277; *280—284*; 30, 56, 59, 218, 284, 292, 324, 436; II, 577; IV, 52, 88; V, 4; 237, 242; 412; V, XXXIX, LVI; VI, 350.

[Пословицы]. (1830). № 938. V, 11.

Послушай, дѣдушка. (1818). № 167. I, 469; *474—476*; VI, 180; 350, 351, 544.

Послушай, музъ невинныхъ. I, 215—217.

«Послушайте; я вамъ скажу про старину». I, 555.

(Послѣднее мірское пепелище). Стою печаленъ, на кладбище. III, 177.

Послѣдніе цвѣты. (1825). № 455. II, 381; III, *574*.

Послѣдній изъ родственниковъ Іоанны д'Аркъ. (1837). № 997. V, 406—407.

Послѣднимъ сіяньемъ за рощей горя. I, 261.

Послѣдняя туча разсѣянной бури. IV, 24.

Похоронная пѣсня Іакинѳа Маглановича. (1833). № 709. III, 411. Прим. *Пушкина* 420; *375—402*. Иллюстрація 421.

Почтенія, любви и нѣжной дружбы ради. (1825). № 436. II, 289.

Поѣдемъ, я готовъ. Элегическій отрывокъ. (1829). № 602. III, 74; V, *XLI—XLII*; IV, 204; VI, 353.

Поэту. Сонетъ. (1830). № 625. III, 80; V, *LI—LIII*; III, 521; IV, 45; V т., LIII, LIV; VI, 354, 359, 444, 463, 464, 495.

Поэтъ. Пока не требуетъ поэта. (1827). № 503. II, 456; IV, *XL—XLIII*; III, 521; IV, VII, XXXVII; V т., XLI, LII; VI т., 33; 364, 444.

Поэтъ-игрокъ, о Беверлей-Горацій. (1829). № 582. III, 64; V, *XXXI*; III, 608; IV, LXV; VI, 370.

Поэтъ идетъ... открыты вѣжды. [Черновой набросокъ]. (1835). № 773. IV, 40; VI, *487—488*; 443, 444.

Поэтъ! Не дорожи любовію народной. III, 80.

Поэтъ по лирѣ вдохновенной. II, 498; VI, 194.

Предчувствіе. (1828). № 539. II, 494; V, *IV*; II, 605; III, 6, 523; VI, 194, 353.

Предъ испанкой благородной. (1830). № 652, III, 163; V, *LXII*; II, 613; III, 546. Иллюстр. 163.

Предъ рыцаремъ блеститъ вода. (Не отдѣланный переводъ 100—112 октавъ XXIII пѣсни «Orlando Furioso» Аріосто). (1825). № 457. II, 384—385; III, *575*.

Презрѣвъ и шопотъ укоризны. (1823—24). № 417. II, 261; III, *554*.

Прекрасная пускай восторгомъ насладится. I, 447.

Прелестницѣ. (1818). № 165. I, 467; *472*.

[Преподобный Савва Сторожевскій]. (1835). № 970. V, 326—327.

Прибѣжали въ избу дѣти. II, 495—496.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ. I, 525—527.

Привѣтъ Алеко сыну. (1824). № 397. II, 250; III, *536*.

Признаніе. (Александрѣ Иван. Осиповой). (1824). № 399. II, 257; III, *544—545*; II, 482; IV, 99, 482.

Признаюсь предъ всей Европой. II, 79.

[Приказахъ. О —]. V, 47—48.

Приличіи въ литературѣ. О —. V, 12.

Прими въ залогъ воспоминанья. (1821). № 306. II, 82; *585*.

Прими сей черепъ, Д*** [Дельвигъ]: онъ. II, 457—458.

Прими съ улыбкою, мой другъ. II, 40.

Примите Невскій Альманахъ. II, 400.

Примите новую тетрадь. (Можетъ быть приписка къ «Кав. плѣннику»). (1821). № 258. II, 58; *560—561*.

Примѣты. Старайся наблюдать различныя примѣты. (1822). № 334. II, 136; *593—594*; IV, 64; VI, 352, 358.

Примѣты. (А. А. Олениной). (1829). № 571. III, 58; V, *XXIV—XXV*; IV, 64.

Примѣчаніе къ «Отрывку изъ рукописи Карамзина» о древней и новой Россіи. (1836). № 995. V, 402.

[Примѣчаніе къ письму А. Б. о статьѣ Гоголя] (1836). № 988. V, 389.

[Примѣчаніе къ повѣсти Гоголя «Носъ»]. (1836). № 986. V, 389.

[Примѣчаніе къ разсказу Султанъ Казы-Гирея: «Долина Ажитугай»]. (1836). № 974. V, 336.

Приписываемыя Пушкину стихотворенія:

Вишня. I, **297**—299.
Всѣ говорятъ: онъ Вальтеръ Скоттъ. V, 489.
Всю жизнь провелъ въ дорогѣ и умеръ въ Таганрогѣ. I, 46[illegible].
Добра чужого не желать. (Десятая заповѣдь). II, **80**.
За ужиномъ объѣлся я. I, **481**.
Къ Баболовскому дворцу. I, **447**.
Къ портрету П. Х. Молоствова. III, **532**.
Лиза въ городѣ жила. VI, **565**.
Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки. III, **545**.
Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ. I, **445**.
На графа Хвостова. I, **559**.
На графиню Орлову. I, **561**.
Наденькѣ. I, **481**.
На диво намъ и всей Европѣ. IV, XXX.
На Н. И. Гнѣдича. I, **555**.
Не вѣрю чести игрока. V, 489.
Нимфодорѣ Семеновой. I, **559**.
Она тогда ко мнѣ придетъ. I, **481**.
Про себя. I, **481**.
Разговоръ Фотія съ Орловой. I, **561**.
Рефутація Беранжера. II, **496**.
Саранча летѣла, летѣла. II, **210**.
Съ позволенія сказать. II, **533**.
Ты и я. I, **555**.
Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь. III, **83**; V, 489.
Федорова Борьки. VI, **550**; 588.
Фигляринъ, вотъ полякъ примѣрный. V, 468, 489, 491; VI, **74**.
Эпиграммы на Карамзина. I, **555**.
Ѳаддей роди Ивана. V, 489.

Приписываемыя Пушкину стихотворенія 1817—1819 гг. II, *531—536*.

При посылкѣ [Дельвигу] бронзоваго Сфинкса. Загадка. III, **71**.
Притча. Сапожникъ. III, **70**.
Причинами, замедлившими ходъ нашей словесности. (1824). № 862. IV, **477**; 71.
Пріютъ любви, онъ вѣчно полнъ. (1823—24). № 424. II, **262**; III, *556*; 517.
Пріятелю. (1822). № 344. II, **142**; *602*; 569; IV, XIII.
Пріятелямъ. (1825). № 425. II, **231**; III, *557*; 563; V, 454; **539**.
Пробужденіе. (1816). № 92. I, **351**; *342*; 168, 286, 310, 362; VI, 350, 355.
[**Программа «Вадима»**]. (1822). № 1005. V, **414—415**.
[**Программа драмы о Папессѣ Іоаннѣ**]. (1833). № 1031. V, **437**.
[**Программа записокъ**]. (1830). № 1022а. V, 429—430; I, 285.
[**Программа записокъ о Кишиневскомъ періодѣ**]. (1833). № 1030. V, **437**.
Программа и отрывокъ изъ комедіи въ стихахъ. (1821). № 312. II, **83—84**; *586—587*.
[Программа]. О Малороссіи. V, **416**.
[**Программа «Ревизора»**]. № 1070. VI, **217**; *217—218*.
[**Программы драмы изъ эпохи Царевны Софіи**]. (1827). № 1011. V, **417**.
[**Программы и замѣтки по изданію «Дневника»**]. (1831). № 1027. V, **434—436**.
[**Программы поэмы изъ разбойничьей жизни**]. (1822). № 1004. V, **414**.
Прозаикъ и поэтъ. (1825). № 447. II, **294**; III, *565*; 535.
Прозаическіе переводы 1833—1835 гг. №№ 849—851. IV, **352**.
Прозерпина. (1824). № 386. II, **214**; III, *517*; I, 314, 392; VI, 352.
Пройдетъ ли мой недугъ?—левъ у осла спросилъ. VI, **179**.
Пройдетъ любовь, умрутъ желанья. Въ Альбомъ А. Н. Зубову. I, **407**.
Проклятый городъ Кишиневъ. (Изъ письма къ Ф. Ф. Вигелю). (1823). № 375. II, **207**; *626*; V, 5[illegible]6. Портретъ Вигеля. II, 207.
Промчались годы заточенья. I, **413**.
Пророкъ. (1826). № 478. II, **404—405**; IV, *I—VIII*; II, 378, 380; III, 181, 185, 521, 539; IV, XL, XLI; V т., 235, 241, LX; VI т., 408, 454, 464; положенъ на музыку Р. Корсаковымъ и Кюи 513. Иллюстр. II, 405.
Про себя. (Приписывается Пушкину). (1818). № 176. I, **481**; II, *533*.
Прости мнѣ, милой другъ. I, **171—179**.
Прости, счастливый сынъ пировъ. I, **531**.
Простите, вѣрныя дубравы. (Прощаніе съ Тригорскимъ). (1817). № 152. I, **433**; *452—453*; 334; II, 542. Иллюстр. I, 433.
Прости, украинскій мудрецъ. (Изъ письма къ А. Г. Родзянкѣ). (1824). № 401. II, **258**; III, *546—547*; V, **536**.
Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты. (1823). № 372. II, **206**; *623—624*; 278; III, 511, 512, 524, 525; IV, 97; V, 452; **521**; VI, 352, 533.
Простой воспитанникъ природы. Кн. Г—ой (Голицыной). I, **519**.
Простонародная сказка. Женихъ. II, **281—28[illegible]**.
Простонародная сказка. Утопленникъ. II, **495—496**.
Прощай, любезная Калмычка! III, **62**.
Прощай, отшельникъ бессарабской. (Изъ писемъ Н. С.). (1826). № 482. II, **407**; IV, *XII—XIII*; VI, **24**.
Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла. II, **287**.
Прощай, свободная стихія. II, **211—213**.
Прощаніе, загл. стих. «Разставаніе». V, LVI.
Прощаніе съ моремъ—первон. загл. стих. «Къ морю». III, 513, 515.
Прощаніе, экспромтъ, не сохранившійся. I, *152*.
(Прощаніе съ Тригорскимъ). Простите, вѣрныя дубравы. I, **433**.
Птичка. (1822). № 337. II, **139**; *598*; 227, 521; III, 560; IV, 55; V, 452; **504**, **545**; VI, 528.
Птичка Божія не знаетъ. II, **242**.
Пуншевая пѣсня. (1816). № 80. I, **327**; *318—320*; 322; VI, 351.
Пускай, не знаясь съ Аполлономъ. I, **231**.
Пускай поэтъ съ кадильницей наемной. I, **337—343**.
[**Пускай увѣнчанный любовью красоты**]. № 1055. VI, **196**; *196*.
Пускай угрюмый Риѳмотворъ. I, **229**.
Пустое *вы* сердечнымъ *ты*. II, **492**.
Путешественнику,—загл. стих. «Къ Н. Г. Ломоносову». I, 156.
Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 г. (1829). № 879. IV, **506—530**. Предисловіе **505**. I, 544; II, 17, 560, 621; III, 7, 539; IV, XXX, XLII; V, XXIX, XXXII, XXXIII, XXXV—XXXVII, XLIII, XLIV, XLVI, LIX; VI т., **147**; 197,

375, 458, 459, 590, 593. Рисунки *Пушкина* IV, **513**, **517**, **525**; иллюстр. 507, 521, 952, 530—531.

Путешествіе В. Л. П. [О книгѣ П. И. Дмитріева. Путешествіе N. N. въ Парижъ и Лондонъ]. (1835). № 961. V, **288**. Иллюстр. 288.

[Путешествіе къ св. мѣстамъ. О книгѣ А. Н. Муравьева —]. V, **46**.

Пучкова, право, не смѣшна. I, **375**.

Пучкову, Е. Н. На —. I, **375**.

Пушкину, В. Л. Посланіе къ —. (1817). I, **415**.

Пушкину. В. Л. Тебѣ, о Несторъ Арзамаса. (1817). № 122. I, **395**; *394*; 312; V, **494**; LXXI; VI; **173**; 174.

(Пушкину Льву С. Изъ письма къ брату Льву). Что же, будетъ ли вино? II, **260—261**.

[**Пушкинъ, какъ бы посторонній, говоритъ о своемъ «Демонѣ»**]. (1825). № 1007. V, **415**.

Пущину. Къ —. Любезный имянинникъ. I, **227**; V, **412**.

Пущину, И. И. Въ альбомъ —. I, **409**.

Пущину. Къ —. Воспоминаніе. I, **271**.

(Пущину, И. И.). Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный. II, **422**.

Пущину, П. С. (1821). № 281. II, **78**; *580—581*; 520; VI, 175, 176, 352.

[**Пущину, П. С.**]. № 1037. VI, **176**; *176*.

Пчела ужалила медвѣдя въ лобъ. VI, **179**.

Пью за здравіе Мери. Пѣсня. (1830). № 657. III, **173**, V, *LXIV*; III, 119; VI, 354, 355, 486, 500. Иллюстрація III, 173.

Пьяной горечью Фалерна. IV, **22**.

Пѣвецъ Давидъ былъ ростомъ малъ. (1823—24) № 411. II, 260; III, *552*.

Пѣвецъ! издревле межъ собою. II, **261—262**.

Пѣвецъ, когда передъ тобой. II, 29[illegible].

Пѣвецъ. (1816). № 99. I, **357**; *350*; 168, 286, 362; V, **412**. VI, 350.

Пѣсенка Афродитѣ. [Изъ Сафо]. IV, **352**.

Пѣсни западныхъ славянъ. (1833). №№ 703—719. III, **403—422**. Предисловіе *Пушкина* къ изд. 1835 г. **403**. Примѣчанія *Пушкина* къ «Пѣснямъ зап. славянъ». **420—422**. *А. Яцимирскій*, «Пѣсни западныхъ славянъ». *375 — 402*. VI, *439 — 440*; II, 173; III, 353; IV, 59, 65, 66, 68, 69, 272, XII, L, LXI; V т., 476; VI, 240, 242, 354, 362, 444, 581. Иллюстр. III, 377, 385, 392—393, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 411, 413, 414, 415, 417, 419.

Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ. (1822). № 333. II, **132—135**; *592—593*; I, 166, 270, 585; III, 8; IV, 53, 358; V, 235, 236; **521**, **540**; VI, 352, 353, 361. Иллюстр. II, 132, 133, 134—135, 135.

Пѣснѣ Пѣсней Соломона. Подражаніе —. II, **78**.

Пѣсня—одно изъ загл. стих. «О, Делія драгая». I, 62, 66.

Пѣсня дѣвушекъ. III, **206**.

Пѣсня о Георгіѣ Черномъ. (1833). № 713. III, **414**. Прим. *Пушкина*. 422; *375—402*; VI, 584. Иллюстрація III, 414. См. «Пѣсни зап. славянъ».

(Пѣсня). О Делія драгая. I, 63; *62*.

Пѣсня о сынѣ Сеньки Разина. № 8 5. IV, **77**; VI, **34**; 243, 354, 556.

Пѣсня. Пью за здравіе Мери. III, **173**.

Пятнадцать лѣтъ мнѣ скоро минетъ. III, **82**.

Равновѣсіе. VI, **179**.

Радивой поднялъ желтое знамя. III, **408**.

Радищевъ, Александръ. V, **336—342**.

[Раевскаго П. Н. О некрологіи ген. отъ кавал. —]. IV, **537**.

Раевскій, молоденецъ прежній. (Записка къ Жуковскому). (1819). № 188. I, **529**; *536*; V, **494**.

<Разборъ статьи, напечатанной въ «Сынѣ Отечества» въ январѣ 1835 года> Объ «Исторіи Пугачевскаго бунта». V, **298—306**.

[**Разговоръ**]. (1830). № 904. IV, **551—553**; V, 466; VI, 379.

Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ. (1824). № 388. II, **215—217**; III, *519—521*; I, 1[illegible]4; II, 378, 481, 570, 581, 602; IV, 10, 53, 57, 93, XVII, XXIV, LV; V, **532—535**; **541**; XXII, XLIX, LII; VI т., 407, 422, 444, 464, 538, 540, 544.

Разговоръ Фотія съ Орловой. (Приписывается Пушкину). (1819). № 210. I, **561**; II, *536*.

Разговоры Н. К. Загряжской. V, **393—396**.

Разъѣвавшись отъ обѣдни. II, **79—80**.

Разлука. (1817). № 137. I, **411**; *430—432*; 59, 286, 287, 342; V, 238; VI, 351.

(Разлука). Уныніе. I, **355**; II, 584.

Разставаніе. (1830). № 636. III, **84**; V, *LVI*; LIX; VI, 355, 365, 507.

Разсудокъ и любовь. (1815). № 53. I, 263; *270—272*; 292; VI, 350.

Разумовскаго. На гр. А. К. —. I, **183**.

Разъ полунощной порою. I, **167**.

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ. III, **179**.

Рефутація Беранжера. (Приписывается Пушкину). (1828). № 544. II, **496**; V, *VII—VIII*; 376; VI, 565.

Ринальдо—неизв. пьеса П. I, *302*; V, **412**.

Рифма. (1830). № 659. III, **174**; V, *LXIV*; LVIII; VI, 354.

Риѳма—звучная подруга. (1828). № 566. II, **501—502**; V, *XXI—XXIII*; VI, 353, 363, 365.

(Родзянкѣ, А. Г. Изъ письма —). Прости, украинскій мудрецъ. (1824). II, **258**.

(Родзянкѣ А. Г. Посланіе —). (1825). II, **292—293**.

Родословная моего героя. [Не закончено и не отдѣлано]. (1833). № 728. III, **424**; VI, *443 — 444*; I, 586; II, 439, 602; III, 90, 460, 466; IV, XLII, XLVI; V т., LVIII; VI, 355, 370—372, 408, 448, 455, 456, 464, 487.

[**Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ**]. (1830). № 1022. V, **427—429**; I, 10, 24.

[**Родригъ**]. [Не закончено и не отдѣлано]. (1833). № 734. III, **483—484**; VI, *452*; V т., XLV; VI т., 354, 453.

Роза. (1815). № 61. I, **283**; *290*; 62, 342; VI, 349, 355, 500. Иллюстр. I, 283.

Романсъ. (1814). № 28. I, **157**; *156—160*; 312; V, 240; VI, 350, 369; положенъ на музыку 513. Иллюстр.: 159, 161, 163, 165.

Романсъ—загл. стих. «Предъ испанкой благородной». V, LXII.

[**Ромео и Джюльета, Шекспира**]. (1829). № 882. IV, **534**.

Ромулъ и Ремъ, не написанное произведеніе Пушкина. III, **118**.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ. II, **381—383**.

[**Рославлевъ**]. Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы. 1811 г. (1831). № 841. IV, **247—252**; III, 181; IV, 71, 265—269, 354, 557—560; V, 375, 376; VI, 386. Портретъ г-жи Сталь. IV, 248—249.

Россетти А. О. Въ альбомъ —. III, **331**.

Россійская Академія. (1836). № 976. V, **342—344**.

Румяной зарею. I, **297—299**.

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузой. (1830). № 635. III, **83—84**; V, *LV—LVI*; I, 568; V, LXIII; VI т., 354, 370.

Русалка. (1819). № 195. I, **539—541**; *566—567*; II, 538; IV, 69; VI, 351. Иллюстр. I, 539.

Русалка. (Не отдѣлано и не окончено). (1832). № 695. III, **361—370.** *П. Морозовъ.* «Русалка», *353—360.* VI, *432 — 434.* I, 162; II, 606; III, 23, 118, 400; IV, 16, 62, 63, 69, 367. LVII; V, 242, XXII, XXIII; VI, 354, 358, 361, 440, 453, 454; опера Даргомыжскаго 506 — 512; 522. Иллюстр. III, 361, 363, 365, 369, 370—371.

Русланъ и Людмила, поэма въ шести пѣсняхъ. (1817—1820). № 211. I, **595—637.** Предисловіе ко 2 изд. **591 — 593.** Посвященіе. **594.** *М. Халанскій.* «Русланъ и Людмила». I, *571—590.* II, *538.* I, 30, 76, 78, 151, 152, 202, 204, 310, 326, 350, 364, 391, 455, 498, 499, 554, 556, 558, 563, 568; II, 20, 24—28, 32, 34, 414, 430, 476, 485, 537, 540—546, 559—562, 567, 577, 581, 582, 592, 604; III, 16, 18; **236, 237;** 513, 558; IV, 17, 18, 54, 55, 64. 66, 67, 110, **124;** 243, XII, XL, LXX; V, 233, 235, 240; **420;** 451, 452, 461; **496, 498—506, 509, 511, 515,** V, XIII, XXXIX, XLV, XLVI, LVII, LXIV; VI т., **14, 18;** 181, 219, 275, 350, 357, 364, 414, 415, 501; опера Глинки 501 — 506, 511 — 513; 524 — 527, 530; **590.** Иллюстр. почти на каждой страницѣ. I, 584—637.

[Русскихъ полемистахъ. О —]. VI, **198—199.**

[Русской литературѣ. О — съ очеркомъ французской]. V, **292—296.**

Русскіе стихи ранняго дѣтства. № 5. I, *36.*

Русскій Пеламъ. Записки М* (1835). № 853. IV, 457—460; I, 30, 540, 548, 550; IV, 265, 269, 270, XLVI; V, 24—26; VI, 215.

[**Русскія шутки**]. № 1060. VI, **199;** 199.

Русскому Геснеру. (1822.). № 350. II, **153;** *610—611.* Портретъ В. Панаева. 153.

Рыцарская баллада, неизвѣстное лицейское стих. П—а. № 6. I, *62;* IV, XLIX.

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда. (1820). № 248. II, **15;** *555—556;* II, 98, 107, 109, 184, 431, 629; III, 525; IV, 94; V, 452, 453; **521;** VI, 352, 533. Иллюстр. II, 15.

Сабуровъ, ты оклеветалъ. (1823—24). № 418. II, **261;** III, *554;* I, 412; II, 532; VI, 172.

«Самозванецъ» или «Димитрій и Марина», задуманное произведеніе Пушкина. III, 340.

[Самсона. О запискахъ —]. IV, **546—547.**

Самъ съѣшь. (1830). № 917. V, 4—5; VI, 11; 549.

Сапожникъ. Притча. (1829). № 598. III, **70;** II, 391.

Саранча летѣла, летѣла. (Приписывается Пушкину). (1824). № 383. II, **210;** III, *512;* II, 162.

Свобода другое загл. оды «Вольность». I, 510; V, **415.**

Сатирикъ и поэтъ любовный. (Кн. Вяземскому). (1825). № 451. II, **295;** III, *566;* VI, **10.**

Сафо. (1825). № 439. II, **290;** III, *563;* VI, 352.

[Сафо. Изъ —]. IV, **352.**

Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ. [Не окончено]. (1833). № 699. III, **372;** VI, *436;* IV, 66, LVII; VI, 419, 437.

Свободы сѣятель пустынный. (1823). № 374, II, **207;** *625;* I, 324, 522; II, 475, 520, 620, 628; IV, 7, II; V, **519, 520;** LII; VI, 463.

Сводня грустно за столомъ. (1827). № 522. II, **464;** IV, *LXI—LXII;* VI, 353.

Сводъ неба мракомъ обложился. II, **137.**

Сегодня, добрые мужья. I, **321.**

Сегодня я по утру дома. II, **154.**

Семейственной любви и нѣжной дружбы ради. (1825). № 435. II, **289;** III, *562;* V, **546.**

Sainte Beuve. Les consolations, poésies par—. V, **36—40.**

Сестра и братья. (1833). № 716. III, **415.** Прим. *Пушкина.* 422; *375*—402.

Сестрѣ. Къ —. I, **73—75;** V, **412.**

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой. II, **139.**

Сила и слабость. VI, **179.**

Силы четыре. I, **327.**

Сія пустынная страна. II, **120.**

Скажи, какой судьбой другъ другу мы попались. II, **83.**

Скажи, какія заклинанья. (1818—19). № 219. II, **2,** *542;* 588; IV, XVI.

Скажи мнѣ ночь. (1825). № 472. II, **402.**

Скажи, парнасскій мой отецъ. I, **415.**

Скажи, что новаго. (1816). № 121. I, **375;** *378;* V, XIV. Автографъ *Пушкина* I, 377.

Сказали разъ царю. (1824). № 402. II, **258;** III, *547—548;* 512, 518; IV, 5, L; VI, 386.

«Сказка», подзаголовокъ стих. «Амуръ и Гименей». I, 316.

Сказка. «Какъ весенней теплою порою». III, **165.**

Сказка о золотомъ пѣтушкѣ. (1834). № 749. III, **501—507;** VI, *467;* I, 204; IV, 67, 69, 217; и цензура V, **450;** 476; VI, 220, 354, 406, 454; опера Р. Корсакова 505. Рисунокъ *Пушкина* III, **501.** Иллюстр. 502, 503, 504, 505, 506, 507.

Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ. (1833). № 738. III, **485—490;** VI, *454—455;* IV, 64, 68, 214, 272; V, 476; VI, 219, 354, 456, 467. Иллюстр.: III, 485, 487, 489, 490.

Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ, загл. (для цензуры) «Сказки о попѣ и о работникѣ его Балдѣ». VI, 418.

Сказка о попѣ и о работникѣ его Балдѣ. [Не вполнѣ отдѣлано]. (1831). № 682. III, **200—203;** VI, *418—419;* IV, 67, 68; VI, 354, 362, 365. Рисунокъ П-на. III, **201.**

Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. (1833). № 729. III, **426—429;** VI, *444—445;* III, 400, 401. IV, 68, 214; V, 476; VI, 219, 354, 362, 456. Иллюстр.: III, 426, 427, 428, 429.

Сказка о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его, славномъ и могучемъ богатырѣ, князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрасной царевнѣ Лебеди. (1831). № 679. III, **187—199;** VI, *412—415;* IV, 55, 66—69; VI, **86;** 354, 364, 572. Иллюстр.: III, 187, 188, 188—189, 189, 191, 193, 195, 197, 198, 199.

Сказки. (Noël). (1818). № 162. I, **461;** *466—468;* 499; II, 429, 514, 556, 572, 577; III, 229, 548; V, **511;** VI, 350, 351, 530.

Сквозь волнистые туманы. II, **407.**

... Сквозь рубашку Татьяна мнетъ въ рукѣ бумажку. III, **63.**

[Скотта. О романахъ Вальтеръ -]. IV, **481.**

Скребницей чистилъ онъ коня. III, **372.**

Скупой рыцарь. (Сцены изъ Ченстоновой трагикомедіи. The caveteous Knight). (1830). № 614. III, **109—117.** *Н. Минскій.* «Скупой рыцарь». *102—108.* V, *LIX—LX.* I, 492; II, 443, 567; III, **118;** 119, 123, 124, 353, 354; IV, 15, 16, 184—191, 208, 449; V, LVII; VI т., **66;** 248, 354. Автографъ *Пушкина* III, **109.** Иллюстр.: 109, 112, 113, 114, 115.

Скучной ролью Телемака. VI, **178.**

Слабъ и робокъ человѣкъ. (Можетъ быть изъ цикла «Подражаній Корану»). (1823—24). № 415. II, **260;** III, *542.*

Славная флейта, Ѳеонъ, здѣсь лежитъ. Предводителя хоровъ. III, **371.**

Слеза. (1815). № 59. I, **279;** *284;* 166, 285, 308, 324, 326, 412, 418, 420; V, **412.** Иллюстр. I, 279.

С[ленину]. И. В. II, **499.**

Словарь о святыхъ, прославленныхъ въ Рос-

сійской церкви, и о нѣкоторыхъ сподвижникахъ благочестія мѣстно-чтимыхъ. 1836. СПБ. (1836). № 985. V, 370—371; VI, 599.

[Словесность русская больна]. № 1047. VI, 179; *179*.

Слово милой. (1816). № 110. I, 369; *368—370*; 372; V, 239. Иллюстр. I, 369.

Слыхали ль вы за рощей гласъ ночной. I, 357.

Слышу умолкнувшій звукъ божественной Эллинской рѣчи. III, 164.

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ. (1831). № 675. III, 179; VI, *406—407*; 79.

[Смирновой, А. О. Изъ записки къ—при посылкѣ ей «Бородинской годовщины»]. III, 200.

Смутясь, нахмурился пророкъ. II, 252—253.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ. III, 100.

Снова тучи надо мною. II, 494.

Сновидѣніе. (1817). № 124. I, 401; *398—400*.

(Соболевскому, С. А. Изъ письма къ—). У Гальяни иль Кольони. II, 406.

Собрала невѣста подружекъ. № 794. IV, 74.

Собраніе насѣкомыхъ. (1828). № 554. II, 499; V, *XIV—XVII*; VI, 200; 218.

Собраніе сочиненій Георгія Конисскаго, Архіепископа Бѣлорусскаго, изд. протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ. СПБ. 1835. (1835) № 971. V, 327—335; III, 11; VI, 220.

(Современника). Отъ редакціи —. V, 389—390; 391.

Совѣтъ. (1825). № 450. I, I; 294; III, *566*; IV, 10; VI, 14.

Сожалѣнье не поможетъ. I, 559.

Сожженное письмо. (1825). № 429. II, 287, III, *560*; II, 378, 482; III, 222; IV, XXV, XXVII; VI т., 352. Портретъ Е. К. Воронцовой II, 287.

Сокрылся онъ. II, 69.

Соловей. (1827). № 491. II, 452; IV, *XXIV*; II, 551, 557; III, 186; IV, 89; VI, 353.

Соловей. (1833). № 712. III, 414; *375—402*; VI, 242. См. «Пѣсни зап. славянъ».

Соловей и кукушка. (1825). № 449. II, 294; III, *566*; II, 427; VI, 14.

Соловей мой, соловейко. III, 414.

Соломона. Подражаніе Пѣснѣ Пѣсней—. IV, 78.

Сомнѣнье, страхъ, порочную надежду. II, 460.

Сонетъ. Суровый Дантъ не презиралъ сонета. (1830). № 628. III, 81; V, LIII; VI, 354. Иллюстрація III, 81.

Сонетъ. Мадона. III, 80.

Сонетъ. Поэту. III, 80.

Сонетъ. Награды,—загл. стих. «Поэту». V, LI.

Сонъ. Отрывокъ. (1816). № 86. I, 337—343, *332*; 149, 202, 290; II, 568; IV, 53, 57, LV; V, 237, 238, 243; VI, 354.

Сосницкой, Е. Я. Въ альбомъ —. I, 477.

Сосны, загл., можетъ быть, стих. «Вновь я посѣтилъ». VI, 484.

Составленъ онъ изъ подлой спеси. (1821). № 286. II, 78; *582*.

Сосѣдство ваше намъ опасно. (1825). № 474. II, 402.

Сочинителю сатиры на игроковъ. Посланіе къ В. (И. Е. Великопольскому). II, 488.

[Списокъ лицейскихъ стихотвореній]. (1815). № 1000. V, 412.

Справедливость пословицы. VI, 179.

Сраженный рыцарь. (1815). № 52. I, 261; *268—270*; 112, 113, 324; VI, 350, 365.

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду. II, 14.

Средь томной рощицы, подъ тѣнью липъ душистыхъ. I, 115—117.

Сталь. О г-жѣ — и о г. А. М[ухано]вѣ. IV' 478—479.

Стамати былъ старъ и безсиленъ. III, 409.

Стамбулъ гяуры нынче славятъ. (1830). № 642. III, 101; V, *LIX*; IV, 527; LIV.

Stances. Avez-vous vu la tendre rose. (1814). № 20. I, 123; *126*. Иллюстр. 123.

Стансы. (Изъ Вольтера). Ты мнѣ велишь пылать душою. (1817). № 125. I, 401; *402—404*.

Стансы. Въ надеждѣ славы и добра. (1826). № 487. II, 423; IV, *XXI—XXII*; II, 528, 529; III, 23, 184, 249, 458; IV, 6, XXIII, LXII, LXIII; VI т., 34, 35; 245, 364, 480, 495, 556.

Стансы Толстому. Философъ ранній, ты бѣжишь. (1819). № 194. I, 537; *560—566*; II, 509. Портретъ I, 537.

Стансы. Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ. III, 74.

Стансы. Въ часы забавъ иль праздной скуки. III, 79.

Станціонный смотритель. (1830). № 836. IV, 151—158. *А. Искозъ*. «Станціонный смотритель». *198—200*; V, LXVI; VI т., 194. Иллюстр. IV, 153, 155, 157, 158.

Старайся наблюдать различныя примѣты. II, 136.

Старикъ. (Изъ Марота). Двѣ редакціи. (1815). № 42. I, 223; *224—226*; 272. Иллюстр. 223.

Старый генералъ Щ. (1830). № 894. IV, 547.

Старый мужъ, грозный мужъ. II, 244.

Статьи и замѣтки, напечатанныя въ «Литературной Газетѣ» 1830 г. или предназначавшіяся для нея. (1830). № 885—905. IV, 537—554. Заглавная страница I тома «Литературной Газеты» 539.

Стихи въ Альбомъ—заглавіе стих. «Если жизнь тебя обманетъ». III, 562.

Стихи изъ дневника 1815 года. (1815). I, 301.

Стихи на П. П. Каверина. (1817) № 131-а. II, *531*.

Стихи, сочиненные ночью во время безсонницы. (1830). № 646. III, 133; V, *LX*.

[Стихотворенія Делорма и Сентъ-Бева] Иностранная литература. (1831). № 945. V, 36—40; 378—379, 384; 467; VI, 198, 209.

Стихъ каждый повѣсти твоей. II, 398.

Стишки для васъ одна забава. II, 215—217.

Сто лѣтъ минуло, какъ Тевтонъ. Отрывокъ изъ поэмы Мицкевича «Конрадъ Валленродъ». (1827). № 511. II, 460; IV, *XLIX—L*; VI, 466.

Стою печаленъ, на кладбище (1830) № 669. III, 177; V, *LXVI*; VI, 494.

Странникъ. (Не закончено) (1834). № 747. III, 497; VI, *464—466*; III, 538; V, XXXIII; VI, 354, 454. Рисунокъ *Пушкина* III, 497.

Странствіе Онѣгина см. «Евгеній Онѣгинъ».

Страшно и скучно. (1829). № 615. III, 78; V, *XLVI*; VI, 353.

Строева «Ключъ къ Исторіи государства Россійскаго Карамзина». V, 391.

Стрекотунья бѣлобока. (1825). № 473. II, 402; IV, 64, 69, XXI; VI т., 395.

Стурдзу, А. С. На —. I, 529.

Судьба свои дары явить желала въ немъ. II, 14.

[Султанъ Казы-Гирея. Примѣчаніе къ разсказу «Долина Ажитугай»]. V, 336.

Султанъ ярится. Кровь Эллады. II, 293—294; *294*.

Супругою твоей я такъ плѣнился. I, 181.

Суровый Дантъ не презиралъ сонета. Сонетъ. III, 81.

[Сухоруковѣ. Записка о —]. IV, 534—535.

Сцена изъ Фауста. (1826). № 482а. II, 417—421. *А. Горнфельдъ*, «Сцена изъ Фауста». *408—*

416. IV, *XV—XVII*; II, 377, 426, 542, 620; III, 118, 138, 167, 185, 231, 340, 343, 520; VI, **33**, 34; 353, 556. Иллюстр.: II, 417, 418, 419, 420, 421.

Сцена изъ Ченстоновой траги-комедіи. Скупой рыцарь. III, **110—117**.

Сцены изъ рыцарскихъ временъ. (1835). № 765. IV, 25—**36**; III, 133, 136; V, LXI; VI т., 354, 363. Иллюстр. IV, 26—35.

Счастливый юноша, ты всѣмъ меня плѣнилъ. II, **290**.

Съ англійскаго. Цыганы, III, **81**.

Съ благоговѣйною душой. I, **353**.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу! III, **411**.

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ. III, **497**.

Съ латинскаго—первоначальный подзаголовокъ стих. «Лицинію». I, 212.

Съ морского берега Таврриды. Чаадаеву. II, **9**.

Съ очами быстрыми. (Черновой набросокъ). (1834). № 750. III, **508**; VI, *467*.

Съ позволенія сказать (приписывается Пушкину) (1817) № 160б. II, **533**; *533*.

Съ португальскаго. (1825). № 458. II, **385**; III, *575*; VI, 352, 360, 365.

Съ своей пылающей душой. II, **493**.

Съ пятьнадцатой весною. I, **313—319**.

Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось. (Изъ письма къ И. Е. Великопольскому). (1826). № 475. II, **403**; III, *607—608*; VI, **20**.

Съ тобой пріятно удѣлить. I, **481**.

Съ тобою въ споръ я не вступаю. I, **555**.

Съ тобою древле, о Всесильный. II, **253**.

Съ французскаго. (1830—31) [Набросокъ автобіографическаго характера]. Участь моя рѣшена. № 834. IV, **141—142**; 206, 265, 268, 355.

Сѣдой Свистовъ! ты царствовалъ со славой. V, LXVII.

(Сѣтованія). Недавно я, въ часы свободы. II, **67**.

Таврида. (1822). № 363. II, **156**; *613*; 617; VI, 423.

Таврическая звѣзда—первон. загл. ст. «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда». II, 555.

Таится пещера. (1827). № 521. II, **464**; IV, *LXI*; VI, 353.

Такъ водится на свѣтѣ, не дошедшая комедія. (1812—13). № 11. I, *68*.

Такъ й мнѣ узнать случилось. I, **125**.

Такъ море, древній душегубецъ. (Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому). (1826). № 477. II, **404**; III, *610*; II, 429; VI, **20**, **170**.

Такъ точно! это онъ! (1818—1819). № 226г. II, **544**; *544—545*.

Такъ элегическую лиру. II, **488**.

Такъ я, бывало, повѣрялъ. (1818—1819) № 226л. II, **546**; *546*.

Талисманъ. (1827). № 492. II, **452**; IV; *XXIV—XXIX*; III, 347, 530, 560; IV, 64, 98; VI, 353, 457. Иллюстр.: II, 452.

Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій. (1829). № 595. III, **70**; VI, 353.

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ. II, **452**.

Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ. (Приписывается П—ну). I, 320.

Тамъ звѣзда зари взошла. II, **385**.

Тамъ на брегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный. (1820), № 250. II, **16**; *556*; 107.

«Тарасенкова — Отрѣшкова». Изъ записной книжки, такъ называемой —. V, **413**.

Татарская пѣсня. II, **194**.

[Тацита. Замѣчанія на Анналы —]. IV, **482—483**.

Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ. II, **494**.

Твой и мой. (1816). № 90. I, **349**; *340*.

Тебѣ, наперсница Венеры. I, **325**.

Тебѣ—но голосъ музы темной. III, **31**.

Тебѣ, о Несторъ Арзамаса. I, **395**.

Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою! IV, **41**.

Тебя ль я видѣлъ, милый другъ. I, **465**.

Тебя пою на томной лирѣ. (1828). № 569. II, **502**; V, *XXIV*.

Теките медленнѣй въ моемъ воспоминаньи. (1821). № 319. II, **88**; *588*.

Телега жизни. (1823). № 377. II, **209**; *628*; V, **534**, **539**, **541**; VI, 538, 547.

Теннеръ, Джонъ. V, **352—365**.

Теплякова, В. «Ѳракійскія элегіи». V, **365—369**.

[Термины соколиной охоты] [Изъ «Урядника» царя Алексѣя Михайловича]. (1831). № 952. V, **48**.

(Тимашевой), Е. А. Я видѣлъ васъ, я ихъ читалъ. II, **406**.

Тимковскій царствовалъ, и всѣ твердили вслухъ. (1824). № 384. II, **211**; III, *512—513*; VI, 352. Портретъ II, 211.

То было вскорѣ послѣ боя. (1829). № 619. III, **78**; V, *XLVII*; III, 13.

Товарищамъ. (1817). № 138. I, **413**; *432—434*, 59. Рисунокъ и автографъ II—а **413**.

To Dawe, esqr. (1828). № 530. II, **491**; IV, *LXXI*; LXX; V т., XXVI.

Тодорашка въ васъ влюбленъ. II, **80**.

Толпа холодная поэта окружала. II, **462**; IV, *LVIII*.

Толстому. Стансы. — I, **537**.

Толстому, Я. Н. Горишь ли ты, лампада наша. II, **140**.

Только что на проталинахъ весеннихъ. № 815. IV, **80**; II, 376; IV, 66; VI, 354.

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою. II, **255**.

Торжество Вакха. (1817). № 123. I, **397—399**; *394—398*; VI, 351, 507; музыка Даргомыжскаго 511. Иллюстр. I, 396—397, 399.

Торжество дружбы, или оправданный Александръ Анѳимовичъ Орловъ. Ѳеофилакта Косичкина. (1831). № 946. V, **40—43**; 455, 469; VI, **85—89**; 203, 572, 573. Портретъ Орлова V, 41.

Требуетъ ли публика извѣщенія. [О личностяхъ въ критикѣ]. (1830). № 902. IV, **550—551**.

Три дня купеческая дочь. II, **281—283**.

Три ключа. (1827). № 502. II, **455**; IV, *XXXIX—XL*; III, 234; VI, 353; музыка Кюи и Ляпунова VI, 513.

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три Литвина. III, **454**.

Трубчистая коса. № 801. IV, **76**.

Трудъ. (1830). № 660. III, **174**; V, *LXIV*; LVIII, LX; VI, 216, 354.

Трубецкому—неизв. произведеніе Пушкина; V, **412**.

Трусоватъ былъ Ваня бѣдный. III, **415**. *375—402*.

Туманскій правъ, когда такъ вѣрно васъ. (1824). № 391. II, **218**; III, *523—524*.

Туманскому Ѳ. А. Отвѣтъ —. II, **422**.

[Тургенева, А. И. О хроникѣ русскаго —]. Отъ редакціи. V, **345**.

Тургеневу, А. И. (1817). № 155. I, **437—439**; *454—455*; VI, 339. Портретъ I, 439.

Тургеневу, А. И. Посланіе —. (1818). II, **4**.

Тургеневъ, вѣрный покровитель. I, **437—439**.

Турецкой пѣснѣ. Подражаніе —. II, **9**.

Туто жилъ — поживалъ господинъ Волконскій Князь. № 790. IV, **73**.

Туча. (1835). № 764. IV, **24**; VI, *476—479*; III, 523; VI, **141**; 354, 488.

Ты богатъ, я очень бѣденъ. I, **555**.

Ты богоматерь, нѣтъ сомнѣнья. II, **455**.

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ. II, **401**.

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье. I, **463**.

Ты вянешь и молчишь. Подражаніе А. Шенье. (1824). № 395. II, **222**; III, *531—532*; 525, 583.

Ты и вы. (1828). № 532. II, **492**; V, *I*; IV т., LXVII; V т., XXIV.

Ты издалъ дядю моего. (П. А. Плетневу). (1823—24). № 413. II, **260**; III, *552*; V, **530**.

Ты и я. (Приписывается Пушкину) (1819). № 206. I, **555**; II, *535—536*.

Ты ль предо мною. I, **63**.

Ты мнѣ велишь открыться предъ тобой. (1818—1819) № 226з. II, **545**; *545*.

Ты мнѣ велишь пылать душой. I, **401**.

Ты мнѣ совѣтуешь, Плетневъ любезный. III, **423**.

Ты наказана сегодня. II, **80**.

Ты не наслѣдница Клероны. I, **131**.

Ты обѣщалъ о романтисмѣ. II, **292—293**.

Ты помнишь ли, ахъ, ваше благородье. II, **496**.

Ты правъ, мой другъ. (1822). № 364. II, **157**; *614*; 33, 586, 598, 611, 620; VI, 352.

Ты правъ, несносенъ Ѳирсъ ученый. I, **477**.

Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ. (Черновой набросокъ). (1834). № 751. III, **508—509**; VI, *467—468*.

Ты просишь у меня портрета моего. I, **169**.

Ты рождена воспламенять. Гречанкѣ. II, **141**; музыка Даргомыжскаго VI, 501.

Ты сердцу непонятный мракъ. VI, 423.

Ты слышалъ вѣсть смѣшную? I, **183**.

Ты угасалъ, богачъ младой. IV, **38**.

Ты умна, велерѣчива. II, **80**.

Ты хочешь, другъ безцѣнной. I, **73**.

Ты хочешь знать, моя драгая. (Приписывается Пушкину). (1818). № 210а. II, **536**; *536*.

Ты хочешь, милый другъ, узнать. I, **273—277**.

Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь. (На Булгарина) (Приписывается Пушкину, въ дѣйствительности принадлежитъ Вяземскому). (1830). № 634. III, **83**; V, *LV*; 489, 491.

Тѣснится средь толпы еврей сребролюбивый. № 1039. VI, **177**; *177*; 376.

У воротъ сидѣлъ Марко Якубовичъ. III, **412**.

Увы, зачѣмъ она блистаетъ. (1820). № 238. II, **9**, *551*; 107.

Увы, языкъ любви болтливой. (1828). № 564. II, **501**; V, *XXI*; IV, LXX, LXXI; V, XXII.

У Гальяни иль Кольони. (Изъ письма къ С. А. Соболевскому). (1825). № 481. II, **406**; IV, *XI—XII*; VI, **22**; 353.

Угрюмый сторожъ музъ, гонитель давній мой. II, **150—152**.

Угрюмыхъ тройка есть пѣвцовъ. (1815). № 68. I, **301**; *300*; V, **411**; VI, 350. Иллюстр. 301.

Уединеніе—другое заглавіе стих. «Деревня». I, 532.

Уединеніе. (1818). № 175. I, **479**; *484*; 310; II, 442, 563; V, LII.

Уединенный домикъ на Васильевскомъ. Повѣсть. (Въ пересказѣ В. П. Титова). № 1050. VI, **181—192**; *192—194*.

Ужели онъ казался прежде мнѣ. (1822). № 365. II, **157**; *614*; 586, 620; III, 520; VI, 352.

Ужель умолкъ волшебный гласъ. IV, 93.

[Ужъ какъ грустно]. Французскій переводъ. № 829. IV, **86**.

Ужъ осень холодомъ дохнула. (1830). № 662. III, **175**; V, *XLVI*.

Ужь я не тотъ любовникъ страстной. I, **223**.

Ужь я не тотъ философъ страстной. I, **223**.

Узнаемъ коней ретивыхъ. IV, **21**.

Узникъ. (1822). № 336. II, **139**; *598*; 176, 479, 521; IV, 272; VI, 176, 352.

У Кларисы денегъ мало. (1822). № 327. II, **119**; *589*.

У лукоморья дубъ зеленый. I, **595**.

Умножайте шумъ и радость. I, **403**.

Умолкну скоро я. (1821) № 275. II, **72**; *572—573*; 629; VI, 352.

У моря подъ скалой. (1823—24). № 424-а. II, **262**; III, *556*.

[У насъ, то было, братцы, на тихомъ Дону]. Французскій переводъ. № 831. IV, **87**.

Уныніе. (Разлука). (1816). № 98. I, **355**; *348*; 57, 362; II, 584; V, 239; VI, 350.

Унынье (Желанье). (1816). № 94. I, **351**; *342—344*; I, 57, 287, 346, 350, 362; II, 430; VI, 350.

Унынье—загл. стих. «Къ ***. Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой». I, 455.

[У одного изъ нашихъ писателей] (1830). № 912. V, 3; LII.

Ура! въ Россію скачетъ. I, **461**.

Уральски казаки были дураки. VI, **219**.

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила. III, **174**.

Уродился я бѣдный недоносокъ, неизв. отрывокъ. IV, 63.

У Русскаго царя въ чертогахъ есть палата. IV, **23—24**.

Усердно помолившись Богу. II, **496**.

Усы. Философическая ода. (1816). № 73. I, **307**; *306—308*; 284, 324, 418; V, **412**.

Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ отдаленныхъ. I, **291—293**.

Утопленникъ. Простонародная сказка. (1828). № 542. II, **495—496**; V, *V—VII*; III, 558; IV, 64, 69; V т., LV; VI т., 353, 364. Иллюстр. II, 495.

Участь моя рѣшена. (Съ французскаго). IV, **141—142**.

(Ушаковой Ек. Н.). Въ отдаленіи отъ васъ. II, **454**.

(Ушаковой Ек. Н.) Когда, бывало въ старину II, **454**.

[Ушаковой Ек. Н.]. Отвѣтъ. III, **79**.

У.*вой Е. Н.** (Елиз. Никол. Ушаковой). (Въ альбомъ). (1828). № 555. II, **500**; V, *XVII—XVIII*; IV, 100; VI, 366.

Фавнъ и пастушка. (1816). № 76. I, **313—319**, *312—314*; 272, 302, 318, 358, 390; III 517; V, 241; VI, 350. Иллюстр. I, 313, 319.

Фатамъ, или разумъ человѣческій, неизвѣстный романъ (1813—15). № 69. I, *302*; II, 505.

Фауста. Сцена изъ —. II, **417—421**.

(Фебъ и Геркулесъ). (1818 — 1819). № 226д. II, **545**; *545*.

Федорова Борьки, неправильно приписываемая Пушкину эпиграмма Дельвига или Соболевскаго. VI, **550**, **588**.

Фигляринъ, вотъ полякъ примѣрный. Эпиграмма Вяземскаго, ошибочно приписываемая Пушкину. V, 468, 489, 491; VI, **74**.

Филимонову В. С. при полученіи поэмы его: Дурацкой колпакъ. (1828). № 525. II, **488—489**; IV, *LXV—LXVI*; I, 434; V т., IV. Иллюстр. II, 489.
Философъ, не дошедшая комедія. (1813 — 15). № 70. I, *302—303*; 418.
Философъ ранній, ты бѣжишь. I, **537**.
Философъ рѣзвый и піитъ. I, **145—147**.
Философическая ода. Усы. I, **307**.
Фіалка въ воздухѣ свой ароматъ лила. VI, **180**.
Фіалъ Анакреона. (1816). № 78. I, **323**; *316—318*; 324, 530; VI, 350, 468.
Фонтану Бахчисарайскаго дворца. (1820). № 243. II, **11**; *552*. Иллюстр. 11.
Фонтанъ любви, фонтанъ живой. II, **11**.
[**Форма цифръ арабскихъ**]. (1830). № 929. V, **10**.
Фотія. На —. I, **551**.
(Французскаго. Съ —). Участь моя рѣшена. IV, **141—142**.
Французская Академія. № 1077. VI, **221—232**; *232—235*; VI, 489.
Французскихъ риѳмачей суровый судія. (Черновой набросокъ). (1833). № 739. III, **491**; VI, *455*; V, 384; VI, 354, 456, 460.
(Французскому. Подражаніе —). I, **181**.

Хавроніосъ! ругатель закоснѣлый. II, **10**.
Харемъ, первоначальное названіе «Бахчисарайскаго фонтана». II, 184, 436; V, **426**.
Хвостова. На графа —. (Приписывается П-у). I, **559**.
Хвостову. Ода Его Сіятельству гр. Д. И. — II, **293—294**.
Хв[остовымъ] нѣкогда воспѣтая дыра. V, **445**.
(Хованской. Княжнѣ —). Къ ***. II, **455**.
Ходилъ Стенька Разинъ. № 813. IV, **80**.
Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный. (1821). № 288. II, **78**; *582*.
Хоть тяжело подчасъ въ ней бремя. II, **209**.
Хотѣлъ я душу освѣжить. (1829). № 617. III, 78; V, *XLVI—XLVII*.
Хотя стишки на именины. II, **238**.
Хочу я завтра умереть. I, **267**.
Христосъ Воскресъ, моя Ревекка. (Еврейкѣ). (1821). № 268. II, **65**; *567—568*; 585, 605; V, **510**; VI, 376. Головка еврейки II, **65**.
Христосъ воскресъ, питомецъ Феба! I, **311**.
Хромидъ въ тебя влюбленъ: онъ молодъ и не разъ. II, **23**.
Художнику. (1836). № 776. IV, **42**; VI, *489—490*; V, 236; VI, 354, 476.
Художникъ-варваръ кистью сонной. I, **543**.

Царей потомокъ, Меценатъ. Начало перевода оды Горація «Къ Меценату». VI, **472**.
Царскосельская статуя. (1830) № 658. III, **174**; V, *LXIV*; LVIII, LXIII. Иллюстрація III, 174.
Царь Никита. (1822). № 340. II, **140**; *600*; IV, 55; V, **543**; VI, 352.
Царь Никита жилъ когда то. II, **140**.
Царь увидѣлъ предъ собою (черновой набросокъ (1833). № 742. III, **492**; VI, *456*; 354.
Цвѣтокъ. (1828). № 550. II, **498**; V, *XII—XIII*.
Цвѣтокъ засохшій безуханный. II, **498**.
Цвѣты послѣдніе милѣй. II, **381**.

Цезарь путешествовалъ. (1835). № 854. IV, **461—462**; 265, 444; VI, 468, 471.
Цензору. Первое посланіе —. (1822) II, **150—152**.
Цензору. Второе посланіе —. (1824). II, **219**.
Циклопъ. (1830). № 621. III, **79**; V, *L*.
Цыганъ, не сохранившійся романъ. (1813). № 10. I, **68**; IV, 264.
Цыганы. (1824). № 396. II, **241—250**. Набросокъ предисловія Пушкина къ «Цыганамъ». **224**. *В. Ивановъ* «Цыганы» **225—240**; III, *532—536*; II, 117, 160, 170—173, 387, 437—439, 446; **454**; 480, 485, 524, 525; III, 9, 17, 19, 21, 24, 90, 185, 215, 217, 351, 469, 565—567, 592; IV, 14, 53, 55, 60, 185, 277, 555, XXVIII, XXXV, XXXVI, LX, LXVII; V, **420—421**; 455, 456; **531**, 536, **538—541**, **548**, XXIII, XXIV; VI т., **2**, **10**, **15**, **17**, **18**, **31**; 352, 353, 369, 386, 396, 459, 545, 547, 563; **590**. Иллюстр. II, 224, 241, 242 - 243, 245, 248, 249.
Цыганы. Съ англійскаго. (1830). № 629. III, **81**; V, *LIV*; IV, 60, LXVII; V т., XLV; VI, 354, 492, 500.
Цѣнитель умственныхъ твореній исполинскихъ (Черновой набросокъ). (1833). № 740. III, **491**; VI, *455—456*.

Чаадаева, П. Я. Къ портрету —. (1817). I, **405**.
Чаадаеву. Къ —. (1818). Любви, надежды, гордой славы. I, **477**.
Чаадаеву. Съ морского берега Тавриды. Къ чему холодныя сомнѣнья. (1820). № 236. II, **9**; *550—551*; **204**; 431, 480, 515; V, 453; **537**, **538**. Иллюстр. II, 9.
Чаадаеву. Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ. (1821). № 266. II, **62—63**; *564—567*; I, 59, 480; II, 169, 480, 577, 588, 605; III; 229, 554, V, 452; **501**, **502**; **506**, **546**; VI, 174, 259, 352, 527—529, 543.
Часто, часто я бесѣдовалъ. I, **203—209**.
[**Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію**] (1830). № 931. V, **10**.
Ченстоновой. Сцены изъ — траги-комедіи. Скупой рыцарь. III, **110—117**.
Черепъ. Посланіе къ Д.*** (Дельвигу). (1827). № 507. II, **457—458**; IV, *XLVI—XLVII*; III, 518; IV, XXXVII; VI, **32**; 556. Иллюстр. II, **458**.
Черкесская пѣсня. II, **50**.
Черная шаль. Молдавская пѣсня (1820). № 245. II, **12**; *553—555*; 170, 225, 431; III, 347; IV, 13, 55; V, **500**; VI, 352, 353, 365; музыка 513; 526. Иллюстр. II, 13.
Чернильницѣ. Къ моей —. II, **64**.
Черновые наброски и не дошедшія произведенія 1818—1819 гг. №№ 212—226-л. II, **1—4**; *539—546*.
Черновые наброски 1820 г. №№ 250—251. II, **16**; *556*.
Черновые наброски 1821 г. №№ 298—313. II, **81—85**; *583—587*.
Черновые наброски 1822 г. №№ 352—355. II, **154—157**; *611—614*.
Черновые наброски и отрывки 1823—1824 гг. №№ 408 - 424а. II, **260—262**; III, *550—556*.
Черновые наброски 1825 г. № 469—474. II, **402**; III, *580*.
Черновые отрывки и наброски 1827 г. №№ 513—522. II, **461—464**; IV, *LII—LXII*.
Черновые наброски 1828 г. №№ 564—570. II, **501—502**; V, *XXI—XXIV*.
Черновые наброски 1829 г. №№ 604—619б. III, **75—78**; V, *XLIII—XLIX*.

Черновые наброски и отрывки 1830 г. №№ 662—673. III, 175—178; V, *LXV*.

Черновые наброски:

Везувій зѣвъ открылъ. IV, 40.
Если ѣхать вамъ случится. III, 484.
Могущій богъ садовъ. I, 567.
На это скажутъ мнѣ. III, 496.
О бѣдность! затвердилъ я наконецъ. IV, 40.
О ты, который сочеталъ. II, 422.
[Посвященіе кн. П. А. Вяземскому «Бахчисарайскаго фонтана»]. VI, 196.
Поэтъ идетъ.... открыты вѣжды. IV, 40.
Съ очами быстрыми. III, 508.
Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ. III, 508—509.
Французскихъ рифмачей суровый судія. III, 491.
Царь увидѣлъ предъ собою. III, 492.
Цѣнитель умственныхъ твореній исполинскихъ. III, 491.
Я возмужалъ (и кажется на вѣкъ). IV, 51.
Я думалъ, сердце позабыло. IV, 40.

«Черногорцы? что такое?» III, 413.
Черное море,—первонач. загл. стих. «Погасло дневное свѣтило» II, 549.
Чернь. (1828). № 551. II, 498; III, 342, 433, IV, 46, XL, LVIII, LIX, LXIII; V т., LII; VI т., 195, 275, 384; 443, 444, 463, 488, 495.
Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ. IV, 455—456.
(4 мая). Къ Пущину. I, 227.
4 Мая 18** г. произведенъ я въ офицеры (1825) первонач. набросокъ «Станц. смотрителя» IV, 264.
[**Четыре шутки**]. № 1054. VI, 195; *195*.
Чистотой, прислугой и пойломъ. (1827). № 520. II, 463—464; IV, *LXI*; 69; VI, 353, 361.
Чистый лоснится полъ; стеклянныя чаши блистаютъ. III, 371.
[**Чортъ—сватъ**]. № 821. IV, 84.
Что бѣлѣетъ на горѣ зеленой? (1833). № 719. III, 419; *375—402*. Иллюстрація 419.
Что въ имени тебѣ моемъ? (А. А. Олениной). (1829). № 572. III, *58*; V, *XXV—XXVI*; VI, 364, 366.
Что въ разъѣздахъ Бей Янко Марнавичъ? III, 407.
Что дружба? Легкій пылъ похмѣлья. II, 288.
Что-же? будетъ-ли вино? (Изъ письма къ брату Льву). (1823—24). № 416. II, 260—261. III, *552—554*; V, 536; VI, 352.
Что же сухо въ чашѣ дно? IV, 21.
Что жъ новаго? «Ей Богу ничего.» II, 499.
Что можемъ наскоро стихами молвить ей. I, 431.
Что ни конскій топъ, ни людская молвь. № 814. IV, 80.
[**Что пониже было города Саратова**]. Французскій переводъ. № 825. IV, 85.
Что смолкнулъ веселія гласъ? II, 288.
Что ты, дѣвица, грустна. I, 549.
Что ты ржешь, мой конь ретивый. III, 418.
Чугунъ Кагульскій, ты священъ. (1821). № 326. II, 88; *589*.
Чудесный (ангелъ), геній мой. (1818—1819). № 226б. II, 544; *544*.
Чудесный жребій совершился. II, 73—74.
Чья мысль восторгомъ угадала. I, 543.
Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей. (Но совсѣмъ отдѣлано). (19 октября 1831). № 683. III, 203; VI, *419*; 355, 479.

[**Шайлокъ, Анджело и Фальстафъ Шекспира**] (1833). № 955. V, 246; IV, 18, 19.
(Шаликова, П. И. Эпиграмма на князя —). V. XLIX.
Шалость, загл. стих. «Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузой». V, LV.
Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой. I, 363.
Шатобріановомъ. О Мильтонѣ и—переводѣ Потеряннаго рая. V, 402—405.
Шаховскомъ. Мои мысли о —. IV, 465.
[Шевырева. Объ Исторіи поэзіи —]. I, 325—326.
Шенье, А. Подражаніе.—. Ты вянешь и молчишь. II, 222.
Шенье, А. Изъ—. Покровъ,[упитанный язвительною кровью. II, 397.
Шенье, А. Переводъ не изданныхъ стиховъ —. Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая. II, 456.
Шенье. Отрывокъ изъ Андрея —. Каковъ я прежде былъ. II. 490.
[Шенье. Объ Андре —]. IV, 481.
[Шенье. Андрей—не романтикъ]. IV, 537.
Ширинскаго-Шихматова, кн., С. А. Эпиграмма на поэму —. I, 183.
Шишкову. (1816). № 107. I, 363; *362—366*; 278, 508; V, 412.
(Шотландская пѣсня). Воронъ къ ворону летитъ. II, 500.
Шутовскаго. Вѣнчанье —. V, 410.
Штабсъ-Капитану Гете, Грею. (Жуковскому) (1817). № 144. I, 425; *446*; V, 494.
Шуваловъ, заспоривъ однажды съ Ломоносовымъ. (1830). № 895. IV, 547.
Шумитъ кустарникъ. (1825). № 470. II, 402; III, *580*.
Шутки нашихъ критиковъ. (1830) № 925. V 8; VI, 199.

Щастливъ, кто близъ тебя любовникъ упоенной. II, 2.
Щастливъ, кто въ страсти самъ себѣ. Элегія. I, 359.
Щастливъ, кто избранъ своенравно. (1828). № 537. II, 494; V, *III*.
Щастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ. (1829). № 581. III, 64; V, *XXX—XXXI*.
Щербинину, М. А. Въ альбомъ —. I, 523.

Эвлега. (1814). № 15. I, 93; *90—94*; 106, 107, 112, 113, 389; V, 238; VI, 350, 430. Иллюстр. I, 93.
Эйхфельдтъ, М. Э. (1821). № 282. II, 78; *581*.
Экспромты. (1817) № 153. I, 435; *453—454*. Автографъ 435.
Экспромтъ на Агареву. (1816). № 116. I, 373; *374—376*.
Элегическій отрывокъ. Поѣдемъ, я готовъ. III, 74.
Элегическій отрывокъ,—загл. въ рук. стих. «Гробъ юноши». II, 570.
Элегія. Подражаніе. Я видѣлъ смерть, она сидѣла. (1816). № 100. I, 357; *350—352*; 287, 390; VI, 350.
Элегія. (Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ). (1816). № 101. I, 359; *354*; 285, 344, 350.
Элегія. Опять я вашъ, о юные друзья. (1816). № 105. I, 361—363; *360—362*; 48, 287, 350, 390; VI, 350.
Элегія. Я думалъ, что любовь погасла навсегда. (1816). № 109. I, 367; *368*; 287, 390; V, 239; VI, 350.

Элегія. (Къ Кагульскому памятнику). (1818—19). № 216. II, 2; *541*; 172, 174, 541—543.

Элегія. Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье. (1830). № 632. III, 82; V, *LV*; XLVII; VI, 354, 419.

Элегія. Подъ небомъ голубымъ страны своей родной. V, 236.

Элегія (изъ поэмы «Кавказъ») — заглавіе въ рукописи стих. «Я пережилъ свои желанья». II, 561.

Элегія—загл. стих: «Мой другъ, забытый мной». II, 573.

Элегія—загл. стих. «Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный». II, 599.

Элегія—рукоп. загл. стих. «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты». II, 623.

Элегія на смерть Анны Львовны. (1825). № 437. II, 289; III, *562*; 566; V, 547; XLIX; VI т., 10.

(Эльвина) Надинька. [Набросокъ 1819 г.]. IV, 103.

Энгельгардту, В. В. (1819). № 182. I, 509; *508—510*; 528, 538; II, 438, 509.

Эпиграмма. Бывало прежнихъ лѣтъ герой. (1815). № 45. I, 227; *228—230.*

Эпиграмма. Сѣдой Свистовъ! ты царствовалъ со славой. (1829). № 619-а. V, XLVII; *XLVII — XLIX.*

(**Эпиграмма на князя П. И. Шаликова**). (1829). № 619-б. V, XLIX; *XLIX.*

Эпиграмма на поэму князя С. А. Ширинскаго-Шихматова. (1814). № 36. I, 183; *190—196.*

«Эпиграмма» — другое загл. «Исторіи стихотворца».—I, 451.

Эпиграмма—рук. загл. «У Кларисы денегъ мало». II, 589.

Эпиграмма—рук. загл. «Клеветникъ безъ дарованья». II, 581.

Эпиграммы. (1814). № 32—33. I, 181; *186—188.*

Эпиграммы на Карамзина. (Приписываются Пушкину). (1819). № 204—205. I, 555; II, *535*, I, 556; II, 300; 510; IV, 358; VI, 20; 246, 351, 552.

Эпитафія, загл. стих. «На смерть стихотворца». I, 378.

(Эпитафія сыну декабриста Сергѣя Волконскаго). Въ сіяніи и въ радостномъ покоѣ. II, 459.

Эхо, безсонная нимфа, скиталась по брегу Пенея. III, 174.

Эхо. (Изъ Томаса Мура). (1831) № 676. III, 179; VI, *407—408*; III, 521; IV, 45; V, 474, XXXVII; VI т., 216, 354, 355, 365, 407, 444, 575.

Ю.*[дину]. Посланіе къ—. I, 273—277.

Юдифь, загл. стих. «Когда владыко ассирійскій». VI, 485.

Юноша, заглавіе стих. «Сафо». III, 563.

Юноша, полный красы, напряженья, усилія чуждый. IV, 49.

Юноша! скромно пируй. (1835). № 759. IV, 22; VI, *472*; 354, 435, 469.

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно. IV, 49.

Юношу, горько рыдая. (1835). № 760. IV, 22; VI, *472*; 354.

Юрій Милославскій, или русскіе въ 1612 году. Соч. М. Н. Загоскина. (1830). № 891. IV, 545—546. VI, 198, 201.

Юрьеву. Любимецъ вѣтренныхъ Лаисъ. (1818). № 170. I, 475; *480—482*; 14; II, 600; IV, 109, LXXI.

Юрьеву. Ѳ. Ф. Къ —. Здорово, Юрьевъ именинникъ. I, 529.

(Юсупову кн. Н. Б.) Къ вельможѣ. III, 58—62.

Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны. (1825). № 469. II, 402; III, *580.*

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ. (1829). № 573. III, 58; V, *XXVI—XXVII*; XLVII; VI, 353, 428; музыка 513.

Я васъ люблю, хоть я бѣшусь. II, 257.

Я васъ узналъ, о мой оракулъ! III. 79.

Я видѣлъ Азіи безплодные предѣлы. (1820). № 251. II, 16; *556.*

Я видѣлъ васъ, я ихъ читалъ. (Е. А. Тимашевой). (1826). № 479. II, 406; IV, *VIII—X*; 96.

Я видѣлъ смерть; она сидѣла. I, 357.

Я вкругъ Стурдзы хожу. I, 529.

Я возмужалъ (и кажется на вѣкъ). [Черновой набросокъ]. (1836). № 789. IV, 51.

Я вѣрю: я любимъ; для сердца нужно вѣрить. II, 6.

Я говорилъ предъ хладною толпой. II, 521, 620.

Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой. II, 22.

Ягода съ ягодой сокатилася. Дѣвушки поютъ, когда молодая возвратится изъ церкви. № 796. IV, 74.

Я думалъ, сердце позабыло. (Черновой набросокъ). (1835). № 770. IV, 40; VI, *486*; III, 7.

Я думалъ, что любовь погасла навсегда. I, 367.

Я живъ, Старовъ здоровъ. V, 503.

(Я ждалъ тебя, Рогдай! скорѣй, какую вѣсть). II, 136—138.

Я жду обѣщанной тетради. II, 141.

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатой. II, 155.

Я здѣсь, Инезилья. (1830). № 651, III, 162; *V*, *LXII*; II, 613; III, 119, 546; VI, 486, 500. Иллюстрація III, 162.

Я знаю, Лидинька, мой другъ. I, 535.

Языкову. Къ —. Издревле сладостный союзъ. (1824). II, 217—218.

Яз.*** (Языкову). Къ —. Языковъ, кто тебѣ внушилъ. (1827). II, 456.

(Языкову, Н. М. Письмо къ —). Къ тебѣ сбирался я давно. II, 454.

Языкъ и умъ теряя разомъ. III, 79.

Я Лилу слушалъ у клавира. I, 369.

Я люблю вечерній пиръ. I, 479.

Я мало жилъ и наслаждался мало. (1818—19), № 222. II, 3; *542.*

Я не люблю альбомовъ модныхъ. II, 499.

Я не рожденъ святыню славословить. (Начало перевода «Дѣвственницы» Вольтера). (1825). № 459. II, 386; III, *576*; VI, 352.

Янко Марнавичъ. (1833). № 704. III, 407. Прим. *Пушкина* 420; *375—402.* См. «Пѣсни зап. славянъ». Иллюстрація 408.

Янышъ Королевичъ. (1833). № 717. III, 417. Прим. *Пушкина.* 422; *375—402*; 353—360; VI, 240, 433. Иллюстр. III, 417. См. «Пѣсни зап. славянъ».

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный. (1836). № 782. IV, 44. *С. Венгеровъ.* «Послѣдній завѣтъ Пушкина» *45—48*; VI, *494—495*; I, 176, 218, 534; V, 236, XLI; VI, 369, 444, 461, 497. Автографъ IV, 47.

Я пережилъ свои желанья. (1821). № 260. II, 58, *561*; 32, 426, 432, 433, 479, 620; VI, 517. Иллюстр. II, 58.

Я помню чудное мгновенье. II, 291.

Я самъ въ себѣ увѣренъ. VI, 172; *172.*

Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю. (1821). № 301. II, 81; *584.*

Я ускользнулъ отъ Эскулапа. I, 509.

Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны. III, 58.

Ѳаддей роди Ивана (приписывается Пушкину). V, 489.

Ѳеодоръ и Елена. (1833). № 706. III, **409**; прим. *Пушкина* **420**; *375—402*. Иллюстрація 409. См. «Пѣсни зап. славянъ».

Ѳракійскія элегіи. Стихотворенія Виктора Теплякова. 1836. (1836). № 983. V, **365—369**. Портретъ. В. Теплякова 367.

Автографы *Пушкина*. I, **61**, **65**, **141**, **200**, **217**, **365**, 377, **427**, **435**; IV, **47**; Донъ-Жуанскій списокъ **92**, **95**.

Рисунки *Пушкина*.

Лицейскіе рисунки. I, **59**, **60**.

Лицей, рис. (позднѣйшій) съ автографомъ. I, **413**.

Вольтеръ. I, **459**.

Le Baiser, рис. 1818 г. I, **473**.

Рисунки 1818—1819 г. I, **557**, **569**.

Рисунки съ автографами изъ рукописи «Кавказскаго плѣнника». II, **21**, **43**, **47**.

Головка еврейки. II, **65**.

Рисунки съ автографами изъ кишиневской тетради. II, **79**, **85**, **119**, **143**, **159**, **171**, **176**, **177**.

Изъ «адскихъ» рисунковъ. II, **86**, **87**.

Автопортретъ, крымскій. II, **105**.

Кн. П. А. Вяземскій. II, **155**.

Декабристы на висѣлицѣ и др. силуэты. II, **527**.

Рисунки съ автографами изъ разныхъ тетрадей. III, **75**, **86**, **87**.

Рисунки съ автографами къ «Домику въ Коломнѣ». III, **97**, **99**.

Рисунокъ съ автографомъ изъ рукописи «Каменнаго гостя». III, **149**.

Начало сказки «Какъ весенней теплою порою», рис. съ автографомъ. III, **165**.

Рисунокъ къ «Сказкѣ о Балдѣ». III, **201**.

Портреты Евг. Онѣгина. III, **205**, **251**.

Проектъ иллюстраціи къ «Евг. Онѣгину», рис. съ автографомъ. III, **245**.

Женскія ножки и головки. III, **247**, **270**.

Владиміръ Ленскій. III, **249**.

Каррикатура на Веневитинова. III, **347**.

Каррикатура на Ел. Ушакову съ автографомъ. III, **348**.

Автопортреты съ автографомъ. III, **349**, **351**, **352**.

Скала и конь Фальконетова памятника Петра В. III, **472**.

Виньетка къ «Страннику». III, **497**.

Виньетка къ «Сказкѣ о золотомъ пѣтушкѣ». III, **501**.

Рисунки въ черновикахъ «Цыганъ». III, **537**.

Рисунки въ рукописи «Отцовъ пустынниковъ». IV, **43**.

Рисунки въ рукописи «Гробовщика». IV, **147**, **149**, **150**.

Автопортретъ. IV, **184**, **185**.

Виньетка къ «Исторіи села Горюхина». IV, **227**.

Рис. съ автографами изъ рукописи «Дубровскаго». IV, **295**, **307**.

Рисунки съ автографами изъ Ушаковскаго альбома. IV, **513**, **525**, **XXXIII**.

Автопортретъ изъ Ушаковскаго альбома. IV, **517**.

Оглавленіе VI тома.

ПИСЬМА ПУШКИНА.

1825.

стр.

147. Барону А. А. Дельвигу. 23 іюля 1825 г. 1
148. А. П. Кернъ. 25 іюля 1
149. П. А. Осиповой. 25 іюля 2
150. Л. С. Пушкину. 28 іюля 2
151. И. Ф. Мойеру. 29 іюля 2
152. П. А. Осиповой. 29 іюля 2
153. Н. Н. Раевскому. Конецъ іюля—начало августа 3
154. П. А. Осиповой. Конецъ іюля—августъ 4
155. П. А. Осиповой. 1 августа 4
156. Н. А. Полевому. 2 августа 4
157. П. А. Плетневу. Начало августа 4
158. П. А. Осиповой. 8 августа 4
159. Князю П. А. Вяземскому. 10 августа 5
160. П. А. Осиповой. 11 августа 5
161. В. И. Туманскому. 13 августа 5
162. А. П. Кернъ. 14 августа 6
163. Князю П. А. Вяземскому. 14—15 августа 6
164. В. А. Жуковскому. 17 августа 7
165. А. П. Кернъ. Вторая половина августа 8
166. А. П. Кернъ. 28 августа 8
167. П. А. Осиповой. 28 августа 9
168. А. Н. Вульфу. Конецъ августа 9
169. П. А. Катенину. Первая половина сентября 9
170. Князю П. А. Вяземскому. Первая половина сентября 10
171. Князю П. А. Вяземскому. Первая половина сентября 10
172. Князю П. А. Вяземскому. 13—15 сентября 11
173. А. П. Кернъ. 22 сентября 12
174. Барону А. А. Дельвигу. Сентябрь—октябрь 12
175. Князю П. А. Вяземскому. Начало октября 12
176. В. А. Жуковскому. 6 октября 13
177. А. Н. Вульфу. 10 октября 13
178. А. А. Бестужеву. 30 ноября 14
179. Князю П. А. Вяземскому. Конецъ ноября—начало декабря 14
180. П. А. Катенину. 4 декабря 14
181. А. П. Кернъ. 8 декабря 15
182. П. А. Плетневу. Первая половина декабря 15
183. В. К. Кюхельбекеру. Первая половина декабря 15
184. А. П. Кернъ. Вторая половина декабря 16

1826.

185. В. А. Жуковскому. Вторая половина января 1826 г. 16
186. Барону А. А. Дельвигу. Вторая половина января 16
187. П. А. Плетневу. Вторая половина января 16
188. Барону А. А. Дельвигу. Первая половина февраля 17
189. П. А. Катенину. Первая половина февраля 17
190. Барону А. А. Дельвигу. 20 февраля 17
191. П. А. Осиповой. 20 февраля 18

Стр.
192. П. А. Плетневу. 3 марта 18
193. П. А. Плетневу. Начало марта 18
194. В. А. Жуковскому. 7 марта 18
195. П. Е. Великопольскому. Начало марта 19
196. Князю П. А. Вяземскому. Конецъ апрѣля—начало мая 19
197. А. Н. Вульфу. 7 мая 19
198. Князю П. А. Вяземскому. Вторая половина мая 19
199. Князю П. А. Вяземскому. 27 мая 20
200. П. Е. Великопольскому. 3 іюня 20
201. Князю П. А. Вяземскому. 10 іюля 20
202. Князю П. А. Вяземскому. 14 августа 21
203. М. П. Погодину *или* В. В. Измайлову. Конецъ августа 21
204. П. А. Осиповой. 4 сентября 21
205. П. А. Осиповой. 15 сентября 21
206. А. А. Муханову. Сентябрь—октябрь 22
207. В. В. Измайлову. 9 октября 22
208. Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской. 3 ноября 22
209. С. А. Соболевскому. 9 ноября 22
210. Н. М. Языкову. 9 ноября 23
211. Князю П. А. Вяземскому. 9 ноября 23
212. Н. М. Языкову. 21 ноября 24
213. М. П. Погодину. 29 ноября 24
214. А. Х. Бенкендорфу. 29 ноября 24
215. Н. С. Алексѣеву. 1 декабря 24
216. Князю П. А. Вяземскому. 1 декабря 25
217. В. П. Зубкову. 1 декабря 25
218. С. А. Соболевскому. 1 декабря 25
219. Неизвѣстному. 26

1827.

220. А. Х. Бенкендорфу. 3 января 1827 г. 26
221. В. И. Туманскому. Конецъ января—начало февраля 26
222. А. А. Муханову. Февраль 26
223. А. А. Муханову. Февраль 26
224. А. А. Муханову. Февраль 26
225. П. П. Каверину. 18 февраля 26
226. А. Х. Бенкендорфу. 22 марта 26
227. Н. Н. Раевскому. I. *(Черновое)*. Мартъ—апрѣль 27
» » » II. То же письмо, переписанное набѣло, хотя, видимо, *незаконченное* 29
228. В. Д. Соломирскому. 15 апрѣля 29
229. М. П. Погодину. Середина апрѣля 29
230. А. Х. Бенкендорфу. 24 апрѣля 29
231. Л. С. Пушкину. 8 мая 29
232. С. А. Соболевскому, Октябрь—ноябрь 30
233. П. А. Осиповой. Начало іюня 30
234. М. П. Погодину. 10 іюня 30
235. Н. М. Языкову. 14 іюня 30
236. А. Х. Бенкендорфу. 29 іюня 30
237. С. А. Соболевскому. 15 іюля 31
238. А. Х. Бенкендорфу. 20 іюля 31
239. А. Х. Бенкендорфу. 20 іюля 32
240. Барону А. А. Дельвигу. 31 іюля 32
241. М. П. Погодину. Вторая половина августа 32
242. М. П. Погодину. 31 августа 34
243. Неизвѣстному. Осень 1827 г. 34
244. А. Х. Бенкендорфу. 10 сентября 34
245. Ѳ. В. Булгарину. Ноябрь. 35
246. Л. С. Пушкину. 21 ноября 35
247. М. П. Погодину. Конецъ 1827 г. 35

1828.

248. П. А. Осиповой. 24 января 1828 г. 35
249. М. П. Погодину. 35
250. М. П. Погодину. 19 февраля 35
251. А. Х. Бенкендорфу. 5 марта 35
252. П. А. Осиповой. Начало марта 36
253. С. А. Соболевскому. Конецъ марта 36
254. П. Е. Великопольскому. Конецъ марта—начало апрѣля 36

Стр.
255. А. Х. Бенкендорфу. 18 апрѣля . . . 36
256. А. Х. Бенкендорфу. 21 апрѣля . . . 36
257. Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской. 24 апрѣля . . . 37
258. Князю П. А. Вяземскому. 21 мая . . . 37
259. С. А. Соболевскому. Май—іюнь . . . 37
260. М. П. Погодину. 1 іюля . . . 37
261. С. А. Соболевскому. 3 іюля . . . 38
262. А. Х. Бенкендорфу. Вторая половина августа . . . 38
263. Князю П. А. Вяземскому. 1 сентября . . . 38
264. А. Н. Вульфу. 27 октября . . . 39
265. А. П. Кернъ. Конецъ октября—ноябрь . . . 39
266. Барону А. А. Дельвигу. Середина ноября . . . 39
267. Барону А. А. Дельвигу. 26 ноября . . . 40
268. Издателямъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» на 1829 годъ. Первая половина декабря . . . 40
269. Н. В. Путятѣ. Іюль—октябрь 1828—январь—мартъ 1829 г. . . . 40
270. Подпись Пушкина подъ запискою кн. П. А. Вяземскаго графу Ѳ. И. Толстому 1828—1829 . . . 40

1829.

271. Князю П. А. Вяземскому. Около 25 января 1829 г. . . . 40
272. Н. Н. Раевскому. 30 января . . . 41
273. И. М. Снегиреву. Начало апрѣля . . . 42
274. Н. И. Гончаровой. 1 мая . . . 42
275. Б. Г. Чиляеву. 23 мая . . . 42
276. Барону А. А. Дельвигу. Конецъ мая—начало іюня . . . 42
277. М. П. Погодину. Конецъ сентября—начало октября . . . 42
278. П. А. Плетневу (?). Октябрь . . . 42
279. А. Н. Вульфу. 16 октября . . . 43
280. А. Х. Бенкендорфу. 10 ноября . . . 43
281. С. Д. Киселеву. 15 ноября . . . 44
282. И. А. Яковлеву. Вторая половина ноября . . . 44
283. Н. И. Гнѣдичу. Декабрь . . . 44
284. Въ редакцію «Литературной Газеты». Конецъ 1829 г. . . . 44
285. Неизвѣстной. Конецъ декабря . . . 44

1830.

286. Н. И. Гнѣдичу. 6 января 1830 г. . . . 44
287. Записка кн. П. А. Вяземскому . . . 45
288. А. Х. Бенкендорфу. 7 января . . . 45
289. М. Н. Загоскину. 11 января . . . 45
290. А. Х. Бенкендорфу. 18 января . . . 46
291. М. О. Судіенкѣ. 22 января . . . 46
292. Князю П. А. Вяземскому. Конецъ января—начало февраля . . . 46
293. Неизвѣстному сановнику. Февраль . . . 46
294. М. О. Судіенкѣ. 12 февраля . . . 47
295. Князю П. А. Вяземскому. 14 марта . . . 47
296. Князю П. А. Вяземскому. 16 марта . . . 47
297. А. Х. Бенкендорфу. 21 марта . . . 48
298. Князю П. А. Вяземскому. Вторая половина марта . . . 48
299. А. Х. Бенкендорфу. 24 марта . . . 48
300. Н. А. Полевому. 27 марта . . . 49
301. Н. И. Гончаровой. Первая половина апрѣля . . . 49
302. С. Л. и Н. О. Пушкинымъ. Первая половина апрѣля . . . 49
303. А. Х. Бенкендорфу. 16 апрѣля . . . 50
304. С. П. Шевыреву. 29 апрѣля . . . 51
305. Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской. Конецъ апрѣля—начало мая . . . 51
306. М. П. Погодину. Конецъ апрѣля—начало мая . . . 52
307. Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской. Май . . . 52
308. Князю П. А. Вяземскому. 2 мая . . . 52
309. А. Н. Гончарову. 3 мая . . . 52
310. П. А. Плетневу. Начало мая . . . 52
311. М. П. Погодину. Первая половина мая . . . 53
312. М. П. Погодину. Первая половина мая . . . 53
313. М. П. Погодину. Первая половина мая . . . 53
314. М. П. Погодину. Первая половина мая . . . 53
315. М. П. Погодину. Первая половина мая . . . 53
316. М. П. Погодину. Первая половина мая . . . 53
317. М. П. Погодину. Первая половина мая . . . 53
318. М. П. Погодину. Первая половина мая . . . 53

319. М. П. Погодину. Первая половина мая . . . 53
320. М. П. Погодину. Первая половина мая . . . 54
321. И. Ѳ. Антипину и Ѳ. И. Абакумову. 27 мая . . . 54
322. А. Х. Бенкендорфу. 29 мая . . . 54
323. Огонь-Догановскому. Май—іюнь . . . 54
324. Н. Н. Гончаровой. Начало іюня . . . 54
325. А. Н. Гончарову. 7 іюня . . . 55
326. А. Н. Гончарову. 28 іюня . . . 55
327. А. Х. Бенкендорфу. 4 іюля . . . 55
328. М. Н. Загоскину. 14 іюля . . . 56
329. Н. Н. Гончаровой. 20 іюля . . . 56
330. Н. Н. Гончаровой. Между 20 и 30 іюля . . . 56
331. Н. Н. Гончаровой. 30 іюля . . . 56
333. Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской. 4 августа . . . 57
334. М. Я. фонъ-Фоку. 9 августа . . . 57
335. А. Н. Гончарову. 14 августа . . . 57
336. А. Н. Гончарову. 24 августа . . . 57
337. Н. Н. Гончаровой. Конецъ августа . . . 58
338. Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской. Послѣднія числа августа . . . 58
339. П. А. Плетневу. 31 августа . . . 58
340. Н. Н. Гончаровой. 9 сентября . . . 58
341. А. Н. Гончарову. 9 сентября . . . 58
342. П. А. Плетневу. 9 сентября . . . 59
343. П. А. Плетневу. 29 сентября . . . 59
344. Н. Н. Гончаровой. 30 сентября . . . 60
345. Н. Н. Гончаровой. 11 октября . . . 60
346. Н. Н. Гончаровой. Конецъ октября . . . 60
347. П. А. Плетневу. Конецъ октября . . . 61
348. Н. Н. Гончаровой. 4 ноября . . . 61
349. Барону А. А. Дельвигу. 4 ноября . . . 62
350. П. А. Осиповой. 5 ноября . . . 62
351. Князю П. А. Вяземскому. 5 ноября . . . 62
352. М. П. Погодину. Первая половина ноября . . . 63
353. Н. Н. Гончаровой. 18 ноября . . . 63
354. Н. Н. Гончаровой. 26 ноября . . . 64
355. А. Н. Верстовскому. Конецъ ноября . . . 64
356. М. П. Погодину. Конецъ ноября . . . 65
357. Н. Н. Гончаровой. 1—2 декабря . . . 65
358. Н. Н. Гончаровой. 2 декабря . . . 65
359. П. А. Плетневу. 9 декабря . . . 66
360. П. В. Нащокину. Декабрь . . . 66
361. Князю П. А. Вяземскому. Вторая половина декабря . . . 66
362. Н. С. Алексѣеву. 26 декабря . . . 66
363. Князю П. А. Вяземскому. Конецъ декабря . . . 67

1831.

364. Н. А Полевому. 1 января 1831 г. . . . 67
365. П. Я. Чаадаеву. 2 января . . . 67
366. Князю П. А. Вяземскому. 2 января . . . 67
367. П. А. Плетневу. 7 января . . . 68
368. П. А. Плетневу. 13 января . . . 68
369. М. П. Погодину. Первая половина января . . . 69
370. А. Х. Бенкендорфу. 18 января . . . 69
371. Князю П. А. Вяземскому. 20 января . . . 69
372. П. А. Плетневу. 21 января . . . 69
373. П. А. Плетневу. 31 января . . . 70
374. Н. И. Кривцову. 10 февраля . . . 70
375. П. А. Плетневу. Первая половина февраля . . . 70
376. А. Н. Гончарову. 24 февраля . . . 71
377. П. А. Плетневу. 24 февраля . . . 71
378. Н. П. Хмѣльницкому. 6 марта . . . 71
379. С. Д. Киселеву. Вторая половина марта . . . 72
380. П. А. Плетневу. 26 марта . . . 72
381. Л. С. Пушкину. 6 апрѣля . . . 72
382. П. А. Плетневу. 11 апрѣля . . . 72
383. П. А. Плетневу. Первая половина апрѣля . . . 73
384. П. В. Нащокину. Конецъ мая . . . 73
385. А. Х. Бенкендорфу. 27 мая . . . 74
386. Князю П. А. Вяземскому. 1 іюня . . . 74
387. П. В. Нащокину. 1 іюня . . . 74
388. П. В. Нащокину. Начало іюня . . . 75

Стр.
389. П. В. Нащокину. 11 іюня . . . 75
390. Князю П. А. Вяземскому. 11 іюня . . . 75
391. П. В. Нащокину. Вторая половина іюня . . . 76
392. П. В. Нащокину. 26 іюня . . . 76
393. Н. И. Гончаровой. 26 іюня . . . 76
394. П. А. Осиповой. 29 іюня . . . 77
395. М. П. Погодину. Конецъ іюня . . . 77
396. П. А. Плетневу. 3 іюля . . . 78
397. Князю П. А. Вяземскому. 3 іюля . . . 78
398. П. Я. Чаадаеву. 6 іюля . . . 78
399. П. А. Плетневу. 16 іюля . . . 79
400. М. Л. Яковлеву. Вторая половина іюля 1831 г., а, можетъ быть, 1836 г. . . . 79
401. П. А. Плетневу. Вторая половина іюля . . . 79
402. А. Х. Бенкендорфу. Вторая половина іюля . . . 80
403. М. Л. Яковлеву. 19 іюля . . . 80
404. П. В. Нащокину. 21 іюля . . . 81
405. П. А. Плетневу. 22 іюля . . . 81
406. П. В. Нащокину. 29 іюля . . . 82
407. П. А. Осиповой. 29 іюля . . . 82
408. М. П. Погодину. Конецъ іюля . . . 82
409. Н. М. Коншину. Лѣто 1831 г. . . . 83
410. П. В. Нащокину. 3 августа . . . 83
411. Князю П. А. Вяземскому. 3 августа . . . 83
412. П. А. Плетневу. 3 августа . . . 84
413. П. И. Миллеру. Начало августа . . . 84
414. Князю П. А. Вяземскому. 14 августа . . . 84
415. П. А. Плетневу. Первая половина августа . . . 84
416. А. Ѳ. Воейкову. Конецъ августа . . . 85
417. Н. В. Гоголю. 25 августа . . . 85
418. Неизвѣстному. Лѣто—осень 1831 г. . . . 85
419. П. В. Нащокину. 3 сентября . . . 85
420. Князю П. А. Вяземскому. 3 сентября . . . 86
421. П. И. Миллеру. Начало сентября . . . 86
422. Князю П. А. Вяземскому. Начало сентября . . . 86
423. А. О. Смирновой. Начало сентября . . . 86
424. П. А. Осиповой. 11 сентября . . . 86
425. П. И. Миллеру. Первая половина сентября . . . 87
426. М. Д. Деларю. 28 сентября . . . 87
427. П. В. Нащокину. 7 октября . . . 87
428. П. И. Миллеру. Первая половина октября . . . 87
429. А. Х. Бенкендорфу. Середина октября . . . 87
430. С. С. Уварову. 21 октября . . . 88
431. П. В. Нащокину. 22 октября . . . 88
432. А. Н. Гончарову. 25 октября . . . 88
433. Н. М. Языкову. 18 ноября . . . 89
434. Ѳ. Н. Глинкѣ. 21 ноября . . . 89
435. А. А. Орлову. 24 ноября 1831 г.—9 января 1832 г. . . . 89
436. А. Х. Бенкендорфу. 24 ноября . . . 90
437. Н. Н. Пушкиной. 6 декабря . . . 90
438. Н. Н. Пушкиной. 8 декабря . . . 90
439. Н. Н. Пушкиной. 10 декабря . . . 91
440. Д. Н. Бантышу-Каменскому. 14 декабря . . . 92
441. Н. Н. Пушкиной. Середина декабря . . . 92
442. Н. Н. Пушкиной. 16 декабря . . . 92

1832.

443. А. Х. Бенкендорфу. 1832 г. . . . 92
444. П. А. Осиповой. Начало января . . . 93
445. П. В. Нащокину. 8—10 января . . . 93
446. М. О. Судіенку. 15 января . . . 93
447. Д. Н. Блудову. 20 января . . . 94
448. П. В. Нащокину. Конецъ января . . . 94
449. А. Х. Бенкендорфу. 7 февраля . . . 94
450. П. В. Нащокину. Начало февраля . . . 94
451. И. И. Дмитріеву. 14 февраля . . . 95
452. А. Х. Бенкендорфу. 24 февраля . . . 95
453. Кистеру. Вторая половина февраля . . . 96
454. А. Х. Бенкендорфу. 3 мая . . . 96
455. П. А. Осиповой. Середина мая . . . 96
456. Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской. 4 іюня . . . 96
457. М. П. Погодину. 11 іюля . . . 96

Стр.

458. Графу Д. И. Хвостову. Лѣто 1832 г. 97
459. А. П. Кернъ. Вторая половина 1832 г. 97
460. А. П. Кернъ. Вторая половина 1832 г. 97
461. А. П. Кернъ. Вторая половина 1832 г. 98
462. М. П. Погодину. Первая половина сентября 98
463. Н. Н. Пушкиной. 22 сентября 98
464. Н. Н. Пушкиной. 25 сентября 98
465. Н. Н. Пушкиной. 27 сентября 99
466. Н. Н. Пушкиной. Конецъ сентября 100
467. Н. Н. Пушкиной. Начало октября 100
468. П. В. Нащокину. 2 декабря 100

1833.

469. Графу А. И. Чернышеву. 7 февраля 1833 г. 101
470. П. В. Нащокину. Вторая половина февраля 101
471. М. П. Погодину. 5 марта 101
472. Графу А. И. Чернышеву. 8 марта 102
473. Пушкинъ князю В. Ѳ. Одоевскому. 28 марта 102
474. А. П. Ермолову. Конецъ марта—апрѣль 102
475 И. Т. Калашникову. Конецъ марта—апрѣль. 103
476. П. А. Осиповой. 13 или 14 мая 103
477. П. И. Соколову. Вторая половина мая 103
478. Г. И. Спасскому. Іюнь—іюль 103
479. Барону М. А. Корфу. Первая половина іюля 104
480. Графу А. Х. Бенкендорфу. 22 іюля 104
481. А. А. Ананьину. 26 іюля 104
482. А. Н. Мордвинову. 30 іюля 104
483. Н. Н. Пушкиной. Вторая половина августа 104
484. Н. Н. Пушкиной. 23 августа 105
485. Н. Н. Пушкиной. 26 августа 105
486. Н. Н. Пушкиной. 27 августа 106
487. Н. Н. Пушкиной. 2 сентября 106
488. Н. Н. Пушкиной. 2 сентября 107
489. Н. Н. Пушкиной. 8 сентября 108
490. А. А. Фуксъ. 8 сентября 108
491. Н. Н. Пушкиной. 12 сентября 108
492. Н. Н. Пушкиной. 14 сентября 109
493. Н. Н. Пушкиной. 19 сентября 109
494. Н. Н. Пушкиной. 2 октября 109
495. Н. Н. Пушкиной. 8 октября 110
496. Н. Н. Пушкиной. 11 октября 110
497. Н. Н. Пушкиной. 21 октября 111
498. Н. Н. Пушкиной. 30 октября 111
499. Князю В. Ѳ. Одоевскому. 30 октября 112
500. Н. Н. Пушкиной. 6 ноября 112
501. П. В. Нащокину. 24 ноября 112
502. И. И. Дмитріеву. Вторая половина ноября 113
503. А. С. Норову. Ноябрь—декабрь 113
504. А. С. Норову. Ноябрь—декабрь 113
505. Графу А. Х. Бенкендорфу. 6 декабря 113
506. П. В. Нащокину. Первая половина декабря 114

1834.

507. С. Д. Нечаеву. 12 февраля 1834 г. 114
508. Графу А. Х. Бенкендорфу. 26 февраля 115
509. Графу А. Х. Бенкендорфу. Конецъ февраля 115
510. Графу А. Х. Бенкендорфу. 27 февраля 115
511. Графу А. Х. Бенкендорфу. 5 марта 116
512. Л. В. Дубельту. 5 марта 116
513. П. В. Нащокину. Начало марта 116
514. В. Ѳ. Одоевскому. 16 марта 117
515. Князю В. Ѳ. Одоевскому. Середина марта 117
516. Д. М. Княжевичу. 22 марта 117
517. Графу А. Х. Бенкендорфу. 25 марта 117
518. М. П. Погодину. Начало апрѣля 117
519. А. В. Никитенку. Начало апрѣля 118
520. Графу Г. А. Строганову. Первая половина апрѣля 118
521. І. М. Пеньковскому. 13 апрѣля 118
522. И. И. Лажечникову. Первая половина апрѣля 118
523. Н. Н. Пушкиной. 17 апрѣля 119

Стр.
524. Н. Н. Пушкиной. 19 апрѣля . . . 119
525. Н. Н. Пушкиной. 20—22 апрѣля . . . 120
526. Н. Н. Пушкиной. 24 апрѣля . . . 120
527. Н. Н. Пушкиной. 28 апрѣля . . . 120
528. Н. Н. Пушкиной. 30 апрѣля . . . 121
529. Н. Н. Пушкиной. 30 апрѣля . . . 121
530. Д. Н. Бантышу-Каменскому. 1 мая . . . 122
531. Н. И. Павлищеву. 4 мая . . . 122
532. Н. В. Гоголю. 13 мая . . . 122
533. Н. Н. Пушкиной. Первая половина мая . . . 122
534. Н. Н. Пушкиной. Первая половина мая . . . 123
535. Н. Н. Пушкиной. 16 мая . . . 123
536. Н. Н. Пушкиной. 18 мая . . . 123
537. А. Н. Мордвинову. 26 мая . . . 124
538. Н. Н. Пушкиной. 29 мая . . . 124
539. Графу N. N. Середина 1834 г. . . . 124
540. Н. Н. Пушкиной. 3 іюня . . . 124
541. Д. Н. Бантышу-Каменскому. 3 іюня . . . 125
542. Н. Н. Пушкиной. 8 іюня . . . 126
543. Н. Н. Пушкиной. 11 іюня . . . 126
544. А. Ваттемару. 16 іюня . . . 127
545. Н. Н. Пушкиной. Вторая половина іюня . . . 127
546. Н. Н. Пушкиной. Вторая половина іюня . . . 127
547. Н. Н. Пушкиной. Вторая половина іюня . . . 128
548. Графу А. Х. Бенкендорфу. 25 іюня . . . 128
549. П. А. Осиповой. 29 іюня . . . 129
550. Н. Н. Пушкиной. 30 іюня . . . 129
551. М. Л. Яковлеву. 3 іюля . . . 129
552. Графу А. Х. Бенкендорфу. 3 іюля . . . 130
553. Графу А. Х. Бенкендорфу. 4 іюля . . . 130
554. В. А. Жуковскому. 4 іюля . . . 130
555. В. А. Жуковскому. 6 іюля . . . 130
556. Графу А. Х. Бенкендорфу. 6 іюля . . . 130
557. М. Н. Загоскину. 9 іюля . . . 131
558. Н. Н. Пушкиной. 11 іюля . . . 131
559. Н. Н. Пушкиной. Первая половина іюля . . . 131
560. Н. Н. Пушкиной. 14 іюля . . . 132
561. Александру Ваттемару. Вторая половина іюля . . . 132
562. Н. Н. Пушкиной. Конецъ іюля . . . 132
563. Н. Н. Пушкиной. Конецъ іюля . . . 133
564. Н. Н. Пушкиной. 3 августа . . . 133
565. М. Л. Яковлеву. Середина августа . . . 133
566. Н. И. Гончаровой. Конецъ августа . . . 133
567. С. А. Соболевскому. 9 сентября . . . 134
568. С. А. Соболевскому. Сентябрь . . . 134
569. Н. Н. Пушкиной. 15 сентября . . . 134
570. Н. Н. Пушкиной. Конецъ сентября . . . 134
571. Н. М. Языкову. 26 сентября . . . 135
572. М. Л. Яковлеву. 19 октября . . . 135
573. А. А. Фуксъ. 19 октября . . . 135
574. Н. В. Гоголю. Вторая половина октября—первая половина ноября . . . 135
575. І. М. Пеньковскому. 10 ноября . . . 135
576. Графу А. Х. Бенкендорфу. Первая половина ноября . . . 136
577. Графу А. Х. Бенкендорфу. 23 ноября . . . 136
578. Графу А. Х. Бенкендорфу. 17 декабря . . . 136

1835.

579. П. В. Нащокину. Начало января 1835 г. . . . 136
580. П. В. Нащокину. 20 января . . . 137
581. Графу А. Х. Бенкендорфу. 26 января . . . 137
582. Д. Н. Бантышу-Каменскому. 23 января . . . 137
583. И. И. Дмитріеву. 14 февраля . . . 137
584. Д. Н. Бантышу-Каменскому. 2 апрѣля . . . 138
585. Графу А. Х. Бенкендорфу. 11 апрѣля . . . 138
586. Л. С. Пушкину. Конецъ апрѣля . . . 138
587. И. И. Дмитріеву. 26 апрѣля . . . 138
588. І. М. Пеньковскому. 1 мая . . . 139
589. Л. С. Пушкину. 2 мая . . . 139
590. Н. И. Павлищеву. 2 мая . . . 139
591. Графу А. Х. Бенкендорфу. 1 іюня . . . 139
592. Н. И. Павлищеву. 3 іюня . . . 140

Стр.
593. В. А. Дурову. 16 іюня 141
594. А. А. Краевскому. 18 іюня 141
595. Графу А. Х. Бенкендорфу. 4 іюля 141
596. Графу А. Х. Бенкендорфу. Середина іюля 141
597. Графу А. Х. Бенкендорфу. 22 іюля 142
598. В. Д. Вольховскому. 22 іюля 142
599. Графу А. Х. Бенкендорфу. 26 іюля 143
600. Графу А. Х. Бенкендорфу. Іюль 143
601. Князю П. А. Вяземскому. Вторая половина 1835 г. 143
602. А. А. Фуксъ. 15 августа 144
603. Е. П. Люценку. 19 августа 144
604. В. А. Полѣнову. 28 августа 144
605. Графу Е. Ф. Канкрину. 6 сентября. 144
606. Н. Н. Пушкиной. 14 сентября 145
607. А. И. Беклешовой. Середина сентября 145
608. Н. Н. Пушкиной. 21 сентября 146
609. Н. Н. Пушкиной. 25 сентября 146
610. Н. Н. Пушкиной. Конецъ сентября 146
611. Н. Н. Пушкиной. 2 октября 147
612. П. А. Плетневу. Первая половина октября 147
613. М. П. Погодину. Первая половина октября 147
614. Графу А. Х. Бенкендорфу. Вторая половина октября 148
615. Графу Е. Ф. Канкрину. 23 октября 148
616. П. А. Осиповой. Исходъ октября 148
617. П. В. Нащокину. Исходъ октября 148
618. Графу А. Х. Бенкендорфу. Октябрь—ноябрь 149
619. И. И. Лажечникову. 3 ноября 149
620. П. А. Клейнмихелю. 19 ноября 150
621. Князю В. Ѳ. Одоевскому. Ноябрь 150
622. П. А. Осиповой. 26 декабря 150
623. Графу А. Х. Бенкендорфу. 31 декабря 150
624. Князю В. Ѳ. Одоевскому. 1835—1836 г. г. 151
625. Князю В. Ѳ. Одоевскому. 1835—1836 г. г. 151

1836.

626. Н. А. Дуровой. 19 января 1836 г. 151
627. Князю В. Ѳ. Одоевскому. Январь—февраль 151
628. С. С. Хлюстину. 4 февраля 151
629. Князю Н. Г. Репнину. 5 февраля 152
630. Князю Н. Г. Репнину. 11 февраля 152
631. А. А. Фуксъ. 20 февраля 152
632. В. Д. Сухорукову. 14 марта 152
633. Князю П. А. Вяземскому. Первая половина марта 152
634. В. А. Дурову. 17 марта 153
635. А. Жобару. 24 марта 153
636. С. Н. Глинкѣ. Вторая половина марта 153
637. А. Л. Крылову. Конецъ марта 153
638. Князю В. Ѳ. Одоевскому. Конецъ марта 154
639. Князю В. Ѳ. Одоевскому. Начало апрѣля 154
640. Князю М. А. Дондукову-Корсакову. 6 апрѣля 154
641. Н. М. Языкову. 14 апрѣля 155
642. М. П. Погодину. 14 апрѣля 155
643. А. Н. Мордвинову. 28 апрѣля 155
644. Князю М. А. Дондукову-Корсакову. Конецъ апрѣля 155
645. И. И. Лажечникову. 1 мая 155
646. Н. Н. Пушкиной. 4 мая 156
647. Н. Н. Пушкиной. 5 мая 156
648. Князю П. А. Вяземскому. 7 мая 156
649. Н. Н. Пушкиной. 11 мая 157
650. Н. Н. Пушкиной. 14—16 мая 157
651. Н. Н. Пушкиной. 18 мая 158
652. С. С. Хлюстину. 25 мая 158
653. П. В. Нащокину. 27 мая 158
654. Д. В. Давыдову. Конецъ мая 158
655. Н. И. Ушакову. Конецъ мая—начало іюня 159
656. А. И. Муравьеву. Май—іюнь 159
657. Л. С. Пушкину. 3 іюня 159
658. Н. А. Дуровой. Первая половина іюня 159
659. И. И. Дмитріеву. 14 іюня 159
660. І. М. Пеньковскому. 14 іюня 160
661. А. А. Краевскому. Іюнь 160

Стр.
662. Н. А. Дуровой. Конецъ іюня—начало іюля . . . 160
663. А. А. Краевскому. 6 іюля . . . 161
664. И. А. Яковлеву. 9 іюля . . . 161
665. Н. И. Павлищеву. 13 іюля . . . 161
666. А. А. Краевскому. 13 іюля . . . 161
667. А. А. Краевскому. Іюль . . . 161
668. А. А. Краевскому. Іюль . . . 161
669. Д. В. Давыдову. Конецъ іюля—августъ . . . 161
670. А. А. Жандру. Вторая половина 1836 г. . . . 162
671. А. Л. Крылову. Первая половина августа . . . 162
672. Н. И. Павлищеву. Первая половина августа . . . 162
673. Въ цензурный Комитетъ. 5 сентября . . . 162
674. П. А. Корсакову. Конецъ сентября . . . 162
675. М. Л. Яковлеву. Первая половина октября . . . 163
676. Н. И. Гречу. 13 октября . . . 163
677. Барону М. А. Корфу. 14 октября . . . 163
678. П. Я. Чаадаеву. 19 октября . . . 163
679. П. А. Корсакову. 25 октября . . . 164
680. Князю В. Ѳ. Одоевскому. Октябрь—ноябрь . . . 164
681. Князю В. Ѳ. Одоевскому. Октябрь—ноябрь . . . 165
682. Графу Е. Ф. Канкрину. 6 ноября . . . 165
683. Князю Н. Б. Голицыну. 10 ноября . . . 165
684. Графу В. А. Соллогубу. 17 ноября . . . 166
685. М. Л. Яковлеву. 19 ноября . . . 166
686. Барону Геккерну. 21 ноября . . . 166
687. Графу А. Х. Бенкендорфу. 21 ноября . . . 167
688. Князю В. Ѳ. Одоевскому. Ноябрь—декабрь . . . 168
689. Князю В. Ѳ. Одоевскому. Ноябрь—декабрь . . . 168
690. Н. М. Коншину. 22 декабря . . . 168
691. Князю П. А. Вяземскому. Вторая половина декабря . . . 168
692. Князю В. Ѳ. Одоевскому. Конецъ декабря . . . 169
693. А. А. Плюшару. 29 декабря . . . 169
694. С. Л. Пушкину. Конецъ декабря . . . 169

1837.

695. Н. Н. Карадыкину. Конецъ 1836—начало 1837 г. . . . 169
696. Ѳ. А. Скобельцыну. 8 января . . . 169
697. А. И. Тургеневу. 16 января . . . 170
698. Въ ресторанъ Фильетта. 16 января . . . 170
699. А. О. Ишимовой. 25 января . . . 170
700. А. И. Тургеневу. 26 января . . . 170
701. Графу К. Ѳ. Толю. 26 января . . . 170
702. Барону Геккерну. 26 января . . . 170
703. К. О. Россетъ. 26 января . . . 171
704. Виконту д'Аршіаку. 27 января . . . 171
705. А. О. Ишимовой. 27 января . . . 171

Дополненія къ письмамъ Пушкина.

706. А. И. Тургеневу. 7 мая 1821 г. . . . 601
707. Неизвѣстному. Май—ноябрь 1823 г. . . . 601
708. Неизвѣстному. Сентябрь—декабрь 1826 г. . . . 602
709. Н. Н. Гончаровой. 20 іюля 1830 г. (?) . . . 602
710. Князю П. А. Вяземскому. 15—19 октября 1831 г. . . . 602
711. Н. Н. Пушкиной. 6 декабря 1831 г. . . . 603
712. А. Х. Бенкендорфу. 8 іюня 1832 г. . . . 603
713. Н. И. Гончаровой. 1831—1833 г. г. . . . 604
714. Неизвѣстному. 1832—1833 г. г. . . . 604
715. М. Л. Яковлеву. 5 іюля 1834 г. . . . 604
716. М. Л. Яковлеву. 17 іюля 1834 г. . . . 604
717. А. И. Тургеневу. 1834 г. . . . 604
718. А. И. Тургеневу. 1834 г. . . . 604
719. Князю В. Ѳ. Одоевскому. Конецъ 1835—мартъ 1836 г. . . . 605
720. Князю П. А. Вяземскому. 19—24 января 1836 г. . . . 605
721. Графу А. Х. Бенкендорфу (?) Январь 1836 г. . . . 605
722. П. А. Осиповой. 22 декабря 1836 г. . . . 606
723. А. И. Тургеневу. 1834—1836 г. г. . . . 606

30-хъ годовъ.

Стр.
724. Неизвѣстной 607
725. С. Д. Нечаеву 607
726. Князю В. Ѳ. Одоевскому 607
726. Князю В. Ѳ. Одоевскому 607

Неизвѣстнаго времени.

728. Неизвѣстному 607
729. Ѳ. Н. Глинкѣ 607
730. Неизвѣстному 607
731. Неизвѣстному 608
732. Неизвѣстному 608
733. П. П. Каверину 608

Статьи и замѣтки.

1. Новыя пріобрѣтенія Пушкинскаго текста и дополненія. Н. О. Лернера. . 172

1033. Е. П. Бакуниной 172
1034. На себя 172
1035. 27 мая 1819 г. 172
1036. Изъ кишиневскаго дневника 1821 г. 173
1037. П. С. Пущину 176
1038. Окончаніе посланія «Недавно я въ часы свободы» 177
1039. Тѣснится средь толпы еврей сребролюбивый 177
1040. Гречанка вѣрная! не плачь 177
1041. Отрывокъ 177
1042. О «Кавказскомъ плѣнникѣ» 177
1043. Переводъ начала «Гяура» Байрона 178
1044. Не даромъ ты ко мнѣ воззвалъ 178
1045. Набросокъ о русской литературѣ 178
1046. Отвѣтъ Ф. Ф. Вигелю 178
1047. Словесность русская больна 179
1048. «Нравоучительныя четверостишія» 179
1049. Какъ облака на небѣ 180
1050. Уединенный домикъ на Васильевскомъ 181
1051. Вези, вези, не жалѣй 194
1052. Nec temere, nec temide 194
1053. Покойникъ, авторъ сухощавый 195
1054. Четыре шутки 195
1055. Пускай увѣнчанный любовью красоты 196
1056. Очеса—чудеса 196
1057. Актеонъ 196
1058. Посвященіе князю П. А. Вяземскому «Бахчисарайскаго фонтана» 196
1059. О русскихъ полемистахъ 198
1060. Русскія шутки 199
1061. Объ эпопеѣ нашего времени 199
1062. О «Собраніи насѣкомыхъ» 200
1063. Объ «Иванѣ Выжигинѣ» 200
1064. «А! И у нихъ то же!» 202
1065. Анекдотъ о Байронѣ 203
1066. О Шарлѣ Нодье и французскихъ романтикахъ 203
1067. Объ «Исповѣди» Ж. Жанена 209
1068. Изъ десятой (сожженной) главы «Евгенія Онѣгина» 212
1069. О повѣсти К. Н. Батюшкова 215
1070. Программа «Ревизора» 217
1071. Начало сказки объ Ильѣ Муромцѣ 218
1072. Историческая пѣсня 219
1073. Начало сказки «Конекъ-Горбунокъ» 219
1074. Замѣтка о «Словѣ о полку Игоревѣ» 220
1075. Гастрономическія замѣчанія 220
1076. Заключеніе обзора «новыхъ книгъ» въ I томѣ «Современника» 220
1077. Французская академія 221
1078. Народныя пѣсни въ новооткрытыхъ записяхъ Пушкина 235

Стр.

2. Пушкинъ какъ историкъ. Проф. Н. Н. Фирсова 244
3. Чаадаевъ и Пушкинъ. М. О. Гершензона 258
4. Вильгельмъ Карловичъ фонъ-Кюхельбекеръ. Академика Н. А. Котляревскаго. 266
5. Послѣдняя дуэль Пушкина. П. Е. Щеголева. 280
6. Болѣзнь и смерть А. С. Пушкина. Д-ра Ю. Г. Малиса 311
7. Святыя Горы—мѣсто вѣчнаго упокоенія Пушкина. Проф. А. И. Яцимирскаго 325
8. Обнажившійся гробъ Пушкина. В. В. 336
9. Александръ Тургеневъ и Пушкинъ. Александра Ал. Ѳомина. . . . 339
10. Стихотворная техника Пушкина. Валерія Брюсова. 349
11. Политическіе и общественные взгляды Пушкина въ послѣдній періодъ его жизни. В. В. Водовозова. 368
12. Пушкинъ и Пушкинъ. С. Я. Штрайха 390
13. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1831, 1832, 1833, 1834, 1835 и 1836 г. г. Н. О. Лернера 406
14. Пушкинъ и русская музыка. Проф. С. К. Булича 501
15. Пушкинъ и Лермонтовъ. М. О. Гершензона. 514
16. Пушкинъ у Брюллова. Н. О. Лернера. 520
17. Примѣчанія къ письмамъ Пушкина. П. О. Морозова. 523
18. Дополненія къ письмамъ Пушкина. Н. О. Лернера 601
19. Алфавитный указатель произведеній Пушкина по заголовку и по первому стиху. В. В. Водовозова. 609

I.

Рисунки, автографы и факсимиле въ текстѣ.

Стр.

915. Графъ А. Х. Бенкендорфъ 1
916. Почтъ-директоръ К. Я. Булгаковъ . . 3
917. А. Ѳ. Вельтманъ 5
918. Д. В. Веневитиновъ 7
919. Графъ Матвѣй Віельгорскій 9
920. Графъ Михаилъ Віельгорскій 11
921. А. Ѳ. Воейковъ 13
922. Евпраксія Николаевна Вульфъ (по мужу бар. Вревская) 15
923. Евпраксія Николаевна Вульфъ (по мужу бар. Вревская) въ старости . . 17
924. Княгиня В. Ѳ. Вяземская 19
925. Князь Павелъ Петровичъ Вяземскій. Каррикатурный портретъ 1845 г. . . . 21
926. М. И. Глинка 23
927. Гоголь 25
928. Д. В. Дашковъ 27
929 Михаилъ Дмитріевъ 29
930. Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ 31
931. Князь М. А. Дондуковъ-Корсаковъ . . 33
932. Л. В. Дубельтъ 35
933. Митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) 37
934. Жуковскій въ Царскомъ Селѣ въ 1830 г. Акварель Рейтерна 39
935. М. Н. Загоскинъ 41
936. В. П. Зубковъ 43
937. А. О. Ишимова 45
938. И. К. Кайдановъ 47
939. С. Н. Карамзина 49
940. Иванъ Кирѣевскій 51
941. С. С. Киселева (рожденная гр. Потоцкая) 53
942. Н. Д. Киселевъ 55
943. П. Д. Киселевъ 57
944. С. Д. Киселевъ 59
945. Кольцовъ 61
946. Крыловъ 63
947. И. И. Лажечниковъ 65
948. Графъ Литта 67
949. М. Е. Лобановъ 69
950. М. А. Максимовичъ 71
951. Графъ Милорадовичъ 73
952. А. Г. Муравьева 75
953. Ю. А. Нелединскій-Мелецкій 77
954. Графъ Нессельроде 79
955. Графъ Олизаръ. Неизданный силуэтъ изъ альбома Раевскихъ, теперь принадлежащаго Е. Н. Орловой 81
956. А. В. Никитенко 83
957. П. А. Мухановъ 85
958. Князь Александръ Одоевскій 87
959. Князь Владиміръ Одоевскій 89
960. А. А. Оленина 91
961. А. Н. Оленинъ 93
962. А. А. Перовскій 95
963. С. Д. Полторацкій 97

Стр.

964. Князь Н. Г. Репнинъ 99
965. А. Ф. Смирдинъ 101
966. А. О. Смирнова 103
967. А. О. Смирнова. Портретъ Винтергальтера 105
968. С. А. Соболевскій 107
969. Графъ М. М. Сперанскій 109
970. П. М. Смирновъ 111
971. В. П. Титовъ 113
972. Графъ С. С. Уваровъ 115
973. Е. М. Фролова-Багрѣева (дочь Сперанскаго) 117
974. Е. М. Хитрово 119
975. Н. И. Хмѣльницкій 112
976. Князь П. И. Шаликовъ 123
977. С. П. Шевыревъ 125
978. Цензоръ Щегловъ 127
979. Чаадаевъ. Съ портрета, находящагося въ Публич. Библіотекѣ 261
980. Чаадаевъ. Портретъ, находящійся въ Историч. Музеѣ въ Москвѣ 263
981. Чаадаевъ въ своемъ московскомъ кабинетѣ. Съ картины, находящейся въ Румянцевскомъ Музеѣ 265
982. Дантесъ—кавалергардъ 280
983. Дантесъ въ 1848 году 281
984. Графъ В. А. Сологубъ 283
985. Идалія Полетика 285
986. К. К. Данзасъ 287
987. Мѣсто дуэли въ 1860—70 г. г. Рисунокъ Д. И. Лобанова 289
988. Начало дуэли. Рисунокъ Петра Соколова 293
989. Конецъ дуэли. Рисунокъ К. Чичагова . 297
990. Конецъ дуэли. Набросокъ Павла Соколова 301
991. Мѣсто дуэли въ настоящее время (у Коломяжскаго ипподрома) 305
992. Лейбъ - медикъ Н. Ѳ. Арендтъ 312
993. В. И. Даль 313
994. Домъ кн. Волконской, въ которомъ умеръ Пушкинъ (Мойка, у Пѣвческаго моста) 314
995. Доска, прибитая къ дому кн. Волконской 315
996. Французское приглашеніе на отпѣваніе тѣла Пушкина 316
997. Русское приглашеніе на отпѣваніе тѣла Пушкина 317
998. Пушкинъ на смертномъ одрѣ. Рис. Бруни 319
999. Пушкинъ на смертномъ одрѣ. Рис. съ натуры А. А. Козлова 321
1000. Пушкинъ на смертномъ одрѣ. Рис. свинцовымъ карандашемъ съ натуры акад. А. Н. Мокрицкаго 322
1001. Пушкинъ на смертномъ одрѣ. Рис. А. Н. Мокрицкаго 323

Стр.

1002. Рисунокъ Элеоноры Жуковской (1837) съ маски Палаццо 324
1003. Святогорскій монастырь 327
1004. Лѣстница къ могилѣ предковъ Пушкина. Картина В. Максимова (1898) . . 331
1005. Могила Пушкина вскорѣ послѣ его смерти (Литографія съ рис. Соколова 1837 г.) 333
1006. Александръ Тургеневъ. Бюстъ работы Петра Николаевича Тургенева (Академія наукъ) 343
1007. Пущинъ въ старости. Работы Мазера (1850 гг.) 393
1008. И. И. Пущинъ. Съ портр. 1856 г. . . 401
1009. Бюстъ Пушкина. Работы С. И. Гальберга (1835—1837) 409
1010. Бюстъ Пушкина. Работы И. И. Витали (1842—1843) 413
1011. Бюстъ И. Рамазанова 417
1012. Статуэтка Теребенева (1837) 421
1013 и 1014. Пушкинъ. Чугунные бюстики со статуэтки Теребенева 1837 г. 425

Стр.

1015. Пушкинъ. Бюстъ работы князя П. Трубецкого (1889) 429
1016. Одинъ изъ первоначальныхъ проектовъ памятника Пушкину. (Лаврецкаго) . . 433
1017. Проектъ П. И. Забѣлло (1873) . . 441
1018. Первый конкурсъ проектовъ памятника Пушкину (1873) 449
1019. Проекты памятника Пушкину. Конкурсъ 1874 года 457
1020. Третій конкурсъ (1875) проектовъ памятника Пушкину. Проекты (слѣва направо) Шредера, Забѣлло и Опекушина 465
1021. Проектъ Антокольскаго (1875). Статуя Пушкина на верху памятника . . 473
1022. Проектъ Микѣшина (1874) . . . 477
1023. Первоначальный проектъ Опекушина 481
1024. За 2 дня до дуэли Пушкинъ, въ припадкѣ веселости, на колѣняхъ вымаливаетъ у Брюллова юмористическій рисунокъ. Рисунокъ И. Е. Рѣпина. Съ оригинала, принадлежащаго Н. О. Лернеру 521

II.

Рисунки на отдѣльныхъ листахъ.

I.

Цвѣтные рисунки и меццо-тинто.

43. Пушкинъ въ срединѣ 1830-хъ гг. («Люблю тебя Петра творенье») Картина И. Е. Рѣпина 169

44. Послѣдняя дуэль Пушкина. Съ картины А. Наумова, находящейся въ Пушкинскомъ музеѣ при Александровскомъ Лицеѣ 303

45. Лицеистъ Пушкинъ на актѣ 1815 г. декламируетъ свое стихотвореніе «Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ» въ присутствіи Державина. Съ картины, находящейся въ Пушкинскомъ музеѣ при Александровскомъ Лицеѣ 537

46. Нащокинскій домикъ въ реконструкціи художника А. А. Галяшкина: a) общій видъ; b) билліардная; c) кабинетъ; d) столовая. Съ фотографіи, снятой во время выставки домика въ конференцъ-залѣ Академіи Наукъ въ 1910 году 137

47. Гостинная въ Нащокинскомъ домикѣ 153

48. Виды Болдина: a) церковь въ Болдинѣ; b) общій видъ Болдина. Съ фотографіи, снятой для настоящаго изданія. 184

49. Любимая Пушкинымъ роща въ Болдинѣ. Съ фотографіи, снятой для настоящаго изданія 200

50. Перевозъ тѣла Пушкина въ Святыя Горы. Этюдъ А. Наумова 328

51. Обнажившійся (10 августа 1902 года) гробъ Пушкина. Съ фотографіи, снятой бар. Г. В. Розеномъ 338

52. Пушкинъ. Константина Сомова. 361

53. Памятникъ Пушкину по проекту Антокольскаго. Съ оригинала, находящагося въ Академіи Художествъ . . 468

54. Памятникъ Пушкину въ Москвѣ по проекту акад. Опекушина 497

55. Памятникъ Пушкину въ Петроградѣ (на Пушкинской улицѣ). Съ фотографіи, снятой для настоящаго изданія 513

56. Пушкинъ въ группѣ писателей и ученыхъ во время парада на Марсовомъ Полѣ въ 1832 г. Фрагментъ картины Григорія Чернецова. Съ оригинала, находящагося въ Зимнемъ Дворцѣ 585

57. Пушкинъ въ ряду русскихъ писателей на памятникѣ тысячелѣтію Россіи (Микѣшина) въ Новгородѣ. Съ фотографіи, снятой для настоящаго изданія 608

II.

Автотипіи.

Стр.

64. Маска, снятая съ мертваго лица Пушкина 325

65. Видъ могилы и надгробнаго памятника въ дни ремонта, во время котораго обнажился гробъ Пушкина. Съ фотографіи, принадлежащей В. К. Фролову 337

66. Реликвія съ гроба Пушкина. Парчевой позументъ, взятый В. К. Фроловымъ 12 августа 1902 г. съ обнажившагося гроба Пушкина (Съ фотографіи, снятой владѣльцемъ реликвіи, В. К. Фроловымъ) 341

67. Пушкинъ. 4 статуи Леопольда Беренштама 431

68. Автопортретъ Е. П. Бакуниной (Первая любовь Пушкина). Съ фотографіи, принадлежащей Н. Н. Климковскому . . . 545

69. Пушкинъ. Эскизъ Тропинина, наход. въ Третьяковской Галлереѣ 553

70. Пушкинъ и Жуковскій въ 1832 году. Подготовительный эскизъ Чернецова для его картины «Парадъ на Марсовомъ Полѣ». Важенъ тѣмъ, что на эскизѣ точно обозначенъ ростъ Пушкина: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, рисованъ съ натуры 1832 года. Апрѣля 15. Ростомъ 2 арш. 5 в. съ половиной.» Съ оригинала, находящагося въ Акад. Художествъ 569

71. Пушкинъ и Гоголь (Выдѣлены изъ общей группы рус. писателей на памятникѣ тысячелѣтію Россіи въ Новгородѣ). Съ фотографіи, снятой для настоящаго изданія 625